

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ двадцатый.

СЕНТЯБРЬ.

1889 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

I. Графъ Готлобъ-Нуртъ-Генрихъ Тотлебенъ въ 1715—1763 гг. Гл. VI—IX. Сообщ. Г. К. Рѣвлевскій	459	VII. Орестъ Федоровичъ Миллеръ: 1. Слово проф. о. М. Н. Горчакова.—2. Автобиографическія замѣтки.—3. Доска на домѣ, гдѣ онъ родился.—4. Предсмертная его статья.—5. Очеркъ объ О. Ф. Миллерѣ и о немъ воспоминаніе.	655
II. Записки князя Юрія Владиміровича Долгорукова, 1740—1830.	481	VIII. Андрей Александровичъ Краевскій, † 8 августа 1889 г.	709
III. Дневникъ Александра Васильевича Нинитенно, 1835—1837 гг.	519	IX. Путевые очерки, замѣтки и наброски. Подъздн М. И. Семевскаго по Россіи въ 1888 г.: Ростовъ-Великій.	883
IV. Записки архимандрита Владиміра Терлецкаго, бывшаго греко-унатскаго миссіонера, 1808—1858. Гл. XII—XVII. Сообщ. А. Лопатинскій	559	X. Материалы, очерки и стихи. К столбцу въ 1656 г. (71) — II. II. О ар. (518 и 601) — Материалы въ 1870 г. (Содовицкая монастырь) — Т. П. Численскій въ 1868 (852) — X. Салтыковъ (679) — I. Ч. Леонидовъ, 8 августа 1889 г. (715) — Печатный заглавный листъ рукописи дѣлателя (847).	
V. Графъ Михаилъ Тареловичъ Лористъ-Мелниковъ. Воспоминанія доктора Н. А. Бѣлоголова, 1876—1888.	579	XI. Библиографическія ласточки.	
VI. Иванъ Ивановичъ Ростовцовъ: 1. Письмо его къ кн. Е. П. Оболенскому 1858 г.—2. Письмо Г. И. Ростовцова къ вел. кн. Николаю Павловичу и нѣтъ разговоръ 12-го декабря 1825 г.—3. Письмо кн. Е. П. Оболенскаго къ Г. И. Ростовцову 1859 г.			

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Александра Васильевича Нинитенно, гравиров. В. В. Вергъ.

Открыта подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1889 г.

Двадцать первый годъ изданія. Цѣна 9 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1889.

IX-я книга „Русской Старини“ вышла 1-го сентября

1889 г.

Библиотека „Руниверс“

Архивъ князя Воронцова. Книги XXXIV и XXXV-ия. Москва, 1888 и 1889 г., въ 8 д., стр. 504+502. Цѣна каждой книги по три рубля.

Весьма пріятно, что этотъ сборникъ, представлявшій, въ тридцати трехъ томахъ, массу драгоценныхъ матеріаловъ для отечественной исторіи, преимущественно XVIII вѣка, продолжается. Относительно же редакціи его и вышнго вида мы могли бы одѣлать нѣсколько замѣчаній, ограничѣныя слѣдующими: а) многіе изъ документовъ, помѣщенныхъ въ «Архивъ Воронцова», безъ всякаго ущерба, могли бы быть опущены, такъ ничтожно ихъ значеніе. Напр., въ настоящихъ томахъ, въ 34-мъ, помѣщена сибѣ въ дѣлѣ конвенціи за время Елисаветы Петровны, разныя черновыя бумаги ея канцлера М. Л. Воронцова и нѣсколько отрывочныхъ бумагъ времени Екатерины II; изъ этой сибѣ одна треть могла бы быть сибѣ опущена, а въ 35 томѣ напечатана масса писемъ графа А. Х. Бенкендорфа къ им. М. С. Воронцову, съ 1803 по 1843 г., но до нѣмалъ пустыхъ и бессодержательныхъ, до того, что изъ 182-хъ вошедшихъ сюда документовъ едва ли можно указать на двадцать, имѣющихъ историческое значеніе. Прочіе же только не интересны, но даже на нѣмалъ по характеру своему незначительность Бенкендорфа, и его время; б) письма печатаются съ громаднымъ промахомъ, точно редакторъ «Воронц. Архива» хочетъ растянуть сборникъ на лишній десятокъ томовъ, въ то время, какъ если бы онъ сжалъ наборъ хотя бы въ тотъ видъ, въ какомъ печатается, напр., «Русскій Арх.», то могъ бы дать, за тѣ же три рубля, вдвое болѣе матеріаловъ, да и скорѣе закончить изданіе всего, что, по его мнѣнію, заслуживаетъ вниманія въ Воронцовскомъ архивѣ; в) для удобства справокъ надлежитъ избрать остраничные заголовки; г) вовсе нѣтъ надобности дѣлать ничего незначащія примѣчанія, въ такомъ, напр., родѣ: «объ упоминаемомъ здѣсь лицѣ я ничего не знаю; событіе, о которомъ здѣсь говорится, мнѣ неизвѣстно, и т. п. Либо такіе незначащія замѣтки: «любознательное изслѣдованіе»; «произошло страшное сраженіе»; «онъ потому участвовалъ въ другомъ сраженіи»; и т. п. Къ чему все это? Мнѣ было отвѣтить, также какъ

недостатокъ изданія, отсутствіе въ немъ переводовъ документовъ, напечатанныхъ на иностранныхъ языкахъ, а таковыхъ весьма много (почти весь 35-й томъ), но мы не указываемъ на это въ виду того, что «Воронцовскій Архивъ» покупается въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ только людьми, специально занимающимися и особенно интересующимися исторіей, для которыхъ хорошее знаніе иностранныхъ языковъ обязательно; если же надатель желаетъ, чтобы «Воронц. Архивъ» расходился, и если вѣрно, что на каждый томъ имъ расходуется значительная сумма, то печатаніе на иностранныхъ языкахъ бумагъ не иначе, какъ съ переводами, вполнѣ и необходимо и возможно. За всѣмъ тѣмъ крайне желательно, дабы изданіе «Воронц. Архива» продолжалось до самаго конца, т. е. пока весь этотъ архивъ будетъ исчерпанъ. Изъ матеріаловъ болѣе интересныхъ въ названныхъ томахъ укажемъ: письмо Барона изъ Ярославля и письма Фридриха II къ нѣкоторымъ его генераламъ; письма эти были захвачены въ семилѣтнюю войну австріянами, въ копіи сообщены русскому главнокомандующему и тогда же переведены; этотъ-то переводъ XVIII вѣка и напечатанъ имъ въ XXXIV томѣ «Вор. Арх.», стр. 214—256; желательно бы знать подлинники этихъ важныхъ, для исторіи той войны, писемъ, такъ какъ австріяны, сообщая въ русскую армію копію, могли, для своихъ цѣлей, передать ее съ своими дополненіями и сокращеніями. Любопытны письма матери Екатерины II, 1760 г., къ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ; также письмо гр. С. Р. Воронцова изъ Лондона къ брату, какъ и вообще интересны всѣ письма этого госуд. человѣка (см. IX томъ «Вор. Арх.»); любопытно письмо гр. А. Р. Воронцова къ гр. Безбородко о помѣтяхъ дѣлахъ 1794 г. и нѣкоторыя другія. Н. В.

Опытъ исторіи Библии въ Россіи въ связи съ просвѣщеніемъ и нравами. Сочиненіе Н. А. Астафьева. Спб., 1889 г., въ 8 д., стр. 180. (Отд. оттискъ изъ «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1888—1889 г.).

Трудъ очень хорошо составленный по первоначальнымъ источникамъ — летописямъ и актамъ—и на основаніи различныхъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

1890 г.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ будетъ выходить въ 1890 году въ прежнемъ объемѣ, съ гравированными на деревѣ и мѣди портретами замѣчательныхъ русскихъ людей. Много портретовъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей, для „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1890 года, награждено лучшими русскими художниками на мѣди и на деревѣ, а также исполнено въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ будетъ по прежнему помѣщать въ 1890 г. на своихъ страницахъ, между прочими вполне интересными запискамъ (мемуарамъ), статьями и матеріалами, множество данныхъ для исторіи минувшаго царствованія императора Александра II Освободителя и для біографій и характеристикъ его достопамятныхъ сподвижниковъ.

12 книгъ, цѣна ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1890 г. принимается для иногородныхъ въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, по Большой Подъяческой, д. № 7.

Городскіе подписчики въ Петербургѣ благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Цинверлинга (Невскій пр., д. № 46). Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха) и Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.).

[см. на оборотѣ].

Подписчики «Русской Старины», при возобновленіи подписки на этотъ журналъ на 1890 г.,—двадцать первый годъ изданія, могутъ получить, по значительно меньшимъ цѣнамъ, слѣдующія художественныя изданія:

ЧЕТВЕРТЫЙ СБОРНИКЪ гравюръ (печатается) «Русской Старины». Гравюры исполнены на мѣди проф. И. П. Пожалостинымъ и художникомъ Ѡ. А. Мѣркинымъ.

Этотъ сборникъ будетъ продаваться подписчикамъ „Русской Старины“ за одинъ руб. съ перес., для прочихъ лицъ **четыре руб.**

ТРЕТЬЕ СОБРАНІЕ ПОРТРЕТОВЪ ДОСТОПАМЯТНЫХЪ РУССКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

ГРАВЮРЫ ЛУЧШИХЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ

[на деревѣ].

Цѣна для подписчиковъ «Русск. Старины» вмѣсто **ЧЕТЫРЕХЪ р.**
ОДИНЪ руб. съ пересылкою.

Содержаніе **третьяго** сборника гравюръ „Русской Старины“:

Владиміръ св. — П. Еропкинь. — Графъ Тотлебенъ. — Кн. М. Щербатовъ. — А. Фигнеръ. — А. Сеславинъ. — М. Муравьевъ-Апостоль. — Гр. В. Панинь. — Гр. С. Строгановъ. — Я. Соловьевъ. — С. Зарудный. — Гр. Н. Евдокимовъ. — П. Фотовъ. — К. Брюлловъ, М. Глинка, Н. Кукольникъ. — М. Глинка. — М. Каченовскій. — Д. Бантышъ-Каменскій. — В. Нарѣжный. — А. Бестужевъ. — М. Лермонтовъ. — И. Аксаковъ. — Гр. Л. Толстой. — М. Розенгеймъ. — С. Макарова. — Г. Ломакинъ. — Э. Стоговъ. — Отшельникъ Ѡедоръ. — Памятникъ и барельефъ на общеймогилѣ Волинскаго, Еропкина и Хрущова. — Памятникъ Славы.

Примѣчаніе. Такъ какъ третьяго выпуска сборника гравюръ имѣется 1214 экз., а четвертый томъ гравюръ, (исполненныхъ на мѣди), въ виду дороговизны ихъ тисненія, печатается всего лишь въ 2000 экз., т. е. на двѣ трети менѣе числа подписчиковъ на «Русскую Старину», то желающихъ имѣть эти сборники просятъ выслать подписныя на журналъ 1890 г. и на упомянутыя сборники гравюръ деньги заблаговременно.

А. Никитенко

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ НИКИТЕНКО.

АКАДЕМИКЪ-ПРОФЕССОРЪ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА».

ГРАФЪ ГОТЛОБЪ-КУРТЪ-ГЕНРИХЪ ТОТЛЕБЕНЪ

въ 1715—1763 гг.

Матеріалы для біографіи.

VI ¹⁾.

Въ Померанію былъ назначенъ особый корпусъ, подъ начальствомъ графа Петра Александровича Румянцова, который долженъ былъ приступить и къ осадѣ Кольберга, при помощи имѣющаго прибыть туда флота и привезенной имъ осадной артиллеріи. Увѣдомля объ этомъ, Бутурлинъ вновь поманилъ Тотлебена на такое предпріятіе, совершеніе котораго, казалось бы, не могло не льстить самолюбію честолюбиваго генерала. Еще 10 января, 1761 г. отправляя къ Тотлебену поручика Дрevesа, служившаго прежде въ прусской арміи и присланнаго отъ нашего двора съ «нѣмецкимъ секретнымъ проектомъ» внезапнаго захвата Кольберга, Бутурлинъ писалъ Тотлебену: «кажется ко взятію сего города сюрпризою нынѣ и самое удобнѣйшее время настать, чего ради рекомендую вамъ не упустить и гораздо точно сіе дѣло въ разсмотрѣніе взять», однако же, «на сіе предпріятіе не поступать буде окажется въ ономъ или неудобство времени и обстоятельство, или же оное съ какою отвагою сопряжено будетъ». Но Тотлебенъ отклонилъ отъ себя это порученіе.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1888 г., т. LX, октябрь, стр. 1—34; изд. 1889 г., томъ LXII, июнь, стр. 513—534.

«По приѣздѣ моемъ сюда (въ Кеслинъ), доносилъ онъ 17 января, засталъ я поручика Древета. Что до его проекта и прочихъ обстоятельствъ, то я о томъ долженъ, какъ наискрайнѣйше разсудя, вашему сіятельству обстоятельно отрапортовать; только напередъ долженствую донести, что я не безувѣренъ въ томъ, что особливо въ нынѣшнемъ времени не безъ возможности есть Кольберга сюрпризою достать»; но проектъ Древета (взятіе Кольберга легкою кавалеріею) невозможенъ въ исполненіи. Черезъ три дня послѣ того, снова доносъ о неисполнимости проекта, Тотлебенъ присовокупилъ, что если бы онъ рѣшился на осуществленіе его, то «въ томъ противу всего свѣта остался бы въ безславіи; употребить же на это 7 баталіоновъ пѣхоты можно было бы, но въ силу ордеровъ Бутурлина онъ не смѣетъ двинуть ихъ ни на одинъ шагъ; кромѣ же того, армія далеко и если двинуться къ Кольбергу, то весь его корпусъ отдастся, ибо пока получить помощь, непріятель отрѣжетъ его отъ арміи». То же повторилъ онъ и на слѣдующій день, возвращая проектъ, а равно и въ письмѣ отъ 27 января ¹⁾.

Въ виду этихъ отказовъ, Бутурлинъ призналъ нужнымъ отложить это дѣло до лучшаго времени, но всетаки 2 февраля прислалъ Тотлебену собственное свое «разсужденіе о извѣстной сюрпризѣ ²⁾, на случай, что его съ удачею и пользою можно будетъ употребить въ дѣйство» ³⁾. Сообщалъ, что оно согласно съ его намѣреніями и можетъ быть приведено въ дѣйствіе, если будетъ дана пѣхота въ помощь, Тотлебенъ донесъ, что какъ сперва надо разбить корпусъ Вернера, то о благополучномъ успѣхѣ «сюрпризы» промышлять нельзя ⁴⁾.

Когда же получено было извѣстіе о назначеніи Румянцева къ осадѣ Кольберга, то Бутурлинъ, желая, очевидно, предвосхитить взятіе этой крѣпости, возобновилъ свое предложеніе Тотлебену. «Какъ прибытіе флота, а на немъ и осадной артиллеріи, писалъ онъ 28 апрѣля, иногда замедлится, то для ускоренія произведенія высочайшаго о Кольбергѣ намѣренія, а особливо по ретирадѣ оттуда Вернера съ войскомъ, не найдете ли

¹⁾ Моск. арх. М. П. Д. № 50.

²⁾ См. приложение I.

³⁾ Архивъ кн. Воронцова, VII, 411—416.

⁴⁾ Рапортъ 3 февраля (М. арх. м. и. д. № 50).

ваше сіятельство за возможное сію крѣпость вашимъ корпусомъ и имѣющеюся при немъ артиллеріею какимъ нибудь образомъ взять, въ которомъ случаѣ, для закрытія васъ, и большая часть арміи отъ Вислы свой туръ въ ту сторону взяла бы. Важность показуемой вашимъ сіятельствомъ заслуги въ возможномъ иногда взятіи Кольберга приобрѣтетъ вамъ достойную монаршую милость».

Но и на этотъ разъ Тотлебенъ не поддался и письмомъ отъ 2 мая 1761 г. отвѣчалъ, что еще въ февралѣ онъ указалъ обстоятельства, мѣшавшія исполненію предложенія, а теперь брать «такимъ образомъ» тяжелѣе и опаснѣе, такъ какъ въ Кольбергѣ сдѣланы новыя укрѣпленія и усиленъ гарнизонъ, да и корпусъ Вернера вблизи ¹⁾, такъ что съ однимъ малымъ корпусомъ предпринять что либо весьма опасно и осада можетъ кончиться несчастно ²⁾.

Вслѣдствіе ли этого отказа, или по другимъ соображеніямъ, Бутурлинъ уже не настаивалъ на «сюрпризѣ» и сперва предписалъ Тотлебену, при приближеніи Румянцова къ Помераніи, идти къ арміи, а потомъ приказалъ сдѣлать это не прежде, какъ по занятіи Румянцовымъ названной области и при томъ прикрывая корпусъ его своими войсками. Наконецъ, ордеромъ отъ 12 іюня онъ далъ знать, что такъ какъ генераль Гольцъ стоитъ около Кросена и Франкфурта, то чаятъ надо, что онъ отправленъ не для присматриванія за нашею арміею (какъ доносилъ Тотлебенъ 3 іюня, на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ ему кофидентомъ, увѣрившимъ его и въ томъ, что непріятельскій корпусъ у Кольберга можно считать въ 30 т. человѣкъ), но по видимому имѣетъ соединиться съ находящимися въ Помераніи, подъ командою герцога Беверскаго и принца Виртембергскаго, войсками, коихъ тамъ, по собственному исчисленію Тотлебена, до 30 т. человѣкъ, и къ тому же, въ силу полученнаго отъ ея величества плана, въ генеральномъ совѣтѣ опредѣлено идти съ арміею прямо къ Бреславию. Поэтому, собранный генералитетъ

¹⁾ Моск. арх. М. И. Д. № 50.

²⁾ Вернеръ не только не удалялся изъ Кольберга, для дѣйствій противъ шведовъ, какъ доносилъ Тотлебенъ 18 апрѣля, но, напротивъ, пробрался въ эту крѣпость, расположивъ свои войска въ лагерѣ между нею и Керлиномъ (рапортъ Тотлебена отъ 12 мая 1761 г.).

единогласно постановилъ находящіеся подъ командою Тотлебена три пѣхотныхъ полка отдать подъ команду графа Румянцова, а Тотлебену съ остальными войсками идти съ поспѣшеніемъ изъ Помераніи на соединеніе съ арміею. При этомъ ордеръ былъ приложенъ и маршрутъ, съ указаніемъ въ немъ дорогъ, которыми армія должна была двигаться съ 14 по 17 іюня 1761 г.

Но Тотлебену не суждено было исполнить это приказаніе и присоединить свой корпусъ къ арміи: 19 іюня 1761 г., онъ былъ арестованъ.

VII.

24 января 1761 года Бутурлинъ, сообщая Тотлебену дошедшія до него отъ «конфидентовъ» и дезертировъ извѣстія о непріятельскихъ движеніяхъ, просилъ его, для точнѣйшаго развѣдыванія основательности такихъ извѣстій, посылать и отъ себя надежныхъ людей, употребляя на это деньги изъ отпущенныхъ ему на чрезвычайные расходы одной тысячи рублей, а если бы ихъ не хватило, то взять еще у генераль-провіантмейстера Маркова.

Отвѣтъ на это предписаніе былъ посланъ Тотлебенѣмъ лишь 19 марта, т. е. тогда уже, когда онъ вошелъ въ сношеніе съ непріятелемъ по поводу перемирія, и состоялъ въ томъ, что онъ послалъ въ Глогау и въ его окрестности вахмистра Броуна съ письмомъ къ коменданту Глогау, подъ предлогомъ забранія тѣхъ людей его команды, которые въ тѣхъ мѣстностяхъ были оставлены заложниками, но такъ какъ Броунъ долженъ былъ возвратиться не скоро, то онъ написалъ къ одному старому своему confidentу, жида, который и прибылъ къ нему, привезя извѣстія о расположеніи непріятеля въ Силезіи и Помераніи; «завтренняго числа, писалъ Тотлебенъ, отправлю онаго жида обратно и какъ скоро въ Силезіи малая перемѣна сдѣлается, то немедленно отъ него получу извѣстіе».

Затѣмъ въ апрѣлѣ Тотлебенъ доносилъ Бутурлину о полученныхъ имъ свѣдѣніяхъ отъ confidenta сперва изъ Лейпцига, а потомъ изъ Глогау и Кольберга; 12 мая онъ увѣдомилъ, что

наканунѣ конфидентъ прибылъ изъ Силезіи и объявилъ о намѣреніи прусскаго короля дѣйствовать сообразно движеніямъ нашей арміи, и, наконецъ, 3 іюня сообщилъ, что конфидентъ пріѣхалъ въ прошлую ночь и привезъ двѣ копии (о турецкомъ союзѣ, какъ значится въ помѣтѣ на рапортѣ Тотлебена), полученные чрезъ подкупъ писаря тайной канцеляріи прусскаго короля.

Частыя появленія въ лагерѣ этихъ конфидентовъ и частая же пересылка переписки Тотлебена съ прусскими генералами Вернеромъ и принцемъ Бевернскимъ не могли не возбуждать подозрѣній въ окружавшихъ Тотлебена подчиненныхъ ему лицахъ, относившихся къ нему съ недовѣріемъ и съ не любовью вслѣдствіе иностраннаго его происхожденія, пріобрѣтенной имъ славы, исторіи съ реляціею о занятіи Берлина, а быть можетъ и мѣръ строгости, которыя онъ принималъ въ это время въ отношеніи прекращенія насильствъ надъ жителями Помераніи, въ виду обѣщанія, даннаго имъ, какъ увидимъ, прусскому королю. Подозрѣнія эти были настолько сильны, что подполковникъ Фридрихъ Ашъ, назначенный Бутурлинымъ для завѣдыванія письменною частію Тотлебена, вслѣдствіе его представленія отъ 13 января, 1761 г., въ которомъ, ссылаясь на незнаніе русскаго языка, онъ просилъ прислать ему штабъ-офицера, знающаго какъ этотъ, такъ и нѣмецкій языки, оказавъ великое одолженіе, отпустивъ Аша, искусство котораго довольно ему, Тотлебену, извѣстно ¹⁾, побуждаемый-ли, какъ объяснялъ впоследствии Тотлебенъ, интриганомъ бэрномъ Биловымъ ²⁾, или же, какъ Ашъ выразился самъ, сознаниемъ долга присяги, любовью къ отечеству и совѣстью, Ашъ 16-го іюня рѣшился написать Бутурлину, что нѣкоторыя обстоятельства, происшедшія въ этомъ мѣсяцѣ, возбудили въ немъ большое сомнѣніе и онъ надѣется, что Бутурлинъ, прочитавъ это письмо, будетъ въ не меньшемъ сомнѣніи. «Кажется, что генералъ графъ Тотлебенъ поступаетъ не по долгу своей присяги и, какъ я думаю, находится въ перепискѣ съ непріа-

¹⁾ Моск. арх. м. ин. д., № 50.

²⁾ Чуть ли не къ этому Билону, перешедшему въ русскую службу изъ саксонской, долженъ быть отнесенъ отзывъ современника, что «это вертопрахъ, но способный сгравать между собою всѣхъ жителей земнаго шара». (Соловьевъ, т. 24, стр. 211.)

телемъ, но съ кѣмъ именно, сказать не знаю. Его поступки и слова, частая корреспонденція съ непріятельской стороны, съ бывшимъ прусскимъ начальникомъ въ Помераніи, генераломъ Вернеромъ, такъ что почти каждый день являются въ нашъ лагерь съ прусской стороны трубачи, а иногда и офицеры и унтеръ офицеры, напротивъ того, когда съ нашей стороны посылаются трубачи съ письмами, то имъ приказывается ходить только до первыхъ шкотовъ. Съ прусской стороны почти всегда употребляются одни и тѣ-же трубачи, а съ нашей всякій разъ посылаются различные. Недавно берлинскій купецъ Гоцковскій пробылъ въ нашемъ лагерѣ почти три дня, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ долженъ былъ привезти графу Тотлебену изъ Берлина повара, конюха и нѣсколько чепраковъ, заплатить нѣкоторые долги и въ особенности, какъ я слышалъ отъ Гоцковскаго, графъ Тотлебенъ хотѣлъ послать къ нему эстафету, что онъ купилъ себѣ домъ съ садомъ въ Помераніи за 2 тысячи талеровъ и на это, какъ и на конный заводъ свой, получить съ непріятельской стороны письменныя салвогарды. Онъ хочетъ купить большое имѣніе, называемое Луповъ, за 96 тыс. талеровъ. Прусскія силы въ Помераніи онъ преувеличилъ до 20 тыс., а наконецъ и до 30 тыс. человекъ. Важный постъ Бельгардъ въ Помераніи онъ скоро покинулъ, когда получилъ приказаніе идти въ Познань, и хотя и написалъ графу Румянцову, чтобы онъ занялъ этотъ постъ и что онъ не идетъ въ Познань согласно ордеру вашего сіятельства, но держится близь рѣки Одера. Въ каждомъ округѣ Помераніи онъ роздалъ множество салвогардій, а когда Гоцковскій былъ въ лагерѣ при Недлинѣ, то подарилъ своему штату чепраки, а мнѣ золотыя часы и обѣщалъ еще хорошую лошадь. Притворяется вдругъ весьма больнымъ, особенно когда мнѣ сомнительное пишетъ, чтобы ему никто не мѣшалъ; на другой же день онъ совершенно здоровъ и можетъ уже ѣздить. Эту кампанію онъ не съ охотою дѣлаетъ. Когда онъ ѣздилъ въ Данцигъ, то запретилъ стольпенскому почтмейстеру пересылать кому бы то ни было письма, приходящія съ берлинскою почтою, но приказалъ отсылать ихъ, въ одномъ конвертѣ, къ нему въ Данцигъ, хотя прежде онъ и приказывалъ мнѣ отправлять ихъ къ нему».

«Все это наводитъ меня на сомнѣнiе, заключаетъ Апшъ, что Тотлебенъ съ какою-то фальшивостiю съ нами чинитъ и я буду прилежно наблюдать за нимъ и увѣдомлять ваше сiятельство, черезъ курьера, о его по ступкахъ и дѣлахъ. Я прошу только дать мнѣ на это время и писать къ нему по прежнему милостиво, чтобы онъ не возымѣлъ никакого подозрѣнiя. Не соизволите ли ваше сiятельство поскорѣе переслать требуемый имъ маршрутъ и ему написать, чтобы онъ отправилъ ружья къ вашему сiятельству. Не соблаговолите ли также ни о чемъ не спрашивать посылаемаго теперъ курьера. Я надѣюсь, однако, сдѣлать все то, что только вѣрный подданный ея императорскаго величества можетъ пожелать, и чѣмъ вы весьма порадованы быть имѣете. Я сдѣлалъ проектъ какъ его въ уповательныхъ фальшивостяхъ поймать».

VIII.

Въ то время, какъ надъ Тотлебеномъ собиралась гроза, онъ не догадывался вовсе о ея приближенiи и съ которой стороны она идетъ, но самонадѣянно предполагая совершить въ тайнѣ отъ другихъ задуманное имъ предпрiятiе, или считая дѣйствiя свои вполне безупречными, признавалъ лишь необходимымъ оградить себя отъ козней враговъ на будущее время и, ища защиты въ Петербургѣ, готовилъ жалобы на свое положенiе, какъ императрицѣ, такъ и благодѣтелю своему, канцлеру графу Воронцову.

Кажется, что ближайшимъ поводомъ къ этому послужили совѣты, данные ему въ полученныхъ имъ двухъ письмахъ. Въ первомъ изъ нихъ, отъ 23 мая (новаго стиля), никѣмъ не подписанномъ, но по внѣшнему виду напоминающемъ дипломатическую или министерскую переписку, неизвѣстное лицо сообщало, что имъ получены были слѣдующiя свѣдѣнiя: «мы дѣлаемъ все, что можемъ, чтобы поставить генерала Тотлебена въ спокойное положенiе и оградить его отъ шиканъ его завистниковъ. Поэтому онъ можетъ стать выше всего этого, будучи отдѣльнымъ командиромъ и завися только отъ фельдмаршала. Но не смотря на это, онъ не долженъ упускать случая постоянно

извѣщать своего покровителя, канцлера графа Воронцова, о своихъ дѣйствіяхъ».

Во второмъ же письмѣ, отъ 24 мая (новаго стѣля), изъ Данцига, изъ котораго было послано и первое, такъ какъ въ послѣднемъ сказано, что авторъ втораго, генераль-маіоръ баронъ Ридезель, прибылъ туда на пару дней, говорилось: «пользуюсь теперь вѣрнымъ случаемъ, чтобы, по порученію, данному мнѣ нашимъ министромъ графомъ Брюлемъ, сказать вамъ, что канцлеръ въ Петербургѣ не разъ высказывалъ г-ну Брассу нѣкоторое неудовольствіе на то, что въ послѣднее время вы стали забывать его, не посылая ему писемъ также часто, какъ вы это дѣлали прежде; и такъ какъ онъ всегда былъ вашимъ покровителемъ, то мой дворъ находитъ необходимымъ, чтобы вы старались пользоваться его дружбою, и что вы поступаете не совсѣмъ хорошо, пренебрегая этою корреспонденціею, которая, однако, была бы для васъ всегда полезна¹⁾».

Весьма вѣроятно также, что упоминаемый въ этихъ письмахъ капитанъ польской службы Зебахъ, получившій позволеніе служить подъ начальствомъ Тотлебена и привезшій если не оба, то, по крайней мѣрѣ, послѣднее изъ писемъ, передалъ ему на словахъ то, чего, не смотря на вѣрность оказіи, осторожнѣе было не писать.

Подъ этимъ-то вліяніемъ, или же вслѣдствіе того, что дѣйствительно положеніе среди завистниковъ и недруговъ было тяжело, Тотлебенъ написалъ слѣдующее всеподданнѣйшее прошеніе:

«Ваше императорское величество, на неоднократныя мои объ увольненіи меня всеподданнѣйшія прошенія, всегда и еще въ маѣ всемплощивѣйше указать соизволили, чтобъ я вѣрную свою службу еще продолжалъ и всевысочайше императорской благосклонности и милости надеженъ былъ.

«Искреннее желаніе, счастье имѣть при славной арміи вашего императорскаго величества честь себѣ заслуживать единственно тому причиною, что россійской императорской службѣ

¹⁾ Черезъ того же Ридезеля Тотлебенъ сообщалъ Воронцову свѣдѣнія о дѣйствіяхъ своего отряда, а можетъ быть и другія. (Архивъ князя Воронцова, VЦ, 417).

предъ всѣми прочими въ свѣтѣ выигрышами преимущество далъ, оставляя лучше имѣніе мое въ Силезіи и Саксоніи свирѣпству непріятельскому, нежели оную оставить.

«Хотя непредвидимое изгнаніе ¹⁾ многихъ сильныхъ враговъ и мое отъ разныхъ ранъ и немалыхъ трудностей весьма поврежденное здоровье, происходимыя въ командѣ моей убытки и еще многія другія причины не только меня въ печальное состояніе, такъ что опять объ увольненіи меня, но и вовсе службу уже продолжать въ неспособность привели, однако по всевысочайшему вашего императорскаго величества всемилостивѣйшему указу порученнымъ мнѣ корпусомъ открылъ кампанію и пока графъ Румянцовъ въ Померанію не прибылъ, противъ принца Виртембергскаго,—ссылаясь на присланные мои о томъ журналы,—всегда съ аванжаемъ дѣйствовалъ. А нынѣ я, въ силу ордера фельдмаршала графа Бутурлина, въ маршѣ къ арміи, куда, съ помощію Божіею, по послѣдней мѣрѣ 23 и 26 сего мѣсяца, еще прежде, нежели армія на польскую границу прибудеть, прибыть уповаю. А хотя я такъ худъ, что на лошади едва усидѣть могу и отсюда принужденъ ѣхать въ коляскѣ, однако, охотно и радостно послѣднее свое воздыханіе и кровь, для ревностнаго моего къ службѣ оказанія, не пощажу, только, всемилостивѣйшая государыня, не прогнѣвайтесь ваше императорское величество, что по приложенной при семъ подъ № 1 запискѣ на генераль-фельдмаршала графа Бутурлина къ стопамъ вашимъ приложить принужденъ справедливыя свои жалобы, коимъ образомъ себя совершенно не въ состояніи предвижу всевысочайшую вашего императорскаго величества волю, да и собственную мою амбицію ко исполненію привести.

«Три пѣхотныхъ полка, которыхъ, въ силу вашего императорскаго величества указа, въ моей командѣ имѣть долженствую и всю зиму въ непріятельской землѣ провіантомъ и фуражемъ съ излишествомъ снабдилъ, принужденъ я былъ отдать, чрезъ что довольно разсудное прожектированіе захвата непріятельскихъ гарнизоновъ и магазиновъ въ Трептовѣ и Старгардѣ оставить долженъ былъ.

¹⁾ Гоненіе.

«Съ вѣщимъ моимъ трудомъ я легкія войска, отъ которыхъ прежде меня малыя службы оказывались, не только въ самой доброй дисциплинѣ, но и до того довелъ, что непріятеля уже не страшатся, такъ что всѣ, въ двухъ кампаніяхъ, надъ непріятелемъ полученные выигрыши небольшимъ числомъ подъ моею командою состоящими казацкими и гусарскими полками совершилъ, разбой же и прочія грабительства вывелъ. Но нынѣ за непорядки и наглости уже болѣе наказывать не смѣю и вмѣсто того получаю выговоры, отчего полки приходятъ въ непорядокъ, ордера мои уже не исполняются и полковые командиры гусарскихъ и конногренадерскихъ полковъ ропщутъ противъ меня, что разбоевъ и грабительство не допускаю, а сверхъ того и заговоры еще противъ меня чинятъ, и тѣмъ еще болѣе въ смущеніи нахожусь, что по всѣмъ моимъ рапортамъ у генерала-фельдмаршала довѣрія не нахожу и едва ли хотя одинъ ордеръ получилъ, которымъ бы опечаленъ не былъ.

«Генераль-фельдмаршалъ графъ Бутурлинъ по днесъ отъ меня о всѣхъ непріятельскихъ движеніяхъ самыя подробныя извѣстія получалъ и я, деньгами, трудами и обѣщаніями до того дошелъ, что чрезъ двухъ жидовъ, Саббатку и Гришеля, все то, что въ королевской главной квартирѣ, въ его тайной экспедиціи и при арміи въ Саксоніи у принца Генриха дѣлается, заблаговременно узнать могу. Какія изъ этого въ предбудущей кампаніи пользы произростать могутъ, о семъ дерзнулъ въ приложеніи подъ № 2 пространно донести. Яко же и сіе не малой важности стоитъ, что я королевскія цифры (шрифтъ) получить успѣхъ имѣлъ, оныя же при семъ подъ № 3 приложитъ честь имѣю.

«Однако, не взирая на всѣ для славной кампаніи приготовленія, предвижу я себя еще безсчастіе, какъ то былъ при прежней кампаніи, хотя непріятели и пріятели мои засвидѣтельствовать должны, что только самымъ малымъ числомъ гусарскихъ и казацкихъ полковъ дѣйствовалъ. О берлинской же экспедиціи всему свѣту извѣстно¹⁾».

Жалоба же графу Воронцову была написана еще въ болѣе миворномъ тонѣ.

¹⁾ Упоминаемая въ этомъ прошеніи и въ жалобѣ Воронцову приложенія, или отпуски ихъ, не нашлись между бумагами, отобранными у Тотлебена и хранящимися въ сенатскомъ архивѣ.

«Мнѣ бы надлежало изыскивать новые термины, чтобъ могъ я изяснить ужасное смущеніе, до коего доведенъ. Ваше же сіятельство слишкомъ великодушны и религіозны, чтобы не быть тѣмъ тронуты.

«Приобщенныя при семь подъ № 1, 2, 3, 4 приложенія довольно достаточно объяснятъ вашему сіятельству тѣ сѣти, которыя были мнѣ ставлены, и главную причину жалобъ моихъ, которыя я, по справедливости, имѣю заявить на его сіятельство фельдмаршала графа Бутурлина, какъ ваше сіятельство изъ приобщенныхъ его при семь двухъ ордеровъ ясно усмотрѣть изволите, какимъ образомъ, подъ видомъ благочестія, хотѣли коснуться моей чести.

«Боже мой! какую кампанію стану я дѣлать и какимъ образомъ будетъ мнѣ можно изъ сего лабиринта выдти. Одни высочайшія ея императорскаго величества повелѣнія и единственно моя амбиція принудили меня еще сію кампанію служить, не смотря на сущую слабость моего здоровья. И не взирая на такое дурное воздаяніе за всѣ мои труды и вѣрныя услуги, я еще и теперь то же, чѣмъ былъ за пять лѣтъ тому назадъ, безъ малѣйшаго производства, но гораздо бѣднѣе и несчастливѣе.

«Множество моихъ недруговъ и ранъ моихъ суть только единственнымъ моимъ прибыткомъ, коимъ я себя льстить могу послѣ этой войны. Я предпочитаю любовь моего отечества и славу служить между храбрыми россіянами благополучію и счастію моей фамиліи. На послѣдокъ я всѣмъ жертвовалъ и у меня весьма мало остается, чѣмъ бы поправить и возстановить мою упадшую фамилію. Но честь мнѣ будучи дороже, чѣмъ жизнь моя, обязываетъ меня на томъ остановиться. Ваше сіятельство, коего я почитаю за отца моего, дозволите мнѣ найти мое прибѣжище въ вашемъ сіятельствѣ.

«Хотя приложеніе подъ № 5, здѣсь приобщенное, можетъ увѣрить ваше сіятельство о хорошихъ приготовленіяхъ, сдѣланныхъ для пользы нашей арміи и для славы ея оружія, однако-жъ, я ничего не могу успѣть во всѣхъ моихъ проектахъ, доколѣ не придетъ податель сего съ повелѣніемъ вашего сіятельства. Непрiятель ничего предпринять не можетъ, чего бы я не зналъ. Но я въ ежеминутной нахожусь опасности, чтобы на меня не

напали мои завистники, и имѣя попеченіе объ императорскихъ интересахъ, я споспѣшествую моему несчастію.

«Князь Любомирскій мнѣ въ Гданскѣ сказывалъ, что генераль Чернышевъ изъяснился, чтобъ меня низвергнуть и чтобъ къ тому сыскать такой удобный случай, котораго бы я избѣгнуть не могъ. Генераль Сиверсъ, въ проѣздъ свой чрезъ Гданскъ, мнѣ тоже сказывалъ.

«Приложенное при семъ письмо подъ № 6, хотя оно и безъ имени, однако-же, усугубляетъ мой страхъ и ваше сіятельство изъ онаго и изъ прежняго приложенія усмотрите ужасное состояніе, до коего я доведенъ чрезъ мое усердіе къ службѣ ея императорскаго величества и мою амбицію заслужить ея благоволеніе.

«Итакъ, не смотря на всѣ выгоды, которыя я себѣ представить могу въ теченіи этой кампаніи, нельзя мнѣ будетъ избѣгнуть поставленныхъ мнѣ со всѣхъ сторонъ сѣтей главнокомандующимъ арміею, его фаворитомъ и собственными моими офицерами, которые такъ разъярены противъ меня и моей хорошей дисциплины, а особенно будучи ободрены противиться тому подорою, которая у нихъ есть въ главной квартирѣ.

«Я дрожу отъ ужаснаго состоянія, до коего я вижу себя доведеннымъ усердіемъ моимъ, кое я имѣлъ къ славѣ нашей арміи.

«Еслибъ я, по повелѣнію генерала графа Чернышева, постъ свой оставилъ, который я противъ трехъ непріятельскихъ корпусовъ подъ Берлиномъ оберегалъ, и уступилъ г. Лесси, то я былъ бы теперь генераль-поручикъ и всѣ были бы мои пріятели. Но предпочтя всѣмъ прочимъ выгодамъ пользу ея императорскаго величества и не могли терпѣть того, чтобы Берлинъ былъ допущенъ до раззоренія и грабежа, я еще и теперь то же, чѣмъ былъ и въ 1756 году, да еще и гонимъ всѣми. И вмѣсто всѣхъ наградъ остается для меня только одно ея императорскаго величества негодование. Какимъ же образомъ могъ бы опровергнуть напечатанную піесу, которая была только переводомъ рапорта къ фельдмаршалу графу Салтыкову и генералу-аншефу Фермору по поводу экспедиціи взятія Берлина.

«Итакъ, мнѣ не осталось иного, какъ только послать нарочнаго подателя сего къ вашему сіятельству, чтобы сообщить

вамъ мои проекты и просить у вашего сіятельства, какъ моего отца и благодѣтеля, избавительнаго способа отъ моихъ несчастій, такъ смертельно меня угнетающихъ, какой ваше сіятельство признаете удобнымъ, чтобы оборонить отъ угрожающаго мнѣ нападенія со всѣхъ сторонъ.

«Ожидаю скорого возвращенія маіора Бринка, офицера, достойнаго благоволенія вашего сіятельства.

«Ваше сіятельство соблаговолите пожаловать апробацію, въ той крайности, до которой я доведенъ, сложить съ себя команду, какъ скоро прибуду къ арміи. Я здѣсь отдохну только одинъ день и уповаю туда поспѣть 25-го числа нынѣшняго мѣсяца, а какъ непріятель не приближается къ Познани, то его въ томъ надобно предупредить легкими войсками.

«Итакъ, я наиприлежнѣйше прошу ваше сіятельство, съ наиглубочайшимъ почитаніемъ, чтобъ исходатайствовать мнѣ позволеніе служить сію кампанію подъ начальствомъ графа Румянцова. Зная всѣ Померанскія мѣста, а особенно около Кольберга, я могъ бы довольно полезнымъ ему быть и споспѣшествовать счастливой экспедиціи.

«Сія милость и желаніе мое окончить мою двѣнадцатую кампанію съ отличіемъ выведутъ меня изъ жалостнаго состоянія какъ моего здоровья, такъ и разума.

«Я берегу у себя копию шифровъ, которыхъ оригиналъ ваше сіятельство получите вложеннымъ въ это письмо, для отдачи фельдмаршалу, чтобы, въ нужномъ случаѣ, его можно было употреблять, ежели бы непріятельское письмо удалось перехватить нашими войсками.

«Какую персону я буду представлять предъ господами австрійцами, которые сдѣлались мнѣ смертельными недругами, отнявъ у нихъ такой кусокъ, какъ Берлинъ, и не получивъ никакого увѣдомленія о томъ, что драгоцѣнное сокровище и кабинетъ великолѣпныхъ древностей, взятые въ Берлинѣ и переданные князю Прозоровскому съ описью, учиненною многими знатными офицерами, для ея императорскаго величества, нашей всемилостивѣйшей монархини, дошли до адреса вашего сіятельства. Ваше сіятельство не изволите прогнѣваться, что я у васъ о томъ освѣдомляюсь. Уже съ 6 мѣсяцевъ какъ упомянутый князь

ноѣхалъ въ Петербургъ; но я о немъ послѣ того ничего не слыхалъ.

«Бжели-же, паче чаянїя, проектъ о полкѣ, который я обя-заяся набрать для службы ея императорскаго величества или для его императорскаго высочества великаго князя, почтется неудобнымъ къ приведенію онаго въ дѣйствіе, или въ томъ произойдетъ какое либо затрудненіе, то я прошу ваше сіятельство оный оставить и не допускать его ни до чьего вѣдома».

Мы не знаемъ тѣхъ обидныхъ ордеровъ Бутурлина, на которые Тотлебенъ ссылается въ своихъ жалобахъ, не считая, конечно, «секретнѣйшій» отъ 12 мая, относительно перегово-ровъ съ Вернеромъ, посланный, однако, въ силу даннаго свѣше приказанїя ¹⁾, а не по собственной инициативѣ Бутурлина, и развѣ запросовъ по поводу перемирія. Изъ бывшей въ распо-ряженїи нашемъ переписки можно скорѣе вывести заключеніе если не о дружелюбномъ, то, по крайней мѣрѣ, любезномъ и всегда вѣжливымъ отношенїи Бутурлина къ подчиненному ему генералу. Такъ, въ письмѣ отъ 21 марта 1761 г., Бутурлинъ писалъ Тотлебену: «по дружбѣ моей къ вашему сіятельству, не могъ я оставить не оказать вашему сіятельству моего истиннаго сожалѣнїя о вашей болѣзни, сердечно желая, чтобы сіе мое письмо нашло ваше сіятельство въ лучшемъ уже состоянїи и чтобъ я при первомъ случаѣ прїятное о томъ извѣстіе отъ васъ получить могъ». Затѣмъ 23-го апрѣля онъ снова выражаетъ со-жалѣнїе «о продолжающемся изнеможенїи» Тотлебена. Когда же получена была резолюція на поданное между тѣмъ Тотлебеномъ прошенїе объ увольненїи отъ службы (очевидно, вслѣдствіе не-повышенїя въ чинѣ), то препровождая ордеръ, въ которомъ эта резолюція ²⁾ была изложена, Бутурлинъ всевысочайшимъ име-

¹⁾ 12-го мая 1761 г. Бутурлинъ доносилъ императрицѣ: «Всевысочайшее предписаніе я не преминулъ графу Тотлебену подать на случай чинимыхъ ему иногда съ прусской стороны хитрыхъ внушенїй». М. арх. м. ю., реляція Бу-турлина.

²⁾ Она выражена въ слѣдующемъ рескриптѣ Бутурлину: «Доношенїе гене-раль-маіора гр. Тотлебена объ увольненїи его изъ нашей службы прїятно намъ быть не могло, тѣмъ болѣе, что оно такъ много разъ повторено, а теперь по-вторяется предъ самымъ началомъ кампанїи, слѣдовательно въ такое время, когда никому не позволено просить увольненїя. Вы хорошо дѣлаете, что откло-

немъ ея императорскаго величества обнадеживалъ Тотлебена, что онъ не будетъ обойденъ при первомъ генералитетскомъ производствѣ и притомъ, какъ «истинный пріятель», совѣтывалъ потерпѣть еще хоть въ кампанію 1761 г. и не оставлять службы. «Я не сумнѣваюсь, чтобъ ваше сіятельство сему моему дружескому совѣту не послѣдовали для пріобрѣтенія себѣ высочайшей е. и. в.—ва существительной милости, которой вамъ вскорѣ желая, пребываю съ особеннымъ почтеніемъ». Усмотрѣвъ же изъ отвѣта Тотлебена, что онъ послѣдовалъ «дружескому совѣту», Бутурлинъ поспѣшилъ увѣдомить, что онъ отъ сердца радуется, что честь получаетъ его сіятельство, какъ толь достойнаго генерала, въ своей командѣ имѣть, обнадеживая притомъ его своею дружбою и что онъ никакимъ, иногда ему отъ кого либо чинимымъ на Тотлебена, нареканіямъ отнюдь вѣры не подастъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что такъ выражаться Бутурлинъ могъ и потому, что зналъ о покровительствѣ Воронцова Тотлебену и о происходящей между ними перепискѣ; но не могъ-же онъ распространять свою любезность до того, чтобы иногда не выразить подчиненному, въ болѣе твердой формѣ, свое недовольство тѣми или другими распоряженіями или выходками, которыя позволялъ себѣ этотъ подчиненный. Такъ, узнавъ изъ рапорта Тотлебена, «что помѣщикъ Пирхъ пограбленными у него грузинскаго гусарскаго полка квартирмейстеромъ Пуртхеловымъ пожитками удовольствованъ и за то сей продерзатель написанъ вѣчно въ гусары, да сверхъ того ему же двѣсти лозановъ палкою дано, а рядовой нещадно батогами наказанъ», Бутурлинъ призналъ необходимымъ напомнить Тотлебену, что хотя люди тѣ за свои преступленія «тому и достойны, но чтобы въ таковыхъ наказаніяхъ не по артикулу» не было жалобъ, не изволить ли онъ впродъ надъ таковыми продерзателями на основаніи правъ производить слѣдствіе и судъ и по окончаніи, сочиня экстракты,

всете отъ такого намѣренія и вы можете его обнадежить, что при первомъ производствѣ онъ обойденъ не будетъ; но при этомъ внушите ему поспѣшнѣе, что мы хотимъ оказывать нашу милость по собственному нашему произволенію, а частое напоминаніе и усиленное домогательство, даже требованіе увольненія замедляютъ только знаки нашей милости» (Соловьевъ, т. 24, стр. 373).

Г. Р.

представлять для разсмотрѣнія и конфирмаціи къ нему, Бутурлину, поступая такимъ образомъ не въ отношеніи однихъ лишь офицеровъ, но также и нижнихъ чиновъ ¹⁾).

Конечно, подобное напоминаніе о соблюденіи законнаго порядка, равно какъ и приведенный выше ордеръ отъ 4 февраля, по поводу ареста Краснощекова и Перфильева, стѣсняли Тотлебена, но обижаться имъ могъ только крайне щепетильный человѣкъ, точно такъ же, какъ и указаніемъ, на примѣръ, на неполноту, «конечно, ошибкою канцеляріи», затребованныхъ свѣдѣній. или замѣчаніемъ, въ отвѣтъ на донесеніе о неимѣніи бывшими въ командѣ Тотлебена гусарами лошадей и обмундирования, что это прискорбно, такъ какъ требуемыя на обмундированіе ихъ Тотлебеномъ деньги всегда отпускались, а лошади для нихъ закупаются отъ вновь пришедшихъ казаковъ ²⁾).

IX.

Подполковнику Ашу, послѣ посылки имъ письма къ Бутурлину, не долго пришлось ждать осуществленія выраженнаго имъ въ концѣ того письма желанія. 18 іюня, въ лагерѣ при Бернштейнѣ, онъ встрѣтилъ еврея Саббатку и привезъ его къ Тотлебену; когда же на другой день утромъ послѣдній отпустилъ этого конфидента, приказавъ капитану Фафіусу проводить его съ казаками до непріятельской крѣпости Кюстринъ, то Ашъ задержалъ Саббатку и обыскалъ его. Обыскъ былъ удаченъ: въ салогѣ у Саббатки оказался конвертъ безъ адреса, но за печатью Тотлебена и въ немъ точный переводъ приведеннаго нами выше секретнаго ордера Бутурляна отъ 12 іюня, 1761 г., о направленіи русской арміи къ Бреславлю, приложенный къ нему маршрутъ арміи и слѣдующая собственноручная записка Тотлебена къ прусскому королю отъ 19 іюня 1761 г. ³⁾:

«Вѣрный слуга получилъ сегодня, съ возвратившимся назадъ человѣкомъ, милостивое писаніе принципала своего и на-

¹⁾ Ордеръ 4 апрѣля.

²⁾ Ордера 28 апрѣля и 20 мая.

³⁾ Записка эта приводится нами въ современномъ переводѣ. Г. Р.

дѣется, что и самъ принципаль письмо раба своего получилъ, которое онъ къ принцу «1086» отослать и о новыхъ перемѣнахъ «521» «864» «960» объявить не оставилъ, о которыхъ изъ находящихся при семъ приложений обстоятельнѣе усмотрѣть можно. Вѣрный рабъ хотя и весьма боленъ горячкою, однако не престанетъ, до послѣдняго своего издыханія, принципалу служить и оказывать до гроба, что вамъ навѣрнѣйшій «1284».

Между тѣмъ Тотлебенъ, лежавшій больной въ постелѣ, послалъ, какъ онъ показалъ впоследствии, за Ашемъ, чтобы написать донесеніе о полученныхъ чрезъ Саббатку извѣстіяхъ, но онъ не явился, какъ вдругъ, около 11 часовъ, въ его комнату вошли полковники Биловъ, Зоричъ и Фуггеръ и первый изъ нихъ, держа въ рукахъ какую-то бумагу на русскомъ языкѣ, объявилъ, что хотя ему очень грустно, но по высочайшему указу онъ долженъ арестовать его.

— «Это ли награда за мою вѣрную службу»? отвѣчалъ Тотлебенъ. «Вы не можете арестовать меня. И за что?»

«За запрещенную переписку съ непріателемъ».

Потребовавъ показать указъ и увидавъ, что бумага, которую держалъ Биловъ, была не что иное, какъ донесеніе Аша, Тотлебенъ приказалъ арестовать послѣдняго и, обратясь къ Билову и другимъ офицерамъ, сказалъ:

— «Господа! не торопитесь. Вы знаете, что у меня есть особыя приказанія на счетъ переписки съ непріателемъ и что вся переписка эта ведется съ цѣлью нанести врагу сильный ударъ. Мы запечатаемъ всѣ мои бумаги, равно какъ и бумаги Аша, и затѣмъ я отправлюсь съ вами, подъ эскортомъ, къ фельдмаршалу, гдѣ моя невинность сразу объявится».

Затѣмъ Тотлебенъ передалъ Билову проектъ рапорта о полученныхъ чрезъ Саббатку извѣстіяхъ, для отсылки его къ фельдмаршалу, и всѣ его бумаги были опечатаны печатями названныхъ офицеровъ, которые и обѣщали придти, по обыкновенію, къ обѣду; но въ 2 часа Биловъ и всѣ командиры гусарскихъ полковъ явились снова, поставили стражу у дверей и отобѣдавъ въ сосѣдней комнатѣ, пришли къ его постели и, повторивъ, что онъ арестованъ, посадили въ его комнату офицера, съ приказаніемъ не допускать его говорить съ кѣмъ бы то ни было, и велѣли вынести письменный столъ.

— «Вы можете дѣлать, что хотите, говорилъ имъ Тотлебенъ, но испортите всю кампанію».

Немного спустя полковникъ Фуггеръ, придя къ Тотлебену, взявъ его саблю, а адъютантъ Тотлебена отобралъ его пистолеты и другое оружіе и, по приказанію Билова, 1 тыс. талеровъ, которые, какъ контрибуція, должны были того же числа быть посланы фельдмаршалу. Въ то же время Тотлебенъ успѣлъ разорвать полученный имъ секретный шифръ короля, для того, какъ онъ объяснилъ, чтобы шифръ этотъ не попалъ въ ненадлежащія руки и изъ него не было сдѣлано вреднаго употребленія.

При осмотрѣ же его бумагъ были найдены какъ указанные нами выше проекты жалобъ императрицѣ и Воронцову, заготовленные имъ 14 іюня, чтобы при первой возможности отправить ихъ по назначенію, такъ и черновое письмо его къ прусскому королю. Въ письмѣ этомъ Тотлебенъ писалъ:

«Ваше величество, въ послѣднемъ вашемъ письмѣ изволите высказывать желаніе, чтобы мнѣ служить еще одну кампанію, для облегченія вашихъ подданныхъ, требулъ, чтобы доброю въ моихъ войскахъ дисциплиною я предупреждалъ всякія грабительства и опустошенія. Я низжайше прошу ваше величество вѣрить, что какъ до сихъ поръ, такъ и впредь я буду употреблять всевозможное стараніе къ отвращенію всякой наглости и способствовать всѣми силами облегченію вашихъ областей; но пока провинціальныя совѣтники не будутъ оставаться въ своихъ округахъ и въ ихъ домахъ для распоряженій по требуемымъ поставкамъ, то всѣ мои старанія будутъ бесполезны и недѣйствительны. И потому, не изволите ли ваше величество приказать, чтобы каждый изъ нихъ оставался въ своемъ округѣ для приготовленія надлежащихъ поставокъ, чтобы я въ состояніи былъ наблюдать строжайшую дисциплину согласно точнымъ ея императорскаго величества повелѣніямъ и намѣреніямъ вашего величества.

«Чтоже касается до артикула о С.-Петербургѣ, о которомъ ваше величество изволите приказывать мнѣ сдѣлать предложеніе чрезъ Гоцковскаго, то я буду о томъ говорить съ фельдмаршаломъ графомъ Бутурлинымъ, когда я съ нимъ увижусь, ибо не смѣю о томъ къ нему писать.

„А что относится до другаго вопроса, который изволите дѣ-

дать мнѣ ваше величество, то я его считаю попыткою вашего величества испытать мои мнѣнія. Будучи еще обязанъ службою ея императорскому величеству и подданнымъ саксонскимъ, я былъ бы недостойнъ и той довѣренности, которою удостоиваетъ меня ваше величество, еслибы захотѣлъ сообщать о такихъ вещахъ и такой важности.

„Сказать правду, я не знаю совсѣмъ, что происходитъ въ арміи, не имѣя отсюда никакого сообщенія, ни корреспонденціи.

„По всѣмъ вѣроятіямъ, армія наша, которая теперь во всемъ находится въ добромъ состояніи, будетъ въ нынѣшнюю кампанію дѣйствовать съ большимъ напряженіемъ своихъ силъ, чѣмъ въ прошлогоднюю.

„Что новый женихъ Кольбергской дѣвственницы отступить въ Померанію, то правда; но ихъ и еще много. Между другими издавна и я, по справедливости, могу быть причтенъ къ числу оныхъ. Сватовство мое всегда будетъ правѣе всѣхъ. По крайней мѣрѣ, сталъ бы я о томъ спорить, еслибъ мнѣ должно было дѣлать кампанію въ Помераніи, но, по несчастію, долженъ въ непродолжительномъ времени примкнуть къ главной арміи.

«Сіе письмо дойдетъ до рукъ вашего величества чрезъ с. у. у. Вет.».

Вечеромъ 19 іюня, въ 6 часовъ, Тотлебена посадили въ его экипажъ, вмѣстѣ съ людьми его и, —согласно его выраженію,— какъ величайшаго преступника отвезли въ Лаудсбергъ, а оттуда, не смотря на его болѣзнь, подъ прикрытіемъ 300 человекъ подъ команду арестованнаго имъ Аша и капитана Билова въ Шверинъ и черезъ Позень въ армію, гдѣ Ашъ пересмотрѣлъ всѣ его бумаги и, допрашивалъ Саббатку, билъ его жестоко ¹⁾. Тѣ-же Ашъ и Билонъ отвезли его потомъ и въ с.-петербургскую крѣпость, причемъ Тотлебенъ долженъ былъ много претерпѣть отъ всего того, что только ихъ злоба и своеволие могли придумать для ухудшенія его положенія. Первый изъ нихъ на каждой станціи впередъ заявлялъ, что везетъ прусскаго шпиона, чѣмъ собиралъ много народа, а въ Митавѣ, гдѣ жило много родныхъ Мирбаха (зятя Тотлебена) и гдѣ были герцогъ Курляндскій и много саксонскихъ офицеровъ, нарочно

¹⁾ Изъ реляціи Бутурлина видно, что Саббатку допрашивали «подъ плетьюми». Архивъ кн. Воронцова, VII, 386.

продержалъ его съ жидомъ и всею командою болѣе получаса на рынкѣ при большомъ стеченіи народа, хотя еще наканунѣ заказалъ для него квартиру ¹⁾). Второй же поступалъ съ нимъ дурно потому, что былъ братомъ тому, который, какъ это доказывается его собственноручнымъ письмомъ, оброненнымъ капитаномъ Биловымъ въ Мемелѣ, въ комнатѣ Тотлебена, былъ душою заговора противъ послѣдняго. Въ письмѣ этомъ полковникъ Билловъ требовалъ отъ Аша половины тѣхъ «douceurs» — писалъ Тотлебенъ въ своемъ показаніи, — которыя онъ получить за мой арестъ, подъ угрозою, въ противномъ случаѣ, показать дѣло какъ оно было ²⁾). Кроме того, не было ли обѣщано полковнику Биллову начальство надъ легкими войсками? И не принялъ ли его графъ Чернышевъ, когда онъ пришелъ къ арміи съ тѣми войсками, съ объятіями и со словами: «Voilà notre ennemi pris, vous aurez le commando des troupes légères ³⁾».)»

По отправленіи Тотлебена, 30 іюня, въ Петербургъ было перехвачено письмо къ нему отъ Фридриха II, въ которомъ

¹⁾ Въ инструкціи, данной Ашу (м. арх. м. н. д. № 106), велѣно было, при провозѣ Тотлебена, знатные города всегда проѣзжать мимо и не останавливаться, а буде можно, проѣзжать ночью.

²⁾ Подлинное письмо Билова отъ 1 іюля 1761 г. Тотлебенъ представилъ графу Александру Шупалову, а въ сохраненной имъ копіи его, между прочимъ, значится: «Вчера я говорилъ о васъ съ фельдмаршаломъ и онъ тутъ же поздравилъ васъ маіоромъ. Прибывъ въ Петербургъ, вы можете адресоваться къ канцлеру и сказать ему, что я далъ совѣтъ Ашу какъ поступать, чтобы лучше было можно арестовать генерала. Безъ меня Ашъ могъ бы быть несчастливъ и мнѣ долженъ быть обязанъ своимъ успѣхомъ. Итакъ, и мнѣ должно имѣть участіе въ воздавіи за то отъ ея величества. Важъ остается сказать Ашу, что онъ долженъ говорить то, что ему извѣстно обо мнѣ, ибо я и самъ могу объявить какимъ образомъ дѣло происходило. Но остерегайтесь говорить о томъ много и знайте съ кѣмъ говорить. Мое почтеніе Ашу, чтобы онъ не забывалъ про меня».

³⁾ Показанія Тотлебена въ судѣ. Показанія эти невѣрны въ отношеніи назначенія Билова командиромъ легкихъ войскъ. Изъ протокола военного совѣта арміи Бутурлина видно, что Билловъ принялъ команду надъ тѣми войсками по арестѣ Тотлебена «какъ старшій полковникъ» и долженъ былъ «при томъ остаться и съ его командою въ арміи слѣдовать», впредь до прибытія изъ Помераніи генераль-маіора Еронкина, опредѣленнаго тѣмъ же протоколомъ, подписаннымъ и графомъ Чернышевымъ, — командиромъ названныхъ войскъ. (Архивъ кн. Воронцова, VII, 396).'

король писалъ, что не можетъ дать просимаго имъ имѣнія (гершфта Миялчесскаго), принадлежавшаго Тотлебену и секвестрованнаго пруссаками ¹⁾, но общаетъ дать другое, равное, и отказывалъ въ просьбѣ его о разводѣ съ женою, жившею въ Силезіи, объясняя, что объ этомъ она сама должна подать прошеніе ²⁾.

Между тѣмъ Бутурлинъ сообщилъ нашему резиденту въ Данцигѣ, Ржичевскому, объ арестѣ и объ отправленіи въ Кенигсбергъ сына Тотлебена, получившаго, 13 мая 1761 года, отъ короля прусскаго увольнительный отъ прусской службы видъ ³⁾, хотя онъ уже около года тому назадъ былъ вывезенъ отцемъ изъ Берлина и былъ въ школѣ въ Данцигѣ ⁴⁾, а въ маѣ 1761 года отправленъ въ Курляндію къ Мирбаху ⁵⁾, и о наложеніи секвестра на имущество послѣдняго, а равно распорядился о принятіи подъ присмотръ купленнаго Тотлебеномъ въ Столпе дома съ конскимъ заводомъ и о распредѣленіи лошадей этого завода по полкамъ. Донося же объ арестѣ Тотлебена, счелъ долгомъ злобно, въ свое собственное оправданіе, примѣтить, что дѣйствіямъ арестованнаго надобно приписать неудачу еще зимою возможнымъ казавшагося захвата Кольберга по его

¹⁾ Моск. арх. м. н. д. № 106, 1761 г.

²⁾ Соловьевъ, т. 24, стр. 386.

³⁾ Прилож. къ реляціи Бутурлина 10 іюля 1761 г.

⁴⁾ Моск. арх. м. н. д. № 50, рапортъ Тотлебена 17 января 1761 года.

⁵⁾ Моск. арх. м. н. д. № 48, письмо къ Мирбаху. Что случилось съ этимъ сыномъ и вообще семействомъ Тотлебена, мы не могли узнать. Изъ промемории Тотлебена, поданной 12 февраля 1760 г. графу Фермору (моск. арх. м. н. д. № 34, 1761 г.) видно, что единственные его сынъ и дочь воспитывались въ пансіонѣ въ Берлинѣ, но въ началѣ войны, а именно въ 1756 г., тринадцатилѣтній сынъ былъ взятъ унтеръ-офицеромъ въ прусскую службу. Дочь впоследствии вышла замужъ за курляндца, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника польской службы и кавалера ордена Александра Невскаго, барона Ебергарда-Христофа Мирбаха (м. арх. м. н. д. 1761 г. № 106), въ имѣніи котораго, Нейгофъ, сохранился понынѣ портретъ Тотлебена. По указанію же «Разговора въ царствѣ мертвыхъ» у Тотлебена былъ также и сынъ отъ второй жены, которая была еще жива въ 1774 г. Былъ у него и братъ, подполковникъ голландской службы, содержавшійся, въ февралѣ 1760 г., въ крѣпости Глогау. По донесенію генерала Вас. Суворова отъ 26 іюня 1761 г. сынъ Тотлебена былъ арестованъ по пріѣздѣ въ Курляндію (м. арх. м. н. д. 1761 г., № 106), а по высочайшему указу 27 января 1762 г. его велѣно было освободить изъ подъ караула и отправить въ С.-Петербургъ, въ военную коллегію, и о пріѣздѣ его довести государю (Сенатск. арх. Высоч. ук., кн. 175, л. 229).

проекту и тѣ смущенія, въ которыхъ находился графъ Румянцовъ отъ всегдашняго преувеличиванія Тотлебеномъ силъ непріятеля ¹⁾. Характеръ Бутурлина выразился и въ томъ, что въ реляціи 19 іюня 1761 г., т. е. по полученіи указаннаго выше письма Аша, онъ доносилъ, между прочимъ: «для такого же только любопытства прилагаю присланныя мнѣ графомъ Тотлебеномъ двѣ піесы, касающіяся до союза короля прусскаго съ Портою, которое онъ, Тотлебенъ, будто за деньги, чрезъ своего конфидента, изъ рукъ писаря королевской секретной канцеляріи получилъ ²⁾».

Г. К. Рѣпинскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Архивъ кн. Воронцова, VII, 381, 386.

²⁾ Моск. арх. м. ю., реляціи Бутурлина.

ЗАПИСКИ КНЯЗЯ ЮРІЯ ВЛАДИМІРОВИЧА ДОЛГОРУКОВА

1740—1830.

Составитель этихъ записокъ князь Юрій Владиміровичъ Долгоруковъ—сынъ генераль-поручика кн. Владиміра Петровича, бывшаго въ царствованіе Елисаветы Петровны рижскимъ и ревельскимъ губернаторомъ, род. 2-го ноября 1740 г. Двѣнадцаті лѣтъ произведенъ въ прапорщики, въ 1756 г. былъ уже капитаномъ въ рядахъ арміи въ семилѣтней войнѣ Россіи съ Пруссіей; въ 1767 году переведенъ маіоромъ въ л.-гвардіи Преображенскій полкъ; въ 1769 г. исполнилъ порученіе отправиться къ южнымъ славянамъ. Во время войны Россіи съ Турціей былъ въ Черногоріи, гдѣ арестовалъ самозванца Степана Малаго, назвавшагося было Петромъ III, но потомъ поставилъ его начальникомъ Черной горы;—участвовалъ въ Чесменскомъ бою (1770 г.) и въ русско-турецкихъ войнахъ 1773—1774 гг. и затѣмъ 1787—1791 гг. Скончался князь Юрій Владиміровичъ 8-го ноября 1830 г., въ чинѣ генераль-аншефа, въ Москвѣ, на 91 году отъ рожденія.

Биографія его разсказана Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ въ его «Словарѣ достопамятныхъ людей», изд. 1836 г., т. II, стр. 305—327. Записки князя Ю. В. были печатаемы въ прежнее время въ извлеченіяхъ, между прочимъ, въ поманутомъ «Словарѣ»; нынѣ падаемъ мы ихъ цѣликомъ, по подлинной рукописи автора, доставленной въ редакцію «Русской Старины», 9-го іюля 1878 г., изъ Москвы г. Васиіемъ Безсоновымъ. Рукопись писана на 22 полулистахъ толстой сѣрой бумаги, весьма связнымъ почеркомъ, съ особенностями правописанія XVIII вѣка и со многими поправками автора. Мы печатаемъ эти, вполне драгоцѣнные для исторіи Екатерины II, записки одного изъ достойнѣйшихъ ея сподвижниковъ, дословно, раздѣливъ лишь тексть на главы.

Ред.

I.

Любезная моя дочь и сердечный другъ княжна Варвара Юрьевна!

Всегда за правило поставлялъ никогда о себѣ не говорить. Изъ послѣдствія увидишь причину, что я въ первой и послѣдній повѣствую тебѣ, яко столь близкой къ моему сердцу, можетъ возьмешь участіе.

Насъ было четыре сестры и два брата. О сестрахъ ничего не говорю, ибо онѣ повышли замужъ, изъ коихъ ты трехъ лично знала, а бѣлая скоро по замужствѣ скончалась.

Братъ мой родился въ 738 году января 28-го, я — въ 740 ноября 2. Прежи нежели что нибудь могъ понимать, братъ мой оказывалъ ко мнѣ привязанную дружбу; кой часъ я что либо сталъ понимать, тѣмъ же образомъ ему соотвѣтствовалъ. Сія дружба до послѣдняго часа его жизни не премѣнялась, такъ что къ удивленію всеобщему служила. Къ сему можно добавить, что жены наши не только сіе разрушали, но ежели бы была возможность, еще бы и болѣе усовершили.

Что касается до воспитанія нашего, признаться долженъ, что всѣ науки, намъ преподаваемыя, были единственно начальныя, но усовершенствованы быть не могли по разнымъ причинамъ частыхъ перемѣнъ учителей и что рано были отъ оныхъ отлучены и такъ сами себѣ устроили правила.

Въ 749 году въ августѣ мѣсяцѣ насъ обоихъ записали въ унтеръ-офицеры и желанія родителя нашего были, чтобы мы въ сей части достигали добраго достоинства, слѣдственно, начавъ оное въ самомъ младенчествѣ, могли судить о ней въ худѣ и добрѣ. Въ 752 году произвели насъ, по атестату инженерной науки, въ прапорщики, опредѣливъ въ рижской инженерной чертежной. Въ 754 году досталось намъ въ подпоручики.

Вскорѣ послѣ сего дядя нашъ родной, князь Сергій Петровичъ Долгоруковъ, посланъ былъ въ Царьградъ ¹⁾ и, по волѣ нашего родителя, взялъ съ собою моего брата дворяниномъ по-сольства.

¹⁾ Въ подлинной рукописи зачеркнуто: «посломъ...»

Въ 756 году родитель мой изъ губернаторовъ назначенъ генераль-поручикомъ въ арміи. Я былъ опредѣленъ къ нему въ адъютанты капитанскаго чина. Между тѣмъ война съ Пруссіей начиналась, а родитель мой оставался при прежней должности. По волѣ его и моему желанію, я былъ отправленъ въ 757 году въ армію.

Въ 757 году въ первомъ сраженіи я былъ раненъ въ голову; въ 758 году блаженной памяти императрица Елисавета Петровна приказала, чтобы всѣхъ бывшихъ въ дѣйствительномъ сраженіи произвестъ въ слѣдующее чины, почему я произведенъ въ майоры въ семь году. Послѣ Цорндорфской баталіи, полкъ Кіевскій, коимъ я командовалъ, былъ отряженъ подъ начальствомъ полковника Яковлева, для осады Кольберга, гдѣ уже прежде находился генераль-майоръ Паленбахъ. Наши два полка были по другую сторону прежде пришедшаго корпуса; наступленіе наше было слабо, напротивъ того, защита—тверда.

По дошедшимъ слухамъ, яко-бы идетъ къ крѣпости сикурсъ, мы съ обѣихъ сторонъ отступили; но едва соединились, получили извѣстіе, что тревога фальшивая. По симъ извѣстіямъ и по совѣту нашихъ генераловъ, посланъ былъ бригадиръ со стороны Паленбаха, а со стороны Яковлева я—съ двумя ротами. По приходѣ къ форштату я получилъ повелѣніе занять наши укрѣпленія, а господинъ бригадиръ намѣренъ былъ послѣ вступить. Итакъ я, вшедъ, занялъ всѣ посты и послалъ рапортъ, что работы наши разрыты.

На разсвѣтѣ весь гарнизонъ сдѣлалъ вылазку; во время битвы я получилъ приказъ, чтобы я дѣлалъ, что заблагоразсужу, а помощи никакой не ожидалъ, по причинѣ, что по дорогѣ, ко мнѣ ведущей, ядра достаютъ. Я хотя былъ раненъ, но счастливо вылазку отбилъ и послѣднихъ ретирующихъ захватилъ въ плѣнъ. Послѣ сего я получаю повелѣніе выдти изъ форштата, ибо повелѣніе пришло ¹⁾ отъ главнаго начальства войскамъ идти по квартирамъ.

За сіе съ непріателемъ дѣло я былъ произведенъ въ премьерь-майоры и съ полкомъ вступилъ на зимовья квартиры въ городъ Маріенбургъ, подъ начальство генерала-поручика Леонтьева.

¹⁾ Въ подлинной рукописи зачеркнуто: «изъ главной квартиры».

Въ сіе время въ Кіевскій полкъ пріѣхали полковникъ и подполковникъ, то господинъ Леонтьевъ разсудилъ, что мнѣ въ полку дѣлать нечего, предложилъ, дабы я шелъ къ нему въ дежурь-маіору, на что я согласился.

Потомъ увѣдомясь, что братъ мой возвратился въ Россію, жадничась его видѣть, отпросился въ Ригу, гдѣ мой родитель былъ губернаторомъ. Въ Ригѣ свѣдалъ, что начальство надъ арміей поручено графу Салтыкову, а братъ мой съ нимъ ѣдетъ въ армію, гдѣ они и пріѣхали, а меня родитель отправилъ съ герцогомъ курляндскимъ въ Петербургъ, гдѣ я былъ отъ всѣхъ большихъ баръ принятъ отъменно ласково и привѣтливо, даже что канцлеръ въ одно утро прислалъ меня звать обѣдать, объявля, что императрица приватно у него будетъ кушать, гдѣ я удостоился быть представленъ ея величеству и удостоился очень милостивой и лестной для меня разговоръ ея принять.

Потомъ отправленъ былъ курьеромъ въ армію. Графъ Салтыковъ приказалъ мнѣ быть при немъ дежурь-маіоромъ, гдѣ совершенно былъ счастливъ вмѣстѣ служить съ братомъ своимъ. По окончаніи весьма счастливой кампаніи 759 года, графъ Салтыковъ сдѣланъ былъ фельдмаршаломъ, я былъ произведенъ въ подполковники, и вся молодежь, при немъ бывшая, съ нимъ поѣхала въ Петербургъ.

Въ 760 году по возвращеніи въ армію я видѣлъ, что Невскій полкъ, въ который я былъ помѣщенъ, назначенъ въ корпусъ графа Чернышева, который тогда прибылъ въ армію, бывъ три года при цесарской арміи повѣреннымъ въ дѣлахъ отъ нашего Двора. Я зналъ, что сей разумный (генералъ) пріобрѣлъ много военныхъ свѣдѣній, просилъ у фельдмаршала позволенія быть при полку, тѣмъ паче, что братъ былъ назначенъ въ корпусъ графа Румянцева оберъ-квартирмейстеромъ.

Счастливое предпріятіе быть подъ начальствомъ графа Чернышева, который, дѣлавши три кампаніи при цесарской арміи, единственъ былъ въ званіи какъ войска водить. Признаюсь, что сія наука меня много выучила впоследствии, по большому моему желанію имѣть по настоящей службѣ способнымъ по детальнымъ знаніямъ и по хорошей памяти. По симъ способностямъ я пріобрѣлъ совершенную довѣренность отъ сего рѣдкаго начальника.

Сія кампанія окончилась безъ генеральной баталіи, а только примѣчательнаго, что нашъ корпусъ былъ въ Берлинѣ, а потомъ нашъ корпусъ остановился въ Помераніи и тѣмъ прикрывалъ всю армію. Я въ сіе время былъ такъ счастливъ, что мнѣ данъ былъ корпусъ гренадеровъ, скомандированными отъ каждаго полка по одной ротѣ, коимъ я прикрывалъ корпусную квартиру и подкрѣплялъ передовыя легкія войска.

761 года нашъ корпусъ впереди арміи въ безпрестанномъ былъ движеніи, гдѣ часто мнѣ случалось быть въ дракѣ съ непріателемъ; но важныхъ дѣлъ не случилось. Предъ окончаніемъ кампаніи король прусской съ восьмьюдесятью тысячами укрѣпился лѣвымъ крыломъ къ Швейдницу, а правымъ къ Штригау ¹⁾; противъ—была вся російская армія и весьма знатный корпусъ цесарцевъ, подъ командою генерала Лаудона. Въ совѣтѣ положено было всему Лаудонову ²⁾ войску атаковать непріятельскій лѣвый флангъ, а корпусу графа Чернышева—правый флангъ; мой корпусъ былъ раздѣленъ: половиною—къ цесарцамъ, къ полковнику Дальтону въ команду, а половина его, Лаудонова, полку поступала ко мнѣ въ команду и мы должны были дѣлать главы атакъ—Дальтонъ съ цесарской стороны, а я—съ Чернышевой стороны. Мы въ совершенной радости совсѣмъ приготовились, считая, по удачѣ сей экспедиціи (что) война должна кончиться, ибо тутъ прусскій король собралъ послѣднія свои силы.

Въ день, назначенный къ атакѣ, я, будучи предъ лагеремъ, нетерпѣливо ожидалъ возвращенія Лаудона и нашего генералъ-квартирмейстера барона Елбта, кои ѣздили послѣднее открытіе дѣлать. Увидя послѣдняго изъ сихъ ³⁾, сказалъ ему, что „мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ и скоро ли начнемъ?“ На сіе онъ мнѣ отвѣчалъ: *mon cher prince George, Moscou est ataqué*, изъяснивъ, что король прусскій никогда такъ сильно не укрѣпился и что сію отчаянную атаку только можно дѣлать, если бы резиденція была въ опасности. Съ симъ наша надежда исчезла.

Вскорѣ послѣ сдѣланъ совѣтъ и опредѣлено генералу Лаудону остаться въ своей позиціи и графу Чернышеву подъ его

¹⁾ Въ подл. рук. зачеркн.: «нбо».

²⁾ По зачеркнутому: «цесарскому».

³⁾ Зачеркнуто: «спросилъ».

начальствомъ, а прочей всей россійской арміи идти на квартиру на Вислу.

Король прусскій, чтобы освободить Швейдницъ, отошелъ одинъ маршъ,—пропустивъ слухъ, что идетъ въ Богемію; Лаудонъ будто сему повѣрилъ, отдалъ приказъ, что по вѣрнымъ свѣдѣніямъ король прусскій идетъ въ Богемію, куда и мы должны немедленно идти. Король прусской имѣлъ всегда вездѣ вѣрныхъ шпионовъ, тотчасъ былъ увѣдомленъ, отошелъ еще одинъ маршъ. Въ ту-же ночь Лаудонъ послалъ цесарскія колонны и мой корпусъ русскихъ гренадеръ штурмовать Швейдницъ и на разсвѣтъ сія крѣпость была наша. Дабы пруссаки не вздумали то же сдѣлать, что мы, цесарцы не могли долѣе стоять въ лагерѣ, пошли по квартирамъ, а графъ Чернышевъ, по просьбѣ Лаудона, оставался въ лагерѣ до позднѣйшей осени, гдѣ уже и снѣгъ выпадалъ, и когда удостовѣрились, что король прусскій ничего предпринять не можетъ, вступили мы въ квартиры въ графство Глацкое и я съ корпусомъ гренадеръ прикрывалъ корпусъ, расположенной по квартирамъ.

Въ концѣ сего 761 года блаженной и вѣчной памяти императрица Елисавета Петровна скончалась.

II.

Вступившій на престолъ наслѣдной императоръ Петръ Третій прислалъ (черезъ) курьера графу Чернышеву повелѣніе, дабы онъ, оставивъ цесарцевъ, соединился съ нашей арміей на Вислѣ, куда мы и пришли—главная корпусная квартира въ Торунь, откуда графъ Чернышевъ поѣхалъ въ Петербургъ. Въ то время учреждались шефы и графъ Чернышевъ сдѣланъ шефомъ с.-петербургскаго полка и другаго Кроатскаго полка, долженствующаго быть формировану изъ кроатъ, въ Пруссіи въ плѣну находящихся.

Въ 762 году графъ Чернышевъ возвратился къ корпусу съ повелѣніемъ отъ императора Петра III слѣдовать въ соединеніе къ прусскому королю.

Дѣлая новое распоряженіе въ корпусъ, поручилъ мнѣ въ

команду три батальона гренадеръ, пока сформируется его кротскій полкъ, въ который меня представилъ въ полковники, и отправилъ меня къ прусскому королю съ репортомъ и донесеніемъ о числѣ войскъ, подъ его командой состоящихъ.

Тутъ долженъ сказать, что пріемъ мнѣ былъ отъ короля чрезмѣрно милостивой; все со мной разговаривая за обѣдомъ, между прочимъ, сказалъ, что онъ въ дружбѣ императора увѣренъ и будетъ стараться, дабы по отличной моей службѣ и за такое чрезмѣрно пріятное увѣдомленіе, кое я ему привезъ, безъ милости не оставилъ, сказавъ всѣмъ за столомъ сидящимъ выпить мое здоровье за такое пріятное извѣстіе, ваковыхъ онъ много лѣтъ не получалъ. Потомъ отправленъ я былъ обратно, гдѣ на дорогѣ въ Познани встрѣтилъ графа Чернышева, коему вручилъ королевскія депеши.

Вскорѣ потомъ мы пришли къ королю, и онъ нашъ корпусъ смотрѣлъ и былъ обѣдъ для російскихъ генераловъ и полковниковъ и король приказалъ и мнѣ быть, сказавъ графу Чернышеву, что онъ чаще желаетъ меня видѣть за своимъ столомъ.

И съ этихъ поръ мы всегда были въ движеніи и цесарцевъ вытѣснявали, но король, чтобы пріобрѣсть довѣренность, почти всякій день вводилъ насъ съ неприятелемъ въ дѣла, кои мы могли хорошо видѣть, но дрались передъ нами прусаки.

Наконецъ, мы такъ сошлись съ цесарцами, что нашъ корпусъ противъ цесарцевъ, они по горамъ, а мы на равнинѣ, выстрѣла на два или на три пушечныхъ выстрѣловъ ¹⁾ и сдѣлана диспозиція королемъ: цесарцевъ съ разныхъ сторонъ атаковать. Наканунѣ сей атаки получилъ графъ Чернышевъ курьера, что императрица Екатерина взошла на престолъ и что со всѣми миръ; корпусъ нашъ долженъ идти на Вислу въ Торунь. Сей курьеръ пріѣхалъ ночью и графъ Чернышевъ, на разсвѣтѣ, о семъ объявилъ королю. Сія вѣсть его тронула, но онъ нашелся и просилъ графа, чтобы на тотъ день мы остались, дабы не сдѣлать какой перемѣны въ надежной удачѣ отъ атаки. Мы были свидѣтелями какъ прусаки изъ горъ выгоняли цесарцевъ, по причинѣ, что ихъ лучшія войска противъ насъ

1) Зачеркнуто: «и накану... и прика...»

стояли, не понимая, что сіе значить, что наши войска все передъ палатками и не трогаются; но когда прочія были выгнаты, то и наши сосѣди отретировались и мы въ ночь выступили, хотя не дѣйствуя, но много способствуя прусской удачѣ. Во время бытности нашей съ прусаками, я произведенъ въ кроатскіе полковники и король мнѣ сказалъ, что во время кампаніи онъ меня не отпуститъ, а послѣ кампаніи всѣхъ плѣнныхъ кроатъ прикажетъ мнѣ представить, и увѣренъ, что не только одинъ, но и два полка могу набрать.

Тотчасъ по отступленіи къ Торунѣ графъ Чернышевъ поѣхалъ въ Петербургъ, а я изъ Торунѣ отпросился ѣхать къ фельдмаршалу графу Салтыкову, коему я представился въ Гданскѣ, гдѣ первое его слово: „ты безъ полка, ваканція въ первомъ и третьемъ гренадерскомъ полкахъ“, чтобы я выбиралъ. На мой отвѣтъ, что сія милость для меня велика и я не выборъ, а со всѣмъ въ его милость себя поручаю, — онъ сказалъ, что меня опредѣлитъ въ первый гренадерскій полкъ, за что я изъяснилъ мою благодарность.

Скоро потомъ и графъ Чернышевъ пріѣхалъ въ Гданскъ. При первомъ свиданіи фельдмаршалъ ему сказалъ, что меня онъ опредѣляетъ въ первый гренадерскій полкъ. Графъ Чернышевъ ни подъ какимъ видомъ на сіе не согласился, говоря мнѣ весьма милостиво, чтобы я изъ его начальства не выходилъ, на что я отвѣчалъ, что за первое счастье всегда почиталъ быть въ его командѣ, но у него въ корпусѣ ваканція нѣтъ. На оное онъ сказалъ, что для меня оную сдѣлаетъ. Потомъ онъ взялъ меня съ собой, поѣхали въ Торунь; дорогой онъ мнѣ говорилъ, что дастъ мнѣ петербургскій полкъ.

Отвѣтъ мой былъ, что ни для чего не согласился бы, чтобы для меня вытѣснить полковника князя Прозоровскаго, съ коимъ мы связаны были не только нѣкоторымъ свойствомъ, но даже съ издѣтства дружбою.

Графъ сказалъ: «Прозоровскій любитъ гренадеръ, а ему отдамъ твои три батальона, оныя должны быть сформированы четвертымъ гренадерскимъ полкомъ».

По пріѣздѣ нашемъ въ Торунь всѣ генералы и штабъ-офицеры графа встрѣтили и только что мы вышли изъ коляски, графъ обратился къ Прозоровскому: хочетъ ли онъ имѣть гре-

надерскій полкъ? Прозоровскій не зналъ что отвѣчать, отошелъ, спрашиваетъ меня, что это значить? Я чистосердечно ему сказалъ:

— Ты знаешь его страсть къ Петербургскому полку и поэтому онъ желаетъ, чтобы я былъ въ семь полку.

Прозоровскій, видя, что ему рѣшиться должно, вошелъ къ графу и сказалъ, что онъ согласенъ. Въ тотъ же день отданъ приказъ меня причислить въ Петербургскій полкъ, а Прозоровскому принять мои батальоны и формировать гренадерскій полкъ.

Миръ уже былъ совершенъ и намъ велѣно идти въ Россію и нашъ корпусъ составлялъ Смоленскую дивизію, и вся армія пошла по назначенію дивизіевъ.

III.

Въ семь 762 году мы вступили въ квартиры и наша дивизія расположилась: въ Смоленскѣ бригадный командиръ Алексѣй Михайловичъ Масловъ, а въ уѣздѣ полковникъ кн. Прозоровской съ четвертымъ гренадерскимъ полкомъ, Гротенгельмъ съ Бутырскимъ, Баннеръ съ Выборгскимъ въ Дорогобужѣ, князь Алексѣй Борисовичъ Голицынъ съ Апшеронскимъ полкомъ въ Вязьмѣ и уѣздѣ, князь Владиміръ Борисовичъ Голицынъ съ Пермскимъ полкомъ и бригадный командиръ князь Петръ Сергѣевичъ Долгорукой, полковникъ Давыдовъ съ Рижскимъ карабинернымъ полкомъ въ Рославлѣ, полковникъ Полонскій съ Рязанскимъ карабинернымъ въ Бѣлой, Текелли съ Сербскимъ гусарскимъ въ Порѣчьѣ.

Фельдмаршалъ графъ Чернышевъ сдѣланъ президентомъ военной коллегіи; подъ его начальствомъ наша дивизія управлялась генераль-поручикомъ Нумерсомъ.

Въ 763 году, весной, вся дивизія собралась при Смоленскомъ лагерѣ.

Въ семь лагерѣ мы получили повелѣніе быть готовымъ къ походу по причинѣ смерти короля польскаго Августа.

Вскорѣ пришло повелѣніе командировать С.-Петербургской и Апшеронской полки пѣхотные, Рязанской карабинерной и

Сербской гусарской, всё под командою князя Петра Сергѣевича Долгорукова, въ Варшаву, для выбора короля Понятовскаго; изъ прочихъ дивизій тоже войска слѣдовали. Въ Польшѣ ужъ началась конфедерація и по дорогѣ нашей къ Варшавѣ мы забавлялись битіемъ, гнаніемъ и плѣненіемъ польскихъ войскъ. Время нашего пребыванія при Варшавѣ кончилось съ коронаваніемъ короля и все кончилось. Часть нашихъ войскъ расположилась: Апшеронской полкъ въ Грауденцѣ и уѣздѣ, Петербургской полкъ при генеральской квартирѣ въ Маріенбургѣ и уѣздѣ. Тутъ присоединился въ мою команду одинъ батальонъ перваго гренадерскаго полку. Рязанской карабинерной расположенъ былъ въ Диршавѣ (sic) и около.

Въ сихъ весьма пріятныхъ квартирахъ мы простояли одиннадцать мѣсяцевъ и получа повелѣніе, Смоленской дивизіи полки послѣдовали въ Россію и я съ полкомъ вступилъ на свои непремѣнныя квартиры въ Вязьму.

1) Графъ Чернышевъ, желая показать мой полкъ императрицѣ, расхвалилъ оной, а какъ императрица въ семь году намѣрена была ѣхать водою въ Казань, изволила сказать:

— Прикази с.-петербургскому полку идти въ Казань, я тамъ его увижу.

Неожиданно въ 767 году, въ началѣ, я получилъ повелѣніе моему полку идти въ Казань. Я выступилъ. Пришедъ къ Москвѣ, я расположилъ полкъ въ моей подмосковной, куда графъ Захаръ Григорьевичъ (Чернышевъ) пріѣхалъ смотрѣть, и полкъ по глупокому снѣгу дѣлалъ разныя движенія; графъ былъ очень доволенъ; пріѣхавъ въ городъ, еще болѣе мнѣ чести сдѣлалъ у императрицы и она изволила приказать, чтобы я полкъ отправилъ въ Казань, а самъ былъ готовъ имѣть счастье въ ея свитѣ ѣхать водою.

Въ 767 году, весной, императрица изволила поѣхать въ Тверь, гдѣ мы всё анбаркировались на приготовленныя четыре галеры и множество прочихъ судовъ. и весьма пріятной вояжъ дѣлали. Въ Нижнемъ Новѣгородѣ я испросилъ, чтобы мнѣ дозволено ѣхать къ полку и, по дозволеніи, я нанялъ лодку и прибылъ въ Казань.

1) Зачеркнуто въ подлинникѣ: «Въ началѣ 766 году...»

Ея величество удостоила смотрѣть мой полкъ съ большимъ одобреніемъ, потомъ изволила приказать моему полку возвращаться въ свои квартиры, а мнѣ слѣдовать при свитѣ водою до Симбирскаго (sic). Сіе продолженіе водоплаванія произошло для того, чтобы продолжить чрезвычайное удовольствіе, кое не только она сама, но вся свита ощущала.

Изъ Симбирскаго всѣ поѣхали сухимъ путемъ къ Москвѣ.

Въ сіе лѣто скончался добродѣтельной фельдмаршалъ графъ Бутурлинъ; онъ же былъ и подполковникъ гвардейскаго Преображенскаго полка. Воля императрицы сей полкъ отдать (въ) начальство графу Алексѣю Григорьевичу Орлову, сдѣлать его подполковникомъ, а меня майоромъ. Я отговаривался тѣмъ, что я съ Петербургскимъ полкомъ, пока возможно, разстаться не намѣренъ, но графъ Орловъ рѣшительно отозвался, что Преображенскаго полку не приметъ, если я не буду майоромъ; тутъ началось во мнѣ настоящее требованіе; я видѣлъ, что мнѣ отдѣлаться нельзя, а притомъ, видѣвши милостивое императорское на меня вниманіе, съ горемъ рѣшился и въ мое утѣшеніе позволено мнѣ взять 150 рядовыхъ изъ моего полку и 150 выбрать изъ всей арміи въ Преображенской полкъ.

Такимъ образомъ принужденъ былъ, совершенно противъ моего желанія и склонности, переселиться въ резиденцію, гдѣ старался сей ослабѣвшій полкъ привести въ образованіе.

Въ исходѣ 768 года императрица, для примѣру всей націи, вызваннымъ изъ Англіи докторомъ Вилиемъ, привила себѣ воспу и нѣсколько времени была въ опасности жизни.

Въ сіе время получено извѣстіе, что Порта Оттоманская объявила войну и нашъ министръ господинъ и его секретарь г. Булгаковъ посажены въ тюрьму.

Въ 769 году во всей (арміи?) сдѣлалось движеніе. Сіе побудило меня просить быть опредѣлену къ дѣйствующей арміи. Въ отвѣтъ ея величество приказала мнѣ сказать, что мое пребываніе при ней нужно.

Въ сіе время графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, находясь для леченія болѣзни въ Италіи и въ Венеціи, разговаривая (съ) славянами, венеціанскими подданными, съ нами единовѣрными, увѣрился, что они недовольны своимъ правленіемъ, также и ихъ сосѣди черногорцы, турецкіе подданные, даже греки

въ Архипелагѣ преданы двору россійскому; посему графъ Орловъ писалъ ко двору, дабы наши народы (sic) и обстоятельства дѣлать свое вниманіе, и онъ представляетъ свои услуги если присланъ будетъ флотъ и войско, но что онъ начальства не приметъ, если меня въ нему на помощь не пришлютъ. Сіе мнѣ предложено, хотя мое желаніе было быть употреблено въ известному въ военномъ званіи славному начальнику графу Румянцову; но сего способа не имѣя, единственно чтобы быть въ войнѣ, согласился ¹⁾.

Въ разсужденіи критическихъ обстоятельствъ католическихъ державы, а наипаче въ Италіи, отправили меня подъ названіемъ купца Барышникова и, вмѣстѣ со мною, такимъ же образомъ, артиллеріи подполковника Лецкова, Николая Ивановича Маслова и Федора Васильевича Обухова.

Передъ отъѣздомъ имѣлъ я счастье откланитца ея величеству въ ея кабинетѣ и чрезвычайно милостиво отпущенъ.

Такимъ образомъ, подъ именемъ россійскихъ купцовъ, отправились мы въ Италію. Добъхавъ въ Пизу, тутъ я вручилъ бумаги графу Орлову и притомъ записку, что весьма скоро къ нему придутъ девять линейныхъ кораблей, нѣсколько фрегатовъ и пять тысячъ человекъ десантнаго войска. Мы ожидали скорого прибытія сего флота, но, съ одной стороны, неопытность нашихъ морскихъ начальниковъ, а съ другой—нежеланіе воевать, была причина ихъ медленности. Флотъ нашъ зашелъ въ Аглинской портъ, гдѣ простоялъ семь мѣсяцевъ, яко-бы за починкою кораблей, а самая причина, что адмиралъ все твердилъ: „авось помирятся“; по сей причинѣ мы въ недѣйствіи весьма скушно проводили (время).

Съ нами былъ братъ графа Орлова, которой по фавору брата весьма молодъ попалъ въ большіе господа. Будучи эгоистомъ и чрезвычайно самолюбивъ, начитался греческой и римской исторіи, хотѣлъ равняться съ великими людьми, но, по несчастію, не имѣлъ на то способности, и его сластолюбивое житіе препятствовало лично отличиться; по моему простосердечію (мы) не могли никогда одинаково думать.

¹⁾ Далѣе въ подлинной рукописи зачеркнуто: «Весьма нужно сказать о причинѣ сей войны и ея послѣдствіяхъ...»

Въ одно утро графъ Алексѣй Григорьевичъ (Орловъ) мнѣ говоритъ, будто братъ его къ нему приступаетъ и требуетъ ѣхать въ Черную гору, но вотъ его слова:

— Ты знаешь, что братъ мой не имѣетъ способности, а притомъ всѣми ненавидимъ, то во избѣжаніе дурныхъ слѣдствіевъ возьми сію экспедицію на себя.

Я хотя видѣлъ куда сіе ведетъ и что меньшей братъ большаго обманываетъ, считая гнуснымъ отчего либо отказываться, согласился и въ нѣсколько дней собрался.

Мнѣ должно было спѣшить въ Сенигалію на ярманку, куда всѣ корабли свободно приходятъ и отходятъ. У насъ было двадцать шесть славянъ, живущихъ по разнымъ мѣстамъ въ Италиі, коимъ я приказалъ идти въ Сенигалію, явиться къ Драшковичу, съ коимъ я былъ въ перепискѣ, къ греку, съ коимъ я также былъ въ перепискѣ, и приказалъ для меня заготовить два судна для моего переѣзда, а самъ поѣхалъ въ Венецію для полученія отъ графа Морудія денегъ. Со мной поѣхали артиллеріи полковникъ Лецкой, полковникъ Герсдорфъ, маіоръ Розенберхъ, секретарь Миловской, бывший въ нашей службѣ черногорецъ капитанъ Пламеницъ, да весьма для меня нужной человекъ венеціанской подданный графъ Войновичъ, уроженецъ Кастельнова, — на самой границѣ черногорской, человекъ очень вѣрной, проворной ¹⁾ и свою родину и языкъ знающій, такъ какъ и итальянской. Еще два унтеръ-офицера гвардіи: Акиншинъ и Сироматниковъ; оныхъ я съ собой привезъ изъ Петербурга; еще мой камердинеръ да слуга Лукезица, весьма проворенъ, но большой плутъ.

Вотъ вся моя армія, съ которой я отправился въ Сенегальскую ярманку. Остановясь въ Анконѣ, дождался свѣдѣнія, что греческое судно готово, кое возвращалось въ Аѳины, и славянская требакула, посему я пріѣхалъ въ Сенегалію и вскорѣ амбаркировался. Грекъ-капитанъ въ жестокомъ страхѣ, но принужденъ меня вести въ пустой портъ между границею турецкой и венеціанской; тутъ мы вышли на берегъ, гдѣ меня дождался, по предварительному отъ меня увѣдомленію, славянинъ венеціанской подданный Марко, изъ деревни Маина. Онъ насъ повелъ въ гору.

¹⁾ Зачеркнуто: «старо».

Въ жизнь мою не имѣлъ я болѣе трудности; мы весли на себѣ деньги, медали, порохъ, свинецъ и прочее; будучи такъ нагружены, по каменнымъ горамъ, ухвачиваясь за терновые кусты, гдѣ мы ободрали руки и даже подошвы всѣ изорвались. Въ девять часовъ мы дошли до земли Черногорской и сдѣлалось жарко, я не могъ далѣ слѣдовать, сѣлъ отдыхать въ такомъ положеніи, думая, чтобъ со мной ни случилось, не могу больше идти. По прошествіи короткаго времени привели мнѣ осла, на коемъ я продолжалъ путь до селенія черногорскаго, называемаго Черница.

Отсея послалъ повѣстить, чтобы черногорцы собирались въ Цетингъ; сіе главное мѣсто, тутъ живетъ архіерей и губернаторъ.

Въ назначенное время я прибылъ въ Цетинской монастырь; въ сію ночь и на другой день черногорцы собрались; тутъ имъ прочли на ихъ языкѣ манифестъ и приведены къ присягѣ российской императрицѣ; потомъ ихъ кормилъ и въ тотъ (день) распустилъ по домамъ, объявивъ, что впредь будутъ получать мои повелѣнія и, по увѣренію графа Орлова, ожидалъ прибытія флота, коего нѣсколько мѣсяцевъ напрасно ожидалъ.

Въ сіе время венеціаны, дабы оправдаться передъ турками, дѣлали разныя неистовства; одинъ разъ прислали русскихъ въ кушаньѣ отравить, что, по счастію, открылось и посланный, подъ видомъ дезертира, признался и порошокъ далъ итальянцу, который намъ стряпалъ. Сей честный плутъ сіе развѣдалъ. Въ другой разъ подкупили черногорцевъ, дабы имѣющій подъ нами порохъ зажечь, и сіе удалось намъ открыть. Наконецъ, турки публиковали, если живаго или мертваго къ нимъ доставать, они платятъ пять тысячъ червонныхъ. Сей убѣдительною причины мои черногорцы равнодушно перенести не могли, и я могъ примѣтить, что они искали способа до меня добраться: первое приступили ко мнѣ, что они обижаются, что при мнѣ славяны, и требовали, чтобы я ихъ (черногорцевъ) взялъ для охраненія моей особы, и разныя непріязненные слухи до меня доходили къ моему свѣдѣнію; впрочемъ, что можно было, то моя экспедиція произвела: наши окрестные Черной горы въ армію не пошли даже; босняки отговаривались, что непріятель при ихъ границахъ, и вѣрныхъ людей я только имѣлъ 26 человекъ, а на черногорцевъ безъ нашего войска я полагаться не могъ, а при-

томъ немного оставалось до зимы, гдѣ бы всѣ горы, какъ я выше говорилъ, занесло таеъ снѣгомъ, что изъ одного двора въ другой, ни подѣ какимъ видомъ, прохода не бываетъ.

Сколь (ни) невозможнымъ казалось изъ сего разбойничьяго гнѣзда вырваться, но Богъ помогъ. Я поручилъ графу Войновичу переодѣться въ славянскую одежду, идти въ турецкій городъ Антивари и стараться нанять или купить какое-нибудь судно. Сіе счастливо удалось, онъ возвратился съ тѣмъ, что пустая лодка черезъ два дня, въ ночь, изъ города выйдетъ и въ пустомъ (мѣстѣ) ту ночь простоятъ до утра. Первый мой предметъ былъ всѣхъ черногорцевъ удалить, потомъ изъ подѣ караула призвалъ Степана Малова, далъ ему патентъ російскаго офцера, нарядивъ его въ мундиръ русскаго офцера, отдалъ ему привезенный мною порохъ, сукно и прочее, оставивъ письменное повелѣніе, что до моего возвращенія поручилъ управление Черной горы Степану Малову. Онъ меня проводилъ до берега моря; кой часъ за вечерѣло, мы пошли по горамъ, по пропастямъ, по камнямъ, по тернамъ, я бы вѣрно въ пропасть свалился, если бы привычный къ симъ мѣстамъ Степанъ Маловъ, таеъ сказать, на рукахъ не вынесъ, хотя мы все шли подѣ гору, прыгая съ камня на камень, держась за терны. Сей трудный походъ продолжался цѣлую (ночь). Чуть стало брезжить, мы подошли къ берегу моря и едва можно было примѣтить въ нѣкоторомъ разстояніи наше судно; разбудили на берегу спящаго матроса и зачали на малой лодкѣ переѣзжать.

При выходѣ изъ Черной горы, славянскій патріархъ за долго передѣ тѣмъ былъ долженъ для спасенія жизни укрыться съ нѣсколькими архимандритами въ Черную; просилъ меня взять его съ собою, что я и сдѣлалъ.

Радость наша была чрезмѣрна, когда мы вошли на судно, ибо если бы за чѣмъ нибудь оно не могло выйти, то стали бы мы окружены четырьмя неприятелями: черногорцами, венецианами, турками и Адриатическимъ моремъ.

Вошедъ въ судно, отъ жестокой усталости мы нѣсколько успокоились; (но) новая гибель предстала: первое, безнадежность нашего судна, которое долгое время не было конопачено, компаса не имѣли, но что всего хуже, ни куска хлѣба, ни капли воды, а о прочихъ припасахъ и говорить нечего; тутъ должно

было прибѣгнуть къ расторопности графа Войновича: онъ на лодкѣ поѣхалъ въ городокъ, венеціанамъ принадлежащій. По обыкновенію, его стали разспрашивать, онъ сказалъ, что онъ не смѣлъ войти съ своимъ судномъ по причинѣ, что у него люди больны и есть умершіе, что онъ идетъ изъ Македоніи съ табакомъ, а отъ большихъ штурмовъ все повидалъ въ море, и просить, чтобы ему позволено было закупить провизію. При семъ разговорѣ нѣсколько червонцевъ графа Войновича доставили полное удовольствіе. Начальникъ ему сказалъ: „хорошо, что онъ съ больными не вошелъ въ портъ и что много доходитъ извѣстій о погибели въ морѣ судовъ отъ штурмовъ“; впрочемъ, далъ ему свободу всѣмъ снабдиться. Графъ Войновичъ пріѣздомъ своимъ насъ очень обрадовалъ и мы весьма весело слушали его рассказы, а бывший съ нимъ славонецъ намъ сказалъ: «конте лаже, лаже—секретарь пише, пише», то есть: графъ вретъ, секретарь все пишетъ.

Напившись и наѣвшись, мы спокойно пустились къ итальянскимъ берегамъ, новая бѣда: сдѣлалась жестокая (буря) и лодочку нашу оторвало. Судно наше начало нести къ венеціанскимъ берегамъ, что для насъ было опасно; по счастью, у насъ случился матросъ, который былъ отъ роду нѣмъ, но сіе море очень зналъ. Знаками указалъ, что тутъ есть совершенно пустой берегъ, жила никакого нѣтъ и судно будетъ безопасно. Мы туда вошли, переждали бурю и потомъ достигли города Анконы. Сей городъ весьма испугался, увидя толь скверное судно набито(е) людьми; приняли насъ за разбойниковъ, но мы въ портѣ кинули якорь подлѣ дульциніотскаго корабля. Сіи морскіе разбойники испугались отъ нашего сосѣдства, отрубилъ якорь и пустились въ море.

Я въ Анконѣ черезъ пріятелей и чрезъ деньги успѣлъ, что насъ оставили, но заставили насъ держать сорокадневный карантинъ, посему мы всѣ переѣхали въ карантинный домъ.

По выходѣ изъ онаго, я поѣхалъ къ графу Алексѣю Григорьевичу и нашелъ его въ Пизѣ, а графъ Федоръ Григорьевичъ, подхвативъ флотъ, поѣхалъ въ Архипелагъ искать славы, оставя въ Ливорнѣ одинъ корабль и одинъ фрегатъ. На оныхъ мы съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ отправились въ Морею. По приходѣ, мы нашли, что первое появленіе флота російскаго

навело таковой страхъ, что турки сдали Наваринъ князю Петру Петровичу Долгорукову, который приступилъ съ двѣнадцатю русскихъ солдатъ и немалова числа грековъ.

Сіе возгордило самолюбіе, вздумали всю Грецію завоевать прежде нашего прибытія. Въ семь намѣренія собрали всѣхъ морскихъ и сухопутныхъ солдатъ и сдѣлали высадку къ Корону, но по безначалію, ибо самъ главный начальникъ ноги на берегъ не ставилъ, и болѣе двадцати дней ни мало и ничего не успѣли.

Въ семь положеніи мы нашли дѣла Морей. Графъ Алексѣй Григорьевичъ поручилъ мнѣ осмотрѣть осаду; я, возвратясь, объяснилъ, что крѣпость ничего не значущая, ежели мнѣ поручать, я отвѣтствую завладѣть оной въ нѣсколько дней.

Тутъ графъ Федоръ Григорьевичъ горячо заспорилъ и настаивалъ, чтобы осаду оставить, на что я сказалъ, что сіе всего легче, но снятіемъ осады окуражимъ весьма турокъ и мы съ такимъ малымъ числомъ къ нимъ зашли, единственно успѣховъ можемъ ожидать отъ удачъ, но рѣшительно графъ отозвался, что(бъ) войска забрать на корабли, что исполнили.

Но рѣшительнаго положенія мы никакого не имѣли; не знали, для чего пришли къ Модину, сдѣлали высадку, корабельныя свверныя чугунныя пушки на людяхъ подвезли и, казалось, довольно счастливо на третій день брешь сдѣлали, но, къ несчастью, большой корпусъ турокъ пришелъ на помощь крѣпости. Я послалъ къ нашимъ грекамъ, коихъ человекъ до семисотъ мною были поставлены съ правой стороны крѣпость блокировать, чтобы они перешли налѣво, дабы лѣвый мой флангъ прикрыть, но получилъ репортъ, что ни одного грека не осталось, они всѣ ушли.

Тутъ я увидѣлъ, что неизбѣжно должно уступить, послалъ небольшое число солдатъ позади занять между горъ ущелину; самъ съ достальными, перемѣняя фронтъ, ретировался, гдѣ, будучи раненъ въ руку, продолжалъ отступление, потомъ раненъ въ ногу, но, по счастью, уже всѣ достигли дефилеи, въ которой турки не осмѣлились преслѣдовать.

Послѣ сей экспедиціи мы всѣ амбаркировались, мы вышли въ море, гдѣ къ намъ пришелъ контръ-адмиралъ Елфинстонъ, съ тремя кораблями, а прежде насъ было шесть линейныхъ и нѣсколько фрегатовъ. Пришло къ намъ извѣстіе, что шестнадцать

турецкихъ военныхъ линейныхъ кораблей и множество разныхъ судовъ. Тотчасъ на нашъ корабль созванъ былъ совѣтъ, состоящій: два графа Орлова, адмиралъ, контръ-адмиралъ, капитанъ нашего корабля Грейгъ и я. Увидѣвъ, что начали колебаться, мы съ Грейгомъ рѣшительно 'сказали, что(бъ) намъ искать турецкій флотъ и атаковать. На сіе мнѣніе мы, хотя съ трудностію, вовлекли и графа Алексѣя Григорьевича.

По счастью, что мы имѣли капитана Грейга, столь искуснаго мореходца, какого желать можно. Онъ сдѣлалъ диспозицію такимъ образомъ: три корабля въ авангардѣ подъ начальствомъ адмирала, корабли: 1) Европа, 2) Евстафій, на коемъ былъ адмиралъ и графъ Федоръ Орловъ, 3) Януарій; коръ де-баталь: три корабля: 1) Три святителя, 2) Нашъ, Три іерарха, 3) Ростиславъ. Въ арьергардѣ контръ-адмиралъ Елфинстонъ: 1) Не тронь меня, 2) восьмидесяти-пушечный Всеволодъ, 3) Саратовъ. Въ предписаніи сказано, чтобы корабли между собой разстоянія имѣли не больше пол-кабельтова, шедши за однимъ отъ непріятеля на pistolетный выстрѣлъ, ложились въ линію и въ сей дистанціи, шедъ мимо непріятеля, производили пальбу.

Наканунѣ атаки Грейгъ ко мнѣ подошелъ и просить, чтобы я взялъ команду надъ кораблемъ Ростиславомъ, но онъ зачалъ меня очень убѣждать и я переѣхалъ на Ростиславъ. Генералъ Паленъ, подполковникъ Переть и многіе просились и со мною переѣхали. На другой день мы увидѣли турецкой флотъ въ каналѣ между острововъ при азіятскомъ берегѣ на якорѣ, но одинъ корабль капитанъ-паши въ той-же линіи, но отдаленъ кабельтовъ на шесть или нѣсколько больше.

По сигналу вступили мы въ атаку. Первый корабль Европа, пришедъ въ дистанцію, повернулъ вдоль турецкаго флота, производилъ пальбу; за онымъ корабль Евстафій—тоже, а потомъ Януарій. Европа, пришедъ противъ капитанъ-пашинскаго корабля, увидѣлъ предъ собою мель; опасаясь потерять корабль, повернулъ назадъ. Потомъ Евстафій думалъ то-же сдѣлать, но его паруса были весьма повреждены—начало корабль дрейфовать на капитанъ-пашинскій, и думали, что будетъ ручной бой. Адмиралъ и графъ Федоръ Григорьевичъ сѣли въ шлюпку и погребли на фрегаты, стоящіе въ отдаленіи отъ флота, забывъ на кораблѣ: адмиралъ своего сына, а графъ Орловъ своего друга князя Коз-

ловскаго. Нашъ корабль сѣнился съ турецкимъ; капитанъ Крузъ, увидя турецкій корабль пустой, послалъ на послѣдней, при немъ имѣющейся, шлюпкѣ адмиральскаго сына къ графу Алексѣю Григорьевичу съ поздравленіемъ, что онъ взялъ турецкій корабль, но когда наши взошли на корабль, увидѣли внизу дымъ и второпяхъ не старались гасить, а перебѣжали на свой корабль. Вскорѣ турецкой корабль былъ весь въ огнѣ и наши люди въ изумленіи ожидали своего жребія, какъ вдругъ турецкаго корабля мачта упала на нашъ корабль и искры упали въ крютъ-камеру, которая была открыта по причинѣ сраженія и мгновенно нашъ корабль подняло совсѣмъ на воздухъ и на обломки попали капитанъ Крузъ, штурманъ и человекъ четыре; прочіе всѣ погибли и князь Козловскій, а потомъ и турецкій корабль сгорѣлъ и тоже на воздухъ взлетѣлъ, а турки всѣ (съ него) перебрались на берегъ. Третій корабль изъ авангарда, Януарій, еще прежде поворотилъ изъ бою вонъ.

Дѣйствии коръ де баталіи. Первый корабль „Трехъ Святителей“ прошелъ сквозъ турецкую линію, а „Три іерарха“ и „Ростиславъ“ (съ) своей стороны повернулись противъ турецкаго флота и чрезвычайную, въ ближнемъ разстояніи, произвели пальбу, которая не очень долго продолжалась и турки обрубил якоря и въ большомъ безпорядкѣ вошли въ глухой бассейнъ при Чесмѣ.

Объ арьергардѣ не велика повѣсть: онъ убавлялъ парусовъ и пришелъ, когда уже мы обложили Чесменскій бассейнъ, но отъ фанфоронства, что онъ былъ въ сраженіи, еще до насъ далеко не дошелъ—стрѣлялъ изъ пушекъ на воздухъ.

Въ сіе время, какъ нашъ корабль взорвало, графъ Алексѣй Григорьевичъ бросилъ имѣвшую въ рукахъ брилліантовую табакерку и только выговорилъ: „ахъ, братъ!“ Скоро потомъ адмиральскій сынъ пріѣхалъ и извѣстилъ, что его отецъ и графъ Орловъ уѣхали съ корабля прежде. Графъ Алексѣй Григорьевичъ, Грейгъ и я поѣхали ихъ отыскивать, нашли графа Орлова—въ одной рукѣ шпага, а въ другой ложка съ яичницей, адмирала съ превеликимъ на груди образомъ (и) большая рюмка водки въ рукахъ. Мы взяли ихъ и перевезли къ себѣ на корабль.

Тутъ опять мы съ Грейгомъ переговоры, какъ сей флотъ истребить; тотчасъ сдѣлали четыре брандера и ночью, подъ при-

крытіе корабля „Европы“, капитанъ Колкачевъ (Клокачевъ ?) вошелъ и сталъ на якорь въ самой ближней дистанціи на турецкомъ флотѣ. Еще съ перваго сраженія (турки) не опомнились и великая суматоха (была), такъ что иной корабль кормой къ намъ стоялъ. Съ нѣсколькихъ выстрѣловъ брандсугелами Колкачевъ предалъ огню весь турецкой флотъ. Къ этому вдобавокъ, изъ четырехъ брандеровъ—одинъ Ильина прицѣпилъ свой брандеръ къ фланговому турецкому кораблю, что пожаръ усугубило. Мы съ Грейгомъ на шлюпкѣ, разѣзжая на разсвѣтѣ, увидѣли, что одинъ корабль „Родесъ“ не горѣлъ, вытащили его и привезли въ нашъ флотъ. Другой корабль хотѣли вытащить, но съ горѣлова корабля мачта на него упала и онъ загорѣлся; мы принуждены были его оставить.

Почти не можно себѣ вообразить сего ужаснаго зрѣлища, кое мы видѣли въ Чесменскомъ портѣ. Начать (съ того), что вода, смѣшанная съ кровью и съ золою, получила прескверный видъ; люди обгорѣлые, разнымъ видомъ лежащіе между обгорѣлыхъ обломковъ, коими такъ портъ наполнился, что едва на шлюпкѣ мы могли проѣзжать.

Симъ благополучнымъ успѣхомъ флотъ нашъ остался господствовать въ Архипелагѣ, а на сухомъ пути, по малости нашихъ войскъ, мнѣ казалось ничего предпринимать (было) не можно.

Большое мое желаніе быть подъ командою графа Румянцова заставило меня просить быть отпущену въ Петербургъ, на что графъ Орловъ расудилъ меня отправить съ подробнымъ донесеніемъ къ ея величеству.

Пріѣхавъ на аглинскомъ фрегатѣ въ Ливорно, долженъ былъ выдержать сорокадневный карантинъ, что прибавя къ весьма долгому вояжу отъ безпрестаннаго безвѣтрія, уже весьма поздно осенью пріѣхалъ въ Петербургъ.

Вечеру пріѣхавъ, прямо явился во дворецъ. Императрица изволила въ карты играть и подлѣ нея сидѣлъ принцъ Генрихъ прусскій. Кой часъ ея величество изволила меня увидѣть, встала изъ-за картъ, подошла ко мнѣ, подавъ мнѣ руку, кою я поцѣловалъ, и она удостоила поцѣловать меня въ щеку. По короткомъ со мной разговорѣ опять сѣла за карты, извиняясь передъ принцемъ Генрихомъ, что скоро отошла. Въ извиненіи изволила сказать:

— Я такъ обрадовалась, увидя князя Долгорукова, что, забывши(сь), не могла вытерпѣть“.

Кой часъ отыграла, подали ей Егорьевскій (Георгиевскій) крестъ. Она бо мнѣ подошла, изволила сказать, что сей бо мнѣ посланъ, но она довольна, что онъ до меня не дошелъ, почему она имѣеть удовольствіе сама на меня его наложить. Я сталъ на колѣна и императрица возложила на меня сей крестъ и чрезъ нѣсколько дней удостоила возложить на меня орденъ святаго Александра Невскаго.

Я зачалъ нѣкоторые приступы дѣлать, чтобъ мнѣ въ эту зиму попасть въ первую армію, но, къ несчастію, графъ Алексѣй Григорьевичъ пріѣхалъ въ Петербургъ и сталъ очень настоять, чтобы я съ нимъ ѣхалъ въ Архипелагъ; мнѣ приказано сказать, что туда посылаются двѣ роты гвардіи Преображенскаго полка, и того-жъ 96 егерей, прежде мною сформированныхъ, Шлиссельбургскій весь полкъ, изъ командированныхъ 800 рядовыхъ, съ пристойнымъ числомъ штабъ-и оберъ-офицеровъ.

Противъ моего желанія, я долженъ былъ согласиться.

Итакъ, мы чрезъ ве (?) вмѣстѣ поѣхали въ Италію; въ Ливорно мы сѣли на корабль „Трехъ іерарховъ“, поѣхали въ Архипелагъ, съѣхались со всѣмъ флотомъ и 24-го іюня праздновали годовщину сожженія турецкаго флота, гдѣ очень много шампанскаго (пили). Графъ Федоръ Григорьевичъ вздумалъ на мой счетъ пошутить тѣмъ, что мнѣ данъ Георгій третьей степени, а ему второй. Я снялъ свой крестъ и сказала: „все, что я по службѣ получилъ, я могу сказать, а что они, графы Орловы, если отбирать то, что они не заслужили, тогда едва останутся ли на нихъ кафтаны и что я на весь флотъ ссылаюсь, что кромѣ Грейга и меня имѣлъ ли кто участіе въ сей славной побѣдѣ“.

Чувствуя послѣ, что сіе сдѣлало мнѣ графовъ Орловыхъ злодѣями и какъ у насъ довѣренность исчезла, то я болѣе былъ въ молчаніи и мы совершенно ничего не дѣлали, даже и рѣчи не было, дабы что нибудь принять (предпринять).

По полученнымъ свѣдѣніямъ, на островѣ Метелинѣ турки строили два линейныхъ корабля и одинъ фрегатъ и почти совсѣмъ были готовы. Адмиралъ сталъ мнѣ говорить съ великимъ страхомъ о сихъ корабляхъ, въ разсужденіи, что туркамъ всѣ мѣста извѣстны, то сіи корабли много вреда могутъ дѣлать нашимъ крейсерамъ.

Я ему отвѣчалъ: ихъ можно сжечь.

Адмираль: „весьма бы вы нашъ флотъ облегчили, ежелибъ сожгли“.

Мой отвѣтъ былъ: я нынѣшній годъ ничего не предлагаю, но если мнѣ будетъ поручено, я надѣюсь съ помощію Божіею въ семь.

Адмираль передалъ весь разговоръ графу, который мнѣ сказалъ: „вы беретесь турецкіе корабли сжечь“?

Мой отвѣтъ былъ, что я ни за что не берусь, а всегда что мнѣ поручено, дѣлаю, не разбирая невозможности.

Итакъ, мнѣ было поручено.

Весь нашъ флотъ сталъ на якорѣ въ отдаленіи острова Метелина. Я сдѣлалъ диспозицію: полковнику Толю съ Шлюсбургскимъ полкомъ дѣлать десантъ съ сѣверной стороны и вести фальшивую атаку къ крѣпости ¹⁾; полковнику Кутузову съ нѣсколькими сотнями (въ) весьма дальномъ разстояніи отъ города дѣлать десантъ съ южной стороны, принимая влѣво, и съ нимъ были албанцы; между Кутузова и города я дѣлалъ десантъ съ 30 гренадерами, подъ командою капитана Розенберха и два маленькіе единорожка, кои бомбардиры подъ командою храбраго князя Волконскаго на рукахъ несли; гвардія по берегу слѣдовала, мнѣ и Кутузову для резерва. По сигналу, отъ меня данному, съ корабля „Трехъ Іерарховъ“ всѣ войска амбаркировались въ назначенныя имъ суда. По второму сигналу всѣ на морѣ въ порядокъ вытянулись. По третьему сигналу я отъ корабля отвалилъ и всѣ гребли къ назначенному имъ мѣсту. Я съ своимъ судномъ первый присталъ къ берегу, не занимаясь перестрѣлкой, хотя по горамъ много пустой пальбы производили. Кой часъ албанцы увидѣли меня на берегу, какъ пчелы ко мнѣ налетѣли, и едва князь Волконскій началъ изъ своихъ единорожковъ палить, турки къ городу побѣжали, албанцы за ними. Турки отбѣгутъ и албанцы останутся. Я (съ) своими гренадерами и пушчонками подойду къ албанцамъ, единорожки выстрѣлятъ—турки побѣгутъ. Итакъ я четыре раза подходилъ къ албанцамъ и турки пробѣжали стрюкюціе(ся) корабли. Славены заняли корабли, а мои войска

¹⁾ Зачеркнуто: «гвардія восьмисотнаго корпуса въ дальномъ разсто...»

почти всё вмѣстѣ сошлись и кругомъ города расположились. Хотя я не имѣлъ нужды приказывать городъ грабить, ибо албанцевъ никто отъ сего удержать не можетъ, то я будто приказалъ городъ грабить, а русскимъ войскамъ приказалъ для добычи послать команды, а отъ Метелинской крѣпости поставить бекеты. Пробывъ въ семь положеніи еще сутки, приказалъ строющіе(ся) корабли зажечь и по совершенномъ истребленіи приказалъ всѣмъ возвращаться въ свои мѣста въ томъ порядкѣ, какъ каждый пришелъ. По прибытіи на корабль, я представлялъ изъ моихъ подчиненныхъ къ награжденію. Сіе было мнѣ отказано. Желая сдѣлать добро, (графъ) съ прочими представилъ полковника Кутузова, якобы онъ первый на берегъ вышелъ. Графъ въ Италіи велѣлъ сей экспедиціи сдѣлать картину и Кутузова назначилъ первымъ вышедшимъ, хотя онъ съ корабля ясно видѣлъ, кто первый вышелъ, и сія картина въ эрмитажѣ. Я сталъ требовать позволенія ѣхать въ Россію и получилъ фрегатъ. Съ симъ мое знакомство съ графами Орловыми кончилось. По прибытіи въ Ливорно, снисходительное тосканское правленіе, вмѣсто шести недѣль, опредѣлило мнѣ три недѣли, по окончаніи коего я нѣсколько время пробылъ въ Италіи и потомъ возвратился въ Петербургъ.

IV.

Въ сію зиму я пріѣхалъ въ Яссы, гдѣ первое мое благополучіе было увидаться съ моимъ братомъ; потомъ явился графу Румянцеву. Онъ принялъ меня весьма милостиво, опредѣливъ меня подъ свое начальство (въ) главной арміи въ Яссахъ.

Весной армія въ разныхъ мѣстахъ вошла въ лагери и мы довольно долго стояли въ недѣйствіи. Наконецъ, фельдмаршалъ разсудилъ переходить черезъ Дунай и въ одно время всѣ корпуса перешли. Намъ должно было переправляться при корпусѣ Потемкина, близъ Силистріи; но какъ у Потемкина никогда ни въ чемъ порядку не было, а графъ его весьма уважалъ по его связямъ у Двора, и такъ, наша переправа медлилась.

Фельдмаршалъ говорилъ брату моему, онъ былъ у него дежурнымъ генераломъ, неудовольствіе о переправѣ, на что братъ

донесъ графу, чтобы мнѣ сіе поручить, что фельдмаршалъ и приказалъ. Слишкомъ сутей я не ѣлъ и не спалъ, и переправу кончилъ. Итакъ, вся армія была за Дунаемъ, расположенная противъ Силистріи. Турки въ большомъ числѣ имѣли въ Силистріи гарнизонъ, сдѣлали противъ Потемкина вылазку; тутъ случилось, какъ обыкновенно въ робкихъ людяхъ, просить сигурсу. Графъ меня послалъ съ двумя конными полками; я шелъ по подгорію, скрыто, и когда поровнялся противъ турокъ, вскакалъ въ гору. Турки, увидя у себя во флангѣ кавалерію, безъ памяти побѣжали назадъ и я возвратился къ свой лагерю. Послѣ этого рѣшился фельдмаршалъ атаковать Силистрію. Для сего генералъ-поручику барону Игельstromу скомандированъ былъ знатный корпусъ, который долженъ былъ вести атаку отъ рѣки. Генералъ-поручикъ Потемкинъ долженъ былъ атаковать между рѣки и Ч(Ш)умлянскою дорогою. Сія атака направлялась на ретраншаменты, закрывающіе крѣпость, но какъ должно правду сказать, что Потемкинъ былъ рѣдко большаго разума, но ни малѣйшей способности изъ военной службы не имѣлъ и корпусъ его былъ до крайности разстроены, такъ что сей корпусъ въ арміи прозванъ былъ мертвымъ капиталомъ.

Графъ (Румянцовъ) чрезъ моего брата приказалъ мнѣ сказать, что онъ желаетъ, дабы я на случай атаки распредѣлилъ Потемкина корпусъ. Я тотъ (часъ) туда переѣхалъ и со мной полковникъ Леонтьевъ съ Рижскимъ карабинернымъ полкомъ и нѣсколько офицеровъ. Потемкинъ чрезвычайно обрадовался и хотя онъ меня былъ старѣе, но мои совѣты принималъ какъ приказы. Первый мой предметъ былъ узнать мѣсто; для сего я поѣхалъ реконесировать (рекогносцировать) сколько можно было ближе къ ретраншаменту. По возвращеніи сдѣлалъ я диспозицію: двѣ колонны, каждая по тысячѣ человекъ, должны были безъ стрѣльбы идти прямо къ ретраншаменту и для того не далъ имъ пушекъ. Сего Потемкинъ, такъ какъ всѣ робкіе въ арміи надѣются на пушки, тайно отъ меня велѣлъ колонамъ взять пушки. Передъ каждою колоною было по нѣскольку стрѣлковъ, чтобы на колоны не сдѣлали нечаяннаго нападенія по причинѣ гористаго и порослаго мѣста. Съ правой стороны, въ разсужденіи не столь крутой горы, приказалъ полковнику Леонтьеву съ Рижскимъ полкомъ скакать къ ретраншаменту. На флангѣ лѣвой колоны

шли триста человекъ по хребту оврага, прикрывая, дабы изъ оврага, гдѣ могли турки скрыватьсѣ, не было на колонны нападенія. По другую сторону оврага шли всѣ Запорожскіе казаки. На самомъ разсвѣтѣ началась атака. Командиры обѣихъ колонъ повернули къ себѣ и велѣли стрѣлкамъ идти передъ самой колонной. Турки изъ лѣсу вдругъ ударили стрѣлковъ и вмѣстѣ колонъ обѣ такъ опрокинули, что оныя безъ всякой своей защиты бѣжали. По счастью, что я зналъ безнадежность сего корпу(са), на открытомъ мѣстѣ вправо и влево поставилъ войска, которыя бѣгущихъ защитили. Что же касается до прочихъ, Рижскій карабинерный полкъ вскакалъ въ ретраншаментъ, триста человекъ, которые прикрывали лѣвый флангъ, вошли въ ретраншаментъ, даже запорожцы, и тѣ вошли въ ретраншаментъ. Атака барона Игельстрома была еще неудачнѣе, онъ атакował разными небольшими отдѣленіями и, будучи отбиты, вездѣ должны были съ потерей отступать.

Въ сей неудачный день получили извѣстіе, что Нуманъ-паша съ большимъ корпусомъ идетъ въ помощь Силистріи. Отъ сей мы отступили и фельдмаршалъ (послалъ) генерала Вейсмана атаковать Нуманъ-пашу. Онъ, какъ обыкновенно, (съ) своимъ корпусомъ всегда имѣлъ удачу и имя свое увѣнчалъ славою. Сей день былъ послѣдній его побѣдъ, Нуманъ-паша былъ совершенно разбитъ, но армія сдѣлала чрезвычайную потерю: почти при началѣ битвы, сей храбрый, многими побѣдами прославившійся, генералъ убитъ.

Послѣ этого приказано войскамъ назадъ чрезъ Дунай переходить и мнѣ поручено армію переправлять, а корпусу Потемкина дѣлать арьергардъ, но онъ гдѣ-то досталъ нѣсколько судовъ и прежде всѣ(хъ) перебрался. На эту компанію наши генеральныя операціи кончились.

Осенью генералъ-поручикъ Унгернъ получилъ начальство корпуса бывшаго Вейсмана, который всегда былъ на лѣвомъ флангѣ; мнѣ командированъ корпусъ изъ главной арміи. Нашимъ двумъ корпусамъ приказано идти за Дунай; точноаго ничего не предписано, посему я переправился черезъ Дунай въ Гирсовъ и скоро съ Унгерномъ соединился. Мы разсудили идти въ Королу. Свѣдавъ, что войска турецкія пришли, что имѣли въ виду за ретраншаментомъ турокъ, я послалъ наши легкія

войска обойти правый неприятельский фланг. Кой часъ наши тронули, турецкая конница бѣжала, а наши за ними въ догонку и сколько было дня, все ихъ гнали и били. Не замѣшкелась и турецкая пѣхота бѣжать, преслѣдуемая нашей кавалеріей, но по сямъ гористымъ и каменистымъ мѣстамъ кавалерія предъ пѣхотой выгодъ не имѣетъ. Я взялъ егерскій батальонъ, за ними слѣдовалъ; отошедъ верстъ пятнадцать, какъ начало вечерѣть, турки засѣли на кладбищѣ, но, будучи совсѣмъ окружены, въ ту-же ночь паша со всѣмъ своимъ войскомъ сдался. Я ихъ привелъ къ нашимъ корпусамъ и на другой день съ конвоемъ отправили въ Гирсовъ, а оттуда за Дунай.

Давъ войскамъ отдохнуть, мы опредѣлили съ барономъ Унгерномъ идти къ Базарджику, куда и слѣдовали. Приблизясь къ сему городу, турки выѣхали противъ насъ, но едва наши легкія войска пустились ихъ атаковать, какъ всѣ въ виду пропали и полковникъ Розенъ съ венгерскимъ гусарскимъ полкомъ и казаками ихъ (преслѣдовалъ), и я отъ него получилъ репортъ изъ Козлицъ, (лежащихъ) въ пяти часахъ ѣзды отъ Базарджика. Казалось, что сіе должно было быть концомъ нашей экспедиціи. Въ это (время) мы получили отъ фельдмаршала ордера, въ коихъ онъ намъ, по обыкновенію своему, точнаго повелѣнія не даетъ, а пишетъ: нѣтъ ли возможности намъ сдѣлать покушеніе на Чумлу (Шумлу), гдѣ самъ визирь. Я объяснился съ барономъ Унгерномъ. Онъ сказалъ, что онъ сего предпринять не можетъ, ибо сіе его отдалить отъ его квартиръ, но что онъ намѣренъ идти къ Варнѣ и посмотреть, не удастся ли ему сдѣлать какого поиска. Я отвѣчалъ: если онъ пойдетъ сямъ (временемъ), то я его усерднѣйше прошу Варны не атаковать. Сія крѣпость довольно важная, а корпусъ его большею частію изъ легкихъ войскъ, и что неудача, а можетъ быть большая потеря, можетъ помрачить всю нашу экспедицію, которая до сихъ поръ такъ была удачна. Онъ обѣщаль слѣдовать моему совѣту и только мимоходомъ Варну рекогносцировать. О моемъ корпусѣ я ему объявилъ, что, видя желаніе фельдмаршалское, коему я по службѣ всячески желаю угодить, снабдя себя въ Базарджиѣ турецкимъ провіантомъ на десять дней, думалъ сямъ временемъ не только дойти до Чумлы (Шумлы), но если Богъ поможетъ сію экспедицію кончить, тѣмъ паче, что мой авангардъ въ Коз-

лицы. Мы отправили наши репорты къ фельдмаршалу, упомянувъ о нашемъ выступленіи на другой день. Онъ приказалъ Потемкину и графу Салтыкову перейти за Дунай. Мы такъ далеко были отъ фельд(маршала), что всѣ его распоряженія совсѣмъ до насъ не доходили, даже и курьера мало (?) турки захватили.

Наканунъ нашего выступленія сдѣлался дождикъ и (шелъ) всю ночь. Не знаю, къ счастью или несчастью, когда я выступилъ, то въ сихъ дефилеяхъ такая сдѣлалась дорога, что, отошедъ (верстъ?) пятнадцать, люди и лошади замучились; я себѣ вообразилъ, если сіе продолжится, то съ тѣмъ малымъ провіантомъ не только дѣлать операціи, (но) и до Шумлы дойти нельзя. Боясь войско изъ всей арміи лутшее голодомъ изнурить, рѣшился возвратиться, пославъ повелѣніе моему тожъ авангарду возвратиться. Остановясь нѣсколько дней въ Базарджикѣ, чтобы дать время корпусу барона Унгерна безпрепятственно идтись, потомъ пришелъ къ Дунаю, перешелъ назадъ.

Баронъ Унгернъ не сдержалъ своего мнѣ обѣщанія: онъ подошелъ къ Варнѣ, оную крѣпость штурмовалъ, но такъ несчастливо, что потерялъ много убитыми и ранеными, отбить и принужденъ ретироваться и перейти чрезъ Дунай.

Зима прошла безъ малѣйшаго дѣйствія. При началѣ весны, все войско вышло въ лагерь, а потомъ все перешло чрезъ Дунай. Главная армія стояла при Канаржи; корпусъ былъ посланъ къ Чумлѣ (Шумлѣ), прочіе корпуса были такъ разставлены, что визирь не могъ получать секурсу. Турки, увидавъ себя стѣсненными, рѣшились на мирныя переговоры и весьма скоро въ Канаржи былъ заключенъ миръ.

На другой день заключенія мира мой братъ подалъ прошеніе объ увольненіи вовсе отъ службы. Я твердо положилъ намѣреніе, можетъ быть, что буду когда нибудь еще полезенъ отечеству, просился и былъ отпущенъ и оба вмѣстѣ возвратились въ Орловскую деревню, гдѣ я на покойной женѣ моей вѣнчался.

V.

Во все время нашей жизни сіе было первое время, что мы съ братомъ вмѣстѣ жили въ своемъ отечествѣ и тутъ мы узнали, что безъ нашего надзору, мы лишились всего имѣнія отъ разныхъ управленіевъ, но утѣшали насъ, что мы съ братомъ и наши жены, всѣ мы четверо составляли какъ одного человѣка. По дѣламъ нашимъ братъ долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ, гдѣ онъ былъ взятъ въ дружескую милость и по многимъ просьбамъ всегда былъ убѣжденъ еще остаться. Наконецъ, жена его сей разлукой весьма скучала и брату моему доставило много злодѣевъ вообще. Всѣ обстоятельства возбуждали его желаніе уѣхать и онъ противъ воли долженъ былъ долго тамъ пробыть. Наконецъ, жена его такъ сдѣлалась нездоровая, что худую надежду подавала къ продолженію жизни. Получивъ отъ меня сіе несчастное извѣстіе, показавъ мое письмо, могъ выѣхать. Приѣхавъ, нашелъ свою жену въ горестномъ состояніи и утвердительная (извурительная) чахотка. Сіе горе намъ трудно было сносить, и при всемъ нашемъ и всѣхъ докторовъ (стараніи) чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ мы ея лишились. Въ первое время сія горестъ привела насъ въ отчаяніе, но по нѣсколькомъ времени братъ мой сдѣлался унылымъ. Я вида, что въ Москвѣ всѣ мѣста напоминаютъ ему горестъ и чтобы его занять, совѣтовалъ ему ѣхать въ Петербургъ, тѣмъ паче, что всякую почту онъ получалъ милостивыя и дружескія письма, съ убѣдительными приглашеніями. Н. П. А. ¹⁾ наисквернѣйшій человѣкъ, который съ удовольствіемъ людей губилъ, взводя всякія лжи, и тѣмъ выслуживался, узнавъ, что братъ собирается ѣхать, пишетъ въ Петербургъ о семь отъѣздѣ и поручаетъ довести до свѣдѣнія, что онъ съ ужасомъ воображаетъ о послѣдствіяхъ, могущихъ произойти отъ пребыванія К. Д. (князя Долгорукова) въ Петербургѣ.

На сіе послѣдовало запрещеніе брату ѣхать.

Послѣ этого братъ мой сдѣлался боленъ и часъ отъ часу

¹⁾ Николай Петровичъ Архаровъ?

болѣзнь умножалась. Я нѣсколько мѣсяцевъ день и ночь съ горестію долженъ былъ взирать въ лучшихъ лѣтахъ увядающаго друга и всѣми любимаго и естимованнаго (уважаемаго) человека.

Потомъ сдѣлано было по арміи произвожденіе и я былъ произведенъ въ генераль-аншефы. Сіе ни мало моей горести не уменьшило; потомъ я получилъ повелѣніе сформировать два пѣхотныхъ полка. Сіе занятіе нѣсколько разсѣяло мои мысли и я, занявшись, исполнилъ порученное мнѣ дѣло, и скоро оное кончилъ.

Между тѣмъ Потемкинъ сдѣланъ фаворитомъ, президентомъ военной коллегіи, по вытѣсненіи изъ сего мѣста графа Чернышева, которой имѣлъ врожденный даръ всегда вводить вездѣ порядокъ, и можно сказать въ его начальство армейскія дѣла шли какъ по музыкальнымъ нотамъ, и всѣ и все (Потемкинъ) и немало арміи разстраивалъ по разнымъ переображеніямъ войскъ.

Гусарскіе полки, кои были всегда очень хороши, передѣлалъ въ легкоконные. Его злодѣи доводили до вышняго свѣдѣнія, что войска разстраиваются, и что изъ хорошихъ гусаръ сдѣланы скверные легкоконцы. Но Потемкинъ никогда не только не былъ друженъ, но да онъ и мы съ братомъ не любили другъ друга. Всѣ удивились, что я получилъ повелѣніе ѣхать въ Харьковъ для командованія тамошнихъ войскъ и именно сказано всѣхъ легкоконныхъ полковъ.

По принятіи мною команды я скоро увидѣлъ, что легкоконные полки легко привести въ хорошее состояніе, ибо полковники всѣ были лучшихъ фамилій, съ большой амбиціей и когда Потемкинъ свѣдалъ, что полки совершенно хороши, довелъ (предложилъ) императрицѣ, чтобы она на зиму поѣхала въ Кіевъ, гдѣ командовалъ фельдмаршалъ графъ Румянцевъ, оттуда весной водой пріѣхала въ Кременчугъ. Въ семъ (городѣ) по обѣ стороны улицы я разставилъ войска, потомъ мимо императрицы по взводно маршировалъ въ лагерь.

Черезъ короткое пребываніе въ Кременчугѣ государыня изволила поѣхать въ Крымъ, а я съ войсками пошелъ въ Полтаву, гдѣ я совершенно отыскалъ все, что происходило въ Полтавскую баталію, даже нашелъ и редуты, коихъ оставались знаки.

Когда императрица возвратилась въ Полтаву, угодно ей было

видѣть мѣста Полтавской баталіи. Я, чрезъ князя Потемкина, представилъ планъ ¹⁾ и князь поручилъ мнѣ оной государынѣ объяснить и послѣ я подлѣ коляски ѣхалъ верхомъ и докладывалъ о всѣхъ мною поставленныхъ знакахъ, которые я на планѣ объяснялъ. Она изволила сказать, что отъ роду не видала такого яснаго описанія.

Чрезъ день императрица выѣхала въ поле, гдѣ я представилъ маневръ изъ всѣхъ легкоконныхъ полковъ Кутузовскаго егерскаго корпуса и трехъ баталіоновъ гренадеръ. Императрица была въ восхищеніи, пожаловала женѣ моей брилліантовый букетъ и малолѣтнюю мою дочь пожаловала въ фрейлины и, когда изволила изъ Полтавы выѣзжать, пожаловала меня въ подполковники Преображенскаго полка.

Императрица, пріѣхавъ въ Москву, изволила сказать тогдашнему начальнику Москвы Еропкину:

— „Петръ Дмитріевичъ, я видѣла легкоконные полки, ничего лучше сихъ полковъ нельзя видѣть“.

А по пріѣздѣ въ Петербургъ всегдашняя въ частной публикѣ ея конверсація была похвала легкоконнымъ полкамъ и подробное разсказываніе о Полтавской баталіи.

VI.

Вскорѣ потомъ у насъ открылась война съ турками.

Графъ Румянцевъ вошелъ въ Молдавію, а князь Потемкинъ долженъ былъ брать Очаковъ. Сей начальникъ никогда не мѣшался въ армейскія дѣла, а старался выбирать все подъ свое начальство; изъ кавказскаго корпуса привезъ генераль-квартирмейстеръ-лейтенанта Ирмана—человѣка, который больше говоритъ, нежели дѣлецъ (былъ). Меня назначилъ быть при царской арміи, такъ какъ князь Линьи уже былъ при нашей, а князь Репнину поручилъ управленіе арміей. Войска собрались въ Кременчугъ и были довольно долго безъ дѣйствія. Наконецъ, пришли къ рѣкѣ Бугу, гдѣ былъ сдѣланъ мостъ. Князь Потемкинъ все ѣздилъ въ коляскѣ; я его уговаривалъ, чтобы

¹⁾ Далѣе зачеркн. «которой я»...

ѣхалъ верхомъ, даже подарилъ ему лошадь, очень смирную и по его росту. Онъ меня увѣрилъ, что въ надобное время онъ съедетъ на лошадь. Онъ все опасался, что за Бугомъ очаковскіе турки на армию нападутъ. Князь Репнинъ и Ирманъ, чтобы угодить князю Потемкину, представили, чтобы мостъ спустить ниже, дабы меньше правой стороною Буга идти, что исполнили. (Извѣстно,) что всякая рѣка внизу шире, то (когда) спустили мостъ, его было недостаточно. Я хотя въ ожиданіи отправленія къ царской арміи былъ при своей постороннимъ челоувѣкомъ, но по своей волѣ берегъ осматривалъ и сказалъ, что другаго средства нѣтъ, какъ опять поднять мостъ туда, гдѣ былъ.

Ирмана посадили въ кибитку и отправили тотъ же день на Кавказъ; мостъ подняли, войска возвратили и черезъ Бугъ перешли. Пошли къ Очакову. Тутъ князь Потемкинъ, за обѣдомъ отъ жаркаго время(ни), отъ жажды, выпилъ довольно много шампанскаго и венгерскаго, осмѣлился(и) сѣлъ верхомъ. Въ предшествіи князя Волконскаго егерскаго корпуса, противъ ретраншаментъ, со всѣми генералами подавался съ пѣльбой впередъ. Сія перестрѣлка часа два продолжалась. Я, подѣхавъ (къ) князю Потемкину, сказалъ, что сія перестрѣлка ни къ чему не ведетъ, не прикажетъ ли привести въ подкрѣпленіе егерей, нѣсколько батальоновъ гренадеръ и занять ретраншементъ. Какъ шампанское болѣе не дѣйствовало и время начало вечерѣть, (то) мы поѣхали назадъ и егерей отвели. Я удивился, когда намъ объявили рескриптъ всевысочайшей благодарности всѣмъ поиманно, по реляціи князя Потемкина.

Послѣ сего началась осада. Признаюсь, что мнѣ сіе время бездѣлья очень скучно казалось, я всакій день просилъ, чтобы меня отправили къ назначенному посту, но день ото дня все оставался безъ отправленія. Занимался отъ скуки—выѣзжать на перестрѣлку и часто ходилъ въ траншеи. И какъ осень начиналась и я занемогъ свойственной сему климату лихорадкой, а притомъ и вздорныя, ни къ чему не ведущія, операціи, кои чрезвычайно много людей, въ арміи людей и лошадей смерть пожирала, я сталъ настоятельно просить отпустить меня въ отпускъ, что получа поѣхалъ больной, но слышалъ, что по моемъ отъѣздѣ еще больше еролашъ и безпорядки всей арміи умножились, войско доведено было до отчаянія и турки наскучили. И

шестаго декабра штурмомъ сія крѣпость взята, а работы, отъ перваго и до послѣдняго дни, на сажень не подвинулись.

По взятіи Очакова графъ Румянцевъ, зная всѣ вздорныя происшествія подъ Очаковымъ, которыя должны начальнику наскучить, а притомъ, что князь Потемкинъ симъ удовольствуется, охотно согласится отстать, впутавшись не въ свое дѣло, пишетъ большія поздравленія, выхваляя все, что кн. Потемкинъ дѣлалъ. Притомъ упоминаетъ, что чрезъ такое важное приобрѣтеніе, не находитъ онъ нужнымъ двумъ арміямъ (быть, и) предлагаетъ не угодно ли его свѣтлости надъ всѣмъ войскомъ взять начальство, такъ какъ (онъ, Потемкинъ) больше въ силахъ, по его лѣтамъ и способностямъ. Тутъ графъ (Румянцевъ) очень обманулся: — князь Потемкинъ принялъ сіе буквально и кажется судьба его возвела всѣхъ отчужденныхъ людей вытѣснить, представилъ къ императрицѣ, что со мнѣніемъ графа Румянцева согласенъ, что въ двухъ арміяхъ надобности нѣтъ и такъ какъ графъ согласенъ ему начальство уступить, (то) онъ на себя приѣмлетъ начальство всѣхъ войскъ. Мнѣ по раздореніи нечего было дѣлать, какъ ѣхать опять подъ начальство Потемкина. Князю Репнину данъ былъ особый корпусъ, а мнѣ поручена была команда при князѣ Потемкинѣ, который все ѣхалъ въ воляскѣ, и я долженъ сказать, что я былъ имъ очень доволенъ, что онъ ни во что не вступался. Я повелъ войска къ Дубосарамъ на Днѣстрѣ, гдѣ ставка князя Потемкина весьма была похожа великолѣпіемъ на визирскую. Даже полковникъ Бауръ насадилъ въ аглинскомъ вкусѣ садъ. Капельмейстеръ Сарті съ двумя хорами роговой и прочихъ многихъ музыкантовъ всѣдневно насъ забавлялъ. Казалось, что свѣтлѣйшій князь намѣренъ былъ тутъ остаться навсегда, но тутъ полученъ рапортъ изъ-за Днѣстра отъ князя Репнина, что онъ съ корпусомъ, составленнымъ изъ бывшей Румянцева арміи, пришелъ къ Измаилу и оттуда поспѣшно идетъ назадъ. Это насъ побудило и я въ однѣ сутки, не ѣвши и не спавъ, все войско переправилъ, пошелъ въ Кишиневъ, гдѣ турецкій паша стоялъ. И только наши легкія войска показались, — турецкая конница побѣжала. Я, скакавши за казаками, увидѣлъ пѣхоту въ оврагѣ, велѣлъ драгунамъ спѣшиться и атаковать, гдѣ частію турокъ перебили, а прочихъ въ полонъ перебрали. Казаки не только конницу, но и самого пашу въ плѣнъ привели.

По въѣкоторомъ отдохновеніи мы пошли къ крѣпости Аверману, гдѣ пришедъ я разставилъ всю артиллерію, а позади оной войска. На другой день паша выслалъ мнѣ сказать, что онъ желаетъ войти въ переговоры. Я о семъ объявилъ князю Потемкину. Онъ мнѣ далъ полную власть заключить капитуляцію и въ тотъ же (день) онъ, паша, выслалъ со мной дѣлать переговоры. Я согласился весь гарнизонъ отпустить съ ихъ имуществомъ. Вся артиллерія, провіантъ, порохъ, однимъ словомъ все, что султану принадлежитъ, достается въ добычу російской императрицѣ. На сихъ условіяхъ на другой день въ десять часовъ я крѣпость и городъ занялъ. И словно какъ бы войны не было! Наши войска съ турками обходились ласково и по вступленіи нашемъ въ тотъ же день всѣ лавки были открыты. Оставивши тутъ гарнизонъ и сдѣлавъ распоряженія, пошли мы къ Бендерамъ, гдѣ я имѣлъ подъ начальствомъ пятьдесятъ шесть тысячъ войска и разными колоннами въ одну минуту, по данному отъ меня предписанію, крѣпость была обложена по обѣ стороны Днѣстра. Я съ казаками въѣхалъ въ форштадтъ; турки производили пушечную пальбу, но съ такой осторожностію, чтобы никого не убить, дабы насъ не раздражать. Посему я примѣтилъ, что крѣпость не намѣрена обороняться. Изъ форштадта пріѣхалъ (къ) князю Потемкину; сказавъ мое примѣчаніе, испросилъ послать парламентаря, что я въ тотъ же день отъ имени князя Потемкина послалъ имъ сказать, что російское войско рѣшительно съ тѣмъ пришло, чтобы Бендеры взять. Хотятъ они безъ потери людей крѣпость отдать или намѣрены защищаться? Что по позднему осеннему времени мы не можемъ долго заниматься и въ одномъ и другомъ случаѣ въ одни сутки судьба Бендеръ рѣшиться должна. Въ отвѣтъ я получилъ, что они всѣ три паша къ намъ будутъ для переговоровъ, что послѣ обѣда они исполнили и я съ ними чрезъ переводчика до полуночи возился. Наконецъ, на такихъ же условіяхъ, какъ Аверманъ, обязались на утро, въ десять часовъ, отворить ворота. Они поѣхали въ крѣпость, а я пошелъ къ Потемкину въ кибитку, лежащаго на постели поздравилъ его съ Бендерами. Онъ меня благодарилъ виномъ славнымъ венгерскимъ, которое сегодня маіоръ Шпинцъ (?) изъ Кракова привезъ, по большой рюмѣ, не меньше порядочнаго стакана.

На другой день по утру, въ десять часовъ, (я) пошелъ съ двумя баталіонами гренадеръ, приказавъ имъ взять съ собою въ манеркахъ воды и сухарей, дабы ни одинъ человекъ съ своего поста ни подъ какимъ видомъ не сходилъ. Разставилъ одинъ баталіонъ по крѣпости, а другой въ городъ и тотчасъ лавки открылись. За сію кампанію я получилъ орденъ Святаго Андрея.

Между тѣмъ шведская война продолжалась и со всѣхъ гвардіи полковъ назначались по батальону. Я сталъ просить, что я, будучи подполковникомъ гвардіи, желаю съ гвардіей быть на войнѣ, на что государыня изволила сказать, что по моимъ заслугамъ ей не угодно, чтобы я былъ подъ командою графа Ивана Петровича Салтыкова. И такъ я опять попалъ въ Потемкину.

Между тѣмъ аглинской и прусской дворы неблагопріязневали и прусской корпусъ къ Бѣлоруссіи собирался. Я былъ посланъ въ Бѣлоруссію съ весьма малымъ корпусомъ, гдѣ я приготавливался и занималъ нужные посты, какъ вдругъ шведская война кончилась и я ожидалъ, что корпусъ мой умножится, и я буду въ возможности дѣйствовать. Корпусъ не только прибавили, но цѣлую армію составили, но къ неудовольствію моему поручена команда графу Салтыкову.

Сіе неудовольствіе, а болѣе всего видѣлъ, что люди перваго достоинства, Румянцовъ, Чернышевъ и прочіе вытѣснены. Я же все время служилъ, никакихъ наградъ не получалъ и не желалъ, но никакой обиды не терпѣлъ. Подалъ я прошеніе уволить меня отъ службы и поѣхалъ въ Москву, гдѣ получилъ увольненіе, занялся своими дѣлами, кои чрезмѣрно были разстроены.

Я ожидалъ, что моя карьера кончилась, какъ вдругъ получаю приказаніе: по волѣ императрицы мнѣ приказано прибыть въ Петербургъ.

По пріѣздѣ моемъ мнѣ объявлено, что воля государыни мнѣ поручить начальство на мѣсто умершаго Кречетникова въ новопріобрѣтенномъ краю надъ польскимъ и россійскимъ войскомъ. Мнѣ казалось, что отъ сего отказаться нельзя. Принялъ на себя, подавъ императрицѣ прошеніе, (чтобы) вслучаѣ моей смерти жена моя имѣетъ право владѣть всѣмъ моимъ имѣніемъ, что во всей силѣ подтверждено.

По пріѣздѣ моемъ въ Лабунъ увидѣлъ, что подрядчики ста-

вять по семи рублей серебромъ четверть муки на войско—цѣна, по которой по штату положенныхъ денегъ, но и экстраординарной суммы далеко не достанетъ, а между (тѣмъ я) могъ воспользоваться приближеніемъ контрактовъ, въ кое время всѣ въ Польшѣ дѣла по хозяйству оканчиваются и потому всѣ дворяне имѣютъ крайнюю въ деньгахъ нужду. Я публиковалъ, (что) кто изъ помѣщиковъ желаетъ имѣть со мной по провіанту дѣла, я плачу за все число имъ подряжающаго всѣ деньги вдругъ, по полтора рубли съ гривной серебромъ и онъ не имѣетъ надобности ставить инако, если я когда оный потребую по частямъ. Тутъ стали ко мнѣ наѣзжать и съ большимъ ихъ удовольствіемъ, ибо ихъ прежде подрядчики не допускали. Итакъ, въ короткое время, болѣе чѣмъ на годъ, на всю армію заготовилъ провіантъ, не имѣвъ ни одного магазейна.

Въ это время я получаю отъ самой императрицы двадцать тысячъ червонцевъ, съ повелѣніемъ заготовить въ запасъ на цѣлый годъ провіантъ, съ увѣдомленіемъ, что вслѣдъ за симъ я еще получу восемьдесятъ тысячъ червонныхъ.

Въ тотъ же день пріѣхалъ изъ канцеляріи графа Зубова отставной маіоръ, подаетъ мнѣ письмо отъ правителя канцеляріи Грибовскаго, въ коемъ онъ мнѣ пишетъ, что извѣстно, что мнѣ поручена закупка провіанта, посему графъ Зубовъ приказалъ меня просить, чтобы я сей подрядъ отдалъ посланному при семъ маіору. На сіе я отвѣчалъ, что у меня личныхъ подрядовъ нѣтъ, а ставятъ дворяне и по такой цѣнѣ, по какой подрядчикамъ выгодъ нѣтъ. А господину маіору я выдалъ прогоны, просилъ ѣхать назадъ. Послѣ сей переписки не только восемьдесятъ тысячъ червонныхъ я не получилъ, но и всѣ мои представленія оставались безъ отвѣта. Все сіе управление на меня горестъ наводило, я отчаянно занемогъ и хотя мнѣ дѣлали операцію, никакого не имѣлъ облегченія. Принужденъ былъ проситься прочь, что исполнили. На мое мѣсто присланъ графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ, а я (со) страданіемъ дотацился до Петербурга, гдѣ старый мой знакомый Иванъ Филиповичъ Бехъ чрезъ девять мѣсяцевъ леченія возвратилъ мнѣ здоровье.

По моемъ выздоровленіи государыня приказала мнѣ осмотрѣть Финляндію и донести въ какомъ (положеніи находится) по военной части сія часть государства. Мнѣ сія страна совсѣмъ

была неизвѣстна и я съ удовольствіемъ не оставилъ ни одного мѣста, гдѣ бы не быть, ѣзда въ линейкѣ, очень много верхомъ и не мало въ рыбацкихъ лодкахъ. Возвратясь, подробно о всемъ представилъ; симъ представленіемъ императрица была довольна. Послѣ сего я сталъ проситься быть отпущенну. Чтобы меня удержать, приказано подѣ моимъ предсѣдательствомъ при военной коллегіи сдѣлать комиссію, дабы сухопутныя за сраженія награжденія уравнять противъ морскихъ. Въ сію комиссію со мной опредѣлили: артиллеріи генерала Мексина (?), генералъ-поручиковъ: Миханла Ларіоновича Кутузова и князя Василя Васильевича Долгорукова. Покамѣстъ въ коллегіи приготавливали намъ горницу и канцелярію, я успѣлъ все написать, какъ мнѣ удобнѣе и лучше казалось.

Когда насъ увѣдомили, что все въ коллегіи готово, мы съѣхались и я товарищамъ моимъ представилъ свой планъ. По прочтеніи я ихъ спросилъ, не угодно ли будетъ что прибавить или убавить, но они согласились точно такъ оставить. Мы подписали и отдали секретарю для переписки. Итакъ, наша комиссія въ одинъ (день) кончилась.

Потомъ я былъ отпущенъ въ Москву, гдѣ жилъ и пользовался отпускомъ, пока вдругъ получаю повелѣніе командовать Московскимъ войскомъ, а Михайлъ Михайловичъ Измайловъ губернію.

По принятіи команды скоро усмотрѣлъ, что въ городѣ Москвѣ укрывается много бѣглыхъ солдатъ. (Какъ) господинъ Измайловъ уѣхалъ въ Петербургъ, (то) я просилъ оставшагося начальникомъ губернатора кн. Петра Петровича Долгорукова, чтобы чрезъ полицію приказалъ въ домахъ сдѣлать (обмыскъ) бѣглымъ, а я поставилъ за всѣми заставами бекеты—безпашпортныхъ ловить. Человѣкъ семьдесятъ мы нахватили, но сіе сдѣлало большой шумъ. Измайловъ, будучи въ Петербургѣ, чтобы загладить то, что въ Москвѣ бѣглыхъ принимаютъ, что солдаты бѣгаютъ отъ того, что не получаютъ провіанта, хотя государыня сама этому не вѣрила, но съ большимъ гнѣвомъ пишетъ, что я нарушаю въ Москвѣ покой жителей, а солдатамъ удерживается провіантъ. Я на другой день послалъ прошеніе и вскорѣ былъ уволенъ вовсе отъ службы.

VII.

Въ 1796 году по кончинѣ императрицы Екатерины вступилъ на престолъ Павелъ I. Сему государю я былъ душевно привязанъ по расположенію его сердца, по всегдашней его ко мнѣ милости, а наипаче по особливому егѣ расположенію къ покойному моему брату, коего 'во многихъ его письмахъ удостоивалъ называть „другомъ“. Тотчасъ послѣ сего восшествія получилъ я повелѣніе пріѣхать въ Петербургъ, гдѣ я отъ партияулярнаго человѣка не могъ лутче быть принятъ, съ коимъ вся императорская фамилія оказала мнѣ милостивый пріемъ.

Князь Юрій Долгоруковъ.

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ.

LVII ¹⁾.

Изъ Гейне.

Звѣзды съ ножками златыми
 Ходятъ робкою стопой,
 Разбудить боится землю,
 Что заснула въ тьмѣ ночной.

Лѣсъ стоитъ, вниманья полный,
 Чутко листь зеленый спитъ;
 Отъ горы, какъ будто призракъ,
 Тѣнь угрюмая лежитъ.

Но что слышу, что за звуки
 Отдаленъ въ душѣ моей?
 Голосъ-ли то дѣвы милой
 Или только соловей?

1840 г.

LVIII.

Сѣдая голова.

Въ мители голова моя
 Покрылась бѣлизною;
 Вотъ я и старь, подумалъ я,
 И радъ былъ всей душою.
 Но вдругъ слилася сѣдина,
 Вновь кудри черныя покрыла
 И стала юность мнѣ страшна...
 Какъ далека могла!
 До утра съ вечера не разъ
 Въ ночь головы сѣдѣли,
 А я, въ пути моемъ томясь,
 Не посѣдѣлъ доселѣ.

(1839—1840.).

Н. П. Огаревъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., томъ LX, стр. 469—490, 601—616; изд. 1889 г., т. LXI, стр. 336, 352, 354, 430, 556, 644; т. LXII, стр. 131, 160, 388, 682, 724; т. LXIII, стр. 110, 128, 162, 210, 300, 386, 438 и 446.

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1835 г. ¹⁾.

Январь 1. Послѣдніе дни прошедшаго года были для меня очень бурные. Я восемь дней провелъ подъ арестомъ на гауптвахтѣ.

Вотъ исторія сихъ дней.

Въ XII книжкѣ «Библиотеки для Чтенія», коей я цензоръ, напечатаны слѣдующіе стихи, переведенные изъ Виктора Гюго:

Красавицѣ.

Когда-бъ я былъ царемъ всему земному міру,
Волшебница! тогда-бъ повергъ я предъ тобой
Все, все, что власть даетъ народному кумиру:
Державу, скипетръ, тронъ, корону и порфиру,
За взоръ, за взглядъ единый твой!
И если-бъ богомъ былъ — селеньями сватыми
Клянусь — я отдалъ бы прохладу райскихъ струй,
И сонмы ангеловъ съ ихъ пѣснями живыми,
Гармонію міровъ и власть мою надъ ними
За твой единый поцѣлуй!

* * *

Болѣе двухъ недѣль прошло, какъ эти стихи были напечатаны, меня не тревожили. Но вотъ, дня за два до моего ареста, Сенковскій нарочно приѣхалъ увѣдомить меня, что эти стихи привели въ волненіе монаховъ и что митрополитъ собирается принести на меня жалобу государю. Я приготовился вынести бурю.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент., стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; нояб., стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; июнь, стр. 577—598; т. LXIII, июль, стр. 27—60; августъ стр. 265—299.

Въ понедѣльникъ 16-го числа, въ половинѣ лекціи моей въ университетѣ, я получаю отъ попечителя (князя Михаила Александровича Дондукова-Корсакова) записку, съ приглашеніемъ немедленно къ нему прѣхать. Въ запискѣ было упомянуто: «по извѣстному вамъ дѣлу». Ясно было, какое это дѣло. Я привелъ свои душевныя силы въ боевой порядокъ и явился къ князю спокойный, готовый бодро встрѣтить обрушившуюся на меня бѣду.

Мой добрый начальникъ съ сокрушеніемъ объявилъ мнѣ, что митрополитъ въ воскресенье испросилъ у государя особенную аудіенцію, прочиталъ ему вышеприведенные стихи и умолялъ его, какъ православнаго царя, оградить церковь и вѣру отъ поруганій поэзін. Государь приказалъ: цензора, пропустившаго стихи, посадить на гауптвахту. Я выслушалъ приговоръ довольно спокойно. Самая тяжкая вина, за которую меня можно было корить—это недосмотръ. Слѣдовало, можетъ быть, вымарать слова: богъ и селеньями святыми—тогда не за что было бы и придраться. Но съ другой стороны, судя потому, какъ у насъ вообще обращаются съ идеями, врядъ-ли и это спасло бы меня отъ гауптвахты.

Какъ бы то ни было, надо ѣхать къ дворцовому коменданту. Первоначально, однако, я заѣхалъ домой, предупредить о случившемся мою семью, и затѣмъ отправился къ коменданту. Засталъ его за обѣдомъ. Меня ввели въ дежурную комнату. Тамъ, крупными шагами, съ нахмуреннымъ челомъ, раслаживалъ дежурный офицеръ, а на колонахъ висѣли ряды плагъ, отобранныхъ отъ находившихся подъ арестомъ офицеровъ. Я сѣлъ. Черезъ полчаса отворилась дверь кабинета и меня позвали къ коменданту.

Признаюсь, я ожидалъ отъ него грубостей, ибо молва изображаетъ его человѣкомъ необразованнымъ. И къ этому также я приготовился. На сей разъ, однако, ошибся.

Генеральъ учтиво спросилъ меня: я-ли пропустилъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» вотъ эти стихи, или Крыловъ? Онъ показалъ мнѣ ихъ.

— «Я», было моимъ отвѣтомъ.

«Государь императоръ приказалъ посадить васъ на гауптвахту».

И все. Затѣмъ я удался. У меня спросили мой чинъ, записали, виѣстѣ, съ именемъ, и, минутою спустя, я уже мчался на парѣ лихихъ коней по Галерной улицѣ. Меня сопровождалъ плацъ-адъютантъ, весьма вѣжливый и даже любезный. Мы говорили о погодѣ, о театрѣ. Наконецъ, я спросилъ о мѣстѣ моего заточенія.

— «На Ново-Адмиралтейской гауптвахтѣ», отвѣчалъ онъ,—«это одна изъ лучшихъ въ городѣ. При томъ же она, кажется, и не такъ далека отъ вашей квартиры».

Мы прѣехали, вошли въ караульную, наполненную солдатами и душливымъ табачнымъ дымомъ, и очутились въ другой небольшой комнатѣ, гдѣ находился дежурный офицеръ. Меня сдали ему. И вотъ я арестантъ. Здѣсь былъ еще одинъ арестованный, артиллерійскій офицеръ Фадѣевъ, а минутою спустя привезли и еще третьяго.

Къ счастью, за караульною комнатою оказалась еще небольшая каморка, а то намъ было бы очень тѣсно. Узнавъ, что я цензоръ, всѣ выразили удивленіе и спрашивали о причинѣ моего ареста. Въ караулѣ на этотъ разъ былъ Крузенштернъ, сынъ знаменитаго адмирала, молодой человекъ весьма образованный. Онъ совершилъ, между прочимъ, путешествіе вокругъ свѣта съ капитаномъ Литке и нашимъ адъютантомъ Постельсомъ.

Поручикъ Фадѣевъ тоже оказался очень неглупымъ и образованнымъ. Его арестовалъ на три дня великій князь (Михаилъ Павловичъ) за какую-то неисправность въ мундирахъ кадетъ, которыхъ онъ представлялъ его высочеству.

Другой арестованный офицеръ, Киселевъ, былъ очень огорченъ. Онъ служить уже пятнадцать лѣтъ, еще сегодня командовалъ ротой, а вотъ теперь за какую-то ошибку въ маршѣ солдатъ лишился этой роты и арестованъ неизвѣстно насколько времени.

Всѣ мои разговоры съ этими господами я велъ стоя, ибо въ комнатѣ, кромѣ негоднаго вольтеровскаго кресла для караульнаго офицера, небольшой грязной скамьи и полуразломаннаго стола, не было другой мебели.

Обѣ комнаты, намъ отведенныя, свѣтлы, но въ высшей степени неопрятны; полъ грязнѣйшій; на стѣнахъ пятна отъ сырости. Миѣ совѣтовали послать домой за кроватью и за постелью. Я вытребовалъ только вторую и раскаялся. Миѣ пришлось спать на гнусномъ полу, головою къ стѣнѣ, отъ которой несло плѣсенью и холодомъ. Я завернулся съ головою въ шинель и бросился на тюфякъ. Сонъ скоро заставилъ меня забыть о всѣхъ тревогахъ этого бурнаго дня.

17. По утру проснулся съ жестокою головою болью, съ платьемъ, пропитаннымъ вонью отъ клоповъ. Немедленно послалъ домой за кроватью и еще за другими кое-какими вещами. Здѣшніе мои товарищи уже обзавелись полнымъ хозяйствомъ.

Прѣбавалъ осматривать гауптвахту плацъ-майоръ Болдыревъ, величайшій невѣжда изъ всѣхъ майоровъ въ мірѣ. Онъ за какую-то ошибку въ караулѣ разругалъ Крузенштерна, придрался за что-то къ сторожу и прибилъ жестоко фухтелями этого бѣднаго старика, котораго мы прозвали снигиремъ за сизый цвѣтъ его лица. Шумомъ, площадною бранью и побоями заявивъ о своемъ начальни-

ческомъ санѣ, сей почтенный воинъ отправился отсюда прямо за карточный столъ, за которымъ, говорятъ, онъ проводитъ все незанятое службою время.

Немного спустя явился мой милый Дель съ поручениями отъ нашего князя (Дондукова-Корсакова). Онъ сказалъ мнѣ, что отъ министра поданъ докладъ обо мнѣ, гдѣ я выставленъ съ отличной стороны и гдѣ утверждается, что я пропустилъ несчастные стихи единственно по недосмотру, весьма естественному въ такихъ много-сложныхъ и тяжкихъ трудахъ, каковы цензурные.

Вслѣдъ за Делемъ прѣзжалъ и самъ князь. Онъ подтвердилъ все преждесказанное моимъ товарищемъ.

18. Прѣзжалъ навѣстить меня самъ комендантъ Мартыновъ. Онъ обласкалъ меня, просилъ не тревожиться, говоря, что обо мнѣ очень многіе хлопочають. Онъ, съ своей стороны, общался въ тотъ же день доложить обо мнѣ государю.

Жена пишетъ мнѣ, что мой арестъ надѣлалъ въ городѣ много шума и что къ намъ на квартиру прѣзжаетъ масса лицъ, съ изъявленіями своего сожалѣнія и участія. Такъ какъ большинству неизвѣстно мѣсто моего заточенія, то, говорятъ, на разныхъ гауптвахтахъ отбою нѣтъ отъ желающихъ меня видѣть.

Весь день провелъ въ разговорахъ съ Фадѣевымъ и съ караульнымъ офицеромъ Муратовымъ, который тоже къ намъ очень любезенъ.

19. Тѣ-же слухи о волненіи и всеобщемъ ко мнѣ участіи. По утрамъ былъ у меня Плетневъ. Фадѣеву кончился срокъ ареста; Киселевъ тоже освобожденъ. Я остался одинъ. Мало по малу, я совершенно обзавелся хозяйствомъ. Каждый день получаю изъ дома по два письма и оттуда же приносятъ мнѣ обѣдъ.

Три дня уже сижу я здѣсь и пока ничто не предвѣщаетъ еще моего скорого освобожденія. Мартыновъ дѣйствительно докладывалъ обо мнѣ государю и спрашивалъ, не благоугодно ли ему будетъ освободить меня. Государь отвѣчалъ:

— Я самъ навачу срокъ.

20, 21 и 22. Эти дни проведены однообразно, какъ и прилично въ заточеніи. По временамъ посѣщаютъ меня знакомые, но это мнѣ неприятно, такъ какъ посѣщать арестованныхъ запрещено. Нѣкоторые изъ караульныхъ офицеровъ до того простерли свою доброту и любезность, что предлагали мнѣ сѣздить домой, повидаться съ семьей. Конечно, я не согласился: они могли бы за то поплатиться. Въ числѣ посѣтителей моихъ былъ Воейковъ, а отъ князя (Дондукова-Корсакова) я получилъ премилое письмо.

Гвардейскіе офицеры, изъ которыхъ и сюда назначаются караульные, вообще люди образованные по свѣтски. Жалуются на пустоту и ничтожество своей службы. Впрочемъ, они не страдаютъ обидѣмъ идей: немножко больше свободы во фронтѣ, немного меньше грубостей со стороны главныхъ начальниковъ и немного больше времени для танцевъ—вотъ всё ихъ понятія о лучшемъ.

23. Сегодня вечеромъ привели мнѣ новаго товарища заключенія: того самаго Муратова, который недавно былъ на этой же гауптвахтѣ въ караулѣ. Онъ сдѣлалъ ошибку по службѣ и его арестовали на двѣ недѣли. . .

24. Провелъ день нескучно въ бесѣдѣ съ Муратовымъ. На освобожденіе все еще ни малѣйшаго намека. Пока я спокоенъ, ибо существованіе моей семьи обезпечено еще на мѣсяцъ.

Вечеромъ посѣтилъ насъ дежурный чиновникъ адмиралтейства, такъ называемый совѣтникъ. Онъ, кажется, ш. . ., глупъ, подлѣ въ обращеніи, какъ жидъ. Съ самыми отвратительными ужимками и вѣдлыми околичностями старался онъ завести съ нами разговоръ о правительствѣ. Разумѣется, мы были настоюще.

25. Я, наконецъ, рѣшился попросить коменданта, чтобы мнѣ позволили повидаться съ женой, написалъ уже съ этою цѣлью письмо и только что хотѣлъ отдать его караульному офицеру для доставки по назначенію, какъ явился казакъ, съ приказомъ освободить меня. Распростившись съ Муратовымъ, пожелавъ и ему скораго освобожденія, я забралъ свои пожитки и отправился домой. Ровно восемь дней провелъ я подлѣ гостепріимнымъ кровомъ ново-адмиралтейской гауптвахты.

Дома меня встрѣтили какъ бы возвратившагося изъ дальняго и опаснаго странствія. Въ тотъ же день отправился я къ князю (Дондукову-Корсакову). Онъ принялъ меня съ изъясненіемъ живаго удовольствія. Отъ него поѣхалъ я къ министру и тоже былъ принятъ благосклонно: ни слова укора или даже совѣта на будущее. Онъ, между прочимъ, сказалъ:

— «И государь на васъ вовсе не сердить. Прочитавъ пропущенные стихи, онъ только замѣтилъ: «прозѣвалъ!» Но онъ вынужденъ былъ дать удовлетвореніе главѣ духовенства и при томъ публично и гласное. Во время вашего заключенія онъ освѣдомлялся у коменданта: не слишкомъ ли вы беспокоитесь, и выразилъ удовольствіе, узнавъ, что вы спокойны. Митрополитъ вообще немного выигралъ своимъ поступкомъ. Государь недоволенъ тѣмъ, что онъ утруждалъ его мелочью. Итакъ, не тревожьтесь; вамъ ничто болѣе не грозитъ».

Вѣсть о моемъ освобожденіи быстро разнеслась по городу и ко

мнѣ начали являться посѣтителѣ. Въ институтѣ я былъ встрѣченъ съ шумными изъявленіями восторга. Мнѣ передавали, что мои ученицы плакали, узнавъ о моемъ арестѣ, а одна изъ нихъ призналась священнику на исповѣди (онѣ говѣли въ это время, по обычаю, передъ выпускомъ), что она бранила митрополита за то, что тотъ жаловался на меня государю.

Я узналъ, кто былъ первымъ виновникомъ моего заключенія: это (Андрей Никол.) Муравьевъ, авторъ «Путешествія ко святымъ мѣстамъ» и неудачной трагедіи «Тиверіада». Я лично не знаю его, но изъ всего, что о немъ говорятъ, выходитъ, что это фанатикъ, который, впрочемъ, себѣ на умѣ, то есть, по пословицѣ, съ помощью монаховъ, на святости идей строить свое земное счастье.

Однако, онъ немного выигралъ своимъ доносомъ на меня. Въ публикѣ клеймятъ имя Муравьева, а государь черезъ Бенкендорфа уже далъ замѣтить митрополиту, что вовсе не благодаренъ ему за шумъ, который около двухъ недѣль наполняетъ столицу. Очевидно, Муравьеву, съ братіей, не того хотѣлось.

Былъ у коменданта Мартынова: онъ принялъ меня очень вѣжливо.

Однако, мнѣ ужъ надобно отовсюду слышать только о моемъ арестѣ: пора бы уже предать это забвенію.

Февраль 2. Новая бѣда въ цензурѣ. Въ первой книжкѣ «Библиотеки» напечатаны стихи, въ честь царя. Это плохіе стишочки вѣскога офицера Маркова, который за подобное произведеніе уже разъ получилъ брилліантовый перстень и вѣрно захотѣлъ теперь другаго. Я представлялъ стихи министру: ни онъ, ни я не замѣтили одного глупаго стиха, или, лучше сказать, слова въ концѣ первой строфы. Авторъ, говоря о великихъ дѣлахъ Николая, называетъ его «поборникомъ грядущихъ золь». Объ этомъ министръ узналъ вчера и далъ знать князю (Дондукову-Корсакову). Этотъ добрый, благородный человекъ не захотѣлъ меня тревожить въ первый день новаго года и такъ скоро послѣ постигшей меня передраги. Онъ не далъ мнѣ ничего знать, но самъ поѣхалъ къ Смирдину и принялъ рѣшительныя мѣры. Еще немного экземпляровъ было разослано по столицѣ и книжка не успѣла дойти до дворца. Тотъ часъ собрали всѣ находившіеся еще на лицо экземпляры, перепечатали въ нихъ первую страницу, гдѣ слово «поборникъ» замѣнили словомъ «рушитель» — и дѣло обошлось.

Семеновъ также сдѣлалъ промахъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Сына Отечества» напечатана статья о французскихъ и англійскихъ романахъ, гдѣ (одна святая) названа «представительницею

слабаго пола». Цензоръ получилъ отъ министра строгій выговоръ. Тѣмъ пока все кончилось.

Сенковскій сдѣлалъ глупость. Онъ замѣтилъ слово «поборникъ» наканунѣ размысли журнала, но не захотѣлъ ни самъ переимѣнить его, ни увѣдомить меня. Но хорошъ Булгаринъ! Онъ тоже замѣтилъ злополучное слово и собрался съ доносомъ къ Мордвинову (въ III-е отдѣленіе). Но его предупредили, отобравъ экземпляры журнала и замѣнивъ это слово другимъ. Онъ золь на Сенковского за то, что тотъ получаетъ большія выгоды отъ «Библіотеки». Вотъ нравы нашихъ литературныхъ корифеевъ!

9. Былъ у нашего знаменитаго баснописца Ивана Андреевича Крылова. Онъ взялъ на себя редакцію «Библіотеки для Чтенія», вмѣсто Греча, который, послѣ неприятой исторіи за стихи В. Гюго и за Роберта Дьявола, отказался отъ редакціи.

Этотъ Робертъ надѣлалъ много хлопотъ Гречу. Онъ, т. е. Гречъ, помѣстилъ въ «Сѣверной Пчелѣ» содержаніе этой оперы, въ томъ видѣ, какъ она существуетъ на французскомъ языкѣ. Но на нашемъ театрѣ она, по распоряженію самого государя, играется съ нѣкоторыми измѣненіями. Его величество велѣлъ сказать ему за это, что еще одинъ такой случай и Гречъ будетъ высланъ изъ столицы.

Комнаты Крылова похожи больше на берлогу медвѣдя, чѣмъ на жилище порядочнаго человѣка. Все: полы, стѣны, лѣстница, къ нему ведущая, кухня, одновременно служащая и прихожей, мебель—все въ высшей степени неопрятно. Его самого я засталъ на изорванномъ диванѣ, съ поджатыми ногами, въ грязномъ халатѣ, въ облакахъ сигарнаго дыма. Онъ привѣчалъ меня очень вѣжливо, изъявлялъ сожалѣніе о моемъ арестѣ и началъ разговоръ о современной литературѣ. Вообще онъ очень уменъ. Сужденія его тонки, хотя отсылаютъ школу прошлаго вѣка. Но на всемъ, что онъ говорилъ, лежалъ отгѣнокъ какой-то холодности. Не знаю, одушевлялся ли онъ, когда писалъ свои прекрасныя басни, или онѣ рождались изъ его ума, на подобіе шелковыхъ нитей, которыя червякъ безсознательно испускаетъ и мотаетъ вокругъ себя. Онъ жалуется на торговое направленіе нѣтъшней литературы, хотя самъ взялъ со Смирдина за редакцію «Библіотеки для Чтенія» девять тысячъ рублей. Правда, онъ не торгуетъ своимъ талантомъ, ибо можно быть увѣреннымъ, что онъ ничего не будетъ дѣлать для журнала. Однако, онъ пускаетъ въ ходъ свою славу: Смирдинъ даетъ ему деньги за одно его имя.

11. Былъ у генерала Сухожанета. Я опредѣленъ преподавать русскую словесность въ высшіе классы артиллерійскаго училища. Сухожанеть человѣкъ очень учтивый и пріятный, по крайней мѣрѣ,

такимъ я нашелъ его въ это свиданіе. Онъ своимъ обращеніемъ точно хочеть опровергнуть неблагопріятныя объ его характерѣ слухи.

Отъ него поѣхалъ я въ Михайловскій дворецъ представиться великому князю Михаилу Павловичу, который нынѣ принялся за учебную часть въ корпусахъ и хочеть лично знать каждаго преподавателя.

Великій князь быстро обѣжалъ кругъ изъ чиновничьихъ фигуръ въ залѣ, гдѣ находился и я. Каждому онъ сказалъ буквально по одному слову...

15. Сухозанетъ возилъ меня въ Дворянскій полкъ. Ему хотѣлось показать мнѣ, какъ тамъ идетъ преподаваніе русскаго языка, съ тѣмъ, чтобы я придумалъ средства, какъ поднять эту часть. Жалкое заведеніе! Отсюда ежегодно выходитъ въ армію человѣкъ пятьдесятъ офицеровъ, которые едва умѣютъ подписать свое имя. Я нашелъ здѣсь странность, едва ли существующую въ какомъ-либо другомъ заведеніи въ Европѣ: объемъ науки и познанія учащихся постепенно уменьшаются, по мѣрѣ перехода учениковъ въ высшіе классы, такъ что въ послѣднемъ, выпускномъ, классѣ они доходятъ почти до нуля. Напримѣръ, по русскому языку, въ низшемъ классѣ ученики прошли до синтаксиса, въ среднемъ до нарѣчій, а въ выпускномъ они занимаются числительными именами. Въ этомъ классѣ нынѣ сорокъ пять человѣкъ: ихъ въ маѣ мѣсяцѣ выпускаютъ офицерами.

16. Сегодня былъ мой экзаменъ въ Екатерининскомъ институтѣ, въ присутствіи императрицы. Онъ былъ блестятеленъ. Дѣвицы прекрасно отвѣчали на всѣ вопросы, которые имъ предлагалъ министръ народнаго просвѣщенія, Уваровъ. Онѣ говорили не по заученному наизусть, а легко, чисто, свободно, Василий Андреевичъ Жуковскій сказалъ мнѣ, что въ первый разъ въ жизни слышитъ, чтобы учащіяся имѣли такія познанія въ словесности и излагали ихъ такимъ чистымъ, русскимъ языкомъ. Министръ подтвердилъ то-же. Государыня изъявила свое полное удовольствіе и, уѣзжая изъ института, еще прибавила, что она болѣе всего довольна успѣхами дѣвицъ въ русской словесности. Онѣ писали сочиненія на доскахъ, въ присутствіи всѣхъ и на темы, которыя были назначаемы самою государынею и Уваровымъ. Всѣ сочиненія были очень хороши, а нѣкоторыя даже такъ хороши, что государыня приказала ихъ списать для себя и взяла съ собою. За то-же и осыпанъ я былъ сегодня со всѣхъ сторонъ вѣжливостію, любезностями и т. д. Уваровъ напомнилъ государынѣ, что я тотъ самый цензоръ, который недавно сидѣлъ на гауптвахтѣ.

17. Вчера состоялся великолѣпный балъ-маскарадъ въ домѣ

Державиной. Давали его Львовы, Державина и Бороздины. Блестящая наша аристократія! Звѣздами хоть мостъ мости.... Играли оперу: она шла очень не дурно; было также нѣсколько характеристическихъ кадрили, очень красивыхъ. Гостей насчитывали до 600 человекъ.

21. Гоголь Николай Васильевичъ. Ему теперь дѣтъ 28, 29. Онъ занимаетъ у насъ мѣсто адъюнкта по части исторіи; читаетъ исторію среднихъ вѣковъ. Преподаетъ ту же науку въ женскомъ Патриотическомъ институтѣ. Литераторъ. Обучался въ нѣжинской безбородковской гимназій, вмѣстѣ съ Кукольниковомъ, Прокоповичемъ и т. д. Сдѣлался извѣстнымъ публикѣ повѣстями, подъ названіемъ: «Вечера на хуторѣ: повѣсти пасѣчника Паньки Рудаго». Онъ замѣчательны по характеристическому, истинно малороссійскому, очерку нынѣшнихъ характеровъ и живому, иногда очень забавному, разсказу. Написалъ онъ и еще нѣсколько повѣстей съ юмористическимъ изображеніемъ современныхъ нравовъ. Талантъ его чисто теньеровскій. Но помимо этого, онъ пишетъ все и обо всемъ: занимается сочиненіемъ исторіи Малороссіи; сочиняетъ трактаты о живописи, музыкѣ, архитектурѣ, исторіи и т. д., и т. д. Но тамъ, гдѣ онъ переходитъ отъ матеріальной жизни къ идеальной, онъ становится надутымъ и педантичнымъ, или же расплывается въ ребяческихъ восторгахъ. Тогда и слогъ его дѣлается запутаннымъ, пустоцвѣтнымъ и пустозвоннымъ. Та-же смѣсь малороссійскаго юмора и теньеровской матеріальности съ напыщенностью существуетъ и въ его характерѣ. Онъ очень забавно разсказываетъ разныя простонародныя сцены изъ малороссійскаго быта, или заимствованныя изъ скандальной хроникки. Но лишь только начинаетъ онъ трактовать о предметахъ возвышенныхъ, его умъ, чувство и языкъ утрачиваютъ всякую оригинальность. Но онъ этого не замѣчаетъ и метитъ прямо въ геніи.

Вотъ случай изъ его жизни, который долженъ былъ бы послужить ему урокомъ, если бы фантастическое самолюбіе способно было принимать уроки. Пользуясь особеннымъ покровительствомъ В. А. Жуковскаго, онъ захотѣлъ быть профессоромъ. Жуковскій возвысилъ его въ глазахъ Уварова до того, что тотъ въ самомъ дѣлѣ повѣрилъ, будто изъ Гоголя выйдетъ прекрасный профессоръ исторіи, хотя въ этомъ отношеніи онъ не представилъ ни одного опыта своихъ знаній и таланта. Ему предложено было мѣсто экстра-ординарнаго профессора исторіи въ кіевскомъ университетѣ. Но Гоголь вообразилъ себѣ, что его геній даетъ ему право на высшія притязанія, потребовалъ званія ординарнаго профессора и шесть тысячъ рублей одновременно на уплату долговъ. Молодой человекъ, хотя уже и съ именемъ

въ литературѣ, но не имѣющій никакого академическаго званія, ничѣмъ не доказавшій ни познаній, ни способностей для каведры—и какой каведры — университетской! требуетъ себѣ того, что самый Геренъ, должно полагать, попросилъ бы со скромностъю. Это можетъ дѣлаться только въ Россіи, гдѣ протекція даетъ право на все. Однако-жъ, министръ отказалъ Гоголю. Затѣмъ, узнавъ, что у насъ по каведрѣ исторіи нуженъ преподаватель, онъ началъ искать этого мѣста, требуя на этотъ разъ, чтобы его сдѣлали, по крайней мѣрѣ, экстра-ординарнымъ профессоромъ. Признаюсь, и я подумалъ, что человѣкъ, который такъ въ себѣ увѣренъ, не испортить дѣла, и старался его сблизить съ попечителемъ, даже хлопоталъ, чтобы его сдѣлали экстра-ординарнымъ профессоромъ. Но насъ не послушали и сдѣлали его только адъюнктомъ.

Что же вышло? «Синица явилась зажечь море» — и только. Гоголь такъ дурно читаетъ лекціи въ университетѣ, что сдѣлался посмѣшищемъ для студентовъ. Начальство боится, чтобы они не выкинули надъ нимъ какойнибудь шалости, обыкновенной въ такихъ случаяхъ, но неприятной по послѣдствіямъ. Надобно было приступить къ рѣшительной мѣрѣ. Попечитель призвалъ его къ себѣ и очень ласково объявилъ ему о неприятной молвѣ, распространенной о его лекціяхъ. На минуту гордость его уступила мѣсто горькому сознанию своей неопытности и безсилія. Онъ былъ у меня и признался, что для университетскихъ чтеній надо больше опытности.

Вотъ чѣмъ кончилось это знаменитое требованіе профессорской каведры. Но это въ концѣ концовъ не поколебало вѣры Гоголя въ свою всеобъемлющую гениальность. Хотя, послѣ замѣчанія попечителя, онъ долженъ былъ перемѣнить свой надменный тонъ съ ректоромъ, деканомъ и прочими членами университета, но въ кругу «своихъ» онъ все тотъ же всезнающій, глубокомысленный, гениальный Гоголь, какимъ былъ до сихъ поръ.

Это смѣшное, надутое, ребяческое самолюбіе, впрочемъ, составляетъ черту характера не одного Гоголя, но едва-ли не всѣхъ знаменитыхъ умовъ нашихъ, выдавшихъ свое имя въ печати. Есть, напримеръ, нѣкто, помѣщающій въ изданіяхъ свои годичные обзоры русской журнальной литературы. Послушайте его, какъ онъ говоритъ обо всемъ: тоже человѣкъ гениальный. Его маленькое, желчное личико надутое, какъ соленый залежавшійся огурецъ съ пустотою внутри. Только этотъ—геній другого рода. Ни одна вещь въ мірѣ, ни самый міръ, кажется, ни одно лицо человѣческое, ни одна мысль, вышедшая изъ чужой головы, не имѣютъ счастья ему нравиться. Онъ на все смотритъ, какъ человѣкъ, исчерпавшій жизнь до дна и вполне

измѣрившій холодную пустоту въ ея таинственныхъ глубинахъ. Не думайте въ разговорѣ съ нимъ обмѣняться мыслями: слушайте только его неотразимые, роковые приговоры: въ нихъ сокрыта мудрость, политика и журналистика.

24. Сегодня опять представлялся великому князю Михаилу Павловичу. Онъ нынѣ очень заботится о расширеніи учебной части въ военныхъ корпусахъ.....

Мартъ 18. Достопримѣчательное засѣданіе въ совѣтѣ университета. Въ московскомъ и другихъ университетахъ русскихъ ученое сословіе не считало предосудительнымъ брать взятки при экзаменахъ чиновниковъ. Нашъ не имѣлъ этой славы. Однако, съ нѣкоторыхъ поръ и сюда сталъ вкрадываться продажный духъ, впрочемъ, общій всѣмъ учрежденіямъ въ Россіи. Три или четыре человѣка изъ здѣшнихъ профессоровъ уже приобрѣли извѣстность въ этомъ отношеніи, гораздо большую, чѣмъ въ ученой своей дѣятельности. Нѣсколько другихъ сочли своею обязанностью выставить это обстоятельство передъ княземъ (Дондуковымъ) и возбудить его къ противодействию: ибо чѣмъ больше общество будетъ проникнуто довѣріемъ къ нравственному достоинству ученаго сословія, тѣмъ больше вліянія будетъ имѣть послѣднее на образованіе въ Россіи. Пусть хоть оно одно въ Россіи будетъ проникнуто духомъ чести!

Князь рѣшился явиться въ совѣтъ университета, будто для совѣщанія по разнымъ дѣламъ, но на самомъ дѣлѣ, чтобы дать почувствовать всѣмъ, сколь необходимо намъ сохранить честь сословія въ этомъ отношеніи. Онъ исполнялъ это тонко и хорошо.

19. Былъ у меня (Мих. Петровичъ) Погодинъ, профессоръ московскаго университета. Онъ пріѣзжалъ сюда, между прочимъ, съ жалобою къ министру на московскую цензуру, которая ничего не позволяетъ печатать. Послѣ моего ареста она превратилась въ настоящую литературную инквизицію. Погодинъ говорить, что въ Москвѣ удивляются здѣшней свободѣ печати. Можно себѣ представить, каково же тамъ!

Апрѣль 7. Праздникъ Воскресенія Христова. Былъ у заутрени и обѣдни въ университетской церкви. Цѣлый день свирѣпствовала ужасная буря и метель. Снѣгъ выпалъ такой, что ѣздить на саняхъ.

9. Былъ во дворцѣ для поздравленія великаго князя Михаила Павловича. Поклонниковъ было человѣкъ триста. Голубыя, синія, красныя и алія ленты мелькали на каждомъ шагѣ; звѣздъ было не счесть. Великій князь со всѣми христосовался. Отъ него я поѣхалъ къ нашему министру, гдѣ повторилась та-же сцена.

Я пропустилъ первую часть записокъ герцогини Абрантесъ въ русскомъ переводѣ. Государь спросилъ у министра, правда ли это? Ему отвѣчали, что правда, но что въ этихъ запискахъ нѣтъ ничего худаго.

Видѣлся съ Лобановымъ. Онъ очень разстроены критикою на его трагедію «Борись Годуновъ», напечатанную въ «Сѣверной Пчелѣ» и «Библиотекѣ для Чтенія». Трагедія плоха, но и разобрали же ее жестоко.

11. Состояніе нашей литературы наводитъ тоску. Ни свѣтлой мысли, ни искры чувства. Все пошло, мелко, бездушно. Одинъ только цензоръ можетъ читать по обязанности все, что нынѣ у насъ пишутъ. Иначе и быть не можетъ. У насъ нѣтъ недостатка въ талантахъ; есть молодые люди съ благородными стремленіями, способные къ усовершенствованію. Но какъ могутъ они писать, когда имъ запрещено мыслить? Тутъ дѣло вовсе не въ томъ, чтобы направлять умы или сдерживать еще неопредѣленные, опасные порывы. Основное начало нынѣшней политики очень просто: одно только то правленіе твердо, которое основано на страхѣ; одинъ только тотъ народъ спокоенъ, который не мыслитъ. Изъ этого выходитъ, что посредственнымъ людямъ ничего больше не остается, какъ погрязать въ скотствѣ. Люди же съ талантомъ принуждены жить только для себя. Отъ этого характеристическая черта нашего времени—холодный, бездушный эгоизмъ. Другая черта—страсть къ деньгамъ: всякій спѣшитъ захватить ихъ побольше, зная, что это единственное средство къ относительной независимости. Никакого честолюбія, никакого благороднаго жара къ вольной дѣятельности. Одно горькое чувство согрѣваетъ еще адскимъ, жгучимъ жаромъ нѣкоторыя избранныя души: это чувство—негодованіе.

21. Новое постановленіе: не представлять чиновниковъ къ ежегоднымъ денежнымъ наградамъ. До сихъ поръ каждый изъ нихъ, получая жалованье, едва достаточное на насущный хлѣбъ, всегда возлагалъ надежды на конецъ года, который приносилъ ему еще хоть треть всего оклада: это служило дополненіемъ къ жалованью и давало возможность кое-какъ перебиваться. Имѣлось въ этомъ важное орудіе поощренія, обращая дополненіе къ жалованью въ награду за особенное усердіе и труды по службѣ. Теперь этого не будетъ, такъ какъ рѣшили, что чиновники и тогда уже достаточно благоденствуютъ, если являются на службу не съ продранными локтями. Да оно и дѣйствительно такъ: вѣдь честолюбіе запрещено питать:

къ чему же тутъ поощренія или награды?

Министры очень недовольны этимъ распоряженіемъ.

Май 20. Представлялся вмѣстѣ съ прочими профессорами новому товарищу министра народнаго просвѣщенія, графу Протасову. Это молодой человекъ лѣтъ 32-хъ, безъ физіономіи, флигель-адъютантъ. У насъ молодые люди, разъ напечатавшіе гдѣ нибудь въ журналѣ свое имя, считаютъ себя гениями; такъ же точно люди, надѣвши военный мундиръ съ густыми эполетами, считаютъ себя государственными людьми, наравнѣ съ Меттернихами и Талейравами.

Іюнь 13. Двумъ перкокласнымъ живописцамъ нашимъ, Егорову и Шебуеву, заказаны образа для иконостаса церкви въ Измайловскомъ полку. Образа были написаны, одобрены назначенною для того комиссіею и поставлены въ церковь. Приѣзжаетъ министръ имп. двора и находитъ образа не по своему вкусу: онъ ли самъ это напелъ или какой нибудь флигель-любителъ изящнаго—неизвѣстно. Только слѣдуетъ приказъ: «отдать образа обратно Егорову и Шебуеву за то, что они дурно написаны, а деньги, если оныя уже выданы имъ, взискать съ нихъ въ казну; если же не выданы, то и не выдавать и внести это въ ихъ послужные списки».

17. Возвратились изъ-за границы студенты профессорскаго института. У меня были уже: Печеринъ, Куторга младшій, Чевелевъ. Колмыковъ приѣхалъ прежде. Они отвыкли отъ Россіи и тяготеютъ мыслью, что должны навсегда прозябать въ этомъ царствѣ (крѣпостнаго) рабства. Особенно мраченъ Печеринъ. Онъ долго жилъ въ Римѣ, въ Неаполѣ, видѣлъ большую часть Европы и теперь опять заброшенъ судьбой въ Азію. По словамъ ихъ, ненависть къ русскимъ за границу повсемѣстная и вопиющая. Часто имъ приходилось скрывать, что они русскіе, чтобы встрѣтить пріятливый взглядъ и ласковое слово иностранца. Насъ считаютъ гунами, грозящими Европѣ новымъ варварствомъ. Профессора провозглашаютъ это съ каедръ, стараясь возбудить въ слушателяхъ опасенія противъ нашего могущества.

17. Князь-попечитель призывалъ меня на совѣщаніе, кого изъ возвратившихся изъ за границы оставить при петербургскомъ университетѣ. Для правъ я предложилъ Колмыкова и Рѣдкина; для исторіи Куторгу (Михаила Семеновича); для политической экономіи—Порошина; для греческой словесности Печерина; для латинской—Крюкова. Князь намѣренъ сильно настаивать, чтобы этихъ людей дали нашему университету, но мало надѣется отстоять Печерина и Крюкова. Другіе университеты тоже нуждаются въ профессорахъ. Въ министерствѣ сильно хлопочутъ объ усиленіи хорошаго состава профессоровъ по всѣмъ русскимъ университетамъ.

Попечитель, между прочимъ, сообщилъ мнѣ, что новое образованіе

округовъ уже скоро состоится. Университетъ устраняется отъ всякаго участія въ собственномъ управленіи. Власть сосредоточивается въ лицѣ попечителя и его совѣта.

18. Слушалъ пробныя лекціи, читанныя въ академіи Куторгою и Лунинимъ. Обѣ по части исторіи. Одинъ началъ исторію среднихъ вѣковъ, другой новую. У Куторги нѣтъ дара слова и вообще особеннаго таланта; но съ практикою онъ сдѣлается хорошимъ и полезнымъ преподавателемъ. Уже и то много, что онъ читалъ не по тетради. Въ немъ, кромѣ того, видна свѣжая, юношеская любовь къ своему предмету. Лунинъ читалъ почти все по тетради нѣсколько напыщенно и витіевато.

27. Былъ у министра съ докладомъ объ одной статьѣ для «Библиотеки для Чтенія»: онъ согласился пропустить ее. Оттуда поѣхалъ въ университетъ, гдѣ нѣсколько студентовъ правовѣднія защищали диссертациі на степень докторовъ. Эта травля ученыхъ продолжалась около пяти часовъ. Студенты всѣ изъ семинаристовъ, что очень отзывается въ ихъ пріемахъ и рѣчахъ.

Августъ 8. Ѣздилъ къ министру съ докладомъ по цензурѣ. Сенковскій хочетъ напечатать въ «Библиотекѣ для Чтенія» статью о Фридрихѣ Великомъ, гдѣ говорится, что этотъ государь основалъ новую форму правленія въ Европѣ—военное самодержавіе, что эта форма есть наилучшая, въ особенности для Россіи, въ которой она и осуществляется съ такимъ успѣхомъ.

Эту статью, какъ политическаго содержанія, надлежало представить министру. Онъ велѣлъ исключить въ ней все, относящееся къ Россіи.

Министръ Уваровъ сегодня былъ въ ударѣ говорить. Привожу цѣликомъ монологъ, который онъ произнесъ:

— «Мы, то есть люди XIX вѣка, въ затруднительномъ положеніи мы живемъ среди бурь и волненій политическихъ. Народы измѣняютъ свой бытъ, обновляются, волнуются, идутъ впередъ. Никто здѣсь не можетъ предписывать своихъ законовъ. Но Россія еще юна, дѣвственна и не должна вкусить, по крайней мѣрѣ теперь еще, сихъ кровавыхъ тревогъ. Надобно продлить ея юность и тѣмъ временемъ воспитать ее. Вотъ моя политическая система. Я знаю, чего хотятъ наши либералы, наши журналисты и ихъ клеветы: Гречъ, Полевой, Сенковскій и проч. Но имъ не удастся бросить своихъ сѣмянъ на ниву, на которой я сѣю и которой я состою стражемъ—нѣтъ, не удастся. Мое дѣло не только блюсти за просвѣщеніемъ, но и блюсти за духомъ поколѣнія. Если мнѣ удастся отодвинуть Россію на 50 лѣтъ отъ того, что готовятъ ей теоріи, то я исполню мой долгъ и умру

спокойно. Вотъ моя теорія; я надѣюсь, что это исполню. Я имѣю на то добрую волю и политическія средства. Я знаю, что противъ меня кричатъ: я не слушаю этихъ криковъ. Пусть называютъ меня обскурантомъ: государственнй человѣкъ долженъ стоять выше толпы».

О Гречѣ онъ говорилъ очень рѣзко:

— «Я имѣю, сказалъ онъ, такое повелѣніе государя, которымъ могу въ одно мгновение обратить его въ ничто. Вообще эти господа не знаютъ, кажется, въ какихъ они тискахъ и что я многое смягчаю еще въ томъ, что они считаютъ жестокимъ».

Октябрь 6. Я сдѣланъ членомъ комитета, который долженъ выработать проектъ устройства военно-учебныхъ заведеній. Это созданіе Якова Ростовцева, который является главною пружиной дѣлъ по этой части. Великій князь (Михаилъ Павловичъ) его слушаетъ. Ростовцевъ дѣйствуетъ, какъ патріотъ и благородный человѣкъ. Главная мысль его: повести образованіе въ корпусахъ такъ, чтобъ гражданинъ стоялъ здѣсь выше солдата. Онъ предсѣдательствуетъ въ нашемъ комитетѣ. Онъ одаренъ свѣтлымъ умомъ и даромъ излагать свои мысли ясно и съ какою-то особенною прелестью, не смотря на то, что онъ занка.

У насъ было уже нѣсколько засѣданій. Еще отличается здѣсь инспекторъ Павловскаго кадетскаго корпуса Александръ Ѳеодоровичъ Шенинъ. Это тоже человѣкъ замѣчательный. Маленькая фигурка съ кривыми ногами и насмѣшливою мефистофельскою физиономіею. Умъ его рѣзокъ и мѣтокъ. Съ этимъ онъ соединяетъ, кажется, твердую волю и искусство убѣждать то рѣзкою ироніею, то основательными доводами. Онъ сдѣлалъ много улучшеній въ своемъ корпусѣ.

30. Ожесточенныя пренія съ Сенковскимъ. Въ его повѣсти «Записки домового» я исключилъ нѣсколько фразъ, которыя мнѣ показались ужъ черезъ-чуръ непристойными. Онъ возсталъ, но въ заключеніе уступилъ мнѣ, однако, не столько, какъ цензору, сколько пріятелю, который убѣждалъ его со стороны вкуса и приличія. Мы разстались вполне миролюбиво.

Ноябрь 23. Женскія заведенія, говорятъ старики и старушки, нынѣ не въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, какъ при императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Это особенно замѣчаютъ въ Екатерининскомъ институтѣ. Въ Смольномъ монастырѣ упадокъ нѣсколько прикрывается личнымъ благоволеніемъ государыни Александры Ѳеодоровны къ начальницѣ его, г-жѣ Адлербергъ. Созданныя мѣрами чрезвычайными, подъ вліяніемъ вкуса къ просвѣщенію въ началѣ царствованія Александра I, они въ нынѣшнее (1835 г.).

время могли бы поддерживаться также только чрезвычайными

мѣрами. Жалованье учащимъ въ этихъ заведеніяхъ скудное. Но императрица Марія своею любезностью и вниманіемъ умѣла привлекать въ нихъ лучшихъ преподавателей, какіе въ то время могли быть въ Петербургѣ. Всѣ они были воодушевлены духомъ императрицы, одно имя которой вселяло во всѣхъ какое-то религиозное рвеніе къ долгу. Я не засталъ уже ее, но слышу это отъ каждаго, кто служилъ подъ ея начальствомъ. Конечно, и тогда были злоупотребленія; особенно дурно шла матеріальная часть. Экономы крали безнаочно и самыя мысли императрицы часто искажались исполнителями; но заведеніе имѣло то, что называется духомъ: оно жило, а не прозябало. Теперь дѣвницамъ даютъ порядочный картофель и не совсѣмъ тухлую говядину и то только по милости Николая Петровича Новосильцова, который въ качествѣ члена совѣта и человѣка добраго, хотя и не орла, обратилъ вниманіе на желудки воспитанницъ. За то образованіе вполнѣ предоставлено случаю...

Декабрь 23. На экзаменѣ въ артиллерійскомъ училищѣ познакомился я съ генераломъ Ермоловымъ, другимъ, а не тѣмъ, который былъ покорителемъ Грузіи. Это человѣкъ образованный, хотя и съ генеральскими эполетами. Такое-же пріятное удивленіе вызвалъ во мнѣ и другой генералъ — Зеддлеръ, назначенный начальникомъ аудиторской школы.

26. Въ городѣ очень много толкуютъ о новомъ балетѣ: Бунтъ въ сералѣ. Слово бунтъ, впрочемъ, замѣнено возстаніемъ. Здѣсь особенно восторгаются сценою купанья одалисокъ и военными эволюціями танцовщицъ. Послѣднія, говорятъ, доведены до *pes plus ultra*. Государь самъ ѣздилъ на репетицію и наблюдалъ за этимъ.

Много говорили также, а теперь уже и перестали, о томъ, какъ французскіе и англійскіе газеты и журналы разбрали известную рѣчь къ польскимъ депутатамъ въ Варшавѣ. Государь велѣлъ пропустить эти журналы, на которые былъ изготовленъ отвѣтъ и напечатанъ въ петербургской французской газетѣ. Впрочемъ, журналы эти не долго вращались въ публикѣ. Теперь уже не найдешь ихъ ни въ одномъ публичномъ мѣстѣ: они отобраны полиціей.

28. Гебгардтъ старшій товарищъ мой по университету. Теперь онъ служитъ въ иностранной коллегіи и учитъ математику въ Павловскомъ корпусѣ и въ частныхъ домахъ. Онъ одаренъ удивительно гибкимъ, блестящимъ умомъ и рѣдкимъ даромъ слова. Умъ его рассыпается въ тысячахъ блестящихъ искръ и каждая искра или свѣтитъ, или жжетъ. Особенно хорошъ онъ въ быстрыхъ, летучихъ, неожиданныхъ эпиграммахъ, которыми уязвляетъ пошлость и невѣжество нашего общества. Чувствуя въ себѣ силы на высшую дѣятель-

ность, онъ грустно влечить дни свои по темнымъ и грязнымъ закоулкамъ чиновническаго быта—и это съѣдаетъ его, ибо съ такимъ блестящимъ умомъ нельзя не имѣть честолюбія. Ему еще тяжелѣе отъ того, что онъ, по свойствамъ своего ума, не способенъ къ упорной, усидчивой кабинетной дѣятельности: ему необходимы воздухъ и пространство.

Другой товарищъ мой, Чижевъ, готовится занять въ университетѣ мѣсто профессора математики. Этотъ человекъ стоитъ высоко по своимъ нравственнымъ силамъ. Въ его характерѣ и умѣ гораздо больше энергіи и устоя, чѣмъ у Гебгардта. Къ этому онъ присоединяетъ еще способность подчинять свои личныя соображенія практическимъ дѣламъ жизни. Но не знаю, способенъ ли онъ къ энтузиазму. Онъ благороденъ, однако, полагаетъ, что искусная политика жизни не идетъ въ разрѣзъ съ добродѣтелью, и что невинность должна опираться на знаніе того, что не невинно. Въ его рѣчахъ нѣтъ ни блеска, ни пылкости, но онъ выражается ясно и точно. Умъ его не разсѣкаетъ мглы съ быстротою молніи, но доходитъ до вѣрныхъ результатовъ путемъ болѣе медленнымъ, но за то и менѣе опаснымъ.

1836 г.

Январь 10. Кукольникъ читалъ у меня своего «Доминикина». Это высокое произведеніе. Здѣсь Кукольникъ является истиннымъ художникомъ: поэтось и мысли, и формы. Мы долго говорили наединѣ. Онъ разочарованъ дворомъ. Не знаю, искалъ ли онъ его милостей или только хотѣлъ прикрыться его щитомъ. Какъ бы то ни было, а его положеніе не завидно. Каждое произведеніе свое онъ долженъ представлять на разсмотрѣніе Бенкендорфа. Съ другой стороны онъ своими грубыми патріотическими фарсами, особенно «Скопичимъ-Шуйскимъ», вооружилъ противъ себя людей свободномыслящихъ и лишился ихъ довѣрія. Я не говорю о проискахъ мелкой зависти, которая обыкновенно кидаетъ грязью въ таланты: талантъ не долженъ этого и замѣчать.

Интересно, какъ Пушкинъ судить о Кукольникѣ. Однажды у Щетнева зашла рѣчь о послѣднемъ: я былъ тутъ же. Пушкинъ, по обыкновенію, грызъ ногти или яблоко—не помню, сказалъ:

— А что, вѣдь, у Кукольника есть хорошіе стихи? Говорятъ, что у него есть и мысли.

Это было сказано тономъ двойнаго аристократа: аристократа природы и положенія въ свѣтѣ. Пушкинъ иногда впадаетъ въ этотъ тонъ и тогда становится крайне неприятнымъ.

Чтеніе «Доминикина» продолжалось у меня до втораго часа ночи. Всѣ разошлись еще позже.

13. Введены новый уставъ и новые штаты въ университетахъ. Я получаю теперь 3,900 рублей (ассигн.) жалованья, вмѣсто 1,300: замѣтная разница! Но это преобразование, однако, многимъ дорого стоятъ. Тринадцать профессоровъ и адъюнктовъ получили увольненіе и не знаютъ теперь, куда имъ дѣться. Вутырскому оставалось года полтора дослужить до пенсіона въ пять тысячъ рублей: онъ уволенъ съ 2,000. Исключенъ также Постельсъ, человекъ съ дарованіями и со свѣдѣніями, совершившій путешествіе вокругъ свѣта, получившій одобреніе отъ знаменитаго Кювье. Кто же можетъ быть увѣренъ въ прочности своего положенія? Каждый изъ насъ, поневолѣ, долженъ кромѣ университета, искать другихъ занятій, чтобы вдругъ, если вадумается начальству, не остаться безъ куска хлѣба. Примѣръ Вутырскаго особенно печаленъ. Онъ служилъ долго и имѣлъ блестящую репутацію: ничто не спасло его. Министръ давно за что-то сердить на него. Долго недоумѣвали, какимъ образомъ уцѣлѣлъ Сенковскій. Теперь объяснилось: онъ созданіе профессора Греффе, а Греффе близкій другъ министра.

17. Вчера была моя обыкновенная пятница. Пушкинъ написалъ родъ пасквиля на министра народнаго просвѣщенія, на котораго онъ очень сердить за то, что тотъ подвергнулъ его сочиненія общей цензурѣ. Прежде его сочиненія разсматривались въ собственной канцеляріи государя, который и самъ иногда читалъ ихъ. Такъ, напримѣръ, поэма «Всадникъ» имъ самимъ не пропущена.

Пасквиль Пушкина называется: «Выздоровленіе Лукулла»: она напечатана въ московскомъ «Наблюдателѣ». Онъ какъ-то хвалился, что непременно посадить на гауптвахту кого-нибудь изъ здѣшнихъ цензоровъ, особенно меня, которому не хочетъ простить за «Анже ло». Этой цѣли онъ теперь, кажется, достигнетъ въ Москвѣ, ибо пьеса надѣлала много шуму въ городѣ. Всѣ узнають въ ней, какъ нельзя лучше, Уварова.

Трагическое приключеніе. Сынъ знаменитаго здѣшняго портнаго Кампини отданъ былъ учиться архитектурѣ къ Тону. Ему было девятнадцать лѣтъ. Онъ познакомился съ сестрою архитектора, своего учителя, дѣвичествомъ лѣтъ двадцати девяти и, какъ говорятъ, некрасивою. Третьяго дня онъ пришелъ къ Тону вечеромъ, спрятался у него, выждать время, когда дѣвушка осталась одна дома, вошелъ къ ней

въ спальню и заперъ дверь изнутри. Черезъ нѣсколько времени въ комнатѣ послышался подозрительный шумъ; выломали двери и нашли дѣвцу Тонь плавающею въ крови: она была поражена ножомъ въ самое сердце, а молодой человекъ лежалъ тутъ же, съ перерѣзаннымъ горломъ. Дѣвушка уже умерла, но Каминни былъ еще живъ. Ему зашили горло, онъ разорвалъ его и умеръ. Говорятъ, что родственники не соглашались на ихъ бракъ и они порѣшили погибнуть вмѣстѣ. Объ этомъ много толковъ и сплетенъ.

20. Весь городъ занятъ «Выздоровленіемъ Лукулла». Враги Уварова читаютъ пьесу съ восхищеніемъ, но большинство образованной публики не довольно своимъ почетомъ. Въ самомъ дѣлѣ, Пушкинъ этимъ стихотвореніемъ не много выигралъ въ общественномъ мнѣніи, которымъ, при всей своей гордости, однако, очень дорожить. Государь, черезъ Бенкендорфа, приказалъ сдѣлать ему строгій выговоръ.

Но дня за три до этого Пушкину уже было разрѣшено издавать журналъ, въ родѣ «Эдинбургскаго трехмѣсячнаго Обозрѣнія»: онъ будетъ называться «Современникомъ». Цензоромъ новаго журнала попечитель назначилъ Крылова, самаго трусливаго, а слѣдовательно и самаго строгаго изъ нашей братіи. Хотѣли меня назначить, но я убѣдительно просилъ уволить меня отъ этого: съ Пушкинымъ слишкомъ тяжело имѣть дѣло.

Февраль 3. Вчера въ Петербургѣ случилось ужасное происшествіе. Въ числѣ масляничныхъ балагановъ уже нѣсколько лѣтъ первое мѣсто занимаетъ балаганъ Лемана, знаменитаго фокусника, отъ котораго публика всегда была въ восторгѣ. Въ воскресенье, то есть вчера, онъ далъ свое первое представленіе. Балаганъ загорѣлся. Народъ, сидѣвшій въ заднихъ рядахъ, ринулся спасаться къ дверямъ: ихъ было всего двое. Тѣ, которые сидѣли ближе къ выходу, то есть въ креслахъ или тотчасъ за ними, дѣйствительно спаслись. Но скоро толпа, нахлынувшая къ двери, налегла на нихъ такъ, что не было возможности ихъ открывать. Огонь, между тѣмъ, съ быстротою молніи охватилъ все зданіе и въ нѣсколько мгновеній превратилъ его въ пылающій костеръ, гдѣ горѣли живые люди. Никакой помощи не успѣли подать. Черезъ четверть часа все превратилось въ уголья и въ пепелъ; крики умолкли и среди дымящихся развалинъ открылись кучи обгорѣлыхъ труповъ.

Это было въ половинѣ пятаго пополудни. Государь сдѣлалъ все, что могъ, для спасенія несчастныхъ, но было уже слишкомъ поздно. Согласно «Сѣверной Пчелѣ», погибло 126 человекъ;—по частнымъ, неофициальнымъ слухамъ—вдвое больше. Да сверхъ того многіе видѣли еще огромный ящикъ, наполненный костями, собранными въ мѣстахъ,

гдѣ всего сильнѣе свирѣствоваль пожаръ. Ради теплоты, Леманъ обиль большую часть балагана смоляною клеенкой и сверхъ того всѣ доски тоже были обмазаны смолой: не мудрено, что пламя такъ быстро распространилось.

Пожаръ, говорятъ, произошелъ отъ лампы, которая была поставлена слишкомъ близко къ стѣнѣ и зажгла клеенку. Я сегодня проѣзжалъ мимо и не видѣлъ уже ничего, кромѣ чернаго пятна, на которомъ еще продолжаютъ сгребать золу. Въ золѣ этой люди: они въ четверть часа превратились въ золу.

10. Оказывается, что сотни людей могутъ сгорѣть отъ излишнихъ попеченій о нихъ Это покажется страннымъ, но оно дѣйствительно такъ. Вотъ одно обстоятельство изъ пожара въ балаганѣ Лемана, которое теперь только сдѣлалось извѣстнымъ. Когда начался пожаръ и изъ балагана раздались первые вопли, народъ, толпившійся на площади, по случаю праздничныхъ дней, бросился къ балагану, чтобы разбирать его и освобождать людей. Вдругъ является полиція, разгоняетъ народъ и запрещаетъ что-бы то ни было предпринимать до прибытія пожарныхъ: ибо послѣднимъ принадлежить офвціальное право тушить пожары. Народъ нашъ, привыкшій къ безпрекословному повиновенію, отхлынулъ отъ балагана, сталъ въ почтительномъ разстояніи и сдѣлался спокойнымъ зрителемъ страшнаго зрѣлища. Пожарная же команда поспѣла какъ разъ во-время къ тому только, чтобы вытаскивать крючками изъ огня обгорѣлые трупы. Было, однако-жъ, небольшое исключеніе: нѣсколько смѣльчаковъ не послушались полиціи, кинулись къ балагану, разнесли нѣсколько досокъ и спасли трехъ или четырехъ людей. Но ихъ быстро отгнѣсили. За то «Сѣверная Пчела», извѣщая публику о пожарѣ, объявила, что люди горѣли въ удивительномъ порядкѣ и что при этомъ всѣ надлежащія мѣры были соблюдены. Государь, говорятъ, сердился, что дали столькимъ погибнуть, но это никого не вернуло къ жизни.

Мартъ 3. Былъ на балу у Д. М. Княжевича. Онъ праздноваль именины жены. Домашній спектакль: играли дѣти какую-то комедію Бориса Оедорова, а взрослые комедію Шаховскаго: «Своя семья». Авторъ былъ здѣсь. Я старался не попадаться ему на глаза, ибо онъ ужасный говорунъ, хотя говорить вообще не дурно. За то я попался въ руки двумъ другимъ говорунамъ: цензору Семенову и литератору-академику Лобанову. Первый, впрочемъ, добродушный говорунъ и никого не оскорбляетъ. Второй другаго закала человекъ. Это, что называется, академикъ-парикъ и плохой поэтъ. Старая литература для него святыня, новая—ересь и сплошь мерзость. «Каждая

новая идея, говорить онъ, заблужденіе; французы подлецы; нѣмецкая философія глупость, а все имѣетъ либерализмъ», противъ котораго онъ, Лобановъ, написалъ уже рѣчь: послѣдняя, по его мнѣнію, должна понравиться правительству.

Если бы послушать Лобанова, то цензура ничего не пропускала бы, кромя его сочиненій «благонамѣренныхъ и солидныхъ».

Послѣ академическаго суесловія настала очередь шампанскаго. Я запили имъ горе этого вечера и возвратился домой ужъ около пяти часовъ утра.

10. Плюшаръ напечаталъ въ «Сѣверной Пчелѣ» письмо, съ обвиненіемъ Смирдина въ томъ, что тотъ неисправно доставляетъ подписчикамъ 3-й и 4-й томы «Энциклопедическаго лексикона»: по уговору онъ долженъ ихъ разсылать. Смирдинъ, въ свое оправданіе, представилъ цензурному комитету росписку Плюшара, изъ которой видно, что эти томы имъ самимъ получены лишь въ то время, когда, по словамъ Плюшара, они должны были бы уже находиться въ рукахъ подписчиковъ. Такъ какъ Плюшаръ такую ложью, очевидно, намѣревался подорвать торговый кредитъ Смирдина, послѣдній подавъ на перваго жалобу генераль-губернатору. Но кто настоящій виновникъ этой интриги?—Гречъ: онъ поссорился съ Сенковскимъ, захотѣлъ отомстить ему на Смирдинѣ и подбилъ Плюшара напечатать вышеупомянутое письмо. Цензоръ Семеновъ долженъ отъ этого идти въ отставку.

Апрѣль 14. Пушкина жестоко жметъ цензура. Онъ жаловался на Крылова и просилъ себѣ другаго цензора, въ подмогу первому. Ему назначили Гаевского. Пушкинъ расканвадается, но поздно. Гаевскій до того напуганъ гауптвахтой, на которой просидѣлъ восемь дней, что теперь сомнѣвается, можно ли пропускать въ печать извѣстія, въ родѣ того, что такой-то король скончался.

28. Комедія Гоголя «Ревизоръ» надѣлала много шуму. Ее безпрестанно даютъ—почти черезъ день. Государь былъ на первомъ представленіи, хлопалъ и много смѣялся. Я попалъ на третье представленіе. Была государыня съ наследникомъ и великими князьями. Ихъ эта комедія тоже много тѣшила. Государь даже велѣлъ министрамъ ѣхать смотрѣть «Ревизора». Впереди меня, въ креслахъ, сидѣли графъ Чернышевъ и графъ Канкринъ. Первый выражалъ свое полное удовольствіе; второй только сказалъ:

— Стоило ли ѣхать смотрѣть эту глупую фарсу.

Многіе полагаютъ, что правительство напрасно одобряетъ эту піесу, въ которой оно такъ жестоко порицается. Я видѣлся вчера съ Гоголемъ. Онъ имѣетъ видъ великаго человѣка, преслѣдуемаго

оскорбленнымъ самолюбіемъ. Впрочемъ, Гоголь дѣйствительно сдѣлалъ важное дѣло. Впечатлѣніе, производимое его комедіей, много прибавляетъ къ тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя накопляются въ умахъ отъ существующаго у насъ порядка вещей.

29. За комедіей Гоголя на сценѣ послѣдовала трагедія въ дѣйствительной жизни: чиновникъ Павловъ убилъ, или почти убилъ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Апрѣлева и въ ту минуту, когда тотъ возвращался изъ церкви отъ вѣнца, съ своею молодой женой. Это вмѣстѣ съ «Ревизоромъ» теперь занимаетъ весь городъ.

Май 10. Удивительныя дѣла! Петербургъ, насколько извѣстно, не на военномъ положеніи, а Павлова велѣно судить и осудить въ двадцать четыре часа военнымъ судомъ. Его судили и осудили. Палачъ переломилъ надъ его головою шпагу, или лучше сказать на его головѣ, потому что онъ пробилъ ему голову. Публика страшно возстала противъ Павлова, какъ «гнуснаго убійцы», а министръ народнаго просвѣщенія наложилъ амбарго на всѣ французскіе романы и повѣсти, особенно Дюма, считая ихъ виновными въ убійствѣ Апрѣлева. Вѣдь доказывалъ же Магницкій, что книга Куницына: «Естественное право», напечатанная по русски и въ Петербургѣ, вызвала революцію въ Неаполѣ. Павлова, какъ сказано, судили и осудили въ двадцать четыре часа. Между тѣмъ, вотъ что открылось. Апрѣлевъ шесть лѣтъ тому назадъ обольстилъ сестру Павлова, прижилъ съ нею двухъ дѣтей, обѣщалъ жениться. Павловъ братъ требовалъ этого отъ него имевемъ чести, имевемъ своего оскорбленнаго семейства. Но дѣло затягивалось и Павловъ послалъ Апрѣлеву вызовъ на дуэль. Вмѣсто отвѣта, Апрѣлевъ объявилъ, что намѣренъ жениться, но не на сестрѣ Павлова, а на другой дѣвушкѣ. Павловъ написалъ письмо матери невѣсты, въ которомъ увѣдомлялъ ее, что Апрѣлевъ уже не свободенъ. Мать, гордая, надменная аристократка, отвѣчала на это, что дѣвицу Павлову и дѣтей ея можно удовлетворить деньгами. Еще другое письмо написалъ Павловъ — Апрѣлеву, наканунѣ свадьбы. — «Если ты настолько подлъ», писалъ онъ, — «что не хочешь со мной раздѣлаться обыкновеннымъ способомъ между порядочными людьми, то я убью тебя подъ вѣнцомъ».

Военный судъ очень не понравился публикѣ. Теперь Павлова приказано сослать на Кавказъ солдатомъ съ выслугою.

Еще благородная черта его. Во время суда отъ него требовали, именемъ государя, чтобы онъ открылъ настоящую причину своего необычайнаго поступка. За это ему обѣщали снисхожденіе. Онъ отвѣчалъ:

— «Причину моего поступка можетъ понять и оцѣнить только Богъ, который и рассудитъ меня съ Апрѣлевымъ». Послѣ уже,

испить до дна чашу наказанія, онъ сдался на желаніе государя и ему одному согласился все открыть. Къ нему послали флигель-адъютанта. Павловъ вручилъ ему письмо къ государю, въ которомъ излагалъ все, какъ было.

28. Между моими близкими знакомыми есть нѣкто Фроловъ, молодой человекъ съ замѣчательными качествами. Онъ оставилъ военную службу и, по моему совѣту, поѣхалъ въ Дерптъ за систематическимъ образованіемъ. Ему предстояла ожесточенная борьба съ латинскимъ и нѣмецкимъ языками и со многими другими трудностями ученаго механизма. Все это онъ мужественно побѣдилъ. Я никого не знаю съ болѣе благороднымъ сердцемъ и умомъ, болѣе способнымъ къ высшему развитію. Вотъ что съ нимъ случилось недавнѣ.

Онъ пробирался сквозь толпу въ театръ. Съ нимъ рядомъ пролагалъ себѣ путь и какой-то офицеръ. Послѣдній вдругъ обращается къ Фролову и грозно спрашиваетъ: куда онъ тѣнется? Фроловъ наумился, но ни слова не отвѣчалъ и продолжалъ идти вслѣдъ за другими.

— «Подите прочь отсюда», закричалъ на него офицеръ, — «или я васъ отправлю на съѣзжую».

Фроловъ оцѣнивѣлъ и, какъ самъ говорилъ, въ первую минуту не нашелся, что отвѣчать. Опомнившись, онъ бросился въ театръ на поиски за офицеромъ, который тѣмъ временемъ успѣлъ скрыться. Онъ его не нашелъ, но хорошо запомнилъ лице и цвѣтъ воротника его мундира. Долго ходилъ онъ по казармамъ, отыскивая его — но напрасно. Наконецъ, наткнулся на него во время ученія, узналъ его имя и адресъ. Тогда Фроловъ явился къ нему съ двумя товарищами и призвалъ къ отвѣту. Офицеръ струсилъ и просилъ прощенія.

Каково, однако, положеніе вещей въ обществѣ, гдѣ вашъ согражданинъ можетъ грозить вамъ тюрьмою, потому только, что онъ носить извѣстный мундиръ и, какъ этотъ полковникъ—это дѣйствительно былъ полковникъ,—оправдывать свой поступокъ дурнымъ расположеніемъ духа—какъ это и сдѣлалъ полковникъ—или тѣмъ, что ваша физиономія не нравится ему. И это не единичный фактъ. Прямѣровъ офицерскихъ дерзостей не перечестъ. Недавно тоже два офицера, такъ ради смѣха, встрѣтивъ на улицѣ одного чиновника, совершили надъ нимъ грубое неприличіе. Тотъ спросилъ у нихъ: что они: сумасшедшіе, или пьяные? Они привели его на съѣзжую и оскорбленный должень былъ заплатить полицейскому пятнадцать рублей, чтобы тотъ отпустилъ его.

Еще: нѣсколько офицеровъ и въ томъ числѣ знатныхъ фамилій собралась пить. Двое поссорились — общество рѣшило, что чѣмъ

выходить имъ на дуэль, такъ лучше раздѣлаться такъ, кулаками. И дѣйствительно, они надавали другъ другу пощечинъ и помирлись. Было положено строго молчать объ этомъ. Но одинъ изъ собесѣдниковъ не вытерпѣлъ, рассказалъ объ этомъ въ обществѣ; дѣло дошло до государя и кучка негодяевъ была исключена изъ гвардіи.

Іюль 16. Вчера мы всё, то есть товарищи университетскіе, давали вечеръ Полѣнову, въ честь его пріѣзда. Было много веселья. Пиръ устроился въ квартирѣ графа Головкина, при которомъ нашъ старшій Михайловъ состоитъ секретаремъ. Гамъ, шумъ и пѣсни замолкли только въ четыре часа утра. Это, право, не дурно. Надо, чтобы жизнь иногда пѣнилась.

Гегбардтъ былъ уменъ, блестящъ и любезенъ какъ всегда; Полѣновъ пѣлъ и шумѣлъ; Лингвистъ говорилъ о великихъ людяхъ; Дель игралъ въ вистъ и разсуждалъ о политикѣ; Сорокинъ ворчалъ на жизнь; Армстронгъ исправлялъ должность эго; Чижовъ былъ благоразуменъ и тонокъ; Михайловъ старшій былъ, по обыкновенію, легкокъ какъ пухъ и голосистъ какъ жаворонокъ; Михайловъ младшій, съ обычной граціей, игралъ комедіи и всѣхъ тѣшилъ. Все славные ребята, дружно думали и дружно веселились.

Здѣсь мы нашли мальчика лѣтъ четырнадцати, который въ маленькой комнаткѣ срисовывалъ копію съ картины Рубенса. Копія прекрасная: она почти кончена. Это крѣпостной человѣкъ графа Головкина. Я говорилъ съ нимъ. Въ немъ опредѣленные признаки таланта; но онъ уже начинаетъ думать о ничтожествѣ жизни, предаваться тоскѣ и унынію. Графъ ни за что не хочетъ дать ему воли. Михайловъ просилъ его о томъ тщетно. Что будетъ изъ этого мальчика? Теперь онъ самоучкою снимаетъ копіи съ Рубенса. Черезъ два или три года онъ сломаетъ кисти, броситъ картины въ огонь и сдѣлается пьяницею или самоубійцею. Графъ Головкинъ, однако, считается добрымъ баринномъ и человѣкомъ образованнымъ... О Русь! О Русь!

Октябрь 9. Вчера былъ актъ въ университетѣ. Я читалъ отчетъ за прошедшій академическій годъ и рѣчь: «О необходимости философскаго или теоретическаго изученія словесности». Публика приняла и то и другое одобрительно. Когда я сошелъ съ кафедры, меня осыпали привѣтствіями.

Вечеромъ поѣхалъ на балъ въ институтъ, который праздновалъ именины своей добрѣйшей начальницы Амалии Яковлевны Кремниной. Здѣсь пировалъ я до четырехъ часовъ утра. Дѣвцы весь вечеръ окружали меня тѣсною толпою и я наслаждался ихъ простодушною любезностью.

16. Цензоръ Корсаковъ, въ отсутствіе Шенина, завѣдывалъ редакціей «Энциклопедическаго Словаря». Онъ пропустилъ и велѣлъ напечатать для 7-го тома его статью: «18-е Брюмера». Гречъ подалъ въ цензурный комитетъ доносъ, что статья эта неблагонамѣренная, либеральная и вредная для Россіи, потому что въ ней говорится о революціяхъ и конституціяхъ. Статья была читана въ комитетѣ. Трусливѣйшіе изъ цензоровъ, Гаевскій и Крыловъ—и тѣ даже не нашли въ ней ничего предосудительнаго. Сверхъ того, она была пропущена самимъ министромъ. Я предложилъ въ комитетѣ вопросъ: «Должны ли мы французскую революцію считать революціей и позволено ли въ Россіи печатать, что Римъ былъ республикой, а во Франціи и въ Англіи конституціонное правленіе — или не лучше ли принять за правило думать и писать, что ничего подобнаго на свѣтѣ не было и нѣтъ?»

Крыловъ отвѣчалъ, что исторію и статистику нельзя измѣнять. Другіе цензоры согласились съ этимъ. Но предсѣдатель комитета нашелъ, что въ статьѣ «18-е Брюмера» слѣдующее выраженіе не должно быть пропущено: «Добрые французы (во время директоріи) сокрушались, видя правительство не твердымъ и повсюду во Франціи царствующее безначаліе». Онъ доказывалъ, что во Франціи тогда не могло быть ни одного добраго человѣка и что эти слова надо непременно вымарать. Въ заключеніе положено было, однако, статью «18-е Брюмера» не считать злоредною.

18. Гречъ совсѣмъ поссорился съ Плюшаромъ и долженъ былъ сложить съ себя званіе главнаго редактора. Онъ дѣлалъ попытки къ примиренію, писалъ Плюшару нѣжныя письма. Но Плюшаръ отвѣчалъ, что онъ согласенъ на примиреніе только подъ условіемъ, что Николай Ивановичъ больше не станетъ писать доносовъ на «Энциклопедическій Словарь». Это положило конецъ попыткамъ.

20. Вотъ образецъ современной нравственности. Есть здѣсь нѣкто П—въ, чиновникъ и литераторъ. Третьяго дня онъ встрѣтился гдѣ-то съ нашимъ Михайловымъ; зашелъ какъ-то разговоръ о генералѣ Михайловскомъ-Данилевскомъ, съ которымъ П—въ знакомъ.

Михайловъ: «Скажите, пожалуйста, какъ не стыдно генералу: онъ такой богатый человѣкъ, а между тѣмъ не платитъ учителямъ за уроки своимъ дѣтямъ».

Это дѣйствительно было. Онъ заключилъ условіе съ учителемъ 1-й гимназій Лапшинымъ по 10 рублей за урокъ, не заплатилъ ему ни копѣйки и собирался еще жаловаться министру за то, что учитель хотѣлъ взять съ него слишкомъ дорого.

П—въ: «О, это неправда. Генералъ, точно, немножко скупъ; но

гдѣ надо—онъ не жалѣетъ денегъ. Вотъ, напримѣръ, я знаю случай. Сынъ его, какъ вамъ извѣстно, въ университетѣ. При мнѣ онъ прѣвжалъ къ профессору Никитенко, просилъ его о покровительствѣ сыну и въ моихъ глазахъ подарилъ ему прекрасную табакерку, стоявшую, по крайней мѣрѣ, 1,200 рублей».

Михайловъ: «Боже мой! Что вы говорите? Никитенко и взятка—это невозможно! Я знаю его двѣнадцать лѣтъ и ручаюсь, что онъ этого не сдѣлалъ».

П—въ. «Какъ вамъ угодно, а что правда, то правда».

Они разстались. Михайловъ передалъ мнѣ все это. Я знаю, что у меня есть враги, но такая подлая ложь уже превосходила всякую мѣру. И съ какою цѣлью? Человѣкъ, совсѣмъ мнѣ чужой, ссылается на факты, на собственное свидѣтельство и старается внушить ко мнѣ подозрѣніе въ самыхъ близкихъ моихъ друзьяхъ. Этимъ уже нельзя было пренебречь.

Мы порѣшили слѣдующее. Михайловъ пригласитъ къ себѣ этого господина подъ какимъ нибудь предлогомъ. А я, Полѣновъ и Гебгардтъ будемъ скрыты гдѣ нибудь въ сосѣдней комнатѣ. Михайловъ наведетъ разговоръ на меня: если П—въ повторитъ сказанное, мы всё явимся на сцену—и я потребую у него отчета и объясненія. А тамъ уже рѣшимъ, что предпринять.

Такъ и сдѣлали. Мы собрались въ среду утромъ. Явился и П—въ. Онъ что-то почуялъ, ибо съ первыхъ же словъ Михайлова началъ изворачиваться, утверждать, что онъ не такъ говорилъ, что онъ никогда не осмѣлился бы даже подумать обо мнѣ такъ и пр., и пр.

Я не вытерпѣлъ и вышелъ изъ засады. Онъ страшно смѣшался и готовъ былъ бѣжать. Но я рѣшительно и твердо потребовалъ у него объясненія. Онъ торжественно отъ всего отрекся и униженно извинялся. Что было съ нимъ дѣлать? Друзья мои все слышали въ сосѣдней комнатѣ и я ограничился внушеніемъ, впередъ быть осторожнѣе въ своихъ рѣчахъ. И этотъ человѣкъ не глупъ и—литераторъ.

25. Ужасная суматоха въ цензурѣ и въ литературѣ. Въ 15-мъ номерѣ «Телескопа» напечатана статья, подъ заглавіемъ: «Философскія письма». Статья написана прекрасно; авторъ ея Чаадаевъ. Но въ ней весь нашъ русскій бытъ выставленъ въ самомъ мрачномъ видѣ. Политика, нравственность, даже религія представлены, какъ дикое, уродливое исключеніе изъ общихъ законовъ человѣчества. Непостижимо, какъ цензоръ (Болдыревъ) пропустилъ ее.

Разумѣется, въ публикѣ поднялся шумъ. Журналъ запрещенъ. Болдыревъ, который одновременно былъ профессоромъ и ректоромъ московскаго университета, отрѣшенъ отъ всѣхъ должностей. Теперь

его, вмѣстѣ съ Надеждинымъ, издателемъ «Телескопа», везуть сюда для отвѣта.

Я сегодня былъ у князя (Дондукова-Корсакова); министръ крайне встревоженъ. Подозрѣваютъ, что статья напечатана съ намѣреніемъ и именно для того, чтобы журналъ былъ запрещенъ и чтобы это подняло шумъ, подобный тому, какой былъ вызванъ запрещеніемъ «Телеграфа». Думаютъ, что это дѣло тайной партіи. А я думаю, что это просто невольный прорывъ новыхъ идей, которыя таятся въ умахъ и только выжидаютъ удобной минуты, чтобы надѣлать шуму. Это уже не разъ случалось, не смотря на неслышанную строгость цензуры и на преслѣдованія всякаго рода. Наблюдая вещи ближе и безъ предубѣжденій, ясно видишь, куда стремится все нынѣшнее поколѣніе. И надо сказать правду: власти дѣйствуютъ такъ, что стремленіе это все болѣе и болѣе усиливается и сосредоточивается въ умахъ. Признана система угнетенія, считаютъ ее системою твердости; ошибаются. Угнетеніе — есть угнетеніе, особенно когда оно является слѣдствіемъ гнѣвныхъ вспышекъ, а не искусно разсчитанныхъ мѣръ.

28. Сегодня были созваны въ цензурный комитетъ всѣ издатели дѣшнихъ журналовъ. Тутъ были: Смирдинъ, Гинце, издатель польскаго журнала и проч. Гречъ явился прежде. Они были созваны, чтобы выслушать высочайшее повелѣніе о запрещеніи «Телескопа» и приказаніе беречься той же участи. Всѣ они вошли согнувшись, со страхомъ на лицахъ, какъ школьники.

Сегодня же я былъ у Греча. Онъ разсказывалъ мнѣ исторію своего отреченія отъ «Энциклопедическаго лексикона». Оказывается, что сначала Шюшаръ лягнулъ его копытомъ, а онъ потомъ только будто бы отплевался. Главная вина тутъ цензора Корсакова, который, въ качествѣ помощника главнаго редактора, вздумалъ, безъ согласія послѣдняго, помѣщать статьи въ лексиконъ. Это разсердило Греча. Корсаковъ пробовалъ когда-то свои силы въ литературѣ, писалъ забытыя трагедіи, издавалъ забытый же журналъ, потомъ долго жилъ въ деревнѣ, служилъ по полицейской части и, наконецъ, сдѣлавъ цензоромъ противъ штата, по ходатайству попечителя. Это совершенный хамелеонъ. Его цвѣтъ — цвѣтъ послѣдняго, съ кѣмъ онъ встрѣтился, но это не столько изъ угодливости, сколько по легкомыслию.

Декабрь 8. Пишу диссертацию для полученія степени доктора. Сроку остается нѣсколько дней. Намъ, то-есть профессорамъ до Устава, дано право получить эту степень безъ экзамена, по одной диссертациі, которую должно, однако, защищать публично. Эта трагедія

ученныхъ уже была въ университетѣ недѣли двѣ тому назадъ. Устряловъ, профессоръ русской исторіи, защищалъ свою диссертацию «О возможности прагматической русской исторіи въ нынѣшнее время». Странная задача: прагматическая исторія въ наше время, при нынѣшней цензурѣ и источникахъ, не очищенныхъ и не разработанныхъ критически—да развѣ это мыслимо? Немудрено, что Устряловъ защищался слабо противъ возраженій Плетнева, особенно Германа и Литвинова, бывшаго профессора въ виленскомъ университетѣ. Послѣдній вышелъ на арену, когда Устряловъ началъ доказывать, что Литва всегда составляла часть Россіи; попечитель испугался, какъ онъ самъ потомъ мнѣ говорилъ, чтобы не вышло соблазнительнаго спора, а потому онъ поспѣшилъ прекратить диспутъ.

Чижовъ защищалъ какую-то новую теорію Остроградскаго о равновѣсіи жидкихъ тѣлъ. Тутъ, разумѣется, я ничего не понималъ, но знатоки говорятъ, что Чижовъ на всѣ возраженія отвѣчалъ дѣльно и искусно. Плетневъ разгорячился за Карамзина. Когда будутъ у насъ спорить за идеи, а не за лица и выгоды?

10. Вронченко читалъ у меня свой переводъ Шекспирова «Макбета». Очень пріятно провелъ вечеръ. Вронченко человѣкъ умный и оригинальный. Онъ около трехъ лѣтъ прожилъ на Востокѣ, по порученію правительства: ему велѣно было составить маршрутъ для прохода нашихъ войскъ черезъ Малую Азію—разумѣется, секретно. Отъ него много любопытнаго узналъ я о Востокѣ, особенно о Турціи и нынѣшнемъ ея преобразованіи.

11. Участь Надеждина рѣшена: его сослали на житье въ Усть-сысольскъ, гдѣ долженъ онъ существовать на сорокъ копѣекъ въ день. Впрочемъ, это послѣднее смягчено. Когда ему объявили о ссылкѣ, онъ просилъ Бенкендорфа исходатайствовать ему вмѣсто того заключеніе въ крѣпость, потому что тамъ онъ, по крайней мѣрѣ, можетъ не умереть съ голоду. Бенкендорфъ исходатайствовалъ ему вмѣсто того позволеніе писать и печатать сочиненія подъ своимъ именемъ.

Говорятъ, Надеждинъ сначала упалъ дуломъ, но потомъ оправился и теперь довольно спокоенъ. Онъ съ благодарностью отзывается о Бенкендорфѣ и особенно о Дуббельтѣ. Болдырева приказано отрѣшить отъ всѣхъ должностей, то есть ректора, профессора и цензора. Говорятъ, что нашъ министръ велъ себя очень сурово въ отношеніи Надеждина.

23. Печеринъ отправился въ отпускъ за границу въ іюлѣ на два мѣсяца и до сихъ поръ не возвращается. Судя по идеямъ, которыя онъ еще здѣсь обнаруживалъ, онъ, должно быть, задумалъ

совѣмъ оставить Россію. Это все больше и больше подтверждается. Надняхъ получилъ отъ него письмо Чижовъ: онъ заклинаетъ его прислать ему рублей пятьсотъ, а въ крайнемъ случаѣ хоть двѣсти. Но ни слова не говоритъ о своихъ намѣреніяхъ. Мы составили по этому случаю совѣтъ, то есть Чижовъ, Гебгардтъ, Полѣновъ и я, и рѣшили послать ему съ брата по 100 рублей—всего 400, для возвращенія въ Россію. Онъ теперь въ Лугано, небольшомъ городкѣ на границахъ Швейцаріи и Італіи.

26. Праздники, но я очень занятъ своей докторской диссертацией. Она должна быть напечатана къ 29-му числу, 30-го уже разслана кому слѣдуетъ, а 31-го надо уже защищать ее. Совѣтъ, впрочемъ, уже утвердилъ меня въ званіи доктора философіи. Диссертация печатается у Смирдина. Спасибо ему: онъ велѣлъ, елико возможно, спѣшить.

30. Чтеніе и защита моей диссертации отложены княземъ (Дондуковымъ) и министромъ (Уваровымъ). Они считаютъ докторство мое дѣломъ рѣшеннымъ, съ тѣхъ поръ какъ совѣтъ университета меня утвердилъ въ немъ.

Былъ у министра. Онъ много говорилъ о Печеринѣ, поступкомъ котораго очень огорченъ, такъ какъ это дѣйствительно ставитъ его въ затруднительное положеніе. Какъ сказать объ этомъ государю? Кара можетъ сначала пасть на самого министра, потомъ на все ученое сословіе, а наконецъ, и на систему отправленія молодыхъ людей за границу. Вѣдь у насъ довольно одного частнаго случая, чтобы заподозрить дѣлую систему, и министръ боится, чтобы такъ не было и на этотъ разъ.

Новый законъ: всѣ молодые люди, окончившіе курсъ ученія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (лицеяхъ и университетахъ), непременно должны прослужить три года въ какомъ нибудь губернскомъ присутственномъ мѣстѣ: поступать прямо въ министерство всѣмъ воспрещается. Объ этомъ много толковъ. Всеобщій ропотъ.

31. Ъду встрѣчать Новый годъ къ Шенину, гдѣ будутъ Ростовцевъ и Шульгинъ.

Гебгардтъ на этотъ разъ мнѣ измѣнилъ. Онъ начинаетъ серьезно беспокоить меня. Онъ ведетъ мелкую, разсѣянную жизнь. Ничѣмъ не занимается, бѣгаетъ по вечеринкамъ и баламъ, гдѣ блещетъ эпаграммами и ловкостью. Жаль. Этотъ человекъ могъ бы усвоить себѣ другаго рода жизнь. Но почему же—могъ бы? Значитъ не могъ бы, когда не дѣлаетъ. У кого есть силы, тотъ не можетъ оставить ихъ безъ употребленія.

Прощай 1836 годъ!

1837 г.

Январь 2. Вчера встрѣтилъ Новый годъ у Шенина. Были: Ростовцевъ, Шульгинъ, Плетневъ и нѣсколько корпусныхъ офицеровъ и учителей. Было шумно.

Шенинъ умный человѣкъ. У него крѣпкая воля. Образъ мыслей его, впрочемъ, мнѣ мало извѣстенъ. Несомнѣнно, однако, то, что онъ любить образованіе: это доказываетъ все, что онъ говоритъ и дѣлаетъ.

Ростовцевъ сдѣлалъ много для корпуснаго воспитанія. Шенинъ ему въ этомъ содѣйствовалъ. Ростовцева можно такъ характеризовать: онъ уменъ и хитеръ для добра. Во всякомъ случаѣ онъ отрадное явленіе у насъ въ настоящее время. Онъ преобразилъ N. N. Онъ вдохнулъ въ него благородное стремленіе отличиться подвигами на поприщѣ просвѣщенія. Онъ имѣетъ на него большое вліяніе и пользуется этимъ, какъ человѣкъ честный и человѣкъ государственныи. Онъ еще многое можетъ сдѣлать впереди, если только его не столкнуть съ пути. Впрочемъ, за него общественное мнѣніе: онъ умѣетъ привлекать къ себѣ людей. Я его глубоко уважаю.

Шульгинъ, нашъ профессоръ исторіи и ректоръ, имѣетъ общій умъ. Говоритъ точно и пріятно, хотя безъ особенной силы. Но ректорство не удалось ему: онъ почти въ постоянныхъ столкновеніяхъ съ попечителемъ и съ товарищами, изъ которыхъ многіе, къ тому же, старше его и по лѣтамъ, и по службѣ. Подчиненные, въ свою очередь, не любятъ его за то, что онъ не особенно съ ними ласковъ; но у него рѣдкая, похвальная черта, особенно для ректора университета: онъ не способенъ къ лести и искательству передъ сильными.

5. Вчера я поднесъ мою диссертацию князю Александру Николаевичу Голицыну, а сегодня получилъ отъ него премилое письмо. Признательность моя къ нему неизмѣнна: я обязанъ ему всѣмъ своимъ настоящимъ и будущимъ.

20. Клейнмихель далъ мнѣ крестъ Анны 3-й степени за Аудиторское училище. Онъ былъ у насъ на экзаменѣ и свирѣпствовалъ, какъ ураганъ. Это ужасъ и бичъ для подчиненныхъ. Генералы, и тѣ трепещутъ передъ нимъ, какъ овцы передъ волкомъ. Я, впрочемъ, не могу пожаловаться: со мной онъ былъ вѣжливъ.

Надняхъ онъ приглашалъ меня къ себѣ обѣдать: совсѣмъ другой человѣкъ. Любезенъ, учтивъ, гостеприименъ — просто радушный хозяинъ. Жена его верхъ привѣтливости. Кажется, на сценѣ своей

службы онъ по системѣ облекается въ бурю, убѣжденный, что если хочешь повелѣвать, то долженъ быть звѣремъ.

21. Вечеръ провелъ у Плетнева. Тамъ былъ Пушкинъ: онъ все еще на меня дуется. Онъ сдѣлался большимъ аристократомъ. Какъ обидно, что онъ такъ мало цѣнитъ себя, какъ человѣка и поэта, и стучится въ одинъ замкнутый кружокъ общества, тогда какъ могъ бы безраздѣльно царить надъ всѣмъ обществомъ. Онъ хочетъ прежде всего быть баринномъ, но вѣдь у насъ баринъ тотъ, у кого больше дохода. Къ нему такъ не идетъ этотъ жеманный тонъ, эта утонченная снѣсь въ обращеніи, которую завтра же можетъ безвозвратно сбить — опала. А вѣдь онъ умный человѣкъ, помимо своего таланта. Онъ, напримѣръ, сегодня говорилъ много дѣльнаго и, между прочимъ, тонкаго о русскомъ языкѣ. Онъ сознавался также, что исторію Петра пока нельзя писать, то-есть ее не позволять печатать. Видно, что онъ много читалъ о Петрѣ.

25. Лекціи мои въ университетѣ идутъ успѣшно. Мнѣ иногда удается увлекать моихъ слушателей. Я ратую противъ всякихъ полумислей и полувывраженій въ литературѣ, противъ мишурнаго блеска и неестественности. Много мѣшаетъ мнѣ, конечно, незнаніе иностранныхъ языковъ: мнѣ отъ этого недостаетъ матеріала для сравненій и фактовъ для общихъ историческихъ выводовъ. Стараюсь пополнить этотъ пробѣлъ чтеніемъ всего, что переведено и переводится на русскій языкъ. А пока главная моя цѣль: согрѣвать сердца слушателей любовью къ чистой красотѣ и истинѣ и пробуждать въ нихъ стремленіе къ мужественному, бодрому и благородному употребленію нравственныхъ силъ. Если мнѣ это удастся хоть въ слабой мѣрѣ, сочту, что я не даромъ трудился.

28. Важное и высшей степени печальное происшествіе для нашей литературы: Пушкинъ умеръ сегодня отъ раны, полученной на дуэли.

Вчера вечеромъ я былъ у Плетнева: отъ него отъ перваго услышалъ объ этой трагедіи. Въ Пушкина выстрѣлилъ сперва противникъ его, Дантесъ, кавалергардскій офицеръ: пуля попала ему въ животъ. Пушкинъ, однако, успѣлъ отвѣчать ему выстрѣломъ, который раздробилъ тому руку. Сегодня Пушкина уже нѣтъ на свѣтѣ.

Подробностей всего я еще хорошо не слыхалъ. Одно несомнѣнно: мы понесли горестную, вознаграждаемую потерю. Последнія произведенія Пушкина признавались нѣкоторыми слабѣе прежнихъ, но это могло быть въ немъ эпохою переворота, слѣдствіемъ внутренней революціи, послѣ которой для него могъ настать періодъ новаго величія.

Бѣдный Пушкинъ! Вотъ чѣмъ заплатилъ онъ за право граждан-

ства въ этихъ аристократическихъ салонахъ, гдѣ расточалъ свое время и дарованіе! Тебѣ слѣдовало идти путемъ человѣчества, а не касты: сдѣлавшись членомъ послѣдней, ты уже не могъ не повиноваться законамъ ея. А ты былъ призванъ къ высшему служенію.

30. Какой шумъ, какая неурядица во мнѣніяхъ о Пушкинѣ! Это уже не одна черная заплата на ветхомъ рубищѣ пѣвца, но тысячи заплатъ красныхъ, бѣлыхъ, черныхъ, всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Вотъ, однако, свѣдѣнія о его смерти, почерпнутыя изъ самаго чистаго источника.

Дантесъ пустой человѣкъ, но ловкій, любезный французъ, блиставшій въ нашихъ салонахъ звѣздой первой величины. Онъ ѣздилъ въ домъ къ Пушкину. Извѣстно, что жена поэта красавица. Дантесъ, по праву француза и жителя салоновъ, фамиллярно обращался съ нею, а она не имѣла довольно такта, чтобы провести между нимъ и собою черту, за которую мужчина не долженъ никогда переходить въ сношеніяхъ съ женщиною, ему не принадлежащую. А въ обществѣ всегда бывають люди, питающіеся репутациями ближнихъ: они обрадовались случаю и пустили молву о связи Дантеса съ женою Пушкина. Это дошло до послѣдняго и, конечно, взволновало и безъ того тревожную душу поэта. Онъ запретилъ Дантесу ѣздить къ себѣ. Этотъ оскорбился и отвѣчалъ, что онъ ѣздитъ не для жены, а для свояченицы Пушкина, въ которую влюбленъ. Тогда Пушкинъ потребовалъ, чтобы онъ женился на молодой дѣвушкѣ и сватовство состоялось.

Между тѣмъ поэтъ нѣсколько дней подъ рядъ получалъ письма отъ неизвѣстныхъ лицъ, въ которыхъ его поздравляли съ рогами. Въ одномъ письмѣ даже прислали ему патентъ на званіе члена въ обществѣ мужей-рогоносцевъ, за мнимую подписью президента Нарышкина. Сверхъ того, баронъ Гекернъ, усыновившій Дантеса, былъ очень недоволенъ его бракомъ на свояченицѣ Пушкина, которая, говорятъ, старше своего жениха и безъ состоянія. Гекерну приписываютъ даже слѣдующія слова: «Пушкинъ думаетъ, что онъ этой свадьбой разлучилъ Дантеса съ своей женою. Напротивъ, онъ только сблизилъ ихъ, благодаря новому родству».

Пушкинъ взбѣсился и написалъ Гекерну письмо, полное оскорбленій. Онъ требовалъ, чтобы тотъ, по праву отца, унялъ молодого человѣка. Письмо, разумѣется, было прочитано Дантесомъ—онъ потребовалъ удовлетворенія и дѣло окончилось за городомъ, на разстояніи десяти шаговъ. Дантесъ стрѣлялъ первый. Пушкинъ упалъ. Дантесъ къ нему подбѣжалъ, но поэтъ, собравъ силы, велѣлъ противнику вернуться къ барьеру, прицѣлился въ сердце, но попалъ въ руку,

которую тотъ, по неловкому движенію или изъ предосторожности, положилъ на грудь.

Пушкинъ раненъ въ животъ: пуля задѣла желудокъ. Когда его привезли домой, онъ позвалъ жену, дѣтей, благословилъ ихъ и поручилъ Ардту просить государя, не оставить ихъ и простить Данзаса, своего секунданта.

Государь написалъ ему собственноручное письмо, обѣщался призрѣть его семью, а для Данзаса сдѣлать все, что будетъ возможно. Кромѣ того, просилъ его передъ смертью исполнить все, что предписываетъ долгъ христіанна. Пушкинъ потребовалъ священника. Онъ умеръ 29-го, въ пятницу, въ три часа пополудни. Въ приемной его, съ утра до вечера, толпились посѣтители, приходившіе узнать о его состояніи. Принуждены были выставлять бюллетени.

31. Сегодня былъ у министра. Онъ очень занятъ укрощеніемъ громкихъ воплей по случаю смерти Пушкина. Онъ, между прочимъ, недоволенъ пышною похвалою, напечатанною въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ» къ «Русскому Инвалиду».

Итакъ, Уваровъ и мертвому Пушкину не можетъ простить «Выздоровленія Лукулла».

Сію минуту получилъ я предписаніе предсѣдателя цензурнаго комитета не позволять ничего печатать о Пушкинѣ, не представивъ сначала статьи ему или министру.

Завтра похороны. Я получилъ билетъ.

Февраль 1. Похороны Пушкина. Это были дѣйствительно народныя похороны. Все, что сколько нибудь читаетъ и мыслить въ Петербургѣ—все стеклось къ цѣркви, гдѣ отпѣвали поэта. Это происходило въ Конюшенной. Площадь была усѣяна экипажами и публикою, но среди послѣдней—ни одного тулуна или зипуна. Церковь была наполнена знатью. Весь дипломатическій корпусъ присутствовалъ. Впускали въ церковь только тѣхъ, которые были въ мундирахъ или съ билетомъ. На всѣхъ лицахъ лежала печаль—по крайней мѣрѣ наружная. Возлѣ меня стояли: баронъ Розенъ, Карлгофъ, Кукольникъ и Плетневъ. Я прощался съ Пушкинымъ: «И былъ страненъ тихій миръ его чела». Впрочемъ, лицо уже значительно измѣнилось: его успѣло коснуться разрушеніе. Мы вышли изъ церкви съ Кукольниковъ.

— Утѣшительно, по крайней мѣрѣ, что мы все-таки подвинулись впередъ, сказалъ онъ, указывая на толпу, пришедшую поклониться праху одного изъ лучшихъ своихъ сыновъ.

Ободовскій (Платонъ) упалъ ко мнѣ на грудь, рыдая какъ дитя.

Тутъ же, по обыкновенію, были и вѣдѣвшія распоряженія. Народъ обманули: сказали, что Пушкина будутъ отпѣвать въ Исакиевскомъ соборѣ—такъ было означено и на билетахъ, а между тѣмъ тѣло было изъ квартиры вынесено ночью, тайкомъ, и поставлено въ Конюшенной церкви. Въ университетѣ получено строгое предписаніе, чтобы профессора не отлучались отъ своихъ кафедръ и студенты присутствовали бы на лекціяхъ. Я не удержался и выразилъ попечителю свое прискорбіе по этому поводу. Русскіе не могутъ оплакивать своего согражданина, сдѣлавшаго имъ честь своимъ существованіемъ! Иностранцы приходили поклониться поэту въ гробу, а профессорамъ университета и русскому юношеству это воспрещено. Они, тайкомъ, какъ воры, должны были прокрадываться къ нему.

Попечитель мнѣ сказалъ, что студентамъ лучше не быть на похоронахъ, они могли бы собраться въ корпораціи, нести гробъ Пушкина—могли бы «пересолить», какъ онъ выразился.

Гречъ получилъ строгій выговоръ отъ Бенкендорфа, за слова, напечатанныя въ «Сѣверной Пчелѣ»: — «Россия обязана благодарностью Пушкину за 22-хъ-лѣтнія заслуги его на поприщѣ словесности» (№ 24).

Краевскій, редакторъ Литературныхъ Прибавленій къ «Русскому Инвалиду», тоже имѣлъ непріятности за нѣсколько строкъ, напечатанныхъ въ похвалу поэту.

Я получилъ приказаніе вымарать совсѣмъ нѣсколько такихъ же строкъ, назначавшихся для «Библиотеки для Чтенія».

И все это дѣлалось среди всеобщаго участія къ умершему, среди всеобщаго глубокаго сожалѣнія. Боялись—но чего?

Церемонія кончилась въ половинѣ перваго. Я поѣхалъ на лекцію. Но вмѣсто очередной лекціи я читалъ студентамъ о заслугахъ Пушкина. Будь что будетъ!

12. До меня дошли изъ вѣрныхъ источниковъ свѣдѣнія о послѣднихъ минутахъ Пушкина. Онъ умеръ честно, какъ человекъ. Какъ только пуля впилась ему во внутренности, онъ понялъ, что это поцѣлуй смерти. Онъ не стоналъ, а когда докторъ Даль ему это посоветовалъ, отвѣчалъ:

— Ужели нельзя превозмочь этого вздора? Къ тому же мои стоны встревожили бы жену.

Безпрестанно спрашивалъ онъ у Даля: «Скоро ли смерть?» И очень спокойно, безъ всякаго жеманства, опровергалъ его, когда тотъ предлагалъ ему обычные утѣшенія. За нѣсколько минутъ до смерти, онъ попросилъ приподнять себя и перевернуть на другой бокъ.

— Жизнь кончена, сказалъ онъ.

— Что такое? спросилъ Даль, не слышавъ.

— Жизнь кончена, повторилъ Пушкинъ,—мнѣ тяжело дышать.

За этими словами ему стало легко, ибо онъ пересталъ дышать. Жизнь окончилась; погасъ огонь на алтарѣ. Пушкинъ хорошо умеръ.

Дня черезъ три послѣ отиѣванія Пушкина, увезли тайкомъ гробъ его въ деревню. Жена моя возвращалась изъ Могилева и на одной станціи, неподалеку отъ Петербурга, увидѣла простую телѣгу, на телѣгѣ солому, подъ соломой гробъ, обернутый рогожею. Три жандарма суетились на почтовомъ дворѣ, хлопотали о томъ, чтобы скорѣе перепрячь курьерскихъ лошадей и скакать дальше съ гробомъ.

— Что это такое? спросила моя жена у одного изъ находившихся здѣсь крестьянъ.

— А Богъ его знаетъ что! Вишь, какой-то Пушкинъ убитъ — и его мчатъ на почтовыхъ въ рогожѣ и соломѣ, прости Господи — какъ собаку.

Мѣра запрещенія относительно того, чтобы о Пушкинѣ ничего не писать, продолжается. Это очень волнуетъ умы.

14. Вчера защищалъ публично въ университетѣ мою диссертацию на степень доктора философій: «О творческой силѣ въ поэзіи или о поэтическомъ гевіи» и сошелъ съ поля битвы побѣдителемъ. Оппонентами моими были: профессоръ философій Фишеръ и профессоръ русской словесности Плетневъ. Началось дѣло въ половинѣ перваго часа, а кончилось въ половинѣ третьяго. Собраніе было столь многочисленное, что произошла даже давка. Ректоръ предварительно прочелъ мою біографію. Я крѣпко держался въ моихъ окопахъ и не терялъ присутствія духа. Публика выразила свое полное удовольствіе. Но вотъ что было мнѣ особенно пріятно. Послѣ диспута, главные члены университета подошли къ присутствовавшему здѣсь Константину Матвѣичу Бороздину, прежнему попечителю, и благодарили его отъ имени университета за то, что «онъ воспиталъ и привоулвилъ меня». Мой добрый покровитель и другъ былъ тронуть до слезъ.

Вечеромъ собралось ко мнѣ человекъ до тридцати. Былъ ужинъ и, какъ водится, пили тосты въ честь новаго доктора.

22. Былъ у В. А. Жуковскаго. Онъ показывалъ мнѣ «Бориса Годунова» Пушкина, въ рукописи, съ цензурою государя. Многие имъ вычеркнуто. Вотъ почему печатный «Годуновъ» кажется не полнымъ, почему въ немъ столько пробѣловъ, заставляющихъ иныхъ критиковъ говорить, что пьеса эта только собраніе отрывковъ.

Видѣлъ я также резолюцію государя на счетъ новаго изданія сочиненій Пушкина. Тамъ сказано:

— Согласенъ, но съ тѣмъ, чтобы все найденное мною неприлич-

нымъ въ изданныхъ уже сочиненіяхъ было исключено, а чтобы не-напечатанныя еще сочиненія были строго разсмотрѣны.

30 (марта). Сегодня держалъ крѣпкій бой съ предсѣдателемъ цензурнаго комитета, княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ, за сочиненія Пушкина, цензоромъ которыхъ я назначенъ. Государь велѣлъ, чтобы ни были изданы подъ наблюденіемъ министра. Послѣдній растолковалъ это такъ, что и всѣ доселѣ уже напечатанныя сочиненія поэта надо опять строго разсматривать. Изъ этого слѣдуетъ, что не должно жалѣть нашихъ красныхъ чернилъ.

Вся Россія знаетъ наизусть сочиненія Пушкина, которыя выдержали нѣсколько изданій и всѣ напечатаны съ высочайшаго соизволенія. Не значить ли это обратить особенное вниманіе публики на тѣ мѣста, которыя будутъ выпущены: она вознегодуетъ и тѣмъ усерднѣе станетъ твердить ихъ наизусть.

Я въ комитетѣ говорилъ цѣлую рѣчь противъ этой мѣры и сильно оспаривалъ князя, который все ссылался на высочайшее повелѣніе, истолкованное министромъ. Само собой разумѣется, что официальная побѣда не за мной осталась. Но я, какъ честный человѣкъ, долженъ былъ подать мой голосъ въ защиту здраваго смысла.

Изъ товарищей моихъ только Куторга, время отъ времени, поддерживалъ меня двумя, тремя фразами. Мнѣ въ помощь для цензурованія Пушкина дали Крылова, одно имя котораго страшно для литературы: онъ ничего не знаетъ, кромѣ запрещенія. Забавно было, когда Куторга сослался на общественное мнѣніе, которое, конечно, осудить всякое искаженіе Пушкина, князь возразилъ, что правительство не должно смотрѣть на общественное мнѣніе, но идти твердо къ своей цѣли.

— Да, замѣтилъ я,—если эта цѣль стоитъ пожертвованія общественнымъ мнѣніемъ. Но что выиграетъ правительство, искажая въ Пушкинѣ то, что наизусть знаетъ вся Россія? Да и вообще, не худо бы иногда уважать общественное мнѣніе—хоть изрѣдка. Россія существуетъ не для одного дня и, возбуждая въ умахъ негодованіе безъ всякой надобности, мы готовимъ для нея неутѣшительную будущность.

Послѣ того мы расстались съ княземъ (Дондуковымъ), впрочемъ, довольно хорошо. Пожимая мнѣ руку, онъ сказалъ:

— Я понимаю васъ. Вы, какъ литераторъ, какъ профессоръ, конечно, имѣете поводы желать, чтобы изъ сочиненій Пушкина ничто не было исключено.

Вотъ это значить попасть пальцемъ прямо въ брюхо какъ говоритъ пословица.

31. В. А. Жуковскій мнѣ объявилъ пріятную новость: государь

велѣлъ напечатать уже изданныя сочиненія Пушкина—безъ всякихъ замѣненій. Это сдѣлано по ходатайству Жуковского. Какъ это возбѣсить кое-кого. Мнѣ жаль князя (Дондукова), который добрый и хороший человекъ: министр Уваровъ употребляетъ его, какъ орудіе. Ему должно быть теперь очень неприятно.

Апрѣль 3. Печеринъ написалъ письмо Чижову. Онъ сообщаетъ, что рѣшился навсегда оставить Россію, что онъ не созданъ для того, чтобы учить греческому языку; что онъ чувствуетъ въ себѣ призваніе идти за своей звѣздой—а звѣзда эта ведетъ его въ Парижъ.

12. Новый цензурный законъ. Каждая журнальная статья отнынѣ будетъ разсматриваться двумя цензорами: тотъ и другой могутъ исключать, что имъ вѣдуется. Сверхъ того, установленъ еще новый цензоръ, родъ контролера, обязанность котораго будетъ перечитывать все, что пропущено другими цензорами и повѣрять ихъ. Вчера призывалъ меня предсѣдатель для учтиваго предложенія, чтобы я самъ выбралъ себѣ товарища. Я сказалъ, что мнѣ все равно, и получилъ Гаевского для «Библіотеки для Чтенія».

Спрашивается: можно ли что-либо писать и издавать въ Россіи? Поневоѣ иногда опускаются руки, при всей готовности твердо стоять на своемъ посту охранителемъ русской мысли и русскаго слова. Но ни удивляться, ни сѣтовать не должно.

13. Не выдержалъ: отказался отъ цензурной должности. Въ сегодняшнемъ засѣданіи читали бумагу о новомъ законѣ. Цензоръ становится лицомъ жалкимъ, безъ всякаго значенія, но подъ огромною отвѣтственностію и подъ непрестаннымъ шпионствомъ одного высшаго цензора, которому велѣно быть при попечителѣ.

Я сказалъ князю о моемъ намѣреніи выйти въ отставку, когда мы выходили изъ цензурнаго комитета. Разумѣется, сначала онъ удивился, потомъ посовѣтовалъ не дѣлать этого вдругъ, чтобы не навлечь на себя страшнаго нареканія въ возмущеніи.

14. Послѣ жаркаго объясненія съ княземъ, заключенъ честный миръ и пока я еще остаюсь цензоромъ. У меня съ княземъ была стычка въ цензурномъ комитетѣ по поводу новаго положенія. Онъ началъ было его защищать и не какъ предсѣдатель, а какъ человекъ. Я горячо возражалъ и это было поводомъ къ нашему разладу. Но дѣло получило другой оборотъ, когда онъ сегодня утромъ откровенно сознался, что самъ раздѣляетъ вполне мое мнѣніе о новой мѣрѣ, но что въ комитетѣ онъ долженъ былъ говорить иначе. Онъ просилъ меня не оставлять его въ этомъ трудномъ положеніи и всегда прямо обращаться къ нему съ замѣчаніями. Мы разстались дружески, заключили другъ друга въ объятія и дали взаимное обѣщаніе

дѣйствовать умѣреннѣе. Да и князю не легко! Онъ честный и благородный человѣкъ, но, къ сожалѣнію, слишкомъ послушенъ министру Уварову.

17. Ожидаю перваго удара колокола, чтобы отправиться къ заутрени. Я люблю праздникъ Пасхи: въ немъ много величественнаго и утѣшительнаго. А пока я сижу за письменнымъ столомъ и пишу, по порученію университетскаго совѣта, похвальное слово Петру Великому, которое должно быть готово къ 1-му мая. Срокъ не великъ. Ужъ эти заказныя сочиненія! А съ другой стороны, надо сказать правду, я лучше работаю, когда меня сожмутъ тиски необходимости. Человѣкъ слабъ и безъ тисковъ легче уступаетъ усталости.

Іюль 1. Познакомился надняхъ съ авторомъ поэмы: «Міро-зданіе»¹⁾. Наружность его незначительна; цвѣтъ лица болѣзненный. Но онъ человѣкъ умный. Въ разговорѣ его что-то искреннее и простодушное. Заглянувъ поглубже въ его душу, вы смотрите на него съ уваженіемъ. Это человѣкъ много претерпѣвшій. За нѣсколько смѣлыхъ кушкетовъ, прочитанныхъ имъ, или пропѣтыхъ въ кругу пріятелей—изъ нихъ два были шпіоны—онъ просидѣлъ около года въ московскомъ острогѣ и около двухъ лѣтъ въ шлюссельбургской крѣпости. Ему поставили также въ государственную измѣну собраніе нѣсколькихъ fac-simile важнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ, которые онъ намѣревался приложить къ біографіямъ ихъ. Въ московскомъ острогѣ онъ чуть не попалъ въ новую бѣду за перочинный ножикъ, который ему какъ-то доставилъ одинъ изъ товарищей по заключенію. У него допытывались, откуда онъ его добылъ, а онъ не хотѣлъ никого выдать. Съ нимъ очень дурно обращались, а одинъ изъ московскихъ полиціймейстеровъ грозилъ ему часто истязаніями. Въ Шлюссельбургѣ онъ отдохнулъ, потому что имѣлъ въ казематѣ кровать и столикъ; могъ пить чай, читать и писать. Наконецъ, великій князь Михаилъ Павловичъ, по ходатайству братьевъ Соколовскихъ, выхлопоталъ ему свободу—и теперь его посылаютъ въ Вологду, какъ опальнаго, на службу. Онъ хорошо отзывается о Бевкендорфѣ и Дубельтѣ. Шлюссельбургскій комендантъ тоже обращался съ нимъ по человѣчески. Въ крѣпости онъ выучился еврейскому языку и сроднился съ религіознымъ образомъ мыслей, но здоровье его убито продолжительнымъ заключеніемъ, особенно московскимъ.

5. Новая потеря для нашей литературы: Александръ Бестужевъ убитъ. Да и къ чему въ Россіи литература!

Примѣчаніе. Далѣе пробѣлъ въ рукописи дневника моего отца. С. Н.

¹⁾ Владиміръ Ивановичъ Соколовскій.

Ноябрь 7. Вчера было открытіе типографіи, учрежденной Воейковымъ и К°. Къ обѣду было приглашено человѣкъ семьдесятъ. Тутъ были всѣ наши «знаменитости», начиная съ Бурнашева и до генерала Данилевскаго. И до сихъ поръ еще гремятъ въ ухахъ моихъ дикіе хоры Жуковскихъ пѣвчихъ, неистовые крики грубаго веселья; пестрѣютъ въ глазахъ несчетные огни отъ лампъ, бутылки съ шампанскимъ и лица, черезъ чуръ оживленные виномъ. Я предложилъ сосѣдямъ тостъ въ память Гуттенберга. «Не надо, не надо», заревѣли они, «а въ память Ивана Федорова».

На обѣдѣ присутствовалъ квартальный, но не въ качествѣ гостя, а въ качествѣ блюстителя порядка. Онъ ходилъ вокругъ стола и все замѣчалъ. Кукольникъ былъ не въ своемъ видѣ и непомерно дурачился; баронъ Розенъ каждому доказывалъ, что его драма Іоаннъ III лучшая изъ всѣхъ его произведеній. Полевой и Воейковъ сидѣли смирно. «Бесѣда сбивается на оргію», замѣтилъ я первому.

— «Что же», не совсѣмъ твердо отвѣчалъ онъ, «ничего, прекрасно, воспитательно».

Я не возражалъ. Изъ всѣхъ лицъ, здѣсь собранныхъ, я съ удовольствіемъ встрѣтился съ Каратыгинымъ, котораго давно не видалъ. Онъ не былъ пьянъ и очень умно говорилъ о своемъ искусствѣ.

Въ заключеніе у меня пропали калоши и мнѣ обмѣнили шубу.

Не мало упрековъ наслушался я сегодня по слѣдующему поводу. Въ послѣднемъ номерѣ «Библиотеки для Чтенія» упоминается о біографіи Фонъ-Визина, которую когда-то обмѣчалъ «якто князь Вяземскій» и т. д. Послѣдній жаловался министру и мнѣ съ Корсаковымъ было сдѣлано замѣчаніе отъ начальства.

— «Какъ вы пропустили статью о князѣ Вяземскомъ», слышала я сегодня чуть не отъ всѣхъ литераторовъ, по очереди, — «вѣдь онъ князь, вице-директоръ и камергеръ».

Декабрь 15. Къ намъ на актъ ожидаютъ государя. По этому случаю министръ намѣревается отиѣнить профессорскія рѣчи. Должны были читать: Шульгинъ «Краткую исторію университета» — и я «Похвальное слово Петру Великому». Вмѣсто того, онъ самъ будетъ говорить какую-то рѣчь—по крайней мѣрѣ собирается.

18. Ночью произошелъ пожаръ въ Зимнемъ дворцѣ: онъ горѣлъ дѣлую ночь и теперь еще горитъ. Я сейчасъ (въ два часа пополудни) проходилъ по площади. Теперь горитъ на половинѣ государя, его кабинетъ и проч. На Невскомъ проспектѣ, особенно ближе къ площади, ужасная суматоха. Народъ сплошною массою валитъ

поглазѣть на рѣдкій спектакль. Изъ двора безпрестанно вывозятъ вещи. Я встрѣтилъ государя; онъ ѣхалъ въ саняхъ и очень привѣтливо кланялся; блѣдень, но спокоенъ. Миѣ показалось, что физономія его была менѣе сурова, чѣмъ обыкновенно.

А. В. Никитенко.

Сообщ. С. А. Никитенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ АРХИМАНДРИТА ВЛАДИМИРА ТЕРЛЕЦКАГО,

Бывшаго греко-уніатскаго миссіонера,

1808—1858.

XII ¹⁾.

Товянскій и его секта.—Игуменья Макрина.

Въ срединѣ 1840-хъ годовъ появился въ Парижѣ прїѣхавшій изъ Литвы Товянскій. Онъ былъ мистикъ, имѣлъ много послѣдователей высказываемыхъ имъ религіозныхъ взглядовъ и, такимъ образомъ, сталъ во главѣ основанной имъ секты, отъ него же получившей свое названіе. Про этого Товянскаго разсказывали, что онъ еще на своей родинѣ былъ преданъ мистицизму, занимался магнитизмомъ, иногда ночи проводилъ на кладбищахъ и т. д. По прїѣздѣ въ Парижъ, онъ прежде всего явился къ польскому поэту Адаму Мицкевичу, котораго тогда постигло большое несчастье: жена его помѣшалась. Товянскій пожелалъ ее видѣть, и вмѣстѣ съ Мицкевичемъ отправился въ докъ для душевно-больныхъ, гдѣ она была помѣщена. Съ полчаса поговорилъ съ ней наединѣ Товянскій и она совершенно выздоровѣла. Вслѣдствіе этого, Мицкевичъ сдѣлался горячимъ поклонникомъ Товянскаго, сталъ его ревностнымъ ученикомъ и привлекъ къ основанной имъ религіозной сектѣ многихъ польскихъ выходцевъ, между прочимъ поэтовъ Горецкаго, который, впрочемъ, вскорѣ отсталъ, Гоцинскаго, полковника Рожницкаго и много другихъ. Сектанты принимали все ученіе христіанское, не отвергали таинствъ, исповѣдывались и причащались, но полагали главную суть религіи въ восторженномъ настроеніи челоуѣческаго духа, въ силѣ внутренняго воодушевленія, и потому они раздѣлялись на духовъ высшихъ и низшихъ. Всѣ же

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1889 г., томъ LXIII, іюль, стр. 1—26.

догматическія различія христiанскихъ вѣроисповѣданій они считали маловажными, хотя выше другихъ ставили католичество; жидовъ они признавали высшими духами и принимали ученіе о переселеніи душъ. Къ сектѣ приникнулъ, между прочимъ, упомянутый выше священникъ о. Дунскій, оставившій орденъ Смартывыстанцевъ, очень хорошій, впрочемъ, человекъ, и нѣсколько французовъ. Нѣкоторое время эта секта крѣпко держалась и имѣла свою долю вліянія не только на нравственный складъ польской эмиграціи, но и на литературное направленіе; но послѣ изгнанія изъ Парижа Товянскаго и его переселенія въ Швейцарію рвеніе сектантовъ стало холодѣть, а затѣмъ и совсѣмъ остыло, когда Мицкевичъ отступился отъ этого ученія. Наконецъ, перестали и говорить о сектѣ. Разрывъ Мицкевича съ Товянскимъ произошелъ по слѣдующему случаю. Впрочемъ, за вѣрность разказа не ручаюсь; самъ Мицкевичъ мнѣ объ этомъ не рассказывалъ; я только *relata refero*: 1847 или 1848 года Мицкевичъ отправился въ Швейцарію къ Товянскому, который не только предсказалъ ему близкую его смерть, но и назначилъ день и даже часъ. Мицкевичъ сталъ готовиться къ смерти, исповѣдывался и причастился; въ опредѣленный день и часъ облекся въ одежду, въ которой желалъ быть похороненнымъ, и легъ въ кровать, дожидаясь смертнаго часа. Назначенный часъ ударилъ, а, между тѣмъ, смерть не приходитъ; проходитъ четверть и другая, и, наконецъ, цѣлый часъ, а смерти нѣтъ, какъ нѣтъ..... Раздосадованный Мицкевичъ всталъ и, обличивъ Товянскаго во лжи, оставилъ его и отправился въ Римъ.

Въ 1845 или 1846 году появилась въ Парижѣ монахиня Макрина Мечиславская, выдававшая себя за игуменью униатскаго мннскаго женскаго монастыря. Она рассказывала о неимоверныхъ будто-бы гоненіяхъ униатовъ и о насильственномъ ихъ обращеніи въ православіе; въ частности же она передавала о мученіяхъ, которымъ будто бы подвергались монахини ея обители. Мало образованная, не знавшая никакого другаго языка, кромѣ польскаго, не умѣвшая даже читать церковныхъ книгъ, напечатанныхъ кириллицей, что кажется неимовернымъ въ униатской игуменѣ, своимъ простодушіемъ и врожденной ей ловкостью въ обращеніи съ людьми она сужѣла весьма много сбить съ толку такъ, что даже самое невѣроятное въ ея разказахъ принималось большинствомъ за неоспоримую истину. Была ли она избрана и подготовлена къ тому, чтобы разыграть впослѣдствіи роль мученицы, и кто ее предвазначилъ для этой роли, быть можетъ, раскроетъ болѣе или менѣе отдаленное будущее; но во всякомъ случаѣ, она сдѣлалась въ рукахъ поляковъ сильнымъ и весьма дѣйствительнымъ средствомъ къ возбужденію противъ Россіи враждебныхъ чувствъ на западѣ и распространенію въ обществѣ превратныхъ сужденій о мѣропріятіяхъ русскаго правительства противъ польско-католической агитаціи. Неисчерпаемой темой ея разказовъ послужили испытанныя ею будто бы гоненія. Она рассказывала, наприимѣръ, какъ ее и

других монахинь истязали и били, завязали въ шшоки и, завезши на среднюю озеро, погрузили съ головой въ воду, требуя отреченія отъ уни; сверхъ того, она передавала о многихъ другихъ нещастяхъ въ этомъ родѣ. Избраннымъ же лицамъ, и то подъ секретомъ, она сообщала о доставшихся на ея долю откровеніяхъ и даже о томъ, что она сподобилась видѣть Иисуса Христа во время гоненій. Чудеснымъ образомъ она, будто бы, бѣжала изъ темницы съ двумя монахинями въ Познанскую провинцію, а оттуда разными путями въ Парижъ. Куда же дѣвались спутницы Макрины? Этихъ вопросовъ заинтересовались даже въ Римѣ. Папа повелѣлъ вѣнскому нунцію провѣстивъ самые тщательные розыски, но ихъ нельзя было нигдѣ розыскать; вѣроятнѣе всего, ихъ и не было! Макриною, какъ въ высшей степени подходящимъ религиозно-агитаціоннымъ средствомъ, посѣщилъ воспользоваться одинъ изъ эмансипированныхъ, — всеядъ Яловицкій, стоявшій ближе всѣхъ къ партіи Чарторыйскаго. Онъ навязался ей въ духовники, и послѣ провожалъ ее въ Римъ для представленія вновь избранному папѣ Пію IX. По пути въ большіе городахъ, какъ въ Лионѣ, Авиньонѣ, Марсальи и др., онъ задерживался и въ костелахъ держалъ проповѣди. Въ яркихъ краскахъ онъ рассказывалъ о претриваемыхъ католиками въ Россіи гоненіяхъ и указывалъ на святость присутствующей мученицы, не понимавшей, впрочемъ, ни слова изъ расточаемыхъ ей похвалъ. Толпы слушателей наполняли церкви. Посыпались обильныя подаянія въ пользу несчастной страдальцы. Газеты подхватили благодарную для публицистики тему, подняли страшный гвалтъ и трезвонили по всей Франціи и чуть ли не по всему свѣту о варварствѣ Россіи и о свирѣпыхъ гоненіяхъ современныхъ Нероновъ и Діоклетіановъ.

Слухъ о Макринѣ и Яловицкомъ опередилъ ихъ въ Римѣ. Непогрѣшимый папа принялъ подъ свое покровительство страдальцу и похѣстилъ ее въ римскомъ французскомъ монастырѣ Sacre Coeur на холмѣ св. Троицы (monte trinita). Яловицкій остался въ Римѣ и сдѣлался постояннымъ духовникомъ Макрины. Вдругъ пошли слухи о чудесахъ и слава о нихъ распространилась широко, въ особенности между поляками. Люди стекались со всѣхъ сторонъ, чтобы ея молитвами получить облегченіе въ своихъ недугахъ или испросить какихъ нибудь вещественныхъ благъ. Тогда папа назначилъ трехъ священниковъ: Яловицкаго, іезуита Рыло и одного священника изъ славянъ, воспитанника конгрегаціи de propaganda fide. Они допросили Макрину, записали ея показанія о чудовищныхъ гоненіяхъ и отпечатали на разныхъ европейскихъ языкахъ. Палское правительство позаботилось о распространеніи тысячей экземпляровъ этой брошюры. Въ отвѣтъ на это появлялись въ нѣкоторыхъ газетахъ опроверженія со стороны русскаго правительства; выяснилось впоследствии, что въ Минскѣ не существовало даже униатскаго женскаго монастыря. Однако, западный міръ желалъ быть обманутымъ, и обманъ довольно прозрачный и бьющій даже въ глаза, восторжествовалъ. Mundus

vult decipi, ergo decipiatur! Такинь образомъ, недѣлая басня нашла вѣру въ западной Европѣ, столь легко вооружающейся противъ православной Россіи.

Авторитетъ Макрины былъ уже внѣ всякаго сомнѣнія. Между прочимъ, и Мицкевичъ увлекся ею настолько, что когда въ 1848 г. онъ рѣшился примириться съ церковью, то просилъ Макрину избрать ему духовника. Она указала на Яловицкаго. Хотя Мицкевичъ былъ личнымъ врагомъ Яловицкаго, вслѣдствіе нанесеннаго ему имъ публично въ какомъ-то польскомъ кружкѣ оскорбленія, но рекомендація Макрины подѣйствовала: Яловицкій сдѣлался духовникомъ Мицкевича. Наконецъ, Макрина добилась немовѣрной чести: самъ непогрѣшимый папа удостоилъ ее своего посѣщенія!

Макрина отнеслась весьма холодно къ находившимся въ Римѣ униатскимъ іеромонахамъ, бѣжавшимъ изъ Холмской епархіи, о. о. Домбровскому и Краевскому, да и они выказывали недоувѣріе къ мнимои униаткѣ и къ испытаннымъ ею страданіямъ. Это недоувѣріе подтверждалось также и тѣмъ, что она придерживалась латинскаго обряда, присутствуя въ костелѣ на всѣхъ богослуженіяхъ и причащаясь подъ однимъ видомъ. Только предо мною она жаловалась на Яловицкаго за деспотическое съ ней обращеніе; она ставила ему въ вину то, что онъ приволивалъ ее къ латинскому обряду, наконецъ она увѣряла меня, что съ моимъ поселеніемъ въ Римѣ она окончательно возвратится на лоно униатской церкви. Между прочимъ, она мечтала основать въ Римѣ греко-униатскій женскій монастырь. Послушниця она прискакала быстро: заявило желаніе поступить въ монастырь нѣсколько дѣвушекъ изъ простаго званія, а именно горничныхъ живущихъ въ Римѣ польскихъ аристократовъ, которые всѣ были безъ ума отъ Макрины. Ея мечта была уже близка къ осуществленію, тѣмъ болѣе, что нашлось помѣщеніе въ небольшомъ женскомъ монастырѣ, куда переселилась Макрина съ своими новобранками. Однако, въ непродолжительномъ времени возникли какія-то несогласія между Макриной и Яловицкимъ. По крайней мѣрѣ, я, во время моего путешествія на востокъ, получалъ въ Адрианополѣ письмо отъ Макрины, умоляющее меня возвратиться непременно въ Римъ, чтобы ее вырвать изъ желѣзныхъ когтей Яловицкаго. Тогда мнѣ не до того было, да и слава Богу, потому что вскорѣ я получалъ другое ея письмо съ извѣщеніемъ, что ея колебанія прекратились; она окончательно перешла въ католичество.

Лишь только Яловицкій пересталъ руководить дѣйствіями Макрины, то прекратились и всѣ толки о чудесахъ Макрины. Вскорѣ она оказалась даже неспособной управлять общиной. Оказалось необходимымъ назначить для заведыванія небольшой общиной какую-то латинскую монахиню, оставивъ Макрину только номинальной настоятельницаей, такъ сказать, выѣской, необходимой для отведенія глазъ. Какъ-то въ 1850-хъ уже годахъ, пріѣхавши изъ Парижа, я навѣстилъ еще разъ Макрину. Затѣмъ я ее потерялъ изъ вида, и дальнѣйшая судьба всей латино-польской комедіи съ ней мнѣ не извѣстна.

XIII.

Новыя вѣянія въ западной церкви съ вступленіемъ на папскій престолъ Пій IX.—Проектъ воссоединенія церквей.—Аудіенція у папы.

Въ 1846 году занялъ папскій престолъ Пій IX. Съ самаго начала своего управленія западной церковью, новозбранный папа, задумавъ помирить католичество съ распространившимися въ западной Европѣ либеральными принципами, высказалъ нахѣреніе управлять церковью и папской областью въ духѣ правды, справедливости и политической свободы. Повѣяло какъ бы новымъ духомъ: зашевелились новыя идеи, стали высказываться и пробиваться наружу зародившіяся раньше мечты. Не удивительно, что при измѣнившихся обстоятельствахъ и мнѣ показалось возможнымъ привести въ исполненіе давно занимавшую меня и наполнявшую мою душу мысль о соединеніи церквей. Дѣло это великое, превышающее силы одного человѣка, требующее для своего выполненія дружной работы цѣлыхъ поколѣній и выходящее за предѣлы, быть можетъ, цѣлыхъ столѣтій, казалось мнѣ въ это время не настолько труднымъ и вполне осуществимымъ. Но вѣрна ли была моя точка зрѣнія на задачи соединенія церквей? Обученный въ одностороннемъ латинскомъ богословіи, въ которомъ все истолковывалось въ пользу папства, все же противорѣчащее ему и несогласное съ нимъ или замалчивалось, или подгонялось съ іезуитской ловкостью къ ученію о главенствѣ римскаго понтификата, не чуждый отчасти римской гордости и относящійся, поэтому, съ недоверіемъ и даже съ презрѣніемъ ко всему православному,—я смотрѣлъ на соединеніе церквей не какъ на союзъ равноправныхъ восточныхъ церквей съ западною, но какъ на присоединеніе или скорѣе подчиненіе послѣднихъ первой. Я не допускалъ даже возможности, чтобы схизматики, какъ я ихъ тогда величалъ, были въ состояніи представить какія нибудь вѣскія доказательства въ защиту своей обособленности, а тѣмъ болѣе самостоятельности. Усвоенная мною точка зрѣнія была чисто римская; я расходился только съ господствующими въ римской церкви взглядами на ея отношенія къ восточнымъ церквамъ, и, не одобряя практикуемыхъ при сношеніяхъ съ ними приемовъ, добивался полной для нихъ внутренней автономіи съ сохраненіемъ обрядности и выработанныхъ временемъ особенностей. Оставалось только предать роившимся въ моей головѣ мыслямъ письменное выраженіе и облечь ихъ въ форму проекта. Съ этою цѣлью я заперся на 15 дней въ монастырѣ Лазаристовъ и, работавъ усердно надъ письменнымъ изложеніемъ задуманнаго мною плана, рѣшился отправиться въ Римъ, чтобы представить его святѣйшему готовый уже проектъ соединенія церквей.

Около половины декабря я отправился въ путь, и къ празднику Рождества Христова уже былъ въ Римѣ. Послѣ святаго Богоявленія я просилъ аудіенціи, которая и была мнѣ предоставлена въ 8 часовъ вечера.

Въ это время въ Римѣ все кипѣло: народъ, обуреваемый политическими страстями, волновался все болѣе и болѣе, а борьба партій стала принимать чудовищные размѣры. Уступки, сдѣланныя папою въ пользу политической свободы, разнуждали всѣ элементы, бывшіе до сихъ поръ подъ спудомъ. Прикрываясь именемъ папы и устраивая въ его честь разнаго рода манифестаціи, агитаторы добивались еще большіхъ уступокъ съ цѣлью низверженія существующаго порядка. Темныя личности, ставшія во главѣ движенія, знали отлично слабость характера папы и, поэтому, было основаніе опасаться, что ихъ проски не встрѣтатъ надлежащаго отпора и дѣйствительно, въ 1848 году, дѣла стали принимать даже угрожающій характеръ,—но всего этого я не намѣренъ касаться.

Не удивительно, что среди этихъ тревоженій его святѣйшество было обремененъ множествомъ чисто правительственныхъ заботъ: слышались съ разныхъ сторонъ проекты и представленія. Въ назначенный для аудіенціи вечеръ мнѣ пришлось таки порядкомъ дожидаться. Когда же меня позвали, въ 10 часовъ вечера въ кабинетъ папы, то я засталъ только нѣсколько чиновниковъ съ связками бумагъ подъ мышкой. Представъ предъ его святѣйшествомъ, я началъ излагать на словахъ всю суть моего дѣла. Прежде всего я указалъ на грустные послѣдствія разъединенія церковей, а затѣмъ упомянулъ о томъ, что съ ихъ воссоединеніемъ нанесенъ былъ бы рѣшительный ударъ разнымъ ересямъ; дѣло распространенія христіанской вѣры по всей вселенной было бы двинуто впередъ свѣжими силами; что западная и восточная церкви по главнымъ раздѣляющимъ ихъ вопросамъ, а именно о происхожденіи Духа Святаго и о главенствѣ папы не слишкомъ отстоятъ другъ отъ друга; о желаніи соединенія обѣихъ церковей сомнѣваться нельзя, тѣмъ болѣе, что греческая церковъ ежедневно молится о соединеніи церковей; наконецъ, я позволилъ себѣ замѣтить, что господствующее въ настоящее время на западѣ движеніе умовъ весьма благопріятствуетъ поднятію этого вопроса, и что, быть можетъ, Господь Богъ предназначилъ его святѣйшеству довести до благополучнаго окончанія это богоугодное дѣло, успѣшно довершить то, чего не удалось сдѣлать на флорентійскомъ соборѣ, тѣмъ болѣе, что воля божественнаго Основателя нашей церкви есть: дабы было едино стадо и единъ пастырь и дабы всѣ были, яко Отецъ и Сынъ едино суть...

Я хотѣлъ еще дальше продолжать свою рѣчь, и сказать кое-что о средствахъ къ осуществленію этого дѣла, когда папа перебилъ меня словами:

— «Дѣло это весьма важно: вдругъ разобрать его, а тѣмъ болѣе рѣшить не возможно, время уже позднее, а меня еще ждутъ другіе. Если вашъ проектъ изложенъ на бумагѣ, то подайте мнѣ его!»

«Святѣйшій отецъ», рѣшился я сказать, «дѣйствительно, этотъ проектъ у меня изложенъ на бумагѣ; но я боюсь, что при множествѣ занятій вашего святѣйшества онъ будетъ какъ нибудь заброшенъ и не будетъ удостоенъ въ послѣдствіи вашего вниманія»

— «Не безпокойся; дай его сюда, я буду о немъ помыслить!»

Я передалъ бумагу, и такимъ образомъ окончилось мое первое представленіе папѣ:

Главные пункты моего проекта были слѣдующіе:

1) подъ главенствомъ папы римскаго восточныя церкви должны сохранить ненарушимость своихъ обрядовъ; обряды латинской церкви не должны пользоваться никакими преимуществами предъ обрядами восточными, имъ должно быть оказываемо со стороны западной церкви всевозможное почитаніе;

2) въ коллегіи кардиналовъ должны быть члены восточныхъ церквей, преимущественно же представители греко-славянскаго обряда;

3) всѣ латинскія миссіи между восточными христіанами должны быть упразднены и замѣнены миссіями изъ лицъ, принадлежащихъ къ мѣстнымъ народностямъ востока; почему необходимо въ Римѣ основать восточную миссіонерскую семинарію съ неуклоннымъ въ ней сохраненіемъ правилъ и каноновъ восточныхъ церквей;

4) главное вниманіе должно быть обращено на славянъ, пользующихся на востокѣ преобладающимъ вліяніемъ, и съ этою цѣлю долженъ быть созданъ русско-славянскій патріархатъ на правахъ другихъ патріаршихъ престоловъ;

5) всѣ нововведенія, сдѣланныя подъ вліяніемъ латинянъ по образцу римскаго обряда въ восточныхъ соединенныхъ съ Римомъ церквяхъ, должны быть устранены, и такимъ образомъ восстановлена первоначальная чистота восточнаго обряда;

6) должно быть разрѣшено всѣмъ, предки которыхъ перешли въ латинство, возвратиться безъ всякихъ затрудненій на лоно прежней своей церкви;

7) должно поднять блескъ и обаяніе восточныхъ соединенныхъ съ Римомъ церквей дарованіемъ ихъ духовенству всѣхъ преимуществъ и привилегій, какими пользуется духовенство латинское, и распространеніемъ среди духовенства на Востокѣ большаго просвѣщенія; почему слѣдуетъ основать въ Римѣ отдѣльную для восточныхъ языковъ типографію;

8) въ виду того, что безъ благодати Божіей нельзя рассчитывать на успѣхъ, слѣдовало бы завести братства, имѣющія цѣлю молиться о соединеніи церквей, и призвать всѣхъ католиковъ къ участию въ оныхъ;

9) наконецъ, для болѣе успѣшнаго веденія этого дѣла я просилъ для себя позволенія возвратиться къ обряду моихъ предковъ,—т. е. къ греко-славянскому.

Само собою разумѣется, что я принялся за это столь непосильное для

одного человѣка дѣло съ безъотчетнымъ увлеченіемъ; возможность неудачи представлялась мнѣ неправдоподобной. Я твердо надѣялся на согласіе римской церкви или, по крайней мѣрѣ, самого папы на мои предложенія. Тѣмъ не менѣе, уже и тогда бросались мнѣ въ глаза и даже поражали меня нѣкоторыя явленія въ римской церкви, не вполне согласныя съ духомъ христіанства. Но объ этомъ теперь не время говорить.

XIV.

Княгиня Зинаида Волконская.—Епископъ Люке.—Учрежденіе Восточнаго общества.

Въ это время жила въ Римѣ княгиня Зинаида Волконская, нѣкогда великосвѣтская дама, красавица, въ гостиницѣ которой рѣшались судьбы Европы. На старости лѣтъ она перешла въ католичество и, поселившись въ Римѣ, вся предалась благочестію. Въ высокое общественное положеніе, набожность и добродѣтели снискали ей уваженіе папскаго двора. Вела она жизнь скромную, но не замкнутую; у нея въ домѣ собирались всѣ лица, отличающіяся своимъ благочестіемъ или какою-нибудь выдающеюся дѣятельностью на пользу церкви, и всѣ миссіонеры. Не смотря на свой переходъ въ латинство, она сохраняла въ своемъ сердцѣ любовь къ прежнему своему обряду и своей народности. Понятно, что она не дала себя опутать сѣтями іезуитства. Однажды она сказала папѣ, котораго она обожала, что она готова возвратиться къ греко-славянскому обряду, если это принесетъ церкви какую нибудь пользу. Я былъ съ ней знакомъ и прежде, но теперь, узнавъ о моихъ предложеніяхъ, она приняла меня съ еще большимъ радушіемъ, чѣмъ обыкновенно. Немедля она поспѣшила меня познакомить съ епископомъ Люке (Luquet), французомъ, занимавшимся точно также вопросомъ о соединеніи церквей. Люке прибылъ въ Римъ изъ Индіи, гдѣ онъ состоялъ миссіонеромъ, индійскій климатъ оказался зловреднымъ для его здоровья и поэтому онъ переѣхалъ въ Римъ въ качествѣ прокуратора миссіи. Будучи еще въ Индіи простымъ миссіонеромъ, онъ подалъ папѣ Григорію XVI записку, въ которой доказывалъ необходимость завести вездѣ народное духовенство, за что и былъ возведенъ въ санъ епископа. Новому папѣ онъ, подобно мнѣ, намѣревался изложить свои планы на счетъ занимавшей его идеи соединенія церквей.

Итакъ, мы познакомились въ домѣ княгини Волконской. Скоро мы сошлись, такъ какъ мы оба стремились къ одной цѣли почти что одинаковыми средствами. Поэтому мы рѣшили дѣйствовать сообща. Прежде всего мы условились основать общество подъ именемъ Восточнаго, члены котораго своими ежегодными взносами и молитвами содѣйствовали бы преднамѣ-

ченной цѣли. Дѣятельность общества должна была исходить, направляться, сосредоточиваться въ комитетѣ, составленномъ на половину изъ членовъ латинскаго обряда и на половину изъ членовъ восточныхъ церквей подъ предсѣдательствомъ кардинала-префекта могущественной пропаганды (*congregatio de propaganda fide*). Последняя уступка была сдѣлана съ цѣлью предотвращенія возможнаго противодѣйствія со стороны этого учрежденія.

Комитетъ составился. Между прочими въ его составъ вошли прелаты: Корболи, секретарь конгрегаціи по особымъ дѣламъ, самый приближенный къ папѣ; Граціози, духовникъ папы; ученый французскій священникъ, вполнѣдствіи епископъ Жербе (*Gerbet*); Феррари, помощникъ секретаря вышеупомянутой конгрегаціи; священникъ Тайнеръ; князь Шампани де Кадоръ (*Champagnie de Cadore*), пэръ Франціи, и другіе. Кромѣ того, вошли въ составъ комитета находившіеся въ Римѣ епископы и священники восточныхъ соединенныхъ съ Римомъ церквей. Предсѣдателемъ былъ, какъ сказано выше, префектъ пропаганды Франсони; канцлеромъ епископъ Люке, а секретаремъ по восточнымъ дѣламъ выбрали меня, получившаго уже позволеніе папы на возвращеніе къ обряду своихъ предковъ,—къ греко-русскому; секретаремъ по дѣламъ латинской церкви священникъ кн. Лихновскій, а должность казначея принялъ на себя кн. Кадоръ.

Такимъ образомъ, дѣла основаннаго, но еще не разрѣшеннаго общества подвигались успѣшно впередъ. Оставалось только получить какой нибудь отвѣтъ на поданную папѣ записку. Прошло уже почти три мѣсяца тягостнаго ожиданія, а между тѣмъ, о моемъ проектѣ ни слуху—ни духу. Я рѣшился опять просить аудіенціи, и какъ-то скоро получилъ ее. Представъ предъ папой, я сказалъ: «три мѣсяца тому назадъ я имѣлъ счастье представить вашему святѣйшеству записку, касающуюся соединенія церквей, и вы благоволили обѣщать обратить на нее свое вниманіе!» Папа сейчасъ вспомнилъ и сталъ ее искать вездѣ между бумагами, но не могъ ее найти. Тогда онъ велѣлъ мнѣ рассказать, въ чемъ дѣло. Я изложилъ устно мой проектъ. Выслушавъ все, папа, видимо тронутый, всталъ и благословилъ начинающееся дѣло и меня столь умильно и столь чувствительными словами, что я прослезился. По желанію его святѣйшества, я передалъ ему снова проектъ, изложенный на бумагѣ.

Тѣмъ временемъ дѣла общества нагрѣли уже настолько, что оказалось возможнымъ на 19-е іюня мѣсяца 1847 года собрать первое засѣданіе. Засѣданіе открылъ предсѣдатель Франсони. Началось оно съ нападокъ на общество со стороны самого предсѣдателя. Итакъ, кардиналъ Франсони выражалъ съ неудовольствіемъ и даже негодованіемъ свое несогласіе съ цѣлями общества и выставлялъ на видъ его бесполезность и даже вредъ, могущій произойти отъ конкуренціи съ дѣятельностью пропаганды, но въ концѣ концовъ сдался на доводы, представленные со стороны членовъ, о пользѣ и даже

необходимости такого общества. Онъ общался доложить папѣ объ устройствѣ комитета и дѣляхъ, преслѣдуемыхъ обществомъ. Не замедлило послѣдовать официальное его утверженіе. На второмъ засѣданіи оно уже выступило подъ именемъ «Восточнаго». Епископъ Люке напечаталъ отъ комитета воззваніе, приглашающее вѣрующихъ къ поступленію въ члены общества съ подробнымъ изложеніемъ его дѣлей. Это воззваніе разослано во всѣ католическія государства, ко всѣмъ латинскимъ и греко-уніатскимъ епископамъ, а также и мірянамъ, выдающимся по своему общественному положенію.

Открытіе Восточнаго общества и возбужденіе вопроса о соединеніи церквей побудило папу издать и разослать по всѣмъ восточнымъ церквамъ энциклику, приглашающую ихъ къ соединенію съ римскою церковью и обещающую ненарушимость восточныхъ обрядовъ. Виѣсть съ тѣмъ, папа упоминаетъ въ энцикликѣ о составленіи въ Римѣ Восточнаго общества. Окружное это посланіе папы, составленное обыкновеннымъ официальнымъ слогомъ папскихъ энцикликъ, съ чисто римскою надменностью и брасающимися въ глаза желаніемъ господства, а не, какъ слѣдовало, въ духѣ христіанской любви, не могло произвести хорошаго впечатлѣнія на восточныхъ христіанъ и вызвало только знаменитый отвѣтъ восточныхъ патріарховъ ¹⁾.

XV.

Хлопоты по устройству миссіонерскаго заведенія.—Отъѣздъ на востокъ чрезъ Лоретто, Анкону и Корфу.

Въ поданномъ мною папѣ проектѣ предлагалось, какъ упомянуто было раньше, открытіе въ Римѣ заведенія, въ которомъ могли бы подготовляться для миссіонерства юноши, вызванные изъ тѣхъ же странъ востока, которымъ они должны впоследствии посвятить свою дѣятельность. Такое заведеніе я считалъ необходимымъ для успѣха затѣяннаго мною дѣла. Поэтому я рѣшился отправиться на востокъ и въ Австрію, чтобы подыскать, если окажется возможнымъ, нѣсколько молодыхъ людей для поступленія въ открываемое заведеніе, а также и раздобыть средства, необходимыя на его устройство и первоначальное обузавденіе. Папа заявилъ на это свое согласіе и велѣлъ пропагандѣ выдать мнѣ нужныя бумаги, паспортъ, дипломъ на миссіонера и проч. Все было готово; недоставало только денегъ на путевыя издержки. Просить папы я не хотѣлъ, чтобы этимъ не затормозить всего дѣла. Есть поговорка, что въ Римѣ даютъ сколько угодно благословеній, индულъ-

¹⁾ Исполненный силы и достоинства отвѣтъ восточныхъ патріарховъ на «Окружное посланіе папы Пія IX» напечатанъ въ Твореніяхъ Святыхъ Отцовъ за 1848-й годъ. Л.

генцій и т. п., но о деньгахъ нельзя заикаться: все равно не дадутъ. Тогда нѣкоторые изъ моихъ друзей, а именно известный польскій поэтъ Богданъ Залесскій и его братъ Иосифъ, сдѣлали складчину и передали мнѣ собранные 400 франковъ. Съ этими небольшими средствами я рѣшился выѣхать. Съ своей стороны, и папа, не зная ничего о моихъ денежныхъ обстоятельствахъ, торопилъ меня къ отъѣзду. Заинтересовавшись дѣломъ, папа выказывалъ и мнѣ особенное расположеніе. Итакъ, на одной изъ аудіенцій, когда я, намекая о могущихъ мнѣ встрѣтиться опасностяхъ въ предстоящемъ пути, упомянулъ о томъ, что я оставилъ въ Краковѣ своего малолѣтняго сына чуть ли не на произволъ судьбы, его святѣйшество изволилъ сказать: «напишите немедленно въ Краковъ, чтобы его прислали сюда: я ему буду вмѣсто отца и сдѣлаю для него все, что только буду въ состояніи».

На прощальной аудіенціи папа меня благословилъ на путь двумя серебряными на черномъ деревѣ распятіями и молитвенными четками. Выѣздъ я назначилъ на 25 іюля мѣсяца. Все уже было готово. Пришло нѣсколько друзей меня проводить, когда явился почтальонъ съ денежнымъ письмомъ, въ которомъ было 600 франковъ. Эти деньги прислалъ мнѣ въ даръ на путевыя издержки мой университетскій товарищъ Антоній Витвицкій, которую я незадолго до этого отослалъ оставшіеся послѣ его скончавшагося въ Римѣ брата, известнаго польскаго писателя Стефана Витвицкаго, нѣсколько тысячъ франковъ.

Еще до моего отъѣзда я отправилъ два письма: одно князю Адаму Чарторыйскому, главѣ аристократической польской партіи, а другое графу Монталамберу, одному изъ выдающихся членовъ французской католической партіи. Въ обоихъ письмахъ я изложилъ подробно о цѣляхъ затѣяннаго мною дѣла и просилъ въ первомъ изъ нихъ о предписаніи агентамъ князя въ Турціи сообщать мнѣ необходимыя для меня свѣдѣнія и оказывать мнѣ нравственное содѣйствіе, а во второмъ о сочувствіи графа съ его партіей, а въ случаѣ нужды—о заступничествѣ французскаго правительства.

Снабженный необходимыми средствами и рекомендаціями, я выѣхалъ изъ Рима вечеромъ 25 іюля 1847 г. Въ то время тамъ еще не было желѣзной дороги; я отправился въ diligencѣ въ Анкону. Съ легкимъ сердцемъ и веселыми мыслями пустился я въ незнакомые мнѣ края!—на востокъ, хотя не столь отдаленный, но покрытый загадочной таинственностью и только отчасти затронутый вѣяніемъ западно-европейской цивилизаціи; моя будущая въ томъ краѣ дѣятельность рисовалась въ моихъ мечтахъ въ весьма привлекательно свѣтѣ и манила меня трудностью взятаго на себя подвига. Все это меня настраивало торжественно и располагало къ воспріятію впечатлѣній пути. Тѣмъ не менѣе, описывать посѣщенныхъ мною мѣстностей, интересныхъ по этнографическому составу населенія и его культурно-историческому быту, не стану; точно также картины природы, хотя я ими восхи-

щался не меньше других, я не намѣренъ воспроизводить своимъ перомъ. Все это я предоставляю записнымъ путешественникамъ; я ограничусь только сжатымъ рассказомъ и передачей нѣкоторымъ имѣющимъ связь съ моимъ путешествіемъ событій.

По пути я задержался въ Лоретто, славящаяся чудотворной иконой Пресвятыя Богородицы. Въ великолѣпномъ громадномъ храмѣ помѣщается каменный домикъ, по здѣшнему преданію, тотъ же самый, въ которомъ проживала Пресвятая Дѣва въ Назаретѣ, перенесенный сюда чудеснымъ образомъ. По ту сторону Адриатическаго моря, возлѣ города Рѣки (Fiume), показываютъ гору, на которой этотъ домикъ остановился, прежде чѣмъ быть перенесеннымъ чудесно сюда. Здѣсь я служилъ въ первый разъ св. литургію на славянскомъ языкѣ.

Въ Анконѣ сѣлъ я на пароходъ австрійскаго Ллойда и отправился на островъ Корфу, принадлежавшій тогда Англіи, гдѣ мнѣ пришлось ждать нѣкую недѣлю другаго парохода, идущаго въ Смирну, такъ какъ тотъ, на которомъ я пріѣхалъ, отбылъ въ Александрію. Корфу, какъ извѣстно, населенъ греками, принадлежащими, въ громадномъ большинствѣ, къ православному вѣроисповѣданію; только весьма незначительная часть придерживается латинской церкви съ архіепископомъ во главѣ и нѣсколькими миссіонерами. Въ кафедральномъ костелѣ я нѣсколько разъ служилъ обѣдню на славянскомъ языкѣ по восточному обряду, чѣмъ привлекъ въ церковь весьма многихъ православныхъ, съ любопытствомъ присматривавшихся къ невиданной ими почти-что православной обрядности при обстановкѣ католическаго храма. Вслѣдствіе этого, состоявшій при престарѣломъ архіепископѣ миссіонеръ Стелла обратился къ римской конгрегаціи пропаганды съ просьбой объ отправленіи въ Корфу миссіонера греческаго обряда. Такимъ образомъ моя мысль на первомъ же шагу на востокъ готова была оправдаться; но эта просьба не была исполнена!

Въ Корфу греческихъ православныхъ церковей много. Въ одной изъ нихъ почитаютъ неглѣнными мощи св. Спиридона, одного изъ отцевъ Никейскаго Вселенскаго собора. Греческіе священники были настолько любезны, что открыли раку и, такимъ образомъ, я удостоился приложиться къ святымъ мощамъ. Незадолго до моего пріѣзда, въ этой церкви случалось слѣдующее соблазнительное происшествіе: какъ извѣстно, не только латинскіе, но и протестантскіе миссіонеры стараются съ необыкновеннымъ усердіемъ завлекать въ свои сѣти православныхъ христіанъ. Одинъ изъ такихъ ревностныхъ англиканскихъ настояровъ, прибывъ въ Корфу, вздумалъ заняться уничтоженіемъ многихъ суевѣрій и даже, какъ они любятъ выражаться, идолопоклонства православныхъ корфіотовъ. Съ этою цѣлію онъ напечаталъ множество брошюръ, преисполненныхъ хулы и ругательствъ противъ православія и святаго ихъ заступника Спиридона. Въ храмовой праздникъ святаго, когда

церковь была биткомъ набита народомъ, пришелъ туда и англійскій миссіонеръ и сталъ раздавать свои брошюры. Греки охотно принимали ихъ, думая, что онѣ благочестиваго содержанія. Но какое было ихъ удивленіе, когда они, выйдя изъ церкви, нашли въ нихъ нелѣпныя хулы противъ православія и противъ святаго ихъ заступника. Городъ заволновался и ревностный миссіонеръ, быть можетъ, понатился бы жизнію, если бы онъ не успѣлъ скрыться въ цитадель, занятую англійскимъ гарнизономъ, и съ первымъ парходомъ не ускользнулъ бы въ свой туманный Альбіонъ. Тѣмъ не менѣе, не обошлось безъ кровопролитія. Противъ бушевавшей толпы двинуты были англійскія войска; произошла свалка и оказалось нѣсколько жертвъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны.

Разскажу еще объ одномъ грустномъ происшествіи, случившемся за нѣсколько дней до моего пріѣзда и напугавшемъ чрезвычайно всѣхъ любителей морскихъ купаній: англійскіе солдаты выводились ежедневно изъ цитадели для купанья въ морѣ. Между ними былъ одинъ отслужившій свой срокъ и ожидавшійся только парохода для возвращенія на родину. Онъ былъ изрядный пловецъ. Во время купанья онъ отплылъ съ однимъ своимъ товарищемъ въ открытое море, и вдругъ, къ своему ужасу, они увидѣли плывшую имъ на встрѣчу огромную акулу. Единственная надежда на спасеніе была—доплыть какъ можно скорѣе до отмели, но акула была въ своей стихіи: она оказалась лучшимъ пловцомъ. Скоро она ихъ нагнала и своей ужасной пастью схватила отставнаго солдата. На поднятый его товарищами крикъ она выпускаетъ раненаго солдата, но не успѣлъ онъ отплыть нѣсколько шаговъ, какъ она его опять схватываетъ своею пастью и погружается съ нимъ въ морскую пучину. На другой или на третій день рыбаки нашли недѣленные остатки тѣла несчастнаго.

XVI.

Путь чрезъ Сиру, Смирну въ Бейрутъ.—Караванъ европейскіхъ путешественниковъ.—Теразія голода вслѣдствіе нераспорядительности на пути.—Воздержанность отъ вина турецкаго эфендія.—Разбойничье селеніе.—Пріѣздъ въ Иерусалимъ.

Чрезъ недѣлю съ первымъ попутнымъ парходомъ я отправился въ дальнѣйшій путь. На одинъ день мы останавливались на островѣ Сирѣ, принадлежащемъ греческому королевству, гдѣ, по преданію, воспитывался Ахиллъ. Съ товарищемъ по пути, армянскимъ священникомъ, мы посѣтили латинскаго епископа, жившаго на вершинѣ высокой горы, по склону которой и дальше по берегу моря разбросанъ городъ. Вечеромъ мы отплыли въ Смирну, гдѣ

мнѣ опять пришлось дожидаться довольно продолжительное время парохода, идущаго въ Бейрутъ. Къ концу 1840-хъ годовъ рейсы не только по Адриатическому морю, но и по берегамъ Малой Азіи почти исключительно совершались пароходами австрійскаго Ллойда, и то только одинъ разъ въ мѣсяцъ, направляясь изъ Константинополя въ Бейрутъ, а оттуда въ Александрію. Въ Смирнѣ я познакомился съ драгоманомъ русскаго консула Жабоу и съ служащими въ французскомъ консульствѣ. Наконецъ, подошлѣлъ давно ожидаемый пароходъ, и я понесся дальше въ Бейрутъ, котораго мы достигли послѣ пятидневнаго путешествія, задерживаясь только на нѣсколько часовъ въ Родѣ и Кипрѣ. Въ городѣ Ларнакѣ на островѣ Кипрѣ я все таки успѣлъ посѣтить монастырь францисканцевъ. Одинъ изъ монаховъ, малый весьма коренастый, рассказывалъ мнѣ о кулачной расправѣ съ греками въ храмѣ Гроба Господня, въ которомъ онъ, не смотря на святость мѣста, съ храбростію, достойною лучшей участи, съ подсвѣчникомъ въ рукахъ громилъ православныхъ инокѣвъ.

Въ Бейрутѣ (древнѣшъ Беритѣ) я нашелъ д-ра Добровольскаго, моего товарища по виленскому университету, который меня гостепрѣмно пріютилъ у себя. При его содѣйствіи караванъ европейскихъ путешественниковъ, числомъ 11 человекъ, принялъ меня въ свою среду. Мы тронулись въ путь по узкой береговой полосѣ древней Финикій утромъ въ воскресенье настолько рано, что я не успѣлъ ничего поѣсть и даже захватить чего-нибудь съ собою. На свою лошадь я усѣлся со всѣмъ своимъ багажомъ. Ъхали мы быстро рысью, а отъ неумѣлой укладки изъ моего багажа выпадала то одна, то другая вещь, вслѣдствіе этого мнѣ приходилось постоянно останавливаться. Неудивительно, что я все отставалъ. Между путешественниками находились два прусака: отецъ съ сыномъ. Ихъ слуга, видя мое затруднительное положеніе, смилѣвался и помѣстилъ мои вещи съ ихъ багажомъ, нагруженнымъ на двухъ муловъ. На половинѣ пути въ Сеиду (древній Сидонъ) мы задержались въ турецкомъ постояломъ дворѣ (ханѣ). Ъсть не пришлось ничего, кромѣ кисточки винограда. Отдохнувъ немного, мои спутники принялись выгружать захваченные съ собою съѣстные припасы и поѣдать съ большимъ апетитомъ то, что успѣли раздобыть въ Бейрутѣ. Я ушелъ, чтобы не раздражать слишкомъ своего апетита или, вѣрнѣе сказать, не подвергать себя тяжкому испытанію отъ приступовъ терзавшаго меня уже голода. Уже стемнѣло, когда мы въѣхали въ Сеиду. Оба прусака со мною заѣхали послѣдними въ францисканскій монастырь, настоятель котораго, кромѣ роднаго италіанскаго, другаго не зналъ, а такъ какъ мои прусаки по италіански не понимали, то мнѣ пришлось быть ихъ драгоманомъ.

Настоятель сообщалъ мнѣ, что осталось только двѣ кровати. По чувству деликатности, я не хотѣлъ разлучать отца съ сыномъ, и вслѣдствіе этого, мнѣя рекомендательное письмо изъ Рима къ настоятелю одного мельхитскаго

монастыря въ Ливанскихъ горахъ, рѣшился искать гостепріимства въ нѣтъ-щемся въ Сандѣ мельхитскомъ монастырѣ. Итакъ, предоставивъ прусакамъ слѣдующее нѣ мѣсто, я отправился съ мальчикомъ-проводникомъ въ упомянутый мельхитскій монастырь. Но какое мое было разочарованіе, когда оказалось, что изъ монаховъ никто не зналъ другаго языка, кромѣ арабскаго, котораго я, въ свою очередь, вовсе не понималъ! Мой проводникъ, показавъ мнѣ монастырь, скрылся. Возвращаться нельзя было; приходилось во что бы то ни стало искать въ монастырѣ пріюта. Напрасно прибѣгала я къ мнѣннѣ, напрасно показывала арабскій адресъ письма: все ничего не помогало! Между тѣмъ, голодь меня донимала ужасно. Наконецъ-то отны кое-какъ догадались въ чемъ дѣло, и пригласили одного маронита, понимавшаго италянскій языкъ. Послѣ привычныхъ на востокѣ привѣтствій и комплиментовъ, я разъяснилъ ему свое бѣдственное положеніе, сказавъ, что весь день ничего не ѣлъ. Оказалось, что въ монастырѣ ничего, даже и хлѣба не было, такъ какъ иноковъ кормили прихожане, у себя на дому, по очереди; ночлегъ же они предоставляли мнѣ съ большой охотой. Тогда добрый маронитъ, послужившій мнѣ переводчикомъ, вывелъ меня изъ этого затрудненія, предложивъ мнѣ откусать у себя. Мы отправились къ нему. Въ первый разъ мнѣ пришлось ужинать по восточному; два или три кушанья арабской кухни показались мнѣ превосходными послѣ невольнаго поста и тряской ѣзды. Приходилось, конечно, все брать пальцами, такъ какъ ложечъ и вилокъ не полагалось. Угощеніе окончилось омовеніемъ рукъ, кофеемъ и наргиле (трубкою). Почевать гостепріимный хозяинъ отвелъ меня къ мельхитамъ.

Утромъ мы пустились въ дальнѣйшій путь чрезъ Суръ (древній Тиръ), Бесарію, гдѣ мы нашли только торчащія стѣны и зданія построеннаго Иродомъ въ честь императора Августа, а нынѣ разрушеннаго и засыпаннаго пескомъ, города,—въ Яффу (древнюю Юппу). Этотъ городъ служитъ преддверіемъ Палестины. Здѣсь я нашелъ брата русскаго консула въ Смирнѣ, польскаго эмигранта Жабу, состоявшаго смотрителемъ карантинна. Онъ просилъ меня остановиться на нѣсколько дней у него, чтобы, воспользовавшись моимъ пріѣздомъ, исповѣдываться съ служившими у него поляками. Я согласился. При его содѣйствіи я отправилъ нанятую въ Бейрутѣ лошадь, на небольшую суднѣ, къ ея хозяину. Удивительно, насколько восточные люди довѣрчивы: они обыкновенно отпускаютъ незнакому лицу на довольно продолжительное время и довольно далеко лошадей безъ всякаго съ своей стороны присмотра, полагаясь во всемъ на честность наняателя. Какъ разъ во время завтрака постигъ Жабу пріѣзжавшій въ Яффу для ревизіи карантинна турецкій чиновникъ. Мы сидѣли за завтракомъ. Хозяинъ пригласилъ присѣсть и эфпендія и, наливая вина въ рюмки, извинился, что не предлагаетъ правовѣрному турку напитокъ, разрѣшеннаго только глаурашъ. Эфпендія смотрѣлъ жадно на искристую влагу; наконецъ, онъ не вытерпѣлъ и, протянувъ свою рюмку,

сказалъ: «пророкъ запрещаетъ только злоупотребленіе напитками; налейте и мнѣ»!

Вечеромъ того же дня я нашелъ себѣ спутника. Въ святой городъ отправлялся французъ-фотографъ. Мы взяли себѣ почтовыхъ верховыхъ лошадей съ тѣмъ, чтобы ихъ сдать въ Іерусалимѣ на почтовой станціи. Проводникомъ нашимъ былъ арабъ, ведшій верблюда, нагруженнаго фотографическимъ аппаратомъ. Въ Рамлѣ мы искали пріюта въ францисканскомъ монастырѣ; но намъ отказали и, такимъ образомъ, намъ пришлось ѣхать всю ночь. Утромъ въ одной деревнѣ мы видѣли опустѣвшую весьма древнюю церковь, въ которой арабы держатъ ночью свой скотъ. Возлѣ этой церкви былъ ключъ воды съ водопойнымъ желобомъ. Мы хотѣли напоить своихъ лошадей, но мальчикъ-арабъ, поившій какъ-разъ свой скотъ, сталъ кричать и грозить намъ веревками, которыми держалъ въ рукахъ. Мой спутникъ хотѣлъ напугать мальчика и вынулъ пистолетъ. Смѣлый мальчикъ бросается на насъ съ веревками и громко взываетъ по арабски о помощи. Въ мигъ выбѣгаютъ изъ домовъ арабы и устремляются на насъ. Снекнувъ, что дѣло принимаетъ непріятный для насъ оборотъ, мы стегнули своихъ лошадей и помчались вскачь. Съ трудомъ мы убѣжали отъ гнавшихся за нами арабовъ. Впослѣдствіи, въ Іерусалимѣ намъ рассказывали, что это селеніе есть гнѣздо самыхъ отъявленныхъ разбойниковъ. За нѣсколько дней до этого іерусалимскому нашѣ удалось поймать шейка, предводителя этого разбойничьяго гнѣзда, и это отчасти сдерживало ихъ прыть, — а то бы намъ едва ли удалось избѣгнуть ихъ рукъ.

XVI.

Прибытіе въ Іерусалимъ. — Обратный путь въ Ядфу. — Эфендіи полякъ въ Смирнѣ.

Въ Іерусалимѣ я остановился въ гостиницѣ патровъ францисканцевъ, которымъ римскими папами была исключительно вѣрена духовная администрація всей Палестины и острова Кипра, почему и настоятель всѣхъ монастырей въ этомъ краѣ, — такъ называемый провинціалисъ, пользовался епископской юрисдикціей и правомъ употребленія при богослуженіи митры и жезла. Францисканцы по большей части италіянцы и испанцы, съ небольшою примѣсью французовъ, народъ вообще мало образованный и грубый, взирающій съ гордостью и презрѣніемъ какъ на схизматиковъ, т. е. православныхъ, такъ и на послѣдователей другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Они увѣряли меня, что все православное духовенство люди безъ чести и релігіозныхъ правилъ, и совѣтывали мнѣ воздерживаться отъ всякаго съ ними общенія, такъ какъ они меня, какъ уніатскаго священника, способны убить

или отравить. Подъ этимъ предлогомъ патеры не позволяли мнѣ служить обѣдню въ часовнѣ Гроба Господня, какъ не принадлежавшей исключительно латинянамъ, а только на ихъ престолѣ, сооруженномъ подлѣ столба на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, явился Іисусъ Христосъ св. Маріи Магдалинѣ. Во время обѣдни, подъ вліаніемъ внушеній францисканцевъ, сначала я оробѣлъ, увидѣвъ собравшихся вокругъ престола въ довольно значительномъ числѣ православныхъ монаховъ, но, къ моему большому удивленію, они не только не выказывали никакой вражды, но даже поучали прислуживавшаго дьячка, не ознакомленнаго вполнѣ съ чиномъ обѣдни, что слѣдуетъ дѣлать. Станный этотъ взглядъ латинянъ на православную церковь и даже враждебное ихъ къ ней отношеніе поражали меня уже и тогда, не смотря на всѣ мои предубѣжденія противъ православія, внушенныя мнѣ богословскою іезуитскою наукою.

Пробывъ въ Іерусалимѣ одну лишь недѣлю и посѣтивъ на тотъ разъ только близъ лежащія святыя мѣста, какъ Ввелеанію, Ввелеемъ, мѣсто рожденія, и пустыню св. Іоанна Крестителя, и отправившись въ обратный путь въ Яффу. Оттуда я переѣхалъ на небольшомъ арабскомъ суднѣ, нагруженномъ хлѣбомъ, въ Суръ, а дальше уже сухимъ путемъ чрезъ Сенду въ Бейрутъ. Посѣтивъ въ Ливанскихъ горахъ мельхитскій монастырь, который я непретѣнно хотѣлъ видѣть, я отплылъ на пароходѣ Ллойда въ Смирну. По причинѣ появившейся въ Сиріи холеры, насъ продержали четырнадцать дней въ турецкомъ карантинѣ, въ которомъ не было ни кровати, ни постели и гдѣ нельзя было достать ничего съѣстнаго; при томъ онъ отстоялъ двѣ-три версты отъ города. Чрезъ три дня послѣ нашего пріѣзда вновь прибывшій пароходъ передалъ и своихъ пассажировъ въ карантинъ. Прогуливаться дозволялось во внутреннемъ дворѣ,—въ одной его половинѣ прибывшимъ раньше, а вновь прибывшимъ въ другой. Однажды во время прогулки обратился ко мнѣ молодой человекъ, въ платьѣ турецкаго эфендія, съ вопросомъ: нельзя-ли ему говорить со мною по польски? Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ назвалъ себя Браницкимъ, сыномъ одного изъ извѣстныхъ богачей Украйны; онъ-де еще гимназистомъ или студентомъ, теперь не помню, принадлежалъ къ революціонному польскому обществу; власти, узнавъ о тайныхъ цѣляхъ этого общества, сослали-де его рядовымъ на Кавказъ; тамъ-де онъ бѣжалъ къ черкесамъ, которые его обратили въ раба и продали въ Турцію; принятіемъ магометанства онъ-де освободился отъ рабства, но онъ теперь кается и хотѣлъ бы снова возвратиться въ христіанство, чего, къ сожалѣнію, въ предѣлахъ Турціи сдѣлать нельзя, а средствъ для того, чтобы пробраться куда-нибудь въ Европу, у него не нѣтется; почему узнавъ, кто я таковъ, онъ обращается ко мнѣ съ просьбой помочь ему. Не смотря на всю не правдоподобность разсказа этого мнимаго Браницкаго, по добротѣ душевной, я обѣщавъ добыть ему средства на дорогу во Францію. Вышедши изъ карантина, я поручилъ

поляка-эффендіа заботамъ секретаря французскаго консульства, оставивъ ему и свою сильную лепту. Впослѣдствіи же я узналъ, что мнимый Вранницкій, получивъ даровой проѣздъ на французскомъ пароходѣ и нѣсколько наполеондоромъ на руку, по отъѣздѣ изъ Смирны, на первой же пристани въ предѣлахъ Турціи куда-то исчезъ.

Въ Константинополѣ я нашамъ дружескій пріемъ въ монастырѣ паттеровъ Лазаристовъ и пробылъ у нихъ два мѣсяца. Здѣсь я получилъ отвѣты на мои два письма, отправленные до отъѣзда моего изъ Рима—одно къ князю Чарторыйскому, а другое къ графу Монталамберу. Перваго, какъ я объ этомъ говорилъ раньше, я просилъ о распоряженіи съ его стороны его агентамъ оказывать мнѣ нравственную помощь, а другаго почти о томъ же,—объ искодайствованіи у французскаго правительства такого же распоряженія разсѣяннымъ по всему востоку политическимъ агентамъ Франціи. Отвѣтъ Чарторыйскаго былъ весьма дипломатическій. Смыслъ его таковъ: всѣ его усилія стремились-де всегда къ сосредоточенію всѣхъ дѣйствій, относящихся къ восстановленію Польши, съ цѣлію придать имъ одно извѣстное направленіе; поэтому и его агенты могутъ мнѣ тогда только оказывать содѣйствіе, если мое предпріятіе идетъ въ согласномъ съ ними направленіи. Другими словами, не прибѣгая къ дипломатически иносказательнымъ выраженіямъ, онъ говорилъ какъ бы слѣдующее: согласишься подвергнуться моему управленію и я тебѣ помогу! Разумѣется, я не могъ принять подобнаго условія. Монталамберъ же далъ мнѣ отвѣтъ, что при настоящемъ положеніи дѣлъ нельзя ожидать содѣйствія со стороны французскаго правительства моему предпріятію; напротивъ, оно даже готово будетъ противоодѣйствовать; поэтому онъ совѣтуетъ не сообщать о моихъ настрѣніяхъ официальнымъ французскимъ агентамъ на востокѣ. Сверхъ того, онъ прибавилъ, что мое предпріятіе—Божье дѣло, совѣтывалъ уповать на Бога и твердо надѣяться на то, что съ Его помощію преодолѣю всѣ препятствія, которыя долженъ встрѣтить на пути; безъ нихъ не обойдется, такъ какъ препятствія—искусъ всякаго добраго дѣла.

Въ Константинополѣ я встрѣтился съ Михаиломъ Чайковскимъ, впоследствии Садыевъ-пашой, моимъ боевымъ товарищемъ по мятежу 1831 г. Чайковскій родился на Волыни, гдѣ у него было свое имѣніе, а затѣмъ примкнулъ къ польскому мятежу, служа подъ начальствомъ Карла Ружицкаго. Сдѣлавшись эмигрантомъ, онъ поселился сначала во Франціи, а затѣмъ переехалъ въ Турцію. Въ Турціи былъ онъ главнымъ агентомъ князя Чарторыйскаго, въ качествѣ котораго онъ старался возбуждать среди турецкихъ славянъ вражду противъ Россіи. Одаренный поэтической фантазійей, часто уносящей его за предѣлы истины, и даромъ слова, онъ могъ вліять на умы, и на самомъ дѣлѣ сѣялъ не мало зла среди легковѣрныхъ и податливыхъ на постороннія напѣтыванія славянскихъ племенъ Турціи. Сверхъ того, онъ

направилъ, и при томъ не безуспѣшно, свою агитацію на старовѣровъ, поселившихся въ Турціи и Австріи. Его стараніями буковинскіе старовѣры получили свою іерархію, во главѣ которой сталъ епископъ, или собственно митрополитъ въ Вѣдокриницѣ, юрисдикція котораго простерлась даже, конечно, тайными путями, на російскіе предѣлы (австрійское согласіе). Чайковскій содѣйствовалъ, главнымъ образомъ, введенію среди болгаръ униатства, онъ же подыскалъ архимандрита Іосифа (Совульскаго), который согласился сдѣлаться униатомъ и принять въ Римѣ рукоположеніе въ архіерен. Къ счастью, преосвященный Іосифъ не могъ принирить требованіе римскаго престола со взглядами и привычками своей паствы: онъ бѣжалъ въ Россію и нашелъ пріютъ въ Кіево-печерской лаврѣ. Въ самый разгаръ дѣятельности Чайковскаго русское правительство потребовало отъ Порты его выдачи, какъ выходца изъ Россіи; правительство Наполеона III отказало ему въ своемъ покровительствѣ. Тогда онъ, по совѣту, какъ говорятъ, самого султана, принялъ магометанство подъ именемъ Садыка, женился на проживавшей въ Царьградѣ дочери бывшаго профессора виленакаго университета Андрея Снядецкаго и въ скоромъ времени сталъ пашой. Во время крымской войны Садыкъ-паша составилъ изъ славянъ, а главнымъ образомъ изъ поляковъ, турецко-казачьи полки. Однако, вслѣдствіе соперничества съ полковникомъ Замойскимъ, племянникомъ Чарторыйскаго, съ которымъ онъ разошелся изъ-за руководства польскими легіонами въ Турціи, онъ началъ относиться къ польскому дѣлу не съ прежнею горячностью. Впослѣдствіи раздоры между нахлынувшими въ Турцію поляками и сближеніе съ графомъ Игнатъевымъ поматнули его вѣру въ правоту польскаго дѣла; мало по малу онъ сталъ убѣждаться въ несбыточности польскихъ мечтаній и въ собственныхъ заблужденіяхъ,— почему и пожелалъ возвратиться въ Россію. Получивъ отъ русскаго правительства полное помилованіе, онъ поселился въ Кіевѣ, гдѣ и присоединился къ православію. Въ описываемое мною время Чайковскій отнесся ко мнѣ дружелюбно и принялъ меня какъ стараго товарища. Однако, впослѣдствіи, придерживаясь, по всей вѣроятности, полученныхъ отъ князя Чарторыйскаго инструкцій, онъ отдѣлался отъ меня подъ какимъ-то благовиднымъ предлогомъ и не далъ мнѣ никакихъ поясненій и указаній, которыхъ я у него просилъ.

Во время моего пребыванія въ Царьградѣ туда прибылъ папскій нунцій, кажется, Ферриери. Между прочимъ, онъ привезъ и папскую энциклику къ восточнымъ христіанамъ. Эту энциклику, какъ сказано было раньше, папа велѣлъ обнародовать вслѣдствіе движенія, возбужденнаго нашимъ восточнымъ обществомъ. Она была сочинена римскою куріей не въ духѣ братства и христіанской любви, но, напротивъ, въ духѣ папскаго властолюбія. Она же вызвала и извѣстный, отличающійся неопровержимой силой доказательства, отвѣтъ

восточныхъ патріарховъ. Этимъ все покончилось. Я посѣтилъ нунція и сообщилъ ему о намѣреніи нѣкоторыхъ армяно-григоріанцевъ завязать съ нимъ сношенія и вступить въ переговоры объ ихъ присоединеніи къ римской церкви, о чемъ я узналъ случайно. Депутація армянъ дѣйствительно явилась къ нему: но высокоумѣнное и гордое обращеніе съ ними нунція отняло у нихъ всякую охоту подчиниться Риму. И мнѣ также не понравилось обращеніе этого папскаго посланника.

Вл. Терлецкій.

Сообщ. А. Лопатинскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГРАФЪ МИХАИЛЬ ТАРИЕЛОВИЧЪ ЛОРИСЪ-МЕЛИКОВЪ

Воспоминанія доктора Н. А. Бѣлоголоваго

1878—1888.

I.

Обстоятельства сблизили меня за границую съ графомъ Лорисомъ на склонѣ его жизни, въ послѣдніе четыре года ея, и я считаю до нѣкоторой степени своимъ нравственнымъ долгомъ передать мои воспоминанія и кой-какія данныя о немъ русскимъ читателямъ, такъ какъ онъ представлялся личностью, далеко не заурядною, одно время очень популярною у насъ и сыгравшею видную, хотя и кратковременную, роль въ нашей исторіи послѣднихъ лѣтъ. Я отнюдь не имѣю въ виду писать его біографіи, для этого у меня нѣтъ достаточно матеріала, ни тѣмъ менѣе дѣлать анализъ и оцѣнку его служебной и государственной дѣятельности, для которыхъ еще не наступило, да и врядъ ли скоро наступитъ время, а просто намѣренъ подѣлиться моими личными впечатлѣніями и тѣми біографическими свѣдѣніями, остающимися до сихъ поръ неизвѣстными публикѣ, которыя я узналъ непосредственно отъ покойнаго при частыхъ моихъ бесѣдахъ съ нимъ.

Въ первый разъ я увидѣлъ графа еще въ апрѣлѣ 1878 года въ Петербургѣ, куда онъ пріѣхалъ по окончаніи войны и вскорѣ пожелалъ посовѣтоваться со мной о своемъ здоровьи; я былъ какъ разъ въ это время такъ занятъ, что вначалѣ отказался

было къ нему прїѣхать, за неимѣніемъ свободнаго времени, и согласился только нѣкоторое время спустя и послѣ настойчиваго повторенія приглашенія. Жилъ онъ тогда въ небольшой квартирѣ 3-го этажа дома Васильевой на Сергіевской улицѣ. Свиданье это имѣло чисто дѣловой характеръ и разговоръ нашъ ни разу не выходилъ за черту своей медицинской цѣли, но помню, что и тогда графъ очень прїятно поразилъ меня своимъ искрящимся умомъ и безыскусственной простотою обращенія. Я осмотрѣлъ его, нашелъ нѣсколько затронутыя стародавнимъ, но, повидимому, остановившимся процессомъ легкія, хроническій катарръ дыхательныхъ вѣтвей, и въ виду этого, а также склонности къ частымъ кровохарканіямъ, сдѣлалъ нужныя медицинскія указанія для предотвращенія ухудшеній на будущее время, а затѣмъ, признавъ въ общемъ итогъ состоянье здоровья довольно удовлетворительнымъ, распрощался,—и на этомъ знакомство наше остановилось.

II.

Слѣдующая встрѣча наша произошла въ 1884 году при совершенно иной обстановкѣ. За эти 6 лѣтъ для насъ обоихъ много утекло воды; не только въ судьбѣ графа, но и въ моей случилась капитальная перемѣна, для объясненія которой я долженъ, не смотря на нежеланіе занимать своей особой, сказать нѣсколько словъ о самомъ себѣ. Занимаясь не въ мѣру, т. е. не по своимъ силамъ, практикою въ Петербургѣ, я, въ концу 25-ти лѣтїя своей медицинской дѣятельности, вдругъ, что называется, надорвался, почувствовалъ ясные признаки мозговаго переутомленія и лѣтомъ 1879 года выѣхалъ за границу съ надеждою, что одного года отдыха отъ утомительной практики вполне будетъ достаточно, чтобы меня освѣжить и снова подвинтить на работу. Я очень скучалъ отъ этого продолжительнаго перерыва въ привычныхъ занятїяхъ и, на силу дождавшись окончанія срока, положеннаго на праздншатаніе, увѣрилъ себя, что я совсѣмъ отдохнулъ и къ сентябрю 1880 года вернулся въ Петербургъ, но едва только принялся за практику, какъ тотчасъ

же долженъ былъ убѣдиться, что моя пѣсня, какъ медицинскаго работника, была спѣта и что я безвозвратно утерялъ то нравственное равновѣсіе, которое необходимо врачу для добросовѣстнаго исполненія его обязанностей; всякій пустякъ меня не только волновалъ, но и злилъ, и я съ отчаяніемъ видѣлъ, какъ изъ невозмутимаго и очень терпѣливаго человѣка я становлюсь нервнымъ и раздражительнымъ и не въ состояніи силою воли справиться съ этимъ превращеніемъ. Когда для меня стало ясно, какъ дважды два, что далѣе я практиковать не могу, я рѣшился на радикальную мѣру и весной 1881 года выѣхалъ на безсрочное время за границу, находя, что отказаться отъ практики и вмѣстѣ съ тѣмъ не повидать Россіи было бы задачей, не разрѣшимой при моемъ характерѣ; не умѣя ни отказывать больнымъ, ни вести дѣла, спустя рукава, я заблагоразсудилъ совсѣмъ удалиться, спасая не только себя, но и моихъ многочисленныхъ паціентовъ отъ врача, утратившаго вѣру въ самого себя. Многіе могутъ найти мой поступокъ эгоистичнымъ, мнѣ же онъ представляется совсѣмъ не такимъ, но оправдываться не буду, да и притомъ здѣсь рѣчь идетъ не обо мнѣ.

Перемена, постигшая графа Лориса за эти шесть лѣтъ, была еще несравненно разительнѣе, и, имѣя въ виду, что она болѣе или менѣе всѣмъ извѣстна, излагать ее было бы излишне. Онъ тоже съ 1881 года былъ не у дѣлъ и тоже съ распатанными силами мыкался по лицу западной Европы, ища возстановленія ихъ. Никакъ нельзя сказать про него, чтобы онъ переносилъ охотно и легко свое выселеніе изъ Россіи и не старался избѣжать его, такъ, зиму 1883—1884 года онъ всю провелъ въ Петербургѣ, но уже въ началѣ ея, а именно въ декабрѣ, схватилъ какую-то лихорадочную инфекціонную болѣзнь, то-ли тифъ, то-ли возвратную горячку, и къ которой, какъ осложненіе, присоединилось подострое воспаленіе верхушки лѣваго легкаго, такъ что съ декабря по 20-я числа апрѣля пролежалъ въ постели и, съ наступленіемъ первыхъ весеннихъ дней, по совѣту проф. Боткина, прямо съ кровати былъ перевезенъ въ вагонъ Варшавской желѣзной дороги и отправленъ въ Висбаденъ съ тѣмъ, чтобы на зиму переѣхать въ Ниццу. Привожу этотъ фактъ, какъ доказательство, что графъ проживалъ за границей вслѣдствіе своего разстроеннаго здоровья, а никакъ не по доброй волѣ, какъ это

утверждали многіе, упрекавшіе его въ абсентеизмѣ, — и почти навѣрное можно сказать, что только благодатный климатъ юга позволялъ ему протянуть свою жизнь на нѣсколько лишнихъ лѣтъ, а оставайся онъ въ Петербургѣ, — его раньше не было бы въ живыхъ.

Вотъ послѣ этого-то его выѣзда въ 1884 году изъ Петербурга, я съ женой, въ іюнѣ, тоже попалъ въ Висбаденъ съ тѣмъ, чтобы прожить тамъ лѣто и начало осени до переселенія въ Ментону, мѣсто моей тогдашней зимовки. Просматривая однажды листокъ для пріѣзжихъ, я увидѣлъ въ числѣ русскихъ фамилій — фамилію графа Лориса и зашелъ къ нему, чтобы возобновить наше знакомство. Жилъ онъ далеко отъ меня, на противоположномъ концѣ города, занимая небольшую меблированную квартиру, содержимую петербургскою нѣмкой Франкъ, и отъ нея же пользовался столомъ; вся обстановка жизни была на холостую ногу; при немъ находился только его русскій лакей, а вся семья проводила лѣто въ Гомбургъ, въ полутора часахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Висбадена, и графиня съ дочерьми изрѣдка пріѣзжала навѣстить мужа. Принялъ онъ меня очень пріятливо, какъ стараго знакомаго, и съ этого же свиданія между нами установились сразу самыя искреннія и дружескія отношенія, чему, вѣроятно, не мало способствовало нѣкоторое сходство въ нашемъ подневольномъ скитаніи вдали отъ родины, хотя я и чувствую очевидное преувеличеніе, приравнивая мою скромную дѣятельность и незамѣтное существованіе въ такому видному кораблю, какимъ былъ гр. Лорисъ. Помню, что онъ меня встрѣтилъ словами: „я слышалъ, что вы очень скучаете, я тоже; давайте, составимъ, какъ говорить Шекспиръ, одно горе; вдвоемъ намъ и скучать будетъ веселѣе“; и затѣмъ съ устъ его полилась такая искренняя, скорбная рѣчь о своей безцѣльной, празднои жизни въ настоящемъ, такая откровенная исповѣдь своихъ промаховъ и ошибокъ въ прошломъ, что разстояніе, отдѣлявшее насъ, тотчасъ же рушилось, и я увидалъ передъ собой не царедворца, не важную персону, а обыкновеннаго человѣка, безъ всякой драпировки и фразъ, въ его неподдѣльной натурѣ, близко родственной мнѣ по духу, и почувствовалъ къ нему неодолимое влеченіе. Теперь, когда графа уже нѣтъ въ живыхъ, и я не разъ задавалъ себѣ вопросъ, какъ могла завязаться такая дружеская

короткость, полная молодого увлеченія, между двумя пожилыми людьми съ столь противоположными темпераментами, между графомъ съ его южной, живой и экспансивной натурой и мною, сыномъ ледяной Сибири, замкнутымъ и несообщительнымъ, между веселымъ и остроумнымъ аѳиняниномъ и суровымъ аскетическимъ спартанцемъ? я долженъ признать безъ всякаго самоуниженія, что въ данномъ случаѣ Кавказъ покорилъ Сибирь, а не наоборотъ, и что весь дѣятельный починъ въ установкѣ правды и естественности между нами долженъ быть цѣлкомъ отнесенъ къ графу. Не могу знать, чѣмъ онъ дорожилъ во мнѣ; я же въ немъ, помимо разносторонняго и пріятнаго ума, высоко цѣнилъ его человѣчность, его горячую вѣру въ прогрессъ, его простоту и честность въ отношеніяхъ. Не смотря на его типичную армянскую внѣшность, въ внутреннемъ его складѣ не было ничего инородческаго; говорилъ онъ превосходнымъ русскимъ языкомъ съ печатью литературной обработки, хотѣ нерѣдко уснащивалъ его разными простонародными поговорками, въ родѣ, наприим., „тара бара, крута гора“, „мели, Емеля, твоя недѣля“, и т. п., за русской лятературой онъ слѣдилъ съ большою любовью, до послѣдняго времени удерживалъ въ памяти множество стиховъ Пушкина, Лермонтова, Некрасова и др. и нерѣдко цитировалъ ихъ въ разговорѣ, любилъ также приводить остроумныя изреченія Салтыкова, котораго былъ большимъ поклонникомъ. Хотя онъ и горячо любилъ свою кавказскую родину, но любовь эта была отодвинута на второй планъ въ его сердцѣ, первое же мѣсто въ немъ занимала Россія, какъ цѣлое, и графа смѣло можно было назвать русскимъ патриотомъ въ лучшемъ значеніи слова. Ничѣмъ не отличаясь отъ русскаго образованнаго человѣка, онъ лишенъ былъ одного изъ крупныхъ національных недостатковъ его, а именно, въ немъ не было того мелочнаго самолюбія, которое безпрестанно у насъ приводитъ къ тому, что умные и въ сущности совѣмъ единомышленныя люди легко готовы изъ-за самаго пустаго слова или ничтожнаго пререкательства разсориться, сдѣлаться чуть не вѣчными и непримиримыми врагами и пожертвовать, такимъ образомъ, интересами коллективнаго блага — пустой личной обидѣ, самому мелкому недоразумѣнію. Графъ же отличался, напротивъ, терпимостью къ чужимъ мнѣніямъ, не былъ мелочно обидчивъ и, не считая себя непо-

грѣшимымъ, всегда спокойно и внимательно выслушивалъ возраженія; это, вѣроятно, и дало поводъ обвинять его характеръ въ чрезмѣрной гибкости, податливости и даже въ азіатской хитрости, что было, по моему мнѣнію, совершенно несправедливо, ибо, охотно выслушивая всякія мнѣнія, онъ оставался, на рѣдкость, устойчивъ въ своихъ основныхъ убѣжденіяхъ и его нельзя было сбить съ нихъ. Терпимость же къ постороннимъ и часто враждебнымъ ему взглядамъ, напротивъ, служила лучшимъ признакомъ той ширины ума, которая и дѣлала изъ него истиннаго государственнаго человѣка, преслѣдующаго главную намѣченную имъ государственную цѣль, не позволяя отвлекать себя отъ нея никакими второстепенными препятствіями и меньше всего уколами личнаго самолюбія. По политическимъ своимъ убѣжденіямъ—это былъ умѣренный постепеновецъ, который не мечталъ ни о какихъ коренныхъ переворотахъ въ государственномъ строѣ и признавалъ ихъ положительно пагубными въ неподготовленныхъ обществахъ, но, непоколебимо вѣруя въ прогрессъ человѣчества и въ необходимость для Россіи применить къ его благамъ, крѣпко стоялъ на томъ, что правительству необходимо самому поощрять постепенное развитіе общества и руководить имъ въ этомъ направленіи. Поэтому онъ былъ за возможно широкое распространеніе народнаго образованія, за нестѣсняемость науки, за расширение и бѣдшую самостоятельность самоуправленія и за привлеченіе выборныхъ отъ общества къ обсужденію законодательныхъ вопросовъ въ качествѣ совѣщательныхъ членовъ. Дальше этого его реформативные идеалы не шли и они, съ точки зрѣнія западнаго европейца, едва ли могутъ быть названы иначе, какъ весьма скромными и узкими; у насъ же реакціонная печать нашла ихъ чуть не революціонными и, окрестивъ ихъ названіемъ лже-либеральныхъ, осыпала графа глумленіемъ и презрѣніемъ, стараясь выставить его чуть не врагомъ отечества. Нельзя не добавить, что ко всѣмъ этимъ преслѣдованіямъ и клеветамъ самъ онъ относился очень благодушно и незлобно и однажды выразился по этому поводу такъ: „далась же имъ эта диктатура сердца! и неужели Катковъ серьезно думаетъ меня уязвить такой лестной кличкой, которой, на самомъ дѣлѣ, я могу лишь гордиться и особенно въ такое жесткое и злобствующее время, какъ наше? да вѣдь я бы почелъ для себя самой величайшей

почестью и наградой, если бы на моемъ могильномъ памятникѣ вмѣсто всякихъ эпитафій помѣстили только одну эту кличку“

Черезъ день послѣ моего перваго посѣщенія графъ заѣхалъ ко мнѣ на квартиру, познакомился съ моею женою и высказалъ снова такое искреннее желаніе сойтись покороче, что мы стали видаться довольно часто. Въ это лѣто себя онъ чувствовалъ на-сголько порядочно, что всякій день выѣзжалъ и, обыкновенно выйдя изъ экипажа, прохаживался нѣкоторое пространство пѣшкомъ. Положеніе его тогда было еще не выяснено и трудно было считать его окончательно сошедшимъ со сцены, а потому знакомствомъ его дорожили, и онъ рѣдко бывалъ дома одинъ; въ Висбаденѣ проживало много русскихъ и большинство изъ нихъ, время отъ времени, навѣщало его, а изъ старыхъ знакомыхъ не мало было такихъ, которые заѣзжали въ Висбаденъ нарочно для свиданья съ нимъ. Лечившіеся въ этотъ сезонъ въ Висбаденѣ датскій и греческій короли и пріѣзжавшій къ нимъ въ гости принцъ уэльскій также побывали у него; не разъ встрѣчалъ я въ его кабинетѣ принца нассаускаго Николая и супругу его— графиню Меренбергъ, дочь поэта Пушкина. Я, какъ человѣкъ мало общественный, не съ особенной охотой заходилъ къ графу, зная, что у него неизбѣжно наткнешься на какое нибудь новое знакомство, а потому тѣмъ болѣе бывалъ радъ, когда его ландо подѣзжало подъ балконъ моей квартиры и онъ вызывалъ меня, чтобы узнать, дома ли я и можно ли съ часокъ поболтать?— тогда можно было съ нимъ бесѣдовать по душѣ, не стѣсняясь присутствіемъ незнакомыхъ лицъ.

Къ осени мы такъ сдружились, что когда подошло время разставаться и перекочевывать на наши зимнія стоянки, графъ сталъ поговаривать о томъ, что онъ хочетъ измѣнить Ниццѣ и поселиться у насъ въ Ментонѣ и очень огорчился, когда я возсталъ противъ этого плана на томъ основаніи, что онъ въ Ментонѣ навѣрное скорѣе соскучится. Между образомъ жизни Ниццы и Ментоны — разница огромная: первая — большой, оживленный городъ, нѣчто въ родѣ обширнаго международнаго каравансарая, вѣчно кишатаго не столько трудными больными, сколько или туристами, или страстными игроками въ рулетку, или, наконецъ, богатыми и праздными людьми, ищущими теплаго солнца и вѣчнаго лѣта въ роскошной рамкѣ живописной природы

и при всевозможныхъ удобствахъ и развлеченіяхъ большаго города,—тогда какъ Ментона есть скорѣе не что иное, какъ госпиталь, переполненный тяжелыми и почти исключительно чахоточными больными, дни которыхъ болѣе или менѣе сочтены и все вниманіе, какъ ихъ самихъ, такъ и сопровождающихъ ихъ больныхъ, поглощено леченіемъ и наблюденіемъ за уходомъ. Покуда воздухъ нагрѣвается горячимъ солнцемъ, всѣ эти измощенные болѣзнию страдалцы, изъ которыхъ $\frac{3}{4}$ приговорено къ близкой смерти, бродятъ, какъ дантовскія тѣни, по улицамъ или набережной городка или сидятъ на скамейкахъ общественнаго сада или даже посѣщаютъ другъ друга, но какъ только солнце начинаетъ приближаться къ закату, они спѣшатъ закупориться въ своихъ квартирахъ и отеляхъ, и зимой Ментона съ 4-хъ часовъ вечера превращается въ совершенно пустынный и мертвый городъ. Мнѣ при моихъ наклонностяхъ такая жизнь была совсѣмъ по вкусу, но казалось болѣе чѣмъ сомнительнымъ, чтобы графъ съ его живымъ и общительнымъ нравомъ могъ удовлетвориться такой меланхолической и однообразной обстановкой и самъ не впасть въ хандру. И онъ убѣдился резонностью этихъ доводовъ, и мы разъѣхались по своимъ зимнимъ станціямъ, условившись, что будемъ навѣщать другъ друга, такъ какъ разстояніе между Ниццою и Ментоной составляетъ не много болѣе часа ѣзды по желѣзной дорогѣ.

Я такъ и устроился, что всю зиму разъ или два въ мѣсяцъ забирался въ Ниццу, обыкновенно съ женой, на полдня, успѣвалъ сдѣлать нѣсколько визитовъ и затѣмъ мы обѣдали у графа и проводили съ нимъ 3—4 часа. Семья его на эту зиму уѣзжала въ Петербургъ, а потому онъ жилъ одинъ въ небольшой, но очень удобной квартирѣ съ неизмѣннымъ своимъ лакеемъ Осипомъ, а завтракъ и обѣдъ ему приносили отъ хорошаго повара со стороны. Хозяинъ онъ былъ весьма радушный и хлѣбосольный и угощалъ насъ на славу; самъ же ѣлъ очень умѣренно и пилъ исключительно свое родное Кахетинское вино, которое выписывалъ съ Кавказа и возилъ съ собою повсюду въ путешествіяхъ. Здоровье его шло довольно сносно, и хотя онъ продолжалъ жаловаться на него и сильно кашлять, однако, старался выѣзжать и пользоваться воздухомъ и только къ намъ въ Ментону такъ-таки и не рискнулъ пріѣхать ни разу, изъ бо-

язни простудиться дорогой въ вагонѣ. Но какъ онъ ни бодрился духомъ и ни старался встрѣчать насъ весело, но ужъ самая радость эта показывала, какъ онъ сильно скучаетъ безъ семьи и безъ всякой дѣятельности. Кто-то довольно остроумно сравнилъ его пребываніе въ Ниццѣ съ положеніемъ Прометея, прикованнаго къ скалѣ и терзаемаго, но не воршунами, а воронами и сороками. Знакомыхъ у него въ Ниццѣ было много, даже черезъ-чуръ много, потому что большинство ихъ принадлежало къ тому разряду пустыхъ и безпринципныхъ русскихъ туристовъ, наводняющихъ Ниццу, для вторыхъ весь житейскій интересъ сосредоточивается на переносѣ изъ дома въ домъ разныхъ сплетенъ и новостей изъ хроники монтекарлійской рулетки; графъ очень тяготился посѣтителями этого рода, а между тѣмъ отказать имъ въ приѣмѣ у него не хватало мужества. Но въ числѣ его гостей бывали и такіе, приходу которыхъ онъ искренно радовался, ибо изъ бесѣдъ съ ними онъ извлекалъ много для себя новаго и поучительнаго,—и къ такимъ знакомствамъ въ описываемую зиму слѣдуетъ отнести французскаго сенатора Рено, извѣстнаго прусскаго магната графа Генкель фонъ-Доннерсмарка и еще нѣсколькихъ отдѣльныхъ личностей. Большую же часть дня графъ проводилъ за чтеніемъ; газетъ, какъ русскихъ, такъ и французскихъ, онъ читалъ много и, слѣдя съ увлеченіемъ за текущею политивою, онъ почти не пропускалъ ни одного выдающагося сочиненія по политическимъ и политиво-экономическимъ наукамъ, любилъ всегда потолковать по поводу прочитаннаго, потому что, ничего не беря на вѣру, относился ко всякой книгѣ критически, пропуская ея содержимое, такъ сказать, черезъ фильтръ собственнаго всегда дѣятельнаго, всегда работающаго мышленія.

III.

Лѣтомъ 1885 года мы снова съѣхались въ Висбаденъ вмѣстѣ, но этотъ разъ графъ уже жилъ съ семьей, т. е. съ женой и 3 дочерьми, и два сына его, гвардейскіе офицеры, тоже пріѣзжали для свиданія съ родителями по окончаніи красносельскаго лагеря. Занималъ онъ бель-этажъ прекрасной виллы, расположенной на возвышенности и съ балкона которой можно было любоваться превосходнымъ видомъ на лежащей подъ ногами Висбаденъ и его окрестности, но графъ никогда не выходилъ на балконъ и не пользовался съ него ни видомъ, ни воздухомъ, ибо съ этого лѣта началъ все болѣе и болѣе заражаться воз-духобоязнью и впадать въ самый не гигиеничный образъ жизни и все изъ страха, какъ-бы не простудиться. Страхъ этотъ принималъ характеръ своего рода маніи: мало того, что, не смотря на знойное лѣто, графъ не рѣшался снять съ себя хоть часть надѣтыхъ на себя фуфаякъ, онъ рѣдко позволялъ открыть окно въ своей спальнѣ, гдѣ и обѣдалъ и проводилъ большую часть дня. Сидя или передъ письменнымъ столомъ, или въ креслѣ посреди комнаты; бывало, придешь къ нему, просидишь часъ или полтора и уходишь съ тяжелой головой и какъ ошалѣлый отъ этой тепличной атмосферы, въ которой къ тому же столбомъ стоялъ табачный дымъ, такъ какъ графъ безпрестанно жегъ свои толстыя крученныя папиросы; выѣзды на воздухъ все становились рѣже и рѣже. Напрасны были усилія доказать несомнѣнную пагубу такого образа жизни, онъ ничего не хотѣлъ слушать, а если иногда и соглашался съ справедливостью такихъ указаній, то не въ силахъ былъ побороть въ себѣ свой безотчетный страхъ. А между тѣмъ это постоянное пребываніе въ искусственно созданной паровой ваннѣ до того избаловало его кожу, что онъ, почти не выходя изъ комнаты, то и дѣло получалъ насморкъ и обостренія кашля, и, наконецъ, въ самой срединѣ жаркаго іюля схватилъ острый суставный ревматизмъ, уложившій его дней на десять въ кровать. Замѣчу здѣсь, что во время своихъ заболѣваній онъ прямо не обращался ко мнѣ, а посылалъ за кѣмъ нибудь изъ мѣстныхъ врачей; дѣлалъ это онъ, прежде всего,

по своей крайней деликатности, избѣгая меня безпокоить, а частью оттого, что я, какъ врачъ объективной школы, не брался давать совѣтовъ на основаніи однихъ субъективныхъ показаній и жалобъ, а настаивалъ на непремѣнномъ изслѣдованіи органовъ; для графа же такое изслѣдованіе, связанное съ раздѣваніемъ, служило непреоборимымъ пугаломъ, — и изъ-за этого между нами всегда происходили жаркія схватки, кончавшіяся тѣмъ, что каждый сохранялъ свою прежнюю позицію. Лечась у другихъ, графъ все-таки не отправлялъ въ аптеку ни одного прописаннаго ему рецепта, не представивъ его прежде на мое одобреніе.

Лѣто, однако же, миновало для него довольно благополучно и не скучно, потому, что, кромѣ круга обычныхъ висбаденскихъ знакомыхъ, къ нему часто пріѣзжалъ кто-нибудь погостить. Къ осени мы опять распрощались, съ тою только разницею, что онъ предстоящую зиму проводилъ съ семьей въ Ниццѣ, я же — во Флоренціи, и сношенія наши поддерживались перепискою до іюня 1886 года, когда мы снова стѣхались въ Висбаденъ. Поселился онъ въ нагорной виллѣ предшествовавшаго года, ибо съ семьей своей болѣе не разлучался и только составъ послѣдней убавился выходомъ одной изъ дочерей графа замужъ за г. Новикова, и свадьба была отпразднована въ апрѣлѣ въ Ниццѣ. Въ это лѣто онъ непремѣнно предположилъ себѣ съѣздить изъ Висбадена въ Петербургъ, и необходимость эта сильно его тяготила и смущала опасеніемъ, какъ бы опять не расквратиться въ Петербургѣ; но онъ смотрѣлъ на поѣздку, какъ на исполненіе долга, а потому въ первыхъ числахъ іюля уѣхалъ и прожилъ въ Петербургѣ около 4-хъ недѣль; изъ этого времени часть опять-таки прохворалъ, но вернулся обратно, оживленный свиданіемъ съ множествомъ знакомыхъ и вполне счастливый благополучнымъ исполненіемъ заданной себѣ задачи.

Свиданія мои съ графомъ продолжались по прежнему часто и мы такъ сжились вмѣстѣ, что я хотѣлъ было на слѣдующую зиму перебраться на зимовку въ Ниццу и даже поручилъ своимъ тамошнимъ знакомымъ прискать для меня небольшую квартиру, какъ вдругъ одно непредвидѣнное обстоятельство совсѣмъ разрушило этотъ планъ: у меня въ Сибири умеръ братъ, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя его жена, оставивъ послѣ себя 10 человекъ дѣтей въ Петербургѣ, — и мы съ женой надумали взять

на свое попеченіе 2-хъ меньшихъ мальчиковъ, а, при такомъ внезапномъ приростѣ нашей семьи, простой экономической разсчета заставлялъ насъ отказаться отъ жизни въ дорогой Ниццѣ и выбрать для нашего пребыванія болѣе скромную и болѣе подходящую подъ нашъ бюджетъ мѣстность, притомъ такую, гдѣ бы намъ можно было жить и лѣто, и зиму безъ переѣздовъ, столь неудобныхъ съ дѣтьми во многихъ отношеніяхъ. Выборъ нашъ палъ на городокъ Вевей на Женевскомъ озерѣ, въ Швейцаріи. Въ началѣ сентября дѣти были доставлены къ намъ изъ Петербурга и мы, чтобы своевременно до наступленія осени устроиться на новомъ мѣстѣ, немедленно выѣхали изъ Висбадена, разставшись съ графомъ съ большою грустью и съ неувѣренностью, придется ли намъ свидѣться—и гдѣ, и когда?

IV.

Для графа сезонъ 1886—1887 г. въ Ниццѣ вышелъ далеко неудачнымъ. Въ эту зиму въ февралѣ произошло, какъ извѣстно, на побережьи Средиземнаго моря жестокое землетрясеніе, отъ котораго сильно пострадала и Ницца и въ ней много домовъ было разрушено; послѣ главной катастрофы легкія сотрясенія продолжались долго и поддерживали панику вслѣдствіе ожиданія новыхъ несчастій, а потому всѣ пріѣхавшіе на зимовку иностранцы спѣшили уѣхать поскорѣе подальше, въ болѣе безопасныя мѣста — и городъ быстро опустѣлъ. Графъ за все это время всеобщаго труса и заразной паники выказалъ замѣчательную неустрашимость: онъ не только не подумалъ покинуть Ниццу, не только не вышелъ изъ своего нѣсколько пострадавшаго отъ землетрясенія дома и не переселился въ палатку на площадь или за городъ, какъ это сдѣлала почти вся иностранная колонія, а остался въ своей спальнѣ, гдѣ какъ разъ треснула стѣна, къ которой была приставлена его кровать, и стѣна эта могла, при новомъ сотрясеніи, повалиться прямо на него. Но все-же онъ не могъ не тревожиться если не за себя, то за свою семью, и то-ли вслѣдствіе этой подавляющей тревоги, то-ли по другой какой причинѣ, только чрезъ 3—4

недѣли послѣ землетрясенія у графа открылось небольшое кровохарканье, протянувшееся почти два мѣсяца, не смотря на дѣятельное леченіе. Всѣхъ знакомыхъ не мало поражало то, что этотъ мужественный человѣкъ, не испугавшійся землетрясенія и покойно спавшій подѣ надтреснутой стѣной, перебивавшій на своемъ вѣку болѣе чѣмъ въ сотни сраженій и кровавыхъ схватокъ, терялся, какъ малый ребенокъ, когда видѣлъ въ своей мокротѣ жилку крови, и падалъ духомъ до совершенной утраты самообладанія. Такая кажущаяся непослѣдовательность человѣческой природы встрѣчается, однако же, не рѣдко, и далеко не такъ рѣдки люди, истощенные хроническими болѣзнями, которые не только не боятся смерти, а ждутъ ея съ нетерпѣніемъ и даже иногда посягаютъ на самоубійство, но подобное равнодушіе къ жизни не мѣшаетъ имъ приходиться въ отчаяніе отъ всякаго новаго болѣзненнаго припадка и преувеличивать опасное его значеніе; такое противорѣчіе, кажется, можно объяснить себѣ тѣмъ, что эти хроники боятся, какъ бы всякое новое болѣзненное явленіе не повлекло за собой не столько новаго страданія, сколько еще большее изнуреніе нравственныхъ силъ въ борьбѣ съ физическимъ недугомъ. И чѣмъ сильнѣе былъ умъ человѣка и энергичнѣе воля, тѣмъ ему труднѣе примириться съ своею зависимою отъ капризовъ больнаго тѣла и съ прогрессивнымъ возрастаніемъ своего духовнаго безсилія; Некрасовъ очень близко выразилъ это состояніе своимъ сжатымъ стихомъ: „хорошо умереть, тяжело умирать“. Такъ было и съ графомъ; хотя кровохарканье было незначительно и врачи не предусматривали никакой опасности, онъ впалъ въ состояніе полной простраціи и смотрѣлъ на себя какъ на умирающаго; онъ вызвалъ немедленно своего старшаго сына изъ Петербурга и сдѣлалъ всѣ предсмертныя распоряженія. Когда же, къ концу апрѣля, кровь въ мокротѣ исчезла, онъ тотчасъ же ободрился и вскорѣ увѣдомилъ меня письмомъ о своемъ намѣреніи провести лѣто въ Вевей и просилъ подыскать ему квартиру. Порученіе было не изъ легкихъ, потому что выборъ меблированныхъ виллъ и квартиръ въ нашемъ захолустномъ городѣ крайне ограниченъ, — и мы съ женой рѣшили удержать для графа нѣсколько комнатъ въ одномъ изъ лучшихъ отелей, предоставляя семейству его, осмотрѣвшись, самому пріискать себѣ помѣщеніе по вкусу.

2-го іюня 1887 г. онъ пріѣхалъ съ семьей; мы встрѣтили ихъ на желѣзно-дорожной станціи и водворили въ приготовленномъ помѣщеніи. Графа я нашелъ похудѣвшимъ, но бодрымъ и очень веселымъ; все ему нравилось, и тишина, и скромная внѣшность нашего городка, и отдѣльный особнякъ изъ 4-хъ комнатъ, устроенный для него и семьи въ нижнемъ этажѣ отеля, и приготовленная для него большая комната съ большой террасой въ садъ, прилегавшій къ Женевскому озеру, и долженствовавшая служить ему спальней, кабинетомъ и салономъ. Я тотчасъ же ему высказалъ мучившую меня мысль, какъ бы онъ не соскучился въ Вевей за цѣлое лѣто, такъ какъ здѣсь нѣтъ иныхъ развлеченій, кромѣ экскурсій, не доступныхъ для него по отдаленности; общества также не имѣется, ибо это далеко не столь посѣщаемое мѣсто, какъ Висбаденъ, который кромѣ осѣдлой русской колоніи, привлекаетъ къ себѣ лѣтомъ много отечественныхъ туристовъ, какъ пунктъ, съ одной стороны, лежащій вблизи главной трактовой дороги изъ Россіи къ большинству минеральныхъ водъ,— а съ другой, по удобствамъ жизни, представляющій счастливое сочетаніе городского комфорта съ дачными приспособленіями для людей, желающихъ пріятно и покойно отдохнуть лѣто. Вевей же—небольшой городокъ въ 7,500 жителей, въ которомъ, кромѣ классически красиваго вида на озеро и обступившія его горы, нѣтъ ничего и даже трудно отыскать тѣнистую прогулку, ибо ближайшія окрестности сплошь воздѣланы подъ виноградники; трудолюбивые туземцы заняты постоянно своимъ дѣломъ; ни русскаго, ни международнаго общества не заводится, и если отели городка лѣтомъ и переполняются туристами всевозможныхъ націй, то этотъ бродячій народъ въ немъ не осаживается, а, проведя день, много два, спѣшитъ далѣе для осмотра другихъ живописныхъ мѣстъ Швейцаріи и смѣняется новыми толпами. На всѣ высказываемыя мною опасенія графъ отвѣчалъ съ рѣшительною увѣренностью: „Ѳ! другъ любезный, повѣрьте, ничего и ничего мнѣ не нужно; всѣ эти Ниццы и Висбаденъ съ ихъ обществами надоѣли мнѣ до такой тошноты, что я съ наслажденіемъ мечтаю, какъ отдохну здѣсь отъ нихъ; книгъ у насъ съ вами въволю, газетъ по-горло, буду читать, а потомъ вы не откажетесь заходить ко мнѣ почаще и станемъ бесѣдовать“.

Первые три дня по пріѣздѣ прошли въ хлопотахъ о ввар-

тирѣ, но послѣ тщетныхъ поисковъ ничего подходящаго не отыскалось, а потому рѣшено было, какъ самое удобное, остаться на все лѣто въ томъ отельномъ помѣщеніи, которое занято было съ приѣзда. Графъ тотчасъ же помирился и съ этой обстановкой, и съ своимъ одиночествомъ и продолжалъ сохранять ровное и ясное настроеніе духа; только въ одномъ онъ оставался неисправимымъ—это въ своемъ безобразномъ укладѣ жизни, и короталъ дни, герметически закупорившись въ одной комнатѣ. Лѣто было изъ ряду вонъ знойное, засуха стояла такая, что всѣ ручьи и водоемы пересохли, растительность была сожжена палащими лучами и всѣ мы задыхались отъ духоты, а онъ едва ли перешелъ разъ десять на свою террасу посидѣть на воздухѣ и только однажды выбрался на небольшую городскую площадь, на которую выходилъ другой фасъ гостинницы, и тотчасъ же послалъ своего лакея оповѣстить меня о такомъ необыкновенномъ подвигѣ. Притомъ онъ страдалъ бессонницами, вѣроятно, отъ недостатка движенія, а частью и оттого, что проводилъ въ кровати болѣе половины сутокъ; проснувшись утромъ, онъ пилъ въ постели чай, читалъ свѣжія газеты, одѣвался и въ 11 часу перебирался на кушетку, поставленную въ глубинѣ комнаты и съ которой были видны въ окна прилегающая часть отельнаго сада и небольшой клочекъ Женевского озера; во 2-мъ часу послѣ завтрака онъ опять ложился на кровать часа на два для отдыха, а потомъ остальную часть дня не сходилъ съ своей кушетки; передъ ней стоялъ круглый столъ, на которомъ онъ писалъ свою довольно обширную корреспонденцію и тутъ же въ 12 часовъ ему накрывался завтракъ, а въ 7 часовъ—обѣдъ, такъ что и въ комнатѣ онъ ограничилъ свои движенія елико возможно.

Между нами установилось такъ, что я каждый день приходилъ къ нему около 5 часовъ и оставался почти до 7, и всегда заставлялъ его полу-лежащимъ на кушеткѣ съ вытянутыми и прикрытыми пледомъ ногами. Казалось бы, трудно было придумать болѣе убійственную по однообразію обстановку для такой энергичной и дѣятельной натуры, но или графъ успѣлъ примириться съ такимъ однообразіемъ въ предшествовавшіа 6 лѣтъ бездѣйствія, или же умѣлъ скрывать хорошо свои истинныя ощущенія, но только онъ не имѣлъ скучающаго вида, всегда былъ веселъ и привѣтливъ и неистощимъ на разговоры о

политикѣ и на рассказы о разныхъ событіяхъ, которыми была такъ богата его жизнь. Политическіе разговоры наши передавать не беруся, между прочимъ, и потому именно, что, случаясь изо дня въ день, они касались всѣхъ ежедневныхъ перипетій европейской политической жизни, а такъ какъ мы оба отъ бездѣлья пожирали даже до излишества великое множество газетъ, то тема эта у насъ никогда не оскудѣвала и постоянно разнообразилась.

V.

Для общей характеристики взглядовъ графа Михаила Таріеловича, могу повторить только связанное уже мною раньше о его политическихъ убѣжденіяхъ относительно благоустроенія Россіи и развѣ прибавить, что и въ обсужденіяхъ западно-европейской политики онъ всегда оставался на точкѣ зрѣнія послѣдовательнаго либерала, строго убѣжденнаго защитника органическаго прогресса, съ одинаковымъ несочувствіемъ относившагося ко всѣмъ явленіямъ, задерживающимъ нормальный ростъ и правильное развитіе народовъ, съ какой бы стороны эти явленія ни обнаруживались, со стороны - ли нетерпѣливыхъ радикальныхъ теоретиковъ, спѣшившихъ приложить принципы, выработанные работой передовыхъ кабинетныхъ мыслителей, къ государственной жизни, или со стороны представителей реакціи, не пренебрегающихъ никакими мѣрами, чтобы искусственно задержать пробуждающееся самосознаніе народныхъ массъ, вмѣсто того, чтобы открыть ему правильные пути для его послѣдовательнаго развитія. Поэтому онъ одинаково горячо возставалъ и противъ нездороваго преобладанія, приобрѣтеннаго радикалами на дѣла Франціи, и противъ той политики желѣза и ежовыхъ рукавицъ, какую съ такимъ успѣхомъ примѣняетъ Бисмаркъ въ дѣлахъ той остальной Европы, которая входитъ въ орбиту германскаго вліянія. Но доктринеромъ графа назвать было нельзя; отъ доктринерства его спасали его рѣдкій здравый смыслъ и та обширная и всесторонняя практическая дѣятельность, черезъ которую онъ прошелъ; онъ хорошо понималъ, что жизнь государ-

ства такъ сложна и разнообразна, что не можетъ быть уложена въ извѣстные рамки и подчинена заранее составленной программѣ, а потому даже для ошибокъ людей не сочувственныхъ ему взглядовъ склоненъ былъ находить если не оправданіе, то объясненіе въ этихъ неподдающихся кабинетному предусмотрѣнію условіяхъ жизни. Помню, однажды, бесѣдуя по поводу того, какъ французскіе радикалы, начиная съ Гамбетты и кончая Флоке, лишь только достигали сами кормила правленія, неминуемо вынуждены были подмѣнивать свой яркій радикализмъ — убѣжденіями болѣе блѣдныхъ цѣтовъ и начинали устроить разныя уступки дѣйствительности, графъ сказалъ: „да, принципы — одно, а власть — другое, и, связавши ихъ вмѣстѣ, далеко не уѣдешь; это все равно, что запретъ въ одну упряжку ломовую лошадь съ кровнымъ скакуномъ. У насъ это очень наглядно и остроумно объяснилъ покойный министръ народнаго просвѣщенія Ковалевскій: когда онъ изъ попечителей Московскаго учебнаго округа былъ назначенъ министромъ, то на одномъ изъ первыхъ докладовъ директоръ департамента представляетъ ему на утвержденіе три ходатайства его-же, Ковалевскаго, по званію попечителя и на всѣ три Ковалевскій — министръ владеть резолюцію: отказать; тогда удивленный директоръ рѣшается ему замѣтить, что вѣдь это его же собственныя ходатайства и на это Ковалевскій далъ слѣдующій отвѣтъ: „знаю, но я писалъ эти ходатайства, когда не былъ министромъ; когда стоишь внизу, то обыкновенно многого не видишь, а какъ заберешься на верхушку горы, то горизонтъ дѣлается шире и тутъ только лучше начинаешь отличать соотношеніе предметовъ, лежащихъ у тебя подъ ногами“.

Политическихъ споровъ между нами не возникало, такъ какъ мы мало расходились въ основныхъ убѣжденіяхъ, а если иногда и встрѣчались разногласія въ мелочахъ, то графъ, не терпѣвшій мелочныхъ и праздныхъ препирательствъ, обыкновенно первый же старался прекратить ихъ миролюбивымъ образомъ. Кромѣ разсужденій о политикѣ, онъ любилъ также передавать разные эпизоды изъ всего имъ пережитаго, слышаннаго или читаннаго, много сообщалъ о Кавказѣ, не только о современномъ по своимъ личнымъ впечатлѣніямъ, но и изъ прежней его исторіи, почерпнутой имъ изъ источниковъ печатныхъ и не печатныхъ. Разсказчикъ онъ былъ увлекательный, умѣлъ схватить выдающуюся

сторону передаваемого и представить так рельефно и обстоятельно, что, слушая его, казалось, читаешь интересно написанную книгу; при его богатой памяти, запасъ этихъ разсказовъ былъ до того неистощимъ, что рѣдкій день я уходилъ отъ него, не выслушавъ чего нибудь новаго, оригинальнаго и крѣпко теперь упрекаю себя, что не записывалъ тотчасъ же всего, оттого многое мною или позабыто, или не можетъ быть восстановлено въ той блестящей, талантливой передачѣ, которая давала этимъ разсказамъ особенный интересъ, обрисовывая лучше всего замѣчательную личность самого разсказчика. Конечно, со временемъ личность графа и вся его дѣятельность будетъ подробно и со всѣхъ сторонъ изучены будущими біографами на основаніи официальныхъ документовъ; я же постараюсь сообщить то небольшое, что сохранилось у меня въ памяти изъ разсказовъ графа о его дѣтствѣ и ранней молодости, полагая, что и эти скудныя данныя могутъ пригодиться для выясненія образованія его характера, а также отчасти познакомить современниковъ съ его, такъ сказать, до-историческимъ періодомъ жизни.

VI.

Всѣ попадавшіяся мнѣ на глаза біографическія замѣтки о графѣ Лорисѣ рожденіе его относятъ къ 1826 году, а въ *Conversations Lexicon* Брокгауза, гдѣ помѣщена сжатая, но въ общихъ чертахъ вѣрная, біографія его, даже прямо указано, что онъ родился 1-го января 1826 г., а между тѣмъ въ годъ своей смерти графъ считалъ себя близкимъ къ 64 годамъ, такъ что, если только онъ самъ не ошибался, то, значитъ, онъ родился никакъ не въ 1826 г., а въ 1825 или даже въ 1824 году. Отецъ его, происходя изъ стариннаго рода армянскихъ дворянъ, занимался торговлею и имѣлъ небольшое, но обезпеченное состояніе; сыновей у него было двое,—и, будучи человѣкомъ мало-образованнымъ, онъ самъ едва ли бы додумался до мысли дать имъ лучшее образованіе, если бы случай не свелъ его близко съ молодымъ горнымъ офицеромъ Вас. Вас. Клейменовымъ ¹⁾,

¹⁾ Этого, теперь уже умершаго, В. В. Клейменова, о которомъ графъ Лорисъ вспоминалъ всегда съ глубокой благодарностію, какъ о человѣкѣ, преимущественно способствовавшемъ его образованію, я зналъ очень хорошо впо-

которому удалось уговорить Лориса отца не жалѣть денегъ и дать мальчикамъ европейское образованіе. Приглашенъ былъ опытный наставникъ и такъ какъ мальчики обладали прекрасными способностями (меньшій братъ графа кончилъ отлично высшій курсъ юридическихъ наукъ въ Петербургѣ, очень успѣшно служилъ на Кавказѣ по гражданской части, но умеръ еще въ молодыхъ лѣтахъ), то ученье пошло удачно впередъ и когда Михаилу исполнилось 11—12 лѣтъ, отецъ, сдавъ его на руки двумъ армянскимъ купцамъ, ѣхавшимъ по торговымъ дѣламъ въ Москву, поручилъ помѣстить его въ тамошній Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ. Тяжело было мальчику разставаться съ родными и съ роднымъ привольемъ и ѣхать въ такую сѣверную даль и въ чужимъ людямъ; онъ сильно горевалъ, а дорогой его тоска дошла до того, что у него родилась мысль убѣжать съ пути домой; въ подкладку его платья мать передъ отъѣздомъ зашила 20 рублей мелкой новенькой монетой, отчеканенной въ Тифлисѣ, гдѣ въ тѣ времена существовалъ монетный дворъ, и на этотъ-то собственный капиталъ онъ и задумалъ добраться до дому. Планъ свой онъ привелъ въ исполненіе и съ одной изъ станцій Воронежской губерніи убѣжалъ обратно по столбовой дорогѣ, тайкомъ отъ своихъ спутниковъ, но они его нагнали на 6-й верстѣ и снова засадили въ тарантасъ. Въ Москвѣ купцы остановились на Ильинкѣ, на воейковскомъ подворьѣ, какъ разъ на томъ самомъ, куда и я былъ привезенъ, только 9 или 10 годами позднѣе, и тоже 12-ти лѣтнимъ мальчикомъ и тоже посторонними людьми изъ Сибири. Это случайное совпаденіе не мало потѣшало и графа, и меня, ибо выходило, что у обоихъ насъ наши первыя впечатлѣнія въ Москвѣ приурочены были къ одной и той же обстановкѣ, и мы могли помочь другъ другу оживить свои общія дѣтскія воспоминанія и объ оживленной панорамѣ на Ильинку, видѣвшейся изъ номерныхъ оконъ и приковывавшей наше жадное любопытство, на магазины противоположныхъ домовъ, съ ихъ яркими вывѣсками готоваго платья и съ зазывающими передъ входами сидѣльцами, и о

слѣдствіи, въ 1860-хъ годахъ, въ Иркутскѣ, гдѣ онъ въ генеральскомъ чинѣ занималъ мѣсто горнаго ревизора и пользовался очень почтенной репутаціей.

Н. В.

широкомъ корридорѣ, выходящемъ деревянной, грязной галлереею на узкій дворъ и служившемъ одинаково намъ обоимъ мѣстомъ головоломныхъ эквилибристическихъ упражненій во время отсутвія нашихъ пѣстуновъ, то и дѣло отлучавшихся по дѣламъ, и т. д. Оба мы были въ то время дикарями, привезенными для отдачи въ западную науку изъ двухъ антиподныхъ окраинъ Русской имперіи, и всѣ эти дѣтскія впечатлѣнія, затертая гдѣ-то глубоко въ памяти, вдругъ стали подниматься на поверхность, воскрешаемыя и подсвѣжаемыя то тѣмъ, то другимъ изъ насъ и своей наивной теплотой согрѣвали насъ, двухъ стариковъ, переброшенныхъ судьбой съ далекихъ нашихъ родныхъ мѣстъ на берега Женевакаго озера и уже сданныхъ себя въ архивъ послѣ жизни, обильной, хотя и далеко не въ равней мѣрѣ, самыми разнообразными впечатлѣніями и превращеніями.

Въ Лазаревскомъ институтѣ Лорисъ учился очень хорошо и долженъ былъ поступить впослѣдствіи въ Московскій университетъ, но, будучи большимъ шалуномъ, до окончанія институтскаго курса попался въ шалости, имѣвшей на всю его будущность рѣшающее значеніе и вынудившей его перемѣнить мирную ученую карьеру на военную. Учитель технологъ, говоря на урокъ о различныхъ клеяхъ, познакомилъ учениковъ съ составомъ какого-то особенно имъ рекомендуемаго клея; Лорисъ приготовилъ по данному рецепту этотъ клей, придумалъ для испытанія его достоинства намазать имъ сидѣнье стула на каедрѣ передъ началомъ урока одного изъ нелюбимыхъ учителей; ничего не подозрѣвавшій учитель сѣлъ, а когда хотѣлъ встать, то оказался до того приросшимъ къ мѣсту, что сбѣжавшееся начальство насилу могло его отклеить; пошло дознаніе, и когда добрались до виноватаго, то рѣшено было исключить Лориса изъ института и немедленно же отправить назадъ къ родителямъ на Кавказъ, — и, благодаря лишь заступничеству вліятельныхъ армянъ, начальство смилостивилось и, удаливъ мальчика изъ института, позволило ему для продолженія образованія переѣхать въ Петербургъ, гдѣ онъ поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и такимъ непредвидѣннымъ образомъ превратился въ воина.

Здѣсь потекла для него та сѣрая и мало говорившая ему жизнь, какою отличалось воспитаніе тогдашнихъ военныхъ школъ,

т. е. онъ весь отдался изученію николаевской выправкѣ, верховой ѣздѣ, мало или вовсе не заботясь о расширеніи умственныхъ своихъ познаній и, по мѣрѣ возмужанія, посвящая свои досуги кутежамъ съ товарищами, и за весь этотъ періодъ жизни Лориса трудно было бы привести что нибудь выдающееся, если бы не было его знакомства съ поэтомъ Некрасовымъ. Знакомство это относится къ 1841 или, еще вѣрнѣе, къ 1842 году, т. е. къ тому темному періоду существованія поэта, когда онъ изыскивалъ всякія средства, чтобы не быть затертымъ нищетою и безвѣстностью. Крайне нуждавшійся Некрасовъ пріютился тогда у нѣкоего профессора Беницкаго, имѣвшаго у себя нѣсколько воспитанниковъ для приготовленія въ разныя петербургскія школы; юнкеръ Лорисъ, посѣщая одного изъ этихъ пансіонеровъ, познакомился тутъ-же и съ Некрасовымъ. Какъ разъ около этого времени Лорисъ и его однокашникъ Нарышкинъ задумали нанять себѣ маленькую квартирку въ городѣ, чтобы имѣть собственный пріютъ, такъ какъ ихъ, какъ выпускныхъ юнкеровъ, отпускали не только на праздники, но позволяли отлучаться изъ школы и среди недѣли; Некрасовъ, узнавъ объ этомъ планѣ, тотчасъ же предложилъ, чтобы и его приняли въ компанію, и они втроемъ наняли себя квартирку гдѣ-то около Николаевской, въ то время грязной, въ домѣ Шаумана. Зажиточностью товарищество похвастать не могло: Лорисъ получалъ отъ родителей 25 р. ежемѣсячно, Нарышкинъ столько же, а Некрасову, въ описываемое время, отецъ ничего не давалъ и только изрѣдка, въ неправильныхъ промежуткахъ и понемногу, высылала ему мать, да кромѣ того онъ состоялъ корректоромъ въ „Репертуарѣ и Пантеонѣ“ Э. Кони и сдавалъ въ этотъ же журналъ свои плохо оплачиваемые стихи, такъ что весь его доходъ едва ли превышалъ доходы его сожителей. Всѣ трое были очень молоды, любили весело пожить и, получивши свои небольшіе доходы, чрезвычайно быстро спускали ихъ съ рукъ и потомъ, въ ожиданіи слѣдующей получки, впадали въ меланхолю и жили отшельниками. Вотъ въ эти-то тощія недѣли и періодическія безденежья Некрасову приходилось особенно бѣдствовать и терпѣть отъ голоду и холоду, тогда какъ для его товарищей юнкеровъ школа служила спасительною пристанью, въ которой они имѣли все необходимое. Некрасовъ уже и тогда очень любилъ писать

стихи, но выше заурядности не поднимался и, по словамъ Лориса, трудно было предположить, чтобы впоследствии могъ выработаться изъ него таковой сильный поэтический талантъ; однако, и тогда онъ отличался большимъ остроуміемъ и наблюдательностью, которую прилагалъ особенное стараніе развивать въ себѣ, заводя для того знакомство повсюду и съ самыми разнообразными личностями; онъ и Лориса нерѣдко увлекалъ съ собою для компаніи въ гости къ разнымъ мелкимъ чиновникамъ, жившимъ по окраинѣ Петербурга, а однажды, чисто для изученія типа, онъ свелъ дружбу съ полицейскимъ сыщикомъ, приглашалъ его къ себѣ и потомъ съ большимъ остроуміемъ изображалъ Лорису характерныя особенности своего новаго знакомаго. Остался отъ этого сожителства еще одинъ забавный эпизодъ въ памяти Лориса и который онъ передавалъ съ неподражаемымъ юморомъ: разъ, на Рождествѣ, Некрасовъ предложилъ ему отправиться, замаскировавшись обоимъ, на вечеринку къ одной чиновничьей семьѣ въ Измайловскій полкъ; они вечеромъ зашли въ костюмерную лавочку, выбрали для себя костюмы, Некрасовъ—венціанскаго дожа, а Лорисъ—испанскаго гранда и, тутъ же переодевшись, оставили у костюмера свое платье и условились, что они на слѣдующее утро заѣдутъ за своимъ платьемъ и тогда заплатятъ и за костюмы. Взяли карету и отправились; еще дорогой они провѣрили свои капиталы,—хватитъ ли ихъ на уплату за экипажъ и костюмы?—и нашли, что хватитъ; но случилось такъ, что съ вечеринки они заѣхали еще куда-то, что-то выпили и, только возвращаясь подъ утро домой, спохватились, что у нихъ не достанетъ денегъ на выкупъ платья. Лорисъ живо вспоминалъ себѣ этотъ трагикомическій день, когда они сначала бѣгали въ маскарадныхъ костюмахъ по своей нетопленной квартирѣ, тщетно стараясь согрѣться въ коротенькихъ тогахъ и въ длинныхъ чулкахъ вмѣсто панталонъ, и недоумѣвая, какъ выйти имъ изъ такого нелѣпаго положенія, и какъ потомъ, чтобы отогрѣть оковенѣвшіе члены, они рѣшили пожертвовать для растопки печи однимъ стуломъ изъ своей убогой мебелировки и поддерживали огонь мочалкой, выдернутой изъ дивана, а сами разсѣлись на полу передъ печкой, на коврѣ, привезенномъ Некрасовымъ изъ деревни; скоро заговорилъ въ нихъ голодъ, а ѣсть было рѣшительно нечего и купить было не на что, и только

послѣ долгихъ переговоровъ лавочникъ, у котораго были раньше заложены двѣ серебряныя ложки, единственная драгоценность Некрасова и подарокъ его матери, согласился отпустить имъ въ долгъ студени, и дождь и грандъ благородно подѣлили между собой эту незатѣйливую трапезу. Пріатели разослали въ разные концы записки къ знакомымъ съ просьбой ихъ выручить, но отовсюду получили отказъ, и лишь къ вечеру Нарышкинъ добылъ денегъ и выручилъ ихъ изъ бѣды. Вскорѣ послѣ этого сожительство съ Некрасовымъ прекратилось, не по причинѣ какого-нибудь разлада, а просто по измѣнившимся обстоятельствамъ; Лорисъ вышелъ въ офицеры, и пріатели потеряли другъ друга изъ виду, а когда, примѣрно, года черезъ два, Лорисъ столкнулся съ Некрасовымъ на Невскомъ и послѣдній затащилъ его къ себѣ на квартиру у Аничьева моста, то дѣла поэта видимо уже стали процвѣтать: и самъ онъ ходилъ щеголемъ, и квартира его была меблирована не безъ изыска. Это было ихъ послѣднее свиданье; Лорисъ уѣхалъ скорѣ на Кавказъ и не возвращался въ Петербургъ до 1878 года, Некрасовъ же умеръ въ 1877 году; только когда Лорисъ состоялъ уже начальникомъ Терской области, онъ получилъ письмо отъ Некрасова, въ которомъ поэтъ, напоминая ихъ прежнія отношенія, просилъ его принять участіе въ литераторѣ Благовѣщенскомъ, отправленномъ, по болѣзни, на Кавказъ, на продолжительное житье и безъ всякихъ средствъ къ существованію, и Лорисъ исполнилъ просьбу стараго пріателя. Я нарочно рассказалъ подробно все, что зналъ о сношеніяхъ Лориса съ Некрасовымъ, потому что, съ одной стороны, фактъ этотъ можетъ послужить для біографовъ того и другаго, а съ другой, объяснить отчасти ту любовь къ поэзіи и къ литературѣ, которую питалъ Лорисъ и которая такъ гуманизировала его, не взирая на суровую и боевую его обстановку на Кавказѣ.

Служба Лориса въ мѣстѣ расположенія лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка, куда онъ былъ выпущенъ изъ школы, ничѣмъ не отличалась отъ обычной офицерской службы того времени и продолжалась до 1847 года, когда онъ перечислился на Кавказъ состоять при намѣстникѣ князѣ Воронцовѣ. Кавказъ свой онъ чрезвычайно любилъ, но именно какъ нераздѣльную часть Россіи, и много разъ я слышалъ его жалобы на то, что

русское общество, вслѣдствіе присущей ему апатіи, не дѣлаетъ рѣшительно ничего, чтобы тѣснѣе привязать эту богатую окраину къ Россіи. Не могу привести его подлинныхъ выраженій, но приблизительно онъ выражалъ свой взглядъ на эти отношенія такимъ образомъ: „Правительство сдѣлало все, что могло, оно силой оружія закрѣпило Кавказъ за имперією, но чтобы присоединеніе это обратилось въ прочную, неразрывную связь, необходимо культурное вліяніе, нужно, чтобы русскіе люди и капиталы устремились въ этотъ благодатный край и устраивались въ немъ землевладѣльцами, промышленниками, фабрикантами. Сколько разъ твердилъ я объ этомъ московскимъ купцамъ и тузамъ, слушаютъ, соглашаются во всемъ, а сами не двигаются съ своихъ крѣпко насиженныхъ мѣстъ, между тѣмъ иностранцы льнутъ къ непопатымъ богатствамъ Кавказа, какъ мухи къ меду, снуютъ вездѣ, заключаютъ съ жителями какіе-то долгосрочные контракты и по немногу все захватываютъ въ свои руки. Еще спасибо поселеннымъ въ край молоканамъ; это чуть не единственные русскіе культуртрегеры, которые своимъ трудолюбіемъ и честными нравами поддерживали добрую репутацію русскаго имени, благотворнымъ образомъ повліяли на жившія съ ними о боѣ дикія племена и помогли ихъ сближенію съ Россією, но вліяніе это слишкомъ незначительно въ количественномъ отношеніи и слишкомъ односторонне въ качественномъ, когда необходимо, чтобы русское вліяніе шло и вливалось непрерывной и широкой струей, чтобы богатства края не лежали подъ спудомъ, и разрабатывались производительно. До сихъ поръ въ Закавказскихъ губерніяхъ почти нѣтъ русскихъ собственниковъ, владѣющихъ городскими и сельскими имуществами,—и это обстоятельство не разъ вызывало удивленіе даже въ иностранной печати, за то въ этихъ губерніяхъ имѣется множество бековъ и агаларовъ изъ мусульманъ, обладающихъ превосходными землями, которыя они весьма плохо обрабатываютъ и готовы сейчасъ продать за безцѣнокъ; влеченія къ сельскому хозяйству они не имѣютъ, занимаются почти исключительно покровительствомъ ворами и разбойникамъ и тѣмъ больше всего мѣшаютъ водворенію порядка и безопасности. На Кавказѣ давно признано, что исламъ не уживается съ современною цивилизацією, наши юридическія и нравственныя понятія идутъ часто въ разрѣзъ съ магометанскимъ вѣроученіемъ,

такъ, напримѣръ, жесвидѣтельствованіе считается у насъ преступнымъ, по понятіямъ же мусульманина скрыть преступленіе и дать ложное показаніе въ пользу единовѣрца есть дѣло богоугодное. Вотъ почему особенно желательно, чтобы русскіе землевладѣльцы постепенною скупкою земель вытѣсняли поскорѣе этихъ врупныхъ собственниковъ бековъ и уравнивали тѣмъ преобладаніе христіанскаго элемента надъ магометанскими, именно желательно, чтобы вытѣсненіе совершалось не насильственно и не правительственными мѣрами, а миролюбивымъ образомъ и собственнымъ починомъ предприимчивыхъ членовъ русскаго общества. И надо спѣшить съ этимъ, время не терпитъ, и наше положеніе на Кавказѣ не только не укрѣпляется и остается подверженнымъ разнымъ непредвидѣннымъ случайностямъ, а мы своею инертностью отчуждаемъ все болѣе и болѣе симпатіи кавказскихъ народовъ къ Россіи, ибо симпатіи эти въ прежнія времена, пожалуй, были горячѣе и искреннѣе. Когда я въ 1840-хъ годахъ вернулся на Кавказъ, то мои соплеменники приходили въ восторгъ оттого только, что я совсѣмъ усвоилъ русскія манеры и отлично говорилъ по русски; помню, какъ въ армянскомъ и грузинскихъ обществахъ меня упрашивали нарочно говорить по русски и заслушивались, какъ музыки, моею правильной и чистой рѣчи“.

Повѣствованіе о службѣ графа Лориса на Кавказѣ, его военныхъ походахъ и гражданской дѣятельности съ 1878 года на Волгѣ, въ Харьковѣ и Петербургѣ не входитъ въ планъ моего разсказа; тутъ мнѣ трудно что нибудь прибавить къ напечатаннымъ уже сообщеніямъ А. А. Скальковскаго, Писарева и др., и надо надѣяться, что эти отрывочныя свѣдѣнія дополнятся впоследствии другими близкими очевидцами этой дѣятельности и, еще позднѣе, будутъ сгруппированы и обработаны полнѣе и объективнѣе будущими безстрастными историографами съ привлеченіемъ и архивныхъ документовъ. Добавлю только, со словъ самого графа, что переездъ на Кавказъ послужилъ счастливой перемѣной для его самообразованія и для примѣненія его способностей къ практической дѣятельности. Намѣстники — князь Воронцовъ, а послѣ него графъ Муравьевъ-Карскій — отличили эти способности молодого человѣка и стали давать ему сложныя и трудныя порученія, которыя отвлекли Лориса отъ

пустой и свѣтской жизни и пробудили интересъ къ болѣе живымъ и развивающимъ умъ вопросамъ. Кромѣ того у него былъ въ Тифлисѣ двоюродный братъ — докторъ Ю. Ѳ. Ахвердовъ, человѣкъ весьма образованный и серьезный, отъ котораго тоже не ускользнули богатые задатки натуры Лориса, и онъ настойчиво сталъ уговаривать его больше читать, чтобы расширить свой умственный горизонтъ. Докторъ имѣлъ свою отборную библиотечку, и въ числѣ первыхъ книгъ, предложенныхъ имъ для прочтенія, были „Мемуары Альфьери“, и Лорисъ съ признательностію вспоминалъ, какое сильное впечатлѣніе произвели на него эти „Мемуары“, какъ съ тѣхъ поръ онъ пристрастился къ книгамъ и сталъ почерпать изъ нихъ и болѣе осмысленный взглядъ на жизнь, и самое чистое наслажденіе. Съ этимъ вмѣстѣ и служебная карьера Лориса шла быстро впередъ, и война 1854—1855 годовъ застала его уже съ такой прекрасной репутаціей, что по сдачѣ Карса ему поручена была трудная должность коменданта Карсской крѣпости. Передъ началомъ войны онъ былъ помолвленъ съ княжной Ниной Ивановной Аргутинской-Долгорукой и теперь изъ Карса выпросилъ себѣ 2-хъ недѣльный отпускъ, обвинчался и вернулся на свое коменданство съ молодой женой. Бракъ этотъ былъ идеально счастливымъ; скромная, необыкновенно кроткая графиня сдѣлала для Лориса семейную жизнь такою пристанью, въ которой онъ всегда увѣренъ былъ найти отдыхъ и спокойствіе послѣ своихъ походовъ и разныхъ житейскихъ тревоженій, — и для нея теперь, конечно, самое величайшее и вознаградимое горе, что ей суждено было пережить своего мужа послѣ тридцати-трехъ лѣтняго супружескаго счастья. Дѣтей отъ этого брака, какъ я упомянулъ выше, осталось пятеро.

VII.

Возвращаюсь къ нашей совмѣстной Вевейской жизни. Трудно было помириться съ ея безлюдьемъ и монотонностью живому уму графа и онъ, кромѣ постоянного чтенія, старался найти еще себѣ какую нибудь пищу; такъ, вскорѣ по приѣздѣ въ Вевей, надумалъ онъ было устроить у себя въ Кубанскомъ имѣннѣ стеклянный заводъ, имѣя въ виду, что это производство составляетъ на Кавказѣ насущную потребность, ибо до сихъ поръ вся стеклянная посуда привозится туда изъ Новороссіи и даже чуть ли не изъ еще болѣе отдаленныхъ губерній; обложилъ себя русскими и французскими руководствами; вступилъ въ знакомство съ швейцарскими стеклянными заводчиками и весьма дѣятельно списывался по этому поводу съ управляющимъ его имѣньемъ; нѣсколько недѣль продолжалось его увлеченіе этимъ планомъ, пока, наконецъ, онъ не убѣдился, что заочно нельзя устроить солидное предпріятіе; къ тому же его собственные средства были недостаточны для правильной постановки дѣла, а приискывать компаньоновъ въ Россіи посредствомъ переписки тоже было совсѣмъ неудобно. Потомъ онъ схватился за мысль поднять культуру плодовыхъ деревьевъ въ своемъ имѣннѣ, разузнавалъ письмами въ Бордо о наиболѣе подходящихъ для Кавказа сортахъ и, помнится, отправилъ черенки къ управляющему; но всѣ эти поиски за дѣломъ приводили его въ концѣ къ грустному сознанию, что всѣ его затѣи—не серьезныя предпріятія, а скорѣе походятъ на праздную забаву, зло подсмѣивался надъ собой и своимъ безсиліемъ быть хоть малымъ полезнымъ своему краю и не безъ горечи восклицалъ: „аль у сокола крылья связаны? аль пути ему всѣ заказаны?“.

Такъ прошли іюнь и іюль—самые глухіе мѣсяцы въ томъ отношеніи, что я составлялъ для графа почти единственнаго собесѣдника въ Вевей. Кромѣ меня въ эту пору довольно часто его навѣщала извѣстный Нубаръ-паша, всесильный египетскій эвсъ-министръ; онъ только что былъ свергнутъ съ поста, который занималъ очень долго, отправился путешествовать по Европѣ и прожилъ въ Вевей 2 или 3 недѣли съ женой, съ своей

дочерью, бывшей замужемъ за другимъ египетскимъ министромъ Тиграномъ-пашею, и съ маленькой прелестной внучкой. Нубаръ питалъ большое уваженіе къ графу и охотно посвящалъ его въ тайны египетской государственной жизни и въ тѣ интриги, какія разыгрывались англичанами съ цѣлю забрать страну со-всѣмъ въ свои руки. Графъ же цѣнилъ въ Нубарѣ умнаго и интереснаго собесѣдника, но съ августа же наша резиденція значительно оживилась, стали появляться и знакомые земляки, отбывшіе свои курсы минеральныхъ водъ, и около графа образовался небольшой кружокъ симпатичныхъ ему людей, съ которыми онъ любилъ коротать время.

По мѣрѣ приближенія отъѣзда въ Ниццу его привязанность ко мнѣ дѣлалась крѣпче и нѣжнѣе; онъ безпрестанно возвращался въ разговорѣ къ предстоявшему мнѣ на зиму одиночеству въ Вевей и пытался меня уговаривать на переѣздъ или съ нимъ въ Ниццу, или хоть въ другой людной центръ, гдѣ была бы возможность съ кѣмъ нибудь отводить душу.

— „Я то и дѣло думаю о васъ и мучусь за васъ: ну какъ вы проведете цѣлые 8 мѣсяцевъ совсѣмъ одни въ таковой труппѣ? и мнѣ вы будете сильно недоставать въ Ниццѣ, и весной я снова буду рваться съ нетерпѣніемъ къ вамъ; но около меня все же будетъ нѣсколько человѣкъ, съ которыми такъ или сякъ я буду убивать время, а вы вѣдь въ этомъ одиночномъ заточеніи разучитесь говорить! Право, поѣдемъ съ нами!“

Хотя я самъ съ большою грустью ждалъ разлуки съ графомъ, однако, наотрѣзъ отказывался покинуть Вевей и имѣлъ на то солидныя причины, а именно: для меня внѣшнія удобства вевейской жизни (ея дешевизна, возможность жить круглый годъ безъ переѣздовъ, умѣренный климатъ при отсутствіи дѣтскихъ эпидемическихъ болѣзней и т. п.) заставляли цѣнить себя выше, чѣмъ всевозможныя развлеченія большихъ и шумныхъ городовъ; къ тому же я уже успѣлъ привыкнуть къ окружающему меня безлюдью и мертвенной тишинѣ и мнѣ не легко было ломать установленный уже строй жизни и снова пуститься на шумъ и сутолоку, давно потерявшіе для меня всякую привлекательность. Графъ соглашался съ моими доводами до того, что самъ начиналъ высказывать мысль—нанять и себѣ большую квартиру въ Вевей, устроить ее со всѣми удоб-

ствами и зазимовать, но разубѣдить его въ непрактичности такого плана было не трудно, такъ какъ между его положеніемъ и моимъ была огромная разница: ему и южный климатъ былъ необходимъ для здоровья, и его матеріальныя средства допускали безъ затрудненія переѣздъ въ Ниццу, и самъ онъ былъ несравненно живѣе и общительнѣе меня, такъ что для него отсутствіе всякаго общества было бы весьма чувствительно, а вѣчный tête-à-tête между нами, людьми, лишенными всякой живой дѣятельности, неизбѣжно, въ концѣ концовъ, надобѣлъ бы ему своимъ однообразіемъ, и, наконецъ, жестоко было бы съ его стороны зарывать съ собой въ такомъ угрюмомъ мѣстѣ, какъ Вевей, свою семью, особенно молодыхъ дочерей. На такихъ разсужденіяхъ планъ вевейской зимовки скоро проваливался. Иногда на графа передъ отѣздомъ находили мрачныя думы о томъ, что онъ постепенно дѣлается хилѣе и слабѣе и что онъ можетъ не пережить зимы; тогда я, замѣтивъ, какъ успокоительно дѣйствуютъ на него мои увѣренія въ противномъ, начиналъ трунить надъ его страхомъ, сводить все на ипохондрію и т. п. Помню, какъ послѣ одного изъ такихъ разговоровъ онъ сказалъ съ шутивымъ отчаяніемъ: „ну, есть ли на свѣтѣ болѣе несчастливѣйшій человекъ, чѣмъ я, и котораго бы болѣе преслѣдовала людская несправедливость? И будучи на верху карьеры и почестей, я ничѣмъ не воспользовался отъ государства, и остался по прежнему съ весьма, какъ вы знаете, ограниченными средствами; рускія же газеты недавно распространили извѣстіе, что я покупаю обширное помѣстье за границей; я имѣю претензію на репутацію хорошаго полководца, потому что одержалъ нѣсколько побѣдъ, велъ цѣлую военную кампанію и взялъ крѣпость Карсъ, которую считали неприступной, а вотъ Османъ-бей ¹⁾ оспариваетъ

¹⁾ Османъ-бей очень бойкій турецкій авантюристъ, бывший майоръ турецкой службы, бѣжавшій въ Россію и отчасти извѣстный въ русской литературѣ, издалъ въ Италіи небольшую книжку на французскомъ языкѣ съ описаніемъ своихъ походовъ въ Россію и сношеній съ нашими государственными людьми; это очень поверхностный памфлетъ, наполненный всякою бранью, въ которомъ, между прочимъ, достается и гр. Лорису и говорится, что вѣзель Карса Россія обязана автору этой книги, состоявшему тогда переводчикомъ при штабѣ Кавказской арміи. Графъ вспомнилъ объ этомъ господинѣ потому, что за нѣсколько недѣль до приведенныхъ словъ Османъ-бей пріѣзжалъ

мои военныя заслуги и увѣраеть, что Карсъ взялъ вовсе не я, а онъ—Османъ-бей; наконецъ, я жалуюсь, что я боленъ и страдаю, а вы, мой Брутъ, и въ этомъ не хотите мнѣ вѣрить и обзываете меня ипохондрикомъ“.

Однако, въ общемъ итогѣ графъ остался очень доволенъ своимъ Вевейскимъ пребываніемъ и въ 20-хъ числахъ сентября 1887 г., въ сравнительно бодромъ видѣ, пустился въ обратный путь въ Ниццу. Зима тамъ вышла не изъ удачныхъ по причинѣ дождей и необычныхъ холодовъ и хотя онъ провелъ ее сносно, безъ явныхъ обостреній своей болѣзни, но почти не выѣзжалъ, хандрить и скучалъ и съ февраля 1888 г. началъ уже радоваться въ письмахъ, что приближается время перекочевки въ Вевей, а 1 іюня я встрѣтилъ его на станціи при выходѣ изъ вагона и вмѣстѣ съ нимъ доѣхалъ до отеля, гдѣ онъ жилъ въ предыдущемъ году и гдѣ для него было приготовлено прежнее помѣщеніе. Здѣсь, въ той же самой комнатѣ и при томъ же самомъ освѣщеніи, въ которыхъ я привыкъ его видать ежедневно нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, мнѣ особенно легко было замѣтить во внѣшности графа значительную перемѣну, происшедшую за это короткое время: морщинъ и складокъ на лицѣ и сѣдины въ волосахъ почти не прибавилось, а между тѣмъ все лицо поблѣднѣло и осунулось, а въ его прекрасныхъ и всегда ласково улыбавшихся глазахъ появлялись по временамъ, не смотря на радость нашей встрѣчи, какой-то несвойственный имъ мрачный блескъ и угрюмая сосредоточенность. Я приписалъ перемѣну эту утомленію отъ 24 часовой ѣзды по желѣзной дорогѣ, да и самъ онъ жаловался на крайнюю усталость и попросилъ поскорѣе ему устроить постель, чтобы отдохнуть. Но и на завтра, когда я зашелъ утромъ навѣдаться о немъ, онъ предпочелъ не встать съ кровати, хотя былъ гораздо веселѣе и безъ умолку рассказывалъ о своихъ зимнихъ впечатлѣніяхъ отъ новыхъ знакомствъ съ людьми и съ прочитанными книгами; только на третій день онъ одѣлся и перебрался на свое прежнее облюбованное мѣстечко на кушеткѣ въ углу комнаты, и наши свиданія снова пошли, какъ заведенная машина; съ точностью хронометра

въ Вевей и добился, чтобы графъ или принялъ, или далъ ему что нибудь на бѣдность, а когда не успѣлъ ни въ томъ, ни въ другомъ, то прислалъ графу ругательное письмо и скрылся изъ нашихъ мѣстъ.

Н. В.

являлся я къ нему, и оба мы съ равнымъ нетерпѣніемъ ежедневно ждали этихъ часовъ встрѣчь, ибо разговоръ нашъ никогда не страдалъ недостаткомъ матеріала и служилъ намъ обомъ чуть не единственнымъ развлеченіемъ въ окружавшей насъ очень однообразной жизни. „Удивляюсь я“, говорилъ графъ, „какъ мы съ вами разрѣшаемъ отлично почти не разрѣшаемую задачу: говоримъ, говоримъ каждый день, а все далеко не можемъ вычерпать нашъ разговорный фондъ, и всегда послѣ вашего ухода я вспоминаю, что не успѣлъ и половины затронуть того, о чемъ хотѣлъ было потолковать“. Однако, я находилъ, что въ этотъ прїѣздъ онъ охотнѣе отдается воспоминаніямъ о прошломъ и не съ прежнимъ увлеченіемъ занимается текущими событіями, хотя и продолжаетъ читать множество газетъ; онъ и самъ неоднократно высказывалъ, что сталъ гораздо равнодушнѣе ко всему происходящему и объяснялъ это тѣмъ, что настоящія теченія, такъ ярво и опредѣленно вырисовывающіяся въ европейской жизни, этотъ періодъ отступленія вспять ему крайне несимпатичны и что онъ совсѣмъ разочаровался въ скорой перемиѣнѣ къ лучшему, до которой ему навѣрное не дожить. Взамѣнъ того, онъ все болѣе углублялся въ наблюденіе за ходомъ одолѣвавшихъ его недуговъ, я чаще заставлялъ его въ мрачномъ духѣ, и разные мои способы, чтобы развлечь его или ободрить медицинскими аргументами, оказывались уже менѣе успѣшными, чѣмъ въ прежнее время. Мысль о близкой смерти все чаще и чаще возвращалась въ его рѣчахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе овладѣвали имъ заботы о томъ, чтобы семья его могла прожить безбѣдно послѣ его смерти, и онъ рѣдкій день не былъ этимъ занятъ. Кромѣ семьи, еще сильно озабочивала его участь устроеннаго имъ во Владикавказѣ ремесленнаго училища, носящаго его имя; это тоже было близкое его сердцу дѣтище, обязанное не только ему своимъ происхожденіемъ, но и дальнѣйшимъ процвѣтаніемъ, благодаря постоянной заботливости графа о немъ; его очень радовалъ возраставшій успѣхъ школы, улучшение и расширеніе программы преподаванія, но такъ какъ годичный расходъ на училище дошелъ уже до 18,500 р., то у него рождался страхъ, что послѣ его смерти училище не будетъ встрѣчать прежней поддержки и будетъ падать, а потому онъ

старался заинтересовать въ немъ кой-кого изъ своихъ богатыхъ знакомыхъ, завѣщая имъ заботы о немъ.

Всѣ эти предсмертныя распоряженія и заботы не могли не настраивать его печально; притомъ и лѣто выдалось холодное и сырое, прїѣзжихъ никого не было, и въ довершеніе всего мнѣ встрѣтилась необходимость для здоровья семьи переѣхать изъ Вевей въ горы. Чтобы не покидать надолго графа, я рѣшилъ ограничить свое отсутствіе самымъ короткимъ срокомъ, а именно двумя недѣлями, и вмѣстѣ съ тѣмъ перебраться куда нибудь по близости, такъ чтобы это не помѣшало мнѣ навѣщать его по временамъ изъ моей новой резиденціи; наконецъ, горный отель, куда я переѣхалъ, былъ соединенъ съ Вевейскимъ отелемъ графа телефономъ, и мы условились переговариваться при помощи его, особенно если встрѣтится что нибудь эстренное. Моя отлучка продолжалась съ 17-го іюля по 1-е августа, и за это время я успѣлъ побывать два раза у графа; онъ скучалъ, сильно хандрилъ и жаловался на общую слабость и бессонницу, а во второе мое посѣщеніе, 28 іюля, на ревматическую боль въ лѣвой рукѣ, которую онъ приписывалъ тому, что въ одинъ изъ жаркихъ дней посидѣлъ на своей терассѣ съ Нубаръ-пашей, завѣщавшимъ проѣздомъ по Швейцаріи снова навѣстить его. Я особеннаго значенія этой жалобѣ не придавалъ и увѣчалъ, общая черезъ 3 дня совсѣмъ вернуться, но уже въ самый день моихъ сборовъ къ обратному выѣзду въ Вевей меня утромъ вызвали къ телефону отеля, и графиня-дочь сообщила мнѣ, что папа очень боленъ и ждетъ меня съ нетерпѣніемъ. Въ тотъ же вечеръ я перебрался въ Вевей и пошелъ тотчасъ же къ графу. Онъ дѣйствительно расхворался не на шутку, и хотя внѣшнее проявленіе болѣзни—такъ называемый опоясывающій лишай (*herpes Zoster, Zona*), находившійся на лѣвой ладони и перешедшій потомъ на предплечіе и плечо, самъ по себѣ не могъ внушать серьезныхъ опасеній, но въ виду сильнаго истощенія больнаго и, главное, полной неизвѣстности относительно истиннаго состоянія легкихъ и другихъ внутреннихъ органовъ, а потому при невозможности своевременно предотвратить всякія осложненія, слѣдовало быть очень осторожнымъ въ предсказаніи. Графъ казался очень возбужденнымъ отъ довольно значительной лихорадки, постоянно стоналъ отъ болей и совсѣмъ упалъ духомъ;

съ трудомъ можно было уговорить его обнажить всю руку, чтобы прослѣдить на ней размѣщеніе группы лишайныхъ пузырьковъ. Лѣчившій его вевейскій врачъ сдѣлалъ все нужное для облегченія больнаго, но привелъ его въ отчаяніе, предупредивъ, что болѣзнь можетъ протянуться около 6 недѣль; я постарался его успокоить и на первый разъ успѣлъ въ томъ.

Нѣтъ надобности подробно передавать послѣдовательный ходъ болѣзни; скажу только, что онъ былъ полонъ тревогъ для окружающихъ и очень мучителенъ для больнаго по причинѣ сильныхъ пароксизмовъ невралгическихъ болей въ лѣвой рукѣ, бессонныхъ и возбужденныхъ ночей, довольно сильной лихорадки, замѣчавшагося по временамъ упадка сердечной дѣятельности и т. п. Все это приводило графа въ самое тяжелое психическое угнетеніе; иногда онъ терялъ всякое самообладаніе, раздражался ничтожнымъ пустякомъ и при мнѣ не однажды повторялись сцены, послѣ которыхъ я возвращался домой, разбитый печальнымъ зрѣлищемъ этого свѣтлаго ума и мощной воли, изнемогавшихъ на моихъ глазахъ въ борьбѣ съ болѣзью. Мои тревоги усиливались еще тѣмъ обстоятельствомъ, что никакъ нельзя было признать удовлетворительною всю постановку леченія, а между тѣмъ всѣ усилія исправить ее были напрасны. Какъ иностранный врачъ, по законамъ Швейцаріи, я не имѣлъ права лечить графа, а потому долженъ былъ для соблюденія формальности передать его одному изъ туземныхъ врачей, на что графъ, отлично понимая необходимость такой передачи, безпрекословно согласился съ условіемъ, чтобы я руководилъ леченіемъ и чтобы безъ моего согласія не предпринималась никакая врачебная мѣра. Такъ дѣло и уладилось, но и при этихъ условіяхъ мое руководительство оставалось больше номинальнымъ и очень меня мучило: не смотря на довѣріе графа ко мнѣ, я никакъ не могъ уговорить его хоть разъ дать себя изслѣдовать фундаментально, чтобы опредѣлить истинное состояніе его внутреннихъ органовъ и выяснить, нѣтъ ли причинной связи между этимъ состояніемъ и столь беспокоившей больнаго сыпью, что мнѣ казалось болѣе чѣмъ вѣроятнымъ. Но отпоръ со стороны графа былъ такъ рѣшителенъ, мои настоянія до того раздражали его, что я, ради нашихъ отношеній, вынужденъ былъ уступить ему и вести леченіе съ завязанными глазами; напрасно я

ему доказывалъ, до какой степени онъ вредитъ и самому себѣ и насилуетъ меня, ставя въ странное положеніе врача XVIII столѣтія, имѣющаго въ своемъ распоряженіи для заключенія о ходѣ болѣзни—наружный видъ больного, его субъективныя жалобы, пожалуй, изслѣдованіе его пульса, языка и т. п.; даже для измѣренія температуры тѣла графъ ни разу не согласился поставить себѣ термометръ подъ мышку, а опредѣлялъ лихорадочное состояніе, держа шарикъ термометра между большимъ и указательнымъ пальцами здоровой руки. Понятно, что въ такихъ потемкахъ значительно съуживалась самая задача леченія и приходилось только заботиться о поддержаніи силъ и правильности отправленій, доступныхъ врачебному наблюденію, и, главное, успокаивать моральное психическое возбужденіе больного. Ему не разъ казалось, что ему жить остается всего нѣсколько дней, онъ умолялъ меня не дать ему умереть въ гостиницѣ, а перевезти поскорѣе на частную квартиру и т. п. Особенно памятенъ мнѣ вечеръ 17 августа 1888 г., когда я, пришедши въ условленный часъ въ отель, встрѣтилъ поджидавшую меня въ корридорѣ графиню всю въ слезахъ и съ словами: „ему совсѣмъ плохо; ступайте къ нему поскорѣе“; онъ привѣтствовалъ меня необычно-мрачнымъ взглядомъ и слабымъ пожатіемъ руки и сталъ говорить тихимъ, торжественнымъ голосомъ: «ну, прощайте, дорогой мой; я чувствую, что конецъ мой приходитъ и я вижу васъ въ послѣдній разъ; дайте же мнѣ поблагодарить васъ за дружбу и за всѣ заботы обо мнѣ“, и далѣе въ этомъ родѣ. Признаюсь, сильно сжалось у меня сердце и отъ этихъ словъ и отъ тона, съ какимъ они произносились, но убѣдившись наскоро, что ихъ ничто не оправдывало, я справился съ собою и, засмѣявшись, замѣтилъ въ отвѣтъ, что заявленіе этой предсмертной благодарности онъ смѣло можетъ отложить до болѣе подходящаго времени и сталъ его убѣждать, что все теченіе болѣзни не только не указываетъ на смертельную опасность, а напротивъ предвѣщаетъ близкое поправленіе; объясненіе это его успокоило, вскорѣ онъ разговорился, а черезъ четверть часа мы, какъ ничего не бывало, болтали уже о постороннихъ предметахъ. Но приступы такой отчаянной безнадежности въ своемъ поправленіи возвращались чаще и чаще, не смотря на то, что всѣ болѣзненные припадки видимо дѣлались слабѣе; онъ самъ

не могъ не замѣчать этого улучшенія и часто просилъ извиненія въ невольныхъ нервныхъ вспышкахъ, съ которыми не можетъ совладѣть, и однажды сказалъ: „есть чье-то извѣстное изреченіе, истину котораго я испытываю теперь на себѣ: потеряешь состояніе—не бѣда, потеряешь здоровье—и то даже не бѣда, а вотъ когда потеряешь самую энергію жить, тогда пиши совсѣмъ пропало“. При наблюденіи этихъ вспышекъ и во мнѣ сложилось такое безотрадное убѣжденіе, что хотя графъ и выйдетъ благополучно изъ настоящаго заболѣванія, такъ какъ ему постепенно становилось лучше и онъ могъ уже съ постели переходить на кушетку, но съ такими распатанными нервами, которыя будутъ отравлять постоянно его дальнѣйшее существованіе. Все это мнѣ такъ больно было видѣть, такъ меня волновало, что я ходилъ дома самъ не свой, не досыпалъ ночей, а между тѣмъ старался являться къ графу всегда въ маскѣ невозмутимаго спокойствія и этимъ спокойствіемъ поднимать его упавшую энергію. Наконецъ, я не выдержалъ этого напряженія и свалился; по счастью, это случилось уже въ концѣ августа, когда состояніе графа настолько поправилось, что онъ могъ обойтись безъ моихъ медицинскихъ совѣтовъ и когда изъ Петербурга пріѣхалъ одинъ изъ близкихъ друзей графа, а также и его младшій сынъ, такъ что прекращеніе нашихъ ежедневныхъ свиданій не было особенно ощутимо. Пролежалъ я ровно недѣлю и, какъ только всталъ, первый выходъ мой былъ къ графу; нашелъ я его въ относительно лучшемъ видѣ, по прежнему на кушеткѣ и по прежнему обложеннымъ газетами: лишай подсохъ и исчезъ, появился аппетитъ и пищевареніе совершалось болѣе правильно, но этимъ улучшеніе и ограничилось, потому что пароксизмы невралгическихъ болей въ рукѣ продолжались и зачастую лишали его сна, а небольшое повышеніе температуры, получаемое даже при несовершенномъ измѣреніи ея между пальцами, учащеніе перебоевъ въ сердцѣ и появленіе крови въ мокротѣ и т. п. указывали, что нарушеніе легочнаго процесса все еще не вступило въ періодъ хроническаго затишья. Онъ по прежнему не въ силахъ былъ справляться съ наплывомъ тяжелыхъ предчувствій, и даже пріѣздъ кой-кого изъ старыхъ знакомыхъ только отчасти развлекалъ его и онъ замѣтно легче утомлялся разговорами; правда, иногда и теперь случалось, что, увлекшись

бесѣдой, онъ забывалъ о болѣзни, оживлялся, глаза загорались своимъ мягкимъ блескомъ, остроумная и шутливая рѣчь его радостно электризовала присутствующихъ, ибо напоминала имъ прежняго Лориса, но это продолжалось недолго, и онъ снова впадалъ въ свое сумрачное настроеніе.

Какъ только онъ почувствовалъ, что набрался достаточно силъ для совершенія обратнаго переѣзда на югъ, то началъ торопиться въ путь, боясь, чтобы новое ухудшеніе не задержало въ Вевей до холоднаго времени, и 17 сентября уѣхалъ, а на слѣдующій день извѣстилъ меня депешою, что благополучно добрался до своей зимней квартиры. Послѣдовавшія затѣмъ письма отъ него были довольно успокоительны: въ Ниццѣ онъ замѣтно пріободрился, сталъ выѣзжать на прогулки, и даже чаще чѣмъ въ предыдущія зимы, и только жаловался, что лѣвая рука все продолжаетъ его сильно мучить. Послѣднее его письмо ко мнѣ было отъ 11 декабря 1888 года и ничѣмъ не предвѣщало близкой опасности, а потому полученная мною лаконическая депеша отъ ¹¹/₂₄-го декабря, сообщавшая о его кончинѣ, поразила своею неожиданностью. Изъ дошедшихъ до меня впоследствии подробностей о предсмертной болѣзни графа знаю только, что онъ слегъ въ постель ⁶/₁₇-го декабря, по причинѣ усиленія кашля и появленія лихорадочнаго состоянія, очень страдалъ отъ бессонныхъ ночей и силы его быстро падали; встревоженная семья уговорила его призвать на консультацію нѣмецкаго врача, состоявшаго при виртембергскомъ королѣ, зимовавшемъ въ Ниццѣ, но было поздно. Консультация состоялась въ 4 часу дня ¹²/₂₄ декабря, за 5 часовъ до смерти, и графъ даже въ эти послѣдніе часы своей жизни остался вѣренъ своей антипатіи къ медицинскимъ осмотрамъ; напрасно докторъ-консультантъ склонялъ его допустить къ изслѣдованію груди, графъ отвѣчалъ: „не сегодня, любезный докторъ, а завтра, если только буду живъ; если же нѣтъ....“ и онъ пожалъ плечами. А въ 8 ч. 40 мин. того же вечера для него наступилъ вѣчный покой, къ которому онъ перешелъ въ полномъ сознаніи.

Россія лишилась въ лицѣ его одного изъ даровитѣйшихъ, безкорыстнѣйшихъ и преданнѣйшихъ своихъ сыновъ и можно лишь искренно и не въ оскорбленіе живущимъ пожелать ей побольше такихъ!

Можетъ быть, многіе изъ безстрастныхъ читателей этихъ страницъ найдутъ, что онѣ написаны въ слишкомъ хвалебномъ тонѣ и спросятъ меня: „да неужели же графъ не имѣлъ никакихъ недостатковъ?“—Несомнѣнно имѣлъ, отвѣчу я; на то онъ и былъ человѣкъ съ нервами, плотью и кровью, а потому ничто человѣческое ему не было чуждо, но прошу помнить, что я даю не характеристику графа, а только свои личныя воспоминанія о немъ, — въ моихъ же личныхъ впечатлѣніяхъ его мелкіе недостатки и слабости съ избыткомъ вознаграждались его богатыми достоинствами, и не столько поражалъ въ немъ его обширный, свѣтлый умъ, сколько благожелательное сердце, которое въ этомъ 60 лѣтнемъ старцѣ, не смотря на точившую его медленно болѣзнь и пережитыя превратности, не зачерствѣло и сохранило горячую вѣру въ человѣчество и чисто юношескую чуткость въ проявленіяхъ всего честнаго и благороднаго въ окружающей жизни. Какимъ онъ остался въ моей памяти, такимъ я и старался передать его здѣсь насколько сумѣлъ.

Н. А. Вѣдоголовый.

МИХАИЛЬ ЕВГРАФОВИЧЪ САЛТЫКОВЪ

У его гроба.

На вѣкъ его сомкнулись очи,
 Потускло гордое чело
 И мракомъ безразсвѣтной ночи
 Орлиный взоръ заволокло.
 Онъ бодро шель путемъ терновымъ
 Всю жизнь, нашъ славный богатырь,
 Карая зло могучимъ словомъ,
 Свой вѣщій взоръ бросаая въ ширь.
 Добра и правды свѣточъ яркій,
 Высокой чести идеаль,
 Любившій Русь любовью жаркой,
 Онъ въ ней неправду бичеваль.
 Его карающее слово
 Не смокнетъ и въ дали вѣковъ:
 Оно потомкамъ будетъ ново,
 Какъ свято было для отцовъ.
 Высоко-нравственныя рѣчи,
 Не увядая, будутъ жить,
 Звучать, какъ колоколъ на вѣчѣ,
 И совѣсть дремлющихъ будить.
 Своей отчизной повсемѣстно
 Онъ будетъ чтимъ, какъ доблій сынъ.
 Свершивъ земной свой подвигъ честно,
 Почти, великій гражданинъ!
 И у довременнаго гроба
 Пускай замолвнута навсегда
 Людская ненависть и злоба,
 Былая зависть и вражда!

10-го мая 1889 г.
 Коломна.

Н. Кельшъ.

ІАКОВЪ ІВАНОВИЧЪ РОСТОВЦЕВЪ.

I.

Письмо его къ князю Евгенію Петровичу Оболенскому
(бывшему декабристу).

18-го ноября 1858 г. С.-Петербургъ.

«Любезный другъ Евгеній! Тридцать пять лѣтъ я люблю тебя и уважаю. Ни годы, ни страшныя событія не измѣнили нашихъ отношеній. Какъ я дорожилъ твоимъ мнѣніемъ въ декабрѣ 1825 года, такъ я дорожу имъ и теперь.

Еще годъ тому назадъ, 29-го октября 1857 года, ты мнѣ писалъ: «вопреки тридцатидвухлѣтней разлуки, я хранилъ и храню тѣ-же чувства любви и уваженія, которыя ты внушилъ мнѣ съ первыхъ дней нашего знакомства; я вѣрю и вѣрилъ въ чистоту твоихъ намѣреній и побужденій и потому чувства мои къ тебѣ не измѣнились и не измѣнятся; я всегда съ любовью слѣдилъ за твоею дѣятельностью государственною и сочувствовалъ вполне общественной пользѣ, которую ты постоянно имѣлъ въ виду».

Прошлою зимою, когда пріѣзжалъ я обнять тебя въ Калугѣ, съ какимъ наслажденіемъ провели мы нѣсколько счастливыхъ часовъ, говоря о прошломъ и о настоящемъ: 14-е декабря, освобожденіе крестьянъ, счастье и прогрессъ Россіи были главными темами нашего разговора. Между прочимъ, ты замѣтилъ мнѣ важный, по твоему мнѣнію, пропускъ въ книгѣ барона (М. А.) Корфа, который не упомянулъ ни слова, что я пошелъ къ покойному государю (Николаю Павловичу), предупредивъ тебя о томъ за нѣсколько дней.

Ты удивился равнодушію моего отвѣта, что я не желаю безпомянуть барона Корфа возстановленіемъ этой истины и что мнѣ нужно только одобреніе моей совѣсти.

Нѣсколько недѣль тому назадъ мы опять съ тобой свидѣлись; бесѣды наши были такъ-же теплы и чисты. Между прочимъ я тебѣ объѣщалъ прислать поясненія на то, что обо мнѣ печатають въ изданіяхъ Герцена. Въ то время я изъ нападокъ на меня зналъ немногія; вернувшись въ Петербургъ, я, чтобы сдержать слово, досталъ всѣ нумера и «Колокола» и «Полярной Звѣзды», и буду очищать предъ тобою статью за статью.

Герценъ не только не знаетъ меня какъ человѣка духовнаго, онъ не знаетъ меня даже въ лице. Вѣроятно, я ему нуженъ, и еще буду нуженъ, какъ субъектъ, который, по его мнѣнію, представляетъ принципъ, противъ котораго онъ воюетъ.

* * *

Зачну съ критики самого Герцена на описаніе 14-го декабря барона Корфа.

Я и тутъ, и въ другихъ мѣстахъ, представленъ и доносчикомъ, и Іудой. Одинъ только ты, другъ Евгенийъ, стоялъ между мною и событіемъ 14-го декабря 1825 г.

Съ 5-го или 6-го декабря 1825 г., не помню, ты началъ говорить со мною объ отреченіи в. к. Константина Павловича и о предположеніяхъ воспрепятствовать в. к. Николаю Павловичу царствовать; кромѣ тебя мнѣ объ этомъ не говорилъ никто; до самаго происшествія я не зналъ о существованіи общества, не зналъ потому, что объ этомъ ты ничего мнѣ не говорилъ.

Черезъ нѣсколько дней я сказалъ тебѣ, что предостерегу великаго князя о могущемъ быть возмущеніи; ты долго, дружески, меня отъ этого отговаривалъ; назвалъ меня энтузіастомъ, сумасбродомъ и, видя мою настойчивость, обнялъ меня и сказалъ:

— «Я не пророкъ, а пророчу тебѣ крѣпость и тогда ты принудишь насъ по неволѣ идти освобождать тебя».

Потомъ, въ продолженіе трехъ дней отъ 9-го до 12-го декабря, ты два раза меня спрашивалъ: «видѣлъ-ли я великаго князя», и оба раза я отвѣчалъ: «еще не видалъ».

12-го декабря, вечеромъ, я, наконецъ, у великаго князя былъ; я отдалъ ему мое письмо и имѣлъ съ нимъ разговоръ (помѣщенные, слово въ слово, въ описаніи барона Корфа).

13-го въ пять часовъ вечеромъ-же я отдалъ тебѣ, у тебя въ кабинетѣ, въ присутствіи Рылѣва (который мнѣ никогда ни о какихъ замыслахъ не говорилъ), переписанные мною и письмо, и разговоръ.

Рылѣвъ прочелъ все это въ слухъ; кончивъ, онъ тебѣ сказалъ: — «Обними его, какъ самаго честнаго человѣка; убѣж-

денія наши различны, но онъ дважды жертвовалъ жизнію, идя къ великому князю и придя къ намъ».

И ты меня обнялъ.

И вы, съ вашей стороны, дѣйствовали со мною также, какъ высокочестные люди, какъ истинные рыцари.

До 14-го декабря и послѣ 14-го декабря (до 26-го февраля) я, отказавшись отъ настоятельнаго требованія государя переѣхать въ Зимній дворецъ, остался жить въ Коломнѣ, въ томъ же самомъ домѣ, гдѣ происходили совѣщанія, въ нижнемъ этажѣ, возлѣ наружныхъ дверей на улицу, одинъ съ старикомъ деньщикомъ.

Послѣ событія 14-го декабря меня ни о комъ ничего не спрашивали.

Я не донесъ ни на кого; дѣною своей жизни я желалъ спасти всѣхъ.

Я дѣйствовалъ безъ успѣха, можетъ быть и неразумно, но дѣйствовалъ открыто, по убѣжденію и съ самоотверженіемъ.

* *

Въ одной изъ книжекъ «Голоса изъ Россіи» неприязненно сравниваютъ русскія военно-учебныя заведенія съ іезуитскимъ орденомъ, говоря, что у іезуитовъ все для церкви, въ военно-учебныхъ заведеніяхъ все для царя.

Молю Бога, для блага отечества, чтобы и всегда такъ было.

Войско—орудіе правительства; въ военно-учебныхъ заведеніяхъ—духъ войска. Несчастіе тому государству (монархическому, конституціонному или республиканскому), гдѣ войско станетъ впереди правительства: тогда оно само сдѣлается правительствомъ, и еще какимъ: правительствомъ матеріальной силы, гнета, насилія и произвола! Если наши военно-учебныя заведенія пошли бы иначе, то надобно ихъ уничтожить.

* *

Въ «Колоколѣ» № 20, подъ заглавіемъ статьи: Черный кабинетъ выставленъ эпитаграфъ:

«Совѣсть нужна человѣку въ частномъ домашнемъ быту, а на службѣ и въ гражданскихъ отношеніяхъ ее замѣняетъ высшее начальство». «Іаковъ Ростовцовъ».

Могъ-ли я написать подобную пошлость? Я написалъ слѣдующее:

«Въ союзѣ общежитія совѣсть навываетъ къ положительной оцѣнкѣ дѣяній каждаго человѣка; управляя дѣйствіями воли человѣка, она не имѣетъ власти подчинить себѣ, въ одной и той-же степени, волю всѣхъ людей, общество составляющихъ; въ общежитіи неизбежна борьба различныхъ волей и потому, чтобы охранить обще-

ство отъ разрушенія и утвердить въ немъ порядокъ нравственный, необходима еще и другая сила, кромѣ силы совѣсти, и другой законъ, кромѣ ея законовъ.

«Эта другая сила—есть совѣсть общественная: верховная власть.

«Что совѣсть для внутреннихъ побужденій человѣка и для дѣяній его неизблженныхъ и неизслѣдимыхъ, то власть верховная для явныхъ изслѣдимыхъ его дѣйствій. И та, и другая суть равно орудія Провидѣнія: посредствомъ этихъ орудій оно править судьбами человѣчества; совѣстію караетъ или награждаетъ оно человѣка за его дѣла безгласныя; чрезъ верховную власть караетъ или награждаетъ за его гласныя, вишія дѣянія; законъ совѣсти, законъ нравственный обязательнъ человѣку какъ правило для его частной воли; законъ верховной власти, законъ положительный, обязательнъ ему какъ правило для его общественныхъ отношеній». (Наставленіе для образованія воспитанниковъ в. у. з. 1848 г., стр. 137—138).

На основаніи этого моего изложенія профессоръ Кавелинъ, бывши начальникомъ учебнаго отдѣленія штаба военно-учебныхъ заведеній, написалъ, пять лѣтъ спустя, подробное вступленіе, которое напечатано въ курсѣ законовѣдѣнія, составленномъ для военно-учебныхъ заведеній.

Вотъ изложеніе г. Кавелина:

«Законъ совѣсти недостаточенъ для огражденія между людьми нравственнаго порядка.....

«Уставы общегитія устанавливаютъ для совѣсти тѣ основы, на которыхъ зиждется общество.

«Во всякомъ случаѣ она (совѣсть) остается силою частною и не можетъ подчинить себѣ въ одной и той-же степени волю всѣхъ людей, составляющихъ общество....

«Чтобы оградить общество отъ разрушенія и утвердить въ немъ нравственный порядокъ, другая необходима сила, кромѣ силы совѣсти.....

«Эта другая сила есть совѣсть общественная, или верховная власть».....

(Учебныя руководства для в. у. з. Руководство законовѣдѣнія 1-го спеціальнаго класса, 1853 г., стр. 26 и 27).

* * *

Въ «Полярной Звѣздѣ», книжка III, статья: «Былое и думы», глава 2, стр. 104, въ выноскѣ напечатано:

«Съ производствомъ въ чины и съ пріобрѣтеніемъ силы при дворѣ мѣняются буквы въ имени; такъ, напримѣръ, графъ Строгановъ остался до конца дней Сергѣемъ Григорьевичемъ, но князь Голи-

цынь всегда Сергій Михайловичъ. Послѣдній примѣръ производства по этой части мы замѣтили въ извѣстномъ по 14-му декабря генералѣ Ростовцовѣ. Во все время царствованія Николая Павловича онъ былъ Яковъ, такъ какъ Яковъ Долгорукій, но съ воцареніемъ Александра II онъ сдѣлался Іаковъ — такъ какъ братъ Божій».

Отъ самой молодости я всегда подписывался «Іаковъ», я считалъ, можетъ быть и ошибочно, что человѣкъ не имѣетъ права измѣнять имя, данное ему при крещеніи. Въ разговорѣ я всегда называлъ себя Яковомъ, а подписывался всегда Іаковомъ.

По кончинѣ великаго князя Михаила Павловича мнѣ возвращены всѣ мои къ нему письма. Нѣкоторыя изъ нихъ, съ 1835 по 1849 годъ (въ числѣ 77), были переданы мною въ штабъ военно-учебныхъ заведеній; подо всѣми, безъ исключенія, подписалъ Іаковъ Ростовцовъ.

(Они находятся во 2-мъ отдѣленіи штаба въ дѣлѣ подъ № 1,128).

На Смоленскомъ кладбищѣ погребенъ мой сынъ, умершій въ 1844 году; на памятникѣ написано:

«Младенецъ Исія, сынъ генераль-маіора Іакова Ростовцова».

Я не былъ тогда ни генераль-адъютантомъ, ни начальникомъ главнаго штаба.

* * *

Въ «Колоколѣ» № 6, въ статьѣ «La regatta передъ окнами Зимняго дворца», напечатано:

«Государь не велѣлъ, чтобъ въ гражданскія учебныя мѣста назначали воспитателей изъ военныхъ, какъ было при Николаѣ. «Петербургскія Вѣдомости», говоря объ этомъ умномъ и дѣльнымъ распоряженіи, осмѣлились похвалить его. Іаковъ Ростовцовъ донесъ государю, что статья въ «Вѣдомостяхъ» оскорбительна памяти покойнаго государя, оскорбительна для военнаго вѣдомства, что, наконецъ, такое выраженіе сочувствія новымъ распоряженіямъ есть какъ бы осужденіе старымъ» и проч., и проч.; все это рассказано въ видѣ насмѣшливаго анекдота и, наконецъ, прибавлено, что я велѣлъ отставить учителя Басистова, написавшаго эту статью, и Басистова отставили!

Дѣло было вотъ какъ:

Въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1857 года № 171, въ фельетонѣ, было, между прочимъ, высказано мнѣніе, что учебныя заведенія не могутъ идти удовлетворительно, если начальствованіе надъ ними и воспитательная часть поручаются людямъ военнымъ. Въ доказательство этого мнѣнія приведено описаніе безпорядочнаго состоянія одной англійской военной школы, гдѣ административная и

воспитательная части находятся въ рукахъ людей военныхъ, «которые (какъ тамъ сказано) приобрѣтаютъ свои педагогическія свѣдѣнія въ казармахъ и конюшняхъ».

«Читая эти строки, прибавляетъ авторъ статьи, мы невольно вспомнили то сочувствіе, съ какимъ былъ встрѣченъ у насъ высочайшій указъ, которымъ отмѣнялось опредѣленіе военныхъ воспитателей въ гражданскія учебныя заведенія».

Я пропустилъ бы все это безъ вниманія, но меня официально увѣдомили, что статью эту написалъ служащій въ моемъ (военно-учебномъ) вѣдомствѣ. Я испросилъ у государя дозволеніе спросить у исправлявшаго тогда должность министра народнаго просвѣщенія князя Вяземскаго: кто статью эту написалъ? Оказалось, что ее написалъ учитель русской словесности 2-го московскаго кадетскаго корпуса Басистовъ.

Одною изъ самыхъ трудныхъ задачъ общественнаго воспитанія я считалъ и считаю единодушіе и единомысліе воспитателей; во все время нахождения моего въ вѣдомствѣ военно-учебныхъ заведеній я сознавалъ главнымъ моимъ усиліемъ сливать воспитателей военныхъ съ воспитателями гражданскими и вообще всѣхъ воспитателей между собою. Я всегда старался, чтобы всѣ воспитатели дѣйствовали на дѣтей одною (согласованною) любовію; иначе какое было бы несчастное положеніе этихъ огромныхъ, просто скажу—чудовищно соединенныхъ массъ, этихъ обѣдненныхъ кадетъ, которыхъ нравственно и ежеминутно корбила бы другая огромная масса воспитателей, другъ другу непріязненныхъ.

Для водворенія утраченнаго согласія во 2-мъ московскомъ корпусѣ я былъ, по совѣти, обязанъ предложить г. Басистову, отличному преподавателю, котораго я всегда цѣнилъ, котораго цѣню и теперь, оставить занятія его въ корпусѣ.

Это и не повредило ни его службѣ, ни учебнымъ его правамъ, ни его денежнымъ интересамъ: онъ остался, по прежнему, преподавателемъ въ другихъ заведеніяхъ (кромѣ только 2-го московскаго корпуса).

Если-бы подобную статью написалъ офицеръ военный противъ сословія учителей гражданскихъ, я поступилъ бы и съ нимъ точно также.

(Ходъ всего этого можно видѣть въ Главномъ штабѣ в. у. з. 2-ое отдѣленіе, дѣло 1857 г., № 996).

* *

Въ «Колоколѣ» № 2-й напечатано:

«Въ комиссіи, составленной въ 1856 г. для обсужденія новаго

положенія о срокахъ службы, одинъ изъ членовъ открыто говорилъ противъ просвѣщенія, а въ протоколѣ, подѣ которымъ подписались Бибииковъ, Игнатъевъ, Анненковъ, Ростовцовъ и Норовъ, есть слѣдующая фраза: «хотя справедливость требовала бы, однако...»

Бибииковъ членомъ этой комиссіи не былъ и подобнаго протокола я не припомню.

Если бы даже такой протоколъ и дѣйствительно существовалъ, какому же укору могутъ подвергаться означенныя слова? Если бы тутъ дѣйствительно было что либо дурное, то издатель «Колокола», конечно, не преминулъ бы выписать всю фразу.

Развѣ въ государственномъ совѣтѣ не можетъ быть изреченій подобныхъ хоть слѣдующему: «по закону слѣдовало бы подвергнуть подсудимаго тяжкому взысканію, но принимая въ соображеніе его молодость и неопытность...» и проч., и проч. Развѣ такіе обороты противны статуту государственнаго совѣта, которому поставлено въ обязанность судить и по закону, и по совѣсти?

Мое мнѣніе по этому дѣлу было слѣдующее (его раздѣляли и всѣ члены комитета, кромѣ А. С. Норова):

«Настоящія законоположенія о чиновпроизводствѣ несправедливы для службы и вредны для просвѣщенія, и положеніе 1834 года, можетъ быть полезное въ свое время, оказывается нынѣ анахронизмомъ. Оно раздѣлило гражданскихъ чиновниковъ на двѣ касты: какъ бы опричныхъ и опальныхъ; оно сдѣлало изъ науки спекуляцію и окончательно увлекло въ службу гражданскую всѣхъ людей просвѣщенныхъ; человѣкъ образованный не остается теперь ни кушомъ, ни фабрикантомъ, ни помѣщикомъ—всѣ идутъ въ службу.

«Просвѣщеніе будетъ только тогда окончательно полезно, когда оно не сосредоточится исключительно въ службѣ гражданской или на поприщѣ какомъ бы то ни было, но благотворнымъ свѣтомъ своимъ обниметъ всѣ слои общества: и торговлю, и фабричность, и сословіе собственно помѣщиковъ, живущихъ въ деревняхъ; обниметъ сихъ послѣднихъ, ради благосостоянія ихъ крестьянъ и улучшенія сельскаго хозяйства.

«Потому для блага государственнаго и общественнаго предлагаемая нынѣ преобразованія отлагательства не терпятъ, и всякое исключительное поощреніе просвѣщенія въ пользу одного какого либо сословія будетъ уже нынѣ для Россіи не только не полезно, но вредно.

«Пора отречься намъ отъ такого односторонняго взгляда; пора намъ почтить науку; пора намъ сознать, что она не должна быть средствомъ личныхъ расчетовъ, а цѣлю развитія силъ государственныхъ, въ обширномъ смыслѣ этого значенія. Если мы останемся

въ колеѣ, которая тащить просвѣщеніе только чиновничьи привилегіями, то Россія впередъ не пойдетъ ни по торговлѣ, ни по мануфактурной промышленности, ни по улучшенію земледѣлія и быта крѣпостныхъ крестьянъ.

«Много было толковъ объ уничтоженіи чиновъ; если-бъ это предположеніе состоялось, то всѣ привилегіи, дарованныя учебнымъ аттестатомъ, рушились бы однимъ ударомъ; но подобная мѣра признается несвоевременною: можетъ быть, Россія до этого еще не дозрѣла, но, съ другой стороны, злоупотребленіе чиновничьихъ привилегій, какъ привилегій касты, будто бы во имя святое науки, признается также великимъ зломъ.

«Однимъ словомъ, любя пламенно отечество и науку, я желалъ бы, чтобъ наука благотворнымъ своимъ вліяніемъ обняла не одну касту, а все отечество; чтобы ни одно чиновничье сословіе, но всѣ силы государственныя получили въ наукѣ жизнь и опору, и чтобы не одинъ только чиновникъ, но и фабрикантъ, и купецъ, и техникъ, въ обширномъ примѣненіи этого названія, и помѣщикъ оставались бы, и за полученіемъ учебнаго аттестата, на своихъ полезныхъ мѣстахъ, не увлекаемые тщеславіемъ; однимъ словомъ, чтобъ жизненные соки просвѣщенія не стремились къ одному члену тѣла, а распространялись по всему тѣлу.

«На основаніи этихъ убѣжденій, признаю полезнымъ и своевременнымъ предоставить наукѣ теченіе болѣе свободное; но не рѣшаясь на предложеніе мѣръ хотя рациональныхъ, но крутыхъ, ограничиваюсь предложеніемъ только мѣры переходной, и потому полагаю права учебныхъ заведеній оставить неприкосновенными и учениковъ этихъ заведеній утверждать, на основаніи учебныхъ ихъ аттестатовъ, прямо въ чинахъ отъ 14-го до 8-го класса включительно, но дальнѣйшее производство ихъ основывать уже не на школьныхъ заслугахъ, а на заслугахъ служебныхъ, предоставляя усердію, умственнымъ способностямъ, знанію дѣла, нравственности общественной и государственной одинаковыя права и одинаковое возмездіе. Оставляя лицамъ перваго разряда тѣ же права, которыми они нынѣ пользуются, у нихъ ничего не отнимается; предоставляя имъ право на утвержденіе, при самомъ вступленіи на службу, прямо въ чинахъ отъ 14-го до 8-го класса включительно, охраняются ихъ благородные и почтенные труды и успѣхи, и все-таки усваиваются за ними огромныя преимущества по службѣ противу лицъ, менѣе ихъ образованіемъ осчастливленныхъ.

«Затѣмъ было бы въ высшей степени справедливо всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ-сослуживцевъ двигать по служебной лѣстницѣ равномерно.

«Повышеніе въ чины гражданской службы зависить отъ занятія штатныхъ должностей, а потому каждый начальникъ, если будетъ онъ дѣйствовать по совѣсти, отдастъ преимущество достойнѣйшему, при равныхъ же условіяхъ нельзя не предпочесть чиновника болѣе образованнаго».

(Мнѣніе это напечатано и находится въ дѣлахъ Государственнаго Совѣта Департамента Законовъ 1856 г., № 36).

* *
*

Въ № 20 «Колокола» намекають, что я принималъ участіе въ увольненіи Кавелина отъ должности преподавателя государя наслѣдника.

О дѣлѣ Кавелина я ничего не зналъ; о немъ я, вмѣстѣ съ другими министрами, узналъ отъ самого государя; ссылаюсь въ этомъ, кромѣ моей совѣсти, на самого государя, на великаго князя Константина Николаевича, на князя А. Ѳ. Орлова, кн. В. А. Долгорукова, Е. П. Ковалевскаго, В. П. Буткова и Л. П. Суковкина; это долженъ знать и кн. А. М. Горчаковъ.

Для письменнаго же доказательства, что я въ увольненіи Кавелина не участвовалъ, переписываю для тебя, слово въ слово, письмо ко мнѣ бывшаго наставника наслѣдника цесаревича, почтеннаго Владиміра Павловича Титова, въ отвѣтъ на мое къ нему письмо изъ Вильдбада, въ которомъ я писалъ, что меня огорчилъ петербургскій слухъ, дошедшій ко мнѣ за границу, якобы я довелъ до свѣдѣнія государя императора статью Кавелина о крѣпостномъ вопросѣ.

«Стутгартъ, 10-го (22-го) сентября 1858 г.

«Письмецо ваше изъ Вильдбада, почтеннѣйшій Яковъ Ивановичъ, получено мною въ Кисингенѣ къ самому концу моего лечебнаго курса. Проѣзжая Франкфуртъ, я слышалъ, что, посѣтивъ Висбаденъ, вы направились уже къ сѣверу, и не знаю, гдѣ найдете васъ мой отвѣтъ. Во всякомъ случаѣ, отраднымъ долгомъ поставляю отозваться и увѣрить, что истинно цѣню столь радушный знакъ вашей ко мнѣ внимательности и доброжелательства. Будьте спокойны на счетъ петербургскихъ слуховъ и толковъ. Я всегда дсрожилъ ими мало, а подъ конецъ и вовсе пересталъ слушать: до такой степени привыкъ находить едва ложку правды въ бочкахъ пустой суеты и сплетней. Впрочемъ, могу удостовѣрить, что въ моемъ присутствіи никто не принималъ именно вамъ доведенія реченной статьи до высочайшаго свѣдѣнія. Авторъ поступилъ безъ такту и сноровки, тиснувъ ее въ такое время, когда многія страсти и предразсудки были въ довольно свирѣ-

помъ разгарѣ. Если бы онъ или цензоръ меня спросили, я, конечно, отвѣтствовалъ бы первому печатать, а послѣднему пропускать. Не менѣе того жалѣю о тѣхъ людяхъ, которые изъ этого журнальнаго промаха вывели нѣчто страшное, въ родѣ злаго умысла и почти государственнаго преступленія. Строгость столичной официальной публки произошла, очевидно, не отъ самаго содержанія, а отъ множества постороннихъ обстоятельствъ. Когда страсти простынутъ, люди просвѣщенные и имѣющіе счастье пользоваться доступомъ у великодушнаго государя, какъ, напримѣръ, вы и Е. П. Ковалевскій, конечно, найдете случай и удобство поправить дѣла автора: ибо въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что безъ важной вины онъ понесъ довольно важный ущербъ отъ всей этой случайности, которую вы справедливо называете несчастною. Онъ пылокъ, опрометчивъ и вездѣ будетъ себѣ вредить. Но ученому его таланту полезно открывать дѣятельность и я убѣжденъ въ томъ, что благосклонною откровенностью всего легче держать его въ уздѣ.

«Душевно желаю вамъ, достопочтеннѣйшій Яковъ Ивановичъ, добраго здоровья, и буду издавеча радъ вашимъ успѣхамъ. Особливо же почту себя счастливымъ, если бы когда въ чемъ могъ содѣйствовать къ вашему удовольствію за границую. Располагайте мною и вѣрьте истинному уваженію вамъ преданнаго В. Титова».

* *
*

Въ № 26 «Колокола» помѣщено стихотвореніе, подъ заглавіемъ «Якову Ростовцову въ день его юбилея, 23-го декабря 1866 года».

Стихотвореніе это наполнено желчью и неправдою. Тутъ я называюсь и Иудею, и Геростратомъ, и губителемъ военно-учебныхъ заведеній, и проч., и проч.

Какъ идутъ военно-учебныя заведенія, лучше ли противу прежняго или хуже, судить объ этомъ дѣло не мое. Если они идутъ дурно, то, конечно, любезный Евгенийъ, это происходитъ или отъ причинъ, отъ меня независящихъ, или отъ моего неумѣнья, но уже, конечно, Богъ мнѣ свидѣтель, не отъ моего нежеланья.

Впрочемъ, объ этихъ стихахъ я долѣе и говорить не стану; но считаю себя обязаннымъ дать тебѣ отчетъ по выноскѣ, помѣщенной подъ стихами.

Выноска:

«Яковъ Ростовцовъ вздумалъ, два года тому назадъ, отпраздновать свой юбилей. Для этого онъ приказалъ своей канцеляршѣ написать во всѣ подвѣдомственные ему кадетскіе корпуса приглашеніе о присылкѣ «добровольныхъ пожертвованій на устройство предполагаемаго торжества въ честь любимаго начальника». Въ этой же бумагѣ

было сказано, что директоры корпусовъ могутъ жертвовать не менѣе 100 р., баталіонные командиры не менѣе 50 р., штабъ-офицеры 25 р., оберъ-офицеры 10 р. и кадеты не менѣе 25 коп. сер. Въстѣ съ тѣмъ штабъ военно-учебныхъ заведеній отнесся также бумагою ко всемъ командирамъ гвардейскихъ полковъ, напоминая, что большая часть гвардейскихъ офицеровъ получила образование подъ начальствомъ Іакова Ивановича, и также назначая размѣръ пожертвованія по чинамъ.

«Всѣ русскія газеты за два мѣсяца до назначеннаго дня юбилея возвѣстили о немъ особыми статьями, присланными отъ имени Ростовцова (?) на бланкахъ его канцелярн.

«Денегъ, однако, собрано было мало. Полковые командиры, объявляя приглашеніе офицерамъ, прибавляли, что лично отъ себя они не дадутъ ни гроша; большая часть лицъ, служавшихъ въ вѣдомствѣ Ростовцова, предоставляла дѣлать вычетъ изъ жалованья не свыше суммы, назначенной къ пожертвованію: многіе смѣло отказывались бѣдностью; кадеты начисто отказывались. На пополненіе неизбѣжныхъ расходовъ пришлось захватить изъ казенныхъ суммъ, ассигнуемыхъ на содержаніе военно-учебныхъ заведеній.

«Не смотря, однако-жъ, на такой видимый неуспѣхъ затѣи, ни въ комъ не возбудившей участія, были заранѣе приготовлены описанія блистательнаго торжества, и Ростовцовъ апробовалъ ихъ для напечатанія въ «Русскомъ Инвалидѣ» и въ «Сѣверной Пчелѣ».

«Наступилъ день юбилея. Ростовцовъ съ утра былъ мраченъ, пріѣхалъ на обѣдъ еще мрачнѣе; по окончаніи его тотчасъ-же уѣхалъ домой, сказавшись больнымъ, и тогда-же, подъ видомъ скромности, запретилъ посылать въ газеты описанія, которыя наканунѣ казались ему достаточно краснорѣчивыми. Никто изъ участвовавшихъ въ обѣдѣ не понималъ, почему этотъ тщеславный человѣкъ, не пропускающій ни малѣйшаго случая высказать свою важность, въ самый день своего торжества походилъ на мокрую курицу; въ городѣ носились различныя слухи; газеты промолчали объ юбилеѣ, какъ будто его не было. А вся причина заключалась въ томъ, что въ Ростовцовѣ на одно мгновеніе пробудилась совѣсть, пробудилась же она вслѣдствіе того, что рано утромъ, въ день своего юбилея, онъ получилъ печатаемое здѣсь стихотвореніе, которое поэтому приобретаетъ уже историческое или, пожалуй, характеристическое значеніе».

О празднованіи моего юбилея я узналъ только за три дня отъ помощника моего, генераль-адъютанта Путяты. Я этимъ огорчился (я пожалѣлъ бѣдныхъ офицеровъ, которымъ трудно дѣлать пожерт-

вованія). Я упрашивалъ Г. А. Путятю празднованіе юбилея отмѣнить, но онъ нашелъ это уже невозможнымъ; онъ сказалъ, что всѣ пригото- вленія уже сдѣланы и что все это утверждено уже государемъ. Какія распоряженія дѣлалъ по этому случаю штабъ, я не зналъ, разумѣется, не долженъ былъ знать.

Въ юбилей участвовали изъ военно-учебныхъ заведеній только тѣ, которыя находятся въ Петербургѣ: ни московскія, ни губернскія военно-учебныя заведенія къ участию въ юбилей не были пригла- шаемы. Гвардейскіе офицеры приглашены были не Г. А. Путятою, но по собственному высочайшему повелѣнію; всѣ они безъ различія чиновъ (генералы и офицеры) внесли по десяти рублей.

Кадетъ къ пожертвованіямъ на юбилей, разумѣется, никогда и не приглашали.

Многіе гвардейскіе полковные командиры въ юбилей участвовали, офицеровъ гвардейскихъ полковъ было 203.

Ни одна изъ русскихъ газетъ, не только за два мѣсяца до юбилея, но и никогда о юбилей этомъ предварительно не возвѣщала.

Денегъ, къ искреннему моему сожалѣнію, набрано было много, такъ что не только не тронули казенныхъ суммъ (чего бы не пропустилъ и контроль), но изъ юбилейныхъ денегъ осталось 2,262 р.; ихъ возвратили оберъ-офицерамъ военно-учебныхъ заведеній, по 6-ти рублей на каждаго.

Описаній блистательнаго торжества, заранѣе приготовленныхъ для напечатанія, я, разумѣется, мой другъ, не читалъ.

Въ день юбилея я мраченъ не былъ; напротивъ, я былъ счастливъ и очень растроганъ, я видѣлъ, что меня любятъ, любятъ многіе и искренно.

На обѣдѣ было 619 человекъ. По окончаніи обѣда я тотчасъ до- мой не уѣхалъ, а оставался довольно долго; больнымъ не сказывался; посылать описаніе торжества въ газеты для напечатанія я дѣйстви- тельно не желалъ и настоятельно просилъ этого не дѣлать; мнѣ хотѣлось, чтобы праздникъ мой имѣлъ характеръ семейный.

Стихи получилъ я не въ день юбилея, а утромъ, на другой день; стихи меня не взволновали; клевета можетъ оскорбить, но не огор- чить ¹⁾.

Справедливость всѣхъ означенныхъ фактовъ можно видѣть въ

¹⁾ Между прочимъ, въ стихахъ этихъ говорится, что я былъ другомъ Рылѣва; я Рылѣва зналъ и уважалъ; но тебѣ, ближе чѣмъ кому либо, извѣстно, что я не только не былъ ему другомъ, я даже не былъ съ нимъ близокъ.

самомъ дѣлѣ о юбилѣѣ, въ штабѣ в. у. з., во 2-мъ отдѣленіи, дѣло подѣ № 1,487.

* *
* *

Въ нумерахъ «Колокола», 6, 11, 19, 20 и 22, меня, какъ картечью, осыпаютъ бранью; называютъ меня доносчикомъ на своихъ друзей (6 и 20), малограмотнымъ, наружно либеральнымъ, врагомъ государева плана (19), личнымъ врагомъ государя, врагомъ Россіи (20), Эспинасомъ, новымъ Аракчеевымъ (22), иезуитомъ, наконецъ, разбойникомъ и пр., и пр., а военно-учебныя заведенія разсадникомъ рабства (?) (22). Тамъ говорятъ, что я, вмѣстѣ съ другими членами, какъ называютъ они, Чернаго кабинета (Орловъ, Панинъ, Ростовцовъ, Муравьевъ, Долгоруковъ), противодѣйствую всему образованному, что триумвиратъ, правящій Россією (Панинъ, Муравьевъ и Ростовцовъ), ведетъ Россію прямо къ революціи, что если прольется кровь въ Россіи, такъ виноваты въ ней будутъ они, враги крестьянъ (?), что они систематически преслѣдуютъ всякое печатное слово (20) и пр., и пр.

Среди этой безотчетной брани, на меня взводятъ и обвиненія положительныя. Такъ, пишутъ, что я веду войну противу министра внутреннихъ дѣлъ и добиваюсь его мѣста, противодѣйствую освобожденію крестьянъ, преслѣдую всякое свободное слово, и въ лицѣ преподавателя Басистова и въ лицѣ профессора Кавелина гнету всякую просвѣщенную мысль, лишаю ихъ мѣсть и клеветую на нихъ государю.

Объ этихъ двухъ лицахъ объяснено мною выше; изъ остальнаго же справедливо только одно, что я, какъ тамъ сказано, призвалъ на совѣтъ М. П. Позена.

Мнѣ, какъ члену комитета, поручено было обдумать проектъ программы занятій губернскихъ комитетовъ; я зачалъ работать и совѣтовался со многими; неожиданно приѣхалъ въ Петербургъ М. П. Позенъ, человекъ истинно государственный и образованный помощникъ. Приѣздъ его очень меня обрадовалъ; я, дѣйствительно, обратился къ нему и за совѣтомъ, и за наставленіемъ.

Если было бы въ Петербургѣ десять такихъ Позеновъ, я обратился бы ко всѣмъ десяти; въ дѣлѣ столь важномъ, въ дѣлѣ святомъ для отечества и для меня я былъ бы преступникомъ, если-бъ довѣрялъ безусловно своему одностороннему мнѣнію.

Сначала споры мои съ М. П. Позеномъ довели было насъ до разрыва, что извѣстно было и государю, и князю Орлову.

Заслуга обработки программы, особенно въ развитіи подробностей, принадлежитъ, конечно, болѣе Позену, чѣмъ мнѣ; объ этомъ я тогда же докладывалъ и государю императору, и предсѣдателю государ-

ственного совѣта, и сообщалъ моимъ товарищамъ и статсъ-секретарю Буткову.

Проектъ программы былъ разсмотрѣнъ сначала особою комиссією, въ составѣ которой былъ и министръ внутреннихъ дѣлъ, а потомъ и всѣмъ комитетомъ.

Въ программѣ было сдѣлано много измѣненій.

Слѣдовательно, дурна ли она или хороша, я не смѣю принять за нее на себя одного: ни заслуги, ни укора.

Во всякомъ случаѣ, программа далеко подвинула вопросъ и была благотворительна для крестьянина и удобна для комитетовъ.

Критикъ, разбиравшій программу въ «Колоколѣ», не замѣтилъ двухъ услугъ, оказанныхъ ею дѣлу освобожденія: 1) вслѣдствіе программы крестьянинъ дѣлается лично свободнымъ немедленно по утвержденіи положеній, не ожидая, какъ предполагалось прежде, выкупа своей усадьбы, что отсрочило бы его освобожденіе на долгое время.

2) Крестьянину предоставлено программой право безсрочнаго пользованія усадьбою; выкупъ ея поставленъ ему въ право, а не въ обязанность, и на неопредѣленный срокъ.

При томъ крестьянину предоставлена возможность купить усадьбу не по указанію, а по собственному избранію, гдѣ кто захочетъ.

Вообще въ дѣлѣ столь важномъ, столь многообразномъ и, долженъ сказать, въ дѣлѣ столь посѣпшномъ не могло не быть и ошибокъ; какой же трудъ человѣческій быть безъ нихъ можетъ? Конечно, главный комитетъ воспользуется всѣми дѣльными замѣчаніями самаго Герцена; но ни онъ, ни другіе не могутъ еще знать дальнѣйшихъ видовъ правительства: только по совокупному ихъ обнародованію можно будетъ судить безошибочно о трудѣ цѣломъ.

Что же касается до моихъ личныхъ убѣжденій въ настоящемъ вопросѣ, то они тебѣ ужъ очень извѣстны. Болѣе подробное ихъ развитіе ты найдешь въ Извлеченіи изъ моихъ всеподданнѣйшихъ писемъ, которыя при семъ тебѣ посылаю. Пришли мнѣ на него твою резолюцію; не забудь, что это только канва и многое, очень многое въ немъ еще не полно и должно быть весьма улучшено и тщательно обработано; многое и не могло быть напечатано, отчего и трудъ этотъ вышелъ трудомъ отрывочнымъ.

Крестьянину возвратитъ его человѣческія права, обезпечитъ ему, до окончательнаго рѣшенія вопроса, вѣрный кровъ и вѣрный хлѣбъ, и дать ему всѣ пособія сдѣлаться поземельнымъ собственникомъ; помѣщику охранитъ неприкосновенность правъ его собственности; государству упрочитъ спокойное разрѣшеніе этого пожизненнаго

для него вопроса—вотъ въ чемъ моя программа (программа извлечения).

Что же касается приписываемаго мнѣ противодѣйствія министерству внутреннихъ дѣлъ по крестьянскому вопросу, то я былъ бы въ высшей степени человѣкъ безразравственный, если бы изъ видовъ получить должность министра внутрен. дѣлъ принесъ въ жертву не только благо, но даже спокойствіе моего отечества.

Быть министромъ внутреннихъ дѣлъ я не желалъ и не желаю. Назначеніе меня въ эту должность есть выдумка, чья—не знаю. До этой минуты государь ни самъ лично, ни чрезъ кого либо не изволилъ ни слова не только говорить, но и намекать мнѣ объ этомъ.

Выдумка эта получила, однако-же, такую общую гласность еще въ началѣ мая нынѣшняго года, что я, испугавшись этого назначенія, къ которому рѣшительно не считаю себя способнымъ, неожиданно испросилъ у государя дозволеніе уѣхать въ отпускъ за границу, на четыре мѣсяца; я желалъ видѣть больнаго моего сына, кстати и самому полечиться, но главная моя надежда была въ томъ, что если бы государь и дѣйствительно имѣлъ подобную мысль, то въ 4 мѣсяца это могло бы измѣниться.

Если-бъ я, дѣйствительно, добивался мѣста министра внутреннихъ дѣлъ, то, конечно, любезный другъ, изъ Петербурга не уѣхалъ бы, по справедливому правилу: *les absents ont toujours tort.*

* *
*

Ну, другъ мой, пора и кончить.

Всѣ эти статьи присланы Герцену изъ Петербурга, всѣ онѣ писаны, какъ мнѣ извѣстно, однимъ и тѣмъ же лицомъ.

Лицо это состояло, нѣсколько лѣтъ, подъ моимъ непосредственнымъ начальствомъ. Всѣ выдумки на меня суть произведенія его ко мнѣ непріязни. Чѣмъ заслужилъ я эту непріязнь или, правильнѣе сказать, ненависть, не знаю; я всегда съ нимъ былъ ласковъ и довѣрчивъ.

Послѣднее свиданіе мое съ нимъ состояло въ томъ, что онъ приходилъ благодарить меня за доставленіе ему значительнаго, вышшаго противу прежняго, мѣста виѣ моего управленія.

Всѣ эти анонимныя его клеветы принимаю я съ полнымъ спокойствіемъ, не скажу, однако-же, другъ Евгений, чтобы со спокойствіемъ безотчетнымъ, нѣтъ, со спокойствіемъ приобрѣтеннымъ.

Конечно, у меня много и ошибокъ, и грѣховъ, какъ у человѣка; но помыслами и дѣйствіями гражданскими жизнь моя чиста: всѣ они истекали изъ убѣжденія.

На всякое обвиненіе въ виѣ умышленной я отвѣтъ дамъ. Молю Бога жить такъ и впредь, до смерти.

Богъ и исторія разберуть: кто судьбы своего отечества ставилъ себѣ цѣлью и кто средствомъ.

Пока, кажется, все.

Желаетъ-ли ты, благородный мой другъ, чтобы я сообщалъ тебѣ и впредь подобные отчеты? Нападки на меня (или клеветы) будутъ и впредь, будутъ потому, что я всегда былъ и буду всегда прогрессистъ-консерваторъ, положеніе срединное, а потому и самое трудное, но, смѣю думать, настоящее для человѣка, дѣйствительно любящаго свое отечество.

Обнимаю тебя объятіями дружбы, любви и уваженія. І. Ростовцовъ».

Подписавъ уже это письмо, получилъ я еще номеръ «Колокола» (только что присланный въ Петербургъ). Тутъ порицають меня, что я даю религіозное воспитаніе военнымъ юношамъ, и называютъ меня, въ смыслѣ брани и укора, пропагандистомъ православія.

Я написалъ слѣдующее о преподаваніи Закона Божія:

«Изученіе Закона Божія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ не должно быть наукою: пусть воспитанники воспринимають его не столько умомъ, сколько сердцемъ; цѣль преподаванія имъ Закона Божія слѣдующая:

«Утвержденіе въ любви къ Богу, въ православной вѣрѣ, въ безусловной преданности своему государю, въ безкорыстной любви къ своему отечеству, въ полномъ самоотверженіи долгу, службы и чести и во всѣхъ христіанскихъ добродѣтеляхъ: семейныхъ, гражданскихъ, воинскихъ.

«Какъ ученіе сердца, Законъ Бога слишкомъ силенъ и слишкомъ глубокъ въ своемъ Божественномъ указаніи, чтобы нуждаться (не для богослововъ) въ обыкновенныхъ системахъ наукъ человѣческихъ.

«Посему и изложеніе этого ученія (для военно-учебныхъ заведеній) должно быть просто; оно должно быть основано на собственныхъ словахъ и дѣйствіяхъ божественнаго нашего Учителя, на изреченіяхъ и подвигахъ пророковъ, апостоловъ и великихъ отцовъ нашей церкви.

«Изъ исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта юноша долженъ утвердиться сознательно только въ главной идеѣ: въ беспредѣльной и никогда неизмѣнявшейся любви Творца къ человѣку и въ той отеческой заботливости, съ которою Онъ постепенно, по возрасту и по силамъ человѣчества, озарялъ и просвѣщалъ его святымъ Своимъ ученіемъ; какъ сначала Божественною Своею благодатію дѣйствовала Онъ только на одного человѣка, потомъ на нѣсколькихъ людей и на

вѣсколько семействъ, потомъ на цѣлый народъ, для божественнаго ученія Имъ избранный, и, наконецъ, уже на все человѣчество.

«Исторія Вселенской церкви должна представить картину постепеннаго и быстрого распространенія ученія Спасителя и показать, какъ, подъ божественнымъ Его вліаніемъ, человѣчество духовно перерождалось и становилось совершеннѣе и въ чувствахъ, и въ понятіяхъ, и какъ возникли и утвердились въ немъ высокія христіанскія, до того неизвѣстныя, добродѣтели.

«Исторія отечественной церкви должна разсказать: какъ воспріяли мы святое ученіе; какъ до сего часа остались мы, русскіе, неизмѣнно вѣрны постановленіямъ церкви Вселенской; какъ вѣра и церковь наши поддерживали насъ въ години скорбей и политическаго уничтоженія и какъ спасали они отечество наше въ эпохи бѣдствій, грозившихъ ему конечнымъ разрушеніемъ.

«Собственно такъ называемое христіанское правоученіе также не должно составлять для военно-учебныхъ заведеній особо сочиненной науки: оно должно проникать весь осмилѣтній кадетскій курсъ, отъ самаго низшаго класса до самаго высшаго, служить выводомъ изъ всѣхъ поименованныхъ выше отдѣловъ Закона Божія и изъ Катихизиса православной церкви: всѣ христіанскія добродѣтели и человѣческіе пороки должны быть объясняемы собственными словами Спасителя, святыхъ Его апостоловъ, святыхъ Его угодниковъ и великихъ учителей церкви: всѣ они дѣйствовали не только словомъ, но и дѣломъ; всѣ они были не только учителя, но и герои; кадеты должны знать не только сущность ихъ ученія, но и великія черты ихъ воинственно-страдальческой жизни, дабы не только учились они по ихъ ученію, — но и старались дѣлать по дѣламъ ихъ.

«Божественное же ученіе и земная жизнь самого Христа Спасителя есть полный курсъ и высочайшій образъ нравственнаго совершенства.

«Неограниченная преданность Его волѣ Отца, Его покорность земной власти, какъ данной свыше, чувства Его къ святой Его Матери, къ воспитателю, къ братьямъ, друзьямъ, ученикамъ, великодушіе Его ко врагамъ, Его терпѣніе, кротость, милосердіе, наконецъ, неуклонное исполненіе Имъ, въ продолженіе всей земной Своей жизни, возложеннаго на Него долга—до пожертвованія этому долгу самою жизнью, въ мукахъ, оскорбленіяхъ и истязаніяхъ, когда воспитанники все это поймутъ сердцемъ—то и дѣль изученія Закона Божія будетъ ими достигнута».

(Наставленіе для образованія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. 1849 г., стр. 21—24).

II.

Письмо подпор. л.-гв. Егерскаго полка Ростовцова къ в. кн.
Николаю Павловичу и ихъ разговоръ.

«Въ продолженіе четырехъ лѣтъ, съ сердечнымъ удовольствіемъ замѣчавъ иногда ваше доброе ко мнѣ расположеніе, думая, что люди, васъ окружающіе, въ минуту рѣшительную, не имѣютъ довольно смѣлости быть откровенными съ вами, горя желаніемъ быть, по мнрѣ силъ моихъ, полезнымъ спокойствію и славѣ Россіи, наконецъ, въ увѣренности, что къ человѣку, отвергшему корону, какъ къ человѣку истинно благородному, можно имѣть полную довѣренность, я рѣшился на сей важный поступокъ. Не почитайте меня коварнымъ доносчикомъ, не думайте, чтобъ я былъ чѣмъ либо орудіемъ, или дѣйствовалъ изъ подлыхъ видовъ моей личности,—нѣтъ. Съ чистою совѣстію я пришелъ говорить вамъ правду.

«Безкорыстнымъ поступкомъ своимъ, безпримѣрнымъ въ лѣтописяхъ, вы сдѣлались предметомъ благоговѣнія, и исторія, хотя бы вы никогда и не царствовали, поставитъ васъ выше многихъ честолюбцевъ; но вы только зачали славное дѣло; чтобъ быть истинно великимъ, вамъ нужно довершить оное.

«Въ народѣ и войскѣ распространился уже слухъ, что Константинъ Павловичъ отказывается отъ престола. Слѣдуя рѣдко добродушному влеченію вашего сердца, излишне довѣряя льстецамъ и наушникамъ вашимъ, вы весьма многихъ противъ себя раздражили. Для вашей собственной славы погодите царствовать.

«Противу васъ должно таиться возмущеніе; оно вспыхнетъ при новой присягѣ и, можетъ быть, это зарево освѣтитъ конечную гибель Россіи.

«Пользуясь междуусобіями, Грузія, Бессарабія, Финляндія, Польша, можетъ быть и Литва, отъ насъ отдѣлятся; Европа вычеркнетъ раздраемую Россію изъ списка державъ своихъ и сдѣлаетъ ее державою азіатскою, и незаслуженныя проклятія, вмѣсто должныхъ благословеній, будутъ вашимъ удѣломъ.

«Ваше высочество! Можетъ быть, предположенія мои ошибочны; можетъ быть, я увлекся и личною привязанностью къ вамъ, и любовью къ спокойствію Россіи, но дерзаю умолять васъ именемъ славы отечества, именемъ вашей собственной славы—преклоните Константина Павловича принять корону! Не пересылайтесь съ нимъ курье-

рами; это даять пагубное для васъ междуцарствіе и можетъ выискаться дерзкій мятежникъ, который воспользуется броженіемъ умовъ и общимъ недоумѣніемъ. Нѣтъ, поѣзжайте сами въ Варшаву или пусть онъ пріѣдетъ въ Петербургъ; излейте ему, какъ брату, мысли и чувства свои; ежели онъ согласится быть императоромъ—слава Богу! Ежели же нѣтъ, то пусть всенародно, на площади, провозгласить васъ своимъ государемъ.

«Всемогуществѣйшій государь! Ежели вы находите поступокъ мой дерзкимъ—казните меня. Я буду счастливъ, погибая за Россію, и умру, благословляя Всевышняго. Ежели же вы находите поступокъ мой похвальнымъ, молю васъ, не награждайте меня ничѣмъ; пусть останусь я безкорыстенъ и благороденъ въ глазахъ вашихъ и моихъ собственныхъ! Объ одномъ только дерзаю просить васъ — прикажите арестовать меня.

«Ежели ваше воцареніе, что дастъ Всемогущій, будетъ смиренно и благополучно, то казните меня, какъ челоуѣка недостойнаго, желавшаго, изъ личныхъ видовъ, нарушить ваше спокойствіе; ежели же, къ несчастію Россіи, ужасныя предположенія мои сбудутся, то наградите меня вашею довѣренностію, позволивъ мнѣ умереть, защищая васъ.

«12-го декабря 1825 г.»

Минуть черезъ десять Николай Павловичъ позвалъ Ростовцова въ кабинетъ, заперъ тщательно за собою обѣ двери и, взявъ его за руку, обнявъ и нѣсколько разъ поцѣловалъ, со словами:

— Вотъ чего ты достоинъ, такой правды я не слышалъ никогда.

«Ваше высочество, сказалъ Ростовцовъ, — не почитайте меня доносчикомъ и не думайте, чтобы я пришелъ съ желаніемъ выслуживаться.

— Подобная мысль, отвѣчалъ государь, — недостойна ни меня, ни тебя. Я умѣю понимать тебя.

Потомъ онъ спросилъ, нѣтъ ли противъ него заговора? Ростовцовъ отвѣчалъ, что никого не можетъ назвать, что многіе питаютъ противъ него неудовольствіе, но люди благоразумные въ мирномъ воцареніи его видятъ спокойствіе Россіи, наконецъ, что хотя въ тѣ пятнадцать дней, когда на тронѣ у насъ лежитъ гробъ, обыкновенная тишина не прерывалась, но въ самой этой тишинѣ можетъ крыться возмущеніе.

Нѣсколько помолчавъ, государь продолжалъ:

— Можетъ быть, ты знаешь нѣкоторыхъ злоумышленниковъ и не хочешь назвать ихъ, думая, что это противно твоему благородству—и не называй! Мой другъ, я плачу тебѣ довѣренностію за довѣренность!

Ни убѣжденія матушки, ни мольбы мои не могли преклонить брата принять корону; онъ рѣшительно отрекся, въ приватномъ письмѣ укоряетъ меня, что я провозгласилъ его императоромъ и прислалъ мнѣ съ Михаиломъ Павловичемъ актъ отреченія. Я думаю, что этого будетъ достаточно.

Ростовцовъ настаивалъ на необходимости, чтобы цесаревичъ самъ прибылъ въ Петербургъ и всенародно, на площади, провозгласилъ своего брата своимъ государемъ.

— Что дѣлать, возразилъ государь, — онъ рѣшительно отъ этого отказывается, а онъ мой старшій братъ! Впрочемъ, будь покоенъ. Нами всѣ мѣры будутъ приняты. Но если разумъ человѣческій слабъ, если воля Всевышняго назначить иначе и мнѣ нужно погибнуть, то у меня шпага съ темлякомъ: это вывѣска благороднаго человѣка. Я умру съ нею въ рукахъ, увѣренный въ правости и святости своего дѣла и предстану на Судъ Божій съ чистою совѣстію.

— Ваше высочество, сказалъ Ростовцовъ, — это личность. Вы думаете о собственной славѣ и забываете о Россіи: что будетъ съ нею?

— Можешь ли ты сомнѣваться, чтобы я любилъ Россію менѣе себя; но престолъ праздниъ: братъ мой отрекается, я единственный законный наследникъ. Россія безъ царя жить не можетъ. Что-же велить мнѣ дѣлать Россію? Нѣтъ, мой другъ, ежели нужно умереть, то умремъ вмѣстѣ! — Тутъ онъ обнялъ Ростовцова и оба прослезились. Этой минуты, продолжалъ онъ, — я никогда не забуду. Знаетъ ли Карлъ Ивановичъ (Вистромъ), что ты повѣхалъ ко мнѣ?

— Онъ слышкомъ къ вамъ привязанъ, я не хотѣлъ огорчить его этимъ, а главное, я полагалъ, что только лично съ вами могу быть откровененъ на счетъ васъ.

— И не говори ему ничего до времени: я самъ поблагодарю его, что онъ, какъ человѣкъ благородный, умѣлъ найти въ тебѣ благороднаго человѣка.

— Ваше высочество, всякая награда осквернитъ мой поступокъ въ собственныхъ глазахъ моихъ.

— Награда тебѣ — моя дружба. Прощай!

Онъ обнялъ Ростовцова и удалился. Слѣдующій день, 13-го декабря, послѣдній все утро провелъ на службѣ, потомъ списалъ письмо свое и разговоръ съ государемъ и, послѣ обѣда, отдалъ ихъ, въ присутствіи Рылѣева, своему товарищу, на которомъ сосредоточивались всѣ его описанія ¹⁾.

¹⁾ Оба эти документа найдены были послѣ въ числѣ ихъ бумагъ. 18-го декабря 1825 г. государь объявлялъ Ростовцову нѣсколько разъ свою волю, чтобы онъ переѣхалъ жить во дворецъ; онъ осмѣлился отказаться въ присутствіи

(Восшествіе на престолъ императора Николая I. Составлено барономъ Корфомъ. Изд. 5-е, для публки 3-е, 1857 г., стр. 113—119).

III.

Письмо Е. П. Оболенскаго I. И. Ростовцову.

Генваря 1-го 1859 г. Казуга.

Сегодня вечеромъ мнѣ твой милый и любезнѣйшій капитанъ Черногубовъ передалъ пакетъ, тобою посланный, любезнѣйшій другъ Іаковъ Ивановичъ, и все тобою обѣщанное было предо мною. Сердечно поблагодарилъ тебя за твой добросовѣтный трудъ въ опроверженіе статей Герцена. Отпустивъ твоего милого капитана на отдыхъ, я принялся за чтеніе и теперь только, т. е. въ 1-мъ часу ночи, принимаюсь за перо, чтобы тебѣ сказать нѣсколько задумевныхъ словъ. Во-первыхъ, скажу тебѣ, что если бы при первомъ появленіи статьи Герцена на книгу Корфа я имѣлъ возможность написать о тебѣ, въ отношеніи 14-го декабря, то, что я знаю о твоихъ дѣйствіяхъ, и о томъ, что и мною и тобою сохранилось въ свѣжей памяти, я бы это исполнилъ какъ долгъ и обязанность честнаго человѣка обличить клевету и ложь. Но если бы даже это было возможно, то нравственное чувство не позволило бы это исполнить; тридцатилѣтняя твоя дѣятельность государственная должна опредѣлить твой характеръ; никакой Герценъ не можетъ его очернить. Твоя государственная дѣятельность можетъ подвергаться критикѣ и осужденію; ея не избѣгли ни Пальмерстонъ, ни Россель въ нынѣшнія времена; о прежнихъ не стану вспоминать — они безчисленны. Плоды твоей дѣятельности у всѣхъ передъ глазами: въ памяти у каждаго состояніе корпусовъ въ былыя времена; пусть сдѣлають сравненіе съ нынѣшнимъ ихъ положеніемъ — и тогда пусть произнесутъ праведный судъ. Пусть критикуютъ и нынѣшнее ихъ положеніе: если замѣчаніе справедливо, ты, безъ сомнѣнія, обратишь вниманіе на недостатокъ и сдѣлаешь то, что нужно для исправленія. Но что-же касается до твоей личности, то слова Герцена не тебя оскорбляютъ, а того, который, сидя на островѣ, нападаетъ на личность, а не на дѣла. Я понимаю, что тебѣ пріятно было прочесть, въ моемъ письмѣ

многихъ, пожелавъ остаться въ томъ же положеніи, въ которомъ до того находился, и въ исполненіи этого желанія ему помогъ флигель-адъютантъ В. А. Перовскій. Въ 1826 г. онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ великому князю Михаилу Павловичу.

Баронъ М. А. Корфъ.

къ тебѣ, чувство невзмѣннаго уваженія и любви, а мнѣ пріятно было тебѣ ихъ выразить. Наши отношенія требовали этого разнѣна обоюдныхъ чувствъ. Но слова Герцена падутъ въ море забвенія и достойнаго сожалѣнія. Я читалъ «Колоколъ» до № 12 и нашелъ много желчи, а мало любви. Но пусть пишетъ и онъ: наши общественныя язвы глубоки, пусть раскрываютъ ихъ, онѣ скорѣе залечатся.

У меня нѣтъ довольно досуга, чтобы разобрать дѣльно и добросовѣстно каждую изъ статей его пера, тобою выписанныхъ, и взвѣснить истинный смыслъ опроверженія; но если найду, что могу принести хотя малую частицу пользы моими замѣчаніями, то напишу и передамъ тебѣ на обсужденіе.

Теперь обращаюсь къ извлеченію изъ твоихъ писемъ по крестьянскому вопросу. Ты отчасти сообщил мнѣ содержаніе ихъ, при послѣднемъ моемъ свиданіи въ Москвѣ. Теперь могу только тебѣ сдѣлать вѣскольکو бѣглыхъ, общихъ замѣчаній, которыя просятся подъ перо. Во-первыхъ, голосъ большинства помѣщиковъ почти единогласно утверждаетъ, что невозможно отпускать крестьянъ безъ того количества земли, коимъ они нынѣ пользуются отъ помѣщика. Если уменьшить это количество хотя однимъ вершкомъ, они почтутъ себя въ кровной обидѣ. Ты замѣняешь этотъ недостатокъ добровольнымъ соглашеніемъ помѣщика съ крестьянами, касательно выкупа ими послѣдними поземельнаго ихъ налога, и помощи имъ или чрезъ опекунскій совѣтъ, или чрезъ банкъ. Если эта финансовая операція совершится, тогда благо будетъ и крестьянамъ, и помѣщикамъ; но для блага крестьянъ необходимо, чтобы тягости, на нихъ валагаемая выкупомъ земли, были по возможности облегчены. Если теперь на крестьянахъ государственныхъ имуществъ насчитываются милліоны недоимокъ, то съ нашими чтó тогда будетъ? Далѣе скажу тебѣ, что твоя мысль объ уѣздныхъ начальникахъ и генераль-губернаторахъ поставитъ всю Россію въ осадное положеніе; но осадное положеніе есть мѣра чрезвычайная, которая принимается въ случаяхъ видимой и чрезвычайной опасности. Здѣсь никто ея не предвидитъ и, кажется, ее и въ будущемъ предвидѣть нельзя. Кромѣ того, неужели ты думаешь, что твои гвардія штабъ-офицеры и всѣ лица, тобою поименованныя, назначаемыя для занятія мѣстъ уѣздныхъ начальниковъ, найдутъ сочувствіе мѣстныхъ жителей и въ особенности мѣстнаго дворянства? Но если не будетъ сочувствія, не будетъ и пользы, тобою ожидаемой. Впрочемъ, это мѣра государственная—пусть ее обсудятъ люди государственные; мое же желаніе я могу тебѣ выразить откровенно: пусть то высокое довѣріе, которое вызвало дворянское сословіе къ содѣйствію въ благодѣтельной государственной реформѣ, вѣнчается полнымъ

довѣремъ въ исполненіи того новаго Положенія, которое вызоветъ къ гражданской жизни миллионы нашихъ братьевъ.

Пусть крестьяне получаютъ защитника своихъ правъ въ мировомъ судѣ, ими лично избираемомъ; но пусть новыя отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ установятся самою жизнію, но не принудительною властью, которая равно будетъ тяготѣть и надъ помѣщикомъ, и надъ крестьяниномъ.

Наше дворянское сословіе обновится, когда обязательныя отношенія крѣпостнаго права прекратятся; но нравственныя узы, соединившія крестьянское сословіе съ своимъ помѣщикомъ, умиротворятъ обоюдныя ихъ отношенія и постепенно приведутъ въ уровень пользы обѣихъ сторонъ. Сверхъ того, самостоятельное положеніе дворянскаго сословія въ этомъ вопросѣ будетъ первымъ шагомъ къ мѣстному самоуправленію, которое составляетъ одну изъ необходимыхъ потребностей нашей гражданской жизни.

Если ты обратишь безпристрастный взглядъ на дѣйствія многихъ комитетовъ, то увидишь, что мысль государя, вызвавшая комитеты, вызвала къ жизни и мысль, и слово. Сколько прекрасныхъ личностей ты найдешь между членами комитетовъ, сколько свѣтлыхъ головъ, которыя съ пользою могутъ и теперь быть вызваны на поприще государственной дѣятельности.

Но пора окончить мое письмо; оно далеко не полно, но теперь всего не могу высказать, и по недостатку времени, и по незрѣлости мыслей, вызванныхъ и статьями Герцена, и нынѣшнимъ вопросомъ. Когда приведу въ порядокъ, тогда сообщу тебѣ; затѣмъ прощусь съ тобою.

За Цебрикова сердечно благодарю.

Новый годъ начался; какъ не пожелать тебѣ отъ души благословенія Божія въ семейномъ твоёмъ бытѣ, свыше вдохновенія въ твоей общественной дѣятельности и свѣтлаго взгляда на цѣль нынѣшней реформы, которая состоитъ не столько въ улучшеніи матеріальномъ, сколько въ нравственномъ возрожденіи, какъ дворянскаго, такъ и крестьянскаго сословія.

Да благословитъ Господь новое лѣто плодами новаго древа, насаждаемаго на родной нашей почвѣ роднымъ нашимъ государемъ. Твой Евгенийъ Оболенскій.

АДРИАНЪ ПУШКИНЪ ВЪ СОЛОВЕЦКОМЪ МОНАСТЫРѢ

въ 1866—1881 гг.

Въ прекрасной статьѣ М. А. Колчина «Смыслные и заточенные въ острогѣ Соловецкаго монастыря въ XVI—XIX вв.», напечатанной въ «Русской Старинѣ» изд. 1887 г., говорится, между прочимъ, объ арестантѣ Адрианѣ Пушкинѣ, бывшемъ въ заточеніи въ Соловецкомъ монастырѣ. Въ нашей печати много писалось о его дѣлѣ (напр., А. С. Пругавинымъ). Намъ удалось познакомиться съ архивомъ Соловецкаго монастыря лѣтомъ 1886 г. Въ Соловкахъ познакомились мы и съ М. А. Колчинымъ, который заявилъ намъ, что дѣла объ арестантахъ послѣдняго времени въ его изслѣдованіе не войдутъ. Въ виду этого мы рассмотрѣли дѣла съ 1860 по 1883 г. (въ этомъ году выпущены послѣдніе арестанты) и изъ нихъ самое интересное дѣло было Адриана Пушкина, который пробылъ въ Соловецкомъ монастырѣ 15 лѣтъ.

По высочайшему повелѣнію, пермскій мѣщанинъ Адрианъ Пушкинъ, 10-го ноября 1866 г., за свои религіозныя убѣжденія былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь. Въ монастырь онъ прибылъ только 12-го юня 1867 г., такъ какъ дорога была дальняя. Изъ бумаги, присланной о Пушкинѣ, не видно, въ чемъ состояли его убѣжденія. Мы узнаемъ ихъ только изъ просьбы жены его, поданной государынѣ императрицѣ Маріи Александровнѣ, 16-го декабря 1868 г. Ходатайствуя за мужа, жена его говоритъ, что Пушкинъ хотѣлъ соединить церкви и въ теченіи 9-ти лѣтъ онъ работалъ надъ этимъ вопросомъ. Самъ Пушкинъ говоритъ о своихъ убѣжденіяхъ въ прошеніи, въ которомъ онъ проситъ о возвращеніи ему его картины «Знаменіе царствующей вѣры». По его словамъ, экземпляры этой картины находятся у государя императора (съ ноября 1862 года), въ св. Синодѣ, у генерала Лошкарева и у пермскаго преосвященнаго Неофита и

въ архангельскомъ статистическомъ комитетѣ. Пушкину была возвращена его картина изъ архангельскаго комитета.

«Идилъ Пушкинъ недурно въ Соловецкомъ монастырѣ», говорили намъ монахи, такъ какъ на содержаніе его отпускалась порядочная сумма. Изъ дѣла видно, что на содержаніе Пушкина было ассигновано 48 руб. въ годъ по высочайшему повелѣнію. При дешевой жизни въ Соловецкомъ монастырѣ и при невзыскательности монаховъ, эта сумма была порядочная. Заключение въ острогъ больному Пушкину было тяжело и, желая освободиться отъ него, онъ въ 1868 г., 5-го октября, подаетъ просьбу о помилованіи и раскаивается въ своихъ заблужденіяхъ, объясняя ихъ помраченіемъ своего разсудка. Соборъ монастыря (состоящій изъ настоятеля, намѣстника, казначея, ризничяго, благочиннаго и духовника) постановилъ ходатайствовать объ освобожденіи Пушкина (1868 г. 15 октября). Оберъ-прокуроръ св. синода, 31-го января 1869 г., увѣдомилъ соборъ, что онъ оставляетъ Пушкина на короткій срокъ въ монастырѣ и разрѣшаетъ ему гулять въ виду его болѣзни. Послѣ ходатайства о Пушкинѣ, въ монастырѣ была получена бумага отъ архангельскаго губернатора (отъ 30-го октября 1868 г.), въ которой онъ сообщаетъ настоятелю, что онъ ходатайствовалъ о возвращеніи Пушкина на родину. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ маѣ 1869 г., архангельскій губернаторъ проситъ у настоятеля монастыря свѣдѣній о Пушкинѣ, чтобы вновь возбудить ходатайство о его освобожденіи. И это ходатайство губернатора не увѣнчалось успѣхомъ. Родственники Пушкина все-таки не отчаявались въ его освобожденіи и по просьбѣ одного изъ нихъ, Кузнецова, о немъ собирались свѣдѣнія. Вотъ что пишетъ о Пушкинѣ архангельскому губернатору настоятель Соловецкаго монастыря (28-го мая 1860 г.): «Остается при своихъ убѣжденіяхъ о религіи, не посѣщаетъ храма Божьаго, не бываетъ у исповѣди и св. Причастія и упоренъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Когда я взошелъ къ нему и спросилъ его, отчего у него въ комнатѣ нѣтъ святой иконы, то онъ, указывая мнѣ на лобъ, сказалъ: вотъ тутъ все, что нужно, и началъ высказывать такія убѣжденія, что страшно и весьма вредно для другаго слушать». Архимандритъ въ этомъ донесеніи говоритъ, что Пушкинъ никогда не крестится и не считаетъ это необходимымъ дѣлать. При этомъ архимандритъ добавляетъ, что никакія убѣжденія не дѣйствуютъ на Пушкина. Въ дѣлѣ приложены отчеты архимандрита о Пушкинѣ, которые онъ посылалъ въ св. синодъ. Изъ этихъ отчетовъ мы видимъ, что въ 1868 г. Пушкинъ говѣлъ, а въ 1869 г. въ мартѣ возвратился къ прежнимъ убѣжденіямъ, которымъ и не измѣнилъ. Передъ самымъ его освобожденіемъ, вотъ что пишетъ

архангельскому преосвященному соловецкій настоятель 31-го декабря 1881 г.: «Пушкинъ прежнихъ убѣжденій и въ разговорахъ раздражителенъ». По словамъ настоятеля, у него въ концѣ 1881 г. была цынга. По высочайшему повелѣнію, 3-го октября 1881 г., Пушкину замѣнено наказаніе житьемъ въ Архангельскѣ, подъ надзоромъ полиціи. 25-го ноября Пушкина освободили, а въ слѣдующемъ году онъ умеръ въ Архангельскѣ, въ больницѣ.

Въ дѣлѣ Пушкина есть одно обстоятельство, которое мы не могли себѣ объяснить изъ дѣла Соловецкаго монастыря. 19-го іюля 1880 г. архангельскій губернаторъ сообщилъ настоятелю Соловецкаго монастыря, что до него дошли слухи, что Пушкина хотять освободить воровскимъ способомъ и что у него въ Женевѣ есть поклонники и даже свой печатный органъ. Губернаторъ просить усилить надзоръ за Пушкиннымъ. Отвѣчая на эту бумагу, о. архимандритъ говорить, что надзоръ за Пушкиннымъ хорошъ, а къ этимъ слухамъ онъ относится недовѣрчиво.

1888 г. 18-го февраля.

А. Е. Селivanовъ.

ТАТЬЯНА ПЕТРОВНА ПАСЕКЪ

въ 1868—1874 гг.

Въ ряду многочисленныхъ друзей, искренно любившихъ и почитавшихъ Т. П. Пасекъ,—эту замѣчательно умную женщину и даровитую писательницу,—былъ князь Николай Алексѣевичъ Орловъ.

Доблестный воинъ, кровью и тяжкими ранами своими, при осадѣ Силистріи въ 1854 г. полученными,—ознаменовавшій служеніе свое государю и отечеству, затѣмъ представитель Россіи—сначала въ Брюсселѣ, а потомъ въ Парижѣ, князь Николай Алексѣевичъ съ высокими качествами истиннаго рыцаря соединялъ умъ государственный, безпредѣльно преданный идеямъ обожаемаго имъ государя Александра II въ дѣлѣ обновленія и преобразованія всего внутренняго строя Россіи: князь Николай Алексѣевичъ Орловъ принялъ живое участіе въ этихъ преобразованіяхъ: ему, между прочимъ, принадлежатъ двѣ въ высшей степени замѣчательныя всеподданнѣйшія записки, въ 1858 году написанныя, объ отиѣнѣ тѣлесныхъ наказаній въ Россіи и объ устраненіи разныхъ стѣсненій въ положеніи и бытѣ раскольниковъ и евреевъ.

Оба эти документа имѣли благотворныя послѣдствія: Высочайшій указъ 17 апрѣля 1863 года вычеркнулъ изъ быта русскаго народа—плетки, клейма, шпирютены-палки, а вторая записка повела къ нѣкоторому облегченію въ стѣснительныхъ условіяхъ положенія старообрядцевъ, а частью и евреевъ.

Обѣ записки съ согласіемъ покойнаго кн. Н. А. Орлова, еще при жизни его, напечатаны А. В. Головиннымъ на страницахъ «Русской Старины» изд. 1881 года, томъ XXXI, стр. 75—102.

Вообще личность кн. Н. А. Орлова одна изъ замѣчательныхъ въ ряду следовижииковъ Государя-Освободителя. Тѣмъ интереснѣе письма кн. Н. А. Орлова къ Татьянѣ Петровнѣ Пасекъ, исполненныя глубокаго чувства дружбы и уваженія къ этой женщинѣ и участія къ ея семейству и къ ея дѣламъ.

Приводимъ здѣсь семь изъ таковыхъ писемъ. Упоминаемыя въ нихъ лица суть: Владиміръ Владимовичъ Пасекъ—покойный сынъ Татьяны Петровны, и ея племянникъ Ипполитъ Александровичъ Пашковъ; упоминается также супруга Влад. Владимовича Пасекъ, Елена Евфиміевна, и ея сынъ—тогда еще малютка.

Р е д.

1.

Чегельникъ. 27 сентября 1868.

Вотъ вамъ и карточка моя, добрейшая Татьяна Петровна; мнѣ совѣстно, что до сихъ поръ не послалъ ее вамъ; но я былъ до такой степени заваленъ разными хозяйственными дѣлами и заботами, что не могъ взяться за перо. Душевно благодарю васъ за милое письмо. Изъ разговора Володи съ А. Вас. вижу, что послѣдній придумаетъ что нибудь для него. Во всякомъ случаѣ, я не потеряю изъ виду нашей цѣли и Господь поможетъ все устроить къ лучшему. Великую вы истину сказали: «изученіе самого себя, природы и самаго ея Творца», вотъ главныя и существенныя познанія. Книга «О самопознаніи» Джона Месона отлично излагаетъ это. Рекомендую вамъ ее. Она была издана, въ русскомъ переводѣ, еще не такъ давно въ Москвѣ и, кажется, еще встрѣчается въ продажѣ. Она была для меня лучшимъ чтеніемъ во всѣ минуты горькія и сладкія.

У меня порядочно было хлопотъ, въ особенности здѣсь. Въ подольскомъ краѣ все такъ спутано, что ничего не разберешь. Надѣюсь, однако, все скоро кончить и черезъ недѣли три быть въ Брюсселѣ. Обнимаю душевно Володю, Ипполита и цѣлую ваши ручки. Вашъ другъ Н. Орловъ.

2.

Парижъ. 16 (28) апрѣля 1873.

Благодарю васъ отъ души за письмо, мой добрый другъ. Еще болѣе благодарю за ваши записки, которыя читаю съ жадностью.

Я заваленъ работою; но, слава Богу, здоровъ. Не пускайте Ипполита въ славянскія земли. Теперь не время туда ѣздить. Здоровье его можетъ пострадать безъ всякой пользы. Пусть онъ поѣздитъ по Европѣ. Это мой искренній, душевный совѣтъ. Обнимаю заочно Володю и малютку. Цѣлую ручки его жены и обнимаю васъ. Вашъ другъ Н. Орловъ.

3.

Гейдельбергъ. 21 июля н. ст. 1873.

Возвращаю вамъ, мой добрый другъ, письмо (М. И. Семевского) редактора «Русской Старины». Г. Лонгиновъ доходитъ до полного безумія въ дѣлахъ печати ¹⁾. Я слышалъ о немъ неимоверные рассказы.

Я здѣсь проездомъ изъ Дармштата и надѣюсь буду опять въ Парижѣ. Обнимаю Володю и цѣлую ручку милой его жены. Посоветуйте имъ побыть въ некоторое время въ Швейцаріи. Это страна благодатная и они найдутъ ее цѣлбною въ тѣлесномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Оканчиваю письмо, потому что долженъ ѣхать въ Вильбадъ къ князю Горчакову, а оттуда жариться въ знойный Парижъ. Обнимаю душевно васъ и Ипполита.

Вашъ другъ Н. Орловъ.

4.

Парижъ. 17 (29) сентября 1873 г.

Скажите, мой добрый другъ, многоуважаемому Михаилу Федоровичу Раевскому ²⁾, что я не могу принять участія въ подпискѣ на вѣнскую церковь. Я содержу на свой счетъ православную церковь въ Брюсселѣ, хотя тамъ и не живу. Туда назначается новый священникъ и я теперь устраиваю его квартиру. Все это лишаетъ меня возможности дѣлать пожертвованія другимъ церквямъ.

Отъ души радуюсь успѣхамъ Володи. Да поможетъ ему Господь и въ дальнѣйшихъ трудахъ.

Я сильно простудился въ последнее время и думаю поѣхать на нѣсколько недѣль на югъ Франціи, съ женою и дѣтьми. Обнимаю отъ души васъ и Володю и кланяюсь его милой женѣ. Вашъ другъ Н. Орловъ.

Душевный поклонъ почтенному отцу Раевскому.

5.

Парижъ. 6 (18) іюня 1874.

Благодарю, добрейшая Татьяна Петровна, за присылку «Крестоваго календаря». Кончина моего тестя помѣшала мнѣ отвѣтить на милое ваше письмо.

¹⁾ Лонгиновъ запретилъ печатаніе записокъ Т. П. Пассекъ; послѣ его смерти запрещеніе было немедленно снято минист. внутр. дѣлъ А. Е. Тимашевымъ.
Ред.

²⁾ Мих. Федоров. Раевскій, священникъ (нынѣ покойный) при церкви русскаго посольства въ Вѣнѣ.
Ред.

Я такъ разстроенъ, что едва могу писать. Бѣдная жена въ страшномъ положеніи. Молю Господа послать ей утѣшеніе и твердость. Меня не въ чему помѣщать въ календарь. Родословная моя не длинна. Она заключается въ формулярномъ спискѣ моего отца. Обнимаю душевно васъ и Ипполита.

Вашъ другъ Н. Орловъ.

6

Парижъ. 9 (21) июля 1874.

Благодарю васъ отъ всей души, добрѣйшая Татьяна Петровна, за ваши теплыя, задушевные строки. Я совершенно раздѣляю ваше мнѣніе, что перемѣна мѣста и воздуха можетъ имѣть самое благотворное вліяніе на бѣдную мою жену. Она съ дѣтьми поѣхала въ С. Мориацъ, въ Граубинденъ. Желѣзистыя воды и чистый альпійскій воздухъ лучше всѣхъ леченій городскихъ докторовъ. Я же здѣсь въ настоящей жаровнѣ и повидимому знойная атмосфера дѣйствуетъ невыгодно на политическое настроеніе умовъ. Просто Вавилонское столпотвореніе. Обнимаю васъ и Ипполита. Когда напишите Володѣ поклонитесь ему отъ меня и милой его женѣ.

Вашъ другъ Н. Орловъ.

7.

Брюссель 7 (19) августа 1874.

Возвращаю вамъ письмо Огарева (Н. П.), милый другъ. Кажется, тутъ ничего нельзя сдѣлать. Это, вѣстину, грустная старость. Я здѣсь на короткое время. Послѣ завтра буду въ Парижѣ. Въ Россіи не буду нынѣшній годъ; но въ Чегельникѣ я переимѣнилъ управленіе. Женѣ гораздо лучше. Воздухъ и воды С. Мориаца имѣли самое благотворное вліяніе на ея здоровье и очень много содѣйствовали здоровью дѣтей. Обнимаю душевно васъ и Ипполита. Вашъ другъ Н. Орловъ.

Сообщ. И. А. Пашковъ.

Памятники замѣчательнымъ русскимъ дѣтелямъ

Проекты и пожеланія.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1889 года совершилось въ Одессѣ событіе, рѣдко встрѣчающееся въ лѣтописяхъ русской жизни и, по моему мнѣнію, недостаточно оцѣненное нашей печатью. Событіе это—открытие памятника Пушкину. Въ самой возможности постановки памятника славному поэту нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго, но, принимая въ соображеніе извѣстную тугость русскихъ людей къ увѣковѣченію памяти великихъ представителей отечественной литературы, а въ частности также и то обстоятельство, что та-же самая Одесса дала у себя въ результатѣ сбора во «всероссійской подпискѣ» на памятникъ Гоголю счетомъ 3 руб. сер., приходится поневолѣ изумляться и искать разгадки причины ея необычайной щедрости относительно Пушкина. Но если я скажу, что Одесса обязана осуществленію идеи о памятникѣ Пушкину исключительно энергіи и твердой воли нѣсколькихъ лицъ, то никто какъ вы, г. редакторъ «Русской Старины», доказавшій въ сборѣ на памятникъ Волинскому, къ какимъ результатамъ приводитъ стойкое преслѣдованіе намѣченной цѣли, не пойметъ и не оцѣнитъ лучше совершившагося факта.

Воздавая должное усердію и настойчивости тѣхъ немногихъ лицъ, благодаря которымъ увѣковѣчивается на Руси память ея великихъ гражданъ, и уповаю, что добрый примѣръ такихъ просвѣщенныхъ инициаторовъ найдетъ себѣ достойныхъ подражателей и въ будущемъ, я рѣшаюсь, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ совершившагося въ Одессѣ торжества и изъ желанія внести и свою скромную кроху въ общее дѣло, предложить на обсужденіе нѣкоторые, давно задуманные мной, проекты памятниковъ ожидающимъ своей очереди славнымъ дѣтелямъ русскимъ. Начну съ Одессы, какъ подавшей мнѣ

мысль въ изложенію на страницахъ «Русской Старины» моихъ соображеній по этому предмету, а затѣмъ уже перейду и къ столицамъ.

I.

Проекты памятникамъ ген. Іосифу де-Рибасу и импер. Екаторинѣ II-й для г. Одессы.

Въ Одессѣ имѣются въ настоящее время на лицо три памятника: два ея бывшимъ правителямъ — дюку Ришелье и кн. М. С. Воронцову и одинъ, открытіе котораго послѣдовало въ 1889 г. — Пушкину. Крімъ того, вскорѣ произойдетъ закладка въ Александровскомъ паркѣ памятника-колонны императору Александру II.

Постановка всѣхъ этихъ монументовъ дѣлаетъ несомнѣнно большую честь чувству благодарной памяти города къ возвысившимъ его и Россію дѣятелямъ. Одесса въ этомъ случаѣ, надо сказать, являетъ собой пріятное исключеніе въ спискѣ русскихъ провинціальныхъ городовъ. Въ другихъ странахъ, какъ извѣстно, нѣтъ почти города, который не былъ бы украшенъ памятникомъ своего именитаго согражданина, прославившагося на томъ или другомъ поприщѣ (въ Америкѣ имѣется даже памятникъ выростившему картофель), а у насъ, къ сожалѣнію, рѣдко какой городъ отличается своей отзывчивостью на этотъ счетъ. Но тѣмъ-то страннѣй представляется пробѣлъ, замѣчаемый на площадяхъ Одессы въ отсутствіи двухъ прямо обязательныхъ для нея памятниковъ, а именно: генералу Іосифу де-Рибасу, взявшему 14 сентября 1789 г. приступомъ турецкую крѣпостцу Хаджибей (на мѣстѣ нынѣшней Одессы), и императрицѣ Екаторинѣ Великой, въ царствованіе которой совершилось это историческое событіе и которая 22 августа 1794 г. повелѣла на покоренной ея скипетру землѣ заложить городъ и портъ, переименовавъ Хаджибей въ Одессу.

Вотъ чьи имена невольно вспоминаются и должны являться при мысли о предстоящемъ чествованіи столѣтія Одессы, такъ какъ благодаря имъ она имѣетъ нынѣ возможность праздновать свой вѣковой юбилей, и вотъ кого должна прежде всего имѣть въ виду образовавшаяся при городской управѣ комиссія, цѣль которой — обсудить спосoby и программу празднованія покоренія Хаджибея и основанія Одессы.

Обращаясь къ вопросу о выборѣ мѣста для этихъ памятниковъ, я полагаю, что, по связи своей къ упомянутымъ именамъ, подходящія для нихъ мѣста сами собой подсказываются. Такъ, памятнику

де-Рибасу подобаетъ стоять не въ иномъ какомъ мѣстѣ, какъ только на улицѣ его имени, въ пожертвованномъ имъ городу саду, на мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится цвѣтникъ. Памятникъ этотъ долженъ быть памятникомъ-фонтаномъ, съ бюстомъ или фигурой генерала на вершинѣ. Такого рода памятнику гораздо осмысленнѣе быть именно здѣсь, въ центрѣ города, чѣмъ, напримѣръ, недавно открытому фонтану-памятнику Пушкина на приморскомъ бульварѣ, гдѣ эффектъ водяныхъ струекъ умалется видомъ большой морской водной массы, а, воздухъ и безъ того достаточно освѣщается сосѣдствомъ моря. Къ тому же, въ томъ же казенномъ саду, предстоитъ необходимость перемѣщенія нелѣпо поставленнаго тамъ въ сторонкѣ фонтана, на середину сада, гдѣ ему подобало бы быть и прежде и гдѣ теперь онъ будетъ какъ нельзя болѣе у мѣста.

Что касается до памятника Екатеринѣ II, то его мѣсто очевидно на Екатерининской улицѣ, въ садикѣ того же имени, вмѣсто имѣющагося тамъ фонтана, лицомъ къ дому Катакази. Памятникъ имени великой императрицы долженъ быть само собою грандіознѣе памятника полководца де-Рибаса. Онъ можетъ имѣть въ основаніи своемъ также фонтанъ, такъ какъ и тутъ мѣстность подходящая для этого, при томъ долженъ оставаться съ трехъ сторонъ окруженнымъ садомъ, съ лицевой же стороны долженъ имѣть непремѣнно открытую площадку, съ загибомъ въ садъ къ подножію памятника.

Такимъ образомъ, наиболѣе соответственнымъ разрѣшеніемъ предложенной комиссіи задачи, по вопросу о празднованіи двухъ одесскихъ юбилеевъ, было бы слѣдующее:

1) Ознаменовать день столѣтняго завоеванія генераль-маіоромъ де-Рибасомъ Хаджибея хотя-бы освѣщеніемъ мѣста и торжественной закладкой камня съ надписью будущему ему памятнику (при чемъ не должны быть забыты и его сподвижники—полковникъ Хвостовъ, секундъ-маіоръ Воейковъ, артиллерія маіоръ Меркель и др.), на сооруженіе котораго ассигновать отъ города извѣстную сумму денегъ и въ тотъ же день, т. е. 14 сентября сего 1889 г., объявить подписку среди гражданъ и конкурсъ на представленіе проекта, и

2) Ко дню столѣтняго юбилея г. Одессы, т. е. къ 22 августу 1894 г., испросить высочайшее соизволеніе на разрѣшеніе воздвигнуть въ Одессѣ памятникъ императрицѣ Екатеринѣ II и озаботиться заблаговременной подготовкой всего необходимаго для осуществленія этой мысли къ надлежащему сроку ¹⁾.

¹⁾ Предложенія эти сходятся съ сдѣланнымъ на этотъ счетъ заявленіемъ почтеннымъ головой г. Одессы Г. Г. Марозли, и въ этомъ же смыслѣ была подана ему авторомъ записка. Ш.

II.

Проектъ памятника Ломоносову для С.-Петербурга.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ С.-Петербургская Дума постановила наименовать садъ у Чернышева моста—Ломоносовскимъ ¹⁾. Съ тѣхъ поръ прошло не мало времени и Петербургъ, гдѣ протекла благотворная для Россіи дѣятельность великаго Ломоносова, гдѣ покоится прахъ его и отсюда, по словамъ поэта:

Свѣтильникъ свой онъ воспалилъ
И, высоко держа во длани,
Весь край родной имъ озарилъ,

не сдѣлалъ ничего болѣе для увѣковѣченія памяти могучаго русскаго гения, одно имя котораго есть русское народное знамя въ области мысли, слова и науки и у котораго, по словамъ другаго поэта:

Какъ Русь сама, широкъ былъ гений
И всеобъемлющъ умъ его,
И на листахъ его твореній
Не позабыто ничего .

Было бы, поистинѣ, недостойно столицы и внушало бы глубокое сожалѣніе, если бы такое, болѣе чѣмъ скромное, отношеніе ея къ памяти Ломоносова тѣмъ только и ограничилось. Удачно положенное начало, напротивъ того, вызываетъ невольно на мысль о довершеніи дѣла постановкой подобающаго ему памятника. Мѣстомъ для такого памятника могъ бы послужить тотъ же переименованный садикъ. Здѣсь, въ виду министерства народнаго просвѣщенія, обществъ русскихъ литераторовъ и географическаго, 6-й гимназіи, вблизи коммерческихъ училищъ, двухъ театровъ, народнаго апраксинскаго училища, консерваторіи, театральнаго училища и, наконецъ, того управленія, которое, по словамъ указа, подписаннымъ Царемъ Освободителемъ въ день столѣтняго поминовенія Ломоносова 6 апрѣля 1865 г., имѣло прямою цѣлью «дать отечественной печати возможныя облегченія и удобства»—было бы совсѣмъ кстати и у мѣста возвышаться

¹⁾ Съ удовольствіемъ вспоминаемъ, что это наименованіе дано красивому этому садку—по нашему предложенію, сдѣланному нами, какъ гласнымъ спб. городской думы, въ одномъ изъ ея засѣданій. Кстати замѣтимъ, что слѣдовало-бы этотъ садикъ нѣсколько расширить, такъ какъ размѣръ площади и объѣздовъ вокругъ садика вполнѣ это допускаетъ.

и памятнику родоначальнику русскаго творчества. Указывая на этотъ пунктъ столицы, я не имѣю въ виду отдавать ему исключительное предпочтеніе передъ другими, но считаю его наиболѣе подходящимъ къ сказанной цѣли, да и нѣтъ вѣдь такого мѣста на Руси, гдѣ бы неумѣстенъ былъ памятникъ Ломоносову ¹⁾!

Что касается до воспроизведенія самаго памятника, то нельзя не пожелать ему, чтобы онъ не имѣлъ ничего общаго съ тѣми, которые, можно сказать, уродуютъ Архангельскъ и Москву. Въ первомъ Ломоносовѣ, обращенный дикою фантазіей художника въ какого-то гладиатора въ римской тогѣ, внушаетъ одно недоумѣніе для русскаго человѣка, во второй жалкій бюстъ его въ университетскомъ садикѣ возбуждаетъ досаду въ прохожемъ, особенно при мысли, что бюстъ этотъ красуется передъ тѣмъ первымъ русскимъ университетомъ, мысль о созданіи котораго принадлежитъ ему-же, Ломоносову. Наиболѣе подходящею моделью для памятника Ломоносову могла бы послужить, по моему мнѣнію, та картина Венеціанова, въ которой художникъ изобразилъ его молодымъ рыбакомъ, обувающимся въ лапоть и готовящимся покинуть родину и идти въ далекій путь для выполненія своего призванія. Выраженіе лица парня полно отваги, мысли, увѣренности въ себѣ и свѣтлой надежды. Вотъ настоящій Ломоносовъ, пластическое олицетвореніе гени въ своемъ первобытномъ, народномъ образѣ, и вотъ какого памятника недостаетъ ему, чтобы полюбиться всѣмъ отъ мала до велика и стать такимъ же популярнымъ, какимъ теперь безподобный памятникъ «дѣдушки Крылова». Оригиналъ упомянутой картины Венеціанова находится въ Эрмитажѣ. Для полноты впечатлѣнія, эффекта и контраста ради, можно было бы вставить въ пьедесталъ памятника еще и бюстъ его же, Ломоносова, въ томъ его изображеніи, въ какомъ онъ сталъ извѣстенъ всѣмъ впоследствии, по достиженіи апогея своей славы; но основная фигура памятника, казалось бы, должна быть непременно взята цѣликомъ съ картины Венеціанова.

¹⁾ Мы слышали, что друзьями и почитателями нашего знаменитаго путешественника Н. М. Пржевальскаго предполагается въ этомъ садикѣ воздвигнуть ему памятникъ. Для полученія средствъ на сооруженіе этого памятника предполагается испросить высочайшее разрѣшеніе на подписку во всей имперіи.

III.

Проектъ памятника Александрѣ Николаевичу Островскому въ Москвѣ.

Въ обществѣ русскихъ драматическихъ писателей въ Москвѣ обсуждается, сколько мнѣ извѣстно, вопросъ о способѣ увѣковѣченія памяти А. Н. Островскаго. Это вызываетъ во мнѣ живѣйшее желаніе подѣлиться моими соображеніями и на этотъ счетъ.

Начну съ того, что относительно собственно главнаго вопроса— о томъ, какого рода памятникомъ подобаешь достойнымъ образомъ увѣковѣчить память Островскаго?—какъ мнѣ сдается, не можетъ даже возникать разнорѣчія во мнѣніяхъ и вопросъ этотъ самъ собой разрѣшается понятнымъ отвѣтомъ—театромъ его имени. Какимъ, спрашивается, инымъ болѣе подходящимъ способомъ мыслимо вѣрнѣе выразить представленіе объ Островскомъ, какъ не храмомъ искусства которому онъ посвятилъ всю свою жизнь и въ заботахъ о процвѣтаніи котораго въ своемъ отечествѣ застигла его смерть? Считаю, поэтому, выраженіе народной признательности къ заслугамъ покойнаго писателя въ видѣ театра-памятника наиболѣе желательной, и думаю, что всякая иная форма не могла бы достигнуть удачнѣе задуманной идеи объ увѣковѣченіи памяти Островскаго.

Послѣ такого разрѣшенія главнаго вопроса, подлежитъ разрѣшенію еще одинъ не менѣе важный вопросъ о томъ,—гдѣ въ самой Москвѣ слѣдуетъ быть этому театру-памятнику? И на этотъ вопросъ готовъ и самъ собой напрашивается невольный отвѣтъ: мѣстомъ этимъ должна быть, очевидно, та часть Москвы, откуда почерпалъ свои безсмертные типы покойный драматургъ и которая по сіе время ждетъ своего театра, т. е. Замоскворѣчіе. Здѣсь именно, а не гдѣ либо въ иной части Бѣлокаменной, слѣдуетъ по праву горѣть яркимъ свѣтомъ просвѣтленія театру Островскаго съ бюстомъ его или фигурой на фронтонѣ. Отражая въ себѣ какъ въ зеркалѣ и бичуя всѣ темныя и неприглядныя стороны дикаго домостроя, театръ этотъ, продолжалъ живой рѣчью со сцены довершать благое дѣло именемъ Островскаго, достигалъ бы, такимъ образомъ, двойной цѣли своего назначенія—какъ памятника и какъ школы для смягченія народныхъ нравовъ.

Вотъ основныя мысли моего проекта монумента Островскому.

Обращаясь затѣмъ къ частностямъ, слѣдуетъ пожелать, чтобы театръ имени Островскаго былъ прежде всего образцовымъ народнымъ театромъ для всей Россіи—первымъ въ Москвѣ; чтобы на

спенѣ его подвизались и развивались русскіе молодые таланты; чтобы по наружному виду своему и внутренней отдѣлкѣ онъ соотвѣтствовалъ содержанію даваемыхъ въ немъ пьесъ автора ихъ, взятыхъ имъ изъ сюжетовъ русской жизни, т. е. чтобы театръ этотъ былъ въ стилѣ русской архитектуры; чтобы въ немъ, какъ въ музей, было собрано все, что имѣетъ отношеніе къ тому, въ честь котораго онъ сооруженъ, такъ, между прочимъ, чтобы въ фойе его были вывѣшены портреты лучшихъ исполнителей ролей пьесъ Островскаго, какъ-то: Садовскаго, Шумскаго, Васильева и проч., и наконецъ, чтобы мѣстность, гдѣ будетъ находиться проектируемое зданіе, была по возможности центральной и не застроенной, дабы вокругъ можно было развести скверъ, и настолько возвышенный, чтобы верхняя часть онаго съ статуей Островскаго выдѣлялась изъ массы построекъ и видѣлась съ того пункта Кремля, гдѣ будетъ воздвигнуть памятникъ императору Александру II, въ царствованіе котораго подвизался покойный драматургъ на славу русской сцены. Если помимо всего сказаннаго принять во вниманіе еще и то обстоятельство, что самое наименованіе театра, само по себѣ, послужитъ поводомъ для ежедневныхъ напоминовеній о славномъ имени, путемъ печати, въ газетныхъ замѣткахъ, рецензіяхъ и афишахъ,—то полагаю, что лучшаго способа къ увѣковѣченію незабвеннаго драматурга въ народной памяти едва ли возможно измыслить.

Выражая свое душевное пожеланіе счастливому почину общества русскихъ драматическихъ писателей въ столь достохвальномъ дѣлѣ, я глубоко убѣжденъ, что подписка, для сбора необходимой суммы къ приведенію въ исполненіе задуманнаго національнаго театра имени Островскаго, вызоветъ горячее сочувствіе всей Россіи; Москва же, какъ ближе всѣхъ заинтересованная въ этомъ случаѣ, откликнется, конечно, на первый призывъ, отводомъ ли необходимаго мѣста, или инымъ болѣе удобнымъ для себя способомъ.

Анатолій Егоровъ.

Одесса.

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ.

LI ¹).

Изъ Фауста.

Тюрьма. Въ стѣнѣ образъ Всескорбящей Божіей Матери; передъ нимъ кружка съ цвѣтами. Гретхенъ (ставитъ свѣжіе цвѣты въ кружку).

Возари Ты,
 О Всескорбящая!
 На скорби сердца моего.
 Съ сердечной мукой
 Въ тоскѣ зрираешь
 На смерть Ты Сына Твоего.
 Къ Отцу зрираешь
 И все вздыхаешь
 И за Себя и за Него.
 Кто пойметъ
 Какъ жжетъ
 Все тѣло мнѣ тоской?
 Какъ сердце бѣдное страдаетъ,
 О чемъ трепещетъ, какъ жагаетъ
 Открыто для Тебя одной.
 Куда нейду—тоскою,
 Тоской, тоской одною
 Вся грудь моя полна;
 Слеза все льется, льется, льется,
 А сердце такъ и рвется!
 Я стеклы у окошка
 Слезами орошала,
 Когда по утру рано
 Цвѣты Тебѣ срывала.
 Когда лучи дневные
 Въ окно мнѣ заблестѣли —
 Ужъ я, полна мученій,
 Сидѣла на постелѣ.
 Спаси! не дай мнѣ смерть! не дай позоръ!
 Склони Ты,
 О Всескорбящая!
 На скорбь мою пречистый взоръ.

(До 1840 г.).

Н. П. Огаревъ.

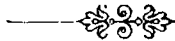
¹) См. «Русскую Старину» изд. 1888 и 1889 гг.

родился 4-го августа 1833 г.
въ Гансадь

ОРЕСТЬ ФЕДОРОВИЧЪ МИЛЛЕРЪ

профессоръ с.-петербургскаго университета.

I. Памяти О. Ф. Миллера. — Слово о. М. И. Горчакова. —
II. Автобіографическія замѣтки. — III. Доска на домѣ, гдѣ
онъ родился. — IV. Предсмертная его статья. — V. Очеркъ
и воспоминаніе объ О. Ф. Миллерѣ.

скончался 1-го іюня 1889 г.
въ с.-петербургѣ.

**«Русская Старина» 1880 г. томъ LXIII,
кн. IX, сентябрь.**

I.

Памяти О. Θ. Миллера.—Рѣчь о. М. И. Горчакова.

Мы имѣли истинное удовольствіе тридцать лѣтъ (1859—1889) знать столь внезапно и преждевременно, 1-го іюня 1889 г., сошедшаго въ могилу профессора Ореста Федоровича Миллера и вмѣстѣ съ многочисленными его почитателями глубоко опечалены его кончиною.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ русскихъ людей, при одномъ имени котораго въ представленіи каждаго, кто только мало-мальски его зналъ или о немъ слышалъ, являлось неразрывное представленіе о добрѣ, о высокой честности, о сердцѣ, горячо любившемъ все, что только вело къ добру.

Объ Орестѣ Федоровичѣ много уже сказано въ различныхъ органахъ печати, сказано прямо отъ сердецъ, исполненныхъ чувства любви и глубокаго уваженія къ этому благороднѣйшему, гуманному дѣятелю, въ каковыхъ такъ нуждается русское общество и которыхъ, увы, далеко не такъ много, чтобы кончина людей, подобныхъ О. Θ. Миллеру, не составляла бы весьма тяжкой утраты для всего русскаго общества...

О. Θ. Миллеръ родился въ Гапсаль 4-го августа 1833 года.

Здѣсь, на мѣстѣ его родины, 3-го іюля 1889 г., собрались почтить его память общемою молитвою въ храмѣ Божьемъ многие изъ его почитателей и почитательницъ, равно учениковъ и ученицъ, прибывшихъ на лѣтніе мѣсяцы въ Гапсаль (Эстляндской губ.). Одинъ изъ друзей покойнаго Ореста Федоровича и въ теченіи многихъ лѣтъ товарищъ его по службѣ въ университетѣ, достоуважаемый профессоръ, протоіерей Мих. Ив. Горчаковъ, сказалъ глубоко прочувствованное слово. Приводимъ его вполнѣ, какъ возможно полную, всестороннюю и въ высшей степени вѣрную характеристику покойнаго профессора и незабвеннаго общественнаго дѣятеля О. Θ. Миллера. Ред.

— «Мы собрались совершить поминование по скончавшемся рабѣ Божьемъ Орестѣ Федоровичѣ Миллерѣ. Неожиданно поразила его преждевременная смерть. Его рановременную кончину оплакиваетъ множество его учениковъ, ученицъ, сослуживцевъ, сотрудниковъ и другихъ лицъ, цѣнявшихъ его труды, заслуги и задачи его жизни.

Жизнь покойнаго представляетъ богатое содержаніе назидательныхъ уроковъ съ церковной кафедрой.

Болѣ тридцати лѣтъ жизни покойнаго протекло въ непрерывныхъ трудахъ для русскаго народа, сдѣлавшихъ его имя извѣстнымъ во всей просвѣщенной Россіи и за ея предѣлами,—въ земляхъ славянскихъ. Дѣятельность его была исключительно духовная, умственная и нравственная. Онъ дѣйствовалъ своими убѣжденіями посредствомъ преподаванія, публичнаго слова, перомъ, печатью, благотворительностію, личнымъ соучастіемъ къ судьбамъ ближнихъ. Его дѣятельность была живая, отражавшаяся въ жизни и въ настроеніи тѣхъ, среди которыхъ и для которыхъ она совершалась. Жизненное значеніе дѣятельности покойнаго не прекратилось съ его смертію,— оно сохранится и продолжится многіе, многіе годы, а въ нѣкоторыхъ частяхъ и вѣчно—въ исторіи русскаго народа и литературы.

Покойный былъ выдающееся въ послѣднія 30-ть лѣтъ въ нашемъ отечествѣ лицо, какъ ученый, профессоръ и преподаватель, писатель, общественный дѣятель и какъ представитель особаго типа рѣдкихъ людей въ исторіи всякаго народа.

Покойный нашъ собратъ и долгодѣтельный сотоварищъ былъ беззавѣтно преданъ цѣлямъ русскаго народа—исторіи русскаго народа и литературы. Его преданность наукѣ сопровождалась плодотворными трудами его ученой дѣятельности. Въ изслѣдованіи русскаго народнаго бытія, въ которыхъ выражалось древнѣйшее самосознаніе русскаго народа, русскаго народнаго духа, съ его идеальными представленіями, воззрѣніями и стремленіями, покойный Орестъ Федоровичъ не имѣлъ и до сихъ поръ не имѣетъ равнаго себѣ труженика. Въ этомъ предметѣ своей дѣятельности покойный, открывъ новые матеріалы, указалъ новые пути изслѣдованія, новое содержаніе для выясненія русскаго бытія, русскаго идеала древности въ ихъ историческомъ строго народномъ развитіи. Пропахавшись, такъ сказать, еще съ молодыхъ лѣтъ духомъ русскаго стариннаго народнаго эпоса,—началами древняго вѣчеваго, дружиннаго, христіанско-общиннаго склада русскаго бытія, покойный выслѣживалъ, выяснялъ и растолковывалъ не только учащимся, но и русскому обществу (въ публичныхъ лекціяхъ) движеніе и развитіе русскаго самосознанія въ теченіи всей исторіи народа,—самосознанія,

выражавшагося въ идеалахъ литературы и въ теоретическихъ воззрѣнiяхъ. Съ точки зрѣнiя своихъ основныхъ воззрѣнiй на движенiе русской литературы онъ разъяснилъ множество частныхъ вопросовъ, относящихся къ древнему періоду нашей исторiи. Своеобразно, согласно съ основными началами своихъ русскихъ, истинно христіанскихъ, воззрѣнiй, онъ научно располагалъ въ своихъ изслѣдованiяхъ и чтенiяхъ всѣхъ писателей новаго и новѣйшаго времени и современныхъ намъ, на основанiи содержанiя и свойствъ ихъ идеаловъ.

Въ продолженiе тридцатилѣтней учебной службы покойный прошелъ едва ли не всѣ виды и ступени преподавательской дѣятельности. Онъ былъ учителемъ, преподавателемъ, профессоромъ въ женскихъ и мужскихъ, въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведенiяхъ. Какъ преподаватель, онъ всегда дѣйствовалъ съ искреннимъ, неподдѣльнымъ чувствомъ, съ воодушевленiемъ, увлеченiемъ и горячію: нерѣдко онъ и самъ увлекался, и слушателей увлекалъ предметомъ своего преподаванiя. При всей горячности къ своимъ занятiямъ, онъ всегда былъ и готовъ, и способенъ содѣйствовать своимъ слушателямъ въ разъясненiи и усвоенiи необходимаго,—указать, что они требовали отъ него. Онъ заботился занятiя своихъ учениковъ и ученицъ поощрять, облегчать и укрѣплять; таланты отыскивалъ и направлялъ къ труду; всегда стоялъ за открытіе людямъ, способнымъ къ занятiямъ наукою и литературою, возможности путей и средствъ къ продолженiю ихъ занятiй, нерѣдко помогалъ имъ совѣтами, указанiями, ходатайствомъ предъ начальствомъ и товарищами, стойкію проведенiя своихъ предположенiй, книгами, наконецъ, своими матеріальными средствами. Близость и доступность покойнаго учителя къ ученикамъ не имѣла разстоянiя.

Какъ писатель, покойный отличался трудолюбіемъ и плодovitостію. Будучи человекомъ живымъ, сердечнымъ, онъ былъ весьма отзывчивъ на явленiя общественной—русско-народной и славянской—жизни и мысли, на вопросы литературы и на событія въ народахъ. Его отзывъ на всякій болѣе или менѣе важный случай въ жизни, общественной мысли и литературѣ выражался печатнымъ словомъ. Одинъ перечень его печатныхъ произведенiй составляетъ цѣлую книжку. За недѣлю до кончины имъ издано сочиненiе. Не болѣе какъ за пять дней до его смерти, не имѣвшей ни малѣйшаго предвѣстника, мнѣ пришлось посѣтить его въ его болѣе чѣмъ скромномъ жилищѣ и найти его пишущимъ разборъ нѣкоторыхъ сочиненiй знаменитаго во всемъ свѣтѣ русскаго писателя, къ глубокому сожалѣнiю, уклоняющагося отъ своего призванiя и даннаго ему отъ Господа дарованiя въ прак-

тическую жизнь, для него неподходящую, и въ занятія, къ которымъ онъ не подготовленъ ни образованіемъ, ни воспитаніемъ, ни складомъ своего таланта. Покойный надѣялся своимъ отзывомъ указать писателю его заблужденія въ дѣлахъ, за которыя братья не его дѣло и призваніе. Но еще важнѣе трудъ, надъ которымъ покойный слагалъ главныя свои силы за послѣднее время: это — составленіе и окончательное изготавленіе учебника по исторіи русской литературы. Не дай Господи, чтобы упомянутые труды покойнаго затерялись въ посмертныхъ его останкахъ!

Покойный былъ общественный дѣятель. Его общественная дѣятельность была практическая и теоретическая. Онъ былъ дѣятельнымъ членомъ разныхъ обществъ, совѣтовъ и комитетовъ благотворительныхъ, ученыхъ и учебныхъ. Въ каждомъ изъ такихъ учрежденій онъ оставлялъ послѣ себя замѣтные слѣды своего участія, вліянія, значенія. Какъ теоретическій дѣятель въ обществѣ, покойный былъ неподражаемымъ выразителемъ настроенія и чувствъ, не только разныхъ обществъ, но всего русскаго народа въ торжественныхъ собраніяхъ и въ важныхъ случаяхъ народной жизни. Покойный былъ горячій патріотъ, другъ славянскихъ народностей. Онъ до такой степени былъ переполненъ горячими убѣжденіями, созданными на изученіе русскаго и общеславянскаго народнаго духа, что онъ неспособенъ былъ молчать тамъ, гдѣ открывался случай выразить народную мысль, славянское чувство, общественное требованіе. Онъ умѣлъ и высказываться: онъ обладалъ выдающимися свойствами своеобразнаго ораторскаго таланта.

Покойный, какъ человекъ, былъ представитель особаго типа людей, въ высшей степени симпатичнаго, благороднаго. Онъ отличался безграничнымъ благодушіемъ, добротою, беззавѣтною прямою, честностью, искренностію, идеальною чистотою своихъ стремленій, голубиннымъ беззлобіемъ и безстрашіемъ въ выраженіи своихъ мыслей, чувствъ, стремленій. Всю свою жизнь, съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ сознательно ею располагать, онъ обращался въ идеалахъ, выраженія которыхъ онъ отыскивалъ въ литературныхъ произведеніяхъ, составлявшихъ предметъ его неустанныхъ занятій, и въ теченіяхъ жизни народа. Онъ проникся идеалами, сдѣлался совершеннымъ идеалистомъ по своимъ убѣжденіямъ и стремленіямъ. Но онъ старался проводить свои искреннія убѣжденія, свои завѣтныя народныя, христіанскія нравственныя стремленія въ дѣйствительную жизнь, и отыскивать осуществленія идеаловъ въ реальной жизни: онъ былъ реальный идеалистъ въ собственномъ значеніи словъ. Какъ таковой, онъ былъ непрактиченъ въ жизни, въ современномъ, но въ добромъ значеніи

словъ. Своимъ душевнымъ настроеніемъ и своими отношеніями къ людямъ онъ напоминаетъ первыхъ христіанъ. Подобно имъ, онъ всѣми силами души былъ преданъ опредѣленнымъ вѣрованіямъ, чаяніямъ, надеждамъ: его убѣжденія были искренни, чисты, нравственны, идеальны. Онъ не могъ не выражать ихъ по совѣсти въ жизни, въ словѣ. Онъ не думалъ, не вѣрилъ, чтобы его убѣжденія и стремленія могли признаваться за недозволенные. Онъ не могъ отступать отъ нихъ. Онъ готовъ былъ принять за нихъ мученическій вѣнецъ, но никогда, кажется, не предполагалъ, чтобы въ наше время можно было за его убѣжденія принять таковой. Онъ самъ не способенъ былъ причинить комунибудь зло, неприятность; по своему благодію, не думалъ, чтобы и другіе рѣшились причинить ему таковое. Самую неприятность, ему наносимую за его дѣйствія, онъ принималъ съ благодіемъ, хотя и съ глубокимъ, болѣзненнымъ огорченіемъ въ сердцѣ, мужественно, по христіански, переносимымъ въ молитвенномъ обращеніи къ Богу. Это—несомнѣнно.

Покойный, будучи самъ основательно убѣжденнымъ человѣкомъ, уважалъ свободу мнѣній и убѣжденій другихъ людей. Онъ любилъ встрѣчу разныхъ мнѣній и убѣжденій; весьма охотно выслушивалъ и стороннія, и дружескія противорѣчія его собственнымъ убѣжденіямъ и воззрѣніямъ. Но онъ не былъ равнодушенъ къ убѣжденіямъ, по его мнѣнію, невѣрнымъ, ошибочнымъ и въ особенности, по его мнѣнію, въ практическомъ отношеніи вреднымъ. Онъ бодро вступалъ съ таковыми воззрѣніями въ споръ; въ спорѣ былъ горячъ, но никогда не позволялъ себѣ злости.

Занимая около 20 лѣтъ мѣсто, въ буквальномъ смыслѣ, рядомъ съ нимъ въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ, я могу свидѣтельствовать, что покойный былъ товарищъ вѣрный, надежный, искренній, стойкій за общіе интересы, въ вопросахъ правды, справедливости и права.

Мы совершаемъ поминовеніе о покойномъ на мѣстѣ его родины. Онъ былъ гапсалецъ. По стремленіямъ въ своей жизни, въ своихъ отношеніяхъ къ общему отечеству, онъ, уповаемъ, есть предтеча того русскаго настроенія, которое съ недавнихъ временъ проявилось въ Эстоніи и съ каждымъ годомъ усиливается въ мѣстномъ населеніи, стремящемся къ единенію съ великимъ русскимъ народомъ въ жизни общаго отечества. Дай Богъ, чтобы разныя секты и настроенія въ Эстонскомъ краѣ слились въ общій потокъ любви къ Россіи и единства духа въ союзѣ христіанскаго мира.

Въ частной жизни покойный отличался строгою нравственностію, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ былъ аскетъ, во всемъ и всегда умѣренъ, никогда не допускалъ никакихъ излишествъ, былъ госте-

применъ, добродушенъ, милосердъ къ нищимъ, снисходителенъ къ недостаткамъ другихъ, кротокъ, миренъ.

Въ заключеніе скажемъ: Орестъ Фодоровичъ и при жизни занималъ видное мѣсто въ классѣ лицъ, къ которому онъ принадлежалъ по задачамъ и призванію своей жизни, и по смерти сохранить за собою почетное мѣсто въ исторіи своей науки и общественнаго настроенія. Но нѣтъ человѣка на землѣ, который бы не согрѣшилъ, хотя бы и одинъ день былъ житія его на землѣ. Помолимся объ усопшемъ рабѣ Божьемъ Орестѣ, да вселитъ его Господь въ селеніе праведныхъ въ вѣчномъ Его Царствіи.

II.

Замѣтки О. О. Миллера.

Приводимъ изъ книги «Знакомые»,—альбома издателя-редактора «Русской Старины», нѣсколько автобіографическихъ замѣтокъ, собственноручно внесенныхъ О. О. Миллеромъ:

1.

«Миллеръ, Орестъ Фодоровичъ, родился 4-го августа 1834 г., въ г. Ревелѣ ¹⁾). На четвертомъ году, послѣ смерти родителей, привезенъ въ С.-Петербургъ къ дядѣ своему, Ивану Петровичу Миллеру, не зная ни слова по русски; черезъ годъ не зналъ уже ни слова по вѣмецки и позже выучился съизнова у нѣмецкаго учителя. Къ университету готовился дома, живя съ дядей въ Варшавѣ. Кончилъ курсъ въ 1855 г., въ с.-петербургскомъ университетѣ. Въ 1858 году за книгу: «О нравственной стихіи въ поэзи» удостоенъ степени магистра и сдѣлался на нѣсколько лѣтъ «притчею во языцѣхъ.» Въ 1870 году за «Сравнительно-критическія наблюденія надъ словеснымъ составомъ народнаго русскаго эпоса» получилъ степень доктора. Съ 1863 года читаетъ лекціи съ с.-петербургскомъ университетѣ».

(1873 г.).

(Альбомъ «Знакомые», стр. 31).

¹⁾ Это ошибка: Орестъ Фодоровичъ родился 4-го августа 1833 г., въ городѣ Гапсагѣ.
Ред.

2.

«Миллеръ, Орестъ, родился 1833 г. въ Ревелѣ, умереть неизвѣстно гдѣ и въ которомъ году».

(1874 г.).

(Альбомъ «Знакомые», стр. 110).

3.

«Мы живемъ въ такое время, когда за всякое, не только сфальшивленное, но и недоговоренное слово приходится отвѣчать передъ Богомъ. Ор. Миллеръ.

11-го февраля 1888 г.»

(Альбомъ: «Знакомые», стр. 363).

Примѣчаніе: «Очеркъ научной дѣятельности профессора О. Ѳ. Миллера», составленный И. А. Шляпкинымъ, изд. въ Сиб. въ 1889 г.; онъ заключаетъ въ себѣ полный перечень его научно-литературныхъ трудовъ и описаніе празднованія XXV-ти-лѣтняго его юбилея (4-го января 1886 г.).

III.

Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ ошибся двукратно, указавъ въ нашемъ альбомѣ на Ревель, какъ на мѣсто своего рожденія. Онъ родился въ Гапсалѣ, маленькомъ и хорошо извѣстномъ многочисленнымъ его посѣтителямъ приморскомъ городкѣ Эстляндской губерніи. Въ бытность нашу лѣтомъ 1889 г. въ Гапсалѣ, мы познакомились съ живущей тамъ, съ самаго своего рожденія, одной изъ тетушекъ покойнаго Ореста Ѳедоровича, баронессой Юлей Ивановной Унгернъ-Штернбергъ. Приводимъ, между прочимъ, сообщенныя ею замѣтки о дорогомъ ея племянникѣ и его фамилии.

О. Ѳ. Миллеръ былъ сыномъ надворнаго совѣтника, чиновника таможеннаго вѣдомства Фридриха Миллера (Ѳедора Петровича), состоявшаго на службѣ въ Эстляндской губерніи и проживавшаго, въ годъ рожденія сына, въ Гапсалѣ, въ небольшомъ деревянномъ домикѣ, принадлежавшемъ родителямъ его жены, рожденной баронессы Аделаиды Егоровны Унгернъ-Штернбергъ.

Предокъ О. Ѳ. Миллера былъ выходецъ изъ Швеціи; дѣдушка его съ отцовской стороны, Петръ Миллеръ, служилъ въ одномъ частномъ банковомъ учрежденіи въ С.-Петербургѣ, а съ материнской стороны—дѣдъ,

баронъ Густавъ (Егоръ) Унгернъ--Штернбергъ, былъ писатель, поэтъ, печатавшій свои произведенія, и директоръ народныхъ училищъ въ Эстляндской губерніи.

День рожденія Оскара-Ореста Миллера, 4-е августа 1833 года, былъ днемъ кончины его матери, а три года спустя скончался и его отецъ. Оба они оставили по себѣ самую добрую память въ средѣ своихъ близкихъ и знакомыхъ, что, между прочимъ, видно и изъ надписей на плитахъ, покрывающихъ до настоящаго времени ихъ могилы на лютеранскомъ кладбищѣ въ Гапсалѣ.

Въ сопровожденіи о. М. И. Горчакова мы посѣтили могилы родителей Ореста Фёдоровича. При этомъ на правой плитѣ мы прочитали:

Hofrath Friedrich von Müller,
† d. 19 Jul. 1836, alt 41 Jahr.

War dein Glaube im Tode so gross,
Wie dein Leben, in Liebe für die Deinen
Beglückend, dann muss, Heil dir! deine
Seligkeit unendlich seyn.

На другой плитѣ начертано:

Adelaide von Müller, geb. Baron. Ungern-Sternberg,
geb. d. 5 Febr. 1805, † d. 4 Aug. 1833.

Liebend und geliebt hienieden
Nur zu früh
Für uns geschieden.
Math. 5. V. 8.

Сиротка Оскаръ (таково было первоначальное имя Ореста Фёдоровича, родившагося въ лютеранской вѣрѣ) не долго оставался въ Гапсалѣ у своихъ дѣдушки и бабушки. Родной дядя его съ отцовской стороны, Иванъ Петровичъ Миллеръ, впоследствии генералъ-лейтенантъ, служившій въ артиллеріи, не имѣя дѣтей, взялъ къ себѣ и усыновилъ малютку. Самая нѣжная любовь соединила добрыхъ Ивана Петровича и его супругу, рожденную Чирикову, съ усыновленнымъ ими ребенкомъ. На 15-мъ году жизни, Оскаръ, по желанію обожаемой имъ приемной своей матери, перешелъ въ православіе и получилъ имя Ореста. Получивъ прекрасное домашнее образованіе, О. Ө. завершилъ его въ с.-петербургскомъ университетѣ, изъ котораго, какъ мы уже видѣли изъ его автобіографической замѣтки, онъ вышелъ со степенью кандидата въ 1855 году.

Лѣтомъ 1862 года онъ посѣтилъ свой родной городокъ Гапсаль. Дѣдушки и бабушки его уже не было на свѣтѣ (дѣдъ умеръ въ 1847 г.,

бабушка — въ 1857 г.). До самой ихъ кончины О. Θ. писалъ къ нимъ, посылалъ свои рисунки и первые, еще юношескіе, литературные опыты. Послѣ кончины ихъ тѣ-же добрыя родственныя сношенія сохранялъ онъ съ дядей своимъ по матери, старымъ воинемъ, подполковникомъ барономъ Унгернъ-Штернбергомъ, доживавшимъ свой вѣкъ также въ Гапсалѣ, вмѣстѣ съ своей достойной супругой Юліей Ивановной, рожденной Черновой. Въ 1862 году О. Θ. посѣтилъ въ Гапсалѣ какъ свою тетюшку, такъ и двухъ сестеръ, пріѣзжавшихъ сюда пользоваться купаньями. Всѣхъ сестеръ было у него три. Одна, Ида, замужемъ за д. ст. сов. Крогусомъ, родомъ финляндецъ (мужъ † 1889 г., жена ранѣе умерла); вторая сестра Альма замужемъ за барономъ Майделемъ, нынѣ вдова и мать студента, бывшаго послѣдніе годы питомцемъ своего дяди Ореста Ѳедоровича, у котораго онъ и жилъ, и третья сестра Юлія, живущая нынѣ въ дворянскомъ пріютѣ въ Ревелѣ. Сестры выросли у графини Сиверсъ, рожденной баронесы Иксуль. Нѣжный сынъ названныхъ своихъ родителей (оба они уже умерли, старушка Екатерина Миллеръ † 1884 г.), Орестъ Ѳедоровичъ былъ самый заботливый братъ и дядя-отецъ для своихъ племянниковъ. Вообще этотъ человекъ весь жилъ для другихъ. Все, что сказано по этому поводу въ некрологахъ, памяти его посвященныхъ, въ высшей степени справедливо. Въ 1862 г., прямо изъ роднаго своего городка Гапсала, Орестъ Ѳедоровичъ проѣхалъ за границу и тамъ въ университетахъ берлинскомъ и гейдельбергскомъ, а также въ Прагѣ, въ теченіе долгаго тамъ пребыванія, онъ окончательно приготовилъ себя къ той ученой и профессорской дѣятельности, которой затѣмъ съ такою честью и достоинствомъ предался.

IV.

Домикъ, въ которомъ родился О. Θ. Миллеръ, одинъ изъ старѣйшихъ въ Гапсалѣ, этомъ чистенькомъ, уютномъ городкѣ; ему т. е. этому дому, считаютъ болѣе ста лѣтъ; онъ находится на углу, Большой Морской (такое громкое названіе принадлежит узенькой улицѣ, параллельной главному приморскому бульвару) и Дѣвичьяго переулка. Домикъ или, вѣрнѣе, два домика не одинаковой высоты, но тѣсно прижавшіеся другъ къ другу, деревянные, одноэтажные, на каменномъ фундаментѣ; всего восемь оконъ по фасаду; часть стѣны каменная; домъ низенькій, выкрашенъ желтою краскою, съ бѣлыми ставнями... Къ меньшему домику прилегаетъ небольшой тѣнистый садикъ. Самый видъ домиковъ напоминаетъ добрую старину

нѣмецкихъ честныхъ, благочестивыхъ бюргеровъ. Сохранилась въ меньшемъ домикѣ та же самая спальня за перегородкой, направо отъ главнаго входа, въ которой родился нашъ прекраснѣшій, съ его нѣжною, чистою душою, Оскаръ-Орестъ Миллеръ.

Въ бытность нашу лѣтомъ 1889 года въ Гапсалѣ намъ пришла мысль увѣковѣчить память профессора Миллера прибитіемъ на этомъ домикѣ доски съ подобающей надписью. И вотъ мы внесли въ Гапсальскую городскую думу (черезъ г. городского голову) слѣдующее, под-писанное многими лицами, предложеніе:

«1-го іюня 1889 г. въ С.-Петербургѣ скончался Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ.

«Въ теченіи двадцати семи лѣтъ (1863—1887 гг.) покойный былъ профессоромъ русской словесности въ с.-петербургскомъ университетѣ и имѣлъ счастье при этомъ преподавать словесность Императорскимъ Высочествамъ Великимъ Князьямъ Сергію и Павлу Александровичамъ. Миллеръ извѣстенъ какъ педагогическою, такъ и обширною литературно-ученою дѣятельностью. Его имя, какъ сла-виста, горячаго патріота и высоко гуманнаго общественнаго дѣятеля, извѣстно не только въ Россіи, но далеко за ея предѣлами, во всѣхъ земляхъ славянскаго міра.

«Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ родился 4-го августа 1833 года, въ Гапсалѣ, на углу Большой Морской улицы и Дѣвичьяго переулка, въ домѣ своего дѣда, по матери, у своихъ родителей Фридриха Петровича и Аделанды Егоровны Миллеръ, рожденной баронессы Унгернъ-Штернбергъ. Домъ этотъ нынѣ принадлежитъ наслѣдникамъ А. фонъ-Пфеферъ.

«Желая сохранить память достойнѣйшаго дѣятеля О. О. Миллера въ его родномъ городѣ, мы, по соглашенію съ опекунами малолѣтнихъ владѣльцевъ помянутаго дома, покорнѣйше просимъ Гапсальскую городскую думу сдѣлать постановленіе о дозволеніи намъ прибить къ сему дому доску съ надписью:

«Въ семъ домѣ

4-го августа 1833 года родился

ОРЕСТЪ ѲЕДОРОВИЧЪ МИЛЛЕРЪ,

с.-петербургскаго университета профессоръ (1863—1887 гг.),
изслѣдователь русской литературы, слава и патріотъ.

Скончался въ С.-Петербургѣ 1-го іюня 1889 г.

Предложеніе это подписали, между прочими лицами, профессора:
Н. А. Астафьевъ, о. М. И. Горчаковъ, В. И. Сергѣевичъ;

тайные совѣтники: Лимоніусъ и М. И. Семейскій; отст. генер.-лейтенанты Гоштофтъ и Венцель; г-жа Чернецкая; также мѣстные священникъ, учитель мѣстной русской школы, нѣсколько студентовъ и курсистовъ, бывшихъ слушателей и слушательницъ покойнаго профессора О. Ѳ. Миллера, и другія лица.

1-го августа 1889 г. въ засѣданіи Гапсальской городской Думы было доложено это предложеніе и о результатахъ этого доклада М. И. Семейскій поставленъ въ извѣстность нижеслѣдующимъ къ нему письмомъ мѣстнаго городского головы г. Мирзалиса:

«Гапсальскаго городского головы, г. Гапсаль, Эстляндской губ., августа 4-го дня 1889 г. № 306. Его Пр—ву г. Тайному Совѣтнику М. И. Семейскому.

«Гапсальская городская дума въ засѣданіи своемъ 1-го августа сего года постановила разрѣшить внесенное вашимъ превосходительствомъ, подписанное 20 лицами, предложеніе относительно прибитія памятной доски въ г. Гапсаль къ дому, въ которомъ родился профессоръ Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ, и уполномочить городского голову принести вашему превосходительству благодарность, о какомъ постановленіи при семъ слѣдуетъ выписка изъ протокола.

«Исполняя возложенное на меня столь лестное порученіе, имѣю честь выразить вашему превосходительству именемъ Гапсальской городской Думы благодарность за принятіе вашимъ превосходительствомъ на себя инициативы увѣковѣчить въ родномъ городѣ память извѣстнаго далеко за предѣлами великаго своего отечества сына города Гапсаля, изслѣдователя русской литературы, слависта и патриота, Ореста Ѳедоровича Миллера.

«Почтительнѣйше прошу и проч. Городской голова К. Мирзалисъ».

[Переводъ съ нѣмецкаго].

Выписка изъ протокола засѣданія Гапсальской городской Думы

1-го августа 1889 г.

Доложено предложеніе о дозволеніи прибить къ дому наследниковъ А. фонъ-Пфейферъ доску съ надписью въ память профессора Ореста Ѳедоровича Миллера.

Прочтено предложеніе, подписанное 20-ю лицами и внесенное чрезъ г. городского голову тайнымъ совѣтникомъ Михаиломъ Ивановичемъ Семейскимъ, о прибитіи доски къ дому, въ которомъ родился профессоръ О. Ѳ. Миллеръ, доски съ надписью: «Въ семъ домѣ, 4-го августа 1833 г., родился Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ, с.-петербургскаго университета профессоръ

(1863—1887 гг.), изслѣдователь русской литературы, славистъ и патриотъ». Гласный г. Рудольфъ фонъ-Гернетъ сказалъ, что внесенное въ городскую Думу настоящее предложеніе, безъ сомнѣнія, послужитъ въ чести города, такъ какъ въ немъ навсегда почтена будетъ память заслуженнаго ученаго, профессора и слависта Ореста Ѳедоровича Миллера. Въ виду этого, гласный г. Рудольфъ фонъ-Гернетъ полагалъ, что предложеніе о постановкѣ доски принять и выразить благодарность тайному совѣтнику М. И. Семеvскому, какъ лицу, принявшему на себя починъ въ этомъ дѣлѣ.

Собраніе Думы единогласно приняло заявленіе гласнаго Рудольфа фонъ-Гернета и постановило:

1) Разрѣшить просителямъ прибить доску въ дому наследниковъ г-жи А. фонъ-Пфейферъ, на Большой Морской улицѣ за № 65, съ слѣдующею надписью: «Въ семь домѣ, 4-го августа 1833 года, родился Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ, с.-петербургскаго университета профессоръ (1863—1887 гг.), изслѣдователь русской литературы, славистъ и патриотъ».

9) Уполномочить г. городского голову К. Мирзалиса выразить именемъ городской Думы благодарность тайному совѣтнику г. Михаилу Ивановичу Семеvскому за починъ настоящаго представленія объ увѣковѣченіи памяти заслуженнаго дѣятеля профессора Ореста Ѳедоровича Миллера въ его родномъ городѣ.

Городской голова К. Мирзалисъ.

Городской секретарь А. Бергъ.

V.

Согласно изложенному постановленію Гапсальской Городской Думы, помянутая выше доска нами заказана въ С.-Петербургѣ, изъ блага мрамора съ вызолоченною на ней врѣзанными буквами надписью; по изготовленіи оной доска будетъ доставлена въ Гапсаль и прибита на стѣнѣ дома, въ которомъ родился Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ.

М. С.

20-го августа 1889 г.
г. Гапсаль.

О. Х. Агренева-Славянская: Описание русской крестьянской свадьбы, съ текстомъ и пѣснями: обрядовыми, голосильными, причитальными и завывальными. Въ 3-иъ частяхъ. Часть первая. Описание всѣхъ обрядовъ со дня сватовства и до дня свадьбы. Москва 1887 г. Часть вторая. Описание всѣхъ обрядовъ свадебнаго дня. Тверь 1887 г. Часть третья. Плачи и причитанія по умершимъ и по рекрутамъ; стихи великопостные; былины и легенды; старинныя пѣсни и величанія; сказки, загадки, пословицы и прибаутки (съ текстомъ и мелодіями). Тверь, 1889 г.

Не трудно замѣтить по заглавію, которое мы выписываемъ, со всею подробностью, что передъ нами собственно не одно, а два изданія. Первые двѣ части составляютъ одно цѣлое—«Описание русской крестьянской свадьбы», но эти слова уже положительно не могутъ служить заглавіемъ и для третьей части. Эта послѣдняя имѣетъ совершенно самостоятельное значеніе, заключающая въ себѣ описание русскихъ крестьянскихъ похоронъ съ соответственными пѣснями, а равно и собраніе различнаго рода пѣсенъ и даже нѣаго устно-словеснаго матерьяла. Надо, съ другой стороны, замѣтить, что мелодіи, на которыя указано только въ заглавіи третьей части, приложены ко всѣмъ пѣснямъ и въ первыхъ двухъ частяхъ, что и составляетъ особенно цѣнное достоинство настоящаго труда. А ватѣмъ между двумя первыми частями (которыя положительно слѣдовало бы соединить въ одну, что вполнѣ подходило бы и къ ихъ объему), и вполнѣ самостоятельною третьею замѣчается опять и та разниаца, что весь пѣсенный матеріалъ двухъ первыхъ, какъ и самое описание обрядовъ, заимствованы исключительно у крестьянки Олопецкой губ. Ирины Андреевой Федосовой (портретъ которой приложенъ къ той части вѣстѣ съ портретомъ г-жи Агреневои-Славянскои), матеріалъ же третьей части, крохѣ того, и отъ нищей Ульяны изъ Петрозаводска, мѣщанки Чуевой

родомъ изъ Шуи, Натальи Семеновой, крестьянки Тверской губерніи, Осташковского уѣзда, отъ няни Марьи Ивановны и другихъ.

Главною вкладчицею всѣхъ трехъ книгъ остается Ирина Федосова, и въ лицѣ ея тотъ отдаленный сѣверный край, котораго народно-поэтическое сокровища были открыты покойнымъ П. Н. Рыбниковымъ, составившимъ, можно сказать, эпоху въ изученіи русскаго устно-словеснаго творчества своимъ знаменитымъ сборникомъ (по преимуществу былинъ), вышедшимъ въ 4 частяхъ въ 1861—1867 гг. Сокровищъ Олонецкаго края кватило и на громадный сборникъ покойнаго А. Θ. Гильфердинга, появившійся въ 1872 г. подъ заглавіемъ «Онежскія былины»; изданъ подъ редакціей П. А. Гилтебрандта. Этими сокровищами воспользовался и многоуважаемый Е. В. Барсовъ для своего превосходнаго сборника «Причитаній сѣвернаго края», одною изъ главныхъ вкладчицъ котораго была та-же самая Ирина Федосова. Слѣдуетъ замѣтить, что Е. В. Барсовъ воспользовался богатымъ запасомъ ея памяти рѣчь (т. е. когда и самая диковинная ея память была еще свѣжѣе и крѣпче). Преимущество сборника г-жи Славянской заключается въ размѣщеніи пѣсенъ, перемежающихся у нея соответственными обрядами, такъ что въ итогъ получается цѣлая свадебная драма, а главнымъ образомъ въ приложеніи къ нимъ мелодій. Мы полагаемъ, что и для самой издательницы эти послѣднія представлялись главнымъ дѣломъ, а потому она и не нуждалась въ томъ изобиліи всевозможныхъ вариантовъ, къ какому должны стремиться изданія, предпринятая съ иною цѣлюю.

Въ свадебныхъ пѣсняхъ, помѣщенныхъ у О. Х. Славянской, преобладающею остается стародавняя основа, напоминающая о той порѣ, когда бракъ былъ вполнѣ подневольнымъ. Во многомъ ясно слышатся тутъ еще отзвуки насильственнаго увоза невѣсты, во многомъ той сдѣлки между женихомъ и ея родителями, которая выражалась выкупомъ ея у нихъ, являющимся дальнѣйшею формою развитія брака «звѣрижской» поры, такъ возмущавшей Нестора, но до сихъ поръ сохраняющей свой глубокой слѣдъ и въ пѣснѣ, и въ обрядѣ. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что въ дѣйствительности бракъ въ той мѣстности, гдѣ записаны пѣсни, совершается по обоюдному соглашенію жениха съ невѣстою. (Стр. 83 части 2-ой).

Указавъ на это послѣднее обстоятельство, издательница, кажется намъ, нѣсколько противорѣчитъ себѣ, объясняя въ концѣ 2-ой части «тѣ чувства ужаса дѣвушки при намекѣ на замужество, которыя цѣликомъ вылились въ свадебныя пѣсни», тяжелымъ положеніемъ, въ самомъ дѣлѣ ее ожидающимъ въ семьѣ «богоданныхъ» родителей, т. е. родителей жениха. Такое положеніе, конечно, можетъ быть, но его можетъ и вовсе не быть, а пѣсня должна обязательно на него указывать. Подобное несоответствіе обрядовой старшны съ жизнію чувствуется самымъ народомъ. Созваніе его и заставляетъ гостей прерывать продолжительное голошеніе передъ самымъ отправленіемъ невѣсты

къ вѣнцу неоднократно повторяемыми словами: «подно ужъ тебѣ томить-то нась». Но это не помогаетъ и обрядовое голошеніе продолжается.

Какая отдаленная старина выступаетъ передъ нами въ обращеніи невѣсты къ причисляющимъ ее подругамъ! Приведемъ, напримѣръ, слѣдующую ея просьбу:

Ужъ ты влети, сестриценька родинная,
 Вплетите пятьдесятъ мнѣ ножичковъ булатныхъ,
 Ты шестьдесятъ влети булабочекъ каленныхъ;
 Кто вѣдь примется тогда за вольну мою волюшку,
 Принаколетъ тотъ себѣ да бѣлы свои рученьки;
 Расплетать стануть мою русу густу косынку
 И отрѣжутъ свои бѣлые то палочки—
 И отступятся отъ вольной моей волюшки. (Ч. II, стр. 23).

Оригинальнымъ видомъ острастки жениху съ его «хоробрымъ» поѣздомъ (какъ нерѣдко называется онъ въ свадебныхъ пѣсняхъ другихъ сборниковъ), видомъ, отзывающимся уже не доисторическою стариною (какъ многое въ обрядовой поэзіи), а позднѣйшею историческою жизнію, является въ другой пѣснѣ обращеніе невѣсты къ подруженькамъ:

. повышейте вы синюю мнѣ завѣску...
 Вы повышейте-тко краснымъ вотъ золотомъ...
 Вы повышейте цара да со царицею...
 Устрашится тотъ злодѣй нашъ большой свать.

И тутъ же, въ томъ же самомъ варьантѣ, являются, даже еще ранѣе, на той же самой завѣскѣ «земская изба со старостой» въ одномъ уголочкѣ, «управа со исправникомъ» въ другомъ (ч. II, стр. 87), т. е. принадлежности уже новѣйшей поры, прикинувшія къ стародавней основѣ, вполне сохранившей, однако, основной свой смыслъ.

Въ высшей степени характерны и тѣ пѣсни, которыми обмѣниваются между собою староста со стороны невѣсты и жениховъ дружка. Первый указываетъ на то, что невѣста «повернулась бѣлой колпницей», а второй замѣчаетъ на это про жениха, что онъ «повернулся яснымъ соколомъ».

Староста: Повернулась она бѣлой горностаюшкой.

Дружка: Стрѣлялъ онъ тамъ по горностаюшкѣ.

Староста: Повернулась она уловной рыбинькой.

Дружка: Бралъ онъ плутьевки серебряны
 Изловить да бѣлу рыбиньку.

Староста: Обернулась она лебедушкой.

Дружка: Снаряжался онъ скорешенько
Изловить хотѣлъ лебедь бѣлую...
Какъ пустилъ въ нее онъ татевкой,
Пустилъ путь ея по поднебесью,
Ранилъ въ сердце свою лебедь бѣлую ¹⁾. (II, 42—45).

Положеніе какъ женихова поѣзда, такъ и самого жениха (не говоря уже о сватѣ), при господствующемъ характерѣ пѣсенъ, становится иногда просто критическимъ, когда, напримѣръ, поется въ его же присутствіи:

У остудника чужайника
Во избѣ нѣтъ рукомойничка,
На стѣнѣ нѣтъ Богородицы.
На болота годя, моются,
На лопату Богу молятся,
Они пнямъ да прилагаются (прикладываются, II, 50).

Не особенно ловко жениху и въ ту минуту, когда невѣста такимъ образомъ описываетъ жениху его мать:

Быдто свирѣпо-свирѣпная,
Быдто ладошко сердитая.

Или же когда она грозитъ:

Я не буду тебя слушаться
Почитать твоихъ родителей;
Я вѣдь дѣвушка да не дешовая,
Моя волюшка вѣдь не грошовая;
Я вѣдь дѣвушка въ пятьсотъ рублей,
Моя воля въ цѣлу тысячу.

Тутъ своего рода эпическое преувеличеніе. На самомъ дѣлѣ, по свидѣтельству Ирины Федосовой, выкупъ, который, по стародавнему обычаю и до сихъ поръ платится женихомъ за невѣсту, сводится на сумму отъ 25 до 100 р., сумму, служащую затѣмъ родителямъ невѣсты для угощенія свадебныхъ гостей. Нѣсколько инымъ характеромъ отличается тотъ добровольный

¹⁾ Мы приводимъ только самыя основныя черты, опуская эпическія подробности пѣсенъ. О. М.

сборъ съ побѣжанъ жениха, на который отвѣчаютъ соотвѣтственными размѣру пожертвованнаго подарками со стороны невѣсты, и совершенно уже особымъ сборъ съ жителей той деревни, въ которой живетъ невѣста, производимый во время гулянья ея съ подружками передъ свадьбою. Этотъ послѣдній имѣетъ значеніе мірской подмоги, т. е. отзывается уже общиннымъ бытомъ. Замѣчательна въ совершенно опять особомъ смыслѣ черта, приводимая въ самомъ началѣ изданія: «выскотритъ паренъ дѣвушку, поиграетъ съ ней на бесѣдкахъ, сговорится и возьметъ съ нея, какъ залогъ, въ знакъ того, что она пойдетъ за него замужъ: серьги, бусы или какую нибудь другую ея вещь. Если дѣвушка парню залога не дастъ, онъ и свататься не станетъ». Это отзывается уже совсѣмъ измѣнившимся строемъ жизни—добровольнымъ соглашеніемъ невѣсты.

При преобладаніи того матеріала, который записанъ отъ Ирины Федосовой, издательница очень кстати помѣстила, въ концѣ третьей части своего труда, краткую характеристику этой любопытной личности, относящуюся къ той поздней порѣ ея жизни, когда г-жа Славянская съ нею познакомилась. «Ирина Федосова, сказано тутъ,—женщина за 80 лѣтъ, совершенно сѣдая и скорбленная, но полная энергіи и ума. Живетъ она дома тѣмъ, что поетъ на свадьбахъ, голоситъ на похоронахъ и тѣшитъ молодежь на сговорахъ и въ праздничные дни. Память у этой старухи изумительная и рѣчь красивая и оживленная. Она до такой степени проникнута духомъ старинной поэзіи, что при всякомъ удобномъ случаѣ говоритъ экспромты, складъ которыхъ совершенно напоминаетъ распѣваемые ею старинныя пѣсни». Для образца вслѣдъ затѣмъ и приводятся такіе экспромты Ирины Федосовой, пропѣтые ею въ дохѣ Славянскихъ въ видѣ величанія отдѣльныхъ членовъ ихъ семьи. Они въ своемъ родѣ любопытны, какъ свидѣтельство объ умѣннн народныхъ пѣвцовъ пользоваться старымъ поэтическимъ запасомъ для всевозможныхъ прихвненій къ современной дѣйствительности.

Похоронные и рекрутскіе плачи, помѣщенные у г-жи Славянской, еще меньше, чѣмъ ея плачи свадебные, не только по количеству, но большею частью и по качеству могли-бы соперничать съ тѣми, которые напечатаны были Е. В. Барсовымъ (на сборникѣ котораго мѣстами и попадаютъ у г-жи Славянской ссылки). И тутъ опять все преимущество изданія, нами теперь разбираемаго,—въ мелодіяхъ.

Особый отдѣлъ составляютъ у г-жи Славянской «великопостные стихи», къ которымъ не безъ основанія относить она и былины, такъ какъ пѣніе ихъ дѣйствительно допускается народомъ и въ великомъ посту. Но на первомъ планѣ должны быть тутъ поставлены такъ называемые «духовные стихи» (не легенды, подъ которыми собственно разумѣется уже прозаическая передача духовныхъ сюжетовъ народной поэзіи). Къ нимъ, т. е. духовнымъ

стихамъ, должны быть отнесены у г-жи Славянской первые №№ занимающаго насъ теперь отдѣла (3-го въ 3-ей части). Подъ № 1 помѣщенъ стихъ, представляющій нѣкоторое смѣшеніе «Сна Богородицы» съ «Милосливомъ женою», при преобладаніи первой темы; стихъ своднаго характера, изобилующій эпическими анахронизмами. Подъ № 2 находимъ мы довольно замѣчательный по своимъ особенностямъ, хотя и не очень подробный и не вездѣ точный, варьянтъ стиха «о голубиной книгѣ». Не особенно важны варьянты стиховъ о двухъ Лазаряхъ, Егоріи храбромъ и змѣѣ, Царѣ Кудріянищѣ и Егріѣ, объ Алексѣѣ челоувѣкѣ Божиѣмъ, о Пустынѣ, помѣщенные подъ № 3, 4, 5, 8 и 11-мъ. Заслуживаетъ вниманія довольно загадочный по своему содержанію стихъ о Праведномъ Василіи (№ 6), отчасти же и стихъ о происхожденіи поста въ пятницу (№ 7), еще же болѣе не то стихъ, не то былевая пѣсня «Изъ временъ татарскаго полона» (№ 9), съ которою тѣсно связана и другая, являющаяся своеобразнымъ отрывкомъ пѣсни довольно распространенной и обыкновенно печатаемой въ сборникахъ подъ заглавіемъ «Татарскій полонъ» («Доставалася теѣа затю»). У г-жи Славянской она начинается иначе; помѣщена подъ № 10). Несомнѣнную цѣну имѣетъ варьянтъ стиха объ Аникѣ воинѣ и смерти, въ которомъ эта послѣдняя называетъ себя прекрасною—совершенно соотвѣтственно приданному ей тутъ образу, который выдерживается до конца (№ 13).

Затѣмъ слѣдуютъ двѣ большіе былинны о Добрынѣ съ Алешей Поповичемъ и о Чурилѣ съ женой Беряты (№ 14 и 15). Варьянтъ объ извѣстномъ походѣ Добрыни, записанный, какъ и большая часть пѣсенъ этого отдѣла, все отъ той же нестоищимой Ирины Федосовой, замѣчателенъ многими чертами, особенно же тѣмъ, что слѣдуетъ тутъ за проходящею черезъ множество и другихъ варьянтовъ жалобою Добрыни на свое богатырское призваніе. Тутъ эта жалоба смѣняется вотъ какими гуманными соображеніями:

Какъ же мнѣ не заступиться за родныхъ своихъ,
За родныхъ собратьевъ, сердцу близкихъ,
За своихъ братьевъ, за весь бѣлый свѣтъ!

Какъ наѣхали поганы люди супостатные,
Они рѣжутъ, бьютъ моихъ собратіевъ.....
Не сидится мнѣ здѣсь безъ работушки,
Имъ помочь идти—одна заботушка.

Черта, прекрасно дорисовывающая образъ богатыря, наиболѣе близкаго по характеру къ Ильѣ Муромцу. Жаль только, что стихъ тутъ, какъ и все

гдѣ еще, не совсѣмъ выдержанъ, потому ли, что память измѣнила пѣвицѣ, потому ли, что пѣсня не довольно точно записана. Довольна интересна сибирская быль о Ершилѣ Трикофенчѣ, сохранившаяся въ видѣ уже не пѣсни, а прозаическаго сказа и записанная на Уралѣ отъ дружкавъ¹⁾. Знаменитый покоритель Сибири, являющійся, какъ извѣстно, и въ былинахъ въ качествѣ богатыря малолѣтка, представителя совсѣмъ новаго богатырскаго поколѣнія, въ нашемъ сказѣ представляется колдуномъ (чѣмъ и объясняется тутъ его успѣхъ въ Сибири). Сдѣлавшись сибирскимъ царемъ, онъ бьетъ челомъ Ивану Васильевичу Грозному и обязывается выплачивать ему дань; скорая же измѣна Ермаку судьбы, до сихъ поръ ему ворожившей, и объясняется именно тѣмъ, что «не дѣло вольному казаку въ холопство идтити».

Въ слѣдующемъ отдѣлѣ третьей части (IV-мъ) подъ общими заглавіемъ Старинныя народныя пѣсни, помѣщены пѣсни самаго различнаго рода и содержанія, нѣкоторыя изъ нихъ, правду сказать, оказываются совсѣмъ не старинными, а носящими на себѣ уже видимый отпечатокъ такъ называемой «Городской цивилизаціи» (№ 6, 7, 8, 10, 13, 15, 20, 23, 28, 29). Таковы-же, замѣтимъ тутъ кстати, и нѣкоторыя изъ пѣсенъ, распѣваемыхъ передъ свадьбою во время хороводовъ, въ которыхъ принимаютъ участіе женихъ съ невѣстою. (Часть I, №№ 10—17).

Къ отдѣлу V-му отнесены всего двѣ пѣсни—волочобная и величальная, Про первую въ скобкахъ почему-то сказано: колядовская бѣлорусская, тогда какъ, сколько намъ извѣстно, колядки строго отличаются въ Бѣлоруссіи отъ волочобныхъ пѣсенъ: первыя поются на Рождество, вторыя на Пасху. Что касается пѣсни, озаглавленной величальною, то она и по содержанію, и по формѣ представляется намъ какою-то загадочною, полукнижною. Гдѣ именно и отъ кого записаны эта и волочобная пѣсни, не сказано.

Послѣдній отдѣлъ (VI), заключающій въ себѣ различную смѣсь: сказки, (т. е. собственно тутъ одна въ протяжной пѣсенной формѣ и этимъ интересная), загадки, пословицы и прибаутки, по нашему мнѣнію, могъ-бы и не входить въ изданіе О. Х. Агреневой-Славянской,—уже по одному тому, что въ этомъ отдѣлѣ нѣтъ проходящей черезъ всѣ остальные характерной особенности этого изданія, придающей ему главную цѣну—мелодій.

Объ этихъ послѣднихъ вообще мы, въ сожалѣнію, не судимъ. Между тѣмъ эта сторона изданія находится въ связи съ тѣмъ, въ чемъ заключается

¹⁾ Лямичковъ, какъ пояснено въ примѣчаніи. Замѣтимъ, что большая часть мѣстныхъ малопонятныхъ словъ объяснена у г-жи Славянской, нѣкоторыя, однако же, оставлены безъ объясненій, а именно: тарица, чваковатый, патничка.

сущность народно-художественной дѣятельности О. Х. Агреневой-Славянской и ея исполнѣ заслуженнаго передъ русскимъ обществомъ мужа, которому и посвящено настоящее изданіе, предпринятое въ ознаменованіе его 25-ти-лѣтняго юбилея ¹⁾). Впрочемъ, эта сторона нѣ совѣстной дѣятельности давно уже нашла себѣ настоящихъ цѣнителей.

Ор Э Миллеръ.

Спб., май 1889 г.

¹⁾ Отпразднованнаго въ Москвѣ, съ большимъ торжествомъ, въ апрѣлѣ 1887-го года; тогда вышли въ свѣтъ и двѣ первыя части изданія О. Х. Агреневой-Славянской.

О. М.

ПАМЯТИ ОРЕСТА ФЕДОРОВИЧА МИЛЛЕРА

† 1-го Іюня 1889 г.

I.

Не стало Ореста Федоровича Миллера. Болѣзненно отозвалась эта потеря въ сердцахъ многихъ тысячъ его слушателей и слушательницъ, учениковъ и ученицъ. Мѣсяцъ предъ своей кончиной Орестъ Федоровичъ былъ участникомъ въ погребеніи «великаго писателя земли русской»; живо чувствующій всякое общественное горе, какъ и всякую общественную радость, Орестъ Федоровичъ произнесъ трогательную рѣчь надъ могилой М. Е. Салтыкова - Щедрина, и вотъ нѣтъ уже и О. Ф. Миллера. Русское общество не одинаково, конечно, отнеслось къ этимъ двумъ смертямъ. Писатель, извѣстный всему читающему люду въ самыхъ дальнихъ уголкахъ Россіи, и ученый профессоръ, труды котораго знаетъ лишь небольшой сравнительно кругъ людей, интересующихся исторіей литературы,—величины несоизмѣримыя. Не только ученые труды, не только многочисленныя статьи покойнаго по историко-литературнымъ вопросамъ, не они одни даютъ ему право на общественное вниманіе. Если не по литературному таланту, то въ другомъ отношеніи Миллеръ можетъ быть поставленъ рядомъ съ Салтыковымъ: по отзывчивости его ко всему, что волнуетъ общество, по страстному негодованію, каковое вызывало въ немъ все мертвящее и отживающее, по горячей любви ко всему молодому и хорошему, покойный профессоръ не уступалъ гениальному сатирику. Онъ не имѣлъ громадной аудиторіи Щедрина, но и въ своей, менѣе многочисленной, но горячо сочувствовавшей ему, Орестъ Федоровичъ умѣлъ воплотить въ живое слово тотъ святой огонь, который горѣлъ въ немъ; самъ молодой, быть можетъ по чувствамъ болѣе молодой, чѣмъ громадное большинство его слушателей, онъ увлекался самъ и увлекалъ своихъ многочисленныхъ слушателей, страстно указывая имъ на служеніе чистымъ идеаламъ добра и красоты. Четверть вѣка съ величайшею честью работалъ онъ на каеедрѣ. Онъ въ яркой картинѣ изображалъ

своимъ слушателямъ развитіе русской литературы, сближая постоянно изученіе прошлаго съ самыми насущными вопросами настоящаго. При этомъ онъ всегда оставался вѣренъ самому себѣ. Одно время его нѣсколько славянофильскіе взгляды возбуждали къ себѣ слишкомъ сплѣную неприязнь въ большей части студенчества, и его аудиторія бывала почти пуста. Но Миллеръ былъ слишкомъ серьезный ученый и слишкомъ искренній служитель науки, чтобы смутиться этимъ. Настала другая пора. Оресту Федоровичу, по его собственнымъ словамъ не боявшемуся прежде молодежи, нечего было бояться кого бы то ни было; понятно, что онъ не могъ въ угоду другимъ понизить тонъ своихъ лекцій. Въ 1888-мъ году онъ долженъ былъ покинуть кафедру и отказаться, такимъ образомъ, отъ дѣла воспитанія молодежи, которому онъ былъ преданъ въ теченіи всей своей жизни. Выброшенный жизнью за бортъ, лишенный возможности работать на любимомъ поприщѣ, онъ глубоко страдалъ. Совсѣмъ отказаться отъ работы и почивать на лаврахъ онъ, конечно, не могъ; но литературный трудъ, которому онъ посвятилъ послѣдніе годы своей жизни, кажется, мало его удовлетворялъ. Его утѣшала только искренняя привязанность къ нему со стороны дорогаго ему студенчества, ясная доказательства которой онъ видѣлъ особенно въ послѣдніе годы жизни.

Но не только живаго и талантливаго профессора оплакиваемъ мы въ немъ. Онъ былъ тѣмъ въ жизни, что проповѣдывалъ на лекціяхъ. Не было такого дѣла, если оно было честное и хорошее, которому Орестъ Федоровичъ отказался бы помогать; а когда онъ брался за что нибудь, онъ отдавался тому всей душой. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ средѣ студенчества возникла мысль основать научно-литературное Общество, которое могло бы, до нѣкоторой степени, объединить студентовъ на почвѣ научныхъ занятій. Членами его были студенты (до 200 человекъ), предсѣдателемъ Орестъ Федоровичъ. Цѣлыхъ пять лѣтъ Миллеръ занимался имъ; онъ весь погружался въ дѣла Общества, не пропускалъ почти ни одного засѣданія, выслушивалъ со вниманіемъ подѣ-часъ дѣтскіе рефераты, съ самою горячею любовью руководилъ спорами и чтеніями. Изъ самихъ студентовъ не многіе такъ дорожили Обществомъ, какъ его предсѣдатель.

Студенты хорошо знали дорогу въ скромную квартирку своего друга; не только филологи, но и юристы, и естественники, и математики шли къ нему за совѣтомъ, за помощью въ научныхъ-ли занятіяхъ, въ жизненной-ли невзгодѣ, и рѣдко кто уходилъ отъ него безъ утѣшенія или помощи. Постигнетъ-ли студента какая бѣда, Орестъ Федоровичъ хлопочетъ за него и нерѣдко удавалось ему спасти отъ гибели или, по крайней мѣрѣ, облегчить участь несчастнаго.

Въ томъ, что касается готовноги помогать деньгами, Орестъ Федоровичъ едва ли имѣлъ себѣ равнаго; зарабатывая довольно много, онъ жилъ чрезвычайно скромно, готовый отдать послѣдній рубль всякому нуждающемуся.

Таковъ былъ Орестъ Федоровичъ до самой смерти, и оставленіе кафедръ въ университетѣ не помѣшало ему остаться тѣмъ же другомъ молодежи; къ нему, по прежнему, стекались толпы студентовъ, кто за денежною помощію, кто за совѣтомъ въ научныхъ занятіяхъ, кто просто чтобы отвести душу, и шли къ нему знакомые и незнакомые. Другаго такого профессора не было въ с.-петербургскомъ университетѣ; были, быть можетъ, и болѣе глубокіе ученые и болѣе талантливые ораторы, но не было человѣка, который бы понималъ такъ хорошо, какъ Орестъ Миллеръ, что дѣло профессора не оканчивается, когда онъ сходитъ съ кафедры. И не было другаго профессора, смерть котораго чувствовалась бы такъ болѣзненно, не смотря на то, что покойный почти уже два года не числился профессоромъ. Тѣмъ болѣе теперь.

Была пора, когда молодой поэтъ и публицистъ могъ говорить:

Въ какомъ-то радостномъ волненнѣ
Я каждый разъ внимаю вѣсть
О томъ, что въ старомъ поколѣннѣ
Еще успѣла жизнь отдѣсть.
Чьей смерти прежде трепеталъ я,
Тѣхъ стариковъ ужъ нѣтъ давно.
Что въ старомъ мірѣ уважалъ я,
Давно все мной схоронено.
Ликуй же смерть въ странѣ унылой!
Въ ней все отжившее рази,
И знамя жизни надъ могилой,
Надъ грудой груновъ водрузи!

Теперь не то. Одинъ за другимъ сходятъ съ арены руководители общества, все представители стараго поколѣнія, и не видать никого изъ молодаго, кто могъ бы ихъ замѣнить. Умеръ М. Е. Салтыковъ-Щедринъ, умеръ О. Ѡ. Миллеръ.

Природа маты! Когда бь такихъ людей
Ты вногда не послала міру,
Заглохла-бь нива жизни!

Одинъ изъ многихъ.

9 юня 1889 г.

II.

Полагая, что редакція «Русской Старины» заинтересована въ собираніи всего, что относится къ характеристикѣ недавно скончавшагося Ореста Федоровича Миллера, такъ много и самоотверженно потрудившагося для русскаго просвѣщенія, представляю небольшую о немъ замѣтку.

Состоя въ 1883 г. студентомъ петербургской духовной академіи, я въ числѣ немногихъ принималъ особенное дѣятельное участіе въ пополненіи только что основанной въ ней передъ тѣмъ студенческой читальни и библіотеки. Такъ какъ сумма, составлявшаяся исключительно изъ взносовъ студентовъ, получалась очень скромная, то мы вынуждены были обращаться къ нѣкоторымъ редакціямъ и авторамъ съ просьбой о доставленіи намъ ихъ изданій бесплатно. Между прочимъ, рѣшено было обратиться съ этой просьбой и къ нѣкоторымъ профессорамъ университета, а такъ какъ Орестъ Федоровичъ и у насъ извѣстенъ былъ какъ другъ студенчества, то мы сочли за лучшее прибѣгнуть къ его помощи. Сходить къ нему выпало на мою долю.

Въ половинѣ декабря, часовъ въ шесть вечера, я позвонилъ въ его скромную квартиру (онъ жилъ тогда въ Эртелевомъ переулкѣ) и не успѣлъ еще передать свою одежду докладывавшей обо мнѣ служанкѣ, какъ ко мнѣ вышелъ самъ хозяинъ. Полагая, по примѣру нашихъ профессоровъ, что мнѣ здѣсь же въ передней и придется имѣть съ нимъ объясненіе, я хотѣлъ было уже приступить къ нему; но Орестъ Федоровичъ, любезно поздоровавшись со мной, сейчасъ же повелъ меня чрезъ единственную, кажется, просторную въ его квартирѣ комнату, гдѣ сидѣла за работою предупредительно раскланявшаяся мнѣ старушка,—въ свой узенькій, съ тремя потертыми креслами у письменнаго стола, весь уставленный полками съ книгами и съ единственнымъ украшеніемъ—громаднымъ бюстомъ Ф. М. Достоевскаго, кабинетъ. Здѣсь онъ усадилъ меня въ кресло и только тогда осѣдомился, что меня привело къ нему.

Излагая свою просьбу, я, между прочимъ, замѣтилъ, что намъ особенно трудно заводить читальню и библіотеку, потому что духовные студенты особенно бѣдный народъ... «Не говорите! перебилъ меня Орестъ Федоровичъ,—и вездѣ нынче учащіяся—по большей части, народъ бѣдный... Что касается моихъ сочиненій, то какія найду—къ вашимъ услугамъ»... И онъ бросился разыскивать свои книжки и оттиски и, передавая ихъ одинъ за другимъ мнѣ, между прочимъ,

простоудушно замѣтилъ: «Плохо идутъ мои сочиненія! Вотъ только публичныя лекціи по литературѣ хорошо расходятся, и ихъ-то у меня какъ разъ нѣтъ ни одного экземпляра. Придется вамъ подождать, а я непременно постараюсь ихъ гдѣ нибудь добыть и тотчасъ же доставлю вамъ... Да не ужъ-то въ вашей академической библіотекѣ нѣтъ ихъ»? Когда я подтвердилъ, что дѣйствительно нѣтъ, и потомъ сталъ объяснять, что именно слишкомъ-то специальный составъ этой библіотеки и вызываетъ насущную потребность дополнить ее студенческой, то Орестъ Федоровичъ такъ одушевился, что когда потомъ я выразилъ наше желаніе имѣть сочиненія и другихъ профессоровъ университета, онъ самъ предложилъ свои услуги переговорить на счетъ этого съ ними. Такъ пробесѣдовавши съ нимъ больше получаса, я, наконецъ, сталъ прощаться. Онъ любезно проводилъ меня въ переднюю и не вышелъ изъ нея до тѣхъ поръ, пока за мной не затворена была дверь на лѣстницу.

Наканунѣ новаго года, вечеромъ, я получилъ отъ Ореста Федоровича самую любезную записку, въ которой онъ поздравлялъ насъ между прочимъ, съ новымъ годомъ. Назавтра мы хотѣли было, въ свою очередь, поздравить его съ новымъ годомъ, но отчасти потому, что ни у кого изъ насъ не оказалось визитной карточки, главнымъ-же образомъ потому, что отношенія Ореста Федоровича съ перваго-же взгляда положительно не мирились со всякою офиціозностью, въ концѣ концовъ мы успокоились на томъ, что поблагодарю его за поздравленіе и отъ насъ, студентовъ, поздравлю его я, когда пойду къ нему за лекціями.

На этотъ разъ—кажется, числа 4 января—я также явился къ нему вечеромъ и также встрѣченный Орестомъ Федоровичемъ въ передней и проведенный въ кабинетъ, засталъ здѣсь—теперь рѣшительно не помню—кого-то изъ молодыхъ профессоровъ. Орестъ Федоровичъ тотчасъ же представилъ насъ одинъ другому и, усадивши меня между собой и своимъ гостемъ, заговорилъ о новыхъ порядкахъ въ нашей академіи, начавшихся въ ней послѣ выхода изъ нея бывшаго нашего ректора И. Л. Янышева, при чемъ отзывался о послѣднемъ съ самымъ глубокимъ уваженіемъ... Не желая отнимать у О. Ф. много времени, я скоро спросилъ у него о лекціяхъ. Вручая мнѣ ихъ, онъ опять просилъ передать моимъ товарищамъ его обѣщаніе при первой возможности похлопотать за насъ среди профессоровъ и опять проводилъ меня до тѣхъ поръ, пока я вышелъ.

Больше я не видался съ Орестомъ Федоровичемъ. Не знаю, удалось ли ему переговорить съ профессорами, но ни отъ одного изъ нихъ мы ничего, кажется, потомъ не получали. Не смотря на это,

искреннее сочувствіе, которое мы встрѣтили у Ореста Федоровича, его записочка, вывѣшанная на нѣкоторое время въ читальнѣ вмѣстѣ съ другими документами, касавшимися послѣдней, произвели на многихъ изъ насъ, помню, глубокое и самое отрадное впечатлѣніе. Мы въ первый разъ увидѣли профессора не спеціально какого-нибудь учебнаго заведенія, а профессора въ самомъ широкомъ—общественномъ смыслѣ этого слова,—профессора вездѣ, гдѣ только представлялась почва для распространенія просвѣщенія. Несомнѣнно, помимо всякихъ взглядовъ и убѣжденій, въ самой нравственной личности покойнаго О. Э. Миллера чрезвычайно симпатично выразилась знаменитая эпоха прошлаго царствованія, столь плодотворная, столь гуманная въ исторіи развитія русскаго общества и столь славная вообще въ исторіи русскаго народа.

В. Тухомидцкій.

20 ЮНЯ 1889 Г.

О ПОДПИСКѢ НА ПАМЯТНИКЪ Н. В. ГОГОЛЮ.

Общество любителей россійской словесности, состоящее при императорскомъ Московскомъ университетѣ, извѣщаетъ, что съ 1-го мая по 1-ое ЮНЯ 1889 года къ казначею Общества поступили собранныя съ Высочайшаго соизволенія, пожертвованія на сооруженіе въ Москвѣ памятника Николаю Васильевичу Гоголю, отъ тридцати пяти лицъ и учрежденій, шесть тысячъ девятьсотъ пятьдесятъ восемь рублей $53\frac{1}{2}$ копѣйки, а всего съ прежде поступившими: сорокъ тысячъ четыреста девяносто девять рублей $54\frac{1}{4}$ копѣйки (40,499 руб. $54\frac{1}{4}$ к.).

Казначей общества А. Носъ.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ, ЗАМѢТКИ И НАБРОСКИ.

Повѣдка по Россіи въ 1888 г.

IV ¹⁾.

Ростовъ Великій.

«Какъ бы издали ядущее эхо, духъ предшественныхъ поколѣній еще и понынѣ звучать будетъ изъ собираемыхъ въ Ростовѣ книгъ и предметовъ».

«Яросл. Епарх. Вѣд.», 1884 г., № 45.

I.

Едва-ли какой либо другой городъ изъ великороссійскихъ уѣздныхъ городовъ производитъ болѣе сильное и болѣе пріятное впечатлѣніе на любителя древностей и святынь, какъ Ростовъ Великій. Мы, по крайней мѣрѣ, провели въ немъ трое сутокъ чрезвычайно пріятныхъ...

Небольшой, нынѣ уѣздный, городъ, съ его историческимъ прозваніемъ Великаго, Ростовъ лежитъ между такими значительными городами, соединенными желѣзною дорогою, что въ него, казалось бы, не для чего было бы и заѣзжать; между тѣмъ, каждый изъ русскихъ, кто мало-мальски интересуется отечественною стариною, непременно долженъ здѣсь остановиться на пути въ Ярославль или изъ Ярославля въ Москву.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, августъ, стр. 421—448; изд. 1889 г., томъ LXII, апрѣль, стр. 221—262; май, стр. 489—511.

Описывать сколько нибудь подробно древности и святыни этого города, одного изъ древнѣйшихъ на Руси, не приходится: описанія ихъ составляютъ уже порядочное собраніе книгъ, брошюръ, журнальныхъ статей и газетныхъ сообщеній; но обойти и полюбоваться его достопамятностями—полная и весьма пріятная необходимость. И даже нечего для этого перелистывать груду напечатаннаго о Ростовѣ; здѣсь, въ этомъ городѣ, съ его 12,000 жителями, вы найдете нѣсколько лицъ, не только горячо любящихъ отечественную старину, связанныхъ между собою общою имъ любовью и жаждою къ труду по розысканію и возстановленію памятниковъ древности и святынь, но и людей весьма свѣдущихъ въ отечественной археологіи и исторіи вообще и мѣстной въ особенности,—обратитесь къ нимъ и вы найдете весьма обязательныхъ руководителей, прекрасно знающихъ дорогой имъ Ростовъ въ его памятникахъ старины.

Этотъ совѣтъ мнѣ дали еще въ Москвѣ, повторили въ Троице-Сергіевой лаврѣ, и я, рано утромъ, выйдя изъ вагона и взявъ, въ виду Ростова, извозчика, направилъ его прямо къ одному изъ упомянутыхъ ростовскихъ археологовъ, ни мало не сомнѣваясь въ самомъ добромъ, радушномъ приѣмѣ. Я и нашелъ таковой у Ивана Александровича Шлякова, въ его небольшомъ, свѣтломъ, щегольски выстроенномъ домикѣ.

Членъ реставраціонной комиссіи по возстановленію древнихъ памятниковъ Ростовскаго кремля, членъ-казначей комитета управленія ростовскаго музея церковныхъ древностей, членъ московск. археол. и историческаго обществъ—И. А. Шляковъ представляетъ собою весьма отрадное явленіе русскаго самородка, пытливый къ знаніямъ умъ котораго рано направился къ изученію отечественной старины. Купецъ по происхожденію, г. Шляковъ (род. въ 1844 г.) прошелъ полный курсъ высшаго въ его родномъ городѣ Ростовѣ учебнаго заведенія, каковымъ оказалось уѣздное трехъ-классное училище, и былъ отправленъ родителями въ Москву, въ качествѣ бухгалтера, въ одну изъ частныхъ банкирскихъ конторъ. Десять лѣтъ провелъ молодой человекъ за конторкой, счетами и письмомъ, но эти десять лѣтъ онъ не убилъ на одну мертвящую, сухую работу съ цифрами, выкладками и записями. Его тянуло въ музеи, бібліотеки и всякаго рода хранилища памятниковъ древностей и предметовъ искусства, и на немъ г. Шляковѣ, какъ бы въ живѣ исполнилось то, что часто говорятъ объ образовательномъ значеніи доступныхъ народу музеевъ: они возбудили въ ростовскомъ куцкѣ-конторщикѣ жажду знанія, они дали ему духовную пищу, они, живо заинтересовавъ его, подвинули на знакомство съ людьми науки: гг. Румянцевъ, Забѣляинъ, покойный Ив. Давил.

Мансветовъ и другіе наши почтенные ученые археологи обратили доброе вниманіе на любознательнаго ростовца, и вотъ изъ него выработался знатокъ памятниковъ древняго зодчества, искусный рисовальщикъ ихъ, знатокъ старинныхъ рукописей, монетъ, и проч. предметовъ старины. Въ 1877 г. Иванъ Александровичъ оставляетъ конторскую свою службу, возвращается въ родной городъ Ростовъ человѣкомъ начитаннымъ, приобывшимъ къ труду умственному; его скоро отличаютъ здѣсь земляки; онъ—гласный городской думы, затѣмъ гласный уѣзднаго и губернскаго земскихъ собраній... Трудясь на пользу общественную, г. Шляковъ сближается съ нѣсколькими образованными ревнителями отечественной старины и исторіи—таковы его земляки: уважаемый общественный дѣятель Д. А. Булатовъ, неутомимый изслѣдователь, собиратель памятниковъ, письма и печати, писатель и издатель А. А. Титовъ, И. А. Вахрамѣевъ (ярославецъ)—обладатель превосходнаго собранія старинныхъ рукописей въ Ярославлѣ, и съ нѣкоторыми другими лицами; спланивается, такимъ образомъ, кружокъ лицъ, къ которымъ, въ 1882 г., обратилось императ. моск. археолог. общество съ порученіемъ заняться реставраціей Бѣлой Палаты и другихъ древнихъ зданій и храмовъ ростовскаго кремля... Этотъ кружокъ лицъ, съ почтеннымъ во главѣ и, увы, уже покойнымъ начальникомъ Ярославской губерніи В. Д. Левшинымъ, составили ядро ученаго общества въ созданномъ ихъ просвѣщенною энергіею учрежденіи «Ростовскаго музея церковныхъ древностей». Уставъ этого музея утвержденъ въ началѣ 1885 г. святѣйшимъ синодомъ. Уставъ состоитъ всего изъ шести статей, силою которыхъ этотъ музей поставленъ подъ покровительство преосвященнаго ярославскаго.

§ 2: «Музей собираетъ и хранитъ предметы древне-русскаго церковнаго зодчества и служитъ цѣлямъ братства св. Димитрія Ростовскаго, изложеннымъ въ уставѣ братства», а «братство располагаетъ, по силѣ своего устава, всѣхъ просвѣщенныхъ лицъ къ доставленію въ музей древностей, рукописей, книгъ, крестовъ, сосудовъ» и проч.

§ 3: Музей состоитъ подъ наблюденіемъ моск. археол. общества. Управленіе музеемъ ввѣрено комитету подъ предсѣдательствомъ ярославскаго губернатора изъ членовъ московск. археолог. общества, живущихъ въ Ростовѣ и Ярославлѣ (§ 4). Комитетъ приглашаетъ и другихъ лицъ къ участію въ своихъ трудахъ съ званіемъ членовъ почетныхъ и членовъ сотрудниковъ (§ 5). Комитетъ устраиваетъ публичные засѣданія и научныя чтенія о мѣстныхъ церковныхъ и гражданскихъ древностяхъ (§ 6).

Итакъ, мы дожили до того времени, когда и на Руси, въ ея уѣздныхъ городахъ, возникаютъ музеи, группируются мѣстные обы-

ватели въ общества, посвящаются средства, трудъ и знаніе на труды по изысканію и возстановленію памятниковъ старины; неправда ли, какое отрадное явленіе, но, увы, едва ли пока не единичное, и уже, навѣрное, не выходящее изъ десятка, по отношенію ко многимъ сотнямъ нашихъ уѣздныхъ городовъ, и это на пространствахъ необъятнѣйшей Россіи! Господи, думается, когда видишь такое доброе начинаніе, да еще давшее быстро прекрасный плодъ, каковой дали реставраціонная комиссія въ Ростовѣ и его музей древностей,—да почему же все это и здѣсь, и въ другихъ древнихъ градахъ нашей матушки Руси не получило свое бытіе задолго до нашего времени? Я уже не говорю о вѣкѣ Екатерины II, когда блескъ ея царствованія пресуспѣвалъ прежде всего въ проявленіяхъ вѣшняго могущества Россіи, а внутри лишь въ столицахъ и очень немногихъ главныхъ городахъ намѣстничествъ—насаждались разсадники знанія, а Русь уѣздная, провинція, все болѣе и болѣе стягивалась крѣпостными путями, но позже, въ царствованіе Александра I, въ эпоху Николая Павловича, въ особенности въ его время, когда самъ государь несомнѣнно проявилъ любовь къ памятникамъ отечественной старины, разрѣшая учрежденіе археолог. общества, археограф. комиссіи, разрѣшая отпускъ средствъ изъ государственнаго казначейства на возстановленіе или поддержку древнихъ храмовъ, стѣнъ кремлевскихъ въ Москвѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Псковѣ и проч., — почему тогда уже не начинали возникать, по частному почину, общества мѣстныхъ ревнителей, для возстановленія отечественной святыни и древностей? Почему? Да потому, что правительство все брало на себя, обывателю или обществу не предоставлялось права на самодѣятельность даже въ области такой охранной, консервативной науки, какова археологія. Гдѣ бы выискался въ тогдашнее суровое время губернаторъ, который, подобно В. Д. Левшину въ Ярославлѣ, въ 1880-хъ годахъ, рѣшился посвятить столько личнаго труда и энергіи на дѣло возстановленія Кремля и храмовъ въ Ростовѣ? Не убралъ ли бы его Перовскій или Бибииковъ (министры прежняго времени), какъ губернатора, не своимъ дѣломъ занимающагося; а мысль объ учрежденіи въ уѣздномъ городѣ ученаго общества!... не вызвала ли бы она усиленной дѣятельности со стороны губернскихъ корреспондентовъ графа А. Х. Бенкендорфа или его преемника по шефству надъ жандармами графа А. Ѳ. Орлова... Да, въ то время и думать не приходилось въ провинціи ни о чемъ подобномъ, что мы встрѣтили теперь въ Ростовѣ Великому, а въ результатѣ такового запрета — утрата для науки многихъ десятковъ лѣтъ! Рушились въ это время памятники старины, растаскивалось невѣжествомъ многое, что послу-

жило бы къ уясненію отечественной археологіи и исторіи... Надо было полное возрожденіе всего государства Россійскаго, рядомъ реформъ Царя-Освободителя произведенное, дабы изъ рядовъ мѣстныхъ обывателей, земцовъ, вышла, наконецъ, мѣстные любители и знатоки родной старины. И они выходятъ, они вышли, и какую прекрасную службу они сослужили отечественной наукѣ и еще болѣе сослужать, когда обстоятельства тому будутъ благопріятствовать. Въ добрый, добрый часъ!.....

Пойдемте же, однако, въ кремль Великаго Ростова.

II.

Кремль стоитъ по срединѣ города, на ровной мѣстности, лишь съ западной стороны нѣсколько возвышенной; это группа церквей и зданій, за высокою зубчатою стѣной, съ 10 башнями; кремль окруженъ двойнымъ землянымъ валомъ; валъ сооруженъ для защиты отъ непріятеля въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, т. е. именно въ ту эпоху, когда послѣ всевозможныхъ бѣдствій, испытанныхъ ростовцами въ «смутное и нужное время 1608—1612 гг.», городъ ихъ уже никогда затѣмъ не видѣлъ подъ своими стѣнами непріятеля. Въ кремль ведутъ нѣсколько воротъ и на однихъ изъ нихъ, желѣзныхъ, мы увидѣли множество эмблемъ или символовъ, съ затѣйливыми надписями, какъ то было въ обыкновеніи въ XVIII вѣкѣ. Эти эмблемы относятся къ 1740—1750 годамъ, ко времени нахождения во главѣ ростовской митрополіи Арсенія Мацѣевича, прославившагося своею злосчастною борьбою въ вопросѣ объ отнятій у монастырей имѣній. Нѣкоторыя изъ подписей на эмблемахъ весьма курьезны: «Да знаетъ правительствовать». — «Пою только для изъявленія печали своея». — Цапля: «Желалъ бы всѣхъ ихъ истребить». — «Звонъ его не для него самого» и т. п.

Предъ нами въ кремлѣ прежде всего подѣмлется Успенскій соборъ—одна изъ древнѣйшихъ святынь въ Великой Россіи, такъ какъ каменный храмъ этотъ, заложенный еще въ XII вѣкѣ великимъ княземъ Андреемъ Боголюбскимъ и затѣмъ обрушившійся вслѣдствіе дурной постройки, былъ вновь начатъ кн. Константиномъ Всеволодовичемъ въ 1214 г. и достроенъ въ 1230 г. княземъ Василько Константиновичемъ, убитымъ впоследствии татарами на берегахъ Сити. Само собою разумѣется, что въ теченіи 659-лѣтняго своего существованія этотъ храмъ, — по плану и наружному виду копія собора въ городѣ Владимірѣ,—потерпѣлъ всѣ тѣ бѣдствія, какія вынесъ и весь

Ростовъ: его обдирали татары, его разрушалъ пламень великихъ пожаровъ (1408 и 1730 гг.), въ него вторгались тушинскіе воры и польско-литовскіе разбойники (1609 г.), не жалѣли его и свои православные, какъ, напр., одно изъ его украшеній—поль изъ привознаго краснаго мрамора, которымъ въ 1280 г. мѣстный епископъ устлалъ поль собора, былъ увезенъ въ XV вѣкѣ въ Москву и нынѣ находится въ Благовѣщенскомъ соборѣ. Рядъ замѣчательныхъ святителей-иерарховъ, которыхъ мы видимъ во главѣ ростовской епархіи, вплоть до XVIII вѣка, до перенесенія кафедры епископской въ Ярославль (въ 1777 году), не падали ни средствъ, ни заботъ для возстановленія Успенскаго собора и прочихъ святынь города Ростова; особенно заботливостью и искусствомъ въ этомъ отношеніи отличался митрополитъ Іона Сисоевичъ (занимавшій этотъ постъ 39 лѣтъ, съ 1652 по 1690 г.), настоящій зодчій, страстный къ постройкамъ и большой знатокъ этого дѣла. Ему принадлежитъ сооруженіе едва ли не всего, что теперь заботами гг. Левшина, Шлякова, Титова, Булатова, архіерея Іонаана и друг. либо обновлено, либо и возстановлено изъ разваливъ въ кремлѣ Ростова Великаго. Между прочими зданіями, Іона воздвигъ близъ собора оригинальную колокольню, звонъ колоколовъ которой, будучи замѣчательно музыкальнымъ, составляетъ гордость ростовцевъ.

Въ 1884 году причтъ передѣлывалъ въ соборѣ старый чугунный поль. Не будь въ Ростовѣ такихъ любителей и ревнителей старины, каковы гг. Шляковъ, Титовъ и Булатовъ, работа произведена была бы какъ обычная ремонтная работа; но эти любознательные люди слѣдили за ней, хотя бы незваные и непрошенные причтомъ, и вотъ что рассказываетъ А. А. Титовъ: «Войдя, однажды, во время перекладки пола въ предѣлѣ св. Леонтія (епископъ въ Ростовѣ около 1051 г., убитъ язычниками въ 1073 г.), мы увидали на стѣнѣ, подъ святыми плитами, слѣды фресокъ; руками стали выбирать мусоръ на томъ мѣстѣ, и фрески являлись все яснѣе и яснѣе». Тогда изыскатели наши бросились съ ходатайствами къ начальнику губерніи, къ архіерею и, съ дозволенія одного и благословенія другаго, «стали расчищать находившійся подъ поломъ мусоръ и дѣлать выемку наваленной тамъ земли и кирпича. Вслѣдствіе этого оказались на лѣвой сторонѣ, при входѣ въ предѣлъ, на глубинѣ 3-хъ аршинъ, фрески съ изображеніемъ св. Игнатія (епископъ въ Ростовѣ 1212—1288 гг.) и возлѣ этого изображенія отъ главнаго алтаря спускалась на 3¹/₂ аршина каменная лѣстница. При дальнѣйшихъ раскопкахъ, на той же глубинѣ трехъ, трехъ съ половиною аршинъ, открылся каменный поль, абсида алтаря съ кирпичнымъ престоломъ и, наконецъ, на правой сторонѣ, подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ наверху стояла серебряная

рака св. Леонтія, почти наравнѣ съ поломъ, оказалась каменная гробница, которую прислалъ князь Андрей Боголюбскій (болѣе 700 лѣтъ тому назадъ) для новооткрытыхъ мощей святителя. Надъ гробницей оказались слѣды такого же свода, въ видѣ ниши, какъ и на противоположной сторонѣ; на стѣнѣ превосходно сохранилось изображение св. Леонтія и часть троняра угоднику». Живопись и буквы относятся наши ростовскіе изыскатели къ XVII вѣку, къ дѣятельности все того-же обновителя и зиждителя храмовъ и зданій въ г. Ростовѣ—Іоны Сысоевича. Къ 1730 г., ко времени весьма лютаго пожара, испепелившаго внутренность Успенскаго собора, относятся, такъ сказать, погребеніе Леонтьевскаго предѣла подъ грудями мусора, на которомъ, на 3½ аршина выше прежняго пола, настланъ былъ полъ новаго предѣла; его, вѣроятно, тогда же, въ 1730 г., сравняли, быть можетъ для удобства богослуженія, съ главнымъ алтаремъ. Теперь этотъ древній предѣлъ вышелъ изъ своей 150-ти-лѣтней могилы и съ какою любовью, съ какими заботами онъ возрожденъ на удивленіе и восторгъ людей полныхъ благочестиваго почитанія святынь и древностей! Члены основанной подъ предсѣдательствомъ покойнаго В. Д. Левшина комиссія, гг. И. А. Вахрамѣевъ, Д. А. Булатовъ, И. А. Шляковъ, А. А. Титовъ и друг. соревновали между собою ¹⁾. На помощь имъ явились указанія весьма свѣдущаго въ церковно-старинномъ зодчествѣ предсѣдателя московскаго архитектурнаго общества Н. В. Никитина, проектъ котораго и былъ принятъ въ основаніе при возрожденіи древняго предѣла. И онъ возникъ въ мельчайшихъ подробностяхъ живописи, орнаментики, во всѣхъ подробностяхъ алтаря, до послѣдней лампы или подсвѣчника, во вкусѣ XVI—XVII столѣтій. Благодаря въ особенности усердію, любви къ дѣлу и знаніямъ ближайшаго распорядителя работъ И. А. Шлякова, который изо дня въ день, въ теченіе цѣлаго года, не оставлялъ своего поста, пещерный храмъ св. Леонтія былъ возстановленъ замѣчательно скоро и 29-го сентября 1885 г. торжественно освященъ.

Ростовцы съ гордостью вспоминаютъ о посѣщеніи ихъ главнаго храма, во время производства еще помянутыхъ работъ, великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ, который, съ величайшимъ вниманіемъ обозрѣвъ всю эту святыню, изволилъ сказать:

— «Мало такихъ древнихъ памятниковъ на Русѣ!»

Мы не станемъ, однако, перечислять здѣсь всѣ остатки святой

¹⁾ Съ 30-го іюля по 28-е августа 1884 г. комиссія дѣлала раскопки, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ ростовскаго предводителя дворянства Д. А. Булатова, который велъ и протоколы засѣданій комиссіи.

старинны въ Успенскомъ соборѣ и въ его пещерномъ и другомъ придѣлахъ. Это лучше насъ сдѣлано уже нѣсколько разъ. Изъ многихъ описаній вообще святынь Ростова мы въ особенности рекомендуемъ нашимъ туристамъ и паломникамъ небольшую книжечку Андрея Александровича Титова, неутомимаго и даровитаго писателя въ области исторіи, этнографіи, археологіи и даже статистики его роднаго Ростовскаго края. Книжечка эта — «Ростовъ Великій. Древніе памятники и историческія святыни» — вышла въ Москвѣ, въ 1888 г. (ц. 15 коп.); на 76 страницахъ она заключаетъ въ себѣ замѣчательно полный, обстоятельный и положительно интересный рассказъ. Итакъ, отошлемъ читателей къ этой книжечкѣ и направимся къ другимъ церквамъ Ростовскаго кремля.

Этихъ церквей пять, всѣ онѣ старинныя, всѣ онѣ возродились изъ полуразвалинъ въ послѣднія пять—шесть лѣтъ. Въ этихъ церквахъ, созданныхъ зодчимъ іерархомъ Іоною (въ 1670-хъ годахъ) и его ближайшимъ преемникомъ митрополитомъ Іоасафомъ, необыкновенно интересны каменные иконостасы, каменные шатры на столпахъ надъ царскими вратами и клиросами, голосники въ стѣнахъ — старинный способъ усиленія звука, раскраска стѣнъ событіями изъ библейской и евангельской исторіи и изъ жизни мѣстныхъ святыхъ, клейма которыхъ окружены прекраснымъ живописнымъ орнаментомъ. Любопытна также наружная окраска одного изъ этихъ храмовъ (Пресвятой Богородицы) разноцвѣтными трехъ-угольниками; въ храмѣ Спаса на стѣнахъ иконостасъ также каменный, а амвонъ отдѣленъ отъ церкви каменными арками, что въ связи вообще со всею весьма красивою внутренностью церкви дѣлаетъ общій ея видъ чрезвычайно своеобразнымъ и интереснымъ. Храмъ св. Григорія Богослова, все въ той же кремлевской оградѣ, возобновленъ на пожертвованныя крестьяниномъ Ростовскаго уѣзда Иванъ Алексѣевъ Рулевымъ средства 5.000 руб. всего онъ пожертвовалъ на возстановленіе Кремля до 7.000 руб.) и добавочныя Ростовскою гражданкою Ел. Дмитр. Мальгиной; храмъ возобновленъ подъ главнымъ наблюденіемъ А. А. Титова и торжественно освященъ 28-го октября 1884 г.; храмъ этотъ служитъ нынѣ прекраснымъ памятникомъ святой старины, когда къ нему примыкалъ въ древности Григорьевскій монастырь Затворъ, изъ-подъ стѣни котораго вышелъ на проповѣдь христіанства св. Стефанъ, епископъ Пермскій.

На мѣстѣ бывшаго здѣсь древняго деревяннаго храма, 218 лѣтъ тому назадъ возникъ большой каменный пятиглавый, съ шатровою колокольнею; храмъ былъ созданъ въ эпоху строителя іерарха Іоны Сысоевича. Но облыло это превосходное сооруженіе пламя великаго

пожара 1730 года, испепелившего громадную часть Ростова и весь кремль, и вотъ храмъ св. Григорія Богослова, въ концѣ прошлаго столѣтія, уже представлялъ не только полное разрушеніе, но и оскверненіе въ мѣстѣ святѣ. Въ немъ помѣстился курень и даже бойня. «Окна были выбиты, рассказываетъ А. А. Титовъ, иконостасъ нарушенъ, желѣзныя двери и связи выломаны и проданы; своды нѣкоторые дали глубокія трещины, а нѣкоторые почти провалились»... Любовь къ старинѣ, хотя не столь часто, какъ бы то слѣдовало, но въ данной мѣстности бываетъ иногда преемственна изъ поколѣнія въ поколѣніе. Такъ и по отношенію къ этому храму: лѣтъ тридцать тому назадъ, одинъ почтенный ростовецъ И. И. Храниловъ (купецъ, бывшій соборный староста, сынъ крестьянина, умеръ въ 1865 г.), оставившій добрую память по своей любви и ревности къ мѣстнымъ святынямъ, предпринялъ нѣкоторое возобновленіе полуразрушенныхъ кремлевскихъ храмовъ, коснулся этой церкви и привелъ ее въ приличный видъ. Усердіе и заботы, въ наше уже время, А. А. Титова довершили это возрожденіе до мельчайшихъ подробностей знаменитаго храма ¹⁾. Не будемъ передавать подробностей: заѣжайте въ Ростовъ, посѣтите эту церковь и вы увидите, что это за прелесть—возрожденный, во очю старины, памятникъ XVI—XVII вѣковъ.

Было и было весьма не мало ревнителей благолѣпія храмовъ на святой Руси. Десятки, сотни тысячъ издерживали наши брадатые личные и почетные граждане, именитые купцы на храмы Божіи, но вотъ что бѣда: если бы при мѣшкахъ денегъ, которыя они расходовали, была бы у нихъ хоть крошечка знанія или, по крайней мѣрѣ, довѣрія къ людямъ науки, знатокамъ древняго церковнаго зодчества и вообще искусства, сколько бы было возстановлено и содѣлано въ области зодчества поистинѣ прекраснаго! А то давно уже замѣчено, что наши ревнители благочестія въ ихъ возобновленіи и подновленіи старинныхъ церквей, алтарей, образовъ, вообще всего, что напоминаетъ сѣдую древность, были зачастую хуже татаръ, хуже сподвижниковъ тушинскаго вора, отъ хищныхъ рукъ которыхъ все же оставались цѣлыми хотя бы стѣны, двери, окна, крыши... Между тѣмъ и это верѣдко рушилось и видоизмѣнялось подъ ударами строителей и возобновителей въ два послѣдніе вѣка, не озаренныхъ свѣтомъ знанія...

Ну, да объ этомъ много уже было говорено и писано, и дасть

¹⁾ Въ тайникѣ, подъ алтаремъ Спасской на сѣняхъ церкви, служившемъ прежде помѣщеніемъ для богатѣйшей ризницы Ростовскихъ іерарховъ, находится древле-хранилище А. А. Титова — собранныя имъ книги и рукописи. Къ сожалѣнію, въ отсутствіи изъ Ростова хозяина, мы познакомились съ этимъ замѣчательнымъ собраніемъ только по его печатнымъ «охраннымъ каталогамъ».

Богъ не безъ пользы, такъ какъ теперь во-очію изъ толщи того же купечества проявляются гг. Титовы и Шляковы, которые, кромѣ ревности къ святынь, въ дѣло ея возстановленія вносятъ и личное знаніе, и уваженіе къ ученымъ авторитетамъ. Такъ, напр., и въ настоящемъ случаѣ, при возрожденіи храма св. Григорія Богослова, г. Титовъ обратился къ вице-президенту императорскаго московскаго археологическаго общества, В. Е. Румянцеву; затѣмъ онъ сумѣлъ найти средства, вызвалъ пожертванія, приложилъ свои собственныя, и вотъ предъ вами храмъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ построенъ, 220 лѣтъ тому назадъ, митрополитомъ Іоною Сысоевичемъ, съ сохраненіемъ измѣненій, произведенныхъ однимъ изъ его преемниковъ первой половины XVIII вѣка—Арсеніемъ Мацѣвичемъ.... Церковь прелестна: въ виду всей этой необыкновенно умѣло обновленной живописи, всѣхъ этихъ лѣпныхъ украшеній XVII вѣка, въ виду этого алтаря, въ виду царскихъ вратъ,—наиточнѣйшаго снимка съ вратъ, рѣзанныхъ въ XVI-мъ вѣкѣ, при царѣ Іоаннѣ Грозномъ, и новынѣ украшающихъ церковь Іоанна Богослова на рѣкѣ Ишиѣ, близъ Ростова,—вы такъ и чувствуете себя какъ бы среди молящихся предковъ вашихъ за 200, за 300 лѣтъ тому назадъ.... Спасибо вамъ, гг. Титовы и Шляковы, дай Господи, чтобы поболѣе васъ было на святой Руси, и чтобы громадныя средства, какія русскіе люди охотно издерживаютъ на поддержку святыни, такъ же умѣло расходовались бы отнынѣ, какъ то сдѣлано въ кремлевскихъ храмахъ города Ростова.

III.

По возобновленной старинной галлерей переходимъ мы въ Бѣлую Палату. Не болѣе пяти лѣтъ тому назадъ газетная молва о ней облетѣла всю Россію. До 1883 года на Руси, конечно, внѣ Ростова, вовсе не знали, что за валами и каменною оградой кремля этого города существуетъ весьма изящное, въ архитектурномъ отношеніи весьма замѣчательное, двухъ-вѣковое зданіе—Бѣлая Палата. Это зданіе и въ самомъ Ростовѣ было забыто, заброшено, съ примыкающими къ нему княжескими теремами, представлявшими полныя развалины съ растущими на нихъ кустами и деревьями. Но въ 1883 году объ этомъ памятникѣ старины свѣдали русскіе люди изъ множества газетныхъ сообщеній, прочли о торжествѣ освященія и открытія Бѣлой Палаты, и вотъ изъ года въ годъ она привлекаетъ подъ свою сѣнь десятки, сотни путешественниковъ и туристовъ, заѣзжающихъ

нарочно въ Ростовъ Великій, дабы обозрѣть сокровища старины, собранныя въ Бѣлой Палатѣ. Скажемъ же и мы о ней двѣ-три странички.

Во первыхъ, что такое Бѣлая Палата? Это особое зданіе, сооруженное близъ бывшаго митрополичьяго дома (нынѣ въ немъ духовное училище), созданное, въ 1670-хъ годахъ, Іоною Сысоевичемъ— «для пришествія государева», и, дѣйствительно, палата принимала въ своихъ стѣнахъ императрицу Еватерину II въ 1763 году, когда это государыня, укрѣпляя за собой престоль, на который она такъ внезапно взшла, являя всѣ знаки благоговѣйнаго отношенія къ народнымъ свитынямъ, пріѣзжала въ Ростовъ на церемонію переложенія мощей святителя Димитрія въ новую раку, сооруженную ея предшественницей Елизаветой Петровной.

Кто бывалъ въ Грановитой Палатѣ въ Москвѣ, тотъ легко представитъ себѣ Бѣлую Палату въ Ростовѣ; она во многомъ ее напоминаетъ. Особенно красивы ея своды, искусно сведенные съ четырехъ угловъ къ одному столпу, стоящему посреди палаты, «серьги» въ красивыхъ окнахъ, — тайнички и печуры, родъ комнатовъ и шеапчиковъ въ ея толстѣйшихъ стѣнахъ... Вообще вся палата съ примыкающей къ ней Отдаточной—родъ большихъ сѣней, общимъ видомъ своимъ является зданіемъ величественнымъ. Вотъ ужъ впрямь — превосходное помѣщеніе для собранія въ ней памятниковъ старины. Беремъ «Путеводитель по Ростовскому музею церковныхъ древностей» — (Ярославль, 1886 г.), очень хорошо составленный Ѳедоромъ Афанасьевичемъ Бычковымъ, молодымъ, трудолюбивымъ изыскателемъ Ростовско-Ярославской старины, — и переходимъ съ нимъ отъ витринъ къ витринѣ, отъ предмета къ предмету... А ихъ не мало. Въ годъ изданія «Путеводителя» было въ музей около 3,000 номеровъ, а два года спустя, когда мы обходили музей, было уже въ немъ до 4,900 предметовъ¹⁾. Вотъ тутъ и толкуй о равнодушіи русскихъ людей въ своей старинѣ: нѣтъ, видно русскіе люди охотно отзовутся на кличъ людей науки, — возмись только они за дѣло съ любовью и умѣньемъ, да не остывая въ нихъ энергія къ разъ начатому хорошему дѣлу; а то вѣдь русскіе люди съ жаромъ берутся за что либо, да жаръ-то этотъ... Пойдите, однако, этого рода разсужденіе совершенно не у мѣста подъ сводами Бѣлой Палаты, гдѣ уже на каждомъ квадратномъ аршинѣ что нибудь интересное останавливаетъ посѣтителя: во первыхъ, насъ пріятно поразило здѣсь множество приношеній самихъ устроителей музея и ихъ ростовскихъ согражданъ:

¹⁾ Музей открытъ для осмотра ежедневно отъ 9 до 3 часовъ пополудни; особенно лѣтомъ всегда можно въ немъ встрѣтить посѣтителей.

гг. Титовъ, Шляковъ, Булатовъ, Вахрамѣевъ, братья Кекины и друг. не только взывали и усердно собирали отъ другихъ, они сами принесли въ даръ родному музею предметы несомнѣнно важные для исторіи или археологіи, и въ то же время несомнѣнно весьма для нихъ дорогіе. Такъ, напр., товарищъ предсѣдателя комитета управления музея Бѣлой Палаты и княжихъ теремовъ въ Ростовѣ Великомъ, Дмитрій Александровичъ Булатовъ... но позвольте три, четыре строчки о немъ. Д. А.—представитель старинной дворянской фамиліи, по матери—потомокъ знаменитаго боярина, князя Василя Васильевича Голицына († въ ссылкѣ въ 1713 г.), по отцу—внукъ одного изъ доблестныхъ военныхъ и административныхъ дѣателей эпохи Александра I (см. въ «Русск. Стар.» изд. 1874 г., кн. VII и VIII, біографію Мих. Булатова),—Д. А. род. въ 1837 г. Получивъ воспитаніе въ одномъ изъ военноучебныхъ заведеній, онъ уже съ 1866 г. оставилъ гвардейскій лейбъ-гусарскій полкъ и всецѣло посвятилъ свои силы, здоровье и лучшіе годы жизни своему родному Ростовскому уѣзду: мировой судья, затѣмъ предводитель дворянства, гласный, предсѣдатель земской управы—Д. А. явилъ въ себѣ одного изъ тѣхъ многихъ честныхъ, благородныхъ общественныхъ дѣателей 1860—1870 годовъ, которые ввели на Руси, въ плоть и кровь народа, благія и великія реформы Александра II... Исполать имъ, этимъ русскимъ людямъ; безъ нихъ самая реформа остались бы мертвою буквою ¹⁾).

Д. А. Булатовъ, дѣятельный членъ комитета по устроению и управленію музея въ Ростовѣ, принесъ ему въ даръ, между прочимъ, собраніе замѣчательныхъ деревянныхъ складней, собраніе старинныхъ фамильныхъ иконъ, изъ которыхъ нѣсколько принадлежало къ божницѣ кн. В. В. Голицына; предъ ними клалъ поклоны и возносилъ моленія просвѣщенный бояринъ,—отправляясь въ походъ на крымскихъ татаръ или мечтая не болѣе и не менѣе какъ объ освобожденіи крестьянъ, и это за 200 лѣтъ до того, какъ настала эта свобода для крѣпостныхъ рабовъ! Кромѣ собранія древнихъ иконъ, складней, крестовъ, Д. А. пожертвовалъ музею всю свою бібліотеку,

¹⁾ Заглянули мы какъ-то въ одинъ изъ докладовъ Д. А. Булатова ростовскому земству за 1887—1888 гг. и остановились предъ любопытною цифрою: по ростовской земской антекѣ—расходъ въ прежніе годы былъ свыше 11 т. руб., а со вступленія Д. А. въ должность предсѣдателя управы таковой уменьшился до 456 руб. 79 к. въ годъ.

Въ послѣдующемъ году по другимъ статьямъ земской расходной смѣты сбереженія превысили 40 т. руб. Такъ сбережены интересы ростовскаго земства. Вотъ чѣмъ и сильно земство! Рано или поздно, но оно всегда представитъ къ дѣлу людей честныхъ и берегущихъ трудовыя деньги народа.

1,164 тома (изъ нихъ множество богословскихъ и историческихъ книгъ), коллекцію древнихъ римскихъ и восточныхъ монетъ (до 400 экз.), живописные портреты царственныхъ особъ, между прочими, инокини Сусанны, въ міру царевны Софіи Алексѣевны, царевича Алексѣя Петровича, принцессы Анны Леопольдовны, царицы Авдотьи Лопухиной и другихъ; собраніе грамотъ, актовъ, столбцовъ, автографовъ замѣчательныхъ лицъ; А. А. Титовъ, И. А. Шляковъ, И. А. Вахрамѣевъ, А. П. Ивановъ и друг. подарили нѣсколько живописныхъ портретовъ людей достопамятныхъ въ исторіи Ростовскаго края, церковныхъ сосудовъ, образовъ, рѣзной деревянный крестъ, актовъ, монетъ (И. А. Шляковъ) и проч. А. Л. Кекинъ принесъ въ даръ собраніе серебряныхъ чаровъ, жалованныхъ въ XVII и XVIII вѣкахъ его предку.

Но кромѣ устроителей музея, явилось, если не ошибаемся, до двухъ сотъ разныхъ жертвователей, вкладчиковъ и вкладницъ въ Музей ¹⁾; конечно, главную массу достопамятныхъ предметовъ составляютъ старинныя вещи, доставленныя изъ церквей и монастырей Ярославской епархіи по приглашенію архіепископа Ярославскаго Ионафана, дѣйствовавшего при самомъ сочувственномъ отношеніи оберъ-прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева къ устроенію музея церковныхъ древностей въ г. Ростовѣ. Оберъ-прокуроръ Св. Синода сообщил Ростову Великому высокознаменательныя, дорогія строки, начертанныя Государемъ Императоромъ на докладѣ о возстановленіи Бѣлой Палаты: «весьма утѣшительно, что этотъ древній памятникъ поддерживается, благодарить жертвователей».

Такое высокое вниманіе Державнаго Вождя Россіи придало выпую бодрость и энергію ростовцамъ и они въ четыре года создали у себя такой музей, для котораго должно было бы понадобиться десятки лѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ числѣ 5,000 предметовъ, въ него поступившихъ (въ 1883—1888 гг.), посѣтитель находитъ до 23 интересной работы рѣзныхъ царскихъ вратъ, изъ нихъ пятеро XVII вѣка; напрестольные кресты (XVI и XVII вв.), слюдяные фонари, весьма древніе антиминсы (имѣется, напр., 1579 г.), священническія облаченія, евангелія, церковныя древнія хоругви, даровосицы (напр. желѣзная XVI в.), потиры деревянные XIV в., брачные вѣнцы XVII вѣка, нѣсколько предметовъ, принадлежавшихъ св. Димитрію Ростовскому, отличные портреты его отца и его самого, а также митрополитовъ Юны Сысоевича, Арсенія Мацѣвича, до четырехъ портретовъ царицы

¹⁾ Нѣкоторыя изъ этихъ пожертвованій перечислены въ отчетѣ музея. Напр., ростовская дворянка Л. И. Назимова пожертвовала болѣе 1,000 томовъ книгъ историческаго содержанія.

Евдокии Лопухиной, — имѣвшей въ современномъ ей ростовскомъ архіереѣ Досифеѣ — вѣрнѣйшаго своего сторонника ¹⁾; любопытный живописный портретъ Пугачева. Портретъ этотъ писанъ на холстѣ (9 верш. и 6 1/2 верш.); на немъ подпись: «Подлинное изображеніе бунтовщика и обманщика Емельки Пугачева». — Емелька изображенъ въ шубѣ и бѣлой рубахѣ, волоса — разрядкой, по раскольниковичья. Очень интересенъ надгробный памятникъ XV вѣка, — поставленный въ 1459 году надъ могилою Ильи Степановича Дьякова, погребеннаго при одной изъ церквей въ Ростовѣ. Это каменный крестъ съ превосходно сохранившеюся длинной надписью, которая есть не что иное, какъ цѣлое завѣщаніе покойнаго. Крестъ поставленъ отцомъ надъ сыномъ; на крестѣ отецъ, между прочимъ, весьма четко, на многіе вѣка начерталъ:

«...и азъ многогрѣшный, Стефанъ Дьяковъ, постави крестъ сей надъ гробомъ сына своего, и далъ еси по немъ Великому Воскресенью (перевѣ) двѣ деревни: Волково Стрворлявыхъ, да Яблоково Лисциныхъ, и съ тѣхъ деревень попу съ дьякономъ половина жита, черничамъ Воскресенскимъ половина жита. Далъ есмь Великому Воскресенью въ домъ 10 р., попу 6, дьякону 4, а приказываю дому Воскресенья смотрити господину Ивану Дмитріевичу зятю, и Алексію Полѣвковичу, и его сыну Роману. А кто похочеть изъ дому Воскресенья то взяти, или тѣ деревни купити, или продати сильно, съ тѣмъ имѣю судъ во второе пришествіе предъ самымъ Христомъ. А по смыслу моему Ильѣ по вся субботы, поютъ два попа съ дьякономъ и весь родъ нашъ поминаютъ».

Въ числѣ многихъ дарохранительницъ въ музеѣ имѣется нѣсколько особо интересныхъ оловянныхъ, двухъ-ярусныхъ, XVII в.; вообще сосу-

¹⁾ Досифей погибъ за нее мученическою смертію, колесованный въ Москвѣ, на Красной площади, 17 марта 1718 года. А. А. Титовъ передаетъ объ этомъ замѣчательномъ архіереѣ слѣдующее преданіе: въ Троицкомъ Варницкомъ Ростовскомъ монастырѣ, въ концѣ XVII вѣка, былъ инокъ Стефанъ; святость жизни его и прозорливость вызывали къ нему благоговѣнное уваженіе земляковъ, которые считали его за святаго. Въ мірѣ это былъ Абрамъ, холопъ боярина Лукіана Лопухина. Абрамъ былъ очень друженъ съ другимъ слугою того же боярина Діомидомъ Глѣбовымъ. По сонному видѣнію Абрамъ предсказалъ Діомиду, что онъ будетъ епископомъ, а затѣмъ его казнятъ, и уговаривалъ его нигде не уходить отъ своего господина. Много лѣтъ спустя послѣ сего — ростовскій епископъ Досифей (бывшій холопъ — Діомидъ Глѣбовъ) 1715 года 29 октября, въ день преподобнаго Авраамія, служа въ Богоявленскомъ монастырѣ, встрѣтилъ Стефана; тотъ узналъ въ епископѣ своего друга и родственника и сталъ уговаривать Досифея отказаться отъ каедры и удалиться простымъ монахомъ въ Соловецкій монастырь; но епископъ Досифей не послушалъ его — и менѣе чѣмъ черезъ три года въ страшныхъ истязаніяхъ испустилъ духъ на Красной площади, въ Москвѣ.

довъ церковныхъ нѣсколько, при чемъ имѣются деревянные потиры XVI вѣка, украшенныя древнѣйшею живописью деревянными чаши; образа — самой разнообразной живописи, нѣкоторые рисованы красками и золотомъ по шелку. Собраніе крестовъ хотя значительно уступаетъ по количеству собранію Тверскаго музея, но и тутъ имѣются рѣдкіе экземпляры, равно литыя иконы, складни и мѣдные кресты; многіе изъ нихъ найдены при раскопкахъ въ разныхъ мѣстностяхъ Ростовскаго уѣзда. Интересно собраніе церковныхъ, иногда весьма отдаленной старины. мѣдныхъ чашъ (XVI в.), подсвѣчниковъ и лампадъ, съ замѣчательными ажурными украшеніями... Мы, впрочемъ, напрасно будемъ пересчитывать предметы церковныхъ древностей, находящіяся въ Ростовскомъ музеѣ: обстоятельный перечень ихъ выдержалъ уже два изданія въ «Описаніи» хранителя этого музея, свящ. В. Мансветова (Ярославль, 1889 г., изд. 2-е дополненное). Изъ этого описанія видно, что изъ 23-хъ старинныхъ царскихъ вратъ, имѣющихся въ музеѣ, пять принадлежатъ XVII-му, а одни врата даже XVI столѣтія (вышина 2 аршина 9 вершковъ)... Все это какіе превосходные образцы для современныхъ художественныхъ воспроизведеній старины!... Древніе шитые покровы, воздухи, пелены, — которыми обладаетъ музей, восходятъ до XVII, даже до XVI-го вѣка, вышитыя на нихъ священныя изображенія, съ соотвѣственными надписями, весьма иногда замѣчательны ¹⁾. Что и говорить, изъ тысячелѣтняго бытія Россійскаго государства, какія либо триста лѣтъ не Богъ вѣсть что за старина; за рубежемъ, въ Германіи, зайдите въ любой музей и вамъ десятками покажутъ не только металлическіе или деревянные предметы первыхъ десяти вѣковъ христіанской эры, но въ архивахъ вы увидите грамоты и акты XII, XI, даже X вѣка; въ этомъ я самъ убѣдился въ 1887 году, при посѣщеніи многихъ архивовъ и музеевъ Германіи; но у насъ на Руси, въ этомъ по преимуществу «деревянномъ» царствѣ, гдѣ такъ часто все пылало изъ конца въ конецъ въ ея городахъ, а что не догорѣло, то сокрушено многовѣковымъ невѣжествомъ, приходится и предметы XVII в. считать весьма старинными, а XVI вѣка даже очень и очень старинными.

Собраніе рукописей Ростовскаго музея, не смотря на недавнее его

¹⁾ Особенный интересъ для исторіи представляетъ покровъ, шитый золотомъ по шелковой (палеваго цвѣта) матеріи, съ изображ. Св. Авраамія Ростовскаго. Покровъ этотъ былъ возложенъ на раку преподобнаго царемъ Иваномъ Васильевичемъ IV, послѣ возвращенія нѣкъ изъ Казани, — при построеніи имъ въ монастырѣ соборнаго храма.

основаніе (28-го октября 1883 г.), уже имѣеть описаніе. Оно вышло въ 1886 г. (оттискъ изъ «Ярославск. Губ. Вѣд.») и представляетъ одинъ изъ множества трудовъ А. А. Титова. Изъ 150 тт (къ 1888 г. церковно-славянскихъ рукописей, принадлежащихъ музею, г. Титовъ обращаетъ вниманіе на Синодики (№№ 9 и 10) одного изъ бывшихъ близъ Ростова монастырей и сельской церкви; въ этихъ синодикахъ вписаны многіе роды ростовскихъ князей и родъ Воронцовыхъ, а также на рукопись № 75, писанную Волковымъ, секретаремъ митрополита Арсенія Мацѣвича, каковой Волковъ умеръ въ глубокой старости въ Ростовѣ и оставилъ много разказовъ и легендъ въ народѣ о святости и мученичествѣ своего патрона іерарха.

Рукописи описаны заботливо, нерѣдко по листамъ; по времени написанія, онѣ не восходятъ далѣе XVI вѣка, къ каковому относятся: Служебникъ (№ 2), молитвенникъ (№ 11), октоихъ (№ 13), трефологъ (№ 3). Прочія рукописи состоятъ, между прочимъ, изъ списковъ разныхъ сочиненій Дмитрія Ростовскаго,—дневникъ, описаніе путешествія и письма княгини Ирины Урусовой, рожденной Хитрово,—и множество житій святыхъ, «словъ», сборниковъ богослужебныхъ и проч., преимущественно въ спискахъ XVIII вѣка.

Документы, принадлежащіе музею, также уже въ 1886 г. имѣли своего описателя, въ лицѣ ярославскаго молодаго ученаго М. А. Липинскаго. Описаніе это, подобно предъидущему, помѣщено въ «Ярославскихъ Губ. Вѣд.» и такъ-же издано отдѣльнымъ оттискомъ. Въ это описаніе вошло 256 актовъ; но кромѣ 300 свитковъ, въ музеѣ уже было въ 1888 г. до 1,020 актовъ; древнѣйшій изъ описанныхъ относится къ 1578 г. и состоитъ въ копіи съ жалованной грамоты Кириллову-Бѣлозерскому монастырю на рыбныя ловли; послѣдній, по времени, актъ 1795 г.; въ ряду судныхъ актовъ, какъ имѣющіе особенный интересъ, г. Липинскій указываетъ въ описанномъ имъ собраніи на акты губнаго дѣлопроизводства (№№ 21—33), въ виду незначительности количества актовъ этого рода, имѣющихся въ распоряженіи науки. Какъ ни сжато описаніе г. Липинскаго, представляющее нерѣдко лишь простой перечень актовъ, тѣмъ не менѣе оно обстоятельно, вполнѣ облегчая справки и закрѣпляя настоящее собраніе за музеемъ; желательно, чтобы и дальнѣйшія поступления актовъ въ это собраніе были, время отъ времени, описываемы и непременно такое описаніе, подобно труду г. Липинскаго, было-бъ издано. Что касается до порядка укладки и храненія актовъ, монетъ, коллекцій крестовъ, серегъ и проч. предметовъ, то мы совѣтовали бы почтеннымъ о. В. Мансветову, А. А. Титову и И. А. Шлякову снестись съ зиждителемъ тверскаго музея А. К. Жизневскимъ,

который, какъ мы уже говорили выше въ нашихъ замѣткахъ ¹⁾, довелъ до совершенства порядокъ устройства и размѣщенія тѣхъ и другихъ коллекцій, входящихъ въ составъ музея; это, впрочемъ, не значить, чтобы въ Ростовѣ эти собранія не были бы приведены въ надлежащій порядокъ, напротивъ, они даже весьма обстоятельно описаны; такъ, напр., описаніе монетъ—исполнено И. А. Шляковымъ вполне хорошо, но въ тверскомъ музее—А. К. Жизневскій примѣнилъ для раскладки монетъ особыя изобрѣтенныя имъ доски; для развѣски крестовъ, серегъ и предметовъ уборовъ замѣчательныя особыя, также по его мысли устроенныя, шкапчики-витрины; для храненія актовъ столбцовъ—опять-таки совершенно особаго вида шкапы, съ гвѣздами, словомъ, въ Твери имѣются въ этомъ отношеніи весьма остроумно придуманныя помѣщенія, которыя мы и рекомендуемъ Ростову Великому и другимъ городамъ, гдѣ только имѣются музеи, перенять, что легко и сдѣлать, списавшись съ Тверью...

Осматривая въ Бѣлой Палатѣ тайнички, въ которыхъ также размѣщены различныя предметы древностей, мы нашли въ одномъ изъ нихъ, точно въ кельи вновь заточенную, изображеніе злосчастной царицы Евдокіи Лопухиной. Она изображена инокиней, съ книгой, и подъ портретомъ надпись: «Царица Евдокія Θεодоровна, жена первая Петра I». Эта личность, по ея трагической судьбѣ своего сына и своихъ сторонниковъ и друзей, всегда будетъ интересоваться историковъ и читателей... Присутствіе нѣсколькихъ живописныхъ портретовъ царицы-инокини въ Ростовскомъ краѣ весьма понятно: въ монастыри этого края направляла царица Авдотья—инокиня Елена—свои паломничества въ Суздальскаго Покровскаго дѣвичьяго монастыря; здѣсь принимали ее хотя со смертнымъ страхомъ, но съ большимъ сочувствіемъ...

На видномъ мѣстѣ, при самомъ входѣ въ Бѣлую Палату изъ Отдѣлочной, висятъ портреты достойнѣйшихъ гражданъ города Ростова, Е. И. и В. И. Королевыхъ. Живя, по своимъ торговымъ дѣламъ вдалекѣ отъ родины, въ Томскѣ, эти ростовцы первые откликнулись на дѣло славное въ родномъ городѣ и пожертвовали 4,000 руб. для возобновленія зданія Бѣлой Палаты и около 4,000 руб. на приспособленіе въ Бѣлой Палатѣ музея и книгохранилища, на устройство витринъ и шкафовъ.

¹⁾ «Русская Старина» изд. 1888 г., августъ.

«РУССКАЯ СТАРИНА» 1889 г., т. LXIII, СЕНТЯБРЬ.

IV.

Узенькимъ переходомъ, со ступеньками, переходимъ мы изъ Палатъ въ бывшіе княжіе терема; сооруженные еще въ XVI в., они въ XVIII вѣкѣ совершенно развалились послѣ пожара 1730 г. Въ 1883 г. покойный В. Д. Левшинъ розыскалъ въ Госуд. банкѣ пожертвованный еще въ 1850-хъ годахъ ростовцами капиталъ на возстановленіе Кремля ихъ города—всего съ процентами до 5,000 руб., и на этотъ капиталъ терема ростовскихъ князей возстановлены во вкусѣ XVI в.: орнаменты на стѣнахъ, печи, стулья, двери, замки, ключи, словомъ, рѣшительно все, до послѣдней мелочи, выполнено по рисункамъ И. А. Шлякова, которые исполнены съ предметовъ тѣхъ вѣковъ, видѣнныхъ имъ въ московскихъ и другихъ музеяхъ. Изъ оконъ теремовъ (въ началѣ XVIII в. здѣсь была греко-латинская школа) можно видѣть подвальный этажъ бывшихъ нѣкогда въ Кремлѣ обширныхъ Красныхъ палатъ. Это также, нѣкогда превосходное, сооруженіе 1670-хъ годовъ митрополита Іоны Сысоевича, у котораго были и средства созидать грандіозныя сооруженія, такъ какъ во власти ростовскихъ владыкъ были вотчины съ 16,000 душъ крестьянъ! Такъ либо иначе, но «Красная Палата» погибла, но не отъ пожара, а отъ вандализма, и притомъ въ недавнее время, въ 1840-хъ годахъ. Зданіе было въ казенномъ вѣдомствѣ, поступило отъ него въ распоряженіе откупщика (желательно бы увѣковѣчить его фамилію), и вотъ онъ продалъ кирпичъ, камень, связи желѣзныя и весь матеріалъ древняго сооруженія, каковой матеріалъ пошелъ на постройку лавокъ желѣзнаго рада... Разсказъ современника о разрушеніи этого памятника русскаго зодчества сохранился въ записи очевидца, кажется, того-же И. И. Хранилова, о которомъ мы упоминали выше.

«Красная Палата» была также сооружена для пришествія государева, и въ ней пировалъ, по преданію, Петръ Великій, въ бытность его въ Ростовѣ. Палата состояла изъ обширной залы, на высокомъ подвальномъ этажѣ, и покрыта была сводами, красиво сходявшимися на одномъ каменномъ посреди столбѣ.

«...На стѣнахъ, сводахъ, простѣнкахъ, откосахъ оконъ и на столбѣ помѣщены, пишетъ въ 1840 г. очевидецъ, разныя изображенія красками изъ церковной исторіи и лики святыхъ, работы аль-фреско. Они такъ были новы, какъ будто недавно вышли изъ-подъ кисти художника,—и изображенія тѣ, сброшенныя сверху вмѣстѣ со стѣнами, разрушенныя отъ паденія въ разныхъ частяхъ, но не потерявшія еще

своихъ значеній, навели на меня вѣщшее уныніе. Мнѣ пришла мысль, что было время, когда предстоящіе предъ ликами святыхъ, изображенныхъ въ разрушаемой храминѣ, съ благоговѣніемъ взирали на нихъ, знаменовали себя знаменіемъ креста и, быть можетъ, лобзали ихъ съ вѣрою. Что-же нынѣ? Тѣ-же изображенія, тѣ-же лики святыхъ, но сброшенные на землю, и въ какомъ положеніи! Одно лишенное ногъ, другое имѣетъ лишь корпусъ безъ главы, третье, упавъ, встало головою внизъ. Если бы надо было изобразить картину мученичества, оставалось лишь списать: нельзя найти употребленія вѣрнѣе и ближе къ подлиннику. Не могъ я удержаться отъ слезъ...»

Эти слезы обывателя Ростова, простаго гражданина, человѣка на мѣдныхъ деньги воспитаннаго, слезы надъ развалинами памятниковъ древняго искусства въ своемъ родномъ городѣ — служить, поистинѣ, залогомъ любви, горячей любви къ старинѣ; а гдѣ еще бьется сердце этою любовью, тамъ настанетъ время, когда варварство, содѣянное въ Ростовѣ въ 1840 году, на вѣки вѣковъ отойдетъ въ область преданія! И въ Ростовѣ оно уже отошло: горячія слезы добрыхъ и умныхъ гражданъ пали на хорошую почву; въ молодомъ поколѣніи обывателей Ростова явились Булатовы, Шляковы, Титовы, Мансветовы, и вотъ обновилась святая старина и Ростовъ яркою звѣздою возсіялъ предъ русскими людьми своими памятниками древняго отечественнаго водчества и вообще искусства. И это дѣло уже не загложнетъ въ немъ. Ручательствомъ въ томъ служить то образованіе, какое получаютъ юнѣйшіе изъ согражданъ Ростова...

V.

Пригласилъ меня И. А. Шляковъ на торжество годичнаго акта въ городское приходское училище, въ которомъ онъ состоитъ попечителемъ. Училище производитъ весьма пріятное впечатлѣніе. Просторъ, свѣтъ, всѣ удобства; дѣльные, хорошо подготовленные учитель и 2 учительницы (въ училищѣ три отдѣленія), мальчуганы (до 150 человѣкъ) такіе бойкіе, разумные... Въ голову не придетъ, слушая стройное здѣсь пѣніе древнихъ духовныхъ кантовъ св. Димитрія Ростовскаго, глядя на эти чистенькія личики, на эти свѣтящіеся разумомъ и развитіемъ глаза, что это—дѣти нерѣдко городскихъ бобылей, бѣднѣйшихъ посадскихъ, тязкимъ трудомъ на огородахъ и въ лачугахъ за станками добывающихъ хлѣбъ насущный ¹⁾. Раздавали подарки; давали

¹⁾ Жаль, что весьма скудно вознаграждается трудъ наставника. Онъ получаетъ 19 руб. въ мѣсяць. На эти деньги только только что не умрешь съ голоду.

ихъ во множествѣ, книжечки, да сборнички картинокъ и преимущественно изъ русской исторіи, дешевенькія, раскрашенныя, но весьма не дурныя народныя московскія изданія. Ай да Москва! видно и впрямь пошолъ спросъ на отечественную исторію, что поставщики съ Никольской улицы стали печатать, повторяю весьма не дурно, пѣлые сборники и альбомы картинокъ и портретовъ изъ области родной исторіи.

Глядя на эту школу, съ увѣренностью можно сказать, что изъ нея не только не выйдутъ невѣжды 1840 года, продавшіе на словъ Красную Палату, но выйдутъ достойные граждане, которые съ благоговѣніемъ будутъ чтить древности и святыни роднаго города.

Въ этихъ видахъ, между прочимъ, слѣдовало бы учениковъ и ученицъ учебныхъ заведеній города Ростова, время отъ времени, приводить, въ сопровожденіи свѣдущихъ толкователей, въ мѣстный музей древностей и, въ возможно интересномъ изложеніи, знакомить ихъ съ родною стариною, по памятникамъ, здѣсь собраннымъ...

Для возстановленія всѣхъ достопамятностей Ростова работы еще осталось много и гг. Булатову, Титову, Шлякову и друг. остается еще потрудиться и потрудиться ¹⁾. Поддерживайте ихъ, граждане Ростова, въ особенности тѣ, кто трудомъ или удачей нажили изрядныя денежки! Раскинуты вы по всему лицу земли русской; торговля, фабричная, заводская ли промышленность, вообще разные промыслы какіе увлекли васъ вдаль отъ святаго Кремля вашего роднаго города, но по присущей каждому русскому любви къ его родному городу, вспоминая о немъ, жертвуйте на возстановленіе и поддержку его памятниковъ старины. Въ нихъ должна быть ваша личная гордость и слава... Ими восторгаются не одни земляки ваши, но всѣ, кто ихъ видитъ... Такъ, напр., въ декабрѣ 1887 г. сюда пріѣзжалъ изучать памятники старины гениальный русскій художникъ В. В. Верещагинъ и двѣ, три превосходныя картины, навѣянныя ему видомъ Кремля Ростовскаго, уже были, въ апрѣлѣ 1888 г., на выставкѣ его картинъ въ Парижѣ.

¹⁾ Плановъ и предположеній у нихъ много. И. А. Шляковъ показывалъ намъ прекрасные рисунки входа въ Бѣлую Палату, проектъ на возстановленіе древней Всѣхсвятской церкви, упраздненной въ XVIII столѣтіи, и рисунки шкафовъ для книгохранилища и проч. На одномъ изъ рисунковъ г. Шлякова мы прочли одобреніе знаменитаго художника В. В. Верещагина.

VI.

Отмѣтимъ еще одно весьма отрадное явленіе въ Великомъ Ростовѣ. Должно быть вовсе не случайно и, во всякомъ случаѣ, весьма къ мѣсту, епископомъ Угличскимъ нареченъ и хиротонисанъ (29 апрѣля и 1 мая 1888 г.) одинъ изъ самыхъ ученыхъ духовныхъ лицъ изъ всей Россійской іерархіи, именно архимандритъ одного изъ московскихъ монастырей Амфилохій, причемъ мѣстомъ постоянного пребыванія его назначенъ Ростовъ, а въ немъ Яковлевскій монастырь, гдѣ почіють мощи св. Дмитрія Ростовскаго.

Ростовцы приняли іерарха съ величайшимъ восторгомъ; возликовали они уже и потому, что самое нареченіе въ епископы было впервые въ тысячелѣтней исторіи этого города совершено (29 апрѣля 1888 г.) въ стѣнахъ кремля Ростовскаго. Амфилохію, отличному знатоку древне-греческаго, древне-славянскаго и латинскаго языковъ, принадлежать сотни рефератовъ и сообщеній, помѣщенныхъ въ изданіяхъ ученыхъ обществъ, трудовъ въ области церковной археологіи и исторіи, и многотомныя изданія по древнѣйшимъ греческимъ богослужебнымъ книгамъ. Притомъ, и по личнымъ качествамъ этотъ епископъ человѣкъ весьма симпатичный, 70-ти лѣтвій, бодрый, живой, привѣтливый, исполненный отзывчивости на все доброе, не стѣсняющійся и писать, и говорить отъ сердца съ полною искренностью, епископъ Амфилохій быстро приобрѣлъ расположеніе ростовцевъ ¹⁾. Мы посѣтили его преосвященство въ его келіяхъ, въ Яковлевскомъ монастырѣ ²⁾; обстановка его покоевъ самая монашеская, простота—дохо-

¹⁾ Преосвященный Амфилохій (Казанцевъ)—сынъ причетника Калуж. губерніи, род. въ 1818 г. Питомецъ московской духовной академіи (1845 г.) онъ былъ архимандритомъ въ трехъ послѣдовательно монастыряхъ. За ученое изслѣдованіе пандекта Антіоха XI вѣка награжденъ, въ 1863 г., Демидовскою преміей и избранъ членомъ-корреспондентомъ академіи наукъ. Въ 1883 г. получена имъ полная Ломоносовская премія за изданіе Галичскаго евангелія (въ 4 томахъ), писаннаго въ 1044 году и провѣреннаго о. Амфилохіемъ съ 50 древнѣйшими списками, въ томъ числѣ и съ новымъ завѣтомъ, писаннымъ рукою св. Алексія, митрополита московскаго. За ученое описаніе рукописей новоіерусалимской бібліотеки—получена имъ Уваровская премія; эта премія была имъ получена и за другой трудъ—(кандаларь XII вѣка) и проч. и проч.

²⁾ Ризница этого монастыря находится надъ сводомъ главной церкви въ обители и заключаетъ въ себѣ нѣсколько интересныхъ предметовъ, напр. почетный дипломъ, поднесенный Св. Дмитрію отъ Кіевской академіи въ 1705 г. напечатанный черною краскою на холстѣ. Здѣсь-же, кажется, и видѣлъ часм-луковницу, принадлежавшіе отцу генералиссимуса Суворова; здѣсь же множество вкладовъ графини Анны Алексѣевны Орловой.

дящая до бѣдности; все украшеніе состоитъ въ живописныхъ портретахъ: со стѣнъ глядятъ лики іерарховъ стараго Ростова и глядятъ они на книги и рукописи, заполонившія столы келій ихъ преемника-труженика въ области отечественной науки, церковной археологін...

Застали мы его преосвященство за новыми розысканіями о трудахъ св. Дмитрія Ростовскаго по рукописямъ этого же Яковлевскаго монастыря; надо было видѣть съ какимъ восторгомъ, обычною ему скороговоркою, повѣствовалъ его преосвященство объ открытіи имъ того факта, что житіе св. Гурія (трудъ митрополита казанскаго Гермогена, впоследствии патріарха) несомнѣнно правлено св. Дмитріемъ Ростовскимъ ¹⁾.

— «Вотъ, говорилъ еп. Амфилохій, указывая рукопись, собственно-ручныя поправки Дмитрія! Самъ чудотворецъ впоследствии, а здѣсь исправлялъ сказаніе о чудесахъ св. Гурія».

Да, ростовцамъ посчастливилось! И епископъ-то достался имъ ученый археологъ, большой знатокъ старины и родной исторіи.

Выйдемте, однако, изъ келій и музеевъ: поклонимся мощамъ св. Дмитрія († 1709 г.), воистину святаго подвижника православной церкви въ эпоху великаго Петра, и пройдемся по валамъ и улицамъ Великаго Ростова.

VII.

Городъ очень чистенькій; его валы, обтянутые дерюгомъ, правильными бастіонами разбиты; на его обширныхъ полянахъ, въ послѣднія два съ половиною столѣтія, ежегодно собирается громадный съѣздъ торговцевъ на знаменитую нѣкогда ярмарку, причемъ обороты (нынѣ значительно упавшіе) доходили до 10 милліоновъ рублей. Городъ имѣетъ до 28 хорошо содержимыхъ храмовъ, хорошенькій городской садикъ, водопроводъ, проведенный верстъ за девять,—это даръ городу его почтеннаго гражданина, брата головы Кекина ²⁾,—все это дѣлаетъ Ростовъ однимъ изъ самыхъ пріятныхъ городовъ Россіи.

¹⁾ Преосвященный Амфилохій сообщилъ намъ оттиски вновь открытыхъ имъ писемъ Дмитрія Ростовскаго, отвечанныхъ въ «Москов. Церкви. Вѣдомостяхъ» 1888 г., а въ октябрѣ 1888 г. выслалъ намъ въ «Русскую Старину» не заданное еще, имъ открытое въ рукописной книгѣ Яковлевскаго монастыря, слово святителя Дмитрія Ростовскаго, сказанное 15 августа на праздникъ успенія пресвятыя Богородицы.

²⁾ Бочка воды прежде стояла въ Ростовѣ 1½ руб., теперь ее привозятъ отъ водопровода за 5 и 3 копейки. На счетъ г. Кекина реставрирована часть развалившейся стѣны, примыкавшей къ княжимъ теремамъ, и восстановлена упавшая башня. Въ этой башнѣ устроена городская читальня.

Оставляя Ростовъ Великій, мы препорядочно нагрузили нашъ дорожный сундукъ печатными трудами мѣстныхъ археологовъ и историковъ; все это большею частью тисненія ярославскихъ типографій, изданія чистенькія, на хорошей бумагѣ, нерѣдко украшенныя порядочными виньетками и политипажамы. Назову нѣкоторыя изъ этихъ брошюръ, отнюдь не претендуя на полноту нашего перечня, такъ какъ мы заносимъ въ него лишь то, что у насъ подъ рукой:

I. Протоколъ торжественнаго собранія 28 окт. 1884 г. въ г. Ростовѣ Великомъ. Ярославль, 1888 г., въ 8 д., стр. 62.

Собраніе было по случаю освѣщенія церкви древняго Григорьевскаго монастыря-затвора и открытія восстановленныхъ «Княжихъ Теремовъ».

II. Отчетъ Ростовскаго музея церковныхъ древностей за 1885—1887 годы. Составленъ секретаремъ музея А. А. Титовымъ, Ярославль, 1888, въ 8 д., стр. 24, съ 2-мя рисунками восстановленной части Кремлевской стѣны и виньеткой. Изъ этого отчета, между прочимъ, видно, что въ 1886 г. музей церковныхъ древностей былъ осчастливленъ вниманіемъ Наслѣдника Цесаревича. Его высочество соизволилъ пожаловать въ пособіе музею изъ собственныхъ суммъ—1.000 руб. Всего съ этими деньгами неприкосновеннаго капитала музей къ 1888 г. имѣлъ 2,400 руб. ¹⁾ Членовъ общества при музеѣ состояло къ 1889 г. до 200 лицъ. Отчетъ интересенъ, между прочимъ, по перечисленію въ немъ множества пожертвованій русскихъ людей въ его сокровищницу—разныхъ предметовъ старины. Это явленіе въ высшей степени пріятное и служитъ новымъ свидѣтельствомъ—какъ у насъ отливаются въ поддержкѣ каждаго подобнаго учрежденія, разумно поставленнаго. Дай только Богъ, чтобы оно не перешло въ вѣдѣніе одного какого либо сословія или вѣдомства, но чтобы Ростовскій музей—былъ въ вѣдѣніи лицъ изъ всѣхъ слоевъ общества, преимущественно близко бы стоялъ къ земскимъ и городскимъ мѣстнымъ учрежденіямъ, живою непосредственнымъ интересъ которыхъ поддерживать такое учрежденіе, какъ составляющее гордость и славу роднаго города.

III. Ростовскій Кремль и новѣйшія реставраціи его. Статя А. А. Титова. Оттискъ изъ «Вѣстника Литературнаго», Москва, 1885 г., стр. 25.

IV. Знаменательные для Ростова дни 29-го апрѣля и 1-го мая 1888 года. Оттискъ изъ «Яросл. Губ. Вѣд.», въ 8 д., стр. 16.

Въ брошюрѣ подробно описано нареченіе архимандрита московскаго Давилова монастыря Амфилохія во епископа угличскаго, викарія ярославской епархіи. Нареченіе совершено московскимъ митрополитомъ Іоанннкіемъ—въ Бѣлой Палатѣ ростовск. Кремля, совмѣстно съ архіепископомъ ярославскимъ Іонафаномъ. Хиротонія епископа Амфилохія совершена 1-го мая, въ Спасо-Яковлевскомъ монастырѣ.

V. Изъ Ростова Великаго. Нареченіе и хиротонія архимандрита Амфилохія во епископа угличскаго, викарія ярославской епархіи. Брошюра въ 2 столбца, 8 д., 7 стр.

¹⁾ Въ концѣ 1888 г. Ростовскому музею пожертвованъ лицомъ, пожелавшимъ остаться неизвестнымъ, большой капиталъ. На эти средства восстановлены своды и подвальные этажи древнѣйшаго въ рост. кремль храма Іована Богослова (бывшаго Іоанновскаго монастыря).

VI. Путеводитель по ростовскому музею церковныхъ древностей. Состав. Федоръ Аф. Бычковъ. Изд. Ив. А. Вахрамѣевъ. Ярославль, 1886, въ 8 д., стр. 25+27, съ двумя полнѣтпажами.

Обстоятельное, хотя и сжатое обзорѣніе; въ приложеніи весьма интересна замѣтка о ростовскихъ колоколахъ и звонахъ и описаніе 10-ти камертоновъ знаюка музыкальной акустики города Ростова, о протоіерея Аристарха Израилева, пожертвованныхъ имъ въ ростовскій музей церковныхъ древностей.

Въ виду того, что въ послѣдніе три года коллекціи музея весьма увеличилось, желательно, дабы Ф. А. Бычковъ дополнилъ, а И. А. Вахрамѣевъ надалѣ «Путеводитель» вторымъ тпсненіемъ.

VII. Описаніе церковной утвари и предметовъ богослужебныхъ, а также и царскихъ вратъ, хранящихся въ музеѣ. Состав. хранитель музея, священн. В. Мансветовъ. Изданіе второе. Ярославль, 1889 г., въ 8 д., стр. 53.

VIII. Описаніе рукописей ростовскаго музея церковныхъ древностей. Сост. А. А. Титовъ. Ярославль, 1886 г., въ 8 д., стр. 92+3.

IX. Описаніе собранія документовъ, принадлежащихъ музею. Составилъ М. А. Липинскій. Ярославль, 1886 г., въ 8 д., стр. 28.

X. Ростовскій Кремль и возстановленіе его зданій. Графа М. В. Толстаго. Москва, 1887 г., въ 4 д., стр. 11, съ полнѣтпажами. Отгискъ изъ журнала «Воскресный День».

Примѣч. Графу М. В. Толстому принадлежитъ весьма полное, давно уже отпечатанное, едва ли не въ двухъ изданіяхъ, описаніе святинь и древностей Ростова-Великаго, задолго до возстановленія въ немъ Кремля и до учрежденія въ немъ музея.

XI. Ростовъ Великій. Древніе памятники и историческія святини. А. А. Титова. Москва, 1888 г. Изд. г. Шибанова, въ м. 8 д., стр. 76. Цѣна 15 к.

Очень хорошо, весьма полно и съ большимъ знаніемъ составленный обзоръ исторіи и достопамятностей Ростова.

XII. Ростовскіе владѣтельные князья. А. В. Экземплярскаго. Ярославль, 1888 г., въ 8 д., стр. 65.

Дѣльная монографія, основанная на лѣтописяхъ и актахъ.

XIII. Кекинскій лѣтописецъ. А. А. Титова. Ярославль, 1887 г., въ 8 д. Это дневникъ не безъинтересный ростовскаго гражданина, Михаила Алексѣев. Кекина, веденный съ 1838 года.

XIV. Путевыя замѣтки о памятникахъ древнерусскаго церковнаго зодчества. Ив. Ал. Шлякова. Ярославль, 1887 г., въ 6. 8. д., стр. 43, съ 7-ю большими рисунками и планами древнихъ церквей, исполненныхъ авторомъ.

Очень дѣльная брошюра, съ большимъ знаніемъ древняго русскаго церковнаго зодчества, иконописи и рукописныхъ памятниковъ составленная. Въ нее вошли статьи: Спасская ружная церковь, что на площади въ г. Ростовѣ. Древняя деревянная церковь въ селѣ Марковѣ, Ростовскаго уѣзда. Воскресенская на Дебрѣ церковь въ городѣ Костромѣ и Борногльбскій, что на Устьѣ, монастырь Ростовскаго уѣзда.

Рисунки весьма хороши, нѣкоторые отпечатаны красками,—весь трудъ исполненъ заботливо, съ видимою любовью къ дѣлу.

XV. Статя Ив. Богословскаго: «Послѣдніи событія изъ земной жизни Господа Іисуса Христа, по изображенію художественныхъ памятниковъ, хранящихся въ ростовскомъ музеѣ церкви. древностей». Москва, 1887 г.

XVI. Ростовскій уѣздъ и городъ Ростовъ. Москва, 1859 г., въ м. 8 д., 70 стр., И. И. Хранилова. Для своего времени очеркъ не дурной; здѣсь интересны замѣтки о нравахъ обывателей Ростова.

XVII. Св. Леонтій, епископъ ростовскій. Листокъ въ 4 стр., изданъ отъ Совѣта братства св. Димитрія Ростовскаго.

XVIII. О поученіи св. Леонтія, епископа ростовскаго, къ попомъ. Сообщеніе арх. Амфилохія (Оттискъ изъ «Моск. Епарх. Вѣд.» 1888 г.).

XIX. О обновленіи храмовъ ростовскихъ и раскопкахъ въ ростовскомъ Успенскомъ соборѣ («Яросл. Епарх. Вѣд.», ноября 5-го, 1884 г.).

Комитетъ, стоящій во главѣ управленія музея церковныхъ древностей въ Ростовѣ, съ любовью и энергіею къ вѣренному его заботамъ хранилищу древностей и святынь, распространяетъ печатныя сказанія о житіяхъ и дѣяніяхъ святителей ростовскихъ, печатаетъ много статей и замѣтокъ въ «Яросл. Губернск. и Епархіальн. вѣд.» и отдѣльными оттисками о достопамяностяхъ Ростова, распространяетъ въ обществѣ фотографическія снимки, малые и большіе, съ древнихъ зданій и храмовъ ихъ города, въ томъ видѣ, какъ они были до возобновленія и какими явились послѣ реставраціи, а также исполняетъ фотографическія снимки съ наиболѣе замѣчательныхъ предметовъ, собранныхъ въ Бѣлую Палату и княжіе терема. Все это продолжается не годъ, не два, а уже болѣе пяти лѣтъ, такъ что съ увѣренностью можно сказать, что этимъ господамъ невѣдомо общее свойство русскихъ людей горячо за все доброе приниматься и скоро остывать къ нему.

VIII.

Въ послѣдній день пребыванія въ Ростовѣ я встрѣтилъ, въ Кремлѣ, осматривающимъ его достопамятности, А. Н. Тар—ча, студента Технологическаго института. Молодой человекъ, третій уже годъ сряду, каждое лѣто дѣлаетъ экскурсіи по Россіи, при чемъ обозрѣваетъ все достойное обозрѣнія. Вотъ примѣръ, заслуживающій подражанія для нашей молодежи. Сколько мы видимъ въ высшихъ классахъ и курсахъ петербургскихъ учебныхъ заведеній (напр., въ лицей, училищахъ правовѣдѣнія и коммерческихъ, въ университетѣ) людей достаточныхъ, которымъ ничего бы не стоило дѣлать, за счетъ своихъ родителей, поѣздки по Россіи въ вакаціонное время; но они предпочитаютъ нерѣдко, оставаясь въ Петербургѣ, тереться въ толпѣ праздныхъ посѣтителей Аркадіи, Ливадіи, толочься на площадкѣ вокзала въ Павловскѣ, и, вконецъ сказать, безъ лица для ума и безъ отдыха для тѣла, убивать вакаціонное свободное

время. Было бы весьма хорошо и наставникамъ, и родителямъ отправлять своихъ юныхъ питомцевъ (отъ 16 и выше лѣтъ) дѣлать самостоятельныя экскурсіи по своему отечеству. Какъ бы пригодились эти прогулки для расширенія умственнаго кругозора и развитія знаній юношей.

IX.

Переходя далѣе къ нашимъ замѣткамъ о другихъ городахъ, сообщимъ еще нѣсколько словъ о позднѣйшихъ приобрѣтеніяхъ Ростовскаго музея—ко времени печатанія этихъ замѣтокъ, т. е. къ августу мѣсяцу 1889 года. По свидѣніямъ, къ этому времени нами собраннымъ, въ музей поступило много новыхъ приношеній. Въ особенности много поступило предметовъ церковной старины изъ Костромской епархіи, преимущественно изъ города Макарьева, по распоряженію, нинѣ уже покойнаго, епископа костромскаго и галичскаго Александра. Куплены на средства музея рѣзные изъ дерева кресты и иконы, поступившіе къ продавцу изъ скитовъ сѣверной Россіи; принесены въ даръ музею, между прочими предметами: коллекція превосходнѣйшаго греческаго письма иконъ—даръ епископа угличскаго Амфилохія, который подарилъ также всѣ свои многочисленныя изданія (въ бархатныхъ переплетахъ) и большую часть своей обширной библіотеки. Собраніе актовъ увеличилось приношеніями грамотъ изъ собранія И. А. Вахрамѣева. Д. А. Булатовъ, братья Кекины, А. А. Титовъ, И. А. Шляковъ и друг. также продолжаютъ обогащать музей новыми приношеніями: живописныхъ портретовъ историческихъ лицъ, коллекцій монетъ, головныхъ старинныхъ женскихъ уборовъ и предметовъ быта XVII и XVIII вѣковъ; эти послѣдніе поступаютъ въ особый отдѣлъ музея, въ княжескія палаты. Жаль только, что въ перечнѣ предметовъ, поступившихъ въ Ростовскій музей церковныхъ древностей—за минувшій, со времени бытности нашей въ Ростовѣ, годъ, мы не находимъ уже предметовъ церковной старины изъ Ярославской епархіи. Между тѣмъ, какъ мы слышали, въ этой губерніи, у торговцевъ разнымъ старьемъ, зачастую еще попадаются старинныя мѣдныя лампы (кандилы), металлическіе вѣнцы XVII вѣка, съ оригинальными орнаментами и т. п. Было бы лучше, еслибы эти предметы прямо попадали въ музей, безъ посредства торговцевъ. А въ церковныхъ чуланахъ и ризницахъ Ярославской епархіи еще много такихъ «не нужныхъ» предметовъ.

М. И. Семезовій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ КРАЕВОКІЙ.

Родился 6 февраля 1810 г., † 8 августа 1889 г.

Сошелъ въ могилу человекъ, составившій себѣ обширную извѣстность дѣятеля, глубоко, искренно преданнаго самымъ живымъ интересамъ образованнаго русскаго общества, каковыя интересы онъ оживлялъ и поддерживалъ своими изданіями и непосредственнымъ своимъ служеніемъ отечеству.

А. А. Краевскій родился въ Москвѣ, 6 февраля 1810 г.; пятнадцати лѣтъ поступилъ онъ тамъ же въ университетъ, окончилъ въ немъ курсъ кандидатомъ и уже въ 1828 году, т. е. 18 лѣтъ отъ роду, выступилъ на литературное поприще въ „Московскомъ Вѣстникѣ“, издававшемся М. П. Погодинымъ.

Съ 1831 года Андрей Александровичъ переселяется въ С.-Петербургъ. Здѣсь въ литературныхъ и педагогическихъ кружкахъ скоро замѣтили его умъ, трудолюбіе и добросовѣстное отношеніе ко всему, за что онъ принимался. Андрей Александровичъ сблизился съ В. А. Жуковскимъ, П. А. Плетневымъ, кн. В. Ѳ. Одоевскимъ и А. С. Пушкинымъ, и послѣдній настолько полюбилъ его, что ввѣрилъ ему, въ первый же годъ изданія своего журнала „Современникъ“, непосредственный трудъ по составленію книгъ этого литературнаго сборника.

— „Бывало Александръ Сергѣевичъ уѣдетъ изъ Петербурга, рассказывалъ намъ Плетневъ и подтверждалъ покойный Краевскій, — срокъ выпуска книги подходитъ и поэтъ шлетъ пору-

ченіе составить ее. Краевскій отправляется къ Пушкину въ кабинетъ и выбираетъ изъ поступившихъ къ нему рукописей что получше и поинтереснѣе, при этомъ пишетъ и къ самому поэту и требуетъ отъ него собственныхъ его вкладовъ въ журналъ“.

На извѣстныхъ въ свое время литературныхъ вечерахъ В. А. Жуковскаго, въ плеядѣ блестящихъ представителей того времени русской словесности, А. А. былъ принимаемъ весьма радушно. Извѣстна тѣсная дружба, соединившая его потомъ съ гениальнымъ М. Ю. Лермонтовымъ.

Съ 1834 г. по 1837 г. А. А. былъ помощникомъ редактора „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“. Въ 1838 году онъ дѣлается собственникомъ и издателемъ газеты: „Литературныхъ Прибавленій“ къ „Русскому Инвалиду“. Съ января 1839 г. появляются подъ его редакцію „Отечественныя Записки“, быстро занявшія первенствующее положеніе въ тогдашней русской литературѣ. На страницахъ этого журнала, на ряду съ блестящими критическими статьями и историко-литературными монографіями В. Г. Бѣлинскаго, имѣвшими громадное вліяніе на развитіе всего русскаго общества, печатались труды лучшихъ русскихъ писателей того времени, во всѣхъ родахъ словесности и науки. На страницахъ этого же журнала появились дивныя произведенія друга Краевскаго—М. Ю. Лермонтова. Въ 1843—1848 гг. А. А. редактировалъ „Русскій Инвалидъ“; съ 1852 г. по 1862 годъ включительно мы видимъ А. А. соредакторомъ (вмѣстѣ съ Очкинымъ) „Петербургскихъ Вѣдомостей“, каковую газету онъ сумѣлъ сдѣлать весьма распространенною; успѣхъ ея положилъ основаніе и къ его собственному матеріальному благосостоянію. Съ 1863 года, Краевскій основалъ свою собственную газету „Голосъ“, которую и продолжалъ до самаго ея прекращенія въ февралѣ 1883 г. Газета эта, умѣренно либеральнаго направленія, привлекла, въ лучшіе годы ея существованія, множество самыхъ даровитыхъ сотрудниковъ. Тутъ были люди всѣхъ профессій, были и самые видные государственные дѣятели, и все это горячо сочувствовало реформамъ незабвеннаго Царя-Освободителя. Будущій историкъ найдетъ въ „Голосѣ“ драгоцѣнный матеріалъ для изложенія событій внутренней жизни нашего отечества за время послѣднихъ семнадцати лѣтъ царствованія

Александра II; не было ни одной правительственной въ ту эпоху мѣры, ни одного проявленія общественной самодѣятельности, ни одного мало-мальски заслуживающаго вниманія событія въ Россіи, которыя не находили бѣ себѣ не только откликъ, но и всестороннее обсужденіе на столбцахъ „Голоса“. Надо замѣтить, что А. А. Краевскій отличался замѣчательною способностью привлекать къ себѣ наиболѣе даровитыхъ сотрудниковъ и лично вести и давать жизнь редактируемому имъ органу. Закаленный житейскимъ опытомъ, онъ съ замѣчательною твердостью выносилъ всѣ невзгоды, какія выпадали на него и руководимое имъ дѣло, не говоря уже о нападкахъ литературныхъ собратій, каковыхъ вынесъ онъ на своемъ вѣку едва ли не болѣе, чѣмъ всѣ литературные русскіе дѣятели за все текущее столѣтіе. А между тѣмъ, кто особенно долженъ былъ быть ему признателенъ, такъ это мы всѣ—работники пера.... Андрей Александровичъ—первый, который создалъ независимые и вполнѣ вліятельные учено-литературный („Отечественныя Записки“) и политическій органы („Голосъ“); онъ первый, который въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, давалъ множеству лицъ хорошій литературный заработокъ. Онъ безусловно первый по времени, который отличался замѣчательною, истинно образцовою, добросовѣстностью и акуратностью въ отношеніяхъ къ своимъ многочисленнымъ сотрудникамъ... А сколько изъ нихъ, или ихъ семействамъ, онъ оказалъ въ тяжкіе дни горькой нужды—самую существенную поддержку!... И эти добросовѣстность и акуратность Краевского вошли почти въ пословицу и, во всякомъ случаѣ, были всегда примѣромъ для двухъ—трехъ поколѣній русскихъ редакторовъ и издателей ¹⁾).

То-же трудолюбіе, ту-же добросовѣстность въ выполненіи принимаемыхъ на себя обязанностей, ту-же умѣлую сдержанность, тотъ-же тактъ и ту-же глубоко-искреннюю любовь къ просвѣ-

¹⁾ Съ полною признательностью къ памяти А. А. Краевского должно сказать, что онъ былъ однимъ изъ основателей «Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ» (1859 г.), членомъ комитета котораго состоялъ многіе годы; равнымъ образомъ «Общества поощренія художествъ», «Общества для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ», «Прибалтійскаго братства», «Общества пособія учащимся въ начальныхъ городскихъ училищахъ» и другихъ. Во всѣ эти общества онъ внесъ много матеріальныхъ пожертвованій, личныхъ трудовъ и заботъ объ ихъ преуспѣваніи.

щенію, каковыя отличали его съ самаго начала литературно-издательской дѣятельности, внесъ Андрей Александровичъ въ свои труды на службѣ по общественному управленію столицы... Еще въ 1860-хъ годахъ былъ онъ избранъ гласнымъ С.-Петербургской городской Думы. Здѣсь особенно привлекъ его вниманіе и заботы вопросъ о народномъ образованіи. Во всѣхъ комиссіяхъ городского управленія, обсуждавшихъ все, что относилось до этого вопроса въ 1860—1870 годахъ, былъ онъ непремѣннымъ участникомъ.

Наконецъ, въ 1877 году, городскія училища въ С.-Петербургѣ переданы изъ министерства народнаго просвѣщенія въ вѣдѣніе Думы. Осуществилась любимая мечта А. А. Краевского и онъ всей душой предался заботамъ объ излюбленномъ дѣлѣ.

Въ іюлѣ того года возникла изъ гласныхъ петербургской думы особая исполнительная комиссія (изъ семи членовъ) для завѣдыванія училищами и организаціи всего этого дѣла... Пишущій эти строки имѣлъ честь войти, вмѣстѣ съ А. А. Краевскимъ, тогда же въ составъ этой комиссіи и былъ почти непрерывнымъ свидѣтелемъ неусыпныхъ заботъ Андрея Александровича и того глубокаго сочувствія, каковое онъ вносилъ въ это святое дѣло... Съ 1879 г., послѣ внезапной кончины перваго предсѣдателя комиссіи Ѳ. Ѳ. Эвальда, А. А. Краевскій былъ избранъ Думою на его мѣсто, и съ тѣхъ поръ онъ оставался предсѣдателемъ комиссіи по народному образованію въ С.-Петербургѣ до послѣдняго дня своей жизни.

Со слезами на глазахъ вспоминаемъ мы въ эту минуту—этого всегда искренно уважаемаго нами маститаго старца, который всю душу полагалъ на служеніе дѣлу народнаго образованія и величайшій успѣхъ вѣнчалъ его усилія и заботы...

16 ничтожныхъ школокъ, въ 1877 г. съ 300 учащимися, преобразились, въ теченіе 12 лѣтъ, въ 256 училищъ, почти съ 13,000 учащимися обоюга пола... При этомъ надо было организовать все сложное хозяйство этой обширной части съ полумилліоннымъ бюджетомъ въ общей смѣтѣ городского управленія. Конечно, А. А. имѣлъ и въ этомъ дѣлѣ сотрудниковъ; число ихъ изъ семи (въ 1877 г.) возросло до двадцати двухъ (въ 1889 г.) членовъ комиссіи, имъ предсѣдательствуемой; тѣмъ не менѣе, каждый изъ нихъ признаетъ, что организаторскимъ способностямъ А. А. Краевского, его такту, выдержанности, настойчивости, его

поразительной добросовѣстности и трудолюбію, а всего главнѣе, его искренней преданности дѣлу народнаго образованія городское училищное дѣло въ С.-Петербургѣ весьма много обязано своимъ поистинѣ блестящимъ развитіемъ и превосходнымъ современнымъ положеніемъ...

Самое присутствіе А. А. во главѣ комиссія, человѣка, вызывающаго полное довѣріе, вызывало сочувственное отношеніе къ дѣятельности этого учрежденія со стороны городской думы.

И какимъ великимъ утѣшеніемъ служилъ трудъ по народному образованію этому маститому старцу, во всѣхъ величайшихъ невзгодахъ, выпавшихъ на его долю: было у него два сына, Александръ и Евгеній, прекрасно образованные, любимые всѣми, кто ихъ зналъ, и они, одинъ за другимъ, въ мужествѣ лѣтъ—сошли въ могилу въ 1882-мъ и въ 1883-мъ годахъ¹⁾.

Было у него созданіе его многолѣтней литературной и публицистической дѣятельности—газета, имъ основанная и имъ руководимая—«Голосъ», къ которому прислушивались не только десятки тысячъ его читателей въ Россіи, но и далеко за ея предѣлами, и вотъ 13-го февраля 1883 года газета прекращена.

Но эти удары не сокрушили старца: онъ спѣшилъ въ комиссію по народному образованію и въ заботахъ истинно отеческихъ о тысячахъ учащихся и сотняхъ учащихся искалъ и находилъ онъ себѣ утѣшеніе...

Миръ твоему праху, старѣйшій русскій журналистъ и общественный дѣятель! Ты сослужилъ добрую, плодотворную службу отечеству и имѣлъ великую усладу въ послѣдніе годы своей жизни видѣть блестящій разцвѣтъ самаго дорогаго для тебя дѣла народнаго образованія.

М. И. Семевскій.

Гансаль.

12 августа 1889 года.

Примѣчанія: I. Приводимъ изъ нашего «Альбома: Знакомые» автобіографическую, собственноручную записку А. А. Краевского:

— «Я родился въ Москвѣ, 6 февраля 1810 года, и живу до сихъ поръ. Вотъ все, что могу самъ сказать о себѣ. Что касается моей біографіи,

¹⁾ Старшій сынъ служилъ дѣлопроизводителемъ въ государственной канцеляріи, въ чинѣ д. ст. сов.; былъ женатъ на прекрасной, весьма образованной особѣ; — второй, кандидатъ университета, бойкій, остроумный и даровитый, былъ помощникомъ отца въ составѣ редакціи «Голоса».

такъ сказать виѣшней, то она напечатана во многихъ русскихъ и иностранныхъ словаряхъ, равно какъ и въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, даже съ портретами; внутренняя же моя біографія заключается въ тѣхъ миллионныхъ листахъ, которые я написалъ или проредактировалъ и надалъ въ теченіи своей пятидесяти-лѣтней литературной дѣятельности: въ «Московскомъ Вѣстникѣ», «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», «Прибавленіяхъ Литературныхъ» къ «Русскому Инвалиду», «Литературной Газетѣ», «Отечественныхъ Запискахъ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Голосѣ» и проч.

Андрей Краевскій.

2-го марта 1882 г.

Альбомъ «Знакомые», стр. 143.

Ц. Въ газетахъ появились довольно обстоятельные некрологи А. А. Краевскаго. Отмѣтимъ здѣсь «Новости» 1889 г. № 217, августа 9-го; «Новое время» 9 авг. 1889 г. № 4829; «Herold» 10 авг. 1889 г. Ред. «Русской Старины» озабочится дать своимъ читателямъ портретъ А. А. Краевскаго, въ гравюрѣ на мѣди, и надѣется еще возвратиться къ этой истинно почтенной личности.

Ред.

Къ замѣткамъ о Троицкой Лаврѣ.

[«Русская Старина», изд. 1889 г., май].

Насъ просятъ сдѣлать поправку о томъ, что профессоръ Н. И. Суботинъ живетъ на посадѣ не въ собственномъ домѣ, какъ сказано въ нашихъ замѣткахъ, а въ домѣ, принадлежащемъ духовной академіи или Лаврѣ. Исправляемъ нашу обмолвку; въ ней какъ бы сказалось пожеланіе, дабы достойный профессоръ, болѣе четверти вѣка трудящійся перомъ и словомъ и сослужившій большую службу отечеству, жилъ бы, хотя подъ старость лѣтъ, подъ собственною кровлею.

Ред.

ЛЕОНИДЪ ЛЬВОВИЧЪ ЛЕОНИДОВЪ

род. 18-го апрѣля 1821 г., умеръ 5-го августа 1889 г.

Въ лицѣ скончавшагося нынѣ бывшаго артиста императорскихъ театровъ Леонида Львовича Леонидова — русская сцена потеряла послѣдняго ветерана наилучшаго, самаго блестящаго ея періода.

Петербуржское общество еще недавно, 2-го марта 1888 г., присутствовало на юбилейномъ спектаклѣ маститаго артиста, вполне по заслугамъ его чествовало и ничто не предвѣщало намъ, что пройдетъ съ небольшимъ годъ и бодрый, веселый, остроумный старикъ-артистъ сойдетъ въ могилу.

На страницахъ „Русской Старины“ (изд. 1888 г., томъ LVIII, стр. 217—272) напечатана полная біографія Л. Л. Леонидова и указаны его заслуги въ исторіи русскаго театра. Выйдя изъ Театрального училища въ 1839 г., Леонидъ Львовичъ съ несомнѣннымъ дарованіемъ выполнялъ (съ 1843 по 1854 г.) многія роли въ трагедіяхъ и историческихъ драмахъ на московской сценѣ, раздѣляя эти роли съ славнымъ Мочаловымъ. Въ 1854 г. Леонидовъ перешелъ на петербургскую сцену и здѣсь былъ умнымъ и талантливымъ артистомъ въ плеядѣ превосходнѣйшихъ русскихъ артистовъ, каковые когда либо были на этой сценѣ, таковы: Сосницкій, Мартыновъ, Максимовъ, Самойловъ, Григорьевъ, Каратыгинъ и друг. Когда эти артисты, его друзья и товарищи по искусству, сошли одинъ за другимъ въ могилу, Л. Л. Леонидовъ сдѣлался старѣйшимъ

и наиболѣе уважаемымъ товарищемъ новаго поколѣнія, въ рядахъ котораго мы видимъ нѣсколько несомнѣнныхъ дарованій.

Личный характеръ благороднаго, искренняго и добраго Леонида Львовича вызывалъ чувства общія къ нему любви, пріязни и глубокаго уваженія.

Театръ онъ любилъ горячо; совершенно чуждый зависти, онъ всегда съ удовольствіемъ отдавалъ каждому должное; злорѣчія и интриги онъ во всю свою жизнь не зналъ, любилъ добродушную шутку и охотно излагалъ ее въ своеобразныхъ стихотвореніяхъ, эпиграммахъ и посланіяхъ. Воспоминанія его о театрѣ интересны, и „Русская Старина“ съ большимъ удовольствіемъ сообщила и сообщитъ еще отрывки изъ разсказовъ этого ветерана нашей сцены....

Въ настоящее время приведемъ нѣсколько шутокъ-стихотвореній Леонида Львовича изъ изданныхъ и неизданныхъ томовъ альбома редактора „Русской Старины“ — „Знакомые“:

1.

Въ Альбомѣ.

Прощаясь съ публикою и сценою родною,
 Мыѣ память дорога излюбленныхъ ролей:
 Не сѣтуйте на то, что съ русской старинкою
 Я къ вамъ являюсь вновь—въ прощальный юбилей.
 Я съ доброй старинкою судьбу цовѣтковую
 Въ театрѣ раздѣлялъ съ любовью и трудомъ,
 И нынѣ праздную въ немъ свадьбу золотую
 И всѣмъ почтившимъ парь—бью неизменно челомъ!

Юбиларь Леонидовъ.

1888 г., марта 2-го, на сценѣ Александринскаго театра.

2.

Я, русской сцены ветеранъ,
 Классическимъ удѣломъ,
 Послѣдній я изъ могиканъ,
 Съ трагическимъ отдѣломъ.

3.

Многоуважаемому М. И. Семёвскому.

Разстался я съ кулиснымъ свѣтомъ,
 Замолкъ мой театральнй шумъ,
 Живу въ тиши, анахоретомъ,
 Безъ Музъ—печалень и угрюмъ.
 Изъ драматичнаго героя,
 Съ афишнымъ первенствомъ лица,
 Вынкъ, средь домашняго покоя,
 Въ роль благороднаго отца.
 На ампуа второмъ—сѣмейномъ,
 Въ нуждѣ житейской суеты,
 Исчезли съ пиромъ юбилейнымъ
 Тщеславья лавры и цвѣты...
 Все разлучилоя со мною,
 Нѣтъ прежнихъ пѣсень и ролей, —
 И только «Русской Стариню»
 Я оживаю въ память дней!
 Въ ней вселюминаю, какъ бывало
 На сценѣ жить стремался я...
 И выходъ номера журнала
 дорогъ для меня...

1839 г. 2-го апрѣля день моего выпуска на службу, 1839 г. 2-го апрѣля
 мое сердечное посланіе къ вамъ.

Душевно преданный сотрудникъ Л. Леонидовъ.

Костяной образъ креста Господня

1656 г.

Въ одной изъ комнатъ Меншиковскаго дворца, нынѣ комнатъ музея (или, какъ называли прежде, музеума) 1-го кадетскаго корпуса, хранится костяной образъ креста Господня, интересная копія съ того креста, который былъ сдѣланъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича, по заказу патріарха Никона, въ Палестинѣ, въ 1656 году.

Работа этой копіи (костянаго образа) замѣчательна своею художественною отдѣлкою: крошѣ лицъ, помѣщенныхъ около креста (царей и царицъ Константина, Елены, Алексѣя Михайловича, Маріи Ильиничны и патріарха Никона), всѣ реликвіи, кресту принадлежащія, со всѣми ихъ надписями, и всѣ орнаменты этого образа отличаются самою нѣжною и изящною ажурною работою. Происхожденіе этого образа, къ сожалѣнію, остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ. Что же касается до его прототипа, съ котораго сдѣлана эта копія, то вотъ нѣкоторыя сохранившіяся о немъ свѣдѣнія¹⁾: «тщаніемъ и усердіемъ патріарха Никона», крестъ сдѣланъ былъ въ Палестинѣ, въ 1656 г., изъ кипариснаго дерева, мѣрою въ вышину, ширину и толщину во всемъ подобный кресту Христову (длиною 4 арш., поперечное дерево 3 арш. безъ 3 верш., титла аршинъ безъ вершка, подножіе аршинъ, ширина 5 в., толщина 2 в.) и украшенъ серебрянымъ и золотымъ окладомъ. Въ этотъ крестъ помѣщены св. мощи, числомъ до трехсотъ, съ лѣтописными и вырѣзанными изъ изображеніями.

Крестъ этотъ былъ отправленъ изъ Москвы въ 1657 г. въ монастырь (получившій названіе Ставракъ Крестный) на о. Кій, находящійся въ заливѣ Бѣлаго моря. По указу ц. Алексѣя Михайловича, крестъ сопровождала во всю дорогу рота драгунъ съ командующими офицерами; съ обозомъ слѣдовали орудія (100 чугуныхъ большихъ и малыхъ пушекъ), возли порохъ, снаряды, бердыши и барабаны и проч., предназначавшіеся монастырю, на случай защиты его отъ нападенія непріятели.

Сообщ. А. И. Савельевъ.

¹⁾ Ист. Росс. Иерархія, т. IV.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1889 г.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ТРЕТІЙ.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

	СТР.
I. Записки князя Юрія Владиміровича Долгорукова,
1740—1830	481—517
II. Дневникъ проф. академика Александра Васильевича
Никитенко, 1830—1837 гг. Сообщ. С. А. Никитенко	27—60; 265—299; 519—558
III. Записки архимандрита Владиміра Терлецкаго, быв-
шаго греко-уніатскаго миссіонера, 1808—1858. Сообщ.
А. Лопатинскій	1—26; 559—578
IV. Студенческія волненія въ Казани 1882 г. Воспоми-
нанія П. Д. Шестакова. (См. „Русскую Старину“
изд. 1889 г., книга январь).
Замѣтка въ Воспоминаніяхъ. Сообщ. профес. И. М. Гвоздевъ.	436—437
V. Графъ Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ. Воспо-
минанія доктора Н. А. Бѣлоголоваго, 1876—1888 гг.	579—615
VI. Воспоминанія художника В. В. Верещагина: На
дальнемъ востокѣ, въ Палестинѣ	439—445

Исслѣдованія.— Историческіе и историко-біографическіе очерки.—
Переписка, рассказы, матеріалы, замѣтки.

	СТР.
I. Костявой образъ креста Господня, 1656 г. Сообщ. А. И. Савельевъ .	718
II. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Письма къ нему Боева, Баклановскаго и Леонтьева въ 1677 г. Сообщ. А. Востоковъ	129—132
III. Историческія могилы въ гор. Березовѣ кн. Меншикова и гр. Остермана. Сообщеніе И. Вороная и рассказъ Д. Н. Бантышъ-Каменскаго	133—136
IV. Графъ Готлобъ-Куртъ-Гейрихъ Тотлебенъ въ 1715—1763 гг. Матеріалы для біографіи. Гл. VI—IX. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій .	459—480
V О первыхъ шагахъ дѣятельности с.-петербургскаго приказа общественнаго призрѣнія. На основаніи архивныхъ документовъ. Читано на торжественномъ актѣ Археологическаго института 14 мая 1889 г. Сообщ. директоръ арх. института, проф. И. Е. Андреевскій	447—456
VI. Петербургская старина. Новости, объявленія и распоряженія правительства въ 1799 и 1800 гг. Сообщ. Г. И. Студенкинъ .	211—224, 457—458
VII. Взаимныя отношенія между Россіей и Пруссіей въ былыя времена. Историческія воспоминанія Георга Вебера. Переводъ съ нѣм. рукописи В. В. Тимошукъ.	225—240
VIII. Александръ Федоровичъ Багговуль. Очеркъ жизни его съ 1831 по 1883 г. Сообщ. Г. К. Градовскій	241—264
IX. Свѣтлѣйшій князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ въ 1820—1843 гг. Сообщ. С. И. Погодина.	137—158
X. Адмиралъ Петръ Ивановичъ Рикордъ. Записка, представленная имъ генералъ-адмиралу е. и. в. великому князю Константину Николаевичу въ 1850 г. (о сношеніяхъ съ Японіею).	177—182

СТР.

- XI. Гавриль Степанович Батенковъ. Историко-биографическій очеркъ. Род. 1793 г. † 1863 г. 301—362
- XII. Иаковъ Ивановичъ Ростовцовъ: 1. Письмо его къ князю Евгению Петровичу Оболенскому (бывшему декабристу) 18-го ноября 1858 г.—2. Письмо I. И. Ростовцова къ вел. кн. Николаю Павловичу и ихъ разговоръ 12-го декабря 1825 г.—3. Письмо князя Е. П. Оболенскаго къ I. И. Ростовцову, 1-го янв. 1859 г. 617—639
- XIII. Василий Федоровичъ фонъ-дери-Лауницъ, † 1863 г. За-мѣтка къ его характеристикѣ. Сообщ. В. Ф. Зеге-фонъ-Лауренбергъ. 183—186
- XIV. Бѣлая монахиня въ Пензѣ въ началѣ 1860-хъ годовъ. Сообщ. А. А. Кирѣевъ. 193—194
- XV. Студенческія исторіи въ казанскомъ университетѣ, 1861—1863 гг. Сообщ. проф. Н. А. Фирсовъ. 61—80; 421—435
- XVI. Графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ, 1804 — 1873 гг. Историко-биографическій очеркъ по бумагамъ фамильнаго его архива и прочимъ матеріаламъ. Гл. VII. Состав. и сообщ. И. И. Ореусъ 81—109; 387—420
- XVII. Въ вопросу о болгарскомъ ополченіи 1877—1878 гг. Сообщ. Д. Г. Анучинъ. 195—202
- XVIII. Адріанъ Пушкинъ въ Соловецкомъ монастырѣ въ 1866—1881 гг. Сообщ. А. Ф. Селивановъ. 640—642
- XIX. Когда и гдѣ положено основаніе общества Краснаго Креста. Историческая справка. Сообщ. А. О. Та-боровскій 190—192
- XX. Памятники замѣчательнымъ русскимъ дѣятелямъ. Пор-екты и пожеланія. Сообщ. А. Е. Егоровъ 647—653
- XXI. Археологическій институтъ въ 1888—1889 учебномъ году. Извлеченіе изъ отчета. 205—209
- XXII. Путевые очерки, наброски и замѣтки. Повѣдка по Рос-сіи въ 1888 г. М. И. Семеновскаго; IV. Ростовъ Великій. 683—708

Исторія русской литературы.

	СТР.
I. Николай Платоновичъ Огаревъ. Его стихотворенія, 1839 — 1840 гг.	110, 128, 162, 210, 300, 386, 438, 446, 518, 654
II. Вилія. (Переводъ г. Кавелина изъ «Конрада Валленрода», поэма Мицкѣвича).	203—204
III. Друзья и знакомые Николая Васильевича Гоголя въ нихъ къ нему письмахъ: Ю. О. Самаринъ. — О. В. Чижовъ. — М. П. Погодинъ. — А. В. Никитенко въ 1836 — 1847 гг. Сообщ. В. И. Шенрокъ.	163—176, 363—385
IV. Татьяна Петровна Пассекъ:	
1. Замятка къ ея характеристикѣ. Сообщ. Н. А. Огарева-Тучкова.	187—189
2. Письма къ ней кн. Н. А. Орлова, 1868—1874 гг. Сообщ. И. А. Пашковъ.	643—646
V Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ. У его гроба. Стихотв. Сообщ. М. Кельмъ	616
VI. Орестъ Федоровичъ Миллеръ:	
1. Памяти О. О. Миллера. — 2. Автобиографическія его замѣтки. — 3. Доска на домѣ, гдѣ онъ родился. — 4. Предсмертная статья его, посвященная разбору книги о русской крестьянской свадьбѣ. — 5. Очеркъ объ О. О. Миллерѣ и о немъ воспоминаніе. Сообщ.: профес. о. М. И. Горчаковъ, баронесса Ю. И. Унгернъ-Штернбергъ, В*** и В. Тухомицкій	655—682
VII. Андрей Александровичъ Краевскій, род. 6 февраля 1810 г., † 8 августа 1889 г. Ред.	709—714
VIII. Къ литературной и общественной исторіи 1820—1830 гг. Сообщ. В. Е. Якушкинъ	111—127

Исторія искусствъ въ Россіи.

I. Василій Андреевичъ Каратыгинъ.	
1. Первый дебютъ В. А. Каратыгина на сценѣ. Письмо бар. В. И. Штейнгеля. Сообщ. В. Надпорожный.	159—160
2. Послѣдніе дни жизни В. А. Каратыгина. Письмо А. М. Каратыгиной къ директору театровъ А. М. Геденову. Сообщ. А. А. Кирѣевъ.	160—161
II. Леонидъ Львовичъ Леонидовъ, род. 18 апрѣля 1821 г., † 5 августа 1889 г.	715—717

ПОРТРЕТЫ И РИСУНКИ.

- I. Портретъ Гавріила Степановича Батенкова, гравир. художн. Г. И. Грачевъ.
(При стр. 225).
- II. Портретъ Александра Васильевича Никитенко, гравиров. художн. В. В. Бергъ.
(При стр. 459).
- III. Портретъ Константина Ивановича Домонтовича, гравировалъ художникъ И. И. Матюшинъ.
(При стр. 1).
- IV. Автографъ историка Георга Вебера.
(При стр. 458).
- V. Кресты и ограда на могилахъ кн. А. Д. Меншикова и графа А. И. Остермана въ городѣ Березовѣ.
(При стр. 224).

Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Исторія Тверской духовной семинаріи. Ко дню 150-лѣтняго юбилея семинаріи. Сост. препод. Владиміръ Колосовъ. Изд. издвѣніемъ архіепископа Саввы. Тверь, 1889, въ 6. 8 д., стр. X+464. (На оберткѣ VII-й книги «Русской Старины» изд. 1889 г.).
2. Празднованіе 150-лѣтняго юбилея Тверской духовной семинаріи 16-го февраля 1889 г. Состав. преподав. семинаріи, В. Колосовъ. Тверь, 1889 г., въ 8 д., стр. 96. (Тамъ-же).
3. Матеріалы по статистикѣ народнаго хозяйства въ С.-Петербургской губерніи. Изданіе Спб. губерн. земства. Спб. 1882—1889, въ 6. 8 д. Десять выпусковъ. (Тамъ-же).
4. Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Сост. В. Зелинскій. Хронологическій сборникъ критико-библиографическихъ статей. Три части. Москва, 1887—1888 гг. (Тамъ-же)
5. Русская критическая литература о произведеніяхъ графа Л. Н. Толстаго. Состав. В. Зелинскій. Три части. Москва, 1888 года. (Тамъ-же).
6. Проф. Мих. Бобржинскій. Очеркъ исторіи Польши. (Dzieje Polski w Zagrosie). Переводъ съ 3-го польскаго изданія подъ редакціей проф. С.-Петербургскаго университета Н. И. Карѣва. Спб., 1888 г., томъ I, въ 8 д., стр. II+292. Изд. Ф. Пантелѣва. (Тамъ-же).

7. Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія.—Монографіи и критическія статьи А. П. Пятковского. Въ двухъ частяхъ. Второе дополненное изданіе. Спб., 1888, въ 8 д., стр. 298+355. (Тамъ-же).
8. Н. П. Лихачевъ. Разрядные дѣлки XVI вѣка. Опытъ историческаго изслѣдованія. Спб., 1888 г., въ 6. 8 д., стр. XVI+559+72+101+VI. (Тамъ-же).
9. Сочиненія М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина). Томъ первый. Губернскіе очерки.—Невынные рассказы.—Изданіе автора. Спб., въ 6. 8 д., стр. VI+564. (Тамъ-же).
10. Систематическій каталогъ дѣламъ сибирскаго приказа московскаго комиссарства и другихъ бывшихъ учрежденій по части промышленности и торговли, хранящихся въ архивѣ департамента таможенныхъ оборотовъ. Тутъ-же дополненія къ каталогу дѣламъ департамента вибшней торговли, изданному въ 1877 году.—Составилъ начальникъ сего архива Н. Кайдановъ. Спб., 1888 г., въ 6. 4-ю долю, стр. 10+208. (Тамъ-же).
11. И. А. Матвѣевъ.—Болгарія послѣ берлинскаго конгресса. Историческій очеркъ. Спб., 1887 г., стр. 327. (На оберткѣ VIII-й книги «Русской Старины» изд. 1889 г.).
12. Отчетъ Императорской публичной бібліотеки за 1886 годъ. Спб., 1888 г., въ 8 д., стр. II+135+32. (Тамъ-же).
13. Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія Т. П. Пассекъ. Томъ III, съ портретомъ автора. Спб., 1889 г., въ 8 д., стр. 343. (Тамъ-же).
14. Очерки, наброски, воспоминанія В. В. Верещагина. Съ рисунками. Спб., 1883 г., въ 8 д., стр. 155. (Тамъ-же).
15. Архивъ князя Воронцова. Книги XXXIV и XXXV-ыя. Москва, 1888 и 1889 г., въ 8 д., стр. 504+502. (На оберткѣ IX книги «Русской Старины» изд. 1889 г.).
16. Опытъ исторіи Библіи въ Россіи въ связи съ просвѣщеніемъ и правами. Сочиненіе Н. А. Астафьева. Спб., 1889 г., въ 8 д., стр. 180. (Отд. оттискъ изъ Журн. Мин. Нар. Пров. 1888—1889 гг.). (Тамъ-же).
17. Вл. Сорокинъ. Разказы о Петрѣ Великомъ. Изданіе второе, съ картинами и портретомъ Петра Великаго. Спб., 1889 г., въ м. 8 д., стр. 158. (Тамъ-же).
18. Доклады и приговоры, состоявшіеся въ правительствующемъ сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго, изданные Императорскою академіею наукъ подъ редакціею Н. О. Дубровина, адъюкта академіи. Томъ III. Годъ 1713-й. Книга I (январь — июнь) Спб., 1887. (Тамъ-же).
19. О. Х. Агрѣнева-Сѣвьянская. Описаніе русскои крестьянской свадьбы, съ текстомъ и пѣснями. Въ 3-хъ частяхъ. Часть I. Москва, 1887 г.—Ч. 2. Тверь, 1887 г.—Ч. 3. Тверь, 1889 г. (См. IX книгу «Русской Старины» изд. 1889 г., стр. 669—676).

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1888 г.

съ приложеніемъ гравюръ: ликъ св. Владимира, портреты: Готлобъ Тотлебенъ; — В. Т. Нарѣжный; — И. А. Анненковъ; — П. Е. Анненкова; — Д. Н. Бантышъ-Каменскій; — С. И. Зарудный; — И. Т. Осининъ (гравюра на мѣду); — А. К. Пфель (грав. на мѣди); — С. М. Манарова; — Л. Л. Леонидовъ; — И. Н. Крамской (грав. на мѣди); — М. Гр. Черняевъ (грав. на мѣди); — Генрихъ Мозеръ; — Мозафаръ-Эддинъ; — Кушъ-Беги. Рисунки: сартская женщина; — аулъ киргизовъ; — курдская крѣпость, и др.

Содержаніе: Записки адм. П. В. Чичагова; — Разказы Пр. Ег. Аннековой, жены декабриста; — Іаквонъ Бичуринъ въ воспом. его внука; — Записки Д. И. Ростиславова; — Посмертн. зап. проф. А. В. Никитенко; — Н. Н. Муракевича; — Воспом. артиста Л. Л. Леонидова; — М. С. Щенкинъ, воспом. о немъ артистки А. И. Шубертъ и очеркъ Н. В. Кукольника; — Воспоминанія художника И. Е. Рѣпина; — Воспомин. А. Н. Яхонтова о Царскосельскомъ лицѣ, 1833—38 гг.; — О. М. Болянский въ его дневникѣ, 1849—50 гг.; — Воспом. В. М. Сорокина о петерб. университетѣ 1860-хъ гг.; — Студенческія волненія въ Москвѣ 1861 г. и въ Казани въ 1882 г., воспом. бывшаго попечителя П. Д. Шестакова; — Записки моряка-художн. профес. А. П. Боголюбова, 1856—57 гг.; — А. Н. Сѣровъ, 1857—71 гг., воспомин. о немъ и его письма К. И. Званцева; — 8 сентября 1862 г., изъ воспомин. графа П. А. Валуева; — Воспом. о голодѣ на сѣв. Россіи 1868 г.; — Воспом. художника В. В. Верещагина: Самаркандъ въ 1868 г., — Набѣгъ русскихъ войскъ на Адрианополь въ 1877 г.; — Импер. Александръ II на звѣриныхъ охотахъ 1849—1876 гг.; — Воспом. кн. П. А. Путятина; — Санъ-Стефано и Константинополь въ февралѣ 1878 г., замѣтки кн. В. Д. Дабича.

Исслѣдованія, историч. и биографич. очерки: Откуда родомъ св. вел. княгиня Ольга? арх. Леонидъ; — Смыслъные и заточенные въ острогѣ Соловецк. монастыря въ XVI—XIX вв., историч. очеркъ М. А. Колчина; — Карлъ XII въ 1709 г., сообщ. акад. Я. К. Гротъ; — Гр. Готлобъ Тотлебенъ 1715—63 гг., очеркъ Г. К. Рѣвинскаго; — Принцъ Карлъ Эрнестъ Курляндскій въ Бастинѣ 1768 г., сообщ. кн. А. В. Лобановъ-Ростовскій; — Россія въ ея отношеніяхъ къ Европѣ въ царств. Александра I, исслѣд. Н. К. Шилдера; — Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой половинѣ XIX вв., очеркъ министра (нынѣ доктора) русск. исторіи В. И. Семева; — Я. П. Кульневъ въ 1812 г.; — Партизанъ А. С. Фигнеръ въ 1813 г.; — Германскій принцъ Вильгельмъ въ Россіи въ 1817 г.; — Вильгельмъ I, импер. германскій, въ бытность его принцемъ прусск. 1821—33 гг.; — Импер. Николай I въ его резолюціяхъ 1827—33 гг.; — Л. В. Дубельтъ, биографич. очеркъ и письма; — П. Н. Кривцовъ, 1791—1843 гг.; — А. П. Герценъ въ 1820—41 гг.; — П. К. Менюковъ, арестъ его въ 1848 г.; — Д. Н. Бантышъ-Каменскій; — Русско-венгерская война 1849 г.; — Гр. Н. П. Евдокимовъ 1804—73 гг., биографич. очеркъ, сост. И. И. Ореусъ; — Русскіе въ Руминіи и на Дунаѣ въ 1853—54 гг., исслѣд. А. Н. Петрова; — Рущукскій отрядъ 1877—78 гг., истор. очеркъ М. П. Степанова; — Кн. Ва. А. Черкасскій какъ устроитель Болгаріи, ст. Д. Г. Анучина; — С. И. Зарудный; — И. Т. Осининъ, очеркъ жизни и дѣятельн., 1835—1867 гг.; — К. К. Арвгеймъ; — А. К. Пфель; — Н. М. Пржевальскій, его автобиографія.

Писатели въ нихъ произведсвія, письмахъ и биографіяхъ: В. А. Жуковский; — В. Т. Нарѣжный; — А. С. Пушкинъ: вновь открытыя строфы романа „Евгеній Онѣгинъ“, — М. Ю. Лермонтовъ; — Н. П. Огаревъ; — Д. М. Княженичъ; — Е. Н. Батюшковъ; — Н. В. Гоголь; — А. О. Смирнова; — Н. И. Костомаровъ; — Ал. Нив. Майковъ; — К. К. Р.—въ; — Къ литературной и обществ. исторіи 1820—1830 гг., сообщ. В. Е. Якушкинъ. Художники: Б. П. Брюловъ; — Антонъ Гр. Рубинштейнъ; — профес. археол. живоп. Ф. Г. Солдцовъ, и др.

Цѣна **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ А. Ф. ЦИНЗЕРЛИНГА

Спб., Невскій проспектъ, д. № 46.

Продаются нижеслѣдующія изданія ред. «Русск. Старины»:

I. СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ РОСПИСЬ содержанія „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ за первыя пятнадцать лѣтъ. Книга въ 8-ю долю, 300 стр., украшенная многими гравюрами.

Цѣна **ТРИ** рубля съ пересылкою.

II. Первое прибавленіе къ этой Росписи 1885—1887 гг. съ 12-ю гравюрами. Цѣна **ОДИНЪ** руб.

III. СЛОВО И ДѢЛО! историческіе очерки М. И. Семевского изъ эпохи Петра Великаго, 1700—1725 гг. Книга въ 8-ю долю, 350 стр., съ рисунками пытокъ. Спб., изданіе второе, пересмотрѣнное и исправленное.

Цѣна **ДВА** рубля съ пересылкою.

IV. „ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА, АННА и ВИЛЛИМЪ МОНСЪ“ историческій очеркъ М. И. Семевского изъ эпохи Петра Великаго, 1692—1724 гг. Книга въ 8-ю долю, 350 стр. Спб., съ портретами и картинами казней стрѣльцовъ.

Цѣна **ДВА** рубля **ПЯТЬДЕСЯТЬ** коп. съ пересылкою.

V. Подписчикамъ «Русской Старины» предоставляется получить за весьма уменьшенную цѣну, именно за **ДВА** рубля съ пересылкой, вмѣсто объявленной цѣны **4 руб. 50 коп.**, обширное сочиненіе генерала И. И. Ореуса: **Описаніе Венгерской войны 1849 г.**, съ приложеніемъ 14-ти картъ и плановъ, составленное по архивнымъ неизданнымъ матеріаламъ. Спб., въ 6. 8 д.

VI. Записки Сельскаго Священника, о. протоіерея и благочиннаго А. И. Розанова. Спб., 1882 г., въ 8 д., изд. второе, пересмотрѣнное и дополненное. Цѣна **ОДИНЪ** руб. съ пересылкою.

VII. Русскіе достопамятные дѣятели въ гравированныхъ лучшими художниками портретахъ, третье собраніе. Спб., 1889 г., въ 8 д. Цѣна для подписчиковъ «Русской Старины» — **ДВА** рубля съ пересылкою.

ПОРТРЕТЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II

превосходная гравюра Академика Гравера Его Императорскаго Величества Л. А. Сѣрякова († 1881 г.).

Гравюра эта окончена знаменитымъ академикомъ въ октябрѣ 1866-го года, и тогда же представленная въ Бозѣ почившему Императору удостоена Высочайшаго одобренія: художнику, — единственному въ Россіи академику-граверу на деревѣ, — въ декабрѣ 1866 г. пожаловано званіе—такъ же доселѣ единственное въ Россіи—«гравера Его Императорскаго Величества», съ причисленіемъ Сѣрякова въ Императорскому Эрмитажу.

Эта гравюра—очень хорошо отпечатана въ Парижѣ, на большомъ листѣ отличной бристольской бумаги; подъ портретомъ императорскій гербъ и подпись:

Александръ II,

ИМПЕРАТОРЪ ВСЕРОССИЙСКІЙ.

Рисоваль и гравироваль на деревѣ академикъ Л. Сѣряковъ,

ГРАВЕРЪ

Его Императорскаго Величества.

[Величина гравюры— $\frac{3}{4}$ аршина высоты].

Это лучшее произведеніе высокохудожественнаго рѣзца покойнаго Гравера Его Величества Александра II,—Академика Сѣрякова,—предоставляется нынѣ читателямъ «Русской Старины»—

 лица, подписавшіяся на журналъ „Русская Старина“, могутъ получить за семь семи-копѣчныхъ почтовыхъ марокъ (или 50 копѣекъ) эту гравюру—съ пересылкою, въ хорошо укупоренномъ картонномъ сверткѣ.

Примѣчаніе. Семь почтовыхъ марокъ или 50 копѣекъ уплачиваютъ за этотъ, повторяемъ, вполне замѣчательный, въ художественномъ отношеніи, портретъ Александра II, безразлично какъ городскіе, такъ и иногородные подписчики на „Русскую Старину“.

Въ отдѣльной продажѣ гравюра эта не была и не существуетъ.

Александръ II Освободитель изображенъ въ гравюрѣ Сѣрякова въ эпоху великихъ преобразованій; портретъ отличается, по своему времени (1866 г.), совершеннымъ сходствомъ.

МИХАИЛЬ ТРОФИМОВИЧЪ КАЧЕНОВСКІЙ.
ПРОФЕССОРЪ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ».

Библиотека "Руниверс"

ГРАФЪ ГОТЛОБЪ-КУРТЪ-ГЕНРИХЪ ТОТЛЕБЕНЪ

въ 1715—1763 гг.

Материалы для біографіи.

X¹).

При допросѣ въ главной квартирѣ арміи Саббатка показаль, что онъ родомъ изъ Бреславля; съ Тотлебеномъ познакомился черезъ своего родственника, у котораго было въ закладѣ серебро Тотлебена; серебро это слуга послѣдняго, вмѣстѣ съ нимъ, Саббаткою, по даннымъ комендантомъ Глогау паспортамъ, повезъ къ Тотлебену въ Столпе, но онъ, Саббатка, остановился въ Кеслинѣ. Затѣмъ узнавъ, по возвращеніи означеннаго слуги, что отъ Тотлебена къ помянутому коменданту есть письмо безъ адреса, поѣхаль въ Глогау, гдѣ слуга тотъ и отдалъ, при немъ, письмо коменданту, который, чрезъ недѣлю послѣ того, приказаль имъ обоемъ ѣхать къ принцу Генриху. По полученіи отъ послѣдняго письма къ Тотлебену, они отправились къ нему въ Столпе. Прочитавъ письмо, Тотлебенъ сказалъ:

— „Принцъ Генрихъ пишетъ, чтобы не раззорять земель такъ, какъ прежде было, и не требовать контрибуцій; но я держу все въ должномъ порядкѣ, такъ что и жаловаться на меня никто не можетъ».

На другой же день, передавая имъ отвѣтъ принцу, говорилъ,

¹) См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LX, октябрь, стр. 1—34; изд. 1889 г., т. LXII, июнь, стр. 513—544. т. LXIII, сентябрь, стр. 459—480.

что просить въ немъ объ увольненіи сына его изъ службы. Черезъ недѣлю послѣ отдачи этого отвѣта, онъ снова отправился къ Тотлебену съ письмомъ безъ адреса, которое и передалъ въ лагерь при Бернштейнѣ. Спустя нѣкоторое время, Тотлебенъ подарилъ ему 12 фридрихсдоровъ, говоря, что это за то, что король прусскій уволилъ его сына. Найденный при задержаніи его пакетъ получилъ онъ отъ Тотлебена для передачи кюстринскому коменданту, или принцу Генриху, или самому королю. Сынъ его былъ съ нимъ только для услугъ въ дорогѣ. Въ арміи (русской) ничего не провѣдывалъ; что было въ письмахъ Тотлебена и короля—не знаетъ, такъ какъ они были запечатаны. Хотѣлъ ли Тотлебенъ бѣжать и намѣревался ли видѣться съ королемъ—тоже не знаетъ; шпиономъ королевскимъ не былъ никогда. О купленной Тотлебеномъ мызѣ слышалъ въ Столпе. Въ послѣдній разъ Тотлебенъ далъ ему письмо для отдачи въ Ландсбергъ на почту, съ тѣмъ, что если его тамъ не примутъ, то онъ можетъ распечатать его, такъ какъ оно касалось только разныхъ порученій.

На слѣдствіи же, въ С.-Петербургѣ, Саббатка 29 января 1762 г. объяснилъ, что прежнее показаніе давалъ въ страхѣ, а нынѣ объявляетъ, что письмо, которое онъ возилъ съ слугою Тотлебена, было отдано ему, а не слугѣ, съ указаніемъ, что отъ короля. Посланныя послѣ того четыре письма отъ короля же были переданы имъ Тотлебену. Первое было дано принцемъ Генрихомъ въ Гросъ-Глогау въ мартѣ 1761 г. и на оное, черезъ три или четыре дня, получилъ отвѣтъ Тотлебена, съ просьбою отдать самому королю и заявить, что онъ, Тотлебенъ, желаетъ съ нимъ свидѣться, обѣщая притомъ, въ случаѣ свиданія съ королемъ, дать ему, Саббаткѣ, 2 тыс. лудировъ отъ императрицы и исходатайствовать ему и внучатамъ его особую милость. Въ мартѣ же онъ прибылъ вторично въ Столпе изъ Лейпцига съ отвѣтомъ короля и черезъ нѣсколько дней отправленъ снова къ послѣднему съ письмомъ. Въ третій разъ, въ исходѣ мая, онъ посланъ былъ королемъ къ Тотлебену съ двумя маленькими письмами, и на другой день отправленъ съ письмомъ къ королю. Наконецъ, четвертое письмо привезъ въ іюнѣ и отдалъ Тотлебену наединѣ. Содержанія писемъ не знаетъ. Первое Тотлебенъ не только изорвалъ въ присутствіи его, но даже

изжевалъ лоскутки его. Тотлебенъ желалъ видѣться съ королемъ и говорилъ ему объ этомъ; король же два раза на то соглашался, велѣвъ въ послѣдній разъ сказать Тотлебену, что когда онъ съ арміею придетъ въ Силезію, то найдетъ къ тому случай и назначить мѣсто. За письма отъ короля ничего не получалъ, а отъ Тотлебена, за извѣстія о прусской арміи, получилъ 112 фридрихсдоровъ. Шифръ пріобрѣлъ у секретаря въ Глогау за 70 дукатовъ.

Съ своей стороны, Тотлебенъ, написавъ Бутурлину письмо, въ которомъ утверждалъ, что переписывался съ непріателемъ по точному приказанію его, Бутурлина, что, впрочемъ, послѣдній въ реляціи своей императрицѣ отвергнулъ, показалъ, что корреспонденція съ королемъ началась съ марта. Всѣхъ писемъ, полученныхъ черезъ Саббатку, было четыре. Въ первомъ, увѣдомляя объ увольненіи его сына, король просилъ о менажированіи его земель, а въ слѣдующихъ о сообщеніи о намѣреніяхъ русскаго правительства и о томъ, какимъ образомъ будетъ дѣйствовать русская армія, обнадеживая своею милостію и возвращеніемъ деревень. И прежде о томъ же словесно просилъ принцъ Генрихъ, черезъ домашняго его жида. Купца Гоцковскаго (запечатанное письмо къ которому было найдено при арестѣ его) онъ знаетъ давно и черезъ него королемъ обѣщано было 2 милліона за склоненіе императорскаго двора въ его пользу. Онъ отвѣчалъ королю, что земли менажировать будетъ, о намѣреніяхъ правительства не знаетъ, за обнадеживаніе благодаренъ, а о 2 милліонахъ донесетъ фельдмаршалу; но отвѣтъ этотъ посланъ гораздо позже, какъ уже о минувшемъ дѣлѣ, чтобы только болѣе увѣрить и уловить короля. Письмо короля съ шифромъ принесъ ему Саббатка и онъ разорвалъ ихъ при арестѣ своемъ, а равно рвалъ при Саббаткѣ и прочія королевскія письма. О всемъ этомъ хотѣлъ донести Бутурлину обстоятельно, по прибытіи къ арміи. Замыселъ его состоялъ въ томъ, чтобы схватить короля, что онъ и намѣревался сдѣлать по соединеніи съ арміею, при рекогносцировкѣ; помышляя объ этомъ четыре года, входилъ о свиданіи въ сношенія съ королемъ, который, черезъ Саббатку, и приказывалъ объявить ему о желаніи видѣться, при сближеніи армій, для переговоровъ о важныхъ дѣлахъ. Желалъ же король, чтобы онъ служилъ кампанію 1761 года потому, что

онъ обѣщаль менажировать его земли. Копія ордеровъ писаны его малолѣтнимъ лакеемъ, а письмо къ королю, отпускъ коего найденъ въ его бумагахъ, какъ помнится, отправлено чрезъ принца Виртембергскаго. Подарковъ отъ короля никакихъ не получалъ; о перепискѣ съ нимъ въ корпусѣ никто не зналъ. Шифръ показывалъ Ашу, говоря, что онъ принесенъ ему жидомъ изъ королевскаго кабинета. Цифры, помѣщенные въ письмѣ его къ королю, означаютъ: первая—принцъ Виртембергскій; вторья—обстоятельства нынѣшней кампаніи или перемѣны, и третія—слуга Тотлебенъ. Съ Вернеромъ никакой важной переписки не было.

При дальнѣйшихъ допросахъ Тотлебенъ объяснилъ, что въ мартѣ или апрѣлѣ старинный домашній его въ Силезіи жидъ Гришель привезъ къ нему въ Столпе вѣсколько серебряныхъ вещей, оставленныхъ у него въ 1756 году, и поклонъ отъ принца Генриха съ просьбою побережь королевскія земли и не дозволять войскамъ раззорять ихъ, что и король весьма милостиво приметъ. Въ отвѣтъ на это онъ написалъ принцу, что если прусскіе чиновники останутся на своихъ мѣстахъ и будутъ доставлять провіантъ и фуражъ, то и насильствъ не будетъ, грабежа же онъ не терпитъ и награжденія за это не требуетъ; но просилъ принца, какъ стараго друга, похлопотать объ отпускѣ его сына и объ отдачѣ конфискованныхъ деревень. Принцъ не отвѣчалъ ему, а черезъ три недѣли Гришель вернулся съ вѣстями о непріятелѣ, которыя онъ и сообщилъ фельдмаршалу. Тогда же явился Саббатка, вручилъ ему письмо короля о томъ, что онъ приказалъ земскимъ совѣтникамъ и директорамъ возвратиться на ихъ мѣста, и что онъ проситъ побережь его земли, обѣщая, по заключеніи мира, быть справедливымъ въ отношеніи сына и деревень. Отвѣтивъ, что изъ прежнихъ его дѣйствій король могъ видѣть, что онъ не допускаетъ безпорядковъ и что если приказаніе о чиновникахъ будетъ исполнено, то и жалобъ не будетъ, онъ снова просилъ объ отпускѣ сына. Съ этимъ отвѣтомъ былъ посланъ Саббатка, который черезъ три недѣли и привезъ отпускъ сыну, а съ тѣмъ вмѣстѣ и записку короля съ изъявленіемъ милости и новою просьбою о недопущеніи грабежей. На это онъ отвѣчалъ обѣщаніемъ заслужить королевскую милость, если болѣзнь не помѣшаетъ ему продолжать службу, рассчитывая такимъ

образомъ привлечь къ себѣ Саббатку и, заставивъ короля вѣрится ему, захватить его, при переговорахъ, когда онъ поѣдетъ для рекогносцировки съ малымъ, по обыкновению, прикрытіемъ.

Въ третій разъ Саббатка пріѣхалъ къ нему въ лагерь при Кеслингѣ и подалъ два маленькихъ запечатанныхъ пакета, въ одномъ изъ коихъ былъ шифръ, а въ другомъ записка короля. Тогда же Саббатка вручилъ ему и объявленіе о турецкомъ союзѣ. Содержаніе записки было въ такомъ родѣ: принципалъ радуется увѣреніямъ его друга и обѣщаніямъ оберегать земли, желаетъ выздоровленія, чтобъ для подданныхъ принципала могъ сдѣлать еще кампанію, и просилъ сообщить откровенно, будетъ ли армія въ этомъ году дѣйствовать наступательно или оборонительно, пошлется ли особый корпусъ къ Лаудону (австрійскому генералу) и не завидуетъ ли Тотлебенъ, что объявился новый женихъ Кольбергской дѣвственницы? Не имѣя ни времени, ни охоты отвѣчать тогда же, потому что въ тотъ день, по случаю праздника, у него было много офицеровъ, онъ на другой день отправилъ жида лишь съ запискою, что другъ принципала посланіе получилъ и при первомъ случаѣ будетъ отвѣчать, и вмѣстѣ съ тѣмъ велѣлъ сказать королю, что очень желаетъ съ нимъ говорить, какъ и прежде о томъ наказывалъ. Затѣмъ, заготовивъ отвѣтъ королю въ томъ видѣ, какъ онъ былъ изложенъ въ найденномъ въ его бумагахъ отпускѣ, послалъ его по эстафетѣ къ принцу Виртембергскому въ Берлинъ; когда же 18 іюня Саббатка передалъ ему записку короля, наполненную милостивыми выраженіями и содержащую просьбу увѣдомить о томъ, о чемъ король просилъ въ послѣднемъ письмѣ, при чемъ Саббатка сказалъ, что король очень склоненъ поговорить съ нимъ когда арміи сойдутся поближе и подастъ къ тому случай, то онъ отвѣчалъ, что другъ уже сообщилъ принципалу о перемѣнѣ его экспедиціи и послалъ къ принцу Виртембергскому, для доставленія, письмо. Для того же, чтобы не отвратить отъ себя короля, но еще болѣе вселить въ немъ къ себѣ довѣрія, написалъ нѣсколько словъ цифрами и завернулъ письмо въ ордеръ фельдмаршала, изъ коего можно было видѣть кака я произошла съ нимъ перемѣна. Еслибы онъ замышлялъ что либо дурное, то могъ бы послать ордеръ и маршрутъ еще изъ Шифельбейна, гдѣ они были получены; по такъ какъ они были

посланы изъ Бернштейна только 20 (19?) числа, то не были уже тайною, потому что уже были исполнены: маршрутъ арміи простирался лишь до 17 числа и, слѣдовательно, прежде чѣмъ могъ дойти до короля, онъ, Тотлебенъ, былъ бы уже съ своимъ корпусомъ при арміи, или очень близко отъ нея ¹⁾. О пѣхотѣ же, отправленной къ Румянцеву изъ Шифельбейна, непріятель, натурально, долженъ былъ свѣдать въ первый же день. Наконецъ, то, что король еще зимою зналъ, или догадывался, о маршѣ нашей арміи въ Силезію или къ Бреславию, можно видѣть изъ того, что онъ еще въ апрѣлѣ пошелъ изъ Саксоніи въ Силезію съ корпусомъ отъ 50 до 60 тыс. человекъ и уже 16 числа былъ при Кунцендорфѣ и отправилъ генерала Гольца съ обсервационнымъ корпусомъ въ Глогау.

Получивъ шифръ, онъ тотчасъ же показалъ его Ашу, сказавъ: «вотъ мнѣ жидъ привезъ шифръ изъ королевскаго кабинета». Ашъ удивился, гдѣ онъ могъ достать его. На это онъ отвѣтилъ, что жидъ нынѣ вхожъ въ королевскій кабинетъ, и что онъ, Тотлебенъ, съ помощью Божіею, сыграетъ въ этомъ году съ королемъ хорошую шутку, а шифръ будетъ имѣть фельдмаршалъ. Ашъ долженъ сознаться въ этомъ, равно какъ и въ томъ, что онъ, Тотлебенъ, много разъ и часто публично говорилъ, что надѣется въ этомъ году нанести королю чувствительный ударъ. Точно также не скрывалъ отъ него и того, что переписывался съ королемъ, потому что часто говорилъ ему о пересылкѣ увольнительнаго свидѣтельства сыну и о приказаніи прусскимъ чиновникамъ быть въ ихъ округахъ.

Саббатку увидалъ въ первый разъ въ Столпе и прежде о немъ не слыхалъ, а что онъ былъ главнымъ королевскимъ шпиономъ, того и знать не могъ. Правда, онъ приносилъ ему письма короля и, по всѣмъ признакамъ, долженъ былъ быть довѣреннымъ у него лицомъ. Употреблялъ же его и впредь хотѣлъ

¹⁾ По замѣчанію Бутурлина, ссылка Тотлебена на безвредность посланки Фридриху II маршрута арміи опровергается тѣмъ, что когда легкія войска, торопясь, по арестѣ его, соединиться съ арміею, пришли въ Ландсбергъ, то мѣстные жители удивлялись скорому ихъ прибытію, такъ какъ, по ихъ свѣдѣніямъ, они должны были придти гораздо позже, «почему, конечно, и король такое же увѣдомленіе отъ него, Тотлебена, получилъ». Архивъ вв. Воронцова, VII, 384.

употреблять для пріобрѣтенія королевской довѣренности и для совершенія, чрезъ это, великаго своего предпріятія, и старался сдѣлать его откровеннымъ и вывѣдывать что происходитъ у короля въ арміи. Привлекая его въ свою сторону, для приманки давалъ ему деньги и обѣщалъ хорошую награду, если будетъ служить вѣрно и часто сообщать извѣстія.

Купецъ Гоцковскій ¹⁾ былъ у него по осени, въ Кенигсбергѣ, и зимою въ Маріенбургѣ и, возвратясь оттуда, снова видѣлся съ нимъ, но при всѣхъ этихъ случаяхъ о королѣ и другихъ сообщеніяхъ даже и помину не было. Въ послѣдній же разъ Гоцковскій нарочно пріѣзжалъ къ нему въ Кеслинъ, привезъ чепраки и, получивъ деньги, должныя за забранныя товары, спросилъ: къ кому адресоваться въ Петербургѣ, чтобы склонить дворъ на полезныя королю мысли, потому что война очень наскучила королю и онъ съ радостію употребилъ бы на это милліонъ или два. На это онъ отвѣтилъ совѣтомъ изложить этотъ вопросъ на письмѣ, для сообщенія его фельдмаршалу. Впрочемъ, переписка съ Гоцковскимъ заключалась лишь въ томъ, что онъ нѣсколько разъ писалъ отъ имени города Берлина относительно взятыхъ тамъ войскомъ лошадей и о должныхъ контрибуціонныхъ деньгахъ; но такъ какъ эти дѣла болѣе до него, Тотлебена, не касались, то онъ и отсылалъ Гоцковскаго въ главную квартиру. Въ бытность же Гоцковскаго въ Кеслинѣ, какъ онъ, Тотлебенъ, такъ и многіе офицеры дали ему публично комиссію прислать разные конскіе уборы и другія дорожныя вещи, о чемъ онъ къ нему два раза и писалъ. За все это и за старые долги онъ заплатилъ ему около 3 тыс. гульденовъ и получилъ въ подарокъ лошадь. Болѣе ничего не знаетъ и адресовъ въ Петербургѣ Гоцковскому не давалъ.

Первыя два письма короля онъ изорвалъ какъ невинныя и ненужныя, но могущія причинить безпокойство бумаги, еслибъ онѣ были найдены; третіе во время сильнаго припадка горячки, изъ опасенія, чтобы оно не попало кому нибудь въ руки, а шифръ и послѣднее письмо въ сердцахъ, при арестѣ; иначе, т. е. еслибы исполнили его просьбу о запечатаніи его бумагъ, онъ

¹⁾ Гоцковскій былъ одинъ изъ богатѣйшихъ купцовъ Берлина и, беря городныя подряды на казну, пользовался, конечно, довѣріемъ Фридриха II.

передалъ бы ихъ фельдмаршалу. Писать же послѣднему о своемъ проектѣ было опасно, за отдаленностію и, кромѣ того, онъ былъ уже на маршѣ къ арміи. О захватѣ короля онъ прежде не думалъ, и только второе и третіе письма короля дали ему о томъ мысль.

Съ Вернеромъ переписывался лишь о томъ, что приказывалъ Бутурлинъ; говорилъ съ нимъ въ Столпе неохотно и только по приказанію; видѣлся же съ нимъ не наединѣ, а въ обществѣ другихъ и если отъ него иногда и пріѣзжалъ офицеръ, то только для переговоровъ о перемиріи и о разбѣнѣ плѣнныхъ.

Объ имѣніи Милитъ онъ освѣдомлялся лишь для одного голландца, а самому купить его, за невозможностію платить и саксонскіе долги, было нельзя, потому что оно стоило болѣе 500 т. гульденовъ.

По поводу этихъ объясненій, въ экстрактѣ изъ слѣдственнаго дѣла были приведены слѣдующія соображенія:

Переписка Тотлебена съ Вернеромъ и принцемъ Бевернскимъ была дозволена Бутурлинымъ и ничего важнаго изъ нея не произошло, но переписка его съ принцемъ Генрихомъ и королемъ прусскимъ происходила совсѣмъ на другомъ основаніи. Въ ордерахъ Бутурлина не только позволеніе, но и крайняя осторожность ему предписывалась, а началъ онъ ее еще гораздо ранѣе полученія этихъ ордеровъ, которые ни мало къ оправданію его не служатъ, и именно, какъ самъ признается, въ исходѣ марта или въ началѣ апрѣля, чрезъ жида Гришеля. На словесную просьбу принца Генриха побережь королевскія земли отвѣчалъ письменно, и при этомъ просилъ объ увольненіи изъ прусской службы сына своего, чѣмъ и далъ поводъ къ дальнѣйшей перепискѣ, такъ что послѣ того и отъ самого короля получилъ четыре письма чрезъ Саббатку; но такъ какъ эти письма и отвѣты на оныя Тотлебенъ изорвалъ, то и нельзя знать подлинно ли то, что онъ показалъ, а не о чемъ другомъ было писано. Третіе письмо, при которомъ были присланы и шифры, хотя онъ также изорвалъ, будучи боленъ, однако содержаніе его нѣсколько видѣть можно изъ найденнаго въ его бумагахъ концента. Въ отвѣтахъ же своихъ объяснилъ, что Гоцковскій освѣдомлялся къ кому адресоваться въ Петербургѣ, чтобы склонить дворъ на полезныя королю мысли, и хотя эти

отвѣты онъ готовъ подтвердить подъ присягою, но нѣсколько сомнительнымъ кажется, что послѣ несклонности удовлетворить любопытство короля знаніемъ объ операціяхъ нашей арміи, чрезъ пять или шесть дней отважился было открыть все то, что во всекрайнейшемъ секретѣ долженъ былъ содержать. Еслибы одинъ маршрутъ отправленъ былъ, то это, какъ оный изъ чиселъ вышелъ, слѣдовательно и армія тѣ мѣста прошла, не могло бы быть признано важнымъ; но ни подъ какимъ видомъ не надлежало открывать непріятелю секретнѣйшаго ордера фельдмаршала по апробованному ея императорскимъ величествомъ плану похода арміи прямо къ Бреславлю и о прочихъ распоряженіяхъ, хотя бы король и зналъ о томъ нѣкоторымъ образомъ, но если по одной догадкѣ, какъ самъ Тотлебенъ упоминаетъ, то могъ бы сомнѣваться и разсудить двояко, ибо между догадкою и знаніемъ великая разница. Еслибы въ письмахъ короля, а особливо въ послѣднемъ, ничего не было, то не зачѣмъ было рвать ихъ и шифръ при самомъ арестѣ, но слѣдовало хранить въ свое оправданіе, какъ еще неизвѣстные фельдмаршалу. Чтоже касается до захвата короля, то надобно было объ этомъ донести хотя фельдмаршалу, а безъ того и покушаться не слѣдовало, тѣмъ болѣе зная, что иначе учинить этого не могъ, какъ только сыскавъ довѣріе непопозволенною корреспонденціею.

XI.

Производство слѣдствія надъ Тотлебенемъ въ Петербургѣ поручено было особой комиссіи, состоявшей изъ генераль-аншефа Николая Корфа, генераловъ: Данилы де Боскета, Семена Караулова, Владиміра Лопухина, Михаила Деденева и полковниковъ: Аристарха Кашкина и Василя Патрекѣева, при генераль-аудиторѣ Ильѣ Плюсковѣ и оберъ-аудиторѣ Никитѣ Малышкинѣ, не знавшихъ, однако, иностранныхъ языковъ, вслѣдствіе чего отъ военной коллегіи и былъ потребованъ переводчикъ.

Комиссіи этой Тотлебенъ показалъ, что подтверждаетъ отвѣты, данные имъ въ арміи, хотя въ то время и не могъ всего упомянуть и притомъ не надѣялся достигъ тамъ правосудія, вслѣдствіе

извѣстныхъ жалобъ его и просьбъ. Въ дополненіе же къ нимъ считаетъ нужнымъ объяснить, что въ письмѣ къ принцу Генриху онъ просилъ объ освобожденіи не только сына, но также и брата, полковника голландской службы, содержавшагося, съ самаго начала войны, подъ арестомъ въ Глогау. Двухъ единственныхъ своихъ дѣтей, воспитывавшихся въ Берлинѣ передъ войною, онъ старался вырвать изъ непріятельскихъ рукъ, и при посредствѣ глогаускаго конфидента втайнѣ перевезъ изъ Силезіи въ Польшу все, что только могъ спасти изъ своихъ капиталовъ и цѣнныхъ вещей, а барону Мирбаху въ Рудау и надворному совѣтнику Шютцлеру въ Дрезденѣ выдалъ довѣренности на покупку имѣній въ Курляндіи и Саксоніи, ассигновавъ имъ и деньги въ Данцигѣ. Еслиже онъ и купилъ въ Столпе, т. е. въ непріятельской странѣ, два дома и садъ, то это для того, чтобы держать тамъ свои экипажи и лошадей, такъ какъ содержаніе ихъ въ Польшѣ было очень дорого. Впрочемъ, эти дома тотчасъ же подарилъ своей дочери, баронессѣ Мирбахъ, чтобы можно было, по желанію, снова ихъ продать. Полученіе письма прусскаго короля, касавшагося приказанія ландратамъ быть на ихъ мѣстахъ, онъ не скрывалъ, но о содержаніи его доносилъ фельдмаршалу и объявлялъ публично. Сообщить же ему на словахъ свои предположенія о захватѣ короля онъ не имѣлъ возможности, такъ какъ хотя Бутурлинъ и позволилъ ему пробыть два дня въ Данцигѣ, но самъ въ это время уѣхалъ въ Эльбингъ, а затѣмъ не было времени съѣздить къ нему въ виду близкаго окончанія срока перемирія и нахождения непріятеля въ трехъ миляхъ отъ Столпе. Шифръ прусскій нуженъ былъ потому, что въ прежнее время была захватываема шифрованная переписка непріятеля, которую нельзя было разобрать. По полученіи же показывалъ его Ашу, равно какъ и печатный листъ о союзѣ Пруссіи съ Турціею, и говорилъ ему, что деньгами и все можно сдѣлать, и пусть король теперь бережется; но при этомъ никого не было. Доказательствомъ тому, что онъ замышлялъ не дурное, а доброе дѣло, служатъ найденныя въ его бумагахъ жалобы императрицѣ и Воронцову, которыя онъ отправилъ бы вмѣстѣ съ шифромъ, въ Петербургъ, тотчасъ по прибытіи въ Ландсбергъ. Отпускъ письма къ королю онъ сохранилъ у себя также потому, что хотѣлъ отослать его въ Петербургъ. Главный проектъ свой

(о захватѣ короля) обдумалъ не ранѣе мая и давалъ понять о немъ Ашу, но не могъ донести о немъ двору по краткости времени, массы дѣлъ, марша къ арміи и болѣзни.

Когда Саббатка принесъ ему первое письмо, то онъ могъ считать его королевскимъ шпиономъ, но такъ какъ онъ доказалъ письмами, что уже служилъ генералу Чернышеву, за что и сидѣлъ въ Берлинѣ подъ арестомъ, то надлежало уже назвать его конфидентомъ и тѣмъ болѣе, что полученныя черезъ него извѣстія были весьма важны и вѣроятны. А что онъ былъ главнымъ шпиономъ короля и пользовался его довѣріемъ, видно изъ того, что иначе не могъ бы сообщить этихъ извѣстій, и потому весьма важно было подкупить его.

Представляя эти объясненія, Тотлебенъ подалъ и 60 вопросовъ, которые просилъ предложить Ашу для подтвержденія сказаннаго въ нихъ, «если въ немъ есть хоть капля честной крови», но это было признано излишнимъ, такъ какъ и безъ того дѣло тянулось долго. Впрочемъ, Ашъ былъ все таки допрошенъ и показалъ, что шифръ Тотлебенъ ему показывалъ, говоря, что Саббатка досталъ его за деньги изъ королевскаго кабинета и что онъ сдѣлаетъ знатное дѣло; о передачѣ же шифра фельд-маршалу не говорилъ. О присылкѣ абшида сыну Тотлебена, о прибытіи земскихъ чиновниковъ и о полученіи черезъ Гришеля и Саббатку извѣстій о непріятелѣ онъ, между разговорами, слыхалъ и для донесенія фельдмаршалу переводилъ, но не съ оригиналовъ, а съ рукописи Тотлебена, и не знаетъ даже были ли тѣ извѣстія письменныя.

XII.

26-го апрѣля 1762 г. дежурнымъ генераль-маіоромъ Кашкинымъ былъ объявленъ именной указъ объ учрежденіи надъ Тотлебеномъ генеральнаго кригсрехта. Презусомъ этого суда былъ назначенъ генераль-фельдмаршалъ принцъ Гольштейнъ-Готторпскій, а ассесорами: генераль-аншефъ, камергеръ, всѣхъ полицій директоръ Николай Корфъ, генераль-фельдцейхмейстеръ Александръ Вильбоа, генераль-поручикъ и с. - петербургскій оберъ-комендантъ Иванъ Костюринъ, генераль-поручикъ фонъ-

Пальмбахъ ¹⁾ и генераль-маіоры графъ Брюсъ и Ляпуновъ, а для производства—дѣйствительный статскій совѣтникъ и оберъ-аудиторъ гвардейскихъ полковъ Эмме.

На другой же день кригсрехтъ собрался и презусъ объявилъ переданное ему государемъ оправданіе Тотлебена и слѣдующія къ нему прошенія, а генераль Корфъ предложилъ адресованный къ нему Тотлебеню запечатанный пакетъ съ объясненіемъ подсудимаго о его невинности ²⁾.

Затѣмъ находившемуся на караулѣ у Тотлебена поручику Англеру дана инструкція, чтобъ онъ содержалъ Тотлебена подъ крѣпкимъ карауломъ, не допуская къ нему никого, кромѣ посланныхъ отъ суда или отъ президента онаго; чернилъ, бумаги, перьевъ и карандашей ему не давать и его изъ квартиры не выпускать и всегда находиться при немъ безотлучно; впрочемъ, поступать съ нимъ почтительно и вѣжливо, чтобы онъ «чрезъ случающіеся иногда непорядки къ неудовольствію и огорченію причины не имѣлъ», еслиже онъ, для своего здоровья, въ покояхъ прохаживаться захочетъ, то это ему не запрещать.

Освидѣтельствовавъ шкатулку Тотлебена, въ которой оказались лишь ордена, золотая табакерка съ брилліантами, два перстня и прочая мелочь, а въ записной книжкѣ векселя, счета и тому подобныя бумаги, допросивъ Тотлебена и выслушавъ дѣло. судъ 20 мая постановилъ слѣдующій приговоръ:

— Тотлебена, какъ измѣнника, казнить смертію; Саббатку же освободить, такъ какъ онъ былъ только писмоносомемъ и шпиономъ Тотлебена, не зная что было въ письмахъ, русской арміи не причинилъ никакого вреда и, напротивъ того, доставлялъ полезныя свѣдѣнія о непріятелѣ.

По постановленіи этого приговора презусъ объявилъ, что его императорское величество приказалъ спросить Тотлебена въ пополненіе: куда онъ взятыя имъ въ Берлинѣ изъ замка (дворца) и изъ (королевской) конюшни вещи дѣвалъ и какія именно и кому имъ отданы, для чего ко двору не присланы,

¹⁾ 3-го мая, вмѣсто отправленнаго къ арміи Пальмбаха, былъ назначенъ генераль-инженеръ де-Боскетъ.

²⁾ Бумагъ этихъ нѣтъ въ сенатскомъ дѣлѣ.

и если присланы, то къ кому и имѣтъ ли въ приемѣ ихъ росписку ¹⁾?

По этому предмету судъ положилъ допросить Тотлебена 21 мая, но какой имъ былъ данъ отвѣтъ—намъ неизвѣстно; изъ поднесеннаго же императрицѣ Елизаветѣ реестра вещамъ, присланнымъ Тотлебеномъ съ адъютантомъ его Мейвотомъ 26 ноября 1760 г., т. е. послѣ уже взятія Берлина, видно, что Тотлебеномъ были посланы разныя вещи не только для Воронцова, его жены, братьевъ Шуваловыхъ, кн. Трубецкой и графини Бутурлиной, но и для самой императрицы и великаго князя съ его супругою, и въ числѣ ихъ три портрета Фридриха II ²⁾, которые, конечно, не были написаны по заказу Тотлебена, а были приобрѣтены имъ въ Берлинѣ, тѣмъ или другимъ способомъ.

ХІІІ.

За послѣдовавшею вскорѣ по постановленіи приговора кончиною императора Петра III приговоръ этотъ остался не исполненнымъ и участь Тотлебена не была рѣшена. Очевидно, что императрицѣ Екатеринѣ было не до него. Только 1 сентября она вспомнила о немъ и, отправляясь въ Москву на коронацію, указала сенатору Ивану Ивановичу Неплюеву, оставленному ею въ Петербургѣ для завѣдыванія этою столицею, содержать Тотлебена подъ арестомъ такъ, какъ онъ содержался до тѣхъ поръ, а находящихся по его дѣлу подъ карауломъ разныхъ людей освободить и выслать за границу.

Указъ этотъ Неплюевъ объявилъ 3 сентября сенату, который и распорядился: предписать капитану Ангелару неотлучно находиться при Тотлебенѣ, содержать его подъ крѣпкимъ карауломъ, никого къ нему не допускать, кромѣ присланныхъ отъ Неплюева, чернилъ и бумаги не давать и изъ квартиры не

¹⁾ Рапортомъ отъ 3 октября 1760 г. Тотлебенъ доносилъ: «королевскій весь замокъ приказалъ я осмотрѣть, только въ немъ ничего не найдено какъ 3 сундучка, которые тогда же запечатаны и находятся при моей командѣ; прочее же, что было, все перевезено въ Магдебургъ» (моск. арх. ж. и. д., 1761 г., № 106).

²⁾ Архивъ кн. Воронцова, VII, 421.

выпускать, но противъ него никакихъ беспорядковъ и огорченій не чинить и позволять ему прохаживаться въ покояхъ. «А для выпроваживанія означенныхъ людей за границу» прислать с.-петербургскому оберъ-коменданту Костюрину унтеръ-офицера, знающаго нѣмецкій языкъ, и 2-хъ солдатъ, съ которыми ихъ и отправить до Риги, гдѣ и сдать въ мѣстную губернскую канцелярію, для высылки ихъ за границу.

Согласно этому опредѣленію, Саббатка, его сынъ и прислуга Тотлебена были высланы съ сержантомъ Апарити, который 27 сентября и выпроводилъ ихъ за границу. Тотлебенъ же продолжалъ сидѣть подъ карауломъ вплоть до весны 1763 года, потому ли, что у императрицы было много дѣлъ, болѣе важныхъ, чѣмъ его, или же потому, что, быть можетъ, ей хотѣлось окончательно убѣдиться не былъ ли онъ подкупленъ, ведя недозволенную переписку съ прусскимъ королемъ, и не попали ли тѣ два милліона, о которыхъ говорилъ Гоцковскій, хотя бы частію, въ его руки, или, наконецъ, что при занятіи Берлина онъ не ограничился полученіемъ въ подарокъ только той суммы, которую самъ указалъ и которою подѣлился съ корпусами Чернышева и Лесси, но приобрѣлъ, тѣмъ или другимъ способомъ, болѣе значительный капиталъ. Въ этомъ отношеніи неволью обращаютъ на себя вниманіе указы императрицы Неплюеву отъ 19 ноября 1762 г., изъ Москвы, и объявленное въ сенатѣ 25 февраля 1763 года повелѣніе относительно пожитковъ Тотлебена, привезенныхъ изъ за границы на корабляхъ. Въ указѣ Екатерины II Неплюеву сказано было: «Бывшаго въ нашей службѣ генераль-маіора графа Тотлебена сундукъ съ письменными дѣлами и въ немъ шкатулка его же, Тотлебена, печатію запечатанная, оставлены въ вѣдомствѣ вашемъ при сенатской конторѣ.

«Въ помянутомъ сундукѣ письменныя дѣла, которыя по нужнѣе, тѣ прикажите описать и опись къ намъ прислать. Но паче всего вы сами съ нашимъ генераломъ и сенаторомъ Корфомъ и съ статскимъ совѣтникомъ Эмме находящуюся въ томъ сундукѣ шкатулку секретно распечатать имѣете и всѣ въ ней вещи приказать описать, а всего больше вексели или облигаціи, какіе въ той шкатулкѣ есть, осмотрѣть и переводы оныя сюда прислать какъ наискорѣе, дабы можно было узнать гдѣ и въ

чьихъ именно рукахъ какая денежная сумма онаго Тотлебена находится ¹⁾»).

Чтоже касается до распоряженія о пожиткахъ Тотлебена, то оно заключалось въ томъ, что 25 февраля 1763 г. императрица приказала въ сенатѣ доложить ей «въ комнатѣ» о тѣхъ пожиткахъ, которые были привезены изъ арміи и значились въ реестрѣ военной коллегіи ²⁾. Но въ числѣ ихъ, какъ видно изъ описи имъ, драгоцѣнныхъ вещей было немного, а именно: двѣ золотыя табакерки, перстень съ портретомъ прусскаго короля, «небогато осыпанный мелкими брилліантами», и нѣсколько другихъ золотыхъ вещей. Были также 12 маленькихъ мѣдныхъ и 2 большія чугунныя пушки, которыя, быть можетъ, были взяты при разграбленіи въ 1760 году нашими войсками резиденціи маркиграфа Бранденбургъ-Шветскаго и служили только «для увеселенія» ³⁾, но все это не составляло признаковъ богатства, и при томъ изъ переписки коллегіи иностранныхъ дѣлъ съ представителями иностранныхъ державъ можно было видѣть, что на Тотлебена были предъявлены взысканія по вексямъ, выданнымъ имъ еще въ 1757 г. въ Регенсбургѣ, Вѣнѣ и другихъ мѣстахъ на немаловажную сумму ⁴⁾. Правда, Тотлебенъ показалъ, что онъ поручалъ зятю своему Мирбаху и повѣренному въ Дрезденѣ покупать имѣнія на переведенныя имъ въ Данцигъ суммы, а равно приобрѣлъ домъ въ Столпе съ конскимъ заводомъ, но вѣдь имѣлъ же онъ родовыя имѣнія въ Саксоніи и Силезіи и давалъ же деньги на содержаніе подчиненныхъ ему полковъ, какъ это значилось въ его показаніяхъ, и подтверждалось выданными ему росписками на 11,466 руб., которыя, при возвращеніи ему бумагъ, хитрый сенатскій секретарь Борисъ Сахаровъ счелъ долгомъ отобрать, «яко принадлежація до полковыхъ дѣлъ», а И. И. Неплюевъ не велѣлъ отдавать Тотлебену ⁵⁾. Наконецъ, нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что онъ, какъ сказано въ «Разговорѣ въ царствѣ мертвыхъ», не забылъ себя въ Берлинѣ, пользовался представлявшимися случаями и былъ

¹⁾ Сборникъ Историч. Общества, т. VII, стр. 185.

²⁾ Сенатскій архивъ, 105 книга высочайшихъ повелѣній, л. 173.

³⁾ Ордеръ Бутурина 23 апрѣля 1761 г.

⁴⁾ Слѣдственное дѣло.

⁵⁾ Сенатское дѣло.

богатъ настолько, что въ Данцигѣ и Гамбургѣ у него было 600 т. гульденовъ, которые тамошнему русскому резиденту велѣно было истребовать, но онъ ничего не добился. Въ томъ, что нашъ резидентъ въ Данцигѣ Ржичевскій ничего не добился, служатъ доказательствомъ хранящіяся (въ Московск. архивѣ м. и. д.) ¹⁾ донесенія его, подтверждающія съ тѣмъ вмѣстѣ и то, что Тотлебеню была припрятана не маловажная сумма. Такъ, 5 юля 1761 г., Ржичевскій увѣдомилъ, что на конюшнѣ у Тотлебена 40 хорошихъ лошадей и что по полученнымъ имъ свѣдѣнїямъ Тотлебенъ, будучи весною того года въ Данцигѣ, отправилъ оттуда скрытнымъ образомъ свои вещи и деньги моремъ въ Любекъ и затѣмъ въ Гамбургъ, къ банкиру Гиссу, а изъ Гамбурга всѣ сундуки должны были быть отвезены вверхъ по Ельбѣ, но куда и кому, никто не знаетъ. Распорядившись послѣ того наложить арестъ на деньги и вещи Тотлебена, находившіяся у банкира Матїа ²⁾, и потребовавъ отъ магистрата, чтобы всѣ купцы, у которыхъ были вещи Тотлебена, показали по совѣсти, сколько ихъ у нихъ и куда отправлены, Ржичевскій 26 юля донесъ, что у Матїа два сундука, а у другаго купца одинъ маленькій, за печатью Тотлебена, что магистратъ велѣлъ наложить арестъ, что по показанію купца Шварца Тотлебенъ далъ ему въ 1760 г. 8 ящиковъ, но въ маѣ 1761 года ³⁾ взялъ ихъ обратно; другіе же купцы показали, что въ январѣ 1760 г. было привезено 42 ящика и узла, а въ маѣ 1761 г. Тотлебенъ велѣлъ ихъ отправить въ Любекъ; остался лишь небольшой ящикъ; 14 мая 1761 г. онъ далъ Матїю 8 т.

¹⁾ Дѣло 1761 г. № 7, копїи реляцій.

²⁾ 3 юля 1761 г. находившійся въ Познани бригадиръ князь Путятинъ, при пересмотрѣ «по обыкновенію», почты въ Гданскѣ, нашелъ, подъ чужимъ конвертомъ совѣтника мѣстной соляной конторы, письма Тотлебена, писанныя карандашемъ, и, между прочимъ, одно къ данцигскому купцу Мати о томъ, чтобы деньги и сундуки его скорѣе отослать въ Дрезденъ и Гамбургъ (М. а. и. д., 1761 г., № 106).

³⁾ 28 апрѣля 1761 г. Бутурлинъ разрѣшилъ Тотлебену сѣздать въ Данцигъ на недѣлю, «для исправленія его нуждъ» (м. а. м. и. д., № 49), а 12 мая Тотлебенъ писалъ Мирбаху, что по полученіи этого разрѣшенія онъ передастъ совѣтнику Фризе 8 т. талеровъ, приданныхъ дочери, у которой, кромя того, есть не маловажная часть въ наслѣдствѣ покойнаго генерала барона д'Ауервица, дяди ея матери, и не мало денегъ на сохраненіи въ Ейзенахѣ (м. а. м. и. д. 1761 г. № 48).

руб. для перевода въ Берлинъ Годковскому ¹⁾, а на слѣдующій день велѣлъ имъ выдать 20 т. руб. для уплаты по данной имъ ассигновкѣ нѣкому Шлеслеру въ Дрезденѣ на 28 т. р. и 2 т. августдорами, затѣмъ 16 мая взялъ у нихъ 5 т. гульденовъ и 18-го далъ на нихъ ассигновку въ 3,360 р. и прислалъ, для продажи, три куса парчи и нѣсколько «антолажныхъ» манжетъ, но потомъ потребовалъ ихъ обратно. Не смотря на противодѣйствіе Ржичевскому саксонскимъ вице-коммисаромъ барономъ Лейбницемъ, бывшій у Магія сундукъ былъ распечатанъ и въ немъ оказалось 11,068 фридрихсдоровъ, 972 червонца, 4 золотыхъ медали и 8,599 рублей. Кромѣ того изъ принадлежавшихъ Тотлебену суммъ найдено: у Магія—62,860 гульденовъ, 29 грошей и 2 т. августдоровъ и у купца Мейерголта 3 куса бархата. Донося объ этомъ въ октябрѣ 1761 года, Ржичевскій присовокупилъ, что въ Саксоніи «Тотлебенъ много долженъ остался» ²⁾.

Только 31 марта 1763 года императрица подписала слѣдующій указъ, обнародованный сенатомъ 11 апрѣля того же года:

«Содержащійся подъ арестомъ арміи генераль-маіоръ Готлобъ - Куртъ - Генрихъ графъ фонъ - Тотлебенъ, служа прошлую войну въ нашей арміи, собственнымъ своимъ поведеніемъ обличенъ въ вредительныхъ намѣреніяхъ ³⁾ противу Россійскаго государства, что самое, какъ свидѣтельствомъ постороннихъ людей, которыхъ онъ къ тому употреблялъ, такъ, наконецъ, и собственными его своеручными письмами ему доказано; и потому, держаннымъ надъ нимъ кригсрехтомъ осужденъ лишенію чести, имѣнія и живота, и сентенція подписана однимъ генераль-фельдмаршаломъ, двумя полными генералами, двумя генераль-поручиками и двумя генераль-маіорами. Но мы, въ раз-

¹⁾ Рапортъ отъ 24 марта Тотлебенъ просилъ Бутурлина объ уплатѣ ему денегъ, истраченныхъ на награды Адеркасу и другимъ лицамъ при заключеніи перемирія, объясняя, что онѣ ему нужны, такъ какъ ему надо заплатить Годковскому 8 т. рублей по векселю (м. а. м. и. д., 1761 г., № 49).

²⁾ Въ ноябрѣ 1761 г. вдова Шенауеръ, прося графа Воронцова о взысканіи должныхъ ей Тотлебеномъ 7 т. гульденовъ по векселямъ, выданнымъ въ Вѣнѣ въ 1756 и 1757 г., указывала, что деньги эти были взяты для набора рекрутъ въ Германію и что все имѣніе Тотлебена въ закладѣ (м. а. м. и. д., 1761 г., № 20).

³⁾ Проектъ этого указа исправлялся, а можетъ быть и былъ написанъ секретаремъ императрицы Тепловымъ. Выѣсто словъ: «вредительныхъ намѣреніяхъ», въ проектѣ было сказано: «явился не только въ намѣреніи, но и въ дѣлахъ измѣнническихъ». (Сборн. историч. общества, т. VII, стр. 272). Г. Р.

сужденіи томъ, что злое его, Тотлебена, умышленіе никакихъ вредительныхъ слѣдствій нашему государству еще не произвело, и онъ уже около трехъ лѣтъ въ арестѣ сидѣлъ, по природному нашему великодушію, живота у него не отнимаемъ. А вмѣсто того повелѣли мы нашему сенату его, Тотлебена, яко преступника, болѣе нетерпимаго въ областяхъ нашихъ, подъ карауломъ вывезти за границу нашей имперіи и тамъ, прочитавъ сентенцію военнаго суда, а потомъ и сей нашъ указъ, отнять всѣ чины и кавалеріи у него и взять письменный реверсъ въ томъ, чтобъ онъ ни подъ какимъ видомъ, ни тайно, ни явно, въ имперію нашу не вѣзжалъ и что въ противномъ случаѣ, ежели кто его увидитъ и узнаетъ въ государствѣ нашемъ, тотъ право имѣетъ отнять у него животъ, какимъ заблагоразсудитъ образомъ, и не преступитъ ни правъ гражданскихъ, ни военныхъ, ниже общенародныхъ, которыя его, Тотлебена, защищать, яко измѣнника, выгнаннаго изъ Россійскаго государства, болѣе не могутъ; а потомъ вывезти за границу и оставить тамо безъ всякаго абшида. Объ имѣніи же его отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ знать дать ко всѣмъ нашимъ, у дворовъ чужестранныхъ пребывающимъ, министрамъ, дабы они, по повелѣнію нашему, объявили пристойнымъ образомъ тамъ, гдѣ обрѣтаются, что се-квестръ съ имѣнія его, Тотлебена, въ Гданскѣ и Гамбургѣ, и гдѣ оное содержится, мы снимаемъ, съ тѣмъ, чтобы каждый имѣющій на него, Тотлебена, свою претензію могъ, своимъ порядкомъ, гдѣ надлежитъ, удовольствія своего искать, якоже мы въ ономъ имѣніи никакого участія желать не имѣемъ ¹⁾. Насупро-

¹⁾ Въ проектѣ указа, кромѣ того, было сказано: «чего ради и тѣ вещи, которыя при сенатской конторѣ по описи находятся, съ ними вывезть и ему отдать за границу, удовольствуя прежде изъ того здѣсь находящихся нашихъ подданныхъ, если кому изъ нихъ онъ, Тотлебенъ, чѣмъ долженъ» (Сборникъ историч. общества, т. VII, стр. 273); но слова эти были зачеркнуты и 3 апрѣля сенату былъ данъ особый указъ по этому предмету, такого содержанія: «Высланному за преступленіе изъ нашей службы Тотлебену слѣдуетъ выдать заслуженнаго жалованья по полному окладу съ 1 сентября 1760 года по 19 іюня 1761 г. и со дня ареста по 31 марта 1763 г. половинное, и въ то число онъ получилъ нѣкоторую сумму. Справясь, сдѣлать расчетъ, и если что не додано, то выдать, а переданное возратить, также какъ и издержанное на перевозку его изъ Познани въ С.-Петербургъ, по показанію Аша, 800 р. изъ имѣнія Тотлебена, находящагося въ сенатской конторѣ, уплативъ изъ него и партикулярныя его долги, если они окажутся». (Книга высочайшихъ повелѣній, 106, л. 27). Исполняя этотъ указъ, сенатъ высылалъ, чрезъ публикаціи въ газетахъ, кредиторамъ Тотлебена, но никто изъ нихъ не явился. Г. Р.

тивъ того, тѣхъ людей, которые еще при ономъ Тотлебенѣ и по нынѣ содержатся, по невинности ихъ, такъ, какъ въ той септенціи военного суда объяснено, повелѣваемъ освободить, въ силѣ той же септенціи, и сей указъ публиковать во всемъ нашемъ государствѣ“¹⁾).

Исполненіе этого указа были возложено сенатомъ на премьеръ-маіора астраханскаго пѣхотнаго полка Мезенцова, которому въ помощь былъ приданъ, знавшій нѣмецкій языкъ, прапорщикъ Реэръ, унтеръ-офицеръ и 6 рядовыхъ.

Въ инструкціи Мезенцову, между прочимъ, значилось, что, привезя Тотлебена въ Ригу, онъ долженъ истребовать изъ губернской канцеляріи, для указанія російской границы между Курляндіею и Лифляндіею, кого пристойно, и затѣмъ въ точности исполнить все то, что предписывалось означеннымъ указомъ.

Согласно этому, 13 мая 1763 г. Тотлебенъ былъ выпровоженъ за мѣстечко Шульценъ-кругъ²⁾.

Г. Е. Рѣшновскій.

Спб.

5 октября 1887 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Разсужденіе о извѣстной сюрпризѣ.

Самое сіе обстоятельство, что наши войска изъ Трептавскаго и Грейфенбергскаго округовъ назадъ къ Керлину отступили, видится въ помянутой сюрпризѣ наилучше способствовать и непріятели успокоивать можетъ.

Когда наши войска не только въ помянутыхъ округахъ съ одной, но и въ Кеслянѣ, Цановѣ и Ригенвальдѣ съ другой стороны стояли, слѣдовательно Кольбергъ съ обѣихъ сторонъ въ заперти содержали, то натурально сіе расположеніе нашихъ войскъ не могло иначе, какъ непріятели о Кольбергѣ тревожить, столь больше, что и городъ крайнюю во всемъ нужду претерпѣвалъ,

¹⁾ Полное собр. законовъ, № 11794.

²⁾ Гдѣ именно находится это мѣстечко—неизвѣстно; въ настоящее время есть въ Динабургенскомъ кирхшницѣ маленькое, въ $\frac{1}{8}$ гака, имѣніе Шульценгофъ.

и непріятель еще чаять могъ, что иногда такимъ образомъ и формальная осада крѣпости предпринимается, не смотря, что потребной къ тому артиллеріи нѣтъ.

Сіе справедливое опасеніе, конечно, единственною причиною было, что Вернеръ съ корпусомъ своимъ изъ Мекленбургіи уже въ Померанію до Старгарда съ немалою артиллерією пришелъ, гдѣ теперь и находится.

Но какъ, напротивъ того, теперь наши войска до Керлина назадъ подались, то непріятель, причтя сіе отступленіе своему приближенію, отнюдь нужды не имѣетъ ближе къ Кольбергу и Трентау ядти, столь напротивъ, что и безъ того сія сторона нашими войсками уже изпражена, слѣдовательно, отъ оной Кольбергъ въ безопасности находится.

Потому полагать можно, что непріятель удовольствуется остаться въ Старгардѣ, а по крайней мѣрѣ въ Массовѣ и Наугарденѣ, въ чемъ ему и больше нужды быть видится, дабы, переходя рѣку Регу, наши войска, особливо у Шибельейля, отъ Персанта удалить.

Въ семъ случаѣ надлежало-бъ только его нападенія храбро встрѣчать и отпоръ дѣлать, подавая притомъ разными маневрами и посылкою партій такой видъ, что единственно отъ насъ ищется Вернеровъ корпусъ назадъ прогнать, дабы тѣмъ непріятель болѣе увѣренъ быть могъ, что корпусъ нашихъ войскъ слабъ, и что по сей причинѣ, и по приближеніи Вернера и назадъ отступилъ.

Такимъ образомъ, владѣя мы рѣкою Персантою и имѣя по ней въ удобныхъ и крѣпкихъ мѣстахъ наши войска въ расположеніи, а сверхъ того держа большую часть пѣхоты въ Кеслинѣ, Цановѣ и Крангѣ, можно бы было успѣха надѣяться въ благополучномъ прозведеніи помянутой сюрпризы; а особливо когда остальные два баталіона и конный гренадерскій Каргопольскій полкъ, по разсмотрѣнію, въ удобныхъ мѣстахъ и въ близости на подкрѣпленіе расположатся.

Но что до самаго предпріятія сей сюрпризы касается, то хотя полагается она на лучшее разсмотрѣніе главнаго надъ тамошними нашими войсками командира, и на его ровность и усердіе къ службѣ, но притомъ за нужно поставляется прийтти:

1) Чтобъ за нѣсколько недѣль до означившаго къ тому дня отнюдь не было послано никакихъ партій къ Кольбергу, дабы какъ городъ, такъ и непріятель въ большей безопасности былъ.

2) Что когда день къ тому назначится и необходимая къ тому партія отправится, то надлежитъ наканунѣ того ночью нѣкоторое число пѣхоты и легкаго войска за лежащія близъ Кольберга горы въ тихости завести и тамъ держать, дабы они, по подаваемому отъ партіи знаку, тотчасъ за тою въ городъ слѣдовали и оную тамъ усмирили; ибо, напротивъ того, въ неудачливомъ, отъ чего Боже сохрани, случаѣ имѣютъ сіи за горами остановленная

пѣхота и конница къ тому служить, что помянутая партія со всякою безо-
пасностію туда ретироваться можетъ.

3) Тую же ночью и большей части всего корпуса, при главномъ коман-
дирѣ, въ Кольбергу податься, оставляя въ крѣпкихъ мѣстахъ около Керлина
достаточныя команды.

4) Между тѣмъ въ самый день предпріятія всемѣрно надобно нарочную
партію противъ Вернерова корпуса послать, дабы его тѣмъ упразднить и вѣ-
рнѣе заставить, что дѣло только до него идетъ.

5) Въ число отправляемой для предпріятія на Кольбергъ партіи можетъ
быть употреблено до 200 конныхъ гренадеръ или, за неприбытіемъ еще оныхъ,
столько и пѣшихъ гренадеръ, посадя ихъ на казачьи лошадей и придавъ
имъ, по разсмотрѣнію, нѣсколько пушекъ съ аммуницією и исправными каню-
верами, тако-жъ и артиллерійскими ултеръ-офицерами.

6) Что принадлежитъ до удержанія сей крѣпости, по благополучномъ ея
занятіи, противъ приходящаго для отобранія ея назадъ непріятеля, то въ томъ,
кажется, дальней опасности и отваги быть не можетъ, ибо какъ по объяв-
ленію поручика Древета имѣются въ Кольбергѣ не малые магазины, кои
между тѣмъ теперь съ Трентаускаго и Грейфенбергскаго округовъ и умно-
жаются, то не только всю пѣхоту, то есть три полка, тотчасъ туда ввести,
но и еще отъ Вислы въ поле противъ непріятеля, въ помощь легкимъ вой-
скамъ, подвинуть можно; а напротивъ того непріятель, какъ бы приходомъ
своимъ туда не торопился, изъ Штетина скоро придетъ, а наименьше осадную
артиллерію привести въ состояніи найдется. Вернеръ же самъ собою гораздо
слабъ, чтобъ крѣпость отобрать могъ.

7) Напоследокъ, помянутый поручикъ Древетъ вскорѣ обратно отсюда
пришлется, потому что его, кажется, всемѣрно къ сей экспедиціи употребить
надобно, въ разсужденіи, что онъ не только напередъ сего все состояніе и
обстоятельства Кольберга совершенно знаетъ, но и вновь нынѣ въ самомъ
тогъ предмѣстїи былъ, откуда сіе предпріятіе учинено быть имѣетъ, а особ-
ливо, что онъ вѣдаетъ какъ тѣ мѣста, гдѣ черезъ рвы впасть къ крѣпости
перобраться, такъ и тѣ самыя въ воротахъ калитки, въ которыя на валы
тотчасъ взойти можно.

8) О сихъ и другихъ, къ успѣху сюрпризы служащихъ, способахъ по
прїѣздѣ его обстоятельнѣе отъ него самого донесено будетъ.

9) А какъ по его же объявленію находится въ Кесляхъ надворный со-
вѣтникъ Шмятъ, крайній пріятель и корреспондентъ Кольбергскому коман-
данту, то для большаго проведенія сего коменданта, надобно помянутаго бур-
гоистра, за день до предпріятія, подъ крѣпкій караулъ посадить и до окон-
чанія онаго содержать, а между тѣмъ велѣтъ ему написать отъ себя къ ко-
менданту такое письмо, какое онымъ поручикомъ требовано будетъ.

10) Сверхъ же того, буде надобно, можно въ назначиваемый къ сему

предпріятію день сдѣлать между нашими казаками притворное сраженіе, дабы равношѣрно Кольбергскаго коменданта увѣрить, якобы оное сраженіе между непріятельскими и нашими легкими войсками происходило.

Впрочемъ, все сіе оставляется въ лучшее на мѣстѣ главнаго командира усмотрѣніе съ усерднымъ желаніемъ, при помощи и благословеніи Всевышняго, всякаго въ томъ успѣха и съ обнадеживаніемъ монаршей ея императорскаго величества милости, что показуемая въ семъ дѣлѣ заслуга отмѣнно взыскана будетъ.

II.

Маршрутъ арміи ея императорскаго величества отъ рѣки Варты къ Силезскимъ границамъ 1761 г.

15 іюня главная квартира съ пятью бригадами резервной артиллеріи, инженернымъ полкомъ и Чугуевскими казаками перейдетъ отъ Познанки къ деревнѣ Вири, разстояніемъ одну милю, а оттуда 16 числа къ городу Мосину полторы мили.

Первая дивизія 14 числа перейдетъ отъ Чарикова къ Турновцу полтретья мили; оттуда 15 и 16 чиселъ къ Оборникамъ полтретья же мили; отъ Оборниковъ 17 числа къ Напохавью, также полтретья мили; а отъ Напохавья 18 числа къ Янковцамъ одну милю.

Вторая дивизія 15 числа изъ Познани къ Ленчацку перейдетъ одну милю, а оттуда 16 числа къ Совиньцу одну же милю.

Третья дивизія съ остальною резервною артиллеріею и тяжелымъ багажемъ первой и третьей дивизіи 13 числа перейдетъ отъ Устцѣ къ Кускову двѣ мили, откудова 14 и 15 чиселъ къ Велнамъ полтретья мили. 16 числа отъ Велно къ Совинску двѣ мили, а оттуда 17 числа къ Познани полторы мили.

Корпусъ генераль-поручика графа Чернышева 15 числа перейдетъ отъ Вронковъ къ Тарску двѣ мили, а оттуда 16 числа къ Буку полтретья мили.

Легкому корпусу подъ командою ген.-майора Тотлебена слѣдовать изъ Помораніи къ Дризену, или Ландсбергу, вдоль по рѣкѣ Одеру, оставляя оную въ правой сторонѣ, а оттуда идти черезъ Парадись Клостеръ въ Тирштагель или Збочинѣ.

Генераль-квартирмейстеръ Штофель.

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ОПИСАНІЯ ЖИЗНИ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

описанное самимъ имъ для своихъ потомковъ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ ИЛИ СНАЧАЛА 35-я.

Плоды 1799 и 1800 годовъ¹⁾.

Мой другъ! Первой день вновь наступившаго 1800 года думали было мы препроводить на именинахъ у друга моего, Василия Ивановича Кислинскаго, въ Федешовѣ, но зубная боль сына моего до того насъ не допустила и принудила пребыть въ оной дома, но провели мы оной не одни, но былъ съ нами и зять мой Воронцовъ съ Настасьей и оба мои внучата, гости милые и пріятнѣйшіе для насъ. Невѣстка моя, съ дочерью моею Катериною и малюткою Катинькою ѣздили къ обѣднѣ, первая для взятія молитвы, а послѣднюю причащали. Къ обѣду же пріѣхали къ намъ любезные наши сосѣди Ладыженскіе, оба брата и оба мои крестники, и провели съ нами весь сей день и старшей изъ нихъ съ нами и ужиналъ, а младшей поѣхаль отъ насъ въ свою степную деревню. Впрочемъ достопамятно, что я, начавъ по утру въ сей день дѣлать смѣты доходовъ и расходовъ денежныхъ за прошедшей годъ и признавъ время сіе къ тому весьма неспособнымъ, положилъ съ сего времени впредь считать оныя не съ января, а съ мая мѣсяца, поелику съ сего времени обыкновенно начинали вступать въ приходъ новые денежные доходы, и сіе было несравненно удобнѣе и года между

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1870—1873 гг. (приложеніе) и изд. 1889 г., томъ LXII, іюнь, стр. 535—576.

собою не перепутывались, почему съ сего времени и наблюдалъ я всегда уже сіе правило. По наступленіи же втораго дня, разстались мы и съ родными нашими Воронцовыми, поѣхавшими отъ насъ въ свое Головинно и прогостившими у насъ болѣе недѣли, жена же моя съ невѣсткою и дочерью ѣздили въ Татарское, а мы съ Павломъ Ан. оставались дома, онъ за своими зубами, а я за своими счетами, а въ послѣдовавшей за симъ день пріѣхали наконецъ наши степные, которыхъ мы давно уже и съ великою нетерпѣливостію дожидались, но удовольствіе имѣлъ я отъ того невинное. Привезли они одинъ только столовой запасъ, а денегъ ничего, а онѣ то мнѣ были всего нужнѣе, и я новымъ своимъ нанятымъ управителемъ не весьма былъ доволенъ: вопервыхъ, опоздалъ онъ присылкою обоза и заставилъ чрезъ то терпѣть нужду въ столовыхъ припасахъ; во вторыхъ, того, что мнѣ всего было нужнѣе, не прислалъ ничего, а въ третьихъ, и писалъ обо всемъ лаконически и очень коротко. Къ неудовольствію сему присоединилось и то, что въ домѣ нашемъ существовали тогда опасныя дѣтскія болѣзни, поносы простые и кровавыя, и изъ ребятъ въ самой сей день померло трое отъ сей болѣзни.

На утріе ѣздилъ я по приглашенію съ женою и невѣсткою и Катериною въ Глѣбово къ Пановымъ обѣдать, гдѣ нашли мы множество гостей и въ томъ числѣ нѣсколько и незнакомыхъ, какъ-то госпожу Крылову съ ея двоюродными братьями, г. Нестерова съ его семействомъ, Каверина съ дочерьми и еще кое-кого; сидѣли весь день, вечеромъ же оглушены были крикомъ цыганъ, пѣвшихъ свои пѣсни и плясавшихъ. Никогда еще не случалось мнѣ видать столько хорошихъ лицъ, какъ тутъ между симъ скитавшимся народомъ. Мы просидѣли до ужина, дожидаясь восшествія мѣсяца, и пріѣхали домой уже за полночь и нашли занемогшаго безъ насъ Николинку нашего, и озаботились немало тѣмъ, онъ былъ и въ послѣдующей за симъ день боленъ.

Въ день Богоявленія Господня и послѣдней нашихъ святокъ, имѣли мы, противъ чаянія, у себя гостей и обѣдъ гостинной. Еще по утру прислалъ ко мнѣ племянникъ мой А. Мих. человѣка для поздравленія съ праздникомъ и сказать, что онъ будетъ къ намъ съ сестрою своею обѣдать; боярыни

наши всѣ поѣхали къ обѣдни, а Павелъ за распухлою щекою остался со мною дома, и тутъ предстоятъ предъ меня вдругъ оба брата Кузминныхъ, владѣльцы Агаринскіе. Старшей изъ нихъ, Василей, человекъ умный, свѣтской и бойкой, былъ еще впервые у меня тогда въ домѣ, и съ нимъ можно было обо многомъ поговорить. Всѣ они у насъ обѣдали и провели у насъ весь день и вечеръ.

Черезъ два дня послѣ сего случилось быть дню рожденія старушки моей тещи, ибо нечаянно его праздновали, ибо г. Доброволонскому вздумалось въ самой сей день пріѣхать къ намъ обѣдать, и пріѣхали также Алымовъ и Ладыженской, чрезъ что и составился у насъ обѣдъ и довольно людной. Всѣ они у насъ пробыли до самаго вечера и даже ужинали, а мы между тѣмъ утѣшены были тѣмъ, что внуку моему Николинкѣ полегчало, о которомъ опасались мы, чтобъ не сдѣлалось у него воспаленія въ груди и чтобъ онъ у насъ не умеръ.

Съ сего времени по самое 23 число января не случилось у насъ никакихъ дальнихъ особенностей, кромѣ того что мы ѣздили въ гости къ нашимъ Кислинскимъ въ Федешово и ночевали у нихъ двѣ ночи, потомъ чуть было не занемогъ и самъ я лихорадкою, и съ ѣздившимъ въ Москву г. Ладыженскимъ получили формальное увѣдомленіе о рѣшеніи нашего межеваго дѣла наймошеническимъ и преплутовскимъ образомъ, но какъ по крайней мѣрѣ я оставленъ былъ при конторскомъ рѣшеніи, то и не имѣю причины подписывать неудовольствіе и апелляцію и ѣхать затѣмъ въ Петербургъ, да и отъ московской ѣзды сдѣлался почти освобожденнымъ и получилъ свободу располагать своимъ временемъ, а до сего все меня держало сіе дѣло и не позволяло надолго отъ дома отлучиться. Почему и начинали мы тогда помышлять о замышляемой ѣздѣ за Тулу и какъ бы намъ пробраться чрезъ Тулу въ Симаково, а отъ туда въ Головлино и въ Ламки, а сыну моему оттуда далѣе и въ Донковъ къ роднымъ своимъ.

Въ путь сей отправились мы 23 числа по утру и я отлучился въ сей разъ отъ дома слишкомъ нежели на 16 дней, въ теченіи котораго перебивали мы у всѣхъ нашихъ ближнихъ родныхъ, и въ переѣздахъ своихъ изъ дома въ домъ,

по случаю бывшихъ въ сіе время крайне дурныхъ и безпокойныхъ погодъ и по дурнотѣ дорогъ (испытали) много непріятностей, но взамѣнъ того, въ домахъ родныхъ нашихъ имѣли много и удовольствій. Поѣхало насъ въ сей путь только пятеро, я съ женою, да сынъ мой съ своею подругою, да дочь наша Катерина, а старушка теща моя, съ гостившею у насъ Ольгою Васильевною Метельковскою и обоими Николинками и малюткою, мою родною внучкою, оставались у насъ въ деревнѣ.

Мы выѣхали изъ двора хотя довольно рано, но по дурнотѣ ухабистой дороги, съ нуждою доѣхали для кормки лошадей до Вашаны, а въ Тулу пріѣхали уже ночью. Тутъ остановясь на квартирѣ зятя моего Шишкова, у попа, имѣлъ я случай спознакомиться и даже сдружиться съ родственникомъ зятя моего Никитою Алексѣевичемъ Шишковымъ, человекомъ умнымъ и такимъ, съ которымъ можно было говорить обо многомъ. Переночевавъ тутъ и напившись чаю, поѣхали мы далѣе и проселочными дорогами въ Симаково, и ѣдучи во многихъ мѣстахъ цѣликомъ и теряя дорогу, не прежде какъ уже ночью дотащились до Симаково. Тутъ, у родныхъ нашихъ Бородиныхъ, весьма намъ обрадовавшихся, пробыли мы цѣлыя трое сутокъ. Мы нашли тутъ и зятя моего Воронцова, но которой, на другой же день, уѣхалъ отъ насъ въ Тулу, куда онъ зачѣмъ-то былъ вызванъ, а мы безъ него праздновали тутъ день именинъ хозяйкиной бабушки, а моей почтенной старушки тещи, и провели все время пребыванія нашего тутъ довольно весело, и хозяева угощали насъ какъ нельзя лучше. Изъ Симакова отправились мы въ Ламки, къ роднымъ нашимъ Шишковымъ, и выѣхали хотя рано, и только что позавтракавъ и по дурнотѣ занесенныхъ мятелами дорогъ насилу къ ночи доѣхали до Ламокъ и Катерина моя въ прахъ перестрадалась, будучи въ одномъ мѣстѣ въ кибиткѣ своей извалена на бокъ. Съ нами вмѣстѣ пріѣхала туда и наша Настасья Андреевна.

Въ наступившей послѣ сего день была у насъ такая страшная вьюга и метель, что никуда носа показать было не можно и мы провели сей день одни, съ нашими хозяевами, которые были намъ также очень рады. А на утріе, позавтракавъ, поѣхала наша Настасья Андреевна домой, а насъ съ Павломъ догадало

заняться приготовленіемъ одного конскаго лекарства, извѣстнаго подъ названіемъ Антимоновъ печени, и мы, не дѣлая онаго еще никогда, по неосторожности надушили всѣ зятнины палаты наидурнѣйшимъ и противнѣйшимъ запахомъ, и съ трудомъ оной изъ комнатъ выжили, между тѣмъ подѣхали къ намъ и наши Бородины и Ольга съ мужемъ, а вслѣдъ за ними и Степанъ Пургасовъ, съ которыми и провели мы сей вечеръ, въ которой случилась та достопамятность, что многіе изъ насъ, а имянно я, зять Петръ Герасимовичъ, Катерина, Павелъ Андреевичъ и еще гость Грековъ, всѣ вдругъ и одинаково занемогли. Всѣ почувствовали ознобъ, какъ въ лихорадкѣ, у всѣхъ заболѣло горло и сдѣлался жаръ и всю ночь чувствовали не по себѣ и отпивались всѣ декоктомъ, и я насилу отпился, и не зналъ отъ чего бы то всѣмъ сіе несгодье могло случиться, но по крайней мѣрѣ не было отъ того никакихъ дальнѣйшихъ и неприяtnѣйшихъ послѣдствій, но у всѣхъ дурнота сія скоро прошла.

На утріе, послѣ ранняго обѣда, разстались мы на время съ нашимъ Павломъ Андреевичемъ; онъ поѣхалъ оттуда съ женою, къ роднымъ своимъ въ Паники, а мы провели и сей весь день въ Ламбахъ, съ прежними бывшими тутъ гостями, а въ послѣдующей день поѣхали и мы съ женою и Катериною въ Головлино, къ роднымъ нашимъ Воронцовымъ, и, приѣхавъ туда въ сумерки, нашли нашу Настасью страждущею жестокою головою болью, а въ Ламбахъ оставили мы Елизавету нашу страждущею сильнымъ кашлемъ. Въ Головлинѣ прожили мы, по усиленнымъ просьбамъ хозяевъ, цѣлыя четверо сутокъ, проведя все сіе время въ свиданіяхъ со всѣми ихъ ближайшими родными и сосѣдями, которые всѣ насъ любили и почитали, и въ обратной свой путь домой не прежде поѣхали, какъ уже 6-го числа февраля, оставивъ свою Катерину погостить на нѣсколько времени у сестры ея, Настасьи; вмѣстѣ съ нами до Тулы поѣхалъ и хозяинъ нашъ. Мы остановились тамъ на той же квартирѣ у попа, гдѣ весь вечеръ провели съ стоящимъ тутъ Василемъ Алексѣевичемъ Шишковымъ, рассказывавшимъ намъ всѣ свои похождения.

На утріе же, накупивъ себѣ для приближавшейся масляницы всякой рыбы, поѣхали мы далѣе и, переночевавъ у друга нашего Василя Ивановича въ Федешовѣ и отобѣдавъ у него,

пріѣхали 8-го числа домой и нашли домашнихъ своихъ всѣхъ въ добромъ здоровьѣ и случившагося у нихъ въ гостяхъ нашего друга Ивана Александровича Ладыженскаго съ его женою.

Было сіе предъ самою уже нашею масланицею, и я едва только отъ безпокойствъ дорожныхъ отдохнулъ и принялся за прежнія свои дѣла и упражненія, какъ наступила уже и она, и ее провели мы въ сей годъ довольно весело и наибольшую часть съ людьми. Еще въ самой первой день оной обрадованы мы были пріѣздомъ къ намъ родныхъ нашихъ Шишковыхъ. Зять мой, ѣдучи въ Москву, съ помянутымъ родственникомъ своимъ Василиемъ Алексѣевичемъ Шишковымъ и г. Грековымъ, заѣхалъ тогда къ намъ вмѣстѣ съ нашею Елизаветою А., и переночевавъ у насъ, поскакалъ съ Грековымъ въ столицу, а Елизавета осталась у насъ гостить до самаго начала поста и мы съ нею стали дожидаться обѣщавшихъ къ намъ быть гостей, Каверина Никиты Ивановича и Панова съ своими семействами, съ которыми мы и провели сей третей день нашей масланицы, а въ четвертой день праздновали мы день рожденія жены моей, которой совершилось тогда 48 лѣтъ отъ ея рожденія, но въ оной, кромѣ г. Ладыженскаго, никого у насъ не было, а проводили мы только отъ себя помянутаго Василія Алек. Шишкова, поѣхавшаго также въ Москву, а я имѣлъ удовольствіе получить присланныя ко мнѣ изъ Тамбовской нашей деревни деньги, а въ послѣдніе дни разѣзжали сами мы кой куда по гостямъ, и на заговѣнье были у самого Андрея Михайловича, а кончили ее ужиномъ многолюднымъ у насъ. Едва только мы заговѣлись, какъ и вслѣдъ за мужемъ своимъ отправилась отъ насъ и Елизавета наша вмѣстѣ съ Ольгою Васильевною въ Москву, а мы, начавъ по старинному вашему обыкновенію въ сію недѣлю говѣть и молиться, стали поджидать возвращенія изъ Панинъ нашего Павла Андреевича, но они не прежде къ намъ пріѣхали, какъ уже при началѣ второй недѣли великаго поста.

Вскорѣ засимъ наступилъ уже и мартъ мѣсяцъ, котораго первой день достопамятнымъ сдѣлался для меня тѣмъ, что я въ оной, въ первой разъ еще въ жизни моей, почувствовалъ боль въ спинѣ, поясицѣ и кострецѣ, имѣющую происхождение свое отъ гемороя, и узналъ, что болѣзни сей и я былъ,

какъ и прочіе, подверженъ, однако въ хвалу и благодареніе Богу скажу, что она ко мнѣ не такъ была жестокосерда и люта, какъ къ инымъ многимъ. Я хотя по временамъ, и то очень рѣдко, чувствовалъ по нѣскольку дней боль въ кострецѣ, заставившую меня вкупѣ и охать и смѣяться, но дальнѣйшихъ геморoidalныхъ припадковъ, даже и до нынѣшней глубокой моей старости, не чувствовалъ и она меня не слишкомъ обезпокоивала. Сынъ мой пожилъ съ нами въ сей разъ не болѣе одной недѣли и поѣхалъ потомъ вмѣстѣ съ женою своею въ Москву, для исправленія нѣкоторыхъ покупокъ и для запасаенія насъ годовою провизіею, и я послалъ на сіе съ нимъ 600 рублей, что по тогдашнимъ временамъ составляло уже значительную сумму.

Дни черезъ три по отъѣздѣ его, смущены были у всѣхъ насъ мысли однимъ письмомъ отъ знаконца нашего Ивана Григорьевича Лисенко, которымъ предлагаемъ былъ намъ женихъ дочери нашей Катеринѣ, нѣкто г. Дурновъ, Апполонъ Ефимовичъ, изъ-подъ Калуги, и какъ по достатку его казался оной намъ не заслуживающимъ пренебреженія, то хотѣлось намъ узнать объ немъ нѣсколько короче, и поелику письмо сіе доставлено было къ намъ чрезъ племянника моего Андрея Мих., то думали мы не знаетъ ли онъ чего объ немъ множайшаго и посылали для самаго сего звать его къ себѣ, но какъ и онъ ничего дальнѣйшаго не зналъ, то разсудили мы послать за самимъ г. Лисенкомъ и, подумавъ и погадавъ о семъ дѣлѣ, чрезъ нѣсколько дней отписалъ я къ нему письмо и послалъ нарочнаго человѣка, но какъ онъ къ намъ не поѣхалъ, то и сочли мы все сіе дѣло пустякомъ и перестали объ немъ и думать. Чрезъ нѣсколько дней послѣ сего, возвратились наши родные Шишковы изъ Москвы и завезли съ собою къ намъ и г. Пургасова, и переночевавъ у насъ и забравъ съ собою жившихъ до того у насъ своихъ дѣтей, поѣхали въ свои Ламки. Помянутыхъ малютокъ сихъ удалось мнѣ сколько нибудь поучить географіи и рисовать и Николинъга нашъ и воспользовался тѣмъ отъ мена довольно.

Дни черезъ три послѣ сего и въ половинѣ марта, возвратился наконецъ изъ Москвы и сынъ мой съ своею женою и навезъ къ намъ множество накупленныхъ имъ вещей и разныхъ

припасовъ, а въ тотъ же день пріѣхала къ намъ и наша Катерина изъ Головлина. Съ сего времени живучи въ тишинѣ и семейственномъ согласіи и занимаясь разными комнатными упражненіями, стали мы съ спокойнымъ духомъ дожидаться наступленія весны нашей, и я всего болѣе помышлять о приведеніи плодovitыхъ садовъ своихъ, а особливо большаго полеваго, въ лучшее предъ симъ состояніе. Въ ономъ было хотя премногое множество разныхъ породъ яблочковыхъ деревъ, но великое множество изъ нихъ были породъ самыхъ низкихъ, мелкихъ, невкусныхъ и ничего почти незначущихъ въ торговлѣ, а сіе обстоятельство и побуждало меня давно уже помышлять о томъ, какъ бы мнѣ садъ сей поправить и снабдить его лучшими и такими породами плодовъ, какіе въ торговлѣ были значительны и имениты, и какъ наудобнѣйшимъ и скорѣйшимъ средствомъ къ тому казалось улучшение негодныхъ деревъ посредствомъ многаго прививанія на нихъ черенковъ отъ породъ славнѣйшихъ въ торговлѣ, то вознамѣревался я приступить къ тому дружнымъ дѣломъ въ наступающее вѣшнее время, и потому, для сихъ многихъ прививковъ, запасался я заблаговременно съ лучшихъ и плодоноснѣйшихъ яблоней черенками, храня ихъ до наступленія времени прививковъ въ погребѣ, или закапывая въ землю.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПЕРВЫЕ ДНИ ВЪ СОЖЖЕННОЙ МОСКВѢ

СЕНТЯБРЬ И ОКТЯБРЬ 1812-го года.

Письмо кн. А. А. Шаховскаго, 1836 г., къ А. И. Михайловскому-Данилевскому.

Воспоминанія извѣстнаго въ свое время драматурга кн. А. Шаховскаго о разореніи Москвы были написаны имъ въ 1836-мъ году, на 60-мъ году возраста, по просьбѣ историка отечественной войны генерала А. И. Михайловскаго-Данилевскаго. Авторъ препроводилъ ихъ къ нему въ копіи, имъ собственноручно исправленной, мѣстами дополненной и имъ же подписанной.

Михайловскій-Данилевскій въ исторіи войны 1812 г. воспользовался рассказомъ кн. А. Шаховскаго, сославшись на него два или три раза, но вообще заимствовалъ у него не много. Между тѣмъ, этотъ рассказъ писателя, въ свое время весьма извѣстнаго и даровитаго, заключаетъ много подробностей чрезвычайно интересныхъ: таковы сообщаемые имъ факты о первыхъ дняхъ, проведенныхъ авторомъ въ Москвѣ тотчасъ по очищеніи ея французами; черты къ характеристикѣ—Винцингероде, фельдмаршала М. И. Голенищева-Кутузова, Ростопчина, художника Топчи и другихъ.

При изданіи этихъ «Воспоминаній» на страницахъ «Русской Старины» мы опускаемъ въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько страницъ высокопарныхъ и водянистыхъ разсужденій почтеннаго автора. Мѣста, гдѣ сдѣланы таковыя пропуски, обозначены у насъ точками. Кн. А. А. Шаховской, впрочемъ, самъ винится въ излишней болтливости и не идущихъ къ дѣлу отступленіяхъ, ссылаясь при этомъ на свою дряхлость: «... слышкомъ 40 лѣтъ, говоритъ онъ, какъ драматическій писатель, говоря языкомъ страстей, я на 60-мъ году не могу отстать отъ долгой привычки; впрочемъ, мнѣ невозможно обойтись безъ отступленій, наводящихъ

меня на прямой путь».... Въ началѣ разсказа авторъ сообщаетъ, что онъ случился въ Твери, въ то время, когда Александръ I проѣзжалъ изъ арміи и Москвы въ Петербургъ и «первымъ изъ принадлежавшихъ ко двору вступилъ я, съ высочайшаго соизволенія, въ тверскія дружины». Наборъ въ эти ополченія начался по уѣздамъ Тверской губерніи 15 августа 1812 г., а 29 числа того же мѣсяца—5-й пѣшій казачій полкъ, вѣранный, по дворянскому выбору, въ команду кн. А. А. Шаховскаго, «былъ готовъ къ выступленію изъ Твери и не безъ воинскаго устройства». Эту быстроту въ сформированіи и обученіи полка авторъ объясняетъ тѣмъ, что подъ его начальство поступило много отставныхъ офицеровъ. Самъ кн. А. А. Шаховской былъ родомъ изъ Смоленской губерніи, но оставилъ ее въ дѣтствѣ и не имѣлъ тамъ ни клочка земли.

Печатаемая «Воспоминанія» кн. А. А. Шаховскаго о первыхъ дняхъ, проведенныхъ русскими въ оставленной непріателемъ и раззоренной Москвѣ, весьма обязательно сообщено намъ двадцать лѣтъ тому назадъ, именно въ 1870 году, извѣстнымъ военнымъ историкомъ (нынѣ генераломъ) Андреемъ Николаевичемъ Петровымъ, которому приносимъ нашу глубочайшую благодарность.

Для удобства чтенія разсказъ автора раздѣленъ нами на главы.

Р е д.

I.

.... Передъ вечеромъ 30 августа 1812 г. полкъ мой первый выступилъ изъ Твери къ Москвѣ. Когда онъ построился четверугольникомъ для принесенія съ колѣнопреклоненіемъ молебствія Богу браней, хлѣбные амбары за гостиннымъ дворомъ загорѣлись и пожаръ быстро распространялся, однако, не прервалъ нашего священнаго обряда. Молебствіе кончилось, соборный протоіерей окропилъ новыхъ воиновъ святой водою. Весь полкъ довольно порядочно зашелъ по взводно, два барабанщика, взятые изъ пересельныхъ плѣнныхъ нѣмцевъ, ударили походъ. Тутъ, съ теплою вѣтрою, но не безъ тщеславнаго воспоминанія, я повторилъ воинскій крикъ предка моего Мстислава храбраго: „съ нами Богъ“. Его громогласно подхватили всѣ дружины и мы съ Богомъ выступили изъ пылавшей за нами Твери, на встрѣчу ужаснѣйшему пожару, очистившему и осіявшему заревомъ вѣчной славы нашу святую Русь.

Остановаясь для осмотра на походѣ дружинѣ, я не успѣлъ пропустить мимо себя двухъ батальоновъ, какъ приволжскіе пѣсенники, впереди перваго (Кашинскаго), съ кларнетомъ и двумя гобоями, отданными въ ополченіе господскими музыкантами, грянули дружно: „Внизъ по матушѣ по Волгѣ“. Пѣсня мигомъ оживила не однихъ холостыхъ ребятъ, но и отцовъ семействъ, съ которыми они только успѣли слезно проститься, и недавно понурые крестьяне бодро зашагали храбрыми воинами за царя и отечество. Каждый изъ молодцовъ готовъ былъ поднять на зубки товарища своего, горемычно повѣсившаго голову, и задушить всякаго чужеземца, которые у нихъ, на то время, всѣ безъ разбора были изъ нѣмцевъ произведены во французы. Этотъ скорый переходъ изъ унынія къ храбрости не удивить васъ: вы вѣрно видали, какъ плаксиваго рекрута одна солдатская шапка превращаетъ въ удалца, часто начинавшаго военную службу побоями своего отдатчика—таковъ русскій обычай.

Остановаясь на дневу въ Клину, мы услышали отъ выѣхавшихъ изъ Москвы, что непріятель въ нее вступаетъ. Ополченное молодечество не хотѣло вѣрить этимъ несбыточнымъ, особливо послѣ бородинскаго сраженія, вѣстямъ и вѣстовщикамъ, разруганные лгунами и трусами, едва не были отпочиваны нашими ратниками какъ отдатчики рекрутъ. Но въ ночь дальнее зарево широко зардѣлось съ примаго направленія къ Москвѣ, русскія вѣщія сердца замерли и вскорѣ присакававшей къ намъ съ приказаніемъ остановить насъ, гдѣ застанетъ, увѣрилъ въ ужасной истинѣ. Она, какъ крещенскій морозъ, оледенила наши члены; мы, отъ стыда за нашу родину, не смѣли взглянуть другъ на друга и, вѣжеться, лучше-бъ желали провалиться съвозъ землю, чѣмъ носить на ней позоръ русскаго имени. Благовѣсть къ обѣднѣ заставилъ всѣхъ перекреститься и молча войти въ церковь. Я нивогда не забуду этой минуты, въ которую жизнь моя казалась мнѣ нестерпимымъ поношеніемъ, но какъ начальникъ, обязанный не показывать робкаго унынія моимъ подчиненнымъ, я, стараясь придумывать чѣмъ бы ихъ ободрить, самъ ободрился, вспомнилъ о Пожарскомъ и, при выходѣ изъ церкви, воскликнулъ: „Россія не въ Москвѣ!“ Это слово произвело сильное дѣйствіе уже не на театральной сценѣ, а въ настоящемъ бытѣ, повторенное ровно чрезъ 200 лѣтъ на поппираемой

врагами русской землѣ. Мрачныя думы прояснились, воображеніе оживилось, каждый изъ ополченныхъ дворянъ началъ по-своему предугадывать, разсуждать, соображать бывшее съ настоящимъ и, наконецъ, неизмѣнная надежда на Бога, государя и русскую неподатчивость быстро одушевила всѣ дружины и чрезъ часть, при московскомъ заревѣ, раздались пѣсни тверскихъ воиновъ и клинскихъ ямщиковъ. Старые солдаты, приданные къ дружинамъ для обученія ратниковъ, сидя на завалинкахъ извъ, съ досады на новобранцевъ, не отстоявшихъ первопрестольнаго града, пустились разсказывать о славныхъ походахъ Суворова, при которомъ они этихъ же французовъ, какъ вурь, душили въ чужой дальней землѣ. Отставной корнетъ Постельниковъ, бывший за батальоннаго адъютанта, хватски отрапортовалъ мнѣ, что кручина спала съ удалыхъ головъ, какъ съ гуся вода, и между помѣщиковъ-офицеровъ по прежнему составились бостонцы и банчики, въ ожиданіи что прикажутъ дѣлать, куда поведутъ и гдѣ Господь приведетъ подраться съ злодѣями.

II.

По взятіи непріателемъ Москвы, тверское ополченіе поступило подъ начальство генераль-адъютанта Винцингероде, отрѣзаннаго съ своимъ отрядомъ отъ арміи и оставшагося на петербургской дорогѣ. Я получилъ приказаніе явиться къ нему въ Подсолнечное, гдѣ былъ встрѣченъ моими молодыми пріятелями, нынѣшнимъ графомъ Александромъ Христофоровичемъ Бенкендорфомъ и Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ; ихъ бодрая веселость разбудила и мою, а разказы о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ фельдмаршала, сколько можно было, меня успокоили. Послѣ обѣда, къ которому было прислано съ изобиліемъ всякаго съѣстнаго запаса, садовыхъ, оранжерейныхъ плодовъ съ разныхъ подмосковныхъ, я вышелъ на церковную площадь и, увидя у волоколни ямскую сходку, столпившуюся около старика, который, утнувъ сѣдую бороду о длинную палку, что-то толковалъ молодежи, а на мой вопросъ: „о чемъ у нихъ идутъ разговоры?“ отвѣчалъ: да все о матушкѣ Москвѣ. „Что же вы думаете?“

— „Да вот пока ее матушку супостаты не взяли, такъ думалось и то, и се, а теперъ думать нечего, ужъ хуже чему быть? Только-бъ батюшка нашъ государь милосердый, дай Богъ ему много лѣтъ царствовать, не смирился съ злодѣемъ, то ему у насъ не сдобровать! святая Русь велика, народу многое множество, укажи поголовщину и мы всѣ шапками замечемъ, аль своими тѣлами задавимъ супостата“. Въ это время баронъ Винцингероде подошелъ къ намъ, я ему перевелъ крестьянскія рѣчи и онъ, схвативъ меня, съ привычнымъ ему судорожнымъ движеніемъ за руку, сказалъ: „Я только одного желаю, чтобъ вельможи думали какъ эти крестьяне, и сегодня же напишу къ императору ихъ слова. О! я увѣренъ, что онъ никакъ не помирится съ Бонапартомъ и Россія будетъ гробомъ его“. Послѣ того онъ показывалъ мнѣ переписку свою съ государемъ, дѣлавшую имъ обоимъ великую честь; я тогда совершенно увѣрился, что Россія спасена жертвою Москвы и вспомнилъ говоренное мнѣ за нѣсколько дней передъ тѣмъ покойнымъ инженеръ-генераломъ Л. Л. Корбонье: что Наполеоново торжество продолжится, пока онъ будетъ воевать съ арміями, а не съ народомъ.

Испанія и Россія оправдали эту очень древнюю истину, что народы поворачаются не руками, а словами.

Мнѣ поручено было начальство надъ авангардомъ ополченія, расположеннымъ между Клиномъ и Тверью, и надзоръ за провозженіемъ плѣнныхъ, которыхъ одинъ отрядъ барона Винцингероде, состоявшій едва ли изъ 2,500 человекъ, переслалъ до 6,000, захваченныхъ около Москвы и даже въ самыхъ московскихъ огородахъ (куда они, за недостаткомъ хлѣба, ходили вырывать картофель). Не знаю отъ кого вышелъ переданный мнѣ приказъ—имѣть особое попеченіе объ испанцахъ. Почему, осматривая разставленные по ямамъ батальоны, я зашелъ въ избу, отведенную для нихъ. Хозяйка ея, стоя на колѣняхъ, омывала раненую ногу пожилаго полоненника и, увидя меня, испугалась, вскочила и стала извиняться, что сжалилась надъ супостатомъ, который, чай, не по охотѣ оставилъ жену и дѣтокъ. Разумѣется, что я не побранилъ ее. Однажды въ воскресенье, въ самый часъ обѣдни, привели въ Городню кучу нахватанныхъ въ плѣнъ разнородцевъ: случившіеся между ними кроаты нашего исповѣданія остановились и стали креститься на церковь по нашему;

ихъ окружили крестьяне и, понявъ изъ славянскаго нарѣчія, что они захватомъ взяты на войну противъ Россіи, тотчасъ нанесли имъ папашниковъ, пироговъ, а ямщики просили позволенія на своихъ лошадяхъ подвести ихъ къ Твери. Но тѣ-же сердца, которыя радушно готовы помогать страждущимъ, закипали храбростію, при видѣ вражеской силы и поруганія церквей.

Графъ Бенкендорфъ рассказывалъ, что онъ, отправясь въ Волоколамскъ для захвата тамъ французскихъ фуражировъ, уже не нашелъ въ городѣ ни неприятелей, ни русскихъ: одни врасплохъ перерѣзаны или сожжены въ домахъ, а другіе, то есть собравшіеся на удалство крестьяне, скрылись. Онъ однако же узналъ, между прочимъ, отъ явившихся къ нему, что служанка казначея заколола поварскимъ ножомъ двухъ французскихъ подлипалъ, ворвавшихся одинъ послѣ другаго въ чуланъ, гдѣ она спряталась. Помнится, онъ же, или братъ его Константинъ Христофоровичъ Бенкендорфъ (новый нашъ партизанъ, промѣнявшій перо на саблю, для защиты отечества), узналъ въ волоколамской вотчинѣ княгини Голицыной, что крестьяне изъ ея дома спасли все богатое имущество и французы не могли допытаться куда они его спрятали. „Видно вамъ хорошо было жить за княгинею?“ спрашивалъ Бенкендорфъ.

— „Нѣтъ, отвѣчали они, насланные ею всякіе нѣмцы, для науки и экономіи, раззорили насъ въ конецъ; да отецъ и дѣдъ покойнаго князя жаловали нашихъ отцевъ и дѣдовъ, такъ намъ грѣшно отдать супостату наслѣдство его дѣтокъ“...

Храбрые сычевскіе крестьяне вотчины графа Панина и другихъ не мелкопомѣстныхъ дворянъ, вооружась чѣмъ случилось и составя мѣстное ополченіе, въ родѣ гишпанскихъ гверильясовъ, подъ начальствомъ уѣзднаго предводителя Богуславскаго, не давали прохода мелкимъ неприятельскимъ отрядамъ; дрались безпощадно пѣшіе и на коняхъ и я слышалъ ужасныя дѣйствія ихъ народной мести (въ той) мѣстности; но не это ли, пусть и варварство, помогло русскому царю сорвать поносныя цѣпи съ слишкомъ своекорыстнаго просвѣщенія...

Скача безпрестанно взадъ и впередъ на праздныхъ тогда почтовыхъ по тверской дорогѣ, я пріѣхалъ въ Чашниково, гдѣ остановилась главная квартира барона Винцингероде, въ тотъ самый день, какъ французы, чтобы скрыть отъ его отряда

(который они, какъ я узналъ изъ перехваченныхъ бумагъ, считали сильнымъ корпусомъ) выступленіе свое изъ Москвы, выслали противъ нашего авангарда, находившагося тогда въ Всесвятскомъ, нѣсколько эскадроновъ изъ разныхъ полковъ, тотчасъ прогнанныхъ казаками подъ начальствомъ молодца Иловайскаго 12-го и спасенныхъ отъ совершеннаго истребленія дѣйствіемъ пушекъ, поставленныхъ на пригородномъ острогѣ. Въѣхавъ въ Чапниково, я встрѣтилъ нѣсколько нѣмецкихъ фигуръ въ изорванныхъ скуртукахъ, очень важно несущихъ духовые инструменты, и еще не успѣлъ спросить откуда взялись эти чудачи, какъ остановившій меня графъ Бенкендорфъ разсказалъ, что они приведены были къ нему какъ непріятельскіе музыканты, но оказались очень пріятельскими, а именно: барона Фитингофа; онъ себя и ихъ изъ Риги переселилъ въ Москву, самъ уѣхалъ отъ непріятеля и ихъ оставилъ на произволъ судьбы, которая сдѣлала изъ нихъ оркестръ французскаго театра, оставшагося въ Москвѣ. А когда оголодавшимъ французамъ пришло не до музыки, то ихъ выслали изъ Москвы и теперь они изъ-за кушанья составляютъ столовую гармонію при бивакахъ ихъ превосходительствъ, и исполняютъ свою должность съ большимъ усердіемъ. Войдя въ избу, гдѣ присталъ баронъ Винцингероде, я услышалъ вдругъ отъ всѣхъ бывшихъ въ ней о побѣдахъ Витгенштейна и о Тарутинскомъ сраженіи, котораго подробности, не имѣя прямого сообщенія съ арміей, никто не могъ знать, но всѣ довольно вѣрно угадывали его слѣдствія, то есть скорый выходъ Наполеона изъ Москвы, и если фельдмаршалъ успѣетъ его погнать по той же дорогѣ, по которой онъ пришелъ, то конечную гибель его войска, и звали ему на встрѣчу нашу слишкомъ запоздалую осень.

Передъ обѣдомъ наши партизаны привели плѣннаго непріятельскаго комиссара. Баронъ Винцингероде, скрѣпя сердце, пригласилъ, еще перваго, француза къ своему столу. Мы съ графомъ Бенкендорфомъ посадили его между собою и подливали ему съ обѣихъ сторонъ вина, посланнаго изъ Парижа для Наполеона и отбитаго отрядомъ маіора Пренделя, напоминавшаго вахмистра Брандта, котораго живо представилъ въ своемъ лучшемъ романѣ Пиго-Лебренъ. Плѣнный комиссаръ изъ національной гордости, или чтобы намъ пустить пыль въ глаза, какъ говорятъ французы, превозносилъ великія доблести воинственнаго

императора, спасаго свое отечество отъ ужасовъ безначалія, но послѣ многихъ осушенныхъ бокаловъ началъ пробалтываться и, наконецъ, развеселенный роднымъ виномъ, расхрабренный своимъ республиканскимъ „марсельезомъ“, который, помнится, по приказанію Л. А. Нарышкина заиграли наши нѣмцы, и разодолженный нашей радушной бесѣдой, захохоталъ и сказалъ: „я вижу, господа, что вы люди благовоспитанные и умные, такъ отъ васъ не утаишь, что императоръ Бонапарте, конечно, славенъ и полезенъ, но только для себя, а не для Франціи, въ которой скоро, отъ преждевременныхъ конскрипцій, не будетъ не одного молодого человѣка и ему придется населять ее своими корсиканцами и итальянцами“.

„In vino veritas!“, вскричалъ графъ Бенкендорфъ. Мы засмѣялись и французъ еще больше расхохотался. Кто-то вышелъ и сказалъ, что казаки привезли коляску съ хорошенькой женщиной и дитятею. Мы бросились посмотрѣть эту необыкновенную добычу и только сошли съ крыльца, какъ услышали за собой визгливый крикъ: „ah! ma femme!“, а изъ коляски: „ah, mon mari!“ и тотчасъ увидѣли мужа и жену обнимающихъ очень миленькаго ребенка. Коммиссаръ былъ схваченъ при выѣздѣ изъ Москвы на встрѣчу женѣ, которую ожидалъ изъ Польши; а жена попала въ полонъ вмѣстѣ съ провожатыми своими на смоленской дорогѣ. Извѣстно, что Наполеонъ тащилъ за своею арміею другую армію, разнаго рода ремесленниковъ, марытантовъ, женщинъ, дѣтей, которыми, какъ всѣ почти они были увѣрены, хотѣлъ населить и просвѣтить Россію. По крайней мѣрѣ, множество французскаго сброда обоего пола нахватаю нашими казаками; однако жъ, надобно отдать справедливость донцамъ, они не обирали женщинъ изъ уваженія ли къ прекрасному полу или отъ того, что уже тогда довольно нажились и чужимъ и русскимъ добромъ, котораго лучше таможенной стражи не пропускали за границу и почти все, что захватили непріатели въ Москвѣ, отправилось на Донъ. Казаки посвятили не ими заграбленное въ церквахъ храму казанской Божіей Матери и, воздавая Богу Божіе, усерднымъ приношеніемъ воздавали вѣрной службой кесарю кесарево.

Нѣкоторые чиновники полиціи, вышедшіе изъ Москвы пере-
ряженные, ходили въ нее и приносили разныя извѣстія барону

Винцингероде. На другой день прїѣзда моего въ Чашниково, они его увѣдомили, что Наполеонъ намѣренъ взорвать кремль. Оставшись послѣ ужина одинъ съ барономъ, я съ ужасомъ сказалъ ему, что взрывъ кремля, гдѣ покоятся мощи угодниковъ, поразитъ отчаяніемъ всю Россію, привывшую почитать святыню кремля своимъ Палладіумомъ. Сердце генерала, быстро воспламеняемое благороднымъ ощущеніемъ, вспыхнуло; онъ измѣнился въ лицѣ. „Нѣтъ, Бонапарте не взорветъ кремля“ вскоча со стула вскрикнулъ онъ. Я завтра дамъ ему знать, что если хотя одна церковь взлетитъ на воздухъ, то всѣ попавшіеся къ намъ французы будутъ повѣшены“.

На другой день нашъ отрядный начальникъ самъ вѣхалъ въ оставленную Наполеономъ Москву, былъ схваченъ и потомъ избавленъ отъ назначенной ему смерти удальствомъ графа Чернышева. Кажется, я не обманываюсь, полагая причиною, пусть и безразсуднаго, удальства барона Винцингероде наслѣдственную запальчивость его рыцарскаго характера, которая затмила въ умѣ его все, кромѣ мысли, что спасеніемъ кремля отъ взрыва онъ спасетъ русскихъ отъ унынія и сохранитъ имъ ихъ святыню. Любовь и благодарность къ нашему государю и отечеству почти равнялись въ немъ съ ненавистью къ Наполеону и французамъ, раззорившимъ его родину и лишившимъ его самого родовыхъ правъ и достоинства. Непримирымъ врагъ революціи и его приверженцевъ, онъ, какъ я слышалъ отъ А. А. Нарышкина, сказалъ въ глаза Бонапарте: „я служилъ всегда тѣмъ государямъ, которые объявлялись вашими врагами, и искалъ вездѣ французскихъ пуль“.

Признаюсь, я долго винилъ себя, что, можетъ быть, моимъ ужасомъ возбудилъ пагубную для него мысль, но почти неизмѣримое спасеніе ревностнаго поборника нашей святыни успокоило мою совѣсть.

III.

Мы ожидали въ Чашниковѣ къ обѣду возвращенія барона Винцингероде и Нарышкина; замедленіе ихъ очень насъ беспокоило; смерлось, но ихъ еще нѣтъ. Я задремалъ одинъ въ свѣтелѣхъ, гдѣ пріютился къ Нарышкину, какъ графъ Бенкендорфъ вбѣжалъ и едва могъ рассказать о незаконномъ захватѣ душевно любимаго нами начальника, а вмѣстѣ съ нимъ и милого товарища; потомъ приказалъ бригадѣ своей, состоящей изъ эскадроновъ лейбъ-казаковъ и изюмскихъ гусаръ, выступить къ Москвѣ, мы же сами поѣхали впередъ. Увидя издали прежнее сіяніе золотыхъ главъ русской святыни, уцѣлѣвшей отъ пожара и взрыва, я, перекрестясь, вскрикнулъ: „дивенъ Богъ во святыхъ Его!“ и этимъ душевнымъ возгласомъ началъ извѣстное вамъ обнаруженіе отъ имени генерала Иловайскаго 4-го, который, какъ старшій, вступилъ въ начальство нашего отряда.

При вѣздѣ на погорѣлице царской столицы, мы увидѣли подлѣ каретнаго ряда старуху, вышедшую изъ новыхъ развалинъ; она, взглянувъ на насъ, вскрикнула: „а русскіе!“ и въ изступленіи радости, перекрестясь, поклонилась намъ въ землю. Это полоумное изъявленіе сильнаго радушія заставило насъ улыбнуться, хотя слезы сверкали на глазахъ нашихъ, увидя съ Тверскаго вала чрезъ пепелище, установленное печными трубами и немногими остовами каменныхъ домовъ и церквей, Калужскія ворота. Но по Тверской улицѣ уцѣлѣло нѣсколько палатъ и мы нашли въ комнатахъ купца, котораго имени не помню, нашего начальника. Графъ Бенкендорфъ и я тотчасъ принялись за дѣло, онъ поѣхалъ къ Воспитательному дому, гдѣ нужна была скорая помощь оставленнымъ въ немъ безъ пищи воспитанникамъ и русскимъ раненымъ офицерамъ, а я, по старшинству, въ Китай-городъ и кремль, гдѣ еще продолжались пожары зажженныхъ непріателемъ зданій.

Мнѣ остается только рассказать вамъ видѣнныя мною подробности, изъ которыхъ я многія почелъ нужнымъ сообщить тогда же А. С. Шипкову, но, къ несчастію, у меня только сохранился отвѣтъ его, въ которомъ онъ объявляетъ мнѣ мило-

стивое вниманіе государя императора къ моему донесенію. Можетъ быть, письмо мое когда нибудь отыщется, а теперь я долженъ писать, какъ припомню.

Съ небольшимъ конвоемъ казаковъ, двумя вѣстовыми Изюмскаго полка и служившимъ въ Московской драгунской командѣ чиновникомъ, котораго имени не помню, я подъѣхалъ къ Иверскимъ воротамъ и вошелъ въ нихъ пѣшкомъ, мимо опустѣлой часовни, въ которой, за два мѣсяца предъ тѣмъ, я слышалъ передъ иконою Божіей Матери слезныя молитвы объ избавленіи Россіи отъ вражескаго вторженія. Въ самыхъ воротахъ я почти споткнулся на тѣло, судя по мундиру, испанца, убитаго, по словамъ полицейскаго чиновника, его драгунами, за что я не похвалилъ его. За воротами, зажженная отъ близкаго взрыва стѣны, или непріателемъ, казенная палата еще горѣла. Услыша съ лѣвой стороны нѣсколько выстрѣловъ, я оглянулся, чтобы спросить полицейскаго храбреца, но онъ уже исчезъ, и я послалъ бывшего тогда моимъ адъютантомъ, прежняго моего театральнаго секретаря, Теленіуса, развѣдать объ этой пальбѣ и потомъ узналъ отъ него, что стрѣляли пьяные французскіе мародеры, которыхъ не мало перехватывали въ Москвѣ и окрестностяхъ ея. Проходя чрезъ городскую площадь, я самъ чуть не попалъ подъ шальную пулю; казаки бинулись на выстрѣлъ, но я ихъ удержалъ, вида, что стрѣлокъ легко могъ укрыться наступающимъ вечеромъ въ развалинахъ обгорѣвшихъ строеній. Торопясь войти въ кремль и найдя Спасскія ворота заваленными изнутри замка, а Никольскія загромажденные взорванной частью стѣны, я принужденъ былъ вскарабкаться, съ помощію двухъ гусаръ, по грудамъ развалинъ, и закричалъ на казаковъ, остановленныхъ мыслью, что можетъ быть еще какъ нибудь могутъ вспыхнуть взрывы, изъ которыхъ послѣдній они не очень давно слышали, но увидя меня сходящаго въ кремль они бросились и мигомъ очутились уже прежде меня предъ догоравшимъ дворцомъ и грановитой палатой. При сходѣ моемъ въ кремль, уже совсѣмъ смерклось и древнее зданіе, гдѣ я праздновалъ при священномъ вѣнчаніи двухъ императоровъ нашихъ, какъ потухающая свѣча еще ярко вспыхивала и, по временамъ освѣщая мрачную окрестность, показала мнѣ чудесное спасеніе храмовъ Божіихъ, воеругъ которыхъ и даже прикосновенное къ нимъ строеніе сгорѣло или догорало.

Огромная пристройка къ Ивану Великому, оторванная взрывомъ, обрушилась подлѣ него и на его подножія, а онъ стоялъ также величественно, какъ только что воздвигнутый Борисомъ Годуновымъ, для прокормленія работниковъ въ голодное время, будто насмѣхаясь надъ бесплодною яростію варварства XIX вѣка.

Занявшись распоряженіемъ къ прерванію, сколько можно было, пожара, я просилъ явившагося ко мнѣ, Богъ знаетъ откуда и какъ, инженернаго офицера ¹⁾ осмотрѣть нѣтъ ли еще гдѣ огнепроводовъ, не задавленныхъ взрывами, поставилъ часовыхъ къ главнымъ соборамъ, послалъ привести караулъ и въ хлопотахъ не замѣтилъ тогда, что крестъ съ Ивана Великаго былъ снятъ, по приказанію Наполеона, также какъ и деревянный московскій гербъ съ крыши сената, на трофей взятія Москвы....

Возвратясь изъ кремля въ квартиру генерала Иловайскаго, я уже въ ней нашелъ графа Бенкендорфа, успѣвшаго осмотрѣть весь кварталъ Воспитательнаго дома, привести въ устройство госпиталь, найти пищу голодавшимъ дѣтямъ и не только нашимъ, но и непріятельскимъ раненымъ, брошеннымъ въ безпорядкѣ, безъ присмотра и помощи на произволъ судьбы, заставить тотчасъ убрать тѣла ихъ товарищей, валявшіяся по корридорамъ и лѣстницамъ ²⁾, отрядить своихъ офицеровъ, съ явивши-

¹⁾ Надобно замѣтить, что во время нашей народной войны все кнѣпо усердіемъ, какъ будто само собою отыскивалось, двигалось, переносилось и поспѣвало, гдѣ было нужно. Вездѣ царствовалъ какой-то самодѣльный порядокъ, повиновеніе и исправность. Въ 1812 году у насъ не доставало войска, чтобы удержать вторженіе соединенныхъ силъ почти всей Европы, а въ 1813 году, приведа кадры набранной въ Ригѣ дивизіи въ запасную армію, я слышалъ отъ ея главнаго начальника, что ему некуда помѣщать излишнихъ для военныхъ дѣйствій 150,000 человекъ пѣхоты, конницы и артиллеріи, совершенно всѣмъ снабженныхъ и готовыхъ къ сраженію, а это случилось въ то самое время, когда непріятель проникъ въ сердце нашей имперіи и открылъ едва ли ей самой извѣстныя силы и средства ея.

²⁾ Мнѣ показывали въ комнатахъ, гдѣ лежали раненые французы, трупы умершихъ, между ними, приставленные къ печкамъ и наарумянные кирпичемъ,—вотъ до чего дошло циничское кощунство, порожденное богоотступной революціей. Аббатъ, оставшійся при католической церкви, увѣрялъ, что онъ могъ только причастить нѣсколькихъ умпрающихъ итальянцевъ, а французы съ ругательствомъ отгоняли его отъ ихъ смертнаго одра. Кн. Шаховской.

мися уже въ мундирахъ московскими полицейскими, для осмотра и вспоможенія въ другихъ больницахъ, для запечатанія и разстановленія часовыхъ по домамъ, сохраненнымъ стоявшими въ нихъ французскими чиновниками, и учрежденія карауловъ на заставахъ изъ полковъ, расположенныхъ по бывшимъ нѣкогда городскимъ валамъ. Москва, освѣщенная тогда вокругъ бивачными огнями, представляла чудное, не сообразное ни съ чѣмъ зрѣлище: мертвую тишину ея прерывали только хриплый окрикъ часовыхъ, ржаніе лошадей и топотъ развѣздовъ, никакъ не напоминающихъ той столичной суеты и жизни, которая еще недавно въ ней повсемѣстно слышалась. Я, какъ начальникъ пѣшаго казачьяго полка, откомандуя точно пѣшими казаками, какъ членъ русской академіи, принялся за перо, написалъ съ общаго совѣта рапортъ къ государю, а какъ сопрavitель театральной дирекціи—сдѣлалъ распоряженіе торжественнаго благодаренія Господу браней, долженствовавшаго произвести сильное дѣйствіе въ душахъ всѣхъ оставшихся, вступившихъ и уже собиравшихся въ Москву.

Изнуренные самымъ дѣятельнымъ днемъ мы, то-есть двое младшихъ генераловъ, бросились въ заднемъ покоѣ на покрытое коврами сѣно, ставя старшаго въ гостинной комнатѣ у освѣщеннаго догаромъ пожара и биваками окна. Надежда наша заснуть непробуднымъ сномъ была разрушена неожиданными вопросами начальника сторожскихъ казаковъ. Отдѣленный отъ насъ только деревянной стѣной, И. О. Иловайскій громко спросилъ сперва меня: какъ я думаю, не возвратятся ли опять французы въ Москву? Я ему отвѣчалъ отрицательно. Потомъ повторилъ тотъ же вопросъ, только въ другихъ словахъ, моему засыпавшему сосѣду, тотъ отвѣчалъ почти такъ-же, какъ и я. Немного погодя возобновились подобныя же разспросы по прежней очереди; но вида, что односложные отвѣты наши не удовлетворяютъ вопросителя, мы, наконецъ, рѣшились не отвѣчать и, закутавши головы, заснули, до возвращенія разосланныхъ по разнымъ мѣстамъ для осмотра и приведенія въ дѣйствіе разныхъ распоряженій. Тогда вскоча полуодѣтые и надѣвъ посворѣе мундиры, мы пустились, по вчерашнему, каждый въ свою сторону. Подѣхавъ къ Лобному мѣсту, я удивился, увидя на немъ казака, стоявшаго съ пикой подлѣ плачущей и довольно порядочно

одѣтой, хотя и босой, дѣвушки (французы обоого пола, нуждаясь въ обуви, разули всѣхъ оставшихся въ Москвѣ), спросилъ, что это значитъ—и узналъ отъ плачущей дѣвушки, что она дочь нѣмца профессора, который, не говоря чисто по русски, не смѣлъ выдти изъ Москвы, чтобъ его не приняли, какъ и случилось, за непріятельскаго шпіона ¹⁾ и пришла просить хлѣба для больного отца у русскихъ; какой-то начальникъ тотчасъ далъ ей папушникъ, но, услыша топотъ нашихъ лошадей, побѣжалъ въ кремль и приказалъ своему казаку ее не пускать.

Я догадался, что это должно быть любезность татарина Эльмурзина, командовавшаго кремлевскими караулами, велѣлъ отпустить дѣвушку, обѣщая прислать все нужное ея семейству; пошелъ въ очищенные Спасскія ворота, но, увидя на нихъ не замѣченный мною въ вечеру образъ въ золотой ризѣ и висячую предъ нимъ серебряную лампаду въ совершенной цѣлости, не вдругъ повѣрилъ глазамъ моимъ; отъ какой-то безотчетной радости у меня сорвалось съ языка приказаніе, не знаю кому, чтобъ сейчасъ затеплили лампаду, и по выходѣ моемъ изъ кремля увидѣлъ, что сказанное мною наобумъ было кѣмъ-то въ точности исполнено и лампада теплилась!... Собравшимся послѣ меня на площади народомъ распущенъ слухъ, будто лампада Спасскихъ воротъ не угасала вовсе въ пребываніе непріятеля въ Москвѣ и что онъ, пораженный этимъ чудомъ, не смѣлъ дотронуться до иконы. Хотя мнѣ очень извѣстно, что лампада угасла, а всетаки не постигаю какимъ образомъ икона и прочіе найденные мною въ кремлѣ священные предметы нашего вѣрованія уцѣлѣли отъ самаго безбожнаго грабительства.

Благоговѣйное сознаніе въ невѣжествѣ моемъ предъ Спасскими воротами еще сильнѣе повторилось, когда я нашелъ на Никольскихъ уцѣлѣвшій образъ подъ стекломъ и висѣвшую предъ нимъ на тонкой цѣпочкѣ лампаду, хотя большое пространство

¹⁾ Этотъ же страхъ удержалъ въ Москвѣ многихъ нѣмецкихъ ремесленниковъ; они принуждены были работать на непріятелей лѣзъ-за хлѣба и добродушно дѣлились имъ съ немощными русскими, укрывшимся въ ихъ жилищахъ. Я замѣтилъ, что нѣмцы самыя и лучшія и честнѣйшія ремесленники во всей Европѣ, кромѣ Германіи; тамъ не было нѣмцевъ, а жили австрійцы, пруссаки, саксонцы, баварцы и прочіе разностранцы, не очень добротные къ чужеземцамъ и большіе охотники до ихъ денегъ.

стѣны и самыхъ воротъ, почти вплоть до образа, были взорваны. Но возвратимся въ Кремль. Въ немъ первый встрѣтилъ меня любезникъ Эрмурзинъ и на вопросъ—зачѣмъ онъ отдалъ подъ караулъ профессора дочь? онъ отвѣчалъ: „я изъ жалости хотѣлъ напоить ее сбитнемъ“. Посоветуя ему не быть впередъ такъ жалостливому, я поручилъ вошедшимъ за мною монаху и священнику, не помню какого полка, осмотрѣвъ главные соборы, привести сколько можно въ порядокъ, что въ нихъ еще сохранилось священнаго, и запретивъ часовымъ никого не впускать въ церкви, пошелъ осмотрѣть слѣдствія взрыва и пожара, который, какъ вамъ извѣстно, истребивъ все дворцовое жилище людей, не прикоснулся храмовъ Божіихъ, хотя старая церковь Спаса на бору была заметана опламененными выбросками горѣвшаго надъ ней зданія, и внѣшнія двери Благовѣщенскаго собора зауглились. Словомъ, все посвященное Богу не истребилось ничѣмъ, кромѣ прямого святотатства рукъ человѣческихъ, но и онѣ, кажется, отшиблись нетлѣнными мощами св. митрополита Іоны. По входѣ моемъ въ Успенскій соборъ, я нашелъ въ немъ посланнаго мною монаха (патріаршаго ризничаго); онъ прикрывалъ пелѣною тѣло святителя и, указавъ на его обитую серебромъ раку, съ которой только было взодрано четверть аршина верхней личинки, на большой подсвѣчникѣ и саблю, лежащія на землѣ: „вы видите, говорилъ онъ, что это все цѣло, когда въ соборѣ не осталось не только лоскутка серебра, но и латуни“. Я нашелъ святія мощи выброшенными на помость, они также невредимы, какъ въ день его успенія, кромѣ вражеской разруби святительской выи, кажется этой саблей ¹⁾. Безъ сомнѣнія, чудотворецъ поразилъ ужасомъ безбожниковъ и они не дерзнули ни къ чему прикоснуться. Я точно видѣлъ все мнѣ сказанное, открытыя лицо и руки святаго, они были совершенно цѣлы и я съ благоговѣніемъ къ нимъ приложился. Въ продолженіе войны, разспрашивая многихъ плѣнныхъ офицеровъ и солдатъ Наполеоновой гвардіи, я не могъ, однако-жъ, ничего узнать о причинѣ сего единственнаго во всѣхъ соборахъ уцѣленія.

¹⁾ Эту саблю я отослалъ къ отцу моему съ извѣстіемъ объ освобожденіи Москвы и счастлиvomъ оборотѣ войны, на которую онъ отпустилъ съ благословеніемъ всѣхъ трехъ сынолей своихъ.

Все прочее было ограблено и разрушено: рака святаго митрополита Петра не существовала и мы, собравъ обнаженные отъ одежды и самаго тѣла остатки его, положили на голый престоль придѣла; гробница надъ бывшими еще подъ спудомъ мощами митр. Филиппа была совершенно ободрана, крышка сорвана, могила раскопана; я не имѣлъ ни досуга, ни дерзновенія опуститься внизъ, но послѣ узналъ, что съ того времени мощи открылись, согласно предсказаніямъ, слышаннымъ задолго до нашествія Наполеона, отъ митр. Платона, что мощи Святителя Филиппа должны открыться только тогда, какъ враги возьмутъ Москву. Въ Успенскомъ соборѣ отъ самаго купола до пола, кромѣ принадлежавшаго къ ракъ св. Іоны, не осталось ни лоскута металла или ткани. Досчатая надгробія могилъ московскихъ архипастырей были обнажены, но одна только изъ нихъ изрублена, а именно: патріарха Гермогена, и это заставляетъ меня думать, что въ Успенскомъ храмѣ помѣщались Наполеоновы гвардейскіе уланы и что то-же буйство, которое подняло руку убійць на служителя Божія, благословявшаго возстаніе русской земли противъ ея губителей, чрезъ двѣсти лѣтъ, посрамилось неистовствомъ надъ утлыми досками, прикрывающими его могилу....

Каждый шагъ Наполеоновыхъ европейцевъ въ Россіи былъ ознаменованъ грабительствомъ и святотатствомъ; однако, должно сказать, что въ кремль, кромѣ сплошнаго ободранія церквей, я могу только представить одно явно умышленное богохульство: въ алтарь Казанскаго собора втащена была мертвая лошадь и положена на мѣсто выброшеннаго престола. Правда, что въ Архангельскомъ соборѣ грязнилось вытекшее изъ разбитыхъ бочекъ вино, была набросана рухлядь, выкинутая изъ дворцовъ и оружейной палаты, между прочимъ, двѣ обнаженные чучелы, представлявшія старинныхъ латниковъ; а бѣльшая часть прочихъ соборовъ, монастырей и церквей были превращены въ гвардейскія казармы, ибо кромѣ гвардіи никто не былъ впускаемъ при Наполеонѣ въ кремль. Въ Чудовѣ монастырѣ не оставалось раки Св. Алексѣя, она была вынесена и спрятана русскимъ благочестіемъ, также какъ мощи св. царевича Димитрія, и я нашелъ въ гробницѣ его только одну хлопчатую бумагу. По очищеніи церквей Божіихъ отъ хлама, я запечаталъ ихъ

моей печатью до возвращенія духовенства и, вышедъ изъ кремля, былъ удивленъ уже не небеснымъ, а земнымъ промысломъ, — наваленныхъ въ кремлевскомъ рву и валявшихся по улицамъ человѣческихъ тѣлъ и конской падали не стало. Подмосковные крестьяне, конечно, самые досужіе и смѣтливые, но за то самые развратные и корыстолюбивые во всей Россіи, увѣряя въ выходѣ непріятеля изъ Москвы и полагаясь на суматоху нашего вступленія, пріѣхали на возахъ, чтобы захватить недограбленное, но гр. Бенкендорфъ расчелъ иначе и приказалъ взвалить на ихъ воза тѣла и падалъ и вывести за городъ, на удобныя для похоронъ или истребленія мѣста, чѣмъ избавилъ Москву отъ заразы, жителей ея отъ крестьянскаго грабежа, а крестьянъ отъ грѣха. Но если подмосковная промышленность встрѣтила неудачу въ дурномъ намѣреніи, то успѣла въ добромъ. Я нашелъ, на площади противъ дома главнокомандующаго, цѣлую ярмарку. Она была уставлена телѣгами съ мукой, овсомъ, сѣномъ, печеными хлѣбами, папушиками, сайками, калачами, самоварами со сбитнемъ, даже разной обувью, и ясно показывала, что около Москвы не было пропитанія только непріятелямъ, и къ народной чести надобно замѣтить, что цѣна на сѣбные припасы ни мало не возвысилась противъ прежней, а изобиліе непрерывно умножалось по мѣрѣ наполненія опустѣлой Москвы. Обѣзжая правую сторону обширнаго пепелища, я заѣхалъ въ уцѣлѣвшій домъ Позднякова, гдѣ жилъ вице-король Италіи и давались оставшимися въ Москвѣ французскими актерами спектакли. При вѣздѣ моемъ на большой дворъ, обоняніе мое было поражено ужаснымъ запахомъ, а глаза отвратительнымъ видомъ нѣсколькихъ уже давно издохшихъ лошадей и всякой мерзостной нечистоты. Во внутренности дома не только все уцѣлѣло, но еще было нанесено множество фортепіанъ и непринадлежавшихъ къ нему зеркалъ и мебели, а за сценою домашняго театра брошены остатки священническихъ ризъ, изъ которыхъ выероены кафтаны и костюмы для комедіи разгонявшихъ тоску жертвъ Наполеонова властолюбія.

Проѣздивъ почти до вечера по городской пустынѣ, я пріѣхалъ къ генералу Иловайскому, гдѣ уже шумѣло многолюдное собраніе вступившихъ, пріѣхавшихъ и отыскавшихся въ Москвѣ.

Первый поздоровался со мною Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ, бывшій тогда адъютантомъ всегда близкаго къ непріятелю гр. Милорадовича. Онъ, посланный имъ пробраться къ Москвѣ, чтобъ узнать о дѣйствіяхъ непріятеля, прямо въѣхалъ къ друзьямъ и очень обрадовалъ насъ извѣстіями о торжествующей уже арміи. Нѣсколько раненыхъ офицеровъ, въ томъ числѣ бывшій потомъ камергеромъ и губернаторомъ Кривцевъ ¹⁾, рассказывали намъ, что могли знать, о Наполеонѣ, то-есть, что онъ остановился сперва въ домѣ главнокомандующаго, перебрался отъ пожара въ Петровскій дворецъ и потомъ плотно загородился, со своей старой гвардіей, въ Кремлѣ отъ шумнаго ропота голодающихъ французовъ, которымъ издалека еще показывалъ Москву, какъ вѣнецъ ихъ трудовъ, общалъ въ ней довольствіе, обогащеніе и самый прибыльный миръ, котораго они давно требовали. И самъ онъ въ тогдaшнее время столько же долженъ былъ полюбить миръ, сколько нашъ императоръ и русскіе возненавидѣть. Я помню, что баронъ Винцингероде показывалъ мнѣ письмо, гдѣ онъ называлъ миръ съ Наполеономъ— „политическимъ рабствомъ и внутренней враждой“.

Рассказъ старика Тутолмина, остававшагося начальникомъ Воспитательнаго дома, съ малолѣтней частью его питомцевъ, ограничивался представленіемъ его къ Наполеону, стоявшему предъ каминномъ, и переводнымъ съ нимъ разговоромъ, который заключался въ вопросъ: „кто остался въ Воспитательномъ домѣ?“ Малолѣтныя. „Нѣтъ ли въ немъ помѣщенія для лазарета?“ Найдется довольно. И еще нѣсколько словъ, очень удовлетворившихъ старика Тутолмина ²⁾, и онъ рассказывалъ одно и то-же особо всякому, кто входилъ въ комнату. Движущійся остовъ престарѣлаго генераль-поручика Сипягина, схваченнаго французами при запоздаломъ выѣздѣ изъ Москвы, по обыкновенію ихъ, разутаго и принужденнаго нѣсколько времени въ телѣжкѣ возить

¹⁾ Очеркъ жизни и характеристика Кривцова помѣщены въ «Русской Старинѣ» изд. 1888 г. Ред.

²⁾ Онъ, кажется, представлялъ себѣ Наполеона такимъ же страшилищемъ, какъ французы нашего Суворова; такъ и улыбка его, при словѣ малолѣтнихъ и готовность сдѣлать что угодно императрицѣ матери, произвели надъ нимъ почти такое же дѣйствіе, какъ розанъ, присланный Суворовымъ съ вышущеннымъ изъ плѣна генераломъ Викторомъ его молодой женѣ, произвелъ надъ парижанами.

землю для укрѣпленія кремля, разжалобилъ всѣхъ собесѣдниковъ. Но отставной шталмейстеръ Загряжскій никого не умилилъ. Хотя онъ и не былъ, какъ разнесся слухъ, въ наполеоновой службѣ, но по прежней будто дружбѣ съ Коленкурромъ въ добромъ здоровьи оставался подъ его покровительствомъ въ чужой Москвѣ, для сохраненія своего имущества, а можетъ быть и для благопріобрѣтенія къ нему въ случаѣ имъ однимъ изъ русскихъ желаннаго мира..... При нашемъ вѣздѣ въ Москву, къ намъ явился книгопродавецъ Риссъ и рассказывалъ, что принужденный остаться въ своей лавкѣ онъ вышелъ на улицу, услыша издали трубы и барабаны, его схватили, представили Наполеону, помнится у Дорогомилловскаго моста, и вотъ ихъ разговоръ: Кто ты? „Французскій книгопродавецъ“. А, стало, мой подданный?.... „Да, но давнишній житель Москвы“. Гдѣ Рас-топчинъ? „Выѣхалъ“. Гдѣ московское городское правительство? (magistrat). Также „выѣхало“. Кто же остался въ Москвѣ? „Никого изъ русскихъ“. Быть не можетъ!—Риссъ, кажется, поклонился въ истинѣ своихъ показаній. Тогда Наполеонъ нахмурилъ брови и, простоявъ довольно долго въ глубокой думѣ, наконецъ, какъ бы рѣшась на очень опасное дѣло, вскрикнулъ: „маршъ впередъ“! Но этотъ маршъ, какъ я потомъ слышалъ отъ плѣннаго племянника и адъютанта маршала Бертье, походилъ не на торжественное вшествіе побѣдителей, а на погребальный ходъ за покойникомъ.

Послѣ обѣда мы перебрались съ корпусной канцеляріей, вѣренной моему надзору, въ домъ князя Бѣлосельскаго, гдѣ жилъ маршалъ Бессьеръ и въ которомъ великолѣпная зала и бібліотека, вѣроятно маршальскою свитою, превратились въ безымянное между порядочными людьми мѣсто. Намъ очистили на другомъ концѣ дома княгини воньматы; тамъ, сидя у камина и разговорясь о чемъ тогда только и говорилось, пустились въ предугаданіе слѣдствій оканчиваемой Наполеономъ, а начинаемой нами войны. Надобно вамъ знать, что дорогобужскій дворянинъ Богдановичъ, служившій капитаномъ въ Смоленскихъ командахъ, охотою составленныхъ противъ Пугачева, вышедшій съ той поры въ отставку и сохранившій тогдашній мундиръ свой, т. е. синюю куртку съ алой выпушкой, при вступленіи непріятеля въ великороссійскія границы, сѣлъ на коня съ своими двумя слугами,

присталъ къ отряду бар. Винцингероде, приѣхавшій къ гр. Бенкендорфу и, перейдя съ нами на новоселье, сидѣлъ въ кружкѣ у камина. Онъ долго ничего не выпускалъ изъ своего рта, кромѣ табачнаго дыма, наконецъ, оторвавъ отъ него огромную трубку и ударивъ по саблѣ, гордо сказалъ: „я эту дуру сниму только въ Парижѣ“. Мы улыбнулись такому неожиданному пророчеству, однако-жъ, пророкъ точно снялъ свою не праздную дуру въ Парижѣ....

IV.

Къ третьему дню нашего пребыванія въ Москвѣ уже все было приискано, принаровлено и готово для благодарственнаго молебствія. Одна только большая церковь въ Страстномъ монастырѣ наплась удобною къ совершенію Божественной литургіи.

Французы, изъ всегдашняго уваженія ихъ къ прекрасному полу, исполнили просьбу оставшихся въ монастырѣ, хотя только престарѣлыхъ монахинь, и учтиво не осквернили въ немъ храма Божія. Нѣсколько священниковъ отыскалось; но серебряные сосуды были вывезены и кто-то сохранившій древній стеклянный явился съ нимъ къ досужему земляку моему подполковнику Курису, которому я поручилъ хлопотать объ исполненіи придуманнаго мною сильнаго дѣйствія, нѣсколько въ сценическомъ родѣ. Этотъ радушный человѣкъ былъ, если его уже нѣтъ на свѣтѣ, изъ числа тѣхъ проворныхъ людей, которыхъ, какъ говаривалъ гр. П. А. Паленъ, не встрѣтишь нигдѣ, кромѣ Россіи. Вся жизнь ихъ,—безпрестанная скачка верхомъ или на телѣжкѣ; единственное желаніе ихъ все отыскать, всѣмъ услужить и вездѣ поспѣть. Я только намекнулъ досужему земляку моему, какъ оживить для торжественнаго молебствія замерзшую Москву—и все было сдѣлано. На всѣхъ уцѣлѣвшихъ колокольныхъ явились звонари, церковники, мѣщане, посадскіе мальчики и ожидали условленной повѣстки. Прежде 9-ти часовъ ударилъ большой колоколъ Страстнаго монастыря и вдругъ широко раздался благовѣстъ по всей погорѣлой обширности Москвы. Вѣрно тогда не было никого, чье сердце ни вздрогнуло, на чьихъ глазахъ ни навернулись слезы и кто бы ни перекрестился хотя по одной привычкѣ!

Наканунѣ прискакавшій къ намъ на почтовыхъ пріятель мой В. П. Плетневъ сказывалъ, что посадскіе москвичи, слыша примолкшій (въ черные дни) ямской колокольчикъ, выбѣгали на улицу, крестились и вскрикивали: „слава Богу, опять очнулась Москва!“ и по этому вы можете судить, какъ она радостно ожила, когда повсемѣстно загудѣли милые ей колокола, которыми она искони тѣшилась и славилась ¹⁾. Предъ входомъ нашимъ въ монастырь, дворъ его, переходы, паперть и церковь были уже наполнены богомольцами и вся тогдашняя столица всероссійскихъ царей втѣснилась въ одно не чрезвычайно обширное зданіе. Сильный трезвонъ, заколебавшій московское поднебесье, усилилъ ожидаемое мною дѣйствіе; всё какъ будто встрепенулись и, конечно, съ побѣды Пожарскаго и всенароднаго избранія царя Михаила Ѳеодоровича не было ни одной обѣдни, пѣтой въ Москвѣ съ такимъ умиленіемъ и слушанной съ такимъ благочестіемъ; но когда, по ея окончаніи, священный клиръ возгласилъ предъ царскими дверями: „Царю Небесный Утѣшителю!“, всё наполнявшіе монастырское зданіе: начальники, воины, дворяне, купцы, народъ русскій и иностранцы, православные и разновѣрные, даже башкирцы и калмыки, пали на колѣна и хоръ рыданій смѣшался съ священнымъ пѣніемъ, всемѣстнымъ трезвonomъ колоколовъ и, помнится, пальбою какихъ-то пушекъ...

Богъ привелъ меня быть, ровно за 12 лѣтъ предъ тѣмъ, свидѣтелемъ въ Ахенѣ умилительнаго дѣйствія первой обѣдни, пѣтой послѣ французской революціи, въ древнемъ соборѣ, гдѣ короновался Карлъ Великій; я хотя иностранецъ и другаго исповѣданія—не могъ безъ слезъ видѣть усерднаго моленія старыхъ католиковъ и женщинъ, сохранившихъ въ сердцахъ своихъ Бога и вѣру, во время безпримѣрнаго богоотступленія, превратившаго Божіи храмы въ магазины и воспрецавшаго исполнять христіанскій долгъ; но я тогда соучаствовалъ какъ человѣкъ и христіанинъ въ чужой радости, а въ Москвѣ, очищенной отъ непріятели, духъ мой былъ выше всего, что можетъ постигнуть и чувствовать еще тѣлесный человѣкъ....

Я пропустилъ рассказанное намъ графомъ Бенкендорфомъ. Онъ,

¹⁾ Огромный колоколъ Вестминстерскаго собора вылитъ въ Москвѣ, что доказываетъ его русская подпись.

рано по утру, поѣхалъ въ Спасскія казармы, служащія больницею русскихъ и французовъ, изъ которыхъ, по его распоряженію, уже начали вывозить больныхъ въ полусожженный Петровский дворецъ. При входѣ въ казармы, онъ былъ пораженъ убійственнымъ зловоніемъ и нашелъ между страждущихъ и умирающихъ полусогнившіе трупы, коихъ сведенныя смертностью мышцы уже не скрѣпляли распадающихся членовъ и онѣ, при усиліи подымавшихъ тѣла, отъ нихъ отрывались. Ужасъ и омерзение, произведенные этимъ болѣе чѣмъ варварскимъ презрѣніемъ въ человѣчеству, преслѣдовали цѣлый день добродушнаго сострадальца, полумертвецами, просящими жизни, почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ, и онъ только тогда отдохнулъ, когда послѣ обѣдни удостовѣрился, что всѣ больные были перенесены и перевезены по его назначенію и имъ подавали возможную тогда помощь, подъ бдительнымъ надзоромъ полковника Орловскаго ¹⁾ и подполковника Оленина.

На другой день запахъ французскаго пребыванія въ залѣ и библиотекѣ, которыми проходили въ наши комнаты, выгналъ насъ изъ палатъ кн. Бѣлосельскаго въ домъ моихъ родственникововъ, который напоминалъ намъ вечера, въ немъ радостно проведенные во время коронаціи покойнаго императора (Александра Павловича). У меня также вышло изъ головы: въ этой или прежней квартирѣ остановился у насъ прежній нашъ сослуживецъ генералъ-адъютантъ гр. Сенъ-При, присланный фельдмаршаломъ для начальства нашимъ отрядомъ; однако же, не истратилась изъ сердца тогдашняя утѣха моего самолюбія. Графъ сказывалъ и при всѣхъ, что фельдмаршалъ (Кутузовъ), прочтя присланное къ нему обнародованіе отъ имени генерала Иловайскаго 4-го и зная уже, что я вошелъ въ Тверское ополченіе, сказалъ: „А Шаховской въ Москвѣ“, и этотъ лестный от-

¹⁾ Онъ узналъ между плѣнныхъ, вѣранныхъ его надзору, роднаго племянника его, подданнаго короля Саксонскаго и служившаго французамъ. Это мнѣ напомнило, что нѣкогда воины князей черниговскихъ проливали кровь братьевъ своихъ, служившихъ въ кievскихъ дружинахъ, или парижане истребляли единокровныхъ имъ бургундцевъ; но одни сдѣлались русскими, а другіе французами; авось и храбрые соплеменники наши, сохранившіе, не взирая ни на что, коренное имя, данное имъ и намъ славою, захотятъ радушно пожертвовать частнымъ честолюбіемъ общей нашей родинѣ.

звѣтъ, безсмертнаго мудростію полководца, очень обрадовалъ мое авторство.

Къ слову объ авторствѣ: я не могу утерпѣть, чтобы не сообщить какъ меня, вскорѣ послѣ того, поддѣло авторство, только не мое. Фельдъегерь, присланный отъ военнаго министра, подавъ мнѣ толстый паветъ: судя по письму А. С. Шишкова и по высочайшему благоволенію къ нашимъ дѣйствіямъ, я ожидалъ найти въ немъ звѣздное или, по крайней мѣрѣ, крестное одобреніе моей отдѣльной отъ ополченія службы; но развернувъ паветъ, не безъ сердечнаго трепета, я увидѣлъ въ немъ.... что вы думаете?... кипу печатныхъ стиховъ гр. (Дм. Ив.) Хвостова, который былъ, въ моему несчастію, зятемъ министра и нашимъ сочленомъ въ русской академіи, а потому прислалъ мнѣ 120 экземпляровъ радостной оды своей на освобожденіе Москвы. Вы можете себѣ представить, какъ обрадовала меня эта и никому не радостная ода и только утѣшило то, что нивого не было въ комнатѣ, стало быть никто не видалъ забавнаго для другихъ измѣненія лица моего.

Прибытіе изъ Твери, по высочайшему повелѣнію, нынѣшняго гр. Голенищева-Кутузова ¹⁾ для принятія въ команду отряда, перемѣнило еще начальника и я, по выступленіи его, остался въ Москвѣ, гдѣ долженъ былъ дожидаться гр. Ростопчина, чтобы извустно объяснить ему все найденное и сдѣланное съ выступленія Наполеона.

Еще до выступленія отряда генераль-адъютанта Голенищева-Кутузова, первый пріѣхалъ изъ Владиміра.... князь Бор. Андр. Голицынъ, начальникъ владимірскаго ополченія; вслѣдъ за нимъ вступили съ дружинами Гр. Гр. Спиридовъ и Ал. Павл. Афро-симовъ, заняли московскіе караулы, а потомъ явившіеся оберъ-полицеймейстеръ Ивашкинъ съ своими подчиненными. Онъ снялъ печати и часовыхъ, охранявшихъ строенія, въ которыхъ были складки разныхъ уцѣлѣвшихъ вещей и запасовъ; не помню

¹⁾ Идя съ нами къ обѣднѣ въ Страстной монастырь, онъ замѣтилъ на углу ограды изъ приваленнаго къ ней дряга—высунувшуюся ногу человѣческую и открылось, что тутъ были заметаны, чѣмъ ни попало, тѣла 6 московскихъ мѣщанъ, схваченныхъ, обвиненныхъ въ зажигательствѣ и повѣшанныхъ на фонаряхъ, подлѣ тверскихъ воротъ, по приказанію Наполеона осужденныхъ его префектомъ Лесепсомъ, пожалованнымъ имъ изъ купецкихъ мотыгъ въ голову (не разобрано) и самопроизвольными судьями, набранными изъ не русскихъ бродягъ и учителей, жившихъ въ дворянскихъ домахъ. Кн. Ш.

чѣмъ французы наполнили палаты гр. Ростопчина, вк. Куракина и нѣкоторыя другія, но не забылъ, что оберъ-церемоній-мейстера Валуева были превращены въ свѣчной магазинъ, а магазинъ Шалме наполнился многими сносимами съ Кузнецкаго моста. По снятіи печати и осмотрѣ этого дома, въ которомъ жилъ Лесенсъ (родившійся въ Архангельскѣ, путешествовавшій съ Лаперузомъ, бывшій французскимъ консуломъ въ Петербургѣ и Наполеоновымъ префектомъ въ Москвѣ), оберъ-полиціймейстеръ нашель въ комнатахъ г-жи Шалме все въ большомъ беспорядкѣ: накрытый столъ и на немъ полуразрѣзанный кусокъ говядины, съ воткнутою въ него вилкою. Эти явные признаки торопливаго выѣзда жильцовъ, въ томъ числѣ и начальника города, доказываютъ, что Наполеона вовсе неожиданно выпугнуло изъ Москвы Тарутинское дѣло и что надежда на позорный для Россіи миръ длилася въ немъ хитростію старой лисицы, какъ, говорятъ, онъ называлъ нашего мудраго полководца (Кутузова).

Въ тотъ же день объѣзжая Москву съ г. Ивашкинымъ, мы взобрались кое-какъ въ развалины сгорѣвшей залы благороднаго собранія; вдыхая о прошедшемъ ея великолѣпіи и не воображая еще нынѣшняго, я почувствовалъ, что нога моя уткнулась въ нѣчто твердое, высунувшееся концомъ изъ груды щебня, и наклонясь увидѣлъ палецъ мѣдной руки. Тотчасъ полицейскіе, привыкшіе вырывать всякія поклажи, отыри бронзовую статую императрицы Екатерины II.

Вы можете себѣ представить, какъ я восхитился, увидя, что этотъ памятникъ благодарности русскаго дворянства, за дополненіе благодѣянія Петра III, не достался Наполеону....

Поѣхавъ отъ собранія, по тогдашнему топи, а нынѣшней (въ 1836 г.) прекрасной театральной площади, мы, между обломковъ, завалившихъ дворъ университета, увидѣли бѣлый будто мраморный бюстъ, но прикосновеніе къ нему открыло, что это верхняя часть человѣческаго тѣла, вѣроятно выброшенная кремлевскимъ взрывомъ.

Меня обрадовалъ пріѣздъ московскаго гражданскаго губернатора Ник. Вас. Обрескова, очень умнаго и любезнаго человѣка, который по хорошему знакомству нашему захотѣлъ остановиться въ одномъ домѣ со мною. Я отъ него узналъ многія обстоятельства и происшествія, предварившія входъ непріятеля; между

прочимъ о горючемъ шарѣ, который долго и тайно приготавливали въ подмосковной кн. Рѣпина. Онъ, какъ увѣрялъ его выдумщикъ, могъ произвести разомъ дѣйствию нѣсколькихъ тысячъ конгревскихъ ракетъ. Найденный бесполезнымъ противъ вступающаго непріателя, онъ былъ отправленъ, помнится, на ста подводкахъ за Владиміръ и, какъ я узналъ послѣ, привезенный въ Ораніенбаумъ, неудачнымъ опытомъ, посрамилъ своего изобрѣтателя ¹⁾). Нѣсколько оставшихся отъ него начиненныхъ горючимъ веществомъ бумажныхъ трубокъ были выставлены уликою въ зажигательствѣ Москвы, несчастныхъ схваченныхъ и повѣшенныхъ по военному Наполеонову суду, давно извѣстному на Руси подъ именемъ Шемякина. Намъ принесли сторублевая ассигнаціи французской работы, которая отъ настоящихъ, по нашему знанію, мы могли только отличить по выгравированной подписи.

Я слышалъ, что фабрика или запасъ этого бездѣльства находился въ Кенигштейнѣ, куда до самаго освобожденія Саксоніи отъ Наполеоновскаго ига никого не впускали. Но увѣренъ совершенно только въ томъ, что повелитель почти всего западнаго материка Европы промышлялъ фальшивыми ассигнаціями. Если французскіе писатели обвиняли Фридриха Великаго, будто поддѣлывавшаго свои же деньги, для поддержанія самой тяжелой войны и для сохранения своего, едва уже существовавшаго, королевства, то почему же они умалчиваютъ о поддѣлываніи чужихъ ассигнацій императоромъ, овладѣвшимъ силами и богатствомъ 20 народовъ, приведенныхъ имъ на Россію.

¹⁾ Кн. Шаховской, очевидно, упоминаетъ о Лепныхъ, предложеніе котораго извѣстно читателямъ «Русской Старины» изъ документа объ этомъ изобрѣтателѣ, въ нашемъ изданіи напечатаннаго. См. «Русск. Стар.» изд. 1877 г. т. XX, стр. 717—720.

V.

Наконецъ, гр. Растопчинъ вѣхалъ въ колясочныхъ дрожкахъ на пепелище оставленной имъ, хотя и опустѣлой, но еще прекрасной Москвы. Я встрѣтилъ его у церкви Василя блаженнаго какъ прежній его знакомецъ, стихами Крюковскаго:

И пещь родимыхъ стѣнъ
 Потомству возвѣстить,
 Что славу Россѣ свою всѣхъ
 Выше благъ дѣвять.

Онъ, кажется, отнесъ эти стихи, и не напрасно, къ себѣ, обнялъ меня, какъ обнимаются единокровные на прародительскомъ кладбищѣ; мы обходили сперва Кремль, гдѣ онъ приказалъ оставить мои печати до возвращенія преосвященнаго Августина потомъ часть города, и уже вечеромъ мы вошли въ уцѣлѣвшій домъ его и пробесѣдовали втроемъ съ Н. В. Обресковымъ всю ночь. Я донесъ главнокомандующему въ Москвѣ обо всемъ, что онъ желалъ знать; но какъ тогдашнее сочувствіе всѣхъ русскихъ сближало и дальнѣйшія чиновныя разстоянія, то разговоръ нашъ сдѣлался почти пріятельскимъ. Гр. Растопчинъ, съ самодовольствіемъ говорилъ о томъ истинно славномъ дѣлѣ, отъ котораго чрезъ нѣсколько лѣтъ печатно отрекался въ Парижѣ, и почти съ такимъ же самодовольствіемъ читалъ мнѣ черновое письмо свое къ фельдмаршалу и старался дать почувствовать игру словъ или каламбуръ въ упрекъ, что онъ, фельдмаршалъ, своимъ покоемъ, очень беспокоитъ всю Россію.

Лицо мое, болтливое не меньше моего языка и пера, не скрыло отъ него, чего бы изъ учтивости словами я ему не сказалъ.

Большіе глаза гр. Растопчина, искавшіе, можетъ быть, моей улыбки, опустились вдругъ на недочитанное письмо и сочинитель его захотѣлъ объяснить мнѣ, что онъ неоднократно ѣздилъ въ лагерь, гдѣ, какъ главнокомандующій въ Москвѣ, требовалъ видѣть главнокомандующаго арміею, но ему отвѣчали каждый разъ, что его сіятельство только извоилъ успокоиться и не приказалъ никого къ себѣ принимать, а потому онъ былъ вынуж-

день хоть письменно объяснить не только названному имъ княземъ—невидимкой, но и всей Россіи, какъ онъ чувствовалъ и думалъ. Зная, что списки этого письма ходили по арміи и графскій каламбуръ повторялся шопотомъ въ главной ея квартирѣ, я самъ нашелся вынужденнымъ объяснить языкомъ болтовню моего лица, т. е. что упрекъ фельдмаршалу, такъ остроумно выраженный знаменитымъ государственнымъ человѣкомъ, могъ вредить довѣренности подчиненныхъ къ начальнику, отъ котораго зависѣла судьба Россіи.

— „Но этотъ начальникъ, возразилъ графъ Растропчинъ, долженъ былъ имѣть довѣренность къ другому начальнику, удостоенному довѣренности самого государя“.

Я представилъ его сіятельству, что фельдмаршалъ, какъ извѣстно, держался правилъ великаго полководца, не хотѣвшаго, чтобъ и подушка, на которой онъ спалъ, знала его намѣренія. Графъ нашелъ это правило Ганибала ¹⁾ совсѣмъ неумѣстнымъ съ человѣкомъ, на котораго фельдмаршалъ могъ и долженъ былъ полагаться. „Потому-то мнѣ вѣжется, отвѣчалъ я уже улыбнувшись, ему не было нужды съ вами видѣться“. Удивленный моимъ отвѣтомъ и улыбкой, онъ спросилъ: „а это почему?“

— „Потому-же, почему Суворовъ предъ Измаильскимъ приступомъ, приказывая дежурному генералу обойти начальниковъ колоннъ, одному растолковать, другому рассказать, Рибасу намекнуть, примолвилъ: а генералъ Кутузовъ и Рибаса обманеть, такъ стало и говорить ему не было нужды“.

Тутъ, замѣтя въ глазахъ моихъ собесѣдниковъ проблеснувшее удовольствіе, я поторопился рассказать слышанное мною отъ извѣстнаго остряка А. С. Хвостова. Полеъ его съ двумя другими когда-то голодалъ въ отрядѣ того-же генерала Кутузова, который обманулъ уже не Рибаса, а Наполеона ²⁾; всѣ три полковника пришли въ нему съ требованіемъ

¹⁾ Авторъ ошибочно упоминалъ здѣсь о Ганнибалѣ. Извѣстно, что не онъ, а Фридрихъ Великій говорилъ: «если бы мой колакъ зналъ о чемъ я думаю, то я съжегъ бы его». А. П.

²⁾ Графъ П. А. Паленъ, разговаривая о кн. Кутузовѣ въ Ригѣ, сказалъ: я былъ увѣренъ, какъ скоро его сдѣлали главнокомандующимъ, что бродеръ Михель (какъ онъ называлъ князя Михаила Ларіоновича), если не побѣдетъ, то обманеть Наполеона.—И въ этомъ случаѣ, кажется, можно повѣрить графу Петру Алексѣевичу Палену. Кн. Ш.

провіанта. Онъ приказалъ, по возможности, удовлетворить двоихъ, а Хвостова, съ которымъ былъ хорошо знакомъ, отвелъ въ сторону и, шепнувъ пріятельскую русскую поговорку, спросилъ громко: „не такъ ли, г-нъ полковникъ“?

Г-нъ полковникъ поклонился и кое-какъ прокормилъ полкъ.

Примѣры подѣйствовали и я спросилъ болѣе развеселившагося однодомца моего Н. В.: „Если-бъ фельдмаршалъ и цѣлые сутки протолковалъ съ графомъ, то могло ли отъ того что нибудь сдѣлаться лучше и удивительнѣе бывшаго“?

Москва преспокойно и безъ всякой суматохи опустѣла, никто въ дорогѣ не умеръ отъ голода, никого не ограбили, всѣ доѣхали благополучно, куда кто хотѣлъ, и изъ 180,000 московскихъ жителей насилу отыскали одного, да и то француза, чтобъ объявить Наполеону, перебравшему большую часть европейскихъ столицъ, немовѣрную для него новость, и за нее московскій главнокомандующій удостоился отъ него ругательствъ, которыя онъ вѣрно не промѣняетъ на оды и не графа Хвостова. Тутъ не вовсе безпристрастные слушатели мои разсмѣялись, а старшій прибавилъ, что Наполеонъ не только удостоилъ его своихъ ругательствъ, но и пронырствъ, приказавъ непременно отстоявать домъ его, чтобъ внушить противъ него подозрѣніе въ предосторожностяхъ, взятыхъ имъ для сохраненія своей собственности отъ распоряженнаго имъ же пожара, но онъ доказалъ цѣлому свѣту свою безкорыстность, сожегши самъ принадлежавшую ему прекрасную подмосковную.

Это воспоминаніе истинно безкорыстнаго и прямо русскаго подвига совершенно развеселило хозяина и онъ, съ его обыкновенною любезностью, пустился по-своему въ рассказы слышанныхъ или видѣнныхъ имъ случаевъ по выѣздѣ изъ Москвы, откуда, какъ онъ мнѣ замѣтилъ шута, благополучно доѣхали, кто куда хотѣлъ, всѣ совершенно русскіе, а съ иностранцами и полу-русскими, которыхъ крестьяне принимали за непріятельскихъ языковъ, случались маленькія непріятности и къ нему представляли связанныхъ, а иныхъ и растрепанныхъ знакомыхъ ему учителей и даже чиновниковъ, и будто привели на веревочкѣ и съ нѣкоторыми знаками православнаго неблаговоленія одного сентиментальнаго поэта и московскаго бальнаго щеголя, говорившихъ между собою о блѣдной лунѣ и Кузнецкомъ мостѣ по французски.

Н. В. къ этому прибавилъ, что и въ арміи казаки подстрѣлили одного адъютанта, принявъ по французскому разговору его съ товарищемъ за непріятеля.

— „Знаете ли, прервалъ графъ, что слухи о подобныхъ непріятностяхъ съ иноязычниками едва не уморили вывезеннаго съ моей канцеляріей изъ Москвы, общаго пріятеля нашего, славнаго итальянскаго живописца, но не очень грамотнаго русскаго помѣщика филозофа Тончи ¹⁾. Ужасъ быть убитымъ крестьянами, а можетъ быть и слугами своими, распалилъ пламенное воображеніе и загналъ его въ лѣсъ. Вся канцелярія моя, не зная, куда онъ дѣвался, пустились съ казаками и крестьянами отыскивать его по дорогѣ и лѣсу, начали аукать, кричать, кликать. Онъ, слыша со всѣхъ сторонъ свое имя, совершенно рехнулся и уже отысканный и приведенный въ домъ, отъ страха, чтобъ его не убили, самъ чуть не зарѣзался бритвою; къ счастью успѣли ему помочь, успокоить, наконецъ, совсѣмъ образумили и онъ, въ память своего спасенія и уцѣлѣнія, обѣщался написать запрестольный образъ для соборной Владимірской церкви“ ²⁾.

Потомъ гр. Растопчинъ рассказалъ, между прочимъ, что онъ встрѣтилъ кучу непріятельскихъ мародеровъ, веденныхъ вооруженными ихъ же оружіемъ мужиками, подъ предводительствомъ дородной бабы, гордо выступавшей съ длинной саблей, повѣшенной черезъ плечо, сверхъ французской шинели. Графъ узналъ отъ провожатыхъ, что она ихъ старостиха Василиса и хотя ея женское дѣло, но она на свою руку охулки не положила.

¹⁾ Вотъ какъ самъ Тончи объясняетъ причину его сумасшествія. Отославъ задолго, по совѣту гр. Растопчина, жену свою, урожденную княжну Гагарину въ Рязань, онъ остался въ домѣ графа, который обѣщаль его, когда нужно будетъ, отправить къ ней. Непріятель близко. Москва пустѣетъ. Тончи въ страхъ приходитъ къ графу напомянуть его обѣщаніе. Графу было не до Тончи, онъ отвѣчаетъ: «вы будете отправлены куда надо», и при немъ грозно приказываетъ своему управителю канцеляріи г-ну Руничу взять его съ собою. Эта необыкновенная суровость поражаетъ итальянца, встревоженное воображеніе представляетъ ему, что его хотятъ отправить въ Сибирь, и когда Руничъ повезъ его не по Рязанской дорогѣ, ужасъ ссылки довелъ его до изступленія. Онъ бѣжалъ въ лѣсъ и проч.

²⁾ Этотъ превосходный образъ крещенія св. Владиміра написанъ и поставленъ за престоломъ во Владимірекомъ соборѣ.

На вопросъ, много ли они перевели басурманской саранчи? Василыса за всѣхъ отвѣчала: „Таки ихъ посильно мѣсто пере-душила наша вотчина, да та бѣда, что сперва наши-то слуга боялись ихъ убивать, чтобъ не попасть за окаянныхъ въ отвѣтъ, и только что отъ нихъ хоронились, а какъ узнали, что нѣтъ запрета изводить злое сѣмя, то и пошли всѣхъ душить на кого напа-дуть врасплохъ; только, видишь, начальники не вѣрили му-жицкимъ рассказамъ и дали такую повѣстку, чтобы-де мы ви-дѣли ваше усердіе и промысль, то берите больше въ полонъ супостатовъ и кого намъ живаго представите, за того будетъ награда, а за мертвыхъ награды не будетъ ¹⁾. Вотъ тутъ наши и взялись за умъ, какъ слышали этихъ супостатовъ, притаи-лись по задворью. Въ моемъ домишкѣ осталось таки довольно винца и пивца, вотъ они, какъ голодные волки, вбѣжали въ де-ревню, да позарясь на бѣлую избу, вошли въ нее гурьбой, оты-скали хмѣльное, ружья къ сторонѣ и ну бражничать, да и оша-лѣли; тутъ, выжда ночи, наши нагрязнули и ну работать; кто забарахтался, тому карачунъ, а кто не ерошился, того живьемъ привели къ вашей милости, чтобъ товаръ лицомъ продать“.

Нив. Васил. прибавилъ къ графскому разсказу донесенное ему исправникомъ. Вечеромъ вошла въ деревню шайка фран-цузовъ, а какъ вслѣдствіе приказа земскаго начальства по всѣмъ селеніямъ были учреждены отводные караулы, то они дали вѣсть крестьянамъ, тѣ спрятались, куда знали. Усталые мародеры за-брались въ богатую избу на ночлеги; мужики общались вы-строить хозяйну новую, да около полуночи подослали въ поделѣть мальчика прислушать, что дѣлаютъ незваные гости... храпятъ. Крестьяне, благословясь, тихомолкомъ подвдрили, приперли бре-венцомъ дверь, привалили хворосту къ сѣнцамъ, зажгли и на-тѣшили свою душеньку кривомъ и воемъ горящихъ съ избою злодѣевъ святой Руси.

Эта крестьянская потѣха, отъ которой, какъ говорится, меня по кожѣ подернулъ морозъ, перебросила разговоръ къ тогдаш-нимъ сподвижникамъ нашимъ испанцамъ. Мы, сравнивая ихъ

¹⁾ Фельдмаршалъ, чтобъ унять крестьянъ отъ ужасныхъ убійствъ, попадаю-щихъ къ нимъ въ руки неприятелей, приказалъ это обвѣстить по вотчинамъ и за безвредный приводъ плѣнныхъ давать награды.

народную войну съ нашею, были поражены чудеснымъ сходствомъ судьбы и свойства двухъ народовъ, живущихъ совершенно въ различныхъ климатахъ и на противоположныхъ концахъ Европы.. Мы удивились, что никто изъ насъ до той поры не читалъ и не слышалъ, что историческія событія, набожность, радушіе, привязанность къ своей землѣ, даже пѣсни, псалмы и народныя поговорки испанцевъ такъ близки къ русскимъ. Примѣрная пословица Санхо-Пансо къ нашимъ, я вспомнилъ изреченіе: „Гипшанецъ на конѣ не тотъ человекъ“, а находя, что и русскій верхомъ самъ свой бодритъ народъ, привелъ тому въ примѣръ, что нѣсколько дней назадъ я въ Чашниковѣ встрѣтилъ вовсе не удалаго крестьянина (изъ имѣнія) брата моего, отданнаго въ конное ополченіе, уже бывшее въ отрядѣ съ казаками: онъ ѣхалъ на французской лошади и съ французской саблей при бедрѣ и, отвѣтя на вопросъ мой, гдѣ онъ ихъ взялъ?—Завоевалъ!—молодцемъ пустился вскачь по улицѣ.

— Но не смотря на это молодечество, возразилъ графъ, французскіе солдаты не очень уважаютъ нашихъ бородатыхъ воиновъ. Они вели партію плѣнныхъ, изъ коихъ одинъ пріотсталъ. Ополченныи, замахнувшись на него пикой, вскрикнулъ: „ступай, мусье“. Французъ, взглянувъ на него съ презрѣніемъ, проворчалъ: „au diable soldat de circonstance“, однако же, прибавилъ шага.

Гр. Раstopчинъ, кажется, любившій до войны и послѣ войны французское острословіе, которымъ и самъ отличался, привелъ многіе примѣры его, а Н. В., ни до войны, ни послѣ войны небольшой до чужеумія охотникъ, но бывъ просвѣщеннымъ и милымъ весельчакомъ въ русскомъ, но не плебномъ родѣ, обратилъ въ пользу нашей радушной веселости слышанное имъ замѣчаніе фельдмаршала кн. Кутузова, что французскимъ солдатамъ генералъ наговори всякую высокопарную нелѣпицу и чѣмъ они ея меньше поймутъ, тѣмъ больше расхрабрятся и какъ бѣшенныя бросаются въ бой. Нѣмцамъ надо долго и дѣльно толковать, чтобъ хорошенько ихъ двинуть въ дѣло, а русскихъ стоитъ только разсмѣшить и они рады въ огонь и воду.

— „Да, подхватилъ графъ, полководцу и народоправителю должно больше всего знать, съ какими людьми онъ говорить и какъ имъ говорить“. Тутъ оборотаясь ко мнѣ, спросилъ съ улыбкой: „что я думаю объ его обнаруженіяхъ“.

Не хотя оскорбить самолюбіе сочинителя или согрѣшить противъ моей совѣсти, я объяснилъ, что нахожу въ нихъ хорошаго, т. е. они писаны точно простонароднымъ сло-гомъ, должны были дѣйствовать въ нижнихъ сословіяхъ сильнѣе и вѣрнѣе высокопарнаго ораторства, что читая ихъ, русскія сердца запалились молодечествомъ; но умолчалъ, что площадной языкъ черни казался мнѣ не вовсе приличнымъ, въ обнародо-ваніяхъ отъ имени главнокомандующаго столицей, который дол-женъ говорить всѣмъ сословіямъ. Хотя гр. Растопчинъ въ этомъ могъ бы оправдаться предположеніемъ, что просвѣщенные люди не имѣли надобности въ его побужденіяхъ на подвигъ, внушаемый ихъ честью и любовью къ отечеству, можетъ быть онъ такъ и думалъ, но, кажется, хотѣлъ своими площадными обнародованіями возбудить старорусской духъ московской черни, противъ ново-мыслия вышедшей изъ нея же полупросвѣщенной молодежи. Это я замѣтилъ изъ объясненія его поступка съ купецскимъ сы-номъ Верещагинымъ, обучавшимся иностраннымъ языкамъ въ московскомъ университетѣ, гдѣ давно уже мартинистъ Шварцъ и недавно нѣмецкій философъ Буле трудились заво-дять русскій умъ за чужой разумъ и хулить нашъ православный бытъ. Угорѣвшій отъ чада новопросвѣщенія, купчикъ Вереща-гинъ пустился переводить, толковать и распускать въ на-родѣ Наполеоновы прокламаціи, когда онъ самъ уже былъ подѣ Москвою, гдѣ начали проявляться другіе Верещагины и верещать по заморскому, то должно было, чтобъ унять своихъ и показать чужимъ русскую ненависть къ ихъ соблазнамъ, пре-дать одного народной казни и ея ужасамъ, если не образумить, то хотя утратить прочихъ сумасбродовъ.

Я не сталъ возражать противъ жестокости казни, къ которой иногда принуждаютъ и очень сострадательныхъ народоправите-лей—время, обстоятельства и необходимость примѣра, хотя не нахожу разъяренія черни средствомъ, свойственнымъ законному правительству ¹⁾.

¹⁾ Что касается до обвиненія купеческаго сына Верещагина въ распро-страненіи Наполеоновскихъ прокламацій, то обвиненіе это, какъ дознано въ настоящее время, было совершенно несправедливо. Верещагинъ былъ растер-занъ разъяренною толпою, какъ павильникъ, только потому, что графъ Растоп-чинъ предалъ его народу, какъ измѣнника, когда, напротивъ, все говорило въ пользу невинности павшей жертвы.

Проведя всю ночь въ неумолчной бесѣдѣ, я уже при дневномъ свѣтѣ простился и навсегда съ гр. Растопчинимъ, за которымъ безпристрастное потомство, надѣюсь, утвердить почетное мѣсто въ исторіи 1812 года, какъ современники отдають справедливость его замысловатому, хотя и не всегда добродушному остро словію, изъ котораго во Франціи сдѣлали-бъ цѣлюю Растопчину. Между прочихъ его замысловатостей замѣчательна едва-ли не послѣдняя его шутка: въ одномъ изъ парижскихъ театровъ, гдѣ всѣ освистывали дурнаго дебютанта, а онъ аплодировалъ и отвѣчалъ спросившимъ его, что это значить:

— „Боюсь, какъ сгонять его съ театра, то онъ къ намъ (въ Россію) отправится въ учителя“.

...Чтобъ вамъ не показалось нѣсколько неестественнымъ такое подробное припомненіе моего разговора съ гр. Растопчинимъ, я долженъ объяснить, что онъ недавно возобновился въ моей памяти попавшимся мнѣ, между старыми бумагами, началомъ письма моего къ покойному графу В. В. Мусину-Пушкину-Брюсу. Этотъ самый незлобивый, доброхотный, честный и русолюбивый человекъ — любилъ иногда, особливо со мною, спорить только для того, чтобъ спорить, и вслѣдствіе противурѣчія его моей давнишней увѣренности, что Наполеонъ можетъ ворваться въ Россію, но цѣлый не вырвется изъ нея и моего-же мнѣнія о гр. Растопчинѣ—я по возвращеніи въ поляхъ принялся было писать къ нему, но за хлопотами и скорымъ походомъ не описалъ и не послалъ письма, котораго уцѣлѣвшій листокъ мнѣ теперь пригодился. Но пора кончить мой утомительный разговоръ выѣздомъ изъ Москвы....

VI.

Держась буквально Корнелева изреченія: „Faites votre devoir et laissez faire le Dieux,“ я почелъ моею обязанностію не оставлять ополченія, въ которое судьба меня привела, и возвратился въ поляхъ, которымъ начальствовалъ, по избранію моихъ тогдашнихъ сослуживцевъ, но не могу утаить, что гонка неприятеля изъ Москвы, по дорогѣ, имъ же разоренной, произвела нравственную перемѣну въ нѣкоторыхъ изъ избирателей моихъ.

Они, какъ оказалось на дѣлѣ, раздѣлялись на природныхъ дворянъ въ старинномъ смыслѣ этого слова и на помѣщиковъ, схватившихъ кое-какъ офицерскіе чины или добравшихся по приказамъ даже и до 9-го класса и купившихъ на промышленныя деньги деревни.

Первые, припомня въ ополченіи прежнюю военную службу и внушенная ею чувства народной чести, охотно шли въ походъ и рады были подраться съ непріателемъ; а нѣкоторые изъ вторыхъ, вступя ретиво въ ополченіе, служили усердно, пока отдавался въ ихъ русскихъ сердцахъ воспалительный крикъ: „нашихъ бьютъ!“... когда же наши стали бить, то, смекнувъ, что незванымъ гостямъ у насъ не водъ, и почтя военное служеніе свое на защиту отечества уже конченнымъ, старались отлынять подъ разными предлогами отъ дальнѣйшихъ безпокойствъ и на зиму убраться въ теплыя хоромы свои.

Кромѣ сихъ главныхъ раздѣленій на ополченныхъ дворянъ и помѣщиковъ, были еще два разряда. Одинъ: отставныхъ офицеровъ, проживавшихъ въ губерніи; услыша, что непріатель сильно идетъ на Россію, они, по старой привычкѣ, тотчасъ прямо явились на службу царю и отечеству и не думали покидать ее, пока война совсѣмъ не окончилась. Второй: молодыхъ канцелярскихъ чиновниковъ, воспитанныхъ въ губернскихъ училищахъ и не успѣвшихъ еще оподъячиться. Они рады были случаю вырваться изъ-за приказныхъ столовъ и сдѣлаться, какъ говорится въ нижнихъ сословіяхъ, людьми. Офицерскіе мундиры ихъ тотчасъ омолодчили. Но не имѣя денегъ и не зная благородныхъ игръ въ карты, они, отчужденные помѣщиками, прильнули къ дворянамъ, сдружились съ бывшими военнослужащими и потомъ вмѣстѣ съ ними вступили въ кадры дивизіи, набранной изъ жалкихъ остзейскихъ рекрутъ, которыхъ подъ моимъ начальствомъ довели въ порядкѣ, исправности и цѣлости въ Варшаву, гдѣ князь Д. И. Лобановъ-Ростовскій, бывшій рижскимъ военнымъ губернаторомъ, не хотѣлъ вѣрить, чтобъ извѣстные ему латыши и чухонцы не разбѣжались или не перемерли въ такой дальней дорогѣ, однако-жь, своими глазами увѣрился и приведшіе ихъ офицеры вступили всѣ съ наградами въ запасную армію. Я читалъ имена ихъ между отличившимися штабъ-и оберъ-офицерами и одного—въ спискѣ генераловъ.

При выѣздѣ моемъ изъ Москвы, уже въ самомъ концѣ октября 1812-го года, показался первый снѣгъ, а по выступленіи ополченія вслѣдъ за арміей, начался запоздавшій холодъ, но еще при переправѣ нашей въ Зубцовъ чрезъ Волгу я принужденъ былъ пропускать мимо себя весь полкъ по одному человѣку чрезъ наложенныя по полыньямъ доски и не находилъ нигдѣ недостатка въ жизненныхъ припасахъ. Стало быть непріятель, вопреки иностраннымъ писателямъ, погибъ не отъ холода и голода, ибо тамъ, гдѣ побѣжденные сыты, побѣдитель не можетъ быть безъ хлѣба и во всѣхъ покоренныхъ Наполеономъ земляхъ не войска его, а жители ихъ мерли голодною смертію. Онъ долженъ былъ знать, что русская зима начинается въ срединѣ французской осени и, по крайней мѣрѣ, противъ нея заготовиться шубами, что легко было сдѣлать завоевателю тамъ, гдѣ и нищія безъ нихъ зимою не ходятъ; но чтобы, не смотря на эти ощутительныя доказательства истинной причины гибели нашихъ враговъ, они не могли всклепать на морозы, дѣло пламенной любви къ вѣрѣ, царю и отечеству, Богу угодно было продлить въ Россіи теплоту до того, что въ этотъ годъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ былъ непріятель, два раза косили луга, чего тогдашніе старики незапоминали, а нѣкоторые изъ внуковъ ихъ, вѣрующіе въ печатное на чужихъ языкахъ, не хотятъ вовсе знать, душа въ себѣ русскій толкъ самохвальнымъ чужебуромъ, отъ котораго избави Богъ нашъ православный край, и нѣтъ сомнѣнія, что избавить

1836 г.

Князь Александръ Шаховской.

Сообщ. 20 іюля 1870 г. А. Н. Петровъ.

Договоръ помѣщика съ живописцемъ

въ 1840 г.

1.

Договоръ титулярнаго совѣтника Павла Григорьевича Староженка съ живописцемъ Конопомъ Федоровичемъ Юшкевичемъ-Стаховскимъ, учиненный 1840 года, сентября 27 числа, въ пятницу.

За написание съ г. помѣщика тит. совѣт. Павла Григорьевича Староженко портрета мною Юшкевичемъ Стаховскимъ и, по договору, долженъ по окончаніи портрета онаго получить отъ него, г. Староженка, награжденіе: 1) житней муки 10 пудъ, по пѣти пудъ по 1 р. 80 к., на сумму 18 р., 2) пшеничной муки 4 пуда, по 2 руб., на 8 руб., и 3) деньгами 14 р., всего (40) сорокъ рублей; на семь вечерей пять свѣчей; человекъ мой долженъ кормиться до 6 числа октября и до сего же дня двѣ лошади мои травомъ или сѣномъ и овсомъ, на каждую лошадь въ сутки по 2 гарцы, а на 2 по 4 гарцы овса, а я кушать съ нимъ, господиномъ Староженкомъ, за столомъ до этого же 6 числа октября 1840 года, до котораго дня я долженъ работою кончить портретъ его, который срисовать или намалювать я долженъ точь въ точь похожимъ на живое его, Павла Староженко, лицо, въ мундирѣ при шпагѣ, съ руками. Въ чемъ на семь договорѣ и подписалъ собственноручно: Дворянинъ Кононъ Юшкевичъ-Стаховскій, живописецъ.

Съ подлиннымъ вѣрно: М. (не разобрано).

2.

Свидѣтельство. Дано сіе отъ меня Полтавской губерніи жительствовавшему въ г. Придукѣ дворянину Конону Федорову сыну Юшкевичу-Стаховскому, въ томъ, что онъ по его искусству хожества живописнаго занимался въ домѣ моемъ сниманіемъ съ меня портрета, и какъ оной портретъ столь живописно написанъ, что даже почти различить не можно съ живымъ моимъ лицомъ, для того отдавая справедливость живописному искусству его, Стаховскаго, по всей справедливости ниѣю право рекомендовать всякому тому, кто только пожелаетъ имѣть съ лица своего и корпуса точь въ точь сходственный портретъ, для памяти потомству своему. 1840 года, октября 11 числа, въ пятницу.

Полтавской губерніи Придукскаго уѣзда села Ржавца помѣщикъ дѣйствительный дворянинъ титулярный совѣтникъ Павелъ Григорьевъ сынъ Староженко при печатѣ герба моего. Печать.

Съ подлиннымъ вѣрно М. (не разобрано).

Сообщ. А. Э. Кони.

ВОСПОМИНАНІЯ ТЕОБАЛЬДА ¹⁾.

Динабургское комиссаріатское дѣло

1846—1850.

I.

Управляющимъ динабургскою комиссаріатскою комиссіею, въ началѣ 1846 года, былъ назначенъ гвардейскій капитанъ Александръ Антоновичъ Н—кій, съ переименованіемъ въ подполковники, по особой протекціи генераль-крюгсъ-комиссара Храпачова,—человѣкъ злой, жестокій, высокоумный и алчный.

По прибытіи въ Динабургъ, онъ въ первый же день нагналъ трепеть на всю комиссію и сразу наступилъ жестокою, неумолимою пятою на всѣ отрасли своего управленія.

Въ отношеніи динабургскаго общества онъ также началъ держать себя заносчиво и высокоумно, даже въ крѣпостномъ военномъ соборѣ отдѣлилъ для себя и своего семейства лѣвый клиросъ, обилъ его краснымъ сукномъ и заперъ на замокъ. Комендантомъ крѣпости былъ еще тогда почтенный старикъ, нѣмецъ Гельвихъ, который, ожидая назначенія членомъ генераль-аудиторіата, не вмѣшивался ни во что и потому не мѣшалъ Н—кому баррикадироваться въ церкви; а прибывшій впоследствии новый комендантъ, Андрей Михайловичъ Сибборскій, человѣкъ энергическій и крутой, не хотѣлъ на первыхъ порахъ уничтожать въ соборѣ «ложу управляющаго», хотя не разъ крѣпко мылъ ему голову за заносчивость и особенно за то, что заставлялъ присылаемыхъ отъ коменданта плацъ-адъютантовъ ожидать по получасу въ передней.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1889 г., томы LXI, стр. 355—368, и LXII, стр. 43—58.

Навроцкій, на основаніи правила *divide et impera*, постарался разсорить между собою всѣхъ членовъ присутствія комиссія, а по возможности и всѣхъ чиновниковъ; для этого, по секрету, передавалъ онъ одному, что будто бы говорилъ о немъ другой, и наоборотъ; нашелъ лазутчиковъ и шпионовъ изъ числа тѣхъ подленькихъ личностей, въ которыхъ не бываетъ недостатка ни въ одномъ учрежденіи и которыя всегда ползаютъ и подличаютъ предъ начальникомъ; старался узнавать всю подноготную о каждомъ чиновникѣ и съ послѣдними обращался до крайности дерзко. Весь комиссаріатскій міръ въ Динабургѣ приунылъ, всѣ повѣсили носы, каждый дрожалъ за свой насущный кусокъ хлѣба.

Это было страшное время для динабургской комиссаріатской комиссія!

Къ счастью, драконовское правленіе Навроцкаго длилось не болѣе полутора года. Онъ захотѣлъ обогатиться сразу, взлетѣлъ высоко, но оборвался, погибъ самъ и погубилъ съ собою пропасть народа.

Былъ въ комиссія чиновникъ для особыхъ порученій, надворный совѣтникъ Петровскій, человекъ бѣдный и обремененный огромнымъ семействомъ, состоявшимъ изъ девяти дѣтей. Ему поручилъ Навроцкій заготовить коммерческимъ способомъ, на незначительную сумму, какой-то кожаный матеріалъ, кажется, кавалерійскіе темляки. Петровскій исполнилъ заказъ, но не только не представилъ Навроцкому никакой экономіи, а напротивъ, подалъ счетъ передержки нѣсколькихъ рублей. Управляющій страшно взбѣялся и въ присутствіи, при всѣхъ членахъ, выругалъ Петровскаго казарменными словами, назвалъ воромъ, мошенникомъ, дуракомъ и выгналъ вонъ.

Петровскій, выйдя изъ присутствія и сознавая все безсиліе свое, какъ человека бѣднаго и многосемейнаго, предъ могучею силою управляющаго, который можетъ выкинуть его съ дѣтьми на мостовую, началъ горько плакать. Товарищи его, узнавъ въ чемъ дѣло, сжалились надъ нимъ и начали уговаривать, чтобы онъ подалъ управляющему рапортъ о своей обидѣ и сослался на всѣхъ членовъ присутствія; Петровскій сначала ломался, но убѣжденный, что самъ Храпачовъ за него заступится и что рапортомъ своимъ онъ спасетъ прочихъ товарищей своихъ отъ поруганія, рѣшился дѣйствовать.

Членами присутствія тогда были: статскіе совѣтники баронъ Корфъ, Ретвигъ, Мавуйленко и подполковникъ (переименованный изъ ротмистровъ гвардіи, бывший адъютантъ генерала Штрандмана) Бертолино, красавецъ, но страшный кутила, зашившійся внослѣдствіи на смерть.

Изъ членовъ этихъ одинъ баронъ Корфъ держалъ себя съ досто-

внствомъ и не унижался предъ Навроцкимъ, за что послѣдній ненавидѣлъ его открыто; прочіе же члены были покорными рабами управляющаго.

Для начала дѣла, Петровскій написалъ письмо къ барону Корфу, съ просьбою, дозволить ему въ рапортѣ своемъ сослаться на него, какъ на свидѣтеля. Петровскій писалъ, между прочимъ: «Изъ всѣхъ членовъ присутствія, вы одни человѣкъ честный и не откажетесь отъ того, что слышали; на прочіихъ членовъ я сослаться не смѣю, зная, что они раболѣпствуютъ предъ деспотомъ управляющимъ и покажутъ то, что ему угодно».

Баронъ Корфъ позвалъ къ себѣ Петровскаго и совѣтовалъ ему, въ виду неравной борьбы, не начинать дѣла съ Навроцкимъ; но Петровскій не послушался и подалъ рапортъ, въ которомъ прописалъ всѣ ругательныя слова управляющаго и сослался на свидѣтельство барона Корфа.

Навроцкій, получивъ рапортъ, написалъ на немъ собственноручно: «Предлагаю г. ст. совѣтнику барону Корфу донести мнѣ надписью на семь-же, дѣйствительно ли я въ присутствіи его произнесъ означенныя здѣсь слова?»

— Напрасно вы требуете моего объясненія, замѣтилъ ему баронъ Корфъ; я вѣдь долженъ буду подтвердить справедливость донесенія.

— Попробуйте! грозно отвѣтилъ Навроцкій и съ презрѣніемъ бросилъ къ нему бумагу.

Баронъ Корфъ не хотѣлъ отвѣчать совѣмъ и держалъ нѣсколько дней бумагу у себя. Навроцкій приказалъ секретарю комиссіи Орловскому написать барону повтореніе, но Корфъ и повтореніе оставилъ безъ отвѣта. Тогда Навроцкій приказалъ Орловскому, въ присутствіи барона Корфа, написать послѣднему другое повтореніе, съ строгимъ выговоромъ за неисполненіе двухъ предыдущихъ требованій.

Орловскій, ненавидѣвшій, наравнѣ съ прочими, управляющаго, избралъ Корфа орудіемъ мести и написалъ ему такую дерзкую бумагу, что горячій вѣмецъ донесъ, какъ обѣщаль, т. е. подтвердилъ истину всего изложеннаго въ рапортѣ:

Управляющій потребовалъ къ себѣ въ кабинетъ Петровскаго.

— Такъ вы вздумали бороться! Съ кѣмъ? Со мною? Да я тебя разотру ногою, выкину на улицу со всѣми твоими щ.! Возьмите назадъ вашъ глупый рапортъ!

— Извините, Александръ Антоновичъ, этого я не могу сдѣлать, но прошу васъ, представьте его къ генералъ-крюгсъ-комиссару.

— Представить? Хорошо: я самъ свезу вашъ рапортъ въ Петербургъ. Положимъ, мнѣ сдѣлають выговоръ, но вѣдь на томъ и кончится.

А какъ вы думаете, кого изъ насъ оставить на службѣ, ежели я заявлю, что служить съ вами не намѣренъ и попрошу уволить въ отставку васъ или меня? Неужели вы думаете, что я не долженъ буду этого сдѣлать?.. Но вотъ вамъ на выборъ: или оставить у меня рапортъ, съ тѣмъ, чтобы я далъ ему дальнѣйшій ходъ, или взять его отъ меня и принять холщевой сортъ—самый выгодный, я назначу васъ сортовымъ комиссіонеромъ. Ступайте, завтра въ эту пору дадите мнѣ вашъ отвѣтъ здѣсь же.

Петровский вышелъ очень огорченный и отправился къ товарищамъ на совѣтъ. Товарищи и баронъ Корфъ, входя въ крайнее положеніе его, посовѣтовали ему не разбивать стѣны лбомъ, но примириться съ необходимостью и взять рапортъ назадъ, тѣмъ болѣе, что деспоту давъ уже урокъ и онъ впередъ не станетъ оскорблять чиновниковъ.

На другой день Петровский пошелъ къ управляющему и доложилъ, что согласенъ взять назадъ свой рапортъ.

— Подайте мнѣ объ этомъ новый рапортъ, отвѣтилъ Навроцкій коротко.—Ступайте.

Петровский написалъ требуемый рапортъ и принесъ его къ управляющему. Послѣдній взялъ карандашъ, началъ передѣлывать и исправлять бумагу, потомъ подалъ ее Петровскому и сказалъ:

— Перепишите этотъ рапортъ вотъ такъ.

Петровский прочиталъ въ новой редакціи бумагу и перемѣнился въ лицѣ.

— Помилуйте, Александръ Антоновичъ, какъ же я могу написать подобный рапортъ? Это будетъ клевета на себя и величайшая подлость противъ такого благороднаго человѣка, какъ баронъ Корфъ.

Въ бумагѣ говорилось, будто Петровский, мучимый совѣстью, просить возвратить ему прежній рапортъ, въ которомъ нѣтъ ни слова правды, такъ какъ со стороны управляющаго онъ никогда не встрѣчалъ ничего, кромѣ доброты и вѣжливости, но что баронъ Корфъ, питая непримиримую вражду къ управляющему, уговорилъ его, Петровскаго, послѣ долгихъ колебаній и сопротивленій со стороны послѣдняго, подписать эту завѣдомо лживую бумагу.

— Такъ вы не хотите подать мнѣ такой рапортъ, какъ я требую? Хорошо-съ. Вонъ!

Петровский, придя домой, расплакался при видѣ кучи дѣтей. Часа черезъ два онъ имѣлъ малодушіе, трусость, низость—какъ хотите, уступить, переписалъ и отнесъ къ управляющему требуемый рапортъ и ожидалъ приказанія принять отъ надворнаго совѣтника

Точиловскаго холщевой сорть, но, вмѣсто того, услышалъ обычное: вонь!

Навроцкій потребовалъ къ себѣ всю переписку и при особомъ письмѣ отправилъ ее къ генераль-крюгсъ-комиссару, какъ доказательство, какими людьми онъ окруженъ, и просилъ о немедленномъ увольненіи въ отставку какъ барона Корфа, такъ и Петровскаго.

Генераль Храпачовъ не повѣрилъ, однако, такой грубой интригѣ, но зная барона Корфа съ прекрасной стороны, потребовалъ конфиденціально, непосредственно отъ него, объясненія.

Барона Корфа взорвала такая наглость управляющаго и Петровскаго; онъ вспомнилъ о письмѣ послѣдняго, въ которомъ Петровскій, считая одного его честнымъ человѣкомъ, просилъ дозволенія сослаться въ рапортѣ на него, какъ на свидѣтеля. Приглашенный къ нему Петровскій, со слезами на глазахъ, объяснилъ, что управляющій заставилъ его подать второй рапортъ и въ доказательство представилъ чернякъ, писанный рукою самого управляющаго.

Баронъ Корфъ, представляя эту черновую и письмо Петровскаго, разъяснилъ Храпачову всю интригу и присовокупилъ, что не Навроцкій окруженъ людьми дурными, а напротивъ, дурной человѣкъ данъ въ начальники честнымъ людямъ.

Переписка осталась въ комиссаріатскомъ департаментѣ безъ всякихъ послѣдствій для троихъ виновниковъ ея, но потомъ всплыла наверхъ при обстоятельствахъ, гибельныхъ для Навроцкаго.

Надѣлавшее въ 1847 году много шума извѣстное «Комиссаріатское дѣло» состояло въ слѣдующемъ:

Подполковникомъ Навроцкимъ поручено было надворному софѣтнику Шредеру заготовленіе, на коммерческомъ правѣ, полутора миліона аршинъ холстовъ для динабургской комиссаріатской комиссіи. Операция заготовки длилась довольно долго, и холсты, по мѣрѣ ихъ приобрѣтенія, доставлялись въ комиссію и складывались въ холщевой сорть.

Когда поставка была окончена, Навроцкій, не принимая холстовъ и не назначая комиссіи для ихъ освидѣтельствованія, потребовалъ отъ Шредера 2,000 рублей сер. Комиссіонеръ испугался, но всѣ представленія его и просьбы не тронули управляющаго и онъ категорически заявилъ: или 2,000 рублей, или забракovanje холстовъ и преданіе суду заготовителя. Въ борьбѣ этой прошло двѣ недѣли, но какъ Навроцкій не только не уступалъ ни гроша, а напротивъ, жалъ Шредера изъ всѣхъ силъ и даже назначилъ свидѣтельствующую комиссію изъ лицъ, рабски ему послушныхъ, съ непремѣннымъ приказаніемъ забраковать всѣ холсты, то Шредеръ занялъ у купца

Рашпиля 2,000 рублей и отдалъ ихъ Навроцкому, послѣ чего приемная комиссія нашла холсты въ отличномъ качествѣ и выдала Шредеру квитанцію въ приемѣ ихъ.

Тогда Шредеръ, отъ имени жены своей, послалъ къ Храпачову прошеніе, въ которомъ описалъ злоупотребленіе и взяточничество управляющаго, и просилъ о возвратѣ послѣднимъ Рашпилю 2,000 р. Храпачовъ командировалъ въ Динабургъ чиновника Соколова, который сдѣлалъ все то, что хотѣлъ Навроцкій, и обвинилъ Шредера во лжи. Шредеръ послалъ новое прошеніе къ генераль-крюгс-комиссару и просилъ о назначеніи на слѣдствіе другаго, болѣе безпристрастнаго чиновника; вслѣдствіе этого былъ присланъ другой слѣдователь Грековъ, но и тотъ, въ угоду Навроцкому, донесъ, что Шредеръ, подученный врагами Навроцкаго, которыхъ здѣсь тьма и которые задались мыслью погубить управляющаго, за его строгость и безкорыстіе, клевететь на него и что забракованные холсты будто были бы вывезены изъ комиссаріатской комиссіи и на мѣсто ихъ поставлены Шредеромъ новые.

Шредеръ послалъ жалобу и на втораго слѣдователя и доказывалъ, что онъ не думалъ перемѣнять холстовъ; что въ Динабургѣ онъ не могъ найти полтора милліона ихъ, а для доставленія изъ великороссійскихъ губерній мало не только двухъ недѣль, но и двухъ мѣсяцевъ; наконецъ, самое главное то, что по комиссаріатскимъ книгамъ значится только одинъ входъ транспорта съ холстами на комиссаріатскій дворъ, выхода же его изъ онаго и вступленія новаго транспорта съ холстами не значится вовсе.

Навроцкій, кажется, струхнулъ и поѣхалъ самъ въ Петербургъ, гдѣ предъявили ему новый доносъ Шредера и сказали, что въ Динабургъ командировается для слѣдствія полковникъ Волковъ. Навроцкій, не медля ни минуты, написалъ къ заступавшему его мѣсто подполковнику Бертолино письмо, въ которомъ увѣдомлялъ его о командированіи Волкова, и приказалъ немедленно подмѣнить въ транспортной книгѣ листы и вписать въ нихъ статьи о вывозѣ прежнихъ холстовъ и входѣ транспорта съ новыми холстами; а какъ холщевой сортъ опечатанъ еще первымъ слѣдователемъ, впредь до рѣшенія генераль-крюгс-комиссара, то приказать коллежскому ассессору Точилдовскому и помощнику его Короленко поднять потолки ночью и вытащить оттуда всѣ тѣ негодные холсты, которые служатъ «для хозяйственныхъ оборотовъ комиссіи» (т. е. для надувательства простофиль-казначеевъ), при чемъ члену присутствія статскому совѣтнику Ретвигу во все время ревизіи ходить за Волковымъ и «плакать» (sic!), жалуясь на негодныхъ доносчиковъ, которые смѣютъ

чернить комиссію, доведенную подполковникомъ Навроцкимъ до такого отличнаго, образцоваго состоянія.

Инструкція эта была исполнена съ буквальною точностью. Волковъ, по окончаніи слѣдствія, уѣхалъ вполне убѣжденный, что Шредеръ клеветникъ, не хотѣлъ даже его видѣть и донесъ, что забракованные холсты, какъ видно по книгамъ, были дѣйствительно вывезены съ комиссаріатскаго двора въ сарай купца Поторочина и на мѣсто ихъ ввезены новые, годные.

Но Шредеръ опять послалъ прошеніе, одно на имя Храпачова, въ дополненіе прежнихъ, другое на высочайшее имя и третье къ военному министру и въ нихъ доказывалъ, что въ книгахъ сдѣланъ подлогъ, по приказанію управляющаго; что въ Динабургѣ ему, Шредеру, негдѣ было бы и помѣстить полтора милліона холстовъ, потому что во всемъ городѣ нѣтъ такого частнаго помѣщенія и что въ сараѣ Поторочина, въ которомъ онъ временно помѣщалъ незначительныя партіи холстовъ, впредь до сдачи ихъ въ комиссію, никакъ не можетъ помѣститься болѣе 30,000 аршинъ холста, стало быть, едва $\frac{1}{50}$ часть цѣлаго количества.

Между тѣмъ, Навроцкій во все время производства слѣдствій продолжалъ носиться опустошительнымъ ураганомъ надъ комиссіею и успѣлъ выгнать въ отставку болѣе 30 чиновниковъ, въ томъ числѣ и секретаря комиссіи Орловскаго. Самодурство его и необузданная злость въ отношеніи бѣдныхъ людей не встрѣчали ни малѣйшихъ преградъ и Навроцкій походилъ на разсвирѣпѣвшую бурю.

Чтобъ досадить Навроцкому, Орловскій обратился къ мѣстному ксендау съ просьбою, привести его къ присягѣ въ томъ, что въ жалобахъ своихъ онъ будетъ показывать сухую правду. Получивъ присяжные листы, Орловскій приложилъ ихъ къ тремъ просьбамъ своимъ, посланнымъ: на высочайшее имя, къ военному министру и къ генералъ-крюгсъ-коммисару. Въ прошеніяхъ Орловскій съ безпощадною откровенностію раскрылъ всѣ злодѣянія Навроцкаго. Эти прошенія совпали съ послѣднимъ прошеніемъ Шредера и тутъ-то начался самый разгаръ дѣла. Храпачовъ увидѣлъ, какую птицу посадилъ на теплое динабургское гнѣздо. По высочайшему повелѣнію, былъ присланъ отъ военнаго министра ст. сов. Гинтеръ, который и раскрылъ всю подноготную. Онъ произвелъ обыскъ у Навроцкаго, арестовалъ и приложилъ къ дѣлу всѣ компрометирующія его бумаги и счета и донесъ военному министру, что Навроцкій безусловно виноватъ, какъ мошенникъ и казнокрадъ.

Воспослѣдовало высочайшее повелѣніе о преданіи военному суду подполковника Навроцкаго—арестованнымъ, всѣхъ трехъ слѣдователей,

Соколова, Грекова и Волкова, и чуть не поголовно всей комиссаріатской комиссіи, а именно 10-ти чиновниковъ въ оберъ-офицерскихъ и 18 въ штабъ-офицерскихъ чинахъ и изъ нихъ почти на половину арестованными. Навроцкій, испугавшись окончательно, ускакалъ на курьерскихъ въ Петербургъ, но былъ арестованъ около Пскова и доставленъ на главную гауптвахту въ Динабургъ.

Впослѣдствіи прислана была въ комиссію военнаго суда, для приобщенія къ дѣлу, переписка о Петровскомъ и баронѣ Корфѣ, о которой сказано выше.

Въ числѣ чиновниковъ динабургской комиссаріатской комиссіи былъ молодой человекъ Ходоровичъ, весельчакъ, любимый всѣми. Ему вздумалось занести на кухню къ Навроцкому пары двѣ или три рябчиковъ, застрѣленныхъ будто бы имъ самимъ. Приношеніе было принято. Въ другой разъ онъ занесъ двухъ крупныхъ щукъ, будто бы пойманныхъ въ Двинѣ имъ самимъ. Навроцкій какъ-то разъ потребовалъ его къ себѣ, весьма милостиво поблагодарилъ и спросилъ, сколько ему за эти приношенія слѣдуетъ?

— Помилуйте, г. полковникъ, обижать изволите, отвѣчалъ Ходоровичъ. Я страстный охотникъ и рыболовъ, и при томъ счастливый; какъ холостой человекъ, не держу у себя кухни и всегда дарю товарищамъ то, что добуду. Я сочту себя вполне счастливымъ, ежели вы позволите мнѣ отнынѣ служить вамъ.

Управляющій снисходительно кивнулъ головою въ знакъ согласія.

Послѣ этого разговора Ходоровичъ еще два раза покупалъ дичь и рыбу и относилъ Навроцкому.

Когда до Динабурга дошли слухи, что Навроцкій отрѣшенъ отъ должности и предается суду, Ходоровичъ, вмѣстѣ съ другими, чрезвычайно этому обрадовался.

— Знаете-ли что, господа, сказалъ онъ товарищамъ, я хочу взбѣсить этого п....., пошлю ему счетъ за закупаемую для него, будто бы по его приказанію, дичь и рыбу и потребую денегъ; разумѣется, денегъ я не получу, да и не привялъ бы, если бы онъ и давалъ мнѣ, за то въ волю напорчу ему кровь.

Товарищи одобрили злостную шутку и Ходоровичъ написалъ къ Навроцкому письмо, съ просьбою возвратитъ ему 97 руб. 50 коп., причитающіеся за дичь и рыбу, которыя онъ, Ходоровичъ, въ теченіи года, по его приказанію, закупалъ для его кухни.

Навроцкій страшно бѣсился, посылалъ за Ходоровичемъ, но тотъ къ нему не пошелъ.

Это было въ день обыска, произведеннаго Гинтеромъ въ квар-

тирѣ управляющаго, и письмо Ходоровича также было захвачено и приобщено къ дѣлу.

Впослѣдствіи письмо это послужило къ отягченію участи Навроцкаго: ему поставлено было въ вину и то, что онъ заставлялъ чиновниковъ поставлять для его стола бесплатно продукты.

Итакъ, этотъ гордый, высокомерный человѣкъ, не чувствовавшій подъ ногами земли и упиравшійся головою въ небо, былъ посаженъ на главную гауптвахту и помѣщенъ въ одной съ караульнымъ офицеромъ комнатѣ, снабженной окошкомъ съ желѣзною рѣшеткою.

Ударъ былъ страшный!

Арестованные чиновники были размѣщены по другимъ гауптвахтамъ крѣпости.

Вслѣдъ затѣмъ учрежденъ былъ и военный судъ. Презусомъ его былъ назначенъ командиръ динабургскаго артиллерійскаго гарнизона полковникъ Михаилъ Ивановичъ Головинъ; членами суда—офицеры изъ гарнизона, а дѣлопроизводителемъ аудиторъ Пронченковъ.

Въ прежнее блаженное время военные суды производились со всѣмъ не такъ, какъ теперь. Собирается бывало судъ, приводятъ подсудимаго, читаютъ ему бумагу о преданіи его суду и потомъ всѣ расходятся по домамъ. Затѣмъ дѣло ведетъ уже одинъ аудиторъ.

Пронченковъ принадлежалъ къ числу тѣхъ циничныхъ аудиторовъ, которыми такъ была изобильна земля наша въ до-реформенное время и среди которыхъ начали появляться честные и умные аудиторы только съ преобразованиемъ аудиторскаго училища.

Пронченковъ началъ сосать Навроцкаго, жестоко, неумолимо, жадно, и нужно отдать ему справедливость, старался всѣми мѣрами облить его, для чего и прибѣгалъ къ самымъ возмутительнымъ натяжкамъ, которыя, разумѣется, не выдерживали никакой, даже самой снисходительной критики. Такъ, на примѣръ, сознававшимся въ преступленіи онъ говорилъ: «неправда, вы не совершали этого преступления, вы не дѣлали подлога по книгамъ, вы дѣйствительно выпустили одинъ транспортъ и приняли другой». Шредеру, доказывавшему, что онъ не перемѣнялъ холстовъ и не могъ перемѣнить ихъ, говорилъ: «неправда, вы перемѣнили холсты, вы могли перемѣнить ихъ». Собственноручную надпись Навроцкаго на рапортѣ Петровскаго отвергалъ, говоря, что карандашъ легко поддается подчисткѣ, и потому самъ Петровскій поддѣлалъ надпись подъ почеркъ Навроцкаго. Это походило на то, если-бы человѣкъ, зарѣзавшій другаго, явился въ судъ съ окровавленнымъ ножомъ и обвинялъ себя въ преступленіи, а судъ сказалъ бы ему: «врешь, не ты его зарѣзалъ, онъ самъ зарѣзлся».

Шли мѣсяцы. Между тѣмъ, Навроцкій и его жертвы сидѣли на гауптвахтахъ. Онъ иногда прогуливался по платформѣ или сидѣлъ на крыльцѣ; но когда многіе изъ гулявшихъ по парадному плацу начали оскорблять его, то онъ пересталъ выходить изъ караульной комнаты. Бывало, онъ слышать:

— Что, подлець, попался на крючекъ! Повѣсить бы тебя, каналью, за столько жертвъ!

Кончилось тѣмъ, что Пронченковъ вообразилъ, будто бы успѣлъ стереть очки каждому и что даже генераль-аудиторіатъ будетъ смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія Пронченкова; словомъ, со всѣми грубыми натяжками оправдалъ Навроцкаго, обвинилъ Шредера, заставилъ презуса и членовъ суда подписать дѣло и представилъ его въ генераль-аудиторіатъ.

Узнавъ объ этомъ, Бертолино пожелалъ, съ своей стороны, насолить тому, предъ кѣмъ прежде работѣствовалъ—и вдругъ, съ пьяныхъ глазъ, представилъ къ генераль-крюгсъ-комиссару подлинное письмо Навроцкаго, заключавшее въ себѣ упомянутую выше инструкцію, по случаю пріѣзда Волкова, продержавъ ее у себя около, если не больше, года.

По послѣдовавшей по этому дѣлу высочайшей конфирмаціи: подполковникъ Навроцкій разжалованъ въ рядовые, съ лишеніемъ дворянскаго достоинства и сосланъ въ Кавказскіе линейные баталіоны безъ выслуги; производившіе слѣдствіе чиновники, Соколовъ, Грековъ и Волковъ, исключены изъ службы, съ тѣмъ, чтобы впредь никуда не принимать; прочіе комиссаріатскіе чиновники частію разжалованы въ рядовые, безъ лишенія дворянскаго достоинства, частію исключены изъ службы и частію уволены въ отставку; аудиторъ Пронченковъ и подполковникъ Бертолино преданы военному суду съ тѣмъ, чтобы судъ сдѣлалъ заключеніе о презусѣ и членахъ прежняго военного суда, учрежденнаго надъ Навроцкимъ.

Такъ кончилось дѣло высоко взлетѣвшаго и низко упавшаго Навроцкаго! Но это не былъ еще конецъ драмы: бывший презусъ по его дѣлу, полковникъ Головинъ, затосковалъ въ ожиданіи развязки дѣла и на самое Вознесеніе 1850 года, выстрѣломъ изъ большаго солдатскаго пистолета, раздробилъ себѣ черепъ, разметавъ кости и мозгъ по стѣнамъ и потолку комнаты; Бертолино и Пронченковъ были исключены изъ службы и оба записались на смерть, перваго похоронили товарищи одного изъ армейскихъ уланскихъ полковъ, при которыхъ проживалъ онъ изъ милости, а второй пропалъ безъ вѣсти; члены суда также понесли болѣе или менѣе чувствительныя наказанія.

Остается немного добавить для полноты печальной картины.

По случаю исправленія главной гауптвахты, Навроцкій, до окончанія суда, перемѣщенъ былъ въ офицерскій флигель подъ № 17, гдѣ ему отведена была одна комната, съ часовымъ у двери. Подъ конецъ процесса, Навроцкаго окружала страшная бѣдность: на немъ былъ какой-то старый, затасканный халатишко, невзрачное одѣяльце, одна подушка и чуть ли это не весь его былъ скарбъ; все высосалъ злой паукъ Пронченковъ; но гордость и заносчивость свою Навроцкій сохранилъ до послѣдней минуты пребыванія своего въ Динабургѣ и продолжалъ звать человѣка своего не иначе, какъ свистомъ, словно собаку.

Въ день передачи Навроцкаго на этапъ къ нему зашелъ фельдфебель комендантскаго управленія Близнюкъ, привнесъ солдатскую шинель и фуражку и приказалъ одѣваться.

— Хорошо, положи тамъ, коротко сказалъ Навроцкій, указывая на стулъ.

Фельдфебель обидѣлся.

— Что же ты, оударь, мнѣ тыкаешь? Я, вѣдь, заслуженный фельдфебель, у меня серебряный темлякъ и двѣ трети прапорщицьяго жалованья; значить, добровольно отказался отъ офицерства; а ты былъ подполковникомъ, да не достоинъ былъ носить этотъ чинъ и теперь рядовой, стало быть, долженъ мнѣ честь отдавать; ты, вѣдь, теперь даже не дворянинъ.

Тяжелый былъ ударъ для гордости.

Черезъ нѣсколько лѣтъ Навроцкій былъ, по болѣзни, уволенъ въ отставку, безъ возвращенія, однако-же, чиновъ и дворянства.

II.

Изъ послѣдней польской смуты

1862 г.

Въ бытность мою старшимъ адъютантомъ главнаго штаба 1-й арміи въ Варшавѣ, я получилъ отъ начальника главнаго штаба генераль-адъютанта Крыжановскаго предписаніе отъ 29-го апрѣля 1862 года, за № 1,907, скрѣпленное дежурнымъ генераломъ арміи генераль-маіоромъ Ганомъ, о томъ, что главнокомандующій армією (графъ Лидерсъ) назначилъ меня членомъ слѣдственной комиссіи, учрежденной подъ предсѣдательствомъ командира Ладожскаго пѣхотнаго полка полковника Мясковскаго (нынѣ умершій), надъ 4-мя

офицерами 4-го стрѣлковаго баталіона, обвиняемыми въ важныхъ преступленіяхъ.

Третьимъ членомъ этой комиссіи былъ личный адъютантъ графа Лидерса, капитанъ фонъ-Бремзенъ (нынѣ умершій).

Начавъ слѣдствіе, мы нашли въ X павильонѣ варшавской Александровской цитадели слѣдующихъ лицъ 4-го стрѣлковаго баталіона: 1) штабсъ-капитана Непенина (24 лѣтъ), 2) поручика Аригольдта (20 лѣтъ), подпоручиковъ: 3) Сливицкаго (21 года) и Пѣшковъ а (22 лѣтъ), унтеръ-офицера Ростковскаго (25 лѣтъ) и рядоваго Щура (24 лѣтъ). Съ дальнѣйшимъ развитіемъ дѣла, мы признали возможнымъ подпоручика Пѣшкова изъ подъ ареста освободить, а привлечь къ отвѣтственности поручика Каплинскаго (22 лѣтъ), переведеннаго изъ этого баталіона въ Владимірскій пѣхотный князя Горчакова полкъ—и поручика Абрамовича (24 лѣтъ), переведеннаго изъ штаба начальника артиллеріи 1-й арміи въ 7-ю артиллерійскую бригаду.

Главными преступниками оказались Аригольдтъ и Сливицкій.

Начало преступленій ихъ скрывалось въ самомъ обществѣ того давно минувшаго времени офицеровъ 4-го стрѣлковаго баталіона. Общество это заключало тогда въ средѣ своей нѣсколько недостойныхъ личностей. Преобладающій въ немъ элементъ былъ шведскій. Вожакомъ зла въ баталіонѣ былъ командиръ 1-й роты капитанъ Крокъ (нынѣ умершій), человекъ грубый и имѣвшій неограниченное вліяніе на ограниченнаго и слабого баталіоннаго командира своего, также шведа, подполковника Хестеско (нынѣ умершій). Въ баталіонѣ существовали въ то время враждебныя другъ другу партіи и Хестеско не умѣлъ соединить разрозненныя звенья цѣпи. Онъ, впрочемъ, сдѣлалъ было одну попытку къ этому, но она оказалась мертворожденнымъ дитятемъ: завелъ было между офицерами, такъ называемые у нихъ въ насмѣшку, ситцевые вечера, на которые дамы обязывались приходить въ ситцевыхъ платьяхъ. Порядочныя дамы тамъ не появлялись, потому что шведы начали приводить туда проститутку и вечера только способствовали усилію оргій въ баталіонѣ. Безобразія дошли до того, что начальникъ штаба 2-го армейскаго корпуса ген.-м. Батезатуль (нынѣ умершій) производилъ о нихъ слѣдствіе. Онъ обнаружилъ самыя постыдныя вакханаліи офицеровъ, прогулки съ проститутками, одѣтыми въ офицерскіе сюртуки, предъ бараками, днемъ; разныя драки и проч. Подполковникъ Хестеско не заступался за обиженныхъ, но предоставлялъ оскорблять ихъ безнаказанно—и не унималъ оргій. Конечно, подъ его же вліяніемъ, слѣдствіе кончилось тѣмъ, что оскорбленные и протестовавшіе противъ оскорбленій переведены въ другія войска.

Наша комиссія коснулась только вскользь этого несправедливаго дѣла, записавъ показанія подслѣдственныхъ офицеровъ въ протоколъ. Во всякомъ случаѣ, подобное рѣшеніе дѣла служило упрекомъ Батезатулу, да и самому корпусному командиру Хрулеву.

Русская молодежь отдѣлилась отъ шведской. Арягольдъ, Сливницкій, Непенинъ, Плѣшковъ и Каплинскій, по образованію своему, не могли дѣлать празднаго и разгульнаго образа жизни шведовъ товарищей и отстранились отъ нихъ въ особую семью, какъ однокашники Павловскаго кадетскаго корпуса. Они стали вмѣстѣ заниматься литературою и музыкою.

Къ несчастію для нихъ, Каплинскій добылъ запрещенныя сочиненія: «Великорусскъ», «Полярная Звѣзда», «Историческій Сборникъ», «Колоколъ» и др. Они начали читать ихъ съ увлеченіемъ и вѣрою въ авторитеты.

Но вотъ Сливницкому поручена фехтовальная команда. Сдѣлавшись неожиданно начальникомъ особой части, онъ, какъ отставшій отъ общества офицеровъ, чувствовалъ потребность въ какомъ нибудь обществѣ и потому сблизился съ своею командою, полюбилъ ее, какъ игрушку, и обращался съ нею, какъ съ игрушкою.

Надобно замѣтить, что 1862 годъ былъ весьма смутнымъ годомъ для Россіи: общество казалось какъ бы распатаннымъ въ основахъ своихъ; нѣкоторые учителя проводили между учениками самыя дикія доктрины; другіе же боялись учениковъ своихъ; родители опасались дѣтей; въ глубинѣ Россіи въ нѣкоторыхъ, хотя бы и въ немногихъ, мѣстахъ, но, къ величайшему сожалѣнію здраваго смысла, встрѣчали ссыльныхъ поляковъ оваціями и вѣнками, какъ «мучениковъ идей»; даже въ нѣкоторыхъ частяхъ войска дисциплина начала сильно колебаться, вслѣдствіе сочувствія молодыхъ офицеровъ полякамъ и увлеченія новымъ вѣяніемъ. Воспламененный зажигательными сочиненіями, 20-ти лѣтній Сливницкій вообразилъ себѣ, что его задача—быть какимъ-то начальникомъ прогрессивнымъ, передовымъ, чуждымъ прежней рутинны; а замѣтивъ любовь къ себѣ солдатъ, онъ довѣрился имъ вполне, дѣлился съ ними своими знаніями, впечатлѣніями, даже самыя завѣтными мыслями, болталъ обо всемъ, словно дитя съ куклою, не разсуждая, въ состояніи ли она понимать его?

Арягольдтъ находился въ тѣхъ же условіяхъ. Онъ чувствовалъ съ своей стороны ту-же потребность въ игрушкѣ; но, будучи батальоннымъ адъютантомъ, не могъ имѣть никакой команды и потому привязался къ куклѣ своего друга. Оба они начали преслѣдовать химерическую цѣль: возвышенія нравственности солдата до уровня съ собою—и увлеклись! Они сѣяли въ умахъ всякое сѣмя, и доброе,

и дурное, не разсчитывая на почву, въ которой доброе сѣмя могло заглохнуть, и посѣянные въ умахъ ихъ идея перепутаются и породятъ умственный хаосъ.

Поведеніе Арнгольда и Сливницкаго первоначально не имѣло однако никакого вида заговора, доказательствомъ чего служить, во-первыхъ, то, что въ легкомысленныя дѣйствія свои они не посвятили никого изъ офицеровъ, даже Непенина и Плѣшкова, и во вторыхъ, что отвергли предложеніе унтеръ-офицера Ростковскаго (поляка) познакомиться съ варшавскими студентами, стоявшими во главѣ всѣхъ тогдашнихъ демонстрацій.

Сливницкій имѣлъ слабый характеръ и дѣйствовалъ подъ влияніемъ Арнгольда, который былъ очень самостоятеленъ. Оба они были, внѣ ихъ дикаго увлеченія политическими бреднями, нравственные молодые люди.

Штабсъ-капитанъ Непенинъ былъ человѣкъ честный и правдивый. Подполковникъ Хестеско не могъ представить ни одного случая къ обвиненію его, такъ же, какъ и къ обвиненію Плѣшкова. Комиссія ставила ему въ вину только излишнюю снисходительность къ нижнимъ чинамъ, равнявшуюся слабости. Виновымъ первоначально оказался онъ не противъ правительства, а противъ капитана Крока, тѣмъ, что отдавалъ своей ротѣ четвертую часть экономическаго провіанта, чего въ ротѣ Крока не водилось. Крокъ не могъ простить этого Непенину, потому что долженъ былъ имѣть съ ротою объясненіе по поводу экономическаго провіанта, при чемъ онъ свалилъ всю вину на каптенармуса и артельщика. Наша комиссія донесла объ этомъ корпусному командиру Хрулеву, для производства особаго слѣдствія; но и затѣмъ Крокъ зла не исправилъ; артельщикъ остался тотъ же самый и никто изъ нижнихъ чиновъ не смѣлъ заикнуться о смѣнѣ его; къ подававшимъ же объ этомъ голосъ придирались за какуюнибудь бездѣлицу и крѣпко наказывали. Между тѣмъ, приказомъ по корпусу предоставлялось нижнимъ чинамъ смѣнять артельщика по собственному ихъ желанію. Всего этого баталіонный командиръ не хотѣлъ видѣть и лишь «говоруновъ» переводилъ отъ Крока въ другія роты. Непенинъ былъ характера не сообщительнаго; въ самомъ веселомъ обществѣ на лицѣ его рѣдко удавалось встрѣчать улыбку. Крокъ умѣлъ представить предъ полковникомъ Хестеско Непенина чуть ли не главнымъ заговорщикомъ. Плѣшковъ, вмѣстѣ съ Сливницкимъ, страстно преданный музыкѣ, также, по мнѣнію Хестеско, могъ быть заговорщикомъ, и судьба ихъ рѣшилась: онъ легкомысленно опозорилъ Непенина и Плѣшкова тяжкимъ подозрѣніемъ въ измѣнѣ законному государю, — подозрѣніемъ, основаннымъ на

одномъ лишь характерѣ офицеровъ; такимъ образомъ попали они въ чинадель, въ число политическихъ преступниковъ, арестованные полицією, и позоръ этотъ пошелъ повсюду по слѣдамъ ихъ и имѣлъ вредное вліяніе на всю послѣдующую ихъ службу, за что, конечно, не могъ уже ничѣмъ вознаградить ихъ баталіонный командиръ. (Изъ докладной записки моей начальнику главнаго штаба 1-й арміи, отъ 29-го мая 1862 года).

Легкомысленные въ началѣ поступки Аригольдта и Сливницкаго постепенно вывели ихъ на стезю преступленія. Самыми ревностными послѣдователями ихъ, изъ всей фехтовальной команды Сливницкаго, оказались: полякъ унтеръ-офицеръ Ростковскій и рядовой Щуръ. Оба они принялись усердно читать прочимъ товарищамъ книги, получаемыя отъ офицеровъ, и повторять ихъ поученія. Они же, по совѣту Сливницкаго, взялись пойти въ приготовляемые къ инспекторскому смотру корпуснаго командира Олонецкій и Шлиссельбургскій пѣхотные полки (4-й пѣх. див.) и подговорить солдатъ отвѣчать молчаніемъ на привѣтствіе корпуснаго командира, равно на его спасибо въ случаѣ удачи смотра, дабы тѣмъ выразить неудовольствие свое за частые смотры и разводы. Въ этомъ дѣйствіи вполнѣ проявилась глупость обоихъ нижнихъ чиновъ и ихъ начальника: исполнить нелѣпый замыселъ въ самый день смотра можно было бы только въ отношеніи одного человѣка, но ужъ никакъ не двухъ полковъ четырехъ-баталіоннаго состава. Это значило добровольно вложить шею въ петлю, а что Ростковскій и Щуръ дѣйствительно хотѣли мятежное намѣреніе свое исполнить именно въ день смотра, служить то, что они не застали уже полковъ въ казармахъ и нашли ихъ на смотровомъ плацу.

Ростковскій и Щуръ, поощряемые безнаказанностію, довольно долго дѣйствовали въ баталіонѣ съ изумительною дерзостью, получая каждый день новыя и новыя поученія отъ Аригольдта и Сливницкаго. Наконецъ, нелѣпныя эти затѣи стали разбиваться о здравый смыслъ русскаго солдата.

— Да что-же это, братцы, стали разсуждать между собою стрѣлки, — никакъ этотъ полякъ, да этотъ жидъ на бунтъ противъ начальства, да и противъ самого его императорскаго величества насъ поднимають?... Что-то не такъ... не ладно! А что, ежели и молодые офицеры съ ними за одно, то развѣ и между господами не бывають измѣнщики?

— Правда! отвѣчали другіе. — Коли-бъ они говорили правильно, то почему же не говорить намъ о томъ начальники въ ротной школѣ?

Почему тамъ этихъ книжекъ намъ не читаютъ, а здѣсь велятъ ихъ прятать? Стало быть, книжки-то эти полякъ выдумалъ.

— Полякъ и есть! Вишь ты, съ чѣмъ подѣхалъ! Не стрѣлай, молъ, въ поляка, а стрѣлай въ свою начальника, что велитъ бить поляка!.. Вонъ они какъ смущаютъ народъ-то! Хитры мятежники!

Разсужденія эти подслушали фельдфебеля и доложили ротнымъ командирамъ, которые немедленно отобрали революціонныя сочиненія, узнали, отъ кого солдаты ихъ добыли и представили баталіонному командиру.

На слѣдствіи солдаты, наперерывъ другъ передъ другомъ, старались обвинять офицеровъ и взводили на нихъ даже явно безсмысленныя и нелѣпыя преступленія, до того, что мы, слѣдователи, должны были уличать ихъ во лжи и безсовѣстности. Такъ, на примѣръ, одинъ унтеръ-офицеръ свидѣтельствовалъ, будто Аригольдтъ и Сявицкій говорили, что нельзя молиться архіерейскимъ кругамъ (то есть орламъ, которые подкладываются архіереямъ подъ ноги, во время священнодѣйствія), потому будто, что на нихъ находятся государственныя гербы съ императорскою короною.

Сявицкій до такой степени былъ убитъ духомъ, что потерялъ если не сознаніе, то память, и во всѣхъ обвиненіяхъ сознавался какъ-то апатически, какъ бы чертя голову и едва ли не взвелъ на себя преступленій больше, нежели совершилъ въ самомъ дѣлѣ. Противъ каждаго вопроса: говорили-ль вы то-то, писалъ: «говорилъ», «виновать», «сознаюсь». Онъ присовокупилъ въ оправданіе свое, что «былъ тогда какъ съумасшедшій и съ ужасомъ вспоминаетъ теперь свои глупыя рѣчи!»

Слѣдствіе открыло рядъ преступленій, имѣвшихъ цѣлью измѣну и бунтъ нижнихъ чиновъ.

Такія тяжкія преступленія, хотя и совершенныя сравнительно мальчиками, не могли быть главнокомандующимъ, въ виду поддержанія дисциплины въ войскахъ, оставлены безъ строжайшаго по законамъ военнаго времени наказанія, и потому графъ Лидерсъ, приказомъ 1-й арміи, отъ 5-го іюня 1862 года за № 107, предалъ Аригольда, Сявицкаго, Каплинскаго и Абрамовича военному суду, подъ предсѣдательствомъ генераль-маіора Алексѣева, «съ тѣмъ, чтобы приговоръ о нихъ былъ постановленъ на основаніи полевыхъ уголовныхъ законовъ и судъ оконченъ не далѣе пяти сутокъ».

Судъ окончился своевременно и дѣло представлено на конfirmaцію къ главнокомандующему.

14-го іюня 1862 г. членъ нашей слѣдственной комиссіи, капитанъ фонъ-Бремзенъ, далъ знать полковнику Мясковскому и мнѣ,

что ему необходимо видѣть подсудимыхъ. Еще во время производства слѣдствія мы постановили, что ни одинъ изъ насъ входить къ арестованнымъ по одиночкѣ не имѣетъ права. По окончаніи надъ подсудимыми суда, мы выпросили у графа Лидерса разрѣшеніе помѣстить Аригольда и Сливickaго, вслѣдствіе усиленной просьбы ихъ, въ одной камерѣ. Полагая, что фонъ-Бремзенъ имѣетъ о чемъ нибудь объявить подсудимымъ отъ имени главнокомандующаго, мы все трое поѣхали въ цитадель. При входѣ нашемъ въ камеру Аригольда и Сливickaго, Бремзенъ сказалъ имъ:

— Господа, приготовьтесь! Главнокомандующій утвердилъ вашъ смертный приговоръ. Сегодня ночью увезутъ васъ въ Новогеоргиевскую крѣпость и тамъ вы будете разстрѣляны.

Аригольдъ поблѣднѣлъ и тяжело упалъ на стулъ, а слабонервный Сливickaй горько зарыдалъ.

— Помилуйте! сказалъ онъ.—Я такъ молодъ, я жить хочу! Умоляю главнокомандующаго дать намъ возможность загладить нашу вину и быть полезными сынами отечества!

По выходѣ изъ камеры, полковникъ Мясковский спросилъ фонъ-Бремзена:

— По какому праву вы объявили это подсудимымъ? Если по волѣ главнокомандующаго, то почему не черезъ меня, какъ предсѣдателя?

— Мнѣ совсѣмъ ничего не приказывалъ графъ! отвѣчалъ заносчиво фонъ-Бремзенъ.—При томъ же вы уже не предсѣдатель; но я узналъ, что графъ сегодня утвердилъ смертный приговоръ и потому съелъ обязанностію своею (?) предупредить преступниковъ, чтобъ они освоились съ мыслью о смерти...

— И умирали бы нѣсколько сутокъ! перебилъ я съ негодованіемъ,—умирали бы медленною смертію, когда тутъ каждая минута кажется вѣчностью! Это съ вашей стороны жестоко, возмутительно!

Я вернулся въ камеру вмѣстѣ съ Мясковскимъ.

— Успокойтесь, господа! сказалъ я молодымъ людямъ.—Вѣрите Бремзену только на половину: приговоръ о васъ дѣйствительно утвержденъ и васъ перевезутъ сегодня въ Новогеоргиевскъ; но скажу вамъ въ величайшемъ секретѣ: главнокомандующій приказалъ совершить надъ вами только обрядъ смерти, т. е. надѣть на васъ саваны и даже привязать къ столбамъ—и потомъ объявить помилованіе.

Мясковский съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку.

Обоихъ этихъ офицеровъ, а также унтеръ-офицера Ростковского и рядоваго Щура дѣйствительно въ ту-же ночь перевезли въ закрытомъ омнибусѣ въ Новогеоргиевскую крѣпость (16 верстъ отъ Варшавы).

16-го Іюля того-же 1862 года былъ опубликованъ слѣдующій —

Приказъ 1-й арміи

Главная квартира въ Варшавѣ. № 119. Іюня 16-го дня 1862 года.

4-го стрѣльцоваго баталіона поручикъ Иванъ Арнгольдтъ, подпоручикъ Петръ Сливичкій 2-й и унтеръ-офицеръ Францъ Ростковскій, переведенный 8-го мая сего года изъ этого баталіона въ Владимірейскій пѣхотный генерала отъ инфантеріи князя Горчакова полкъ поручикъ Василій Каплинскій, переведенный изъ штаба начальника артиллеріи 1-й арміи въ 7-ю артиллерійскую бригаду поручикъ Станиславъ Абрамовичъ и 4-го же стрѣльцоваго баталіона рядовой Левъ Щуръ, по произведенному надъ ними, на основаніи полевыхъ военныихъ законовъ, военному суду, оказались виновными:

1) Поручикъ Арнгольдтъ и подпоручикъ Сливичкій 2-й: а) въ оскорбленіи священной особы его императорскаго величества, распространеніемъ между нижними чинами, состоявшей въ завѣдываніи подсудимаго Сливичкаго 2-го фехтовальной команды, ложныхъ и дерзкихъ разсказовъ объ особѣ его величества и царствующемъ домѣ, взятыхъ изъ враждебныхъ Россіи сочиненій; б) въ порицаніи и превратномъ истолкованіи правительственныхъ реформъ по крестьянскому дѣлу и въ Царствѣ Польскомъ; в) въ возбужденіи нижнихъ чиновъ въ явное неповиновенію начальству и даже бунту; г) въ томъ, что имѣли у себя возмутительнаго содержанія сочиненія и распространяли ихъ между нижними чинами, и д) вообще въ распространеніи между нижними чинами крайне зловердныхъ идей, имѣвшихъ цѣлю поколебать въ нихъ духъ вѣрности и повиновенія законнымъ властямъ.

2) Унтеръ-офицеръ Ростковскій: а) въ храненіи и распространеніи между нижними чинами брошюръ возмутительнаго содержанія; б) въ чтеніи и передачѣ для того же рядовому Щуру полученныхъ имъ отъ поручика Арнгольдта и подпоручика Сливичкаго 2-го сочиненій крайне возмутительнаго содержанія; в) въ участіи въ преступленіяхъ поручика Арнгольдта и подпоручика Сливичкаго 2-го тѣмъ, что, зная о неблагонамеренныхъ ихъ дѣйствіяхъ, не донесъ объ этомъ начальству и, кромѣ того, взялся исполнить порученіе подпоручика Сливичкаго 2-го подговорить нижнихъ чиновъ Шлисельбургскаго и Олонецкаго пѣхотныхъ полковъ не отвѣчать, во время смотра, на привѣтствіе начальника, чего не исполнилъ только потому, что означенные полки уже были выведены на смотръ; г) въ храненіи у себя и не представленіи начальству двухъ запрещенныхъ пѣсенъ, и д) въ самовольныхъ отлучкахъ изъ команды въ партикулярномъ платьѣ въ завѣдныя и развратныя дома.

3) Поручикъ Каплинскій: а) въ храненіи у себя и распространеніи, очевидно съ преступною цѣлю, между другими крайне возмутительнаго содержанія сочиненій, подъ заглавіемъ «Великоруссъ» и «Историческій Сборникъ», чтеніе которыхъ, по собственному сознанію одного изъ подсудимаго подпоручика Сливичкаго 2-го, имѣло особенно гибельное вліяніе на умъ его и преимущественно побуждало его на преступленіе, и б) въ упорномъ заpiresствѣ на первоначальныхъ допросахъ о томъ, что не передавалъ другимъ этихъ сочиненій и что послѣдняго изъ нихъ вовсе не имѣлъ у себя.

4) Поручикъ Абрамовичъ въ томъ, что, взявъ у поручика Каплинскаго вышеназванное сочиненіе «Великоруссъ», не только не представилъ этого сочи-

ненія начальству, но давалъ, хотя и безъ особой злонамѣренной цѣли, читать его сослуживцамъ своимъ;

и 5) Рядовой Щуръ: а) въ участіи въ преступныхъ замыслахъ поручика Арнгольда и подпоручика Сливницкаго 2-го тѣмъ, что не донесъ о дѣйствіяхъ ихъ начальству и видае, выѣтъ съ унтеръ-офицеромъ Ростовскимъ, исполнить порученіе подпоручика Сливницкаго 2-го поговорить нижнихъ чиновъ Шлиссельбургскаго и Олонецкаго пѣхотныхъ полковъ не отвѣчать, во время смотра, на привѣтствіе начальника, чего не исполнилъ только потому, что означенные полки уже были выведены на смотръ, и б) въ томъ, что, зная о преступныхъ дѣйствіяхъ унтеръ-офицера Ростовскаго и о томъ, что онъ читаетъ запрещенныя книги, не только не донесъ о томъ, но и самъ бралъ эти сочиненія для чтенія.

За вышеизложенныя преступленія, господинъ временно главнокомандующій арміею опредѣлялъ:

1) Поручика Арнгольда, подпоручика Сливницкаго 2-го и унтеръ-офицера Ростовскаго, на основаніи 15, 166, 171, 172, 173, 174, 175, 606 и 614 статей 1-й книги военно-уголовнаго устава (изданія 1859 г.) и 275, 276, 283, 287 и 288 статей 1-й книги XV тома свода законовъ (изданія 1857 г.), по лишеніи первыхъ двухъ чиновъ, дворянскаго достоинства и всѣхъ правъ состоянія, а послѣдняго бронзовой медали въ память минувшей войны и воинскаго званія, а также и всѣхъ правъ состоянія, казнить смертію разстрѣляемъ, съ тѣмъ, чтобы смертная казнь надъ этими преступниками была исполнена по мѣсту содержанія ихъ подъ арестомъ, въ Новогоріевской крѣпости.

2) Поручика Каплинскаго, на основаніи 286 статьи I книги XV тома свода законовъ (изданія 1857 года), по лишеніи чиновъ, дворянскаго достоинства и всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу на заводахъ на шесть лѣтъ.

3) Поручика Абрамовича, примѣняясь къ вышеприведенной 286 статьѣ и по смыслу 409 статьи 2-й книги военно-уголовнаго устава (изданія 1859 г.), по отставленіи отъ службы, выдержать въ казематѣ Новогоріевской крѣпости подъ арестомъ три мѣсяца, и затѣмъ отдать подъ надзоръ полиціи на три года,

и 4) Рядоваго Щура, во вниманіе къ тому, что онъ вовлеченъ въ преступленіе вмѣстѣ, какое имѣли на него Сливницкій, Арнгольдъ и въ особенности Ростовскій, вмѣсто смертной казни, лишивъ медали въ память минувшей войны, воинскаго званія и всѣхъ правъ состоянія, наказать шпицрутенами чрезъ сто человѣкъ шесть разъ и сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на двѣнадцать лѣтъ.

О таковой конфирмаціи, приведенной уже, по приказанію генераль-адъютанта графа Лидера, сего числа, въ исполненіе, объявляю 1-й арміи.

Подписалъ: За болѣзнію временно главнокомандующаго арміею, генераль-адъютантъ Мерхелевичъ.

Непенный и Плѣшковъ были переведены въ другія войска, безъ всякихъ ограниченій.

Перевозъ преступниковъ въ Новогоріевскъ для казни вызванъ былъ опасеніемъ, чтобы въ войскахъ варшавскаго гарнизона не возникъ случай ослушанія со стороны экзекуціонныхъ войскъ. Отъ того и самая казнь была совершена секретно, во рву крѣпости Новогоріевской.

гевскъ, и даже приказъ за № 119, какъ видно изъ послѣднихъ словъ его, объявленъ тогда, когда все уже свершилось. Дежурный генералъ арміи, Александръ Ѳеодоровичъ Ганъ ¹⁾, самъ возилъ конфирмацію въ Новогеоргіевскъ и привелъ приговоръ въ исполненіе въ крѣпостномъ рву. По его словамъ, офицеры тихо и безропотно шли на казнь, вѣроятно рассчитывая, что надъ ними въ самомъ дѣлѣ совершатъ только обрядъ смерти; одинъ лишь Ростовскій, когда его привязывали къ столбу, просилъ застрѣльщикова:

— Ребята! Пожалуйста, цѣльтесь хорошенько: прямо въ сердце!..

Такъ окончилась эта драма! Мѣра была ужасная, но въ то время крайне необходимая и неизбѣжная.

Черезъ нѣсколько дней послѣ казни Хрулевъ подѣхалъ къ 5-му стрѣлковому баталіону и сказалъ, обращаясь къ солдатамъ:

— Ребята! если между вашими офицерами найдутся такіе подлецы, какъ въ 4-мъ стрѣлковомъ баталіонѣ, то я приказываю вамъ поднять ихъ на штыки.

Въ баталіонѣ между офицерами возникли волненія, пошли коллективныя жалобы—и кончилось тѣмъ, что многихъ офицеровъ изъ этого баталіона перевели въ другія войска; Хрулевъ также не долго послѣ этого командовалъ корпусомъ.

Броженіе, однако, не скоро еще улеглось въ войскахъ между молодыми офицерами. Нѣсколько человекъ изъ нихъ, изъ 6-й артиллерійской бригады, во главѣ съ поручикомъ Огородниковымъ ²⁾, просили полковаго священника отслужить панихиду «по рабахъ Божіихъ Іоаниѣ и Петрѣ воинахъ, во брани животъ свой положившихъ». Священникъ отслужилъ, на потомъ сообразилъ, что Іоанномъ былъ Аргольдтъ, а Петромъ Сливницкій—и донесъ о томъ начальству.

Пошла опять передрыга. Огородниковъ (нынѣ покойный) съ соучастниками посажены въ цитадель....

Скажу здѣсь еще нѣсколько словъ о капитанѣ Крокѣ.

Онъ вскорѣ былъ произведенъ въ майоры и назначенъ командиромъ стрѣлковаго же баталіона. Въ 1863 году онъ оказалъ чудеса храбрости въ стычкахъ съ мятежническими шайками. Такъ, въ одномъ мѣстѣ, кажется, подъ Влощовымъ, мятежники окопались, устроивъ что-то въ родѣ редута, залегли въ немъ и встрѣтили стрѣлковую роту сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Солдаты укрылись за деревьями

¹⁾ Въ 1887 году, въ Висбаденѣ, А. Ѳ. Ганъ подробно рассказывалъ намъ этотъ эпизодъ въ его жизни.

²⁾ Огородниковъ, впоследствии писатель и путешественникъ, авторъ интересныхъ записокъ. Умеръ въ Москвѣ.

и другими прикрытіями и нѣсколько минутъ отстрѣливались. Крокъ, на своей бѣлой лошади, на которой всегда ѣздилъ, подѣхалъ къ мѣсту боя, сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній, потомъ приблизился къ самому реду, взглянулъ въ ровъ, плюнулъ въ него и крикнулъ:

— Ко мнѣ, ребята! ура! Передуйте эту сволочь!

Стрѣлки бросились и въ одинъ мигъ битва была кончена.

Онъ умеръ совсѣмъ не старымъ человѣкомъ.

III.

Изъ одесской жизни.

1.

1865 годъ я провелъ на службѣ въ Одессѣ.

Вскорѣ послѣ прибытія моего туда случилось Каракозовское покушеніе. Всю Одессу объялъ неизвѣстный ужасъ. Телеграмма тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ Валуева, на имя генераль-губернатора Павла Евстафьевича Коцебу, не оставляла никакого сомнѣнія въ дѣйствительности покушенія, но имена Каракозова и Коммисарова никому еще не были извѣстны, такъ какъ въ телеграммѣ о нихъ не упоминалось. Немедленно начались торжественныя благодарственныя молебствія во всѣхъ церквахъ, сперва православныхъ, а потомъ въ католической, лютеранской и, наконецъ, въ еврейской синагогѣ.

Старшины еврейской синагоги пригласили въ нее на благодарственный молебенъ всю одесскую аристократію. А аристократіи въ Одессѣ куда какъ много. Однихъ консуловъ можно считать десятками. Самихъ генераль-губернаторовъ было четыре: Коцебу, графъ Лидерсъ, графъ Строгановъ, князь Воронцовъ — и хотя Михайль Семеновичъ Воронцовъ тогда уже не жилъ, но была еще въ живыхъ супруга его и сынъ Семень Михайловичъ, тогдашній одесскій городской голова. Не говорю о банкирахъ и богатыхъ купцахъ всѣхъ націй, особенно итальянскихъ и греческихъ.

Вообще, Одесса, съ самаго начала существованія своего и *portu franco*, была какъ бы клиномъ изъ другаго матеріала, вбитымъ въ тѣло Россіи, государствомъ въ государствѣ и носила на себѣ характеръ всѣхъ народностей: итальянской, греческой, даже еврейской, только отнюдь не русской. Самыя вывѣски и названія улицъ были писаны на итальянскомъ языкѣ, напримѣръ: «*Calzolaria Italiana*»

(сапожная мастерская), «Cantina con diversi vini» (винный погребок), «Stada Richellou», «Stada De-Ribassa», «Stadella Teatro» и т. п. Генералъ-губернаторы изъ кожи лѣзли, чтобъ приобрести популярность въ Одессѣ и увѣковѣчить въ ней свое имя—и почти все успѣвали въ этомъ, потому что въ Одессѣ донинѣ существуютъ: «Дача Ланжеронъ», «Ришельевскій бульваръ», «Воронцовская Слободка», «Строгановскій мостъ» и проч. Коцебу также билъ на то, чтобъ какая-нибудь часть въ городѣ была названа «Коцебутинскою» — и добился того, что одинъ изъ пароходовъ російскаго общества пароходства и торговли названъ его именемъ.

Одесская синагога — великолѣпное зданіе, чуть-ли не изъ одного мрамора построенное. Хоръ пѣвчихъ въ ней состоялъ исключительно почти изъ италіанцевъ. Кантору (запѣвалѣ) синагоги общество платило жалованья 5,000 рублей; дивный, бархатисто-нѣжный и высокій теноръ его могъ бы сдѣлать честь любому европейскому театру.

Проповѣднику также платили 5,000 рублей и онъ носилъ титулъ «доктора богословія», полученный имъ въ гейдельбергскомъ университетѣ.

Еврейское общество встрѣтило христіанъ весьма любезно, просило ихъ надѣть шляпы и каски, ввело въ синагогу и разсадило на лучшихъ мѣстахъ. Въ числѣ посѣтителей было не мало православнаго бѣлаго духовенства и священниковъ прочихъ христіанскихъ исповѣданій.

Удивляться этому рѣшительно было нечего, такъ какъ одесскіе христіане въ то время до того сблизились съ евреями (по крайней мѣрѣ высшій классъ однихъ и другихъ), что чувство благочестія вашего даже не возмущалось при видѣ евреевъ въ православномъ соборѣ. Популярный архіепископъ Иннокентій Тавричскій, бывало, самъ приглашаетъ въ соборъ еврейскую и мусульманскую интеллигенцію, говоря:

— Вотъ приходите завтра (или тогда-то) въ соборъ, послушайте, какое произвесеу я (по случаю такого-то событія) слово!

Но между низшими слоями христіанства и еврейства существовалъ непреодолимый антагонизмъ, котораго никто и не заботился искоренять и который довель впоследствии до извѣстныхъ страшныхъ еврейскихъ погромовъ. Въ особенности не терпѣли евреевъ греки и дѣлали имъ на зло, гдѣ только могли. Такъ, напримѣръ, во время шабашовыхъ прогулокъ по улицамъ громадной толпы разряженныхъ евреекъ (тогда еще въ криволикахъ), рассыпали по тротуарамъ незамѣтную струйку пороха и потомъ съ одного конца воспламеняли ее, порохъ вспыхивалъ на всемъ протяженіи улицы и хотя не могъ воспламенить

любокъ, не менѣ того, однако же, производилъ панику между гулявшими, которыя въ ужасѣ соскакивали съ тротуаровъ и, путаясь въ криволинахъ, падали. Тутъ-то и поднимался злобный хохотъ, потому что «шуточка» достигала цѣли.

Но еще хуже приходилось евреямъ на Пасху.

Быль также у грековъ обычай въ первые три дня Пасхи стрѣлять съ колоколенъ изъ маленькихъ пушекъ, ружей и пистолетовъ. Выстрѣлы эти по большей части направлялись въ толпу гуляющихъ евреевъ въ упоръ, неожиданно, сюрпризомъ—и «шутники» также потѣшались переполохомъ бѣднаго израиля.

Но и евреи также не оставались въ долгу и бывало на улицахъ происходили большія побойща, для разогнанія которыхъ посылались цѣлыя роты пѣхоты.

Но возвратимся къ молебствію въ синагогѣ.

Пѣніе кантора насъ удивило; но пѣніе синагогальнаго хора положительно очаровало: оно было потное, древняго ритма, стройное, прекрасное и переносило насъ въ библейскія времена, когда хоры Левитовъ восхваляли Егову предъ Скиніею Завѣта.

Но вотъ выступилъ и проповѣдникъ съ рѣчью на вѣмецкомъ языкѣ. Дѣйствительно это былъ духовный витія. Сначала онъ обратился къ своимъ одновѣрцамъ, утверждалъ ихъ въ чувствахъ вѣрнопопданнической преданности и приводилъ изъ священнаго писанія много текстовъ, изъ которыхъ внослѣдствіи нѣкоторые появились на часовняхъ, сооруженныхъ въ память 4-го апрѣля.

Наконецъ, онъ обратился къ христіанамъ, поблагодарилъ ихъ за то, что они пришли въ синагогу помолиться «общему небесному Отцу за спасеніе общаго земнаго Отца» и заключилъ свою рѣчь слѣдующимъ:

— «Есть повѣрье, что пророкъ, имя котораго упоминать здѣсь не мѣсто, проклялъ народъ израильскій, вслѣдствіе чего будто бы онъ и разсѣялся по лицу земному. Повѣрье это не имѣетъ никакого основанія. Сколько намъ извѣстно, пророкъ этотъ никогда не проклиналъ своихъ враговъ, напротивъ, самъ училъ: «благословляйте клянущихъ васъ и любите ненавидящихъ васъ»; сколько намъ извѣстно, онъ даже въ минуты смерти своей молился за враговъ своихъ. Но самъ Егова, самъ Адонаи разсѣялъ народъ израильскій по лицу земли, съ тѣмъ, чтобы онъ проповѣдывалъ ту вѣру, которую онъ изъ собственныхъ его устъ слышалъ!»

Много потомъ въ Одессѣ было толковъ по поводу этой рѣчи.

2.

Разъ утромъ прислалъ за мною генераль-губернаторъ. Я нашелъ у него градоначальника и полиціймейстера.

— Вотъ что, господа! началъ Коцебу, выйдя къ намъ. Къ банкиру Еффруси явился какой-то господинъ, съ англійскимъ паспортомъ, принесъ къ нему на 10,000 рублей закладныхъ листовъ варшавскаго кредитнаго земскаго общества и просилъ размѣнять ихъ на валюту по курсу. Еффруси, зная, что въ послѣдній мятежъ изъ этого общества было украдено закладныхъ листовъ больше чѣмъ на 2¹/₂ милліона рублей, принесъ ко мнѣ списокъ полученныхъ имъ номеровъ и просилъ узнать, чрезъ намѣстника Царства, не значатся ли они въ числѣ похищенныхъ? Я телеграфировалъ графу Бергу и получилъ отвѣтъ, что всѣ до одного номера принадлежатъ къ числу украденныхъ. Я пригласилъ къ себѣ англійскаго консула; тотъ сказалъ мнѣ, что незнакомецъ дѣйствительно англійскій подданный, но онъ не англичанинъ по происхожденію и даже не говоритъ по англійски. Такъ вотъ, господа, я поручаю вамъ—во первыхъ, всѣ билеты, доставленные къ Еффруси, конфисковать; во вторыхъ, сдѣлать у владѣльца, въ «англійской гостинницѣ» № 8, обыскъ, и если у него окажутся еще такіе же закладные листы, то конфисковать и ихъ, и въ третьихъ, учредить за этимъ господиномъ строгій полиційскій надзоръ. При этомъ прошу васъ обойтись съ англійскимъ подданнымъ какъ можно дипломатичнѣе и деликатнѣе.

На эту длинную рѣчь первый возразилъ градоначальникъ, камергеръ Шидловскій.

— Я не понимаю, ваше высокопревосходительство, какъ согласовать деликатность съ обыскомъ и полиційскимъ надзоромъ? И какой я могу учредить за нимъ надзоръ? Поставить у его дверей полиційскаго и жандарма?

— Боже сохрани! перебилъ поспѣшно и какъ бы въ испугѣ Коцебу. Онъ не долженъ даже знать, что за нимъ наблюдаютъ. Помните, что онъ англійскій подданный, а этой націи оскорблять безнаказанно нельзя... Надобно этой націи сдѣлать уступку.

«Въ ущербъ собственному нашему національному достоинству», подумали мы всѣ трое.

— Но если окажется, что онъ полякъ и воръ, то могу я арестовать его? спросилъ я у Коцебу.

— Это вы могли бы сдѣлать въ Варшавѣ, а не здѣсь! отвѣтилъ генераль-губернаторъ, съ видимымъ неудовольствіемъ.

Мы отправились въ «англійскую гостиницу». Я спросилъ кельнера:

— Кто служить прѣзжему въ № 8?

— Я-съ.

— Ты какіе знаешь языки?

— Свой-съ: италіанскій и греческій.

— Ты развѣ италіанецъ или грекъ?

— Никакъ нѣтъ: я ярославецъ.

— На какомъ же языкѣ ты говоришь съ иностранцемъ въ № 8?

— Я пробовалъ съ нимъ и srgaschen, и sprocken, и parler, и parlage, да ничего не разумѣть; а по русски такъ говорить, что даже я его не понималъ. Ну, думаю, полякъ! Такъ и есть — заговорилъ съ нимъ по поляцки — и какъ разъ попал!

— Экой Меццофантѣ этотъ кельнеръ! сказалъ я градоначальнику.

— Здѣсь этихъ Меццофантѣевъ много, отвѣчалъ онъ. Съ дѣтства служить они у разныхъ иностранцевъ, а никто не способенъ усвоить себѣ такъ скоро иностранный языкъ и даже акклиматизироваться на чужой почвѣ, какъ «широкая русская натура».

Мы вошли къ иностранцу, который при видѣ насъ крѣпко переконфузился. Я обратился къ нему по польски, объяснилъ все дѣло и потребовалъ выдачи намъ остальныхъ закладныхъ листовъ, независимо отъ тѣхъ, которые находятся у Еффруси.

— Я, панове, ничего не знаю о происхожденіи этихъ листовъ, отвѣчалъ иностранецъ. Я служу только клеркомъ той лондонской фирмы, которая послала меня сюда, съ билетами на 10 тысячъ русскихъ рублей, для размѣна на англійскую валюту.

— Эта фирма польская? спросилъ я.

— Нѣтъ англійская.

— Какъ же вы служите клеркомъ въ фирмѣ, которой языка не знаете?

Полякъ не нашелся что отвѣтить и замолчалъ.

— Очевидно, вы служите въ обществѣ польскихъ эмигрантовъ. Прошу васъ передать намъ сейчасъ же остальные закладные листы.

— Но, панове, на гоноръ, — я всё отдалъ Еффруси. Не угодно ли вамъ удостовѣриться, что у меня нѣтъ ни одного больше.

Онъ самъ раскрылъ и опорожнилъ свой сундукъ, сбросилъ на полъ матрацъ и постель и снялъ съ себя сюртукъ.

Мы видѣли, что у него дѣйствительно ничего больше нѣтъ — и ушли.

Относительно надзора за мнимымъ англичаниномъ мы условились съ градоначальникомъ поставить въ секретѣ предъ отелемъ одного полицейскаго и одного жандарма, съ тѣмъ, чтобы они наблюдали издали, что будетъ дѣлать иностранецъ, не мѣшая ему, однако, ни въ чемъ.

На другой день градоначальнику полицейскій, а мнѣ жандармъ, доложили, что около полуночи иностранецъ возвратился откуда-то на извозникѣ, въ свой номеръ, но не больше какъ чрезъ минуту вышелъ со всѣмъ багажемъ и на томъ же извозникѣ отправился въ карантинную гавань, гдѣ сѣлъ на англійскій пароходъ «Sophia», который снялся съ якоря и ушелъ въ море.

Мы доложили объ этомъ Коцебу, который обрадовался такому исходу дѣла; но все таки недовѣрчиво спросилъ насъ, не прибѣгали ли мы къ какому нибудь насилію и не оскорбили ли націю.

3.

Жила-была въ Одессѣ, на приморскомъ бульварѣ, пушка. Долго указывала она своимъ грохотомъ одесситамъ полдень. Но вдругъ нашелся какой-то искусникъ, который укралъ ее и продалъ на какое-то судно, которое и ушло съ нею въ море. Долго Одесса была безъ пушки и жители потеряли свою регулярность. Всѣ часы одесскаго меридіана, и карманные, и башенные, взбунтовались, шли, какъ сами хотѣли, утратили всякую дисциплину и не подчинялись ни чьему указу. Словомъ, долго была самая неудержимая часовая революція или, вѣрнѣе, часовой федерализмъ, взявшій въ основаніе себѣ правило, что часы часамъ не указъ. Наконецъ, Коцебу положилъ конецъ этой федерации, выпросивъ въ военномъ министерствѣ для города старую пушку, которую и вывезли на приморскій бульваръ.

Но заговорила пушка еще не скоро, потому что городская дума, въ виду усилившихся городскихъ расходовъ, долго думала надъ пріисканіемъ источника для покрытія расходовъ на покупку пороха.

Бѣдная пушка, разинувъ пасть, долго, безмолвно и съ удивленіемъ глядѣла на Думу, ломавшую свои головы и голову Головы надъ такими пустяками. Но какъ всему на свѣтѣ бываетъ конецъ, то насталъ конецъ и ожиданіямъ пушки: въ одинъ прекрасный полдень раздался на приморскомъ бульварѣ давно ожидаемый салютъ въ честь Думы, за то, что она таки выдумала... т. е. нашла порохъ для единственной своей пушки!...

Съ тѣхъ поръ всѣ часовыя башни преклонили предъ пушкою свои непреклонныя головы и благоговѣнно смотрять на нее во всю ширину своихъ оконъ.

Кража одесской пушки припоминаетъ мнѣ слѣдующій случай:

Императоръ Николай Павловичъ всю свою жизнь крѣпко заботился о солдатѣ. Въ началѣ 1850-хъ годовъ онъ заданъ мыслью

уменьшить до *minimum*'а караульные наряды и сократить число часовых постовъ. Военный министр циркулярами сообщилъ комендантамъ такую высочайшую волю и потребовалъ росписанія всѣхъ постовъ, съ обозначеніемъ, какіе изъ нихъ упразднены и какіе остались. Коменданты по возможности исполнили это повелѣніе. Но государь все таки остался этимъ недоволенъ и разослалъ генераль-и флигель-адъютантовъ во всѣ крѣпости, уполномочивъ ихъ упразднить какъ можно больше постовъ и оставить только самые необходимые.

Въ крѣпость Динабургъ былъ присланъ для этого флигель-адъютантъ полковникъ Чернышевъ. Проживъ у коменданта Симборскаго съ недѣлю, онъ самъ удостовѣрился, что часовые ограничены самою крайнею необходимостію и что ни одного поста упразднить больше нельзя. Не смотря, однако же, на то, Чернышевъ чуть не умолялъ коменданта уменьшить хоть два, хоть, наконецъ, даже одинъ постъ, по своему усмотрѣнію.

— Я удивляюсь вашей настойчивости, возразилъ комендантъ. Вы сами видите, что ни одного больше поста упразднить нельзя. Вамъ остается такъ и доложить государю.

— Вамъ легко это говорить, а мнѣ-то каково? Что, вы думаете, могу я услышать за это отъ государя? Онъ скажетъ: «комендантъ упрямъ, а ты дуракъ».

Чернышевъ, однако, такъ и уѣхалъ, не добившись упраздненія ни одного поста.

Осенью того же года императоръ Николай Павловичъ осматривалъ динабургскую крѣпость. Стоя на валу 4-го бастіона, онъ обратился къ Симборскому:

— Ты, Андрей Михайловичъ, не хотѣлъ моему Чернышеву уступить ни одного поста, а я сокращу ихъ у тебя цѣлые десятки.

— Слушаю, ваше императорское величество!

— «Зачѣмъ, напимѣръ, у тебя стоятъ часовые на валахъ при орудіяхъ? Что, ты боишься, что у тебя покрадутъ пушки? Сними ихъ съ лафетовъ и отдай лафеты въ арсеналь, а тѣла орудій положи на лагери. Пусть тогда кто-нибудь украдетъ такое орудіе: я ему подарю его».

Дѣйствительно, съ этимъ разумнымъ распоряженіемъ сократились десятки часовыхъ постовъ. Крѣпостныя орудія состояли изъ чугуновыхъ, около 200 пудовъ вѣсомъ, полупудоваго калибра, единороговъ и пушекъ, которыя украсть, конечно, было немислимо. Но одесскій воръ какъ-бы подслушалъ слова государя и пришелъ къ заключенію, что стало быть украсть орудіе можно, и вопросъ сводился только къ тому, какъ унести его?

Въ настоящее время одесское орудіе двумя артиллеристами подвизается на рукахъ изъ казармъ на приморскій бульваръ и послѣ полуденнаго выстрѣла увозится обратно.

IV.

Встрѣчи съ Царемъ-Освободителемъ.

1.

Неоднократно имѣлъ я счастье сопровождать по желѣзнымъ дорогамъ вѣреннаго мнѣ района блаженныя и вѣчныя славы достойныя памяти Царя-Освободителя. Это было въ послѣднее десятилѣтіе славнаго его царствованія.

Путешествіе императора Александра II, по орловско-витебской и дивабурго-витебской дорогамъ—окрестные жители коихъ никогда въ жизни не видали Царя—было триумфальнымъ шествіемъ, величайшимъ праздникомъ для народа, который бросалъ свои полевыя работы, въ самую горячую страдную пору, и за десятки верстъ слѣшилъ къ желѣзной дорогѣ, съ надеждою увидѣть своего земнаго Бога или хотъ поклониться его поѣзду. У каждой сторожевой будки,—какъ сказала я въ предыдущемъ очеркѣ изъ моихъ воспоминаній,—безъ всякаго приказанія со стороны желѣзно-дорожнаго начальства, но по собственной инициативѣ дорожныхъ мастеровъ и барьерныхъ сторожей,—былъ обыкновенно выставленъ столикъ, накрытый бѣлою скатертю, и на немъ образъ и хлѣбъ-соль. Сторожъ, со всѣмъ семействомъ своимъ одѣтымъ по праздничному, при приближеніи поѣзда, осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ и клалъ земной поклонъ.

Въ то время служащіе на желѣзныхъ дорогахъ сопровождали царскую фамилію въ полной парадной формѣ. Народъ, мнѣвшій видѣть царя не иначе, какъ въ золотой одеждѣ, считалъ, по простодушію своему, царемъ того, на комъ видѣлъ болѣе блестящій мундиръ. Въ этихъ путешествіяхъ самымъ выдающимся мундиромъ былъ мой: серебряныя штабъ-офицерскіе эполеты, лялунка, шарфъ и золотая каска съ султаномъ рѣзко бросались толпѣ въ глаза; а какъ въ качествѣ коменданта поѣзда я долженъ былъ сидѣть въ первомъ отъ паровоза вагонѣ и выходить на тормазъ при приближеніи къ каждой станціи, то цѣлыя толпы, съ крикомъ ура и махая шапками, бѣжали за первымъ вагономъ. Напрасно мы, всѣ служащіе, кричали и показывали знаками, что государь находится въ заднихъ ваго-

нахъ—толпа не слушала, не отставала отъ вагона и бѣжала за нимъ до самой станціи.

Подобныхъ недоразумѣній бывало чрезвычайно много, особенно въ первые годы существованія желѣзныхъ дорогъ. Но не только днемъ, даже ночью, когда впередъ послано бывало приказаніе не допускать никакихъ проявленій восторга, потому что государь изволить почивать, вдругъ раздавался взрывъ ура! при видѣ блестящаго мундира и золотой каски. А выходить на каждой станціи коменданту поѣзда было необходимо, такъ какъ по ночамъ не спали только онъ, управляющій и инспекторъ желѣзной дороги; вся остальная свита, до послѣдняго фельдъегеря, спала всю ночь напролетъ непробудно. На платформахъ обыкновенно ожидали разныя депутаціи съ хлѣбомъ-солью и просители съ прошеніями. Надобно было принимать, какъ прошенія, такъ и хлѣбъ-соль, вносить ихъ въ вагонъ и на утро сдавать генералъ-или флигель-адъютанту, съ объясненіемъ, гдѣ и какая депутація ожидала государя.

Случилось—забылъ на какой станціи—между Брянскомъ и Карачевымъ, поздною ночью, едва я вышелъ на платформу, какой-то сельскій священникъ или діаконъ, преклонивъ предо мною колѣна, подалъ прошеніе. Я поспѣшилъ поднять его и сказалъ.

— Батюшка! Вамъ-то стыдно принимать меня за государя и преклонять колѣна.

— Величая угодниковъ Божіихъ—отвѣчалъ онъ—ублажаемъ самого Бога; почитая слугъ царевыхъ, чтимъ самого царя, ему же довлѣетъ поклоненіе сіе!

Я былъ столько счастливъ, что государь два раза лично изволилъ приказывать мнѣ надѣть сюртукъ.

На орловско-витебской дорогѣ я былъ свидѣтелемъ слѣдующаго случая.

Въ 1874 или въ 1875 году, боюсь ошибиться, государь изволилъ возвращаться съ какихъ-то заграничныхъ маневровъ — кажется изъ Пруссіи. Его величество сопровождали: государь наслѣдникъ цесаревичъ, другіе великіе князья, двое или трое министровъ, графъ Бергъ и др. Свита была огромная, а потому и поѣздъ былъ огромный. На станціи Рудня, между Смоленскомъ и Витебскомъ, назначена была десяти-минутная остановка. Пассажирами императорскаго поѣзда вдругъ покрылась вся платформа; замелькали бѣлыя, красныя, голубыя и черныя фуражки. Государь, выйдя изъ вагона, не пошелъ къ вокзалу, но свиснувъ на своего «Милорда», вошелъ въ станціонный садикъ, усѣянный массою цвѣтовъ въ прихотливыхъ клумбахъ, съ бьющимъ посрединѣ фонтаномъ. Я слѣдовалъ за государемъ въ нѣ-

сколькихъ шагахъ. Былъ прелестный, теплый осенній вечеръ. Вдругъ одна молодая и довольно красивая дама, сидѣвшая въ садикѣ и не спускавшая глазъ съ платформы, подошла къ государю, взяла его за руку и, не глядя на него, сказала.

— Ваше превосходительство! покажите мнѣ, который изъ этихъ генераловъ государь?

Казалось, его величество нисколько не былъ удивленъ этою безцеремонностію. Государь, съ всегдашнею своею добродушною улыбкою, сперва взглянулъ въ сторону платформы, а потомъ спросилъ даму:

— Вы развѣ никогда не видали государя?

— Нѣтъ, ваше п—во! отвѣчала дама, по прежнему не глядя на него и не спуская глазъ съ гулявшихъ по платформѣ.

— Ну, такъ смотрите! произнесъ государь, отступивъ шагъ назадъ.

Дама вскинула глаза вверхъ, онѣмѣла отъ удивленія, упала на колѣна и прижала къ губамъ государеву руку. Она не въ состояніи была произнести ни одного слова, даже извивиться и слезы умиленія заструились по ея щекамъ. Государь поднялъ даму, которая оставалась въ остоленѣніи во все время, пока государь гулялъ въ садикѣ; при выходѣ же изъ него дама вторично упала на колѣни и также не могла произнести ни слова. Это была жена начальника станціи. Конечно, впечатлѣніе это осталось въ ней на всю жизнь.

Въ другой разъ въ Смоленской губерніи какая-то стройная амазонка, на бѣломъ арабскомъ скакунѣ, состязалась съ поѣздомъ и скакала яѣсколько секундъ наравнѣ съ царскимъ вагономъ, покуда встрѣчная рѣчка не пресѣкла ей пути. Ловкая наѣздница доставила тогда вѣсьмъ большое удовольствіе.

О добродушіи императора Александра Николаевича кружило всегда множество разсказовъ. Одинъ изъ нихъ особенно врѣзался мнѣ въ память. Бывшій начальникъ штаба резервнаго кавалерійскаго корпуса, расположеннаго въ Вознесенскѣ, свиты его величества генераль-майоръ Михаилъ Леонтьевичъ Дубельтъ разсказывалъ мнѣ слѣдующее:

Въ Вознесенскѣ государь производилъ большіе кавалерійскіе маневры. Въ которомъ году—не знаю, да это къ дѣлу и не относится. Во время маневровъ одинъ командиръ конной батареи сдѣлалъ какую-то капитальную несообразность—стрѣлялъ-ли онъ по своимъ, пропустилъ-ли мимо себя непріятели безнаказанно или-же дозволилъ себя отрѣзать, не снявшись своевременно съ позиціи—не помню; довольно, что ошибка была возмутительно груба и сильно разгнѣвала государя.

— Дубельтъ! сказалъ его величество, подозвавъ къ себѣ начальника штаба. Поѣзжай къ батарейному командиру, скажи, что онъ б—нѣ.

Тотъ далъ шпоры коню.

— Дубельтъ! Дубельтъ! назадъ.

Дубельтъ воротился.

— Слышишь! Да непременно такъ и скажи: «Государь сказалъ, что вы б — нъ».

Начальникъ штаба ускакалъ, разнесъ батарейнаго командира и сказалъ, что государь извоить крѣпко гнѣваться.

Возвратясь, онъ показался на глаза государю въ знакъ того, что повелѣніе исполнено. Государь ничего не сказалъ.

Дальше маневры пошли своимъ чередомъ. Его величество былъ чрезвычайно доволенъ; по окончаніи же маневровъ, собралъ всѣхъ начальниковъ частей, въ числѣ которыхъ находился и опальный батарейный командиръ—и сердечно благодарилъ ихъ за отличное состояніе войскъ. Потомъ приказалъ вызвать пѣсенниковъ впередъ и отпустилъ полки на свои мѣста.

При возвращеніи съ маневровъ, государь былъ въ отличномъ расположеніи духа; но какъ будто какая-то дума иногда озабочивала прекрасное чело его. Онъ нѣсколько разъ оборачивался назадъ и, наконецъ, кликнулъ:

— Дубельтъ!

Начальникъ штаба подскакалъ.

— Ближе!.. Еще ближе!

Государь перегнулся къ нему и полу-шепотомъ спросилъ:

— Ты сказалъ батарейному командиру, что я тебѣ приказывалъ?

— Виновать, ваше величество, не сказалъ!

— Благодарю!

И чело царя прояснилось.

2.

Передъ послѣднею турецкою войною императоръ Александръ Николаевичъ нѣсколько лѣтъ къ ряду ѣздилъ въ Эмсъ, для пользованія отъ эмфиземы, гдѣ извоили проводить весь май стараго стilia, подъ именемъ «Графа Вородинскаго». Май 1875 года былъ для меня счастливымъ мѣсяцемъ: я также лѣчилъ въ Эмсѣ, ежедневно встрѣчалъ его величество на водахъ и въ горахъ и верѣдко имѣлъ счастье быть удостоеннымъ разговора. Государь прибылъ въ Эмсъ 1-го мая.

Я ѣхалъ однимъ поѣздомъ впередъ и былъ свидѣтелемъ, какъ на одной изъ перекрестныхъ станцій, по ту сторону Берлина, за Касселемъ, весь прусскій пѣхотный полкъ имени императора Александра

не хотѣлъ ѣхать дальше и остался на станціи, чтобы видѣть своего августѣйшаго шефа. Ничего съ солдатами желѣзно-дорожники не могли подѣлать, тѣмъ болѣе, что и офицеры были за одно съ ними. Пришлось воинскій поѣздъ остановить.

Съ прибытіемъ царскаго поѣзда, государь императоръ вышелъ, въ статскомъ платьѣ, къ своему полку и поздоровался съ нимъ. Въ мигъ разстроились ряды: солдаты съ крикомъ Носі! и Нугга! окружили обожаемаго шефа и многіе бросились дѣловать ему руки. Офицеры смѣшались съ нижними чинами и крики восторга не прекращались до тѣхъ поръ, покуда царскій поѣздъ не вышелъ со станціи.

Государь прибылъ въ Эмсъ въ субботу. На другой день, въ воскресенье, былъ въ русской церкви, въ которую собрались всѣ русскіе, прибывшіе въ Эмсъ.

Во время богослуженія, государь раза два взглянулъ на меня, а при выходѣ подозвалъ меня къ себѣ и спросилъ:

— Я тебя знаю; но кто ты?

Александръ Львовичъ Потаповъ поспѣшилъ представить меня его величеству.

Императоръ Александръ ходилъ всегда за границую въ черномъ сюртукѣ, свѣтло сѣромъ исподнемъ платьѣ и въ сѣрой, закругленной сверху, шляпѣ или въ бѣломъ цилиндрѣ. Мы, русскіе, въ подражаніе ему, одѣвались точно такъ же. Впрочемъ, костюмъ этотъ былъ обязательенъ для русскихъ при заграничныхъ представленіяхъ государю и во время обыкновенныхъ обѣдовъ при дворѣ.

Нашъ государь пользовался огромною популярностію въ Эмсѣ. Даже уличные мальчишки подбѣгали къ нему съ обычнымъ привѣтствіемъ:

— Мейнъ кейзеръ!

Государь всегда бывало погладить мальчугана по головѣ.

Каждый день у источниковъ встрѣчала его одна и та-же дѣвушка цвѣточница и подносила букетикъ свѣжихъ полевыхъ цвѣтовъ, за который и получала по горсти мелкаго серебра изъ собственныхъ рукъ государя.

«Графъ Бородинскій» жилъ со свитою въ отелѣ «Vier Thürme». Садъ, окружающій это зданіе, довольно обширенъ и государь нерѣдко гулялъ въ немъ въ числѣ прочей публики. Въ саду постоянно находились прусскіе жандармы и полицейскіе чины. Они знали всѣхъ насъ военныхъ и отдавали намъ воинскую честь. Русская придворная прислуга и особенно лейбъ-казаки, разумѣется, также всѣхъ насъ знали и, не смотря на то, что были одѣты въ статскомъ платьѣ, отдавали намъ честь, почтительно снимая шляпы.

Отъ этого происходили иногда весьма забавныя недоразумѣнія. Многіе изъ прїѣзжихъ въ Эмсъ иностранцевъ, никогда не выдавшіе русскаго царя, нарочно заходили въ садъ «Vier-Thürme», чтобы поклониться ему. Но случилось верѣдко, что при видѣ одного изъ лицъ свиты, которому полиція и жандармы отдавали честь и предъ которыми статекіе, казаки и придворные служители, почтительно снимали шляпы—принимали его за самого государя и при встрѣчѣ также снимали шляпы и отвѣщивали пренизкій поклонъ. Много разъ приходилось говорить такимъ господамъ, что они ошибаются. Даже дамы дѣлали глубокій реверансъ. Мнѣ самому раза два пришлось заявить отвѣщивавшимъ мнѣ глубокіе поклоны и дѣлавшимъ реверансы:

— Verzeihen sie, meine Herren und meine Damen, ich bin nicht der Kaiser!

Однажды проѣзжалъ чрезъ Эмсъ прусскій уланскій имени императора Александра полкъ. Офицеры и солдаты, по примѣру пѣхотнаго полка, также выразили желаніе поклониться своему шефу. Было около 6 часовъ пополудни, когда государь отдыхалъ послѣ обѣда. Полку объявили, что государя нельзя беспокоить.

— Такъ мы подождемъ, пока онъ встанетъ! былъ категорическій отвѣтъ.

Железнодорожная администрація всполошилась: пришлось дѣлать много сложныхъ и крайне затруднительныхъ распоряженій. Графъ Адлербергъ, узнавъ объ этомъ, разбудилъ государя и его величество пошелъ пѣшкомъ за Лану, на станцію, поздороваться съ полкомъ. Восторгу уланы не было предѣловъ.

Но вотъ прибылъ въ Эмсъ маститый императоръ Вильгельмъ. Встрѣча ему была устроена самая восторженная: цвѣтами, вензелями, флагами изукрасился весь городъ; вечеромъ запылала иллюминація въ городѣ и на горахъ; на щитахъ, по желанію Вильгельма, появились инициалы обоихъ императоровъ. По Ланѣ плавала гигантская, великолѣпно иллюминированная, императорско-германская корона, внутри которой помѣщался хоръ музыкантовъ пѣхотнаго императора Александра полка и во весь вечеръ исполнялъ, съ извѣстными промежутками, исключительно только русскій народный гимнъ «Боже царя храни».

Большой съѣздъ былъ тогда въ Эмсѣ. Прїѣхали: королева Виртембергская Ольга Николаевна, принцъ Гессенскій и другіе высочайшія особы—и странное дѣло, что не смотря на такой съѣздъ, цѣны ни на что въ Эмсѣ не увеличились. Какія цѣны платили мы въ гостинницахъ прежде, такія же остались и впоследствии. У насъ

въ Россіи при подобномъ случаѣ цѣны непременно увеличились бы вчетверо, да такъ и остались бы на будущее время впредь до новаго случая, который опять увеличилъ бы ихъ.

Однажды въ церкви обратилъ на себя всеобщее вниманіе какой-то весьма приличной наружности господинъ, не молодыхъ лѣтъ. Онъ стоялъ у стѣны, съ лѣвой стороны церкви, противъ государя, гордо, неподвижно, и поглядывалъ на него. Государь также нѣсколько разъ взглянулъ на него и морщилъ брови, какъ-бы что-то припоминая. Въ свитѣ начался шопотъ: кто это? На предложенный мнѣ вопросъ однимъ изъ приближенныхъ генераль-адъютантовъ я также отвѣтилъ незнаемъ. Вдругъ, во время «Святая Святыхъ», таинственный незнакомецъ пошелъ въ алтарь, но тотчасъ-же вышелъ оттуда съ серебрянымъ блюдомъ и началъ собирать деньги. Я зашелъ въ алтарь и спросилъ священника: кто этотъ господинъ?

— Здѣшній церковный староста, графъ Комаровскій, сенаторъ, изъ Москвы,—отвѣчалъ священникъ.

Я передалъ отвѣтъ свитѣ — и всѣ много смѣялись тому, что не узнали лицо весьма хорошо извѣстное въ аристократическихъ сферахъ обѣихъ столицъ.

Въ числѣ русскихъ, тогда бывшихъ въ Эмсѣ, очень рѣзко выдѣлялась графиня Р—ръ, высокая, черная и уже крѣпко не молодая женщина. Она возила съ собою какого-то петиметра француза. Это былъ истощенный и блѣдный человѣкъ лѣтъ подлѣ 40 и пахалъ въ высшей степени. Онъ сдѣлалъ визиты многимъ изъ свиты и при представленіяхъ къ фамилии своей прибавлялъ: «Ami de la comtesse R.»

Графиня прибыла въ Эмсъ совсѣмъ не для леченія, а съ спеціальною цѣлью просить разрѣшенія государя на вступленіе въ законный бракъ съ своимъ петиметромъ, съ тѣмъ, чтобы ей, по уваженію къ заслугамъ покойнаго мужа, оставлена была вся получаемая ею огромная пенсія, аренда и проч. Государь однако приказалъ Адлербергу объявить ей, что она можетъ выходить замужъ за кого хочетъ, но ломать русскіе законы для графини Р—ръ его величество не намѣренъ.

Какъ-то въ обществѣ особъ свиты я выразилъ сомнѣніе на счетъ цѣлебности эмскихъ водъ и особенно на счетъ природной теплоты ихъ. Мнѣ всегда казалось подозрительнымъ такъ называемое «вывариваніе эмской соли», которое производилось за зданіемъ водъ, подлѣ горою, въ мѣстѣ, удаленномъ отъ лишнихъ глазъ; я подозрѣвалъ, что отъ этихъ котловъ горячая вода проводилась трубами къ кранамъ въ залы для питья и къ ваннамъ.

— Боже васъ сохрани усумниться въ цѣлебности водъ предъ го-

сударемъ — возразилъ мнѣ одинъ изъ генераловъ. — Его величество безусловно вѣрить въ эти воды.

И дѣйствительно. Разъ государь, на своемъ сѣромъ арабчикѣ, встрѣтилъ меня въ горахъ и осадилъ лошадь.

— Ну, какъ ты? — милостиво спросилъ меня, въ отвѣтъ на мой глубокий поклонъ.

— Покорнѣйше благодарю, в. и. в.! Эмскія воды мнѣ очень помогли.

— И тебѣ скажу!.. Помнишь, какой я сюда прѣхалъ: совсѣмъ безъ голоса, а теперь вотъ вернулъ его.

Государь, дѣйствительно, имѣлъ вначалѣ осипшій голосъ и въ Эмсѣ поправилъ его.

Въ одинъ дождливый день, утромъ, государь, послѣ втораго стакана воды, прохаживался въ большой чугунной галлерей. Мы, русскіе, группою, человѣкъ 10—12, шли сзади шагахъ въ 30. Вдругъ, смотримъ, на встрѣчу государю идетъ какой-то красивый молодой человѣкъ, прилично одѣтый, съ папирскою во рту. Не доходя нѣсколько шаговъ, онъ швырнулъ въ сторону папиросу, сорвалъ съ себя шляпу и отвѣсилъ пренизкій поклонъ. Императоръ приподнял шляпу, пристально посмотрѣлъ на молодаго человѣка и прошелъ мимо, но пройдя нѣсколько шаговъ, оглянулся въ нашу сторону и спросилъ, нѣтъ-ли среди насъ Александра Францовича? Управляющій III отдѣленіемъ соб. е. и. в. канцеляріи Александръ Францовичъ Шульцъ дѣйствительно былъ съ нами. Онъ подбѣжалъ къ государю.

— Александръ Францовичъ, не знаешь-ли ты этого молодаго человѣка, что мнѣ сейчасъ поклонился?

— Знаю, ваше величество: варшавскій студентъ Новаковскій, сосланный въ Сибирь въ 1863 году и бѣжавшій оттуда за границу. Это тотъ самый, о которомъ на сихъ дняхъ я имѣлъ счастье докладывать вашему величеству: онъ подалъ здѣсь третье всеподданнѣйшее прошеніе о помилованіи и о всемилостивѣйшемъ дозволеніи возвратиться на родину; ваше величество изволили отказать въ просьбѣ.

Во время обѣда государь вспомнилъ о Новаковскомъ и прибавилъ:

— А какъ онъ почтительно мнѣ поклонился! Онъ чувствуетъ, что я его государь!

На другой день Шульцъ встрѣтилъ насъ въ той-же галлерей.

— Слышали, господа, что вчера за столомъ государь изволилъ говорить о Новаковскомъ? Увидите, что его величество помилуетъ его.

На слѣдующее утро Шульцъ опять подошелъ къ намъ.

— А что? не говорилъ я вамъ вчера, что государь помилуетъ Новаковского?

— Сердце царево въ руцѣ Божіей!—воскликнули мы.

— Да, помилованъ—и притомъ безусловно! Дозволилъ ему возвратиться въ Царство Польское, съ тѣмъ только, чтобы тамъ онъ былъ подчиненъ полицейскому гласному надзору на два года.

30 мая 1875 г. государь уѣхалъ въ Потсдамъ. На вокзалѣ была буквально давка отъ множества русскихъ, собравшихся проводить своего обожаемаго монарха. Дамы поднесли сотни свѣжихъ букетовъ, наполнившихъ собою весь салонный вагонъ. Русское «ура!» и нѣмецкое «Hoch!» долго колебали воздухъ.

Во время пребыванія въ Эмсѣ государя императора русская рѣчь слышалась на каждомъ шагу; говорили громко, какъ-бы кичась ею. Съ отъѣздомъ царя рѣчь эта была какъ-бы пожевъ отрѣзана. 31 мая въ саду не было уже слышно ни одного русскаго слова и встрѣчавшіеся между собою русскіе, по прежнему, начали какъ-бы стыдиться своего языка и замѣнили его французскимъ даже въ церкви.

Теобальдъ.

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1888 г. ¹⁾.

Мартъ 23. Сегодня я случайно узналъ, что министр Уваровъ отбранилъ чтеніе моего «Похвального слова Петру Великому», на актѣ, который назначенъ на 25-е, то есть на послѣ завтра. У попечителя съ нимъ былъ по этому поводу горячій разговоръ. Князь Дондуковъ-Корсаковъ доказывалъ ему неприличіе и странность такой мѣры. Министръ упорствуетъ. Какая причина?

26. Публика приняла большое участіе въ моемъ «Похвальномъ словѣ». Всѣ удивлены запрещеніемъ министра, который, предлогомъ отбны чтенія, поставилъ желаніе «не обременять публику многими чтеніемъ».

Декабрь 25. «Энциклопедическій лексиконъ» гибнетъ по милости Плюшара. Онъ велъ себя въ этомъ дѣлѣ какъ мальчишка. Сначала поссорился съ Гречемъ, который былъ ему необходимъ, ибо служилъ точкою соединенія у него литераторовъ. Потомъ сталъ употреблять на отважныя и необдуманныя предпріятія капиталъ, который дала ему подписка на первый годъ энциклопедическаго лексикона. Такимъ образомъ, когда редакторомъ сдѣлался Шенинъ, плата сотрудникамъ понемногу стала затрудняться и, наконецъ, ее и совсѣмъ перестали выдавать—по крайней мѣрѣ, ивымъ. Они отказались. Лексиконъ сталъ медлить выходомъ въ свѣтъ. Плюшаръ надѣялся еще спасти дѣло, передавъ редакцію Сенковскому, который помогъ ему деньгами. Но дѣльныхъ сотрудниковъ уже больше нельзя было набрать.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент., стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; нояб., стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; июнь, стр. 577—598; т. LXIII, июль, стр. 27—60; августъ стр. 265—299.

Они не соглашались на дальнѣйшее участіе въ изданіи, во-первыхъ, потому что потеряли довѣріе къ Плюшару, а во-вторыхъ, потому что не хотѣли имѣть дѣла съ Сенковскимъ, боясь его обиднаго и строптиваго обращенія съ самими авторами и съ ихъ статьями. Сенковскій очутился въ необходимости работать съ нѣсколькими студентами. Вышелъ XIV томъ и изумилъ публику своею несостоятельностью. Это окончательно подорвало довѣріе къ изданію, которое на первыхъ порахъ встрѣтило такъ много сочувствія.

26. Въ четвергъ былъ на похоронахъ. Умеръ Карлъ Оедоровичъ Германъ, академикъ и инспекторъ Смольнаго монастыря и Екатерининскаго института. Это былъ человѣкъ выше обыкновенныхъ. Я намѣренъ написать его біографію. Смерть самая обыкновенная вещь между людьми, а между тѣмъ на похоронахъ какъ будто въ первый разъ знакомишься съ ней. Вотъ этотъ человѣкъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, говорилъ съ вами, смѣялся, думалъ, желалъ, послѣ міръ въ своемъ умѣ—и вотъ его бросили въ землю, какъ соръ, зарыли. Семидесятитрехлѣтняя драма разыграна и занавѣсъ опустился: ужасное нѣтъ, ничто, пишется надъ зачеркнутымъ именемъ: Карлъ Оедоровичъ...

Видѣлъ картину Штейбена «Наполеонъ при Ватерлоо». Прекрасно! Лицо Наполеона ясно говоритъ: «Все погибло, гений человѣческій ничто предъ рокомъ». Я два раза ходилъ смотрѣть эту картину; долго стоялъ передъ ней и выносилъ впечатлѣнія, которыя трудно и бесполезно описывать.

28. Былъ у Греча и видѣлъ у него Тальони. Она не хороша собой, но очень мила и скромна.

Засталъ у Николая Ивановича еще Булгарина: онъ бранилъ пли, вѣришь, ругалъ Сенковскаго, какъ ямщикъ.

Встрѣтилъ, между прочимъ, Строева, который недавно вернулся изъ-за границы. Онъ долго жилъ въ Парижѣ и, кажется, не принадлежитъ къ числу тѣхъ отчизнолюбцевъ, которые, зря, громятъ западъ и все, что не отзывается родной поэзіей кнута и штыка.

Владиславлевъ мнѣ рассказывалъ про Н. А. Полеваго. Дубельтъ позвалъ его къ себѣ, для передачи высочайше пожалованнаго перстня за пьесу: «Ботикъ Петра I».

— «Вотъ вы теперь стоите на хорошей дорогѣ: это гораздо лучше, чѣмъ попусту либеральничать», замѣтилъ Дубельтъ.

— «Ваше превосходительство», отвѣчалъ, низко кланаясь, Полевой,—«я написалъ еще одну пьесу, въ которой еще больше вѣрно-подданическихъ чувствъ. Надѣюсь, вы ея тоже будете довольны».

Стыдно! Выйдемъ изъ этого мрака на свѣтъ Божій; но гдѣ искать этого выхода?

29. Чудо! въ русскомъ генералѣ, да еще казацкомъ, нашель чело-вѣка не только умнаго, но и образованнаго. Генераль этотъ Красиновъ. Я вчера провелъ съ нимъ вечеръ у товарища моего дѣтства, А. А. Мессароса, и нахожу, что вечеръ этотъ не потерявъ.

31. По утру былъ въ университетѣ, на защитѣ диссертациі Порошина и Рождественскаго. Остальное время дома. Новый годъ засталъ меня за корректурными листами «Отечественныхъ Записокъ». Здравствуй 1839 годъ! Не будь, любезный, такъ малодушенъ, какъ твой предшественникъ! Дайте рюмку вина: надо приличнымъ привѣтствиемъ встрѣтить этого новаго сына вѣчности. Что было бы съ людьми, если бы они не изобрѣтали для себя нгушекъ?

Примѣчаніе. Дневникъ 1838 г. очень маленькій. Въ теченіи его авторъ ѣздилъ на родину и объ этой поѣздкѣ оставилъ почти исключительно одни цифровыя данныя, которыя не могутъ имѣть интереса. С. Н.

1839 г.

Январь 1. Полночь. Дѣлалъ обычно визиты, за скуку и усталость отъ которыхъ былъ сторицею вознагражденъ приѣмомъ, оказаннымъ мнѣ въ Смольномъ монастырѣ. Мои милыя ученицы старшаго класса устроили мнѣ настоящій триумфъ. Онѣ толпой провожали меня по корридорамъ, пѣли мнѣ «многія лѣта», восторженно выражали благодарность за чувства добра и любви къ изящному и честному, которыя я, будто бы, впервые вызвалъ въ нихъ. Я ушелъ освѣженный, утѣшенный и, хоть на часъ времени, ублаженный иллюзіями на счетъ безпольности моей дѣятельности.

7. Вчера я былъ въ маскарадѣ въ Большомъ театрѣ. Тамъ были гсударь и великій князь. Я еще въ первый разъ такъ близко видѣлъ перваго. Раза два, тѣснимый толпою, я чуть не столкнулся съ нимъ. Онъ казался въ духѣ, хотя по временамъ хмурился отъ слишкомъ назойливаго любопытства публики.

Мартъ 7. Конецъ февраля и начало марта я былъ занятъ выпускными экзаменами въ Смольномъ монастырѣ. На экзаменѣ императорскомъ императрица отсутствовала; ее замѣняли великія княжны Марія и Ольга. Дѣвицы спрашивали по билетамъ—это нововведеніе Уварова, который почему-то ждалъ отъ него чудеса.

Энтузіазмъ ко мнѣ моихъ ученицъ превзошелъ все, что я могъ себѣ представить: это былъ совершенный фуроръ, который въ день

выпуска выразился съ неудержимой силой. За обѣдомъ онѣ, въ очередь и не въ очередь, пили за мое здоровье, при чемъ инья даже били рюмки, возглашали мнѣ «многія лѣта», осыпали благодарностями, пожеланіями, обѣщаніями никогда не измѣнять идеямъ чести и добра.

Да, я честно трудился въ этомъ разсадникѣ будущихъ русскихъ женъ и матерей, русскихъ гражданокъ, стараясь, какъ можно больше, напитать ихъ человѣчностью. На минуту результатъ превзошелъ мои ожиданія—а на будущее кто можетъ разсчитывать? Общество, по всѣмъ вѣроятіямъ, все перестроить по своему и я еще разъ принужденъ буду сознаться въ томъ, что я безумецъ, гоняющійся за призраками. Истинно полезенъ людямъ тотъ, кто ихъ кормить и поить, а вовсе не тотъ, кто возвышаетъ ихъ нравственное достоинство. Для многихъ это даже обращается въ тягость, въ пагубу. Что нужно человѣку?—Счастье, а счастливымъ можно быть во всякой нравственной сферѣ и еще лучше—въ тѣсной. По крайней мѣрѣ, это неоспоримая истина у насъ и въ наше время.

15. Въ пять часовъ потребовали меня къ попечителю. Полученъ грозный высочайшій запросъ: «Кто осмѣлился пропустить портретъ Бестужева ¹⁾ въ альманахѣ Смирдина «Сто русскихъ авторовъ»? Книга подписана мною, но портретъ пропущенъ въ III отдѣленіи Собственной канцеляріи государя. Невзвѣстно, чѣмъ кончится эта суматоха. Можетъ быть и мнѣ достанется—за что? Не знаю. Но надо быть ко всему готовымъ. Говорятъ, что нашъ министръ очень непрочень при дворѣ.

16. Вся бѣда, кажется, обрушится на Мордвинова, который допустилъ Ольдекопа подписать портретъ Бестужева.

Апрѣль 9. Воскресенье. Подалъ просьбу объ увольненіи меня отъ должности преподавателя русской словесности въ аудиторской школѣ. Эта школа основана графомъ Клейнмихелемъ и находится подъ его начальствомъ. Ученики изъ солдатскихъ дѣтей—питомцы

¹⁾ Александръ Александровичъ Бестужевъ, декабристъ, болѣе извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ Марлинскій, убитъ 7-го іюля 1837 г на мысѣ Адлеръ, на Кавказѣ. Оригиналъ этого портрета, небольшая акварель, находится въ нашемъ собраніи портретовъ. Бестужевъ изображенъ безъ бурки, бурка накинута на него въ гравюрѣ, изданной Смирдинымъ въ 1838 г., въ видахъ цензурныхъ, но она не спасла портрета: онъ былъ вырѣзанъ изъ книги и лишь полъ-вѣка спустя въ большомъ количествѣ экземпляровъ вынырнулъ на толкучкѣ.

Воспроизведенный рѣзцомъ художника И. И. Матюшина портретъ А. А. Бестужева (Марлинскаго) съ акварели, исполненной съ натуры, на Кавказѣ, не задолго до кончины этого амаженитаго писателя, помѣщенъ въ альбомѣ гравированныхъ портретовъ русскихъ дѣятелей, томъ третій, изданіе «Русской Старины» 1888 г.

Р е д.

палки. Я всегда долженъ былъ насиловать себя, когда ѣхалъ туда преподавать. Я не могъ ввести туда ни одной свѣтлой мысли: тамъ все грубо, жестко, не развито. Но жалованье тамъ, надо сказать правду, было хорошее—по 300 рублей (ассигнацій) за часъ. Такимъ образомъ я сразу лишаюсь 1,200 рублей (ассигнацій). Пора, наконецъ, подумать объ усиленіи кабинетной дѣятельности. Иначе пройдетъ лучшее время и жизнь, и силы будутъ растрчены по мелочамъ. Мнѣ давно хотѣлось оставить это заведеніе, но какъ Клейнмихель меня очень ласкалъ, мнѣ совѣстно было измѣнить ему. Наконецъ, становится не подъ силу. Я уже переговорилъ о своемъ намѣреніи съ инспекторомъ, генераломъ Зедлеромъ, который очень огорчился. Онъ человѣкъ образованный и добрый, а ко мнѣ всегда выказывалъ дружеское расположеніе. Мы расстаемся съ нимъ съ взаимными сожалѣніями. Но что скажетъ Клейнмихель? Онъ очень не любитъ, когда служащіе подъ его вѣдомствомъ уходятъ.

17. Сегодня былъ у графа Клейнмихеля, по его приглашенію. Принять отлично. Онъ просилъ меня не оставлять аудиторскаго училища, но когда увидѣлъ мою твердую рѣшимость, предложилъ слѣдующій компромисъ. Онъ хочетъ сдѣлать меня инспекторомъ по части русской словесности во всѣхъ классахъ училища. Для этого онъ поручилъ мнѣ составить проектъ, предоставляя мнѣ право выбирать и опредѣлять учителей и назначать имъ жалованье. На это я уже не могъ не согласиться и мы расстались довольные другъ другомъ. Онъ былъ со мною такъ любезенъ, что я, вопреки общей молвѣ о немъ, готовъ признать его за образецъ любезности.

Май 2. Былъ съ пріятелями на гуляньѣ въ Екатерингофѣ. Блестящіе экипажи, блестящіе лошади, блестящіе офицеры. Хорошенькія женщины тонули въ нарядахъ и цвѣли самодовольствомъ. На физиономіяхъ отраженіе экипажей, лошадей и лакейскихъ ливрей: тѣмъ богаче все это, тѣмъ сильнѣе на лицахъ выраженіе гордости и блаженства. А мы, бѣдные пѣшеходы,—что-же? Мы были зрители, а тѣ актеры. Они играли для насъ, а мы смотрѣли—по крайней мѣрѣ, мы составляли партеръ. Въ вокзалѣ музыка, тѣснота и весьма не-порядочное общество.

Сегодня же утромъ состоялся въ университетѣ экзаменъ изъ философіи. Что это такое? Одни слова.

Вечеромъ у меня обыкновенная литературно-дружеская бесѣда — Чижовъ, Полѣновъ, Гебгартъ, М. Сорокинъ. Чижовъ читалъ свой переводъ исторіи литературы Галлама; Гебгартъ пробное сочиненіе для занятія мѣста начальника Отдѣленія по управленію духовными дѣлами.

21. Воскресенье. Прогулка по желѣзной дорогѣ въ Павловскѣ, съ Струговицкинымъ и Андрияновымъ. Печальное происшествіе. Два вагона соскочили съ рельсъ между Павловскомъ и Царскимъ Селомъ. Три человѣка убиты и нѣсколько получили ушибы. Пассажиры въ страшномъ испугѣ. Мы избѣжали катастрофы потому, что раньше уѣхали изъ Павловска въ Царское Село и ожидали тамъ вагоновъ, чтобы ѣхать въ Петербургъ въ 12 часовъ ночи. Въместо того прождали до пяти, пока паровая машина пришла изъ Петербурга. Домой приѣхали около семи. Утромъ кое-кто заѣзжалъ узнать, цѣлъ ли я? Въ городѣ толкуютъ, что убитыхъ до 150-ти человѣкъ. Это, конечно, пустяки, но все-же событіе произведетъ непріятное впечатлѣніе на публику.

30. Утвержденъ въ званіи инспектора по части русской словесности въ Аудиторскомъ училищѣ.

Іюнь. Изъ пребыванія моего въ деревнѣ Т—кѣ въ Могилевской губерніи. 13-го іюня, во вторникъ, выѣхалъ я изъ Петербурга. Ѣхалъ на почтовыхъ довольно скоро, безъ насильственныхъ задержекъ на станціяхъ. Я радъ былъ, что видѣлъ опять открытое небо и широкій горизонтъ полей и лѣсовъ. Впрочемъ, небо здѣсь печальное и зелень блѣдная. Вездѣ песокъ и глина; въ деревняхъ тишина и неопрятность; города по пути жалкіе, за исключеніемъ Порхова, который имѣетъ довольно приличный видъ.

Въ воскресенье, 18-го, приѣхалъ я въ Шкловъ; тамъ ожидали меня лошади изъ деревни, гдѣ уже съ января мѣсяца живетъ моя семья. Мѣстоположеніе деревни и господскаго дома красивое. Особенно хороша большая березовая роща и за ней широко раскинувшійся свѣжій лугъ, какъ роскошный коверъ, испещренный цвѣтами.

30. Я входилъ въ избы здѣшнихъ крестьянъ: что за нечистота и за бѣдность! Дѣти въ отрепьяхъ, грязныя; почти всѣ или страдаютъ болѣзнью глазъ, или съ вередями на лицахъ и на тѣлѣ. Лица взрослыхъ безжизненны и тушны, хотя увѣряютъ, будто они подъ этою маскою скрываютъ и умъ, и хитрость. Эти люди, повидимому, терпятъ крайнюю нужду и угнетеніе: о томъ свидѣтельствуютъ ихъ лица, движенія, одежда, или, вѣрнѣе, рубища, которыми они прикрыты ихъ жилища. Въ послѣднихъ, вмѣсто оконъ, щели съ грязными обломками стеклышекъ: въ тюрьмахъ больше свѣту. Глубочайшее невѣжество и суевѣріе гнѣздятся въ этихъ душныхъ логовищахъ. Религіозныя понятія здѣсь самыя первобытныя. Крестьяне и крестьянки, отправляясь въ церковь, говорятъ, что они «идутъ молиться богамъ и божкамъ».

Ко мнѣ явились молодой царевъ и дѣвушка. Они упали на ко-

лѣви и, распростертыя на полу, пытались цѣловать мои ноги. Озадаченный и въ негодованіи, я спросилъ:

— Что это значить? Чего они хотятъ отъ меня?

— Это женихъ и невѣста, отвѣчали мнѣ,—и таковъ здѣсь обычай.

А мой лакей-малороссіянинъ, съ оригинальнымъ малороссійскимъ юморомъ, прибавилъ:

— Видите, они явились предъ пана!

— Такъ что-же?

— Да видите, оно какъ-то страшно подходитъ къ господамъ.

— Почему-же?

— Да такъ: все кажется, что по ухамъ заѣдутъ.

Невольно подумалъ я: какую національную философію можно вывести изъ наблюденій надъ человѣкомъ въ Россіи—надъ русскимъ бытомъ, жизнью и природой? Изъ этого, пожалуй, выйдетъ философія полного отчаянія.

Я далъ жениху съ невѣстой по пяти рублей и просилъ ихъ больше такъ не кланяться.

— Довольна ли ты, что выходишь замужъ, спросилъ я, между прочимъ, у невѣсты.

— Пѣтъ, отвѣчала она.

— Почему-же?

— На волѣ жить лучше.

Это не дурно, подумалъ я, и спросилъ еще:

— Но зачѣмъ же ты идешь замужъ, если не хочешь?

— Господа велютъ!

Да, вѣхъ соединяють, какъ скотовъ, для приплода!

Июль 2. Упоительный день. Я гулялъ въ моей любимой рощѣ и въ саду. Къ вечеру съ сѣверо-востока стала подниматься туча, мрачная, тяжелая, съ бѣгающими по ней огненными змѣйками. Западъ, между тѣмъ, оставался залитымъ послѣдними лучами заходящаго солнца: тамъ все было ясно, тихо и отрадно. Мягкій, благоухающій воздухъ ласково вѣялъ въ лицо, жаркимъ дыханіемъ охватывалъ цвѣты и деревья, которые въ сладкомъ томленіи стояли неподвижно. Ни шелеста, ни звука. Смолкли даже хлопотунъ-кузнечикъ и птичка-щебетунья. И для меня то была минута глубокаго, благоговѣйнаго восторга, какой всегда объемлетъ меня при близкомъ общеніи съ природой, особенно, когда та балуетъ насъ болѣе обыкновеннаго яркими проявленіями своей мощи и красоты.

Но, чу! На противоположномъ скатѣ холма, изъ деревушки, раздался голоса крестьянскихъ женщинъ: онѣ пѣли свадебныя пѣсни: то были подружки дѣвушки, которая съ женихомъ такъ усердно

кланялась мнѣ. Молодые люди сегодня обвѣнчались. И вдругъ, на эти пѣсни убогой радости, небо отвѣчало отдаленнымъ ропотомъ грома...

15. Приготавлиюсь къ отъѣзду. По пріѣздѣ въ Петербургъ мнѣ предстоятъ для немедленной обработки:

1. Хрестоматія.
2. Курсъ словесности.
3. Записки для Смольнаго монастыря и для института.

Кромѣ того, на очереди:

1. Биографія Германа.
2. Статья о Марлинскомъ.
3. Статья о Пушкинѣ.

Нынѣшнія официальные мои занятія слѣдующія:

1. Университетъ—преподаваніе 6 часовъ.
2. Смольный монастырь—6 часовъ.
3. Екатерининскій институтъ—3 часа.
4. Аудиторское училище—инспекція по части русскаго языка.
5. Цензура.
6. Частные уроки: у министра Уварова 4¹/₂ часа въ недѣлю.

— Составить планъ для изданія исторической русской Хрестоматіи. Пригласить къ участию въ этомъ трудѣ: Струговщикова, Андрианова, Полѣнова, Сорокина, Алимпіева и поискать еще людей.

26. Сегодня я пріѣхалъ въ Петербургъ. Въ Витебскѣ, гдѣ былъ проездомъ, познакомился съ прокуроромъ, Яковомъ Петровичемъ Рожновымъ. Онъ мнѣ показался человѣкомъ образованнымъ и благороднымъ. Много наслушался я тутъ любопытнаго объ управленіи этого края и особенно о генераль-губернаторѣ Дьяковѣ. Нѣсколько лѣтъ уже онъ признанъ сумасшедшимъ и тѣмъ не менѣе ему поручена важная должность генераль-губернатора надъ тремя губерніями. Каждый день его управленія зчаменуется поступками крайне нечестными, или пагубными для жителей. Утро онъ обыкновенно проводитъ на конюшнѣ или на голубятнѣ; онъ страстный любитель лошадей и голубей. Всегда вооруженъ плетью, которую употребляетъ для собственноручной расправы съ правымъ и виноватымъ. Одну беременную женщину онъ велѣлъ высѣчь на конюшнѣ за то, что она пришла къ его дворецкому требовать сто пятьдесятъ рублей за хлѣбъ, забранный у нея на эту сумму для генераль-губернаторскаго дома. Портному велѣлъ отсчитать сто ударовъ плетью за то, что именно столько рублей былъ ему долженъ за платье. Объ этихъ происшествіяхъ и многихъ подобныхъ, говорятъ, было доносимо даже государю. Наднять Дьяковъ собственноручно прибилъ одну почтенную

даму, дворянку, за то, что та, обороняясь на улицѣ отъ генераль-губернаторскихъ собакъ, одну изъ нихъ задѣла зонтикомъ. Она также послала жалобу государю.

Что-же послѣ этого и говорить объ управленіи края? Въ Могилевѣ тоже хорошо: генераль-губернаторъ сумасшедшій, предѣдатель гражданской палаты воръ, обокравшій богатую помѣщицу, у которой былъ управляющимъ (онъ же и камергеръ); предѣдатель уголовной палаты убилъ челоуѣка, за что и находится подѣ слѣдствіемъ.

Дорогой томилъ страшный зной. Въ Великолуцкомъ уѣздѣ много прекрасныхъ видовъ.

Въ провинціи, какъ и въ Петербургѣ, упорно держалась молва, что по случаю высокаго бракосочетанія на народъ будутъ излиты великія милости. Чиновники ожидали денежныхъ наградъ. Ничего, однако, не вышло изъ этихъ ожиданій, кромѣ двухъ манифестовъ: о рекрутскомъ наборѣ и о новой денежной системѣ.

Новая денежная система сводитъ всѣхъ съ ума. Никто не понимаетъ этихъ сложныхъ разчетовъ. Неоспоримо только то, что всѣ сословія болѣе или менѣе теряютъ, по крайней мѣрѣ, при настоящемъ кризисѣ—и потому всѣ недовольны, всѣ ропшутъ. Хуже всѣхъ бѣднымъ чиновникамъ. Они получали жалованье ассигнаціями, что доставляло имъ лишнихъ рублей по семи на сто. А теперь имъ выдаютъ серебромъ, считая рубль по 3 р. 60 к., а въ публикѣ велятъ считать рубль по 3 р. 50 к. Между тѣмъ, какъ курсъ на монету понизился, сѣбствыя припасы остаются въ прежней цѣнѣ: каково это для бѣднаго класса, доходы котораго не увеличиваются.

Августъ 3. Пріемные экзамены въ университетѣ. Между экзаменующимися никого съ особенно выдающимися способностями. Ученики гимназій вообще лучше подготовлены. Аристократы, хотя также плохо приготовлены, какъ и прежде, однако, приступаютъ къ экзамену съ большимъ страхомъ: и это ужъ не дурно.

Россіи необходимъ еще новый Петръ Великій. Первый Петръ Великій ее построилъ, второму надлежало бы ее устроить. Теперь въ ней все въ хаосѣ. Кто выведетъ ее изъ этого хаоса? Гдѣ могущественный, свѣтлый умъ, который раздѣлитъ бы стихіи и связалъ ихъ въ гармоническое цѣлое?

25. Въ цензурномъ уставѣ есть статья, въ силу которой книги нравственнаго содержанія, хотя бы основанныя на Св. Писаніи и подтвержденныя текстами изъ него, пропускаются свѣтскою цензурою; въ духовную же отсылаются только догматическія и церковно-историческія. Теперь мы получили отъ министра предписаніе, основанное на отношеніи св. синода, чтобы всѣ сочиненія «духовнаго содержанія,

въ какой бы то мѣрѣ ни было, отсылались въ духовную цензуру. Что это значить? Законъ, изданный самодержавною властью, отмѣняется оберъ-прокуроромъ синода? Но такія вещи не въ первый разъ случаются въ нашей администраціи. Въ настоящемъ случаѣ цензура въ большомъ затрудненіи. Рѣдная журнальная статья не должна будетъ отсылаться въ духовную цензуру. Я просилъ князя Волхонскаго сдѣлать объ этомъ представленіе министру. Онъ сдѣлалъ уже. Мы спрашиваемъ: «Чему должно слѣдовать: новому распоряженію или высочайше утвержденному тексту цензуры?»

Сентябрь 8. Съ утра до 2-хъ часовъ ночи я занятъ исчерпываніемъ прилива текущихъ дѣлъ и должностныхъ заботъ.

Все современное—мелочь, кромѣ возможности сдѣлать кому либо существенное добро.

Общій законъ для людей: быть средствами и орудіями для цѣлаго; одинъ только великій человѣкъ свободенъ и одинъ только онъ достоинъ свободы. Онъ служитъ цѣлому, какъ и всѣ, но это служеніе не поработаетъ его. Онъ гражданинъ этого великаго цѣлаго, а не рабъ.

Отдѣлать все истинно человѣческое отъ ложнаго, лицемѣрнаго, преходящаго—вотъ главное дѣло. Должно всегда и во всемъ уважать первое—второе ничего не значить.

25. Вчера былъ на похоронахъ г-жи Адлербергъ, начальницы Смольнаго монастыря, кавалерственной статсъ-дамы и проч. Тутъ былъ и государь, который проводилъ тѣло до перваго переулка по улицѣ, ведущей къ Таврическому саду. Я съ другими несъ гробъ до похоронной колесницы и жестоко отдаливъ себѣ руку. Народу было множество. Я шелъ за гробомъ до Итальянской, а тамъ повернулъ домой.

Г-жа Адлербергъ разыграла длинную роль и сошла со сцены жизни великолѣпно и торжественно. Какъ же судятъ зрители объ ея игрѣ? Говорятъ, что она была почтенная женщина. Но никто не говоритъ о ней съ тѣмъ жаромъ, съ какимъ поминаютъ людей, сдѣлавшихъ въ жизни или много добра, или много зла. Въ данномъ случаѣ всѣ сохраняютъ какое-то нейтральное спокойствіе духа. Такова точно была и она сама. Въ теченіе своей долгой жизни и своего могущества она никому не сдѣлала зла, но не сдѣлала также и добра. Она могла бы, напримѣръ, однимъ почеркомъ пера дать новые штаты Смольному монастырю и тѣмъ оказать большую услугу заведенію, которымъ управляла. Ей не разъ о томъ докладывали. Но она этого не сдѣлала, боясь быть «докучливою» при дворѣ. Таковы, впрочемъ, всѣ царедворцы. Для нихъ приличіе составляетъ высочайшій нравственный законъ. Они думаютъ, что уже много дѣлаютъ,

Александр Пушкин

РОД. 1797 † 1837 г.

[МАРЛИНСКИЙ]

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ».

Библиотека "Руниверс"

если не дѣлають зла. Впрочемъ, они правы: и то хорошо. Личныя мои отношенія съ покойной были хороши. Она еще за недѣлю до смерти присутствовала на моей лекціи и выражала свое удовольствіе по поводу успѣховъ дѣвицъ.

26. Былъ у графа Клейнмихеля. Онъ отнесся ко мнѣ привѣтливо и благодарилъ за замѣчанія мои на его проектъ о преобразованіи Аудиторскаго училища. Между тѣмъ, замѣчанія написаны мною довольно рѣзко.

Ноябрь 2. Смирдинъ беретъ на себя отъ Греча изданіе «Сына Отечества». Онъ просить меня быть отвѣтственнымъ редакторомъ. Я согласился. Дѣло пошло уже къ министру.

24. Освященіе церкви въ Екатерининскомъ институтѣ. Былъ приготовленъ великолѣпный завтракъ, отъ котораго я уѣхалъ въ Земледѣльческое училище, къ директору Байкову. Меня тамъ всегда такъ радушно принимаютъ, а самое заведеніе такъ любопытно, что я всегда съ удовольствіемъ ѣзжу туда. И выпче я былъ въ классахъ: мужички оказываютъ прекрасные успѣхи. Вообще земледѣльческое училище чуть ли не единственное въ Россіи, гдѣ образованіе вполнѣ соразмѣрено съ будущностью и съ нуждами учащихся. Все тутъ простое, русское, крестьянское, только въ благообразномъ видѣ. Это заведеніе—созданіе Байкова. Безъ него тутъ ничего не сдѣлали бы, или сдѣлали бы что-нибудь нѣмецкое или англійское. Помощникъ директора, Бурнашевъ, тоже отлично дѣлаеть свое дѣло.

Бѣда, когда умъ есть только стремленіе, а не сила. Въ самомъ дѣлѣ, есть умы только стремящіеся и есть умы дѣйствующіе. Одни захватываютъ себѣ огромное поле, которое не въ состояніи водѣлывать; другіе довольствуются небольшимъ участкомъ, но разрабатываютъ его со всѣхъ сторонъ. Первые, со своею гордостью, похожи на завоевателей обширныхъ пустынь, которыя, ничего не производя, никому не нужны, вторые подобны мудрымъ правителямъ укромныхъ уголковъ земли, гдѣ царствуютъ изобиліе, порядокъ и благоденствіе.

Декабрь 8. Сегодня я заключилъ условіе со Смирдинымъ. Въ мое вѣдѣніе поступаетъ половина «Сына Отечества», т. е. отдѣлы: науки, искусства, иностранной и русской литературы. Критика, библиографія, политика и смѣсь остаются въ рукахъ Полеваго. Сверхъ того, я отвѣтственный редакторъ передъ правительствомъ за все изданіе. Вознагражденіе намъ по 7,500 р. въ годъ, каждому.

Плата за статьи назначается по 200 рублей за листъ оригинальный и по 75 рублей за переводный. Эту плату сотрудники получаютъ отъ Смирдина немедленно по напечатаніи ихъ статей.

10. Я былъ у министра, чтобы испросить его согласіе на званіе

отвѣтственнаго редактора «Сына Отечества». Онъ изъявилъ опасеніе, чтобы это не отвлекло меня отъ университета. Въ заключеніе онъ сказалъ, что не находитъ къ тому препятствій.

25. Институтка, пріятельница моей жены, умевенькая, хорошенькая Е. И. Ш., до сихъ поръ очень бѣдная и жившая въ губернанткахъ, вдругъ сдѣлалась обладательницею полумилліона. Она выиграла въ польскую лотерею 900,000 злотыхъ. Вчера она была у насъ: богатство пока не измѣнило ее: она попрежнему проста, мила, точно не подозрѣваетъ, какимъ могуществомъ вдругъ подарилъ ее судьба. Между тѣмъ весь городъ толкуеть о ней. Императрица пожелала видѣть ее.

26. Я утвержденъ отвѣтственнымъ редакторомъ «Сына Отечества». Вотъ моя программа: 1) говорить съ достоинствомъ объ отечественныхъ предметахъ, по возможности, откровенно, но безъ нахальства; 2) съ уваженіемъ о западѣ; 3) развивать нравственныя начала въ обществѣ и уваженіе къ человѣческому достоинству, вопреки господству животныхъ, матеріальныхъ стремленій; 4) внушать, что справедливость и мужество суть главные опоры нравственнаго порядка вещей.

29. Сегодня у Греча я былъ свидѣтелемъ постыднаго заговора противъ редактора «Отечественныхъ Записокъ» Краевского. Краевскій или князь (Влад. Ѳеодоровичъ) Одоевскій напечаталъ въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ» разборъ лекцій Греча, конечно, неблагоклонный. Это возмездіе за пораженія, какія Гречъ наноситъ въ своихъ лекціяхъ языку «Отечественныхъ Записокъ». Теперь Гречъ вознамѣрился отмстить Краевскому уже не словомъ, а дѣломъ. Послѣдній долженъ типографщику Фишеру за печатаніе «Литературныхъ Прибавленій» 3,000 рублей и не имѣетъ возможности скоро заплатить ему эти деньги. Гречъ научилъ Фишера подать просьбу въ почтамтъ, чтобы тамъ задерживали деньги, присылаемыя на подписку въ редакцію «Литературныхъ Прибавленій», и самъ вызвался помочь ему въ этомъ своими связями. Объ этомъ-то происходило совѣщаніе между Гречемъ, Фишеромъ и еще третьимъ лицомъ. Я печально очутился тутъ же. Гречъ клялся, что онъ погубитъ «Отечественныя Записки» и «Литературныя Прибавленія». И дѣйствительно, если у редактора остановать на почтѣ подписныя деньги, которыхъ у него вообще не много, ему не на что будетъ печатать журнала въ слѣдующемъ году. Благодушный совѣтъ этого именно и добивается. Я съ отвращеніемъ слушалъ всѣ эти мерзости и негодовалъ на Греча, а еще болѣе на другихъ, которые вызывались быть его орудіемъ. Вотъ руководители нашего общества ва поприщѣ

умственныхъ подвиговъ! Вотъ ревнители о нашемъ убогомъ просвѣщеніи!

1840 годъ.

Январь 2. Новый годъ встрѣченъ не дурно. Вечеромъ у меня собрались нѣсколько монастырокъ, между которыми Скворцова блистала звѣздой первой величины, и друзья мои: Гебгартъ, Полѣновъ, Чижевъ и другіе. Всѣ были одушевлены и какъ-то особенно хорошо настроены. Утромъ 1-го января обычные визиты, а вечеромъ балъ въ Смольномъ монастырѣ. Тамъ начальница, Марья Павловна Леонтьева, представляла меня принцу Ольденбургскому, а мои милыя ученицы осыпали меня изъявленіями своего расположенія. Онѣ мнѣ пѣли «многія лѣта» и за ужиномъ нѣсколько разъ пили за мое здоровье.

6. Въ качествѣ отвѣтственнаго редактора «Сына Отечества» я имѣлъ непріятное столкновеніе съ Полевымъ. Онъ прислалъ нѣсколько статей, безъ подписи своего имени, и тѣмъ самымъ какъ бы дѣлалъ меня отвѣтственнымъ за нихъ передъ публикой. Между тѣмъ я не согласенъ со многимъ, что въ нихъ заключается, и предложилъ нѣкоторыя измѣненія. Полевой разсердился. У насъ идутъ объясненія пока письменныя, а завтра будутъ и словесныя. Я обязанъ и передъ публикой, и передъ самимъ собой никогда ни въ какомъ случаѣ не измѣнять своимъ убѣжденіямъ.

8. Съ Полевымъ у насъ окончилось мирно. Мы объяснились и пришла къ полюбовной сдѣлкѣ. Я не мѣшаюсь въ его статьи, когда тѣ скрѣплены его именемъ, а для моего обезпеченія въ «Сѣверной Пчелѣ» будетъ напечатано заявленіе, что всѣ статьи въ ней, по части библіографіи, критики и смѣси, обрабатываются Полевымъ.

10. Сегодня, какъ и вчера, какъ и часто просидѣлъ большую часть ночи за литературною работою. Днемъ меня поглощаетъ служба и всякаго рода мелкія заботы. Чувствую сильное утомленіе и упадокъ духа. И то, и другое особенно сильно сказалось сегодня на вечерѣ у Порошина, куда собрались многіе изъ моихъ университетскихъ товарищей. Всѣ они пожалы сокровища знанія, каждый на своей нивѣ, удобренной собственнымъ потомъ, и могутъ предлагать людямъ то, что имъ дорого и полезно, хотя бы то были только призраки добра и правды. А я—что я такое и что могу предложить людямъ за право жить съ ними?...

Февраль 24. Все это время жилось вяло и хило, а слѣдова-

тельно и бесполезно. Узналъ печальную новость. Въ университетѣ былъ студентъ, князь Лобановъ-Ростовскій, одинъ изъ красивѣйшихъ юношей по уму и характеру. Нѣсколько времени тому назадъ онъ застрѣлился. Причины еще неизвѣстны.

26. Мнѣ лучше. Я еще не могъ читать лекціи, но ѣздилъ къ Жуковскому, который на будущей недѣлѣ отправляется съ Наслѣдникомъ за границу и просилъ меня побывать у него поскорѣе. Онъ отдалъ мнѣ на цензуру сочиненія Пушкина, которыя должны служить дополненіемъ къ изданнымъ уже семи томамъ. Этихъ новыхъ сочиненій три тома. Многія стихотворенія уже были напечатаны въ «Современникѣ». Жуковскій проситъ просмотрѣть все это къ субботѣ. Тяжелая работа! Но надо ее исполнить.

— Я слышалъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ Жуковскій,—что вы намѣрены писать характеристики русскихъ поэтовъ: это хорошее дѣло. Я готовъ помочь вамъ матеріаломъ.

Я поблагодарилъ и дѣйствительно намѣренъ воспользоваться его предложеніемъ. Жуковскій просилъ прислать ему то, что я уже написалъ о немъ.

28. Опять былъ у Василія Андреевича. Засталъ его больнымъ. Разговоръ о литературѣ. Онъ прочелъ мою характеристику Батюшкова и очень хвалилъ ее.

— Вы успѣли сжато и мѣтко выразить въ ней всю суть поэзіи Батюшкова, сказалъ онъ.

Потомъ Жуковскій жаловался на «Отечественныя Записки», которыя перевозносятъ его до небесъ, но такъ неловко, что это уже становится не лестнымъ.

— Странно, прибавилъ онъ,—что меня многіе считаютъ поэтомъ умнымъ, между тѣмъ какъ я очень склоненъ къ веселости, шутливости и даже карикатурѣ.

Еще много говорилъ о торговомъ направленіи нашей литературы и прибавилъ въ заключеніе:

— Слава Богу, я никогда не былъ литераторомъ по профессіи, а писалъ только потому, что писалось!

Полевой забралъ у Смирдина деньги впередъ за нынѣшній годъ (по «Сыну Отечества»), а не выпустилъ еще двухъ книжекъ журнала за прошлый годъ. Кромѣ того, онъ задерживаетъ выдачу собственныхъ статей на нынѣшній годъ. Отъ этого журналъ не выходитъ въ положенные сроки, публика ропщетъ и подписка идетъ не такъ успѣшно, какъ можно было бы ожидать. Теперь онъ уѣхалъ въ Москву, не оставивъ статей, необходимыхъ для 4-й и 5-й книжекъ.

Мартъ 28. Былъ у меня Полевой. Онъ безпрестанно отстаётъ

со статьями для «Сына Отечества» и журналъ отъ того не выходитъ въ срокъ. Но врядъ ли его можно за то сильно винить. Онъ жалуется на болѣзненное состояніе и говоритъ, что предчувствуетъ свое скорое разрушеніе. И дѣйствительно, онъ такъ ветхъ, что кажется готовъ упасть отъ перваго дуновенія вѣтра. Ну, какъ станешь его понуждать?

Сегодня былъ актъ въ университетѣ. Профессоръ Шульгинъ читалъ черезъ-чуръ длинный отчетъ, а профессоръ Шнейдеръ латинскую рѣчь. Онъ горячился, декламировалъ, обращался къ публикѣ, но вгунѣ: никто его не понималъ. Послѣ акта новый ректоръ Плетневъ пригласилъ насъ на завтракъ.

27. Очередное собраніе новой генераціи профессоровъ у Ивовскаго. Я возсталъ противъ устройства нашихъ актовъ, которые, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать сближенію нашему съ публикой, отвращаютъ ее отъ насъ латинскими рѣчами и непомярно длинными сухими отчетами. Всѣ товарищи были за меня, исключая Михайлы Куторги, который утверждалъ, что, сближаясь съ публикой, мы унижаемъ достоинство науки.

Май 7. Вечеръ или, лучше сказать, ночь у Струговщикова. Игралъ на фортепіано знаменитый Дрейшокъ. Удивительный талантъ! Энергія, пламя, мощь, деспотическая власть надъ инструментомъ—все это доведено до совершенства. Меня, между прочимъ, очаровала благородная простота его наружности и обращенія. Онъ еще очень молодъ: ему 22 или 23 года. Превосходно игралъ также на скрипкѣ его товарищ Штеръ.

Послѣ ужина Глинка пѣлъ отрывки изъ своей новой оперы: «Русланъ и Людмила». Что за очарованіе! Глинка истинный поэтъ и художникъ.

Кукольникъ распоряжался питьемъ, не кладя окулки на свою собственную жажду. Онъ съ удивительной ловкостью и быстротой осушалъ бокалы шампанскаго. Но ему не уступалъ въ этомъ и Глинка, котораго необходимо одушевлять, и затѣмъ поддерживать въ немъ одушевленіе шампанскимъ. За то, говорятъ, онъ не пьетъ никакого другаго вина.

9. Вечеръ у Маркевича, автора малороссійскихъ мелодій, малороссійской исторіи, которая скоро будетъ печататься, и издателя малороссійскихъ пѣсень. Тутъ было много всякаго народа. Сенковский явился какъ разъ въ то время, когда въ гостиной были уже на лицо Грець, Болгаринъ и Полевой. Онъ затрепеталъ отъ негодованія.

— Хорошъ, однако, Маркевичъ! сказалъ онъ мнѣ.—Приглашая

меня, онъ обѣщался, что у него не будетъ ни Греча, ни Булгарина, ни Полеваго, а между тѣмъ они всѣ здѣсь!

Онъ тотчасъ же уѣхалъ.

За ужиномъ вино лилось рѣкой. Опять игралъ Дрейшокъ и пѣлъ Глинка. Былъ тутъ и Серве, который, однако, не игралъ, не смотря на усиленные просьбы. Наружность его привлекательна, а обращеніе непринужденное, чисто французское.

10. Полевой, наконецъ, рѣшился отказаться отъ участія въ редакціи «Сына Отечества». Въ самомъ дѣлѣ, это необходимо. Мы съ нимъ не сходимся во взглядахъ на многое. У него есть литературные враги. Мои же враги, если такіе есть—идеи, а не лица. Отъ того онъ постоянно порывается браниться, а я долженъ его удерживать. Сверхъ того, Полевой такъ медленно работаетъ для журнала, что тотъ уже совсѣмъ выбился изъ обѣщанныхъ сроковъ. Публика ропщетъ, журналъ теряетъ репутацію.

11. Сегодня состоялось у меня совѣщаніе съ Полевымъ и Смирдинымъ. Полевой окончательно отказывается отъ участія въ редакціи журнала («Сынъ Отечества»), который съ девятой книжки уже весь сосредоточивается въ моихъ рукахъ. Но въ уплату за взятые впередъ у Смирдина деньги Полевой будетъ присылать въ журналъ статьи. Мое вознагражденіе теперь должно было бы увеличиться на сумму, до сихъ поръ причитавшуюся моему соредктору, Полевому, то есть съ 7,500 рублей (ассигнаціями) возрасти до 15,000 р. (ассигнаціями). Но при нынѣшнихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ Смирдина я не хочу обременять его и сказалъ ему, что буду довольствоваться своимъ прежнимъ половиннымъ вознагражденіемъ. Но за то Смирдинъ мнѣ торжественно обязался непремѣнно обезпечить плату моимъ сотрудникамъ: она не превыситъ пяти тысячъ рублей. Я приглашаю въ сотрудники по части смѣси и политики: Барановскаго, Сорокина и Гебгарта, насколько разсѣянная жизнь и возня съ женщинами позволяютъ послѣднему примѣнить къ дѣлу свои блестящія способности. Жаль мнѣ моего остроумнаго, даровитаго Гебгарта. Онъ топить себя въ житейскихъ мелочахъ; онъ гибнетъ между Сциллой и Харидою, то есть между канцелярской службой и недостойными своего ума и сердца развлеченіями. Онъ отдается послѣднимъ, насколько можетъ украсть себя отъ службы. Отъ того внутреннее управленіе, экономія души его въ плохомъ состояніи. Правственные силы его не питаются и не укрѣпляются производительнымъ трудомъ, а тратятся на игру въ пустяки, на мелочныя тревоги, издерживаются на сплетни, которыя неизбежно сопутствуютъ всякаго, кто слишкомъ отдается свѣту, людямъ и страстямъ своимъ. Но что-же дѣлать? Всякій бываетъ

только тѣмъ, чѣмъ можетъ быть. И возвышать человѣка не должно насильно. Онъ въ заключеніе все-таки непремѣнно упадетъ, но, падая съ высоты, искалечится хуже, чѣмъ спотыкаясь на низменныхъ мѣстахъ. Кто не способенъ самъ, по собственному почину, идти по пути, отличному отъ путей массы и толпы, того не толкайте впередъ: вы сдѣлаете ему зло.

28. По условію Полевой долженъ приготовить къ выходу восьмую книжку «Сына Отечества». Но онъ работаетъ очень медленно. Трудно и подстрекать его: онъ и боленъ и отягощенъ разными заботами.

Самый обширный умъ—тотъ, который умѣетъ примѣниться къ тѣснотѣ своего положенія и ясно видитъ все добро, которое можетъ тамъ сдѣлать.

Іюнь 25. Редакція журнала поглощаетъ много моего времени и моихъ силъ, но мало вознаграждаетъ меня. Вотъ и теперь я поставленъ въ крайне затруднительное денежное положеніе. Смирдинъ уѣхалъ въ Москву, не заплативъ мнѣ ни копѣйки, хотя общалъ совѣмъ расплатиться со мной передъ отъѣздомъ. А журналъ между тѣмъ весь на моихъ рукахъ.

Іюль 11. Со мной обыкновенно ночуетъ на дачѣ мой сотрудникъ по журналу, Викторъ Ивановичъ Барановскій. Мы съ нимъ усердно работаемъ и онъ мнѣ чрезвычайно полезенъ: составляетъ смѣсь, политику, кромѣ того, переводитъ разныя статьи по моему указанію. Все это онъ дѣлаетъ умно, скоро, аккуратно. И по русски пишетъ хорошо, то есть правильно и легко.

Къ сожалѣнію, Викторъ Ивановичъ одинъ изъ тѣхъ людей, которымъ предназначено стоять одиноко и вообще быть мало оцѣненными. Это человѣкъ очень умный и съ оригинальнымъ взглядомъ на вещи. Его философскія идеи, которыя онъ систематически излагаетъ на бумагѣ—онъ уже много написалъ—поражаютъ смѣлостью. Онъ много читалъ, учился, много думалъ и наблюдалъ. Честенъ и благороденъ, но упрямъ, какъ малороссійскій воль. Защищаетъ свои мнѣнія и положенія съ упорствомъ фанатика, вѣрующаго въ непогрѣшимость своихъ основныхъ началъ. Думаю, однако, что онъ во многомъ правъ.

27. Въ типографіи бумаги нѣтъ: веди тутъ журналъ, какъ хочешь. Наконецъ, пріѣхалъ Смирдинъ изъ Москвы. Я съ нимъ говорилъ. Онъ общался, что впредь остановки не будетъ. Надо надѣяться!

Августъ 1. Вотъ уже и приемные экзамены въ университетѣ начались. Одна изъ самыхъ тяжелыхъ для меня обязанностей. Мало молодыхъ людей, которые были бы хорошо приготовлены.

8. У меня обѣдалъ Брюловъ, знаменитый творецъ «Послѣдняго дня Помпеи». Собралось еще человѣка два-три и нѣсколько дамъ

изъ Смольнаго монастыря. Мы хорошо провели время за обѣдомъ, подъ открытымъ небомъ, въ моемъ крохотномъ садикѣ, подъ березкамъ, рядомъ съ кустами крыжовника.

Брюловъ, кромѣ таланта, одаренъ также умомъ. Онъ не отличается гибкостью и особенной прелестью обращенія, однако, не лишенъ живости и пріятности. Онъ лѣтъ пятнадцать прожилъ въ Европѣ и теперь не особенно доволенъ, кажется, своимъ пребываніемъ въ Россіи. Это, пожалуй, и не мудрено. У насъ не очень-то умѣютъ чтить талантъ. Вотъ хоть бы и сегодня. Мы гуляли въ Беклешовомъ саду. Одинъ мнѣ знакомый дѣйствительный статскій совѣтникъ отзывается меня въ сторону и говоритъ:

— Это Брюловъ съ вами? Радъ, что вижу его, я еще никогда не видалъ его. Замѣчательный, замѣчательный человекъ! А скажите, пожалуйста, вѣдь онъ вѣрно пьяница: они всѣ таковы эти артисты и художники!

Вотъ какое сложилось у насъ мнѣніе о «замѣчательныхъ людяхъ».

Брюловъ уѣхалъ поздно вечеромъ. За обѣдомъ онъ любовался моею женой.

— Чудесная голова, говорилъ онъ,—такъ и просится подъ кисть художника. Покончу съ «Осадой Пскова» и стану просить вашу супругу посидѣть для портрета.

Ноябрь 15. Часто говорятъ: «авторъ вложилъ въ основу такого произведенія глубокую мысль». Но что въ томъ, если зданіе, построенное на этой идеѣ, не соответствуетъ ей, если величіе ея не осуществилось ни въ размѣрахъ, ни въ отдѣлкѣ этого зданія? Я не хочу, чтобы на зданіи была надпись: это храмъ. Я хочу угадать его безъ надписи, по величію стила.

20. У меня былъ Кольцовъ, нѣкогда добрый, умный, простодушный Кольцовъ, авторъ прекрасныхъ по своей простотѣ и задушевности стихотвореній. Къ несчастію, онъ сблизился съ редакторомъ и главнымъ сотрудникомъ «Отечественныхъ Записокъ»: они его развратили (?). Бѣдный Кольцовъ началъ бредить субъектами и объектами и путаться въ отвлеченностяхъ Гегелевской философіи. Онъ до того зарепортовался у меня, что мнѣ стало больно и грустно за него. Неученый и неопытный, безъ оружія противъ школьныхъ мудрствованій своихъ «покровителей», онъ, пройдя сквозь ихъ руки, утратилъ свое драгоценнѣйшее богатство: простое, искреннее чувство и здравый смыслъ. Владиміръ Строевъ, который также былъ у меня, даже заподозрилъ его въ негрезвости и освѣдомился, часто ли онъ бываетъ такимъ? А скромный, молчаливый Бенедиктовъ только пожималъ плечами.

Всякая идея сама по себѣ есть отвлеченное представленіе: ее нельзя анализировать и потому она въ художественномъ произведеніи не даетъ ничего, кромѣ общихъ мѣстъ. Необходимо видѣть ее раскрывающеюся въ какомъ нибудь фактѣ: тутъ возможность анализа, а слѣдовательно и оживленія. Что такое идея человѣка, какъ не безконечное, отвлеченное представленіе? Посмотрите же, какъ эта идея выражается въ одномъ, въ другомъ недѣлимомъ, и вы изумитесь разнообразію и богатству явленій, которыя можно слагать уже въ какіе угодно образы. Вотъ почему незнаніе природы и жизни производятъ въ искусствѣ одни общія мѣста.

20. Едва возвратился князь М. А. Дондуковъ-Корсаковъ, нашъ попечитель (онъ провелъ восемь мѣсяцевъ за границею), какъ въ университетѣ начались уже такъ называемыя «исторіи». Онъ сказалъ рѣчь студентамъ, въ которой приглашалъ ихъ «во всемъ прямо и непосредственно къ нему относиться» и завѣрялъ ихъ, что онъ «всегдашній ихъ защитникъ». Студенты вообразили, что они могутъ не слушаться инспектора и оскорблять профессоровъ. На другой же или на третій день послѣ рѣчи попечителя, Курторга младшій читалъ свою лекцію изъ исторіи. Какой-то студентъ, недовольный тѣмъ, что Курторга далъ ему дурныя отмѣтки на экзаменѣ, началъ шумѣть въ аудиторіи и смѣяться. Курторга ему замѣтилъ: «Вы ведете себя неприлично» «Я веду себя такъ, отвѣчалъ студентъ,—какъ вы того заслуживаете», и принялся обвинять Курторгу въ противонаціональномъ направленіи его лекцій. Черезъ день Курторгъ уже совсѣмъ не далъ читать лекціи: одни свистѣли, другіе аплодировали: профессоръ принужденъ былъ удалиться съ кафедры. И это не единичный случай: нѣчто подобное было уже и съ другими. Чтобы не пришлось студентамъ за то поплатиться. Но кто главный виновникъ этого?

Уже недѣли двѣ у насъ съ Сенковскимъ идутъ переговоры о «Сынѣ Отечества». Смирдинъ ему уступаетъ этотъ журналъ во временное владѣніе, и хорошо дѣлаетъ, потому что на слѣдующій годъ онъ уже не былъ бы въ состояніи издавать его. Сенковскій же вполне способенъ вести журнальное дѣло. Онъ предложилъ мнѣ попрежнему оставаться редакторомъ «Сына Отечества», съ правомъ самостоятельно распоряжаться его направленіемъ. Я, хотя неохотно, согласился и еще не увѣренъ, что полажу съ Осипомъ Ивановичемъ. Онъ прислалъ мнѣ проектъ объявленія, въ которомъ роль редактора является вовсе не такою, какъ было обѣщано. Я въ длинномъ письмѣ написалъ ему, что на такихъ условіяхъ отказываюсь отъ редакторства. Сегодня я заѣзжалъ къ нему для окончательныхъ объясненій, но не засталъ его дома.

Декабрь 5. Мы, наконецъ, поладили съ Сѣнковскимъ. Положено сказать въ объявленіи, что я буду независимымъ редакторомъ во всемъ, что касается литературнаго направленія журнала.

Я заваленъ работою. Надо додать остальные книжки «Сына Отечества», а ихъ шесть. Четыре типографіи заняты печатаніемъ ихъ. Ложусь спать въ три часа ночи, встаю около семи.

10. Работаю какъ паровая машина. Печатаніе «Сына Отечества» идетъ успѣшно. Мнѣ то и дѣло приходится слышать упреки за то, что я такъ хлопочу по дѣламъ Смирдина, когда онъ ужъ во всякомъ случаѣ обреченъ на разоренію и когда надежда на выгоды отъ него становится все ничтожнѣе. Никто и знать не хочетъ, что Смирдинъ честный человѣкъ и что онъ жертва своего довѣрія къ недобросовѣстнымъ литераторамъ. Пусть, сколько хотятъ, корятъ меня за неблагодаріе. Правда, я врядъ ли и половину получу изъ того, что мнѣ слѣдуетъ отъ Смирдина за мои труды: до сихъ поръ я получилъ всего 500 рублей, вмѣсто должныхъ мнѣ десяти тысячъ. Но по крайней мѣрѣ у меня на совѣсти не будетъ упрека, что и я тоже содѣйствовалъ гибели его и его дѣла.

Въ самомъ дѣлѣ, сколько мерзостей совершается въ нашей литературѣ! Какое самохвальство въ журналистикѣ! Если это тактика со стороны ея, то неужели она достигаетъ цѣли? Истинная сила не нуждается ни въ какой тактикѣ: она горда и презираетъ ухищренія. Ея вліянія нельзя не признать, ибо оно чувствуется.

А. В. Никитенко.

Сообщ. С. А. Никитенко

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОСИПЪ МАКСИМОВИЧЪ БОДЯНСКІЙ

въ его дневникѣ 1849—1852 гг.

III ¹⁾.

3-го іюня (1850 г.). Отправился къ А. Н. Попову поразспросить кой о чемъ въ Петербургѣ касательно университета и узналъ, что Блудовъ изготавляетъ проектъ о преобразованіи преподаванія въ университетахъ, по которому предметы въ факультетахъ будутъ расположены по группамъ, такъ что студентъ, выдержавъ испытаніе въ университетѣ, обязанъ объявить, по какой группѣ онъ хочетъ черезъ четыре года держать испытаніе на ученую степень (съ которою не соединенъ будетъ никакой чинъ, но только право на извѣстное мѣсто) и потому долженъ въ это время выслушать ихъ. Завѣдываніе въ гимназіяхъ и училищахъ снова подчинится университетскому совѣту, а званіе помощника попечителя уничтожится, также, въ противномъ случаѣ, ректора. Слышно, что Норовъ (Авраамъ Сергѣевичъ), товарищъ министра народнаго просвѣщенія, писалъ къ кому-то объ уничтоженіи числа 300 ²⁾ (см. выше). Министръ просвѣщенія—превосходный начальникъ департамента, не очень уважался своимъ предшественникомъ. Служа ему справочнымъ мѣстомъ для всѣхъ постановленій по вѣдомству народнаго просвѣщенія, опредѣленъ государемъ по личному усмотрѣнію въ товарищи, благородный, добрый, благонамѣренный, но недалекій, неученный и съ мистическимъ направленіемъ.

Хомяковъ говоритъ, что онъ года полтора назадъ изобрѣлъ было какую-то машину для паровозовъ, но послѣ узналъ, что въ одно съ нимъ

¹⁾ См. «Русская Старина» изд. 1888 г., т. LX, ноябрь, стр. 394—416.

²⁾ То есть объ отиѣвѣ ограниченія числомъ 300-тъ студентовъ въ университетахъ.

время то-же выдумалъ и какой-то англичанинъ, съ пустыми измѣненіями. Черезъ (нѣкоторое время?) Хомяковъ выдумалъ новую и хочетъ взять привилегію на нее въ Англии, тутъ же онъ принялся адъюнктъ-профессору московскаго университета Ершову объяснять ее по модели, тотчасъ принесенной. «За этой привилегіею я прошу съѣздить (сказалъ Хомяковъ) на мой счетъ и завтра же посылаю вексель на то общаго пріятеля нашего К. А. Коссовича, который между тѣмъ сблизится тамъ и по своему предмету, съ санскритистами. Онъ тамъ проведетъ годъ на моемъ иждивеніи».

Видѣлъ у него же (Попова): «О скопческой ереси», въ четвертку, напечатана по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, въ С.-Петербургѣ, 1845 г., въ числѣ 14 экземпляровъ, сочиненіе Н. П. Надеждина, занимающагося при министерствѣ этомъ составленіемъ исторіи о расколахъ и ересьяхъ на Руси. Экземпляръ этотъ, кажется, принадлежалъ великой княгинѣ М. Н. со многими рисунками на концѣ. Также видѣлъ дѣло объ Артеміи Волинскомъ, писанное. Изъ него Краевскій многое напечаталъ... И то и другое обѣщалъ А. И. Поповъ прислать мнѣ для прочета на время отъѣзда своего въ Рязань (до 4 іюля)

Баронъ Модестъ Корфъ, директоръ императорской публичной библіотеки, намѣреваетъ составить изъ двойниковъ ея также библіотеку и въ Москвѣ, публичную, городскую; затрудняется только помещеніемъ. Поповъ предложилъ ему мысль обратиться о томъ къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, которая, вѣроятно, уступить на библіотеку свой остоженскій дворецъ, а послѣ можно было бы перевести ее и поближе къ средѣ города. Я повторилъ давнишнюю свою мысль при семъ, чтобы въ такой библіотекѣ помѣстить, отдѣльно каждую, и библіотеки рукописей духовныхъ вѣдомствъ въ Москвѣ, напр., синодальную (прежде патриаршую), типографскую, Чудова монастыря, Успенскаго собора, Архангельскаго собора и т. н., что, конечно, было бы превосходно и очень возможно. Одно только тутъ неловко: современемъ эти библіотеки не пощадятъ и сольютъ въ одно цѣлое. У насъ пока еще не понимаютъ важности значенія отдѣльныхъ библіотекъ, въ одномъ зданіи и т. н.

5-го іюня. Былъ у меня полковникъ Александръ Петровичъ Кузьминскій, малороссіянинъ, изъ Черниговской губерніи, проѣздомъ изъ Воронежской, куда ѣздилъ въ имѣніице своей матери. Съ нимъ я познакомился въ Гrefенбергѣ, въ 1842 г., и провелъ вмѣстѣ полгода, попивая холодную водицу, «съ тѣхъ поръ я ни разу, сказалъ онъ мнѣ, не шутя, не болѣлъ и какъ только что почувствую, тотчасъ за воду: даже отъ холеры водою избавился, приказавъ, послѣ первыхъ рвотъ,

завертывать себя въ холодныя мокрыя простыни въ продолженіи двухъ дней по грефенбергски и теперь попиваю-таки водицу, гуляю и купаюсь всякій день лѣтомъ въ Невѣ». — И правду сказать, молодецъ, красивъ, здоровъ и веселъ. Я его совсѣмъ не узналъ. Въ разговорѣ (2½ часа) сообщилъ онъ мнѣ, что Норовъ, человѣкъ благороднѣйшій, не былъ никогда близокъ съ Шихматовымъ и, въ одинъ день, получивъ отъ него записку о назначеніи ему времени для посѣщенія, какъ младшій, самъ отправился къ Шихматову и былъ пораженъ предложеніемъ сдѣлаться его товарищемъ, что и принялъ съ охотою. «Я не буду покоенъ на этомъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаю чего либо хорошаго, особенно для народнаго просвѣщенія». — «Онъ очень хорошо объ васъ (обо мнѣ) отзывается», сказала Кузьминскій. «Такого же отзыва о васъ и землякъ вашъ и мой, (А. В.) Никитенко, который также принужденъ былъ выдти изъ петербургскаго университета Уваровымъ но теперь опять на прежнемъ мѣстѣ». Между прочимъ, объявилъ онъ мнѣ, что (В. П.) Назимовъ, попечитель московскаго университета, сдѣлалъ ему предложеніе, еще въ февралѣ, поступить къ нему въ помощники, но что онъ, по совѣту Норова, отклонилъ то на нѣкоторое время. И я совѣтовалъ ему взять въ соображеніе рассказанные мною слухи о преобразованіи университетовъ черезъ годъ. И онъ сказалъ мнѣ то-же почти о Шихматовѣ, прибавивъ, что онъ, дѣйствительно, очень нерѣшителенъ и что на него имѣетъ большое вліяніе Иванъ Ивановичъ Давыдовъ, директоръ педагогическаго института, а прежній московскій профессоръ и мой учитель (какъ прежде на Уварова). Разставаясь, я подарилъ ему множество разныхъ своихъ брошюръ.

Говорятъ, что, по случаю напечатанія комедіи Островскаго въ «Москвитянинѣ» «Свои люди сочтемся» или первоначально «Банкротъ», издателю журнала присланы были многія замѣчанія на нее; между прочимъ и на упрекъ, сдѣланный частно самимъ, кажется, министромъ народнаго просвѣщенія, что въ ней порокъ не наказанъ, сказано въ одномъ замѣчаніи, что этой бѣдѣ легко очень пособить, прибавивъ, въ самомъ концѣ, послѣ словъ Подхалюзина:

— «А вотъ мы магазинчикъ открываемъ: милости просимъ! малаго ребенка пришлете—въ луковницѣ не обочтемъ», слѣдующее: (входитъ полицейскій и, обращаясь къ Подхалюзину, говорить:) «пожалуйте-съ къ графу». Намскъ на московскаго военнаго генераль-губернатора.

7-го іюня. Петръ Ивановичъ Гусевъ, учившійся въ горномъ корпусѣ, послѣ служившій въ уланахъ, а напоследокъ въ жандармахъ, рассказываетъ, что нынѣшнее устройство жандармовъ совсѣмъ не то, что было первоначально. Теперь ихъ (высшихъ членовъ) главное

дѣло слѣдить за тѣмъ, чтобы не притѣсняли служащіе у Оеимиды: для того при каждомъ губернаторѣ находится по оберъ-офицеру; оба они рапортуютъ отдѣльно своему начальству ежемѣсячно. Оберъ-офицеръ употребляетъ всѣ благія мѣры, замѣтивши что либо нехорошаго, чтобы только склонить на доброе дѣло главное лицо, т. е. того, отъ кого судьба зависитъ дѣла. Мой добрый знакомый и товарищъ (продолжалъ онъ между прочимъ) Львовъ, человекъ совершенно погруженный въ кабинетныя занятія, хотя и военный, былъ взятъ по сходству имени или, вѣрнѣе, фамиліи, по 11 декабря 1848 г., посаженъ въ крѣпость и въ 3—4 дня посѣдѣлъ отъ думы и горя. Когда невинность его открылась, государь, послѣ смотра, при всѣхъ подозвалъ его къ себѣ и просилъ у него прошенія въ ошибкѣ; въ заключеніе послалъ его къ великому князю Михаилу Павловичу. На вопросъ, не желалъ ли бы онъ что либо получить отъ государя? Львовъ отвѣчалъ, что послѣ той сцены, которой предметомъ онъ былъ недавно, всѣ награды и почести ничтожны въ сравненіи. Это была высшая для него награда и удовлетвореніе.

8-го іюня. У А. Ф. Вельтмана ¹⁾ кто-то изъ гостей, вечеромъ, рассказывалъ объ одномъ англоманѣ, какъ онъ, не зная англійскаго языка, давалъ англійскія имена лошадямъ своего завода: такъ одну называлъ Angletterre, а другую миссъ Лордъ и т. п.

13-го іюня. Когда князь Шаховской (кажется) явился къ Эйлеру, извѣстному математику, съ лентой аннинской отъ Екатерины II, то ученый отвѣчалъ присланному:

— «Я совѣтовалъ бы государынѣ такими пустяками не заниматься».

Родной братъ графини Растопчиной, извѣстной писательницы, рассказывалъ за обѣдомъ у дяди своего Н. В. Сушкова, что онъ былъ надняхъ у М. П. Погодина отъ сестры своей съ запросомъ, по какому праву послѣдній продаетъ отдѣльно отпечатанные экземпляры сочиненія ея: «Нелюдимка» (комедія, кажется, помѣщенная въ его «Москвитянинѣ», въ одной изъ первыхъ книжекъ 1850 г.) безъ вѣдома и согласія сочинительницы?

— «Я купилъ у нея это сочиненіе».

«Правда, но только для журнала, а не для того, что вы съ нимъ теперь дѣлаете».

Послѣ многихъ преній, истецъ потребовалъ либо уплаты за всѣ экземпляры, либо же самихъ экземпляровъ. Журналистъ до того былъ смѣшанъ, что долго не могъ опомниться, на другой день онъ

¹⁾ Александръ Оеимичъ Вельтманъ † 1870 года. О немъ воспоминанія въ «Русской Старинѣ» М. П. Погодина, 1871 г., томъ IV.

послалъ часть (половину) денегъ и часть самыхъ экземпляровъ (которые я и видѣлъ) къ посреднику между нимъ и графиней, П. В. Сушкову. — «Это не столько карманное, сколько нравственное наказаніе для него», прибавилъ молодой Сушковъ, «чтобы онъ впередъ былъ осторожнѣе». «Что не деньги здѣсь важны, доказательствомъ то обстоятельство, сказалъ Н. В., что племянница писала ко мнѣ сегодня простить ему остальную половину долгу».

То-же или почти то-же сдѣлалъ онъ (М. П. Погодинъ) и съ А. Н. Островскимъ, сочинителемъ комедіи «Свои люди — сочтемся»: отпечатавши огромное количество отдѣльно и запрудивши тѣмъ всё московскія книжныя лавки, такъ что самому сочинителю пришлось сидѣть дома, какъ говорится, съ своими экземплярами, выговоренными имъ для себя.

3-го іюля. Александръ Ив. Хмельницкій говоритъ, что генералъ Щербацкій, проѣзжая разъ полемъ въ одну заставу московскую, вдругъ слышитъ позади голосъ: «ваше благородіе! спасите», оборачивается и видитъ нѣсколько малороссійскихъ мужиковъ, стоявшихъ подлѣ своихъ воловъ съ возами, на которыхъ было привезли въ столицу кой-какую кладь изъ своей родины и теперь выѣхали за заставу, какъ и всегда прежде дѣлали то, чтобы попасти своихъ воловъ на выгонѣ. Но тутъ привязался къ нимъ какой-то офицеръ, который требовалъ съ нихъ по цѣлковому съ воза за то, какъ смѣли они пасти вола на государевой землѣ. И точно, офицеръ стоялъ тутъ же поодаль. Увидѣвъ генерала, который былъ и его начальникъ, выпрямившись, сказалъ: «На сколько дней прикажете, ваше превосходительство, на гауптвахту?»

— «Теперь ступайте, пока, безъ счету», отвѣчалъ генералъ, а прѣхавши домой, узналъ, что онъ не въ первый уже разъ такія проказы дѣлаетъ и что два брата его тоже за нихъ выключены были изъ своихъ полковъ. Генералъ приказалъ то самое сдѣлать и съ нимъ.

8-го іюля. Встрѣтился въ книжной лавкѣ Баунова (универс.) съ Иваномъ Ивановичемъ Давыдовымъ ¹⁾, который и пригласилъ меня къ себѣ (въ свой домъ, въ Леонтьевскомъ пер., между Никитской и Тверской). Спустия день, ходилъ къ нему вечеромъ дважды, но не засталъ; потомъ черезъ день утромъ въ 11 и просидѣлъ до часу полудни. Посѣтители безпрестано подходили, разговоръ былъ общій. Рѣчь зашла о томъ, куда дѣвать выпускаемыхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, которые всё лѣзутъ по самому устройству послѣднихъ въ дворянство, и сведена была послѣ на то, какъ легче пре-

¹⁾ Извѣстный профессоръ, энциклопедистъ.

кратить крѣпостное состояніе, источникъ запутанности нашихъ теперешнихъ внутреннихъ отношеній. Хозяинъ предлагалъ единственное къ этому средство—позволить купцамъ покупать у дворянъ съ землей и крестьянъ, но съ условіемъ отпускать послѣднихъ на волю послѣ извѣстнаго числа лѣтъ. Тутъ пошли рассказы о хорошихъ и худыхъ помѣщикахъ. Одинъ рассказалъ, что князь Меншиковъ (министръ флота), узнавши, что у него сгорѣла деревня изъ 36 дворовъ, вмѣсто того, чтобы выстроить имъ новыя избы, приказывалъ перевести ихъ въ другую отчину свою (изъ Тульской въ Тверскую губернію), и когда крестьяне стали отпрашиваться оставить ихъ на старомъ пепелищѣ, то онъ велѣлъ землю ихъ раздѣлить между сосѣдними деревнями, а всѣхъ ихъ отпустить на волю.

— «Напротивъ, подхватилъ другой, князь Юсуповъ (старикъ, отецъ нынѣшняго молодого князя) ни за что не дѣлалъ того, а гордился, наоборотъ, своими богатыми крестьянами, помогая имъ всячески, вступая за нихъ поруками, давая имъ капиталы и т. п. На волю же откупиться у него не было никакой возможности».—Хозяинъ сказалъ тутъ, что крестьяне иногда даютъ чрезвычайно много за вольную. «Такъ явился ко мнѣ недавно, года два назадъ, одинъ крестьянинъ по имѣнію, бывшему у меня въ опеку, и просилъ отпустить его на волю, предлагая за себя съ женою, брата тоже и съ сыномъ 20 т. руб. ассигн. На замѣчаніе мое, не тяжело ли это будетъ для него? отвѣтилъ: нѣтъ, батюшка! Господь далъ намъ, а мы—вамъ».

«Что-же тебя заставляетъ проситься на волю? Вѣдь тебѣ и тутъ хорошо?»

— Правда, хорошо, а все таки на волѣ и того лучше. Вотъ у меня есть племянничекъ, которому, по бездѣтству, и мое имущество принадлеать, кромѣ братнина, такъ и хочется, чтобы и онъ былъ человѣкомъ, какъ совѣмъ покончить свое ученье.

«А гдѣ же онъ?»

— Да, въ гимназіи, что у пречистенскихъ воротъ.

Я полюбопытствовалъ видѣть его и, отправившись въ гимназію, увидѣлъ молодца лѣтъ 17—18, красиваго и бойкаго въ ученьи. Онъ учился у старшаго учителя (Ивана Ивановича Лебедева) частно и съ дозволенія директора (Окулова) посѣщалъ и классы. Отецъ собирався послать его за границу въ университеты.

— «Вотъ и мой отецъ, подхватилъ тутъ бывший кунецъ (Романовъ), тоже взнесъ за обоихъ, меня и брата, который и глухъ и нѣмъ, тысячу 35 руб. асс. своему барину. Да, взнесши, и пировалъ цѣлую недѣлю отъ радости, говоря: ну, слава Богу, и мы люди, а то словно въ подвалѣ какомъ были мы до сихъ поръ заперты».

Этими заканчиваются имѣющіяся у насъ записки О. М. Бодянского, писанныя на большихъ листахъ. Оставшіеся отрывки писаны на маленькихъ листкахъ и трехъ полулистахъ; на многихъ изъ нихъ не указаны ни годъ, ни мѣсяць, но они относятся, видимо, къ тому же 1850-му году. И. П.

IV.

1850 года. Августа съ 11 на 12 прїѣздъ министра народнаго просвѣщенія князя Ширинскаго-Шихматова. 13 представленіе ему въ залѣ клиники на Рождественкѣ. 19-го въ пятницу былъ у меня на лекціи. 22-го уѣхалъ.

9-го октября. Разсказъ С. А. Маслова объ атаманѣ черноморскихъ казаковъ, Завадовскомъ: «нашъ атаманъ прямой, якъ дуга».

18-го октября. Разсказъ Шицова объ одномъ молодомъ полякѣ изъ Кракова, замѣшанномъ въ какой-то заговоръ, открывшемся его показаніями и сосланномъ на жительство въ Иркутскъ. Жена его бросается передъ карету съ прошеніемъ наслѣднику, лошади переѣхали ее (карета князя Долгорукова), она выломала себѣ руку, просила воротить мужа, которому наслѣдникъ исходатайствовалъ то; но онъ такъ привыкъ тамъ, что просилъ выслать къ нему и жену его, которая и поѣхала туда.

25-го октября. Разсказъ Чаадаева о томъ, какъ онъ спасъ Пушкина отъ Соловокъ заступничествомъ своимъ у Карамзина, къ которому явился рано утромъ и который взялъ у него ручательство, что Пушкинъ въ теченіи года не станетъ ничего писать подобнаго. Карамзинъ отправился къ государынѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Переписка всѣхъ важныхъ листовъ Пушкинымъ у Милорадовича, отвезшаго ихъ государю, и отправленіе Пушкина къ Инзену въ Одессу. Къ этому случаю относится стихъ въ одномъ стихотвореніи Пушкина: «Ты спасъ меня надъ бездной» и проч. Наибольше Пушкинъ любилъ Нащокина, который давалъ ему всегда въ заемъ денегъ. Пушкинъ вѣчно влюблялся. Двѣ эпиграммы его отъ Шицова: на Полеваго и Булгарина.

27-го октября. Гр. С. Г. Строгановъ разсказываетъ, что онъ, по просьбѣ Гоголя, черезъ дочь его, графиню Толстую, бывшую съ мужемъ за границей, написалъ свое мнѣніе о «Перепискѣ Гоголя съ друзьями», которое заключилъ такъ: «человѣкъ спасенъ, но авторъ погибъ». Послѣ сего Гоголь замолчалъ и былъ мраченъ весь вечеръ. «Это человѣкъ, по словамъ Строганова, въ высшей степени самолюбивый», что и я подтвердилъ съ своей стороны.

4-го ноября. С. Г. Строгановъ, на вопросъ мой: «правда ли, что война у насъ съ Пруссіей?» сказалъ, что «это была правда недѣли 3 назадъ, когда государь сказалъ, что первый, кто выстрѣлитъ въ Германіи теперь, будетъ имѣть русскихъ противъ себя, и что былъ отданъ уже приказъ готовиться въ походъ гренадерскому корпусу: это узнаютъ у насъ тоже развѣ черезъ три недѣли. Король прусскій уменъ, но безхарактерный, слабый. Ему слѣдовало бы дѣйствовать рѣшительно и задушить однимъ ударомъ волненіе, а онъ, напротивъ, все устраиваетъ и, кажется, старается о томъ, чтобы, когда вспыхнетъ опять бунтъ и пожаръ, то чтобы бунтовало и горѣло въ порядкѣ, по системѣ. Прежде заботились о томъ, чтобы что либо устроить не для однихъ себя, но и для потомковъ, а нынѣ, кажется, нужно отказаться отъ этихъ сладкихъ мечтаній и благодарить Бога, если удастся устроить только на свой вѣкъ».

15-го ноября. М. А. Дмитріевъ сказывалъ, какъ онъ слышалъ рассказъ отъ своего дяди И. И. ¹⁾, который, бывши министромъ, имѣлъ часто докладывать покойному Александру Павловичу. Разъ онъ принесъ много доносовъ о томъ, какъ отзывались, тамъ и сямъ, о немъ нехорошо и государь сказалъ ему, чтобы онъ и другіе никогда подобныхъ докладовъ не дѣлали.

— «Я человѣкъ и могу обидѣться, зная, что и какъ, а не зная—впередъ прощаю».

«Но этотъ докладъ особенной важности».

— «Тѣмъ хуже, Иванъ Ивановичъ, замѣтилъ государь, потому-то я и не хочу его знать».

15-го февраля 1851 года. Новиковъ: я съ такой свиньей и говорить бы не сталъ.

«Лужинъ! Теперь ты не нуженъ, а приходи на ужинъ!» Копьевъ.

«У кого былъ адъютантомъ?» «У этой пушки, ваше в—ство, на бородинскихъ маневрахъ».

28-го февраля. Шипова рассказъ о Жуковскомъ, актерѣ: «Polska nie może być bez Poznania». — Nie, Poznania nie dali, ale obiecali dać Kitów.

5-е марта. Отъ В—скаго рассказъ о Писаревѣ, губернаторѣ олонецкомъ, которому далъ пощечину публично, въ церкви, послѣ архіерейскаго служенія, въ царскій день, чиновникъ Матвѣевъ. Губернаторъ, получивши ее, только утерся, подошелъ къ кресту. принималъ поздравленія отъ чиновниковъ и поѣхалъ даже вечеромъ

¹⁾ Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, министр юстиціи въ царствованіе Александра I, извѣстный баснописецъ. И. П.

въ театрѣ. «Молодецъ Писаревъ!.. Понимаетъ службу!» Его никто въ губерніи не терпитъ за низкіе поступки; жена съ векселями на ея имя уѣхала въ Парижъ и не думаетъ о немъ: онъ ее самъ повелъ по развратному пути, употребляя, говорятъ, ея красивое личико средствомъ для своего корыстолюбія. Когда ему дали камергерство, великій князь Михаилъ Павловичъ сказалъ:

— Вотъ и ключи отъ польскихъ сувдуковъ.

Дм. Гавр. Бибииковъ, кievскій военный генераль-губернаторъ, ѣдетъ за границу на полгода, а на его мѣсто волынскій губернаторъ, князь Васильчиковъ, исправляющимъ. Этотъ на вопросъ: «Каково въ его губерніи?» отвѣчалъ:

— Все хорошо, мирно и покойно. Народъ тихій и не думаетъ ни о какихъ бунтахъ; одного желаетъ, чтобы съ нимъ поступали человѣчески.

— «Благодарю, ты мнѣ правду сказалъ изъ всѣхъ губернаторовъ, которые вѣчно твердятъ о необходимости держать этотъ край въ ежовыхъ рукавицахъ».

1-го апрѣля. Фани Елслеръ и стихи о ней въ «Сѣверной Пч.».

3-го апрѣля 1851 г. Старое и новое поколѣніе въ «Московскихъ Вѣдом.».

4-го мая. Прохаживаясь на Тверскомъ бульварѣ, встрѣтился съ Свербеевымъ. «Сынъ мой ѣдетъ съ губернаторомъ Восточной Сибири, Муравьевымъ (Н. Н.), съ старшимъ братомъ вашего помощника попечителя (В. Н.), и будетъ служить у него чиновникомъ особыхъ порученій. Онъ любитъ поручать молодымъ людямъ важныя дѣла, напр., закупку хлѣба на нѣсколько сотъ тысячъ. Когда ему замѣтили, что лучше было бы это поручить кому постарѣе, отвѣчалъ:

— Старый можетъ меня надуть и съ намѣреніемъ, и вся прибыль въ одномъ карманѣ, а молодой ошибется, ошибка послужитъ впередъ наукой, обмануть будетъ въ разныхъ мѣстахъ, стало быть, деньги въ разныхъ рукахъ, а это ужъ много.

10-го мая. У графа С. Г. Строганова, бывшаго съ Катковымъ, для разсказа ему о продѣлкахъ Шевырева, чтобы остаться деканомъ, сошелся съ П. В. Капнистомъ, московскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Онъ тотчасъ со мною сталъ говорить, заведши рѣчь о двоюродномъ моемъ братѣ Павлѣ Ильичѣ ¹⁾, въ Полтавѣ. Немного

¹⁾ Павелъ Ильичъ Бодянский, преподаватель Полтавскаго корпуса и инспекторъ до 1859 г., когда вышелъ въ отставку. Его «Памятная книжка Полтавской губерніи» до сей поры не потеряла своего значенія. Былъ редакторомъ неофициальной части «Полтавскихъ Вѣдомостей», гдѣ писалъ много статей, относящихся къ мѣстной исторіи, этнографіи и т. д., что составило книжку, ницѣ библиографическая рѣдкость.

спустя, графъ спросилъ, какая лучшая исторія о Малороссіи, и Капнисть назвалъ Маркевича, прибавивъ, что Бантышъ-Каменскій оттуда началъ, гдѣ слѣдовало бы кончить ее.

9-го іюля. Письмо отъ Ивана Васильевича Шопова, изъ Праги, на трехъ листахъ; внутри такое же письмо къ Денисову. При немъ 4 №№ «Войводянки» и № «Constit. Blatt aus Böhmen» (121, 22-го мая, 1851), также Жуковскаго «Myslenky o vseslovanskõm písemnem jazycé». Оно подано университетскимъ солдатомъ (Андреемъ Лободой), при выходѣ моемъ на утреннее гулянье съ Фед. Ив. Тютчевымъ. Тютчевъ часто посѣщалъ меня, особенно по утрамъ, для гулянья. Ему далъ почти всѣ оттиски статей въ «Чтеніяхъ» (52) и о народной поэзіи славянъ, а также и исторіи руссовъ для графа Сень-При, прѣхавшаго къ намъ мѣсяца на два. Онъ сынъ русской княгини Голицыной и французско-выходца, извѣстенъ съ хорошей стороны во французской литературѣ. Послѣ Тютчевъ, уѣзжая (14-го іюля), сказалъ мнѣ, что Сень-При радъ со мной познакомиться и прѣдетъ ко мнѣ.

16-го іюля. Наблюдалъ солнечное затменіе на университетской обсерваторіи со многими другими (Леонтьевымъ, Катковымъ, Зерновымъ) ¹⁾ и др.

Далѣ три полулиста—конецъ 1851 и начало слѣдующаго года, что и составляетъ продолженіе предъидущаго.

V

3-го августа 1851 г. Поѣздка въ Паркъ къ А. Н. Попову (дача Бахметева). Знакомство съ NN., при I-мъ отдѣленіи его величества канцелярши (у Блудова), чиновникомъ, который сказалъ объ отзывѣ графа Генриха Ржевускаго, на вопросъ князя Паскевича о русскихъ и полякахъ: «два дурака, одинъ не знаетъ, чего боится, а другой — на что надѣется» ²⁾.

18-го августа. Посѣщеніе И. Н. Березина, профессора въ казанскомъ университетѣ турецкихъ нарѣчій (въ 12 часу).

¹⁾ Читавшій въ университетѣ математику.

²⁾ Графъ Генрихъ Ржевускій—извѣстный романистъ, польскій, талантливый и плодовитый. Извѣстно, что къ творчеству на поприщѣ писателя вызвалъ его поэтъ Мицкевичъ. Въ бытность ихъ обомъ въ Римѣ, Ржевускій часто и превосходно рассказывалъ легенды и сказанія изъ быта стародавней Литвы и Польши. «Не хочу слушать, сказалъ Мицкевичъ, пиши и тогда читай мнѣ написанное».

Онъ возвращается изъ Петербурга и намѣренъ остаться недѣли на двѣ въ Москвѣ. Первая рѣчь о Петровѣ (Павель Яковлевичъ), о переходѣ его изъ Казани къ намъ, что, по его мнѣнiю, состоится, потому что дѣло передано на рѣшенiе совѣта университета, а Петровъ ¹⁾ на свое мѣсто имъ указалъ на вѣмца Болензена, чему соотчичи его обрадовались; впрочемъ, этотъ не иначе соглашается на то, какъ съ званiемъ ординарнаго, не имѣя никакой ученой степени у насъ. Петровъ не хотѣлъ потому держать испытанiе на магистра и д., что не находилъ, кто бы его могъ экзаменовать въ Петербургѣ въ то время, чѣмъ сильно обидѣлись вѣмцы. «Да и я никогда не соглашусь держать на доктора, прибавилъ Березинъ ²⁾, но жду только выслуги (2—3 года) до 8 лѣтъ, чтобы уѣхать на Кавказъ». Я намекнулъ на нашъ у—тетъ и, кажется, онъ не прочь бы. Далѣе зашла рѣчь о Сенковскомъ, который, при выходѣ изъ петербургск. ун—та и неудачи поступить въ профессоры въ военную академiю (потому что предположенiе не состоялось преподавать нѣкоторые языки востока въ ней, по его мысли), предался физическимъ удовольствiямъ. По его мнѣнiю, онъ одинъ изъ немногихъ знатоковъ турецкаго, арабскаго и персидскаго языковъ и его вѣмцы не пустили въ академiю наукъ, въ которой нѣтъ мѣста русскимъ. И теперь надѣются они «выписать» изъ Германiи кого-либо по кафедрѣ китайскаго языка (которую хотятъ открыть потому только, что Гюцлафъ упрекнулъ ихъ въ томъ, когда они показали ему множество важныхъ рукописей китайскихъ: «сосѣдъ Китая—и не имѣютъ человека, который бы представлялъ его среди ихъ» и объяснилъ, что это такое за рукопись). Послѣ разговорились о цензурѣ, по случаю изданiя его Абухарази, который лежитъ съ полгода въ цензурѣ петербургской, между тѣмъ какъ викакая рукопись не можетъ быть долѣе цензурована трехъ мѣсяцевъ. «Что у насъ дѣлается, сказалъ онъ, вы не можете себѣ представить, напр., ректоръ марааетъ въ одной диссертации восточной, опредѣленной издать на счетъ университета, слово «пророкъ», стоящее подлѣ имени «Магометъ», слово «право» въ дипломѣ на степень магистра по юридическому факультету, требуя замѣнить его закономъ и пр. и есылаясь при томъ на особыя предписанiя».

31-го сентября. Вечеръ у Аксакова съ г. Погорецкимъ, штабъ-лекаремъ въ 6-мъ пѣхотномъ корпусѣ (родомъ изъ-подъ Василькова, Кiевской губерни, и моимъ старымъ знакомымъ) и Г. П.

¹⁾ Читалъ въ теченiи 1852—1854 гг. вост. словесность, санскритскiй и арабскiй языки, † 1875. О немъ см. «Русская Старина», 1876 г., т. XVII.

²⁾ Нынѣ извѣстный ориенталистъ, въ 1887 г. праздновавшiй 50-ти-лѣтiе своей ученой дѣятельности. И. П.

Данилевскимъ, тоже малороссомъ (изъ Екатеринославской губерніи), служащимъ чиновникомъ при товарищѣ министра народнаго просвѣщенія (Норовѣ); пѣніе разныхъ малороссійскихъ пѣсень, къ чему приглашены были Гоголемъ, съ коимъ я познакомилъ Данилевскаго. Передъ началомъ Гоголь, пришедшій въ 8 часовъ вечеромъ, при разговорѣ, между прочимъ, замѣтилъ, что первую идею къ «Ревизору» его подалъ ему Пушкинъ, рассказавъ о Павлѣ Петровичѣ Свиньянѣ, какъ онъ, въ Бессарабіи, выдавалъ себя за какого-то петербургскаго важнаго чиновника и только, зашедши ужъ далеко (стало было брать прошенія отъ колодниковъ), былъ остановленъ. «Послѣ слышалъ я, прибавилъ онъ, еще нѣсколько подобныхъ продолокъ, напр., о какомъ-то Волковѣ».

Передъ тѣмъ, за недѣлю, былъ у Погорецкаго, который рассказывалъ, какъ одинъ малороссіянинъ, ѣхавшій по степи, втащень былъ волами въ море, и какъ они не стали пить воды. Онъ самъ, почерпнувши ладонью, выплюнулъ воду и сказалъ:

— Отъ того богато въ мори воды е, що ин никто не пье!

18-го декабря. Приѣздъ С. П. Шипова, изъ Петербурга, рассказавшаго, что онъ подалъ черезъ камердинера свою записку о постановленіи памятника Богдану Хмельницкому въ Кіевѣ, въ собственныя руки государя. Тутъ-же рассказъ С. А. Маслова о томъ, какъ Терекъ, мадьяръ, лѣтъ за десять до возстанія мадьяръ, познакомившись съ нимъ, кажется, на съѣздѣ экономистовъ въ Бернѣ, послѣ, въ Баденѣ, или гдѣ-то тамъ, спрашивалъ его, какъ ему кажется сближеніе его народа съ русскими.

26-го декабря. Рассказъ фабриканта Прохорова у Драшусова, отъ чего (происходитъ) Ваганьково: еще, кажется, при Калитѣ и первыхъ московскихъ князьяхъ, выведены были плотники съ рѣки Ваганьки, Нижегородской губерніи, и поселены сперва у Николая Стрѣлецкаго, но потомъ, по тѣснотѣ помѣщенія, переведены на Прѣсеню, откуда Ново-Ваганьково (Никола Новогаганьковскій, въ отличіе отъ Николая Старо Ваганьковскаго, впоследствии Стрѣлецкаго) и кладбище Ваганьково.

7-го января 1852 г. Разговоръ въ книжной университетской лавкѣ двухъ неизвѣстныхъ:

1-й: Иванъ Васильевичъ (обращаясь къ книгопродавцу Глазуну). Скажите, пожалуйста, что стоитъ Франкѣръ?

Книгопродавца помощникъ: 10 р. серебромъ.

1-й: Въ переплетѣ?

Помощникъ книгопродавца: Такъ-съ.

2-й (сидя на стулѣ, подлѣ средняго окна, выходящаго на улицу,

между тѣмъ какъ первый помѣстился на диванѣ, что къ прилавку у сѣней): Хорошая вещь эта математика! Вотъ, хоть бы по себѣ сказать, люблю ее сердечно, не смотря на то, что я полнаго курса не одолѣлъ. Ну, что-жь? Это мнѣ не мѣшаетъ ничуть заниматься ею и, признаться, дѣлать кое-какія открытія въ ней (съ этими словами вдругъ вынимаетъ изъ боковаго кармана бумажникъ, беретъ изъ него какую-то бумажку, быстро подходитъ къ первому господину и, подавая ее, говоритъ): Сдѣлайте одолженіе, прошу посмотрѣть — тутъ описана моя находка.

1-й господинъ: Какая же это?

2-й: Читайте.

1-й: Нѣтъ, ужъ лучше скажите, пожалуйста, напередъ.

2-й: Это математическая рѣдкость.

1-й: Вы ошиблись, я вовсе не математикъ. Я спросилъ только Франкѣра для одного моего знакомаго.

2-й: Нужды нѣтъ. Вы передайте это увѣдомленіе, напечатанное мною недавно въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», ему или кому либо другому изъ знакомыхъ любителей математики.

1-й (заинтересованный, однако, увѣдомленіемъ, пробѣгаетъ его быстро и говоритъ): Такъ вы открыли, пишете, *perpetuum mobile*?

2-й: Да-съ.

1-й: Славная вещь! Я тоже было открылъ, только послѣ оказалось, что это вѣчное движеніе нужно двигать.

2-й: Мое совсѣмъ иначе. Мое само движется и другихъ движеть.

1-й: Поздравляю васъ (приподнимаясь чуть-чуть съ мѣста) будущимъ милліонщикомъ.

2-й: Дай-то Богъ!... Только вотъ бѣда, гдѣ найти товарищей?

1-й: Для чего?

2-й: Какъ, для чего?.. Я, видите, человѣкъ не того вѣтъ (не богатый), такъ нуженъ капиталець.

1-й: Пустое. Была бы лишь выдумка, а прочее все ни по чемъ.

2-й: Не совсѣмъ; по крайней мѣрѣ, по сю пору, никто не являлся ко мнѣ со времени моей публикаціи.

1-й: Что-же вы не обратитесь въ университетъ? Тамъ все люди умные, тотчасъ поймутъ, повѣрятъ и оцѣнятъ.

2-й: Конечно-съ, но вы забываете, что, во 1-хъ, они тоже люди стало быть, не безъ зависти, а во-2-хъ, главное, люди безъ капитала.

1-й: Я не думаю, чтобы они были такъ ужъ бездушны и не имущи или по вашему, не того вѣты (*sic*). Между нами найдется, я знаю, довольно съ сотенькой, другой тысячь.

2-й: Правда; да развѣ это капиталъ?

1-й: Э, такъ ваше *perpetuum mobile*, чтобы только двинуться съ мѣста, требуетъ миллионныхъ силъ? Въ такомъ случаѣ, оно то-же, что и мое, какъ я уже докладывалъ, т. е. вѣчно движется, коли его движешь.

2-й: Ну, мое не таково, какъ я сказалъ вамъ: оно, видите, движется до тѣхъ поръ, пока держитъ матерьялъ, куда запрячете его.

1-й: Слуга покорный!... Стало быть, въ горшкѣ, пока горшокъ цѣлъ. Хороша-же вѣчность!

2-й: Вольно-жъ вамъ прятать его въ глину!... Глина, что жещина, больно хрупка и не надежна.

1-й: Вотъ въ этомъ такъ я съ вами совершенно согласенъ и, признаюсь, оставивши въ сторону самый матерьялъ, который, какъ вы прекрасно сказали, больно хрупокъ и ненадеженъ, онъ то и есть *perpetuum mobile*, которое само движется и все движеть.

2-й: Вы начинаете подшучивать.

1-й: Какъ Богъ святъ, сущая правда.

2-й: Пушай будетъ по вашему, а все таки моя находка при мнѣ.

1-й: Безъ сомнѣнія, разница между нами въ томъ лишь, что для вашего вѣчнаго движенія нуженъ капитадецъ, чтобы его двинуть, а а мое испоконъ вѣка само собой движется, движется и будетъ двигаться и двигать. Неправда-ли, Иванъ Васильевичъ (обращаясь къ книгопродавцу).

Ив. Вас. (отрываясь отъ нисьма). Не знаю-съ. Можетъ быть, вы оба, господа, правы. На мой вкусъ, та самая лучшая мебель, что наименьше портится.

2-й: Помилуйте, не о мебели рѣчь, а о *perpetuum mobile*, что по русски значить: вѣчное движеніе.

Ив. Вас. Извините-съ... Я не вслушался хорошенько въ вашъ разговоръ, запятый въ это время тоже движеніемъ пера по бумагѣ, и мнѣ почуялось, что вы говорите про какую-то мебель. А, впрочемъ, экая штука, въ самомъ дѣлѣ: нѣтъ ли тутъ какихъ шашней моей мебели съ вашими, какъ вы тамъ говорите, *mobile*; что-то ужъ больно смахиваютъ дружка на дружку, словно одного сукна епанча.

1-й: А что вы думаете (обращаясь ко 2-му), не спросить ли объ этомъ университетъ? Говорятъ, тамъ, съ нѣкоторой поры, съ успѣхомъ занимаются корневодствомъ: можетъ быть, не въ шутку, мебель и *mobile*—одного поля ягода.

2-й: Почему знать? Только то навѣрное знаю, что *mobile* по русски значить движеніе.

Ив. Вас.: Такъ-съ. А мебель тоже, вѣдь, двигается.

2-й: Двигается, только не сама собой, а вотъ ихъ изобрѣтеніе. какъ они завѣряютъ, вѣчно и само собою.

Ив. Вас.: Мудреная вещь; а, впрочемъ, мое дѣло сторона. Я не профессоръ и ничего въ этомъ не смыслю. Но думаю, что если ужъ такая диковинка выдумана, такъ лучше всего въ университетъ съ нею. Тамъ какъ разъ разберутъ ее по суставчикамъ, и буде окажется не благонадежной почему либо, то сошлютъ только въ музей, на память и поученіе гг. студентамъ.

1-й: А съ тѣмъ вмѣстѣ и на вѣчное бездѣйствіе. Неправда ли?

Ив. Вас.: Какъ хотите, я на все согласенъ (тутъ входитъ разомъ нѣсколько покупателей и разговоръ прекращается).

30-го января. Графъ Строгановъ (С. Г.), въ разговорѣ, разсказалъ, какъ онъ, по случаю пропуска покойнымъ ректоромъ московскаго университета А. В. Болдыревымъ статьи Чаадаева въ «Телескопъ», сказалъ издателю послѣдняго, предлагавшему разрѣшить ее:

— «Послушайте: вы пришли ко мнѣ въ двери, а послѣ этихъ словъ мнѣ слѣдуетъ указать вамъ на одно изъ этихъ оконъ». Съ тѣхъ поръ я его болѣе не видалъ. Онъ (Надеждинъ) поступилъ съ другомъ своимъ (Болдыревымъ) нечестно: въ то время, когда тотъ игралъ въ карты, онъ сказалъ ему объ этой статьѣ и на вопросъ: «читалъ ли онъ ее и нѣтъ ли въ ней чего-либо предосудительнаго?» — отвѣчалъ отрицательно. Въ самый день выхода книжки я былъ у покойнаго Д. П. Голохвастова вечеромъ и, получивши отъ него ее, пришелъ домой и сталъ читать. Содержаніе ея поразило меня и я приказалъ заготовить донесеніе министру о томъ, что какъ цензоръ, такъ и издатель получили отъ меня строжайшій выговоръ за пропускъ такой статьи. Но Дмитрій Павловичъ, бывши на другой день у меня, всѣми силами постарался отсвѣтовать то мнѣ. Черезъ недѣлю было получено извѣстное распоряженіе по этому случаю. На мое прошеніе Бенкендорфу довести до свѣдѣнія государя императора, я получилъ извѣстіе, что, такъ какъ министерство просвѣщенія и университетъ московскій не приняли немедленно къ тому никакихъ мѣръ, то государь, какъ глава народа, обязанъ защищать начала, составляющія основу бытія общества, на которую послѣдовали нападки въ упомянутой статьѣ. Мнѣ послѣ стояло величайшихъ усилій, и то черезъ два года, выхлопотать пенсію Болдыреву, какою онъ, впрочемъ, недолго пользовался, умерши отъ горести. То же можетъ случиться, пожалуй, и теперь по причинѣ напечатанія въ № 4 «Московскихъ Вѣдомостей» отрывка изъ лекцій, читанныхъ публично въ прошломъ году профессоромъ Рулѣе. Но, для

уменьшенія удара, нужно поступить такъ, какъ я тогда хотѣлъ было поступить. Слышу, что попечитель написалъ уже министру о томъ, что онъ ректору сдѣлалъ строжайшій выговоръ. Быть можетъ, это нѣсколько смягчить, а можетъ статья и вовсе отвратить ударъ отъ него. Во всякомъ случаѣ, редакторъ ѣдетъ для объясненій съ министромъ. Совѣтую ему сказать откровенно министру, чтобы онъ далъ ему какое другое мѣсто, больше согласное съ его способностями и призваніемъ».

Тутъ же гр. Строгановъ сказалъ мнѣ, что въ началѣ войны съ Турціей въ 1828 г. ему, какъ флигель-адъютанту, поручено было отвезти орденъ запорожскому кошевому, передававшемуся намъ со своими казаками. Это совершенно простой человѣкъ графа Разумовскаго.

11-го февраля. Андрей Яковлевичъ Стороженко ¹⁾, проездомъ (изъ села Полтавской губ. Лубенскаго уѣзда) въ Петербургъ, прислалъ просить повидаться съ нимъ. Я тотчасъ сталъ одѣваться и не успѣлъ накинуть шубы, а сани его уже стояли у крыльца. Сѣвши въ нихъ, отправился на Тверскую, въ гостинницу Дрезденъ, № 4. Въ разговорѣ, между прочимъ, онъ сказалъ мнѣ, что по сю пору не привелъ своей библіотеки въ порядокъ, хотя безпрестанно работаетъ надъ разборомъ французъ—французскихъ, а русскій—русскихъ книгъ. Особенно беспокоятъ его рукописи, изъ которыхъ многія отъ давности и влажности слились такъ, что съ трудомъ листы отдѣляются у нихъ. «Недавно еще я (т. е. прошлымъ лѣтомъ) просушивалъ нѣкоторыя, и что же вы думаете? Беру, изъ любопытства, кое-что изъ висѣвшаго на веревочкѣ, читаю и не вѣрю своимъ глазамъ: то было донесеніе (доношеніе) Шаха или Жаха и Лободы Баторію изъ Малой Азіи, изъ окрестностей Синопа, о томъ, что русскихъ селъ тамъ больше 30-ти, все православныя, но въ запахъ большой недостатокъ. Посылали-де въ Царьградъ, Булгарію и на Афонъ за ними и пришли оттуда, да ничего не понимаютъ по нашему, хоть и православныя. Спрашивается, какъ эти русскія села очутились здѣсь? Вѣроятно, частью изъ добровольныхъ выходцевъ, частью изъ искателей приключеній казаковъ, а частью изъ плѣнныхъ, поселяемыхъ тамъ; многія остаться могли и отъ разныхъ походовъ казаковъ въ Малую Азію, въ теченіи XVI вѣка, о которыхъ

¹⁾ Стороженко, 1790—1866 гг., сенаторъ, тайный совѣтникъ. Занималъ постъ главнаго директора правительственной комисіи внутр. и духовныхъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ (1843—50). О его литературной дѣятельности см. «Кіевская Старина» 1886 г., №№ 5, 8, 9, 10, во 2 т. «Русскаго архива», 1873, въ воспоминаніяхъ Ушакова и предисловіе Бодянскаго къ реестру Запорожскаго войска въ «Чтеніяхъ» 1875 года.

знаемъ, дѣйствительно, что они были. Къ нимъ приходили, статья можетъ, и изъ Булгаріи. Не этихъ ли славянъ на мало-азіатскомъ берегу Понта видѣли нѣкоторые путешественники (см. Шафарика, Славянскія древности, т. 6, стр. 384—385) въ нынѣшнемъ столѣтіи?» Бумаги эти, вмѣстѣ со всѣмъ архивомъ, куплены, по словамъ Стороженки, имъ, за 500 р. асс., въ Коневскомъ монастырѣ, который, съ городомъ своимъ, какъ извѣстно, былъ долгое время когда-то казацкимъ.

Въ другомъ разговорѣ: у меня былъ въ Варшавѣ секретаремъ Терещенко (братъ писателя), очень умный и смѣтливый. Когда Храповицкій сдѣлался генераль-губернаторомъ бѣлорусскимъ, сталъ онъ проситься у меня къ нему. «Съ Богомъ», сказалъ я ему. Здѣсь ты ничего особеннаго не дождешься; а тамъ, кромѣ жалованья, при смѣтливости и накрадешь такы гетьто ¹⁾». Что-жь? Спусти 4—5 лѣтъ является онъ ко мнѣ. «Ну какъ везло тебѣ?»—«Гарненко» ²⁾. Какъ было гдѣ-нибудь съ москалями и какъ стануть они говорить, то не разъ казалось мнѣ, что глупѣе никого не было и нѣтъ меня; а какъ придется что-нибудь написать, то вотъ уже ни одинъ изъ тѣхъ говорунувъ «ничогисивко и не втые; то люды идуть було до того найдурнишого; винъ, кажуть, дарма, що мовчыть соби, а багацько мозгу ма въ голови. То я одною рукою було пышу, а другою гарну соби грошыны въ кишению» ³⁾. — «А чы багацько такы нагарбавъ?» — «Буде зъ мене. Отъ чы не знаете якого не величкого хуторця, такъ соби голову зъ двисти». Буде зъ тебе, подумалъ. И точно, онъ не только купилъ двѣсти душъ, но потомъ женился очень выгодно, и живетъ теперь паномъ на всю губу, гдѣ-то, въ Херсонской губерніи; крестьянъ у него больше, чѣмъ у меня; говорятъ, подъ тысячу, если не за тысячу.

16-го февраля. М. Н. Катковъ, воротившись изъ Петербурга, куда принужденъ былъ отправиться на масляной, по случаю замѣчанія министра народнаго просвѣщенія попечителю московскаго университета за помѣщеніе въ № 4 «Московскихъ Вѣдомостей» отрывка изъ лекціи, читанной ровно годъ тому назадъ профессоромъ Рудѣе публично и потомъ напечатанной въ отдѣльной книгѣ, вмѣстѣ съ лекціями другихъ его товарищей (Геймана, Соловьева, Грановскаго и Шевырева), рассказывалъ (у Драшусова на вечерѣ), что онъ, бывши въ Публичной библиотекѣ, видѣлъ, какъ перемѣщали книги изъ армитажа въ эту послѣднюю. Любопытствуя, взялъ онъ одну изъ нихъ и, къ удивленію своему, нашелъ на ней библиотечный ярлычекъ.

¹⁾ Довольно, достаточно.

²⁾ Хорошо.

³⁾ Собираю гроши (деньги) въ карманъ.

съ надписью на русскомъ языкѣ и на русской книгѣ: «Иностранная Словесность». Не довѣряя себѣ, бралъ нѣсколько другихъ, и то-же самое повторилось на всѣхъ ихъ. Потомъ спросилъ одного бібліотекаря, какого рода книги, передаваемые изъ эрмитажа къ вамъ?

— Всѣ русскія, до одной.

— Ну, хотѣлось бы, послѣ этого, знать, что же для составителя такого распредѣленія въ эрмитажѣ «отечественная словесность?»

21-го февраля. Отецъ Нафанаилъ, болгарякъ, воспитывавшійся въ Одессѣ и кievской академіи, привезъ мнѣ письмо отъ Пл. Вас. Павлова, профессора университета св. Владимира. Онъ въ Россіи съ 1837 года и только въ прошлое лѣто кончилъ ученіе, ѣдетъ въ Петербургъ и просилъ писемъ. Принадлежа къ монастырю болгарскому, на Афонѣ, Зографу, кажется, хочетъ перейти, по возвращеніи, въ Рыльскій, въ коемъ основать бібліотеку: крѣпкое положеніе монастыря наиболѣе тому благоприятствуетъ. Основаніемъ могутъ послужить книги, собранныя товарищемъ его, Княжескимъ, и по сю пору находящіяся въ Одессѣ. Онъ говоритъ, что въ монастырѣ болгарскомъ, въ Македоніи, въ селѣ Тресковцѣ, близъ Охрида, находится богатое собраніе всякаго рода рукописей, особенно харатейныхъ, на славянскомъ языкѣ. Въ недавнее время многія изъ нихъ были увезены чиновникомъ австрійскаго консула въ Селунѣ, но когда жители села узнали о томъ, то, собравшись толпой, потребовали отъ ихняго паша мѣръ къ возвращенію похищеннаго, что и было сдѣлано. Рассказываютъ, прибавляетъ онъ, что этотъ чиновникъ давалъ огромную послѣ сумму денегъ, чтобы только какую-то пергаментную рукопись достали ему изъ бывшаго уже въ его распоряженіи. Не отсюда ли и та глагольская рукопись г. Мянновича, бывшаго около этого времени консуломъ въ Селунѣ, о которой Шафарикъ и В. П. Григоровичъ ¹⁾ упоминаютъ.

Апрѣля 28-го дня. Смотрѣлъ выставку въ художественномъ классѣ, что противъ почтамта, продолжавшуюся до 8-го мая. Здѣсь въ особенности замѣчательны были: картины офицера Федотова, отличавшіяся своею характерностью, предметъ коихъ взятъ изъ жизни русской. О нихъ см. № 5 «Московскихъ Вѣдомостей», въ смѣси. Также замѣчательны картины: Башилова, представляющая малороссійскаго бандуриста (кобзаря-слѣпца, играющаго на бандурѣ подъ плетнемъ, по коемъ вьется тыква, сверху него смотреть внизъ мальчикъ на игру, а

¹⁾ Въ статьѣ «Измсканія о славянскихъ апостолахъ, произведенныя въ странахъ европейской Турціи». Журналъ министерства народнаго просвѣщенія 1847 г. № 1. О Григоровичѣ, извѣстномъ славистѣ, см. неврологъ въ томъ же журналѣ за 1877, № 2. (онъ умеръ въ 1876 г.). И. П.

по сторонѣ стоитъ пастухъ въ рубашкѣ, съ шапкой теплою на головѣ, одну ногу (лѣвую, кажется) выдавши впередъ, а руки закинувши назадъ, не выпуская кія изъ нея; отъ него видно на лужайкѣ стадо воловъ, почивающее въ полдень; далѣе сельская церковь; передъ бандуристомъ родъ хаты, въ сѣняхъ коихъ виденъ простой малороссіянинъ, внимательно слушающій игру и пѣніе, въ сѣрой свиткѣ съ голубой опушкой, въ сапогахъ, бѣлыхъ штанахъ, въ карманъ коихъ опущена уже рука, чтобы вынуть оттуда шагъ (?) бандуристу; на головѣ шапка; а за нимъ дочь его, въ цвѣтахъ на головѣ, рубашкѣ желтой, плахтѣ и запаскѣ, монистахъ на шеѣ, склонившись впередъ и высматривая изъ-за плеча отцовскаго, на которомъ одна рука ея. Очеркъ весьма вѣренъ и выразителенъ въ этой картинѣ. Другая—Астрахова, представляетъ русскій кабакъ. Столъ, на которомъ сидятъ въ разныхъ положеніяхъ нѣсколько человекъ; въ концѣ, мужикъ въ красной рубашкѣ играетъ на балалайкѣ, пьяная баба (кухарка, думаю) пляшетъ; за нимъ служивый сидитъ, а передъ нимъ во фракѣ и шляпѣ стоитъ чуть ли не одинъ изъ кабачныхъ литераторовъ; подальше, за прилавкомъ, принимаетъ деньги отъ подающаго половаго самъ хозяинъ кабака или трактира, въ голубой жилеткѣ, сверхъ рубашки. Выраженіе его лица и пляшущей бабы весьма вѣрны.

Послѣдній отрывокъ о выставкѣ не имѣетъ года, а потому мы и помѣстили его въ концѣ. Дальнѣйшіе годы дневника находятся въ части, полученной г. Кочубинскимъ отъ сына покойнаго слависта-профес. Котляревскаго.

Сообщ. **Ив. Фр. Павловскій.**

ДИСКАНТЪ МАРТЫНКО.

I.

Въ Москвѣ, апрѣля 20 дни 1730 г.

Пресвященный Лаврентій, епископъ Устюжскій! Ея Императорское Величество изволила указать и вашему пресвященству писать: которой при домѣ вашего пресвященства хлопецъ дышкантъ Мартынко, онаго прислать въ Москву ко двору Ея Императорскаго Величества немедленно.

Вашего пресвященства слуга Семенъ Салтыковъ.

[На оборотѣ:] Получено на Устюгѣ 1730 г. мая 3-го дня чрезъ подачу лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку капрала Ивана Георгіева сына Оберунова.

II.

Милостивый и премилосердый мой государь Семенъ Андреевичъ! Мая 3-го дня сего 730 года получилъ я письмо отъ вашего высокопревосходительства за подписаніемъ вашимъ чрезъ подачу лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку капрала Ивана Оберунова исправно, по которому повелѣно мнѣ прислать ко двору ея императорскаго величества обрѣтающагося на Устюгѣ при домѣ архіерейскомъ хлопца дышканта Ивана Мартышку и по полученіи онаго отъ вашего высокопревосходительства письма означеннаго хлопца послалъ я въ Москву ко двору ея императорскаго величества, съ домовымъ сыномъ боярскимъ Степаномъ Вышневскимъ, и велѣлъ того хлопца объявить вашему высокопревосходительству.

Примѣчаніе. Таковое письмо за подписаніемъ пресвященнаго Лаврентія епископа Велико-Устюжскаго и Готемскаго, и хлопецъ посланы съ сыномъ боярскимъ Степаномъ Вышневскимъ мая 6-го дня 1730 года.

Сообщ. 13 дек. 1887 г. Н. И. Суворовъ.

ВЕТЛЯНСКАЯ ЧУМА ВЪ 1878 И 1879 гг.

Воспоминанія бывшего городского головы въ г. Царицынѣ.

Въ ноябрѣ 1878 г. года въ Царицынѣ проникли слухи, что въ низовьяхъ Волги, въ предѣлахъ Астраханской губерніи, появилась болѣзнь, отъ которой люди умираютъ очень скоро и даже цѣлыми семьями. Слухи эти держались весьма упорно и, по мѣрѣ того, какъ время шло, принимали все болѣе и болѣе зловѣщій характеръ. Въ концѣ ноября было получено изъ станицы Ветлянки отъ мѣстнаго священника письмо ¹⁾), въ которомъ этотъ почтенный пастырь ²⁾), описывая всѣ ужасы постигшаго ихъ станицу несчастія, убѣдительно просилъ объ оказаніи помощи больнымъ и сиротамъ. Вслѣдствіе этого немедленно было отправлено въ Ветлянку, на лошадахъ, подъ надзоромъ двухъ сестеръ милосердія, значительное количество бѣлья, обуви, чаю, сахару, муки, пшена и пр. ³⁾). Одновременно съ этимъ былъ командированъ туда же и лекарскій помощникъ Васильевъ. Вотъ что, спустя нѣсколько дней, онъ писалъ изъ Ветлянки:

¹⁾ Письмо было адресовано на имя жены моей, которая въ то время была председательницей мѣстнаго комитета «Краснаго креста». Письмо впоследствии было передано графу М. Т. Лорисъ-Меликову. М.

²⁾ Священникъ этотъ и вся семья его, состоявшая изъ жены и двухъ дѣтей, вскорѣ умерли отъ чумы. Въ комодахъ его впоследствии найденъ весьма интересный дневникъ о ходѣ эпидеміи въ Ветлянкѣ, доведенный до дня его кончины.

³⁾ Первая помощь со стороны Общества Краснаго Креста оказана была по ходатайству предѣдателя мѣстнаго управленія этого общества въ г. Астрахань. Ред.

— «Пріѣхавши въ Ветлянку, я явился немедленно за распоряженіями къ начальнику перваго отдѣла Астраханскаго казачьяго войска, полковнику Плеханову, но тотъ, сказавшись больнымъ, не сдѣлалъ никакихъ распоряженій, предоставивъ мнѣ дѣлать то, что я найду нужнымъ. Я взялъ казаковъ и сейчасъ же отправился осматривать больныхъ. По дорогѣ мнѣ подалось множество труповъ, они лежали посреди улицы ¹⁾ Первая моя забота была погребсти умершихъ, но никто не находился: всѣ бѣжали. Въ домахъ станицы нашелъ множество больныхъ и мертвыхъ. Больные были разнаго возраста. Матери, жены, отцы, дѣти—всѣ боялись больныхъ. Всѣ были такъ напуганы, что бросили дома и семейства и бѣжали въ степь. Послѣ долгихъ усилій, я едва нашелъ двухъ солдатъ—пьяницъ, которые согласились погребать тѣла. Множество домовъ совершенно заколочены»...

Вслѣдъ за этимъ продолжали получаться съ низовьевъ Волги извѣстія, словесныя и письменныя, одно другаго мрачнѣе. Говорили, что зараза изъ Ветлянки проникла уже въ сосѣднія селенія и грозитъ вскорѣ появиться въ Царицынѣ; что ветлянская болѣзнь—несомнѣнная чума, потому что люди умираютъ въ продолженіе 2—3 часовъ, будучи передъ тѣмъ совершенно здоровыми. Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ страха, лѣкарскій помощникъ Васильевъ тайно скрылся изъ Ветлянки, но былъ немедленно возвращенъ назадъ; его хотѣли было за это предать суду, но, въ виду дѣйствительно оказанныхъ имъ заслугъ, оставили безъ преслѣдованія ²⁾).

17 декабря 1878 г. я по личнымъ моимъ дѣламъ долженъ былъ выѣхать изъ Царицына въ Москву. Едва пріѣхалъ въ Бѣлокаменную, какъ тотчасъ получилъ отъ жены телеграмму слѣдующаго содержанія: «чума Енотаевскомъ уѣздѣ, въ станицѣ Ветлянкѣ. Умираетъ 95 процентовъ. Жители бѣгутъ. Черномъ яру—чума. Царицынъ волнуется. Врачей нѣтъ». Прочитавъ эту депешу, я пришелъ въ ужасъ. Мнѣ, какъ городскому головѣ, страшно было за судьбу города, а какъ семьянину, за положеніе

¹⁾ Смертность была чрезвычайно велика.

²⁾ По пріѣздѣ графа Лорисъ-Мелікова Васильевъ былъ представленъ къ наградѣ и получилъ Станислава 3 ст.

моихъ домашнихъ. Я тотчасъ телеграфировалъ объ этомъ саратовскому губернатору, М. Н. Галкинъ-Врасскому, и въ то же время послалъ депешу въ Петербургъ, къ моему знакомому, прося его навести справки о томъ, насколько вѣрны астраханскія свѣдѣнiя. Въмѣсто отвѣта, я получилъ приглашенiе немедленно прибыть въ Петербургъ. Въ тотъ же день, вечеромъ, съ курьерскимъ поѣздомъ, я выѣхалъ въ сѣверную столицу, и едва поѣздъ остановился у платформы Николаевского вокзала, какъ получилъ приглашенiе немедленно явиться къ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Заѣхавъ на квартиру моего знакомаго, чтобы переодѣться, я тотчасъ въ сопровожденiи В. А. Кокорева, который меня уже ждалъ, поѣхалъ къ министру. Это было около 12 часовъ. Л. С. Макова мы не застали дома: онъ уѣхалъ съ докладомъ къ государю. Въ 2 часа мы снова приѣхали къ нему и были немедленно приняты. Онъ встрѣтилъ насъ въ большомъ кабинетѣ, наверху, и, усадивъ около письменнаго стола, началъ спрашивать. Я передалъ ему все, что было мнѣ извѣстно относительно Ветлянки. Левъ Саввичъ видимо былъ смущенъ моимъ рассказомъ и хотя старался скрыть это смущенiе, показывая видъ, что ему все извѣстно, тѣмъ не менѣе ясно было видно, что онъ рѣшительно ничего не зналъ о томъ, что творится въ Астраханской губернии...

Въ тотъ же день, по распоряженiю управляющаго министерствомъ, былъ командированъ въ Ветлянку докторъ медицины Л. Я. Красовскiй ¹⁾. Въ ночь же съ 19 на 20 число, т. е. тотчасъ же по полученiи моимъ знакомымъ моей депеши изъ Москвы, была отправлена, отъ имени управляющаго министерствомъ, саратовскому губернатору телеграмма, текстъ которой былъ слѣдующiй: «Прошу принять немедленно мѣры противъ переноса заразной болѣзни изъ Еногаевского уѣзда въ Царицынскiй; если окажется необходимымъ—учредить карантинъ

¹⁾ Превосходная личность, кажется братъ знаменитаго акушера. Л. Я. Красовскiй велъ себя съ замѣчательнымъ самоотверженiемъ, послѣдствiемъ чего была его преждевременная кончина вскорѣ по окончанiи эпидемiи и по возвращенiи въ Петербургъ. Смерть его положительно приписываютъ напряженной его дѣятельности въ Ветлянкѣ, гдѣ онъ находился до самаго окончанiя эпидемiи. До пяти молодыхъ врачей погибли жертвою своего долга въ самой Ветлянкѣ.

для прекращенія всякаго сообщенія съ Чернымъ Ярмомъ, Енотаевскомъ и станицами, близъ нихъ лежащими. Медлить нельзя, положеніе дѣль весьма серьезное и опасное. О мѣрахъ, какія будутъ приняты, телеграфируйте, но, главное, не медлите и пошлите опытнаго чиновника».

Такимъ образомъ былъ данъ первый толчекъ къ принятію энергическихъ мѣръ.

22 декабря я выѣхалъ изъ Петербурга, а 26-го былъ уже въ Царицынѣ, гдѣ и засталъ саратовскаго губернатора, М. Н. Галкинъ-Враскаго. Онъ дѣйствовалъ здѣсь съ свойственною ему энергіей и въ теченіи нѣсколькихъ дней успѣлъ привести городъ и его окрестности въ такое положеніе, что о вторженіи заразы со стороны астраханскаго края перестали даже и думать. Вездѣ, гдѣ указывала надобность, учреждались карантинныя, явились врачи; комитетъ общественнаго здравія и санитарная коммисія дѣйствовали съ усердіемъ. Впослѣдствіи медико-санитарныя средства Царицына еще болѣе увеличились: по распоряженію министерства внутрен. дѣлъ была прислана сюда цѣлая партія врачей, а В. А. Кокоревъ выслалъ огромное количество дезинфекціи. При чемъ не могу не упомянуть о слѣдующемъ курьезѣ. По странному стеченію обстоятельствъ, мнѣ, какъ городскому головѣ, пришлось въ это страдное время не только возиться съ городомъ, но и быть начальникомъ военной стражи. Въ моемъ распоряженіи находилось: 4 офицера, 1 полицейскій приставъ, 50 человекъ солдатъ и столько же казаковъ; вся эта армія составляла цѣпь, окружавшую Царицынъ. Одновременно съ принятіемъ въ Царицынѣ означенныхъ мѣръ, принимались мѣры къ локализациі заразы и въ Астраханской губерніи: учреждались карантинныя, изолировалось одно селеніе отъ другаго, а для сообщенія Царицына съ Астраханью былъ открытъ объѣздной путь по Калмыцкой степи, охранявшійся разъѣздами казаковъ и особо назначеннаго для того чиновника.

28-го декабря 1878 г. М. Н. Галкинъ-Враскскій выѣхалъ изъ Царицына въ Саратовъ, поручивъ мнѣ наблюденіе за дѣятельностію установленныхъ учреждений, а 30-го я получилъ отъ него слѣдующую телеграмму: «Красовскій 29-го декабря телеграфируетъ: Въ Ветляшку прибылъ 27 декабря. Чумы не нашель. Видѣлъ больныхъ съ воспаленіемъ легкихъ. Нѣтъ вповь

заболѣвшихъ. Третій день остается два съ тифознымъ воспаленіемъ, а одна съ язвою въ паху давняго сомнительнаго происхожденія. Ваши (вѣроятно врачи) размѣщены по деревнямъ, гдѣ нѣтъ опасности. Надѣюсь, все скоро кончится».

Телеграмма эта была немедленно объявлена во всеобщее свѣдѣніе и произвела благопріятное впечатлѣніе. Вслѣдъ затѣмъ, спустя 10 дней, телеграфировалъ мнѣ изъ Никольскаго (близъ Ветлянки) докторъ Павлиновъ: «Ветлянская эпидемія несомнѣнно чума, съ декабря ея легочная форма». Итакъ, очевидно было, что ветлянская болѣзнь потеряла свой острый характеръ. Все клонилось къ тому, чтобы дѣла и люди вошли въ свою обычную колею..... Между тѣмъ въ столичныхъ газетахъ появились извѣстія такого тревожнаго свойства, которыя сразу произвели сенсацію какъ въ правительственныхъ сферахъ, такъ и въ обществѣ. Такъ, по поводу одной депеши, напечатанной въ «Голосѣ», управляющій министерствомъ статсъ-секретарь Маковъ телеграфировалъ мнѣ 29 декабря: «Изъ Царицына телеграфируютъ въ газету «Голосъ», что будто въ городѣ появилась чума съ страшной смертностію. Прошу телеграфировать мнѣ немедля—все-ли у васъ благополучно». На это я отвѣчалъ ему, что у насъ никакой чумы нѣтъ и что невѣрныя свѣдѣнія, какъ оказалось по справкамъ, сообщены въ газету изъ Царицына вновь назначеннымъ въ Астрахань управляющимъ почтовою частію Степановымъ, каковое сообщеніе сдѣлано было имъ на пути изъ С.-Петербурга, изъ Царицына, со словъ проѣзжаго... Такимъ образомъ, не смотря на то, что газетныя извѣстія были не вполне вѣрны, тѣмъ не менѣе молва о страшной болѣзни продолжала нестись съ быстротою молніи. Вскорѣ извѣстіе это проникло за границу. Европа встревожилась, и въ результатѣ получилось: установленіе строгаго кордона по нашей границѣ, воспрещеніе привоза изъ Россіи товаровъ и стѣсненіе проѣзда путешественниковъ; все это вмѣстѣ взятое отразилось потомъ милліонными убытками на нашей торговлѣ и промышленности...

16 января 1879 г. въ комитетѣ министровъ слушалось словесное заявленіе управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ о появившейся заразы и принятыхъ противъ нея мѣрахъ. Въ этомъ заявленіи полагалось испросить высочайшее соизволеніе: 1) На предоставленіе управляющему министерствомъ

внутр. дѣль сдѣлать зависящее распоряженіе къ сожженію, въ той мѣрѣ, какъ это будетъ принято необходимымъ, станицы Астраханскаго казачьяго войска Ветлянки, съ соблюденіемъ слѣдующихъ главнѣйшихъ основаній: а) жители станицы Ветлянки должны быть выведены и размѣщены, по ближайшему соображенію мѣстныхъ удобствъ, не выходя изъ карантиннаго района. б) Оцѣнку движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, преданныхъ сожженію, и выдачу за оныя вознагражденія владѣльцамъ возложить на особую комиссію, подъ предсѣдательствомъ астраханскаго губернатора, съ участіемъ членовъ: казачьяго вѣдомства и министерства финансовъ, государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣль, по особымъ правиламъ, которыя эта комиссія должна постановить на мѣстѣ, и в) на ту-же комиссію возложить какъ распорядительныя дѣйствія по сожженію станицы Ветлянки, такъ и всѣ мѣры, необходимыя для обезпеченія выведеннаго изъ станицы населенія продовольствіемъ, бѣльемъ, теплою одеждою, лѣченіемъ больныхъ и т. п. 2) На предоставленіе управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣль испрашиваемыя нынѣ относительно ст. Ветлянки мѣры распространять и на другія селенія, а также и на отдѣльные въ тѣхъ мѣстностяхъ районы и въ той мѣрѣ, въ какой это будетъ признано необходимымъ. 3) На предоставленіе нынѣ же въ распоряженіе гражданской администраціи необходимаго числа войскъ для исполненія карантинной службы, и 4) на отнесеніе на счетъ государственнаго казначейства всѣхъ расходовъ, какъ по приведенію въ исполненіе указанныхъ выше мѣръ, такъ и по возмѣщенію издержекъ по всѣмъ принимаемымъ, по случаю настоящей эпидеміи, мѣропріятіямъ.

По выслушаніи этого заявленія въ присутствіи приглашенныхъ въ засѣданіе комитета министровъ: начальника главнаго штаба, начальника иррегулярныхъ войскъ, главнаго военно-медицинскаго инспектора, лейбъ-медиковъ: Н. Ѳ. Здекауэра и С. П. Боткина, и управляющаго медицинскимъ департаментомъ тайнаго совѣтника Розова, комитетъ принялъ въ особое вниманіе сдѣланное статсъ-секретаремъ Маковымъ заявленіе о томъ, что предположенное нынѣ сожженіе Ветлянской станицы испрашивается имъ лишь по всестороннемъ изученіи дѣла и по глубокому убѣжденію въ неизбѣжной необхо-

димости столь крайней мѣры, для совершеннаго искорененія зла въ самомъ моментѣ его зарожденія. Въ виду вышеизложеннаго и принимая во вниманіе призванныя наукою и опытомъ способы къ прекращенію и ограниченію распространенія заразы, комитетъ пришелъ къ единогласному заключенію о цѣлесообразности предположеній управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ остановился на мысли о необходимости слѣдно воспользоваться продолжающимися зимними морозами, для принятія энергическихъ мѣръ къ предупрежденію дальнѣйшаго распространенія эпидеміи. Въ этомъ отношеніи комитетъ находилъ, что оздоровленіе не только селеній, уже нынѣ считающихся зараженными, но вообще тѣхъ мѣстностей, кои могутъ послужить источникомъ заразы, представляется крайне необходимымъ и совершенно неотложнымъ. По глубокому убѣжденію комитета, дѣйствительность и своевременность мѣръ по столь важному дѣлу могутъ быть вполне обезпечены только предоставленіемъ главнаго руководства этими мѣрами на мѣстахъ особому, облеченному высочайшимъ довѣріемъ, лицу, которое, будучи снабжено широкимъ полномочіемъ на предметъ чрезвычайныхъ мѣръ, могло-бы объединять всѣ распоряженія по предмету прекращенія болѣзни и пресѣченія ея дальнѣйшаго распространенія. На основаніи изложеннаго, комитетъ полагалъ: I. Заявленіе управляющаго мин. внутр. дѣлъ утвердить. II. Испросить Высочайше Его Императорскаго Величества повелѣніе относительно командированія на мѣсто заразы лица, облеченнаго Высочайшимъ Его Величества довѣріемъ и особо уполномоченнаго на принятіе въ Астраханской и сопредѣльныхъ съ нею губерніяхъ и областяхъ чрезвычайныхъ мѣръ и на объединеніе всѣхъ распоряженій какъ по прекращенію заразы, такъ и съ цѣлью предупрежденія дальнѣйшаго ея распространенія, и III. Въ случаѣ Высочайшаго Его Величества соизволенія на командированіе особо уполномоченнаго лица, образовать при немъ комиссію, со включеніемъ въ составъ оной специально-врачебныхъ дѣятелей и съ возложеніемъ на нее изслѣдованія на мѣстахъ хода и развитія заразы и изысканія мѣръ какъ къ пресѣченію эпидеміи, такъ и къ оздоровленію мѣстностей, уже зараженныхъ, а равно и тѣхъ, кои могутъ служить источникомъ заразы. На журналѣ комитета, 18 января

1879 г., послѣдовала собственная Его Императорскаго Величества резолюція «Исполнить». Выборъ палъ на бывшаго героя турецкой войны, генераль-адъютанта графа Михаила Таріеловича Лорисъ-Меликова.

Этотъ личный выборъ покойнымъ государемъ графа М. Т. Лорисъ-Меликова былъ въ высокой степени удаченъ. Этотъ кавказскій воинъ съ умомъ, энергіей и неутомимостью въ исполненіи возлагавшихся на него порученій соединялъ необыкновенный тактъ и гуманность. Такъ и въ 1879-мъ году онъ вполне проявилъ отличавшія его высокія качества.

Назначенный, 24 января, временнымъ астраханскимъ, саратовскимъ и самарскимъ генераль-губернаторомъ, графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ, 27 числа того-же мѣсяца, былъ уже въ Царицынѣ, гдѣ и учредилъ свою квартиру. Графъ Михаилъ Таріеловичъ пріѣхалъ съ экстреннымъ поѣздомъ по Грязе-царицынской желѣзной дорогѣ и былъ встрѣченъ въ вокзалѣ саратовскимъ губернаторомъ, прибывшимъ сюда дня за два до его пріѣзда, представителями общества и мѣстной администраціею. Графъ былъ очень любезенъ и, обходя ряды представляющихся, пожалъ руку предводителю дворянства Корбутовскому и мнѣ, какъ городскому головѣ. Его сопровождала многочисленная свита; тутъ были и генералы свиты, и флигель-адъютанты, и камергеры, и даже генераль-генеральнаго штаба. Всѣмъ этимъ господамъ требовались лучшія квартиры въ городѣ, а такъ-какъ «лучшія» квартиры были заняты самими домовладѣльцами, то послѣднимъ, ради удобства гостей, нерѣдко приходилось переселяться въ какую-нибудь конурку или совсѣмъ выходить изъ дому. Причемъ имѣлъ мѣсто слѣдующій, не лишенный нѣкотораго юмора, эпизодъ. Въ одномъ домѣ, который только что былъ отдѣланъ, поселился генераль; генераль этотъ любилъ купаться и потому, для бѣдшаго удобства, приказалъ въ одной изъ парадныхъ комнатъ поставить ванну, которая нѣсколько разъ въ день наполнялась водою, причемъ самымъ немилосерднымъ образомъ обливались не только полы, но стѣны и мебель. Хозяинъ дома долго стѣснялся замѣтить объ этомъ своему именитому квартиранту, предполагая, что тотъ самъ догадается устранить это безобразіе, но когда обливаніе пола водою дошло до того, что потоки ея начали проникать изъ верхняго этажа въ нижній, гдѣ помѣ-

шался мануфактурный магазинъ, онъ рѣшился, наконецъ, заявить объ этомъ генералу. Генераль его выгналъ. Тогда хозяинъ придумалъ слѣдующую мѣру, чтобы избавиться отъ безпокойнаго квартиранта: онъ началъ въ своей комнатѣ, помѣщающейся рядомъ съ квартирою генерала, служить ежедневно панихиды по недавно умершемъ своемъ сынѣ. Пѣніе «за упокой» до того смутило генерала, что онъ немедленно переѣхалъ въ другой домъ.

Вообще въ то время наплывъ въ Царицынъ чиновниковъ, какъ военныхъ, такъ гражданскихъ, былъ громадный; тутъ даже были чины военно-полевого суда. Въ первое время по приѣздѣ всѣ эти господа видимо скучали, но потомъ попривыкли, обзавелись знакомыми и время проводили весело.

На другой день по прибытіи въ Царицынъ у генерала-губернатора былъ назначенъ оффиціальныи пріемъ, на который явились какъ пріѣхавшіе чиновники, такъ и представители мѣстной власти. Графъ Лорисъ-Меликовъ вошелъ въ залу съ нахмуреннымъ лицомъ и, кивнувъ слегка головою на низкій поклонъ представляющихся, обратился къ предводителю дворянства и ко мнѣ, какъ обязательнымъ директорамъ мѣстной тюрьмы, съ слѣдующими словами:

— «Сегодня я посѣтилъ здѣшнюю тюрьму и пришелъ въ ужасъ отъ той тѣсноты и грязи, которыя я тамъ увидѣлъ. Это невозможная тюрьма. Выражаю вамъ мое неудовольствіе, я долженъ васъ предупредить, что если найденные мною безпорядки ¹⁾ не будутъ немедленно устранены, то васъ, господа, я велю немедленно выслать изъ Царицына» ²⁾).

2 февраля 1879 г. въ квартирѣ саратовскаго губернатора была открыта Высочайше утвержденная совѣщательно-санитарная комиссія. Комиссія была открыта лично графомъ Михаиломъ Таріеловичемъ, причемъ онъ сказалъ слѣдующую рѣчь:

¹⁾ Тюрьма была, дѣйствительно, невозможная, впрочемъ устроить въ ней грязь и тѣсноту было не во власти мѣстной администраціи. Она помѣщалась съ 1865 г. въ частномъ деревянномъ домѣ и была устроена только на 50 человекъ; между тѣмъ, въ день посѣщенія тюрьмы графомъ, въ ней содержалось около 250 арестантовъ, такъ что люди помѣщались не только въ камерахъ, но въ корридорахъ, кухнѣ и даже въ банѣ, и буквально были набиты какъ сельди въ бочкѣ.

²⁾ Спустя два дня графъ Михаилъ Таріеловичъ преложилъ гнѣвъ на милость и сдѣлалъ визитъ мнѣ и предводителю дворянства Корбутовскому.

— «При исполненіи возложеннаго на меня высочайшею волею порученія, требующаго постоянныхъ, неотложныхъ съ моей стороны распоряженій, и въ виду предстоящихъ разъѣздовъ по вѣренному моему управленію краю, я лишенъ возможности председательствовать въ настоящей комиссіи, а потому, возложивъ председательствованіе на саратовскаго губернатора М. Н. Галкина-Враскаго, я тѣмъ не менѣ имѣю въ виду постоянно слѣдить за ходомъ дѣла по комиссіи, знакомясь со всѣми ея постановленіями, при ихъ утѣжденіи. Независимо сего предлагаю председателю, въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣшенію комиссіи будутъ подлежать особенно важные вопросы, при нахожденіи моемъ на мѣстѣ, предварительно докладывать мнѣ объ этомъ и тогда я лично буду принимать участіе въ засѣданіяхъ комиссіи». — Указавъ затѣмъ, что предстоящая этой комиссіи дѣятельность имѣетъ всеобщее значеніе и, слѣдовательно, въ трудахъ ея можетъ быть полезно участіе возможно большаго числа лицъ, графъ продолжалъ: — «Прошу всѣхъ членовъ, если бы они, съ своей стороны, нашли возможнымъ, указать на кого либо изъ тѣхъ лицъ, которыя, въ интересахъ дѣла, могли-бы быть приглашаемы къ участію въ засѣданіяхъ комиссіи, не оставить заявлять объ этомъ председателю и всякое подобное заявленіе будетъ принято къ исполненію. Въ желаніи же предоставить членамъ комиссіи возможность заблаговременно знакомиться съ вопросами, подлежащими обсужденію, и чрезъ это судить насколько участіе ихъ въ засѣданіи, по специальности вопросовъ, можетъ быть необходимо, предлагаю, одновременно съ разсылкою приглашеній на засѣданіе, препровождать членамъ перечень вопросовъ, подлежащихъ обсужденію».

На другой день по открытіи комиссіи, у генералъ-губернатора былъ обѣдъ, на который, въ числѣ другихъ, были приглашены предводитель, председатель земской управы и я. Обѣдъ былъ простой и за столомъ, кромѣ кахетинскаго и вообще кавказскаго, другаго вина не было. Видно было, что графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ не любилъ роскоши и, живя въ Царицынѣ болѣе мѣсяца, велъ жизнь совершенно спартанскую. Замѣчательно, что, не смотря на то высокое положеніе, какое занималъ графъ Михаилъ Таріеловичъ, онъ держалъ себя весьма просто и былъ чрезвычайно доступенъ; къ нему можно было идти по дѣлу и

утромъ, и вечеромъ. Такъ разъ, вечеромъ, я явился къ нему съ толпою рыбопромышленниковъ; онъ принялъ насъ въ кабинетѣ, усадилъ и приказалъ подать чаю. Въ продолжительной бесѣдѣ съ представителемъ рыбопромышленности графъ узналъ все, что ему было нужно. Впослѣдствіи это имѣло большое практическое значеніе при примѣненіи нѣкоторыхъ санитарныхъ мѣръ къ рыбнымъ ватагамъ.

Совѣщательно-санитарная коммиссія состояла изъ постоянныхъ членовъ и совѣщательныхъ членовъ. Постоянными членами ея были: самарскій губернаторъ А. Д. Свербеевъ, докторъ медицины Снигиревъ (онъ же и дѣлопроизводитель), докторъ Рейтлингеръ, генеральнаго штаба генераль-маіоръ Ильяшевичъ, флигель-адъютантъ полковникъ графъ Голенищевъ-Кутузовъ и уполномоченный Краснаго Креста въ званіи камергера Юзефовичъ, а совѣщательными—предводитель дворянства Корбутовскій, предсѣдатель земской управы Щепетевъ, городской голова Мельниковъ, начальникъ IV округа путей сообщенія Югель, инженеры: Измайловъ, Штромбергъ и Баталинъ, докторъ германскаго посольства Левесъ и мѣстные царицынскіе врачи. Впослѣдствіи въ трудахъ этой коммиссіи, въ качествѣ совѣщательныхъ членовъ, принимали участіе еще слѣдующія лица: профессора: харьковскаго университета Якобій и Крыловъ, кіевскаго—Минхъ, московскаго—прозекторъ Белинъ и медико-хирургической академіи—Эйхвальдъ, Доброславинъ и Чудновскій. Кромѣ того, въ коммиссіи перебивало множество рыбопромышленниковъ, парходчиковъ и людей различныхъ профессій. Засѣданія коммиссіи продолжались съ 2 февраля по 22 марта 1879 г.; въ это время было рассмотрѣно 28 болѣе или менѣе важныхъ вопросовъ и по нимъ постановлены опредѣленія, въ формѣ протоколовъ, одобренныя графомъ М. Т. Лорисъ-Меликовымъ. Вотъ перечень этихъ вопросовъ: 1) Объ устраненіи затрудненій при отпавкѣ грузовъ изъ Царицына по желѣзной дорогѣ и при доставленіи ихъ на станціи назначенія. 2) О порядкѣ карантинрованія рабочихъ, подлежащихъ выпуску изъ оцѣпленной мѣстности Астраханской губерніи на рыбные промыслы. 3) О рассмотрѣніи правилъ устройства санитарныхъ желѣзнодорожныхъ коммиссій. 4) Объ устройствѣ санитарной части въ подверженныхъ эпидеміи мѣстностяхъ, въ карантинномъ районѣ и въ тылу

карантина. 5) О существующемъ способѣ освидѣтельствованія от-
правляемой изъ складовъ Царицына рыбы и объ установленіи
болѣе соотвѣтственнаго порядка въ этомъ отношеніи на будущее
время. 6) О необходимости установленія инаго надзора за на-
грузкой и выгрузкой товаровъ на приставяхъ ниже Царицына. 7) Объ
устраненіи затрудненій въ провозѣ по желѣзнымъ до-
рогамъ грузовъ, слѣдующихъ изъ Царицына. 8) О предполагае-
момъ астраханскимъ губернаторомъ карантинированіи рабочихъ
на баржахъ. 9) По предложенію комиссіи о сокращеніи общей
карантинной линіи оцѣпленія въ предѣлахъ Астраханской губер-
ніи, съ учрежденіемъ наблюденія по границѣ Черноярскаго уѣзда
въ селеніи Грачевкѣ. 10) О назначеніи начальниковъ санитар-
ныхъ отрядовъ. 11) Объ устройствѣ временныхъ карантиновъ
для предстоящаго выпуска рабочихъ. 12) О порядкѣ составле-
нія описи и оцѣнки имуществъ, подлежащихъ сожженію, съ ука-
заніемъ способа самаго сожженія. 13) О карантинномъ заграж-
деніи р. Волги и расходахъ, потребныхъ на это загражденіе.
14) О проектѣ министерства путей сообщенія объ огражденіи
рр. Волги и Дона. 15) Объ утвержденіи устава для начальни-
ковъ санитарныхъ отрядовъ. 16) О разсмотрѣніи инструкціи для
временныхъ санитарныхъ инспекторовъ. 17) О предоставленіи
чинамъ санитарнаго отряда права ношенія Краснаго Креста.
18) О дезинфекціонныхъ мѣрахъ въ станицѣ Ветлянкѣ. 19) О при-
ятіи мѣръ по отношенію къ рыбнымъ промысламъ. 20) О за-
гражденіи желѣзной дороги по предложенію министерства путей
сообщенія. 21) О разсмотрѣніи ходатайства астраханскихъ рыбо-
промышленниковъ о не сожженіи таръ на мѣстахъ прибытія
рыбныхъ грузовъ. 22) Объ устройствѣ восьми новыхъ каран-
тиновъ въ Астраханской губерніи. 23) Объ измѣненіи состава
комиссіи для освидѣтельствованія рыбныхъ грузовъ въ Цари-
цынѣ. 24) Объ образованіи комиссіи для осмотра ватагъ въ пре-
дѣлахъ Царицынскаго и Камышинскаго уѣздовъ. 25) О способѣ
карантинированія калмыковъ, перекочевывающихъ изъ оцѣпленной
мѣстности въ степь. 26) О мѣрахъ къ прекращенію эпидеміи
въ станицѣ Ветлянской, на случай новаго возникновенія ея.
27) О запрещеніи вывоза съ низовьевъ Волги тряпья и ношеной
одежды и 28) О санитарныхъ отрядахъ и ихъ дѣятельности.

Благодаря тому, какъ я сказалъ выше, что объ эпидеміи не

было уже болѣе тревожныхъ слуховъ, большая часть поставленныхъ по означеннымъ вопросамъ опредѣленій осталась безъ исполненія.

Около половины февраля прибыли въ Царицынъ иностранные делегаты; ихъ было очень много, но я помню только Гирша (изъ Берлина), Беседецкаго (изъ Вѣны) и Петреско (изъ Бухареста), такъ какъ они одинъ разъ присутствовали въ засѣданіи комиссіи. Въ чемъ собственно говоря состояли обязанности ¹⁾ всѣхъ этихъ господъ—сказать трудно. Нѣкоторые изъ нихъ дальше Сарепты не ѣздили, но другіе доѣхали до самой Астрахани, выдержавши 14-ти дневный карантинъ.

Почти одновременно съ делегатами, пріѣхали въ Царицынъ корреспонденты отъ «Голоса», «Новаго Времени» и «Московскихъ Вѣдомостей». Были, говорятъ, корреспонденты и отъ другихъ русскихъ газетъ, но о нихъ никто ничего не знаетъ.

Въ концѣ февраля графъ Лорисъ-Меликовъ предпринялъ поѣздки въ Астрахань. Путь его лежалъ по правому берегу Волги, чрезъ калмыцкую степь. На обратномъ пути изъ Астрахани, графъ Михаилъ Таріеловичъ посѣтилъ Ветлянку, откуда продолжалъ путь на пароходѣ до Чернаго яра, а затѣмъ по почтовому тракту, въ Царицынъ, куда онъ возвратился въ концѣ марта 1879 г.

Вслѣдъ за возвращеніемъ графа пріѣхалъ въ Царицынъ изъ Ветлянки и командированный туда министерствомъ внутреннихъ дѣлъ докторъ Красовскій.

22 марта происходило послѣднее засѣданіе совѣщательно-санитарной комиссіи, а 30-го числа графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ состоящихъ при немъ лицъ, съ экстреннымъ поѣздомъ выѣхалъ въ Петербургъ. Затѣмъ постепенно начали уѣзжать изъ Царицына различные чиновники, врачи, интенданты. Вслѣдъ за ними двинулись и тѣ войска, которыя были призваны сюда для карантинной службы.

При отправленіи конныхъ чиновъ пограничной стражи рѣ-

¹⁾ Въ проектѣ комиссіи было сказано: «для изслѣдованія эпидеміи». Врачи иностранные были присланы съ цѣлью удостовѣриться въ свойствахъ болѣзни, а также въ томъ—были-ли приняты мѣры къ противодействию ея распространенію. Результатомъ ихъ донесеній своимъ правительствамъ было, какъ извѣстно, снятіе отблещенія войсками границъ со стороны Австріи и Пруссіи. Ред.

шено было нѣкоторыя вещи подвергнуть дезинфекціи. Была составлена для этого особая санитарная коммисія, которая, по предложенію провизора Ливена (спеціально командированнаго во временное генералъ - губернаторство для производства дезинфекціи), и придумала произвести дезинфекцію посредствомъ пара. Но тутъ вышелъ курьезъ, который для нѣкоторой характеристики существовавшихъ въ то время порядковъ я считаю не лишнимъ рассказать. Всѣ вещи, состоявшія изъ папахъ, полушубковъ, рукавицъ, сапогъ, ремней и уздъ, были сложены въ товарные вагоны, которые затѣмъ были герметически закупорены и заломбированы. Потомъ въ эти вагоны былъ пущенъ изъ паровозовъ паръ. По прошествіи нѣсколькихъ часовъ вагоны были въ присутствіи коммисіи открыты и, о ужасъ, оказались внутри полупустыми... Находившіяся въ нихъ вещи, вслѣдствіе вліянія горячаго пара, до такой степени съжились, что, напр., полушубокъ взрослога человѣка можно было надѣть только на полугодоваго ребенка, а папаху нельзя было натянуть даже на кулакъ! Вслѣдствіе этого войска остались безъ теплой одежды и выгѣхали изъ Царицына почти безъ сапогъ.

Такъ окончилась Ветлянская эпидемія, надѣлавшая такъ много хлопотъ, заботъ и нанесшая Россіи громадныя убытки.

Н. Мельниковъ.

Царицынъ, 1889 г.

ВОСПОМИНАНІЯ ХУДОЖНИКА В. В. ВЕРЕЩАГИНА ¹⁾.

Китайская граница. Набѣгъ.

Я свернулъ къ укрѣпленію Борохудиру, бывшему крайнимъ нашимъ пунктомъ къ сторонѣ Кульджи, отъ пикета Алтынъ-Имельской станціи, что по дорогѣ изъ Вѣрнаго въ Ташкентъ. Переваливъ черезъ невысокій хребетъ, танущійся вдоль почтоваго пути, я сразу почувствовалъ перемѣну — стало теплѣе и тише, не такъ вѣтрено. Мы остановились отдохнуть и перемѣнить лошадей въ кочевкѣ управителя Алтынъ-Имельской волости, въ палаткѣ у хорошенькой киргизки, его родственницы.

Хозяйка рассказала о своемъ горѣ: недавно умеръ мужъ ея.

Я отвѣтилъ, что дѣло для нея поправимое, найдетъ другаго, но она замахала руками: «Нѣтъ, нѣтъ, какъ можно»; «ищи балача баръ», т. е. двое ребятишекъ у меня!

— Ну такъ что-же, еще двое будутъ, не скучать же тебѣ всю жизнь одной.

Она отчаянно махнула рукою на мою нескромную рѣчь и поприлежнѣе наклонилась надъ своею работою — приготовленіемъ войлока для киргизскихъ сапогъ, который дѣлается такъ:

На камышевую переборку отъ юрты, разостланную по землѣ, она накладывала размяченную шерсть, рядъ къ ряду, въ требуемую длину и ширину, смачивая и закатывая. Послѣ довольно продолжительнаго катанья получился тонкій войлокъ, который она свернула еще вдвое, подложила на мѣста схода краевъ еще шерсти, еще помочила и снова

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1888 г., т. LX, ноябрь, стр. 445—468; декабрь, стр. 671—688; изд. 1889 г., т. LXI, мартъ, стр. 587—630; т. LXII, май, стр. 389—410, июнь стр. 661—681.

стала скатывать — вышелъ войлочный цилиндръ въ толщину ноги. По этому, уже хорошо скатанному, войлоку выложила отъ руки же узоры, цвѣтною шерстью и потомъ еще стала катать.

Пока я наблюдалъ за этимъ нехитрымъ производствомъ, пришелъ управитель волости со свитою и, между разными разностями, рассказалъ, что его киргизы, мстя не разъ грабившимъ ихъ таранчамъ, въ свою очередь отбарантовали недавно много скота и захватили не мало всякаго добра, даже серебра; но губернаторъ, генералъ Колпаковскій, извѣстясь объ этомъ ихъ подвигѣ, разсердился и приказалъ все возвратитъ — обстоятельство, о которомъ собесѣдники мои глубоко скорбѣли и причину котораго никакъ не могли сообразить.

Въ кои-то вѣки довелось побаловаться, пограбить, и вдругъ награбленное, съ опасностью жизни, возвращать! Тѣмъ болѣе это было обидно, что барантовали они у народа, возмущившагося противъ китайскаго владычества, не имѣвшаго теперь надъ собою сильной руки и поэтому безцеремонно обращавшагося съ собственностью сосѣдей, т. е. нашихъ киргизъ.

Къ вечеру добрались мы до перваго изъ трехъ пикетовъ, расположенныхъ по пути къ отряду. И вечеръ, и ночь были чудные, точно въ маѣ, слегка прокладные и свѣтлые, хотя стоялъ уже октябрь.

* *

Слѣдующій день былъ пасмурный, по временамъ мочилъ дождикъ, а на горахъ въ это время падалъ снѣгъ, какъ бѣлою скатертью покрывшій весь хребетъ. Послѣ пятидесяти-верстнаго переѣзда добрался я до пикета № 2. Поохотился за дрофами и зайцами, которыхъ тутъ было великое множество, и усталый расположился ночевать на открытомъ воздухѣ.

Не тутъ-то было, однако, не могъ заснуть отъ страшнаго лая и вытья собакъ.

— «Да уйми ты, братецъ, какъ нибудь своихъ собакъ!» говорю пикетному казаку.

— Никакъ невозможно, отвѣчаетъ онъ, ихъ теперь ни чѣмъ не унять, потому звѣря близко чуютъ.

— «Какого звѣря?»

— Тигру.

— «Развѣ есть здѣсь тигры?»

— И! просто такое множество; по рѣчкѣ вотъ, съ горъ, почитай что каждую ночь приходатъ.

— «А близко подходят къ вамъ?»

— Да къ самой избѣ; вотъ гдѣ вы лежите, тутъ всегда ужъ вынюхиваютъ.

— «Такъ, пожалуй, я напрасно такъ далеко расположился. не откусили-бы они мнѣ носа?»

— Храни Богъ! какъ можно; ежели какъ подойдутъ — собаки безпремѣнно дадутъ знать, заляются...

Въ увѣренности, что собаки заляются и тѣмъ своевременно дадутъ знать, я славно заснулъ и благополучно проспалъ всю ночь.

* * *

Утромъ на другой день я поѣхалъ далѣе, сначала довольно ровною мѣстностью, вдоль невысокихъ холмовъ, мимо нѣсколькихъ мазарокъ, т. е. киргизскихъ гробницъ, затѣмъ ущельемъ, очень глубокимъ и узкимъ. Бока ущелья состояли изъ песчаника, самыхъ разнообразныхъ яркихъ цвѣтовъ, краснаго, фіолетоваго, желтаго и др. — право, если представишь такіе цвѣта на картинѣ, такъ не повѣрятъ, скажутъ: привралъ художникъ!

Я не утерпѣлъ, чтобы не пострѣлять горныхъ куропатокъ, со всѣхъ сторонъ перекликавшихся и стаями перебѣгавшихъ дорогу. Мимо нѣсколькихъ одинокихъ юртъ, разсѣянныхъ тамъ и сямъ по ущелью, начавшему расширяться, добрались мы и до пикета № 3. Отсюда, поднявшись еще на крутую гору, начали уже все спускаться, прямо къ мѣсту расположенія пограничнаго Борохудзирскаго отряда. Почва становилась болѣе и болѣе глинистою, по краямъ дороги росъ мелкій камышъ, изъ котораго поднимались иногда цѣлыя стаи дикихъ утокъ. Забѣдились, наконецъ, вдали казармы отряда; слышно было какъ играли знакомую зорю. Миновавъ поселеніе калмыковъ, выбѣжавшихъ въ наши предѣлы изъ Китая, отъ возмущенія мусульманъ (дунганъ и таранчей), я вѣхалъ въ самый четырехугольникъ зданій, образующихъ казармы.

Начальника отряда не было дома; въ его отсутствіе меня очень любезно принялъ ротный командиръ, поручикъ Эманъ, и предложилъ свое нехитрое, но уютное помѣщеніе, отъ котораго, конечно, я не отказался, потому что былъ совершенно налегкѣ—ни палатки, ни юрты съ собою не было.

Узнавъ, что я ѣду смотрѣть и рисовать, Эманъ вызвался проводить меня завтра-же до перваго китайскаго городка Тургена, всего въ 3-хъ верстахъ отъ рѣчки Борохудзиръ. Вообще, впрочемъ, онъ сообщилъ мало утѣшительнаго для моихъ будущихъ занятій: всѣ пограничные китайскіе городки, по словамъ его, были совершенно разрушены, не столько мятежниками таранчами, сколько нашими солдатами, стройившими изъ тамошнихъ балокъ и кирпичей свои казармы, хозяйственнымъ способомъ. Экономія казнѣ отъ этого могла быть значительная, если только здѣшнее начальство распорядилось не такъ,

какъ въ Т** отрядѣ, гдѣ строили казармы изъ лѣса и кирпичей, выломанныхъ въ городѣ Чугугакѣ, но каждое бревно и каждую тысячу кирпичей ставили казнѣ по справочной цѣнѣ.

«Впрочемъ, это ужъ самимъ Богомъ такъ устроено и волтерьянцы напрасно противъ этого возстаютъ».

Далѣе рѣки Хоргосъ, по словамъ Эмана, нечего было и думать ѣхать, ибо я наткнулся-бы тамъ, по всей вѣроятности, на пикетъ таранчей. На мой вопросъ: а что будетъ, если я попробую довѣриться гостепріимству таранчинскихъ властей? Эманъ отвѣтилъ: «худаго можетъ быть ничего не сдѣлаютъ, но изъ одной подозрительности навѣрно задержать васъ».

Подумавши, я согласился не рисковать, не ѣздить за Хоргосъ, хотя и очень хотѣлось мнѣ попасть въ городъ Чампаннди, за этою рѣкою, покинутый жителями, но совершенно сохранившійся, какъ рассказывали. Въ Кульджу же пробраться и думать было нечего, да врядъ ли и стоило, такъ какъ таранчи и дунгане жили въ мусульманской Кульджѣ, а китайская, наиболѣе интересная, въ которой до возмущенія имѣлъ мѣстопробываніе дзянь-дзюнь (генераль-губернаторъ), стояла пустая, болѣе чѣмъ на половину разрушенная и подмытая рѣкою Или.

* * *

Рѣчка Борохудзиръ, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ бывшая далеко впереди нашей границы съ Китаемъ, теперь протекала подъ самыми стѣнами четырехъугольника казармъ, съ орудіями по угламъ, представлявшаго укрѣпленіе совершенно неодолимое для воиновъ степей.

Постройки, благодаря сухому даровому матеріалу, очень не дурны, хотя низки и тѣсноваты. При казармахъ садикъ, покамѣстъ еще топкій; лавочка со всякимъ нужнымъ и ненужнымъ товаромъ, а главное, хорошія бани—все мало ли, много ли способное услаждать досугъ неприхотливыхъ воиновъ, заброшенныхъ въ эти дальные углы нашей необъятной родины. Офицеры, разумѣется, больше скучаютъ тутъ, урываясь возможно чаще въ городъ Вѣрный, гдѣ есть и женское общество, и кое-какія общественныя развлечения и удовольствія.

Доходишки офицерскіе—разумѣю безгрѣшныя—теперь сильно пообрѣзаны, особенно въ пѣхотѣ, хотя, напр., съ продовольствія ротныхъ лошадей или съ освѣщенія все-таки перепадаетъ кое-что ротному командиру, перепадаетъ совершенно ужъ «безъ грѣха»; «потому что, говорилъ Эманъ, если я зажгу въ казармахъ все полагающееся количество свѣчей, то подумаютъ, что я или захотѣлъ сдѣлать иллюминацію, или сошелъ съ ума!»

Въ этомъ же родѣ говорилъ и милый, весьма образованный артиллерійскій офицеръ Р.: «Невозможно скармливать лошадямъ все, что отпускается по положенію—онѣ падутъ на ноги». Вотъ и остается въ рукахъ экономія, усиленная еще тѣмъ, что въ этихъ благодатныхъ мѣстахъ четверть ячменя покупается, напр., по рублю, а справочная цѣна, улачиваемая казною—3½ рубля—разница не малая.

Впрочемъ (говорю о томъ, что было 20 лѣтъ тому назадъ), командиръ взвода, т. е. 2-хъ орудій, волею-неволею, обязанъ былъ составлять экономію, чтобы доставлять ежегодно по 2½ тысячи своему батарейному командиру, который на приемъ и карточную игру долженъ былъ имѣть 10,000 рублей, сверхъ положеннаго: не внести слѣдуемой доли значило потерять командованіе частью—*c'était à prendre ou à laisser*. Повторяю, «такъ бывало въ старину».

Заговоривъ объ этихъ старыхъ порядкахъ, я припоминаю, что рассказывали въ Ташкентѣ о командирѣ батареи М., который, изъ всѣхъ русскихъ пѣсень, по его собственному будто бы признанію, особенно любилъ «Возлѣ рѣчки, возлѣ моста, трава росла—зеленая, шелковая, мурава»; эту пѣсню онъ не могъ хладнокровно слушать:

— «Господи! говорилъ онъ будто-бы каждый разъ чуть не со слезами на глазахъ,—кабы на этой рѣчкѣ, да на такой травкѣ, да батарейку... да хорошія справочныя цѣны!...»

* * *

Здѣшнія мѣста, обезлюдѣвшія послѣ кроваваго возмущенія въ Китаѣ, недавно перешли въ наши владѣнія; они были заняты смѣтливными офицерами, главнымъ образомъ, разумѣется, потому, что плохо лежали, официально же подъ предлогомъ, что тутъ протекаетъ рѣчка съ чистою, здоровою водицею. Не удивительно будетъ, если государственная граница передвинется еще на 100 верстъ впередъ, когда дальше отыщется водица съ лѣскомъ! Нашъ передовой пикетъ былъ уже на той сторонѣ рѣчки, благо тамъ нашлось для него пригодное мѣсто—развѣсистое дерево, на которомъ устроили площадку, для дозорнаго казака, птицею обзираваго окрестности; нѣсколько другихъ такихъ же птицъ располагались внизу въ тѣни дерева. Когда мы съ Эманомъ направились къ Тургеню, дежурный съ этого гнѣзда подѣхалъ къ офицеру съ рапортомъ о благополучіи пикета и окрестности.

Городокъ Тургенъ оказался небольшимъ селеніемъ, ради положенія близъ границы—обнесеннымъ стѣною. Все въ немъ было разрушено, такъ что надежды мои видѣтъ здѣсь болѣе, чѣмъ въ Чугучакѣ, совершенно улетучились. Эманъ утѣшалъ тѣмъ, что въ самомъ дальнемъ

изъ доступныхъ для обозрѣнія городовъ, Акъ-Кентъ, я найду много неразрушеннаго и любопытнаго.

На другой же день я отправился туда, въ сопровожденіи нѣсколькихъ казаковъ и телѣги, нагруженной вещами и провизією, между которою два живые барана непрерывнымъ, отчаяннымъ блеяніемъ своимъ перебудоражили, вѣроятно, волковъ и тигровъ всей окрестности.

Слѣдующее за Тургенемъ поселеніе Джаркентъ тоже порядочно разрушено; въ кумирняхъ боги повреждены, фрески на стѣнахъ перепачканы и обезображены. Однако, не смотря на то, что оросительныя каналы были заброшены, сохранилось не мало чудесныхъ тополей и кара-агачей. Фазановъ было такое множество, что они, буквально, поминутно взлетали изъ-подъ ногъ.

Въ третьемъ городѣ, Тышкентѣ, я тоже не останавливался, и довольно густымъ, прохладнымъ послѣ знойной степи, лѣскомъ добрался до Акъ Кента (акъ—бѣлый, кентъ—поселеніе).

* * *

Этотъ городокъ, дѣйствительно, оказался много цѣлѣе другихъ; напр., домъ управителя, игильдая (полковника), отлично сохранился, съ галереєю внутри двора, съ фигурнымъ раскрашеннымъ навѣсомъ, сплошь разрисованными стѣнами, драконами на крышахъ и проч. Прелестная бесѣдка въ цвѣтникѣ сохранилась въ томъ видѣ, какъ, вѣроятно, была покинута кейфовавшими тутъ за трубкою опиума китайцами.

Въ одномъ мѣстѣ я натѣнулся на сооруженіе чисто туземныхъ характера и архитектуры—яму, служившую тюрьмою, въ родѣ знаменитыхъ подземныхъ клоповниковъ Бухары и Самарканда, только меньшихъ размѣровъ. Тюрьма эта шла въ землю не глубоко, на сажень съ небольшимъ, и около сажени-же была въ діаметрѣ; стѣны съуживались кверху бутылкою, до отверстія не болѣе аршина въ поперечникѣ, такъ что человѣкъ едва могъ пролѣзть.

Надобно думать, что сидѣвшіе на этой «гауптвахтѣ», какъ называли ее мои казаки, были не недовольны возмущеніемъ, позволившимъ имъ улізнуть, въ общей суматохѣ, изъ такого злачнаго и прохладнаго мѣста.

Главная кумирня города тоже хорошо сохранилась; въ ней и устроилъ себѣ резиденцію на все время работъ въ этомъ мѣстечкѣ. Постоянно, день и ночь, горѣли у меня на дворикѣ два огромные костра, для варки пищи и очищенія воздуха, благо сухаго дерева не занимать было стать. Воды только не было близко, за нею приходилось посылать за пять верстъ, все-же остальное имѣлось у насъ.

Наша живая провизія, бараны, чуть не навликали намъ бѣды

отъ тигровъ, подходившихъ по утрамъ къ самымъ стѣнамъ кумирни. Мяуканье-рычанье ихъ составляло нашъ ежедневно утренній концертъ, къ которому мы, пожалуй, прислушались бы и привыкли; можетъ быть, открыли бы въ немъ, кромѣ оригинальности и силы, также и извѣстную прелесть, если бы не постоянная боязнь, что одна изъ этихъ звѣринокъ, наиболѣе голодная, не утерпитъ и прыгнетъ къ намъ черезъ ограду—прыгаютъ, вѣдь, тигры удивительно высоко! Бывшая съ нами собачка до того трусила при этихъ рычаньяхъ, что забивалась куда-нибудь глубоко, съ головою.

За то волкамъ, собиравшимся иногда передъ нашею казиткою стаями, песъ нашъ преисправно и прехрабро вторилъ, когда тѣ неостово выли, тоже, вѣроятно, изъ желанія завязать знакомство съ нашими милыми барашками. Иногда, когда хоръ волковъ выводилъ какую нибудь тоскливую, вѣроятно, только очень голодному понятную, ноту, я высказывалъ, потерявши терпѣнiе, съ револьверомъ и стрѣлялъ направо и налево—точно брызги разлеталась эта трусливая команда въ разныя стороны.

Впрочемъ, относительно тигра мы были почти увѣрены, что онъ схватилъ бы развѣ барана, а можетъ быть, и собачку, но насъ бы не тронулъ. Очень рѣдко, только въ случаѣ крайняго голода, они нападаютъ на людей; вообще же, хотя ихъ много здѣсь, они ведутъ себя смирно, вѣроятно, потому, что и люди ихъ не трогаютъ. Здѣсь почти не стрѣляютъ тигровъ—нѣтъ ни деревьевъ, ни слоновъ, какъ въ Индiи, напримѣръ, а стрѣлять въ тигра съ одного съ нимъ уровня до крайности опасно: почти нѣтъ вѣроятiя убить его однимъ выстрѣломъ, не убитая же, только ранена, даже и тяжело, животинка эта навѣрное вскочитъ и разорветъ стрѣлявшаго.

Можно съ увѣренностiю сказать, что тигръ и сильнѣе, и ловчѣе льва—живучесть его изумительна.

Только когда тигръ начинаетъ ужъ очень много портить скота, киргизы собираются на него большими партiями, подкарауливаютъ спячаго, разомъ набрасываются и убиваютъ; но и тутъ не всегда еще одоляютъ звѣря, а онъ навѣрное перепортитъ много народа.

Солдаты здѣсь, при перевозѣхъ дерева и кирпича изъ китайскихъ поселенiй, часто встрѣчались съ тиграми, которые постоянно уходили или даже убѣгали, только иногда оглаживаясь и облизываясь на воловъ, нападать же на людей они не рѣшались, конечно, безъ вызова.

Вообще, по моему опыту, провѣренному во многихъ странахъ, и лично, и рассказами бывалыхъ людей—рассказни о свирѣпости дикихъ животныхъ преувеличены. Человѣкъ своею вертикальною

фигурою внушаетъ непреодолимый страхъ всѣмъ остальнымъ тварямъ и надобно, чтобы крупный звѣрь былъ очень голоденъ, а мелкіе, какъ волки, были въ большомъ числѣ, чтобы отважились напасть на прожогого, не дѣлающаго имъ зла и не несущаго оружія. Это послѣднее если и пугаетъ мелкихъ звѣрей, то всегда раздражаетъ большихъ, умѣющихъ прекрасно различать намѣренія человѣка.

Конечно, исключенія бываютъ во всемъ: въ Индіи случается, что тигръ или тигрица—въ особенности, когда они стары и не могутъ уже преслѣдовать и нападать на быстроногихъ и сильныхъ животныхъ—попробовавши человѣческаго мяса, находятъ его такъ вкуснымъ, а процедуру добыванія этого рода пищи такую легкою, то начинаютъ питаться только людьми, почему и называются въ окрестности людоедами (Man eater).

Однако, возвращаясь къ Акъ-Кенту. Работы свои, замѣтки и этюды масляными красками я чередовалъ съ охотою, въ особенности на фазановъ, которыхъ въ камышахъ было видимо невидимо. Часто попадались я дикія свиньи, но я не стрѣлялъ ихъ изъ боязни, какъ бы раненный кабанъ не вздумалъ попробовать крѣпость своихъ клыковъ на моихъ ногахъ—они на это мастера. Мѣстами бывали, должно быть, и тигры: послѣ выстрѣла по фазану, иногда такъ шибко ломался и склонялся камышъ въ одномъ направленіи, такъ что-то рычало, сердилось, что, очевидно, какіе-то большіе звѣри утекали, изъясляя свое неудовольствіе. Въ этихъ случаяхъ я тоже обыкновенно благоразумно ретировался въ болѣе открытыя мѣста.

* * *

Схватившая меня сильная лихорадка не дала очень заработать въ этихъ мѣстахъ. Наскоро окончивъ начатые этюды, я возвратился къ Борохудиру, откуда уже располагалъ уѣхать въ Ташкентъ, какъ вдругъ расчеты мои перевернулись и мнѣ снова пришлось направиться черезъ Акъ-Кентъ, какъ разъ по желанному пути къ Кульджаѣ, черезъ Хоргосъ.

* * *

Три дня спустя по пріѣздѣ моемъ въ отрядъ пришла, «летучка» изъ Лепсинской станицы, расположенной къ сѣверу отъ Борохудира. съ увѣдомленіемъ начальника полка о томъ, что, догоняя киргизъ, угнавшихъ у него табунъ лошадей, онъ перешелъ чрезъ границу, отбилъ почти всѣхъ украденныхъ коней, да еще въ возмездіе захватилъ 20,000 головъ разнаго скота; киргизъ-же Кизиевскаго рода, произведшихъ этотъ дерзкій грабежъ, побилъ и прогналъ по направленію къ озеру Лобъ-Нору. Онъ предлагалъ начальнику отряда встрѣтить бѣгущія кочевья съ юга и еще разъ поколотить, чтобы на долгое время отбить охоту барантовать въ русскихъ предѣлахъ.

Маленькій отрядецъ нашъ, скучавшій бездѣйствиємъ, встрепенулся и схватился сейчасъ-же за это извѣстiе какъ за предлогъ почесать руки, давно уже зудившiяся. И думать было нечего, конечно, идти къ Лобъ-Нору, а тѣмъ болѣе ловить тамъ какихъ-то киргизъ—хотя для вида объ этомъ и толковали, даже разсматривали карту,—за то офицеры смекнули, что теперь или никогда случай перейти границу и пощипать сосѣдей, на совѣсти которыхъ было давно уже нѣсколько дерзкихъ грабежей и даже убійствъ.

Отданъ былъ приказъ выступить въ эту-же ночь.

Хотя лихорадка не совсѣмъ еще оставила меня, я, конечно, присоединился къ экспедици, въ чайнiи повысмотрѣть и порисовать въ китайскихъ предѣлахъ.

Силу снарядили великую: 60 человекъ пѣхоты, неполную сотню казаковъ и одно орудiе. Пѣхота выступила еще ночью. Не смотря на приказъ раньше залечь спать, чтобы хорошенько подкрѣпитъ сномъ, передъ набѣгомъ,—который долженъ былъ быть быстръ и слѣдовательно утомителенъ—никто въ казармахъ, какъ передъ большимъ праздникомъ, не ложился спать: одни съ шутками и прибаутками собирались, другiе съ шутками-же и смѣшками горевали, что имъ приходилось отстать отъ товарищей, остаться караулить казенную „хурду-мурду“.

Начальникъ отряда, бравый маiоръ П., съ артиллерiею и казаками выступилъ раннимъ утромъ,—къ этимъ коннымъ пристроился и я. Мы догнали нашу пѣхоту уже около втораго городка, обогнали ее и сдѣлали вмѣстѣ привалъ за Акъ-Кентомъ, въ Сассахъ, т. е. въ камышахъ—откуда возили мнѣ воду за время занятiй тутъ.

* *
*

Мы шли безъ шума, очень скоро и въ сумеркахъ подошли къ полуразрушенной постройкѣ на рѣкѣ Хоргосъ, гдѣ пѣхота, сдѣлавшая съ утра около 80 верстъ, остановилась отдохнуть, а мы двинулись черезъ рѣку далѣе.

Уже темнѣло. Въ этой оградѣ оставленъ былъ обозъ, подъ прикрытiемъ 30 человекъ солдатъ, такъ что за нами пошло пѣшей рати тоже только 30 человекъ.

Около рѣки была растительность, но далѣе за камышами она исчезла и къ городу Ча-панм-цзы мы вышли на совершенно гладкую мѣстность.

И стѣны, и дома города этого показались мнѣ въ темнотѣ громадными; такъ ваяъ, подходя, я просто спалъ въ сѣдлѣ отъ усталости ¹⁾,

¹⁾ Мы сдѣлали въ 18 часовъ около 100 верстъ.

то естественно, что сонные глаза поражались темными массами восточных ворот, театровъ и проч. На правой рукѣ у насъ была высокая стѣна крѣпости; у ея воротъ мы, т. е. казаки и артиллеристы, расположились отдохнуть, дожидаться зари, когда предполагено было устремиться на расположенное въ 12 верстахъ отсюда селеніе Мазаръ, со стоявшимъ тамъ, по слухамъ, отрядомъ въ 400 человекъ таранчей. Надобно было подойти къ нимъ не поздно, чтобы застать ихъ врасплохъ и не дать отогнать далеко стада, составлявшія главный предметъ нашихъ вождельній. Кстати сказать, казаки у насъ были сибирскіе, не теперешніе лихіе сыны этого войска, а только еще начинавшіе правильно формироваться, непривычные, неодѣтые, необученные. Когда я увидѣлъ ихъ собравшихся въ походъ, я просто ахнулъ: одинъ былъ въ полушубкѣ, другой въ длинной шубѣ, у третьяго шубенка мѣхомъ кверху, у четвертаго сверху до низу заплатъ на заплатѣ. Шапки и высокія, и нуцны, и широкія, и мохнатыя.. Ружья были кремневые, самые новые стволы 1840-хъ годовъ, нѣкоторые же носили клейма прошлаго столѣтія, словомъ, эти были ни дать ни взять казаки князя Трубецкаго 1612 г. подъ Москвою—хоть сейчасъ рисуй ихъ за такихъ.

Я побродилъ немного по крѣпости и ближнимъ улицамъ; насколько можно было различить въ темнотѣ, многія зданія хорошо сохранились; видны были живописы, барельефы, драконы, завѣтки и разныя затѣи.

Окрестные жители шибко ломали постройки, увозя дерево и кирпичъ, грудами сложенные во многихъ мѣстахъ.

* *
*

Лишь только показался свѣтъ, мы сѣли на коней и выступили — впереди казаки, потомъ артиллерія,—сначала шагомъ, потомъ рысью и, наконецъ, во весь опоръ!

На правой сторонѣ отъ насъ, къ сторонѣ знаменитой Кульджинской долины, видно было много поселеній, но не попалось въ эту раннюю часть ни души изъ жителей.

Впереди показались дымки двухъ деревень, сначала Большаго, потомъ Малаго Мазара (мазаръ—гробница).

Въ головѣ отряда у насъ ѣхали два китайца, чиновникъ со слугою, служившіе проводниками. Сынъ Неба, по мѣрѣ приближенія къ тѣмъ мѣстамъ, откуда онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ едва унесъ свою башку, начиналъ видимо трусить, вѣроятно смущаясь нашею малочисленностью. «Смотрите, настойчиво твердилъ онъ, если встрѣтятся таранчи, не троньте ихъ, а то они извѣстятъ своихъ въ Кульджъ и вамъ отрѣжутъ путь назадъ!» — Ладно, тамъ видно будетъ, кто кого отрѣжетъ, отвѣчали ему.

Версты за 2 до деревни мы понеслись маршъ-маршемъ, едва не завязли всѣмъ отрядомъ въ какомъ-то затопленномъ полѣ и вихремъ внеслись въ поселеніе!...

Батюшки мои, что за суета тамъ поднялась! Нѣсколько человѣкъ перебѣгали черезъ дорогу, спасаясь въ свои дома—казакамъ показалось невозможнымъ допустить это: «Стой, стой, раздались ихъ голоса, держи ихъ, не допущай, не допущай!».

Деревенька оказалась крохотная, всего въ нѣсколько дворовъ, въ одномъ изъ которыхъ собрался весь наличный людъ: блѣдные, буквально дрожавшіе отъ страха и видимо ожидавшіе себѣ конца. Военнаго отряда тутъ не было.

Я слѣзъ съ лошади и пошелъ къ одной саклѣ. «Смотрите, ваше высокоблагородіе, не сдѣлали-бы они вамъ худа!» предупредилъ меня казакъ; но бѣднякамъ было, очевидно, не до нападенія на насъ; они сгибались, низко кланялись и, не смѣя поворотиться спиною, пятились назадъ, отступали. Только молодныя женщины смотрѣли съ меньшимъ страхомъ, какъ-то особенно пытливо.

Всѣхъ мужчинъ позвали къ начальнику отряда—они не шли; пришлось тащить—они упирались. Жены и дѣти пошли за ними слѣдомъ съ воемъ и причитаніемъ; судя о нашихъ порядкахъ и обычаяхъ по своимъ, они конечно ожидали смерти для мужчинъ и плѣна-неволи для женщинъ. Признаюсь, я бы охотно удержалъ у себя въ неволѣ одну молодую особу, должно быть дочь почетнаго человѣка, смотрителя гробницы: не много татарскій т. е. скуластый овалъ лица и прорѣзъ глазъ, но прелестныя и личико и фигура, а гнѣва никакого, только любопытство.

По разпросамъ маіора оказалось, что въ этой деревнѣ живетъ всего нѣсколько семействъ при гробницѣ святаго, а въ слѣдующей, рядомъ, дѣйствительно стоитъ отрядъ въ 100 конныхъ таранчей, наблюдающихъ за границею, какъ мы имѣли случай убѣдиться, наблюдающихъ очень плохо, такъ какъ нашъ налетъ былъ чистымъ сюрпризомъ для нихъ.

Въ эту вторую деревню, окруженную высокою стѣною, послали 10 человѣкъ казаковъ, но жители не пустили ихъ, успѣвши затворить ворота, передъ которыми маіоръ и приказалъ казакамъ стоять, сторожить, чтобы кто-нибудь изъ конныхъ не улизнулъ и не далъ знать въ Кульджу. Такъ какъ всѣхъ лошадей въ окрестности мы захватили, то конныхъ гонцевъ, для созыва воинства, жители не могли разослать.

Тѣмъ временемъ нѣсколько партій казаковъ были посланы въ разныя стороны, собирать скотъ, по мѣрѣ подхода загонявшійся въ очень обширную ограду гробницы, гдѣ расположилось и наше орудіе.

* * *

Я пошелъ осматривать гробницу, представляющую большую святыню не только для мѣстныхъ, но и для всѣхъ средне-азиатскихъ мусульманъ. Она построена Тамерланомъ или «Хромымъ Тимуромъ», надъ могилою Тоглукъ-Тимура, знаменитаго Джагатайскаго султана, при которомъ Тамерланъ началъ свое бурное и громкое поприще.

Зданіе прекрасной постройки, но куполъ уже провалился и тучи птицъ поднялись оттуда, при моемъ входѣ.

Самая гробница, громаднхъ размѣровъ, въ очень жалкомъ видѣ, когда-то богато украшенная, теперь была лишь грязно вымазана простую глиною. За то фронтонъ зданія до сихъ поръ покрытъ глазурованными кирпичами чудной работы,—что за цвѣта и краски, что за прочная работа!

Очень хотѣлось мнѣ вынуть нѣсколько образцовъ цвѣтныхъ кирпичей и, конечно, жители охотно сдѣлали бы это, но я не рѣшился такъ распорядиться и ограничился нѣсколькими обломками, а теперь жалѣю. Сколько я знаю, ни въ одномъ изъ нашихъ музеевъ нѣтъ образцовъ цвѣтной глазури отъ этого памятника Тамерлановой эпохи

* *
* *

Стали сгонять скотъ и цѣлыя облака пыли вмѣстѣ съ нимъ; крупнаго скота, однако-же, лошадей, барановъ, верблюдовъ оказалось мало.

Вотъ прискакалъ казакъ съ извѣстіемъ, что сбѣжавшійся изъ соедннихъ ауловъ народъ не даетъ скотину, затѣваетъ драку. Начальникъ отряда послалъ 10 человекъ подмоги, съ приказаніемъ не стрѣлять, чтобы не пугать окрестность, а дѣйствовать больше по мордамъ и въ крайнихъ случаяхъ шашками. Кусочекъ, который казаки тутъ отнимали, оказался тысячи въ 4 головъ. Я не понималъ кто и какъ погонитъ къ границѣ всю эту массу овецъ, уже и здѣсь въ отрядѣ заявлявшихъ о своемъ намѣреніи не покоряться участи: влѣзеть козелъ на стѣнку, обозрѣть окрестность, прыгъ черезъ, да и давай утекать во всѣ лопатки, а за нимъ, конечно, спасаются десятки и сотни четвероногихъ—ловятъ ихъ, гонятъ назадъ! А что за бляніе, что за шумъ,—трудно и передать.

Казаки поминутно таскали сначала яблоки и груши, потомъ войлоки и разную домашнюю рухлядь. Я пошелъ посмотреть откуда это они раздобываютъ, и къ ужасу моему нашель, что все въ домахъ было переломано, разбросано, разбито. Кое гдѣ бродили казаки, ища «еще чего нибудь»! при этомъ все, что нельзя было захватить съ собою, должно быть въ наказаніе, ломалось, уничтожалось: попалась связка мѣдныхъ денегъ—разбросана по сторонамъ: книги—по листамъ и по вѣтру, или въ печку. Вездѣ ключья, обломки, обрывки. Дверь въ мечеть выломана; дровки съ пучками лошадиныхъ волосъ

повалены, переломаны; жертвенные рога, украшающіе обыкновенно всѣ средне-азіятскія могилы, разбросаны—что за срамъ! чисто духъ разрушенія обуялъ нашихъ воиновъ.

Я оставилъ этотъ печальный осмотръ, потому что уже трубили сборъ и отрядъ выстраивался для обратнаго выступленія. Вилоть до Борохудзира, т. е. на протяженіи 150 верстъ, приходилось теперь гнать набарантованныя нами стада, которыя, конечно, туземцы станутъ отбивать.

Какъ только казаки, сторожившіе ворота второй деревни, отошли, чтобы присоединиться къ намъ, оттуда стали одинъ за другимъ выѣзжать вооруженные всадники, продѣлывавшіе сначала разныя воинственныя эволюціи и затѣмъ правильно выстраивавшіеся; выѣхалъ бѣлый значекъ и отрядецъ отерты принялъ угрожающее положеніе.

Также со всѣхъ сторонъ сталъ собираться народъ, вооруженный копьями и шашками, въ правильныя сотенныя части; ружей у нихъ было мало. Лишь только мы тронулись назадъ, всѣ эти отряды двинулись за нами, съ очевиднымъ намѣреніемъ развлечь скуку нашего отступленія упорными атаками.

Непріятель началъ правильно облагать насъ однимъ сплошнымъ кольцомъ; уже явилось множество значковъ разныхъ цвѣтовъ и одно огромное, ярко-красное знамя, по величинѣ и по той огромной толпѣ, которая его окружала, вѣроятно, сопровождавшее начальника. Съ дикими криками и гиканьемъ они стали обсакивать насъ.

Раздалась команда: «Орудіе съ передковъ!» и затѣмъ «Первая!» Не только самый снарядъ, ядро, сколь громъ выстрѣла мгновенно обратилъ въ бѣгство всю вражью силу, хотя не надолго,—они оправились, загарцовали, загикали снова, еще пуще прежняго.

* *

Я ѣхалъ съ моимъ казакомъ поодаль отъ отряда и, признаюсь, забавлялся, подпуская непріятельскихъ джигитовъ на самое близкое разстояніе, когда они, не видя оружія, подѣзжали въ упоръ и уже заносили копьё—я направлялъ мой карманный револьверъ (Смитъ и Вессонъ) прямо въ фізіономію смѣльчака, щелкалъ курокъ и.....пригнувшись къ сѣдлу, отлетали они также быстро, какъ надетали. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ захватить меня врасплохъ, они полетали уже менѣе стремительно и держались на болѣе почтительномъ разстояніи.

Это воеванье было уморительно: «кель мунда!» (стунай сюда), кричали они, маша рукою и прибавляя крѣпкое словцо.—«Ехъ, санъ мунда кель!» (нѣтъ, ты стунай сюда), отвѣчалъ я, каюсь, тоже прибавляя соленое выраженіе.

Вотъ она первобытная борьба «одинъ на одинъ», которая въ былыя времена всегда предшествовала серьезнымъ дѣламъ,—не доставало только боговъ съ обѣихъ сторонъ, ободравшихъ, помогавшихъ и направлявшихъ руки воюющихъ.

Туземцы, видимо, держались извѣстной повадки: всячески дразнили движеніями и словами, вызывая на выстрѣлъ, отъ котораго ловко увернувшись, уже смѣло бросались впередъ, съ пашкою наголо, или пикомъ на перевѣсъ—шестиствольный револьверъ, однако, сбивая съ толку эту ловкую тактику.

Казакъ мой, вопреки совѣту, не утерпѣлъ разъ, чтобы не выстрѣлить въ очень надоѣдавшего ему молодца, да, не успѣвши зарядить ружье, и перетрухнулъ, ударился прочь, когда тотъ съ крикомъ налетѣлъ на него; я отвелъ нападавшаго револьверомъ и выговаривая казаку: «какъ не стыдно тебѣ бѣжать отъ такого вояки»?—Да ружье разряжено, ваше высокоблагородіе, а пашкой отъ пика гдѣ же оборониться! «Зачѣмъ тебѣ заряжать, ты сдѣлай видъ, что опустил пулю, хлопни по ложѣ и прицѣлься—смотри какъ побѣжить прочь!»

Вышло какъ по писанному: лишь только мы поѣхали пошибче, чтобы догнать отрядъ, какъ нѣсколько джигитовъ, бросились слѣдомъ; казакъ остановился, хлопнулъ по своему незаряженному ружью и прицѣлился въ передоваго—только мы ихъ и видѣли.

* *

Однако, положеніе наше начало принимать серьезный характеръ: со всѣхъ сторонъ насъ обскакивали, обледали и кругъ все стѣснялся все болѣе и болѣе нажимали на насъ. Уже впереди дорога нашего отступленія была перерѣзана. Съ гикомъ, визгомъ, гамомъ кружили со всѣхъ сторонъ на разстояніи ружейнаго выстрѣла тысячи коннаго народа—видно успѣли таки разослать всюду гонцовъ оповѣстить окрестность о нашей малочисленности и созвать охотниковъ душиать насъ и отбивать скоть.

Отдѣльные джигиты и цѣлыя группы ихъ подскакивали вотъ вотъ совсѣмъ близко и едва не отхватывали часть барановъ. Кабы не солдаты, присоединившіеся тутъ и расположившіеся на большихъ интервалахъ, по сторонамъ нашего шествія, казакамъ никакъ бы не убежать добра.

Казаки, не только первый разъ бывшіе въ огнѣ, но и вообще плохо дисциплинированные, видимо чувствовали себя не ладно. Когда послали одинъ взводъ завязать перестрѣлку, то выѣхавши на небольшое разстояніе, они исполнили приказаніе вяло, неохотно и, пострѣливши въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, воротились назадъ.

Да и то сказать, воевать съ ружьями, какія были у нихъ—трудно.

Не помню, одно или два ружья только были пистонныя, остальные всѣ кремневыя и бравый конникъ никогда не былъ увѣренъ, что его писталь выпалитъ, скорѣе онъ долженъ былъ рассчитывать на противное: вспыхнетъ порохъ, поднимется бѣлый дымокъ, въ видѣ маленькаго фейерверка и только. За то, если ружье выпалитъ, то удивленная и довольная физиономія казака поворачивается къ товарищамъ: «накъсь! ишъ ты! взяло!»

Выговоривши взводу за слишкомъ вялое дѣйствіе, начальникъ отряда выслалъ другой, но съ этимъ дѣло обошлось совсѣмъ не благополучно. Ему велѣно было выѣхать подальше, а онъ забрался слишкомъ далеко: не слыша сигнала, призывавшаго его назадъ, онъ забирался все далѣе и, наконецъ, увидѣвши невозможность двигаться далѣе на сплошную массу непріятеля, не останавливаясь, поворотилъ назадъ, да не шагомъ, а крупною рысью, такъ что когда врагъ съ гикомъ ударилъ въ спину, до маршь-марша было уже не далеко и казаки понеслись: «спасайся, кто можетъ!»

Не бывавшіе въ военныхъ дѣлахъ понятія не имѣютъ о томъ, какъ легко паника охватываетъ отступающихъ съ поля битвы, въ кавалеріи еще сильнѣе, чѣмъ въ пѣхотѣ, потому что, отъ выстрѣловъ и криковъ съ тыла, лошади закусываютъ удила и несутся бѣшено, неудержимо! Просто глазамъ не вѣрилось! казаки стлались, спасаясь во весь опоръ отъ летѣвшихъ за ними и душившихъ ихъ въ догонку степняковъ. Нѣкоторые изъ нашихъ, сбитые съ лошадей пиками, утекали по пѣшему способу, въ припрыжку, какъ зайцы; нѣкоторые были уже проткнуты и порублены. Я поскакалъ на перерѣзъ: «стой, стой! такіе сязіе!» и влетѣвши въ середину взвода, очутился въ самой серединѣ погрома: одинъ раненый, проткнутый въ пазуху, ревлѣ благимъ матомъ, продолжая утекать; другой, на бѣгу же вцѣпившись въ направленную на него пикку, просто тащилъ за собою всадника... таранчи и киргизы съ визгомъ наотмахъ били бѣжавшихъ!

Первое, что я немедленно же получилъ въ награду за вмѣшательство, былъ ударъ пикою по головѣ, благодаря гладкой бобровой шапочкѣ моей счастливо скользящей — если бы не это случайное обстоятельство, ударъ, конечно, не только бы оглушилъ меня, но и вышибъ изъ сѣдла ¹⁾.

Я въ упоръ выстрѣлилъ, но противникъ, ловко увернувшись, набросился съ пикою на перевѣзъ, за нимъ оказались другой, третій...

Крѣпко обозлившись на ударъ по головѣ, я намѣревался вышутить на нихъ заряды револьвера,... когда кто-то схватилъ меня сзади,

¹⁾ Этотъ ударъ долго давалъ себя потомъ чувствовать.

за руки—оборачиваюсь, добрыйшій Ф., нашъ казачій сотникъ—«Бога ради стойте, васъ безпремѣнно прирѣжутъ».

Тутъ сигнальный рожокъ призвалъ насъ къ отряду и мечь волею неволею пришлось отложить, какъ ни обидно было, съѣвши лизуна, не дать сдачи.

Казакъ, остановясь, наконецъ, отерли пальбу; одни стонали отъ боли, другіе оживленно переговаривались, препирались, оправдывались одинъ передъ другимъ въ случившейся бѣдѣ—видимо безпокойство стало овладѣвать людьми, сознавшими свою малочисленность и неловкость положенія, среди густыхъ массъ непріятеля, который дѣлался все болѣе и болѣе дерзкимъ, началъ даже напирать на орудіе—того и смотри отхватить!

Нашей лучшей защиты, пѣхоты, было очень мало, потому что, изъ 30 человекъ, десять пришлось послать для занятія воротъ и стѣнъ крѣпости Чампандзи. Это было сдѣлано разумно, потому что займи непріятель укрѣпленіе, черезъ которое шла дорога, намъ было-бы совсѣмъ плохо; теперь же солдатики, перебѣгая по гребнямъ стѣнъ и отпаливаясь во всѣ стороны, значительно охлаждали пылъ враговъ, нѣтъ, нѣтъ, да и сбивая съ сѣдла наиболѣе зарывавшихся.

На счастье наше у противниковъ нашихъ было мало огнестрѣльнаго оружія, такъ что преградить намъ выходъ изъ города и путь къ границѣ они могли только массою, грудью, а на это у нихъ не хватало рѣшимости.

* * *

Эманъ, присоединившись къ отряду съ 20-ю солдатами, тоже привелъ порядочное стадо, тысячи въ 2 головы, и толкотня, тѣснота у насъ увеличились, разумѣется, еще болѣе.

Дорога, особенно подъ аркою узкихъ городскихъ воротъ, до того была запружена, что все перемѣшалось: тутъ и бляело, и ржало, и мычало, кричало, шумѣло, распорядилось—ничего не разберешь. Вдобавокъ, надъ нами стояло такое большое, такое густое облако пыли, что невидно было ничего—будь только непріятель попредпримчивѣе, ударъ тутъ на насъ съ хорошимъ гикомъ, хоть 10 человекъ, все бы растерялось и перестрѣляло другъ друга.

Было отчего придти въ отчаяніе, одинъ изъ офицеровъ даже вскрикнулъ съ горя: «если выходъ занятъ—мы пропали!» Я тихонько напомнилъ ему о томъ, что казакъ кругомъ насъ и слышать это...

Казакъ большіе охотники распорядиться, безъ толку свовали изъ стороны въ сторону и срывали сердце на нашихъ волонтерахъ, китайскихъ эмигрантовъ, испуганными взорами овидывавшихъ нашу и непріятельскую силы и, повидимому, очень сомнѣвавшихся въ благо-

получномъ исходѣ предпріятія—въ каковомъ случаѣ ихъ головы, конечно, прежде другихъ отдѣлились-бы отъ туловищъ.

Одинъ гаврилычъ, подѣ шумокъ, даже наклакъ въ загривокъ какому-то маіору Небесной имперіи, да такъ быстро, что не было времени и вступитья и должно быть наложилъ солидно, потому что союзникъ забылъ зѣвать по сторонамъ и отдался всецѣло присмотру за баранами—что и требовалось доказать.

Теперь еще менѣе, чѣмъ утромъ, довелось осматривать постройки города, не до того было, такъ какъ, спасаясь отъ всей этой убійственной сумятицы, мы съ Эманомъ протискались впередъ—тамъ подѣ закрытіемъ полуразрушенныхъ построекъ толпы непріятеля ожидали выхода отряда. Не долго думая, мы схватились за наше оружіе, товарищъ за шашку, я за револьверъ, и съ крикомъ ура!, подхваченнымъ бывшими съ нами 6-ю казаками, бросились въ атаку! Какъ-же перетрухнуло все воинство, намъ угрожавшее, какъ оно разсыпалось въ разныя стороны!

Тутъ насмѣшилъ меня одинъ казакъ, пресерьезно совѣтовавшій не преслѣдовать далѣе, такъ какъ «изъ-за крайнихъ сакль стрѣляютъ».

— Ну такъ что-же что стрѣляютъ?

— Да вѣдь пулами стрѣляютъ, ваше высокоблагородіе!

* * *

Безконечное стадо наше, а съ нимъ и мы уже выступили изъ города, на ровную поляну, когда пришло приказаніе отъ начальника отряда остановиться: «будемъ-де ночевать въ крѣпости». Невозможно! рѣшили мы съ Эманомъ, мыслимо-ли защищаться въ этихъ руинахъ, возможно-ли поворачивать теперь назадъ нашихъ четвероногихъ, а главное—неужели дожидаться, чтобы къ завтрашнему утру собралось вокругъ насъ все Кульджинское населеніе, которое тогда дѣйствительно задушить отрядъ—и не только барановъ не угнать и самимъ не уйти.

Мы рѣшили возможно послѣшать къ рѣкѣ Харгосъ, гдѣ кромѣ воды есть еще и большой защищенный оградю дворъ, тотъ самый, въ которомъ остался нашъ обозъ, подѣ прикрытіемъ 30 солдатъ.

— «Пойдемъ, чертъ побери, рѣшилъ Эманъ, пойдемъ далѣе, хоть-бы мнѣ за это попасть подѣ судъ!»

Онъ увѣдомилъ начальника отряда, что поворотить стадо вѣтъ теперь никакой возможности и мы, не теряя веселаго расположенія духа, продолжали наше движеніе.

Ф. слышалъ потомъ какъ одинъ изъ бывшихъ съ нами тутъ казакъ разсказывалъ товарищамъ: «Этотъ штатскій полковникъ просто

бѣдовый! вѣртать папироски съ ротнымъ да, въ пересмѣшку другъ передъ дружкой, и идуть прямо на киргизъ».

Думаю, что все бы обошлось благополучно, если-бы Эманъ не былъ черезъ чуръ великодушенъ: солдатамъ своимъ онъ велѣлъ остаться и ожидать приказанія начальника отряда, т. е. лишилъ нашъ авангардъ единственной поддержки, способной внушить спасительный страхъ непріятелю, и вся многотысячная масса скота, растянувшись уже на 2-хъ верстахъ, не имѣла иной защиты, кромѣ нѣсколькихъ до полусмерти перепуганныхъ китайцевъ съ ихъ традиціонными луками и стрѣлами, насъ двоихъ, да немногихъ казаковъ—этихъ послѣднихъ изъ 6-ти осталось только 3, такъ какъ другіе, видя опасность, подъ разными предлогами, улетучились.

«А вѣдь на насъ сейчасъ ударять, говорю я товарищу».

— Можеть-ли быть, хладнокровно отвѣчаетъ финляндецъ—онъ потерялъ на привалѣ свои очки и теперь тщетно поворачивалъ близорукіе глаза, выпуклые зрачки которыхъ ничего не видѣли далѣе нѣсколькихъ сажень.

«Вотъ, посмотрите, сейчасъ ударять!»

— Да гдѣ вы ихъ видите?

«Какъ гдѣ? это-то что-же кругомъ? говорю, указывая на массы, насъ облежавшія».

— Будто все это непріятель? Представьте себѣ, вѣдь я думалъ, что это кусты?

«Неужели, однако, вы до такой степени плохо видите?»

— Да; помните мѣсто, гдѣ мы закусывали въ Сассахъ, тамъ я оставилъ мои очки и глаза вмѣстѣ съ ними.

«Ну, думаю, хорошо имѣть такого зрячаго товарища».

— А это что такое, эти высокіе предметы—это деревья?

«Нѣтъ, это знамена, смотрите, сколько ихъ тутъ?..»

— А! какъ странно! этого я не предполагалъ?

Только что успѣлъ я послать одного изъ казаковъ къ начальнику отряда, съ извѣстіемъ объ опасности и для насъ, и для барановъ нашихъ, какъ все кругомъ дрогнуло, застонало и, потрясая пашками и кошьями, понеслось на насъ! Признаюсь, минута была жуткая. Эманъ опять съ пашкою, я съ револьверомъ, но уже не гарцуя, а прижавшись одинъ къ другому, кричимъ: ура! и... ожидаемъ нападенія.

Безъ сомнѣнія, изъ насъ были бы сдѣланы отбивныя котлеты, какъ то случилось съ однимъ изъ бывшихъ около насъ двухъ казаковъ (другой успѣлъ удрасть), но мы снаслись тѣмъ, что, во-первыхъ, непріятель больше зарился на нашъ скотъ, чѣмъ на насъ самихъ,

во вторыхъ, Эманъ, а за нимъ и я, свалились съ лошадей: со слѣна мой товарищъ заѣхалъ въ ровъ и, полетѣвши черезъ голову, такъ крѣпко ударился лбомъ о землю, что остался распростертымъ. Моя лошадь спотынулась на него: я тоже слетѣлъ, но успѣлъ удержать узду и, вставши надъ лежавшимъ, не подававшимъ признака жизни, пріателемъ, лѣвою рукою держалъ поводъ лошади, а правою—отстрѣливался отъ мигомъ налетѣвшихъ и со всѣхъ сторонъ окружившихъ насъ степняковъ: такъ и варовили, подлецы, рубнуть шашкою или уколоть пиккою, но или выстрѣлъ, или взводъ курка удерживали ихъ, не подпускали слишкомъ близко. Едва успѣваю отогнать одного, другаго отъ себя, какъ завосятъ пикую надъ спиною Эмана, третій тычетъ сбоку, четвертый, пятый сзади—какъ только я не посѣдѣлъ тутъ! Признаюсь, я думалъ, что товарищъ мой ловко притворился мертвымъ, но онъ мнѣ рассказывалъ послѣ, что страшно ударился при паденіи и только, какъ съвозъ сонъ, слышалъ, что ходили и скакали по нему. Счастье наше было то, что эти господа, видимо, считали револьверъ мой неистощимымъ; я выпустилъ только четыре заряда, понимая, что пропаду, если буду еще стрѣлять, и больше страдалъ: уже пикки приближались со всѣхъ сторонъ и, исковерканныя злостью фізіономіи скалились и ругались на самомъ близкомъ разстояніи..

Затрудняюсь сказать, сколько времени продолжалось мое неловкое положеніе—мнѣ то казалось долго, но въ сущности, вѣроятно, не болѣе одной минуты,—какъ вдругъ все отхлынуло и понеслось прочь также быстро, какъ и принеслось: это подбѣжали къ намъ на выручку солдаты—лошадь Эмана промчалась мимо нихъ, унтеръ крикнулъ: «выручай, братцы, ротнаго убили!» и они всѣ бросились, сломя голову, впередъ.

Затѣмъ прискакало орудіе, лихо снялось съ передковъ и, послѣ перваго выстрѣла, не осталось никого около насъ, а послѣ втораго и около барановъ, отогнанныхъ было, но снова теперь нами захваченныхъ. Надобно сказать, что все это случилось очень быстро, быстрѣе, чѣмъ я рассказываю, и сопровождалось сильнѣйшимъ шумомъ: съ бранью налетали киргизы, съ бранью я отстрѣливался, съ бранью стрѣляли солдаты, съ бранью же, наконецъ, взмахнулъ шашкою и Эманъ, когда, очнувшись и вскочивъ на ноги, успѣлъ еще рубнуть одного изъ всадниковъ, конечно, ускокавшаго умирать.

Очевидно, шумъ и крики входили въ систему устрашенія у нашего непріятеля, да отчасти и у насъ самихъ. Впрочемъ, и въ наиболѣе дисциплинированныхъ войскахъ, во время дѣйствія, потребность пугать непріятеля и подбодрять себя шумомъ сказывается еще въ наше время.

Съ удовольствіемъ вспоминаю я, какъ Эманъ бросился мнѣ на шею и какъ славно мы съ нимъ расцѣловались. Въ немногихъ словахъ онъ разсказалъ, какъ будто въ кошмарѣ слышалъ, что его топчутъ, но подняться не могъ. Онъ понялъ, что подвергался опасности получить нѣсколько дырочекъ на свой новый полусшубокъ и что я отвелъ эту опасность.

Не теряя времени, мы бросились отбирать наши трофеи, т. е. барановъ, къ счастью, не успѣвшихъ далеко уйти. Таранчи и киргизы, не смотря на умѣнье обращаться съ ними, такъ заторопились, что запугали животныхъ, и тѣ, вмѣсто того, чтобы идти впередъ, повернули мертвымъ кругомъ, т. е. такъ, какъ обыкновенно гоняютъ барановъ по степи, когда не хотятъ, чтобы они разбродились и шибко переходили съ мѣста на мѣсто. Въ такую-то мертвую и заходилъ отхваченный у насъ косякъ и, не смотря на всѣ усилія огромной толпы, его погонявшей, онъ передвинулся всего на нѣсколько сажень. Два снаряда, пущенные черезъ головы непріятелей, окончательно отняли у нихъ охоту препираться за добычу и они ускакали безъ оглядки.

* * *

Надобно замѣтить здѣсь, что именно эта атака послужила мнѣ образцомъ при исполненіи потомъ картинъ: «Нападаютъ врасплохъ» и «Окружили—преслѣдуютъ». Офицеръ, съ саблею наголо, ожидающій нападенія, въ первой изъ этихъ картинъ, передаетъ въ нѣкоторой степени мое положеніе, когда, понявши серьезность минуты, я рѣшился коли можно отстрѣляться, а коли нельзя, такъ хоть не даваться легко въ руки влетѣвшей на насъ «орды». Конечно, многое въ этихъ картинахъ и измѣнено, кое-что, напримѣръ, взято изъ свѣжаго въ то время разсказа о нечаянномъ нападеніи извѣстнаго Салыка на небольшой русскій отрядъ, посланный на розыскъ его—нападенія, случившагося передъ самымъ пріѣздомъ моимъ въ Туркестанъ, на мѣстахъ, по которымъ я проѣзжалъ. Такъ какъ и этотъ фактъ я взялъ не въ цѣломъ составѣ, а заимствовалъ изъ него только нужное, наиболѣе характерное, то не мало пришлось потомъ слышать нарѣканій за то, что картины мои небывальщина, ложь, клевета на храброе туркестанское воинство и т. п. Даже разумный, добрый и хорошо ко мнѣ расположенный генераль К. П. Кауфманъ публично укорялъ меня въ томъ, «что я «слишкомъ далъ волю своему воображенію, слишкомъ насочиналъ».

* * *

Не безынтересно, что въ самую опасную минуту человѣка не покидаетъ забота о сравнительныхъ мелочахъ: когда непріятельская конница гикнула, полетѣла на насъ и мы поняли, что будемъ сей-

часть изрублены, я, вмѣсто того, чтобы обмѣняться съ Эманомъ мыслями о защитѣ, только сказалъ ему:

«А, вѣдь, барановъ-то отобьютъ у насъ!»

— Отобьютъ, отвѣтилъ онъ,—скверно!

«Ничего, послѣ опять отнимемъ!»

И все это, и мои вопросы, и его отвѣты, перебрасывалось между криками ура! и потрясаніемъ нашимъ оружіемъ, пашкою и револьверомъ.

Казака, съ нами бывшаго, совсѣмъ порубили, буквально искололи и изсѣкли. Онъ еще дышалъ, когда его подняли и положили вмѣстѣ съ другими ранеными на лафетъ орудія, но бѣдный воинъ вскорѣ умеръ; передъ смертью онъ поднесъ ко рту изувѣченную правую руку, съ перерубленными пальцами, да такъ и застылъ. Жутко было смотрѣть на его вытянутую фигуру, державшую кольцомъ руку передъ самымъ носомъ, точно въ насмѣшку надъ кѣмъ-то.

* * *

Непріятель опять началъ собираться вoзвругъ насъ густыми толпами и по нимъ распрекрасно дѣйствовало наше орудіе. Я просто любовался, какъ добрѣйшій и мирнѣйшій Р. вылеталъ на позицію, маршъ-маршемъ выскакивалъ далеко впередъ къ непріятельскимъ группамъ: «Орудіе съ передковъ! Первая!»... и прежде чѣмъ храбрые, но не дисциплинированные противники наши успѣвали разсыпаться, выстрѣлъ частенько вышибалъ нѣсколькихъ всадниковъ сразу. Сейчас же подхватывалъ онъ пушку, во весь опоръ подлеталъ къ друтому угрожаемому пункту и тамъ «первал» снова давала знать о себѣ.

Все время крикъ и шумъ были страшные, всякій командовалъ. Покажется казаку, что тамъ, гдѣ онъ находится, опасно—сейчасъ-же онъ кричитъ благимъ матомъ: «Орудію сюда дайте! Орудію! Скорѣя!» Орудіе наше было героемъ дня. При выходѣ изъ Борохудира, Р. мечталъ лишь о томъ, чтобы сдѣлать парочку выстрѣловъ, для реляціи; но дѣйствительность превзошла самыя смѣлыя его надежды, потому что пришлось стрѣлять не переставая и онъ выполнилъ выпавшую на его долю службу такъ, что, признаюсь, во множествѣ дѣлъ, которыхъ участникомъ мнѣ доводилось быть, ни разу я не видѣлъ болѣе блистательнаго дѣйствія орудія. Всѣ наши люди, солдаты, казаки и китайцы забывали и объ опасности, и о баранахъ, засматриваясь на «жарившую» пушку.

Одного калмыцкаго полковника я не могъ видѣть безъ улыбки: колчанъ, набитый стрѣлами, за спиною; въ рукахъ—готовый къ смертоносному дѣйствію лукъ; онъ только вздумаетъ натянуть стрѣлу,

какъ бѣсъ любопытства одолѣетъ его и, весь перевернувшись на сѣдлѣ, онъ слѣдитъ испуганнымъ и любопытнымъ взоромъ за движеніями и дѣйствіями орудія; на бѣду еще полковникъ этотъ былъ близорукъ, и на кончикѣ носа его были воздвигнуты величайшіе изъ когда либо видѣнныхъ мною очковъ—просто, умора! Казалось, онъ мечталъ: «вотъ, кабы намъ, китайцамъ, побольше такихъ орудій, мы бы съумѣли съ ними распорядиться—мигомъ оставили бы ихъ въ непріятельскихъ рукахъ!».

Впрочемъ, и у насъ дѣло едва не доходило до этого: въ короткихъ промежуткахъ, между выстрѣлами, такъ налегали на орудіе, что начальникъ отряда сталъ, вѣроятно, опасаться за исходъ нашей экспедиціи.

Мы ѣхали въ авангардѣ съ Эманомъ, который уже опять возсѣдалъ на своемъ чудесномъ иноходцѣ, чуть было не полавшемъ въ руки враговъ,—когда маіоръ, сильно смущенный, подѣхалъ къ намъ.

— Кажется, придется бросить барановъ!

— Что вы, маіоръ, ни сотни нельзя уступать—срамъ!

— Да вѣдь орудія отнимутъ, напираютъ такъ, что стрѣлять не даютъ!

Эманъ ускакалъ съ нимъ въ арьергардъ посмотрѣть, что тамъ дѣлается, а я остался распоряжаться впереди.

И пришлось же понукать и браниться! Солдатамъ достаточно было только сказать и съ ними забота была лишь о томъ, чтобы они не стрѣляли попусту, въ пространство, и не рисковали бы такимъ образомъ остаться безъ патроновъ. Но казаковъ приходилось постоянно то подгонять, то разгонять и бранить: собираются въ кучки и передаютъ другъ другу разные страхи, вмѣсто того, чтобы дѣлать дѣло, т. е. возможно поспѣшнѣе гнать впередъ стада, растянувшіяся теперь на добрыхъ четырехъ верстахъ разстоянія.

* *
*

Уже смеркалось, когда мы подошли къ первымъ рукамъ рѣки Харгосъ. Наконецъ-то!

Выстрѣловъ изъ орудій не было слышно въ тылу, но солдатики, шедшіе въ цѣпи, по сторонамъ, пострѣливали еще.

Оставшіеся въ обозѣ, за оградю, солдаты рассказывали, что киргизы подѣзжали къ нимъ, увѣряли, что отрядъ нашъ разсѣянъ, уничтоженъ и предлагали уходить: «мы де васъ не тронемъ», но въ отвѣтъ имъ выставили ружья и посовѣтовали убираться—къ чорту подъ хвостъ.

Съ величайшимъ трудомъ и нечего говорить съ какимъ шумомъ наши трофеи были переправлены черезъ рѣку и загнаны въ ограду,

изъ которой майоръ соорудилъ укрѣпленіе, совершенно недоступное для преслѣдовавшихъ насъ полчищъ. По стѣнамъ, внутри и снаружи, были разсыпаны стрѣлки, казаки поставлены въ боевой порядокъ, орудіе въ воротахъ.

Предосторожности эти оказались очень не лишними, потому что вслѣдъ за наступившей было передышкой вдругъ,—когда уже совсѣмъ стемнѣло—раздался со всѣхъ сторонъ адскій визгъ и гикъ толпы подступавшихъ... Выстрѣлы, хотя и направленные наугадъ, быстро отняли охоту у непріятеля повторять опытъ и мы провели ночь сравнительно спокойно.

* *

Послѣ вчерашней закуски на привалѣ въ Сассахъ я ничего не имѣлъ во рту, если не считать пары грушъ, найденныхъ и съѣденныхъ въ Мазарѣ,—грушъ, очень вкусныхъ, но далеко не достаточныхъ для заморенія червяка, начинавшаго теперь, на сравнительномъ покоѣ, давать знать о себѣ. Я просилъ достать мнѣ хоть чтонибудь поѣсть такъ настоятельно и угрожалъ въ противномъ случаѣ умереть съ голода такъ рѣшительно, что отыскался кусочекъ говядины и старая лепешка, показавшіеся мнѣ, конечно, очень вкусными.

На другой день мы готовились къ такимъ же хлопотамъ, но, сверхъ ожиданія, довелось выступить раннимъ утромъ совсѣмъ спокойно. Только часа два спустя показался въ тылу непріятель, державшійся, однако, вдали, по холмамъ, внѣ нашихъ выстрѣловъ.

Должно быть, потерявши наканунѣ не мало народа, они рѣшили не пробовать болѣе счастья и проститься съ отбитымъ скотомъ издалека.

Отдохнувши опять на томъ же мѣстѣ въ Сассахъ, гдѣ, мимоходомъ сказать, къ великой радости Эмана, нашлись его очки, мы, безъ дальнѣйшихъ приключеній, добрались до Борохудзира.

* *

Такъ кончился нашъ набѣгъ. Прекрасная Елена была раздѣлена, разумѣю барановъ, въ данномъ случаѣ игравшихъ роль красавицы гречанки. Всѣ нижніе чины получили по два барана, урядники по пяти, офицеры по 50, начальникъ отряда—не помню сколько. Остальные—тысячъ 5—6, вмѣстѣ съ небольшою дозою рогатаго скота, были, по приказанію военнаго губернатора, проданы и вырученные за нихъ деньги приобщены къ какимъ-то казеннымъ суммамъ.

А пораненные казаки?—Что имъ дѣлается, поболѣли, да и выздоровѣли.

А изрубленный казакъ? — Гмъ! ну, изрубленный-то, конечно, умеръ, за то похоронили его съ честью, всею командою, съ музыкою и

залпомъ; на послѣдней демонстраціи разряжены были всѣ ружья, оставшіяся заряженными съ похода. Такъ и тащили бѣднягу съ рукою, поднесенною ко рту—даже крышку гроба пришлось изъ-за этого дѣлать выше обыкновеннаго.

Не обошлось безъ шутки: похоронный рожокъ такъ старательно выводилъ все одинъ и тотъ-же однообразный, даже не мотивъ, а какой-то окликъ, что я спросилъ Р., что это онъ наигрываетъ?

— Развѣ вы не знаете, отвѣчалъ онъ:—это спрашиваютъ мертваго: «Ты куда? Ты куда-а? Ты куда-а-а-а!»

* * *

Былъ и эпилогъ нашего похода «за похищеніемъ руна».

Начальникъ отряда получилъ свѣдѣнія о томъ, что таранчи собираютъ огромныя силы—40,000 человекъ будто бы собираются раздвинуть борохудзирскій отрядъ. Для подъема фуража этому войску согнано будто бы 1,000 верблюдовъ и т. д. въ томъ-же родѣ.

Правда эта была или нѣтъ, въ отрядѣ, на всякій случай, приготовились встрѣтить гостей. Прежде всего послали разъѣздъ; затѣмъ приказано было казакамъ держать лошадей осѣдлыми; запаслись сухарями на случай осады и орудія стали дѣлать репетицію новой маленькой комедіи, намъ обѣщанной. Въ то-же время майоръ П. послалъ донесеніе о случившемся и просилъ о подкрѣпленіи отряда.

Всѣ эти приготовленія и ожиданія разрѣшились очень скоро и весьма неожиданнымъ образомъ: послѣ двухъ дней, проведенныхъ въ непрерывной тревогѣ, получено, наконецъ, извѣстіе о томъ, что идетъ сила—во какаѣ!

Прискакалъ казачій разъѣздъ!—лошади въ мылѣ—«скакали не останавливаясь 20 верстъ». Непрiятель гнался за ними, но они успѣли спастись!.. не могутъ сказать сколько непрiятеля!.. они видѣли только передовыхъ... а тамъ дальше за камышами—видимо-невидимо!..

Ударили тревогу—въ нѣсколько минутъ все встало на ноги; орудія по угламъ, стрѣлки у оконъ и амбразуръ!

— «Вотъ посмотрите какъ мы начнемъ ихъ сейчасъ ваять», говорилъ мнѣ начальникъ отряда, расказывавшій по двору и поминутно отдававшій приказанія.

Въ ожиданіи этого «ваянья», которое что-то замедлилось, мы пошли съ Эманомъ допивать чай въ его комнату, куда вскорѣ хочоча и бранясь вошелъ и майоръ П.: «Ахъ, подлецы, ахъ мошенники, ахъ, зрუსы негодные; представьте себѣ, что они сдѣлали!» И разсказываетъ: «Третьяго дня былъ высланъ разъѣздъ изъ 8 человекъ нашихъ киргизъ, съ приказаніемъ прослѣдовать до рѣки и разузнать

не собираются-ли таранчи на отместку намъ. Такъ какъ разъѣздъ долго не возвращался, то я послалъ еще 10 человекъ казаковъ, тоже окрестности осмотрѣть, да и киргизъ кстати розыскать. Двадцать верстъ наши воины прошли благополучно, но тутъ вдругъ увидѣли, что изъ-за камышей выѣзжаютъ вооруженные люди, одинъ, другой, третій!... Не долго думая гаврилычи назадъ! Киргизскій разъѣздъ—такъ какъ это онъ возвращался, не встрѣтя ни одной вражеской души, поскакалъ слѣдомъ за ними: стой! стой! послушайте! мы ваши, вы наши!... Не тутъ-то было, казаки еще пуще удирать—сказали, скакали до самаго отряда, который и перебуторажили извѣстиемъ о приближеніи непріятельской рати...

* *

Всѣ участники этого набѣга были награждены орденами, но моя награда была лучшая. Узнавъ изъ донесенія военного губернатора Семирѣченской области генерала Колпаковскаго объ участіи, которое довелось мнѣ принять въ этомъ дѣлѣ, ген. Кауфманъ сдѣлалъ мнѣ ручкою и сказалъ: «спасибо, спасибо за Эмана»!

* *

Два слова о драматической смерти Эмана: образцовый строевой офицеръ, исполнительный и разумный, онъ нѣсколько лѣтъ потому прекрасно шелъ по службѣ, будучи на самомъ лучшемъ счету у своего начальства. Связь съ дрянной женщиной втолкнула его въ простунокъ: онъ растратилъ 5000 казенныхъ денегъ и свалилъ бѣду на разбойниковъ, яко бы ограбившихъ его на эту сумму, въ дорогѣ. Когда, послѣ слѣдствія, арестовали и осудили совершенно невинныхъ людей, честная натура Эмана взбунтовалась: онъ написалъ письмо съ разъясненіемъ дѣла, просилъ отпустить невинно осужденныхъ, если возможно, простить ему.... и застрѣлился.

В. В. Верещагинъ.

ПРОТОІЕРЕЙ ПЕТРЪ АЛЕКСѢЕВЪ.

Одно изъ его донесеній о неурядкахъ въ средѣ монаховъ
въ XVIII вѣкѣ.

Святѣйшаго правительствующаго синода члену, пресвященнѣйшему митрополиту московскому и калужскому и Свято-Троицкія Сергіевы лавры архимандриту Платону покорнѣйшее доношеніе.

Московского Архангельскаго собора отъ протоіерея Петра Алексѣева о нижеслѣдующемъ:

Находившійся прежде въ часовнѣ у Воскресенскихъ вратъ іеромонахъ Мельхиседекъ оказалъ поступки, въ православной церкви нетерпимыя, а именно: приравнявъ ко вкусу престоу народія фарисейскіи лицецѣрїемъ, огласилъ себя въ Москвѣ нѣкіимъ чудотворцемъ и вдохновеннымъ, необыкновенно сказывая о себѣ, что ему далася благодать отъ Иверскія Пресвятыя Богородицы изгонять бѣсовъ изъ тѣлъ человѣческихъ, а особливо изъ женскихъ; исцѣлять порчи, разсылалъ онъ въ мірскіе дома наученныхъ кликушъ своихъ для нѣкоторыхъ предсказаній и угадываній, кто кого испортилъ, кои на невѣрющахъ вздорнымъ ихъ бреднямъ грозилася, проговаривая: «Развѣ тебѣ не бывать къ намъ въ часовню, а то мы тебѣ это отсѣмемъ». Принималъ онъ къ себѣ на домъ многихъ обоюга пола, паче же къ суевѣрїю склонныхъ людей, которые, вознебрегши настоящихъ правильныхъ своихъ духовниковъ, пошли къ нему толпами и готовы за него, яко за праведника, въ случаѣ фанатизма души свои положить, коиъ онъ не только исповѣдывалъ по таинству христіанскому, но причащалъ самъ въ приходской одной церкви, даа чрезъ то знать, что тайны церковныя, имъ, Мельхиседекомъ, преподаемыя, суть яко бы спасительнѣе, нежели отъ женатаго священника совершаемыя. Сіе онъ чинилъ по примѣру древняго раскольника Евстафія, преданнаго на Гангрскомъ соборѣ, за суемудрое ученіе, анаемѣ. Онъ же, Мельхиседекъ, развратилъ нѣсколько семействъ своимъ страннымъ ученіемъ и суевѣрнымъ ган-

жествоиъ, вооруживъ женъ малоумныхъ противъ законныхъ супруговъ, тако-жь дѣтей противъ родителей. По сему поводу разгорячивъ въ своихъ ученицахъ воображеніе, сдѣлалъ ихъ сумасбродными, нѣкоторые изъ нихъ стали носить наружѣ привѣсы, кресты и разныхъ святыхъ образа, дѣрзали метать въ щель огненную просвиры церковныя проскомедисованныя, затѣмъ только что отъ мірскаго священника принесены въ жертву; осыпать свои ложа пескомъ, яко бы іерусалимскимъ, и кропить елеемъ, яко бы святымъ, для отгнанія бѣсовъ и порчи, отъ него же, Мельхиседека, даннымъ, и прочія безчисленныя творять нечѣности къ великому истинныхъ христіанъ соблазну, отъ иностранныхъ разумныхъ людей заврѣнію и къ стыду нынѣшняго просвѣщеннаго вѣка.

Тѣмъ не удовольствуясь, онъ, Мельхиседекъ, вымышлялъ ложныя чудеса, какъ-то: пришедъ въ мірской домъ, вынуть изъ-за пазухи икону, сказывалъ, что она будто сама у него написалась за пазухою и стала новоявленная; еще ученицамъ своимъ давалъ въ руки держать посошки какіе-то святыя; волпакъ надѣвалъ на голову ихъ и вдѣвалъ зпунъ, послѣ какого-то святоши соддата оставшіяся; кропиль ихъ водою іерусалимскою и прочая. Разлившееся по Москвѣ о гонимствѣ Мельхиседекомъ благочестивыхъ людей негодованіе, когда дошло до свѣдѣнія вашего преосвященства, то хотя онъ, Мельхиседекъ, и переведенъ въ Екатерининскую пустыню настоятелемъ, но и оттуда въ царствующій градъ учащаетъ непрестанно и волочится по мірскимъ домамъ, особливо у дочерей своихъ духовныхъ, и научаетъ, въ противность духовнаго регламента, несвойственной монашескому чину благопристойности, вознапугтствуетъ таннствами спасительными болящихъ женъ въ вѣчности, даже взятою незваимо откуда евхаристією причащаетъ, тайно отъ приходскихъ священниковъ и настоящихъ ихъ духовниковъ, елеемъ освящаетъ ихъ съ монахами, не въ силу соборнаго Іаковля посланія, гдѣ сказано: «болить ли кто въ васъ, да призоветъ пресвитеры церковныя», а не монаховъ; почему опасность есть отъ него, Мельхиседека, чтобы онъ не сталъ своихъ ученицъ постригать предъ смертію въ клику, по примѣру еретиковъ-богомоловъ, кои утверждали, что безъ постриженія въ монашество нельзя челоуѣку спастися. Однако, кроиъ того нарушены ииъ, Мельхиседекомъ, святыя правила, церковныя и государственныя узаконенія.

Преосвященнѣйшій владыко! жалость дому Божию снѣдаетъ мою душу, дабы таковой новый ханжа не составилъ каковаго либо церкви святой противнаго и отечеству вреднаго толку, подобнаго Андрюшкину или другихъ какихъ нибудь развратниковъ. Того ради о семъ извѣщая ваше преосвященство, покорнѣйше прошу, дабы благоволено было отвратить соблазнъ сей отъ православныя церкви, запретить какъ означенному обаяннику Мельхиседеку, такъ и другимъ монашествующимъ, единожды отрехшимся міра и безмолвную жизнь возлюбившимъ, чтобы не входили не въ свои званія, не принимали бы

къ себѣ на исповѣдъ мірскихъ людей, особливо женскаго пола, не таскались бы въ Москву по дворамъ обывательскимъ и не употребляли-бъ во зло простоты народной отбираниемъ у нихъ послѣднихъ денегъ, на пропитаніе семейства ихъ нужныхъ, не выставляли-бъ иконъ святыхъ на улицу градскую, а паче предъ часовнями, не подговаривали-бъ въ пустыни дѣтей отъ родителей и мужей отъ женъ къ постриженію. Касательно-жъ лично до суевѣрнаго старца Мельхиседека не соблаговолено ли будетъ удалить его отъ столичнаго града въ монастырь подалѣ Екатерининской пустыни ¹⁾, поручивъ подъ начальство благоразумному настоятелю съ предписаніемъ о его необходимости оттуда и съ пресѣченіемъ всѣхъ способовъ къ произведенію въ дѣйство вышеозначенныхъ суевѣрій и ханжествъ зазорныхъ.

Сіе мое извѣщаніе произошло отъ нелицемѣрнаго усердія къ вашему преосвященству и клонится единственно къ предосторожности вашей, дабы таковою въ епархіи в. преосв—ства умножающіяся безпорядокъ не дошелъ до свѣдѣнія святѣйшаго правительствующаго синода, кельми паче до высочайшаго слуха. Вашего преосвященства нижайшій послушникъ и т. д.

Сообщ. 16 янв. 1877 г. профес. Н. С. Тихонравовъ.

¹⁾ Екатерининская пустынь находилась въ бывшемъ Никитскомъ уѣздѣ Московской губерніи, въ 13 верстахъ отъ столицы.

РѢЧНОЙ И МОРСКОЙ ВОЕННЫЙ ПОХОДЪ В. К. ВЛАДИМИРА

отъ Кіева до Херсонеса и обратно

въ 988 году.

Торжественное празднованіе въ Россіи, 15 іюля прошлаго 1888 года, 900-лѣтія крещенія в. к. Владиміра и Руси породило, до и послѣ этого торжества, почти цѣлую литературу по этому предмету. Много было печатано о немъ въ нашихъ журналахъ, преимущественно духовныхъ, и говорено въ рѣчахъ на разныхъ собраніяхъ. Сверхъ всеобщаго выраженія при этомъ подобающихъ мыслей и чувствъ религіозныхъ и патріотическихъ, не мало было при этомъ ученыхъ преній о годѣ, мѣсяцѣ и числѣ крещенія Владиміра и Руси, т. е. кіевлянъ, на основаніи русскихъ, греческихъ и даже арабскихъ лѣтописей. Мнѣнія о томъ были весьма различныя, но къ окончательному соглашенію не привели. Одно изъ нихъ, кіевского профессора г. Соболевскаго, состояло въ томъ, что въ лѣтописи Нестора (составленной 100 лѣтъ послѣ крещенія) изложенъ цѣлый рядъ событій, какъ то: походъ на Корсунь (Херсонесъ), взятіе его, крещеніе въ немъ Владиміра, бракосочетаніе его съ греческой царевной и обратный походъ, итого пять событій. По мнѣнію г. Соболевскаго, Несторъ допустилъ ошибку въ перечисленіи этихъ пяти событій, поставивъ ихъ въ одномъ и томъ же году, такъ какъ невозможно допустить, чтобы въ такой, сравнительно короткій, промежутокъ времени могло совершиться столько событій. Поэтому г. Соболевскій полагалъ, что крещеніе кіевлянъ должно было совершиться позже и т. д.

При ближайшемъ разсмотрѣніи этого мнѣнія, какъ и многихъ другихъ, преимущественно въ духовныхъ журналахъ, нельзя не

замѣтить бѣльшей или меньшей односторонности. Многое вовсе не принято въ необходимое соображеніе, могущее уяснить этотъ вопросъ, чего не могутъ сдѣлать сказанія современныхъ и позднѣйшихъ лѣтописцевъ и народныхъ преданій, а могутъ только осложнить и запутать вопросъ. Такъ, не приняты въ соображеніе условія времени, мѣста, соприкосновенныхъ съ ними обстоятельствъ, и особенно то, что походъ Владиміра былъ военный, какими были и предшествовавшіе ему походы Аскольда и Дира, Игоря и Олега. Если принять всѣ эти условія въ соображеніе, то окажется возможнымъ значительно упростить и уяснить означенный вопросъ и придти къ заключенію, что признанное г. Соболевскимъ за невозможное можетъ оказаться вполне возможнымъ.

Приступая къ доказательству этого, прежде всего необходимо обратить вниманіе на условія времени, а именно, что въ 988 году, по христіанскому лѣтосчисленію, новый годъ начинался съ 1 марта и продолжался до 1 марта слѣдующаго года. Слѣдовательно, для совершенія рѣчнаго и морскаго похода отъ Кіева до Херсонеса и обратно, удобными могли быть только 3 весенніе и 3 лѣтніе мѣсяцы, осенніе же и зимніе были для того невозможны. Но и изъ весеннихъ мартъ также былъ неудобенъ, потому, что въ этомъ мѣсяцѣ, во второй половинѣ его, какъ и нынѣ, Днѣпръ вскрывался и разливался, а ледоходъ на немъ продолжался долѣе нынѣшняго. Днѣпръ тогда былъ гораздо многоводнѣе, чѣмъ теперь, когда онъ сильно обмелѣлъ, а теченіе его, и теперь очень быстрое, тогда было еще быстрѣе. Въ нижней же части его были, какъ и теперь, пороги, но вѣроятно болѣе опасные для тогдашнихъ судовъ, которые, поэтому, и перетаскивались «волокомъ» по берегамъ, что требовало не мало времени и трудовъ. Достаточно припомнить, что въ 972 году, лишь за 16 лѣтъ до похода Владиміра, отецъ его, Святославъ, при этихъ самыхъ порогахъ палъ въ бою съ печенѣгами, преградившими ему путь изъ засады. Приднѣпровскій же край былъ тогда, какъ и теперь, равнинный, но не степной, а лѣсистый, по крайней мѣрѣ на лѣвой сторонѣ рѣки, какъ удостовѣряютъ новѣйшія ученія изслѣдованія. Рѣчной походъ по Днѣпру совершался и Владиміромъ точно такъ же, какъ Аскольдомъ и Диромъ, Олегомъ и Игоремъ, на гребныхъ и едва ли не плоскодонныхъ, парусныхъ судахъ, можетъ быть въ родѣ позднѣйшихъ «чаекъ»

запорожскихъ казаковъ. У Олега такихъ судовъ было, если вѣрить лѣтописямъ, 2 тысячи съ 40 воинами на каждомъ, всего 80 тысячъ человекъ. Сколько ихъ было у Аскольда и Дира, и у Игоря—неизвѣстно, у Владиміра же, вѣроятно, не менѣе чѣмъ у Олега. На этихъ судахъ или «ладіяхъ», подобно тому какъ въ древности у грековъ, римлянъ и другихъ народовъ, перевозились, сверхъ гребцовъ, вооруженные воины, ихъ оружіе, военные, продовольственные и иные запасы. И врядъ-ли нагруженные такимъ образомъ суда, при сильномъ теченіи рѣки, могли проходить черезъ пороги иначе, какъ съ «перволокомъ» ихъ по-суху, что, какъ сказано, требовало не мало времени и трудовъ, и замедляло плаваніе, которое выше и ниже пороговъ, напротивъ, было ускоряемо сильнымъ и быстрымъ теченіемъ рѣки. Принимая все это въ соображеніе, можно предположить, что рѣчной походъ Владиміра, начатый не ранѣе первой половины апрѣля, могъ совершиться до моря не менѣе, какъ въ 2 недѣли, если не болѣе, слѣдовательно къ половинѣ апрѣля.

Морской походъ отъ устья въ Днѣпра до Херсонеса представлялъ своего рода затрудненія и опасности, потому что Черное море, и тогда какъ теперь, было чрезвычайно бурно въ весеннее и осеннее равноденствіе. Бури же на немъ были очень опасны для упомянутыхъ выше судовъ: стѣить только припомнить, какъ въ 866 году сильная буря разметала и потопила суда Аскольда и Дира подъ Константинополемъ. Благополучное же достиженіе Херсонеса судами Владиміра означаетъ, вѣроятно, что плаваніе ихъ совершилось безбурно. Времени же на это, въ такомъ случаѣ, можно предположить около недѣли, если не болѣе, во второй половинѣ апрѣля.

Съ прибытіемъ къ Херсонесу, Владиміру предстояла трудная задача—произвестъ высадку на берегъ передъ самымъ городомъ и осадить его. Это былъ большой городъ, сильно укрѣпленный, по тогдашнему обычаю у грековъ, высокими и толстыми каменными стѣнами, съ бойницами, такими же башнями и широкимъ, глубокимъ рвомъ впереди и вокругъ; изъ военной же исторіи извѣстно, что у грековъ и тогда, какъ всегда прежде, процвѣтало искусство укрѣпленія, обороны и осады такихъ городовъ, и греческіе инженеры всегда въ древности славились своимъ искусствомъ, даже у римлянъ. Что же могли противопоставить этому «неустроенныя» народныя войска Владиміра,

не только неискусныя, но и невѣжественныя въ осадномъ искусствѣ и не имѣвшія никакихъ необходимыхъ осадныхъ орудій! Да и откуда было имъ имѣть все это? всѣ ихъ удачныя военныя подвиги дотогѣ были «полевые», противъ дикихъ народовъ, либо стоявшихъ на одинаковой съ руссами степени не устройства. Греческія же войска были отличныя «регулярныя», превосходно вооруженныя и устроенныя. Поэтому легко представить себѣ, каковы были осада и оборона Херсонеса. Уже самую высадку на берегъ и начало осады русскія войска должны были производить подъ сильною и мѣткою стрѣльбою грековъ, со стѣнъ и башенъ города, стрѣлами изъ луковъ и камнями изъ пращей и большихъ метательныхъ орудій. Укрываться же отъ этого русскія войска могли только своими щитами и, можетъ быть, земляными окопами и подступами къ городу, для чего у нихъ не было необходимыхъ орудій, ни искусства; стрѣльба же ихъ изъ луковъ была, вѣроятно, мало дѣйствительна. Послѣ многихъ трудовъ и времени, не безъ большаго урона, приблизясь, наконецъ, къ городскому рву, они должны были завалить его землею для перехода черезъ него, подъ сильною стрѣльбою грековъ, а потомъ производить подкопы подъ городскія стѣны. Но осажденные уносили всю эту землю, по ночамъ, въ городъ и дневной трудъ осаждавшихъ пропадалъ напрасно. Неудивительно послѣ того, что осада Херсонеса должна была продолжаться очень долго, по инымъ свѣдѣніямъ, совершенно невѣроятнымъ, будто до полугода, дѣйствительно же, можетъ быть, не менѣе мѣсяца, именно всего мая. И долго еще не взяли бы Херсонеса осаждавшіе, если бы, по сказанію лѣтописей, херсонскій пресвитеръ Анастасій не пустилъ въ русскій станъ стрѣлы съ письменнымъ совѣтомъ—перерыть за городомъ водопроводъ, снабжавшій городъ водою. По исполненіи этого, жители города, томимые жаждою, наконецъ, сдали городъ. Нельзя не признать, что причиною этого успѣха была хитрость Анастасія гораздо болѣе, чѣмъ искусство осаждавшихъ, которые безъ того долго осаждали бы городъ и, можетъ быть, не взяли бы его. Вслѣдствіе того, такъ какъ продолжительность осады въ точности неизвѣстна, неопредѣленно выражаясь только словами «очень долго», то можно предположить, что она заняла весь май, и это не будетъ, кажется слишкомъ много.

По взятіи Херсонеса, въ іюнѣ начались переговоры Владиміра съ императорами въ Константинополѣ. Для этого Владиміръ, вѣроятно, послалъ моремъ, на своихъ судахъ, своихъ пословъ, съ извѣстіемъ о взятіи имъ Херсонеса, требованіемъ прислать въ оный царевну—сестру императоровъ, для бракосочетанія съ нимъ, и даже съ угрозою, въ противномъ случаѣ, «взять Константинополь» ¹⁾! Продолжительность плаванія пословъ Владиміра и переговоровъ ихъ, затѣмъ обратно въ Херсонесъ, съ отвѣтомъ императоровъ, что они не могутъ выдать сестру свою за язычника, вторичная посылка пословъ къ нимъ, съ отвѣтомъ Владиміра, что онъ крестится въ Херсонесѣ до бракосочетанія, и затѣмъ уже отправленіе царевны въ Херсонесъ, конечно, должны были потребовать не малаго времени, если и не весь іюнь, то во всякомъ случаѣ не менѣе двухъ или трехъ недѣль его.

Прибытіе, наконецъ, царевны, безъ сомнѣнія съ большою свитою, на императорской флотиліи, затѣмъ крещеніе Владиміра и бракосочетаніе его въ Херсонесѣ, со всѣми византійскими, придворными церемоніями и торжествами, и наконецъ приготовленіе къ обратному плаванію въ Кіевъ—все это заняло, вѣроятно, конецъ іюня и двѣ или три недѣли іюля. При этомъ слѣдуетъ еще принять въ соображеніе, что по уставу православной церкви, бракосочетаніе Владиміра должно было совершиться до 1 августа—начала успенскаго поста, въ продолженіе котораго браки воспрещены. И вѣроятно, что бракосочетаніе Владиміра совершилось еще прежде 1 августа.

Обратный путь отъ Херсонеса до Кіева долженъ былъ совершиться, какъ можно предполагать, въ началѣ августа, въ большемъ, можетъ быть вдвое, числѣ судовъ (съ присоединившимися греческими) и до устьевъ Днѣпра довольно скоро и безбурно, такъ какъ въ это время Черное море не подвержено такимъ бурямъ, какъ въ равноденствіе. Но отъ устьевъ Днѣпра, противъ теченія его и съ nereволокомъ судовъ черезъ пороги

¹⁾ Такія требованія п угроза, если только вѣрять имъ, были чрезвычайно высокочибрыя, со стороны Владиміра, еще язычника, по его языческимъ понятіямъ, и не могутъ быть оправдываемы даже тогдашнею беззащитностію Константинополя: греческія войска находились тогда на сѣверныхъ предѣлахъ имперіи (въ Болгаріи) и юго-восточныхъ (противъ турокъ), въ войнѣ съ врагами имперіи.

вѣроятнѣ медленнѣе, чѣмъ отъ Кіева до моря, и въ болѣе продолжительное время, примѣрно до 15 или 20 августа. И тогда то, можетъ быть, и совершилось крещеніе сыновей Владиміра и кіевлянъ, во всякомъ случаѣ въ концѣ августа и еще до 1 сентября.

Такимъ образомъ, по вышеозначенному приблизительному расчету времени, весь походъ Владиміра отъ Кіева до Херсонеса и обратно могъ быть, съ болѣею или меньшею вѣроятностію, совершенъ въ 4½ или 5 мѣсяцевъ, съ апрѣля до сентября 988 года, а крещеніе кіевлянъ въ Днѣпрѣ еще прежде этого послѣдняго мѣсяца. Конечно, рассчитывать такъ съ достовѣрностію трудно, но съ вѣроятностію можно, принимая въ соображеніе всѣ приведенныя выше событія и соединенныя съ ними обстоятельства, хотя событій этихъ было и болѣе исчисленныхъ г. Соболевскимъ. Означенныя же соображенія вовсе не были приняты въ расчетъ во всемъ томъ, что было напечатано у насъ о крещеніи Владиміра и кіевлянъ въ продолженіе цѣлаго 1888 года (и даже въ 1889 году, именно въ «Странникѣ», въ статьѣ г. Матченко). Отъ древнихъ лѣтописцевъ, греческихъ, русскихъ и даже арабскихъ, собственно и нельзя было бы ожидать такихъ соображеній; но современные писатели и историки наши не должны бы были пренебрегать ими, потому что походъ Владиміра былъ «военный», описаніе котораго требуетъ и «спеціально военныхъ» соображеній, а они могутъ быть извѣстны только знакомымъ съ военною исторіею. За непринятіемъ же въ расчетъ такихъ необходимыхъ соображеній, все, что было печатано въ 1888 г. о крещеніи Владиміра и кіевлянъ, заключало въ себѣ лишь пренія о годѣ, мѣсяцѣ и числѣ этого событія, все таки не приведшія ни къ какому опредѣлительному заключенію.

Кн. Н. С. Голицынъ.

Примѣчаніе. Высокоуважаемый составитель настоящаго очерка, генеральнаго штаба генералъ отъ инфантеріи князь Николай Сергѣевичъ Голицынъ, бывший профессоръ военной исторіи въ императорской военной академіи (въ 1834—1848 гг.), между многими своими историческими трудами извѣстенъ какъ составитель и издатель пятнадцати частей «Всеобщей военной исторіи» и особо «Русской военной исторіи до Петра I», весьма авторитетныхъ трудовъ въ этой области историографіи.

Ред.

НИКОЛАЙ НИК. И ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧЪ БАНТЫШЪ-КАМЕНСКІЕ

въ 1800—1829 гг.

Въ бытность нашу въ 1888 г. въ Троице Сергіевой обители, въ посадѣ, мы имѣли удовольствіе посѣтить 24 года тамъ жившую — старшую дочь историка Д. Н. Бантышъ-Каменскаго, Анну Дмитриевну — въ высокой степени достойную и образованную дѣвицу, скончавшуюся въ іюнь 1889-го года. Въ числѣ немногихъ бумагъ, сохранявшихся у Анны Дмитриевны, мы видѣли у нея большую папку, заключающую въ себѣ подлинныя высочайшіе рескрипты, грамоты и дипломы на чины и ордена, письма нѣкоторыхъ именитыхъ или вообще извѣстныхъ лицъ — и все это адресованныхъ или къ ея дѣду († 1814 г.), или къ ея отцу († 1850 г.) — оба извѣстные труженики въ области изслѣдованія отечественной исторіи. Мы тогда же отиѣтили нѣкоторые изъ этихъ документовъ и затѣмъ покойная Анна Дмитриевна сообщила намъ съ нихъ копіи. Помѣщаемъ эти документы на стр. «Русской Старины», какъ дополненіе къ очерку жизни и трудовъ ея доброй памяти родителя, каковой очеркъ помѣщенъ въ «Русской Старинѣ» 1888 г., книга XI, ноябрь.

Ред.

1.

Ө. В. Ростопчинъ — Н. Н. Бантышъ-Каменскому.

С.-Петербургъ, мая 9-го дня 1800 г.

М. г. мой, Николай Николаевичъ! Получа письмо в. п.—ства отъ 27-го апрѣля о двухъ портретахъ блаженныя памяти императора Петра Федоровича, хранящихся въ московскомъ архивѣ, я послѣшаю васъ благодарить за сіе извѣщеніе и прошу немедленно прислать сюда тѣ портреты, хотя съ нарочнымъ, ежели то для сбереженія оныхъ нужнымъ найдете.

Пользуясь симъ случаемъ дать вамъ пріятную вѣдомость, привошу вамъ

искреннѣйшее поздравленіе съ пожалованіемъ васъ почетнымъ командоромъ Св. Іоанна Іерусалимскаго. Высочайшая сія милость въ награду достоинствъ и заслугъ вашихъ послѣдовала сего числа, и пріятно мнѣ весьма будетъ, если вы въ послѣдности моей вамъ объ оной сообщить, найдете доводъ отличнаго почтенія, съ коимъ имѣю честь быть и проч. графъ Феодоръ Ростопчинъ.

2.

Н. Н. Бантышъ-Каменскій императору Павлу I.

21-го мая 1800 г. изъ Москвы.

Всемиловѣйшій государь! Велико для подданнаго счастье служить милостивѣйшему монарху, большее — приобрѣтать его благоволеніе, но несравненно вышшее — получать отъ него знаки почести.

Все сіе, всемиловѣйшій государь, сбылось теперь на мнѣ, всеподданнѣйшемъ, присоединеніемъ къ числу почетныхъ командоровъ державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго.

Высочайшую сію милость пріемля съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, держаю къ освященнымъ стопамъ вашего императорскаго величества повергнуть всего себя; приложу труды къ трудамъ въ прохожденіи ревностѣйшей вашему императорскому величеству службы и всю мою жизнь посвящу на прославленіе имени благодарящаго, величайшаго въ свѣтѣ монарха.

Вашего императорскаго величества всемиловѣйшаго государя всенижайшій вѣрноподанный Бантышъ-Каменскій.

3.

Императоръ Павелъ—Н. Н. Бантышъ-Каменскому.

Гатчино, октября 20-го дня 1800 г.

Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Бантышъ-Каменскій.

Увидя изъ поднесеннаго намъ собранія выписокъ вашихъ изъ московскаго департамента иностранныхъ дѣлъ архива, koliko оноо достойно вниманія, изъявляемъ вамъ за сіе благоволеніе, желая, дабы вы, продолжая употреблять столько же похвально досуги ваши, и окончивъ предпріятное, содѣлали его совершеннымъ на пользу службы и въ честь вамъ. Пребываемъ вамъ благосклонны. Павелъ.

4.

Письмо Н. Н. Бантышъ-Каменскому.

Отъ 2-го генв. 1801 г. С.-Петербургъ.

Спѣшу благодарить васъ, почтенный Николай Николаевичъ, за скорую присылку креста, у васъ хранившагося. Государь столь былъ доволенъ моимъ поднесеніемъ, что соизволилъ его помѣстить въ число образовъ, въ опочивальнѣ его всегда стоящихъ, о чемъ офиціально послѣ вамъ дамъ знать, такъ какъ и посылку часовъ съ бриліантами ¹⁾, кои вы отъ его имп. вел. получите, но кои еще не готовы. При семъ прилагаю къ вамъ списокъ милостямъ, на департаментъ иностранныхъ дѣлъ назначеннымъ, и желая вамъ здоровья и славы, желаю блага государева.

Прощайте, можетъ быть буду весною имѣть удовольствіе васъ сбнять и узнать лично, и если вы во мнѣ не найдете великаго министра и гордаго барина, то по крайней мѣрѣ увидите истиннаго россиянина, почитающаго лѣта, службу и дарованія ваши.

Примѣчаніе. Присланная намъ копія этого письма не имѣетъ подписи.
Ред.

5.

Въ Твери. Февраль 14-го дня, 1811 г.

Господину дѣйствительному статскому совѣтнику Бантышъ-Каменскому.

Обращая при семъ къ вашему превосходительству доставленную мнѣ книгу сочиненія иностранца Перри, пріятнымъ поставляю какъ за доставленіе оной, такъ и за сообщеніе мнѣ другихъ, до части путей сообщенія относящихся, документовъ, изъявить вамъ мою признательность. Принцъ Георгій Голштинскій, главный директоръ путей сообщенія.

6.

Графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ—Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

Петербургъ, февраля 9-го дня 1814 г.

Чѣмъ начать и что сказать вамъ могу въ утѣшеніе, любезный другъ мой Дмитрій Николаевичъ! Сердечная рана моя еще не закрылась, но Богу было угодно посѣтить меня новою горестью: вотъ еще потеря, и потеря невозвратимая. Мы проливаемъ слезы, но слезы наши текутъ безъ ропота. Да будетъ.

¹⁾ Въмѣсто часовъ присланъ перстень.

что угодно Всевышнему. Таковыхъ людей, каковъ былъ почтеннѣйшій родитель вашъ, на свѣтѣ мало, и это потеря общая,—но я, сверхъ общаго, потерялъ друга, съ которымъ увидѣться въ будущій вѣкъ останется надежда, и здѣсь въ отращающъ почтеннаго корня. Прошу всѣхъ васъ вообще замѣнить мнѣ потерю мою, по возможности, собою, а мною распорядиться безъ разбора случая, и вѣрьте, что я, доколѣ живъ, безцѣнной дружбы родителя вашего не забуду, которая безъ мала 50 лѣтъ непрерывно продолжалась. По тому долговременному опыту, кажется, я въ правѣ настоятельно отъ васъ требовать къ себѣ любви и вѣры, что я вамъ душою и сердцемъ преданъ и пребуду по гробъ мой вѣрнымъ слугою. Графъ А. Мусинъ-Пушкинъ.

7.

Записка Д. Н. Бантышъ-Каменскаго на сборникѣ бумагъ его отца.

Москва. Января 1-го, 1829 г.

Любезнѣйшему сыну моему, Николаю Дмитриевичу Бантышъ-Каменскому.

Совѣтую тебѣ, другъ мой сердечный, чаще заглядывать въ сію книгу¹⁾ и стараться во всемъ подражать достопочтенному дѣду твоему, котораго ты имѣешь счастье носить имя. Онъ никого не обидѣлъ въ жизни своей, благодѣтельствовалъ каждому, по возможности, былъ врагъ роскоши, гнушался гордостью, хранилъ свято вѣрность Богу и царямъ, спокойно сошелъ въ могилу, провзнеся: «готовъ». Дмитрій Бантышъ-Каменскій.

Сообщъ въ 1889 г. А. Д. Бантышъ-Каменская.

¹⁾ Собрание высочайшихъ грамотъ, рескриптовъ, а также нѣкоторыхъ писемъ къ Бантышъ-Каменскимъ, которые были собраны въ одну книгу. Мы ее видѣли у покойной А. Д. Бантышъ-Каменской.

Ред.

МАТЕРІАЛЫ КЪ ИСТОРИИ ЦЕНЗУРЫ ¹⁾.

1.

Представленіе С.-Петербур. цензурн. комитета попечителю округа С. Уварову.

30 іюня 1816 г.

«Вслѣдствіе предложенія в. п—ства отъ 20 сего іюня о дозволеніи напечатать записку г. Черепова по дѣлу его, въ общемъ сената собраніи производящемуся, комитетъ, давши таковое дозволеніе, при семъ имѣеть честь представить по требованію г. министра (нар. просвѣщенія), объясненіе цензора ст. сов. Яценкова, почему онъ ту записку не могъ одобрить, когда вносилъ ее самъ г. Череповъ. Хотя комитетъ и одобрялъ иногда подобныя со всею скромностію и приличіемъ написанныя записки, но единственно къ напечатанію самаго малаго числа экземпляровъ; а какъ въ уставѣ о цензурѣ, Высочайше утвержденномъ, не видно — принадлежать ли такового рода записки о спорныхъ дѣлахъ къ разсмотрѣнію цензурнаго комитета, то при семъ случаѣ комитетъ испрашиваетъ разрѣшенія начальственнаго, какъ поступать ему впредь, когда такового рода записки о спорныхъ дѣлахъ будутъ представляемы для разсмотрѣнія и одобренія цензорскаго, поелику въ оныхъ почти неизбѣжны выраженія оскорбительныя противу личности гражданина, а иногда и противу правительства и самаго высшаго правительственнаго мѣста, а особливо въ запискахъ по дѣламъ слѣдственнымъ и уголовнымъ».

Объясненіе цензора ст. сов. и кавалера Яценкова, почему онъ записку г. Черепова о производящемся въ общемъ правит. сената собраніи спорномъ дѣлѣ его одобрить къ напечатанію не могъ:

«Въ первыхъ. Въ высочайше подтвержденномъ уставѣ о цензурѣ не видно, чтобы разсмотрѣніе такого рода записокъ о спорныхъ и криминальныхъ дѣлахъ принадлежало до обязанности гражданской цензуры, ибо первую статью оного устава ограничивается обязанность цензуры разсматриваніемъ всякаго рода книгъ и сочиненій, назначаемыхъ къ общественному употребленію.

Во вторыхъ. Хотя комитетъ и позволялъ иногда, только очень рѣдко, печатать подобныя записки, однако, такія только, которыя были сочинены

¹⁾ См. Русскую Старину» изд. 1889 г., томъ LXI, май, стр. 459—465.

въ самых скромныхъ выраженіяхъ, безъ обидныхъ и для сопернической стороны и еще менѣе для правительства. Въ упомянутой же запискѣ г. Черепова скромности сей не соблюдено, а именно сказано: «Правительствующій сенатъ и за Высочайшею конфирмаціею, пріемля въ основаніе несправедливую справку уѣднаго суда въ просьбахъ Черепова отказалъ», и далѣе: «Правит. сенатъ, оставя оное безъ разсмотрѣнія, обвиняетъ его, Черепова, несправедливо» и далѣе: «Правит. сенатъ учинилъ сіе въ отиѣну вотчинной жалованной грамоты, въ противность законовъ и въ противность Высочайше конфирмованнаго доклада».

Въ третьихъ. Наконецъ, цензоръ Яценковъ тѣмъ наипаче усомнился одобрить къ печатанію оную записку, что опредѣленіемъ правит. сената на него, г. Черепова, наложено молчаніе и запрещено ему утруждать болѣе просьбами своими правительство; послѣ же за послушаніе его повелѣно указомъ поступить съ нимъ, Череповымъ, какъ съ ослушникомъ правительства, почему цензоръ и оставался въ опасеніи, чтобъ дозволить печатать оную записку не было причтено ему въ вину».

Отношеніе попечителя С.-Петербур. ценз. комитету отъ 6 августа 1816 г.

Съ разрѣшенія министра нар. просвѣщенія цензурный комитетъ получилъ право давать дозволеніе на печатаніе записокъ по дѣламъ спорнымъ, въ присутственныхъ мѣстахъ производящимся, съ тѣмъ только, чтобы не находилось въ сихъ запискахъ выраженій оскорбительныхъ противу правительственныхъ мѣстъ, либо частныхъ лицъ.

2.

С.-Петербургскому цензурному комитету.

22 мая 1819 г.

«Г. министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія извѣстилъ меня, что губернский секретарь Маркіановичъ, находящійся при изданіи «Русскаго Инвалида» или «Военныхъ Вѣдомостей» на польскомъ языкѣ, проситъ, чтобы ему дозволено было, подъ наблюденіемъ установленной цензуры, издавать на польскомъ языкѣ періодическое сочиненіе, и препроводя просьбу Маркіановича вмѣстѣ съ его запискою о тѣхъ лицахъ, кои, по показанію его, обѣщались сообщать ему статьи для предполагаемаго имъ къ изданію журнала, равнымъ образомъ представляемый имъ формулярный списокъ о службѣ своей, предлагаетъ на основаніи прежняго его распоряженія о такихъ изданіяхъ вообще, изъясненнаго въ отношеніи отъ 29 іюня 1818 года подъ № 1379, съ коего копія сообщена комитету отъ меня 8 іюля того же года за № 346—истребовать отъ комитета сего на все сіе мнѣніе.

Попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа Сергій Уваровъ».

Въ засѣданіи цензурнаго комитета 23 мая 1819 г. опредѣлено: «отвѣтить попечителю, что какъ ни одинъ изъ цензоровъ не знаетъ языка польскаго, то и разсматривать предназначаемый къ изданію на семь языкъ журналъ на себя принять не можетъ, а также судить о способности, или неспособности г. Маркіановича къ изданію журнала на польскомъ языкѣ комитетъ находитъ себя не въ состояніи».

3.

2 ноября 1819 г.

«Г. министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ отношеніи своемъ ко мнѣ отъ 31 минушаго октября по поводу представленной ему г. президентомъ императорской россійской академіи о неудовольствіи оной касательно напечатанія въ журналѣ «Сынъ Отечества» критики на изданную сею академіею россійскую грамматику далъ знать, что обстоятельство сіе было предложено на разсмотрѣніе главному правленію училищъ, котораго заключеніе, одобренное и мнѣ, г-мъ министромъ, состоитъ въ томъ, что хотя дѣлать примѣчанія на всякую вновь издаваемую книгу, а тѣмъ паче на грамматику, никакими узаконеніями не воспрещается, а потому не можетъ никому быть и возбранено и въ случаѣ неосновательности замѣчаній критикъ самъ подвергается стыду предъ публикою и удобному на нихъ опроверженію тѣмъ же способомъ, какими его примѣчанія доведены до всеобщаго свѣдѣнія, по оскорбительныя для академіи выраженія и отзывы, каковыми наполнены упомянутыя замѣчанія издателемъ «Сына Отечества», совершенно противны уставу о цензурѣ, слѣдовательно, не могутъ быть никому дозволены, не токмо въ отношеніи къ публичному сословію, но и ко всякому частному лицу. Вслѣдствіе сего его сіятельство г. министръ возложилъ на меня сдѣлать выговоръ цензору, дозволившему, вопреки цензурныхъ правилъ, напечатаніе тѣхъ замѣчаній, и сверхъ того предписать комитету сему, чтобы впредь ничего оскорбительнаго ни на какое лицо печатать дозволено не было; а самому издателю журнала «Сынъ Отечества», поставивъ на видъ таковой противный законамъ поступокъ, объявить, что хотя цензурѣ и строго запрещено пропускать къ напечатанію оскорбительныя на чье либо лицо замѣчанія и изъясненія, но какъ она при многихъ ея занятіяхъ съ одной стороны будетъ всегда напрасно затрудняема исправленіемъ тѣхъ обидныхъ мѣстъ въ просматриваемыхъ ею изданіяхъ, съ другой же можетъ иногда по неосторожности и пропустить ихъ, то въ такомъ случаѣ всегда издатель подвергнетъ себя отвѣтственности и, наконецъ, самый журналъ его должно будетъ запретить. Попечитель Сергій Уваровъ».

4.

1 ноября 1823 г.

«С.-Петербургскій цензурный комитетъ въслѣдствіе полученнаго онымъ отъ департамента нар. просвѣщенія запроса требуетъ отъ меня свѣдѣнія, по какой причинѣ не одобрена мною къ напечатанію рукопись подъ названіемъ «Избранныя достопамятнѣйшія греческія и римскія пословицы и поговорки». На сіе честь имѣю изъяснить слѣдующее: въ февралѣ мѣсяцѣ 1810 года по положенію главнаго училищъ правленія циркулярно предписано цензурнымъ комитетомъ, чтобы члены оныхъ на случай значущихъ не исправностей въ слогахъ сочиненій или переводовъ, представляемыхъ для одобренія, старались внушать о томъ издателямъ, удерживая ихъ отъ напечатанія, пока все сколько можно съ большимъ вниманіемъ и усердіемъ будетъ исправлено. Въслѣдствіи времени по особннымъ случаямъ неоднократно подтверждено было отъ высшаго начальства о наблюденіи такового правила. Имѣя въ виду предписанія сіи и встрѣчая на каждой страницѣ означенной рукописи многія погрѣшности противъ правила русскаго языка и несвойственные оному обороты, такъ что рукопись сію не ведѣть можно и понимать, я почелъ съ своей стороны обязанностью приостановиться одобреніемъ оной, и указавъ разныя изъ таковыхъ погрѣшностей и оборотовъ представившему ее коллежскому ассесору Урусову, совѣтовалъ сдѣланный имъ съ видной послѣдностью переводъ вновь пересмотрѣть, и какъ для большаго удостовѣренія въ безчисленныхъ погрѣшностяхъ, такъ и для удобнѣйшаго исправленія оныхъ предварительно прочесть нѣсколько страницъ съ пріятелями своими, упражняющимися въ сочиненіяхъ и переводахъ.

А чтобы показать комитету справедливость моихъ замѣчаній, я развертываю рукопись г. Урусова безъ всякаго выбора не исправнѣйшихъ мѣстъ и отдаю на судъ онаго: могутъ ли быть терпимы сіи и подобныя выраженія и обороты, напримѣръ, въ предисловіи находящіяся: «родомъ неславный, но препрославленный ученостью, первый тотъ, который началъ и проч., возбужденъ совѣтомъ Вильгельма Монтион, который такимъ занятіемъ Эразма весьма увеселялся. Первое изданіе вышло при обѣщаніи отъ Эразма послѣдующее пополнить, такъ какъ къ первому не успѣлъ отыскать многихъ греческихъ книгъ, въ которыхъ предполагалъ немалое пословицъ число, что онъ и исполнилъ. Но и это неослѣдняя еще была его рука». Можно ли повѣрить, что все сіе выписано мною отъ слова до слова? Таковъ почти весь переводъ сей книги. Александръ Бируковъ».

МИХАИЛЬ ТРОФИМОВИЧЪ КАЧЕНОВСКІЙ,

профессоръ московскаго университета.

Род. въ Харьковѣ 1-го ноября 1775 г., † въ Москвѣ 19-го апрѣля 1842 г.

По просьбѣ многоуважаемаго редактора «Русской Старины», представляю хронологическій перечень событій изъ служебной жизни знаменитаго профессора московскаго университета, писателя, издателя-редактора, въ теченіи многихъ лѣтъ, «Вѣстника Европы». Этотъ перечень извлеченъ изъ «Формулярнаго списка о службѣ и достоинствахъ его»; здѣсь же привожу немногія другія свѣдѣнія объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, біографія котораго потребовала бы труда на нѣсколько книгъ. Перечень этотъ будетъ не безынтересенъ для читателей «Русской Старины» и, полагаю, не бесполезенъ для біографовъ Каченовскаго.

Михаилъ Трофимовичъ родомъ «изъ грековъ», обучался въ харьковскомъ коллегіумѣ разнымъ наукамъ и 7-го февраля 1788 года вступилъ въ службу въ Екатеринославское казачье ополченіе полковымъ урядникомъ.

19-го іюня 1793 г. переведенъ въ бывшій харьковскій губернской магистратъ, съ переименованіемъ въ канцеляриста, и вскорѣ, именно 2-го сентября того же года, произведенъ въ провинціальныя регистраторы.

24-го ноября 1794 г. произведенъ въ губернскіе регистраторы.

15-го сентября 1795 г. опредѣленъ сержантомъ въ Таврической гренадерскій полкъ.

26-го марта 1796 г. переведенъ въ Ярославскій пѣхотный полкъ.

10-го декабря 1798 г. назначенъ полковымъ квартирмейстеромъ.

8-го октября 1801 г. отъ военной службы, по прошенію, отставленъ.

11-го октября 1805 г. возведенъ въ степень магистра философіи московскаго университета и началъ преподаваніе «риторическихъ лекцій» въ университетѣ и русскаго языка въ бывшей при университетѣ академической гимназій.

12-го сентября 1806 г. возведенъ въ степень доктора философіи и изящныхъ наукъ.

20-го ноября 1808 г. утвержденъ адъюнктомъ и въ то-же время

ему поручено было управленіе дѣль въ канцеляріи попечителя московскаго университета ¹⁾. Отправлялъ сію должность Каченовскій по 4-е мая 1810 года.

9-го мая 1810 г. утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ и въ качествѣ визитатора обозрѣвалъ училища Калужской губерніи.

6-го декабря 1811 г. избранъ совѣтомъ университета въ ординарные профессора теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи.

17-го февраля 1815 г. отправлялъ должность начальника университетской типографіи по 13-е марта 1816 года.

6-го декабря 1816 г. получилъ бронзовую медаль пожалованную дворянству за пожертвованія въ 1812 г., и съ 1816 г. по 1829 г. былъ членомъ училищнаго комитета.

1817—1818 гг. обозрѣвалъ училища въ Костромской, Ярославской, Владимирской и Рязанской губерніяхъ.

24-го ноября 1817 г.—кавалеръ св. Владиміра 4-й степени.

8-го марта 1819 г.—членъ російской академіи и членъ правленія университетскаго благороднаго пансіона.

27-го ноября—коллежскій совѣтникъ.

2-го ноября 1821 г. перемѣщенъ на штатную каеэдру исторіи, статистики и географіи Россійскаго государства.

25-го іюня 1824 г.—статскій совѣтникъ.

Октябрь 1825 г., по собственному желанію, вышелъ изъ членовъ правленія университетскаго благороднаго пансіона.

25-го августа 1830 г.—директоръ педагогическаго института въ Москвѣ и въ то-же время членъ комитета, учрежденнаго при университетѣ, для охраненія отъ холеры. Въ это время ему, временно, поручена была каеэдра російской словесности (по 24-е ноября 1831 года)

1831 г.—деканъ словеснаго отдѣленія и кавалеръ св. Анны 2-го класса.

1832 г.—членъ комтета для испытанія гражданскихъ чиновниковъ, секретарь совѣта университета, временно преподаетъ всеобщую исторію, статистику (по 1-е іюня 1833 г.).

1-го іюня 1833 г.—членъ-корреспондентъ академіи наукъ, цензоръ.

2-го марта 1834 г.—кавалеръ св. Анны 2-й степени, съ короною, и получаетъ высочайшее благоволеніе за участіе въ изданіи «Ученыхъ записокъ Московскаго университета».

15-го мая 1835 г.—заслуженный профессоръ и почетный членъ университета св. Владиміра. Временно преподаетъ всеобщую исторію студентамъ 2-го и 3-го курсовъ отдѣленія словесныхъ наукъ (съ 25-го

¹⁾ Графа Алексѣя Кнриловича Разумовскаго, впоследствии министра народнаго просвѣщенія.

сентября—6-го ноября того-же 1835 г.). При введеніи въ дѣйствіе новаго устава назначенъ для преподаванія исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій (31-го декабря).

2-го апрѣля 1836 г. назначенъ членомъ комитета, учрежденнаго, по высочайшему повелѣнію, для разсмотрѣнія историческаго описанія древняго Россійскаго музея, подъ названіемъ Мастерской Оружейной Палаты, соч. Малиновскимъ.

17-го марта 1837 г.—ректоръ московскаго университета.

12-го іюля 1838 г.—кавалеръ св. Владиміра 3-й степени.

28-го октября 1839 г.—дѣйствительный членъ Одесскаго общества исторіи и древностей.

6-го сентября 1840 г.—дѣйствительный статскій совѣтникъ.

19-го октября 1841 г. академикъ по отдѣленію русскаго языка и словесности.

Изъ того-же формуляра мы узнаемъ, что у М. Т. Каченовскаго былъ «въ Москвѣ деревянный домъ и шесть душъ мужеска пола, къ оному приписанныхъ».

Кромѣ дѣятельности профессорской, Каченовскій прославилъ свое имя и какъ издатель «Вѣстника Европы». Бѣлинскій въ своихъ «Литературныхъ мечтаніяхъ», напечатанныхъ въ «Молвѣ» Надеждина (1834 г.), свидѣтельствуетъ: «Вѣстникъ Европы» пережилъ нѣсколько поколѣній, воспиталъ нѣсколько поколѣній. Онъ всегда оставался однимъ и тѣмъ же, не измѣнялся и бился до послѣднихъ силъ; это была борьба благородная и достойная всякаго уваженія, борьба не изъ личныхъ мелочныхъ выгодъ, но изъ мнѣній и вѣрованій, задушевныхъ и кровныхъ. Его убило время, а не противники, и потому его смерть была естественная, а не насильственная».

Каченовскій скончался 19-го апрѣля, въ день Свѣтлага Воскресенія 1842 г., и, по свидѣтельству С. М. Соловьева, «труженическую жизнь честнаго человѣка онъ окончилъ тихою смертію праведника». Тѣло его погребено на Миусскомъ кладбищѣ, гдѣ онъ желалъ лечь, назначивъ это мѣсто во время своихъ прогулокъ.

Биографія его написана С. М. Соловьевымъ и напечатана въ 1-й части «Биографическаго словаря профессоровъ и преподавателей императорскаго московскаго университета» (М. 1855). Свѣдѣнія объ ученыхъ трудахъ Каченовскаго находятся въ обстоятельномъ и дѣльномъ сочиненіи профессора В. С. Иконникова «Скептическая школа въ русской исторіографіи и ея противники» (Кіевъ, 1871 г.).

Некрологъ М. Т. Каченовскаго написанъ М. П. Погодинымъ и напечатанъ въ «Москвитянинѣ» 1842 года, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: «Редакторъ «Москвитянина», съ перваго своего появ-

ленія на литературномъ поприщѣ, разошелся въ мнѣніяхъ съ своимъ учителемъ. Каченовскій отвергалъ Нестора, я признавалъ его; онъ приводилъ Русь съ юга, я съ сѣвера; онъ не принималъ Русской Правды, я былъ убѣжденъ въ ея подлинности,—но не смотря на это ученое разногласіе, я всегда чтилъ его достоинства». Обращаясь къ университетскому начальству, Погодинъ взывалъ: «Послѣ Каченовскаго осталась вдова, два сына и дочь и никакого состоянія. Благодарительное университетское начальство, вѣроятно, употребитъ всѣ свои старанія, чтобъ достойно успокоить семейство почтеннаго гражданина, заслуженнаго ученаго и литератора, который пятьдесятъ лѣтъ трудился всю всѣхъ своихъ силъ, сколько могъ, на поприщѣ отечественнаго просвѣщенія, и выкупалъ недостатки,—кто же не имѣетъ ихъ,—своими трудами и заслугами».

Гласъ М. П. Погодина не остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и графъ С. Г. Строгановъ писалъ С. С. Уварову: «...Отдавая все должное уваженіе столь долговременной и безпорочной службѣ покойнаго профессора, его ученымъ заслугамъ и трудамъ на пользу наукъ и общественнаго воспитанія, я почитаю священною обязанностью обратиться къ вамъ съ моею усерднѣйшею просьбою объ исходатайствованіи семейству сего профессора пенсіи по новому окладу. Эта милость монарха для семейства извѣстнѣйшаго въ російскихъ университетахъ профессора и члена академіи наукъ принята будетъ мною и московскимъ университетомъ съ вѣрноподданническимъ благоговѣніемъ».

До сихъ поръ мы не имѣли портрета Каченовскаго, въ чемъ и удостовѣряетъ насъ Д. А. Ровинскій, ибо въ его «Подробномъ словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ» (Спб., 1889 г.) отсутствуетъ почтенное имя М. Т. Каченовскаго.

Портретъ этого достойнѣйшаго ученаго не только не былъ награвированъ на мѣди, но не былъ ни литографированъ, ни вырѣзанъ на деревѣ.

Въ настоящее же время М. И. Семевскій, къ величайшему утѣшенію почитателей памяти и трудовъ М. Т. Каченовскаго, издалъ и приложилъ къ настоящей книгѣ «Русская Старина»—эту прекрасную гравюру, воспроизведенную художникомъ Г. И. Грачевымъ съ портрета, принадлежащаго сенатору М. Н. Турунову, ученику М. Т. Каченовскаго.

Нив. П. Барсуковъ.

2-го іюня 1889 г.
С.-Петербургъ.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ, ЗАМѢТКИ И НАБРОСКИ.

Поѣздка по Россіи въ 1888 г.

V¹⁾.

Ярославль.

I.

Съ 1-го по 5-е іюня.

Остановился, рано утромъ, въ наилучшей въ городѣ, хотя и не вполне еще чистоплотной, гостинницѣ «Кокуевской». Вижу на доскѣ, въ числѣ фамилій ея обитателей, В. В. Верещагинъ. Вотъ прекрасная встрѣча! Посылаю свою карточку и въ девять часовъ имѣю истинное удовольствіе видѣть въ своей комнатѣ нашего знаменитаго художника. Впервые встрѣтилъ я Василю Васильевича, сколько помню, въ ноябрѣ 1880 года, у Ивана Сергѣев. Тургенева, въ Петербургѣ, куда онъ въ то время пріѣзжалъ и останавливался въ меблированныхъ комнатахъ по Невскому, недалеко отъ Полицейскаго моста. Какъ теперь гляжу: Иванъ Сергѣевичъ лежитъ на диванѣ и сильно жалуется на развившуюся будто бы подагру, что было, однако, вовсе не подагра, а проявленіе того ужаснаго недуга въ поясныхъ позвонкахъ, который низвелъ его въ могилу три года спустя... Вошелъ красивый среднѣхъ лѣтъ мужчина: черты его лица правильныя, красивый носъ съ горбинкой и умные, выразительные глаза, при длинной темнорусой бородѣ, производили пріятное впечатлѣніе. Не вставая съ дивана и охая, Иванъ Сергѣевичъ встрѣтилъ вошедшаго весьма

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, августъ, стр. 421—448; изд. 1889 г., томъ LXII, апрѣль, стр. 221—262; май, стр. 489—511; т. LXIII, сентябрь, стр. 683—708.

привѣтливо и познакомилъ насъ. То былъ Василій Васильевичъ Верещагинъ, картины котораго давно уже привлекали тысячи восторженныхъ зрителей, которыми и я восторгался, да восторгаться и не престану. Восторгъ, однако, этотъ въ прежнее время не всѣми разделялся. Кое-гдѣ появлялись нападки на художника. Тотъ, какъ видно было изъ бесѣды его съ Тургеневымъ, довольно близко принималъ это къ сердцу и говорилъ объ этихъ нападкахъ съ раздраженіемъ, горячо отвергая обвиненія его въ какой бы то ни было тенденціозности въ его картинахъ изъ послѣдней войны 1877—1878 гг. Иванъ Сергѣевичъ успокаивалъ художника, утверждая, что тѣ, кто нападаетъ на его картины и его талантъ, сами отлично знаютъ, что ихъ нападки несправедливы и что отвѣчать на обвиненія и вообще вступать въ полемику, во всякомъ случаѣ, отнюдь не слѣдуетъ.

«А сами-то вы, Иванъ Сергѣевичъ, замѣтилъ художникъ,—небось, зачастую отвѣчали своимъ противникамъ и обвинителямъ»...

— Да вотъ, поди-жь, чужую душу въ рай, а самъ ни ногой, добродушно засмѣялся Иванъ Сергѣевичъ.

Прошло восемь лѣтъ. Новый и длинный рядъ дивныхъ картинъ созданъ гениальною кистью славнаго русскаго художника. Онъ совершилъ за это время громадныя путешествія, которыя дали его могучему творчеству прелестныя картины природы, народнаго быта и въ высокой степени характерныя типы обитателей разныхъ странъ, каковыя онъ и увѣковѣчилъ на полотнѣ, въ прекрасныхъ, вѣрныхъ правдѣ, изображеніяхъ. Василій Васильевичъ потерялъ уже значительную часть своей роскошной куафюры, въ длинной шелковистой бородѣ его пробивается сѣдой волосъ, ему уже около 46 лѣтъ, онъ пополнѣлъ, но черты лица его также симпатичны, голосъ по прежнему звонокъ, рѣчь звучитъ энергіей, выразительностью и искренностью. Разсказчикъ онъ превосходный.

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ отдался (1888 г.) изученію старины въ самомъ центрѣ Великороссіи: работалъ въ Москвѣ, Ростовѣ, Ярославлѣ, Костромѣ, въ Макарьевѣ на Унжѣ, опять въ Ярославлѣ. Мольбертъ его съ полотномъ и красками появлялся то въ музеяхъ, то въ храмахъ, то въ монастыряхъ, то на улицахъ, то на паперти церковной, въ виду какого либо характернаго входа.. Работаетъ онъ удивительно быстро, передаетъ полотну съ поразительною вѣрностью все, что находитъ нужнымъ сохранить на немъ...

О планахъ и предположеніяхъ своихъ и вообще о своихъ трудахъ Верещагинъ говорить не любитъ; что онъ въ данное время пишетъ, то старается схоронить отъ взглядовъ любопытныхъ; нѣсколько недѣль какъ живетъ въ Ярославлѣ и ни съ кѣмъ не знакомится. Двѣ про-

сторныя комнаты, заняты имъ на антресоляхъ Кокувской гостиницы, представляютъ цѣлый музей: кокошники, вообще головные и всякіе другіе женскіе уборы, предметы старины самыя разнообразныя, тутъ и иконы, и пуговицы, и монеты, и оружіе, и рукописи—все это приобрѣтается художникомъ съ большимъ знаніемъ дѣла и все поступаетъ въ громадное собраніе бытовыхъ предметовъ всѣхъ странъ свѣта, гуда только приводитъ его любознательность. Супруга В. В., кажется, нѣжка по происхожденію, милая, нѣжно любящая его сопутница во всѣхъ его странствіяхъ по бѣду свѣту.

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ рано по утрамъ удаляется В. В. въ Іоанновскую Предтеченскую старинную церковь; мѣстный священникъ съ радостью предоставилъ ему работать въ храмѣ: двери за В. В. затворяются и вотъ цѣлые часы бѣгутъ въ быстрой работѣ. Превосходныя, конечно, произведенія выйдутъ изъ этихъ набрасываемыхъ имъ эскизовъ. «Подкрадешься къ В. В. сзади, когда онъ пишетъ что-либо съ древнихъ фресокъ, иконъ и пр.», рассказывали впоследствии и священники и монахи,—«взглянешь на полотно и невольно ахнешь отъ восторга, при видѣ, съ какою правдою, съ какою вѣрностью выходитъ все изъ-подъ его кисти!»

Принявшись за изученіе родной старины въ памятникахъ живописи и зодчества, В. В. не только быстро ознакомился съ ней, но и изучилъ ее всесторонне и съ любовью.

Поѣхалъ я съ нимъ, въ первый же день нашей встрѣчи, въ церковь Іоанна Предтечи, что въ Ярославскомъ посадѣ Толчковѣ, за рѣкою Которослей. Это—храмъ, воздвигнутый болѣе двухъ сотъ лѣтъ тому назадъ; цѣлая группа, именно пятнадцать, вызолоченныхъ куполовъ, служатъ ему большимъ украшеніемъ; стѣны, натурального цвѣта кирпичей, обложены разноцвѣтными кафелями или изразцами, съ рельефными раскрашенными изображеніями цвѣтовъ и птицъ; съ крѣпостью и красотою этихъ изразцовъ не сравнятся кафели лучшихъ новѣйшихъ заводовъ. Кромѣ кафель, церковь весьма затѣйливо украшена полуколонками, пилястрами, арками,—все это разныхъ цвѣтовъ, гладкія, витыя, съ поясками, чешуйчатая. Вокругъ всей церкви крытая галерея, съ каменной кругомъ скамейкою и живописною раскраскою стѣнъ картинами изъ Ветхаго Завѣта. Внутри церкви всѣ стѣны, столпы, своды и купола покрыты древнимъ стѣннымъ письмомъ, иконостасъ шестиярусный, съ своеобразнымъ размѣщеніемъ иконъ, также весьма стариннаго, очень хорошаго письма.

Надо было послушать Василія Васильевича, съ какою живостью и одушевленіемъ говорилъ онъ, въ виду этого прекраснаго памятника стариннаго русскаго зодчества, о старинномъ искусствѣ, о ладовитости

тогдашнихъ зодчихъ, создавшихъ храмы, художниковъ, рисовавшихъ образа, украшавшихъ внутренности церквей почти безъ руководителя. почти безъ знанія какой либо теоріи или, по крайней мѣрѣ, безъ изученія ея въ школахъ, но по указаніямъ своихъ даровитыхъ предшественниковъ, да по вдохновенію врожденнаго таланта и вкуса.

— «А вотъ не подпустить ли здѣсь красненькаго, а здѣсь зелененькаго,—говоритъ художникъ XVII вѣка,—погляжу, какъ это выйдетъ», и выходитъ такъ, что и 200 лѣтъ спустя стоишь предъ росписанною стѣною, либо затѣйливымъ входомъ, либо предъ иконою и восхищаешься письмомъ. «Нѣтъ, вы посмотрите, посмотрите внимательно на этотъ весьма древній большой образъ Благовѣщенія, съ помѣщенными кругомъ мивіаторными изображениями событій изъ жизни Божьей Матери, что это за изящная работа!»—говорилъ В. В., войдя съ нами въ церковь и остановясь предъ образомъ стариннаго письма:—«каковъ ликъ у Пресвятой Дѣвы! на немъ дѣйствительно изображено изумленіе, съ каковымъ она слушаетъ ангела, но въ то-же время какою кротостью и покорностью волѣ Господней дышать всѣ черты Ея прекраснаго лица! А эта ручка, какъ мастерски написана эта ручка! А фигура Архангела, какъ она благородно поставлена ¹⁾! И какъ досадно видѣть, когда такую живопись прячутъ подъ различныя привѣски и оклады. Оклады эти для меня грошъ стоятъ, изъ чего бы ихъ ни дѣлали, а живопись стоитъ тысячу; между тѣмъ ее прячутъ и гвоздями окладовъ безжалостно портятъ. Да, гдѣ эти безвѣстные русскіе художники, живописцы и зодчіе XVII, XVI вѣковъ! Мы даже именъ ихъ не знаемъ, такъ скромно творили они, и между тѣмъ творили съ неподдѣльнымъ талантомъ. Теперь же какойнибудь радѣлецъ благолѣпія въ храмахъ Господнихъ замѣнитъ характерную черепичную крышу желѣзною, снимаетъ изразцы съ наружныхъ украшеній и замѣнитъ ихъ кирпичемъ, да замажетъ штукатуркою, отдѣляетъ стѣны и своды подъ мраморъ—и вѣдь дался этимъ рачителямъ мраморъ, говорилъ, все одушевляясь, В. В.,—и глядишь, ужъ хлопочетъ о медали, да выставляетъ свое имя въ подписяхъ. какъ оказавшій великую заслугу, въ качествѣ украсителя храма Господняго!»...

— «Теперь все болѣе и болѣе собираютъ памятники старины въ музеи, и знаете ли, что это вызываетъ въ нѣкоторыхъ монастыряхъ? продолжалъ В. В.,—я вотъ знаю одну почтенную игуменью, которая,

¹⁾ Замѣчательно также нѣкоторыя другія иконы древняго письма въ этомъ храмѣ, напр. икона св. апостоловъ, икона пророка Іліи и проч.

изъ боязни, что у нея отберутъ разныя украшенія съ древнихъ церковныхъ облаченій и съ пелень, покрывавшихъ гробницы въ усыпальницѣ ея обители, велѣла вдѣлать все эти украшенія въ иконостасъ,—вотъ тутъ и говори съ ней о старинѣ и о необходимости собирать ихъ въ музеи церковной и другой древности!..

Увлеченіе Василія Васильевича памятниками русскаго стариннаго искусства, въ особенности зодчества, до того искренно и горячо, что еще 1-го мая того-же 1888 г. онъ напечаталъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» цѣлое воззваніе къ русскимъ архитекторамъ, приглашая ихъ изучать старинное русское зодчество и всячески подражать ему въ ихъ постройкахъ. Жаль, что нѣтъ у меня подъ рукою этого номера «Вѣдомостей», стоило бы перепечатать этотъ ключъ гениальнаго нашего художника.

Предметы, совершенно, повидимому, ненужные, отброшенные, какъ хламъ, въ ризницу или просто въ чуланы церковные, на колокольни, въ подвалы, нерѣдко останавливали на себѣ вниманіе Василія Васильевича. Такъ, и въ настоящее наше посѣщеніе Іоанновской Предтеченской церкви, онъ вытащилъ изъ угла обломокъ какой-то рамы.

— «Вотъ, посмотрите, что это за рѣзба, какая это, повстинѣ, изящная, конечно, старинная, работа,—говорилъ Василій Васильевичъ, приглашая посмотрѣть на работу дѣйствительно искуснаго рѣзчика.— Вотъ задача музейевъ нашихъ—подобрать весь этотъ хламъ; но онъ лишь здѣсь и въ разныхъ другихъ мѣстахъ хламъ,—въ музеяхъ же онъ можетъ послужить моделью художникамъ».

Увлеченіе своимъ роднымъ у Василія Васильевича Верещагина выражается, особенно въ послѣднее время, въ цѣломъ рядѣ картинъ. На выставкѣ произведеній его кисти въ Парижѣ, въ апрѣлѣ 1888 г., въ числѣ 74-хъ картинъ, сюжеты и типы для которыхъ взяты имъ въ Палестинѣ, Болгаріи, Австріи, Румыніи, Индіи и изъ послѣдней восточной войны, Верещагинъ выставилъ, въ числѣ помянутыхъ картинъ, шесть русскихъ типовъ изъ Москвы, Владиміра, Смоленска и Рязани; три картины московскаго кремля и его соборовъ, улица въ Ростовѣ при закатѣ солнца, зимою; иконостасъ древней деревянной церкви (XVI столѣтія) въ деревнѣ Ишна, близъ Ростова; внутренность той-же церкви, входная дверь въ церковь; княжје терема въ ростовскомъ кремлѣ; входная дверь въ соборъ Ипатіевскаго монастыря въ Костромѣ; усыпальница бояръ Салтыковыхъ и другихъ боярскихъ фамилій въ Богоявленскомъ женскомъ монастырѣ въ Костромѣ¹⁾.

¹⁾ См. Catalogue illustré de l'exposition des oeuvres nouvelles de Vassili Vereschagin, съ 1-го по 22-е апрѣля 1888 г.

Обращаясь къ показанной мнѣ столь обязательно В. В. Верещагинымъ Предтеченской церкви, должно сказать, что она, дѣйствительно, одна изъ замѣчательныхъ церквей во всей Ярославской епархіи. Она выстроена почти 220 лѣтъ тому назадъ и совершенно во вкусѣ современныхъ ей по сооруженію храмовъ Ростова Великаго, строителемъ каковыхъ былъ покойный митрополитъ Іона Сысоевичъ. Предтеченскій храмъ выстроенъ въ посадѣ Толчковѣ, прозванномъ такъ потому, что большинство его обывателей толкли дубовую кору для кожевенныхъ заводовъ; храмъ созидали въ теченіи шестнадцати лѣтъ, именно съ 1671 по 1687 г.; въ одномъ изъ множества стѣнныхъ его тайниковъ бережно сохранены, въ теченіе двухъ вѣковъ, грамоты, столбцы, книга приемная по сбору пожертвованій и прочіе акты, относящіяся до этой церкви, что и дало возможность, въ 1881 году, мѣстному священнику составить, на основаніи ихъ и другихъ свѣдѣній, историческое описаніе этого храма. Изъ нея видно, что большой храмъ Іоанна Предтечи собранъ на пожертвованія обывателей, которыхъ собрано было въ 1658—1660 гг. 2,935 рублей, громадная по тому времени сумма. Интересенъ перечень тѣхъ пожертвованій, каковыя были «посулены» и записаны вкладами отъ разныхъ обывателей посада Толчково и прочихъ обывателей Ярославля; тутъ былъ: «дворовое мѣсто», «красный юхотный товаръ», слитки серебра, зернята жемчугу, лавочныя порошныя мѣста, «поллавки съ погребомъ въ сапожномъ и ветошномъ ряду», «дворъ съ огородною землею и съ хоромы», кожевенный заводъ съ дворовымъ строеніемъ... На все это жертвователи выдали «поступныя записи попу Абросиму и всѣмъ тое церкви приходскимъ людямъ»... Вотъ какими средствами созданъ былъ величественный храмъ, и до сихъ поръ привлекающій вниманіе. «Тишайшій» царь Алексѣй Михайловичъ, по челобитью жителей, дозволилъ взять кирпичъ для сооруженія этого храма съ заводовъ, выстроенныхъ на казенной землѣ; преданіе гласитъ будто бы работами руководили голландскіе зодчіе, но историкъ храма отвергаетъ это преданіе, находя болѣе вѣроятнымъ, что высшимъ руководителемъ этого превосходнаго сооруженія былъ митрополитъ ростовскій Іона, которымъ устроены были не только знаменитые храмы въ Ростовѣ но и большая часть церквей, понынѣ существующихъ въ Ярославлѣ.

Въ Предтеченской церкви все замѣчательно хорошо сохраняется; такъ напр. дѣлъ еще бѣлый атласный антиминсъ, освященный Дмитріемъ, митрополитомъ ростовскимъ, въ 1704 г.; онъ сохраняется во всей свѣжести, не смотря на 186-ти-лѣтнее употребленіе, хотя, впрочемъ, съ 1812 г. его выкладываютъ только въ храмовые праздники, а на прочіе дни выданъ другой антиминсъ. Вещей старинныхъ

изъ церковной утвари въ стѣнныхъ тайничкахъ храма имѣется нѣсколько и нѣкоторыя изъ нихъ, дѣйствительно, любопытны по старинѣ и по изящной ихъ работѣ. Таковы: потиръ (1684 г.), дискось (1685 г.), рѣзные деревянные вызолоченные вѣнды брачныя XVII вѣка, большое старинное изображеніе кадила, высокой старинной работы воздуха.

Придѣлъ храма, именво сѣверный, во имя Гурія и Варсонофія, имѣетъ также предметы достойныя вниманія археологовъ и вообще любителей старины. Такъ, напр., здѣсь можно видѣть царскія врата, которыя вдвое старѣе церкви, какъ полагають авторитетныя въ археологій лица. Подъятыя руки, птицы, цвѣты, травянистыя узоры—все это художественной рѣзбой исполненныя, украшаютъ эти двери.

Вообще Предтеченскій храмъ въ цѣломъ и во всѣхъ его подробностяхъ, дѣйствительно, весьма замѣчательенъ, а живопись его XVII вѣка до того хороша, что съ большихъ живописныхъ клеймъ паперти храма, въ 1860 г., по высочайшему повелѣнію, сдѣланы снимки для возобновлявшейся тогда московской Дворцовой церкви Спаса на Бору.

Но какъ заботливо сохранены этотъ прекрасный памятникъ русскаго церковнаго зодчества, такъ, напротивъ, испорченъ близъ лежащій, по лѣвую сторону Которосли, храмъ Никола Мельницкаго. Церковь, современная по сооруженію Предтеченской,—она во второй половинѣ текущаго столѣтія поступила въ инженерное вѣдомство — и вотъ стѣнная живопись, по казарменному образцу, чисто на чисто замазана известью, забѣлена; паперть лишилась и живописи и каменной скамьи; изразцы кафели изъ стѣнъ повыдерганы... словомъ, рука невѣжды въ полную ширь расходилась здѣсь.

Вечеромъ въ этотъ день я засталъ В. В. Верещагина въ его комнатѣ, съ перомъ въ рукахъ, за воспоминаніями. Нашъ даровитый художникъ очень часто переходитъ отъ кисти къ перу и обратно. Тутъ же я получилъ отъ него экземпляръ его «Воспоминаній», изданныхъ недавно на французскомъ языкѣ. Записки Василія Васильевича вызвали не мало ему порицаній. Гениальнаго художника нашего обвиняють въ самовосхваленіи, въ бахвальствѣ. Намъ кажется, эти обвиненія несправедливы. Верещагинъ просто и естественно рассказываетъ то, что другой передаетъ съ обходами, да всякаго рода вычурностями и ужимками; расхваливать ему себя или давать волю воображенію, говоря прямо—привирать, рѣшительно не для чего, и онъ отлично это понимаетъ: никакое самовосхваленіе не придастъ ему ничего къ той великой славѣ, какая окаймляетъ уже издавна его имя—во всемъ образованномъ мірѣ, какъ замѣчательнѣйшаго изъ русскихъ современныхъ художниковъ. Затѣмъ, онъ рѣшительно не нуждается ни въ восхваленіяхъ и порицаніяхъ, измышленныхъ по отно-

шенію къ другимъ. Онъ можетъ ошибаться и ошибается иногда, но нигдѣ не бахвалитъ и нигдѣ сознательно не говоритъ неправды, это не въ его натурѣ.

Мы долго говорили съ В. В. о его дѣятельности, какъ художника. «Сюжеты для моихъ картинокъ зарождаются у меня самобытно, прямо подъ вліяніемъ видѣннаго мною и нерѣдко испытаннаго; никакимъ внушеніямъ и заданіямъ я не слѣдовалъ и никогда не послѣдую. Пусть говорятъ, пишутъ, бранятъ— я ничего не слушаю; я исполню свой трудъ, какъ мнѣ его Богъ на душу положить. Разъ задумаю картину, я ношусь съ своимъ сюжетомъ иногда долго и всегда мучительно. Мысль о немъ терзаетъ и гнететъ меня, пока я не воспроизведу его на полотнѣ красками»...

II.

Двадцать семь лѣтъ назадъ мы двукратно посѣтили Ярославль, именно лѣтомъ 1860 и 1861 годовъ. Онъ также пустыненъ намъ показался и теперь, точно населеніе его вымерло, но куда какъ приурачился Ярославль въ эту четверть вѣка! вмѣсто невозможной мостовой и мирно стоящихъ болотъ, не пересыхавшихъ въ 1860—1861 гг. и въ лѣтній зной на главной и громаднѣйшей площади города, роскошно раскинулся теперь зеленѣющій садъ. Этотъ садъ—даръ Ярославлю отъ его бывшаго уважаемаго городского головы, нынѣ почетнаго гражданина города Ярославля И. А. Вахромѣева. Садъ этотъ охватилъ единственный памятникъ въ Ярославлѣ; еще въ 1860 и 1861 годахъ онъ до того былъ въ запущеніи, что на немъ не видно было даже надписей, при чемъ онъ сиротливо стоялъ среди булыжника какъ верстовой столбъ. Теперь онъ приведенъ въ полный порядокъ. Этотъ памятникъ, какъ гласитъ надпись, — соорудило «Ярославское дворянство — Павлу Григорьевичу Демидову», а на другой сторонѣ пьедестала читаемъ надпись: «Покровителю просвѣщенія и основателю Демидовскаго высшихъ наукъ училища 1824 г.». Памятникъ представляетъ бронзовую колонну въ 17 арш. высоты съ бронзовой на ней сферой и на ней парящій орелъ (памятникъ открытъ въ 1829 г.) и нынѣ все на немъ вычищено, выбронзировано. Прекрасный даръ городу,—въ видѣ этого сада,—напоминаетъ намъ объ И. А. Вахромѣевѣ и мы направляемся къ нему въ его домъ. Имя владѣльца этого дома, вмѣстѣ съ сотнями тысячами пудовъ отличной кружатки муки, направляющейся водяными караванами далеко отъ

Ярославля, вѣдомо въ самыхъ дальнихъ концахъ сѣверной и восточной Россіи.

Насъ привѣтливо принялъ среднихъ лѣтъ и средняго роста мужчина, сдержанный, молчаливый, симпатичный блондинъ,—это Иванъ Александровичъ Вахромѣевъ. Онъ исконный ярославецъ; предки его упоминаются въ мѣстныхъ актахъ XVII вѣка; родился и воспитывался онъ въ Ярославлѣ (род. въ 1843 г.) и съ справедливою гордостью вспоминаетъ, что участвовалъ въ комитетѣ по возобновленію древнихъ зданій и церквей въ кремлѣ Ростовскомъ. Для тамошняго «Музея церковныхъ древностей» И. А. оказалъ много пожертвованій, что мы и видѣли при посѣщеніи музея. Для Ярославля г. Вахромѣевъ кромѣ сада, устроеннаго имъ съ затратою на этотъ предметъ крупнаго капитала, сдѣлалъ много добраго; укажемъ напр. на особый деревянный домъ—городскую народную читальню для публичныхъ въ ней чтеній челоуѣвъ на 700. Какъ челоуѣкъ, пожертвовавшій значительныя суммы на изданіе нѣсколькихъ весьма хорошихъ книгъ и сборниковъ—И. А. Вахромѣевъ несомнѣнно оказалъ услуги русской наукѣ; собственнымъ трудомъ и съ большими затратами соединилъ онъ у себя значительное собраніе «Рукописей славянскихъ и русскихъ». Отчасти надо и то сказать, что на Руси такъ ужъ повелось, что въ извѣстныхъ мѣстностяхъ между жителями преименно переходить отъ поколѣнія къ поколѣнію склонность къ чему нибудь одному и тому же въ области ли промысла, въ склонностяхъ ли высшаго порядка. Такъ и по отношенію къ собранію рукописей въ Ярославлѣ изстари были любители и иногда знатоки оныхъ; вотъ и нынѣ,—изъ болѣе крупныхъ собирателей является мучной крупный торговецъ И. А. Вахромѣевъ. Въ городѣ мы слышали рассказы о томъ, что старикъ купчина, его батюшка, вѣдающій исключительно мучное дѣло,—неблагосклонно смотритъ на не торговыя занятія сына, называя заурядъ какъ службу его обществу, въ званіи городского головы, каковое мѣсто будто бы старикъ и заставлялъ, наконецъ, сына покинуть, такъ въ особенности страсть его собирать, а иногда и печатать рукописи—совершеннымъ баловствомъ; но «баловень Ванюша», которому теперь уже 45 лѣтъ, увлекаясь собраніемъ рукописей, въ то же время покорно и охотно является въ громаднѣй мучной лабазѣ—и поспѣваетъ одновременно вести громадное торговое дѣло—мукой и баловаться собраніемъ рукописей. Мы видѣли Ивана Александровича за мѣшками муки и даже находимъ, что нѣсколько застѣнчивый и молчаливый, онъ чувствуетъ себя также на своемъ мѣстѣ въ лабазѣ, какъ и въ своемъ книгохранилищѣ. Помози ему Богъ не оставлять книжное дѣло. Да и какъ бросать такое хорошее и для науки

полезное дѣло! Вотъ неутомимый А. А. Титовъ ужъ успѣлъ описать собраніе г. Вахромѣева. Одна перечневая подробная опись составила книгу въ 6. 8 д. въ 225 стр., отпечатанную владѣльцемъ древлехранилища на отличной бумагѣ. Сюда вошло 281 рукопись. Всѣ онѣ помѣщаются въ строжайшемъ порядкѣ, въ хорошей работы шкапу въ кабинетѣ хозяина.

Иванъ Александровичъ вручилъ намъ экземпляръ этого описанія и далъ возможность ознакомиться съ его собраніемъ; здѣсь, дѣйствительно, мы увидѣли не мало грамотъ, автографовъ и вообще рѣдкихъ документовъ и болѣе или менѣе заслуживающихъ вниманіе рукописей. Всѣ они поступили сюда не ранѣе 1870 года, съ какого времени И. А. пристрастился къ этому дѣлу. Въ описаніи обозначено за какую цѣну куплена та или другая рукопись; покупки произведены преимущественно въ Москвѣ и лишь частью въ Ярославлѣ. Нѣкоторые изъ мавускриптовъ приобрѣтены у извѣстныхъ собирателей С. Большакова и П. В. Хлѣбникова. Рукописи относятся къ XVIII, XVII и даже XVI вѣкамъ; есть такія, покупная цѣна которыхъ доходитъ до 1500 руб. за штуку, большинство же книгъ куплены отъ 3 и 5 р. до 10, 15, 50 руб. и болѣе. Въ ряду книгъ св. писанія — слѣдую описанію, — мы обозрѣли (№ 1) Библию XVI—XVII вв. съ двумя стами пятьдесятью пятью раскрашенными картинками, очень интересными, какъ образцы рисовальнаго искусства нашихъ предковъ;—Евангеліе (№ 11);—весьма изящнаго письма Апокалипсисъ (№ 14) толковый съ 75 раскрашенными картинками;—Псалтырь (№ 15), замѣчательно микроскопическими буквами написанный и съ изображеніемъ псалмопѣвца, рукопись, по объясненію каталога, чрезвычайно рѣдкая.

Въ ряду богослужебныхъ книгъ И. А. указалъ намъ на Святцы (№ 35)—XVII вѣка съ краткими данными о жизни святыхъ, между другими и ростовскихъ; Синодикъ (№ 39) XVIII вѣка, съ хорошими гравюрами, заключающій въ себѣ свѣдѣнія о многихъ родахъ боярскихъ, каковы: Волинскіе, кн. Гагарины, Голицыны; Вибиковы, Бречетниковы, также о родахъ московскихъ именитыхъ купцовъ и пр.; Святцы (№ 42) красиваго поморскаго письма XVIII вѣка, пергаментная рукопись; много житій святыхъ, между прочимъ житіе свв. Зосимы и Савватія (№ 71) съ 229 лицевыми изображеніями—отличнаго письма; эта рукопись послѣ того, какъ я посѣтилъ И. А. Вахромѣева, кажется, уже имъ издана. Рукопись эта куплена вышѣшнимъ ея владѣльцемъ у извѣстнаго С. Т. Большакова за 1,500 рублей. Житіе Іоанна Богослова, съ 161 лицевыми изображеніями, и проч. Между сочиненіями богословскаго и богословско-полемическаго характера

описатель рукописей отмѣчаетъ здѣсь два, три особенно рѣдкихъ манускрипта, напр. (№ 112) одно изъ сочиненій митрополита Кіевскаго Петра-Могилы. Имѣется нѣсколько памятниковъ древней письменности изъ области древне-русской литературы, раскола и обличеній. Въ этомъ отдѣлѣ намъ интересно было встрѣтить «Розыскъ о раскольничьей брянской вѣрѣ» (№ 108), извѣстное сочиненіе Дмитрія, митрополита Ростовскаго, съ прибавленіями и значительными разночтеніями противъ печатнаго изданія. Кстати отмѣчу, что въ библиотекѣ пишущаго эти строки имѣется хорошее изданіе «Розыска», именно 1755 г., въ 6. листъ, церковно-славянской печати. Въ одной изъ раскольничьей здѣсь рукописей—мы видѣли рисунокъ Мемнона, расколотучителя, съ двоеперстнымъ сложеніемъ, сожженнаго и почитаемаго раскольниками за святаго; замѣтили мы также въ собраніи г. Вахромѣева нѣсколько списковъ «Лѣтописца келейнаго святителя Дмитрія, Ростовскаго митрополита», нѣкоторые съ разнотченіями и добавленіями противъ печатнаго текста (см. описаніе рукописей №№ 82, 83, 84, 85, 86, 87). Пріятно здѣсь было встрѣтить, между рукописями позднѣйшаго времени (№№ 273—277), совершенно у мѣста почтенный трудъ покойнаго протоіерея о. І. Троицкаго: «Церковно-историческое и статистическое описаніе Ярославской и Ростовской епархій». Въ 1860 и 1861 годахъ, при посѣщеніи нами Ярославля, мы имѣли удовольствіе познакомиться съ этимъ весьма уважаемымъ тогда священникомъ и преподавателемъ Закона Божьяго во всѣхъ главныхъ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Своею любовью къ мѣстной святынѣ и старинѣ и своими историческими знаніями онъ произвелъ на насъ весьма пріятное впечатлѣніе, а книга его, тогда же имъ мнѣ подаренная: «Исторія губернскаго города Ярославля. Ярославль, 1853 г.», весьма долго была почти единственною книгою для желающихъ ознакомиться съ исторіей древняго сего города и нынѣ сдѣлалась довольно рѣдкою; она заслуживала бы (не смотря на свой устарѣлый слогъ) вторичнаго тисненія, напр. для раздачи ея учащимся въ нынѣ многочисленныхъ (какъ пріятно звучитъ это слово!) учебныхъ заведеніяхъ Ярославля ¹⁾.

Съ особымъ любопытствомъ перелистовали мы въ древле-хранилищѣ И. А. Вахромѣева, подъ №№ 258—270, дневникъ Ивана Михайловича Снегирева (род. 1793 г., ум. въ 1868 гг.). Весьма извѣстный въ свое время составитель описаній старины и древностей,

¹⁾ Второй экземпляръ этой книги весьма любезно подарилъ намъ, въ настоящій нашъ пріѣздъ, г. городской голова И. Н. Соболевъ, которому съдѣтельствуемъ признательность за его вниманіе къ намъ при ознакомленіи съ нѣкоторыми городскими учрежденіями, воишь заслуживающими обзорѣнія: городскія богадѣльни, ремесленный пріютъ, больница, домъ умалишенныхъ и проч.

одинъ изъ первыхъ по времени обозрѣвателей лубочныхъ картицъ, изслѣдователей русскихъ пословицъ, поговорокъ, также о праздникахъ и суевѣрїяхъ народныхъ, сотрудникъ «Москвитянина», біографъ митрополита московскаго Платона Левшина; между многими своими трудами Снегиревъ былъ составителемъ описанія наидрагоцѣннѣйшаго, волею и вждивеніемъ императора Николая I напечатаннаго, изданія «Древностей Россійскаго государства», рисунки каковаго изданія выполнены славнымъ профессоромъ археологической живописи Ѳ. Г. Солицевымъ; Снегиревъ до 1836 года былъ профессоромъ Московскаго университета и былъ весьма извѣстенъ во всей грамотной Россіи; во всякомъ случаѣ, онъ не заслуживалъ ни тѣхъ рѣзкихъ нападокъ при жизни, — какіе вызвали его труды отъ людей, правда, гораздо болѣе свѣдущихъ и несравненно болѣе его даровитыхъ, но его же трудамъ много обязанныхъ, ни въ особенности той горькой доли, какая выпала ему, такъ какъ онъ умеръ въ нищетѣ въ С.-Петербургѣ, едвали ни въ домѣ умалишенныхъ, что вызвало тогда много говору въ семьѣ литераторовъ, ученыхъ и журнальныхъ дѣятелей.

Дневникъ И. М. Снегирева относится, съ нѣкоторыми перерывами, къ 1821—1864 гг.; здѣсь 13 томовъ, но онъ далеко не оправдываетъ тѣхъ надеждъ, съ какими приступаешь къ его обозрѣнію: И. М. Снегиревъ при его умѣ, даже извѣстномъ въ свое время остроуміи, при его обширныхъ знакомствахъ въ сферѣ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ—ограничивалъ свои ежедневныя записи нерѣдко такими ничего незначащими мелочами, что просто не вѣришь, что таковыя принадлежать извѣстному въ свое время ученому и писателю. Едвали не самыя интересныя строки изъ этого дневника приведены у Андрея Александровича Титова.

Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

«1823 г. октября 2-го дня... А. Ѳ. Мерзляковъ казалъ мнѣ доконченнаго имъ Тасса, о коемъ я сказала ему: Тассъ, уйди вонъ!.. Условились идти подъ Новинское посмотрѣть прежній монастырь, уничтоженный митрополитомъ Платономъ. Тамъ, говорятъ, погребенъ архіепископъ Леонидъ, задушевный царемъ Иваномъ Васильевичемъ. Новинскимъ названо отъ новинокъ, т. е. холстинь, кои тамъ встарь собирали... Догадывались, не погребенъ ли царевичъ Алексѣй Петровичъ у Константина и Елены, что въ Кремлѣ.

«1834 г. января 9-го. На слова гсударя (Николая I) Ермолову, что онъ теперь въ модѣ у французовъ: платье à Jermoloff тамъ носить,—Ермоловъ отвѣчалъ: «Я всегда былъ игрой моды: поносить, да и бросить...»

«1836 г. апрѣля 15-го. Утромъ былъ у А. С. Пушкина, который обѣщался написать разборъ моихъ пословицъ и меня приглашалъ участвовать въ «Современникѣ», съ платой 150 р. (ассигн.) за листъ; просилъ сообщить ему мои замѣчанія на Игореву пѣснь, кою онъ занимается какъ самороднымъ памятникомъ русской словесности. Со мною прочелъ онъ 3-й листъ русскихъ праздниковъ, кои просилъ для помѣщенія въ своемъ «Современникѣ».

«1843 г. 16-го декабря. Вознесенскаго монастыря дьяконъ П. П. Обуховъ... рассказывалъ, какъ сокрыты были мощи св. царевича Дмитрія за иконостасомъ въ соборной церкви Вознесенскаго монастыря и какъ священникъ передъ смертью своей открылъ брату своему, куда онъ ихъ скрылъ. Другой священникъ Вознесенскаго монастыря, Петръ Ивановъ, крестилъ въ комиссаріатѣ дитя одной полячки, у коей восприемникомъ былъ Наполеонъ...

«1848 г. іюня 9-го. Съ графомъ А. Уваровымъ... ѣздилъ въ Новоспасскій монастырь, гдѣ осматрѣли соборную церковь, ризницу и отыскали портретъ и надгробный камень принцессою Августи Таракановой, въ монашествѣ Досифеи, постриженной въ Ивановскомъ монастырѣ и умершей въ 1810 г., 64-хъ лѣтъ.

«20-го февраля 1855 г. ѣздилъ... въ Чудовъ монастырь, гдѣ читали манифестъ о вступленіи на престолъ Александра II и принимали присягу... Народу было множество... тишина царствовала въ церкви, гдѣ совершалъ мелочливое митрополитъ Филаретъ. По выходѣ пазъ Чудова монастыря, упалъ съ громомъ средней колоколь... проломилъ сводъ и полъ, задавилъ семь человѣкъ. Я думалъ, что изъ пушки стрѣляли. Это что-то знаменательно... Чудное событіе и неожиданное! Что готовить Промыслъ Россіи, которая лишается царя-богатыря въ такихъ обстоятельствахъ, когда ее обложили враги со всѣхъ сторонъ? Конечно, благо.

«1859 г. января 17-го... Ундольскій рассказывалъ о своемъ житіи у князя М. А. Оболенскаго, сколько онъ потерялъ отъ его характера и какъ жестоко и грубо онъ съ нимъ обращался ¹⁾.

«1860 г. марта 27-го... Въ трапезѣ (Ивановскаго монастыря) я осматривала застѣнокъ, гдѣ сидѣла Салтычиха. Это келья длиною аршинъ 9, шириною аршина 4, съ двумя окошками на югъ, за желѣзными рѣшетками...

Къ сожалѣнію, повторяемъ, характерныхъ замѣтокъ немного въ 13 томахъ объемистыхъ дневниковъ И. М. Снегирева; изъ тѣхъ частей, которыхъ здѣсь нѣтъ, было уже сдѣлано извлеченіе покойнымъ библиотекаремъ Публ. библ. въ С.-Петербургѣ Ивановскимъ и издано имъ въ 1871 году. Помянутыя 13 частей рукописи ждутъ еще такого же внимательнаго знатока и труженика, какъ Н. П. Барсуковъ, который представилъ столь искусно выполненное и интересное извлеченіе изъ первыхъ тетрадей дневниковъ М. П. Погодина, въ двухъ вышедшихъ томахъ «Жизнь и труды М. П. Погодина»; — печатать же цѣликомъ «Дневники И. М. Снегирева» едва-ли какое-нибудь изданіе рѣшится, въ виду того, что дневникъ заключаетъ въ себѣ весьма много совершенно неинтересныхъ записей, въ родѣ того, что составитель его былъ у заутрени въ такой-то церкви, у обѣдни — въ такой-то, тамъ-то купилъ шапку, заплатилъ столько-то, а событіе такое, какъ напр. кончина Н. В. Гоголя въ 1852 году, не вызываетъ у Снегирева ничего, кромѣ лаконической отмѣтки, что де былъ въ церкви на отпѣваніи. Тѣмъ не менѣе, «Дневники»

¹⁾ Сравни это показаніе съ нашими замѣтками о томъ же кн. М. А. Оболенскомъ. «Русская Старина», изд. 1889 г., т. LXII, апрѣль, стр. 248.

людей общественныхъ, знавшихъ и видѣвшихъ много, вообще говоря, не могутъ не сохранять въ себѣ интересныя черты; въ позднѣйшее время, 1860—1880 гг., таковыя «Дневники» велись и ведутся многими и рано или поздно выплывутъ на свѣтъ Божій, какъ ихъ ни запрягивай. Къ слову сказать, куда и кто запрягала дневникъ академика Петра Петровича Пекарскаго († въ 1872 г.), въ теченіе многихъ лѣтъ аккуратно вносившаго о видѣнномъ и слышанномъ имъ? Пекарскій, по уму и по положенію въ сферахъ людей науки и литературы, не могъ не слышать многого, да и зналъ что и какъ записать, притомъ 1860-ые годы куда какъ богаты интересными и характерными подробностями въ общественной жизни русскаго общества! Надо надѣяться, что если помянутый дневникъ не вынырнетъ гдѣ либо скоро въ печати, то его, по крайней мѣрѣ, передадутъ въ какое либо столь же солидное хранилище, каково собраніе рукописей И. А. Вахромѣва; благодаря печатному его описанію и доброй готовности владѣльца, собраніе это вполнѣ доступно людямъ, интересующимся прошлымъ.

Обращаясь къ древнимъ рукописямъ собранія И. А. Вахромѣва необходимо сказать, что нѣкоторыя изъ нихъ уже были въ виду ученыхъ специалистовъ при ихъ трудахъ и въ виду ученыхъ обществъ; рукописями пользовались покойный Андрей Ник. Поповъ (изъ собранія котораго и куплены И. А. нѣкоторыя изъ рукописей), Ф. И. Буслаевъ, общество любителей древней письменности въ Спб., исторіи и древностей въ Москвѣ и археографич. комиссія въ Спб. (см. напр. изданную ею писцовую книгу: Ростовъ, рукоп. № 169).

Въ одномъ изъ «Сборниковъ» — собран. XVIII в. (№ 224) находится здѣсь записки Андрея Артамоновича Матвѣева, но другой редакціи, нежели тѣ, которыя были изданы въ 1841 г. Есть также списокъ XVIII в. извѣстной трагедіи Княжнина «Вадимъ Новгородскій», печатные экземпляры которой были публично сожжены по указу Екатерины II въ 1793 г.; въ библиотекѣ ищущаго эти строки есть печатный оттискъ этой трагедіи 1793 г., рѣдкость весьма большая; самый же текстъ трагедіи, съ пропускомъ лишь четырехъ строкъ, былъ цѣликомъ напечатанъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1871 г.

Въ собраніи г. Вахромѣва имѣется нѣсколько интересныхъ сборниковъ старообрядческихъ въ спискахъ XVIII и начала XIX вѣковъ (см. №№ 234—239), нѣсколько сборниковъ съ стихотвореніями, шутками, сатирами начала XIX в., (напр. №№ 250—254), въ числѣ которыхъ есть и не появившія еще на страницы нашихъ историческихъ и историко-литературныхъ журналовъ. Весьма любопытна также имѣющаяся въ собраніи «Записка расходовъ во время бытія

градскаго ярославскаго головы Желудкова съ прочими гражданами» въ 1797 г., въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, на коронованіи императора Павла I въ Москвѣ.

Однако мы совѣмъ засидѣлись въ кабинетѣ у И. А. Вахромѣева, предъ его распахнутымъ великолѣпнымъ шкафомъ съ его рукописями; пожелаемъ дальнѣйшаго роста его древле-хранилицу и отправимся либо чрезъ городской садъ его имени на площади, либо стариннымъ тѣнистымъ бульваромъ, въ палладіумъ высшаго образованія въ Ярославлѣ, въ Демидовскій лицей.

III.

Мы обошли сначала кругомъ зданія лицея; довольно большое оно, но по внѣшнему виду своему ничего въ архитектурномъ отношеніи замѣчательнаго или красиваго не являетъ... Мы вышли на набережную,—предъ нами тянулась красавица Волга. Да, вотъ ужъ впрямь красавица, и ея нагорный берегъ, на которомъ возмостился Ярославль, особенно красивъ. Набережная, обсаженная рядомъ деревъ, вытягивается длиннѣйшею линіею, прямымъ высокимъ зеленѣющимъ скатомъ спускается она къ рѣкѣ, обрамленной съ одной стороны рядомъ красивыхъ домовъ, а съ другой — сельскими ландшафтами, деревнями, церквами. А по рѣкѣ рѣютъ пароходы, да вѣдь какъ ихъ много по сравненію съ тѣмъ, что я видѣлъ здѣсь — всего лишь... 27 лѣтъ тому назадъ, да какіе щеголеватые, куда и дѣлкъ прежнія утлыя паровыя ладьи «Самолета» и парусныя суда разныхъ типовъ и кудрявыхъ наименованій. На одномъ изъ пунктовъ берега я увидалъ новинку,—это станція общества спасанія на водахъ. Захожу въ домикъ, нахожу сторожеваго и весь арсеналь орудій и веревокъ для спасанія погибающихъ. И много доводится спасать? — «Намъ-то? да десятокъ—другой выволочишь изъ воды; особливо когда ледъ станетъ опасенъ, либо и вовсе тронется. Потому нашъ братъ, мужикъ, куда какъ озорливъ! Ему все ни почемъ, особливо какъ онъ выпивши, такъ и лѣзетъ на рѣку. А тутъ гляди —лодчонку перевернетъ льдомъ, онъ и голосить благимъ матомъ»...

Да вотъ поди-жь, чего проще было подумать о такихъ станціяхъ, да организовать такому полезному обществу: шутка-ли—въ одномъ городѣ нѣсколько жизней человѣческихъ спасается ежегодно! и почему бы не возникнуть этому учрежденію ну хоть лѣтъ 50 тому назадъ, такъ нѣтъ, только тамъ доброе и творится, гдѣ духъ живъ

общества; и вотъ встрепенулось наше общество въ 1860 годахъ, вышло изъ апатіи и якобы «охраннаго» застоя 1830—1840-хъ годовъ правительство, а тогда и возникло, между другими, и это—святаго дѣла—общество, и сколько русскихъ людей, и не однихъ лишь «выпившихъ», но и многихъ погибавшихъ трезвыхъ, сохранено для трудовой полезной жизни!

А вотъ гдѣ юноши русскіе вообще и изъ нихъ ярославцы въ особенности должны поминать добромъ одного изъ лучшихъ русскихъ людей, создавшаго себѣ дѣйствительно вѣковѣчный памятникъ. Мы говоримъ о лицѣе и его основателѣ—Павлѣ Григорьевичѣ Демидовѣ.

Возьмите книгу секретаря лицея К. Д. Головщикова. Она вышла въ 1887-мъ году и даетъ интересный очеркъ личности Демидова и заботливо составленную, по архивнымъ источникамъ, исторію основаннаго имъ въ Ярославлѣ училища (1803—1886 гг.).

Ярославскій землевладѣлецъ—Павель Григорьевичъ Демидовъ ¹⁾ род. въ 1738 г. и получилъ основательное образованіе въ Ревелѣ у одного профессора (1748—1751 гг.). Образованіе это было превосходно довершено Демидовымъ въ Германіи, куда его отправилъ отецъ и гдѣ онъ слушалъ лекціи въ Геттингенѣ до 1755 г., затѣмъ въ Фрейбергѣ, послѣ чего Павель Григорьевичъ шесть лѣтъ провелъ въ путешествіи по Европѣ, обогатившемъ молодого человѣка массою серьезныхъ знаній. Какъ шли его занятія, въ чемъ состояли его наблюденія—мы лично въ подробности узнали изъ писемъ его къ отцу. Подлинники этихъ писемъ, томъ и одна связка, были куплены нами еще въ 1870-мъ году для «Русской Старины», но до сихъ поръ мы не удосужились, частью за неимѣніемъ мѣста, напечатать эти документы въ нашемъ изданіи,—между тѣмъ, это несомнѣнно интересный историко-биографическій матеріалъ къ жизнеописанію основателя «училища высшихъ наукъ въ Ярославлѣ».

Одиннадцать лѣтъ провелъ П. Г. Демидовъ за границей и провель съ честью и достоинствомъ любознательнаго, умнаго русскаго человѣка... По возвращеніи въ Россію, въ началѣ 1762 г., онъ не нашель уже въ живыхъ своего заботливаго отца. Значительную часть

¹⁾ Къ изданной нами въ 1873 г. «Русской Родословной книгѣ»—сообщимъ, со словъ г. Головщикова (стр. 3), слѣдующую поправку. Павель Григорьев. Демидовъ былъ сынъ не Григорія Никитича, какъ ошибочно сказано въ упомянутой книгѣ, такъ какъ у него, Григорія, былъ одинъ только сынъ Иванъ Григорьевичъ, убитый Бирономъ, послѣ чего эта вѣтвь Демидовыхъ прекратилась, но былъ сынъ Григорія Акинфиевича, женатаго на Суровцевой, а не Сурмишевой, какъ значится въ нашемъ изданіи «Родосл. книга» (стр. 381—382).

своего громаднѣйшаго наслѣдства Павелъ Григорьевичъ передалъ въ распоряженіе своихъ братьевъ, но и того, что у него осталось, было съ избыткомъ, достаточно, дабы вполне отдаться частью путешествіямъ, частью любимымъ занятіямъ преимущественно въ области натуральной исторіи и минералогіи, а также принять участіе въ дѣятельности современныхъ ему ученыхъ обществъ, поддерживать постоянную переписку со многими европейскими учеными и заботиться объ увеличеніи своихъ лекцій по естествознанію, особенно минераловъ, также медалей, монетъ, художественныхъ рѣдкостей и книгъ, которыя онъ покупалъ во множествѣ. Громадныя бібліотеки его и музей, пожертвованные имъ московскому университету, погибли въ пожарѣ 1812 г. Мы, однако, не намѣрены повторять біографическія о немъ данныя, хорошо сведенныя и въ трудѣ К. Д. Головщикова; къ личности этого Демидова мы еще, вѣроятно, возвратимся на страницахъ «Русской Старины», когда будемъ печатать его неизданныя, принадлежащія намъ, подлинныя его письма... Въ бібліотекѣ лица мы видѣли живописный портретъ просвѣщеннаго его основателя. Лицо вполне интеллигентнаго чело-вѣка, глаза искрятся умомъ, открытый лобъ; лента ордена Владимира I степени, черезъ плечо, по бархатному камзолу.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Павелъ Григорьевичъ, внукъ знаменитаго кузнеца-крестьянина изъ деревни Полщиной (Тульской губ.), Никиты Демидовича Антуфьева, возведеннаго Петромъ Великимъ въ потомственное дворянство, съ придачею фамиліи Демидова, сослужилъ великую службу отечеству основаніемъ въ Ярославлѣ высшаго учебнаго заведенія. Для его содержанія Павелъ Григорьевичъ въ 1803 году назначилъ одну изъ своихъ вотчинъ и тогда же пожертвовалъ 200,000 рублей на университетъ московскій и предназначенныя къ основанію университеты кievскій и тобольскій и 100,000 на университетъ въ Ярославлѣ. «Извѣстно мнѣ, писалъ П. Г. Демидовъ императору Александру Павловичу, сколь великое число немущаго дворянства въ губерніи Ярославской имѣетъ нужду въ такомъ заведеніи, въ которомъ бы оно, съ малыми средствами, могло приобрести всѣ тѣ познанія, кои образуютъ разумъ и сердце»... Демидовъ просилъ государя «назначенную къ открытію въ Ярославлѣ гимназію возвысить въ такое училище, которое бы имѣло одинаковую степень съ университетами и всѣ преимущества онаго, заведя въ немъ плацъ наукъ университетскихъ» ¹⁾.

¹⁾ «Извѣстно, писалъ П. Г. Демидовъ въ мартѣ 1803 г. одному изъ лицъ м—ства нар. просвѣщенія, что я отдаю Романовскую свою вотчину въ пользу назначенной въ Ярославлѣ гимназіи. Но если бы могъ я сдѣлать предложеніе, чтобы, вмѣсто оной, завести въ поманутомъ городѣ университетъ, желалъ бы

На содержаніе всего ученаго и учебнаго персонала именно такого типа заведенія П. Г. Демидовъ отдалъ всего 3,570 душъ своихъ крестьянъ и 100,000 р. денегъ.

Демидовское высшихъ наукъ училище открыто въ Ярославлѣ 29-го апрѣля 1805 г. и еще при жизни основателя число въ немъ ежегодно учившихся возросло отъ 30 до 96 молодыхъ людей, по преимуществу ярославскихъ дворянъ. Въ послѣдующіе годы число это сильно видоизмѣнилось, то упадая до 35 въ 1864 г., то подымаясь, уже въ лицѣ, до 311, въ 1881 году.

Въ библиотекѣ основаннаго имъ училища мы видѣли, кромѣ портрета Демидова, большую золотую медаль, каковая была выбита въ его честь по волѣ Александра I, за благотвореніе наукамъ 1833 г.; эта медаль (съ его изображеніемъ) была торжественно вручена Демидову въ Москвѣ, въ собраніи Правительствующаго сената ¹⁾.

Пожертванія Павла Григорьевича Демидовскому высшихъ наукъ училищу въ Ярославлѣ продолжались до самой кончины Демидова, въ 1821 г. деньгами, землею и книгами; при этомъ онъ постоянно лелѣялъ мысль, что его училище будетъ возведено въ университетъ; жертвуя книги въ библиотечку, онъ терпѣливо собственноручно надписывалъ: «Демидовскому университету». Въ біографіяхъ Павла Григорьевича и въ книгѣ К. Д. Головщикова перечислены громадныя пожертванія Демидова, достойнѣйшаго русскаго дѣятеля, на пользу просвѣщенія его отечества; нельзя здѣсь не указать при этомъ на черту въ высшей степени характерную. Жертвуя десятки, сотни тысячъ рублей на дѣло общественнаго образованія, передавая основаннымъ или имъ поддерживаемымъ разсадникамъ просвѣщенія съ любовью собранныя научныя и художественныя коллекціи, П. Г. Демидовъ личныя потребности своей обыденной жизни ограничивалъ до невѣроятности: такъ, въ послѣдніе годы его жизни на его столъ выходило не болѣе 6—7 рублей въ мѣсяцъ! Онъ умеръ на 83 году отъ рожденія, 1-го іюля 1821 г., и погребенъ въ Москвѣ, въ Спасо-Андроніевскомъ монастырѣ.

я, чтобы сія вотчина осталась тогда въ пользу онаго, къ которой присоединилъ бы я и угодныя свои деревни (2,240 душъ), съ тѣмъ, чтобы доходы съ оныхъ были вѣчно въ пользу онаго, и сверхъ того—100,000 рублей на заведеніе онаго».

¹⁾ Въ библиотекѣ мы видѣли прекрасный—современный Фёдору Григорьевичу Волкову—портретъ этого перваго по времени и замѣчательнаго по таланту русскаго актера, бывшаго, какъ извѣстно, родомъ изъ Ярославля. Портретъ подаренъ лицемъ М. С. Щепкинымъ. Волковъ, что всѣмъ извѣстно, былъ основателемъ русскаго театра, но что онъ былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ въ возведеніи Екаторины II на престолъ—это извѣстно не многимъ.

Демидовскій лицей мы нашли, по случаю ваканціоннаго лѣтняго времени, пустымъ; это не помѣшало намъ, въ сопровожденіи его трудолюбиваго исторіографа, К. Д. Головщикова (секретарь лицея), обойти все зданіе; оно настолько хорошо устроено и такъ обширно, что въ немъ съ большимъ удобствомъ возможно было бы помѣстить не 200 юношей, каковое число воспитывалось въ немъ въ 1887—1888 учебномъ году, но 350 и болѣе человѣкъ ¹⁾! И жаль, что не увеличить числа учащихся. «Если надо помѣстить учащихся, стѣны заведенія должны раздвинуться, сказали при одномъ случаѣ въ Спб. гр. М. Т. Лорисъ-Меликовъ, а тутъ и стѣнъ не приходится раздвигать, стоять лишь возобновить право приѣма воспитанникамъ духовныхъ семинарій, а межъ ними, да и вообще въ средѣ нашего юншества, охотниковъ на высшее образованіе цѣлая лавина; а какъ часто теперь этотъ потокъ не имѣетъ бассейновъ, гдѣ бы остановиться!

Кстати о тѣхъ молодыхъ людяхъ, для которыхъ почему либо загражденъ доступъ въ высшія заведенія, либо которые, нерѣдко выдержавъ поступные экзамены не только въ одномъ, но одновременно въ двухъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, остаются въ столицахъ за порогами этихъ заведеній,—за недостаткомъ въ нихъ помѣщеній. Поразительно грустно положеніе этихъ молодыхъ людей, не менѣе безисходно положеніе другихъ гражданъ нашего отечества,—это молодежь іудейскаго закона. По поводу ихъ мнѣ рассказывали, что именно въ Ярославлѣ, не далѣе какъ въ 1887 году, произошелъ слѣдующій случай. Къ августу мѣсяцу, вмѣсто обычнаго континента юношей въ нѣсколько десятковъ лицъ, вдругъ разомъ явилось отъ 200 до 300 юношей и всѣ — іудейскаго закона. Всѣ эти сыны «іерусалимскихъ дворянъ», какъ шуточно иногда называютъ евреевъ, увидѣли, что въ то время, какъ повсюду въ высшихъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ назначенъ относительно ихъ извѣстный процентъ, Ярославскій лицей — остался свободнымъ отъ такового ограниченія. Начинается пересмотръ документовъ; оказывается, что большая часть прибывшихъ прекрасно кончила курсъ гимназій, при повѣрочныхъ испытаніяхъ отвѣты прекрасны; что тутъ дѣлать? Принять сотню — другую евреевъ значитъ разомъ высшихъ наукъ учебное заведеніе въ коренномъ чисто русскомъ городѣ обратить въ еврейское заведеніе, устроить расадникъ еврейства, и гдѣ же?—въ Ярославлѣ!... дѣло серьезное! Дано знать въ Москву, въ Петербургъ и телеграфъ

¹⁾ Въ 1881 - 1882 гг. было въ лицей 314, а въ 1886—1887 учебномъ году всего лишь 95 студентовъ, вслѣдствіе запрета съ 1885 г. приѣма въ лицей семинаристовъ.

принесъ для евреевъ ограниченіе въ составѣ учащихся въ лицей пятью процентами наличнаго числа студентовъ (въ 1887—1888 году было 16% евреевъ въ лицей). Сотни молодыхъ людей іудейскаго закона—покорно выслушали отказъ въ пріемѣ, взяли свои документы обратно и направились во свояси. Да, слава Богу, Ярославль и его лицей спасены отъ еврейства, и это тѣмъ болѣе важно, что связь лицей съ мѣстнымъ обществомъ, какъ свидѣтельствуеть С. М. Шпилевскій, очень тѣсная; студенты не только живутъ въ обществѣ, но многіе изъ нихъ являются учителями и воспитателями подростяющаго поколѣнія; такимъ образомъ, въ педагогическомъ отношеніи студенты лицей имѣютъ въ Ярославлѣ очень важное общественное значеніе; но вопросъ о сляніи евреевъ путемъ образованія съ прочими гражданами все же остается не рѣшеннымъ. Средство обезвреживанія евреевъ остается все еще не открытымъ. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же рѣшеніе величайшей важности задачи о томъ, какъ сдѣлать русскихъ гражданъ іудейскаго закона, общее количество которыхъ едва ли не семь миліоновъ, такими гражданами нашего отечества, которые, подобно всѣмъ прочимъ многочисленнымъ племенамъ, не только безвредно, но съ пользою для государственной жизни слившимся въ необъятное русское море, могли бы пользоваться, безъ вреда для другихъ, общими для всѣхъ правами, не встрѣчая, между прочимъ, предъ собою запертыхъ дверей въ учебныхъ заведеніяхъ, не видя запретныхъ для жизни и пребыванія сотенъ городовъ російскихъ! И не смотря на то, что надъ рѣшеніемъ этой задачи едва ли не цѣлое столѣтіе ломаютъ головы, а мы чуть ли не въ томъ же положеніи, въ какомъ находились въ 1742 году, когда императрица Елизавета Петровна, въ извѣстной резолюціи своей рѣшительно отрещивалась отъ евреевъ, какъ отъ враговъ Христовыхъ. Но оставимте вопросы, для рѣшенія которыхъ виднo все еще не настало время... Мы въ библиотекѣ Демядовскаго лицей. Она велика, до 14 т. названій въ ней, и она замѣчательно хорошо установлена, описана и вообще каталогизирована. Здѣсь, какъ и во многомъ другомъ въ Ярославлѣ, вспоминается М. Н. Капустинъ, въ теченіе тринадцати лѣтъ (1870—1883 гг.) бывшій директоромъ этого лицей и своею распорядительностью, гуманностью, своимъ прекраснымъ преподаваніемъ и воспитательнымъ тактомъ оставившій самую добрую о себѣ память.

Мы посѣтили его преемника,—нынѣшняго директора лицей, заслуженнаго профессора, извѣстнаго ученаго Сергѣя Михайловича Шпилевскаго. Имъ и его милою, весьма образованною, супругою Анной Николаевной (рожденная Мосолова) мы были приняты самымъ радушнымъ образомъ, какъ только принимаютъ въ нашей доброй,

гостепріимной Россіи... Дай Богъ, чтобы русскіе люди вообще—хотя въ отношеніи гостепріимства—не овѣмечились; между тѣмъ, увы, въ столицахъ, не говоря уже о Петербургѣ-космополитѣ, но даже въ Москвѣ—гостепріимство съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе испаряется ¹⁾.

С. М. Шпилевскій (род. въ 1833 г.)—москвичъ по рожденію и воспитанію, питомецъ 1-й Москов. гимназій и Московскаго университета, въ которомъ его кандидатская диссертация увѣнчана золотою медалью въ 1856 г. Въ слѣдующемъ году онъ уже примкнулъ къ одному изъ благороднѣйшихъ литературныхъ кружковъ, который когда либо у насъ существовалъ: я говорю о кружкѣ братьевъ Аксаковыхъ, причемъ С. М. является издателемъ-редакторомъ газеты «Молва». Въ 1861 г. Шпилевскій назначенъ адъюнктомъ въ Казанскій университетъ, гдѣ и прослужилъ двадцать четыре года (до 1885 года), получивъ въ то же время ученныя степени въ Московскомъ университетѣ, гдѣ въ 1870 г. онъ защитилъ свою диссертацию: «Семейная власть у древнихъ славянъ и германцевъ»,—на доктора государственнаго права. Каедрою Сергія Михайловича въ Казанскомъ университетѣ была исторія русскаго права.

С. М. Шпилевскій былъ однимъ изъ самыхъ неутомимыхъ тружениковъ въ Казани; онъ служилъ наукѣ, служилъ и публицистикѣ, являясь то редакторомъ, то даже и издателемъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ органовъ, причемъ весьма много сдѣлано имъ въ области изученія исторіи и этнографіи инородческой Казанской области. Особенно крупными результатами такового изученія было нѣсколько трудовъ. изъ которыхъ нѣкоторые навсегда останутся важными вкладами въ науку; къ числу таковыхъ принадлежитъ его изслѣдованіе: «Древніе города и другіе памятники булгарскіе въ Казанской губерніи», изд. 1877 г. Этотъ превосходный трудъ былъ удостоенъ отъ Императорскихъ: Академіи Наукъ—преміи графа Уварова, а отъ Археологи-

¹⁾ Какъ курьезъ приведу показаніе одного близкаго пріятели о томъ, что въ одинъ изъ дней временнаго пребыванія въ Москвѣ посѣтилъ онъ, отъ 12 до 8 часовъ пополудни, восемь самыхъ, повидимому, добрыхъ знакомыхъ, изъ которыхъ нѣкоторыхъ даже доводилось ему принимать и угощать у себя въ Спб., и ни у одного не получилъ онъ приглашенія отвѣдать запросто хлѣба-соли. Между тѣмъ, въ пятидесятыхъ гг.,—когда онъ провелъ одну зиму въ той же Москвѣ, юнымъ офицеромъ гвардіи, случалось ему чуть не на огонекъ входить въ домъ, гдѣ только надѣялся онъ встрѣтить одного изъ офицеровъ гвардіи, также гостя, то этотъ гость, нерѣдко полузнакомый съ хозяевами, рекомендовалъ вошедшаго, и москвичи того времени съ величайшимъ радушіемъ принимали гостя.

ческаго Общества—большой золотой медали. С. М. Шпилевскому принадлежит заслуга одного изъ главнѣйшихъ устроителей археологическихъ съѣздовъ въ Казани, а потомъ, именно въ 1887 году, въ Ярославль. Въ Казани, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, С. М. былъ предсѣдателемъ мѣстнаго «Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи», въ трудахъ каковаго Общества Сергѣй Михайловичъ — принималъ большое и притомъ вполне безмездное участіе. Съ 1885 г. перемѣщенный изъ Казани на постъ директора Демидовскаго Юридическаго лицея, Сергѣй Михайловичъ приобрѣлъ себѣ, какъ мы слышали отъ многихъ лицъ въ Ярославль, всеобщее уваженіе какъ отъ своихъ со товарищей по службѣ въ лицей, которые живутъ въ полнѣйшемъ содружествѣ, чуждые интригъ и пререканій, столь обычныхъ въ провинціальной глуши, такъ и отъ учащейся молодежи...

Кстати о послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ въ Ярославль; здѣсь съ особеннымъ уваженіемъ отзываются о просвѣщенной энергіи распорядительницы бывшаго здѣсь съѣзда графини Уваровой и о ея высокихъ познаніяхъ въ наукѣ археологіи, занятія которою наполняютъ всю жизнь этой замѣчательной женщины...

Обращаясь однако къ лицей, въ стѣнахъ котораго мы теперь находимся, приведу нѣсколько, хотя совершенно отрывочныхъ, данныхъ объ этомъ заведеніи, желающихся-же ознакомиться со всѣми подробностями его исторіи и современнаго состоянія отсылаемъ къ труду о немъ секретаря лицея К. Д. Головщикова и къ «Лѣтописи» этого лицея, въ концѣ каждаго учебнаго года издаваемой съ 1875 года. Первыми студентами лицея были присланные въ него, въ 1804 году, по распоряженію начальства, пять молодыхъ людей изъ Москвы, обучавшихся тамъ въ университетской гимназій. Читеніе лекцій, начавшееся въ августѣ 1804 г., шло на латинскомъ языкѣ. На 5 профессоровъ было 5 слушателей. Грандіозное предпріятіе—основаніе въ Ярославль высшей школы, равнявшейся университету, какъ бы оказывалось явленіемъ преждевременнымъ: воспитанниковъ для школы доводилось искать, выписывать. Любопытно, что такъ какъ существованіе заведенія обезпечивалось частью процентами съ капитала, пожертвованнаго Демидовымъ, а другая часть дохода состояла изъ получавшагося оброка (по 5 руб. ассигн. съ души) съ крестьянъ приписанныхъ къ лицейю вотчинъ, то управленіе этими крестьянами ввѣрено было директору ярославскихъ училищъ, онъ же былъ директоромъ высшаго училища, такъ что въ вакаціонное время профессора ѣздили, какъ помѣщики, въ Демидовскія вотчины, для собиранія оброка и для управленія; съ 1819 г. оброкъ увеличенъ до 10 р. асс. съ души, которыхъ было по ревизіи за лицеемъ—3,620 душъ мужскаго пола.

Въ періодъ 1805—1833 годовъ въ Демидовскомъ училищѣ бывало 729 воспитанниковъ изъ 26 губерній, большинство ихъ было изъ Ярославской. Изъ 729-ти 327 юношей окончили за это время курсъ наукъ. Съ 1 января 1834 года было введено первое существенное преобразование этого училища: оно переименовано въ лицей, и поставлено въ вѣдѣніе московскаго университета; существовавшій при училищѣ пансіонъ отчисленъ къ ярославской гимназіи; при преподаваніи вмѣнено было въ обязанность обращать особенное вниманіе на науки юридическія и камеральныя, прочія считать второстепенными. Въ прежнее время поступленіе въ Ярославское «высшихъ наукъ училище» не было обусловлено требованіемъ прохожденія полнаго курса средне-учебныхъ заведеній, но съ 1834 года въ него могли поступать только прошедшіе гимназію или доказавшія свои свѣдѣнія въ предметахъ, преподаваемыхъ въ гимназіяхъ. Права выпускныхъ сравнены съ правами студентовъ университета на чинъ XIV класса или военный офицерскій чинъ; на иждивеніи лица содержалось 40 студентовъ. Съ 1 января 1847 года лицей получилъ новый уставъ, по силѣ котораго главною цѣлью этого заведенія сдѣлалось «распространеніе основательныхъ свѣдѣній по части камеральныхъ наукъ въ связи съ отечественнымъ законовѣдѣніемъ», но преподавалось въ лицей наукъ множество, такъ что при нестротѣ состава естественно-историческихъ, технологическихъ, сельско-хозяйственныхъ, юридическихъ и филологическихъ наукъ являлась, по замѣчанію историка лица, широкая, но только мелкая полуобразованность, — тѣмъ болѣе, что всю массу наукъ, соотвѣтствовавшихъ юридическому факультету университета, да еще съ прибавкой наукъ камеральныхъ, доводилось студенту Демидовскаго лица проходить въ 3 года, вмѣсто 4-хъ лѣтънаго университетскаго курса.

Профессора получали въ тотъ періодъ бытія этого заведенія довольно скудное жалованье, всего съ небольшимъ 856 руб 78 коп. въ годъ, что, конечно, не могло служить приманкою, а потому, и по нѣкоторымъ другимъ причинамъ, на службу въ Ярославль смотрѣли какъ на переходную ступень; было, однако, здѣсь и тогда нѣсколько хорошихъ профессоровъ, между таковыми былъ профессоръ Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій (уроженецъ Тулы, род. въ 1824 г.), впоследствии прославившійся, какъ замѣчательный педагогъ, своими теоретическими сочиненіями по педагогикѣ и въ высшей степени полезными книгами для дѣтей и юношества въ области изученія языка отечественнаго («Родное Слово», «Дѣтскій Миръ»). Ушинскій, по выходѣ въ 1844 году изъ московскаго университета кандидатомъ, занималъ въ Ярославль по 1850 годъ кафедру энциклопедическаго

законовѣдѣнія, государственныхъ законовъ и учреждений, законовъ казеннаго управленія и финансовъ. По свидѣтельству бывшихъ въ лицей слушателей, Ушинскій превосходно и увлекательно излагалъ свои лекціи.

Въ 1863 г. лицей одесскій преобразованъ въ полный университетъ, затѣмъ нѣжинскій — въ институтъ историко-филологическій, ярославскій же гр. Д. А. Толстой, посѣтившій его въ 1866 году, рѣшилъ преобразовать въ факультетъ юридическій, что онъ и исполнилъ. Явился лицей съ 12 кафедрами для 18 предметовъ, при четырехъ-лѣтнемъ курсѣ, на основаніи Высочайше утвержденнаго 3-го іюля 1868 г. устава «Демидовскаго юридическаго лицея»; въ лицей кончившіе курсъ, по одобреніи ихъ диссертаций, получаютъ званіе кандидата.

Лицей былъ открытъ на основаніи новаго устава 30-го августа 1870 г., и гр. Д. А. Толстой, открывая его лично, могъ совершенно справедливо сказать слѣдующія, между прочимъ, слова:

— «Никогда лицей, даже при жизни П. Г. Демидова, не соотвѣтствовалъ въ такой степени его намѣреніямъ, какъ это будетъ при новомъ его устройствѣ, и я скажу его словами: училище будетъ имѣть отнынѣ одинаковую степень съ университетомъ и все преимущества онаго, въ немъ заведенъ классъ наукъ университетскихъ. При составленіи предположенія о преобразованіи лицея, министерство народнаго просвѣщенія имѣло постоянно въ виду волю жертвователя, и оно исполнило ее вполне».

Но если лицей быстро занялъ вполне подобающее ему мѣсто въ ряду лучшихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Россіи и привлекъ къ себѣ вполне хорошихъ профессоровъ, изъ которыхъ нѣкоторые составили себѣ извѣстность отличными учеными трудами, то этимъ онъ очень много обязанъ удачному назначенію на постъ его директоромъ весьма достойныхъ лицъ, каковы: ординарный профессоръ московскаго университета М. Н. Капустинъ (1870—1883 гг.) и съ 7-го іюня 1885 года,—заслуженный орд. проф. казанскаго университета С. М. Шпилевскій. На долю г. Капустина выпала задача окончательнаго устройства лицея, въ качествѣ юридическаго факультета, и онъ выполнилъ эту задачу съ замѣчательною энергіею. Онъ сгруппировать около себя молодыя ученые силы и поставить преподаваніе въ лицей на уровень современныхъ требованій. Результатъ личныхъ трудовъ его по созданію лицейской библіотеки мы видѣли: это громаднѣйшее книгохранилище размѣщено замѣчательно искусно, ни одинъ вершокъ мѣста въ шкапахъ не остался празднымъ; библіотека имѣеть превосходно составленные каталоги, такъ что быстрое отыс-

каніе книги облегчено до чрезвычайности. О томъ, какъ рачительно заботился о библіотекѣ М. Н. Капустинъ,—и эти заботы продолжаются и понынѣ,—можно видѣть изъ того, что только въ шестнадцать лѣтъ, съ 1870 г., лицеемъ приобретено книгъ слишкомъ на 88,000 руб. Библиотека имѣетъ 14,000 названій и особенно, конечно, богатъ отдѣлъ юридическихъ книгъ, между которыми имѣются не поступившіе въ продажу законодательные проекты—большое собраніе таковыхъ книгъ и брошюръ. При лицей М. Н. Капустинимъ основано попечительство о недостаточныхъ студентахъ, въ которое онъ одновременно лично внесъ 2,000 руб. и съумѣлъ привлечь прочихъ жертвователей, такъ что это попечительство уже къ 1887 году имѣло 10,000 руб. капитала и роздало пособій и ссудъ студентамъ болѣе 39,000 р.

Въ августѣ 1870 г., при открытіи Демидовскаго юридическаго лицея, въ него вступило на первый курсъ 90 студентовъ; въ маѣ 1871 г. ихъ было 107, каковое число распредѣлялось по сословіямъ такимъ образомъ: 79 изъ дѣтей духовенства, дворянъ 9, оберъ-офицерскихъ дѣтей—12, мѣщанъ—6, крестьянъ—1. Первая группа, по числу изъ поступившихъ въ лицей молодыхъ людей, были питомцы семинарій, при чемъ изъ одной Ярославской поступило—41. Возможность поступления въ лицей изъ семинарій сдѣлала то, что число воспитывавшихся въ лицей бывало ежегодно значительно, такъ напримѣръ, въ 1881 году, ихъ было 314, но съ 1885 г. таковое разомъ уменьшилось до 131. Дѣло въ томъ, что съ начала 1885—86 учебнаго года поступленіе въ студенты лицея сдѣлалось доступнымъ только имѣющимъ аттестатъ зрѣлости,—другими словами, право поступления въ лицей семинаристовъ было отиѣнено. Нѣкоторые увѣряютъ, что это возвысило въ глазахъ общества представленіе о лицей, какъ о высшемъ учебномъ заведеніи, но это едвали такъ, гораздо вѣрнѣе замѣчаніе иныхъ, что таковая мѣра вообще не должна бы имѣть мѣсто въ нашемъ отечествѣ, въ которомъ еще такъ мало лицъ съ высшимъ образованіемъ. Если въ столицахъ на каждое чиновничье мѣсто является иногда по нѣскольку кандидатовъ съ аттестатами высшихъ учебныхъ заведеній, то далеко не такъ въ провинціяхъ, гдѣ лишь въ большихъ губернскихъ городахъ, и то только въ позднѣйшіе годы, чаще стали встрѣчаться на службѣ и въ обществѣ лица съ высшимъ образованіемъ; во всѣхъ прочихъ сотняхъ городовъ Россійской имперіи, въ необъятной шире которой раскинуты селенія и помѣстья, питомцевъ университетовъ нѣтъ; городскія и земскія учрежденія—все еще переполнены недорослями, либо питомцами уѣздныхъ училищъ и низшихъ классовъ кадетскихъ корпусовъ, и на «универ-

ситетскаго» въ рядахъ членовъ управы указываютъ какъ на большое исключеніе. Не могу забыть, что въ Саратовѣ, напр., при первыхъ же распросахъ моихъ о составѣ городского управленія, мнѣ разъ десять повторили разныя лица, что у нихъ замѣститель городского головы лицо, кончившее курсъ въ университетѣ, такъ что я даже невольно пошелъ на него посмотреть... и дѣйствительно встрѣтилъ образованнаго городского дѣятеля. А это еще въ Саратовѣ, въ главномъ городѣ всей восточной Россіи! Итакъ, казалось бы, не у насъ жаловаться на излишество молодыхъ людей съ высшимъ образованіемъ и въ этихъ видахъ искусственно уменьшать число питомцевъ такихъ заведеній, какъ Демидовскій юридическій лицей; духовныя семинаріи, при хорошемъ нынѣ въ нихъ преподаваніи (по сравненію съ прошедшимъ временемъ) и вообще хорошемъ ихъ устройствѣ, даютъ прекрасныхъ молодыхъ людей, любящихъ науку и отлично подготовленныхъ. А такъ такъ духовныя академіи могутъ принять изъ нихъ лишь весьма малую часть, жѣсть же священническихъ оказывается также немного вакантныхъ, то казалось бы и слѣдовало молодежи идти въ университеты и другіе разсадники высшихъ знаній. По свидѣтельству М. П. Капустина, слова котораго приведены историкомъ лицей,—молодые люди, воспитывавшіеся въ Демидовскомъ лицей въ 1870-хъ годахъ, т. е. когда значительное большинство ихъ, какъ мы видѣли выше, были питомцы духовныхъ семинарій, были «вполнѣ способные люди, съ любовью относившіеся къ своему дѣлу и хорошо приготовленные предшествовавшею школою къ труду».

Итакъ, самый существенный недостатокъ въ настоящее время Демидовскаго лицей это то, что онъ даетъ высшее образованіе едва лишь половинѣ того числа молодыхъ людей, каковое онъ могъ бы ежегодно воспитывать, на пользу и славу Россіи, въ своихъ обширныхъ, свѣтлыхъ, прекрасныхъ аудиторіяхъ и при посредствѣ профессоровъ, въ числѣ которыхъ чаще и чаще встрѣчаются люди, своими учеными трудами пріобрѣвшіе вполнѣ заслуженную извѣстность ¹⁾. Я пересмотрѣлъ, напр., «Временникъ Демидовскаго юридическаго

¹⁾ Интересна слѣдующая справка: изъ 61 студентавъ перваго пріема Демидовскаго юридическаго лицей, окончившихъ въ немъ полный курсъ наукъ въ 1874 г., въ 1886 году состояло: товарищами прокуроровъ—10, судебн. слѣдователями—19, мировыми судьями—5, въ учебн. службѣ—2, на административной—5, присяжн. повѣренными—1, іеромонахомъ—1, умерло—5, о 13 не было свѣдѣній. Итакъ, провинціальное высшее учебное заведеніе съ перваго же въ него пріема дадо отечеству отличную группу полезныхъ служилыхъ людей; казалось-бы, въ виду таковыхъ данныхъ, двери въ лицей должно-бы распахнуть сколь можно пошире.

лицея», повременный сборникъ, издаваемый лицеемъ съ 1872 года; его вышло уже сорокъ семь объемистыхъ томовъ—и сколько въ нихъ отличныхъ монографій, поистинѣ являющихся цѣнными вкладами въ нашу все еще не обширную область юридическихъ и историко-юридическихъ знаній; въ этомъ же сборникѣ введенъ С. М. Шпилевскимъ весьма важный отдѣлъ юридической библиографіи ¹⁾).

Всего съ 1805 по 1886 г. окончившихъ курсъ наукъ въ этомъ высшемъ учебномъ заведеніи, созданномъ средствами и доброю волею русскаго человѣка, внука крестьянина, П. Г. Демидовымъ—было 1,370 лицъ; конечно, столько же завершили образованіе, перейдя изъ него въ другіе университеты, либо и такъ поступивъ въ практическую жизнь; эти послѣдніе вынесли изъ Демидовскаго расадника знаній, хотя и не окончательное, но все-же такое образованіе, которое содѣлало ихъ полезными отечеству гражданами ²⁾).

Выйдя изъ лицея на набережную Волги и вдыхая чудный съ рѣки воздухъ, я невольно подумалъ: и что за прелесть и наслажденіе учиться здѣсь, въ виду этой красавицы рѣки, подъ тѣнью этихъ вѣтвистыхъ липъ, гуляя по этой набережной или въ этомъ чистомъ, спокойномъ городѣ... Вотъ въ какихъ городахъ должны бы быть наши высшія учебныя заведенія, а не жаться всё въ столицахъ, да еще въ такомъ злодѣйскомъ климатѣ, каковъ петербургскій... Только въ коренныхъ русскихъ городахъ, среди чисто-русскаго смышленнаго и добраго народа, внѣ пустыхъ развлеченій столичнаго общества, въ которыя вовлекается молодежь, только бы и быть нашимъ расадникамъ высшаго образованія, и намъ кажется, никакія бредни, никакой сумбуръ не буторажили бы здѣсь горячія молодая головы, да и сами профессора были бы здѣсь болѣе сердечны въ ихъ отношеніяхъ

¹⁾ Сборникъ печатается въ количествѣ 200 экземпляровъ; съ особымъ интересомъ читаются въ немъ нѣкоторыя монографіи гг. Борзенко, Владимірскаго-Буданова, К. Д. Головщикова, Дяткина, Дювернуа, Исаева, Капустина, Нелидова, Суворова, Тарасова, князя Трубецкаго.

²⁾ Привожу любопытную справку изъ ямбющагося у насъ отчета Демидовскаго лицея за 1887—1888-й учебный годъ о томъ, какое общественное положеніе занимаютъ его питомцы со времени перваго выпуска 1874-го года. Въ этомъ отчетѣ напечатаны списки выпускныхъ съ отмѣтками гдѣ и какое мѣсто занимаетъ бывшій питомецъ Демидовскаго лицея (1874—1888 гг.); оказывается: изъ 555 лицъ—о 147 нѣтъ свѣдѣній, —21 умерло, торговлей занимается—1, іеромонахъ-миссіонеръ въ Китаѣ—1, чиновниковъ—49, учителей и профессоровъ—14, присяжныхъ повѣренныхъ—33, судей, слѣдователей и секретарей судовъ и ихъ помощниковъ—216, прокуроровъ и ихъ товарищей—18, судей—33. Въ 1888-мъ году 30 августа выпущено лицеемъ кончившихъ въ немъ курсъ—22 студента.

къ молодежи... ¹⁾. Да, но, помиловать, говорятъ, развѣ возможно соединить въ провинціальныхъ городахъ необходимыя научныя пособия, имѣть музей... А почему-же и не имѣть? Вотъ, посмотрите, никакъ на этой улицѣ, по которой мы проходимъ теперь, находится какой-то музей, или, по крайней мѣрѣ, его зародышъ; зайдемте..

IV.

Это небольшой, но не безынтересный музей естественно-историческаго мѣстнаго общества, музей, основанный по почину и энергіею покойнаго А. С. Петровскаго († 25-го марта 1882 г. въ Ярославлѣ), профессора Демидовскаго лицея. Общество это собирается, хотя, впрочемъ, довольно рѣдко, въ частныя и весьма рѣдко въ общія засѣданія ²⁾; засѣданія имѣютъ, какъ видно изъ отчетовъ, характеръ бесѣдъ членовъ, которые «дѣлаютъ различныя сообщенія своихъ наблюденій по изслѣдованію мѣстной природы, а также вообще по естествовѣдѣнію». Общество заботливо поддерживаетъ свой Музей, пополняетъ его коллекція и вообще, надо отдать ему справедливость, содержитъ его въ порядкѣ. Въ нашихъ глазахъ особенный интересъ этого музея составляетъ именно то, что онъ имѣетъ положительно, кажется, всѣхъ представителей изъ звѣрей, птицъ, рыбъ, обитающихъ въ Ярославскомъ краѣ, и большія коллекція также мѣстныхъ насѣкомыхъ; такимъ образомъ, это не складъ даренныхъ и купленныхъ чучель изъ столичныхъ музеевъ—разныхъ дублетовъ, нерѣдко плоскихъ, и такихъ животныхъ, которыя водятся лишь въ отдаленныхъ странахъ; конечно, и таковыя необходимы, но все-таки въ мѣстныхъ естественно-историческихъ музеяхъ—мѣстная фауна, флора и минералы должны имѣть первенствующее значеніе—и это хорошо достигается Ярославскимъ музеемъ, такъ что каждый туристъ, знакомящійся съ краемъ, обязательно долженъ его посѣтить. Съ любопытствомъ видѣлъ я здѣсь чучела совъ, никакъ не предполагая, что они въ этомъ краѣ могутъ имѣть столь значительное число разновидностей

¹⁾ Достоинно вниманія, что когда въ 1887 г. происходили беспорядки въ высшихъ заведеніяхъ столицъ, въ Демидовскомъ лицѣ въ Ярославлѣ была тишина полная, молодежь училась и вела себя примѣрно. См. отчетъ лицея за 1887—1888 учебный годъ.

²⁾ Такъ, въ два года, 1885 и 1886 гг., оно имѣло двѣнадцать засѣданій частныхъ и лишь четыре общихъ. Всего состоящихъ и «числящихся» въ Обществѣ членовъ въ 1887 г. было 67.

(неясны, каменная сова и проч.); интересны экземпляры кротовъ, разныхъ гадъ земноводныхъ; отличный гербарій мѣстныхъ растений; чучело выхухоли, пойманной на озерѣ села Великаго, Ярославскаго уѣзда; отличные экземпляры барсуковъ, рысей (Ростов. и Борисоглебскіе уѣзды); рыбы, раки, изъ которыхъ волжскіе имѣютъ замѣтныя отличія величиною и цвѣтомъ отъ раковъ прочихъ рѣкъ; однихъ птицъ Ярославскій край, судя по его музею, имѣетъ до 300 разновидностей; тутъ же вы можете видѣть чучело козули (дикая коза) изъ Даниловскаго уѣзда, образцы отличнаго торфа (Рыбинск. уѣзда), желѣзной руды (Ярославскаго уѣзда, коллекція Глаголева)...

Но я боюсь пересчитывать видѣнные и заинтересовавшіе меня экземпляры, такъ какъ, быть можетъ, пропущу именно то, что заслуживаетъ особеннаго вниманія, но я не имѣю указателя (онъ, кажется, и не напечатанъ).

Годовой приходъ и расходъ суммъ общества около 340 руб.; въ статьяхъ прихода пріятно видѣть ежегодное пособіе отъ губернскаго земства, впрочемъ, слишкомъ скромное, всего 150 р., а это жалъ: при большемъ пособіи могли бы производиться изысканія и изслѣдованія естественныхъ богатствъ губерніи, напр., почвы и ея содержанія; результаты таковыхъ розысканій, рано или поздно, принесли бы громадную пользу мѣстному хозяйству и вообще производительности края, а слѣдовательно, земство сторицею окупило бы свои расходы по поддержкѣ естественно-историческаго музея и ученыхъ изысканій его сочленовъ. Ну, спасибо и на маломъ, только бы не замерло совсѣмъ это общество, да не источила бы моль ея научныя коллекціи, а то вѣдь и это можетъ случиться, — чего на Руси ни бывало!

У.

Ярославль не имѣетъ еще (1888 г.) «Губернской ученой архивной комиссіи». Сосѣдство ли близкое съ Ростовомъ Великимъ, музей котораго имѣетъ въ составѣ своихъ сочленовъ многихъ ярославцевъ, только Ярославль позапоздалъ учрежденіемъ ученой архивной комиссіи. Между тѣмъ въ немъ имѣются всѣ элементы для ея основанія и прежде всего довольно много лицъ, трудящихся для науки или ею интересующихся ¹⁾. Что касается до архивовъ, то изъ нихъ пишушій эти строки познакомился со слѣдующими:

¹⁾ Въ 1889 г. мы прочли въ газетахъ извѣстіе, что въ Ярославлѣ, съ разрѣшенія г. министра внутр. дѣлъ, открывается ученая архивная комиссія. Въ ея составъ войдутъ всѣ поименованныя въ настоящихъ нашихъ замѣткахъ

Архивъ казенной палаты—занимаетъ обширное, прекрасное помѣщеніе въ старинномъ, едва ли не екатерининскомъ, корпусѣ казеннаго зданія, въ третьемъ этажѣ. Три палаты, занятыя архивомъ, свѣтлы, подъ сводами, съ желѣзными дверями; палаты такъ велики, что въ одной изъ нихъ 12 оконъ. Мѣста свободнаго много и при уничтоженіи ненужныхъ дѣлъ,—а здѣсь ихъ еще вовсе не разбирали и, если не ошибаемся, управляющій казенной палаты впервые прошелся со мной по архиву ввѣреннаго ему учрежденія,—могло въ архивѣ очиститься еще больше. Вотъ бы и отвести здѣсь одну палату подѣ историческій архивъ долженствующей же, наконецъ, возникнуть Губернской ученой архивной комиссіи.

Что касается до внѣшняго вида архива казенной палаты, то не видно, чтобы онъ вызвалъ до сихъ поръ особенное вниманіе... А жаль, хотя дѣла въ немъ и не восходятъ выше 1770-хъ годовъ, но, конечно, найдется не мало интереснаго; есть небольшая связка столбцовъ и списковъ съ переписныхъ и иныхъ книгъ XVII вѣка.

Архивъ губернскаго правленія помѣщается въ первомъ этажѣ стариннаго каменнаго зданія XVIII вѣка. Въ немъ дѣла не восходятъ выше 1763 г.; дѣла екатерининскаго времени представляютъ лишь, такъ сказать, смѣсь, случайно, отдѣльно уцѣлѣвшія; впрочемъ, во времени намѣстничества въ Ярославлѣ А. П. Мельгунова дѣлъ довольно много и членамъ будущей архивной комиссіи несомнѣнно найдется здѣсь матеріалъ для розысканій, по отношенію къ исторіи Ярославля. Въ этомъ архивѣ—дѣла, признанныя ненужными къ храненію, уничтожаются, такъ что еще въ прошломъ 1887 г. уничтожено до 700 пудовъ (о взысканіи недоимокъ и т. п.). Особенно бережено здѣсь собраніе формулярныхъ о службѣ чиновниковъ списковъ, восходящихъ до 1777 года.

Архивариусъ этихъ главныхъ архивовъ въ каждомъ губернскомъ городѣ обезпеченъ довольно плохимъ содержаніемъ: при казенной палатѣ архивариусъ получаетъ 700 руб., а при губернскомъ правленіи—всего лишь 600 руб., при чемъ первый изъ нихъ не имѣетъ даже помощника, а второй имѣетъ такового при 400 руб. жалованья въ годъ. Въ этомъ отношеніи архивариусы новыхъ архивовъ, именно «сосредоточеннаго архива при окружномъ судѣ», въ каждомъ губернскомъ городѣ поставлены въ гораздо лучшія условія: они получаютъ 1000 руб. въ годъ, что даетъ возможность на этихъ послѣднихъ мѣстахъ имѣть не инвалидовъ и калѣкъ чиновниковъ,

о Ростовѣ и Ярославлѣ лица, а также нѣкоторые другіе мѣстные археологи и учителя.

а людей даже съ образовательнымъ цензомъ, такъ напр. въ числѣ окончившихъ полный курсъ Демидовскаго лица есть два—три лица, которыя занимають, при нѣкоторыхъ окружныхъ судахъ, должности архивариусовъ.

Любезнымъ спутникомъ моимъ при обходѣ архивовъ былъ — молодой чиновникъ особыхъ порученій при начальникѣ губерній *Θ. А. Бычковъ*. Въ немъ, какъ намъ кажется, будущая губернская архивная комиссія въ Ярославлѣ получаетъ трудолюбиваго и свѣдущаго секретаря. Объ этомъ можно думать — потому, что *Θ. А. Бычковъ* весьма любитъ, да и знаетъ, старину; въ его квартирѣ уже теперѣ образовался небольшой музей — предметовъ старины: монеты, уборы, сундучки XVII вѣка, рукописи, столбцы и прочее; въ числѣ этого прочаго не могла намъ не броситься въ глаза чугунная звѣзда, фунтовъ въ 25 вѣсу, съ отлитымъ на ней выпуклыми буквами словомъ: за пьянство. Звѣзда виситъ на цѣпи, прикрѣпленной къ желѣзному ошейнику, который замыкался на шеѣ осужденнаго къ ношенію этой звѣзды. Найдены этотъ характерный предметъ — въ одномъ изъ имѣній Романовскаго уѣзда и, очевидно, былъ въ употребленіи въ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣковъ, какъ одно изъ средствъ бывшихъ помѣщиковъ къ исправленію нравственности ихъ крѣпостныхъ.

За *Θ. А. Бычковымъ* есть немаловажная заслуга: со времени назначенія его редакторомъ «Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», именно съ начала 1887 года, онѣ вполне обосновались и сдѣлались весьма содержательны, именно статьями по археологій, исторіи и этнографіи Ярославскаго края. Мы пересмотрѣли нѣсколько десятковъ номеровъ за послѣдніе мѣсяцы (1887—1888 гг.) и нашли въ нихъ основательное изслѣдованіе извѣстнаго уже ученаго *А. В. Экземплярскаго*: «Ростовскіе владѣтельные князья», сплошь составленное по первоначальнымъ источникамъ, лѣтописямъ и актамъ; — «Ярославль и Ростовъ въ 1666 г.» — весьма интересный документъ, сообщенный *Н. Е. Бранденбургомъ*, заключающій въ себѣ описаніе укрѣпленій, вооруженія и состава населенія обоихъ этихъ городовъ за 222 года тому назадъ; — «Кекинскій лѣтописецъ» (1790—1865 гг.); — «О пѣсняхъ села Иванькова, ярославскаго уѣзда», статья *г. Флоридова*; — «Слѣды татарскаго жительствова въ Романово-Борисоглѣбскомъ уѣздѣ» — весьма обстоятельная статья *свящ. А. Соколова*; — «Село Краснорамень, Ростовскаго уѣзда» — этнографическій очеркъ *С. А. Агриколянскою*; — «Секта странниковъ или бѣгуновъ въ Ярославской губерніи и открытіе этой секты въ 1850 г.»... Но мы не скоро кончимъ, если вздумаемъ пересчитывать всѣ статьи и замѣтки, явившіяся, въ послѣдніе годы, въ неофициальной части Ярославскихъ Губернскихъ

Вѣдомостей, въ которыхъ, впрочемъ, и за прежніе годы, хотя значительно менѣе, но попадаются полезныя для описанія края замѣтки и матеріалы. Что новый редакторъ неофициальной части этихъ вѣдомостей Ѡ. А. Бычковъ смотритъ вполне серьезно и весьма основательно на дѣло, ему порученное, видно, между прочимъ, изъ выработанной имъ и разосланной по губерніи программы вопросовъ, по которымъ онъ приглашаетъ присылать въ «Ярославскія Губернскія Вѣдомости» корреспонденціи и статьи. Эта программа весьма широка и въ ней нѣтъ ни одной подробности, такъ сказать, излишней, но всё клонится къ ознакомленію съ бытомъ губерніи,—вотъ напр. заголовки отдѣловъ программы: А. I. Хозяйственная жизнь населенія уѣзда.—II. Подворное хозяйство.—III. Земледѣліе и огородничество.—IV. Подати и недоимки.—V. Бытъ.—VI. Помѣщичье хозяйство.—VII. Торговля.—VIII. Промышленность.—IX. Кустарная промышленность.—X. Отхожіе промыслы.—B. Религіозная жизнь.—B. Общественная, правственная и бытовая жизнь уѣзда.—Г. Народное образованіе.—Д. Метеорологическій отдѣлъ.—Е. Историческій отдѣлъ.

Каждая изъ этихъ рубрикъ общей программы имѣетъ свои подраздѣленія, въ которыхъ даны указанія что именно просить редакція. Надо знать—какія скромныя средства ассигнуются на изданіе губернскихъ вѣдомостей, надо знать, что и отъ этихъ маленькихъ средствъ требуется еще сохраненіе экономіи для отнесенія на нее и вообще на остатки отъ типографскихъ суммъ нѣкоторыхъ, властью начальника губерніи разрѣшаемыхъ, выдачъ пособій служащимъ въ губернскомъ правленіи,—надо все это принять во вниманіе, чтобы оцѣнить трудъ и усердіе редактора официальнаго органа и его сотрудниковъ.

VI.

При поѣздкахъ по Россіи, какъ и за границей,—всегда слѣдуетъ навѣщать хотя нѣкоторыхъ изъ лицъ, трудящихся въ области науки и литературы. Нынѣ же не то, что было четверть вѣка тому назадъ: тогда, бывало, кромѣ какого-нибудь протопопа, да пожалуй иногда смотрителя уѣзднаго училища въ какомъ нибудь городкѣ, и людей-то не найдешь, которые бы не вполне увязли въ «мелочахъ», дразгахъ и картежномъ развлеченіи мѣстной жизни, теперь же найдешь нерѣдко по нѣсколько человѣкъ не только интересующихся современной наукою, но и трудящихся для нея. О городахъ, подобныхъ Ярославлю, и говорить, конечно, нечего, это прямо—хорошій уголокъ Москвы....

Вотъ, напр., питомецъ московскаго университета, Евгенийъ Ивановичъ Якушкинъ. Ну какъ не зайти, да не засвидѣтельствовать ему самаго искренняго почтенія. — Едвали не четверть вѣка занималъ онъ здѣсь высокой постъ председателя, потомъ управляющаго казенной палатой, былъ однимъ изъ самыхъ искреннихъ, убѣжденныхъ дѣятелей въ духъ реформъ незабвеннаго Государя-Освободителя; занималъ съ честью и достоинствомъ свой постъ и приобрѣлъ всеобщее уваженіе, которое окружаетъ его понынѣ, когда онъ уже живетъ на покой въ отставкѣ и отдаетъ свой досугъ на служеніе наукъ. У него большая бібліотека, въ особенности историческихъ и юридическихъ книгъ. Евгению Ивановичу принадлежитъ большой трудъ. Первый томъ его матеріаловъ къ исторіи обычнаго права вышелъ въ свѣтъ еще въ 1875 году и былъ принятъ людьми науки съ большимъ сочувствіемъ; нынѣ (1888 г.) Е. И. Якушкинъ оканчиваетъ второй томъ своего труда, для чего пересматриваетъ множество изданій и вѣдомостей, съ губернскими включительно, черпая въ нихъ потребный ему матеріалъ.

Сынъ одного изъ умѣйшихъ «декабристовъ», Ивана Дмитріевича Якушкина, Евгенийъ Ивановичъ—родился въ январѣ 1826 года, т. е. когда отецъ его томился въ заключеніи, въ Петропавловской крѣпости, и остался груднымъ младенцемъ на рукахъ матери, когда отецъ отправился въ отдаленную ссылку. Съ молокомъ матери (изъ старинной фамиліи Шереметевыхъ) всосалъ Ев. Ив. благоговѣнное уваженіе къ своему отцу и къ тѣмъ высокимъ идеаламъ (освобожденіе крестьянъ, гласный судъ, свобода печати), которые одушевляли Ивана Дмитріевича и многихъ его сотоварищей. Въ 1853 году Евгенийъ Ивановичъ отправился въ паломничество... его привлекалъ къ себѣ маленькій городокъ въ Сибири, Ялуторовскъ, гдѣ въ братскомъ кружку жили изгнанники, его отецъ и друзья отца—кн. Евгенийъ Петровичъ Оболенскій, Ив. Ив. Пущинъ, М. И. Муравьевъ-Апостолъ и др. Годъ прожилъ Евгенийъ Ивановичъ среди старцевъ—годами, но молодыхъ и крѣпкихъ умомъ и одушевленныхъ горячею любовью къ отечеству дѣятелей минувшей эпохи, и тотъ годъ Евгенийъ Ивановичъ считаетъ однимъ изъ счастливейшихъ въ своей жизни. Ев. Ив. Якушкину русская исторія XIX-го вѣка обязана сохраненіемъ и частью сообщеніемъ въ печать (въ сборникѣ «Девятнадцатый вѣкъ», изданномъ въ Москвѣ, въ «Русскомъ Архивѣ» и въ «Русской Старинѣ») драгоценнаго матеріала къ исторіи общественнаго движенія въ Россіи 1815—1825-хъ годовъ. Въ ряду этихъ матеріаловъ особенно замѣчательны превосходныя Записки его отца, Ивана Дмитріевича Якушкина, едва-ли ни самые интересныя и полныя ума мемуары въ ряду записокъ декабристовъ.

Евгеній Ивановичъ владѣеть многими матеріалами и для исторіи XVIII-го вѣка: у него имѣется до 600 столбцовъ, которые онъ, какъ надо надѣяться, передастъ въ Историческій архивъ при Ярославской губернской ученой архивной комиссіи, которая должна же возникнуть въ этомъ городѣ, имѣющемъ нѣсколько усердныхъ въ области старины тружениковъ... Да вотъ одинъ изъ нихъ скророненъ въ глубинѣ газетнаго стола ярославскаго губернскаго правленія — это почтенный Вадимъ Ивановичъ Лѣствицынъ — старѣйшій литераторъ-обыватель въ Ярославлѣ. Ему ужъ седьмой или даже восьмой десятокъ; онъ интересовался стариной и исторіей ярославскаго края тогда, когда нынѣшніе ревнители мѣстной старины гг. Вахромеєвы, Титовы и другіе бѣгали еще въ рубашонкахъ. У Лѣствицына, какъ говоритъ, издавна собрано не мало книгъ, въ числѣ которыхъ имѣются и библиографическія рѣдкости, которыя онъ и бережетъ ревнивымъ окомъ; множество замѣтокъ его разсѣяно въ мѣстномъ органѣ на пространствѣ не одного десятка лѣтъ, и любитъ онъ свой Ярославль до того, что додумался до цѣлаго изслѣдованія, которое и напечаталъ въ 1887 г. на гостепримныхъ столбцахъ «Ярославскихъ Губ. Вѣдомостей» — это «О волжскомъ городѣ Руси». Городъ же этотъ, изволите видѣть, по мнѣнію г. Лѣствицына, непременно долженъ быть никакой другой, какъ тотъ, — который послужилъ основаніемъ Ярославля, созданнаго, какъ извѣстно, мудрымъ княземъ Ярославомъ I. Итакъ, по открытію, сдѣланному В. И. Лѣствицынымъ, «народъ Русь и государство Русь имѣли столицей городъ Русь», городъ же этотъ стоялъ на мѣстѣ нынѣшняго Ярославля ¹⁾, отсюда, понимаете, какая честь принадлежитъ этому мѣсту: оно, и ничто другое — дало объединяющее нашему отечеству и народу, его населяющему, названіе — Русь. Ай да Ярославль, и кто бы могъ думать, что онъ такъ отличился! Заслуга немалая! — Читатель, конечно, улыбнется, читая доводы скромнаго старичка, — небольшого чиновника губернскаго правленія, но и съ этою улыбкою, конечно, отдастъ полную справедливость человѣку, воспитавшемуся на мѣдныхъ деньгахъ, далеко не избалованному фортуною (она и не заглядывала въ его скромное жилище), откладывавшему трудовую копѣйку на покупку книгъ и издавна горячо любившему свой край, свой городъ. А гдѣ имѣются люди, искренно любящіе мѣстную, родную исторію и старину, тамъ исторія отечества должна все болѣе и болѣе получать жизненные элементы къ своему развитію, какъ наука, и расширяться путемъ новыхъ изслѣдованій...

¹⁾ См. «О волжскомъ городѣ Руси», — изслѣдованіе В. Лѣствицына. Ярославль, 1887 г., въ 8 д., стр. 21.

Кромѣ ярославскихъ губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостей Ярославль имѣетъ еще органъ своей земской жизни и дѣятельнымъ редакторомъ ярославскаго «Земскаго Вѣстника» состоитъ — Леонидъ Николаевичъ Трефолевъ. Уроженецъ Ярослав. губерніи (гор. Любима, род. 1839 г.), питомецъ ярославскихъ гимназій и лицей, бывшій затѣмъ чиновникъ губернскаго правленія, онъ съ 1872-го года поступилъ на службу земству роднаго края и съ тѣхъ поръ редактируетъ «Вѣстникъ Ярославскаго Земства». Въ этомъ изданіи масса свѣдѣній о всей дѣятельности и земскомъ хозяйствѣ ярославцевъ. Л. Н. Трефолеву принадлежитъ множество сообщеній и корреспонденцій въ мѣстныхъ и столичныхъ изданіяхъ, статей, касающихся старины и современнаго состоянія края. Это литераторъ-обыватель по профессіи и призванію. Пишетъ же онъ не только въ прозѣ, но и въ стихахъ. Эти послѣдніе, нѣсколько подражательные Некрасову, не лишены достоинства и нѣкоторые изъ нихъ служатъ отголосками тѣхъ гражданскихъ мотивовъ, которые нѣкогда одушевляли русское общество. Въ довольно большой библіотекѣ Л. Н. Трефолева мы, между прочимъ, видѣли весьма рѣдкую книгу:

— «Уединенный Помехонецъ», 1786 г., ежемѣсячное сочиненіе, содержащее въ себѣ разныя извѣстія о достопамятныхъ происшествіяхъ, случившихся въ здѣшней странѣ издревли и нынѣ, благотворительныя и человеколюбивыя дѣянія» и проч.

Такое же изданіе и за 1787 годъ. Оба экземпляра этой весьма рѣдкой книги, изданіе нѣкоего Василя Демьяновича Санковскаго, весьма хорошо сохранились. Мы слышали, что г. Вахромѣевъ предполагаетъ перенздать эту библіографическую диковинку въ томъ самомъ видѣ, буква въ букву, какъ она выходила въ свѣтъ сто лѣтъ тому назадъ, что и будетъ, по нашему мнѣнію, весьма пріятнымъ подаркомъ для любителей старины, въ особенности же для ярославцевъ, которые справедливо могутъ гордиться, что еще при Екатеринѣ II въ ихъ городѣ выходило «ежемѣсячное сочиненіе, содержащее въ себѣ разныя извѣстія...»

Навѣстили мы одного изъ усерднѣйшихъ читателей «Русской Старины», старожила ярославскаго,—это А. М. Достоевскій, родной братъ гениальнаго русскаго писателя Федора Михайловича, вѣдомаго теперь всей читающей Европѣ, и братъ другаго Достоевскаго, почтеннаго издателя-редактора журналовъ «Время» и «Эпоха»—Михаила Михайловича Достоевскаго. Изъ трехъ братьевъ остался въ живыхъ только А. М. и мы наплали въ немъ старика дѣйствительно полнаго жизни, много читающаго, горячо отзывчиваго на все, что занимаетъ

на Руси образованнаго и любящаго отечество челоуѣка. Кое-что изъ интересныхъ воспоминаній А. М. объ авторѣ «Преступленіе и наказаніе» вошло въ біографію его брата Федора Михайловича, изданную его, полной энергіи, вдовой А. Г. Достоевской. Мы застали Андрея Михайловича въ апогеѣ его счастья, выше котораго не можетъ быть для отца: его сынъ, весьма симпатичный юноша, съ которымъ я тутъ же и познакомился, въ эту весну окончилъ курсъ кандидатомъ въ университетѣ...

VII.

Пора бы, однако, и выбраться изъ Ярославля. Всего не извлечешь изъ своихъ записныхъ путевыхъ книжечекъ, хотя бы даже на страницы своего собственнаго изданія «Русская Старина» и къ величайшему удовольствію, если не читателей, то уважаемаго владѣльца типографіи Вас. Степ. Балашова, который почти уже 20 лѣтъ печатаетъ наше изданіе и которому, то есть все тому-же Василю Степановичу, чѣмъ толще наша книга, тѣмъ пріятнѣе... Мы, однако, напишемъ сюда еще, хотя кое-что и весьма отрывочно, изъ того, что находимъ въ путевыхъ своихъ замѣткахъ подъ рубрикой «Ярославль».

Бывшій Спасо-Преображенскій монастырь въ 1788 г. уираздненъ и тогда же обращенъ въ архіерейскій домъ, по случаю перенесенія въ Ярославль архіерейской кафедръ изъ Ростова, гдѣ она была 796 лѣтъ. Въ церквахъ архіерейскаго дома древняя стѣнопись давно исчезла, самая внутренность собора совершенно заново передѣлана и этими, равно другими передѣлками и искаженіями старинны—во всей епархіи особенно прославился архіепископъ Авраамъ (Шумилинъ), занимавшій ярославско-ростовскую кафедру съ 1824 по 1836 г.; по своей ревности, не по разуму, искажать старину онъ долженъ бы быть прозванъ разрушитель; къ счастью еще, что проживъ 83 года, этотъ іерархъ былъ всего лишь 12 лѣтъ епископомъ, а то духъ разрушенія и передѣлки, всецѣло охватывавшій его, стеръ бы съ лица земли въ предѣлахъ его епархіи послѣдніе остатки старинны. Изъ предметовъ старинны въ церквахъ архіерейскаго дома обращаютъ на себя вниманіе иконы письма XVI и XVII вв., которыми благословляли кв. Д. М. Пожарскаго и Минина и другихъ спасителей русскаго царства, во время ихъ похода съ войсками чрезъ Ярославль въ Москву противъ поляковъ; къ этимъ же иконамъ приглядывался и юный царь Михайлъ; цѣль еще и фонарь, который несли въ процессіяхъ того времени. Въ архіерейскихъ покоехъ любопытна икона Богоматери,

съ живописною на ней картиною плана осады Азова и встрѣчи царя Петра патріархомъ Адріаномъ по возвращеніи государя изъ этого похода въ Москву. Не менѣе любопытна здѣсь другая картина—это первый, по времени, на Ярославской кафедрѣ архіепископъ Арсеній (Верецагинъ), 1783—1799 гт., изображенный со всей своею братією, т. е. со служащими при немъ духовными и свѣтскими чинами и цѣлымъ хоромъ пѣвчихъ; эти послѣдніе и секретари его изображены въ красивыхъ французскихъ кафтанахъ, чулкахъ и пудренныхъ парикахъ. Этотъ Верецагинъ былъ большой любитель музъ; отъ его времени сохранилось много стихотвореній печатныхъ и рукописныхъ; писалъ онъ и самъ. Образчики его поэзіи приведены въ его биографіи:

„Голубокъ, о голубокъ, покажи свой голосовъ!
Гдѣ ты въ свѣтѣ побывалъ, сколь счастливо ты леталъ?
Я летать не очень близко, не высоко и не низко,
Леталъ то прямо, то кругомъ; сидѣлъ на мѣстѣ на однокъ.

Такъ судьба велѣла. 2

Голубокъ, о голубокъ, покажи свой голосовъ!
Въ разныхъ будучи странахъ, съ кѣмъ леталъ ты на поляхъ?
Съ галками и съ воробьями, съ соколами и орлами,
Однако, по склонности своей чаще къ стаду голубей

Приставалъ охотно. 2. и проч.

На памяти этого іерарха лежитъ укоризна, что онъ, какъ свидѣтельствуешь мѣстный лѣтописецъ, съ легкимъ сердцемъ сломалъ въ Ярославлѣ двѣ церкви: «Толгскія, что была у собору, вторую Леонтія чудотворца и у прочихъ приходоу ограды на постройку домовъ, казенныхъ и увеселительнаго зрѣлища на косоеу алтара Срѣтенской церкви, что слыветъ «Сиротскій домъ»¹⁾.

Въ числѣ живописныхъ портретовъ архіерейскаго дома намъ бросился въ глаза вполнѣ хорошо исполненный портретъ митрополита Арсенія Мацѣевича, съ поднятою рукою для благословенія.

Хозяинна мы не застали въ его дому: его высокопреосвященство Іонафанъ (Рудневъ), правящій ярославской епархіей (съ 1877 г.), былъ въ отъѣздѣ по своей епархіи. О немъ и его заботахъ объ упроченіи школъ и образованіи въ предѣлахъ Ярославскаго края идетъ

¹⁾ См. очеркъ архимандрита Владиміра: «Столѣтіе архіерейской кафедрѣ въ г. Ярославлѣ». Ярославль, 1888 г., въ 8 д., стр. 46. Въ этой статьѣ помѣщена опись зданій въ Ростовскомъ кремлѣ и имущество вообще ростовскаго и ярославскаго митрополита за время 1691 года. См. также статью А. Титова, по поводу упомянутого столѣтія и объ архіепископѣ Верецагинѣ въ газетѣ «День» 1887 г., № 15, съ снимкомъ съ картины Арсенія Верецагинъ, съ его братією.

слава добрая; особенно его энергіи, трудамъ и пожертвованіямъ обязано своимъ существованіемъ ярославское епархіальное женское училище... Большое спасибо скажется преосвященному іерарху и за то, что онъ вполне сочувствуетъ и, въ мѣрѣ его власти, содѣйствуетъ возстановленію и поддержкѣ старины и святыни, какъ напр., при реставраціи кремля Ростова Великаго. Преосвященный Іонафанъ всѣчески поддерживалъ энергичныхъ мѣстныхъ дѣятелей и устранилъ дразги и извѣты, противъ нихъ возникавшіе.

При посѣщеніи Ярославля необходимо заглянуть въ Народную читальню. Это деревянный, особо выстроенный домъ для народныхъ чтеній съ туманными картинами,—зданіе, сооруженное заботами и иждивеніемъ почетнаго гражданина И. А. Вахромѣева и при нѣкоторомъ участіи мѣстныхъ жителей, въ средѣ которыхъ собрано 1450 р. Начало народныхъ чтеній было положено еще М. Н. Капустинимъ въ стѣнахъ Демидовскаго лицея; въ мартѣ 1883 г. былъ выстроенъ этотъ домъ, въ которомъ можетъ помѣститься до 700 человекъ. Домъ подаренъ, его строителемъ, городу, въ ноябрѣ того же года. До 35 лицъ, преподавателей духовныхъ и свѣтскихъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній, приняли съ того же года участіе въ чтеніяхъ для народа. Входъ на чтенія бесплатный; собирается народу осенью отъ 150 до 300 чел., зимою, послѣ Рождества, отъ 400 до 600. Городъ на содержаніе Читальни отпускаетъ по 300 р. въ годъ. Любопытно, какъ такое учрежденіе все еще стоитъ выше сознанія въ его потребности: въ читальню входъ въ началѣ былъ платный, по 10 и по 3 копѣйки, и тогда едва собиралось всего на одинъ рубль народа; когда же входъ объявленъ былъ бесплатнымъ и выставлена кружка для добровольныхъ пожертвованій, то въ 1888 г. оказалось въ ней всего лишь 1 руб. 68 к. Въ лѣтнее время чтеній не бываетъ. За пять лѣтъ, 1883—1888 гг., было всѣхъ чтеній 302—по 171 брошюрѣ—духовнаго, историческаго и другихъ отдѣловъ.

Разъ мы упомянули объ одномъ изъ расходовъ Ярославской городской Думы, и при томъ столь полезномъ, каково содержаніе народной читальни, заглянемъ въ Роспись городскихъ доходовъ и расходовъ на 1888 г. и остановимся на болѣе интересующихъ насъ ежегодныхъ расходахъ Ярославля.

Доходы города Ярославская Дума высчитала на 1888 г.—177,597 р.

Изъ нихъ на городское общественное управленіе расходуется 28,484 р.; изъ нихъ городскому головѣ 3,000 р., членамъ управы по 1,200 р. каждому, городскому секретарю 2,000 руб., его помощнику—900 р.

Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ губернскихъ городахъ, полиція

поставлена въ довольно близкое и до извѣстной степени въ зависимое положеніе отъ Городскаго общественнаго управленія, что, конечно, весьма полезно для города, такъ какъ единственнымъ хозяиномъ его все-таки долженъ быть самъ городъ, въ лицѣ его представителей, гласныхъ и избранной ими Управы. Зависимость эта выражается тѣмъ, что, ассигнуя пособіе госуд. казначейству на жалованіе полицейскимъ чинамъ и на содержаніе полицейскаго управленія и частей, какъ расходъ обязательный, Дума вноситъ въ свои ежегодныя росписи расходоувъ «добавочное отъ себя жалованье»—полиціймейстеру, напр. въ Ярославлѣ 1,200 р., да тремъ приставамъ—540 р. Отпускъ этихъ денегъ прямо зависитъ отъ усмотрѣнія Думы и таковыя могутъ быть, въ случаѣ недовольства полиціймейстеромъ, не разрѣшены Думою.

Расходы Ярославля на учебныя заведенія состоятъ въ пособіи казнѣ: на содержаніе параллельныхъ отдѣленій въ трехъ классахъ городскаго училища; на преподаваніе курса бухгалтеріи въ томъ же училищѣ; на наемъ учителя чистописанія и рисованія; пособіе женской гимназій, въ которой городъ содержитъ двадцать своихъ стипендіатовъ. Начальныхъ училищъ городъ содержитъ, если не ошибаюсь, шесть, но съ нѣсколькими въ каждомъ изъ нихъ параллельными классами. За исключеніемъ одного—всѣ эти училища помѣщаются въ городскихъ домахъ.

Я посѣтилъ одно изъ сихъ училищъ,—деревянный домъ съ большими свѣтлыми классами и всѣми удобствами. Въ училищахъ нѣсколько параллельныхъ отдѣленій; школа съ четырехлѣтнимъ курсомъ. Во главѣ школы поставлена надзирательница изъ старшихъ учительницъ; жалованье при квартирѣ 240 рублей,—жалованье даже для Ярославля мизерное, но такъ какъ желающихъ поступить на мѣста учительницъ весьма много, то, разумѣется, Дума едва-ли и черезъ 20 лѣтъ додумается, что учительницу надо вознаграждать за ея большой трудъ болѣе соответственнымъ нывѣшней дороговизнѣ жалованіемъ. Все таки здѣсь пріятно то явленіе, что помѣщеніе для школъ въ нарочно выстроенныхъ для того городомъ домахъ и подъ крышей одного дома соединено, такъ сказать, нѣсколько школъ, гдѣ дѣтей учится отъ 150 до 200 и болѣе въ каждомъ такомъ начальномъ училищѣ. Не то мы видимъ въ Петербургѣ, гдѣ до сихъ поръ всѣ 260 городскихъ думскихъ училищъ (за исключеніемъ четырехъ) помѣщаются въ наемныхъ квартирахъ, вмѣщая въ себѣ не болѣе 50 дѣтей въ каждомъ, при чемъ, конечно, квартиры имѣютъ разныя неудобства, неизбежныя потому, что эти квартиры вовсе не предназначались подъ школы.

Изъ благотворительно-учебныхъ учрежденій въ городѣ имѣется

Александровскій пріютъ, въ которомъ призрѣвается 30 городскихъ стипендіатовъ (2,300 р. въ годъ), Ремесленное училище г-жи Соболевой (отъ Думы 1,000 р. въ годъ), Ольгинскій дѣтскій пріютъ съ сиротскимъ при немъ отдѣленіемъ (1,500 руб.). Попечительству о недостаточныхъ студентахъ Демидовскаго юридическаго лица городъ отпускаетъ ежегодно,—сколько бы вы думали?—сто рублей,—иначе сказать, сущій грошъ мѣдный, и это городъ, въ которомъ, по давней традиціи, среди даже купечества, имѣются любители наукъ; впрочемъ, въ смѣтѣ городскихъ расходовъ имѣется еще сумма въ 200 р. ежегоднаго пособія ярославскому Обществу для вспомошествованія учащимся недостаточнаго состоянія... Городу надо бы помнить, что существованіе лица даетъ его купечеству и мѣщанству, не говоря уже о нравственной пользѣ, большія матеріальныя выгоды, оживляя торговлю и промыслы...

По части призрѣнія престарѣлыхъ бѣдныхъ, Ярославль, какъ одинъ изъ коренныхъ русскихъ городовъ, въ которыхъ издревле распространень этотъ родъ благотворенія, имѣетъ очень хорошо устроенныя и довольно обширныя богадѣльни; таковыхъ въ городѣ, кажется, четыре. Мы посѣтили одну изъ нихъ, самую большую, при кладбищѣ, въ сопровожденіи городского головы, и были пріятно изумлены чистотой и возможными удобствами для призрѣнія старости и бѣдности. Подлѣ строится на пожертвованный капиталъ еще домъ для богадѣльни...

Позвольте, благо „Роспись ярославской городской управы“ на 1889 г. лежитъ предъ нами—отмѣтимъ одну изъ ея особенностей; въ числѣ городскихъ расходовъ значится жалованье священно-церковно-служителямъ 13 городскихъ церквей, отъ 28 руб. 60 коп. до 500 руб. въ годъ каждой. Въ числѣ основаній этого расхода имѣется ссылка на жалованную грамоту царя Михаила Федоровича. Эта ссылка напоминаетъ намъ необходимость изъ области городского хозяйства перейти въ область исторіи, какъ болѣе близкой „Русской Старинѣ“, но мы не направимся въ нее—только потому, что нарождающаяся „Ярославская ученая архивная комиссія“, конечно, быстро увеличитъ литературу мѣстной исторіи и археологіи рядомъ новыхъ изслѣдованій. Мы даже не ставемъ (въ ожиданіи трудовъ ея членовъ)—не станемъ разыскивать мѣсто, гдѣ былъ домъ герцога Бирона, хотя это насъ весьма интересуеть. Въ самомъ дѣлѣ,—знаменитый курляндецъ-живодеръ прожилъ въ мирномъ изгнаніи съ своей семьей въ Ярославлѣ—двадцать лѣтъ (1742—1762 гг.). Какъ видно, между прочимъ, изъ письма его къ камергеру М. Л. Воронцову отъ 2 августа 1760 г., домъ, въ которомъ жилъ Биронъ, сгорѣлъ; бывший „регентъ“ Россіи хлопоталъ о скорѣйшемъ восста-

новленіи „прежней квартиры“ на счетъ города; но магистратъ Ярославля отбивался отъ расхода на этотъ предметъ, утверждая, что „строеніе это болѣе издержекъ требуетъ, нежели городъ въ состояніи исправить“ и что Биронъ и безъ того „съ фамилією имѣеть уже хорошую квартиру“, — „здѣсь, въ Ярославлѣ, были подрядчики, писаль герцогъ Биронъ Воронцову, которые обязались все строеніе въ прежнее состояніе привести за 2,000 руб. Я предаю высокому вашего сіятельства разсужденію: можетъ-ли толь небольшая сумма въ тягость быть такому городу, каковъ Ярославль, наипаче, что все строеніе оному же городу остается и ему впредь пригодиться можетъ? Нынѣшняя же квартира моя, въ которой чрезъ нѣсколько лѣтъ никто не жилъ, весьма ветха и такъ сыра, что принуждены почти всякой день на воздухѣ сушить постели наши“... Биронъ, прося о возстановленіи „старой квартиры“, о чемъ уже послѣдовалъ было указъ, заявлялъ, что для таковой постройки ему не понадобится архитекторъ. „Я началъ было уже строить по нуждѣ низкой домъ,—заключаетъ свое просительное письмо нѣкогда гордый распорядитель судебъ всей Россіи,—домъ до крышки,—что здѣшнимъ президентомъ и присовѣтано, и обѣщано заплатить издержки; но по послѣднему сенатскому указу все дѣло стало, и строить не хотятъ. Всевышній да воздасть вамъ сіе благодѣяніе“ ¹⁾....

Письмо Бирона, написанное должно быть по нѣмецки, было въ переводѣ представлено, 22 августа 1760 г., императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, но каково было ея рѣшеніе—неизвѣстно. Вообще о пребываніи Бирона разбросаны въ разныхъ изданіяхъ отрывочныя свѣдѣнія, между прочимъ, въ «Яросл. Губ. Вѣдомостяхъ» 1880 г., № 9: «Свѣдѣнія о Биронѣ», сообщ. И. Рагозинниковъ. Будущей Ярославской ученой архивной комиссіи, въ числѣ многихъ имѣющихся для нея задачъ, слѣдовало бы собрать всѣ свѣдѣнія о пребываніи Бирона въ Ярославлѣ въ одну монографію, приобщивъ къ даннмъ, какія найдутся еще въ архивахъ. Болѣе близкое знакомство съ личностью Бирона, во всякомъ случаѣ, было бы весьма интересно..

Богъ съ нимъ, однако, отправитесь въ Кострому.

М. И. Семевскій.

Примѣчаніе. Отмѣтимъ здѣсь нѣсколько книгъ, относящихся до Ярославля, которыя у насъ подъ рукою и о которыхъ мы не упомянули въ текстѣ нашихъ замѣтокъ.

Г. К. Д. Головинниковъ. Исторія города Ярославля. Посвящ. М. Н. Капустину. Изд. Л. Н. Пастухова. Ярославль, 1889 г., въ 8 д., стр. 279, ц. 1 р. 75 к. Хорошій, довольно полный, компилятивный трудъ по печатнымъ источникамъ.

¹⁾ Этотъ документъ напечатанъ въ «Архивѣ кн. Воронцова», книга XXXIV, стр. 212—213.

Ярославцы приобрѣли въ немъ, между прочимъ, самую подходящую книгу для подарковъ лучшимъ ученикамъ и ученицамъ въ ихъ учебныхъ заведеніяхъ.—II. К. Д. Головщиковъ. Родъ дворянъ Демидовыхъ. Ярославль, 1881 г., въ 8 д., стр. 268+105, съ прилож. родословн. таблицы. Цѣна 2 руб. Почтенный трудъ—по печатнымъ источникамъ; составитель излагаетъ исторію этой фамиліи по кожнымъ и останавливается на болѣе выдающихся ихъ представителяхъ.—III. К. Д. Головщиковъ. Ярославская губернія. Историко-этнографическій очеркъ. Ярославль, 1883 г., стр. 65, ц. 60 к.—IV. А. А. Титовъ. Ярославскій уѣздъ. Съ картой уѣзда. Изд. И. А. Вахромѣева. М. 1884 г., въ м. 8 д., стр. LXII+153+XX. Цѣна 1 руб.—V. Путеводитель по г. Ярославлю, А. Титова; съ планомъ города и родословной князей Ярославскихъ. М. 1883 г.; обѣ книжки, какъ все, что составляетъ г. Титовъ,—дѣльны, многое основано на данныхъ, добытыхъ имъ лично или чрезъ разспросы жителей, а также полученныхъ изъ рукописныхъ нежданыхъ источниковъ.—VI. Путеводитель по Ярославской губерніи, —Ө. Я. Никольскаго. Ярославль, 1859 г.—VII. Историко-статистическій обзоръ Ростовско-Ярославской епархіи, А. Крылова. Ярославль, 1861 г.—VIII. Исслѣдованіе, въ промышленномъ отношеніи, путей сообщенія отъ Вологды къ Ярославлю и Рыбинску,—А. К. Фогеля. Ярославль, 1869 г., въ 8 д., стр. 130.—IX. Домъ приарній близкаго въ Ярославль, 1786—1886 гг., въ 8 д., Ярославль. Состав. А. В. Скуляскій, изд. С. А. Черногорова (по документамъ, собран. и разраб. В. И. Лъствицкимъ), стр. 108.—X. Труды Ярославскаго губернскаго статистическаго комитета. Ярославль, въ 8 д. Предъ нами вышли 2 п 3—изд. 1867 г.; 4-й—1868 г.; 5-й—1869 г. (особенно интересный, въ немъ труды: Люпенко, Е. И. Якушкина, А. Н. Сабанѣва, С. Дерунова); 6-й—1871 г.; 7-й—изд. 1872 г.; 8-й—изд. 1875 г.; выпускъ 9-й—Москва, изд. 1885 г. Этотъ выпускъ—наибольшій по объему—богатъ статистическими свѣдѣніями по Ярославской губерніи (за 1883 г.):—движеніе населенія въ Ярославской губерніи съ 1872 по 1883 г.; тутъ же помѣщенъ весьма хорошо составленный указатель къ неофициальному отдѣлу «Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», 1831—1881 гг., въ 360 стр.—трудъ секретаря статистическаго комитета и ред. сборника М. А. Липинскаго, одного изъ профессоровъ Демидовскаго лицей. Въ виду крайней рѣдкости многихъ Мѣ «Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ,—было бы весьма полезно если бы И. А. Вахромѣевъ не пожалѣлъ сотни три—четыре руб. для изданія особымъ сборникомъ наиболее интересныхъ историческихъ и этнографическихъ матеріаловъ, въ нихъ разсѣянныхъ; судя по «Указателю»—материалы эти весьма немаловажны для изученія старины и быта Ярославскаго края, таковы акты, сообщенные В. И. Лъствицкимъ, Трехтвовымъ, Серебряниковымъ, І. Троицкимъ, Л. Н. Трефоловымъ и друг. Точно также было бы хорошо, если бы продолжилось въ Ярославль изд. истор. матеріаловъ «Ростовская и Ярославск. Старина», два выпуска которыхъ изд. А. А. Титовымъ въ 1888 г. Кстати отмѣтимъ, что въ помѣщеніи Ярославскаго статистическаго комитета мы видѣли большое собраніе архивныхъ документовъ и книгъ XVII—XVIII столѣтій,—вотъ уже готовое собраніе бумагъ для будущаго «Историческаго архива» Ярославской ученой архивной комиссіи.—XI. Холерная эпидемія въ Ярославской губерніи 1830—1872 гг. Ярославль, 1885 г. М. А. Липинскаго, 8 д., 66 стр.—XII. Памяти. книжка Яросл. губ. на 1862 г., Ярославль, 1863 г.—XIII. «Вѣстникъ Яросл. земства». Изд. Яросл. губ. зем. управы. г. Ярославль, 8 д., выходитъ уже 18-й годъ, ежемѣсячно, книгъ подъ ред. Л. Н. Трефолева; здѣсь помѣщаются журн. земск. собр. и всевозможныя свѣдѣнія, относящіяся до дѣятельности земства Яросл. губ.—XIV. Материалы для исторіи города Углича. Л. Н. Трефолева. Ярославль, 1888 г.

Вотъ все, что у насъ подъ рукою, кромѣ книгъ указанныхъ выше въ очеркѣ нашемъ о Ярославлѣ. Вообще теперь областная литература дѣлается все богаче и богаче и пересмотрѣть ее, хотя бы на мѣсть, является уже не малымъ трудомъ; странно, однако, что печатныхъ трудовъ по VII-му археолог. съѣзду, бывшему въ Ярославль, что-то мало видно, а все потому, что, вмѣсто одного сжатаго сборника рефератовъ, безъ чертежей и рисунковъ, редакторы трудовъ вообще по всѣмъ семи археологическимъ съѣздамъ обыкновенно стараются приготовить дорогія изданія, большихъ форматовъ, съ рисунками, а на такковыя фолианты не отыскивается ни денегъ,—ни покупателей.

М. С.

Путевыя записки по Сибири архіепископа Нила. Съ фото-
литографирован. портретомъ автора. Ярославль. 8 д., въ 2
частяхъ, 497 стр. †XIV стр. алфавитнаго указателя.

Книга эта напечатана въ 1874 г., вскорѣ послѣ смерти автора ея, но, по случайнымъ обстоятельствамъ, въ теченіи 15 лѣтъ, изданіе это не поступало въ продажу и книга, такимъ образомъ, оставалась почти никому неизвѣстною. Между тѣмъ, несомнѣнно, посмертное изданіе этого труда преосв. Нила и по содержанію своему, и по имени автора его заслуживаетъ полнаго вниманія. Преосв. Нилъ (въ мѣрѣ Николай Исаковичъ), архіеп. Ярославскій и Ростовскій, — одинъ изъ наиболѣе выдающихся іерарховъ русской церкви. Родившись въ концѣ прошлаго столѣтія и получивъ богословское образованіе сначала въ Могилевской семинаріи, а потомъ въ сиб. духовной академіи, онъ, по окончаніи курса въ академіи, постриженъ былъ въ монахи и затѣмъ занималъ высшія дух.-учебныя должности: инспектора и профессора философіи въ черниговской семинаріи, инспектора и бакалавра богосл. наукъ въ кievской дух. академіи, ректора и профессора богословія въ яросл. духовной семинаріи (въ санѣ архимандрита); въ 1835 г. онъ рукоположенъ былъ въ санъ епископа и послѣдовательно занималъ кафедръ епархій: вятской (1835—1838 гг.), иркутской (1838—1852 гг.) и ярославской (1853—1874 гг.). 39-ти-лѣтняя его архипастырская дѣятельность ознаменовалась въ каждой изъ этихъ епархій крупными заслугами. Въ вятской епархіи онъ, въ теченіи 3-хъ лѣтъ епископскаго служенія, обратилъ въ православіе до 6,000 раскольниковъ; особенно плодотворна была его дѣятельность на кафедрѣ иркутской епархіи, — самой обширной въ Россіи по пространству, такъ какъ въ нее входили, въ то время, кромѣ Иркутской губ., еще Забайкальская, Якутская и Приморская области, а также русскія колоніи въ Обв. Америкѣ; 15-ти-лѣтнее служеніе здѣсь преосв. Нила ознаменовалось миссіонерскими трудами его по обращенію въ вѣру Христову инородцевъ-язычниковъ, которыхъ считалось въ то время въ иркутской епархіи болѣе 400,000 чел.; обративъ въ христіанство до 30,000 монголъ и бурятъ, преосв. Нилъ, чтобы болѣе утвердить новообращенныхъ въ православной вѣрѣ, вознамѣрился дать имъ книги священнаго писанія на ихъ

родномъ языкѣ; изучивъ съ этою цѣлію монголо-бурятскій языкъ и составивъ для него грамматику, онъ переложилъ на этотъ языкъ Евангеліе, Апостолъ и богослужебныя книги. Этотъ громадный трудъ, начатый въ 1848 г., былъ продолжаемъ преосв. Ниломъ и послѣ перевода его (въ 1853 г.) въ ярославскую епархію и оконченъ только почти передъ самою смертію іерарха († 1874 г.). Въ ярославской епархіи преосв. Нилъ также оставилъ добрую по себѣ память своими заботами объ улучшеніи быта приходскаго духовенства. Пастырскіе труды по обращенію въ христіанство десятковъ тысячъ язычниковъ и переводъ богослужебныхъ книгъ на монголо-бурятскій языкъ сдѣлали имя преосв. Нила извѣстнымъ не только въ предѣлахъ Сибири, но и во всей Россіи. Правительствомъ высоко цѣнили его заслуги, что видно изъ тѣхъ крупныхъ наградъ, которыми онъ былъ жалованъ въ разное время: въ 1840 г. преосв. Нилъ возведенъ въ санъ архіепископа, въ 1842 г. ему пожалованъ орденъ св. Владимира 2-й ст., въ 1847 г.—драгоценная панатія, въ 1852 г.—орденъ св. Александра Невскаго, въ 1856 г.—алмазами украшенная панатія, въ 1858 г.—алмазный крестъ для ношенія на клобукѣ, и друг. Преосв. Нилъ былъ извѣстенъ въ Россіи не только архипастырскою своею дѣятельностію, но и нѣсколькими учено-литературными трудами (между которыми особенно почетное мѣсто занимаетъ его изслѣдованіе: «Буддизмъ, разсматриваемый въ отношеніи къ послѣдователямъ его, обитающимъ въ Сибири»), а также и научными занятіями въ области естествовѣдѣнія вообще и минералогіи въ частности (собственными его трудами составленъ былъ богатый минералогическій кабинетъ, завѣщанный имъ, по смерти своей, слб. университету). Его литературные труды и научныя занятія были почтены многими учеными обществами, избравшими его въ свои дѣйствительные и почетные члены (слб. унив.—тъ, имп. моск. общ. любит. естествознанія, имп. русск. археол. общ., имп. русск. геогр. общ. и друг.).

Такая извѣстность въ Россіи имени архіеп. Нила,—одного изъ замѣчательныхъ дѣятелей Сибири, большого знатока этой отдаленной окраины Россіи,—заставляетъ обратить особенное вниманіе на поступившую только нынѣ въ продажу книгу его: Путевыя записки, касающіяся той же самой Сибири. Книга эта заключаетъ въ себѣ описанія двухъ путешествій: первое изъ нихъ, отъ Вятки до Иркутска, было совершено въ 1838 г. и продолжалось около 2-хъ мѣсяцевъ. Путь лежалъ чрезъ такіе важные, по своему значенію, города, какъ: Пермь, Екатеринбургъ, Тюмень, Тобольскъ, Омскъ, Томскъ, Красноярскъ, Нижнеудинскъ и многіе другіе. Пробѣгая чрезъ всѣ эти города и всѣ попутныя селенія, преосв. Нилъ, помимо описанія соборовъ, церквей, монастырей, подробно останавливалъ свое вниманіе на геогр. положеніи населенныхъ пунктовъ, народонаселеніи ихъ, торговлѣ, промышленности, заводахъ, фабрикахъ, хлѣбопашествѣ, мѣстныхъ естественныхъ богатствахъ, описывалъ климатъ, орошеніе, геологическое строеніе почвы и проч. Второе путешествіе

совершенно было изъ Иркутска въ Якутскъ и обратно, въ 1843 г.; оно продолжалось девяносто пять дней и было совершено, главнымъ образомъ, по рѣкѣ Ленѣ, на четырехъ рѣчныхъ судахъ; всего пройдено было по этой рѣкѣ около 5,000 верстъ. Здѣсь научной наблюдательности преосв. Нила открылось еще болѣе широкое поле. Медленно подвигаясь на судахъ, останавливаясь въ попутныхъ селеніяхъ, подробно осматривая и изучая все встрѣчающееся на пути, вступая въ бесѣды съ жителями-инородцами, преосвященный Нилъ заноситъ въ свой дневникъ множество весьма интересныхъ и цѣнныхъ для этнографіи края замѣтокъ и свѣдѣній. Во 2-й части своихъ «Путевыхъ записокъ», посвященныхъ обратному путешествію въ Иркутскъ, авторъ отводить, между прочимъ, много мѣста историко-статистическому описанію города Иркутска, сообщаетъ, на основаніи собранныхъ имъ въ мѣстныхъ архивахъ свѣдѣній, много данныхъ объ извѣстномъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ текущаго столѣтій сибирскомъ мисіонерѣ—прот. Слѣпцовѣ; въ этой же части дѣлаетъ историческій очеркъ (также на основаніи архивныхъ документовъ) покоренія и присоединенія къ Россіи полуострова Камчатки и водворенія на ней христіанства и попутно-же излагаетъ исторію Курильскихъ острововъ.

Вообще «Путевыя записки» архіепископа Нила составляютъ весьма цѣнный вкладъ въ историко-этнографическую литературу о Сибири, особенно въ виду того, что этотъ край до сихъ поръ не настолько изслѣдованъ и изученъ, какъ онъ того заслуживаетъ по своему громадному экономическому значенію для Россіи, и мы не сомнѣваемся, что книга преосвященнаго Нила найдетъ распространеніе не только среди лицъ, спеціально изучающихъ Сибирь и интересующихся ею, но также и среди духовенства нашего и, между прочимъ, во всѣхъ фундаментальныхъ бібліотекахъ духовно-учебныхъ заведеній ¹⁾.

А. С. Л.—Я.

¹⁾ Цѣна книги, 2 части, 497+XIVстр., съ портр. автора, — одинъ рубль съ пересылкой. Съ требованіями обращаться: въ редакцію «Русской Старины», Б. Подъяческая ул., д. № 7, и въ контору «Русской Старины»—книжный магазинъ А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., д. № 46.

Къ студенческимъ волненіямъ въ Казани.

ЗАМѢТКА.

Въ примѣчаніи нашемъ къ стр. 124 «Русской Старины» 1889 г., т. LVI, январь, по поводу котораго написана помѣщенная въ августовской книгѣ «Русской Старины», стр. 436—437, замѣтка г. ординарнаго профессора судебной медицины Казанскаго университета Ив. Мих. Гвоздева, нѣтъ ни единого слова, ни одного даже намека на то, что описываемый тутъ случай, касающійся одного изъ декановъ, былъ съ деканомъ медицинскаго факультета и происходилъ въ одинъ изъ тѣхъ годовъ, когда И. М. Гвоздевъ былъ деканомъ медицинскаго факультета. По этому совершенно напрасно И. М. Гвоздевъ относитъ этотъ случай именно къ себѣ. Почему «въ случаѣ моей или его смерти, все, описанное въ примѣчаніи, безъ надлежащаго разъясненія, такъ-таки дѣлкомъ и падеть» на него?

Въ Казани товарищи И. М. Гвоздева, современники описываемаго мною въ примѣчаніи факта, хорошо знаютъ, съ кѣмъ и когда случился этотъ фактъ. Ихъ, стало быть, убѣждать или переубѣждать излишне. Слѣдовательно, замѣтка имѣетъ дѣлю убѣдить непринадлежащую къ университету и иногородную публику, что описанный въ моемъ примѣчаніи случай съ однимъ изъ декановъ относится не къ автору замѣтки. Но кому же изъ постороннихъ и иногородныхъ и на какомъ основаніи вздумалось бы приписать описанный мною фактъ именно бывшему декану медицинскаго факультета И. М. Гвоздеву?

Такъ какъ наши воспомнанія о студенческихъ волненіяхъ вовсе не имѣли въ виду обличать поименно ту или другую личность, то никакія замѣтки не побудятъ насъ называть фамиліи лицъ, о которыхъ мы говорили.

По поводу замѣтки И. М. Гвоздева мы считаемъ долгомъ заявить одно, что все, что мы писали въ своихъ воспомнаніяхъ, взято изъ нашего дневника, въ который случившееся записывалось въ тотъ же день, и потому разговоръ съ однимъ изъ декановъ, помѣщенный въ примѣчаніи къ стр. 124 январской кн. «Русской Старины» 1889 г., дѣйствительно происходилъ такъ, какъ мною описанъ, чего, я увѣренъ, внутренно, предъ своею совѣстію, не станеть отвергать и деканъ, съ которымъ я велъ разсказанную въ примѣчаніи бесѣду, но и сознаваясь самъ про себя, едва ли будетъ настолько добродушенъ, чтобы публично объявить: «Въ примѣчаніи къ стр. 124 «Русской Старины» 1889 г., т. LXI, январь, говорится про меня и говорится съ буквальною точностію».

И. Д. Шестаковъ.

АЛЕКСѢЙ ДМИТРИЕВИЧЪ БАБИЧЕВЪ

учитель II-го Коломенскаго городского начального училища

въ с.-ПЕТЕРБУРГѢ

род. 1828 г., † 1889 г.

2-го сентября 1889 г. въ Спб., въ Никольскомъ морскомъ соборѣ, въ присутствіи большаго собранія учащихся въ начальныхъ городскихъ школахъ г. Петербурга—совершено отпѣваніе тѣла А. Д. Бабичева—старѣйшаго изъ нашихъ товарищей, скончавшагося 30-го августа 1889 года.

Въ виду заслугъ А. Д., какъ одного изъ достойнѣйшихъ наставниковъ на поприщѣ народнаго образованія, и его высокихъ нравственныхъ качествъ, долгомъ считаемъ сохранить на страницахъ «Русской Старины» свѣдѣнія о его жизни и дѣятельности.

Сынъ ремесленника, А. Д. Бабичевъ родился въ Петербургѣ, въ 1828 г., октября 4-го дня; первоначальное образованіе получилъ въ Исаакіевскомъ приходскомъ училищѣ.—обстоятельство, не лишенное интереса въ томъ отношеніи, что покойный впоследствии провелъ свою педагогическую дѣятельность именно въ этомъ училищѣ, въ теченіи болѣе 25 лѣтъ; здѣсь онъ и завершилъ свою педагогическую карьеру.

По окончаніи курса въ Никольскомъ уѣздномъ училищѣ, Бабичевъ перешелъ въ общіе классы спб. педагогическаго института, закрытаго въ 1850-хъ годахъ. По окончаніи курса въ 1848 г., А. Д. получилъ мѣсто учителя уѣзднаго училища въ гор. Трубчевскѣ Орловской губ., гдѣ и прослужилъ девять лѣтъ.

По возвращеніи въ Петербургъ, онъ пытался перемѣнить профессію учителя на карьеру чиновника; сухая канцелярская работа не могла однако удовлетворить его и онъ возвратился къ болѣе близкому ему учебному дѣлу, которому и прослужилъ до конца своей жизни.

До поступления своего въ Исаакіевское приходское училище, переименованнаго впоследствии во II-ое Коломенское городское начальное училище, Бабичевъ занялся преподаваніемъ въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ съ среднеобразовательнымъ курсомъ и въ семьяхъ частныхъ лицъ.

Въ 1863 году онъ занялъ мѣсто учителя Исаакіевского приходскаго училища. Какъ извѣстно, матеріальное положеніе приходскихъ училищъ въ Петербургѣ было не блестящее, что не помѣшало однако А. Д. внести въ дѣло обученія ту-же сердечность и выдержку, которыя онъ обнаруживалъ на урокахъ въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Насколько цѣнились его педагогическія дарованія явствуетъ изъ нижеслѣдующаго факта: въ бытность его преподавателемъ въ Сергіевской патріотической школѣ, состоящей подъ покровительствомъ е. в. великой княгини Екатерины Михайловны, онъ былъ поставленъ въ необходимость, за дальностью разстоянія патріотической школы отъ его училища, отказаться отъ занятій въ школѣ; но великая княгиня, не однократно лично присутствовавшая на урокахъ А. Д. и не желавшая потерять для школы опытнаго педагога, распорядилась о выдачѣ ему на проѣздъ въ школу особой суммы изъ своихъ средствъ.

Въ 1877 году, съ переходомъ приходскихъ училищъ въ вѣдѣніе спб. городского общественнаго управленія, А. Д. въ улучшенной матеріальной обстановкѣ и сочувственномъ отношеніи членовъ училищной комиссіи (нынѣ комиссіи по народному образованію), почерпнулъ новыя силы и съ большою энергіею продолжалъ дѣло воспитанія дѣтей. Одновременно съ занятіями въ школѣ, онъ продолжалъ давать частныя уроки.

Отличительною чертою его отношеній къ дѣтямъ были необычайная мягкость, доброта, безъ слабости, и любовь. Эти особенности его характера привлекали къ нему и взрослыхъ, чѣмъ объясняются, между прочимъ, и тѣ добрыя отношенія, которыя установились между нимъ и его сотоварищами.

А. Д. свободное отъ занятій время посвящалъ пріобрѣтенію знаній по исторіи русской и всеобщей литературы, (курсы которой онъ читалъ взрослымъ слушателямъ), которыя стали ему дороги въ то еще время, когда онъ былъ студентомъ педагогическаго института: такъ, въ послѣдніе годы, чтобы ознакомиться съ поэзіею Мицкевича, Бабичевъ настолько изучилъ польскій языкъ, что свободно читалъ лучшія произведенія польскаго поэта.

Необходимо также замѣтить, что выдающіеся представители французской и нѣмецкой литературы были ему извѣстны въ подлинникахъ.

3-го ноября 1888 года, въ день двадцатипятилѣтней годовщины

его педагогической дѣятельности, какъ учителя народной школы, А. Д. Бабичевъ получилъ выраженія величайшаго къ себѣ сочувствія какъ со стороны представителей общественнаго управленія столицы, городского головы, покойнаго предсѣдателя комиссіи по народному образованію въ С.-Петербургѣ А. А. Краевского и многихъ членовъ комиссіи, а также со стороны многочисленныхъ учениковъ, ученицъ и ихъ родителей.

Товарищи А. Д. тогда же поднесли ему адресъ, въ которомъ, между прочимъ, въ глубоко прочувствованныхъ выраженіяхъ — была выражена ему признательность за тѣ добрые совѣты и полезныя указанія, которые они постоянно у него находили.

День 3-го ноября 1888 года былъ, такъ сказать, послѣднимъ праздникомъ въ труженической жизни Алексѣя Дмитриевича. Болѣзнь, зародышъ которой онъ уже давно носилъ въ себѣ (чахотка), стала быстро увеличиваться.

Въ февралѣ 1889 г. Бабичевъ вынужденъ былъ отказаться отъ занятій въ школѣ и 30-го августа онъ простился съ нею на вѣки...

«Кроткій, скромный, честный и разумный труженикъ, Алексѣй Дмитриевичъ—по выраженію духовнаго его отца Антонія Скворцова, законоучителя въ вѣренномъ ему училищѣ,—положилъ почти сорокъ лѣтъ на дѣло воспитанія и обученія дѣтей того сословія людей, отъ нравственнаго и умственнаго подъема которыхъ зависятъ благосостояніе и ростъ дорогой отчизны!

«Хорошо одаренный способностями, обладая высшимъ образовательнымъ цензомъ и знаніемъ нѣсколькихъ языковъ, онъ, конечно, могъ бы примѣнить свои силы къ другой отрасли общественной дѣятельности и притомъ, быть можетъ, и съ большею для себя выгодною; но любовь къ дѣтямъ рано увлекла его въ школу, гдѣ удержала его до могилы... Опочившій, стоя изо-дня въ день цѣлые десятки лѣтъ, предъ сознаніемъ дѣтей, отъ которыхъ трудно скрыть движеніе сердца, былъ не только примѣрнымъ учителемъ, но, должно сказать, и отцомъ».

Ты выбралъ, скажемъ мы отъ себя, одинъ изъ скромнѣйшихъ, но наиболѣе трудныхъ путей въ жизни и прошелъ этотъ путь окруженный всеобщимъ уваженіемъ и сочувствіемъ. Миръ твоему праху!

А. О. Кузьминъ.

Артиллерійская пушка какъ отличіе

1772 г.

Въ числѣ боевыхъ генераловъ, украсившихъ своимп доблестями исторію прошлыхъ дней нашей арміи, занимаетъ, безспорно, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ екатерининскій герой—Отто Адольфъ Вейсманъ фонъ-Вейссенштейнъ. Имъ это, славное въ свое время и неравнѣно связанное съ исторіею турецкихъ войнъ конца минушаго вѣка, къ сожалѣнію, осталось какъ-то совсѣмъ забытымъ и дошло до нашихъ дней лишь въ описаніяхъ прославившихся имъ сраженій, гдѣ мы прямо и знакомимся съ нимъ, при громѣ орудій и всѣхъ ужасахъ военного времени. Лучшей оцѣнкой боевыхъ заслугъ Вейсмана остались слова Суворова, которыми донесъ онъ о смерти своего храбраго сподвижника императрицѣ: «Вейсмана не стало, я остался одинъ», писалъ онъ, раздѣляя искреннюю печаль всей арміи.

Къ этой же личности относится характерный указъ того времени: «О пожалованіи генераль-маіора Фонвейсмана за храбрость его противъ неприятеля дела одною пушкою»¹⁾.

Приводимъ его цѣлкомъ.

«Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійской изъ государственной военной коллегіи господину генералу фельдцейхмейстеру над-фортификаціями генералу директору кавалергардскаго корпуса шефу ея императорскаго величества генераль адъютанту действителному камергеру лейб-гварди конного полку подполковнику канцеларіи опекунства иностранныхъ президенту и разныхъ ординовъ кавалеру графу Григорью Григорьевичу Орлову.

Въ иманномъ ея императорскаго величества высочайшемъ данномъ генераль маіору и кавалеру фонъ-Вейсману прошлаго 1771 года декабря 15-го дня, писанномъ и подписанномъ собственною ея императорскаго величества рукою указе изображено, храбрыя дела его впроедшен компаніи где онъ стояло разъ побеждалъ неприятеля, изътреблялъ его припасы и бралъ все къ оборону его служить могущее и наконецъ разбитые самого визира, бывъ общему делу весьма полезно при томъ и память ево прославить, вечно древность награждала воиновъ за храбрость оруженемъ, ея императорское величество желая, чтобъ потомки ево имели предъ глазами примеръ ево, жалуетъ ево одною пушкою дозволяетъ выбрать оную извзятыхъ имъ у неприятеля, и дабы онъ имелъ место где ее ставить, для того ея императорское величество повелели сенату дать ему въ венденскомъ уезде мызу Цербенъ в вичное и потомственное владеніе; куда пушку на казенномъ коште отвести и ея хранить в памяти дель его генераль маіора и ея императорскаго величества удовольствие об оныхъ другимъ же въ образецъ и в поощреніе. Февраля 16 дня 1772 года у подлиннаго подписано тако Г. Ф. Веймарнъ, секретарь Иванъ Петуховъ регистраторъ Павелъ Казниинъ».

Сообщ. Д. Стружовъ.

¹⁾ Архивъ стар. дѣлъ спб. артл. музее. Дѣла генер. пов. 1772 г. № 39.

СОБОРНЫЙ ХРАМЪ ВЪ Г. РЕВЕЛѢ

сборъ пожертвованій на его сооруженіе.

I.

Мы получили отъ комитета, учрежденнаго съ высочайшаго соизволенія для повсемѣстнаго въ имперіи сбора пожертвованій на постройку соборнаго храма въ г. РевелѢ, нижеслѣдующее письмо:

«Государь императоръ 2 апрѣля 1888 года высочайше соизволилъ утвердить опредѣленіе Святѣйшаго Синода, отъ $\frac{3}{24}$ февраля 1888 года, объ открытіи повсемѣстнаго въ имперіи сбора добровольныхъ пожертвованій на сооруженіе православнаго храма въ городѣ РевелѢ, съ тѣмъ, чтобы для сбора этихъ пожертвованій и постройки соборнаго храма учрежденъ былъ, подъ предсѣдательствомъ Эстляндскаго губернатора князя Шаховскаго, особый комитетъ, съ участіемъ въ немъ членовъ отъ духовнаго вѣдомства, по усмотрѣнію мѣстнаго преосвященнаго.

Открывъ съ благословенія преосвященнаго Арсенія, епископа Рижскаго и Митавскаго, свои дѣйствія, комитетъ имѣетъ честь препроводить при семъ воззваніе православныхъ ревелѣцевъ, въ которомъ подробно изложены тѣ близкія сердцу русскаго человѣка причины, которыя вызываютъ необходимость нынѣ же приступить къ постройкѣ въ РевелѢ соборнаго храма.

Обращаясь съ настоящей просьбой о братской помощи, комитетъ проситъ редакцію «Русской Старины» напечатать на страницахъ своего изданія текстъ прилагаемаго воззванія.

Собранныя деньги комитетъ покорнѣйше проситъ сдать въ ближайшее казначейство съ указаніемъ ихъ назначенія или же переслать ихъ по почтѣ въ г. Ревель на имя предсѣдателя комитета князя Сергія Владиміровича Шаховскаго. Имена жертвователей предложено вырѣзать на особыхъ металлическихъ доскахъ (по числу губерній), кои будутъ помѣщены на западной стѣнѣ соборнаго храма для сохраненія на вѣчныя времена памяти о его соз-

дателяхъ, о которыхъ за каждой литургіей будутъ возноситься горячія молитвы предъ престоломъ Всевышняго.

Предсѣдатель, эстляндскій губернаторъ кн. Шаховской.
Секретарь кн. А. Ш. Шихматовъ».

II.

Православные! братья ваши по вѣрѣ, живущіе на Балтійскомъ поморьѣ, въ городѣ Ревелѣ, шлютъ вамъ съ этой окраины земли русской свой привѣтъ и просятъ у васъ братской помощи! Помогите намъ совершить святое дѣло — построить въ г. Ревелѣ соборный храмъ во имя святаго благовѣрнаго князя Александра Невского.

Вы, православные братья, не знаете той скудости, которую отличаются наши ревельскія церкви. Во всякомъ русскомъ городѣ, и большомъ и маломъ, отведено храму Божію должное мѣсто; за нѣсколько верстъ можно узнать русскій городъ по многочисленнымъ куполамъ церквей и монастырей, увѣнчаннымъ святыми крестами; далеко вокругъ разносится торжественный благовѣсть. Кто же создалъ эти храмы? Одни построены благочестивыми царями и боярами, другіе основаны святыми угодниками, иные — неизвѣстными храмосозидателями, и всѣ они стоятъ во славу Божію, радуютъ православное сердце, украшаются, поддерживаются и создаются усердіемъ православнаго народа.

Не то у насъ въ Ревелѣ. Съ моря ли, съ суши ли, откуда ни подѣдете, вы не узнаете русскаго города: стоятъ высокія башни, много островерхихъ красивыхъ колоколенъ, но это все иновѣрческія лютеранскія кирки. Не видать креста православнаго, не слышать звона воскреснаго. Наши церкви тѣсны, бѣдны убранствомъ и такъ построены среди обывательскихъ домовъ, какъ будто существуютъ только изъ милости и мѣста для нихъ пожалѣли. Одна изъ церквей, освященная въ честь Преображенія Господня, называется соборомъ. Стоитъ это старое и убогое зданіе въ одномъ изъ узкихъ переулковъ города, стѣсенное отовсюду обывательскими домами и съ виду даже непохожее на православный храмъ.

Это зданіе, служившее прежде киркою для шведскаго гарнизона, во время взятія Ревеля русскими войсками было наскоро отведено подъ православный храмъ. И долго послѣ того нашъ соборъ носилъ на себѣ вѣнчикъ лютеранской кирки: сверху крутая черепичная крыша, внутри — мѣсто для органа, скамейки вдоль стѣнъ и могильныя плиты на полу съ нѣмецкими надписями. Хотя съ теченіемъ времени многое было исправлено и прибрано, но иновѣрный отпечатокъ сохранился и по сіе время на нашемъ первенствующемъ здѣсь храмѣ. Средина его занята широкими столпами, заслоняющими

отъ молящихся богослуженіе; на стѣнахъ нѣтъ иконъ, или изображеній изъ священнаго писанія, какія можно найти въ любой нашей сельской церкви; нѣтъ алтаря по среднѣ, а два алтаря расположены параллельно; нѣтъ входа съ западной стороны, какъ того требуетъ нашъ церковный уставъ, ибо мѣсто это застроено другими зданіями. Неуклюже насаженный на крышу этой нѣмецкой постройки небольшой зеленый куполь и ютящаяся близъ него маленькая колокольня придаютъ нашему собору и съ наружи, чуждый православному храму, иноземный обликъ.

Отчего-же, спросятъ насъ, такъ бѣдны наши ревелскія православныя церкви, отчего нѣтъ у насъ въ городѣ подобающаго собора?

Оттого, что бѣдны мы сами, православные, да не далеко еще ушло то время, когда самая вѣра наша была здѣсь въ угнетеніи и гоненіи....

Но, начиная дѣло доброе во славу Божию и въ честь Руси Святой, не удручать намъ надлежитъ сердце православныхъ тяжелыми воспоминаніями о минувшихъ страданіяхъ родной нашей церкви, а прославлять Господа за безконечное Его къ намъ милосердіе, явленное имъ чрезъ своего Помазанника, обратившаго съ высоты престола свое державное вниманіе на положеніе православной церкви въ Прибалтійскомъ краѣ и придавшаго ей рядомъ недавно изданныхъ законовъ подобающее господствующей церкви значеніе.

Возвеличившееся нынѣ, послѣ долгаго утѣсенія, положеніе здѣсь церкви православной налагаетъ на насъ обязанность озаботиться и о внѣшнемъ устроеніи дома Божія. Надо, чтобы исчезли и внѣшніе слѣды приниженія, надо, чтобы надъ городомъ Ревелемъ, какъ благодатное знаменіе торжества православія и какъ памятникъ доблестнымъ исповѣдникамъ, и съ моря, и съ суши высоко возсіалъ крестъ русскаго соборнаго храма.

Мы желали-бы, съ помощью Божіею, поставить соборъ во имя святаго благовѣрнаго князя Александра Невскаго, съ именемъ котораго въ здѣшнемъ краѣ соединяются дорогія для всякаго русскаго воспоминанія подвиговъ русскаго оружія въ борьбѣ съ нѣмецкими рыцарями, за вѣру православную и цѣлость государственную. Мы желали-бы, чтобы этотъ соборъ на вѣки вѣковъ служилъ нагляднымъ выраженіемъ благовѣрнаго воспоминанія о совершившемся 17-го октября 1888 года чудесномъ избавленіи благочестиваго преемника Святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, Отца и покровителя православныхъ прибалтійскаго поморья, державною волею котораго здѣшняя окраина вступаетъ нынѣ въ тѣсное единеніе съ великимъ нашимъ отечествомъ.

Государь императоръ всемилостивѣйше соизволилъ разрѣшить намъ обратиться къ вамъ, русскіе братья, съ просьбою о братской помощи, и мы просимъ васъ, помогите!

Мы знаемъ, что и безъ насъ много просящихъ: много ходитъ по городамъ и селамъ нашего отечества благочестивыхъ сборщиковъ на построеніе

храмовъ; ваши жертвы стекаются и къ Святымъ пещерамъ Кіевскимъ, и къ лаврѣ Святаго угодника Божія Сергія Радонежскаго и къ далекимъ горамъ Аеона—удѣлите же и намъ на совершеніе святаго русскаго дѣла ленту отъ достатковъ вашихъ.

Пастыри и учителя церкви російской, ежедневно возносящіе молитву къ Богу, «да освятитъ Онъ любящихъ благолѣпіе дома Его», русскіе люди на всѣхъ поприщахъ общественнаго служенія, словомъ и дѣломъ работающіе во имя укрѣпленія идеи нашего народнаго самосознанія, христіанское воинство російское, стоящее на стражѣ вѣры православной, престола и отечества, люди торговые, выдвинувшіе изъ среды своей въ годину бѣдствій доблестнаго духомъ нижегородскаго гражданина Козьму Минина Сухорукова, православные христіане всей русской земли изъ конца въ конецъ — ко всѣмъ вамъ обращаема и всѣхъ васъ просимъ, кто сколько и что можетъ пожертвуйте на построеніе соборнаго храма въ городѣ Ревелѣ во имя Святаго благолѣпнаго князя Александра Невскаго.

Отъ имени всѣхъ православныхъ г. Ревеля и Эстляндской губерніи высочайше учрежденный комитетъ для повсемѣстнаго въ Россіи сбора пожертвованій и сооруженія храма въ г. Ревелѣ.

Пожертвованія могутъ быть пересылаемы или непосредственно на имя предсѣдателя комитета, эстляндскаго губернатора князя Сергія Владиміровича Шаховскаго, или вносимы въ губернскія и уѣздныя казначейства для доставленія по назначенію.

ревностно заботится объ упроченіи и развитіи начальныхъ училищъ, попечителемъ каковыхъ и гимназій оны состоятъ и въ настоящее время.

Въ 1869 г. Н. А. запечаталъ прекрасный трудъ «Исторію альбигойцевъ и ихъ временъ»; въ слѣдующемъ году въ Парижѣ собралъ богатый архивный матеріалъ для втораго тома этого труда, посвященнаго «Первой инквизиціи» (Казань, 1872 г.), каковая книга защищена была имъ на степень доктора исторіи;—ему же принадлежать историческіе труды «Нсаполитавскіе государи XIV-го вѣка» (Казань, 1873 г.) и рядъ статей въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» и въ «Ученыхъ запискахъ казанскаго университета» — по вопросамъ средневѣковой исторіи. Послѣдніи пятнадцать лѣтъ Н. А. Осокинъ сосредоточился на обработкѣ лекцій по исторіи среднихъ вѣковъ; результатомъ этого усидчиваго труда является названное выше весьма объемистое и чрезвычайно богатое по содержанию сочиненіе, предназначенное уважаемымъ профессоромъ столько же въ пособіе студентамъ, сколько и для чтенія всей образованной русской публики, интересующейся историческимъ знаніемъ. Обширная начитанность автора, многолѣтнее изученіе предмета, каковой оны пріобыкъ передавать и словомъ, и перомъ своимъ слушателямъ и читателямъ, живость изложенія, мѣстами вполне увлекательнаго, — вотъ достоинства этого чисто профессорскаго, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, труда; нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что оны недолго останутся для русскихъ читателей и учащихся обого пола отличными источниками знанія въ области исторіи среднихъ вѣковъ.

Богородицкая гора въ Эстляндіи. Михаила Н. Хорузина, † 25 сентября 1888 г. Москва, 1889, въ 8 д., стр. 149, съ рисункомъ. Цѣна 10 коп.

Посмертное изданіе преждевременно скончавшагося образованнаго и весьма полезнаго русскаго дѣятеля на прибалтійской окраинѣ нашего отечества. Въ этой брошюрѣ читатель найдетъ живой очеркъ прошлаго и современнаго положенія православія въ Пюхтгацкомъ краѣ и вообще въ Эстляндіи, съ изложеніемъ подробно-

стей о тѣхъ натискахъ, которые приходилось, а частью и до сихъ поръ приходится выносить православнои церкви на нашемъ Балтійскомъ поморьѣ; въ приложеніи помѣщена его же статья: «Православіе на островахъ Даго и Вормсъ». М. Н. Хорузинъ былъ однимъ изъ самыхъ полезныхъ сотрудниковъ начальника Эстляндской губерніи—кн. В. С. Шаховскаго, энергическая дѣятельность котораго на пользу упроченія и развитія русскаго элемента въ краѣ вызываетъ полное сочувствіе русскихъ и эстонцевъ.

Сборникъ службъ, молитвъ и пѣнопѣній, употребляемыхъ при богослуженіяхъ въ православнои церкви, съ объясненіемъ непонятныхъ словъ и оборотовъ рѣчи на русскомъ языкѣ. Руководство для училищъ, гдѣ введено церковное пѣніе, и для церковно-приходскихъ школъ. Состав. А. Н. Ушаковъ, Москва, 1890 г., въ 8 д., стр. 240, цѣна 50 коп.

Содержаніе и цѣль книги объясняется ея заглавіемъ; книга полезная особенно какъ пособіе для учащихся при обученіи въ школахъ, составлена учителемъ городского приходскаго училища въ г. Ростовѣ Великомъ, каковое училище мы имѣли истинное удовольствіе посѣтить въ 1888 году.

Тверь въ XVII вѣкѣ. Историческій и археологическій путеводитель по городу Твери. Изслѣдованіе Н. Н. Овсянникова, члена Тверской ученой архивной комиссіи и друг. обществъ. Тверь, 1889 г., въ 8 д., стр. 91, съ чертежами и рисунками. Цѣна 50 коп.

О фамильномъ архивѣ Тверскихъ дворянъ Милюковыхъ. Вл. А. Плетнева. Изд. Тверской ученой архивной комиссіи. Тверь, 1889 г., въ 8 д., стр. 41, съ родословными таблицами.

Объ брошюры, въ особенности первая, принадлежатъ къ числу особенно заботливо составленныхъ трудовъ мѣстныхъ дѣятелей архивной комиссіи въ г. Твери, которая подъ руководствомъ неутомимаго археолога А. К. Жазневскаго занимаетъ первенствующее мѣсто въ ряду губернскаихъ комиссій—этихъ рассадниковъ знаній въ области изученія отечественной исторіи. М. С.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1890 г.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ руб.**, съ пересылкою.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46. книжный магазинъ А. Ф. ЦИВЗЕРЛИНГА.

Въ Москвѣ — въ отдѣленіяхъ конторы. при книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха), Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова), Н. Печковской (Петровская линия). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ — при книжн. магаз. Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подьяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о дѣльныхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отрывки о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить съ конторами редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., (44 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., (93 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., 12 книгъ (51 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., 12 книгъ (48 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., 12 книгъ (29 экз.), съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 книгъ (40 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г. 12 книгъ (4 экз.), съ 17 портрет., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изд. второе (84 экз.), съ портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1885 г., 12 книгъ (97 экз.), съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1888 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1889 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ двадцатый.

НОЯБРЬ.

1889 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

I. Деятельный годъ въ запискахъ Анны Золотухиной	257	VIII. С.-Петерб. ргск. рисовальн. школа въ воспоминаніяхъ ея ученицы, 1862—1876 гг. Сообщ. С. П. Лаврентьева	449
II. Посмертныя записки ген.-отъ-инф. А. А. Одицова .	289	IX. Воспоминанія и замѣтки художника В. В. Верещагина: изъ опыта походовъ	475
III. Дневникъ Александра Васильевича Нинитенно, 1841 г.	323	X. Материалы и замѣтки: Гумбольдтъ въ Сибиря (412).—Плустрированная отечествен. война 1812 г. (497).—Кн. Шаховской (498).—А. А. Бестужевъ (575).—Героин. Ант. Бочковъ (372).—Н. В. Исаковъ (493).—Новыя стихотворенія К. Р. (503).—Н. Г. Чернышевскій, † 17 окт. 1889 г. (499).	
IV. Двѣ чулоканихъ драмы.—основа «Горькой Судьбины» А. Ф. Писемскаго. Сообщ. П. П. Миловадовъ.	335	XI. Библиографич. листокъ. А. Ф. К.	
V. Изъ исторіи русскаго общества, 1507—1849 гг.	361		
VI. Графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ, 1804—1873 гг. Гл. VII.	379		
VII. Николай Михайловичъ Пржевальскій, 1841—1866 гг. Очеркъ. Состав. акад. П. Ф. Дубровинъ.	413		
XII. Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ. Юбилей его полувѣковой музыкально-артистической дѣятельности. 1839—1889 гг.: 1. Отъ Ред. «Русской Старины».—2. Воспоминанія А. Г. Рубинштейна: автобіографія, 1829—1889 гг.—3. Лѣтописи событій въ жизни и дѣятельности А. Г. Рубинштейна, съ указаніемъ статей о немъ въ русской печати. Состав. Н. М. Ласовскій.—4. А. Г. Рубинштейнъ въ воспоминаніяхъ бывш. профес. Г. А. Лароша.—5. А. Г. Рубинштейнъ въ воспоминаніяхъ доктора М. Б. Р.—га.—6. А. Г. Рубинштейну, стихи. А. Н. Яхонтова.—7. Портреты: А. Г. и П. Г. Рубинштейны въ 1844 г., снимокъ съ акварели П. Ф. Соколова.—8. А. Г. Рубинштейнъ въ 1889 г., гравюра на мѣди, исполнилъ художникъ Ф. А. Мѣркинъ.			

Открыта подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1890 г.

Двадцать первый годъ изданія. Цѣна 9 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1889.

XI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го ноября 1889 г.

Библиотека „Руниверс“

Сочиненія В. Д. Спасовича. Т. I и II. Спб. 1889, стр. 286 и 406.

Съ именемъ Владиміра Даниловича Спасовича давно уже связывается представле- ніе о глубокой, разносторонней, отзывчивой на запросы жизни учености и о сильномъ, своеобразномъ, привлекательномъ въ своей оригинальности ораторскомъ талантѣ. Въ послѣдніе годы, все чаще и чаще, стала обрисовываться и другая, новая сторона дѣятельности нашего уче- ваго юриста. Рамки разработки права и утонченной судебно-аналитической диалек- тики оказываются для него тѣсными, — и, расширив ихъ до предѣловъ возможно- сти, онъ выходитъ на болѣе свободное и широкое поле литературно-художествен- ной критики, богатый знаніемъ и опытный въ изученіи разнообразнаго матеріала.

Два первые тома многотомнаго собранія его сочиненій, вышедшіе осенью 1889-го года и издаваемые очень изящно, посвящены всецѣло этой новой области его дѣятель- ности. Это рядъ критическихъ очерковъ, заключающихъ въ себя, по преимуществу, характеристики личности и созданій рус- скихъ и польскихъ поэтовъ, а также два монографія о Шекспировскомъ Гамлетѣ, о Байронѣ и его предшественникахъ. — Характеристики эти полны оригиналь- ныхъ, самостоятельныхъ взглядовъ и на- писаны живымъ, образнымъ языкомъ, бла- годаря которому некоторыя изображенія особенностей и характера поэтического творчества разбираемыхъ писателей приоб- рѣтаютъ исключительную выпуклость и яркость. Въ каждой изъ статей, помѣщен- ныхъ въ двухъ первыхъ томахъ сочине- ній В. Д. Спасовича, виденъ умный и лю- бящій свое дѣло художникъ, который, долго и усидчиво изготовляя матеріалъ для письма, затѣмъ сильною кистью, иногда съ лихорадочною поспѣшностью, распреде- ляетъ свѣтъ и тѣни, дающія жизнь полотну и приковывающія къ нему вниманіе. Больше всего мѣста отведено Байрону и его вліанію на Мицкевича, Пушкина и Лер- монтова. Чрезвычайно интересенъ трудъ г. Спасовича о предшественникахъ вели- каго англійскаго поэта и особымъ мастер- ствомъ отличается краткая, но чрезвы- чайно сильная и мѣткая характеристика личности и произведеній Ж. Ж. Руссо,

представителя того періода жизни фран- цузскаго общества, когда, по образному замѣчанію автора, «преданіе стало нена- вистно все цѣлкомъ и съ нимъ хотѣли порвать всякую связь, пытались отру- бить свое время отъ исторіи». Много страницъ посвящено и Пушкину. Въ рѣчи о немъ, произнесенной 31 января 1887 г. на ряду съ попыткой автора опровергнуть теорію о «всечеловѣчности» Пушкина, провозглашенную Достоевскимъ — и осво- бодить образъ «давняго, гениальнаго чаро- дѣя, вольной и рѣзвой, неприручаемой птицы» отъ тисковъ «гражданской скорби», въ которыя силится его заключить нѣко- торые односторонніе изслѣдователи — бле- стять несомнѣнно поэтическія сравненія и обращенія къ памяти великаго русскаго поэта. Наибольшимъ интересомъ отличаются и статьи о Мартинѣ Матушевичѣ и его мемуарахъ, по которымъ, съ особо цѣн- нымъ въ авторѣ безпристрастіемъ, онъ воспроизводитъ «резвую правду» о це- чальномъ состояніи политической жизни польскаго общества наканунѣ перваго раз- дѣла. «Отношеніе наше къ прошедшему нѣмъ измѣнилось и требовательность стала строже, — мы сдѣлались разборчивѣе и муть въ недопитой рюмкѣ уже не принимаемъ за чистое вино», говоритъ г. Спа- совичъ.

Замѣткою нашею мы хотимъ лишь ото- зваться на появленіе книги, составляющей цѣнный вкладъ въ нашу литературу. Под- робный разборъ, коего она вполне заслу- живааетъ, требовалъ бы большаго труда, ибо оригинальность взглядовъ автора на некоторыя историческія явленія и лица можетъ вызвать большіе споры, а спорить съ такимъ хорошо вооруженнымъ и стойкимъ противникомъ, какъ В. Д. Спа- совичъ, дѣло не легкое. Особенно, думается намъ, при подробномъ разборѣ, пришлось бы поспорить о вѣрности взгляда Мицкевича на значеніе и личность Петра Великаго, въ которомъ онъ видитъ не гениальнаго выра- зителя историческихъ судебъ своего наро- да, а стихійную силу, заморающую, какъ горный водопадъ, нивисшіи надъ бездною. Богатый матеріалъ для споровъ даетъ и характеристика Гамлета, къ которому авторъ подходитъ съ совсѣмъ новой точки зрѣнія, утверждая, что если бы онъ не

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

1890 г.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ будетъ выходить въ 1890 году въ прежнемъ объемѣ, съ гравированными на деревѣ и мѣди портретами замѣчательныхъ русскихъ людей. Много портретовъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей, для „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1890 года, награвировано лучшими русскими художниками на мѣди и на деревѣ, а также исполнено въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ будетъ по прежнему помѣщать въ 1890 г. на своихъ страницахъ, между прочими вполне интересными записками (мемуарами), статьями и матеріалами, множество данныхъ для исторіи миновавшаго царствованія императора Александра II Освободителя и для біографій и характеристикъ его достопамятныхъ сподвижниковъ.

12 книгъ, цѣна ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1890 г. принимается для иногородныхъ въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, по Большой Подъяческой, д. № 7.

Городскіе подписчики въ Петербургѣ благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Цинзерлинга (Невскій пр., д. № 46). Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха) и Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1) Въ Саратовѣ—въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.).

[см. на оборотѣ].

Подписчики «Русской Старины», при возобновленіи подписки на этотъ журналъ на 1890 г.,—двадцать первый годъ изданія, могутъ получить, по значительно меньшимъ цѣнамъ, слѣдующія художественныя изданія:

ЧЕТВЕРТЫЙ СБОРНИКЪ гравюръ (печатается) «Русской Старины». Гравюры исполнены на мѣди проф. И. П. Пожалостиннымъ и художникомъ Ѳ. А. Мѣркинымъ.

Этотъ сборникъ будетъ продаваться подписчикамъ „Русской Старины“ за **одинъ руб. съ перес.**, для прочихъ лицъ **четыре руб.**

ТРЕТЬЕ СОБРАНІЕ ПОРТРЕТОВЪ ДОСТОПАМЯТНЫХЪ РУССКИХЪ ДѢТЕЛЕЙ

ГРАВЮРЫ ЛУЧШИХЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ

[на деревѣ].

Цѣна для подписчиковъ «Русск. Старины» вмѣсто **ЧЕТЫРЕХЪ р.**
ОДИНЪ руб. съ пересылкою.

Содержаніе **третьяго** сборника гравюръ „Русской Старины“:

Владиміръ св. — П. Еропкинь. — Графъ Тотлебенъ. — Кн. М. Щербатовъ. — А. Фигнеръ. — А. Сеславинъ. — М. Муравьевъ-Апостоль. — Гр. В. Панинъ — Гр. С. Строгановъ. — Я. Соловьевъ. — С. Зарудный. — Гр. Н. Евдокимовъ. — П. Зотовъ. — К. Брюлловъ, М. Глинка, Н. Кукольникъ. — М. Глинка. — М. Каченовскій. — Д. Бантышъ-Каменскій. — В. Нарвжннй. — А. Бестужевъ. — М. Лермонтовъ. — И. Аксаговъ. — Гр. Л. Толстой. — М. Розенгеймъ. — С. Макарова. — Г. Ломакинъ. — Э. Стоговъ. — Отшельникъ Ѳедоръ. — Памятникъ и барельефъ на общей могилѣ Волинскаго, Еропкина и Хрущова. — Памятникъ Славы.

Примѣчаніе. Такъ какъ третьяго выпуска сборника гравюръ имѣется только 1200 экз., а четвертый томъ гравюръ, (исполненныхъ на мѣди), въ виду дороговизны ихъ тисненія, печатается всего лишь въ 2000 экз., т. е. на двѣ трети менѣ числа подписчиковъ на «Русскую Старину», то желающихъ имѣть эти сборники просятъ высылать подписки на журналъ 1890 г. и на помянутыя альбомы гравюръ деньги заблаговременно.

ПОРТРЕТЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II

превосходная гравюра Академика Гравера Его Императорскаго Величества Л. А. Сѣрякова († 1881 г.).

Гравюра эта окончена знаменитымъ академикомъ въ октябрѣ 1866-го года, и тогда же представленная въ Бозѣ почившему Императору удостоена Высочайшаго одобренія: художнику, — единственному въ Россіи академику-граверу на деревѣ. — въ декабрѣ 1866 г. пожаловано званіе—такъ же доселѣ единственное въ Россіи—«гравера Его Императорскаго Величества», съ причисленіемъ Сѣрякова къ Императорскому Эрмитажу.

Эта гравюра — очень хорошо отпечатана въ Парижѣ, на большомъ листѣ отличной бристольской бумаги; подъ портретомъ императорскій гербъ и подпись:

Александръ II,

Императоръ всероссійскій.

Рисоваль и гравироваль на деревѣ академикъ Л. Сѣряковъ,

ГРАВЕРЪ

Его Императорскаго Величества.

[Велчина гравюры— $\frac{3}{4}$ аршина высоты].

Это лучшее произведеніе высокохудожественнаго рѣзца покойнаго Гравера Его Величества Александра II, — Академика Сѣрякова, — предоставляется нынѣ читателямъ «Русской Старины» —

 лица, подписавшіяся на журналъ „Русская Старина“, могутъ получить за семь семи-копѣчныхъ почтовыхъ марокъ (или 50 копѣекъ) эту гравюру — съ пересылкою, въ хорошо укупоренномъ картонномъ свертѣ.

Примѣчаніе. Семь почтовыхъ марокъ или 50 копѣекъ уплачиваютъ за этотъ, повторяемъ, вполне замѣчательный, въ художественномъ отношеніи, портретъ Александра II, безразлично какъ городскіе, такъ и иногородные подписчики на „Русскую Старину“.

Въ отдѣльной продажѣ гравюра эта не была и не существуетъ.

Александръ II Освободитель изображенъ въ гравюрѣ Сѣрякова въ эпоху великихъ преобразованій; портретъ отличается, по своему времени (1866 г.), совершеннымъ сходствомъ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ А. О. ЦИНЗЕРЛИНГА

Спб., Невскій проспектъ, д. № 46.

Продаются нижеслѣдующія изданія ред. «Русск. Старинны»:

I. СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ РОСПИСЬ содержанія „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ за первыя пятнадцать лѣтъ. Книга въ 8-ю долю, 300 стр., украшенная многими гравюрами.

Цѣна **ТРИ** рубля съ пересылкою.

II. Первое прибавленіе къ этой Росписи 1885—1887 гг. съ 12-ю гравюрами. Цѣна **ОДИНЪ** руб.

III. СЛОВО И ДѢЛО! историческіе очерки М. И. Семева изъ эпохи Петра Великаго, 1700—1725 гг. Книга въ 8-ю долю, 350 стр., съ рисунками пытокъ. Спб., изданіе второе, пересмотрѣнное и исправленное.

Цѣна **ДВА** рубля съ пересылкою.

IV. „ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА, АННА и ВІЛЛИМЪ МОНСЪ“ историческій очеркъ М. И. Семева изъ эпохи Петра Великаго, 1692—1724 гг. Книга въ 8-ю долю, 350 стр. Спб., съ портретами и картинами казней стрѣльцовъ.

Цѣна **ДВА** рубля **ПЯТЬДЕСЯТЬ** коп. съ пересылкою.

V. Подписчикамъ «Русской Старинны» предоставляется получить за весьма уменьшенную цѣну, именно за **ДВА** рубля съ пересылкою, вмѣсто объявленной цѣны **4** руб. **50** коп., обширное сочиненіе генерала Н. И. Ореуса: **Описаніе Венгерской войны 1849** г., съ приложеніемъ 14-ти картъ и плановъ, составленное по архивнымъ неизданнымъ матеріаламъ. Спб., въ б. 8 д.

VI. Записки Сельскаго Священника, о протоіерей и благочиннаго А. И. Розанова. Спб., 1882 г., въ 8 д., изд. второе, дополненное (*всего 180 экз.*) Цѣна **ОДИНЪ** руб. съ пересылкою.

VII. «Знакомые» — альбомъ редактора «Русской Старинны» — автобиографическія замѣтки 850 извѣстныхъ дѣятелей, людей государственныхъ, ученыхъ, писателей, артистовъ и друг. Спб., 450 стр. Цѣна **ДВА** рубля съ пересылкою.

А. И. Васильевич

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА».

Библиотека "Руниверс"

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ВЪ ЗАПИСКАХЪ АННЫ ИЛЬНИШНЫ ЗОЛОТУХИНОЙ (1812 г.).

«Помѣщая на страницахъ уважаемой «Русской Старины» довольно обширныя и весьма характерныя Записки русской женщины, свидѣтельницы событій, ознаменовавшихъ достопамятный годъ великой отечественной войны, А. И. Золотухиной, привожу о ней и родѣ ея мужа свѣдѣнія, основанныя частью на бумагахъ, частью на семейныхъ преданіяхъ.

Анна Ильинишна Золотухина родилась въ Рязанской губ., въ Михайловскомъ уѣздѣ; отецъ ея былъ капитанъ артиллеріи Илья Сергѣевъ. Въ 1799 г. она вышла замужъ по любви за Золотухина, который былъ и бѣднѣе, и моложе ея; умерла она въ 1814 году.

О фамиліи Золотухинныхъ извѣстно слѣдующее: прежде фамилія ихъ была Жемчужниковы, но при Федорѣ Іоанновичѣ два брата поссорились за мѣсто при царскомъ столѣ (еще до уничтоженія мѣстничества); одинъ уѣхалъ въ деревню по указу царя и началъ называться Золотухинимъ. Всѣ его потомки пишутся Золотухинными въ шестой части дворянской книги Тульской губ.; въ архивѣ депутатскаго собранія этой губерніи находятся и всѣ бумаги о родословной этой фамиліи и прочіе о членахъ ея документы. При Петрѣ I Яковъ Золотухинъ ѣздилъ добровольно учиться за границу, за что и получалъ награды отъ императора, а Екатерина I подарила ему бокаль, съ ея вензелемъ, который и теперь хранится въ ихъ семьѣ. Иванъ Аванасевичъ Золотухинъ былъ женатъ на очень умной женщинѣ, Аннѣ Матвѣевнѣ, которая помѣстила своего сына, Василя, въ Пажескій корпусъ. Екатерина Великая отличала его своею милостью, но онъ умеръ скоропостижно. Анна Матвѣевна поѣхала въ Петербургъ беременная и много плакала; Екатерина II, видя ея горесть, лично сказала ей:

— «Еси ты родишь сына, то я жалую ему чинъ премьеръ-маіора».

Это и былъ мужъ Анны Ильиншны, Матвѣй Ивановичъ Золотухинъ, который родился и умеръ премьеръ-маіоромъ въ Тульской губ., Алексинскомъ уѣздѣ, въ селѣ Кошкино.

Анна Линбергъ.

Отъ редакціи. Печатаемы здѣсь Записки дороги намъ не только какъ сказаніе о крупныхъ историческихъ событіяхъ, которыхъ впрочемъ онѣ касаются лишь поверхностно, но онѣ дороги какъ хроника русской женщины, горячо, самоотверженно любившей мужа и свою многочисленную (изъ восьми дѣтей состоявшую, девятымъ ребенкомъ Золотухина была въ 1812 году беременна) семью; она безхитростно, съ необычайною искренностью, на память близкимъ своимъ, начертала поразительную картину тѣхъ душевныхъ мукъ и матеріальныхъ лишеній, каковыя выносили, за плечами и въ тылу арміи, близъ театра военныхъ дѣйствій и на немъ, обыватели и обывательницы русскихъ городовъ и селъ въ эпоху народной войны, въ 1812-мъ году... Это то, что ни въ какихъ реляціяхъ, ни въ какихъ «исторіяхъ» не находятъ мѣста; это прямо жизнь, какъ она дѣйствительно текла подъ громъ пушекъ, при заревахъ пожаровъ, при всѣхъ бѣдствіяхъ, которыми сопровождается война, этотъ бичъ Божій,—война, хотя бы и побѣдоносная...

При рѣдкости вообще у насъ мемуаровъ и хроникъ русскихъ женщинъ минувшаго времени, «Русская Старина» радушно приняла на свои страницы Записки Анны Ильиншны Золотухиной, писанныя въ маленькой, въ 16 д., тетрадь, на толстой синей бумагѣ. Редакція передаетъ эти Записки своимъ многочисленнымъ читателямъ во всей безъискусственности, навности, просто-душии, а мѣстами и излишней болтливости давно опочившей сномъ смерти составительницы. Нами исправлены только грамматическія опшбки, расставлены знаки прѣпинанія, почти отсутствующіе у автора, и Записки раздѣлены, для удобства чтенія, на главы ¹).

Ред.

Рукопись эта подготовлена къ печати нашею сотрудницею В. В. Тимошукъ.

I.

Бывъ нѣсколько времени на квартирѣ въ деревнѣ близъ Полоцка, имѣвъ довольно времени свободнаго, я рѣшилась употребить его на то, чтобы описать все, что случилось со мною, въ то время, какъ мой Матиньга ¹⁾ опредѣлилъ себя на защиту отечества, оставя мать, сестру, которая жила съ нимъ, меня и восемь человѣкъ дѣтей и еще въ это ужасное время родившагося девятаго сына. Онъ записался въ тульское ополченіе.

Не одна я ощущала всѣ ужасы 1812 года, но и вся Россія была настолько удручена горестью, что не только мое перо, но и перо лучшихъ писателей не въ состояніи выразить всего того, что всякій русскій ощущалъ въ душѣ своей, когда враги вторглись въ предѣлы наши; но я буду только писать о себѣ все, что могу припомнить изъ случившагося со мною въ этотъ ужасный 1812-й годъ и въ 1813 году, чтобы дѣти, прочтя это иногда и узнавъ всѣ чувства мои, не подумали, что я оставляла ихъ безъ душевной горести, а при томъ, такъ какъ они еще очень малы, то чтобы, читая эти записки, они сохранили въ своей памяти воспоминаніе о всѣхъ несчастіяхъ, случившихся со всѣми нами, а также и о милосердіи Господа и о покровительствѣ Царя Небеснаго надъ всей Россіей.

Когда враги наши были уже у Смоленска, тогда былъ объявленъ манифестъ о призваніи всего благороднаго сословія для спасенія отечества. Матя мой никогда не избѣгалъ такого случая быть полезнымъ отечеству и былъ даже въ большой нерѣшимости, готовъ былъ тотчасъ идти въ армію; 18-го іюля (1812 г.) назначенъ былъ съѣздъ всего благороднаго дворянства въ Тулу. Можно ли выразить тѣ чувства, которыя волновали меня, когда мой Матя поѣхалъ туда; бывъ уже восемь мѣсяцевъ въ тягостномъ положеніи, имѣвъ восемь человѣкъ дѣтей, я не могла слѣдовать за нимъ; съ чрезмѣрнымъ страхомъ въ сердцѣ и съ большою горестью должна была я остаться и мой Матя ни на что еще

¹⁾ То есть ея мужъ, Матвій Ивановичъ Золотухинъ. О немъ съ уваженіемъ упоминаеть въ своихъ извѣстныхъ Запискахъ А. Т. Болотовъ, какъ объ одномъ изъ особенно любезныхъ ему пріятелей и земляковъ. Ред.

окончательно не рѣшился; 20-го числа человекъ отъ него возвращается, привозить мнѣ письмо, въ которомъ пишетъ Матя, что всякую минуту выходятъ перемѣны, что враги наши все входятъ внутрь Россіи, вездѣ по пути все грабятъ, жгутъ, храмы Господни истребляютъ, чтобы я ѣхала въ Москву узнать, гдѣ 20-й егерскій полкъ, въ которомъ шефомъ князь Шаховской, другъ Матинъ, съ которымъ служилъ Матинька и прежде вмѣстѣ, или, если возможно, то чтобы помѣститься чрезъ вначатаго брата моего, князя (П. М.) Волхонскаго, въ свиту е. и. в. Я была совсѣмъ готова ѣхать, съ растерзанною отъ горести душою, но получаю извѣстіе, что императоръ уже выѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, а князь Волхонскій никогда не отлучается отъ него, слѣдовательно, я не могла уже просить его о помѣщеніи моего друга въ свиту; я готова уже была ѣхать въ Москву и узнавать, гдѣ находится полкъ Шаховскаго; когда я уже совсѣмъ готова была ѣхать, получаю письмо отъ Мати, чтобы я остановилась, что онъ рѣшается остаться въ ополченіи. Нашъ тульскій губернаторъ, Николай Ивановичъ Богдановъ, былъ избранъ начальникомъ надъ всѣмъ тульскимъ ополченіемъ, и такъ какъ никто не зналъ другъ друга до сего времени коротко, то всѣ считали, что тульское ополченіе всѣхъ лучше выбрало себѣ начальника. Богдановъ служилъ всегда въ артиллеріи, былъ извѣстный человекъ по многимъ, какъ говорятъ, храбрымъ дѣяніямъ, къ тому же настолько счастливъ, что любимъ многими, въ томъ числѣ и моимъ мужемъ, который такъ любилъ его, что хотѣлъ остаться при дежурствѣ у него, но, признаюсь, я всегда совсѣмъ иначе была расположена къ нему, не имѣвъ къ тому никакой основательной причины, кромѣ той, что мой Матя всегда разными манерами старался доказать ему свою къ нему привязанность, а онъ былъ къ нему расположенъ таковымъ же образомъ, какъ и ко многимъ другимъ, которыхъ я никогда со своимъ мужемъ не сравниваю; но не только я, всѣ тѣ, кто умѣетъ цѣнить людей, въ ономъ согласятся. Я упростила Матю и онъ сдѣлалъ это для меня, что не остался въ дежурствѣ. Но и тогда начальникъ ополченія сказалъ Мати и другимъ изъ нашего уѣзда, чтобы были спокойны и были бы увѣрены, что тотъ полкъ, гдѣ будетъ Матя, пойдетъ послѣдній въ походъ и то тогда, когда онъ уже самъ пойдетъ. Въ сосѣдствѣ у насъ Матя былъ

довольно всѣми любимъ, такъ что когда онъ еще не зналъ къ кому въ полкъ опредѣлится, то уже многіе хотѣли быть у него подъ командою. Съ полковникомъ Пушкинымъ, отъ котораго мы живемъ въ 13-ти верстахъ и со всѣмъ домою котораго мы были всегда въ пріязненныхъ отношеніяхъ, Матя и въ прошедшую милицію былъ вмѣстѣ, но тогда только третья часть пошла, остальные были только назначены; они были оба въ оставшейся части; тутъ его выбрали полковымъ начальникомъ; Матя, по привязанности къ нему, не хотѣлъ быть въ другомъ полку, остался у него баталіоннымъ начальникомъ и чтобы быть ближе къ нему—начальникомъ перваго баталіона. Сотенными у Мати были: Викулинъ, самый ближній сосѣдъ; у него офицерами Савиньковъ и Мительковъ. Пестовъ былъ Каширскаго уѣзда и не такъ коротко тогда былъ знакомъ, но тестъ его, Болотовъ, Андрей Тимофеевичъ, который зналъ хорошо Матю и любилъ насъ, рекомендовалъ своего зятя. У него офицерами были въ сотнѣ: Ивской, Степанъ Ивановичъ, и меньшей сынъ Анфорова. Въ третьей сотнѣ былъ сотеннымъ Донской, также изъ Каширскаго уѣзда, но онъ прежде служилъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ и, бывъ знакомъ съ Викулинымъ, захотѣлъ быть у Мати въ баталіонѣ; офицерами у него были: одинъ тульскій помѣщикъ, Месновъ, который также почти не зналъ лично Матю, а захотѣлъ быть у него, и другой—Чернской-Шелатовъ, а въ послѣдней сотнѣ начальникомъ былъ Николай Петр. Бѣльскій; у него офицерами были: Саблуковъ и прежде Ивской, Давыдъ Ивановичъ, когда же онъ вышелъ по болѣзни, то Болотовъ¹⁾. Когда Матя мой возвратился изъ Тулы, я встрѣтила его со слезами, узнавъ, что всѣ офицеры уже назначены; адъютантомъ у него былъ старшій сынъ Анфорова, а квартирмейстеромъ Бѣльскій второй. Такъ какъ всякій полкъ имѣлъ четыре баталіона, то во второмъ начальникомъ былъ Кулебякинъ, въ третьемъ Колезиковъ, въ четвертомъ Аксаковъ; одинъ Колезиковъ былъ не алексинскій, а то оба были сосѣди наши и, какъ казалось, коротко знакомые и хорошіе пріатели.

Въ это самое время вся Россія была въ трепетѣ, всѣ уѣзжали

¹⁾ Не Павелъ-ли Андреевичъ—единственный сынъ составителя извѣстныхъ Записокъ? Ред.

изъ Смоленской, Калужской и даже изъ Тульской и Московской губерній; всѣ ѣхали въ дальнія деревни или города, больше всего ѣхали въ Нижній и въ Казань. Мы все не знали, что намъ дѣлать: безпрестанно слышимъ о новыхъ успѣхахъ нашихъ враговъ, родные наши собираются уѣзжать, многіе сосѣди уже уѣхали; Матя рѣшается отправить насъ съ матушкою, сестрою и дѣтьми въ Арзамасскую деревню; я никакъ не могу рѣшиться на это; какъ возможно, любя его столько, быть отъ него въ такое ужасное время такъ далеко, не имѣть о немъ частыхъ извѣстій! это меня ужасало; къ тому же мое болѣзненное состояніе было помѣхой къ поѣздкѣ; насъ всѣхъ страшила мысль о томъ, что мнѣ придется ѣхать 500 верстъ въ такомъ положеніи, не имѣя при себѣ бабушки. Однако, всѣ уѣзжаютъ, враги наши входятъ въ Калужскую губернію,—это отъ насъ уже не болѣе 100 верстъ. Матя мой ѣдетъ въ Алексинъ для набора воиновъ; мы всѣ въ большомъ страхѣ, не зная, что намъ дѣлать съ собою; наконецъ, чтобы быть ближе къ нему, мнѣ вздумалось предложить, чтобы мы ѣхали въ Рязанскую деревню; Матя согласился, равно и матушка съ сестрою. Начали готовиться къ отъѣзду; пріѣхала къ намъ сестра Фаина Ивановна проститься, она поѣхала въ Курскъ; потомъ Надежда Ивановна, проводя своего сына, который только что записался въ ополченіе и долженъ былъ идти на встрѣчу неприятелю; она ѣхала въ Ефремовъ, заѣхала проститься, почевала у насъ; по утру мы были всѣ у обѣдни; я не могла вообразить, какъ я поѣду, какъ оставлю своего Матю; всю отраду находила только въ мысли быть ближе къ нему и чаще имѣть отъ него извѣстія. Такъ тяжело было собираться мнѣ къ выѣзду изъ Кошкина, что невозможно описать. Матушка, бывъ у обѣдни и видя всю тоску мою, любя меня, сжалилась надъ моимъ положеніемъ и ей пришло на мысль, взявъ всѣхъ моихъ дѣтей съ сестрою, ѣхать въ рязанскую деревню, а мнѣ тутъ остаться, покуда возможно; лучъ надежды облегчилъ мою горестъ, благодарность моя къ матушкѣ неизяснима, но опять грусть, согласится ли на это мой Матя? Однако, я послала къ нему, написавъ, какую матушка мнѣ дѣлаетъ милость, видя мою грусть; между тѣмъ опасность, часъ отъ часу, умножалась—Матинька самъ пріѣзжаетъ къ намъ изъ Алексина, соглашается оставить меня, покуда воз-

можно; думали, что полкъ нашъ будетъ стоять у Серпухова или въ Серпуховѣ, поэтому онъ предложилъ мнѣ переѣхать на это время къ Анфорову, и если опасность увеличится, то Анфоровъ, заложа своихъ лошадей въ мою карету, поѣдетъ со мною въ ту-же деревню, куда ѣхали наши; мы въ ихъ пріязни всегда были очень увѣрены и оба сына ихъ были препоручены Мати. Матушка собиралась ѣхать, Матя остался проводить ее; матушка съ сестрой, Анночка, Машинька и Лидинька сѣли въ линейку; Николаша, Володинька съ Андреемъ Андреевичемъ въ кибиткѣ; Зинаидочка, Сашенька, обѣ со своими няньками, въ коляскѣ; въ другихъ кибиткахъ дѣвки. Сборы были такъ грустны, что мы всѣ не знали что укладывать и что оставлять; всѣ платья мои и даже все, что нужно и было заготовлено для моего будущаго ребенка, все отправили, а шубы, даже матушкины и дѣтскія, всѣ остались. Какъ горестно было мнѣ отпускать милыхъ дѣтей моихъ, это одинъ Богъ знаетъ, и всякій, кто разставался съ такими милыми сердцу, съ такими, можно сказать, неосмысленными малютками своими, тотъ только и можетъ постигнуть всю горечь этой ужасной разлуки; но, по крайней мѣрѣ, я знала, что они ѣдутъ въ свою деревню, подъ покровительство матушки и сестры, которыя ихъ любятъ какъ нельзя больше и дѣти къ нимъ привязаны почти столько же, какъ и ко мнѣ; разставаясь со мною, только старшіе плакали, а остальныхъ занимало то, что они ѣдутъ, и всѣ были увѣрены, что чрезъ недѣлю я приѣду къ нимъ; когда экипажи были поданы, то слезы мѣшали намъ выразить наши чувства; они поѣхали, Матя проводилъ ихъ; нѣкоторые изъ меньшихъ какъ сѣли, такъ и заснули; казалось, когда я потеряла ихъ изъ вида, то чувства мои онѣмѣли, но Матя возвратился и, увидя его возлѣ себя, я успокоилась. Матя долженъ былъ снова ѣхать въ Алексинъ; нѣкоторые изъ сосѣдей нашихъ остались у меня, чтобы мнѣ не быть одной; мы съ Матей уже рѣшили, что покуда онъ въ Алексинѣ—мнѣ не ѣздить къ Анфорову, но жить дома, а на случай, ежели непріятель подойдетъ къ намъ ближе, а наши лошади все еще будутъ съ матушкой и дѣтьми, то въ сосѣдствѣ у насъ есть большая деревня совсѣмъ незнакомаго намъ помѣщика, но мужики которой такъ любятъ насъ, что на дворѣ у себя держали шесть лошадей, чтобы всякую минуту быть

наготовѣ запречь ихъ мнѣ въ карету, если мнѣ нужно будетъ скорѣе уѣхать отъ нашихъ враговъ. Какъ описать ту пустоту въ сердцѣ и то горестное чувство, которое я испытала, оставшись одна, по отѣздѣ матушки съ дѣтьми и когда мой Матя поѣхалъ въ Алексинъ; сосѣди мои также уѣхали и я осталась одна въ своемъ большомъ домѣ; всякое мѣстечко напоминало мнѣ мою разлуку съ ними; заслышавъ малѣйшій шорохъ, мнѣ казалось, что кто либо изъ моихъ малютокъ бѣжитъ во мнѣ. тоска до того одолѣла меня, что я не знала, что мнѣ дѣлать; призываю Елизавету свою, велю ей принести совсѣмъ съ постелью своего маленькаго къ себѣ въ комнаты, думая, что хотя онъ займетъ сколько нибудь пустоту комнатъ, но я обманулась; пустота была въ душѣ и сердцѣ, кто-же могъ ее замѣнить безъ Мати и дѣтей моихъ! я не могла войти въ комнату, гдѣ дѣти жили, наконецъ, я почувствовала такую грусть, что боялась долше оставаться одна, послала просить одну изъ ближнихъ сосѣдокъ, Широкову, къ себѣ; она пріѣхала и тѣмъ утѣшила нѣсколько мою скорбь.

Черезъ четыре дня пріѣхалъ мой Матя и пробылъ у меня три дня; въ это время возвратились лошади отъ матушки и я получила письма, въ которыхъ она сообщала мнѣ, что они доѣхали до деревни благополучно; я отъ всей души поблагодарила Царя Небеснаго за его покровительство имъ; Матя мой опять поѣхалъ въ Алексинъ, а на другой день и я уже поѣхала къ нему; онъ видѣлъ, что тутъ мнѣ больше не достанетъ силъ жить одной; это время я безпрестанно была въ страхѣ, потому что непріятель былъ очень недалеко отъ нашихъ мѣстъ и уже подходилъ къ Москвѣ; впереди же шла наша артиллерія; мародеровъ вездѣ было множество; казаки, которые также уѣзжали изъ полковъ и во многихъ мѣстахъ пугали, что французы близко, велѣли жечь селеня, а сами грабили, однимъ словомъ, ужасъ былъ со всѣхъ сторонъ, вездѣ по деревнямъ караулы, вездѣ по ночамъ перекликаются; жутко бывало по ночамъ, особенно когда сердце исполнено грусти, къ тому же и мое болѣзненное состояніе препятствовало мнѣ спать. Уѣзжая въ Алексинъ, я оставляла домъ свой съ совершенно спокойнымъ духомъ оттого ли, что одной въ немъ очень было несносно, или оттого, что я ѣхала къ своему Мати; въ карету посадила я съ собою свою Елизавету съ ея

ребенкомъ; я боялась остаться одна, чтобы грусть не овладѣла мною; и между тѣмъ какъ вся домашняя прислуга и Широкова, оставшаяся проводить меня, прощались со мною со слезами, я поѣхала довольная и спокойная. Подѣзжая къ Алексину, мнѣ встрѣчается Баскакова, ѣхавшая изъ Алексина, останавливается, выходитъ изъ своей коляски, подходитъ ко мнѣ блѣдная, встревоженная до крайности и первымъ долгомъ сообщаетъ мнѣ, что она ѣдетъ въ степь и что меня мой Матя не дождется, что онъ пошелъ уговаривать бабушку, чтобы она ѣхала со мною въ степную деревню, что здѣсь нѣтъ возможности оставаться. все въ опасности, Москва взята злодѣями, Тула въ опасности; губернаторъ отправляетъ все свое семейство въ Ефремовъ и она ѣдетъ уговаривать сестру свою Викулину, чтобы она также оставила мужа и ѣхала бы съ ней, что даже мужъ велѣлъ ей пріѣхать въ Алексинъ затѣмъ, чтобы уговорить ее ѣхать непременно; услышавъ все это, я чрезвычайно огорчилась, думая, что завтра же мнѣ придется оставить Матю, оставить въ такое опасное время и ѣхать въ моемъ положеніи одной съ людьми за полтораста верстъ. Говорятъ, что Тула въ опасности, а мнѣ придется черезъ нее ѣхать; дѣти мои и матушка находятся въ Рязанской губерніи хотя и во ста верстахъ, но все же казалось опасно оставаться имъ тамъ, такъ какъ врагъ идетъ, какъ говорить, на Рязань. Пріѣзжаю въ Алексинъ, нахожу друга своего гораздо спокойнѣе, нежели воображала; онъ мнѣ говорить, что рассказываютъ, будто Москва взята, а достоверно никто не знаетъ, губернаторъ отпускаетъ жену и дѣтей, но еще не отправляетъ ихъ, что мнѣ еще нельзя ѣхать отъ него завтра, а необходимо предварительно отдохнуть и узнать куда имъ назначутъ идти; бабушка не соглашается ѣхать со мною въ степь, но это меня не беспокоило, я совѣмъ забывала въ какомъ положеніи я нахожусь; грусть по поводу разлуки съ Матей превозмогала всю тягость и опасность моего положенія; всѣ бывшія тутъ знакомыя мнѣ дамы пришли ко мнѣ, всѣ сокрушались на счетъ моего положенія, одна я была покойна на этотъ счетъ, одинъ Матя занималъ меня, я только и думала какъ мнѣ разстаться съ нимъ, какъ перенести это, проживши двѣнадцать лѣтъ съ нимъ въ спокойное время; недѣльная разлука съ нимъ была мнѣ тяжела до крайности,

а теперь казалось, что если я оставлю его въ это опасное время, то уже болѣе никогда не увижу; эта мысль меня ужасала.

Тутъ къ намъ приходили почти всѣ тѣ, которые не только были у Мати въ баталіонѣ, но и всѣ бывшіе въ нашемъ полку; многихъ жены были тутъ и всѣ онѣ навѣщали меня; я познакомилась съ тѣми, которыхъ я не знала въ Матиномъ баталіонѣ, но такихъ было мало; изъ сотенныхъ одинъ Донской былъ мнѣ незнакомъ; увидѣвъ его и узнавъ, что жена его въ такомъ же положеніи, какъ я (т. е. беременна), отъ всей души жалѣла ее; казалось, ей было еще тяжелѣе меня, я все еще была съ Матей, а она находилась въ 40 верстахъ отъ своего друга, но на другой день онъ получилъ записку отъ сестры, которая была съ его женою, что она благополучно разрѣшилась отъ бремени; радость его была такъ велика, что всѣ, кто видѣли его, радовались вмѣстѣ съ нимъ тому, что въ его семействѣ прибавилась еще одна малютка; пришедши къ Мати, онъ подалъ ему записочку и не могъ почти ничего сказать отъ волненія.

Я пребыла въ Алексинѣ два дня; первый день никуда не выходила, но всѣ знакомые перебивали у насъ; до насъ доходили самые разнорѣчивые слухи; передъ вечеромъ не помню кто сказалъ намъ, что проѣхалъ одинъ генералъ и сказалъ, что Москва взята, но сочли, что онъ измѣнникъ, который хочетъ только потревожить всѣхъ, даже сожалѣли, что городничій не отправилъ его къ губернатору въ Тулу; въ другихъ же мѣстахъ почта и дороги были вездѣ захвачены непріателемъ; въ это время курьеры изъ нашей арміи ѣздили всѣ черезъ Алексинъ; проѣзжали еще какіе-то люди и сказывали навѣрно, что Москва не взята, но что англичане и сербы, бывъ съ нами въ союзѣ, вступили въ нее для защиты; а между тѣмъ изъ Москвы всѣ уѣзжали, даже въ Алексинъ пріѣхало много купечества, но всѣ они выѣхали изъ Москвы 30 августа, тогда наши враги не были еще въ Москвѣ; вечеромъ часовъ въ 8 полковникъ присылаетъ къ Матѣ, чтобы онъ къ нему сейчасъ пришелъ. Матя пошелъ, а я осталась въ страхѣ, не зная что значить все это, но Матя скоро возвратился, сказавъ, что вѣрно по Окѣ держать кордонъ, что ему съ баталіономъ приказано стоять въ Страховѣ, въ двухъ верстахъ отъ нашей деревни; узнавъ это, я просила Матиньку, чтобы и мнѣ ѣхать съ нимъ въ Страхово и пребыть тамъ сколько

возможно. На слѣдующій день велѣно было выступать изъ Алексина. По утру всѣ роты стали собираться идти къ квартирѣ полковника; Матя повелъ весь баталіонъ, а я осталась на нѣкоторое время на квартирѣ; едва уѣхалъ Матя, пріѣхалъ ко мнѣ нашъ предводитель князь Волхонскій; входя въ комнату, говоритъ, что онъ пріѣхалъ меня успокоить, Москва не взята, а это вошли въ нее англичане и сербы и входили съ музыкою, а эти пустые вѣсти о томъ, что въ нее вошли злодѣи, совсѣмъ несправедливы.

Мы всѣ прихрабрились, но изъ Алексина всѣ жители собирались выѣхать и даже многіе выѣзжали, иные начинали уже говорить, что Москву жгутъ, но имъ почти не вѣрили и всѣ были въ такомъ смятеніи, что не знали чему вѣрить. Проводивъ предводителя, я сѣла въ карету и поѣхала въ квартиру полковника, но изъ нея уже всѣ вышли и направились къ тому мѣсту, гдѣ стояли два баталіона, Матинъ и Аксакова, а другіе два баталіона были въ Крапивнѣ; тамъ набирались люди, но они еще не возвратились. Когда мы подошли къ баталіонамъ, туда принесли уже образа и начали служить молебень съ колѣнопреклоненіемъ; трудно описать, что чувствовали тогда всѣ присутствовавшіе, скажу лишь, что не только тѣ, которые шли на службу и остающіяся ихъ семейства, но и всѣ присутствовавшіе плакали. Послѣ молебна пошли завтракать къ полковнику, а я осталась тутъ; оттого, я думаю, что всѣ были очень разстроены, я не видала какъ ушла Пушкина, а она мнѣ не сказала ничего; я даже послѣ узнала, что къ нимъ ходили завтракать, а Алексинскій купецъ Масловъ поилъ всѣхъ воинъ виномъ. Савиньковъ былъ отправленъ въ Страхово для занятія квартиръ, но едва онъ выѣхалъ, какъ встрѣтилъ жену свою, ѣхавшую къ нему на встрѣчу; она никакъ не хотѣла вѣрить, чтобы войска выступали только въ Страхово; воротясь, онъ насилу довелъ ее до насъ и она упала безъ чувствъ, на силу намъ удалось увѣрить ее, что полкъ идетъ такъ близко; Савиньковъ поѣхалъ, а мы съ его женою и Викулиной уговорились жить также съ нашими милыми друзьями въ Страховѣ и Викулина сѣла со мною въ карету съ тѣмъ, чтобы завести ее по пути къ ея свекрови. Мы поѣхали со своимъ баталіономъ, однако обогнали его, чтобы поранѣе пріѣхать въ Страхово и приготовить ужинъ къ приходу Мати съ баталіономъ.

Я прїѣхала уже въ 9 часовъ вечера; дорога была очень дурная, я же ѣхала очень тихо и даже шла пѣшкомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было очень ухабисто; это было 5 сентября 1812 г., вечеромъ, шелъ маленькій дождикъ; я прїѣхала прямо на дворъ дома покойнаго Петра Дмитріевича Еропкина, доставшагося послѣ него князю Гагарину; для насъ очищали флигель, мели, все прибирали; пыль была такая, что я принуждена была спидѣть на крыльцѣ; въ этомъ флигелѣ было двѣ комнаты безъ печей и баня, въ которой печь была вся изломана и ее нельзя было топить, да черезъ сѣни еще большая комната. Когда пыль улеглась, то я вошла въ маленькую комнату, напилась чаю съ Савиньковымъ и засѣдателемъ, который тутъ былъ; дождалась Матю до перваго часа ночи; по приходѣ его, мы ужинали всѣ вмѣстѣ; Матя и всѣ его товарищи очень устали.

На другой день, шестаго сентября, мы расположились жить въ банѣ, послали изъ дома привезти нѣсколько мебели и желѣзную кровать, но смятеніе было такъ велико, что и въ голову не пришло поставить верхъ и пологъ; окошки были перебиты, мы вѣлѣли кое-какъ замазать стекла, послали къ матушкѣ провѣдать ихъ; всѣ наши были у насъ весь день. Матя ѣздилъ осматривать гдѣ стояли по Окѣ караульные. Прїѣхала Викулина и Савинькова; съ Викулиной была ея старшая дочь Катенька; всѣ помѣстились во флигель; прїѣзжалъ сынъ Саблукова; онъ служитъ въ арміи и вѣль рекрутъ въ депо; онъ также сказалъ, что слышалъ навѣрное, что Москва взята, но и ему не вѣрили, даже запрещали говорить объ этомъ, словомъ сказать, никто вѣрить не хотѣлъ, чтобы Москва была въ рукахъ злодѣевъ. 7-го числа прїѣзжала ко мнѣ Анфорова и съ нею ея племянницы, всѣ говорили одно, но все невѣрное; я чувствовала себя не очень хорошо, казалось минута моего разрѣшенія приближалась, бабушки не было; я положила твердое упованіе на Царицу Небесную и была очень спокойна; Матинька получилъ отъ Богданова письмо или, лучше сказать, записочку, наскоро написанную, въ которой онъ увѣдомлялъ его, что точно Москва взята, что и въ Тулѣ не безопасно, и что онъ жену свою съ семействомъ уже отправилъ и совѣтывалъ бы и меня скорѣе отправить. Матя приноситъ мнѣ письмо прочесть; я говорю, что я уже не въ силахъ ѣхать; сначала онъ думалъ, что я для того

это говорю, чтобы не уѣзжать отъ него, но вскорѣ дѣло выяснилось. Викулина не хотѣла тутъ ночевать и перебралась на крестьянскій дворъ; я призвала свою женщину, которой два раза удавалось уже принимать, и была такъ спокойна, точно не мнѣ предстояло родить. Мой Матя въ тысячу разъ безпокоился болѣе меня. 8-го числа Матя поѣхалъ къ обѣднѣ домой, Викулина пошла тутъ къ обѣдни, я же была не въ силахъ идти; однако у насъ обѣдали всѣ наши и чай пили; нѣкоторые остались ужинать, но я уже не выходила; въ 8 часовъ всѣ разошлись, а въ 11 я родила благополучно сына; бабушка моя очень испугалась, такъ какъ (ей показалось, что) мой Митя родился мертвымъ и такъ какъ она была еще въ этомъ дѣлѣ непривычная, то просила даже, чтобы Матя далъ понюхать малютокѣ одеколону, которымъ онъ теръ мнѣ голову и давалъ нюхать; ночь была страшно холодная, отовсюду дуло, но Господь былъ такъ милостивъ ко мнѣ, что я не простудилась; кровать моя стояла возлѣ самыхъ дверей, противъ окошка, но все прошло благополучно. Для маленькаго ничего не было приготовлено, и Широкова привозила мнѣ для рубашечекъ бѣлье своего мужа, а мое все было отправлено. Изъ Серпухова всѣ выѣхали, жили по деревнямъ и лѣсамъ; изъ Тарусы также всѣ переѣхали на нашу сторону, поэтому и купить негдѣ было; на другой день Матя поѣхалъ къ полковнику и онъ самъ пріѣхалъ къ намъ; тутъ опять увидѣла я какъ велико было ко мнѣ милосердіе Божіе: въ самую ту ночь, когда я родила, одинъ офицеръ Авсакова баталіона, великій шалунъ Соколовъ былъ на Окѣ у Алексина въ караулѣ; ночью плыла барка съ сухарями, онъ ее обликать, но на баркѣ видимо всѣ заснули и ничего ему не отвѣчали; ему приди въ голову, что это французы, закричалъ: „французы въ Алексинѣ, давайте народу!“ Это разнеслось отъ пикета къ пикету, всѣ кричатъ, бѣгутъ, дошло до полковника, онъ всталъ и на лошадь, туда же поскакалъ и перехватилъ весь свой караулъ, вотъ отчего до насъ не дошелъ этотъ шумъ и тревога; Авсакова разбудили, жена его очень встревожилась; изъ ближнихъ деревень даже мужики сбѣжались съ вилами и рогатинами, всѣ кричатъ и бѣгутъ въ Алексинъ. Поровнявшись съ баркой, полковникъ посылаетъ къ ней человѣка вплавь, чтобы остановить ее и тогда уже узнаютъ, что тутъ вмѣсто французовъ — сухари; всѣхъ успокоили, а весь нашъ

баталіонъ не зналъ этой тревоги и я не была въ самое опасное для меня время встревожена, а спала спокойно. На третій день моихъ родовъ, мы получили письмо отъ матушки и сестры, онѣ были также въ страшной тревогѣ; враги наши изъ Москвы пошли на Рязань, всѣ тамошніе сосѣди наши уѣзжали оттуда; сестра писала мнѣ, чтобы я поскорѣе пріѣзжала, чтобы ѣхать въ Елецъ; къ нимъ уже пріѣхали братъ Аванасій Ивановичъ съ семействомъ и сестра Татьяна Ивановна съ дочерьми; сестра писала даже, что онѣ назначили уже день отъѣзда; если бы я даже поѣхала къ нимъ изъ Алексина, то вѣроятно застала бы ихъ уже въ дорогѣ.

II.

Какъ скоро я родила, тотчасъ послали къ матушкѣ и сестрѣ; съ какимъ нетерпѣніемъ ждали мы возвращенія этого посланнаго, чтобы узнать поѣхали-ли онѣ и здоровы-ли; послѣ обѣда пріѣхалъ къ намъ Нагаевъ, онъ былъ въ Московскомъ ополченіи и сказалъ, что Москву отдали, что наши войска прошли черезъ нее, а французы вступили тотчасъ, что они грабятъ и жгутъ въ Москвѣ и въ окрестностяхъ; многіе изъ тѣхъ, кто былъ въ московскомъ ополченіи и имѣли деревни въ московской губерніи, очень роптали, какъ скоро отдали Москву и даже уѣхали по домамъ, въ томъ числѣ былъ и Нагаевъ, у котораго также потерпѣли нѣкоторыя деревни. Впрочемъ, роптали не одни только жители Москвы: всѣ говорили зачѣмъ Москва отдана, по послѣдствіи оказалось, что этимъ спаслась вся Россія. Изъ самаго вступленія злодѣевъ въ Москву еще болѣе повсюду высказалась милость къ намъ Создателя; они начали грабить церкви, но послѣ нихъ находили въ церквахъ чудеснымъ образомъ оклады съ образовъ переломанные и брошенные на полу. Образъ, что на Спасскихъ воротахъ, они никакъ не могли снять, стрѣляли въ него, но даже стеклу ничего не сдѣлали; образъ Николая Чудотворца на Никольскихъ воротахъ остался цѣль, тогда какъ непріятель, выходя изъ Москвы, взорвалъ всю стѣну до самыхъ воротъ, до самаго образа. Много подобныхъ дѣлъ совершили неистовые враги наши; страшно было даже слышать обо

всемъ этомъ, но впослѣдствіи они были видимо наказаны за всѣ свои злодѣянія.

Когда мы жили въ Страховѣ, то ловили по Окѣ мародеровъ, даже со скотиною, которую они крали; квартира наша сдѣлалась ужасно холодна. вездѣ дуло, мнѣ не было возможности долѣе оставаться тутъ; Матинька мой перевелъ роту въ Кошкино и самъ переѣхалъ въ свой домъ для меня. На пятый день послѣ родовъ я переѣхала въ Кошкино, очень ослабѣла, но все таки дошла до гостиной и можно сказать, что тутъ я только въ первый разъ увидѣла своего новорожденного малютку, потому что на другой день послѣ рожденія его отравили съ бабушкой, которая его принимала, въ Кошкино и чтобы ему было не такъ холодно, то его помѣстили во флигелъ въ Елизаветину комнату. Кормилица нашла солдата наша, но очень изрядная молодая женщина; крестили его заочно Зинаида съ Володей, на третій день его рожденія; при себѣ я перевела его въ матушкину комнату, куда помѣстила съ нимъ Елизавету съ сыномъ и ту женщину, которая его принимала, но онъ почти не спалъ и все кричалъ, потомъ пошли по немъ большіе нарывы и, наконецъ, Елизавета съ этой женщиной замѣтили, что онъ голоденъ, у кормилицы молока было мало, а она никакъ не хотѣла признаться въ этомъ, но попробовали дать ему соску и узнали, что онъ точно съ голода не спитъ по ночамъ, бывало такъ, что кормилица тихонько давала ему соску; я была вынуждена перемѣнить кормилицу, взяла дворовую женщину.

Черезъ нѣсколько дней я поправилась; мы никогда не были одни: всѣ тѣ, кто былъ у Мати въ баталіонѣ, бывали у насъ всякій день, нѣкоторые жили у насъ въ домѣ; оба Анфоровы постоянно жили у насъ; Матя не отпускалъ и меньшого въ роту, но они постоянно находились при немъ. Человѣкъ, посланный къ матушкѣ, возвратился; онъ догналъ матушку уже на дорогѣ, она поѣхала къ Хрипуновымъ, но писала намъ, что она тамъ больше 10 дней не пробудетъ, не желая ихъ стѣснять, и просила Матю уведомить ее куда ей ѣхать; въ степной деревнѣ также опасно и всѣ оттуда выѣхали; насъ съ Матей это такъ разстроило, что мы не знали на что рѣшиться; въ Кошкино имъ невозможно было пріѣхать, опасность не только не прошла, но съ каждой минутой возрастала; надобно было что нибудь отвѣчать

матушкѣ, но мы не знали на что рѣшиться, такъ что Матя, съѣвъ писать, просилъ Царя Небеснаго вразумить его, а я, свѣда возлѣ него, плакала; наконецъ, Матя написалъ, чтобы матушка съ сестрой Аннушкой и Машей пробыли у Хрипуновыхъ подольше; такъ какъ эта семья была не такъ велика, то по дружбѣ къ намъ Хрипуновыхъ они, навѣрно, были бы имъ не въ тягость и хотя въ маленькомъ домикѣ, но всѣ бы помѣстились. Николашу и Володеньку съ Андреемъ Андреевичемъ прислать къ намъ въ виду того, что это мальчики и слава Богу здоровые, но если опасность увеличится, они какъ нибудь со мной уѣхали бы. Зинаиду, Лидю и обѣихъ Сашенекъ съ Феклою и Яковомъ Степановичемъ съ его дѣтьми отправить въ Рязанскую деревню. Грустно было намъ обоимъ писать это, но мы не находили лучшаго средства. Какъ ни усерденъ былъ Яковъ и какъ ни любила вянъка нашихъ дѣтей и хорошо за ними смотрѣла, но все же они не будутъ уже подъ матушкинымъ и сестринимъ покровительствомъ и сердце мое не могло быть спокойнымъ; однако, слабость моя проходила и я выздоравливала гораздо скорѣе, нежели ожидала, и даже удивительно было, что огорченіе не разстроивало моего здоровья,—такъ велико было милосердіе Господа ко мнѣ.

Въ это время французы грабили и оскверняли храмы Господни, сожгли почти всю нашу древнюю столицу и вышли изъ нея, пробывъ въ ней больше мѣсяца. Плѣнныхъ враговъ нашихъ безпрестанно гнали чрезъ наши деревни, а злодѣи эти, по выступленіи изъ Москвы, сдѣлались еще злѣе, истребляли огнемъ всѣ попадавшіеся имъ на пути деревни и города. Однажды, погода была прекрасная, Вибулина зоветъ меня къ себѣ въ Страхово обѣдать; мы съ Матей оба отправились къ ней; туда пріѣхали и всѣ наши, Савенькова съ сестрой. Савеньковъ былъ въ караулѣ, жена его послѣ обѣда поѣхала къ нему; я не знала какъ они тамъ стоятъ и захотѣла также пробѣхаться; отобѣдавъ, мы всѣ отправились туда; подъѣзжаемъ къ берегу Оки; какая ужасная сцена представляется нашимъ глазамъ: весь лугъ на противоположномъ берегу противъ Тарусы былъ установленъ телѣгами, коровами, лошадьми и народомъ съ маленькими дѣтьми; это были раззоренные изъ-подъ Москвы, которые успѣли уйти; всѣ были въ рубищахъ, лишены почти дневнаго пропитанія

и всего имущества; нѣкоторые изъ нихъ были доведены до такой крайности, что и у маленькихъ дѣтей ихъ кромѣ одной рубашки ничего не было и покуда ее сушили. ребенка не во что одѣть было, то его голову грѣли около разложеннаго огня; скотина отъ голода ревѣла, потому что на лугу травы совсѣмъ не было; изъ Тарусы всѣ выѣзжали; вся армія наша и злодѣевъ нашихъ была не болѣе какъ въ тридцати верстахъ отъ Тарусы; тарусскій горюничій получилъ уже повелѣніе, если еще опасность умножится, то жечь Тарусу: все это раздирало сердце на части отъ ужаса; пробывъ тутъ не долго, мы поѣхали назадъ напившись чаю у Викулиной, возвратились домой. Спустя нѣсколько времени, пріѣхалъ къ намъ Пушкинъ со своимъ адъютантомъ; онъ ѣхалъ въ Липицы, тамъ стоялъ конный полкъ князя Щербатова, также изъ нашего ополченія; онъ былъ назначенъ бригаднымъ и нашъ полкъ также былъ подъ его начальствомъ. Мать моя поѣхала вмѣстѣ съ нимъ, а ко мнѣ пріѣхала Анфорова съ Нечаевымъ, а Савинькова жила у меня; послѣ обѣда мы всѣ сидѣли въ маленькой гостинной, Елисавета моя вызываетъ поятихоньку Савинькову; та входитъ довольно встревоженная; спрашиваю ее зачѣмъ она выходила, она мнѣ говоритъ, что Елисавета ей сказала, что слышна пушечная пальба, но что она выходила слушать и ничего не слыхала; я, признаться, не повѣрила этому, а думала, что Елисаветѣ показалось отъ страха, она уже и прежде ночи не спала и дивилась какъ я рѣшаюсь тутъ жить.

Часа въ три пріѣхалъ Матинька съ Пушкинымъ, и сказали, что точно слышна пушечная пальба и что Щербатовъ съ полкомъ ѣдетъ въ армію, заѣдетъ къ намъ выпить чаю. Пушкинъ сталъ меня уговаривать уѣхать изъ этой деревни, потому что опасность была очень близка; вся армія наша находилась отъ насъ не больше, какъ въ 25 верстахъ и мѣсто сраженія было не далѣе 30 верстъ; Матинька также говорилъ, что я его успокою этимъ, что онъ отпуститъ со мною надежныхъ десять человекъ вооруженныхъ; пріѣхалъ и Щербатовъ со своими офицерами; какъ было тяжело смотрѣть на нихъ; люди, которые жили нѣсколько лѣтъ въ отставкѣ, которые имѣли семейства, нѣкоторые изъ нихъ посѣдѣлые, ѣхали на поле сраженія. Щербатовъ имѣлъ желанія отличиться, но товарищи его шли затѣмъ, чтобы защищать дома свои, поэтому натурально, что они были

угнетены горестью. Всѣ они уговаривали меня ѣхать, также и Савинькову; я не знала что мнѣ дѣлать: ѣхать и оставить Матю — это мнѣ казалось невыносимо, ѣхать одной — вездѣ мародеры партиями, казаки, а между тѣмъ въ Серпуховѣ то наведутъ, то снимутъ мосты по Овѣ и всѣ выѣхали кромѣ одного архимандрита, онъ оставался въ Серпуховѣ; вижу, что Матиньку я успокою своимъ отъѣздомъ, поэтому рѣшилась ѣхать; зову съ собою Викулину, Савинькову, но тѣ ни одна не ѣдутъ, а между тѣмъ полковникъ получилъ секретный ордеръ, что если ближе будутъ враги наши, то идти въ Тулу; наконецъ, я рѣшаюсь ѣхать въ рязанскую деревню, считая, что уже дѣти должны быть тамъ, и взявъ ихъ съ собою ѣхать въ Елецъ къ Хрипуновымъ, туда, гдѣ матушка была съ старшими моими дѣтьми. Горестъ такъ жестоко овладѣла мною при мысли, что мнѣ съ Матей разстаться должно, что я почти цѣлый день плакала. Пушечные выстрѣлы безпрестанно были слышны и даже часъ отъ часу становились слышнѣе; ужасъ все болѣе овладѣвалъ нами. Вечеромъ Матинька съ товарищами своими пошла пройтись, я осталась одна и, вообразивъ всѣ обстоятельства своей горестной разлуки съ милымъ своего сердца, съ милымъ Матей, чувства оставили меня; когда я опомнилась, Матя сидѣлъ возлѣ меня и всѣ его товарищи помогали мнѣ. Матя, видя мою невыносимую скорбь, пожалѣлъ меня, отложилъ отъѣздъ мой до 25 числа, день Сергѣя чудотворца, и меня облегчило его обѣщаніе. Въ день Сергѣя чудотворца мы получили извѣстіе, что наши бьютъ французовъ и гонять; тутъ я еще упршиваю Матю, чтобъ мнѣ подождать ѣхать, онъ соглашается оставить меня съ собою; въ это время человекъ нашъ возвращается отъ матушки, и какъ я была рада, что не поѣхала, — Богъ меня сохранилъ; матушка со всѣми моими дѣтьми уѣхала отъ Хрипуновыхъ къ брату Афанасію Ивановичу въ Тульскую деревню; въ Тулѣ не было уже такой опасности, однако все еще въ самый городъ не пріѣзжали, даже и купцовъ почти не было, а если бы я поѣхала, то въ рязанской деревнѣ дѣтей бы не нашла, должна бы ѣхать со своимъ больнымъ Митенькой въ Елецъ къ Хрипуновымъ и тамъ бы не застала своихъ; какое бы было мое страданіе во время этой моей поѣздки; верстъ триста или четыреста проѣхать въ такой

грусти и не имѣть даже того утѣшенія, чтобы получать извѣстія о своемъ миломъ Матѣ и нигдѣ не находить свое семейство: отъ истинной души моей благодарила Царя Небеснаго, что изъ бавиль меня отъ этого мученья.

Мы пробыли еще нѣсколько дней въ Кошкинѣ; пріѣхалъ опять Пушкинъ къ намъ, ѣхавши къ бригадному, но бригадный, Рахмановъ, былъ уже у насъ; Матя мой уже не поѣхалъ, но вечеромъ того самаго дня пріѣхалъ къ намъ полевой адъютантъ Владычина Рославскій, для занятія квартиръ; ихъ полкъ также пришелъ изъ Тулы и нашему велѣно подвинуться къ Алексину, а Владычину занять наши квартиры. По утру пріѣхалъ нашъ полковникъ и сказалъ, что намъ приказано стоять въ Ламановѣ и чтобы въ тотъ же день очистить квартиры, потому что Владычинъ идетъ уже съ полкомъ. Матя мой на одну ночь перевелъ еще роту въ Кошкино, потому что поздно было идти въ Паново, а Страхово очистили для Владычина; Кошкино наше не было назначено подъ квартиры, но такъ какъ въ это горестное для всей Россіи время дорога чрезъ Кошкино сдѣлалась самая проѣзжая, очень много шло разныхъ командъ и вездѣ дѣлали большія притѣсненія обывателямъ; Матя поѣхалъ съ Пушкинымъ къ Владычину, чтобы предложить ему самому остановиться у насъ въ домѣ и попросить его, чтобы онъ и роту одну поставилъ въ нашемъ селѣ. Владычинъ и съ нимъ Карповъ пріѣхали къ намъ обѣдать и Владычинъ самъ не захотѣлъ у насъ въ домѣ остановиться, а роту поставилъ въ Кошкино. Нашъ батальонъ очень рано пошелъ въ Ламаново, около него занимать квартиры, мы же съ Матей, послѣ обѣда, проводя своего полковника и Владычина, поѣхали сами въ Ламаново, взявъ съ собою Митю съ кормилицей и Елисавету съ сыномъ. Ѣхавъ чрезъ нижнее Ламаново, гдѣ была квартира Пестова и Донскаго, мы заѣзжали къ Пестову, къ нему и жена пріѣхала; отъ нихъ поѣхали на свою квартиру; намъ была квартира въ домѣ, но домъ холодный, вездѣ несло, а нѣкоторыя комнаты были совсѣмъ безъ печей; съ нами въ домѣ помѣстились по обыкновенію оба Анфорова и Савиньковъ, а въ банѣ Викулинъ съ женой; его рота стояла въ этой деревнѣ, а Бѣльскова рота была въ Егнышовкѣ; тутъ и полковникъ жилъ въ своемъ домѣ; всякій день мы видались со всѣми, Пушкинъ также къ намъ почти всякій

день ѣздилъ, а живя съ Викулиной на одномъ дворѣ, мы всякую минуту были вмѣстѣ; всякій день слышны были неумолгаемые пушечные выстрѣлы; признаться, когда бывало не слышать сихъ выстрѣловъ, то всѣ боялись не сдѣлался бы миръ и всякій разъ, какъ просыпались, то первый вопросъ былъ—не слышна ли пальба? хотя при всякомъ выстрѣлѣ сердце обливалось кровью, но всѣ были увѣрены что наши войска во всякомъ сраженіи подъ покровомъ Царя Небеснаго и подъ предводительствомъ князя Кутузова выигрываютъ, что и было точно съ самаго Бородинскаго сраженія, которое было еще до взятія врагами нашими Москвы; вездѣ ихъ били не только мужественныя наши войска, но и простые мужички; даже они начали умирать съ голода и пропали мира, бывъ въ Москвѣ.

III.

Къ полковнику былъ присланъ ордеръ, по полученіи втораго повелѣнія выступать въ 6 часовъ въ походъ. Осень была прекрасная, октябрь былъ такъ хорошъ, что мы очень часто гуляли. Случилось, что всѣ наши разошлись: Матя, Викулина и еще человекъ два у насъ было, не больше; мы пошли гулять, и какъ вышли на крыльцо, то я услышала страшную пальбу; прежде я не выходила изъ комнатъ, когда слышна была эта страшная стрѣльба; по слабости своей я еще мало выходила, но тутъ, услышавъ пальбу въ первый разъ, она меня смутила; однако, бывъ близъ Мати, казалось, опасность была не такъ велика; по вечерамъ были видны вдаль въ той сторонѣ, гдѣ находились обѣ арміи, огромныя зарева; однако, опасность въ нашихъ мѣстахъ сдѣлалась уже не такъ велика: обѣ арміи стали отъ насъ удаляться, врагъ нашъ не тотъ уже былъ, какъ во время шествія на Москву: онъ не побѣждалъ, но его гнали; я стала просить Матю, чтобы дѣтей привести, но онъ все еще не рѣшался; въ Тарусу жители стали собираться, также и въ Серпуховъ и въ Тулу; наконецъ, Матя согласился, а больше превозмогло его желаніе послать за Николашей и Володей съ Андреемъ Андреевичемъ,—и дней черезъ пять послали за ними лошадей. Пес-

товъ уже перешелъ со своею ротою въ Велигусе; зоветь насъ къ себѣ чаю пить, его жена и свояченица Воронцова ¹⁾ къ нему пріѣхали, а отъ него Донской зоветь, чтобы заѣхали къ нему; Викулина также хотѣла къ Донскому пріѣхать; мы съ Матей на дрожкахъ поѣхали къ Пестову, отъ него уже въ сумерки заѣзжаемъ къ Донскому; онъ мнѣ говоритъ: „посмотрите, какая у меня прекрасная спальня“, а гдѣ его кровать была поставлена, то тамъ была повѣшена занавѣска; думая, что онъ оттого хочетъ показать мнѣ свою спальню, чтобы пошутить, какъ онъ перегородилъ избу занавѣской, я приподнимаюсь немного, но онъ проситъ меня подойти поближе; я подошла и каково было мое удивленіе и радость, увидя на его кровати сидящаго Андрея Андреевича и Николашу съ Володей; какъ пріятно было мнѣ прижать ихъ къ своему сердцу послѣ двухмѣсячной разлуки! я не могла на нихъ наглядѣться, казалось, они совсѣмъ перемѣнились и они намъ чрезвычайно обрадовались. Когда мы поѣхали къ Пестову, они пріѣхали вскорѣ послѣ насъ; Викулина привезла ихъ съ собою къ Донскому и они мнѣ сдѣлали этотъ пріятный сюрпризъ; Володя съ Николашей не отходили отъ окошка, все смотрѣли на караулъ, который стоялъ у насъ подъ окномъ, а я все на нихъ смотрѣла; какъ мнѣ хотѣлось и другихъ дѣтей моихъ видѣть; Матя нѣсколько разъ предлагала мнѣ, когда я плакала, чтобы я съѣздила къ брату повидаться съ дѣтьми, но, признаюсь, что какъ я ни желала ихъ видѣть, но не рѣшалась ѣхать, потому что боялась, что матушка уже оставитъ меня съ ними и я буду разлучена съ Матей своимъ, вотъ что меня удерживало; къ тому же я знала, что по милости матушкиной и дружбѣ сестры Анны Ивановны они всё покойны и что за ними имѣютъ присмотръ не менѣ моего.

12-го октября (Андрей Тимофеевичъ) Болотовъ былъ именинникъ, мы съ Матей на дрожкахъ, а на другихъ—Пушкинъ поѣхали къ нему; къ нему изъ арміи пріѣхалъ внучекъ его, Воронцовъ, и мы узнали отъ него, что тогда въ нашихъ мѣстахъ опасность часъ отъ часу уменьшалась и Болотовъ даже

¹⁾ Пестова и Воронцова были дочери Андрея Тимофеевича Болотова.
Ред.

сказалъ намъ, когда мы съ нимъ совѣтовались, что можно и за матушкой съ дѣтьми послать; на другой же день мы послали за ними лошадей и къ Пушкину жена пріѣхала и онъ также рѣшился писать къ своимъ, чтобы пріѣзжали, но Наталья Николаевна съ сыномъ одна пріѣхала; разочтя дни, когда матушка должна пріѣхать, мнѣ казалось, что она къ Казанской должна быть дома; отъ большаго желанія видѣть дѣтей мнѣ казалось, что они непремѣнно должны пріѣхать.

21-го (октября) былъ день рожденія жены Пестова; мы поѣхали съ Матей къ нему послѣ обѣда, съ тѣмъ, чтобы, посидя у него, ѣхать уже въ Кошкино, полагая навѣрно, что матушка пріѣхала и чтобы пріѣхать ко всенощной поднять въ церкви образъ; мы поѣхали на дрожкахъ; проѣзжая мимо пивета, на которомъ былъ въ караулѣ Пестовъ, мы подѣхали къ нему; поговоря съ нимъ, хотѣли ѣхать далѣе, но только что отѣхали нѣсколько шаговъ, дрожки наши нагнулись на сторону; мы остановились посмотреть отъ чего это, Пестовъ подошелъ къ намъ, осматривалъ наши дрожки и увидѣли, что дрога лопнула, подвязали кое-какъ; Матя почти шель пѣшкомъ до самаго Велегуша. Къ Пестову пріѣхали верхами Викулинъ, Донской и оба Анфоровы, съ тѣмъ, чтобы съ нами ѣхать въ Кошкино, отслушать всенощную и опять возвратиться въ Ламоново; наши дрожки подвязали лучше и мы поѣхали, но отѣхавъ не далѣе полъ-версты, дрожки наши совсѣмъ изломались и мы вынуждены были съ нихъ сойти; Петръ Николаевичъ поѣхалъ къ Пестову за его дрожками, а мы пошли пѣшкомъ; ночь была хоть холодна, но свѣтла; Алексѣй Николаевичъ велъ всѣхъ верховыхъ лошадей, Донскаго лошадь оторвалась и всѣ пошли ее ловить, но, поймавъ ее, Викулинъ потерялъ нагайку и поѣхалъ назадъ, не захотѣлъ ѣхать съ нами; Донской озябъ, поѣхалъ впередъ, остались мы съ Матей и меньшей Анфоровъ, но скоро дрожки Пестова пріѣхали, и мы доѣхали благополучно до Кошкина.

Подѣзжая къ деревнѣ, казалось, что въ домѣ огонь, и я воображала, что чрезъ нѣсколько минутъ я увижу матушку, сестру и своихъ малютокъ; сердце мое трепетало отъ радости: казалось, тихо ѣдемъ; наконецъ, пріѣзжаемъ къ дому, но въ немъ темно, нѣтъ огня, наши еще не пріѣзжали; мы всѣ перезабли, чаю съ нами не

было, а тутъ безъ Елисаветы своей я не знала гдѣ его найти, но Пелагея принесла немножко чаю и нѣсколько кусковъ сахара. Послѣ всенощной Донской и Петръ Николаевичъ уѣхали, Алексѣй Николаевичъ остался съ нами, ужинали мы также деревянными ложками; на другой день послали къ Широкиму попросить чаю, сахару и приборовъ; послѣ обѣда у насъ были Болотовы и только что поѣхали, какъ увидѣли, что наши ѣдутъ; мы выбѣжали на крыльцо, не могли ихъ дожидаться и дѣти такъ обрадовались, увидя домъ свой, что насилу усидѣли въ экипажахъ; вѣзжая во дворъ и увидя меня и Матю стоящихъ на крыльцѣ; Лидя вскричала: „Ахъ, бабушка, отецъ мой и мать моя тутъ, вотъ я ихъ вижу!“ Какъ подѣхали они, то слезы облегчили меня, и они только могли выразить ту радость, которую я ощущала, увидя дѣтей послѣ двухмѣсячной разлуки, и ту благодарность, которую я въ душѣ моей имѣла къ матушкѣ и сестрѣ за всѣ поличенія ихъ о дѣтяхъ; дѣти всѣ очень намъ обрадовались, одинъ Саша не узналъ меня, а къ Матѣ винулся на руки, не смотря на то, что Матя усы отпустилъ; я въ это время очень похудѣла и онъ не узналъ меня. Я въ нихъ во всѣхъ нашла большую перемѣну, они выросли всѣ, безпрестанно то тотъ, то другой подходили и цѣловали меня; Матя ночевалъ тутъ, а поутру поѣхалъ въ Ламоново, но я осталась съ ними, онъ прислалъ въ каретѣ Андрея Андреевича съ Николашей и Володей, кормилицу съ Митей и Елизавету, а самъ остался тамъ; я думала, что чрезъ недѣлю, взявъ съ собою нѣкоторыхъ дѣтей, поѣду къ нему, но чрезъ три дня пріѣхалъ адъютантъ Мати и сказалъ, что Матя велѣлъ лошадей прислать, что имъ опять квартиры перемѣнять; ему опять приказано стоять въ Кошкино, чему мы очень обрадовались; между тѣмъ погода перемѣнялась и зима начиналась, рѣки становились и кордоны по Окѣ велѣли снять; переѣхалъ и Матинька и мы тутъ восемь дней прожили благополучно, въ кругу своего семейства.

Потомъ сотенный нашъ начальникъ Бѣльскій зоветъ насъ въ свою деревню къ себѣ на завтракъ; пріѣзжаемъ всѣ къ нему; у него еще былъ одинъ капитанъ Рахманова полка, но по отлучкѣ его баталіоннаго начальника онъ правилъ баталіономъ и стоялъ въ деревнѣ Бѣльскаго; какъ мы пріѣхали, то онъ по-

казалъ намъ ордеръ командира идти въ Рославль и тамъ дожидаться приказа, это насъ всѣхъ встревожило чрезвычайно; полагая, что вѣрно и нашему полку идти, и прежде были слухи, что всему ополченію назначенъ походъ, но мы не хотѣли этому вѣрить: обыкновенно, чего очень боишься, то все надѣешься, что не случится; къ тому-же полагали, что нашъ полкъ, по обща-нію, выступитъ послѣдній; все думали, что коли и пойдутъ, то все еще не скоро, но сердце предвѣщало уже, оно начало стра-дать. Приѣхавъ домой, приказа отъ полковаго командира еще не нашли; но вечеромъ мы легли спать въ одиннадцать часовъ; естественно, что, дожидаясь этой страшной бумаги, я не могла покойно спать, лежала и плакала; приходитъ дѣвка, приносить бумагу, адъютантъ прислалъ, чтобы черезъ два дня выступать; тутъ уже горестъ овладѣла мною и я начала рыдать, просить Матю, чтобы позволилъ мнѣ проводить его до Калуги; онъ далъ мнѣ слово; въ ту же минуту велѣлъ къ сотеннымъ послать за-писки, чтобы они всѣ рано по утру съѣхались; мы встали раньше обыкновеннаго, можно ли спать, когда душа страдаетъ. Всѣ при-хали, всѣ были въ одинаковомъ положеніи; къ Донскому при-ѣхала жена; не зная еще объ этомъ походѣ, она приѣхала ко мнѣ; конечно, мы другъ друга не могли утѣшить, но страдали вмѣстѣ и плакали. Къ намъ приѣхала сестра, Надежда Ива-новна, со своими; она только что возвратилась, узнавъ изъ моего письма, что Мати походъ, и приѣхала проститься; сборы были таковы, что я, укладывая все его бѣлье и платье, всякую вещь вѣрно не одинъ разъ оплакивала.

IV.

7-го ноябрю баталіонъ нашъ выступилъ очень рано, такъ какъ ему велѣно собираться въ Игнешево, и мы всѣ встали въ 6 часовъ, даже дѣти старшіе пятеро проснулись проводить паненьку. Анфоровы пріѣхали проводить дѣтей и ночевали у насъ; какъ описать ту ужасную сцену, когда Матя прощался съ матушкой, съ дѣтьми и съ сестрами; сестрѣ Аннѣ Ивановнѣ сдѣлалось дурно, племянницѣ также средней, съ которой Матя всегда былъ дружище; дѣти всѣ плакали, меня уже Матя поскорѣе отправилъ, посадилъ въ кибитку; онъ сѣлъ на облучокъ: впереди въ саняхъ ѣхали оба Анфорова. Всѣ дворовые провожали Матю, но, конечно, невозможно описать все то, что было при прощаньи, потому что никто не помнитъ этого хорошенько, отъ горя души у всѣхъ были мертвы. Въ Тяпкинѣ мы переѣхали черезъ рѣчку, мужикъ вышелъ проститься съ Матей; кругомъ насъ были мужики совсѣмъ посторонніе, но всѣ любили моего Матю, кто только зналъ его и его чувство,—возможно ли мнѣ не обожать его?

Проѣхавъ Ламаново, нашъ баталіонъ дождался Матю; онъ сѣлъ верхомъ, а я проѣхала впередъ къ Пушкину; проѣзжая мимо баталіона, слезы лились изъ глазъ моихъ. Пріѣхавъ къ Пушкинымъ, нахожу у нихъ Баратова съ женою; все ихъ семейство и Петръ Николаевичъ Пушкинъ съ женою сидятъ и довольно покойно чай пьютъ; я какъ вошла, такъ никакъ не могла воздержаться и рыданья мои обнаружили всю мою скорбь; они меня старались успокоить; Екатерина Матвѣевна какъ ни скрывала тоску свою, но кто чувствовалъ такую же горестъ, тотъ могъ понять ея чувства; Наталія Николаевна говорила, чтобы я не огорчалась, что они идутъ занимать кордонъ по Смоленской губерніи, что имъ не грозитъ опасности, но что если они пошли уже служить, то зачѣмъ на печи сидѣть, они за этотъ походъ получаютъ ордена, и что онъ продлится не болѣе двухъ мѣсяцевъ; сердце мое не соглашалось съ этимъ, и одни слезы мои были ей отвѣтомъ; меня мучила уже одна разлука съ милымъ сердца моего, Матей, а еще меня тревожила мысль какія безпокойства и мученья ему придется испытать въ походѣ.

Пришли всѣ баталіоны и Пушкинъ поѣхалъ къ нимъ, понесли образа и тамъ служили молебень съ колѣнопреклоненіемъ, но я уже не могла туда ѣхать, чувствовала, что я не въ состояніи смотрѣть на это; они всѣ пришли завтракать, пріѣхала Викулина, она со мною вмѣстѣ ѣхала провожать своего мужа; затѣмъ всѣ баталіоны двинулись, ихъ вель версты двѣ Пушкинъ, а потомъ воротился; Матя повелъ свой баталіонъ, и мы поѣхали, обогнали ихъ и, пріѣхавъ въ Алексинъ, искали квартиры, назначенныя нашему баталіону; насъ увидѣлъ на улицѣ Баратовъ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что онъ только что слышалъ отъ одного офицера, что проѣзжавшій курьеръ сказалъ ему, что нѣкоторыя ополченія ворочены и будто и нашему вѣлѣно воротиться, хотя мы чувствовали, что это не совсѣмъ справедливо, но надежда возсіяла въ сердцѣ моемъ. Пріѣхавъ на квартиру, мы дожидались съ часъ своихъ малыхъ друзей; боялись, такъ какъ было очень темно и вездѣ была вода, чтобы они не промочили ногъ и не простудились; квартира наша была изрядная комната, довольно чистая и къ ней хорошенъкая передняя, въ которой жили у насъ Анфоровы. Домъ этотъ принадлежалъ алексинскому купцу, другую половину дома онъ занималъ съ женою и дочерью, которая уже нѣсколько лѣтъ лежала больная, почти безъ чувствъ, ничего почти не говорить; если ей дадутъ ѣсть, то ѣсть, и то очень мало, а сама не просить, лежить или сидить сложа руки и опустя голову.

Наши пришли и точно промочили ноги, у Матиньки ноги очень распухли; тутъ мы пробыли дѣлую недѣлю; подводъ не было и отъ теплой погоды Ока испортилась. Послали къ Богданову спросить, что намъ дѣлать; онъ вѣлѣлъ сказать, чтобы не спѣшили идти, между тѣмъ онъ сдавалъ свою комнату генералу Миллеру, а самъ не хотѣлъ выполнить своего обѣщанія идти вмѣстѣ съ баталіономъ, остался губернаторомъ, а не начальникомъ тульскаго ополченія, но все еще были подъ его начальствомъ; нѣкоторые почувствовали, что ошиблись, но было уже поздно. Всѣ, кто тутъ были, знакомые пріѣзжали ко мнѣ; жена Семенова пріѣхала проститься съ нимъ и та пріѣхала со мною познакомиться. У Пушкиной умеръ братъ и я поѣхала по утру навѣстить ее и отъ нея принуждена была

заѣхать къ Алтуфьевой; она у меня была и очень звала; погода была такъ тепла, что снѣгъ весь стаялъ и на саняхъ ѣхать было невозможно. Меня всѣ уговаривали, чтобы я не провожала дѣлѣ своего Матю; онъ самъ нѣсколько разъ пытался уговорить меня, но я плакала, у меня сдѣлались сильныя спазмы въ горлѣ и онъ меня болѣе не останавливалъ. Черезъ недѣлю велѣно было выступать; весь полкъ долженъ былъ собраться въ квартирѣ полковника, для слушанія молебна, и всѣ поѣхали туда, но я съ Викулиной не могла этого сдѣлать; съ нами Матя оставилъ Савинькова и мы съ ней, сѣвъ въ маленькія сани, поѣхали, а въ коляску, которую уже привезли къ намъ въ Алексинъ, посадили дѣвку; стало немного подстывать, оттого мы и сѣли въ сани; подѣхавъ къ перевозу, думали, что мы переѣдемъ раньше полка и будемъ дожидаться на той сторонѣ, вмѣсто того намъ пришлось часовъ пять прождать на берегу, паромы были на той сторонѣ и на нихъ ставили пушки и пороховые ящики; лошади были очень измучены, поэтому чрезвычайно долго ставили на паромъ и сводили съ парома, такъ что полкъ нашъ тѣмъ временемъ пришелъ; какъ горестно было смотрѣть намъ на него; всѣ тѣ, кто оставлялъ свои семейства, были такъ удручены горестью, что она отражалась на ихъ лицахъ; протопопъ благословилъ хоругвию и его несли вмѣсто знамени.

Такъ какъ нашъ баталіонъ былъ первый, то его первымъ и поставили на паромъ, и наши сани тутъ же. Семеновъ, увидя меня, старался какъ можно скорѣе меня поставить на паромъ, чтобы мнѣ не стоять на берегу. Какъ только мы переѣхали, то баталіонъ пошелъ и мы за нимъ поѣхали, Матя мой въ другихъ саняхъ возлѣ насъ; нашему баталіону назначена была квартира верстахъ въ пяти отъ Алексина. Наканунѣ поѣхалъ квартирмейстеръ Матвѣй Петровичъ Бѣльской; мы полагали, что квартира уже очищена; пріѣзжаемъ къ назначенному селенію; Матя, вида, что квартиреровъ нѣтъ, велѣлъ адъютанту ѣхать впередъ и намъ за нимъ. Пріѣзжаемъ, но тутъ и квартирмейстера не было, и квартиры не заняты; онъ былъ человекъ совсѣмъ необыкновенный, никогда не служилъ и проѣхалъ впередъ верстъ десять, не спросясь ни у кого. Адъютантъ развелъ квартиры, пришелъ баталіонъ, пріѣхала наша коляска, мы всѣ пили чай и ужинали

вмѣстѣ; тутъ насъ догналъ Пестовъ, онъ ѣздилъ проститься къ своимъ, пріѣхалъ съ надеждою, что дальше Калуги не поидемъ и многіе такъ думали, но сердце мое не чувствовало никакого облегченія.

По утру мы всѣ встали очень рано, Викулина и всѣ наши опять къ намъ пришли; адъютантъ пришелъ сказать Матѣ, что нашли въ соломѣ полумертваго француза. Матинька пошелъ къ нему и узналъ отъ него, что ихъ много гнали плѣнныхъ и что провожатые, увидя, что онъ слабъ и не можетъ идти, побили его порядочно и бросили на дорогѣ, считая мертвымъ, но онъ, опомнясь, доползъ до сарая, въ которомъ его и нашли; Матя велѣлъ его накормить и представить въ судъ. Мы также поѣхали за баталіономъ; всему полку велѣно было собраться идти вмѣстѣ. Доѣхавъ до сборнаго мѣста, мы поѣхали впередъ и Алексѣй Анфоровъ верхомъ съ нами; пріѣзжаемъ опять къ квартирамъ и тутъ квартирмейстера нѣтъ, — онъ также ошибкой поѣхалъ въ другую деревню. Алексѣй Николаевичъ отводилъ квартиры и какъ ни выбиралъ, не могъ выбрать порядочной; нашли маленькую и черную избушку, а въ другихъ вездѣ были большіе. Баталіонъ пришелъ довольно поздно и мы уже ночевали съ Анфоровыми въ одной избѣ и такъ какъ другой избы не было, то всѣ караульные и наши люди тутъ же спали, такъ что вся изба была занята спящими; о, какъ тутъ въ этой тѣснотѣ, въ тяжеломъ отъ сырости воздухѣ, на полу я спала хорошо, прижавъ къ сердцу милаго неоцѣненнаго друга своего Матю; онъ всю ночь безпокоился обо мнѣ, но я лежала возлѣ него и казалось, что въ самой лучшей комнатѣ, на лучшей кровати.

По утру, пославъ занимать квартиры уже Алексѣя Николаевича, мы поѣхали впередъ; Матя съ баталіономъ остался дожидаться другихъ баталіоновъ; это было 16 ноября, день Матиныхъ именинъ; по дорогѣ мы видѣли всюду лежавшихъ французовъ мертвыхъ, въ иныхъ мѣстахъ кучами, человекъ по десяти; вездѣ гнали плѣнныхъ и это были отсталые, которые не могли идти дальше отъ утомленія, другіе были замерзшіе; пріѣхали мы также довольно рано на квартиры, онѣ уже были готовы; Викулины помѣстились съ нами на одной квартирѣ, изба была прѣбольшая; Пушкину была назначена квартира въ этомъ же

селеніи. Наши всѣ пришли ко мнѣ; я послала звать Пушкина, дорожный пирогъ у имяннинника кушать, а онъ прислалъ меня звать переѣхать къ нему на квартиру, онъ стоялъ въ господскомъ домѣ, но я не поѣхала, а онъ пріѣхалъ къ намъ и мы провели весь этотъ день вмѣстѣ; тысячу разъ благодарила я Царя Небеснаго, что я хоть въ крестьянской избѣ, но съ Матей провожу этотъ день; что-бы было со мною, если-бы я была дома безъ него!

Вечеромъ полковникъ нашъ уѣхалъ, Матя легъ лежать на постель, а я сидѣла возлѣ него; вдругъ къ намъ входитъ мужчина въ буркѣ, спрашиваетъ квартиру Пушкина; Матя спрашиваетъ у него, кто онъ такой, и узнаетъ, что онъ князь Щербатовъ, партизанъ. Матя предлагаетъ ему войти, онъ садится и начинаетъ разговаривать, покуда ему готовится провожатый. Онъ говоритъ, что наши вездѣ бьютъ и гонятъ французовъ, что они уже мрутъ отъ голода и морозовъ, и съ отчаянія отдаются въ плѣнъ цѣлыми полками; дивился, куда ведутъ ополченіе, что оно совсѣмъ не нужно и говорилъ, что вѣрно воротятъ назадъ; рассказывалъ мною анекдотовъ про дружины; наконецъ, провожатаго привели и кн. Щербатовъ поѣхалъ. Матинька поѣхалъ съ нимъ къ Пушкину, но недолго былъ тамъ и скоро вернулся; по утру была сильная мятель и холодъ, а мы ѣхали въ открытыхъ саняхъ, коляску свою мы уже отправили домой и дѣвка ѣхала въ другихъ саняхъ; я надѣла теплую шинель Донскаго сверхъ шубы, а Викулина—шинель своего мужа; всему баталіону велѣно было собираться у мельницы верстахъ въ трехъ отъ Калуги, и мы ѣхали все съ баталіономъ. Матинька мой все сидѣлъ у насъ; подъѣзжаемъ къ мельницѣ, насъ встрѣчаетъ одинъ изъ квартирмейстеровъ, офицеръ, говоритъ, что въ Калугѣ не дадутъ квартиръ, вице-губернаторъ говоритъ, что всѣ заняты, а велитъ идти черезъ городъ и еще за 12 верстъ и надобно черезъ рѣку на паромѣ переѣзжать, но и тамъ сегодня переправляются баталіоны калужскаго ополченія. Матинька велѣлъ ему ѣхать къ полковнику, а мы подъѣхали къ мельницѣ и вошли въ избу погрѣться; нашли уже тутъ многихъ изъ нашихъ офицеровъ и трехъ дамъ: Шепелевскую, Ефремову и Андрееву; онѣ всѣ ѣхали съ мужьями въ Рославль. Ефремовъ былъ у Калужскаго вице-

губернатора и онъ ему сказалъ, что ни одной нѣтъ квартиры для нашего полка, а Миллеръ прежде приказывалъ сказать Пушкину, чтобы не спѣшилъ идти, то мы всё думали, вѣрно мы остановимся въ ближнихъ деревняхъ на нѣсколько времени; прѣхалъ полковникъ, но онъ былъ совсѣмъ иного мнѣнія, онъ спѣшилъ идти и не хотѣлъ останавливаться; поѣхалъ самъ въ Калугу, взявъ съ собою Семенова, а всѣмъ велѣлъ ждать; съ Матей былъ штофъ водки и сухой заяцъ. Матя и всѣ, кто тутъ былъ, выпили и закусили, я не могла куска проглотить; видя поспѣшность полковника, я воображала, что чрезъ два дня я должна буду разстаться съ милымъ другомъ сердца моего, съ моимъ Матей; мы тутъ ждали до четырехъ часовъ. Матя ушелъ къ Арсеневу въ кибитку уснуть, а въ избѣ была страшная тѣснота; офицеры со всего полка и нѣкоторые старые урядники и воины, которые выбивались изъ силъ отъ стужи, приходили попеременно грѣться, прочіе воины всѣ стояли въ полѣ, дрожа отъ холода; погода не переставала, больные лежали на возахъ; видѣвши все это, сердце раздиралась; наконецъ, полковникъ прислалъ Семенова сказать, чтобы полкъ шелъ, что штабнымъ квартиры въ городѣ, а прочіе всѣ съ полкомъ пойдутъ въ ближнія деревни; подѣзжаемъ къ Калугѣ, полковникъ насъ дождался и велѣлъ всѣмъ городомъ полку идти парадомъ; снѣгъ пересталъ, но стужа была чрезвычайная; покуда полкъ строился, мы стояли, не зная своей квартиры; всѣ ѣхали при полку; какъ горестно было видѣть парадъ этотъ, сердце обливалось кровью. Матя и всѣ наши офицеры такъ перезабли, что удивительно но полковнику того хотѣлось, нечего было дѣлать, должно повиноваться; никто не видѣлъ этого парада. Въ городѣ попался намъ квартирмейстеръ. Матя велѣлъ ему сѣсть къ намъ въ сани и проводить насъ до квартиры; мы поѣхали, квартира наша была у вунца, двѣ комнаты очень изрядныя; въ одной расположились мы съ Матей, въ другой Викулины и съ ними Анфоровы; полкъ прошелъ весь городъ парадомъ, Матя съ Викулинымъ и Анфоровы воротились; Пушкинъ со своимъ адъютантомъ Панютинымъ также зашли къ намъ отогрѣться и выпить чаю.

Мы въ Калугѣ пробыли также недѣлю; всякій день, просы-

паясь, первая мысль была, что это послѣдній день я съ Матей вмѣстѣ; всякій вечеръ, ложась спать, жестокое отчаяніе терзало мнѣ душу и сердце при мысли, что завтра я буду прощаться съ Матей; Матя старался утѣшить меня разными обѣщаніями: писать ко мнѣ часто, пріѣхать въ 3-му февралю (1813 г.), и если будутъ стоять въ Рославлѣ, то призвать меня, но все это мало облегчало горесть мою, казалось, я съ нимъ разстанусь надолго. Однажды Аксаковъ и Семеновъ звали меня къ себѣ обѣдать на уху изъ налимовъ; ихъ квартира была очень близко, мы съ Матей пошли къ нимъ обѣдать, долго сидѣли, потомъ поѣхали къ Казанской Божіей Матери, заѣхали къ Баскакову; тамъ дожидалась насъ Викулина, его сестра; Баскакова просила, чтобы онъ намъ съ Матей пересылалъ письма, адресованныя на его имя; онъ взялся за это отъ доброй души. Пріѣхавъ домой довольно поздно, мы легли спать, я не могла заснуть, видѣла все, что въ другой комнатѣ огонь, и думала навѣрное присланъ привазь о выступленіи, и адъютантъ пишетъ записки въ сотни. Могла ли я уснуть съ этими мыслями; я долго лежала, какъ вдругъ входитъ ко мнѣ моя женщина и зоветъ меня къ Викулиной; я встаю, прихожу къ нимъ и узнаю, что она больна и въ великомъ отчаяніи; велѣла разбудить хозяйку, узнать гдѣ бабушка живетъ, посылаютъ за ней, она увѣряетъ, что не выкинула, а такъ занемогла. Просидѣвъ у нея нѣсколько часовъ, я пошла въ свою комнату. На другой день Викулина стала такъ слаба, что когда захотѣла пройти въ другую комнату, то ей сдѣлалось дурно; въ это время у насъ были Пушкинъ и Аксаковъ и всѣ мы увидѣли, что не было возможности домой ѣхать въ саняхъ, но приходилось остаться на нѣкоторое время въ Калугѣ; мужа ея съ ней хотѣли оставить на это время; хотя бабушка и увѣряла, что она не выкинула, но впоследствии оказалось, что выкинула, и я должна была, разставшись съ милымъ сердцу моему съ моимъ Матей, ѣхать одна домой; это было въ субботу, а полку приказано было выступить въ понедѣльникъ; вечеромъ присылаетъ ко мнѣ Аксаковъ, сказать, что жена его пріѣхала къ нему; я съ Матей пошла къ ней повидаться, она говоритъ, что не могла долѣе переносить разлуку, пріѣхала съ тѣмъ, чтобы ѣхать съ нимъ, онъ чрезвычайно ей обрадовался и также не хотѣлъ

ее отпустить домой. Какъ завидно мнѣ было ея положеніе: ей это можно было сдѣлать—у ней только было двое дѣтей и тѣ маленькія, она ихъ оставляла на рукахъ у хорошей няньки, препоручала мнѣ и другимъ сосѣдямъ, а у меня девять человѣкъ; казалось, совѣстно ихъ оставить, мои уже требовали воспитанія и нравственности; я думала, что для нихъ я должна принести эту жертву, разстаться съ моимъ Матей, думала, что они успокоютъ меня хотя немного, къ тому же у Аксаковыхъ и средства были лучше нашихъ.

А. П. Золотухина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ АЛЕКСѢЯ АЛЕКСѢВИЧА ОДИНЦОВА

генерала отъ инфантеріи.

Род. 1803, † 1886 г.

Алексѣй Алексѣевичъ Одинцовъ, сынъ Алексѣя Ивановича Одинцова и супруги его Ѳедосьи Александровны, рожденной Макшеевой, родился въ Кронштадтѣ, 12-го мая 1803 года. Восьми лѣтъ онъ сталъ посѣщать уѣздное училище, въ г. Кашинѣ, а 11-го августа 1817 г. былъ опредѣленъ въ Первый кадетскій корпусъ, изъ коего выпущенъ въ 1823 г. первымъ ученикомъ, въ чинѣ прапорщика, въ л.-гв. Литовскій полкъ, стоявшій въ Варшавѣ. Во время службы въ этомъ полку онъ пользовался особымъ милостивымъ къ нему расположеніемъ цесаревича Константина Павловича; принадлежа къ интеллигенціи полка, Одинцовъ посѣщалъ, въ свободное отъ служебныхъ занятій время, лекціи нѣкоторыхъ профессоровъ варшавскаго университета, много читалъ и переводилъ съ иностранныхъ языковъ разныя статьи.

Состоя въ должности баталіоннаго адъютанта, Одинцовъ участвовалъ въ польской кампаніи 1830 г. и при взятіи Варшавы въ 1831 г., а по окончаніи кампаніи возвратился вмѣстѣ съ полкомъ въ Петербургъ и былъ временно прикомандированъ къ полковому штабу.

Въ іюнѣ 1832 г. Алексѣй Алексѣевичъ былъ переведенъ во фронтъ и назначенъ командиромъ 4-й фузилерной роты. Съ тѣхъ поръ онъ служилъ во фронтѣ; въ 1842 г. былъ переведенъ въ л.-гв. гренадерскій полкъ, для исправленія должности штабъ-офицера, 11-го августа того-же года произведенъ въ полковники, а въ 1843 г. назначенъ для обученія пѣшему строю въ полки 2-й гвардейской легкой дивизіи, расположенныя въ бывшихъ военныхъ поселеніяхъ, въ Новгородской губерніи, порученіе, — исполненное имъ столь успѣшно,

что онъ удостоился, во время смотра, особаго одобренія цесаревича Александра Николаевича, который былъ назначенъ въ это время командующимъ 2-ю легкою кавалерійскою дивизіею.

По возвращеніи изъ этой командировки, Одинцовъ занимался обученіемъ гвардейскаго учебнаго баталіона; 9-го февраля 1844 г. назначенъ командиромъ 3-го баталіона л.-гв. гренадерскаго полка, затѣмъ с.-петербургскимъ плацъ-маіоромъ, а съ 1853 г. вторымъ комендантомъ въ С.-Петербургѣ, уже въ чинѣ генераль-маіора, въ который онъ былъ произведенъ за два года передъ тѣмъ, съ зачисленіемъ по арміи.

Въ достопамятную эпоху освобожденія крестьянъ Алексѣй Алексѣевичъ былъ назначенъ на особенно трудный въ то время постъ начальника Нижегородской губерніи, гдѣ подъ личнымъ его руководствомъ освобожденіе и устройство крестьянъ совершилось вполне успѣшно и безъ всякихъ замѣшательствъ. Самъ Алексѣй Алексѣевичъ, изъ всего долголѣтняго служебнаго своего поприща, болѣе всего цѣнилъ свою дѣятельность на посту нижегородскаго губернатора и завѣщалъ дѣтямъ вырѣзать на могильномъ памятникѣ слѣдующую надпись:

«Съ 1861-го по 1873 годъ былъ начальникомъ Нижегородской губерніи и имѣлъ счастье ввести въ ней всѣ благія преобразованія Царя-Освободителя Александра II».

Во время службы въ Нижнемъ Новгородѣ заслуги Одинцова были награждены покойнымъ государемъ пожалованіемъ ему чина генераль-лейтенанта и орденовъ Владимира 2-й степени, Бѣлаго Орла и, наконецъ, при назначеніи его членомъ комитета о раненыхъ, орденомъ св. Александра Невскаго, по случаю празднованія 50-ти-лѣтія службы его въ офицерскихъ чинахъ.

Въ 1881 г., 30-го августа, А. А. Одинцовъ былъ произведенъ въ генераль-отъ-инфантеріи и въ этомъ чинѣ и въ званіи члена Александровскаго комитета о раненыхъ скончался въ С.-Петербургѣ, на 83 году отъ рожденія, 16-го апрѣля 1886 года.

Во время своей долголѣтней жизни А. А. Одинцовъ неоднократно велъ дневникъ и набрасывалъ въ памятную книжку свои замѣтки о текущихъ общественныхъ и служебныхъ событіяхъ и, будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, принялся въ 1878 г., руководствуясь этими замѣтками, за составленіе своихъ записокъ, которыя появляются нынѣ, согласно его волѣ, выраженной въ духовномъ завѣщаніи, на страницахъ «Русской Старины».

Записки эти несомнѣнно имѣютъ не мало важное историческое значеніе, какъ свидѣтельство человѣка весьма образованнаго и начитаннаго, который могъ поэтому отнестись критически къ самому себѣ и къ

событіямъ, коихъ онъ былъ очевидцемъ; къ тому же служба его въ Литовскомъ полку совпала съ эпохою весьма знаменательныхъ событій въ Польшѣ, вслѣдъ за кончиною императора Александра I, которыя завершили польской кампаніей 1831 года.

Въ этихъ запискахъ, обнимающихъ сорокалѣтній періодъ времени 1803—1844 гг., Одинцовъ описываетъ свое дѣтство, протекшее среди патриархальной обстановки помѣщичьяго быта прежнихъ временъ, воспитаніе свое въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и службу въ Литовскомъ полку, въ суровое время строгой дисциплины и военной выправки. Къ сожалѣнію, эти весьма правдиво и безпристрастно изложенныя записки не доведены ихъ авторомъ до конца и обрываются съ переходомъ, 11-го августа 1836 г., л.-гв. Литовскаго полка изъ Ораніенбаума въ Петербургъ, въ казармы на Выборгской сторонѣ. Пересматривая эти записки въ 1884 г., покойный А. А. Одинцовъ принялся было за продолженіе ихъ, но въ самомъ началѣ этой работы замѣтилъ: «Вѣроятно, мнѣ не придется ихъ окончить».

Онъ успѣлъ, однако, до своей смерти, послѣдовавшей 16-го апрѣля 1886 г., набросать нѣсколько замѣтокъ, относящихся къ послѣднимъ годамъ его службы въ Литовскомъ полку и написать связанный разсказъ, со времени перехода его, въ 1842 г., въ лейбъ-гренадерскій полкъ, до начала 1844 года.

Дневникъ А. А. Одинцова оканчивается 17-мъ августомъ 1837 г. Въ замѣткахъ своихъ онъ говоритъ: «Съ 1837 по 1841 г. не велъ дневника, а съ 1841 до 1845 есть дневникъ». Прекращеніе дневника объясняется замѣтками, изъ которыхъ видно, что въ послѣдніе годы его пребыванія въ Литовскомъ полку, независимо отъ службы, Одинцовъ предавался свѣтской жизни, хандрилъ и мечталъ о выгодной женитьбѣ.

Офицеръ л.-гв. Литовскаго полка Н. И. Языковъ, въ своей шуточной поэмѣ «Литовиніана», изобразилъ портретъ Алексѣя Алексѣевича Одинцова того времени такъ:

«Возлѣ Козлова Одинцовъ,
То командиръ знаменной роты,
Все знаетъ онъ,—и повороты,
Игру, завѣтный вкусъ вина,
Мораль огромнаго размѣра
И шагъ учебный въ три приѣма,—
Всѣмъ голова его полна.
Онъ много слышалъ и читалъ,
Весь вѣкъ свой женщины изучать
И любить ихъ. Для женской ласки
Готовъ онъ карты посвящать,

Не уставая танцовать:
 За то голубенькіе глазки
 Такъ нѣжно на него глядятъ.
 Всѣ дамы умъ его цѣнятъ,
 Охотно слушаютъ его...
 И только, больше ничего.
 Онъ капитанъ, а не женатъ
 И я готовъ хоть побожиться,
 Готовъ побиться объ закладъ —
 Ему страхъ хочется жениться,
 Теперь особенно. Купилъ
 Себѣ онъ шегольской лорнетъ,
 На брюкахъ канти подновилъ,
 И весело пустился въ свѣтъ,
 Сталъ франтъ, всегда на вечерахъ
 Glacées перчатки на рукахъ, —
 Радужно смотреть всѣмъ въ глаза
 И ромомъ мочить волоса.
 А все-таки онъ не женатъ
 И кто-же въ этомъ виноватъ?

Справедливость требуетъ, однако, сказать, что служба и свѣтская жизнь не поглощали Одинцова вполне и что, не смотря на постоянныя занятія со своей ротою и развлеченія, онъ очень много читалъ и думалъ, какъ свидѣтельствуемъ собственноручно исписанный имъ фоліантъ, озаглавленный: «*Mémoires de mes lectures pendant treize années de 1832 à 1846*».

Изъ полковыхъ происшествій этого періода А. А. упоминаетъ только что въ 1841 году командиромъ полка, вмѣсто Девина, былъ назначенъ Амонтъ, но съ 1842 года онъ ведетъ уже послѣдовательный рассказъ.

А. А. оставилъ послѣ себя въ полку прекрасную память.

27-го февраля 1883 года, когда исполнилось шестьдесятъ лѣтъ его офицерской службы, онъ получилъ слѣдующія телеграммы:

Изъ Варшавы: «Общество офицеровъ л.-гв. Литовскаго полка и старшій его представитель въ Варшавѣ, бывшій вашъ сослуживецъ, имѣютъ честь поздравить ваше высокопрев—ство съ днемъ шестидесятилѣтняго юбилея службы вашей въ офицерскихъ чинахъ. Съ гордостью вспоминаемъ, что эта полезная и долговременная служба начата въ рядахъ полка. Литовцы чтятъ въ лицѣ вашемъ одного изъ старѣйшихъ представителей того поколѣнія, которое, служа честно царю и отечеству, оставило полку славныя традиціи. Генераль-лейтенантъ графъ Разводовскій (комендантъ Варшавы), генераль-майоръ Водаръ (команд. полка)».

Изъ Москвы: «Какъ бывшіе офицеры л.-гв. Литовскаго полка, просимъ в. в. принять наше поздравленіе съ 60-ти-лѣтнимъ юбилеемъ вашей службы.

Генераль-лейтенантъ Петрушевскій (команд. 4-го корпуса), полковникъ и воспитанникъ Мерчанскіе».

На эти телеграммы А. А. отвѣчалъ:

Комеданту Варшавы графу Развадовскому.

«Поздравленіе общества офицеровъ л.-гв. Литовскаго полка съ исполнившимся 60-ти-лѣтіемъ моей службы меня глубоко тронуло.

Только отъ общества, въ которомъ свято сохранился духъ товарищества, можно было ожидать такого лестнаго вниманія къ столь давнишнему однополчанину.

Примите, ваше сіятельство, мою сердечную благодарность и передайте ее генералу Водару и всѣмъ дорогимъ мнѣ литовцамъ. Одинцовъ».

Командиру 4-го корпуса Петрушевскому.

«Примите, ваше превосходительство, душевную мою благодарность и передайте ее гг. Мерчанскимъ.

Искренно радуюсь, что духъ товарищества всегда и вездѣ сохраняется нами, литовцами. А. Одинцовъ».

Посмертныя записки генераль-отъ-инфантерій А. А. Одинцова печатаются вслѣдъ за симъ дословно и лишь для удобства чтенія разбиты нами на главы.

В. В. Тимошукъ..

На старости я сънова живу,
Минувшее проходитъ предо мною.

А. Пушкинъ.

Историческое значеніе записокъ или мемуаровъ современниковъ никѣмъ уже не отрицается. Онѣ неопцѣненны для исторіи, какъ неложныя свидѣтельства извѣстной эпохи, какъ остатки прошлаго.

Родоначальникъ фамиліи Одинцовыхъ былъ татарской мурза Доннай или Докучай. Многіе изъ этой фамиліи служили Россіи разныя дворянскія службы и жалованы были въ 1614 и другихъ годахъ отъ государей помѣстьями. Въ Лявѣ существуетъ фамилія Одынецъ, имѣющая одинаковый гербъ съ Одинцовыми.

Дѣдъ мой, ген.-м. Иванъ Максимовичъ Одинцовъ, получилъ

изъ герольдіи родословную роспись и гербъ, значить, тогда уже былъ признанъ какъ древняго дворянскаго рода. Въ 1823 году отецъ мой, капитанъ-лейтенантъ Алексѣй Ивановичъ, былъ, по его просьбѣ, внесенъ въ VI часть родословной книги Тверской губерніи. Въ 1854 году я просилъ о внесеніи меня съ семействомъ въ родословную книгу С.-Петербургской губерніи. По справкѣ, сдѣланной въ Тверскомъ Депутатскомъ собраніи, оказалось, что Герольдія не утвердила внесеніе въ VI часть фамиліи Одинцовыхъ, по неимѣнію на каждое лицо доказательствъ о древности рода; поэтому я былъ внесенъ въ подлежащую родословную книгу С.-Петербургской губерніи, на основаніи формулярнаго о службѣ моей списка.

Дѣдъ мой, Иванъ Максимовичъ Одинцовъ, умеръ въ Бронштадтѣ въ чинѣ генералъ-маіора и директора Штурманскаго училища. Въ его послужномъ списокѣ замѣчательно, что онъ два раза былъ разжалованъ въ матросы и что въ Рязанскомъ намѣстничествѣ у него было 9 душъ крестьянъ, и ежели бы не былъ утраченъ документъ, что это имѣніе родовое, то тогда внесли бы въ VI книгу происходящій отъ него родъ.

Иванъ Максимовичъ имѣлъ 6 сыновей, изъ которыхъ Алексѣй, отецъ мой, родился въ 1771 г., и въ 1799 году вступилъ въ бракъ съ Федосьей Александровной Макшеевой, которая родилась 1780 года. Вѣчаніе происходило въ Петербургѣ, въ церкви Благовѣщенія на Васильевскомъ островѣ.

Алексѣй Ивановичъ вышелъ въ отставку 22-го октября 1809 г. капитанъ-лейтенантомъ и переселился въ имѣніе жены своей Тверской губ., Кашинскаго уѣзда, въ село Бабаево, вѣроятно, въ концѣ 1803 или въ началѣ 1804 года. Имѣніе это, душъ 50, досталось Федосьѣ Александровнѣ отъ Федосьи Юрьевны Опочининой, урожденной Батюшковой, у которой Федосья Александровна воспитывалась. Алексѣй Ивановичъ скончался въ 1826 году и погребенъ на кладбищѣ приходской своей церкви въ селѣ Григорково, принадлежавшемъ тогда Ивану Пльичу Волкову. Надъ его могилою въ 1863 году мною положена чугунная плита, съ его именемъ, днемъ рожденія и кончины и съ знакомъ якоря. Федосья Александровна скончалась въ Петербургѣ и погребена въ Новой деревнѣ, на кладбищѣ церкви Благовѣщенія, 1862 г. января 20-го.

У Алексѣя Ивановича и Федосьи Александровны дѣтей было 7 сыновей и 4 дочери. Кромѣ сыновей, Николая, Алексѣя и Андрея, всѣ скончались въ младенчествѣ. Николай Алексѣевич умеръ 15-го сентября 1875 года въ деревнѣ Кузнецова, Новгородской губернии, Устюжскаго уѣзда, а Андрей Алексѣевич скончался въ Тифлисъ, капитаномъ грузинскаго № 3-го баталіона, 1842 года.

I.

ДѢТСТВО.

Вступленіе.—Первыя впечатлѣнія.—Записная книжка.—Любовь къ чтенію. — Поѣздки къ дѣду.—1812 годъ.—Команда школьничковъ. — Гуманное отношеніе къ крѣпостнымъ.—Поѣздка въ Петербургъ.—Жизнь у родныхъ.

1803 — 1817 гг.

Родился я въ Кронштадтѣ 1803 г. мая 12-го и былъ привезенъ въ селцо Бабаево, когда мнѣ не минуло еще года, слѣдовательно, первые взгляды на міръ, первыя впечатлѣнія возникли у меня въ глухой деревенской средѣ. Домъ, въ которомъ жили мои родители, былъ небольшой, крытый соломкою, флигель, къ которому, вѣроятно, прежде жилъ управляющій; потомъ построили деревянный домъ въ два этажа, крытый тесомъ. Передъ домомъ—чистый дворъ, одна старая береза, обиталище грачей, огромная липа, кругомъ службы, сзади садъ изъ нѣсколькихъ кустовъ смородины, прудокъ, березовая роща—вотъ наружная обстановка мѣста, гдѣ протекло около 10-ти лѣтъ моей жизни. Лица, меня окружавшія, кромѣ родителей и двухъ братьевъ, Николая и Андрея, были—старая няня Варвара, совсѣмъ глухая, сѣнныя дѣвушки—Евлампія и Анна, мальчикъ Александръ, староста Иванъ, онъ же и кучеръ, и кухарка Фекла. Въ томъ же селцѣ Бабаевѣ былъ еще господскій домъ, въ которомъ жили три старыя дѣвы Колударовы. Сосѣди помѣщики Волковы, Недовѣсковы, Сербенины, Батурины и другіе и, наконецъ, священникъ села Григорькова, Іоаннъ Введенскій.

Шести лѣтъ я выучился читать и писать и зналъ четыре правила ариметики, чѣмъ обязанъ своимъ родителямъ Съ этого

времени я получилъ страсть къ чтенію и пожиралъ безъ разбора все печатное, что попадалось подъ руку, какъ дома, такъ и въ скудныхъ бібліотекахъ сосѣдей. Часто силой отнимали у меня книгу, чтобъ заставить немного погулять.

Въ прежнее время, во Франціи, велись въ нѣкоторыхъ семействахъ записныя книги, называемыя *livres de raison* или *livres de compte*, служившія потомъ интересными историческими документами. Подобную книжку велъ я съ 1810 года, въ которую, съ копѣчнымъ расходомъ, количествомъ крупы, издержанной для корма голубей, вписывалъ и книги, получаемыя для чтенія отъ сосѣдей. Это даетъ возможность узнать, какія сочиненія я прочитывалъ и могъ ли я въ семилѣтнемъ возрастѣ извлечь изъ нихъ какую либо умственную пользу. Привожу ихъ названія:

Марса Посадница—Карамзина, Письмовникъ Курганова 1764 года, Русалка опера, Иліада Гомера, Приятное и полезное препровожденіе времени, Богомолки, Душенька одушевленная статуя, Славянскія древности, Приключенія маркизы Г., Нравственная философія, Старикъ вездѣ и нигдѣ, Россіяда, Приключенія Помпе, Наполеонъ Бонапарте, Должности человѣка и гражданина, Живописецъ, Телемакъ, Злосчастное замужество дѣвицы Гарви, Квинтъ Курцій, Священная исторія, Лолота и Фанфанъ, сочиненіе Дюкре Дюмениля, Дѣтскій Собесѣдникъ, Житіе Клевеманста, побочнаго сына Кромвелева, романы г-жи Радклифъ, которые очень читались въ то время въ Россіи, въ переводахъ съ французскаго (съ англійскаго тогда еще не переводили). Не трудно себѣ представить, какое сильное впечатлѣніе производили на дѣтское мое воображеніе таинственные ужасы романовъ Радклифъ, которые я читалъ съ увлеченіемъ и повторялъ всѣ ихъ перипетіи человѣчками, вырѣзанными изъ бумаги, бывшими любимыми моими игрушками. Весь этотъ хаотическій сумбуръ свѣдѣній и впечатлѣній, набившійся въ голову десятилѣтняго мальчика отъ столь разнообразнаго и безтолковаго чтенія, не произвелъ, однако, очень вреднаго вліянія на дальнѣйшее мое умственное развитіе, какъ бы это должно было полагать по правиламъ педагогивы, и хотя я и впослѣдствіи всегда мало держался логической послѣдовательности въ выборѣ чтенія, но оно послужило мнѣ главнымъ средствомъ самообразованія и осталось навсегда моимъ любимымъ занятіемъ.

Я былъ самымъ любимымъ сыномъ моей матери и съ своей стороны до такой степени былъ къ ней привязанъ, что когда она отлучалась хотя на часокъ, я не переставалъ плакать, и потому мать брала меня всегда съ собою въ гости, а какъ я былъ ребенокъ серьезный, то въ этомъ не было неудобства. Жена нашего сосѣда, Ивана Ильича Волкова, Ѳаена Петровна, женщина очень образованная, также очень меня любила и, послѣ матери, я былъ наиболѣе къ ней привязанъ. Сынъ Волковыхъ, Сергѣй, годами двумя меня моложе, былъ первымъ товарищемъ моего дѣтства.

Каждую зиму семья наша отправлялась гостить къ отцу моей матери, Александру Ивановичу Макшееву, версть за 200, въ Устюжскій уѣздъ, село Гряду. Переѣздъ совершался на своихъ лошадяхъ, въ вибиткахъ, набитыхъ перинами и подушками, съ запасомъ чаю, пироговъ и замороженныхъ щей. Дѣдъ мой, А. И. Макшеевъ, имѣлъ болѣе ста душъ крестьянъ, слѣдовательно, могъ жить пошире, нежели Одинцовы, считавшіеся мелкопомѣстными; чтобы дать понятіе о тогдашнемъ гостепримствѣ, достаточно сказать, что у Макшеева собиралось на семейные праздники до 50-ти особъ разнаго пола и возраста, съ челядью и лошадьми, и оставались гостить по нѣсколькимъ днямъ.

Въ 1811 году отецъ мой былъ выбранъ уѣзднымъ судьей и семья переѣхала на житье въ городъ Кашинъ. Старшій мой братъ Николай поступилъ во 2-й кадетскій корпусъ, а я и Андрей начали въ Кашинѣ ходить въ уѣздное училище. Хаотическій запасъ моихъ познаній отъ посѣщенія училища не регулировался и не увеличился. Припоминаю только двухъ учителей, Савву Ивановича, маленькаго и толстаго, и Ѳедора Ивановича, высокаго и худаго, и то, что мать моя посылала имъ въ подарокъ куповинскіе жилеты; матерія эта (?) нынѣ также забыта, какъ педагоги, ею одаряемые.

Въ 1812 году мирные жители Кашина были встревожены вторженіемъ Наполеона въ Россію; все задышало войною, начали собирать ополченіе. Собралась также ватага школьниковъ и назначила меня своимъ атаманомъ. Это было первое проявленіе товарищеской любви ко мнѣ, каковою по особому счастью я не переставалъ пользоваться всю мою жизнь, въ разныхъ общественныхъ сферахъ, въ которыхъ приходилось мнѣ вращаться.

Юная моя команда, вооруженная деревянными дротиками и картонными саблями, въ ожиданіи французовъ, начала дѣлать набѣги на монастырскія поля, засѣянные горохомъ и рѣпою, и вступать въ борьбу съ охранявшими ихъ сторожами, за что, разумѣется, самъ ихъ начальникъ бывалъ заключаемъ отцомъ въ темную комнату, что было для него большимъ наказаніемъ, по невозможности предаваться чтенію какого либо имѣвшагося романа. Предпочитаемымъ въ то время педагогическимъ наказаніямъ розгами я, какъ дома, такъ и въ корпусѣ, никогда не подвергался.

Изъ памятныхъ происшествій моего дѣтства были поѣздки въ 1812 году, съ матерью и ея сосѣдками, на большую дорогу въ деревню Погорѣлку, гдѣ былъ этапъ для проводимыхъ партій плѣнныхъ французовъ. Барыни запасались всякаго рода съѣстными припасами, корпіей и бинтами, для пособія этимъ несчастнымъ жертвамъ честолюбія ихъ геніальнаго вождя, что доказываетъ, что, не смотря на ненависть, возбужденную его нашествіемъ въ сѣществѣ, русская женщина не перестала быть сострадательною и къ врагамъ.

Родители мои и сосѣдніе помѣщики, по большей части, гуманно обходились съ своими вѣрнопостными. Бытъ помѣщиковъ того времени вѣрно изображенъ въ Запискахъ А. Т. Болотова, изданныхъ въ 1870—1873-хъ гг. редакціею историческаго журнала „Русская Старина“

Въ концѣ 1815 года родители мои отправились въ Петербургъ, для опредѣленія меня и брата Андрея въ какой нибудь изъ кадетскихъ корпусовъ. Для дворянина это былъ единственный способъ образованія и вступленія въ военную службу; другой родъ службы дворяне того времени очень рѣдко избирали для своихъ дѣтей.

По пріѣздѣ въ С.-Петербургъ родители мои наняли квартиру на Петербургской сторонѣ, въ одной изъ Колтовскихъ улицъ. Послѣ Кашина, единственнаго города, который я видѣлъ, разумѣется, Петербургъ показался мнѣ невзмѣримо громаднымъ. Самымъ интереснымъ изъ продавцовъ столицы сдѣлался для меня разнощикъ, носившій на лоткѣ куски мака съ медомъ, пряники и конфекты съ прилепленными къ обертокѣ стижками, которыхъ уже въ настоящее время не существуетъ.

За опредѣленіе меня съ братомъ въ корпусъ взялся сосѣдъ нашъ по деревнѣ, капитанъ л.-гв. Егерскаго полка Ѳеодоръ Герасимовичъ Батуринъ, убитый впоследствии фельдфебелемъ своей роты. По недостатку средствъ, родители наши должны были уѣхать, оставивъ насъ въ Петербургѣ однихъ; меня приняли къ себѣ родственники моей матери Бардинскіе, а Андрей помѣстился въ семьѣ единокровнаго брата нашего отца, Павла Ивановича Одинцова, служившаго въ ластовомъ экипажѣ и квартировавшаго въ Галерной гавани.

Тяжело было мнѣ разставаться съ нѣжно любимой моею матерью, съ которой я не разлучался съ своего рожденія; но дѣлать было нечего, надо было устраивать новую жизнь и безропотно перенести это великое горе.

По счастью семейство Бардинскихъ, состоявшее, кромѣ отца и матери, изъ двухъ сыновей и трехъ дочерей, отъ 18 до 10 лѣтъ, было весьма доброе; сама Бардинская обходилась со мною какъ настоящая мать, а дѣти скоро очень меня полюбили, такъ что въ продолженіе почти полутора года, которые я прожилъ у нихъ, я не имѣлъ причины быть недовольнымъ.

Разлука съ матерью произвела нравственный переворотъ въ моемъ міросозерцаніи, который имѣлъ огромное вліяніе на всю мою жизнь. Потерявъ всегдашнюю свою заступницу и баловницу, я ясно увидѣлъ, что впредь долженъ разсчитывать на собственные свои силы и стараться быть всегда разсудительнымъ, впрочемъ, разсудительность и осторожность были, такъ сказать, врожденными моими свойствами, съ самаго ранняго возраста. При бѣдности родителей, я хорошо понималъ, что только однѣ науки могутъ доставить мнѣ возможность отличиться на службѣ и горевалъ только, что поступленіе мое въ корпусъ такъ заедляется.

II.

I-й кадетскій корпусъ.

Поступленіе въ корпусъ.—Экономъ Бобровъ.—Обмундированіе кадетъ.—Лѣто.—Игра въ мячъ.—Корпусное начальство.—Система воспитанія.—Товарищество.—Преподаватель Талызинъ.—Отношеніе въ кадетахъ директора.—Производство въ унтеръ-офицеры и фельдфебеля.—Товарищъ.—Свойство характера.—Исторія съ широгамъ.—Духъ кадетъ.—Выпускъ.—Представленіе великому князю.

1817—1823.

Наконецъ, столь давно ожидаемое счастье наступило и мы съ братомъ Андреемъ были приняты въ I-й кадетскій корпусъ 11-го августа 1817 года. Первый кадетскій корпусъ занималъ знаменитыя хоромы вв. А. Д. Меншикова на Васильевскомъ островѣ, по Кадетской линіи, съ обширнымъ плацомъ садомъ. Внутри, по всей длинѣ зданія и по всѣмъ тремъ этажамъ, шли открытыя галлерей. Кадеты были раздѣлены на пять ротъ: гренадерскую, 1, 2, 3 резервную и малолѣтнее отдѣленіе, которое было подъ присмотромъ дамъ. Классовъ было шесть, а 7-й служилъ въ нѣкоторомъ отношеніи исправительнымъ для лѣнивыхъ, неспособныхъ и дурно себя ведущихъ. Я поступилъ въ резервную роту и 6-й самый младшій классъ, а братъ Андрей въ малолѣтнее отдѣленіе.

По вступленіи въ роту я, какъ новичекъ, сталъ подвергаться насмѣшкамъ и пинькамъ прежде меня вступившихъ въ корпусъ. Убѣдась, что тутъ невозможно вести себя какъ дома и припомня рѣшеніе свое, при разлукѣ съ матерью, рассчитывать только на собственныя силы, я, уговорясь съ другими новичками, особенно съ двумя братьями Врангель, которые были высоки и сильны, рѣшили болѣе не поддаваться, что на первыхъ порахъ вводило меня въ ежедневныя драки.

Въ корпусѣ было принято правиломъ въ дракѣ бить кулаками по бокамъ и носками по ногамъ противника, никогда не задѣвая лица, потому что могущіе быть отъ удара по лицу знаки немедленно подводили подъ розги имѣющихъ оные, а указать кто ихъ сдѣлалъ было бы величайшимъ преступленіемъ противъ товарищества.

По утру кадетамъ на завтракъ давали по булкѣ, но ничего горячаго, ни чаю, ни сбитню, что было большимъ лишеніемъ привыкшимъ дома пить чай или кофе. Вообще же пища въ корпусѣ была простая, но сытная, благодаря знаменитому по своей честности эконому Андрею Петровичу Боброву, который любилъ кадетъ съ нѣжностію отца, и кадеты обожали его, хотя иногда трунили надъ его пузатою и замасленною фигурой.

„Полвѣка экономя, наслѣдства твоего не стало, смѣхъ сказать,—и на покупку гроба“, сказалъ о немъ бывшій кадетъ М. П. Розенгеймъ. Другой кадетъ, Дружининъ, говорить о Бобровѣ, что никогда Диккенсъ, въ самыя теплыя минуты своего творчества, не создавалъ такого оригинальнаго, благороднаго, любящаго, юмористически-трогательнаго лица.

Корпуснымъ докторомъ былъ Зеленскій, хорошій лекаръ, неусыпно ухаживавшій за больными кадетами.

Обмундированіе кадетъ было принятое при Александрѣ I-мъ: мундиры съ длинными фалдами, бѣлые штаны съ кожаными крагами и неудобные кивера съ помпонами для фузилерныхъ ротъ и палками, обвитыми бахрамою изъ конскаго волоса, именуемыми султанами, для гренадерскихъ ротъ. Въ обыкновенные дни кадеты носили фуражки безъ козырька, куртки и сѣрые штаны, но всегда съ крагами. Казенныхъ шинелей не было, но увольняемые въ отпускъ въ праздничные дни должны были имѣть собственныя шинели офицерскаго покроя.

Благодаря неудобству крагъ и секретнымъ порокамъ, весьма распространеннымъ въ то время въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, многіе кадеты дѣлались косолапыми, или имѣли ноги колесомъ. Первые подвергались насмѣшкамъ, но имѣть ноги колесомъ считалось своего рода шикомъ. Физическая сила была въ большомъ уваженіи и силачи играли всегда важную роль между кадетами.

Лѣто въ корпусѣ проходило довольно пріятно, благодаря обширному и тѣнистому саду; лагеря и отпусковъ домой на вакацію въ корпусѣ не существовало. Кадеты играли въ мячъ, свайку, лапту, но любимая игра ихъ была въ мячъ. Это былъ сшитый изъ кожи шаръ въ $\frac{1}{4}$ ар. въ діаметрѣ, куда вставляли и потомъ надували смоченный бычачій пузырь. Игра мячемъ состояла въ подбрасываніи его на воздухъ носкомъ ноги, и кто это дѣлалъ высоко и перпендикулярно считался лучшимъ игрокомъ.

На высокой кирпичной стѣнѣ, окружавшей плацъ и садъ, были еще замѣтны во время нахождения моего въ корпусѣ многія изъ нравственныхъ сентенцій математическихъ и физическихъ фигуръ, начерченныхъ на ней, по распоряженію гр. Ангальта, бывшаго директора корпуса и извѣстныхъ подъ названіемъ говорящей стѣны (*la muraille parlante*).

Главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній при мнѣ былъ цесаревичъ великій князь Константинъ Павловичъ и помощниками его были попеременно: генераль Клингеръ, гр. Петръ Петровичъ Коновницынъ, знаменитый герой 1812 года, и гр. Павелъ Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ; всѣ они жили въ зданіи 1-го корпуса, почему воспитанники онаго могли часто ихъ видѣть и хорошо знать.

Клингеръ худо говорилъ по русски, писалъ нѣмецкія трагедіи, мало занимался своею должностію и всегда былъ суровъ и угрюмъ. Коновницынъ и Кутузовъ были вполнѣ добрые начальники, но педагогическихъ познаній не имѣли. Коновницынъ былъ очень ко мнѣ благосклоненъ и часто приглашалъ обѣдать; вся его семья также меня любила.

Директоромъ 1-го корпуса былъ генераль Михаилъ Степановичъ Перской, человекъ весьма образованный, съ твердымъ характеромъ, но слѣдовалъ странной педагогической системѣ, какъ то будетъ объяснено дальше. Инспекторомъ классовъ былъ полковникъ Черкасовъ, онъ же училъ фортификаціи въ верхнихъ классахъ; баталіоннымъ командиромъ былъ полковникъ Шмидтъ, онъ же училъ тактикѣ и стратегіи. Кадеты его очень любили, какъ за его доброту, такъ за отличное знаніе фронтоваго ученія и прекрасный голосъ. Во 2 мѣ корпусѣ баталіоннымъ командиромъ былъ полковникъ Кенигъ, и когда баталіонъ 2-го корпуса приходилъ учиться съ баталіономъ 1-го корпуса, то кадеты замѣчали, что Шмидтъ (кузнецъ) командуетъ какъ Кенигъ (король), а Кенигъ— какъ Шмидтъ.

Воспитательная система, соблюдавшаяся въ 1 корпусѣ, какъ равно и въ другихъ корпусахъ, была вполнѣ неудовлетворительная. Ротный командиръ и офицеры являлись по утру, осматривали одежду и чистоту лица и рукъ у кадетъ, производили назначенныя экзекуціи и затѣмъ, въ продолженіе всѣхъ сутокъ, кадеты были предоставлены самимъ себѣ, подъ бесполез-

нымъ наблюденіемъ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ изъ тѣхъ же кадетъ.

Большая часть проступковъ влекла за собою наказаніе розгами, заключеніе въ карцеръ на хлѣбъ и на воду, оставленіе безъ булки или обѣда, неувольненіе въ отпускъ. Мало кто изъ начальниковъ давалъ себѣ трудъ сблизаться нравственно съ кадетами и вообще, въ суровыя времена Клингера, кадеты не любили своихъ начальниковъ и считали ихъ несправедливыми. Суровость воспитателей неизбѣжно дѣлала суровыми и нравы воспитанниковъ. Подтверженіемъ этого можетъ служить свято сохранившійся въ наше время обычай: на томъ столѣ, гдѣ недостаетъ посаженнаго въ карцеръ, не ѣсть пироговъ, а передавать всѣ ему, что должны были исполнять сосѣди его за столомъ по правую и по лѣвую руку. Обреченные на исполненіе этой обязанности кадеты очень хорошо понимали, что заключенный двадцати пироговъ съѣсть не можетъ и что при передачѣ пироговъ ихъ непремѣнно поймаютъ и высѣкутъ, но не смотря на это, не было примѣра, чтобы они отъ этого отказались. Во всякомъ случаѣ, по мнѣнію кадетъ, это служило демонстраціей противъ будто бы несправедливаго наказанія, не принимая въ соображеніе, что мнѣніе это, по большей части, было неправильно. Этотъ дикій обычай, державшійся, не смотря на самыя строгія наказанія для его искорененія, имѣлъ только ту хорошую сторону, что приучалъ кадетъ къ самопожертвованію для своихъ товарищей, что такъ важно на военномъ поприщѣ, къ которому они себя предназначали. Это маленькое правонарушеніе служило къ созиданію великаго дѣла. Оно воспитало духъ товарищества, духъ взаимно-помощи и состраданія, который придаетъ каждой средѣ теплоту и жизненность, съ утратой коихъ люди перестаютъ быть людьми и становятся холодными эгоистами, не способными ни къ какому дѣлу, требующему самоотверженія и доблести.

Образованіе въ корпусѣ шло гораздо успѣшнѣе воспитанія. 1-й верхній классъ былъ выпускнымъ и въ немъ было нѣсколько отличныхъ преподавателей.

Матвѣй Ивановичъ Талызинъ преподавалъ логику, русскую исторію и словесность и занималъ часто воспитанниковъ переводами съ французскаго языка на русскій. Талызинъ былъ

плотный, красивый и чрезвычайно представительный мужчина. одаренный замѣчательнымъ краснорѣчіемъ. Онъ написалъ русскую исторію и логику, но слогъ его былъ очень тяжелъ, что казалось весьма страннымъ при его дарѣ слова, тѣмъ болѣе, что въ то время Карамзинъ и Жуковскій въ своихъ сочиненіяхъ давали великолѣпные образцы до какого сладковозучія можетъ быть доведенъ русскій языкъ и самъ Талызинъ часто читалъ намъ ихъ произведенія съ замѣчательнымъ искусствомъ. Такого ттеца, какъ онъ, я встрѣтилъ въ моей жизни лишь въ одномъ Осинскомъ, профессорѣ словесности въ прежнемъ Варшавскомъ университетѣ. Талызинъ не позволялъ ничего учить наизусть, но требовалъ объясненія своими словами, что научило его воспитанниковъ хорошо говорить и писать. Съ благодарностію вспоминаю о почтенномъ Матвѣѣ Ивановичѣ, котораго такъ обожали его ученики и которому я считаю себя обязаннымъ моимъ умственнымъ развитіемъ.

Коль въ обученіи французскому языку слѣдовалъ тому же методу, какъ и Талызинъ, я доказательствомъ его успѣшности для прилежнаго ученика было то, что я легко читалъ французскія сочиненія и могъ посредственно объясняться и писать по французски, что такъ трудно приобрѣтается и нынѣ въ учебныхъ заведеніяхъ. По указанію Коля я перевелъ въ 1820 году на русскій языкъ „Eloge de Marc Aurele de Thomas“ и Талызинъ остался доволенъ этимъ переводомъ.

По предложенію Талызина я написалъ статью по случаю кончины Петра Петровича Коновницына, послѣдовавшей 22 августа 1822 года. Статья эта была напечатана, въ сентябрѣ мѣсяцѣ того-же года, въ „Благонамѣренномъ“, журналѣ Измайлова, въ № XXXVI. Появленіе моего сочиненія въ первый разъ въ печати доставило мнѣ большое удовольствіе. Семейство Коновницына нѣсколько разъ изъявляло мнѣ благодарность за статью.

Высшую математику преподавалъ Николай Фуссъ, бывшій потомъ секретаремъ академіи наукъ; Черкасовъ и Шмидтъ читали весьма удовлетворительно военныя науки.

Преподавателями закона Божія, въ верхніе классы, назначали ученыхъ архимандритовъ, которыхъ года чрезъ два посвящали въ архіереи. Каждый годъ бывалъ публичный экзаменъ закона Божьяго. На одномъ изъ нихъ я получилъ за свой от-

вѣтъ одобреніе отъ митрополитовъ: православнаго Михаила (Десницкаго) и католическаго Сестреничича.

Съ удовольствіемъ вспоминаю также объ учителѣ фехтованія, знаменитомъ Сивербригѣ, такъ какъ я страстно любилъ фехтованіе на шпагахъ и былъ лучшимъ его ученикомъ. Гавеманъ былъ достойнымъ его сотрудникомъ, обучая драться на сабляхъ.

Изъ другихъ учителей упомяну: о Вольгемутѣ, учителѣ физики; Гапателѣ, преподававшемъ или, лучше сказать, заставлявшемъ учениковъ долбить наизусть, всеобщую исторію на французскомъ языкѣ, на которомъ три четверти учениковъ ничего не понимали и читали свой урокъ какъ попугай; Шмыгинѣ, учителѣ географіи; наконецъ, о Штемлерѣ, учителѣ нѣмецкаго языка, которому, по странному предрасудку, вкоренившемуся между русскою молодежью, никто не хотѣлъ учиться, хотя нѣмецкій языкъ, для практическихъ цѣлей, необходимѣе для русскаго всякаго другаго языка.

Это воспоминаніе объ учителяхъ 1-го корпуса можетъ дать понятіе о всей программѣ наукъ, въ немъ проходившихся.

Кадетъ верхнихъ классовъ два раза въ недѣлю водили въ манежъ, для обученія верховой ѣздѣ, что было для нихъ самымъ главнымъ удовольствіемъ. Лошадей въ корпусѣ было до 20-ти и изъ нихъ много хорошей ѣзды. Берейторами были Вороновъ и потомъ Кайзеръ.

Директоръ Перской имѣлъ обыкновеніе кадетъ прилежныхъ и по его мнѣнію даровитыхъ переводить изъ одного класса, до окончанія въ немъ курса, въ другой высшій, иногда черезъ два класса, какъ то случилось со мною; но что еще хуже, за лѣность, дурное поведеніе и особенно стародадетство онъ отсылалъ въ 7-й классъ, и лишалъ, такимъ образомъ, кадетъ, иногда дѣйствительно даровитыхъ, дальнѣйшаго образованія, такъ какъ въ 7-мъ классѣ, гдѣ преподавались только первоначальныя науки, сидѣли кадеты двадцатилѣтняго возраста и были выпускаемы офицерами въ гарнизонъ, а иногда и унтеръ-офицерами. Столь безчеловѣчное правило портило будущую карьеру многихъ изъ ожесточенныхъ, которыхъ можно бы было навести на хорошій путь болѣе гуманнымъ обращеніемъ. Старыми кадетами называли въ корпусѣ тѣхъ, которые считали правиломъ быть грубыми съ начальниками и учителями, худо учиться и имѣть ноги болесомъ.

Ө. Г. Батури нъ, опредѣлившій меня въ корпусъ, рекомендовалъ меня своему пріятелю, корпусному капитану Карлу Ивановичу Мердеръ, бывшему потомъ наставникомъ цесаревича, впоследствии императора, Александра Николаевича; я часто бывалъ въ семействѣ Мердера, который былъ командиромъ гренадерской роты и вскорѣ былъ переведенъ въ эту роту, гдѣ въ 1820 году произведенъ въ унтеръ-офицеры. Мердеръ былъ гуманнѣе прочихъ командировъ ротъ и имѣлъ болѣе правильную педагогическую систему. Въ 1821 году я былъ назначенъ фельдфебелемъ во 2-ю роту капитана Криницкаго, въ которой и оставался до выпуска. Вообще я былъ всегда отличаемъ какъ директоромъ, такъ и другими начальниками, строго сохраняя, впрочемъ, товарищескія отношенія, почему, не смотря на видимое предпочтеніе начальства, не имѣлъ никогда непріятностей отъ товарищей. Лучшими моими пріятелями были: Колотовъ Павелъ, Татариновъ, Трубниковъ. Висковатовъ Александръ, уже умершіе, и Драчевскій 1-й, замѣчательный математикъ, убитый при взятіи Варшавы въ 1831 году.

Страсть къ наукамъ и отличная память давали мнѣ возможность быть по всѣмъ предметамъ изъ первыхъ учениковъ. Свойство моей памяти было такое, что, прочтя разъ урокъ, я могъ его повторить словесно безъ ошибки, но за то прочитанное скоро и забывалъ. Эта легкость, съ какою я могъ сдавать уроки, была для моего образованія большимъ вредомъ, потому что не дѣлало его прочнымъ и позволяло употреблять свободное время на чтеніе, къ которому я пристрастился съ дѣтства, разныхъ книгъ безъ разбора.

Говоря о своихъ качествахъ, опредѣлившихъ до извѣстной степени дальнѣйшее теченіе моей жизни, не могу умолчать еще о двухъ, такъ сказать, наслѣдственныхъ: я наслѣдовалъ отъ своего отца веселость характера и отъ матери доброту сердца. Двѣ эти характеристическія черты не оставляли меня до глубокой старости; веселость доставляла мнѣ успѣхи въ обществѣ, какъ пріятнаго собесѣдника, доброта же хотя иногда мѣшала успѣхамъ моимъ по службѣ, но привязывала ко мнѣ подчиненныхъ.

Изъ корпуса я часто ходилъ въ отпускъ, преимущественно въ семейство Бардинскихъ, съ тремя братьями котораго былъ весьма друженъ, и съ ними въ домъ адмирала Пустошкина.

въ дочь котораго, Александру, 25-ти лѣтъ, былъ влюбленъ. Иногда брала меня къ себѣ Анна Николаевна Батурина, вдова бригадира екатерининскихъ временъ, бывавшая сама при дворѣ покойной императрицы. Батурина возила меня иногда въ гости къ пріятелю ея извѣстному адмиралу Шишкову, патріотическіе манифесты котораго мнѣ случалось читать въ дѣтствѣ въ 1812 году. Манифесты эти я читалъ сформированной мною командѣ школьниковъ въ Кашинѣ, вѣроятно для возбужденія ихъ мужества при нападении на огороды Клобуковскаго монастыря, о чемъ упомянуто выше.

Къ выпуску въ 1823 году, кромѣ меня, предназначалось въ артиллерію, саперы, армію и въ статскимъ дѣламъ 65 человекъ. На произведенныхъ экзаменахъ, по полученнымъ балламъ по наукамъ и поведенію, я оказался первымъ ученикомъ.

Не могу не упомянуть объ одномъ происшествіи, бывшемъ передъ выпускомъ, въ которомъ демонстрація передачи пироговъ имѣла печальныя послѣдствія. Выпускные этого года позволяли себѣ разные строго запрещенные поступки, т. е., по кадетскому выраженію, очень кутили. Начальство вынуждено было примѣнить для нѣкоторыхъ самую строгую мѣру наказанія — заключеніе въ *jeu de roquette* ¹⁾. По рѣшенію большинства выпускныхъ, не смотря на протесты нѣкоторыхъ и въ томъ числѣ меня, въ одинъ день послѣдовало распоряженіе всѣмъ кадетамъ передать пироги заключеннымъ въ жѣдепомѣ, и потому послѣ обѣда принести ихъ въ назначенное мѣсто. Подъ вечеръ вся толпа выпускныхъ, человекъ до 50-ти, исключая фельдфебелей, отправилась въ садъ, перелѣзла чрезъ высокую стѣну и чрезъ рѣшетки оконъ завалила пирогами карцеры арестованныхъ. Начальство, вѣроятно, было предувѣдомлено, потому что дежурный по корпусу, полковникъ Эллерманъ, и дежурные по ротамъ офицеры, съ командою всѣхъ служителей, направились въ садъ ловить нарушителей порядка. Увидя себя, при возвращеніи въ садъ, окруженными, выпускные кадеты построились въ густую колонну и, отбиваясь отъ служителей, желавшихъ схватить

¹⁾ Жѣдепомъ (*jeu de roquette*) мрачное зданіе, высшееся за восточной стѣной корпуснаго сада, гдѣ была устроена, вѣроятно, при директорѣ корпуса Ангальтъ, зала для этой игры, имѣвшей въ то время въ Петербургѣ много охотниковъ. Назначеніе этого зданія уже измѣнено.

нѣкоторыхъ изъ нихъ, достигли главныхъ воротъ сада, но нашли ихъ запертыми. Не думая долго, вся колонна начала раскачивать ворота, ударяя въ нихъ, какъ таранами. Одна изъ огромныхъ половинокъ воротъ соскочила съ петель и упала всею тяжестью на стараго швейцара, очень любимаго кадетами, который, стоя на другой сторонѣ рѣшотчатыхъ воротъ, употреблялъ все свое краснорѣчіе, чтобы ихъ остановить. Бѣдный швейцаръ получилъ опасный ушибъ и на другой день умеръ. Рассказывали, что дежурный полковникъ и одинъ офицеръ получили удары брошенными палками.

Несчастное происшествіе это навело ужасъ на весь корпусъ. На другой день потребовали всѣхъ фельдфебелей къ директору. Михаилъ Степановичъ Перской, въ ужасномъ гнѣвѣ, объявилъ имъ, что примѣрно накажетъ весь выпускъ за столь небывалое буйство. Горько упрекалъ ихъ въ томъ, что они имѣютъ такъ мало хорошаго вліянія на товарищей, что не могутъ удержать ихъ отъ подобныхъ безобразій. Перской, когда былъ разгнѣванъ, имѣлъ привычку сильно тыкать въ грудь пальцемъ того, съ кѣмъ говорилъ; въ эту минуту онъ обращался съ выговорами ко мнѣ, какъ первому по выпуску, и я, привыкшій во все время пребыванія въ корпусѣ слышать отъ директора однѣ похвалы, въ продолженіе получаса долженъ былъ переносить эти ужасные тычки, отъ которыхъ долго потомъ болѣла у меня грудь. Онъ не дождался, однако, чтобы фельдфебеля указали ему зачинщиковъ, въ чемъ, полагаю, онъ и не нуждался, потому что, при шалостяхъ массою, онъ не затруднялся это долженъ былъ отвѣчать.

Въ тотъ же день, при собраніи всего корпуса, были наказаны по его выбору розгами, такъ же жестоко, какъ въ то время наказывали солдатъ, нѣсколько выпускныхъ и нѣкоторые изъ нихъ выписаны изъ корпуса въ солдаты. Никому изъ выпускныхъ не дали подарковъ, которые обыкновенно раздавались на актѣ, послѣ экзаменовъ, и я лишился нѣсколькихъ томовъ прекрасныхъ книгъ и пары золотыхъ рапиръ, назначенныхъ мнѣ, какъ первому ученику и лучшему фехтовщику.

Я нарочно распространился объ этомъ происшествіи, чтобы показать закоренѣлость убѣжденія кадетъ въ несправедливости дѣйствій ихъ начальства и непрекословное исполненіе ими това-

ришескихъ распоряженій, въ увѣренности, что они должны быть непременно правильны. Въ этомъ случаѣ распоряженіе передавать пироги было сдѣлано небольшою группою выпускныхъ, а исполняли его кадеты всего корпуса. Постараюсь выяснитъ причины столь ненормальнаго положенія.

Въ екатерининское время 1-й шляхетскій кадетскій корпусъ былъ однимъ изъ лучшихъ образовательныхъ учреждений, не только въ Россіи, но въ цѣлой Европѣ; онъ доставилъ своему отечеству нѣсколько знаменитыхъ военачальниковъ и государственныхъ дѣятелей, снабжалъ армию отличными офицерами и вообще много послужилъ къ распространенію просвѣщенія въ Россіи. Двоюродный братъ Екатерины II, гр. Ангальтъ, назначенный ею директоромъ 1-го корпуса, посвящалъ ему все свое время, и корпусъ представлялъ настоящее семейство, подъ руководствомъ глубоко гуманнаго, высоко образованнаго, любящаго отца-педагога. Послѣ его кончины, при измѣненіи государственныхъ взглядовъ Екатерины, произведенномъ ужасами французской революціи, она рѣшила уничтожить либеральное направленіе, данное гр. Ангальтомъ воспитанію и образованію кадетъ 1-го корпуса. Введеніе строгой военной дисциплины въ учрежденіе, привыкшее къ отеческому обращенію гр. Ангальта, натурально возбудило сильное негодованіе между воспитанниками и внушило имъ недовѣріе къ справедливости начальства, по сравненію съ прежнимъ ихъ положеніемъ. Вновь вступавшіе въ корпусъ, разумѣется, принимали мнѣніе ихъ старшихъ товарищей, которое съ теченіемъ времени укоренилось и выработало, такъ сказать, нравственный кодексъ отношеній кадетъ къ ихъ начальникамъ. По правиламъ этого кодекса, вошедшимъ въ плоть и кровь кадетъ, должна была существовать крѣпкая, тѣсная связь между товарищами. Каждый кадетъ долженъ былъ рассчитывать на собственныя свои способности и никогда не прибѣгать къ заискиванію предъ начальствомъ—прибѣгающихъ къ этому обзывали „подъэгощиками“ и презирали—никогда не выдавать своего товарища, сдѣлавшаго подобную вещь клеймили прозвищемъ егозы или шпіона, и жизнь его между товарищами дѣлалась невыносимою.

Свято сохраняемыя правила неискательства и товарищества и по выходѣ изъ корпуса дѣлали изъ кадетъ 1-го корпуса замѣчательный типъ военныхъ людей, весьма уважаемый въ русской

арміи. Безъ свѣтскаго лоска, немного грубоватый, неискательный, готовый на самопожертвованіе для товарищества, искренній патриотъ,—вотъ главныя черты этого военнаго типа, столь полезнаго для поддержанія корпоративнаго духа въ войсѣхъ. Какъ бы ни различно было служебное и имущественное положеніе, въ которое становились съ теченіемъ времени питомцы 1-го кадетскаго корпуса, одного названія однокашника было достаточно, чтобъ они обходились другъ съ другомъ, какъ старые товарищи.

Императоръ Павелъ уничтожилъ все хорошее, оставшееся еще послѣ Ангальта въ корпусѣ, а Николай I назначеніемъ такихъ управляющихъ военно-учебными заведеніями, какъ Демидовъ и Сухозанетъ, много повредилъ умственному и нравственному развитію воспитанниковъ.

Желая служить вмѣстѣ съ пріятелемъ моимъ Павломъ Лукичемъ Колотовымъ, я просилъ цесаревича великаго князя Константина Павловича назначить меня въ лейбъ-гвардіи 5-ю батарею артиллерійскую роту. Командиръ роты, полковникъ Николай Ивановичъ Корфъ, на запросъ великаго князя отвѣчалъ, что въ ротѣ не имѣется офицерской вакансіи. Тогда пріятель Колотова, подпоручикъ л.-гв. Литовскаго полка Николай Афанасьевичъ Обручевъ, просилъ назначить меня, какъ будто бы двоюроднаго его брата, для совмѣстнаго служенія съ нимъ въ л.-гв. Литовскій полкъ, на что великій князь и согласился. Считаю себя много обязаннымъ Обручеву какъ за эту просьбу, такъ и за подробное наставленіе, получаемое мною отъ него на счетъ обмундированія, дороги и жизни въ Варшавѣ. Вѣроятно ни одинъ настоящій двоюродный братъ не сдѣлалъ бы болѣе.

Въ февралѣ 1823 г. вел. кн. Константинъ Павловичъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и по его приказанію директоръ Перской повелъ меня въ Мраморный дворецъ для представленія. Едва вошли мы въ залъ, наполненный генералами, какъ вышедшій изъ кабинета великаго князя камердинеръ сказалъ, что его выс—во спрашиваетъ кадета Одинцова. Вошедши одинъ въ кабинетъ, я увидалъ великаго князя въ сюртукѣ, безъ эполетъ, л.-гв. Подольскаго кирасирскаго полка, который онъ обыкновенно носилъ у себя дома. Константинъ Павловичъ былъ въ веселомъ расположеніи духа, очень любезно благодарилъ меня за успѣхи въ наукахъ и за желаніе служить подъ его началь-

ствомъ, но какъ, по несчастью, въ 5-й батареинной ротѣ нѣтъ вакансій, то онъ будетъ просить государя произвести меня въ офицеры въ л.-гв. Литовскій полкъ. При этомъ онъ прибавилъ, что изъ меня выйдетъ славный гренадеръ, а во мнѣ росту было 2 аршина 4 вершка. Потомъ великій князь далъ мнѣ стоявшее тутъ солдатское ружье и приказалъ дѣлать приемы и маршировать. Эта эксцентрическая выходка и тяжесть ружья, въ сравненіи съ кадетскимъ, сначала изумили меня, однако, я успѣлъ исполнить требуемое, къ удовольствію великаго князя. Потомъ Константинъ Павловичъ сказалъ, чтобъ я не дѣлалъ себѣ здѣсь никакого платья, а что онъ прикажетъ обмундировать меня по приѣздѣ въ Варшаву, куда беретъ меня съ собою, и спросилъ еще есть ли у меня что надѣть на дорогу? Я отвѣчалъ, что у меня купленъ тулупъ. Тогда великій князь позвалъ своего камердинера Фрица и спросилъ, взялъ ли онъ съ собою его виговую фуфайку, и на отвѣтъ, что она здѣсь, сказалъ:

— „Фрицъ, отдай ее Одинцову, ему теплѣе будетъ ѣхать“.

Поблагодаривъ великаго князя за столь неожиданную любезность, я, съ коричневой фуфайкой въ рукахъ, вышелъ изъ кабинета и, разумѣется, былъ закиданъ вопросами генераловъ, удивленныхъ видѣть меня съ такою ношею.

На другой день, 27-го февраля 1823 г., высочайшимъ приказомъ я былъ произведенъ прапорщикомъ въ л.-гв. Литовскій полкъ, что было исключеніемъ, потому что въ то время изъ корпусовъ прямо въ гвардію рѣдко выпускали.

Послѣ опредѣленія въ корпусъ это былъ второй въ моей жизни счастливый случай, испорченный только тѣмъ, что, отправляясь съ великимъ княземъ, я не могъ повидаться съ своими родителями, что обыкновенно дозволялось выпускаемымъ изъ корпуса кадетамъ.

Привезъ меня въ Варшаву, 2-го марта 1823 г., фельдъегеръ Константина Павловича Максимъ Ивановичъ Ивановъ, турокъ родомъ, замѣчательный тѣмъ, что при взятіи Измаила былъ спасенъ ребенкомъ и прирѣзанъ русскими.

Примѣчаніе. Со времени Николая I-го начали входить въ обычай общественные обѣды: кавказцевъ, бывшихъ студентовъ университетовъ, лиценстовъ, севастопольцевъ, дѣятелей по освобожденію крестьянъ и бывшихъ воспитанниковъ разныхъ учебныхъ заведеній. Обѣды эти доставляли большое удовольствіе

свиданіемъ съ невестрѣчаемыми давно товарищами по школѣ и воспоминаніями юности; но въ нихъ было и много полезнаго, для утвержденія корпоративнаго или, лучше сказать, дружиннаго духа.

Въ 1877 г. одинъ изъ бывшихъ кадетъ 1-го корпуса, Петръ Владиміровичъ Жуковскій, взявъ на себя починъ пригласить прежнихъ кадетъ этого корпуса на общій товарищескій обѣдъ, въ день учрежденія 1-го Шляхетскаго кадетскаго корпуса, 17-го февраля 1732 г.

Первый обѣдъ этотъ состоялся въ гостинницѣ Палкина, на Невскомъ проспектѣ, и соединилъ, по открытой подпискѣ по 8 рублей съ персоны, до 122 человекъ. Старѣйшими на ономъ по выпуску — оказались я и Кликасевъ выпуска 1823 г. Обѣдъ отличался чрезвычайнымъ одушевленіемъ и неподдѣльною веселостію, что было и на слѣдующихъ за нимъ. Припомнивъ то время, когда государь Александръ II и братья его, Николай и Михаилъ, находились въ рядахъ 1-го корпуса, собравшіеся кадеты рѣшили написать икону Св. Александра Невскаго и Феодора Тихона, чествуемаго православною церквію въ день основанія 1-го корпуса, 17-го февраля, и поднести ее государю, что и было, съ соизволенія его, исполнено.

Въ 1879 г., кромѣ бывшихъ кадетъ 1-го корпуса, были приглашены по ихъ просьбѣ, и офицеры, выпущенные изъ юнкеровъ 1-го военного училища, какъ составляющаго продолженіе 1-го корпуса, помѣщающагося въ томъ же историческомъ зданіи и унаслѣдовавшаго отъ 1-го корпуса знамя, его особый наградной знакъ (hausse col), музей и бібліотеку.

Меню обѣдовъ писались на изображеніи красныхъ погоновъ 1-го корпуса, соображаясь съ блюдами, которые давались въ корпусѣ, напр., ши клясьме, грешневка, рыба по кадетски, бобровскій куличъ, фунтики съ пряниками, которые отпускались кадетамъ по большимъ праздникамъ. Передъ обѣдомъ били повѣстку и все шли къ обѣду, подъ звуки стариннаго марша 1-го корпуса. Начинали и кончали обѣдъ молитвою, которую пѣли все присутствовавшіе, какъ бывало въ корпусѣ.

На каждомъ обѣдѣ П. В. Жуковскій читалъ стихи своего сочиненія, возбуждавшіе всегда громкіе аплодисменты. Произносилось множество спичей и тостовъ. Со всехъ концовъ Россіи получались поздравительныя телеграммы отъ однокашниковъ, которые сейчасъ-же прочитывались. Собирали деньги для нуждающихся бывшихъ кадетъ, для чего г. Волошиновъ одинъ пожертвовалъ семь тысячъ рублей. Изъ сего сбора часть была употреблена на временныя вспоможенія, а остальная часть на учрежденіе при 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, названіе котораго было возобновлено въ 1882 г., стипендія имени бывшихъ кадетъ первоначальнаго 1-го корпуса.

Въ 1882 году, въ полуторастолѣтнюю годовщину 1-го корпуса, былъ выбитъ жетонъ.

Въ 1883 году начала составлять альбомъ фотографическихъ портретовъ бывшихъ кадетъ.

Распорядителями собраній согласились быть Жуковскій, Лаурентьевъ и Зыковъ. Предсѣдателями обѣдовъ, по старшинству выпуска, были въ 18...? Н. П. Цѣловъ выпуска 1817 г., въ 1882 г. А. П. Гилденштуббе выпуска 1819 г., Г. Дижуби выпуска 1819 г., на прочихъ-же обѣдахъ я — выпуска 1823 г.

Въ 1884 г., когда шли за мое здоровье, какъ предсѣдательствующаго въ этотъ день, я благодарилъ собраніе слѣдующими словами:

— «Душевно благодарю любезныхъ однокашниковъ за пожеланіе мнѣ здо-

ровья, которое тѣмъ болѣе для меня дорого, что дозволяетъ мнѣ находиться на всѣхъ нашихъ дружескихъ собраніяхъ, на которыхъ, въ сожалѣнію моему, кромя трехъ, я оказываюсь самымъ старымъ между вами: одно мнѣ весьма пріятно, что на продолжительномъ моемъ жизненномъ пути мнѣ приходилось, по большей части, встрѣчать между старыми кадетами честную жизнь, вѣрную, не занскивающую ни чьего покровительства службу и непомерно теплое чувство товарищества, которое и мы, старики, вступившіе на девятый десятокъ, не перестаемъ сохранять свято и значить сохранимъ и до конца нашей жизни, что, твердо убѣжденъ, и будетъ со всѣми вами».

А. А. О.

III.

Служба въ гвардейскомъ отрядѣ въ Варшавѣ.

Пріѣздъ въ Варшаву. — Составъ гвардейской дивизіи. — Общество офицеровъ. — Фаворитизмъ. — Пушкинъ. — Андрей и Николай Одинцовы. — Увлеченіе книгами политическаго содержанія. — Литовскій полкъ на дурномъ счету. — Умственные занятія. — Нововведенія: школа плаванія. — Фехтованіе.

1823—1830 гг.

Служба въ Варшавѣ тѣмъ болѣе меня прельщала, что представляла уже нѣчто заграничное, которое видѣть я давно мечталъ, но увидѣлъ уже въ позднюю пору моей жизни.

2-го марта 1823 г. я прибылъ въ Варшаву и, по условію съ моимъ корпуснымъ другомъ, П. А. Колотовымъ, остановился на квартирѣ пріятеля его л.-гв. Литовскаго полка подпоручика Николая Афанасьевича Обручева, на Сенаторской улицѣ, въ домѣ, называемомъ Бланка-палацъ.

Великій князь Константинъ Павловичъ приказалъ меня обмундировать на его счетъ.

Находившійся въ то время въ Варшавѣ, подъ главнымъ начальствомъ великаго князя Константина Павловича, гвардейскій отрядъ состоялъ изъ полковъ пѣхотныхъ: Литовскаго, польскаго гренадерскаго, егерскаго Волынскаго и польскаго сапернаго баталіона, составлявшихъ гвардейскую дивизію; кавалерійскихъ: Подольскаго кирасирскаго, Уланскаго великаго князя Константина Павловича и польскаго гвардейскаго конно-егерскаго полковъ. Наконецъ, двухъ ротъ л.-гв. артиллерійской 5-й батареи и 3-й конной.

Гвардейской дивизіей командовалъ генераль-лейтенантъ Рихтеръ, командиромъ 1-й бригады и л.-гв. польскаго гренадерскаго полка былъ генераль-маіоръ Жемирскій, а командиромъ л.-гв. Литовскаго полка ген.-маіоръ Василій Михайловичъ Кишкинъ. Командиромъ гвардейскаго корпуса былъ графъ Винцентій Красинскій.

Общество офицеровъ л.-гв. Литовскаго полка отличалось тѣснымъ товариществомъ, либеральными мнѣніями александровскихъ временъ и полнымъ сознаниемъ своего достоинства, какъ корпораціи. Изъ офицеровъ полка было много хорошо образованныхъ, прилежно читавшихъ политическія и военныя сочиненія, а такъ какъ эти офицеры имѣли большое вліяніе на все общество, то и другіе старались слѣдовать ихъ примѣру. Вообще, въ продолженіе всей моей службы, я встрѣчалъ мало гвардейскихъ полковъ, въ которомъ бы былъ такой превосходный духъ, какъ въ Литовскомъ.

Сначала скажу нѣсколько словъ объ ожидавшемъ меня родѣ службы въ Варшавѣ. Великій князь Константинъ Павловичъ имѣлъ репутацію превосходнаго инструктора, въ смыслѣ того времени. Выправка, маршировка, ружейные приемы и различныя построенія фронта въ войскахъ, имъ командуемыхъ, были доведены до совершенства. Онъ ввелъ въ русскую армію французскую методу ружейныхъ приемовъ, со счеомъ про себя. Въ войскахъ, расположенныхъ въ Варшавѣ, было каждый день не менѣе двухъ учений и въ 10 часовъ утра разводъ на Саксонской площади, ежедневно въ присутствіи самаго великаго князя и всѣхъ наличныхъ офицеровъ въ полкахъ.

Всѣ войска, какъ русскія, такъ и польскія, собирались мѣсяца на три въ лагерь подъ Повонзками. Столь часто повторявшіяся механическія занятія были, кажется, достаточны, чтобъ совершенно умственно отупѣть; однако, находилось, по счастью, нѣкоторое число офицеровъ, успѣвавшихъ проглотить всего Жюмини, кромѣ другаго чтенія.

Съ наступленіемъ весны Варшава, съ ея прекрасными садами и роскошными тополевыми и каштановыми аллеями, показалась мнѣ прелестною.

Жители изъ поляковъ не имѣли большаго желанія сблизиться съ русскими офицерами, а они, въ свою очередь, не искали этого

сближенія, и потому довольствовались только общественными удовольствіями, театрами, концертами въ публичныхъ садикахъ, (ogródki), прогулками и своимъ обществомъ. Всѣ почти офицеры полка были холостые, великій князь не любилъ женатыхъ, что по его мнѣнію было вредно для службы. Когда я прибылъ въ Варшаву, въ полку была только одна полковая дама, жена подпоручика Тинькова, прелестная Прасковья Сергѣевна, всѣхъ насъ очаровывавшая своею добротою и любезностью.

Я былъ весьма радушно принятъ обществомъ полка. Въ непродолжительномъ времени и интеллигенція полка приняла меня въ свою среду, за мою любознательность. Старшіе офицеры побранивали меня иногда за двѣ сходившіяся во мнѣ крайности серьезнаго человѣка и рѣзваго шалуна.

Разумѣется, я отдался съ полнымъ увлеченіемъ чтенію, имѣя возможность получать всякаго рода книги. П. Колотовъ прислалъ мнѣ еще въ 1821 году „Essais sur les moeurs de Voltaire“, и это сочиненіе сдѣлалось моею настольною книгою. Вольтеръ, Монтескьё, Франклинъ и Вейссъ опредѣлили въ моей молодости мое міросозерцаніе. Сожитель мой Обручевъ былъ пламенный послѣдователь Руссо и можно представить, какіе споры и пререканія возникали между нами при столь различныхъ доктринахъ. Кромѣ того, Обручевъ былъ очень страннаго и необщительнаго характера. Черезъ годъ мы разошлись и я сталъ квартировать съ поручикомъ Форсманомъ, шведомъ по рожденію, чрезвычайно образованнымъ и достойнымъ человѣкомъ, съ которымъ и былъ неразлученъ до выступленія изъ Варшавы. Форсману я обязанъ, что онъ пріучилъ меня къ порядку и далъ болѣе системы моимъ научнымъ занятіямъ.

Великій князь былъ со мною очень любезенъ и часто говорилъ своему начальнику штаба Курутѣ:

„Неправда ли, Дмитрій Дмитриевичъ, что Одинцовъ очень похожъ на своего бывшего директора Персваго“.

— Тоцно такъ, в. выс—во, отвѣчалъ лстивый грекъ, тоцно, Михайло Степаныць.

Какъ представилось это сходство Константину Павловичу — не понимаю. На первомъ разводѣ, въ которомъ я участвовалъ, великій князь приказалъ поставить меня въ 1-й взводъ и я долженъ былъ парадировать тихимъ шагомъ, передъ взводомъ,

въ которомъ каждый гренадеръ былъ не менѣе 12 вершковъ, въ то время какъ во мнѣ не было и 4-хъ, что его очень забавляло.

Фаворитизмъ мой продолжался до того времени, когда я былъ заподозрѣнъ, какъ атаманъ прапорщической шайки, устроенной съ цѣлью нанесенія разныхъ непріятностей полковнику Варпаховскому, чтобъ принудить его выйти изъ полка.

Варпаховскій былъ нетерпимъ офицерами за его дурной нравъ и жестокое обращеніе съ солдатами; а въ особенности за его исторію съ любимымъ и уважаемымъ въ полку капитаномъ Николаемъ Николаевичемъ Пуцинымъ, который связать во фронтѣ, что „ежели его баталіонный командиръ Варпаховскій станетъ бить солдатъ его роты, то онъ сдѣлаетъ съ нимъ то-же самое“. Великій князь также очень любилъ Пуцина и былъ бы готовъ ограничиться относительно легчайшимъ взысканіемъ за это нарушеніе дисциплины, ежели бы Пуцинъ извинился предъ Варпаховскимъ въ присутствіи общества офицеровъ полка, а какъ Пуцинъ, не смотря на всѣ увѣщанія, на это не согласился, то былъ преданъ суду и разжалованъ въ рядовые.

Въ 1826 году Пуцинъ былъ прощенъ и возвратился въ полкъ прежнимъ чиномъ капитана, и съ этихъ поръ началась моя дружба съ нимъ, продолжавшаяся до его кончины.

Жена Пуцина, Эмилія Антоновна, бывшая потомъ начальницею Патриотическаго института (въ Петербургѣ), безъ сомнѣнія, одна изъ самыхъ достойныхъ женщинъ, что могу говорить утвердительно, зная всю ея жизнь.

У сожителя моего, Форсмана, были два пріятели швейцарца: Фавръ, воспитатель барона Винценгероде, и де-Фошъ, съ которыми я также скоро подружился и общество которыхъ имѣло самое благодѣтельное вліяніе на умственное мое развитіе. Фавръ былъ ученый педагогъ, а де-Фошъ въ полномъ смыслѣ практической человѣкъ, жившій въ разныхъ странахъ Европы и, кромѣ того, самый веселый и любезный свѣтскій собесѣдникъ. Разумѣется, нашъ языкъ былъ французскій, что дало мнѣ возможность, чрезъ два года послѣ выпуска изъ корпуса, совершенно свободно говорить по французски.

Какой человѣкъ былъ я въ 22 года моей жизни? Трудно 75 лѣтнему Одинцову, столь измѣненному житейскимъ опытомъ, сказать вѣрное о 22-хъ лѣтнемъ Одинцовѣ, ежели бы не со-

хранился листокъ, на которомъ я въ 1825 году записалъ слѣдующія черты моего тогдашняго характера: самолюбивъ, старается сдѣлаться лучшимъ, вѣтренъ, безпечень, хорошій другъ, желаетъ лучше быть несчастнымъ, но оставаться всегда честнымъ, лѣнивъ, нетерпѣливъ, нехладнокровенъ къ благорасположенію высшихъ, но не способенъ достигать оваго недостойными средствами; исполненъ любви сыновней, страстенъ къ удовольствіямъ свѣта, имѣетъ цѣлью заслужить общую любовь, обязанъ занятію науками многими счастливыми минутами своей жизни, предпочитаетъ три общества: образованныхъ и опытныхъ людей, милыхъ женщинъ и дружеское военное, гдѣ душа на распашку.

На этомъ же листкѣ написано: стараться всегда вести себя въ духѣ той среды, въ которой находишься (хотя наружно), ежели это не сопряжено съ нарушеніемъ чести или нравственности. Полагаю, что это правило руководило мною въ отношеніи товарищей, которыми я былъ весьма любимъ во все время пребыванія моего въ полку. Веселость моя одушевляла общество, а разсудительность дѣлала полезнымъ совѣтникомъ для молодежи, столь часто увлекающейся. Не менѣе двадцати ссоръ было окончено моимъ вліяніемъ миролюбиво, такъ что впоследствии я получилъ насмѣшливое прозвище „мирнаго секунданта“.

Въ 1826 году младшій братъ мой Андрей, вышедшій послѣ меня изъ корпуса, по моей просьбѣ, былъ переведенъ изъ артиллеріи Литовскаго корпуса въ нашъ полкъ. Андрей былъ олицетворенная безпечность, всецѣло преданный кутежу, но замѣчательно добродушный и любимый товарищами. Такъ какъ онъ стоялъ съ нами на одной квартирѣ, то отъ меня и Форсмана, который въ противоположность былъ олицетвореніемъ порядка, Андрею много доставалось брани, но безъ успѣха. Старшій братъ мой, Николай, выпущенный изъ 2-го кадетскаго корпуса къ статскимъ дѣламъ, вскорѣ женился и поселился въ имѣніи жены своей, сельцѣ Кузнецовѣ, Новгородской губерніи, Устюжскаго уѣзда.

Вся его жизнь проведена въ деревнѣ; нѣсколько лѣтъ онъ управлялъ въ Ярославской губерніи селомъ Великимъ, извѣстнымъ полотнянымъ промысломъ. Братъ Николай, какъ всѣ мы, былъ характера веселаго, очень умный и начитанный. Въ 1826 году я ѣздилъ на два мѣсяца въ отпускъ, но отца уже не засталъ въ живыхъ, онъ скончался 11 августа.

Вскорѣ послѣ моего прибытія въ полкъ, общество офицеровъ онаго сдѣлалась для меня какъ родная семья. Я упоминалъ уже выше, что много офицеровъ Литовскаго полка не позволяло себѣ гложуть въ однихъ только чисто механическихъ фронтовыхъ занятіяхъ, но старалось теоретически знакомиться съ настоящимъ военнымъ дѣломъ и развивать свой умъ другимъ разнообразнымъ чтеніемъ, особенно политическихъ сочиненій. Всѣ вообще были пылкіе сторонники парламентаризма, хотя ни отъ одного я не слышалъ, что прежде испытанія его въ своемъ отечествѣ необходимо освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Константинъ Павловичъ не любилъ, чтобъ офицеры занимались науками, тѣмъ болѣе политическими, и потому Литовскій полкъ былъ у него на дурномъ счету и за нимъ шпіонничали болѣе, нежели за польскими полками. Возникшія потомъ происшествія ясно доказали, что мнѣніе великаго князя было ошибочно и что литовцы никому не уступали въ патриотизмѣ. Довказательствомъ тому служитъ тотъ фактъ, что во время возмущенія въ Варшавѣ Константинъ Павловичъ назначилъ для собственнаго своего конвоя 2-й баталіонъ л.-гв. Литовскаго полка, въ которомъ я былъ баталіоннымъ адъютантомъ.

Для памяти, приведу здѣсь имена офицеровъ, составившихъ эту интеллигенцію полка, о которой я говорилъ выше:

Полковники: Карлъ Григорьевичъ Энгельманъ, Иванъ Афанасьевичъ Виленбаховъ.

Капитаны: Аполонъ Ильичъ Бибиковъ, Михаилъ Ивановичъ Жеребцовъ, Николай Николаевичъ Пущинъ.

Штабъ-капитаны: Иванъ Кирилловичъ Высоцкій, Валеріанъ Макаровичъ Млчуринъ, Дмитрій Андреевичъ Хвоцинской, Владиміръ Петровичъ Желтухинъ.

Поручики: Карлъ Ивановичъ Фохтъ, Алексѣй Александровичъ Леваидовъ, Петръ Александровичъ Гренеръ, Андрей Ѳедоровичъ Лишинъ ¹⁾, Александръ Олиповичъ Толшинъ.

Подпоручики: Сергѣй Николаевичъ Гиньковъ, Николай Викторовичъ Веригинъ ¹⁾, Николай Афанасьевичъ Обручевъ, Александръ Александровичъ Гренеръ 2-й, Иванъ Яковлевичъ Форманъ.

Прапорщики: Николай Ѳедоровичъ Дѣбринкенъ, Ѳедоръ Егоровичъ Рихтеръ, Павелъ Антоновичъ Крыжановскій, Павелъ Федоровичъ Довре, Мартинъ Павловичъ Якубовской, Петръ Карповичъ Романовской, Геннадій

¹⁾ Въ архивѣ «Русской Старины» имѣются, между прочимъ, съ 1870 года и будутъ напечатаны записки А. Ѳ. Лишина и Н. В. Веригина. Оба они уже покойники.

Ивановичъ Кореневъ, Ѳедоръ Андреевичъ Катенинъ, Александръ Ивановичъ Корвино-Красинской, Юсифъ Игнатьевичъ Пузыня, Дмитрій Антоновичъ Ѳедоровъ, Егоръ Яковлевичъ Овандеръ, Сергій Петровичъ Озеровъ, Анзельмъ Амвросьевичъ Гмшинской, Александръ Александровичъ Аршеневской, Александръ Астафьевичъ Забѣлло, Фридрихъ Ивановичъ Гине, Ѳедоръ Петровичъ Фовъ, Николай Петровичъ Макаровъ.

Можетъ быть, по давнему времени, я ошибся въ составленіи этого списка бывшихъ моихъ товарищей, раздѣлявшихъ со мною любовь къ чтенію, но во всякомъ случаѣ я убѣжденъ, что списокъ этотъ пришлось бы только увеличить и потому прошу прощенья у тѣхъ, кого мимовольно здѣсь пропустилъ.

Что касается до меня, то я старался не отставать отъ моихъ сослуживцевъ и, по примѣру ихъ, все мое свободное время посвящалъ чтенію, дѣлалъ выписки и анализы прочитаннаго, переводилъ, выучился скоро по польски, такъ что могъ слушать нѣкоторыя лекціи въ варшавскомъ университетѣ, особенно курсъ словесности профессора Осинскаго, переводчика на польскій языкъ нѣкоторыхъ трагедій Корнеля и Расина. Осинскій былъ великолѣпный чтецъ и лекціи его привлекали все интеллигентное общество Варшавы. Цукерня (кондитерская) швейцарца Лурса доставляла намъ возможность читать европейскіе журналы, чего иначе намъ бы не удавалось, и при страсти нашей въ политикѣ было бы большимъ лишеніемъ.

Изъ французскихъ газетъ, однако, приходилось довольствоваться „Gazette de France“, потому что „Journal des Débats“ и другія часто задерживались цензурою. По просьбѣ одного моего хорошаго знакомаго, гр. Валеріана Корвино-Красинскаго, я написалъ по французски въ 1828 году „Apperçu sur la littérature russe pour les quatre dernières années“ для Юліана Урсина Нѣмцевича, извѣстнаго польскаго поэта и въ то время предсѣдателя общества друзей и наукъ (Towarzystwo przjaciół nauk), для рѣчи его о славянскихъ литературахъ. Съ самимъ Нѣмцевичемъ я не былъ знакомъ, но онъ весьма меня благодарилъ чрезъ графа Красинскаго.

Тотъ же Красинскій познакомилъ меня съ однимъ итальянцемъ, аббатомъ Кіарини, который въ 1830 году издалъ въ Парижѣ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Théorie du Judaisme appliquée à la reforme des Israelites de tous les pays de l'Europe

et servant en même temps d'ouvrage préparatoire à la version du Talmud, par l'abbé Louis Chiarini, professeur des langues et antiquités orientales à l'université de Varsovie“.

Аббату Кіарини нужно было перевести на русскій языкъ пространное предисловіе этой книги, подъ заглавіемъ: „Préface à la version du Talmud“, для ознакомленія съ нимъ святѣйшаго синода, чтобъ не встрѣтить потомъ препятствія въ напечатаніи перевода двухъ частей Талмуда, Мишны и Гемары, надъ которыми онъ уже давно трудился. Императоръ Николай I-й, въ бытность въ Варшавѣ въ 1829 году, одобрилъ это предпріятіе и назначилъ 6 тысячъ злотыхъ на изданіе „Теоріи іудейства“ и 12 тыс. злотыхъ на печатаніе переложенія Талмуда въ шести томахъ.

Графъ Красинскій и Кіарини убѣдительно просили меня предпринять переводъ на русскій языкъ предисловія къ теоріи іудейства. Цѣль Кіарини была доставить правительствамъ, переводомъ Талмуда, средства къ исправленію нравственности евреевъ, такъ какъ онъ считаетъ Талмудъ главною причиною того, что евреи до сихъ поръ составляютъ во всѣхъ странахъ отдѣльный народъ.

Въ виду дѣйствительной пользы, я взялъ на себя этотъ несовсѣмъ для меня пріятный трудъ и перевелъ все предисловіе, въ которомъ болѣе всего меня затрудняло пріисканіе текстовъ въ библии, которые въ оригиналѣ приведены, разумѣется, по французски.

Изъ частыхъ разговоровъ моихъ съ Кіарини я узналъ какія трудности представляетъ переводъ Талмуда, даже при совершенномъ знаніи еврейскаго языка. Талмудисты стараются обыкновенно давать превратный смыслъ словамъ Библии, для чего употребляютъ разныя уловки, какъ, на примѣръ: переименованіе выраженій, игру словъ и проч. Только такой человекъ, какъ Кіарини, могъ предпринять этотъ гигантскій трудъ. Я не встрѣчалъ никого такъ исключительно преданнаго своему предмету, это былъ настоящій мономанъ. По несчастію, онъ умеръ въ Варшавѣ въ 1832 году, не приведя къ окончанію любимую мысль всей своей жизни.

Литературныя занятія не отвлекали меня отъ служебныхъ: напротивъ, я исполнялъ ихъ болѣе, нежели мои сотоварищи.

начальство, считая меня способнымъ офицеромъ, возлагало на меня разнообразныя должности, не входившія въ обыкновенный кругъ моихъ прямыхъ обязанностей. Такъ, я завѣдывалъ въ полку особыми командами юнкеровъ, ракетниковъ, застрѣльщиковъ, фехтовщиковъ и полковою школою.

Не смотря на пристрастіе свое къ одиночной выправкѣ и щегольской маршировкѣ, Константинъ Павловичъ первый началъ вводить въ войска обученіе, которое бы развивало силы и ловкость солдата. Имъ были выписаны изъ австрійской арміи инструкторы плаванія, подъ завѣдываніемъ австрійскаго полковника графа Поццо ди Борго, и устроена школа плаванія въ озерѣ Маримонта.

Почти половина польской арміи и русскаго гвардейскаго отряда сдѣлались отличными пловцами и часто производили ученіе на Вислѣ, въ которомъ, для сдѣланія предполагаемой высадки на противоположный ея берегъ, цѣлыми баталіонами переправлялись вплавь, при этомъ тащили за собою плоты, на которыхъ помѣщались ружья и сумы съ патронами. Люди были въ купальныхъ штанахъ и въ фуражкахъ. На одномъ изъ такихъ ученій я былъ замѣченъ государемъ наследникомъ, нынѣ въ Бозѣ почивающимъ императоромъ Александромъ Николаевичемъ, въ 1829 году, о чемъ мнѣ государь потомъ часто припоминалъ.

Введено было въ войскахъ обученіе фехтованію на штыкахъ, сабляхъ и пикахъ, главнымъ инструкторомъ котораго былъ также австріецъ Вагнеръ, который, не знаю почему, назывался наобороть, т. е. Ренгау,—фанатически преданный своему искусству и величавшій себя профессоромъ фехтованія на шпагахъ, сабляхъ, штыкахъ и кинжалахъ. Самъ я, какъ страстный любитель фехтованія, разумѣется былъ ревностнымъ помощникомъ Ренгау при обученіи солдатъ, но какъ ученіе Севербрика, знаменитаго фехтмейстера изящной французской школы, я называлъ Ренгау, по его способу биться на шпагахъ, романтикомъ фехтованія. Въ это время фехтованіе было въ модѣ, и въ Варшавѣ были два зала фехтованія у Ренгау и у француза Прево. Я усердно посѣщалъ эти залы, особенно Прево, гдѣ часто бился съ гр. Валевскимъ, бывшимъ потомъ министромъ иностранныхъ дѣлъ при Наполеонѣ III, и даже съ одной дамой, замѣчательной фехтовщицей итальянкой Багалини.

При великомъ князѣ Константиѣ Павловичѣ введены также въ гвардейскихъ пѣхотныхъ полкахъ ракеты, бросаемыя съ ручныхъ станковъ, носимыхъ солдатами. Ракеты эти, изобрѣтенныя генераломъ польской артиллеріи Бонтанъ, заключали въ себѣ маленькую гранату и имѣли цѣлью, ежели не наносить большаго вреда, то пугать лошадей въ случаѣ кавалерійскихъ атакъ. При пробѣ ихъ разъ одна граната, разорвавшаяся близъ самаго станка, чуть не убила меня вмѣстѣ съ изобрѣтателемъ.

Надъ всѣми этими нововведеніями наблюдалъ любимецъ великаго князя генералъ Трембицкій, бывшій наполеоновскій офицеръ, человекъ очень способный, но большой формалистъ. Онъ написалъ уставы обученія плаванію, фехтованію, застрѣльщицкому ученью съ усиленіемъ ракетами, и я, какъ прикомандированный къ нему, долженъ былъ всѣ эти уставы перевести съ польскаго на русскій языкъ для нашего отряда и Литовскаго корпуса.

А. А. Одинцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1841 г. ¹⁾.

Январь 11. Всѣ праздники не выдалось дня свободнаго. Много работалъ для первыхъ книжекъ «Сына Отечества» и помѣстилъ въ первомъ номерѣ свою статью о стихотвореніяхъ Лермонтова. Наконецъ, увидѣлъ, что продолжать такъ нельзя и рѣшился сложить съ себя ту часть работы, которая до сихъ поръ лежала исключительно на мнѣ одномъ, а именно (отказаться) отъ просмотра и обработки статей для журнала. Мы рѣшили съ Сенковскимъ раздѣлить редакцію между нѣсколькими лицами, а за мной оставить главный надзоръ литературный и цензурный. Я буду получать отъ сотрудниковъ предварительныя извлеченія изъ предполагаемыхъ къ напечатанію статей, а послѣднія просматривать уже во второй корректурѣ. Это сниметъ большую тяжесть съ моихъ плечъ.

15. Печальное зрѣлище представляетъ наше современное общество: въ немъ ни великодушныхъ стремленій, ни правосудія, ни простоты, ни чести въ яравахъ, словомъ—ничего свидѣтельствующаго о здоровомъ, естественномъ и энергическомъ развитіи нравственныхъ силъ. Мелкія души истощаются въ мелкихъ сплетняхъ общественнаго хаоса. Нѣтъ даже правильнаго понятія о выгодахъ и твердаго къ нимъ стремленія. Все идетъ, говоря русскимъ словомъ, «нашарамыжку». Умъ и плутовство—синонимы. Слова: честный человѣкъ означаютъ у насъ простяка, близкаго къ глушцу, то же, что и добрый человѣкъ. Общественный

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент., стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; нояб., стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; июн., стр. 577—598; т. LXIII, июль, стр. 27—60; августъ стр. 265—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV; октябрь, стр. 103—122.

развратъ такъ великъ, что понятія о чести, о справедливости считаются или слабодушіемъ, или признаками романтической восторженности. И понятно: вѣдь съ ними не соединяется ничего существеннаго,—это пустыя, книжныя слова. Образованность наша—одно лицемеріе. Учимся мы безъ любви къ наукѣ, безъ сознанія достоинства и необходимости истины. Да и въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ заботиться о приобрѣтеніи познаній въ школѣ, когда наша жизнь и общество въ противоборствѣ со всеміи великими идеями и истинами, когда всякое покушеніе осуществить какую нибудь мысль о справедливости, о добрѣ, о пользѣ общей, клеймится и преслѣдуется, какъ преступленіе? Къ чему воспитывать въ себѣ благородныя стремленія: вѣдь рано или поздно, все равно, придется пристать къ массѣ, чтобы не сдѣлаться жертвою.

Февраль 13. Сегодня происходилъ во дворцѣ, въ присутствіи императрицы, экзамень институтокъ. Здѣсь присутствовали обѣ великія княжны, наслѣдникъ и маленькіе великіе князья. Государь выходилъ на минуту, поцѣловалъ императрицу, со всеміи раскланялся и удалился.

Государыня слаба и потому старались какъ можно больше сократить экзамень. Каждому учителю дано было по получасу на его предметъ, а всеѣхъ ихъ было пять. Мой экзамень сошелъ очень хорошо. Послѣ того пошли завтракать, но я предпочелъ уѣхать домой. Путь къ выходу лежалъ по великолѣпнымъ заламъ и по небольшому зимнему саду, гдѣ въ кадкахъ растутъ тропическія деревья, плещеть фонтанъ и кричатъ попугаи.

Мартъ 5. Нѣкто Великопольскій, псевдонимъ (Ивельевъ), написалъ драму: «Янстерскій». Она плоха и сверхъ того безнравственна и полна сценами и выраженіями, которыя у насъ не допускаются въ печати. По непонятному недоразумѣнію, она однако, была пропущена цензоромъ Ольдекопомъ. Лишь только драма вышла изъ печати и попала въ руки министру, онъ немедленно отрѣшилъ отъ должности цензора, и велѣлъ повсюду отобрать экземпляры ея и сжечь. Сегодня въ одиннадцать часовъ утра состоялось это аутодафе, при которомъ велѣно было присутствовать мнѣ и Курторгѣ. Вотъ, однако, два хорошіе поступка: Великопольскій, узнавъ о несчастіи, постигшемъ по его милости цензора, предложилъ послѣднему 3,000 рублей, чтобы тому было на что жить, пока онъ найдетъ себѣ другое мѣсто. Ольдекопъ отказался.

Вчера былъ читанъ въ совѣтѣ университета и одобренъ мой проектъ «Постановленія о публичныхъ лекціяхъ», написанный мною по порученію министра.

11. Смирдинъ близокъ къ банкротству. Надо сказать правду, не везетъ мнѣ: вотъ опять я цѣлый годъ проработалъ даромъ. Это особенно не кстати, такъ какъ я собираюсь предложить выкупъ за мою мать и брата (изъ крѣпостнаго права). Писалъ по этому поводу графу Ш. Приближенные его меня обнадежили въ успѣхѣ, но отъ него до сихъ поръ—ни слова. Боже великій! Что за порядокъ вещей! Вотъ я уже полвоправный членъ общества, пользуюсь нѣкоторой извѣстностью и влияніемъ и не могу добиться—чего же? Независимости моей матери и брата! Полуумный вельможа имѣетъ право мнѣ отказать: это называется правомъ! Вся кровь кипитъ во мнѣ, я понимаю, какъ люди доходятъ до крайностей!.. Жду съ нетерпѣніемъ прїѣзда изъ Москвы В. А. Жуковскаго: можетъ быть его влияніе въ состояніи будетъ что нибудь сдѣлать...

17. Сегодня читалъ въ совѣтѣ мою рѣчь къ акту: «О современномъ направленіи русской литературы». Рѣчь единодушно одобрена.

23. Сегодня былъ у Жуковскаго и просилъ его содѣйствія по дѣлу о моей матери и брата. Онъ съ негодованіемъ слушалъ мой рассказъ о моихъ неудачныхъ попыткахъ по этому случаю и открыто выражалъ свое отвращеніе къ образу дѣйствія графа Ш—ва и къ обусловливающему ихъ порядку вещей. Василій Андреевичъ обѣщался пустить въ ходъ весь свой кредитъ. Я съ моей стороны не постою ни за какой суммой выкупа, если послѣдній потребуется—чего бы мнѣ ни стоило скопить ее. Боже мой, Боже мой! Лишь бы не взнемочь въ борьбѣ...

Апрѣль 3. Сегодня состоялся актъ въ университетѣ. Рѣчь моя имѣла успѣхъ, хотя я читалъ дурно. Отъ Жуковскаго еще никакихъ вѣстей.

9. Сегодня, наконецъ, спала съ моего сердца невыносимая тяжесть: наконецъ, моя мать—моя праведная, благородная, возвышенная мать—и братъ мой могутъ, за одно со мной, свободно дышать. Графъ Ш. уже подписалъ отпускную, безъ выкупа: сегодня я получилъ о томъ извѣщеніе. Кому я этимъ обязанъ: Жуковскому или, наконецъ, рѣшности самого графа? Во всякомъ случаѣ, все прошлое забыто и прощено.

Въ обществѣ, между тѣмъ, ходятъ слухи. Говорятъ, что ко дню свадьбы Наслѣдника приготовленъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ. Если это правда, нынѣшнее царствованіе будетъ ознаменовано событіемъ, которое возвеличитъ его. Но многіе изъ людей образованных находятъ мѣру эту еще несвоевременною. Говорятъ, что она поведетъ къ безпорядкамъ, что къ ней надо идти постепенно и т. д. Какой же моментъ, по ихъ мнѣнію, окажется своевременнымъ? И чего еще ждать? Чтобы помѣщики сами отказались отъ своихъ правъ? Или чтобы

между крестьянами побольше распространилось просвѣщеніе? Но и то и другое немислимо при существующемъ порядкѣ вещей. Всякая постепенность на этомъ пути была бы полумѣрою, а полумѣры всегда ошибочны и часто пагубны, потому что создаютъ фальшивыя положенія вещей. Что касается безпорядковъ, они, конечно, возможны, но что они въ сравненіи со зломъ, заключающимся въ этой отвратительной системѣ рабства? Мелкіе помѣщики неизбежно пострадаютъ, но какое же важное и благотворное преобразование въ государствѣ совершается безъ жертвъ? Государю Николаю Павловичу приписываютъ слова:—«Я не хочу умереть, не совершивъ двухъ дѣлъ: изданія Свода законовъ и уничтоженія крѣпостнаго права». Если такъ, то это внесетъ прекрасную страницу въ исторію его царствованія. Но все это одни гаданія. Подождемъ до среды: это день, въ который назначена свадьба наследника — и вопросъ рѣшится самъ собой. Впрочемъ, я мало надѣюсь. Хотя почему бы Николаю этого и не сдѣлать? Онъ всемогущъ: кого и чего ему бояться? И какое лучшее употребленіе можетъ онъ сдѣлать изъ своей самодержавной власти?

14. Дѣло о матери моей и братѣ кончилось такъ хорошо, только благодаря вѣщательству Жуковского. Да благословить его Богъ! Сегодня я былъ у него и благодарилъ его.

Вчера былъ на балу въ Смольномъ монастырѣ: тамъ пѣла графиня Росси. Дивный голосъ. Но я профанъ въ музыкѣ и, вѣроятно, потому остался недоволенъ. Я не понимаю, зачѣмъ всѣ эти пѣвцы и музыканты такъ любятъ тратить свои силы на риторическія фигуры, все достоинство которыхъ въ трудности? Двѣлетанты восхищаются, но на меня это дѣйствуетъ обратнo. Музыка—это совершеннѣйшее изъ искусствъ и власть ея надъ человѣческимъ сердцемъ безгранична. Она есть гармонія души, а изъ нея дѣлаютъ игру въ звуки.

16. Прекрасный, теплый день. Пошелъ на площадь, гдѣ выстроены балаганы. Много народу; мертвая тишина, безжизненность на лицахъ; полное отсутствіе одушевленія.

27. Неприятности въ институтѣ заставили меня опять выдвинуть тамъ вопросъ объ отставкѣ. Принцъ Ольденбургскій поручилъ начальницѣ уговорить меня остаться. Прішлось пока согласиться.

Май 5. Сегодня я глубоко счастливъ: я отправилъ увольнительные акты матушкѣ и брату.

8. Обѣдалъ сегодня съ Брюловымъ (Карломъ) въ прескверномъ трактирѣ на Васильевскомъ острову, у какой-то мадамъ Юргенсонъ. Брюловъ изрядно уписывалъ щипки и говядину, которые, по моему, скорѣй способны были отбить всякую охоту обѣдать. Тѣмъ не менѣе, мы отлично провели время. Брюловъ былъ занимателенъ,

остеръ и любезенъ. Онъ слыветъ человѣкомъ безнравственнымъ—не знаю, справедливо или нѣтъ, но въ разговорѣ его не замѣчаю ни малѣйшаго динизма. Вотъ хоть бы сегодня, онъ говорилъ не только мно и тонко, но и вполне прилично, съ уваженіемъ къ добрымъ людямъ и къ честнымъ понятіямъ.

29. Въ заботахъ и хлопотахъ забылъ упомянуть о важной домашней пережнѣ. Съ 22-го мая я на новой квартирѣ, въ домѣ Фридрикса, противъ, или почти противъ, Владимірской церкви ¹⁾. Квартира эта гораздо лучше прежней: чище, свѣтлѣе, удобнѣе расположена. Кабинетъ у меня прекрасный: уединенный и просторный. Но зато все это и стоитъ мнѣ дороже. За эту новую квартиру я буду платить 1,400 р. (ассигнаціями) въ годъ, а за прежнюю платилъ двумя стами меньше.

Іюль 12. Въ Куселевкѣ обработалъ два важныя дѣла: мнѣніе о необходимости преподаванія русской словесности для студентовъ юридическаго факультета и проектъ закона о періодическихъ изданіяхъ. Первое возникло по слѣдующему поводу. Деканъ юридическаго факультета и профессора представили въ совѣтъ университета проектъ объ уничтоженіи въ этомъ факультетѣ нѣкоторыхъ вспомогательныхъ предметовъ, въ томъ числѣ и русской словесности, для облегченія студентовъ, будто бы обремененныхъ науками. Но это не вѣрно. Деканъ считалъ науки юридическія не по курсамъ, а гуртомъ и отъ того ихъ вышло много. Сверхъ того, у нихъ на юридическомъ факультетѣ исторія римскаго права и римское право; законы о полиціи вообще и предупредительная полиція считаются предметами отдѣльными. При такомъ раздробленіи наукъ, не мудрено насчитать ихъ десятка три, четыре. На этомъ основаніи деканъ положилъ исключить изъ факультета: русскую исторію, всеобщую исторію и русскую словесность. Но тутъ была другая тайная причина, а именно угодливость студентамъ изъ аристократовъ, которые предпочитаютъ юридическій факультетъ остальнымъ. Эти молодые люои занимаются наукой между прочимъ, и потому, конечно, каждый предметъ считаютъ для себя обременительнымъ. Для изслѣдованія этого дѣла, по моему настоянію, была назначена особая комиссія. Я, въ качествѣ одного изъ ея членовъ, написалъ мнѣніе и читалъ его. Оно оказало свое дѣйствіе и теперь положено отмѣнить мѣру, придуманную юридическимъ факультетомъ, и оставить все по прежнему.

Проектъ закона о періодическихъ изданіяхъ составленъ мною при

¹⁾ На этой квартирѣ А. В. Никитенко прожилъ до самаго года своей кончины, болѣе тридцати пять лѣтъ.

слѣдующихъ обстоятельствахъ. Государь строжайше запретилъ разрѣшать изданія новыхъ журналовъ. Но умъ человѣческій хитеръ и изворотливъ. Высочайшее повелѣнiе объ этомъ существуетъ уже около трехъ лѣтъ, въ теченiе которыхъ, кромѣ того, оно неоднократно подтверждалось. Между тѣмъ, за это время возникли: «Москвитянинъ», «Отечественныя Записки», «Русскiй Вѣстникъ», — первый совершенно новый, два вторые будто бы только возобновлены, но въ нихъ нѣтъ и тѣни прежнихъ журналовъ съ этимъ именемъ. Сверхъ того литераторы умудрились издавать книги выпусками, но эти мнимыя книги—настоящiя перiодическiя изданiя. Таковы: «Маякъ», «Пантеонъ русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ», «Репертуаръ», «Экономъ». Готовилось и еще не мало другихъ такихъ же изданiй. Такимъ образомъ возникла необходимость въ законѣ, который опредѣлялъ бы, что считать журналомъ и что нѣтъ. Цензурному комитету приказано составить такой законъ, а комитетъ возложилъ это на меня. Дѣло не легкое: хотѣлось бы склонить правительство взглянуть на дѣло мягче, спасти всѣ новыя изданiя и удалить препятствiе съ пути будущихъ. Предстоитъ борьба съ Гаевскимъ и Крыловымъ. Третьяго дня я проиисалъ всю ночь; обдумалъ и сообразилъ какъ будто недурно. Въ слѣдующее цензурное засѣданiе проектъ мой будетъ читанъ.

19. Нѣсколько дней провелъ въ моей кушелевской избѣ. Гулялъ по полямъ и по лѣсу. Въ воскресенье провелъ прiятный вечеръ съ Брюловымъ, а по утру былъ у меня монахъ Иоакимъ, да не засталъ меня дома.

28. Дни сумрачныя, но теплыя. Читалъ, между прочимъ, «Москвитянинъ». Чудаки эти москвичи (даже Шевыревъ). Ругаютъ западъ на чемъ свѣтъ стоитъ. Западъ умираетъ, уже умеръ и гвiеть. Въ Россiи только и можно жить и учиться чему нибудь. Это страна благополучiя и великихъ убѣжденiй. Если это искренно, то москвичи самые отчаянныя систематики. Они отнимаютъ у Бога тайны его предначертанiй и рѣшаютъ по своему жизнь и упадокъ царствъ. Они похожи на школьниковъ, которые считаютъ себя всемирными мудрецами, все знаютъ и все могутъ. Они, дѣйствительно, являются выраженiемъ нашей «младенчествующей самостоятельности». Въ такомъ случаѣ они, говоря ихъ словами, историческiя явленiя. Ну, съ Богомъ!

Гулялъ съ переводчикомъ Шлегеля Комовскимъ, который живетъ также въ Кушелевкѣ. Онъ защищалъ «Москвитянина», особенно Шевырева. Я спорилъ горячо, даже слишкомъ горячо, и хотя сбилъ его съ основанiй, однако, какъ водится, не убѣдилъ, а только оста-

новилъ. Комовскій человѣкъ очень хорошій, съ душою чисто Шиллеровскаго покроя. Онъ тонокъ всѣмъ: станомъ, чувствами, умомъ: тонокъ до того, что врядь ли можетъ удержать какую нибудь крѣпкую истину, не согнувшись. Мы съ нимъ недавно познакомились, но уже довольно сошлись.

Сегодня начались въ университетѣ приемные экзамены. Это самая тяжкая, самая нелюбимая часть моихъ профессорскихъ обязанностей. Рыться въ мозгу около сотни мальчишковъ и часто приходитъ къ крайне неутѣшительнымъ выводамъ относительно научной подготовки и степени умственного развитія этихъ будущихъ гражданъ—неблагодарная работа и дѣйствующая на меня расслабляющимъ образомъ. Сегодня экзамень длился съ девяти часовъ утра и до трехъ. У меня подъ конецъ еле шевелился языкъ.

Всю послѣднюю недѣлю много думалъ о моихъ лекціяхъ въ наступающемъ учебномъ году. Намѣревался сначала кое-что измѣнить въ порядкѣ изложенія идей, но потомъ оставилъ все по старому. Главная задача моя въ самихъ идеяхъ, въ ихъ духѣ и въ словѣ, которое дѣйствовало бы на умы и пробуждало въ слушателяхъ стремленіе къ высокому, къ гуманному. У всякаго общественнаго дѣятеля свои элементы силы, посредствомъ которыхъ онъ достигаетъ желаемыхъ результатовъ. Элементами моей силы я считаю: мысль и слово, а не эрудицію. Мое естественное влеченіе обратить катедру въ трибуну. Я желаю больше дѣйствовать на чувство и волю людей, чѣмъ развивать передъ ними теорію науки. Мнѣ кажется, что я больше ораторъ, чѣмъ профессоръ. Познанія у меня средство, а не цѣль. Я не «научовой» (зри «Москвитянина») человѣкъ, а человѣкъ мысли и чувства. Потому мнѣ всего больше нужно для катедры: 1) ясность, стройность и діалектическая гибкость мысли и 2) мощь слова. Я долженъ дѣлать доступными моимъ слушателямъ такія истины, которыя содѣйствуютъ прямо и непосредственно ихъ внутренней гармоніи и ставить ихъ въ гармоническія отношенія съ челоуѣчествомъ. Это — добро и такому добру я долженъ и хочу содѣйствовать. Если бы я былъ дѣятель политическій, я старался бы, чтобы люди были довольны своимъ вѣншимъ положеніемъ. Но такъ какъ мнѣ это не дано, я долженъ содѣйствовать ихъ внутреннему благоустройству.

Прежде всего надо стремиться къ образованію въ нихъ внутренней законодательной силы. Въ рукахъ моихъ важное для этого орудіе—взящное. Какъ! Изящное—только орудіе? Да! Искусство должно служить челоуѣчеству, а не челоуѣчество искусству. Человѣкъ создаетъ исторію столько же для себя, сколько и для удовлетворенія вѣншимъ законамъ своего назначенія.

Нынѣ въ модѣ толковать о судьбѣ цѣлаго, о «міровомъ» и т. д. Правда, мы видимъ, что сама судьба недѣлимое приноситъ въ жертву цѣлому. Но это ея неисповѣдимая тайна. Для насъ же, что это какъ не соблазнъ и не камень преткновенія? Цѣлое есть отвлеченная идея. Не цѣлое живетъ, а живутъ недѣлимые, которые одни могутъ страдать или не страдать. Заботьтесь же о недѣлимыхъ, а цѣлое всегда будетъ, такъ или иначе хорошо, независимо отъ вашей воли.

Людемъ нужно какое нибудь убѣжденіе, какая нибудь нравственная точка опоры. Но невѣжество не обдумываетъ своего убѣжденія: ему только надо надъ чѣмъ нибудь остановиться, за что нибудь держаться, и оно охотно подчиняется вліянію первой силы, которая смѣло съумѣетъ наложить на него иго, или вліянію первой мысли, какая испугаетъ, изумитъ или очаруетъ его минутнымъ блескомъ. Время и властолюбцы укрѣпляютъ эту мысль—и вотъ вамъ священныя преданія; вотъ вамъ законъ обычая, или, по новому, великая историческая идея.

Люди просвѣщенные не хотятъ быть управляемы ни произволомъ, ни случаемъ: они требуютъ законовъ и правосудія. Всѣ общественныя волненія происходятъ изъ сокрытой борьбы права съ властью, которая не хочетъ знать никакого права или которая дурно примѣняетъ его.

Августъ 18. Жилъ большею частью въ моей избѣ, въ Кушелевкѣ. Главнымъ предметомъ моихъ думъ былъ нынѣ курсъ публичныхъ лекцій, который мнѣ хочется открыть нынѣшнею зимой. Еслибъ мнѣ удалось прочесть ихъ такъ, какъ иногда удастся читать въ университетѣ, то есть, съ жаромъ и одушевленіемъ, я полагаю, онѣ не остались бы совсѣмъ безплодными. Не скрою, однако, что мысль выступить передъ публикою нѣсколько страшитъ меня, тѣмъ болѣе, что я хочу, какъ Гречъ, читать по тетради.

Пока я неумоимо собираю матеріалы, то есть обдумываю и соображаю начала, главныя положенія, факты и прочее. Мнѣ хочется утвердить основы литературной идеи и опредѣлить ходъ нашей литературы въ главныхъ ея дѣтеляхъ. Впрочемъ, что такое литературная идея? Главное—возбудить въ сердцахъ уваженіе къ подвигамъ ума и просвѣщенія. Пусть бы по туманному и безжизненному полю нашего общества пронеслось хоть нѣсколько свѣтлыхъ, благородныхъ идей.

Сентябрь 7. Есть два ряда либерализма въ политикѣ и въ искусствѣ: одинъ требуетъ свободы и закона, другой—свободы и произвола.

Составленныя мною постановленія о публичныхъ лекціяхъ напечатаны уже въ журналѣ «Министерства Народнаго Просвѣщенія» и въ другихъ журналахъ. Многіе недовольны, не столько сутью поста-

новлений, сколько появленіемъ ихъ на свѣтъ, и даже не оставляютъ безъ укора и меня. Но при томъ забываютъ или не хотятъ помнить, что идея закона не моя, а я, призванный осуществить ее, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, руководствовался однимъ, а именно: сдѣлать законъ наименѣе обременительнымъ, полагая, что если онъ попадетъ въ другія руки, о которыхъ шла рѣчь, то будетъ хуже для всѣхъ. Пусть упрекаютъ меня въ самовадѣянности, но во всякомъ случаѣ я дѣйствовалъ одушевленный благимъ намѣреніемъ и правиломъ: не отказываться ни отъ какого дѣла, если это общааетъ хотя отрицательную, если не положительную пользу просвѣщенію.

15. Я окончательно сложилъ съ себя званіе редактора «Сына Отечества» и напечаталъ мое отреченіе въ журналахъ. Я былъ вынужденъ къ этой рѣшительной мѣрѣ непослѣдовательностью Смирдина и своекорыстіемъ Сенковскаго. Нынѣшній годъ я имѣлъ дѣло съ послѣднимъ ибо онъ купилъ у Смирдина право изданія. Такъ, по крайней мѣрѣ, было объявлено мнѣ. Вдругъ, въ половинѣ года, Сенковский отказывается отъ журнала и снова передаетъ его Смирдину, который никому не можетъ платить. Видя, что такимъ образомъ мнѣ навязывается исключительная отвѣтственность за всѣ неблагопристойности, чтобъ не сказать больше, совершаемыя «Сыномъ Отечества», я принужденъ былъ, ради чести моего имени, наконецъ бросить это негодное и потерянное дѣло.

Смирдинъ хотѣлъ передать редакцію Краевскому. Но я воспротивился этому: соединить въ однихъ рукахъ нѣсколько журналовъ значитъ допустить пагубную монополію въ нашей литературѣ и передать ее на произволъ одной партіи.

16. Былъ у графа Клейнмихеля, который, по случаю отъѣзда генерала Рерберга куда-то надолго, захотѣлъ поручить мнѣ полное завѣдываніе Аудиторскою школою, гдѣ я состою инспекторомъ только по части преподаванія русской словесности. Онъ, между прочимъ, замѣтилъ мнѣ, что я рѣдко бываю въ училищѣ. Ему о томъ донесли, но это совершенная правда, и я, конечно, не отрицалъ ее. Впрочемъ, графъ не сердится на меня за то и, по обыкновенію, обошелся со мною ласково.

24. Вчера обѣдалъ у Дмитрія Максимовича Княжевича, недавно пріѣхавшаго изъ-за границы. Съ нимъ ѣздила и Надеждинъ, который также вернулся. Разговоръ шелъ о славянахъ Австріи. Я не ошибся: я всегда думалъ, что славянскій патриотизмъ, мечтающій о централизаціи славянскаго міра, существуетъ только въ головахъ нѣкоторыхъ фанатиковъ, какъ Шафарикъ, Ганка, Погодинъ и проч., но что народы славянскіе вообще живутъ себѣ преспокойно

подъ австрійскимъ владычествомъ, ни мало не думая о какой-либо политической самобытности. Исключеніе составляютъ только венгерскіе славяне и русины, которые очень угнетены магнатами. Все это подтвердилъ Надеждинъ, который однако самъ не изъ послѣднихъ славянофиловъ.

Тову въ бумагахъ и корректурныхъ листахъ: сочиненія студентовъ, лекціи, цензура, сочиненія литераторовъ, присылаемыя на судъ— Боже мой, какая пестрота, а подъ часъ и какое убійство времени! Я ложусь спать въ три часа ночи, встаю въ семь и все еще не могу справиться со всѣмъ. Утро до четырехъ часовъ, кромѣ того, обыкновенно уходитъ на службу, то есть на занятія учебныя, на экзамены и на цензурныя дѣла. Сверхъ того, графъ Клейнмихель поручилъ мнѣ временное завѣдываніе аудиторскою школою. А что изъ всего этого? Возможность жить, то есть скромно ѣсть, одѣваться и имѣть надъ головою крышу.

Октябрь 8. Получены письма отъ Чицова изъ-заграницы: ко мнѣ онъ писалъ изъ Дрездена, къ Гебгарту изъ Бельгіи. Онъ видѣлся съ Печеринымъ. Не далеко отъ Литгиа есть іезуитскій монастырь св. Витта: въ него удалился Печеринъ и принялъ монашество. Игакъ, два прозелитизма разомъ: политическій и религиозный. Странный поворотъ и какія потрясенія должны произойти въ душѣ человѣка, чтобы привести его къ такимъ результатамъ. Чицовъ говоритъ съ негодованіемъ о нравственномъ упадкѣ, въ какомъ засталъ нашего Печерина: онъ принялъ не только идеи своего званія, но и всѣ предрасудки его. Чицовъ полагаетъ, что его увлекли бѣдность и обольщенія іезуитовъ, которымъ онъ можетъ быть полезенъ своими обширными свѣдѣніями, особенно по части филологіи. Изъ этого выходитъ, что поступокъ Печерина не есть слѣдствие смѣлой, обдуманной рѣшимости и твердаго убѣжденія, а только случайный выходъ изъ затруднительнаго положенія, подъ давленіемъ обстоятельствъ—плодъ незрѣлой мысли. Онъ укорялъ Чицова и всѣхъ товарищей, въ особенности меня, за то, что мы потворствовали его самолюбію, внушая ему слишкомъ высокое мнѣніе о его дарованіяхъ. Но это, помимо всего другаго, еще и несправедливо. По возвращеніи его изъ-заграницы я сильно возставалъ противъ его эгоизма и полуфилософіи, слѣдствіемъ чего даже было наше взаимное охлажденіе. Когда онъ уѣхалъ въ Москву, занять тамъ профессорскую кафедру, отношенія наши были уже далеко не прежнія. И все таки я не могу придти въ себя отъ изумленія и не нахожу объясненія столь странному моральному явленію. Печеринъ—католическій монахъ! Это просто непостижимо! Поистинѣ, горе человѣку, одаренному сильными

чувствами и широкою мыслью, безъ равносильной имъ силы воли и характера.

26. Заваленъ цензурою. Раасматриваю: Исторію Петра Великаго Н. Полеваго, Всеобщую исторію профессора Лоренца, Исторію философіи Телемака (?), огромную политическую экономію, нѣсколько повѣстей и т. д., и т. д. Журналы «Отечественныя Записки» и «Русскій Вѣстникъ». Спустишь съ рукъ одно — онѣ уже полны другимъ. Такъ и жизнь уходитъ. Началь было и довольно успѣшно подвигать свой курсъ словесности: пришлось опять приостановить его.

27. Ходилъ во дворецъ и смотрѣлъ картину Бруни: «Воздвиженіе змія въ пустынѣ». Я ожидалъ отъ нея бѣльшаго. Это—картина разныхъ смертей, а гдѣ же поэтическая идея Моисея съ его чудомъ? Моисей мелькаетъ вдали неясною тѣнью, а вы видите только кучи умирающихъ, изображенныхъ съ ужасающею истиной. Художникъ очевидно заботился не о художественной, а объ анатомической правдѣ фигуръ.

28. Для насъ, въ Россіи, еще не насталъ періодъ нравственныхъ потребностей. Общественное устройство подавляетъ всякое развитіе нравственныхъ силъ и горе тому, кто поставленъ въ необходимость дѣйствовать въ этомъ направленіи. Это самое тяжелое положеніе, потому что самое ложное. Не того намъ надо. Быть солдатомъ, или человѣкомъ—вотъ наше единственное назначеніе. Возвѣщать науку?— гдѣ потребность въ ней? Она не имѣетъ поддержки въ жизни и потому является только школьнымъ плетеніемъ понятій. Тутъ по неволѣ становишься въ ряды шарлатановъ.

Особенно моя наука — суцая нелѣпность и противорѣчіе. Я долженъ преподавать русскую литературу—а гдѣ она? Развѣ литература у насъ получается правами гражданства? Остается одно убѣжище— мертвая область теоріи. Я обманываю и обманываюсь произнося слова: развитіе, направленіе мыслей, основныя идеи искусства. Все это что-нибудь, и даже много, значить тамъ, гдѣ существуютъ общественное мнѣніе, интересы умственные и эстетическіе, а здѣсь просто швырянье словъ въ воздухъ. Слова, слова и слова! Жить въ словахъ и для словъ, съ душою, жаждущею истины, съ умомъ, стремящимся къ вѣрнымъ и существеннымъ результатамъ — это дѣйствительное, глубокое злополучіе. Часто, очень часто, какъ напримѣръ, сегодня, я бываю пораженъ глубокимъ мрачнымъ сознаниемъ моего ничтожества. Если бы я жилъ среди дикихъ, я ходилъ бы на звѣриную и рыбную ловлю, я дѣлалъ бы дѣло,—а теперь, я, какъ ребенокъ, какъ дуракъ, играю въ мечты и призраки! О, кровію сердца написалъ бы я исторію моей внутренней жизни! Проклято

время, гдѣ существуетъ выдуманная, оффиціальная необходимость моральной дѣятельности, безъ дѣйствительной въ ней нужды — гдѣ общество возлагаетъ на васъ обязанности, которыя само презираетъ... Вотъ уже два часа ночи, а я все еще думаю о томъ же. Засну, завтра выйду изъ этого душевнаго хаоса, буду опять стараться обманывать себя и другихъ, чтобы не умереть отъ физическаго и духовнаго голода, пока дѣйствительно не умру и не унесу съ собой въ могилу горькаго сознанія бесплодно растраченныхъ силъ...

Ноябрь 25. Весь мѣсяцъ прекращено сообщеніе съ Васильевскимъ островомъ и въ университетѣ нѣтъ лекцій. Сначала Нева становилась, мосты были разведены. Вдругъ оттепель: мосты нельзя наводить. Кой-какъ еще перебирались по латкамъ мосткамъ, да и то полиція часто запрещала. Наконецъ, оттепель дошла до того, что ледъ на Невѣ сломало и рѣка прошла, какъ весной. Третьяго дня мостъ было навели, но сильный ледоходъ заставилъ опять развести его. Вчера—день моихъ лекцій въ университетѣ. Я отважился пойти къ Невѣ, но въ заключеніе только полюбовался глыбами льда на ней и вернулся домой. Трудно будетъ потомъ соблюсти полноту и порядокъ въ лекціяхъ.

Сегодня тоже день, назначенный для засѣданія цензурнаго комитета, но и оно не состоялось: Нева не допустила.

Декабрь 31. Конецъ 1841 года. Мало радостей и никакого удовлетворенія онъ не принесъ мнѣ. Провожая его безъ сожалѣній и смѣло иду на встрѣчу 1842 г.: умереть вѣдь надо же когданибудь.

А. В. Никитенко.

Сообщ. С. А. Никитенко.

ДВѢ ЧУХЛОМСКИХЪ ДРАМЫ

основа „Горькой Судьбины“ А. Ф. Писемскаго.

I.

Въ Чухломскомъ уѣздѣ Костромской губерніи въ усадьбѣ С. разыгрались двѣ драмы, одна назадъ тому лѣтъ сорокъ съ небольшимъ, другая чрезъ десять лѣтъ послѣ первой. Обѣ драмы имѣли слѣдствіемъ судебное разслѣдованіе совершенныхъ дворовыми людьми преступленій. Дѣла обѣ обовхъ преступленіяхъ хранятся въ «сосредоточенномъ архивѣ костромскаго окружнаго суда». Они служатъ живымъ изображеніемъ быта крестьянъ въ страдное время крѣпостнаго права. Въ мѣстномъ обществѣ существуетъ мнѣніе, что дѣла эти были извѣстны Писемскому и что онъ именно ихъ взялъ за основу для своей бытовой драмы «Горькая судьбина». Занимаясь разборомъ архивныхъ дѣлъ, имѣющихъ интересъ для мѣстной бытовой исторіи, мы съ особеннымъ интересомъ отнеслись къ упомянутымъ двумъ дѣламъ, какъ имѣющимъ важное значеніе для изученія и объясненія генезиса драмы «Горькая судьбина» незабвеннаго А. Ф. Писемскаго.

Ознакомившись съ содержаніемъ этихъ дѣлъ, мы пришли къ тому заключенію, что фактическая сторона ихъ въ существенныхъ чертахъ совпадаетъ съ фактами, приводимыми въ «Горькой судьбинѣ», и характеристическія черты для обрисовки, по крайней мѣрѣ, главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ «Горькой судьбинѣ», можно думать взяты Писемскимъ изъ этихъ дѣлъ. Отвлеки эти черты отъ нѣсколькихъ лицъ, фигурирующихъ въ двухъ процессахъ, авторъ «Горькой судьбины» скомбинировалъ ихъ

въ однихъ лицахъ. Такимъ образомъ, главныя дѣйствующія лица въ драмѣ хотя выводятся въ иной обстановкѣ, чѣмъ въ разобранныхъ нами процессахъ, очевидно, придуманной самимъ авторомъ, но въ существенныхъ своихъ чертахъ они совершенно живыя лица, взятая авторомъ изъ жизни во время крѣпостнаго права. Мы не въ правѣ требовать отъ художника, чтобы онъ безъ всякаго видоизмѣненія и съ протокольною точностью излагалъ въ литературномъ произведеніи извѣстные ему факты. Художникъ, рисуя бытъ какого либо класса народа въ извѣстную эпоху, можетъ дѣйствительные факты обставить подробностями, созданными его воображеніемъ, отвѣчающими, впрочемъ, характеру эпохи, но произведеніе его всетаки будетъ реальнымъ, а не фантастическимъ, если въ основу его положена была, если приводимые въ немъ факты, очищенные отъ субъективныхъ измышлений, по изслѣдованію, оказываются дѣйствительностію. Такое реальное значеніе имѣетъ и драма Писемскаго «Горькая судьбина». Въ основу ея положены факты дѣйствительные, взятые, какъ можно думать, изъ разобранныхъ нами двухъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ костромскаго окружнаго суда.

Не желая затруднять читателей подробнымъ изложешіемъ всей юридической процедуры дѣла, что умѣстно въ архивной работѣ, въ настоящей статьѣ мы изложимъ факты, по поводу которыхъ возникли судебные процессы, и въ сжатой формѣ изложимъ существенное содержаніе ихъ.

II.

Мирно, повидимому, текла жизнь поселенцевъ, поль-вѣка тому назадъ, въ глухомъ Чухломскомъ углу въ имѣніи помѣщика Ермолаева. Съ тяжелой барщиной и оброками искони свыклись крестьяне и ничто выходящее изъ ряду вонъ не возмущало этой подневольной однообразной жизни чухломскихъ обитателей. Работаютъ крестьяне на своихъ владѣльцевъ, работаютъ и на себя. Придетъ праздничекъ, особенно мѣстный престольный, сварятъ крестьяне пивца и бражки и повеселятся какъ умѣютъ. Въ зимнее время, напр. на масляницѣ, соберутся они на бесѣду и отведутъ душу пѣснями. Заѣдетъ при случаѣ на

бесѣду и самъ баринъ, послушаетъ пѣсенъ, а потомъ и угоститъ пѣсепниковъ винцомъ да пивцомъ, позаглядится на дѣвицъ и молодухъ и какая изъ нихъ очень приглянется ему, ту чрезъ старосту или чрезъ кого нибудь изъ дворовыхъ позоветъ и въ усадьбу къ себѣ и приласкаетъ. Староста, въ этихъ случаяхъ, для барина орудуетъ съ полнымъ усердіемъ; нарядитъ на работу близъ усадьбы какую нибудь покрасивѣе бабенку или дѣвицу; сейчасъ и баринъ къ нимъ явится, какъ изъ земли вырастетъ. Терпѣли это крестьяне до поры до времени; кто изъ нихъ подобрѣе и поносливѣе, тѣ помалчивали да руками помахивали на творившееся въ усадьбѣ беззаконіе. Но пришло таки время, нашлись люди, которые и перепести обидъ и беззаконій не смогли и сами натворили такихъ дѣлъ, что чуть было въ Сибирь на поселеніе за нихъ не угодили, а иные всетаки подыкнутъ и на работы въ крѣпостяхъ попали.

1845 г., 15 іюля, дворовый челоѣкъ сельца Селиванова, лѣтъ за 40, Владиміръ Михайловъ, женился на дворовой-же женщицѣ вдовѣ Елизаветѣ Алексѣевой ¹⁾. Несчастлива была ихъ жизнь съ первыхъ же дней супружества; брань и ссоры, а иногда и побои терпѣла жена отъ мужа. Какія причины вызывали на это обращеніе Михайлова съ своей женой—о нихъ нельзя сказать опредѣленно. Надо полагать, что, какъ свидѣтельствуешь помѣщикъ, Михайловъ былъ ревнивъ и, узнавши грѣшки, водившіеся за его женой до замужества, ревновалъ ее ко всякому, кто съ ней пошутитъ. Чрезъ годъ послѣ сватѣбы Михайловъ былъ уволенъ помѣщикомъ по билету для промысла и около года занимался въ разныхъ мѣстахъ Костромской губерніи церковною рѣзною работою. Въ свой домъ онъ возвратился въ началѣ іюня 1847 г. Близкіе къ нимъ люди уже не замѣчали теперь прежнихъ отношеній Михайлова къ женѣ. Но оказалось, что эта тишина между супругами водворилась предъ бурей. Михайловъ втайнѣ продолжалъ подозрѣвать жену свою въ дурной жизни и, какъ видно изъ дѣла, не признавалъ своимъ ея ребенка сына Льва, которому теперь было двадцать недѣль.

¹⁾ Замѣтимъ здѣсь совпаденіе въ именахъ въ «Горькой Судьбинѣ»: имя жены Анавія Яковлева также Елизавета.

Онъ подозрѣвалъ жену свою въ связи со старостой, но не былъ положительно убѣжденъ, отъ него ли жена его имѣеть дитя. По крайней мѣрѣ, въ показаніи онъ говоритъ, что ребенокъ пріжить его женой незаконно, но неизвѣстно ему съ кѣмъ. Наступилъ праздникъ иконѣ Казанской Божіей Матери 8 іюля. Въ сосѣдней деревнѣ Дураковой было особое празднованіе иконѣ и на этотъ случай, какъ водится въ крестьянскомъ быту, тамъ варили пиво. На другой день подѣ вечеръ жена Владиміра Михайлова просила мужа сходить за пивомъ въ Дураково. Мужъ исполнилъ ея просьбу и принесенное пиво было распито Михайловымъ съ женой и еще съ одной женщиной. Вскорѣ послѣ этого жена Михайлова вышла изъ избы, по ея словамъ для того, чтобы убрать харчи и посуду послѣ ужина людей. Встрѣтившаяся ей въ сѣняхъ дворовая женщина велѣла ей сейчасъ же позвать къ барину старосту Поликарпа Алексѣева, который тогда спалъ на сушилѣ. Елизавета тотчасъ пошла на сушило, и «разбудивъ старосту», велѣла ему идти къ барину, а сама пошла въ свою избу. Въ это время баринъ изъ окна спросилъ ее: разбудила ли она старосту? Не дослышавъ вопроса, Елизавета пошла на крыльцо барскаго дома съ отвѣтомъ къ барину, что она исполнила его приказаніе. Владиміръ Михайловъ, спустя минутъ десять послѣ ухода жены изъ избы, вышелъ на улицу посмотреть гдѣ она и, увидавъ, что она идетъ изъ сушила въ господскій домъ, спросилъ ее: откуда и куда она идетъ? Елизавета отвѣчала ему: что тебѣ за дѣло куда я пошла? Михайловъ требовалъ, чтобы она не ходила въ господскій домъ, а вернулась къ нему. Елизавета не послушалась. Михайловъ зналъ, что на сушилѣ спалъ староста и, подозрѣвая жену свою въ связи съ нимъ, подумалъ, что она идетъ отъ него. Сильно огорчась ея непослушаніемъ и этимъ случаемъ, Михайловъ, какъ самъ онъ показывалъ, пошелъ въ свою избу. Предварительно выславъ оттуда находившуюся тамъ женщину, онъ взялъ изъ зыбки на руки соннаго ребенка Льва и, перекрестивъ и поцѣловавъ, бросилъ его спинкою на полъ, съ намѣреніемъ убить его до смерти. Но младенецъ остался живъ и заплакалъ. Тогда Михайловъ взялъ его съ полу, поцѣловалъ и положилъ опять въ зыбку, потомъ вышелъ изъ избы съ крикомъ: «согрѣшилъ!» и увидавъ въ сѣняхъ жену свою, шедшую съ подволоки, сказалъ ей: «поди, посмотри: живъ ли сынъ твой!

Я убилъ его». Самъ же опять вернулъся въ избу, вынулъ ребенка изъ зыбки и положилъ его на полъ вверхъ лицомъ. Въ избу тотчасъ съ воплемъ и крикомъ вбѣжала жена его съ нѣкоторыми жещинами и они увидѣли, что Михайловъ стоитъ предъ ребенкомъ на колѣняхъ, плачетъ и говоритъ: «прости меня, ты безвинный». Одна женщина, оттолкнувъ его отъ ребенка, взяла послѣдняго на руки и начала его откачивать. Тогда въ младенцѣ показалась жизнь. На шумъ и вопль пришелъ вскорѣ въ людской флигель помѣщикъ. Владиміръ Михайловъ тотчасъ заявилъ ему, что онъ убилъ ребенка сына Льва. На вопросъ помѣщика: за что и какимъ образомъ онъ убилъ его? Михайловъ отвѣчалъ въ запальчивости: «туда ему и дорога!» Потомъ, придя въ себя отъ усовѣщеваній помѣщика, онъ сказалъ, что убилъ сына съ досады отъ худой жизни съ нимъ жены его и при этомъ прибавилъ, что если бы тогда попалась ему и жена, то онъ и ее убилъ бы. Когда въ младенцѣ замѣчена была жизнь, помѣщикъ приказалъ положить его въ колыбель и натереть виномъ съ уксусомъ. Михайлова же онъ велѣлъ дворовымъ людямъ за буйство, дерзости и самовольную отлучку въ деревню Дуракову высѣчь, потомъ связашаго привязать на ночь къ столбу въ скотной избѣ изъ предосторожности, чтобы онъ не исполнилъ своего намѣренія убить жену и сына ребенка, который былъ еще живъ. Въ показаніи своемъ, Михайловъ говоритъ, что онъ рѣшился убить сына и намѣревался убить и жещу свою не за что иное, какъ за дурную жизнь съ нимъ послѣдней, такъ какъ она въ продолженіе супружества оказывала ему грубости и непокорность, при томъ же онъ подозрѣвалъ ее въ распутной жизни, потому что по ночамъ она часто уходила отъ него неизвѣстно куда. Жена же его при допросѣ ни въ чемъ этомъ не призналась. Помѣщикъ объяснилъ причину преступленія Михайлова тѣмъ, что онъ, какъ человекъ дурнаго поведенія, растратившій свое здоровье отъ распутства, конечно, сомнѣвался въ любви къ себѣ жещы, постоянно ревновалъ ее ко всякому, кто бы ни пошутилъ съ нею и, будучи пьянъ и озлобленъ на жену, изъ мести ей рѣшился убить сына. Послѣ того, какъ младенецъ Левъ, скорѣ умеръ отъ сильнаго ушиба, помѣщикъ пошелъ къ Михайлову объявить ему, что онъ сдѣлалъ преступленіе. Михайловъ согласился съ этимъ, сказавъ, что онъ

съ тѣмъ намѣреніемъ и выбросилъ сына изъ колыбели, чтобы убить его, и что убилъ бы и жену свою, если бы она ему тогда попалась. Помѣщикъ, видя, что Михайловъ подлежитъ суду, какъ преступникъ, велѣлъ отвязать его и отвести въ другую избу, не развязывая ему рукъ, и строжайше наблюдать, чтобы онъ не убѣжалъ. Между тѣмъ было дано знать объ этомъ происшествіи становому приставу, который вскорѣ и прибылъ въ усадьбу для производства слѣдствія. При освидѣтельствованіи убитаго ребенка оказалось, что затылочекъ головы его вдавленъ внутрь и образовался совершенно плоскимъ. При освидѣтельствованіи въ числѣ понятыхъ, находились крестьяне деревни Дураковой, принадлежавшіе г-жѣ Золотиловой ¹⁾).

О преступленіи Владиміра Михайлова началось уголовное дѣло, производившееся сначала въ чухломскомъ уѣздномъ судѣ.

Рѣшеніе суда было слѣдующее: «такъ какъ дворовый человекъ, Владиміръ Михайловъ, самъ признался въ убійствѣ двадцатилѣтняго сына своего Льва, то его за такое преступленіе, принимая во вниманіе статьи уложенія, которыми умягчается вина и строгость наказанія, и за прочіе поступки противъ своего помѣщика, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, наказать публично чрезъ палача плетью по первой степени и сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири. Жену же его Елизавету Алексѣеву, старосту Поликарпа Алексѣева, по недоказанности ихъ любовной связи и по непризнанію въ томъ ихъ самихъ, учинить отъ суда свободными. Что же касается помѣщика этой усадьбы, который наказывалъ Михайлова за нанесенныя ему послѣднимъ дерзости, буйство, пьянство и самовольную отлучку, а не за убійство младенца, который тогда былъ еще живъ и только по смерти младенца помѣщикъ донесъ о сдѣланномъ Михайловымъ преступленіи становому приставу, то его, помѣщика, также отъ суда освободить съ подтвержденіемъ на будущее время быть въ такихъ случаяхъ осторожнѣе. Не приводя этого рѣшенія въ исполненіе, подлинное дѣло отправить на ревизію въ костромскую палату уголовного суда». Послѣдняя рѣшила дѣло такъ: «прини-

¹⁾ Для насъ имѣетъ важное значеніе упоминаемая въ этомъ дѣлѣ фамилія Золотиловой, потому что точно такую же фамилію помѣщика зятя Чеглова-Сковина мы находимъ и въ драмѣ «Горькая судьбина».

мая въ соображеніе, что подсудимый Михайловъ впалъ въ преступленіе отъ сильнаго раздраженія и, по совершеніи его, почувствовалъ раскаяніе съ сожалѣніемъ объ убитомъ сынѣ и въ преступленіи сдѣлавъ признаніе добровольно прежде слѣдствія, что уменьшаетъ вину и строгость наказанія, уголовная палата опредѣляетъ: подсудимаго Владиміра Михайлова, лишивъ всѣхъ правъ состоянія и наказавъ чрезъ палача въ г. Чухломѣ плетьюми шестидесятью ударами, по наложеніи узаконенныхъ клеймъ, отослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ. Рѣшеніе уѣзднаго суда въ прочихъ частяхъ утвердить».

Изъ этого дѣла мы опредѣленно узнаемъ объ ужасномъ преступленіи, совершенномъ дворовымъ человѣкомъ усадьбы С. чухломскаго уѣзда Владиміромъ Михайловымъ, и о тѣхъ мотивахъ, которые вызвали его на такое преступное дѣяніе. Остается неяснымъ то, имѣла ли жена Михайлова преступную связь со старостой, какъ подозрѣвалъ ее въ этомъ мужъ, и отъ кого именно она имѣла ребенка, такъ какъ Михайловъ въ показаніи говоритъ, что ему неизвѣстно, съ кѣмъ прижить женой его сынъ Левъ. Между тѣмъ укрѣпившееся у Михайлова убѣжденіе въ незаконномъ происхожденіи этого ребенка вмѣстѣ съ подозрѣніями въ дурномъ поведеніи жены его послужили для Михайлова неудержимыми мотивами рѣшиться на убійство младенца Льва.

Точно такой же фактъ преступленія совершаетъ и главное дѣйствующее лицо въ драмѣ «Горькая судьбина». Оброчный крестьянинъ помѣщика Чеглова-Соковина, Ананій Яковлевъ, и по мотивамъ сходнымъ съ тѣми, какіе приводитъ въ своемъ показаніи и Владиміръ Михайловъ. Разница здѣсь только въ томъ, что Ананій Яковлевъ узнаетъ предварительно отъ другихъ, а потомъ отъ самой жены своей Елизаветы, что ребенка сына она имѣетъ отъ своего помѣщика, склонившаго ее разными угрозами и застраиваніями къ любовной связи съ собою при посредствѣ бурмистра Каллистрата, какъ говоритъ о томъ женщина Спиридоньевна. Обстоятельство любовной связи жены Ананія съ помѣщикомъ, по невыясненности его въ этомъ дѣлѣ, очевидно, взято Писемскимъ изъ другаго дѣла, которое также хранится въ архивѣ костромскаго окружнаго суда. Факты изъ

этого дѣла мы изложимъ дальше. Здѣсь же, чтобы видѣть сходство основнаго содержанія «Горькой судьбины» съ дѣломъ о преступленіи Владиміра Михайлова, мы приведемъ изъ этой драмы то мѣсто, гдѣ изложенъ фактъ преступленія Апанія Яковлева. Послѣ того, какъ жена его отвергла всѣ его увѣщанія ѣхать съ нимъ въ Петербургъ и высказала при старостѣ и другихъ крестьянахъ свое рѣшительное намѣреніе уйти съ младенцемъ своимъ въ господскій домъ и быть при баринѣ, Апаній Яковлевъ, придя въ азартъ и вбѣжавъ за ней за пeregородку, закричалъ: не дамъ я тебѣ младенца, Елизавета, подай младенца, подай, а то ослѣплю тебя!

Ананій Яковлевъ: Ахъ ты, бестія, смѣла еще руку свою поднять на меня. На, вотъ тебѣ твое поганое отродіе! *(Бросаетъ ребенка на полъ. Раздается страшный ударъ и пронзительный крикъ ребенка).*

Елизавета: Батюшки, убилъ младенца то! Батюшки, совсѣмъ уже не дышетъ, вся головка раскроена!

Ананій Яковлевъ, такъ же какъ и Владиміръ Михайловъ, сознается въ содѣянномъ имъ преступленіи и послѣ слѣдствія отправляется въ тюрьму. Тѣмъ и кончается драма. Мы видимъ, что способъ совершенія преступленія убійства ребенка удержанъ Писемскимъ тотъ же, который былъ употребленъ и Владиміромъ Михайловымъ въ приведенномъ дѣлѣ, именно посредствомъ бросанія младенца на полъ.

III.

Послѣ этой драмы наступила опять, повидимому, мирная и тихая жизнь въ усадьбѣ С. Но тишина эта водворилась, какъ оказалось, предъ новой грозой, разразившейся въ этой усадьбѣ ровно чрезъ десять лѣтъ послѣ первой. Помѣщикъ, какъ видно, не вразумившійся такимъ страшнымъ случаемъ, бывшимъ въ его имѣніи, не оставлялъ въ покоѣ своихъ крѣпостныхъ дѣвицъ и молодыхъ женщинъ. Терпѣли это крестьяне до поры до времени, покуда среди нихъ не нашелся человѣкъ, какъ говорится, видавшій виды, и съ характеромъ рѣшительнымъ. Этотъ человѣкъ былъ лакей помѣщика, котораго послѣдній, вѣроятно, не подо-

зрѣвая въ немъ мстителя себѣ, посылалъ за разными крѣпостными женщинами для извѣстныхъ цѣлей, какъ тотъ заявилъ послѣ на слѣдствіи. Подтверженіемъ этого заявленія служить такой случай, упоминаемый на слѣдствіи свидѣтелемъ крестьяниномъ Харламомъ Ивановымъ, бывшій незадолго до преступленія, совершеннаго дворовымъ человѣкомъ, Г. Г.—вымъ, о которомъ будетъ рѣчь впереди: помѣщикъ Ермолаевъ чрезъ Г. Г. позвалъ къ себѣ въ задѣлья жену Харлама Аграфену, но та одна не пошла и, расплакавшись, просила мужа идти вмѣстѣ съ нею въ горницы. «Я, говоритъ Харламъ, исполнилъ ея просьбу. Баринъ, увидавъ насъ обоихъ, осердился и сталъ бить насъ, выговаривая мнѣ, зачѣмъ я пришелъ, и потомъ приказалъ высѣчь насъ обоихъ». Жена Аграфена дополнила показаніе мужа тѣмъ, что на другой день послѣ этого случая баринъ опять прислалъ за ней лакея Г. Г.—ва. «Я не смѣла послушаться и пришла въ горницы. Баринъ, уведя меня въ кабинетъ, принудилъ меня къ любовному съ нимъ дѣлу безъ моего согласія на это. Объ этомъ я ни мужу и ни кому другому не сказывала до сихъ поръ, и послѣ у меня любовной связи съ баринномъ не было». Самъ помѣщикъ на слѣдствіи въ любовныхъ похожденияхъ своихъ, конечно, не признался и утвердилъ только фактъ наказанія Харлама Иванова и жены его, выставивши ту причину, что Харламъ былъ наказанъ за дурно сложенную имъ трубу на барскомъ домѣ, отчего едва было не случился пожаръ, а жена его Аграфена была высѣчена за то, что лѣживо возила навозъ. Бывали и такіе случаи, когда помѣщикъ дѣйствовалъ, для привлеченія дѣвицъ и женщинъ для извѣстныхъ цѣлей чрезъ старосту, какъ это выяснилось на слѣдствіи. Одинъ такой случай рассказала на слѣдствіи жена подсудимаго Г. Г.—ва и его подтвердили и ея родственники. Помѣщикъ и староста не отвергли этого факта совершенно, придавъ ему иную окраску. Вотъ этотъ случай: въ то время, когда жена Г. Г.—ва была еще дѣвицей, назадъ тому два года, помѣщикъ пріѣзжалъ въ чхъ деревню на масляницѣ, въ домъ старосты. Тамъ была тогда бесѣда, на которую сошлось много крестьянъ, но не было въ числѣ ихъ крестьянина, отца жены подсудимаго, Устина Васильева съ семействомъ. Помѣщикъ посылалъ за ними три раза, но они не шли. Въ четвертый разъ пошелъ за ними староста,

но отецъ Устинъ Васильевъ, зная, что помѣщикъ требуетъ его дочерей для любовныхъ цѣлей, отказалъ старостѣ отпустить ихъ. Тогда между Васильевымъ и старостой завязалась драка, въ которой приняли участіе жена Устина и ихъ дочери. Староста говорить, что онъ едва могъ вырваться отъ нихъ. Онъ явился въ свой домъ окровавленный и съ вырванною мѣстами бородою. Тогда самъ помѣщикъ съ людьми отправился въ домъ Устина. Услыхавъ, что идетъ баринъ, Устинъ и его семейные разбѣжались. Помѣщикъ нашелъ въ домѣ одну старуху, — мать Устина, и та была сейчасъ же высѣчена слегка, какъ то показали помѣщикъ со старостой. На другой или на третій день помѣщикъ вновь пріѣхалъ въ деревню и, заставъ въ домѣ Устина все его семейство, за буйство и ослушаніе приказалъ пересѣчь всѣхъ, не исключая дочерей дѣвицъ, и потомъ сказалъ, что имъ, какъ бѣглымъ, слѣдовало бы отстричь косы. Староста, принявъ эту угрозу за приказаніе, привелъ ее въ исполненіе, какъ объяснило этотъ его поступокъ депутатское собраніе дворянъ, по особому произведенному предводителемъ дворянства слѣдствію объ обращеніи этого помѣщика съ своими людьми. Помѣщикъ и староста на слѣдствіи объяснили этотъ случай такъ, что они звали Устина съ семействомъ, на бесѣду попѣть пѣсень, для чего сошлись и другіе крестьяне, но не для иныхъ какихъ нибудь цѣлей. Послѣ, какъ показываетъ жена подсудимаго, «въ великій постъ, когда я мыла полы въ господскомъ домѣ, помѣщикъ, уведя меня въ кабинетъ, лишилъ меня дѣвства безъ моего согласія. Изъ боязни наказанія я объ этомъ никому тогда не сказывала; только по выходѣ въ замужество я сказала объ этомъ мужу».

Всѣ эти случаи, обнаружившіеся послѣ, были только прецедентами той кровавой драмы, которая вскорѣ разыгралась въ усадьбѣ С. между помѣщикомъ и его дворовымъ человѣкомъ Г. Г—вымъ. Въ тайнѣ крестьяне, конечно, пегодовали па помѣщика за его поступки, но терпѣли, потому что не находилось пока среди нихъ человѣка, рѣшившагося отомстить ему за все. Наконецъ, такой человѣкъ, нашелся. Это былъ тотъ самый дворовый человѣкъ Г. Г—въ, котораго, какъ мы видѣли, помѣщикъ, какъ слугу своего, посылалъ за разными крѣпостными женщинами. Тогда Г. Г—въ былъ еще холостъ. Онъ, какъ говорится, былъ человѣкъ бывалый и выдавшій виды. Сначала въ ученья, потомъ

по билету онъ живалъ въ Петербургѣ. Онъ женился на той самой дѣвицѣ — дочери крестьянина Устина Васильева, за которой помѣщикъ, прїѣхавъ въ деревню, посылалъ старосту и которую потомъ лишилъ дѣвства, какъ она заявила на слѣдствїи. Неизвѣстно изъ дѣла, по какимъ побужденїямъ состоялся этотъ бракъ, но изъ одного показанїя жены Г. Г—ва видно, что она вышла замужъ безъ желанїя съ ея стороны. Впрочемъ, какъ видно, между супругами не было ссоръ и недолюбья подобно тому, какъ между Владимїромъ Михайловымъ и Елизаветой въ первомъ дѣлѣ. Напротивъ, можно заключать изъ обстоятельствъ дѣла и показанїй подсудимыхъ, что между супругами были любовь и согласїе. Счастливая ихъ жизнь была вскорѣ отравлена прискорбнымъ случаемъ, повлекшимъ за собой уголовное преступленїе, на которое рѣшился оскорбленный за жену мужъ. Помѣщикъ и староста на слѣдствїи придали этому случаю, конечно, благовидную окраску.

Вотъ этотъ случай и, какъ мы называемъ, та вторая драма, которая разыгралась въ усадьбѣ С. 1857 г. 7 іюня.

Помѣщикъ говоритъ въ своемъ показанїи, что онъ нашелъ нужнымъ въ своемъ имѣнїи, вмѣсто 12 десятинъ въ каждомъ полѣ, нарѣзать по 14. У него была принята девятипольная система, поэтому приглашенный землемѣръ ко всѣмъ полямъ прїѣзжалъ 18 десятинъ, изъ которыхъ нѣкоторые вблизи усадьбы оказались заросшими небольшимъ кустарникомъ. Считая удобнымъ временемъ подвести подъ пашню эти десятины до сѣнокоса, помѣщикъ приказалъ старостѣ отрядить для расчистки одной десятины женщину изъ дворовыхъ, возившихъ удобренїе, по его усмотрѣнїю, а на освобожденной такимъ образомъ лошади послать въ Чухлому на почту двороваго человѣка Г. Г—ва. Жена послѣдняго, З. Устинова, старостой была наряжена на работу, какъ болѣе способная къ работѣ, по словамъ помѣщика, а Г. Г—въ былъ посланъ въ Чухлому на почту. Сами подсудимые Г. Г—въ и жена его далѣе рассказываютъ слѣдующее: когда З. въ отсутствїе мужа вырубала кусты въ полѣ близъ усадьбы, туда пришелъ къ ней помѣщикъ и сталъ звать ее въ рошу, склоняя къ любовной связи. З. не соглашалась. Тогда помѣщикъ сталъ бить ее и потомъ насильственно принудилъ къ любовному дѣлу. Послѣ этого онъ ушелъ въ усадьбу и вскорѣ на ту

же работу была прислана сестра З., дѣвица Ненила, а вслѣдъ затѣмъ помѣщикъ опять пришелъ къ нимъ, на мѣсто работы, и, приказавъ З. отойти, началъ склонять къ любовной связи сестру ея. Когда и та не соглашалась на это, помѣщикъ сталъ бить ее и потомъ, уведя въ рошу, насильственно лишилъ ее тамъ дѣвства. Послѣ этого онѣ обѣ продолжали работу до вечера. Возвратясь домой, З. сказала обо всемъ свекрови своей Натальѣ Борисовой, а потомъ на другой день и мужу своему Г. Г—ву, возвратившемуся изъ Чухломы. Г. Г—въ общалъ ей поговорить объ этомъ съ бариномъ, когда тотъ встанетъ, но не высказалъ намѣренія сдѣлать какой нибудь вредъ барину. Г. Г—въ сначала пощелъ посоветоваться съ кучеромъ Петромъ и поваромъ Павломъ о томъ, какъ ему поступить. Тѣ совѣтовали ему поговорить съ бариномъ, а онъ просилъ ихъ, въ случаѣ, если баринъ прикажетъ имъ сбѣчь его, не выдавать его, а поговорить барину, что не хорошо онъ дѣлаетъ, склоняя жену его безъ ея согласія къ любовной связи. Намѣренія же сдѣлать вредъ барину онъ не высказывалъ и тогда. Когда помѣщикъ всталъ, Г—въ отправился въ горницы. Подавши барину умыться и одѣться, «такъ какъ я свою жену люблю, говоритъ Г—въ, и терпѣлъ много отъ барина въ теченіи 2¹/₂ лѣтъ, я началъ такъ говорить ему: позвольте вамъ доложить, за что вы изволили бить мою жену и для чего принуждали ее къ любовной связи, когда она была на это не согласна? Я буду просить начальство и подамъ на васъ прошеніе за ваше беззаконіе. Помѣщикъ разсердился на меня за это и закричалъ: я тебя запорю до смерти! Какъ ты осмѣлился говорить мнѣ это? и тотчасъ приказалъ мнѣ позвать къ нему жену мою и старосту».

Далѣе староста рассказываетъ слѣдующее: «когда я съ женой Г. Г—ва пришелъ въ горницы, баринъ спросилъ ее: скажи З—ія, съ чего мужъ твой взялъ, что я билъ тебя? Когда это было? Та отвѣчала, что вчера вы били меня, ударивъ два раза. Баринъ называлъ ее пустой бабенкой и сплетницей и сказалъ, что онъ ее и пальцемъ не трогалъ, и не за что было бить. Она отвѣчала: «вы сами знаете, за что били меня». Тогда Г—въ началъ подступать къ барину, вышелъ отъ злости изъ себя и грубо кричалъ, что имѣетъ свидѣтельница, которая видѣла, какъ онъ билъ жену его. За невѣж-

ливость баринъ ударилъ Г—ва по щекѣ и потомъ, какъ говорить Г—въ, баринъ со старостой стали бить меня и жену мою. Г—въ, по свидѣтельству старосты, оттолкнувъ барина въ грудь, схватилъ его за воротъ. Тогда помѣщикъ приказалъ старостѣ вести его въ людскую и приготовить розги. Г—въ въ это время убѣжалъ изъ комнатъ въ людскую одинъ и, какъ замѣтили бывшіе тамъ люди, былъ очень разстроены. Въ людской онъ сказалъ, что его хотятъ сѣчь, и просилъ ребятъ не выдавать его, но тѣ промолчали. Вскорѣ въ людскую пришелъ помѣщикъ и приказалъ старостѣ и дворовымъ отвести Г—ва въ другую избу для наказанія розгами. Въ избу была позвана та женщина, на которую ссылался Г—въ, какъ на свидѣтельницу, видѣвшую, когда баринъ билъ его жену. Та сказала, что она видѣла изъ молочной избы, какъ баринъ, стоя близъ З—и, только размахивалъ руками, но билъ ли онъ ее, этого не видала. Тогда помѣщикъ велѣлъ Г—ву раздѣваться, но тотъ грубо закричалъ: «за что вы будете наказывать меня безъ причины? Это незаконно», и не соглашался раздѣваться. Помѣщикъ приказалъ дворовымъ раздѣвать его, но Г—въ вырвался отъ нихъ, выбѣжалъ въ сѣни и, схвативъ водоносъ, потомъ доску и колъ на улицѣ, отмахивался ими, угрожая убить всякаго, кто подойдетъ къ нему. Помѣщикъ приказалъ старостѣ оставить Г—ва безъ наказанія и, желая скорѣе кончить эту сцену, гдѣ явно было, по его наблюденію, сочувствіе Г—ву со стороны кучера Петра и повара Павла, онъ приказалъ позвать жену и мать Г—ва, чтобъ объявить имъ, что они ему болѣе не нужны и, какъ принадлежавшіе отцу его, отправлялись бы къ нему. Между тѣмъ Г—въ въ это время, какъ показали нѣкоторые свидѣтели, подбѣжалъ къ своему флигелю и въ окно, у котораго давно были выбиты стекла, просилъ подать ему ножъ. Изъ флигеля ему ножа никто не подалъ, какъ говорили тѣ-же свидѣтели, но, какъ оказалось по слѣдствію, столъ стоялъ близъ окна и въ разбитую раму легко было со двора взять ножъ со стола, если бы тотъ лежалъ на немъ. Неизвѣстно какимъ образомъ ножъ, которымъ рѣзали хлѣбъ, очутился въ рукахъ Г—ва. — Далѣе помѣщикъ о самомъ случаѣ съ нимъ рассказываетъ такъ: «въ ожиданіи жены и матери Г—ва я остановился у передняго крыльца сѣней. Вдругъ я увидѣлъ, что Г—въ вбѣжалъ въ противоположныя двери сѣней

блѣдный. Сдѣлавши поклонъ мнѣ до земли, онъ сказалъ громко: «простите меня, я не буду». Я имѣлъ намѣреніе удалить его отъ себя и потому, не внимая его раскаянію, повторилъ нѣсколько разъ: «убирайся отъ меня прочь на всѣ четыре стороны, ты болѣе мнѣ не слуга», и сталъ приближаться къ нему, онъ продолжалъ кланяться, повторяя: простите. Когда мы сошлись близко, я еще разъ слышалъ, какъ онъ съ досадою и какъ бы укоромъ проговорилъ: «да простите же», и въ этотъ моментъ я почувствовалъ сильный ударъ въ бокъ. Я вскрикнулъ и, схватившись за бокъ, увидалъ, что рука моя смочена въ крови, брызнувшей изъ груди. Я не видалъ, какъ скрылся отъ меня злодѣй, не помню, кто тутъ былъ, какъ я пошелъ и остановился противъ кухни, гдѣ опомнился, когда подбѣжали ко мнѣ староста съ другими дворовыми людьми. Они говорили, что нужно унять кровь, иначе изойдете ею, и всѣ кричали: „ахъ злодѣй! Что надѣлалъ!“ Я началъ обвинять себя полотенцами и, увидавъ на крыльцѣ вокругъ себя дворовыхъ людей, сказалъ имъ: „спасибо, ребята, выдали меня злодѣю среди бѣлаго дня. Я скоро умру, но не знаю, что сдѣлалъ худое“. Тѣ стали меня утѣшать, чтобъ я не отчаявался. Сейчасъ же отравили людей за священникомъ, исправникомъ и за докторомъ». Въ соучастіи съ Г—вымъ помѣщикъ ни на кого не высказалъ подозрѣнія и въ злыхъ умыслахъ до сихъ поръ онъ его не подозрѣвалъ, тѣмъ же менѣе говорить, что Г—въ былъ характера злаго, и къ приказаніямъ его часто не внимателенъ. Причиной преступленія Г—ва помѣщикъ считаетъ только страхъ предъ наказаніемъ.

Очевидно, по простому соображенію, что причина эта была недостаточна.

Ясно, что Г—въ рѣшился на преступленіе, будучи вызванъ на него болѣе серьезными причинами, о которыхъ и было произведено, независимо отъ слѣдствія о фактѣ преступленія, особое разслѣдованіе предводителемъ дворянства съ жандармскимъ полковникомъ. Результатомъ этого разслѣдованія было то, что помѣщикъ, какъ преслѣдовавшій, по показаніямъ его крестьянъ, своихъ крѣпостныхъ женщинъ съ любовными дѣлями, что, по заключенію министра внутреннихъ дѣлъ, и было, вѣроятно, причиной случившагося съ нимъ несчастія, по распоряженію послѣдняго былъ удаленъ изъ своей усадьбы по выздоровленіи въ г. Кострому для водворенія

тамъ до окончанія дѣла, а на имѣніе его была наложена опека. Совершившій преступленіе Г—въ съ женой своей тотчасъ скрылись.

Между тѣмъ, въ усадьбу прибыли изъ Чухломы непрѣмный засѣдатель Перфильевъ для производства дознанія о совершенномъ Г—вымъ преступленіи и лѣкарскій ученикъ Окуловъ, для подаванія помощи раненому помѣщику. Окуловъ зашилъ рану и употребилъ средство для ея заживленія. Здоровье раненаго помѣщика стало поправляться. Для разслѣдованія же случившагося въ усадьбѣ, Перфильевымъ было составлено, по важности факта преступленія, временное отдѣленіе суда изъ становаго и стряпчаго. Были привлечены къ допросу родственники Г—ва и жены его, дворовые люди и крестьяне другихъ деревень, которые были спрошены о поведеніи Г—ва и его характерѣ. Многіе отозвались о немъ, что хотя раньше въ дурныхъ поступкахъ они его не замѣчали, но знали, что характера онъ былъ вспыльчиваго, дерзкаго, способный доходить до азарта и вообще злой, какъ назвалъ его и самъ помѣщикъ. Розыски бѣжавшаго преступника съ женой въ ближнихъ мѣстахъ оказались напрасными. Помѣщикъ, спустя нѣсколько времени послѣ случившагося съ нимъ, въ своемъ показаніи высказалъ предположеніе, что Г—въ, по всей вѣроятности, теперь находится въ Петербургѣ, гдѣ онъ и раньше жилъ въ ученьи и по билету и гдѣ имѣетъ родную тетку. Предположеніе помѣщика вскорѣ оправдалось.

Остановимся на нѣкоторыхъ эпизодахъ изложеннаго процесса.

IV.

Мы могли замѣтить, что нѣкоторые эпизоды этого дѣла имѣютъ сходство съ нѣкоторыми мѣстами драмы «Горькая судьбина» и поэтому полагаемъ, что нѣкоторыя черты для обрисовки героевъ своей драмы Писемскій заимствовалъ и изъ этого втораго дѣла. Прежде всего остановимся на характеристикѣ главнаго дѣйствующаго лица драмы «Горькая судьбина» Апанія Яковлева. Характеръ и нѣкоторыя обстоятельства его жизни сходны съ характеромъ и обстоятельствами холостой жизни Г. Г—ва. Г. Г—въ, по отзыву помѣщика, человекъ злой и неуважительный,

по показаніямъ одновотчинныхъ крестьянъ—характера дерзкаго, азартнаго, беспокойнаго. Онъ живалъ въ Петербургѣ сначала въ ученьи, потомъ по билету; тѣми же чертами характеризуется въ «Горькой судьбинѣ» и Анавій Яковлевъ. Матрена, его свекровь, такъ характеризуетъ его своей сосѣдкѣ Спиридоньевнѣ: чело-вѣкъ онъ этакой изъ души гордый, своеобычный. Сама вѣдаешь родителю своему и тому, что ни есть, покориться не захотѣлъ. Спиридоньевна дополняетъ: сказывали тоже наши мужички, какъ онъ блюдетъ себя въ Питерѣ, изъ званья своего нікого, по-честь, себѣ равнаго не находить. (Дѣйствіе I-е, явл. I-с).

Въ лѣтахъ между Анавіемъ Яковлевымъ и Г. Г.—выимъ, также есть совпаденіе, оба они по 37 году.

Характеристика отношеній помѣщика къ крѣпостнымъ его женщинамъ также, по нашему мнѣнію, взята Писемскимъ по преимуществу изъ этого дѣла. Припомнимъ, что помѣщикъ героя второй Чухломской драмы Г. Г.—ва, какъ слугу своего, посылалъ нерѣдко за разными крѣпостными женщинами для любовныхъ цѣлей. Писемскій въ «Горькой судьбинѣ» выводитъ въ этомъ случаѣ другое дѣйствующее лицо, но съ чертой одинаковой съ указанной. Въ «Горькой судьбинѣ» такимъ лицомъ, служившимъ помѣщику орудіемъ для првлеченія женщинъ къ любовнымъ связямъ, выводится дядя Никонъ, который на вопросъ чиновника-слѣдователя: имѣлъ-ли господинъ вашъ связь съ женой Анавія? говоритъ: было, ваше высокородіе, совершенно такъ, что происходило это; баринъ у насъ, помилуйте, молодой, ловкій. А баба наша, что она и вся-то значать, тьфу! того же курчяго званія; взялъ ее сейчасъ теперь подъ папоротки, вся ея и сила въ томъ; баринъ мнѣ, теперича, приказываетъ: «Никашка, говоритъ, на какую ты мнѣ, братецъ, бабу поужаешь»? Помилуйте, говорю, сударь, на какую только мановеніемъ руки нашей сдѣлаемъ, та и будетъ наша. (Дѣйствіе IV, явленіе IV).

Отношенія помѣщиковъ къ крѣпостнымъ женщинамъ, подобныя тѣмъ, какія приведены въ излагасмомъ процессѣ, въ общихъ чертахъ указаны въ «Горькой судьбинѣ». Такъ, въ III дѣйствіи, явл. VI, бурмистръ говоритъ крестьянамъ: «за то ты, старичекъ почтенный (Федоръ Петровъ), приведенъ сюда, что мы вотъ, теперича, съ тобой третьимъ господамъ слу-

жимъ, всего тоже видали на своемъ вѣку: у покойнаго, царство небесное, Алексѣя Григорьевича, хоть бы на счетъ того же женскаго полу, всего бывало... и въ твоёмъ семействѣ не мало происходило этого. Не забудь еще можетъ, чай, того? Вотъ тоже и Давыдъ Ивановъ. Опъ тутъ, при немъ скажу: давно бы, можетъ-ка, ему свою бабу наказать бы слѣдовало за всѣ ея художества, такъ онъ и тутъ, по смиренству своему, все терпитъ».

Такъ терпѣли покуда и крестьяне нашего помѣщика, напр. Устинъ Васильевъ, Харламъ Ивановъ, о которыхъ сказано раньше. Помѣщикъ же продолжалъ свои любовныя похождения, употребляя въ этихъ случаяхъ главнымъ орудіемъ старосту своего Михаила Тимоеева. Отъ этого-то старосты, фигурирующаго во второмъ процессѣ, вѣроятно и взяты Писемскимъ черты для обрисовки бурмиста Калистрата Григорьева въ «Горькой судьбинѣ». Калистратъ Григорьевъ творитъ то же, что и Михаилъ Тимоеевъ. Послѣдній, какъ мы видѣли, сводитъ помѣщика съ женой Г. Г—ва З—іей, той самой, за которой до ея замужества и за сестрой ея онъ и раньше, въ пріѣздъ помѣщика въ ихъ деревню, ходилъ къ нимъ въ домъ звать ихъ къ себѣ на бесѣду, но безуспѣшно. Теперь, уславши мужа ея Г. Г—ва въ Чухлому на почту, онъ отряжаетъ З—ію на работу чистить кусты близъ усадьбы, куда вскорѣ приходитъ къ ней помѣщикъ и совершаетъ надъ ней насиліе, потомъ присылается сюда же на работу сестра ея дѣвица Нецила, съ которой помѣщикъ поступаетъ такъ же, какъ и съ З—іей. Въ «Горькой судьбинѣ» бурмистръ Калистратъ Григорьевъ охарактеризованъ такими же чертами, какъ и Михаилъ Тимоеевъ. На слова Матрены о связи Елизаветы съ помѣщикомъ: «подвели можетъ, да подстроили», Спиридоньевна говоритъ: «одинъ у насъ, голубонька, добрый человекъ, злодѣй нашъ бурмистръ Калистратъ Григорьевъ. Вся деревня голоситъ теперь о томъ, не зажмешь рты-то. Кому теперь окромя сго наускать господина на женщину замужнюю, а теперь ну-ка, экими своими услугами да послугами такую надъ нимъ силу взялъ, что на удивленіе» и т. д. (Дѣйствіе I-е, явл. I-е).

Какъ видно изъ втораго дѣла, помѣщикъ настойчиво добивался связи съ женой Г—ва и, употребивъ надъ ней насиліе,

достигъ желаемой цѣли. На это отношеніе помѣщика къ З—иъ есть намеки очень ясныя въ «Горькой судьбинѣ». Такъ, въ дѣйствіи I-мъ, явл. I-мъ, Матреша, мать Елизаветы, рассказываетъ, какъ однажды пришелъ къ нимъ въ домъ баринъ и, «поздоровавшись со мною, обратился прямо къ дочери моей Елизаветѣ, которая возилась у печки: «твоими бы руками, Елизавета, надо золотомъ шить, а не кочергами ворочать. Ишь, говоритъ, какая ты расхорошая». Спиридоньевна на это отвѣчаетъ ей: «Много у нихъ мѣста-то, батенька, и безъ твоей избы было. Въ позпрошлую жатву барская помочь была. Баринъ цѣлый день деньской у Елизаветы съ полосы не сошелъ, все съ ней разговаривалъ. Да и тутъ какъ пошабашили, народъ тоже подпилъ, дѣвки да бабы помоложе стали иѣснѣ пѣть и въ горѣлки играть. Глидь и баринъ къ нимъ присталъ, прыгаетъ какъ козель и все становится съ твоей Елизаветой въ парѣ и никакъ ладить, чтобъ ее никто не поймалъ». Послѣ Елизавета на укоризны своего мужа Ананія Яковлева за связь ея съ помѣщикомъ такъ объясняетъ побужденія къ ней: «не по своей-то волѣ было, тогда тоже стали повелѣнья и приказанья эти дѣлать; какъ было послушаться? Ананій Яковлевъ говоритъ ей на это: «Какія же это могли быть повелѣнья и приказанья? Ежели теперича силой васъ къ тому склоняли, что мать ваша смотрѣла? Вы бы ей сейчасъ должны были объявление сдѣлать о томъ.... Коли бы оцъ теперича какія притѣсненія сталъ дѣлать, я, можетъ, и до начальства дорогу нашель. Что жъ ты мнѣ, бестія, на страхъ-то свой сворачиваешь?»

Елизавета: «Ни на что я не сворачиваю, а что здѣсь тоже живучи, что мы знаемъ? Стали стращать да пужать, что все семейство наше чрезъ то погибнуть должно; на поселенье тамъ сошлютъ, а либо васъ, экаго человѣка, въ рекруты сдадутъ. Думала, чѣмъ собой другихъ подводить, лучше на себѣ одной все перенести». (Дѣйствіе I-е, явл. IV-е).

Такъ же, какъ и Г. Г—лъ въ объясненіи съ помѣщикомъ. Ананій Яковлевъ въ приведенномъ мѣстѣ изъ драмы и въ разговорѣ съ бурмистромъ о своемъ положеніи, а потомъ опять съ женою своею надежду на защиту возлагаетъ на начальство. Такъ, по слова бурмистра, который хочетъ быть судьей между нимъ и женой его, коли въ начальство имъ поставлець, Ананій

отвѣчаетъ ему: «начальство есть и повыше васъ, мы и до того дорогу знаемъ». (Дѣйствіе II-е, явл. V-е).

Или въ III-мъ дѣйствіи, явл. IV-мъ, Ананій такъ убѣждаетъ свою жену ѣхать съ нимъ въ Петербургъ:

— «Грѣхъ теперъ бѣжавши, завтра же поѣдемъ со мною въ Питеръ, а ежели на счетъ паспорта какое притѣсненіе выйдетъ, такъ я и такъ увезу, прямо начальству объясню, почему и для чего это было сдѣлано».

Г. Г—въ, какъ мы видѣли, въ объясненіи съ помѣщикомъ о насиліи, сдѣланномъ послѣднимъ надъ его женою, высказываетъ угрозу жаловаться на него начальству и подать на него прошеніе за его беззаконіе. Вслѣдъ за этимъ крупнымъ объясненіемъ съ помѣщикомъ, Г. Г—въ, какъ мы видѣли, совершаетъ преступленіе, впрочемъ, не такое, какое въ «Горькой судьбинѣ» совершаетъ Ананій Яковлевъ.

Мы уже имѣли случай говорить, что фактъ преступленія для «Горькой судьбины» взятъ Писемскимъ изъ перваго нашего процесса объ убійствѣ ребенка дворовымъ человѣкомъ Владиміромъ Михайловымъ. Но и на преступленіе Г. Г—ва, послѣ котораго помѣщикъ былъ опасно боленъ, есть косвенный намекъ въ «Горькой судьбинѣ». Послѣ крупнаго объясненія помѣщика Чглова-Соковина съ Ананіемъ Яковлевымъ, съ первымъ также случилась грудная болѣзнь, сопровождавшаяся потерей крови. Спиридоновна въ 3-мъ дѣйствіи, явл. I-мъ, говоритъ Матренѣ: «бурмистръ али дворовые барина очень жалѣютъ. На Ананья-то тѣмъ разомъ разсердившись, баринъ вышелъ словно мертвецъ, прислонился къ косяку, позвалъ человѣка: «дайте, говорить, мнѣ поскорѣй тазъ», и почестъ что полнехонекъ его отхаркнулъ кровью. Вотъ, говорить, это жизнь моя выходитъ по милости Ананія Яковлевича. Недолго вамъ мнѣ послужить. Скоро у васъ будутъ другіе господа, такъ и жалѣютъ его очень». Этотъ эпизодъ, нѣсколько видоизмѣненный авторомъ, въ сущности сходенъ съ тѣмъ моментомъ изъ втораго процесса, когда помѣщикъ Ермолаевъ, послѣ нанесенной ему раны очнувшись, обратился къ окружающимъ его дворовымъ людямъ съ подобными-же словами: «я скоро умру» и т. д. Къ тому же эпизоду близко подходитъ мѣсто и изъ IV дѣйствія, явл. I-го, «Горькой судьбины». Бурмистръ говоритъ чиновнику слѣдователю: «баринъ очень не-

здоровы! Горячка. сказываютъ. Какъ тогда встревожились, слегли, все хуже и хуже, не знаемъ и живъ останется ли; подлець и разбойникъ, что надѣлалъ». Послѣднія слова тождественны съ тѣми, которыя говорили окружавшіе раненаго Г—вымъ помѣщика дворовые люди: «ахъ, злодѣй! что надѣлалъ»!

Позволимъ себѣ здѣсь высказать предположеніе, что А. Ф. Писемскій не взялъ для «Горькой судьбины» факта преступленія изъ втораго процесса въ томъ видѣ, какъ онъ объясненъ былъ впоследствіи показаніями помѣщика и его дворовыхъ людей, потому что, какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго хода дѣла, когда преступникъ нашелся, фактъ этотъ остался не вполне доказаннымъ и выясненнымъ, такъ какъ Г. Г—въ въ преступленіи, имъ содѣянномъ, не сознался и дѣло это вообще осталось запутаннымъ. Желая оставаться на почвѣ совершенно реальной, А. Ф. Писемскій заимствовалъ изъ втораго процесса черты для обрисовки личныхъ отношеній помѣщика къ крѣпостнымъ женщинамъ, послужившихъ мотивами къ преступленію оскорбленнаго мужа, фактъ преступленія взялъ изъ перваго процесса, какъ вполне доказанный и удостовѣренный сознаніемъ самого преступника Владиміра Михайлова. Такимъ образомъ Писемскій въ основу своей драмы положилъ вполне удостовѣренную горькую дѣйствительность. Соединивъ въ Анашѣ Яковлевѣ существенныя черты, взятая отъ двухъ лицъ: Владиміра Михайлова и Г. Г—ва, людей, кстатѣ скажемъ, не дворовыхъ только, но и бывшихъ на промыслахъ, какъ и Анашѣ Яковлевѣ, и присоединивъ къ нимъ еще другія черты, можетъ быть, взятая отъ другихъ наблюдаемыхъ лицъ, Писемскій точно также поступилъ и при обрисовкѣ героини своей драмы Елизаветы. Въ ней также сгруппированы существенныя черты, взятая отъ З—и втораго процесса и Елизаветы перваго. Отъ послѣдней, какъ мы уже замѣтили, взято и имя героини драмы «Горькая судьбина», жены Анашѣ Яковлева, Елизаветы же. Нѣкоторыя же второстепенныя черты характера Елизаветы «Горькой судьбины» Писемскимъ взяты, вѣроятно, и отъ другихъ наблюдаемыхъ имъ крѣпостныхъ женщинъ, такъ, напр., той черты ея, о которой она сама говоритъ барину, что когда онъ былъ еще молоденькимъ, такъ она заглядывалась на него (дѣйствіе 2-е, явл. 2-е), каковой черты въ изложенныхъ процессахъ мы не находимъ и Писемскій взялъ

ее, вѣроятно, еще отъ какой нибудь крѣпостной женщины, бывшей въ связи съ помѣщикомъ.

Мы, впрочемъ, говоримъ объ основномъ сюжетѣ драмы, а не о всѣхъ деталяхъ ея и сторонахъ характеровъ ея дѣйствующихъ лицъ. Многія стороны могли быть даже и придуманы самимъ авторомъ, не будучи въ то-же время въ противорѣчій съ дѣйствительностію, такъ какъ подобныхъ фактовъ на Руси въ то время было, конечно, не мало.

Любовную связь Елизаветы «Горькой судьбины» съ помѣщикомъ Чегловымъ, вынужденную, по ея признанію мужу своему Аванію,—повелѣніями, приказаніями, запугиваньями и застраиваньями помѣщика, Писемскій взялъ изъ втораго процесса. Изъ него мы видѣли, что помѣщикъ, придя на работу къ З—и, чрезъ побои принудилъ ее къ любовному дѣлу и, какъ выяснилось на слѣдствіи, онъ подобнымъ же образомъ поступалъ и съ другими крѣпостными женщинами и дѣвками. Появленіе же незаконнаго ребенка у Елизаветы «Горькой судьбины» и потомъ охлажденіе и даже презрѣніе ея къ мужу, оказываніе непокорности ему, эти факты равно какъ и слѣдовавшій затѣмъ фактъ преступленія, совершаемый оскорбленнымъ мужемъ взятъ Писемскимъ изъ перваго процесса, гдѣ героиня первой чухломской драмы, Елизавета, жена Владиміра Михайлова, обрисовывается чертами, сходными съ тѣми, которыя усвоены авторомъ Елизаветѣ «Горькой судьбины». Какъ показалъ Владимір Михайловъ, онъ рѣшился на преступленіе потому, что жена его оказывала ему грубость и непокорность и вела дурную жизнь, по его наблюденіямъ. Героиня второй чухломской драмы, жена Г. Г—ва З—ія, напротивъ, послѣ совершеннаго надъ ней насилія со стороны помѣщика, остается вѣрной своему мужу, жалуется ему на помѣщика и вмѣстѣ съ мужемъ скрывается изъ усадьбы послѣ того, какъ Г. Г—въ, въ отмщеніе за оскорбленіе ея и свое, нанесъ помѣщику рану ножомъ въ грудь.

V.

Куда же скрывается Г—въ съ женою послѣ преступленія? Мы говорили уже, что потерпѣвшій помѣщикъ, нѣсколько времени спустя послѣ случившагося съ нимъ несчастія, въ своемъ показаніи высказалъ предположеніе, что Г. Г—въ по всей вѣроятности теперь въ Петербургѣ, куда онъ отправился изъ усадьбы, конечно, безъ паспорта. Изъ «Горькой судьбины» мы можемъ привести подходящее сюда мѣсто изъ IV-го дѣйствія, явл. I-го, гдѣ на вопросъ исправника: «гдѣ онъ (Ананій), каналья, можетъ скрываться?» бурмистръ отвѣчаетъ: «по близости ему, ваше благородіе, тутъ быть негдѣ; онъ бы давно ужъ себя заявилъ. Навѣрнякъ надо полагать, что въ Питерѣ махнулъ. Мало тамъ развѣ безпашпортныхъ-то проживаетъ. Старуха теща его сказывала, что у него тысяча цѣлковыхъ въ карманѣ было. Съ такими деньгами вездѣ спокойно проживетъ».

Г. Г—въ, совершивъ преступленіе, бѣжалъ изъ усадьбы и нагнавъ на пути жену свою З—ю, дѣйствительно махнулъ въ Питеръ. Вотъ какъ о дальнѣйшихъ походахъ этихъ горемычныхъ супруговъ излагается въ дѣлѣ по ихъ показаніямъ, когда они были найдены. Жена Г. Г—ва З—я показала, что послѣ объясненія съ помѣщикомъ, когда баринъ велѣлъ приготовить розги, она, не сказавшись мужу, ушла изъ усадьбы въ деревню Протасову и, дойдя до рѣки, повернула по направленію къ усадьбѣ исправника, чтобы принести ему жалобу на помѣщика. Что въ это время происходило въ усадьбѣ она не знаетъ. Верстахъ въ трехъ нагналъ ее мужъ и сказалъ, что когда приготавливали розги, онъ тоже ушелъ изъ усадьбы, но что нанесъ рану барину, объ этомъ онъ не сказалъ ей и намѣренія этого прежде не высказывалъ. Съ жалобой на помѣщика къ исправнику они пошли теперь оба, но не доходя до усадьбы, они узнали отъ встрѣчнаго, что исправника въ усадьбѣ нѣтъ. Поэтому они пошли въ Аврааміевъ монастырь, гдѣ и переночевали. На слѣдствіи нѣкоторые свидѣтели показали, что вечеромъ въ усадьбу С. изъ деревни Протасовой приходила одна женщина къ матери Г—ва за деньгами и нѣкоторыми вещами Г—ва и его жены, которыя мать и отдала ей, но при этомъ не спро-

сяла ее, гдѣ сынъ ея съ женой находятся и о приходѣ этой женщины къ ней никому не говорила, жалѣя сына.

При допросѣ эта женщина изъ деревни Протасовой ни въ чемъ не созналась, сказавши, что ея въ то время и дома не было и въ усадьбу С. она не ходила. Переночевавши въ Аврааміевомъ монастырѣ, Г Г — въ съ женой уговорились отправиться въ Петербургъ подавать начальству жалобу на помѣщика. Минувя г. Чухлому, скитальцы-супруги шли разными деревнями, питаясь мірскими подавнїями. Путешествіе ихъ до Петербурга продолжалось пять недѣль. По дорогѣ въ одной деревнѣ встрѣтившемуся имъ челоуѣку въ нѣмецкомъ платьѣ они рассказали о своемъ дѣлѣ и тотъ, по ихъ просьбѣ, написалъ имъ прошеніе с.-петербургскому митрополиту съ жалобой на помѣщика. Прибывши въ Петербургъ, никуда не заходя, они тотчасъ отправились къ митрополиту и подали ему отъ имени З—и, прошеніе, въ которомъ она жаловалась на своего помѣщика зато, что онъ изнасиловалъ ее, билъ, мучилъ и не только ее, но билъ и отца ея, мать и мужа, растлилъ шестнадцатилѣтнюю сестру ея и растлѣваетъ всѣхъ своихъ крѣпостныхъ дѣвицъ. Митрополитъ препроводилъ это прошеніе съ жалобщиками къ шефу жандармовъ. Здѣсь обнаружилось, что супруги пришли въ Петербургъ безъ видовъ. Поэтому они были переданы въ распоряженіе оберъ-полиціймейстера. Прошеніе же ихъ было препровождено къ костромскому губернатору съ тою цѣлью, чтобы настоящему дѣлу былъ данъ ходъ. По увѣдомленію костромскаго губернатора, что Г—въ совершилъ преступленіе, о которомъ въ чухломскомъ уѣздномъ судѣ производится слѣдствіе, челобитчики-супруги были препровождены изъ Петербурга посредствомъ внутренней стражи въ чухломскій уѣздный судъ, гдѣ, по прибытіи ихъ, и начался второй актъ процесса, уже съ главными дѣйствующими лицами этой второй чухломской драмы.

Г. Г—въ на допросы въ уѣздномъ судѣ изложилъ только свои извѣты на помѣщика, начиная съ того, какъ онъ приводелъ къ барину разныхъ крѣпостныхъ женщинъ, что жену свою при вступленіи въ бракъ онъ нашелъ растлѣнною и та сказала ему, что ее лишилъ дѣвства помѣщикъ, и кончая послѣднимъ случаемъ насилїя со стороны помѣщика надъ его женой, по поводу котораго Г—въ и имѣлъ крупное объясненіе съ нимъ;

но факты дерзкаго отношенія своего къ помѣщику, сопротивленія распоряженію послѣдняго о наказаніи его розгами, при употребленіи разныхъ предметовъ для своей защиты, и тѣмъ болѣе фактъ нанесенія помѣщику раны ножемъ въ грудь Г—въ совершенно отвергъ, сказавъ, что это ложные извѣты на него какъ со стороны помѣщика, такъ и дворовыхъ людей его, показывавшихъ такъ, вѣроятно, по приказанію барина и изъ-за страха. Жена Г—ва на слѣдствіи показала сходно съ мужемъ, изложивъ подробнѣе только факты насилія помѣщика надъ нею и ея сестрой во время работы близъ усадьбы и случаи изъ времени до ея замужества, изложенные нами въ началѣ этого процесса. О преступленіи же, совершенномъ мужемъ ея, она ограничилась такимъ показаніемъ, что ничего этого не знаетъ и отъ самого мужа объ этомъ не слыхала. Въ прошеніи, поданномъ Г—вымъ жандармскому полковнику, онъ, между прочимъ, говоритъ, что помѣщикъ выдалъ замужъ сестру его жены, лишнюю имъ дѣвства для избѣжанія улики. Между тѣмъ, мужъ послѣдней, спрошенный на слѣдствіи, показалъ, что онъ нашелъ жену свою совершенно честною. Самъ потерявшій помѣщикъ, всѣ взводимые на него извѣты въ разныхъ насиліяхъ и жестокостяхъ по отношенію къ крѣпостнымъ его женщинамъ для достиженія любовныхъ цѣлей, или отвергъ, или нѣкоторымъ признаннымъ фактамъ придалъ совершенно благовидную окраску, напр., фактъ наказанія Устинова семейства объясненъ имъ былъ такъ, что они были наказаны за буйство и ослушаніе, что дѣвица Нениза была прислана на работу въ помощь къ сестрѣ, не надѣявшейся кончить работу къ вечеру, и что онъ второй разъ не заходилъ къ нимъ на мѣсто работы. Что всѣ вообще эти извѣты на него ложные, придуманные самими подсудимыми въ свое оправданіе, или родственниками ихъ въ защиту и для облегченія участи преступниковъ. Вообще въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣло это является очень запутаннымъ, и въ такомъ видѣ оно поступило на разсмотрѣніе чухломскаго уѣзднаго суда, который, тѣмъ не менѣе, фактъ преступленія Г—ва, не смотря на заpiresательство въ немъ послѣдняго и на невыясненность его на слѣдствіи, призналъ совершившимся и Г. Г—ва изобличеннымъ въ преступленіи. Жену его З—ю судъ призналъ участницей въ преступленіи мужа. Поэтому чухломскій

уѣздный судъ рѣшилъ: Г. Г—ва и жену его З—ю, лишивъ правъ состоянія, наказать плетью чрезъ палача и сослать ихъ въ Сибирь на поселеніе. Мать подсудимаго и нѣкоторыхъ привлеченныхъ къ слѣдствію женщинъ судъ рѣшилъ: оставить въ подозрѣніи, а помѣщика, старосту и нѣкоторыхъ дворовыхъ людей, привлекаемыхъ къ слѣдствію, отъ суда освободить. Рѣшеніе это не было приведено въ исполненіе и дѣло было препровождено на ревизію въ костромскую уголовную палату. Палата представила краткую записку, съ извлеченіемъ изъ дѣла, начальнику Костромской губерніи, который и представилъ ее вмѣстѣ съ дѣломъ въ правительствующій сенатъ. При этомъ палата рѣшила: жену Г—ва З—ю, за побѣгъ изъ вотчины и сборъ милостыни, наказать розгами, пятнадцатью ударами, а по предмету участія ея съ мужемъ въ преступленіи ея, равно какъ и нѣкоторыхъ другихъ привлеченныхъ къ слѣдствію женщинъ, отъ суда освободить. Правительствующій сенатъ, разсмотрѣвъ это дѣло, нашелъ, что приведенныя улики противъ подсудимаго Г. Г—ва къ полному изобличенію его въ нанесеніи раны ножомъ въ грудь сыну своего помѣщика хотя и недостаточны, тѣмъ не менѣе навлекаютъ на него сильнѣйшее подозрѣніе въ учиненіи этого преступленія. Поэтому правительствующій сенатъ рѣшилъ: двороваго челоуѣка Г. Г—ва, 37 лѣтъ отъ роду, по этому дѣлу оставить въ сильнѣйшемъ подозрѣніи, а за самовольную отлучку безъ надлежащаго вида и разрѣшенія помѣщика наказать его десятью ударами розогъ.

Такъ легко для подсудимыхъ кончилась эта вторая чухломская драма и, конечно, потому такъ, а не гораздо хуже кончилась эта драма, что какъ разъ въ то время державною волею Царя-Освободителя надъ двадцатью миллионами безправнаго русскаго народа, изнемогавшаго подъ игомъ крѣпостнаго рабства, уже процеслась вѣсть о предстоящемъ ихъ освобожденіи изъ подъ вѣковаго гнета и о томъ, что близокъ былъ часъ, когда насилію душевладѣльцевъ надъ ихъ рабами и рабынями—долженъ былъ быть положенъ конецъ на вѣки вѣковъ.

Подвергнутые наказанію только розгамъ за побѣгъ изъ вотчины безъ видовъ и сборъ милостыни Г—вы были затѣмъ, посредствомъ внутренней стражи, препровождены въ Симбирскую губернію, въ Курмышскій уѣздъ, въ имѣніе отца ихъ помѣщика,

владѣльца усадьбы С. Тѣмъ и кончилися странствованія этихъ горемычныхъ супруговъ, такъ горячо отстаивавшихъ свою честь, понятіе о которой, какъ видно, не было изглажено изъ сознанія ихъ разными жестокостями и насиліями надъ ними ихъ владѣльцевъ и управителей.

Изъ сопоставленія эпизодовъ изложенныхъ двухъ дѣлъ съ нѣкоторыми мѣстами драмы Писемскаго «Горькая судьбина», мы видимъ, что изъ этихъ дѣлъ Писемскій взялъ только основу для своей драмы, но не все содержаніе ея. Содержаніе ея шире и во многомъ можетъ быть заимствовано авторомъ еще и изъ другихъ случаевъ изъ быта крѣпостныхъ людей. По крайней мѣрѣ, нѣкоторыя черты характеровъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ и нѣкоторыхъ лицъ второстепенныхъ драмы въ изложенныхъ дѣлахъ мы не находимъ. Существенныя же черты главныхъ дѣйствующихъ лицъ драмы, отвлеченныя отъ нѣсколькихъ лицъ изъ изложенныхъ дѣлъ, сгруппированы авторомъ въ однихъ лицахъ. Такимъ образомъ, авторъ въ «Горькой судьбинѣ» создалъ типы какъ крѣпостныхъ людей, такъ и помѣщиковъ такого сорта, какъ фигурирующій въ нашихъ дѣлахъ помѣщикъ.

Основная мысль драмы «Горькая судьбина», что сознаніе чести и долга не заглохло въ простомъ русскомъ народѣ, при всей угнетенности его въ страдную пору крѣпостнаго права, только выразилось оно въ грубыхъ формахъ и проявленіяхъ, вслѣдствіе грубаго и глубоко потрясавшаго все существо простолюдиновъ отношенія къ нимъ ихъ владѣльцевъ, имѣеть фактическое подтвержденіе въ изложенныхъ нами двухъ процессахъ. Мы приходимъ къ тому окончательному выводу, что драма высоко даровитаго нашего писателя А. Ф. Писемскаго «Горькая судьбина» не фантастическое произведеніе, но вполне бытовая драма. Корни и первоначальные ростки свои она имѣеть въ почвѣ чухломской, вѣтви же ея объемлють область болѣе обширную.

Ив. Миломедовъ,

членъ козломской архивной комиссіи.

КЪ ИСТОРИИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА

1807 — 1849 гг.

Незадолго до кончины своей покойный генералъ-лейтенантъ Петръ Коновичъ Менковъ сообщилъ намъ, между прочими матеріалами для отечественной исторіи и исторіи русскаго общества, выдержки для насъ неизвѣстнаго лица изъ циркулярныхъ различныхъ правительственныхъ лицъ распоряженій, послѣдовавшихъ, главнымъ образомъ, по Петербургской губерніи. Выписки эти, очевидно, были дѣланы кѣмъ-то, какъ памятные записи для могущихъ быть справокъ. Свѣдѣнія, въ ней сообщаемыя, главнымъ образомъ касаются различныхъ лицъ, а также нѣкоторыхъ событій и учреждений. Приводимъ сжатую выдержку изъ этой довольно обширной записки.

1807 года, декабря 30. Министръ внутреннихъ дѣлъ, князь Алексѣй Куракинъ въ письмѣ на имя петербургскаго губернатора увѣдомилъ о томъ, что въ 1808 году имѣеть продолжаться изданіе «С.-Петербургскаго Журнала». «По вниманію, каковое обращено было на сіе изданіе въ теченіе 4-хъ прошедшихъ лѣтъ, — пишетъ князь Алексѣй Куракинъ, и по тому убѣжденію, что содержаніе его дѣйствительно быть можетъ полезнымъ, а не излишнимъ счелъ предварить васъ, милостивый государь мой, о семъ намѣреніи издателей, полагая, что по любви вашей къ просвѣщенію не поставите вы себѣ въ тягость содѣйствовать его распространенію, подобно тому, какъ и въ предшедшихъ годахъ сіе было сдѣлано и съ полною благодарностью отъ издателей принято». Изъ приложеннаго печатнаго объявленія видно, что «С.-Петербургскій Журналъ» издавался въ 1804-мъ и 1805-мъ годахъ. Цѣна ему была въ Петербургѣ 12 рублей, а въ другихъ городахъ 15 рублей за весь годъ, конечно, ассигнаціями. Въ изданіе входили: «Акты М. В. Д.», въ порядкѣ и нѣкоторой системѣ расположенные; далѣе помѣщались «переводы и извлеченія изъ лучшихъ авторовъ, объ экономіи политической, государственномъ управленіи вообще и исторіи писавшихъ; отрывки изъ исторіи россійской, блестящѣйшія черты мужества, любви къ отечеству и великихъ дѣяній, коиими лѣтописи наши столь обильны». Книжки выходили въ концѣ каждаго мѣсяца.

1809 г., августа 20. Министерство внутреннихъ дѣлъ печатными циркулярами сообщило губернаторамъ о послѣдовавшемъ высочайшемъ рескриптѣ, отъ 5-го августа того года на имя министра данномъ, объ изданіи при министерствѣ Вѣдомостей подъ названіемъ «Сѣверная Почта или Новая Петербургская Газета», ближайшее руководство которой ввѣрено было товарищу министра внутреннихъ дѣлъ, тайному совѣтнику Козодавлеву. Начальники губерній, почтъ-директора и губернскіе почтмейстера приглашались, по силѣ помянутаго рескрипта, къ немедленному доставленію извѣстій о всемъ томъ, что къ внесенію въ газету призвано будетъ приличнымъ. Козодавлевъ съ своей стороны 1-го сентября 1809 г., въ развитіи помянутаго высочайшаго повелѣнія, увѣдомилъ петербургскаго губернатора М. М. Бакунина о томъ, что въ «Сѣверной Почтѣ» помѣщаются будутъ «извѣстія о происшествіяхъ, достойныхъ свѣдѣнія публики: необыкновенное происшествіе въ натурѣ съ подробнымъ онаго описаніемъ, открытіе какого нибудь полезнаго заведенія, устройство фабрики, распространеніе хлѣбопашества или какого другаго хозяйственнаго предмета, извѣщеніе о ярмаркахъ и о случившихся на оныхъ происшествіяхъ и сему подобныя свѣдѣнія, паче до народной промышленности и нравственности касающіяся, равно о хлѣбныхъ урожаяхъ».

1811 г., ноября 15. Министръ полиціи А. Д. Балашовъ разослалъ начальникамъ губерній печатный циркуляръ, въ которомъ объясняетъ: «по случаю многихъ пожаровъ, происшедшихъ нынѣшнимъ лѣтомъ (1811 г.), въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ поручено генералъ-лейтенанту Эртелю, по высочайшей волѣ, изыскать причину сихъ пожаровъ и открыть виновныхъ въ томъ. Генералъ Эртель увѣдомляетъ меня, что тамъ переловлено уже нѣсколько злодѣевъ, чинившихъ поджоги, что, по показанію нѣкоторыхъ, они составили шайку, простиравшуюся до 40 человекъ, что изъ числа ихъ по нѣскольку разославы были партіями для зажигательства въ разныя губерніи, что начальникомъ сей шайки Новаковскій, именующій себя генераломъ, а начальники другихъ партій называются Доминикъ и Феликсъ». Въ циркулярѣ сообщаются примѣты этихъ лицъ, при чемъ о Новаковскомъ отмѣчено, что онъ говоритъ на польскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, ѣздитъ въ русской повозкѣ не окованной, на парѣ буланыхъ лошадей, изъ коихъ одна съ длиннымъ хвостомъ, а другая на подобіе англизированной (слѣдуетъ описаніе ихъ одежды). Далѣе циркуляръ продолжаетъ: «Злоумышленники, шайку сію составляющіе, узнаютъ другъ друга по знакамъ, пришитымъ у нихъ на шляпахъ и на платьѣ: тотъ, кто имѣетъ круглую шляпу, носятъ на ней по краямъ темнозеленаго сукна по 4 пучка вродѣ кисти, а кто шляпы не имѣетъ, то на платьѣ подъ мышками имѣетъ пришитые такового цвѣта по одному пучку. Пашковскій и партіонные начальники ѣздятъ иногда подъ именьемъ ксендзовъ». Министръ приглашалъ губернаторовъ принять строгія мѣры къ поимкѣ этихъ злодѣевъ.

1816 г., февраля 19. Генераль-фельдмаршал М. Б. Барклай-де-Толли обратился къ главнокомандующему въ Петербургѣ, генералу отъ инфантеріи С. К. Вязмитинову изъ Могилева бѣлорусскаго съ письмомъ, въ которомъ извѣщаетъ: «для незабвеннаго воспоминанія именъ тѣхъ храбрыхъ офицеровъ, кои въ продолженіе послѣдней войны съ французами послѣ бывшихъ сраженій подъ Дрезденомъ и Кульмомъ въ августѣ 1813 года скончались отъ ранъ, полученныхъ въ сихъ сраженіяхъ, его величеству благоугодно было повелѣть соорудить въ Прагѣ, что въ Богеміи, памятникъ съ приличными надписями по проекту, предварительно утвержденному».

«Дѣйствительный статскій совѣтникъ баронъ Л. Л. Бюлеръ, на коего возложено было порученіе по исполненію онаго, доставилъ мнѣ печатный экземпляръ описанія и изображенія памятника». Барклай-де-Толли препроводилъ Вязмитинову 5 экземпляровъ этой брошюры. Она отпечатана въ $\frac{1}{4}$ долю въ въ Вѣнѣ, въ 1815 году, на русскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ, съ гравированнымъ изображеніемъ памятника и съ виньеткою, изображающею видъ той мѣстности, гдѣ помѣщенъ этотъ памятникъ. Вотъ заглавіе брошюры: «Изображеніе и описаніе памятника въ городѣ Прагѣ, что въ Богеміи, на военномъ кладбищѣ, въ честь скончавшихся тамъ російскихъ офицеровъ, въ 1815 году воздвигнутаго и освященнаго». На памятникѣ надпись: «Памятникъ храбрымъ російскимъ офицерамъ, которые отъ полученныхъ ими ранъ въ сраженіяхъ подъ Дрезденомъ и Кульмомъ въ августѣ мѣсяцѣ 1813 года въ городѣ Прагѣ померли».

«Да пребудетъ священъ вашъ прахъ сей землѣ! Незабвенны останетесь вы своему отечеству».

Какъ видно изъ этой брошюры, на памятникѣ начертаны имена 45 русскихъ офицеровъ. Изъ нихъ старшій по чину подполковникъ Турчаниновъ; между прапорщиками значатся Кременчугскаго полка графъ Толстой, корнетъ Жерве и пр.

1829 г., октября 21. Смотритель Калининской больницы рапортомъ донесъ петербургскому гражданскому губернатору И. С. Храповицкому о томъ, что въ сей день больницу посѣтилъ императоръ Николай Павловичъ въ сопровожденіи великаго князя Михаила Павловича.

1830 г., декабря 21. Шефъ жандармовъ А. Х. Бенкендорфъ печатнымъ циркуляромъ губернаторамъ увѣдомилъ, что государь императоръ, «предполагая, что по случаю возникшихъ въ Царствѣ Польскомъ безпорядковъ злонамѣренные, помогающіе возмущенію и безначалію, могутъ содѣйствовать къ распространенію преступныхъ своихъ правилъ между жителями и внутреннѣйшихъ губерній Россіи, высочайше повелѣтъ мнѣ изволить обратить на сіе должное вниманіе (начальниковъ губерній) съ тѣмъ, чтобы на случай, когда въ губерніи появятся какія либо воззванія къ пароду или сочиненія, клонящіяся къ внушенію мирнымъ жителямъ мнѣній, противныхъ государственнымъ постановленіямъ или граждан-

скому порядку (губернаторъ), немедленно препроводивъ оныя, принять надлежащія мѣры къ открытію сочинителей и распространителей таковыхъ разглашеній»

1833 г., іюня 27. Петербургскій военный генералъ-губернаторъ графъ П. К. Эссенъ просилъ петербургскаго гражданскаго губернатора о развѣсканіи утерянной, 25 іюня вечеромъ, при перевозѣ гардеробныхъ вещей государя-императора изъ петергофскаго большаго дворца на дачу Александрію, собственной его величества большой печати съ изображеніемъ государственнаго герба изъ бѣлаго топаза, отдѣланной внизу золотомъ.

1836 г., марта 18. Министръ внутреннихъ дѣлъ ст.-секретарь Д. Н. Блудовъ обратился съ циркуляромъ къ господамъ гражданскимъ губернаторамъ, о высочайшемъ соизволеніи, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, «когда раскольникъ по суду назначена будетъ очистительная присяга, то, приводя такового къ присягѣ въ православной церкви, стараться по возможности употреблять при семъ случаѣ старопечатное евангеліе и стариннаго устройства крестъ, кои въ раскольники оказываютъ больше благоговѣнія».

1837 г., іюля 25. Статсъ-секретарь Блудовъ увѣдомилъ начальниковъ губерній, что «дошло до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ, будто евреи тайно распространяютъ между субботниками или послѣдователями іудействующей ереси выписки изъ книги «Хизыкъ-амина» (укрѣпленіе вѣры), которыя по содержанію своему не только весьма оскорбительны для христіанства, но и могутъ быть весьма вредны, ибо въ оныхъ съ истростью и для незнающихъ оболстительно наводятся сомнѣнія какъ на отношеніе ветхозавѣтныхъ пророчествъ къ христіанству, такъ и на достоинство священныхъ книгъ Новаго Завѣта, и сочинитель означенной книги пользуется не только старыми уже толкованіями раввиновъ, дабы ослабить свидѣтельство Ветхаго Завѣта въ пользу христіанства, но и новыми перетолкованіями нѣмецкихъ неологовъ (sic), покусившихся орудіемъ критики подкопать основаніе христіанскихъ догматовъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ приглашалъ начальниковъ губерній тѣхъ, въ средѣ раскольниковъ которыхъ находились субботники или іудействующие, имѣть за ними тайное, но бдительное наблюденіе, дабы между субботниками не были распространяемы означенныя рукописи, могущія служить къ большому утвержденію ихъ въ своемъ заблужденіи, и принять мѣры къ прекращенію подобныя вредныхъ дѣйствій враговъ христіанства.

1838 г., мая 10. Статсъ-секретарь Блудовъ передалъ начальникамъ губерній циркулярно о сообщеніи ему генералъ-адъютанта графа Бенкендорфа о томъ, что какъ по свойству и цѣли учрежденія корпуса жандармовъ необходимо имена жандармскихъ чиновъ, дѣлающихъ какія либо донесенія, оставлять сокрытыми, то нужно, чтобы вѣстныя начальства въ губерніяхъ въ сношеніяхъ о секретныхъ донесеніяхъ жандармовъ удостовѣрились, если признаютъ то нужнымъ, собственными разысканіями въ справедливости полученныхъ донесеній, отнюдь не обнаруживая именъ жандармскихъ офицеровъ, сообщающихъ оному какія либо свѣдѣнія.

«Хотя я не сомнѣваюсь, пишетъ ст.-секретарь Блудовъ, что вообще губернскаго начальства по полученіи отъ пребывающихъ въ губерніяхъ офицеровъ корпуса жандармовъ секретныхъ записокъ и донесеній о какихъ-либо открываемыхъ ими безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ стараются удостовѣриться въ существованіи оныхъ собственными своими разысканіями, не открывая именъ помянутыхъ офицеровъ, но тѣмъ не менѣе и по желанію начальника корпуса жандармовъ и для предупрежденія всякихъ недоразумѣній» Д. Н. Блудовъ призналъ необходимымъ сообщить помянутое желаніе А. Х. Бенкендорфа «для зависящаго со стороны начальниковъ губерній наблюденія».

1839 г., августа 6-го. С.-Петербургскій военный генералъ-губернаторъ сообщалъ петербургскому гражданскому губернатору Жемчужникову высочайшую волю «дабы никому изъ иностранцевъ не было выдаваемо паспортовъ на проѣздъ изъ С.-Петербургской губерніи въ село Бородино, безъ предварительнаго о томъ сношенія съ генералъ-адъютантомъ, графомъ Бенкендорфомъ».

1841 г., мая 18. Графъ Эссенъ сообщалъ петербургскому гражданскому губернатору о томъ, что императоръ, свисходя къ просьбѣ «находящагося Владимірской губерніи, въ Юрьевскомъ уѣздѣ, подъ надзоромъ полиціи отставнаго генералъ-маіора, князя Андрея Голицына, между прочимъ высочайше повелѣть соизволилъ дозволить ему проживать, гдѣ пожелаетъ, кромѣ С.-Петербургской и Московской губерній».

Въ 1844 году князю Андрею Голицыну было, съ высочайшаго соизволенія, разрѣшено прибытіе въ Петербургъ на три недѣли, для свиданія съ сыномъ ¹⁾.

1842 г., февраля 19. Согласно положенію Комитета министровъ послѣдовало высочайшее повелѣніе о томъ, «чтобы свѣдѣнія о свойствахъ ищущихъ крещенія евреевъ собирать и испытанія производить какъ можно безгласнѣе, освободивъ ихъ отъ представленія свидѣтельства думъ, ратушъ и вообще тѣхъ мѣстъ, гдѣ члены—евреи, а вмѣсто того довольствоваться свидѣтельствами частныхъ, болѣе извѣстныхъ лицъ изъ общества христіанъ, удостовѣреніемъ мѣстнаго полиціймейстера или городничаго и, гдѣ можно, благочиннаго надъ православнымъ духовенствомъ».

1842 г., апрѣля 23. Петербургскій военный генералъ-губернаторъ графъ Эссенъ объявилъ высочайшее повелѣніе: «увольнаго съ службы высочайшимъ приказомъ 3-го апрѣля по домашнимъ обстоятельствамъ изъ капитановъ грузинскаго линейнаго батальона № 14 маіора Малютина, прикосновеннаго происшествію 14 декабря 1825 года, который по отставкѣ обязался имѣть жительство въ Новгородѣ, подвергнуть секретному надзору и воспретить ему въѣздъ въ обѣ столицы».

¹⁾ Объ этомъ князѣ Андрей Голицинъ упоминаетъ де-Сангленъ въ своихъ интересныхъ запискахъ. См. «Русскую Старину» надъ 1883 г., томъ XXXVII, стр. 571, 573—576.

1843 г., января 29. «Уволенныхъ отъ службы высочайшимъ приказомъ 17-го января 1843 года, находившагося при отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ, состоявшаго по кавалеріи поручика Толстаго (декабристъ), изъ го сударственныхъ преступниковъ, подвергнуть секретному надзору, дозволивъ ему жить, гдѣ пожелаетъ, за исключеніемъ обѣихъ столицъ и города Одессы».

1843 года, марта 1. «Уволенному отъ службы высочайшимъ приказомъ 13 февраля 1843 года, изъ подпоручиковъ Кавказскаго сапернаго батальона, поручикомъ—Игельстрома (декабристъ), — изъ государственныхъ преступниковъ, воспретить въѣздъ въ обѣ столицы».

1843 г., марта 19. «Уволенному отъ службы высочайшимъ приказомъ 26-го февраля помощнику начальника продовольственнаго отдѣленія штаба отдѣльнаго сибирскаго корпуса, состоящему по арміи иранорщику Чнжу, изъ государственныхъ преступниковъ, не позволять жить въ столицахъ».

1843 г., апрѣля 13. Распоряженіемъ графа Бенкендорфа учреждено «секретное наблюденіе за находившимся въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ Жевневѣ княземъ Александромъ Голицынымъ, женатымъ на графинѣ Х—вой, который состоялъ въ тѣсныхъ связяхъ съ пребывающими тамъ польскими выходцами, поддерживалъ преступные ихъ замыслы и имѣетъ намѣреніе возвратиться въ Россію».

Петербургскій военный генералъ-губернаторъ сдѣлалъ распоряженіе въ случаѣ прибытія означеннаго князя Голицына въ Петербургскую губернію, «учредить за нимъ секретное наблюденіе».

1843 г., мая 27. Министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій, печатнымъ циркуляромъ начальникамъ губерній, сообщаетъ: «до свѣдѣнія моего дошло, что во многихъ мѣстахъ дворяне явно уклоняются отъ службы по выборамъ, основываясь на сводѣ законовъ — т. III, уставъ о службѣ по выборамъ—на статьяхъ 88 и 89, дозволяющихъ отказываться отъ назначенія на должности, если кто не желаетъ быть выбраннымъ, и черезъ то мѣста, отъ выборовъ зависящія, наполняются большею частью лицами, не вполне соответствующими своему призванію. Желая имѣть вѣрнѣйшія по возможности свѣдѣнія о настоящихъ побудительныхъ причинахъ такого уклоненія отъ исполненія одной изъ главнѣйшихъ обязанностей каждаго благомыслящаго дворянина, министръ поручилъ губернаторамъ, по внимательномъ наблюденіи и изслѣдованіи сизъ причинъ, доставить ему, совершенно конфиденціальнымъ образомъ, подлежащее по сему предмету донесеніе съ присовокупленіемъ мнѣнія, какія слѣдуетъ принять удобнѣйшія мѣры къ пресѣченію на будущее время сказаннаго зла и привлеченію дворянъ занимать по выборамъ должности, силамъ и способностямъ каждаго соответственнымъ. для споспѣшествованія пользамъ службы его императорскаго величества».

1845 г., февраля 2. «Уволенному высочайшимъ приказомъ 25-го минувшаго января изъ подпоручиковъ грузискаго линейнаго батальона № 12

поручику Васильчикову, за сдѣланный имъ въ 1841-мъ году противузаконный поступокъ, воспретить вѣздъ въ С.-Петербургъ». Передавая это, генераль-губернаторъ прибавилъ, что Васильчиковъ обязался имѣть жительство въ отставкѣ въ С.-Петербургской губ., Лужскаго уѣзда, въ селѣ Туршинѣ.

1845 г., іюля 30. Министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій поставилъ въ извѣстность печатнымъ циркуляромъ начальникамъ губерній, что 22 числа іюля мѣсяца скрылся изъ дому проживающаго въ С.-Петербургѣ ротмистра Николая Полеваго 20 лѣтній сынъ его Никтополеонъ Полевой. Государь императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ принять надлежащія мѣры къ отысканію означеннаго Полеваго, по отысканіи же его доставить, въ сопровожденіи двухъ жандармовъ, въ III отдѣленіе собственной его величества канцеляріи».

1846 г., апрѣля 25. Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго начальникамъ губерній: «По дошедшимъ до государя-императора свѣдѣніямъ, что лучшіе по способностямъ и благонадежности дворяне уклоняются отъ принятія по выборамъ должностей, въ особенности полицейскихъ, собственно по неприличному и оскорбительному обращенію нѣкоторыхъ господъ губернаторовъ, что сіи послѣдніе иногда заставляютъ исправниковъ и становыхъ приставовъ сидѣть по цѣлымъ днямъ въ передней, бранять ихъ, въ случаѣ неисправностей, неприличными словами, нерѣдко даже въ присутствіи народа и постороннихъ людей, что заставляютъ ихъ во время объѣзда губерній встрѣчать и провожать себя и ожидать по цѣлымъ днямъ своего пріѣзда, посылаютъ ихъ передовыми для заготовленія лошадей и проч., его императорское величество высочайше повелѣтъ соизволилъ: объявить господамъ начальникамъ губерній, что его величество изволилъ быть крайне этимъ недоволенъ и, строжайше воспрещая подобныя обращенія съ подчиненными, поставяетъ господамъ губернаторамъ на видъ, что имъ предоставлено удалять отъ должностей чиновниковъ, неспособныхъ или недостаточныхъ, но что всякій чиновникъ, покуда онъ состоитъ въ должности и носитъ принадлежащій ему мундиръ, есть представитель возложенной на него правительственной власти и потому долженъ пользоваться извѣстною степенью уваженія со стороны всякаго, даже и самаго высшаго лица. При семъ государю императору благоудно было замѣтить, что исправникамъ и становымъ приставамъ, какъ извѣстно губернаторамъ, запрещено даже встрѣчать и провожать его величество при проѣздѣ черезъ губерніи».

1846 года, іюня 19. Печатными циркулярами, за подписью министра внутреннихъ дѣлъ графа Перовскаго, дано было знать подлежащимъ лицамъ и учрежденіямъ, что по особому повелѣнію «напечатанныя сочиненія: Шевченко — «Кобзарь», Кулеша: «Повѣсть объ украинскомъ народѣ», — «Украина» и «Михайло Чернышенко», — Костомарова — «Украинскіе баллады» и «Вѣтка» — запрещены и изъяты изъ продажи. Министромъ Народнаго

Просвѣщенія тогда же было предписано цензурному вѣдомству не дозволить впредь перепечатывать означенныя сочиненія новымъ изданіемъ».

Примѣчаніе. Ред. Десять лѣтъ спустя всѣ эти сочиненія съ подлежащаго разрѣшенія явились въ новыхъ изданіяхъ, при чемъ «Кобзарь» на малороссійскомъ языкѣ и въ русскихъ переводахъ выдержалъ множество изданій

1846 г., іюля 11. Государь императоръ по ходатайству главнокомандующаго отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ, высочайшимъ приказомъ 23-го минувшаго іюня, дозволилъ подпоручика грузинскаго линейнаго № 9 батальона Михаила Назимова, прикосновеннаго къ происшествію 14-го декабря 1825 года, уволить отъ службы, за болѣзнью, поручикомъ, съ дозволеніемъ проживать во время отставки въ городѣ Псковѣ, и съ учрежденіемъ за нимъ секретнаго полицейскаго надзора, воспретивъ ему вѣздъ въ столицы имперіи».

Примѣчаніе. Ред. Михаилъ Александровичъ Назимовъ скончался въ Псковѣ, въ 1898-мъ году, въ маститой старости, окруженный всеобщимъ уваженіемъ послѣ многолѣтней службы, по крестьянскому дѣлу, и освобожденный еще въ 1856 году отъ всякаго за нимъ надзора.

1846 г., іюля 23. По всеподданнѣйшему докладу просьбы жены жительствоващаго въ Смоленскѣ, прикосновеннаго къ происшествію 14-го декабря 1825 года, отставнаго поручика Голицына, о дозволеніи ему свободнаго жительства въ Россіи, исключая столицы, государемъ изъявлено на сіе высочайшее соизволеніе.

1847 года, марта 24. Начальникъ Петербургской губерніи далъ знать подлежащимъ лицамъ и учрежденіямъ, что: «Въ 1846 году отправлялись за границу: а) помѣщикъ Полтавской губерніи, Гадячскаго уѣзда, Николай Ивановичъ Савичъ; б) служащій въ с.-петербургскомъ учебномъ округѣ Пантелеймонъ Александровичъ Кулешъ, посланный за границу министерствомъ народнаго просвѣщенія для изученія славянскихъ нарѣчій, и в) дворянинъ Федоръ Васильевичъ Чижевъ, который въ бытность свою въ Бреславлѣ рассказывалъ, что онъ намѣренъ отправиться въ Римъ, а оттуда въ Сербію, Албанію, Далмацію и Кроацію. Нынѣ, въ мартѣ 1847 года, по встрѣтившейся чрезвычайной надобности—состоялось особое повелѣніе, при возвращеніи означенныхъ Савича, Кулеша и Чижева въ Россію, задержать ихъ на самой границѣ, опечатать, не разсматривая на мѣстѣ, всѣ ихъ бумаги и вещи, и тотчасъ, вмѣстѣ съ оними, отправить въ С.-Петербургъ въ III-е отдѣленіе, въ сопровожденіи самаго благонадежнаго и вѣрнаго чиновника и подъ строжайшимъ надзоромъ».

Примѣчаніе. Ред. Всѣ поименованныя здѣсь лица не много лѣтъ спустя, въ царствованіе Александра II, прославились какъ знаменитые ученые (Савичъ), писатель-издатель (Кулешъ) и публицистъ-экономистъ (Чижевъ) и всѣ заняли видное и почетное мѣсто въ ряду образованныхъ и полезныхъ своему отечеству и государю русскихъ общественныхъ дѣятелей.

1847 г., ноября 27. Служащій въ С.-Петербургскомъ надворномъ уголовномъ судѣ канцеляристъ Ермолаевъ подвергнутъ былъ «по одному очень важному дѣлу» разспросу въ III отдѣленіи собственной его императорскаго величества канцеляріи. Увѣдомляя объ этомъ, генераль-адъютантъ графъ Орловъ, ообщилъ военному генераль-губернатору Д. И. Шульгину, что онъ приказывалъ доктору освидѣтельствовать канцеляриста Ермолаева и приглашалъ священника увѣщавать его, не есть ли объявленіе его о существованіи въ здѣшней столицѣ какого-то тайнаго общества одна выдумка или игра напряженнаго воображенія, но докторъ нашелъ, что Ермолаевъ обладаетъ здравымъ разсудкомъ и при священническомъ увѣщаніи означенный молодой человекъ слово въ слово подтвердилъ тѣ показанія, которыя были сдѣланы имъ сначала генераль-губернатору, потомъ въ III-е отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи и, наконецъ, лично ему, графу Орлову; увѣщававшій же Ермолаева протоіерей Маловъ, какъ оказалось, есть духовный отецъ этого молодого человека. Онъ удостовѣрилъ, что Ермолаевъ былъ всегда примѣрной нравственности, въ высшей степени скромнъ и правдивъ. При докладѣ о семъ государю Николаю Павловичу, генераль-адъютантъ графъ Орловъ присовокупилъ свое мнѣніе, что хотя въ показаніи Ермолаева не подвѣрбается вымысла, но какъ оно можетъ быть послѣдствіемъ заблужденія разсудка, то было бы справедливо освободить его для продолженія службы съ тѣмъ, чтобы надъ нимъ имѣлось наблюденіе со стороны его начальства, а III отдѣленіе, вмѣстѣ съ мѣстною полиціей, не престанетъ употреблять всѣ средства къ обнаруженію обстоятельствъ, о коихъ доноситъ Ермолаевъ. Его императорское величество удостоилъ изъявить на сіе высочайшее соизволеніе. Къ сему графъ Орловъ присовокупилъ, «чтобы случай этотъ отнюдь не препятствовалъ будущей службѣ Ермолаева» которому и приказано явиться къ мѣсту его служенія.

1848 г., іюля 26. «Высланной въ 1837-мъ году изъ Петербурга, въ Кашинскій женскій монастырь, за составленіе особой раскольнической секты и находящейся нынѣ (1848 г.) подъ секретнымъ полицейскимъ надзоромъ въ городѣ Кашинѣ вдовѣ статскаго совѣтника Татариновой разрѣшено жителство въ Москвѣ съ воспрещеніемъ ей вѣзда въ С.-Петербургъ».

1848 г., декабря 9. «Государь Николай Павловичъ по просьбѣ находящагося въ Дрезденѣ бывшего правителя Сербіи князя Милоша Обреновича всеимпоствѣйшше соизволилъ на пріѣздъ его въ С.-Петербургъ».

1849 г., мая 14. Начальникъ III отдѣленія Л. В. Дубельтъ извѣстилъ петербургскаго губернатора Н. В. Жуковскаго, что «служащій въ С.-Петербургской общей городской думѣ дворянинъ Николай Барчъ, по повелѣнію государя наследника цесаревича, объявленнаго ему, Дубельту, военнымъ министромъ, былъ приглашенъ въ III отдѣленіе, и при этомъ взяты были его всѣ бумаги и книги, но какъ по разсмотрѣніи означенныхъ бумагъ и по спросамъ

Барча не представилось никакихъ обстоятельствъ къ его обвиненію, то онъ и отпущенъ изъ III-го отдѣленія съ возвращеніемъ ему бумагъ, гдѣ Дубельтъ высказалъ желаніе, дабы упомянутый случай не составлялъ для Барча препятствія къ продолженію службы».

1849 г., мая 15. Ямбургскій городничій донесъ Петербургскому гражданскому губернатору о томъ, что смотритель мѣстнаго провіантскаго магазина, титулярный совѣтникъ Яздовскій, препроводилъ къ нему полученное изъ города Вильна отъ неизвѣстнаго ему лица письмо на польскомъ языкѣ, «какъ Яздовскій не свѣдуещъ въ этомъ языкѣ, да и самое содержаніе письма легко можетъ быть неблагонамѣренное», то онъ и представилъ письмо вѣстѣ съ конвертомъ городничему. Тотъ, «опасаясь показать письмо сіе кому либо изъ подьяковъ, проживающихъ въ г. Ямбургѣ для сдѣланія перевода и разузнанія о лицѣ, въ немъ подписанномъ, которое, какъ должно полагать, проживаетъ въ Петербургѣ», препроводилъ этотъ документъ къ начальнику губерніи. Л. В. Дубельтъ потребовалъ помянутое письмо въ подлинникѣ отъ начальника Петербургской губерніи Н. В. Жуковского.

1849 г., іюня 13 дня. Оберъ-полиціймейстеръ свиты его величества генераль-майоръ Галаховъ увѣдомилъ петербургскаго гражданскаго губернатора, что «находящійся въ буфетѣ на станціи желѣзной дороги въ Царскомъ селѣ получившій отъ меня видъ на проѣздъ туда 26 мая 1848 года за № 859. французскій подданный Огюстъ Киноръ, бывъ въ С.-Петербургѣ въ гостиницѣ Парижъ, дозволяя себѣ выражать неумѣстныя мнѣнія касательно предпринятыхъ государемъ императоромъ военныхъ дѣйствій».

«Вслѣдствіе этого Киноръ былъ вызванъ въ III отдѣленіе и ему сдѣлано строгое внушеніе, дабы на будущее время не входилъ ни въ какія не относящіяся до него сужденія». Генераль Галаховъ сообщилъ о воспослѣдовавшемъ распоряженіи управляющаго сказаннымъ отдѣленіемъ, что установлено за дѣйствіями иностранца Кинора со стороны мѣстной полиціи строгое наблюденіе.

1849 г., іюля 8. Л. В. Дубельтъ довелъ до свѣдѣнія Н. В. Жуковского, что имъ, Дубельтомъ, полученъ безъимянный доносъ, что «въ ночи съ 29 на 30 іюня въ Старой деревнѣ подлѣ дома крестьянина Сергѣя Иванова было такое происшествіе, которое привело въ смущеніе большую часть жителей. Происшествіе это состояло въ томъ, что нѣсколько человекъ, весьма прилично одѣтыхъ, произвели въ деревнѣ страшный шумъ, заставляли крестьянскихъ мальчиковъ дѣлать воинскіе приемы, рассуждали о войнѣ и о такихъ предметахъ, которые на людей необразованныхъ могли бы имѣть вредное вліяніе и даже возбудить ихъ къ нарушенію спокойствія. Доноситель присовокупляетъ, что означенныя лица выѣхали изъ деревни уже около 3 хъ часовъ ночи въ собственныхъ экипажахъ, въ одной коляскѣ и на двухъ дрожкахъ». Л. В. Дубельтъ просилъ сдѣлать распоряженія немедленно удостовѣриться, въ чемъ именно состояло означенное происшествіе.

1849 г., іюля 12. Л. В. Дубельтъ обратился къ Н. В. Жуковскому, съ отношеніемъ о томъ, что «состоявшій подъ судомъ въ надворномъ уголовномъ судѣ за разспросы нижнихъ чиновъ въ казармахъ гвардейской артиллеріи о числѣ и расположеніи ихъ Алексѣй Фефеловъ въ маѣ 1848 года, бывъ отданъ на поруки мѣщанину Опасову, скрылся изъ Петербурга и бродяжничалъ вначалѣ по Ладожскому уѣзду, а потомъ близъ Петергофа, тамъ былъ задержанъ по тому подозрѣнію, что называлъ себя разными именами, издерживалъ довольно значительныя суммы денегъ на себя и на жившую съ нимъ бѣглую крѣпостную дѣвку, предлагалъ придворнымъ служителямъ въ займы одному 4.000 рублей ассигнаціями и двумя по одной тысячѣ серебромъ и разспрашивалъ ихъ о выѣздахъ императорской фамиліи». Фефеловъ былъ арестованъ и въ III отдѣленіи лживо объяснилъ о тѣхъ деньгахъ, которыя онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи, что навело подозрѣніе, «не былъ ли онъ въ означеннымъ дѣяствіямъ своимъ побуждаемъ людьми вредными для правительства». Л. В. Дубельтъ сдѣлалъ распоряженіе о произведеніи въ послѣднѣйшемъ времени наистрожайшаго слѣдствія въ Ладожскомъ уѣздѣ объ этомъ Фефеловѣ.

ІЕРОМОНАХЪ АНТОНІЙ БОЧКОВЪ

† 1872 г.

Въ «Руской Старинѣ», октябрь 1888 г., февраль и июль 1889 г., я съ особеннымъ любопытствомъ прочелъ замѣтки и статьи А. А. Чумикова объ «Алексѣѣ Поликарповичѣ Бочковѣ (бывшемъ впоследствии іеромонахѣ о. Антоніи), съ свѣдѣніями о немъ за первую половину жизни его въ мірѣ, причемъ въ одной замѣткѣ приведенъ отзывъ о немъ: «лицо оригинальное и малозвѣстное». Эти свѣдѣнія о немъ были дотолѣ неизвѣстны мнѣ, но очень любопытны для меня, потому что я сблизился съ о. Антоніемъ лишь въ 1850—1860 годахъ, въ Петербургѣ. А сблизясь съ нимъ, оцѣнивъ достоинства его и глубоко чтя память его, желаю и могу сообщить извѣстныя мнѣ свѣдѣнія о немъ за вторую половину жизни его—въ монашествѣ, до смерти его около 1872 года.

Когда и гдѣ именно полагалъ онъ начало своего иночества—мнѣ неизвѣстно, равно и то, въ какихъ монастыряхъ онъ бывалъ. Знаю только, что онъ былъ въ Оптиной пустынѣ, позже въ Николаевскомъ Староладожскомъ (1859), Черемнецкомъ (Лужскаго уѣзда, Петерб. губ., 1862) и, наконецъ, въ Николю-Угрѣшскомъ (Моск. губ.) монастыряхъ. Знаю, что онъ былъ два раза (въ 1854—55 и 1862—63) годахъ въ Св. Землѣ и Іерусалимѣ, имѣю у себя нѣсколько духовныхъ стихотвореній его, писанныхъ имъ въ эти годы собственноручно, красивымъ почеркомъ, и слышалъ отъ него любопытные рассказы о Св. Землѣ, Іерусалимѣ и храмѣ Воскресенія Христова въ немъ. Въ 1859 г., въ 1-ю недѣлю великаго поста, я прожилъ, говѣя, въ Николаевскомъ Староладожскомъ монастырѣ на р. Волховѣ, гдѣ о. Антоній, въ санѣ іеромонаха, былъ духовникомъ, и моимъ также. Позже, въ началѣ 1860-хъ годовъ, я посѣтилъ его въ Черемнецкомъ Іоанно-Богословскомъ монастырѣ, въ которомъ онъ былъ игуменомъ (этотъ монастырь находится въ Лужскомъ

уѣздѣ, Петерб. губерніи, верстахъ въ 20 отъ г. Луги). Сближаясь съ о. Анто-
ніемъ, я нашелъ въ немъ весьма умнаго и какъ свѣтски, такъ и духовно
высокообразованнаго человѣка, по своему, нѣсколько восторженному, характеру
имѣвшему свои личныя, особенныя, идеальныя понятія объ истинномъ иночествѣ,
которымъ не соответствовали его понятія о состояніи его у насъ. Его идеа-
ломъ была созерцательная иноческая жизнь и онъ не сочувствовалъ, вообще
говоря, кромѣ исключеній, внутренней жизни нашихъ монастырей, сопряженной
съ разнообразными административными (канцелярскими) и сельско-хозяйствен-
ными заботами. Это особенно я имѣлъ возможность замѣтить при посѣщеніи
его въ Черемонецкомъ монастырѣ, гдѣ онъ былъ игуменомъ; это же разъяснило
мнѣ и послѣдовавшее вскорѣ перечисленіе его на покой въ Николо-Угрѣшскій
монастырь, въ 17 верстахъ отъ Москвы, на берегу р. Москвы, по приглашенію
настоятеля этого монастыря, о. архимандрита Пимена. Въ этомъ монастырѣ
о. Антоній уединился въ его скитѣ, но скончался не въ немъ, а въ Москвѣ и
замѣчательною смертію, по слѣдующему случаю. Въ годъ его смерти (ка-
жется, 1872) лѣтомъ, въ Москвѣ, въ городскихъ больницахъ, особенно въ
большой Екатерининской для чернорабочихъ, на Страстномъ бульварѣ, распро-
странился злокачественный, заразительный тифъ. Духовныя требы надъ боль-
ными и умиравшими въ больницахъ, въ большомъ числѣ, совершало приход-
ское духовенство ближайшихъ приходскихъ церквей, но никакъ не успѣвало
совершать ихъ ежедневно и еженощно. Поэтому московскій митрополитъ
Филаретъ издалъ воззваніе ко всѣмъ мужскимъ монастырямъ Московской
епархіи, съ приглашеніемъ изъ нихъ іеромонаховъ къ добровольному служенію
больнымъ и умирающимъ въ московскихъ больницахъ. По полученіи этого
воззванія въ Николо-Угрѣшскомъ монастырѣ, однимъ изъ первыхъ отозвался
на призывъ о. іеромонахъ Антоній Бочковъ. Дружественно расположенный
къ нему архимандритъ Пименъ, изъ участія къ нему, представлялъ ему, что
идти на призывъ въ Москву — значило идти почти на смерть. Но о.
Антоній, въ порывѣ христіанскаго милосердія къ ближнимъ, съ мужествомъ
и твердостью настоялъ на своемъ рѣшеніи идти въ Москву — и пошелъ. Едва
прибывъ туда, въ Екатерининскую больницу, онъ сразу же приступилъ къ
исправленію духовныхъ требъ для всѣхъ больныхъ и умиравшихъ отъ тифа,
исправляя ихъ ежедневно, еженощно, почти ежечасно, не имѣя при этомъ
почти ни минуты покоя, отчего, конечно, истомился, ослабѣлъ, получилъ распо-
ложеніе къ заразѣ, заразился и слегъ въ постель. Болѣзнь быстро развилась и
вела къ смерти, но умиравшій не лишился сознанія, дактировалъ келейнику
свою послѣднюю волю, и напутствованный св. тайнами, мирно скончался

истинно-христіанскою смертію. Тѣло его было перевезено въ Николо Угрѣшскій монастырь и погребено въ его скитѣ, по лѣвую сторону скитской церкви, послѣ соборнаго отпѣванія, съ архимандритомъ Пименомъ во главѣ.

Глубоко чтя память почившаго, я въ іюлѣ 1879 года посѣтилъ могилу его и за панихидой по немъ горячо помолился объ упокоеніи души того, который, ради Христа, столь доблестно пожертвовалъ собою и своею жизнію на благо страдавшей и умиравшей меньшей братіи своей.

Кн. Н. С. Голицынъ.

17 іюля 1889 г.

АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ БЕСТУЖЕВЪ.

I.

(Письмо въ Парижъ къ неизвѣстному намъ лицу).

С.-Петербургъ, 3 марта 1824 г., ночь.

Долго, любезнѣйшій Яковъ Николаевичъ, не видались мы съ вами, а это время еще долѣе намъ казалось отъ того, что рѣдко имѣли о васъ вѣсти—а отъ васъ? Ну да правда и я хорошъ—забудемъ старое и поговоримъ о настоящемъ.... о которомъ можно сказать и много и мало: я скажу, что примоню.

Лѣтомъ я выдержалъ карантинъ отъ полугорячки; въ июнѣ вступилъ въ должность къ герцогу Виртембергскому; сентябрь и октябрь проѣздилъ съ нимъ по сѣверному краю Россіи—по пріѣздѣ стрѣлялся съ ком. Рингеромъ, который волей Божію промахнулся, а я подарилъ ему патронъ. Ноябрь присѣлъ за «Звѣзду» и въ декабрѣ ее съ Рылѣвымъ спекли. При этомъ ее прилагаю: не осудите, чѣмъ были богаты, тѣмъ и рады ¹⁾, а теперь принимаюсь отбраниваться на безсмысленныя, площадныя выходки нашихъ журналистовъ. Это превосходить всякое вѣроятіе.

За моими новостями слѣдуютъ новости моихъ друзей и я скажу вамъ, что Рылѣвъ десять дней тому назадъ дрался на дуели съ княземъ Ш., офицеромъ финл. гвардіи; кн. Ш. свелъ связь съ побочною сестрою Рылѣва, у него воспитанною, и что всего хуже, осмѣлился надписывать къ ней письма на имя Рылѣвой. Сначала онъ было отказался, но когда Р. плюнулъ ему въ лицо—онъ рѣшился. Стрѣ-

¹⁾ Посылаю безъ переплета, чтобы вы могли по своему вкусу связать ее.

лялись безъ барьера. Съ перваго выстрѣла Рылѣву пробило (не разобратъ одного слова, залито чернилами) навзлетъ—но онъ хотѣлъ драться до повалу—и повѣрите ли, что на трехъ шагахъ оба раза пули встрѣчали пистолетъ противника, мы развели ихъ. Теперь онъ не опасенъ и рана его идетъ очень хорошо.

Жуковский пудрится, Воейковъ (вампиръ во всемъ смыслѣ слова) лежитъ на одрѣ недуга, разбитый лошадыми. Крыловъ написалъ 27 прелестнѣйшихъ басенъ. Пушкина Фонтанъ-Слезъ—превосходенъ; онъ пишетъ еще поэтический романъ: Оягинъ,—который, говорятъ, лучше его самого. Карамзинъ печатаетъ два послѣдніе тома. Наконецъ, Кюхельбекеръ издаетъ Альманахъ въ 4 томахъ подъ заглавіемъ Мнемозина, онъ еще не показался, а г-нъ Сленнъ и Дельвигъ издають на 25 годъ «Сѣверные Цвѣты», точно то-же, что и наша «Звѣзда»: это спекуляція промышленности. Имъ завидно, что въ три недѣли мы продали всѣ 1,500 экземпляровъ—посмотримъ удача!....

Теперь политика: Дибичъ силенъ, а Волконскій сталъ дворецкимъ безъ околичностей. Поговариваютъ о присоединеніи министерствъ къ сенату; власть Аракчеева растетъ, какъ грибокъ, и тверда какъ пирамида. Государь ввелъ новую форму одежды: ходить въ брюкахъ. Михаилъ влюбился въ свою жену. Герцогиня виртембергская вчера умерла на моемъ дежурствѣ и я видѣлъ какое дѣйствіе произвело это на людей, которыя считаютъ себя богами.... Это была поучительная картина. Въ Петербургѣ ужасная скука.

Театры несносны и одинъ только Freushoutz плѣнялъ нашу ребяческую публику. Его давали 17 разъ сряду и всегда театръ былъ полонъ.

Шаховской терзаетъ Вальтеръ-Скотта — но объ этомъ вы подробнѣе узнаете отъ Всеволожскаго.

За мой винегретъ прошу заплатить въ свой чередъ политикой и словесностью. Эти два пункта меня очень занимаютъ. Теперь закидываю вопросный крючекъ—почему гг. журналисты отказались помѣщать вашу статью объ антологіи ¹⁾. Уже не въ отмѣстку ли за проказы Поццо-ди-Борго? Что дѣлаютъ либералы и каковъ ихъ характеръ; каковъ духъ большей части французовъ? доволенъ ли народъ? Пожалуйста бросьте при вѣрномъ случаѣ нѣсколько строчекъ объ этомъ. Вы одолжите тѣмъ всѣхъ благомыслящихъ. Здѣсь же солдатство и

¹⁾ Здѣсь ее рвутъ изъ рукъ въ руки. Она очень любопытна и вамъ предстоитъ еще побранить самого С. Мор. (окончаніе слова зкрыто чернильными пятнами) за гадость его и вопреки Journal des debats. А. В.

ползанье слились въ одну черту и офицеры пустѣютъ и нязются день ото дня.

Много меня одолжите, почтеннѣйшій, если пришлете, когда можно будетъ, изданіе Парни, это желаніе Рылѣва, который здѣсь не могъ достать его ни за какія деньги. Еще, если вамъ не хочется издавать Пушкина—то продайте его намъ, мы немедля вышлемъ деньги. Онъ говорить, что Гнѣдичъ на сей разъ распустилъ ложные слухи. Ждемъ отвѣта.

Будьте здоровы, а объ удовольствіи вашемъ мы не сомнѣваемся, а произведеній вашихъ надѣмся и васъ любимъ по прежнему. Весь вашъ Александръ Бестужевъ.

Примѣчаніе. Подлинникъ на 4 стр. въ 8 д. л. мелконписанныхъ, бумага очень плохая, тонкая и чернила сильно расплылись. Съ подлиннымъ дословно вѣрно.

Сообщ. 2 іюля 1881 г. Н. К. Богушевскій.

II.

А. А. Бестужевъ—М. В. Дмитревекому.

30 мая 1837 г. (Кавказъ, берегъ Чернаго моря).

Загадочное письмо ваше, любезнѣйшій Михаилъ Васильевичъ, очень меня отуманило. Вопросъ: отъ кого оно, къ кому оно? что въ немъ? Совсѣмъ меня поставило въ тупикъ. Что бы вамъ подробно писнуть, что врутъ въ городѣ! Развѣ я или вы отвѣтчикъ за все, что вздумается праздности выдумать? Все это меня тѣмъ болѣе огорчило, что со 2-го мая изъ Тифлиса не имѣю съ почты ни одного письма. Говорять, что два какихъ-то ко мнѣ, видно въ Кутаисъ пересланныхъ, письма утоплено въ Кадорѣ, вмѣстѣ съ денежной почтою. Сумки по счастью пойманы какъ форели у самаго устья и, оказалось, что это было сочинено, должно быть редутскимъ почтмейстеромъ, вообще съ казаками, ибо денежные письма вырѣзаны и деньги взяты—хотѣли спрятать концы въ воду. Скажите это инспектору, кланяясь отъ меня. Да, ради Бога, остановите отсылку моихъ писемъ изъ Россіи въ Кутаисъ; съ чего они взяли слать туда—въ противность моего отношенія? Если увидите Кузмина, попросите его прислать вакштафу; онъ мѣсяцъ мнѣ не пишетъ и не шлетъ ничего. Садимся на корабли—некогда болѣе. Будьте успѣшны во всемъ и помните вашего Алек. Бестужева.

Письмо ваше безъ числа; лучше бы вашихъ писемъ безъ числа.

На адресѣ написано еще:

Р. S. Такъ какъ Илья Кузмичъ такъ занятъ, что не имѣетъ время писать мнѣ изъ Россіи письма, то возьмите у него сколько осталось моихъ денегъ и пришлите 2 ф. вакштафу поскорѣе. Да освѣдомляйтесь о письмахъ изъ Россіи.

Пріписка 31 іюня:

Милостивому государю, Михаилу Васильевичу Дмитревскому.
Въ Тифлисѣ.

Подлинникъ на листѣ въ 4 долю, на 2 стр. Съ подлиннымъ дословно вѣрно. Н. К. Богушевскій.

Примѣчаніе. Письмо относится къ 1837 г.; семь дней спустя Бестужевъ былъ убитъ на мысѣ Адлеръ, 7-го іюля 1837 г.; трупъ этого даровитаго, славнаго въ свое время, писателя Марлинскаго, изрубленный черкесами въ лѣсу, не былъ найденъ.

Оба приведенныя письма сообщены намъ въ 1881 году, въ копии, Николаемъ Казимировичемъ Богушевскимъ. Замѣтимъ кетати, что г. Богушевскому, нашему почтенному земляку по Псковской губерніи, гдѣ онъ владѣетъ имѣніями, принадлежало весьма обширное собраніе автографовъ. Николай Казимировичъ собралъ его въ теченіе многихъ лѣтъ съ большимъ знаніемъ дѣла и на различныхъ языкахъ. Питомецъ Оксфордскаго университета, г. Богушевскій часто и подолгу живалъ за границей, завелъ обширныя знакомства съ любителями и продавцами автографовъ и, не щадя средствъ, составилъ поистинѣ драгоценное собраніе, стоявшее до 40 т. рублей. Довольно сказать, что тутъ были автографы верховныхъ державныхъ вождей обоюго пола—Англіи, Франціи и Германіи восходя до IX и X вѣковъ включительно и безчисленное множество собственноручныхъ писемъ разныхъ государственныхъ людей, ученыхъ и писателей всѣхъ странъ и временъ. Значительная часть этого собранія сгорѣла въ домѣ г. Богушевскаго въ 1841 году, въ псковскомъ его имѣніи. Глубоко пораженный горемъ, даже захворавъ отъ него, Н. К. тѣмъ не менѣе въ послѣднее время—вновь, съ замѣчательною энергіею, сталъ собирать коллекцію автографовъ и она у него уже довольно значительна.

Ред.

ГРАФЪ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ЕВДОКИМОВЪ

1804—1873.

VIII ¹⁾.

17-го сентября 1861 года, въ самый день выѣзда государя изъ лагеря Верхне-Абадзехскаго отряда, войска отряда этого, не теряя времени, приступили къ окончанію просѣки на правомъ берегу Фарса, отъ верхнихъ частей этой рѣки къ станицѣ Нижне-Фарсской; на встрѣчу имъ, направляясь отъ названной станицы, рубили просѣку войска отряда Нижне-Абадзехскаго.

Графъ Евдокимовъ, неизмѣнно являвшійся на тѣ пункты, гдѣ считалъ свое личное наблюденіе необходимымъ и гдѣ работамъ войскъ онъ придавалъ особенно важное значеніе, 12-го октября снова прибылъ въ лагерь Верхне-Абадзехскаго отряда. Такъ какъ просѣка оказалась уже оконченною, то, произведя рекогносцировку праваго берега Фарса и выбравъ мѣста для новыхъ станицъ, онъ оставилъ на этой рѣкѣ, подъ начальствомъ генераль-маіора Тихоцкаго, 9 баталіоновъ, для уширенія и расчистки проложеннаго пути, а остальные войска отряда направилъ въ укрѣпленіе Майкопъ.

Въ продолженіе всего времени производства работъ, мѣстное населеніе держалось совершенно спокойно; а потому, чтобы

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1883 г., томъ LVIII, апрѣль, стр. 143—162; т. LIX, октябрь, стр. 169—202; изд. 1839 г., т. LXI, мартъ, стр. 479—506; т. LXII, май, стр. 357—387; июнь, стр. 641—660; томъ LXIII, июль стр. 81—100; августъ, стр. 337—420.

не нарушить столь удобнаго для насъ положенія дѣлъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдержатъ данное абадзехскимъ старшинамъ обѣщаніе: впредь до окончанія переговоровъ, не переходить на лѣвый берегъ Фарса, — гр. Евдокимовъ приказалъ генералу Тихоцкому заниматься указанными работами исключительно на правой сторонѣ рѣки.

По прибытіи, 14-го октября 1861 г., въ Майкопъ, Николай Ивановичъ собралъ тамъ отрядъ силою въ 12 баталіоновъ и на другой-же день, съ частію этихъ войскъ, произвелъ рекогносцировку внизъ по Бѣлой. Тутъ же, въ Майкопѣ, явились къ нему старшины туземныхъ обществъ, жившихъ по названной рѣкѣ, и просили его высказаться окончательно относительно рѣшенія ихъ участи. Отвѣтъ графа былъ ясенъ и категориченъ: онъ объявилъ старшинамъ, что, согласно волѣ государя императора, будетъ въ ихъ странѣ прокладывать дороги, просѣки и строить станицы, гдѣ укажетъ надобность; но что при этомъ — тоже согласно высочайшей волѣ — онъ не будетъ трогать ни ихъ жилищъ, ни ихъ имущества, если только они будутъ оставаться спокойными и терпѣливо ожидать распоряженій начальства относительно устройства ихъ быта; въ противномъ же случаѣ, онъ вынужденъ будетъ дѣйствовать оружіемъ, — отъ чего они ничего хорошаго для себя не могутъ ожидать.

Еще за нѣсколько дней передъ тѣмъ, депутаты отъ абадзехскаго, шапсугскаго и убыхскаго племенъ, собиравшіеся то на р. Псекупсѣ, то на р. Курджинсѣ, заявляли гр. Евдокимову желаніе повидаться съ нимъ, для переговоровъ о готовящейся ихъ народу участи; но затѣмъ, подъ предлогомъ, что къ нимъ пріѣхало какое-то вліятельное лицо изъ убыхской земли, они стали просить, чтобы имъ было дано время для новыхъ совѣщаній и чтобы, до окончанія оныхъ, русскія войска не предпринимали наступательныхъ движеній изъ Майкопа. Такъ какъ очевидно было, что депутаты хлопчатъ лишь о выигрышѣ времени, то графъ отвѣчалъ имъ, что переговоры могутъ идти своимъ чередомъ, а военныя дѣйствія своимъ, и что онъ будетъ ожидать депутатовъ только до 17-го числа, а затѣмъ уѣдетъ въ Ставрополь.

Наканунѣ этого дня (т. е. 16-го числа), гр. Евдокимовъ, со всѣми войсками Нижне-Абадзехскаго отряда, предпринялъ дви-

женіе вверхъ по Бѣлой, для рекогносцировки Майкопскаго ущелья. Этою рекогносцировкой были опредѣлены мѣста для постовъ и пикетовъ новой Бѣлорѣченской линіи, избрано направление дороги по правому берегу рѣки и назначено мѣсто для одной станицы.

По возвращеніи графа въ Майкопъ, явились туда, наконецъ, и черкесскіе депутаты. Они услышали то же, что накануне было сказано абадзехскимъ старшинамъ; при этомъ, Николай Ивановичъ далъ имъ совѣтъ, оказывать послушаніе русскому начальству и согласовать свое поведеніе съ его требованіями; въ заключеніе, онъ объявилъ, что на какое-либо измѣненіе въ планѣ подчиненія ихъ нашей власти они рассчитывать не должны, потому что въ теченіи 70-ти лѣтъ сами научили насъ не довѣрять ихъ словамъ и сами указали на необходимость принять инныя мѣры для упроченія ихъ покорности.

Депутатамъ ничего не оставалось болѣе, какъ проглотить эту горькую пилюлю и сознаться въ правильности сдѣланныхъ имъ упрековъ. Завѣряя, что постараются удержать свои племена отъ какихъ-либо опрометчивыхъ дѣйствій, они, однако, уклонились отъ какихъ-либо положительныхъ обѣщаній, подъ предлогомъ, что не имѣютъ на то полномочія и что поэтому не могутъ ручаться за мнѣніе народа.

Въ заключеніе аудіенціи, абадзехскіе депутаты просили, какъ милости, возвратить взятыхъ отъ ихъ народа, въ 1859 году, аманатовъ. На эту просьбу ихъ Николай Ивановичъ изъявилъ согласіе, зная по опыту, что аманаты причиняли, вообще, только излишній расходъ казнѣ, ничуть не обезпечивая покорности тѣхъ племенъ, которыя ихъ выдавали. При этомъ онъ, однако, не преминулъ сдѣлать абадзехамъ внушеніе, какъ высоко должны они цѣнить довѣріе, оказываемое имъ.

Такимъ образомъ, до глубокой осени 1861 года, въ отношеніяхъ нашихъ съ абадзехами продолжала господствовать прежняя цеопредѣленность. Нижне-абадзехскія (сѣверныя) общества, находившіяся подъ непосредственною угрозою нашихъ ударовъ, показывали, конечно, болѣе склонности къ миролюбивымъ сдѣлкамъ; напротивъ того, общества верхне-абадзехскія (южныя) соприкасавшіяся къ убыхамъ и жившія въ мѣстахъ малодоступныхъ, проникнуты были воинственнымъ настроеніемъ. Такое

положеніе дѣлъ не могло долго тянуться. Горцы все болѣе и болѣе должны были проникаться сознаніемъ, что участь ихъ рѣшена безповоротно, что переговоры не ведутъ ни къ чему; а потому слѣдовало ожидать, что они рѣшатся на послѣднюю попытку, отстоять свою землю и всю независимость оружіемъ — а что, какъ мы знаемъ, не было недостатка и въ подстрекательствахъ извнѣ.

Вскорѣ, симптомы этой рѣшимости дѣйствительно стали обнаруживаться. Уже около середины ноября, противъ войскъ Нижне-Абадзехскаго отряда, рубившихъ лѣсъ на берегу рѣки Фюнфтъ. горцы начали враждебныя дѣйствія, — сначала, впрочемъ, не въ очень значительныхъ размѣрахъ; но, по получаемымъ отъ лазутчиковъ свѣдѣніямъ, вооруженные сборы абадзеховъ постепенно увеличивались, и они окончательно рѣшились поднять противъ насъ оружіе одновременно съ разныхъ сторонъ.

„Такимъ образомъ — писалъ гр. Евдокимовъ — старанія мои удержать абадзеховъ въ мирныхъ къ намъ отношеніяхъ не повели къ желаннымъ результатамъ. Въ послѣднее время я нѣсколько разъ писалъ къ старшинамъ народа, убѣждая ихъ принять дѣятельныя мѣры къ прекращенію слишкомъ часто происходящихъ хищничествъ около нашихъ передовыхъ станицъ и даже между Лабою и Кубанью, и хотя старшины, въ отвѣтахъ на мои воззванія и выражали полную готовность преслѣдовать нарушителей спокойствія и всячески укрощать буйныхъ людей между ними, но, какъ видно, молодежь успѣла заглушить совѣты стариковъ, примирившихся съ пребываніемъ въ ихъ землѣ нашихъ войскъ и съ производимыми тамъ нами работами, и составила значительную партію, для дѣйствія противъ насъ оружіемъ“ ¹⁾.

Враждебныя предпріятія абадзеховъ постепенно стали принимать все болѣе и болѣе крупныя размѣры. 24-го ноября, скопище непріятельское, силою до 1,000 чел., предпріяло нападеніе на Нижне-Лабинскую станицу, и повела свою атаку съ замѣчательною отвагою. Бой, въ теченія котораго горцы три раза лѣзли на штурмъ ставичной ограды, продолжался съ 6-ти часовъ утра до полудня и прекратился лишь съ прибытіемъ под-

¹⁾ Воспоминаній архивъ, отд. II, № 6615.

крѣпленій съ сосѣднихъ постовъ, заставившимъ противника обратиться въ бѣгство.

Съ этихъ поръ, враждебныя попытки какъ противъ Нижне-Абадзехскаго, такъ и противъ Верхне-Абадзехскаго отрядовъ стали повторяться почти непрерывно. Отношенія къ намъ абадзеховъ окончательно опредѣлились. Политика уступки мѣсто оружію.

Вѣсти о начавшихся съ этимъ племенемъ столкновеніяхъ сейчасъ же донеслись—неофициальными путями—до Тифлиса и, какъ водится, возбудили тамъ много толковъ и кривотолковъ. По этому поводу, начальникъ штаба кавказской арміи писалъ гр. Евдокимову:

„Слухи о начавшихся у васъ военныхъ дѣйствіяхъ прилетѣли сюда за нѣсколько дней до полученія военнаго журнала, и публика теперь тѣшится изобрѣтеніемъ всякаго рода подробностей и варіацій на эту тему. Я ожидаю только слѣдующаго журнала, который, вѣроятно, болѣе разъяснитъ настоящее положеніе дѣлъ, чтобы напечатать въ газетѣ „Кавказъ“ статью, которая успокоила-бы толки. Признаюсь, я не ожидалъ, чтобы абадзехи теперъ начали войну. Я все думалъ, что они выдержатъ до весны. Теперъ же, если только начальники вашихъ отрядовъ не упустятъ случая, можно будетъ дать имъ почувствовать, что война имѣетъ свои непріятности. — Я отчасти доволенъ, что война эта началась, и теперъ уже нельзя повернуть дѣло иначе, какъ оно было задумано вами. Вы не повѣрите, сколько здѣсь, и даже въ Петербургѣ, нашлось философовъ, которые, даже послѣ рѣшенія государя, старались доказывать какую-то пользу, если-бы предложенія депутатовъ были приняты. По временамъ мнѣ даже становилось страшно, что эта мысль можетъ взять верхъ и испортить все дѣло“¹⁾.

Передъ самымъ концомъ 1861-го года, а именно 15-го декабря, гр. Евдокимовъ прибылъ къ войскамъ Нижне-Абадзехскаго отряда, расположеннымъ на Бѣлой, около такъ называемаго Ханскаго брода, гдѣ и убѣдился, что возложенныя на нихъ работы (по устройству станичной ограды, приготовленію мостовыхъ сооружений, вырубкѣ лѣса) уже достаточно подвинулись впередъ.

¹⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 54. Изъ письма ген.-лейт. А. П. Карцова, отъ 15-го декабря 1861 г.

Имѣя въ виду необходимость скорѣйшаго устройства сообщенія укрѣпленія Хамкеты съ мѣстомъ расположенія Верхне-Абадзехскаго отряда, на устьѣ р. Фюнфтъ (а чрезъ это—и съ Майкопомъ), онъ направилъ къ этой рѣкѣ значительнѣйшую часть Нижне-Абадзехскаго отряда, оставивъ у Ханскаго брода лишь небольшое количество войскъ, для довершенія начатыхъ работъ. Самъ графъ тоже отправился на р. Фюнфтъ, а оттуда, съ частью войскъ Верхне-Абадзехскаго отряда, двинулся черезъ р. Фарсъ, въ Хамкеты. Переходъ этотъ совершался войсками въ снѣгу по колѣно, при морозѣ около 25° ¹⁾).

Результатомъ дѣйствій и работъ нашихъ войскъ въ Закубань, въ теченіи 1861 г., было водвореніе одиннадцати новыхъ станицъ ²⁾, число переселенцевъ въ которыхъ доходило почти до 1.930 человекъ. Лѣтомъ того же года, изъ станицъ Кужорской и Нижне-Фарсской и постовъ, устроенныхъ на прямомъ сообщеніи Лабинской станицы съ Майкопомъ, образована новая Абадзехская кордонная линія, для занятія коей назначено 6 казачьихъ сотенъ, кромѣ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ резервовъ, располагавшихся на линіи по мѣрѣ дѣйствительной въ томъ надобности. Затѣмъ, въ теченіи осени, въ районѣ Натухайскаго округа и на пространствѣ между Бѣлою и Лабою возведены ограды для нѣсколькихъ предположенныхъ станицъ и промежуточные между ними посты. Наконецъ, въ разныхъ занятыхъ нами мѣстахъ Закубани устроены болѣе или менѣе удобныя дороги ³⁾).

Къ началу 1862 года мы уже довольно прочно утвердились на Бѣлой и пріобрѣли надежное основаніе для дальнѣйшихъ операцій въ западномъ направленіи. Ближайшимъ изъ намѣченныхъ для колонизаціи участковъ являлась лѣсистая полоса земли между рѣками: Бѣлою и Пшехою. Движеніемъ туда слѣдовало торопиться пока деревья еще не одѣлись зеленью. Въ виду сего, гр. Евдокимовъ, уже къ 20-му февраля, собралъ около Ханскаго

¹⁾ Кавказскій Сборникъ, т. V, стр. 363.

²⁾ Усть-Джегутинская, Верхне-Николаевская, Калоджинская, Ахметовская, Пееменская, Аядрюкская, Переправная, Губская, Промежуточная, Нижне-Фарсская и Кужорская.—Воен. Уч. Архивъ, отд. II, № 6615.

³⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 25.—Воен.-уч. архивъ, отд. II, № 6615.

брота отрядъ въ 17 баталіоновъ, 10 эскадроновъ драгунъ и 12 казачьихъ сотенъ, при 20-ти орудіяхъ. Для отвлеченія вниманія абадзеховъ отъ избраннаго нами пункта переправы, распускаемы были ложные слухи, а за-лабинскій отрядъ производилъ демонстративныя движенія по разнымъ направленіямъ ¹⁾.

Съ подобною же цѣлью, т. е. для развлеченія вниманія противника, былъ еще за мѣсяць до того (10-го января) собранъ другой отрядъ у поста Константиновскаго, на Кубани. Отрядъ этотъ, состоявшій изъ 11-ти ротъ и 2-хъ казачьихъ сотенъ, при 4-хъ орудіяхъ, ввѣренъ былъ начальству полковника Левашева и, кромѣ вышеупомянутой цѣли, имѣлъ назначеніемъ прикрывать участокъ нашей линіи по Кубани, между Екатеринодаромъ и Усть-Лабою, на который хищническія партіи все еще продолжали дѣлать набѣги.

Въ присутствіи самого гр. Евдокимова и согласно отданной имъ диспозиціи, собранныя у Ханскаго брода войска, въ ночь

¹⁾ Интересенъ разсказъ одного изъ молодыхъ офицеровъ о командировкѣ, данной ему графомъ передъ занятіемъ Ханскаго брода. Зоветь его однажды графъ Евдокимовъ вечеромъ и говоритъ: «пріѣзжайте, почтениѣйшій, завтра ко мнѣ на курьерской тройкѣ въ 6 часовъ утра». Пріѣхавъ на курьерскихъ юный воинъ Николай Ивановичъ уже сидитъ за своимъ столомъ и работаетъ. Привѣтливо встрѣтивъ офицера и посадивъ его противъ себя, онъ повелъ такую рѣчь: «Вы, почтениѣйшій, учились и хорошо знаете, что успѣхъ военныхъ операцій много зависитъ отъ тайны задуманнаго предпріятія и отъ быстроты исполненія. Я нахожу своевременнымъ начать операціи за Бѣлою, съ форсированіемъ переправы у Ханскаго брода. Вы посылаетесь мною передать словесно начальникамъ отрядовъ приказанія и отвести назадъ нѣкоторыя части войскъ, показывая тѣмъ мое намѣреніе начать подготовку занятія даховскаго общества. Объ этомъ моемъ намѣреніи идти въ Дахо разсказывайте всѣмъ, своимъ и мирнымъ горцамъ, вашимъ пріятелямъ, предупреждая, что это большой секретъ; объ истинномъ же моемъ намѣреніи, идти на Ханскій бродъ, не говорите рѣшительно никому, даже начальнику Лабинскаго округа, нянчынскаго вая, когда вы были ребенкомъ. По прибытіи въ Майкопъ, отправьтесь немедленно въ отрядъ полковника Горшкова, передайте ему мое истинное намѣреніе и скажите, чтобы перевелъ часть отряда въ Майкопъ, (откуда недалеко до Ханскаго брода), какъ бы для обмундировки, а сами, съ тремя баталіонами его отряда, перейдите отъ Каменнаго моста, по р. Фюнфту, на урочище Унакасъ, въ отрядъ полковника Геймана, какъ усиленіе для экспедиціи въ Дахо. Скажите ему, чтобы началъ рубить просѣку на это общество, и что я пріѣду къ нему для вступленія въ Даховскую долину». Такая маскировка дала поразительные результаты, ибо въ то время, когда главныя непріятельскія силы сторожили проходы къ Дахо, Ханскій бродъ занятъ былъ безъ выстрѣла. (Изъ воспоминаній офицера генеральнаго штаба, состоявшаго при гр. Евдокимовѣ).

И. О.

25

на 26-е февраля 1862-го г., переправились чрезъ Бѣлую и двинулись къ Пшехѣ, рубя просѣки и устраивая дороги ¹⁾. Хотя туземцы держались при этомъ далеко не пассивно, а войскамъ пришлось имѣть иногда довольно серьезныя съ ними схватки ²⁾, тѣмъ не менѣе, по прошествіи двухъ недѣль, свободный доступъ къ Пшехѣ, т. е. въ самый центръ ниже-абадзехскаго населе-

¹⁾ Еще до форсированія переправы у Ханскаго брода, за время условнаго мира съ абадзехами, намъ удалось перекинуть въ томъ мѣстѣ мостъ на сваяхъ, оберегавшійся карауломъ. Описываемая переправа происходила зимою; Бѣлая была покрыта льдомъ; но не успѣли еще всѣ войска переправиться, какъ въ горахъ полилъ дождь; рѣка вспучилась и, нанося льдины на мостъ, срѣзала его какъ бритвою. Переправившіяся части остались совершенно изолированными и, главное, безъ продовольствія. Положеніе казалось критическимъ; всѣ поникли головами. Графъ стоялъ на правомъ берегу, всматриваясь въ несущійся бѣшенный потокъ, а на противоположной сторонѣ стоялъ полковникъ Йогель (инженеръ путей сообщенія, завѣдывавшій военными дорогами и постройками въ Кубанской области) и что-то кричалъ графу, отчаянно жестикулируя руками. Долго не замѣчалъ Николай Ивановичъ этого симпатичнаго, всѣми любимаго инженера-воина; когда же замѣтилъ его жестикулирующую безпомощность, расхохотался и сталъ ходить вдоль берега, насвистывая какую-то народную пѣсенку. Около двухъ часовъ спустя послѣ катастрофы съ мостомъ, потребовалъ онъ состоявшаго при немъ молодаго офицера генеральнаго штаба и говорить ему: «выручайте насъ теперь, почтеннѣйшій, по вашимъ фортификаціоннымъ правиламъ, стройте намъ на бушующемъ горномъ потокѣ мосты, которые пригожи для Невы-рѣки». Поговоривъ такимъ шутивымъ тономъ, графъ продолжалъ: «сходите вы, почтеннѣйшій, къ мосту; тамъ есть землянка и въ ней найдете вы русскихъ мужичковъ-плотниковъ; поддержите съ ними совѣтъ, какъ устроить намъ новую переправу, а между тѣмъ напишите въ Майкопъ и на Лабу, чтобы немедленно были собраны всѣ каюки (лодки) и доставлены сюда». Приступили плотники къ муравьиной работѣ, и къ вечеру уже оказалась возможность перевозить черезъ рѣку, на устроенныхъ ими маленькихъ паромчикахъ, по 5- 10 четвертей сухарей. Перевозка была далеко не легкая, такъ какъ приходилось бороться съ несущимися на рѣкѣ льдинами и карчами. Ночью, тѣми же работниками, при помощи солдатъ, сваены были дѣвственныя деревья, составлены изъ нихъ гигантскіе козлы, а еще черезъ сутки на козлахъ лежала настилка и по новому мосту возстановилось правильное и безостановочное сообщеніе. (Изъ воспоминаній офицера генеральнаго штаба, состоявшаго при гр. Евдокимовѣ).

²⁾ Замѣтимъ здѣсь, мимоходомъ, что во все продолженіе военныхъ операцій въ Кубанской области, различные отряды наши имѣли множество схватокъ и серьезныхъ дѣлъ, въ которыхъ высокія достоинства кавказскихъ войскъ выказывались въ своемъ стародавнемъ блескѣ; но описаніе всѣхъ подобныхъ дѣлъ вывело бы насъ слишкомъ далеко изъ рамокъ біографіи. Поэтому мы ограничиваемся болѣе подробнымъ разсказомъ лишь о тѣхъ боевыхъ трудахъ и подвигахъ нашихъ закубанскихъ героевъ, въ которыхъ гр. Евдокимовъ принималъ личное, непосредственное участіе.

И. О.

нія, былъ открытъ и дорога туда устроена настолько удобная, что допускала движеніе по ней во всякое время года.

Чтобы лучше обезпечить спокойное водвореніе ожидаемыхъ къ веснѣ переселенцевъ, гр. Евдокимовъ, одновременно съ движеніемъ войскъ на Пшеху, послалъ приказаніе оставшимся еще между Бѣлою и Лабою туземцамъ немедленно оставить свои жилища и перебраться на при-кубанскую плоскость, въ указанныя имъ для поселенія мѣста. Такъ какъ черкесы приказанія этого не послушались и не оставляли своихъ ауловъ, то пришлось выживать ихъ силою. Войска, окончившія съ проложеніемъ пути къ Пшехѣ, теперь употреблены были для очищенія всего пространства между обѣими вышеназванными рѣками. Дѣло это было завершено въ теченіи 20-ти дней (съ 8-го по 29-е марта), частью безъ выстрѣла, частью при кровавыхъ схваткахъ. Уничтожено было болѣе 90 ауловъ, жители коихъ большею частию ушли за Бѣлую.

Около этого времени, гр. Евдокимовъ захворалъ и повидимому довольно серьезно, такъ что просилъ даже объ отпускѣ въ Пятигорскъ, для лѣченія. Въ причинахъ къ разстройству здоровья недостатка не было: непрерывные труды по сложной администраціи края (гдѣ многое и многое приходилось создавать за-ново) перемежались не менѣе утомительными для 58-ми лѣтняго, изнуреннаго прежнею непрерывною боевою дѣятельностью, человѣка, походами въ глубь первобытной страны, гдѣ приходилось отказываться отъ самыхъ обыкновенныхъ удобствъ въ жизни. Все это усугублялось сознаніемъ лежащей на плечахъ его отвѣтственности и не могло не отражаться на организмѣ разрушительнымъ образомъ. Кромѣ того, недомоганію графа, вѣроятно, способствовали и всякаго рода нравственныя причины, какъ напр. противодѣйствія его планамъ и соображеніямъ, нерѣдко исходившія изъ такихъ сферъ, съ которыми нельзя было не считаться. Недоброжелателей и завистниковъ у него, какъ мы знаемъ, было достаточно, и они, конечно, старались выставить всѣ его дѣйствія въ невыгодномъ свѣтѣ; но были люди изъ высшихъ сановниковъ, которые, не питая личной вражды къ Николаю Ивановичу, просто расходились съ нимъ во мнѣніяхъ и совершенно искренне сомнѣвались въ осуществимости его плановъ. Со всѣми ими приходилось вступать въ пререканія;

а этимъ тормозился ходъ великаго дѣла, скорымъ окончаніемъ коего такъ дорожили всѣ люди, сердцу которыхъ были близки государственные интересы Россіи.

Къ числу подобныхъ, возбуждавшихъ пререканія, вопросовъ принадлежало, напр., дѣло о заселеніи восточнаго берега Чернаго моря азовскими казаками, встрѣтившее оппозицію со стороны новороссійскаго генераль-губернатора, графа Строгонова, и вызвавшее особое письмо къ военному министру отъ генеральнаго штаба генераль-маіора Карлгофа, повидимому считавшагося знаткомъ кавказскихъ дѣлъ. Письмо это, посланное затѣмъ начальнику штаба Кавказской арміи, отправлено было имъ для соображеній гр. Евдокимову. Послѣдній не замедлил отвѣтить на него и отвѣтить довольно рѣзкимъ тономъ, выказывающимъ, до какой степени раздражали его всѣ подобныя противорѣчія ¹⁾.

Лица, стоявшія близко къ дѣлу, князь Орбеліани и генер.-лейтенантъ Карцовъ, должно полагать, лучше понимали, что вопросъ о прочномъ водвореніи русской власти на западномъ Кавказѣ никому лучше не извѣстенъ, какъ Николаю Ивановичу, и никѣмъ удовлетворительнѣе не можетъ быть разрѣшенъ, какъ имъ самимъ. Понятно, что болѣзнь графа, въ такой серьезный моментъ его дѣятельности, не могла не встревожить ихъ. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ ген.-лейт. Карцовъ въ письмѣ своемъ графу отъ 4-го апрѣля 1862-го г.

„Извѣстіе о вашей болѣзни очень огорчило командующаго армію, особенно когда онъ узналъ, что вы даже не встаете съ постели. Надѣюсь, однако же, что болѣзнь ваша не имѣетъ опаснаго направленія и не будетъ продолжительна. Вашему сіятельству уже извѣстна переписка командующаго армію съ графомъ Строгоновымъ по поводу переселенія азовскихъ казаковъ. Теперь командующій армію получилъ отъ военнаго министра отношеніе, копію съ котораго считаю обязанностію препроводить вамъ. Изъ всего этого видно, что гр. Строгоновъ очень встревожилъ Петербургъ. вмѣсто того, чтобы прислать къ вамъ кого либо изъ довѣренныхъ лицъ и узнать все дѣло обстоятельно,

¹⁾ См. прилож. № 1: письмо ген. Карлгофа, отъ 13-го марта, и отвѣтъ гр. Евдокимова, отъ 14-го апрѣля.

онъ отправилъ состоящаго при немъ полковника Домбровскаго объявлять казакамъ льготы, которыхъ самъ не зналъ. Казаки насажали Домбровскому, что на Кавказѣ только камень и хлѣба не родить, а тотъ этому повѣрилъ. Все это подтверждаетъ необходимость допустить казаковъ осмотрѣть ту мѣстность, которую ваше с—во предназначаете для ихъ водворенія въ 1863-мъ году. Если начальство ихъ вѣрить сказкамъ объ опасностяхъ и безплодіи Кавказа, то казаки еще болѣе должны бояться этого» ¹⁾.

Затѣмъ, въ письмѣ гр. Евдокимову, отъ 17-го апрѣля, ген.-лейтен. Карцовъ пишетъ слѣдующее:

„Письмо ваше отъ 11-го числа я докладывалъ командующему арміею: князь Григорій Дмитріевичъ не находитъ никакого препятствія къ тому, чтобы ваше с—во пользовались отъ болѣзней въ Пятигорскѣ и предоставляетъ совершенно вашему усмотрѣнію какъ время для начатія лѣченія, такъ и продолжительность его, надѣясь, однако же, что вы не откажетесь и во время пользованія вашего наблюдать и руководить, по крайней мѣрѣ, важнѣйшими дѣлами въ Кубанской области, и что все въ ней будетъ дѣлаться отъ вашего имени и по вашему указанію; однимъ словомъ, князю было бы очень тяжело, если бы вы потребовали официального отпуска....“.

„Съ нетерпѣніемъ и любопытствомъ ожидаю я результата предпріятія вашего с—ва противъ даховцевъ—этихъ таинственныхъ и нетронутыхъ грабителей, о которыхъ столько противоположныхъ рассказовъ ходитъ здѣсь. Тайну Каменнаго моста ²⁾ вы уже разоблачили; авось и это исполнится такъ же успѣшно. Хотѣлось бы, въ отчетѣ, который приказано представить вмѣстѣ съ предположеніемъ, показать правый берегъ Бѣлой нашимъ, отъ самаго истока ея“ ³⁾.

Упомянуемое въ этомъ письмѣ предпріятіе противъ даховцевъ, т. е. обывателей котловины Дахо, лежащей въ крайнихъ

¹⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 54, изъ письма ген.-лейт. Карцова, отъ 4-го апрѣля 1862 г.

²⁾ Такъ называлось мѣсто въ ущельѣ верховья р. Бѣлой, гдѣ обрамляющіе ее утесы сходятся между собою настолько, что образуютъ естественный мостъ.

³⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 54.

верховьяхъ Бѣлой, между главными хребтами и грядою Черныхъ горъ ¹⁾, предпріятіе это играло чрезвычайно важную роль въ дальнѣйшихъ планахъ гр. Евдокимова, такъ что онъ рѣшился, едва нѣсколько оправившись отъ болѣзни, принять въ задуманной экспедиціи личное участіе.

Покореніе долины Дахо представляло намъ слѣдующія выгоды:

1) Закачивалась подготовка колонизаціи по р.р. Псефиру, Фарсу, Бѣлой, и крайніе предѣлы этой колонизаціи, равно какъ и вновь устраиваемыя линіи: Фарсская и Бѣлорѣченская, такъ сказать, упирались въ горы.

2) Даховская долина, прочно замыкая съ фланга Бѣлорѣченскую линію, владѣла всѣми горными проходами по Большой и Малой Лабѣ, черезъ которые постоянно пробирались къ намъ хищническія партіи.

3) Занятіе Даховской долины доставляло намъ готовый базисъ для дѣйствій противъ горныхъ котловинъ, лежащихъ за Бѣлою, и устраняло необходимость пробиваться съ сѣвера черезъ горные хребты, прикрывавшіе другія, враждебныя намъ, общества.

Наконецъ, самымъ существеннымъ результатомъ успѣшнаго выполненія своего плана гр. Евдокимовъ считалъ то, что съ упроченіемъ линіи Бѣлорѣченской открывалась бы намъ возможность уменьшить резервы въ заднихъ станицахъ Лабинскаго округа и сосредоточить главную оборону занятаго края на одной линіи.

Въ виду важности задуманнаго предпріятія, собранъ былъ для его выполненія сильный отрядъ, въ составѣ 16½ баталіоновъ, 2 эскадроновъ драгунъ, 5 сотенъ казаковъ и 10 орудій.

25-го апрѣля 1862 г., войска эти сосредоточились въ станицѣ Царской, а вечеромъ того же дня самъ графъ прибылъ къ нимъ.

¹⁾ Вотъ что пишетъ въ своихъ замѣткахъ одинъ изъ состоявшихъ при графѣ офицеровъ генер. штаба: «Даховская котловина это былъ безусловно стратегическій ключъ восточной (Абадзехской) половины закубанскаго пространства, могучая крѣпость-лагерь страны, плацдармъ круныхъ черкесскихъ сборищъ, условливавшихся о массовыхъ нападеніяхъ. Съ паденіемъ Дахо дѣла потекла какъ по маслу, на сѣверномъ склонѣ, и подготовилось паденіе склона южнаго, достигнутое пустыми сравнительно жертвами, если сопоставить для сравненія время покоренія съ временемъ тяжелой жизни и пассивной, безплодной и безцѣльной работы бывшей Черноморской береговой линіи.

Согласно обычной своей тактикѣ, онъ принялъ мѣры для размеченія вниманія непріятеля и для сего приказалъ полковнику Горшкову, съ отрядомъ въ 4 баталіона и 2 сотни, при 2-хъ орудіяхъ, перейти на правый берегъ Бѣлой и демонстрировать по направленію къ р. Курджипсь.

26-го апрѣля, главный отрядъ, подъ личнымъ начальствомъ гр. Евдокимова, двинулся по дорогѣ, еще въ мартѣ разработанной отрядомъ полк. Геймана, и, прибывъ, къ урочищу Унакась, расположился тамъ лагеремъ. Движеніе это скоро привлекло на себя вниманіе горцевъ, партіи которыхъ стали собираться вокругъ нашего лагернаго расположенія и занимать лежавшія впереди ущелья и высоты.

Три пути открывались отъ урочища Унакась въ котловину Дахо: 1) средній, самый удобный—по ущелью рѣчки Жешуко, 2) восточный, черезъ лѣсистый гребень Черныхъ горъ, и 3) западный, черезъ скалистый хребетъ тѣхъ же горъ, тоже покрытый вѣковымъ лѣсомъ. Этотъ послѣдній путь представлялъ столько естественныхъ препятствій, что непріятель, убѣжденный въ его недоступности, не озаботился надлежащимъ занятіемъ онаго ¹⁾. По этой причинѣ гр. Евдокимовъ на немъ и остановилъ свой выборъ для предстоявшаго наступленія. Онъ рѣшился воспользоваться этимъ путемъ, дабы затѣмъ, избѣгнувъ большихъ потерь, спуститься въ тылъ лѣсистаго ущелья Жешуко и проложить тамъ удобную повозочную дорогу.

Не раскрывая сразу своего намѣренія, графъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ наступать въ долину Дахо восточнымъ путемъ и, въ самый день прибытія на урочище Унакась, двинулъ по сказанному направленію 6 баталіоновъ, подъ начальствомъ полковника Геймана, который безъ выстрѣла, одними штыками, выбилъ горцевъ изъ лѣса, дошелъ по ихъ пятамъ до самаго спуска въ Даховскую котловину и тогда только открылъ огонь. Николай Ивановичъ немедленно прибылъ на занятую Гейманомъ позицію, но, осмотрѣвъ спуски оттуда, пришелъ къ убѣжденію, что они представляютъ непріятелю слишкомъ много шансовъ нанести

¹⁾ „Пути эти и мѣстность, по которымъ они проходили (говорить въ своихъ замѣткахъ вышепомянутый офицеръ генеральнаго штаба), такъ серьезны, такъ грозны, что передъ ними блѣднѣли даже лѣсистыя твердыни Аргунскаго ущелья“.

намъ чувствительный урокъ и что движеніе по нимъ не приведетъ къ рѣшительнымъ результатамъ. Вслѣдствіе сего, оставшись при прежнемъ рѣшеніи, онъ, на слѣдующій же день (27-го), еще до разсвѣта, направилъ изъ главнаго лагеря 4 баталіона на вышепомянутый западный гребень. Колонна эта, предводимая полк. Гейманомъ, безъ выстрѣла заняла покрывавшую высоты полосу лѣса, въ 3 версты шириною; головная же часть колонны добралась до одной изъ горныхъ тропъ, спускавшихся по скалистымъ уступамъ въ котловину Дахо.

Хотя на всемъ протяженіи занятаго нами, по скалистому гребню, пространства немедленно началась рубка лѣса, однако, непріятель, убѣжденный въ невозможности спуститься оттуда и, очевидно, считавшій наши движенія тамъ лишь за демонстрацію, сначала не трогался съ занимаемыхъ имъ позицій въ ущельѣ Жешуко и на восточномъ пути, который даже преградилъ завалами. Только около полудня, партіи горцевъ стали перебираться на западный хребетъ и завязали перестрѣлку; но уже къ 3-мъ часамъ, понесся значительныя потери отъ мѣткого огня нашихъ стрѣлковъ, онѣ прекратили дѣло. Колонна же Геймана, вырубивъ просѣку въ 3 в. длины и шаговъ 200 - 300 ширины, къ вечеру возвратилась въ главный лагерь.

Слѣдующій день назначенъ былъ для расширенія начатой просѣки и подготовки спуска въ Дахо. Для выполненія этого предпріятія послана была колонна силою въ 8^{1/2} баталіоновъ при 4-хъ горныхъ орудіяхъ, ввѣренная опять начальству полк. Геймана, въ энергіи и распорядительности коего гр. Евдокимовъ неоднократно имѣлъ случай убѣдиться.

Въ этотъ день дѣло обошлось не такъ просто, какъ какому-нибудь. Лѣсъ оказался занятымъ многочисленными толпами горцевъ, пришедшими изъ-за Бѣлой на помощь даховцамъ. Не довольствуясь горячею перестрѣлкою, непріятель отваживался иногда и на атаки холоднымъ оружіемъ; но, наконецъ, опрокинутый на всѣхъ пунктахъ, онъ былъ вытѣсненъ изъ лѣса и сброшенъ въ кручу.

Гр. Евдокимовъ, съ утра прибывшій къ колоннѣ Геймана, попалъ въ самый жаркій огонь и, сидя на огромномъ сваленномъ деревѣ, спокойно наблюдалъ за ходомъ боя, не обращая вниманія на свиставшія вокругъ него пули. По удаленіи непріа-

теля, онъ успѣлъ осмотрѣть весь скалистый гребень, съ сѣвера опоясывающій Даховскую котловину, и для спуска въ нее выбралъ среднюю изъ ведущихъ туда тропь. Эта тропа, шедшая по расщелинѣ одного изъ утесовъ, представлялась столь недоступною для движенія войскъ, что оставлена была противникомъ почти безъ всякаго наблюденія.

29-го апрѣля, графъ, оставивъ небольшой отрядъ для охраны укрѣпленнаго лагеря на Унакосѣ, самъ съ остальными войсками двинулся, по проложенной просѣлкѣ, къ перевалу черезъ скалистый гребень. Авангардъ, прибывъ туда двумя часами ранѣ главныхъ силъ, приступилъ къ огражденію избранной тропы засѣками, по обѣимъ ея сторонамъ. Въ то же время вниманіе противника было отвлекаемо демонстраціями на другомъ, отдаленномъ оттуда спускѣ, у котораго еще наканунѣ, при снятіи войскъ съ рубки лѣса, оставлено было два баталіона въ особомъ, устроенномъ тамъ, редутѣ.

Въ 4 часа пополудни засѣки были окончены и заняты однимъ баталіономъ, съ двумя орудіями. Затѣмъ начался спускъ, представлявшій единственную въ своемъ родѣ картину. Впереди всѣхъ, съ крестомъ въ рукахъ, шелъ престарѣлый священникъ Севастопольскаго полка, отецъ Василій; за нимъ тянулись гуськомъ офицеры и солдаты ¹⁾. Не смотря на страшную крутизну и другія неудобства, войска авангарда, предводимыя Гейманомъ, спустились въ долину такъ быстро и такъ неожиданно для противника, что застали нѣкоторыхъ жителей за полевыми работами. Немедленно затѣмъ авангардъ занялъ позицію на рѣчкѣ Дахо, не обмѣнявшись ни однимъ выстрѣломъ съ ошеломленнымъ противникомъ. Вооруженныя скопища горцевъ, сторожившія другіе проходы, замѣтили наше движеніе лишь тогда, когда головныя части спустились уже до половины горы. Главныя силы ихъ, сосредоточенныя въ ущельѣ Жешуко, оказались обойденными съ тыла, и другаго исхода имъ не оставалось, какъ разбрестись въ разныя стороны.

На другой день по занятіи долины, произведена была графомъ рекогносцировка къ устью р. Дахо и избрано мѣсто для будущей станицы, на правомъ берегу Бѣлой, въ 7-ми верстахъ

¹⁾ Изъ замѣтокъ офицера генер. штаба, состоявшаго при гр. Еядокимовѣ.

выше Каменнаго моста, а 1-го и 2-го мая всё свободная войска ужь работали надъ проложеніемъ дороги по долинь Дахо и ущелью Жешуко къ станицѣ Царской.

Занятіемъ одной изъ самыхъ грозныхъ твердынь западнаго Кавказа снова и блистательно оправдалась давно усвоенная гр. Евдокимовымъ тактика. Снова и блистательно проявились тутъ его предусмотрительность, искусство маневрировать и управлять боемъ на крайне трудной и совершенно неизвѣданной мѣстности, быстрота соображеній и умѣнье достигать важнѣйшихъ цѣлей цѣною ничтожныхъ, сравнительно, потерь ¹⁾.

Овладѣніемъ долины Дахо заканчивалось трудное дѣло подготовки колонизаціи всего горнаго пространства между Лабою и Бѣлою. Въ разрѣзъ укоренившемуся мнѣнію, будто выше Каменнаго моста уже болѣе вѣтъ удобныхъ для поселенія мѣстъ, оказалось, что Даховская долина есть одна изъ самыхъ роскошныхъ и плодородныхъ въ предгоріяхъ западнаго Кавказа. Здѣсь найдено было нами многочисленное населеніе, разбросанное по 20-ти или 30-ти ауламъ, въ которыхъ считалось отъ 800 до 1,000 сакель. Недостатокъ въ подвожномъ кормѣ, ощущавшійся войсками во все время движенія отъ станицы Царской, былъ вполнѣ вознагражденъ обиліемъ фуража, найденнаго на завоеванной землѣ. „Смѣло можно сказать, писалъ Николай Ивановичъ въ своемъ донесеніи,—что станица Даховская будетъ одною изъ богатѣйшихъ на западномъ Кавказѣ“.

Убѣдившись въ окончательномъ утвержденіи русской власти на занятомъ важномъ пунктѣ, графъ, 8-го мая, уѣхалъ изъ отряда, предварительно разъяснивъ полк. Гейману подробности тѣхъ работъ, которыя еще слѣдовало выполнить ²⁾.

Высшее кавказское начальство тоже придавало весьма крупное значеніе успѣшному окончанію задуманнаго гр. Евдокимовымъ дѣла; кн. Орбеліани по этому случаю писалъ ему:

«Ваша экспедиція въ Дахо восхищаетъ насъ. Одна изъ трудныхъ задачъ рѣшена со славою и вліяніе ея не замедлитъ отразиться на общества южнаго побережья. Но при этомъ глубоко сожалѣю, что военные труды разстраиваютъ ваше здоровье;

¹⁾ Съ 27-го по 30-е апрѣля, мы потеряли убитыми 9 чел. нижн. чиновъ, ранеными 4-хъ об.-офиц. и 75 нижн. чин.

²⁾ Воен.-уч. архивъ, отд. II, № 6,620.

крѣпитесь, пока послѣдній ударъ не нанесенъ вами западному Кавказу» ¹⁾).

Николай Ивановичъ, дѣйствительно, «крѣпился» и не считалъ позволительнымъ увлекаться заботами о возстановленіи своего надорваннаго здоровья, пока дѣло не будетъ сдѣлано окончательно. Встрѣчаемыя препятствія и затрудненія служили какъ бы новымъ возбуждающимъ средствомъ для его энергіи и настойчивости. Впрочемъ, не малымъ утѣшеніемъ должно было являться для него то обстоятельство, что плоды его заботъ и трудовъ уже начали обнаруживаться въ довольно широкихъ размѣрахъ: все пространство, отвоеванное состоявшими подъ его начальствомъ войсками, стало принимать видъ дѣйствительно русской страны. Съ половины апрѣля 1862 г. опять стали появляться цѣлые таборы разнаго рода переселенцевъ, для водворенія въ новыхъ станицахъ, какъ на сѣверо-восточномъ берегу Чернаго моря, въ Адагумскомъ округѣ, такъ и на пространствѣ между Бѣлою и Лабою. Къ концу мая, уже почти всѣ переселенцы прибыли въ указанныя имъ мѣста и приступили къ устройству своихъ жилищъ ²⁾).

Послѣдніе успѣхи вашего оружія въ верховьяхъ Бѣлой возбуждали сильную тревогу среди горскихъ обществъ, обитавшихъ по южному склону главнаго хребта. Для подкрѣпленія боровшихся съ нами абадзеховъ составились многочисленныя партіи въ нѣсколько тысячъ конныхъ и пѣшихъ бойцовъ, которые уже во второй половинѣ мая перешли на сѣверный склонъ. Присутствіе этихъ партій среди абадзеховъ стало обнаруживаться болѣе упорнымъ сопротивленіемъ въ дѣлахъ противъ нашихъ войскъ и рядомъ дерзкихъ покушеній противъ нашихъ передовыхъ укрѣпленій и станицъ. Убѣдившись въ невозмож-

¹⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 83. Изъ письма кн. Орбеліани, отъ 15-го мая 1862 года.

²⁾ Всего, въ 1862 г., въ районѣ Кубанской области возведены были слѣдующія 24 станицы, съ водвореніемъ въ нихъ 3,904 семей: Варениковская, Гасголаевская, Раевская, Натухайская, Анапская, Анапскій поселокъ (въ самомъ бывшемъ укрѣпленіи Анапѣ), Новороссійская, Благовѣщенская, Верхне-и Нижне-Баканскія, Неберджайская, Крымская, Бѣлорѣченская, Ханская, Егерукаевская, Абадзехская, Мохосевская (9 в. выше Нижн. Фарсской), Царская, Севастопольская, Даховская, Боговская, Псефирская, Хамкетинская, Тсебайская.

ности серьезно повредить дѣйствующимъ отрядамъ или остановить ихъ движеніе, горцы прибѣгли къ другой тактикѣ и рѣшились дѣйствовать въ тылу нашихъ сообщеній и постоянно тревожить новыхъ поселенцевъ и войска, оставленные для ихъ охраненія.

Кромѣ непрерывныхъ набѣговъ и хищничества мелкихъ партій, непріятель предпринималъ покушенія довольно серьезнаго свойства; такъ, 25-го мая, онъ атаковалъ, хотя и неудачно, — укрѣпленіе Григорьевское; 14-го іюня, скопище около 5,000 человекъ произвело нападеніе на Хамкеты, гдѣ гарнизонъ состоялъ всего изъ 3-хъ съ небольшимъ ротъ. Къ счастью, начальникъ этого укрѣпленнаго пункта, полк. Гоць, заблаговременно предувѣдомленный о намѣреніяхъ противника, успѣлъ принять всѣ мѣры къ оборонѣ и отбилъ нѣсколько ожесточенныхъ приступовъ, пока не появились изъ ближайшихъ пунктовъ подкрѣпленія, съ прибытіемъ коихъ горцы хотя и ушли, но на слѣдующій же день повторили нападеніе, которое, однако, тоже кончилось для нихъ неудачно.

Нѣсколько бѣльшимъ успѣхомъ съ ихъ стороны сопровождалось внезапное нападеніе на станицу Псеменскую, предпринятое въ ночь на 26-е іюня. Подъ покровомъ ночной темноты, непріятель незамѣтно приблизился къ станицѣ и успѣлъ ворваться въ ея ограду, но, къ счастью, не довершилъ своего успѣха, а увлекся грабежемъ. Это дало возможность малочисленному гарнизону устроиться и, въ свою очередь, выбить изъ станицы беспорядочную толпу противника, который успѣлъ, однако, захватить въ плѣнъ нѣсколько человекъ поселенцевъ и угнать не мало скота и лошадей. Разлакомившись этою добычею, горцы вздумали было, 8-го іюля, повторить нападеніе на ту же станицу; но на этотъ разъ гарнизонъ, съ подоспѣвшими изъ другихъ пунктовъ подкрѣпленіями, заставилъ непріятеля поспѣшно убраться ¹⁾.

¹⁾ Въ это время Николай Ивановичъ пользовался минеральными водами въ Есентукахъ. Получивъ донесеніе о дерзкихъ предпріятіяхъ горцевъ, онъ послалъ внушительное замѣчаніе войсковымъ начальникамъ, въ районахъ управленія коихъ случились эти событія; упрекалъ ихъ за то, что они держатъ себя во вновь занятой странѣ какъ гости, а не какъ хозяева, и что только благо-

Подобныя сему предпріятія, хотя и являлись не болѣе, какъ послѣднимъ взрывомъ воинственнаго настроенія горцевъ, но держали пройденный войсками и еще отчасти колонизованный край въ постоянной тревогѣ. Это дѣлало еще болѣе очевидною необходимость, во что бы то ни стало, поскорѣе очистить все Закубанье отъ гнѣздившихся тамъ по разнымъ тущобамъ абадзехскихъ ауловъ, служившихъ притонами и этапами для блуждавшихъ по краю враждебныхъ скопищъ. Согласно этой цѣли и продолжалось веденіе дѣйствій нашими отрядами какъ съ восточной, такъ и съ западной стороны.

Между тѣмъ, трудное само по себѣ дѣло колонизаціи края и очищенія его отъ туземцевъ стало еще болѣе усложняться, вслѣдствіе новыхъ затрудненій, возникшихъ по вопросу о переселеніи горцевъ въ Турцію,—вопросу, который еще въ 1859 г. сдѣлался предметомъ довольно щекотливыхъ дипломатическихъ переговоровъ въ Константинополѣ. Съ другой стороны, доходившіе въ Тифлис слухи о распоряженіяхъ, дѣлаемыхъ гр. Евдокимовымъ по распредѣленію и надѣлу землями остававшихся въ краѣ туземцевъ, то-же, повидимому, были не совсѣмъ согласны съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей. Вслѣдствіе этого, опять возникла крайне непріятная для Николая Ивановича переписка. Привыкшій къ безусловному довѣрію со стороны бывшаго главнокомандующаго, во время послѣднихъ дѣйствій и распоряженій въ Чечнѣ, а, можетъ быть, отчасти и избалованный этимъ довѣріемъ, графъ, съ большою раздражительностію (понятнымъ послѣдствіемъ напряженія нервовъ отъ непомерныхъ трудовъ), сталъ относиться ко всякому противорѣчію его взглядамъ. Не безъ основанія, конечно, могъ онъ предполагать, что тутъ играли роль и интрига.

Изъ помянутой переписки приводимъ здѣсь сохранившіеся въ архивѣ гр. Евдокимова нѣкоторые интересные документы.

даря такой фальшивой роли, могли совершиться подобныя событія на нашихъ передовыхъ линіяхъ. Затѣмъ графъ послалъ войсковымъ начальникамъ строжайшее предписаніе: наводнить всю страну развѣдами, стать въ ней хозяевами, а не быть гостями. Съ первыхъ же дней точнаго и широко развитаго исполненія этого приказанія, страна утихла, и все пошло своимъ прежнимъ, опредѣленнымъ порядкомъ. (Изъ записокъ офицера генер. штаба, служившаго при гр. Евдокимовѣ).

И. О.

3-го августа 1862 г. (въ письмѣ за № 27) кн. Орбелиани писалъ ему:

«По докладѣ отношенія в. с—ва къ начальнику главнаго штаба, за № 40, я приказалъ сообщить вамъ о разрѣшеніи моемъ теперь же приступить къ предварительнымъ распоряженіямъ относительно зафрахтованія судовъ для безденежной перевозки горцевъ въ Турцію.

«Считая эту мѣру вообще полезною, я долженъ, однако, обратить вниманіе в. с—ва на слѣдующее обстоятельство:

«Переселеніе горцевъ въ усиленныхъ размѣрахъ въ Турцію, облегчая временно наши дѣйствія въ Кубанской области, можетъ представить въ будущемъ для насъ большія затрудненія. Часъ: этихъ затрудненій мы теперь уже испытываемъ: каждое лѣто по нѣскольку тысячъ душъ переселенцевъ возвращаются въ наши предѣлы ¹⁾ и вовлекаютъ насъ въ значительныя издержки, но это обстоятельство, конечно, не имѣетъ еще большой важности. Гораздо важнѣе то, что мы не можемъ обязать Турцію селить горцевъ на томъ или другомъ мѣстѣ. При большемъ числѣ выходцевъ, турецкое правительство по необходимости начнетъ селить ихъ въ пашалыкахъ, пограничныхъ къ Закавказскимъ нашимъ владѣніямъ, и тогда на южной границѣ нашей явится новый непріятель ²⁾, съ которымъ намъ придется начать здѣсь ту-же самую войну, которую мы стараемся кончить на сѣверномъ Кавказѣ. Это соображеніе и было отчасти причиною, по которой главнокомандующій не согласился на пропускъ переселенцевъ Терской области черезъ Закавказскій край ³⁾. Поэтому я полагаю, что на переселеніе горцевъ въ Турцію должны мы смотрѣть, какъ на мѣру вспомогательную, а отнюдь не какъ на главную нашу цѣль ⁴⁾.

¹⁾ Противъ подчеркнутыхъ въ этомъ письмѣ мѣсть графомъ сдѣланы слѣдующія собственноручныя замѣтки:

«Вѣрно не въ Кубанскую область, ибо вообще не возвратилось въ Ставропольскую губернію и одной тысячи».

²⁾ «Это можетъ быть только при войнѣ съ турками, да и тогда, поставленныя въ другія условія, племена эти не составятъ грозной силы».

³⁾ Мнѣ казалось, что совсѣмъ по другой причинѣ. Такъ говорилъ мнѣ и фельдмаршалъ.

⁴⁾ «Тавъ это и смотрѣлось».

«В. с—во упоминаете, что натухайцы въ нынѣшнемъ году не косятъ сѣна, и изъявляете надежду, что они первые, можетъ быть, тронутся въ путь. Я полагаю, что натухайцы не косятъ сѣна по причинѣ весьма естественной, — большая часть ихъ земель занята казаками, и они такъ стѣснены, что имъ дѣйствительно трудно существовать на оставшейся въ ихъ владѣніи землѣ ¹⁾. Народъ этотъ, какъ в. с—во сами выразились въ представленномъ отчетѣ, утратилъ уже воинственность и расположенъ къ торговлѣ: со времени изъявленія покорности, онъ ничѣмъ ея не нарушилъ ²⁾, а потому и выгоды наши, да и долгъ, наложенный на насъ объявленою нами прокламаціею ³⁾, заставляютъ насъ заботиться не объ изгнаніи его изъ нашихъ предѣловъ, а объ устройствѣ его быта. Для насъ было бы гораздо выгоднѣе, чтобы натухайцы подали другимъ горцамъ примѣръ не переселенія въ Турцію, а повиновенія, и поселились бы на указанныхъ имъ новыхъ мѣстахъ ⁴⁾, что они теперь, видя прежнія мѣста занятыми, вѣроятно, исполняютъ.

«Основываясь на вышеизложенномъ, я убѣдительно прошу в. с—во, если вы признаете возможнымъ, приказать начальнику Натухайскаго округа отвести теперь же для натухайцевъ земли по лѣвому берегу Кубани въ такомъ количествѣ, чтобы они могли существовать безъ особаго стѣсненія, и для этого, если окажется нужнымъ, селить ихъ на плоскости, отнятой отъ шапсуговъ. Однимъ словомъ, я прошу васъ употребить всѣ мѣры къ тому, чтобы не представить непокорнымъ горцамъ доказательствъ, какъ мало они могутъ разсчитывать на наши обѣщанія ⁵⁾. Къ этому побуждаетъ меня и то соображеніе, что натухайцы, вѣроятно, съ удовольствіемъ поселятся на

1) «Ближайшее жѣстное начальство не свело еще счета натухайцевъ; почему же знаютъ это въ Тифлисѣ—не понимаю. Безъ этого же вѣдъ нельзя знать, тѣсно ли или просторно натухайцамъ. Странно также, почему тамъ лучше знаютъ—почему не косятъ натухайцы, чѣмъ мы здѣсь?»

2) «Не исполнилъ ни одного изъ условій покорности».

3) «Странно, что это пишутъ изъ Тифлиса».

4) Сколько разъ это требовалось! Но зачѣмъ же выше написано, что ни чѣмъ не нарушили условій покорности?»

5) «Не понимаю, къ кому и къ чему это относится!»

равнинахъ, смежныхъ съ ихъ землею ¹⁾ и пѣкогда имъ принадлежавшихъ, тогда какъ ни приморскіе шапсуги, ни убыхи никакъ не подчинятся этому условію, и намъ волей или неволей придется не одну тысячу семействъ вынудить къ переселенію.

«Излагая эти соображенія мои, я желалъ бы, чтобы вы, в. с—во, съ ними согласились, но никакъ не обязываю слѣдовать имъ буквально, ибо ни въ чемъ не желаю стѣснять вашихъ дѣйствій» ²⁾).

Отвѣтъ гр. Евдокимова, къ сожалѣнію, нами не найденный, составленъ былъ, какъ полагать должно, въ духѣ тѣхъ замѣтокъ его, которыя выше приведены нами въ выноскѣ. Отвѣтъ этотъ, повидимому, былъ адресованъ на имя ген.-лейтенанта Карцова и вызвалъ слѣдующее письмо послѣдняго (отъ 10-го сентября 1862 г.):

«Позвольте привести в. с—ву искреннюю благодарность за откровенность, съ которою вы выразили чувства, возбужденныя въ васъ письмомъ князя Григорія Дмитріевича, за № 27.

«Письмо князя в. с—во принимаете за выраженіе недовѣрчивости и находите въ немъ разныя укоризны. Будучи отвѣтственнымъ лицомъ за все, что подписываетъ командующій арміею и просматривая редакцію всѣхъ бумагъ, представляемыхъ къ его подписи, я крайне огорченъ тѣмъ, что письмо это произвело на васъ такое впечатлѣніе, котораго кн. Григорій Дмитріевичъ никакъ не могъ ожидать. Много разъ, и про себя и вслухъ, прочиталъ я письмо это и, признаюсь вамъ, не нашелъ въ немъ ни обвиненій противъ в. с—ва, ни укоризны въ чемъ бы то ни было. Есть возраженія противъ вашихъ предположеній, есть доводы, подкрѣпляющіе эти возраженія, но никакъ не укоризны и не замѣчанія. Послѣднія строки письма могли бы служить вамъ укоромъ, если бы прокламація, объявленная натухайцамъ, была составлена и объявлена в. с—вомъ; но князю извѣстно, что не вы виновны въ объявленіи этой прокламація, которую буквально исполнить мы не могли. Во всякомъ случаѣ, долгомъ считаю увѣрить в. с—во, что въ командующемъ арміею не было и признака недовѣрія къ вамъ, когда

¹⁾ «Давнымъ давно приказано; остановка только за натухайцами».

²⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 83.

онъ приказывалъ написать помянутое письмо. Онъ не совершенно согласенъ съ вами во взглядѣ на дѣло; опасается послѣдствій переселенія въ большихъ размѣрахъ и приказалъ сообщить вамъ еще новыя подробности, относящіяся до этого предмета; но разность взглядовъ не есть знакъ недовѣрія. Я даже убѣжденъ, что если бы в. с—во прочитали всю переписку, которая происходила между нашимъ посланникомъ и Портою, то непременно во многомъ оправдали бы образъ воззрѣній кн. Григорія Дмитриевича. Я совершенно понимаю, что письмо князя, какъ стѣсняющее планъ вашъ, должно было подѣйствовать на васъ неприятно; но потрудитесь взглянуть безпристрастно, не съ точки зрѣнія распорядителя дѣйствій въ Кубанской области, а со стороны лица, отвѣтственнаго за цѣлый край и за всѣ послѣдствія предложенной мѣры, и тогда в. с—во, вѣроятно, иначе взглянете и на самое письмо...

«Еще разъ принося вамъ благодарность мою за откровенность, прошу васъ дозволить и мнѣ попрежнему писать вамъ обо всемъ откровенно и съ неизмѣннымъ уваженіемъ имѣю честь быть»... и проч. ¹⁾

Переписываясь и отписываясь, такимъ образомъ, гр. Евдокимовъ продолжалъ неуклонно идти по намѣченному имъ пути для завоеванія края.

25-го сентября, пока войска, работавшія на Пшехѣ и Пшишѣ, отвлекали къ этимъ рѣкамъ вниманіе непріятели, на лѣвомъ берегу Бѣлой, у станицы Абадзехской, собранъ былъ, подъ начальствомъ полк. Геймана, отрядъ силою въ 8 баталіоновъ, 3 эскадрона драгунъ и 8 сотенъ казаковъ, при 11 орудіяхъ. Такъ какъ войскамъ этимъ предстояло вступать въ новый районъ дѣйствій, на р. Курджипсѣ, то Николай Ивановичъ. 26-го числа, самъ повелъ ихъ туда и расположилъ лагеремъ около устья рѣчки Хокадзь. Въ теченіи слѣдующихъ двухъ дней производились рекогносцировки вверхъ и внизъ по долинѣ Курджипса и уничтожались близъ лежавшіе непріятельскіе аулы; а 29-го сентября графъ передвинулъ отрядъ на новую позицію (въ 16-ти верстахъ отъ Майкопа) и тамъ приказалъ устраивать окопъ

¹⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 54. Изъ письма ген.-лейт. Карцова, отъ 10-го сентября 1862 г.

для будущей станицы. Этотъ окопъ, на первое время, долженъ былъ служить складочнымъ мѣстомъ всякаго рода запасовъ, необходимыхъ при дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ между верховьями Бѣлой и Пшехи. Одновременно съ симъ, отряду Геймана (Даховскому) отдано было приказаніе разработывать дорогу вверхъ по Курджинсу, а также и на Майкопъ, куда самъ графъ, 30-го числа, возвратился.

Намѣреваясь отсюда пробраться далѣе, на западъ, для направленія, согласно общему плану, дѣйствій Пшехскаго и Шапсугскаго отрядовъ, графъ Евдокимовъ, 31-го сентября, выѣхалъ изъ Майкопа подъ прикрытіемъ дивизіона Череевскихъ драгунъ и сотни казаковъ, при 2-хъ орудіяхъ. Переправившись у Ханскаго брода, онъ прибылъ въ Пшехскую станицу, гдѣ уже нашель 12 стрѣлковыхъ ротъ и 2 эскад. драгунъ, при 6 орудіяхъ, назначенныхъ для конвоировація его до мѣста расположенія Пшехскаго отряда. Осмотрѣвъ произведенныя въ станицѣ работы и присоединивъ съ собравшимся тамъ войскамъ приведенную имъ съ собою конницу, графъ, 2-го октября, двинулся къ отрядному лагерю по вновь проложенной дорогѣ на лѣвомъ берегу Пшехи. Горцы, слѣдившіе за этимъ движеніемъ, сначала ничего не предпринимали и только изрѣдка завязывали незначительную перестрѣлку; но когда колонна наша стала приближаться къ занимаемой Пшехскимъ отрядомъ позиціи, то въ разстояніи около 4-хъ верстъ отъ нея, при переходѣ черезъ оврагъ Даго, значительная партія ихъ, занявъ опушку прилегавшаго къ дорогѣ лѣса, открыла сильный огонь, при чемъ нѣсколько пуль попало въ экипажъ командующаго войсками. Послѣ нѣсколькихъ залповъ, непріятельскія толпы выдвинулись изъ лѣса, съ явнымъ намѣреніемъ ударить въ шашки. Тогда гр. Евдокимовъ, тотчасъ же пересѣвъ изъ экипажа на коня, сталъ лично распоряжаться дѣйствіями войскъ. Нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ скоро охладило пылъ противника, а развертываніе драгунъ, готовыхъ понестись въ атаку, заставило горцевъ опять скрыться подъ защиту лѣса. Колонна наша, поплатившись за это дѣло 12-ю ранеными, затѣмъ уже безъ выстрѣла дошла до мѣста расположенія Пшехскаго отряда.

Осмотрѣвъ пройденное пространство и сдѣлавъ въ тотъ же день рекогносцировку вверхъ по Пшехѣ, гр. Евдокимовъ при-

зналъ нужнымъ, прежде начатія работъ для прочнаго занятія верхняго теченія этой рѣки, связать дѣйствія Пшехскаго отряда съ занятіями Шапсугскаго. На сей конецъ онъ рѣшилъ проложить сообщеніе отъ Пшехской станицы къ Шишу и устроить кордонную линію между обѣими рѣками. Линія эта должна была служить основаніемъ для дальнѣйшихъ дѣйствій въ нагорномъ пространствѣ, между верховьями Курджипса и Шиша, и надежнымъ образомъ прикрыть сзади ее лежащее пространство.

Слѣдующіе затѣмъ дни гр. Евдокимовъ посвятилъ осмотру лѣваго берега Пшехи, прошелъ до низовьевъ этой рѣки и тамъ оставилъ войска въ лагерномъ расположеніи, а самъ переѣхалъ къ Шапсугскому отряду, стоявшему тогда на рѣчкѣ Псечетинѣ. Ознакомившись съ общимъ положеніемъ дѣлъ въ этой части края, онъ призналъ нужнымъ, для единства въ распоряженіяхъ, соединить оба дѣйствовавшіе тамъ отряда въ одинъ, подъ общимъ названіемъ „Пшехскаго“; начальство надъ этимъ отрядомъ ввѣрено было имъ ген.-маіору Преображенскому. Вслѣдъ затѣмъ, графъ, подъ прикрытіемъ всей конницы отряда, проѣхалъ внизъ по Шишу, до станицы Старо-Корсунской, осмотрѣлъ тамъ работы и, 9-го октября, возвратился въ Ставрополь ¹⁾).

Между тѣмъ, не смотря на постоянно возрастающій успѣхъ нашихъ работъ, не смотря на плодотворную дѣятельность главнаго въ краѣ начальника, умѣвшаго при этомъ строго соблюдать интересы казны ²⁾, интрига, съ своей стороны, тоже не дремала. Недоброжелатели гр. Евдокимова стали распускать слухъ, что онъ скоро будетъ замѣненъ другимъ генераломъ, и что объ этомъ уже пошло представленіе ³⁾).

Должно полагать, что распространенію подобныхъ слуховъ не мало содѣйствовали тѣ личности, которымъ солона приходилась кипучая дѣятельность графа, не щадившаго ни своего ни своихъ подчиненныхъ здоровья и спокойствія тамъ, гдѣ дѣло шло о достиженіи великой государственной цѣли. Но трудно сомнѣ-

¹⁾ Воен.-уч. архивъ, отд. II, № 6620.

²⁾ Такъ, напр., постройка капитальныхъ мостовъ черезъ Пшеху и Бѣлую, которые строились русскими артелями, обошлась втрое дешевле противъ предварительно исчисленныхъ сибѣ.

³⁾ Кавк. сборникъ, т. V, стр. 403.

ваться и въ томъ, что масса людей благоразумныхъ и добросовѣстныхъ понимала, что только съ подобнымъ начальникомъ трудное дѣло покоренія сѣверо-западнаго Кавказа можетъ быть быстро доведено до вожделѣннаго и блистательнаго конца. На нихъ вышепомянутые толки дѣйствовали удручающимъ образомъ.

Всѣ эти сплетни, а равно и слухи о впечатлѣннѣ, производимомъ ими на войска, дошли до Николая Ивановича. Онъ весьма огорчился, и почелъ нужнымъ написать о томъ начальнику штаба Кавказской арміи. Самаго письма въ бумагахъ графа не отыскалось, но о содержаніи онаго можно судить по отвѣту генералъ-лейтенанта Карцова, отъ 14-го октября:

„Въ письмѣ отъ 10-го октября—такъ писалъ Карцовъ—ваше с—во изволите упоминать, что въ войскахъ замѣтно уныніе, происходящее будто бы отъ неудовольствія противъ васъ вышшаго начальства, и просите объ удаленіи причинъ, колеблющихъ довѣріе къ вамъ войскъ. Обстоятельства такой важности я не могъ не доложить командующему арміею. Князь Григорій Дмитриевичъ рѣшительно не можетъ понять, на чемъ основано такое мнѣніе войскъ. Всѣ награды, о которыхъ вы ходатайствовали, разрѣшены командующимъ арміею и представленія отправлены въ военное министерство. О тѣхъ немногихъ случаяхъ, въ которыхъ представленія ваши были измѣнены, я каждый разъ извѣщалъ ваше с—во и вамъ извѣстно, какъ эти случаи рѣдки. Не въ нашей власти ускорить, затѣмъ, разсмотрѣніе представленій въ министерствѣ. Сколько мнѣ извѣстно, и прежде такъ бывало. Награды за Дагестанскую экспедицію 1859 года вышли только въ концѣ 1861 года. Впрочемъ, командующій арміею, воплѣ оцѣнивая труды ввѣренныхъ вамъ войскъ, приказалъ мнѣ доложить объ этомъ предметѣ генералъ-фельдмаршалу, въ увѣренности, что его с—во изыщетъ средство устранить медленность въ разрѣшеніи наградъ.

Что касается слуховъ, распространившихся въ войскахъ о мнимоиъ неудовольствіи начальства противъ вашего с—ва, то не постигая причины ихъ и не видя ни малѣйшаго къ нимъ повода, командующій арміею полагаетъ, что слухи эти, какъ и всякія ложныя выдумки, сами собою должны прекратиться, не оставивъ никакого слѣда“³⁾).

³⁾ Арх. гр. Ендокимова, № 54.

Въ тотъ же самый день и кн. Орбеліани написали Николаю Ивановичу собственноручное письмо, въ которомъ, между прочимъ, говорить слѣдующее:

„Позвольте теперъ высказать нѣсколько словъ собственно о моихъ личныхъ отношеніяхъ къ вамъ. Какъ вамъ не грѣшно думать, что я мало внимателенъ къ славнымъ заслугамъ вашихъ войскъ? Чѣмъ я заслужилъ такой упрекъ? Двадцатилѣтнія дружжелюбныя наши отношенія чѣмъ могли измѣниться? Повѣрьте графъ, никто болѣе меня не радуется тѣмъ подвигамъ, которые вами совершаются во славу нашего оружія.

„Прошу васъ, графъ, отбросить всякое сомнѣніе въ отношеніи ко мнѣ и искренне вѣрить въ чувство мое къ вамъ искренней преданности“ ¹⁾.

Подрывающіе авторитетъ гр. Евдокимова слухи, дѣйствительно, скоро прекратились, и онъ, уже не смущаясь ими, могъ продолжать свою трудную работу. Результаты его дѣйствій вдоль Пшехи и Пшиша, по землямъ, гдѣ гнѣздилась главная масса ниже-абадзехскаго населенія, выразились на первое время тѣмъ, что серьезныя покушенія противъ нашей Бѣлорѣченской линіи прекратились. Вообще стало замѣтнымъ, что абадзехи утомились борьбою и стали терять надежду на успѣшность своего сопротивленія; нѣсколько сотъ туземныхъ семействъ вышло къ намъ и было отправлено для поселенія на Нижнюю Лабу. Лазутчики доносили, что число выходцевъ должно вскорѣ значительно увеличиться, но что горцы выжидаютъ лишь результатовъ депутаціи, отправленной ими въ Англію, и все еще не хотятъ окончательно разстаться съ надеждою на вмѣшательство въ ихъ пользу западныхъ державъ ²⁾.

Обезпечивъ безопасность передовыхъ линій и подготовивъ успѣхъ будущихъ военныхъ предпріятій нашихъ, гр. Евдокимовъ рѣшился къ концу года вновь открыть наступательныя дѣйствія. Главный ударъ неприятелю предполагалось, въ этотъ разъ, нанести со стороны Курджипса, для чего Даховскій отрядъ былъ усиленъ до состава 10¹/₂ баталіоновъ, 4 эскадроновъ

¹⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 83.

²⁾ Воен.-уч. архивъ, отд. II, № 6620. Отношеніе кн. Орбеліани воен. министру, отъ 28-го окт. 1862 г., за № 59.

драгунъ и 7 сотенъ казаковъ, при 14 орудіяхъ. Для отвлеченія вниманія горцевъ въ другую сторону, предписано было Пшехскому отряду наступать вверхъ по лѣвому берегу Пшехи, гдѣ мѣстность была уже хорошо извѣстна намъ.

Самъ графъ прибылъ къ Даховскому отряду въ первыхъ числахъ ноября. Почти одновременно съ нимъ (3-го числа того же мѣсяца) пріѣхалъ туда же принцъ Альбертъ Прусскій, которому высочайше разрѣшено было посѣтить Кубанскую область.

Такъ какъ самъ Николай Ивановичъ, вслѣдствіе ушиба при паденіи съ лошади, долженъ былъ отказаться отъ личнаго руководства дѣйствіями войскъ, то предоставилъ эту честь своему высокому гостю, жаждавшему поближе взглянуть на кавказскую войну. Само собою разумѣется, что командованіе принца было лишь почетное, такъ какъ и самъ онъ, безъ сомнѣнія, понималъ, что не можетъ быть распорядителемъ въ дѣлѣ, ему вовсе незнакомомъ ¹⁾. Главную роль въ предпринятой экспедиціи играли предварительныя общія указанія самого Николая Ивановича и частныя распоряженія его опытнаго и отважнаго сподвижника, полк. Геймана.

Экспедиція продолжалась съ 4-го по 9-е ноября; мѣстность между Курджипсомъ и верховьями Пшехи была подробно изслѣдована, и долины обѣихъ рѣкъ соединены новою дорогою. Всѣ враждебныя покушенія горцевъ противъ нашихъ войскъ не имѣли никакого успѣха; нравственное же впечатлѣніе, произведенное на непріятеля вторженіемъ Даховскаго отряда въ та-

¹⁾ Довольно любопытны внушенія, сдѣланныя гр. Евдокимову изъ Тифлиса, по случаю ожидаемаго прибытія принца Альберта въ Закубанье. Еще 25-го сентября, ген.-лейт. Кардовъ писалъ Николаю Ивановичу:

«Во всякомъ случаѣ, его (принца) слѣдуетъ принимать какъ очень почетнаго гостя, но не какъ лицо офиціальное, и никакой команды, во избѣжаніе могущаго случиться грѣха, ему поручать не слѣдуетъ. Таково мѣтніе командующаго арміей, и оно кажется тѣмъ справедливейше, что принцъ путешествуетъ инкогнито. Кн. Григорій Дмитріевичъ полагаетъ показать ему какое либо дѣяніе въ горной мѣстности, гдѣ бы и ему и его свитѣ ясно были видны тѣ мѣстныя затрудненія, съ которыми приходится бороться войскамъ; бой же на мѣстѣ ровномъ онъ видѣлъ въ разсмотрѣніи гораздо значительнѣйшихъ, чѣмъ представляетъ здѣшняя война. Рубка лѣса, переходъ черезъ оврагъ представляетъ ему больше новаго, чѣмъ самая горячая перестрѣлка. Затѣмъ, кн. Григорій Дмитріевичъ не считаетъ возможнымъ давать вашему с—ву какія бы ни было инструкціи». (Арх. гр. Евдокимова, № 54).

И. О.

кія мѣста, куда дотолѣ ни разу еще не проникало русское оружіе, конечно было очень велико. Непріязненные намъ обыватели спѣшили оставить нагорную полосу между верховьями Пшехи и Бѣлой; число же выходцевъ оттуда, заявлявшихъ готовность селиться на указанныхъ нашимъ начальствомъ мѣстахъ, стало съ каждымъ днемъ увеличиваться ¹⁾).

Изъ заключительныхъ военныхъ операцій 1862 года особую важность имѣло овладѣніе землями Хамышейскаго общества, лежавшими въ самой вершинѣ р. Бѣлой. 15-го декабря мѣстность эта была занята съ боя войсками Даховскаго отряда и тѣмъ завершился рядъ предпріятій, имѣвшихъ цѣлью прочное обезпеченіе за нами всего пространства между теченіями Лабы и Бѣлой и удаленіе туземнаго населенія изъ нагорной полосы этого края.

«Важность занятія общества Хамышей—писалъ гр. Евдокимовъ въ своемъ донесеніи—равносилю было занятію Даховскаго общества. Если занятіе послѣдняго было началомъ нашего прочнаго утвержденія въ пространствѣ между Лабою и Бѣлою, то овладѣніе первымъ окончательно упрочило это завоеваніе.

«Хамышейское общество лежало на высотѣ около 4-хъ тыс. футовъ надъ поверхностью моря, гдѣ далѣе нѣтъ населенія, надъ хребтомъ. откуда идетъ лѣтняя дорога въ землю убыховъ и куда выходятъ горныя дороги съ верховьевъ Курджипса и Пшехи и съ главнѣйшихъ переваловъ Кавказскаго хребта. Цѣлое лѣто 1862-го г. непріятельскія скопища южнаго склона направлялись на этотъ переходъ и, обходя по горнымъ тропамъ Бѣлорѣченскую кордонную линію, тревожили станицы Нагорнаго военного округа, расположеннаго въ предгорьяхъ между р.р. Ходзь и Бѣлою. Трудно-доступная мѣстность, многочисленность и свѣжесть силъ непріятеля не позволяли намъ минувшимъ лѣтомъ занять Хамышейское общество безъ значительной потери людей; нужно было ожидать зимы, когда непріятель, истощившись въ своихъ безплодныхъ усиліяхъ, можетъ оказать наименьшее сопротивленіе. Полковникъ Гейманъ воспользовался удобною минутою и съ небольшою потерею не только завладѣлъ

¹⁾ Воен. уч.-архивъ, отд. II, № 6620.

важнымъ пунктомъ, но и открылъ возможно удобное сообщеніе съ нимъ черезъ прорубленіе просѣки, и наскоро разработалъ выючную дорогу» ¹⁾).

И. О.

(Окончаніе слѣдуетъ)

Приложеніе I.

Письмо генерала Карлгофа воен. министру Д. А. Милютину.

Милостивый государь, Дмитрій Алексѣевичъ. По резолюціи вашего превосходительства на донесеніи графа Строганова о маломъ успѣхѣ вызова азовскихъ казаковъ для переселенія на Кавказъ, я представляю вѣстѣ съ сими докладъ управленія иррегулярныхъ войскъ; но какъ управленіе можетъ принимать въ основаніе докладовъ только факты, заключающіеся въ его дѣлахъ, то я съ своей стороны долгомъ считаю представить вамъ по этому дѣлу личное мое мнѣніе.

Изъ предположенія кавказскаго начальства, поступившаго въ департаментъ генеральнаго штаба и извѣстнаго мнѣ по копіямъ исполнительныхъ бумагъ доставленныхъ въ управленіе иррегулярныхъ войскъ, я увидѣлъ, что графу Евдокимову совершенно неизвѣстенъ восточный берегъ Чернаго моря и что онъ вовсе не справлялся съ дѣлами Черноморской береговой линіи. И дѣйствительно, я съ удивленіемъ узналъ, что онъ полагаетъ поселить въ будущемъ и послѣдующихъ годахъ станицы по 100 дворовъ на такихъ мѣстахъ, на которыхъ, въ прежнее время, укрѣпленія, вооруженныя каждое 22-мя крѣпостными орудіями и имѣвшія по 500 человекъ гарнизона, подвергались, иногда съ успѣхомъ, открытымъ нападеніямъ горцевъ. Или горцы того края совершенно выродились, въ послѣднее время, изъ волковъ въ овецъ, или графъ Евдокимовъ не договорилъ въ своемъ предположеніи, что кромѣ означенныхъ станицъ изъ азовскихъ казаковъ онъ полагаетъ поселить въ тѣхъ же мѣстахъ и въ то же самое время большое число станицъ изъ поселенцевъ и другаго рода, чтобы азовскія станицы не оставить тамъ одинокими, безъ поддержки, и чтобы новыми поселеніями въ большинствѣ разиѣрѣ вытѣснить оттуда горцевъ. Но вытѣснить горцевъ изъ ущелій восточнаго побережья Чернаго моря дѣло весьма не легкое и требующее не одного года выполненія. Часть населенія живетъ въ горныхъ котловинахъ между главнымъ и параллельными ему пониженными гребнями Кавказскаго хребта, на мѣстности, весьма удобной для

¹⁾ Воен.-уч. арх., отд. II, № 6623

жизни только горца. Въ числѣ этихъ жителей есть особое племя гуаіе, отъ набѣговъ котораго даже сами черкесы не знали какъ укрыться и называли это племя дикимъ и язычниками. Чтобы проникнуть въ нѣдра горъ для изгнанія населенія, надобно имѣть значительный отрядъ и преодолѣть большія препятствія мѣстной природы, представленныя крупнымъ и утесистымъ ска- томъ южной покатости Кавказскаго хребта. Положимъ, однако, что отряды наши пройдутъ съ успѣхомъ тѣ ущелья, противъ которыхъ на берегу моря будутъ построены казачьи станицы, и разорать въ этихъ ущельяхъ всѣ жилища, но тогда край всетаки не будетъ еще очищенъ отъ жителей. Въ параллельныхъ между собой ущельяхъ, выходящихъ отъ главнаго гребня къ берегу моря, на всѣхъ промежуточныхъ пространствахъ между береговыми станицами останутся жители нетронутыми по невозможности направить отряды во всѣ эти ущелья, для чего не достало бы у насъ и войскъ. Эти жители не будутъ нисколько стѣснены поселеніемъ на берегу моря станицъ, также какъ они не стѣснялись нашими укрѣпленіями. Они примутъ къ себѣ жителей раззоренныхъ ущелій и не дадутъ покоя не только маленькимъ прибрежнымъ станицамъ, но и поселеніямъ болѣе обширнымъ, которыхъ жители не привыкли къ неутомимой горной войнѣ. Жители раззоренныхъ ущелій даже вернутся на прежнія свои мѣста, если мы не будемъ непрерывно двигаться по этимъ мѣстамъ отрядами.

Вообще заселеніе восточнаго берега Чернаго моря кажется мнѣ совершенно гадательнымъ до тѣхъ поръ, пока край этотъ не будетъ предварительно очищенъ отъ горцевъ. Я столько разъ выдвигалъ впередъ мою специальность по береговой линіи въ особыхъ запискахъ, оставленныхъ при дѣлахъ главнаго штаба Кавказской арміи, и съ такимъ малымъ успѣхомъ, судя по послѣднимъ предположеніямъ кавказскаго начальства, что рѣшился воздержаться здѣсь отъ всякихъ возраженій и потому не изложилъ моего мнѣнія по этому предмету въ общемъ присутствіи управленія иррегулярныхъ войскъ, при разсмотрѣніи проекта о заселеніи западной части Кавказа. Я молчалъ въ томъ предположеніи, что рано или поздно само кавказское начальство увидитъ неудобисполнимость этого предположенія, когда придется за исполненіе его и тщательно разспросить людей, коротко знакомыхъ съ мѣстностью, которыхъ еще много осталось на восточномъ берегу Чернаго моря. Что касается до поселеній нынѣшняго года, то я оставался спокоенъ за нихъ только потому, что они будутъ устроены подъ самыми укрѣпленіями: Анапою и Константиновскимъ гарнизонамъ, которымъ будетъ предстоять большая забота охранять поселенцевъ на полевыхъ работахъ.

Азовскія казачьи станицы не могутъ держаться на берегу моря безъ прикрытія ихъ другими станицами въ значительномъ числѣ, которыхъ предназначеніе состояло бы въ томъ, чтобы вести истребительную войну противъ горцевъ. Но тогда представится вопросъ: въ состояніи ли будутъ эти станицы

содержать сами себя земледѣлемъ и будетъ ли для нихъ достаточно земли на мѣстности каменистой и покрытой горами и лѣсомъ? Азовскіе казаки не безъ основанія замѣтили, что правительство вынуждено будетъ отпустить ихъ навсегда провіантъ.

Все это я полагалъ лично доложить вашему превосходительству, но не имѣлъ случая. Теперь же выполняя мой долгъ, я полагалъ бы нелишнимъ отправить это письмо для соображенія Александру Петровичу Карцову ¹⁾.

Ев. Карлгофъ.

12 марта 1862 года.

Приложеніе II.

Письмо гр. Евдокимова ген.-лейт. А. П. Карцову. (Отъ 14 апр. 1862 г., за № 1005.—Конфиденціально).

Милостивый государь, Александръ Петровичъ! Я прочелъ съ большимъ вниманіемъ письмо генералъ-лейтенанта Карлгофа, сообщенное мнѣ въ копіи при отношеніи вашемъ отъ 6 апрѣля № 471; сначала я хотѣлъ оставить его безъ возраженія, но потомъ рѣшился не измѣнять принятому правилу: сообщать вашему превосходительству всѣ мои мысли какъ въ официальной, такъ и въ конфиденціальной перепискѣ, относящейся къ столь важному для насъ вопросу колонизаціи Закубанскаго края.

Чтеніе этого письма убѣдило меня еще болѣе, что всѣ недоразумѣнія, какія являлись въ настоящее время, по вопросу о колонизаціи Закубанскаго края, возникаютъ отъ односторонняго взгляда на этотъ предметъ и отъ малаго знакомства съ страной, гдѣ идетъ водвореніе казачьяго поселенія

Генералъ-лейтенантъ Карлгофъ, какъ мнѣ кажется, не можетъ отозваться (неблагопріятно) относительно войны съ горцами, какая велась на Кавказѣ до пріѣзда сюда г. генералъ-фельдмаршала князя Барятинскаго, а потому выводитъ заключеніе о храбрости и предприимчивости горцевъ и о характерѣ страны, ими занимаемой, съ той точки зрѣнія, какъ представлялось то и другое во время кратковременныхъ движеній или, лучше сказать, набѣговъ, производимыхъ отрядами бывшей Черноморской береговой линіи. Набѣги эти, дѣлаемые безъ системы, приносили горцамъ ничтожныя по результатамъ потери и, раздражая ихъ, служили болѣе къ развитію ихъ воинственности, чѣмъ къ ихъ обезсиленію. Горцы здѣшняго края,—въ чемъ я твердо убѣжденъ,—всегда были овцами; несмотря на всѣ старанія прежняго времени сдѣлать ихъ волками, эти заботы, слава Богу, не увѣнчались успѣхомъ. Весь трудъ въ покореніи Западнаго Кавказа состоитъ не въ битвахъ съ непріа-

¹⁾ Архивъ гр. Евдокимова, № 50.

телемъ, а въ продолженіи дорогъ и въ средствахъ, какія будутъ даны для колонизаціи Закубанскаго края; горы безъ большаго кровопролитія принуждены будутъ исполнить тѣ условія, какія имъ укажутъ. Я полагаю, что противорѣчіе въ мысляхъ генераль-лейтенанта Карлгофа и моихъ, о возможности заселенія южнаго склона Кавказскаго хребта, заключается главное въ томъ, что онъ смотритъ на этотъ край съ той недоступности, въ какой представлялась ему страна, по удачному выраженію вашего превосходительства, съ брустверовъ укрѣпленій Черноморской береговой линіи, или съ кавказскихъ проходовъ; я же гляжу на южныя покатоности Кавказскихъ горъ съ той доступности, съ какою онѣ являются намъ съ сѣверной стороны этихъ горъ.

Признаться сказать, я очень радъ, что дѣла бывшей Черноморской береговой линіи погибли во время минувшей войны и что теперь нѣтъ возможности наводить по нимъ справки. Эти справки могли бы привести совершенно къ другому результату и остановить развитіе новой системы, избранной для покоренія Западнаго Кавказа. Система, которая, если бы и имѣла много недостатковъ, всетаки будетъ лучше той неподвижности, въ какой вращалась Черноморская береговая линія.

Изъ рапорта моего г. военному министру отъ 5 апрѣля № 941, сообщеннаго къ вамъ въ копію, ваше превосходительство изволите усмотрѣть объясненія мои, какъ я гляжу на дѣло о заселеніи восточнаго берега Чернаго моря, о водвореніи азовскихъ казаковъ на Кавказъ и вообще о водвореніи новыхъ станицъ въ Закубанскомъ краѣ. До сего времени я полагалъ, что не только высшее начальство, довѣрившее моему управленію обширный край, но и другія лица допускали во мнѣ столько разсудительности, чтобы не дѣйствовать наобумъ, въ дѣлѣ водворенія въ непріятельской странѣ гражданскаго нашего поселенія, безъ надлежащаго указанія средствъ къ его существованію. Я отчасти ошибся въ своемъ заключеніи, усмотрѣвъ изъ письма генераль-лейтенанта Карлгофа, что во мнѣ не признаетъ онъ даже и самыхъ ограниченныхъ способностей и той основательности въ дѣйствіяхъ, какая должна вырабатываться у всякаго человѣка моихъ лѣтъ, прошедшаго всю свою жизнь въ кавказской войнѣ ¹⁾.

Сообщ. И. О.

¹⁾ Архивъ гр. Евдокимова, № 54.

ГУМБОЛЬДТЪ ВЪ СИБИРИ

въ 1829 г.

Въ газетѣ «Glasgow Weekly Herald, Glasgow, 1874, № 490, помѣщено ниже-сѣдующее, не лишнее комизма, извѣстіе о пребываніи одного изъ знаменитѣйшихъ ученыхъ нашего вѣка. Гумбольдта, въ Сибирѣ, заимствованное изъ польской газеты «Gazeta Narodowa»-

Гумбольдтъ прибылъ въ Ишимъ (Тобольской губ.) для астрономическихъ наблюдений и отъ ишимскаго городничаго с. Стотчена (Stozin ¹⁾) тогдашній сибирскій генералъ-губернаторъ получилъ сѣдующее донесеніе:

«Нѣсколько дней тому назадъ прибылъ сюда нѣмецъ, по имени Гумбольдтъ, худой, невысокаго роста, на видъ ничего не значущій, но важный и при этомъ онъ былъ снабженъ письмомъ ко мнѣ отъ вашего высокопрѣ-ства, въ которомъ вы приказываете мнѣ обращаться съ нимъ вѣжливо и съ воздержаніемъ. Я же хотя и принялъ его съ достоюльшимъ уваженіемъ, но все-таки долженъ замѣтить, что личность эта кажется мнѣ подозрительною и весьма опасною. Съ самаго начала онъ мнѣ не понравился. Слишкомъ много болтаетъ и пренебрегъ моимъ гостепріимствомъ, не смотря на то, что поваръ мой Ферлисъ (Fergisa ²⁾) печетъ такіе великолѣпные пироги, что я даже имѣлъ счастье пирогами моимъ угостить в. п-ство,—онъ, повидимому, пренебрегъ и мною и моимъ угощеніемъ. При всемъ томъ, явно не почтивъ своимъ вниманіемъ высшія официальныя лица въ городѣ, вступилъ въ разговоры съ поляками и другими политическими преступниками, находящимися у меня подъ надзоромъ.

Осмѣливаясь донести в. высокопрѣ-ству, что подобныя разговоры съ политическихъ преступниками не ускользаютъ отъ моего вниманія, особливо съ той поры, какъ послѣ продолжительныхъ съ ними переговоровъ, ночью, ушелъ онъ съ ними же на вершину одного холма, господствующаго надъ городомъ. Туда притащили они какой-то ящикъ и вынули изъ ящика инструментъ, имѣющій видъ длинной трубы, которая и мнѣ и всему обществу кажется пушкой. Утвердивши трубу эту на трехъ ножкахъ, онъ направилъ оную прямо на городъ и каждый изъ нихъ сталъ къ ней подходить и смотрѣть нѣрно ли она прицѣлилась.

Видя во всемъ этомъ великую опасность для города (такъ какъ весь онъ деревянный), я немедленно приказалъ гарнизону, состоящему изъ одного подпорчика и шести нижнихъ чиновъ, идти къ тому же мѣсту съ заряженными ружьями, глазъ не спускать съ нѣмца и слѣдить за его штуками.

Если измѣническія продѣлки этого человѣка оправдаютъ мои подозрѣнія, то мы положимъ живота наши за царя и святую Русь.

Посылая къ вашему высокопрѣ-ству донесеніе это съ экстреннымъ курьеромъ, испрашиваю дальнѣйшихъ вашихъ распоряженій и пользуюсь случаемъ увѣрить васъ въ моей готовности повиноваться и въ моей преданности царю и отечеству, какъ честный русскій офицеръ, который уже 20 лѣтъ какъ состоитъ на службѣ».

Такъ кончается статейка или выписка изъ статейки. Въ какомъ году писано донесеніе—не сказано. Языкъ письма, подвергнувшійся тройному переводу, на польскій, англійскій и съ англійскаго опять на русскій, конечно, далеко не языкъ подлинника, можетъ быть, случайно найденнаго въ одномъ изъ сибирскихъ архивовъ и посланнаго въ переводѣ въ редакцію «Gazeta Narodowa». Выдуманно это донесеніе или не выдуманно, во всякомъ случаѣ оно правдоподобно. Мы помѣщаемъ его, какъ образецъ того недовѣрія, какимъ невѣжество, въ особенности невѣжество лицъ официальныхъ, встрѣчаетъ все то, что выходитъ изъ круга его понятій или изъ границъ ему привычной ежедневности.

8-го мая 1874 г.

Сообщ. Я. П. Полонскій.

¹⁾ Очень можетъ быть, что самилія преврала, какъ это часто случается въ англійскихъ журналахъ.

²⁾ Можетъ быть—Фетисъ или Федька.

Я. П.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ПРЖЕВАЛЬСКІЙ.

Вскорѣ послѣ кончины Н. М. Пржевальскаго, товарищи и друзья покойнаго обратились ко мнѣ съ просьбою написать біографическій очеркъ его жизни, и, пользуясь воспоминаніями лицъ, близко его знавшихъ, сохранить тѣ черты и особенности его характера, которыя съ теченіемъ времени легко могутъ утратиться изъ памяти его современниковъ. Будучи вдвойнѣ товарищемъ Николая Михайловича и по императорской академіи наукъ и по военнo-ученому комитету главнаго штаба, я не считъ себя вправѣ отказать отъ такой просьбы. Дѣло собранія матеріаловъ къ настоящему очерку жизни и дѣятельности Н. М. Пржевальскаго принадлежитъ одному изъ ближайшихъ его друзей Ф. А. Фельдману; при неутомимой его дѣятельности и въ сравнительно короткій промежутокъ времени собрать весьма значительный матеріалъ и продолжаетъ пополняться.

Помѣщая на страницахъ «Русской Старины» двѣ первыя главы біографическаго очерка, я долженъ сказать, что Н. М. Пржевальскій еще такъ недавно жилъ среди насъ, что полная его біографія пока невозможна и о нѣкоторыхъ эпизодахъ его жизни можно будетъ сказать только впоследствии.

Н. Дубровинъ.

I.

Рожденіе и юность. — Семейная обстановка. — Первые уроки. — Пребываніе въ Смоленской гимназіи.

1841—1855 гг.

Въ 40 верстахъ отъ Смоленска, по линіи нынѣшней Орловско-Витебской желѣзной дороги, находится село Кимборово, купленное въ тридцатыхъ годахъ (около 1832 г.) отставнымъ таможеннымъ чиновникомъ Алексѣемъ Степановичемъ Каретниковымъ. Въ 1838 г. младшая дочь Каретникова, Елена Алексѣевна, вышла замужъ за Михаила Кузьмича Пржевальскаго, человѣка очень бѣднаго, и молодые поселились въ с. Кимборовѣ. Тамъ, 31-го марта 1839 года, родился у нихъ первый сынъ

Николай — впоследствии знаменитый путешественникъ, а черезъ два года (въ 1841 г.) родился и второй сынъ, Владиміръ.

Вскорѣ послѣ рожденія послѣдняго, Каретниковъ выдѣлилъ для дочери изъ Кимбровскаго имѣнія хуторъ съ деревнями Малинино и Раковичи. Хуторомъ, а чаще фольваркомъ, называлась одинокая хижина, стоявшая посреди лѣса и находившаяся въ полутора верстахъ отъ с. Кимборова. Жить въ такой хатѣ съ малолѣтними дѣтьми не было возможности, а о постройкѣ новаго дома, за неимѣніемъ денегъ, и думать было нечего. Положеніе молодыхъ Пржевальскихъ было крайне тяжелое, пока Елена Алексѣевна не получила, по завѣщанію умершей сестры ¹⁾, 2,500 руб. На эти деньги была построена усадьба, которая и названа Отрадною. Сюда переселились въ 1843 году Пржевальскіе и здѣсь Николай Михайловичъ провелъ годы самой ранней молодости.

Отъ мамки-крестьянки Марьи, изъ деревни Старинокъ ²⁾, онъ поступилъ на попеченіе горничной Ольги, извѣстной впоследствии подъ именемъ няни Макарьевны. Небольшаго роста, полная и некрасивая, Макарьевна принадлежала къ тому своеобразному типу стараго крѣпостнаго времени, какой теперь встрѣчается очень рѣдко и почти выродился. Крутость ея нрава, доходившаго иногда до полной жестокости, страннымъ образомъ уживалась съ добротою и баловствомъ дѣтей. Сверхъ обязанностей няни, Макарьевна исполняла должность ключницы, экономки и главной помощницы по хозяйству. Замужъ она никогда не выходила и потому всю жизнь строго относилась ко всѣмъ романамъ, происходившимъ въ передней и дѣвичьей: вся дворня отъ нея страдала, въ особенности дѣвушки, имѣвшія любовныя приключенія. На такихъ она доносила Еленѣ Алексѣевнѣ и обыкновенно виновную отдавали замужъ за перваго попавшагося парня. Въ Кимборовѣ и до сихъ поръ живутъ еще старушки, потерпѣвшія отъ Макарьевны и не добромъ вспоминающія ее.

Нянькою она была прекрасною и заслужила самую нѣжную и слѣпую любовь Николая Михайловича. Онъ не замѣчалъ недостатковъ Макарьевны и былъ всегда внимателенъ къ ней, какъ

¹⁾ Бывшей замужемъ за Завадонскимъ.

²⁾ Николай Михайловичъ всегда съ уваженіемъ относился къ бывшей мамкѣ и платилъ ей пенсію по 25 руб. въ годъ.

къ самой близкой родственницѣ, но старушка злоупотребляла его довѣріемъ: она отравляла жизнь управляющему и всей дворнѣ. Конечно, Николай Михайловичъ не зналъ этого, но онъ былъ такъ ослѣпленъ привязанностію къ бывшей нянѣ, что не повѣрилъ-бы, если-бы ему сказали какова Макарьевна для его окружающихъ.

Отъ природы она была женщина умная, умѣвшая вести свои дѣла и потому пользовавшаяся большимъ влияніемъ въ домѣ. Елена Алексѣевна любила Макарьевну, не могла жить безъ нея, но между ними бывали частыя стычки, такъ какъ и та и другая отличались настойчивостію характера. По свидѣтельству еще живыхъ современниковъ, Елена Алексѣевна была женщина умная, красивая брюнетка, высокаго роста и нѣсколько полная. Характера твердаго и настойчиваго, она была строга ко всѣмъ вообще, не исключая и своихъ дѣтей.

12-го апрѣля 1842 года она лишилась отца, Алексѣя Степановича Каретникова. Передъ кончиною онъ раздѣлилъ Кимброво на равныя части между женою и дѣтьми, причемъ каждому досталось по 35 душъ. Елена Алексѣевна заложила свое Отрадное за 15 тыс. руб. и на эти деньги прикупила части матери и брата Александра. Братья-же Гавріиль и Павелъ не согласились продать своихъ частей, хотя имъ и предложена была хорошая цѣна. Они вели разгульную жизнь, предоставивъ приказчикамъ распоряжаться хозяйствомъ по своему произволу. При такихъ условіяхъ доходы съ имѣнія съ каждымъ годомъ уменьшались, дѣла запутывались и, пользуясь этимъ, сосѣдній помѣщикъ Повало-Швейковскій купилъ Кимборово за безцѣнокъ, съ обязательствомъ, впрочемъ, содержать обоихъ братьевъ на свой счетъ до ихъ смерти. Обязательство это, конечно, не было исполнено и Каретниковы скоро остались безъ крова и пристанища. Старшій, Гавріиль Алексѣевичъ, пріютился у богатаго смоленскаго помѣщика Аничкова, а Павелъ Алексѣевичъ поселился у сестры въ Отрадномъ.

Онъ былъ страстный охотникъ и цѣлые дни проводилъ въ полѣ. Эта страсть передалась потомъ и Николаю Михайловичу Пржевальскому. Живя у сестры, Павелъ Алексѣевичъ училъ всѣхъ ея сыновей читать, писать, а потомъ и стрѣлять. Дядя гордился своими учениками и говаривалъ не разъ, что изъ нихъ

вышли умные и дѣльные люди потому, что мать ихъ не баловала, а онъ былъ первымъ ихъ учителемъ.

Съ мужемъ Елена Алексѣевна прожила всего восемь лѣтъ и Михаилъ Кузмичъ скончался 27 октября 1846 г. ¹⁾, на 42 году жизни, когда Николаю Михайловичу было всего семь лѣтъ. Дѣти не помнятъ отца, но чтятъ его память какъ человѣка, пользовавшагося уваженіемъ, и характера рѣшительнаго.

Оставшись вдовою въ молодые годы, Елена Алексѣевна принялась сама за воспитаніе дѣтей и за хозяйство. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ она вела дѣло отлично и была известна своею справедливостью. Домъ свой и хозяйство она содержала въ порядкѣ и, не имѣя другихъ средствъ, кромѣ доходовъ съ имѣнія, жила очень тихо и скромно. Въ семьѣ имѣла рѣшающій голосъ, любила очень дѣтей, но за шалость иногда наказывала розгами. Тѣмъ не менѣе первое время Николаю Михайловичу и его брату Владимиру была предоставлена полная свобода: въ одной рубашкѣ они выбѣгали на улицу, подъ проливной дождь, бѣгали по снѣгу и проч. „Росъ я въ деревнѣ дикаремъ, говоритъ Н. М.; воспитаніе было самое спартанское; я могъ выходить изъ дому во всякую погоду“. Лѣтомъ любимымъ ихъ занятіемъ была ловля бабочекъ и гулянье въ лѣсу, въ которомъ водились и медвѣди.

Товарищей—сверстниковъ у братьевъ Пржевальскихъ никого не было ²⁾, а изъ дворни Николай Михайловичъ особенно любилъ Ваську, шалуна, никого не боявшагося и не признававшаго никакихъ властей и препятствій. Мальчику шаловливому и непокорному, какимъ былъ самъ Николай Михайловичъ, Васька былъ подъ пару и они вдвоемъ лазили по деревьямъ, придумывали разные шалости и были за то часто наказываемы.

Съ раннихъ лѣтъ дѣтей стали учить грамотѣ: Николаю Михайловичу было 4—5 лѣтъ, когда 1-го декабря посадили его за первый урокъ. Въ этотъ день чтится память св. пророка Наума и ребенка начали учить для того, чтобы, какъ говорили, наука

¹⁾ Письмо Н. М. Пржевальскаго брату Владимиру « » сентября 1878 г.

²⁾ По сосѣдству былъ только одинъ сверстникъ—Петя Семичевъ, но мальчикъ слабого здоровья и вовсе не подходилъ братьямъ Пржевальскимъ; они вѣдѣлись рѣдко.

шла на умъ. Братъ Владиміръ приглядывался и прислушивался къ урокамъ Николая и четырехъ дѣтъ уже выучился читать; тогда рѣшили учить ихъ вмѣстѣ и оба брата не разлучались до окончанія гимназическаго курса.

Дядя Павелъ Алексѣевичъ занимался съ племянниками два года: училъ ихъ грамотѣ и французскому языку, а затѣмъ стали нанимать учителей изъ молодыхъ людей, окончившихъ курсъ наукъ въ духовной семинаріи. Всѣ они оказывались плохими педагогами и ихъ часто мѣняли. Одинъ изъ семинаристовъ, Дмитрій Прохоровичъ Зезюлинскій, прожилъ въ семействѣ 3—4 года, оказался лучшимъ и приготовилъ дѣтей для поступленія въ гимназію.

Въ 1840-хъ годахъ дворянство считало обязанностію отдавать своихъ дѣтей въ кадетскіе корпуса. Мать Николая Михайловича также хлопотала объ опредѣленіи своихъ сыновей въ Павловскій кадетскій корпусъ, но когда это ей не удалось ¹⁾, тогда она рѣшилась отдать ихъ въ Смоленскую гражданскую гимназію.

Во второй половинѣ 1849 года, дворовый челоѣкъ Игнатъ, отецъ Васьки, любимца Николая Михайловича, повезъ Николая и Владиміра Пржевальскихъ въ Смоленскъ, гдѣ они отлично выдержали экзаменъ и были приняты во 2-й классъ. По случаю исправленія и передѣлки гимназическаго зданія ихъ отпустили недѣли на двѣ опять въ Отрадное, но ремонтъ такъ затянулся, что дѣтей раза четыре возили въ Смоленскъ и привозили обратно, пока, наконецъ, 7-го ноября не начался курсъ. Этотъ промежутокъ времени братья Пржевальскіе провели въ полной свободѣ. Игнатъ часто жаловался матери, что съ „паничами“ сладу нѣтъ, что они очень шалятъ, но, несмотря на то, дѣти вовсе его не боялись и любили какъ челоѣка добраго и сердечнаго.

Въ Смоленскѣ Пржевальскіе жили въ очень небольшой квартирѣ, нанятой для нихъ за два рубля съ половиною во флигелѣ дома Шаршавицкаго, противъ церкви Смоленской Божьей Матери. При нихъ находился Игнатъ и кухарка Анна, сестра няни Макарьевны. Каждый день дядька водилъ ихъ въ гимназію и провозжалъ обратно домой, носилъ имъ завтракъ, а иногда

¹⁾ Ей посчастливилось только относительно третьяго сына, Евгенія, который и воспитывался въ Александровскомъ московскомъ корпусѣ.

замѣнялъ его выдачею 2—3 коп. на покупку булки или хлѣба. Столъ и одежда были самыя скромныя и улучшались только когда пріѣзжала мать, привозившая сыновьямъ запасы деревенской провизіи.

По своимъ лѣтамъ Николай Михайловичъ былъ моложе всѣхъ своихъ одноклассниковъ, но по физическому развитію и нравственнымъ свойствамъ стоялъ гораздо выше ихъ. Имѣя твердый характеръ и сосредоточенный въ себѣ самомъ, онъ не охотно сближался съ товарищами и не имѣлъ близкихъ друзей, но пользовался уваженіемъ товарищей. Никто кромѣ Николая Михайловича не заступался за новичковъ, когда въ нимъ приставали, и никто имъ не покровительствовалъ, кромѣ его. Прекрасный товарищъ, вѣрный данному слову, Николай Михайловичъ былъ вожакомъ своего класса и всегда стоялъ во главѣ его.

Блестящія способности и феноменальная память скоро сдѣлали его первымъ ученикомъ: ему достаточно было прочесть одинъ разъ заданные уроки, чтобы всегда имѣть отличныя отмѣтки. Братъ его Владиміръ обладалъ также хорошею памятью и они не имѣли никогда отдѣльныхъ руководствъ, а всегда учились по одному.

Объ огромной памяти Николая Михайловича сохранилось много разсказовъ и изъ позднѣйшей его жизни. По словамъ І. Л. Фатѣева, его друга, товарища по академіи генеральнаго штаба и по варшавскому юнкерскому училищу, Пржевальскій часто предлагалъ раскрыть знакомую ему книгу на любой страницѣ и прочесть для него вслухъ одну—двѣ строки, а затѣмъ онъ уже продолжалъ говорить наизусть цѣлыя страницы, насколько не отступая отъ текста сочиненія.

„Такія испытанія, говоритъ І. Л. Фатѣевъ, сколько помню, производились ему, въ присутствіи другихъ лицъ, на сочиненіи Костомарова: „Сѣверно-русскія народоправства“; на физической географіи моря—Мори; на небесныхъ свѣтилахъ—Митчеля. Ни одна изъ этихъ книгъ, какъ это мнѣ было достовѣрно извѣстно, не была взята Н. М. въ Сибирь. Поэтому, когда онъ, почти черезъ три года пріѣхавъ изъ Сибири, навѣстилъ насъ въ Варшавѣ, я по этимъ-же сочиненіямъ провѣрялъ насколько текстъ удержался въ его памяти и былъ пораженъ ея силою и свѣжестью. Но тогда же Н. М. замѣтилъ мнѣ, что, въ сожалѣнію,

избытокъ памяти и живаго яснаго представленія всегда ему мѣшали въ занятіяхъ математикой. Не то, чтобы усвоеніе математическихъ наукъ было для него затруднительно; при усиленіи вниманія понималось все легко, но бѣда въ томъ, что при обиліи памяти никакихъ усилій не требовалось. Память и даръ представленія при отвѣтахъ всегда его выручали, — ему всегда ясно представлялись и страница книги, гдѣ былъ отвѣтъ на заданный вопросъ, и какимъ шрифтомъ онъ напечатанъ, и какія буквы на геометрическомъ чертежѣ, и самыя формулы со всѣми ихъ буквами и знаками“.

— Если-бы, говорилъ впоследствии Пржевальскій, преподаватели въ гимназій или академіи, догадавшись, перемѣнили во время отвѣта буквы на чертежѣ, я навѣрняка все-бы спуталъ и провалился самымъ пошлымъ образомъ. Но моя счастливая звѣзда всегда, во всѣхъ случаяхъ жизни, съ самаго дѣтства, меня вывозила и я вѣрю въ свое счастье — оно не дастъ мнѣ погибнуть, не совершивъ всего мнѣ предназначеннаго.

Во все время пребыванія въ гимназій братья Пржевальскіе находились подъ строгимъ контролемъ и безъ дядьки ихъ никуда не выпускали. Въ гости они также не ходили и встрѣча съ товарищами по гимназій происходила только на Смоленской стѣнѣ, куда они иногда ходили съ дядькою поиграть и ловить воробьевъ.

Отсутствіе частаго общенія съ товарищами-гимназистами имѣло весьма хорошую сторону, такъ какъ большинство ихъ не могли служить имъ примѣромъ, достойнымъ подражанія. Составъ гимназистовъ былъ крайне разнообразный: рядомъ съ 10-лѣтними мальчиками сидѣли 20-лѣтніе лѣнтяи, оказывавшіе дурной примѣръ на остальныхъ. Въ воспоминаніяхъ обучавшихся въ гимназій сохранился слѣдующій случай: одинъ изъ такихъ лѣнтяевъ, кое-какъ добравшійся до 4-го класса, выражалъ неудовольствіе учителю, имѣвшему взрослую дочь, слѣдующими словами: „я на твоей Каткѣ не женюсь“.

Преподаваніе въ гимназій было самое примитивное: заставляли заучивать наизусть отъ такой-то до такой-то страницы и рѣдкій изъ учителей пытался выйти изъ рамокъ учебника. По словамъ Владиміра Михайловича, умственное развитіе его и покойнаго брата началось послѣ окончанія курса въ гимназій. „Хотя я, записалъ Н. М., и отлично кончилъ курсъ въ Смо-

ленской гимназіи, но скажу, поистинѣ, слишкомъ мало вынесъ оттуда. Значительное число предметовъ и дурной методъ преподаванія дѣлали рѣшительно невозможнымъ, даже и при сильномъ желаніи, изучить что-либо положительно ¹⁾. Подборъ учителей, за немногими исключеніями, былъ невозможный: они пьяные приходили въ классъ, бранились съ учениками, позволяли себѣ таскать ихъ за волосы. Изъ педагоговъ особенно выдавался въ этомъ отношеніи Федотовъ, какъ говорили, бывший вольно-отпущенный, который, не взирая на вѣроисповѣданіе учениковъ, всѣхъ обращалъ въ православіе. Во время его класса постоянно человекъ 15 было на колѣняхъ" ²⁾.

Николай Михайловичъ сохранилъ добрую память о директорѣ гимназіи Лыкошинѣ (помѣщикѣ Вяземскаго уѣзда), какъ о человекѣ очень мягкомъ, но мало занимавшемся гимназіею; о законоучителѣ священникѣ Доронинѣ, человекѣ разумномъ и добромъ, умѣвшемъ какъ-то мягко обращаться съ воспитанниками. Учитель исторіи, Домбровскій, былъ человекъ нервный, очень строгій, но способный и привлекавшій вниманіе учениковъ интереснымъ изложеніемъ своего предмета. Учителю естественной исторіи Пржевальскіе не обязаны ничѣмъ—это былъ человекъ взбалмошный и мало знающій. Самое тяжелое воспоминаніе сохранилось о Соколовѣ—извергѣ, усиленно сѣкшемъ воспитанниковъ по субботамъ, „для собственнаго удовольствія“, какъ не разъ выражался Николай Михайловичъ. Вообще въ гимназіи „науки было мало, а свободы много и гимназисты не выглядывали такими стариками, какъ нынѣшніе, не ходили въ рипсе-пез или очкахъ и долго оставались дѣтьми часто шумными и драчливыми“. Къ числу сорванцовъ принадлежалъ и Николай Михайловичъ, подвергавшійся часто наказаніямъ дома и въ гимназіи. „Вообще, вспоминалъ онъ въ своей автобіографіи ³⁾, розогъ не мало мнѣ досталось въ ранней юности, потому что я былъ препорядочный сорванецъ, такъ что бывавшіе въ гостяхъ дере-

¹⁾ Собственноручная черновая записка, оставшаяся въ бумагахъ Н. М., отъ 6-го февраля 1862 года.

²⁾ Автобіографическія записки Н. М. Пржевальскаго. «Русская Старина» 1888 года, № 11, стр. 529.

³⁾ «Русская Старина» изд. 1888 г., № 11, стр. 530.

венскіе сосѣди обыкновенно совѣтывали моеѣ матери отправить меня современемъ на Кавказъ, на службу“.

Въ гимназіи онъ, по возможности, увертывался отъ наказаній и только одинъ разъ, будучи уже въ 6 классѣ, подвергся строгому взысканію. Однажды учитель чѣмъ-то не угодилъ его одно-классникамъ и рѣшено было уничтожить списокъ, въ которомъ ставились отмѣтки. Бросили жребій и онъ выпалъ на долю старшаго Пржевальскаго, который стащилъ списокъ и бросилъ его въ Днѣпръ. Всѣхъ подозрѣваемыхъ, въ томъ числѣ и Пржевальскаго, посадили въ карцеръ, пока не признается виновный. Послѣ нѣсколькихъ дней сидѣнья онъ признался въ своей винѣ и начальство постановило исключить его изъ гимназіи. Мать просила не исключать сына, а хорошенько его высѣчь за сдѣланную шалость. Ей отвѣчали, что учениковъ 6-го класса сѣчь нельзя, но на этотъ разъ сдѣлали исключеніе и виновный былъ высѣченъ и оставленъ въ гимназіи. Случай этотъ остался навсегда въ памяти наказаннаго и впоследствии онъ сильно возставалъ противъ отмѣны розогъ въ гимназіяхъ¹⁾.

— Чтѣ бы было со мною, говорилъ Николай Михайловичъ въ товарищескихъ бесѣдахъ, если-бы меня не отодрали, а исключили-бы изъ гимназіи,—навѣрно вышелъ-бы изъ меня повѣса изъ повѣса.

Скучный и тяжелый зимній періодъ гимназическаго курса проходилъ среди ожиданій праздниковъ Рождества, масленицы, Пасхи и каникулъ, когда Пржевальскіе получали разрѣшеніе отправиться въ свое Отрадное. Особенно ожидали они каникулъ, обыкновенно начинавшихся съ мая и продолжавшихся до октября, а иногда и до ноября. Подъ предлогомъ ремонта или перестройки зданія начальство само старалось протянуть каникулы, что, несомнѣнно, имѣло хорошую сторону для мальчиковъ, долѣе остававшихся въ домѣ родителей и не портившихся городской жизнью. Последняя была не по сердцу Николаю Михайловичу и съ наступленіемъ весны онъ чувствовалъ тоску и рвался на свободу. По словамъ доктора Сердечнаго, товарища по гимназіи, Пржевальскій употреблялъ всѣ средства и разные

¹⁾ Письмо Денисова Ф. А. Фельдману 21-го января 1839 г.

предлоги, чтобы убѣжать въ окрестности Смоленска побродить по лѣсамъ и полямъ. Онъ любовался природою, увлекался ею, жилъ ея жизнію и наслаждался ею. „Да, пусть говорятъ что хотятъ, писалъ онъ позже ¹⁾, но то вѣрно, что въ сочувствіи природѣ есть что-то особенное, что-то безконечно глубокое“.

Съ наступленіемъ каникулъ и съ возвращеніемъ въ Отрадное, оба брата помѣщались съ дядею Павломъ Алексѣевичемъ въ отдѣльномъ флигелѣ или, правильнѣе сказать, въ избѣ, въ которой стояли три кровати и находился незатѣйливый ихъ охотничій скарбъ. Сюда приходили они только ночевать, проводя весь день или на рыбной ловлѣ или на охотѣ.

Библиотеки въ Отрадномъ почти не было и читать было нечего. Въ то время помѣщики пріобрѣтали книги большею частію у разнощиковъ-коробейниковъ, ходившихъ по селамъ съ разнымъ мелочнымъ товаромъ и книгами. Онѣ состояли изъ сказокъ, житій св. отцовъ, разрозненныхъ журналовъ и проч. Всѣ купленныя книги прочитывались дѣтми съ увлеченіемъ, но о Пушкинѣ, Лермонтовѣ, Гоголѣ и другихъ новѣйшихъ писателяхъ знали тогда развѣ только въ городахъ, а братья Пржевальскіе, за все время своей жизни въ Отрадномъ, о нихъ и не слыхивали. Первыми книгами, прочитанными ими, была какая-то иллюстрація, а потомъ басни Крылова. За неимѣніемъ книгъ они проводили все время въ лѣсу вмѣстѣ съ дядею, страстнымъ охотникомъ. Николай Михайловичъ пристрастился къ охотѣ съ самыхъ юныхъ лѣтъ, слушая сказку Маварьевны объ „Иванѣ велькомъ охотникѣ“. Сначала онъ стрѣлялъ жолудями изъ игрушечнаго ружья, потомъ сдѣлалъ себѣ лукъ и, наконецъ, когда ему было лѣтъ 12, то получилъ оставшееся отъ отца ружье тульской работы ²⁾, изъ котораго и учился стрѣлять. Такъ какъ ружье было только одно, то братьямъ приходилось ходить на охоту по очереди или выпрашивать кремневая ружья у кого-либо изъ дворни. Дядя снабжалъ племянниковъ порохомъ и дробью, а дѣти увеличивали свои боевые запасы тѣмъ, что выбирали дробинки изъ заборовъ и собирали постоянно свинцовую

¹⁾ Воспоминанія охотника. «Журналъ Коннозаводства и Охоты» 1862 г., № 6.

²⁾ У этого ружья какъ-то расплюснулся конецъ ствола, его обрѣзали и въ такомъ видѣ употребляли въ дѣло.

бумагу, въ которую заворачиваютъ чай, топили ее на свѣчѣхъ и отливали пули.

Въ Отрадномъ была такая богатая охота, что, не уходя далеко, мальчики почти ежедневно доставляли дичь въ столу ¹⁾. На двѣнадцатомъ году отъ роду Николай Михайловичъ убилъ первую лисицу и, полный восторга, принесъ ее матери. Окровавленное платье сначала испугало ее, но потомъ, оправившись, она строго запретила сыну таскать такимъ образомъ дичь, но не лишила его возможности охотиться и бродить по лѣсамъ, окружавшимъ Отрадное.

Лѣса выработали въ немъ человѣка здороваго душою и тѣломъ, нравственно-чистаго, тонко-наблюдательнаго, неутомимаго и энергичнаго въ борьбѣ съ физическими и нравственными препятствіями и страстнаго охотника, не останавливавшагося ни передъ какими препятствіями. Онъ настолько увлекался охотою, что, замѣтивъ добычу, въ раннюю весну раздѣвался до нога, переходилъ черезъ ручьи и въ костюмѣ Адама продолжалъ дальнѣйшіе поиски ²⁾. Въ такихъ случаяхъ онъ забывался совершенно и не обращалъ никакого вниманія на происходившее кругомъ его.

Во время послѣднихъ смуть въ Польшѣ онъ находился въ отрядѣ генерала Ченгеры, преслѣдовавшемъ шайку Тачановскаго. Посланный съ однимъ казакомъ развѣдать о противникѣ, Николай Михайловичъ взялъ, конечно, съ собою ружье и собаку, которая скоро наткнулась на слѣдъ дичи. Онъ соскочилъ съ лошади, бросился вслѣдъ за собакою и въ пылу охоты не замѣтилъ появленія повстанцевъ, собиравшихся уже захватить его въ плѣнъ. Къ счастью, подоспѣлъ казакъ съ лошадыю и Пржевальскій едва успѣлъ ускакать отъ преслѣдователей.

Онъ родился охотникомъ. Твердость его руки и вѣрность глаза поражали всѣхъ, кто бывалъ съ нимъ на охотѣ. „Иногда рѣшительно являлся онъ виртуозомъ: бьетъ дробью волка, а изъ другаго ствола пулей владеть въ лѣтъ мелкую пичужку ³⁾.“

¹⁾ Въ одинъ сезонъ, по словамъ Владиміра Михайловича, они настрѣляли 540 штукъ разной дичи.

²⁾ Воспоминанія охотника. «Журналъ Коннозаводства и Охоты» 1862 г., № 7, 114.

³⁾ Нежпра. Воспоминанія о Н. М. Пржевальскомъ.

Однажды, находясь на опушкѣ лѣса, заросшаго лиственнымъ кустарникомъ, онъ убилъ двухъ тетеревей двумя выстрѣлами. Птицъ онъ сначала подманилъ ближе, а затѣмъ стрѣлялъ на шорохъ, не видя ихъ ¹⁾). Всегда лѣнивый, съ тяжелою и медленною походкою въ развалку, Николай Михайловичъ совершенно измѣнялся на охотѣ, былъ чутокъ ко всякому шороху и могъ ходить много и долго.

II.

Поступленіе въ военную службу.—Служба въ званіи вольноопредѣляющагося.—Производство въ офицеры.—Поступленіе въ академію генеральнаго штаба.—Возвращеніе въ полкъ.—Назначеніе полковымъ адъютантомъ.—Служба въ варшавскомъ юнкерскомъ училищѣ.—Жизнь въ Варшавѣ.—Причисленіе къ генеральному штабу, съ переводомъ въ Восточно-Сибирскій округъ.

1855—1866 гг.

Въ ранней молодости Николай Михайловичъ не увлекался литературою, но случайно прочитанная имъ книга „Воинъ безъ страха“ произвела на него сильное впечатлѣніе и рѣшила его судьбу. Написанная прекраснымъ языкомъ, книга эта убѣдила читавшаго юношу, что только слѣдуя описанному примѣру можно сдѣлаться добродѣтельнымъ, и Николай Михайловичъ рѣшился поступить въ военную службу. Онъ пересталъ готовить себя къ поступленію въ университетъ и по заявленіи объ этомъ гимназическому начальству былъ освобожденъ отъ изученія латинскаго языка. Имѣя всего 16 лѣтъ отъ роду, онъ окончилъ курсъ въ гимназій съ правомъ на первый гражданскій чинъ ²⁾ и былъ выпущенъ въ 1855 году, когда геройская защита Севастополя не сходила съ устъ и вызывала удивленіе всей Россіи.

Человѣкъ впечатлительный и энергичный, Николай Михайловичъ рвался на войну. „Геройскіе подвиги защитниковъ Севастополя, писалъ онъ нѣсколько лѣтъ спустя ³⁾, постоянно раз-

¹⁾ Замѣтки І. Л. Фатѣева.

²⁾ Что соответствовало медали.

³⁾ Воспоминанія охотника. «Журналъ Коннозаводства и Охоты» 1862 г., № 6—8.

горячали воображеніе 16-лѣтняго мальчика, какимъ я былъ тогда. Не имѣя ни малѣйшаго понятія о дѣйствительной обстановкѣ этой (военной) службы, читая постоянно увлекательные рассказы о подвигахъ разныхъ героевъ, я не иначе представлялъ себѣ каждаго, какъ Баярдомъ съ его знаменитымъ девизомъ: „sans peur et sans reproche“ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ той минуты, когда на дѣлѣ могъ видѣть все, о чемъ зналъ только по книгамъ“.

Обстоятельства сложились, однако-же, такъ, что пришлось ждать до сентября, когда мать могла отвезти его и брата Владимира въ Москву, для опредѣленія одного въ университетъ, а другаго—въ военную службу. Въ ожиданіи назначеннаго срока отъѣзда, Николай Михайловичъ проводилъ цѣлыя дни на охотѣ, и впоследствии называлъ это время нескончаемымъ рядомъ удовольствій и счастливѣйшимъ періодомъ всей его жизни. Охоту смѣняла верховая ѣзда и рыболовство, которому Николай Михайловичъ предавался точно также съ большимъ увлеченіемъ. „Въ небольшой рѣчкѣ, пишетъ онъ ¹⁾, протекавшей не много далѣе версты отъ нашего дома, было довольно рыбы, и я бывало, въ жаркій день, взявъ нѣсколько человѣкъ дворовыхъ, отправлялся на ловлю. Усердно всегда хлопоталъ я около заставленной сѣти съ одной стороны и натянувшагося бредня съ другой. Радостно билось сердце когда его подтягивали къ берегу, и серебристая плотва и окуни уже трепетали на мели. Впрочемъ, и самъ я не былъ только простымъ зрителемъ: раздѣвшись, я помогалъ или тянуть неводъ или болталъ около заставленной сѣти, и эта работа продолжалась до тѣхъ поръ, пока я не могъ попасть, какъ говорится, зубъ на зубъ“.

Въ такихъ занятіяхъ время проходило очень быстро и Николай Михайловичъ не замѣтилъ какъ наступилъ сентябрь, а съ нимъ и время отъѣзда изъ роднаго, любимаго гнѣздышка. Сборы въ далекій путь начались еще въ концѣ августа: исправляли коляску, приготавливали все необходимое и мать нѣсколько разъ ѣздила въ Смоленскъ для разныхъ закупокъ.

Наступило 4-е сентября 1855 года—день отъѣзда. Какъ ни

¹⁾ Воспоминанія охотника. «Журналъ Коннозаводства и Охоты» 1862 г., № 6—8.

рвался Николай Михайловичъ поступить въ военную службу, какъ ни казалась она ему привлекательною, но когда подошла часъ разлуки, когда приходилось оторваться отъ того, что съ самыхъ раннихъ лѣтъ было свято, мило и дорого, тогда онъ невольно чувствовалъ тоску и неизвѣстное будущее его беспокоило. Въ послѣдніе дни своего пребыванія въ Отрадномъ 16-ти лѣтній юноша находился въ мрачномъ расположеніи духа и чувствовалъ себя какъ-то неловко. Всѣ окружающіе предметы, на которые обыкновенно не обращалось вниманія, пріобрѣли теперь въ его глазахъ особенную цѣну, стали какъ-бы ближе и роднѣе. Онъ обошелъ на прощаньи всѣ любимыя мѣста, побывалъ и на болотѣ, гдѣ билъ много дичи, и, поднявшись на гору, посмотрѣлъ еще разъ на болото, далъ прощальный выстрѣлъ — салютъ и отправился домой. Наступившая ночь была проведена подъ впечатлѣніемъ близкаго отъѣзда и Николай Михайловичъ спалъ очень дурно. Утромъ всѣ встали рано и отправлявшіеся въ путь братья бродили безсознательно изъ угла въ уголъ. Повсюду они видѣли заплаканныя молчаливыя лица и чувствовали необходимость выйти изъ тяжелаго положенія и быстрымъ отъѣздомъ порвать натянутыя струны.

„Наконецъ, говоритъ Николай Михайловичъ, наступила роковая минута. Меня позвали къ матери; я вошелъ въ залъ. У большаго образа теплилась лампада, а на колѣняхъ передъ нимъ, съ горячими слезами, молилась мать моя. Въ углу стояла няня, нѣсколько дворовыхъ и всѣ плакали. „Станьте здѣсь и молитесь“, обратилась ко мнѣ и брату мать. Мы молча исполнили ея приказаніе. Глубокая тишина водворилась въ комнатѣ, изрѣдка прерываемая тяжкими вздохами. Наконецъ, мать встала и взяла образъ; я подошелъ къ ней. — „Да сохранить тебя Господь Богъ во всей твоей жизни“, сказала она и начала благословлять. Этой минуты не выпесла моя переполненная душа. Долго сдерживаемыя слезы разомъ брызнули изъ глазъ и я зарыдалъ какъ ребенокъ. Братъ тоже сильно плакалъ...

„Прощай, мой голубчикъ“, сказала, поцѣловавъ меня, старуха няня. — „Прощайте баринъ, прощайте, дай Богъ вамъ счастья“, слышалось со всѣхъ сторонъ. Да, это была минута тяжелаго испытанія, я не забуду ее никогда“.

Тяжелыя минуты разставанія окончились. Мать и два ея

сына съѣли въ коляску и отправились въ Москву. Тамъ Николай Михайловичъ, 11-го сентября 1855 года, поступилъ унтеръ-офицеромъ въ сводно-запасный Рязанскій пѣхотный полкъ 18-й сводной дивизіи, и, спустя нѣсколько дней, выступилъ въ походъ. Послѣ двѣнадцати-дневнаго перехода полкъ прибылъ въ Калугу. Молодому унтеръ-офицеру пришлось сразу испытать всѣ невзгоды походной жизни, дѣлать въ день по 30 и болѣе верстъ пѣшкомъ и питаться самою простою пищею. „Кормили насъ такими кушаньями, писалъ онъ въ первомъ письмѣ матери ¹⁾, что просто объѣденіе, вездѣ почти намъ давали щи, цвѣтомъ они были похожи на самыя грязныя помои, да и вкусомъ-то не много отличались отъ помой; но съ голодухи намъ и такія щи были хороши; на нѣкоторыхъ станціяхъ я покупалъ себѣ молоко и яйца; но инныя деревни были такъ хороши, что нельзя было достать и этого и тогда я долженъ былъ довольствоваться только этими щами“.

Въ Калугѣ Николай Михайловичъ простоялъ нѣсколько дней, успѣлъ купить и послать въ подарокъ матери калужскаго тѣста. „Тѣсто это бываетъ, писалъ онъ, сахарное и медовое; сахарное по 20 коп. фунтъ, а медовое по 10 коп. Я вамъ посылаю сахарное“.

Изъ Калуги полкъ двинулся въ Бѣлевъ, гдѣ всѣ юнкера и вольноопредѣляющіеся были собраны въ городъ и изъ нихъ составлена особая юнкерская команда. Пржевальскому отвели квартиру въ кухнѣ, въ которой, по его словамъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ было такъ холодно, что даже и въ то время, когда топилась печь, было 5 градусовъ морозу. Единственнымъ спасеніемъ были палаты, на которыя забирались всѣ желавшіе отогрѣться.

Ежедневно отъ 10 часовъ утра до часу пополудни юнкера должны были собираться въ манежъ на строевыя занятія. Подъ именемъ манежа былъ извѣстенъ длинный погребъ, выкопанный въ землѣ и настолько темный, что въ 20 шагахъ едва можно было различить человѣка. Сюда сходились юнкера въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ: кто безъ сапогъ, кто въ изорванномъ халатѣ, а кто и въ сюртукѣ безъ рукавоѣ. Это былъ, можно сказать, сбродъ порочныхъ людей, картежниковъ и пьяницъ, занимавшихся кражею вещей и пропиваніемъ ихъ въ кабакѣ.

¹⁾ Отъ 27-го сентября 1855 г., изъ Калуги.

„Всѣхъ насъ человѣкъ 60, писалъ Николай Михайловичъ матери ¹⁾, но большая часть изъ нихъ негодаи, пьяницы, вартешники. Видя себя между такими сотоварищами, невольно вспомнишь слова, что я буду алмазь, но въ кучѣ навоза. Впрочемъ, есть и хорошіе, но число ихъ весьма ограничено... Кормятъ меня здѣсь постоянно одними щами; но я покупаю гречневую крупу и варю изъ нея кашу, также иногда покупаю говядину на жареное; но чѣмъ я здѣсь объѣдаюсь—это сушеными дулями, которыя я покупаю по 10 коп. ассигнаціями за фунтъ. Чай я пью не всегда, потому что или иногда негдѣ нагрѣть его или такъ, не хочется. Чайникъ мѣдный я не купилъ себѣ, потому что здѣсь нѣтъ, а воду кипятить мнѣ хозяйка въ горшкѣ, изъ котораго я потомъ наливаю въ чайникъ; чаю у меня еще довольно, болѣе чѣмъ поль-фунта — его мнѣ хватить до самаго производства въ офицеры“.

Служба въ полку велась очень плохо, никто и ничего не дѣлалъ. На юнкеровъ не обращали вниманія, но съ солдатами обращались жестоко. Офицеры вели жизнь разгульную и проводили время среди картъ и пьянства. Поступившему къ полку новичку трудно было не поддаться общему теченію, но если ему это удавалось, то онъ заслуживалъ общее уваженіе среди товарищей-пьяницъ. Такъ Н. М. рассказываетъ объ одномъ изъ своихъ ротныхъ командировъ, который заставлялъ его пить, но, получивъ отказъ, говорилъ:

— „Изъ тебя, братъ, прозь будетъ“.

Полковая обстановка не особенно нравилась молодому и энергичному вольноопредѣляющемуся. Онъ ходилъ въ лѣсъ на охоту и часто тамъ плакалъ. Тогда онъ былъ еще такъ молодъ, что походилъ скорѣе на ребенка, чѣмъ на воина.

— „За что это тебя, спрашивали часто крестьяне,—такого молодого въ солдаты отдали?“

Прелесть военной службы, почерпнутая изъ книгъ, сразу рушилась и Николай Михайловичъ, переносясь мыслью къ родному Отрадному, просилъ мать взять его на праздники домой, чтобы хотя на нѣсколько дней забыть суровую и скучную обстановку военной жизни. Удалось ли ему исполнить свое желаніе,

¹⁾ Въ письмѣ отъ 3-го декабря 1855 г., изъ Бѣлела.

мы не знаемъ, но въ январѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1856 г. онъ находился въ той же, если не худшей, обстановкѣ, потому что финансовыя средства его совершенно истощились. Жилъ онъ на той же квартирѣ, питался такою же пищею, но ходилъ на ученые въ Бѣлевскій полкъ, въ которому былъ прикомандированъ. Полкъ готовился въ февралѣ къ походу въ Финляндію и предстояли смотры старшихъ начальниковъ, начиная съ бригаднаго командира. Все чистилось и охорашивалось и нижнимъ чинамъ выдавали полшубки и лапти ¹⁾. Походъ предстоялъ черезъ Москву и Петербургъ. Николай Михайловичъ ласкалъ себя надеждою повидаться съ братомъ и матерью.

Одиночество и жизнь среди не симпатичнаго общества еще болѣе привязали его къ семьѣ и онъ поддерживалъ постоянную переписку съ матерью, которой сообщалъ о всѣхъ мелочахъ полковой жизни, не исключая описанія новыхъ системъ ружей и патроновъ, выданныхъ нѣсколькимъ нижнимъ чинамъ.

Походъ въ Финляндію былъ, однако-же, отмѣненъ и, вмѣсто того, лѣтомъ 1856 г. полкъ двинулся въ г. Козловъ, Тамбовской губерніи. Этотъ походъ полка Николай Михайловичъ называетъ передвиженіемъ шайки грабителей, „потому что обыкновенно ничего не покупалось какъ людямъ, такъ и лошадямъ—все бралось даромъ. Въ этомъ соблюдалась очередь и разъ, когда пришелъ мой чередъ, я, между прочимъ, закололъ штыкомъ индюка, котораго потомъ съѣли на станціи“ ²⁾. Все это было въ обычаяхъ тогдашняго времени и Бѣлевскій полкъ не былъ исключеніемъ. Воровство на продовольствіе офицеровъ продолжалось и впослѣдствіи, такъ что, по словамъ Пржевальскаго, его человекъ, Иванъ Марковъ, постоянно кормилъ даромъ и офицеровъ и лошадей ³⁾.

Стоянка въ Козловѣ не отличалась ничѣмъ отъ предыдущихъ: та же разгульная жизнь и то же отсутствіе порядочнаго общества. Николай Михайловичъ обыкновенно или уходилъ на охоту, или проводилъ время съ однимъ изъ товарищей, съ которыми читалъ книги историческія, путешествія, романы и, получивъ въ гимназіи свѣдѣнія изъ зоологіи и ботаники, пристрас-

¹⁾ Письмо Н. М. матери, отъ 30-го января 1856 г.

²⁾ «Русская Старина» 1888 г., № 11, стр. 532.

³⁾ Тамъ-же.

тился въ собирацію растений. „Это, говоритъ онъ, навело меня на мысль, что я долженъ непремѣнно отправиться путешествовать“. Храня эту завѣтную мечту, онъ оставался, однако-же, въ военной службѣ и по окончаніи установленнаго срока, въ ноябрѣ (24-го) 1856 г., былъ произведенъ въ прапорщики въ Полоцкій пѣхотный полкъ, стоявшій въ родной ему Смоленской губерніи.

Измѣнилось мѣсто стоянки, измѣнилось названіе полка, но не измѣнилась служебная обстановка, тяготившая молодого офицера своимъ однообразиемъ и полною бездѣятельностію.

Въ началѣ 1860 г. Полоцкій полкъ былъ переведенъ въ г. Кременецъ, Волынской губерніи, и Николай Михайловичъ сталъ подумывать о томъ, какъ бы выйти изъ того безотраднaго положенія, въ которомъ онъ находился.

„Прослуживъ пять лѣтъ въ арміи, пишетъ онъ ¹⁾, потаскавшись въ караулъ и по всевозможнымъ гауптвахтамъ и на стрѣльбу со взводомъ, я, наконецъ, ясно созналъ необходимость измѣнить подобный образъ жизни и избрать болѣе обширное поприще дѣятельности, гдѣ бы можно было тратить трудъ и время для разумной цѣли. Однако, эти пять лѣтъ не пропали для меня даромъ. Не говоря уже о томъ, что они измѣнили мой возрастъ съ 17 на 22 года и что въ продолженіе этого періода въ моихъ понятіяхъ и взглядѣ на жизнь произошла огромная перемѣна,— я хорошо понималъ и изучилъ то общество, въ которомъ находился“.

Сознавая, что, оставаясь въ полку, неизбежно придется слѣдовать общему теченію, Николай Михайловичъ написалъ по начальству письмо, въ которомъ просилъ о переводѣ на Амуръ, но, вмѣсто отвѣта, его посадили подъ арестъ на трое сутокъ. Тогда онъ рѣшилъ избрать другой путь, болѣе правильный, и поступить въ Николаевскую академію генеральнаго штаба. Онъ сталъ усиленно готовиться къ экзамену, тѣмъ болѣе, что военныя науки ему были вовсе неизвѣстны и онъ долженъ былъ пройти ихъ самъ, не рассчитывая на чью либо помощь. Онъ просиживалъ за книгою часовъ по 16 въ сутки, а затѣмъ, не желая лишить себя самаго высокаго удовольствія, отправлялся на охоту, проводя все свободное время въ окрестностяхъ Кременца.

¹⁾ Въ собственноручной черновой запискѣ, оставшейся въ его бумагахъ и помѣченной 6-го февраля 1862 г.

Кременецъ бѣденъ и грязенъ, какъ и всѣ еврейскіе города западной Россіи, но зато окрестности его поражаютъ своею красотою. Отрасль Карпатскихъ горъ — Авратынскій хребетъ — идетъ здѣсь по направленію съ запада на востокъ и образуетъ прелестные ландшафты, которыми невольно любуется каждый. Къ сѣверу отъ горъ, покрытыхъ большею частью лиственнымъ лѣсомъ, тянется обширная равнина, сливающаяся съ широкимъ горизонтомъ. На этой равнинѣ, верстахъ въ 5—6-ти отъ города, протекаетъ рѣчка, извиваясь прихотливыми изгибами и образуя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болота и поемные луга.

„Великолѣпная панорама, говоритъ Николай Михайловичъ ¹⁾, представлялась съ вершины этихъ горъ, когда весною, во время разлива, всѣ низменности около рѣки были покрыты водою. Я никогда не забуду впечатлѣнія, произведеннаго на меня въ первый разъ этимъ видомъ. Когда я отправился на горы полюбоваться оттуда на весенній разливъ и когда предо мною, какъ широкое зеркало, открылась затопленная версты на двѣ въ ширину долина, теряющаяся въ безконечной дали, тогда невольный трепетъ пробѣжалъ по моимъ нервамъ и это былъ трепетъ безотчетнаго восторга. Великолѣпніе картины еще болѣе дополняло заходящее солнце, блѣдные лучи котораго отражались на свѣтлой поверхности водъ. Самая рѣка во многихъ мѣстахъ не замерзаетъ зимою, такъ что въ это время на ней постоянно держатся утки“.

Онѣ-то и привлекали къ себѣ страстнаго охотника, приходившаго сюда отдохнуть отъ усиленныхъ умственныхъ занятій. Всю весну 1861 г. однополчане почти не видѣли его, называли ученымъ, но въ общемъ были внимательны и Николай Михайловичъ съ удовольствіемъ вспоминалъ время, проведенное съ ними ²⁾.

Не имѣя понятія о тѣхъ требованіяхъ, которыя встрѣтитъ въ академіи. онъ думалъ, что на экзаменъ можно явиться не иначе, какъ изучивши глубоко каждый предметъ, и потому занимался усиленно почти въ продолженіе цѣлаго года. Всѣ предметы, кромѣ математики, къ которой, говоритъ онъ, „я питаю

¹⁾ Воспоминанія охотника. «Журналъ Коннозаводства и Охоты», 1862 г., № 6, стр. 129—131.

²⁾ «Русская Старина» 1888 г., № 11, стр. 538.

рѣшительное отвращеніе“, и уставовъ, онъ зналъ очень хорошо, а нѣкоторые даже отлично.

Послѣ предварительнаго испытанія въ корпусномъ штабѣ, Пржевальскій отправился въ Петербургъ безъ гроша денегъ. Одна знакомая ссудила его 170 р. съ тѣмъ, чтобы онъ отдалъ потомъ 270 р. Приѣхавъ въ столицу въ первый разъ, онъ остановился въ гостинницѣ около Варшавскаго вокзала и платилъ по 30 к. въ день за номеръ. Явившись въ военную академію, онъ съ ужасомъ узналъ, что всѣхъ желающихъ поступить приѣхало 180 человекъ.

— „Ну, думалъ я, говорилъ онъ,—вѣрно между ними найдется много такихъ, предъ которыми мои знанія будутъ какъ муха передъ слономъ, и былъ вполне увѣренъ, что придется ѣхать обратно во-свося“.

Но вышло наоборотъ—и Николай Михайловичъ поступилъ однимъ изъ первыхъ, такъ какъ половина явилась на экзаменъ совершенно неподготовленными и изъ 180 человекъ экзаменовавшихся было принято не болѣе 90 чел.

При первоначальномъ знакомствѣ поступившихъ между собою, Пржевальскій обращалъ на себя вниманіе. Онъ былъ высокаго роста, хорошо сложенъ, но худощавъ, симпатиченъ по наружности и нѣсколько нервенъ. Прядь бѣлыхъ волосъ надъ лѣвымъ теменемъ, при общей смуглости лица и черныхъ волосахъ, привлекала на себя невольное вниманіе ¹⁾.

Первое время онъ сильно бѣдствовалъ въ Петербургѣ и часто оставался совсѣмъ безъ обѣда. Безденежье было отчасти причиною, что Николай Михайловичъ сторонился товарищей, держалъ себя особнякомъ и ни къ какому кружку, на которые обыкновенно разбиваются слушатели академіи, не принадлежалъ. Лезціи онъ посѣщалъ аккуратно и въ свободное время много читалъ, преимущественно сочиненія историческія и по естественнымъ наукамъ, а военными предметами вовсе не занимался, не чувствуя къ нимъ ни малѣйшаго влеченія. Обладая громадною памятью, онъ былъ увѣренъ, что для экзамена ему не трудно будетъ усвоить военныя науки по литографированнымъ запискамъ

¹⁾ Воспоминанія М. Лаунца, товарища Пржевальскаго по академіи.

профессоровъ и что экзаменъ, во всякомъ случаѣ, онъ выдержитъ удовлетворительно. Такъ и было въ дѣйствительности.

Съ наступленіемъ лѣта, когда обучающіеся офицеры обыкновенно посылаются на съемку, Пржевальскій попалъ въ Боровичскій уѣздъ и все время охотился; съемка его оказалась плохою, планшетъ былъ грязный и перевернутый вверхъ ногами. Ему поставили 4 балла и едва не пришлось возвратиться въ полекъ; только благодаря прекрасному устному отвѣту изъ геодезіи и по другимъ предметамъ, онъ удержался въ академіи. Перебравшись въ старшій курсъ, онъ взялъ темой для своего сочиненія „Военно-статистическое обозрѣніе Приамурскаго края“. При тщательномъ и добросовѣстномъ изученіи источниковъ, онъ скоро написалъ свое сочиненіе и вполне удовлетворительно. Оно было вторымъ опытомъ его авторскаго пера, такъ какъ будучи еще въ младшемъ классѣ академіи и крайне нуждаясь въ деньгахъ, онъ написалъ „Воспоминанія охотника“ и снесъ статью въ редакцію журнала „Коннозаводства и Охоты“. Статья была принята ¹⁾, но редакторъ объявилъ, что гонораръ не будетъ выданъ, такъ какъ это первое произведеніе начинающаго автора. „Тѣмъ не менѣе, говоритъ Николай Михайловичъ, я былъ безконечно радъ, что статья явится въ печати ²⁾).

Въ маѣ 1863 года, съ началомъ польскаго возстанія, всѣмъ офицерамъ старшаго курса въ академіи было предложено, что если кто изъ нихъ желаетъ, не ѣздивши на съемку, отправиться въ Польшу, тотъ будетъ выпущенъ изъ академіи на льготныхъ основаніяхъ, съ правами втораго разряда. Въ числѣ первыхъ желающихъ былъ и Н. М. Пржевальскій, рѣшившійся возвратиться въ свой полекъ. Въ іюлѣ 1863 г. онъ былъ произведенъ въ поручики и назначенъ полковымъ адъютантомъ. Бывшій командиръ Полоцкаго полка, нынѣ генераль-лейтенантъ Нильсонъ, былъ тогда самъ человѣкъ новый и мало знавшій своихъ офицеровъ. Онъ встрѣчалъ большое затрудненіе въ выборѣ адъютанта, на мѣсто выбывшаго, когда ему доложили, что прибывшій изъ академіи въ полекъ офицеръ желаетъ ему явиться. Офицеръ этотъ былъ Николай Михайловичъ Пржевальскій. Пріятное

¹⁾ Напечатана 1862 г. въ №№ 6—8.

²⁾ «Русская Старина» 1868 г., № 11, стр. 534.

впечатлѣніе первой встрѣчи, а также и то обстоятельство, что онъ окончилъ академическій курсъ, побудили генерала Нильсона предложить ему мѣсто полковаго адъютанта. Принявъ эту должность почти съ перваго дня прибытія въ полкъ, Николай Михайловичъ былъ встрѣченъ радушно прежними товарищами и скоро заслужилъ общее уваженіе и любовь. Всѣмъ извѣстно, что полковой адъютантъ, какъ ближайшій докладчикъ командира, имѣетъ возможность пользоваться вліяніемъ въ полку. Вліяніе это зависитъ, конечно, отъ характера, способностей и большаго или меньшаго довѣрія командира полка къ своему адъютанту. При полной самостоятельности характера, устраненіи себя отъ всякихъ партійныхъ интригъ и при выдающихся способностяхъ, Пржевальскому не трудно было стать во главѣ общества офицеровъ и быть незамѣтнымъ для нихъ руководителемъ. Полковаго адъютанта уважали и прислушивались къ его мнѣнію, всегда прямому и откровенному; всѣ видѣли въ немъ человѣка честнаго, искренняго и съ теплымъ сердцемъ, всегда готовымъ на доброе дѣло.

Вотъ одинъ изъ образчиковъ того положенія, которое онъ занималъ среди офицеровъ.

Въ началѣ 1864 г. обнаружилось, что полковой квартирмейстеръ растратилъ значительную сумму казенныхъ денегъ и, конечно, подлежалъ суду и наказанію по всей строгости законовъ. Какъ только растрата сдѣлалась извѣстною, Николай Михайловичъ, пользуясь своимъ вліяніемъ на офицеровъ, рѣшился придти на помощь несчастному, спасти его и честь полка. Онъ разослалъ офицерамъ циркулярное письмо, въ которомъ выказалась вся теплота его сердца.

„Милостивые государи! писалъ Николай Михайловичъ. Товарищъ нашъ, поручикъ К., при сдачѣ должности полковаго квартирмейстера, оказался виновнымъ въ растратѣ 5,823 р. казенныхъ денегъ, изъ которыхъ 1,700 р. выданы имъ на вексель штабсъ-капитану Л., остальные дѣлились неизвѣстно куда.

„Хотя, конечно, всякому изъ насъ извѣстно, что эта растрата произошла только вслѣдствіе безпечности и слабости характера, но законъ не принимаетъ подобныхъ оправданій и поручикъ К. долженъ поплатиться своею службою за опрометчиво имъ принятое отъ насъ же предложеніе—быть полковымъ квартирмейстеромъ.

„Но дѣло это еще не безвозвратно, еще отъ насъ зависитъ спасти или погубить его. Подумаемъ же, какъ сдѣлать первое.

„Изъ недостающихъ денегъ, 900 рублей соглашается заплатить командиръ нашего полка, полковникъ Нильсонъ, 523 руб. прививается на себя поручикъ Юскевичъ, такъ что затѣмъ остается 4,400 р. (въ томъ числѣ вексель Л., по которому деньги будутъ современемъ взысканы и раздѣлены между заплатившими за поручика К., пропорціонально взносу каждаго), раздѣливъ которые на 36 состоящихъ на лицо въ полку офицеровъ, подписавшихъ выборъ поручика К., придется по 123 руб. на каждаго. Но эта цифра значительно уменьшится, если мы всѣ согласимся участвовать въ подпискѣ за поручика К., видя въ немъ только несчастнаго товарища, а не лицо, отвѣтственное передъ закономъ, тѣмъ болѣе, что во всякомъ случаѣ, даже если онъ будетъ отданъ подъ судъ, большей части изъ насъ придется заплатить не менѣе, какъ по 100 руб.

„Но неужели одни эгоистическіе расчеты могутъ руководить нами? Неужели мы будемъ хладнокровно смотрѣть, когда товарищъ нашъ надѣнетъ солдатскую шинель и съ горькими упреками и проклятіемъ будетъ вспоминать ту минуту, когда мы сдѣлали его квартирмейстеромъ? Нѣтъ, мы не допустимъ этого, мы покажемъ, что общество нашего полка руководствуется иными болѣе широкими принципами. Мы выручимъ К.

„Тогда каждый изъ насъ, съ полнымъ сознаниемъ величія благородства своего поступка, можетъ съ гордостью сказать я спасъ своего товарища; я сдѣлалъ святое, честное дѣло“.

Это письмо-воззваніе спасло офицера, спасло его семью и честь полка. Къ сожалѣнію, въ должности полковаго адъютанта Николай Михайловичъ оставался менѣе года. Все свободное отъ службы время онъ употреблялъ на чтеніе, охоту въ окрестностяхъ Петрова и въ средѣ офицеровъ бывалъ очень рѣдко, а отъ женскаго общества положительно бѣгалъ.

Не любя пересудъ о достоинствахъ и недостаткахъ какъ знакомыхъ, такъ и общественныхъ дѣятелей, онъ говорилъ, что женщины исключительно занимаются этимъ. Называя ихъ вообще фантазерками и судашницами, онъ мало цѣнилъ ихъ сужденія, относился къ нимъ съ недоувѣріемъ и бѣжалъ отъ ихъ общества, часто назойливаго и для него крайне непріятнаго ¹⁾.

¹⁾ I. Л. Фатѣевъ. Воспоминанія о Н. М. Пржевальскомъ.

„Всего болѣе радъ я тому, писалъ онъ въ послѣдствіи одному изъ своихъ спутниковъ по путешествію ¹⁾, что ты не хочешь жениться и не искушаешься выбранными для тебя невѣстами. Ихъ всегда будетъ довольно, да и время твое не уйдетъ, хотя бы ты пробылъ еще нѣсколько лѣтъ холостымъ. Вѣдь женитьба важнѣйшій шагъ въ жизни, на него нужно рѣшиться очень осмотрительно и не лѣзть добровольно въ петлю“.

Когда родные говорили ему, что надо жениться, что подъ старость онъ почувствуетъ свое одиночество и некому будетъ за нимъ ходить, Н. М. отвѣчалъ всегда отказомъ ²⁾.

— „Моя профессія не позволяетъ жениться, отвѣчалъ онъ обыкновенно.—Я уйду въ экспедицію, а жена будетъ плавать; брать же съ собою бабѣ я не могу. Когда кончу послѣднюю экспедицію—буду жить въ деревнѣ, охотиться, ловить рыбу и разрабатывать мои коллекціи. Со мною будутъ жить мои старые солдаты, которые мнѣ преданы не менѣе, чѣмъ была бы законная жена“.

Въ карты Н. М. игралъ очень рѣдко и притомъ всегда въ азартныя игры ³⁾. Самымъ любимымъ занятіемъ его было чтеніе сочиненій по естественнымъ наукамъ, по исторіи и описанію путешествій. Обѣдая постоянно у своего холостяго командира полка и проводя съ нимъ цѣлыя вечера въ бесѣдѣ, онъ мечталъ о жизни, подобной Левингстону въ Африкѣ.

Такъ прошло десять мѣсяцевъ и единственнымъ измѣненіемъ въ общественномъ положеніи Пржевальскаго было избраніе его дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго русскаго географическаго общества за доставленную имъ рукопись „Военно-статистическое обозрѣніе Приамурскаго края“. Хотя сочиненіе это было написано на заданную тему въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, но оно имѣло такія достоинства и было настолько выдающимся въ литературѣ того края, что обратило на себя вниманіе членовъ географическаго общества. Трое

¹⁾ Казаку Телешову, въ письмѣ отъ 5-го іюля 1887 года.

²⁾ Воспоминанія племянника В. В. Пржевальскаго.

³⁾ Впрочемъ, по свидѣтельству генерала Нильсона, за время пребыванія въ Полоцкомъ полку, Пржевальскій игралъ всего два раза, о чемъ каждый разъ говорилъ своему полковому командиру.

изъ нихъ: В. П. Безобразовъ ¹⁾, А. Г. Баркманъ и А. О. Штакельбергъ внесли предложеніе объ избраніи Пржевальскаго членомъ общества, какъ человѣка весьма много занимающагося и путешествовавшаго по Россіи. Изъ числа 56 человѣкъ присутствовавшихъ въ засѣданіи, Николай Михайловичъ получилъ 46 избирательныхъ голосовъ и съ 5-го февраля 1864 года состоялъ дѣйствительнымъ членомъ географическаго общества.

Между тѣмъ начальникъ 7-й пѣхотной дивизіи скоро обратилъ вниманіе на адъютанта Полоцкаго полка и, не спрашивая согласія ни его, ни командира полка, назначилъ поручика Пржевальскаго старшимъ адъютантомъ своего штаба ²⁾. Тяжелый и капризный характеръ начальника дивизіи былъ причиною того, что, черезъ два мѣсяца послѣ назначенія, Николай Михайловичъ подалъ прошеніе объ увольненіи въ 4-хъ-мѣсячный отпускъ, и 23-го іюля 1864 года былъ отчисленъ обратно въ полкъ.

Отправившись въ Отрадное, онъ проводилъ все время отпуска среди любимой имъ охоты и серьезнаго изученія зоологіи и ботаники. Чѣмъ болѣе онъ углублялся въ свои занятія, тѣмъ сильнѣе назрѣвала мысль объ осуществленіи завѣтнаго желанія отправиться въ отдаленныя, невѣдомыя страны и проникнуть туда, гдѣ не ступала еще нога европейца. Онъ мечталъ сначала идти по слѣдамъ Беккера для открытія истоковъ Бѣлаго Нила; но при этомъ часто вздыхалъ, говоря, что недостатокъ средствъ ³⁾ препятствуетъ исполненію этой мечты. Это послѣднее обстоятельство заставило его отказаться отъ странствованій по Африкѣ и обратить вниманіе на изученіе Азіи, путешествіе по которой казалось возможнымъ и при его служебномъ положеніи. Даже и тѣ части Азіи, въ которыхъ находились русскія войска, были мало или вовсе не изслѣдованы. Въ этомъ Николай Михайловичъ имѣлъ возможность убѣдиться, какъ только принялся за серьезное изученіе этой части свѣта. Приобрѣтаемыя на скудные остатки оберъ-офицерскаго жалованія книги не удовлетворяли его; ихъ было слишкомъ недостаточно для того, чтобы удовлетворить той научной

¹⁾ Академикъ, скончавшійся въ 1889 г.

²⁾ Записка генерала Нилъсона, бывшаго командира Полоцкаго полка.

³⁾ М. Лауницъ. Бѣглыя замѣтки изъ воспоминаній моихъ о покойномъ товарищѣ Н. М. Пржевальскомъ.

подготовкѣ, которую онъ считалъ необходимою для путешественника. Жажда знаній могла быть удовлетворена только въ какомъ нибудь научномъ центрѣ, гдѣ имѣлась обширная общественная библіотека, и Николай Михайловичъ рѣшился съѣздить въ Варшаву, чтобы похлопотать о поступленіи въ только что открытое тогда юнкерское училище. Въ Варшавѣ онъ встрѣтилъ своихъ бывшихъ товарищей по академіи генеральнаго штаба: М. Лауница и Желтухину. При содѣйствіи ихъ, при посредствѣ начальника училища подполковника Акимова ¹⁾ и помощника начальника штаба Варшавскаго округа генерала Черницкаго, онъ, въ декабрѣ 1864 года, былъ назначенъ взводнымъ офицеромъ въ училище и вмѣстѣ съ тѣмъ преподавателемъ исторіи и географіи.

Пребываніе въ Варшавѣ или, иначе говоря, варшавскій періодъ службы былъ однимъ изъ счастливейшихъ для Пржевальскаго и миѣ не разъ приходилось отъ него слышать, что Варшава окончательно сформировала его и оставила по себѣ самыя пріятныя воспоминанія. Изъ скучной и безотрадной стоянки, изъ полуневѣжественнаго общества, погруженнаго въ самые мелочные интересы, онъ очутился въ европейскомъ городѣ, обладающемъ научными средствами, среди товарищей по академіи, людей образованныхъ. Все это, конечно, въ самомъ корнѣ измѣняло положеніе Пржевальскаго и онъ могъ всецѣло предаться своимъ любимымъ занятіямъ.

Предъидущая служба и стремленіе не затеряться въ толпѣ и не поддаться общему теченію выработали въ немъ самостоятельность и твердость характера; недостатокъ средствъ въ юные годы службы ограничилъ его потребности и заставилъ довольствоваться самымъ необходимымъ, не допускать въ себѣ никакихъ привычекъ и существовать тѣмъ, что есть. Его живой, впечатлительный и пытливый умъ привыкъ сравнивать и обобщать все окружающее, давать всему должную цѣну и не увлекаться первыми впечатлѣніями. Всегда веселый и шутливый, онъ привлекалъ къ себѣ вниманіе и былъ одинаково любимъ, какъ товарищами, такъ и юнкерами. Послѣдніе его боготворили за то,

¹⁾ Василий Петровичъ Акимовъ, впоследствии былъ начальникомъ Павловскаго военнаго училища и умеръ въ этой должности въ чинѣ генералъ-лейтенанта.

что онъ всегда внимательно и любовно относился къ нимъ и ихъ трудамъ. Въ теченіи короткаго пребыванія въ училищѣ, Николай Михайловичъ успѣлъ сформировать прекрасную бібліотеку и внимательно руководилъ чтеніемъ юнкеровъ. Онъ смотрѣлъ на нихъ какъ на своихъ дѣтей, примѣнялся къ ихъ возрасту, подготовкѣ и стремился къ ихъ развитію. Исполняя должность дѣлопроизводителя, завѣдуя бібліотекой и читая лекціи по двумъ предметамъ, Николай Михайловичъ былъ въ училищѣ почти постоянно: его можно было видѣть тамъ ежедневно, и утромъ, и вечеромъ.

Вставалъ онъ всегда рано, часа въ четыре, и въ нижнемъ бѣльѣ садился заниматься. Кромѣ чтенія разныхъ сочиненій по исторіи и географіи, онъ спеціально изучалъ зоологію и ботанику, составлялъ записки географіи для юнкеровъ, которыя потомъ литографировались. Къ 8-ми часамъ утра онъ являлся въ училище и шелъ прямо въ классъ, гдѣ знаніемъ своего предмета и даромъ слова привлекалъ къ себѣ многочисленныхъ слушателей. Говорилъ онъ громко, ясно и увлекалъ юнкеровъ цитированіемъ на память обширныхъ выдержекъ изъ самыхъ блестящихъ представителей науки. Дѣлалъ это онъ не съ цѣлью блеснуть своею памятью или краснорѣчіемъ, а для того, чтобы вызвать у своихъ учениковъ охоту къ изученію предмета, такъ сказать, подогрѣть ихъ и направить къ самостоятельной работѣ. Только такими побужденіями и можно объяснить его снаровку во-время и встать продеklamировать на лекціяхъ подходящія страницы изъ извѣстныхъ авторовъ, чтобы побудить слушателей прочесть эти книги (а онѣ были въ бібліотекѣ училища) въ надеждѣ, что такое чтеніе еще успѣшнѣе подстрекнетъ ихъ къ серьезному труду.

„Я утверждаю, говоритъ человекъ, близкій къ Николаю Михайловичу ¹⁾, что не простое увлеченіе и трескотня фразами были въ методѣ Н. М., но извѣстный способъ воздѣйствія на учащихся и извѣстная цѣль, направленная къ развитію въ нихъ характера и пробужденія дремлющихъ умственныхъ силъ. Объ этомъ не мало было разговоровъ между дѣятелями училища, но Н. М. и по положенію въ средѣ преподавателей, и по таланту,

¹⁾ І. Л. Фатѣевъ, въ письмѣ Ф. А. Фельдману, отъ 7-го марта 1889 г.

и по разносторонности знаній, и по убѣжденности былъ полезенъ другимъ, и за нимъ юноши шли безъ оглядки на то, что изъ всего этого выйдетъ“.

Если бы въ рукахъ Николая Михайловича былъ другой матеріалъ, то, нѣтъ сомнѣній, онъ и дѣйствовалъ бы иначе. Но на юношей мало учившихся, бѣжавшихъ изъ другихъ школъ отъ книжной премудрости и имѣвшихъ не менѣе 20-ти лѣтъ отъ роду, только и можно было подѣйствовать увлекательнымъ, а не сухимъ чтеніемъ. Впослѣдствіи составъ юнкерскихъ училищъ значительно измѣнился и по подготовкѣ и по возрасту учащихся; имъ можно было предъявить болѣе строгія требованія въ знаніяхъ, но въ первое время существованія этихъ училищъ только увлекательный примѣръ, встатьи рассказанный анекдотъ или блестящая страница изъ путешествія могли разбудить дремлющія научныя силы.

Тѣмъ важнѣе заслуга того лектора, который умѣлъ вести дѣло такъ, что на его чтенія собирались юнкера изъ сосѣднихъ отдѣленій класса. Это обстоятельство возбуждало зависть и неудовольствіе другихъ преподавателей, жаловавшихся начальнику училища, въ самыхъ комическихъ формахъ, что Пржевальскій отбиваетъ у нихъ слушателей. Послѣдній не обращалъ на эти жалобы никакого вниманія и съ полнымъ жаромъ и энергіею предавался дѣлу воспитанія юношества. Онъ составилъ краткія, но весьма интересныя записки по общей географіи, никогда не пропускалъ лекцій и сверхъ того въ теченіе масляницы 1866 г. прочелъ четыре публичныхъ лекціи по исторіи географическихъ открытій, привлекшихъ массу постороннихъ слушателей, въ числѣ которыхъ были и профессора варшавскаго университета. Лекціи эти всегда читались съ благотворительною цѣлью и сборъ съ нихъ поступалъ въ пользу русскихъ семействъ, члены которыхъ погибли въ польскомъ повстаніи, или въ пользу недостаточныхъ студентовъ варшавскаго университета русскаго происхожденія.

Николай Михайловичъ былъ прекрасный лекторъ и справедливый въ оцѣнкѣ познаній своихъ учениковъ; система поощреній любимчиковъ находилась у него въ полномъ отсутствіи. Онъ былъ вполне безпристрастенъ и зачастую ставилъ 1 и 0 самымъ любимымъ юнкерамъ.

„Посѣщавшему его часто, говорить одинъ изъ его учениковъ ¹⁾, и довольно близко къ нему стоявшему юнкеру К. пришлось остаться на второй годъ въ классѣ за невыдержаніемъ экзамена именно по исторіи и географіи. Самъ Николай Михайловичъ настоялъ на этомъ. Ни слезы матери, ни увѣренія самого К., что онъ будетъ учиться, ни просьбы за него товарищей и начальниковъ—ни что не тронуло справедливаго рѣшенія Николая Михайловича.

На всѣ докучливыя моленія онъ отвѣчалъ намъ: „не буду ли я вамъ, юноши, смѣшонъ и жаловъ послѣ такой уступки? Гдѣ же справедливость? Переправивъ К. двойку на тройку, во имя той же справедливости необходимо сдѣлать и для А., для Р. и другихъ. Вспомните прекрасныя слова: я знаю одинъ народъ—человѣчество, одинъ законъ—справедливость“.

Юношество вообще отзывчиво на все справедливое и легко подчиняется силѣ и таланту,—оно легко подчинялось и Николаю Михайловичу, выходившему изъ ряда обыкновенныхъ людей. Своимъ вліаніемъ и стараніемъ развить природныя склонности своихъ учениковъ, Пржевальскій достигъ того, что многіе изъ его питомцевъ, по окончаніи курса въ юнкерскомъ училищѣ, поступали потомъ, для дальнѣйшаго образованія, на естественный факультетъ въ университетъ, или въ земледѣльческую академію и проч. Воспитательныя задачи Николая Михайловича достигались вполне и не разъ приносили ему нравственное наслажденіе.

Посвящая всецѣло училищу время отъ 8 до 12 часовъ и затѣмъ позавтракавъ гдѣ-нибудь на дорогѣ, Пржевальскій отправлялся въ зоологическій музей при варшавскомъ университетѣ или въ ботаническій садъ, гдѣ въ бесѣдахъ съ консерваторомъ музея В. К. Тачановскимъ, или съ директоромъ ботаническаго сада Александровичемъ, закрѣплялъ приобретенныя изъ книгъ свѣдѣнія ²⁾.

Къ 3-мъ часамъ онъ снова приходилъ въ училище и, пообѣдавъ у В. П. Акимова, тогда холостого, занимался текущею перенискою какъ правитель дѣлъ и библіотекою. Вечернихъ лекцій

¹⁾ Немпра. Воспоминанія о Н. М. Пржевальскомъ.

²⁾ І. Л. Фатѣевъ. «Воспоминанія о Н. М. Пржевальскомъ».

онъ не имѣлъ и большую часть вечеровъ проводилъ дома. Никакихъ общественныхъ увеселеній онъ не посѣщалъ, а театровъ положительно не любилъ. „Какъ человекъ вполне цѣльный и послѣдовательный, онъ не терпѣлъ самообмана. Этимъ и слѣдуетъ объяснить его нелюбовь къ театру и подобнымъ увеселеніямъ“ ¹⁾).

Погруженный въ свои занятія, онъ рѣдко ходилъ въ гости и то только къ товарищамъ и сослуживцамъ. Небольшой и довольно тѣсный кружокъ его близкихъ составляли офицеры генеральнаго штаба: М. Лауницъ, Желтухинъ, начальникъ юнкерскаго училища Авимовъ, инженеръ-капитанъ Энгель, І. Л. Фатѣевъ и немногіе другіе. Собираясь то у одного, то у другаго, часто поигрывали въ карты, „преимущественно въ азартныя игры, гдѣ, говоритъ одинъ изъ его товарищей ²⁾, Николай Михайловичъ исключительно металъ банкъ, собирая съ насъ иногда почтенную дань, которая совмѣстно съ деньгами, вырученными по изданію учебника географіи, и послужила основаніемъ скромнаго фонда при поѣздѣ его въ Сибирь“ ³⁾). Кромѣ этого общества онъ нигдѣ не показывался и если удавалась свободная минута, то уходилъ на охоту въ окрестности Варшавы.

Удовлетворяя природной страсти, охота была для него и необходимою, такъ какъ бывали случаи, что не имѣя возможности побывать на охотѣ, онъ затѣмъ слѣдующую недѣлю страдалъ головными болями и подвергался даже обморокамъ. Къ сожалѣнію, при тогдашнемъ политическомъ положеніи Царства Польскаго, охота была сопряжена съ нѣкоторыми затрудненіями и однажды ему, одѣтому въ охотничье платье, пришлось довольно долгое время отсидѣть въ циркулѣ (полицейской части), пока не разъяснились обстоятельства и его личность ⁴⁾

Такая строгость заставляла отказаться отъ частой охоты и Николай Михайловичъ проводилъ большую часть времени среди

¹⁾ І. Л. Фатѣевъ. «Воспом. о Н. М. Пржевальскомъ».

²⁾ М. Лауницъ. «Бѣглыя замѣтки изъ воспоминаній моихъ о покойномъ товарищѣ Н. М. Пржевальскомъ».

³⁾ При отправленіи въ Иркутскъ у него было 1,000 рублей.

⁴⁾ М. Лауницъ. «Бѣглыя замѣтки изъ воспоминаній моихъ о покойномъ товарищѣ Н. М. Пржевальскомъ».

молодежи въ юнкерскомъ училищѣ или у себя дома. Онъ былъ всегда окруженъ юношествомъ, что соответствовало его природнымъ наклонностямъ и стремленію вліять на другихъ и служило поддержкою живаго и веселаго настроенія духа. „Это обстоятельство, говоритъ І. Л. Фатѣевъ въ своихъ воспоминаніяхъ, при громадной впечатлительности Николая Михайловича, было необходимымъ условіемъ его житейской обстановки; иная обстановка—и онъ становился мнительнымъ, раздражительнымъ и неспособнымъ къ умственной работѣ. Любовь и преданность къ нему молодежи, живое и горячее ихъ отношеніе къ дѣлу подогрѣвало и его самого и держало всегда въ дѣятельномъ и живомъ напряженіи силъ. Онъ сознавалъ это и, съ своей стороны, ласками и заботами о молодежи проявлялъ свойственную ему нѣжность“.

Онъ заботился объ юнкерахъ, какъ отецъ о дѣтяхъ; два раза въ недѣлю раздавалъ имъ книги изъ сформированной имъ же бібліотеки и затѣмъ около 7 часовъ вечера, забравъ съ собою помощниковъ въ этомъ дѣлѣ, юнкеровъ: Пыльцова ¹⁾, Хотинскаго, а иногда пригласивъ и другихъ, отправлялся съ ними домой ²⁾).

Квартира его состояла изъ трехъ небольшихъ комнатъ съ самою обыкновенною оберъ-офицерскою обстановкою. Нѣсколько буковыхъ стульевъ, простой столъ, такая же кровать и ружья составляли все ея убранство. Но самыми дорогими для него предметами были: гербарій, составленный изъ флоры Смоленской, Радомской и Варшавской губерній, въ которыхъ онъ успѣлъ побывать, и полки, на которыхъ стояли книги научнаго содержанія. Беллетристику Николай Михайловичъ не особенно любилъ и ею мало интересовался, но газеты читалъ всегда и на нѣкоторыя изъ нихъ подписывался. Изъ поэтовъ онъ особенно любилъ Байрона и Лермонтова; „Демона“ зналъ наизусть и часто его декламировалъ. Изъ иностранныхъ авторовъ онъ сочувственно отзывался

¹⁾ Сопровождавшаго вполсѣдствіи своего учителя при путешествіи послѣдняго въ Монголію.

²⁾ Приглашеніе юнкеровъ дѣлалось съ разборомъ и преимущественно тѣхъ, въ которыхъ онъ подмѣчалъ выдающіяся способности, живой наблюдательный глазъ, любовь къ природѣ, страсть къ охотѣ и путешествіямъ.

о Викторѣ Гюго, изъ сочиненій котораго онъ помнилъ цѣлыя страницы. Его настольными книгами были „Картины природы“ Гумбольдта, „Азія“ Риттера и другія. На пріобрѣтеніе научныхъ сочиненій по своей специальности онъ затрачивалъ почти всѣ свободныя деньги; постоянно выписывалъ „Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“ и когда не хватало средствъ, то бралъ книги въ долгъ въ магазинѣ Кожанчикова, куда ходилъ почти ежедневно справляться о вновь вышедшихъ сочиненіяхъ. Знакомый со всѣми новостями, онъ дѣлился пріобрѣтенными познаніями съ своими учениками при помощи бесѣдъ въ училищѣ, во время дежурства, или у себя на квартирѣ.

Въ послѣднемъ случаѣ, онъ заготовлялъ для своихъ гостей-юнкеровъ обильное угощеніе и тратилъ на это много денегъ. Преданный ему вполнѣ слуга Заякинъ былъ мастеръ готовить разнаго рода водянки: грушевую, яблочную и другія. Николай Михайловичъ самъ любилъ ихъ очень, всегда имѣлъ въ запасѣ цѣлыя боченки и угощалъ ими своихъ гостей. Въ кругу знакомыхъ и близенхъ онъ былъ извѣстенъ за челоѵка въ высшей степени добраго, довѣрчиваго, радушнаго и гостепріимнаго. Приглашая гостей, онъ всегда придерживался русской пословицы: „что есть въ печи, все на столѣ мечи“. Онъ былъ самъ большой охотникъ много и сладко покусать; ѣлъ онъ всегда скоро, любилъ, чтобы гости слѣдовали его примѣру, не копались, но насыщались, какъ говорится, „вплотную“¹⁾. Страсть эта съ годами все усиливалась, способствовала ожиренію, что, впрочемъ, его крайне раздражало и, въ концѣ концовъ, отчасти была причиною его ранвременной кончины.

¹⁾ Николаю Михайловичу подали большую миску супу, говоритъ одинъ изъ присутствовавшихъ во время обѣда. По размѣру посуды я думалъ, что вѣроятно, онъ ожидаетъ когонибудь изъ гостей; но каково было мое удивленіе, когда, между разговорами, онъ уничтожилъ все содержимое въ мискѣ, затѣмъ налилъ полъ-стакана краснаго вина, залпомъ выпилъ его, потомъ стаканъ сельтерской воды и приказалъ подавать второе блюдо, которое заключалось въ подобной же мискѣ, но меньшихъ размѣровъ. Въ этой мискѣ находилось три куса бифштекса, которые были уничтожены одинъ за другимъ, при этомъ повторилось заиваніе ихъ краснымъ виномъ поподаемъ съ сельтерской водой». (Воспоминанія Валентина Большева).

По словамъ одного изъ частыхъ посѣтителей Николая Михайловича ¹⁾, „за чаемъ, вмѣстѣ съ хлѣбомъ, вареньемъ, конфетами, подавались колбаса, сыръ, сардины, яблока, фиги, финики и апельсины, а затѣмъ передъ уходомъ—сельди, семга и лососина, вмѣсто ужина. Горячихъ ужиновъ не приготавливалось, такъ какъ Николай Михайловичъ стола дома не держалъ. Виномъ насъ не угощали и самъ не пилъ.

„Мы никогда не стѣсняли его и не мѣшали ему, да онъ и не принадлежалъ къ числу такихъ лицъ, которыя церемонятся. Чутьемъ мы знали, когда онъ намѣревался заниматься; тогда никто изъ насъ не дерзалъ войти въ ту комнату, гдѣ онъ сидѣлъ. Въ такихъ случаяхъ брали мы съ завѣтныхъ полокъ книги и просиживали цѣлый вечеръ за чтеніемъ. Случалось, бывали и такіе дни, когда мы уходили не видавъ его, пробывши въ квартирѣ его 6—7 часовъ. Зайкинъ въ такіе вечера, подавая чай и всевозможныя закуски, грозилъ намъ пальцемъ и говорилъ безпрерывно шопотомъ: „Тише, тише, господа юнкера, Николай Михайловичъ не уважаютъ шуму, когда въ книжку читаютъ“. Затѣмъ онъ наливалъ чай, влилъ на тарелку яства и на дыпочкахъ входилъ безмолвно къ своему господину“

Около 9-ти часовъ вечера юнкера уходили и Николай Михайловичъ обыкновенно ложился спать. Исключеніе составляли тѣ немногіе вечера, когда собирались у него товарищи, офицеры генеральнаго штаба, офицеры юнкерскаго училища, студенты естественнаго факультета варшавскаго университета, консерваторъ зоологическаго музея Тачановскій ²⁾ и вольнопрактикующій препараторъ Робертъ Кёхеръ, ополячившійся нѣмецъ. Въ такомъ обществѣ хозяинъ любилъ побесѣдовать и часто не отпускалъ своихъ гостей до глубокой ночи. Любимыми темами для разговоровъ, конечно, были естественныя науки и исторія, причемъ лучшимъ историкомъ Пржевальскій считалъ Юганна Шерра.

— Вотъ это я понимаю, говорилъ онъ,—вотъ это исторія.

¹⁾ В. Немира. «Воспоминанія о Н. М. Пржевальскомъ».

²⁾ Услугами котораго Николай Михайловичъ пользовался впослѣдствіи, когда послѣ перваго путешествія пріѣзжалъ въ Варшаву для опредѣленія вида новыхъ птицъ.

На исторію надо смотрѣть, какъ на зеркало, въ которомъ отражаются всѣ глупости человѣческія.

Пользы современной цивилизаціи для человѣчества онъ не признавалъ и говорилъ, что статистическія данныя доказываютъ, что прогрессъ не можетъ возмѣстить человѣчеству его нравственныхъ утратъ за послѣдній вѣкъ.

Возникавшіе вопросы и обмѣнъ мыслей по естественной исторіи оживляли Николая Михайловича; онъ всегда старался захватить инициативу разговора и стать во главѣ бесѣдующихъ. Здѣсь онъ обнаруживалъ громадную начитанность, умѣнье обобщать и подмѣчать характерныя особенности. Онъ увлекался и своею рѣчью увлекалъ другихъ. „Ваше письмо, писалъ ему одинъ изъ товарищей много лѣтъ спустя ¹⁾, какъ нѣкогда ваше присутствіе, имѣетъ что-то такое, что будитъ душу, требуетъ оглядки. Вы были мнѣ близки, какъ человѣкъ, возлѣ котораго всегда глубже чувствовалось, шире думалось. Помню хорошо какъ вы умѣли и любили дѣлиться вашею любовью къ прекрасному „Божьему міру“. Природа, съ ея безчисленными красотами, увлекала Н. М. Пржевальскаго, манила къ себѣ и его постоянно преслѣдовала мысль о путешествіи, о розысканіяхъ въ странахъ неизслѣдованныхъ, но для осуществленія этой мечты пока не предвидѣлось никакихъ средствъ. Онъ былъ не болѣе какъ штабсъ-капитанъ Полоцкаго пѣхотнаго полка и первыя попытки его перейти въ генеральный штабъ не удавались, главнымъ образомъ, потому, что фамилія его казалась польскою. Только участіе помощника начальника штаба варшавскаго округа, генераль-маіора Черницкаго, помогло дѣлу и оказало громадную услугу наукѣ.

Въ мартѣ 1866 года, генераль Черницкій отправилъ докладную записку начальнику военно-учебныхъ заведеній, генераль-адъютанту Н. В. Исакову, въ которой просилъ о командированіи штабсъ-капитана Пржевальскаго на службу въ Туркестанскій край, для перевода впослѣдствіи въ генеральный штабъ.

„Офицеръ этотъ, прибавлялъ Черницкій ²⁾, при обширныхъ

¹⁾ Аркадій Беневицкій, въ письмѣ отъ 25 января 1874 г.

²⁾ Въ докладной запискѣ отъ 12-го марта 1866 г. Арх. главн. штаба, дѣло канцеляріи. № 82.

познаніяхъ въ географіи, исторіи и статистикѣ, будетъ весьма полезенъ для составленія статистическаго обзорѣнія нашихъ областей въ Средней Азій, до сихъ поръ еще мало изслѣдованныхъ“.

Ходатайство Черницкаго было передано начальнику главнаго штаба графу Гейдену, при слѣдующей запискѣ генераль-адъютанта Н. В. Исакова ¹⁾:

„Вотъ, любезный графъ Федоръ Логгиновичъ, просьба Черницкаго изъ Варшавы о Пржевальскомъ. Я его видѣлъ въ преподаваніи; онъ, кажется, очень способный и бойкій офицеръ; онъ желаетъ дѣятельности и не можетъ ея тамъ удовлетворить“.

Прошло восемь мѣсяцевъ и Николай Михайловичъ, не получая никакого отвѣта, рѣшился возобновить свою просьбу. Въ октябрѣ, начальникъ штаба варшавскаго округа, генераль-лейтенантъ Минквицъ, просилъ о причисленіи штабсъ-капитана Пржевальскаго къ генеральному штабу и о назначеніи его, если не въ туркестанскій округъ, то въ войска, расположенныя въ Восточной Сибири ²⁾. При этомъ, два дня спустя, генераль Черницкій писалъ Г. В. Мещерининову ³⁾: „Зная лично этого офицера съ весьма хорошей стороны. я независимо сдѣланнаго представленія, считаю долгомъ и съ своей стороны покорнѣйше просить ваше превосходительство о причисленіи названнаго офицера, тѣмъ болѣе, что онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ условіямъ службы въ генеральномъ штабѣ“.

Такъ какъ Пржевальскій былъ выпущенъ изъ академіи на льготныхъ правахъ, по второму разряду, и не держалъ выпускнаго экзамена, поэтому въ главномъ штабѣ являлся вопросъ, будетъ ли онъ соотвѣтствовать всѣмъ условіямъ службы въ генеральномъ штабѣ? Сомнѣнія разсѣялись, когда начальникъ академіи генераль Леонтьевъ заявилъ, что, въ теченіи двухъ-лѣтняго пребыванія въ академіи, Пржевальскій былъ извѣстенъ какъ способный и усердный офицеръ ⁴⁾. Тогда 17-го ноября 1866 года

¹⁾ Отъ 7-го мая 1866 г. Арх. главн. шт., дѣло канцеляріи, № 82.

²⁾ Отношеніе генерала Минквица въ главный штабъ, 20-го октября, № 6532.

³⁾ Помощнику начальника главнаго штаба, въ письмѣ отъ 22-го октября, за № 6,502.

⁴⁾ Письмо генерала Леонтьева генералу Мещерининову 7-го ноября 1866 г.

послѣдовалъ приказъ ¹⁾ о причисленіи его къ генеральному штабу, съ назначеніемъ для занятій въ восточно-сибирскій округъ.

Ученики и товарищи съ грустью узнали о такомъ перемѣщеніи, но самъ Николай Михайловичъ былъ въ восторгѣ и торопился уѣхать къ новому мѣсту служенія.

Н. Э. Дубровинъ.

¹⁾ По генеральному штабу отъ 17-го ноября 1866 г.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ РИСОВАЛЬНАЯ ШКОЛА

въ воспоминаніяхъ одной изъ ея ученицъ

1862 — 1876.

31-го октября 1899 г. минуло полъ-вѣка со времени учрежденія С.-Петербургской рисовальной школы для вольно-приходящихъ учениковъ и ученицъ,—одного изъ полезнѣйшихъ учрежденій столицы.

«Русская Старина» находитъ совершенно своевременнымъ представить на своихъ страницахъ воспоминанія одной изъ ученицъ этого учебнаго заведенія, художницы въ области рисованія и гравированія на деревѣ и въ то же время извѣстной писательницы, съ 1873 г. сотрудницы почти всѣхъ лучшихъ русскихъ періодическихъ изданій для дѣтей ¹⁾—Софья Ивановна Лаврентьева.

Ред.

I.

Я поступила въ школу въ январѣ 1862 года. Школа находилась тогда на Васильевскомъ островѣ, у Дворцоваго моста, въ зданіи, принадлежащемъ биржѣ. Тамъ-же помѣщалась и постоянная выставка—«Общества поощренія художествъ».

Директоръ школы, Михаилъ Васильевичъ Дьяконовъ ²⁾, былъ высокаго роста, худоцавый старикъ, съ серьезнымъ нѣсколько суровымъ, взглядомъ пристальныхъ свѣтло-голубыхъ глазъ, съ роскошной гривой совсѣмъ бѣлыхъ волосъ и такой-же густой бородой и усами. Онъ

¹⁾ «Дѣтское Чтеніе», «Воспитаніе и Обученіе»—имѣтъ «Родникъ», «Игрушечка» (съ 1861 г.). Кроме того С. И. Лаврентьева писала въ журналахъ—«Наблюдатель» и «Русская Мысль».

Ред.

²⁾ Умеръ въ 1836 году, уже оставивъ «Рисовальную школу».

смѣялся рѣдко; но когда смѣялся, то смѣялось все его лицо, всё его черты и въ особенности глаза, которые тогда какъ-то свѣтились и становились до крайности добрыми. Ходилъ онъ всегда въ черномъ бархатномъ сюртучкѣ и какихъ-то беззвучно мягкихъ сапогахъ, такъ что незамѣтно подкрадывался къ вамъ, и часто ловилъ врасплохъ за болтовней, которую не любилъ. Это былъ, несмотря на свою наружную суровость, добрѣйшій человѣкъ, всегда готовый послѣднимъ грошемъ помочь нуждавшемуся, выведшій въ люди не одного бобыля и страстно преданный своему дѣлу.

Онъ жилъ совершеннымъ аскетомъ, въ крошечной комнатѣ, раздѣленной перегородкой. Въ одной части была его спальня, въ другой,—нѣсколько большихъ размѣровъ.—соединялось все: и салонъ, и кабинетъ, и мастерская. Трудно было вообразить что-либо болѣе загроможденное! Вы едва повертывались, безпрестанно наткаясь то на круглый столъ передъ скромнымъ диваномъ, съ наваленными на немъ фоліантами; то на громадные портфели, виднѣвшіеся всюду на полу, приставленные къ стѣнамъ или къ огромной этажеркѣ, съ полками, заваленными всякой всячиной. У единственнаго окна стоялъ большой столъ, оставляя только узкій проходъ между собой и вышеупомянутымъ столомъ передъ диваномъ. Чего-чего только не было на этомъ столѣ, гдѣ хозяинъ комнаты и работалъ, все еще продолжая заниматься рисованьемъ, преимущественно акварелью, такъ какъ, помимо званія директора, онъ преподавалъ въ школѣ и акварельную живопись. Въ школы у него было нѣсколько уроковъ масляной живописи. И вотъ на этомъ-то рабочемъ столѣ, между разными вещами художественнаго достоинства, были навалены кисти, палитры, всевозможныхъ сортовъ краски: въ плиткахъ, пузырькахъ, оловянныхъ сосудахъ и пр. Но сколько интереснаго и высоко художественнаго заключали въ себѣ всѣ портфели и фоліанты этой комнаты!

Была у Дяконова еще крошечная комната; но тамъ онъ помѣстилъ бѣднаго молодого художника, вполне обязаннаго ему своей карьерой. Это былъ Маляренко, способный, простой мальчикъ, подъ крылышкомъ Дяконова оперившійся, развившій свои способности, нѣкоторое время преподававшій въ младшихъ классахъ школы и получившій затѣмъ мѣсто учителя рисованія въ симферопольской гимназій. Къ чести г. Маляренко должно прибавить, что онъ никогда не забывалъ благодарностей своего патрона.

Ходилъ Дяконовъ, какъ я уже сказала, въ черномъ бархатномъ сюртучкѣ, который я застала еще свѣжимъ, который состарѣлся на моихъ глазахъ, но новымъ такъ и не замѣнился, уступивъ въ позднѣйшія времена мѣсто суконному. Не знаю въ какой верхней одеждѣ

ходилъ онъ зимой, такъ какъ зимой его на улицѣ я не встрѣчала; но не разъ встрѣчала въ теплую пору, торопливо возвращавшагося съ частныхъ уроковъ, въ широкомъ плащѣ и мягкой черной шляпѣ à la Рубенсъ, — то и другое весьма уже пожившее. Изъ его частныхъ уроковъ особенно былъ оригиналенъ одинъ, гдѣ онъ съ двумя старушками, своими сверстницами, малевалъ образа для сельской церкви одной изъ нихъ. По расчету, обѣимъ ученицамъ съ учителемъ хватало сверхъ полутора ста лѣтъ.

Миръ праху твоему, честнѣйшій труженикъ, съ скромными способностями, узвимъ карманомъ и широкимъ сердцемъ!..

Была у насъ въ школѣ еще надзирательница при женскихъ классахъ, Елизавета Ивановна Вернеръ, бывшая ученица школы, — женщина очень образованная, съ мягкимъ голосомъ и пріятнымъ румянымъ лицомъ. Ходила она постоянно въ черномъ, держала себя съ большимъ достоинствомъ и чрезвычайно мило и деликатно относилась къ ученицамъ. Она, какъ и Дьяконовъ, обожала шволу и принимала горячо къ сердцу все, до нее касавшееся, смотри и на ученицъ какъ на что-то близкое, родное. Елизавета Ивановна квартировала въ школѣ не имѣла, а жила отдѣльно. Какъ она, такъ и Дьяконовъ получали тогда по двадцати-пяти рублей въ мѣсяцъ жалованья

II.

Въ день моего поступленія въ школу Дьяконовъ повелъ меня, черезъ небольшой корридоръ, въ комнату надѣво, стоявшую совсѣмъ особнякомъ и заключавшую младшій или первый классъ. Комната была очень невзрачная, съ голыми стѣнами, выкрашенными вазенной желтой краской, съ длинными черными покатыми столами, поставленными чинно, рядами, и соломенными стульями.

Учителя еще не было и Дьяконовъ самъ поставилъ передомной, на отдѣльномъ высокомъ столикѣ, сложную фигуру изъ разнovidныхъ частей папье-маше. Я должна была рисовать итальянскимъ карандашемъ. Вскорѣ пришелъ учитель, маленькій, черный челоуѣкъ, съ полнымъ румянымъ лицомъ, — безъ всякой растительности, — въ сущности очень добродушнымъ, но которому онъ старался придать серьезное и даже строгое выраженіе. Это былъ Нотбекъ. Метода его была тушевка самая тщательная, съ конопаткою, т. е. задѣлываніемъ всѣхъ неровностей между штрихами въ косую клѣтку. Любимыми его выраженіями было: «это надо прочувствовать» и: «надо, чтобы тушевка играла». Такими «прочувствованными» рисунками съ «играющей

тушевкой» онъ любовался съ умиленіемъ, озарившимъ, будто сіяніемъ, все его широкое лицо и особенно игравшимъ въ улыбки.

Мы съ нимъ сразу поладили. Испортивъ свою руку прежнимъ мелкимъ штрихомъ, много рисуя миниатюрныхъ копій карандашемъ, мнѣ было крайне трудно справляться со штрихомъ широкимъ, съ рисованьемъ «планами»; — «конопатка» же Нотбека припала мнѣ съ руки, и я не переставала цѣнить его какъ чистотою и легкостью контура, — что было тоже его слабостью, — такъ и тщательной, «играющей» конопаткой, и опъ съ перваго же рисунка стала пророчески предсказывать мнѣ, что я буду: «хорошо, славно рисовать!» Предсказаніе это, увы, сбылось только въ тѣсномъ «нотбековскомъ» смыслѣ, такъ какъ, выработавъ еще болѣе тщательности и чистоты, вмѣстѣ съ развитіемъ правильности рисунка и его пониманія, я никакъ не могла приобрести размахистость и ширину штриха.

Нотбекъ былъ очень внимателенъ къ своимъ ученицамъ, хотя весьма неровенъ: то строго придирался къ каждой черточкѣ, заставляя безпрестанно передѣлывать, то безъ всякихъ разговоровъ усаживаясь поправлять и увлекшись, готовъ былъ самъ отдѣлать весь рисунокъ. Поправляя, онъ любилъ поговорить и въ особенности про себя, про свой грандіозный талантъ, — образцовъ котораго никто изъ насъ, однако, не видалъ, — про прежнихъ профессоровъ академіи и ихъ занятія, впадая въ паеосъ, и принимая тогда особенный, юпитеровскій видъ. Академіей же собственно онъ не восхищался и рассказывалъ разные курьезы объ ея беспорядкахъ. Такъ, напр., рассказалъ онъ, какъ въ академической кладовой хранилась огромная мозаичная картина работы Ломоносова, которая стояла на двухъ деревянныхъ подпоркахъ. Одна изъ подпорокъ полгнила и упала, причежъ картина покосилась на одну сторону и, отъ собственной тяжести, стала входить въ земляной полъ кладовой. Когда бдительные стражи спохватились, то уже порядочный клинъ картины былъ въ землѣ, а выгруженный оттуда оказался лишеннымъ мозаики, выпавшей изъ картины вслѣдствіе сырости.

Отъ него же узнала я прошлое нашей рисовальной школы, состоявшей прежде подъ вѣдѣніемъ министерства финансовъ, очень о ней заботившагося и щедро снабжавшаго ее всѣмъ необходимымъ. Эти благотворныя для нея времена продолжались до тѣхъ поръ, пока, по протекціи Чернышева, не сдѣланъ былъ попечителемъ школы нѣкто Рейсихъ, ни аза не понимавшій въ искусствѣ, состоя до того, чѣмъ-то, если не ошибаюсь, при дворцовыхъ конюшняхъ. Весьма понятно, что за порядки завелъ въ храмъ искусствъ этотъ жрецъ, имѣвшій до того дѣло съ лошадками и конюхами! Все стало прихо-

дить въ упадокъ; пошли неурядицы и жалобы министру (Броку); тому это надоѣло и онъ просилъ, чтобы избавили министерство отъ завѣдыванія школой, которая и отошла къ академіи художествъ. Рейсихъ съумѣлъ вооружить противъ школы и академію, съ которой задумалъ состязаться и даже перешеголять ее. Академія игнорировала свое новое дѣтище, не заботилась о ея нуждахъ, такъ что то, что послѣ долгаго попечительства Рейсиха съумѣло сохранить и нѣсколько подновить позднѣйшее начальство школы, было еще остаткомъ прежнихъ цвѣтущихъ временъ.

Когда я поступила въ школу, Нотбекъ занимался въ двухъ классахъ: въ первомъ, который я только что описала, и во-второмъ, гдѣ рисовали съ черныхъ оригиналовъ. Этотъ классъ, однако, вскорѣ совсѣмъ уничтожили. Въ первомъ классѣ, послѣ различныхъ геометрическихъ фигуръ изъ папье-маше, рисовали гипсовыя арки, ворота, лѣстницы и пр., а также части человѣческаго тѣла. По уничтоженіи оригинальнаго класса, вторымъ сталъ классъ рисовки съ гипсовыхъ масокъ (орнаментовъ тогда еще не рисовали въ женскихъ классахъ), гдѣ преподавала бывшая ученица школы — Хилкова. Въ третьемъ классѣ рисовали съ цѣлыхъ бюстовъ и даже статуй, иногда при вечернемъ освѣщеніи, — тамъ тогда училъ Чистяковъ. Последнимъ или четвертымъ классомъ былъ классъ натурный, гдѣ практиковалась уже масляная живопись. Натура допускалась только «одѣтая», и цѣлыхъ фигуръ не писали, а или поисныя, или поколѣбныя. Тамъ училъ тогда Бейдеманъ. Кромѣ этихъ «обязательныхъ» классовъ, былъ еще, по пятницамъ ¹⁾ классъ акварельный, гдѣ было два преподавателя: для старшаго класса — Премацци, а для остальныхъ (младшій совсѣмъ къ акварели не допускался) — самъ Дьяконовъ. Премацци, однако, почти тотчасъ-же по вступленіи моемъ въ школу, оставилъ преподаваніе и его замѣнилъ Келлеръ.

Всѣ эти классы для меня, новичка, были тогда чѣмъ-то священнымъ, недосягаемымъ; тѣмъ болѣе, что въ нашихъ билетахъ (гдѣ были расписаны всѣ классные дни и правила), стояло между прочимъ: «тишину въ классѣ не нарушать разговорами со своими соученицами и изъ класса въ классъ, безъ особенной необходимости, не переходить». Поэтому мои первые классные дни я строго держалась въ предѣлахъ нашей невзрачной комнаты и только, когда приходилось относить свой портфель въ особо назначенную для того темноватую комвату, — съ вѣкоторымъ почтеніемъ проходила черезъ двѣ обширныя свѣтлыя комнаты, съ рисунками и гипсами по стѣнамъ. Но еще

¹⁾ Обязательные классы были по вторникамъ и четвергамъ, съ 12 часовъ до 3-хъ.

большее почтение и даже нѣкоторое благоговѣніе возбуждала во мнѣ третья, дальнѣйшая комната, въ сторонѣ, въ которой видѣлись мольберты для картинъ масляной живописи. Войти туда, не имѣя надобности, я считала преступленіемъ и только любовалась стоявшими, для просушки, въ темноватой комнатѣ съ портфелями. — этюдами счастливицъ старшаго класса, не безъ нѣкоторой важности пробѣгавшихъ мимо младшихъ ученицъ, иногда съ палитрами и кистями и въ каленкорovýchъ передникахъ, перешачивавшихъ масляными красками.

Всѣхъ ученицъ въ тотъ годъ было въ школѣ всего 65-тъ; по замѣчанію г-жи Вернеръ, между ученицами было очень много способныхъ и занимались всѣ съ большимъ прилежаніемъ, не отъ нечего дѣлать, а вполне отдаваясь своему призванію.

III.

Еще въ началѣ года, въ школѣ стали ходить слухи о предполагаемыхъ, по воскресеньямъ, вечерахъ, на манеръ «пятницъ» художниковъ. Наконецъ, 4-го марта, состоялся первый такой вечеръ.

Я пріѣхала въ школу довольно рано: было всего двѣ — три ученицы. Дьяконовъ, съ озабоченнымъ видомъ, мягко носился мимо. Елизавета Ивановна одѣвала натурщицъ. Наши классныя комнаты совершенно преобразились. Въ большой комнатѣ втораго класса рисовальныя столы всѣ были убраны; вмѣсто нихъ посреди тянулся длинный столъ, съ набросанными на немъ альбомами, полными превосходныхъ рисунковъ, присланныхъ изъ дворца в. к. Маріи Николаевны и отъ нѣкоторыхъ любителей и художниковъ, а по концамъ стола: стереоскопы съ фотографіями и различные журналы. Въ этой же комнатѣ стоялъ роуль. Въ слѣдующемъ барельефномъ классѣ былъ посаженъ манекенъ въ костюмѣ «Свѣтланы», гадающей передъ зеркаломъ, — для желающихъ заняться рисованьемъ. Далѣе, въ масляномъ классѣ, стояла натурщица, хорошенькая дѣвочка, въ легкой розовой одеждѣ, въ серебряной діадемѣ, съ бѣлыми крыльями за плечами, изображавшая гения, вѣнчавшаго лаврами бюстъ кого-то изъ великихъ художниковъ. Въ этой же комнатѣ находился столъ съ чайными принадлежностями. Постоянная выставка, соединенная со школой дверью изъ третьяго класса, была теперь тоже открыта для посѣтителей и прилично освѣщена.

Ученицъ явилось довольно много. Всѣ наши преподаватели были тоже въ сборѣ. Былъ и Чистяковъ, съ русой бородкой, и Бейдеманъ, съ быстрыми глазками и восторженной рѣчью, и степенный Нотбекъ

и сладко-улыбавшаяся Хилкова, съ неизмѣнными янтарями на шеѣ. Дьяконовъ, какъ духъ, тихими шагами, скользилъ взадъ и впередъ по комнатамъ. Изъ постороннихъ художниковъ этотъ разъ никто не явился. Плохо клеилась и музыка. Двѣ барышни играли на фортепiano; моя сестра, имѣвшая очень хорошій голосъ и прѣхавшая со мной гостей,—довольно много пѣла. У насъ составилось знакомое общество, усѣвшееся прилежно рисовать и весело болтать, не боясь нарушенія классной тишины.

Черезъ недѣлю послѣ этого перваго вечера, ученицы старшихъ классовъ, преимущественно четвертаго, чуть не учинили бунтъ, найдя, вѣроятно съ умысломъ оставленную въ ихъ классѣ, бумагу, съ отчетомъ Дьяконова объ этомъ вечерѣ, который писалъ, что онъ замѣтилъ, какъ дамы небрежно, будто съ лубочными картинками, обращались съ альбомами, и что онъ вообще замѣчаетъ, что, не смотря на образованіе и любовь къ искусству, мы еще не дозрѣли!... Это, конечно, всѣхъ взорвало и онѣ рѣшили послѣ класса идти съ нимъ объясняться, а бумагу взяли къ себѣ.

Не будучи въ числѣ «посвященныхъ», не знаю подробностей объясненія; знаю только, что дѣло окончилось миролюбиво, а послѣ втораго вечера отчетъ былъ болѣе благосклоннымъ и гласилъ, что порядка на вечерѣ было больше, больше было рисующихъ и вообще онъ надѣется, что мы, съ Божьей помощью, пойдемъ впередъ на пользу искусства и пр.

Этотъ второй вечеръ былъ и точно болѣе оживленнымъ и болѣе многолюднымъ. Изъ постороннихъ художниковъ явились Боголюбовъ, симпатичная личность, съ открытымъ русскимъ лицомъ и большой темной бородой, и Лагорію, живой, веселый, съ смѣющимися бойкими глазами и крошечной бѣлокурой бородкой и усами. Для рисованья, вмѣсто «Свѣтланы»—«Шла дѣвица за водой» съ перекинутымъ черезъ плечо коромысломъ съ ведрами; геній парилъ по прежнему, а кромѣ того согласилась позировать, спокойно усѣвшись въ кресло, одна изъ очень красивыхъ ученицъ школы.

Вечера эти продолжались, однако, не долгое время, а затѣмъ со всѣмъ прекратились, какъ-то не привившись.

Въ концѣ марта я перешла во второй классъ, къ немалому огорченію Нотбека, и принялась за гипсовыя маски, сначала плохо справляясь съ углемъ, которымъ нужно было набрасывать контуръ. Хилкова занималась съ нами довольно небрежно, никогда ничего порядкомъ не растолковывая. Вмѣстѣ съ тѣмъ Дьяконовъ позволилъ мнѣ заниматься у него, по пятницамъ, акварелью. Метода его была очень странна. Вначалѣ онъ заставлялъ пейзажъ нарисовать карандашемъ,

а потомъ его, по карандашу, разрисовывать или сепіей, или цвѣтными красками. Когда же переходили къ чистой акварели, то онъ практиковалъ не рисунки «планами», а «пунктирами», заставляя мелкими штришками оттушевывать даже фонъ картины, какъ бы онъ ни былъ великъ.

Въ концѣ мая, передъ каникулами, былъ у насъ годовой экзаменъ ¹⁾. Пронсходилъ онъ, собственно, при закрытыхъ дверяхъ и безъ нашего личнаго присутствія. Участниками были: все школьное начальство и всѣ преподаватели. Назначались медали (только серебряныя, малая и большая), денежные награды, въ весьма скромныхъ размѣрахъ; письменныя одобренія на самыхъ рисункахъ, въ формѣ: «объявляется похвала», а на остальныхъ ставились нумера, т. е. лучший рисунокъ получалъ № 1 и т. д.

Каникулы продолжались два мѣсяца: іюнь и іюль. Классы начались съ первыхъ чиселъ августа. Позже это было измѣнено и перенесено на сентябрь, что было лучше, такъ какъ въ августѣ ученицъ приходило очень мало.

Помню, какъ являсь, со всѣмъ усердіемъ, первый же классъ послѣ каникулъ своего перваго года, я нашла въ школѣ всего шесть ученицъ, чѣмъ и ограничилось; да и эти шесть бродили какими-то сонными мухами, не рѣшаясь приняться за дѣло. Самые гипсы со стѣнъ смотрѣли такъ кисло, будто хотѣли сказать: «И охота же вамъ приходить такъ рано! Идите себѣ, гуляйте!» Въ открытое окно залетала легкій вѣтерокъ съ Невы, что сверкала голубой гладью, облитая горячимъ солнцемъ. Громады Зимняго дворца и адмиралтейства, съ его сіяющимъ шпиремъ, казались насквозь раскаленными. Изъ преподавателей явились только Хилкова, буель д'амурн которой, не смотря на жару, держались на лбу очень исправно, и всегда преданный своему дѣлу Бейдеманъ.

Послѣ каникулъ произошла перемѣна и въ преподавателяхъ, такъ какъ Чистяковъ оставилъ школу и въ третьемъ классѣ сталъ учить Нотбекъ, къ немалому огорченію ученицъ, пришедшихъ въ негодованіе отъ его манеры заставлять до крайности конопатить. Недовольна была и я, — въ концѣ года переведенная въ третій классъ, снова попавъ къ нему, уже начиная привыкать къ болѣе широкому штриху Хилковой, у которой получила даже № 1-ый.

¹⁾ Другой бывалъ передъ Рождествомъ.

VI.

Третій классъ былъ тогда самый оживленный и говорливый. Совсѣмъ въ сторонѣ, не проходной, по немъ рѣже другихъ скользила неслышная тѣнь Дьяконова, одинъ видъ котораго невольно клалъ печать молчанія на уста. Къ тому же тутъ, въ то время, находилось нѣсколько личностей чрезвычайно оригинальныхъ, которыя и были заводчиками безконечныхъ разсужденій и даже, нерѣдко, споровъ.

Особенно отличались трое, сидѣвшіи большею частью, рядомъ. Одна изъ нихъ К., съ горбатымъ носомъ и быстро мигавшими глазами, подъ синими очками, съ совершенно мужскимъ лицомъ (даже маленькими усиками) и манерами, проповѣдывала громко, увѣренно, педантическимъ тономъ, слегка заикаясь и все опровергая. Она занималась чѣмъ-то въ родѣ адвокатуры, что не мѣшало ей безпрестанно торчать за кулисами итальянской оперы. Ея прототипомъ была С., маленькая, худенькая, немного кривобокал, съ чрезвычайно подвижнымъ лицомъ и бойко прыгавшими глазками. Она тараторила безъ умолку, безпрестанно задѣвая К. и вызывая ее на споръ. Между ними садилась Д., малороссіянка, уже не молодая, съ некрасивымъ, но чрезвычайно добрымъ лицомъ, черными, какъ уголь, глазами и черными же огромными бандо волосъ. Она была серединой между педантическими разглагольствованіями К. и бойкой болтовней С., довольно медленно, смѣшнымъ малороссійскимъ говоромъ разсказывая нескончаемые анекдоты и новости, никому еще не извѣстныя и которыя, по большей части, оказывались ложными. Иногда къ нимъ присоединялась еще четвертая барышня В., бѣленькая блондинка, съ горячими голубыми глазами, любившая потолковать объ отвлеченныхъ предметахъ, по временамъ впадая въ экзальтацію и тогда нѣсколько заправлявшаяся.

О чемъ только не заводили онѣ разговоръ! Музыка смѣняла литературу; политическіе вопросы—живопись, философія—театральныя новости. Затѣмъ шли исчисленіе любимыхъ яствъ каждаго (это больше передъ концемъ класса, когда желудокъ начиналъ напоминать о себѣ), воспоминанія дѣтства, городскія сплетни и нескончаемые анекдоты Д. Не говорили только о модахъ: этимъ вопросомъ у насъ какъ-то совсѣмъ не интересовались. Иногда, если затронутый вопросъ былъ очень интересенъ, тогда и другія вступали въ разговоръ и мало по малу онъ дѣлался общимъ, охватывая всѣхъ какъ волну. Иногда возникавшій споръ разрастался до размѣровъ, разбивавшихъ въ прахъ

пунктъ школьных постановленій о тишинѣ, и тогда широкое розовое лицо Нотбека принимало озабоченное выраженіе, робко обращаясь къ дверямъ, въ боязни увидѣть въ ней тѣнь Банко...

— Базаровъ ¹⁾ это вполнѣ интелектъ... Начинала К. педантическимъ тономъ, заикаясь и быстро мигая мышинными глазками, подъ синими очками.

— Тамберликъ?.. Да онъ совсѣмъ съ голоса спалъ! Вотъ Кальцодари!.. Спорить съ кѣмъ нибудь, громко тараторя, С.

— Нѣтъ, нѣтъ, что ни говорите, «Мученики» Флавцаго ²⁾ это такая прелесть!.. Восхищаетъ съ экстазомъ В.

Итакъ далѣе. А кругомъ молчаливо смотрять на насъ всѣ эти Апполоны, Германики, Ниобеи, Лаокооны и Геркулесы во всей ихъ классической красотѣ и вѣковомъ величии...

Въ третьемъ классѣ я пробыла цѣлое полугодіе, почти не мѣняя мѣста, сидя на возвышеніи у окна, рисуя, сначала съ чудесной огромной головы Спасителя въ терновомъ вѣницѣ, а затѣмъ со статуи во весь ростъ «Полимніи», граціозно закутанной въ прозрачную ткань. Когда я окончила ее, — приведи въ умиленіе Нотбека, — мнѣ не дожидаясь предканикулярныхъ экзаменовъ, чтобы не терять свѣтлаго времени, разрѣшено было начать масляными красками съ гипса. Я выбрала опять-таки ту же голову Спасителя, такъ какъ, кромѣ ея красоты, она была удобна еще тѣмъ, что ее никто другой въ то время не рисовалъ и она оставалась неподвижной.

Въ это время Бейдеманъ, (котораго въ старшемъ классѣ замѣнилъ Келлеръ, оставившій акварель, всецѣло перешедшую въ руки Дьяконова), занялся исключительно композиціями, обязательными только для старшаго класса. Но онъ предложилъ и нашему классу заняться тѣмъ же, задавъ для першаго раза эскизъ «Молочницы», за что взялась и я.

Бейдеманъ сначала приходилъ по пятницамъ, а потомъ по вторникамъ, отъ 10 часовъ до 12. Тутъ я впервые познакомилась съ нимъ. Это была прекрасная личность, честная, прямая, поэтичная, вполнѣ художникъ-энтузіастъ, говорившій объ искусствѣ съ экстазомъ и поклонившійся ему съ благоговѣніемъ весталки, поддерживавшей ведромъ священный огонь своей богини. Когда онъ съ жаромъ и блескомъ въ глазахъ говорилъ объ искусствѣ, онъ вполнѣ наэлектризовывалъ и тогда казалось, что еще больше начинаешь любить это

¹⁾ Герой романа И. С. Тургенева: «Отцы и дѣти».

²⁾ «Мученики въ Кошзее» — картина, явившаяся на выставку въ 1863 г.

искусство, еще оцѣнительнѣе чувствуешь на себѣ его святое вліяніе, и еще ревностнѣе хотѣлось ему отдаться!....

Всего болѣе придавая значеніе фантазіи, онъ иногда увлекался болѣе, чѣмъ того заслуживалъ рисунокъ, интересный по композиціи, но грѣшившій противъ правильности; но, окладивъ нѣсколько своей первоначальной жаръ, онъ набрасывался и на технику, строго относясь къ ошибкамъ, совѣтуя все окончательно вырисовывать съ натуры, и, для развитія вѣрности взгляда и памяти, совѣтывалъ даже рисовать на память не только видѣнныхъ нами людей, но и фигуры изъ прежде видѣнныхъ картинъ и рисованныхъ нами гипсовъ.

Сюжеты для сочиненій онъ выбиралъ иногда довольно странные, какъ напр. «Домби и сынъ» (изъ романа Диккенса), — «Невѣста, ожидающая жениха», — «Наталья Долгорукая» (изъ поэмы Козлова), что для простыхъ эскизовъ было слишкомъ замысловато, по исключительной обстановкѣ того времени; а разъ даже увлекся библейскимъ сюжетомъ, задавъ «Избіеніе младенцевъ», но, увидя полнѣйшее, всеобщее несочувствіе, больше такихъ сюжетовъ не касался

V.

Съ осени этого года (1863) я перешла въ натурный классъ масляной живописи, гдѣ тогда преподавалъ Келлеръ ¹⁾. Хотя еще не достигнувъ въ то время до того совершенства въ портретной живописи, которымъ отличается нынѣ, — Келлеръ все же и тогда былъ уже большимъ мастеромъ и понималъ свое дѣло; но я поступила къ нему въ неблагопріятное время, когда, начавъ давать уроки рисованія великой княжнѣ Маріи Александровнѣ ²⁾, куда онъ и уходилъ изъ школы. — онъ являлся къ намъ во фракѣ, озабоченный; слегка обѣгалъ всѣхъ и въ половинѣ урока исчезалъ, сѣдша во дворецъ....

Для меня, только что принявшей за живопись и натуру, было очень трудно справиться почти безъ указаній и я мазала съ плеча, какъ въ потемкахъ, пользуясь только совѣтами своихъ соученицъ. Классъ у насъ былъ тогда превосходный. Во главѣ всѣхъ стояли семь звѣздъ: Воронова, Стефанъ, Гаугеръ, Кочетова, Гаврилова, Михальцева и Павлова. Это все были дѣвушки образованныя, художественно-развитыя, съ страстной любовью къ искусству и энергіей.

¹⁾ Нынѣ профессоръ.

²⁾ Нынѣ герцогиня Эдинбургская.

Любо было смотрѣть, какъ бывало, въ своихъ передникахъ, вооружась палитрой и кистями, онѣ принимались писать, такъ и подзадоривая другихъ и въ то же время, не угрюмо-молчаливыя, а весело переговариваясь. Всѣхъ серьезнѣе были Воронова и Стефанъ, всѣхъ озабоченнѣе — Гаугеръ, всѣхъ веселѣй Кочетова, которая, смѣясь и болтая, набрасывала хорошенькій рисунокъ и затѣмъ, также весело, стирала его—сдѣлавъ уже вполонину.—если не была имъ вполнѣ довольна, и начинала снова. Эта смѣлость приводила въ изумленіе такого неумѣлаго новичка, какимъ была я. Гаврилова,—красивая дѣвушка, чрезвычайно скромная и тихая,—отличалась мягкостью и изяществомъ рисунка; много женственной мягкости было и у Павловой, менѣе, впрочемъ, всѣхъ талантливой. Михальцева, съ сильно развитымъ воображеніемъ, казалось, вся состояла изъ нервъ и, отдаваясь искусству, вкладывала въ него всю душу. Она была, какъ Бейдеманъ, весталкой искусства. Но самыми серьезными художницами тогда были Воронова, Стефанъ и Гаугеръ.

Къ выдающимся художницамъ того времени можно присоединить и Эндаурову ¹⁾, хотя она и мало занималась масляною живописью, больше рисуя съ натуры растущей и акварелью. Это была очень красивая дѣвушка, съ величавымъ типомъ Діаны, очень изящная, какъ все, что она рисовала, всегда серьезно занятая и сосредоточенная. Она держалась нѣсколько въ сторонѣ отъ другихъ ученицъ и, вскорѣ послѣ моего перехода въ натурный классъ, оставила школу, уѣхавъ въ деревню, откуда присылала рисунки, заслужившіе ей на экзаменахъ всѣ медали, какъ большія, такъ и малыя.

Съ осени этого года началось цвѣтущее время школы. Во-первыхъ, къ классу композиціи, которая все болѣе и болѣе расширялась, присоединился классъ перспективы. читавшійся Марковымъ.

Въ первый разъ Марковъ появился въ школѣ вмѣстѣ съ Бейдеманомъ, который, осматривъ всѣ поданные ему эскизы композицій и сдѣлавъ свои замѣчанія, передавалъ ихъ Маркову, для отысканія въ нихъ ошибокъ по перспективѣ. Слѣдующій разъ онъ уже пришелъ одинъ въ пятницу, до 12 часовъ,—что и дѣлалъ впоследствии. — въ полной формѣ, во фракѣ, и началъ читать, такъ сильно конфузясь, что даже дрожалъ и чертилъ на доскѣ кривыя линіи. Но и дальнѣйшія его лекціи мало приносили намъ пользы. Самъ,—какъ было извѣстно,—хорошій знатокъ своего дѣла, онъ, однако, яснымъ изложеніемъ его не отличался. Толкованія его были такъ запутаны, что

¹⁾ Нынѣ Е. М. Бѣмъ, наша извѣстная, талантливая художница, прославившаяся своими граціозными силуэтами.

тѣ, кто до того перспективой не занимались, выходили изъ класса съ сумбуромъ въ головѣ, находя потомъ единственную опору въ нашихъ первоклассникахъ, проходившихъ перспективу ранѣе, на дому. Въ классѣ же, мы только, ничего не понимая, слѣпо копировали его чертежи, стараясь улизнуть отъ него. чтобы не выдать своего абсолютнаго непониманія той тарабарской грамоты, которую было для насъ его изложеніе.

Но главнымъ событіемъ, ознаменовавшимъ этотъ сезонъ и внесшимъ въ школу новый свѣтъ,—было появленіе Крамскаго преподавателемъ рисовки съ натуры растушкой, съ толкованіемъ анатоміи. Онъ сталъ приходить по пятницамъ, съ 12 часовъ, только для старшаго класса, совсѣмъ оставившаго акварель съ оригиналовъ.

Первая натурщица, которую рисовали у него при мнѣ, была баба, въ старомъ шушунѣ, съ платкомъ на головѣ. Рисовали растушками, сухимъ соусомъ ¹⁾. Съ перваго же урока я вполнѣ раздѣлила восторгъ всѣхъ ученицъ, уже имѣвшихъ понятіе объ его занятіяхъ; съ перваго же раза можно было оцѣнить все совершенство его преподаванія! Онъ былъ неутомимъ, всѣ часы своихъ занятій переходя отъ одной ученицы къ другой, не переставая дѣлать замѣчанія, поразительныя по вѣрности взгляда и простотѣ изложенія, для всѣхъ понятнаго. Онъ былъ необыкновенно краснорѣчивъ и въ то же время такъ ясенъ, что вы сразу понимали чтò отъ васъ требовалось. Знаніе его анатоміи человѣческаго тѣла было такъ превосходно, что ни одна, сама малѣйшая ошибка не проскользала мимо его внимательнаго взора: ни одной ошибки онъ не дарилъ вамъ, тотчасъ же ее карая, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, все это высказывалось просто, съ замѣчательнымъ тактомъ и деликатностью. Указывая ошибки, онъ въ то же время читалъ цѣлыя лекціи пластической анатоміи, на память набрасывая скелеты, или одѣвающие ихъ мускулы и мышцы, владѣющіе тѣми или другими движеніями и сокращеніями.

Съ февраля мѣсяца слѣдующаго 1864 года онъ сталъ учить и въ третьемъ классѣ, такъ какъ Нотбекъ былъ переведенъ во второй на мѣсто Хилковой, которой отказали. (Вскорѣ Нотбекъ совсѣмъ оставилъ школу и былъ замѣненъ Корзухинимъ).

Третій классъ встрѣтилъ Крамскаго съ ликованиемъ. Да и не одинъ третій классъ: ликовали всѣ, такъ какъ при этомъ онъ сталъ приходить въ школу всѣ три классные дня: вторникъ и четвергъ для третьяго класса и пятницу для нашего,—и открывалась

¹⁾ Мягкій черный порошокъ. Онъ же, смоченный водою называется мокрый соусомъ и тогда рисуютъ уже не растушками, а мягкими кистями.

возможность прибѣгать къ его помощи и совѣтамъ всѣмъ и каждому, и никому не было въ томъ запрета. Онъ приходилъ въ классъ раньше всѣхъ другихъ преподавателей и къ нему стремились: и съ композиціями, не дождавшись Бейдемана, и съ этюдами масляной живописи, до прихода Келлера, и съ принесенными изъ дома набросками, и съ анатомическими чертежами. И для всѣхъ у него былъ радушный пріемъ, дѣльный совѣтъ, мѣткое замѣчаніе и все это облеченное въ спокойно-деликатную форму вполне развитаго человѣка. Нѣкоторые изъ нашего класса, до прихода Келлера, располагались въ третьемъ классѣ рисовать съ анатомической гипсовой фигуры; я же зачастую переселялся туда и во время класса, оставляя живопись послѣ ранняго исчезновенія Келлера.

Уроки Крамского были для насъ какимъ-то откровеніемъ и мы смотрѣли на него, какъ на апостола, впервые возвѣстившаго намъ ту истину, о которой мы до того инстинктивно мечтали....

VI.

Въ осень 1863 г. появилась на академической выставкѣ картина Ге «Тайная вечеря».

Дьяконовъ водилъ насъ въ академію смотрѣть ее еще до открытія выставки для публики,—что онъ не разъ дѣлалъ и съ другими выставками. Оригинальность композиціи, выраженіе всѣхъ лицъ, особенно лица Спасителя, смѣлое освѣщеніе и широкая размахистость кисти—все это привело насъ въ восторгъ! Партія поклонниковъ академической рутинѣ, привыкшихъ къ симметрическому расположенію фигуръ за вытянутымъ столомъ, возмущалась отступленію отъ пріемовъ, освещенныхъ еще со временъ древнихъ мастеровъ, съ Леонардо да Винчи во главѣ; возмущалась, яко-бы, слишкомъ разгорѣвшимися лицами апостоловъ и особенно Христа, пустивъ даже въ ходъ каламбуръ. что картина Ге «est trop gai¹⁾»!..

Мы принадлежали къ партіи восторженныхъ новаторовъ, возмущаясь, напротивъ, всѣмъ рутиннымъ, сжимавшимъ въ тискахъ, мертвящимъ и сушащимъ. Нашъ восторгъ раздѣляли и наши преподаватели, или тѣ изъ нихъ, на которыхъ уже пахнуло струей, прорвавшейся въ затхлый воздухъ академической рутинѣ.

¹⁾ «Очень весела». Рутинный академическій ареопагъ такъ былъ возмущенъ новизной картины, что не хотѣлъ даже сначала пускать ее въ залы академіи, и ему было очень не по-нутру, когда государь купилъ ее—за 10,000 р.—для той же академіи, гдѣ она и находится.

Помню восторгъ Бейдемана, когда мы стали передавать ему наши впечатлѣнія. Онъ восхищался тѣмъ, что Ге, въ изображеніи Христа отступилъ отъ обще-принятаго доселѣ, представилъ его энтузіастомъ, мученикомъ идеи, готовымъ за правоту своихъ убѣжденій идти на костеръ или Голгову! Восхищался онъ тѣмъ, что на картинѣ видно и то, что до этого было, какъ и то, что затѣмъ послѣдуетъ, о чемъ долженъ заботиться художникъ начиная картину. Замѣчаніе это было глубоко правдиво, и на картинѣ Ге, именно во всѣхъ лицахъ, особенно въ лицахъ Христа и Іуды, выражается это значеніе!

Замѣчанія Бейдемана были вообще очень мѣткі. Помню, какъ онъ разъ назвалъ «безголовымъ» одного пейзажиста, — имѣвшаго цѣлую плеяду поклонниковъ, — «слѣпо копирующаго каждый камешекъ, не думая о содержаніи и интересѣ картины, тогда какъ все вниманіе должно быть сосредоточено на фокусѣ картины, на главномъ ея сюжетѣ, остальное же, служащее дополненіемъ, не можетъ такъ заинтересовать художника, чтобы быть такъ же тщательно отдѣлано, какъ первое». Другой разъ, разсматривая одинъ изъ моихъ эскизовъ по композиціи, онъ сказалъ, что я такъ много уже тутъ сдѣлала, что онъ видитъ, что я могу сдѣлать еще больше и потому нѣкоторое велѣлъ измѣнить. Или, другой разъ: «всего важнѣе то, что я вижу въ васъ душу, а руки придутъ потомъ!»

Да, это было хорошее время! Электризуемая энтузіазмомъ Бейдемана, руководимая, какъ бы путеводной звѣздой, Крамскимъ, на твердое знаніе котораго и его всегдашнюю готовность быть намъ полезнымъ мы опирались, какъ на каменную стѣну, — мы работали съ неослабѣваемымъ увлеченіемъ, раньше прежняго являясь въ школу, гдѣ всецѣло отдавались любимому искусству. Придешь, усядешься за анатомію, или начнешь набрасывать съ которой-нибудь изъ подругъ. Слышишь, уже въ пріемной раздается твердый, спокойный голосъ Крамскаго, котораго уже успѣла подхватить которая-нибудь изъ ученицъ со своимъ рисункомъ, тащишь ему и свой или поведешь его за собой въ классъ, и онъ такія всегда сдѣлаетъ вѣрныя замѣчанія, такъ славно растолкуетъ и распечетъ такъ хорошо, что не унываешь, а напротивъ начнешь больше стараться.

Даже самъ Дьяконовъ пересталъ быть прежнимъ мрачнымъ блюстителемъ порядка, а какъ-то размякъ и даже послѣ классовъ пу-скался съ нами въ дрянныя бесѣды, преимущественно, конечно, объ искусствѣ; совѣтуетъ рисовать какъ можно болѣе, и съ натуры и съ манекена, ободрялъ, но между тѣмъ совѣтовалъ намъ не мечтать о «талантѣ». такъ какъ, по расчету академіи, на тысячу художниковъ приходится одинъ талантъ. Совѣтовалъ, наконецъ, начать

рисовать на продажу, говоря, что если-бы мы копировали акварельные пейзажи и продавали ихъ по небольшой цѣнѣ, то ихъ охотнѣе-бы покупали, чѣмъ литографированные оригиналы. Иногда къ серьезнымъ совѣтамъ примѣшаетъ какой-нибудь анекдотъ, или черточку изъ жизни бѣдняка-художника, какъ напр. фактъ про одного субъекта, который, имѣя надобность въ шкафѣ для платья, купилъ вмѣсто того гробъ, наколотивъ въ немъ гвоздей и поставивъ его стойма съ тѣмъ, чтобы при жизни онъ ему служилъ шкафомъ, а по смерти послужилъ готовымъ гробомъ.

Разъ, въ послѣдній классъ передъ каникулами, разговорившись о томъ, о семъ, онъ вступилъ въ споръ съ Михальцевой по женскому вопросу, нападая на женщинъ и даже начавъ подпускать шпильки самой Михальцевой. Слыша то, Кочетова замѣтила, что хотя-бы для послѣдняго раза онъ былъ понисходительнѣй. Но онъ отвѣчалъ, что, напротивъ, онъ всегда радъ поссориться съ тѣмъ, съ кѣмъ ему жаль разставаться, и потому онъ хотѣлъ-бы перессориться со всѣми нами. А то Бейдеманъ начнетъ рассказывать про свое ученье въ академіи, про это ложное, рутинное ученье, не развивавшее, а губившее талантъ въ самомъ его зародышѣ. Какъ, «голодные и полуоборванные бѣдняки, со страхомъ и трепетомъ, являлись передъ ареопагомъ откормленныхъ профессоровъ—проповѣдниковъ леденящей рутины, — и получивъ задачу на какую-нибудь нелѣпую тему, отправлялись, подъ присмотромъ сторожей, въ отдѣльныя комнаты, гдѣ ихъ запирали до тѣхъ поръ, пока они не кончали задачу. А какъ потомъ искажались эти задачи! Какъ преслѣдовался всякій свѣтлый лучъ оригинальности, подгоняясь подъ узкія рамки зашлѣсневѣлой рутины! Случалось, что подъ конецъ ученикъ не могъ узнать своего перваго рисунка»...

Я уже говорила о нашихъ походахъ съ Дьяконовымъ въ академію; очень интересенъ былъ тоже обзоръ древней скульптуры эрмитажа, подъ предводительствомъ Григоровича ¹⁾. Зайдя, въ концѣ мая, въ школу, онъ предложилъ ученицамъ собраться, на другой день послѣ экзамена, въ Эрмитажѣ. Собралось всего 12 человекъ и мы начали обзоръ съ нижнихъ галлерей древней скульптуры. Осматривали все очень внимательно. Григоровичъ объяснялъ чрезвычайно толково, съ знаніемъ дѣла, ясно, просто и краснорѣчиво, обращая вниманіе на многое, прежде нами уже видѣнное, но пропускавшееся

¹⁾ Нашъ извѣстный писатель, большой знатокъ всего, касающагося изящныхъ искусствъ, ставшій въ то время секретаремъ комитета „Общества поощренія художествъ“.

безъ вниманія. Перейдя затѣмъ во второй этажъ, мы и тамъ останавливались только передъ статуями, рѣшившись этотъ разъ посвятить исключительно скульптурѣ. Особенно заинтересовались мы всѣ единственной статуей въ Эрмитажѣ работы Микель-Анджело, изображающей совсѣмъ согбеннаго человѣка, такъ что въ глаза бросается прежде всего его спина, — чудо анатоміи по жизненности всѣхъ мускуловъ, а также согнутыхъ колѣвъ. Про эту статую Григоровичъ разсказалъ намъ слѣдующее:

Разъ Микель-Анджело заходитъ въ студию одного молодого скульптора и находитъ его въ сильномъ огорченіи. На вопросъ о причинѣ, тотъ отвѣчалъ, что онъ купилъ для одной статуи кусокъ бѣлаго мрамора, но при перевозкѣ мраморъ раскололся на четыре безобразныхъ куска, изъ которыхъ ничего нельзя сдѣлать. — «Пустяки! проговорилъ Микель-Анджело; ты, напротивъ, долженъ радоваться, что—это дало тебѣ случай вмѣсто одной статуи сдѣлать четыре!» — «Что-же можно сдѣлать изъ такихъ безобразныхъ кусковъ?» — замѣтилъ, съ досадой, скульпторъ, показывая на неровные куски мрамора. Микель-Анджело, не сказавъ ни слова, схватилъ молотокъ, подошелъ къ одному изъ самыхъ безобразныхъ кусковъ и, безъ рисунка и оригинала, сталъ рубить. Брызги мрамора дождемъ летѣли кругомъ. Въ самое короткое время изъ неуклюжей массы вышла эта, не вполнѣ законченная имъ, фигура, эта сила и мощь, смотря на которую повѣришь словамъ самого Микель-Анджело: «что мраморъ дрожалъ отъ страха, когда онъ къ нему приближался съ молоткомъ».

Слѣдующіе раза предполагался осмотръ картинныхъ галлерей Эрмитажа, но, къ сожалѣнію, это такъ и не осуществилось...

VII.

Съ начала осени 1864 года мы начали у Крамскаго рисовать съ манекеновъ, въ разныхъ костюмахъ и положеніяхъ, для изученія драпировокъ, и рисовали больше простымъ графитомъ, заканчивая въ одинъ урокъ. Тутъ передъ нами являлась то русская дѣвушка, въ пляскѣ, то египтянка, граціозно поддерживавшая на головѣ кувшинъ, то Сафо съ лирой, то колѣбнопреклоненная жрица съ вѣнкомъ и пр. и пр.

Затѣмъ снова принялись за натуру растущей, сначала при вечернемъ освѣщеніи. Это практиковалось въ комнатѣ третьяго класса, единственное окно которой плотно занавѣсили, зажгли лампы и мы принялись чертить съ натурщика, очень веселаго, но чрезвычайно подвижнаго старичка. Для натуры полагалось два класса.

Съ января 1865 г. Келлеръ оставилъ школу и вмѣсто него поступилъ Горавскій ¹⁾. Горавскій былъ въ высшей степени добросовѣстнымъ преподавателемъ: всегда аккуратный, не манкировавшій уроками, оставаясь до звонка, внимательно обходившій всѣхъ ученицъ, очень привѣтливый и деликатный. Одно, что можно было поставить ему въ упрекъ, это его страсть самому много поправлять рисунки.

Въ концѣ января прибавился въ школѣ новый классъ: ксилографіи ²⁾, преподавателемъ котораго явился Сѣряковъ ³⁾. Заниматься гравированіемъ позволили только ученицамъ старшаго класса и потому вначалѣ этимъ занялись всѣ наши первоклассницы, за исключеніемъ Вороновой. Въ половинѣ февраля начала гравировать и я. Сѣряковъ былъ превосходнымъ учителемъ, дѣльнымъ, толковымъ; столь же хорошимъ теоретикомъ, какъ былъ практикомъ, умѣвшій отлично растолковать, что собственно нужно сдѣлать, внимательный до педантизма ко всѣмъ ошибкамъ, очень строгій, но притомъ, увы, при строгости не имѣвшій деликатности Крамсаго и потому иногда позволявшій себѣ очень рѣзкія выраженія. Вообще это былъ талантливый самородокъ, отшлифованный пяти-лѣтнимъ пребываніемъ въ Парижѣ, но не успѣвшій развить себя настолько, чтобы сгладить всю шероховатость прежняго воспитанія, прорывавшуюся сквозь наружный лоскъ. Это очень вредило ему въ глазахъ ученицъ, не переносившихъ его грубыхъ иногда замѣчаній и возмущавшихся настолько, что нѣкоторыя изъ нихъ исключительно изъ-за того бросили гравированіе. Я часто успокоивала ихъ, говори, что скорѣе можно простить такіа выходы челоуѣку, не имѣвшему случая образовать себя смолу и затѣмъ только нахватавшемуся чѣмъ пришлось случайно. Самъ же онъ рассказывалъ намъ свое жалкое прошлое, свою нужду, когда онъ, чтобъ не умереть съ голоду, не имѣя понятія о гравированіи, взялъ на заказъ 15 рисунковъ и, безъ инструментовъ, вырѣзалъ ихъ перочиннымъ ножомъ. Какъ потомъ онъ бѣдствовалъ въ Парижѣ, питался въ день одной селедкой, ни слова не зная по французски и проч. и проч.

Школа его была очень строгая; онъ главное напиралъ на «тона» и долго держалъ насъ на нихъ, сначала приучая насъ къ тому, чтобы насъ «слушался инструментъ», а затѣмъ, «чтобы умѣть рисовать

¹⁾ Нынѣ академикъ, равно талантливый и въ портретной и въ пейзажной живописи.

²⁾ Гравированія на деревѣ.

³⁾ Академикъ, умеръ въ Ниддѣ въ 1881 году.

инструментомъ, повнимая рисунокъ». Новизна занятія стала заманивать и другихъ заняться гравированіемъ, такъ что скоро образовалось два стола. Занимались сначала по пятницамъ, а затѣмъ по вторникамъ, отъ 10 до 12 часовъ. Нашъ столъ былъ очень веселый. Я сидѣла постоянно около Михальцевой и мы много бывало болтали. Такъ какъ мы были передовыя, то на насъ Сѣряковъ болѣе обращалъ и вниманія, да мы и держались дольше другихъ. Большинство, попробовавъ, находило работу или трудной, или скучной, а Сѣрякова или очень строгимъ, или мало деликатнымъ, и бросали ее. Были и такія, которыя боялись испортить ручки натирая инструментомъ мозоли, особенно при первоначальной неумѣлости, слишкомъ крѣпко напирая инструментомъ. Нашъ столъ еще держался. Но затѣмъ и изъ нашей семерки выбыли: Павлова, Гаугеръ и Михальцева.

Кочетова, Гаврилова и Стефанъ, какъ хорошія рисовальщицы, дѣлали въ гравированіи большіе успѣхи. Особенно успѣвала Гаврилова. Къ концу перваго полугодія, мы отъ тоновъ перешли уже къ небольшимъ рисуночкамъ. Бейдеманъ эту осень вернулся поздно изъ Крыма, гдѣ онъ, вмѣстѣ съ Малиренко, расписывалъ церковь въ Ливадіи. Композиціи наши были очень интересны; стала нѣсколько успѣвать и я, особенно заслуживая одобреніе Бейдемана за оригинальность мысли, причемъ про нѣкоторыя онъ выражался, что у меня «дѣйствуетъ духъ противорѣчія». Наши первоклассницы другъ передъ другомъ отличались прехорошенькими рисуночками, иногда даже масляными красками, и Михальцева, на экзаменѣ передъ каникулами, получила большую медаль за свою «Невѣсту».

У Крамскаго рисовали, въ два класса, съ натуры во весь ростъ, въ разныхъ движеніяхъ. То это былъ охотникъ, прицѣливавшійся ружьемъ, то рыбакъ съ удочкой, то деревенскій мальчикъ, готовый бросить бабку. Осенью этого же 1865 года, послѣ каникулъ, Крамской въ школу не вернулся, уѣхавъ въ Москву расписывать плафонъ въ храмѣ Спасителя. Бейдеманъ долго оставался въ Крыму, такъ что на мѣсто его поступилъ Клодтъ ¹⁾.

Въ первой же свой урокъ (онъ приходилъ по пятницамъ послѣ 12 часовъ, когда прежде были уроки Крамскаго), насъ всѣхъ спросили, — кто чѣмъ хочетъ заниматься: композиціей или рисованьемъ съ гипсовыхъ фигурокъ? Намъ, сочинительницамъ, Клодтъ задалъ сцену на дачѣ или въ деревнѣ, первый набросокъ которой мы должны были

¹⁾ Михаилъ Петровичъ, академикъ, нынѣ членъ „Общества передвижныхъ выставокъ“, — талантливый жанристъ, получившій особенную извѣстность послѣ своей прелестной картины: „Послѣдняя весна“, бывшей на выставкѣ въ 1861 году.

сдѣлать тутъ-же въ классѣ, и, показавъ учителю, выслушать его замѣчанія на счетъ композиціи и рисунка и къ слѣдующему разу, уже дома, отдѣлать его окончательно. Клодтъ съ перваго же раза произвелъ на насъ очень пріятное впечатлѣніе своими дѣльными замѣчаніями и большою наблюдательностью. Онъ, однако, не долго оставался вполне самостоятельнымъ: въ октябрѣ вернулся Бейдеманъ и тогда, вмѣсто одного, являлось двое учителей: Бейдеманъ руководилъ собственно композиціей, а Клодтъ—техникой рисунка. Иногда же они оба задавали различныя сочиненія. Снова появился Марковъ, со своей туманной перспективой. Стефанъ сдѣлала преподавательницей въ младшемъ классѣ, (передъ тѣмъ тамъ училъ Маларенко, оставшійся только въ мужскихъ классахъ); это не мѣшало ей, однако, въ свободные часы, заниматься композиціей и гравюрой. У Сѣрякова мы продолжали двигаться впередъ, особенно Гаврилова, получившая, на экзаменѣ передъ Рождествомъ, малую медаль за гравюру. Позже получили Кочетова и Стефанъ.

VIII.

Съ января 1866 года началась въ школѣ перетасовка, которая съ тѣхъ поръ сдѣлалась какъ бы эпидемической. Оправдывали ее якобы тѣмъ, чтобы «ученицы не привыкали очень къ манерѣ одного и того же учителя». Вѣрно-ли это или нѣтъ—предоставляется судить всакому...

Такимъ образомъ Горавскаго перевели въ третій классъ, а къ намъ, въ четвертый—Клодта, находя, что имѣть для композиціи двухъ учителей было уже, въ нѣкоторомъ родѣ, излишнею роскошью!.. Клодтъ учитель былъ прекрасный. Въ противоположность Горавскому, онъ почти не бралъ кисти въ руку, дѣлая указанія только на словахъ. Указанія эти были, по большей части, довольно короткія, спокойнымъ ровнымъ голосомъ, безъ всякихъ выносокъ и отвлеченій, но всегда очень дѣльныя и мѣткія. У него писали съ натуры и съ макеена, иногда въ одинъ классъ.

Сѣряковъ продолжалъ быть все тѣмъ же толковымъ преподавателемъ, все также дѣльно съ нами занимаясь и все также, по временамъ, заставлялъ коробиться отъ своихъ, весьма не деликатныхъ, замѣчаній и рыженій. Передъ каникулами этого лѣта онъ задалъ намъ нарисовать, въ продолженіе лѣта, композицію на стихи котораго нибудь изъ нашихъ поэтовъ, изъ деревенской жизни, съ тѣмъ, чтобы потомъ, зимой, эту композицію и награвировать. Я выбрала на стихи

Никитина «Соха». Возни съ этими композиціями было очень много. Требовалось, чтобы все было нарисовано съ натуры, чтобы размѣрами примѣнено къ размѣру доски, наконецъ, на доскѣ нарисовано со всевозможною тщательностью. Нарисовали композиціи только Кочетова, Стефанъ, Михальцева и я. Гаврилова не рисовала, а взяла гравировать рисунки Михальцевой, такъ какъ та гравированіе оставила. Сначала предполагалось, что эти гравюры будутъ началомъ иллюстрированнаго изданія стихотвореній нашихъ поэтовъ, преимущественно народныхъ; но это осталось только въ проектѣ и закончилось исключительно этими первыми, такъ и оставшимися у насъ на рукахъ. Также рушилось первоначальное намѣреніе Сѣрякова устроить изъ насъ своихъ помощницъ, принимая работы и раздавая ихъ намъ. Четверо изъ насъ, т. е. Гаврилова, Кочетова, Стефанъ и я, оставшіяся вѣрными гравюрѣ, вскорѣ затѣмъ сами досгали себѣ работу и приходили съ ней въ школу, чтобы заканчивать ее подъ присмотромъ Сѣрякова. Я получила малую медаль за ботаническіе рисунки, дѣлавшія мною по заказу профессора Бекетова, заслужившіе полное одобреніе какъ самаго заказчика, такъ и всѣхъ на экзаменѣ. Даже Дьяконовъ наговорилъ мнѣ насчетъ ихъ много похвалъ, и Сѣряковъ пришелъ въ восторгъ, говоря, что радуется моимъ успѣхамъ будто своимъ собственнымъ и даже, намекая на свои рѣзки намъ замѣчанія и припоминая, какъ я терпѣливо ихъ сносила, не бросая работы, какъ другія, прибавилъ: «вотъ на васъ оправдывается поговорка: терпи казакъ, атаманомъ будешь!»

Изъ старыхъ ученицъ въ это время оставались только я и Гаврилова. Между тѣмъ, еще въ концѣ января 1866 года, вернувшись изъ Москвы, Крамской навѣстилъ школу раза два—три, ко всеобщей радости, а съ октября того же года, къ еще бѣльшей радости, сталъ снова учить въ старшемъ классѣ съ натуры, растушкой или карандашемъ. Въ третій классъ, вмѣсто Горавскаго, былъ назначенъ Бейдеманъ, классы композиціи котораго прекратились, а Горавскій оставилъ школу, но не надолго, такъ какъ въ слѣдующемъ году онъ опять поступилъ въ старшій же классъ на мѣсто Клодта. Стефанъ тоже болѣе въ школѣ не учила.

Бейдеманъ оставался въ школѣ не долго, очень занятый посторонними работами. Въ 1869 году произошла его грустная преждевременная кончина. Совершенно здоровый, полный жизни, энергіи, когда судьба настолько улыбнулась ему, что онъ могъ, не стѣсняясь средствами, вполне отдаться любимому искусству, онъ, войдя въ свою мастерскую, очень сильно захлопнулъ за собою дверь, отъ сотрясенія которой висѣвшая надъ дверью тяжелая гипсовая маска упала и

ударил его прямо въ голову. Ударъ былъ настолько силенъ и опасенъ, что и былъ причиной его смерти, вскорѣ затѣмъ послѣдовавшей. Такъ погибъ этотъ свѣтлый энтузіастъ, такъ честно, по дѣтски, увлекавшійся!

Спеціально посвятивъ себя гравюрѣ, я, между тѣмъ, если и ходила въ школу, то только на классы Сѣрякова, отрываясь отъ нихъ для того, чтобы немного порисовать у Крамскаго; живопись же совсѣмъ оставила. Всѣ наши прежнія звѣзды покинули школу, отдавшись тому или другому занятію внѣ ея; было какъ-то пусто и скучно. Въ 1869 году я тоже совсѣмъ прекратила свои посѣщенія классовъ, имѣя много работы, которую только иногда показывала Сѣрякову, если нуждалась въ его совѣтахъ, для чего заходила къ нему на домъ, такъ какъ онъ, передъ тѣмъ женившись на нашей товаркѣ и его ученицѣ—Гавриловой, устроилъ, не оставляя школы, классы у себя на дому. Миѣ это было тѣмъ удобнѣе, что онъ жилъ несравненно ко мнѣ ближе, чѣмъ была школа.

Школу я навѣщала изрѣдка, только по привычкѣ, чтобы поболтать или съ Дьяконовымъ, который очень любилъ, чтобы его навѣщали старія ученицы, или съ Елизаветой Ивановной, неудовлетворенной молодежью, хотя и болѣе многочисленною, чѣмъ въ наше время, но не столь преданною дѣлу и часто мѣнявшеюся, уступая мѣсто все новымъ и новымъ. Преподаватели тоже почти всѣ были новые. Оставилъ школу и Крамской, все болѣе и болѣе приобретаая славу своими портретами, которые онъ, послѣ рисовки соусомъ, сталъ сначала писать одноцвѣтными масляными красками, бывшими на выставкѣ 1871 года, вмѣстѣ съ его картиной «Майская ночь», дышавшей таинственной поэзіей. Изъ портретовъ живописью цвѣтными красками, изъ первыхъ обратилъ всеобщее вниманіе портретъ Шипкина (среди поля), на выставкѣ 1874 года, и затѣмъ начался тотъ рядъ совершенствъ, которымъ дарилъ насъ въ своихъ портретахъ этотъ превосходный художникъ и человѣкъ,—въ полномъ значеніи этого великаго слова,—надъ свѣжей могилой котораго мы стоимъ съ благодарностью и слезами...

Его «Спаситель», бывший на выставкѣ 1872 года, произвелъ сильное впечатлѣніе. Сколько правды и скорби было въ его лицѣ! Истомилса онъ, испостылся; много ходили эти окровавленные, босые ноги; истрепался подолъ одежды, полиняла она; отъ душевной муки обострились черты кроткаго лица; судорожно сжаты на колѣняхъ худыя руки; а сколько выраженія въ глазахъ, такъ много плакавшихъ о грѣхахъ его народа! Тутъ художникъ тоже умѣлъ разрѣшить ту задачу, о которой говорилъ намъ Бейдеманъ по поводу «Тайной вечери»

Ге;—тутъ вы тоже видите «что до того было и что затѣмъ послѣдуеть». На лицѣ этого «мученика идеи», готоваго на все, чтобы спасти другихъ, вы читаете то ужасное будущее, которое онъ провидитъ заранѣе; вамъ кажется, что онъ долженъ уже слышать тотъ возмутительный смѣхъ, который преслѣдовалъ художника во время задачи его другой, недоконченной имъ, картины: «Христосъ передъ народомъ»... А кругомъ, что за унылое, каменистое пространство! Ни травки кругомъ, ни кустика: все камни, да камни, надъ которыми нависли тяжелыя багровыя тучи; такія же багровыя, какъ та святая кровь, что должна скоро пролиться..

IX.

Съ 1873 года въ школѣ открылся еще новый классъ—лѣпки, преподавателемъ которой явился Крейтанъ ¹⁾.

Съ марта мѣсяца этого же года, я снова начала ходить въ школу, разъ въ недѣлю, исключительно для лѣпки. Лѣпили изъ глины, начиная съ самыхъ простѣйшихъ орнаментовъ. Крейтанъ преподавалъ отлично; такъ просто, понятно, съ знаніемъ дѣла, каждый разъ открывая что либо новое и притомъ былъ очень симпатичный, образованный человѣкъ, деликатный, внимательный и никогда не раздражавшійся. Изъ моихъ прежнихъ товарищъ, въ школѣ, въ то время, уже не было никого; да изъ преподавателей знакомыми были только Сѣряковъ, да опять учившій въ старшемъ классѣ—Клодтъ.

Лѣпили довольно многія. Только классъ у насъ былъ очень тѣсный; ну и мерзла же мы, зимою, порядкомъ, такъ какъ комнату мало топили, чтобы не слишкомъ скоро высыхали наши начатыя орнаменты, подъ своими грубыми смоченными покрывалами. Скульптурный классъ былъ порученъ сторожу Ивану, маленькому, черненькому человѣчку, съ немного строго-меланхолической фізіономіей, занимавшемуся своимъ дѣломъ съ любовью и такимъ стараніемъ, что нерѣдко въ углубленіяхъ нашихъ орнаментовъ стояли цѣлыя лужицы воды. Лѣпили мы и дома разныя мелкія вещицы, принося показывать Крейтану.

Моя лѣпка шла такъ удачно, что черезъ годъ Крейтанъ мнѣ позволилъ одинъ орнаментъ отлить изъ гипса. Господи, что у насъ въ классѣ пошла за возня! Чуть ни всѣ ученицы школы сбѣжались смотрѣть на этотъ, невиданный дотошъ, процессъ. Быстро сбиваемый алебастръ летѣлъ кругомъ брызгами, отъ которыхъ отскаки-

¹⁾ Нимъ академикъ—творецъ памятника В. А. Жуковскаго, поставленнаго въ Александровскомъ скверѣ (противъ Адмиралтейства) 5 іюня 1837 года.

вали любопытныя зрительницы. Наконецъ, орнаментъ весь заить, застылъ, глина изъ первой формы выброшена и только звонокъ разгоняетъ толпу, для того, чтобы собраться вновь въ слѣдующій разъ на отлитіе чистой формы и рубку прежней. Тутъ возни было еще больше; особенно когда пришлось рубить форму! Нечего и говорить, что, оставаясь въ школѣ до пяти часовъ, я устала до невозможности: что во многихъ мѣстахъ прорубила даже чистую форму, въ слѣдующій разъ задѣлывая всё погрѣшности, — но все же первый опытъ былъ сдѣланъ и заслужилъ одобреніе нашего маэстро.

Очень заинтересованная лѣпкой и довольная уроками Крейтана, я все продолжала ходить въ школу, принявшись уже лѣпить съ ма-сокъ. Кромѣ того, съ февраля 1875 года, я начала ходить въ воскресные бесплатные классы общества художниковъ, открытые въ залахъ художественнаго клуба, обрадовавшись случаю пройти строгую школу пейзажей, что совсѣмъ въ нашей школѣ не практиковалось. И пришлось на мое счастье, что уроки эти преподавалъ Мещерскій ¹⁾, по прекрасной методѣ Калама, ученикомъ котораго онъ и былъ. Хотя задавшись цѣлью воскресить свои воспоминанія только о школѣ «Общества поощренія художествъ», я была бы не вправѣ касаться другой, но желая въ то же время упомянуть о всѣхъ своихъ преподавателяхъ по искусству, не могу не остановиться на одномъ изъ превосходѣйшихъ, какимъ былъ Мещерскій, — и на той превосходной школѣ, которая излагалась имъ такъ просто и понятно, что послѣ его словъ даже казалось какъ-то странно, что сама раньше о томъ не догадалась! Сколько мягкости и свѣжести древесной листвѣ придавалъ тотъ «тупой штрихъ» карандаша, которымъ онъ заставлялъ рисовать; сколько наблюдательности было въ его взглядѣ на «граціозныя и гармоническія — какъ все въ природѣ, — прицѣпки древесныхъ вѣтвей», на что такъ мало обращаютъ вниманіе многіе, какъ ни пошло, острымъ угломъ, приставляя къ вѣткамъ молодыя вѣтви, не заботясь о той граціи, которая разлита повсюду въ природѣ! Онъ сильно стоялъ за карандашъ, говори, что «научившись хорошо владѣть и карандашемъ, легко владѣть красками». У него мы должны были пройти школу Калама, начиная съ очертаній травы и голыхъ вѣтвей и стволовъ. Какъ онъ слѣдилъ за нѣжностью контура; какимъ былъ противникомъ слѣпаго копирования листвы, держась только общаго ея характера! Лѣтомъ онъ совѣтовалъ рисовать съ природы, не задаваясь сразу чѣмъ нибудь широкимъ, не торопясь переходить къ краскамъ.

¹⁾ Нынѣ профессоръ, — талантливѣйшій изъ современныхъ пейзажистовъ, слава котораго прогрѣла съ появленія на выставкѣ 1872 г. его картины: «У источника Ріона».

Въ началѣ же 1875 года, именно въ апрѣлѣ, придя въ школу на классъ лѣвки, я узнала, что въ этотъ день Крамской придетъ въ школу писать съ Дьяконова портретъ, который предназначали повѣсить въ школѣ же. Крамской изъявилъ желаніе написать портретъ бесплатно. Нечего и говорить, что это было событіемъ, на которое собѣжались смотрѣть всѣ ученицы школы. Дьяконовъ усѣлся на возвышеніи, въ старшемъ классѣ, предложивъ себя натуращикомъ и для ученицъ. Но всѣ были такъ заинтересованы живописью Крамского, что желающихъ рисовать нашлось очень мало. Мы всѣ были поражены тою смѣлостью, съ которою, не набросивъ даже контура, онъ прямо краской намѣтилъ свѣтъ, подмазалъ фонъ и обозначилъ главные черты, сразу заговорившія о разительномъ сходствѣ. Въ полтора часа онъ подмалевалъ весь портретъ и живое лицо, съ рѣдкой вѣрностью колорита, взглянуло на насъ съ полотна, какъ бы посмѣиваясь надъ нашимъ благоговѣйнымъ удивленіемъ и шепча, сквозь бѣлые усы: «А ну-ка, барышни, что скажете? Видѣли теперь, какъ большіе мастера пишутъ?»

Взявъ затѣмъ портретъ домой, Крамской написалъ его превосходно, такъ что его можно отнести къ лучшимъ изъ его произведеній. Между тѣмъ ученицы школы задумали, въ память дѣятельности Дьяконова, придать водворенію этого портрета въ большой залѣ (старшаго класса) видъ торжества. На деньги, вырученныя изъ общей складчины, была заказана изящная рѣзная орѣховая рама къ портрету и хлѣбъ-соль съ серебряной массивной солонкой, на подносѣ, вмѣщавшемъ въ себѣ завтракъ для приглашенныхъ на торжество преподавателей школы. Кромѣ того купили серебряную стопу, для поднесенія Крамскому, за его безкорыстный трудъ.

Въ назначенное для того утро, именно 16 мая, въ школу собрались всѣ ученицы, многія и изъ прежнихъ, и преподаватели, а также Д. В. Григоровичъ. Всѣ расположились въ классѣ, на стѣнѣ которой уже висѣлъ портретъ, завѣшанный полотномъ. Григоровичъ привелъ взволнованнаго Дьяконова, поставилъ его посрединѣ и сталъ говорить рѣчь, очень увлекательную и краснорѣчивую, которую Дьяконовъ слушалъ стоя, какъ агнецъ, приведенный на закланіе... По окончаніи рѣчи, Григоровичъ ловко сдернулъ съ портрета полотно и, при задушевныхъ возгласахъ всей толпы, ученица Б., бывшая главной зачинщицей складчины, возложила на верхъ портрета лавровый вѣнокъ.

Старикъ былъ глубоко тронутъ; Крамской взволнованъ поднесеніемъ ему стопы, всѣ воодушевлены и веселы...

За этимъ событіемъ мнѣ остается только упомянуть о событіи, касающемся лично меня одной, т. е. о полученіи мною большой сере-

бряной медали за гравюру. Давно уже Сѣряковъ, а потомъ и Дьяконовъ пилили меня тѣмъ, что я не возьму вырѣзать что-либо серьезное, чтобы представить въ школу на большую медаль. Занятая заказной работой, а свободное время желая болѣе посвящать рисованью и лѣпкѣ, я все отдѣлывалась, но, наконецъ, намѣреваясь оставить лѣпные классы, а значить почти порвать со школой, я согласилась и, по выбору Дьяконова и Сѣрякова, взяла большой рисунокъ изъ «Оберона» Виландта, очень мелкій и мѣшкательный, который однако сдѣлала довольно скоро, и передъ ваникулами 1876 года представила его на экзамень, гдѣ, по словамъ Дьяконова, ояъ возбудилъ всеобщее одобреніе и заслужилъ мнѣ большую медаль ¹⁾. При этомъ я получила свидѣтельство, въ которомъ, между прочимъ, гласилось, что медаль эта выдана ученицѣ, «кончившей курсъ».

Этимъ я и закончу свои школьныя воспоминанія. Хотя спустя нѣсколько лѣтъ, когда наша школа уже была переведена на набережную Мойки, въ домъ, подаренный покойнымъ государемъ «Обществу поощренія художниковъ», я опять вздумала было посѣщать школу, чтобы продолжать лѣпить уже изъ воска ²⁾ и слушать лекціи «Исторіи искусствъ», читавшіяся Сабанѣевымъ ³⁾, но эти посѣщенія были очень отрывочными, не поглащая всецѣло, какъ бывало. Самая школа была и обширнѣе и наряднѣе той, прежней; множество новыхъ оригиналовъ украшали ея стѣны, множество ученицъ переполняли классы, разроспіеся въ новыя, какъ напр.: живопись на фарфорѣ, рѣзба изъ дерева, декоративныя и пр., но не было чего-то того, что тогда вѣдало надъ нами, что заставляло и насъ идти въ школу, какъ въ храмъ...

С. И. Даврентьева.

¹⁾ Эта гравюра была у меня куплена для журнала «Щела», гдѣ и была помещена въ томъ-же году.

Въ школѣ тогда училъ уже не Крейтанъ, а художникъ Бахъ.

²⁾ Нынѣ директоръ «Рисовальной школы».

С. Л.

ВОСПОМИНАНІЯ И ЗАМѢТКИ ХУДОЖНИКА В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

Изъ опыта походовъ ¹⁾.

За время Русско-Турецкой войны много было замѣчено такого, что, по приговору свѣдущихъ людей, слѣдовало исправить, передѣлать или и вовсе пересоздать. А такъ какъ война—хотя ея никто не желаетъ—можетъ быть не за горами; поэтому всякій голосъ, возвышенный съ цѣлью обратить вниманіе на правильное разрѣшеніе вопросовъ организаціи военныхъ силъ, не лишній теперь. Не откликнуться—скажутъ, что все и безъ того въ порядкѣ—пусть будетъ такъ...

* *
* *

Я сдѣлаю обзоръ различныхъ родовъ оружія и начну съ кавалеріи.

Не будучи кавалеристомъ по профессіи, я имѣлъ случай наблюдать дѣятельность конницы на разныхъ окраинахъ нашего отечества и наблюдать преимущественно въ военное время, когда достоинства и недостатки организаціи сказываются особенно рельефно, когда ихъ трудно преувеличить или уменьшить.

Конечно, я не имѣю претензіи учить специалистовъ дѣла, а желаю лишь обратить ихъ вниманіе на кое-что, упускаемое ими

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. XI, ноябрь, стр. 45—468, декабрь, стр. 671—688; пад. 1889 г., т. LXI, мартъ, стр. 587—630; т. LXII; май, стр. 389—310, іюнь, стр. 661—631; т. LXIV, октябрь, стр. 157—181.

изъ вида, а провѣркѣ общественнаго мнѣнія, по существу дѣла, недоступное ¹⁾).

Я имѣлъ случай видѣть нашу кавалерію кромѣ Европейской Россіи еще на Кавказѣ, когда въ западной части его замирало послѣднее эхо долгихъ кровопролитныхъ войнъ. Видѣлъ ее на Уралѣ, въ Сибири, на китайской границѣ и въ Туркестанѣ. Наконецъ, видѣлъ въ минувшую турецкую войну въ отрядахъ Гурко, Скобелева и болѣе всего подъ начальствомъ генерала Струкова, въ набѣгѣ на Адрианополь—набѣгѣ, признанномъ теперь и у насъ и многими авторитетами за границею образцовымъ подвигомъ кавалеріи.

Мнѣ приходилось участвовать въ дѣйствіяхъ кавалеріи почти во всѣхъ поименованныхъ мѣстахъ и надобно сказать, что если случалось бывать въ набѣгахъ болѣе дерзкихъ и опасныхъ, чѣмъ помянутый Адрианопольскій, то болѣе правильнаго и разумно веденнаго, болѣе обильнаго результатами—я не помню.

* *

Передъ тѣмъ какъ перейти къ нѣкоторымъ техническимъ вопросамъ организаціи кавалеріи, я брошу общій взглядъ на адрианопольскій набѣгъ и отмѣчу нѣкоторыя характерныя черты, обусловившія успѣхъ его.

Движеніе конницы къ Константинополю рѣшено было послѣ Шейновской побѣды. Спустясь съ Балканъ, великій князь главнокомандующій спросилъ генерала Радецкого: „почему кавалерія еще не впереди?“ — Немеленно же былъ посланъ за Малые Балканы генераль Дохтуровъ, у котораго Струковъ начальствовалъ передовою частью; съ нею онъ и занялъ мостъ черезъ Марицу, т. е. одержалъ первый важный успѣхъ. Драгуны потушили этотъ зажженный непріателемъ мостъ и тѣмъ обезпечили для арміи переправу черезъ рѣку, по которой шелъ ледъ; турецкій таборъ, охранявшій переправу, заклепалъ орудія и убѣжалъ, не проявивши серьезнаго сопротивленія ²⁾).

¹⁾ Известно, что возниые всѣхъ родовъ оружія очень не любятъ внимательства «штатскихъ», а такъ какъ дисциплина обяыиваетъ «сора изъ избы не выносить», то выходитъ, что они и сами обо многомъ помалчиваютъ и другимъ не дозволяютъ говорить. В. В.

²⁾ Такимъ образомъ мостъ этотъ былъ занятъ кавалеріею а не пѣхотою, какъ недавно утверждалъ бесспорно браваый генераль. В. В.

Назначенный вслѣдъ затѣмъ командиромъ авангарда Скобелевскаго отряда, Струковъ пошелъ на Адрианополь, занялъ его безъ боя и, конечно, занялъ бы и Константинополь, если бы не было заключено перемиріе, остановившее насъ въ Чаталджѣ.

Такъ какъ серьезное сопротивленіе турокъ было сломлено сначала генераломъ Гурко подъ Филиппополемъ, а потомъ Радецкимъ, Скобелевымъ и Святополкъ-Мирскимъ подъ Шейновымъ, то вѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что нашъ отрядъ конницы изъ трехъ полковъ, съ конною батареею, дошелъ бы благополучно до Босфора. Многіе улыбнутся, если я признаю, что мы со Струковымъ были настолько увѣрены въ этомъ, что уже составили планъ временной организаціи управленія турецкой столицы, снабженія войскъ провіантомъ и фуражемъ, обезоруженія жителей и т. п. ¹⁾.

Необходимое условіе всякаго набѣга: быстрота движенія, умѣнье поддержать духъ солдатъ, сберечь лошадей и умѣнье организовать продовольствіе отряда, безъ грабежа.

Особенной быстроты въ нашемъ случаѣ не было проявлено, такъ какъ очень налегать на отступавшихъ турокъ не было расчета: какъ прижатый къ стѣнѣ заяцъ, они могли показать зубы и безъ нужды перепоргить намъ много народа — подъ Чорлу это отчасти такъ и случилось.

Мы дѣлали среднимъ числомъ отъ 35 до 45 верстъ въ сутки и Скобелевъ не только не требовалъ ббльшей скорости, совершенно одобрилъ эту, — а онъ былъ порядочно нетерпѣливъ и требователенъ относительно быстроты движенія войскъ, особенно кавалеріи.

Надобно сказать, что передовая дивизія была свѣжая, петропунтая, офицеры и солдаты не утомленные, лошади хорошія — не мало было малороссійскихъ лошадей. Уходъ за лошадьми былъ внимательный, такъ что ряды сохранились до конца похода.

Ичменя и сѣна было достаточно, особенно перваго, и все даромъ, такъ что весь походъ былъ сдѣланъ на свой счетъ,

¹⁾ Правду сказать, перспектива обезоруженія, лежавшая на моей обязанности, особенно улыбалась намъ, такъ какъ я собиралъ коллекцію восточнаго оружія, да и Струковъ общалъ нѣкоторымъ петербургскимъ друзьямъ по боевому сувениру — «мечты, мечты, гдѣ ваша сладость!» В. В.

т. е. ничего не стоилъ казнѣ—настоящій кавалерійскій набѣгъ. Денегъ полевые командиры не только не получали своевременно, но вовсе не получили, такъ что они жили остатками стараго, пробавлялись какъ кому Богъ на душу положилъ, пробавлялись не дурно, благо не было возни съ интендантскими чиновниками, всегда все общающимися и никогда ничего во-время не заготовляющими.

И далекъ отъ того, чтобы возвести въ идеаль такое кормленіе на шаромыжку; напротивъ, имѣть довѣріе къ начальнику отряда. открыть ему кредитъ—мнѣ кажется необходимо, особенно на востокѣ, гдѣ напр. „бакиши“ играютъ большую роль.

Организація движенія была до-нельзя проста, не было относительно его никакихъ споровъ или препирательствъ.

Скобелевъ велѣлъ наступать—и мы наступали.

Мы дѣлали по два перехода въ день и каждый третій день былъ днева-роздыхъ.

Отрядъ шелъ очень весело: по утрамъ обыкновенно играли вальсы, а въ продолженіе дня пѣлись пѣсни, разумѣется, по погодѣ глядя, съ бѣльшимъ или меньшимъ увлеченіемъ.

Начальника штаба авангарда, наступавшаго къ Константинополю, вовсе не было—часть обязанностей по этой должности я взялъ на себя изъ дружбы къ Струкову, ни днемъ, ни ночью не знавшему отдыха; письменность велъ драгунскій офицеръ Востросаблинъ и велъ толково, исправно.

Добываніе свѣдѣній отъ туземцевъ велось правильно и регулярно, благодаря хорошему переводчику Христо, сообщавшему мнѣ всѣ слухи какъ о большихъ турецкихъ силахъ, такъ и мелкихъ шайкахъ черкесовъ и башибузуковъ.

Хлѣбъ былъ, хотя, пожалуй, этой статьи могло бы быть и больше, зато мяса имѣлось до отвала, такъ какъ турки, ограбивъ болгаръ волами и перевозочными средствами, побросали огромныя стада барановъ, оказавшихся совсѣмъ не непріятельскими на солдатскихъ зубахъ.

Попадалось вездѣ мѣстное вино и рагія, т. е. водка, также табакъ. Не только кавалерія промышляла про себя, но даже заготовляла кое-что и для пѣхоты. Скобелевъ изъявилъ потомъ благодарность за это.

Конечно, телеграфное сообщеніе вездѣ немедленно прерыва-

лось, т. е. снимались замки; рубить же столбы или обрывать проволоки Струковъ строго запрещалъ, такъ что черезъ два дня по приѣздѣ уполномоченныхъ для мирныхъ переговоровъ, телеграфное сообщеніе могло быть восстановлено.

Жельзно-дорожная линія была все время подѣ строгимъ контролемъ и ужь, конечно, никто изъ турокъ или какихъ либо подозрительныхъ лицъ не проскочилъ по ней.

Поползновенія къ грабежу со стороны солдатъ, а въ особенности казаковъ, были, но они строго обрѣзались въ самомъ началѣ; напр. вторая столица Турціи, богатый и многолюдный Адрианополь, не потерпѣлъ ни въ какомъ отношеніи, не было даже дракъ и ссоръ съ жителями.

Попытка генеральнаго консула одной изъ великихъ державъ вмѣшаться въ управленіе занятымъ нами городомъ и его застраиванія возстаніемъ не имѣли успѣха—помянутый чиновникъ, разодѣтый жаръ-птицею, потратилъ напрасно свое краснорѣчіе и ушелъ, „не солоно похлебавши“.

Надобно замѣтить, что больныхъ въ походѣ у насъ не было и что, не смотря на множество рыскавшихъ по странѣ тамъ и сямъ черкесовъ и башибузубовъ, только два пикета были вырѣзаны.

Конечно, и офицеры и полковые командиры не дремали, но въ особенности я дивился энергіи тщедушнаго на видъ Струкова, хорошо понимавшаго громадную отвѣтственность, на немъ лежавшую, — отвѣтственность начальника кавалерійскаго отряда, шедшаго на 100 верстъ впереди своей пѣхоты, и положительно не знавшаго покоя ¹⁾).

Словомъ, если Скобелевъ быстро и умно направлялъ движеніе кавалеріи, то она толково и успѣшно исполняла его. Результатъ не заставилъ себя ждать.

Вотъ, въ немногихъ словахъ, какъ наша конница въ мпущую войну прошла отъ Казанлыка почти до воротъ Константинополя, гоня арьергардъ турецкихъ войскъ. Теперь я перейду

¹⁾ Когда я буквально сваливался съ ногъ и, напр., ночью, въ день занятія Адрианополя, не будучи въ состояніи болѣе двинуться, заснулъ какъ убитый. Струковъ отправился еще одинъ удостовѣриться все ли вездѣ благополучно, накрылъ какія-то 30 орудій, приготовленныхъ турками къ отправкѣ, осмотрѣлъ посты и т. д. Повѣрка постовъ, почти ежедневная, была въ особенности тяжела.

къ нѣкоторымъ техническимъ сторонамъ, въ которыхъ все что кажется мнѣ непрактичнымъ, требующимъ пересмотра.

* * *

Кавалерія при императорѣ Николаѣ I была образцовая, идеальная, съ казовой парадной стороны — старые служаки говорятъ, что „нынче только во снѣ можно видѣть такую“.

Безспорно, и офицеры и солдаты были тогда менѣ развиты, но выучка, муштровка была очень строга, а лошади были хороши—высокаго роста, сильныя, что при большомъ вѣсѣ всадника и вооруженія много значить.

Однако, кавалерія была хороша, какъ сказано, лишь на парадахъ, лагерныхъ переходахъ и маневрахъ—въ кампаніи же оказывалась несостоятельною: боевыя потери конями были обыкновенно не велики, а солдаты возвращались съ похода съ сѣдлами за плечами! Солдаты хорошо ѣздили манежною старо-нѣмецкою системою, а на первыхъ же тяжелыхъ переходахъ сдирали спины лошадямъ.

Кто не знаетъ, что въ забалканскомъ походѣ Дибича кавалерія „легла костями“ не противъ вѣшняго непріателя—турки, а внутренняго—вѣса всадника съ снаряженіемъ, порчи и ломки спинъ, дурной ковки и, главное, казнокрадства, воровства повсемѣстнаго, колоссальнаго! Извѣстно, что въ тѣ времена сплошь и рядомъ полки давались для поправленія состояній, а когда же было и поправлять состоянія, какъ не во время войны — ну и поправляли къ выгодѣ непріателя.

Въ послѣднемъ турецкомъ походѣ также не было большихъ боевыхъ потерь лошадыи, но уже при проходѣ Румыніею было множество лошадей, а въ концѣ похода лейбъ-гусары напр. вступили въ Адрианополь въ числѣ 60 коней въ эскадронѣ. Конечно, это нѣкоторый успѣхъ противъ 1829 года, но всетаки досадно, что часть войска, содержаніе которой обходится ужасно дорого, такъ печально оканчиваетъ походы.

Конечно, нельзя ставить казаковъ въ примѣръ регулярной кавалеріи, но нельзя не задаться вопросомъ: почему у казаковъ потери лошадыи менѣ?

Никто не скажетъ, что лошади у казаковъ лучше—скорѣе наоборотъ.

Никто не скажетъ, что казаки несутъ меньшую службу—скорѣе наоборотъ.

Можетъ быть подумаютъ — „что твое—мое, а что мое—не твое“ практикуется у казаковъ въ меньшей степени — ничуть, скорѣе наоборотъ!

Надобно сказать, что въ общихъ чертахъ казакъ болѣе конникъ на русскій ладъ, а кавалерійскій солдатъ — на нѣмецкій ладъ. У казака и самъ онъ и лошадь больше приспособлены къ существеннымъ условіямъ службы, къ климату, почвѣ, пищѣ. У кавалериста-солдата все налажено въ подражаніе нѣмцамъ и ихъ климату, къ показу на ученіи, параду.

Въ нашу суровую зиму, напр., и самъ кавалеристъ и его лошадь совершенно не закрыты отъ холода и вьюги и солдату не полагается ни полушубка, ни рукавицъ! Не принять во вниманіе фактъ, что мы по преимуществу воины холоднаго климата, въ Италію ходить воевать больше не будемъ — баста! — и всѣ серьезныя кампаніи оканчивали и будемъ оканчивать зимою.

Каково солдату въ 30°-ный морозъ безъ полушубка и теплыхъ рукавицъ, которыя онъ можетъ надѣвать лишь явно нарушая дисциплину? Каково лошади, имѣющей лишь небольшую попону?

Казакъ вообще меньше замуштрованъ и относительно одежды меньше стѣсненъ, чѣмъ солдатъ; онъ ловчѣе, хитрѣе, находчивѣе въ походѣ — въ этомъ нѣтъ сомнѣнья; онъ больше любитъ лошадь, какъ за собственностью больше за нею ухаживаетъ, старательнѣе добываетъ пищу, лучше пригоняетъ сѣдло — словомъ больше любитъ и бережетъ свою лошадь.

Солдатамъ часто мѣняють лошадей для уравненія, для подбора по эскадронамъ, что слѣдовало бы дѣлать лишь въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ. Разсылается кавалеристъ съ конвертами и разными порученіями обыкновенно нѣшкомъ, а лошадь въ это время стоитъ на конюшнѣ; когда эти послышки дальны и утомительны, они озлобляютъ солдата на лошадь: „ходи, дескать, за нею какъ за барыней и любуйся на нее, — только отъ нея и пользы!“

Въ кавалеріи нѣкоторыхъ государствъ лошадь не только носитъ своего всадника всюду, при разноскѣ приказаній и исполненіи порученій, но и дается унтеръ-офицерамъ для прогулокъ, что весьма разумно, въ виду цѣли сближенія конника съ его конемъ ¹⁾.

¹⁾ Кавказскіе казаки у насъ, безспорно, лучшіе конники, покаместъ, зато же, кромѣ свѣжихъ еще традицій между людьми, и лошади у нихъ очень хороши—

Можно сказать, что необходимо у насъ больше привязать солдата къ лошади.

* *
*

Прежде было много малороссійскихъ лошадей въ кавалеріи; многіе помѣщики имѣли такіе большіе табуны, что съ одного завода поступали въ ремонтъ отъ 50 до 80 мериновъ, а теперь у помѣщиковъ собираютъ по одной, по двѣ лошади, отъ владѣльца. Это сильныя рослая лошади, гораздо больше способны къ манежной выучкѣ, чѣмъ донскія. Лошади задонскихъ степей недурны. Зимовниковы владѣльцы производятъ хорошихъ лошадей; у нихъ жеребцы, англійскіе, арабскіе и государственнаго коннозаводства, хотя надобно сказать, что, къ сожалѣнію, лучшія лошади не попадаютъ къ намъ, а идутъ въ Австрію, Румынію, Турцію.

Въ станичныхъ табунахъ лошади слабыя, не соотвѣтствующія вѣсу всадника съ снаряженіемъ. Лошадь въ нашей кавалеріи должна нести отъ 7½ до 8½ пудовъ, т. е. почти то же, что и въ царствованіе Николая I, когда одни кирасиры развѣ были тяжелѣе, да теперь еще прибавилась винтовка съ патронами, пулями и сѣдельный вьюкъ—а лошадь-то много слабѣе прежней!

Впрочемъ, такъ какъ исполняются всѣ вещи снаряженія легче, то въ концѣ концовъ ружье не много увеличиваетъ противъ прежняго общій вѣсъ.

Вообще строевая лошадь требуетъ сбора, а донская, при ея достоинствахъ, не можетъ собраться, у нея олевя шея, она задираетъ голову, и задираетъ съ упрямствомъ, ее характеризующимъ.

Удивительно, что темпераментъ лошади до сихъ поръ не принимается во вниманіе: степная свободная лошадь, болѣе другихъ злопамятная, настойчивая, капризная, муштруется точно также, какъ меланхолическій конь, взрослій въ конюшнѣ. Донская лошадь очень свободолюбива, чего не хотятъ знать; до чего она свободолюбива видно изъ того, что были случаи, когда кони, срывавшіеся изъ частей, стоявшихъ на разстояніи около ста

одна кабардинскіе скакуны чего стоятъ. Но, все таки, какъ ни хороши кавказскіе казаки, они горцы, ихъ прототипы черкесы и они не могутъ служить образцами для регулярной конницы, дѣйствующей преимущественно на равнинахъ.

В. В.

версть отъ ихъ прежнихъ пастбищъ, возвращались къ себѣ въ зимовники, въ табуны—можно ли не обращать вниманія на такіе факты и мучить такую лошадь мундштукомъ и шпорами, т. е. совершенно портить ея характеръ!

Прежде при Николаѣ I полки ремонтировались по мастямъ; потомъ при Александрѣ II группировались по мастямъ только эскадроны. Теперь нашли возможнымъ снова подбирать одномастные полки. Мнѣ кажется, что подборъ подъ одинъ типъ лошадей изъ степи, изъ конюшни и изъ-подъ упряжи не цѣлесообразенъ и выгоды такого подбора не выкупаютъ невыгодъ.

Одно, что необходимо по части подбора мастей, это помѣщеніе въ хвостахъ эскадроновъ бѣлыхъ коней на случай темныхъ ночей. Я живо помню отчаяніе генерала Т., получившаго отъ Скобелева приказаніе „выступить слѣдомъ за кавалерію“ и, за темнотою ночи, потерявшаго эту кавалерію, имѣвшую въ аріергардѣ гнѣдыхъ коней. Не далеко ходить и за другимъ примѣромъ: ночью при выступленіи изъ Адрианополя, когда зги не видно было, мы тоже потеряли аріергардъ, шедшій передъ нами всего въ нѣсколькихъ шагахъ, и нашли его только на утро,—хорошо, что не наскочили на крупную партію черкесовъ, рыскавшихъ по окрестностямъ!

Если бы лошадей, пригодныхъ къ мундштуку, отдавать въ одну часть, а непокорнѣйшихъ изъ степняковъ въ другую, гдѣ не было бы мундштука, то дѣло выучки лошадей много бы выиграло. Тогда и вопросъ о годности или непригодности мундштука для нашей кавалеріи могъ бы быть рѣшенъ на да или нѣтъ, теперь же онъ такъ и остается вопросомъ.

Въ высшихъ сферахъ управленія кавалерією не допускается и сомнѣніи относительно мундштука и только нѣкоторые отдѣльные начальники, люди инициативы, пробовали обходиться безъ нихъ

Генераль Струковъ, одинъ изъ лучшихъ и наиболѣе компетентныхъ молодыхъ кавалерійскихъ генераловъ, дѣлалъ на свой страхъ опыты съ лошадьми носившими въ строю, на мундштукѣ; онъ снималъ съ нихъ мундштукъ и надѣвалъ уздечку—результатъ выходилъ поразительный—большая часть лошадей успокаивалась, дѣлалась послушнѣе, характеръ ихъ улучшался.

Струковъ дѣлалъ пробу водить весь эскадронъ на уздечкѣ—тянуть, лежать на рукѣ, но, коли навыкъ есть, слушаются, рав-

няются и есть полная надежда, что если работать въ этомъ направленіи правильно, настойчиво, каждый день, то носить не будутъ.

Можно, значить, еще сказать, что желательно, чтобы лошади подбирались не столько по мастямъ, сколько по темпераментамъ.

* *

Другое горе строевыхъ лошадей—подкова: она вѣситъ болѣе фунта, т. е. свыше 4-хъ фунтовъ на 4 ноги. Въ обыкновенное время куютъ только на передъ и лишь въ походѣ на всѣ 4 ноги, въ зимнее время даже на винты. Но тутъ-то и бѣда: винты эти совсѣмъ особенные, солдатъ долженъ возить ихъ съ собою и винтовъ этихъ не напастись, потому что иногда они держатся не болѣе нѣсколькихъ часовъ ¹⁾.

Очевидно, это должно быть упрощено, винты должны быть проще, чтобы ихъ можно было чаще мѣнять и солдатъ былъ бы въ состояніи перековать свою лошадь въ каждой встрѣчной деревенской кузницѣ.

Генераль Струковъ дѣлалъ опытъ, въ виду особеннаго свойства копыта донской лошади, вовсе не ковать—результатъ опыта тотъ, что добрая часть лошадей можетъ оставаться некованною. Разумѣется, желательно, чтобы такого рода опыты были расширены и чтобы они дѣлались не тайкомъ, „на свой страхъ“, а по оффиціальному дозволенію и приказанію.

Надобно замѣтить, что еще затрудняютъ движеніе лошади сумы, до нѣкоторой степени и переднія, но въ особенности заднія, просто бьющія по брюху и по ногамъ животнаго.

* *

Нѣсколько словъ о вооруженіи.

Обращеніе большей части кавалерійскихъ полковъ въ драгунскіе можно признать мѣрою разумною, хотя, не надо себя обманывать, не мало традицій лихой легкой кавалеріи уничтожено этою перемѣною.

¹⁾ Какъ трудно отрѣшиться отъ замысловатаго и непрактичнаго—видно изъ того, что до сихъ поръ полковыя повозки не только грузны и неуклюжи но и до того хитро устроены, что разъ она сломается, немислимо ее починать въ обыкновенной кузницѣ—въ одномъ колесѣ чуть не десятокъ разныхъ винтовъ, которые тоже всѣ надобно возить съ собою въ огромномъ запасѣ.

Ружье сильно стѣсняетъ кавалериста во всѣхъ движеніяхъ и особенно при атакѣ, но, правда, съ другой стороны, оно даетъ ему нѣкоторую увѣренность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и силу, такъ что въ вое-кавихъ мелочахъ, лучше пригнанное и принаровленное, оно, въ концѣ концовъ, будетъ надежнымъ помощникомъ кавалеристу.

Уменьшить вѣсъ ружья, однако, положительно необходимо: оно вѣситъ теперь до 20 фунтовъ, да шашка 12 фунтовъ, да патроны около 10—не перечеть всѣхъ фунтовъ, которые приходится носить сравнительно слабой донской лошади, несравненно менѣе нагруженной подъ казакомъ.

Кстати здѣсь замѣтитъ, что пробовать достоинство ружья нужно не единично, а цѣлыми эскадронами и даже полками — только полкъ, прошедшій всѣ маневры съ новымъ ружьемъ, въ состояніи сказать хорошо оно или нѣтъ.

На пикю казакъ жалуется: она легко ломается и изъ-за раза, что онъ пойдетъ съ нею въ атаку, доставляетъ слишкомъ много возни съ нею. Съ другой стороны, если нѣмцы вооружать своихъ гусаръ и уланъ пиками, то, безъ сомнѣнія, нашимъ драгунамъ атаковать ихъ кавалерію будетъ трудно.

По моему личному опыту въ дѣлахъ съ среднеазіатцами, казакъ нашъ, какой бы онъ ни былъ, уралецъ, оренбурецъ или сибирякъ, не боящійся шашки туземцевъ, крѣпко остерегается пикн ихъ: „Шашкой отъ пикн гдѣ-же оборониться“, говоритъ онъ.

По крайнему нашему разумѣнію, уничтожить пикю, какъ объ этомъ говорилось, рисковано; лучше, напротивъ, вооружить гусаръ и уланъ легкими желѣзными пиками, въ родѣ тѣхъ, что приняты легкою индійскою конницею—я вывезъ изъ Индіи нѣсколько такихъ пикъ, они, съ одной стороны, несравненно менѣе тяжелы и громоздки, чѣмъ наши деревянные, а съ другой—менѣе ломки.

* *
*

Взглянемъ на одежду драгунъ.

Шашка—только до мобилизаціи; въ походѣ носить фуражку, которая при морозахъ, на дождѣ и солнцѣ ссыхается. При быстрыхъ аллюрахъ она легко слетаетъ съ головы и множество фуражекъ теряется.

Натурально, что съ такимъ головнымъ покровомъ, при атакѣ,

приходится защищать голову естественнымъ движеніемъ руки — вотъ уже первое неудобство.

Такъ какъ каски тяжелы, жестки, винтами рѣзутъ головы, а при нашемъ климатѣ и холодны, то необходимо озаботиться, чтобы головной уборъ былъ мягкій, стеганный, хоть мерлушачій, въ родѣ малороссійской шапки. Говорю это по убѣжденію, потому что до сихъ поръ помню ударъ никою по головѣ, полученный въ схваткѣ на китайской границѣ,—ударъ, который, безъ сомнѣнія, оглушилъ бы и спшибъ бы меня съ сѣдла, если бы не защитила мою голову мягкая мѣховая шапочка, заставившая пику скользнуть.

Затѣмъ, къ шапкѣ необходима цѣпочка, которая и удерживала бы шапку на головѣ и отводила бы при случаѣ сабельный ударъ,—мало ли было примѣровъ того, что какойнибудь образокъ, даже крестикъ отводили удары и спасали отъ смерти. Наконецъ, пусть только подведутъ счетъ шапкамъ, растеряннымъ въ походѣ, тогда увидятъ, что дать мягкій, крѣпко сидящій и придерживаемый цѣпочкою головной уборъ — необходимо.

Сапоги должны быть не очень высокіе, до колѣнъ, и, по возможности, безъ складокъ, т. е. безъ искусственныхъ, такъ какъ въ нихъ набивается всегда масса грязи.

Шпоры, одно изъ наказаній не только для лошадей, но и для людей, въ походѣ обыкновенно снимаются—конечно, объ нихъ не горюютъ—хлысть или нагайка совершенно достаточны. Если ужъ вообще быть шпорамъ, то лучше на ремняхъ, а не на винтахъ.

Больше же всего я настаиваю на томъ, чтобы солдаты имѣли на зиму полушубки и теплыя рукавицы, имѣли не контрабандно, какъ теперь, а официально — полушубокъ долженъ быть формою нашихъ солдатъ отъ ноября до марта.

Еще пѣхотинецъ скорѣе можетъ обойтись безъ него, потому что онъ ходитъ, грѣется, тогда какъ кавалеристъ не можетъ двинуться и въ походѣ при 30° холода мерзнетъ въ шинелишкѣ, буквально подбитой вѣтромъ.

И теперъ хорошіе начальники, жалѣя людей, заводятъ полушубки на экономическія суммы, если таковыя есть, но все это дѣлается негласно, какъ я сказалъ, контрабандою отъ началь-

ства, которое пришло бы въ ужасъ, если бы полкъ былъ выведенъ зимою на смотръ въ полушубкахъ даже подъ шинелями. Можно только представить себѣ что было бы, если бы нашелся такой дерзкій полковой командирь,—какъ онъ скандализировалъ бы начальство: „Почему люди такъ толсты, неуклюжи? Шинели долой!“ О, ужасъ!

Шинели, конечно, должны остаться на остальное время, но зимою непременно форменный полушубокъ, длинный, до колѣнъ, какъ обыкновенно русскій, или короткій, закрывающій лишь животъ, какъ у румынъ.

Крестьянинъ нашъ почти цѣлый годъ носить полушубокъ, онъ снимаетъ его лишь на три лѣтнихъ мѣсяца, а солдатъ — тотъ же крестьянинъ—никогда его не носить: невольно спрашивается—почему?

Подъ шинелью полушубокъ, дѣйствительно, былъ бы неуклюжъ, но, вмѣсто скюртука, перетанутый, онъ можетъ быть очень представителенъ; и говорить нечего, что это была бы чисто русская форма, не нѣмецкая.

Достаточно видѣть какой-нибудь смотръ зимою, чтобы замѣтить, съ какимъ состраданіемъ относится народъ къ шинелишкамъ солдатъ. Три или пять тысячъ солдатъ стоятъ во фронтѣ хоть при 10° мороза, въ шинеляхъ, т. е. въ легкой суконной одеждѣ; толпа, тоже въ нѣсколько тысячъ, смотритъ на нихъ, вся одѣтая въ мѣхъ. Если эти послѣдніе такъ одѣты изъ боязни простуды, то почему же простуда не страшна для первыхъ? Не надобно забывать, что солдатамъ сплошь и рядомъ приходится въ походѣ проводить ночи на морозѣ, тутъ ужъ полушубокъ и теплыя рукавицы положительно необходимы, потому что отдыхать на снѣгу, часто при вѣтрѣ, снѣжномъ вихрѣ, въ шинели чистое мученье.

Помню, что при переходѣ черезъ Балканы, я пробовалъ ночью забываться сномъ, около костра, въ полушубкѣ, подъ буркою и одѣяломъ—не тутъ-то было; почувствовавши, что начинаю, просто на просто, коченѣть, я всталъ, присѣлъ къ огню и, закуря сигару, дожидался часа выступленія. Каково было въ эту ночь солдатамъ въ легкихъ шивеляхъ и что было бы съ отрядомъ, если бы случился вихрь или если бы вообще Скобелевъ и Куропаткинъ были менѣе заботливы, не запасли бы набрюшниковъ, просаленныхъ портянокъ и т. п.?

Кто не знаетъ, не слышалъ о Шипкинскомъ сидѣньѣ, что было бы тамъ съ солдатами безъ полушубковъ, не признаваемыхъ начальствомъ, но, по его же просьбѣ, доставленныхъ туда сердобольными людьми?

Пока полушубокъ не получить права гражданства въ нашихъ войскахъ, будетъ какою-то непризнанною, побочною частью туалета, онъ всегда, въ случаѣ надобности, не будетъ поспѣвать вовремя, будетъ доставляться въ апрѣлѣ, вмѣсто октября, какъ то было съ войсками, переходившими Балканы по поясъ въ снѣгу, при морозахъ и вихрахъ въ холодныхъ шинеляхъ—„свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!“

Офицеры, конечно, тоже не прочь были бы отъ полушубка, который, грѣя болѣе, не былъ бы тяжелѣе — офицерское теплое пальто изъ штиглицкаго драпа вѣситъ вѣдь отъ 25 до 30 фунтовъ,—тяжеленько въ немъ дѣйствовать!

Солдатское сукно плохое, на дождѣ намокаетъ, отъ вѣтра не защищаетъ—онъ провизываетъ его, на морозѣ оно нигуда не годится!

Вспомнить, напр., кампанію 1812 года, сколько приходилось солдатамъ ночевать въ лѣсахъ, въ снѣгахъ—мыслимо ли это безъ полушубковъ?

Теперь, съ обращеніемъ большей части регулярныхъ кавалерійскихъ полковъ въ драгунскіе, надобно помнить, что назначеніе драгуна не то, что казака или гусара—гдѣ нибудь ударить во флангъ, пробраться незамѣтно между городомъ и крѣпостью, крѣпостью и фортами, ночуя въ случаѣ нужды въ лѣсу, въ стени безъ огней,—мыслимо ли все это зимою безъ форменныхъ полушубковъ?

Съ другой стороны, въ провинціи лошади стоятъ въ небольшихъ конюшняхъ, по 2—3 лошади въ каждой; примѣрно, на каждыя 3 конюшни нуженъ конюхъ, который не можетъ быть такъ одѣтъ, какъ въ казармѣ. Вообще люди тамъ цѣлый день на дворѣ или въ сквозномъ сараѣ—возможно ли имъ быть въ холодныхъ шинеляхъ?

А необходимость работать зимою безъ теплыхъ рукавиць?—хоть теплыя варешки должны быть при формѣ. Взглянуть на чухонца или на нашего крестьянина, почему онъ не боится

мороза—потому что онъ хорошо защищенъ отъ мороза, морозъ ему ни почемъ.

Лошадей слѣдуетъ также лучше покрыть, хоть попоны сдѣлать больше. Въ послѣдній турецкій походъ лошади сильно простуживались, потому что вовсе не имѣли закрытія—люди снимали попоны и клали себѣ на ноги, чтобы хоть сколько нибудь согрѣться.

Словомъ, еще разъ, необходимо ввести въ войскахъ зимнее платье, т. е. полушубки; въ кавалеріи нужда въ этомъ еще настоятельнѣе, чѣмъ въ пѣхотѣ.

* *

Вопросъ о казармахъ и бивуакахъ очень важенъ. Огромныя казармы, на которыя теперь мода, врядъ ли такъ необходимы, какъ то думаютъ.

Во-первыхъ, они страшно дорого стоятъ: каменная казарма на полкъ не можетъ обойтись менѣе полумилліона и между ними и грошовыми деревенскими хатами и сараями можно взять среднее: выстроить небольшія эскадронныя казармы, болѣе удобныя не только въ строевомъ, но и въ гигиеническомъ отношеніи.

Въ образцовой 4-й кавалерійской дивизіи Струцова сдѣланы опыты постройки такихъ казармъ хозяйственнымъ способомъ, въ помѣщицкѣмъ имѣніи: онѣ деревянныя, бревенчатыя и обходятся каждая въ 8,000 съ небольшимъ; значитъ, постройка такихъ казармъ на цѣлый полкъ будетъ стоить 50—60,000 р.,—сумма, далекая отъ полумилліона! Большихъ каменныхъ казармъ и солдаты не долюбиваютъ, послѣ деревни; небольшая постройка, конечно, менѣе тосклива, менѣе отдѣляетъ людей отъ существенныхъ элементовъ боевой жизни: воздуха, степи, лѣса.

Не только люди, но и лошади, привыкшія къ жизни большой казармы, мало способны къ бивуачной жизни зимою, а непривычка къ зимнему бивуаку вредно отзывается на всей кампаніи: люди не умѣютъ ни постели себѣ приспособить въ снѣгу, ни вбить коновязи, не умѣютъ ни лошадь отъ мороза укрыть, ни сами оборониться—поморозятся, полезутъ отогрѣваться къ огню и пропали.

* *

Маневры необходимо производить болѣе серьезно, т. е. не лѣтомъ только, а непремѣнно и зимою.

Всѣ понятія и знанія не только солдатъ, но и начальства переворачиваются, когда приходится зимою примѣнять опытъ, добытый лѣтомъ, сказать прямо—и солдаты и офицеры часто теряютъ голову въ этихъ случаяхъ.

Сдѣлать переходъ по глубокому снѣгу, заночевать на морозѣ, въ лѣсу, въ дебряхъ, не поморозивъ ни людей, ни лошадей, кажется въ мирное время для маневрирующихъ полковъ такую же далекою, неприглядною и необыкновенною случайностью, какъ оно обыденно и неизбежно въ военное.

Необходимы частыя поѣздки на возможно бѣльшія дистанціи, поѣздки хоть и не тактическія, но толковыя и практичныя. Не брезгать переправою черезъ ручьи и рѣчки, что обыкновенно не нравится и офицерамъ, и солдатамъ.

Бесѣдовать офицерамъ съ людьми, развивать ихъ, въ положенные часы читать избранныя сочиненія необходимо какъ можно чаще, надобно поощрять наградами тѣхъ офицеровъ, которые охотно и старательно исполняютъ это.

Въ концѣ концовъ, можно сказать: необходимо, чтобы солдатъ нашъ съ одной стороны возможно развился нравственно и физически, съ другой—сбросилъ бы съ себя нѣмецкій обликъ, который онъ еще имѣетъ и, одѣтый въ полушубокъ, съ теплыми рукавицами и носками, наловчился бы во всѣхъ маневрахъ, изворотахъ и движеніяхъ зимою—зимою ему придется сводить окончательные счета съ врагами Россіи, зима его не разъ уже выручала—пусть не стыдятся того, что зима у насъ длиннѣе лѣта—она и впредь не дастъ насъ въ обиду.

Одна увѣренность иностранцевъ въ томъ, что войска наши, тепло одѣтыя, обучены устраиваться по домашнему въ снѣгу, на большихъ морозахъ, отобьетъ охоту у ближнихъ и дальнихъ сосѣдей постоянно собираться къ намъ въ гости, страшать, что вотъ, вотъ придутъ. Милости просимъ—поиграемъ въ снѣжки!

В. В. Верещагинъ.

Мих. Дмитр. Скобелевъ—А. П. Струкову

письмо.

Надѣсь, А. П. Струковъ не посѣтуеть на меня за то, что я принеду здѣсь письмо къ нему покойнаго М. Д. Скобелева, какъ документъ, касающійся кавалеріи. Фразы нѣсколько напыщенны, обороты кудравы, но въ ообщемъ сквозятъ знаніе и любовь къ военному дѣлу и конницѣ

В. В.

Вичуакъ у Караманли. 20-го мая 1878 г.

Дорогой Александръ Петровичъ. Спасибо тебѣ, тысячу разъ спасибо за твое доброе, сердечное письмо. Оно меня не удивило, но глубоко обрадовало, какъ отъ человѣка, котораго я за минувшую войну привыкъ сердцемъ считать своимъ отъ Парапана и Чатаджи и въ военную будущность котораго я лично, для пользы нашей бѣдной кавалеріи, глубоко вѣрю. Я сказала «бѣдной» съ чувствомъ глубокаго уваженія и любви къ нашему регулярному кавалерійскому матеріалу. Это чувство возбудилъ во мнѣ ты, доказавъ наглядно съ незабвенными полками 1-й кавалерійской дивизіи, чего можно достигнуть съ русскою регулярною кавалеріею! Но дѣло мастера боится, а таковыхъ я не видалъ въ настоящую войну. Вѣрь мнѣ, дорогой Александръ Петровичъ, что вопросъ о созданіи, безотлагательномъ созданіи, хорошихъ боевыхъ кавалерійскихъ начальниковъ для русской арміи болѣе настоятеленъ, чѣмъ всякій другой. Что было бы съ нами въ Турціи, еслибы въ прошлое лѣто воскресла бы хотя кавалерія султана Магмуда?. Въ войнѣ съ Австріей и даже съ Англіей неумѣлость употреблять кавалерію можетъ просто повести къ проигрышу кампанія. Въ наши дни роль кавалеріи, болѣе чѣмъ при Зейдлицѣ и Мюратѣ, пылко наступательная. Ружье имъ (кавалеристамъ) дано именно потому, а не для скромнаго спѣшиванія, въ виду своей пѣхоты, какъ то слишкомъ часто бывало

Постоянно находясь въ соприкосновеніи по возможности съ массами непріятеля, хорошая кавалерія неустанно ишетъ случая охватить одинъ изъ операционныхъ фланговъ непріятельской арміи или даже тылъ, и нанести, при случаѣ, рѣшительный вредъ, en y laissant le moins possible de ses propres plumes, parceque nulpart l'expérience n'est aussi precieuse que dans la cavalerie. Еще въ началѣ этого столѣтія называли кавалерію «l'arme des surprises et des mouvements debondants?..» Что же сказать про нее теперь? Дѣйствительно, наша кавалерія должна подготовить себя къ громадной роли на случай

европейской кампаніи. Она, по необходимости, должна вліять своимъ качествомъ и на стратегическія и на тактическія рѣшенія главнокомандующаго, скажу—на логику всей кампаніи. Генералы, которые будутъ призваны управлять кавалерійскими массами, должны, кромѣ опытнаго взгляда на военное дѣло во всемъ его объемѣ, обладать и военнымъ глазомѣромъ, и способностью умозаключать при всякой обстановкѣ, и безпредѣльною дѣятельностію, и, наконецъ, главное, характеромъ, способностію самостоятельно рѣшаться нести отвѣтственность!!! Все это качества недюжинныя, скажу, не манежныя и не плацпарадныя; вотъ почему арміи должны быть дороги тѣ, которые удовлетворили вышесказанному, да еще и рѣ суровую зимнюю пору, за 100 верстъ отъ своей пѣхоты, въ тѣ дни, когда для нихъ дѣло шло о чести вѣрныхъ имъ штандартовъ, о жизни сотней молодцевъ и, наконецъ, о безвозвратномъ быть или не бытъ ихъ собственной боевой репутаціи. Такихъ людей можетъ забыть развѣ только зависть.

Поздравляю тебя съ алмазною шпагою — это будетъ для тебя пріятнымъ воспоминаніемъ и служить для меня доказательствомъ, что Государь Императоръ тебя понялъ и оцѣнилъ. Напиши мнѣ, пожалуйста, поподробнѣе о себѣ и вообще о многомъ.

Генералу Веревкину я сдалъ корпусъ въ исправности. Ты знаешь, я люблю службу и никакихъ претензій себѣ не позволяю имѣть. Исполняю приказанія—вотъ и все. Крепко жму руку. Твой любящій Михаилъ Скобелевъ.

Сообщ. В. В. Верещагина.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ИСАКОВЪ

1839 ^{августа}/₈ 1889.

Директоръ педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній, генералъ-лейтенантъ В. П. Коховскій, — сообщилъ всѣмъ сотрудникамъ Педагогическаго музея нижеприведенный, воспослѣдовавшій 8-го августа 1889 г. высочайшій на имя генералъ-отъ-инфантеріи Н. В. Исакова рескриптъ по случаю юбилея полувѣковой службы и государственной дѣятельности Николая Васильевича.

Генералъ Исаковъ, ближайшій сотрудникъ бывшаго военнаго министра гр. Д. А. Милютина въ его высоко просвѣщенной руководительной дѣятельности по образованію военной молодежи, каковая дѣятельность была осуществленіемъ предначертаній незабвеннаго Государя-Освободителя, — принадлежитъ къ наиболее свѣтлымъ личностямъ эпохи минувшаго царствованія. Труды и заботы Н. В. Исакова — о вѣрнѣйшихъ его ближайшему вѣдѣнію военно-учебныхъ заведеній, его гуманные взгляды и постоянная готовность поддержать все доброе — приобрѣли ему чувства общей любви и уваженія со стороны всѣхъ, кто имѣлъ удовольствіе служить въ его обширномъ вѣдомствѣ. Эти чувства не застыли и въ тотъ рядъ годовъ, въ теченіе которыхъ Н. В. Исаковъ — не занималъ уже прежняго поста, что съ особенною силою сказалось во время празднованія въ 1889-мъ году юбилея его полувѣковой государственной службы. Въ день этого юбилея Н. В. Исаковъ получилъ — 8-го августа 1889 г. — множество самыхъ сердечныхъ привѣтствій и поздравленій. По случаю дорогаго для него дня юбиларъ былъ осчастливленъ высочайшимъ рескриптомъ. Хотя этотъ актъ былъ своевременно напечатанъ во всѣхъ газетахъ, но мы вносимъ его на страницы «Русской Старины» какъ потому, что онъ относится къ особо выдающемуся государственному и общественному дѣятелю минувшей, славной въ лѣтописяхъ Россіи, эпохи великихъ преобразованій, такъ и потому, что въ этомъ рескриптѣ съ высоты Трона указывается на высокое образовательное значеніе основаннаго при самомъ дѣятельномъ участіи Н. В. Исакова Педагогическаго музея въ С.-Петербургѣ:

Ред.

«Николай Васильевичъ. Полувѣковое служеніе ваше престолу и отечеству всегда отличалось успѣшнымъ и неуклоннымъ исполненіемъ возлагаемыхъ на васъ обязанностей. Посвятивъ боевому поприщу первые годы вашей служебной дѣятельности, вы ознаменовали ихъ, въ дѣлахъ съ горцами на Кавказѣ и во время венгерской и крымской кампаний, подвигами личной храбрости, неоднократно стяжавшими вамъ благоволеніе въ Божѣ почившаго дѣда моего, императора Николая 1. Незабвенный родитель мой также оцѣнилъ ваши особенныя дарованія, назначивъ васъ попечителемъ московскаго учебнаго округа, а затѣмъ главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній. Занимая сіи должности, вы, при непрестанномъ личномъ надзорѣ и руководствѣ, съ примѣрнымъ рвеніемъ заботились о правильной постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ духѣ вѣры и нравственнаго долга. Попеченія ваши, направленные къ развитію на прочныхъ началахъ учебной системы, равно какъ настойчивые труды по учрежденію весьма важнаго по образовательному значенію педагогическаго музея, доставили вамъ заслуженную извѣстность. Тѣмъ же неизмѣннымъ усердіемъ и рвеніемъ отмѣчено опытное содѣйствіе, оказываемое вами совѣту императорскаго человѣколюбиваго общества и главному управленію русскаго общества «Краснаго Креста», по званію члена сихъ благотворительныхъ учрежденій. Въ послѣднее время будучи призваны мною къ присутствованію въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, вы приносите существенную пользу просвѣщеннымъ участіемъ вашимъ въ разработкѣ финансовыхъ и экономическихъ вопросовъ.

Желая выразить вамъ особое благоволеніе за вашу многолѣтнюю и обильную трудами дѣятельность, Я, въ сей знаменательный для васъ день, жалую васъ кавалеромъ императорскаго ордена святаго апостола Андрея Первозваннаго, знаки коего при семъ препровождаются.

Пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклонный».

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано: «Александръ».

«8 августа 1889 г. Петергофъ».

Учебно-воспитательный комитетъ Педагогическаго музея и всѣ его спеціальныя отдѣлы, глубоко цѣня заслуги основателя музея, признали необходимымъ ходатайствовать о разрѣшеніи поставить въ помѣщеніи учрежденія бюстъ генераль-адъютанта Исакова.

На это ходатайство, представленное въ установленномъ порядкѣ, послѣдовало высочайшее разрѣшеніе: «поставить въ помѣщеніи Педагогическаго музея бюстъ члена государственнаго совѣта, генераль

адъютанта Исакова, какъ лица, подъ руководствомъ котораго образовался и развился Педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній».

Въ день юбилея Педагогическій музей привѣтствовалъ своего основателя слѣдующей телеграммой:

«Шпола. Генераль-адъютанту Исакову.

«Приношу вашему высокопревосходительству вмѣстѣ со всѣми служащими и добровольно трудящимися въ Педагогическомъ музейѣ наши искреннѣйшія поздравленія съ днемъ вашего юбилея. Мы всѣ безконечно радуемся полученному нами высочайшему разрѣшенію поставить въ помѣщеніи музея бюстъ вашъ, какъ лица, подъ руководствомъ котораго образовался и развился Педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній. Да живетъ вѣчно память о вамъ содѣяннымъ и да поможетъ вамъ Богъ совершить еще много полезнаго для нашего отечества и для всего культурнаго міра».

Директоръ музея, генераль-маіоръ Коховскій».

На эту телеграмму былъ полученъ отвѣтъ:

«Петербургъ. Соляной Городокъ. Генералу Коховскому.

Сердечно благодаренъ за доброе привѣтствіе и испрошенную честь.

Исаковъ».

Педагогическій музей отнынѣ обязанъ Николаю Васильевичу Исакову не только какъ своему основателю, но и какъ лицу, почтенному за выдающіяся заслуги высочайшимъ рескриптомъ, въ которомъ въ первый разъ, съ высоты Престола, выражена всемілостивѣйшая оцѣнка образовательнаго значенія Педагогическаго музея. Этотъ радостнѣйшій для насъ знакъ монаршаго вниманія къ учрежденію, явленный его учредителю, да будетъ неизмѣнно руководителемъ въ нашихъ общихъ дальнѣйшихъ трудахъ — поддержать учрежденіе на высочайше указанной ему высотѣ.

Генераль-лейтенантъ Коховскій.

ВОЙНЫ РОССИИ СЪ ТУРЦІЕЙ.

Отъ Ред. «Русской Старины».

Подписчики «Русской Старины» на 1890 г., желающіе выписать историческіе труды генеральнаго штаба генераль-маіора Андрея Николаевича Петрова о русско-турецкихъ войнахъ и подписавшіеся на эти сочиненія до 1-го января 1890 г., получаютъ ихъ съ слѣдующею уступкою:

I. «Война Россіи съ Турціей и польскими конфедератами, 1769—1774 годовъ», пять томовъ, съ планами и картой. Цѣна вмѣсто 7 р. 50 к.—**ТРИ** р.

II. «Вторая война съ Турціей, 1787—1791 гг.», два тома, съ планами и картой. Удостоено отъ Императорской Академіи наукъ Уваровской преміи. Цѣна вмѣсто 3 р.—**ОДИНЪ** р. 50 к.

III. «Третья война съ Турціей, 1806—1812 гг.», три тома, съ планами и картой. Удостоено отъ Императорской Академіи наукъ высшей Макаріевской преміи. Цѣна вмѣсто 5 р. 75 к.—**ТРИ** руб.

Всѣ три историческіе труда за 7 руб. 50 коп. съ пересылкою (вмѣсто объявленной цѣны 16 руб.)

Примѣчаніе. Удостоеніе помянутыхъ историческихъ трудовъ генерала А. Н. Петрова преміями отъ Императорской Академіи наукъ представляетъ свидѣтельство высокихъ достоинствъ этихъ изслѣдованій. Составленные, главнымъ образомъ, по неизданнымъ архивнымъ матеріаламъ, сочиненія Андрея Николаевича Петрова отличаются живостью и образностью изложенія, строго критическою оцѣнкою дѣятелей и событій и вообще представляютъ собою столь замѣчательные труды, которые безспорно принадлежатъ къ группѣ лучшаго, что произвела русская историческая литература новѣйшаго времени.

М. С.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

1812 года.

Въ 1887-мъ году, къ исполнившейся семидесятипяти-лѣтней годовщинѣ отечественной войны, художникъ-фотографъ І. К. Гоффертъ выпустилъ въ свѣтъ въ Петербургѣ большой альбомъ, состоящій изъ двѣнадцати свѣто-печатныхъ оттисковъ - фотогравюръ (въ большой полулистъ каждая), на превосходной бумагѣ, напечатанныхъ у Шерера, Набольца и К^о въ Москвѣ. Это—снимки съ картинъ нѣкогда славнаго нѣмецкаго живописца П. Гессе, каковыя картины находятся въ Императорскомъ Зимнемъ дворцѣ.—Фотогравюры сопровождаются сжатымъ, но вполне точнымъ и обстоятельнымъ изложеніемъ событій, на картинахъ изображенныхъ, каковой текстъ пересмотрѣнъ и исправленъ академикомъ генералъ-лейтенантомъ Н. О. Дубровиннымъ.

Снимки исполнены по фотографіямъ І. К. Гофферта, съ Высочайшаго соизволенія.

Мысль сдѣлать доступными любителямъ художествъ и исторіи—художественныя сокровища, украшающія Зимній дворецъ, заслуживаетъ полнаго сочувствія, тѣмъ болѣе — когда, какъ въ данномъ случаѣ, является воспроизведеніе картинъ, такъ сказать, иллюстрирующихъ воспоминанія о величайшихъ событіяхъ въ новѣйшей исторіи нашего отечества. Альбомъ г. Гофферта составляетъ хорошій подарокъ для всѣхъ любителей художественныхъ произведеній, въ особенности полезенъ для учебныхъ заведеній, гдѣ картины эти могутъ быть вставлены въ рамы, а текстъ, напечатанный на одной сторонѣ листа, наклеенъ на картоны и все изданіе можетъ, такимъ образомъ, служить прекраснымъ нагляднымъ пособіемъ при чтеніяхъ и разсказахъ о великой эпопее въ жизни русскаго народа, объ отечественной войнѣ.

Главное управленіе военно-учебныхъ заведеній признало уже пользу и значеніе въ этомъ смыслѣ изданія г. Гофферта; оно рекомендовало его альбомъ «военно-учебнымъ заведеніямъ, какъ изданіе, по содержанию своему и по исполненію заслуживающее широкаго распространенія въ этихъ заведеніяхъ» (подлинныя выраженія офиціальнаго отзыва нач. воен. уч.-завед. отъ 30 сент. 1888 г. за № 11,714).

Предметами картинъ этого альбома послужили слѣдующія событія: I. Сраженіе при Клястицахъ 19-го іюля 1812 г.—II. Подвигъ генерала Невѣровскаго подъ Краснымъ 2-го августа 1812 г.—

III. Сраженіе подѣ Смоленскомъ 4-го и 5-го августа 1812 г.—
 IV. Сраженіе при Лубинѣ или при Валутиной горѣ 7-го августа
 1812 г.—V. Бородинская битва 26-го августа 1812 г.—VI. Сраженіе
 подѣ Тарутинимъ 6-го октября 1812 г.—VII. Сраженіе при По-
 лоцкѣ 6-го и 7-го октября 1812 г.—VIII. Сраженіе при Малоюро-
 славцѣ 12-го октября 1812 г.—IX. Сраженіе при городѣ Вязьмѣ
 22-го октября 1812 г.—X. Сраженіе подѣ Краснымъ 5-го ноября
 1812 г.—XI. Сраженіе при рѣкѣ Лосминѣ 6-го ноября 1812 г.—
 XII. Переходъ черезъ рѣку Березину 16-го ноября 1812 года.

Всѣ снимки картинъ П. Гесса, вошедшіе въ альбомъ I. К. Гофферта, по справедливому отзыву спеціального русскаго художе-
 ственнаго органа («Художественныя Новости» 1888 г., № 20, стр.
 482—484, кстати скажемъ, органа весьма хорошо издающагося А. И.
 Сомовымъ): «въ отношеніи отчетливости, тонкости и изящества ис-
 полненія могутъ выдержать сравненіе съ подобными эстампами, про-
 изводимыми за границей».

Цѣна альбома I. К. Гофферта, въ картонномъ портфель, пятнад-
 цать рублей. Для подписчиковъ «Русской Старины» I. К. Гоффертъ
 дѣлаетъ уступку, а именно: альбомъ продается за двѣнадцать
 рублей въ портфель, а въ хорошемъ перешетѣ по 14 руб. за
 экземпляръ. Деньги благоволятъ высылать къ издателю альбома: въ
 С.-Петербургъ, Юсифу Казиміровичу Гофферту, Петербургская сто-
 рона, Большой проспектъ, д. № 80, кв. 3. Ред.

Князь А. А. Шаховской: „1812 годъ“,

къ его запискамъ.

Въ «Русской Старинѣ», изд. 1899 г., т. LXIV, книга октябрь, стр. 31—65,
 напечатаны интересныя воспоминанія извѣстнаго драматическаго писателя
 кн. А. А. Шаховскаго о первыхъ дняхъ въ сожженной Москвѣ въ 1812 году,
 послѣ удаленія изъ нея французовъ.

Воспоминанія эти, какъ оказывается, были уже напечатаны въ «Военномъ
 Сборникѣ» 1864 г., книга V-я, каковое обстоятельство нами упущено изъ виду,
 почему и не оговорено своевременно. Тѣмъ не менѣе, однако, читатели наши,
 конечно, не поспѣвали за воспроизведеіе по рукописи, исправленной рукою
 самого автора и имъ подписанной, этого интереснаго разсказа, уже потому,
 что при сличеніи текста, явившагося въ «Русской Старинѣ», съ текстомъ
 «Военнаго Сборника»—въ семь послѣднемъ оказались сокращенія, а въ одномъ
 мѣстѣ, именно въ концѣ «Воспоминаній», мы нашли большой пропускъ, воспро-
 изведенный у насъ и состоящій въ трехъ страницахъ нашего журнала (см.
 стр. 60—63).

Такъ или иначе, но будучи всегда признательными за указаніе нашихъ
 недосмотровъ, мы повторяемъ и въ данномъ случаѣ постоянную нашу просьбу:
 всѣ таковыя указанія направлять въ «Русскую Старину», такъ какъ помѣ-
 щенныя въ другихъ изданіяхъ, въ особенности въ газетахъ, они случайно
 могутъ не дойти ни до насъ, ни до читателей нашего историческаго журнала.

Ред.

НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧЪ ЧЕРНЫШЕВСКІЙ

† 17-го октября 1889 г.

Внезапная кончина въ г. Саратовѣ извѣстнаго писателя, публициста, экономиста и переводчика Н. Г. Чернышевскаго—вызвала въ печати некрологи и воспоминанія о немъ. Въ архивѣ «Русской Старины» находится разсказъ изъ первой юности этого писателя, принадлежащій его товарищу по воспитанію въ саратовской семинаріи, нынѣ благочинному въ Маріинской колоніи, саратовской епархіи,—о. Александру Ивановичу Розанову.

Приводимъ этотъ разсказъ, какъ матеріалъ, не лишенный интереса для біографіи покойнаго Н. Г. Чернышевскаго. Ред.

Николай Гавриловичъ Чернышевскій—сынъ саратовскаго протоіерея, градскаго благочиннаго и члена консисторіи Гавріила Ивановича Чернышевскаго, человѣка весьма умнаго, добраго и всѣми любимаго. Мало встрѣчается въ жизни людей, которые пользовались-бы такимъ всеобщимъ уваженіемъ, какъ отецъ Николая Гавриловича. Мать Николая Гавриловича была родною тетвою извѣстнаго уважаемаго писателя и ученаго А. Н. Пыпина; поэтому Чернышевскій и А. Н. Пыпинъ двоюродные братья.

Николай Гавриловичъ родился въ 1826 году и былъ единственнымъ сыномъ у своихъ родителей. До 16-ти-лѣтняго возраста его готовили учителя гимназій и семинаріи; въ 1842 году, 16-ти лѣтъ, онъ поступилъ въ семинарію; въ томъ-же году и въ этотъ-же классъ поступилъ и я. Такимъ образомъ Николай Гавриловичъ сдѣлался моимъ товарищемъ по семинаріи.

Въ это время онъ былъ нѣсколько болѣе средняго росту, съ необыкновенно нѣжнымъ, женственнымъ лицомъ; волосы свѣтло-желтые, но волнистые, мягкіе и красивые; голосъ его былъ тихій, рѣчь пріятная, вообще это былъ юноша какъ самая скромная, симпатичная и невольно располагающая къ себѣ дѣвушка. Къ его несчастію, онъ былъ крайне близорукъ: книгу или тетрадь онъ держалъ всегда у самыхъ глазъ, а писалъ всегда наклонившись къ самому столу.

Научныя свѣдѣнія его были необыкновенно велики: онъ зналъ языки латинскій, греческій, еврейскій, французскій, нѣмецкій,

польскій и англійскій. Начитанность была необыкновенная. Между нашими преподавателями былъ нѣкто Гавріиль Степановичъ Воскресенскій, здравствующій, кажется, и теперь еще (1880 г.). Это былъ человѣкъ жестокій до звѣрства, но, какъ преподаватель — лучшій въ семинаріи. Какъ знатоку своего дѣла, ему кличку дали: Зотка. Иначе его, конечно, за глаза, никто не звалъ, какъ Зотка. Заговорить бывало о чемъ-нибудь Гавріиль Степановичъ и спросить: не читалъ-ли кто-нибудь объ этомъ?— всѣ или молчать, или отвѣтять, что не читали. «Ну, а вы, Чернышевскій, читали?» спросить онъ. Въ то время, какъ Воскресенскій говорилъ и спрашивалъ, Чернышевскій, по обыкновенію, писалъ что-нибудь. Во время класса, при наставникахъ, онъ всегда дѣлалъ выписки изъ лексиконовъ, это было его обыкновенное и непремѣнное занятіе. Пишетъ Чернышевскій, учитель спросить его и не повторяетъ вопроса; тотъ встаетъ и начинаетъ: «германскій писатель N. N. говоритъ объ этомъ... французскій... англійскій»... Слушаешь, бывало, и не можешь понять: откуда человѣкъ набралъ столько свѣдѣній! И такъ всегда: коль скоро о чемъ-нибудь не знаетъ никто, то и берутся за Чернышевскаго, а тотъ знаетъ уже непремѣнно. Многосторонностию знаній и обширностию свѣдѣній по св. писанію, всеобщей гражданской исторіи, логикѣ, психологіи, литературѣ, исторіи, философіи и пр. онъ поражалъ всѣхъ насъ. Наставники наши считали удовольствіемъ поговорить съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, вполне уже развитымъ.

Воскресенскій преподавалъ, между прочимъ, св. писаніе и латинскій языкъ. Въ классѣ латинскаго языка онъ доходилъ, положительно, до бѣшенства: тутъ онъ кричалъ, метался, ругался и билъ чѣмъ ни попало и гдѣ ни попало. Библии и лексиконы онъ избивалъ о головы учениковъ въ лохмотья. Изобьетъ лексиконъ, схватить въ кулакъ листа три, и начнетъ бить въ рыло: «на, жри, жри, песь, жри, песь!» Поэтому, предъ латинскимъ классомъ мы всѣ дрожали. Въ этомъ состояніи единственнымъ и неутомимымъ помощникомъ, по крайней мѣрѣ, для половины класса учениковъ, былъ Николай Гавриловичъ. Классы раздѣлялись на дообѣденные и послѣобѣденные. Латинскій языкъ былъ послѣ обѣда. Николай Гавриловичъ приходилъ въ классъ раньше нарочито, чѣмъ было то пужно, и съ товарищами зани-

мался переводомъ. Подойдетъ группа, человекъ въ 5 — 10, онъ переведетъ трудныя мѣста и объяснитъ; только что отойдетъ эта, — подходитъ другая, тамъ третья и т. д., а тамъ: то изъ одного угла кричатъ: «Чернышевскій! Почему здѣсь стоитъ *supinum*», или что-нибудь въ этомъ родѣ, то изъ другаго: «какое значеніе дать здѣсь слову?»... И не было случая, чтобы Чернышевскій выразилъ, хоть-бы полусловомъ, свое неудовольствіе, что ему надоѣли, хотя надоѣсть было кому, — въ классѣ было болѣе 100 человекъ и половина класса, навѣрное, обращалась къ его помощи.

Классныя комнаты у насъ, по зимамъ, не топились, оконныя рамы были однѣ, двери разбиты, — и холодъ въ классѣ невыносимый ¹⁾). Единственнымъ средствомъ отогрѣться было повозиться, побороться, подражаться въ кулачки. Комнаты были огромныя, народу пропасть, всѣ возятся, — а Чернышевскій засадеть въ уголь, смотритъ и улыбается. Вытащатъ и его, — начнетъ и онъ бороться. Нерѣдко случалось, что когда онъ уставалъ, то борцы возьмутъ его на руки и, съ почетомъ, отнесутъ его опять на свое мѣсто. При наставникахъ-же онъ всегда садился первымъ за передней партой.

Курсы въ семинаріяхъ были двухгодичныя. Н. Г. Чернышевскій пробылъ одинъ курсъ въ низшемъ отдѣленіи — два года, одинъ годъ въ среднемъ отдѣленіи, вышелъ изъ семинаріи и поступилъ въ университетъ. Въ семинаріи былъ онъ всего три года.

Раза три или четыре онъ присылалъ изъ Петербурга письма всѣмъ бывшимъ своимъ товарищамъ. Въ одномъ большомъ пакетѣ онъ присылалъ небольшія записочки каждому особо по имени, и непременно скажетъ каждому какую нибудь особенность, характеризующую его: одного спроситъ: много ли выпилъ водки за послѣдніе мѣсяцы, другаго — сколько разъ «Синайскій» побилъ, третьему, готовящемуся въ университетъ, укажетъ на какія нибудь книги. Нѣсколько писемъ присылалъ и общимъ всему классу. Тутъ онъ писалъ о себѣ и о томъ, на что особенно должны обращать вниманіе готовящіеся въ университетъ или медико-хирургическую академію. Университетскіе каникулы начинались раньше, чѣмъ въ семинаріяхъ, поэтому Н. Г. Чернышевскій,

¹⁾ Нынѣ это зданіе въ Саратогѣ совершенно брошено; семинарія переведена въ новое препоходное зданіе. Мы посѣтили его въ 1888-мъ году. Ред.

пріѣзжая на каникулы домой, заставлялъ насъ еще въ Саратовѣ. На другой же день онъ приходилъ въ семинарію и дружески цѣловался со всѣми; спрашивалъ и рассказывалъ какъ родной братъ, и непременно всѣхъ, человѣкъ по 6—10, водилъ къ себѣ въ домъ напоить чаемъ и побесѣдовать. Нѣкоторыхъ приглашалъ онъ раза по три и больше.

Въ то время, когда Н. Г. Чернышевскій былъ потомъ учителемъ въ саратовской гимназіи, въ Саратовѣ проживалъ Н. И. Костомаровъ. Чернышевскій былъ съ нимъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. А такъ какъ уважаемый всей Россіей историкъ Н. И. Костомаровъ слылъ въ нашемъ Саратовѣ, Богъ вѣсть чего ради, за человѣка крайнихъ политическихъ убѣжденій, то дружба съ нимъ много повредила Н. Г. Чернышевскому въ глазахъ гимназическаго начальства.

Въ то время, какъ Н. Г. Чернышевскій былъ учителемъ гимназіи въ Саратовѣ, его матушка скончалась.

По отъѣздѣ въ Петербургъ отецъ Ник. Гавр. остался одинъ и вскорѣ переведенъ былъ отъ приходской своей церкви (Сергіевской) намѣсто каедральнаго протоіерея.

Въ одномъ домѣ, однажды, за многолюднымъ обѣдомъ, ректоръ семинаріи спросилъ достопочтеннаго о. Гавріила на весь народъ: «правда ли, отецъ протоіерей, что Николай Гавриловичъ посаженъ въ крѣпость и приговоренъ уже къ казни»? Гавріилъ Ивановичъ едва могъ проговорить: «не знаю», но тотчасъ же уѣхалъ домой и на другой день — померъ. Гавріилъ Ивановичъ былъ мужчина полный и умеръ отъ удара. Николай Гавриловичъ былъ въ это время, дѣйствительно, арестованъ.

Говоря о Н. Г. Чернышевскомъ, мнѣ нѣтъ дѣла ни до его личныхъ политическихъ убѣжденій, ни до «глубокаго внутренняго убѣжденія» Сената (1864 г.) и ни до чьего бы то ни было убѣжденія.

Я говорю о Николаѣ Гавриловичѣ только, какъ о товарищѣ моей юности, и говорю, что это былъ умный, кроткій, добрый, любящій и всѣми любимый товарищъ.

А. И. Розановъ.

Стихотворенія К. Р. Второе изданіе, 1879—1885. Спб. 1889, въ м. 8 д., стр. 231 + V. Цѣна 2 руб.

Новыя стихотворенія К. Р. 1886—1888. Спб., 1889, въ м. 8 д., стр. 167 + III. Цѣна 1 руб. Обѣ книги въ переплетахъ.

Въ 1886-мъ году въ Петербургѣ вышла изящно изданная книжечка—первое собраніе стихотвореній поэта молодого, но уже успѣваго обратитъ на себя вниманіе прелестными лирическими произведеніями, появившимися въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ.

Сборникъ этотъ, соединившій въ себѣ до семидесяти семи произведеній музы К. Р., за время съ 1879-го по 1886-й годъ,—не былъ, къ сожалѣнію, назначенъ для публки и быстро разошелся лишь въ тѣсномъ кругу почитателей молодого, сильнаго дарованія.

Тѣмъ не менѣе и въ печати книжечка была весьма замѣчена и, между прочими отзывами, наше изданіе «Русская Старина» такъ привѣтствовало этотъ сборникъ:

«Прекрасный, пѣвучій стихъ К. Р., задушевность многихъ произведеній его молодой изящной музы, тщательная выработка стиха, льющагося вполне свободно, — выдвигаютъ его изъ ряда молодыхъ русскихъ поэтовъ послѣдняго десятилѣтія». («Русск. Стар.» 1887 г., т. LV, авг., стр. 466—473).

Тогда же мы привели изъ этого собранія нѣсколько стихотвореній и не могли отказать себѣ въ удовольствіи—продолжали извлекать изъ него и въ послѣдующихъ выпускахъ «Русской Старины» (1887 и 1888 годовъ)—всего до тридцати произведеній музы К. Р., чѣмъ и вызвали признательность многихъ нашихъ читателей и явленія отъ нихъ о желаніи пріобрѣсти собраніе стихотвореній К. Р. ¹⁾.

¹⁾ Въ «Русской Старинѣ» были напечатаны слѣдующія изъ стихотвореній К. Р.: «Псалмопѣвецъ Давидъ», «Серенада», «Письмо», «Надпись въ Евангеліе», «Я баловень судьбы...», «Распустилась черемуха въ нашемъ саду...», «Христосъ съ тобой». («Русская Старина» 1887 г., т. LV, августъ, стр. 468—472). «Умеръ» («Русск. Стар.» 1887 г., окт., стр. 240—242). «Ты побѣдилъ, Галлеилинъ!», «Земля пробудилась отъ долгаго сна...», «Письмо», «Я засыпаю...»

Желанія эти только теперь могутъ исполниться, такъ какъ помянутое собраніе вышло нынѣ вторымъ тисненіемъ, первымъ для публики; въ него вошло 78 стихотвореній К. Р. за время съ 1879 по 1885 г., включительно, и продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Но кромѣ этого сборника одновременно поступилъ въ продажу названный выше выпускъ «Новыхъ стихотвореній К. Р.» писанныхъ имъ въ 1886—1889 гг., всего 54 произведенія. Сгруппированы они въ нѣсколько отдѣловъ: лирическія стихотворенія, гекзаметры, посланія, строфы (Севастьянъ мученикъ), посланія и изъ полковой жизни.

Къ прежнимъ достоинствамъ поэта—именно къ изящной прелести его стиха, живости и образности поэтическихъ образовъ и картинъ природы «Новыя стихотворенія» присоединяютъ нѣкоторыя новыя достоинства музы К. Р.: серьезность и возвышенность темъ, каковыя избираетъ иногда поэтъ, какъ напр. «Севастьянъ мученикъ», веселость и остроуміе въ очеркахъ военной полковой жизни—куда поэтъ видимо вносить много свѣту и много самой задушевной любви къ brave и добрымъ товарищамъ и къ русскому вообще солдату, наконецъ въ тѣхъ же «Новыхъ стихотвореніяхъ» читатель съ величайшимъ удовольствіемъ прочтетъ посланія къ главарямъ современныхъ отечественныхъ поэтовъ А. Н. Майкову, Я. П. Полонскому и А. А. Фету, а также къ старшинѣ отечественныхъ писателей, могучему по его дарованію—И. А. Гончарову.

Отношенія К. Р. къ этимъ лицамъ, полныя уваженія и признанія высокаго ихъ значенія въ отечественной словесности, служатъ залогомъ дальнѣйшаго преуспѣянія молодого поэта на нивѣ нашей словесности. Слѣдуя прекраснымъ образцамъ, муза К. Р. все болѣе и болѣе будетъ дарить истинныя перлы въ сокровищницу русской поэзіи.

Что мы не увлекаемся какимъ либо пристрастіемъ, пусть судятъ и провѣряютъ насъ многочисленные читатели «Русской Старины». Сожалѣя, что, за недостаткомъ мѣста, мы не можемъ перепечатать болѣе части прекрасной книжечки (изящной и по внѣшности, она

«Ужъ слабѣя и блѣднѣя...», «Повѣло черемухой...», «Смерклося, мы въ саду сидѣли...», «Царь Саулъ», «Тебя преслѣдуетъ людская злоба...» («Русск. Стар.» 1887 г., т. LVI, ноябрь, стр. 519—524).

«Блаженъ, кто улыбается...», «Въ Венеціи», «Умолкли рыданія бури кипучей...», «Надпись къ картинѣ», «Отдохни», «Отцвѣтаетъ сирень у меня подь окномъ...», «Вчера мы ландышей нарвали...», «Изъ Апокалипсиса», «На порогѣ жизни», «Съ иѣмецкаго», «Поймете-ль вы тѣ чудныя мгновенья...» («Русская Старина» изд. 1888 г., т. LVII, стр. 168, 320, 354, 384, 518, 566, 694).

«Жениху и невѣстѣ», «Ужъ гасли въ комнатахъ огни...» («Русск. Стар.» 1888 г., т. LVIII, стр. 606).

напечатана въ Государственной типографіи),— мы приводимъ на выдержку вѣскольکو стихотвореній К. Р., именно изъ позднѣйшихъ по времени ихъ написанія.

Р е д.

Р о з ы ¹⁾.

Во дни надежды молодой,
Во дни безоблачной лазури
Намъ незнакомы были бури,—
Безпечны были мы съ тобой.

Для насъ цвѣты благоухали,
Луна сіяла только намъ,
Лишь мнѣ съ тобою по ночамъ
Пѣлъ соловей свои печали.
— Въ тѣ беззаботные года
Не знали мы житейской прозы;
Какъ хороши тогда,
Какъ свѣжи были розы!

То время минуло давно...
— Извѣдавъ бѣды и печали,
Мы много скорби повстрѣчали;
Но унывать, мой другъ, грѣшно:
Взгляни какъ Божій міръ прекрасенъ;
Небесный сводъ глубокъ и чистъ,
Нашъ садъ такъ зеленъ и душистъ,
И теплый день, и тихъ, и ясенъ,
Пахнулъ въ растворенную дверь;
Въ цвѣтахъ росы сіяютъ слезы...
Какъ хороши теперь,
Какъ свѣжи эти розы!

За все, что выстрадали мы,
Повѣрь, воздастся намъ сторицей.
Дни пронесутся вереницей,
И послѣ сумрачной зимы
Онѣ въ расцвѣтшія долины
Слетитъ счастливая весна;
Засвѣтитъ кроткая луна;
Полетѣтъ рокоть соловьиный —

¹⁾ Написано къ состязанію «Измайловскихъ Досуговъ» на тему изъ Стихотвореній въ прозѣ И. С. Тургенева: «Какъ хороши, какъ свѣжи были розы!».

И отдохнемъ мы отъ труда,
Вернутся радости и грезы:
Какъ хороши тогда,
Какъ свѣжи будутъ розы!

С.-Петербургъ
9 Декабря 1886 г.

Колокола.

Несется благовѣсть... — Какъ грустно и уныло
На сторонѣ чужой звучать колокола.
Опять припомнился мнѣ край отчизны милой,
И прежняя тоска на сердце налегла.

Я вижу сѣверъ мой съ его равниной снѣжной,
И словно слышится мнѣ нашего села
Знакомый благовѣсть.... И ласково, и вѣжно
Съ далекой родины гудятъ колокола.

Штутгартъ.
20 Октября 1887 г.

*
* *

Не говори, что къ небесамъ
Твоя молитва недоходна:
Вѣрь, какъ душпестый ангеламъ,
Она Создателю угодна.

Когда ты молишься, не трать
Излишнихъ словъ; но всей душою
Старайся съ вѣрой сознать,
Что слышитъ Онъ, что Онъ съ тобою.

Что для Него слова?—О чемъ,
Счастливымъ сердцемъ или скорбящимъ
Ты не помыслилъ-бы,—о томъ
Ужель не вѣдаетъ Всезрящій?

Любовь въ Творцу въ душѣ твоей
Горѣла-бы только неизмѣнно,
Какъ предъ иконою священной
Лампады теплится елей.

С.-Петербургъ.
25 Января 1888 г.

Поэту¹⁾.

Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.
Пушкинъ.

Пусть гордый умъ вѣщаетъ міру,
Что все незримое—лишь сонъ,
Пусть знанья молится кумиру
И лишь науки чтить законъ.

Но ты, поэтъ! вѣрь въ жпзнь иную,—
Тебѣ небесъ открыта дверь;
Вѣрь въ силу творчества живую,
Во все несбыточное вѣрь!

Лишь тѣмъ, что свято, безупречно,
Что полно чистой красоты,
Лишь тѣмъ, что свѣтитъ правдой вѣчною,
Пѣвецъ, плѣняться долженъ ты.

Любовь—твое да будетъ знанье:
Провякнись ей—и пѣснь твоя
Въ себѣ включить и все страданье,
И все блаженство бытія.

С.-Петербургъ.
5-го Мая 1888 г.

* * *

Вчера соловья голосистые
Загѣли порою ночной,
И тополя листья душистые
Шептались во снѣ межъ собой.

Съ зарею встрѣчалась малиновой,
Другая заря занялась....
Съ тобою за рощей осиновой
Въ полночный ми встрѣтился часъ.

Напрасно тропинкой знакомою
Ты шла на свиданье со мной:
Я сладкой объятый истоמוю
Не могъ любоваться тобой.

¹⁾ Написано къ составленію «Измайловскихъ Досуговъ».

Любусь той ночью единою,
Я молча п мѣлъ, и дрожалъ;
За пѣнью слѣди соловьиною,
Я тополей запахъ вдыхалъ.

— О вешняя ночь благовонная!
Я понялъ волшебный твой свѣтъ:
Земля, въ это небо влюбленная,
Ему свой являла расцвѣтъ.

Красное Село.
8-го Іюня 1888 г.

Счастье-жъ твоимъ голубямъ! ты снова въ дверяхъ показала
Съ пестрой корзиной въ рукахъ, зерномъ наполненной крупнымъ.
Всѣ встрепенулись они, всѣ вдругъ надъ тобой закружились,
Близко усьлись къ тебѣ и, нѣжно ласкаясь, воркуютъ.
Голуби всюду: въ самой корзинѣ надъ лакомымъ кормомъ,
Тѣ на плечахъ у тебя довѣрчиво такъ приютились,
Эти у ногъ и клюютъ на порогъ упавшія зерна.
— О, не сибшите вспорхнуть! Побудьте здѣсь, кроткія птицы!
Дайте завидовать мнѣ вашей близости къ дѣвѣ прекрасной,
Дайте хоть издали мнѣ на нее любоваться подолѣ!

Красное Село.
22-го Іюня 1888 г.

А. А. Фѣту

Отважно пройдена дорога
И цѣль достигнута тобой:
Ты вѣра въ доброе и въ Бога
Свершилъ высокій подвигъ свой.

И нынѣ, слѣдомъ за тобою
Пустьгься въ путь держая и;
Пусть путеводною звѣздой
Синеть вѣра мнѣ твоя.

А ты, испытанный годами,
Неунывающій боець,
Ты, убѣденный сѣдинами,
Вѣнчанный славой пѣвецъ—

Меня, взрощеннаго судьбою
 Въ цвѣтахъ, и въ счастіи, и любви —
 Своей дряхлющей рукою
 На трудный путь благослови.

С.-Петербургъ.
 29-го Марта 1887 г.

И. А. Гончарову.

Вѣнчанный славою нетлѣнной,
 Безсмертныхъ образовъ творецъ!
 Къ тебѣ приблизиться смиренно
 Держалъ неопытный пѣвецъ.

Ты на него взглянулъ безъ гнѣва,
 Своимъ величьемъ не гордась,
 И звукамъ робкаго напѣва
 Внималъ задумчиво не разъ.

Когда-жъ бывали пѣсни снѣты,
 Его ты кротко поучалъ;
 Ему художества завѣты
 И тайны вѣчныя вѣщалъ.

— И объ одномъ лишь въ умиленьѣ
 Онъ мнѣ просить у тебя:
 Прими его благодаренье,
 Благословляя и любя.

Гатчина.
 31 Декабря 1887 г.

Снова дежурю я въ этой палаткѣ;
 Ходить, какъ въ прежніе дни часовой
 Взадъ и впередъ по песчаной площадкѣ...
 Стелется зеленъ луговъ предо мной.
 Здѣсь далеки мы отъ шумнаго свѣта,
 Здѣсь мы не знаемъ тревожныхъ заботъ:
 Жизнь наша рвеньемъ горячимъ согрѣта,
 Каждый здѣсь царскую службу несетъ.

Вотъ отчего мнѣ такъ млы и любви
 Эти стоянки подъ Краснымъ Селомъ,

Голосъ солдатскій веселый и грубый,
 Шопотъ кудрявыхъ березокъ кругомъ,
 Эта укромная наша палатка,
 Этотъ широкій просторъ луговой....
 Въ лагерной жизни труда и порядка
 Я молодѣю и крѣпну душой!

Красное Село.
 31-го Мая 1888 г.

*
 * *

Помнишь-ли ты, какъ бродили мы по полю
 Въ жаркiй, безоблачный день?
 Къ стройному сѣли съ тобою мы тополю
 Рядомъ, въ душистую тѣнь.

Помнишь, смѣясь, я твои слушалъ жалобы
 На утомленье и зной;
 Ты говорила, что вѣкъ отдыхала-бы,
 Здѣсь, въ этой травѣ густой.

Строгими я отвѣчалъ наставленьями:
 — По полю праздно бродить
 Легче, чѣмъ съ горемъ, съ бѣдой, съ огорченьями
 Жизнь трудовую прожить.

Годы промчались съ тѣхъ поръ вереницею —
 Памъ ихъ вернуть не дано!
 Поле теперь колосится пшеницею,
 Тополь нашъ срубленъ давно.

Солнце тебя не пугаетъ горячее,
 Ты не устанешь въ пути:
 Ты терпѣливо глубокое, жгучее
 Горе умѣешь нести.

И ни одной не проронишь ты жалобы
 На злополучье свое,
 Передъ которымъ давно задрожало-бы
 Слабое сердце мое.

— О, подѣлись этой волею гордою,
 Мужествомъ этимъ со мной,
 Чтобы пройти я могъ поступью твердою
 Поприще жизни земной.

Если-жь смутятъ меня міра бездушнаго
 Горе, бѣда и напасть —
 То пристыди ты меня малодушнаго,
 Духомъ готоваго пасть.

Павловскъ.
 Сентября 1886 г.

*
 * *

Садикъ залущенный, садикъ заглохшій, —
 Старенькій, сѣренькій домъ;
 Дворникъ заросшій, прудокъ пересохшій —
 Ветхія службы кругомъ.

Нѣсколько патеихъ ступеней крылечка,
 Стекла цвѣтныя въ дверяхъ;
 Лавки вдоль стѣнъ, изразцовая печка
 Въ низенькихъ, темныхъ сѣняхъ.

Въ комнатѣ стулья съ обивкой сафьянной,
 Образъ съ лампадкой въ углу,
 Книги на полкахъ, каминъ, фортепьяно,
 Мягкій коверъ на полу.....

Въ комнатѣ этой и зиму, и лѣто
 Столько цвѣтовъ на окнѣ.....
 — Какъ мнѣ знакомо и мило все это,
 Какъ это дорого мнѣ!

— Юныя грезы! счастливыя встрѣчи
 Въ полѣ и въ мракѣ лѣсномъ....
 Подъ вечеръ долгія, тихія рѣчи
 Рядомъ, за чайнымъ столомъ....

Годы минувшіе, лучшіе годы,
 Чуждые смуть и тревогъ!
 Ясные дни тишины и свободы!
 Мирный, родной уголокъ!

— Нынѣ-жь одно только на сердцѣ бремя
 Незамѣнимыхъ потерь...
 Гдѣ это доброе старое время?
 Гдѣ это счастье теперь?

Павловскъ.
 13-го Сентября 1886 г.

Когда съ зарей надъ сонною землею
Забрежжитъ лучъ небеснаго огня,
И начпнаю новый день молюбою:
Благословляй меня!

Лишь только вечеръ, тихо догорая,
Подернетъ сумракомъ сідые дни,
И говорю тебѣ, о дорогая:
Благословляй меня!

И если знаешь ты, мой ангель мямый,
Какъ дорога молитва мнѣ твоя,
То и всегда, всю жизнь и до могилы
Благословляй меня!

Павловскъ.

4-го Сентября 1886 г.

— — —

Молитва.

Научи меня, Боже, любить
Всѣмъ умомъ Тебя, всѣмъ помышленьемъ,
Чтобъ и душу Тебѣ посвятить
И всю жизнь съ каждымъ сердца бѣньемъ.

Научи Ты меня соблюдать
Лишь Твою милосердную волю,
Научи никогда не роптать
На свою многотрудную долю.

Всѣхъ, которыхъ пришелъ искупить
Ты своею Пречистою Кровью —
Безкорыстной, глубокой любовью
Научи меня, Боже, любить!

Павловскъ.

4-го Сентября 1886 г.

—————

АНТОНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ РУБИНШТЕЙНЪ

РОД. 16-ГО НОЯБРЯ 1829 Г.

ЮБИЛЕЙ ЕГО ПОЛУВѢКОВОЙ МУЗЫКАЛЬНО-АРТИСТИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

I. Отъ Ред. „Русской Старины“. — II. Воспоминанія А. Г. Рубинштейна, 1829—1889 гг. — III. Замѣтки къ его біографіи, докт. М. Б. Р.—IV. Лѣтопись событій въ жизни и дѣятельности А. Г. Рубинштейна, съ указаніемъ на статьи и отавы о немъ и его произведеніяхъ въ русской печати съ 1839 по 1889 г. Составилъ Н. М. Лисовскій.—V. А. Г. Рубинштейнъ въ воспоминаніяхъ бывш. профессора Г. А. Лароша.—VI. А. Г. Рубинштейнъ — стихотвореніе А. Н. Яхонтова. — VII. Портреты: А. Г. и Н. Г. Рубинштейны въ 1844 г, снимокъ съ акварели П. Ѳ. Соколова. — VIII. А. Г. Рубинштейнъ въ 1889 г., гравюра на мѣди, исполнилъ художникъ Ѳ. А. Мѣркинъ.

1839 НОЯБРЯ 18. 1889.

18-го ноября 1889-го г. предстоит торжество празднованія полу-вѣкового юбилея въ С.-Петербургѣ музыкально-артистическаго служенія Россіи величайшаго изъ современныхъ во всемъ мѣрѣ музыкальныхъ художниковъ и пианистовъ Антона Григорьевича Рубинштейна.

«Русская Старина» съ самаго своего основанія, въ теченіи двадцати лѣтъ, всегда являвшая отзывчивость къ признанію заслугъ наиболѣе выдающихся отечественныхъ дѣятелей,—отошли ли они въ иной мѣръ, или продолжаютъ трудиться и въ наши дни на пользу и славу нашего отечества, — не можетъ остаться безучастною къ предстоящему торжеству, истинному празднику для всѣхъ, кто умѣетъ цѣнить все высокое значеніе заслугъ А. Г. Рубинштейна въ великомъ дѣлѣ развитія нравственныхъ силъ всего цивилизованнаго міра...

Въ виду сказаннаго мы посвятили значительную часть настоящей, ноябрьской, книги «Русской Старины» изложенію жизни и обзору дѣятельности — великаго русскаго композитора и артиста А. Г. Рубинштейна.

Обративъ при этомъ вниманіе на обширнѣйшую литературу всего, что было въ печати о немъ и о его многочисленныхъ музыкальныхъ произведеніяхъ, мы съ удивленіемъ замѣтили чрезвычайную скудость біографическихъ данныхъ объ этой высоко-плодотворной жизни; кромѣ скудости, повторяемъ, біографическихъ фактовъ, ббльшая часть и того немногаго, что мы съ нашимъ уважаемымъ сотрудникомъ Н. М. Гисовскимъ нашли въ печати по отношенію къ жизнеописанію нашего художника, нерѣдко отличается сбивчивостью показаній и весьма многими невѣрностями... Напротивъ того, въ области музыкальной критики и болѣе или менѣе правильной оцѣнки творчества А. Г. Рубинштейна, въ массѣ статей и отзывовъ, трактующихъ о его произведеніяхъ, имѣется въ отечественной печати много весьма дѣльныхъ статей и отзывовъ, написанныхъ съ большимъ знаніемъ дѣла.

По самой программѣ «Русской Старины», преслѣдующей задачи чисто историческія и историко-біографическія по отношенію къ отечественной исторіи и къ жизни русскихъ дѣятелей, мы обратили въ настоящей книгѣ главное вниманіе на біографію Антона Григорьевича...

Въ этомъ отношеніи мы признали необходимымъ дать русскому обществу и будущимъ біографамъ великаго музыканта-художника возможно точный и подробный матеріалъ, а потому рѣшились обратиться за нимъ къ самому Рубинштейну..

Антонъ Григорьевичъ, какъ извѣстно всѣмъ многочисленнымъ его знакомымъ, не любитъ говорить о себѣ и своей дѣятельности; не любитъ даже о себѣ читать и, смѣло можно сказать, громадная часть того, что о немъ въ теченіи пятидесяти лѣтъ писалось и печаталось на всѣхъ языкахъ, ему вовсе неизвѣстно; тѣмъ не менѣе мы были такъ счастливы, что вызвали его, въ теченіе нѣсколькихъ вечеровъ, на изустное изложеніе многихъ событій изъ его артистической жизни...

Этотъ живой, искренній и увлекательный разговоръ А. Г. Рубинштейна, вызванный нашими личными распросами, былъ въ нашемъ присутствіи записанъ стенографомъ «Русской Старины», затѣмъ прочитанъ нами автору и, по исправленіи, согласно его замѣчаніямъ, напечатанъ въ настоящей книгѣ нашего историческаго изданія.

Какъ интересное дополненіе къ автобіографическимъ воспоминаніямъ А. Г. Рубинштейна, мы помѣстили вслѣдъ за ними небольшіе, но сердечно написанные о немъ рассказы доктора М. Б. Р-га, одного изъ его самыхъ давнихъ и близкихъ друзей, и Г. А. Лароша, одного изъ питомцевъ втораго выпуска с.-петербургской консерваторіи (1866 г.), бывшаго профес. въ Петерб. и Московской консерваторіяхъ и даровитѣйшаго изъ современныхъ русскихъ музыкальныхъ критиковъ...

Независимо отъ этихъ рассказовъ, также вслѣдъ за автобіографіей А. Г. Рубинштейна, мы помѣстили «Лѣтопись его жизни и дѣятельности, съ указаніемъ статей и отзывовъ въ русской печати объ А. Г. Рубинштейнѣ, за время съ 1839 по 1889 годъ». Этотъ обширный трудъ исполненъ, по нашему приглашенію, для «Русской Старины», изд.-ред. журнала «Библиографъ»—Николаемъ Михайловичемъ Лисовскимъ.

Важность и значеніе этого весьма усидчиваго и кропотливаго труда, полагаемъ, вполне оцѣнятъ всѣ, кому доведется изучать или и самому писать о жизни и творествѣ нашего гениальнаго артиста-композитора. «Лѣтопись» сопровождается въ приложеніи нѣсколькими

документами, которые полезно сохранить на страницахъ «Русской Старины», которая, какъ пантеонъ всѣхъ выдающихся отечественныхъ дѣятелей, представляетъ для современниковъ и потомства громадный сборникъ всѣхъ необходимыхъ данныхъ для жизнеописаній этихъ людей, составляющихъ, какъ въ данномъ случаѣ, вполнѣ гордость и славу Россіи....

Основатель перваго «Русскаго Музыкальнаго Общества», нынѣ «императорскаго», — учредитель и первый, по времени, директоръ созданной его энергіей консерваторіи, — Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ явилъ отечеству громадные услуги — призваніемъ къ жизни цѣлаго слоя новыхъ дѣятелей, именно музыкальныхъ-художниковъ, до него не имѣвшихъ, такъ сказать, права гражданства въ русскомъ обществѣ; онъ первымъ положилъ прочный, краеугольный камень въ основу правильного, серьезнаго на Руси музыкальнаго образованія, столь важнаго и необходимаго въ общемъ дѣлѣ развитія на рода и въ особенности его молодыхъ поколѣній....

Множество произведеній А. Г. Рубинштейна во всѣхъ видахъ музыкальнаго творчества, какъ на русскія, такъ и на европейскія, едва-ли ни всѣхъ народовъ, темы и мелодіи, разнесли по псему земному шару славу его имени, какъ величайшаго современнаго русскаго музыкальнаго художника.... Безъ преувеличенія можно сказать, что теперь нѣтъ дня, въ который гдѣ-бы то ни было, въ Старомъ-ли или въ Новомъ свѣтѣ, въ каждомъ изъ пяти материковъ земнаго шара ни выполнялось-бы что либо изъ произведеній Рубинштейна!..

Мы, современники и соотечественники Антона Григорьевича, знаемъ какое высокое наслажденіе приноситъ слушателямъ его высокохудожественное личное исполненіе всего, что только выполняетъ онъ изъ своего необъятнаго музыкальнаго ренертуара....

Да, этотъ русскій человѣкъ — колоссъ по его мощному дарованію, и имя его и плоды его творчества прейдутъ изъ вѣка въ вѣкъ къ отдаленнѣйшимъ поколѣніямъ человѣчества, доколѣ человѣкъ будетъ находить наслажденіе въ мірѣ звуковъ....

Михаилъ Семеновскій.

25-го октября 1889 г.
Сиб.

ВОСПОМИНАНІЯ АНТОНА ГРИГОРЬЕВИЧА РУБИНШТЕЙНА

1829—1889.

I.

Время рожденія.—Мать, первая моя наставница.—Отец и наша семья.—Водвореніе въ Москвѣ.—Уроки музыки.—Р. Б. Грюнбергъ и ея дочь Елія Львовна.—А. И. Вилуанъ.—Первый концертъ.—Отъѣздъ за границу.

1829 — 1840.

Родился я въ 1829-мъ году, ноября 16-го, въ деревнѣ Вихватинецъ, на границѣ Подольской губерніи и Бессарабіи, на берегу рѣки Днѣстра. Деревня Вихватинецъ находится верстахъ въ тридцати отъ города Дубосаръ и верстахъ въ пятидесяти отъ Балты.

До сихъ поръ въ точности я не зналъ не только дня, но и года моего рожденія; въ этомъ погрѣшили показанія моей престарѣлой матушки, которая забыла время моего рожденія; но по послѣднимъ документальнымъ справкамъ — кажется несомнѣнно, что 16-е ноября 1829-го года суть день и годъ моего рожденія, но такъ какъ я всю жизнь праздновалъ день рожденія 18 го числа, то уже на седьмомъ десяткѣ—свой семейный праздникъ передвигать не приходится, пусть онъ уже и остается на 18-е ноября.

Матушка моя, Калерія Христофоровна, рожденная Левенштейнъ, была по происхожденію изъ прусской Силезіи, гдѣ получила порядочное образованіе, а главное—въ музыкѣ, что и дало ей возможность впоследствии начать обученіе своихъ дѣтей этому

искусству, и я ей весьма много обязанъ, такъ какъ въ ней я имѣлъ первую по времени наставницу въ музыкѣ.

Отецъ мой, Григорій Романовичъ, русскій подданный, родомъ изъ города Бердичева, арендовалъ въ деревнѣ Вихватинецъ участокъ земли. Насъ было у него много: старшимъ сыномъ былъ Николай—довольно рано умершій, вторымъ Яковъ, впоследствии докторъ, скончавшійся въ 1863 году, третьимъ былъ я,—Антонъ, четвертымъ опять Николай, впоследствии директоръ консерваторіи въ Москвѣ, родившійся въ 1835 году; сестеръ было двѣ: Любовь—въ замужествѣ за присяжнымъ повѣреннымъ Вейнбергомъ, въ Одессѣ, и двѣица Софія, живущая съ матерью тамъ же, въ Одессѣ.

Средства къ жизни отца состояли въ томъ небольшомъ доходѣ, который онъ получалъ, совмѣстно съ своимъ братомъ и зятемъ, т. е. женатымъ на его сестрѣ, съ земли деревни Вихватинецъ.

Самыя раннія мои воспоминанія соединяются съ переѣздомъ всѣхъ трехъ нашихъ семействъ, т. е. моего отца, его брата и зятя—со всѣми ихъ дѣтьми и домочадцами, значить цѣлымъ родомъ, въ громаднѣйшей фурѣ, въ Москву. Въѣхавъ въ нее, мы направились за Покровской мостъ, за Язузурѣку, и наняли большой домъ какой-то госпожи Позняковой, близъ пруда, обсаженнаго, какъ теперь его помню, деревьями. То было въ 1834 или 1835 году.

Въ Москвѣ мы устроились, на первое время, хорошо. Въ началѣ былъ нѣкоторый матеріальный достатокъ. Всѣ три семьи жили и работали вмѣстѣ, но это продолжалось недолго. Отецъ отдѣлился отъ брата и зятя и переѣхалъ съ дѣтьми и моею матерью на Ордынку, на Замоскворѣчье, гдѣ и устроилъ довольно большую фабрику карандашнаго и булавочнаго производства.

Какъ ни скромна была наша обстановка, но въ ней всегда былъ музыкальный, по тому времени не дурной, инструментъ, фортепіано четырехугольной формы, въ родѣ стола, какъ тогда ихъ дѣлали. На шестомъ году моего возраста матушка стала обучать меня музыкѣ, а затѣмъ и прочихъ моихъ братьевъ; со мною занималась она болѣе, быть можетъ потому, что скоро замѣтила во мнѣ склонность къ музыкѣ или, по крайней мѣрѣ, легкость ея пониманія и усвоенія. Занималась она со мною серьезно, даже очень

строго относясь къ дѣлу, какъ тогда это было въ обыкновеніи, но, какъ потомъ рассказывала, безъ какой-либо предвзятой мысли, а просто потому стала обучать меня музыкѣ, что сама ее знала. Репертуаръ нашъ были — Гумель, Герцъ, Мошелесъ, Калькбреръ, Черни, Дябелли, Клементи и другія тогдашнія музыкальныя свѣтила; ихъ я и началъ совершеннымъ еще ребенкомъ штудировать. Между тѣмъ въ Москву пріѣхала наша знакомая Варвара Богдановна Грюнбергъ († 1869 г.), жена доктора, и привезла дочь Юлію, лѣтъ десяти, которая настолько уже была сильна въ музыкѣ, что стала давать въ Москвѣ концерты. (Юлія Львовна Грюнбергъ вышла впоследствии замужъ за сенатора Тюринна и живетъ въ Петербургѣ, близко отъ меня, въ Троицкомъ переулкѣ, д. № 6). В. Б. Грюнбергъ, по пріѣздѣ въ Москву, посѣщала съ дочерью нашу семью и успѣхи Юліи дали моей матушкѣ мысль еще серьезнѣе взглянуть на мое музыкальное образованіе. Она однако почувствовала себя недостаточно уже свѣдущей для того музыкальнаго образованія, которое, по ея мнѣнію, я долженъ былъ, по моимъ способностямъ, получить, и стала спрашивать кто въ Москвѣ лучшей преподаватель музыки? В. Б. Грюнбергъ указала ей на Александра Ивановича Виллуана (Villoing), пользовавшагося въ то время въ Москвѣ большою извѣстностью лучшаго педагога-музыканта¹⁾. Пригласили его къ намъ. Онъ, кажется, былъ знакомъ съ нашей семьей еще тогда, когда мы жили за Покровскимъ

¹⁾ Въ «Journal de St. Pétersbourg», 1839 г. № 192, іюня 21-го, помѣщено письмо Ю. Л. Тюринной, рожденной Грюнбергъ, объ этомъ моментѣ въ жизни нашего великаго композитора и пианиста: «Antoine Rubinstein était déjà élève de sa mère, lorsque à Moscou nous le vîmes pour la première fois.

Il était âgé de huit ans et c'était un enfant charmant, qui étonnait tout le monde par la précocité de son talent. — M-me Rubinstein avait tout lieu d'être fière de son fils; mais ayant plusieurs enfants, elle ne pouvait se consacrer toute entière à l'éducation musicale du jeune Antoine. Ma mère le lui fit observer et elle insista pour que l'enfant fût confié à Villoing, ce qui arriva en effet»...

Ю. Л. Тюринна, рожденная Грюнбергъ, ученица извѣстнаго Henselt'a и сына Mozart'a, во все время пользовалась славою замѣчательной пианистки. Она давала концерты при дворахъ петербургскомъ и вѣнскомъ и вообще участвовала въ концертахъ, имѣвшихъ всегда значительный успѣхъ. Ея покойная сестра Иза Грюнбергъ, въ замужествѣ Ласкось, ученица М. И. Глявки, была прекрасная пѣвица и не безызвѣстна въ русской литературѣ, какъ романистка; одна изъ ея пьесъ для театра была играна въ Петербургѣ, при участіи В. В. Самойлова.

Ред.

мостомъ; какъ бы то ни было, но онъ пріѣхалъ и весьма внимательно прослушалъ мою игру. Матушка тогда-же сказала ему, что весьма желала-бы видѣть въ немъ преподавателя музыки для меня, но, при недостаточности своихъ средствъ, не можетъ дорого платить за уроки.

Виллуанъ послѣшилъ отвѣчать, что онъ не нуждается въ деньгахъ и весьма охотно возьмется руководить моимъ музыкальнымъ образованіемъ — совершенно бесплатно.

И вотъ сталъ онъ пріѣзжать къ намъ и давать мнѣ уроки. Онъ былъ затѣмъ моимъ единственнымъ учителемъ; болѣе его — во всю мою жизнь учителей музыки (за исключеніемъ, впрочемъ, какъ скажу далѣе, теоріи музыки) никого у меня не было.

Восьми лѣтъ началъ я заниматься подъ руководствомъ Виллуана и тринадцати лѣтъ музыкальное мое обученіе кончилось; повторяю, — кромѣ Виллуана у меня уже не было другаго учителя.

Прежде всего Виллуанъ употребилъ много труда и заботъ, вполне впрочемъ успѣшныхъ, къ правильной постановкѣ моихъ рукъ; объ этомъ, да о хорошемъ звукѣ, онъ весьма заботился. Его музыкальная школа хорошо извѣстна, — это былъ въ то время, безспорно, одинъ изъ лучшихъ, если не самый лучший, профессоръ музыки, но самъ онъ игралъ мало. Ему, и никому другому, я обязанъ тѣмъ прочнымъ фундаментомъ въ музыкальномъ искусствѣ, съ каковаго фундамента мнѣ уже было невозможно упасть. И, надо сказать, что во всю мою послѣдующую жизнь я не встрѣчалъ лучшаго руководителя при обученіи музыки; впрочемъ, въ послѣдніе годы жизни Виллуанъ дошелъ въ своихъ педагогическихъ требованіяхъ при обученіи музыки до крайности, впалъ въ каррикатуру, но въ то время, когда я у него учился — это былъ, повторяю, замѣчательный, положительно лучший въ своемъ родѣ учитель. Онъ установилъ извѣстныя требованія и примѣнилъ ихъ ко мнѣ и они оказались самыми лучшими изъ тѣхъ, какія могли быть при преподаваніи игры на фортепіано. Человѣкъ терпѣливый, хотя и строгій въ своихъ требованіяхъ, — что вообще вовсе не дурно, — Виллуанъ скоро такъ сблизился со мной, что былъ для меня болѣе чѣмъ наставникъ, — онъ былъ для меня другомъ, вторымъ отцомъ ¹⁾. Съ того времени, какъ мы

¹⁾ Много лѣтъ спустя, уже пожилымъ человѣкомъ — Виллуанъ женился на сестрѣ извѣстнаго Бахметева, бывшаго директора придворной капеллы и былъ

переѣхали на Ордынку, Виллуанъ бывалъ у насъ уже почти ежедневно и въ занятіяхъ со мной былъ неутомимъ; онъ, видимо, находилъ въ этомъ не только для себя отдыхъ, но наслажденіе; то не были уроки—было истинно музыкальное воспитаніе.

11-го іюля 1839 года, на десятомъ году жизни, я далъ, по желанію Виллуана, первый публичный концертъ; то было въ Москвѣ, въ Петровскомъ паркѣ ¹⁾. Затѣмъ три года—на одиннадцатомъ, двѣнадцатомъ и тринадцатомъ моего возраста—я объѣхалъ съ моимъ наставникомъ всю Европу... Прежде, однако, чѣмъ отправиться изъ Москвы, скажу, что торговля дѣла моего отца шли довольно плохо, но я не помню, чтобы отецъ отъ того былъ въ тревогѣ; дѣти, впрочемъ, мало замѣчали, да и мало понимали дѣла и занятія отца. Что до матушки, то во все время моихъ занятій съ Виллуаномъ она обыкновенно внимательно за ними слѣдила и потомъ, въ его отсутствіе, наблюдала за моими репетиціями и подготовкой музыкальныхъ уроковъ. Я уже говорилъ, что по обыкновенію того времени—дѣло учебное шло сурово, съ большою строгостью—въ ходу были линейки, толчки и даже пощечины... Теперь и понятія себѣ не могутъ составить, какъ тогда было строго—и при общественномъ, и при домашнемъ воспитаніи... Я не скажу, чтобы лично былъ-бы за строгость, но я врагъ и распушенности, дисциплина воли должна быть непремѣнно... и прежде была дѣйствительно дисциплина, теперь-же ея немного, а то и вовсе нѣтъ...

Весь поглощенный музыкой, я не помню когда и какъ обучился грамотѣ. На 11-мъ году я уже путешествую по Европѣ. Являлся я на эстрадахъ всюду и всегда въ тотъ возрастъ—безъ

весьма несчастливъ въ бракѣ.—Онъ скончался дѣтъ 70-ти, не такъ давно, въ Лѣсномъ, и послѣ его кончины, кромѣ нѣсколькихъ скрипокъ и сумей бездѣлныи денегъ, ничего не осталось; умеръ какъ артистъ—бѣднякомъ. А. Р.

¹⁾ Изъ статьи, тогда же въ 1839 г. помѣщенной въ московскомъ журналѣ «Галатей», видно, что въ этомъ первомъ своемъ публичномъ концертѣ А. Г. Рубинштейнъ исполнилъ: аллегро изъ концерта Гуммеля, съ аккомпаниментомъ оркестра г. Тешлова, анданте Тальберга и четыре маленькія пьесы: Филъда Листа, Гензельта... См. «Русскую Старину», изд. 1888 г., т. LVII, мартъ, стр. 812. Въ той же «Галатей» 1839 г., ранѣе отзыва объ А. Г. Рубинштейнѣ, перепечатаннаго въ «Русской Старинѣ», былъ помѣщенъ еще отзывъ объ этомъ «мальчикѣ-артистѣ»; мы его перепечатали даѣе, въ этой книгѣ, въ приложеніи № I.

Ред.

малѣйшей робости; я просто смотрѣлъ на мои концерты какъ на игрушку, какъ на забаву, т. е. относился къ нимъ какъ ребенокъ, вторымъ и былъ. Впрочемъ, и на меня такъ смотрѣли. Какъ теперь помню, когда въ 1843 году я привезенъ былъ Виллуаномъ прямо изъ-заграницы въ С.-Петербургъ, то послѣ одного съ благотворительною цѣлью даннаго концерта — обласканный императрицею Александрою Теодоровною, я, по ея желанію, былъ поставленъ на столю.

II.

Въ Парижѣ. — Листъ, Шопенъ и друг. знаменитости. — Въ Голландіи. — Дѣти-артисты. — Въ Лондонѣ. — Музыкальная память. — Раздробленная и единая Германія. — Въ Зимнемъ дворцѣ. — Императоръ Николай и его августѣйшая семья.

1840—1843.

Поѣздка моя за границу, кажется въ декабрѣ 1840 г., состоялась такимъ образомъ. Матушка, все болѣе и болѣе озабочиваясь созданіемъ изъ меня возможно лучшаго піаниста, выразила Виллуану желаніе опредѣлить меня непременно въ Парижѣ въ тамошнюю консерваторію. Виллуанъ одобрилъ это и вызвался лично меня туда доставить. Выѣхали изъ Москвы въ дилижансѣ, чрезъ Петербургъ. Въ Парижѣ однако опредѣленіе мое въ консерваторію не состоялось — то находили меня слишкомъ малымъ по возрасту, то слишкомъ далеко ушедшимъ въ музыкальномъ искусствѣ, а я думаю, что просто Вилуанъ, смотрѣвшій на меня, какъ на собственное созданіе, не желалъ со мной разстаться и уступить мое дальнѣйшее музыкальное воспитаніе кому-бы то ни было, хотя-бы консерваторіи парижской... Такъ или иначе, но меня туда не сдали... Надо замѣтить и то, что тогда въ Европѣ была точно какая полоса на „чудесныхъ дѣтей“, т. е. на 10-ти—12-ти лѣтнихъ ребятъ обоюго пола, одаренныхъ тѣми или другими дарованіями, и ихъ показывали, игрѣ ихъ дивились какъ феноменальной... Такъ дивились и мнѣ... Цѣлый годъ оставался я въ Парижѣ, но никакихъ другихъ уроковъ, кромѣ занятій музыкой съ Виллуаномъ, не имѣлъ; мой наставникъ точно ревниво оберегалъ меня отъ другихъ: этого-де ученика никто не трогай! Давалъ я нѣсколько разъ концерты, обыкновенно въ залахъ той или другой знаменитѣй-

шей фортепiанной фабрики, напр. у Эрара и другихъ. На одномъ изъ такихъ концертовъ присутствовали Листъ, Шопенъ, Леопольдъ фонъ-Майеръ и другія музыкальныя знаменитости. Концертъ этотъ данъ былъ въ 1841 году, въ концѣ года, при большомъ стеченiи публики, и не съ благотворительною цѣлью, а прямо въ мою пользу. Игралъ впрочемъ не я одинъ, весь вечеръ играли и пѣли... Я уже въ то время игралъ съ скрипачемъ, бельгiйцемъ Вьетаномъ.. Не припомню программы концерта.. Одна изъ программъ дѣтскихъ моихъ концертовъ 1841 г. сохранилась до сихъ поръ и мнѣ ее показывали еще въ недавнее время въ бытность мою въ Голландiи.—Успѣхами моими Виллуанъ былъ очень доволенъ; что до меня, то я, повторяю, смотрѣлъ на все это, какъ на забаву и игрушку для себя. Надо при этомъ сказать, что не смотря на то, что мой наставникъ былъ человекъ строгiй, я былъ ужасный шалунъ, сорви-голова. И сколько людей я перевиdѣлъ тогда, и какихъ замѣчательныхъ людей! Знакомствъ сдѣлалъ массу, приглашали меня изъ семьи въ семью, но вслѣдствiе ранняго моего возраста многое не сохранилось въ моей памяти; помню, впрочемъ, ясно мой первый визитъ къ Шопену; я объ этомъ еще недавно рассказывалъ на моихъ историческихъ лекцiяхъ... Лѣтъ девять спустя послѣ того, какъ я виdѣлъ Шопена, онъ умеръ.

Годъ пребыванiя въ Парижѣ пролетѣлъ для меня какъ мигъ, и для развитiя моего не принесъ мнѣ рѣшительно ничего...

Голландскiй дворъ былъ первымъ, по времени, изъ дворовъ коронованныхъ лицъ, при которомъ я явился. Королева нидерландская Анна Павловна — тогда еще не была глуха, — любила и знала музыку и, по ея приглашенiю, я игралъ у нея во дворцѣ. Это совпало какъ разъ съ бытностью у королевы въ гостяхъ — ея августѣйшаго племянника, великаго князя Константина Николаевича, который, въ сопровожденiи своего наставника Литке, впервые путешествовалъ тогда (13-ти или 14-ти лѣтнимъ юношею) по Европѣ и уже обращалъ на себя вниманiе умомъ, любезностью и находчивостью. Великiй князь обошелся со мной чрезвычайно любезно и предупредительно....

Черезъ Голландiю везъ меня Виллуанъ въ Германiю—по совѣту Листа. Этотъ пианистъ былъ тогда въ апогеѣ его славы и величiя; въ области музыки это былъ царь, богъ, — его при-

говору и указанія были—святы и непреложны. Именно онъ и указалъ Виллуану вести меня, для довершенія музыкальнаго моего образованія, въ Германію. И вотъ мы совершили поѣздку чрезъ Голландію, Англію, Норвегію, Швецію въ Германію, и всюду, куда только являлись, давали концерты. Въ то время, какъ я уже говорилъ, была мода на дѣтей-виртуозовъ, ихъ было тогда довольно много, такая ужъ видно подошла на нихъ полоса. Между прочими припоминаю Софію Бореръ; романическая и даже трагическая судьба связана съ ея жизнью; я не знаю умерла ли она или, какъ говорятъ нѣкоторые, она еще жива; тогда же были мальчики-піанисты Фильчъ, англичанинъ Пальмеръ, дѣвочки — двѣ сестры — Марія и Тереза Миланоло, скрипачки, и другія. Успѣху ихъ содѣйствовало и то, что тогда, именно до 1848 года, была какая-то манія на виртуозность. Листъ стоялъ во главѣ этого направленія—требовалась именно виртуозность, необыкновенная щеголеватость и блескъ въ выполненіи; революція 1848 г., много измѣнивъ въ политикѣ государство, внесла совершенно новое направленіе и въ музыкѣ: явилось требованіе на самую суть искусства, и вотъ дошли до чертиковъ—до Вагнера!...

Въ Лондонѣ я былъ весьма привѣтливо принятъ молодою и красивою тогда королевою Викторіей, а вслѣдъ за нею и всѣмъ высшимъ обществомъ... 12-ти лѣтній мальчикъ, я не смущался и среди чопорныхъ миссъ, лэди и напыщенныхъ лордовъ—работи у меня вовсе не было. Музыкальная память моя дѣйствительно и тогда, и значительно послѣ, до пятидесятилѣтняго возраста, была—громадна, но съ 50 лѣтъ я чувствую, что она не то, что начинаетъ слабѣть, а появилась какая-то мнительность, что-то вызываетъ то чувство боязни, которое охватываетъ меня нерѣдко въ тѣхъ случаяхъ, когда я нахожусь на эстрадѣ, за роялемъ, предъ многочисленною публикою... Трудно представить себѣ, какое тяжелое это чувство боязни, что вотъ-вотъ, въ тотъ или другой моментъ, память мнѣ измѣнитъ и я забуду или переверну то или другое мѣсто въ исполняемой пьесѣ; играть же по нотамъ — дѣло для меня непривычное, да и публика не привыкла видѣть меня за нотами. Думать, что если я забуду нѣкоторыя мѣста въ выполняемой пьесѣ, то могу ихъ возмѣстить отъ себя — нельзя, такъ какъ въ эту минуту является сознаніе, что въ средѣ слушателей, конечно, множество лицъ,

которыя отлично знаютъ выполняемую пьесу и всякую неточность въ передачѣ ея легко замѣтять. Все это, повторяю, весьма болѣзненно дѣйствуетъ на меня и зачастую испытываешь за роляемъ такія муки, какія лишь инквизиція могла бы выдумать, и это въ то время, когда публика, слушая, полагаетъ, что я совершенно покоенъ! Да, но эта боязнь за измѣну памяти, и эта тревога являются у меня лишь съ пятидесятилѣтняго возраста; до того, а тѣмъ болѣе въ тотъ ранній періодъ, о которомъ я рассказываю, ничего подобнаго со мною не было...

Я былъ, между прочимъ, весь въ распоряженіи покойнаго Виуана; имъ составлялись программы концертовъ, и онъ меня держалъ въ большой дисциплинѣ; его велѣнія исполнялись мною безпрекословно. Впрочемъ, я былъ самый шаловливый и здоровый мальчишъ....

Въ Германіи мы посѣтили Пруссію, Австрію, Саксонію, были при самыхъ разнообразныхъ дворахъ владѣльцевъ тогдашней Германіи.... И надо признать тотъ непреложный фактъ, что тогдашняя раздробленность Германіи—сослужила ей величайшую службу въ наукѣ, въ литературѣ и въ искусствахъ. Теперь Германія—едина, политически сильна, но она уже не идетъ съ такими громадными успѣхами въ области литературы, искусства и науки, какъ шла и развивалась въ то время!

Въ 1843 году изъ четырехъ-лѣтней заграничной поѣздки явились мы въ С.-Петербургъ. Меня не замедлили призвать въ Зимній дворецъ и представили августѣйшей фамиліи. Императоръ Николай Павловичъ съ первой же встрѣчи отнесся ко мнѣ съ тою пріятливостью, которая въ немъ, когда онъ того желалъ, была такъ невыразимо очаровательна. Онъ обнялъ меня и шутливо сказалъ:

— „А, здравствуйте—ваше превосходительство!“

При игрѣ въ то время я всецѣло подражалъ Листу; я усвоилъ съ поразительною точностью все его манеры, движеніе тѣла, рукъ, откидываніе волосъ, все тѣ фантастическіе приемы, какими сопровождалась его игра; это вызывало, конечно, улыбку у тѣхъ, кто видѣлъ и слышалъ Листа, а быть можетъ усиливало и интересъ въ мальчишю-виртуозу. Концерты для публики были даны мною въ домѣ Энгельгардта, у Казанскаго моста. Сопровождались они успѣхомъ. Меня осыпали отъ двора подарками,—под-

ношенія отъ публики тогда еще не были въ модѣ; изъ Германіи я вывезъ также много подарковъ, но, конечно, щедрѣе и роскошнѣе петербургскихъ — я нигдѣ не видѣлъ; въ особенности, если что дарилось тутъ-же, послѣ концерта, во дворцѣ—то было исполнѣ изящно и нерѣдко весьма цѣнно; то, что получалось позже, на дому, чрезъ канцелярію, уже не представляло такой цѣнности.....

Я упомянулъ о тогдашней подражательности моей Листу. Слышалъ я его предъ тѣмъ въ Парижѣ очень часто; былъ онъ тогда—въ 1839—1848 гг., какъ я уже сказалъ, въ апогеѣ своего величія и славы, и могу прямо сказать, что его игра уже въ то время на меня, мальчугана, произвела чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Въ другомъ родѣ, но не менѣе также сильное, въ музыкальномъ смыслѣ, впечатлѣніе произвелъ на меня въ то время — Рубини. Невозможно нынѣ представить себѣ до чего очарователенъ былъ голосъ этого пѣвца и вся его манера выполнения самыхъ трудныхъ для артиста пьесъ. Онъ рѣшительно овладѣвалъ восторженными слушателями.. Довольно сказать, что когда лучшія силы итальянской оперы приглашены были изъ Парижа въ Петербургъ, то пѣніе Рубини нерѣдко вызывало слезы умиленія и восторга—у кого-бы вы думали—у самого императора Николая Павловича! Представьте себѣ Николая Павловича плачущимъ! Рубини проявель такое на меня впечатлѣніе, что я въ игрѣ своей на фортепіано старался даже подражать его пѣнію..

Съ чувствомъ глубокой признательности вспоминаю я о тѣхъ ласкахъ, какими осыпали меня тогда въ августѣйшемъ семействѣ государя Николая Павловича. Вел. князь Константинъ Николаевичъ уже предварилъ императрицу-мать, сестеръ и братьевъ о встрѣчѣ и знакомствѣ со мной въ Голландіи, много сказалъ обо мнѣ хорошаго и, начиная съ августѣйшей его матушки и до всѣхъ его сестеръ, всѣ ко мнѣ были весьма благосклонны. И что это была за прекрасная семья! Юноши-князья всѣ какъ на подборъ молодцы, сестры ихъ одна другой краше.. Императрица Александра Федоровна любила музыку. Императоръ Николай, какъ извѣстно, самъ былъ въ своемъ родѣ музыкантъ и художникъ, любилъ вообще искусства, оттого и искренно имъ покровительствовалъ. Въ немъ была музыкальная жилка и способность усвоенія слышаннаго: однажды, напр., я самъ слышалъ, какъ онъ выполнялъ

у себя цѣлую оперу—Фенелу, насвистывая ее изъ ноты въ ноту; музыку балета Катарина или дочь разбойника (такъ кажется?) онъ зналъ всю наизусть... Но о немъ я еще скажу далѣе...

III.

Возвращеніе въ Москву.—Отъѣздъ съ матерью въ Берлинъ.—Контрапунктистъ Денъ.—Мендельсонъ и Мейерберъ.—Кончина отца.—Братъ Николай.—Первое мое произведеніе въ печати.—Отзывъ о немъ Роберта Шумана.—Переѣздъ въ Вѣну.

1843—1846.

Наконецъ, я опять въ Москвѣ у родителей. Денегъ я къ нимъ не привезъ: деньги, добытыя во время путешествія съ концертовъ, пошли на покрытіе издержекъ и вообще на мой съ Виллуаномъ прожитокъ; но привезъ я нѣсколько драгоценныхъ подарковъ. Различныя вещи, осыпанныя брилліантами и алмазами такой цѣнности, какой нынѣ, конечно, не дарятъ уже артистамъ. Время тогдашнихъ подарковъ прошло. Подарки эти были отъ особъ августѣйшихъ фамилій, русской и иностранныхъ, а также отъ отдѣльных частныхъ лицъ; отъ публики же подношеній, какъ я уже сказалъ, не было. Не было моды и на лавровыя вѣнки, за то теперь кому, кому только ихъ ни подносятъ! Нужды семьи были велики. Подарки—отправлены въ залогъ, въ ломбардъ; взятыя подъ нихъ деньги прожиты; вещи, конечно, никогда не были выкуплены.

Матушка, между тѣмъ, была не вполне довольна музыкальными моими успѣхами: умная и заботливая моя наставница, она справедливо замѣтила, что въ смыслѣ музыкальнаго усовершенствованія, въ смыслѣ серьезности образованія мною сдѣлано было не много; что если я буду продолжать давать концерты, то далеко не уйду, и что мнѣ необходимо весьма серьезно поучиться. И вотъ она немедля рѣшается ѣхать въ Берлинъ и везетъ туда меня, сестру Любу и брата, Николая Григорьевича, который, кромѣ хорошей музыкальной техники, весьма рано проявилъ себя какъ композиторъ: пяти лѣтъ отъ роду братъ Николай уже сочинялъ.

Въ 1844 году мы водворились въ Берлинъ. Съ Виллуаномъ

было, такимъ образомъ, все кончено и съ 13-ти лѣтъ отъ рожденія я былъ уже самъ своимъ учителемъ. Пробылъ я въ Берлинѣ до 1846 года. Во все это время я бралъ уроки теоріи музыки у знаменитаго контрапунктиста Дена; тамъ же, въ Берлинѣ, учился я языкамъ, которые мнѣ дались безъ особаго труда, даже весьма легко; русскому языку, т. е. грамматикѣ, а также закону Божиему учился я въ то же время у священника православной церкви о. Дормидонта Соколова ¹⁾; дочь его, въ замужествѣ А. Д. Кочетова, подъ псевдонимомъ Александрова, сдѣлалась впоследствии довольно извѣстной пѣвицей; она была потомъ профессоромъ въ московской консерваторіи; для другихъ предметовъ общеобразовательнаго курса были у меня тогда и другіе учителя.

Въ Берлинѣ, по концертамъ, какіе я давалъ тамъ ребенкомъ, меня многіе звали, но въ это время (1844—1846 гг.) я концертовъ тамъ не давалъ, а просто игралъ иногда въ обществѣ и въ клубахъ. Когда въ тѣ же годы императрица Александра Ѳедоровна посѣтила Берлинъ, тогда я съ братомъ были приглашены играть въ ея присутствіи и встрѣтили со стороны государыни обычную ласку и привѣтливость. Данныя намъ драгоценныя подарки были тогда-же проданы и послужили подспорьемъ въ нашей жизни въ Берлинѣ.

Что касается до моего наставника въ теоріи музыки Дена, у котораго, между прочимъ, бралъ впоследствии уроки и М. И. Глинка (Денъ нѣсколько его пережилъ, онъ умеръ въ началѣ 1860-хъ годовъ), то это былъ, несомнѣнно, лучшій контрапунктистъ въ Европѣ; другой былъ Маркъ, но тотъ уступалъ Дену.

Я сталъ у него брать уроки теоріи музыки по совѣту Мендельсона и Мейербера. Оба эти свѣтила музыки были хорошими знакомыми матушки, которая посѣщала ихъ въ Берлинѣ и спрашивала у нихъ указаній относительно моего музыкальнаго образованія. Каждое воскресенье я съ братомъ Николаемъ аккуратно посѣщали Мендельсона и Мейербера. Денъ былъ въ высокой степени свѣдуецъ по своей части; онъ умѣлъ передавать свои обширныя знанія и имѣлъ въ этомъ отношеніи много такту.

¹⁾ Сынъ его, извѣстный нынѣ профессоръ и директоръ «Училища гражданскихъ инженеро́въ» въ С.-Петербурѣ, гласный Думы, Д. Д. Соколовъ.
Ред.

Съ анвар. П. Ф. Соколова, изъ альбома гр. М. Ю. Вьельгорскаго
НИКОЛАЙ И АНТОНЪ ГРИГОРЬЕВИЧИ РУВИНШТЕЙНЫ
ВЪ 1844 г.

Приложениe къ «Русской Старинѣ», ноябрь 1889 г., т. LXIV.

Кромѣ Глинки у Дена было много знаменитыхъ учениковъ, напр. Фридрихъ-Киль и друг. Въ общемъ Денъ былъ большой оригиналь. Я впрочемъ взялъ у него уроковъ не много, такъ какъ въ 1846 году уѣхалъ уже въ Вѣну одинъ, шестнадцатилѣтнимъ юношей. Съ этого времени начинается моя вполне самостоятельная жизнь, въ которой горе и радость, довольство съ самыми тяжкими лишеніями, просто даже съ голодовкою, перемежались точно такъ, какъ это было, да нерѣдко и будетъ въ жизни другихъ общественныхъ дѣятелей.

Въ томъ же, 1846 году, отецъ мой умеръ; матушка уѣхала съ Любой и Николаемъ въ Москву, гдѣ Николай поступилъ въ университетъ; но музыкальные уроки, которые онъ давалъ во мпожествѣ, и участіе въ безчисленныхъ концертахъ не давали ему ни досугу, ни возможности учиться такъ, какъ бы то слѣдовало студенту университета. Къ нему, впрочемъ, всѣ профессора относились въ высшей степени добродушно и снисходительно; братъ Николай, такъ либо иначе, но кончилъ курсъ университетскій дѣйств. студентомъ или кандидатомъ, не помню.

Ко времени пребыванія моего въ Берлинѣ относится первое появленіе въ печати музыкальнаго моего сочиненія; оно было издано Шлезингеромъ, однимъ изъ мѣстныхъ издателей музыкальныхъ произведеній, въ 1843 году: то былъ маленькій этюдъ, написанный мною еще въ 1842 году, для фортепіано,—пѣска на поэтическую сказку „Ундина“, одна изъ водяныхъ богинь; пѣска, вѣроятно, была еще одобрена Виллуаномъ, но въ сущности ничего собой не представляла,—такъ, переливанье изъ пустаго въ порожнее ¹⁾). Тогда-же въ Кельнѣ изданы были двѣ музыкальныя мои вещицы, одна даже съ моимъ портретомъ.

Едвали надо говорить, что какъ тогда, такъ и въ ближайшіе послѣдующіе годы—произведенія мои либо ничего не давали мнѣ и я считалъ себя счастливымъ, если находилъ издателя, какъ то обыкновенно бываетъ съ начинающимися композиторами, либо—давали такіе гроши, что о нихъ не стоитъ и упоминать.

¹⁾ Пѣса эта, о которой такъ строго отзывается А. Г. Рубинштейнъ, была, однако, тогда же, въ 1842 году, замѣчена знаменитымъ Робертомъ Шуманомъ и онъ далъ о ней въ печати весьма добрый отзывъ. См. его «Gesammelte Schriften über Musik und Musiker», Leipzig.—Даже, въ приложенияхъ, мы помѣстили выписку этого отзыва и переводъ съ него, весьма обязательное соощеніе намъ г-жею М. П. Давыдовой.

IV.

Въ Вѣнѣ. — Листъ. — Рекомендательныя обо мнѣ письма. — Голодовка и творчество. — Визитъ ко мнѣ Листа. — Уроки. — Перевѣздъ въ Берлинъ.

1846—1848.

Въ Вѣну я отправился въ 1846 году потому, что этотъ городъ былъ однимъ изъ главныхъ тогда музыкальныхъ центровъ въ Европѣ, притомъ тамъ былъ царь музыки Листъ и я рассчитывалъ на его сильную поддержку и протекцію. Надежды эти, однако, на первый разъ были сильно умалены сухимъ, сдержаннымъ приѣмомъ Листа. Онъ мнѣ сказалъ, что человѣкъ способный долженъ достигать всего самъ, не рассчитывая ни на какую поддержку. Это меня отъ него на время отшатнуло. Я сдѣлалъ нѣсколько визитовъ. Со мной было десятокъ или полтора рекомендательныхъ писемъ отъ N. N., тогдашняго русскаго посланника въ Берлинѣ, и его жены. Дѣлая визиты, я оставлялъ эти письма... Жду по нимъ отвѣтовъ или приглашеній — мнѣ одинъ отвѣтъ молчаніе. Такъ было на первое, второе, третье, четвертое письмо, мною оставленныя. Что за оказія! Это меня поразило. Дай, думаю, посмотрю, что обо мнѣ писано въ тѣхъ рекомендательныхъ письмахъ, которыхъ порядочная еще кучка лежала предо мною: вскрываю одно, и что же оказывается! Посланникъ или его любезная супруга рекомендуютъ меня въ такихъ выраженіяхъ, что де „Милѣйшая графиня такая-то! Съ тѣмъ званіемъ и положеніемъ, каковыя мы, посланникъ и его жена, занимаемъ, соединена прескучная обязанность оказывать протекцію и рекомендовать разныхъ лицъ изъ нашихъ соотечественниковъ, въ удовлетвореніе ихъ по сему предмету, нерѣдко настоятельныхъ, просьбъ; а потому де рекомендуется вамъ податель сего нѣкій Рубинштейнъ“. Вотъ тебѣ и разъ! для меня тогда стало понятнымъ то молчаніе, каковымъ отвѣчали мнѣ на эти письма, и вотъ всѣ остальные грамотки — немедленно полетѣли у меня въ печку.

Въ Вѣнѣ имѣлъ я уроки; большинство были гроповые; я жилъ на самой вышкѣ громаднаго дома, чуть не на чердакѣ; нерѣдко случалось, что дня по два, по три я не имѣлъ чѣмъ заплатить за обѣдъ въ ближайшемъ ресторани и потому оставался безъ обѣда; обстановки въ квартирѣ почти не было ника-

вой, за то всё углы и полъ комнаты усѣяны были моими сочиненіями! И какъ много тогда я писалъ, и чего—чего только я не писалъ! Такъ и ложилось все изъ-подъ пера на бумагу, когда жилось буквально впроголодь! Тутъ были всевозможныя пьесы: ораторіи, симфоніи, оперы, романсы; при этомъ не одни лишь музыкальныя произведенія—тутъ были и литературныя, критическія, чуть ли даже не философскія статьи; я даже составлялъ въ своей мансардѣ нѣчто въ родѣ газеты для единого читателя—самого себя... А голодь подчасъ такъ и прохватывалъ. Такое житье продолжалось года полтора... Бѣдствовалъ я иногда, повторяю, именно въ это время, въ сильнѣйшей степени. Словомъ, со мной повторилось все то же, что было до меня, да вѣроятно будетъ и послѣ меня для людей, пробивающихъ себя дорогу безъ поддержки... Къ Листу я такъ уже и не заглядывалъ—мѣсяца два сряду.

Продолжительное мое отсутствіе напомнило, однако, обо мнѣ Листу. Онъ вдругъ надумался сдѣлать мнѣ визитъ и поднялся ко мнѣ съ обычною свитою. То были его приближенные, его дворъ, безъ котораго онъ никуда не показывался: какой-то князь, графъ, какой-то докторъ, артистъ,—все его восторженные поклонники и исполнители его велѣній. Когда Листъ и его свита вошли ко мнѣ—всѣ они, и болѣе всѣхъ самъ маэстро, были, видимо, поражены тою обстановкою, среди которой я жилъ: видимо—она была для него совершенно неожиданная! Онъ тѣмъ болѣе полагалъ, что я живу совершенно обеспеченнымъ, что въ бытность свою въ Москвѣ посѣтилъ моихъ родителей и видѣлъ какъ живетъ все наше семейство. И вдругъ предъ нимъ кромѣшная бѣдность! Надо отдать полную справедливость его такту и добродушію: Листъ обошелся со мной самымъ дружескимъ образомъ и прежде всего поспѣшилъ меня пригласить въ тотъ-же день къ себѣ обѣдать, что было какъ нельзя болѣе встать, такъ какъ голодь давалъ уже мнѣ себя чувствовать.

Съ тѣхъ поръ я болѣе и болѣе сближался съ Листомъ и впослѣдствіи былъ въ искренно дружескихъ съ нимъ отношеніяхъ до самой его кончины... Что до моего композиторства въ Вѣнѣ, то изъ тогдашнихъ моихъ твореній мало явилось въ печати; издателей въ Вѣнѣ всегда было много, но въ тѣ годы, 1846—1847 гг., моихъ сочиненій было напечатано лишь до десяти опусовъ (выпусковъ), при чемъ нѣкоторые были весьма

маленькія пьесы. Если за нѣкоторые изъ нихъ я получилъ по нѣсколько гульденовъ, то это было уже много, такъ какъ музыканты, по крайней мѣрѣ, въ началѣ своего творчества, получаютъ обыкновенно весьма мало за свои произведенія.

V.

Пребываніе въ Берлинѣ.—Вѣянія революціи.—На улицахъ Берлина.—День.—Фантастич. затѣя.—Флейтистъ Гейндель и баронъ Фуль.

1848.

1848-й годъ засталъ меня въ Берлинѣ. Я туда переѣхалъ (въ 1847 г.) изъ Вѣны для той-же цѣли, для какой и тамъ жилъ, а именно быть въ средѣ музыкальнаго міра, давать уроки, играть и писать въ области музыки.

Попалъ я въ Берлинъ въ самый потокъ революціонныхъ идей. Все было взволновано, все и вся были въ какомъ-то напряженномъ, нервномъ состояніи... У меня была масса знакомыхъ среди литераторовъ, журналистовъ, газетчиковъ, артистовъ и вообще людей свободныхъ профессій... Все это волновалось, все это было возбуждено, точно всѣ было охвачены лихорадкой; ждали сигнала для взрыва... Толчокъ былъ данъ изъ Вѣны и онъ, съ быстротою молніи, отразился въ Берлинѣ. Вспыхнула революція... Меня потянуло на улицу, и не мудрено,—мнѣ шелъ всего лишь девятнадцатый годъ... Я совершенно не сознавалъ, что мнѣ вполне глупо соваться не въ свое дѣло; всѣ ихъ вождельнія должны были быть мнѣ совершенно чужды. Добродушнѣйшія мои хозяйки однако оберегали меня: онѣ не выпустили своего жильца-артиста въ день самой горячей свалки. Онѣ меня просто заперли. Я видѣлъ лишь изъ оконъ своей еквартиры, на Bernstrasz—е, какъ создались баррикады; но на другой день, когда народъ сталъ сносить ко дворцу и укладывать предъ нимъ трупы убитыхъ гражданъ, я уже былъ въ толпѣ на площади и видѣлъ затѣмъ всѣ сцены народной революціи... Видѣлъ я тогда и своего профессора Дена... Пожилой мужчина, извѣстный контрапунктистъ, съ ружьемъ въ рукахъ, рассказывалъ, въ качествѣ солдата народной гвардіи, часовымъ предъ какимъ-то казеннымъ зданіемъ...

И не думалъ я тогда, какой великій переломъ совершается

съ революціоннымъ движеніемъ 1848 года—не только въ политикѣ государствъ и народовъ, но и въ искусствѣ!.. Моя жизнь такимъ образомъ совмѣщаетъ въ себѣ двѣ эпохи: до и послѣ 1848 года—двѣ эпохи совершенно разныя; вотъ почему она и можетъ представить въ послѣдствіи нѣкоторый интересъ...

Я упомянулъ о Денѣ. Тогда-же, въ Берлинѣ, онъ спасъ меня отъ совершенія фантастической затѣи, которая могла кончиться для меня довольно печально. Въ бытность еще въ Вѣнѣ, въ 1847 году, познакомился я съ однимъ довольно хорошимъ музыкантомъ-флейтистомъ Гейнделемъ, съ которымъ я тогда-же сдѣлалъ концертную поѣздку по Венгрии. И вотъ мы оба, молодые еще люди, да нѣкій также нашъ знакомецъ баронъ Фуль, сговорились ѣхать искать счастья въ Америку. Путь лежалъ на Берлинъ, затѣмъ въ Бременъ или Гамбургъ—и на корабль, въ Новый Свѣтъ! Сказано—сдѣлано. Я—къ Дену, рассказываю ему: такъ, моль, и такъ, ѣду искать счастья въ Америку.

— „Что вы, съ ума сошли, что-ли? восклицаетъ Денъ:—неужели въ Европѣ вы не найдете что дѣлать; да вы еще такъ молоды, вы въ ней ничего еще не видѣли и вдругъ бросаетесь, очертя голову, въ Америку,—на всевозможныя бѣды и случайности!“

Ну, словомъ, Денъ такъ горячо и настойчиво меня уговаривалъ отказаться отъ моей затѣи, что я, наконецъ, увидѣлъ ея нелѣпость и измѣнилъ своимъ спутникамъ, не поѣхалъ съ ними. Гѣ, понятно, вознегодовали на меня. Гейндель, флейтистъ, вскорѣ затѣмъ былъ помолвленъ и однажды, когда ѣхалъ къ своей невѣстѣ, попалъ на мѣсто стрѣльбища, вздумалъ его переѣхать и палъ жертвою роковой случайности: его поразила пуля какого-то стрѣлка и онъ умеръ; что же касается до барона Фуля, то тотъ отправился таки въ Америку и, что бы вы думали! составилъ себѣ хорошее положеніе и крупное состояніе; но началъ онъ, какъ самъ мнѣ потомъ рассказывалъ, положительно съ того, что, какъ простой рабочій, разбивалъ въ щебенку камень для шоссе. Я его видѣлъ въ Америкѣ, въ 1872 году, во время моего тамъ артистическаго объѣзда; онъ былъ женатъ, имѣлъ дочерей и выглядывалъ человѣкомъ вполне довольнымъ и счастливымъ.

Оставшись, по совѣту Дена, въ Берлинѣ, я продолжалъ

давать уроки и посѣщалъ Мендельсона, Мейербера... Нѣкоторые уроки были весьма хорошіе, т. е. платили очень изрядно, но какъ тогда въ Берлинѣ, такъ и позже въ Петербургѣ, жилъ я, какъ артистъ, довольно безалаберно: есть деньги — пиръ горой, нѣтъ денегъ — живу впроголодь. Иной разъ, бывало, безденежье до того сожметъ, что возвращаешь билеты-эвитанціи за уроки и пишешь, что такъ какъ „по множеству занятій не могу продолжать уроковъ въ этомъ семействѣ, то и прошу уплатить до срока или до условнаго количества билетовъ по тѣмъ, которые при семъ-де возвращаю“. Присылаютъ деньги и иногда случается настолько разсердятся, что расстаются, не берутъ уже больше у меня уроковъ и не приглашаютъ ихъ продолжать.

Ну, конечно, когда загорѣлась революція, тутъ ужъ было не до музыки! Уроки прекратились, концертовъ никто не давалъ, вообще музыкѣ и музыкантамъ довелось положить зубы на полку и мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ поскорѣй убираться восвояси... Я и отправился въ Петербургъ.

VI.

На границѣ отечества.—Пріѣздъ въ С.-Петербургъ.—Три исторіи.

1849.

То было, кажется, уже въ 1849 году или-же въ концѣ 1848-го года, не помню. Уложилъ я свой скудный багажъ, набилъ большой сундукъ нотами, то была масса моихъ непечатныхъ еще произведеній — плоды трудовъ юнаго композитора, и съ полнымъ простодушіемъ челоуѣка, ни въ чемъ неповиннаго, отправился въ Россію.

На границѣ останавливаютъ:— „Пожалуйте паспортъ“, спрашиваетъ соотечественникъ.

— Какой паспортъ?

— Какъ какой? извѣстно, какой; неужели вы не знаете, что каждый, кто вѣзжаетъ къ намъ, въ Россію, долженъ имѣть паспортъ?

А я и впрямь совершенно забылъ объ этомъ, вѣрнѣе, даже вовсе этого не зналъ. Дѣло въ томъ, что когда въ Берлинѣ при-

везла меня матушка, я былъ тогда еще ребенкомъ (въ 1844 г.); я, братъ и сестра—всѣ мы значились въ общемъ съ матушкою паспортѣ. Затѣмъ я уѣхалъ въ Вѣну, матушка съ моими сестрой и братомъ и съ своимъ общимъ паспортомъ въ Москву, а я такъ и остался „безъ всякаго вида“, въ каковомъ во всѣ три года, 1847—1848—1849, и не оказалось надобности ни въ Берлинѣ, ни въ Вѣнѣ, ни въ другихъ городахъ Германіи. Но какъ только ступилъ я на родную землю (сколько помню, то было въ Масловицахъ), меня и огорошили требованіемъ:

— „Паспортъ, паспортъ, пожалуйста паспортъ!!“

Я объясняюсь. Съ трудомъ вѣрятъ моей наивности. „Пожалуйте вашъ багажъ, это у васъ съ чѣмъ сундукъ? Ноты? что за ноты, это какія-то рукописи. Мы это запечатаемъ, тамъ разберутъ. Вотъ вамъ квитанція. Вы куда ѣдете? въ Петербургъ, но на Варшаву; предъявите тамъ квитанцію, сундукъ вамъ выдадутъ“.

Какъ ужъ меня затѣмъ пропустили, не помню, но въ Варшавѣ я своего сундука не получилъ, мнѣ было связано явиться въ Петербургъ въ какому-то Фревилю, „тамъ-де онъ вамъ выдастъ ваши вещи“.

Наконецъ, я въ С.-Петербургѣ послѣ шестилѣтняго изъ него отсутствія; но въ 1843 г. я былъ въ немъ балованнымъ ребенкомъ, а теперь въѣхалъ въ него самымъ простодушнымъ, вовсе не знакомымъ съ родными порядками молодымъ человѣкомъ! Ну и довелось же мнѣ испытать на первыхъ порахъ всю прелесть этихъ порядковъ, довелось испить самую горькую чашу! Слушайте.

Остановился я въ Петербургѣ въ гостинницѣ. На первыхъ порахъ не припомнилъ—кто у меня знакомые. Одинъ—какъ въ лѣсу—20-ти лѣтній юноша. Ранехонько—ко мнѣ входятъ.

— „Пожалуйте паспортъ“.

— Какой паспортъ, у меня его нѣтъ.

— Какъ нѣтъ! мы васъ держать не можемъ, извольте убраться!

Вотъ она шутка-то плохая! Вспоминаю я про знакомаго, почти моего товарища съ дѣтства, Шарля Леви—любителя музыканта, маленькаго по росту человѣчка (онъ умеръ лѣтъ пять тому назадъ). Бѣгу, разыскиваю его гдѣ-то въ Графскомъ переулкѣ. Такъ и такъ—не хотятъ держать въ гостинницѣ, гонять, требуютъ паспортъ. „Переночуй у меня,—говорить,—тамъ подумаемъ, что

дѣлать“. На утро дворникъ.— „Пожалуйте паспортъ!“ Ну чортъ знаетъ что такое—дался имъ этотъ паспортъ! Я пойду, говорю, къ оберъ-полиціймейстеру. Былъ тогда имъ нѣкій генераль Галаховъ. Прихожу и говорю какому-то чиновнику въ пріемной—что вотъ-де пріѣхалъ я изъ заграницы, знать ничего не знаю о паспортѣ, съ меня его требуютъ... Тотъ оглядѣлъ меня съ величайшимъ недоумѣніемъ. „Подождите“, говоритъ. Пріѣзжаетъ Галаховъ. Чиновникъ докладываетъ: „Пришелъ какой-то Рубинштейнъ, пріѣхалъ изъ заграницы и никакого у него паспорта нѣтъ, вотъ онъ!“ — „Какъ, что, что такое!“ заревѣлъ на меня Галаховъ и налетѣлъ: „гдѣ, гдѣ онъ живетъ, гдѣ былъ, откуда?! узнать, послать, сейчасъ узнать! въ чемъ домъ, у кого? какъ смѣлъ! оштрафовать!“...

Да что-же это такое, думаю я,—дался имъ этотъ паспортъ. Да вѣдь знаютъ же меня здѣсь многіе — знаютъ князь Львовъ, графъ Строгановъ, графъ Виельгорскій... пойду къ нимъ, что же это со мной здѣсь дѣлаютъ! Не знаю, какъ Галаховъ меня выпустилъ, спѣшу къ графу Матвѣю Виельгорскому. Такъ, молъ, и такъ. У того лицо даже вытянулось. Вѣдь, не забудьте, какое было тогда время—1849-й годъ!

— Это дѣло серьезное, говоритъ графъ,—дайте я напишу письмо къ Галахову, что знаю васъ, а между тѣмъ, пишите скорѣе къ матушкѣ, хлопочите о паспортѣ.

Написалъ я къ матери; ей довелось писать въ Бердичевъ, чтобы тамъ отъ ратуши выдали мнѣ особый видъ на жительство; пока это идетъ переписка — отправляюсь опять къ Галахову. Представляю ему письмо графа Виельгорскаго. Прочелъ....

— „Никуда и ни къ чему это не годится, говоритъ, — это ровно ничего не значить письмо,—какъ безъ паспорта смѣтъ сюда показаться!!!“ и все это на меня окрикомъ: „Чтобы въ двѣ недѣли былъ у тебя паспортъ!! Слышишь!“

Слышу и думаю: да что-же ты такъ горячишься, вѣдь тутъ есть начальство и повыше тебя. Иду къ генераль-губернатору, былъ тогда имъ Шульгинъ. Прихожу, только что я разинулъ передъ его превосходительствомъ ротъ, а онъ какъ гаркнетъ:

— „Въ кандалы! въ кандалы тебя закую! Въ Сибирь, по этапу сошлю!“ (тогда у насъ, въ Россіи, генералы людямъ въ моемъ положеніи всегда говорили ты).

Я такъ и обомлѣлъ. Двадцати-лѣтній молодой человекъ, прямо

изъ европейскихъ центровъ цивилизаціи, изъ міра искусствъ, художествъ и науки—является на родину и вотъ что его здѣсь встрѣчаетъ!

Не помню, какъ я вышелъ отъ Шульгина; какъ и почему онъ не привелъ въ исполненіе своей угрозы—не знаю... Но что могъ исполнить, это понятно само собой... Я помню только, что мнѣ ужасно было тяжело на душѣ.

Дни проходили—паспорта нѣтъ; я у знакомыхъ, таковыя оказались, гдѣ день, гдѣ ночь. Всюду рассказываю о томъ, что случилось со мной. Между тѣмъ былъ при дворѣ балъ или концертъ, не знаю, но было собраніе, сѣздъ. Всѣ мои баре, кому только я рассказалъ о Шульгинѣ и Галаховѣ, всѣ на нихъ напустились. „Что вы дѣлаете съ Рубинштейномъ? мы его всѣ знаемъ, онъ былъ принятъ при дворѣ, давалъ концерты въ царскомъ семействѣ, какъ же вы съ нимъ поступаете“ — ну, словомъ, приперли ихъ... Прихожу на другой день къ Галахову. Жду въ приемной часъ, два, три... и все вѣдь это стоя, сѣсть не имѣю права, да и не я одинъ, всѣ, кто ждали его превосходительство, тогда обыкновенно стояли! Да, нечего сказать, было времечко! Наконецъ, зовутъ въ кабинетъ.

— „Ну, братецъ, о тебѣ мнѣ говорили тамъ, во дворцѣ, рассказывали, что ты такой, да этакой музыкантъ, — не больно я этому вѣрю; такъ поди сейчасъ къ начальнику моей канцеляріи Чеснокову (такъ важется?), и сыграй ему что-нибудь, чтобъ мы знали, что ты и впрямь музыкантъ! А онъ, Чесноковъ, у меня понимаетъ музыку!“—и все это было сказано г. оберъ-полиціймейстеромъ въ невыразимо презрительномъ тонѣ.

Привели меня къ Чеснокову (боюсь, не путаю-ли я эту фамилію). Нашлось у него какое-то мизерное фортепіано. Сѣлъ онъ, сѣлъ и я, и все, что было у меня на сердцѣ горькаго, вся злоба и негодованіе на все, что со мною происходитъ, я излилъ въ томъ, что сталъ отбивать на клавишахъ этого инструмента! Я до того гремѣлъ, что фортепіано чуть не плясало подъ моими ударами и, казалось, что оно вотъ-вотъ развалится на двадцать-четыре куска; инструментъ былъ, впрочемъ, самый подлый и бѣшенству моему не было предѣловъ. Чесноковъ однако терпѣливо прослушалъ—и отправился со мной къ оберъ-полиціймейстеру.

— „Точно такъ, ваше превосходительство, доложилъ началь-

никъ его канцеляріи,—Рубинштейнъ дѣйствительно музыкантъ, потому играетъ“...

„Ну, дай ему отсрочку на три недѣли!“ проревѣлъ Галаховъ. Я вышелъ съ отсрочкой...

Да, повторяю, было у насъ времячко, и въ особенности въ 1849-мъ году!

Паспортъ однако въ эти недѣли изъ Бердичева прислали; я былъ, наконецъ, человекъ „съ видомъ“...

Это первая со мной исторія въ родной сторонѣ; ну, вторая была не менѣе курьезна.

Иду я за своимъ музыкальнымъ единственнымъ сокровищемъ, за сундукомъ съ нотами... Какъ я уже сказалъ, то были рукописныя мои музыкальныя сочиненія, ими набитъ былъ цѣлый сундукъ,—то были мои труды за-трехъ-лѣтнее пребываніе въ Вѣнѣ и Берлинѣ. Не могу припомнить—почему я пошелъ къ какому-то Фревилю и что такое былъ этотъ человекъ? Былъ-ли онъ въ тамошнѣ, въ цензурѣ, въ тайной или явной полиціи... Только сундука моего онъ мнѣ не выдалъ.

— „Извольте видѣть, объяснилъ мнѣ онъ, хотя всѣ эти рукописи—ноты, но правительству извѣстно, что анархисты и революціонеры пишутъ свои воззванія и прочія ихъ бумаги условными значками, похожими и на ноты... Быть можетъ это какойнибудь политическій шрифтъ?! обождите мѣсяцевъ пять, шесть: можетъ быть, вамъ и выдадутъ обратно ваши ноты“...

Нечего дѣлать, я долженъ былъ уйдти, а потомъ я сталъ писать по памяти то, что хотѣлъ возстановить изъ моихъ композиторскихъ произведеній, а о злополучномъ сундукѣ и забылъ.

Чтобы повончить съ нимъ, однако, доскажу его судьбу. Прошло нѣсколько лѣтъ. Прихожу я какъ-то въ музыкальный магазинъ Бернарда. Тамъ мнѣ говорятъ: „а мы на дняхъ купили ваши автографы, нѣкоторые отрывки изъ музыкальныхъ пьесъ—вашего сочиненія, собственноручно вами написанныя“.

— Гдѣ-же вы это ихъ купили?

— „А мы купили съ аукціона, продавалась какъ ненужная бумага—большая вуча нотъ“.

— Пошлите, пожалуйста, говорю,—купите и для меня.

— „Нѣтъ, ужъ поздно, всю вучу разобрали на потребу—хорошая нотная бумага“.

Что же оказалось? Таможня-ли, цензура, право не помню, видя, что никто за сундукомъ не является—вызывала, вѣроятно, чрезъ публикацію въ „Полицейскихъ Вѣдомостяхъ“ владѣльца сундука; владѣлецъ сундука, т. е. я, этихъ вѣдомостей не читалъ, за сундукомъ не явился и все его содержимое было продано съ аукціона на вѣсь. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда я въ канцеляріи оберъ-полиціймейстера бралъ заграничный паспортъ—чиновникъ-паспортистъ тоже мнѣ похвасталъ, что и онъ у какого-то продавца старой бумаги купилъ нѣсколько отрывковъ изъ моихъ рукописныхъ сочиненій. Это было все изъ того же моего заграничнаго сундука.

А вотъ и еще исторія изъ того же злополучнаго 1849 года.

Пріѣхала въ Петербургъ Софія Бореръ (Sophie Bohrer), та самая знаменитая піанистка, которая еще въ дѣтскомъ возрастѣ давала съ успѣхомъ концерты. Давно съ ней знакомый, я сталъ ее посѣщать и въ первый же визитъ встрѣтилъ у нея въ студенческомъ костюмѣ какого-то господина. Не назову его фамилія, быть можетъ онъ еще живъ и, въ такомъ случаѣ, конечно, давно генералъ, а быть можетъ—и умеръ. Онъ поспѣшилъ со мной познакомиться; отнесся ко мнѣ съ большимъ вниманіемъ, разыскалъ мою квартиру и, видимо, сталъ втираться въ мое знакомство. Рѣчи онъ велъ въ такомъ родѣ, что вотъ-де „вы пріѣхали изъ самыхъ интеллигентныхъ странъ, пріѣхали въ Россію, гдѣ ничего отраднѣе не найдешь даже въ интеллигенціи; изъ странъ движенія и прогресса—прибыли вы прямо въ глушь, но что, впрочемъ, и здѣсь, если вамъ то желательно, я готовъ васъ ввести въ такой кружокъ, гдѣ вы отведете душу въ бесѣдахъ о предметахъ, васъ интересующихъ“...

Я, ничего не подозревая, отвѣчаю, что очень буду радъ познакомиться съ образованными людьми. — „Ну и прекрасно, ѣдете въ эту субботу“. — Пріѣзжаетъ онъ въ назначенное время, везетъ меня куда-то на конецъ Большой Садовой улицы, за церковь Покрова; вводитъ въ какую-то квартиру и тамъ мы находимъ большое собраніе мужчинъ, молодыхъ и пожилыхъ, военныхъ и статскихъ; изъ военныхъ помню одного, то былъ Пальмъ, но я все не вижу хозяина. Спрашиваю о немъ, мнѣ отвѣчаютъ: „подождите, увидите, насъ всѣхъ позовутъ“. Наконецъ, раздается звонокъ, распахиваются двери и мы входимъ въ

большую комнату, гдѣ предъ эстрадою стоятъ рядъ стульевъ, какъ въ концертѣ. На эстраду входитъ красивый мужчина съ бородой и начинаетъ читать что-то въ родѣ социалистическаго и коммунистическаго трактата,—сколько помню печатное. Все это меня чрезвычайно удивило и я не скрывъ своего удивленія отъ сосѣдей.—„Вотъ не ожидалъ, говорю я, встрѣтить что либо подобное здѣсь, въ Россіи! Я понимаю, что такія чтенія и такіе мысли и принципы высказываются за границей, тамъ есть для этого почва, условія быта и строй общественный совершенно другіе; но у насъ, въ Россіи, всѣмъ этимъ принципамъ не можетъ быть мѣста! И строй нашей жизни и наши учрежденія ни мало не подходятъ къ тому, чтобы у насъ развивались идеи, подобныя тѣмъ, какія намъ здѣсь читаютъ“!

Высказалъ я это не обинуясь всѣмъ, кто хотѣлъ меня слушать на этомъ вечерѣ— у Михаила Васильевича Буташевича-Петрашевскаго,—то былъ онъ,—и, можете представить, это только обстоятельство меня, какъ надо полагать, и спасло впоследствии! Впрочемъ, Петрашевскій бывалъ у меня потомъ, на квартирѣ Лури, на Большой Морской, на каковой квартирѣ давалъ мнѣ читать разныя либеральныя на иностранныхъ языкахъ книги, мы съ нимъ толковали о конституціи, о парламентахъ и проч.

Я вскорѣ уѣхалъ въ Москву и здѣсь матушка однажды говорить мнѣ: „Слышалъ ты, что дѣлается въ Петербургѣ? Арестованъ какой-то Петрашевскій и съ нимъ много разныхъ лицъ, его посѣщавшихъ. Эти господа составили какое-то тайное общество и вотъ засажены въ крѣпость“.—Можете представить себѣ, какъ встряхнуло меня это извѣстіе! Не безъ робости возвратился я тогда изъ Москвы и съ тревогою ждалъ, что вотъ-вотъ меня арестуютъ. Встрѣчаю своего знакомца, того самаго студента, который возилъ меня къ Петрашевскому; вижу онъ гуляетъ по Невскому, не арестованъ, также ко мнѣ внимателенъ, но я уже былъ съ нимъ осторожниѣ... Видимо, что меня спасъ мой отзывъ о слышанномъ чтеніи, и III-ое отдѣленіе, имѣвшее тогда въ Россіи ужасное значеніе,—меня не тронуло.

VII.

Въ Петербургѣ.—Симфоническіе концерты въ университетѣ.—А. И. Фицтумъ.—К. Б. Шубертъ.—Русская опера.—Великая княгиня Елена Павловна.—Государь Николай Павловичъ и его отношенія къ музыкантамъ и художникамъ.—Лабдашъ.—Оперы «Дмитрій Донской» и «Фомка-дурачекъ».—Алекс. Мих. Гедеевъ и пѣвецъ Булаховъ.—Мои три одноактные оперы.

1849—1854.

Сталъ я жить въ Петербургѣ какъ жилъ въ Берлинѣ... Давалъ уроки... Бывали уроки и въ рубль, бывали и въ двадцать пять рублей... Писалъ оперы, писалъ по итальянски, писалъ по нѣмецки, такъ какъ русскихъ композиторовъ, за исключеніемъ М. И. Глинки, не было... Были лишь любители музыки,—но были все это дилетанты-помѣщики, дилетанты-чиновники; артистовъ-музыкантовъ, смотрѣвшихъ на искусство, какъ на всю суть своей жизни, вовсе не было... Наиболе пылкіе любители музыки сходились лишь на симфоническихъ концертахъ въ университетѣ, подъ эгидою извѣстнаго инспектора студентовъ, Александра Ивановича Фицтума. Студенты составили тамъ изъ своей среды оркестръ, въ немъ примкнули нѣкоторые любители, напр. докторъ Берсъ, примкнулъ я—и вотъ безъ всякихъ репетицій играли мы по воскресеньямъ, брали за входъ по рублю и публика ломилась въ актовую залу университета... Теперь, какъ вспомню, не могу не надивиться—какъ это шли на эти концерты, и вѣдь шли, нерѣдко буквально пѣшкомъ, по мосткамъ, черезъ Неву—цѣлыя толпы. Мѣста брали на перебой. Дирижировалъ на этихъ концертахъ Карлъ Богдановичъ Шубертъ, а нѣсколько разъ, за его отсутствіемъ, дирижировалъ я. И вѣрите-ли, не смотря на то, что игралъ нашъ оркестръ безъ репетицій, дѣло какъ-то шло само собой: ужъ много любви и усердія вляли любители въ эти симфоническіе концерты въ С.-Петербургѣ! Надо припомнить, что до этихъ университетскихъ концертовъ крайне рѣдко бывали симфоническія собранія: бывало три или четыре концерта въ годъ въ залѣ Пѣвческой придворной капеллы,—вотъ и все.

При капеллѣ существовалъ давно, съ разрѣшенія правительства, кружокъ любителей музыки. Были въ этомъ кружкѣ все

генералы-любители, и статскіе и военные; играли въ немъ и великіе князья, напр. великій князь Константинъ Николаевичъ хорошо игралъ на віолончели... Русская опера почти не существовала: я говорю о труппѣ. Въ ней былъ славенъ одинъ только О. А. Петровъ, прочіе пѣвцы и пѣвицы были плохи, напр. про тогдашнюю примадонну NN*** гр. В. А. Соллогубъ, не безъ основанія, съострилъ, „что у нея не голосъ, а сквозной вѣтеръ!..“ И вотъ, при такомъ-то печальномъ состояніи музыки и пѣнія, зарождается новая эра для искусства въ стѣнахъ Михайловскаго дворца—у великой княгини Елены Павловны.

Замѣчательная была эта женщина! Другой, равной ей, я ни прежде, ни послѣ, въ ея положеніи не знавалъ. Съ представительностью, чисто великокняжескою, она соединяла бездну такта и умѣнья войти въ положеніе, въ мысль рѣшительно каждаго, кто въ ней приближался. Съ ученымъ, военнымъ, артистомъ, государственнымъ дѣятелемъ, писателемъ, поэтомъ, романистомъ—съ каждымъ она умѣла говорить, на каждаго умѣла произвести самое пріятное впечатлѣніе. Императоръ Николай Павловичъ являлъ къ ней искренно дружеское расположеніе, весьма ее цѣнилъ и видимо глубоко уважалъ... Это у великой княгини Елены Павловны, на одномъ изъ раутовъ, зародилась Крымская война. У нея, близъ камина, произошелъ между императоромъ Николаемъ и Гамильтономъ, представителемъ Англии, тотъ историческій разговоръ о „больномъ человѣкѣ“—о Турціи, который вызвалъ русско-турецкую войну 1853—1855 гг. Въ салонахъ великой княгини зародилась эра реформъ Александра II: здѣсь между государственными людьми новаго царствованія и просвѣщенной хозяйкою обсуждалось великое дѣло освобожденія крестьянъ. Да, это была замѣчательная, прямо сказать, необыкновенная женщина и не безъ вліянія на направленіе внутренней и внѣшней политики Россіи... Надо и то сказать, что обставлена была она превосходно; при великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ была баронесса Раденъ, одна изъ умѣйшихъ женщинъ нашего времени, и ей весьма много обязана великая княгиня.

Я бывалъ приглашаемъ въ салоны вел. кн. Елены Павловны еще при жизни великаго князя Михаила Павловича; это въ бытность мою въ салонѣ великой княгини, однажды вечеромъ, великій князь вошелъ въ залу съ сигарою во рту и съ громадною соба-

кою; по обыкновенію, Михаилъ Павловичъ много шутилъ и острилъ, простился съ женой и со всѣми ея гостями и отправился въ Варшаву: то былъ его предсмертный отъѣздъ, его привезли обратно въ Петербургъ уже въ гробу.

Послѣ кончины великаго князя, дворецъ Елены Павловны сдѣлался средоточіемъ всего интеллигентнаго общества; государыня Александра Федоровна была въ то время больна и все именитое и что выдѣлялось въ обществѣ съѣзжалось, главнымъ образомъ, къ Еленѣ Павловнѣ.

Съ 1852 г. великая княгиня пригласила меня состоять у нея постояннымъ акомпаниаторомъ тѣхъ пѣвицъ, которыхъ нѣсколько всегда у нея жило во дворцѣ ¹⁾; вообще я былъ постояннымъ „подогрѣвателемъ“, „истопникомъ“ музыки при дворѣ вел. кн. Елены Павловны, какъ я самъ себя называлъ... Повторяю, это была высоко интеллигентная, прямо сказать, необыкновенная женщина, другой таковой я не зналъ и не знаю. Указываютъ на императрицу Августу, также весьма просвѣщенную личность, но наша великая княгиня Елена Павловна, по уму и образованію, стояла выше. Бывало, спросишь о ней Ауэрбаха или другую какую-нибудь европейскую знаменитость—и всегда услышишь самые восторженные о ней отзывы. Пріѣзжаетъ, бывало, великая княгиня за границу и приглашаетъ къ себѣ на недѣлю, мѣсяць, ту или другую знаменитость: писателя или артиста... и тотъ живетъ при ней, видитъ княгиню каждый день, бесѣдуетъ съ ней постоянно и остается рѣшительно очарованъ ея необыкновеннымъ умомъ, самымъ разностороннимъ образованіемъ, тактомъ и любезностью...

Музыкально-артистическіе вечера у великой княгини Елены Павловны были чрезвычайно интересны: здѣсь собирались положительно самые лучшіе артисты, которые оказывались въ Петербургѣ. Часто среди гостей являлась величественная фигура императора Николая Павловича. Ко мнѣ государь былъ всегда благосклоненъ; благосклонность эта выражалась вниманіемъ, нѣсколькими ласковыми словами, но однажды у великой княгини государь Николай Павловичъ просидѣлъ со мною у рояля очень долго и съ замѣчательнымъ искусствомъ нрѣсвистывалъ цѣлую

¹⁾ Между прочими здѣсь были г-жи А. К. Лешетцкая-Фридебургъ, Ю. О. Штуббе, въ замужествѣ Абаза, и другія.

оперу. Августѣйшая семья чрезвычайно его любила, но также и боялась, въ особенности когда Николай Павловичъ бывалъ не въ духѣ.. Тѣмъ не менѣе, сыновья и дочери обожали отца... Какъ теперь помню два вечера. У великой княгини Маріи Николаевны ставились живыя картины. Государыня Александра Федоровна лежала полубольная на кушеткѣ; великіе князья, княжны, фрейлины—рѣзвились... Бѣготня и шумъ были чрезвычайные; веселость, смѣхъ. И, конечно, сидѣлъ у рояля, разыгрывая тѣ пьесы, какими должны были сопровождаться тѣ или другія живыя картины, шла репетиція этихъ картинъ. Вдругъ на порогѣ залы появляется мраморная фигура гиганта, то былъ Николай Павловичъ... Все оледенѣло. Гробовое молчаніе смѣнило величайшій шумъ... Государь былъ чѣмъ-то озабоченъ и сильно не въ духѣ (то была година восточной войны). Вдругъ Николай Павловичъ обратился съ величайшимъ гнѣвомъ къ декоратору Роллеру и сильнѣйшимъ образомъ его распекъ за неладно поставленную или имъ выбранную декорацию. Ну, то есть, мало сказать распекъ, — просто разнесъ несчастнаго декоратора, можно было подумать, что отъ него не останется и былинки!

Порывы гнѣва государя, какъ раскаты грома, оглушили всѣхъ... Можете представить себѣ положеніе молодаго фортепіаниста... На меня, конечно, гнѣвный государь не обратилъ ни малѣйшаго вниманія... Перепуганные и смущенные, собрались на другой день на спектакль и живыя картины всѣ участники; усѣлся скромненько и я, акомпаниаторъ этихъ картинъ. Всѣ со страхомъ ждали государя—помня взрывы его гнѣва наканунѣ, и что-же? онъ явился и внесъ столько ласки, доброты, вниманія, столько очаровательной простоты въ обращеніи со всѣми, не исключая и Роллера, что не только всѣхъ оживилъ и розлилъ вокругъ себя самую неподдѣльную веселость, такъ что про этотъ вечеръ многіе мѣсяцы спустя вспоминали потомъ при дворѣ, какъ про самый удачный и веселый... Между прочимъ, въ теченіе этого вечера, государь усѣлся зади меня, предъ роялемъ сидѣвшаго, и въ антрактахъ шутя и балагурия, спрашивалъ меня—помню-ли я ту или другую арію, и тотчасъ мнѣ ее преискусно насвистывалъ.

Эти вечера — то у вел. княгини Елены Павловны, то у вел. княгини Маріи Николаевны—были въ 1853—1854 годахъ...

Изъ эпизодовъ той-же зимы — вспоминаю я другой случай, доказывающій какое сильное впечатлѣніе производили на каждого — голосъ, фигура, все обращеніе Николая Павловича. Было вечернее музыкальное собраніе у великой княгини Елены Павловны. Приѣзжаетъ въ Петербургъ, послѣ долгаго ожиданія, знаменитый Лаблашъ. Этотъ добродушнѣйшій и превосходный артистъ былъ, какъ извѣстно, весьма толстъ. По своему веселому характеру и остроумію онъ былъ общій любимецъ и держался рѣшительно предъ всѣми и со всѣми весьма свободно при дворахъ принцессъ, княгинь, королевъ; сама императрица Александра Федоровна не позволяла Лаблашу стоять предъ собою; наша государыня бывало обѣ руки положить на плечи этого толстяка и заставить его сѣсть предъ нею.. И чтожь вы думаете? Какъ разъ въ этотъ вечеръ приѣзжаетъ императоръ Николай Павловичъ; вошелъ, — Лаблашъ, конечно, вытянулся, это ужъ само собою разумѣется, что о сидѣннхъ не могло быть и рѣчи, а когда государь подошелъ къ нему, взявъ его обѣими руками за руку и сказалъ нѣсколько самыхъ привѣтливыхъ словъ — артистъ, обыкновенно чрезвычайно находчивый и остроумный, шутившій напр. съ англійской королевой Викторіей, какъ съ малымъ ребенкомъ, до того смутился предъ Николаемъ Павловичемъ, что не только не нашелся что отвѣтить, но и голосъ, и губы его задрожали... И это былъ, замѣтите, Лаблашъ — человекъ, дотолѣ никого не боявшійся, вполне независимый, — самъ, такъ сказать, король... Государь его, однако, тогда-же ободрилъ и обласкалъ такъ, какъ только одинъ Николай Павловичъ умѣлъ говорить и обходиться съ артистами и художниками. Рассказывалъ мнѣ какъ-то архитекторъ Кузьминъ: была у него, у Кузьмина, привычка говорить: „понимаете, понимаете“, вотъ однажды онъ и докладываетъ государю Николаю Павловичу о какой-то постройкѣ и такъ и сыплеть „понимаете“ да „понимаете“... „Ну да понимаю, братецъ, Господи Боже мой, понимаю, какъ этого не понять“ — сказалъ, наконецъ, императоръ оторопѣвшему архитектору.

Припоминаю еще одинъ оригинальный случай: шелъ въ большомъ театрѣ, на сценѣ итальянской оперы, въ первый разъ, „Пророкъ“ Мейербергера. Послѣ четвертаго акта Николай Павловичъ приходитъ на сцену, приближается къ Марію, говоритъ ему нѣсколько похвалъ за выполненіе и въ разговорѣ проситъ того снять

корону... Маріо снимаеъ и подаеъ; государь, продолжая разговоръ, отламываетъ съ короны врестъ и возвращаетъ вѣнецъ артисту...

Жилъ я въ Петербургѣ въ 1852 — 1854 годы обычною жизнью: давалъ уроки и дорогіе, и дешевые, зачастую бывалъ въ безденежѣ такомъ, что отправляеъся на уроки съ Каменнаго острова, гдѣ проживалъ лѣтомъ во дворцѣ, по приглашенію великой княгини Елены Павловны, и идешъ нерѣдко въ городъ пѣшкомъ, такъ какъ заплатить за извозчика было не чѣмъ... Но въ эти же годы совершилось въ моей жизни не маловажное для меня дѣло: я выступилъ предъ публикою въ качествѣ композитора. Сюжетомъ для первой своей оперы я взялъ „Дмитрій Донской“. Два акта либретто написалъ мнѣ графъ Сологубъ, одинъ актъ Зотовъ, Владиміръ Рафаиловичъ; ему принадлежитъ второе дѣйствіе—именно сцены у татаръ, востокъ. Директоромъ театра былъ тогда Александръ Михайловичъ Гедеоновъ. Опера была имъ принята и поставлена на сцену...

Русская опера была тогда, да и значительное время послѣ, въ рѣшительномъ загонѣ; я и писалъ потомъ оперы по-итальянски и по-нѣмецки именно оттого, что на русскомъ театрѣ не благоволили къ русской оперѣ... Ей нѣсколько лишь сочувствовали—Павель Степановичъ Ѳедоровъ, а впослѣдствіи г. Лукашевичъ... Одинъ изъ преемниковъ А. М. Гедеонова—Степанъ Александровичъ Гедеоновъ, бывший также директоромъ театровъ, не обинуясь говаривалъ, что „онъ не можетъ понять, какъ это рѣшаются писать русскія оперы; русская-де опера не можетъ и не должна существовать“... Какъ-бы то ни было однако, но опера „Дмитрій Донской“ или „Куликова битва“—была мною написана, на сцену принята, сшиты дирекціей новые костюмы... и вотъ въ 1852-мъ году (18-го апрѣля) шло первое ея представленіе...

Помню репетиціи этой оперы; я дирижировалъ оркестромъ; помню грубое обращеніе А. М. Гедеонова съ артистами: онъ всѣмъ, въ томъ числѣ и мнѣ, говорилъ не иначе, какъ ты... На представленіе собралась публика самая отборная; я уже былъ извѣстенъ, у меня было много знакомыхъ, всѣ они были на лицо... Музыка, сколько помню, не понравилась, ну да и пѣнье было прегадостное; что единственно имѣло успѣхъ, такъ это арія

дервиша, которую прекрасно выполнил молодой артист Булаховъ, первый дебютъ котораго былъ именно въ этой моей оперѣ... Его вызывали, ему аплодировали, заставляли повторить... Занавѣсъ упалъ; я спѣшу на сцену, ищу Булахова, чтобъ его поблагодарить, и съ трудомъ нахожу молодаго человѣка гдѣ-то за кулисами, забывшимся въ углу... Онъ дрожитъ, смущень, — плачетъ... „Что съ вами“?—„Только что меня разругалъ директоръ Гедеоновъ, и разругалъ такъ, какъ не ругается послѣдній пьяный извощикъ“!!—„За что“?—„Зачѣмъ на вызовъ публики я снялъ колпакъ дервиша, кланяться-де дервишъ не долженъ, да и шапка-то новая—могу-де ее испортить! такъ какъ смѣлъ кланяться!! Вотъ тутъ и трудись“!—И ругательства самая площадная обрушились на молодаго артиста, который выступилъ на сцену съ задатками таланта и съ хорошимъ голосомъ... Оборванный, обруганный директоромъ на первомъ же дебютѣ—Булаховъ совершенно упалъ духомъ, сталъ зашибать водочкой и не выдѣлялся уже во всю жизнь изъ ряда второстепенныхъ, хотя и полезныхъ, артистовъ..

Кой-какой успѣхъ, однако, „Дмитрій Донской“ имѣлъ. По крайней мѣрѣ—послѣ представленія именно этой оперы—великая княгиня Елена Павловна пригласила меня быть у нея аккомпаниаторомъ пѣвицъ на ея музыкальныхъ собраніяхъ; а въ одной изъ бесѣдъ со мной—великая княгиня предложила мнѣ написать рядъ маленькихъ одноактныхъ оперъ, въ которыхъ послѣдовательно выведены бы были всѣ народности, населяющія наше необъятное отечество. Я и принялся за осуществленіе этой задачи и написалъ три таковыхъ одноактныхъ оперы: одну Кавказскую, на текстъ стихотворенія Лермонтова: „Хаджи Абрекъ“; другую Сибирскую — „Сибирскіе охотники“, либрето написалъ Андрей Жеребцовъ, женатый на сестрѣ графини Адлербергъ (Полтавцевой), братъ Михаила Жеребцова, женатаго на княгинѣ Гагариной; третья опера этой серіи была „Томка дурачекъ“, текстъ написанъ былъ извѣстнымъ поэтомъ М. Л. Михайловымъ, впослѣдствіи (1861 г.) сосланнымъ въ Сибирь и тамъ вскорѣ умершимъ. Эта послѣдняя опера была изъ великороссійской жизни; она шла (въ 1853 г.) на сценѣ, но до того скверно,— да и голоса были до того отвратительны, — что я буквально бѣжалъ изъ театра, а на другой день явился въ контору театровъ и настоятельно потребовалъ возвращенія мнѣ партитуры

этой оперы... Впрочемъ, какъ говорили мнѣ потомъ, публика отнеслась къ „Омеѣ дурачку“ весьма снисходительно.... Нѣкто Семеновъ, который былъ тогда въ театральнѣй конторѣ небольшимъ чиновникомъ, на мои требованія возвратить партитуру оперы,—сталъ меня успокоивать и урезонивать.... Онъ былъ тогда едва ли ни одинъ изъ театральной дирекціи, который нѣсколько интересовался русской оперой, но я и слышать не хотѣлъ его утѣшеній.

Вскорѣ потомъ, именно въ 1854-мъ году, я уѣхалъ за границу....

VIII.

Пребываніе за границей.—Въ Москвѣ на коронаціи императора Александра II.—Въ Нидцѣ въ святѣ великой княгини Елены Павловны.—Мысль объ основаніи «Русскаго музыкальнаго общества».

1854—1858.

Четыре года, именно съ 1854 по 1858 годъ, я провелъ за границей; совершилъ артистическое путешествіе по Германіи, Франціи и Англии, приче́мъ я побывалъ во всѣхъ главнѣйшихъ музыкальныхъ центрахъ этихъ странъ... Изъ этого путешествія я лишь на короткое время возвращался въ Россію, именно на коронацію императора Александра Николаевича, вызванный въ Москву великою княгинею Еленою Павловною;—но къ самому дню коронаціи не поспѣлъ, а прибылъ въ Москву на другой день торжества.

Въ бытность мою за границей въ 1854 г. я провелъ мѣсяцевъ пять-шесть въ Веймарѣ... Прежде всего скажу, что въ годину Крымской войны вся Европа была противъ Россіи или, лучше сказать, противъ ея внѣшней и внутренней политики. Къ русскому и Россіи оказывали полную холодность, даже явное нерасположеніе; Пруссія не была исключеніемъ; нѣсколько офицеровъ, генераловъ, украшенныхъ русскими орденами,—вотъ все, что хотя нѣсколько являло симпатію къ нашему отечеству, прочіе всѣ были настроены далеко не привѣтливо... Въ область, однако, музыки это нерасположеніе не распространялось... хотя, впрочемъ, въ Россіи меня считали за нѣмца, а въ Германіи за рус-

скаго... Что до Веймара, то тамъ было царство художествъ, литературы и искусствъ... Листъ жилъ тамъ и царствовалъ... Къ нему стекались на поклонъ... Поэты, писатели, артисты, музыканты—все это съѣзжалось туда и подолгу гостило при дворѣ герцога Веймарскаго, брата вдовствующей нынѣ императрицы германской Августы... Самъ герцогъ, весьма чопорный, разыгрывалъ роль какъ бы большаго монарха съ своей маленькой юнкерской высоты, а потому немножко и былъ смѣшонъ; но это былъ, во всякомъ случаѣ, человѣкъ, искренно расположенный къ искусствамъ, театру и литературѣ, но въ особенности къ музыкѣ. То, что нѣкогда было въ Веймарѣ по отношенію къ Гете, когда про тамошняго герцога можно было сказать: „Мы, милостью Гете, герцогъ такой-то“... то теперь герцогу весьма желалось установить по отношенію къ Листу... И онъ, виртуозъ-артистъ, былъ богомъ... Тогда-же въ Веймарѣ жила княгиня Витгенштейнъ, жена русскаго флигель-адъютанта, мать нынѣшней княгини Гогенлоэ, урожденная полька Ивановская, женщина умная, образованная до чертиковъ, до тошноты, такъ что разговоръ съ нею былъ просто пытка... Это не былъ синій чулокъ, это было нѣчто гораздо болѣе синею чулка... Она не была хороша собой, но влияние ея на Листа было громадное... Это она отвлекла его отъ излишней виртуозности, отъ внѣшняго щегольства въ искусствѣ, она его направила на болѣе серьезное отношеніе къ музыкѣ, въ область композиторства, и вотъ они оба, углубляясь въ самую его суть, дошли до изобрѣтенія музыки будущаго, до Вагнера (М-ше Вагнеръ и М-ше Оливье, дочери Листа). Это изъ Веймара пошла „музыка будущаго“¹⁾... Я провелъ мѣсяцевъ пять-шесть въ Веймарѣ, все это время жилъ у Листа и обѣдалъ у княгини Витгенштейнъ... Листъ былъ, дѣйствительно, въ высшей степени замѣчательная личность. Собственно виртуозную карьеру свою онъ окончилъ лѣтъ сорока; затѣмъ лѣтъ 70-ти онъ опять принялся за виртуозность, но уже тутъ производили впечатлѣніе болѣе его духовный санъ, ниспадающія пряди

¹⁾ Настоящій родоначальникъ „музыки будущаго“ былъ Бехеръ въ Вѣнѣ, весьма извѣстный въ свое время музыкальный критикъ, но такой композиторъ что про него думали, что онъ сочиняетъ въ припадкахъ сумашествія; тамъ же, въ Вѣнѣ, онъ и погибъ: Бехеръ былъ разстрѣлянъ во время революціи 1849-го года.

сѣдыхъ волосѣхъ, его старость... Кажется, въ 1871 году, Листъ, по приглашенію, прибылъ въ Вѣну. Я былъ тамъ и дирижировалъ въ одномъ изъ концертовъ, данныхъ по случаю его пріѣзда. Мы встрѣтились какъ самые старые друзья, искренно другъ къ другу расположенные. Я зналъ въ немъ недостатки, нѣкоторую напыщенность, но всегда въ немъ цѣнилъ величайшаго исполнителя, — да, виртуоза-исполнителя, не творца, не сочинителя... Меня, впрочемъ, съѣдать за это мнѣніе....

Пріѣхалъ я тогда въ Европу, дабы проявить себя, какъ сочинитель, какъ композиторъ... Въ Германіи, въ то время, при ея безъ малаго четырехъ десяткахъ дворовъ, было хорошо для развитія интеллигенціи... Каждый дворъ соперничалъ другъ съ другомъ въ покровительствѣ наукамъ, художествамъ и искусствамъ... Университеты разныхъ германскихъ государствъ соревновали въ привлеченіи къ себѣ свѣтилъ въ области науки. Вообще интеллигенція, ея упроченіе и развитіе несравненно выше стояли въ раздробленной Германіи, нежели какъ это стоитъ въ ней теперь, когда Германія стянута желѣзнымъ кольцомъ—въ одно большое государство.... И насколько смѣшна была раздробленная до 1871-го года политически Германія, съ ея высокопарными мечтами, настолько высоко стояла она въ области развитія духа, и развитіе идетъ вообще несравненно сильнѣе въ государствахъ маленькихъ. Чтѣ была Италія до объединенія и чтѣ она нынѣ? И что, впрочемъ, подготовило политическую силу Германіи и ея теперешнее единство, которое, однако, уже тяжело придавило дальнѣйшій ростъ ея интеллигенціи.

За - границей, въ 1854 — 1855 гг., я посѣтилъ не только Германію, но и Лондонъ, и Парижъ; вездѣ концертировалъ...

Въ бытность въ Вѣнѣ, въ 1855 г., я написалъ въ одномъ музыкальномъ журналѣ статью о положеніи музыки въ Россіи; въ этой статьѣ я съ благоговѣніемъ говорилъ о М. И. Глинкѣ, превознесъ его до небесъ, сравнивалъ его съ Бетховеномъ и проч., но другимъ отъ меня досталось, досталось этому невѣжественному диллетантизму, помѣщичьему и чиновничьему, который тогда только и царилъ въ русской музыкѣ, за исключеніемъ великаго творца русской оперы М. И. Глинки. . Написаніе статьи этой, впрочемъ, съ моей стороны была порядочная глупость, хотя я въ этомъ не раскаиваюсь, какъ вообще не имѣю привычки раскаиваться въ тѣхъ глупостяхъ, которыя, случилось, дѣлалъ... И досталось же мнѣ за эту статью

въ отечествѣ. Цѣлыя лавины обрушились на меня брани; всѣ эти русскіе непризнанные мною (за исключеніемъ Глинки) диллетанты-сочинители и любители до того озлобились на меня, что хотѣли меня преслѣдовать чуть ли даже ни судебнымъ или полицейскимъ порядкомъ. Ужъ не помню, кто меня тогда спасъ; кажется, великая княгиня Елена Павловна за меня вступилась... Но что было для меня удивительно, это то, что на меня разсердился М. И. Глинка. Я былъ знакомъ съ нимъ въ Петербургѣ, всегда его высоко почиталъ и онъ ко мнѣ относился весьма любезно... Но на этотъ разъ онъ былъ въ Берлинѣ, больной, раздражительный; я его посѣтилъ тамъ... Принялъ онъ меня сухо и осыпалъ укоризнами и наставленіями за ту именно статью, въ которой о его творествѣ и дарованіи я говорилъ не только съ большимъ уваженіемъ, но восторженно... Такъ я его и оставилъ въ нерасположеніи ко мнѣ, сказавъ предъ уходомъ, что „я всего менѣе ожидалъ отъ него укоризны, такъ какъ его я всегда почиталъ и почитаю, и его творчеству отдаю полную справедливость“.

Впослѣдствіи мнѣ удалось доказать мое сочувствіе къ творцу „Жизни за Царя“—не на словахъ, а на дѣлѣ: по моему почину начата была подписка на памятникъ ему: я далъ въ пользу этого прекраснаго дѣла концертъ и сборъ съ него легъ въ основаніе подписки; могу безъ похвалы сказать, что безъ меня Богъ вѣсть когда бы и исполнилось это дѣло ¹⁾). Это не помѣшало, впрочемъ, распорядителямъ, при открытіи памятника, пригласить меня общюю лишь повѣстью.

Въ Москвѣ, въ 1856 г., въ августѣ и сентябрѣ, пробылъ я недѣли три. Въ ряду общихъ празднествъ, по случаю коронаванія императора Александра II, было нѣсколько концертовъ у великой княгини Елены Павловны... На нихъ бывалъ императоръ Александръ II... Спокойный государь не являлъ, впрочемъ, большаго расположенія къ музыкѣ; на домашнихъ, такъ сказать, концертахъ во дворцѣ или у великихъ княгинь Елены Павловны или Маріи Николаевны Александръ Николаевичъ обыкновенно въ сосѣдней комнатѣ игралъ свою обычную партію въ карты и появленіе его въ концертной комнатѣ, чрезъ которую онъ обыкновенно проходилъ, почти всегда обозначало время окончанія концерта... Весьма рѣдко

¹⁾ См. объ этомъ концертѣ нашу замѣтку въ «Русской Старинѣ», изд. 1863 г., т. XXXVIII, 484.

скажетъ онъ нѣсколько похвалъ тому или другому исполнителю музыкальному или сценическому артисту... Надо и то сказать, что покойный государь былъ озабоченъ вопросами величайшей важности для блага всего нашего дорогого отечества, ему было не до музыки; тѣмъ не менѣе, и по отношенію къ ней, его царствованіе было блестящею эрою: общій режимъ его управленія—вызвать къ самодѣтельности русское общество, вдохнуть въ него жизнь освобожденіемъ его отъ крѣпостныхъ и всякихъ иныхъ путъ, дотолѣ его связывавшихъ, сдѣлало то, что и для музыкальнаго искусства въ Россіи царствованіе Александра II было вполне свѣтлою эпохою...

Послѣ коронаціонныхъ дней вдовствовавшая императрица Александра Ѳеодоровна и великая княгиня Елена Павловна отправились въ Ниццу. Я получилъ также приглашеніе отъ великой княгини провести тамъ нѣкоторое время съ ея дворомъ. Былъ я по прежнему при ней, какъ самъ себя шутя называлъ, ея „музыкантомъ-истопникомъ...“

Прелестное это было время зима 1856—1857 гг., проведенная въ Ниццѣ! Императрица Александра Ѳеодоровна, сокрушенная потерей мужа и всею тягостью исхода Крымской войны, тѣмъ не менѣе любила, чтобы вокругъ нея молодежь веселилась, и навѣщали ее многіе изъ членовъ августѣйшей семьи: въ Ниццу пріѣзжалъ в. к. Константинъ Николаевичъ; здѣсь проводили недѣли вел. кн. Николай и Михаилъ Николаевичи, была большая свита, припоминаю въ ея составѣ гр. Матвѣя Віельгорскаго, адъютанта Апраксина и другихъ. Шуткамъ и веселью не было конца... Однажды, напр., вздумали устроить шутивную серенаду дабы позабавить императрицу. Всѣ облачились въ маски и явились съ тѣми музыкальными инструментами, на которыхъ именно не играли; напр. Віельгорскій съ контрбасомъ, я съ литаврами, великіе князья также разобрали почуднѣйшіе инструменты — и таковой оркестръ, всѣ въ маскахъ, явился въ комнаты государыни... При первыхъ звукахъ дикой музыки императрица нѣсколько испугалась, но потомъ много смѣялась и шутила по поводу этой затѣи... Государыня Александра Ѳеодоровна была вообще очень добрая и въ обхожденіи очаровательная... Денегъ въ Ниццѣ дворецъ не жалѣлъ; самъ король сардинскій, Викторъ Эмануиль, пріѣзжалъ сюда неоднократно и дѣлалъ всевозможное, чтобы его августѣйшія гости не скучали; участникъ Крымской войны, въ союзѣ

съ врагами Россіи, онъ теперь, по окончаніи войны, всячески старался изгладить о себѣ дурныя воспоминанія въ сердцѣ августѣйшей вдовы императора Николая Павловича... Тогда же довелось мнѣ увидѣть и познакомиться съ Кавуромъ, создателемъ единой Италіи... Вообще пребываніе наше въ сезонъ 1856 — 1857 гг. въ Ниццѣ было чрезвычайно пріятно. Посѣтители изъ Россіи такъ и не переводились здѣсь; великая княгиня Елена Павловна даже купила виллу... Много играли, пѣли, музыки вообще было болѣе, чѣмъ достаточно; много и часто бесѣдовали о ея положеніи въ нашемъ отечествѣ. Великая княгиня Елена Павловна, съ обычною ей отзывчивостью, живо интересовалась этимъ вопросомъ; участникомъ этихъ бесѣдъ были гр. Матвѣй Віельгорскій, я и другіе, принадлежавшіе тогда къ ея обществу... Толковали много. Всѣ мы признавали, что положеніе музыкальнаго искусства въ Россіи весьма печально; всѣ мы, и прежде всѣхъ великая княгиня Елена Павловна, единодушно полагали, что надо что нибудь сдѣлать, по возвращеніи въ Петербургъ, для музыкальнаго образованія русскаго общества, и вотъ тогда, подъ чуднымъ небомъ Италіи, въ Ниццѣ, назрѣла мысль объ основаніи въ Петербургѣ Русскаго Музыкальнаго Общества... Въ 1857 году великая княгиня возвратилась въ Петербургъ; я, посѣтивъ Парижъ и Лондонъ, также возвратился въ Россію.

IX.

Вас. Алексѣевичъ Кологривовъ.—Основаніе въ С.-Петербургѣ «Русскаго Музыкальнаго общества», нынѣ «Императорскаго». — Что навело меня на мысль объ установленіи званія «свободнаго художника» въ области музыки.—Сторонники и противники Русскаго Музыкальнаго общества.—А. Н. Сѣровъ.—Первые концерты Русскаго музыкальнаго общества.—Новое направленіе музыкальнаго образованія въ Россіи.

1858 — 1859.

Въ Петербургѣ энергическимъ дѣятелемъ при осуществленіи нашей мысли объ учрежденіи Музыкальнаго общества явился Кологривовъ, хорошо мнѣ извѣстный еще съ 1852 года; тульскій помѣщикъ, нѣкоторое время въ какомъ-то вѣдомствѣ гражданскій чиновникъ, затѣмъ жившій въ отставкѣ, Вас. Алексѣев. Кологривовъ хорошо игралъ на віолончели и былъ страстный поклонникъ искусства въ области музыки... Первоначально онъ было

попытался призвать къ жизни русскую оперную труппу. Примкнулъ какъ-то къ театру, но Павелъ Степановичъ Ѳедоровъ однажды оборвалъ его при всѣхъ и Кологривовъ махнулъ рукой на театръ и оставилъ свою попытку... Прекрасная, во всѣхъ отношеніяхъ благородная, личность Кологривова мало освѣщена въ нашей печати, мало извѣстна и теперь почти вовсе забыта. Скажу болѣе: Кологривовъ и при жизни мало былъ оцѣненъ... Полный несокрушимой энергіи, человѣкъ почина, инициативы, онъ предался дѣлу учрежденія и организаціи музыкальнаго общества со всѣмъ пыломъ своей души, съ фанатизмомъ, доходившимъ до грубости... Онъ вербовалъ въ Общество все и всѣхъ; онъ захватывалъ чуть не на улицахъ; толковалъ, объяснялъ, привлекалъ; изыскивалъ средства,—словомъ, работалъ для Общества какъ при его основаніи, такъ и въ первые годы по его учрежденіи для его упроченія и развитія. Кологривовъ трудился съ полнымъ самоотверженіемъ, забывая личные интересы, жертвуя матеріальными своими средствами; уложилъ въ это дѣло все и умеръ совершеннымъ бѣднякомъ. Его вдова, вполне достойная женщина, нынѣ еще трудомъ зарабатываетъ кусокъ хлѣба, служа музыкальною дамою въ институтѣ въ Кіевѣ...¹⁾ Вообще, повторяю, память Кологривова заслуживаетъ глубокой признательности за труды, положенные имъ при основаніи и упроченіи Музыкальнаго Общества и затѣмъ Консерваторіи, какъ въ С.-Петербургѣ, такъ въ Москвѣ и въ Кіевѣ... Враговъ возникающаго дѣла, какъ это ни странно, но было множество: враги попадались чуть не на каждой улицѣ столицы; вооружались

¹⁾ Мужъ мой, пишетъ намъ изъ Кіева г-жа Кологривова, отъ 10-го октября 1889 г., выносилъ въ теченіи своей дѣятельности множество неприятностей и борьбы; эти неприятности были какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ... Удачи доставались тяжело и надо было имѣть его добрый и всепрощающій характеръ, чтобы вынести все то, что онъ вынесъ. По крайней мѣрѣ, онъ имѣлъ подъ конецъ жизни утѣшеніе, что дѣтище его петербургское стоитъ твердо, а кіевское училище, которое положительно не могло болѣе существовать за неимѣніемъ средствъ, онъ поднялъ его и также поставилъ на твердую почву... Матеріалы къ біографіи моего мужа имѣются у Андроника Михайловича Климченко, который очень любилъ мужа и зналъ все касающееся его дѣятельности*.

Съ своей стороны замѣтимъ, что «Русская Старина» съ особымъ удовольствіемъ готова будетъ помѣстить все, что послужитъ къ характеристикѣ личности и дѣятельности покойнаго В. А. Кологривова, сослужившаго добрую службу въ укрѣпленію и развитію музыкальнаго образованія въ Россіи и столь справедливо оцѣненнаго А. Г. Рубинштейномъ. Ред.

противъ музыкальнаго общества, говорили, кричали, писали и печатали. Нападали въ новомъ дѣлѣ на все, нападали даже на дерзость нашу: какъ-де смѣть именовать „Музыкальное общество“ — русскимъ... И не будь просвѣщенной защиты великой княгини Елены Павловны и энергіи Кологривова, дѣло не могло бы стать такъ быстро и прочно... Надо, впрочемъ, сказать, что мы дѣйствовали осторожно. Такъ, напримѣръ, хорошо зная, какая воловита по всевозможнымъ канцеляріямъ предстояла бы, если бы вздумали мы сунуться за разрѣшеніемъ и добиваться утвержденія новаго устава Общества, — такъ какъ въ воздухѣ еще живы были вѣянія Николаевской эпохи, когда основаніе какихъ либо обществъ было до крайности затруднено, мы вспомнили, что при Придворной пѣвческой капеллѣ, съ 1840-хъ годовъ, существовалъ разрѣшенный правительствомъ кружокъ любителей музыки и давались симфоническіе концерты; тамъ въ старыя годы бывалъ порядочный оркестръ, которымъ дирижировалъ старикъ Луи Мауреръ. Дѣятельность этого кружка уже нѣсколько лѣтъ какъ совершенно прекратилась. И вотъ мы вздумали кружокъ воскресить и воспользоваться готовымъ его уставомъ... И такъ, мы просили не болѣе, какъ продолжать дѣло, нѣкогда уже разрѣшенное: пѣть и играть и для этого собираться... — „Ну, что-жь, хотите пѣть и играть—пойте и играйте, на это уже дано вамъ было разрѣшеніе“, — такъ отвѣчали намъ; такъ и возникло на старыхъ какъ будто основаніяхъ и подъ видомъ будто бы возродившагося лишь кружка любителей-симфонистовъ совершенно новое „Русское Музыкальное Общество“. нынѣ носящее титулъ „Императорскаго“.

Въ стѣнахъ Михайловскаго дворца возникли музыкальныя классы, которые и были предтечею явившейся въ 1862-мъ году с.-петербургской консерваторіи. Въ томъ-же дворцѣ быстро составился вполне хорошій хоръ изъ любителей и любительницъ... Въ музыкальныхъ классахъ читались лекціи: Лешетицкій былъ профессоръ игры на фортепiano, Ниссенъ-Саломонъ — пѣнію, Венявскій — скрипкѣ и проч.; я себя назначилъ директоромъ возникавшей консерваторіи; концерты давались безпрерывно, чуть не ежедневно и все для собранія средствъ на это учрежденіе; одушевленіе и соревнованіе были всеобщія...

Но роды новыхъ музыкальныхъ учрежденій были туги, весьма

туги.... Музыкальное искусство—было у насъ въ печальномъ состояніи: русскихъ артистовъ-музыкантовъ, такъ сказать артистовъ цеховыхъ, вовсе не было; были, какъ я уже говорилъ, любители, были меценаты музыки, — была масса любителей итальянской оперы, были помѣщики и чиновники-меломаны, но музыкантовъ-артистовъ, повторяю, цеховаго въ этомъ отношеніи народа—вовсе не было... И вотъ мы—первые зачинщики и заводчики Кологривовъ и вашъ поворнѣйшій слуга—остановились на мысли непременно создать такое на Руси учрежденіе, изъ котораго выходили бы музыканты съ дипломомъ свободного художника музыканта, подобно тому, какъ академія художествъ выпускаетъ изъ своихъ нѣдръ „свободныхъ художниковъ“—живописцевъ, скульпторовъ, архитекторовъ и проч.

Кстати, расскажу вамъ по этому поводу какой, совершенно, повидимому, ничтожный случай заронилъ мнѣ впервые мысль вызвать къ жизни и дать положеніе въ русскомъ обществѣ званію музыкальнаго-художника, артиста, именно, чтобы это званіе само по себѣ, безъ придачи званія помѣщика, чиновника, купца и т. п., давало положеніе въ обществѣ и могло бы наполнять всю суть жизни художника-музыканта.

Вотъ чтò со мною случилось.

Какъ-то (въ 1850-хъ годахъ) я говѣлъ и пошелъ исповѣдываться въ Казанскій соборъ. Послѣ исповѣди подхожу къ столу для записи своей фамиліи въ исповѣдную книгу. Дьяконъ меня спрашиваетъ:

— „Фамилія ваша, чинъ и званіе?“

„Рубинштейнъ—артистъ“.

— „Что-же это вы въ театрѣ служите?“

Я говорю—нѣтъ.

— „А! можетъ быть вы въ какомъ институтѣ обучаете?“

Я говорю—нѣтъ.

Дьяконъ въ недоумѣніи, да и я въ недоумѣніи, помолчали оба.— „Да я артистъ-музыкантъ“

— „Такъ, понимаю; да вы на службѣ?“ допытывается дьяконъ.

„Я повторяю вамъ, что нѣтъ, не служу“.

— „Да кто же вы такой? какъ записать-то васъ?“ И этотъ допросъ продолжался нѣсколько минутъ. Не знаю чѣмъ бы онъ кончился, только дьякону пришла мысль спросить меня: „да кто

же, позвольте узнать, будетъ вашъ родитель, родитель кто будетъ?”

Я говорю: купецъ второй гильдіи.

— „Ну вотъ теперъ и знаемъ кто вы, обрадовался отецъ дьяконъ: вы, стало быть, сынъ купца второй гильдіи, такъ это мы и запишемъ“.

Этотъ пытливый допросъ и это опредѣленіе моего общественнаго положенія произвели на меня сильное и неизгладимое впечатлѣніе: было очевидно, что въ Россіи не существовало художника-музыканта, артиста,—какъ званіе, всѣми признанное, опредѣляющее его профессію, все положеніе въ обществѣ чловѣка, трудящагося и нерѣдко всю жизнь посвятившаго своему искусству, музыкѣ, и ею поддерживающаго и себя и свою семью... Были архитекторы, живописцы, актеры-артисты, скульпторы, но не было артистовъ-музыкантовъ... И въ самомъ дѣлѣ: кто былъ тогда на Руси М. И. Глинка?—помѣщикъ, дворянинъ Смоленской губерніи: А. Н. Сѣровъ—чиновникъ почтамтскаго вѣдомства..., словомъ всѣ занимавшіеся музыкой, не только какъ исполнители музыканты, но и тѣ, которые являлись творцами въ этомъ искусствѣ—были или дворяне, или чиновники на службѣ, при театрѣ-ли, на педагогическомъ-ли поприщѣ, въ казенныхъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и т. п.

Неужели же на Руси невозможно самобытное положеніе музыканта-артиста, художника-музыканта—какъ званіе чловѣка?

Дьяконъ Казанскаго собора вызвалъ во мнѣ мысль по этому поводу, задалъ мнѣ задачу и вотъ нѣсколько лѣтъ спустя Кологривовъ и я—мы рѣшили эту задачу. Консерваторіи въ Россіи создали изъ своихъ воспитанниковъ и воспитанницъ—цѣлый новый слой русскихъ гражданъ и гражданоевъ—носящихъ званіе „свободныхъ художниковъ“ (въ области музыки)... То, что болѣе ста лѣтъ тому назадъ было сдѣлано для художниковъ-живописцевъ и друг., а еще ранѣе, по мысли и почину Сумарокова, основателя русскаго театра, сдѣлано для русскихъ актеровъ и актрисъ, то явилось въ 1860-хъ гг. для русскихъ артистовъ-музыкантовъ—обоего пола...

Да, Вас. Алексѣев. Кологривовъ была крупная, исключительная въ своемъ родѣ личность и по энергіи, и по той страсти по чина и любви въ музыкальному дѣлу, которая его одушевляла... Такихъ людей вообще мало въ русскомъ обществѣ, вмѣсто людей

съ починомъ, инициаторовъ, которые толкаютъ все и вся къ единой, ими намѣченной цѣли—теперь я ихъ и вовсе не вижу... Отличный музыкантъ, человѣкъ весьма образованный, прекрасно знавшій Европу и ея музыкальныя сферы—Кологривовъ, между прочимъ, выдвинулъ и поддержалъ И. Х. Пиколя и І. А. Вейкмана—этихъ нынѣ славныхъ стариковъ,—являющихся столпами оркестра... Эти всѣ, равно какъ и Карлъ Богдановичъ Шубертъ, незабвенный А. И. Фицтумъ (инспекторъ студентовъ въ университетѣ), Лавониусъ, Скордули (его дочь—извѣстная въ свое время пѣвица), Шустовъ, сынъ архитектора,—были всѣ кружка Кологривова... Весь этотъ кружокъ состоялъ изъ людей, которые дышали музыкой, она для нихъ была альфой и омегой ихъ существованія... Теперь такихъ людей нѣтъ!

Настоящее время, конечно, во многомъ лучше (я говорю о музыкальномъ мірѣ) времени 1859—1860-хъ годовъ; искусство разлилось весьма широко въ обществѣ, освѣтило и вовлекло въ свою область множество лицъ, но той теплой любви къ искусству, какая проникала насъ,—увы, теперь нѣтъ...

Выше я уже говорилъ о томъ всеобщемъ одушевленіи, какое охватило всѣхъ, принимавшихъ, подъ покровительство великой княгини Елены Павловны, горячее участіе въ основаніи русскаго музыкальнаго общества и первыхъ музыкальныхъ классовъ въ ея дворцѣ... Лучшія музыкальныя силы того времени, бывшія въ Петербургѣ, отдали тогда свой трудъ и время почти даромъ, только-бы положить основаніе прекрасному дѣлу: Ник. Ив. Заремба, Лешетицкій, Ниссенъ-Саломонъ, Венявскій и друг. брали бывало (въ 1858—1860 гг.), въ нашихъ музыкальныхъ классахъ въ Михайловскомъ дворцѣ, по рублю лишь за урокъ. Просто невѣроятное дѣло! Толпы учениковъ и ученицъ всѣхъ положеній, средствъ и возрастовъ быстро наполнили эти классы... Все это жаждало музыки, музыкальнаго высшаго образованія... Составились оркестры, хоры... Великая княгиня интересовалась дѣломъ живѣйшимъ образомъ, посѣщала классы, давала необходимыя средства, словомъ являла покровительство не одною ласкою и платоническимъ вниманіемъ, но и вещественно, матеріально... Да, послѣ того времени—меценатство уже не простирается до поддержки дѣла деньгами, а деньги, увы,—главный нервъ всего дѣла...

Во главѣ музыкальнаго общества явились я, гр. Матвѣй Віельгорскій, В. А. Кологривовъ, Дм. Вас. Стасовъ, Д. В. Каншинъ... Послѣдній собирался составить какое-то особое общество любителей музыки въ Петербургѣ, но мы, чтобы не дробились силы, въ видахъ единенія въ дѣйствіяхъ, пригласили его въ наше общество; онъ вошелъ въ него, обѣщая привлечь до сотни лицъ со средствами; это сдѣлать ему не удалось, но онъ лично былъ все-таки вполне полезнымъ нашимъ сочленомъ...

Всѣ мы, вожаки и наши сторонники, посѣтили нѣсколькихъ богатыхъ людей въ Петербургѣ, приглашая ихъ помочь нашему дѣлу, и въ первый-же годъ было собрано не Богъ вѣсть что, но все же нѣсколько тысячъ руб. Мы точно славили Христа, разбѣзжая по домамъ и собирая деньги; были у вн. Юсупова, Бенардаки, Василя Ѳеодуловича Громова и нѣсколькихъ другихъ; кто давалъ—100, 300, даже по 500 руб. Нѣкоторыя изъ дамъ высшаго общества особенно горячо потрудились при основаніи нашей консерваторіи. Софія Яковлевна Веригина (супруга члена государственнаго совѣта А. И. Веригина) собрала однажды по подписному листу до 3,000 руб.; Юлія Ѳеодоровна Абаза, рожденная Штуббе, завѣдывала скромною кассой нашихъ музыкальныхъ классовъ; княгиня Елизавета Витгенштейнъ, рожденная Эйлеръ, по рублямъ бывало собирала на наше дѣло деньги. Словомъ, одушевленія и энергіи было много, но не мало было и сопротивленія... Оно гнѣздилося во многихъ официальныхъ сферахъ. Напр., рассказывали, что директоръ капеллы Алексѣй Ѳеодоровичъ Л*** грозилъ подчиненнымъ ему пѣвчимъ отставкой, если кто изъ нихъ дерзнетъ въ посту участвовать въ нашихъ концертахъ; возникла „бесплатная школа“, также въ видахъ протеста противъ насъ, въ видахъ противодѣйствія: у васъ-де—берутъ за обученіе деньги, милости просимъ къ намъ, мы это же дѣлаемъ бесплатно! А. Н. Сѣровъ громилъ насъ всюду, на всѣхъ перекресткахъ и въ печати... не стѣсняясь ничѣмъ.—„Это-де цѣховой педантизмъ, это-де все нѣмцы!“—декламировалъ онъ всюду, гдѣ только могъ,—и все это изъ-за того, что его не пригласили въ русское музыкальное общество быть директоромъ и вообще не дали никакого положенія... Ѳеофилъ Толстой (писавшій подъ псевдонимомъ—Ростиславъ) также былъ въ величайшемъ гнѣвѣ; всѣ хотѣли играть роли, но откуда ихъ было взять

для нихъ? Впослѣдствіи, когда мы поняли подвладку ихъ нападковъ, мы стали создавать для противниковъ нашего дѣла роли; учреждали въ русскомъ музыкальномъ обществѣ разные комитеты, напр. по разсмотрѣнію музыкальныхъ сочиненій,—по составленію программъ и т. п. Крикуновъ приглашали въ члены этихъ комитетовъ и такъ постепенно умиротворяли страсти и личныя самолюбія...

Кстати о Сѣровѣ. Это была, несомнѣнно, даровитая личность, въ особенности въ немъ было очень много пониманія сцены и всѣхъ сценическихъ условій; было какое-то чутье, и въ дѣлѣ созданія оперъ онъ могъ-бы пойти весьма далеко; но, къ сожалѣнію, недостатокъ эстетическаго образованія сказывался въ немъ весьма замѣтно; въ немъ мало было чувства изящнаго, въ его твореніяхъ было много грубаго... Не знаю, какихъ цѣлей онъ добивался въ искусствѣ, по крайней мѣрѣ, въ молодости, но вѣрно то, что онъ былъ сѣдаемъ вполне болѣзненнымъ самолюбіемъ и честолюбіемъ... Ему хотѣлось всюду первенствовать—и подъ гнетомъ этого чувства Богъ вѣсть чего только онъ ни писалъ въ своихъ статьяхъ о музыкѣ, до чего только ни договаривался онъ на своихъ лекціяхъ объ искусствѣ. Доходило до того, что онъ возставалъ противъ музыкальныхъ школъ... Изъ громадной массы его писаній я весьма мало что читалъ, но и это не многое поражало меня своими абсурдами... Этотъ замѣчательный человѣкъ не рѣдко просто доходилъ до крайности, онъ рѣшительно не зналъ иногда, что дѣлаетъ—договариваясь Богъ вѣсть до чего, отрицая напр. пользу консерваторій и вообще музыкальнаго образованія въ школахъ...

Концерты въ первые три года существованія Русскаго Музыкальнаго общества были даваемы въ домѣ Елисеѣва, у Полицейскаго моста, гдѣ нынѣ Благородное собраніе. Публика собиралось много, т. е. около 900 челов., зала не вмѣщала болѣе. Концерты имѣли полный успѣхъ. Одну изъ ихъ особенностей составляли программы, печатавшіяся съ біографическими подробностями о тѣхъ композиторахъ, произведенія которыхъ выполнялись на нашихъ концертахъ...

Все пошло хорошо, но все это было ничтожно противъ чрезвычайно важныхъ послѣдствій: явилось постепенно, подъ вліяніемъ дѣятельности русскаго музыкальнаго общества, полное

преобразование въ обученіи музыкѣ во всемъ русскомъ обществѣ, во всѣхъ институтахъ, общественныхъ учрежденіяхъ, въ семействахъ... Дотогѣ музыка, въ большинствѣ случаевъ для молодежи ограничивавшаяся бряцаніемъ на фортепіано для поздравленія мамыши съ папашей или въ честь какой либо начальницы, уступила мѣсто серьезному отношенію къ дѣлу музыкальнаго образованія... Теперь, какъ извѣстно, во всѣхъ школахъ и институтахъ — совершенно серьезно смотрятъ на это весьма важное дѣло въ общемъ ходѣ развитія учащихся; питомцы петербургской консерваторіи и по образцу ея явившихся учреждений въ нѣсколькихъ городахъ нашего отечества свершили полный переворотъ въ дѣлѣ музыкальнаго образованія въ Россіи.. Много сдѣлано въ Москвѣ, подѣ руководствомъ покойнаго Николая Григорьевича и его достойныхъ преемниковъ. Тамъ при началѣ дѣла держались моего совѣта, который я далъ Н. Г.: „скорѣе, скорѣе собери какъ можно болѣе членовъ, организуй отдѣленіе музыкальнаго общества и дѣйствуй бодро и энергично“. И онъ дѣйствовалъ тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, что въ Москвѣ не было конкуренціи и многіе были весьма отзывчивы на его призывъ въ дѣлу упроченія музыкальнаго образованія.

Х.

Музыкальные классы въ Михайловскомъ дворцѣ.—Учащіе и учащіяся.—Музыкальная школа.—Консерваторія.—Первые ея, по времени, профессора и первые выпуски ея учениковъ и ученицъ. — Отношенія въ консерваторіи общества и его требованія.—Заслуги консерваторіи предъ Россіей.

1859 — 1868.

Между тѣмъ въ Петербургѣ „музыкальные классы“ Михайловскаго дворца стали перерождаться въ консерваторію... Явился уставъ, явилось учрежденіе... Тутъ произошелъ одинъ смѣшной случай... Время было кваснаго патріотизма... Пишемъ уставъ, надо избѣгать иностранныхъ словъ, ну какъ консерваторію называть консерваторіей! Никакъ невозможно! Слово совершенно иностранное. Назвали Музыкальной школой. Профессора опять слово иностранное, назовемъ—преподавателями. Назвали. Уставъ представленъ, уставъ утвержденъ (1862 г.) Чтоже вышло?

Профессоръ на Руси — это своего рода чинъ, положеніе довольно высокое, значительное; преподаватель—это уже гораздо мельче. Итакъ мы сами себя поурѣзали, гоняясь за выраженіями русскими. Уже гораздо позже, послѣ кончины великой княгини Елены Павловны († 1873), когда дѣло консерваторіи и музыкальнаго общества принялъ подъ свое покровительство великій князь Константинъ Николаевичъ—пересмотрѣнъ былъ уставъ „Музыкальной школы“—она сдѣлалась и по имени консерваторією, съ профессорами.

Я былъ ея первымъ директоромъ (съ 1862 по 1 сентября 1867 г.); А. А. Герке, Ѳ. О. Лешетницкій, Дрейшокъ, К. Ю. Давыдовъ, г-жа Генриета Ниссенъ-Саломонъ, Г. Ѳ. Венявскій, К. Б. Шубертъ, П. Л. Петерсенъ, І. А. Вейкманъ, Альбертъ Цабель, Чарди, Н. И. Заремба, А. И. Виллуанъ, Луфтъ, Меддорфъ, И. К. Воячекъ, Кавалини, Фереро, Репетто, К. К. фанъ-Аркъ, Г. Г. Кроссъ (съ 1867 г.), Зейфертъ, А. И. Рубецъ (съ 1867 г.), Югансенъ (тоже), Черни и друг. славные дѣятели въ области музыкальнаго искусства въ Россіи вошли въ первую по времени въ Россіи консерваторію какъ профессора, а нѣкоторые изъ нихъ какъ адъюнты.

И что за превосходные, что за даровитые артисты-музыканты и знатоки музыкальнаго искусства явились въ первыхъ выпускахъ нашей консерваторіи: П. И. Чайковскій, Ив. Осип. Рыбасовъ (†), Ларошъ (1866), Е. А. Лавровская, А. Н. Есипова, М. В. Терминская, С. А. Малоземова (нынѣ преподавательница въ консерваторіи), Н. А. Ирицкая, О. Ѳ. Минквицъ, В. А. Тиманова (хотя короткое время, но она также была въ петербургской консерваторіи и изъ нея переѣхала въ Берлинъ), Луи Альбрехтъ, А. Л. Спасская (основательница музыкальной школы въ Вильнѣ, хорошая также музыкантша), Конст. Пушиловъ, Василий Салинъ (скрипки), Луи Гоммиліусъ (органистъ), Ив. Макаровъ, Г. Г. Кроссъ (†)—(Кроссъ и Чайковскій—перваго выпуска 1865 г., получили медали); К. К. Зики, Н. А. Губертъ, г-жа Щетинина, г. Альтани, г-жи Логинова, Тарновская, Клеммъ, А. А. Хвостова, Соболевская, Турчанинова, Скордули, А. И. Рубецъ, Соловьевъ, И. Дм. Пановъ и многіе другіе (выпуски 1865—1868 гг.). Конечно, это обиліе талантовъ въ рядахъ первыхъ выпусковъ объясняется и

тѣмъ, что русское общество выслало, въ началѣ 1860-хъ гг., изъ своей среды лучшія назрѣвшія силы въ число учениковъ и ученицъ консерваторіи, каковое учрежденіе такъ долго оно ждало... А число учащихся въ консерваторіи, дѣйствительно, все росло, да росло... Къ концу моего перваго въ ней директорства учениковъ и ученицъ насчитывалось до 200; позднѣе — оно дошло до 700 лицъ обоего пола, и это, по моему мнѣнію, было уже большою ошибкою! Консерваторія должна была, такъ сказать, вырасти въ вышину, а она раздалась въ ширь и стала музыкальной фабрикой. И теперь, когда я, послѣ длиннаго ряда годовъ, вновь опять директоромъ—я всѣ силы употребляю, чтобы ее изъ фабрики обратить въ художественную мастерскую, и я не теряю надежды на успѣхъ...

Обращаясь ко времени основанія въ Петербургѣ консерваторіи, передамъ нѣсколько чертъ, характеризующихъ отношенія тогдашняго общества къ небывалому на Руси учрежденію. Многія изъ нашихъ барынь поражены были прежде всего тѣмъ, что это заведеніе для музыкальнаго образованія является вполне русскимъ... „М-г Рубинштейнъ, говоритъ мнѣ бывало великосвѣтская дама, — представляя свою юницу дочь, и говоритъ, разумѣется, по французски: — я вамъ привела мою дочь, надѣюсь, что она здѣсь усвоитъ себѣ музыкальное образованіе и не забудетъ иностранныхъ языковъ“...

— Да вѣдь у насъ все преподаваніе идетъ на языкѣ русскомъ.

— „Какъ, недоумѣваетъ барыня, — музыка на языкѣ русскомъ... Вотъ это оригинально“!

И дѣйствительно, напр., являлось оригинальнымъ, что у насъ въ консерваторіи впервые въ Россіи началось преподаваніе теоріи музыки на языкѣ русскомъ. Профессоръ Н. И. Заремба, протестантъ, отчасти фанатикъ въ дѣлѣ религіозномъ, но отличный профессоръ теоріи музыки, преподавалъ ее на языкѣ русскомъ. До него, кто желалъ ознакомиться съ теоріей музыки, долженъ былъ обращаться къ иностранцамъ, либо ѣхать въ Германію... Заремба былъ золотой человѣкъ для консерваторіи и прекрасно зналъ свое дѣло...

Многіе въ публикѣ смотрѣли на возникшее наше учрежденіе, какъ на мѣсто удобное въ особенности для слабоумныхъ дѣтей. — „Господинъ директоръ, — говорили мнѣ нѣкоторые сердо-

больныя маменьки, приводя своихъ полудіотовъ сыновей: „этого мальчика уволили изъ такого-то и такого-то заведенія по слабости здоровья (разумѣлось, нерѣдко, по неспособности и малоуспѣшности); куда мнѣ его дѣть? я и придумала отдать его къ вамъ, въ консерваторію; у васъ и полегче ему будетъ, и наукамъ онъ обучится, да и къ музыкѣ, можетъ быть, осязается способнымъ“!

Ну вотъ, что бывало прикажете дѣлать съ такими барынями! Насилу бывало втолкуешь имъ, что и въ консерваторіи нужны ученики и ученицы способные, прилежные, здоровые физически и душевно...

Введеніе у насъ преподаванія научныхъ предметовъ, въ паралель съ музыкой, также подавало поводъ нѣкоторымъ расчетливымъ родителямъ опредѣлять къ намъ своихъ птенцовъ только потому, что они одновременно обучатся и тому и другому,—что-де это и обойдется гораздо дешевле... Впослѣдствіи, когда консерваторія дала льготу перваго разряда по отношенію къ воинской повинности, подобно тому, какъ то дано академіи художествъ, бывали молодые люди, которые вовсе не по призванію къ искусству, а единственно дабы выхватить съ дипломомъ льготу перваго разряда (служба въ такихъ случаяхъ была всего одно-лѣтняя — вмѣсто четырехъ-лѣтней), укрывались подъ гостепримную сѣнь консерваторіи. Конечно, это были случаи не частые, но бывали... и во всемъ этомъ весьма мало было музыкальнаго! Быстрый ростъ числа учащихся обоюга пола въ консерваторіи имѣлъ также свои существенные недостатки; консерваторія раздалась въ ширину, въ особенности во время моего отсутствія изъ этого учрежденія... При Н. И. Зарембѣ, Мих. Пав. Азапчевскомъ и друг. сдѣлано было весьма много хорошаго, но и было не мало промаховъ... хотя бы, напр., относительная легкость полученія дипломовъ учащимися, изъ которыхъ,—говоря про мужчинъ, — нѣкоторые не были одушевлены любовью къ искусству, да и не имѣли къ нему призванія, а просто добивались диплома въ видахъ освобожденія или облегченія для себя отбыванія воинской повинности... Повторяю, во всемъ этомъ было мало музыкальнаго... Введеніе преподаванія научныхъ предметовъ въ консерваторіи было также, можно сказать, ошибкою: консерваторія—должна быть вполне музыкальнымъ университетомъ,

сюда должны поступать лица съ надлежащею научною подготовкою, здѣсь не должно быть приготовительныхъ классовъ...

Во всякомъ случаѣ, консерваторіи въ нашемъ отечествѣ сослужили превосходную службу: онѣ разлили по всему лицу Россіи свѣтъ музыкальнаго образованія; при этомъ одна уже петербургская консерваторія, не говоря о московской и о музыкальныхъ школахъ Кіева, Харькова, Саратова, Тифлиса, Одессы,—нынѣ даже въ Омскѣ таковая имѣется, — одна петербургская консерваторія дала Россіи цѣлый рядъ чрезвычайно сильныхъ талантовъ въ области музыкальнаго искусства; назову хотя слѣдующихъ: бывшаго правовѣда Чайковскаго—по музыкальнымъ сочиненіямъ гениальнаго художника, дошедшаго до своего апогея и сдѣлавшагося, какъ художникъ-писатель въ области музыки, достояніемъ всей Европы, между тѣмъ какъ ему едвали еще есть 50 лѣтъ ¹⁾; г-жу Лавровскую—по пѣнію, г-жу Есипову — піанистку, покойнаго Губерта—по теоріи музыки (онъ былъ преемникъ Николая Григорьевича Рубинштейна—въ званіи директора московской консерваторіи), Красса—піаниста и бывшаго профессоромъ въ слб. консерваторіи; Германъ Августовичъ Ларошъ, человекъ весьма образованный, прекрасно владѣющій перомъ какъ музыкальный критикъ и знающій теорію музыки въ такомъ совершенствѣ, какъ весьма не многіе профессора ее знаютъ, при томъ отличный преподаватель—онъ былъ профессоромъ въ московской консерваторіи; г. Альтани—замѣчательный капельмейстеръ, и мног. другіе; отличныхъ преподавателей и преподавательницъ, выпущенныхъ консерваторіей, можно насчитывать, за 25 лѣтъ ея существованія, нѣсколько десятковъ... Впрочемъ, относительно пѣнія, кто лучше, кто хуже учитель пѣнія—сказать трудно: это какъ докторъ: самый лучший можетъ уморить, такъ точно и въ пѣніи — самая лучшая преподавательница или профессоръ могутъ испортить, а не усовершенствовать свою ученицу...

¹⁾ Петръ Ильичъ Чайковскій род. 25-го апрѣля 1840 г., кончилъ курсъ въ Императорскомъ училищѣ правовѣднія въ Спб., въ 1859 г., и нѣкоторое время состоялъ на службѣ въ департаментѣ Мин. Юстиціи. Ред.

ХІ.

Оставленіе консерваторіи. — Мои концерты. — Артистическое путешествіе по Америкѣ.—Венявскій.—Степень музыкальности у различныхъ народовъ.

1867 — 1872.

Въ сентябрѣ 1867 года я оставилъ консерваторію, такъ какъ разошелся во взглядахъ съ нѣкоторыми ея профессорами на самую суть и цѣль преподаванія; притомъ я, дѣйствительно, человекъ темперамента пылаго, да и крутъ; я горячо все беру въ сердце, потому что горячо люблю самое дѣло...

Какъ въ бытность въ консерваторіи, такъ и послѣ во всю жизнь я продолжалъ давать частые концерты. Давалъ ихъ повсюду въ Европѣ, во всѣхъ главнѣйшихъ центрахъ цивилизаціи; не довелось быть только въ Румыніи, да въ Греціи и, конечно, въ Турціи... Относительно благотворительныхъ концертовъ довелось давать ихъ также не мало ¹⁾; но тутъ замѣчу одну особенность нашего русскаго общества. Здѣсь, т. е. въ Россіи, вообще часто доводилось мнѣ давать концерты въ пользу учащихся и притомъ всевозможныхъ высшихъ, специальныхъ, даже среднихъ учебныхъ заведеній, между тѣмъ ни одного разу не довелось этого дѣлать за предѣлами Россіи, и не пришлось потому, что съ такими просьбами не обращались ко мнѣ... Тамъ, за границей, когда давалъ я концерты съ благотворительною цѣлью, то это обыкновенно было въ пользу бѣдныхъ обывателей того или другаго города, либо по случаю какого либо мѣстнаго бѣдствія, въ пользу пострадавшихъ отъ него, либо въ пользу фонда артистовъ и т. п., но въ пользу учащихся ни въ Германіи, ни въ другихъ странахъ, кромѣ Россіи, нигдѣ меня никогда не просили играть. Это

¹⁾ Нѣкоторые изъ друзей А. Г. Рубинштейна намъ сообщили интересную справку: по приблизительному, но довольно вѣрному расчету, Антономъ Григорьевичемъ собрано только въ Россіи, и лишь со времени основанія консерваторіи, т. е. менѣе чѣмъ въ 28 лѣтъ — 300,000 руб. съ благотворительныхъ его концертовъ и отдано имъ на добрыя цѣли и учрежденія или въ пользу бѣдныхъ. Также много потрудился для добраго дѣла и братъ его Николай Григорьевичъ († 1881 г.): въ теченіе, напр., одной зимы 1877 — 1878 гг., его субботними и воскресными концертами въ Москвѣ и окрестныхъ городахъ выручена П. Г. сумма въ 32,000 руб. въ пользу «Краснаго Креста». Ред.

тѣмъ болѣе удивительнъ, что напр. университетское образованіе за границей обходится весьма дорого... Этого отсутствія за границей концертовъ въ пользу учащихся я себѣ никакъ не могу объяснить, между тѣмъ у насъ въ отечествѣ мнѣ доводилось часто участвовать въ концертахъ или даже давать ихъ именно съ этою доброю цѣлью...

Въ 1872 году я вмѣстѣ съ скрипачемъ покойнымъ Генрихомъ Венявскимъ принялъ приглашеніе одного антрепренера сдѣлать артистическое путешествіе по Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки¹⁾. До меня въ Америкѣ изъ русскихъ музыкантовъ были только кн. Юрій Голицынъ и Славянскій-Агреновъ. Договоръ американца со мною былъ заключенъ въ Вѣнѣ, при посредствѣ адвоката Жака. Въ мою пользу было выговорено 200,000 франковъ вознагражденія, половина суммы была тогда же положена антрепренеромъ въ банкъ...

По договору антрепренеръ не имѣлъ меня право везти въ южные штаты, вообще весь маршрутъ былъ въ точности обусловленъ договоромъ, юридически вполне оформленнымъ. На извѣстное время я поступилъ въ полное распоряженіе антрепренера... Ну ужъ и не дай Богъ никогда поступать въ такую кабалу! Здѣсь уже нѣтъ мѣста искусству,—это чисто фабричная работа, обращаешься въ какой-то автоматическій инструментъ; артистъ теряетъ свое достоинство, онъ пропадаетъ...

Въ теченіи восьми мѣсяцевъ пребыванія моего въ Америкѣ, при чемъ мы объѣхали Соединенные Штаты вплоть до Новаго Орлеана, дальше не были, я 215 разъ выходилъ на эстраду... Случалось, да и не рѣдко, два-три раза въ день давали мы концерты, и все въ разныхъ городахъ... Успѣхъ и сборы были всегда полны, но все это настолько тяжело, что я просто сталъ презирать и себя и искусство; все время былъ собой недоволенъ, такъ что когда, нѣсколько лѣтъ спустя, мнѣ было сдѣлано предложеніе повторить мой объѣздъ Америки, причемъ предлагали гонораръ въ

¹⁾ Генрихъ Венявскій былъ, безспорно, первый въ тѣ годы скрипачъ,—ничего подобнаго нигдѣ не было; его игра производила громаднй эффектъ; чловѣкъ онъ былъ остроумный, забавный, но болѣзненный... Въ Америкѣ однако вовсе не хворалъ; за свой артистическій вояжъ въ Новый свѣтъ онъ получалъ 100 т. франковъ. Умеръ отъ водяной, въ Москвѣ. А. Р.

полмилліона марокъ за это музыкальное путешествіе, я на отрѣзъ отказался... Какъ курьезъ отмѣчу: контрактъ выполнялся такъ строго и точно, что покойный Венявскій, человѣкъ вообще нервный и въ бытность свою въ оркестрѣ Большаго театра въ Петербургѣ, да и въ консерваторіи профессоромъ, часто не являвшійся по слабости здоровья, тутъ, въ Америкѣ, волея-неволей нашель въ себѣ настолько силы, что ни единога раза не проманкировалъ и постоянно являлся съ своею волшебною скрипкою на эстраду, да и немудрено: за неявку, по контракту, на него падалъ штрафъ въ 1,000 франковъ!

Зарботокъ въ Америкѣ положилъ основаніе моему матеріальному обезпеченію. До тѣхъ поръ его не было; только послѣ Америки я успѣшилъ приобрѣсти недвижимость — дачу въ Петергофѣ... Съ 1865-го года я женатъ, но дѣлалъ свои путешествія всегда одинъ.

Во время моихъ путешествій — весь досугъ, какой выдавался, посвящаль я либо на чтеніе, либо на композиторскую дѣятельность; часто писалъ по-нѣмецки, либо по-французски (оп. «Неронъ»), но потому на иностранныхъ языкахъ, что съ трудомъ добывалъ русскаго либреттиста, да и постановка на отечественной сценѣ новыхъ оперъ вообще бываетъ значительно позднѣе, чѣмъ на иностр. сценахъ; для либретто „Демона“ я обратился къ профессору Дерптскаго университета П. А. Висковатову... либретто для оперы „Горюша“ написалъ мнѣ Дмитрій Вас. Аверкіевъ...

Кстати, относительно музыкальности тѣхъ или другихъ народовъ скажу, что хотя повсюду въ Германіи преобладаетъ въ настоящее время особаго рода патріотизмъ, что-де и чортъ не брать нѣмцу, а вмѣстѣ съ тѣмъ существуетъ въ нихъ какавто не то пѣтизмъ, не то мистицизмъ, да и вся мощь и сила германцевъ нынѣ, увы, въ штыкахъ и единствѣ, что для культуры ножъ острый, тѣмъ не менѣе Германія, все-таки, по моему мнѣнію, остается самою „музыкальною“ въ свѣтѣ націею. Да вотъ какъ: если взять счетъ понимающихъ музыку процентами на 100, то число нѣмцевъ равняется 50%, французовъ — 16%, англичане (самая немзыкальная часть всего человѣческаго рода) — 2%. Даже американцы гораздо болѣе англичанъ понимаютъ и любятъ музыку... Говорю это съ полнымъ безпристрастіемъ, ибо въ Англійи я всегда находилъ лично для себя самый радушный пріемъ... При всемъ ихъ во

миѣ радушіи, долженъ откровенно сказать, что въ музыкѣ они ничего не чувствуютъ и ничего въ ней не понимаютъ... Этого, однако, не пишите, а то сыны Альбіона на меня весьма разгнѣваются... Въ Америкѣ все-таки чуть-чуть больше музыки, чѣмъ въ Англии... Собственно же музыка существуетъ только въ Германіи—именно музыка высокая; во Франціи есть одинъ лишь отдѣлъ въ области музыки, который идетъ превосходно и весьма цѣнится, но это все не то, что въ Германіи,—какъ можно! Истинное пониманіе высшихъ музыкальныхъ произведеній нигдѣ, кромѣ Германіи. Русскіе съ своими прекрасными народными мелодіями стоятъ особнякомъ... Русская мелодія, дѣйствительно, чудная! Только Швеція и Норвегія имѣютъ еще такія очаровательныя мелодіи; впрочемъ я не распространяюсь о музыкальности русскаго народа, такъ какъ меня, какъ русскаго, заподозрять въ невольномъ пристрастіи къ своему отечеству.

Въ общемъ же, при нынѣшнемъ въ Европѣ преобладаніи бисмарковщины съ одной стороны, вагнеровщины съ другой, когда всѣ идеалы стали верхъ ногами,—для музыки—я говорю о музыкальномъ творествѣ—положительно насталъ критическій моментъ! Знаніе техники сдѣлало гигантскіе шаги, но собственно музыкальное творчество, повторяю, кончилось... Съ послѣдними дивными звуками Шопена оно умерло или обмерло,—на долго-ли, не знаю! Въ данное время, въ области музыкальнаго творчества, по моему миѣнію, повторяется то же явленіе, что было въ искусствѣ живописи: въ XV, XVI, даже въ XVII-мъ столѣтіяхъ—оно стояло чрезвычайно высоко; въ XVIII-мъ живопись стала падать, дошла до ничтожества и вотъ лишь только теперь начинаетъ возрождаться... Этотъ временный застой явился и для музыкальнаго творчества... Когда оно выйдетъ изъ него и въ какомъ видѣ выйдетъ—этого никто не знаетъ, но вѣрно то, что все, чѣмъ мы въ ней восторгались, что любили, уважали, предъ чѣмъ преклонялись и чему удивлялись—это съ Шопеномъ кончилось...

XII.

Мои статьи о музыкѣ и музыкальныя, въ различныхъ родахъ, произведенія.— Историческіе концерты въ столицахъ главныхъ городовъ Европы.— Вторичное вступленіе директоромъ въ консерваторію.—Записки и проекты.—Вопросъ о реформахъ въ организаціи музыкальнаго дѣла въ Россіи, какъ одного изъ сильныхъ средствъ для образованія народа.

1852 — 1889.

Обращаясь къ моей дѣятельности, какъ писателя въ области музыки, вспоминаю, что въ № 1-мъ газеты „Вѣкъ“—предпринятой въ 1860 г. покойными В. П. Безобразовымъ, А. В. Дружининымъ и К. Д. Кавелинымъ, а также нынѣ здравствующимъ П. И. Вейнбергомъ, я помѣстилъ статью о „Музыкѣ въ Россіи“,—именно о диллетантизмѣ въ музыкѣ; при этомъ я рѣзко возставалъ противъ этихъ любителей-диллетантовъ, отъ которыхъ кромѣ вреда для музыкальнаго дѣла въ Россіи ничего не видѣлъ... Статья вновь вызвала бурю противъ меня, новая лавина нападковъ на меня обрушилась, но и теперь, 30 лѣтъ спустя, остаюсь при тѣхъ-же взглядахъ, какіе высказалъ въ той статьѣ. Надо впрочемъ сказать, что тотъ диллетантизмъ, противъ котораго я выступилъ до учрежденія консерваторіи, уже теперь не имѣетъ прежняго вреднаго значенія въ русскомъ обществѣ, но тогда онъ былъ на первомъ планѣ. Во всякомъ случаѣ, статья 1860 г. теперь уже не имѣетъ никакого значенія.

За перо, однако, я брался для написанія статей объ искусствѣ весьма рѣдко: такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, написалъ по-нѣмецки статью (она имѣется и въ русскомъ переводѣ) относительно духовныхъ оперъ или ораторій¹⁾, а другую (въ лейпцигскомъ журналѣ „Signal“) по поводу сдѣланнаго мнѣ предложенія взять на себя редакцію изданія музыкальныхъ классиковъ; таковое изданіе весьма важно уже потому, что оно легло-бы основою въ дѣлѣ общаго усвоенія тѣхъ или другихъ музыкальныхъ терминовъ и понятій... Въ послѣдніе годы мнѣ принадлежатъ проектъ новаго устава консерваторіи и всѣ тѣ записки, къ

¹⁾ Письмо А. Г. Рубинштейна о «духовной оперѣ»: («Geistliche Oper»). Сборникъ Левинскаго, изданный въ Берлинѣ, подъ названіемъ: «Vor den Kulissen» (Изъ-за кулисъ).
Ред.

ней и къ музыкальному въ Россіи искусству относящіяся, изъ которыхъ одна, я надѣюсь, получитъ установленный ходъ... Вотъ то немногое, что я писалъ; будущій мой біографъ не получитъ и моей корреспонденціи, такъ какъ ея почти не было: переписываться терпѣть не могу, такъ какъ врагъ всякаго письма.

Времени написанія тѣхъ или другихъ моихъ оперъ—вполнѣ точно я не помню, судить же о времени написанія по тѣмъ годамъ, когда онѣ ставились на сцену, нельзя, такъ какъ нерѣдко представленіе шло значительно позже времени написанія ихъ. Тѣмъ не менѣе, я помню, что оперы: „Оомка дурачекъ“—была написана мною въ 1852 г., „Демонъ“ въ 1871 году; нѣсколько лѣтъ тому назадъ эта послѣдняя опера перешла уже за сотое представленіе, но съ тѣхъ поръ шла-ли пять разъ—не знаю; съ своей стороны, я къ дирекціи никогда не обращался, да и не обращаюсь съ просьбами или хотя напоминаніями о постановкѣ того или другаго изъ моихъ сочиненій. Пусть дѣлаютъ какъ хотятъ. Почему, напр., снимали съ репертуара мою оперу „Купецъ Калашниковъ“—я рѣшительно не знаю; для меня весьма пріятно, что эта опера весьма понравилась и была одобрена свыше и, по желанію высшей власти, вновь была поставлена на сцену; но почему, вопреки этого одобренія, послѣ двухъ-трехъ представленій, опять снята—рѣшительно недоумѣваю; между тѣмъ какъ сборы эта опера давала полные, слѣдовательно публикѣ очевидно опера весьма нравилась...

Опера „Маккавей“—писана мною въ 1873—1875 гг., шла же она на сценѣ въ Петербургѣ впервые только въ 1877-мъ году... Гораздо ранѣе былъ поставленъ мой „Неронъ“ въ Гамбургѣ.—Далѣе идутъ мои комическія оперы: „У Разбойниковъ“, „Попугай“—1885-го года....

Не могу похвалиться, чтобы оперы мои встрѣчали со стороны дирекціи отечественнаго театра радушіе; бывало довольно часто, что дирекція вовсе игнорировала мои произведенія, между тѣмъ за рубежомъ родной земли приемъ былъ очень, очень радуженъ... Да и въ послѣдніе годы у насъ „Демона“ даютъ весьма рѣдко; „Маккавей“—не даютъ¹⁾; „Калашникова“ вовсе

¹⁾ Любопытный фактъ—когда нѣкогда, по представленію г. Лукашевича, покойный гр. А—гъ согласился, наконецъ, разрѣшить постановку „Маккавей“, то его сѣнательство положило такую резолюцію: «дать можно, но отнюдь на новыя декораціи и костюмы ничего не тратить».

сняли... Если оказывается самое доброе вниманіе въ моимъ произведеніямъ въ официальномъ мірѣ, такъ это только свыше... Быть можетъ, я ошибаюсь, но въ основѣ нерасположенія дирекціи къ моимъ операмъ лежитъ нерасположеніе не ко мнѣ лично, а къ консерваторіи... Впрочемъ, я никогда не имѣлъ объясненій съ директорами театровъ, такъ какъ эти лица все же смѣняющіеся; въ личныхъ сношеніяхъ они весьма любезны... Надо и то сказать, что положеніе директора театровъ не только въ Россіи, но и повсюду очень, очень трудное и если меня спросятъ: какой постъ, по моему мнѣнію, труднѣе—министра иностранныхъ дѣлъ или директора театровъ, я скажу—последній постъ несравненно труднѣе...

Ораторіи или духовныя оперы „Потерянный Рай“ и „Вавилонская башня“ написаны весьма давно, а именно первая изъ этихъ ораторій уже въ 1854-мъ году была готова, а вторая, по времени написанія, относится къ 1870-му году. Къ этому роду произведеній принадлежитъ «Моисей»—четыре картины.

Большая часть моихъ симфоній безъ названій, наиболѣе изъ нихъ извѣстны—„Океанъ“, „Драматическая“, № 5—„Русская“, всего вается до шести симфоній. Музыкальныя картины: „Іоаннъ Грозный“,—„Донъ-Кихотъ“ и „Фаустъ“; баллада „Леонора“... „Эроика“ посвящена памяти М. Д. Свобелева, рукопись подарена мною въ музей Боголюбова, въ Саратовъ... Къ раннимъ произведеніямъ моимъ относятся музыкальныя иллюстраціи къ баснямъ Крылова: „Оселя и Соловей“,—„Кукушка и Орелъ“,—„Стрекоза и Муравей“,—„Ворона и Лисица“,—„Царнасъ“—„Квартетъ“... и друг. Къ послѣднимъ, по времени написанія, принадлежатъ оперы „Суламиѳъ“, да вотъ теперъ—„Горюша“... Романсовъ на текстъ лучшихъ нашихъ поэтовъ написано много, а сколько и какіе—не помню, всѣ они переименованы въ каталогахъ... ¹⁾.

Въ сезонъ 1885—1886 гг. я привелъ въ исполненіе мысль, которую давно лелѣялъ: мнѣ хотѣлось, какъ окончаніе моей виртуозной карьеры, представить въ рядѣ концертовъ въ главнѣйшихъ центрахъ Европы, такъ сказать, наглядную исторію посте-

¹⁾ См. въ этой книгѣ «Русской Старины» «Лѣтопись», въ которой перечислены многія произведенія А. Г. Рубинштейна и указано время появленія ихъ въ печати или на сценѣ.

пеннаго развитія фортепіанной музыки. И мнѣ удалось цѣликомъ осуществить эту мысль; до меня бывали лекціи по исторіи музыки, но историческихъ концертовъ, въ такихъ, по крайнѣй мѣрѣ, размѣрахъ, какъ я предпринялъ, дѣйствительно не было.

Я далъ по семи историческихъ концертовъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, Лондонѣ, Парижѣ и Лейпцигѣ; по три таковыхъ же концертовъ въ Дрезденѣ и Брюсселѣ; при этомъ въ первыхъ семи городахъ каждый историческій концертъ давалъ я вдвойнѣ, т. е. каждый концертный вечеръ повторялъ именно одинъ для публики, и на другой день тотъ же концертъ для учащихся въ области музыкальнаго искусства; на тѣхъ и другіе концерты слушателей набиралась масса... Дѣло казалось, дѣйствительно, невѣроятнымъ: напр., два вечера я играю въ Петербургѣ, затѣмъ сряду же два вечера въ Москвѣ, возвращаюсь въ Петербургъ и вновь даю сряду два концертныхъ вечера, и т. д., итого по 14 концертовъ въ каждомъ изъ этихъ городовъ. Приемомъ публики и вообще успѣхомъ повсюду я вполне былъ доволенъ; на физическое утомленіе я никакъ не могу жаловаться, я его не испытывалъ ¹⁾; не могу жаловаться и на мою память—многое изъ того, что я игралъ на этихъ концертахъ, изучалъ я съ самаго моего дѣтства... На изученіе остальнаго, что я игралъ впервые, и довольно много, мнѣ оказалось достаточно одного лѣта... Нивакого на концертахъ моихъ суфлера не было, не бываетъ, да таковой едвали и возможенъ... Что касается до матеріальной стороны дѣла, то все устройство этихъ концертовъ было взято на себя особымъ агентомъ изъ Берлина г. Вольфомъ, за опредѣленный % изъ чистаго сбора. Я, такъ сказать, приѣзжалъ прямо на эстраду, не зная никакихъ заботъ и хлопотъ... Это чрезвычайно удобно. Въ Россіи у насъ только теперь для музыкальнаго дѣла устраиваются агентства. Въ Петербургѣ Павелъ Леонтьевичъ Петерсенъ, въ Москвѣ г. Юргенсонъ берутъ нынѣ на себя всѣ хлопоты для освобожденія отъ нихъ артистовъ при устройствѣ ими концертовъ.. Кстати замѣчу: Павлу

¹⁾ Великій нашъ пѣвнень и композиторъ, — скажемъ мы отъ себя, — не обнаружилъ при этомъ гигантскомъ дѣлѣ, имъ совершенномъ, ни малѣйшаго утомленія или ослабленія музыкальной памяти, а потому и сѣтованіе его на якобы обнаруживающееся у него съ 50-ти лѣтъ ослабленіе музыкальной памяти, слава Богу, совершенно преждевременно. См. выше въ этой книгѣ стр. 524.

Леонтьевичу исключительно принадлежит превосходная фортепианная фабрика Беккера. Всѣ толки о томъ, будто я вложилъ въ это дѣло свои сбереженія, совершенно неосновательны....

Въ началѣ 1887 года я опять сталъ во главѣ Петербургской консерваторіи и тогда же, въ мартѣ, внесъ въ Русское Музыкальное Общество записку объ устройствѣ общедоступныхъ спектаклей и концертовъ, дабы дать возможность, съ одной стороны, творческимъ силамъ новыхъ русскихъ художниковъ выступать съ своими произведеніями, а съ другой—публикѣ пользоваться и наслаждаться тѣми музыкальными дарованіями, которыя выдвигаются изъ нашихъ русскихъ консерваторій ¹⁾.. Къ тому же 1887 году относится мой проектъ новаго устава консерваторіи... Онъ получилъ надлежащее движеніе...

Положеніе музыкальнаго искусства въ Россіи и возможно лучшее устройство музыкальнаго въ ней воспитанія—меня весьма озабочиваютъ. По этому поводу мною составлена довольно обширная записка....

Совершенно необходимо, чтобы наши консерваторіи были приняты въ непосредственное вѣдѣніе правительства. Подобно тому, какъ университеты, разныя спеціальныя академіи (напр. художествъ), и вообще всѣ высшія учебныя заведенія вѣдаются правительствомъ, такъ и консерваторіи должны войти въ разрядъ прямо правительственныхъ учреждений.. Для ихъ учрежденія и организаціи былъ весьма полезенъ починъ и энергія частныхъ обществъ; но послѣ тридцати-лѣтняго существованія консерваторій—нѣтъ основанія, чтобы эти высшіе расадники музыкальнаго образованія оставались бы внѣ непосредственнаго вѣдѣнія правительства. Отъ таковаго перехода изъ частныхъ рукъ, хотя бы и изъ обществъ, въ завѣдываніе правительства—можно ждать только лучшаго для упроченія и для развитія консерваторій... Затѣмъ всѣ музыкальныя школы, безъ изъятія, должны быть, въ силу закона, поставлены въ тѣсную связь и подчиненность къ консерваторіямъ, онѣ должны готовить для нихъ контингентъ учащихся. Консерваторіи желательны во всѣхъ главнѣйшихъ центрахъ Россіи,—каковы Петербургъ, Москва, Тифлисъ, Рига, Варшава, Кіевъ, Одесса, даже Омскъ,—чѣмъ ихъ будетъ больше, тѣмъ будетъ лучше,

¹⁾ Записку эту смотри далѣе въ приложеніи къ «Лѣтописямъ».

но крайне желательно, дабы правительство непременно содержало, въ ряду государственныхъ учреждений,—не менѣ двухъ консерваторій—одну на сѣверѣ, другую на югѣ; на сѣверѣ для музыки, на югѣ для пѣнія; надо же пользоваться и климатическими условіями нашего юга для высшаго обученія пѣвцовъ и пѣвицъ...

Правительство, принявъ въ непосредственное свое вѣдѣніе развитіе музыкальнаго искусства въ Россіи,—дѣло въ высшей степени важное въ общемъ развитіи народа, — какъ мнѣ кажется, должно озаботиться, дабы, по возможности, въ каждомъ губернскомъ городѣ была бы опера. При матеріальной и нравственной поддержкѣ правительства чрезъ посредство, напр., начальника въ губерніи, и вообще какъ мѣстной, такъ и высшей центральной власти, это далеко не такъ трудно, какъ представляется съ перваго взгляда; что же касается до музыкальных исполнителей, то въ теченіи болѣе четверти вѣка консерваторіи въ столицахъ и музыкальныя школы въ нѣкоторыхъ изъ губернскихъ городовъ (Харьковъ, Кіевъ, Саратовъ, Тифлисъ и др.) подготовили ихъ настолько въ значительномъ числѣ, что уже теперь имъ негдѣ примѣнить то искусство, которое усвоили себѣ питомцы этихъ музыкальныхъ учреждений—нерѣдко долготѣнимъ и усерднымъ трудомъ; а при развитіи консерваторій, подъ эгиду правительства, число музыкальныхъ исполнителей быстро станетъ увеличиваться... Итакъ, артистическихъ силъ для нѣсколькихъ десятковъ оперныхъ провинціальныхъ труппъ будетъ вполне достаточно...

Наше провинціальное общество, какъ всѣмъ извѣстно, утопаетъ въ картежной игрѣ, низшій классъ погрязъ въ пьянствѣ, всѣ слои населенія—въ невѣжествѣ; не надо, однако, быть пророкомъ, чтобы предвидѣть въ высокой степени благотѣльное вліяніе, каковое произведутъ оперные спектакли, заботливо, разъ навсегда прочно, поставленные въ провинціи... Какой, съ теченіемъ времени, проявится значительный подъемъ нравственныхъ силъ всего русскаго общества, а затѣмъ и народныхъ массъ, чего правительство не можетъ не желать, ибо всѣми своими мѣропріятіями ведетъ или должно вести къ той же цѣли... Съ другой стороны, существованіе въ провинціи оперныхъ театровъ дастъ исходъ и примѣненіе тѣмъ артистически-музыкальнымъ силамъ страны, каковыя готовятъ и будутъ готовить наши консерваторіи (правительственныя) и музыкальныя (част-

ныя) школы.... Мы выйдемъ, наконецъ, изъ жалкаго настоящаго, когда на всю Россію имѣются лишь двѣ оперы—въ Петербургѣ, да въ Москвѣ, если же появляются частныя, оперныя антрепризы въ провинціи, то таковыя обыкновенно весьма скоро лопаются, — несомнѣнно выйдемъ, если правительство возьметъ все это дѣло въ свои руки.

Удивительное дѣло, даже въ столицахъ хотя и имѣются у насъ оперные театры, но всего лишь по одному. Мыслимо-ли при одномъ театрѣ удовлетворять и справедливыя требованія отечественнаго искусства, т. е. ставить оперы русскаго творчества, и въ то же время, въ угоду публикѣ, повторять однѣ и тѣ же иностранныя оперы, да ставить еще балеты! Да и для иностранныхъ оперъ—но первоклассныхъ старинныхъ мастеровъ—при одномъ театрѣ тоже почти никогда не сыщется ни мѣста, ни времени... И вотъ, Моцартъ, Мейерберъ и друг. великіе композиторы остаются у насъ цѣлыми годами внѣ репертуара...

Все это, очевидно, явленіе не нормальное...

Обращаясь къ провинціи, скажу, что въ число обязанностей начальниковъ губерній и областей должны быть непременно включены заботы объ устройствѣ мѣстныхъ театровъ, объ упроченіи и развитіи оперныхъ спектаклей, общедоступныхъ концертовъ, о музыкальномъ развитіи массъ.... И я вѣрю, обрати правительство на это вниманіе, преподай надлежащія указанія губернаторамъ, предводителямъ дворянства, городскимъ главамъ, поощри ихъ усердіе—дѣло пойдетъ, непременно пойдетъ.... Въ государствѣ монархическомъ, гдѣ режимъ и авторитетъ власти, какъ у насъ, весьма сильны, гдѣ на правительствѣ лежитъ не только право, но и святой долгъ, въ дѣлѣ развитія культуры массъ, идти впереди народа, — правительство не можетъ не обратить самаго серьезнаго вниманія на упроченіе и развитіе музыкальныхъ учреждений и музыкальнаго въ Россіи образованія.

Далѣе. Во всей массѣ у насъ, на Руси, учебныхъ заведеній высшихъ, среднихъ, низшихъ, — каковаго бы типа и вѣдомства они ни были, должны быть непременно введены музыкальные классы, и не то, чтобы ребятишки или взрослые юноши и дѣвочки умѣли бы распѣвать свѣтскія или духовныя мелодіи, но чтобы знали они основныя правила музыкальнаго искусства, знали бы какъ предметъ обязательный, что чрезвычайно важно... Пусть посмотрятъ, какъ это идетъ въ Германіи, либо въ Америкѣ... Я не требую лиш-

нихъ затѣй, не нахожу напр. нужнымъ, чтобы изъ школьниковъ малолѣтокъ составлялись бы цѣлые оркестры, какъ напр. я это видѣлъ въ одномъ изъ учебныхъ заведеній въ Петербургѣ; участіе въ такихъ оркестрахъ требуетъ отъ ребятъ много времени, но пусть обучаютъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, — въ ряду обязательныхъ предметовъ, — элементарной теоріи музыки, чтобы каждый и каждая изъ учащихся совершенно изучили, еще въ стѣнахъ учебнаго заведенія, такъ сказать, азбуку музыкальнаго дѣла. Повѣрьте, это дастъ самые благотворные плоды. Консерваторіи должны стоять высоко, и только симъ послѣднимъ должно принадлежать право, — послѣ производства строгихъ, серьезныхъ испытаній, выдавать надлежащіе дипломы, подобно тому, какъ это дѣлаютъ университеты и различныя высшія спеціальныя учебныя заведенія... Вотъ это будетъ правильная постановка дѣла! да и весь кадръ преподавателей и преподавательницъ музыки (во всѣхъ разнообразныхъ ея отрасляхъ) долженъ будетъ имѣть отъ консерваторій надлежащіе аттестаты на право обученія музыки въ учебныхъ заведеніяхъ и въ семьяхъ, подобно тому, какъ отъ учителей общеобразовательныхъ предметовъ, какъ въ общественныхъ школахъ, такъ и отъ домашнихъ наставниковъ и наставницъ—требуются надлежащіе дипломы.

Обращаясь къ театрамъ, къ сюжетамъ оперъ, — я вовсе не раздѣляю мнѣнія тѣхъ, которые требуютъ, чтобы то и другое были народными и берутъ это понятіе въ самомъ узкомъ смыслѣ. — Въмѣсто сказовъ, да глупыхъ фарсовъ — давайте въ народномъ театрѣ пьесы Пушкина, Гоголя, Гете, Шекспира и другихъ великихъ писателей, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ! Пусть театръ идетъ не въ хвостѣ невѣжества и глупой забавы; — что за охота мужику платить хотя-бы и 15 коп., чтобы идти смотрѣть того-же пьяницу въ зипунѣ, котораго онъ видитъ въ кабацѣ, но пусть театръ стоитъ выше народа и ведетъ его за собой. На первыхъ порахъ народъ, можетъ быть, найдетъ таковыя пьесы для себя скучными, непонятными, но, будьте увѣрены, скоро оцѣнить ихъ достоинства, устремится въ театры и тогда театръ станетъ дѣйствительно высшимъ образовательнымъ средствомъ народныхъ массъ... У насъ охотно говорятъ и пишутъ обо всемъ этомъ, но не многіе хотятъ искренно уразумѣть важность этого предмета, а тѣмъ болѣе способствовать осуществленію сказаннаго.

Дѣятели 1860-хъ годовъ свершили многое для музыкальнаго образованія въ Россіи. До нихъ—почти ничего не было для музыки; опера русская,—несмотря на созданія гениальнаго Глинки,—была въ полномъ загонѣ; со времени учрежденія „Русскаго музыкальнаго общества“ въ столицѣ нашего отечества и основанія тамъ-же консерваторіи, по Россіи раскинулась сѣть, по крайней мѣрѣ до двадцати отдѣленій музыкальнаго общества, равно музыкальныхъ школь... Итакъ правительство имѣетъ уже предъ собою большія музыкальныя силы и разсадники для ихъ образованія; ему остается только придти къ нимъ серьезно на помощь и взять музыкальное дѣло въ Россіи въ число своихъ государственныхъ заботъ, а консерваторіи и музыкальныя школы поставить въ тѣ же условія, въ какія поставлены относительно министерства народнаго просвѣщенія университеты и гимназіи...

Впрочемъ, обо всемъ вышеизложенномъ я говорю здѣсь лишь мелькомъ; всѣ свои мысли о правильной постановкѣ музыкальныхъ учрежденій и вообще музыкальнаго образованія въ Россіи,—обо всемъ, что необходимо для этого сдѣлать,—я подробно и систематически излагаю въ особой, мною составленной и представленной, запискѣ...

Я твердо вѣрую, что при томъ живомъ интересѣ, каковой въ настоящее время являютъ въ высшихъ правящихъ сферахъ къ высокой задачѣ правительства отвлекать народъ отъ невѣжества и пороковъ, въ которыхъ онъ погрязъ, и вести его путемъ нравственнаго развитія при содѣйствіи искусствъ, между прочимъ,—музыки, возвышающей нравственныя силы массъ, — многія изъ предположеній моихъ будутъ приняты и будутъ даны силы и средства въ проведенію ихъ въ жизнь на благо нашего Отечества и для всеобщаго преуспѣянія многомиллоннаго русскаго народа!

Дай-то Богъ! Я, по крайней мѣрѣ, по совѣсти сказалъ по сему предмету свое слово, вынесенное изъ многолѣтняго опыта, изъ изученія дѣла и изъ чистаго желанія сослужить дорогомому нашему Отечеству, въ мѣрѣ моихъ силъ и знанія, вполне добрую службу.

А. Г. Рубинштейнъ.

Спб. ^{сентябрь} _{октябрь} 1880 г.

АНТОНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ РУБИНШТЕЙНЪ.

Замѣтки къ его биографіи, доктора М. Б. Р—га.

I.

Мнѣ было шестнадцать лѣтъ, когда я, весьма рано потерявшій отца своего, бывшаго врачомъ въ Малороссіи, переѣхалъ въ Москву и въ 1839 году поступилъ въ бывшую тогда имп. медико-хирург. академію, впоследствии слившуюся съ университетомъ. Здѣсь я нашелъ въ средѣ студентовъ двухъ братьевъ Рубинштейнъ; то были родные дяди нынѣ великаго нашего художника-музыканта. Я познакомился съ моими товарищами, а чрезъ нихъ и съ родителями Антона Григорьевича, его братьями и сестрами.

Скажу прежде всего о моихъ товарищахъ по факультету: Эммануилъ Романовичъ Рубинштейнъ былъ замѣчательно умный и образованный человѣкъ; отличный латинистъ, онъ получилъ весьма солидное образованіе, такъ какъ первые университетскіе курсы прошелъ въ Дерптѣ, каковой университетъ, и именно по медицинскому факультету, что видно изъ напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ» Записокъ Н. И. Пирогова, стоялъ въ то время чрезвычайно высоко. Сводный братъ Эммануила, отъ другой матери, Константинъ Рубинштейнъ, мало на него походилъ. Отца ихъ, т. е. дѣда Антона Григорьевича, я не зналъ вовсе; но за то хорошо познакомился съ отцомъ его, Григоріемъ Романовичемъ, негоціантомъ, имѣвшимъ въ то время, когда я сталъ у него бывать, карандашную и булавочную мастерскую. Мастерская эта была довольно значительная, въ ней работало до 70 лицъ, подъ руководствомъ нѣкоего, весьма свѣдущаго, нѣмца Трен.

Григорій Романовичъ Рубинштейнъ былъ человѣкъ съ необыкновенно пріятнымъ характеромъ и счастливою наружностью, привѣтливый, открытый, въ высокой степени гостепріимный; любилъ однако

поиграть въ картишки, для чего частенько отправлялся въ клубъ; эта любовь къ картамъ перешла и къ его сыновьямъ, но А. Г., сколько мнѣ извѣстно, никогда ими не увлекался и далѣе преферанса «по маленькой» — не шель. Хлѣбосолюство въ этой семьѣ было издавна замѣчательное и эта черта также полностью перешла въ характеръ Антона Григорьевича. Григорій Романовичъ былъ человѣкъ вполнѣ образованный, отлично говорилъ по нѣмецки; предки его были, вѣроятно, евреи, самъ онъ, впрочемъ, равно какъ и вся его семья, были исповѣданія православнаго. Отлично владѣя языкомъ нѣмецкимъ, Григорій Романовичъ говорилъ и по французски, хотя значительно хуже.

Супруга его, Калерія Христофоровна, доселѣ здравствующая и живущая въ Одессѣ, была высокая стройная, красивая женщина; она очень хорошо владѣла языками нѣмецкимъ и французскимъ; въ ней виденъ былъ еще немного еврейскій типъ; на языкѣ нѣмецкомъ она и до сихъ поръ ведетъ переписку съ сыномъ. Отличительное свойство ея характера—любовь къ правдѣ: это ходячая истина и это качество она цѣлкомъ передала своимъ дѣтямъ. Всѣмъ извѣстна правдивость Антона Григорьевича.. Калерія Христофоровна вела дѣтей строго, требовала во всемъ правды, трудилась сама въ дѣлѣ ихъ воспитанія и отличалась замѣчательною выдержкою; эта женщина была сама систематичность..

Никогда не забуду одного изъ эпизодовъ, гдѣ предо мною особенно ярко проявилась и строгость, и выдержанность ея слова. Нѣсколько лѣтъ, до самаго окончанія мною курса (1844 годъ), я всегда бывалъ у нихъ по воскресеньямъ; къ обѣду собиралось иногда отъ 20 до 30 знакомыхъ, разныхъ негодантовъ, студентовъ (помню напр. одного изъ нихъ—юриста Виноградскаго).

Вечеромъ, бывало, заложать намъ, по распоряженію хозяина дома, бывшую при его фабрикѣ лошадь въ безрессорную телѣжку, наберется въ нее человѣкъ пять молодежи и мы направляемся съ Ордынки, гдѣ жили Рубинштейны, въ Большой Театръ... Между мальчиками былъ Яковъ Григорьевичъ Рубинштейнъ, преумный, лѣтъ 14, юноша, братъ Антона Григорьевича, преизрядный шалунъ. За какую-то шалость мамаша пригрозила его посѣчь. Мы всѣ, и онъ съ нами, съѣздили въ театръ, вернулись—легли спать, думали угроза забыта! Не тутъ-то было: въ часъ ночи приходитъ мамаша, берегъ шалуна, уводитъ въ другую комнату и даетъ ему десять розогъ.. «Слово должно быть исполнено», говоритъ она при этомъ: «ты напашалилъ, тебѣ сказано—наказаніе, и получай его!» При всемъ томъ, ея безусловная справедливость и нѣж-

ныя заботы о дѣтяхъ дѣлали то, что они безпрѣдѣльно ее любили, обожаютъ и до сихъ поръ... Ежегодно, въ праздникъ Пасхи, Антонъ Григорьевичъ ѣздитъ къ своей матушѣ и проводитъ съ нею дни Свѣтлаго Христова Воскресенья.

Достойно вниманія, что когда въ 1846 году Григорій Романовичъ Рубинштейнъ скончался, оставивъ дѣла въ разстроенномъ положеніи, его вдова ни мало не упала духомъ: она приняла на себя уплату его долговъ, отъ которыхъ могла бы и отказаться, такъ какъ мужъ велъ дѣла на свое имя;—продала для этого все, что только можно было продать, а сама опредѣлилась музыкальною дамою въ одинъ извѣстный въ Москвѣ пансіонъ, дабы воспитать въ немъ свою дочь Софію (старшая ея дочь—Любовь уже была замужемъ) и получавшимся за работкомъ, да при помощи одного добраго знакомаго, продолжала платить мужнины долги; она не желала ни на минуту допустить, чтобы на память ея честнаго мужа пала бы какая-либо тѣнь!

Еще черта для характеристики этой женщины. Пока Антонъ Григорьевичъ былъ холостой, онъ жилъ вмѣстѣ съ матерью въ Петербургѣ. Въ 1865 году онъ женился и ѣдетъ съ женой за границу. Калерія Христофоровна, ко времени ихъ возвращенія, приготовляетъ молодымъ новобрачнымъ ихъ квартиру, ставитъ на столъ все, что нужно, къ часу пріѣзда является даже кипящій самоваръ и все, что необходимо для чая, и затѣмъ мать удаляется на особо нанятую ею для себя квартиру, гдѣ-то въ Дмитровскомъ переулкѣ, и поселяется тамъ, отдѣльно отъ сына.

— «Гдѣ сынъ женатый, тамъ при немъ не должна быть тѣща», говоритъ Калерія Христофоровна, всю жизнь отличавшаяся большимъ тактомъ.

Антонъ Григорьевичъ, какъ я помню, и въ дѣтствѣ былъ мальчикъ вполне серьезный. Мать занималась съ нимъ музыкой чрезвычайно усидчиво; она работала съ нимъ ежедневно, отнюдь не менѣе двухъ часовъ, и это съ самаго ранняго дѣтства! Каждая фальшивая нота или малѣйшее невниманіе дорого обходилось Антону Григорьевичу,—тотчасъ слѣдовало взысканіе ливейкою, да по чемъ ни попало! Такое ужъ было время! Педагогика безъ затрещинъ или розогъ тогда была немыслима.

Его наставникъ, Александръ Ивановичъ Виллуанъ, былъ человекъ благороднѣйшихъ правилъ; обрусѣлый, обмосковившійся французъ, онъ и говорилъ по русски, какъ чистый москвичъ; прекрасно, конечно, владѣлъ и своимъ роднымъ языкомъ; это былъ человекъ образованный и необыкновенно живаго, вспылчиваго темперамента... Своихъ учениковъ, оказывавшихъ дарованіе къ музыкѣ, какъ напр. братья

Рубинштейны, онъ истинно любилъ, какъ своихъ дѣтей, просто обо-жалъ, что не мѣшало, однако, Виллану, при его вспышкахъ, поколачивать своего гениальнаго ученика ¹⁾).

Я даже слышалъ по этому поводу отъ извѣстнаго профессора Бруни, а тотъ, въ свою очередь, отъ профессора-живописи Алексѣя Тарасовича Маркова, слѣдующее: довелось какъ-то Маркову, гдѣ-то за границей, въ началѣ 1840-хъ годовъ, ѣхать на пароходѣ съ Вилланомъ и его воспитанникомъ Антономъ Рубинштейномъ, и вотъ онъ, Марковъ, былъ однажды свидѣтелемъ, какъ вспыльчивый менторъ высѣкъ своего одиннадцатилѣтняго ученика за какую-то дѣтскую провинность. И это было какъ разъ въ тѣ годы, когда нашъ „чудо-виртуозъ“ приводилъ въ восторгъ тысячи посѣтителей его концертовъ, даваемыхъ имъ во всѣхъ центрахъ Еропы...

Старшій братъ его, Яковъ Григорьевичъ, былъ превосходный по характеру человекъ; замѣчательно умный, отличный врачъ, — въ каковомъ званіи онъ служилъ послѣдовательно въ полкахъ лейб-гвардіи — Семеновскомъ, Измайловскомъ и Московскомъ, Яковъ Григорьевичъ отличался замѣчательною гуманностью... Умеръ онъ, къ сожалѣнію, слишкомъ рано, — въ 1863-мъ году, — въ С.-Петербургѣ.

Николая Григорьевича я зналъ съ трехъ-четырехъ лѣтняго возраста, когда тотъ бѣгалъ еще въ рубашенкѣ. Музыкальныя способности его были положительно феноменальны: это несомнѣнный фактъ, что пяти лѣтъ онъ уже сочинялъ пьесы, напр. я помню его кадрили того времени, помню и то, какъ малютка показывалъ своей матери тѣ ошибки въ печатныхъ нотахъ, какія иногда ему попадались! Антонъ Григорьевичъ мнѣ рассказывалъ напр., что братъ его Николай, пятилѣтній малютка, подаль однажды свое сочиненіе матери; — „что это ты, Коля, написалъ?“ спрашиваетъ мать. — „Это Meine Luise, мое настроеніе!“ отвѣчалъ мальчуганъ, который едва еще поднимался съ земли!

Первая, кто указала Калеріи Христофоровнѣ на необходимость взять для ея гениальнаго въ музыкѣ мальчика Антона вполне опытнаго наставника, была родная сестра моя Варвара Богдановна Грюнбергъ, когда она пріѣхала въ Москву съ своею дочерью, а мою племянницу, Юліей Львовной, тогда одиннадцати-лѣтнею дѣвочкою, но уже хорошею піанисткою... А, въ свою очередь, это я сказалъ моей сестрѣ — объ А. И. Вилланѣ, съ которымъ былъ уже тогда знакомъ и бывалъ у него,

¹⁾ Мы имѣли удовольствіе видѣть у Авг. Антоновъ Герке четыре фотографическихъ снимка съ портретовъ А. Г. Рубинштейна начала 1840-хъ годовъ: голова мальчика въ высшей степени характерна, выразительна и симпатична.

познакомившись съ нимъ чрезъ посредство богатаго негоціанта Іосмана, женатаго на родной сестрѣ Виллуана...

Такимъ образомъ, хотя косвенно, но родная сестра моя В. Б. Грюнбергъ († 1869 г.), отрекомендовавъ славнаго учителя, какимъ былъ Виллуанъ, семейству Рубинштейнъ, способствовала быстрому развитію нашего славнаго художника-музыканта...

На первомъ публичномъ концертѣ Антона Григорьевича, 11-го іюля 1839 года, въ театрѣ или въ какомъ-то вокзалѣ (не помню что́ это было за зданіе), въ Петровскомъ паркѣ, подѣ Москвою, — я былъ... Я думаю уже не многіе остались въ живыхъ изъ тѣхъ, которые были на этомъ, вполне достопамятномъ, концертѣ... Какія именно піесы выполнялъ нашъ десятилѣтній артистъ, не помню; но положительно помню, что слезы брызнули у меня, когда я увидалъ тотъ восторгъ, тѣ оваціи, какими сопровождала публика, наполнявшая залу, игру этого ребенка. Зрѣлище было, дѣйствительно, восхитительное... торжество полное; родители Антона Григорьевича тоже очень были обрадованы его столь раннимъ успѣхомъ.

Сестра нашего композитора, Любовь Григорьевна, въ то время была необыкновенная красавица, настоящая Рафаелевская Мадонна, блондинка; она рано вышла замужъ за Якова Исаевича Вейнберга, чело-вѣка съ солиднымъ юридическимъ образованіемъ, роднаго брата извѣстнаго нашего писателя и поэта Петра Исаевича Вейнберга; а младшая сестра, Софія Григорьевна, — получившая отличное образованіе, подобно своимъ братьямъ, вполне причастна музыкѣ: хорошая піанистка, она прекрасно пѣла...

II.

Съ тѣхъ поръ, какъ Виллуанъ увезъ за границу своего ученика (1840—1843 гг.), я на многіе годы потерялъ изъ виду Антона Григорьевича, такъ какъ, по окончаніи курса въ университетѣ (1844 г.), я поступилъ врачомъ въ провинцію, въ одному весьма богатому помѣщику Хлустину, (Курской губ., Грайворонскаго уѣзда), а затѣмъ въ 1845 году перешелъ къ вдовѣ знаменитаго кавказскаго генерала Н. Н. Раевского, сыну героя 1812 года. При этомъ семействѣ и двухъ сыновьяхъ (одинъ изъ нихъ въ 1876 году палъ смертью героя на поляхъ Сербіи, а другой, женатый на княжнѣ М. Г. Гагариной, служить въ чинѣ генераль-маіора), я пробылъ пять лѣтъ за границей.. Только въ 1850 году, уже въ С.-Петербургѣ, я нашелъ нашего милаго, дорогаго Антона Григорьевича — въ скромной

квартирѣ артиста холостяка; кажется у него было четыре комнаты, на Вознесенскомъ проспектѣ, чуть-ли ни въ томъ домѣ, гдѣ теперь книжный магазинъ Эриксона, не далеко отъ Вознесенскаго моста. Къ Антону Григорьевичу собирались каждую субботу—артисты, литераторы, любители музыки; въ числѣ обычныхъ его посѣтителей можно было видѣть—Карла Богд. Шуберта, Пикель, графа Матвѣя Вильгорскаго, Шарля Леви, Генриха Венявсаго, Фицгума и многихъ другихъ: шла всегда весьма оживленная бесѣда, играли, пѣли, и вечеръ кончался обычнымъ угощеніемъ—громаднымъ кускомъ ростбифа и пивомъ.

Не смотря на свою молодость, Антонъ Григорьевичъ уже пользовался тогда въ Петербургѣ, въ кругахъ интеллигенція, во всѣхъ вопросахъ, до музыкальнаго искусства относящихся, большимъ авторитетомъ: обо всемъ, что касалось до музыки, тогдашніе любители и знатоки обращались къ нему—за совѣтомъ, указаніемъ, рѣшеніемъ...

Средства къ жизни у Антона Григорьевича въ 1850-хъ годахъ не были еще регулярны: отъ довольства, получаемаго большимъ трудомъ, массою уроковъ,—онъ частенько переходилъ къ совершенному безденежью... Приглашенный великою княгиней Еленой Павловной къ ея двору, Антонъ Григорьевичъ быстро занялъ то высокое положеніе въ области рѣшенія вопросовъ, съ музыкальнымъ дѣломъ связанныхъ, каковое положеніе прямо вызывалось и его обширнымъ, серьезнымъ музыкальнымъ образованіемъ и его мощнымъ дарованіемъ художника-музыканта. Великая княгиня, сама женщина высоко просвѣщенная и по-истинѣ необыкновенная, чрезвычайно цѣнила и уважала Антона Григорьевича... Ни на минуту не можетъ быть сомнѣнія, что авторитету, вліянію и энергическому почину Рубинштейна—какъ Русское музыкальное общество съ его развѣтвленіями по Россіи, такъ и Петербургская консерваторія всецѣло обязаны своимъ основаніемъ и быстрымъ упроченіемъ ихъ положенія...

Осенью 1867-го года это учрежденіе, давшее уже, кажется, къ тому времени три выпуска даровитыхъ исполнителей, теоретиковъ и преподавателей въ области музыкальнаго искусства, стояло уже весьма высоко... Какъ теперь помню, въ прекраснѣйшій осенній день, какіе дни весьма рѣдки въ Петербургѣ, торжество встрѣчи столицей августѣйшей невѣсты наслѣдника престола—принцессы Дагмары... Торжественный поѣздъ слѣдовалъ, между прочимъ, по Загородному проспекту; здѣсь, предъ однимъ изъ скромныхъ по наружности домовъ,—то былъ домъ консерваторіи, выхлопотанный для нея изъ казны заботами высокоуважаемаго К. К. Грота,—была устроена платформа роскошно декорированная; на ней и на балконѣ стояли оркестръ и хоры, съ балкона дирижировалъ—нашъ славный композиторъ... То

былъ Рубинштейнъ и созданная имъ первая въ Россіи консерваторія... Исполнена была великолѣпная музыкальная пьеса его неистощимаго таланта, въ которой мелодіи датскія и русскія съ обычнымъ искусствомъ нашего маэстро были слиты въ одно стройное, гармоническое цѣлое... Весь блестящій поѣздъ августѣйшей фамиліи остановился предъ консерваторіей и съ величайшимъ удовольствіемъ прослушалъ пьесу. Зрѣлище, повторяю, было восхитительное... А грандіозный народный концертъ, устроенный Антономъ Григорьевичемъ въ 1866-мъ году, въ Михайловскомъ манежѣ, для нѣсколькихъ тысячъ слушателей, наполнившихъ манежъ... То было послѣ злодѣйскаго покушенія Каракозова. Была всеобщая радость о чудесномъ спасеніи Государя-Освободителя... Онъ самъ и весь дворъ присутствовали на концертѣ, особая ложа была для Комисарова-Костромскаго. Дирижировалъ — Рубинштейнъ и участниками было много лицъ изъ консерваторіи... А сколько затѣмъ было прекрасныхъ дней въ жизни Петербургской консерваторіи, —этого молодого еще учрежденія, сколько пользы и самаго высокаго наслажденія доставило русскому обществу это излюбленное дитя нашего великаго музыкальнаго художника!

Въ 1865-мъ году Антонъ Григорьевичъ женился на Вѣрѣ Александровнѣ Чикуановой, дочери русскаго помѣщика-дворянина, бывшаго гвардейскаго офицера. Достойная супруга своимъ тактомъ, образованіемъ, заботливостью о семьѣ и любовью къ ней и къ мужу, а также отзывчивостью и сочувствіемъ къ его постояннымъ и многочисленнымъ трудамъ, принесла покой и счастье своему мужу. Она дала ему дочь — нинѣ замужемъ (Антонъ Григорьевичъ уже дѣдушка) и двухъ милыхъ юншей-сыночекъ, изъ которыхъ первый — Яковъ Григорьевичъ — наружностью и нравственными качествами весьма напоминаетъ своего прекраснаго дядю, покойнаго Якова Григорьевича Рубинштейна.

Въ 1867 г. Антонъ Григорьевичъ оставилъ постъ директора въ консерваторіи. Все и вся, кому только были близки интересы этого учрежденія, умоляли его тогда не покидать ее; великая княгиня Елена Павловна также приняла въ этомъ дѣлѣ горячее участіе и съ своей стороны просила Антона Григорьевича не выходить въ отставку. Онъ было согласился остаться. Какъ теперь помню этотъ день: весь дворъ дома, въ которомъ онъ жилъ, лѣстница, — все было засыпано цвѣтами, присланными признательными учениками и ученицами... Антонъ Григорьевичъ не долго однако побылъ на своемъ посту и оставилъ тогда-же консерваторію; поводомъ къ тому было то, сколько мнѣ извѣстно, что онъ не выносилъ необходимости совѣщаться о дѣлахъ консерваторіи съ такими сочленами по совѣту общества или комитета,

которые не были специалистами въ вопросахъ, относящихся до музыки, да и вообще онъ полагалъ, что въ этихъ дѣлахъ и при тогдашнемъ еще положеніи новаго учрежденія, какова была консерваторія, коллегіальное вершеніе дѣлъ было едвали полезно. Дѣло шло быстрѣе и цѣлесообразнѣе при единствѣ и силѣ власти; въ особенности онъ не выносилъ вмѣшательства въ его распорядки — чиновничьяго элемента, обычной у насъ страсти все регламентировать, подводить подъ пункты устава, словомъ вести дѣло не жизненно, а мертво, формальнымъ образомъ.

Впрочемъ, быть можетъ, я и ошибаюсь въ объясненіи причинъ оставленія имъ консерваторіи. Вѣрно только то, что самое учрежденіе, какъ свое дѣтище, онъ продолжалъ любить и во всѣ годы (1868—1886), когда не былъ уже ея директоромъ, но если бывалъ въ Петербургѣ, то часто посѣщалъ консерваторію и въ судьбахъ ея принималъ сердечное участіе... ¹⁾

Извѣстна истинно-феноменальная память Антона Григорьевича относительно музыки... По этому поводу вспоминаю я случай, о которомъ мнѣ рассказывалъ покойный Венявскій, и каковой случай былъ при немъ, въ одномъ обществѣ, за границей; одинъ заѣзжій піанистъ выполнялъ какую-то не дурную пьесу; она всѣмъ понравилась и всѣ стали осипать похвалами піаниста, который, на вопросъ: кому принадлежатъ композиція этой пьесы, приписалъ ее себѣ.—«Позвольте, замѣтилъ бывшій въ числѣ присутствовавшихъ Рубинштейнъ,—я эту пьесу слышалъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ Прагѣ,—ее выполнялъ при мнѣ самъ авторъ, такой-то». Самозванецъ долженъ былъ сознаться, что, приписавъ себѣ чужое произведеніе, онъ пошутилъ.

Однимъ изъ лучшихъ помощниковъ Антона Григорьевича при учрежденіи Русскаго музыкальнаго общества — былъ Василій Александровичъ Кологривовъ,—человѣкъ несомнѣнно энергичный, горячо любившій искусство, знавшій его хорошо и пребеззаботная голова о собственныхъ интересахъ... Онъ не выходилъ изъ долговъ, и Антонъ Григорьевичъ частенько его выручалъ изъ критическаго положенія съ тою добротою, каковая присуща Рубинштейну; ну, да не одному Кологривову—были открыты всегда дружеское сердце и карманъ Антона Григорьевича... Не любилъ только онъ, да и не любить, когда напо-

¹⁾ Ближайшимъ поводомъ оставленія Рубинштейномъ въ 1867 г. консерваторіи было его разномысліе по поводу выпуска нѣкоторыхъ учениковъ и ученицъ изъ консерваторіи: онъ, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ Совѣта, полагалъ, что, въ виду молодости этихъ учениковъ, слѣдовало бы ихъ оставить еще на нѣкоторое время въ консерваторіи.

минають ему объ его услугахъ и одолженіяхъ,—остающихся, какъ мнѣ извѣстно, очень часто безвозвратными... Говорить ли о его щедрыхъ вкладахъ на доброе дѣло и добрыя благотворительныя учрежденія? Всѣмъ извѣстна, и особенно въ Петербургѣ, отзывчивость его въ этомъ отношеніи: множество благотворительныхъ учреждений, фондовъ, вспомогательно-благотворительныхъ кассъ и особенно молодежь учащаяся—тысячами обоего пола—собирали обильную жатву съ концертовъ Антона Григорьевича!

Какъ ни много и ни усердно трудился Антонъ Григорьевичъ, а все таки основу матеріальнаго его достатка (не превышающаго, какъ я слышалъ, капитала въ 200 тыс. рублей) положила лишь поѣздка его въ Америку, въ 1872-мъ году. Отечество, кромѣ массы заботъ и трудовъ, да многихъ неприятностей, ну, если хотите, пожалуй, и славы—ничего ему не дало. За то сохранить оно изъ вѣка въ вѣкъ его чистое и славное имя на страницахъ Отечественной исторіи въ ряду лучшихъ сыновъ Русскаго народа.

М. В. Р.—гъ.

Октябрь 1889 г.
Спб.

ПОРТРЕТЫ А. Г. РУБИНШТЕЙНА

Къ настоящей книгѣ «Русской Старины» мы, не останавливаясь предъ значительностью издержекъ,—приложили два портрета нашего великаго музыкальнаго художника: одинъ вполне точный снимокъ, въ лучшемъ фотографическомъ заведеніи Москвы г. Мая (бывшемъ Набгольпа, Шерера и К^о) исполненный съ превосходной акварели П. Θ. Соколова 1844 года. А. Г. Рубинштейнъ изображенъ на 15-мъ году отъ рожденія, подлѣ него его младшій братъ, впоследствии столь же знаменитый, Николай Григорьевичъ († 1881 г.).

Подлинная акварель П. Θ. Соколова († 1848 г.), знаменитѣйшаго въ свое время художника-акварелиста, признаваемого первоначальникомъ русской акварели ¹⁾, — портретъ его кисти Рубин-

¹⁾ Интересный очеркъ жизни П. Θ. Соколова, составленный его сыномъ А. П. Соколовымъ, напечатанъ въ «Русской Старинѣ», изд. 1832 г., томъ XXXIII, стр. 639—646.—Мы имѣемъ отпечатанный снимокъ съ живописнаго его портрета, исполненнаго однимъ изъ братьевъ Брюловыхъ, каковой снимокъ будетъ приложенъ къ «Русской Старинѣ».

Ред.

штейна (1844 г.) находится въ художественномъ альбомѣ гр. Віельгорскаго, нынѣ принадлежащемъ его племяннику Михаилу Алексѣевичу Веневитинову ¹⁾, которому и приносимъ глубочайшую благодарность за сообщеніе помянутой акварели и наблюденіе за производствомъ и отпечатаніемъ съ нея для «Русской Старины» снимковъ, приложенныхъ къ стр. 520 настоящей книги.

Другой портретъ, помѣщенный при этой же книгѣ (стр. 257), — гравюра на мѣди художника Ѳ. А. Мѣркина, — исполнена съ фотографіи 1889 г. Фотографія эта принадлежитъ одной изъ лучшихъ мастерскихъ въ С.-Петербургѣ г. Ясвойна, но, въ величайшему сожалѣнію, она исполнена имъ въ іюнѣ 1889-го года, послѣ того, какъ Антонъ Григорьевичъ два мѣсяца усиленно занимался, съ утра до вечера, экзаменами въ консерваторіи и былъ чрезвычайно утомленъ.

Это утомленіе сказалось на его портретѣ, который въ точности передалъ на мѣди мастерской рѣзецъ художника Ѳ. А. Мѣркина.

Въ дѣйствительности и въ другое время дорогой всѣмъ намъ подлинникъ — Антонъ Григорьевичъ — выгладитъ гораздо моложавѣе и бодрѣе.

Ну что дѣлать, — «Русская Старина» авось увидитъ и LX-ти-лѣтній юбилей Рубинштейна и тогда воспроизведетъ для своихъ многочисленныхъ читателей и безчисленныхъ почитателей нашего славнаго художника-музыканта — другой, болѣе удачный, портретъ. Хотя и настоящій портретъ г. Мѣркина, въ ряду тѣхъ, какія въ 1889 г. появились и появляются изображенія нашего юбиляра, безспорно одинъ изъ самыхъ лучшихъ.

Ред.

Къ исторіи «Императорскаго Русскаго Музыкальнаго общества».

По случаю исполнившейся четверти вѣка со времени основанія Императорскаго Русскаго Музыкальнаго общества — составленъ и будетъ выпущенъ въ свѣтъ сборникъ относящихся до него свѣдѣній, и, такимъ образомъ, исторія дѣятельности общества и его отдѣленій — будетъ подробно изложена. Трудъ этотъ принадлежитъ А. М. Клименко.

А. Р.

¹⁾ См. объ этомъ альбомѣ въ моихъ замѣткахъ «Русск. Стар.» 1889 г. т. LXII апрѣль, стр. 243—244.

АНТОНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ РУБИНШТЕЙНЪ

въ воспоминаніяхъ быв. ученика Спб. консерваторіи

1862—1866.

I.

18-го ноября 1889 года Антону Григорьевичу минетъ шестьдесятъ лѣтъ. Если не примѣнять къ возрасту наше русское мѣрило, по которому «маститый писатель», «маститый художникъ» и «маститый дѣятель» начинается чуть-ли не съ тридцатипяти лѣтъ и всѣ сферы умственной и общественной дѣятельности оказываются какими-то богадѣльными для стариковъ, то шестьдесятъ лѣтъ совсѣмъ не такъ ужъ много. Во Франціи шестидесятилѣтняго дѣятеля причисляютъ почти-что къ молодому поколѣнію, что въ свою очередь тоже нѣсколько странно. Между своими ровесниками Антонъ Григорьевичъ вдвойнѣ производитъ впечатлѣніе молодости: онъ молодъ не только по своему пылкому характеру, но и по своей кипучей дѣятельности, которая у него скорѣе растетъ, чѣмъ уменьшается съ годами. Можно ли о такомъ, въ лучшемъ смыслѣ слова молодомъ, человѣкѣ писать какія-то «воспоминанія», превращать его уже теперь въ объектъ исторіи? Отвѣчаю: вполне можно и прибавлю, что Рубинштейну не привыкать стать къ историческимъ о себѣ рассказамъ. Объектомъ исторіи онъ, точно также какъ и теперь, былъ и тридцать лѣтъ тому назадъ, когда онъ занялъ почетную страницу въ популярной и авторитетной въ то время «Geschichte der Musik» Франца Бренделя. Онъ могъ бы занять ее и десятью годами раньше.

Имя отъ роду шестьдесятъ лѣтъ, Антонъ Григорьевичъ, какъ известно, 11-го іюля 1889 г. праздновалъ пятидесятилѣтнюю годовщину своего перваго появленія на концертной эстрадѣ.

Онъ имѣетъ за собою полуголѣтія неутомимой, всегда блестящей и почти всегда счастливой дѣятельности. Вокругъ него начинается уже возникать третье поколѣніе съ тѣхъ поръ, какъ онъ кудластымъ и красивымъ мальчикомъ дебютировалъ въ московскомъ Петровскомъ паркѣ.

Итакъ писать о немъ воспоминанія не только вполне законно, но даже весьма и весьма пора, ибо число людей, помнящихъ конецъ тридцатыхъ и начало сороковыхъ годовъ, уменьшается съ каждымъ днемъ. Пишущій эти строки въ данномъ случаѣ не особенно пригоденъ и совсѣмъ не авторитетенъ: его знакомство съ Антономъ Григорьевичемъ началось въ сентябрѣ 1862 года, почти съ самаго дня открытія петербургской консерваторіи. Часто видѣлъ онъ Антона Григорьевича только пока былъ ученикомъ. Слѣдствія, сообщаемыя такимъ мемуаристомъ, не могутъ не быть отрывочны и случайны. Не задаваясь честолюбивой цѣлью и оставаясь въ предѣлахъ возможнаго, я попытаюсь рассказать кое что изъ видѣннаго и слышаннаго мною въ тогдашней консерваторіи. Черты, хотя и разбросанныя, не вѣрно отпечатавшіяся въ моей памяти, быть можетъ, послужатъ нѣкоторымъ пособіемъ для характеристики Рубинштейна, какъ человѣка.

II.

Нельзя представить себѣ ничего подобнаго обожанію, которое мы, молодежь, питали къ Антону Григорьевичу. Нахлынувъ на юное учрежденіе изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества и отчасти изъ самыхъ отдаленныхъ угловъ Россіи, мы представляли неструю толпу. Былъ тутъ и отставной чиновникъ таможеннаго вѣдомства Кроссъ, и сынъ придворнаго пѣвчаго Рыбасовъ, и бывший помощникъ судебного слѣдователя при черниговской уголовной палатѣ Рубецъ, и старшій столоначальникъ департамента министерства юстиціи Чайковскій (изъ правовѣдовъ), и дерптскій студентъ Тиронъ, и грузинъ Саванелли, и военный инженеръ Мирецкій, и адвокатъ (впоследствии присяжный повѣренный) Баранецкій, и поручикъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка фонъ-Цуръ-Милленъ, и пріѣхавшій изъ Ньюкастля контористъ пароходнаго общества, петербургскій англичанинъ Люджеръ, и сынъ младшаго преподавателя французскаго языка при третьей петербургской гимназіи Ларошъ. Даже былъ одинъ магометанинъ, конвойный офицеръ; излишне прибавлять, что онъ носилъ княжескій титулъ. Разнообразные по происхожденію, мы представляли нѣкоторую неструю и по возрасту. Мнѣ было семнадцать лѣтъ, Люджеру—шестнадцать, и такихъ, конечно, было большинство,

но были и гораздо старше: Кроссу, напимѣрь, было лѣтъ тридцать; были и постарше Кросса; былъ и крошечный, лѣтъ двѣнадцать, полякъ, хорошенькій Амбражевичъ, имѣвшій симпатичное обыкновеніе тузить обоими кулаками въ грудь взрослыхъ товарищей, когда ихъ шутки ему не нравились. Сверхъ всего этого мы и «направленія» были самаго различнаго. Рихардъ Менцдорфъ мнилъ себя вагнеристомъ; Старцевъ и Фредериксъ однажды при мнѣ затѣяли большой споръ, утверждая первый—что «Русланъ и Людмила» гораздо выше «Вильгельма Теля», второй — что «Вильгельмъ Тель» гораздо выше «Руслана и Людмилы»; Славинскій былъ очарованъ вѣнскими новѣйшими, преимущественно шумановскими, а впоследствии напелъ пристань въ сѣровизмѣ; я (къ величайшему негодованію Фанъ-Арка) былъ берлиозіанецъ и, кажется, въ тайнѣ гордился тѣмъ, что другаго берлиозіанца въ консерваторіи не было; Чайковскій исповѣдывалъ культъ Моцарта и отчасти Глинки. Но всѣ мы, военные и штатскіе, большіе и малые, бѣлые и красные, растрепанные и прилизанные боготворили Антона Григорьевича.

Тогдашняя консерваторія была маленькая и помѣщалась во флигелѣ элегантнаго барскаго дома Демидова, нынѣ уже не существующаго, на углу Демидова переулка и Мойки; на мѣстѣ его выстроена пятиэтажная громада, принадлежащая г. Корпусу. Главное зданіе дома съ важностью, по московски, стояло во дворѣ, отдѣленнымъ рѣшеткой отъ набережной, а съ насъ довольно было и флигеля, да и тотъ мы раздѣляли съ такъ-называемымъ нѣмецкимъ клубомъ. Но организація училища была полная съ первыхъ дней его существованія; были классы и курсы всѣхъ видовъ, исключая конечно трехъ старшихъ, такъ какъ первый выпускъ состоялся лишь три года спустя (1865 г.). Совершенная новизна дѣла видимо оживляла и подзадоривала учениковъ: господствовало какое-то бодрое, радостное настроеніе, и этотъ общій духъ видимо отражался на молодомъ основателѣ консерваторіи, видимо радовалъ и бодрилъ и его. Въ нѣкоторой степени, конечно, все это мнѣ теперь только кажется такимъ свѣтлымъ и поэтичнымъ, ибо всякому человѣку, прожившему полстолѣтія или около того, свойственно идеализировать свои студенческіе годы. Но я могу указать и на факты, свидѣтельствующіе о господствовавшемъ среди учениковъ оживленіи. Рихардъ Менцдорфъ, уже упоминаемый мною ¹⁾, затѣялъ устроить ученическое общество на самыхъ широкихъ

¹⁾ Онъ вскорѣ оставилъ консерваторію и навсегда переселился въ Германію, гдѣ приобрѣлъ почетную звѣтность какъ композиторъ и капельмейстеръ.
Г. Л.

основаніяхъ: мы по его плану должны были и пѣть, и играть, и лекціи читать, и знакомиться съ текущей музыкой, и знакомить другъ друга съ собственными произведеніями. Какъ это всегда бываетъ у мальчишекъ, мы принялись за дѣло горячо и отправившись къ Антону Григорьевичу депутатѣй просить его разрѣшенія на открытіе нашихъ дѣйствій. Онъ принялъ насъ степенно и ласково, внимательно выслушалъ наши желанія, но съ доводами нашими не согласился. Между прочимъ, какъ я помню, онъ сказалъ, что въ консерваторіи въ скоромъ времени начнутся ученическіе вечера, цѣль которыхъ сходна съ цѣлью нашего предполагавшагося общества. Излишне прибавлять, что общество такъ и не состоялось: оно распалось само собою, безъ всякаго давленія, а тѣмъ паче запрещенія со стороны начальства.

Вообще свободы намъ давали много. Болѣе строптивые на лекціяхъ предлагали вопросы или возражали профессорамъ, и какъ Н. И. Заремба, такъ и самъ Антонъ Григорьевичъ допускали возраженія и входили въ разборъ ихъ. Бывали между нами препорядочные дѣвчята, въ отношеніи которыхъ начальство выказывало долготерпѣніе изумительное,—не потому ли, что само начальство было молодо и смотрѣло на свое юное созданіе глазами, полными оптимизма? О малѣйшемъ между нами талантѣ оно имѣло представленіе самое лестное, возбуждало, поощряло и баловало насъ на всѣ лады. Пишущему эти строки стоило выказать любовь къ Себастьяну Баку—и сейчасъ же для него была учреждена органная стипендія, то есть онъ сталъ два раза въ недѣлю ходить въ лютеранскую Петропавловскую церковь и брать уроки у превосходнаго виртуоза Генриха Штиля, тогдашняго органиста. А такъ какъ казенныхъ денегъ на эту роскошь не было, то Антонъ Григорьевичъ платилъ изъ собственныхъ, какъ платилъ онъ за множество импровизованныхъ флейтистовъ, кларнетистовъ, валторнистовъ и контрабасистовъ, долженствовавшихъ составить новоиспеченный «ученическій оркестръ». Боже, что это былъ за оркестръ! Играли мы вещи довольно трудныя: Юпитера Моцарта, большую D-дурную симфонію Гайдна (которая съ финаломъ въ деревенскомъ родѣ), бетховенскаго Коріолана и тому подобное. Но фальшивили мы немилосердно. Хорошихъ скрипачей у насъ было сколько угодно, были два-три виолончелиста, а остальныхъ никого не было, такъ что играть намъ было просто не въ моготу. Мигкій и снисходительный въ своихъ теоретическихъ классахъ (инструментовки и свободной композиціи), Антонъ Григорьевичъ въ оркестровомъ классѣ сердился и кричалъ; доставалось то тому, то другому, но настоящаго страха всетаки не было. Слишкомъ была из-

вѣстна его доброта. Наставникъ бурливый, но отходчивый далеко не такъ грозенъ, какъ наставникъ ядовитый и безпощадный, всегда сохраняющій полное равновѣсіе духа. Возились мы съ этою классическою музыкою точно съ возомъ, попавшимъ въ непролазную трясину, «изъ кожи лѣзли вонь», а толку не было, пока въ одно прекрасное утро внезапно не повѣяло новымъ воздухомъ. Почти одновременно появились флейтистъ Пуни, гобой Порошинъ, кларнетъ Квасниковъ, фаготъ Барышовъ и контрбасъ Макаровъ. И сдѣлался оркестръ какъ оркестръ; даже литавры стали сносны съ того дня, какъ я былъ изгнанъ съ этого отвѣтственнаго поста. Пока игралъ я, не могло быть ладу, такъ какъ вслѣдствіе нервности и трусости я барабанилъ хотя громко, но большею частью не въ тактъ. Однажды Антонъ Григорьевичъ, прикрикнувъ на меня, иронически назвалъ меня «композиторомъ», при чемъ половина оркестра фыркнула отъ смѣха: хотя я и находился въ композиторскомъ классѣ, но сочинять уже тогда не сочинялъ и задача, приносимая мною, принадлежала къ самымъ рѣдкимъ и страннымъ явленіямъ на нашемъ курсѣ. Болѣе солидный, замѣнившій меня литавристъ, умѣвшій не терять присутствія духа, былъ Чайковскій.

Литавры были не единственнымъ огорченіемъ, которое я причинилъ Антону Григорьевичу. Въ теченіи одного сезона я былъ аккомпаниаторомъ на спѣвкахъ хора Русскаго музыкальнаго общества. Спѣвки эти происходили въ залѣ консерваторіи; дирижировалъ Антонъ Григорьевичъ. Въ отроческіе годы я на фортепіано учился прилежно, такъ что отъ обязательнаго фортепіаннаго класса меня, послѣ четырехъ мѣсяцевъ у Герке, освободили. Разбиралъ я бойко и дома у себя игралъ піесы трудныя, хотя съ грѣхомъ пополамъ. Но потому ли, что я робѣлъ отъ излишней влюбленности въ Антона Григорьевича, потому ли, что я, стараясь глядѣть въ клавирауспугъ и не терять нити гармоніи, въ то же время запуская глазената то въ сторону сопрановъ, гдѣ сидѣла крупная юнистая нѣмка, то въ сторону контральтовъ, гдѣ имѣлась маленькая и вертлявая русская, но только я игралъ какъ послѣдній саможникъ. Помню, что на этихъ спѣвкахъ Антонъ Григорьевичъ, занятый несовершенствами хора, какъ-то не успѣвалъ бранить и меня и только отъ времени до времени бросалъ мнѣ взоры, исполненные негодованія. Разумѣется, что пѣть подъ мой аккомпаниментъ всетаки было возможно, такъ какъ большею частью попадались вещи съ аккомпаниментомъ легкимъ.

Первый годъ (въ классѣ гармоніи) я учился очень прилежно и приобрѣлъ репутацію отличную, а на второй годъ съ самаго начала сезона началъ лѣниться и манкировать. Начальство молчало: про-

ходился строгій контрапунктъ и я по этому предмету былъ недурно подготовленъ раньше консерваторіи. Но лѣнь моя все увеличивалась и начала обращать на себя вниманіе. Въ одинъ ясный февральскій день, встрѣтивъ меня на подъѣздѣ Придворной Пѣвческой капеллы, послѣ одного изъ квартетныхъ утръ, Антонъ Григорьевичъ остановилъ меня и необыкновенно ласково сказалъ мнѣ: «Отчего вы, милостивый государь, не ходите въ консерваторію?» Было еще нѣсколько словъ, но я ихъ совершенно забылъ; зато какъ теперь помню необыкновенную кротость голоса и почувствованное мною смущеніе. Я остановился какъ вкопанный; Антонъ Григорьевичъ прошелъ мимо. Странно сказать, но съ этой встрѣчи, приведшей меня въ лирической экстазъ, я сталъ заниматься хуже и хуже, а послѣдніе два года, можно сказать, только числился въ консерваторіи. Дошло до того, что я однажды получилъ официальный запросъ, за подписью секретаря Прокоповича-Антонскаго, съ требованіемъ объяснить на какомъ основаніи я не посѣщаю классовъ. Могу сказать, что я уцѣлѣлъ чудомъ; вѣроятно, ни въ какой другой консерваторіи не оказали бы такого снисхожденія ученику, совершенно отбившемуся отъ ученія.

Изъ всѣхъ моихъ консерваторскихъ воспоминаній самый глубокій во мнѣ слѣдъ оставилъ одинъ случай, въ высшей степени характерный для личности Антона Григорьевича, хотя его участіе въ дѣлѣ ограничилось появленіемъ въ самомъ концѣ его, въ качествѣ *deus ex machina*. Рассказывая это происшествіе, я, въ крайнему своему сожалѣнію, буду имѣть тщеславный видъ человѣка, общавшаго говорить о Рубинштейнѣ и вмѣсто того болтающаго о самомъ себѣ. Но Антонъ Григорьевичъ, хотя, повторяю, появляется только въ послѣдней сценѣ, тѣмъ не менѣе такъ высоко въ ней стоитъ надъ всѣми остальными участниками, что все таки играетъ первую роль.

III.

Неисправимая лѣньность во мнѣ не охлаждала моего безумнаго обожанія къ директору консерваторіи, профессору композиціи и учредителю стипендій, не послужившихъ мнѣ въ прокъ. Какъ я уже говорилъ, въ этой моей страсти не было ничего оригинальнаго; не знаю даже, превосходилъ ли я другихъ интенсивностью чувства. Но знаю, что однажды это чувство, вмѣстѣ съ нѣкоторымъ легкомысліемъ и недостаткомъ нравственнаго мужества, привело меня къ поступку довольно предосудительному. Между учениками, одинъ изъ самыхъ ярыхъ обожателей Рубинштейна былъ другъ и пріятель мой, упомянутый уже Люджеръ, англійскій католикъ, по языку скорѣе пѣмецъ,

чѣмъ англичанинъ, и петербуржецъ по рожденію. Свободно говорившій на четырехъ языкахъ, страстный любитель чтенія и бесѣды о прочитанномъ, нервный, раздражительный и восторженный, онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова «талантливая натура»¹⁾, между прочимъ, онъ обладалъ чутьемъ къ гармоническимъ красотамъ и вмѣстѣ со мною восхищался Бахомъ, Шуманомъ и Рихардомъ Вагнеромъ.

На такія горячія головы, какъ наши, не могла не подѣйствовать Юдиель Сѣрова, въ которой также, не смотря на возрастъ автора, чувствовалось нѣчто юношески-восторженное. Имя автора, конечно, было намъ извѣстно и до Юдиели; мы его уважали за критическій талантъ, но ненавидѣли за его нападки на Антона Григорьевича. Ученіе, что консерваторіи сами по себѣ вредны, казалось намъ похвалой диллетантизму; сверхъ того, мы сомнѣвались въ искренности Сѣрова, думая, что онъ безусловно отрицалъ пользу отъ консерваторіи только до той поры, пока самъ не получитъ приглашенія въ профессоры. Юдиель показала намъ его въ совершенно новомъ свѣтѣ и мы, повторяю, чрезвычайно увлекались ею. Другой товарищъ мой, Славинскій, познакомилъ меня съ Сѣровымъ, жившимъ тогда на углу Демидова переулка и Мойки, въ новоотстроенномъ домѣ Липина, противъ консерваторіи, какъ острилъ «Гудокъ». По вторникамъ, вечеромъ, у него собирались знакомые; изъ своихъ товарищей, я засталъ Рихарда Мецдорфа, остальные гости были все больше литераторы, преимущественно редакция только что запрещеннаго «Времени». Какъ радушный хозяинъ дома, какъ краснорѣчивый и остроумный проповѣдникъ (слово «собесѣдникъ» было бы тутъ не у мѣста), Сѣровъ очень понравился мнѣ и я сталъ часто посѣщать его вторники. Увлекаясь его умомъ, образованіемъ, живостью и любезностью, я въ то же время продолжалъ злиться на него за открытый имъ походъ на консерваторію и однажды откровенно высказалъ ему, что раньше полного окончанія курса, ни за что изъ нея не выйду. Какъ было бы хорошо, еслибъ я сумѣлъ сохранить то же нравственное мужество и во все продолженіе моего съ нимъ знакомства!

Весною 1864 года, Сѣровъ прочелъ три публичныя лекціи въ залѣ А. Г. Контскаго (въ домѣ Руадзе на Мойкѣ), въ которыхъ вкратцѣ очертилъ исторію оперы въ Россіи до «Русалки» Даргомыж-

¹⁾ Читая корректуру моихъ «воспоминаній», я получилъ нумеръ нарижской газеты La Paix съ некрологомъ (весьма тепло написаннымъ) о моемъ старомъ товарищѣ. Возвращаясь въ Парижъ съ загородной экскурсіи, онъ, съ высоты огромнаго, пугомъ запряженнаго, омнибуса (tapissière), соскочилъ на полномъ ходу и упалъ. Его раздавило колесами и, послѣ семичасовыхъ страданій, онъ умеръ одинокій въ больницѣ. Люджеръ давно уже жилъ въ Парижѣ, гдѣ заведывалъ иностраннимъ отдѣломъ въ нѣсколькихъ газетахъ.

сваго, а въ концѣ прицѣпиль вылазку противъ консерваторій вообще, имѣя въ виду, конечно, петербургскую. И Люджеръ, и я кипѣли негодованіемъ; въ длинныхъ и пламенныхъ бесѣдахъ, длившихся до 2 — 3 часовъ ночи, мы съ нимъ вдвоемъ бранили Сѣрова и укрѣпляли другъ друга въ рѣшимости бороться съ диллетантизмомъ до послѣдней капли крови. Мы съ Люджеромъ договорились до того, что рѣшили поступить такимъ образомъ: я долженъ былъ написать полемическую замѣтку по поводу сѣровскихъ лекцій, а Люджеръ, подѣ своимъ именемъ, отдать ее въ редакцію «Сѣверной Пчелы». Замѣтка была составлена и подписана «ученикъ консерваторіи». Редакція ее приняла и напечатала, а такъ какъ я, съ девятнадцатилѣтнимъ макиавелизмомъ, принудился покупать экземпляры «Сѣверной Пчелы», разносить ихъ товарищамъ и восхвалять автора статьи, яко бы мнѣ неизвѣстнаго, то вскорѣ не стало сомнѣніи, что авторомъ былъ именно я. Девятнадцатилѣтнему юношѣ, писавшему отъ имени многихъ, не состоявшему присяжнымъ музыкальнымъ критикомъ и не собиравшемуся имъ сдѣлаться, не было никакой надобности подписываться собственной фамиліей; но скрыться также и отъ редакціи и спрятаться за Люджера было дѣломъ труса. Сѣрова, кажется, во время выхода моей замѣтки, уже не было въ Петербургѣ, но осенью, по возвращеніи, онъ обошелся со мною очень ласково, упомянулъ и о статьѣ, сказавъ, что прочелъ ее и нашелъ ее настолько глупою, что не рѣшается приписать ее мнѣ. Я же ни единымъ словомъ не вывелъ его изъ заблужденія.

Сколько разъ въ послѣдствіи я съ жгучимъ стыдомъ вспоминалъ объ этомъ эпизодѣ въ моей жизни! Мнѣ нравился Сѣровъ и у меня не хватало духу отказать себѣ въ удовольствіи слушать его рѣчи, какъ не хватило духу отвѣтить на его волкую дипломатическую фразу откровеннымъ признаніемъ и предоставить ему самому продолжать или прекратить личныя со мною сношенія. Въмѣсто этого я избралъ такой образъ дѣйствія, что вышло «ни Богу свѣча, ни чорту кочерга». Однажды вступивъ на ложную дорогу, я сталъ запутываться все хуже и хуже. Когда вышелъ фельетонъ г. Кюи о Юдиѣи, по моему мнѣнію весьма несправедливый къ автору, я опять вознегодовалъ, но такъ какъ въ этотъ разъ я оказался на сторонѣ Сѣрова и кромѣ того во мнѣ уже проснулось литературное честолюбіе, то я написалъ листа два печатныхъ въ защиту Юдиѣи, снесъ ихъ Сѣрову и попросилъ его, чтобы онъ оказалъ мнѣ содѣйствіе къ напечатанію ихъ въ «Эпохѣ», бывшей, какъ извѣстно, продолженіемъ «Времени» и находившейся въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ Сѣрову. Я тутъ-же прочелъ ему свою рукопись; онъ ее расхвалилъ и мѣстахъ въ двухъ посовѣтовалъ смягчить выраженія, что я немедленно исполнилъ. Я снесъ свое произ-

веденіе въ редакцію, гдѣ оно пролежало мѣсяца два, а затѣмъ было мнѣ возвращено: въ этотъ промежутокъ времени «Эпоха», какъ нѣкогда Атеней, успѣла «погибнуть въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики».

На вторникахъ этого и предъидущаго сезонѣ (1863 — 1865) я прослушалъ значительную часть нумеровъ Рогнѣды въ исполненіи самого автора, пѣвшаго, какъ всѣ композиторы, то за хоръ, то за солиста, и аккомпанировавшаго себѣ на фортепіано. Думаю, что я если и восхищался вслухъ, то въ слишкомъ малой мѣрѣ и не такъ или не тамъ, гдѣ этого наиболѣе хотѣлось автору. Повидимому, Сѣровъ догадался, что Рогнѣда нравится мнѣ безконечно менѣе Юдиои, хотя я только разъ, по поводу пѣсни дурака («За моремъ за синимъ») имѣлъ дерзость высказать ему свое мнѣніе. Какъ бы то ни было, но, вскорѣ послѣ перваго представленія Рогнѣды, въ «Русской Сценѣ» г. Михно появилась ругательная статейка на Рогнѣду, безсодержательная и нисколько для композитора не обидная, подписанная «ученикъ консерваторіи», такъ же какъ и моя замѣтка въ «Сѣверной Пчелѣ», причеиъ неизвѣстный авторъ ссылался на мою замѣтку и приписывалъ ее себѣ. Статейка «Русской Сцены» обратила на себя мое вниманіе массою словъ, поставленныхъ въ ковычки, что было всегдашнею манерою Сѣрова. Вглядываясь ближе, я нашель, что и самый языкъ ея близко напоминалъ языкъ сѣровскихъ статей, да и по содержанію она представляла какъ бы сѣровскую пародію на рѣчи музыкальныхъ консерваторовъ. Не имѣя прямыхъ доказательствъ, я про себя рѣшилъ, что понялъ загадку. По совокупности уликъ было ясно, что статья лжеученика была написана самимъ Сѣровымъ и съ намѣреніемъ написана глупо, съ тѣмъ, чтобы, сославшись на мою статью какъ на свое произведеніе, подкинуть мнѣ и эту и такимъ образомъ выставить меня молодымъ человѣкомъ, говорящимъ пустяки. Обстоятельства сложились такъ, что я былъ принужденъ выйти изъ реграншмента въ открытое поле. Я написалъ и подписалъ полною фамиліею письмо въ редакцію «Русской Сцены», въ которомъ назвалъ себя авторомъ статьи «Сѣверной Пчелы» и совершенно отрицалъ всякое участіе въ составленіи второй, а также отозвался незнаніемъ относительно того, кто былъ ея авторъ. Такъ какъ статейка лжеученика, повторяю, блистала преднамѣренною и сознательною глупостію, то я въ огражденіе себя долженъ былъ войти въ разсмотрѣніе дѣла по существу и высказалъ нѣсколько критическихъ мнѣній. Письмо мое было напечатано въ слѣдующемъ номерѣ «Русской Сцены», конечно съ подписію фамиліи, и вызвало послѣдствія, совершенно мною неожиданныя.

Черезъ день или два по выходѣ моего письма въ печати прихожу я на репетицію концерта Русскаго Музыкальнаго Общества и, въ-

роятно, съ очень виноватымъ выраженіемъ лица, подхожу здороваться къ Антону Григорьевичу. Это было уже время моей полной и неисправной лѣни; Антонъ Григорьевичъ давно не удостоивалъ меня ни выговора, ни упрёка и при встрѣчѣ со мною небрежно и сумрачно бивалъ мнѣ головой. Но виноватый видъ у меня былъ не отъ того, что у меня была совѣсть лѣнтая, а оттого, что ученикъ стоялъ передъ любимымъ профессоромъ, сознавая, что онъ этого же профессора сдѣлалъ объектомъ своего сужденія въ газетной статьѣ. Нѣчто подобное дѣлалось со мною и гораздо позже, когда мнѣ приходилось высказывать сужденіе объ Антонѣ Григорьевичѣ и въ то же время чувствовать его невидимое присутствіе, его продолжающееся на меня давленіе. Я высказывался откровенно, порою можетъ быть даже рѣзко, но въ самой рѣзкости собственнаго тона я ощущалъ ноту пойманнаго школьника; мнѣ было совѣстно изрекать приговоръ надъ гениальнымъ учителемъ, которому я былъ обязанъ значительною частью своего собственнаго я. Но тогда дѣло было вновѣ и, повторяю, физиономія у меня была, вѣроятно, самая несчастная. Привѣтъ Антона Григорьевича ни мало меня не ободрилъ.

«Милостивый государь», загремѣлъ онъ, «вы осмѣлились напечатать статью, въ которой вы разсуждали обо мнѣ, своемъ начальникѣ. Вы, какъ ученикъ, не имѣете никакого права писать и печатать статьи. Знаете ли вы, милостивый государь, что у насъ въ совѣтѣ возбужденъ вопросъ о вашемъ исключеніи? Я, вѣроятно, буду защищать васъ и, можетъ быть, васъ и не исключать; но»... Остальную, весьма недлинную часть его рѣчи я совершенно забылъ. Вѣроятно, онъ мнѣ посовѣтовалъ отправиться домой и не показываться въ консерваторіи, пока мнѣ не станетъ извѣстнымъ рѣшеніе совѣта профессоровъ.

Что произошло на совѣтѣ—извѣстно мнѣ официальнымъ путемъ лишь въ окончательномъ результатѣ. Я узналъ, что не былъ исключенъ и что, такимъ образомъ, могъ еще цѣлый годъ ходить или не ходить въ консерваторію и затѣмъ представить сочиненіе на полученіе диплома. Частнымъ же образомъ (между прочимъ, нѣсколько лѣтъ спустя, отъ покойнаго К. Ю. Давыдова), я узналъ вотъ чтó. Всѣ профессора были противъ меня: и Вѣнявскій, и Лешетицкій, и Дрейшокъ, и Н. И. Заремба, столь кроткій и терпѣливый со мной и столь (какъ мнѣ казалось и теперь кажется) меня любившій, и самъ Карлъ Юліевичъ, передавшій мнѣ о засѣданіи и нисколько не скрывавшій своей въ немъ роли. Горой стоялъ за меня одинъ лишь Антонъ Григорьевичъ, если не считать В. А. Кологривова, не имѣвшаго, какъ мнѣ кажется, права голоса въ совѣтѣ. Не смотря на то, что онъ сначала былъ въ меньшинствѣ, энергическій блажелатель мой, въ концѣ концовъ, успѣлъ убѣдить своихъ коллегъ и спасти меня.

Я съ удовольствіемъ вспоминаю объ этомъ случаѣ въ своей жизни, съ удовольствіемъ пока представляю себѣ въ немъ Антона Григорьевича, гордость котораго столько же запрещала ему обращать вниманіе на то, что брешить про него тотъ или другой рецензентъ, будь онъ даже изъ учениковъ консерваторіи, сколько благодушіе его не допускало и мысли о томъ, чтобы изъ-за необдуманной горячей выходки сдѣлать зло бѣдному молодому человѣку и, быть можетъ, навсегда испортить его карьеру.

Но для меня урокъ былъ рѣшительный и благотѣльный. Ни разу въ жизни я съ тѣхъ поръ (за исключеніемъ небольшой газетной хроники о спектаклѣ или концертѣ) не писалъ музыкальной статьи иначе, какъ подписываясь полною фамиліей. Ходить съ поднятымъ забраломъ, открыто идти на встрѣчу неприятностямъ и столкновеніямъ всякаго рода сдѣлалось для меня какъ-бы постояннымъ нравственнымъ удовлетвореніемъ. Но то, за что меня хотѣлъ наказать (и едва-ли законно наказать) совѣтъ профессоровъ, то-есть, что я открыто написалъ и подписалъ статью въ газетѣ (вѣдь если-бъ статья была анонимная, то не было-бы и состава преступления), именно и составляло единственную свѣтлую точку въ этой столь мало для меня лестной исторіи. Я думалъ поступить по убѣжденію, облегчить душу задорной полемической статейкой и въ то же время продолжать черпать наслажденіе въ личныхъ бесѣдахъ съ человѣкомъ, котораго я ударилъ изъ-за угла. Какое горькое, но заслуженное униженіе! Александръ Николаевичъ Сѣровъ, котораго никто не считалъ особеннымъ столпомъ добродѣтели, который въ своихъ нападеніяхъ, отступленіяхъ и перемѣнахъ фронта довольно явно подчинялся влияніямъ личныхъ счетовъ и неудовлетвореннаго самолюбія, могъ глядѣть на меня съ высоты своего презрѣнія, могъ перестать мнѣ кланяться за мое предательство!

Но не лестная для меня исторія эта еще разъ обрисовываетъ рыцарскую честность, незлобивость и великодушіе Антона Григорьевича. Что онъ не разсердился на газетную статью, въ которой девятнадцатилѣтній критикъ говорилъ о немъ тономъ хотя сочувственнымъ, но самоувѣреннымъ—въ этомъ я особеннаго геройства не вижу. Онъ былъ вполне обстрѣленъ: умныя и глупыя статьи по его адресу, почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ, писались въ теченіи двадцати пяти лѣтъ до моего дебюта въ «Русской Сценѣ». Но повести за меня горячую и успѣшную борьбу, отстаивать меня противъ единогогласнаго требованія всѣхъ остальныхъ членовъ совѣта—это уже не гордое пренебреженіе, это дѣятельная теплота сердца.

И эту теплоту сердца Антоша Григорьевичъ всегда вносилъ въ свои отношенія къ ученикамъ консерваторіи.

О теперешней его дѣятельности во вторичномъ его директорствѣ, столь сходномъ по духу и направленію съ тогдашнимъ, я и тогда, если имѣлъ-бы о ней точныя свѣдѣнія, намѣренно избѣгнулъ-бы говорить, такъ какъ событія слишкомъ близки настоящей минутѣ.. Вѣроятно, и теперь на класныхъ скамьяхъ консерваторіи сидятъ молодые люди, глядящіе на Рубинштейна восторженными, полными вѣры, глазами, и тотъ изъ нихъ, который лѣтъ черезъ двадцать будетъ, какъ я, рассказывать о гуманности и добродушіи Антона Григорьевича, не знаетъ теперь, что именно ему выпадетъ эта доля. Но, обращаясь опять къ консерваторіи шестидесятихъ годовъ, я скажу что главнымъ образомъ характеризуетъ отношенія Антона Григорьевича къ ученикамъ. Онъ былъ, несмотря на свою молодость, несмотря также на массу занятій и цѣлей, совершенно постороннихъ консерваторіи, настоящимъ отцомъ учениковъ. Семейныя отношенія, какъ извѣстно, не исключаютъ ни размолвокъ, ни недоразумѣній, ни бурныхъ сценъ. Всего этого было достаточно и у Рубинштейна съ учениками, а бурныхъ сценъ, по его впечатлительному характеру, было пожалуй даже больше, чѣмъ нужно. Въ семьѣ случаются дѣти непослушныя и строптивыя, какъ-бы родившіяся на свѣтъ съ готовымъ протестомъ противъ авторитета, и такихъ пришлось пѣствовать и Рубинштейну. Изъ бывшаго у него въ рукахъ человѣческаго матеріала вышла впослѣдствіи и оппозиція ему. Скажу болѣе: нѣтъ ни одного его ученика, котораго можно было-бы назвать прямымъ подражателемъ ему, что по-моему служить свѣдѣтельствомъ его уваженія къ свободѣ ученика, къ личности музыкальнаго таланта. Какъ-бы ни расходилось направленіе, усвоенное бывшимъ ученикомъ Антона Григорьевича, съ тѣмъ, которое такъ выпукло и энергично отпечатлѣлось въ творцѣ «Океана», онъ никогда, пока хоть сколько-нибудь находитъ или надѣется найти въ человѣкѣ серьезный трудъ и честное стремленіе, не прекращаетъ и не измѣняетъ къ нему своихъ личныхъ отношеній. Вся Европа знаетъ о необыкновенной денежной щедрости Антона Григорьевича, о его страсти благотворить на самую широкую ногу, но едва-ли въ равной мѣрѣ извѣстна эта, если можно такъ выразиться, щедрость духа, въ силу которой онъ ни зла не помнитъ, ни къ несовершенствамъ не придирается, ни на разногласіяхъ не останавливается, а напротивъ пользуется малѣйшимъ поводомъ къ сочувствію, малѣйшимъ правомъ любить и поддерживать. Если мы, ученики, были ему такъ дороги, то это происходитъ оттого, что Антону Григорьевичу дорого челоѣчество и что самыя высокія, самыя идеальныя стремленія челоѣчества нашли въ немъ глубоко-вѣрующаго поклонника, подобно тому, какъ они въ немъ - же нашли могучаго, вдохновеннаго представителя.

Ларошъ.

ЛѢТОПИСЬ СОБЫТІЙ

ВЪ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

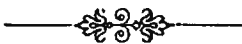
А. Г. РУБИНШТЕЙНА

съ указаніемъ на отзывы и статьи о немъ и его произведеніяхъ
въ русской печати

1829 — 1889.

Составилъ для журнала «Русская Старина» редакторъ-издатель журн. «Библиографъ»

Н. М. Лисовскій.

Лѣтопись событій въ жизни и дѣятельности А. Г. Рубинштейна

съ указаніемъ на отзывы и статьи о немъ и его произведеніяхъ
въ русской печати

1829—1889.

Составилъ для журнала «Русская Старина» редакторъ - издатель журнала
«Библиографъ»

Николай Михайловичъ Лисовскій.

Въ русской печати крайне мало біографическихъ очерковъ жизни и дѣятельности А. Г. Рубинштейна. Кромѣ довольно обстоятельной брошюры В. С. Баскина, изданной въ 1886 году ¹⁾, можно назвать не болѣе двухъ десятковъ біографическихъ очерковъ и замѣтокъ, разбросанныхъ въ разныхъ музыкальныхъ періодическихъ изданіяхъ послѣднихъ 25—30 лѣтъ, но всѣ онѣ даютъ матеріалъ скудный, въ большинствѣ случаевъ повторяютъ одинъ другаго и положительно всѣ имѣютъ ошибки и неточности. Въ виду этого помѣщенные выше обширныя автобіографическія воспоминанія, лично сообщенныя А. Г. Рубинштейномъ редактору «Русской Старины» М. И. Семевскому, имѣютъ особый интересъ и, прямо сказать, громадное значеніе.

Нельзя не замѣтить, что мы крайне небогаты и органами музыкальной періодической печати. Въ отношеніи долголѣтія выдаются только два журнала: «Музыкальный Свѣтъ», послѣдовательно издававшійся Брандусомъ, Дюфуромъ, Ютти, Мелле и Карцовымъ въ теченіи 32 лѣтъ (съ 1846 по 1878 г.), и «Нувеллистъ», издаваемый Н. Бернардомъ и вступившій нынѣ въ 50-й годъ своего существованія; главное содержаніе этихъ журналовъ заключается однако въ тетрадахъ музыки, что же касается текста, то онъ не всегда при нихъ издавался. Изъ прочихъ журналовъ долѣе другихъ существовали «Театральный и Музык. Вѣстникъ» (1856—1860 гг.), «Музыкальный Листокъ» (187¹/₃—187⁷/₈ гг.) и «Музыкальное Обзорѣніе» (1885—1888 гг.); остальные возникали

¹⁾ Статья эта ранѣе была напечатана въ «Русской Мысли» за 1885 г., №№ 1 и 9.

на короткій срокъ и быстро смѣняли другъ друга, какъ это было, напр., въ первой половинѣ 1880-хъ годовъ. Въ настоящее время въ Россіи кромѣ «Нувелиста» издается только одинъ музыкальный журналъ «Баянъ».

Во всѣхъ поименованныхъ журналахъ, если мы и не встрѣчаемъ крупныхъ біографическихъ очерковъ, посвященныхъ А. Г. Рубинштейну, то все же находимъ много критическихъ статей о его произведеніяхъ и еще болѣе мелкихъ замѣтокъ, иногда и біографическаго характера.

Кромѣ того, наши лучшіе музыкальные критики почти всегда участвовали въ ежедневныхъ большихъ газетахъ и, слѣдовательно, здѣсь можно также найти немалое число статей, относящихся къ А. Г. Рубинштейну. Собрать все это во едино и систематизировать было бы крайне полезнымъ пособіемъ для послѣдующаго біографа нашего маэстро; только критика первой половины его дѣятельности не представляетъ особой цѣны, такъ какъ въ то время въ газетахъ верѣдко писали дилетанты въ родѣ, напр., О. М. Толстаго, онъ же Ростиславъ, мало понимавшіе въ искусствѣ, хотя и пріобрѣвшіе себѣ нѣкоторые довѣріе въ глазахъ современнаго имъ общества. О такихъ критикахъ М. И. Глинка, въ письмѣ къ Н. В. Кукольникову прямо писалъ, что имъ «слѣдовало бы еще посидѣть съ указкой въ рукахъ, да хоть нѣсколько познакомиться съ таинствами искусства».

Чтобы облегчить трудъ собиранія и обработки матеріала для будущей серьезной біографіи А. Г. Рубинштейна (которой, встаети сказать, уже давно настала пора появиться въ печати), мы и предлагаемъ составленную нами «Лѣтопись событій» въ его жизни и дѣятельности, съ бібліографическими къ ней указаніями. Въ этой «Лѣтописи» отмѣченъ, въ большинствѣ случаевъ, только крупнѣйшія событія въ жизни А. Г. Рубинштейна, время написанія или перваго исполненія нѣкоторыхъ крупныхъ его произведеній передъ публикой, свѣдѣнія о болѣе выдающихся случаяхъ его концертной дѣятельности и т. п. Не претендуя на безусловную полноту нашей «Лѣтописи», мы заботились лишь о томъ, чтобы указать факты, имѣющіе серьезное значеніе для біографа нашего гениальнаго художника-музыканта. Но и эта работа, скажемъ необинуюсь, потребовала у насъ много времени и труда. Для составленія ея мы пересмотрѣли болѣе шестидесяти періодическихъ изданій, выходившихъ въ свѣтъ въ теченіи послѣдняго пятидесятилѣтія съ 1839 г. Вотъ въ алфавитномъ порядкѣ списокъ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ намъ преимущественно приходилось находить необходимыя статьи, замѣтки или отрывочныя свѣдѣнія: «Антрактъ», «Баянъ», «Всемирн Иллюстр.», «Вѣвъ», «Вѣстникъ Европы», «Галатей», «Голосъ», «Зритель», «Искусство»

(1860 г.), «Journal de St.-Petersbourg», «Искусство» (1883—84 г.), «Историческій Вѣстникъ», «Молва», «Московскія Вѣдомости», «Музыка и Театръ», «Музыкальное Обзорѣніе», «Музыкальный Вѣстникъ», «Музыкальный и Театральный Вѣстникъ» (1883 г.), «Музыкальный Листокъ», «Музыкальный Міръ», «Музыкальный Свѣтъ», «Музыкальный Сезонъ», «Народный Голосъ», «Недѣля», «Нива», «Новое Время», «Новости», «Нуведлисть», «Правительственный Вѣстникъ», «Пчела», «Русская Старина», «Русскій Вѣстникъ», «Русскій Міръ», «Русскій Музыкальный Вѣстникъ», «Русскія Вѣдомости», «Современная Лѣтопись», «Современныя Извѣстія», «Сѣверн. Пчела», «Сѣверный Вѣстникъ», «Театральный и Музыкальный Вѣстникъ» (1856—60 г.), наконецъ «Театръ». Мы не перечислили тѣхъ изданій, въ которыхъ не нашли желаемыхъ свѣдѣній, а такихъ изданій пришлось пересмотрѣть тоже немалое число; кромѣ періодическихъ изданій намъ пришлось заглянуть и въ отдѣльныя сочиненія, а также прослѣдить всѣ отчеты с.-петербургскаго и московскаго отдѣленій императорскаго русскаго музыкальнаго общества и нѣкоторыхъ провинціальныхъ. Къ сожалѣнію, отчетовъ харьковскаго, кievскаго и одесскаго отдѣленій мы не могли достать, хотя и обращались въ мѣстныя дирекціи.

Прослѣдить отчеты с.-петербургскаго и московскаго отдѣленій имп. русск. муз. общ. представлялось необходимымъ потому, что эти учрежденія, возникшія по идеѣ, починомъ и энергіей А. Г. Рубинштейна, составляли вездѣ центръ, около котораго преимущественно сосредоточивалась его дѣятельность въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ, такъ какъ въ симфоническихъ собраніяхъ общества получалась возможность слышать большія оркестровыя сочиненія А. Г. Рубинштейна; къ тому же онъ былъ учредителемъ Общества и первымъ директоромъ с.-петербургской консерваторіи и, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія, теперь снова руководитъ этимъ созданнымъ имъ учрежденіемъ.

Повторяемъ, что въ нашей «Лѣтописи» приведены далеко не всѣ факты громадной дѣятельности А. Г. Рубинштейна, но болѣе подробный перечень ихъ выходилъ бы за предѣлы намѣченной нами программы, придерживаясь которой мы хотѣли прослѣдить только главнѣйшіе моменты дѣятельности А. Г. Рубинштейна, на основаніи данныхъ русской печати; наши свѣдѣнія мы иногда дополняли по афишамъ, полной коллекціи которыхъ, къ сожалѣнію, мы нигдѣ не нашли.

Для облегченія пользованія нашею «Лѣтописью», мы, пронумеровавъ ее по статьямъ, снабдили особымъ алфавитнымъ указателемъ. Библиографическій матеріалъ распределенъ обыкновенно подъ соответственными хронологическими датами; статьи же, рассматривающія дѣя-

тельность А. Г. Рубинштейна на болѣе продолжительномъ промежуткѣ времени, подведены подъ тѣ года «Лѣтописи», въ которые онѣ появились въ свѣтъ. Сюда же включены и нѣкоторыя статьи о русскомъ музыкальн. обществѣ и с.-петерб. консерваторіи, какъ имѣющія близкое отношеніе къ А. Г. Рубинштейну. Нашу «Лѣтопись» мы снабдили приложеніями, какъ, напр., нѣкоторыми поздравительными телеграммами и письмами къ А. Г. Рубинштейну, его запискою объ устройствѣ общедоступной оперы и концертовъ и т. п.; все это имѣетъ большой біографическій интересъ.

Печатаая настоящую «Лѣтопись», редація «Русской Старины» не сомнѣвается, что трудъ этотъ послужитъ хорошимъ подспорьемъ послѣдующимъ біографамъ А. Г. Рубинштейна. Было бы, разумѣется, любопытно прослѣдить отзывы о немъ иностранной печати, но это вовлекло бы въ такую работу, которая не по силамъ одному человѣку. Во всякомъ случаѣ, работа болѣе обширная, по своей специальности, была бы умѣстна на страницахъ какого либо музыкальнаго журнала.

Въ заключеніе просимъ всѣхъ учениковъ А. Г. Рубинштейна и его почитателей сообщить дополненія къ этой «Лѣтописи», если они найдутъ существенныя пропуски, и указать на замѣченныя погрѣшности. Это, во всякомъ случаѣ, въ интересахъ послѣдующихъ біографовъ.

Считаемъ своимъ долгомъ принести благодарность г. бібліотекарю русскаго отдѣленія императорской публичной бібліотеки Вл. Петр. Ламбину, безъ обязательнаго содѣйствія котораго работа эта не могла бы окончиться своевременно. Также мы весьма признательны директору с.-петербург. отдѣленія императорскаго русскаго музыкальнаго общества Авг. Ант. Герке, директору московской консерваторіи Вас. Ил. Сафонову, директору тифлискаго музыкальнаго училища Мих. Мих. Ипполитову-Иванову и директору саратовскаго отдѣленія общества и завѣдывающему его музыкальными классами Стан. Касп. Экснеру за обязательную присылку намъ отчетовъ мѣстныхъ отдѣленій общества и сообщеніе необходимыхъ намъ свѣдѣній.

Н. М. Лкоовскій.

Лѣтопись событій въ жизни и дѣятельности А. Г. Рубинштейна,

съ указаніемъ на отзывы и статьи о немъ и его произведеніяхъ
въ русской печати.

1829 — 1889.

1829.

1) Ноября 18. У Григорія Романовича Рубинштейна и жены его Калеріи Христофоровны, рожденной Левенштейнъ, род. сынъ Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ, въ сел. Вихватинецъ, близъ г. Дубосарь.

Первоначально А. Г. Рубинштейнъ полагалъ, что онъ родился въ 1830 г., о чемъ и помѣчено пмъ собственноручно въ книгѣ «Знакомые». Альбомъ М. И. Семевскаго. Спб., 1888, стр. 183.—Царь колоколь, иллюстриров. календарь. Альманахъ на 1889 г. Изд. Э. Э. Гиппіуса въ Москвѣ. Стр. 94—97. (Предстоящій 50 лѣтній юбилей артистической дѣятельности А. Г. Р-на).—Никол. Григ. Рубинштейнъ. М. 1881, стр. 5.—«Галатея», журналъ наукъ, искусствъ, литературы, новостей и модъ, над. Ранчезъ. 1839, ч. I, № 6, стр. 486—487; ч. IV, № 29, стр. 205—206. [Въ первомъ извѣстіи А. Р-на называли девятилѣтнимъ ребенкомъ, а во второмъ (болѣе позднемъ)—осьмилѣтнимъ].

1835.

2) Начало музыкальных занятій А. Рубинштейна подъ руководствомъ его матери. Рожденіе брата Николая Григорьевича въ Москвѣ.

1837.

3) Начало занятій въ Москвѣ съ Виллуаномъ (Villoing), подъ руководствомъ котораго А. Рубинштейнъ занимался до 13-лѣтняго возраста (т. е. до 1843 г.). [Занятія съ Виллуаномъ начались по совѣту г-жи Грюнбергъ].

«Journal de St.-Petersbourg» 1889, № 192. (V. P.).

1839.

4) Февраль. Первое печатное заявленіе о Рубинштейнѣ въ московскомъ журналѣ «Галатея» (1839, ч. II, № 6, стр. 486—487).

5) Юля 11. Первый концертъ А. Рубинштейна (въ театрѣ Петровскаго парка въ Москвѣ). Послѣ этого концерта Рубинштейнъ съ учителемъ своимъ Виллуаномъ предпринимаетъ въ концѣ 1840 г. путешествіе въ Парижъ и затѣмъ концертируетъ по Европѣ. Въ это время онъ впервые игралъ передъ Листомъ, который предсказалъ молодому артисту блестящую будущность.

Концертъ, данный А. Р-вомъ въ Москвѣ, отмѣченъ въ журналѣ «Галатея» (1839, ч. IV, № 29, стр. 205—206). Отзывъ этотъ перепечатанъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1888 г., томъ LVII, мартъ, стр. 811—812.

6) Августъ и сентябрь. Встрѣча съ Антономъ Григорьевичемъ Рубинштейномъ въ 1839 году I. В. Лохвицкаго (сперва въ Можайскѣ, а потомъ въ Москвѣ).

«Русская Старина» 1886, т. L, № 5, стр. 440—441. Здѣсь же напечатана автобиографическая замѣтка Рубинштейна, вписанная имъ въ альбомъ редактора «Русской Старины».

1843.

7) А. Рубинштейнъ съ Виллуаномъ прѣзжаетъ изъ-заграницы въ С.-Петербургъ. Здѣсь онъ давалъ концертъ. Участвовалъ 20-го марта въ концертѣ Сиб. филармоническаго общества и исполнилъ форт. концертъ С—moll Виллуана (Villolung).

Въ афишахъ 1843 г. о Рубинштейнѣ читаемъ: «русскій піанистъ (12-лѣтняго возраста), почетный членъ берлинскаго филармоническаго общества».

1844.

8) Увезенъ матерью въ Берлинъ вмѣстѣ съ братомъ Николаемъ. Здѣсь онъ занимался у Дена, извѣстнаго теоретика, у котораго впоследствии учился М. И. Глинка. Къ этому-же времени относится вліяніе Мендельсона и Мейербера на А. Рубинштейна.

1846.

9) Посѣщеніе Вѣны. Первый печатный отзывъ д-ра Бехера о Рубинштейнѣ.

Примѣчаніе. Бехеръ разстрѣлялъ въ 1848 г., какъ участника революціи. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ былъ первымъ провозвѣстителемъ «музыки будущаго»—произведшей потомъ Вагнера.

10) Въ Москвѣ умираетъ отецъ А. Рубинштейна. Его мать вмѣстѣ съ сыномъ Николаемъ возвращается въ Москву. Вскорѣ послѣ этого А. Рубинштейнъ, проживавшій въ Вѣнѣ, предпринимаетъ съ флейтистомъ Гейнделемъ концертное путешествіе по Венгріи.

1849.

11) Возвращеніе Рубинштейна въ С.-Петербургъ изъ заграничнаго путешествія.

12) Марта 14. Участвовалъ въ концертѣ с.-петерб. филармоническаго общества; исполнялъ свой фортепіанный концертъ D—moll, (не существуетъ въ печати).

1850.

13) Написалъ оперу: «Дмитрій Донской» или «Куликовская битва».

14) Февраля 26. Участвовалъ въ концертѣ с.-петерб. филармоническаго общества.

1851.

15) Басня Крылова, положенная на музыку А. Рубинштейномъ. Статья М. Бернарда. «Лит. приб. къ Нувеллисту» 1851, № 12.

1852.

16) Апрѣля 18. Первое представленіе оперы Рубинштейна «Куликовская битва» въ С.-Петербургѣ.

«Театр. и муз. Вѣсти.» 1852, № 46, стр. 538. (Дм. Исаевъ). — Историч. очеркъ русской оперы. В. Морковъ. Сиб. 1862, стр. 100.

1853.

17) Первое представленіе оперы А. Рубинштейна «Фомка-дурачекъ» въ С.-Петербургѣ.

Историч. очеркъ русской оперы. В. Морковъ. Сиб. 1862, стр. 100.

1854 — 1858.

18) Артистическое путешествіе Рубинштейна за-границей. Концерты во всѣхъ главнѣйшихъ музыкальныхъ центрахъ Германіи, Франціи и Англіи.

А. Р-нъ въ Германіи (изъ «Сиб. Вѣд.» и «Neue Berl. Mus. Zeit.»). «Лит. приб. къ Нувел.» 1855, № 3. — Р-нъ въ Германіи (изъ статьи Вертольда Дамке)

(изъ «Спб. Вѣд».) «Лит. приб. къ Нувеллисту» 1855, № 10.—«Муз. Свѣтъ» 1854, № 11; о постановкѣ оп. «Сибирскіе охотники» въ Веймарѣ на придвор. театрѣ.

1855.

19) Двѣ статьи Рубинштейна въ нѣмецкихъ музыкальныхъ журналахъ, въ одномъ вѣнскомъ (Wiener Zeitschrift für Musik) и другомъ берлинскомъ (Berliner Musikzeitung «Echo»), о положеніи музыки въ Россіи.

«Вѣстникъ Европы» 1886, № 4, стр. 568. (Въ статьѣ В. Стасова «Тормазы русскаго искусства»).—«Историч. Вѣстн.» 1886, № 11, стр. 353. (Въ статьѣ В. Стасова «50-лѣтіе оперы «Жизнь за царя»).—«Новое Время» 1888 (7 марта), № 4319; по поводу лекціи г. Арнольда (М. Ивановъ).—Напраслина на г. Рубинштейна. «Муз. Обзоръ» 1888, № 12, стр. 92.—Письмо въ редакцію. Юрій Арнольдъ. «Баянъ» 1888, № 17, стр. 158.—Записки М. И. Глинки. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1887, стр. 368. (Въ письмѣ М. И. Глинки къ В. П. Энгельгардту).

1857.

20) Апрѣль. Рубинштейнъ концертируетъ въ Парижѣ.

«Муз. Свѣтъ» 1857, № 5.—А. Р-нъ въ Парижѣ. «Муз. Свѣтъ» 1857, № 6.

1858.

21) Рубинштейнъ концертируетъ въ Вѣнѣ, въ Пештѣ и въ Парижѣ. Въ Веймарѣ идетъ его ораторія «Потерянный рай» — въ первомъ наброскѣ.

«Муз. Свѣтъ» 1858, № 3.—Концертъ Р-на въ Парижѣ. (Мартъ, 1858). «Муз. Свѣтъ» 1858, № 5.—Второй и послѣдній концертъ Генриха Венявскаго въ Парижѣ съ участіемъ Р-на. «Муз. Свѣтъ» 1858, № 6.—«Театр. и муз. Вѣстн.» 1858, № 1, стр. 9; тамъ же № 3, стр. 35; тамъ же № 11, стр. 131.

22) Рубинштейнъ возвращается изъ своего заграничнаго путешествія въ С.-Петербургъ.

«Муз. Свѣтъ» 1859, № 4.

1859.

23) Января 27. Собраніе у графа М. Ю. Віельгорскаго, на которомъ состоялось постановленіе возобновить дѣйствіе симфоническаго общества, возникшаго въ Спб. еще въ 1840 году и въ 1851 году на время прекратившаго свою дѣятельность.

24) Марта 11. Концертъ Рубинштейна въ С.-Петербургѣ въ Большомъ театрѣ. Исп. его вторая симфонія *C—dur*, «Океанъ», соч. 42-е.

«Театр. и муз. Вѣстн.» 1859, № 11, стр. 96—97. (А. Сѣровъ).—«Муз. Свѣтъ» 1859, № 4.

25) Мая 1. Высочайше утвержденъ уставъ «Русскаго музыкальнаго общества». [Директорами общества, кромѣ А. Г. Ру-

бывшейна, были графъ М. Ю. Вѣльгорскій, В. А. Кологривовъ, Д. В. Стасовъ и Д. В. Каншинъ].

Письмо въ ред. Конст. Вильбоа. «Театр. и муз. Вѣстн.» 1859, № 48, стр. 480.—Письмо въ ред. (отвѣтъ). «Театр. и муз. Вѣстн.» 1859, № 50, стр. 502—503.—Нѣсколько словъ по случаю открытія «Русск. муз. общ.» въ С.-Петербургѣ. Владиміровъ. «Сѣв. Цвѣтокъ» 1859, № 28; дополненіе, тамъ же № 29.

26) Ноября 23. Первое симфон. собр. русск. муз. общ. въ Спб. [Этимъ собраніемъ, какъ и большинствомъ послѣдующихъ до сезона 1866—1867 г. включительно, управлялъ Рубинштейнъ. Въ 1-мъ собр. 23 ноября 1859 г. онъ игралъ свой концертъ для фортепіано № 3, G—dur, соч. 45-е (оркестръ подъ упр. К. Шуберта)].

«Театр. и муз. Вѣстн.» 1859, № 47, стр. 463—465. (А. Сѣровъ).—«Театр. и муз. Вѣстн.» 1859, № 48, стр. 475—477; о 2-мъ симф. собр. 30 ноября. (А. Сѣровъ).—«Театр. и муз. Вѣстн.» 1859, № 50, стр. 493—500; о 3 и 4-мъ симф. собр. 7 и 14 декабря. (А. Сѣровъ).—Три послѣдніе вечера рус. муз. общ. А. Сѣровъ). «Театр. и муз. Вѣстн.» 1860, № 7, стр. 54—59.

1860.

27) Февраля 22. Концертъ Рубинштейна въ Спб. въ Большомъ театрѣ.

«Театр. и муз. Вѣстн.» 1860, № 9, стр. 75—76. (А. Сѣровъ и М. Р. тамъ же № 10, стр. 80; тамъ же № 12, стр. 98.

28) Два концерта Рубинштейна въ Москвѣ. [Въ 1-мъ концертѣ исп. его вторая симфонія C—dur, «Океанъ», соч. 42-е; во 2 концертѣ третья симфонія, A—dur, соч. 56-е].

«Театр. и муз. Вѣстн.» 1860, № 14, стр. 113. (А. Баженовъ). Тоже см. въ книгѣ: «Соч. и пер. А. Н. Баженова. М. 1869, т. I, стр. 89 (о симфон. «Океанъ»).

29) Ноября 14. Рубинштейнъ исполн. концертъ G—dur, соч. 58-е, Бетховена, въ 1-мъ симф. собр. въ Спб.

30) Артисты-музыканты нашей эпохи: Антонъ Рубинштейнъ. «Музыкальный Свѣтъ» 1860, № 4 и 5.

1861.

31) Января 4. Появилась въ свѣтъ статья Рубинштейна «О музыкѣ въ Россіи» (въ журналѣ «Вѣкъ» 1861, № 1, стр. 33—37).

«Сѣв. Пчела» 1861, № 45 (замѣчанія на ст. А. Р-на).—Степной отголо-сокъ на статью г. Р-на «О музыкѣ въ Россіи». Арх. Р-х-м-н-въ. «Русскій Міръ» 1861, № 56.—«Вѣстникъ Европы» 1885, № 4, стр. 568. (Въ статьѣ В. Стасова «Тормазы русскаго искусства»).

32) Первое предст. оперы А. Рубинштейна «Дѣти степеней» въ Вѣнѣ въ театрѣ Кертнерторъ.

«Муз. Свѣтъ» 1861, № 4.

33) Октября 17. Высочайше утвержденъ уставъ музыкальнаго училища (консерваторіи). Директоръ консерваторіи былъ Рубинштейнъ, какъ главный организаторъ этого новаго дѣла.

34) Ноября 5. «Русалка» пѣснь для альты, съ хоромъ, соч. 63-е А. Рубинштейна; соло исполняла г-жа Надежда Зубинская (потомъ вышедшая замужъ за г. Анчутина) въ 1-мъ симф. собраніи въ Спб.; тамъ же Рубинштейнъ исп. концертъ для форт., D—moll, Моцарта.

1862.

35) Октября 30. Рубинштейнъ исп. концертъ для форт., D—moll, I. С. Баха, въ 1-мъ симф. собр. въ Спб.

36) Декабря 18. Концертъ для форт. № 3, G—dur, соч. 45-е А. Рубинштейна, исп. авторъ въ 7-мъ симф. собр. въ Спб.

1863.

37) Января 29. А. Рубинштейнъ и Дрейшокъ исп. дуэтъ для двухъ фортепіано, Шумана, въ экстр. симф. собр. въ Спб.

38) Антонъ Рубинштейнъ. «Музык. Свѣтъ» 1863, № 11 (съ портретомъ Р.—на in 4° на отдѣльномъ листѣ; рис. Борель съ фотографіа Денъера; над. Мюнстеръ).

1864.

39) Октября 29. Концертъ для фортепіано № 1, E—moll, соч. 25-е А. Рубинштейна, исп. авторъ въ 3-мъ симф. собраніи въ Спб. «Голось» 1864, № 301.

40) Русское музык. общество и состоящее при немъ музыкальное училище (консерваторія). А. Э. «Музык. Свѣтъ» 1864, № 5, стр. 35—38.

41) С.-Петербургская музык. консерваторія. А. Сасъ. «Голось» 1864, № 205.

42) Rubinstein Antoine. «Biographie universelle des musiciens» par F. J. Fétis. T. VII, стр. 344—346. Paris, 1864.

1865.

43) Февраля 28. Концертъ Рубинштейна въ С.-Петербургѣ. «Голось» 1865, №№ 68 и 86.

44) Юня 30. Повѣнчанъ (имѣя отъ роду 35 лѣтъ) съ дочерью д. с. с. Вѣрою Александровною Чиквановою въ Бадень-Бадень.

45) Декабрь. Первые выпускные экзамены въ с.-петербургской консерваторіи. [Окончили полный курсъ занятій въ консерваторіи и удостоены диплома на званіе свободнаго художника: Лудвигъ Альбрехтъ (виолончель, у проф. Давыдова), Василій Бессель (альтъ,

у проф. Веймана), Лудвигъ Гоммилусъ и Густавъ Кроссъ (форт. у проф. Рубинштейна), Петръ Чайковскій (муз. сочин., у проф. Заремба), Иванъ Рыбасовъ, (форт., у проф. Герке) и Александръ Рейхардъ (форт., у проф. Дрейшокъ). Окончили курсъ по своему специальному инструменту: г.-жа Софья Александр. Малоземова (форт., у проф. Лешетицкаго), гг. Дмитрій Пановъ, Константинъ Пушиловъ и Василій Саливъ (скрипка, у проф. Венявскаго) и Иванъ Макаровъ (контрабасъ, у проф. Ферерро). Гг. Кроссъ и Чайковскій удостоены, кромѣ диплома, награжденія медалями. Окончившіе экзаменъ только по своему специальному инструменту остались, по своему желанію, въ консерваторіи, для окончанія полнаго курса. Великая княгиня Елена Павловна, узнавъ объ успѣшныхъ экзаменахъ 1-го вып., выразила свое удовольствіе и признательность профессорамъ и ученикамъ и въ особенности директору консерваторіи А. Рубинштейну, какъ главному двигателю всего дѣла рус. муз. общ. и консерваторіи.

46) Октября 28. Рубинштейнъ испол. концертъ для форт., А — moll, Шумана во 2-мъ симф. собр. въ Спб.

47) Краткій обзоръ пятнадцатилѣтней дѣятельности русск. муз. общ. Ростиславъ. «Голосъ» 1865, № 47, 48.

1866.

48) Октября 23. Концертъ для форт. № 2, F—dur, соч. 35-е А. Рубинштейна, испол. авторъ во 2-мъ симф. собр. въ Спб.

49) Декабрь. Вторые выпускные экзамены въ с.-петербургской консерваторіи. [Окончили полный курсъ и удостоены диплома на званіе свободнаго художника г.-жв: Альтани, Логвинова, Смирягина, Тарновская и Терминская (форт., у проф. Рубинштейна), Добжанская, Малоземова, Спекторская и Щетинина (форт., у проф. Лешетицкаго), Еремѣева (форт., у проф. Герке), Клеммъ и Хвостова (пѣніе, у проф. Ниссенъ-Саломанъ); гг. Альтани и Ларошъ (теорія композиціи, у проф. Заремба) и Эвертсъ (форт., у проф. Дрейшокъ). Окончили курсъ по своему специальному инструменту: г.-жи Лейброкъ, Скордули и Турчанинова (пѣніе, у проф. Репетто), Ушакова, Шмидтъ, Шульцъ и Экхардтъ (форт., у проф. Дрейшокъ), Соколовская (форт., у проф. Рубинштейна), гг. Бровниковъ (пѣніе, у проф. Репетто), Кузнецовъ и Тейхъ (виолонч., у проф. Давыдова), Козель I (контраб., у проф. Ферерро), Порошинъ (гобой, у проф. Луфта), Пуни I (флейта, у проф. Чарди), Брянскій и Рубецъ (музык. сочин., у проф. Заремба)].

По поводу выпускныхъ экзаменовъ, происходившихъ въ декабрь 1866 г. въ с.-петербургской консерваторіи. «Голосъ» 1867, № 25.

50) Постановка оперы Рубинштейна «Дѣти степей» въ Москвѣ.

51) Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ. «Воскресный Досугъ» 1866, № 162.

1867.

52) Февраля 18. А. Рубинштейнъ, Герке и Кроссъ исп. концертъ для 3-хъ форт. Баха въ 10-мъ симфон. собр. въ Спб.

53) Начало марта. Поднесеніе Рубинштейну двухъ адресовъ въ с.-петерб. консерваторіи отъ профессоровъ и отъ воспитанниковъ, по поводу разнесшагося слуха, что онъ, по возникшимъ между нимъ и нѣкоторыми его сотрудниками разногласію, слагаетъ съ себя обязанности директора и оставляетъ консерваторію.

«С.-Петербург. Вѣд.» 1867, № 66; письмо г. Солодовникова съ приложеніемъ двухъ адресовъ А. Р-ну.—«Музыка и театръ» 1867, № 1, стр. 14. (А. С.).

54) Марта 12. Концертъ Рубинштейна въ залѣ дворянскаго собранія въ Спб.

«Голосъ» 1867, № 72.

55) Марта 29. Рубинштейнъ въ концертѣ Литольфа въ Спб. дирижировалъ первую его увертюрою.

«Музыка и Театръ» 1867, № 2, стр. 32.—Литольфъ въ Петербургѣ. «Голосъ» 1867, № 94.

56) Апрѣля 17. Историческій концертъ, данный въ Спб. въ залѣ дворянск. собр. хоромъ русской оперы. Первою частью концерта дирижировалъ Рубинштейнъ; въ послѣднемъ номерѣ концерта былъ исполненъ финалъ 2-го акта изъ его оперы «Дѣти степей».

«Музыка и Театръ» 1867, № 3, стр. 45, 46, 47.—«Голосъ» 1867, № 109.

57) Весна. Послѣ окончанія сезона Рубинштейнъ покидаетъ Россію, слагая съ себя обязанности по консерваторіи и отправляется въ концертное путешествіе за-границу. На его мѣсто завѣдывать консерваторіей назначенъ Заремба. Симф. собр. въ теченіи сезона 1867—1868 и 1868—1869 г. дирижировалъ М. А. Балакиревъ. Съ сезона 1869—70 г. управленіе симфон. собран. переходитъ къ Э. Ф. Направнику, затѣмъ къ Л. С. Ауэру и др. лицамъ.

«Голосъ» 1867, № 88, фельетонъ.—«Музыка и Театръ» 1867, № 12, стр. 187—192; первый конц. рус. муз. общ. 19 окт. 1867 г. (А. Сѣровъ).—«Музыка и Театръ» 1867, № 14, стр. 220—221; второй и третій конц. рус. муз. общ. 26 окт. и 9 ноября 1867 г. (А. Сѣровъ).—Нѣсколько словъ о междуособицахъ, происходящихъ въ нашемъ музыкальномъ мірѣ. «Голосъ» 1869, № 324.—«Совр. Лѣтопись» 1869, № 16 (П. Чайковскій).—«Историч. Вѣстн.» 1887, № 3, стр. 612. (Въ статьѣ В. Стасова: «25-лѣтіе бесплатной муз. школы»).

58) О настоящемъ состояніи с.-петербургской консерваторіи. А. Фаминцынъ. «Голосъ» 1867, № 269.

59) Нѣсколько словъ о нашей консерваторіи. «Народовой Голосъ» 1867, № 81.

60) Антонъ Рубинштейнъ. «Муз. Свѣтъ» 1868, № 4 (извѣстія изъ Парижа).

61) Нѣсколько словъ объ Антонѣ Рубинштейнѣ. Ларошъ. «Современная Лѣтопись» 1868, № 34.

1869.

62) Января 25. Вторая симфонія С—dur, «Океанъ», для оркестра въ 4-хъ частяхъ, соч. 42-е А. Рубинштейна, исп. въ 5-мъ симф. собр. въ Спб. Орк. подъ управл. Ник. Гр. Рубинштейна.

«Спб. Вѣд.» 1869, № 39 [Б(ородинъ)]. Тоже см. въ книгѣ: «А. П. Бородинъ. Его жизнь, переписка и муз. статьи». Изд. А. Суворина (Спб. 1889). Стр. 287—300.

63) Мая 19. Всемиловѣйше награжденъ орденомъ св. Владимира 4 ст. за заслуги, оказанныя с.-петербургской консерваторіи русск. муз. общества.

64) Октябрь и ноябрь. Рубинштейнъ далъ 4 концерта въ Ригѣ, съ благотв. цѣлью, затѣмъ онъ далъ 3 концерта въ Варшавѣ, откуда уѣхалъ въ Вильно съ тѣмъ, чтобы черезъ Витебскъ, Смоленскъ, Москву, Кіевъ и др. города проѣхать въ Одессу.

«Муз. Сезонъ» 1869—1870, №№ 1, 2, 3. (А. Фаминцынъ).

65) Ноября 1. «Фаустъ» музык. характеристич. картина для оркестра, соч. 68-е А. Рубинштейна, исп. въ 1-мъ симф. собр. въ Спб. Орк. подъ упр. Э. Ф. Направника.

«Голосъ» 1869, № 308.

66) Ноября 2. «Іоаннъ Грозный». Музык.-характеристич. картина для оркестра, соч. 79-е А. Рубинштейна, исп. въ бесплатной музык. школѣ въ Сиб. (въ 1-й разъ) подъ управ. М. А. Балакирева. [Въ предшеств. концертѣ бесплатной школы 26 октября была исп. музык. картина М. А. Балакирева «1000 лѣтъ»].

«Муз. Сезонъ» 1869—1870, № 2 (А. Фаминцынъ).—По поводу исполн. двухъ музык. картинъ («Іоаннъ Грозный» А. Р.—на и «1000 лѣтъ» М. Балакирева). А. Фаминцынъ. «Муз. Сев.» 1869—1870, № 3.

67) Конецъ ноября. Концерты Рубинштейна въ Кіевѣ. Это было первое посѣщеніе имъ Кіева. Пріѣхавъ 24 ноября, онъ въ тотъ же день давалъ концертъ въ залѣ дворянскаго собранія, и затѣмъ два концерта (26 и 29 ноября) въ городскомъ театрѣ; 30 ноября участвовалъ въ 3-мъ симф. собр. рус. муз. общ. въ Кіевѣ (передъ выѣздомъ).

«Муз. Сезонъ» 1869—1870 №№ 6, 7, 12. Очеркъ дѣйств. кіевск. отд. имп. рус. муз. общ. 1863—1888. Кіевъ, 1888, стр. 18—19.

68) Декабря 7. Концертъ Рубинштейна въ Москвѣ.

«Муз. Сезонъ» 1869—1870, № 8 (А. Размадзе).

69) Декабря 14 и 21. Два концерта Рубинштейна въ Спб. въ залѣ дворянскаго собранія. Въ 1-мъ концертѣ исп. его «Іоаннъ Грозный» музык.-характеристич. картина для оркестра, соч. 79-е.

«Муз. Сез.» 1869—1870, № 7, 9 (А. Фамининъ).—«Голосъ», 1869, № 350.

70) Декабря 22. Отъѣздъ Рубинштейна за границу.

71) Декабря 26. Рубинштейнъ даетъ концертъ въ Дрезденѣ.

1869—1870.

72) Симф. собр. русск. муз. общ. въ Москвѣ.

Собрание 3-е. Конц. для форт., G—dur, соч. 58 Бетковена. Исполн. А. Рубинштейнъ.

1870.

73) Февраля 9. Ораторія Рубинштейна «Вавилонское столпотвореніе» (Der Thurm zu Babel). Исп. въ 1-й разъ въ Кенигсбергѣ, въ концертѣ тамошней музыкальной академіи, подъ упр. автора. Эта опера въ томъ же мѣсяцѣ исполнялась въ Берлинѣ и Вѣнѣ, также подъ личнымъ упр. автора.

Письма изъ Германіи. А. Р—ва. «Литерат. приб. къ Муз. Вѣсти.» 1870, № 8.—Соч. А. Г. Р—на. Der Thurm zu Babel. Geistliche Oper in einem Aufzuge. Ларошъ. «Муз. Лист.» 1873—74, № 3, 4; стр. 33—36, 49—56.

74) Февраль. Концерты А. Рубинштейна въ Берлинѣ.

«Муз. Сез.» 1869—70, № 17 (Н. Соловьевъ).

75) Мартъ и апрѣль. Концерты Рубинштейна въ Парижѣ, въ залѣ Генриха Герца, извѣст. артиста и фортепяннаго мастера. Первый концертъ состоялся 20 марта (1 апрѣля). Послѣ Парижа Рубинштейнъ концертировалъ въ Тулузѣ, Бордо и Марселѣ.

76) Апрѣль (?). Концертъ Рубинштейна въ Москвѣ.

«Литер. приб. къ Муз. Вѣсти.» 1870, № 5.

77) Ноябрь. Два концерта Рубинштейна въ Харьковѣ. Послѣ того два концерта его въ Одессѣ.

«Музык. Севонъ» 1870—71, № 9 (—нъ). Тамъ-же № 9. (Е. К.).

78) Декабря 22. А. Рубинштейнъ возвращается въ С.-Петербургъ изъ своего концертнаго путешествія по Россіи.

79) Антонъ Рубинштейнъ (съ портретомъ). «Нива» 1870, № 32.

80) Антонъ Рубинштейнъ. Біографическій очеркъ. Н. С. «Всемирная Иллюстрація» 1870, № 55.

1870—1871.

81) Симф. собр. русск. муз. общ. въ Москвѣ.

Собрание 1. (Октября 23). Концертъ для форт. A—moll соч.

54-е, Шумана; «Variations sérieuses» Мендельсона; три этюда Шопена и «Erlkönig» въ арранжировкѣ Листа; исп. А. Рубинштейнъ.

«Муз. Сезонъ», 1870—71, №№ 3, 4 (А. Размадзе).

Собрание 7. «Донъ Кихотъ», музыкально-характеристич. картина для оркестра, соч. 87-е Рубинштейна.

«Муз. Сезонъ» 1870—71, № 12. — Литер. приб. къ «Музык. Вѣстн.» 1871, № 2, о «Донъ-Кихотѣ» (Р.).—Современная Лѣтопись, 1871, № 4 (Ларошъ).

1871.

82) Января 3. Рубинштейнъ участвуетъ въ 4-мъ симф. собр. въ Спб. и исполнилъ концертъ G—dur (соч. 58) Бетховена и симфонич. этюдъ Шумана.

«Муз. Сез.» 1870—71, № 12 (А. Фаминцынъ). — «Голосъ» 1871, № 3, (А. Сѣровъ).

83) Великій постъ (?). Два концерта Рубинштейна въ Спб. съ участіемъ его брата Ник. Гр. (во 2-мъ конц.). Въ одномъ изъ концертовъ исп. «Донъ Кихотъ» музык.-характер. карт. для оркестра, соч. 87. А. Рубинштейна. Кромѣ того исполнялось: трио № 4, А—moll, соч. 85-е, «Andante» для скрипки съ форт., соч. 86-е, и соната для форт. въ 4 руки,—соч. 89-е.

«Муз. Сез.», 1870—71, № 18 (А. Фаминцынъ), — «Голосъ» 1871, № 61 (Ростиславъ).—«Муз. Листокъ» 1872—73, № 10, стр. 152—154 (Ларошъ).

84) Марта 8. Концертъ Рубинштейна въ Москвѣ.

«Муз. Сез.» 1870—1871, № 20 (Г.).

85) «Баянъ», 1869, № 3, стр. 17. (Въ автобіографической запискѣ А. Н. Сѣрова. † 20 января 1871 г.).

86) С-петербургская консерваторія и г. Заремба. Александръ Фаминцынъ. «Голосъ» 1871, № 272. [Полемика съ г. *** (Ц. Кюи)].

1871—1872.

87) А. Рубинштейнъ дирижируетъ весь сезонъ въ большихъ концертахъ музыкальнаго общества въ Вѣнѣ. [На слѣдующій сезонъ его замѣнилъ Г. Брамсъ].

1872.

88) Мартъ. Постановка оперы Рубинштейна «Фераморсъ» на сценѣ вѣнскаго придворнаго театра.

89) Мая 7 и 9 (19 и 21). Рубинштейнъ управляетъ 49-мъ нижне-рейскимъ музыкальнымъ фестивалемъ въ Дюссельдорфѣ. Кромѣ симфоній Бетховена и Шумана, исп. ораторія Рубинштейна «Вавилонское столпотвореніе».

90) Лѣто. Рубинштейнъ проводилъ это лѣто съ семействомъ въ Зальцбургѣ и написалъ музыку къ стихотвореніямъ и реквиѣмъ Миньоны по Гете; кромѣ того, большую сцену для пѣнія, подъ названіемъ «Агарь».

Миньона Антона Рубинштейна. «Муз. Свѣтъ» 1873, № 7.—Новое прои-
веденіе А. Р.—на (Миньона) «Муз. Свѣтъ» 1873, № 9.

91) Августа 9. Выѣхалъ изъ Зальцбурга и предпринялъ большое путешествіе черезъ Вѣну, Берлинъ, Лейпцигъ, Веймаръ, Парижъ и Лондонъ, въ Ливерпуль.

1872—1873.

92) Артистическое путешествіе Рубинштейна въ Америкѣ вмѣстѣ съ Генрихомъ Венявскимъ. Концертанты отправились изъ Ливерпуля 19 (31) августа 1872 г. 1-й концертъ состоялся 11 (23) сентября въ Нью-Йоркѣ въ Steinway—Hall. Во время своей поѣздки по Соединеннымъ Штатамъ они дали 215 конц., общій сборъ съ которыхъ простирается до 351,000 долларовъ. Изъ этой суммы антрепренеръ уплатилъ Венявскому 100 т. франковъ, Рубинштейну 200 т. фр.

Рубинштейнъ и Венявскій въ Америкѣ. «Музык. Свѣтъ» 1872, № 11.—
Рубинштейнъ въ Нью-Йоркѣ. «Муз. Свѣтъ» 1873, № 8.

93) Сочиненія А. Г. Рубинштейна. I. «Иванъ Грозный». Музык. характери-
стическая картина для оркестра, соч. 79. Перелож. для форт. въ 4 руки П. Чайковского—«Донъ-Кихотъ». Музык. юморист. картина для оркестра, соч. 87. Перелож. для форт. въ 4 руки П. Чайковского. (Изданія В. В. Бесселя). Ларошъ. «Муз. Листокъ», 1872—73, № 10, стр. 152—154.

94) Сочиненія А. Г. Рубинштейна. II. Романсы и пѣсни (изданіе В. В. Бесселя). Ларошъ. «Муз. Листокъ» 1872—73, №№ 15, 17, стр. 225 — 228, 257—260.

95) Сочиненія А. Г. Рубинштейна. III. «Утро». Мужской хоръ съ оркестромъ на стихотвореніе Полонскаго. Соч. 74. Клавираусдугъ. Изд. В. В. Бесселя. Ларошъ. «Муз. Листокъ» 1872—73, № 19, стр. 289—292.

1873.

96) Января 9. Кончина вел. кн. Елены Павловны, покровитель-
ницы русск. муз. общ. съ первыхъ дней его учрежденія.

97) Января 26. Президентомъ и покровителемъ русск. музык. общ. высочайше утвержденъ вел. кн. Константинъ Николаевичъ.

98) Апрѣля 6. Высочайше пожалованъ русск. муз. общ. титулъ «императорскаго».

99) Іюля 4 (16). Высочайше утвержденъ новый уставъ имп. русск. муз. общ.

100) Декабря 12. Концертъ Рубинштейна въ Миланѣ въ Società del Quartetto. (Отсюда онъ отправился въ Римъ, въ Парижъ и въ С.-Петербургъ).

1873—1874.

101) Симф. собр. имп. русск. муз. общ. въ Москвѣ.

Собрание 8-е. Вторая симфонія, C—dur, «Океанъ», соч. 42-е А. Рубинштейна, подъ упр. автора.

1874.

102) Февраль. Два концерта А. Рубинштейна въ Спб. 20 и 25 февраля. Въ 1-мъ конц. исп. тему съ вариациями, собств. соч. (соч. 88) и восемь пьесъ изъ Miscellanies (соч. 93).

«Муз. Листокъ» 1873 — 74, № 17, 18, стр. 267, 279. (А. Фаминцынъ). — Miscellanies. Собрание разныхъ пьесъ для фортепiano Антона Рубинштейна. Спб., у В. Бесселя и К^о. соч. 93, № 9. Мелочи (Miniatures). Двѣнадцать пьесокъ для фортепiano. Ларошъ. «Музык. Листокъ» 1873—74, № 11, стр. 164—166. — Музыкальныя замѣтки. «Miscellaneous». Собрание разныхъ пьесъ для фортепiano А. Рубинштейна. Соч. 93. Статья *** (Ц. Кюн). — «Спб. Вѣд.» 1875, № 10. Сочиненія для фортепiano Ан. Гр. Рубинштейна. Тема съ вариациями (посвящается г. Ю. Беренсу). Соч. 88. Спб., у Бесселя. Ларошъ. «Муз. Лист.» 1873—74, № 17, стр. 257—261.

103) Весна. Постановка оперы Рубинштейна «Фераморскъ» на Миланской сценѣ.

104) Апрель 20. Рубинштейнъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга въ Берлинъ и Дрезденъ, съ цѣлью постановки своей оперы «Маккавей» на сценѣ одного изъ театровъ этихъ столицъ.

105) Театръ и Музыка. Русское музыкальное общество. Статья ***. (Ц. Кюн). «Спб. Вѣд.» 1874, № 291, 306, 319, 326, 333.

1875.

106) Января 11. Драматическая симфонія (№ 4), D—molл, соч. 95-е А. Рубинштейна, исп. въ 4-мъ симф. собр. въ Спб. подъ управленіемъ автора.

«Голось» 1875, № 22. (М.—ій). — «Спб. Вѣд.» 1875, № 17 *** (Ц. Кюн).

107) Января 13. Первое представленіе оперы А. Рубинштейна «Демонъ» въ Спб., въ бенефисъ И. А. Мельникова.

«Демонъ», фантаз. оп. А. Р.—на. М*. «Муз. Лист.» 1874—75, №№ 9, 10, стр. 129—133, 115—120. — «Голось» 1874, № 22 (М.—ій). — «Спб. Вѣд.» 1875, № 21 *** (Ц. Кюн). — «Пчела» 1875, № 5 (Александръ Фаминцынъ). — «Новое Время» 1875, № 12. — «Нов. Время» 1875, № 19 (Соловьевъ). — «Всемирная Иллюстрація» 1875, т. XIII, № 7. — «Баянъ» 1888, № 18, стр. 169 (отзывъ «Berliner Tageblatt» объ оперѣ А. Р.—на «Демонъ»).

108) Февраль. Концерты Рубинштейна въ Берлинѣ и въ Лейпцигѣ.

109) Апрель 5 (17). Первое предст. оперы Рубинштейна «Маккавен» въ Берлинѣ.

Маккавен, опера А. Г. Р.—на. «Муз. Лист.» 1874—75, № 19, стр. 265—268 (извлечение изъ отзыва, помѣщенного въ «Neue Berliner Musikzeitung»).—Маккавен (Die Massabäer), оп. А. Р.—на. Ларошъ. «Муз. Листокъ» 1875—76, № 15, 16, 17, 18; стр. 225—229, 241—248, 257—260, 278—278. — «Всемирная Иллюстр.» 1875, т. XIII, № 21 (корресп. изъ Берлина).

110) Май. Концертъ Рубинштейна въ Парижѣ. (13-го мая онъ возвращается въ С.-Петербургъ и приступаетъ къ сочиненію оп. «Неронъ».) «Муз. Лист.» 1874—75, № 23, стр. 336—337.

111) Октября 10. Первое представленіе оперы Рубинштейна «Маккавен» въ Прагѣ.

112) Ноябрь. Постановка оперы «Маккавен» въ Стокгольмѣ.

113) Ноября 23. Варіаціи на бетховенскую тему для двухъ роялей, Сень-Санса. Исп. Рубинштейнъ и авторъ въ утреннемъ экстренномъ музыкальномъ собр. въ Спб.

«Голосъ» 1875, № 327 (Ларошъ).

114) Декабря 21. Концертъ Рубинштейна въ Москвѣ (былъ и еще одинъ концертъ (?)).

115) Рубинштейнъ Антонъ Григорьевичъ *** (Ц. Кюи). «Русск. энциклопед. словарь», изд. проф. И. П. Березинимъ. Отд. IV, т. I (Спб. 1875) стр. 318—319.

116) Тріо № 4, стр. 85, А. Рубинштейна. Статья ***. (Ц. Кюи). «Спб. Вѣд.» 1875, № 82.

117) Дѣятельность русск. музык. общества въ началѣ текущаго сезона М. И (вановъ) «Пчела» 1875, № 45, стр. 547.

1875—1876.

118) Симф. собр. импер. русск. муз. общ. въ Москвѣ.

Собраніе 6-е. Концертъ для форт. № 5, Es—dur, соч. 94-е А. Рубинштейна, исп. авторъ. Фантазія для двухъ форт. соч. 73-е А. Рубинштейна, исп. авторъ и Ник. Гр. Рубинштейнъ.

1876.

119) Января 4 и 11. Два концерта Рубинштейна въ С.-Петербургѣ. «Муз. Лист.» 1875—76, № 15, стр. 233—234.

120) Ноября 26. Первое предст. оперы А. Рубинштейна «Маккавен» на сценѣ придворнаго театра въ Мюнхенѣ.

121) Начало декабря. Исполненіе ораторіи «Потерянный рай» въ Дрезденѣ.

122) Декабря 5. «Потерянный рай», ораторія, соч. 54-е А. Рубинштейна, исп. въ спб. филармон. общ. въ залѣ дворян. собранія подъ

управленіемъ автора. (Повтореніе ораторіи въ спб. филармоническомъ обществѣ состоялось 5-го января 1877 г.).

«Голосъ» 1877, № 7.—«Новое Время», 1876, № 286 (М. Ивановъ).—«Муз. Лист.» 1876—77, № 7, стр. 102—103; тамъ же № 9, стр. 138—139.

1877.

123) Января 22. Первое представленіе оперы А. Рубинштейна «Маккавей» въ Спб.

«Пчела» 1877, № 6, стр. 91—96 (М. Ивановъ).—«Новое Время» 1877, (31 янв.), № 338 (М. Ивановъ).—«Спб. Вѣд.» 1877, № 25, фельет. *** (Ц. Кюп).

124) Май. Пять утреннихъ и два вечернихъ концертовъ Рубинштейна въ Лондонѣ, въ St.-James-Hall. (Отсюда онъ отправился въ С.-Петербургъ).

125) Юня 16 (28). Высочайше даровано свободному художнику Антону Рубинштейну потомственное Россійской имперіи дворянское достоинство, по ордену св. Владимира 4-й ст., полученному въ 1869 г.

126) Октября 15. Экстрен. симф. собр. въ пользу вспомог. кассы музык. художн. подъ управл. и съ участіемъ А. Рубинштейна. Исполнялась вторая симфонія для оркестра, С—dur, «Океанъ», соч. 42-е А. Рубинштейна. Кромѣ того онъ сыгралъ первый концертъ для форт. съ оркестр., Es—dur, Ф. Листа; «Melancolie» и «Скерцо» своего сочиненія; «этюды» и «полонезъ» Шопена.

«Нов. Время» 1877 (19 окт.), № 590 (М. Ивановъ).

127) Rubinstein, Anton Gregor.—Musikalisches Conversations-Lexikon von Hermann Mendel. T. VIII, стр. 454—457. Berlin, 1877.

1878.

128) Октября 14. Экстренное симфонич. собр. въ пользу вспомог. кассы музык. художн. подъ управл. и съ участіемъ Рубинштейна. Имъ исполнены: свои сочиненія: фантазія для форт. съ оркестр., С—dur, соч. 84-е, а также «романсъ» и «этюды». Кромѣ того онъ исполнилъ «баркаролу» Шопена; «этюды» и «Au bord d'une source» Листа.

«Спб. Вѣд.» 1878, № 290 (Н. Соловьевъ).

129) Октября 22. Первое представленіе оперы А. Рубинштейна «Демонъ» въ Москвѣ.

«Русск. Вѣд.» 1879, № 269 (О. Л—нъ). — «Совр. Изв.» 1879, № 291. Тамъ же № 297 (***).

1879.

130) Ноября 1. Первое представл. оперы А. Рубинштейна «Неронъ» въ Гамбургѣ, подъ упр. автора.

«Всемирн. Иллюстр.» 1880, т. XXIII, № 2.—«Нувеллисть» (газета) 1880 № 1. (Отзывы иностр. печати объ оперѣ А. Р.—на «Неронъ»).

131) Антонъ Рубинштейнъ. Статья Эрлиха. — «Еженедѣльное Новое Время» 1879, т. II, стр. 519—538.

132) Рубинштейнъ, А. Г.—Биографическій лексиконъ русскихъ композиторовъ и музыкальныхъ дѣятелей. Сосг. А. И. Рубцомъ. Спб. 1879 (на стр. 45—46).

1879—1880.

133) Симф. собр. и концерты имп. русск. муз. общ. въ Москвѣ. Экстренное собраніе въ пользу фонда для вспомошествованія вдовамъ и сиротамъ артистовъ. «Донъ Кихоть», муз.-характ. картина для оркестра, соч. 88-е. А. Рубинштейна подъ упр. автора. Кромѣ того онъ исполнилъ: 1) концертъ для форт. А—moll Шумана, 2) Вариации для двухъ форт. своего сочиненія, 3) а) «Романсы», б) Ballade, в) «Melodie» и г) балетъ изъ оп. «Демонъ»—также своего сочиненія.

1880.

134. Февраля 22. Первое предст. оперы А. Рубинштейна «Купецъ Калашниковъ» въ Спб. [Второе предст. было 25 февр.].

«Русск. Музык. Вѣстн.» 1880, №№ 2, 4.—«Русск. Муз. Вѣстн.» 1880, №№ 9—10, 11, 12 (Ш. С. М — въ). — «Голось» 1880, № 55. — «Голось» 1880 № 61, фельетонъ.—«Новое Время» 1880 (25 февр.), № 1435, (М. Ивановъ).—«Молва» 1880, № 57 (К. Галлеръ). — «Спб. Вѣд.» 1880, № 68 (Н. Соловьевъ).—«Нувеллисть» (газета) 1880, № 3.

135) Мартъ. 1) Концертъ Рубинштейна въ Москвѣ 21 и 26 марта. 2) Экстр. симф. собр. 23 марта съ его же участіемъ. Исп. муз. карт. «Донъ-Кихоть», соч. 87-е Рубинштейна подъ упр. автора.

«Русск. Вѣд.» 1880, № 74 (О. Л.—въ).—«Молва» 1880, № 85. — «Новости» 1880, № 54 (К. Галлеръ).

136) Марта 16 и апрѣля 10. Концерты Рубинштейна въ Спб. «Русск. Муз. Вѣстн.» 1880, № 1.—«Голось» 1880, № 104. — «Нов. Время» 1880, (14 апр.), № 1483.—«Молва» 1880, № 79 (К. Г.).—«Спб. Вѣд.» 1880, № 89 (Н. Соловьевъ).

137) Сентября 20. Первое экстр. собр. с.-петерб. общ. камерной музыки съ участ. А. Рубинштейна.

«Русск. Муз. Вѣстн.», 1880, № 22.

138) Октября 2. Экстр. симф. собр. въ пользу вспомогат. кассы му-

зык. художн. подъ упр. и съ участ. А. Рубинштейна. Программа была сост. изъ его сочиненій; исполнялись: пятая симфонія G—moll, соч. 107-е (въ 1-й разъ, по рукописи); концертъ для виолончели съ оркестр., № 2, D—dur (исп. г. Вержбиловичъ); «Carpice russe» для форт. и оркестра, соч. 102-е (исп. авторъ).

«Русск. Муз. Вѣстн.» 1880, № 23. — «Голосъ» 1880, № 275. — «Молва» 1880, № 275 (К. Галлеръ).

139) Ноября 20. Исполненіе «Миньоны» А. Рубинштейна въ частномъ собраніи по случаю дня рожденія автора (18-го ноября).

«Спб. Вѣд.» 1880, № 322 (Н. Соловьевъ). — «Молва» 1880, № 325.

140) Декабря 3. Первое предст. оперы А. Рубинштейна «Неронъ» въ Берлинѣ.

«Русск. Муз. Вѣстн.» 1880, № 32. — «Нувеллистъ» (газета) 1881, № 1 (отзывы иностранной печати объ оперѣ А. Р.—на «Неронъ»).

141) Декабря 30. Первое предст. оперы А. Рубинштейна «Ферраморсъ» въ Данцигѣ.

1881.

142) Ноября 28. Экстр. симф. собр. въ Спб. подъ управл. А. Рубинштейна въ пользу учрежд. дешевыхъ квартиръ для ученицъ консерватори. Исп. вторая симф., C—dur, «Океанъ», соч. 42-е А. Рубинштейна.

«Нувеллистъ» (газета), 1882, № 1.

143) О сочиненіяхъ А. Г. Рубинштейна:—Въ концертной заглъ (музыкальные фельетоны) О. Я. Левенсона. Вып. I. 1878—1880. Москва. 1880. Вып. II. 1880—1881. Москва. 1881. [Фортепианный квартетъ, I, 6. «Донъ-Кихотъ», I, 44 и 333. «Демонъ», I, 143. «Купецъ Калашниковъ», I, 145. Драматическая симфонія, I, 175, 186. Carrice Russe, I, 187. Баллада Ленора, I, 336. G—moll-ная симфонія, II, 54, 59. A—moll-ная скрипичная соната, II, 70. G—moll-ное фортеп. трио, II, 88. Концерты Ан. Рубинштейна 21 и 25 марта, I, 339].

1881 — 1882.

144) Симф. собр. имп. русск. муз. общ. въ Москвѣ.

Собраніе 3-е. Подъ управленіемъ А. Рубинштейна.

«Спб. Вѣд.» 1881, № 298 (Н. Соловьевъ).

1882.

145) Марта 7. Концертъ Рубинштейна въ Спб. (первый).

«Голосъ» 1882, № 62. — «Голосъ» 1882, № 64. *** (Ц. Кюи).

146) Марта 30. «Костюмированный балъ», характеристическая пьеса для форт. въ 4 руки, соч. 103-е А. Рубинштейна, исп. въ кон-

цертъ Спб. филарм. общ. въ Большомъ театрѣ авторомъ и г-жею Есиповою (пѣса посвящена Е. И. и Евд. П. Карновичамъ); орк. подъ управл. г. Направника.

«Голосъ» 1882, № 90. *** (Ц. Кюн).

147) Апрель 3. Концертъ Рубинштейна въ Спб. (второй).

«Голосъ» 1882, № 87.—«Голосъ» 1882, № 90. *** (Ц. Кюн).

148) Мая 21, 23 и 30. Три симф. концерта на промышленно-художественной выставкѣ въ Москвѣ подъ управл. А. Р—на.

Концертъ 1-й. «Россія», муз. сочин. для большого оркестра, написанное Рубинштейномъ для открытія выставки (исп. въ 1-й разъ). Кромѣ того исп. пятая симфонія, G—mol, соч. 107-е Рубинштейна.

«Русск. Вѣд.» 1882, № 144; о 1-мъ и 2-мъ конц. (О. Л—нъ). — «Русск. Вѣд.» 1882, № 159; о 3-мъ и 4-мъ конц. (О. Л—нъ).—«Русск. Вѣд.» 1882, № 166; о 5-мъ конц. (О. Л—нъ).—«Современ. Извѣстія» 1882, № 143, 146, 153 (Старый музыкантъ).

149) Юня 9. Первое представл. оперы А. Рубинштейна «Демонъ» въ Лондонѣ.

150) Октября 22. Первое предст. оперы А. Рубинштейна «Маккавей» въ Лейпцигѣ.

«Музык. Миръ» 1882, № 15.

151) Ноября 6. «Россія», сочин. для оркестра съ хоромъ А. Рубинштейна. Исп. въ 1-мъ симф. собр. въ Спб. подъ упр. автора.

«Нов. Время» 1882 (15 ноябрь), № 2413 (М. Ивановъ).—«Спб. Вѣд.» 1882, № 304 (Н. Соловьевъ).—«Голосъ» 1882, № 304.—«Голосъ» 1882, № 306. *** (Ц. Кюн).—«Музык. Миръ» 1882, № 15. Тамъ же № 16 (Б. Б.).

152) А. Рубинштейнъ и духовная опера. (Письмо А. Р—на къ издателю сборника «Vog den Coulissen» г. Левинскому). П. Зиновьевъ. «Музык. Миръ» 1882, № 1.

153) А. Г. Рубинштейнъ (Биографическій очеркъ къ портрету). П. З(иновьевъ). «Музык. Миръ» 1882, № 5 [портретъ приложенъ при № 7].

154) Краткій историческій обзоръ дѣятельности русск. муз. общ. Статья П. М—ва. «Русскій Музык. Вѣстникъ» 1882, № 31, 33—35.

155) Императорское русское муз. общество и русская опера въ провинціи. В. Р—т—нъ (Н. М. Лисовскій). «Музык. Миръ», 1882, № 4, 5, 6, 7.

Примѣчаніе. Послѣ краткаго обзора дѣятельности имп. русск. муз. общ. и положенія русской оперы въ провинціи, авторъ статьи предлагаетъ проектъ организаціи опернаго дѣла на общинномъ началѣ при содѣйствіи импер. русск. муз. общ. Въ виду проекта А. Г. Рубинштейна, внесеннаго имъ въ 1887 г. въ дирекцію сиб. отд. муз. общ. объ устройствѣ общедоступныхъ оперныхъ спектаклей и концертовъ въ Сиб. подъ вѣдѣніемъ сиб. отд. общества, можно надѣяться, что Ан. Гр., осуществивъ свои намѣренія въ столицѣ, не оставитъ безъ вниманія и провинціальную оперу, для лучшаго устройства которой онъ-же въ особой запискѣ предложилъ весьма серьезныя мѣры въ 1889 году. Его авторитетъ и вліяніе помогутъ упрочиться этому благому дѣлу.

1882 — 1883.

156) Въ теченіи этого зимняго сезона симф. собр. въ Спб. дирижироваль А. Г. Рубинштейнъ.

«Спб. Вѣд.» 1882, № 348 (Н. Соловьевъ). — «Голосъ» 1882, № 306 *** (Ц. Кюи). — «Нов. Время» 1883 (28 марта), № 2543 (М. Ивановъ). Здѣсь приведены адресы Р—ну. — «Муз. и Театр. Вѣстн.» 1883, № 14. — «Театръ» 1883, № 4 (Л. Баторниъ). Тамъ-же № 9. — «Музык. Міръ» 1883, № 11.

157) Rubinstein, Anton. — Musik-Lexikon von Dr Hugo Riemann. Leipzig. 1882, стр. 787 — 789.

1883.

158) Января 16. Первое представленіе оперы Рубинштейна «Маккавей» въ Дрезденѣ.

159) Января 23. Концертъ патриотическаго общества въ Спб. подъ управленіемъ Рубинштейна.

«Зритель» 1883, № 20 (Л. Б.)

160) Января 30. Концертъ въ пользу слушательницъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ въ Спб. подъ управл. Рубинштейна.

161) Февраля 23. Первое предст. оперы Рубинштейна «Маккавей» въ Москвѣ.

«Русск. Вѣд.» 1883, № 63 (О. Л—нъ). — «Соврем. Извѣстія» 1883, № 56, 62 (Молодой музыкантъ). — «Музык. Міръ» 1883, № 10 (Сергій Казанскій). — «Музык. и Театр. Вѣстн.» 1883, № 10.

162) Марта 7. Этимъ числомъ помѣчено письмо Рубинштейна изъ Спб. къ г. Зенфу, издателю лейпцигскаго музык. журнала «Signale für die Musikalische Welt» по поводу предложенія редактировать новое изданіе классиковъ.

«Signale für die Musikalische Welt» 1883, № 32 (напечатанъ текстъ письма). — «Нувеллистъ» (газета) 1883, № 5 (напечатанъ текстъ письма въ переводѣ на русскій языкъ).

163) Марта 23. Экстр. симф. собр. въ Спб. въ пользу вспомога. кассы музык. художниковъ подъ управл. Рубинштейна.

164) Марта (?). Первое предст. оперы А. Рубинштейна «Демонъ» въ Лейпцигѣ.

165) Апрѣля 6. Экстр. концертъ подъ упр. Рубинштейна въ Спб. Исп. ораторія Генделя «Израиль въ Египтѣ».

«Музык. и Театр. Вѣстн.» 1883, № 15.

166) Апрѣля 7. Концертъ, данный Рубинштейномъ въ Спб. въ залѣ двор. собр. (съ обращеніемъ 5000 руб. что состав. часть сбора въ пользу памятника М. И. Глинки).

О памятникѣ М. И. Глинки въ Спб. «Русск. Стар.» 1883, т. XXXVII, № 2, стр. 479—480.—М. И. Глинка и А. Рунъ (Замѣтка о концертѣ въ пользу памятникѣ М. И. Глинки). «Русская Стар.» 1883, т. XXXVIII, № 5, стр. 484.

167) Апрель (?) Собственноручная записка А. Рубинштейна въ альбомѣ редактора «Русской Старины» М. И. Семеваго «Знакомые», [Альбомъ этотъ въ 1888 г. изданъ отдѣльною книгою].

168) Мая 15. Всемилоостивѣйше награжденъ орденомъ св. Владимира 3 ст. «за особенныя заслуги на пользу музыкальнаго образованія въ Россіи».

169) Ноября 19. Въ 3-мъ симф. собр. въ Спб., по случаю дня рожденія Рубинштейна (16 ноября), составленномъ исключительно изъ его сочинен. и сочин. русск. композиторовъ, исп. муз. картина «Іоаннъ Грозный», соч. 79-е А. Рубинштейна.

«Нов. Время» 1883 (28 ноября), № 2785 (М. Ивановъ).—«Сб. Вѣд.» 1883, № 316 (Н. Соловьевъ).

170) Декабря 28. Соната для форт. и скрипки H — moll, соч. А. Рубинштейна, исп. авторъ и Л. С. Ауэръ (въ 1-й разъ) въ акстр. концертѣ въ пользу общ. для вспомошествов. учащимся въ Спб. консерваторіи. Кромѣ того Рубинштейнъ исп. свои «Bargarolle», «Menuet» и «Valse».

171) Новый балетъ А. Рубинштейна «Виноградная лоза» (изъ «Signale»). «Музык. Миръ» 1883, № 7.

1884.

172) Января 29. Первое предст. оперы А. Рубинштейна «Неронъ» въ Спб. (на итальянской сценѣ).

«Нувеллистъ» (газета) 1884, № 3 (М. Ивановъ).—«Спб. Вѣд.» 1884, № 33, Фланеръ (Ильишъ).—«Спб. Вѣд.» 1884, № 36 (Н. Соловьевъ).—«Искусство» 1884, № 56 (В. Чечоттъ).—«Новое Время» 1884 (30 января), № 2846.—«Новое Время» 1884 (6 февр.), № 2853 (М. Ивановъ).—«Всемирн. Иллюстрація» 1884, т. XXXI, № 13.

173) Января 30. Отъѣздъ Рубинштейна въ Вѣну, гдѣ онъ далъ рядъ концертовъ. Послѣ того онъ концертировалъ въ Парижѣ.

«Новое Время» 1884, (14 и 22 февр.), №№ 2861 и 2868; корреспонденція изъ Вѣны (И. В.).—«Нувеллистъ» (газета) 1884, № 3 (изъ «Нов. Времени»).

174) Апрель. Постановка оперы Рубинштейна «Фераморсъ» на сценѣ спб. муз.-драм. кружка. Двѣ генеральныя релетици (въ видѣ спектаклей) для членовъ кружка 14 и 22 апрѣля и четыре спектакля съ благотворительною цѣлью 24, 25, 27 и 29 апрѣля.

«Спб. Вѣд.» 1884, № 116 (Н. Соловьевъ).—«Всемирн. Иллюстр.» 1884, т. XXXI, № 24 (Левинъ).—«Новости» 1884, № 106 (К. Галлеръ).

175) Октября 1. Сотое предст. оперы А. Рубинштейна «Демонъ» въ Спб. (въ 35-лѣтній юбилей декоратора г. Шишкова).

«Нувеллисть» (газета) 1884, № 7 (М. Ивановъ). — «Спб. Вѣд.» 1884, № 272 (Г—ъ). — «Сиб. Вѣд.» 1884, № 276 (К. Галхеръ). — «Нов. Время» 1884 (3 октября), № 3069 (И.). — «Нов. Время» 1884 (15 октября), № 3101 (М. Ивановъ).

176) Октября 6. Рубинштейнъ управл. 1-мъ симфон. собр. въ Спб. Исполнена его «Эронка», фантазія для оркестра въ 1-й разъ (по рукописи).

«Нувеллисть» (газета) 1885, № 1 (М. Ивановъ). — «Недѣля» 1884, № 48 *** (Ц. Кюи). — «Нов. Время» 1884 (15 октября), № 3101 (М. Ивановъ).

177) Рубинштейнъ, Антонъ Григорьевичъ. — Музыкальный Словарь. Энциклопедическій справочный сборникъ. Сост. П. Перепелицынъ. Спб., 1884 (на стр. 306—307).

1884—1885.

178) Симф. собр. имп. русск. муз. общ. въ Москвѣ.

Собраніе 8. 1) «Егоіса» фантазія для оркестра (въ 1-й разъ) соч. 110-е А. Рубинштейна, подъ упр. автора. 2) Фантазія для форт. и оркестра (въ 1-й разъ) соч. 84-е А. Рубинштейна; партію форт. исп. авторъ.

1885.

179) Января 19. Рубинштейнъ управляя 6-мъ симфоническимъ собраніемъ въ Спб.

180) Января 26. Рубинштейнъ управл. 7-мъ симф. собр. въ Спб.

181) Юля 14. Концертъ Рубинштейна въ Петергофѣ въ пользу гродненскихъ погорѣльцевъ.

«Нувеллисть» (газета) 1885, № 5.

182) Августа 9. Высочайше утверждены измѣненія и дополненія нѣкоторыхъ статей устава Имп. Рус. музыкальн. общ.

183) Октябрь. Историческіе концерты Рубинштейна въ Берлинѣ. (Первый концертъ состоялся 8 октября).

«Муз. Обзор.» 1885—86, № 5. «Нувеллисть» (газета) 1885, № 7, 8.

184) Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ. Композиторъ. А. Л. «Радуга». 1885, № 3 (съ портретомъ).

185) Театръ и музыка. «Русск. Вѣдом.» 1885, № 23. (III. Рубинштейнъ и Гансъ фонъ-Бюловъ).

186) Музыкальные наброски. Новости музыкальной литературы, издан. г. Юргенсономъ. М. Ивановъ. «Нов. Время» 1885 (4 марта), № 3238.

Примѣчаніе. Изъ сочиненій А. Г. Рубинштейна разбираются симфоніи: «Егоіса» (соч. 110) и «Soirées musicales».

1886.

187) Январь и февраль. Историч. концерты Рубинштейна въ Спб. (4, 11, 18, 25 января и 1, 8, 15 февраля) и въ Москвѣ (7, 14, 21, 28 января и 4, 11, 18 февраля).

Примѣчаніе. Каждый изъ этихъ концертовъ исполнялся дважды: одинъ разъ для публики, а другой разъ бесплатно для учащихся. Обрѣзъ съ этихъ концертовъ въ С.-Петербургѣ 51,174 р., въ Москвѣ 43,465 р.; за вычетомъ расходовъ чистый остатокъ составляетъ 80,463 руб.

Программы концертовъ А. Р.—на съ примѣчаніями и поясненіями. Спб. 1886, 8°, 55 стр. съ рисун. и портретомъ.—Программа историч. концертовъ. «Муз. Обзор.» 1885—86, № 2.—«Новое Время» 1886 (10, 17 и 27 февраля), №№ 3576, 3583 и 3562 (М. Ивановъ).—«Нувеллисть» (газета) 1886, № 2 (М. Ивановъ).—«Новь» 1886, т. VII, № 4, стр. 617; т. VIII, № 6, стр. 257; № 8, стр. 488—490. (М. Ивановъ).—«Музык. Обзор.»: концертъ 1-й, 1885—86, № 15. (В. Бессель); концерты 2—7, 1885—86, № 15—18, 20 *** (Ц. Кюн).—«Недѣля» 1886, № 9, 10, стр. 323—327, 360—363 (Ц. Кюн).—«Новости» 1886, № 6, 13, 28, 49, (П. Соловьевъ).—«Спб. Вѣдом.» 1886, № 13 (К. Галлеръ).—«Всемирная Иллюстрація» 1886, т. XXXV, №№ 3, 4, 5, 7, 8 и 9; стр. 58, 75, 98, 135, 155 и 174.—«Москов. Вѣд.» 1886, № 18. (Ignotus).—«Руск. Вѣдом.» 1886, № 18 (Б).

188) Февраля 10 и 14. Чествованіе Рубинштейна въ Москвѣ и въ С.-Петербургѣ (по поводу его историческихъ концертовъ).

«Новое Время» 1886 (14 февраля) № 3580, мал. хрон. (Петербургецъ).—Праздникъ А. Г. Р.—на. «Новое Время» 1886 (15 и 16 февраля) № 3581, 3582.—«Всемирная Иллюстрація» 1886, т. XXXV, № 9, стр. 174; № 10, стр. 198.—«Музык. Обзор.» 1885—86, № 22, изъ Москвы (К.).—Чествованіе А. Г. Рубинштейна. П. Соловьевъ. «Новости» 1886, № 46.—«Нувеллисть» (газета) 1886, № 3.—Программа праздника въ честь А. Р.—на, 14 февраля 1886. Спб. 1886, 8°, 16 нен. стр.—Письмо А. Р.—на (къ москвичамъ) послѣ торжества по случаю историческихъ концертовъ. «Моск. Вѣд.» 1886, № 44 (13 февр.) Перепеч. въ «Новостяхъ» 1886, № 46 (15 февр.) и въ «Нувеллисть» 1886, № 3.—Письмо А. Р.—на (къ петербуржцамъ) послѣ торжества по случаю историч. концертовъ «Нов. Время» 1886 (18 февр.), № 3584.—Стих. А. Майкова: А. Г. Рубинштейну въ альбомъ, поднесенный ему 14 февраля Спб. консерваторію. «Моск. Вѣд.» 1886, № 45. Перепеч. въ «Новомъ Времени» 1886 (16 февр.), № 3582.

189) Марта 15. Русская симфонія (№ 5), G—molл, соч. 107-е А. Рубинштейна, исп. въ 7-мъ симф. собр. въ подѣ управл. Ганса фонъ Бюлова.

«Муз. Обзор.», 1885—86, № 23. *** (Ц. Кюн).

190) Мартъ—май. Историческіе концерты Рубинштейна въ Лейпцигѣ (12, 14, 16, 19, 21, 27 и 29 марта), въ Парижѣ (5, 8, 12, 15, 19, 22, и 27 апрѣля), въ Дрезденѣ, въ Брюсселѣ и въ Лондонѣ (май).

191) Чѣмъ пѣвнѣе насъ А. Рубинштейнъ. А. Буховцевъ. «Русск. Вѣд.» 1886, № 59. [О Рубинштейнѣ-пѣвнѣстѣ].

192) Русскіе композиторы. I. А. Г. Рубинштейнъ (очеркъ музыкальной

дѣятельности). В. С. Баскинъ. Изд. П. Юргенсонъ. М. 1886, 8°, 108 стр. Ц. 75 к. Статья эта первоначально была напечатана въ «Русск. Мысли», 1885. № 1 и 9. Къ брошюрѣ приложенъ подробный списокъ произведеній А. Г. Рубинштейна по орус'амъ.

1886 — 1887.

193) Въ этотъ сезонъ симф. собр. въ Спб. управлялъ Рубинштейнъ.

1887.

194) Января 12. Рубинштейнъ вступилъ въ отправленіе обязанностей директора С.-Петербург. Консерваторіи (послѣ отставки К. Ю. Давыдова).

«Нувеллисть» (газета) 1887, № 2.—«Спб. Вѣд.» 1887, № 11 (К. Галлеръ).—«Новости» 1887, № 9, 12. (Н. Соловьевъ).—«Муз. Обзоръ», 1886—87, № 17 (2), стр. 133, 134, (В. Бессель).—«Музык. Обзоръ», 1886—87, № 21 (6).—«Новое Время» 1887 (12 января) № 3905.

195) Января 31. Шестая симфонія, С—dur, соч. 111-е Рубинштейна, исп. въ 10-мъ симф. собр. въ Спб. подъ управл. автора.

«Муз. Обзоръ» 1886—87, № 20 (5) *** (Ц. Кюи).

196) Марта 8. Открытіе выставки подношеній и подарковъ, полученныхъ Рубинштейномъ во время его артистической дѣятельности.

Примѣчаніе. Выставка устроена въ залѣ Шредера и продолжалось до 29 марта. Всѣхъ предметовъ выставлено было 143. Сборъ съ выставки обращенъ въ пользу общества сценическихъ дѣятелей и вспомогательной кассы музык. художниковъ.

«Муз. Обзоръ» 1886—87, № 23 (8) (В. Б.).

197) Марта 22. Въ дирекціи Спб. отд. имп. русск. муз. общ. обсуждалась записка Рубинштейна объ устройствѣ общедоступныхъ оперныхъ спектаклей и концертовъ подъ вѣдѣніемъ спб. отд. имп. русск. муз. общ. [Проектъ принятъ значительнымъ большинствомъ членовъ общаго собранія].

Проектъ А. Р.—на общедоступныхъ оперныхъ спектаклей и концертовъ. «Новости» 1887, № 77.—Еще о проектѣ общедоступной оперы и концертовъ. Н. Соловьевъ. «Новости» 1887, № 82.—По поводу общ. собр. спб. отд. имп. рус. муз. общ., 22 марта *** (Ц. Кюи). «Муз. Обзоръ», 1886—87, № 25 (10).—«Нувеллисть» (газета) 1887, № 4; напечатанъ также текстъ записки.—«Спб. Вѣдомости», 1887, № 83 (К. Галлеръ).—Рубинштейнъ и новая опера, «Петербургъ». «Нов. Время» 1887 (28 марта), № 3979.

198) Сентября 8. Празднованіе 25-лѣтія со времени открытія классовъ (въ Михайловскомъ дворцѣ) при Русск. муз. общ. въ С.-Петербург. Получена отъ В. Кн. Константина Николаевича поздравительная телеграмма на имя Антона Григ. Рубинштейна.

«Спб. Вѣд.» 1887, № 248.—«Новости» 1887, № 247.—«Муз. Обзоръ» 1887, № 16, 17.—«Правит. Вѣст.» 1887, № 201, 202.—«Нувеллисть» (газета) 1887 № 6.—«Нов. Время» 1887 (14, 21 и 28 сент.) № 4146, 4153 и 4160 (М. Ивановъ),

199) Сентября 23. Открытіе въ С.-Петербур. Консерваторіи курса литературы фортеп. произведеній. (Курсы продолжались по 2 апрѣля 1888 г.).

1888.

200) Января 1. Всемилостивѣйше пожалованъ «потомственному дворянину А. Г. Рубинштейну чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника за полезныя труды его по развитію музыкальнаго образованія въ Россіи».

201) Февраля 4. Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица посѣтили С.-Петербур. консерваторію. «Нувеллисть» (газета), 1888, № 3.—«Новости» 1888, № 37.—«Муз. Обзор.» 1888, № 6.—«Нов. Время» 1888 (5 февр.) № 4288 (хроника).

202) Апрѣля 22. Исполненіе ораторіи Рубинштейна «Суламиевъ» въ концертѣ берлинскаго симфонич. общества.

203) Сентября 16. Начались лекціи Рубинштейна въ с.-петерб. консерваторіи по литературѣ фортепьянной игры съ XVI по XIX ст. [Курсъ продолжался до 28 апрѣля 1889 г. Всѣхъ лекцій было 32].

«Новости» 1888, № 258.—«Новости» 1888, № 265.—«Муз. Обзор.» 1888, № 20—26, 28—30 (Ц. Кюп).—«Баянъ» 1888, № 18, стр. 168, хроника.—«Нувеллисть» (газета) 1888, № 6.—«Баянъ» 1888, № 27, 29—40; 1889, №№ 4—11, 13, 15, 16, 19.

204) Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ (съ портретомъ). Исторія музыки въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней. П. Д. Черепелицынъ. Сиб. и М. изд. тов. М. О. Вольфъ, 1888 (на стр. 187—191).

205) Anton Rubinstein. Biographischer Abriss nebst Charakteristik seiner Werke. Von Bernhard Fogel. Mit dem Porträt Rubinsteins (Musikheroen der Neuzeit. V). Leipzig. Max. Hesse's Verlag. 1888. 8°. VI+82 стр.

206) «Нувеллисть» (газета), 1888, № 7 (ноябрь). Отзывъ хроникера «Figaro», Альб. Вольфа, о Рубинштейнѣ.

207) «Баянъ», 1888, № 12, стр. 111. Отзывъ газеты «Times» о Рубинштейнѣ.

208) Обзоръ дѣятельности Имп. Русск. муз. общ. за сезонъ 1886—87 г. Вас. Бессель. «Муз. Обзор.» 1888, № 24—26, 30.

1889.

209) Января 1. Съ Высочайшаго соизволенія зданіе Большаго театра передано с.-петербургской консерваторіи.

210) Января 10. Исполненіе на сценѣ Маріинскаго театра въ Сиб. оперы Рубинштейна «Купецъ Калашниковъ» (въ 1-й разъ по возобновленіи).

«Нувеллисть» (газета) 1889, № 2.—«Нов. Время» 1889, (11 января), № 4623.—«Нов. Время» 1889, (16 января), № 4628 (М. Ивановь).—«Спб. Вѣдом.» 1889, № 12 (Я. Д.).—«Новости» 1889, № 11.—«Новости» 1889, № 13. (Н. Соловьевъ).

211) Января 11. Концертъ учащихся въ спб. консерваторіи въ пользу недостаточныхъ учениковъ, подъ управленіемъ Рубинштейна.

212) Марта 26. Концертъ учащихся въ спб. консерваторіи въ пользу фонда на сооруженіе зданія спб. консерваторіи, подъ управленіемъ Рубинштейна.

213. Іюня 15. Высочайше утверждено положеніе о международномъ конкурсѣ на музыкальныя преміи изъ капитала въ 25,000 руб., пожертвованнаго директоромъ спб. консерваторіи, д. с. с. Ант. Григорьевичемъ Рубинштейномъ.

Собр. узак. и распор. правительства 1889, № 90, ст. 761.

214) Іюля 8. Письмо А. Рубинштейна въ редакцію «Новаго Времени» въ защиту консерваторіи отъ нападокъ одного изъ сотрудниковъ этой газеты.

Наши консерваторіи. «Нов. Время» 1889 (7 іюля) № 4796 [этой статьей вызваго письмо А. Р.—на].— Еще о консерваторіяхъ (письмо въ редакцію). А. Г. Рубинштейна. «Нов. Время» 1888 (11 іюля), № 4800. [Письмо это возражаетъ на предыдущую статью].—О консерваторіяхъ. «Нов. Врем» 1889 (12 іюля), № 4801. [Отвѣтъ на письмо А. Г. Рубинштейна].—Курьезная полемика. «Нувеллисть» (газета) 1889, № 5. [По поводу полемики одного изъ сотрудниковъ «Нов. Времени» съ А. Р.—номъ о консерваторіи. [Здѣсь приведено письмо Рубинштейна, напечатанное въ «Нов. Врем.» 1889, № 4800].

215) Іюля 11. Исполнилось пятидесятилѣтіе артистической дѣятельности А. Г. Рубинштейна. [Празднов. юбилея отложено до 18 ноября, въ каковой день А. Г. празднуетъ день своего рожденія.

«Правит. Вѣстн.» 1889, № 158. (Поздравит. телеграммы А. Р.—ну, отъ Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы отъ Его Имп. Высоч. Наслѣдника Цесаревича и отъ Ихъ Имп. Высоч. Вел. Кн. Александры Іосифовны и Вел. Кн. Константина Константиновича). Тоже перепеч. въ «Нувеллисть» (газета) 1889, № 5; въ «Нов. Врем.» 1889 (22 іюля), № 4811 и въ другихъ періодич. изданіяхъ.

216) Ноября 18. Празднованіе 50-лѣтія артистической дѣятельности А. Г. Рубинштейна.

217) Предстоящій 50-лѣтній юбилей артистической дѣятельности Антона Григорьевича Рубинштейна. (Сотрудникъ «Царь Колокола»).—«Царь Колоколь», иллюстрированный календарь-альманахъ на 1889 г. Изд. насл. бр. Сахаревыхъ. Стр. 94—97.—Съ двумя портретами Рубинштейна (въ дѣтскіе годы и въ настоящее время) и рисункомъ (музыкальный салонъ А. Г. Рубинштейна въ Петербургѣ).—Перепеч. въ сокращ. въ «Нувеллисть» (газета) 1888, № 6 (октябрь).

218) Antoine Rubinstein. Jubilé artistique. 1839 — 1889. V. P. «Journal de St.-Petersbourg» 1889, № 182 (11 іюля). — Дополненія: тамъ-же, № 192, — 21 іюля. (V. P.).

219) «Сѣверный Вѣстникъ» 1889, № 8, стр. 97 (отзывы Листа о Рубинштейна, въ статьѣ В. Стасова: Листъ, Шуманъ и Берлиозъ въ Россіи).

220) А. Г. Рубинштейнъ.—«Новое Время» 1889 (11 іюля), № 4800.

221) «Новое Время» 1889 (13 октября), № 4894. (А. Суворинъ: «Маленькія письма». XI).

222) «Нувеллистъ» (газета), 1889, № 5 (сентябрь).

223) Къ юбилею А. Г. Рубинштейна. «Ваянъ» 1889, № 21.

224) «Русская Старина» 1889, т. LXIV, № 11, стр. 513—642. [—Л.— Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ. Род. 16-го ноября 1829 г. Юбилей его полу-вѣковой музыкально-артистической дѣятельности.—1) Отъ Ред. «Русской Старины». Предисловіе М. И. Семевскаго. 2) Воспоминанія А. Г. Рубинштейна, 1829—1889 гг. (его автобіографія). 3) Замятки къ его біографіи докт. М. Б. Розенберга. 4) А. Г. Рубинштейнъ въ воспоминаніяхъ бывш. профес. Г. А. Лароша. 5) Лѣтопись событій въ жизни и дѣятельности А. Г. Рубинштейна, съ указаніемъ на статьи и отзывы о немъ п его произведеніяхъ въ русской печати съ 1829 по 1889 г. Сост. Н. М. Лисовскій. 6) А. Г. Рубинштейнъ—стихотв. А. Н. Яхонтова. 7) Портреты: А. Г. и Н. Г. Рубинштейны въ 1844 г., снимокъ съ акварели П. Ѳ. Соколова. 8) А. Г. Рубинштейнъ въ 1839 г., гравюра на мѣди, испол. художникъ Ѳ. А. Мѣркинъ. — 1839 ^{ноябра}/₁₈ 1889—].

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

личныхъ именъ, встрѣчающихся въ „Лѣтописи“, и крупнѣйшихъ произведеній А. Г. Рубинштейна.

- Арвольдъ, Юрій. 19.
Ауэръ, Л. С. 57, 170.
Б., Б. 151.
Б., В. 196.
Б., Л. 159.
Баженовъ, А. 28.
Баскинъ, В. С. 192.
Балакревъ, М. А. 57, 66.
Баторинъ, Л. 156.
Бессель, В. 187, 194, 208.
Бехеръ, д-ръ. 9.
Бородинъ, А. П. 62.
Буховцевъ, А. 191.
Бюловъ-фонъ, Гансъ. 185, 189.
В., Р. 3, 218.
«Вавилонское столпотвореніе», ораторія. 73, 89.
Вагнеръ, Рихардъ. 9.
Венявскій, Генрихъ. 21, 92.
В., И. 173.
Виллуанъ (Villoing). 3, 7.
Вильбоа, Конст. Петров. 25.
«Виноградная лоза», балетъ. 171.
Вісльгорскій, М. Ю., графъ, 23, 25.
Владиміровъ. 25.
Вольфъ, Альб. 206.
Г. 84.
Г—ъ. 175.
Г., К. 136.
Галлеръ, К. 134, 135, 138, 172, 175, 187, 197.
Гейдель, флейтистъ. 10.
Герке, Авг. 52.
Глинка, М. И. 8, 19, 168.
Грюнбергъ. 3.
Д., Я. 210.
Давыдовъ, К. Ю. 191.
Дамке, Бертольдъ. 18.
«Демонъ», оп. 107, 129, 143, 149, 164, 175.
День, теоретикъ. 8.
«Дмитрій Донской», оп. 13.
«Донъ-Кихотъ», муз. картина. 81, 83, 93, 133, 135, 143.
Дрейшовъ. 37.
«Дѣти степей», оп. 32, 50, 56.
Есинова. 146.
Заремба, Н. Ив. 57, 86.
Зенфъ. 162.
Зиновьевъ, П. 152, 153.
И. 175.
Ивановъ, Мих. Мих. 19, 117, 122, 123, 126, 134, 151, 156, 169, 172, 175, 176, 186, 187, 198, 210.
Ильинъ, Роб. 172.
Исаевъ, Дм. 16.
Ignotus. 187.
«Іоаннъ Грозный», муз. картина. 66, 69, 93, 169.
К. 188.
К., Е. 77.
Казанскій, Сергій. 161.
Каншинъ, Д. В. 25.
Кологривовъ, В. А. 25.
Кроссъ, Густавъ Густав—чь, 52.
«Куликовская битва», оп. 13, 16.
«Купецъ Калашниковъ», оп. 134, 143, 210.
Кюн, Цезарь Ант. (***). 86, 102, 105, 106, 107, 115, 116, 123, 145, 146, 147, 151, 156, 176, 187, 189, 195, 197, 203.

- Л., А. 184.
 Ларошъ, Герм. Августов. 49, 61, 73, 81,
 83, 93, 94, 95, 102, 109, 113, 224.
 Левенсонъ, О. Я. 129, 135, 143, 148, 161.
 Левинъ, 174.
 Лисовскій, Н. М. 155, 224.
 Листъ, Францъ. 5, 219.
 Литольфъ. 55.
 Лохвицкій, I. В. 6.
 М*. 107.
 М—въ, П. С. 134, 154.
 М—ій. 106, 107.
 Майковъ, Ап. Никол. 188.
 «Маккавей», оп. 104, 109, 111, 112, 120,
 123, 150, 158, 161.
 Mendel. 127.
 Мендельсонъ. 8.
 Мейерберъ. 8.
 «Мишьона». 90, 139.
 Молодой музыкантъ. 161.
 Морковъ, В. 16, 17.
 Мѣркинъ, Ѳ. А. 224.
 Направникъ, Ѳ. Ф. 57, 65, 146.
 «Неронъ», оп. 110, 130, 140, 172.
 Перепелицынъ, П. Д. 177, 204.
 Петербуржецъ (г. Лялинъ). 188, 197.
 «Потеринный рай», ораторія. 21, 121, 122.
 P. 81.
 P., M. 27.
 P., M. B. 224.
 P-t-нъ, B. 155.
 P-x-m-n-въ, Арк. 31.
 Размадзе, А. 68, 73, 81.
 Riemann. 157,
 «Россія», соч. для оркестра. 148, 151.
 Ростиславъ (Феофиль Матв. Толстой). 47, 83.
 Рубецъ, А. И. 132.
 Рубинштейнъ, Григорій Романовичъ. 1.
 Рубинштейнъ, Калерія Христофоровна. 1.
- Рубинштейнъ, Николай Григорьевичъ 1,
 2, 8, 10, 62, 83, 118, 224.
 С., Н. 80.
 Сась, А. 40.
 Семейскій, Мнх. Иван. 1, 167, 224.
 «Сибирскіе охотники», оп. 18.
 Симфоніи: вторая («Океанъ») — 24, 28, 62,
 101, 128, 142; третья — 23; четвертая
 (драматическая) — 106, 143; пятая (рус-
 ская) — 138, 148, 189; шестая — 195.
 Соколовъ, П. Ѳ. 224.
 Сохольевъ, Ник. Ѳеоп. 74, 107, 128, 134,
 136, 139, 144, 151, 156, 169, 172, 174,
 187, 188, 194, 197, 210.
 Солодовниковъ. 53.
 Старый музыкантъ. 148.
 Стасовъ, Влад. Васильев. 19, 31, 219.
 Стасовъ, Дмитр. Васильев. 25.
 Суворинъ, А. 221.
 «Суламонъ», оп. 202.
 Сѣровъ, Алекс. Никол. 24, 26, 27, 53,
 57, 82, 85.
 Фамининъ, А. 58, 64, 66, 69, 82, 83, 86,
 102, 107.
 «Фаустъ», муз. картина. 65.
 «Фераморскъ», оп. 88, 103, 141, 174.
 Fetis, F. J. 42.
 Фланёръ (Ильишъ, Роб.). 172.
 Fogel, Bernhard. 205.
 Чайковскій, Петръ Ильичъ. 57, 93.
 Чечоттъ, В. 172.
 Чпкванова, Вѣра Александровна. 44.
 Шубертъ, Карлъ Богданов. 26.
 Эрлихъ. 131.
 «Эройка», фантазія для орк. 176, 178, 186.
 Яхонтовъ, А. Н. 224.
 «Ѳомка-дурачекъ», оп. 17.

26-го октября 1889 г.
 Спб.

Н. М. Лисовскій.

Приложенія къ Лѣтописи событій въ жизни и дѣятельности А. Г. Рубинштейна.

I.

Первый, по времени, отзывъ объ А. Г. Рубинштейнѣ.

«Галатея» изд. 1839 г.

«Кстати упомянемъ еще объ этомъ *monstre musical* (дай Богъ больше такихъ *monstres!*), родившемся и развившемся не подъ небомъ Италіи, а подъ снѣжнымъ небомъ нашей бѣлокаменной матушки Москвы: этотъ замѣчательный талантъ, извѣстный въ немногихъ только домахъ, гдѣ его слышали, слушаютъ да и заслушиваются, есть девятилѣтній сынъ здѣшняго фабриканта, г-на Рубинштейна, употребляющаго на усовершенствованіе блистательнаго дарованія своего ребенка-артиста большую часть своихъ незначительныхъ доходовъ — пожертвованіе, достойное похвалы и поощренія. Нѣкоторые любители музыки просили родителей, чтобы милый крошечный артистъ далъ имъ хоть одинъ концертъ, но скромные родители отклонили этотъ лестный вызовъ. Хотя мы очень сожалѣемъ о томъ, что у насъ будетъ меньше однимъ (относительно прекраснымъ) концертомъ, но мы не эгоисты и скажемъ, что скромность родителей очень похвальна и полезна для ихъ юнаго артиста! развивайте его талантъ въ тишинѣ: сцена для него всегда открыта и онъ никогда не опоздаетъ».

II.

Отзывъ Роберта Шумана о первомъ въ печати произведеніи
А. Г. Рубинштейна.

А. Рубинштейнъ. «Ундина», этюдъ для фортепіано. 1843 г. Op. I.

«Первая работа даровитаго мальчика—піаниста-виртуоза, уже открытаго громкой славой. Обладаетъ-ли онъ и выдающимся творческимъ дарованіемъ — рѣшить по лежащему передъ нами первому произведенію ни въ положительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ

невозможно. Но уже преобладаніе въ небольшой вещицѣ мелодическаго элемента — хотя мелодія и не являетъ собой какой нибудь новизны прекраснаго — подаетъ надежду, что авторъ уже началъ постигать самую сущность музыки и будетъ чѣмъ дальше, тѣмъ удачнѣе развиваться въ этомъ направленіи. Названіе эпизода основано, главнымъ образомъ, на волнообразномъ движеніи фигуры аккомпанимента; чего-либо болѣе оригинальнаго, вполнѣ совершеннаго по законченности нельзя было и ждать отъ такого юнаго возраста. Но ни въ какомъ случаѣ не должны быть допустимы нечистыя гармоніи въ родѣ:

Всякій мало-мальски опытный музыкантъ могъ бы исправить ему это мѣсто».

Kürzere Stücke für Pianoforte.

A. Rubinstein. «Undine», Etude für das Pianoforte. (1843).

Werk I.

Die erste Arbeit des talentvollen Knaben, der sich als Spieler einen schon grossen Ruhm gemacht. Ob er auch bedeutendes productives Talent habe, lässt sich nach dieser vorliegenden ersten Leistung weder behaupten, noch verneinen. Doch in dem kleinen Stücke das Melodische vorwiegt, ohne gerade eine schöne neue Melodie zu bieten, lässt hoffen, dass er das wahre Wesen der Musik zu begreifen angefangen und sich in diesem Sinne immer glücklicher entwickeln werde. Der Titel der Etude findet seinen Grund zumeist in der wellenförmigen Art der Begleitungsfigur; etwas Originelleres, durch und durch Gelungenes konnten wir von jungen Jahren nicht erwarten. In keinem Falle dürften aber unreine Harmonien stehen bleiben, wie

jeder irgend leidlich gewandte Musiker hätte ihm die Stelle verbessern können.

Gesammelte Schriften über Musik und Musiker von Robert Schumann (4 Band). Leipzig, Georg Wigands Verlag, 1854.—(1843 г.). Т. IV.

Мел іа фортепіаннаыя вещи.

III.

Записка А. Г. Рубинштейна въ дирекцію Императорскаго Русскаго музыкальнаго общества.

22-го марта 1887 г.

Въ теченіи болѣе чѣмъ 25-лѣтняго своего существованія Императорское русское музыкальное общество выполняло успѣшно одну изъ главныхъ своихъ задачъ—распространеніемъ музыкальнаго образованія въ Россіи, учрежденіемъ консерваторій въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ, музыкальныхъ школъ: въ Кіевѣ, Харьковѣ, Тифлисѣ и другихъ городахъ, устройствомъ симфоническихъ концертовъ и т. д. Остается выполнить еще великую задачу, а именно дать возможность отечественнымъ сочинителямъ ознакомить публику съ своими произведеніями, а отечественнымъ исполнителямъ открыть поприще для выказанія передъ публикой своихъ знаній.

Въ программахъ десяти симфоническихъ и столькихъ-же камерныхъ концертахъ, въ которыхъ требуется ознакомлять публику съ классическими произведеніями всѣхъ странъ и всѣхъ школъ и дать возможность публикѣ слышать таковыя въ возможно лучшемъ исполненіи и, кромѣ того, приглашать знаменитыхъ исполнителей иностранцевъ, остается слишкомъ мало мѣста для выполненія справедливыхъ требованій отечественныхъ сочинителей и исполнителей.

То же самое можно сказать и про театры дирекціи Императорскихъ театровъ, коихъ существуетъ всего два въ Имперіи (кромѣ трехъ или четырехъ частныхъ провинціальныхъ, которые зиждутся на весьма шаткихъ основаніяхъ); разъ составъ труппы полошъ, исполнителямъ (пѣвцамъ и пѣвицамъ и оркестровымъ музыкантамъ) некуда дѣваться и они болѣею частью обязаны поступать въ опереточные и садовые театры,—карьера совсѣмъ не соотвѣтствующая ни стремленіямъ, ни честолюбію потратившихъ столько силъ и рвенія на высшее музыкальное образованіе въ консерваторіяхъ.

Еще хуже положеніе сочинителей оперъ; передъ ними дирекція всегда отговаривается репертуаромъ, и не безъ основанія: она обязана отдѣлять большую часть представленій излюбленнымъ публикою операмъ, кромѣ того, операмъ заграничнаго репертуара, такъ что для молодыхъ отечественныхъ сочинителей нѣтъ ни мѣста, ни времени для разучиванія ихъ сочиненій.—Для выхода изъ этого грустнаго положенія, я предлагаю слѣдующее:

1) Русское музыкальное общество въ С.-Петербургѣ арендуетъ театръ на четыре вечера въ недѣлю (впослѣдствіи можетъ быть и

больше) и устраиваетъ въ немъ оперныя представленія и концерты, а именно (кромя обычныхъ десяти симфоническихъ концертовъ), три оперныя представленія и одинъ концертъ въ недѣлю, при чемъ за мѣста назначается общедоступная плата.

2) Какъ оперныя представленія, такъ и концерты состоятъ исключительно только изъ сочиненій русскихъ подданныхъ прошедшаго и настоящаго времени.

3) Оперная труппа, хоръ изъ 60 человекъ и оркестръ изъ 40 человекъ, составляются изъ нынѣ неангажированныхъ артистовъ Императорскихъ театровъ и дополняются бывшими консерватористами и оканчивающими ежегодно курсъ въ консерваторіяхъ.

4) Оперныя представленія и концерты имѣютъ быть круглый годъ (зиму и лѣто), за исключеніемъ времени и дней, по коимъ спектакли вообще воспрещаются.

5) Во время великаго поста, при запрещеніи оперныхъ представленій, имѣютъ быть концерты четыре раза въ недѣлю, и въ этихъ концертахъ велико-постнаго времени исполняются также и классическія и новѣйшія сочиненія другихъ странъ.

6) Оперы поются только на русскомъ языкѣ, въ концертахъ-же вокальные нумера могутъ быть исполняемы на всѣхъ языкахъ народностей, входящихъ въ составъ Россійской имперіи.

7) Всѣ представляемыя сочиненія какъ вокальныя, такъ и инструментальныя исполняются по мѣрѣ возможности, если они только удобоисполнимы и не написаны противъ правилъ теоріи музыки.

Въ случаѣ неодобренія распорядителями оперныхъ представленій и концертовъ упомянутыхъ произведеній, они передаются на судъ музыкальнаго комитета, составъ котораго заблаговременно избирается дирекціей с.-петербургскаго отдѣленія. Комитетъ окончательно рѣшаетъ подлежатъ-ли исполненію эти произведенія.

8) Въ программу входятъ всѣ отрасли музыки вокальной и инструментальной, т. е. народныя пѣсни (хоромъ или соло), танцевальная музыка, военная музыка, симфоническая, камерная, оперная и т. п. за исключеніемъ церковной музыки, но не исключая музыки духовнаго содержанія.

9) Цѣны за мѣста должны быть доступны всѣмъ, также и простонародью, т. е. съ 15 коп. за мѣсто и выше, но не превышая 3 рублей за мѣсто.

10) За исключеніемъ бель-этажа и 1-го яруса ложъ, весь театръ устраивается на одиночныя мѣста, безъ ложъ (или въ ложахъ другихъ ярусовъ, отдѣльныя мѣста нумеруются).

Ложы бель-этажа и 1-го яруса предлагаются публикѣ въ абонементъ.

Средняя и боковая ложы бель-этажа предлагаются Высочайшему двору и вмѣстѣ съ тѣмъ испрашивается за нихъ высшая плата въ видѣ субсидіи.

Боковая ложа бель-этажа съ правой стороны есть собственность покровителя на тѣхъ-же условіяхъ, а боковая ложа 1-го яруса съ правой стороны есть собственность дирекціи русскаго музыкальнаго общества.

Для окончательнаго выполненія изложенной выше великой задачи русскаго музыкальнаго общества, дирекція С.-Петербургскаго отдѣленія будетъ имѣть постоянную заботу о приобрѣтеніи или постройкѣ собственнаго зданія для театра, въ которомъ будутъ предложены публикѣ мѣста (ложы и кресла) въ пожизненную собственность.

А. Г. Рубинштейнъ.

Примѣчаніе. На собраніи членовъ музыкальнаго общества, о которомъ идетъ рѣчь, записка А. Г. Рубинштейна въ принципѣ была принята 19 голосами противъ одного. Предложеніе же «Русскаго музыкальнаго общества» внести на осуществленіе предпріятія 50 тысячъ изъ своего капитала принято 13 голосами противъ семи.

И.

IV.

Отъ его имп. выс. в. к. Константина Николаевича.

(8 сент. 1887 г. А. Г. Рубинштейну, по случаю 15-лѣтія свб. консерваторіи).

Отъ души поздравляю тебя съ двадцати-пятилѣтіемъ созданной тобою консерваторіи, которая принесла уже столько пользы Россіи; прошу тебя передать мое сердечное поздравленіе всѣмъ членамъ консерваторіи, и учащимъ, и учащимся; желаю ей продолжать процвѣтать; они знаютъ, что я ихъ всѣхъ сердечно люблю. Константинъ.

V.

А. Г. Рубинштейнъ, по случаю исполнившагося 11-го июля 1889 г. 50-лѣтія своей музыкальной дѣятельности, удостоился получить слѣдующія поздравительныя телеграммы: отъ Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы, отъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и отъ Ихъ

Императорскихъ Высочествъ Великой Княгини Александры Иосифовны
и Великаго Князя Константина Константиновича:

1.

Отъ Ихъ Императорскихъ Величествъ:

«Императрица и Я искренно привѣтствуемъ Васъ съ днемъ Вашего юбилея, желаемъ Вамъ отъ души еще много лѣтъ поработать на пользу музыкальнаго развитія нашей молодежи и композиторской вашей неутомимой дѣятельности». «Александръ».

2.

Отъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича.

«Сердечно поздравляю Васъ, Антонъ Григорьевичъ, съ исполнившимся 50-лѣтнемъ вашей ревностной музыкальной дѣятельности. Дай Богъ вамъ силъ продолжать ее еще на многіе, многіе годы». «Николай».

3.

Отъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Александры
Иосифовны.

Gedenke inmitten meiner grossen Sorge um meinen lieben Grossfürsten des Juwels unter den Künstlern, dem ich heute mehr als je das Allerbeste wünsche; dieser grosse Tag ist Allen theuer, die Sie kennen und verehren wie Ich.

«Alexandra».

4.

Отъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина
Константиновича.

«Примите отъ Жены и Меня Наше искреннѣйшее привѣтствіе и пожеланія еще многихъ лѣтъ здоровья и силъ на пользу и славу нашего дорогаго искусства и на радость всеѣмъ вашимъ поклонникамъ. Константинъ».

VI.

Пятидесятилѣтній юбилей А. Г. Рубинштейна.

Съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія учреждень, подъ предсѣдательствомъ Его Высочества Герцога Георгія Георгіевича Мекленбургъ-Стрелицкаго, Распорядительный Комитетъ для чествованія, въ субботу, 18-го (30-го) ноября 1889 года, въ С.-Петербургѣ, пятидесятилѣтія музыкально-художественной дѣятельности знаменитаго нашего соотечественника, композитора и пѣаниста, Антона Григорьевича Рубинштейна.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Высочайше разрѣшено: 1) устроить торжественный актъ и соотвѣтствующія музыкальныя празднества, 2) выбить въ честь А. Г. Рубинштейна медаль и 3) открыть въ средѣ Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества и между почитателями А. Г. Рубинштейна подписку на составленіе фонда для предоставленія въ распоряженіе юбиляра.

Открывъ свои дѣйствія, Комитетъ, публикаціями и циркулярами, довелъ о вышензложенномъ до свѣдѣнія почитателей А. Г. Рубинштейна, прося учрежденія, общества и лицъ, желающихъ присоединиться къ чествованію, увѣдомить комитетъ, для соображеній при составленіи программы празднества, — какое именно участіе полагають принять въ этомъ торжествѣ.

Въ Комитетъ уже поступаютъ заявленія объ адресахъ, депутаціяхъ, равно объ устраиваемыхъ въ разныхъ городахъ музыкальныхъ празднествахъ и т. п.; поступаютъ и суммы для фонда.

Всѣ заявленія и подписныя суммы на составленіе фонда слѣдуетъ адресовать на имя предсѣдателя комитета, Его Высочества Герцога Георгія Георгіевича Мекленбургъ-Стрелицкаго, въ Михайловскій дворецъ въ С.-Петербургѣ; денежныя суммы могутъ быть присылаемы и вносимы и въ с.-петербургскій Учетный и Ссудный банкъ (Невскій, 28), а также въ редакціи газетъ и въ равныя столичныя и губернскія установленія, публиковавшія о пріемѣ ихъ.

Предсѣдатель, Его Высочество Герцогъ Георгій Георгіевичъ Мекленбургскій, сверхъ членовъ главной дирекціи и дирекціи спб. Отдѣленія Императорскаго русско-музыкальнаго Общества, пригласилъ къ участію въ Комитетъ многихъ представителей творческой дѣятельности по музыкѣ, искусствамъ и литературѣ, и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Программа торжествъ еще окончательно не была утверждена къ 16-му октября 1889 г., но предположенія о ней напечатаны уже въ газетахъ.

А. Г.

41

А. Г. Рубинштейну.

Художникъ звука! творческая сила
Подъ гнетомъ лѣтъ въ тебѣ не умерла,
Нѣтъ! музыка всего тебя взяла,
Всего тебя, какъ сѣтью, охватила.

Не властенъ ты, какъ смертный рядовой,
Забыть искусства высшее значенье:
Въ тебѣ—небесъ съ землею примиренье,
Звукъ—идеаль живетъ въ тебѣ святой.

Ты всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ звуки
Въ душѣ своей вмѣщаешь, чародѣй!
Въ нихъ повѣсть бѣдъ, волненій и страстей,
Гимнъ радости и пѣснь любви и муки...

Все принялъ ты любовно и постигъ;
Ты въ звукахъ всю людскую эпопею
Прочувствовалъ, душой сроднился съ нею
И съ свѣточемъ во глубь ея проникъ.

О, свѣтель мѣръ мелодій и созвучій—
Мѣръ внутренней души твоей! Одинъ
Ты въ немъ царишь, маститый властелинъ,
Самодержавный и могучій!

А. Н. Яхонтовъ.

Псковъ.

Общество пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Отчетъ комитета Общества за іюнь, іюль и августъ мѣсяцы 1889 г.

Въ теченіе іюня, іюля и августа мѣсяцевъ 1889 года Комитетъ общества имѣлъ 5 обыкновенныхъ и 2 экстренныхъ засѣданія.

Безрочныхъ ссудъ выдано 475 руб. (1 лицу—25 р., 1—50 р., 1—100 р. и 1—300 р.).

Единовременныхъ пособій выдано 23 лицамъ 783 р. (1—10 р., 1—13 руб.; 1—15 р., 2 по 20 р., 9 по 25 р., 1—30 р., 1—40 р., 5 по 50 руб., 1—60 руб., 1—100 р.).

На похороны жены одного писателя выдано 25 руб., на похороны одного ученаго 100 р. и на похороны одной писательницы 100 р.

Кромѣ того, въ теченіе 3-хъ названныхъ мѣсяцевъ, выдано пенсій на сумму 1,295 р., продолжительныхъ пособій на 295 р., стипендій и на воспитаніе дѣтей писателей 270 р.

Комитетъ, по просьбѣ одного писателя, входилъ въ отношеніе съ редакціею одного изданія относительно высылки гонорара и обращался къ императорскому человеколюбивому Обществу съ просьбою о присылкѣ къ одному престарѣлому и больному писателю врача и о доставленіи ему лекарствъ бесплатно. Въ обоихъ случаяхъ обращенія комитета увѣичались успѣхомъ.

Отклонены: 14 просьбъ о пособіи (въ томъ числѣ двухъ лицъ 2 раза), 4 просьбы о безрочной ссудѣ (въ томъ числѣ 1 лица 2 раза); два раза отклонена просьба одного лица о назначеніи пособія на обученіе его дочери, наконецъ, отклонены 2 просьбы о краткосрочныхъ ссудахъ, въ виду истощенія той части расходнаго капитала, которая назначена на краткосрочныя ссуды,

Получены пожертвованія въ капиталъ имени Салтыкова: изъ кружка литераторовъ 455 р., чрезъ г-жу Татищеву 88 руб., отъ студентовъ рижскаго политехникума 25 р., чрезъ г. Павлова-Сильванскаго изъ Елизаветполя 19 р., изъ Кіева чрезъ Синявскаго 15 р., чрезъ присяжнаго повѣреннаго Н. П. Фролова—30 р., изъ Орлова, Вятской губ.—39 р., изъ Саранула, Вятской губ.—чрезъ Зеленина—30 руб., изъ Рязани, чрезъ В. Г. Шулыгина—199 руб. и отъ редакціи «Русскихъ Вѣдомостей»—23 р., чрезъ г. Астырева изъ Иркутска—48 р., а всего, въ теченіе названныхъ трехъ мѣсяцевъ, въ капиталъ имени Салтыкова поступило пожертвованій 962 р.

Пожертвованій разныхъ лицъ въ капиталъ Общества поступило 82 руб. 42 к., въ томъ числѣ, въ видѣ Дружининской копѣйки, отъ Н. Г. Мартынова 2 р. 42 к. и Я. Г. Гуревича—24 р.

Отъ великихъ князей Владиміра Александровича и Александра Александровича пожаловано 300 р.

Затѣмъ поступило: ежегоднаго пособія отъ министерства народнаго просвѣщенія 1,000 р., процентовъ съ капиталовъ общества 498 р., членскихъ взносовъ 50 р. и въ возвратъ срочныхъ ссудъ 473 р.

Комитетъ считаетъ необходимымъ объявить, что въ гимназій А. Гуревича имѣются 2 бесплатныхъ вакансіи и въ реальномъ училищѣ его-же одна вакансія, замѣщеніе которыхъ предоставлено директоромъ гимназій и училища комитету Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Приглашая желающихъ помѣстять своихъ дѣтей на эти бесплатныя вакансіи, комитетъ долженъ предупредить, что одна изъ этихъ вакансій въ гимназій и одна въ реальномъ училищѣ предназначены директоромъ для дѣтей педагоговъ-писателей.

Предсѣдатель общества, К. К. Арсеньевъ, принимаетъ лицъ, имѣющихъ до него дѣло по дѣламъ Общества, по воскресеньямъ отъ 10¹/₂ до 12 часовъ (адресъ: Васильевск. островъ, 14 линія, д. № 23), казначей Общества А. Г. Гуревичъ принимаетъ для уплаты членскихъ взносовъ и другихъ надобностей по воскресеньямъ отъ 11 до 12 час. (уголъ Лиговки и Бассейной, гимназій Гуревича), секретарь В. И. Семеvскій принимаетъ ежедневно отъ 5 до 6-часовъ пополудни (Васильевск. остр., 2-я линія, д. № 13, кв. 16).

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ ПО СИБИРИ АРХІЕП. НИЛА.

Ярославль. 2 части, 497 стр. + XIV стр. алфавита. указателя, съ фото-литографир. портретомъ автора.

Посмертное изданіе труда архіепископа Нила († 1874 г.), одного изъ замѣчательныхъ дѣятелей Сибири, большаго знатока этой окраины Россіи.

«Путевыя записки» напечатаны въ 1874 г., вскорѣ послѣ смерти автора, но, по случайнымъ обстоятельствамъ, изданіе это до сихъ поръ не поступало въ продажу.

О книгѣ этой, составляющей весьма цѣнный вкладъ въ церковно-историческую и историко-этнографическую литературу о Сибири, см. «Русскую Старину» изд. 1889 г., книга октябрь, стр. 245—247.

Цѣна книги **ОДИНЪ** руб. съ пер.

Съ требованіями обращаться въ редакцію «Русской Старины», Большая Подьяческая ул., д. № 7.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „СУДЕБНУЮ ГАЗЕТУ“ НА 1890 ГОДЪ.

Въ каждомъ № „Судебной Газеты“ подписчики получаютъ за недѣлю ранѣе списокъ всѣхъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію по всѣмъ Департаментамъ Правительствующаго Сената и Общаго Собранія и, тотчасъ по опубликованіи, всѣ свѣдѣнія объ указахъ и о лицахъ, признанныхъ со стороны судовъ по всей Россіи не состоятельными, то есть пользуются такимъ матеріаломъ, который, въ отдѣльности взятый, стоитъ въ 3—4 раза дороже самаго изданія „Судебной Газеты“.

СООБЩЕНІЕ СПРАВОНЪ о резолюціяхъ Кассационныхъ и другихъ Департаментовъ Сената производится въ почтовомъ ящикѣ редакціи только для годовыхъ подписчиковъ, уплатившихъ при подпискѣ всю сумму сполна, при томъ не болѣе 3—4 въ годъ.

ПОДПИСЧИНАМЪ НА РАЗСРОЧКУ И НА СРОКИ справки сообщаются на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

ЖЕЛАЮЩІЕ получить справку по почтѣ, не дожидаясь выхода № газеты, прилагаютъ 2 руб. за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающіе получить ее по телеграфу прилагаютъ еще и стоимость телеграммы.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦІЯ: разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ, сообщеніе совѣтовъ, указаній и т. п. производится или въ отдѣлѣ „Отвѣты редакціи“ или письменно по почтѣ, въ обоихъ случаяхъ на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

ЦѢНА: на годъ 7 руб.; на 6 мѣсяцевъ 4 руб. 50 коп.; на 3 мѣсяца 3 руб. и на 1 мѣсяць 1 руб. За границу 10 руб. въ годъ.

ПОДПИСНА принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

ЗАГРАНИЦУ подписка въ разсрочку не принимается.

РАЗСРОЧНА въ платежѣ годовой подписной платы допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится 4 рубля и остальные 3 рубля не позже 20-го іюня.

ПРИ ПРОСРОЧКѢ втораго взноса высылка газеты съ 1-го іюля прекращается.

ДЛЯ ПОЛЬЗОВАНІЯ РАЗСРОЧНОЮ необходимо при посылкѣ перваго взноса заявлять о своемъ желаніи пользоваться разсрочкою; одна-же простая присылка 4 рублей или присылка ихъ съ объясненіемъ, что они высылаются за первую половину года, повлечетъ за собою зачисленіе такого подписчика въ разрядъ четырехмѣсячныхъ.

Иногородные адресуются *исключительно* въ главную контору редакціи С. Петербургъ, Моховая улица, № 38; городскіе—въ отдѣленіе конторы: С. Петербургъ, въ книжномъ магазинѣ юридической литературы Д. В. Чичинадзе, Невскій проспектъ, д. № 57.

ЗА ПОДПИСКУ ВЪ ДРУГИХЪ МѢСТАХЪ РЕДАКЦІЯ НЕ ОТВѢЧАЕТЪ.

Редакторъ-Издатель Ф. В. Де-Вени.

БОЛГАРІЯ ПОСЛѢ БЕРЛИНСКАГО КОНГРЕССА.

Историческій очеркъ П. А. Матвѣева, съ приложеніемъ текста Тирновской конституціи.

Цѣна 2 рубля.

Продается въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ складахъ Стасюлевича, Березовскаго, въ книжныхъ магазинахъ Карба-
снникова и Фену въ Петербургѣ и Мамонтова въ Москвѣ.

Иногородные, выписывающіе книгу черезъ контору «Русской Ста-
рины», за пересылку ничего не платятъ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ГАЗЕТА

„ВРАЧЪ“,

посвященная всѣмъ отраслямъ клинической медицины и гигиены и всѣмъ вопросамъ врачебнаго быта, будетъ выходить и въ будущемъ 1890 году въ томъ же объемѣ и по той-же программѣ, какъ и въ истекающемъ году, а именно:

1) Статьи по всѣмъ отраслямъ клинической медицины и по такимъ вопросамъ неклиническихъ медицинскихъ наукъ, которые имѣютъ практический интересъ.

2) Статьи по общественной и частной гигиенѣ.

3) Статьи объ образованіи, бытовыхъ условіяхъ и общественной дѣятельности врачей.

4) Біографіи и некрологи врачей и статьи по исторіи медицины, преимущественно русской.

5) Критическія статьи и рецензіи нѣкоторыхъ иностранныхъ и русскихъ книгъ, касающихся программы «Врача».

6) Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ и другихъ обществъ, могущихъ интересовать врачей.

7) Рефераты о главнѣйшихъ работахъ изъ текущей журнальной печати, какъ иностранной, такъ и русской.

8) Хроника всѣхъ явленій русской и заграничной жизни, поскольку эти явленія представляютъ тотъ или иной интересъ для врачей; слухи, правительственныя сообщенія.

9) Всякаго рода объявленія, за исключеніемъ рекламъ и объявленій о тайныхъ средствахъ.

Статьи (въ заказныхъ письмахъ) высылаются на имя редактора, профессора *Вячеслава А. Ксентьевича Манассеина* (Петербургъ, Симбирская, д. 12, кв. 6).

Цѣна за годовое изданіе, какъ съ пересылкой въ другіе города, такъ и съ доставкой въ Петербургъ, 9 р., а за полгода 4 р. 50 к. Подписка принимается у издателя — *Карла Леопольдовича Риккера* (Петербургъ, Невскій, 14). Къ нему же слѣдуетъ обращаться и по хозяйственнымъ вопросамъ вообще (относительно высылки гонорара, отдѣльныхъ №№ и т. д.).

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА „ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“.

Съ 1-го Января 1890 года будетъ издаваться, подъ редакціей ординарнаго профессора С.-Петербургскаго Университета Н. Д. Сергѣевскаго и при ближайшемъ, постоянномъ сотрудничествѣ Н. Ф. Дерюжинскаго, А. А. Исачева и Н. М. Коркумова, ежемѣсячный журналъ „ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“. Задачею журнала поставляется, во-первыхъ, научная разработка и историческое освѣщеніе правовыхъ и экономическихъ вопросовъ, имѣющихъ значеніе для нашей современной общественной жизни; во-вторыхъ, ознакомленіе читателей съ важнѣйшими явленіями въ сферѣ законодательства, судебной практики и науки права. Сообразно этому, „ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“ будетъ заключать въ себѣ:

I. Самостоятельныя (иногда переводныя) научныя статьи по вопросамъ право- и государствовѣдѣнія;

II. Хроники: законодательную, судебную и научную;

III. Указатель вновь выходящихъ книгъ и журнальныхъ статей русской и иностранной юридической литературы.

„ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“ выходитъ въ началѣ каждого мѣсяца книжками отъ 4 до 6 листовъ. Каждая шесть книжекъ образуютъ собою одинъ томъ, къ которому прилагается общее оглавленіе.

Подписная цѣна 5 РУБЛЕЙ въ годъ съ доставкой и пересылкою.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ: Анисимова, Большая Садовая, № 12; Цинзерлинга, Невскій проспектъ, № 46; Мартынова, Большая Морская, № 30.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться въ редакцію „ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛѢТОПИСИ“. С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, по 3 линіи, д. № 26.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ

НА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА 1890 Г.

(одннадцатый годъ изданія).

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкой и пересылкою во всѣ мѣста Россіи.	12 р.	6 р.	3 р.	— 1 р.
За границу	14 „	7 „	3 „	50 —

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 рубля.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ cadaго годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

Журналъ выходитъ подъ тою же редакціей, при томъ же составѣ сотрудниковъ и въ прежнемъ объемѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ конторѣ журнала: Москва, Леонтьевскій пер., 21.

Редакторъ-издатель В. М. Лавровъ.

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1888 г.

съ приложеніемъ гравюръ: ликъ св. Владиміра, портреты: Готлобъ Тотлебенъ;— В. Т. Нарѣжнѣй;— И. А. Анненковъ;— П. Е. Анненкова;— Д. Н. Бантышъ-Каменскій;— С. И. Зарудный;— И. Т. Осининъ (гравюра на мѣди);— А. К. Пфель (грав. на мѣди);— С. М. Макарова;— Л. Л. Леонидовъ;— И. Н. Крамской (грав. на мѣди);— М. Гр. Черняевъ (грав. на мѣди);— Генрихъ Мозеръ;— Мозафаръ-Эдминъ;— Кушъ-Беги. Рисунки: саргская женщнна;— аулъ киргизовъ;— курдская крѣпость, и др.

Содержаніе: Записки адм. П. В. Чичагова;— Разсказы Пр. Ег. Анненковой, жены декабриста;— Іакимъ Бичуринъ въ воспом. его внуки;— Записки Д. И. Ростиславова;— Посмертн. зап. проф. А. В. Никитенко;— Н. Н. Мурзакевича;— Воспом. артиста Л. Л. Леонидова;— М. С. Щенкинъ, воспом. о немъ артистки А. И. Шубертъ и очеркъ Н. В. Кудольника;— Воспоминанія художника И. Е. Рѣпина;— Воспомин. А. Н. Яхонтова о Царскосельскомъ лицѣ, 1833—38 гг.;— О. М. Бодянский въ его дневникѣ, 1849—50 гг.;— Воспом. В. М. Сорокина о петерб. университетѣ 1860-хъ гг.;— Студенческія волненія въ Москвѣ 1861 г. и въ Казани въ 1862 г., воспом. бывшаго попечителя П. Д. Шестакова;— Записки моряка-художн. профес. А. П. Боголюбова, 1856—57 гг.;— А. Н. Стрѣвъ, 1857—71 гг., воспомин. о немъ и его письма К. И. Званцева;— 8 сентября 1862 г., изъ воспомин. графа П. А. Валуева;— Воспом. о голодѣ на сѣв. Россіи 1868 г.;— Воспом. художника В. В. Верещагина: Самаркандъ въ 1868 г.,— Набѣгъ русскихъ войскъ на Адрианополь въ 1877 г.;— Импер. Александръ II на звѣринныхъ охотахъ 1849—1876 гг.;— Воспом. кн. П. А. Путятина;— Санъ-Стефано и Константинополь въ февралѣ 1878 г., замѣтки кн. В. Д. Дабиза.

Исслѣдованія, историч. и биографич. очерки: Откуда родомъ св. вел. княгиня Ольга? арх. Леонида;— Смыслные и заточенные въ острогъ Соловецк. монастыря въ XVI—XIX вв., историч. очеркъ М. А. Колчина;— Карлъ XII въ 1709 г., сообщ. акад. Я. К. Гротъ;— Гр. Готлобъ Тотлебенъ 1715—63 гг., очеркъ Г. К. Рѣпинскаго;— Принцъ Карлъ Эрнестъ Курляндскій въ Бастиліи 1768 г., сообщ. кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій;— Россія въ ея отношеніяхъ къ Европѣ въ царств. Александра I, изслѣд. Н. К. Шилдера;— Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой половинѣ XIX вв., очеркъ магистра (нынѣ доктора) русск. исторіи В. И. Семеваго;— Я. П. Кульневъ въ 1812 г.;— Партизанъ А. С. Фигнеръ въ 1813 г.;— Германскій принцъ Вильгельмъ въ Россіи въ 1817 г.;— Вильгельмъ I, импер. германскій, въ бытность его принцемъ прусск. 1821—33 гг.;— Импер. Николай I въ его резолюціяхъ 1827—33 гг.;— Л. В. Дубальтъ, биографич. очеркъ и письма;— П. Н. Кривошъ, 1791—1843 гг.;— А. И. Герценъ въ 1820—41 гг.;— П. Б. Меншковъ, арестъ его въ 1848 г.;— Д. Н. Бантышъ-Каменскій;— Русско-венгерская война 1849 г.;— Гр. Н. И. Евдокимовъ 1804—73 гг., биографич. очеркъ, сост. П. И. Ореусъ;— Русскіе въ Руминіи и на Дунаѣ въ 1853—54 гг., изслѣд. А. Н. Петрова;— Рущукскій отрядъ 1877—78 гг., истор. очеркъ М. П. Степанова;— Кн. Ва. А. Черемскій какъ устроитель Болгаріи, ст. Д. Г. Анучина;— С. И. Зарудный;— И. Т. Осининъ, очеркъ жизни и дѣятельн., 1835—1887 гг.;— К. К. Арнгеймъ;— А. К. Пфель;— Н. М. Пржевальскій, его автобиографія. Писатели въ ихъ произведеніяхъ, письмахъ и биографіяхъ: В. А. Жуковский;— В. Т. Нарѣжнѣй;— А. С. Пушкинъ: вновь открытыя строфы романа „Евгеній Овѣгнъ“,— М. Ю. Лермонтовъ;— Н. П. Огаревъ;— Д. М. Кляжевичъ;— К. Н. Батюшковъ;— Н. В. Гоголь;— А. О. Смирнова;— Н. И. Костомаровъ;— Ап. Ник. Майковъ;— К. К. Р.—въ;— Къ литературной и обществ. исторіи 1820—1830 гг., сообщ. В. Е. Якушнянъ. Художники: К. П. Брюловъ;— Антонъ Гр. Рубинштейнъ;— профес. археол. япон. Ф. Г. Солицевъ, и др.

Цѣна **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою.

былъ убить Лаертомъ, то «царствованіе этого короля-поэта представляло бы весьма курьезное зрѣлище, которое заставило бы многихъ вспомнить съ сожалѣніемъ о временахъ короля Клавдія». — Но, не смотря на возможные разногласія, будущій критикъ, безъ сомнѣнія, всегда отдастъ заслуженную дань уваженія живому труду г. Спасовича, его громадной эрудиціи и его рельефному языку. Будущій критикъ признаетъ, что и въ области художественнаго анализа В. Д. Спасовичъ остается такимъ же большимъ мастеромъ и выдающимся талантомъ, какъ и въ области судебного краснорѣчія и что къ нему самому очень часто примѣнимо то, что онъ говоритъ о Матушевичахъ, т. е., что «ему удается полусловомъ вызвать предъ нами не выписанный портретъ, но живой типъ, съ его движеніями и игрой тѣхъ нравственныхъ пружинъ, которыя побуждали его дѣйствія».

А. О. Бони.

Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова. Подъ редакціей приватъ-доцента сиб. университет. Н. А. Шляпкина. Въ двухъ томахъ. Изданіе Н. П. Варгунина. Сиб. 1889. 8°. Т. I. Прозаическія статьи и перепека. XLVIII + 172 + IV стр., съ приложеніемъ двухъ портретовъ Грибоѣдова и факсимиле его почерка. Т. II. Познн. 356 + II + IV стр., съ приложеніемъ портрета Грибоѣдова и нотъ. Цѣна за два тома 5 руб.

Сравнительно съ предшествовавшими, это наиболее полное изданіе сочиненій Грибоѣдова, но Г. Шляпкинъ, назвавъ его «полнымъ собраніемъ», допустилъ это условно, такъ какъ нѣкоторыя сочиненія Грибоѣдова или утрачены вовсе, или еще не разысканы. Вместо біографіи писателя, г. Шляпкинъ даетъ «хронологическую канву», составленную изъ старательно собранныхъ всевозможныхъ мелочей, относящихся до произведеній Грибоѣдова и его личности. Въ суммѣ этотъ богатый матеріалъ біографическаго и бібліографическаго характера представляетъ собою ключъ къ научному изученію и оцѣнкѣ Грибоѣдова и нѣтъ большаго значенія для послѣдующаго біографа писателя. Прозаическія статьи и письма Грибоѣдова расположены въ строго хронологическомъ порядкѣ и снаб-

жены примѣчаніями; здѣсь встрѣчаются даже оофициальныя бумаги Грибоѣдова, написанныя имъ по разнымъ служебнымъ поводамъ. Во второмъ томѣ, кромѣ гениальной комедіи «Горѣ отъ ума», въ двухъ текстахъ — окончательномъ и первоначальномъ, находимъ нѣсколько стихотвореній и комедій, изъ которыхъ комедія «Студентъ», написанная совместно съ П. Батенинымъ, напечатана впервые. Г. Шляпкинъ воспользовался рѣшительно всеми печатнымъ матеріаломъ и въ этомъ случаѣ ему много помогло все помѣщавшееся на страницахъ «Русскаго Слова» и въ особенностяхъ «Русской Старины», давшей о Грибоѣдовѣ богатѣйшій матеріалъ въ статьяхъ покойнаго Ад. П. Берже, въ бумагахъ Ф. В. Булгарина и въ сообщеніяхъ различныхъ лицъ. Кромѣ того, г. Шляпкинъ пересмотрѣлъ и рукописи изъ собранія Имп. публич. библиот., въ которыхъ также нашлось нѣсколько отрывковъ, принадлежащихъ перу Грибоѣдова и не бывшихъ ранѣе въ печати. Г. Шляпкинъ озаботился также очистить текстъ «Горѣ отъ ума» отъ произвольныхъ измѣненій издателей, хотя бы и ореограническихъ, если же измѣненія сдѣланы самимъ авторомъ, то г. Шляпкинъ приводитъ обыкновенно и первоначальный текстъ. Вообще все это изданіе, заботливо и съ знаніемъ дѣла выполненное, весьма полезно для изучающаго писателя. Съ этою же цѣлью для тѣхъ, кто захотѣлъ бы спеціально изучать Грибоѣдова и заняться его біографіей, приложенъ къ первому тому очень хорошо составленный Н. М. Лисовскимъ бібліографическій указатель произведеній Грибоѣдова и литературы о немъ за время съ 1814 по 1889 г.

Памятники древняго православія въ городѣ Владимірѣ-Волынскомъ. Состав. и изд. Е. Н. Дверницкій, съ рисунками. Кіевъ, 1889 г., въ 8 д., стр. 66.

Дальное описаніе по печатнымъ и частью по архивнымъ матеріаламъ церковной старины въ одномъ изъ самыхъ нынѣ закулазыхъ уздыныхъ городовъ юго-западной Россіи, нѣкогда бывшемъ такимъ градомъ, котораго, по словамъ лѣтописи: «не изобрѣтахъ ни въ Нѣмецкихъ странахъ». Книга издана въ пользу Свято-Владимірскаго братства.

Ред.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1890 г.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ руб.**, съ пересылкою.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старинѣ“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ А. Ф. ЦИВЗЕРЛИНГА.

Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха), Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова), Н. Печковской (Петровская линія). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзыви о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., (44 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., (93 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., 12 книгъ (51 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., 12 книгъ (48 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., 12 книгъ (29 экз.), съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 книгъ (40 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г. 12 книгъ (4 экз.), съ 17 портрет., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изд. второе (84 экз.), съ портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1885 г., 12 книгъ (97 экз.), съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1888 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1889 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ двадцатый.

ДЕКАБРЬ.

1889 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Тысяча восемьсотъ двѣнадцатый годъ въ запискахъ гр. Ф. В. Ростовчина. Перев. съ франц. подлин. рукоп. И. И. Орлеусъ	643	VIII. Императоръ Николай Павловичъ намянутъ Крымской войны.	831
II. Дневникъ Александра Васильевича Никитенно. 1842—1843 гг.	727	IX. Ф. Я. Мирковичъ, 1789—1866 гг.	833
III. Подъ Теллимагъ въ 1877 г. Изъ дневника офицера. Сообщ. Т. М. Дагаевъ	759	X. Пятидесятилѣтіе артиллеріи въ Россіи, 1389—1889 гг.	844
IV. Воспоминанія художника В. В. Верещагина	783	XI. Матеріалы и замѣтки: Свѣц. А. Сидявестровъ (836).—Памятникъ севастопольцамъ (726).—П. М. Пржевальскій (837).—П. Г. Чернышевскій (830).—М. П. Мятковъ († 6 ноября 1889 г.) (839).—В. П. Клякочевъ († 9 ноября 1889 г.) (841).—А. И. Мясковскій (836).—Поправки (845).	
V. Епископъ Кириллъ Молитопольскій въ его письмахъ къ митрополиту Макарію Булгакову, 1857—1865. Сообщ. Е. Н. Булгакова	795	XII. «Русская Старина» въ 1889 г.:
1. Обзоръ двѣнадцати книгъ. —
2. Сотрудники, 1870—1889 гг. —
3. Подписчики «Русской Старины» въ 1889 г.	
VI. Ученныя архивныя комиссіи въ 1888 г. Обзоръ ихъ дѣятельности. Состав. директ. археол. инстит. профес. Н. Е. Андреевскій	805	XIII. Библиографическій листокъ (на оберткѣ). Сообщ. профес. В. С. Иконниковъ.	
VII. Александръ Никитичъ Сеславинъ, род. 1780 г., † 1858 г. Сообщ. князь П. А. Путятинъ	827		

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ Александра Никитича Сеславина, гравиров. художн. Н. И. Матюшинъ. — II. Указатель личныхъ именъ въ «Русской Старинѣ» гл. 1889 г. — III. Систематич. оглавленіе LXIV-го тома «Русской Старины».

Принимается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1890 г.

Двадцать первый годъ изданія. Цѣна 9 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1889.

XII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го декабря 1889 г.

Библиотека „Руниверс“

Сборникъ Импер. Русскаго историческаго общества. Томъ LXVI, 681 стр.; т. LXVII, 578 стр.; т. LXVIII, 741 стр., спб. 1889. Ц. 3 р. за томъ.

Первый изъ этихъ томовъ составляетъ продолженіе серіи донесеній и другихъ бумагъ англійскихъ пословъ и посланниковъ при русскомъ дворѣ (томъ VI-й) и обнимаетъ періодъ 1728—1733 гг., включая въ себя донесенія Томаса Уарда, а главнымъ образомъ Клявдія Рондо. Какъ вообще дипломатическія донесенія, настоящій матеріалъ почти весь сосредоточивается на политическихъ и придворныхъ отношеніяхъ; но зато здѣсь можно найти подробныя сообщенія по извѣстному дѣлу верховниковъ, переговоры о торговлѣ съ Англіей, характеристики Барона и русскія вѣдомосты (сюда вошла отчасти и извѣстная записка Рондо) и т. п.

Томъ LXVII составляетъ IV-ю часть политической переписки Екатерины II, а именно: за 1766 и 1767 гг., которая издается подъ наблюденіемъ барона Ф. А. Булера, при содѣйствіи В. А. Ульяницкаго. Въ ряду множества политическихъ вопросовъ, затронуемыхъ этими матеріалами, резко выдѣляются отношенія Екатерины II къ Польшѣ, на дѣлахъ которой сосредоточивается главное ея вниманіе; любопытны значительные переводы суммъ, отравленныхъ въ распоряженіе кн. Репнина; не менѣе любопытны и нѣкоторыя частности, какъ отзывъ Екатерины II по поводу переписки съ г-жею Меоренъ, письма Н. И. Панина о соч. Вольтера въ пользу диссидентовъ и т. п.

Т. LXVIII — посвященъ Екатерининской комиссіи, а именно дворянскимъ наказамъ отъ губерній: Казанской, Эстляндской, Ливонской, Выборгской, Нижегородской, Малороссійской, Слободско-Украинской, Воронежской и Вязьмовской. Кстаті замѣтимъ, что въ «Кіевской Старинѣ» за 1888 годъ печатались указы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г. и акты о выборахъ депутатовъ въ комиссію сочиненія Уложенія», по рукописному сборнику Суденко.

Кунгурскіе акты XVII вѣка (1668—1699). Изданіе А. Г. Кузнецова. Редакт. А. А. Титовъ. Спб., 1888, XXVI+292. Ц. 1 р. 50 к.

Означенное изданіе (о немъ уже былъ одинъ отзывъ ред. «Русск. Стар.») представляетъ несомнѣнный интересъ, какъ собраніе оофициальныхъ документовъ, относящихся къ извѣстному району. Такимъ образомъ за тридцатилѣтіе мы имѣемъ приблизительно до 80 актовъ. Еще въ 1837 г. они были доставлены изъ Кунгурскаго уезднаго суда въ археографич. комиссію и затѣмъ описаны П. А. Мулловымъ (Лѣт. заматій арх. ком. I, 1861). Въ настоящемъ изданіи почти всѣ акты являются впервые. Последніе весьма обстоятельно знакомятъ съ мѣстной администраціею, съ характеромъ управленія, съ судебными порядками, производствомъ мытокъ и т. п., съ пресѣдованіями по дѣлу о держаніи табуку (1690), состояніемъ города, взаимными отношеніями разныхъ классовъ общества, русскіхъ и иностранцевъ, правами и обычаями — вообще даютъ довольно полную картину провинціальной жизни въ одномъ изъ отдаленныхъ угловъ Россіи, насколько возможна эта полнота при однообразіи житейскихъ отношеній и потребностей. Прибавивъ къ этому, что «переписки, договорныя и окладныя книги г. Кунгура XVII и XVIII столѣтій» была недавно изданы на средства того же А. Г. Кузнецова Н. А. Найденовымъ (Кунгуръ, матеріалы для исторіи города XVII и XVIII столѣтій, Москва, 1886).

Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Руси, изданный комиссіею для разбора древнихъ актовъ, состоящей при Кіевск., Подольск. и Волыиск. ген.-губ. Кіевъ, 1888, LIX+322, ц. 1 р. 50 к.

Редакція настоящаго сборника принадлежитъ В. Б. Антоновичу, а по своему составу сборн. чрезвычайно разнообразенъ и въ высшей степени любопытенъ. Большая часть матеріаловъ, помѣщенныхъ въ немъ, извлечены изъ богатаго собранія рукописей библи. Осоловскихъ во Львовѣ, включающей въ себя весьма много документовъ по исторіи взаимныхъ отношеній Польши и Россіи. Изъ числа напечатанныхъ въ указанномъ изданіи особеннаго вниманія заслуживаетъ сборникъ, въ который вошли: Кіевская лѣтопись 1241—1621 гг. и Межигорская лѣтопись 1608—1700 гг. (издатель пользовался списками б. Осолов-

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1890 г.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ будетъ выходить въ 1890 году въ прежнемъ объемѣ, съ гравированными на деревѣ и мѣди портретами замѣчательныхъ русскихъ людей. Много портретовъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей, для „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1890 года, награвировано лучшими русскими художниками на мѣди и на деревѣ, а также исполнено въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ будетъ по прежнему помѣщать въ 1890 г. на своихъ страницахъ, между прочими вполнѣ интересными записками (мемуарами), статьями и матеріалами, множество данныхъ для исторіи минувшаго царствованія императора Александра II Освободителя и для біографій и характеристикъ его достопамятныхъ сподвижниковъ.

12 книгъ, цѣна ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1890 г. принимается для иногородныхъ въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, по Большой Подъяческой, д. № 7.

Городскіе подписчики въ Петербургѣ благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Цинзерлинга (Невскій пр., д. № 46). Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха) и Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.).

Подписчики «Русской Старины», при возобновеніи подписки на этотъ журналъ на 1890 г., двадцать первый годъ изданія, могутъ получить, по значительно меньшимъ цѣнамъ, слѣдующія художественныя изданія:

ЧЕТВЕРТЫЙ СБОРНИКЪ гравюръ изданіе «Русской Старины». Гравюры исполнены на мѣди проф. И. П. Пожалостинимъ и художникомъ Ѳ. А. Мѣркинымъ.

Этотъ сборникъ продается подписчикамъ „Русской Старины“ за одинъ руб. съ перес., для прочихъ лицъ четыре руб.

ТРЕТЬЕ СОБРАНІЕ ПОРТРЕТОВЪ ДОСТОПАМЯТНЫХЪ РУССКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ

ГРАВЮРЫ ЛУЧШИХЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ

[на деревѣ].

Цѣна для подписчиковъ «Русск. Старины» вмѣсто **ЧЕТЫРЕХЪ** р. **ОДИНЪ** руб. съ пересылкою.

Содержаніе **третьяго** сборника гравюръ „Русской Старины“:

Владиміръ св. — П. Еропкинь. — Графъ Тотлебенъ. — Кн. М. Щербатовъ. — А. Фигнеръ. — А. Сеславинъ. — М. Муравьевъ-Апостоль. — Гр. В. Панинь. — Гр. С. Строгановъ. — Я. Соловьевъ. — С. Зарудный. — Гр. Н. Евдокимовъ. — П. Этовъ. — К. Брюлловъ, М. Глинка, Н. Кукольникъ. — М. Глинка. — М. Каченовскій. — Д. Бантышъ-Каменскій. — В. Нарѣжный. — А. Бестужевъ. — М. Лермонтовъ. — И. Аксаковъ. — Гр. Л. Толстой. — М. Розенгеймъ. — С. Макарова. — Г. Ломакинъ. — Э. Стоговъ. — Отшельникъ Ѳедоръ. — Памятникъ и барельефъ на общей могилѣ Волынскаго, Еропкина и Хрущова. — Памятникъ Славы.

Примѣчаніе. Такъ какъ третьяго выпуска сборника гравюръ имѣется только 1100 экз., а четвертый томъ гравюръ, (исполненныхъ на мѣди), въ виду дороговизны ихъ тисненія, напечатанъ всего лишь въ 2000 экз., т. е. на двѣ трети менѣ числа подписчиковъ на «Русскую Старину», то желающихъ имѣть эти сборники просятъ выслать подписныя на журналъ 1890 г. и на помянутые альбомы гравюръ деньги заблаговременно.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ А. Θ. ЦИНЗЕРЛИНГА

Спб., Невскій проспектъ, д. № 46.

Продаются нижеслѣдующія изданія ред. «Русск. Старины»:

I. ЗАПИСКИ АНДРЕЯ ТИМОФЕЕВИЧА БОЛОТОВА, 1739—1762 гг. и 1789—1796 гг. Тома первый и четвертый. Цѣна съ виньетками по ТРИ руб. книга (*осталось весьма мало экз.*).

II. СЛОВО И ДѢЛО! историческіе очерки М. И. Семевского изъ эпохи Петра Великаго, 1700—1725 гг. Книга въ 8-ю долю, 350 стр., съ рисунками пытокъ. Спб., изданіе второе, пересмотрѣнное и исправленное.

Цѣна ДВА рубля съ пересылкою.

III. „ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА, АННА и ВИЛЛИМЪ МОНСЪ“ историческій очеркъ М. И. Семевского изъ эпохи Петра Великаго, 1692—1724 гг. Книга въ 8-ю долю, 350 стр. Спб., съ портретами и картинами казней стрѣльцовъ.

Цѣна ДВА рубля ПЯТЬДЕСЯТЬ коп. съ пересылкою.

IV. Подписчикамъ «Русской Старины» предоставляется получить за весьма уменьшенную цѣну, именно за ДВА рубля съ пересылкой, вмѣсто объявленной цѣны 4 руб. 50 коп., обширное сочиненіе генерала И. И. Ореуса: **Описаніе Венгерской войны 1849 г.**, съ приложеніемъ 14-ти картъ и плановъ, составленное по архивнымъ неизданнымъ матеріаламъ. Спб., въ 6. 8 д.

V. Записки Сельскаго Священника, о. протоіерея и благочиннаго А. И. Розанова. Спб., 1882 г., въ 8 д., изд. второе, дополненное (*всего 170 экз.*) Цѣна одинъ руб. съ пересылкою.

VI. «Знакомые» — альбомъ редактора «Русской Старины» — автобіографическія замѣтки 850 извѣстныхъ дѣятелей, людей государственныхъ, ученыхъ, писателей, артистовъ и друг. Спб., 450 стр. Цѣна ДВА рубля съ пересылкою.

Въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ Авг. Фед. Цинзерлинга
(Невскій проспектъ, д. № 46),

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ РОСПИСЬ СОДЕРЖАНІЯ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1870—1884 гг.

Съ прилож. портретовъ русскихъ дѣятелей. Спб. 1885, 8 д., стр. 300.

Цѣна ТРИ руб. съ перес.

Все изданіе этой книги принадлежитъ магазину Августа Федоровича Цинзерлинга (Спб., Невскій пр., д. № 46).

Первое прибавленіе

къ

СИСТЕМАТИЧЕСКОЙ РОСПИСИ СОДЕРЖАНІЯ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1885—1886—1887 гг.

Спб., 1888 г., 8 д., стр. 80, съ приложеніемъ двѣнадцати портретовъ русскихъ замѣчательныхъ дѣятелей, гравюры на мѣди и на деревѣ.

Цѣна ОДИНЪ рубль съ перес.

АЛЬБОМЪ М. И. СЕМЕВСКАГО

ИЗДАТЕЛЯ-РЕДАКТОРА ИСТОРИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ СТАРИНА“.

Книга автобиографическихъ собственноручныхъ замѣтокъ 850
лицъ. Воспоминанія.—Стихотворенія.—Эпиграммы.—Шутки.—

Подписи.

Спб., въ 8 д., xxx + 416 стр. Цѣна ДВА руб. съ пересылкою.

1867—1888.

Весь доходъ отъ продажи этой книги, за покрытіемъ издержекъ по ея изданію, поступаетъ въ пользу «Общества для пособія бѣднымъ учащимся въ начальныхъ городскихъ училищахъ въ С.-Петербургѣ», въ распоряженіе каковаго Общества и передано, 6-го февраля 1889 г., 450 экземпляровъ.

ПОРТРЕТЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II

превосходная гравюра Академика Гравера Его Императорскаго Величества Л. А. Сѣрякова († 1881 г.).

Гравюра эта окончена знаменитымъ академикомъ въ октябрѣ 1866-го года, и тогда же представленная въ Бозѣ почившему Императору удостоена Высочайшаго одобренія: художнику, — единственному въ Россіи академику-граверу на деревѣ, — въ декабрѣ 1866 г. пожаловано званіе—такъ же доселѣ единственное въ Россіи—«гравера Его Императорскаго Величества», съ причисленіемъ Сѣрякова къ Императорскому Эрмитажу.

Эта гравюра—очень хорошо отпечатана въ Парижѣ, на большомъ листѣ отличной бристольской бумаги; подъ портретомъ императорскій гербъ и подпись:

Александръ II,

ИМПЕРАТОРЪ ВСЕРОССИЙСКІЙ.

Рисоваль и гравироваль на деревѣ академикъ Л. Сѣряковъ,

ГРАВЕРЪ

Его Императорскаго Величества.

[Величина гравюры— $\frac{3}{4}$ аршина высоты].

Это лучшее произведеніе высокохудожественнаго рѣзца покойнаго Гравера Его Величества Александра II,—Академика Сѣрякова,—предоставляется нынѣ читателямъ «Русской Старины»—

 лица, подписавшіяся на журналъ „Русская Старина“, могутъ получить за семь семи-копѣчныхъ почтовыхъ марокъ (или 50 копѣекъ) эту гравюру—съ пересылкою, въ хорошо укупоренномъ картонномъ свертѣ.

Примѣчаніе. Семь почтовыхъ марокъ или 50 копѣекъ уплачиваютъ за этотъ, повторяемъ, вполне замѣчательный, въ художественномъ отношеніи, портретъ Александра II, безразлично какъ городскіе, такъ и иногородные подписчики на „Русскую Старину“.

Въ отдѣльной продажѣ гравюра эта не была и не существуетъ.

Александръ II Освободитель изображенъ въ гравюрѣ Сѣрякова въ эпоху великихъ преобразованій; портретъ отличается, по своему времени (1866 г.), совершеннымъ сходствомъ.

КЪ ПОДПИСЧИКАМЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

1870 — 1889.

Изъ двадцати годовъ изданія этого журнала девяти годовъ вовсе не имѣется въ продажѣ ни одного экземпляра, а именно изд.: 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1882, 1883, 1886 и 1887 гг. — Это обстоятельство вызываетъ многократныя сѣтованія, къ намъ обращаемыя со стороны тѣхъ лицъ, которыя желали-бы имѣть возможно полный экземпляръ этого журнала, украшеннаго гравюрами лучшихъ художниковъ и необходимаго для любителей отечественной исторіи, а равно весьма полезнаго для различныхъ справокъ въ области родной старины и жизнеописаній достопамятныхъ русскихъ дѣятелей.

Но если уже нельзя имѣть въ настоящее время помянутыхъ годовъ этого историческаго журнала, то мы долгомъ считаемъ предупредить нашихъ читателей, что въ близкомъ будущемъ нельзя будетъ приобрести и еще пяти лѣтъ «Русской Старины», а именно изданія: 1870 г. (третье изданіе), 1877, 1878, 1879 и 1881 гг. Этихъ годовъ осталось весьма мало экземпляровъ, а именно лишь отъ 29 до 50 экземпляровъ cadaго; поэтому кто изъ читателей «Русской Старины» желалъ-бы имѣть этотъ журналъ въ возможно большемъ количествѣ годовъ, и имѣя въ виду, что новыхъ изданій минувшихъ лѣтъ не предвидится дѣлать вслѣдствіе дороговизны таковаго тисненія, то помянутыя лица благоволятъ поспѣшить приобрести названные годы «Русской Старины».

При выпискѣ одновременно трехъ и болѣе годовъ «Русской Старины» возможна, по соглашенію съ редакціею, уступка; въ противномъ случаѣ цѣна cadaго года журнала «Русская Старина» прежнихъ лѣтъ — девять руб. съ пересылкою.

Завѣдующая конторою «Русской Старины» Анна Никол. Писарева.

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1888 г.

съ приложеніемъ гравюръ: ликъ св. Владимира, портреты: Готлобъ Тотлебенъ;— В. Т. Нарѣжный;— И. А. Анненковъ;— П. Е. Анненкова;— Д. Н. Бантышъ-Каменскій;— С. И. Зарудный;— И. Т. Осининъ (гравюра на мѣди);— А. К. Пфель (грав. на мѣди);— С. М. Макарова;— Л. Л. Леонидовъ;— И. Н. Крамской (грав. на мѣди);— М. Гр. Черняевъ (грав. на мѣди);— Генрихъ Мозеръ;— Мозафаръ-Эдминъ;— Кушъ-Бегм. Рисунки: сартская женщина;— аулъ киргизовъ;— курдская крѣпость, и др.

Содержаніе: Записки адм. П. В. Чичагова;— Рассказы Пр. Ег. Анненковой, жены декабриста;— Іакнѣз Бичуринъ въ воспом. его внуки;— Записки Д. И. Ростиславова;— Посмертн. зап. проф. А. В. Никитенко;— Н. Н. Мурзакевича;— Воспом. артиста Л. Л. Леонидова;— М. С. Щепкинъ, воспом. о немъ артистки А. И. Шубертъ и очеркъ Н. В. Кудольника;— Воспоминанія художника И. Е. Рѣпина;— Воспомин. А. Н. Яхонтова о Царскосельскомъ лицѣѣ, 1833—38 гг.;— О. М. Боянскій въ его дневникѣ, 1849—50 гг.;— Воспом. В. М. Сорокина о петерб. университетѣ 1860-хъ гг.;— Студенческія волненія въ Москвѣ 1861 г. и въ Казани въ 1862 г., воспом. бывшаго попечителя П. Д. Шестакова;— Записки моряка-художн. профес. А. П. Боголюбова, 1856—57 гг.;— А. Н. Стрѣвъ, 1857—71 гг., воспомин. о немъ и его письма К. И. Званцева;— 8 сентября 1862 г., изъ воспомин. графа П. А. Валуева;— Воспом. о голодѣ на сѣв. Россіи 1868 г.;— Воспом. художника В. В. Верещагина: Самаркандъ въ 1868 г.,— Набѣгъ русскихъ войскъ на Адрианополь въ 1877 г.;— Импер. Александръ II на звѣринныхъ охотахъ 1849—1876 гг.;— Воспом. кн. П. А. Пугатина;— Санъ-Стефано и Константинополь въ февралѣ 1878 г., замѣтки кн. В. Д. Дабиза.

Исслѣдованія, историч. и биографич. очерки: Откуда родомъ вел. вел. княгиня Ольга? арх. Леонида;— Смыслные и заточенные въ острогъ Соловецк. монастыря въ XVI—XIX вв., историч. очеркъ М. А. Колчина;— Карлъ XII въ 1709 г., сообщ. акад. Я. К. Гротъ;— Гр. Готлобъ Тотлебенъ 1715—63 гг., очеркъ Г. К. Рѣпинскаго;— Принцъ Карлъ Эрнестъ Курляндскій въ Басигинъ 1768 г., сообщ. кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій;— Россія въ ея отношеніяхъ къ Европѣ въ царств. Александра I, изслѣд. Н. К. Шилдера;— Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой половинѣ XIX вв., очеркъ магистра (нынѣ доктора) русск. исторіи В. И. Семевскаго;— Я. П. Кульневъ въ 1812 г.;— Партизанъ А. С. Фигнеръ въ 1813 г.;— Германскій принцъ Вильгельмъ въ Россіи въ 1817 г.;— Вильгельмъ I, импер. германскій, въ бытность его принцемъ прусск. 1821—33 гг.;— Импер. Николай I въ его резолюціяхъ 1827—33 гг.;— Л. В. Дубельтъ, биографич. очеркъ и письма;— П. Н. Кривцовъ, 1791—1843 гг.;— А. И. Герценъ въ 1820—41 гг.;— П. К. Менюковъ, арестъ его въ 1848 г.;— Д. Н. Бантышъ-Каменскій;— Русско-венгерская война 1849 г.;— Гр. Н. И. Евдокимовъ 1804—73 гг., биографич. очеркъ, сост. И. И. Ореусъ;— Русскіе въ Румыніи и на Дунаѣ въ 1853—54 гг., изслѣд. А. Н. Петрова;— Рушукскій отрядъ 1877—78 гг., истор. очеркъ М. П. Степанова;— Кн. Вл. А. Черкскій какъ устроитель Болгаріи, ст. Д. Г. Анучина;— С. И. Зарудный;— И. Т. Осининъ, очеркъ жизни и дѣятельн., 1835—1887 гг.;— К. К. Аргеймъ;— А. К. Пфель;— Н. М. Пржевальскій, его автобіографія.

Писатели въ ихъ произведеніяхъ, письмахъ и біографіяхъ: В. А. Жуковский;— В. Т. Нарѣжный;— А. С. Пушкинъ: вновь открытыя строфы романа „Евгеній Овѣгинъ“,— М. Ю. Лермонтовъ;— Н. П. Огаревъ;— Д. М. Княжевничъ;— К. Н. Батишковъ;— Н. В. Гоголь;— А. О. Смирнова;— Н. И. Костомаровъ;— Ал. Ник. Майковъ;— К. К. Р—въ;— Къ литературной и обществ. исторіи 1820—1830 гг., сообщ. В. Е. Якушкинъ. Художники: Б. П. Брюловъ;— Антошъ Гр. Рубинштейнъ;— профес. археол. живоп. Ѳ. Г. Солнцевъ, и др.

Цѣна **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою.

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1889 г.

съ гравированными портретами: Г. С. Батенковъ (декабристъ),—А. В. Никитенко,—И. А. Шестаковъ,—М. Е. Салтыковъ (грав. на мѣди),—Н. И. Домонтовичъ,—И. А. Гончаровъ,—графъ Л. Н. Толстой (грав. на мѣди)—М. Х. Рейтернъ (грав. на мѣди), А. Г. и Н. Г. Рубинштейны въ 1844 г. и А. Г. Рубинштейнъ въ 1889 г. (гравюры на мѣди) и друг.

Содержаніе: Зап. А. М. Тургенева, 1796—1800 гг.;—Зап. кн. Ю. В. Долгорукова, 1740—1830 гг.;—Двѣнадцатый годъ, записки современника;—Двѣнадцатый годъ, записки А. И. Золотухиной;—Посмертныя зап. ген. отъ инф. А. А. Одицова;—Дневникъ А. В. Никитенко, 1826—1843 гг.;—Записки Н. Н. Мурзакевича, 1806—1883 гг.;—Записки Терлецкаго, 1808—1868 гг.;—Воспом. Теобальда;—О. М. Бодянский въ его дневникѣ, 1850—1852 гг.;—Х. Я. Гюббенетъ въ его восп. объ оборонѣ Севастополя, 1854—1855 гг.;—Студенческія исторіи въ Каз. ун.—тѣ, 1855—1863 гг., сообщ. Н. А. Фирсовъ;—Студенч. волненія въ Казани 1882 г., восп. П. Д. Шестакова;—И. С. Тургеневъ, воспоминанія о немъ Н. А. Огаревой-Тучковой, 1840—1870 гг.;—Адмиралъ И. А. Шестаковъ, 1820—1888 гг.;—Гр. М. Т. Лорисъ-Меликовъ, воспоминанія докт. Н. А. Бѣлоголоваго, 1876—1888 гг.;—Ветлинская чума въ 1878—1879 гг.;—Очерки и воспоминанія художн. В. В. Верещагина.

Исслѣдованія, историч. и биограф. очерки: профес. И. Е. Андреевскаго, Г. К. Рѣйнскаго, А. Н. Труворова, гр. Д. А. Толстаго (по его сообщ. матер.), ген.-лейт. П. О. Бобровскаго;—Россія въ царств. Александра I, 1806—1815 гг., изслѣд. Н. К. Шильдера;—Взаимныя отношенія Россіи и Пруссіи въ былыя времена, истор. воспом. Георга Вебера;—Княгиня Юліанна Антон. Ловичъ;—Кн. Д. В. Голицынъ въ 1820—1843 гг.;—Литовскій митроп. Юсіфъ Сьмачокъ въ 1839—1844 гг., сообщ. В. И. Жмакинъ;—Николай I въ 1846 г.;—Война противъ венгерцевъ 1849 г.;—Двѣ чухломскихъ драмы;—Адмиралъ П. И. Рикордъ въ 1850 г.;—Записная книжка адмирала П. С. Нахимова, 1854—1855 гг.;—А. Ф. Багговуть, 1831—1883 гг., очеркъ Г. К. Градовскаго;—Россія на Черномъ морѣ и въ Палестинѣ въ 1856—1860 гг.;—Г. И. Ростовцевъ;—Г. С. Батенковъ;—Гр. Н. И. Евдокимовъ, 1804—1873 гг., сост. И. И. Ореусъ;—Послѣдній бой за Шипку, очеркъ Л. Н. Соболева;—Болгарское ополченіе въ 1875—1879 гг.;—Болгарское ополченіе 1877—1878 гг., сообщ. Д. Г. Анучинъ;—Подъ Телишемъ въ 1877 г.;—А. В. Головинъ въ заботахъ о просвѣщеніи народа;—М. Т. Лорисъ-Меликовъ: достопамятный годъ въ его жизни, 1880—1881 гг.;—Н. М. Пржевальскій, очеркъ акад. Н. Ф. Дубровина;—К. И. Домонтовичъ;—М. Х. Рейтернъ;—Педагогическій музей въ Спб., 1864—1889 гг.;—Археолог. институтъ въ 1888—1889 гг.;—Шутевые очерки М. И. Семевскаго: поѣздка по Россіи въ 1888 г.;—19 февраля 1889 г. и проч.

Писатели въ ихъ произвед., письмахъ и біогр.: Н. Т. Каченовскій,—А. С. Пушкинъ,—М. Ю. Лермонтовъ,—О. И. Сенковский.—Н. В. Гоголь,—П. А. Федотовъ,—Л. А. Мей,—Н. Ф. Павловъ,—А. И. Герценъ,—Н. П. Огаревъ,—Н. А. Некрасовъ,—М. Н. Катковъ,—Ф. Г. Лебединцевъ,—Т. П. Пассекъ,—М. Е. Салтыковъ,—О. Ф. Миллеръ,—А. А. Краевскій,—гр. Л. Н. Толстой,—Ф. И. Буславъ,—И. А. Гончаровъ,—В. И. Семевскій;—Материалы для исторіи цензуры.—Художники: В. А. Каратыгинъ,—А. И. Верстовскій,—М. И. Гинка,—И. Н. Крамской,—Л. Л. Леонидовъ,—А. Г. Рубинштейнъ, 1839—1889 гг.: его автобіографія, воспоминанія о немъ Г. А. Лароша и докт. М. Б. Р—га и бібліографическая лѣтопись о жизни и трудахъ А. Г. Рубинштейна, сост. Н. М. Лисовскій и др.

Съ требованіями обращаться въ ред. «Русск. Стар.», Спб., В. Подьяческая ул., д. № 7.

Цѣна за 12 книгъ **ДЕВЯТЬ** рублей съ пересылкою.

АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ СЕСЛАВИНЪ
ПАРТИЗАНЪ.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛЪ «РУССКАЯ СТАРИНА».

Библиотека "Руниверс"

ТЫСЯЧА ВОСЕМЬСОТЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

въ Запискахъ графа Ѳ. В. Ростопчина.

Переводъ съ французской подлинной его рукописи.

Военно-ученный архивъ главнаго штаба въ С.-Петербургѣ представляетъ богатѣйшее собраніе самыхъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ къ исторіи войнъ Россіи въ теченіе XVIII и XIX столѣтій. Весьма богатъ отдѣлъ матеріаловъ къ исторіи отечественной войны; этими матеріалами пользовались многіе изъ жившихъ о 1812 г. и нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. покойный А. Н. Поповъ, познакомилъ читателей своихъ замѣчательныхъ монографій объ этой великой народной войнѣ, съ записками извѣстнаго главнокомандовавшаго Москвы гр. Ѳ. В. Ростопчина. Извлеченіе, сдѣланное изъ этихъ записокъ А. Н. Поповымъ, пересыпанное его критическими замѣтками, — не устраняетъ однако пользы имѣть на страницахъ нашего историческаго журнала Записки гр. Ростопчина цѣликомъ, въ сплошномъ его собственномъ разсказѣ... Имѣя благосклонное разрѣшеніе начальства главнаго штаба къ пользованію, на общемъ основаніи, историческими матеріалами названнаго архива, мы прочли помнянутыя Записки гр. Ростопчина во французскомъ ихъ подлинникѣ... Это тетрадь in folio, въ 84 стр., чрезвычайно связнаго и мало-разборчиваго письма. Ив. Ив. Ореусъ, по нашей просьбѣ, озаботился переводомъ этой въ высшей степени интересной рукописи, каковой переводъ, весьма точный, мы и представляемъ нынѣ на страницахъ «Русской Старины». Копію съ подлинной рукописи мы не нашли необходимымъ снимать, такъ какъ она уже снята годъ или два тому назадъ гр. Андр. Фед. сыномъ гр. Ѳ. В. Ростопчина, который, безъ сомнѣнія, и озаботился уже ея наданіемъ.

Военно-ученный архивъ главнаго штаба, отд. 2, № 4525 (а), шк. 9, полка 2. Рукопись передана сюда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, изъ архива канцеляріи военнаго министра, вмѣстѣ съ письмами главнокомандовавшаго въ Москвѣ гр. Ростопчина о разныхъ предметахъ, относящихся до военныхъ обстоя-

тельство 1812 г., занятія Москвы французами и оставленія ея: воспомянутѣйшія двадцать шесть писемъ гр. Ростопчина съ 7 мая по 2 декабря 1812 г. и два письма 1813 г. Кроме того, два письма Ростопчина къ князю Багратиону— 2 августа 1812 г., въ копіяхъ, очень характерны, но были уже въ печати, и семь писемъ его-же къ графу П. А. Толстому съ 31 іюля по 2 октября 1812 г., наконецъ, одно письмо къ гр. Н. И. Салтыкову отъ 30 іюня 1812 г.

Тутъ-же въ дѣлѣ и помянутое сочиненіе, писанное рукою гр. Ростопчина, о войнѣ 1812 г.,—рукопись на французскомъ языкѣ, писана на 42 полулистахъ (84 стр.) бѣлой толстой бумаги, съ большими полями, испещрена вставками и поправками руки графа Федора Васильевича. — Всего въ дѣлѣ 127 стр. Письма всѣ были уже напечатаны покойнымъ А. Н. Поповымъ въ его извѣстныхъ очеркахъ Отечественннй войны. Одинъ изъ этихъ обширныхъ и превосходнѣйшихъ очерковъ покойнаго писателя былъ напечатанъ имъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1877 г., томы ХVІІІ, ХІХ и ХХ

Гр. Θ. В. Ростопчинъ род. 1763 г. скончался въ Москвѣ 18-го янв. 1826 г.

Ред.

Четыре года, протекшіе со времени Тильзитскаго мира, совершенно изгладили тѣ прискорбныя впечатлѣнія, которыми поражены были умы послѣ послѣдней войны. Перестали уже бояться и вѣрить въ возможность новыхъ наступательныхъ дѣйствій со стороны Наполеона. Публика, принявъ на вѣру все, что могло льстить ея самолюбію, успокоивалась надеждами на силу имперіи, на отвагу войскъ и, въ особенности, на отдаленность и климатъ Россіи—двѣ преграды, черезъ которыя Наполеонъ никогда не осмѣлится перешагнуть. Каждое отдѣльное лицо обладало своею системою обороны, своимъ планомъ охраненія безопасности; въ каждой семьѣ имѣлся собственный герой, созданный чванствомъ, враньемъ, легковѣріемъ и пристрастіемъ къ чудесному. Немного было людей, признававшихъ, что всѣ выгоды Тильзитскаго мира были на сторонѣ Наполеона, такъ какъ онъ вынудилъ признать себя императоромъ, предписывалъ законы Европѣ, возводилъ въ званіе королей, оставилъ прусскому королю одинъ титулъ и, восторжествовавъ надъ второю коалиціею, съ двойнымъ ореоломъ славы возвратился во Францію (еще болѣе могущественнымъ, нежели ее оставилъ), питая враждебные замыслы противъ Россіи, силу которой онъ испыталъ. Счастливая звѣзда спасла его. Онъ заключилъ Тильзитскій миръ въ моментъ истощенія своихъ ресурсовъ, когда стоялъ во главѣ арміи сплюю, всего, въ 70 т.

человѣкъ, и когда вся Европа подстерегала лишь минуту для довершенія его гибели. Между тѣмъ. Россія, полагая конецъ войнѣ, имѣла подкрѣпленія, которыя, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, довели бы силу ея войскъ до 150 т. чел. Фридландское сраженіе разрушило всѣ предположенія русскихъ. Императоръ російскій хотѣлъ мира, во чтобы то ни стало. Генералы. недовольные своимъ начальникомъ, утратили довѣріе къ нему; а солдаты, утомленные верѣшительною и несчастною войною, дрались не охотно. Самъ Бенигсенъ, истомленный усталостью, вздыхалъ по отдыхѣ, для того, чтобы изготovitъ исторію своихъ подвиговъ и приказать выбить медаль съ собственнымъ изображеніемъ на одной сторонѣ ея, а на другой — съ надписью: «побѣдитель непобѣдимаго».

Наполеонъ, заключивъ миръ въ Тильзитѣ, предоставилъ Россіи нести бремя двухъ войнъ: со Швеціею и съ Турціею. Черезъ годъ послѣ этого, онъ вызвалъ разрывъ съ Англіею. Шведская война, къ большому неудовольствію Наполеона, закончилась миромъ въ Або, отдавшимъ Россіи всю Финляндію съ Аландскими островами и важною крѣпостью Свеаборгъ. Война съ турками все продолжалась; при каждой кампаніи назначали новаго главнокомандующаго, но результатовъ никакихъ не достигали. Турецкія арміи были разбиваемы всякій разъ, когда онѣ рисковали на бой въ открытомъ полѣ; но, по приближеніи зимы, наши опять уходили за Дунай. Каждый новый главнокомандующій составлялъ новый планъ кампаніи, цѣлью которой являлось заключеніе мира; а между тѣмъ въ Россіи, при концѣ каждаго лѣта, изумлялись не видя еще нашихъ знаменъ въ Константинополь, — потому что мы любили преувеличивать численность войскъ и увѣрять себя въ томъ, что каждый генералъ равенъ Суворову. Война съ Англіею не стоила намъ ничего въ отношеніи потери людей, но она уничтожила торговлю и на 270 процентовъ понизила цѣну ассигнацій. Произошло только одно морское сраженіе, близъ Аландскихъ острововъ, въ которомъ, благодаря ошибкѣ русскаго адмирала, потерянъ былъ одинъ корабль. Онъ былъ отрѣзанъ отъ эскадры, ни за что не хотѣлъ сдаться и дрался отчаянно. Англичане, забравъ въ плѣнъ немногихъ, оставшихся на немъ людей, отослали ихъ къ русскому вице-адмиралу. а корабль зажгли.

Между тѣмъ, обширныя передвиженія наполеоновскихъ войскъ и слухи, возвѣщавшіе близкую войну, снова подняли (у насъ) ту тревогу, которую Тильзитскій миръ передалъ было государствамъ сосѣднимъ съ Франціею. Сознаніе безопасности уступило мѣсто безпокойству. Обращались другъ къ другу съ разспросами, требовали извѣстій; говорили: «что-же Наполеонъ съ ума, что-ли, сошелъ? Покорить Россію, что-ли, онъ хочетъ»? Публика волновалась, старалась проникнуть въ будущность. Каждый день ложились спать утомленными, чтобы проснуться въ безпокойствѣ.

Въ то-же время, правительство распространяло о нашихъ арміяхъ преувеличенныя свѣдѣнія, судя по коимъ, онѣ должны были, съ самаго начала войны, не только дать отпоръ намѣреніямъ противника, но и легко восторжествовать надъ нимъ. Старыя бабы возопили и стали высказывать опасеніе (раздѣляемое и людьми разумными) относительно необезпеченности пребыванія въ Москвѣ, въ виду могущихъ возникнуть безпорядковъ, мятежа и рѣзни дворянъ. Мотивы этихъ опасеній (нѣсколько преждевременныхъ) указывали на недостатокъ довѣрія къ правителю города, фельдмаршалу Гудовичу. То былъ честнѣйшій въ мірѣ человекъ, достигшій фельдмаршальскаго званія благодаря тому, что всю жизнь провелъ на службѣ, не имѣвшій за собою никакой военной репутаціи, необразованный, ограниченнаго ума, кичившійся своимъ чиномъ и мѣстомъ, вполне состоявшій подъ властью и вліяніемъ своего брата и своего врача — двухъ безстыдныхъ плутовъ, которые думали лишь объ извлеченіи всевозможныхъ выгодъ изъ того вліянія, которое они имѣли на престарѣлаго фельдмаршала.

При такомъ состояніи Россіи, накануне войны, долженствовавшей либо обезпечить за нею торжество, либо сковать ей цѣпи, я рѣшился поѣхать въ Петербургъ, чтобы предложить свои услуги государю, — не указывая и не выбирая какого либо мѣста, или какой нибудь должности, а съ тѣмъ лишь, чтобы онъ дозволилъ мнѣ состоять при его особѣ. Единственному сыну моему только что исполнилось 17 лѣтъ. Государь, пріѣзжая въ 1809 г. въ Москву, былъ столь милостивъ, что назначилъ его камеръ-пажемъ. Я не хотѣлъ лишать его счастья служить, защищать свое отечество и гордиться этимъ весь остатокъ дней своихъ, если бы мы остались побѣдителями, — или же погибнуть вмѣстѣ, если-бъ мы были побѣждены и покорены.

Государь принялъ меня очень хорошо. При первомъ свиданіи, онъ мнѣ долго говорилъ о томъ, что рѣшился на-смерть воевать съ Наполеономъ,—что онъ полагается на отвагу своихъ войскъ и на вѣрность своихъ подданныхъ. Онъ принялъ предложеніе мое состоять при его особѣ. Сынъ мой произведенъ поручикомъ въ гусары, и я оставался четыре недѣли въ Петербургѣ, часто видя государя, или за его обѣденнымъ столомъ, или въ его кабинетѣ.

Черезъ пять дней послѣ моего прибытія, г. Сперанскій, къ великому изумленію всего общества, былъ высланъ (изъ столицы). Такъ какъ онъ палъ жертвою темной интриги, никогда порядкомъ не разъясненной, то исчезновеніе его подавало право предполагать, что открыта измѣна. Этотъ Сперанскій былъ сыномъ сельскаго священника и учился въ семинаріи. Одаренный большимъ умомъ и легкостью письменнаго изложенія, онъ выработалъ себѣ такой слогъ, который обратилъ на него вниманіе. Состоя въ званіи секретаря, послѣдовательно, при нѣсколькихъ министрахъ юстиціи, онъ, при восшествіи на престолъ императора Александра, былъ возведенъ въ статсъ-секретари и удостоенъ высочайшаго довѣрія; ему поручено было редактировать новый кодексъ, равно какъ всѣ акты, указы и рескрипты, исходящіе изъ кабинета государя. Когда его сослали въ Нижній Новгородъ, онъ былъ уже тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго. Общество, которымъ онъ себя окружилъ, и явное покровительство, оказываемое имъ лицамъ своего сословія, навлекли на него ненависть дворянства, съ удовольствіемъ узнавшаго о его паденіи. Низверженіе его приписывали В. К. К. и кв. О.,—да и мевя заставили играть роль въ этой исторіи—меня, который былъ однимъ изъ наиболѣе изумленныхъ, когда узналъ на другой день о его высылкѣ. Я полагаю до сихъ поръ, что Сперанскій былъ удаленъ по разговорамъ гг. Балашова и Армфельда, пожертвовавшихъ имъ въ удовлетвореніе мнимаго общественнаго мнѣнія ¹⁾. Оба названные господина, пользовавшіеся въ эту эпоху большимъ довѣріемъ, хотѣли утвердиться еще болѣе въ своемъ положеніи, удаливъ

¹⁾ См. по этому поводу весьма интересныя «Записки де-Санглена» въ «Русской Старинѣ», изд. 1882 г., томъ XXXVI, стр. 443—498; изд. 1883 г., т. XXXVII, стр. 1—46, 375—394, 539—578; т. XL, стр. 137—150. Ред.

соперника, опаснаго для нихъ по своимъ способностямъ и по привычкѣ государя къ его работамъ. Между тѣмъ, фактическое послѣдствіе злоязычія было, къ несчастію, таково, что Сперанскій прослылъ за преступника, за предателя своего царя и отечества, и что люди простаго сословія замѣняли его именемъ имя Мазепы, которое есть эпитетъ измѣнника.

По прошествіи двухъ недѣль со времени моего прибытія въ Петербургъ, который я долженъ былъ оставить черезъ недѣлю, для отъѣзда въ Москву, а оттуда въ Вильну, въ главную квартиру его величества, государь, послѣ обѣда, позвалъ меня въ свой кабинетъ и, сказавъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ, предложилъ мнѣ мѣсто московскаго генералъ-губернатора, при чемъ особенно напиралъ на важность этого поста при настоящихъ обстоятельствахъ и на пользу, доставляемую моею службою. Такъ какъ я вовсе не ожидалъ такого предложенія, то сталъ говорить о трудностяхъ, соединенныхъ съ этимъ мѣстомъ, и, наконецъ, попросилъ, передъ тѣмъ, чтобы рѣшиться, дать мнѣ одинъ день на размышленіе. Государь согласился на это.

Въ тотъ же день я видѣлъ В. К. К. ¹⁾ и кн. О., который сказалъ мнѣ, что государь наканунѣ приѣзжалъ провести съ ней вечеръ и выражалъ, что затрудняется въ выборѣ преемника фельдмаршалу Гудовичу, котораго не хотѣлъ оставлять (на занимаемомъ мѣстѣ), по причинѣ его старости и слабости. В. К., относившаяся ко мнѣ всегда весьма добродушно и дружелюбно, назвала ему меня, и государь тотчасъ же рѣшился и благодарилъ ее за эту мысль, которую назвалъ счастливою. Узнавъ, что я отказываюсь отъ этого поста, В. К. и кн. О. начали настаивать на принятіи мною мѣста, становящагося самымъ важнымъ въ Россіи во время войны. В. К., будучи живаго характера, даже немножко разсердилась, когда я заявилъ, что предпочелъ бы сопровождать императора въ моментъ, когда всѣмъ благороднымъ и честнымъ людямъ слѣдуетъ быть около его особы. На другой день я отправился къ государю, чтобы извиниться передъ нимъ и просить о принятіи во вниманіе причинъ, по которымъ я отказываюсь отъ мѣста московскаго генералъ-губернатора. Государь сталъ настаивать, наговорилъ мнѣ кучу комплиментовъ, прибѣгнувъ къ ласкательству,

¹⁾ Великая княгиня Екатерина Павловна?

какъ то дѣлаютъ всѣ люди, когда они нуждаются въ комънибудь или желаютъ чего либо, а наконецъ, видя, что я плохо поддаюсь его желанію, прямо сказали: „Я того хочу“. — Это уже было приказаніемъ, и я, повинаясь ему, уступилъ. Такъ какъ лица, которыхъ считали нужными, въ большинствѣ случаевъ, ломались и, ничего еще не сдѣлавъ, желали оцѣнки ихъ будущихъ трудовъ, просили денежныхъ наградъ, лентъ, чиновъ и т. п.,—то я взялъ на себя смѣлость потребовать отъ государя, чтобы мнѣ лично ничего не было дано, такъ какъ я желалъ еще заслужить тѣ милости, которыми августѣйшій его родитель, въ свое царствованіе, осыпалъ меня; но, съ другой стороны, (просилъ) принимать во вниманіе мои представленія въ пользу служащихъ подъ моимъ начальствомъ чиновниковъ. Нѣтъ надобности говорить, что на просьбу эту послѣдовало милостивое согласіе,—такъ легко ничего не давать и не ломать головы надъ придумываніемъ, чѣмъ бы можно было удовлетворить того или другаго человѣка, часто для того, чтобы сдѣлать его неблагодарнымъ.

Въ теченіи послѣднихъ дней, проведенныхъ мною въ Петербургѣ, я два раза приходилъ работать съ государемъ. Я представилъ ему на воззрѣніе нѣсколько имѣвшихся въ виду перемѣнъ и проектовъ. Онъ все одобрилъ и ни за что не хотѣлъ давать мнѣ особой инструкціи. Мѣсто генералъ-губернатора Москвы почти независимо. Въ руководство онъ долженъ принимать лишь правила управленія, установленныя въ царствованіе императрицы Екатерины, гдѣ его обязанности, обстановка и власть приравнены были къ таковымъ же у всѣхъ прочихъ генералъ-губернаторовъ. Одинъ лишь кн. Волконскій, занимавшій это мѣсто въ эпоху Пугачевского бунта, имѣлъ неограниченныя полномочія, дарованныя ему въ силу обстоятельствъ; но, при назначеніи ему преемника, привиллегія эта была отнята. Во время моего управленія Москвою, многія лица думали, и до сихъ поръ думаютъ, что у меня были подписанныя (государемъ) бланки; но они ошибаются, такъ какъ государь никогда и никому таковыхъ не давалъ. И это въ немъ заслуживаетъ похвалы; потому что сколько людей было, которые злоупотребляли своею властью, не имѣя на то предварительнаго согласія, черезъ подпись государя. Между государемъ и мною условлено было, что

назначеніе мое останется подъ секретомъ, до смѣны фельдмаршала (Гудовича), хотя объ этомъ ему уже намекали. Министръ полиціи Балашовъ, съ разрѣшенія государя, былъ объ этомъ поставленъ въ извѣстность. Мнѣ надо было условиться съ нимъ относительно формы сношеній.

Передъ отъѣздомъ своимъ, государь издалъ указъ, которымъ, на время его отсутствія, опредѣлялся образъ управленія имперіею. Онъ ввѣрялъ оное комитету министровъ, а дѣла особой важности—другому, верховному комитету, гдѣ должны были засѣдать: фельдмаршалъ гр. Салтыковъ, кн. Лопухинъ и генер. Вязьмитиновъ, главнокомандующій петербургскій, которому было поручено и министерство полиціи, на время отсутствія Балашова, обязаннаго сопровождать государя въ армію.

Набросаю портреты этихъ лицъ, которыя, по мѣсту, ими занимаемому, должны были управлять Россіею въ продолженіе готовой начаться войны, исхода коей никто не могъ предвидѣть. Непрiятель былъ грозенъ, силы у него исполнискія, планы колоссальныя; но Россія, предоставленная собственнымъ средствамъ, обладала, для борьбы съ Наполеономъ, тремя весьма вѣрными союзниками, то были: разстоянія, обширность (территоріи) и климатъ.

Фельдмаршалъ гр. Салтыковъ, старый, болѣзненный, существующій лишь при помощи аптечныхъ средствъ—пользовался нѣкотораго рода фаворомъ въ продолженіе трехъ царствованій сряду. При Екатеринѣ онъ былъ вице-президентомъ (военной коллегіи) и военнымъ министромъ, и она ввѣрила ему воспитаніе обоихъ своихъ внуковъ: Александра и Константина. При Павлѣ онъ оставался военнымъ министромъ. Онъ сопровождалъ его во время заграничнаго путешествія, въ 1781 и 1782 гг., и былъ произведенъ въ фельдмаршалы въ день восшествія его на престолъ. При Александрѣ онъ продолжалъ сохранять свои воспитательскія права и хотя хорошо былъ извѣстенъ своему воспитаннику, но постоянно поддерживалъ свое положеніе при помощи мелкихъ интригъ, изъ которыхъ умѣлъ извлекать пользу. Человѣкъ этотъ, будучи очень умнымъ, обладая большими познаніями и привычкою къ дѣламъ, оказывался совершенно бесполезнымъ, вслѣдствіе своего малодушія и фальшивости. Ни разу въ жизни своей онъ не сказалъ „да“ или „нѣтъ“, и мнѣніе его въ дѣлахъ

равнялось нулю, такъ какъ онъ никогда онаго не высказывалъ, а выработалъ себѣ непонятный образъ выраженій. Жадный къ деньгамъ и скупой, онъ составилъ бы себѣ громадное состояніе, если бы имѣлъ немного той энергіи, которая нужна какъ великимъ героямъ, такъ и великимъ разбойникамъ.

Кн. Лопухинъ, дворянинъ стариннаго рода, очень бѣдный, оставилъ службу съ чиномъ полковника и женился гдѣ-то въ провинціи на довольно богатой наслѣдницѣ. Императрица Екатерина осталась весьма довольна оберъ-полиціймейстеромъ Архаровымъ, во время своего пребыванія въ Москвѣ, куда она прибыла въ 1775 г., для празднованія (Кучукъ-) Кайнарджійскаго мира, и просила Архарова доставить ей кого-либо, кто походилъ бы на него въ смыслѣ усердія и дѣятельности. Лопухинъ, другъ Архарова, указанный имъ императрицѣ, тотчасъ же былъ опять взятъ на службу и назначенъ оберъ-полиціймейстеромъ въ Петербургъ. По производствѣ въ генераль-маіоры, онъ назначенъ былъ гражданскимъ губернаторомъ въ Москву, а когда достигъ генераль-лейтенантскаго чина, получилъ мѣсто генераль-губернатора ярославскаго и вологодскаго, на которомъ и оставался до восшествія на престолъ Павла. Должность генераль-губернаторовъ была упразднена. Кн. Безбородко, сдѣлавшійся помимо своей воли, любовникомъ г-жи Лопухиной, устроилъ назначеніе ея мужа сенаторомъ въ московскіе департаменты и испросилъ ему, во время коронаціи, орденъ св. Александра Невскаго. Императоръ Павелъ, замѣтивъ одну изъ дочерей Лопухина, которая кокетничала съ нимъ, вообразилъ себя влюбленнымъ въ нее и, чтобы имѣть дочь около себя, вызвалъ отца въ Петербургъ, назначилъ его генераль-прокуроромъ, пожаловалъ ему голубую ленту, а когда прибыла остальная семья его, онъ подарилъ ему отличный домъ, великолѣпный сервизъ, имѣніе, приносящее 200,000 дохода, возвелъ его въ княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлости, украсилъ его своимъ портретомъ, — все это въ теченіи 9-ти мѣсяцевъ. Но когда Лопухинъ замыслилъ смѣнить лицъ, окружающихъ Павла, креатурами собственнаго выбора, то сломалъ себѣ шею, подавъ въ отставку и, испытавъ равнодушіе со стороны собственной дочери, сталъ проживать въ Москвѣ. Въ началѣ царствованія императора Александра, онъ поѣхалъ за границу; откуда его вызвали, чтобы

снова быть министромъ юстиціи. Это мѣсто онъ занималъ въ продолженіе пяти лѣтъ и окончилъ назначеніемъ въ предсѣдателя государственнаго совѣта. Трудно быть болѣе способнымъ, нежели этотъ человекъ. Съ обширнымъ умомъ въ немъ соединяется глубокая прозорливость и умѣнье легко работать. Онъ вкрадчивъ, льстивъ, притворно простодушенъ, большой любитель прекраснаго пола (который пользуется у него крупнымъ вліяніемъ), лѣнивъ и фальшивъ до крайности. Умъ, пороки и терпѣніе этого человека поддерживали его кредитъ и доставили ему средства привязать къ себѣ множество лицъ, которымъ онъ оказывалъ услуги и на поведеніе которыхъ глядѣлъ равнодушно.

Вязьмитиновъ, сынъ солдата, пробился въ канцелярію фельдмаршала Чернышева, имѣвшаго важную способность находить и формировать талантливыхъ людей. Онъ сдѣлался его адъютантомъ, а потомъ служилъ въ арміи. Служба была не блестящая, но почтенная. При восшествіи на престолъ императора Павла, онъ былъ губернаторомъ въ Пензѣ; но государь помѣстилъ его въ военную коллегію, во главѣ комиссіи, которой поручена была экипировка арміи. При императорѣ Александрѣ I онъ былъ военнымъ министромъ, а потомъ, во время войны, главнокомандующимъ въ Петербургѣ, что доставило ему голубую ленту, а наконецъ и графскій титулъ, начавшійся и окончившійся въ его лицѣ, такъ какъ онъ не оставилъ послѣ себя дѣтей. Вязьмитиновъ былъ человекъ весьма умный, любитель изящныхъ искусствъ, пріятный музыкальный композиторъ, хорошо владѣлъ русскимъ языкомъ, весьма усидчиво и легко работалъ, былъ честенъ и имѣлъ многія качества для того, чтобы оказаться выдающимся государственнымъ человекомъ; но у него недоставало твердости; манеры и обхожденіе его отзывались его происхожденіемъ. Ему слишкомъ долго приходилось употреблять усилія, чтобы поставить себя на высоту тѣхъ важныхъ должностей, которыя выпали на его долю тогда, когда онъ уже состарѣлся.

Составъ министерства былъ слѣдующій:

Графъ Николай Румянцевъ, министръ иностранныхъ дѣлъ. Онъ былъ вторымъ сыномъ знаменитаго фельдмаршала, получилъ весьма тщательное воспитаніе, путешествовалъ въ сопровожденіи Гримма—литератора и довѣреннаго человека императрицы Екатерины; онъ былъ ея посланникомъ во Франкфуртъ, аккредито-

ганнымъ при находившихся въ Кобленцѣ французскихъ принцахъ ¹⁾. При Павлѣ онъ былъ оберъ-мундшенкомъ и имѣлъ голубую ленту. Императоръ Александръ назначилъ его министромъ иностранныхъ дѣлъ и канцлеромъ за Абосскій миръ. Онъ находился въ Парижѣ, послѣ Эрфуртскихъ конференцій; сопровождалъ государя въ Вильну, былъ тамъ пораженъ параличемъ и возвратился въ Петербургъ. Румянцевъ былъ человѣкъ свѣтскій, съ манерами вельможи. Политика его въ отношеніи Наполеона сводилась къ двумъ пунктамъ: 1) выигрывать время; 2) избѣгать войны. Публика, постоянно пребывающая покорнѣйшимъ слугою клеветы и послушнымъ эхомъ глупости, глядѣла на него какъ на человѣка, преданнаго Наполеону и жертвующаго ему интересами Россіи; но для отраженія этой клеветы достаточно вспомнить имя, которое онъ носитъ, его привязанность къ государю и возвышенность его души.

Гурьевъ, министръ финансовъ. Человѣкъ умный, весьма любезный въ тѣсномъ кружкѣ, не имѣющій другаго образованія, кромѣ умѣнья свободно объясняться по-французски, интриганъ и честолюбецъ въ высшей степени; относитъ все къ самому себѣ; обремененъ дѣлами, которыми занимается въ полу-дремотѣ; столь-же грузенъ тѣломъ, сколько тяжелъ на работу; великій охотникъ до лакомыхъ блюдъ и до новостей въ административномъ мірѣ; легко поддается на проекты; всѣмъ жертвуетъ своему желанію удержаться въ милости и увеличить свое состояніе.

Графъ А. Р. (графъ Алексѣй Кирилловичъ Розумовскій), министръ народнаго просвѣщенія. Человѣкъ обширныхъ ума и познаній; эгоистъ и лѣнивъ до крайности; дѣла его разстроены, не смотря на громадное богатство. Онъ оставилъ службу еще при императрицѣ Екатеринѣ, и опять вступилъ въ нее въ 1811-мъ г., чтобы получить чинъ и нѣсколько орденовъ, которыхъ недоставало его честолюбію.

Маркизь де-Траверсе, родомъ изъ Сенъ-Доминго; былъ офицеромъ во время французской революціи; въ русскую службу

¹⁾ См. въ «Русской Старинѣ» обзоръ переписки Гримма съ гр. Николаемъ и Сергѣемъ Румянцевыми, сообщенной въ наше изданіе покойнымъ гр. Д. А. Толстымъ. «Русск. Старина», изд. 1889 г., т. LXI, стр. 435—458. Ред.

поступилъ въ царствованіе Екатерины, съ чиномъ капитана, и дошелъ до вице-адмиральскаго чина. Онъ былъ министромъ послѣ Чичагова. Человѣкъ былъ ничтожный, не имѣвшій ни собственной воли, ни собственнаго мнѣнія; занятый сколачиваніемъ себѣ состоянія, посредствомъ подрядовъ; ненавидимый морскими офицерами и терпящій побои отъ своей жены.

Дмитріевъ, гвардейскій офицеръ, уволенный въ отставку во времена императрицы Екатерины; въ началѣ царствованія Павла былъ обвиненъ какъ заговорщикъ, но, признанный невиновнымъ, опредѣленъ въ гражданскую службу, съ большими преимуществами. Изъ московскихъ сенаторовъ онъ, въ 1810 г., былъ назначенъ министромъ юстиціи. Человѣкъ этотъ могъ бы быть существомъ болѣе полезнымъ, нежели былъ на самомъ дѣлѣ; но — онъ поэтъ и состоитъ подъ властью своего воображенія; весьма щекотливъ; въ обществѣ тяжелъ, и весьма ревниво относится къ значенію своего сана. Онъ оставилъ службу съ пенсією въ 10 тыс. руб. и принялъ на себя, въ Москвѣ, обязанности директора тайной полиціи.

Ген.-лейтенантъ кн. Горчаковъ, назначенъ былъ временно исправляющимъ должность военнаго министра, за отсутствіемъ ген. Барклая-де-Толли, который долженъ былъ принять главное начальство надъ арміями. Этотъ кн. Горчаковъ, по матери своей, племянникъ великаго Суворова, а по женѣ—фельдмаршала Салтыкова — былъ человѣкомъ ничтожнымъ, воображалъ себя красавчикомъ, важничалъ, предоставлялъ всѣ дѣла своему секретарю, проводилъ время въ интригахъ, для того, чтобы снискать благоволеніе при дворѣ и подцѣпить какую-нибудь награду. Онъ притворялся подражателемъ своего дяди, генералиссимуса Суворова, держа рѣчи солдатамъ, рекрутамъ и больнымъ въ госпиталяхъ.

* * *

Въ концѣ марта, я вернулся въ Москву, а въ началѣ апрѣля, государь оставилъ Петербургъ, чтобы ѣхать въ Вильну. Гвардія уже находилась тамъ, и теперь ожидали результата обширныхъ приготовленій, слухи о коихъ еще преувеличивали, для того, чтобы успокоить народъ и наиболѣе робкихъ изъ дворянства. Мнѣ передали записку, въ которой наши силы, подъ начальствомъ Барклая и Багратиона, доводились до 380 тыс. чел.;

между тѣмъ какъ во время перехода Наполеона черезъ Нѣманъ, у перваго (т. е. у Барклая) было только 104 тыс., а у втораго (кн. Багратиона) 73 тыс. чел. — Не смотря на всеобщее безпокойство, всѣ старались заглушать въ себѣ это чувство, какъ могли, и бахвальствомъ подавляли размышленіе. Всего хуже было, что недовольные и трусы обвиняли государя въ томъ, что онъ причиною близкой гибели Россіи, потому что не хотѣлъ предупредить или избѣжать третьей войны съ противникомъ, который уже дважды побѣждалъ его. Я слышалъ странныя выходки; нѣкоторые господа доходили до такой степени возбужденія, что превозносили до небесъ добродѣтели императора Павла и сожалѣли о времени его царствованія. Фельдмаршалъ Гудовичъ не принималъ противъ этого никакихъ мѣръ и воображалъ себѣ, что успокоиваетъ общество, обнадеживая, что, если-бы государь поручилъ ему (Гудовичу) начальство надъ войсками, то армія Наполеона была-бы уничтожена въ одинъ мѣсяць. По его словамъ, онъ имѣлъ на то средства; но, къ сожалѣнію, онъ унесъ свой секретъ съ собою въ могилу и во все продолженіе войны проживалъ въ своихъ украинскихъ помѣстьяхъ. Въ городѣ знали, что фельдмаршалъ просилъ объ увольненіи, а такъ какъ мое назначеніе было не извѣстно, то каждый указывалъ генералъ-губернатора по своимъ соображеніямъ и желаніямъ. Наконецъ, 6-го іюня, прибылъ курьеромъ нѣкій г. Брокеръ, сопровождавшій сына моего до Вильны. Онъ привезъ мнѣ извѣстіе о приказѣ, которымъ я переводился въ военную службу съ чиномъ генерала отъ инфантеріи и назначался военнымъ губернаторомъ въ Москву. Фельдмаршалъ Гудовичъ призывался къ засѣданію въ государственный совѣтъ и получилъ, въ знакъ благоволенія, портретъ государя.

Городъ, повидимому, былъ доволенъ моимъ назначеніемъ. Мнѣ было 47 лѣтъ, я пользовался отличнымъ здоровьемъ и выказалъ, съ самаго начала, большую дѣятельность, — что было новостью; потому что всѣ предшественники мои были старцы. Я сразу сдѣлался популярнымъ, благодаря доступности ко мнѣ. Я сдѣлалъ объявленіе, что каждый день, отъ 11 час. до полудня, принимаю всѣхъ и каждого, и что тѣ, кто имѣетъ мнѣ сообщить нѣчто важное, могутъ являться ко мнѣ во всякій часъ.

Въ день моего водворенія (въ новой должности) я приказалъ

отслужить молебны передъ всѣми иконами, которыя считаются чудотворными и пользуются большимъ уваженіемъ у народа. Я выказывалъ большую учтивость къ тѣмъ лицамъ, которымъ приходилось имѣть дѣло со мною. Я снискалъ благоволеніе старыхъ сплетницъ и хавжей, приказавъ убрать гробы, служившіе вывѣсками магазинамъ, ихъ поставившимъ. Также приказалъ я снять афишки и объявленія, наклеенныя на стѣнахъ церквей. Два утра были для меня достаточны для того, чтобы пустить пыль въ глаза и убѣдить большинство московскихъ обывателей въ томъ, что я неутомимъ и что меня видятъ повсюду. Мнѣ удалось внушить такое мнѣніе о моей дѣятельности тѣмъ, что я въ одно и то же утро появлялся въ самыхъ отдаленныхъ (другъ отъ друга) кварталахъ и оставлялъ тамъ слѣды моей справедливости или моей строгости. Въ этотъ-же первый день я приказалъ посадить подъ арестъ офицера, приставленнаго къ раздачѣ пищи въ военномъ госпиталѣ, за то, что не нашелъ его въ кухнѣ въ часъ завтрака. Я возстановилъ права одного крестьянина, которому вмѣсто 30-ти ф. соли отпустили только 25; я отправилъ въ тюрьму чиновника, завѣдывавшаго постройкою моста на судахъ; я входилъ повсюду, говорилъ со всякимъ; я узналъ много такого, чѣмъ потомъ воспользовался. Переодѣтый въ гражданское платье, я загонялъ двѣ пары лошадей, а въ 8 час. утра появлялся у себя, въ мундирѣ, и готовымъ приниматься за работу.

Главные изъ состоявшихъ подъ моимъ начальствомъ лица были слѣдующія:

Тайный совѣтникъ Обрѣзковъ, гражданскій губернаторъ; человекъ очень умный, тонкій и хорошо знающій общество. Службу оставилъ еще при императорѣ Павлѣ, и снова вступилъ въ нее, чтобы подвинуться впередъ. Хотя онъ еще былъ довольно молодъ, но здоровье его было разстроено бессонными ночами, проведенными за карточною игрою, въ которой ему очень везло. Онъ былъ чрезвычайно лѣнивъ; но критическое положеніе, въ которомъ мы находились, вырвало его изъ апатіи, и онъ, въ теченіи 1812-го и 1813-го годовъ, выказалъ дѣятельность, принесшую большую пользу.

Вице-губернаторъ Арсеньевъ, не лишенъ былъ способностей, но оступилъ отъ злоупотребленія крѣпкими напитками, и я, въ концѣ 1813-го года, принужденъ былъ смѣнить его.

Гессе, военный комендантъ города, нѣмецъ темнаго происхожденія. Онъ поступилъ унтеръ-офицеромъ въ морскіе баталіоны, которые императоръ Павелъ, будучи еще великимъ княземъ, формировалъ въ Гатчинѣ; а потомъ, подвигаясь впередъ по службѣ, дошелъ до чина генералъ-лейтенанта и исправлялъ должность московскаго коменданта въ продолженіе 20 лѣтъ. Это былъ человѣкъ прекраснѣйшій, честный, безпристрастный и заботившійся, главнымъ образомъ, о соблюденіи внѣшнихъ формъ; но онъ былъ годенъ для дѣла лишь до 6-ти час. вечера, послѣ чего всецѣло поглощался трубкою и пуншемъ.

Начальникъ московскаго гарнизоннаго полка, Брозинъ—человѣкъ ничтожный, съ которымъ я имѣлъ постоянныя столкновенія вслѣдствіе его грабительствъ и его весьма опредѣленной склонности брать съ полка что только могъ.

Начальникъ полиціи, генералъ-маіоръ Ивашкинъ,—человѣкъ честный, но слишкомъ кроткій, состоявшій подъ вліяніемъ жены, боязливый и плохаго здоровья, но точный въ исполненіи приказаній.

Архіепископъ Августинъ,—человѣкъ, имѣвшій большія познанія въ греческомъ и латинскомъ языкахъ. Онъ обладалъ крупнымъ ораторскимъ талантомъ и одаренъ былъ краснорѣчіемъ кроткимъ и пріятнымъ. Благочестія у него было немного. Въ обществѣ онъ выказывался человѣкомъ свѣтскимъ, а духовенство уничижалъ своею грубостью. Онъ не былъ равнодушенъ и обладалъ большимъ числомъ племянницъ, которыя выдались съ нимъ за-просто, во всякіе часы.

Предводитель дворянства, Арсеньевъ—толстый, сластолюбивый человѣкъ и покорнѣйшій слуга генералъ-губернатора.

1-й полиціймейстеръ, полковникъ Волковъ—слишкомъ умный для своего мѣста и соскучившійся занятіями; состоялъ на замѣчаніи, какъ членъ тайныхъ обществъ; жизнь велъ безпорядочную и очень развратную, все разсчитывалъ въ свою выгоду и не стѣснялся относительно средствъ.

2-мъ полиціймейстеромъ былъ Дурасовъ, гвардіи полковникъ, —болѣзненный, ограниченный, но очень честный человѣкъ.

3-мъ полиціймейстеромъ былъ полковникъ Брокаръ, которому я далъ это мѣсто, чтобы имѣть кого либо надежнаго. Онъ имѣлъ рѣшительное отвращеніе ко всякимъ интригамъ, обманамъ и

мошенникамъ. Онъ обладалъ особенною способностію въ изысканіи средствъ для того, чтобы отккрыть или распутать какое либо дѣло. Неоднократно доказывалъ онъ свое безкорыстіе и, въ теченіи нѣкотораго времени, считался вѣрнымъ и усерднымъ слугою.

Директоромъ канцеляріи моей былъ молодой человѣкъ, сынъ сенатора Рунича. Онъ былъ уменъ, образованъ и имѣлъ привычку къ дѣламъ; но любилъ проводить вечера за картами и вивомъ. Я удержалъ его (при себѣ), какъ и всѣхъ прочихъ, которыхъ нашель въ управленіи; ибо мое правило было таково, что перемѣнить всегда успѣешь, что бываютъ (люди) и похуже, и что можно извлекать пользу изъ человѣка хотя порочнаго, но умнаго, который примѣняетъ поведеніе свое къ поведенію начальника и нерѣдко измѣняетъ оное изъ страха, раскаянія или разсчета

Къ себѣ лично я взялъ, въ качествѣ секретарей, гг. Булгакова и Ильина. Первый получилъ отличное воспитаніе и хорошо учился. Онъ служилъ въ званіи секретаря посольства при нѣсколькихъ дворахъ. Я оказывалъ ему сначала довѣріе, а потомъ и дружбу. Онъ былъ сыномъ человѣка высокихъ достоинствъ, бывшаго при Екатеринѣ посланникомъ въ Константинополь и посломъ въ Варшавѣ.

Ильинъ былъ поэтъ и драматическій писатель. У него было больше воображенія, нежели ума и здраваго смысла; но онъ прилагалъ большое усердіе къ исполненію своихъ обязанностей и былъ особенно ко мнѣ привязанъ.

* * *

Самая Москва, съ теченіемъ времени, сдѣлалась городомъ священнымъ для русскихъ. Всѣ важнѣйшіе вельможи, за старостию дѣлавшіеся неспособными къ работѣ, или разочарованные, или уволенные отъ службы, пріѣзжали мирно доканчивать свое существованіе въ этомъ городѣ, къ которому всякаго тянуло или по его рожденію, или по его воспитанію, или по воспоминаніямъ молодости, играющимъ столь сильную роль на склонѣ жизни. Каждое семейство имѣло свой домъ, а наиболѣе зажиточные—имѣніе подъ Москвою. Часть дворянства проводила зиму въ Москвѣ, а лѣто въ ея окрестностяхъ. Туда пріѣзжали, чтобы веселиться, чтобы жить со своими близкими, съ родственниками и современниками. Дѣтямъ давали тамъ приличное вос-

питаніе и пользовались преимуществами (жизни), которыя только и представлялись въ столицѣ; потому что въ губернскихъ городахъ проживали только чиновники да купцы, а слѣдовательно и не представляли они никакой приманки для профессоровъ и учителей. Весною, въ концѣ февраля, бѣднѣйшіе дворяне, какъ и самые богатые, оставляли городъ для деревни—частію, по привычкѣ, частію по наклонности, а всего чаще изъ экономіи. Эта эмиграція дворянства оставляла за собою сильную пустоту въ городѣ и уменьшала на одну треть его населеніе, доходившее зимою до 300 т. Ничего не могло быть великолѣпнѣе баловъ въ домѣ дворянскаго собранія, гдѣ можно было видѣть до 2,000 персонъ, богато или нарядно одѣтыхъ, — но все это окончилось вмѣстѣ съ царствованіемъ Екатерины.

Роскошь, которою окружало себя дворянство, представляло нѣчто особенное: тутъ являлось великолѣпіе рядомъ съ нищетою. Такъ напр., встрѣчались огромные дворцы, одна часть которыхъ блистала богатымъ убранствомъ, а въ другой недоставало мебели;—громадныя залы, множество гостиныхъ и отсутствіе внутреннихъ покоевъ для хозяина и хозяйки дома. Числительность домашней прислуги почти всегда не соответствовала имущественнымъ средствамъ владѣльца. Всѣ эти служители помѣщались въ домѣ съ ихъ женами и дѣтьми, и представляли собою видъ колоніи. Послѣ смерти гр. Алексѣя Орлова, въ палатахъ его оказалось 370 чел. ¹⁾). При всемъ этомъ, услуженіе было весьма плохое; часть этихъ людей была довольно порядочно одѣта, другая ходила оборванною; бездѣлье располагало ихъ къ безпорядочности и, рассчитывая одинъ на другаго, никто изъ нихъ не хотѣлъ заниматься работою. Единственными обязанностями своими они считали: нить, ѣсть и спать. Лакеи, камердинеры, кучера, конюхи, музыканты, пѣвчіе, горничныя и прачки — всѣ имѣли свой обѣдъ и ужинъ дома. Жили они, приблизительно, какъ на кораблѣ, переполненномъ войсками. Естественнымъ послѣдствіемъ такого столпенія людей былъ развратъ, и барскій домъ

¹⁾ Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, побѣдитель при Чесмѣ, ближайшій другъ императрицы Екатерины II, скончался въ 1807 г. Дочь его, графиня Анна Алексѣевна, извѣстна своимъ ханженствомъ и покровительствомъ архимандриту Фотію (Спасскому).

изображалъ собою, одновременно, подобіе тюрьмы, воспитательнаго дома, кануры и харчевни. Число лошадей соотвѣтствовало числу прислуги; дворянинъ, имѣвшій не болѣе 20 т. дохода, держалъ на конюшнѣ около 20-ти лошадей, которыхъ плохо кормили, плохо чистили и которыя назначались для того, чтобы возить хозяевъ проживавшихъ у нихъ пріятелей, гувернеровъ и гувернантокъ, состоящихъ при дѣтяхъ. При отъѣздѣ въ деревню, конюшня эта подкрѣплялась еще лошадьми, которыхъ приказывали приводить изъ своего помѣстья. Штукъ 20, 30 и даже до 50-ти лошадей увозили за московскія заставы эти караваны, состоявшіе изъ господъ и прислуги; причемъ первые попрекали себя за то, что въ четыре мѣсяца промотали весь годовой доходъ.

Между тѣмъ, эта же Москва, — таковая, какъ я только что ее описалъ, — всегда внушала нѣкоторую къ себѣ отчужденность со стороны своихъ государей. Петръ I-й, желая преобразовать націю, удалился изъ своей древней столицы, дабы не встрѣчать сильной оппозиціи въ исполненіи своихъ предначертаній. Справедливость требуетъ сказать, что событія, происходившія во времена его дѣтства и несовершеннолѣтія, неизбѣжно должны были внушить ему отвращеніе къ городу, гдѣ жизнь его нѣсколько разъ подвергалась опасности и откуда стрѣльцы принудили его искать спасенія въ бѣгствѣ. Но при каждомъ вступленіи на престолъ, новый государь пріѣзжалъ короноваться въ московскій соборъ, при пышной обстановкѣ, и тутъ изливалъ милости на своихъ новыхъ подданныхъ. Царица Анна, вызванная изъ Курляндіи царить надъ Россією, обнаружила явныя доказательства своего нерасположенія къ Москвѣ. Елисавета пріѣзжала туда иногда, но долго тамъ не оставалась. Петръ III не успѣлъ даже короноваться, такъ какъ царствованіе его продолжалось всего шесть мѣсяцевъ. Екатерина вѣнчалась тамъ на царство; затѣмъ пріѣхала туда въ 1765 г., чтобы совершить путешествіе водою до Казани; въ 1775 г. она оставалась нѣсколько времени въ Москвѣ, чтобы отпраздновать торжество заключенія мира съ Оттоманскою Портою; въ 1785 г. по совершеніи водной прогулки до Новгорода, она явилась въ Москву и 4 дня прожила въ загородномъ, такъ называемомъ, Петровскомъ дворцѣ, находящемся въ разстояніи одного мѣ отъ заставы; въ 1787 г., возвращаясь изъ своего путешествія въ Крымъ, она останавливалась тутъ

удерживали (еще) изъ чванства, или изъ-за привычки видѣть ихъ. Важныхъ баръ, подобныхъ Долгорукимъ, Голицынымъ, Волконскимъ, Еропкинымъ, Панинымъ, Орловымъ, Чернышевскимъ и Шереметевымъ, больше уже не было. Съ ними исчезъ и тотъ вельможескій бытъ, который они сохраняли съ начала царствованія Екатерины. Она (императрица) имѣла много причинъ, чтобы бережно обращаться съ этими господами, которые играли роль въ государствѣ, или по заслугамъ своимъ, или по богатству, или по авторитету надъ всѣми членами своей семьи, — что доставляло имъ множество приверженцевъ и великій почетъ.

Когда, въ 1812 г., я получилъ свое назначеніе, важнѣйшими особами изъ проживавшихъ въ Москвѣ были:

Генералъ кн. Г. Долгорукій, — человѣкъ, занятый увеличеніемъ своего состоянія всякаго рода средствами: онъ былъ откупщикомъ отъ казны по продажѣ хлѣбнаго вина; содержалъ, пополамъ съ женою одного русскаго актера, общественныя бани и пробовалъ даже производить уплаты фальшивыми наполеоновскими ассигнаціями, — чему я, однако, тотчасъ-же положилъ предѣлъ. Онъ жилъ домосѣдомъ и оказывалъ протекцію развратнымъ людямъ, которыхъ часто ссужалъ деньгами. Домъ его обратился въ игорный вертепъ, содержимый его дочкою, кн. Горчаковою — женщиною съ потерянною репутаціею. Его щадили отчасти изъ-за преклонныхъ лѣтъ и изъ-за фельдмаршала Салтыкова, которому онъ приходился своякомъ.

Ген. Архаровъ, великій болтунъ, подленькій и низкопоклонный, но человѣкъ добродушный и довольно любимый, за ласковый пріемъ, который оказывалъ всѣмъ безъ разбора. Онъ не имѣлъ собственнаго мнѣнія и передъ властью держался не иначе, какъ на четверенькахъ.

Ген. Апраксинъ, сынъ фельдмаршала, командовавшаго, въ продолженіе одного года, русскою арміею во время 7-ми-лѣтней войны. Молодость его была блестящая; онъ имѣлъ успѣхъ у женщинъ и пользовался преимуществами, доставляемыми ему его наружностію, его богатствомъ и быстрымъ служебнымъ повышеніемъ, такъ какъ онъ произведенъ въ полковники 23-хъ лѣтъ отъ роду, будучи записанъ гвардіи сержантомъ при самомъ своемъ рожденіи. Онъ обѣщалъ много, но не сдержалъ обѣщанія. Хвастунъ, фрондеръ, характера низкаго и трусливаго — онъ

служилъ при трехъ правительствахъ и всегда велъ себя дурно. Оставивъ службу, онъ пустился въ разныя предпріятія, для приведенія дѣлъ своихъ въ порядокъ. Онъ женился на кн. Голицыной, мать коей, благодаря своей назойливости, нахальству и притязательности, добилась того, что внушила почтеніе всей публикѣ, заставила себя бояться и даже сдѣлать кавалерственною дамою, хотя была лишь женою бригадира. Дочь ея (г-жа Апраксина) охотно подражала своей матери и добивалась своего права на преемство. Ген. Апраксинъ основался въ Москвѣ, имѣлъ тамъ большой домъ, скудно обставленный; онъ много интриговалъ на всѣхъ выборахъ, откуда, кромѣ стыда, ничего не выносилъ. Онъ являлся постояннымъ врагомъ и хулителемъ всякаго московскаго генераль-губернатора, потому что льстилъ себя надеждою замѣнить его.

Г. Обольяниновъ, который при Павлѣ дошелъ до голубой ленты и до званія генераль-прокурора. Человѣкъ безъ воспитанія, безъ познаній, горланъ, имѣвшій смѣшную жену и державшій свой домъ открытымъ для мелкаго дворянства.

Гр. Марковъ, поселившійся въ Москвѣ за окончаніемъ своего посланничества въ Парижѣ. Онъ вькогда не жила въ этомъ городѣ и являлся тамъ какъ бы иностранцемъ, желающимъ натурализоваться.

Гр. Кутайсовъ, родомъ турокъ; при Павлѣ достигъ изъ камердинеровъ до званія оберъ-штабмейстера и до голубой ленты. Основавшись въ Москвѣ, онъ велъ тамъ жизнь мѣщанина во дворянствѣ, никакъ не справляясь съ приведеніемъ въ порядокъ своего состоянія, которое его пугало, и укрывался подъ тѣнью своей связи съ кн. Лопухинымъ, дочь коего была замужемъ за его сыномъ.

Г. Валуевъ, главный директоръ Кремлевской экспедиціи—самый низкопоклонный изъ всѣхъ льстецовъ, погрязшій въ долгахъ, занимающійся шпионствомъ и прибѣгающій къ обману и шарлатанству для того, чтобы заставить вѣрить въ значеніе, которымъ пользуется. Онъ съ покорностію переносилъ униженія, которымъ подвергался; льстиво ползалъ передъ генерал-губернаторомъ, пока тотъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, и вился его заклятымъ врагомъ, когда тотъ сходилъ съ маго имъ поста.

Кв. Юсуповъ, тогда уже бывший въ отставкѣ, — человекъ умный, любитель искусствъ, женщинъ и шутовъ. Онъ только и дѣлалъ, что бѣгалъ, чтобы ускользнуть отъ скуки; обладалъ большимъ богатствомъ, имѣлъ множество слугъ, ненужныхъ любовницъ, попугаевъ и обезьянъ.

За исключеніемъ кв. Долгорукова и ген. Апраксина, я жилъ въ добромъ согласіи съ остальными. Я нашелъ, что кв. Долгоруковъ заслуживаетъ слишкомъ большаго презрѣнія и пересталъ бывать у него. Что касается ген. Апраксина, то, послѣ долготѣныхъ пріятельскихъ отношеній, мы съ нимъ ссорились нѣсколько разъ. Я нисколько не стѣснялся въ своей манерѣ держать себя. Я зналъ, что не подамъ никакого повода къ жалобамъ, и къ тому же я рассчитывалъ на трехъ благонадежныхъ помощниковъ, т. е. на гордость, на глупость и на низость. Небольшая награда, данная или обѣщанная, — угроза или отличіе всегда зажимали ротъ у недовольныхъ. Когда ожидали государя, тогда и тонъ перемѣнялся. Начинали спозаранку добиваться какой-либо награды, выставляли на видъ свои права дѣйствительныя или выдуманныя, настаивали на поддержаніи ихъ. Всѣ (эти лица) стремились утолить свою жажду въ источникѣ милостей. Въ этомъ они держались исконнаго правила, говоря: царь милостивъ; все только отъ его воли зависитъ. Но такъ какъ нельзя оказывать милостей всѣмъ, то избранныхъ оказывалось мало, а это, послѣ каждаго пребыванія государя (въ Москвѣ), подавало поводъ къ новымъ неудовольствіямъ и безконечнымъ жалобамъ, прекращавшимся лишь при извѣстіи о его возвращеніи.

* * *

Я очень хорошо видѣлъ, что Москва подаетъ примѣръ всей Россіи и старался всѣми силами пріобрѣсти и довѣріе и любовь ея жителей. Ей подобало служить регуляторомъ, маякомъ, источникомъ электрическаго тока. Дабы лучше обезпечить общественное спокойствіе, я твердою рукою взялся за исполненіе правилъ относительно гостинницъ, трактировъ и ресторановъ, гдѣ люди праздные, развратные и множество лицъ темнаго свойства проводили цѣлыя ночи за игрою, попойками, надувательствами, погрязали въ развратѣ и пропадали окончательно. Дворянству и буржуазіи очень нравились эти мѣры, служившія препятствіемъ противъ соблазна прислуги, прикащиковъ и купеческихъ сын-

ковъ. Исключивъ изъ службы одного квартальнаго надзирателя, заставлявшаго мясниковъ ежедневно поставлять ему 60 ф. говядины, я на тѣлую треть понизилъ цѣны на мясо. Я объявилъ полицейскимъ офицерамъ, которыхъ было 300 человекъ, что я ничего не спущу имъ даромъ, и что они не должны надѣяться скрыть отъ меня свои плутни, такъ какъ знаютъ, что я говорю со всякимъ городскимъ обывателемъ и что всякому открытъ свободный доступъ ко мнѣ. Только три раза пришлось мнѣ употребить крутыя мѣры—и это было еще очень счастливо, потому что корпусъ полицейскихъ офицеровъ состоялъ почти цѣликомъ изъ людей испорченныхъ и негодяевъ, дурно оплачиваемыхъ, презираемыхъ и съ малою надеждою на повышеніе по службѣ. Было лишь 20 квартальныхъ надзирателей, должность коихъ состояла больше на виду. Но къ этой должности понапрасну стремились мелкіе чиновники, такъ какъ генераль-губернаторы помещали на нее лишь людей, которымъ хотѣли оказать протекцію.

Въ третью ночь послѣ вступленія моего въ должность я былъ очень пріятно пробужденъ курьеромъ, присланнымъ изъ Вильны. То былъ адъютантъ министра полиціи. Государь сообщалъ мнѣ о заключеніи мира съ турками, приказывалъ объявить объ этомъ по городу, отслужить благодарственные молебны, но празднества, обыкновенно бывающіе при такихъ случаяхъ, до времени отложить. Извѣстіе это привяли тѣмъ съ большею радостію, что дунайская армія дѣлалась свободною для дѣйствій противъ Наполеона. Должно полагать, что Порта доведена была до послѣдней крайности, если заключила миръ, по которому уступала Россіи лѣвый берегъ Дуная, съ Измаиломъ, Килією, Акерманомъ, Бендерами и Хотиномъ. Новая граница находилась въ разстояніи всего 24-хъ в. (6 лье) отъ Яссъ, главнаго города Молдавіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что миръ могъ-бы быть заключенъ гораздо ранѣе между визиремъ и ген. Кутузовымъ, но послѣдній, будучи убѣжденъ въ томъ, что ему не дадутъ ничѣмъ командовать, и, пренебрегая предлагаемыми ему настоятельными приказаніями, счелъ за лучш затягивать переговоры; но когда узналъ, что на смѣну е значенъ адмиралъ Чичаговъ, онъ не захотѣлъ предоставити чести окончанія войны и, въ теченіи трехъ дней, заключи

Народъ, повсюду невѣжественный и болѣе или мѣ

вѣрный, счелъ назначеніе мое добрымъ предзнаменованіемъ и прозвалъ меня счастливецемъ. Три недѣли уже стояли жары, заставлявшія опасаться неурожая, подобнаго прошлогоднему; но въ тотъ самый день, когда вѣсть о моемъ назначеніи достигла Москвы, выпалъ дождь и оживилъ раскаленную солнцемъ землю. Къ дождю присоединилось (теперь) извѣстіе о заключеніи мира съ турками. Благодаря этимъ двумъ событіямъ, на меня очень благопріятно начали смотрѣть всѣ тѣ, которые вѣрятъ, что звѣзда одного человѣка можетъ вліять даже на атмосферическія явленія.

Наконецъ, 7-го іюня, прибылъ курьеръ со всѣми воззваніями, манифестами и т. п., относящимися до войны, имѣвшей начаться. Такъ какъ мы пошли на встрѣчу ей и стояли противъ непріятеля, то отступать уже было нельзя. Государь требовалъ отъ московскихъ дворянства и купечества субсидіи въ милліонъ рублей на покупку воловъ, и сумма эта внесена была немедленно и вполнѣ охотно. Черезъ три дня послѣ этого, нѣсколько полковниковъ, отправленныхъ изъ главной квартиры въ Малороссію, для сформированія тамъ уланскихъ полковъ, распустили слухъ, будто послѣ перехода черезъ Нѣманъ, Наполеонъ тотчасъ же занялъ Вильну и что главную квартиру нашу чуть было не захватили тамъ врасплохъ. Такое начало было дурно. Извѣстіе, къ несчастію, оказывалось справедливымъ, и такъ какъ я ничѣмъ не могъ его опровергнуть, то прибѣгнулъ къ средству, котораго держался и во все продолженіе этой войны. Средство состояло въ томъ, чтобы, при каждомъ дурномъ извѣстіи, возбуждать сомнѣнія относительно его достовѣрности. Этимъ ослаблялось (дурное) впечатлѣніе; а прежде чѣмъ успѣвали собрать доказательства, вниманіе опять поражалось какимъ нибудь (новымъ) событіемъ, и снова публика начинала бѣгать за справками.

Я прекратилъ дѣятельность полу-дюжины шпионовъ, стоившихъ довольно дорого, такъ какъ признавалъ ее бесполезною при такихъ обстоятельствахъ, когда всѣ выражали страхъ и все общество пребывало въ недоумѣніи. Но мнѣ важно было знать, какое впечатлѣніе производилось военными событіями на умы. Въ этомъ отношеніи мнѣ хорошо прислуживали три мелкіе агента. Переодѣвшись, они постоянно таскались по улицамъ, примѣши-

ваясь къ толпѣ, въ изобиліи собиравшейся по гостинницамъ и трактирамъ. Затѣмъ они приходили отдавать мнѣ отчетъ и получали кой-какія наставленія, чтобы распространять тотъ или другой слухъ по городу, или чтобы подбодрять народъ и ослаблять впечатлѣніе, произведенное какимъ нибудь недобрымъ извѣстіемъ.

Въ числѣ непріятныхъ занятій я долженъ поставить на первое мѣсто тотъ несчастный аэростатъ, съ которымъ было столько возни и который игралъ большую роль въ историческихъ романахъ, трактовавшихъ о заговорѣ для сожженія Москвы. Вотъ въ чемъ состояла исторія этого воздушнаго шара, оставшагося на землѣ, и его негодяя-автора. Русскій дипломатическій агентъ, Алопеусъ, доложилъ государю, по прибытіи его въ Вильну, что одинъ офицеръ виртембергской службы сообщилъ ему, Алопеусу, объ открытіи тайны управленія полетомъ аэростата, и что тотъ шаръ, который онъ предполагаетъ устроить, будетъ поднимать 50 человѣкъ въ своей гондолѣ, подъ которой (можно будетъ) привѣсить большой ящикъ, наполненный порохомъ и горючими веществами; ящикъ этотъ можно будетъ сбросить на избранное для этого мѣсто и произвести страшные взрывъ и истребленіе. Офицеръ этотъ требовалъ безусловнаго соблюденія тайны и предлагалъ свои услуги имп. Александру, изъ ненависти (какъ онъ говорилъ) къ Наполеону и для того, чтобы уничтожить этого завоевателя. Предложеніе его было принято, и онъ, подъ именемъ Шмидта, направленъ былъ къ гражданскому губернатору Обрѣзкову, который помѣстилъ его въ одномъ деревенскомъ домѣ, въ двухъ мѣ отъ Москвы, пустивъ слухъ, что тутъ будетъ фабрика для приготовленія новыхъ пушечныхъ лафетовъ. Этотъ Шмидтъ привелъ съ собою многихъ нѣмецкихъ рабочихъ и просилъ меня дать ему еще нѣсколько человѣкъ, которые бы работали подъ его начальствомъ. Къ дому этому пришлось поставить сильный караулъ, не столько для поддержанія въ немъ порядка, сколько для того, чтобы прекратить всякое сообщеніе съ городомъ и препятствовать множеству любопытныхъ праздношатающихся ходить туда. Этотъ Шмидтъ увѣрялъ меня, что дѣлалъ опытъ надъ маленькимъ аэростатомъ, что опытъ этотъ отлично удался и что это гарантируетъ несомнѣнный успѣхъ большому шару. Когда онъ объяснилъ мнѣ

теорію (конструкцію) этого удивительнаго шара, то я возразилъ ему, что тяжесть груза сломаетъ пружины, — и я не ошибся; потому что при двукратныхъ опытахъ съ маленькими привязанными аэростатами, пружины не выдержали и сломались при первомъ движеніи весла. Онъ приписалъ это дурному качеству стали, — я досталъ ему лучшаго сорта, англійскую, которая тоже сломалась. Наконецъ, онъ потребовалъ такую сталь, изъ какой дѣлаются математическіе инструменты. Купили все, что могли найти, а опытъ не имѣлъ успѣха. За сутки до вступленія французовъ въ Москву, я отправилъ этого Шмидта въ Петербургъ, вмѣстѣ съ его рабочими и съ его огромнымъ тафтянымъ аэростатомъ. Тамъ хотѣли было возобновить его затѣю, дѣлали опыты въ Ораніенбаумѣ, — но успѣха никогда не было. Мнѣ рассказывали, что онъ вернулся въ Германію, гдѣ нѣкоторые купцы сдѣлались жертвами его обмана, повѣривъ, что аэростатъ станетъ переносить товары. Этотъ Шмидтъ стоилъ (намъ) 320 т. рублей, а зажигательные матеріалы, которые найдены (французами) въ занимаемомъ имъ домѣ, были съ жадностью захвачены, какъ точное доказательство того, что тутъ была лабораторія, гдѣ изготовлялись ракеты для сожженія Москвы.

Наиболѣе занимались въ городѣ извѣстіями объ укрѣпленномъ лагерѣ при Дриссѣ. Одни видѣли въ немъ преграду, которая остановить Наполеона; другіе занимались соображеніями, какъ обезпечить существованіе запертой въ немъ 300-тысячной арміи. Люди, понимавшіе дѣло, ничего въ этомъ не могли постигнуть. Что касается меня, то я не находилъ никакихъ причинъ къ тому, чтобы, при самомъ началѣ войны, обречь всю армію на бездѣйствіе, запереться и предоставить всю страну неприятелю, который могъ направляться куда ему вздумается. Вскорѣ затѣмъ узнали, что Дрисса была оставлена, и что мысль о томъ, чтобы у ней укрѣпиться, принадлежала нѣкому Пфулю, пруссаку, бывшему офицеромъ еще при Фридрихѣ Великомъ, а затѣмъ генераль-лейтенантомъ русской арміи и дававшему уроки тактики императору Александру. Такъ какъ московское общество очень склонно къ подозрительности и щедро на эпитеты, то бѣдный Пфуль былъ первымъ, котораго объявили предателемъ. Въ то же время я узналъ отъ одного изъ служившихъ подъ начальствомъ Багратиона, что, при началѣ военныхъ дѣйствій, въ

его арміи было подъ ружьемъ всего 68 т. чел., а въ арміи Барклая 104 т. Зная геніальность Наполеона при дѣйствіяхъ большими массами, и (зная) что мы можемъ противопоставить ему лишь половину его силъ, я льстилъ себя надеждою, что Смоленскъ можетъ остановить его и что онъ первую кампанію остановитъ на берегахъ Днѣпра. Я чувствовалъ потребность дѣйствовать на умы народа, возбуждать въ немъ негодованіе и готовить его ко всѣмъ жертвамъ для спасенія отечества. Съ этой-то поры я началъ обнародовать афиши, чтобы держать городъ въ курсѣ событій и военныхъ дѣйствій. Я прекратилъ выпускъ ежедневно появлявшихся рассказовъ и картинокъ, гдѣ французовъ изображали какими-то карликами, оборванными, дурно вооруженными и позволяющими женщинамъ и дѣтямъ убивать себя.

Мною получено было, по эстафетѣ, письмо отъ генерала Вязмитинова, которому государь повелѣлъ сообщить мнѣ свою высочайшую волю, чтобы высланъ былъ изъ Москвы въ Пермь, подъ надзоръ властей, докторъ фельдмаршала Гудовича, по фамиліи Сальваторъ — бывшій брадобреемъ въ Римѣ, шарлатаномъ въ Константинополѣ, эмпирикомъ въ Персіи (въ свитѣ генерала Гарданова), и справедливо подозрѣваемый въ шпіонствѣ. Докторъ этотъ испросилъ и уже получилъ свой паспортъ для выѣзда изъ страны. Черезъ нѣсколько дней онъ уже долженъ былъ уѣхать. Арестовали его ночью, на его же квартирѣ, увезли (изъ города) и захватили его бумаги, доказывавшія, что съ нимъ поступили слишкомъ снисходительно, ограничившись ссылкой.

* * *

Жена моя только что вернулась изъ Петербурга, куда ѣздила для свиданія съ родственниками. Мы поселились на моей дачѣ, вблизи одной изъ заставъ, гдѣ, по наружности, вели жизнь довольно спокойную. Такъ продолжалось до 7-го іюля. Вечеромъ, сядясь въ карету, я увидѣлъ скачущаго во весь опоръ оберъ-полиціймейстера, съ генераль-адъютантомъ кн. Трубецкимъ, который былъ присланъ курьеромъ. Онъ передалъ мнѣ пакетъ отъ государя, заключавшій воззваніе его къ Москвѣ и извѣстіе о скоромъ его прибытіи въ стѣны ея. Долго разспрашивалъ я посланца, дабы убѣдиться, что наши арміи не въ конецъ разбиты. Опъ увѣрялъ меня, что даже и сраженія не было, но что Багра-

тионъ, будучи отдѣленъ отъ Барклая, маневрируетъ для соединенія съ нимъ, и что это (соединеніе) послѣдуетъ, вѣроятно, подъ Смоленскомъ. Онъ (Трубецкой) посланъ былъ изъ Великихъ-Луки, а государь намѣревался выѣхать оттуда на другой день, съ небольшою лишь свитою, и остановиться только на день въ Смоленскѣ, чтобы организовать тамъ сборъ ополченія. Засѣлъ я за работу, провелъ ночь безъ сна, повидалъ и призывалъ къ себѣ множество лицъ; приказалъ напечатать воззваніе (государя), а вмѣстѣ съ тѣмъ и афишу для народа, въ моемъ вкусѣ, и на другой день обыватели Москвы узнали, что государь пріѣзжаетъ туда. Слогъ воззванія былъ хорошо принаровленъ къ обстоятельствамъ; секретарь царскій Шишковъ удачно придумалъ, сообразилъ и выразилъ побужденія, цѣль и надежды государя, отправляющагося въ древнюю столицу своей страны для совѣщанія со своими подданными и изысканія средствъ къ тому, чтобы остановить и побѣдить грознаго врага. Дворянство было польщено такою довѣренностью и воспламенилось усердіемъ; купеческое сословіе изъявило готовность къ пожертвованіямъ; простой же народъ казался равнодушнымъ, потому что не допускалъ и мысли о томъ, что Наполеону можно будетъ войти въ Москву. Причиною такой неразумной увѣренности было то, что въ теченіи 100 лѣтъ непріятельская нога не попирала русской почвы, и что (по его мнѣнію) Наполеону придется кончить тѣмъ же, чѣмъ и Карлу XII, подъ Полтавою. Бородачи постоянно повторяли однѣ и тѣ же слова: «Ему (Наполеону) насъ не покорить, потому что для этого пришлось-бы всѣхъ насъ перебить».

На слѣдующій день пріѣхали ко мнѣ два курьера: одинъ отъ государя, съ предложеніемъ мнѣ встрѣтить его на первой станціи по Смоленской дорогѣ, куда онъ рассчитывалъ прибыть въ 3 ч. пополудни. Другой курьеръ, адъютантъ гр. Аракчеева, привезъ мнѣ ратификацію мирнаго трактата съ Портою. Я приказалъ предупредить кв. Трубецкаго, что ѣду встрѣчать государя; онъ прибылъ ко мнѣ и мы отправились вмѣстѣ, послѣ завтрака. Въ этотъ день стояла прекрасная погода, и мы видѣли множество народа, шедшаго на встрѣчу его величества. Я ожидалъ его прибытія на станцію до 5 час. вечера. Въ одномъ изъ домовъ приготовлена была закуска. Онъ пробылъ со мною цѣлый часъ, съ глазу на глазъ, и очень хвалилъ меня за тѣ пріемы, кото-

рыхъ я держался, чтобы внушить довѣріе всѣмъ московскимъ обывателямъ. Онъ говорилъ о войнѣ, не обвинялъ никого въ дурныхъ дѣйствіяхъ, казался увѣреннымъ въ соединеніи армій Барклая и Багратіона и нисколько не казался унылымъ, но былъ спокоенъ и въ хорошемъ расположеніи духа. Онъ освѣдомлялся о расположеніи умовъ и сообщилъ мнѣ свою мысль относительно обращенія къ дворянству, для набора людей (въ ополченіе). Сначала онъ хотѣлъ поселиться въ Слободскомъ дворцѣ, находящемся на одной изъ окраинъ города; но потомъ, вслѣдствіе замѣчанія моего, что болѣе подобало бы ему быть въ Кремлѣ, во дворцѣ своихъ предковъ и въ центрѣ Москвы, онъ изъявилъ согласіе на это. Онъ поглядѣлъ на мои эпидеты и сказалъ, что на нихъ недостаетъ чего-то, а именно, его вензеля, — то было отличіемъ, особенно выдающимся, дарованнымъ лишь обоимъ главнокомандующимъ. Къ этому онъ еще прибавилъ: «мнѣ любо быть у васъ на плечахъ».

Съ нимъ (государемъ) пріѣхали: гр. Аракчеевъ, оберъ-гофмейстеръ гр. Толстой, министръ полиціи Балашовъ, секретарь Шишковъ, флигель-адъютанты: кн. Волконскій, Трубецкой и Комаровскій. Узнавъ, что въ свитѣ его находится и баронъ Штейнъ, я распорядился такъ, чтобы послѣдній, подъ предлогомъ недостатка въ лошадяхъ, прибылъ въ Москву нѣсколькими часами позже. Сдѣлавъ я это во вниманіе къ сильно укоренившемуся мнѣнію, что всѣ иностранцы—наши враги и шпионы. Государь повелѣлъ мнѣ быть (въ Москвѣ) за часъ ранѣе его прибытія, и хотѣлъ пріѣхать туда около полуночи, чтобы избѣжать толпы любопытныхъ ожидавшихъ его у дороги, намѣревавшихся отпречь лошадей и везти на себѣ его карету въ кремль. Мысль эта перешла отъ народа и къ болѣе высокимъ классамъ, и я зналъ, что нѣкоторые лица, украшенные орденами, намѣревались отправиться къ заставѣ и—по усердію ли, по глупости-ли—обратиться въ четвероногихъ.

На разстояніи двухъ лье отъ города, дорога была усѣяна съ обѣихъ сторонъ группами мужчинъ и женщинъ, вышедшихъ изъ города встрѣчать царя и отдыжавшихъ, сидя и лежа, на берегу канавъ. Я ѣхалъ въ дрожкахъ (открытый экипажъ), и дорога эта, постоянно мнѣ памятная, произвела на меня глубокое впечатлѣніе. Ночь была чудная, небо ясное, въ воздухѣ никакого

колебанія, тишина величественная. Луна проливала свой свѣтъ на страну многолюдную, богатую и счастливую. Въ каждомъ селѣ, находившемся на дорогѣ, священники въ церковныхъ одѣянїяхъ, съ крестомъ въ рукѣ и въ сопровожденїи людей, несшихъ зажженныя свѣчи, выходили изъ храмовъ, чтобы благословить царя на его пути. Эти свѣчи, эти священники, ихъ появленіе — все это поражало воображеніе, волновало чувства и порождало множество мыслей, которыя, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, покрывались (какъ бы) черною дымкой. На сердцѣ была тяжесть, въ душѣ смятеніе, умъ въ тревогѣ. Эти процессїи напоминали собою похороны; при видѣ ихъ, невольно хотѣлось поднимать глаза къ небу, чтобы прочесть тамъ будущность и грядущую судьбу своего отечества.

Государь, около полуночи, прибылъ въ Кремль, гдѣ всѣхъ уже нашель спящими, такъ какъ, по недоразумѣнію, его ожидали въ другомъ дворцѣ. На другой день, съ самаго разсвѣта, большая площадь до такой степени переполнилась любопытными, что сверху видны были однѣ головы. Московскій народъ рѣдко наслаждался присутствіемъ своихъ государей и очень жаждалъ ихъ видѣть. Въ этотъ день, въ главномъ соборѣ должно было, послѣ литургїи, совершаться благодарственное молебствіе по случаю заключенїя мира съ Отоманскою Портою. Государь отправился въ церковь, и встрѣченъ былъ на паперти епископомъ Августинномъ, викаріемъ митрополита Платона. Послѣдній удался въ небольшой монастырь, построенный имъ въ 60-ти верстахъ (15 мье) отъ Москвы; онъ имѣлъ уже нѣсколько параличныхъ припадковъ, такъ что даже очень плохо владѣлъ языкомъ. Болѣзненное состояніе это не помѣшало ему прислать, изъ своего уединенїя, икону св. Сергія, съ приложеніемъ прекраснаго посланїя, въ которомъ онъ предсказывалъ государю славное окончаніе войны, сравнивая его съ пастыремъ Давидомъ, а Наполеона — съ Голафомъ. Но то были другія времена. Наполеонъ не принялъ бы (подобнаго) вызова и не такой былъ человекъ, чтобы дать убить себя изъ пращи. При выходѣ изъ собора народъ до такой степени столпился и стѣснилъ государя, что онъ долженъ былъ остановиться, чтобы дать толпѣ возможность отодвинуться и очистить ему мѣсто. Такое неудобство было устраниено посредствомъ мостковъ, которые я приказалъ

устроить нѣсколькими футами выше мостовой и которые соединяли дворцовое крыльце съ соборною папертью. Государь сдѣлагь пріемъ епископу Августину и украсилъ его орденомъ св. Александра Невскаго. При дворѣ былъ большой обѣдъ, къ которому приглашены знатнѣйшія въ городѣ лица, высшее духовенство и сенаторы.

Государь учредилъ, подъ предсѣдательствомъ моимъ, комитетъ, членами коего были: Аракчеевъ, Балашовъ и Шишковъ, для установленія правилъ организаціи московской милиціи, которой дали наименованіе московскаго ополченія. Она должна была быть составлена изъ людей, которыхъ владѣльцы и помѣщики представляютъ добровольно. Офицеры, уволенные изъ службы, могли вступать въ ополченіе съ прежнимъ чиномъ и носить военный мундиръ. Гражданскіе чиновники, имѣвшіе классныя чины, соотвѣтствующіе военнымъ, теряли одинъ изъ нихъ, надѣвая мундиръ. Начальникъ этого ополченія долженъ былъ быть избранъ московскимъ дворянствомъ. Комитетовъ должно было составиться два: въ одномъ записывались и выдавались квитанціи тѣмъ, которые представляли ополченцевъ; въ другомъ же записывались и выдавались квитанціи жертвующимъ деньги, съѣстные припасы или одежду. Государь одобрилъ нашу работу; назначилъ членами 1-го комитета генераловъ: Архарова, Апраксина и Оболянинова—какъ наиболѣе выдающихся, и придалъ имъ, кромѣ того, московскаго гражданскаго губернатора Обрѣзкова и предводителя дворянства Арсеньева. 2-й комитетъ составленъ былъ изъ князей: Юсупова, Долгорукова, Голицына. Я, въ качествѣ генераль-губернатора, былъ предсѣдателемъ обоихъ комитетовъ.

Слѣдующій день былъ назначенъ государемъ для сообщенія своихъ намѣреній дворянству и купечеству, которыя собраны были къ полудню въ залахъ Слободскаго дворца. Ночью я узналъ (и это было подтверждено мнѣ и на другой день утромъ), что нѣкоторые лица, принадлежавшія къ обществу мартинистовъ, сговорились между собою, чтобы, когда государь предложитъ собранію наборъ ратниковъ,—поставить ему (государю) вопросы: каковы силы нашей арміи?—какъ сильна армія непріятельская? какія имѣются средства для защиты? и т. п. Намѣреніе было дерзкое, неумѣстное и опасное при (тогдашнихъ) обстоятельствахъ;

но на счетъ исполненія его я вовсе не испугался, зная, что (указанные) господа столь же храбры у себя дома, сколько трусливы внѣ его. Я преднамѣренно и неоднократно говорилъ при всѣхъ, что надѣюсь представить (государю) зрѣлище собранія дворянства вѣрнаго, и что я буду въ отчаяніи, если кто либо изъ неблагонамѣренныхъ людей нарушить спокойствіе и забудется въ присутствіи своего государя,—потому что такой человѣкъ, прежде оковчанія того, что захотѣлъ бы сказать, начнетъ весьма далекое путешествіе. Дабы сообщить болѣе вѣроятія такому (моимъ) рѣчамъ, я приказалъ поставить невдалекѣ отъ дворца двѣ повозки, запряженныя почтовыми лошадьми, и подлѣ нихъ прохаживаться двумъ полицейскимъ офицерамъ, одѣтымъ по курьерски. Если кто либо изъ любопытныхъ освѣдомлялся: для кого назначены эти повозки? они отвѣчали: «а для тѣхъ, кому прикажутъ ѣхать». Эти отвѣты и вѣсть о появленіи повозокъ дошли до собранія, и фанфароны, во все продолженіе онаго, не промолвили слова и вели себя, какъ подобаетъ благонаправнымъ дѣтямъ.

До прибытія государя, я, въ сопровожденіи Шишкова, пошелъ сначала въ ту галерею, гдѣ собралось дворянство, а потомъ въ ту, гдѣ находилось кучечество. Къ 1-й галереѣ было около 1,000 человѣкъ, воспѣшившихъ со всѣхъ сторонъ, при извѣстіи о прибытіи государя. Тамъ все происходило въ порядкѣ и спокойствіи. Но во 2-й галереѣ, гдѣ собрались купцы, я былъ пораженъ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвело чтеніе манифеста. Сначала обнаружился гнѣвъ; но когда Шишковъ дошелъ до того мѣста, гдѣ говорится, что врагъ идетъ съ лестью на устахъ, но съ цѣпями въ рукѣ—тогда негодованіе прорвалось наружу и достигло своего апогея: присутствующіе ударяли себя по головѣ, рвали на себѣ волосы, ломали руки; видно было какъ слезы ярости текли по этимъ лицамъ, напоминающимъ лица древнихъ. Я видѣлъ человѣка, скрежетавшаго зубами. За шумомъ не слышно было что говорили (эти люди), но то были угрозы, крики ярости, стоны. Это было единственное, въ своемъ родѣ, зрѣлище, потому что русскій человѣкъ выражалъ свои чувства свободно и, забывая, что онъ рабъ, приходилъ въ негодованіе, когда ему угрожали цѣпями, которыя готовилъ чужеземецъ, и предпочиталъ смерть позору быть побѣжденнымъ. При

подобныхъ-то обстоятельствахъ вновь выказывали себя прежніе русскіе. Они (купцы) сохранили ихъ одѣяніе, ихъ характеръ; бороды придавали имъ видъ почтенный и внушительный. Подобно предкамъ своимъ, они не имѣли другихъ указаній, другихъ правилъ, кромѣ 4-хъ пословицъ, въ которыхъ заключались побужденія къ ихъ хорошимъ и дурнымъ дѣламъ:

Великъ русскій Богъ.

Служи царю вѣрой и правдой.

Двумъ смертямъ не бывать — одной не миновать.

Чему быть, того не миновать.

Вотъ что дѣлаетъ настоящаго русскаго человѣка надѣющимся на Бога, вѣрнымъ своему государю, равнодушнымъ къ смерти и безгранично предприимчивымъ. Его усердіе, мужество и вѣрность обнаружались во всемъ блескѣ въ продолженіе 1812 года. Онъ дѣйствовалъ по собственному побужденію, руководясь собственнымъ инстинктомъ. Древняя исторія представляетъ мало примѣровъ подобной преданности и подобныхъ жертвъ; а исторія нашего времени вовсе ихъ не представляетъ.

Государь, по прибытіи (въ Слободской дворецъ), оставался нѣсколько минутъ въ своихъ апартаментахъ, куда и я пришелъ, чтобы доложить ему обо всемъ, что происходило. Мы говорили объ ополченіи; но между тѣмъ, какъ онъ разсчитывалъ только на 10,000 чел., я былъ вполне увѣренъ, что наберется больше. Послѣ этого, государь пошелъ въ дворцовую церковь, гдѣ служили молебствіе, а по выходѣ оттуда направился въ залу дворянства. При входѣ туда, онъ имѣлъ видъ озабоченный, (такъ какъ) спагъ, который ему приходилось дѣлать, долженъ быть тяжелъ для всякаго властителя. Онъ милостиво поклонился присутствующимъ, а затѣмъ, собравшись съ духомъ, съ лицомъ воодушевленнымъ, произнесъ прекрасную рѣчь, полную благородства, величія и откровенности. Дѣйствіе, ею произведенное, было подобно дѣйствию электричества и расположило всѣхъ къ пожертвованію части своего имущества, чтобы спасти все. Фельдм. Гудовичъ, какъ старѣйшій по своему званію, заговорилъ первый, и тономъ стараго, вѣрнаго слуги отвѣчалъ, что государь отнюдь не долженъ отчаяваться въ успѣхѣ своего дѣла священнаго для всей Россіи; что всѣ они (дворяне) готовы пожертвовать всѣмъ имуществомъ, пролить послѣднюю каплю

крози, и въ концѣ предложилъ государю одного человѣка съ 25-ти, снабженнаго одеждою и мѣсячнымъ продовольствіемъ. Только что успѣлъ фельдмаршалъ окончить свою рѣчь, какъ нѣсколько голосовъ закричало: «нѣтъ, не съ 25-ти, а съ 10-ти по одному человѣку, одѣтому и снабженному провіантомъ на три мѣсяца». Крикъ этотъ подхваченъ былъ большею частью собранія, которое государь благодарилъ въ весьма лестныхъ выраженіяхъ, восхваляя щедрость дворянства, а затѣмъ, обратясь ко мнѣ, приказалъ прочесть положеніе объ организаціи ополченія. Я замѣтилъ его велѣнію, что помянутое положеніе составлено было при иныхъ условіяхъ,—что тамъ шла рѣчь о сформированіи отряда лишь изъ людей, добровольно представленныхъ; но что теперь, когда дворянство само опредѣлило численность ратниковъ, которыхъ оно поставитъ, прежнее положеніе являлось уже неподходящимъ. Государь согласился съ моимъ замѣчаніемъ, раскланялся съ собравшимися дворянами и, пройдя въ залу, гдѣ находились купцы, сказалъ имъ нѣсколько лестныхъ словъ, сообщилъ имъ о предложеніи дворянства и, приказавъ мнѣ прочесть имъ правила, выработанныя 2-ю коммиссіею, сѣлъ въ карету и уѣхалъ въ Кремль. Я не далъ куше честву времени остынуть. Бумага, чернила, перья были на столѣ. Подписка началась и, менѣе чѣмъ въ полчаса времени, дала 2.400,000 руб. Городской голова, имѣвшій всего 100,000 капитала, первый подписался на 50,000 руб., при чемъ перекрестился и сказалъ: «получилъ я ихъ (деньги) отъ Бога, а отдаю родинѣ».

Я возвратился въ кремль, съ извѣстіемъ (о сборѣ) 2.400,000 р. и засталъ государя въ его кабинетѣ, съ гр. Аракчеевымъ и съ Балашовымъ. Десятый человѣкъ съ населенія представлялъ итогъ въ 32,000 чел., снабженныхъ продовольствіемъ на 3 мѣсяца; да сверхъ того сумма, пожертвованная купцами. Государь заявилъ мнѣ, что онъ весьма счастливъ, что онъ поздравляетъ себя съ тѣмъ, что посѣтилъ Москву и что назначилъ меня ген.-губернаторомъ. Затѣмъ, когда я уже уходилъ, онъ ласково поцѣловалъ меня въ обѣ щеки.

По выходѣ въ другую комнату, Аракчеевъ поздравилъ меня съ полученіемъ высшаго знака благоволенія, т. е. поцѣлуя отъ государя. «Я, прибавилъ онъ,—я, который служу ему съ тѣхъ поръ, какъ онъ царствуетъ,—никогда этого не получалъ».

Балашовъ просилъ меня быть увѣреннымъ, что гр. Аракчевъ никогда не забудетъ и не проститъ мнѣ этого поцѣлуя. Тогда я посмѣялся этому, но впоследствии получилъ вѣрное доказательство тому, что министръ полиціи говорилъ правду и что онъ лучше меня зналъ гр. Аракчеева.

Теперь надо объяснить, почему собраніе явилось столь щедрымъ и столь благороднымъ. Предложеніе фельдмаршала было правильнымъ и разумнымъ; но два первые голоса, усилившіе это предложеніе до десятаго человѣка, исходили изъ двухъ головъ, весьма одна отъ другой отличныхъ. Одинъ изъ этихъ господъ, человѣкъ чрезвычайно умный, предлагалъ такую мѣру, которая ему ничего не стоила, потому что онъ не имѣлъ помѣстій въ Московской губерніи,—и пустилъ въ ходъ свое предложеніе, какъ пускаютъ какуюнибудь шутку. Другой же господинъ, обладавшій сильными легкими, былъ человѣкъ низкій, глупый, на дурномъ счету при дворѣ; онъ предложилъ мнѣ свой голосъ изъ-за чести быть приглашеннымъ къ высочайшему столу. И вотъ, чѣмъ столь часто руководятся собранія,—вотъ какъ дѣйствуютъ они, подавая голоса по увлеченію и необдуманно! Газетчики, біографы, сочинители историческихъ романовъ превозносили много человѣка до небесъ, за какой-либо его поступокъ или за слово; а между тѣмъ онъ, можетъ быть, совершивъ этотъ поступокъ или сказавъ это слово, тотчасъ же въ томъ раскаялся.

Государь пробылъ еще четыре дня въ Москвѣ. Донесенія изъ арміи постоянно сообщали объ отступленіи къ Смоленску, (потомъ) о прибытіи въ этотъ городъ и о соединеніи Багратиона съ Барклаемъ. Непрiятель уже занялъ Минскъ, Могилевъ и Витебскъ. Страхъ распространился по Москвѣ; но присутствіе государя занимало умы. Пріѣхавшій изъ Петербурга курьеръ привезъ извѣстіе, что наслѣднiй принцъ шведскiй (Бернадотъ) готовится пріѣхать въ Або, чтобы имѣть тамъ совѣщаніе съ государемъ, и что новый англійскiй посолъ, лордъ Каткартъ, тоже прибудетъ туда. Вел. кн. Константинъ пріѣхалъ изъ арміи Барклая. Послѣднiй, находя его присутствіе въ главной квартирѣ бесполезнымъ и стѣснительнымъ, послалъ его курьеромъ къ государю, въ Москву, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы онъ далъ словесный отчетъ о положеніи нашихъ войскъ и о планахъ главнокомандующаго. Государь хотѣлъ было оставить вел. князя

въ Москвѣ, для сформированія тамъ коннаго полка,—что великій князь считалъ возможнымъ исполнить въ двѣ недѣли, забирая подходящихъ ему людей и лошадей повсюду, гдѣ бы такіе ни встрѣтились. Предвидя неудобства его пребыванія въ Москвѣ и дурное впечатлѣніе, которое произведетъ эта манера формированія полка, я просилъ государя, не благоугодно ли ему будетъ дать другое назначеніе вел. князю, во избѣжаніе непріятностей, такъ какъ я вынужденъ былъ бы нести отвѣтственность за поступки послѣдняго, въ такой моментъ, когда мнѣ необходимо было посвящать свое время на безчисленные и первостатейной важности занятія. Государь согласился со мною, хотѣлъ поручить своему брату формированіе нижегородскаго ополченія, но, за отказомъ его и вслѣдствіе его просьбы, согласился отпустить его въ армію.

Я горячо желалъ отъѣзда и удаленія отъ Москвы великаго князя Константина. Партія мартинистовъ, дѣйствовавшая тайно и настойчиво, посѣвала въ умахъ фрондеровъ и трусовъ такую мысль, что императоръ Александръ есть причина тѣхъ опасностей, которымъ страна подверглась,—что царствованіе его не могло быть инымъ, какъ несчастливимъ, и что надо бы поставить на его мѣсто брата его Константина. Планъ этотъ, столь-же безумный, сколько ужасный, никогда не могъ осуществиться, потому что это значило бы прислуживаться Наполеону и губить государство, возбуждая революцію въ такую эпоху, когда нельзя было достаточно сообщать устойчивости и силы правительству, посредствомъ пожертвованій, единодушія и спокойствія, и, конечно, не подрываніемъ основаній можно было предохранить зданіе отъ разрушенія. Ни въ то время, ни потомъ, я ни слова не говорилъ объ этомъ государю, чтобы не дать ему новыхъ безпокойствъ и не посѣять въ немъ сѣмя подозрительности къ его брату, который былъ совершенно чуждъ коварныхъ прожектовъ злыхъ людей, и который, при своемъ живомъ и лояльномъ характерѣ, съ отвращеніемъ отвергъ бы всякое преступное предложеніе. Низость тоже примѣшалась къ скрытому предательству; такимъ образомъ, въ то время, когда вел. князь торопился приготовленіемъ къ отъѣзду, Валуевъ сталъ говорить ему: «Ваше выс—во, оставайтесь здѣсь, не удаляйтесь отъ собора,

это ваше мѣсто». На это вел. князь, не понявшій смысла его словъ, отвѣчалъ:

— «Предоставляю вамъ молиться тамъ Богу, я же ѣду въ армию, сражаться, — тамъ мое мѣсто».

Это мартинистское общество образовалось въ (17)80-мъ году. Нѣкто Шварцъ, профессоръ нѣмецкаго происхожденія, положилъ первыя ему основанія и не замедлилъ пріобрѣсти многихъ прозелитовъ. Послѣ его смерти, нѣкій г. Новиковъ, ген.-майоръ въ отставкѣ, человекъ умный, образованный, но совершенно разстроенный въ своихъ дѣлахъ, сдѣлался главою секты. Онъ увеличилъ число посвященныхъ, расширилъ свои связи, купилъ большой домъ, гдѣ помѣстилъ типографію для печатанія книгъ мистическаго содержанія, написанныхъ на русскомъ языкѣ, или переводныхъ. Онъ избралъ нѣсколькихъ студентовъ университета, чтобы сдѣлать ихъ прозелитами, и послалъ ихъ на счетъ общества кончать образованіе въ чужихъ краяхъ. Исторіографъ Карамзинъ, бывшій тогда еще очень молодымъ человекомъ, находился въ ихъ числѣ; но по возвращеніи оттуда, онъ по благоразумію и вслѣдствіе своихъ романическихъ наклонностей, отрѣшился отъ этого общества, гдѣ очень на него зато негодовали. На общество мартинистовъ не обращали большаго вниманія, такъ какъ они отличались отъ другихъ лишь раздачею милостыни и дѣлами милосердія, что вмѣсто подозрѣнія навлекало на нихъ благословеніе и уваженіе. Но одно изъ нисемъ извѣстнаго Вейсгаупта, не знаю какимъ случаемъ, дошло до императрицы Екатерины. Оно адресовано было на имя Новикова и заключало въ себѣ нѣсколько фразъ, смыслъ коихъ былъ скрытъ. Такъ какъ планы и дѣла иллюмината Вейсгаупта стали уже въ то время извѣстны, то письмо это возбудило тревогу и заставило прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости. Послали приказъ тогдашнему (1790 г.) московскому ген.-губернатору кн. Прозоровскому. Согласно смыслу этого приказа, одинъ изъ совѣтниковъ правленія отправленъ былъ, при конвоѣ, въ деревню Новикова для того, чтобы арестовать его, привезти въ Москву и забрать всѣ его бумаги. Совѣтнику не стояло никакого труда исполнить данное ему порученіе. (Пріѣхавъ) въ полночь, онъ нашелъ Новикова въ кругу нѣсколькихъ молодыхъ людей, съ почтеніемъ слушавшихъ его слова. Передъ отъѣздомъ своимъ онъ

давалъ имъ наставленія, какъ вести себя, и оставилъ ихъ обливаясь слезами. Такъ какъ онъ не хотѣлъ давать кн. Прозоровскому никакихъ объясненій, то былъ отправленъ въ Петербургъ и заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ оставался до восшествія на престолъ Павла I-го. Главные члены этой секты: кн. Трубецкой и Лопухинъ были высланы изъ столицы. Секту эту подвергли осмѣянію; даже выставляли ее на театральной сценѣ. Она вѣскольکو разстроилась, была обречена на молчаніе, но не уничтожилась. Агентомъ ея при Павлѣ, тогда еще великнзѣ, былъ Плещеевъ, человекъ умный и интересный во многихъ отношеніяхъ, который подъ личиною искренняго благочестія, былъ, въ глубинѣ души, мартинистомъ. По воцареніи имп. Павла, секта заявила о своемъ возобновленіи гоненіемъ, которое возбуждено было ею противъ Прозоровскаго. Плещеевъ тотчасъ же вызвалъ изъ Москвы Лопухина, намѣреваясь провести его въ статсъ-секретари, и еще одного приходскаго священника, хорошаго проповѣдника и тоже мартиниста, чтобы сдѣлать его духовникомъ государя. Но это не удалось; Павелъ охладѣлъ къ сектѣ и, повидимому, не обращалъ на нее вниманія; но, допустивъ ея существованіе, онъ далъ ей время, въ продолженіе его царствованія, распространиться и расширить свои вѣтви. При воцареніи Александра I-го, въ 1801 г., секта начала дѣлаться весьма внушительною, пользуясь покровительствомъ нѣкоего Кошелева—человѣка упрямаго, ограниченнаго, тщеславнаго, достигшаго преклонныхъ лѣтъ и мучимаго честолюбивою мечтою: быть при жизни своей государственнымъ человекѣмъ, а послѣ смерти маленькимъ святымъ. Опъ совершенно овладѣлъ умомъ одного кн. Голицына, человекѣка свѣтскаго, весельчака и шутника; а когда послѣдній сдѣлался министромъ духовныхъ дѣлъ и вароднаго просвѣщенія, то мартинизмъ, опираясь на этихъ двухъ апостоловъ, открыто поднялъ голову и, подъ рукою, сталъ преслѣдовать всѣхъ тѣхъ, которые глядѣли на это духовное общество, какъ на оперную труппу (sic) и на толпу одураченныхъ людей. Въ числѣ членовъ своихъ, въ Москвѣ, она имѣла нѣсколькихъ сенаторовъ; но самыми дѣятельными и вліятельными (между ними) были: г. Ключаревъ и г. (?)—Первый изъ нихъ, человекъ низкаго происхожденія, разъ уже исключенный изъ службы за воровство, сумѣлъ дойти до

мѣста московскаго почтъ-директора и состоялъ на очень хорошемъ счету у государя. Это былъ человѣкъ умный, но безъ всякихъ нравственныхъ правилъ, тщеславный, грубый и корыстолюбивый. Подчиненные смертельно его ненавидѣли.

При самомъ началѣ войны, меня увѣдомили о прокламаціи Наполеона, которая ходила по рукамъ въ Москвѣ и была написана по русски. Черезъ 24 часа добрались до источника и открыли, что авторомъ этой бумаги былъ сынъ одного довольно зажиточнаго купца В. (Верещагина). Его арестовали, но онъ никогда не хотѣлъ сознаться, отъ кого получилъ этотъ манускриптъ, который не могъ быть сочиненъ имъ. Онъ говорилъ, что перевелъ его изъ одной польской газеты, а самъ не зналъ польскаго языка. Я приказалъ свести его, при сопровожденіи одного изъ полиціймейстеровъ, въ почтовую контору, чтобы видѣть, какое впечатлѣніе произведено будетъ тамъ появленіемъ этого молодого человѣка. Къ великому удивленію полиціймейстера, г. Ключаревъ увелъ юношу въ свой кабинетъ и, выйдя оттуда черезъ четверть часа, весьма расхваливалъ его, признавая за нимъ большую легкость въ письменномъ изложеніи и, въ доказательство сего, просилъ полиціймейстера передать мнѣ (исписанную) бумагу, увѣряя что это сочиненіе, импровизированное Верещагинымъ на заданную имъ (Ключаревымъ) тему. Тема эта была: торжество Россіи. Когда полиція отправилась въ домъ Верещагина отца, чтобы забрать бумаги сына, то послѣдній, при выходѣ оттуда, приблизился къ своей мачихѣ и сказалъ ей (что-то) на ухо. Женщина эта, допрошенная оберъ-полиціймейстеромъ, объявила, что молодой Верещагинъ сказалъ ей, чтобы она на его счетъ не беспокоилась, такъ какъ г. Ключаревъ беретъ его подъ свое покровительство. Изъ бумагъ же его открылось, что онъ былъ воспитанъ какимъ то силезскимъ уроженцемъ, придерживавшимся мистицизма. По прошествіи нѣкотораго времени, мнѣ принесли нѣсколько листовъ, которые были разсылаемы по почтѣ во всѣ города, находящіеся на большой дорогѣ. Манера ихъ изложенія вовсе не соответствовала видамъ правительства. Ополченіе называлось (въ нихъ) насильственною рекрутчиною; Москва выставилась унылою и впавшею въ отчаяніе; говорилось, что сопротивляться непріятелю есть безразсудство, потому что при геніальности Наполеона и при силахъ,

какія онъ велъ за собою, нужно божественное чудо для того, чтобы восторжествовать надъ нимъ, а что всякія человѣческія попытки будутъ бесполезны. Открылось; что листки эти были продиктованы довѣреннымъ секретаремъ Ключарева, котораго я немедленно отослалъ въ Петербургъ къ министру полиціи. За самимъ Ключаревымъ я учредилъ надзоръ и воспретилъ ему имѣть у себя собранія; но такъ какъ онъ вздумалъ бравировать меня и не слушаться, то я, однажды вечеромъ, приѣхалъ къ нему и, опечатавъ бумаги, самого его отправилъ, съ полицейскимъ офицеромъ, въ Воронежъ, за 500 верстъ отъ Москвы, подъ надзоръ (полиціи).

Другой глава мартинистовъ, г. (?) тоже имѣлъ у себя собранія въ опредѣленные дни; но онъ былъ покоряѣе Ключарева и заперъ свои двери (для гостей). Къ счастью, вопреки множества прозелитовъ, которыхъ онъ имѣлъ даже между купечествомъ,—слухи, распускаемые имъ, не имѣли тѣхъ результатовъ, на какіе онъ льстился. Общество было слишкомъ занято, слишкомъ озабочено для того, чтобы хоть на одну минуту увлекаться легковѣріемъ и обманами, такъ что всякій слухъ, который пытались распространить, встрѣчался съ недовѣріемъ. Самымъ ядовитымъ (изъ этихъ слуховъ) былъ, будто Наполеонъ есть сынъ императрицы Екатерины, котораго она приказала воспитывать въ чужихъ краяхъ, и будто на одрѣ своей смерти она потребовала отъ имп. Павла клятвы, что онъ уступитъ половину Россійской имперіи своему брату Наполеону, если тотъ когданибудь придетъ туда.

Дворянству пришлось собраться еще въ другой разъ, для выбора начальника московскаго ополченія. Наибольшее число голосовъ получилъ ген. Кутузовъ, который, уступивъ начальство надъ Дунайскою арміею адмиралу Чичагову, долженъ былъ отправиться въ Петербургъ. Послѣ него, честь выбора оказали мнѣ, хотя и совершенно напрасно, такъ какъ, будучи ген.-губернаторомъ московскимъ, я не могъ отлучаться изъ города. Третьимъ былъ отставной ген.-лейтенантъ гр. Морковъ, проживавшій въ своихъ подольскихъ помѣстьяхъ. Его выборъ и былъ утвержденъ государемъ. Къ нему послали курьера съ приглашеніемъ явиться.

Въ собраніи этомъ произошла вещь довольно забавная. Ген.

Апраксинъ, который никогда не можетъ оставаться покойнымъ и убѣдиться въ томъ, что никто его не желаетъ, помѣстилъ себя въ списокъ для выбора въ начальники московскаго ополченія; но не смотря на всѣ интриги, на всѣ хлопоты, получилъ при баллотировкѣ 490 голосами всего 13 бѣлыхъ шаровъ. Передъ отъѣздомъ изъ Москвы, государь поручилъ ген.-лейтенанту гр. Толстому (тому самому, который выказалъ столько благородства и твердости во время своего посольства въ Парижъ, къ Наполеону) формировать ополченіе въ приволжскихъ губерніяхъ. Онъ долженъ былъ отправиться въ Нижній-Новгородъ и повести тамъ дѣло такъ же, какъ въ Москвѣ, съ тою разницею, что уже напередъ было опредѣлено количество людей, которое каждая губернія должна была поставить, соотвѣтственно своему населенію. Это самое ополченіе отправилось къ арміи въ 1813 г. и участвовало въ блокадѣ Данцига и осадѣ Гамбурга.

День отъѣзда государя весь прошелъ у меня въ занятіяхъ. Я пришелъ проститься съ нимъ около полуночи и онъ предложилъ мнѣ стать во главѣ ополченія шести, пограничныхъ съ Московскою, губерній. Я просилъ избавить меня отъ этого, и онъ, повидимому, на то согласился. Я испрашивалъ у него повелѣній и инструкцій относительно того, что долженъ дѣлать при такихъ или иныхъ обстоятельствахъ, но не получалъ другаго отвѣта, кромѣ слѣдующаго: «Предоставляю вамъ полное право дѣлать то, что сочтете нужнымъ. Кто можетъ предвидѣть событія? и я совершенно полагаюсь на васъ».— Онъ сообщилъ мнѣ только, что оставилъ генер.-адъютанта Кутузова при арміи, чтобы тотъ, въ случаѣ потеряннаго сраженія, пріѣхалъ донести ему объ этомъ. Онъ не захотѣлъ, чтобы я проводилъ его до заставы, сѣлъ въ свою коляску и уѣхалъ, оставивъ меня полномостнымъ и облеченнымъ его довѣріемъ, но въ самомъ критическомъ положеніи, какъ покинутаго на произволъ судьбы импровизатора, которому поставили темой: Наполеонъ и Москва.

* * *

На другой день послѣ отъѣзда государя, я занимался разсылкою орденовъ и объявленіемъ (разныхъ) милостей, которыя его величество даровалъ, по моему ходатайству. Когда министръ полиціи представлялъ составленный мною наградный списокъ, то предложилъ государю дать мнѣ орденъ св. Владиміра 1-й ст.;

на это государь сообщилъ ему о нашемъ петербургскомъ условіи, т. е. чтобы меня лично ничѣмъ не награждать; но для придачи мнѣ большей власти, я былъ наименованъ «главнокомандующимъ» въ городѣ Москвѣ и его губерніи, — титулъ, которымъ пользовался лишь генераль, начальствующій арміею.

Въ тотъ же день я помѣстилъ оба комитета въ ген.-губернаторскомъ домѣ, и хотя первый изъ нихъ сдѣлался совершенно бесполезнымъ послѣ предложенія дворянства дать десятого чловѣка, однако государь повелѣлъ мнѣ предоставить назначеннымъ имъ лицамъ собираться въ засѣданіе. Они ничѣмъ не занимались, а только спорили и противорѣчили ген. Апраксину, который безпрестанно хотѣлъ вмѣшиваться въ дѣла, его не касающіяся, предлагалъ мѣры, которыхъ не принимали, и рассылалъ приказанія, которымъ не повиновались.

Чтобы свободно располагать послѣобѣденнымъ временемъ, а каждое утро, въ 8 ч., пріѣзжалъ въ генераль-губернаторскій домъ. Тамъ былъ мой рабочій кабинетъ, гдѣ я принималъ донесенія, просьбы и тѣхъ лицъ, которымъ нужно было говорить со мною. Это было удобнѣе для всѣхъ, такъ какъ помянутый домъ находится въ центрѣ города. Съ іюля до 29-го августа не было ни одного утра, чтобы я не пріѣзжалъ туда. Оставался я тамъ до 2-хъ часовъ пополудни, и возвращался къ себѣ на дачу къ обѣду, послѣ котораго все время посвящалъ занятіямъ. Около 7-ми час. я оставлялъ домъ, чтобы объѣздить нѣкоторые городскіе кварталы. Часто прогуливался я въ кремль, куда присутствіе мое привлекало многихъ лицъ изъ купечества и простаго народа, съ которыми я разговаривалъ запросто, сообщая имъ какія нибудь добрыя вѣсти, которыя они потомъ шли распространять по городу. Однако, надо было быть весьма осторожнымъ съ этими людьми, потому что никто не обладаетъ болѣшимъ запасомъ здраваго смысла, какъ русскій чловѣкъ, и они часто дѣлали такіе замѣчанія и вопросы, которые затруднили бы и дипломата, наиболѣе искусившагося въ словопреніяхъ.

Вечера я проводилъ всегда у кн. Хованскаго, который принималъ у себя много народа; тамъ происходилъ обмѣнъ новостей, сопровождаемый долгими разсужденіями о военныхъ дѣйствіяхъ, о движеніяхъ армій, ихъ успѣхахъ и т. п. Я возвращался къ

себѣ домой около полуночи и, прежде чѣмъ лечь, писалъ и посылалъ по эстафетѣ донесенія государю.

Утреннія собранія въ генераль-губернаторскомъ домѣ представляли зрѣлище очень любопытное: тутъ сходились лица всѣхъ возрастовъ и чиновъ, всѣ люди праздные и привлекаемые любопытствомъ, узнать что-либо положительное; то было подобіе биржи, почтовой конторы, морского порта; для всѣхъ этихъ любопытствующихъ я былъ предметомъ общаго наблюденія, и когда я появлялся послѣ прибытія курьера, то всѣ глаза устремлялись на меня, стараясь прочесть на лицѣ моемъ, какого рода извѣстіе мною получено. (Съ наблюденій этихъ) часто возвращались, находя, что выраженіе мое было веселымъ и спокойнымъ, а между тѣмъ у меня была смертельная скорбь на душѣ. Большая часть этихъ случайныхъ Лафатеровъ не знала, что я былъ очень силенъ по части пантомимы и въ молодости своей отличался актерскимъ искусствомъ.

Усердіемъ и любовью къ родинѣ внушены были весьма благородныя и возвышенныя намѣренія четыремъ лицамъ: молодые графы Мамоновъ и Салтыковъ, обладатели большихъ имѣній, предложили сформировать на свой счетъ по одному конному полку, которыхъ начальниками назначены были они сами. Немедленно приступили они въ дѣлу и израсходовали суммы громадныя для частнаго человѣка. Кн. Николай Гагаринъ и г. Демидовъ взяли на себя расходы, каждый отдѣльно, по обмундированію одной дружины московскаго ополченія. Такъ какъ всѣ молодые люди гражданскаго вѣдомства хотѣли служить въ арміи, то присутственныя мѣста запустили и сенатъ остался безъ прокуроровъ.

На другой день по отъѣздѣ государя изъ Москвы, пришли вечеромъ извѣстить меня о прибытіи изъ Смоленска ген.-адъютанта Кутузова. Это былъ тотъ самый, о которомъ государь сообщилъ мнѣ, что онъ долженъ привезти извѣстіе въ случаѣ пораженія нашей арміи. Какъ ни увѣрялъ онъ меня, что сраженія не было, что Наполеонъ находился въ Минскѣ, а наши войска въ Смоленскѣ,—я настаивалъ на томъ, чтобы онъ сознался въ проигранномъ сраженіи, и передалъ ему то, что государь (мнѣ) на счетъ его говорилъ. Наконецъ, удостовѣренный его честнымъ словомъ, я далъ ему уѣхать, проведя съ нимъ цѣлый часъ

въ сомнѣніяхъ и тревогахъ. Потому уже я узналъ, что Кутузову было поручено многими выдающимися генералами просить государя о замѣнѣ Барклая кн. Багратиономъ, по причинѣ несогласій, господствовавшихъ между ними, и недостатка дѣятельности въ нашей арміи. Источникъ этихъ ссоръ заключался въ томъ, что кн. Багратионъ былъ старше Барклая въ чинѣ, но послѣдній опирался на свое званіе военнаго министра и тотчасъ же, послѣ соединенія его арміи съ арміею кн. Багратиона, взялъ надъ нею начальство. Такъ какъ оба они очень дорожили мнѣніемъ Москвы, то часто писали мнѣ письма, полныя жалобъ другъ на друга. Но Барклай, будучи болѣе благоразумнымъ, сохранялъ и болѣе достоинства; между тѣмъ какъ кн. Багратионъ говорилъ глупости о своемъ товарищѣ и хотѣлъ выставить его то человѣкомъ бездарнымъ, то измѣнникомъ. Барклай былъ человѣкъ благородный, но осмотрительный и методичный; онъ сдѣлалъ карьеру, благодаря своимъ личнымъ достоинствамъ, всегда служилъ отлично, былъ покрытъ ранами. Забота его состояла лишь въ томъ, чтобы сохранить армію, вести свое отступление въ полномъ порядкѣ. Храбрости онъ былъ испытанной и часто изумлялъ своимъ хладнокровіемъ (въ опасности). Багратионъ же, одаренный многими качествами, присущими хорошему генералу, былъ слишкомъ необразованъ для того, чтобы имѣть главное начальство надъ арміею. Онъ очень тщеславился тѣмъ, что былъ ученикомъ и любимцемъ великаго Суворова. Онъ все хотѣлъ сражаться, потому что Барклай избѣгалъ сраженія, и если бы онъ командовалъ арміею, то подвергъ бы ее опасности, а можетъ быть, и погубилъ, упорствуя въ оборонѣ Смоленска.

Во время занятій, не оставлявшихъ мнѣ ни минуты покоя, злая судьба моя привела въ Москву г-жу Сталь. Надо было видаться съ нею, приглашать ее къ обѣду и успокоивать насколько возможно. Она прибыла изъ Швейцаріи и проѣзжала черезъ Россію, чтобы укрыться въ Швеціи, у наслѣднаго принца (Бернадота), который, по ея словамъ, былъ ей близкимъ другомъ. Въ Москвѣ она остановилась на недѣлю, по случаю болѣзни ея сына. Спутниками ея были: ея корректоръ, ученый Шлегель, и нѣкій г. Ру, котораго она выдавала и мнѣ представила подъ именемъ барона Лефора, думая, можетъ быть, придать ему болѣе важности. Этотъ Ру—длинный, истощенный и страдающій одыш-

кою господинъ—захворалъ, увлекшись русскимъ напиткомъ, называемымъ кислые щи. Г-жа Сталь все жаловалась и страшно боялась, какъ бы Наполеонъ, занятый единственно ея преслѣдованіемъ и бѣсясь на то, что она ушла, не послалъ бы отряда кавалеріи, чтобы похитить ее изъ Москвы. Чтобы болѣе убѣдить меня въ томъ, она всегда прибавляла: «Вы не знаете этого человѣка, онъ на все способенъ!» Такъ какъ въ то время, когда она опасалась быть похищеною по призыву Наполеона, послѣдній находился еще на разстояніи 800 верстъ (200 лье) отъ Москвы, то я и не принималъ никакихъ мѣръ для воспрепятствованія этому похищенію.

Государь, остановясь на нѣсколько часовъ въ Твери, у сестры своей, великой княгини Екатерины, повелѣлъ написать приказъ, которымъ ставилъ меня во главѣ организациі ополченій въ 6-ти губерніяхъ. Тверская и Ярославская должны были выставить по 12,000, а Владимірская, Рязанская, Калужская и Тульская по 15,000, что составляло 84,000 чел., а съ московскимъ ополченіемъ 116,000. Приказъ этотъ еще подбавилъ мнѣ работы. Я отправилъ курьеровъ къ гражданскимъ губернаторамъ названныхъ губерній, съ указаніями правилъ, которыхъ они должны были придерживаться. Я назначилъ сборные пункты и въ 24 дня ополченіе это было собрано, раздѣлено по дружинамъ и одѣто; но такъ какъ недостаточно было ружей, то ихъ (ополченцевъ) вооружили пиками—безполезными и безвредными. Еслибъ осуществили мою мысль, заявленную въ 1811 г., то имѣли бы 640,000 чел. (взявъ одного человѣка изъ 25-ти), было бы время для ихъ распредѣленія, формировація, а также для того, чтобы обучать ихъ во время переходовъ на указанные пункты; они были бы прилично и удобно одѣты; слѣдовало бы взять всѣ ружья изъ арсеналовъ и усилить дѣятельность (оружейныхъ) заводовъ; въ пушкахъ и порохѣ не было бы недостатка. Ихъ (ополченцевъ) раздѣлили бы на нѣсколько корпусовъ, немедленно двинули бы въ походъ; изъ самыхъ отдаленныхъ губерній они въ 6 мѣсяцевъ пришли бы на границу, гдѣ слѣдовало бы быть театру войны. Предполагая, что четвертая часть ихъ осталась бы позади и не оказалась на лицо, все-таки было-бы полъ-милліона отличныхъ солдатъ для подрѣпленія арміи, въ которой считалось около 300,000 бойцовъ. Повсюду имѣлись бы резервы и

непріятелю можно бы было противопоставить двойное, относительно его, число сражающихся. А такъ какъ война эта сводилась (главнымъ образомъ) къ истребленію людей, то кто въ сраженіи имѣлъ бы ихъ большее число, тотъ и одержалъ бы побѣду, и я не знаю, рѣшился ли бы Наполеонъ, свѣдавъ объ этомъ, предпринять походъ въ Россію. Европа была бы спокойнѣе, а онъ остался бы императоромъ въ Тюльери. Около этого времени прибылъ ко мнѣ французскій бригадный генералъ Сень-Женъ (St. Geniest), взятый въ плѣнъ въ какомъ-то дѣлѣ, происходившемъ послѣ занятія Вильны. Это былъ красивый и очень сдержанный человекъ. Онъ обѣдалъ у меня, а занималъ маленькую квартиру, гдѣ и оставался до вступленія непріятеля.

Москва была спокойна, пока наши арміи, соединившіяся подъ Смоленскомъ, пребывали въ бездѣйствіи; (обыватели) льстили себя надеждою, что кампанія окончена. Городъ, между тѣмъ, наполнялся эмигрантами и бѣглецами изъ Бѣлорусскихъ провинцій, покидавшими свои помѣстья, въ виду приближенія непріятеля и стремившимися въ столицу, которую считали мѣстомъ, обезпеченнымъ отъ опасности. Они рассказывали о злодѣйствахъ и святотатствахъ, совершаемыхъ наполеоновскими солдатами. Одинъ изъ ихъ отрядовъ прибылъ въ какую-то деревню и засталъ тамъ помѣщика съ его семействомъ. Солдаты эти предалися всякаго рода насиліямъ и не пощадили ни дочери, ни племянницы владѣльца. Первая, вслѣдствіе этого умерла, на другой день, а вторую, при смерти, привезли въ Москву. Одновременно съ распространеніемъ этого извѣстія, узнали, что кавалерія непріятельская обращаетъ церкви въ конюшни. Я поторопился, какъ можно скорѣе, обнародовать оба эти извѣстія. Первое изъ нихъ доказало дворянству, что плохо было бы ожидать прибытія противника, и приготовило всѣхъ къ мысли объ отъѣздѣ, который и былъ единодушно рѣшенъ во всѣхъ семействахъ. Второе извѣстіе относительно оскверненія церковей возбудило чувство мести и гнѣва въ узнавшемъ о томъ народѣ и было первою причиною умерщвленія солдатъ крестьянами.

Главнoкомандующій адресовался ко мнѣ, чтобы получать отъ Москвы множество разныхъ предметовъ, нужныхъ для арміи. Онъ испрашивалъ, между прочимъ, большое количество хлѣбнаго вина, и такъ какъ губернскіе магазины были наполнены запа-

сами онаго, то я организовалъ транспорты, отправлявшеся каждыя три дня на наемныхъ подводахъ. Эти транспортировки продолжались до половины августа, когда подрядчики отказались продолжать оныя, вслѣдствіе необезпеченнаго своего положенія среди войскъ, которыя забирали ихъ лошадей. Впрочемъ, при отступленіи отъ Смоленска, армія проходила черезъ многіе мелкіе города, оставляемые во власти непріятеля, какъ напр. Дорогобужь, Вязьма, Гжатскъ, Можайскъ, гдѣ находились значительныя склады водки, которая и забиралась съ собою.

* * *

Время отъ времени, полиція забирала кой-какихъ появлявшихся болтуновъ, но такъ какъ я не желалъ оглашать подобныя исторіи, то вмѣсто того, чтобы предавать суду этихъ людей, которые сами по себѣ не имѣли значенія, я отсылалъ ихъ въ домъ умалишенныхъ, гдѣ ихъ подвергали послѣдовательному лѣченію, т. е. всякій день дѣлали имъ холодныя души, а по субботамъ заставляли глотать микстуру. При вступленіи непріятеля въ Москву, тамъ находилось изъ такого сорта лицъ— 3 женщины и 10 чел. мужчинъ.

Страхъ, подозрительность къ иностранцамъ и похвальное усердіе обращали cadaго челоуѣка въ правительственнаго агента. Такъ какъ опасались шпионства и могли обвинять въ немъ иностранцевъ, то я приказалъ объявить, чтобы тѣхъ лицъ, которыя по какимъ либо примѣтамъ были заподозрѣваемы и забираемы, приводили ко мнѣ для допроса. Скоро мнѣ пришлось поздравить самого себя съ принятіемъ этой мѣры, потому что каждый день стали приводить ко мнѣ людей, вовсе не занимавшихся шпионствомъ. Я вразумлялъ народную толпу, ихъ приводившую; ошибка выяснялась и тогда заподозрѣнное лицо тотчасъ же отпускалось на свободу. Однажды ко мнѣ привели русскаго поваренка, заика и дурачка; такъ какъ онъ не могъ довольно быстро отвѣтить на вопросъ, изъ какой онъ земли, то его и забрали. Въ другой разъ, мой сапожникъ-нѣмецъ, узнавшій между арестантами нѣкоторыхъ своихъ земляковъ, купилъ имъ бѣлаго хлѣба и вслѣдствіе сего былъ приведенъ предъ мое судилище. Но народъ самъ никого не истязалъ. Къ захвату этихъ мнимыхъ шпионовъ поощрилъ (между прочимъ) слѣдующій случай: одинъ нѣмецкій лекарь вздумалъ проповѣдывать прислугѣ того дома, гдѣ онъ

жилъ, и рисовалъ ей картину счастья, какимъ бы она пользовалась подъ властью Наполеона. Одинъ изъ этихъ людей призвалъ на помощь другихъ, и всѣ они донесли на помянутаго народнаго оратора. Я вызвалъ служителя, вѣрнаго своей присягѣ, и при всѣхъ вручилъ ему награду въ 1,000 рублей, лекаръ же былъ посаженъ въ тюрьму.

(Другой случай): я взялъ къ себѣ вторично француза-повара, который былъ у меня въ услуженіи въ Петербургѣ. Ученики его, работавшіе съ нимъ, донесли, что онъ сманиваетъ ихъ къ Наполеону. Я поручилъ двумъ полиціймейстерамъ удостовѣриться въ истинѣ этихъ показаній, и такъ какъ поваръ оказался сильно увлекающимся въ пользу непріятеля, то я приказалъ арестовать его, предать въ руки правосудія и сослать въ Пермь.

Но пока въ Москвѣ усматривали шпионовъ тамъ, гдѣ ихъ не было, въ главной квартирѣ открыта была измѣна; но измѣнника не нашли. Когда генер. Барклай произвелъ наступательное движеніе отъ Смоленска, одинъ изъ (нашихъ) конныхъ отрядовъ захватилъ коляску генер. Монбрѣна, и въ бумагахъ его найдена была записка, сообщавшая ему о планѣ атаки, которую Барклай намѣревался произвести. Подозрѣнія пали на находившихся въ нашей службѣ польскихъ офицеровъ, которые, будучи адъютантами государя, слѣдовали при нашей главной квартирѣ. За разслѣдованіе взялись неумѣло и не открыли ничего; но съ этой минуты, Барклай усвоилъ себѣ обычай отсылать въ Москву тѣхъ лицъ изъ арміи, которые казались ему подозрительными. Первымъ прибылъ полковникъ Влодекъ. Я принялъ его хорошо, часто съ нимъ видѣлся и никогда не считалъ его способнымъ на измѣну. Вторымъ былъ баронъ Левенштернъ, который полагалъ, что присланъ (въ Москву) курьеромъ, и даже выражалъ нетерпѣніе при его долгой неотсылкѣ назадъ, въ армію; но когда я показалъ ему письмо Барклая, въ которомъ тотъ просилъ задержать означеннаго офицера въ Москвѣ, потому что его заподозрили въ посѣщеніи ночью французскихъ аванпостовъ, то онъ (Левенштернъ) поблагодарилъ меня за то, что я такъ деликатно съ нимъ поступилъ, но сообщилъ мнѣ, что теперь пустить себѣ пулю въ лобъ, не будучи въ состояніи пережить столь позорящаго подозрѣнія. Я объявилъ ему, что онъ властенъ лишить себя жизни, но что самоубійствомъ этимъ только

подтвердить подозрѣніе, вмѣсто того, чтобы его уничтожить. Онъ былъ пораженъ моимъ разсужденіемъ, успокоился и я, на свой страхъ, отослалъ его обратно въ армію. Въ бородинской битвѣ онъ дрался отчаянно и былъ раненъ двумя пулями.

Согласно желанію ген. Барклая, я имѣлъ въ главной квартирѣ одного чиновника, доставлявшаго мнѣ извѣстія о томъ, что тамъ происходило. 8-го августа, въ 6 час. утра, я былъ разбуженъ курьеромъ, привезшимъ мнѣ извѣстіе о взятіи Смоленска, со всеми подробностями (дѣла). Не теряя ни минуты, я разослалъ четырехъ курьеровъ. Одного къ ген. Милорадовичу, находившемуся въ Калугѣ, гдѣ былъ сборный пунктъ 24-хъ тысячнаго корпуса, сформированнаго имъ въ Малороссіи. Онъ имѣлъ приказаніе идти съ этимъ корпусомъ къ Смоленску. Я ему совѣтовалъ выступить безотлагательно, съ тѣмъ числомъ войскъ, какое имѣлось подъ рукою, и двинуться на Вязьму. Прочіе курьеры, съ подобнымъ же предложеніемъ, посланы были: 1) къ генералу, командовавшему резервною артиллеріею, расположенною по квартирамъ въ разныхъ городахъ Московской и Тульской губерній, 2) къ кн. Лобанову, сформировавшему 16-ти-тысячный пѣхотный корпусъ, во Владимірѣ, и 3) къ генералу, который тоже сформировалъ два полка въ Клину. Последніе должны были сблизиться къ Москвѣ, слѣдуя по большой петербургской дорогѣ.

По отъѣздѣ всѣхъ курьеровъ, надо было изготавить мой бюллетень и объявить о взятіи Смоленска, который, въ общественномъ мнѣніи, возведенъ былъ въ оплотъ Москвы. Я (въ объявленіи своемъ) превозносилъ до небесъ героизмъ одного корпуса (по моимъ словамъ)—который защищалъ Смоленскъ въ продолженіе 3-хъ дней и который перешелъ за Днѣпръ лишь для того, чтобы присоединиться къ главной арміи и снова остановить врага. Я воспользовался словами бюллетеня Наполеона, гдѣ говорилось, что его потери въ людяхъ были неисчислимы. — Когда, въ часъ завтрака, я спустился внизъ, къ моей женѣ, она спросила что со мною? — и когда я объявилъ ей о взятіи Смоленска, то увидѣлъ какъ губы ея затряслись и конвульсивное движеніе пробѣжало по ея чертамъ. Я пробовалъ ее утѣшить, не зная, что произвело въ ней такое потрясеніе,—потому что потеря Смоленска ее не удивила. На силу произноса слова,

она спросила у меня: „а Сергѣй? — онъ, значить, убить?“ Она спрашивала о сынѣ, а я не имѣлъ возможности прекратить ее опасеній, потому что и самъ ничего не зналъ о судьбѣ нашего сына (служившаго адъютантомъ при Барклаѣ). Къ счастью, оказалось, что курьеръ, котораго я къ себѣ призвалъ, видѣлъ его и предупредилъ, что онъ будетъ писать при первой оказіи. Безпокойство наше прекратилось; но я былъ такъ озабоченъ съ 6-ти часовъ до 10-ти, что мысли мои не слѣдили за моимъ единственнымъ сыномъ. Я думалъ лишь о спасеніи Россіи и о гибели ее врага. Въ этого мнѣ все казалось почти безразличнымъ.

* * *

Сѣвъ въ карету, я отправился въ ген. губернаторскій домъ, и дорогою старался придать лицу своему подобающее выраженіе и обдумывалъ, что надо будетъ говорить. Около полудня, залы (дома) наполнились народомъ, и тутъ, впервые, безпокойство уступило мѣсто страху, который былъ написанъ на всѣхъ физиономіяхъ. Какъ ни старался я исчислять подтвержденія, которыя двинулись впередъ и которыя черезъ недѣлю сдѣлаютъ армию нашу многочисленнѣе непріятельской, — доводы эти мало успокаивали, а чувства обезпеченности вселяли еще меньше. Самъ я, до слѣдующаго утра, мучился лишь одною мыслью, — что Наполеонъ остановится въ Смоленскѣ до слѣдующей весны; а не надо было имѣть много прозорливости, чтобы видѣть въ подобной мѣрѣ великія несчастія для Россіи. Но Наполеонъ не остановился и сдѣлалъ первый шагъ къ своей гибели.

Безпокойство мое прекратилось на слѣдующій день, когда я получилъ извѣстіе о дѣлѣ при Заболотьѣ, которое французы называли: при Валутинѣ. Въ этотъ же день прибыли въ Москву изъ арміи первые раненые и больные: то были пострадавшіе во время дѣла около Витебска и при отступленіи къ Смоленску. Все было приготовлено для ихъ приема, и я отвелъ подъ госпиталь Головинскій дворецъ, обращенный, при Павлѣ, въ казармы. За офицерами былъ особый уходъ. Я организовалъ отдѣльный корпусъ врачей и фельдшеровъ, подъ управленіемъ г. Лодера, и рѣдко проходилъ день, чтобы я не посѣщалъ больныхъ. Поправлялись они быстро, благодаря спокойствію и хорошей пищѣ. Позднѣе, пришлось учредить особый надзоръ затѣмъ, чтобы имъ не давали кушанья нездороваго, или въ слишкомъ большомъ ко-

личествѣ. Купцы, при этомъ случаѣ, слѣдовали принципамъ чловѣколюбія и обращались по братски со своими военными земляками. Часто не знали что и дѣлать съ припасами, приносимыми каждое утро: тутъ была и говядина, и баранина, и телятина, повозки съ бѣлымъ хлѣбомъ и настойками. Помѣщенія больныхъ и раненыхъ офицеровъ были наполнены сахаромъ, чаемъ, кофе, табакомъ для куренья, — такъ что они не знали что со всѣмъ этимъ дѣлать и посылали излишекъ солдатамъ. Городскія дамы присылали ящики, полные коршіи. Многія семейства приняли на свое попеченіе раненыхъ офицеровъ, помѣстили ихъ у себя и ухаживали за ними съ самымъ нѣжнымъ вниманіемъ. Вновь ожившее московское гостепріимство вступило въ свои права, и великодушіе находило свою награду въ благодарности тѣхъ, которые имъ пользовались.

Послѣ взятія Смоленска разладъ между обоими главнокомандующими еще усилился. Багратионъ писалъ мнѣ письмо, съ жалобами на Барклая, увѣряя меня, что въ томъ-то и въ томъ-то случаѣ онъ (Барклай) помѣшалъ ему побить Наполеона и что, постоянно отступая передъ Наполеономъ, онъ приведетъ его въ Москву—чего, по словамъ Багратиона, никогда бы не случилось, если бы онъ начальствовалъ арміею. Барклай, съ каждаго мѣста, гдѣ онъ останавливался (хотя) на сутки, писалъ мнѣ, что рѣшилъ дать сраженіе; а на другой день я узнавалъ, что онъ сдѣлалъ еще переходъ къ сторонѣ Москвы. Не знаю, чѣмъ кончилась бы эта вражда Багратиона съ Барклаемъ, если бы они не получили извѣстія о назначеніи ген. Кутузова главнокомандующимъ всѣхъ армій, т. е. Барклая, Багратиона, Чичагова и Торماسова. Въ приказѣ о томъ было сказано, что это дѣлалось для того, чтобы подчинить арміи старѣйшему и опытнѣйшему генералу и чтобы положить конецъ недостатку согласія между (разными) предводителями. Тѣ же слова сказаны были въ собственноручномъ письмѣ государя, доставленномъ мнѣ съ курьеромъ. Барклай — образецъ субординаціи — молча перенесъ уничтоженіе, скрылъ свою скорбь и продолжалъ служить съ прежнимъ усердіемъ, Багратионъ, напротивъ того, вышелъ изъ всякихъ мѣръ приличія и, сообщая мнѣ письмомъ о прибытіи Кутузова, называлъ его мошенникомъ, способнымъ измѣнить за деньги.

Межеу тѣмъ, новый Фабій уже былъ на пути (къ арміи) и Москва, по этому случаю, дала (новое) доказательство недостатка въ благоразуміи. При вѣсти о его назначеніи, всѣ опынѣли отъ радости, цѣловались, поздравляли другъ друга; мужчины, женщины—всѣ были въ восхищеніи. Можно было подумать, что одно присутствіе Кутузова обратить въ бѣгство армію Наполеона или поразить ее, какъ появленіе головы Медузы.

Государь хорошо зналъ ген. Кутузова. По возвращеніи изъ Або въ Петербургъ, онъ нашелъ его тамъ, и цѣлыхъ десять дней не принималъ его къ себѣ, однако наименовалъ его княземъ, съ титуломъ слѣдѣйшаго, въ награду за миръ, заключенный съ Портою. Въ это же время московское общество, менѣе удивленное, нежели испуганное отступленіемъ нашихъ войскъ, и начавшее вѣрить въ возможность занятія Москвы непріателемъ, рѣшилось, для своего утѣшенія, обовзвать бѣднаго Барклая измѣнникомъ. Эти толки дошли до Петербурга, и государь—главнымъ образомъ для того, чтобы подчинить все одной власти и придать ей болѣе авторитета—назначилъ Кутузова; Москва же приписала это уваженію государя передъ общественнымъ мнѣніемъ.

Этотъ ген. Кутузовъ, тѣло котораго похоронено въ петербургской соборной церкви, которому полагается воздвигнуть памятникъ, котораго рискнули называть спасителемъ Россіи,—имѣлъ въ 1812 году 68 лѣтъ отъ роду. Въ турецкую войну, когда онъ былъ еще маіоромъ, (непріятельская) пуля пробила его черепъ, позади глазъ;—рана эта, названная безпримѣрною, потому что онъ вылѣчился и сохранилъ зрѣніе, сдѣлала его извѣстнымъ съ благопріятной стороны. Этотъ человекъ былъ большой красобай, постоянный дамскій угодникъ, дерзкій лгуиъ и низкопоклонникъ. Изъ-за фавора (выспихъ) онъ все переносилъ, всѣмъ жертвовалъ, никогда не жаловался и, благодаря интригамъ и ухаживанью, всегда добивался того, что его снова употребляли въ дѣло, въ ту самую минуту, когда онъ считался навсегда забытымъ.

Онъ прибылъ въ главную квартиру, въ деревню, называемую Царево-Займище, приказалъ стать войскамъ подъ ружье, проѣхалъ передъ ихъ строемъ, нѣсколько разъ повторялъ солдатамъ, что: „съ такими храбрыми воинами, каковы они, стыдно все

отступать передъ непріателемъ“; (потомъ) ушелъ къ себѣ и отдалъ приказаніе арміи идти къ Вязьмѣ, на 7 лье назадъ.

Тогда самые усердствовавшіе увидѣли, что Суворовъ цѣликомъ ушелъ въ могилу.

По Москвѣ распространили слухъ, что во время осмотра войскъ, два орла постоянно парили надъ головою Кутузова, но когда оказалось, что онъ все приближается къ Москвѣ, подобно своему предмѣстнику, то выдумка объ орлахъ была отброшена и предвѣстіе побѣды обратилось въ ничто.

Я послалъ къ нему курьера, который, пріѣхавъ, отдалъ ему мое письмо, гдѣ я ничего лучшаго не нашелъ сказать, какъ то, что московскіе обыватели будутъ очень счастливы, если имъ представится возможность поднести ему лавровый вѣнецъ и титулъ ихъ избавителя. Я сообщилъ ему о положеніи, въ какомъ находится Москва, объ имѣющихся въ ней средствахъ, объ оружіи, находящемся въ арсеналѣ, и т. д.; къ донесенію этому я приложилъ 13 картъ губерніи Московской и каждаго ея уѣзда отдѣльно. Надъ картами этими я заставлялъ работать день и ночь, съ самаго начала войны, и работа была окончена.

Онъ отвѣчалъ мнѣ множествомъ комплиментовъ, просилъ (о присылкѣ) московскаго ополченія и продовольственныхъ припасовъ, такъ какъ армія терпѣла недостатокъ въ оныхъ, и говорилъ, что возлагая всю свою надежду на Бога, готовъ дѣлать то, что его честь, усердіе и любовь къ отчизнѣ предписываютъ на томъ высокомъ посту, куда его поставили.

* * *

Съ той минуты, какъ взятіе Смоленска сдѣлалось извѣстнымъ въ Москвѣ, многія лица рѣшились уѣхать оттуда; другіе же удовольствовались тѣмъ, что держали на готовѣ своихъ лошадей и экипажи. Благодаря заблаговременно принятымъ мѣрамъ и точному исполненію отданныхъ мною приказаній, я не взялъ ни одной лошади у частныхъ людей и не говорилъ кому бы то ни было, что надо уѣзжать; но я напустилъ не мало страха, давая понять, что опасно оставаться еще долѣе, и указывая на возможность такого стеченія обстоятельствъ и событій, которое заставитъ меня реквизировать для арміи всѣхъ лошадей, находящихся въ Москвѣ. Иностранцу покажется невѣроятнымъ, что 9 уѣздовъ Московской губерніи, которыхъ непріятель не занималъ,

доставили съ 15-го по 30-е августа 52 т. лошадей, съ такимъ же количествомъ подводъ, изъ которыхъ, конечно, и половина не возвратилась къ ихъ владѣльцамъ. Когда зажиточное населеніе стало выѣзжать черезъ заставы: ярославскую, владимірскую, рязанскую и тульскую, то безпокойство и волненіе взбударажили всѣ головы и наполнили ихъ химерами. На этотъ разъ волненіе было гораздо посильнѣе, чѣмъ въ 1807 г., когда безпокойство (жителей) выражалось подобнымъ же образомъ. Городъ наполнился слухами о чудесныхъ явленіяхъ и о голосахъ (слышанныхъ) на кладбищѣ, а также пророчествами, которыя пускали въ ходъ, сопоставляя нѣкоторыя выраженія или нѣкоторыя слова изъ священнаго писанія. Отыскивали въ Апокалипсисѣ пророчество о паденіи Наполеона и о томъ, что сѣверная страна, которую страна южная придетъ покорять, будетъ избавлена избранникомъ Божиимъ, имя коему Михаилъ. На утѣшеніе вѣрующимъ, и Барклай, и Кутузовъ, и Милорадовичъ были Михаилы. По этому поводу происходила и споры, такъ какъ народъ, за несостоятельностью Кутузова, желалъ видѣть избавителя въ великомъ князѣ Михаилѣ. Каждый день въ часы моего приема являлось нѣсколько человекъ съ библіями подъ мышкою; они съ таинственнымъ видомъ объясняли мнѣ разные тексты, подносили мнѣ молитвы собственнаго сочиненія, просили объ учрежденіи крестныхъ ходовъ, и архіерей совершилъ одинъ такой ходъ, — что занимало народъ въ теченіи цѣлыхъ сутокъ. Подозрѣнія относительно иностранцевъ внезапно обратились въ ненависть къ нимъ, и уже двукратно составлялся планъ истребить ихъ; но для осуществленія этого плана ничего не было сдѣлано, потому что иностранцы проживали по разнымъ частямъ города, а тѣ, которые злобствовали на нихъ, сдерживались полиціею, бывшею днемъ и ночью на ногахъ, а слѣдовательно и готовою разсѣять малѣйшія сборища. Иностранцы, особенно французы: комерсанты, артисты и другія лица, проживавшія въ Москвѣ, держали себя очень осторожно, такъ какъ я, съ самаго начала войны, далъ имъ предупрежденіе, черезъ посредство ихъ священниковъ, которымъ я, по этому предмету, разослалъ циркуляръ. Но рускій народъ всегда глядѣлъ на нихъ косо, вслѣдствіе преимуществъ, доставляемыхъ имъ званіемъ иностранца, и обвинялъ ихъ въ томъ, что они отнимаютъ у него барыши отъ торговли

и работы. Однажды утромъ, гражданскій губернаторъ Обрѣзковъ пришелъ ко мнѣ съ заявленіемъ, что имѣеть сообщить объ открытіи чрезвычайной важности, и при этомъ привелъ ко мнѣ своего русскаго портнаго, человѣка отличнаго поведенія, очень зажиточнаго и (уже) довольно стараго. Человѣкъ этотъ, послѣ нѣсколькихъ вопросовъ г. Обрѣзкова, пораженнаго, при свиданіи съ нимъ, его разстроеннымъ лицомъ, признался, что потерялъ сонъ и аппетитъ,—что многіе изъ рабочихъ такъ же больны, какъ и онъ, и что они хотятъ французской крови. Обрѣзковъ притворился одобряющимъ такое средство и заставилъ помянутаго человѣка такъ разболтаться, что тотъ открылъ ему, что имѣеть уже наготовѣ 300 чел. портныхъ, и что надѣется на другой день завербовать еще нѣсколько сотенъ добровольцевъ, чтобы ночью перебить всѣхъ французовъ, проживавшихъ на Кузнецкомъ мосту (улица, гдѣ находятся иностранные магазины). Этотъ портной и передо мною повторилъ то же признаніе и тѣ же подробности. Тогда я арестовалъ его, приставилъ къ нему полицейскаго офицера, который не долженъ былъ выпускать его на улицу, и объявилъ портному, что онъ будетъ въ отвѣтъ за всякое нарушеніе безопасности иностранцевъ; затѣмъ я послалъ фельдшера, который пустилъ ему кровь,—и онъ успокоился. Люди, завербованные этимъ портнымъ, видя своего предводителя въ заключеніи, уже не думали предпринимать этой ночной экспедиціи, которая кончилась бы страшною рѣзней и мятежомъ. Получивъ подобное доказательство тому, до какой степени народъ былъ взволнованъ, я—для того, чтобы успокоить его и усыпить его ярость—приказалъ полиціи представить мнѣ списокъ тѣхъ 40 чел. иностранцевъ, которые были замѣчены по своимъ (неумѣстнымъ) рѣчамъ и по дурному поведенію. Я приказалъ арестовать ихъ, и они, среди бѣлаго дня, были посажены на барку, отвезшую ихъ въ Нижній-Новгородъ, подъ надзоръ полиціи. По Москвѣ я объявилъ, что то были иностранцы подозрительнаго свойства, которые удаляются (мною) согласно просьбѣ ихъ соотечественниковъ—людей честныхъ. Мѣра эта, вынужденная обстоятельствами, спасла жизнь помянутымъ 40 пловцамъ; потому что, вѣроятно, они ушли бы вслѣдъ за арміею Наполеона и погибли бы во время ея отступленія.

Два купца, бесѣдовавшіе ночью у открытаго окна нижняго

этажа, слышали на улицѣ споръ между собою (какихъ-то) двухъ людей. Одинъ изъ спорящихъ заявлялъ, что пора поджечь нѣкоторые московскіе кварталы, ударить въ набатъ и начать грабежъ. Другой возражалъ, что надо обождать извѣстій о сраженіи, которое должно произойти, и что къ тому же теперь полная луна. Купцы, услыхавъ такія рѣчи, выскочили изъ окна, бросились за заговорщиками и успѣли схватить одного изъ нихъ. Его привели ко мнѣ въ полночь; то былъ мелкій московскій мѣщанинъ, торговавшій по деревнямъ въ разность. Сначала онъ заперся во всемъ, и даже жаловался на произведенное надъ нимъ насиліе. Тогда я ввелъ его въ мой кабинетъ, и тамъ, безъ свидѣтелей, отсчитавъ 500 руб. ассигнаціями, положилъ ихъ на столъ. Потомъ я поклялся этому человѣку передъ образомъ, что ничего дурнаго ему не сдѣлаю, кромѣ развѣ высылки изъ города, и что онъ получитъ эти 500 р., если откроетъ мнѣ заговоръ и назоветъ соучастниковъ. Онъ (арестованный) держалъ меня въ недоумѣніи битыхъ два часа. Онъ хотѣлъ сознаться, но не довѣрялъ мнѣ, постоянно повторяя: „хорошо, я-то скажу, да вы мнѣ денегъ этихъ не дадите, и я тогда пропалъ“. Наконецъ, я объявилъ ему, что если онъ не хочетъ быть спасеннымъ и получить обѣщанную сумму, то я предамъ его въ руки полиціи, и что черезъ четверть часа его подвергнуть пыткѣ. Онъ сдался и объявилъ, что ихъ всѣхъ съ дюжину человѣкъ (все мерзавцевъ); что они намѣревались сдѣлать поджогъ, ударить въ набатъ и, во время общаго переполоха и суматохи, пойдти грабить самые богатые магазины. Товарищъ, говорившій съ нимъ на улицѣ, былъ вольноотпущенный дворовый человѣкъ. Напали и на его слѣды и успѣли его поймать на нѣкоторомъ разстояніи отъ города; но онъ успѣлъ предупредить другихъ своихъ товарищей, которые и убѣжали. Успѣли захватить лишь троихъ. Они были посажены въ острогъ, а затѣмъ посланы вмѣстѣ съ (другими) преступниками. Что касается того человѣка, который открылъ заговоръ, то онъ получилъ 500 р. и уѣхалъ въ Оренбургъ, гдѣ, однако, былъ оставленъ подъ наблюденіемъ. Такъ какъ въ замыслахъ о поджогѣ игралъ роль и набатъ, то надо было лишить злонамѣренныхъ людей такого средства распространять тревогу. Раннимъ утромъ отправился я къ архіерею, для совѣщанія о принятіи необходимыхъ мѣръ. Онъ послалъ строгое приказаніе священникамъ:

хранить ключи отъ колоколенъ у себя и снять веревки, протянутыя къ ихъ домамъ отъ колокольни, чтобы звонить къ утрени и вечерни; но такъ какъ двери у многихъ колоколенъ были въ плохомъ состояніи, то я и поручилъ это дѣло всѣмъ моимъ квартальнымъ надзирателямъ и, въ теченіи дня, 93 такія двери были исправлены и снабжены запорами. Я былъ доволенъ, а городъ остался спокоенъ, потому что не зналъ о заговорѣ поджигателей и не понималъ причинъ моей заботливости о дверяхъ и запорахъ московскихъ колоколенъ.

За три дня до вступленія непріятеля въ Москву мнѣ дали знать, что нѣкій Наумовъ, изъ мелкихъ дворянъ, занимавшійся хожденіемъ по дѣламъ и справедливо пользовавшійся дурною репутаціею, подговаривалъ дворовыхъ людей и указывалъ имъ куда слѣдуетъ собираться, когда настанетъ время грабить. Онъ записалъ уже болѣе 600 человекъ. Когда я приступилъ къ разслѣдованію (этого) дѣла, мнѣ, между прочимъ, сообщили, что онъ хвалился, что самъ убьетъ меня. Этотъ господинъ былъ дурно ко мнѣ расположенъ, потому что я не хотѣлъ дать ему мѣста при директорѣ моей канцеляріи. Я послалъ арестовать его, но онъ бѣжалъ, оставивъ меня въ живыхъ и обладателемъ списка негодяевъ, которые должны были грабить городъ подъ его начальствомъ.

Былъ, однако, одинъ случай, который, уже подъ самый конецъ, чуть было не испортилъ всего, что было мною сдѣлано для поддержанія спокойствія въ Москвѣ. Два нѣмецкіе ремесленника, очень плохо говорившіе порусски, заспорили съ однимъ мѣнялой и имѣли глупость сказать ему: „полно торговаться! черезъ нѣсколько дней мы у васъ заберемъ эти деньги даромъ“. Отъ ругательства дѣло перешло къ драгѣ, и оба нѣмца поплатились бы жизнью за свои неосторожныя слова, но, на ихъ счастье, нашелся тамъ полицейскій офицеръ, который взялъ этихъ иностранцевъ подъ свою защиту. Онъ остановилъ наиболѣе озлившіхся изъ черни и хотѣлъ вести обоихъ нѣмцевъ ко мнѣ, но народная толпа противилась этому и кричала: „нашъ графъ (такъ они звали меня) оправдаетъ ихъ и они не будутъ наказаны; пусть лучше намъ дадутъ расправиться со шпіонами!“ Полицейскій далъ знать объ этомъ событіи оберъ-полиціймейстеру, который счелъ за болѣе вѣрное и болѣе для себя удобное доложить объ

этомъ мнѣ. Я былъ дома и тотчасъ же рѣшился отправиться на мѣсто безпорядка. Я держался правила никогда не поглажать толпѣ, иначе она мгновенно теряетъ къ вамъ уваженіе. Въ ея глазахъ добродушіе есть слабость, а потому (при поглажѣ) дѣлаешься рабомъ такого господина, который самъ никогда не знаетъ что дѣлаетъ, и очень рѣдко понимаетъ что требуетъ. Прибывъ къ въѣзду въ улицу, ведущую къ лавкамъ, гдѣ происходила помянутая сцена, я нашелъ ее наполненною народомъ. Я остановился, а (затѣмъ) пошелъ впередъ одинъ, приказавъ полиціймейстеру и обоимъ ординарцамъ оставаться на мѣстѣ. Мнѣ очистили дорогу и я свободно дошелъ до мѣста (свалки), гдѣ увидѣлъ обоихъ нѣмцевъ, сидящихъ на тротуарѣ, передъ лавками и, повидимому, сильно помятыхъ. Полицейскій офицеръ стоялъ впереди, заграждая ихъ собственнымъ тѣломъ. Крикъ былъ сильный. Но по данному мною знаку толпа замолкла. Я принялъ строгій видъ и, обратясь къ народу, спросилъ по какому праву они творятъ самосудъ и убиваютъ людей, которые порусски объясняться не умѣютъ? Никто не отвѣчалъ; всѣ стояли снявъ шапки. Какъ вдругъ, какой-то молодой человекъ, по костюму судя—мелкій торгашъ, сталъ очень рѣзко говорить мнѣ: „да пора ужъ народу самому расправляться, такъ какъ вы отдаете его на жертву мошенникамъ-иностранцамъ“.—Такъ какъ онъ стоялъ очень близко отъ меня, то отвѣтомъ моимъ была здоровенная зуботычина. Онъ запнулся, а я крикнулъ: „живѣй привести ко мнѣ штукатура съ известью, чтобы онъ замазалъ этотъ богохульный ротъ!“ Толпа раздвинулась, и человекъ, ко мнѣ обращавшійся, поспѣшно ушелъ. Тогда я приказалъ полицейскому отвезти обоихъ нѣмцевъ, на извозикѣ, въ больницу,—что и было исполнено безъ малѣйшей помѣхи. Оставшись господиномъ поля битвы, я прочелъ внушительное наставленіе народной толпѣ, которая сознавалась, что виновата, (прибавляя) что не знаетъ, кто такъ разбуянился, и прося меня помиловать того парня, котораго я ударилъ. Я простилъ его, но самъ, при этомъ, превозносилъ мое великодушіе, и прекратилъ все дѣло, оставшись весьма довольнымъ, что оно разрѣшилось такимъ образомъ.

* * *

Такъ какъ государь императоръ, при отъѣздѣ своемъ, говорилъ мнѣ, а потомъ и писалъ, что не замедлитъ возвратиться

въ Москву, то я осмѣлился отсовѣтывать ему предпринимать это путешествіе, поставляя ему на видъ, что только выигранное сраженіе, которое заставило-бы непріятеля отступить, можетъ спасти Москву отъ (вражескаго) нашествія, — что кн. Кутузовъ приближается къ ней съ каждымъ днемъ и вскорѣ не будетъ въ состояніи защитить ее, — и что въ этомъ случаѣ, присутствіе государя было-бы въ ней неумѣстнымъ и обрекло-бы его на то, чтобы быть свидѣтелемъ занятія (своей) столицы, не имѣя средствъ воспрепятствовать этому. Совѣта моего послушались. Я считалъ, и продолжаю считать, что поступилъ какъ подобаешь вѣрному слугѣ; ибо надо признаться откровенно, что, съ самаго начала этой войны, чѣмъ болѣе непріятель занималъ областей тѣмъ сильнѣе возрастали мои опасенія, на счетъ того — какъ-бы не согласились заключить миръ и съ однимъ почеркомъ пера утратить довѣріе Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самую Россію. Можно предполагать, что, если-бы государь находился при арміи, то послѣ Бородинскаго сраженія, желая спасти столицу, онъ оказался-бы склоннымъ къ выслушиванію предложеній врага, замышлявшаго его гибель. (Потому что врагъ этотъ) отнял- бы у него значеніе въ Европѣ, сначала предписаніемъ постыднаго мира, а потомъ возбужденіемъ смуть и раздоровъ въ странѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, (тотъ же врагъ) пришелъ бы довершить свое дѣло и раздѣлить остатки Россіи, подвергнувъ ее той-же позорной участи, какая постигла Польшу. При томъ (Наполеонъ) можетъ быть возстановилъ-бы удѣльныхъ князей, или-же подѣлилъ-бы провинціи между своими генералами, или какими-нибудь знатными лицами русскаго происхожденія, въ видѣ награды за ихъ предательство и подлость. Хотя нарушеніе присяги на вѣрность своему государю, переходъ въ ряды противника и содѣйствіе его интересамъ считаются верхомъ гнусности, но — тотъ-же человѣкъ, который станетъ рѣзаться съ другимъ, за обозваніе его лжецомъ, оказывается (часто) глухимъ въ голосу чести и нарушаетъ свои священнѣйшія обязанности, какъ только гнусная приманка матеріальныхъ интересовъ ослѣпляетъ его. Однако, предполагая даже возможность всѣхъ такихъ событий, я убѣжденъ, что и въ лоскуткахъ русскаго имперіи Наполеонъ встрѣтилъ-бы не одну Испанію. Дворянство притворилось-бы передъ нимъ, духовенство ненавидѣло-бы его, а народъ

посвятилъ-бы себя смерти и уничтоженію своихъ враговъ. Народъ этотъ — лучший и отважнѣйшій въ мірѣ — нашелъ-бы безконечные ресурсы въ обширности страны, имъ обитаемой, въ ея климатѣ и даже въ ея бѣдности. Удалось-бы покорить часть страны, но никогда не удалось-бы укротить ее, и, въ концѣ-концовъ, эта разрушительная борьба опрокинула-бы могущество Наполеона, и Россія вышла-бы цѣльною изъ своихъ развалинъ.

Кн. Кутузовъ, прибывъ въ Гжатскъ, потребовалъ у меня продовольствія для арміи, которая теперь находилась въ странѣ, гдѣ не было заготовленныхъ магазиновъ и гдѣ даже лучший урожай не можетъ прокормить жителей въ теченіи полу-года. Хлѣбъ уже созрѣлъ, но какая-же была возможность заниматься его уборкою въ присутствіи двухъ армій, которыя все опустошали: одна, для того, чтобы существовать, другая — для того чтобы отнять у противника средства къ существованію. Однако, въ губернскихъ магазинахъ была мука. Я скупилъ все, что имѣлось въ Москвѣ, и учредилъ комиссію, которая, на другой же день, начала свою дѣятельность. Хлѣбопеки пекли хлѣба, другіе разрѣзали его на кусочки, высушиваемые въ печахъ, нанятыхъ и употреблявшихся исключительно для этого дѣла непрерывно, въ теченіи дня и ночи. Каждое утро, обозъ въ 600 телѣгъ отвозилъ сухари и крупу въ армію, и такого рода продовольствованіе 116 тыс. человекъ продолжалось до дня, предшествовавшего вступленію непріятеля въ Москву.

Мною было рѣшено, что прибытіе нашей отступающей арміи въ Гжатскъ должно служить сигналомъ къ вывозу изъ Москвы всего, что должно было быть оттуда увезено. Не понимаю до сихъ поръ, какимъ образомъ все это дошло въ указанныя мѣста и какъ не встрѣтилось препятствій въ недостаткѣ перемѣнныхъ лошадей! Кромѣ дѣлъ судебныхъ, сенатскихъ, военныхъ комиссій и архива министерства иностранныхъ дѣлъ (пришлось увозить) заведенія вѣдомства императрицы-матери, государственную казну, патріаршую ризницу, сокровища соборовъ, Троицкаго и Воскресенскаго монастырей, да еще 96 пушекъ 6-ти фунтоваго калибра. Все это вывезено въ теченіи двухъ дней и направлено въ Нижній, Казань и Вологду.

Приходилось глядѣть съвозъ пальцы на совершавшіяся (при этомъ) злоупотребленія. Чиновники требовали тройное число ло-

шадей и повозокъ. Я встрѣтилъ нѣсколько такихъ обозовъ при ихъ выѣздѣ изъ города и видѣлъ телѣги, нагруженные дрянною мебелью, неизвѣстно кому принадлежавшею, но которую хотѣли спасти. Открыто было, что многіе изъ мелкихъ чиновниковъ отдавали въ наймы повозки, назначенныя для ихъ собственнаго употребленія. Каждое утро я поднималъ шумъ и достигъ - таки того, что уменьшилъ на половину число требуемыхъ повозокъ. Необходимо было, чтобы все совершалось правильно, потому что по окончаніи распредѣленія (подводъ) и назначенія дней отъѣзда, давалось о томъ сообщеніе нижегородскому и владимірскому гражданскимъ губернаторамъ, дабы они своевременно распорядились выставленіемъ на границѣ своихъ губерній достаточнаго для каждаго транспорта числа лошадей. Независимо отъ лошадей, я велѣлъ приготовить въ Коломнѣ (городъ на Окѣ, въ 94-хъ в. отъ Москвы) такое количество большихъ судовъ, какое только можно было собрать, для перевозки водою, въ Нижній-Новгородъ, государственнаго казначейства и суммъ приказа общественнаго призрѣнія, принадлежавшихъ воспитательному дому. Изъ числа этихъ большихъ судовъ, 10 были мною оставлены для перевозки раненыхъ, находившихся въ трехъ большихъ московскихъ госпиталяхъ. Все прибыло въ порядкѣ, ничего не потерялось. Только военная комиссія и главная аптека ничего не спасли, по глупости ген.-лейт. Татищева, который, теряя время и предоставляя распорядиться чиновникамъ, дождался того, что нѣсколько барокъ съ холстомъ были захвачены непріателемъ; а потомъ онъ послалъ въ военную коллегію рапортъ, куда вписали на 2 милліона вещей, которыя даже не были еще сданы и которыхъ обозначили попавшими въ руки непріателя, по причинѣ спада водъ.

По мѣрѣ приближенія кризиса, т. е. сраженія, о которомъ Кутузовъ продолжалъ возвѣщать, эмиграція дворянства все усиливалась. Я велѣлъ представить себѣ списокъ экипажей, выѣзжавшихъ черезъ заставы: ярославскую, петербургскую, владимірскую и рязанскую, и оказалось, что число берлинтъ, каретъ, бричекъ, колясокъ доходило до 1,320 въ одинъ день, при чемъ въ исчисленіе это не входили туземныя повозки, называемыя вибитками и запрягаемыя тремя лошадьми въ рядъ. Купцы еще держались, и имъ болѣе тяжело было покидать городъ, гдѣ

находились ихъ дома, имущество и торговля. Тѣ, у которыхъ товаръ былъ меньшаго вѣса, платили до 8-ми рублей съ пуда, при перевозѣ въ Ярославль или въ Муромъ—два города, отстоящіе на 240 в. (отъ Москвы). Но торговцы желѣзомъ и мѣдью принуждены были оставлять весь свой товаръ въ лавкахъ, такъ какъ стоимость его была ниже стоимости перевозки. Многіе изъ знакомыхъ мнѣ богатыхъ купцовъ пріѣзжали ко мнѣ на дачу, чтобы справиться тамъ ли еще моя жена и мои дѣти, и присутствіе оныхъ успокоивало этихъ купцовъ относительно приближенія опасности. Въ послѣдніе четыре дня передъ занятіемъ Москвы, платили до 800 р., вмѣсто 30—40, за переѣздъ на 250 в. во внутренность страны. Цѣна непомятная!—но ее приходилось платить, чтобы избавиться отъ позора и спасти жизнь цѣною имущества.

* * *

Проснувшись утромъ 24-го августа, я получилъ увѣдомленіе, что атаманъ Платовъ остановился у меня. Отъ него я узналъ, что онъ прибылъ въ Москву, дабы имѣть болѣе средствъ для послышки приказаній казакамъ, отъ которыхъ требовалось поголовное вооруженіе. Онъ принималъ и отправлялъ многихъ курьеровъ, а послѣ обѣда представился купцамъ и мѣщанамъ, которые, въ числѣ около 1,000 чел., пришли посмотреть на него. Онъ имъ наболталъ съ три короба; объявилъ, что, по своимъ знаніямъ астрологій, увѣренъ въ побѣдѣ, что пріѣхалъ помолиться московскимъ угодникамъ, но что вечеромъ опять уѣдетъ въ армію. Эти люди считали его знахаремъ и имѣли высокое понятіе о его способностяхъ и отвагѣ. Они называли его настоящимъ „патріотическимъ патріотомъ“. Вечеромъ, когда я сошелъ внизъ, къ чаю, прибылъ ко мнѣ нашей службы подполковникъ баронъ, или графъ, Лезеръ, вручившій мнѣ письмо отъ генерала Барклая. Это тоже былъ господинъ изъ числа подозрительныхъ, котораго меня просили услать куда нибудь подальше въ глубь страны. Пока я писалъ письмо гражд. губернатору Оренбурга, куда отправлялъ этого г. Лезера, онъ, находясь въ сосѣдней комнатѣ, завязалъ ссору съ атаманомъ Платовымъ. Послѣдній упрекалъ его за поведеніе и спрашивалъ, извѣстно ли ему приказаніе, которое онъ (Платовъ) отдалъ на его счетъ по казачьимъ аванпостамъ, гдѣ, если бы онъ показался, его велѣно убить. Я

положилъ конецъ этой скандальной сценѣ, объявивъ г. Лезеру, что онъ долженъ сію же минуту ѣхать въ Пермь, въ сопровожденіи полицейскаго драгуна. Онъ разгорячился и сталъ меня спрашивать, по какому праву я его отсылаю. Тогда я далъ ему прочесть письмо ген. Барклая, а чтобы убѣдить его въ томъ, что его путешествіе не есть шутка и что онъ напрасно передо мною забывается, я приказалъ моему адъютанту взять у него шпагу, и черезъ пять минутъ послѣ этого онъ уже свалился по большой дорогѣ.

Прибывъ къ Колоцкому монастырю, Кутузовъ оставался тамъ два дня и избралъ позицію позади села Бородина, чтобы тамъ дать сраженіе Наполеону. Онъ вступилъ уже въ предѣлы Московской губерніи и находился отъ столицы въ разстояніи всего 112 в. (28 лье). Онъ уступилъ настояніямъ генераловъ и раздраженію солдатъ, которые въ разговорахъ своихъ обвиняли его въ томъ, что онъ хочетъ отдать непріятелю Москву безъ боя.

Не стану распространяться объ этомъ сраженіи, гдѣ (обѣ стороны) дрались съ одинаковымъ ожесточеніемъ: русскіе, чтобы защитить свою столицу, а солдаты Наполеона, чтобы овладѣть ею. Не берусь рѣшать, былъ ли Наполеонъ въ этотъ день великимъ или малымъ, или непохожимъ на самого себя, но — оба главнокомандующіе могли бы избавить родъ человѣческой отъ этой бойни и сохранить въ своихъ рядахъ болѣе 90,000 чел., выбывшихъ изъ строя. Наполеонъ, слѣдуя по старой Калужской дорогѣ, вступилъ бы въ Москву недѣлею позже, но съ арміею болѣе сильною на 52,000 чел., которые были убиты или переранены подъ Бородинымъ; а Кутузовъ, съ 116,000 (изъ коихъ потерялъ 30—40 тыс.), сталъ бы на новой Калужской дорогѣ и не подвергся бы три или четыре раза опасности быть раздавленнымъ. Единственными двумя выгодами, которыя Россія извлекла изъ этого сраженія, были: 1) почти окончательное уничтоженіе французской кавалеріи, сильно уже разстроенной походомъ и недостатками въ фуражѣ, и 2) впечатлѣніе, произведенное прибытіемъ и разказами раненыхъ офицеровъ, разѣхавшихся по всѣмъ губерніямъ, гдѣ у нихъ были имѣнія или родственники. Это примирило съ военными народъ, зараженный столичными сплетнями, которыя приписывали измѣнѣ отступленіе нашихъ войскъ и обвиняли ихъ въ трусости.

Люди, раненные при взятіи Смоленска, ежедневно прибывали ко мнѣ тысячами. Уходъ за ними былъ хорошій. Однажды утромъ, когда я посѣтилъ главный госпиталь, одинъ изъ хирурговъ просилъ меня уговорить какого-то гренадера, раненаго въ ногу такъ, что только ампутація могла спасти его. Этотъ гренадеръ—человѣкъ 36 лѣтъ, съ мужественною и благородною наружностію—не хотѣлъ слушать моихъ совѣтовъ и увѣщаній. Онъ отвѣчалъ мнѣ: „Зачѣмъ вы хотите, чтобы я жилъ? Мнѣ надо умереть, потому что мы не могли отстоять Смоленска“. Онъ такъ твердо рѣшился умереть, что мои настоянія не имѣли удачи; но я поручилъ одному весьма краснорѣчивому священнику поговорить съ нимъ,—и тому удалось уговорить его. Ему отрѣзали ногу; я его видѣлъ потомъ два или три раза и онъ поправлялся.

Во время сраженія при Бородинѣ, Кутузовъ прислалъ мнѣ курьера (отправленнаго въ 4 ч. пополудни) съ письмомъ по которому казалось, что онъ доволенъ успѣхами нашего оружія. Курьеръ сообщилъ мнѣ, что король неаполитанскій (Мюратъ) взятъ въ плѣнъ, что очень порадовало московскихъ обывателей. Впослѣдствіи оказалось, что то былъ генераль Лами, который назвалъ себя Мюратомъ, когда его брали въ плѣнъ. Самъ Кутузовъ находился въ заблужденіи до тѣхъ поръ, пока Лами, приведенный къ нему съ почетомъ, подобающимъ плѣнному величеству, не сознался въ истинѣ. На другой день, въ 8 час. утра, я получилъ отъ Кутузова второе письмо, гдѣ слегка упоминавъ о сраженіи, (будто бы) выигранномъ наканунѣ, онъ говорилъ о своей рѣшимости возобновить бой и умолялъ меня прислать какъ можно болѣе повозокъ для перевозки раненныхъ, а также сколь возможно болѣе пушечныхъ зарядовъ и ружейныхъ патроновъ. Все это было отправлено въ нему въ продолженіе двухъ часовъ времени. Я написалъ краткую записку министру полиціи, (въ которой говорилъ), что ничего не постигаю въ этой побѣдѣ, такъ какъ армія наша была на пути въ Можайскъ. Я узналъ объ этомъ отъ курьера, который, торопя меня отпустить его, имѣлъ неосторожность сболтнуть, что наши войска находятся въ Можайскѣ, (т. е.) въ 10-ти верстахъ позади поля сраженія. Кутузовъ рассчитывалъ, что курьеръ, при быстромъ переѣздѣ, прибудетъ въ Петербургъ 30-го августа (ст. ст.), т. е.

въ день тезоименитства государя, и реляція его (Кутузова) поднесется въ видѣ букета. Въ этой реляціи, напечатанной и обнародованной, онъ говорилъ, что позиціи наши были атакованы безуспѣшно, что непріятель былъ отброшенъ и преслѣдуемъ атаманомъ Платовымъ съ его казаками, на разстояніи 11 верстъ, до Колоцкаго монастыря, и что съ разсвѣтомъ онъ снова двинется въ атаку со всею арміею. Обманъ этотъ такъ хорошо удался ему, что онъ былъ произведенъ въ фельдмаршалы; всѣмъ родственникамъ его оказаны (высочайшія) милости, а солдаты получили по 5 рублей на человѣка. Я увѣренъ, что не такъ сильно радовались бы этой побѣдѣ, еслибъ государь тотчасъ-же узналъ о запискѣ моей къ министру полиціи; но курьеръ, подъ предлогомъ, что его долго задержали во дворцѣ, передалъ мою записку (по назначенію) уже гораздо позже полудня, и я имѣю основаніе думать, что онъ на этотъ предметъ имѣлъ маленькую инструкцію отъ кн. Кутузова. Дѣлая его (Кутузова) фельдмаршаломъ, думали этимъ наградить храбрость арміи, потому что онъ, самъ по себѣ, даже не имѣлъ возможности видѣть того, что совершалось, такъ какъ находился за холмомъ, на разстояніи одного лье отъ поля сраженія. Онъ полагалъ, можетъ статься, что отъ сохраненія его персоны зависитъ спасеніе Россіи.

День сраженія, 26-го августа ст. ст., проведенъ былъ Москвою въ сильномъ безпокойствѣ. У городскихъ заставъ можно было слышать пушечный громъ, а въ окрестностяхъ, съ подвѣтрянной стороны, громъ этотъ разносился на разстояніе 30-ти лье.

На другой день послѣ сраженія я получилъ множество извѣстій и могъ теперь вполне знать въ чемъ дѣло. Эта важная побѣда надъ Наполеономъ сводилась къ одной изъ самыхъ геройскихъ оборонъ. Генералы, офицеры и солдаты дрались какъ львы. Но непріятель, имѣвшій значительное превосходство въ числѣ войскъ и сильные резервы у Колоцкаго монастыря, къ вечеру занялъ нѣкоторыя изъ нашихъ батарей на крайнемъ лѣвомъ крылѣ и удержался на нихъ... Армія наша, ослабленная на одну треть, съ разсвѣтомъ другаго дня стала отступать, оставивъ на полѣ сраженія своихъ убитыхъ и раненыхъ.

Я узналъ имена убитыхъ и раненыхъ генераловъ. Болѣе всѣхъ интересовалъ меня ген.-майоръ гр. В. (Воронцовъ); пуля пробилла ему ляшку и, если бы не сила и здоровье его организма, онъ умеръ бы

вслѣдствіе своей раны. Дѣятельность и способности его, какъ въ военное, такъ и въ мирное время, хорошо доказали вполнѣдствіи, что Россія много потеряла бы въ этомъ молодомъ человѣкѣ, единственномъ сынѣ почтеннаго отца, который игралъ важную роль въ военной службѣ и въ дипломатіи, оказывая выдающіяся услуги своимъ государямъ и часто преподавалъ имъ уроки ¹⁾). Я съ молодыхъ лѣтъ привязанъ былъ въ нему чувствомъ глубокой благодарности,—а смерть сына свела бы и отца въ могилу. Своякъ мой, ген.-маіоръ Васильчиковъ, вышелъ счастливо изъ этого боя. Три лошади подъ нимъ было убито, одна ранена пятью пулями, картечь попала въ его одежду, но самъ онъ получилъ лишь легкую контузію въ ногу. Мой сынъ,—одинъ изъ трехъ адъютантовъ ген. Барклая, не выбывшихъ изъ строя—былъ довольно сильно контуженъ ядромъ въ руку. Девять его товарищей были убиты или ранены.

Многіе изъ моихъ знакомыхъ являлись ко мнѣ просить карету, для перевозки въ Москву ихъ близкихъ родственниковъ, раненыхъ (въ сраженіи). Часть ихъ прибыла на 3-й день, и въ томъ числѣ кн. Багратіонъ. Я послѣшилъ въ нему; онъ былъ въ полномъ сознаніи, страдалъ ужасно, но судьба Москвы не давала ему ни минуты покоя. Кость его ноги была разбита выше щиколки; но сдѣлать ему немедленную ампутацію не рискнули, такъ какъ ему было уже около 50 лѣтъ и кровь у него была испорченная. Когда, утромъ того дня, въ который Москва впала во власть непріятеля, я приказалъ объявить ему, что надо уѣзжать, онъ написалъ мнѣ слѣдующую записку: „Прощай, мой почтенный другъ. Я больше не увижу тебя. Я умру не отъ раны моей, а отъ Москвы“.

Однажды утромъ мнѣ доложили, что подполковникъ нашей службы, принцъ Гессенъ-Филипстальскій, который былъ раненъ подъ Можайскомъ и которому отрѣзали ногу, находится у меня на дворѣ. Онъ лежалъ въ коляскѣ и не хотѣлъ, чтобы его перенесли въ комнату. На другой день, согласно его желанію, онъ отправился въ Ярославль, чтобы воспользоваться заботливостію находившагося тамъ принца Георгія Ольденбургскаго.

¹⁾ Графъ Семень Романовичъ Воронцовъ—русскій посолъ въ Англіи
Ред.

Кутузовъ умолялъ меня добыть ему 500 лошадей для перевозки артиллеріи. Приказано было привести всѣхъ лошадей съ извозничьихъ дворовъ и отъ барышниковъ и, въ присутствіи экспертовъ изъ ихъ же числа и изъ купцовъ, выбрано было 500 лошадей, за которыхъ требуемая цѣна тотчасъ же была уплачена. Лошади эти обошлись въ 132 т. р., а по прибытіи въ главную квартиру—болѣе половины ихъ сдѣлалась добычею тѣхъ, кому онѣ были нужны.

Въ это же самое время случилось одно происшествіе, доказывавшее, что надежда никогда не повидаетъ человѣка и располагаетъ народъ къ легковѣрію. Пришли мнѣ доложить о большомъ столпленіи людей около одной, очень высокой, колокольни, находившейся на краю города, и что повиснувшій на крестѣ оной соколъ привлекаетъ вниманіе всего народа. Я отправился туда, не столько изъ любопытства, сколько для того, чтобы разогнать народъ, который всегда склоненъ выкинуть какую нибудь глупость, когда соберется толпою. Я засталъ сборище человѣкъ въ 1,000, глазѣвшее на несчастнаго сокола, который, имѣя путы на ногахъ (какъ всѣ соколы, которыхъ дрессируютъ для охоты), опустился на крестъ и не могъ отъ него отцѣпиться. Какой-то прохожій его замѣтилъ, обратилъ на него вниманіе другихъ,—и вотъ тысяча зѣвакъ остановилась тутъ, чтобы насладиться зрѣлищемъ, которое, по объясненію самыхъ ученыхъ между ними, предвѣдало торжество надъ непріателемъ; потому что—говорили они—соколъ преобразуетъ Наполеона, погибающаго на крестѣ. Я сталъ поддакивать этой бѣдной толпѣ и, такимъ образомъ, соколъ явился лучемъ надежды для дураковатыхъ людей, которые никогда не обрѣтаются въ меньшинствѣ.

Послѣ Бородинскаго боя я уже пересталъ прибѣгать къ разнымъ маленькимъ средствамъ для занятія и развѣченія умовъ въ народъ; да и надо признаться, что всѣ средства уже были истощены. Тяжелая работа для ума придумывать чѣмъ бы можно произвести впечатлѣніе на массы, тѣмъ болѣе, что и успѣхъ сомнителенъ. Тончайшія соображенія часто оставались безплодными, между тѣмъ какъ самыя пошлыя выдумки оказывали дѣйствіе необычайное. Наиболѣе распространилась по Россіи, среди простаго народа, сказочка въ моемъ вкусѣ, которою въ одно утро я приказалъ напечатать 5 т. экземпляровъ и про-

давать по грошу штуку. Въ ней я описывалъ встрѣчу митрополита Платона съ престарѣлымъ инокомъ, который почтительно приблизился къ нему за благословеніемъ и, сказавъ, что возвратился сражаться въ русскихъ рядахъ, исчезъ въ глазахъ всѣхъ присутствовавшихъ, оставивъ по себѣ сіяющій слѣдъ. А надо замѣтить, что св. Сергій, бывший монахомъ въ Троицкомъ монастырѣ, гдѣ и покоятся его мощи, сражался въ войскахъ Дмитрія Донскаго ¹⁾ противъ орды татарина Мамаю и остался побѣдителемъ.

Курьеры съ письмами отъ вн. Кутузова пріѣзжали ко мнѣ по нѣсколько разъ въ день. Онъ всякій разъ чего-нибудь требовалъ, и требуемое посылалось ему безъ потери времени. Онъ желалъ (между прочимъ), чтобы я употребилъ мой единственный и плохой гарнизонный полкъ, для захвата мародеровъ и дезертировъ и для воспрепятствованія имъ входа въ городъ, забывая, что городъ этотъ былъ безъ рововъ, безъ стѣнъ и имѣлъ въ окружности 42 версты (10¹/₂ лье). Сдѣланъ былъ еще опытъ съ небольшимъ пробнымъ аэростатомъ; но у него тоже пружины не выдержали. Тогда я велѣлъ шарлатану Шмидту убрать (свой) большой тафтяной шаръ и отправить его, вмѣстѣ съ рабочими, въ Нижн.-Новгородъ; самъ-же онъ остался еще въ Москвѣ ²⁾.

* *
*

29-го числа (августа) Москва была поражена ужасомъ, когда ночью увидѣла отблескъ нашихъ бивачныхъ огней въ разстояніи 40 в. отъ города. Этотъ свѣтъ открылъ и остальнымъ жителямъ глаза на ту участь, которая ихъ ожидала. Простонародье собралось въ путь, оставляло городъ, куда вскорѣ готовились вступить враги. Проявилось тутъ и нѣсколько комичныхъ патріотическихъ выходовъ: одна дама явилась ко мнѣ съ предложеніемъ составить эскадронъ амазонокъ; актеры русской труппы хотѣли соб-

¹⁾ Авторъ спугалъ здѣсь св. Сергія съ Пересвѣтомъ и Ослябомъ, двумя иноками Троице-Сергіевой лавры, посланными къ вел. князю Дмитрію Донскому и навшими въ бою на Куликовомъ полѣ.

²⁾ Упоминаемый здѣсь Шмидтъ есть тотъ самый Францъ Лепнихъ, свѣдѣнія о которомъ помѣщены въ «Русской Старинѣ» изд. 1877 г., т. XX, декабрь, стр. 717—720. Шмидтомъ (докторомъ) онъ назвался уже по пріѣздѣ въ Россію. Въ той же декабрьской книгѣ «Русск. Стар.» изд. 1877 г. помѣщенъ снимокъ интереснаго гелиографическаго подлиннаго письма Александра I, 24-го мая 1812 г., по поводу изобрѣтеннаго Лепнихомъ воздушнаго шара.

Ред.

ственными силами защищать столицу и пришли къ ген. Апраксину, отдавая въ его распоряженіе силу своихъ мышцъ и свое доброе намѣреніе. Однако онъ отказался отъ этого почетнаго поста и не пожелалъ обезсмертить себя съ 20-ю театральными героями въ римскихъ костюмахъ.

Однажды, вставъ отъ обѣда, мы наткнулись въ одной изъ (нашихъ) гостинныхъ на зрѣлище, котораго никто не ожидалъ. Тамъ собралось человѣкъ 20 раненыхъ при Бородинѣ офицеровъ, пришедшихъ ко мнѣ за полученіемъ денегъ. Они намѣревались отправиться въ разныя мѣста, довольно отдаленныя, чтобы тамъ лѣчиться. Большая часть ихъ не могла держаться на ногахъ; одежда ихъ была испещрена кровавыми пятнами; одни опирались на костыли, у другихъ рука была подвязана. Одинъ молодой поручикъ привлекъ на себя общее вниманіе: воротникъ его былъ измятъ; онъ былъ контуженъ такъ сильно, что ежеминутно харкалъ кровью. Я снабдилъ ихъ необходимыми для путешествія деньгами и отъ души пожелалъ имъ выздоровленія. Я замѣтилъ и далъ замѣтить другимъ, что, не смотря на страданія, всѣ они держали себя съ полнымъ достоинствомъ и жалѣли лишь о необходимости оставить армію.

30-го числа (августа) я приказалъ закрыть судебныя учрежденія и чиновникамъ отправиться въ Нижній-Новгородъ. Оставался еще сенать, гдѣ продолжались засѣданія сенаторовъ, бывшихъ на лицо. Трое изъ сенаторовъ принадлежали къ обществу мартинистовъ: 1) Лопухинъ, тотъ самый, который былъ сосланъ при императрицѣ Екатеринѣ, въ эпоху разсѣянія названной секты. Этотъ Лопухинъ, человѣкъ малоспособный, но образованный, сдѣлался пьяницею; онъ задолжалъ всѣмъ и никому не платилъ, а въ то же время всѣ доходы свои употреблялъ на раздачу милостыни—не изъ любви къ ближнимъ, а изъ тщеславія; 2) Руничъ, весьма сильно увлеченный мартинизмомъ, и человѣкъ умный; 3) Кутузовъ, племянникъ фельдмаршала,—личность крайне пошлая, стихотворецъ, пьяница, погразшій въ долгахъ, доносчикъ и склонный, по личнымъ вкусамъ, быть шпиономъ и говоруномъ своей секты. Эти три господина сговорились между собою послать депутацію въ главную квартиру арміи, чтобы узнать отъ главнокомандующаго не находится-ли Москва въ опасности, а также, чтобы пригласить въ сенать меня, для полученія свѣдѣній

относительно средствъ обороны и относительно тѣхъ мѣръ, которыя я полагаю предпринять въ настоящихъ обстоятельствахъ. Все это было игрою самолюбія, при которой московскій сенатъ претендовалъ на присвоеніе себѣ верховныхъ правъ. О планахъ ихъ я узналъ въ тотъ-же день, а также и о томъ, что упомянутые три сенатора-мартиниста намѣревались уговорить своихъ товарищей не покидать Москвы, окрашивая такой поступокъ въ чувство долга и въ самопожертвованіе для отечества, по примѣру римскихъ сенаторовъ, во время вступленія галловъ въ Римъ. Но намѣреніе ихъ состояло въ томъ, чтобы, оставшись, играть роль при Наполеонѣ, который воспользовался-бы ими (для своихъ цѣлей). А къ несчастію, сенатъ, который есть не болѣе какъ верховное судилище, играетъ важную роль въ умахъ народа, какъ по древности, такъ и по названію „правительствующій“, — хотя составъ его далекъ отъ того, чѣмъ былъ прежде, вслѣдствіе слишкомъ большаго числа сенаторовъ, а также выбора ихъ; потому что назначаютъ (въ ихъ число) или плохихъ генераловъ, или людей, съ которыми не знаютъ чѣмъ дѣлать; такъ что сенаторское кресло служитъ переходнымъ мѣстомъ отъ дѣйствительной службы къ чистой отставкѣ. Я считалъ очень важнымъ не оставлять въ городѣ ни одного сенатора, дабы лишить Наполеона возможности дѣйствовать на внутренность страны посредствомъ указовъ или прокламацій, исходящихъ отъ сената. Я рѣшился (поэтому) на мѣру, которую въ то время, да и потомъ, находили поступкомъ самовластнымъ. — 30-го числа, когда сенаторы, — какъ честные, такъ и мартинисты, — совѣщались, ничего не рѣшая, относительно сообщеній, которыя слѣдуетъ послать мнѣ, и о депутаціи, предполагаемой въ отправленію въ главную квартиру, — одинъ изъ моихъ адъютантовъ принесъ имъ отъ меня посланіе, въ которомъ я, именемъ государя, предлагалъ имъ прекратить засѣданіе, избрать который либо изъ губернскихъ городовъ, куда имъ отправиться, и уѣзжать безотлагательно. Приходилось повиноваться, такъ какъ не оставалось выбора между послушаніемъ и мятежемъ. Большая часть сенаторовъ была довольна такимъ распоряженіемъ, такъ какъ оно отрывало свободный выѣздъ и полагало конецъ ихъ затруднительному положенію. Такъ какъ мои три мартиниста не имѣли въ себѣ ничего (древне-)римскаго, то и

они повиновались, и на другой день послѣдній изъ нихъ выѣхалъ за московскую заставу. Такимъ-то образомъ, я отнималъ у Наполеона страшное орудіе, которое въ его рукахъ могло-бы возбудить нерѣшительность и парализовать энергію во внутреннихъ областяхъ имперіи, поставить ихъ въ такое положеніе, что онѣ не знали-бы кого слушаться. Изъ предосторожности относительно сенаторовъ-мартинистовъ, я говорилъ нѣсколькимъ лицамъ—съ тѣмъ, чтобы это дошло и до нихъ,—что, въ случаѣ неповиновенія, я отошлю въ Петербургъ, подъ надежнымъ конвоемъ, того изъ сенаторовъ, который будетъ упорствовать и оставаться въ Москвѣ.

Въ тѣ-же сутки я былъ разбуженъ ночью гонцомъ отъ Кутузова, съ которымъ сообщалось мнѣ, что Наполеонъ выслалъ отъ своей арміи отрядъ, который направился къ Звенигороду; при этомъ онъ выражалъ въ своемъ письмѣ надежду, что однихъ обывателей Москвы будетъ достаточно, чтобы наказать непріятеля, въ случаѣ, если-бы тотъ захотѣлъ забраться въ столицу. Это походило на дурную шутку, такъ какъ Кутузовъ очень хорошо зналъ, что Москва почти пуста и что въ стѣнахъ ея оставалось не болѣе 50 т. человѣкъ. Я ничего не отвѣчалъ ему и, въ первый еще разъ, озаботился о спасеніи своего семейства. Я велѣлъ все приготовить для отъѣзда и, при пробужденіи моей семьи, кареты уже были запряжены. а въ 11 час. моя жена и три дочери уѣхали въ Ярославль. Прощаніе наше было страшно тягостно; мы разставались, можетъ быть, навсегда; а представлявшаяся (намъ) страшная будущность отравляла даже самую мысль о счастьи вновь соединиться.

Призвавъ въ себѣ поутру главнаго управляющаго винными магазинами откупа, я объявилъ ему, чтобы онъ прекратилъ отпускъ водки по кабакамъ, и что если я, на другой день, найду хоть одинъ стаканъ (водки), то повѣшу его у дверей (кабака). Приказаніе это было въ точности выполнено, такъ какъ управляющій былъ болѣе чѣмъ кто нибудь заинтересованъ въ томъ. Полиціи я приказалъ запретить вечеромъ всѣ кабаки и выгнать цѣловальниковъ. Къ мѣрѣ этой я долженъ былъ прибѣгнуть вслѣдствіе (появленія) огромнаго числа мародеровъ, дезертировъ и мнимораненныхъ, которые со всѣхъ сторонъ прибывали въ городъ; а одна уже приманка выпивки привлекла бы часть арміи, которая

и безъ того уже была слишкомъ дезорганизована, и тысячи солдатъ, которыхъ нельзя было сдержать силою, начали-бы грабить городъ и, можетъ быть, даже зажгли-бы его, прежде прохода нашей арміи.

Въ эту ночь, какъ и въ предшествовавшую, можно было очень хорошо видѣть отблескъ бивачныхъ огней, какъ нашихъ, такъ и непріятельскихъ. Огни эти наполняли смущеніемъ сердца тѣхъ, которые оставались въ Москвѣ, и освѣщали безмолвное шествіе выходившихъ оттуда людей.

Послѣ отъѣзда моей семьи, я перебрался въ свой городской домъ. На другой день я выѣхалъ изъ Москвы въ 6 час. утра, чтобы повидаться съ кн. Кутузовымъ и посовѣщаться съ нимъ. Для меня важно было знать чѣмъ хочетъ дѣлать этотъ человѣкъ; потому что въ письмахъ своихъ онъ мнѣ говорилъ лишь о томъ, что ген. Бенигсенъ объѣзжаетъ мѣстность, для избранія выгодной позиціи, на которой можно было-бы дать еще одно генеральное сраженіе. Я проѣхалъ двѣ улицы и, на протяженіе $\frac{1}{2}$ лье, мнѣ пришлось пробираться промежъ двухъ рядовъ повозокъ, переполненныхъ ранеными, и еще огромная толпа таковыхъ-же шла пѣшкомъ, направляясь къ главному госпиталю. Это было чрезмѣрное приумноженіе раненыхъ, потому что, въ этотъ-же самый день, по рапорту коменданта, число ихъ превышало 36 т.

Наша армія только что прибыла на гору, называемую Поклонною, и оставовилась на большой смоленской дорогѣ, въ разстояніи одного лье отъ заставы. Съ перваго-же взгляда я замѣтилъ большое смятеніе. Я нашелъ кн. Кутузова сидящимъ и грѣющимся около костра; онъ былъ окруженъ генералами, офицерами генеральнаго штаба и адъютантами, прибывшими со всѣхъ сторонъ и испрашивавшими приказаній. Онъ отсылалъ тѣхъ и другихъ то къ ген. Барклаю, то къ Бенигсену, а иногда къ квартирмейстеру полка. Толлю, бывшему его фаворитомъ и достойнымъ его покровительства. Кутузовъ встрѣтилъ меня чрезвычайно вѣжливо, и отвелъ въ сторону, такъ что мы оставались наединѣ, по крайней мѣрѣ, съ полъ-часа. Тутъ-то мнѣ впервые случилось бесѣдовать съ этимъ человѣкомъ. Бесѣда оказалась весьма любопытная, въ отношеніи низости, нерѣшительности и трусливости начальника нашихъ армій, который долженъ былъ быть спасителемъ отечества, никогда ничего не сдѣлалъ и, не смотря на то, былъ почтенъ этимъ славнымъ прозвищемъ.

Онъ объявилъ мнѣ, что рѣшился на этомъ самомъ мѣстѣ дать сраженіе Наполеону. Я замѣтилъ ему, что мѣстность позади позиціи представляетъ довольно крутой спускъ къ городу,—что если нѣсколько потянуть линію нашихъ войскъ, то они, въ перемежку съ непріателемъ, войдутъ въ улицы Москвы,—что вывести оттуда нашу армію не будетъ никакихъ средствъ, и что онъ рискуетъ потерять ее всю цѣликомъ. Онъ все продолжалъ увѣрять меня, что его не заставятъ сойти съ этой позиціи, но что если-бы, по какому либо случаю, долженъ былъ отступить, то направится на Тверь. На замѣчаніе мое, что тамъ не хватитъ продовольствія, и что найти его можно лишь въ Бѣлой (пристань въ ? верстахъ отъ Москвы, отъ которой отправляютъ хлѣбъ въ Петербургъ), у Кутузова вырвались слова: «но вѣдь надо прежде всего позаботиться о сѣверѣ и прикрыть его». Онъ имѣлъ въ виду резиденцію императора и не обращалъ вниманія на двѣ вещи: 1) что если-бы гр. Витгенштейнъ былъ разбитъ, то Сень-Сиръ достигъ-бы Петербурга ранѣе, чѣмъ Кутузовъ, и 2) что Наполеонъ не могъ имѣть намѣренія, занявъ Москву, предпринимать въ сентябрѣ шести-недѣльный походъ, для того, чтобы овладѣть Петербургомъ въ концѣ октября, и что, слѣдуя по тверской дорогѣ, Кутузовъ оставлялъ-бы всѣ подкрѣпленія позади и дѣлалъ-бы непріателя хозяиномъ всей страны, до самаго Чернаго моря. Я спросилъ, не думаетъ-ли онъ стать на калужской дорогѣ, по которой направляются всѣ подвозы изъ внутреннихъ губерній? Онъ отвѣчалъ мнѣ уклончиво, и причиною тому было, что корпусъ неаполитанскаго короля, послѣ бородинскаго боя, двинулся въ означенномъ направленіи, а онъ избѣгалъ встрѣчи съ нимъ. Онъ сталъ разговаривать о битвѣ, которую готовится дать, прося, чтобы я, черезъ день, пріѣхалъ къ нему съ архіереемъ и обѣими чудотворными иконами Богоматери, которыя онъ хотѣлъ пронести передъ строемъ (войскъ); впереди должны были идти священники, читать молитвы и кропить воиновъ святою водою. Затѣмъ онъ просилъ меня прислать ему нѣсколько дюжинъ бутылокъ вина, и предупредилъ, что завтра еще ничего не будетъ; «потому что,—прибавилъ онъ,— я знаю методу Наполеона: сегодня вечеромъ онъ остановится, дастъ своимъ войскамъ день для отдыха, послѣ завтра произведетъ рекогносцировку, а на слѣдующій день начнетъ противъ меня атаку».

Мы вернулись съ нимъ къ востру, гдѣ собравшіеся генералы спорили между собою. Дохтуровъ, который долженъ былъ командовать лѣвнымъ крыломъ, пришелъ объявить, что нѣтъ возможности провести артиллерію, по причинѣ обрывистыхъ рѣчныхъ береговъ и крутой горы. Я заговорилъ съ Барклаемъ, и онъ сказалъ мнѣ: „вы видите, что хотать дѣлать; единственное, чего я желаю, это — быть убитымъ, если сотворятъ такое безуміе и станутъ драться тамъ, гдѣ мы теперь стоимъ“. Бенигсенъ, котораго я не видалъ со дня смерти императора Павла, тоже подошелъ, чтобы поговорить со мною. Я преодолялъ отвращеніе, внушаемое мнѣ (Бенигсеномъ), и узналъ отъ него, что онъ не вѣритъ въ сраженіе, возвѣщаемое Кутузовымъ, что они сами не знаютъ сколько у нихъ людей подъ ружьемъ и что за отступленіемъ, которое являлось необходимымъ, послѣдуетъ занятіе Москвы неприятелемъ. Солдаты глядѣли угрюмо, офицеры — уныло; безтолковщина была повсюду, всякій совался съ своимъ мнѣніемъ или спорилъ со всѣми.

Наканунѣ вечеромъ, Кутузовъ просилъ у меня присылки шанцевъаго инструмента; я послалъ ему полныя 10 телѣгъ, но офицеръ, имѣвшій порученіе сдать ихъ, пришелъ доложить мнѣ, что никто не хочетъ ихъ принимать. Черезъ полъ-часа онъ опять явился испрашивать моихъ приказаній, такъ какъ нашелъ телѣги безъ лошадей, отобранныхъ сялою. Не зная, къ кому обратиться, чтобы просить о возвращеніи лошадей, я приказалъ офицеру бросить и телѣги и инструменты и вернуться со своими людьми въ Москву, пѣшкомъ.

Я просилъ у Барклая позволить моему сыну проводить меня въ городъ. Я надѣялся доставить ему одинъ день отдыха. Онъ страдалъ отъ контузии, полученной въ руку и, повидимому, былъ однимъ изъ числа тѣхъ, которые тоже не вѣрили въ сраженіе.

Я отправился къ архіерею, чтобы сообщить ему о желаніи Кутузова, т. е. чтобы онъ отправился (къ войскамъ) крестнымъ ходомъ, съ образами Богоматери, чтобы священники пѣли молитвы и кропили войска святою водою передъ сраженіемъ. Сообщение это пришлось не по вкусу владыкѣ.

— „Но куда же я пойду послѣ молебна?“ спросилъ онъ меня.

— Къ вашему экипажу, отвѣчалъ я, — въ которомъ вы отъѣдете отъ города, ожидая исхода битвы.

— „А если она начнется прежде, нежели я кончу? Я, вѣдь, могу попасть въ эту сумятицу и меня могутъ убить“.

Чтобы его успокоить, я ему высказалъ мое убѣжденіе, что сраженія не будетъ; но совѣтовалъ быть готовымъ на всякій случай.

Когда я сѣлъ за столъ, то замѣтилъ, что у меня одного былъ кусокъ бѣлаго хлѣба. Причиною тому было то, что всѣ булочники оставили Москву. Въ 4 ч., кн. Кутузовъ прислалъ мнѣ письмо, которымъ предписывалъ послать къ нему на соединеніе, кратчайшею дорогою, оба вновь сформированные пѣхотные полка, которые, въ ожиданіи своего назначенія, прибыли въ одну изъ деревень, лежащую въ 7 в. отъ Москвы, на петербургской дорогѣ.

Въ этотъ же день, Кутузовъ, пообедавъ и отдохнувъ по обыкновенію, собралъ военный совѣтъ, на который пригласилъ (своихъ) генераловъ, для совѣщанія о томъ, какое рѣшеніе принять, т. е. защищать ли Москву или оставить ее непріятелю? Изъ 8-ми или 9-ти генераловъ, присутствовавшихъ на совѣтѣ, только одинъ предложилъ немедленно идти впередъ и атаковать Наполеона, котораго полагалъ ослабленнымъ наполовину, вслѣдствіе отдѣленія двухъ корпусовъ: Мюрата на Калужскую дорогу, а принца Евгенія на Звенигородъ. Прочіе генералы поставили на видъ настоящее печальное состояніе нашей арміи и подали голосъ за отступленіе. Кутузовъ былъ того же мнѣнія и объявилъ, что пройдетъ черезъ городъ ночью и направится на Рязанскую дорогу. При этомъ случаѣ онъ оказалъ мнѣ большую услугу, не пригласивъ меня на неожиданный военный совѣтъ; потому что я тоже высказался бы за отступленіе, а онъ сталъ бы впоследствии ссылаться на мое мнѣніе, для оправданія себя отъ нареканій за отдачу Москвы (непріятелю). Онъ написалъ мнѣ письмо, которое одинъ изъ его адъютантовъ, по фамиліи Монстрезоръ, привезъ мнѣ около 8-ми ч. вечера.

Я тотчасъ призвалъ оберъ-полиціймейстера, чтобы приказать ему отправить къ кн. Кутузову всѣхъ свободныхъ полицейскихъ офицеровъ, такъ какъ тотъ просилъ провожатыхъ, для направленія войскъ кратчайшимъ путемъ на Рязанскую дорогу; самому же оберъ-полиціймейстеру велѣлъ, собравъ всѣхъ находившихся подъ его начальствомъ людей, на самомъ разсвѣтѣ выйти изъ Москвы,

увоза съ собою всё 64 пожарныя трубы, съ ихъ принадлежностями, и отправиться во Владиміръ. Коменданту и начальнику Московскаго гарнизоннаго полка я тоже отдалъ приказаніе уходить. Аdjутанта моего я послалъ къ архіерею, съ повелѣніемъ отъ имени государя: уѣхать въ ту-же ночь и увезти съ собою обѣ иконы Богоматери. Онъ сталъ беспокоиться какимъ образомъ ихъ взять. Одна (икона), называемая Владимірскою, находилась въ кафедральномъ соборѣ; другая, Иверская, въ часовнѣ, носившей ея имя. Онъ справедливо опасался, какъ бы оставшаяся въ Москвѣ чернь не вздумала препятствовать отъѣзду двухъ покровительницъ Москвы и какъ-бы самъ онъ не подвергся опасности. Опасеніе это внушалось ему мѣрою, принятою самимъ народомъ въ послѣдніе три,—четыре дня. Мѣра эта состояла въ высыланіи ночныхъ дозоровъ для удостовѣренія въ томъ, что не хочетъ ли кто нибудь унести (помянутыя) иконы. Къ счастью, однако, никто не явился; отъѣздъ совершился быстро и безъ шума; но эта же подозрительность народа была причиною тому, что никакъ не могли снять и уложить большую серебряную люстру, висѣвшую въ соборѣ, такъ какъ для сего потребовалось бы, по крайней мѣрѣ, дня три.

Но болѣе всего озабочивалъ меня увозъ раненыхъ и больныхъ. Еще за пять дней, я приказалъ выставить у одной изъ городскихъ заставъ около 5,000 повозокъ, съ ихъ упряжкою, и при нихъ довольно сильный караулъ, для того, чтобы крестьяне ночью не убѣжали. Начальнику транспорта было предписано не отпускать ни одной подводы безъ приказанія, подписаннаго моею рукою. Послѣ письма Кутузова, сообщавшаго мнѣ объ отступленіи, я тотчасъ же отправилъ туда (къ транспорту) надежнаго человѣка, который немедленно приказалъ запрягать телѣги и направилъ ихъ къ госпиталю. Тамъ уже отданы были мои приказанія: положить на телѣги постольку больныхъ, поскольку могло помѣститься, и объявить остальнымъ, что непріятель скоро вступаетъ въ Москву и что они должны потихоньку идти за транспортомъ, везущимъ самыхъ слабыхъ въ Коломну, за 90 в. (22¹/₂ лье) отъ Москвы, гдѣ уже ожидаютъ ихъ рѣчныя суда и (медицинская) помощь. Болѣе 20,000 чел. успѣло помѣститься на подводы, хотя и не безъ суматохи и споровъ; прочіе послѣдовали за ними пѣшкомъ. Весь транспортъ двинулся съ

мѣста около 6-ти час. утра; но около 2,000 больныхъ и тяжело раненныхъ остались на своихъ кроватахъ, въ ожиданіи непріятеля и смерти. Изъ нихъ, по возвращеніи моемъ, я только 300 чел. засталъ въ живыхъ.

Этотъ караванъ, безпримѣрный въ исторіи чрезвычайныхъ событій, прибылъ въ Коломну на четвертые сутки. Больныхъ перемѣстили на суда и спустили по Окѣ, до губернскаго города Рязани, гдѣ они были размѣщены, накормлены и пользовались хорошимъ уходомъ, благодаря заботливости и дѣятельности профессора Лодера, котораго я назначилъ начальникомъ всѣхъ госпиталей и которому его просвѣщенное и человѣколюбивое рвеніе доставило лучшую изъ всѣхъ наградъ: возможность сказать, что «изъ такого-то числа больныхъ и раненныхъ я спасъ столькоихъ-то и столькоихъ-то».

Хотя Наполеонъ, въ одномъ изъ своихъ бюллетеней, уверяетъ меня за то, что я обрекъ вѣрной смерти нѣсколько тысячъ раненныхъ и больныхъ солдатъ, покинутыхъ въ госпиталяхъ, но если бы онъ захотѣлъ быть справедливымъ, то поблагодарилъ бы меня за то, что я выпроводилъ 25,000 чел., которые всѣ погибли бы отъ голода и лишеній, (если бы остались) въ Москвѣ. Исторія и человѣчество обвинили бы самого Наполеона въ смерти этихъ несчастныхъ, впавшихъ въ его власть, какъ военнопленныя.

* *
* *

Около полуночи я отправилъ къ государю курьера съ печальнымъ извѣстіемъ, что непріятель готовится стать господиномъ его столицы. Въ то же время я выслалъ шарлатана Шмидта, и они отправились по ярославской дорогѣ. Когда нѣсколько строкъ моего донесенія было уже написано, я замѣтилъ, что листъ (на которомъ я писалъ) разорванъ; я взялъ другой, а первый остался на моемъ бюро, и это подало поводъ къ тому, что въ одномъ изъ бюллетеней (Наполеона) говорится, будто, при смятеніи, въ какомъ я находился, я даже забылъ окончить мое письмо государю.

Въ 11 час. вечера мнѣ доложили о прибытіи принца Виртембергскаго и герцога Ольденбургскаго. Одинъ былъ генералъ-аншефомъ, другой — генералъ-лейтенантомъ, состоявшимъ по арміи. Оба они пріѣхали приглашать меня отправиться къ кн. Кутузову и уговорить его не оставлять Москвы и дать

сраженіе. Объясненіе мое было непродолжительно. Когда на вопросъ мой: настаивали ли они въ военномъ совѣтѣ на необходимости драться? они отвѣчали, что даже и не были на немъ,— то я замѣтилъ ихъ высочествамъ, что одинъ изъ нихъ приходится дядей, а другой двоюроднымъ братомъ государю и что потому они гораздо болѣе меня имѣютъ правъ совѣтами своими заставить кн. Кутузова перемѣнить свое мнѣніе, и что, къ тому же, у меня еще столько дѣла остается до утра, что я не хочу пожертвовать 4-мя или 5-ю часами на поѣздку, безполезнасть которой предвижу. Принцы сообщили мнѣ, что они ходили къ кн. Кутузову, но что онъ спалъ и ихъ не впустили. Послѣ многихъ сожалѣній и строгихъ осужденій кн. Кутузова, они ушли, оставивъ меня проникнутаго горестью и пораженнаго оставленіемъ Москвы.

Сейчасъ же послѣ нихъ явилось ко мнѣ пять или шесть молодыхъ людей изъ хорошихъ фамилій, пришедшихъ въ отчаяніе при видѣ отступленія арміи и считавшихъ себя опозоренными, такъ какъ Москва отдавалась непріятелю. Они умоляли меня, со слезами на глазахъ, ѣхать къ кн. Кутузову и поудить его къ отменѣ приказа объ отступленіи (которое уже совершалось, такъ какъ артиллерія слѣдовала по вѣнскимъ бульварамъ). Я, на сколько могъ, успокоилъ эту похвальную ревность юношей, которые ушли отъ меня настолько же недовольные мною за то, что я не воспрепятствовалъ кн. Кутузову отступить, насколько послѣдній долженъ былъ быть доволенъ, что могъ уйти, не давъ Наполеону доканать себя.

Я послалъ камердинера на свою дачу, чтобы взять тамъ два портрета, которыми я очень дорожилъ: одинъ, жены моей, а другой— императора Павла. Надо тутъ замѣтить, что въ обоихъ домахъ моихъ оставлена была мною полная обстановка: картины, книги, мраморныя вещи, бронза, фарфоръ, всѣ экипажи и погребъ съ винами. Хотя я и напередъ былъ увѣренъ, что все это будетъ разграблено, но хотѣлъ понести тѣ же потери, какія понесены были другими, и стать на одинъ уровень съ жителями, имѣвшими въ Москвѣ свои дома. Какихъ нибудь двадцать телѣгъ могли бы увезти всю эту обстановку, стоившую полъ-милліона; въ распоряженіи моемъ находились тысячи лошадей, да кромѣ того еще лошадей 500 могли бы быть доставлены изъ помѣстья моего Во-

ронова,—но таковы уже были побудительныя причины моего жертвованія. На него въ то время не обратили вниманія, впоследствии надъ нимъ издѣвались и со мною повторилось то же, что часто бываетъ, т. е. что благородные, необдуманые порывы приписываются или глупости, или корыстному расчету.

Въ то время, какъ я укладывалъ въ мою шкатулку тѣ бумаги, которыя хотѣлъ взять съ собою, я услышалъ рядомъ съ моимъ кабинетомъ вопли и рыданія. Я вышелъ и увидѣлъ трехъ грузинъ, которые бросились къ моимъ ногамъ, объявляя мнѣ,— что обѣ царевны, обѣ княжны и эскархъ Грузіи забыты въ Москвѣ г. Валуевымъ. попеченію котораго они были поручены. Не знаю ужъ, какъ и гдѣ, но имъ достали штукъ 15 лошадей, и всѣ эти потомки грузинскихъ царей отправились въ путь,—царевны въ каретахъ, а ихъ дворня пѣшкомъ.

Я не имѣлъ ни минуты свободной. Безпрестанно приходили ко мнѣ люди всякихъ сословій; одни просили повозку, другіе— денегъ, такъ какъ не имѣли средствъ выбраться изъ города; одинъ извѣстный мнѣ полицейскій офицеръ пришелъ весь въ слезахъ, ведя за собою своего 3-хъ лѣтняго ребенка, о которомъ мать, при отъѣздѣ, забыла. Я дѣлалъ все, что могъ для удовлетворенія просьбъ этихъ несчастныхъ. Что касается денегъ, я роздалъ ихъ столько, что выѣхалъ изъ Москвы человѣкомъ одновременно самымъ богатымъ и самымъ бѣднымъ; такъ какъ увозилъ съ собою 130 т. руб., оставшіеся у меня изъ экстраординарныхъ суммъ, и 630 р., собственно мнѣ принадлежавшихъ. Мысль о томъ, откуда добыть денегъ впоследствии, не приходила мнѣ въ голову.

Я приказалъ спросить у полицейскихъ офицеровъ, не найдется ли между ними желающихъ остаться въ городѣ, переодѣтыми, и доставлять мнѣ донесенія въ главную квартиру, посредствомъ казачьихъ аванпостовъ, до которыхъ они могли пробираться черезъ Сокольницкій лѣсъ. Такихъ надо было мнѣ шесть человѣкъ; но явилось (охотниками) только пять, а одного я назначилъ по собственному выбору. Порученіе мое они исполняли разумно, усердно и съ большою сметливостію. По счастью, присутствія ихъ (въ Москвѣ) даже и не подозрѣвали. По возвращеніи моемъ, я всѣхъ ихъ тамъ встрѣтилъ, и они были щедро награждены государемъ.

Подъ утро явился ко мнѣ нѣкій Загряжскій, состоявшій въ должности шталмейстера при имп. Павлѣ. Это былъ человекъ очень поплый, враль и барышникъ. Онъ заявилъ мнѣ, что такъ какъ жена его не прислала ему лошадей изъ деревни и такъ какъ все имущество свое онъ зарылъ въ своемъ саду, то хочетъ остаться въ Москвѣ, чтобы оберегать оное. Я далъ ему почувствовать, что онъ рискуеть подвергнуться многимъ неприятностямъ, но что мнѣ не приходится давать ему ни приказаній, ни дозволеній. У человека этого уже былъ готовъ свой планъ. Онъ остался (въ Москвѣ) и представился герцогу Виченцскому (Коленкуру), который зналъ его, потому что покупалъ у него лошадей во время своего посланничества въ Россіи. Онъ озаботился устройствомъ конюшни Наполеона и фабрики для починки сѣделъ французской кавалеріи.

Наконецъ, въ 10 ч. утра, все было готово для моего отъѣзда. Я послалъ за своимъ сыномъ, который спокойно проспалъ до 6-ти часовъ и только проснувшись узналъ о судьбѣ Москвы. Такъ какъ онъ не являлся, то я самъ отправился его искать. Я встрѣтилъ его выходящимъ, со слезами на глазахъ, изъ спальни моей жены, и онъ сказалъ мнѣ, что ходилъ прощаться и взглянуть въ послѣдній разъ на мать и сестеръ. Въ этой комнатѣ находились изъ изображенія и прочіе фамилные портреты. Я понималъ горестъ сына моего. Онъ покидалъ отеческій домъ и, въ этотъ разъ, можетъ быть съ тѣмъ, чтобы ужъ туда болѣе не возвращаться; онъ прощался съ своею матерью, служившею ему и учителемъ, и воспитателемъ, и совѣтникомъ; не заставъ ее въ Москвѣ, онъ обращался съ прощальнымъ привѣтомъ въ портрету ея;—онъ собирался прибыть въ армию, на которую не слѣдовало много рассчитывать, и вслѣдствіе послѣднихъ событій имѣя всего 17 лѣтъ отъ роду, поставленъ былъ въ положеніе человека, желающаго встрѣтить смерть, дабы избѣгнуть позора быть покореннымъ.

* * *

Я спустился на дворъ, чтобы сѣсть на лошадь, и нашелъ тамъ съ десятокъ людей, уѣзжавшихъ со мною. Улица передъ моимъ домомъ была полна людьми простаго званія, желавшихъ присутствовать при моемъ отъѣздѣ. Всѣ они, при моемъ явленіи, обнажили головы. Я приказалъ вывести изъ тюрьмы и

Я сѣлъ на лошадь и выѣхалъ со двора и съ улицы, на которой стоялъ мой домъ. Я не оглядывался, чтобы не смущаться тѣмъ, что прошло. Глаза закрывались, чтобы не видѣть ужасной дѣйствительности, и приходилось отступать назадъ передъ страшною будущностью.

* * *

Я остановился на одномъ изъ бульваровъ, выжидая когда одинъ изъ ординарцевъ моихъ пріѣдетъ съ донесеніемъ, что непріятель уже въ городъ. Я былъ пораженъ пустотою, господствовавшею повсюду: на протяженіи одного льѣ увидѣлъ я только одну женщину съ ребенкомъ, стоявшую у овна, да еще толстаго старика, сидѣвшаго въ халатѣ передъ своимъ домомъ. На мой вопросъ: развѣ не можешь ты уйти?—онъ отвѣчалъ: „да зачѣмъ же, сударь?—въ мои года не стоитъ уходить въ другое мѣсто. Я остаюсь и не тревожусь о томъ, что меня ожидаетъ. Пусть будетъ, что будетъ“. — Разставаясь съ этимъ человѣкомъ, я (внутренно) сознавалъ, что онъ былъ правъ и являлся настоящимъ философомъ, самъ того не сознавая.

Ординарецъ мой возвратился съ донесеніемъ, что Милорадовичъ, съ нашимъ арьергардомъ, уже прошелъ черезъ Арбатскую улицу и что непріятельскій авангардъ непосредственно за нимъ слѣдуетъ. Я направилъ мою лошадь къ Рязанской заставѣ и у моста черезъ Иuzu, думая обогнать одинъ изъ нашихъ конныхъ отрядовъ, увидѣлъ, что это кн. Кутузовъ съ своимъ конвоемъ. Я поклонился ему, но не хотѣлъ говорить съ нимъ; однако онъ самъ, пожелавъ мнѣ добраго дня (что можно было бы принять за сарказмъ), сказалъ: „могу васъ увѣрить, что я не удалюсь отъ Москвы, не давъ сраженія“. Я ничего не отвѣтилъ ему, такъ какъ отвѣтомъ на нелѣпость можетъ быть только какая нибудь глупость.

Не довзжая до моста, я былъ остановленъ кучкою раненыхъ офицеровъ, чловѣкъ въ десять, идущихъ пѣшкомъ. Они уходили изъ города, и остановили меня, чтобы попросить денегъ, такъ какъ у нихъ ничего не было. Я опорожнилъ свои карманы; но пожертвованіе мое не соотвѣтствовало моему желанію дать имъ побольше. Они благодарили меня со слезами на глазахъ; да и у меня текли слезы состраданія и горести при видѣ искалѣченныхъ офицеровъ, доведенныхъ до испрашиванія милостыни, чтобы не умереть съ голоду.

По прибытіи къ заставѣ, мнѣ съ трудомъ лишь удалось пробраться черезъ нее, по причинѣ множества войскъ и повозокъ, торопившихся выходомъ изъ города. Въ ту минуту, когда я очутился по ту сторону заставы, раздались три пушечныхъ выстрѣла въ Кремль: то разгоняли народъ, тамъ собравшійся. Выстрѣлы эти возвѣщали о занятіи столицы и говорили мнѣ, что я уже пересталъ быть ея начальникомъ. Поворотивъ лошадь, я почтительно поклонился первому городу Россійской имперіи, въ которомъ я родился, котораго былъ блюстителемъ и гдѣ ссоронилъ двухъ изъ дѣтей моихъ. Долгъ свой я исполнилъ; совѣсть моя безмолствовала, такъ какъ мнѣ не въ чемъ было укорять себя, и ничто не тяготило моего сердца; но я былъ подавленъ горестью и вынужденъ завидовать русскимъ, погибшимъ на поляхъ Бородина. Они умерли защищая свое отечество, съ оружіемъ въ рукахъ, и не были свидѣтелями торжества Наполеона.

Гр. Ѳ. В. Ростопчинъ.

Перев. съ франц. подлинной рукописи И. И. Ореуса.

Примѣчаніе. Покойный Александръ Николаевичъ Поповъ въ исторической своей монографіи: «Москва въ 1812 году» («Р. А.» 1875 г., книги 2 и 3) привелъ большія выдержки, въ своемъ переводѣ, изъ «Записокъ гр. Ѳ. В. Ростопчина о 1812 г.». Можно сказать, что въ ряду многихъ источниковъ, цитруемыхъ А. Н. Поповымъ, упомянутыя записки являются однимъ изъ главнѣйшихъ. Время написанія «Записокъ Ростопчина» Поповъ относитъ къ 1823-му году, при чемъ указываетъ на с. Вороново, какъ на мѣсто, въ которомъ графъ Ѳедоръ Васильевичъ написалъ эти воспоминанія.

Какъ ни обширны выдержки А. Н. Попова изъ этого драгоценнаго источника, но, — какъ мы уже замѣтили въ предисловіи, — эти выдержки, въ перемежку съ разными подробностями, взятыми либо изъ писемъ Ростопчина, либо изъ показаній современниковъ и сказаній историковъ о событіяхъ того времени, отнюдь не устраняютъ ни потребности, ни громаднаго интереса для читателей — въ ознакомленіи съ полнымъ, дословнымъ и непрерывнымъ изложеніемъ всего этого историческаго памятника, оставленнаго для потомства бывшимъ главнокомандующимъ города Москвы, графомъ Ѳ. В. Ростопчинымъ, каковой требованія нынѣ удовлетворили, напечатать выше (съ пропускомъ лишь 1½ стр.) «Записки Ростопчина о 1812 годѣ» въ весьма точномъ и заботливо исполненномъ переводѣ ген.-м. И. И. Ореуса.

Ред.

Памятникъ на могилѣ павшихъ воиновъ

Селенгинскаго и Волынскаго полковъ

24-го октября 1854 года.

Въ Крыму, на берегу Черной рѣчки, на противоположной сторонѣ отъ Инкерманскаго монастыря, въ 1854 г. октября 24-го, происходила битва Волынскаго и Селенгинскаго полковъ, стоившая весьма многихъ жертвъ; воины погребены близъ мѣста своей кончины; могилы ихъ обнесены оградю трудами одного изъ уцѣлѣвшихъ севастопольцевъ унтеръ-офицеромъ—Никитомъ Андреевымъ; этотъ Андреевъ пожелалъ въ 1868 г. поставить надъ воинами памятникъ; мысль эта одобрена была епископомъ таврическимъ Алексѣемъ, и онъ же благословилъ превзводить сборъ на памятникъ Инкерманскому монастырю. Въ началѣ сборъ былъ удовлетворительный, но со смертію Никиты Андреева пожертвованія остановились, и только благодаря редакціи «Русской Старины», помѣстившей по сему предмету въ 1885 году мою замѣтку, вопросъ о памятникѣ обновился; явились средства, до 1,000 съ чѣмъ-то рублей, начали его строить, но дѣло пошло затѣмъ вяло и лишь въ 1887 г. памятникъ былъ оконченъ, но до сихъ поръ не открытъ и не освященъ съ тою торжественностью, каковая подобаетъ такому событію.

Между тѣмъ въ газетахъ читаемъ мы объ открытіи памятниковъ французами и другими надъ своими усопшими подъ Севастополемъ, объ открытіи съ торжественными обстановками; неужели же волынцы и селенгинцы этого не заслуживаютъ? Въ виду этого, я вновь, чрезъ любезное посре́дство «Русской Старины», довожу о томъ до свѣдѣнія, главнымъ образомъ, оставшихся въ живыхъ героевъ Севастополя и лицъ, власть имѣющихъ, не признаютъ ли они возможнымъ пососѣйствовать скорѣйшему освященію и открытію памятника на могилѣ героевъ Волынскаго и Селенгинскаго полка: 24-го октября 1889 г. уже минуло 34 года со дня ихъ смерти.

Д. Струковъ.

Москва.

9-го октября 1889 г.

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1842 г. ¹⁾.

Январь 3. Въ Новый годъ, на балу въ Смольномъ монастырѣ, встрѣтился и познакомился съ генераль-адъютантомъ Шиповомъ. Онъ, между прочимъ, много говорилъ о системѣ народнаго образованія, которую намѣревался ввести въ Польшѣ, гдѣ завѣдывалъ этою частью. Онъ противникъ такъ называемаго классическаго образованія и сторонникъ реального. Не поладивъ съ Паскевичемъ, онъ принужденъ былъ оставить свой постъ и возвратился въ Петербургъ. Теперь онъ назначенъ казанскимъ генераль-губернаторомъ.

7. У меня просидѣлъ вечеръ И. И. Давыдовъ, профессоръ московскаго университета. Обширный умъ, бездна познаній, званіе жизни — все это есть у него, — а дальше что? Пока не знаю. Его упрекаютъ въ уклончивости, или, вѣрнѣе, слишкомъ большой склонности характера. Но всѣ, знавшіе его прежде, давно, какъ напримѣръ Н. А. Полевой, утверждаютъ, что онъ сдѣлался такимъ послѣ несчастной исторіи, когда ему запретили читать философію въ Москвѣ и начали смотрѣть на него, какъ на врага вѣры, престола и т. д. Но Полевому не слѣдовало бы упрекать его за сближеніе съ властями: онъ самъ пережилъ нѣчто подобное послѣ запрещенія «Телеграфа».

8. Графъ Клейнмихель всецѣленъ при дворѣ! онъ можетъ сыпать милостями, крестами, деньгами и чинами. Вотъ работа для страстей! Аудиторское училище въ данную минуту превратилось

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; септ., стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; нояб., стр. 267—310; дек., стр. 549—582; зд. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; іюнь, стр. 577—598; т. LXIII, іюль, стр. 27—60; августъ, стр. 265—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV, октябрь, стр. 103—122; ноябрь, стр. 323—334.

въ арену для недостойной погони за всѣми этими благами. Послѣ предстоящаго выпуска ожидаютъ массу наградъ. Большинство моихъ сослуживцевъ плашмя лежатъ, простирая руки кто къ Станиславу, кто къ Аннѣ, къ перстню, къ табакеркѣ. Можно, конечно, желать общественныхъ выгодъ: это естественно. Но пусть бы эти выгоды, по крайней мѣрѣ, покупались цѣною настоящаго дѣла, а не составляли исключительную добычу тѣхъ, кто всѣхъ искуснѣе въ проискахъ и сплетняхъ.

11. Былъ у графа Виельгорскаго. Онъ просилъ меня о романѣ Миклашевичевой: нельзя-ли пропустить? Нельзя. Много дѣйствующихъ лицъ изъ духовныхъ, есть на сценѣ архiereй, разбойникъ-помѣщикъ, плуть-губернаторъ и прочее. Но главное препятствіе въ духовныхъ лицахъ.

Графъ сообщилъ мнѣ, что государь ему недавно говорилъ съ негодованіемъ о враждебномъ направленіи нашей литературы, о нападкахъ ея на высшіе классы, въ примѣръ чего приводилъ: «Сказку за сказкой». Въ одной изъ нихъ съ невыгодной стороны выставлено наше дворянство, и цензору Очкину былъ сдѣланъ строгій выговоръ.

16. Профессоръ Давыдовъ въ большой милости у Уварова. Онъ добился этого грубою лестью, которую министръ всегда приписываетъ съ простодушіемъ ребенка, чему нельзя не удивляться, ибо у него нельзя отнять ума, если не глубокаго, то, во всякомъ случаѣ, сметливаго. Давыдовъ особенно завоевалъ его сердце статьюю «о Порѣчьи», деревнѣ Уварова, — статьюю, до того льстивою, что она насмѣшила всѣхъ въ Петербургѣ, гдѣ нравы не такъ уже наивны, какъ въ Москвѣ. Уваровъ теперь принялъ здѣсь Давыдова съ распростертыми объятіями. Недавно онъ заставилъ его прочесть по одной лекціи въ Екатерининскомъ институтѣ и Смольномъ монастырѣ, объявивъ предварительно дѣвицамъ этихъ заведеній, что онѣ услышатъ «русскаго Вильмена». Давыдовъ явился и не произвелъ ожидаемаго эффекта. Особенно не по вкусу пришелся онъ въ Смольномъ монастырѣ. Дѣлая тамъ обзоръ русской литературѣ, онъ отказалъ въ поэтическомъ дарѣ Державину и вовсе не упомянулъ о Пушкинѣ — разумѣется изъ желанія угодить Уварову, который никакъ не можетъ забыть «Лукулла». Въ заключеніе Давыдовъ сказалъ, что всему въ Россіи дать жизнь и направленіе министерство народнаго просвѣщенія. И все это въ присутствіи Уварова, который не покраснѣлъ и тогда даже, когда Давыдовъ торжественно объявилъ, что «если онъ сказалъ что нибудь хорошее, то обязанъ этимъ не себѣ, а присутствію его высокопревосходительства: самъ онъ (Давыдовъ) только Мемнонова статуя, возбужденная лучезарнымъ солнцемъ».

27. Императорскій экзамень въ Смольномъ монастырѣ. Въ половинѣ экзамена прѣѣхалъ наслѣдникъ съ женою, а спустя нѣсколько времени и самъ государь. Онъ хотѣлъ послушать только пѣніе. Пропѣли концертъ, «Боже, Царя храни», многая лѣта, и онъ уѣхалъ.

Февраль 12. Музыкальная и танцевальная репетиція въ Смольномъ монастырѣ. Есть прекрасные голоса; особенно отличилась пѣниемъ калмычка Капчукова. Хороши были также и танцы. Неистощимая Дидло къ каждому выпуску припасаетъ новыя группы и фигуры.

Итакъ, вотъ воспитаніе этихъ дѣвушекъ кончено. Онѣ выходятъ въ жизнь—съ чѣмъ же? Съ пѣніемъ, съ плясками, съ легкимъ, очень легкимъ запасомъ познаній, съ привычками къ роскоши, съ жаждою къ наслажденіямъ и съ совершеннымъ непониманіемъ жизни, незнаніемъ ея темныхъ сторонъ и своихъ обязанностей. Между тѣмъ каждой изъ нихъ уже лѣтъ восемнадцать, двадцать. Въ этихъ заведеніяхъ вообще слишкомъ много жертвуется для блеска. Они какъ бы составляютъ часть двора и потому въ нихъ все, главнымъ образомъ, обращено на вѣщность¹⁾.

13. Въ аудиторской школѣ происходятъ ужасныя сцены и мерзости. Р—гъ уже открыто идетъ противъ меня и окружаетъ меня шпионами. Въ добрый часъ!

Университетъ опять возложилъ на меня произнести рѣчь на актѣ. Хочу написать что нибудь о критикѣ.

24. Встрѣтился съ княгиней Щербатовой, которая завела со мной рѣчь объ (драмѣ) «Еленѣ Глинской». Она была недавно на представленіи ея. Да, ваши аристократы начинаютъ не только читать русскія книги, но и посѣщать русскій театръ. Вотъ все, что они вынесли хоть бы изъ представленія «Елены Глинской»: «Зачѣмъ выводить на сцену русскій дворъ въ такомъ непристойномъ видѣ?» Я не читалъ и не видалъ пьесы и потому ничего не могъ на это отвѣчать; замѣтилъ только, что русская исторія вообще бѣдна драматическими эффектами и писателю трудно выбирать: онъ радъ, когда нападаетъ на что-нибудь живое.

Мартъ 1. Вчера былъ въ театральномъ маскарадѣ. Тамъ, по обыкновенію, присутствовалъ государь. Онъ былъ очень веселъ, его постоянно затрогивали маски и самъ онъ многихъ останавливалъ.

¹⁾ Со времени конца 1850-хъ и начала 1860-хъ годовъ все это измѣнилось къ лучшему. По волѣ императрицы Маріи Александровны, К. Д. Ушинскій произвелъ значительныя преобразованія во всемъ строѣ институтскаго образованія.

этикета. Былъ провозглашенъ тостъ за императрицу, при чемъ всѣ встали. Государь приказалъ опять садиться и скомандовалъ:

— Разъ, два, три!

Послѣ обѣда пошли въ церковь. Многія изъ дѣвицъ, прощаясь, рыдали. Мои ученицы окружили меня тѣсной толпой и благодарили «за тѣ высокія чувства, которыя я вложилъ въ ихъ душу» и проч. Я былъ тронуть не меньше ихъ самихъ.

Здѣсь, между прочимъ, видѣлъ я г-жу Нелидову. Она не красавица, но въ лицѣ ея много предести и во всей особѣ что-то въ высшей степени привлекательное. Къ пяти часамъ всѣ разѣхались.

25. Публичный актъ въ университетѣ. Я произнесъ рѣчь «о критикѣ». Публика приняла ее съ большимъ одобреніемъ. Многіе подходили благодарить меня. Были въ публикѣ лица, прѣхавшія нарочно только для моего чтенія и уѣхавшія тотчасъ послѣ него. Вообще я въ настоящее время пользуюсь расположеніемъ публики; говорятъ что лекціи мои производятъ эффектъ: прекрасно, но на долго ли все это?... Плетневъ прочелъ свой отлично составленный отчетъ за истекшій годъ. Вообще весь актъ прошелъ прилично и торжественно, какъ это рѣдко удается.

29. Былъ у Клейнмихеля, чтобы какъ-нибудь выяснитъ, наконецъ, мои отношенія къ аудиторской школѣ. Графъ оказалъ:

— Прошу васъ, не оставляйте только насъ. Вы настоящій начальникъ всей учебной части въ аудиторской школѣ. Она вся на вашей исключительной отвѣтственности. Во всемъ относитесь прямо ко мнѣ, а я васъ ужъ поддержу.

Послѣднія слова онъ особенно подчеркнул. Итакъ, пока дѣло уладилось, кажется.

Апрѣль 9. Вчера выпущенныя монастырки собралась ко мнѣ провести ввчеръ. Ихъ было до двадцати. Между ними особенно сіяли красотой царевна Гурійская и Галенкина. Вечеръ прошелъ оживленно и очень пріятно.

16. Множество толковъ по поводу указа о крестьянахъ. Мое мнѣніе, что указъ этотъ не есть окончательная мѣра: онъ слишкомъ страненъ и противенъ политикѣ. Одно изъ двухъ: или это первый шагъ, за которымъ послѣдуютъ другіе, или существуютъ секретныя дополнительныя предписанія мѣстнымъ властямъ, чтобы они склонили дворянство понять волю государя и приступить къ добровольной сдѣлкѣ съ крестьянами. Это можетъ повести къ тому, что народъ подумаетъ, будто все сдѣлано по желанію самого дворянства и послѣднее, такимъ образомъ, не будетъ компрометировано.

24. Былъ, между прочимъ, у дѣвицъ Бурнашевыхъ, съ которыми повнакомилъ меня Гросъ-Гейнрихъ, учитель дѣвицы Кульманъ. Это двѣ бѣдныя дѣвушки, съ отличными дарованіями. Отца ихъ какъ-то притѣснили по службѣ; онъ живетъ ничтожнымъ пенсіономъ или жалованьемъ и не могъ дать образованія своимъ дочерямъ. Къ нимъ на помощь явился Гросъ-Гейнрихъ. Онъ замѣтилъ ихъ способности и принялся за ихъ образованіе, подобно тому, какъ уже это сдѣлалъ съ Елисаветою Кульманъ. И вотъ теперь эти дѣвушки отлично знаютъ языки: французскій, нѣмецкій, англійскій, итальянскій и, кромѣ того, занимаются древними: латинскимъ и греческимъ. Я засталъ ихъ за переводомъ Матеева Евангелія съ греческаго языка на русскій. Я пробылъ у нихъ часа полтора и, уходя, обѣщался посѣщать ихъ и съ своей стороны руководить ихъ занятіями по русской словесности. Онѣ съ удовольствіемъ приняли мое предложеніе.

26. Сегодня я въ первый разъ слышалъ Листа. Принцъ Ольденбургскій пригласилъ его въ Смольный монастырь, а начальница пригласила меня послушать знаменитаго артиста. Это настоящій геній. Какая сила, какой огонь въ его игрѣ! Инструментъ подъ его пальцами исчезаетъ. Онъ переноситъ васъ всецѣло въ міръ звуковъ, гдѣ онъ безграничный властелинъ. Каждый звукъ, который онъ извлекаетъ изъ инструмента—или мысль, или чувство. Нѣтъ, я никогда не слышалъ ничего подобнаго! Далѣе въ музыкѣ, кажется, нельзя идти.

Наружность Листа очень оригинальна. У него тонкія черты лица; онъ худъ и блѣденъ; длинныя свѣтлорусые волосы стелются у него по плечамъ. Когда онъ играетъ, фізіономія его оживляется и буквально дѣлается говорящею. Всѣ пріемы его показываютъ человѣка европейски образованнаго. Его приняли, какъ царя. Всѣ встали, когда онъ вошелъ; принцъ Ольденбургскій, министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ, начальница Смольнаго монастыря—встрѣтили его у астры, гдѣ ожидали его два флигеля. Листа сопровождалъ и неотлучно при немъ находился, какъ камергеръ при царѣ, графъ Вельгорскій, самъ превосходный музыкантъ. Я и до сихъ поръ еще нахожусь подъ вліяніемъ дивной, непостижимой игры Листа.

Май 16. У насъ новый попечитель. Ужъ съ годъ, какъ князь Дондуковъ-Корсаковъ подалъ въ отставку. На его мѣсто долго никого не назначали. Но вотъ пріѣхалъ изъ заграницы князь Григорій Петровичъ Волконскій и его сдѣлали попечителемъ. Онъ былъ уже года два помощникомъ попечителя и потому намъ знакомъ. Онъ человѣкъ, какъ говорится нынѣ, съ европейскимъ образованіемъ свѣжей головой и честными стремленіями, еще не остывъ добру — только очень молодъ. Ему лѣтъ за тридцать, не

хватить ли у него твердой воли и выдержки въ добръ? Много есть людей, которые, начавъ свою дѣятельность съ хорошими намѣреніями, скоро измѣняютъ имъ: общество и жизнь такъ переворачиваютъ ихъ, что они начинаютъ дѣйствовать въ смыслѣ, обратномъ своимъ первоначальнымъ дѣламъ. У насъ люди удивительно скоро подвергаются порчѣ.

22. Сегодня университетъ давалъ обѣдъ бывшему своему попечителю, князю М. А. Дондукову-Корсакову. Обѣдающихъ было до восьмидесяти человекъ. Присутствовали, между прочимъ, и министр народнаго просвѣщенія, и графъ Протасовъ, и новый попечитель, князь Волконскій, съ братомъ. Все сошло очень хорошо. Плетневъ, отъ имени университета, прочелъ князю благодарственное слово за его управленіе. Это, видимо, тронуло его и онъ, въ свою очередь, отвѣчалъ просто, съ чувствомъ. За обѣдомъ и послѣ обѣда играла музыка.

31. Князь Дондуковъ-Корсаковъ давалъ университету отвѣтныи прощальный обѣдъ на своей дачѣ въ Ораніенбаумѣ. Поутру, въ двѣнадцать часовъ, профессора собрались на Англійской набережной, на пароходѣ, который нарочно для нихъ былъ приготовленъ. Погода стояла ясная, хотя немного холодная. Когда мы выѣхали на взморье, грянула музыка и играла все время плаванія. Пароходъ остановился на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега: къ нему причалило три катера и мы быстро очутились у пристани, гдѣ ожидали насъ экипажи. Въ три часа мы были на дачѣ и встрѣчены хозяйкой въ саду, у террасы. Обѣдъ прошелъ живо и весело. Вечеромъ привелось быть зрителемъ интереснаго зрѣлища. Кто-то изъ властей (говорятъ, принцъ Оранскій) приближался на пароходѣ къ Кронштадту. Вдругъ на крѣпости и на корабляхъ, стоящихъ на рейдѣ, мелькнули огоньки, раздался громъ пушекъ: это былъ салютъ высокому гостю.

Вечеромъ тѣмъ же порядкомъ совершился нашъ обратный путь въ Петербургъ. Дулъ попутный, но сильный вѣтеръ и пароходъ покачивало. Многіе изъ нашихъ забрались въ каюту и, въ воспоминаніе своего минувшаго студенчества, затянули буршскія пѣсни; на палубѣ, тѣмъ временемъ, играла музыка и все это, вмѣстѣ съ шумомъ пѣнящихся подъ колесомъ парохода волнъ, составляло какой-то дикій, оригинальный концертъ.

Ноябрь 1. Я подалъ Позену, для представленія военному министру, записку объ аудиторскомъ училищѣ. Оно день ото дня падаетъ и если не дать ему средствъ поправиться, наконецъ, совсѣмъ упадетъ. Позень обѣщалъ похлопотать.

Четыре бѣдствія постигли Россію въ продолженіе послѣдней чет-

лень проектомъ и хочеть привести его въ исполненіе. Но посятся слухъ, что онъ не останется министромъ и ему въ преемники прочать князя Меншикова.

Декабрь 10. Военный министръ вполнѣ одобрилъ мою записку объ аудиторскомъ училищѣ и велѣлъ назначить комитетъ для выработки правилъ преобразованія сего заведенія. Комитетъ состоитъ изъ директора канцеляріи военнаго министра, генерала Анненкова, изъ директора военныхъ поселеній Корфа и меня. Сегодня было первое засѣданіе. Дѣла будутъ много, но я не жалѣю: это пріятное дѣло, такъ какъ оно общааетъ пользу. Анненковъ человекъ образованный, мыслящій и благонамѣренный, но еще не знаю до какой степени хорошій администраторъ. Генералъ Корфъ добрый старикъ, но, бѣдный, кажется, тяготится бременемъ, которое, нечаянно кинули ему на плечи. Онъ управлялъ дивизіей, а теперь его заставили управлять огромною и многосложною машиною — департаментомъ военныхъ поселеній.

12. Неожиданное и нелѣпое приключеніе, которое заслуживаетъ подробнаго описанія. Вчера утромъ, около двѣнадцати часовъ, я вернулъся съ лекціи изъ Екатерининскаго института и, ничего не подозревая, преспокойно занимался у себя въ кабинетѣ. Вдругъ является жандармскій офицеръ и въ отборныхъ выраженіяхъ просить пожаловать къ Леонтію Васильевичу Дубельту. «Вѣроятно, что нибудь по цензурѣ», подумалъ я и немедленно отправился въ III отдѣленіе собственной его величества канцеляріи.

Дорогою я обдумывалъ всѣ мои цензурныя дѣла и ни на одномъ не могъ остановиться. Въ теченіи десяти лѣтъ я успѣлъ приобрѣсти нѣкоторую опытность и теперь тщетно терялся въ догадкахъ.

Пріѣхавшій за мною офицеръ справлялся у меня о квартирѣ Куторги, котораго также требуютъ къ Дубельту. Это значитъ намъ предстоитъ гроза за «Отечественныя Записки».

Я пріѣхалъ въ канцелярію раньше Куторги; черезъ полчаса явился и онъ. Насъ ввели къ Дубельту.

— «Ахъ, мои милые», сказалъ онъ, взявъ насъ за руки, — «какъ мнѣ грустно встрѣтиться съ вами по такому непріятному случаю. Но думайте сколько хотите», продолжалъ онъ, — «вы никакъ не догадаетесь, почему государь недоволенъ вами».

Съ этими словами онъ открылъ восьмой номеръ «Сына Отечества» и указалъ на два мѣста, отмѣченныя карандашемъ. Вотъ эти мѣста. Статья Ефибовскаго, подъ заглавіемъ: «Губернантка, повѣсть». Описывается балъ у одного чиновника на Пескахъ. «Я васъ спрашиваю, чѣмъ дурна фигура вотъ хоть бы этого фельдъегера, съ блестя-

шимъ, совсѣмъ новымъ, эксельбантомъ? Считаю себя военнымъ и, что еще лучше, кавалеристомъ, господинъ фельдъегеръ имѣетъ полное право думать, что онъ интересенъ, когда побрякиваетъ шпорами и крутить усы, намазанные фиксагуромъ, котораго розовый запахъ пріятно обдаетъ и его самого и танцующую съ нимъ даму»... «Затѣмъ прапорщикъ строительнаго отряда путей сообщенія, съ огромными эполетами, высокимъ воротникомъ и еще высшимъ галстукомъ».

— «Такъ это-то?» спросилъ я у Дубельта.

— «Да», отвѣчалъ онъ: «графъ Клейнмихель жаловался государю, что его офицеры оскорблены этимъ».

Я до того успокоился, что Владиславлевъ замѣтилъ:—«Да вы, кажется, очень довольны!»

— «Дѣйствительно, доволенъ», отвѣчалъ я. «Я беспокоился пока не зналъ въ чемъ насъ обвиняютъ. По сложности и трудности цензурнаго дѣла, мы легко могли бы что нибудь просмотрѣть и подать поводъ къ взысканію. Но теперь я вижу, что настоящій случай равняется кому снѣга съ крыши, который на васъ валится, когда вы идете по тротуару. Противъ такихъ взысканій нѣтъ ни заслугъ, ихъ предупреждающихъ, ни предосторожностей, потому что они выходятъ изъ ряда дѣлъ разумныхъ, изъ круга человѣческой логики».

Дубельтъ повелъ насъ къ Бенкендорфу.

Бенкендорфъ, почтеннаго вида старикъ, котораго я видѣлъ въ первый разъ, встрѣтилъ насъ съ лицомъ важнымъ и печальнымъ.

— «Господа», сказалъ онъ кроткимъ и тихимъ голосомъ: — «мнѣ крайне прискорбно вамъ объявить непріятную вѣсть. Государь очень огорченъ мѣстами журнала, которыя вамъ уже показали. Онъ считаетъ неприличнымъ нападать на лица, принадлежащія къ его двору (фельдъегеръ) и на офицеровъ. Я представилъ ему самое лучшее свидѣтельство о васъ, говорилъ о вашей репутаціи въ обществѣ — однимъ словомъ, сдѣлалъ все, что могъ въ вашу пользу. Не смотря на это, онъ приказалъ арестовать васъ на одну ночь».

Изъявивъ прискорбіе, что мы навлекли на себя гнѣвъ государя, я сказалъ:

— «Будьте, ваше сіятельство, нашимъ предстателемъ у государя императора. Представьте его величеству въ какомъ тяжкомъ затрудненіи находится цензура. Мы рѣшительно не знаемъ—чего отъ насъ требуютъ и какого направленія намъ держаться и мы часто страдаемъ только потому, что постороннему лицу вздумается вмѣшаться въ наши дѣла. Такимъ образомъ, мы никогда не безопасны, взысканіямъ не будетъ конца и мы окажемся въ невозможности исполнять наши обязанности».

Бенкендорфъ взялъ насъ обоихъ за руки и увѣрялъ, что все это доложить государю. Мы вышли. Владиславлевъ приготовилъ бумагу къ коменданту и вручилъ намъ ее. Было уже около четырехъ часовъ. Насъ отпустили домой пообѣдать съ тѣмъ, чтобы быть у коменданта непремѣнно въ девять часовъ. Въ восемь я заѣхалъ за Куторгой который былъ въ большихъ хлопотахъ, не зная какъ объявить о своемъ арестѣ большой жевѣ. Наконецъ, мы отправились къ коменданту въ Зимній дворецъ. Его не было дома и мы отдали нашу депешу его плацъ-адъютанту.

Онъ ввелъ насъ въ какую-то каморку, гдѣ сидѣлъ писарь за бумагами, поставилъ у дверей часоваго, а самъ поѣхалъ за приказаніями къ коменданту. Черезъ полчаса онъ вернулся и объявилъ, что мѣстомъ моего заточенія назначена Петровская или Сенатская гауптвахта, а Куторгу велѣно отвезти на Сѣнную.

Сначала онъ меня отвезъ. Я очутился въ огромной комнатѣ со сводами—въ подвалѣ, вмѣстѣ съ караульнымъ офицеромъ. Плацъ-адъютантъ былъ съ нами все время очень учтивъ. Онъ и Куторга уѣхали, я остался одинъ съ офицеромъ. Это былъ молодой человекъ изъ Образцоваго полка, повидимому очень добрый. Онъ съ участіемъ на меня смотрѣлъ, распорядился, чтобы мнѣ достали кровать, даль покрыться на ночь свою шинель, однимъ словомъ, окружилъ меня вниманіемъ и заботливостью.

На другой день явился тотъ же плацъ-адъютантъ объявить мнѣ, что я свободенъ. Опять поѣхали мы вмѣстѣ, на Сѣнную, освободить Куторгу. Распростившись съ плацъ-адъютантомъ и поблагодаривъ его за вѣжливость, мы отправились къ князю Г. П. Волконскому, нашему попечителю.

Онъ привялъ насъ не только любезно, но даже тепло. Я высказалъ князю все, что у меня накопѣло на душѣ. Съ цензорами обращаются какъ съ мальчишками или безбородыми прапорщиками, сажаютъ ихъ подъ арестъ за пустяки, не стояющія вниманія, а между тѣмъ возлагаютъ на нихъ обязанность охранять умы и нравы отъ всего, что можетъ совратить ихъ съ пути, охранять общественный духъ, законы, наконецъ, самое правительство. Какой же логической дѣятельности можно отъ насъ требовать тамъ.

Отъ князя мы поѣхали къ министру. То-же сожалѣніе, тѣ-же ласки.

— На кого тутъ жаловаться и сѣтовать? сказалъ министръ. — Случай этотъ выходить изъ общаго порядка вещей. Я тутъ ничего не могъ сдѣлать: я обо всемъ узналъ когда уже все кончилось. Я тотчасъ-же поѣхалъ бы къ государю, но не могъ, потому что у меня

въ домѣ корь. Въ моей власти было только написать письмо и просить Бенкендорфа представить его государю.

Графъ читалъ намъ это письмо. Оно написано умно и сильно. Свидѣтельствуя о насъ, т. е. о Куторгѣ и обо мнѣ, какъ о лучшихъ цензорахъ и профессорахъ, министръ заявлялъ, что находится нынѣ въ большомъ затрудненіи относительно цензуры. Люди благонадежные не хотятъ брать на себя этой несчастной должности и если мы съ Куторгою еще остаемся въ ней, то единственно по просьбѣ его, министра. Онъ боится, что цензурное дѣло вскорѣ сдѣлается всеѣмъ ненавистно.

Говорятъ, государь прочелъ это письмо и ни слова не сказалъ.

Куторга выразилъ опасеніе, что такой случай можетъ и впередъ повториться.

— Могу васъ увѣрить, — отвѣчалъ министръ, — что при первомъ такомъ случаѣ я подаю въ отставку. То, что теперь съ вами случилось, болѣе для меня пятно — если тутъ есть какое нибудь пятно, чѣмъ для васъ.

14. Новое затрудненіе! Студенты вздумали выказать свое участіе ко мнѣ, по случаю постигшей меня бѣды. Я читалъ въ первомъ курсѣ лекцію: «объ отношеніи искусства къ природѣ и о началѣ подражанія природѣ». Правду сказать, я прочелъ ее съ большимъ душевненіемъ: предметъ богатый. Я кончилъ уже и сдѣлалъ шагъ съ кафедръ, какъ вдругъ раздались громкія рукоплесканія и крики: «браво!» Студенты сплошной массой бросились ко мнѣ. Я на минуту смутился, но быстро оправился:

— Тише, господа, тише, сказалъ я студентамъ, — что вы! Остановитесь!»

Мнѣ удалось, наконецъ, выйти изъ аудиторіи, а ихъ удержать въ ней.

Что изъ этого будетъ? Не знаю. Можетъ быть, новая гроза!

16. До меня дошли слухи, что студенты замышляютъ устроить мнѣ еще что-то въ родѣ бывшаго въ понедѣльникъ. Я колебался: ѣхать ли мнѣ въ университетъ? Наконецъ, рѣшился ѣхать, чтобы не подать вида, что придаю важность подобнымъ вещамъ. Читалъ въ двухъ курсахъ — въ первомъ и во второмъ. Слава Богу, все обошлось спокойно!

19. Суббота. Въ прошедшій понедѣльникъ, вечеромъ, князь Волконскій былъ во дворцѣ. Онъ не говорилъ ничего государю о происшествіи въ университетѣ, но рассказалъ о томъ великой княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ, которая отзывалась, что меня знаетъ.

Между тѣмъ, исторія моя возбуждаетъ много толковъ въ городѣ.

Общественное мнѣніе за меня; всѣ клеймятъ Клейнмихеля. Говорятъ, на балѣ во дворцѣ многіе изъ знати выговаривали ему. Онъ извинялся передъ Уваровымъ.

22. Государь спросилъ у Бенкендорфа: знаетъ ли онъ что произошло въ университетѣ на лекціи у профессора Никитенко?

Бенкендорфъ отвѣчалъ, что знаетъ, но что считаетъ это мелочью, которая не заслуживаетъ вниманія, тѣмъ болѣе, что профессоръ Никитенко самъ постарался возстановить на одно мгновеніе нарушенный порядокъ.

— «Однако-жъ, министръ (Уваровъ) дурно сдѣлалъ, что тотчасъ не увѣдомилъ меня объ этомъ, продолжалъ государь:—сказать ему это. А между тѣмъ подать мнѣ списокъ студентовъ, которые были на лекціи въ этотъ день».

Князь Волконскій, которому все это передалъ его тесть, тотчасъ написалъ заднимъ числомъ донесеніе министру о происшествіи въ университетѣ, вслѣдствіе котораго будто бы, въ тотъ же день, онъ и министръ, сообща, положили не доносить объ этомъ государю, какъ о пустякахъ, которыми не стоитъ его утруждать.

Все это Бенкендорфъ передалъ императору, вмѣстѣ со спискомъ студентовъ.

Государь сказалъ: — «Если всѣ находятъ это дѣло неважнымъ, то и мнѣ остается то-же дѣлать. Посмотримъ списки!» Онъ пробѣжалъ его глазами и только замѣтилъ:

— Какъ мало извѣстныхъ именъ!

Тѣмъ все и кончилось.

Между тѣмъ толки о моемъ арестѣ не умолкаютъ. О Клейнмихелѣ говорятъ, что онъ охмѣлѣлъ отъ . . . милостей и впереди не ждутъ отъ него ничего другаго, послѣ знаменитыхъ приказовъ, еще такъ недавно произведшихъ удручающее впечатлѣніе на общество смѣсью произвола съ грубымъ дивизмомъ...

24. Говорятъ, государь очень недоволенъ всѣмъ случившимся въ цензурѣ. Онъ видитъ, что надѣлана чепуха. Этотъ, повидимому, ничтожный случай дѣйствительно оставилъ глубокій слѣдъ въ умѣхъ. Въ цензурѣ теперь какое-то оцѣпенѣніе. Никто не знаетъ какого направленія держаться. Цензорѣ боятся погибнуть за самую ничтожную строчку, вышедшую въ печать за ихъ подписью. Я разсматривалъ новое изданіе сочиненій Гоголя, гдѣ между старыми его вещами помѣщено нѣсколько новыхъ, напр. «Шивель, повѣсть»; «Живитьба, драма» (sic); «Разъѣздъ изъ театра» и прочее. Пьесы эти я представлялъ комитету и рѣшено было ихъ напечатать. Онѣ напечатаны, оставалось только выдать билетъ на выпускъ ихъ изъ типографіи.

Это совпало съ моимъ арестомъ и комитетъ остановилъ не только новое изданіе Гоголя, но и напечатанный уже также романъ Даля: «Вакхъ Сидоровичъ Чайкинъ».

Гоголь и Даль пишутъ повѣсти, а первый и комедіи, въ которыхъ нападаютъ на современныя гадости. Разумѣется, тутъ дѣйствуютъ разные люди: помѣщики, чиновники, офицеры, такъ же точно, какъ и въ «Горе отъ ума», въ «Ревизорѣ» и во многихъ другихъ пьесахъ, напечатанныхъ, игранныхъ на театрѣ, пропущенныхъ самимъ государемъ:—теперь все это сдѣлалось преступнымъ и запретнымъ. Комитетъ поручилъ мнѣ составить представленіе министру о затрудненіяхъ, въ какихъ онъ находится: онъ просить наставленій и руководства.

29. Всѣ дни занимался сочиненіемъ представленія министру. Комитетъ одобрилъ его, князь (Волконскій) тоже. Оно теперь переписывается. Актъ этотъ очень любопытенъ. Я сохранию копію съ него въ моихъ бумагахъ. Можетъ быть онъ будетъ не бесполезенъ будущему историку нашего просвѣщенія и литературы. Нельзя не питать глубокаго (недовольства) къ такому порядку вещей; но надо помнить, что жизнь возвышается только жертвами.

37. Вотъ и ковецъ 1842 года. Итогъ благъ, имъ дарованныхъ, очень не великъ. Провожать его приходится тѣмъ же, чѣмъ встрѣтили: сѣтованіями за прошлое, несбыточными надеждами на будущее.

1843 г.

Январь 2. Дѣлалъ мало визитовъ, желая по возможности избѣжать толковъ о моемъ арестѣ и о выраженномъ мнѣ сочувствіи студентовъ—но не избѣжалъ даже въ институтѣ и въ Смольномъ монастырѣ. Въ послѣднемъ я съ трудомъ уклонился отъ разспросовъ начальницы и отъ взрыва негодованія за мой арестъ со стороны старшихъ воспитанницъ.

До смерти надоѣли мнѣ всѣ эти толки и утомили меня всѣ эти сочувствія! Развѣ отъ того лучше пойдутъ дѣла и менѣе (тягостно) сдѣлается положеніе нашей литературы!

3. Министръ назначилъ сегодняшній день для принятія поздравленій съ Новымъ годомъ. Пестрая толпа чиновниковъ въ мундирахъ наполняла до тѣсноты узкую, длинную залу. Многіе являются сюда для того только, чтобы побывать въ этой залѣ: министръ видитъ только тѣхъ, которые въ первомъ ряду. Съ одними онъ поговорилъ,

другимъ кивнулъ головой, на большинство даже не взглянулъ. Вотъ и все.

10. Сильно подумываю объ отставкѣ изъ цензурнаго вѣдомства. Нельзя служить: при такихъ условіяхъ, никакое добро не мыслимо. Совѣтывался объ этомъ кое съ кѣмъ, между прочимъ съ Вронченко. Всѣ одобряютъ мои мотивы, но не одобряютъ моего намѣренія, находя его пагубнымъ для литературы. Особенно сильно говорилъ мнѣ въ этомъ смыслѣ Вронченко. Положимъ, все это преувеличенія: никакое дѣло не держится однимъ человѣкомъ. Тѣмъ не менѣе, надо подумать.

19. Я назначенъ членомъ комитета, который устроиваетъ литературное чтеніе въ пользу погорѣвшихъ студентовъ Казанскаго университета. Комитетъ долженъ собраться сегодня у генерала Скобелева, главнаго члена.

20. Пробылъ у Скобелева до двѣнадцати часовъ. Тамъ были: Гречъ, Шульгинъ, Булгаринъ, Кукольникъ. Ждали Полеваго, но онъ не пріѣхалъ. Читаны были пьесы, предназначаемыя для литературнаго вечера. Статьи ббльшею частью посредственныя. Лучшая — отрывокъ изъ пьесы Кукольника: «Построеніе Петербурга». Духъ времени и нравы прекрасно выражены въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. «Отрывокъ изъ жизни Державина», писанный самимъ поэтомъ, любопытенъ по характеристическимъ чертамъ, но написанъ варварски. Мнѣ поручаютъ читать его. Разсказъ Даля о какомъ-то французскомъ учителѣ ужъ черезъ чуръ пошлъ и всѣ со мной согласились, что его лучше исключить. Вечеръ заключился, какъ и всѣ такіе вечера, ужиномъ.

Здѣсь, между прочимъ, видѣлъ я замѣчательнаго человѣка, полковника Непейцына ¹⁾, безъ ноги, которую онъ потерялъ подъ Очаковымъ. Ему семьдесятъ лѣтъ, но онъ бодръ и свѣжъ, какъ будто ему было всего сорокъ. На головѣ ни сѣдинокъ.

Скобелевъ, съ обычной своей солдатской размахкою, сказалъ мнѣ:—«вы были арестованы, вотъ и я вмѣстѣ съ другими прочими,— а ихъ было не мало: весь городъ,—принялся жалѣть о васъ. Но въ заключеніе кончилъ тѣмъ, что пересталъ жалѣть, сказавъ самому себѣ: тыфу ты, къ чорту! Да этакимъ несчастливцемъ и я хотѣлъ бы быть — несчастливцемъ, за котораго весь крещеный міръ стоитъ въ одиень голось. Право, вышло, что вамъ сдѣлали больше добра, чѣмъ хотѣли сдѣлать зла».

¹⁾ Помѣщикъ Великолуцкаго уѣзда, Исковской губерніи, села Ступина.
Ред.

26. Былъ у Скрипицына. Дѣло о профессорствѣ моемъ въ католической академіи, кажется, кончено: меня опредѣляютъ. Каѳедру исторіи займетъ Куторга. На философію никого не находятъ. Да гдѣ-жъ у насъ не только философы, но и сама философія? Я совѣтывалъ обратиться къ Карпову, переводчику Платона и автору: «Введенія въ философію», о которомъ я писалъ въ «Сынѣ Отечества»; Галича не хотятъ: онъ шеллингистъ, старъ и ему не достаетъ практической смысленности, а въ польской католической академіи, особенно философу, необходимо быть мудрымъ, не только по книжному, но и по житейскому. Фишеръ, нашъ университетскій профессоръ, не любъ, потому что самъ католикъ. Больше никого нѣтъ. На дняхъ долженъ буду представиться министру внутреннихъ дѣлъ, Перовскому.

28. Получилъ официальную бумагу объ утвержденіи меня профессоромъ римско-католической академіи.

Прибѣгалъ ко мнѣ Рейсихъ увѣдомить меня, что на меня возстали всѣ генералы, прикосновенные къ аудиторской школѣ (ихъ четверо), за мой проектъ преобразованія ея. Въ самомъ дѣлѣ, ужасное дѣло! Всякій изъ нихъ рветъ изъ нея кусочекъ власти, а я стремлюсь установить единство и возвысить учебную часть, соединивъ ее съ нравственною. Вообще проектъ мой имѣлъ добрые виды, да и всѣ были согласны съ тѣмъ, что школу нельзя оставить въ ея настоящемъ видѣ. Назначеніе ея важно: она должна возвысить и, если можно, такъ сказать, оправосудить военно-судную часть въ арміи. Идея моя принята въ соображеніе военнымъ министромъ; составленъ комитетъ изъ Анненкова (директоръ министерской канцеляріи), генерала Корфа и меня, для разработки этого дѣла. Но, кажется, доброду дѣлу не бывать, ибо сюда вмѣшались частные интересы, а у меня нѣтъ времени, да наконецъ и охоты, бить пруткомъ по водѣ. Я и то ужъ много времени и труда отдалъ этой школѣ, а сдѣлать удалось очень мало.

31. Литературное чтеніе въ пользу Казанскаго университета. Посѣтителей было не особенно много. И правду сказать, чтенія эти скучны-таки. Приходится слушать все отрывки. Булгаринъ прочелъ, и очень дурно, отрывокъ изъ своего полуромана, полуисторіи о Суворовѣ: написано гладко, холодно; ни одной выдающейся мысли, ни одного слова, которое запало бы въ душу. Полевой прочелъ отрывокъ изъ своей драмы: «Ломовосовъ». Я прочелъ отрывокъ изъ мемуаръ Державина, любопытный по чертамъ времени, но написанный ужаснымъ языкомъ, и еще отрывокъ изъ поэмы Гребенки: «Богданъ Хмѣльницкій». Послѣдняя піеса хороша, но изъ нея опять-таки

былъ вырванъ только отрывокъ. Кукольникъ прочелъ отрывокъ изъ драмы или поэмы: «Построеніе Петербурга»: это былъ перлъ нашего чтенія. Бенедиктовъ бросилъ горсть своихъ блестокъ изъ пьесы «Туча». Въ итогѣ—одинъ Кукольникъ дѣйствительно занялъ публику. Къ счастью, не явился Мятлевъ, съ своей безконечною «Курдюковой»: пришлось бы выслушать еще отрывокъ. Чтеніе продолжалось два съ половиною часа.

Мнѣ сообщили слѣдующее: государыня сдѣлала сильный выговоръ Клейнмихелю за меня и, въ наказаніе, не пригласила его къ обѣду, къ которому были приглашены всѣ лица, близкія ко двору. Поводомъ къ принятію во мнѣ такого участія было мое отсутствіе изъ Смольнаго монастыря, въ теченіи цѣлой недѣли. Случилось это вовсе не преднамѣренно и помимо моей воли. Государынѣ довели о томъ, объясняя мое отсутствіе сильнымъ огорченіемъ и т. д. За меня сильно говорили по этому случаю начальница, принцъ Ольденбургскій и статсъ-секретарь Гофманъ.

Февраль 6. Первое засѣданіе въ римско-католической академіи. Присутствовали: ректоръ, двѣ духовныя особы—какіе-то каноники, Курторга и я. Положено, между прочимъ, что я буду преподавать русскую словесность по понедѣльникамъ и вторникамъ, отъ 10-ти часовъ до половины 12-го, и въ пятницу отъ двухъ до четырехъ. Эти послѣдніе часы я предполагаю отдать практическимъ занятіямъ.

7. Былъ у директора канцеляріи военнаго министра, генерала Анненкова. Мнѣ хотѣлось съ нимъ поговорить о возстаніи на меня генераловъ за мой проектъ преобразованій въ Аудиторскомъ училищѣ. Онъ меня увѣрилъ, что никто, начиная съ него самого, не раздѣляетъ генеральскаго негодованія, а напротивъ, всѣ порядочные люди ожидаютъ отъ меня обновленія и усовершенствованія школы.

Нѣкто Машковъ еще въ прошедшемъ году началъ было издавать нѣчто въ родѣ журнала, подъ названіемъ: «Сплетни». За это досталось цензору Очкину, а «Сплетни» запретили издавать. Надо еще замѣтить, что авторъ или издатель принялъ псевдонимъ: «Кукуреку». Немного спустя, онъ вздумалъ издавать повѣсти, одну за другою. Въ нихъ уже не было ничего общаго со «Сплетнями» и я пропустилъ ихъ. Между тѣмъ, въ «Пчелѣ» напечатали объявленіе, что выходятъ новыя сочиненія Кукуреку и въ скобкахъ: автора «Сплетней». Къ этому прибавлено, что самыя «Сплетни», остающіяся въ небольшомъ количествѣ, можно покупать тамъ-то.

И вотъ изъ-за этихъ «Сплетней» новыя сплетни. Министръ сдѣлалъ мнѣ выговоръ, зачѣмъ я позволилъ Машкову называться Кукуреку, а Корсакову и Очкину за то, что они пропустили объявленіе

Однако, это величайшая рѣдкость у насъ. Всѣ прочіе смотрять, какъ говорятъ Пушкинъ, въ Наполеоны, готовятъ себѣ страницы въ исторіи «великими идеями, глубокими теоріями, обширными, безконечными видами»; всѣ метяютъ поверхъ Россіи—и никто не заботится о томъ, что бѣдной Россіи ѣсть нечего, что воры-чиновники грабятъ послѣднее достояніе народа, что правды въ ней нѣтъ и проч., и проч. ¹⁾).

10. Былъ въ концертѣ. Блезъ игралъ на кларнетѣ. Удивительный талантъ! Удивительное искусство! Не знаю, изъ сердца-ли беретъ онъ прекрасные свои звуки, или они только торжество техники, во всякомъ случаѣ—эффектъ поразительный.

14. Князь (Волконскій) не объявилъ въ комитетѣ предписанія министра о глупомъ «Кукуреку». Сегодня у меня съ нимъ былъ продолжительный разговоръ, въ заключеніе котораго я долженъ былъ дать ему слово повременить еще съ отставкой. На прощанье мы горячо обнялись.

16. Былъ въ маскарадѣ, въ такъ называемомъ соединенномъ обществѣ, куда поѣхалъ изъ любопытства. Толпа страшная. Тутъ собираются люди средняго общества. Правда, сюда не ѣздить люди высокопоставленные и отъ того здѣсь, говорятъ, свободнѣе, а потому будто бы и веселѣе. Пѣли цыгане: между ними два-три хорошіе голоса. Но мнѣ пѣніе ихъ скоро надоѣло. Меня пригласили въ комнату старшинъ, гдѣ происходилъ судъ и расправа. Одного господина обвиняли въ томъ, что онъ, вмѣстѣ съ другими, тавцовалъ неблагопристойный тавецъ. Онъ оправдывался очень забавно. Обвинитель тогда перешелъ къ личностямъ и сталъ увѣрять, что обвиняемый называлъ его бранными словами... Нѣтъ, не весело!

21. Получилъ письмо отъ (Фед. Вас.) Чижова изъ Рима. Счастливецъ, онъ пьетъ жизнь изъ большой чаши. Но что-же? Черная средства для обогащенія своей внутренней жизни изъ такого богатаго хранилища. Онъ недоволенъ собой, боится нравственной бѣдности и пустоты! Странное противорѣчіе!

Мартъ 7. Въ пятницу годичный праздникъ въ память выхода нашего изъ университета. Явилось двѣнадцать человѣкъ. Это пятнад-

¹⁾ Не надо забывать, что все это относится до крѣпостной еще Россіи, до той Россіи, къ которой обращалъ свой горечью облитый стихъ А. С. Хомяковъ,—стихъ гораздо болѣе сильный, нежели настоящія сѣтованія А. В. Никитенко. Та Россія отстоитъ отъ нашего времени на полвѣка назадъ,—то было до обновленія всего внутренняго строя нашего отечества преобразованіями Александра II Освободителя.

воля государя, но твердая и прочная система». Нѣсколько разъ у него неловко вырывались слова: «я и государь», или «государь и я». «Даже враги министерства», объявилъ онъ,—«и тѣ сознаются, что мы знаемъ свое дѣло». Упомянулъ онъ также и о возможности съ своей стороны выйти изъ министерства.

Если весь этотъ церемоніаль дѣйствительно имѣлъ цѣлю, какъ говорить, привлечь на себя благосклонное вниманіе двора, который, вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ непріязненно относится къ Уварову—врядъ ли этотъ маневръ поможетъ ему. Призывая къ себѣ въ защиту общественное мнѣніе, онъ скорѣй можетъ повредить себѣ.

Жаль Уварова: онъ самъ себѣ портитъ дѣло. А между тѣмъ онъ лучший изъ министровъ, когда либо управлявшихъ нашимъ министерствомъ. Исчисляя свои заслуги, онъ не упомянулъ или не могъ упомянуть о важнѣйшей: «что въ десять лѣтъ ни одинъ чловѣкъ не былъ, по его волѣ, преслѣдуемъ за идеи». Даже ограниченный князь Ливенъ—и тотъ не обошелся безъ того, чтобы не лягнуть наше образованіе: онъ, вмѣстѣ съ Адеркасомъ, растерзалъ Нѣжинскій лицей. Уваровъ, дѣйствительно, неповиненъ въ этомъ отношеніи, а это въ настоящее время много значить. Какъ бы то ни было, если мы потеряемъ его, Богъ знаетъ еще какой солдатъ будетъ командовать у насъ умами и распорядиться воспитаніемъ гражданъ и идей.

Вечеромъ концертъ въ университетѣ. Дѣвица Фрейгангъ пѣла прелестно. У нея удивительно чистый и свѣжій голосъ. Это настоящій голосъ пѣвчей птички. Зашелъ послѣ къ Плетневу. Тамъ были: и нашъ попечитель князь Волконскій, князь Одоевскій и Арсеньевъ. Говорили объ Уваровѣ. Всѣ того мнѣнія, что нынѣшнее утро онъ сдѣлалъ большую ошибку. Между прочимъ, рассказали о немъ еще слѣдующую странность. Великая княгиня Елена Павловна, по смерти его дочери, изъявила ему письменное свое участіе. Вмѣсто отвѣта, онъ послалъ ей только что напечатанный по французски томъ своихъ сочиненій.

Апрѣль 1. Получилъ отношеніе отъ статсъ-секретаря Гофмана съ изъясненіемъ желанія императрицы, чтобы я остался въ Екатерининскомъ институтѣ еще, по крайней мѣрѣ, на годъ—до конца нынѣшняго выпуска. Отношеніе написано въ очень учтивыхъ выраженіяхъ. Останемся на годъ.

3. Отправилъ по утру проектъ преобразованія аудиторской школы къ директору военнаго министерства. Я много поработалъ надъ нимъ, но, если мнѣ удастся провести мой проектъ, я буду думать, что не даромъ трудился.

17. Вотъ тѣмъ кончились и мои труды и мои мечты по преобразованію аудиторской школы: свой планъ преобразованія я представилъ въ военное министерство: оттуда никакой вѣсти. Между тѣмъ преобразование поручено производить Новинскому и Корфу. Что же мнѣ опять остается, какъ не уйти въ сторону?

26. Былъ у генерала Корфа съ просьбой объ отставкѣ. Онъ не принялъ ее и долго упрасивалъ меня остаться. Я, наконецъ, согласился, съ оговоркой, однако, что уйду лишь только замѣчу переѣзду въ направленіи преобразованій. Забавно, право, мое служебное положеніе. Мнѣ поручаютъ дѣло и на каждомъ шагу по пути къ предложенной дѣли воздвигаютъ препятствія. Я уступаю враждебному натиску и подаю въ отставку—не тутъ-то было, меня чуть не за полы платья удерживаютъ. Зачѣмъ? Вѣдь въ заключеніе все-таки все кончится ничѣмъ.

27. Боже мой, да неужели же нельзя и мысли допустить, чтобы человѣкъ кому-нибудь и чему-нибудь желалъ добра, безъ подкладки личныхъ расчетовъ? Оказывается, что я съ своимъ планомъ преобразованія аудиторскаго училища мечу въ директора его!! Тѣдилъ къ барону Зедлеру и объяснялся съ нимъ по этому поводу. Кажется, на этотъ разъ успокоилъ и убѣдилъ его—до завтра, можетъ быть?

Гнушно, холодно въ природѣ, но чуть-ли не еще гнуснѣе среди этой нравственной пустыни, которая называется современнымъ обществомъ.

Май 5. Провелъ часа два въ публичной библиотекѣ. Читалъ и дѣлалъ выписки изъ Теофана. Это человѣкъ съ большими дарованіями. Меня очень заняла его рѣчь на Ништадтскій миръ: умное діалектическое краснорѣчіе.

Въ библиотекѣ очень удобно заниматься. Никто не мѣшаетъ — да и кому мѣшать? Всего было человѣкъ семь посѣтителей. Порядокъ хорошъ. Книги выдаются безпрепятственно.

10. Былъ въ оперѣ Доницетти: «Ламермурская Невѣста». Игралъ и пѣлъ знаменитый Рубини. Музыка оперы прелестна, легка, вѣжна, граціозна. Рубини великій мастеръ. Главное въ его исполненіи ясность, непринужденность и страсть.

Жуковскій прислалъ мнѣ на цензуру свою новую піесу: «Н и Дамаянти», эпизодъ изъ индѣйской поэмы «Магабараты». сказать о ней? Гекзаметры прекрасны: свѣжій, стройный, роскошный, благоухающій языкъ. Но фантастическое зданіе поэмы не съ можетъ прійтись по вкусу нашимъ европейскимъ требованіямъ.

Опять работалъ въ библиотекѣ. Перебралъ журналъ: «сачыя сочиненія» за 1756 годъ в дагѣ. Журналы умно съ

но безъ критики и современности. Много дѣльныхъ статей по части наукъ и промышленности. Языкъ довольно ясенъ и чистъ.

Прочелъ у Мармье слѣдующія замѣтки о Россіи: — «Всѣ дома въ русскихъ деревняхъ сѣрые, вытянутые въ одну линію, построенные по одному образцу, кажутся вышедшими изъ земли по повелѣнію русскаго офицера». Очень вѣрно!

Далѣе: «я сидѣлъ въ почтовой коляскѣ возлѣ русскаго купца, скупаго, занятаго только своими расчетами, и вонючаго... Онъ ѣлъ тутъ же, на подушкѣ, чтобы не платить въ гостинницѣ, и запахъ его пиши и платья былъ несносный».

... «Помѣщичьямъ крестьянамъ въ Россіи лучше, чѣмъ казеннымъ. Первыхъ защищаетъ помѣщикъ, какъ свою собственность, а вторыхъ грабятъ чиновники».

«Во время голода, государь велѣлъ раздать пособіе казеннымъ крестьянамъ: проходя множество рукъ, оно не дошло до нихъ».

Мармье очень удивило восклицаніе нашихъ вищихъ (которыхъ онъ множество видѣлъ по пути отъ Петербурга до Москвы): «Красное Солнышко!» Онъ называетъ это восточнымъ привѣтствіемъ.

Вообще замѣчанія Мармье вѣрны. Очевидно, онъ писалъ со словъ кого нибудь хорошо знающаго Россію.

20. Вчера былъ министръ на экзаменѣ русской словесности у Плетнева. Онъ много говорилъ. Нельзя было не признать въ немъ настоящаго министра народнаго просвѣщенія. Всѣ его замѣчанія были умны, вѣрны, богаты знаніемъ и хорошо сказаны. Какъ жаль, что этому человѣку не дано одной силы—силы нравственной воли. Добиваясь вліянія и милостей при дворѣ, онъ связалъ себя по рукамъ и ногамъ и лишился одновременно уваженія и двора и общества. Онъ хотѣлъ пожертвовать послѣднимъ первому—и жестоко ошибся.

Слѣдовательно, онъ знаетъ ему силу. Правду говорятъ французы, что нѣтъ ничего хитрѣе безупречнаго поведенія. Перовскій является живымъ примѣромъ этого. Его хитрость состоитъ въ томъ, чтобы дѣйствовать правдиво и зато онъ никого не боится. Уваровъ же постоянно запутывается въ тонкостяхъ своего ума. Онъ думаетъ ловить мухъ въ паутины и прилежно сучить нити ея, не замѣчая, что онѣ служатъ только къ тому, чтобы указывать путь врагамъ къ его гнѣзду.

Нынѣшнее (время) очень важно: оно полагаетъ конецъ патріархальному быту.

Такъ и должно быть. Что за несообразность семейство, состоящее изъ пятнадцати милліоновъ дѣтей? Гдѣ тутъ семейное право?

21. На дняхъ у меня былъ Бѣлинскій. Онъ уменъ. Замѣчанія его часто вѣрны, умны и остроумны, но проникнуты горечью.

25. Важную роль въ русской жизни играютъ государственное воровство и такъ называемыя злоупотребленія: это наша оппозиція, нашъ протестъ . . . Власть думаетъ, что для нея нѣтъ невозможнаго, что ея воля нигдѣ не встрѣчаетъ сопротивленія;—между тѣмъ ни одно ея предписаніе не исполняется такъ, какъ она хочетъ. Исполнители притворяются въ работѣ готовності все сдѣлать, что отъ нихъ потребуютъ, а на самомъ дѣлѣ ничего не дѣлаютъ такъ, какъ отъ нихъ требуютъ.

Іюнь 11. Экзаменъ въ Рижско-Католической академіи. Хотѣлъ быть Перовскій, но его отозвали въ Петергофъ. Зато былъ Скрипидычъ, директоръ департамента иностранныхъ вѣроисповѣданій, человѣкъ довольно ловкій, но самъ себя считающимъ глубокимъ политикомъ. Это, вѣроятно, отъ того, что онъ однажды былъ посланъ для усмиренія какихъ-то раскольничьихъ волненій и совершилъ это удачно, урезонивъ недовольныхъ краснорѣчивымъ обѣщаніемъ кнута. Съ тѣхъ поръ его начали считать способнымъ къ государственнымъ дѣламъ, а онъ самъ себя произвелъ въ Талейраны.

Былъ на экзаменѣ еще малъ-человѣчекъ, нѣчто въ родѣ чиновнаго котенка, воспитанникъ іезуитовъ, поборникъ православія, дающаго кресты и большіе оклады, фаватикъ и другъ карамзинскаго періода, гладенькій, чистенькій, аккуратненькій, любящій старинный порядокъ, за исключеніемъ, однако, кнута, и потому чиновникъ новой генераціи, почти либераль, всякую новую мысль называющій неправославною, а всякій новый оборотъ въ языкѣ, отступающій отъ карамзинской стрижки, непонятнымъ,—однимъ словомъ Константинъ Степановичъ Сербиновичъ.

Говорятъ, экзаменъ былъ хорошъ. Главное, онъ былъ непродолжителенъ.

Сентябрь 5. Ѣздилъ къ Сергію, съ семействомъ Левиной. День прекрасный, какихъ и лѣтомъ бываетъ мало въ Петербургѣ. Сергіи славится своимъ архимандритомъ и монахами. Архимандрита я не видалъ, но монахи дѣйствительно аристократически благообразны и благолѣпны осанкой, лицомъ, одеждой и службой. Они очень хорошо поютъ. Но простота ихъ пѣнія до того утонченна, что перестаетъ быть простотою и отзывается изысканностью.

Вчера государыня была въ Смольномъ монастырѣ. Она приѣхала во время классовъ, но не посѣтила ихъ. Дѣвицъ позвали въ садъ заставили пѣть и плясать, а учителямъ велѣли идти съ миромъ во свояси.

14. Слухи о покушеніи на жизнь государя. Объ этомъ говорятъ еще шопотомъ.

15. Наконецъ, открыто говорятъ о покушеніи на жизнь государя. Въ придворной церкви былъ благодарственный молебенъ, также и въ церквахъ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній. Вечеромъ былъ у меня сынъ лейбъ-мелика Маркуса и говорилъ, что государыня показывала отцу его письмо государя, гдѣ онъ извѣщаетъ ее о злоумышленіи. Государь проѣзжалъ мостъ въ Познани, въ Пруссіи, и не желая встрѣтиться съ какими-то похоронами, вышелъ изъ своей кареты и пересѣлъ въ другую. Когда экипажи поѣхали по мосту, раздалось семь выстрѣловъ и семь пуль полетѣло въ ту карету, въ какой обыкновенно ѣздитъ государь. Но его тамъ, на этотъ разъ, не было и злое дѣло кончилось ничѣмъ. Оконтузили только какого писаря ¹⁾.

17. Вчера былъ на балѣ у Позена на дачѣ. Великолѣпное освѣщеніе китайскими фонарями, роскошное угощеніе, толпа военныхъ и гражданскихъ вичтожествъ, разливное море кахетинскаго вина и шампанскаго, скука и разѣздъ въ два часа ночи. Кукольникъ. Струговщиковъ и я были неразлучны.

Человѣку нужна не столько истина, сколько убѣжденіе. Сколько поколѣній жило, считая за истину нелѣпныя суевѣрія и предразсудки, но они жили хорошо, когда слѣдовали имъ съ сердечною вѣрою и опирались на нихъ всѣми своими нравственными силами. Да и не въ томъ-ли состоитъ истина, чтобы вѣрить и дѣйствовать по вѣрѣ? Истина есть то, что есть.

Октябрь 23. Бѣднаго М. Сорокина, по высочайшему повелѣнію, посадили на гауптвахту, и вотъ за что. Въ прошедшую среду объявлено было въ афишахъ, что Гарсія въ первый разъ явится на сцену въ «Севиальскомъ цирюльникѣ». Краевскій, редакторъ литературнаго отдѣла въ «Русскомъ Инвалидѣ», заказалъ Сорокину статью для фельетона, попросивъ его написать ее заранѣе. Онъ полагалъ, что «Севиальскій цирюльникъ» непремѣнно будетъ сыгранъ въ среду, что Гарсія произведетъ всеобщій восторгъ, а статья о ней будетъ готова по утру въ четвергъ и появится раньше, чѣмъ въ другихъ журналахъ и газетахъ. М. Сорокинъ написалъ статью, въ которой превознесъ до небесъ пѣніе и игру знаменитой артистки. Публика, по его словамъ, была въ неистовомъ восторгѣ, на сцену было брошено два вѣнка и т. д.

¹⁾ Объ этомъ покушеніи см. разсказъ тайнаго совѣтника Андрея Николаевича Кирялина, въ «Русской Старинѣ» изд. 1880 г., томъ XXVIII, стр. 137—138.

гадунами и т. д. Въ нихъ не развиваютъ ни моральной силы, ни сознанія своихъ семейныхъ и общественныхъ обязанностей. А между тѣмъ это матери будущаго поколѣнія. Итакъ въ результатѣ выходитъ, что русское дворянство растить своихъ сыновей для розогъ, а дочерей . Не всё, конечно, будутъ.... не всё понесутъ въ свои семьи беззавратвенность и чадъ пышпаго высшаго круга. И много времени понадобится, чтобы изъ этихъ выточенныхъ куколъ сдѣлать хорошихъ женъ и матерей.

Ноябрь 9. Какой-то офицеръ, сеидь Клейнмихеля, вздумалъ прославить его, напечатать его портретъ и пришелъ къ нему просить на то позволенія.

— «Вы хотите пустить портретъ въ продажу?» спросилъ Клейнмихель.

«Да, ваше сіятельство».

— «Ну, такъ ручаюсь вамъ, что за мой портретъ никто гроша не дастъ вамъ и вы останетесь въ убыткѣ».

Выходитъ, что и онъ самъ о себѣ раздѣляетъ мнѣніе о немъ многихъ. Еще на дняхъ, начальница Смольнаго монастыря, М. П. Леонтьева, говорила мнѣ: — «Будьте увѣрены, что сила Клейнмихеля будетъ расти по мѣрѣ усиленія къ нему ненависти и презрѣнія въ обществѣ».

Говорятъ, Киселевъ въ опалѣ по случаю какого то обнаруженія въ его управленіи либерализма.

15. Начальница Смольнаго монастыря пригласила меня сегодня къ обѣднѣ въ свою церковь, гдѣ долженъ служить митрополитъ. Я былъ. Давно не видалъ я архіерейской службы. Первое впечатлѣнія поразительно: въ ней родъ какого-то драматическаго величія. Потомъ становится монотонно .

Митрополитъ Автоній—бодрый старикъ. Въ выговорѣ его мало-россійское произношеніе, а въ физиогноміи его что-то добродушно пошлое. Это добрый сельскій священникъ, повидимому готовый побалагурить и повеселиться. Протодьяконъ — гигантъ, геркулесъ, ѣдутъ. Впрочемъ, завтракали очень умѣренно. Вѣроятно, экономя положилъ половину завтрака себѣ въ карманъ. Потомъ дѣвицы тѣшили преосвященнаго игрою на фортепіано и въ заключеніе поднесли ему коверъ своей работы. Меня мои ученицы засыпали упреками и сожалѣніями что я ихъ покидаю.

16. Нѣкто увидѣлъ въ Варшавѣ, на сценѣ нѣвицу Ассандри, которая очень красива, и захотѣлъ, чтобы она была въ Петербургѣ. Ее пригласили участвовать въ итальянской оперѣ за большія деньги. На бѣду Ассандри настолько же худо поетъ, насколько она прекрасна.

ДЕКАБРЬ 1843 г.

Наглость-ли или нужда на высокое покровительство воодушевила ее, только она рѣшилась выступить на сцену, послѣ величайшей пѣвицы нашего времени — Гарсиа Виардо. Ее жестоко опикали.

Между тѣмъ въ 256 номерѣ «Пчелы» сказано о первомъ представленіи «Нормы», гдѣ явилась прелестная и трикраты счастливая Ассандри, слѣдующее:

«Мы не скажемъ объ этомъ представленіи ни словечка, по латинской пословицѣ: aut bene, aut nihil... Гораздо болѣе имѣли мы наслажденія въ звѣринцѣ г-на Зама» и пр.

Изъ-за этой фразы надъ цензурой разразилась страшная гроза. Князь Волконскій (министръ двора) требуетъ отвѣта для доклада «на какомъ основаніи осмѣлились пропустить сію неприличную фразу (сравненіе оперы со звѣринцемъ) и кто ея сочинитель?» Мы до пяти часовъ пробыли въ цензурномъ комитетѣ, изготовляя отвѣтъ на сей мудрый запросъ. Отвѣтили, что цензура не находитъ въ этой статьѣ ничего ни для кого обиднаго, а «въ простомъ сближеніи двухъ разнородныхъ предметовъ — оперы и звѣринца — она видитъ только дурной вкусъ автора статьи, противъ чего нѣтъ никакихъ цензурныхъ правилъ, а напротивъ цензурный уставъ требуетъ, чтобы цензора не вмѣшивались въ дѣла личнаго вкуса». (Приведены параграфы устава).

Повѣрить-ли потомство такой тяжбѣ?.. Цензора «Сѣверной Пчелы» Очкинъ и Корсаковъ готовятъ уже къ гауптвахтѣ. Посмотримъ чтѣ изъ этого выйдетъ.

Декабрь 1. Публичный экзамень въ аудиторской школѣ. Много было звати, между прочимъ: военный министръ, графъ Влудовъ, статсъ-секретарь Корфъ. Позже пріѣхалъ принцъ Ольденбургскій, Позень и т. д. Ученики отвѣчали хорошо. Генераль Корфъ объявилъ мнѣ и прочимъ, что министръ очень доволенъ экзаменомъ, что онъ велѣлъ всѣхъ представить къ наградамъ. Анненковъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній, но также сказалъ, что экзамень былъ хорошъ, что всѣ такого мнѣнія. Корфъ (Модестъ Андреевичъ) объявилъ, что овъ гораздо довольнѣе этимъ экзаменомъ, чѣмъ экзаменомъ въ школѣ правовѣднія.

3. Вотъ неожиданная переиѣна вѣтра: вчера еще экзамень аудиторской школѣ заслуживалъ всеобщаго одобренія, сегодня хлѣблетня, что овъ былъ плохъ, что военный министръ недоволенъ т. д. Я пишу длинное и серьезное объясненіе Анненкову, съ бою доложить министру и спросить у него окончательнаго «угодно ли, чтобы я оставался въ школѣ?»

ПРОСКОМЪ СТАРШЕЛЪ 1843 г., ТОМЪ LXIV.

7. Отослалъ письмо къ Анненкову.

— Булгаринъ подалъ доносъ на цензуру, на попечителя, князя Волконскаго, и на самого министра. Вотъ въ чемъ дѣло: въ прошедшій вторникъ, въ засѣданіи цензурнаго комитета, положено озаботиться прекращеніемъ ругательствъ, которыми осыпаютъ другъ друга журналисты, особенно Булгаринъ и Краевскій. Въ самомъ дѣлѣ, это, такъ называемая, полемика часто доходитъ до отвратительнаго динизма. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Сѣверной Пчелы» Булгаринъ объявляетъ, что Краевскій унижаетъ Жуковскаго, не смотря на то, что Жуковскій авторъ нашего народнаго гимна: «Боже царя храни». Что это, какъ не полицейскій доносъ? Князь Волконскій велѣлъ рѣшеніе комитета сообщить Булгарину не официально, а въ видѣ предостереженія, чтобы тотъ больше не трудился писать такихъ мерзостей, ибо цензура будетъ безжалостно вымарывать ихъ. Впрочемъ, это распоряженіе касается всѣхъ журналистовъ-ругателей. По этому-то поводу Булгаринъ написалъ князю Волконскому дерзкое и нелѣпное письмо. Онъ, между прочимъ, пишетъ, что: «существуетъ партія мартинистовъ, положившихъ себѣ цѣлью испровергнуть существующій порядокъ вещей, и что представителемъ этой партіи являются «Отечественныя Записки»: цензура явно имъ потворствуетъ». Къ этому присоединилъ нѣсколько и весьма неудачныхъ выписокъ изъ «Отечественныхъ Записокъ» — совершенно невинныхъ. Въ заключеніе онъ говоритъ князю: «но съ того времени, какъ вы предѣдуете въ комитетѣ, пропускаются вещи по-силыѣе и почище этихъ».

Далѣе онъ упрекаетъ министра въ томъ, что тотъ не видитъ что дѣлается у него подъ носомъ, давая понять, что онъ или простякъ, или покровитель либерализма; требуетъ слѣдственной комиссіи, передъ которой предстанетъ, какъ «доноситель», для обличенія партіи, колеблющей вѣру и престолъ; будетъ просить государя разобрать это дѣло, а если государь не вникнетъ въ это, или до него не дойдутъ его, Булгарина, извѣты, то онъ будетъ просить прусскаго короля довести до свѣдѣнія государя императора все, что угодно будетъ ему, Булгарину, сказать въ огражденіе его священной особы и его царства. Все это заключается многозначительною и сильною фразой: — «Я не позволю, чтобы на меня, какъ на собаку, надѣвала цензура намордникъ».

Такъ какъ это письмо заключаетъ въ себѣ формальный доносъ о важномъ государственномъ дѣлѣ — цареву слово и дѣло — то князь Волконскій препроводилъ его къ министру, а министръ, при своемъ отношеніи, официально препроводилъ къ Венкендорфу. Ожидаемъ послѣдствій.

10. Отъ Анненкова нѣтъ никакого отвѣта. Кажется, придется разстаться съ военнымъ министромъ, какъ я разстался съ женскими заведеніями. Жаль только потеряннаго времени.

10. Видѣлся съ Юзефовичемъ, однимъ изъ первыхъ друзей моей юности, съ которымъ давно не встрѣчался. Оба мы очень обрадовались этому свиданью. Онъ теперь помощникъ попечителя кievскаго учебнаго округа и пріѣхалъ сюда на время.

12. Былъ у (Ник. Ник.) Анненкова. Военный министръ согласился на напечатаніе моей статьи объ экзаменѣ аудиторской школы въ «Русскомъ Инвалидѣ». Это хорошій знакъ, потому что статья намекаетъ на необходимость подвять это заведеніе. О моемъ письмѣ Анненковъ — ни слова. Но это все равно: оно подѣйствовало, а мнѣ только того и надо было.

13. Отъ экзаменовъ отбою нѣтъ. Кромѣ аудиторскихъ, Корфъ просилъ меня заняться еще и экзаменами кантонистовъ въ баталіонѣ.

16. Князь Григорій Петровичъ (Волконскій) вчера въ цензурномъ комитетѣ говорилъ слѣдующее по поводу дѣла Булгарина. Министръ сдѣлалъ представленіе государю о необходимости дополнить и измѣнить цензурный уставъ. Въ немъ будто дано мало средствъ для обуздыванія литераторовъ, особенно журналистовъ. Онъ ссылался на попечителя, который будто бы требуетъ его помощи, а министръ самъ имѣетъ мало возможности дѣлать чтонибудь рѣшительное. Очевидно, Уваровъ хотѣлъ расширить свою власть. Говорятъ, онъ просилъ, чтобы ему было предоставлено право немедленно прекращать журналы, какъ скоро въ нихъ найдется что-нибудь бранное.

Государь отвѣчалъ, что цензурный уставъ достаточенъ и что, слѣдовательно, нѣтъ никакой надобности дополнять его, а еще менѣе измѣнять. «У цензоровъ довольно власти», сказалъ онъ: — «у нихъ есть карандаши: это ихъ скипетры». За испрашиваніе же помощи велѣлъ сдѣлать строгій выговоръ князю Волконскому, потому что эту помощь онъ долженъ бы найти въ своихъ правахъ.

Тутъ что-то много темнаго. Кажется, князь заранѣе условился съ государемъ дать дѣлу такой оборотъ.

Что хорошаго въ этомъ—то, что цензурный уставъ остается неприкосновеннымъ. Въ противномъ случаѣ, Богъ знаетъ, къ какимъ еще стѣсненіямъ могъ бы повести пересмотръ его въ настоящее время.

Въ заключеніе, что выигралъ, или проигралъ Булгаринъ своимъ доносомъ—не извѣстно. Князь сказалъ, что тутъ есть подробности, которыхъ онъ не можетъ объявить.

Я просилъ, чтобы «Огочесвенныя Записки» были поручены другому цензору, вмѣсто меня, ибо Булгаринъ подозрѣваетъ, что я и

Куторга, мы особенно покровительствуемъ ихъ либерализму, или, какъ онъ выражается, ихъ мартинистскому духу. Бнязь отвѣчалъ, что теперь-то именно и надлежитъ журналу остаться въ прежнихъ рукахъ. Итакъ на слѣдующій годъ у меня опять повисъ на шеѣ этотъ толстѣйшій журналъ. Къ нему присоединилась еще «Библиотека для Чтенія».

20. Выбрали въ ректоры опять Плетнева. Онъ получилъ девятнадцать одобрительныхъ шаровъ, противъ четырехъ отрицательныхъ.

Былъ у князя (Волконскаго) для объясненій по цензурнымъ дѣламъ. Какой хаосъ и безтолковщина. Кажется, хотять гасить послѣднія искры мысли. У меня въ карманѣ, неотлучно при мнѣ, просьба объ отставкѣ.

21. Неожиданная, нелѣная мѣра министра народнаго просвѣщенія. Въ цензурномъ комитетѣ получена отъ него бумага, въ которой онъ объявляетъ, что «дѣйствительно нашель въ журналахъ статьи, гдѣ подъ видомъ философскихъ и литературныхъ изслѣдованій, распространяются вредныя идеи» и потому онъ предписываетъ цензорамъ «быть, какъ можно, строже». Повторяется также приказаніе бдительнѣе смотрѣть за переводами французскихъ повѣстей и романовъ.

Я былъ у князя по этому поводу. Онъ очень сердитъ на министра за всѣ эти распоряженія. Министръ Уваровъ сказалъ ему, что «хочеть, чтобы, наконецъ, русская литература прекратилась. Тогда, по крайней мѣрѣ, будетъ что нибудь опредѣленное, а главное», говоритъ онъ, «я буду спать спокойно».

Министръ объявилъ также, что онъ будетъ карать цензоровъ безпощадно. Пріятная перспектива!

Самое интересное въ этихъ новыхъ распоряженіяхъ министра то, что они какъ бы совершенно оправдываютъ доносъ Булгарина на него самого, на князя Волконскаго и на всѣхъ насъ.

Говорять, что государь, прочитавъ письмо Булгарина, отдалъ его Бенкендорфу со словами: «сдѣлай такъ, чтобы я, какъ будто, объ этомъ ничего не зналъ и не знаю».

А. В. Никитенко.

ПОДЪ ТЕЛИШЕМЪ въ 1877 году.

Изъ дневника офицера.

О взятіи укрѣпленнаго турецкаго лагеря подъ Телишемъ, 16-го октября 1877 г., гвардейскимъ отрядомъ, подъ начальствомъ доблестнаго генераль-адъютанта Гурко, мало извѣстно не только публикѣ вообще, но и военной въ частности. Объ этомъ дѣлѣ, насколько помнится, кромѣ коротенькой реляціи, да еще болѣе краткихъ замѣтокъ разныхъ авторовъ воспоминаній о минувшей войнѣ нашей съ турками, подробностей нигдѣ напечатано не было. Конечно, дѣло подъ Телишемъ на западномъ театрѣ военныхъ дѣйствій въ сѣверной Болгаріи, слѣдовавшее непосредственно за кровопролитнымъ боемъ подъ Горнымъ Дубнякомъ, нельзя назвать даже жаркимъ: въ немъ не было ни отчаянныхъ атакъ, ни контръ-атакъ, войскамъ не представлялось надобности проявлять чудеса храбрости; но тѣмъ не менѣе, взятіе Телиша имѣло громадное стратегическое значеніе, такъ какъ только съ паденіемъ этого укрѣпленнаго пункта армія Османа-паши, занимавшая Плевну, окончательно лишилась своей коммуникаціонной линіи, а наши войска по западную сторону Плевны получили возможность сомкнуться и тѣснѣе обложить турокъ въ ихъ укрѣпленномъ лагерѣ, атаки противъ котораго въ іюлѣ и августѣ стояли намъ такихъ громадныхъ жертвъ.

Такимъ образомъ взятіе Горнаго Дубняка, а затѣмъ и Телиша, было какъ бы началомъ послѣдней главы исторіи дѣйствій нашихъ войскъ подъ Плевной, послѣднюю страницу которой, т. е. главы, составляющъ знаменитый день 28-го ноября 1877 года, когда армія Османа-паши, пытаясь прорвать стиснувшее ее могучее кольцо, вынуждена была положить оружіе въ высочайшемъ присутствіи покойнаго государя императора Александра Николаевича, что дало нашимъ войскамъ возможность приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ

турокъ на Балканахъ и за Балканами. Дѣйствія войскъ генераль-адъютанта Гурко въ Балканахъ начались гораздо раньше 28-го ноября, именно вскорѣ послѣ паденія Горнаго Дубняка и Телиша, такъ какъ западный отрядъ генераль-адъютанта Гурко выступилъ изъ-подъ Плевны, по направленію на Орханіе, 3-го ноября 1877 г., но дѣйствія эти, въ концѣ концовъ, пока не пала Плевна, хотя и должны были принять характеръ чисто пассивный, но имѣли весьма важное значеніе, такъ какъ не дали туркамъ прорваться на софійское шоссе и подать какую-нибудь помощь войскамъ плевненскаго укрѣпленнаго лагеря.

I.

Горный Дубнякъ, послѣ блистательной атаки гвардейцевъ, палъ 12-го октября 1877 года и войска наши заняли плевно-софійское шоссе. Но съ паденіемъ Горнаго Дубняка еще нельзя было приступить къ тѣсному обложенію арміи Османа-паши въ плевненскомъ укрѣпленномъ лагерѣ: между Плевной и Горнымъ Дубнякомъ находилась укрѣпленная позиція у Дольнаго Дубняка, а за Горнымъ Дубнякомъ на плевно-софійскомъ шоссе, по направленію къ Орханіе—рядъ укрѣпленныхъ позицій, между которыми самая главная и самая ближайшая къ намъ была у Телиша, до котораго отъ Горнаго Дубняка было, что называется, рукой подать, одинъ маленькій переходъ. Поэтому, прогнать турокъ изъ Дольнаго Дубняка, взять Телишъ и вообще оттѣснить турецкія войска возможно дальше на западъ являлось существенною необходимостью.

Въ виду громадныхъ потерь, которыя понесла 2-я гвардейская пѣхотная дивизія подъ Горнымъ Дубнякомъ, на усиленіе отряда генераль-адъютанта Гурко, 13-го октября, изъ Ралиева была направлена къ Горному Дубняку 1-я бригада 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ тремя батареями 3-й гвардейской и гренадерской артиллерійской бригады, которая въ тотъ же день прибыла въ Чириково. По дорогѣ въ Чириково мы встрѣтили первый транспортъ раненыхъ, который произвелъ на насъ весьма грустное впечатлѣніе. Съ нѣкоторыми изъ офицеровъ мы вступали въ разговоръ, желая узнать отъ нихъ подробности дѣла 12-го октября, которыя еще не дошли до насъ. Къ Чирикову бригада подошла поздно вечеромъ и стала бивакомъ. Въ этой деревнѣ былъ устроенъ центральный перевязочный пунктъ для раненыхъ подъ Горнымъ Дубнякомъ гвардейцевъ, для чего были разбиты госпитальные шатры. Кое-кто изъ насъ, не смотря на темноту, отправился посмотрѣть раненыхъ, между которыми было не мало

знакомыхъ. Хотя здѣсь было раненыхъ и много, но большая часть ихъ, какъ намъ объяснили, все еще находились на мѣстѣ побоища.

На слѣдующій день, 14-го октября, рано утромъ, бригада, перейдя у Чирикова въ бродъ рѣку Видь, направилась къ Горному Дубняку. За деревней, на площадкѣ, вправо отъ дороги, была расположена большая толпа турокъ, охраняемая нашими солдатами: это были плѣнные, взятые въ Горномъ Дубнякѣ. Кто изъ нихъ стоялъ, кто лежалъ на мокрой отъ росы травѣ, кто сидѣлъ, прислонясь къ дереву. Видъ эти плѣнные имѣли вообще не важный: болѣзненные, истомленные лица ихъ показывали, что, кромѣ нравственнаго потрясенія, вынесеннаго ими изъ боя 12-го числа, они страдаютъ и физически; оказалось, что между ними много раненыхъ, которымъ еще не подана медицинская помощь, и всѣ двое сутокъ не ѣли. Это мнѣ разсказалъ встрѣтившійся по дорогѣ офицеръ, который просилъ указанія, гдѣ ему добыть продовольствіе какъ для турокъ, такъ и для своихъ раненыхъ. Офицера я направилъ къ начальнику 3 гвардейской пѣхотной дивизіи, генераль-лейтенанту Каталею, а самъ поѣхалъ далѣе, такъ какъ мнѣ поручено было выбрать бивакъ для бригады. Проѣзжать мнѣ пришлось по самому полю сраженія 12-го октября, которое, не смотря на то, что прошло уже значительно болѣе сутокъ послѣ битвы при Горномъ Дубнякѣ, почти сплошь было усыяно убитыми и ранеными. Поле имѣло ужасный видъ. Вотъ лежитъ убитый, на лицѣ у котораго застыло какое-то восторженное выраженіе; возлѣ ни капли крови, должно быть, пуля угодила прямо въ сердце; нѣсколько далѣе трупъ съ окровавленнымъ лицомъ и съ зіяющей раной на лбу; рядомъ сидитъ солдатъ, раненый въ обѣ ноги, и сильно стонетъ; чрезъ нѣсколько шаговъ еще трупъ, со скорчившимися руками и ногами, съ искривленнымъ страданіями лицомъ; видно, долго мучился, бѣдный, отъ полученныхъ ранъ, прежде чѣмъ отдалъ душу Богу; вотъ около убитаго нашего солдатика лежитъ убитый турокъ; далѣе стоитъ тяжело раненая лошадь, которая, желая передвинуть ноги, махаетъ только головой; всюду разбросано оружіе, большею частью поломанное, патроны; валяются куски разорвавшихся гранатъ; разбитая, Богъ знаетъ откуда появившаяся, болгарская каруца. Всѣ наши убитые безъ сапогъ, турки почти голые. Повсюду слышны стоны раненыхъ, которымъ не было сдѣлано еще перевязки, и надъ всѣмъ этимъ носился мощный голосъ полковника Мелана, распорядившагося на этомъ полѣ. Медицинскаго персонала, не смотря на то, что здѣсь дѣйствовали три подвижныхъ дивизионныхъ лазарета и отдѣленіе «Краснаго Креста»—не было достаточно; кое-гдѣ лишь бродили фельдшера, изъ которыхъ нѣкоторые, вѣроятно, для подкрѣпленія силъ,

были порядочно выпивши. Сдѣлавъ наскоро перевязку раненому, клали его на носилки и затѣмъ или несли въ Чириково на рукахъ или носилки ставили въ лазаретную линейку.

Я проѣхалъ прямо на большой редутъ. По дорогѣ къ редуту, раненыхъ уже не встрѣчалось, а только одни убитые, наши и турки. На большомъ редутѣ картина была еще ужаснѣе! Вся внутренняя площадь покрыта была трупами людей и животныхъ; трупы послѣднихъ были всѣ съ вывороченными внутренностями; внутренній ровъ былъ верхомъ наполненъ тѣлами убитыхъ турокъ, изъ которыхъ многія были поджарены. Послѣднее, вѣроятно, произошло оттого, что во время дѣла загорѣлась настилка изъ дубовыхъ жердей и вѣтокъ, служившая крышей, такъ какъ ровъ этотъ служилъ жилищемъ для гарнизона.

Выбравъ мѣсто для бивака бригады на берегу небольшого ручья, почти на томъ самомъ мѣстѣ, откуда наступилъ на Горный Дубякъ лейбъ-гвардіи финляндскій полкъ, я вернулся на мѣсто бывшаго побоища. Здѣсь происходилъ сборъ убитыхъ для погребенія; наши солдаты собирали своихъ, плѣнные турки своихъ. Наши каждого убитаго бережно клали на шинель и, перекрестившись, несли къ общей могилѣ, огромнѣйшей канавѣ саженъ въ шесть длины, сажени двѣ съ половиной ширины и около двухъ саженъ глубины; турки же тащили своихъ убитыхъ точно собакъ: привязавъ къ ногамъ веревку или кушакъ, они волокли тѣла по землѣ. Собравъ убитыхъ къ могилѣ, наши укладывали ихъ по дну ея въ два ряда, ногами другъ къ другу, а на этотъ нижній рядъ накладывали еще одинъ, такъ что въ общей братской могилѣ укладывалось двѣсти и больше убитыхъ. У одного конца могилы стояли: священникъ въ траурномъ облаченіи и офицеры. Священникъ служилъ панихиду по положившимъ животь своей за «вѣру, царя и отечество», и по провозглашеніи вѣчной памяти павшимъ, кинулъ горсть земли на покойниковъ. Всѣ присутствовавшіе тутъ, не исключая и священника, плакали просто навзрыдъ. Да и трудно было удержаться отъ слезъ, при видѣ похоронъ за-разъ такого множества народа; самые крѣпкіе нервы едва ли выдержали бы! Наконецъ, могилу зарыли и я направился къ своему биваку. Дорогой пришлось проходить мимо убитыхъ офицеровъ; у каждого стоялъ часовой; но, не смотря на это, всѣ убитые офицеры были безъ сапогъ. Нѣсколько далѣе была сложена куча изъ разнаго рода оружія, большею частью, поломаннаго. Около кучи толпились румыны и болгары, выпрашивая у караулившихъ солдатъ кто ружье, кто пистолеть, кто саблю.

Между тѣмъ подошла наша бригада, стала на бивакъ, выдѣливъ

подъ тѣлишемъ въ 1877 г.

часть для устройства ложементовъ и батарей. Начальникъ дивизіи генераль Каталей, со своимъ штабомъ выѣхалъ впередъ къ Телицу 15-го октября бригада продолжала возводить укрѣпленія на плененскомъ шоссе, которыя, однако-же, какъ показали дальѣйшія событія, оказались совершенно излишними.

15-го октября, вечеромъ, въ Горномъ Дубнякѣ, въ квартирѣ начальника войскъ гвардіи и кавалеріи западнаго отряда (отрядъ получилъ такое названіе по переходѣ гвардіи за рѣку Видъ), генераль-адъютанта Гурко, состоялся военный совѣтъ для обсужденія способа дѣйствій противъ Телиша. На этомъ совѣтѣ, кромѣ начальниковъ частей войскъ, присутствовали начальники дивизионныхъ штабовъ, офицеры генеральнаго штаба и нашъ дипломатъ-казакъ, князь Цертелевъ, состоявшій при генералѣ Гурко. Для быстрой передачи въ войска приказаній и распоряженій начальника отряда, которыя должны были быть послѣдствіемъ разсужденій на военномъ совѣтѣ, въ отрядный штабъ были вызваны адъютанты и ординарцы; въ числѣ первыхъ находился и я. Засѣданія совѣта происходили за длиннымъ столомъ, который изображала снятая дверь, положенная на подставки. Какія пренія велись на военномъ совѣтѣ сказать не могу, такъ какъ мы, адъютанты и ординарцы, хотя и находились въ сосѣдней комнатѣ, слышать разговоръ не могли. Кто-то изъ ординарцевъ развелъ по срединѣ костеръ, дымъ отъ котораго, не имѣя свободнаго выхода, наполнилъ избу и разѣдалъ намъ глаза. Совѣщаніе совѣта длилось довольно долго и результатомъ его была слѣдующая, переданная намъ, диспозиція по войскамъ гвардіи и кавалеріи западнаго отряда:

«Завтра, 16-го октября, войскамъ вѣреннаго мнѣ отряда произвести атаку укрѣпленной турецкой позиціи у Телиша, для чего:

1) 1-й бригадѣ 2-й гвардейской пѣхотной дивизиі съ 3-мя батареями лейбъ-гвардіи 2-й артиллерійской бригады выступить завтра, 16-го октября, въ 10¹/₂ часовъ пополудни, собравшись предварительно у передовой артиллерійской позиціи, и слѣдовать вдоль шоссе къ Телищу. Движеніе должно быть произведено въ боевомъ порядкѣ ¹⁾. Подойдя на дистанцію отъ 800 до 1,000 сажень, остановиться, немедленно окопаться и открыть артиллерійскій огонь, гласно словесно переданнаго приказанія.

2) 1-й бригадѣ 3-й гвардейской пѣхотной дивизиі съ 3-мя батареями 3-й гвардейской и гренадерской артиллерійской бригады выступить завтра, 16-го октября, въ 7 часовъ пополудни и, вѣ юго-восточной стороны турецкой позиціи, подойти къ ней и

цію отъ 800 до 1,000 сажень, окопаться и открыть артиллерійскій огонь, согласно словесно переданнаго приказанія.

3) 1-й и 2-й бригадамъ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, съ двумя конными батареями, прибыть къ 12 часамъ дня къ шоссе съ южной стороны Телиша и открыть огонь по турецкимъ редутамъ. Стрѣльба должна производиться слѣдующимъ образомъ: отъ 12 до 2 часовъ пополудни попеременно граватами и шрапнелью; въ 2 часа дать три залпа и затѣмъ до 2¹/₂ часовъ не стрѣлять. Въ 2¹/₂ часа пополудни дать три залпа и затѣмъ перейти къ медленной стрѣльбѣ. Въ 4 часа пополудни опять дать три залпа и прекратить стрѣльбу до 4¹/₂ часовъ пополудни. Въ 5¹/₂ часа начать опять стрѣльбу тремя залпами и продолжать до наступленія темноты. Въ концѣ 6-го часа, когда будетъ наступать темнота, дать три залпа и затѣмъ совѣмъ прекратить стрѣльбу ¹⁾. По прекращеніи стрѣльбы, обѣимъ кавалерійскимъ бригадамъ сняться съ позиціи и отойти на бивакъ, на которомъ стоитъ нынѣ 2-я бригада. По прибытіи на шоссе, бригадѣ войти въ связь съ кавказскою бригадою полковника Черевина.

4) Лейбъ-гвардіи Гродненскому гусарскому полку, завтра, 16-го октября, въ 12 часовъ дня, снять свои аванпосты и, присоединивъ къ себѣ 2-ю батарею гвардейской конно-артиллерійской бригады, отойти къ западу отъ шоссе, спустившись въ долину, и, если окажется возможнымъ, открыть изъ батарей стрѣльбу противъ лѣваго фланга турецкихъ укрѣпленій, руководствуясь при стрѣльбѣ тѣмъ, что сказано въ п. 3.

5) Киевскому гусарскому полку, съ двумя эскадронами Казанскаго драгунскаго полка и одною конною батареею, выступить въ 10 часовъ утра и произвести наступленіе къ Дольнему Дубняку. Цѣль движенія: бомбардировкою позиціи у Дольняго Дубняка удержать турокъ отъ наступленія противъ нашей позиціи у Горняго Дубняка и задержать всякое наступленіе турокъ на шоссе.

6) Отряду генерала Арнольди произвести сильную демонстрацію противъ Дольняго Дубняка, съ цѣлью задержать турокъ въ ихъ позиціи и не допускать двинуться по шоссе противъ нашей позиціи у Горняго Дубняка.

7) Остальнымъ войскамъ оставаться на занимаемыхъ ими мѣстахъ.

¹⁾ Этотъ порядокъ стрѣльбы и составлялъ то словесное приказаніе, о которомъ упоминается въ нп. 1 и 2 диспозиціи. Подробности въ 3 п. помѣщены потому, что кавалерійскаго начальства на совѣтъ не было. Д.

8) Всѣмъ отрядамъ, двигающимся противъ позиціи у Телиша, устроить позади себя передовые перевязочные пункты, а въ разстояніи около версты позади передовыхъ пунктовъ—главные перевязочные пункты. Въ Чирковѣ устроить центральный пунктъ. Для транспортированія равныхъ съ главныхъ пунктовъ къ центральному отправить на главные пункты всѣ свободныя повозки 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи.

9) Въ началѣ боя я буду находиться при 1-й бригадѣ 2 гвардейской пѣхотной дивизіи.

10) Для наблюденія за порядкомъ нарядить на два главныхъ и центральные перевязочные пункты по 10 конныхъ жандармовъ. Остальнымъ жандармамъ находиться при мнѣ.

11) Обоиъ эскадронамъ собственнаго его величества конвоя состоять при мнѣ.

12) Всѣмъ войскамъ сдѣлать утреннюю варку.

13) Къ каждой пѣшей бригадѣ придать по полуротѣ гвардейскаго сапернаго баталіона.

14) Отъ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи выставить летучую почту между 1-й бригадой 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи и 1-й бригадой 3 гвардейской пѣхотной дивизіи».

Изъ приведенной диспозиціи видно, что главныя и единственныя дѣйствія противъ турокъ возлагались на артиллерію, которая своимъ огнемъ должна была принудить ихъ къ сдачѣ. Но что слѣдовало дѣлать пѣхотѣ, если бы турки, послѣ жестокаго бомбардированія ихъ артиллерією, все-таки продолжали бы упорствовать, объ этомъ диспозиція умалчиваетъ. Въ атаку на турецкіе редуты, послѣ чувствительныхъ потерь подъ Горнымъ Дубнякомъ, очевидно, пускать войска не рѣшались. Надо думать, что генераль-адъютантъ Гурко, въ случаѣ нежеланія турокъ сдаться 16-го октября, предполагалъ и на слѣдующій день осыпать ихъ артиллерійскими снарядами и этимъ способомъ заставить ихъ положить оружіе. Замѣтѣмъ кстати, что въ диспозиціи почему-то не помѣщенъ лейбъ-гвардіи уланскій его величества полкъ, который въ составѣ 3-й бригады 2-й гвард. кавалерійской дивизіи участвовалъ въ дѣлѣ 16 го октября и у него были раненые.

Пересчитывая упоминаемая въ диспозиціи войска и прибавивъ къ кавалеріи 4 эскадрона лейбъ-гвардіи уланскаго его величества полка, окажется, что собственно для атаки укрѣпленнаго турецкаго лагеря подъ Телишемъ, кромѣ кавказской казачьей бригады, было назначено:

1-я бригада 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи.	8 бат.
1-я бригада 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи.	8 —
1-на рота саперъ гвардейскаго сапернаго баталіона	$\frac{1}{4}$ —
2-я гвардейская кавалерійская дивизія	16 эск.
Собственный его величества конвой.	2 —
По три батареи отъ 2-й и 3-й гвардейскихъ артил- лерійскихъ бригадъ, 6 батарей	48 ор.
3 конныя батареи.	18 —

Итого: пѣхоты	16 $\frac{1}{4}$ бат.
кавалеріи	18 эск.
артиллеріи	66 ор.

Рекогносцировка укрѣпленной турецкой позиціи у Телиша была сдѣлана заблаговременно самимъ начальникомъ отряда, генераль-адъютантомъ Гурко, начальникомъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, генераль-лейтенантомъ Каталеемъ, и нѣкоторыми офицерами генеральнаго штаба. Рекогносцировками этими было выяснено, что позиція турокъ у Телиша была расположена на правомъ берегу весьма незначительнаго ручья; что она укрѣплена тремя редутами, изъ которыхъ два впереди Телиша и одинъ изъ нихъ, большой, пересѣкаетъ шоссе, а третій находится за деревней и, повидимому, не имѣетъ оборонительнаго характера, а скорѣе служитъ мѣстомъ склада боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ, особенно фуража, что впоследствии отчасти и подтвердилось, такъ такъ въ немъ оказалось громадное количество сѣна. Какъ великъ былъ гарнизонъ Телиша, точно опредѣлить было нельзя; но онъ состоялъ изъ пѣхоты, кавалеріи (черкесы) и артиллеріи. Во всякомъ случаѣ, гарнизонъ не могъ быть слишкомъ многочисленнымъ и назначенныхъ для атаки Телиша войскъ было болѣе, чѣмъ достаточно.

Вышеприведенная диспозиція, розданная тутъ же адъютантамъ и ординарцамъ, немедленно была доставлена въ войска.

Что касается исполненія данной диспозиціи, то тутъ подробно будетъ говорить только о дѣйствіяхъ 1-й бригады 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, при которой я состоялъ; о расположеніи и дѣйствіи прочихъ войскъ будетъ упомянуто лишь настолько, насколько это необходимо для поясненія общаго хода дѣла.

1-я бригада 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ 1-ю, 2-ю и 5-ю батареями 3-й гвардейской и гренадерской артиллерійской бригады выступила со своего бивака у Горнаго Дубняка 16-го октября въ 7 часовъ утра и, пройдя версты двѣ по софійскому шоссе, свернула влѣво, двигалась сначала по дорогѣ, а затѣмъ прямо по полю, взрѣзаннымъ канавами и поросшимъ мелкимъ, мѣстами довольно

своимъ штабомъ, тутъ могъ бы остаться не одинъ раненый, а можетъ быть и не одинъ убитый.

Между тѣмъ артиллерія наша, сваявшись съ передковъ, тоже открыла огонь по турецкому редуту, сначала съ дистанціи 1,000 сажень, а потомъ переѣхала впередъ сажень на 200. Первый выстрѣлъ съ нашей стороны былъ сдѣланъ ровно въ 12 часовъ дня. Всѣ три батареи стрѣляли то гранатами, то шрапнелью, и стрѣляли, должно сказать, чрезвычайно удачно: намъ видно было какъ шрапнель разрывалась надъ самымъ редутомъ. Артиллеристы, начиная съ командира бригады и до послѣдняго канонира, дѣйствовали съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ, точно на ученьи или маневрахъ мирнаго времени: ни суеты, ни крика, ни шума; спокойно наводили орудія, быстро подносили снаряды; со стороны нѣкоторыхъ офицеровъ, стоявшихъ съ биноклями у своихъ орудій, слышались даже шутки и остроты. Бывшая при нашей бригадѣ полурота саперъ гвардейскаго сапернаго баталіона, съ переходомъ артиллеріи на вторую позицію, немедленно приступила къ устройству закрытій для орудій; но работа саперъ подъ огнемъ турокъ, которые, наконецъ, пристрѣлялись и гранаты ихъ стали ложиться между нашими пушками, къ счастью, не разрываясь, шла очень медленно и съ большой суетой: саперы едва успѣли трассировать закрытія, а къ насыпкѣ ихъ такъ и не приступали, не смотря на придачныя имъ рабочія команды отъ пѣхоты, и закрытія такъ и остались невозведенными.

Къ 12 часамъ дня подошла къ Тельшу и 1-я бригада 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи и залегла по обѣ стороны шоссе; три ея батареи открыли огонь одновременно съ нашими. Гулъ и трескъ по всей нашей линіи поднялись ужасные, особенно эффектные были залпы слишкомъ полусотни орудій. Турки намъ энергично отвѣчали изъ своихъ четырехъ орудій. Артиллерійская пальба съ обѣихъ сторонъ продолжалась уже болѣе часу, какъ къ генералу Катаю, стоявшему не далеко отъ праваго фланга нашей артиллеріи, подѣхалъ ординарецъ отъ командира Кексгольмскаго гренадерскаго полка, генерал-майора фонъ-Витторфа, съ донесеніемъ, что противъ лѣваго фланга полка показалось много турецкой кавалеріи. Начальникъ дивизіи тотчасъ же приказалъ командующему лейбъ-гвардіи Литовскимъ полкомъ, флигель-адъютанту барону Арнгофену, направить на лѣвый флангъ Кексгольмскаго полка одинъ баталіонъ. 4-й баталіонъ полка двинулся, но скоро объяснилось, что тревога была фальшивая: противъ лѣваго фланга Кексгольмскаго полка, дѣйствительно, показалась кавалерія, только не турецкая, не черкесы, а наша; это были—улавы его величества, прикрывавшіе конную батарею, которая скоро подѣхала нашему лѣвому флангу, снялась съ передковъ и немед-

ленно открыла огонь по турецкому редуту, хотя огонь ея, по дальности дистанціи, наносилъ мало вреда туркамъ.

Въ это время одна турецкая граната прошипѣла не высоко надъ нашими головами. Весь штабъ какъ-то инстинктивно отдалъ ей почтене, наклонивъ головы.

— «А что, господа? Вотъ вы всё наклонились, а я вѣтъ», сказалъ генераль Каталей. Намъ сдѣлалось не ловко, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не могли не улыбнуться, такъ какъ видѣли, что и самый почтенный генераль отнесся не безъ уваженія къ турецкому сваряду.

Огонь съ нашей стороны продолжался непрерывно до 2-хъ часовъ пополудни и затѣмъ, послѣ трехъ залповъ изъ всѣхъ батарей, прекратился и мы увидѣли, что по софійскому шоссе къ редуту скачетъ какая-то кучка всадниковъ. Это были, какъ узнали мы послѣ, пѣхотные турки, съ которыми генераль-адъютантъ Гурко послалъ къ начальнику телишскаго гарнизона заранѣе составленное письмо съ предложеніемъ сдаться. Пока шли въ редутѣ переговоры, о которыхъ тогда мы, конечно, не знали, прошло полчаса, и мы, согласно диспозиціи, снова открыли огонь тремя залпами изъ всѣхъ орудій. Но тутъ вскорѣ на многихъ мѣстахъ бруствера редута показались бѣлые флаги, знакъ, что гарнизонъ сдается. Флаги эти, однако же, не вездѣ были замѣчены одновременно и потому огонь съ нашей стороны продолжался еще нѣкоторое время. Особенно долго, послѣ поднятія флаговъ, стрѣляла конная батарея на нашемъ лѣвомъ флангѣ, такъ что генераль Каталей послалъ ей, наконецъ, приказаніе прекратить пальбу. Раньше всего флаги замѣчены были на правомъ нашемъ флангѣ, во 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, гдѣ и раздавалось громкое ура, подхваченное затѣмъ по всей линіи. Нельзя отрицать, что появленіе бѣлыхъ флаговъ не возбудило всеобщей радости и веселья; но болѣе всѣхъ бѣлымъ флагамъ обрадовались саперы, которымъ дѣйствительно приходилось жутко разбивать закрытія подъ сильнымъ турецкимъ огнемъ, потомъ артиллеристы, — одинъ изъ наводчиковъ артиллеристовъ бросился даже обвинять свое орудіе, называя его «матушкой нашей», «спасительницей» и другими нѣжными именами.

Наша 1-я бригада, т. е. 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, х не была еще ни разу въ настоящемъ дѣлѣ съ непріятелемъ (1 октября мы стояли по восточную сторону Плевны, противъ Бурскихъ редутовъ, съ цѣлью противодействовать Осману-пашѣ и помочь атакованному гвардейцами Горному Дубняку, и съ только четыре выстрѣла изъ орудія, а по насъ турки не стрѣляли вовсе), но солдаты не могли не слышать о потеряхъ гвар

въ дѣлѣ при Горномъ Дубнякѣ; наконецъ, намъ приходилось проходить черезъ поле, покрытое равными и убитыми, и мы могли достаточно хорошо судить о томъ, что значить атаковать открытою силою непріятели, засѣвшаго за окопами. Конечно, я не буду отрицать, что такому счастливому исходу дѣла не радовалась и пѣхота, но радость эта не выразилась никакими наружными проявленіями, кромѣ крика ура! Радость эта была какая-то спокойная.

Съ прекращеніемъ артиллерійской стрѣльбы, цѣнь наша стала подвигаться впередъ къ редутамъ, стараясь ихъ охватить; за цѣнью слѣдовали резервы. Движеніе совершалось въ полной готовности произвести атаку, если только со стороны турокъ будетъ сдѣланъ хотя одинъ выстрѣлъ. Но турки не стрѣляли; они сплошною шеренгою стояли на банкетѣ, имѣя ружья на брустверѣ. Когда мы подошли довольно близко къ редуту, то здѣсь увидѣли тѣла лейбегерей, оставшіяся здѣсь послѣ несчастной атаки телішскихъ редутовъ 12-го октября. Всѣ тѣла были раздѣты до гола и обезображены: у нѣкоторыхъ были отрѣзаны члены, у нѣкоторыхъ вырѣзаны кресты или продольныя полосы на спинѣ, груди, плечахъ. Объ этихъ звѣрствахъ тогда же былъ составленъ протоколъ, подписанный нашими офицерами и четырьмя взятыми въ плѣнъ англичанами. Турки всю вину сваливали на башибузуконъ, которыхъ имъ будто бы было трудно удержать отъ звѣрства. Тѣла нашихъ воиновъ были собраны и на другой день похоронены съ воинскими почестями.

Когда войска наши охватили редуты съ восточной и южной сторонъ, по шоссе подѣхалъ къ большому редуту начальникъ отряда, генераль-адъютантъ Гурко, и къ нему вышелъ начальникъ телішскаго гарнизона, толстенкій и коротенькій Измаиль-Хакки-паша, и передалъ генералу свою саблю. Тотъ-же часъ были разобраны дрова, заграждавшія перерывъ въ части бруствера, находящейся на шоссе, и турки начали густой толпой вывозить изъ редута и класть оружіе. Какую странную смѣсь народностей представляла эта толпа! Тутъ были турки, черкесы, негры, арабы и даже «просвѣщенные мореплаватели» англичане. Всѣ англичане (ихъ было четверо) имѣли на лѣвомъ рукавѣ повязку «Красной Луны», выдавая себя за врачей, хотя, какъ оказалось впоследствии, въ медицинѣ они ничего не понимали. Одинъ изъ турокъ шелъ предъ толпою, съ покрытымъ грязною тряпичею лицомъ, и что-то такое жалобно пѣлъ.

Многіе плѣнные были въ русскихъ сапогахъ, гвардейскихъ мундирахъ и шинеляхъ. Какой-то турокъ подалъ начальнику штаба, полковнику Энкелю, револьверъ, снятый съ нашего убитаго офицера. Взятые въ плѣнъ англичане хлопотали о томъ, чтобы у нихъ не

чтобы пожелать не быть никогда въ редутѣ, на слишкомъ незначительной площади, когда редутъ атакованъ сильнымъ непріателемъ. Вся площадь редута была усѣяна убитыми турками, у большей части которыхъ были сорваны черепа; раненыхъ здѣсь почти не было, всѣ они находились въ деревнѣ. Тутъ же валялась масса оружія и разнаго рода имущества; одно или два дальнобойныхъ орудія; третье было сброшено въ оврагъ; четвертое орудіе, какъ оказалось впоследствии, было увезено черкесами. У самаго редута я встрѣтилъ нѣсколько нашихъ докторовъ, просившихъ позволенія осмотрѣть убитыхъ.

Начинало уже темнѣть.

Начальникъ дивизіи и штабъ, по объѣздѣ деревни, ѣхали къ отведеннымъ имъ квартирамъ, какъ за Телишемъ раздался пушечный выстрѣлъ. Всѣ мы недоумѣвали что это значить и у насъ чуть не поднялась тревога. Но скоро дѣло разъяснилось. Наши лейбъ-улань, замѣтивъ бѣжавшихъ изъ Телиша башибузковъ и черкесовъ, бросились ихъ преслѣдовать, напали, многихъ изрубилъ, но въ пылу преслѣдованія сами наткнулись на небольшую часть вышедшей изъ Телиша турецкой пѣхоты, которою и были встрѣчены сначала ружейнымъ огнемъ, а потомъ и штыками. Выстрѣлъ былъ сдѣланъ черкесами по уланамъ же изъ увезеннаго изъ Телиша орудія.

Всего въ Телишѣ взято было въ плѣвъ: паша 1, офицеровъ 105 и нижнихъ чиновъ 3,700; орудій дальнобойныхъ три, множество ружей и разнаго рода имущества: обозъ, палатки, много продовольственныхъ запасовъ, особенно фуража; послѣдній тутъ же былъ разобранъ нашими безъ всякаго контроля и порядка. Сколько было убитыхъ и раненыхъ турокъ мы не считали. Потери съ нашей стороны были слѣдующія: убитъ одинъ нижній чинъ, унтеръ-офицеръ Кексгольмскаго гренадерскаго полка, Емельянъ Лутковскій, и ранено 15 чловѣкъ нижнихъ чиновъ. Это собственно во время бомбардировки. Большинство раненыхъ было во 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Кромѣ того, у уланъ, во время преслѣдованія черкесовъ и башибузковъ, убито 4 нижнихъ чина и ранено: 4 офицера и 10 нижнихъ чиновъ. Это все я узналъ позже. Здѣсь не могу умолчать объ очень счастливомъ случаѣ, бывшемъ съ адъютантомъ 3-й гвардейской и гренадерской артиллерійской бригады, подпоручикомъ Борніо. Одна изъ турецкихъ гранатъ разорвалась около него и большой осколокъ перебилъ у подпоручика Борніо сзади сѣдло, самъ Борніо былъ сброшенъ съ лошади, но остался цѣлъ и невредимъ.

1-я бригада 3-й гвардейской дивизіи съ тремя батареями заняла Телишъ; бригада 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи отошла назадъ къ Горному Дубянку. Наша бригада расположилась частью бивакомъ, частью по квартирамъ; солдаты тотчасъ же начали хозяй-

ьолы служили не долго: въ первый же вечеръ какъ мы подошли къ Виду, одинъ буйволъ ушелъ, а другаго чрезъ нѣсколько дней мы съѣли сами.

II.

17-го октября 1-я бригада 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи оставалась, какъ сказано выше, въ Телишѣ. Вечеромъ отъ начальника штаба отряда, полковника Нагловскаго, была получена начальникомъ дивизіи записка слѣдующаго содержанія: «начальникъ отряда приказалъ: 1-й бригадѣ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи очистить отъ турокъ всю мѣстность между Телишемъ, Чумаковицамъ и Радомирцами. По исполненіи этого порученія бригада перейдетъ на новое мѣсто согласно приказа, который ваше превосходительство изволите вскорѣ получить. Начальникъ отряда желаетъ, чтобы исполненіе этого порученія сопровождалось возможно меньшею потерю. Сообщается для свѣдѣнія, что въ этомъ районѣ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, войскъ не много.—около двухъ таборовъ, башибузукъ и вѣсколко сотъ черкесовъ. Для исполненія этого порученія бригадѣ слѣдуетъ двинуться завтра, 18-го октября, съ самаго ранняго утра. 17-го октября 1877 года». Внизу была слѣдующая приписка: «По полученнымъ добавочнымъ свѣдѣніямъ у моста возлѣ Радомирцы стоятъ лагерь нѣсколько болѣе шести, семи таборовъ. Поэтому, если это подтвердится, то начальникъ отряда желаетъ, чтобы ваше превосходительство лагерь этотъ не атаковали, а только артиллерійскимъ огнемъ вызвали огонь непріятели и тѣмъ раскрыли его силы».

Получивъ эту записку, начальникъ дивизіи, генераль-лейтенантъ Каталей, приказалъ: одному полку 3-й бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, по усмотрѣнію бригаднаго командира, выступить изъ Телиша въ 6 часовъ утра 18 октября съ одною конвою батареею и двигаться на Радомирцы по шоссе, освѣщая впереди лежащую мѣстность развѣздами. Для рекогносцировки пространства къ западу отъ софійскаго шоссе до рѣки Искера наивачить дивизионъ отъ другаго полка той же бригады. 1-й бригадѣ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ тремя батареями выступить изъ Телиша, въ 7 часовъ утра, и слѣдовать по шоссе, имѣя въ авангардѣ два баталіона лейбъ-гвардіи Литовскаго полка съ одной батареей. Одному баталіону Кексгольмскаго гренадерскаго полка у первой караулки на шоссе, верстахъ въ трехъ отъ Телиша, выдѣлиться вправо по дорогѣ на Чумаковны, гдѣ и остановиться до особаго приказанія.

Войска выступили 18-го числа въ указанное имъ время, и пройдя версты три по шоссе, я получилъ отъ начальника дивизионнаго штаба,

а есть какой-то сбродъ, чуть не одни только башибузуки,—а трудно будетъ вслѣдствіе особыхъ условій продовольствія нашей арміи: ей придется везти за собой все, отъ солдатскаго сухаря до послѣдняго клочка сѣна для лошадей¹⁾. Но вотъ переходимъ мы Дунай (это было въ сентябрѣ), двигаемся далѣе по Болгаріи на Церевичъ, Акчаиръ, Овчу-Могилу, Вино, Парадимъ, Пелишатъ и проч. и видимъ всюду, что вовсе нѣтъ той поразительной бѣдности, о которой намъ проповѣдовали. Напротивъ, всюду не только достатокъ, но полнѣйшая зажиточность: вездѣ, какъ въ Чумаковцахъ, громаднѣйшія скирды хлѣба на дворахъ и въ полѣ, при насъ его и молотили болгары; въ амбарахъ засыпана пшеница и кукуруза; въ Пелишатѣ, напримѣръ, нашъ штабъ спалъ на пшеницѣ, а въ Эски-Баркачѣ мы вмѣсто подстилки употребляли снопы пшеницы, снимая ихъ прямо со скирды, которыя даже проросли. Артиллеристы сами молотили ячмень. Луговъ нескошенныхъ встрѣчалось множество и при томъ луговъ съ такой травой, что въ ней не видать всадника на лошади; правда, трава эта уже нѣсколько подгорѣла, но сколько помнится, 3-я гвардейская пѣхотная дивизія во время стоянки въ Овчей Могилѣ накосила не мало сѣна. На поляхъ оставалось много неубранной кукурузы, напримѣръ, подъ Плевной вся площадь по лѣвую сторону р. Вида представляла настоящій кукурузный лѣсъ. Вообще послѣдній бѣднякъ въ Болгаріи богаче зажиточнаго русскаго мужика. И это не смотря на то, что между Дунаемъ и Плевной прошла уже масса русскихъ войскъ, пользуясь средствами страны; да надо полагать, что и турки чѣмъ нибудь да поживились. Если припомнить, что почти каждый пѣхотный полкъ вынесъ послѣ кампаніи до ста тысячъ экономическаго капитала, а нѣкоторые полки вынесли гораздо больше, то это уже будетъ достаточно, чтобы убѣдиться, что продовольствіе войскъ, когда забота объ этомъ лежала на самихъ войскахъ, а не на интенданствѣ, стоило не дорого. Вѣроятно, скудость нашихъ свѣдѣній о Болгаріи и была причиною заключенія извѣстнаго контракта съ товариществомъ Коганъ, Грегерь и К°. Это товарищество само пользовалось безвозмездно мѣстными средствами, высылая по деревнямъ своихъ агентовъ, которые, прикрѣпивъ къ фуражкѣ кокарду, дѣйствовали подъ видомъ чиновниковъ и повелѣвали.

Впрочемъ, я слышалъ, что въ пользованіи мѣстными средствами войска встрѣчали затрудненія со стороны гражданскаго управленія занятою частью Болгаріи. Управление это, какъ тогда говорили, хотѣло предварительно опредѣлить, чтó принадлежитъ болгарамъ и

¹⁾ И здѣсь долженъ сказать, что вовсе не считаю виновными тѣхъ, кто сообщалъ намъ подобныя свѣдѣнія: лекція составлялась по тѣмъ матеріаламъ, которые имѣлись въ данное время.

скрылась. Мы не подозревали, что эта кавалерія составляла частичку нашего отряда. Сдѣлали мы уже, надо полагать, версть пятнадцать. Только видимъ, что на встрѣчу намъ скачетъ уланскій офицеръ. Мы остановились.

— Идите, говорить офицеръ,—скорѣе. Мы двумя эскадронами занимаемъ вонъ ту высоту, и онъ указалъ рукою назадъ. Налѣво турки жгутъ болгарскія деревни. Высота представляетъ выгодную позицію и мы до прихода вашего ее не оставимъ. Сказалъ — и ускакалъ назадъ. Этотъ офицеръ, какъ теперь припоминаю, былъ корнетъ Карель.

Хорошо сказать: «идите скорѣе», когда баталіонъ уже порядочно усталъ. Подъемъ на высоту крутой и длинный, до подошвы высоты еще версты полторы. Но тѣмъ не менѣе, майоръ Мередихъ скомандовалъ: «бѣгомъ, марш!» и чрезъ полчаса большая часть баталіона была уже на высотѣ. Люди ужасно запылались: какъ вбѣжали на высоту, такъ тотчасъ же и улеглись. Лежимъ и отдыхаемъ, а тѣмъ временемъ подтягиваются на высоту и отсталые. На горѣ, кромѣ насъ, и дивизионъ кавалеріи, эскадронъ уланъ, да эскадронъ гусаръ. Начальникъ этого дивизиона, гусарскій полковникъ, послалъ впередъ разъѣзды, а самъ все посматриваетъ да посматриваетъ впередъ въ бинокль. Направили и мы свои бинокли. Ничего не видать, кромѣ цѣлаго ряда пылающихъ деревень, расположенныхъ въ узкомъ ущельѣ; дымъ наполнилъ все ущелье, а это и безъ бинокля видно отлично.

Майоръ Мередихъ предложилъ полковнику, какъ старшему, принять начальство надъ всею отрядомъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же? отвѣтилъ полковникъ и вслѣдъ затѣмъ скомандовалъ своимъ кавалеристамъ: «садись!»

Я подхожу къ полковнику и прошу его оставить намъ хоть нѣсколько кавалеристовъ. Отказалъ.

— Такъ не можете ли вы, господинъ полковникъ, говорить я ему, время отъ времени, давать намъ знать о томъ, что происходитъ впередъ; вѣдь нельзя же намъ идти какъ съ завязанными глазами; кавалерія—глаза арміи.

— Хорошо, хорошо, сказалъ полковникъ,—съ удовольствіемъ. Затѣмъ скомандовалъ: «шагомъ марррш!» и кавалерія начала спускаться съ горы въ ущелье. Только мы и видѣли.

Вдругъ у насъ въ баталіонѣ раздался крикъ: «Куда, куда, дьяволъ! Зачѣмъ? Назадъ! Тамъ черкесы!» Обернувшись, я увидѣлъ, что съ горы къ рѣкѣ Искеру бѣжитъ какой-то солдатикъ. Бѣжитъ шибко, а до Искера около версты. Мы, офицеры, принялись также кричать ему, чтобы онъ вернулся. Солдатъ насилу услышалъ насъ и повер-

Подѣхавъ къ лагерю, я толкнулъ саблей одну палатку — упала, толкнулъ другую—тоже. Очевидно, лагерь пустой. Возвратившись къ баталіону, я передалъ маіору о томъ, что видѣлъ, и говорю, что нужно идти лѣвѣе лагеря безъ дороги, прямо горой, такъ какъ, по моимъ соображеніямъ, этотъ турецкій лагерь и есть именно тотъ лагерь у Радомирца, противъ котораго былъ направленъ отрядъ изъ Телиша, и что недалеко должно быть шоссе. Баталіонъ въ той же тишинѣ сталъ подниматься на гору. Часовыхъ на редутѣ появилось больше и они, повидимому, засуетились. Ну, думаемъ, замѣтили и сейчасъ жарнуть по насъ. Прибавили шагъ.

Но только что вышли мы изъ-за гребня высоты, какъ видимъ почти предъ самымъ нашимъ носомъ другой редутъ, тоже съ часовымъ на брустверѣ. Въ редутѣ огонь. Баталіонъ невольно остановился. Тогда я говорю маіору Мередику, что положительно не знаю, кѣмъ заняты редуты: можетъ быть—турками, а можетъ быть—и нашими. Впрочемъ, если будутъ окликать не по русски, то намъ остается одно: не долго думая, броситься на редутъ съ крикомъ ура, ворваться въ него, а тамъ что будетъ, то будетъ. Принявъ такое рѣшеніе, мы зашагали по направленію къ редуту. Пройдя нѣсколько десятковъ шаговъ, мы вдругъ почувствовали подъ ногами что-то твердое. А, шоссе! До редута было недалеко, онъ обрисовался предъ нами вполне, но насъ не окликали. Странно! Оставивъ роту въ арріергардѣ, сами повернули лѣвѣе и быстро двинулись впередъ къ Телишу. Не прошивъ и одвой версты, слышимъ кто-то ѣдетъ намъ на встрѣчу.

— Стой! кто вы? закричалъ всадникъ.

— А вы кто такой? спросилъ, въ свою очередь, мы.

— Я Э., второй дивизіи.

— Что-жъ вы тутъ дѣлаете и кто здѣсь такіе? спрашиваемъ мы.

Здѣсь московцы, а я разставляю аванпосты, отвѣчалъ Э.

— Гдѣ же кавалерія, которая шла впереди насъ, спрашиваемъ мы.

— Кавалерія? Кавалерія ваша давно уже дома, я полагаю.

— Да кто-же тамъ, въ редутахъ?

— Тамъ московцы, отвѣчалъ Э.

— А мы думали, что здѣсь турки, говоримъ мы.

— Какіе турки? Турки давно бѣжали; здѣсь московцы, наладилъ Э.

При словѣ «московцы», баталіонъ нашъ дружно вздохнулъ, какъ будто хотѣлъ разомъ выпустить сдерживаемое до сихъ поръ дыханіе и набраться свѣжаго воздуха. Всѣмъ какъ-то стало легко на душѣ. Мы положили баталіонъ отдыхать; легли и сами. У кого-то нашлась водочка, мы по чарочкѣ выпили и закусили сухарикомъ. Отдохнувъ около часа съ баталіономъ и сказавъ маіору Мередику, что далѣе

слѣдуетъ идти все время по шоссе, я поѣхалъ одинъ впередъ въ Телишь, куда и прибылъ около 12 часовъ ночи. Начальникъ штаба еще не спалъ и я доложилъ ему, что никакихъ баши-бузуковъ и черкесовъ мы не видѣли, кромѣ свиней никого не закололи и что баталіонъ скоро будетъ.

— Да гдѣ-же вы были съ баталіономъ, спросилъ полковникъ, — и почему такъ поздно возвращаетесь? Генераль о васъ очень беспокоился и уже хотѣлъ посылать кавалерію искать баталіонъ.

Я передалъ ему все о нашемъ походѣ. Полковникъ захоталъ.

— Ну, а какъ вы двигались и что сдѣлалъ отрядъ? спросилъ въ свою очередь я.

Мнѣ рассказали слѣдующее:

Когда генераль Каталей получилъ записку о томъ, что турки бѣжали отъ Радомирца, отрядъ благополучно дошелъ до турецкой позиціи и захватилъ здѣсь лагерь, а въ немъ громадное количество продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ. Ъхавшій впереди отряда генераль Философовъ, командиръ 1-й бригады 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, видя, что нѣтъ никакой возможности забрать все ящики съ патронами, по неимѣнію перевозочныхъ средствъ, рѣшилъ ихъ потопить и потому приказалъ бросать ящики въ ручей. Генераль Каталей на это ужасно разсердился, распекъ Философова и приказалъ все собирать въ кучу, даже извлечь ящики изъ воды. Продовольственные припасы, какъ-то: муку, крупу, масло, скоть, овъ приказалъ раздѣлить между войсками и самъ лично наблюдалъ за дѣлежемъ. Когда стали дѣлить скоть, то тутъ оказались и быки, и коровы, и телята. Солдаты, считавшіе скоть, распредѣляли его между частями ойскъ по ровному числу головъ, и приходилось такъ, что корова шла въ одну часть, а ея теленокъ въ другую. Генералу Каталею это очень не понравилось и онъ жалобно говорилъ:

— Не отдѣляйте мать отъ ребенка, не отдѣляйте мать отъ ребенка, какъ бы забывая то, что и мать и ребенка чрезъ нѣсколько часовъ постигнетъ одинаковая участь—успокоиться въ солдатскихъ желудкахъ

Во время этого дѣлежа, къ генералу подвели нѣсколько плѣнныхъ турокъ.

— Сколько ихъ? спросилъ генераль Каталей.

— Тринадцать, ваше превосходительство.

— Ахъ, какое скверное число, повторилъ нѣсколько разъ, вздыхая, сердобольный генераль.

Услышавъ это, къ нему подходитъ командиръ конной батареи, полковникъ Ч., и, прикладывая руку къ козырьку, говоритъ, что бѣду эту можно легко исправить.

— Не прикажете-ли одного изъ нихъ застрѣлить или заколоть? спросилъ полковникъ Ч. генерала.

— Ахъ, вѣтъ, зачѣмъ, зачѣмъ! отвѣтилъ генералъ.

Дѣлежъ продолжался довольно долго. Бригада только къ вечеру вернулась въ Телишъ.

4-й баталіонъ Кексгольмскаго гренадерскаго полка, ходившій очищать мѣстность на Искеру отъ черкесовъ и башки-бузуковъ, вернулся въ Телишъ только къ утру, сдѣлавъ 18-го октября около 50 верстъ, по крайне пересѣченной и вполнѣ неизвѣстной мѣстности, безъ проводника и карты. Впослѣдствіи оказалось, что горѣвшія въ ущельѣ деревни, которыя проходилъ баталіонъ, зажжены были не турками, а нашими, по неосторожности.

Описанное мною ночное движеніе баталіона, теперь, можетъ быть, покажется кому нибудь и страннымъ; но намъ, смѣю увѣрить, тогда было далеко не до смѣха.

Т. М. Д.

ВОСПОМИНАНІЯ ХУДОЖНИКА В. В. ВЕРЕЩАГИНА ¹⁾.

Наивности ¹⁾.

I.

И. С. Тургеневъ разсказывалъ, что у знакомаго его тароватаго москвича М., управлявшаго дѣлами покойнаго М. Д. Скобелева, былъ старый слуга, очень гордившійся своею близостью къ храброму генералу, бывшему, будто-бы, съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, совсѣмъ за-панібрата!

— „Захожу, говорить, разъ въ комнату Михаила Дмитріевича—дверь была не заперта—а у него дѣвица

Я и говорю: „ахъ, ваше превосходительство, а еще Геокъ-Тепе покорили! не хорошо, не хорошо“...

— Ну, а онъ что-же? спрашиваетъ Тургеневъ.

— „Ничего—извѣстно что: пошелъ, говорить, вонъ, старый дуракъ!“

* *

Это напоминаетъ мнѣ анекдотъ о наивности карабахскаго татарина: прибѣгаетъ татаринъ къ женѣ, совсѣмъ запыхавшись: Хана видѣлъ сейчасъ!—Что ты!—Ханъ разговаривалъ со мною.—Что ты говоришь! что онъ тебѣ говорилъ? разскажи... — Ыдетъ, видишь ты, ханъ и съ нимъ нукера....—Ну!—Ну, а я стою на

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1888 г., т. LX, ноябрь, стр. 445—468; декабрь, стр. 671—688; изд. 1889 г., т. LXI, мартъ, стр. 587—630; т. LXII, май, стр. 389 — 410, июнь стр. 661 — 681; т. XLIII, августъ, стр. 439 — 446; т. LXIV, октябрь, стр. 157—181, ноябрь, стр. 475—492.

дорогѣ. Ханъ посмотрѣлъ на меня и говорить мнѣ: „что ты, говоришь, на дорогѣ-то всталъ, собака, пошелъ прочь!“

* * *

Извѣстный естествоиспытатель Н. А. Сѣверцевъ, такъ много потрудившійся въ Туркестанѣ, часто жертвовалъ собою для науки; извѣстно, что его даже взяли разъ въ плѣнъ, хотѣли обратить въ мусульманство, всячески истязали, разсѣли носъ и ухо, начали отрѣзывать голову и т. п.

Никогда однако его жертвы на алтарь естествознанія не имѣли такого успѣха, какъ принесенныя по случаю бывшаго въ 1868 году въ Ташкентѣ землетрясенія. Въ городѣ оказались аваріи, много домовъ потрескалось, нѣкоторые вовсе разрушились и, разумѣется, доискивались потомъ, въ которомъ именно часу было землетрясеніе, какой силы, въ какомъ шло направленіи и т. д.

Сѣверцевъ напечаталъ въ „Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ“ замѣтку съ полнымъ разъясненіемъ явленія, случившагося въ 2 часа ночи, при чемъ прибавилъ, что указанное имъ направленіе землетрясенія не подлежитъ сомнѣнію, потому что „всѣ бутылки, стоявшія у него на столѣ, упали въ одну и ту же сторону“.

Мнѣніе его и было принято, конечно, но мы, молодежь, состоявшая при генералѣ Кауфманѣ, подняли другой вопросъ: зачѣмъ у Сѣверцева были бутылки на столѣ? — Позвольте, позвольте, приставали къ нему, вы говорите — это было ночью? — Да. — Въ 2 часа ночи? — Да. — Вы сидѣли за столомъ? — Да, сидѣлъ за столомъ. — И передъ вами стояли бутылки? — Да, бутылки. — И много бутылокъ? — Да, нѣсколько. — Съ чѣмъ были эти бутылки? зачѣмъ въ 2 часа ночи бутылки?... Бѣдный Н. А. началъ, наконецъ, сердиться.

* * *

Въ бытность мою въ Туркестанѣ, я былъ хорошо знакомъ съ военнымъ губернаторомъ Г.* Уѣзжая въ одну изъ экскурсій, я просилъ его поддержать у себя, на время моего отсутствія, всѣ мои наброски и этюды, писанные масляными красками, прибавивши, крѣпко-на-крѣпко, просьбу не испортить ихъ. Изъ путешествія писалъ объ этомъ-же, т. е. напоминалъ, чтобы этюды какъ-нибудь не попортились.

Пріѣзжаю назадъ и первый вопросъ къ Г. — „Цѣлы-ли этюды?“ — „Цѣлы, цѣлы, въ такомъ мѣстѣ, что не могли испор-

Ага! небось раскаиаетесь, что скушали; подождите, вот полюбуйтесь, какъ мы начнемъ ѣсть сейчасъ! — Минута нашего испытанія наступила: пріятели выложили сосиски на тарелку, вооружились ножами и вилками. Въ это время въ отверстіе палатки просунулась сѣдая голова, съ огромными темными очками, генерала Зотова, обратившагося съ какимъ-то вопросомъ къ Н....

— „Милости прошу, ваше превосходительство“, поспѣшилъ выговорить тотъ, вскакивая съ мѣста, также какъ и Т., — „не угодно-ли закусить“. — Благодарю, не откажусь, отвѣчалъ генералъ, жившій очень скупно и не позволявшій себѣ роскоши консервовъ. Онъ сѣлъ къ столу, нагнулся и, не промолвивъ слова, ни разу не оглянувшись на вытянутыя фізіономіи стоявшихъ за нимъ Н. и Т., сѣлъ все, рѣшительно все!

— „Ну, господа“, сказалъ онъ, выходя изъ палатки и облизываясь, „вы тутъ, я вижу, роскошествуете“. — „Попалъ пальцемъ въ небо“, проворчалъ Н., а Н. и Т. такъ и остались съ опущенными головами....

* * *

Туркестанскій генералъ-губернаторъ К. П. Кауфманъ. строгій на видъ и на словахъ, былъ въ сущности очень добръ и имѣлъ страстишку поболтать. Въ самаркандскомъ походѣ онъ обыкновенно долго задерживалъ насъ за столомъ, вѣрнѣе за скатертью, — потому что мы сидѣли и лежали прямо на землѣ, — разными разказами изъ прошлаго и настоящаго своей жизни. Всѣмъ болѣе или менѣе доводилось бывать жертвою его болтливости, но такъ какъ онъ былъ прекрасный человекъ, то никому и въ голову не приходило претендовать на это, или дать ему почувствовать, — послѣднее, впрочемъ, было и не безопасно.

Какъ-то въ послѣобѣденной бесѣдѣ генералъ выразился, что „не мало въ отрядѣ людей, любящихъ поговорить“...

— Да, ваше превосходительство, отвѣчали ему, они всѣ замѣнены и отмѣнены по номерамъ—parlato 1, parlato 2 и т. д.

— Можетъ-ли быть? Кто-же первый?—Михайловъ, отвѣчали ему хоромъ. Кауфманъ очень смѣялся.

— Ну, а второй?—Отвѣта не послѣдовало, всѣ уткнулись въ тарелки. Онъ обвелъ всѣхъ глазами и понялъ — parlato № 2 былъ онъ самъ.

К. П. Кауфманъ очень рано состарился. Назначенный генералъ-губернаторомъ 50-ти лѣтъ отъ роду, онъ былъ уже со-всѣмъ лысый съ остатками совершенно сѣдыхъ волосъ на вискахъ и затылкѣ, съ большими сѣдыми-же усами.

Разъ, за столомъ у него, дипломатическій чиновникъ К. В. Струве всѣхъ насъ насмѣшилъ вопросомъ: „позвольте узнать у васъ, ваше превосходительство, вы были брюнетъ или блондинъ?“

* * *

Вѣрно замѣчено, что всѣ очень талантливые спеціалисты болѣе или менѣе тронуты, т. е., прямо выразиться, болѣе или менѣе сумасшедшіе люди. Мыслимо-ли, чтобы постоянное усиленное напряженіе умственныхъ способностей въ одномъ и томъ-же направленіи, въ продолженіе 10, 20, 30, 40 лѣтъ прошло-бы не оставивши слѣда на мозговой дѣятельности!

Помню въ пору дружественныхъ еще отношеній Франціи и Италіи не мало шума надѣлало замѣчаніе французскаго артиллерійскаго офицера, состоявшаго при своемъ посольствѣ въ Римѣ: взойдя на одну изъ возвышенностей близъ города, онъ воскликнулъ: „только одну батарею сюда—весь городъ можно разбить“! И французы и итальянскіе друзья офицера, разумѣется, увѣрили, что это вздоръ, что умный человѣкъ не могъ сказать такой неловкости и т. п. Я же думалъ, что, какъ хорошій спеціалистъ, онъ непременно сказалъ это или, вѣрнѣе, фраза эта сорвалась у него.

* * *

Въ томъ же самарвандскомъ походѣ, въ саду, гдѣ стоялъ штабъ, командующій войсками держалъ военный совѣтъ—5 или 6 генераловъ бесѣдовали, сидя на землѣ въ тѣни деревьевъ, а мы, молодежь, стояли поодаль и, конечно, не скучали, болтали, смѣялись, кто острилъ, кто старался издали угадать о чемъ могла идти рѣчь у начальства. Я, художникъ, напр., прищуривая глаза, любовался эффектомъ свѣтлаго пятна, образуемаго бѣлыми вытѣлями на яркомъ фонѣ окружавшей зелени; а одинъ артиллерійскій офицеръ, очень милый, образованный, выпалилъ вдругъ такимъ замѣчаніемъ:

— Ахъ, славно ихъ превосходительства сидятъ—однимъ рядомъ я бы ихъ всѣхъ уложилъ!

* * *

Князь К. рассказывалъ, что тушины Закавказья и теперь еще порядочно дики, а во время крымской кампаніи было отъ чего почесаться, глядя на ихъ обращеніе съ живыми и мертвыми непріятелями.

Проходитъ тушинскій отрядъ горною тропинкою и одинъ изъ молодцовъ, высмотрѣвши подъ кустомъ мертвое тѣло, сейчасъ же соскакиваетъ, чтобы обшарить трупъ. Такъ какъ онъ замѣшквался, то начальникъ партіи окликнулъ: „чего ты тамъ отсталъ, поспѣвай скорѣе, еще прирѣжутъ тебя“!

Малый, не успѣвшій сдѣлать главнаго—снять съ затекшихъ ногъ обувь, быстро отрубилъ ступни, сунулъ ихъ въ карманъ и догналъ своихъ—„сниму дорогою“!

* * *

Артиллерійскій полковникъ К., бывшій въ мое время въ Туркестанѣ уѣзднымъ начальникомъ, а молодымъ офицеромъ участвовавшій въ Крымской кампаніи, рассказывалъ за вѣрное такой случай: пѣхотный полкъ долженъ былъ идти на штурмъ и командиръ, желая ободрить людей, приказалъ позвать священника.

Батюшка ѣхалъ тихонько позади полка, въ одной рукѣ держа крестъ, другою подхлестывая свою лошаденку, когда прискакалъ адъютантъ: «Батюшка! полкъ идетъ въ огонь, пожалуйста сказать людямъ нѣсколько словъ». Священникъ засуетился, захлесталъ кляченку, выѣхалъ передъ полкъ и въ торопяхъ, поднявъ ту руку, въ которой была ногайка, вмѣсто той, въ которой былъ крестъ, зычнымъ голосомъ закричалъ солдатамъ: „держайте, друзья; уповайте на это; въ этомъ ваша надежда—въ этомъ же и спасенье ваше“!

* * *

Онъ же рассказывалъ, что въ Севастополѣ офицеры въ траншеяхъ, страшно скучавшіе по своимъ семьямъ, иногда нарочно выставляли руку или ногу подъ выстрѣлъ, чтобы только вырваться изъ несноснаго сидѣнья. Нѣкоторые будто-бы приходили въ такое отчаяніе, что вскидывали надъ насыпью обѣ ноги— „валяй на полный пенсіонъ“!

* * *

Генералъ Ф., бывшій атаманомъ казачьихъ полковъ въ миновавшую войну, рассказывалъ, что проѣзжая какъ-то захудалымъ, Богомъ забытымъ мѣстомъ, онъ встрѣтилъ казака на пикетѣ,

совершенно удаленномъ отъ всякаго жилья.— „Какъ ты живешь тутъ, чѣмъ кормишься?“ спросилъ онъ, но отвѣта не было.— „Что же ты не отвѣчаешь?“ Отвѣта нѣтъ.— „Да ты глухъ что-ли? чѣмъ ты тутъ кормишься?“—Стараюсь, ваше превосходительство! выпалилъ, наконецъ, казакъ.

* * *

Вскорѣ послѣ паденія Шлевны сдѣлалось очень холодно. Стояла сильная снѣжная вьюга, когда партія плѣнныхъ турокъ тысячь въ восемь шла мимо города, по Софійскому шоссе, направляясь къ Дунаю и Россіи. При входѣ въ Шлеву стояли уланы, которымъ строго было приказано не пропускать плѣнныхъ въ улицы, такъ какъ боялись заразныхъ болѣзней.

Напрасно многіе старые полуокоченѣлые турки плакали, умоляя солдатъ позволить имъ обогрѣться въ ближнихъ домахъ. „Впередъ, впередъ!“ былъ отвѣтъ.

Дозволялось только отбѣгать съ дороги къ близнему сараю, подъ крышей котораго нѣсколько донцевъ торговали чернымъ хлѣбомъ и торговали отлично—голодные, измучившіеся плевненскіе герои на расхватъ брали маленькіе хлѣбцы фунта въ 2 по 50 копѣекъ, а потяжелѣе—по 1 рублю.

У одного казака вышелъ шумъ: старый турецкій солдатъ кричалъ на него и чуть не лѣзъ въ драку. Я понялъ въ чемъ дѣло—очевидно, казакъ взялъ дорожку, чѣмъ слѣдуетъ.—Огдай, говорю, сейчасъ лишніа деньги, или я обращаюсь къ офицеру!..

Тотъ вырвалъ у турка хлѣбъ, выкинулъ ему изъ шапки золотой и проговорилъ съ искреннимъ негодованіемъ: отвяжись ты, безпокойный!

* * *

Въ одной изъ стычекъ съ таранчами, сибирскій казачекъ любезно предупредилъ меня, что надобно остановиться; преслѣдовать-де нельзя, такъ какъ тамъ далѣе, за крайними саблями, „шибко стрѣляютъ“.—Ну такъ что-же, что стрѣляютъ, намъ что? отвѣчалъ я. — „Да вѣдь пулями стрѣляютъ!“

* * *

Служившій въ Семирѣченской области уѣзднымъ началькомъ маіоръ З. рассказывалъ мнѣ, что разъ военный губернаторъ генералъ Колпаковскій послалъ довѣреннаго челога согласатая, въ Кашгаръ—разузнать тамъ о положеніи дѣ

Тогдашнему правителю Капшгара Якубъ-Беку, или Эмиръ-Якубу, какъ называли его туземцы, тотчасъ дали объ этомъ знать, но не будучи въ состояніи сказать навѣрное, кто именно посланъ, увѣдомили только, что у шпіона прѣмѣта „разсѣчено лѣвое ухо“.

Якубъ велѣлъ обойти базары, забрать и привести всѣхъ, у кого оказались шрамы на лѣвомъ ухѣ—отыскалось такихъ чело- вѣкъ семь—и велѣлъ зарѣзать всѣхъ, чтобы не ошибиться.

II.

Въ бытность мою въ Тифлисѣ я какъ-то отдалъ починить мою шинель портному, армянину Петро. Въ очень ненастный день, когда дождь лить какъ изъ ведра и грязь на улицѣ стояла невылазная, встрѣчаю похоронную процессію, въ хвостикѣ кото- рой, понурия голову, плетется мой портной въ моей шинели.

— Петро, говорю, никакъ ты съума сошелъ!

— Ну что такой, отвѣтилъ онъ, развѣ не видишь какой погодъ?

* * *

Не поручусь, чтобы тутъ была одна наивность и не было нѣ- которой дозы юмора.— Армяне — одна изъ самыхъ остроумныхъ націй въ мірѣ.

На армянскомъ базарѣ въ Тифлисѣ, когда покупателей мало и есть досугъ торговцамъ, шутки и остроты не умолкаютъ.

Вотъ идетъ по базару рябой.

— Князь, князь ¹⁾! кричитъ ему армянинъ.

— Что тебѣ? оборачивается тотъ.

— Должно быть у васъ дождикъ-то сильный былъ и съ градомъ?

— Да, сильный, и градъ былъ, а ты почему знаешь?

— А по лицу твоему вижу.

* * *

Идетъ щеголь грузинъ, лихо заломивши шапку на бекрень и, по обыкновенію тифлисскихъ франтовъ, одна штанина выпу- щена, другая затянута въ сапогъ.

— Хочешь сниму сапогъ у этого князя? спрашиваетъ сосѣдъ сосѣда.

— Полно, что ты, онъ тебя такъ попотчуетъ, что отскочишь!

¹⁾ Въ Закавказскомъ краѣ чуть не всякій, имѣющій сотню барановъ—князь.

— Ужь не твое дѣло, давай биться.

— Изволь.— Побились объ закладъ.

Шутникъ догоняетъ молодца и, съ ужимками и раболѣпнѣемъ жидка, лебезящаго передъ ясновельможнымъ паномъ, говоритъ ему: возможно-ли это, князь? не смѣю вѣрить! — Что такое?— Сосѣдь мой говоритъ, что знаетъ васъ, что у васъ 7 пальцевъ на лѣвой ногѣ?— Что за вздоръ!— Мы даже объ закладъ побились, выручите меня, не дайте проиграть... Въ концѣ концовъ великодушный грузинъ снимаетъ сапогъ..

* * *

Старикъ Б. жаловался мнѣ на своего знакомаго, угостившаго его кислымъ виномъ: „знаешь, Василий Васильевичъ, такого даль вина, что вспрысни хотъ ваплю лошаку въ носъ—самого губернатора лягнетъ“!

* * *

Введеніе новыхъ налоговъ въ 1865 г. дало поводъ къ настоящему бунту въ Тифлисѣ. Особенно непопуляренъ былъ налогъ на лошадей, по поводу котораго пробовали объяснить народу, что вездѣ въ западной Европѣ налогъ этотъ давно уже существуетъ.— „Ну такъ что-же, что существуетъ, отвѣчали армяне, тамъ лошадь содержать, а здѣсь лошадь содержать“.

Одинъ изъ моихъ знакомыхъ упрекалъ амкара (цѣховой) за возмущеніе: зачѣмъ бунтовать, говорилъ онъ, развѣ нельзя иначе выразить свое недовольство?

— А ты баранка знаешь? спросилъ тотъ вмѣсто отвѣта.

— Знаю.

— А чобанъ (пастухъ) знаешь?

— Знаю.

— Ну вотъ, когда чобанъ стригай шерсть — баранка спай (спаль), а когда онъ кожа стригай — баранка лягай! Баранка—ми, чобанъ—намѣстникъ. Когда онъ намъ шерсть стригай—ми спай, а когда онъ намъ кожа стригай—ми лягай! Понимаешь?

Одна изъ существенныхъ сторонъ этого возмущенія состояла въ томъ, что амкары закрыли всѣ свои лавки, а въ оставшіе открытыми лавки русскихъ и иностранцевъ отправили дѣтвей, съ предложеніемъ присоединиться къ стачкѣ, или бѣтовыми къ неприятностямъ.

Въ извѣстномъ магазинѣ француза Т., торговавшаго

прочимъ и фортепянами, колоссальнаго роста амбаръ такъ объяснилъ свою миссію: „Мадамъ! хочешь барыня игралъ на твой фортепянтъ—закрой лавка, хочешь я игралъ—открой“! Французенкѣ довольно было взглянуть на гиганта и на его руки, чтобы рѣшиться сейчасъ-же закрыть магазинъ.

* * *

Не знаю хорошенко, кабардинцы или осетины послали будто-бы депутацію къ императору Александру I и одинъ изъ сѣдыхъ предводителей ихъ кончилъ такъ свою рѣчь: „Мы знаемъ, государь, что ты великодушень и милостивъ, что ты желаешь намъ только счастья. Но мы слышали, государь, что около тебя есть дурной человекъ по имени „Правительство“, отъ котораго мы страдаемъ — прогони, молимъ тебя, государь, прогони его отъ твоего лица“!

* * *

Послѣдній разъ я возвратился изъ Туркестана черезъ Сибирь; по курьерской подорожной скакалъ 4 недѣли сряду, то дѣлая по 250 верстъ въ сутки, то кружась цѣлую ночь въ снѣжной вьюгѣ за 2, 3 версты отъ станціи.

Тѣда была, конечно, не знаменитая и, признаюсь, мысль о хорошемъ обѣдѣ въ Москвѣ часто занимала голову.

Приѣхавши въ „матеръ городовъ русскихъ“, я отправился въ Патрикеевскій трактиръ и только было расположился, подъ звуки органа, выбрать блюда, какъ подскочили половые съ просьбою „пожаловать на черную половину“. Я былъ въ новомъ романовскомъ полушубкѣ.

— Почему-же это? вѣдь отъ меня не воняетъ!

„Никакъ нѣтъ-съ, только вы въ русскомъ платьѣ“.

— Ну такъ что-же?

„Въ русскомъ платьѣ не полагается — пожалуйста на русскую половину“.

Не бушевать же въ трактирѣ,—похлебаль ухи на черной половинѣ.

* * *

Въ академіи художествъ, за мое время, были введены классы наукъ, экзамены которыхъ, болѣе чѣмъ рисовальные, смущали юныхъ художниковъ.

Одному изъ моихъ товарищей М., очень милому малороссу,

ремонно давили и толкали меня, настолько теперь почтительно сторонясь щадили мои бока и я слышалъ какъ одна кумушка шепнула своей сосѣдкѣ: вотъ и распознавай теперь людей—кто думалъ, что такой человѣкъ съ нами стоитъ!

* * *

Проѣзжая первый разъ на Кавказъ въ 1863 году, я засѣлъ на одной изъ станцій „за неизмѣнимъ лошадей“. Станціоннаго дома не было, онъ сгорѣлъ и пришлось коротать время въ избѣ, въ которой жили староста съ семьєю и ямщики и грязь которой была по этому случаю образцовая. Тутъ были куры, свиньи и телушки.

Чтобы не терять золотаго времени, я вынулъ дорожный альбомъ и началъ заносить всю обстановку избы съ людьми и животными. Многіе подходили, узнавали предметы, дивились, а наконецъ подошелъ и староста, долго молча смотрѣвшій на мое занятіе.—Что это вы пишете?—Какъ видишь, заночу на память твою хату, со всею хурдою.—А зачѣмъ это, позвольте узнать?—Такъ, для себя.—Позвольте просить васъ не писать.—Почему это?—Да вѣдь станція безпремѣнно скоро будетъ готова, я ужъ тороплю, тороплю...—Да мнѣ-то что-же до этого за дѣло?—Помилуйте, мы хорошо понимаемъ, только вѣдь это не по моей винѣ проѣзжающіе останавливаются здѣсь... Позвольте просить васъ не писать!

Такъ какъ я не покидалъ занятія, то смущенное начальство ушло и, вскорѣ возвратившись, объявило: „пожалуйте садиться, лошади готовы“!

Я еще не зналъ тогда, что карандашъ и перо могутъ быть такими талисманами.

В. В. Верещагинъ.

За свои ученые труды покойный митрополитъ въ 1854 г. получилъ званіе ординарнаго академика императорской академіи наукъ; кромѣ того былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ импер. общества «Исторіи и Древностей», почетнымъ членомъ археологическаго общества, а въ 1869 г. петербургскій университетъ преподнесъ ему степеню доктора русской исторіи.

Посвятивъ свою жизнь наукѣ, преосвященный Макарій поощрялъ и научную дѣятельность другихъ; съ этою цѣлю онъ сдѣлалъ, еще при жизни, значительное пожертвованіе на преміи, присуждаемыя за лучшія сочиненія по богословскимъ наукамъ — св. синодомъ и по всѣмъ отраслямъ знанія — академію наукъ ¹⁾.

Авторъ печатаемыхъ далѣе писемъ епископъ Кириллъ (въ мѣрѣ Василій Наумовъ) родился 26-го декабря 1823 года, въ гор. Калугѣ, гдѣ его отецъ былъ диакономъ церкви Михаила Архангела. По окончаніи образованія въ калужской духовной семинаріи, въ числѣ лучшихъ ся воспитанниковъ, поступилъ въ с.-петербургскую духовную академію; по окончаніи курса въ 1847 г., однимъ изъ первыхъ магистровъ, онъ принял монашество, съ именемъ Кирилла, былъ оставленъ при академіи сначала бакалавромъ, черезъ 4 года въ званіи экстраординарнаго, и наконецъ, съ 1855 года, въ званіи ординарнаго профессора, читалъ нравственное и пастырское богословіе. Назначенный въ 1855 году инспекторомъ этой же академіи, въ санѣ архимандрита, оставаясь въ этой должности до возведенія своего въ санъ епископа мелитопольскаго и назначенія настоятелемъ миссіи въ Іерусалимѣ (въ концѣ 1857 года), гдѣ оставаясь до половины 1864 года, когда будучи отозванъ св. синодомъ изъ Іерусалима, получилъ въ управленіе Спасо-Преображенскій монастырь въ Казани, оставаясь въ званіи епископа мелитопольскаго. Разстроенное здоровье и неблагоприятныя климатическія условія въ новомъ его мѣстопребываніи сократили его жизнь: въ 1866 году, 10-го февраля, онъ скончался на 44 году. Изъ ученыхъ его трудовъ нѣкоторые изданы: «Пастырское Богословіе» (за которое онъ получилъ степень доктора богословія), «Минуты уединенныхъ размышленій» «Жизнь Александра Невского» и «Акаоистъ» ему—болѣе извѣстны.

Переписка преосвященнаго Кирилла относится преимущественно къ періоду пребыванія его въ миссіи (1857—1864 гг.), за исключеніемъ первыхъ двухъ писемъ, относящихся ко времени предшествующему, и послѣднихъ пяти — ко времени оставленія имъ мѣста настоятеля миссіи и пребыванія въ Казани.

¹⁾ Вотъ какъ писалъ покойный брату своему, прот. Александру Петровичу Булгакову, отъ 2-го февраля 1867 года: «я тщательно высчиталъ, сколько я приобрѣлъ денегъ моими сочиненіями за 25 лѣтъ моей литературной дѣятельности. Оказалось — 120 тысячъ руб. серебромъ. Всю эту сумму, исполняя мой давній обѣтъ, который доселѣ я не отирывалъ никому въ мѣрѣ, я рѣшился пожертвовать на вѣчныя времена для учрежденія премій за лучшія сочиненія по всѣмъ наукамъ. И еще 6-го января я послалъ объ этомъ бумагу г. оберъ-прокурору съ подробнымъ изложеніемъ, какое сочиненіе мое сколько доставило денегъ, и по какимъ побужденіямъ, на какихъ условіяхъ я жертвую означенный капиталъ». Въ другомъ письмѣ отъ 20-го февраля того же года онъ писалъ такъ: «изъ академіи наукъ меня извѣщаютъ, что тамъ все были приведены въ восторгъ моимъ пожертвованіемъ, особенно потому, что эта жертва для науки приобрѣтена трудами научными. Таковъ былъ и мой взглядъ на значеніе моего пожертвованія».

Дружественный и интимный характер писемъ объясняется близкими отношеніями обоихъ покойныхъ іерарховъ,—отношеніями, развѣвшимися при довольно продолжительной службѣ въ петербургской духовной академіи и скрѣпленнымъ родственною связью—бракомъ между братомъ покойнаго преосвященнаго Макарія, Александромъ Петровичемъ Булгаковымъ (впослѣдствіи настоятелемъ Казанскаго собора въ Петербургѣ, † 1883 г.) и родною сестрою преосвященнаго Кирилла—Елизаветою Николаевною, урожденною Наумовою.

Ю. Н. Булгакова.

I.

Хлопоты по устройству миссіи.—Затруднительность положенія.

19-го сентября 1857 г. Сиб.

Преосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій архипастырь! ¹⁾ Я много виновать передъ вами, по крайней мѣрѣ, по письменной части, потому что по другимъ я исправилъ. Простите, ради Бога, принявъ во вниманіе положеніе мое въ настоящее время. Старое начальство, признавшее, что оно остается безъ меня на мели, осаждаетъ меня порученіями. Новое (хотя дѣйствующее въ связи со старымъ) присылаетъ дѣла на домъ, требуя предвѣстныхъ соображеній. Тутъ еще были хлопоты о составѣ миссіи, о нужныхъ облаченіяхъ и принадлежностяхъ вновь заводимаго въ Іерусалимѣ архіерейскаго богослуженія русскаго, о способахъ отправленія всего этого. Теперь все это покончено, по крайней мѣрѣ, сдано мною съ рукъ. Могу найти свободный часокъ—въ ожиданіи возвращенія послѣдняго доклада государю императору, отправленнаго на прошедшей недѣлѣ, вслѣдъ за утвержденіемъ меня начальникомъ іерусалимской миссіи. Доклада совсѣмъ не хотѣли и дѣлать. Но вопросъ возникъ о наименованіи и мѣстѣ посвященія, равно какъ и ризницѣ отъ кабинета, и К. Ст. Сербиновичъ, исправляющій нынѣ должность оберъ-прокурора, за отбытіемъ графа (Протасова) въ имѣніе и въ Казань (для допроса о Іоанна, почему онъ на Пасхѣ заперъ въ академической церкви двери во время совершенія литургіи и продержалъ тамъ инспектора съ сослуживцами три часа), рѣшили сдѣлать новый докладъ государю. Теперь сами жалѣютъ, хотя поздно. Но надобно подождать. Впрочемъ, во всемъ есть хорошія стороны. Лишнюю недѣлю пробуду въ Петербургѣ,—къ посвященію будутъ готовы всѣ вещи іерусалимскія, которыя и обновлю...

Касательно портрета распоряженія сдѣланы. Первые оттиски при Камень будетъ стоить рублий до 150. Оттиски опредѣлятся скоро. Ихъ

¹⁾ Въ дальнѣйшихъ письмахъ это обращеніе мы, для краткости,

будеть дѣлать сколько угодно. На первый разъ я прикажу сдѣлать сотъ до трехъ.

Прошу святительскихъ молитвъ вашихъ о многогрѣшномъ. Душа мирна, но поприще слишкомъ важно и очень страшно. Радуетъ все — и вниманіе правительства, и сочувствіе публики, и предварительныя условія помѣщенія въ Іерусалимѣ миссіи, признанной султаномъ и получившей въ лицѣ своего начальника право сношеній съ однимъ только патриархомъ іерусалимскимъ, на основаніи совершеннаго равенства, въ всякой зависимости отъ духовенства Святотробоискаго (т. е. синода іерусалимскаго), но отвѣтственность — страшно велика, назначеніе слишкомъ многосторонне... Прошу, прошу и прошу святыхъ молитвъ вашихъ на помощь моей немощи. Вашъ всей душою архимандритъ Кириллъ.

II.

Въ ожиданіи представленія государю и императрицѣ.—Слухъ о викариатствѣ.

Октября 17-го 1857 г. Спб.

Теперь уже имѣю право принести вамъ глубочайшую сердечную признательность за ваши привѣты и благожеланія. Съ 13-го числа сего мѣсяца, я, недостойный, уже епископствую. Примите въ вашу любовь немощнаго сослужителя и помогайте ему вашимъ молитвами, въ которыхъ онъ особенно нуждается.

Кончилось все, благодареніе Господу, хорошо. Теперь жду только драгоценнаго часа представленія государю императору и государынѣ императрицѣ, назначеннаго на повѣдѣльничъ 21-го октября, въ половинѣ перваго часа по полудни. Затѣмъ, распрощавшись съ Питеромъ, оказавшимъ мнѣ удивительное сочувствіе, 26-го числа выѣду изъ Петербурга. Дня два-три въ Москвѣ, три-четыре въ Калугѣ; дальше, послѣ нѣсколькихъ дней пути, явлюсь къ вамъ, мой добрый владыка. Съ нетерпѣніемъ жду этихъ дней, которые могу провести съ вами: есть много о чемъ поговорить. Я прожилъ эти мѣсяцы пограничному складу: два мѣсяца за четыре — такъ много пережито!

Есть очень пріятныя и для васъ новости. Одну смерть-хочется сказать теперь. Я слышалъ отъ одного изъ членовъ синода, что вамъ хотятъ дать викарія, чтобы освободить отъ епархіальныхъ дѣлъ, для продолженія вашихъ ученыхъ трудовъ, такъ цѣнными въ себѣ. Все исторіи жаждутъ и ждутъ, хотя академию убиваютъ...

Много интереснаго для бесѣды; мало времени для письма... Кириллъ, епископъ мелітопольскій.

III.

Путевыя впечатлѣнія.—Утомительные дни и бессонныя ночи.—Живость прежнихъ впечатлѣній.—Послѣдній переѣздъ.—Пріѣздъ въ Іерусалимъ.—Поклоненіе св. Гробу.—Визиты.—Служеніе въ храмѣ.—Праздникъ православія.—Занятія и душевное настроеніе.—о. Пофирій.

Св. Іерусалимъ. Марта 1-го дня 1858 г.

Предполагаю, что нерѣдко переноситесь вы мыслию къ страннику и пришельцу дальняго востока. Предчувствую, что давнее, довольно уже продолжительное, ожиданіе извѣстій отъ меня обращается, наконецъ, въ нѣкое чувство неудовольствія на меня. Сознавалъ долгъ и чувствовалъ потребность предупредить это чувство. Но вотъ уже четвертая недѣля исходитъ, письмо запоздало до того, что едва на Пасхѣ оно достигнетъ Тамбова, а я и теперь едва-едва въ силахъ скленть что-нибудь удовлетворительное. Говорятъ, будто уже я четыре недѣли на мѣстѣ; по временамъ, и мнѣ самому кажется, будто это должно походить на правду, но я не чувствую этого: я еще не дома, не на мѣстѣ, въ пути еще, все движусь впередъ и деселѣ не вижу предѣла движенія. Помню, что Мраморное море, Архипелагъ и Средиземное море видѣлись давно уже; чувствую, что кресло въ моемъ кабинетѣ не перекачивается съ боку на бокъ, какъ койка на пароходѣ, и кабинетъ мой въ двадцать пять разъ больше и во сто разъ красивѣе и покойнѣе пароходной каюты.. А душа еще не утѣлась, не приплыла къ берегу, терпитъ еще качку, и не малую. Помню, что были и прошли сутки непривычной верховой ѣзды по пути изъ Яффы въ Іерусалимъ, пути, котораго нельзя назвать дорогой, для котораго нѣтъ имени на русскомъ языкѣ, нѣтъ образа въ русскомъ воображеніи; теперь такъ много времени прошло, что я (уже) безъ ужаса вспоминаю эту каменную лѣстницу, брошенную на удачу, сложенную изъ горъ, усѣянную обломками камней, среди которыхъ выбирать мѣсто для ноги и за которые цѣпляться и держаться можетъ только арабская лошадь; даже уже начинаю помышлять сдѣлать послѣ Пасхи новый воляжъ, храбро обрекая себѣ на подвигъ девятичасоваго сидѣнья на лошади, умучивающаго до ояѣмѣ чувствъ; но тѣло отдохнуло, а душа все еще карабкается по горамъ, впередъ и впередъ, разучившись понимать слово: покой. Іерусалимъ, до котораго я тащился три мѣсяца, съ первой минуты моего пріѣзда оказалъ кою отправленія моего въ новый путь, круговой, начинаю думать—бывшій. Не вижу дней, считать ихъ разучился; въ послѣднее время только ночи; но это уже несчастье—бессонная ночь послѣ безпрхлопотъ дня, которому долженъ преемствовать другой день, еще б по крайней мѣрѣ, не менѣе хлопотливый.

Морской путь свой кончила я 28-го числа января, прибывъ

Яффу: ужасъ, какое разстояніе, какъ подумаешь о немъ, бывало, въ Петербургѣ. Мнѣ не казалось этого, когда, стоя на терасѣ монастырской, подъ стѣною которой море хлещетъ и катитъ волны свои въ необозримую даль, и смотрѣлъ на море въ прекрасную лунную ночь и въ теплый свѣтлый полдень. Такъ-ли еще сильны впечатлѣнія прежней жизни, такъ ли ужъ легко и углаженъ былъ для меня, особенною милостію Божіею, сложный и разнообразный путь мой, что впечатлѣнія долгаго путешествія не вытѣснили изъ души круга дорогихъ обликѣвъ и воспоминаній, не загроможживали раздѣлявшаго насъ разстоянія; только я не чувствовалъ здѣсь какъ я далеко отъ мѣстъ, не скучалъ, какъ не скучаю доселѣ (что считаю за самую великую милость Божію къ моей утлости), хотя вотъ ужъ пять недѣль не ждѣю ни откуда ни строчки, по милости замерзшаго рейда одесскаго, и уже жажду и аячу узнать что нибудь. Хлопоты переѣзда и такъ называемаго водворенія (къ моему постоянному двору слово это очень идетъ) въ Іерусалимѣ сокращаютъ немножко и эти пять недѣль.

30-го числа, вспоминая какъ, бывало, кушаемъ у дядюшки пироги или блины, я, съ часу пополуночи, великолѣпно двинулся верхомъ на лошади (въ первый разъ въ жизни), въ длинномъ поѣздѣ, въ послѣдній переѣздъ, среди апельсиновыхъ, лимонныхъ и помаранцевыхъ садовъ, въ которыхъ трудно было опредѣлнить, чего больше—зелени-ли, листьевъ или золотыхъ, созрѣвшихъ плодовъ. Путешествіе этого дня, не все впрочемъ посреди садовъ, но и по чистому полю, продолжалось четыре часа. За часъ до Рамлэ сдѣлана была мнѣ церемонія и отъ пашы. Начальникъ города встрѣтилъ меня съ своими кавалерами (баши-бузуками), которые дѣлали на поляхъ тысячи разныхъ маневровъ и шалостей удалства, подъ звуки турецкаго барабана, котораго звуки и теперь еще трещатъ въ моей душѣ. Такъ вошли въ древнюю Раму, гдѣ слышанъ бысть плачь и рыданіе и вопль многъ. Мнѣ самому хотѣлось плакать: такъ были раздражены нервы и необычнымъ путешествіемъ, и противуестественнымъ смѣшеніемъ религіозныхъ воспоминаній съ впечатлѣніями оригинальной встрѣчи и сопровождавшаго меня общества, въ которомъ было всего и не по немногу: и мушницъ и бабъ, которыхъ мулы очень нелюбезно сбрасывали съ своихъ спинъ при всякомъ удобномъ случаѣ, и православныхъ поклонниковъ, и армянскихъ монаховъ, одна партія конгъ провожала меня отъ Яффы до Рамлэ, а другая отъ Рамлэ до Іерусалима, и турецкихъ кавалеровъ, солдатъ и чиновниковъ.

Въ 6 часовъ утра 31-го числа поѣхали дальше. Толпа переиѣнялась, хотя не только не уменьшалась, а еще увеличилась. Я велѣлъ прогнать всѣхъ бабъ-поклонницъ,—ой народъ! *хориз, елеησον!*—Лезутъ дряни впередъ; гадятъ видъ и задерживаютъ поѣздъ, а назадъ не загомишь. На мѣсто ихъ прибылъ греческій архимандритъ съ братіею, армянскій тоже и отъ пашы агъ съ десятками кавалеровъ, которые должны были сопровождать меня до Іерусалима.

Секретарь начальника города далъ мнѣ свою лошадь, совсѣмъ не по сѣдоку, кровнаго арабскаго жеребца, который на аршинъ не подпускалъ къ себѣ никакого живаго существа, кромѣ конюха, ведшаго его подъ уздцы. Я не трусилъ, даже немножко трусилъ, чтобы не задержать поѣзда въ дорогѣ и не запоздать прїѣздомъ въ Св. Градъ. Четыре съ небольшимъ часа мы ѣхали путемъ ровнымъ, только крайне грязнымъ. Но, Боже мой, что за дорога пошла потомъ по ущельямъ горъ, отъ Эммауса. Ну, этихъ стадій пятнадцать не забудутся и лѣтъ въ пятьдесятъ! Къ концу пути я изнемогъ до того, что потерялъ всякую способность мыслить, или желать, даже способность чувствовать страданія. Парадная встрѣча отъ пашы и отъ патріарха нашей и армянской не переѣмили состоянія моего духа. Но когда, выѣхавъ изъ-за горы, я вдругъ услышалъ: «вотъ и Иерусалимъ»; когда взглянулъ въ указанную сторону, которую садившееся въ тучахъ солнце, какъ будто нарочно, освѣтило мгновеннымъ розовымъ лучемъ, послѣднимъ въ этотъ день, и потомъ скрылось само; когда увидѣлъ Элеонъ, освѣщенный сначала и видѣвшійся черезъ городъ, а потомъ и самый городъ; когда, приближаясь ко вратамъ, увидѣлъ толпу народа въ нѣсколько тысячъ, сбѣжавшую на встрѣчу русскому архіерею, смѣшанную толпу, и плясавшую, и плакавшую, и рвавшуюся коснуться хоть помы моею рясы; когда слухъ мой, во вратахъ града, огласился русскимъ пѣніемъ: «Достойно есть», для котораго русскіе поклонники, съ священникомъ впереди со крестомъ, не жалѣли груди; когда потомъ двинувшись я по улицамъ Иерусалима стиснутый толпою и тащивый съ лошади во всѣ стороны, съ громогласнымъ пѣніемъ нашихъ богородичныхъ; когда воидя въ свой домъ съ пѣніемъ: «Спаси, Господи, люди Твоя». — я не знаю что со мною дѣлалось! Аще въ тѣлѣ, не вѣмъ, аще кромѣ тѣла, не вѣмъ, Богъ вѣсть. Но на другой же день я былъ уже столько бодръ и крѣпокъ, что могъ поспѣшить ко святынѣ и вечеромъ отправить всенощную, чтобы съ Срѣтенія Господня начать свое служеніе въ Иерусалимѣ. Прохожу молчаніемъ неземныя минуты поклоненія Св. Гробу и Голгоѣ.. Въ эти минуты можно только многотутѣшно плакать; при воспоминаніи этихъ минутъ можно только плакать, можно молиться еще, только не словами, а рыданіями души... Описывать такія минуты нельзя. Если хотите, могу только сказать, что вы вспоминались уже не разъ.

Съ слѣдующаго дня начался хлопоты, отъ которыхъ еще не отдѣлался я и на этой недѣлѣ, которую просидѣлъ дома, простудившись нешного и отчасти радуясь тому, что, наконецъ, могу отдохнуть за письменнымъ столомъ. Утромъ обѣдня съ проповѣдью; до вечера пріемъ посѣтителей; вечерня съ прощаньемъ по русскому обряду. Съ понедѣльника до пятницы: съ 8—12 ч. въ церкви за утреней и часами (на 6-мъ проповѣдь); съ 12—4-хъ пріемъ визитовъ, которыми не только не замедлили, но и поспѣшили и армянскій патріархъ, и францискавскій аббатъ (дубина патріархъ Валерга выдерживаетъ

доселѣ, не понимая, д....., исповѣданный здѣсь всѣми, что не онъ выигрываетъ въ этомъ случаѣ, а я), и консулы англійскій, французскій, австрійскій, прусскій, и паша, и многое множество турокъ и пр.; съ 4—6½ по вечеріе. Въ пятницу визиты чужихъ замѣнились визитами духовныхъ дѣтей. Да, пресвященнѣйшій, по здѣшнему обычаю почти никогда никто не исповѣдуются у священниковъ, а у архіереевъ, и вотъ я — духовникъ: чудная судьба; все на изворотъ! Трудъ, не скажу, утѣшительный, но поучительный весьма, особенно здѣсь. Страхъ забираетъ, какъ посмотришь на то, какъ дьяволъ ловко дѣйствуетъ къ уловленію душъ. Здѣсь онъ особенно сердитъ: Голгова близко; видны слѣды ползанія этого древняго змія ясно, какъ некогда не видятся, бывало, тамъ, дома. Что онъ тутъ страшаетъ — дивы дивныя, и система ловкая! Будетъ о чемъ побесѣдовать, когда увидимся: бумагой всего не передашь!

Въ субботу 1-й недѣли служилъ я на Голгоѣ литургію въ 5 часовъ утра; въ часъ съ половиною отправился въ храмъ совершать торжественную вечерню, равно какъ на другой день литургію и крестный ходъ. Былъ праздникъ Православія. Здѣшній владыка мнѣ предоставлялъ совершить его къ неизмѣримой и невыразимой радости частію и грековъ, а особенно русскихъ и болгаръ, къ величайшему же озлобленію несчастныхъ латвнѣ. Мнѣ была торжественная встрѣча при входѣ: архіереи шли за мною. Всю вечерню стоялъ на высокой кафедрѣ за лѣвыми клиросомъ, въ патріаршей мантии, съ посохомъ и крестомъ, по временамъ читая псалмы и молитвы то по гречески, то по русски. На другой день торжественная литургія, въ которой сослужили мнѣ 36 священниковъ и 7 діаконовъ; евангеліе читали по гречески, по славянски, по молдавски, по арабски: точно пасха, особенно когда видишь предъ собою «яко живописецъ, яко рая красивѣйшій, яко всякаго чертога царскаго свѣтлѣйшій Гробъ Христовъ, источникъ нашего воскресенія». Для крестнаго хода вокругъ кувукліи Гроба, среди толпы тысячъ въ шесть человекъ, на меня возложили особый саккосъ, столько же древній, сколько и тяжелый, весь въ иконахъ, также и нитру изъ патріаршей ризницы: архіереи шли за мною, надѣвъ опитрахили и омофоры поверхъ рясы и въ камиллавкахъ; у всѣхъ изъ (у меня еще и богатѣйшій жезлъ, усыпанный брилліантами и рубинами) въ рукахъ были иконы, равно какъ и у 105-ти священниковъ, участвовавшихъ въ шествіи въ однообразномъ, двухъ только сортовъ, облаченіи.

Что дѣлалось потомъ? Ей, минуты не было свободной. Изъ церкви отправляешься платить визиты или принимать новые. Въ среду служба, въ пятницу тожь. Въ субботу 2-й недѣли служба въ Геесманни на гробъ Божіей Матери; въ воскресенье на гробъ Христовомъ: страшная служба, всерадостнѣйшая пасха! 18-го февраля поминали покойнаго царя; 19-го торжественно молились на Голгоѣ за государя царствующаго. Въ воскресенье 3-й недѣли участвовалъ въ торжествѣ и крестномъ ходѣ у св. Гроба, а обѣдѣ

отслужилъ въ Ариангельскомъ монастырѣ. Въ промежуткѣ—устройство дома, устройство службъ церковныхъ, толки (сначала съ своимъ консуломъ, а потомъ съ разными лицами) о будущихъ предпріятіяхъ, устройство временнаго госпиталя, письма и отчеты въ Константинополь и Петербургъ: полторы воть недѣли сажу и пишу; половины еще не сдѣлалъ, хотя не хожу ни въ церковь, ни въ другія какія мѣста, благодаря своей простудѣ.

Домъ мой весьма хорошъ. Обаче и дружескія объятія бывають иногда тѣсны и неудобны. Затѣваю нѣчто свое, болѣе самостоятельное и просторное. Помоги бы Господь: съ своей стороны, однакожь, рѣшаюсь на все, и нѣтъ въ виду, что въ Россіи, лѣнливой и неповоротливой, лучшая пружина: fait accompli. Пусть поругають подѣ часть: брань на воротѣ не виснетъ; дѣло бы сдѣлать; а мы ужъ и то порядочно подгадали себѣ на востокѣ, — еще востокъ слишкомъ глушь и добръ: бѣда бы иначе.

Духъ мой удивительно спокоенъ и бодръ. Право, подумаешь иногда, чудеса бывають и въ наше время. Веселъ, спокоенъ, тружусь много, очень много, но нисколько утомленія, только веселѣй становившись, когда сдѣлаешь чтонибудь. Гостинная моя — нейтральная земля: положеніе самое выгодное. Бывають около насъ и пакости разныя; улыбаемся и отражаемъ... о, край! Свѣтлѣйшій, какъ преддверіе рая Вожія; сквернѣйшій, какъ пороги ада; край рѣшительнаго покаянія и спасенія для однихъ; край рѣшительнаго развращенія и гибели для другихъ... Молитесь за насъ. Вашъ Е. Кирилль.

Былъ у меня гость — кн. Д. А. Оболенскій съ генераломъ Н. В. И.—вымъ. Князь родственникъ графа Протасова, а генералъ въ нѣкоемъ свойствѣ съ однимъ доможь...; оба съ языками. Много говорили объ васъ на прошлогоднюю майскую тему. Питаемъ надежды, что дѣла гонимой церкви поправятся. Сербиновичу объявилъ я откровенно войну предъ Богомъ и людьми. И здѣсь кричу, выставляя правду, и въ Питеръ пишу. Не пакостникъ ли,? Вотъ случай: предъ отъѣздомъ своимъ графъ Протасовъ спрашивалъ, посылать ли Порфирія въ Константинополь? Я уклонился отъ отвѣта, говоря, что мнѣ все равно: что, если онъ будетъ дѣйствовать честно и благородно, я ему буду благодаренъ, если начнетъ мудрить и портить дѣло, я его выгоню въ 7 сутокъ, на что нѣтъ ручательства. Графъ только и слышалъ отъ меня — при этомъ, который былъ тутъ же. Приѣзжаю потомъ къ нему. Именемъ Воинъ, отъ лица графа, требуетъ онъ отъ меня рѣшительнаго да или нѣтъ. Я говорю: нѣтъ. Меня увѣряють, что такимъ образомъ дѣло кончено; о Порфиріи и рѣчи не будетъ. Что же? Вдругъ въ Константинополь посланникъ присылаетъ ко мнѣ запросъ изъ министерства, по указанію графа Толстаго, кого послать въ Константинополь изъ трехъ кандидатовъ, между которыми первый—Порфирій? Душами, что я уже уѣхалъ изъ Константинополя и отпустили эту новую штуку. Дѣло, конечно, не удалось. Но между сотнями другихъ дѣяній Сербиновича, я рассказалъ объ этомъ кн. Оболенскому

и написалъ къ кн. Горчакову. Оболенскій, предполагавшійся самъ въ оберъ-прокуроры, давно уже знаетъ этого іезуита (Сербиновича) и не разъ убѣждалъ графа (помѣстить) его въ сенатъ. Теперь онъ былъ радъ получить подробные матеріалы для повѣствованія графу. Надо-жъ, наконецъ, когда нибудь покончить съ этими іезуитами. (Анд. Ник.) Муравьевъ, просто, съ ума сходитъ отъ бѣшенства на меня: осрамленъ на цѣлый Петербургъ! И Москва не выдержала. Черезъ одного священника иркутскаго жаловался онъ митрополиту. Тотъ отвѣчалъ только: «вѣдь (Андрой Ник.) Муравьевъ всегда былъ самолюбивъ; а сколько я разумью, преосвященный Мелитопольскій свое дѣло понимаетъ».

Сообщ. Ю. Н. Вулганова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

1888.

УЧЕНЫЯ АРХИВНЫЯ КОМИССИИ

ВЪ 1888 г.

Обзоръ ихъ дѣятельности.

Читано директоромъ археологическаго института И. Е. Андреевскимъ,
въ собраніи института 25 октября 1889 г.

1889.

УЧЕНЫЯ АРХИВНЫЯ КОМИССІИ

въ 1888 г.

Въ 1888 году дѣйствовали девять ученыхъ архивныхъ комиссій: Рязанская, Тамбовская, Тверская, Орловская, Костромская, Саратовская, Нижегородская, Таврическая и Оренбургская. Устроившаяся въ этомъ году еще новая комиссія Пермская начала дѣйствовать только въ нынѣшнемъ 1889 г., и потому обзоръ ея дѣятельности найдетъ себѣ мѣсто только въ будущемъ отчетѣ. Учрежденіе въ 1887 г. ученой архивной комиссіи въ Оренбургѣ вызвано было фактической необходимостью. Когда закрылось генераль-губернаторское управленіе, то для разбора производившихся тамъ дѣлъ и всего архива генераль-губернаторскаго управленія была устроена министерствомъ внутреннихъ дѣлъ особая комиссія. Эта комиссія работала нѣсколько лѣтъ, но не могла справиться съ множествомъ встрѣченныхъ ею затрудненій по разбору весьма цѣннаго и богатаго историческаго матеріала. Содѣйствіе, которое, по желанію министерства внутреннихъ дѣлъ, долженъ былъ оказать этой комиссіи археологическій институтъ, привело къ разъясненію необходимости учрежденія вмѣсто того ученой архивной комиссіи, которая не только разберетъ дѣла генераль-губернаторскаго управленія, но и создастъ историческій архивъ, который по многочисленности и важности имѣющихся въ этой восточной окраинѣ актовъ можетъ приобрести значеніе центральнаго для той мѣстности архива. Ученая архивная комиссія въ Оренбургѣ образовалась уже въ самомъ концѣ 1887 г. и въ отчетномъ году, ея дѣятельность была болѣе подготовительною къ работамъ, появившимся уже въ печати въ 1889 г.

Починъ въ созданіи архивной комиссіи въ Перми принадлежитъ нашему почетному члену, уважаемому М. И. Семевскому. Это вполне добрая память его археологическаго путешествія по Россіи лѣтомъ 1888 г. 5-го іюля собрались сочувствующія этому дѣлу лица. Епископъ Пермскій и

Соликамскій, пресвященный Владиміръ, благословилъ стремящихся приступить къ научному подвижничеству, а М. И. Семевскій разъяснилъ собравшимся весь ходъ образованія ученыхъ архивныхъ комиссій въ Россіи и задачи, на нихъ возлагаемыя. Послѣдствіемъ такого рожденія комиссіи было то, что всѣ присутствующіе изъявили согласіе войти въ составъ зарождающейся Пермской комиссіи. Эта комиссія утверждена г. министромъ внутреннихъ дѣлъ 5-го мая вышшняго 1889 г.

Изъ девяти дѣйствовавшихъ въ отчетномъ году ученыхъ архивныхъ комиссій старѣйшія по времени ихъ образованія, Тверская, Тамбовская, Рязанская, отчасти Орловская и Костромская, уже окрѣпли въ созданномъ имъ планѣ дѣйствій; первоначальные шаги ихъ въ этой новой области, казавшіеся весьма робкими, сдѣлались уже твердыми и увѣренными. На эти комиссіи мѣстное общество начинаетъ смотрѣть какъ на учрежденія излюбленныя, безъ которыхъ и существовать невозможно. И собственно, въ весьма короткій срокъ, четыре—пять лѣтъ, сдѣлавы столь видныя завоеванія въ области мысли и почтеннаго научнаго труда. Новыя, сравнительно, комиссіи, Саратовская, Таврическая, Нижегородская также бодро двинулись по пути, намѣченному старѣйшими комиссіями; но представляютъ и свое самостоятельное. Такъ, Нижегородская комиссія, согласно предложенію своего почтеннаго предсѣдателя Гацискаго, отмѣтила такъ названные ею Нижегородскіе дни, т. е. дни, ознаменованные историческими событіями въ жизни Нижегородскаго края; къ этимъ днямъ она приурочила свои засѣданія, и дѣлая эти засѣданія публичными, предполагаетъ этии постоянно воскрешать въ памяти Нижегородскаго общества хорошіе моменты давней старины и такимъ патріотическимъ свѣточемъ постоянно теплить уваженіе и любовь къ отжившему, историческому.

Посмотримъ поближе на работы этихъ девяти архивныхъ комиссій въ отчетномъ 1888 году.

I.

Важнѣйшая изъ задачъ, преслѣдуемыхъ архивными комиссіями, составленіе губернскаго архива, не смотря на массу требуемаго труда, энергически достигается всѣми комиссіями. Испробованные для того методы оказываются весьма пригодными.

1) Ознакомленіе съ архивами присутственныхъ мѣстъ, разборъ ихъ и описаніе и въ отчетномъ году дали возможность всѣмъ комиссіямъ выдѣлать въ свои новыя губернскіе историческіе архивы немалое количество важныхъ историческихъ документовъ.

Тамбовская коммисія, продолжая разборъ и описаніе архива Шацкой провинціальной канцеляріи (П. И. Пискаревъ и И. В. Староградскій), пересмотрѣла въ отчетномъ году болѣе 3,000 дѣлъ, изъ коихъ отобрано въ историческій архивъ 388 дѣлъ. (Со дня открытія коммисіи всего поступило въ ея архивъ 2,497 дѣлъ). Всѣмъ поступающимъ въ архивъ дѣламъ составляется опись, печатаемая въ Извѣстіяхъ коммисіи. Кромѣ этой описи, правителемъ дѣлъ коммисіи, М. Г. Розановымъ, составленъ предметный, географическій и именной указатель къ описи за 1884—1887 гг.

Тверская коммисія, рассмотрѣвъ описи дѣламъ Весеьеговскаго уѣзднаго суда съ 1803 по 1866 гг., не нашла въ нихъ ни одного дѣла, заслуживающаго храненія, а изъ архива Тверской губернской чертежной, съ 1833—1875 гг. (В. А. Шлетневъ) выдѣлила 13 дѣлъ. Предсѣдателемъ коммисіи А. К. Жизневскимъ вмѣстѣ съ правителемъ дѣлъ И. А. Ивановымъ были рассмотрѣны описи архивныхъ дѣлъ и книгъ казначействъ Старицкаго, Зубцовскаго, Кашинскаго, Весеьеговскаго и Бѣжецкаго (съ 1855—1885 гг.) и признано необходимымъ удержать въ историческомъ архивѣ лишь книги на храненіе въ казначействахъ денежныхъ ящиковъ, такъ какъ въ этихъ дѣлахъ и книгахъ имѣются слѣпки печатей.

Рязанская коммисія продолжала выдѣлять въ историческій архивъ дѣла изъ разбираемыхъ ею архивовъ: 1) губернаторской канцеляріи (В. И. Лашевскій изъ пересмотрѣнныхъ имъ 3,489 дѣлъ выдѣлилъ 367; А. Д. Поваляшинъ пересмотрѣлъ 1,167 и выдѣлилъ 79); по примѣру прежнихъ лѣтъ, дѣламъ, отобраннымъ для храненія и назначеннымъ къ уничтоженію, составлены описи; 2) упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ—уголовной палаты и уѣздныхъ судовъ; здѣсь работы производились въ окружномъ судѣ подъ наблюденіемъ А. В. Селиванова: пересмотрѣли 21,812 дѣлъ и отобрали, съ составленіемъ описанія по карточному способу, 1,150 дѣлъ; 3) Рязскаго полицейскаго управленія (А. П. Мансуровъ). Такимъ образомъ въ отчетномъ году пересмотрѣли въ правительственныхъ архивахъ около 267,000 дѣлъ, отобравъ и описавъ 1,756 дѣлъ.

Орловской коммисіи пришлось въ отчетномъ году констатировать грустный фактъ, что весьма многое, значившееся въ описяхъ архивовъ орловскихъ присутственныхъ мѣстъ, какъ-то: губернскаго правленія, прежнихъ судебныхъ мѣстъ и городской думы, оказалось или переданнымъ въ другіе архивы или уничтоженнымъ пожарами. Въ отчетномъ году коммисія (С. М. Блохинъ) успѣла разобрать: 1) въ архивѣ Орловской духовной консисторіи дѣла приказнаго стола съ 1740—1789 гг., отобравъ для храненія 28 дѣлъ; 2) въ архивахъ

Елецкаго уѣзднаго суда дѣла съ 1788—1809 гг.: отобрано 9 дѣлъ; 3) изъ Орловскаго совѣстнаго суда выдѣлено одно дѣло «о кладѣ съ заклятымъ золотомъ и серебромъ». (При этомъ дѣлѣ сохранился одинъ изъ образцовъ отреченной литературы—рукопись заговоровъ и ложныхъ молитвъ, отпечатанная въ «Трудахъ комиссін»).

Костромская комиссія приступила къ разсмотрѣнію и описанію архива губ. правленія (И. В. Миловидовъ) и продолжала печатаніе (2-й выпускъ) рукописей, хранящихся въ архивѣ Ипатьевскаго монастыря (И. В. Миловидовъ); въ этомъ выпускѣ напечатано 35 указовъ, грамотъ и другихъ архивныхъ документовъ.

Саратовская комиссія, хотя и не успѣла вполнѣ разрѣшить возникшихъ у ея членовъ сомнѣній относительно способовъ описанія и полученія вѣрной оцѣнки назначаемыхъ къ уничтоженію дѣлъ, успѣла однако въ отчетномъ году: 1) разобрать и напечатать описаніе архива упраздненной аткарской городской думы (А. Н. Минхъ); 2) напечатать описаніе архива бывшаго вольскаго духовнаго правленія (В. Г. Еланскій и А. В. Смирновъ) и 3) общій списокъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ губернскаго правленія (Н. С. Соколовъ).

Таврическая комиссія, ознакомившись съ существующими правительствующими архивами, признала, что обширный архивъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ содержится хорошо, дѣла связаны по №№ за каждый годъ, расположены удобно на полкахъ, имѣются хронологическія и частію алфавитныя описи, помѣщеніе сухое и безопасное отъ огня, что въ хорошихъ сравнительно условіяхъ и архивъ духовной консисторіи, но всѣ остальные архивы крайне неудовлетворительны. Въ этихъ видахъ ближайшаго ознакомленія съ неудовлетворительными архивами и содѣйствія къ приведенію ихъ въ порядокъ, комиссія распредѣлила занятія своихъ членовъ по архивамъ: магометанскаго духовнаго правленія (И. И. Казасъ и Х. П. Яшуржинскій), управленія государственныхъ имуществъ (А. К. Романюкъ) и окружнаго суда (Г. А. Апостоловъ). Послѣдній архивъ приводится въ порядокъ: разсортировано и пронумеровано (1885—1888 гг.) 26,008 дѣлъ упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ и 39,145 симферопольскаго окружнаго суда, а еще остается разобрать болѣе 65 тыс. дѣлъ: начались перестройки и самаго зданія этого архива для возможности помѣщенія архива, тамъ какъ часть его помѣщается въ погребѣ. Изъ просмотрѣнныхъ комиссіею 2,016 дѣлъ (А. К. Романюкъ 586 д., А. И. Маркевичъ 362, Ѳ. Ѳ. Лашковъ 261, Д. К. Якимовичъ 222, Н. А. Сахаровъ 220, И. И. Казасъ 130, А. О. Кашпаръ 87, Гидалевичъ 40, А. В. Ивановъ 58 и А. Н. Феноменовъ 40) отобрано для историческаго архива 24 дѣла и 2 документа. Озна-

комленіе съ другими архивами представило затрудненія. Такъ, командированный комиссіею членъ ея (К. К. Косцюшко-Валюжиничъ) рассмотреть и описать архивъ канцеляріи севастопольскаго градоначальника, не могъ туда проникнуть, такъ какъ канцелярія ему заявила, «что таковой архивъ еще не учрежденъ при канцеляріи». Общее ознакомленіе съ архивами Крымскаго полуострова привело комиссію къ выводу, что она имѣетъ въ своемъ распоряженіи сравнительно небогатый археографическій матеріалъ. Ханскій архивъ въ Бахчисараѣ сгорѣлъ въ 1736 г. во время похода Миниха и изъ него досталось архиву губернскаго правленія только 119 кадіаскерскихъ дефтерей, которые были представлены въ комиссію 1802 г. для разбора споровъ по землямъ въ Крыму. Кромѣ этого, нѣсколько десятковъ ханскихъ ярлыковъ и султанскихъ фирмановъ, представленныхъ мурзами въ таврическое дворянское собраніе, — составляютъ весь матеріалъ, уцѣлѣвшій отъ прежняго времени. Также ничего не сохранилось и отъ періода покоренія Крыма (1770—1783 гг.), и только съ 1784 г. крымскіе архивы могутъ начать свою исторію.

Нижегородская комиссія успѣла въ отчетномъ году ознакомиться съ существующими архивами, изъ которыхъ на основаніи составляемыхъ описей выдѣляетъ дѣла и документы въ историческій архивъ. Успѣли описать дѣла макарьевскаго и частію горбатовскаго полицейскаго управленія и просмотрѣли описи нижегородскаго мирового архива, губернской земской управы и нижегородскаго полицейскаго управленія.

2) Другое средство для обогащенія историческихъ архивовъ, — къ которому съ полнымъ успѣхомъ приступили комиссіи съ первыхъ же дней ихъ открытія, это полученіе справокъ изъ центральныхъ и другихъ губернскихъ архивовъ о документахъ, относящихся къ данной губерніи, — принималось и въ отчетномъ году.

Въ Тамбовскій историческій архивъ продолжаютъ прибывать данныя: 1) благодаря неустаннымъ трудамъ почтеннаго предсѣдателя комиссіи И. И. Дубасова, выбирающаго извѣстія изъ московскихъ и мѣстныхъ архивовъ для изготовляемаго имъ къ печати 5-го выпуска «Очерковъ изъ исторіи Тамбовскаго края». 2) Членъ комиссіи, директоръ московскаго архива министерства юстиціи, Н. А. Поповъ сообщилъ подробный перечень хранящихся въ архивѣ актовъ, касающихся Тамбовскаго края, именно — присутственныхъ мѣстъ прошлаго столѣтія, архивы которыхъ влились въ этотъ архивъ, и перечень самыхъ категорій архивныхъ дѣлъ и документовъ, съ обозначеніемъ ихъ датъ. 3) По ходатайству комиссіи, членъ ея, саранскій уѣздный врачъ Г. П. Петерсонъ допущенъ въ архивы Пензенской губерніи для указанной цѣли.

Тверская комиссія получила извѣщеніе отъ управляющаго московскимъ архивомъ министерства юстиціи, что для топографіи гор. Твери XVII ст. изъ документовъ, хранящихся въ архивѣ, кромѣ писцовой книги Ларіона Шишкова 1685 года (№ 2,613), могутъ служить переписныя книги: князя Мезецкаго 1646 г. (№ 2,608) и Миханла Чирикова 1677 г. (№ 2,663); что же касается самыхъ плановъ гор. Твери, относящихся къ XVII ст., то ихъ въ архивѣ было 4, но еще при Калачовѣ планы и чертежи всѣхъ городовъ и посадовъ Россійской имперіи вытребованы изъ архива министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Послѣдствіемъ этого извѣщенія было то, что предсѣдатель комиссіи А. К. Жизневскій отправился въ московскій архивъ министерства юстиціи и сдѣлалъ изъ указанныхъ переписныхъ книгъ выписи, которыя рассмотрѣны въ комиссіи и напечатаны въ епарх. вѣдомостяхъ. Кромѣ того, рѣшено сдѣлать выписи изъ 9-ти писцовыхъ книгъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ, о присылкѣ которыхъ на нѣкоторое время въ Тверь комиссія и представила ходатайство управляющему московскимъ архивомъ.

Рязанскій историческій архивъ также обогатился нѣсколькими серіями дѣлъ изъ другихъ архивовъ и отъ частныхъ лицъ. Многія изъ нихъ переданы вмѣстѣ съ описями. Такъ, изъ Казани, отъ члена комиссіи Д. А. Корсакова поступило 120 документовъ преимущественно XVII, ст., относящихся до рода Пущиныхъ. Отъ Л. М. Муромцева передано 32 дипломатическихъ акта на турецкомъ языкѣ. Черезъ А. Я. Попова пожертвована связка бумагъ, относящихся до рода Бородавкиныхъ. Н. А. Кутуковымъ пожертвована связка интересныхъ столбцовъ, большею частью XVII в. Изъ Москвы А. П. Станкевичемъ передано нѣсколько старинныхъ документовъ, касающихся рязанскихъ землевладѣльцевъ. Палата государственныхъ имуществъ Владимірской и Рязанской губерніи сдѣлала распоряженіе о передачѣ сюда 12-ти томовъ описаній хозяйственнаго положенія государственныхъ крестьянъ за 1864 г.; изъ спб. сенатскаго архива доставлено 21 дѣло конца прошлаго и начала текущаго столѣтій.

Саратовская комиссія также пользовалась сокровищами московскаго архива министерства юстиціи. Членъ ея А. А. Голембевскій составилъ описаніе имѣющихся въ этомъ архивѣ грамотъ по Саратову, хранящихся въ отдѣлѣ жалованныхъ грамотъ, подъ №№ 10,784 — 10,823. (Это описаніе напечатано въ «Трудахъ» комиссіи). Членомъ комиссіи Н. С. Соколовымъ внесены въ архивъ изъвлеченные имъ изъ одного дѣла начала нынѣшняго столѣтія архива межеваго департамента сената 4 документа, относящіяся къ первымъ годамъ существованія города Петровска (напечатаны въ «Трудахъ

комиссіи»). Правителемъ дѣлъ представлена снятая имъ, съ разрѣшенія астраханскаго преосвященнаго Евгенія, копія съ хранящагося въ архивѣ астраханской духовной консисторіи доведенія присутствующихъ саратовскаго духовнаго правленія, отъ 20-го августа 1774 г., о взятіи Саратова 6-го августа Пугачевымъ. Узнавъ отъ своего сочлена Н. С. Соколова, что въ бібліотекѣ нижегородской духовной семинаріи имѣется нѣсколько томовъ рукописнаго сборника разныхъ документовъ по исторіи Саратовскаго края, собранныхъ въ 1840 хъ годахъ бывшимъ саратовскимъ епископомъ Яковомъ Ветерковымъ, комиссія обратилась съ просьбою къ своимъ нижегородскимъ сочленамъ гг. Гацискому и Савельеву ознакомиться съ сборникомъ преосвященнаго Якова и сообщить изъ него извлеченія.

Нижегородская комиссія получила отъ управляющаго московскимъ архивомъ министерства юстиціи Н. А. Попова опись хранящихся въ архивѣ дѣлъ различныхъ учрежденій Нижегородскаго края и отъ И. Ф. Токмакова опись хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ матеріаловъ по археографіи и исторіи Нижегородскаго края. Правитель дѣлъ археографической комиссіи А. И. Тимофѣевъ изъявилъ готовность содѣйствовать возвращенію въ Нижній-Новгородъ актовъ Печерскаго монастыря, хранящихся въ Петербургѣ. Московскій антикварій П. П. Шибановъ доставилъ комиссіи касающуюся Нижегородской губерніи выписку изъ книги, изд. 1768 г.: «Имянной списокъ господамъ депутатамъ, выбраннымъ въ комиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія».

Таврическая комиссія, въ первомъ же своемъ засѣданіи, въ виду молодости архивнаго матеріала, постановила обратиться къ содѣйствію мурзь, муллъ и другихъ лицъ, главнымъ образомъ татаръ, съ просьбою представить ихъ фамилныя бумаги и другія рукописи на турецкомъ, татарскомъ языкахъ, если не въ собственность комиссіи, то, по крайней мѣрѣ, для снятія съ нихъ копій или храненія. На это обращеніе стали отзываться. Мурать бей Біярагновъ предоставилъ для храненія рукописную книгу на татарскомъ языкѣ въ 431 л., подъ названіемъ: «Теварихъ-Джами» (Всеобщая исторія). Черезъ товарища предсѣдателя И. И. Казаса поступила караимская рукопись, заключающая въ себѣ рассказъ современника (Рабія Захарія) о событіяхъ правленія послѣдняго крымскаго хана Шагинъ-Гирея. Правитель дѣлъ Ѳ. Ѳ. Лашковъ предоставилъ музею 18 ханскихъ ярлыковъ въ оригиналѣ (періода 1594—1779 гг.), 10 султанскихъ фармановъ Мухамеда и Мустафы (XVIII ст.), также въ оригиналѣ и копіяхъ, и 9 разныхъ документовъ, денежныхъ росписокъ, купчихъ, раздѣловъ, на турецкомъ и татарскомъ языкахъ.

3) Въ отчетномъ году, подобно предъидущимъ годамъ, въ нѣкоторые изъ историческихъ архивовъ влились фамильные архивы и бумаги.

Въ Тамбовскій историческій архивъ поступило: 1) отъ П. И. Грекова 13 столбцовъ, извлеченныхъ изъ домашняго архива Н. И. Сумарокова: жалованныя грамоты и записи поступныхъ, купчихъ, рядныхъ и др.; 2) отъ графини Н. К. Сухтеленъ собраніе бумагъ ея дѣда, отца и дяди, заключающее въ себѣ дѣловую и частную нѣ переписку за періодъ времени съ 1770—1860 гг. Кромѣ дипломатической переписки гр. П. К. Сухтелена и большого количества мемуаровъ и записокъ по военно-инженерной части, въ этомъ собраніи находятся автографъ Шлецера, трактатъ этого историка о статистикѣ народонаселенія, посвященный императрицѣ Екатеринѣ II, автографы и коллекціи снимковъ съ древнихъ надписей, принадлежащія ученому шведу Біернсталу (род. 1735, ум. 1779 г.), извѣстному путешественнику по востоку; тутъ сохранился, между прочимъ, календарь за 1768 г., съ собственноручными замѣтками Біернстала; имѣютъ большую цѣнность и бумаги гр. П. К. Сухтелена относительно постройки канала между Камою и Сѣв. Двиною, записка о пребываніи въ Петербургѣ чрезвычайнаго персидскаго посольства въ 1829 г., а изъ бумагъ дипломатическаго содержанія особеннаго вниманія заслуживаетъ подлинная секретная инструкція, за собственноручнымъ подписаніемъ императора Александра I, данная Сухтелену при назначеніи его посланникомъ въ Швецію въ 1809 г. (Этотъ документъ, по желанію завѣдывающаго архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, барона Стюарта, переданъ комиссію въ министерство иностранныхъ дѣлъ).

Кромѣ такихъ коллекцій, въ тамбовскій историческій архивъ частными лицами внесены отдѣльные рукописи, изъ коихъ нѣкоторыя несомнѣнно возбуждаютъ интересъ нашихъ ученыхъ. Таковы: а) пожертвованный почетнымъ гражданиномъ А. Н. Серебряковымъ подлинный росписной списокъ боярина и воеводы князя Петра Ивановича Хованскаго, содержащій въ себѣ опись города Кіева по случаю сдачи начальствованія надъ нимъ генераль-маіору Юрію Андреевичу Фамендау; б) рукописи: о рожденіи Петра Великаго и стрѣleckихъ бунтахъ и Гисторія о храбромъ воинѣ Кронѣ (пожертв. членомъ комиссіи В. Н. Веденяпинымъ).

Въ Тверской историческій архивъ пожертвованъ Я. П. Милюковымъ фамильный архивъ тверскихъ дворянъ Милюковыхъ. Онъ описанъ членомъ комиссіи В. А. Илетневымъ (Описаніе напечатано въ приложеніи къ журналу комиссіи). Въ этой коллекціи бумагъ

только меньшая часть относится до фамилиі Милюковыхъ, большая же часть касается другихъ дворянскихъ фамилиі — Озеровыхъ, Хохловыхъ, Кудрявцевыхъ, Матюниныхъ, Елагиныхъ, Лаптевыхъ, Стрѣлковыхъ, Хитровыхъ, Лопухинныхъ, князей Гика и др. Часто упоминаемые въ бумагахъ архива Озеровы принадлежатъ къ одному роду съ извѣстнымъ трагикомъ Озеровымъ. Въ числѣ бумагъ Озеровыхъ находятся: ключекъ грамоты великаго князя Василя Ивановича, жалованная грамоты царей Ивана Васильевича, Михаила Ѳедоровича, Иоанна и Петра Алексѣевичей, патенты на чины временъ императрицы Елисаветы и Екатерины II, изображеніе и описаніе герба рода Озеровыхъ (въ двухъ редакціяхъ) и родословная этой фамилиі; другія бумаги принадлежатъ къ XVIII ст. Однѣ изъ нихъ касаются землевладѣнія въ разныхъ губерніяхъ; изъ этого рода бумагъ обращаетъ на себя вниманіе копія съ указа императора Павла Петровича о пожалованіи князьямъ Гика 9,000 десят. казенной земли въ Вятской губерніи, взаимнѣ взятыхъ въ казну земель Гика на р. Бугѣ. Нѣкоторыя бумаги имѣютъ и общегосударственное значеніе, какъ напримѣръ копія съ приказа императрицы Анны Иоанновны генераль-адъютанту Бирону о расквартированіи войскъ и проч. Въ бумагахъ фамилиі Милюковыхъ находится много любопытныхъ данныхъ, касающихся производства дѣлъ въ дворцовой канцеляріи, мѣстныхъ приказахъ, расправахъ и проч., формы крѣпостныхъ актовъ, свѣдѣній о ставахъ, погостахъ, населенныхъ имѣніяхъ, межеваніи, скитаніяхъ и водвореніи въ Тверской губерніи корель и т. п.

Саратовскому историческому архиву подарена М. С. Кропотковымъ составленная въ прошедшемъ столѣтіи однимъ изъ его предковъ рукопись «о старинахъ саратовскихъ».

Нижегородскому историческому архиву изъявилъ желаніе пожертвовать часть своего фамильнаго архива членъ нижегородской комиссіи И. С. Зыбинъ.

Такими стараніями архивныхъ комиссій быстро движется впередъ дѣло устройства губернскихъ историческихъ архивовъ. Эти архивы растутъ, а вмѣстѣ съ ихъ ростомъ вопросъ о помѣщеніяхъ этихъ архивовъ дѣлается злобою дня. Только нижегородскій архивъ въ этомъ отношеніи можно считать обезпеченнымъ; остальные всѣ (за временнымъ исключеніемъ тверскаго и тамбовскаго) требуютъ неотложныхъ заботъ; особенно же бѣдственно положеніе саратовскаго, оренбургскаго и таврическаго архива. Если первыя предпріятыя археологическимъ институтомъ попытки для поставленія историческихъ архивовъ на надлежащую почву не дали еще результатовъ, то институтъ и не думаетъ покидать своихъ стремленій обезпечить

прочными и необходимыми условиями эти такъ быстро выростающія драгоценныя хранилища памятниковъ русской мысли и русскаго дѣла.

II.

Рядомъ съ историческими архивами стали выростать и музеи, какъ свидѣтели тѣхъ заботъ, которыя стали принимать на себя ученые архивныя комиссіи для разработки и сохраненія памятниковъ отечественной старины.

1) Комиссіи или прямо принимали участіе въ раскопкахъ или оказывали содѣйствіе таковымъ работамъ частныхъ лицъ. Такъ, Тамбовская комиссія была вызвана на такое вмѣшательство слѣдующимъ обстоятельствомъ. Лѣтомъ въ отчетномъ году преподаватель елисаветградскаго реальнаго училища В. Н. Ястребовъ, производя, по порученію императорской археологической комиссіи, раскопки умогильника, находящагося близъ станціи тамбовско-саратовской желѣзной дороги Ляда, на 17 верстѣхъ отъ Тамбова, нашелъ тамъ до 1,900 остатковъ старины, — оружія, украшеній, череповъ и проч. Убѣдившись, что могильничекъ не ограничивается изслѣдованною мѣстностью, а простирается далѣе въ землю, отошедшую подъ желѣзную дорогу, г. Ястребовъ предположилъ, что тамъ и должна находиться главная и болѣе богатая археологическими предметами часть могильничка, и обратился за содѣйствіемъ къ комиссіи. Комиссія, находя, что оставить названный могильничекъ не вполне изслѣдованнымъ было бы потерей для науки, рѣшилась продолжать раскопки, начатыя г. Ястребовымъ, для чего и вступила въ сношенія съ управленіемъ желѣзной дороги.

Рязанская комиссія, благодаря содѣйствію императорской археологической комиссіи, совершила весьма важное дѣло въ области раскопокъ. Именно, правителемъ ея дѣлъ А. В. Селивановымъ были произведены въ Старой Рязани раскопки, приведшія къ весьма важнымъ въ научномъ отношеніи открытіямъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ предполагалось существованіе княжескаго дворца, разрыто основаніе древняго храма, по всей вѣроятности соборнаго, разрушеннаго во время нашествія Батыя. Какъ внутри, такъ и внѣ храма найдено значительное количество могилъ и множество различнаго рода цѣнныхъ въ археологич. отношеніи предметовъ древности XI и XII ст. (Весьма интересны серебряныя звѣздчатыя ушныя привѣски, серебряная чашка, каменные и бронзовые кресты, а также плетеный изъ кожаннаго ремешка крестъ съ таковыми же повязками). Кромѣ этой

раскопки г. Селивановымъ сдѣлано нѣсколько предварительныхъ изысканій въ окрестностяхъ Старой Рязани.

Раскопка, предпринятая въ отчетномъ году Саратовскою комиссіею, заслуживаетъ особаго вниманія, такъ какъ съ нею соединенъ былъ педагогическій характеръ. Эта раскопка предпринята была по слѣдующему поводу, возбужденному попечителемъ комиссіи, саратовскимъ губернаторомъ г. Косичемъ. Сообщивъ комиссіи, что при объѣздѣ губерніи осенью прошлаго года ему бросилось въ глаза обиліе ископаемыхъ въ саратовскихъ предѣлахъ и въ Сарептѣ, между прочимъ, у г. Кноблохъ есть богатая коллекція палеонтологическихъ находокъ, попечитель комиссіи полагалъ бы: 1) желательнымъ составить карту археологическихъ находокъ въ Саратовской губерніи, на которую наносить потомъ всѣ открытія этого рода; 2) по возбужденному г. Шахматовымъ вопросу о необходимости приступить къ раскопкамъ на Увѣкѣ, полагалъ бы желательнымъ возбудить общій вопросъ объ организаціи лѣтомъ отчетнаго года археологическихъ поѣздокъ по губерніи, къ которымъ, кромѣ членовъ комиссіи, могутъ присоединиться и частныя лица, интересующіяся историческими разысканіями, а также воспитанники старшихъ классовъ классической гимназіи и реальнаго училища. Благая мысль попечителя комиссіи, губернатора Косича, блистательно осуществилась. Послѣ обстоятельнаго сообщенія С. С. Краснодубровскаго о сторожевыхъ курганахъ около деревни Нееловки и села Гремячки, предсѣдатель комиссіи А. А. Тилло, вмѣстѣ съ г. Краснодубровскимъ, организовали экскурсію, въ которой, кромѣ нѣсколькихъ членовъ комиссіи, приняли участіе студентъ моск. университета В. В. Бабушкинъ и нѣсколько гимназистовъ. Произведена была замѣчательная раскопка близъ посада Дубовки, веденная съ большимъ знаніемъ дѣла, доставившая весьма важный новый археологическій матеріалъ и приведшая саратовскую комиссію къ слѣдующему важному выводу: «Несомнѣнно, что на всемъ изслѣдованномъ мѣстѣ когда-то былъ большой городъ осѣдлаго народа, стоявшаго на значительной высотѣ культуры. Каменные постройки, изящно отдѣланная домашняя утварь, мраморъ и водопроводъ свидѣтельствуютъ, что городъ былъ богатъ. Множество восточныхъ монетъ, находимыхъ на мѣстѣ его развалинъ, краснорѣчиво говорятъ, что онъ велъ торговлю съ востокомъ. Повсемѣстное присутствіе угля указываетъ, что онъ былъ уничтоженъ сразу и неожиданно навсегда стертъ съ лица земли. Къ какому времени относится существованіе этого города и кто были его первыми обитателями рѣшать будущія научныя изслѣдованія. Этой работы участники саратовской археологической экскурсіи на себя не брали, да и не могли взять».

Таврическая комиссія также приступила къ раскопкамъ. Подъ Симферополемъ, подлѣ скинскаго укрѣпленія т. н. Неаполиса, въ балкѣ, ведущей отъ пивоварни къ военному кладбищу, въ декабрѣ отчетнаго года произведена была раскопка (участвовали предсѣдатель комиссіи А. Х. Стевенъ, членъ А. О. Кашпаръ и правитель дѣлъ Ѳ. Ѳ. Лашковъ). Раскопка дала нѣсколько археологическихъ предметовъ. Кромѣ того, членъ комиссіи А. В. Романюкъ осмотрѣлъ на мѣстѣ и описалъ въ упомянутой мѣстности три пещеры, причемъ представилъ комиссіи человѣческіе останки и разныя древности, найденныя въ одной изъ открытыхъ тамъ пещеръ.

2. Кромѣ такого непосредственнаго участія въ раскопкахъ, комиссіи стремятся чрезъ посредство мѣстныхъ обывателей ознакомиться съ имѣющимися памятниками старины, послѣдствіемъ чего являются какъ пожертвованія въ ихъ музеи, такъ и представляемыя комиссіямъ описанія мѣстныхъ древностей.

Такъ, попечитель Тверской комиссіи, г. тверской губернаторъ препроводилъ въ комиссію полученную отъ осташковскаго исправника записку о кладахъ (собранныхъ мѣстными преданіями), зарытыхъ будто бы во время литовскаго разоренія въ предѣлахъ Щучинской волости, Осташковскаго уѣзда. Священникъ с. Едякова, Корчевскаго уѣзда о. П. Дюковъ доставилъ опись церковной утвари с. Юрьевскаго-Подольскаго 1763 г. Оказывается, что въ юрьевской Успенской церкви сосуды, большею частью, были оловянные и мѣдные, ризы изъ китайки и набойки. Затѣмъ императорскій росс. историческій музей препроводилъ въ комиссію опись вещамъ, найденнымъ при случайныхъ раскопкахъ близъ деревни Посады, Корчевскаго уѣзда. Изъ описи видно, что изъ посадскихъ кургановъ было извлечено до 200 разныхъ предметовъ и нѣсколько десятковъ бусъ, въ томъ числѣ 18 серебряныхъ арабскихъ монетъ (диримовъ) VIII, IX и X ст. (изъ нихъ 6 поддѣльныхъ саманидскихъ диримовъ).

Орловская комиссія получила отъ своего члена священника о. Павла Крестовоздвиженскаго описаніе древнихъ предметовъ, хранящихся въ болховской соборной церкви; отъ своего члена С. Е. Звѣрева найденную имъ въ Покровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ «Память елецкому подьячему Мартину Олтинникову о сборѣ даточныхъ въ Елецкомъ уѣздѣ, 1700 г.». Членъ комиссіи архимандритъ Патермусій доставилъ древній служебникъ, напечатанный, по его мнѣнію, въ XVII ст. Членъ комиссіи о. Илья Ливанскій доставилъ три автографа — князя Ал. Вас. Суворова и два Алексѣя Петр. Ермолова, а также два древнихъ плана села Спасскаго, Мценскаго уѣзда.

Въ Костромскую комиссію членомъ ея И. К. Херсонскимъ

доставлены свѣдѣнія о предметахъ старины въ церквахъ Костромской епархіи, описаніе хранящагося въ варнавинскомъ Троицкомъ соборѣ рукописнаго житія преподобнаго Варнавы Ветлужскаго и описаніе лицеваго синодика бывшаго кинешемскаго Вознесенскаго монастыря.

Саратовская комиссія получила отъ своего члена А. В. Смирнова извѣщеніе, что у вольскаго купца П. Е. Бѣгунова собрана коллекція серебр. монеть какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ; русскія монеты, по преимуществу рубли, начинаются съ 1720 г.; въ числѣ иностранныхъ есть французскія пятифранковыя монеты 1811 и 1833 годовъ, прусскіе талеры 1814 и 1817 гг., испанскія буро 1801, 1809 и 1810 гг.; кромѣ того, у него есть мѣшочекъ съ древними русскими монетами, числомъ около тысячи; онъ ихъ приобрѣлъ у одного изъ крестьянъ Саратовской губерніи за 13 рублей. Членъ комиссіи А. И. Минхъ доставилъ копѣйку чекава 1709 г., найденную въ проходѣ въ пещеру Кудеяровой горы и представленную ему урядникомъ с. Лоха, Саратовскаго уѣзда; при этомъ г. Минхъ сообщаетъ, что проходъ въ Кудеярову пещеру значительно расчищенъ мѣстными крестьянами и въ настоящее время можно проникнуть внутрь горы сажень на 50. Даниловское волостное правленіе Аткарскаго уѣзда доставило комиссіи оленій рогъ и черепъ какого-то допотопнаго животнаго, вырытые изъ земли при устройствѣ плотины около деревни Медвѣдки. Отъ крестьянина с. Козловки, Петровскаго уѣзда Д. М. Субботина, чрезъ уѣзнаго исправника, поступила коллекція русскихъ мѣдныхъ монеть 5 и 2 коп. достоинства, чекава съ 1757—1802 гг., въ 2-хъ экз. каждая.

Нижегородская комиссія получила отъ помощника лѣсничаго 2-го макарьевскаго лѣсничества А. И. Быстрова рисунокъ колокола въ с. Каменкѣ, Макарьевскаго уѣзда, съ надписью 1003 года (? вѣроятно 7003 г.).

Таврическая комиссія получила отъ своего члена И. И. Казаса сдѣланные имъ точные снимки съ двухъ древнихъ арабскихъ надписей, находящихся одна надъ другой на дверяхъ очень старой мечети въ Симферополѣ, носящей названіе «Джами-Кабирь». Переводъ этой надписи (помѣщ. въ № 4 «Извѣстій», стр. 87) указываетъ, что Ахъ-мечеть (татарское названіе Симферополя) существовалъ уже въ первыхъ годахъ XVI ст.

3) Собирая древности, комиссіи продолжаютъ заботиться и объ охраненіи предметовъ древности. Рязанская комиссія, уже прежде исходатайствовавшая разрѣшеніе высокопреосвященнаго Θεоктиста, чтобы передѣлки и исправленія храмовъ не позднѣе XVIII ст.

не производились безъ вѣдома архивной комиссіи, въ отчетномъ году имѣла нѣсколько случаевъ обсужденія вопросовъ этого рода.

Въ особенности сочла необходимымъ позаботиться о сохраненіи памятниковъ старины Таврическая комиссія. Справедливо рассуждая, что стоитъ только сравнить описаніе памятниковъ старины, составленное Палласомъ во время путешествія 1794 г., съ описаніемъ Кеппена 1837 г. и съ тѣмъ, что теперь еще осталось, чтобы составить себѣ понятіе о быстротѣ уничтоженія въ Крыму памятниковъ старины, комиссія распредѣлила между своими членами заботы о наблюденіи на мѣстахъ за сохраненіемъ памятниковъ. вмѣстѣ съ этимъ она возложила на нихъ обязанности доставлять ей точные снимки или описанія памятниковъ старины, приходящихъ въ разрушеніе.

Общимъ итогомъ заботъ комиссіи о памятникахъ старины является все болѣе развитіе и обогащеніе ихъ историческихъ музеевъ.

Важнѣйшій изъ историческихъ музеевъ, конечно, тверской — любимое дѣтище почтеннаго предсѣдателя тверской комиссіи А. К. Жизневскаго. Съ каждымъ годомъ музей обогащается. Въ отчетномъ году въ него, между прочимъ, поступили: серебр. гривна (отъ археол. комиссіи) и др. цѣнныя вещи. Ежегодно издается предсѣдателемъ обзоръ «Тверской музей и его пріобрѣтенія за минувшій годъ».

Тамбовскій музей также продолжаетъ обогащаться. Изъ вещей, поступившихъ въ него въ отчетномъ году, заслуживаютъ вниманія: желѣзный мечъ, найденный въ землѣ, въ селѣ Саюкинѣ, Тамбовскаго уѣзда (поступилъ отъ О. Н. Галактионова) и кремневое долото (отъ поч. гражд. Кожевникова).

Особенно расширился въ нынѣшнемъ году Рязанскій музей. Кромѣ найденныхъ вещей въ Старой-Рязани, было пріобрѣтено покупкою немало вещей: отъ мѣстныхъ крестьянъ, также нѣсколько вещей послѣ умершихъ въ Зарайскѣ любителей А. Т. Бахрушина и С. И. Бочарникова (между прочимъ древняя панакія изъ мажонтовой кости въ серебр. оправѣ сканной работы съ изображеніемъ Благовѣщенія); множество вещей было пожертвовано членами комиссіи, всего болѣе — А. А. Маринимъ. Заключая въ себѣ около 1120 предметовъ древностей, не считая череповъ и монетъ, рязанскій музей начинаетъ занимать одно изъ видныхъ мѣстъ въ ряду провинціальныхъ музеевъ, и комиссія чрезвычайно озабочена устройствомъ приличнаго для него помѣщенія.

Орловскій музей пополняется гораздо тише. Въ отчетномъ году поступили только найденные въ Орловскомъ уѣздѣ остатки ископаемаго животнаго: голова, ребро и позвонокъ.

Саратовскій музей началъ выростать въ отчетномъ году. Ему

пожертвовано нѣсколько десятковъ монетъ, и между прочимъ отъ воспитанника вольской учительской семинаріи Михаила Юновидова одна очень древняя русская серебр. монета, и др.

Образованный Нижегородскою комиссіею историческій музей находится, естественно, еще въ весьма скромныхъ условіяхъ: онъ пока состоитъ преимущественно изъ предметовъ, переданныхъ ему нижегородскимъ статистическимъ комитетомъ, бывшихъ до сихъ поръ въ пользованіи нижегородскаго отдѣленія Имп. Техническаго общества.

Таврическая комиссія образовала севастопольскій музей древностей. Начало ему положено подаркомъ Императорской археологической комиссіи, выдѣлившей изъ своего керченскаго музея 80 дубликатовъ разныхъ вещей и, кромѣ того, пожертвовавшей мраморную плиту съ арабскою надписью и двѣ вазы, найденныя въ Старомъ-Крыму, и древности, найденныя въ курганѣ крестьянами села Обиточнаго, Бердянскаго уѣзда. Кромѣ того, частными лицами и членами комиссіи внесены значительныя пожертванія предметовъ древности (особенно А. Х. Стевенюмъ). Затѣмъ комиссія и на свои средства купила 226 монетъ, преимущественно пантикапейскихъ и босфорскихъ, и различные предметы древности.

Кромѣ музеевъ, при историческихъ архивахъ устроились и бібліотеки, съ каждымъ годомъ увеличивающіяся.

Тамбовская комиссія получила много новыхъ книгъ, въ томъ числѣ отъ московскаго архива мин. юстиціи 146 томовъ книгъ разнаго содержанія.

Многими весьма пожертваніями обогатилась Тверская бібліотека.

То же надобно сказать и о Рязанской бібліотекѣ: въ отчетномъ году поступило 300 названій книгъ, сост. 2,037 томовъ. (Всего въ этой бібліотекѣ 1,523 названія, сост. 4,491 томъ).

Саратовская комиссія, заботясь объ устройствѣ своей бібліотеки, положила: 1) образовать въ бібліотекѣ особый отдѣлъ — изданій, книгъ и статей, относящихся къ Саратову, и 2) обратиться къ извѣстнымъ специалистамъ — профессору Перетятковичу, академику Н. Ѳ. Дубровину, профессорамъ Д. А. Корсакову и П. В. Знаменскому и бібліотекарю Имп. Публ. бібліотеки П. А. Соколовскому съ просьбою дать указанія, какія именно книги необходимо имѣть въ бібліотекѣ сарат. историческаго архива.

Нижегородская комиссія свою бібліотеку образовала изъ трехъ отдѣловъ: мѣстнаго, общаго и отдѣла смутнаго времени. Каталогъ этой бібліотеки составленъ и приготовленъ къ печати.

Таврическая комиссія, начавшая уже составлять свою собственную библиотеку (65 названій книгъ), благодаря предсѣдателю комиссіи А. Х. Стевену, можетъ располагать библиотекою губ. земской управы, «Таврика», сост. изъ 552 названій книгъ, имѣющихъ отношеніе исключительно къ исторіи Таврической губерніи.

III.

Если посмотрѣть теперь на внутренній складъ комиссій, на приемы ихъ дѣятельности, ихъ засѣданія и работы ихъ членовъ, то можно убѣдительно подтвердить то, что намѣчалось и въ предшествовавшихъ нашихъ отчетахъ: ученые архивныя комиссіи пріобрѣтаютъ значеніе мѣстныхъ историческихъ обществъ, благотворно вліяющихъ на мѣстную среду и постепенно поднимающихъ для мѣстнаго общества уваженіе къ размышленію и труду въ области отечественной исторіи.

1) Число членовъ въ каждой комиссіи ежегодно увеличивается. Не только въ относительно старыхъ комиссіяхъ, какъ тамбовская, тверская, рязанская (прибавилось напр. 47, въ настоящее время 153 члена, изъ нихъ 83 живутъ въ Рязанской губ.), орловская (было 67, вступило новыхъ 9), но и вновь создавшіяся комиссіи своею почтенною задачею привлекаютъ въ свои ряды все новыхъ дѣятелей, напр. таврическая получила въ отчетномъ году новыхъ 24 члена.

2) Засѣданія комиссій большею частью посѣщаются публикою, а нѣкоторыя (какъ напр. нижегородской комиссіи), прямо объявленныя публичными, вызываютъ все большее и большее къ себѣ вниманіе какъ важною предлагаемыхъ рефератовъ, такъ и интересомъ возбуждаемыхъ рефератами преній и бесѣдъ.

Вотъ какіе интересные рефераты были, напр., предложены тамбовской комиссіи. И. И. Дубасова: 1) Объ апокрифической рукописной книгѣ, принесенной въ даръ г. Верещагинымъ. 2) О скопческихъ пѣсняхъ и о новой редакціи тамбовскаго обветшалаго лѣтописца. 3) Очерки изъ исторіи упраздненнаго Троицкаго монастыря. 4) О посѣщеніи г. Елатынъ Петромъ Великимъ; въ 1722 г. В. В. Соловскаго, Очерки изъ исторіи типографіи губернскаго правленія. И. М. Златоустовскаго, О рукописи Шлецера, найденной въ архивѣ гр. Сухтеленъ и пр.

Въ Тверской комиссіи были выслушаны, между прочимъ, слѣдующіе рефераты: 1) В. И. Колосова, приготовленная имъ къ 150-лѣтнему юбилею тверской семинаріи статья: «Воспитанники духовно-учебныхъ заведеній тверской епархіи въ ополченіи 1812 г. (напеч.

въ губ. вѣдомостяхъ). 2) Предсѣдателемъ А. К. Жизневскимъ прочитано одно ненапечатанное стихотвореніе Ѳ. Н. Глинки «Заздравный тостъ» и сдѣланы сообщенія: о походѣ патріарха Никона въ 1658 г. въ Тверь, Вязьму и Иверскій монастырь; замѣтка по поводу поступившаго въ тверской музей фотографическаго снимка съ портрета послѣдняго тверскаго великаго князя Михаила Борисовича. 3) И. Н. Овсянниковъ прочелъ свою статью, приготовленную къ дню чествованія убиенныхъ въ 1238 г. на р. Сити въ битвѣ съ татарами, и отрывки изъ своего изслѣдованія: «О древней Твери по памятникамъ преимущественно XVII в.». 4) Ф. О. Ставровскій представилъ топографическія описанія мѣстностей Осташковскаго уѣзда. 5) Протоіерей В. О. Владиславлевъ «О рукописной книгѣ Терентія Ивановича Волоскова о вразумленіи раскольниковъ» 6) В. А. Плетневъ, «Объ учрежденіяхъ врачебнаго управленія Тверской губерніи и о личномъ составѣ сихъ учрежденій со времени ихъ основанія». 7) М. Н. Сперанскій «Объ иконѣ мученика Христофора». 8) О. Вл. Успенскаго, «О мѣстонахожденіи и судьбѣ предшесъ мученика г. Осташкова—городка Кличена, раззореннаго въ 1393 г. ловгородцами».

Не менѣе интересны и поучительны были засѣданія Рязанской комиссіи, слушавшей въ отчетномъ году сообщенія гг.: Доброклонскаго, Повалишина, Звѣрева, Яхонтова, Василева, Попова и др.

Нижегородская комиссія по поводу устроеннаго ею чествованія 4-го марта 700-лѣтней годовщины рожденія основателя города великаго князя Георгія Всеволодовича, посвятила не мало времени ближайшему изученію этого Нижегородскаго историческаго дня.

Не перечисляя множества рефератовъ, читанныхъ и въ другихъ комиссіяхъ, не можемъ не замѣтить, что кромѣ этого множества весьма содержательныхъ рефератовъ, многіе члены комиссій напечатали (какъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ, такъ и отдѣльно) немало историческихъ изслѣдованій, совокупность которыхъ составитъ цѣлую и совершенно новую историческую бібліотеку. Укажемъ только на важнѣйшія.

А. Д. Повалишинъ (въ Рязани) занимался разработкою матеріала для исторіи крѣпостнаго права; помѣщенные имъ въ трудахъ комиссіи очерки составляютъ только отрывки изъ приготовляемой къ печати обширной статьи: «Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные». А. П. Мансуровъ напечаталъ нѣсколько статей и замѣтокъ въ «Русскомъ Архивѣ» и «Русской Старинѣ». А. П. Доброклонскій издалъ въ «Чтеніяхъ общества исторіи и древностей»: «Солотчинскій монастырь, его слуги и крестьяне въ XVII в.».

А. М. Меморскій, «Основатель Нижняго-Новгорода, вел. князь Георгій II Всеволодовичъ».

О. I. П. Знаменскій напечаталъ «Описание бывшего 15-го юля 1888 г. въ Херсонесѣ Таврическомъ празднованія 900 лѣтняго юбилея со времени крещенія св. кв. Владиміра и русскаго народа». А. В. Ивановъ «Греческое рукописное Евангеліе, находящееся въ библиотекѣ таврич. дух. семинаріи»; «Греч. рукописный апостоль, принадл. Предтеченской церкви въ г. Керчи» и «Руководство къ изъяснительн. чтенію четвероевангелія и дѣяній апостольскихъ».

3) Въ отчетномъ году комиссіи напечатали въ своихъ изданіяхъ цѣлую массу новыхъ историческихъ документовъ и матеріаловъ.

Тамбовская комиссія, кромѣ 19 приложенийъ къ описи историческаго архива, представляющихъ отдѣльные и разнообразныя историко-юридическіе акты, напечатала въ издаваемыхъ ею «Извѣстіяхъ» 11 группъ различнаго рода актовъ, между коими имѣются писцовыя книги, письма государей и пр.

Тверская комиссія, печатающая только свои журналы, въ нихъ помѣщаетъ только содержаніе актовъ, а для печатанія пользуется услугами губ. епархіальныхъ вѣдомостей.

Рязанская комиссія помѣстила въ изданныхъ ею въ отчетномъ году семи выпускахъ трудовъ цѣлый рядъ новыхъ историч. актовъ.

Орловская комиссія стала въ отчетномъ году издавать свои труды (два в.), въ которыхъ помѣщаетъ рефераты, составленныя на основаніи архивныхъ матеріаловъ.

Костромская комиссія приготовила въ отчетномъ году первый выпускъ своего изданія «Костромская Старина», въ который, между прочимъ, включаются и памятники, собранные членами комиссіи И. В. Миловидовымъ и И. К. Херсонскимъ.

Саратовская комиссія въ пяти выпускахъ своихъ «Трудовъ» помѣстила цѣлый рядъ актовъ и матеріаловъ.

Нижегородская комиссія издаетъ свои «Дѣйствія» и тутъ помѣщены нѣкоторые акты.

Въ «Извѣстіяхъ Таврической ученой архивной комиссіи» печатается открываемый ею архивный матеріаль.

4) Мѣняясь своими изданіями, архивныя комиссіи вступили уже въ общеніе и единеніе. Удачныя методы и приемы, практикуемыя одною комиссіею, дѣлаются предметомъ подражанія въ другихъ. Многія комиссіи избираютъ въ свои члены членовъ другихъ комиссій и опытъ засвидѣтельствовалъ, что это служитъ къ великой выгодѣ комиссій и облегченію ихъ трудовъ.

IV.

Денежныя или финансовыя условія архивныхъ комиссій были неодинаковы. Старыя комиссиі продолжаютъ пребывать болѣе, чѣмъ въ бѣдномъ положеніи, новыя — вполне обеспечены.

Не считая отпускаемыхъ отъ министерства юстиціи суммъ (по 300 и по 200 р.), какъ имѣющихъ свое специальное назначеніе, бюджеты комиссій въ отчетномъ году представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Доходы Тамбовской комиссиі составились изъ 93 рублей членскихъ взносов и вырученныхъ за изданія 12 р., всего 105 рублей.

Израсходовано:

Покрытіе передержки 1887 г.	2 р. 62 к.
Покупка мебели для музея и архива .	51 р. 60 к.
Почтовые расходы	18 р. 41 к.
Перевозка архивныхъ дѣлъ и мелочные расходы	8 р. 67 к.
Канц. принадлежности и переписка бумагъ.	9 р. 80 к.
Жалованье сторожу.	. . . 13 р. 65 к.
	<hr/>
	Итого 104 р. 75 к.

Остатокъ для слѣд. года 25 к.

Тверская комиссія, вслѣдствіе полученія пособия отъ губ. земства 100 руб. и выручки отъ продажи изданной комиссіею книги «Письма вел. княгини Екатерины Павловны» 73 р., располагала уже 230 р. 25 к., а израсходовала 218 р. 31 к., т. е. получился остатокъ 11 р. 94 к.

Бюджетъ Рязанской комиссиі еще благоприятнѣе.

Членскихъ взносов поступило	260 р. —
Пособій отъ губ. земства	300 р. —
Отъ продажи книгъ 14 р. —
	<hr/>
	Итого доходу 574 р. —

Зато и расходъ значителенъ—545 р. 53 к.; главнѣйшая его часть—291 р. 10 к.—пала на покупку различныхъ предметовъ древности для музея. Остатокъ получился въ 28 р. 47 к.

Орловской комиссиі пришлось жить гораздо умѣреннѣе. Весь ея доходъ былъ 210 р. 94 к., составившійся изъ остатка отъ прошлаго года, 103 р. 37 к., членскіе взносы 45 р., выручка за изданія 62 р. 57 к. За то и расходы были экономны: переписка, дѣлопроизводство и перевозка архивныхъ дѣлъ 12 р. 80 к.; бумага и брошюровка из-

даній комиссії 49 р. 25 к., итого весь расходъ 62 р. 5 к., остатокъ на слѣдующій годъ 148 р. 89 к.

Какая разница въ бюджетахъ новыхъ комиссій. Напр. у Нижегородской уже имѣются тысячи. Но впрочемъ это только въ началѣ полученное на обзаведеніе, въ видѣ пособій отъ земства и города. Въ дѣйствительности же комиссія на свои дѣла издержала въ теченіи девяти мѣсяцевъ отчетнаго года 608 р. 19 к.

Таврическая комиссія имѣла доходу 514 р. 62 к., (образ. изъ остатка отъ предъидущаго года въ 368 р. 85 к., изъ членскихъ взносов въ 128 р. и $\frac{1}{10}$ 17 р. 77 к.); годичный расходъ составилъ 291 р. 40 к. и остатокъ получился въ 223 р. 22 к.

Изъ представленныхъ краткихъ указаній дѣятельности нашихъ архивныхъ комиссій видно, что она сама говоритъ за себя: не требуется ни украшать, ни скрывать дѣйствій этихъ безкорыстныхъ труженниковъ, начавшихъ свою тяжелую работу въ девяти уголкахъ Россіи и энергично, безъ похвалы и сѣтованій, ее продолжающихъ.

Разставаясь съ ихъ добрыми работами 1888 г., не могу не упомянуть объ одномъ уголкѣ, гдѣ нѣтъ еще архивной комиссія, гдѣ, по мѣстнымъ условіямъ, таковая, вѣроятно, еще не скоро откроется, но гдѣ создано такое симпатичное историческое дѣло, къ которому археологическій институтъ не могъ пребыть равнодушнымъ. Я разумѣю Самару и устроенный тамъ стараніями уважаемаго городского головы П. В. Алабина залъ Императора Александра II при александровской публ. библіотекѣ. Авторъ почтеннаго труда «Двадцатипятилѣтіе Самары какъ губернскаго города» (Самара, 1877) П. В. Алабинъ поставилъ себѣ непремѣнною задачею устроить залъ Александра II, въ которомъ соединить все, что касается царствованія этого императора. Уже 5 лѣтъ онъ неуклонно идетъ къ выполненію своей задачи; въ этомъ залѣ уже собрано много, но еще далеко не все; Алабинъ желаетъ собрать все и вмѣсто нынѣшняго временнаго помѣщенія соорудить для этого зала, вмѣстѣ съ библіотекою и музеемъ, новый домъ, достойный великаго имени. Городская дума уже принципиально съ этимъ согласилась. Слѣдя за этими почтенными стремленіями почтеннаго городского головы Самары П. В. Алабина, археологич. институтъ избралъ его въ свои почетные члены и порѣшилъ, съ своей стороны, оказать всякое содѣйствіе къ тому, чтобы самарскій залъ Императора Александра II могъ включить въ себя все, касающееся великихъ дѣлъ Императора-народолюбца, Царя-Освободителя Россіи.

И. Е. Андреевскій.

АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ СЕСЛАВИНЪ

р. 1780 г., † апрѣля 1858 г.

«Русская Старина», изд. 1889 г., томъ LXIV, книга ноябрь, вмѣщаетъ въ себѣ драгоцѣнныя, по ихъ высокому интересу и значенію, «Записки о 1812-мъ годѣ графа Федора Васильевича Ростопчина».

Эту же книгу вполне соотвѣтственно украсить портретомъ одного изъ наиболѣе видныхъ героевъ отечественной войны — партизана Александра Никитича Сеславина. Портретъ этотъ, въ очень хорошемъ фотографическомъ снимкѣ, воспроизведенномъ съ дагеротипа, весьма любезно сообщенъ намъ, въ апрѣлѣ 1886 года, Е. Колокольцовой, рожденной Сеславиной.

А. Н. Сеславинъ обезсмертилъ себя рядомъ подвиговъ въ великую отечественную войну; между прочимъ, онъ поставилъ своевременно кн. Голенищева-Кутузова, главнокомандующаго арміею, въ извѣстность о томъ, что армія Наполеона двинулась изъ Москвы на Калугу и тѣмъ Сеславинъ далъ возможность Кутузову быстро передвинуть нашу армію на встрѣчу врагу подъ Малый Ярославецъ. Здѣсь Наполеонъ былъ отбитъ и отброшенъ на Смоленскую дорогу, т. е. на путь голоднаго и ужаснаго отступленія... Этимъ подвигомъ Сеславинъ оказалъ величайшую заслугу предъ отечествомъ.

Въ 1860-мъ году въ «Отечественныхъ Запискахъ» (кн. IV, апрѣль) мы помѣстили характеристическо-біографическій очеркъ: «Партизанъ Сеславинъ», составленный по подлиннымъ его бумагамъ и замѣткамъ.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г., томъ VIII (стр. 415—419) напечатано письмо А. Н. Сеславина къ его брату.

Очеркъ боевой жизни Сеславина помѣщенъ въ третьемъ выпускѣ изданнаго нами сборника: «Русскіе дѣятели въ портретахъ»,

изд. «Русской Старины» (Спб., 1889 г., стр. 25—26), гдѣ помѣщенъ и его портретъ того же тисненія, какъ и нынѣ помѣщаемый, который напечатанъ для «Русской Старины» ранѣе, чѣмъ вставленъ нами въ упомянутый альбомъ.

Нынѣ пользуясь весьма обязательнымъ сообщеніемъ намъ князи П. А. Путятина нѣсколькихъ интересныхъ документовъ изъ его отличнаго собранія автографовъ, мы помѣщаемъ, вслѣдъ за симъ. находящееся въ этихъ автографахъ весьма интересное письмо А. Н. Сеславина къ генераль-адъютанту графу Петру Александровичу Толстому, отъ 6-го ноября 1821 года.

Письмо это чрезвычайно характеристично по отношенію къ героической и своеобразной личности партизана, знавшаго цѣну своихъ заслугъ государю и отечеству и потому говорившаго языкомъ свободнаго и доблестнаго воина.— Вотъ это письмо:

«Ноября 6-го дня 1821 г. Парижъ».

«Ваше сіятельство милостивый государь! Съ юныхъ лѣтъ моиъ пользуясь особеннымъ вашимъ расположеніемъ ко мнѣ, я почелъ вѣж-нымъ открыть вамъ мои чувства и причину скорби моей.

Въ августѣ 1819 года изъ Марсея я просилъ позволенія Государя отправиться мнѣ подъ другимъ именемъ въ Калькуту и оттуда черезъ Делли, Агру, Аллага-Бату, Лагоръ, Кабулъ, Балкъ, Великую Бухарію, Самаркандъ, Хиву, Грегъ, Киргизскія степи въ Оренбургъ. Путешествіе сіе могло бы, можетъ быть, рѣшить вопросъ европейскихъ политиковъ: можетъ ли Россія внести оружіе свое въ остъ-индійскія англійскія владѣнія, можетъ ли она повсюду находить себѣ нужное продовольствіе и уничтожить владычество англичанъ въ Индіи? Нельзя сказать, чтобы я не хотѣлъ быть полезнымъ Отечеству. Я не получилъ отвѣта.

Въ декабрѣ того же 1819 года изъ Барцелоны я просилъ уволить меня отъ фрунтовой службы и позволить мнѣ состоять въ свѣтѣ или по гвардіи, или по арміи, или даже употребить меня по статской службѣ, увѣдомивъ меня послѣднимъ образомъ, дабы я могъ въ то же время возвратиться въ Россію и избавиться отъ издержекъ. Нельзя сказать, чтобы я не хотѣлъ возвратиться въ Россію. Никакого отвѣта.

Въ февралѣ 1820 года изъ Лондона я увѣдомлялъ государя, что графу Ливену и генеральному консулу Дубачевскому, которой имѣлъ дѣло мое на своихъ рукахъ, извѣстно было, что коляска моя съ сундуками, которая находилась на палубѣ корабля, брошена была въ море въ минуту бѣдствія, и я, будучи доведенъ до величайшей крайности, остался въ одной, такъ сказать, рубашкѣ и зашелъ въ

неоплатные долги. Государю извѣстно, что 20-ти тысячъ едва достаточно генералу, чтобы поддерживать званіе. Увѣдомляя, что жалованья моего и аренды недостаточно уплачивать проценты долговъ моихъ, коихъ простирается до 40 тысячъ, я просилъ Его Величество приказать выплатить оныя и спасти чрезъ то честь генерала, которому Онъ нѣкоторымъ образомъ обязанъ (ежели вспомнить Малой-Ярославецъ и послѣдствія онаго) и котораго кровь для чести Отечества истекала изъ восьми ранъ. А дабы устроить однимъ разомъ и навсегда мое состояніе, просилъ также пожаловать мнѣ нѣкоторую сумму денегъ на 20 лѣтъ и такую аренду, которой было бы достаточно для прожитія по званію моему и на многіе годы по примѣру другихъ. Нельзя сказать, что ребенокъ молчитъ, мать не разумѣетъ.

Никакого отвѣта.

Я отправился въ С.-Петербургъ въ намѣреніи лично объяснить все Государю и, не заставъ его императорское величество, оставилъ службу и удалился.

Вы спросите меня, что за причина такому невниманію Государя, что и самое слово честь не могло преклонить на просьбы мои? Богомъ вамъ клянусь, что не знаю. При отъѣздѣ моемъ Государь сказалъ мнѣ, что никогда не забудетъ моей службы. Я отвѣчалъ его величеству, что я не имѣю другаго покровителя, какъ только мою службу и что на Его одного моя надежда, въ случаѣ ежели бы враги мои захотѣли очернить меня предъ нимъ. Они успѣли. Сумнѣвается ли Государь въ моей любви и приверженности къ нему? Пусть вспомнитъ минуту прощанія и судить по тому о моихъ чувствахъ. Я не лицемерю. Думаетъ ли онъ, что я сдѣлался развратнымъ? Пусть изслѣдуетъ мою жизнь: я даже не имѣю средствъ къ развратной жизни.

Въ одно время я былъ 27 дней безъ обѣда, питаясь только чаемъ, въ другое—я не имѣлъ золотой монеты заплатить лекарю за операцію, который отказался принять, зная, что я не платилъ нѣсколько мѣсяцевъ за квартиру, и ожидая конца жизни съ часу на часъ, одинъ только *l'instinct de sa conservation*, какъ говоритъ Руссо, внушилъ мнѣ средство, которое меня спасло.

Толстые отличались всегда праводушіемъ, съ которыми они говорили истинну государямъ своимъ, а потому прошу васъ оправдать мои поступки и увѣрить Государя въ моей къ нему любви и приверженности.

Имѣю честь быть съ истиннымъ моимъ почитаніемъ и преданностію вашего сятельства покорнѣйшій слуга Александръ Семеновъ.

Сообщ. Кн. П. А. Путятинъ.

Николай Гавриловичъ Чернышевскій.

1828—1889.

ЗАМѢТКА.

Въ книгѣ ноябрь «Русской Старины», изд. 1889 г., т. LXIV, помѣщены любопытныя воспоминанія А. И. Розанова о Н. Г. Чернышевскомъ; для будущаго біографа будутъ очень цѣнны эти теплыя строки, въ которыхъ передаются впечатлѣнія стараго школьнаго товарищества, въ ихъ тогдашней юношеской окраскѣ. Считаю нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя фактическія исправленія.

Годъ рожденія Н. Г. Чернышевскаго не 1826, а 1828 (12-го іюля). Время пребыванія въ семинаріи, сколько помню въ настоящую минуту, было не три, а два года, причеиъ Н. Г. вовсе не былъ въ такъ называемомъ низшемъ отдѣленіи, и прошелъ, если не ошибаюсь, второй годъ курса «ретирики» и первый годъ курса «философіи».

Изученіе восточныхъ языковъ было имъ только начато, и болѣе основательныя свѣдѣнія онъ приобрѣлъ въ татарскомъ языкѣ, которому занимался съ знакомцемъ нашего семейства, Г. С. Саблуковимъ тогда преподавателемъ саратовской семинаріи, а съ конца 1840-хъ гг. — профессоромъ восточныхъ языковъ въ Казанской духовной академіи.

Не точны также свѣдѣнія о домашнемъ обученіи Николая Гавриловича, которое почти исключительно было дѣломъ его отца. Смерть отца не была слѣдствіемъ ареста Н. Г.; отецъ его умеръ осенью 1861 года, а арестъ былъ въ іюлѣ 1862 года; но могло быть что въ первомъ изъ этихъ годовъ доходили до Саратова какіе-нибудь нелѣпыя слухи.

А. Н. Пыльинъ

11-го Ноября 1889 года.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ

наканунѣ Крымской войны.

Покойный дѣйствит. ст. сов. Алексѣй Петровичъ Евреинновъ († 19-го марта 1886 г.), бывшій весьма приближеннымъ лицомъ къ покойному государственному канцлеру, графу Нессельроде, передалъ намъ однажды слѣдующій рассказъ, относящійся ко времени передъ началомъ Крымской кампаніи. Вотъ въ краткихъ словахъ этотъ рассказъ.

Графъ Нессельроде былъ убѣжденъ, что Россія, въ случаѣ войны съ Турціею, останется изолированной и что, наоборотъ, Турція будетъ поддержана Франціей и Англіей, союзъ которыхъ можно было уже предвидѣть. Онъ неоднократно, по этому поводу, откровенно высказывалъ свой взглядъ императору Николаю Павловичу на тогдашнее политическое положеніе Россіи. Въ одинъ изъ обычныхъ своихъ докладовъ, замѣтивъ, что государь совершенно рѣшился на разрывъ съ Турціей и, не успѣвъ отговорить его отъ принятія рѣшительныхъ мѣръ, графъ Нессельроде счелъ нужнымъ обратиться къ бывшему тогда еще графомъ А. Ѡ. Орлову, пользовавшемуся отиѣннымъ довѣріемъ Николая Павловича, дабы убѣдить государя послушаться совѣтовъ своего министра иностранныхъ дѣлъ. Чтобы добиться этого, графъ Нессельроде пригласилъ графа Орлова прійхать къ нему обѣдать. Графъ прійхалъ и здѣсь, за обѣдомъ, поданнымъ на ломберномъ столѣ, вдвоемъ, въ интимной бесѣдѣ, канцлеръ описалъ другу государя то незавидное положеніе, въ которомъ, въ случаѣ войны, очутится Россія. Слова графа Нессельроде подѣйствовали на графа Орлова. Онъ прямо, послѣ обѣда, отправился въ Зимній дворецъ, а оттуда—въ Михайловскій театръ, гдѣ находился въ тотъ вечеръ государь. Графъ Орловъ передалъ Николаю Павловичу разговоръ свой съ канцлеромъ и, казалось, успѣлъ убѣдить его, что война невозможна при томъ международномъ положеніи, которое Россія занимала

въ то время въ Европѣ. По окончаніи спектакля, графъ Орловъ заѣхалъ къ канцлеру, ожидавшему его съ нетерпѣніемъ, и успокоилъ его, сказавши, что государь самъ отлично сознаетъ невозможность войны въ виду враждебнаго настроенія къ Россіи со стороны Англіи и Франціи и не имѣя никакого основанія рассчитывать на какіе-либо союзы. Слова приближеннаго человѣка и друга императора Николая Павловича совершенно разсѣяли опасенія канцлера: онъ считалъ войну отложенною въ дальній ящикъ. Каково же было его удивленіе, когда на другой день, вечеромъ, государь извѣстилъ его — графъ Нессельроде, вслѣдствіе страданій отъ подагры, не оставлялъ своей квартиры — что войскамъ посланъ съ фельдъегеремъ приказъ занять княжества, что, въ тогдашнюю критическую минуту, можно было считать прямо объявленіемъ войны Турціи, за спиной которой уже стояли Франція и Англія.

Вотъ какъ покойный государь Николай Павловичъ рѣшалъ международные вопросы, и двадцать-пять лѣтъ Европа вся, отъ Стокгольма до Лиссабона, отъ Парижа до Константинополя, прислушивалась къ его могучему голосу. Но тутъ — тутъ фортуна измѣнила ему... Провидѣнію угодно было, чтобы онъ не увидѣлъ результатовъ этой совершенно бесполезной войны.

М — вѣ.

С.-Петербургъ.
24-го февраля 1887 г.

ФЕДОРЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ МИРКОВИЧЪ

1789—1866.

Къ 25-му ноябрю 1889 года издана, въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ, почти въ видѣ рукописи, всего, какъ мы слышали, въ 100 экз., объемистая и полная историческаго интереса книга, подъ выписаннымъ заглавіемъ, Спб., 1889 г., въ 6. 8 д., стр. 450 + 269. Книга заключаетъ въ себѣ жизнеописаніе генерала отъ инфантеріи Федора Яковлевича Мирковича, составленное по собственнымъ его запискамъ, дневникамъ, замѣткамъ, воспоминаніямъ близкихъ людей и подлиннымъ документамъ.

Федоръ Яковлевичъ былъ именно однимъ изъ тѣхъ русскихъ государственныхъ дѣятелей, безукоризненно честная, благородная и гуманная личность котораго прекрасно проявилась во всей его многолѣтней службѣ Царю и Отечеству на всѣхъ, вплоть высокихъ, постахъ которые онъ занималъ, и дала потомству много завѣтовъ чести и добра.

Весь трудъ «Жизнеописанія Ф. Я. Мирковича» состоитъ изъ четырнадцати главъ и множества документовъ въ приложеніи. Первые двѣ главы состоятъ изъ воспоминаній самого Федора Яковлевича, написанныхъ имъ въ 1859 и 1862 годахъ, когда ему было уже за 70 лѣтъ; повѣствуетъ онъ здѣсь о происхожденіи фамиліи Мирковичей, о бракѣ отца съ М. Г. Головна; о родителяхъ, братьяхъ и родственникахъ матери; переѣздъ въ С.-Петербургъ; любопытныя подробности о Пажескомъ корпусѣ и о производствѣ автора въ офицеры. Далѣе Федоръ Яковлевичъ дѣлаетъ обзоръ всего внутренняго быта русскаго общества въ разныхъ его слояхъ и проявленіяхъ въ са-

момъ началѣ текущаго столѣтія; передаетъ интересныя подробности о времени Павла I, о службѣ и бытѣ гвардіи и затѣмъ ставитъ читателя лицомъ къ лицу предъ населеніемъ столицы наканунѣ Отечественной войны.

Участникъ великихъ войнъ 1812—1814 годовъ, сильно раненый подъ Бородинымъ, Ф. Я. сохранилъ много подробностей объ этихъ походахъ въ своемъ дневникѣ, который онъ велъ, находясь въ рядахъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка, куда вышелъ изъ Пажескаго корпуса въ 1809 г.; подробности эти иногда слишкомъ мелочныя, но зато они даютъ значеніе его дневнику, цѣликомъ явившемуся теперь въ третьей и четвертой главахъ книги, — какъ источнику основному для исторіи лейбъ-гвардіи Коннаго полка, къ которому принадлежалъ Ф. Я. Мирковичъ.

Въ 1828—1834 годахъ мы видимъ Федора Яковлевича на высокомъ военно-дипломатическомъ посту въ Молдавіи и Валахіи въ званіи вице-президента дивановъ. На этомъ посту и въ краѣ, деморализованномъ продолжительнымъ турецкимъ гнетомъ, Ф. Я. Мирковичъ явилъ много такту и тонкаго ума, много любви къ труду и способности трудиться, почему и обратилъ на себя вниманіе императора Николая Павловича; государь отличилъ въ генералѣ Ф. Я. Мирковичѣ человѣка способнаго къ исполненію административныхъ обязанностей на высшихъ постахъ. Интереснымъ сказаніемъ о представленіи императору Николаю Павловичу—по возвращеніи изъ Молдавіи въ С.-Петербургъ—заканчивается пятая глава: «1828—1834 гг. Молдавія».

Въ 1835 году Ф. Я. Мирковичъ назначенъ былъ директоромъ втораго кадетскаго корпуса и оставался на этомъ посту пять лѣтъ (до февраля 1840 г.); рассказъ объ этомъ времени, составляя шестую главу обзорѣваемой книги, представляетъ нѣсколько любопытныхъ чертъ для исторіи нашихъ военно-учебныхъ заведеній вообще и 2-го кадетскаго корпуса въ особенности (стр. 118—124).

Въ февралѣ 1840 года ген. Мирковичъ былъ назначенъ виленскимъ военнымъ губернаторомъ съ управленіемъ и гражданской частью, а гродненскимъ, минскимъ и бѣлостокскимъ генераль-губернаторомъ. Періоду управленія имъ Северо-западнымъ краемъ отведены четыре (VIII—XI) главы его жизнеописанія (стр. 210—329). Здѣсь мы находимъ нѣсколько весьма интересныхъ и немаловажныхъ для исторіи Россіи—времени Николая I—свѣдѣній. Таково, напр., описаніе встрѣчи съ государемъ съ Брестъ-Литовскѣ 13-го августа 1840 г.:

изложение взглядовъ Николая Павловича на многіе вопросы, каковы: польскій, еврейскій, западно-русскій ¹⁾ и пр.; подробныя замѣтки о краѣ, веденныя во время его объѣзда; весьма любопытныя всеподданнѣйшіе отчеты Ѳ. Я. Мирковича объ общемъ состояніи Сѣверо-западнаго края (1841 и 1845 гг.) и его взгляды и соображенія о различныхъ для края реформахъ; политическія слѣдствія; важнѣйшія мѣропріятія правительства въ краѣ за время управленія Ѳ. Я. Мирковичемъ, и проч. Въ этомъ отдѣлѣ, повторяемъ, особенно много не только любопытнаго, но и поучительнаго, какъ принадлежащее вполне русскому государственному дѣятелю, администратору провидительному, опытному и просвѣщенному.... Читая здѣсь многія страницы (напр. стр. 257—259—264, 287, 292, 319 и 329), невольно пожалѣешь, что дневники, замѣтки, всеподданнѣйшіе отчеты генераль-губернатора Мирковича (1840—1850 гг.) за время нахождения его во главѣ Сѣверо-западной Россіи не сдѣлались достояніемъ печати тогда же въ 1850-хъ годахъ; тогда, кто знаетъ, быть можетъ не было бы нѣкоторыхъ ошибокъ и упущеній, которыя имѣли мѣсто при непосредственныхъ преемникахъ этого умнаго государственнаго человѣка, съ января 1850-го по 1863-й годъ. Но у насъ весьма долго не хотѣли признавать практической пользы обнародованія, такъ сказать, «вчерашней исторіи», что однако такъ усердно и съ такою пользою для своего отечества дѣлаютъ иностранцы;—у насъ все еще охотнѣе держать эту исторію подъ слудомъ, все не хотятъ учиться изъ недавно-пережитаго опыта, оттого нигдѣ и нѣтъ такихъ мастеровъ, какъ на нашей матушкѣ святой Руси, повторятъ ошибки пережитыя и начинаютъ канитель съизнова, платясь каждый разъ за науку кровью, деньгами и общею сумятицею...

Книга «Ѳ. Я. Мирковичъ» мѣстами такъ любопытна, что мы, глядя на нее какъ на рукопись, приведемъ, съ разрѣшенія издателей, въ одномъ изъ ближайшихъ выпусковъ «Русской Старины», изд. 1890 г., нѣкоторыя страницы цѣликомъ.

Издана книга весьма изящно, на отличной бумагѣ, заботливо редактурирована украшена прекраснымъ портретомъ Ѳ. Я. Мирковича.

Ред.

¹⁾ Этотъ особенно интересный эпизодъ изъ записокъ М. Ѳ. Мирковича былъ первоначально напечатанъ въ «Русск. Ст.» 1886 г., т. LI, стр. 305—334.

Августъ Ивановичъ Мясковскій

генераль отъ инфантеріи.

Въ октябрьской книгѣ «Русской Старины», изд. 1889 г., т. LXIV, помѣщены воспоминанія Теобальда, гдѣ во II отдѣлѣ сказано: что онъ получилъ предписаніе отъ начальника главнаго штаба генераль-адъютанта Крыжановскаго, отъ 29-го апрѣля 1862 года, за № 1907, о томъ, что онъ назначенъ членомъ слѣдственной комиссіи, учрежденной подъ предсѣдательствомъ командира Ладожскаго пѣхотнаго полка, полковника Мясковскаго (нынѣ умершій).

Въ то время, дѣйствительно, командовалъ г. Мясковскій Ладожскимъ полкомъ и онъ былъ предсѣдателемъ поманутой комиссіи, но онъ до сихъ поръ, благодаря Бога, живъ, состоитъ въ чинѣ генерала отъ инфантеріи, и съ самаго начала изданія журнала «Русской Старины» состоитъ подписчикомъ этого журнала.

Долгомъ считаемъ, къ сожалѣнію поздно замѣченную нами, ошибку исправить съ искреннимъ пожеланіемъ уважаемому генералу А. И. Мясковскому долгой и долгой жизни.

Ред.

Сельскій священникъ Аванасій Сильвестровъ

Во II-й кн. «Русской Старины» изд. 1889 г., томъ LXI, помѣщена «Жизнь Аванасія Сильвестрова, сельскаго священника, въ иночествѣ Захарія. Его автобіографія».

Теперь мы можемъ сообщить о немъ біографическія свѣдѣнія.

Аванасій, переславской округи, села Вашекъ, сынъ умершаго дьячка Сильвестра Иванова, въ училищахъ не обучался. Въ 1788 г., по указу Переславской духовной консисторіи, опредѣленъ въ село Вашки въ пономари и посвященъ въ стихарь преосвященнымъ Теофилактомъ, епископомъ переславскимъ и дмитровскимъ; въ 1798 году указомъ Суздальской духовной консисторіи переименованъ въ дьячки въ то же село Вашки; потомъ 1803 г. марта 15-го дня рукоположенъ въ оное же село въ священника преосвященнымъ Ксенофонтомъ, епископомъ владимірскимъ и суздальскимъ; 1831 г. сентября 30-го дня, по желанію своему, увязомъ Владимірской духовной консисторіи опредѣленъ въ Переславскій Троицкій-Даниловъ монастырь въ чело братства; въ монастырѣ постриженъ, съ именемъ Захарія, по указу той-же консисторіи, 1836 года февраля 23-го дня, въ томъ-же Даниловомъ монастырѣ. Скончался въ 1840 годѣ.

А. В. Смирновъ.

Николай Михайловичъ Пржевальскій.

Императорское Русское Географическое Общество сообщило, за подписью своего вице-предсѣдателя П. П. Семенова, нижеслѣдующее циркулярное письмо, отъ 25-го октября 1889 года, за № 2222:

Милостивый государь Михаилъ Ивановичъ!

Вашему превосходительству, какъ просвѣщенному дѣятелю на поприщѣ общественнаго служенія, извѣстно имя и значеніе Николая Михайловича Пржевальскаго, столь безвременно исторгнутаго смертью у науки и отечества.

Державному хозяину Русской земли, Государю Императору, благоудно было Самому озаботиться сооруженіемъ великолѣпнаго памятника величайшему русскому путешественнику нынѣшняго вѣка надъ его одинокою могилою, на берегахъ озера Иссыкъ-Куля, гдѣ онъ нашелъ преждевременную смерть, въ городѣ, которому Высочайшею волею на вѣки присвоено отнынѣ славное имя покойнаго.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Государю Императору благоудно было соизволить на открытіе повсемѣстной по Россіи подписки для составленія капитала на учрежденіе при Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ преміи и медали имени Н. М. Пржевальскаго, для выдачи русскимъ путешественникамъ и изслѣдователямъ на полѣ географической науки, въ награду за понесенные на этомъ поприщѣ труды.

Совѣтъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, озабочиваясь обезпеченіемъ успѣха означенной подписки, поручилъ мнѣ обратиться къ вашему превосходительству съ усерднѣйшею просьбою оказать посильное содѣйствіе къ достиженію намѣченной Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, съ Высочайшаго соизволенія, вышеизложенной патріотической цѣли.

При семъ, имѣю честь препроводить вамъ подписной листь за

№ 1894 для сбора пожертвованій и брошюру, посвященную памяти Н. М. Пржевальскаго.

Подписной листъ съ собранными по немъ пожертвованіями имѣетъ быть отосланъ обратно въ Императорское Русское Географическое Общество не позже, какъ черезъ годъ отъ вышеписаннаго числа. Имена жертвователей будутъ опубликованы.

Заранѣе принося вашему превосходительству выраженіе искреннѣйшей благодарности Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за то, что вы признаете возможнымъ сдѣлать по настоящему къ вамъ обращенію, прошу принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности.

Его П—ству М. И. Семевскому.

Петръ Семеновъ.

Отъ Ред. Усердно приглашаемъ нашихъ многочисленныхъ читателей откликнуться на настоящій призывъ и, не стѣсняясь размѣромъ пожертвованій, хотя бы въ отдѣльности отъ каждаго лица самыхъ незначительныхъ, направлять таковыя либо непосредственно въ «Императорское Русское Географическое Общество», либо туда-же—черезъ посредство редакціи «Русской Старины».

Ред.

МИХАИЛЬ ПЛАТОНОВИЧЪ МИТКОВЪ

† 6-го ноября 1889 г.

Въ 1880 г. Михаилъ Платоновичъ Митковъ былъ избранъ членомъ исполнительной при Спб. гор. думѣ училищной комиссіи (нынѣ комиссія по народному образованію) и получилъ въ завѣдываніе девять городскихъ школъ. Впослѣдствіи, съ 1886 — 1887-го учебнаго года, число это возрасло до двадцати.

Вступивъ въ завѣдываніе училищами, онъ, съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности члена-попечителя, обрисовалъ себя, какъ человѣка въ высшей степени правдиваго, разумнаго и добраго. Правда, онъ былъ требователенъ и насколько самъ былъ исполнительенъ, настолько требовалъ этой аккуратности и отъ другихъ. «Лучше совсѣмъ не братья за дѣло, чѣмъ дѣлать его вполовину», — часто говаривалъ покойный. По природѣ скрытный, осторожный, даже, казалось, холодный, — онъ невольно проявлялъ свою чистую душу и любящее сердце въ кругу дѣтей.

При посѣщеніи школъ въ классное время, на рождественскихъ-ли елкахъ, куда онъ приходилъ первый и уходилъ послѣдній, и которыя дѣлались отчасти и на его счетъ, — надо было видѣть радость дѣтей при его появленіи. Онъ собою освѣщалъ праздникъ, и если ему, по болѣзни, не приходилось быть на елкѣ, дѣти говорили: «Было скучно оттого, что не было Михаила Платоновича».

Онъ не умѣлъ направо и налево расточать ласку, но каждое его привѣтливое слово, каждая шутка радовали дѣтей.

Начнутъ-ли экзамены, — онъ заранѣе позаботится, чтобы дѣти были на его счетъ накормлены завтракомъ, чтобы они отдохнули, чтобы они напрасно не утомлялись: «Купите имъ еще по яблоку и по пирожному, — это ихъ порадуетъ», — заботился онъ о дѣтяхъ.

По большимъ праздникамъ, когда выдавались училищамъ билеты на посѣщеніе цирка или театра, или весной, когда начинались прогулки дѣтей въ Зоологическій садъ, въ Павловскъ, или Царское,—М. П. радовался будто самъ былъ ученикомъ и самъ собирался быть въ числѣ гуляющихъ. Совѣстно было отказываться отъ прогулки, потому что, въ лицѣ дѣтей, отказывалось въ удовольствіи и Михаилу Платоновичу.

Съ 1881 года выбранный въ предсѣдатели «Общества пособія бѣднымъ учащимся въ городскихъ школахъ», онъ создалъ капиталъ за 47,000. Ежегодные базары, концерты или вечера, которые устраивались въ пользу Общества, утомляли всѣхъ участвовавшихъ, онъ же одинъ былъ повидимому, бодръ, хотя каждому было ясно, по его утомленному лицу, что онъ насилу ходитъ. Не присаживаясь ни на минуту съ 11-ти или 12-ти час. утра и до 9—10-ти час. вечера, онъ радовался, когда видѣлъ успѣхъ базара. «Вотъ и лишняя сотня дѣтей будетъ накормлена, одѣта и обута»,—говаривалъ онъ.

Въ послѣднее время, послѣ смерти А. А. Краевскаго, Михаилъ Платоновичъ много работалъ въ комиссіи по народному образованію. Его требовательность неуклоннаго исполненія обязанностей, быть можетъ, кой-кому изъ учащихся въ школахъ его района была немножко тягостна, но кто же захочетъ заглянуть въ тайники сердца и прочесть причины, ея вызывающія? «Я сознаю,—говорилъ онъ незадолго до смерти,—что присущія мнѣ чувства требовательности и строгости не изъ тѣхъ, которыя привязываютъ къ себѣ, а скорѣе возстаиваютъ,—но измѣниться я не могу».

А сколько добра дѣлалъ этотъ человѣкъ, котораго многіе называли «бездушнымъ бариномъ!» Сколько добра онъ дѣлалъ дѣламъ семействамъ, которыя никогда объ этомъ и не скажутъ. Я знаю, что существовали десятки людей, которые, въ продолженіе многихъ лѣтъ жизни, существовали исключительно его помощью. Но правая рука его давала такъ, что и лѣвая объ этомъ не знала. Это былъ истинный христіанинъ - благотворитель.

Миръ твоему праху! Вѣчная тебѣ и вѣчно-добрая память!

Одна изъ учительницъ въ Спб. нач. гор. училищамъ

12-го ноября 1889 г.

Спб.

ВАСИЛІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ КЛОКАЧЕВЪ

† 9-го ноября 1889 г.

9-го ноября, въ три часа дня, въ Царскомъ-Селѣ скончался одинъ изъ старѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ мировыхъ судей города С.-Петербурга, Василій Николаевичъ Клокачевъ.

Представитель старинной чисто русской дворянской фамиліи Псковской губерніи, Великолуцкаго уѣзда, Клокачевъ, сынъ заслуженнаго моряка, самъ былъ по воспитанію и началу службы морякъ, а затѣмъ офицеръ л.-гв. Семеновскаго полка... Извѣстно, что именно въ рядахъ гвардейцевъ, также моряковъ и офицеровъ арміи императоръ Александръ II нашелъ множество вѣрныхъ, разумныхъ, честныхъ и самоотверженныхъ исполнителей своихъ великихъ реформъ. . Это они, эти доблестные офицеры, были проводниками въ плоть и кровь русскаго народа тѣхъ великихъ законоположеній, которыя были дарованы Царемъ-Освободителемъ для устройства быта народа и для суда праваго, скораго и милостиваго. . Изъ ихъ рядовъ вышли многіе мировые посредники и мировые судьи. . Василій Николаевичъ 17¹/₂ лѣтъ былъ мировымъ судьей и «хотя не былъ юристомъ по образованію, но по отзыву лицъ, его близко знавшихъ, добросовѣстный трудъ, любовь къ дѣлу и многолѣтняя опытность составили ему справедливую репутацію одного изъ лучшихъ мировыхъ судей, а безукоризненная, рыцарская честь, прямота характера, высокія душевныя качества, рѣдкое гостепримство и всегдашняя готовность совѣтомъ и дѣломъ придти на помощь нуждающемуся, создали ему высокое нравственное положеніе въ обширномъ кругу знавшихъ его»¹⁾).

¹⁾ Некрологъ В. Н. Клокачева помѣщенъ въ газетѣ «Новости» 10-го ноября 1889 г., № 316.

Въ камерѣ мирового судьи (Сиб., 4-го участка Спасской части, по Екатеринбургскому проспекту, д. Тихачева) собралось 14-го ноября множество лицъ, знавшихъ покойнаго, вмѣстѣ помолятся за поминъ души опочившаго. Мѣстный священникъ, о. протоіерей В. М. Михайловскій, предъ началомъ молитвы, сказалъ искреннее доброе слово въ память опочившаго В. Н. Клокачева, каковое слово мы и сохраняемъ на страницахъ «Русской Старины». Вотъ оно:

«На печально-торжественномъ семъ собраніи въ стѣнахъ зданія гдѣ усопшимъ, нами нынѣ поминаемымъ, вѣщалось слово мира, правды, любви и уваженія къ ближнему, его имени, чести и имуществу, да позволено мнѣ остановить ваше вниманіе на нѣсколько минутъ къ моимъ словамъ объ усопшемъ.

«Смерть неумолима. Законы природы непреложны. Общественная сила, дѣятельная, благотворная оставила насъ, израсходовавшись въ служеніи ближнимъ. Вѣчная память ей!

«Но и среди этихъ печальныхъ воспоминаній, какъ проблескъ свѣта въ полумракѣ, даютъ о себѣ чувствовать два отраднѣхъ явленія и два утѣшительныхъ наблюденія. Во-первыхъ, при поминаніи умершаго отраднѣ видѣть преемникамъ его дѣланія по службѣ, что, значить, честное, христіанское служеніе мирового судьи не забывается свидѣтелями его службы — не легкой, но весьма почетной и благополезной; что, значить, нужно только дѣло вести по совѣсти и знаючи. А мировой судья, по самому своему назначенію и названію, есть свѣточъ участка, куда онъ поставленъ. Онъ постоянно имѣетъ открывать и прилагать въ жизни всѣ добрыя свойства своей души. Онъ творить судъ и правду, но правду не безпощадную; являетъ въ рѣшеніи дѣлъ милость, но осторожно, безъ оскорбленія интересовъ пострадавшаго; онъ вѣстникъ мира среди возбужденныхъ душъ; онъ караетъ преступника, отечески жалѣя и щадя его душу, въ надеждѣ исправленія. Да, много, много нужно мировому судѣ имѣть и ума, и сердца, и оытности, и доступности для людей, отзывчивости, и званія жизненныхъ условій и характеровъ какъ обиженныхъ, такъ и обидѣвшихъ. Мировой судья въ участкѣ — это то же, что истинный священникъ въ приходѣ. Онъ долженъ и радоваться съ радующимися, и плакать съ плачущими — все въ участкѣ своемъ воспринимать къ сердцу,⁹ сочувствуя благу и ратуя противъ зла, уменьшая раздоры, предупреждая преступленія и развитіе ихъ. Однимъ словомъ, онъ, по Апостолу, долженъ быть всѣмъ вся, да всяка нѣкія спасеть, прилагая судъ и правду, миръ и милость. Если у кого, то у мирового судьи милость и истина срѣтаются, правда и миръ облобызаются. Такое рѣдкое, дивное и мудрое сочетаніе добродѣ-

телей и видѣли обыватели сего прихода въ почившемъ Василии Николаевичѣ. Да удостоятъ его Господь царства небеснаго!

«Второе отрадное явленіе на семь печальномъ торжествѣ—это признаніе обществомъ заслугъ умершаго труженика. Хлопотлива служба мирового судьи, невзрачна его обстановка, скучно разбирательство человѣческихъ преступленій и ошибокъ, тягостно видѣть и раздраженное самолюбіе изъ-за пустяковъ. И тѣмъ не менѣе онъ все это долженъ перечувствовать въ сердцѣ своемъ; потомъ освѣтить всѣ эти печальныя явленія жизни, благоустроить, страсти успокоить или пресѣчь какъ бы ножомъ хирурга. Дѣлаетъ онъ свое дѣло такъ—ему въ обществѣ, въ стоустой молвѣ, честь и слава, почетъ и благодарность. Ему тогда легче и трудиться, и по смерти имя его будетъ благословляться признательными душами бывшихъ свидѣтелями его дѣланія.

«И вамъ честь, добрые обыватели, сошедшіеся сюда по сердечному уваженію для молитвы объ усопшемъ Василии. Поминовеніе усопшаго есть высшая добродѣтель, потому что она отличается чистымъ безкорыстіемъ. При жизни добродѣтель живому, какъ бы тамъ ни разсуждали, иногда бываетъ растворена чувствомъ самолюбія, расчетомъ. А по смерти тутъ въ молитвенномъ поминовеніи нѣтъ притоку личнымъ корыстнымъ чувствамъ. Да воздастъ вамъ Господь за ваше доброе отношеніе къ достойному труженику, отдававшему послѣдніи свои силы нашему участку, нашему приходу. Да пребудетъ и впредь такое же доброе отношеніе общества къ служащимъ ему членамъ.

«Помолимся объ умершемъ, во спасеніе его духа и въ назиданіе живымъ».

Протоіерей Василій Михайловскій.

1889 г. ноября 14-го.

ПЯТИСОТЛѢТІЕ АРТИЛЛЕРІИ ВЪ РОССІИ

1389 — 1889.

1889-й годъ ознаменованъ торжествомъ весьма рѣдкаго юбилея: пять вѣковъ минуло со времени появленія въ рядахъ доблестнаго россійскаго воинства «огненнаго боя»... Сколько ставныхъ, великихъ воспоминаній — подвиговъ самоотверженія, беззаветнаго героизма и бесстрашной стойкости русскихъ пушкарей старой Руси и артиллеристовъ новѣйшихъ эпохъ — выкупаются въ умѣ каждаго русскаго при взглядѣ на полъ-тысячу лѣтъ, пережитыхъ этими родами войскъ нашихъ вооруженныхъ силъ! Высочайшая грамота Верховнаго Вождя Русскаго народа достойно увѣковѣчила пережитое и отпразднованное въ С.-Петербургѣ 8-го ноября 1889-го года великое торжество.

Грамота эта появилась своевременно во всѣхъ газетахъ. «Русская Старина», много и много разъ печатавшая и имѣющая въ виду, много еще разъ печатать сказанія о подвигахъ русской арміи, и въ ряды ея — артиллеріи, долгомъ своимъ считаетъ воспроизвести на своихъ страницахъ этотъ государственный актъ — нашего Монарха, въ столь высоко милостивыхъ выраженіяхъ одѣвившаго пятивѣковыми заслуги Отечеству артиллеріи — этого одного изъ наиболѣе доблестныхъ родовъ россійскаго воинства.

Ред.

I.

«Пять столѣтій тому назадъ, распоряженіемъ великаго князя Дмитрія Іоанновича Донскаго, огнестрѣльные орудія впервые везены въ предѣлы древней Руси, чѣмъ и положено начало Нашей артиллеріи.

«Съ тѣхъ поръ доблестные пушкарѣ, въ составѣ нашихъ старинныхъ ратей, неизмѣнно принимали славное участіе въ борьбѣ за единство и цѣлость земли русской, со всѣхъ сторонъ угрожаемой многочисленными и сильными иноплеменными врагами.

«Великій предокъ Нашъ, императоръ Петръ I, создавшій регулярную армію въ Россіи, обратилъ особое вниманіе на развитіе всѣхъ

отраслей артиллерійскаго дѣла и съ юныхъ лѣтъ самъ принявъ званіе капитана бомбардирской роты. Онъ имѣлъ утѣшеніе при жизни своей пожать плоды своихъ заботъ и трудовъ, побѣдоносно сложивъ, при помощи вновь созданной имъ арміи, наиболѣе могущественнаго и грознаго въ то время для Россіи ея врага.

«И въ послѣдующія войны, при помощи которыхъ Августѣйшіе Предшественники Наши утвердили самостоятельность и значеніе Россіи, какъ первостепенной державы, Наша артиллерія показала себя, по своему устройству, — матеріальному и техническому, — и по своему боевому духу, достойною соперницею наиболѣе сильныхъ и благоустроенныхъ европейскихъ артиллерій и обнаруживала рѣшающее вліяніе во многихъ сраженіяхъ, покрывшихъ славою русское оружіе.

«Столь же доблестно было служеніе Нашей артиллеріи въ мирное время на всѣхъ поприщахъ подготовки и усовершенствованія техническихъ средствъ и примѣненія новыхъ изобрѣтеній; самостоятельныя работы и ученые труды русскихъ артиллеристовъ нерѣдко обращали на себя общее вниманіе и вносили крупныя вклады въ артиллерійскую науку.

«Нынѣ, въ день празднованія юбилея пятилѣтняго достохвальнаго служенія Нашей артиллеріи Престолу и Отечеству, мы сочли за благо засвидѣтельствовать артиллеріи сею грамотою Наше Императорское благоволеніе.

«Мы надѣемся и уповаемъ, что російская артиллерія и въ грядущемъ сохранить неизмѣнными присущій ей духъ военной доблести и самоотверженія на поляхъ брани и духъ неутомимаго труда, энергіи и научнаго усовершенствованія, столь необходимый при современномъ громадномъ развитіи техники. для того, чтобы достойно выдержать борьбу съ какимъ бы то ни было соперничествомъ. Въ сей увѣренности, пребываемъ къ Россійской Артиллеріи Императорскую Нашею милостію неизмѣнно благосклонны».

На подлинномъ Собственною рукою Его Величества написано:
«Александръ».

II.

Рѣчь Государя Императора на торжествѣ пятилѣтняго юбилея Русской артиллеріи.

8-го ноября 1889 г.

«Господа артиллеристы. Я счастливъ, что могу привѣтствовать васъ сегодня съ 500-лѣтнимъ юбилеемъ дорогаго всѣмъ намъ дня и счастливъ, что этотъ рѣдкій юбилей пришелся въ Мое Царствованіе.

«Отъ души благодарю васъ всѣхъ артиллеристовъ, присутствующихъ

и отсутствующихъ, настоящихъ и прежнихъ, за неизмѣнно храбрую боевую службу и увѣренъ, что Наша артиллерія, какъ и вся Наша армія, будетъ отличатся на поляхъ сраженій, какъ и прежде. Не дай Богъ, чтобы это случилось скоро, да избавить насъ Господь отъ этого тяжкаго испытанія, но если это случится, то Я увѣренъ, что Наша храбрая артиллерія, какъ и всѣ другіе роды оружія, постоятъ за честь и славу дорогаго Отечества.

«Ура» Нашей артиллеріи!».

Поправки и опечатки.

Въ «Русской Старинѣ» над. 1889 г., томъ LXIV, книга ноябрь, вьрались нѣкоторыя погрѣшности, нѣкоторыя здѣсь исправляются. Записки Оudinova: Клевеманста—Клевела. л. Гапатель—Рапатель? Феодора Тихона—Феодора Тирона. Цѣловъ—Цыловъ.

Къ исторіи Русскаго Общества. Црк. мн. внутр. дѣлъ, 1845 г. іюля 30, объ отлучкѣ изъ дому проживающаго въ Спб. ротмистра Николая Полеваго 20 л. сына его Никтополеона Полеваго.

Въ означенномъ году Никтополеонъ Полевой помѣщенъ уже былъ въ спискахъ студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, когда сдѣлалось извѣстнымъ исчезновеніе его изъ дому отца, не ротмистра, а литератора Николая Алексѣевича Полеваго, старшій сынъ котораго, Владиміръ Николаевичъ Полевой, былъ тогда студентомъ петербургскаго, а потомъ дерптскаго университетовъ.

Помѣщикъ Николай Ивановичъ Савичъ, по примѣчанію редакціи, прославился, какъ знаменитый ученый. Кромѣ академика и профессора астрономіи Алексѣя Николаевича Савича—другаго ученаго съ этой фамиліей не существовало.

Сообщ. Э. С. Глинна.

Въ замѣткѣ о іеромонахѣ Антоніи Бочковѣ («Русская Старина» 1889 г., ноябрь) я сдѣлалъ ошибку: вызовъ іеромонаховъ въ московскіе монастыри сдѣланъ былъ московскимъ митрополитомъ не Филаретомъ, какъ сказано у меня и который умеръ въ ноябрѣ 1867 г., а его преемникомъ—Инновентіемъ, въ 1872 г.

Ев. Н. С. Голицынъ.

Ноябрь, стр. 306, 2 строка сверху, напечатано: Карлъ Ивановичъ Мердерь, должно быть: Карлъ Карловичъ Мердерь. Стр. 585-я, строка 15 снизу: Яковъ Григорьевичъ, читай: Антоновичъ.

На стр. 582, 3-я строка снизу той-же книги напечатано: Августъ Герке, читай: Антонъ Герке.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ ВЪ ИЗД. 1889 г.

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ.

Окончивъ второе десятилѣтіе нашего повременнаго историческаго изданія „Русская Старина“, взглянемъ на истекшій годъ и отмѣтимъ, по возможности въ сжатомъ обзорѣ, болѣе выдающіяся Записки и Воспоминанія, очерки и изслѣдованія, жизнеописанія и болѣе интересные матеріалы, помѣщенные въ нашемъ журналѣ за 1889-й годъ.

I.

Во главѣ напечатанныхъ нами въ двадцатомъ году изданія „Русской Старины“ (1889 г.), слѣдуетъ, по давности времени, въ которому относятся Записки, поставить сказанія доблестнаго князя Юрія Владиміровича Долгорукова. Гвардейскій офицеръ, лицо, хорошо извѣстное императрицѣ Екатеринѣ II-й, съ такою проницательностью умѣвшей выбирать себѣ сподвижниковъ, князь Юрій Долгорукій покрытъ лаврами чесменскаго боя и многихъ другихъ побѣдъ русскаго оружія Екатерининскихъ орловъ, о которыхъ онъ и повѣствуетъ въ своихъ сжатыхъ, но весьма содержательныхъ очеркахъ. Неизмѣримо подробнѣе писать его современникъ Андрей Тимоѣевичъ Болотовъ, живописуя всѣ мелочи быта современнаго ему Россійскаго дворянства XVIII-го вѣка. Мы очень обязаны этому, въ высокой степени достопамятному, старцу. Его Записками мы начали „Рус-

скую Старину“ въ 1870-мъ году и какъ лично, такъ и многочисленныя наши читатели испытывали дѣйствительное наслажденіе при чтеніи этой длинной, но чрезвычайно живой хроники быта русскаго дворянства прошлаго столѣтія. Прошло 17 лѣтъ съ того года, когда мы окончили печатаніемъ Записокъ Болотова (1870—1873 гг.), и мы вновь обращаемся къ его жизнеописанію, получивъ слѣдующіе, неизданные томы его автобіографіи, но, увы, уже не рѣшаемся, какъ бывало прежде, изъ книги въ книгу давать его трудъ, а будемъ лишь, время отъ времени, обращаться къ его разсказу. Въ напечатанныхъ въ 1889-мъ году въ „Русской Старинѣ“ главахъ „Жизни А. Т. Болотова“ онъ повѣствуетъ о 1799—1800-хъ годахъ.

Привели мы въ нынѣшнемъ году нѣсколько главъ изъ бойкихъ разсказовъ Александра Михайловича Тургенева, знакомаго читателямъ „Русской Старины“ изъ нашего изданія еще съ 1886-го года. Въ главахъ, помѣщенныхъ въ обозрѣваемомъ году, А. М. Тургеневъ очерчиваетъ весьма характерныя сцены изъ жизни петербургскаго общества за время императора Павла. Къ сожалѣнію, первые по времени и „обязательные“ читатели нашего изданія въ тѣ четверо сутокъ, когда книга еще невѣдома нашимъ подписчикамъ, находятъ разсказы А. М. Тургенева не вполне удобными къ печати; дѣйствительно, Тургеневъ, для краснаго словца, не жалѣетъ сгущать краски въ картинахъ, имъ набрасываемыхъ. И вотъ, эти главы являются съ такими затрудненіями, что мы рѣшаемся ждать—выражаясь языкомъ издателей—„болѣе благопріятныхъ условій“ для возможно полнаго ихъ отпечатанія. Нѣкоторые изъ читателей „Русской Старины“ также находятъ, что разсказы А. М. Тургенева полны ходившими въ современныхъ ему обществахъ фантастическими легендами о тѣхъ или другихъ событіяхъ и лицахъ, но намъ кажется, что появленіе и таковыхъ разсказовъ на страницахъ именно историческаго журнала не бесполезно, такъ какъ тутъ же, бокъ о бокъ съ ними, одновременно появляются подлинныя матеріалы и серьезныя историческія монографіи, которыя вполне, и уже разъ навсегда, уничтожаютъ ту фальшь, которая можетъ быть вносима записками увлекающихся разсказщиковъ, хотя бы эти разсказчики и были такіе просвѣщенные люди и съ такими высоконравственными качествами, какими

несомнѣнно былъ одаренъ А. М. Тургеневъ, принадлежавшій въ цѣлой группѣ лучшихъ русскихъ людей своего времени. Ну, за всѣмъ тѣмъ, нельзя—такъ нельзя,—подождемъ... Изъ нашего архива въ 20 лѣтъ выходили, нерѣдко, такіе матеріалы на свѣтъ Божій, для появленія которыхъ, лѣтъ за пять предъ тѣмъ, не было благопріятныхъ условий, а съ другой стороны, въ тотъ же архивъ укладываются сказанія и матеріалы такіе, которые легко-бы могли появиться въ печати въ 1870-хъ годахъ.

Но вотъ время, которое невозбранно предоставлено на всестороннее изученіе,—это эпоха великой Отечественной войны, въ которой свершился такой высочій подъемъ нравственныхъ силъ русскаго народа, и навсегда останется эта эпопея неизсякаемымъ источникомъ для новыхъ и интересныхъ о ней сказаній. Въ 1889-мъ году мы дали трое обширныхъ Записокъ о 1812-мъ годѣ.

Таковы „Записки графа Федора Васильевича Ростопчина“, знаменитаго московскаго главнокомандующаго; рассказъ извѣстнаго впослѣдствіи драматическаго писателя, князя А. А. Шаховскаго и, наконецъ, въ высшей степени простодушныя, но не менѣе того драгоцѣнныя сказанія безвѣстной до сихъ поръ Анны Ильинишны Золотухиной († 1814 г.).

Записки Ростопчина издавна уже послужили источникомъ для историковъ Отечественной войны, но за всѣмъ тѣмъ полный его рассказъ, не перемежаемый никакими посторонними вставками, цѣльный, безъ усѣновеній и безъ критическихъ о немъ замѣтокъ историковъ, преисполненъ высокаго интереса; читая его, положительно нельзя оторваться пока не кончишь,—такъ живо, образно и увлекательно повѣствованіе гр. Ф. В. Ростопчина. Пылкая, увлекающаяся, даровитая натура московскаго главнокомандующаго, въ своемъ увлеченіи дѣлавшаго и не мало глупостей, и даже преступленій (напр., убійство Верещагина), цѣлкомъ отражается въ его Запискахъ о 1812-мъ годѣ... Кто читалъ „Войну и Миръ“ гр. Л. Н. Толстого,—а этотъ романъ-хронику прочла вся образованная Россія,—съ особеннымъ и самымъ живымъ интересомъ прочтетъ Записки о 1812-мъ годѣ гр. Федора Васильевича Ростопчина...

По поводу рассказа князя А. А. Шаховскаго намъ былъ сдѣланъ упрекъ, что этотъ рассказъ былъ-де уже въ печати

26 лѣтъ тому назадъ; но мы этимъ упрекомъ ни мало не огорчаемся, во-первыхъ, потому, что первое изданіе этого разсказа было въ спеціальному „Военному Сборнику“ (1864 г.), по крайней мѣрѣ за тотъ годъ уже совершенно забытомъ, такъ и потому, что разсказъ кн. Шаховскаго у насъ явился съ значительно меньшими пропусками, чѣмъ былъ напечатанъ „Военнымъ Сборникомъ“. Во всякомъ случаѣ, разсказъ этотъ прямо выводитъ насъ на стогна сожженной Москвы и заключаетъ въ себѣ массу интересныхъ подробностей, воскресить которыя въ памяти любознательнаго читателя не бесполезно. Впрочемъ, мы не имѣемъ ни малѣйшаго повода перепечатывать хотя бы и очень интересные историческіе разсказы, и если случается это, то это дѣлается чрезвычайно рѣдко, по особо уважительнымъ причинамъ и, по возможности, съ надлежащею о томъ оговоркою; архивъ же нашъ, вмѣщая въ себѣ (по 20-е ноября 1889 года) свыше 7,070-ти нумеровъ рукописей, различныхъ объемовъ и различнаго интереса, изъ которыхъ едва лишь $\frac{1}{3}$ могла появиться на страницахъ нашего изданія и не менѣе одной трети ждетъ свободнаго мѣста на страницахъ „Русской Старины“,—намъ, повторяю, въ виду этого обилія мемуаровъ, очерковъ и матеріаловъ, нѣтъ повода что-либо перепечатывать безъ особенно вѣсскихъ причинъ.

„Записки ген. отъ инф. Алексѣя Алексѣевича Одинцова“, стараго служаки трехъ государей—Александра I-го, Николая I-го и Александра II-го, принадлежать дѣятелю благородному, усвоившему себѣ всѣ лучшія стороны русскихъ людей эпохи Александра I-го: образованный, честный, много видѣвшій Одинцовъ въ своемъ разсказѣ даетъ обильный матеріалъ для знакомства съ современнымъ ему, преимущественно военнымъ, бытомъ, въ особенности же съ жизнью русскихъ въ Варшавѣ въ эпоху полусамоостоятельной „конгрессушки“ до взрыва 1830-го года. Въ послѣдующихъ главахъ, которыя явятся въ „Русской Старинѣ“ въ будущемъ году, А. А. Одинцовъ разскажетъ намъ какъ о польскомъ возстаніи, такъ и о нѣкоторыхъ послѣдующихъ событіяхъ до начала 1840-хъ годовъ. Почтенный авторъ, имѣвшій счастье въ 1860-хъ гг. быть исполнителемъ воли Царя-Освободителя, вводившій освобожденіе крестьянъ и другія реформы Александра II-го въ одной изъ центральныхъ губерній Россіи, гдѣ онъ былъ губернаторомъ, Записки свои, писанныя въ преклонной старости, завѣщалъ

прямо „Русской Старинѣ“. Это крайне лестное для насъ явленіе не было единичнымъ. Будемъ надѣяться, что и на будущее время примѣръ Одинцова и нѣкоторыхъ другихъ лицъ не останется безъ подражанія: чѣмъ оставлять мемуары свои въ семьѣ и подвергать ихъ всевозможной случайности, всего лучше если наслѣдники составителей посмертныхъ записокъ будутъ своевременно передавать рукописи или въ извѣстныя книгохранилища, или въ редакціи историческихъ повременныхъ изданій, которыя сохранять сообщенное имъ на своихъ страницахъ ¹⁾.

Въ обзорѣваемомъ году нашими читателями весьма былъ замѣченъ „Дневникъ“ академика и профессора Александра Васильевича Никитенко († 1877 г.).

Въ обзорѣ нашего изданія 1888-го года, по поводу Записокъ Никитенко, мы подробно очертили эту высоко-нравственную личность, воспользовавшись художественной характеристикой, принадлежащей перу нашего высокоуважаемаго академика А. Ѳ. Бычкова, ближайшаго друга А. В. Никитенко. Собственно Записки А. В. Никитенко, имъ же обработанныя, заканчиваются 1825-мъ годомъ, и онѣ цѣлкомъ вошли въ „Русскую Старину“ 1888-го года. „Дневникъ“—же его есть именно та лѣтопись, по которой онъ собирался продолжать составленіе своихъ Записокъ. Смерть вырвала перо у этого даровитаго высоко-нравственнаго человѣка и пламеннаго патріота въ наилучшемъ смыслѣ этого слова; но милое семейство Никитенко свято сохранило тетради его дневника, разобрало его записки за длинный рядъ годовъ (1826—1876) и изъ этихъ книжечекъ „Дневника“ русского

¹⁾ А. В. Головининъ, баронъ Анд. Ив. Дельвицъ, П. К. Менковъ и друг. завѣщали свои мемуары и разныя матеріалы въ общественныя книгохранилища (Импер. Публичная бібліотека, Севастоп. музей и друг.), при чемъ обусловили вскрытіе этихъ бумагъ едва-ли не полувѣковыми періодами. Что извѣстные сроки для печатанія таковыхъ мемуаровъ могутъ имѣть мѣсто, это понятно, но что 50-ти лѣтній срокъ слишкомъ громаденъ—это также вѣрно. Нынѣ человѣчество живетъ съ весьма ускореннымъ пульсомъ. Пользѣнка—да вѣдь это цѣлая вѣчность! а между тѣмъ, мемуары видныхъ общественныхъ дѣятелей, жившихъ полною жизнью своего отечества, принимавшихъ въ его судьбахъ самый живой интересъ—въ своихъ связаніяхъ могутъ сохранить данныя не только интересныя, но прямо полезныя, назидательныя, прямо пригодныя къ жизни не только ихъ потомковъ, но и всего отечества, какъ назиданіе и примѣръ для нихъ. Какъ же хоронить подъ спудомъ на 50 лѣтъ подобныя мемуары!

Ред.

педагога-профессора, писателя, чиновника, цензора и всегда во всѣхъ положеніяхъ честнѣйшаго человѣка мы увидѣли въ высшей степени драгоцѣнный матеріалъ, изъ года въ годъ рисующій положеніе русскаго образованнаго общества и всего, что дѣлалось въ немъ, въ Петербургѣ, въ періодъ царствованія Николая Павловича. Въ напечатанныхъ до сихъ поръ страницахъ „Дневника“ Никитенко передалъ сказанія о 1826—1843 годахъ. Для исторіи внутренняго быта русскаго общества за время Николая I-го, для исторіи русской печати, вообще для яснаго представленія себѣ положенія русской интеллигенціи за полъ-вѣка тому назадъ, дневникъ покойнаго академика-профессора останется навсегда драгоцѣннѣйшимъ источникомъ; о степени его интереса мы судимъ по нашему собственному впечатлѣнію. Когда мы получаемъ эти тетрадки, одна за другой, отъ его уважаемой дочери Софіи Александровны (даровитой и высокообразованной труженницы въ области современной литературы), мы садимся ихъ читать не медля и, какъ говорится, проглатываемъ отъ строки до послѣдней строки, всегда сожалея, что „Дневникъ“ недостаточно подробенъ...

„Дневникъ“ другаго профессора, но не петербургскаго, а московскаго, О. М. Бодянскаго—гораздо скуднѣе, да и сама личность этого, несомнѣнно также весьма благороднаго и безупречнаго, дѣятеля была совершенно въ другомъ родѣ, нежели личность Никитенко. Тѣмъ не менѣе, и тѣ удѣлѣвшіе обрывки, которые „Русская Старина“ представила изъ „Дневника“ О. М. Бодянскаго, заставляютъ жалѣть, что невѣжество его вдовы, нынѣ покойной, а болѣе того невѣжество налетѣвшихъ на бумагу покойнаго ученаго московскихъ майлаковъ уничтожило большую часть матеріаловъ, отъ него оставшихся.

Въ обозрѣваемомъ году мы закончили печатаніемъ Записки одесскаго профессора Н. Н. Мурзакевича; онѣ оборвались почти на тѣхъ же годахъ (1848 — 1849), въ которыхъ относятся напечатанныя нами въ 1889-мъ году главы „Дневниковъ“ Никитенко и Бодянскаго. Такимъ образомъ, на страницахъ одного года „Русской Старины“ мы имѣли случай представить нашимъ читателямъ интересныя и весьма разнообразныя Записки (дневники), веденныя на сѣверѣ, въ центрѣ и на югѣ Россіи тремя профессорами: Никитенко, Бодянскимъ и Мурзакевичемъ. Все это такіе лѣтописцы русскаго образованнаго обще-

ства, лучше которыхъ едва-ли можно-бы было сыскать поль-вѣка тому назадъ на прострaнствѣ всей Россіи...

Съ большимъ удовольствіемъ мы можемъ заявить, что „Дневникъ“ А. В. Никитенко ещё долго будетъ тянуться на страницахъ „Русской Старины“, такъ какъ онъ велъ его почти до дня своей кончины въ 1877-мъ году.

Къ той же эпохѣ, царствованію Николая Павловича, обращаетъ вниманіе нашихъ читателей, въ своихъ бойкихъ и живыхъ разсказахъ, одинъ изъ современниковъ того времени, скрывающій свое имя подъ псевдонимомъ Теобальдъ. Сопоставляя эти разсказы-воспоминанія объ исторіи по поводу игрушечнаго орудія Людовика XVI-го, хранившагося въ Динабургскомъ арсеналѣ, также сказаніе его о комиссаріатскомъ дѣлѣ въ Динабургѣ 1848-го года и пр. и пр., мы нисколько не думаемъ равнять эти разсказы съ выше названными дневниками и мемуарами. Въ нашихъ глазахъ первые, въ особенности поденныя записи, несравненно драгоцѣннѣе. Очерки же, подобные разсказамъ г. Теобальда, составляемые, обыкновенно, многіе годы спустя послѣ передаваемыхъ въ нихъ событій, хотя богаты матеріаломъ, но не безъ литературныхъ прикрасъ и не безъ тѣхъ ошибокъ, въ которыя вводитъ измѣнившая память, а быть можетъ—иногда и желаніе невольное придать больше увлекательности и красоты своему изложенію; тѣмъ не менѣе, очерки г. Теобальда и подобные имъ имѣютъ не маловажный интересъ, особливо, когда принадлежатъ, какъ въ данномъ случаѣ, человѣку наблюдательному и одаренному несомнѣннымъ литературнымъ талантомъ. Тѣ ошибки фактическія, которыя могутъ въ такихъ очеркахъ попадаться, легко восстанавливаются замѣтками и поправками на основаніи подлинныхъ документовъ, что, между прочимъ, весьма обязательно сдѣлалъ, на страницахъ „Русской Старины“ обзорѣяемаго года, одинъ изъ постоянныхъ и весьма уважаемыхъ читателей этого изданія В. Д. Философовъ, который при этомъ воспользовался случаемъ очертить личность нѣкогда крупнаго, по своему положенію, лица, бывшаго военнымъ министромъ, генерала Сухозанета. А намъ лично всегда особенно пріятно останавливать вниманіе нашихъ читателей на добрыхъ качествахъ въ такихъ дѣятеляхъ, о которыхъ гораздо болѣе сложилось сказаній съ дурной ихъ стороны, нежели съ хорошей.

Однимъ изъ наиболѣ крупныхъ событій вполнѣ государственнаго значенія въ обозрѣваемой нами эпохѣ царствованія Николая Павловича было, конечно, обращеніе греко-уніатовъ въ лоно православной церкви. „Русская Старина“, неизмѣнно вѣрная одной изъ постоянныхъ своихъ задачъ — своевременно давать историческую справку, воспользовалась празднованіемъ въ Россіи полу-вѣковаго юбилея помянутаго событія и представила съ одной стороны—Записки весьма интересной личности Терлецкаго, бывшаго въ началѣ фанатическимъ миссіонеромъ греко-уніатскаго исповѣданія и кончившаго жизнь въ нашемъ и его отечествѣ, въ санѣ архимандрита. Съ другой стороны—мы представили весьма почтенный и серьезный трудъ генералъ-лейтенанта П. О. Бобровскаго, начальника военно-юридической академіи въ С.-Петербургѣ, о его дядѣ, профессорѣ бывшаго Виленскаго университета, протоіереѣ — сначала греко-уніатѣ, а потомъ православномъ—М. К. Бобровскомъ; этотъ послѣдній, въ свое время (въ 1820—1848 гг.), стяжалъ большую извѣстность какъ ученый слава, внесшій многое въ науку славяновѣднія.

Образованіе молодаго поколѣнія—вопросъ, который всегда будетъ близокъ всему русскому обществу, а особенно близко къ интересамъ этого общества все, что относится до высшихъ разсадниковъ просвѣщенія народнаго, до университетовъ въ нашемъ отечествѣ,—вотъ почему свѣтлые и тяжелые дни въ быту университетовъ одинаково вызываютъ вниманіе ревнителей просвѣщенія. Цѣлый рядъ тяжелыхъ дней въ жизни Казанскаго университета весьма подробно обозрѣлъ въ своихъ сказаніяхъ профессоръ Н. А. Фирсовъ и бывший попечитель Казанскаго учебнаго округа, почетный членъ тамошняго университета, П. Д. Шестаковъ. Первый изложилъ подробности такъ называемыхъ исторій въ быту Казанскаго университета, за время съ 1855 по 1863 годъ, совершенно объективно, на основаніи подлинныхъ архивныхъ дѣлъ; второй, потому ли, что событія гораздо ближе къ намъ, а именно относятся къ 1882 году, или потому, что въ его сердцѣ еще не остыла горечь вынесенныхъ имъ впечатлѣній, но изложилъ событія съ болѣ субъективной точки зрѣнія, но и тотъ и другой сохранили для исторіи нашего просвѣщенія весьма полезныя историческія данныя. Особенно поучительно сказаніе П. Д. Шестакова, какъ человѣка, весьма долго стоявшаго у власти, близкаго

къ одному изъ источниковъ этой власти М. Н. Каткову и чело­вѣку несомнѣнно имѣвшему вліятельное положеніе въ бывшемъ министерствѣ народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстаго.

Въ архивѣ редакціи „Русской Старины“ мы имѣемъ еще интересныя воспоминанія П. Д. Шестакова, которыми не пре­нимемъ подѣлиться съ читателями нашего изданія.

Въ „Русской Старинѣ“ 1888 года мы впервые дали мѣсто на страницахъ нашего изданія воспоминаніямъ весьма извѣстнаго отечественнаго художника-живописца Василя Васильевича Ве­рещагина. Въ обзорѣваемомъ же 1889 году „Русская Старина“ представила самые разнообразныя очерки того же гениальнаго художника; мы печатали ихъ чуть ли ни въ каждой книгѣ. Чи­татель, конечно, согласится съ нами, что живость и яркость кра­сокъ Верещагина-рассказчика не уступаетъ живости и ярко­сти красокъ Верещагина-художника живописца. Но есть въ немъ и въ его приемахъ рассказчика нѣкоторыя особенности, которыя вызываютъ неудовольствіе нѣкоторыхъ читателей: чело­вѣкъ, болѣе чѣмъ независимый, совершенно самостоятельный, знающій себѣ пѣню и, быть можетъ, даже слишкомъ хорошо ее знающій, В. В. Верещагинъ не стѣсняется въ своихъ приговорахъ и отзы­вается о событіяхъ и характеризуетъ лица такъ, какъ они ему представляются, и излагаетъ событія не тѣмъ стилемъ, къ которому привыкли русскіе читатели; но тѣмъ ярче особен­ности его дарованія и тѣмъ болѣе „Русская Старина“ дорожить его разсказами, такъ какъ они представляютъ живой интересъ не только по отношенію къ излагаемымъ Васи­лемъ Васильевичемъ событіямъ, но, такъ сказать, интересъ по отношенію къ его непосредственно личности, — а личность его, несомнѣнно, стоитъ на той высотѣ, на которой находятся тѣ немногіе отечественные дѣятели, которые составляютъ и составятъ славу и гордость Россіи. Вы можете любить или не любить и даже просто ненави­дѣть В. В. Верещагина, вы можете осypать его какими угодно эпитетами и, въ концѣ концовъ, въ душѣ своей не можете не признать, что онъ мощнымъ своимъ дарованіемъ отвелъ себѣ такое мѣсто, на которомъ стоятъ самые знаменитые отечествен­ные дѣятели, и какъ носитель русской славы и русскаго генія не только въ отечествѣ своемъ, но и далеко за его предѣлами всюду, гдѣ только появлялись его картины, В. В. Верещагинъ

долженъ быть дорогъ каждому русскому, который любитъ свое отечество и гордится лучшими сынами Россіи. И нами руководить, въ данномъ случаѣ, вовсе не какое либо дружеское лицепріятіе по отношенію къ Верещагину, тѣмъ болѣе, что мы и не причисляемъ себя не только въ его друзьямъ, но и даже къ близкимъ его знакомымъ, встрѣчавшимся съ нимъ лишь пять—шесть не болѣе разъ; но цѣнить его мы всегда будемъ и цѣнить высоко, и въ этомъ будемъ лишь повторять голосъ всего безпристрастнаго русскаго общества.

Возвращаясь къ разсказамъ, воспоминаніямъ, очеркамъ и замѣткамъ Василя Васильевича Верещагина, мы должны признать, что при всѣхъ могущихъ быть невольныхъ, повторяемъ—невольныхъ, ошибкахъ и увлеченіяхъ его, какъ разсказчика, за нимъ, Верещагинимъ, остается несомнѣнное, если не ошибаемся даже критикой признанное, большое литературное дарованіе, большая наблюдательность, мѣткость и яркость характеристикъ, лицъ и событій, а то, что инымъ кажется въ немъ какимъ-то бахвальствомъ, то является простотою манерою изложенія, къ которой не совсѣмъ пріобыла наша читающая публика, а въ особенности не привыкли тѣ, которые полагаютъ, что о крупныхъ лицахъ и крупныхъ событіяхъ надо говорить съ какою-то особою выдѣланною манерою, а не съ тою искренностью и простотою, какъ Богъ кладетъ на душу и какъ эта душа вполне жизненно откликается на все пережитое, передуманное и переживутое.

II.

Въ отдѣлѣ историческихъ изслѣдованій, монографій, „Русская Старина“ 1889 года можетъ указать на новую главу, относящуюся до эпохи заключенія Тильзитскаго міра, обширнаго изслѣдованія извѣстнаго военнаго писателя-историка Н. К. Шильдера.

Даровитый исторіографъ, какъ извѣстно, предпринялъ обширный трудъ исторіи Александра I вообще и въ особенности исторіи внѣшнихъ сношеній нашего отечества эпохи 1801—1825 годовъ; трудъ этотъ Н. К. Шильдеръ составляетъ въ теченіи уже нѣсколькихъ лѣтъ, имѣя доступъ во всѣ архивы и книгохранилища; при этомъ, не довольствуясь изысканіями въ отечественныхъ

архивахъ, Н. К. Шильдеръ обращается за источниками и въ архивы государствъ иностранныхъ, почему изслѣдованіе его, въ особенности при его служебныхъ еще занятіяхъ (онъ занимаетъ высокій постъ начальника инженернаго училища и академіи), не позволяетъ ему такъ скоро исполнить свою интересную историческую работу, какъ то было бы желательно.

Изслѣдованіе Н. К. Шильдера давно уже обратило вниманіе на себя нашихъ читателей тщательной, вполне критической, обработкой вновь открываемыхъ имъ данныхъ и тѣмъ своеобразнымъ освѣщеніемъ, какое онъ даетъ всей изслѣдуемой имъ эпохѣ и главнѣйшимъ дѣятелямъ того времени. Вообще, если о какомъ трудѣ можно сказать съ чувствомъ полной справедливости, что онъ является новымъ драгоценнымъ вкладомъ въ науку отечественной исторіи, то это именно о трудѣ Николая Карловича Шильдера, съ первыми главами котораго уже знакомы читатели „Русской Старины“.

Въ главѣ, помѣщенной въ „Русской Старинѣ“ 1889-го года, историкъ сгруппировалъ малѣйшія черты событій, разыгравшихся въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ 1807-го года на берегахъ и на самой рѣкѣ Нѣманѣ,—событій, заключившихся знаменитымъ Тильзитскимъ миромъ, каковой договоръ сознательно и бессознательно всячески зачерненъ нашими сосѣдями-нѣмцами и недалновидными отечественными писателями, повторявшими то, что указывали имъ нѣмецкіе наши менторы. Повторяемъ, подробности Тильзитскаго мира и характеристики наиболѣе видныхъ дѣятелей, въ немъ участвовавшихъ, изложены Н. К. Шильдеромъ интересно и вполне въ новомъ и весьма яркомъ освѣщеніи.

Ко времени, изслѣдуемому Н. К. Шильдеромъ, относится также предметъ монографіи знаменитѣйшаго европейскаго историка Генриха Вебера. Мы лично познакомились съ нимъ весной 1887-го года, въ Гейдельбергѣ, лишь за годъ до его кончины, и крайне сожалѣемъ, что удовлетворились только первой монографіей, имъ для насъ составленной: „Объ отношеніяхъ Пруссіи къ Россіи въ началѣ царствованія императора Александра Павловича“. Маститый старецъ, въ дни нашего знакомства бывший еще вполне бодрымъ, предлагалъ намъ продолженіе своего перваго сообщенія, но мы, занятые возвращеніемъ на родину, а затѣмъ и первыми хлопотами, которыя встрѣтили здѣсь послѣ цѣлаго года

отсутствія изъ С.-Петербурга, не отвѣтили своевременно на предложеніе славнаго историка, а между тѣмъ, смерть уже стояла за знаменитымъ Веберомъ и уложила маститаго 82-хъ-лѣтняго старца въ могилу...

Другія изслѣдованія, представленныя нами въ обозрѣваемомъ году, имѣютъ характеръ историко-біографическихъ очерковъ, нерѣдко, впрочемъ, довольно обширныхъ. Такъ, по собраннмъ въ теченіи болѣе 20-ти лѣтъ всевозможнымъ бумагамъ, относящимся до Гавріила Степановича Батенкова, „Русская Старина“ представила весьма обстоятельный очеркъ его многострадальной жизни. Сподвижникъ Сперанскаго въ его реформахъ въ Сибири, въ 1820-хъ годахъ, временно приближенный Аракчееву, который, однако, быстро охладѣлъ къ Гавріилу Степановичу, такъ какъ не выносилъ ума, дарованія, и въ особенности не терпѣлъ самостоятельности мнѣній, а требовалъ лишь приниженности, холопскихъ къ себѣ отношеній, — Батенковъ весьма выдѣлялся въ служиломъ русскомъ обществѣ первой четверти текущаго столѣтія. Оскорбленное-ли самолюбіе, голосъ-ли честолюбія и сознанія своихъ способностей, не находившихъ надлежащаго удовлетворенія, что бы то ни было, но Батенковъ примкнулъ къ „Сѣверному“ тайному обществу, впоследствии къ таемъ-называемымъ „декабристамъ“, и испилъ съ ними чашу страданій; испитая имъ чаша была, впрочемъ, преисполнена такой горечи, что невозможно представить себѣ, какъ природа человѣка могла выдержать то, что вынесъ этотъ весьма умный, весьма образованный русскій дѣятель; заключенный въ Швардгольмъ, одной изъ финляндскихъ крѣпостей, а затѣмъ погребенный въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости, Г. С. Батенковъ не выходилъ на свѣтъ Божій почти 20 лѣтъ, что составляетъ не менѣе $\frac{1}{3}$ нормальной жизни человѣка; провѣтренный затѣмъ ссылкой въ Сибирь, Батенковъ настолько сохранилъ свѣжесть ума и свои прекрасныя способности, что нашелъ въ своемъ сердцѣ самый живой и самый искренній откликъ на великія реформы своего освободителя—императора Александра II-го. Въ напечатанныхъ нами многочисленныхъ письмахъ и замѣткахъ Батенкова, вполне достойнаго человѣка, слышатся сердечныя, глубокой искренности, привѣты наставшей эрѣ освобожденія русскаго народа отъ многовѣковаго рабства, т. е. исполненія того, о чемъ такъ мечталъ и

что такъ пламенно желалъ Батенковъ и его товарищи по декабрю 1825-го года.

Кстати отмѣтимъ, что подобно тому, какъ мы собрали матеріалъ о Батенковѣ, точно также, еще въ бѣльшемъ количествѣ, скопился въ архивѣ „Русской Старины“ матеріалъ о другихъ современныхъ ему дѣятеляхъ, напр., особенно интересные матеріалы о графѣ Алексѣѣ Андреевичѣ Аракчеевѣ. Мы имѣемъ массу собственноручнаго и самаго разнообразнаго матеріала, принадлежавшаго самому Аракчееву: это замѣтки его и обширныя собранія его писемъ къ лицамъ весьма разнообразныхъ положеній въ современномъ ему обществѣ. Эти безграмотныя, сквернѣйшимъ почеркомъ написанныя, записочки, письма, цѣлыя посланія всеяльнаго временщика вводятъ въ самую глубину и въ сокровеннѣйшіе изгибы его черстваго, всегда злаго, сердца. Матеріалъ этотъ мы, всеконечно, не оставимъ безъ вниманія и въ связномъ очеркѣ представимъ, со временемъ, читателямъ „Русской Старины“.

А вотъ, подлѣ задумчиваго и многострадальнаго Батенкова поднимается, на страницахъ обозрѣваемаго года „Русской Старины“, личность рыцарская въ полномъ смыслѣ этого слова—генералъ Багговутъ, открытое, благородное чело котораго, перетянутое золотымъ обручемъ, еще свѣжо въ памяти многихъ обитателей Петербурга, въ которомъ провелъ послѣдніе годы славный побѣдитель турокъ при Башкадыкларѣ 1853-го года. Очеркъ боевой жизни Багговута и мѣткая его характеристика сообщены намъ даровитымъ писателемъ-публицистомъ Г. К. Градовскимъ.

Обширный и весьма обстоятельный трудъ историко-біографическаго характера и значенія посвященъ въ обозрѣваемомъ году непосредственному покорителю Кавказа, графу Николаю Ивановичу Евдокимову. Эта личность долго стояла въ тѣни, теряя въ лучахъ славы баловня фортуны, князя Александра Ивановича Барятинскаго, хотя Барятинскій съ большимъ умомъ и благородствомъ, отличавшими этого человѣка, всячески выдвигалъ своего сподвижника и не смотря на ропотъ нѣкоторой части русской аристократіи, выдвинулъ почти простаго русскаго солдата на высокую степень титулованной аристократіи Россійской имперіи, тѣмъ не менѣе, повторяю, такъ какъ жизнь Николая Ива-

новича Евдокимова не была еще подвергнута подробной обстоятельной разработкѣ, то личность эта не только была въ тѣни, но продолжала служить предметомъ сплетенъ и инсинуацій, на которыя такъ тароваты современники, главнымъ образомъ, завистники.

Счастливымъ случай далъ намъ возможность остановиться на этомъ, прямо сказать, необыкновенномъ самородкѣ, кавказскомъ воинѣ, со славою заключившимъ кровавую эпопею борьбы Россіи съ хищническими горскими племенами. Мы получили весь собственный архивъ графа Николая Ивановича Евдокимова отъ его достойнѣйшей вдовы, которая, какъ и подобаетъ, благоговѣнно чтитъ память своего супруга. Разработку этого архива, въ связи съ другими не изданными и изданными источниками, весьма обязательно принялъ на себя извѣстный военный писатель генераль штаба И. И. Ореусъ; конечно, читатели замѣтили, что въ этомъ обширномъ и почтенномъ трудѣ, при спокойномъ и обстоятельномъ изложеніи, личность Евдокимова, какъ и вся его дѣятельность получили надлежащее освѣщеніе и исполнѣ безпристрастную критическую оцѣнку. Евдокимову окончательно отведено подобающее мѣсто въ пантеонѣ людей, оказавшихъ громадную заслугу нашему отечеству и благодарному русскому народу. Остается отнынѣ поставить въ покоренномъ умомъ и дарованіемъ Евдокимова край надлежащій памятникъ ему, какъ покорителю Кавказа. причемъ, конечно, должно также явиться бронзовое изваяніе и баловня счастья—князя А. И. Барятинскаго.

Эпоха севастопольскаго сидѣнія, конечно, на весьма еще долгое время, послужитъ источникомъ нескончаемыхъ о ней сказаній. „Русская Старина“, въ теченіе двадцати лѣтъ своего изданія, представила такихъ уже весьма много въ формѣ записокъ, сказаній, очерковъ, дневниковъ, замѣтокъ, документовъ и проч. и проч. Въ обозрѣваемомъ году эта эпоха воскресла подъ перомъ знаменитаго профессора-хирурга Х. Я. Гюббенета, въ замѣткахъ, доселѣ не изданныхъ и сохранившихся въ его запискахъ, нѣкоторыя лишь части которыхъ были напечатаны въ приложеніяхъ къ извѣстному труду Тотлебена „О севастопольской осадѣ“. Въ замѣткахъ покойнаго Гюббенета ярко рисуется прежде всего личность самого благороднаго дѣтеля науки, какимъ былъ Х. Я., самоотверженный, съ опасностью

собственной жизни трудившійся на стогнахъ многострадальнаго Севастополя. При томъ въ этихъ же замѣткахъ, весьма обязательно сообщенныхъ намъ его братьями, находятся новые штрихи для обрисовки личностей, особенно выдающихся на общемъ фонѣ громаднаго тысячами снарядовъ Севастополя. Тутъ же, подлѣ этихъ записокъ, читатели, конечно, замѣтили записную книжку адмирала Павла Степановича Нахимова; при всемъ ея лаконизмѣ, она драгоцѣнна, потому что отъ нея еще, такъ сказать, отдаетъ порохомъ, въ облакахъ котораго велись эти записи; она напоминаетъ намъ этого чисто-русскаго героя въ самомъ высшемъ смыслѣ этого слова, столь же скромнаго, столь же простодушнаго и прекраснодушнаго, сколь великаго по беззавѣтной преданности своей отечеству и государю, за которыхъ онъ сложилъ свою честную голову.

Независимо отъ крупныхъ героическихъ фигуръ — вождей-севастопольскаго гарнизона, были тысячи маленькихъ, не рѣдко безвѣстныхъ героевъ, которые, однако, ежеминутно рисковали жизнью, отдавая ее за горячо любимую отчизну!

Эти маленькіе люди также близки и дороги „Русской Старинѣ“, какъ и великіе наши соотечественники, — вотъ почему на страницахъ нашего журнала мы всегда съ удовольствіемъ отводимъ мѣсто и второстепеннымъ или третьестепеннымъ, по своему положенію и значенію, отечественнымъ дѣятелямъ. Читатели, конечно, замѣтили очерки и характеристики такъ называемыхъ севастопольскихъ ординарцевъ знаменитаго генерала Хрулева.

12-го декабря 1888 года, далеко за рубежемъ нашего отечества, угасла жизнь не только нѣкогда военачальника и вождя, но и замѣчательнаго государственнаго человѣка — графа Михаила Таріеловича Лорисъ-Меликова. Его памяти намъ удалось посвятить начало прерваннаго, какъ говорится, по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ, очерка о достопамятнѣйшемъ годѣ въ жизни Лорисъ-Меликова; но въ этомъ-же, 1889-мъ, году мы помѣстили вполнѣ цѣльный и законченный очеркъ знаменитаго русскаго врача и друга покойнаго Лорисъ-Меликова Н. А. Бѣлоголоваго. Обѣ эти статьи составятъ, безъ сомнѣнія, весьма важный матеріалъ для будущаго біографа графа М. Т. Лорисъ-Меликова, когда и эта въ высокой степени симпатичная, рыцарски благородная личность, а равно и событія, въ которыхъ довелось ему быть дѣятелемъ, отойдутъ отъ насъ, его современниковъ, на историческую давность,

стихнуть страсти, потухнуть возбужденныя имъ, разнообразныя чувства и какъ его личности, такъ и его дѣянiямъ отведено будетъ подобающее мѣсто въ общемъ изложенiи событiй великой эпохи императора Александра-Освободителя. Для насъ современниковъ останется лишь навсегда несомнѣннымъ тотъ фактъ, что по государственнымъ заслугамъ Лор.-Меликова, какъ покорителя громадной области Закавказскаго края, какъ чрезвычайно умнаго вождя доблестнаго русскаго войска, умѣвшаго пользоваться дарованiями своихъ боевыхъ сподвижниковъ по Кавказу, затѣмъ какъ чело-вѣка едва ли не впервые среди русскихъ государственныхъ людей сдѣлавшаго попытку обратиться къ общественнымъ силамъ и привлечь ихъ къ общей заботѣ въ борьбѣ съ снѣдавшимъ Россiю внутреннимъ зломъ, наконецъ, какъ чело-вѣка замѣчательно гуманнаго, чело-вѣка самаго добраго и благороднаго сердца, — графъ Михаилъ Тарiеловичъ Лорисъ-Меликовъ останется незабвеннымъ.

Говорять, что Лорисъ-Меликовъ не оставилъ никакихъ записокъ.

Угасая подъ прекраснымъ небомъ Ниццы, онъ, однако, писалъ ихъ какъ тамъ, такъ и въ Швейцарiи. Еще въ 1887 году, въ iюль мѣсяцѣ, въ бытность М. Т. въ Швейцарiи, въ Веве, когда мы посѣтили его, онъ намъ читалъ нѣкоторыя превосходныя страницы изъ его кавказскихъ воспоминанiй. Жаль, если все это погибло въ той истомѣ и въ той сутолокѣ, какая обыкновенно овладѣваетъ близкими къ умирающему людьми, особенно, когда въ лицѣ умирающаго нисходитъ въ могилу такая высокая и прекрасная личность, какою былъ графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ. Тутъ для близкихъ лицъ — горю нѣтъ предѣловъ, и воплѣ извинительны тѣ утраты, какими сопровождаются эти событiя.

Съ обычнымъ безпристрастiемъ давая характеристики нашимъ общественнымъ и государственнымъ дѣятелей, на различныхъ поприщахъ служенiя отечеству, мы представили въ обзорѣе-момъ году, и представили съ большимъ удовольствiемъ, смѣемъ думать, полную и вѣрную характеристику личности и государственной дѣятельности Михаила Христофоровича Рейтерна, слава Богу еще здравствующаго, но, за ослабленiемъ зрѣнiя, отошедшаго отъ болѣе дѣятельной государственной службы. Его дѣятельности Россiя весьма много обязана какъ за участiе въ великой крестьянской реформѣ 19-го февраля 1861 года, такъ и тѣмъ, что.

со времени бытности М. Х. Рейтерна министромъ финансовъ, Россія покрыта сѣтью желѣзныхъ дорогъ и сѣтью банковыхъ и кредитныхъ учрежденій, вызвавшихъ къ жизни громаднѣйшія производительныя силы русскаго государства и сопровождавшихся полнымъ оживленіемъ промышленности и торговли.

Группа дѣятелей, прославившихъ себя ближайшимъ и непосредственнымъ участіемъ въ трудахъ по освобожденію крестьянъ, участіемъ въ высшихъ законодательныхъ работахъ по этой реформѣ, потерявшая уже болѣе половины этихъ участниковъ, въ обзорѣваемомъ году лишилась двухъ, особенно замѣчательныхъ своихъ членовъ, — мы говоримъ о Константинѣ Ивановичѣ Домонтовичѣ и Маркѣ Николаевичѣ Любоцинскомъ. О первомъ изъ нихъ мы представили очеркъ настолько, полагаемъ, содержательный, что читатели вполне могли воскресить предъ собой и сохранить въ своей памяти этого честнаго, благороднаго и въ высшей степени трудолюбиваго государственнаго дѣятеля, одного изъ сподвижниковъ Царя-Освободителя.

О Маркѣ Николаевичѣ Любоцинскомъ мы, къ величайшему сожалѣнію, до сихъ поръ не представили еще очерка и характеристики, но сдѣлаемъ это со временемъ тѣмъ охотнѣе, что также имѣли истинное удовольствіе знать этого благороднѣйшаго чловѣка, сослужившаго большую службу Россіи не только въ великой крестьянской реформѣ, но въ особенности въ не менѣе великой реформѣ судебной. При томъ, этотъ чловѣкъ вызывалъ всеобщія къ себѣ симпатіи по своему свѣтлому уму и вполне сердечному характеру; онъ принималъ чрезвычайно живо въ своему сердцу всѣ общественные интересы русскаго народа и переживалъ съ русскимъ образованнымъ обществомъ всѣ его радости и длинный рядъ его невзгодъ и печалей; неизмѣннымъ остался Любоцинскій, такимъ же по своимъ симпатіямъ и антипатіямъ, какимъ былъ и въ годы его молодости и, въ его далеко еще не преклонной старости, когда онъ уже занималъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, видное мѣсто въ государственномъ совѣтѣ, съ большой пользою для законодательныхъ трудовъ, въ этомъ совѣтѣ выполняющихся.

Въ концѣ 1889-го года должна была явиться въ свѣтъ обширная біографія Н. М. Пржевальскаго, составленная почтеннымъ академикомъ и извѣстнымъ историческимъ писателемъ

Н. Ѳ. Дубровинимъ. Для этого обширнаго труда собрано, трудами друзей покойнаго, и въ особенности его горячимъ почитателемъ и другомъ, генераломъ Фельдманомъ, масса драгоценнаго матеріала, главнымъ образомъ, состоящаго въ большомъ собраніи писемъ покойнаго путешественника и воспоминаній о немъ его товарищей, друзей и знакомыхъ. Съ общимъ характеромъ изложенія, а также и съ интересомъ этого труда мы познакомили нашихъ читателей, представя въ обозрѣваемомъ году главы изъ біографіи, относящіяся до дѣтства, юности и до первыхъ лѣтъ службы Пржевальскаго, до отъѣзда его въ Сибирь, т. е. до того момента, когда онъ выступилъ какъ путешественникъ, прославившій и себя и Россію своими изысканіями и открытіями въ недоступныхъ до него частяхъ центральной Азіи.

III.

Отечественная словесность, литература, въ лучшихъ ея представителяхъ постоянно, въ теченіи двадцати лѣтъ, занимаетъ „Русскую Старину“, и одна изъ задачъ нашего изданія есть—собираніе и сохраненіе, на ея страницахъ, возможно большаго матеріала для жизнеописаній и характеристикъ какъ лицъ, такъ и оцѣнки литературной дѣятельности отечественныхъ писателей: какъ первостепенныхъ, такъ и ихъ созвѣздіи. Въ выполненіе этой задачи „Русская Старина“ 1889-го года представила весьма длинный рядъ статей, очерковъ, замѣтокъ, писемъ и, наконецъ, даже поэтическихъ произведеній.

А. С. Пушкинъ, М. Ю. Лермонтовъ, Н. В. Гоголь— вновь явились въ „Русской Старинѣ“ въ ихъ интересныя письмахъ; О. И. Сенковскій, пресловутый Брамбеусъ, человекъ большаго ума и дарованій, но заслуги котораго далеко не всё положительнаго свойства въ исторіи отечественной словесности, и онъ предсталъ предъ нашими читателями въ весьма интересной, самой интимной, его корреспонденціи, ярко обрисовавшей его и нравы современнаго ему литературнаго міра.

П. А. Ѳедотовъ — живописецъ, жанристъ и поэтъ, Л. А. Мей, Н. Ѳ. Павловъ, И. С. Тургеневъ — представшій предъ нами въ характерныхъ, хотя нѣсколько краткихъ, воспоминаніяхъ Н. А. Огаревой-Тучковой, А. И. Герценъ, явившійся въ

его собственныхъ своеобразныхъ замѣткахъ по разнымъ вопросамъ, а также въ его забытой, но весьма интересной повѣсти „Сорока-воровка“, напечатанной нами по подлинной рукописи этого въ высшей степени даровитаго публициста и беллетриста. Длинный рядъ стихотвореній Н. П. Огарева, относящихся къ раннему періоду его литературной дѣятельности,—стихотвореній, далеко еще не обработанныхъ и не столь интересныхъ по ихъ поэтическому замыслу и формѣ, сколько по тому автобиографическому значенію, каковое этотъ матеріалъ имѣетъ для характеристики этого человѣка, по своему дарованію (какъ поэтъ русскій) занимающаго довольно видное мѣсто въ ряду отечественныхъ писателей 1840 — 1850-хъ годовъ. Н. А. Некрасовъ, Ф. М. Достоевскій, Т. П. Пассекъ, М. Е. Салтыковъ, А. А. Краевскій, Ф. И. Буслаевъ, Василій Ив. Семевскій—докторъ русской исторіи, Н. Г. Чернышевскій, И. А. Гончаровъ, графъ Л. Н. Толстой, О. Ф. Миллеръ, Стоюнинъ, Гердъ, Водовозовъ, наконецъ А. Ф. Писемскій,—вотъ какой длинный рядъ лицъ, которыхъ воснула „Русская Старина“ 1889-го года, представивъ или письма подлинныя нѣкоторыхъ изъ этихъ литературныхъ дѣятелей, или некрологи тѣхъ изъ нихъ, которые, въ великому сожалѣнію русскаго общества, въ обзорѣваемомъ году отошли въ иной міръ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія, гдѣ нѣтъ и „независящихъ отъ сочинителей и редакторовъ обстоятельствъ“,—или въ литературныхъ очеркахъ и характеристикахъ, какъ напр., о Гончаровѣ и графѣ Л. Толстомъ, начертанныхъ рукою одного изъ симпатичнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей и любимѣйшихъ профессоровъ въ позднѣйшій періодъ петербургскаго университета—О. Ф. Миллеромъ; дописавъ помянутыя характеристики, онъ самъ неожиданно и къ общему горю всѣхъ лицъ, его знавшихъ, внезапно скончался; или, наконецъ, въ стихотвореніяхъ, посвященныхъ памяти нѣкоторыхъ изъ умершихъ поименованныхъ выше дѣятелей.

Наконецъ, въ нынѣшнемъ обзорѣваемомъ году „Русская Старина“ имѣла случай представить и представила весьма интересныя изслѣдованія по отношенію къ одному изъ самыхъ замѣчательныхъ драматическихъ произведеній отечественнаго театра,—мы говоримъ о „Горькой судьбинѣ“ А. Ф. Писемскаго. г. И. Миловидовъ, членъ Костромской ученой архивной комиссіи, напечаталъ у насъ изслѣдованіе, по подлиннымъ дѣламъ ста-

раго суда, о тѣхъ уголовныхъ событіяхъ, которыя легли основою превосходной, прямо народной, драмы Писемскаго: „Горькая Судьбина“.

IV.

Въ области искусствъ въ Россіи наше изданіе дало въ 1889 г. нѣсколько матеріаловъ оживившихъ предъ нами память Верстовскаго, В. А. Каратыгина, М. С. Щепкина, дорогаго нашего сотрудника и всѣми любимаго при жизни патріарха современной русской драматической труппы Л. Л. Леонидова, М. И. Глинки и Крамскаго. Но, въ особенности, и конечно навсегда останутся чрезвычайно важнымъ вкладомъ въ исторію отечественнаго искусства обширныя воспоминанія-автобіографія Антона Григорьевича Рубинштейна—явившаяся въ обзорѣваемомъ году на страницахъ „Русской Старины“; эта автобіографія, по богатству своего содержанія, живости и образности ея изложенія, а прежде всего потому, что она исходитъ непосредственно отъ личности, именемъ и славою своего великаго дарованія и творчества занявшей первое мѣсто въ области музыкальнаго искусства всего современнаго міра — Записки А. Г. Рубинштейна навсегда останутся драгоценнѣйшимъ украшеніемъ „Русской Старины“; однопоявленіе ихъ на страницахъ нашего изданія миритъ насъ съ тѣми невзгодами и съ тѣми грустными днями, въ горы выпадаютъ иногда на долю каждаго общественнаго дѣятеля, и которыхъ немало было и у насъ пережито въ 1889-мъ году — двадцатомъ году — нашей издательской дѣятельности.

Переходя въ 21-й годъ этой дѣятельности, въ періодъ, когда каждый человѣкъ вступаетъ въ полное обладаніе своихъ гражданскихъ правъ, будемъ надѣяться, что „Русская Старина“ своимъ спокойнымъ, безстрастнымъ и честнымъ отношеніемъ къ отправленію лежащихъ на ней, по отношенію къ отечественной исторіи и исторіи русскихъ литературы и искусствъ, обязанностей, будетъ пользоваться правомъ продолжать свое дѣло спокойно безъ тяжелыхъ дней ¹⁾).

¹⁾ Къ числу горькихъ дней мы относимъ тѣ утраты, которыя, увы, несетъ и «Русская Старина» (всѣ подъ Богомъ ходимъ!). Изъ напечатанныхъ уже

V.

При выборѣ портретовъ, которыми украшаемъ мы наше изданіе съ самаго его основанія, мы руководствуемся тѣми же основными принципами, какими руководствовались съ самаго начала: давать портреты лицъ дѣйствительно достопамятныхъ, причѣмъ портреты должны отличаться полнымъ сходствомъ и быть исполненными дѣйствительно лучшими нашими художниками. Въ этомъ ряду портретовъ въ 1889-мъ году „Русская Старина“ представила весьма интересное изображеніе Михаила Трофимовича Каченовскаго, весьма заслуженнаго труженика на нивѣ отечественной исторіи, профессора, въ теченіи многихъ лѣтъ бывшаго редакторомъ-издателемъ журнала „Вѣстникъ Европы“, А. А. Бестужева (Марлинскаго), Г. С. Батенкова, А. В. Никитенко — академика профессора; статсъ-секретаря М. К. Рейтерна, адмирала И. А. Шестакова, М. Е. Салтыкова, И. А. Гончарова, графа Л. Н. Толстаго, К. И. Домонтовича, знаменитаго въ свое время ученаго слависта и профессора М. К. Бобровскаго, наконецъ нашъ современный великій музыкальный художникъ и композиторъ А. Г. Рубинштейнъ — явился въ „Русской Старинѣ“ 1889 г. въ двухъ портретахъ: 15-ти и 59-ти лѣтнихъ возрастовъ.

Въ подлежащихъ случаяхъ нѣкоторые изъ статей истекшаго года сопровождались чертежами-рисунками и планами, а также автографами, таковы статья: А. Н. Труворова, Л. Н. Соболева и знаменитаго историка Георга Вебера.

Не безъ удовольствія отмѣтимъ, что хотя въ послѣдніе годы гравюра на мѣди совершенно исчезаетъ изъ употребленія въ русскихъ повременныхъ изданіяхъ, тѣмъ не менѣе „Русская Старина“ все еще сохраняетъ дорого стоящую гравюру на мѣди, какъ самый лучший видъ художественнаго воспроизведенія портретовъ: въ обозрѣваемомъ году мы дали такихъ гравюръ на мѣди пять.

въ ея книгахъ статей, мемуаровъ и матеріаловъ, въ обозрѣваемомъ году она лишилась не мало страницъ изъ записокъ А. М. Тургенева, нѣкоторые письма Л. В. Дубельта (думалъ-ли покойникъ, что онъ окажется непропускаемымъ!) и цѣлый очеркъ изъ жизни гр. М. Т. Лорисъ-Меликова. Ред.

VI.

Библиографическій листокъ нашъ былъ, какъ и прежде, весьма сжатъ тѣми узкими рамками, въ которыхъ „Русская Старина“ только и имѣетъ возможность давать отзывы о разныхъ новостяхъ въ области литературы отечественной исторіи и словесности. Мы представили, тѣмъ не менѣе, отзывы почти о 70 новыхъ книгахъ и изданіяхъ, при чемъ старались, какъ и прежде, обращать вниманіе читающаго общества именно на изданія въ какомъ либо отношеніи особенно замѣчательныя; мы имѣемъ вообще обыкновеніе говорить только о книгахъ хорошихъ и постоянно сожалѣемъ, что еще многое изъ хорошаго остается безъ нашего отзыва, такъ какъ ни мѣсто, ни время не позволяютъ намъ давать отчеты о всемъ, что доводится намъ читать хорошаго по нашей отечественной современной литературѣ въ области какъ исторіи, такъ и словесности.

Мих. Из. Семеновскій,
издатель-редакторъ «Русской Старины».

Списокъ лицъ, сообщившихъ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» истори-
ческіе или историко-литературныя статьи и матеріалы

въ 1870—1889 гг.

[по 24-ое ноября 1889 г.].

Н. В. Аароновъ,—Абаза,—Л. В. Абашкинъ,—Р. В. Авдѣевъ,—В. П. Аве-
нарійусъ,—Н. П. Авенарійусъ,—Д. В. Аверкіевъ,—И. П. Аврамовъ,—Ага-бекъ-
Гасабовъ,—П. Агапѣевъ,—Агафоновъ,—Н. Агафоновъ,—Агентовъ,—О. Х.
Агренева-Славянская,—Д. А. Агреневъ-Славянской,—А. Агрономовъ,—Ада-
сова,—А. А. Адянцовъ,—М. П. Азанчевскій,—проф. И. К. Айвазовскій,—
Аксаковъ,—Аксюкъ, вдова,—П. В. Алабинъ,—С. И. Аландскій,—М. А.
Албычевъ,—М. Александровъ,—А. Е. Алекторовъ,—К. Алмазовъ,—А. А.
Алферовъ,—А. Н. Альмеднигенъ,—В. А. Альфонскій,—игуменъ Амвросій,—
И. М. Амелицкій,—Е. Н. Аммонъ,—еписк. Амфилохій,—А. И. Анастасіевъ,—
И. Андовскій,—директоръ археолог. института профес. И. Е. Андреевскій,—
В. Андреевъ,—П. П. Андросовъ,—Х. К. Андреевъ,—Анненковъ,—І. В. Анто-
новъ,—Ш. А. Антоновъ,—А. А. Ануфьевъ,—Д. Анучинъ,—Д. Г. Анучинъ,—
А. Апраксинъ,—графъ С. А. Апраксинъ,—Е. А. Арапова,—Н. А. Аргиллан-
деръ,—И. А. Аренсъ,—С. Аренсъ,—Аркадѣевъ,—М. П. Арнольди,—О. Е. Ар-
нольди,—епископъ Арсеній,—Ф. А. Арсеньевъ,—К. К. Арсеньевъ,—профес.
Н. А. Астафьевъ,—Арнинъ,—В. А. Арцимовичъ,—И. Арцимовичъ,—А. Ф.
Арцишевскій,—П. Я. Аршеневскій,—Т. В. Астаховъ,—В. Асташевъ,—Астра-
кова,—Г. Афанасьевъ,—Н. П. Ахвердовъ,—Д. Д. Ахшармовъ,—А. Ю. Аше-
бергъ,—фонъ-Ашебергъ.

К. Ф. Багговутъ,—И. Н. Баяевъ,—Н. Важеновъ,—Г. И. Біахаровъ,—Бай-
харовъ,—В. И. Бакунина,—Балазовичъ,—В. С. Балашевъ,—Н. Н. Балка-
шинъ,—О. С. Балкъ,—Е. Д. Бантышъ-Каменская,—Н. П. Бараніусъ,—профес.
С. И. Барановскій,—А. И. Баратынскій,—В. Л. Баратынскій,—А. И. Барзо-
повскій,—А. В. Барановъ,—проф. Н. И. Барсовъ,—А. П. Барсуковъ,—Н. И.
Барсуковъ,—Н. П. Барсуковъ,—З. А. Баршъ,—В. С. Барыковъ,—Н. П.
Барышиновъ,—кн. В. И. Баратынскій,—И. Баскаковъ,—Д. Д. Баскаловъ,—

А. И. Басовъ,—И. Н. Батюшковъ,—А. П. Бахрушинъ,—Е. П. Бахталовскій,—
 А. В. Башкатовъ,—В. Башловскій,—кн. В. И. Башмевъ,—А. Безсонъ вт.—
 В. Безсоновъ,—А. Безукладниковъ,—И. Е. Бельцманъ,—Н. Л. Бенуа,—С. Бер-
 диевъ,—П. В. Березинъ,—В. Березинъ,—Л. О. Березинъ-Ширяевъ,—Ан. П.
 Берже,—С. Н. Берже,—Г. Берманъ,—М. А. Берманъ,—Г. Беръ,—Беръ,—
 профес. Г. В. Бертенсонъ,—г. Бертухъ,—Г. Берхинъ,—М. А. Бестужева,—
 О. А. Бестужева,—В. Н. Бестужевъ-Рюминъ,—проф. К. Н. Бестужевъ-Рю-
 минъ,—Вибиновъ,—Н. Билибинъ,—проф. В. А. Бильбасовъ,—А. А. Биль-
 дерлингъ,—бар. Бистромъ,—Д. Благово,—А. А. Благовѣщенскій,—Взрам-
 бергъ,—Н. И. Вобриковъ,—гр. А. А. и А. А. Бобринскіе,—П. О. Бобров-
 скій,—Н. Н. Бобровъ,—Е. Л. Богданова,—А. Н. Боголюбовъ,—профес. жи-
 вониси А. П. Боголюбовъ,—В. Боголюбовъ,—С. Богоянский,—Л. А. Богуслав-
 скій,—баронъ Н. К. Богушевскій,—г. Бодеманъ (въ Ганноверѣ),—профес. Ф. Ф.
 фонъ-Боденштедтъ,—И. Н. Божеряновъ,—И. В. Болдыревъ,—А. В. Болотовъ,—
 В. А. Болотовъ,—П. А. Болотовъ,—П. О. Борель,—А. Борзенко,—Я. И. Бор-
 зцовскій,—В. А. Борисовъ,—Д. Н. Бородинъ,—С. М. Бородинъ,—А. А. Бо-
 родулинъ,—М. О. Бороздинъ,—С. М. Борщовъ,—В. О. Бодяковскій,—И. Бо-
 чаровъ,—А. К. Бошнякъ,—Н. Н. Брашко,—С. Браймонскій,—П. О. Брандтъ.—
 Р. И. Бржостовская,—проф. А. Г. Брикнеръ,—А. Бруннеръ,—А. П. Бря-
 дцевъ,—И. Брянцевъ,—В. А. Будзько,—Н. Буковский,—Д. А. Булатовъ,—Е. Н.
 Булгакова,—В. О. и В. О. Булгарини,—профес. Н. Н. Булячъ,—С. Булячъ,—
 А. Булыгинъ,—г. Бунге,—Е. О. Буринскій,—Н. О. Бурцовъ,—Я. Бутковскій,—
 іерей Г. Бутковъ,—гр. М. Д. Бутурлинъ,—К. А. Бухъ,—В. Е. Бучневичъ.—
 М. Быковъ,—Н. В. Быковъ,—М. Быстровъ,—акад. А. О. Бычковъ,—Я. А.
 Бычковъ,—О. А. Бычковъ,—А. Г. Бѣлаго,—К. Бѣлевичъ,—Д. Бѣлевичъ,—А. Бѣ-
 лениновъ,—Н. А. Бѣлоцоловий,—Н. А. Бѣлозерская,—И. П. Бѣлоконскій,—
 С. А. Бѣлокуровъ,—А. Д. Бѣлевъ,—баронъ О. А. Бицлеръ.

М. И. Вавиловъ,—Н. А. Вагановъ,—Н. Н. Вавуловскій,—М. С. Валевскій,—
 А. Вальбергъ,—В. В. фонъ-Валь,—графъ П. А. Валуевъ,—А. У. Вараконскій,—
 К. А. Варгуниъ,—И. Варунъ-Секретъ,—И. И. Василювъ,—К. П. Василенко,—
 Н. Васильева,—проф. В. Г. Васильевскій,—А. И. Василювъ,—К. И. Василювъ,—
 И. И. Василювъ,—А. П. Василювъ,—В. А. Василювъ,—А. О. Василювъ,—
 А. А. Василючиковъ,—Н. Васильковъ,—Г. Васъ,—Н. В. Вахтинъ,—Веденявинъ,—
 В. Н. Ведерниковъ,—Е. Вейденбаумъ,—П. Вейль,—П. И. Вейсбергъ,—П. И.
 Великопольскій,—Величковскій,—А. Величковъ,—г. Вельяминовъ,—Н. Велья-
 шевъ,—М. А. Веневитиновъ,—А. А. Венеціанова,—М. И. Венюковъ,—А. В.
 Веревкинъ,—П. Вересовъ,—А. В. Верещагинъ,—художникъ Вас. Вас. Вереща-
 гинъ,—А. И. Веригинъ,—Н. П. Вернеръ,—О. О. Веселого,—акад. К. С. Весе-
 ловскій,—С. Весинъ,—Н. И. Викинскій,—О. О. Винбергъ,—Н. Виноградовъ,—
 А. Н. Виноградовъ,—П. А. Виноградовъ,—С. Виноградскій,—Вишноревъ,—
 К. А. Висковатовъ,—профес. П. А. Висковатовъ (Висковатый),—О. А. Вит-
 бергъ,—В. Н. Витевскій,—А. Н. Витмеръ,—Н. П. Вишняковъ,—Н. Н. Влади-
 мірова,—А. Владиміровъ,—А. П. Владиміровъ,—М. Владыкинъ,—Г. П. Власовъ,—

И. Владзимірскій, — В. В. Водовозовъ, — В. П. Водошняновъ, — А. А. Воейкова, — А. Н. Воейковъ, — Военскій, — Ц. П. Возницинъ, — А. М. Войновъ, — Г. А. Волжевъ, — кн. Волконскій, — И. И. Вологдинъ, — И. В. Вологдинъ, — С. Волосатова, — Ф. Н. Волгатисъ, — П. П. Волховской, — князь М. С. Волконскій, — Вольдемаръ, — Волгярлярская, — Н. А. Волгярлярскій, — Г. А. Воробьевъ, — Е. З. Воронина, — Н. А. Воронихинъ, — А. П. Вороновъ, — П. А. Вороновъ, — Павелъ Никол. Вороновъ, — Ю. Д. Воронова, рожд. Рудакова, — Воронай, — Н. Я. Воскобойниковъ, — А. А. Востокъ, — Н. Н. Вохинъ, — баронесса Вревская, — П. И. Вриони, — М. А. Вроченскій, — Вудъ, — А. Г. Вышеславцевъ, — А. А. Вязмитиновъ.

С. Н. Гавриловъ, — княгиня Гагарина, рожденная Иванова, — кн. Ив. С. Гагаринъ, — кн. Н. В. Гагаринъ, — П. Гагенъ, — А. Гакъ, — профес. А. Д. Галаховъ, — А. С. Галаховъ, — М. Н. Галкинъ-Врасскій, — С. А. Галкинъ, — К. Я. Гамаринъ, — А. Ф. Гамбургеръ, — П. Г. Ганзенъ, — Е. А. Ганъ, — Я. Гарелинъ, — К. А. фонъ-Гартъ, — А. А. Гатцукъ, — А. Гацпнскій, — И. М. Гвоздевъ, — Гвоздиковъ, — Э. Гебель, — К. К. Гейнсъ, — В. И. Гейсмаръ, — О. Ф. Гейфельдеръ, — К. К. Гелингъ, — И. С. Генбачевъ, — г. Геничъ, — Ав. Авт. Герке, — В. Ц. Герцкъ, — профес. А. А. Герценъ, — П. А. Гильтебрандтъ, — Гилъсъ, — Д. И. Гицшусъ, — Л. Ф. Гиргасъ, — А. А. Гирсъ, — К. К. Гирсъ, — В. М. Гиршфельдъ, — В. О. Глазкй, — Е. В. Гладковская, — А. Г. Глинка, — В. С. Глинка, — М. С. Глинка, — Глинка, — Ф. С. Глинка, — П. Гловацкй, — Глуховъ, — А. А. Глѣбова, — Д. Е. Гвусинъ, — Гивдичъ, — И. Е. Голдинскій, — гр. П. А. Голенщевъ-Кутузовъ, — В. В. Голенщевъ-Кутузовъ, — г. Голицынскій, — кн. К. К. Голицынъ, — кн. Н. Н. Голицынъ, — кн. Н. П. Голицынъ, — бывш. профес. кн. Н. С. Голицынъ, — кн. С. П. Голицынъ, — Н. И. Головачъ, — И. Головинъ, — П. С. Головинъ, — К. Д. Головиниковъ, — К. М. Голодниковъ, — А. А. Голомбѣвскій, — П. Д. Голохвастовъ, — И. А. Голышевъ, — Н. И. Голубевъ, — В. В. Голубцовъ, — М. Г. Гольмдорфъ, — проф. В. А. Гольцевъ, — протоіерей І. Голяховскій, — Гоманонскій, — Гондатти, — А. Н. Гончаровъ, — И. А. Гончаровъ, — артистъ И. Ф. Горбуновъ, — А. Гордонъ, — Н. Д. Гореммынъ, — М. Горилецкй, — М. П. Горловъ, — Городецкая, — М. И. Городецкй, — С. В. Городецкй, — профес. от. М. И. Горчаковъ, — І. К. Гофертъ, — Г. К. Градовскій, — художникъ Г. И. Грачевъ, — Ф. А. Гребенщиковъ, — А. К. Грегориади, — А. Е. Гренъ, — А. В. фонъ-Грибнеръ, — Н. И. Григоровичъ, — А. Н. Григорьевъ, — И. Я. Гриммъ, — А. Громачевскій, — акад. Я. К. Гротъ, — К. К. Гротъ, — Н. В. Губерти, — Н. И. Гулакъ, — П. Гулакъ-Артемовскій, — С. И. Гуляевъ, — Гулевичъ, — свящ. В. Гурьевъ, — М. П. Гусаковскій, — А. Н. Гусевъ, — А. Гусевъ, — А. Я. Гюббенетъ.

Кн. В. Д. Дабижа, — кн. Давледъ-Гирей-Вибердовъ, — М. П. Давыдова, — В. Н. Давыдовъ, — Д. Давыдовъ, — К. И. Давыдовъ, — Н. Т. Давыдовъ, — Т. М. Дагаевъ, — Н. Даниленская, — А. С. Даниловъ, — художн. А. И. Даугель, — Г. Е. Дахновичъ, — Н. Я. Дашковъ, — П. П. Девн, — В. А. Дейлидовичъ, — Н. Д. Дела-

Флизъ, — А. К. Де-Ливронъ, — С. Дельбесъ, — графъ И. Д. Деляновъ, — А. П. Демидовъ, — П. А. Деммертъ, — А. Демминъ, — Г. Д. Демляновскій, — худож. Денъеръ, — Е. Депрейсъ, — баронъ Д. Г. фонъ-Дервизъ, — фонъ-Дерфельденъ, — А. И. Деспоть-Зеновичъ, — К. К. Детловъ, — Г. А. Джаншиевъ, — В. А. Дамбенко, — А. И. Дидриксъ, — Диатроптовъ, — Дмитриевъ, — А. С. Дмитриевъ, — Н. Г. Дмоховскій, — Л. Я. Добровъ, — Феоданъ Л. Доброленскій, — Ф. Н. Добрянскій, — Я. Я. Довголевскій, — В. Дойлидовичъ, — В. Док-ий, — К. А. Докучаевъ-Басковъ, — Н. А. Докучаевъ, — кн. В. А. Долгоруковъ, — кн. В. П. Долгоруковъ, — Л. Долгоруковъ, — П. П. Должиковъ, — Л. П. Долника, — В. П. Долотовъ, — И. И. Домонтовичъ, — Е. И. Дошанская, — А. Г. Достоевская, — Живко Драговичъ, — Марко-Драговичъ, — А. М. Дренакинъ, — С. Д. Дрожжинъ, — кн. Д. В. Друцкой-Соколинскій, — И. И. Дубасовъ, — Е. И. Дубельтъ, — М. Л. Дубелкій, — А. Дубицкій, — академикъ Н. Ф. Дубровинъ, — А. В. Дурново, — Л. А. Дуровъ, — Н. В. Дуровъ, — Ф. В. Духовниковъ, — М. Л. Духовинъ, — Е. Дьяковъ, — Я. Дюжиловъ.

К. Евлентьевъ, — Евренновъ, — А. Е. Егоровъ, — Егорьевскій, — Ф. Езюрянскій, — от. П. П. Еланскій, — от. I. Еланскій, — кн. Енгальчевъ, — князь Н. Н. Енглевъ, — Епанчинъ, — А. Епифановъ, — Еранцовъ, — П. В. Еремьевъ, — Н. А. Ермаковъ, — Н. Н. Ермаковъ, — В. Ермаковъ, — К. И. Ермолицъ, — В. М. Еропкинъ, — В. В. Еропкина, — А. Ерошкинъ, — А. Есаковъ, — Г. В. Есаповъ, — Я. Я. Есьманъ, — И. Ефимовъ, — П. А. Ефремовъ.

А. Ф. Жадовскій, — А. П. Жаконъ, — А. Н. Ждановъ, — Н. Н. Жеденъ, — В. Желеховскій, — В. П. Желховская, — И. Желтовъ, — Н. Ф. Желтовъ, — В. П. Жемочкинъ, — А. Жемчужниковъ, — Н. Л. Жемчужниковъ, — А. К. Живлевскій, — В. И. Жиркевичъ, — А. В. Жиркевичъ, — от. В. И. Жмакинъ, — В. Жуковъ, — Д. Жуковъ, — А. Жуковъ, — М. М. Жуковскій, — худож. Пав. Вас. Жуковскій, — Н. Н. Жуковскій, — П. В. Жуковскій, — Журавскій.

И. Е. Забѣлинъ, — А. Заборинскій, — А. Заборовскій, — Д. Заборовской, — акад. П. П. Забѣлло, — Л. А. Загоскинъ, — С. М. Загоскинъ, — С. А. Загряская, — В. Заенчковскій, — В. Д. Занка, — Т. М. Заншкевичъ, — И. К. Заицевъ, — Ф. Д. Зайцевъ, — А. И. Загѣскій, — П. Т. Загѣскій, — Замисловъ, — А. Зандрокъ, — Заржецкій, — Я. И. Заринъ, — А. С. Зарудный — Е. И. Зарина, — А. Г. Затлеръ, — И. Н. Захарьинъ, — И. Захаревичъ, — Д. Захаровичъ, — В. Захаровъ, — К. Зацукъ, — К. И. Званцовъ, — С. Зейревъ, — К. С. Звагинъ, — профес. Н. Ф. Здекауеръ, — В. Ф. Зега-фонъ-Лауренбергъ, — А. К. Зейдертъ, — А. И. Зеленой, — А. Земцовъ, — К. Зенденгорстъ, — А. Л. Зиссерманъ, — М. З. Зюровъ, — М. Злотковскій, — I. Э. Змунчила, рожд. Стогова, — А. Змиевъ, — Л. Ф. Змиевъ, — Золотовъ, — А. И. Зотова, — В. Р. Зотовъ, — А. Ф. Зубовскій, — Е. В. Зубова, рожден. баронесса Вревская, — В. А. Зыбинъ, — А. Н. Зыряновъ.

И. А. Ибердусовъ,—Н. С. Иванина, рожд. Шпилевская,—О. И. Иванова, рожденная Анвенкова,—Н. И. Ивановъ,—А. Е. Ивановъ,—И. С. Ивановъ,—И. В. Ивановъ,—Петръ Вас. Ивановъ,—М. Н. Ивановъ,—Н. Ф. Ивановъ,—Л. К. Ивановскій,—от. И. Иващенкоъ,—Ю. Б. Иверсенъ,—А. Игнатовичъ,—от. архимандритъ Игнатій (Малышевъ),—А. П. Игнатьевъ,—А. С. Игнатьевъ,—гр. Н. П. Игнатьевъ,—Р. Игнатьевъ,—С. А. Идаховъ,—А. Извольскій,—П. А. Извольскій,—К. А. Измайловъ,—П. Александр. Измайловъ,—проф. В. С. Иконниковъ,—проф. Д. И. Иловайскій,—В. Е. Ильковъ,—Д. В. Ильченко,—Д. В. Ильиневичъ,—М. А. Имбергъ,—Иисарскій,—арх. Ипполитъ,—П. П. Исаевичъ,—А. Д. Исаковъ,—П. Н. Исаковъ,—Д. С. Исардовъ,—Н. О. Истинской,—Ф. А. Исуповъ,—Г. Ф. Исѣвъ.

В. Каверзневъ,—Казадаевъ,—Е. К. Казанскій,—П. С. Казанскій,—Казачокъ,—М. К. Казина,—С. Д. Казина, рожд. Вантмиъ-Каменская,—Казинъ,—П. С. Балачевскій,—М. М. Калининская,—Калиновская,—В. В. Каллашъ,—Д. И. Калугинъ.—графиня Л. М. Каменская,—Ф. А. Каменскій,—И. Т. Камчатовъ,—А. Н. Канаевъ,—А. Канаринъ,—княгиня М. А. Кантакузина,—гр. П. И. Капнистъ,—Н. Я. Капустина,—П. А. Карабунинъ,—А. А. Карасевъ,—М. В. Карасевъ,—И. Каргопольцевъ,—М. А. Карлинъ,—от. А. В. Кармазинскій,—П. Карнауковъ,—Г. Ф. Карповъ,—Каррикъ,—Д. В. Картавцевъ,—А. Карташевъ,—Н. А. Карцевъ,—П. П. Карцевъ,—г. Карцевъ,—П. Кастальскій,—Н. Н. Касьяновъ,—В. Катеневъ,—В. Катенинъ,—В. Каченовскій,—Н. С. Кашкинъ,—А. В. Квитка,—М. Н. Кедровъ,—Н. Т. Кедровъ,—от. М. Кедровъ,—П. Д. Кедровъ,—профессору живописи И. П. Келеръ,—М. Кельдышъ,—Н. П. Кельшъ,—Ф. Ф. Кенингъ,—А. П. Кенпенъ,—Т. Кибальчигъ,—Кильдюшевскій,—К. Д. Кипиани,—Кырилловъ,—С. И. Кырѣвскій,—А. Александр. Кырѣвъ,—Д. В. Киселева,—А. С. Киселевъ,—Киселевъ,—И. Китаевъ,—П. А. Кятицынъ,—Ф. Н. Кишенскій,—Д. В. Кларкъ,—И. Кларкъ,—А. С. Клевановъ,—П. Кленниковъ,—Н. Ф. Клюге-фонъ-Клюгенау,—Княжевичъ,—М. Д. Княжевичъ,—Князевичъ,—А. С. Князевъ,—Д. Ф. Кобеко,—Я. Кобыляскій,—Д. А. Кобяковъ,—Г. А. Ковалевскій,—М. Е. Ковалевскій,—П. М. Ковалевскій,—К. И. Коваленкова,—Н. И. Коваленковъ,—Н. И. Коведаевъ,—Э. А. Коверскій,—М. М. Ковязинъ,—Кожуховъ,—Козадаевъ,—Д. И. Козелкинъ,—А. Козловскій.—С. Козловскій,—Н. И. Козловъ,—ген.-ад. Коляниновъ,—И. Козьминскій,—Н. И. Койленскій,—З. Койданскій,—А. Кокосовъ,—акад. Н. И. Кокшаровъ,—Колачевскій,—А. Колениковскій,—К. П. Колзаковъ,—Н. М. Колмаковъ,—Д. Г. Колокольцовъ,—А. А. Колокольцевъ,—Е. Колокольцевъ,—В. И. Колосовъ,—М. А. Колчинъ,—А. Колчинъ,—бар. М. Колмчевъ,—А. Л. Колянковскій,—В. А. Комаровъ,—А. Ф. Коки,—Е. Ф. Коки,—гр-ня Н. М. Коновницына,—А. О. Константинова,—Д. А. Коньева,—И. П. Корниловъ,—П. С. Коробка,—А. Коробовъ,—П. А. Коробьянъ,—Г. А. Корозо,—Я. И. Коростовцевъ,—А. Корсаковъ,—профес. Д. А. Корсаковъ,—бар. Корфъ,—Г. Ф. Корчевскій,—Ю. В. Косова, рожденная Кюхельбекеръ,—М. Костылевъ,—Ф. Н. Костюковъ,—

Н. П. Косаровскій, — инж. П. Н. Котляревскій, — В. П. Коховской, — Иванъ А. Кравцовъ, — И. С. Кравцовъ, — И. В. Красногвѣцъ, — А. Я. Креминской, — В. Д. Кренке, — В. В. Крестовскій, — Ю. А. Крестцовъ, — баронъ Криденеръ, — Криницкій, — Н. О. Крузе, — М. Круповичъ, — С. Крутиковъ, — Н. К. Крыжановскій, — Крыжовъ, — А. Д. Крыловъ, — Н. Г. Крыловъ, — П. И. Крюковъ, — А. И. Ксензенко, — В. Ф. Кудравецъ, — М. П. Кудравецъ, — вдова ген.-лейт. Кузмина. — Н. А. Кузминскій, — А. О. Кузинъ, — В. В. Кузьминъ, — Г. Кузинъ, — И. Кузинъ. — А. Кузнецовъ, — Б. Кукель, — В. В. Кулжинскій, — Н. И. Куликовъ, — Н. П. Куликовъ, — В. П. Кулинь, — М. И. Кулишеръ, — П. А. Кулишъ, — акад. А. А. Кунинъ, — М. А. Куллетскій, — И. К. Куприяновъ, — кн. О. А. и С. В. Куракины, — В. Бурдяновскій, — В. В. Курдюмовъ, — Курнаръ, — И. Курисъ, — М. Куроптевъ, — П. А. и А. А. Кусковы, — Н. Кутейниковъ, — М. Н. Кучаевъ, — Ю. Кухаевичъ.

С. И. Лаврентьева, — Т. Н. Лаврентьевъ, — проф. Н. Лавровскій, — Я. Лавровъ, — А. М. Лазаревскій, — Д. Н. Лазаревъ, — Е. Лазо, — Г. А. Лазовъ, — М. А. Лавомте, — И. Ланинъ, — г. Лангенау, — И. К. Лапотниковъ, — О. А. Ларионова, по перв. мужу Соловьева, рожд. Арбузова, — проф. Герм. Авг. Ларошъ, — А. Ласкѣвъ, — Н. В. Латвинъ. — С. Лашваревъ, — А. О. Лашкевичъ, — О. О. Лашмановъ, — А. С. Лацнскій, — А. Лебедева, — А. С. Лебедевъ, — Н. П. Лебедевъ. — проф. В. Лебедевъ, — В. И. Лебедевъ, — Н. А. Лебедевъ, — К. А. Лебедевъ, — К. И. Лебедевъ, — Г. Лебединецъ, — В. О. Лебединскій, — П. П. Лебле, — О. Я. Левенсонъ, — П. Я. Левенсонъ, — М. А. Левенцовъ, — М. Ю. Левестамъ, — Н. Левитскій, — С. Л. Левницкій, — О. И. Левницкій, — Г. П. Левницкій, — А. А. Левшинъ, — архимандр. Леонидъ (Кавелинъ), — М. М. Лемницкій, — профес. Ленцъ (въ Марбургѣ), — Леоновъ, — Леопольдовъ, — Н. В. Лещинской, — И. В. Лермонтовъ, — В. Н. Лермонтовъ, — В. В. Лещинскій, — Е. Ф. Де-Ливронъ, — графъ Лидерсъ Веймарнъ, — М. И. Лилеевъ, — А. Линбергъ, — И. А. Линнеченко, — Н. О. Липовскій, — И. Липскій, — Липовницкій, — В. Лисенко, — Д. Д. Лисенко, — Н. М. Лисовскій, — П. Литвинова, — В. И. Лихачевъ, — А. В. и А. Н. Липины, — кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, — П. В. Лобановъ, — Г. И. Лобовиковъ, — А. Ломачевскій, — М. К. Ломизе, — Г. Г. Ломоносовъ, — Н. А. Лонгинова, — А. Лонгиновъ, — Л. Г. Лопатинскій, — С. Ц. Лопаткая, — Н. Лопухинъ, — П. В. Лопухина, — Е. А. Лопухинскій, — Д. Я. Лосинскій, — Лоссовская, — Ю. С. Лось-Рощковскій, — Г. В. Лохвицкій, — Лошаковъ, — А. Луганинъ, — Я. И. Лудмеръ, — П. О. Лузановъ, — Лукинскій, — священ. А. А. Лунинъ, — В. К. Луцкій, — А. М. Лушанковъ, — М. Львова, — А. Львовъ, — Анатолий Ник. Львовъ, — Л. О. Львовъ, — О. О. Львовъ, — А. С. Лыкошинъ, — Н. С. Лыкошинъ, — Н. С. Лѣсковъ, — В. И. Лѣтвинциъ, — Любарскій, — Н. Н. Любовичъ, — И. Людмиловъ, — М. И. Лядовъ, — М. И. Лядовъ, — А. Я. Ляпуновъ, — А. Г. Лященко.

Н. С. Маевскій, — О. Маевскій, — В. Я. Майборода, — А. Н. Майковъ, — академикъ Л. Н. Майковъ, — И. В. Майковъ, — епископъ Макарій, — Н. Я.

Макаровъ,—от. П. Макаровъ,—ген.-лейт. Махлаковъ,—К. Максимовъ,—
Н. Я. Максимовъ,—Н. Н. Макшеевъ,—профес. А. И. Махшѣевъ,—В. Н.
Махшѣевъ,—И. П. Малаховскій,—І. И. Малевичъ,—Л. В. Малининъ,—П. Ѳ
Малиновскій,—И. Н. Мамакинъ,—Д. Н. Маминъ,—К. В. Мамоновъ,—И. И.
Манжура,—Мансуровъ,—А. П. Мансуровъ,—К. А. Мацьковскій,—А. В.
Мариновъ,—А. Л. Мариновъ,—А. А. Марпнъ,—А. Маркевичъ,—А. Н. Марк-
графской,—О. М. Марковникова,—Е. Л. Марковъ,—М. О. Марксъ,—А. К. Мар-
тосъ,—П. И. Мартосъ,—А. А. Мартыновъ,—А. Ѳ. Мартыновъ,—В. Мар-
тиновъ,—П. Мартыновъ,—Н. В. Масловичъ,—А. Н. Масловская,—Е. П. Ма-
словъ,—А. Н. Масловъ,—О. П. Матафтина,—А. Н. Матѣевъ,—Н. Е.
Матѣевъ,—А. А. Матѣевъ,—А. П. Матѣевъ,—У. П. Матѣевъ,—ху-
дожн. В. В. Матте,—Ив. Матченко,—художн. П. И. Матюшинъ,—Н. А.
Матакинъ,—А. Маховъ,—П. И. Мацѣевичъ,—Л. С. Мацѣевичъ,—И. А.
Мачинскій,—А. А. Макуровъ,—бар. И. К. Медемъ,—К. П. Медоксъ,
М. Межавовъ,—бар. Мейендорфъ,—Н. К. Меллеръ,—Эм. Меллеръ,—
И. В. Мельниковъ,—Н. Мельницкій,—Мешниковъ,—бар. И. Б. Мер-
дери,—А. Е. Мердаловъ,—А. Мечинскій,—И. И. Мечниковъ,—Н. Мечъ,—
Мешетичъ,—А. А. Мизеровъ,—А. М. Миклашевскій,—акад. художн. М. О.
Микѣшинъ,—К. К. Миллеръ,—П. И. Миллеръ,—И. Милонидовъ,—гр. Г. А. Ми-
лорадовичъ,—Е. Н. Милошевичъ,—Ц. С. Милошевичъ,—А. П. Милшковъ,—
М. А. Милютина, рожд. Абаза, по второму супружеству Стиль,—графъ Д. А.
Милютинъ,—Ю. Н. Милютинъ,—Г. Минъ,—А. Н. Минхъ,—К. Мирзоевъ,—М. Ѳ.
Мирковичъ,—І. Мироновичъ,—П. Мирносицкій,—С. Миропольскій,—А. И.
Михайловъ,—В. Михайловъ,—Влад. Вас. Михайловъ,—М. Ѳ. Михайловъ,—прот.
В. Я. Михайловскій,—Д. Л. Михайловскій,—от. М. И. Михайловскій,—Я. Л.
Михайловскій,—полковн. Г. Михельсонъ,—Н. В. Млхно,—І. О. Мишинъ,—
В. А. Модерахъ,—А. Ѳ. Можаровскій,—Е. Моллеръ, рожд. Муравьева,—
Н. С. Моллеръ,—Мее. Мирон. Молчановъ,—Ф. Моль,—А. Морганъ,—графъ
А. А. Мордвиновъ,—Д. Л. Мордовцевъ,—А. Л. Моринновъ,—А. И. Моревичъ,—
П. И. Морозовъ,—П. О. Морозовъ,—Д. К. Морозъ,—Е. Т. Морощина,—
И. Я. Морощинъ,—Я. Морощкинъ,—И. Московскій,—Мравинскій,—А. П.
Муликовскій,—Г. А. Муравьевъ (внукъ декабриста),—гр. М. Н. Муравьевъ
(внукъ Виленскаго),—о. П. И. Мурзакевичъ,—Н. С. Мусинъ-Пушкинъ,—М. А.
Мусницкій,—Е. Ѳ. Мулки,—Авг. Ив. Масковскій,—художн. Ѳ. А. Мѣр-
винъ,—А. К. Мѣтина,—Г. И. Мѣшковъ.

А. А. Нѣвродкій,—М. Нагорновъ,—Надеждинъ,—А. Н. Надеждинъ,—В.
Надпорожний,—К. В. Назарьева,—М. В. Назимова,—контръ-адм. Назимовъ,—
от. А. Накропинъ,—А. П. Налимовъ,—В. Напорожскій,—Н. П. Нарпо-
вичъ,—П. Ѳ. Нарбутъ,—Н. Нарохиницкій,—П. И. Неболсинъ,—Н. К. Невзо-
ровъ,—Я. М. Невѣровъ,—Н. Н. Нейловъ,—Ю. Ѳ. Нейманъ,—С. Неклюдовъ,—
Е. С. Некрасова,—И. Некрасовъ,—Н. В. Некрасовъ,—Неидовъ,—Несвѣтаевъ,—
графъ Д. К. Нессальроде,—Н. Я. Нестеровъ,—А. А. Неустроевъ,—А. Н. Не-
устроевъ,—О. Ф. Нечаевъ,—Неѣловъ,—С. А. Никитенко,—В. Н. Никитинъ,—
М. Г. Николаевъ,—баронъ А. П. Николай,—О. Ѳ. Николай,—А. Никольскій,—

А. А. Никольскій, —С. Никольскій, —Р. Н. Нивулинъ, —М. Д. Нилъ, —Д. Нилъ, — графъ Ниродъ, —Л. Л. Ничпаевскій, —Н. М. Новицкій, —М. Д. Новъ, —А. Г. Новосековъ, —С. Д. Носъ, —А. Е. Носъ.

Обезерскій, —Облеуховъ, —кн. А. А. Оболенскій, —С. Оболенскій, —кн. Ю. Оболенскій, —А. Д. Оболонскій, —Н. А. Огарева-Тучкова, —К. И. Огаревъ, —П. Огивскій, —Н. Оглобинъ, —П. И. Огородниковъ, —С. Ф. Огородниковъ, —А. К. Одинцовъ, —Н. А. Одинцовъ, —Н. Ф. Ожеде-Ранкуръ, —Н. П. Озеровъ, —Ю. А. Ознобишинъ, —Н. А. Окуневъ, —П. А. Олферовскій, —М. Я. Ольшевскій, —Н. О. Омеляненко, —Ольхинъ, —В. И. Онуприенко, —А. Отыгивъ, —от. С. И. Опатовичъ, —И. И. Ореусъ, —В. Ф. Ореусъ, —А. Орловъ, —В. Б. Орловъ, —Ив. Никол. Орловъ, —П. А. Орловъ, —Ф. Ф. Орловъ, —проф. Н. А. Осокинъ, —бар. Остенъ-Сакенъ, —баронесса Л. Остенъ-Сакенъ, —бар. А. А. Остенъ-Сакенъ, —А. Острогорскій, —свящ. С. Остроумовъ, —В. А. Остриковъ, —П. Осѣцкій, —М. Очкинъ.

Л. Н. Павищевъ, —А. Ф. Павловскій, —Павловскій, —И. Ф. Павловскій, —А. А. Павловъ, —А. С. Павловъ, —В. Ф. Павловъ, —П. П. Пахучевъ, —архи. Пасій (изъ Абисини), —Н. Х. Палаузовъ, —Н. А. Паленовъ, —Н. Палибинъ, —С. М. Палицынъ, —А. В. Пальчиковъ, —А. А. и В. А. Панаевы, —худож. Панимакеръ, —Н. И. Пановъ, —С. Ф. Паниютинъ, —Вс. Панигитинъ, —П. А. Панчулидзе-Вигель, —С. А. Панчулидзе, —С. Ф. Папроцкій, —Ф. Ф. Пардалоцкій, —П. Д. Паренсовъ, —Парландъ, архитекторъ, —М. Д. Пархомовъ, —И. В. Пасканинъ, —В. Пасекъ, —Панфутьевъ, —А. Нахолоковъ—В. К. Пашковъ, —В. Пашенко, —Я. Пеньковскій, —проф. I. Первольфъ, —П. М. Первушинъ, —Г. Г. Перетя, —Э. П. Перцовъ, —Перфильева, —Н. А. Перфильевъ, —генер.-лейт. Пестякъ, —проф. Петерсонъ, —Г. П. Петерсонъ, —С. Петровскій, —Алексан. Павл. Петровъ, —П. Петровъ, —Андр. Ник. Петровъ, —проф. Н. И. Петровъ, —П. Н. Петровъ, —П. П. Петровъ, —от. Пирлингъ, —А. А. Пирогова, —В. Н. Пироговъ, —Н. В. Пироговъ, —А. Н. Писарева, —С. П. Писаревъ, —В. В. Плаксинъ, —А. А. Плясонъ, —ген. отъ арт. Платовъ, —Ю. Ф. Платонова, —Н. Н. Платуновъ, —А. Поваляшинъ, —А. А. Повало-Швейковскій, —А. Д. Погодинъ, —И. П. Поддубный, —И. Е. Подтягинъ, —Ф. Подтягинъ, —Подушкинъ, —Подшиваловъ, —профес.-граверъ И. П. Пожалостинъ, —Е. Ц. Поздеевъ, —И. Г. Познанскій, —А. П. Покровскій, —В. Ф. Покровскій, —В. И. Покровскій, —протоіер. Г. Покровскій, —Н. В. Покровскій, —П. Н. Полевой, —Ф. И. Полежаевъ, —А. П. Полетаевъ, —Н. И. Полетаевъ, —Н. А. Поливановъ, —В. Н. Поливановъ, —Л. И. Поливановъ, —Поливарновъ, —А. С. Полонскій, —Я. П. Полонскій, —А. Полторацкій, —В. Поляковъ, —профес. И. В. Помяловскій, —А. Пономаревъ, —Н. Б. Пономаревъ, —Ф. Пономаревъ, —С. Пономаревъ, —А. Е. Поповъ, —Андр. Н. Поповъ, —В. Т. Поповъ, —И. С. Поповъ, —Михаилъ Ив. Поповъ, —Николай Поповъ, —Нилъ А. Поповъ, —С. С. Порошина, —С. С. Порошинъ, —А. П.

Порто,—В. О. Португаловъ,—Н. Б. Потокской, — полков. Потто,—П. А. Потъхивъ,—Н. Н. Правиковъ, — П. Я. Прейсъ,—А. Преображенскій,—А. О. Пржецлавскій,—П. Г. Пржецлавскій,—Ф. И. Приходивъ,—Д. И. Прозоровскій,—П. К. Прокоповичъ,—М. С. Прокудинъ Горскій,—Пронина,—Н. Н. Протасовъ,—С. В. Протопоповъ,—А. Пругавинъ,—С. Л. Пташицкій,—профес. Александръ Казим. Пузыревскій,—И. А. Пузыревскій,—А. П. Пулло,—А. Пульхеровъ,—А. Г. Пупаревъ,—А. М. Пустоваловъ,—протоіерей М. Путинцовъ,— князь П. А. Пугачинъ,—Е. П. Пуденко,—П. А. Пущкаревъ,—А. И. Пушнинъ,—А. Н. Пыпинъ,—Д. М. Пѣтуховъ,—М. Пѣтуховъ,—Пѣшковъ,—А. П. Пятковскій.

В. Равизъ,—І. Радзиковскій,—И. Ф. Радзиковскій,—А. Ф. Радченко,—Разлеришинъ,—М. Н. Раевскій,—А. Раменскій,—Е. К. Раливъ,—А. Расноповъ,—П. Н. Расноповъ,—П. С. Ревякинъ,—Р. А. Регменскій,—К. Я. Реймерсъ,—Ф. Ф. Рейнботъ,—М. Х. Рейтернъ,—И. С. Ремезовъ,—Н. В. Реутскій,—Н. Ржавская,—Н. Ф. Ржевская,—графъ А. А. Ржевускій,—Н. Рядингеръ,—Н. В. Ринъ,—А. Ф. Риттихъ,—В. И. Роборовскій,—Д. А. Роцинскій,—Н. Роговъ,—А. И. Роджеръ,—Г. И. Родзевичъ,—Д. П. Родіоновъ,—В. Рожковъ,—от. протоіерей А. И. Розановъ,—М. Г. Розановъ,—Н. И. Розановъ,—докт. М. Б. Розенбергъ,—О. фонъ-Розенбергъ,—В. И. Розенгеймъ,—Д. А. Рокотовъ,—І. Ролке,—Г. Ф. Романенко-Щирый,—П. П. Романовичъ,—А. Н. Романовскій,—К. К. Ролновъ,—С. И. Романовъ,—Ю. А. Романовъ,—П. Рословъ,—графъ А. Ф. Ростопчинъ,—П. К. Ротастъ,—В. А. фонъ-Роткирхъ,—графъ И. Н. де-Рошфоръ,—Р. . . скій,—Д. И. Ртищевъ,—Д. Рубакинъ,—Ф. Рубановскій,—проф. Антонъ Гр. Рубинштейнъ,—проф. М. И. Рубецъ,—С. А. Рудакова,—К. И. Рудницкій,—К. К. Рудницкій,—Н. Рудымовскій,—баронъ В. Р. Руммель,—Л. Е. Руммель,—Е. Д. Руничъ,—А. Ф. Рутценъ,—Рыбкинъ,—Н. Рындовскій,—В. Рышковъ,—Е. С. Рѣпина,—художникъ И. Е. Рѣпинъ,—Г. К. Рѣпинскій,—Д. Д. Рябининъ.

Сабуровъ,—акад. П. И. Саввантовъ,—Л. М. Савеловъ,—А. А. Савельевъ,—А. И. Савельевъ,—Савельевъ,—А. В. Савельевъ,—Ф. Г. Савенко,—А. А. Савурскій,—Садовскій,—Н. Сажинъ,—Н. Ф. Сазоновъ,—В. Саитовъ,—П. И. Саламовъ,—графиня Е. В. Салиасъ, рожд. Сухова-Кобылина (псевдон. въ литерат. Евгения Туръ),—А. П. Саломовъ,—П. И. Саломонъ,—В. Самаринъ,—Н. Ф. Самаринъ,—Н. А. Самойлова,—Н. Самойло,—И. Самсоновъ,—А. Саложниковъ,—Д. А. Саранчовъ,—М. Е. Саранчовъ.—А. Д. Сатинъ,—В. С. Саховъ,—Свамочкинъ,—артистъ П. М. Свободинъ,—Н. П. Свѣчина,—Т. Н. Седлецкій,—М. Селезневъ,—А. В. Селивановъ,—А. Ф. Селивановъ,—Н. Н. Селифонтовъ,—А. Селиховъ,—А. В. Семеновская, рожден. Буташевичъ-Петрашевская,—докторъ русск. исторіи В. И. Семеновскій,—Е. Н. Семеновская, по перв. мужу Водовозова, рожд. Цевловская,—П. И. Семеновскій,—Н. А. Семеновскій,—Д. Д. Семеновъ,—И. С. Семеновъ,—Н. П. Семеновъ,—П. П. Семеновъ,—Павель А. Семеновъ,—Л. М. Семеновскій,—А. Семеновскій,—Е. Семичева,—К. А. Семковскій,—

К. К. Сентъ-Илеръ, — А. Н. Сергѣевъ, — Сергѣевъ, — А. Серебряковъ, — Л. М. Сердюкова, — И. О. Сержутовскій, — Серно-Соловьевичъ, — И. М. Сибиряковъ, — графы Е. Е. и Н. Е. Сиверсъ, — Г. Сядорскій, — В. В. Сякорскій, — Д. П. Сильчевскій, — П. В. Симанскій, — Симоновъ, — Н. П. Сивельниковъ, — А. Н. Сиротиничъ, — Н. Е. Сиротянцъ, — Р. П. Ситовскій, — Н. Н. Скаловъ, — А. Е. Скальковскій, — А. А. Скальковскій, — К. А. Скальковскій, — художникъ Г. Н. Скамоня, — А. Скворцовъ. — А. И. Скиносеръ, — В. Скипскій, — Б. Скоробогатый, — Ф. М. Скородумовъ, — А. И. Скребицкій, — А. М. Скребицкій, — С. Д. Слатинъ, — Ж. Слѣпцова, — А. Слѣпцовъ, — свщ. А. Смирновъ, — А. В. Смирновъ, — В. Смирновъ, — В. П. Смирновъ, — И. А. Смирновъ, — П. Б. Смирновъ, — О. Н. Смирнова, — В. Н. Смольяниновъ, — Слѣпаловъ, — Д. Д. Смышляевъ, — В. П. Снѣжневскій, — Н. П. Собко, — А. И. Соболевскій, — Л. Н. Соболевъ, — С. Соболевъ, — А. П. Созановичъ, — М. В. Соймоновъ, — Н. М. Соколинъ, — В. Соколовскій, — А. И. Соколовъ, — А. П. Соколовъ, — А. Н. Соколовъ, — Н. И. Соколовъ, — В. Т. Соколовъ, — Е. И. Соколовъ, — профес. Ф. Г. Солдцевъ, — от. П. Соловьевъ, — П. И. Соловьевъ, — Л. Ф. Соловьевъ, — М. В. Соловьевъ, — Солтанъ, — А. И. Сомовъ, — А. Е. Сомовъ, — В. М. Сорокинъ, — И. В. Сорокинъ, — Р. П. Сорокинъ, — Сосновская, — П. Т. Софиевко-Суминовъ, — В. Д. Спасовичъ, — А. И. Сперанскій, — А. Спичинъ, — И. Сиротиничъ, — М. И. Савраки, — Станевичъ, — А. Станкевичъ, — С. А. Станкевичъ, — Е. П. Старикій. — А. И. Старкъ, — Старостинъ, — А. В. Старчевскій, — В. В. Стасовъ, — М. М. Стасюлевичъ, — С. В. Стебнишка, — Б. А. Степановъ, — В. П. Степановъ, — М. П. Степановъ, — Н. И. Степановъ, — П. А. Степановъ, — П. Ф. Степановъ, — С. Стерлеговъ, — Стшесевскій, — А. Д. Столыпинъ, — Сторожевскій, — Н. В. Стороженко, — Стороженко, — А. Г. Стояновская, — Н. И. Стояновскій, — З. Стражева, — М. Страховскій, — А. Страховъ, — Н. Н. Страховъ, — А. И. Стригоцкій, — П. Р. Строгановъ, — В. Стромилловъ, — Н. С. Стромилловъ, — Строевъ, — Стронинъ, — Б. В. Струве, — Д. М. Струковъ, — Д. Струковъ, — М. Д. Струковъ, — Стрѣлковъ, — Г. И. Студенинъ, — С. Ступининъ, — М. М. Субботинъ, — Н. И. Суворовъ, — С. Судаковъ, — Г. М. Судѣнко, — С. Н. Сулима, — Н. А. Султаны-Крымъ-Гирей, — В. Сульменевъ, — А. П. Сумароцкая, — Н. Ф. Сумцовъ, — П. Суходольскій, — Д. П. Сушковъ, — профес. П. П. Сущинскій, — Е. А. Сысоева, — С. П. Сысоевъ, — П. Свѣрцовъ, — Л. А. Сврякова, рожд. Тидъ.

А. О. Таборовскій, — Д. Г. Тальбергъ, — В. Таницкій, — А. Танковъ, — П. Е. Татариновъ, — графъ Н. И. Татищевъ, — бар. А. Ф. Таубе, — о. протоіерей Арс. Вас. Тачаловъ, — А. В. Телесницкій, — А. З. Теляковскій, — Е. А. Теляковскій, — Н. Теляковскій, — А. А. Телятниковъ, — Темниковъ, — В. В. Тенншевъ, — В. А. Теплоуъ, — Ф. А. Теплоуховъ, — Н. М. Тереховъ, — А. Н. Тетеревниковъ, — А. Т. Тимановскій, — Тимофѣевъ, — А. И. Тимофѣевъ, — Вѣра Вас. Тимошукъ, рожденная Кузнецова, — Тимченко-Рубанъ, — Н. Титова, — А. А. Титовъ, — В. П. Титовъ, — Н. Н. Титовъ, — Т. Тихменевъ, — И. Тихомировъ, — А. Е. Тихонравова, — Д. А. Тихонравовъ, — проф. Н. С. Тихонравовъ, — Т. А. Тихонравовъ, —

Д. Д. Тогольскій, — Вас. Толстой, — графиня С. А. Толстая, — гр. И. И. Толстой, — графъ Л. Н. Толстой, — гр. М. В. Толстой, — П. С. Толстой, — В. М. Толстой, — Томашевъ, — А. М. Томила, — Н. Е. Тоуцѣвъ, — П. Травинъ, — г. Трахтенбергъ, — Н. Трескинъ, — В. Третескій, — Л. Н. Трефолевъ, — В. Г. Трироговъ, — А. Трифоновъ, — П. Трофимовскій, — Н. А. Трохимовскій, — Д. А. Трощинскій, — А. Н. Труворовъ, — А. Тулова, — А. Д. Тумановъ, — князь К. М. Тумановъ, — В. В. Тунашевскій, — В. В. Туноменскій, — Турау, — кн. Н. Н. Туркестановъ, — И. Н. Турчанinovъ, — В. А. Туръ, — В. Тухомлцкій, — Н. П. и М. П. Тучковы, — Алексѣй Тыртовъ, — И. И. Тѣльновъ, — И. А. Тютчевъ.

Д-ръ Ульрихсонъ, — А. М. Унковскій, — В. А. Успенскій, — М. П. Успенскій, — Успенскій, — П. М. Устиновичъ.

Н. Фадѣева, — М. Н. Фатѣевъ, — Н. Федоровъ, — Н. М. Федоровъ, — Н. Федотьевъ, — А. Федоченко, — А. И. Фельднеръ, — Я. Фетистовъ, — А. Фехнеръ, — М. А. Филиповъ, — Т. И. Филиповъ, — А. П. Философова, — В. Д. Философовъ, — профес. Н. А. Фирсовъ, — В. С. Флеринъ, — К. Н. Флинге, — Н. О. Фанъ-деръ Флитъ, — Д. Флоринскій, — О. Е. Франкъ, — бар. В. А. Фредериксъ, — Фрезе, — А. Г. Фрикель, — Фролковъ, — А. Е. Фролова, — Н. А. Фроловъ, — Фурдудевъ.

Ханъ-Аговъ, — И. К. Херсонскій, — Хижняковъ, — С. А. Хмырова, — Хмѣльницкій, — Н. Ф. Хованскій, — А. А. Ходневъ, — Д. О. Хомутовъ, — П. Ф. Хомутовъ, — от. А. Хорошунъ, — Г. Р. Хоруля, — И. Е. Хорунжевковъ, — А. Н. Хребтовъ, — П. Хржановскій, — И. Христ. форовъ, — Н. Христофоровъ, — М. Н. Хрущовъ, — А. Хрѣновскій, — Н. Хупотскій.

Цвилевъ, — С. О. Цвѣтковъ, — И. Е. Цвѣтковъ, — М. Р. Цебрикова, — Цебриковъ, — М. И. Цейдлеръ, — кн. Д. Н. Цертелевъ.

Адамъ Мих. Чайковскій, — гр. Э. К. Чапскій, — А. И. Чарторижскій, — В. С. Чеважевскій, — В. Р. Чевскій, — О. О. Чекалинь, — Н. М. Челищевъ, — Н. Т. Черевинъ, — И. А. Черемухинъ, — П. А. Черкесова, — И. Черновъ, — В. Ф. Чернышевъ, — М. Г. Черняевъ, — К. А. Четверухинъ, — В. Н. Чеховъ, — В. Е. Чешихинъ, — Г. С. Чириковъ, — проф. И. А. Чистовичъ, — Л. М. Чичаговъ, — А. Чичеринъ, — И. Чичеринъ, — М. М. Чичаговъ, — Н. Чуйковъ, — А. А. Чумиковъ.

Г. А. Эзовъ, — I. Эйзенъ-фонъ-Шварцевбергъ, — Г. Эймишъ, — А. Экземпларскій, — Э. Элерсъ, — Н. А. Энгельгартъ, — Э. К. Эвманъ, — К. Г. Эрнротъ.

А. С. Шагубатовъ, — Е. А. Шахъевъ, — П. П. Шалфѣевъ, — И. И. Шамшевъ, — проф. живоп. А. I. Шарлеманъ, — Ф. А. Шатовъ, — кн. Ив. Шаховской, — Н. Шаховской, — В. И. Шаховской, — П. Шванебахъ, — Е. Г. Шварцъ, — К. Н. Шварцъ, — И. А. Шмаковъ, — П. В. Шейнъ, — Шелехова, — В. И. Шенровъ, —

Н. Шеншинъ, — А. В. Шереметевъ, — М. М. Шеншуръ, — Л. И. Шестакова, рожд. Глинка, — П. Д. Шестаковъ, — И. I. Шеталовъ. — Н. И. Шитановъ, — Ф. А. Шидловскій, — Н. Б. Шильдеръ, — Н. И. Шильдеръ, — Шимановъ, — Ф. Ф. Шиманъ, — И. И. Шимко, — Н. Ширяевъ, — Н. И. Шипшинъ, — А. Д. Шиховъ, — С. Д. Шиховъ, — А. Шляревскій. — Я. Шлегель, — А. О. Шлейснеръ, — И. А. Шляковъ, — Шляпинъ, — А. С. Шляхтинъ, — И. А. Шмаковъ, — М. Ф. Шогуровъ, — профес. Штейнгейль (въ Марбургѣ), — Н. К. Штрандманъ, — г-жа Штукенбергъ, — А. И. Шубертъ, — С. Н. Шубинской, — Д. П. Шубинъ-Посадѣвъ, — Б. В. Шульцъ, — П. А. Шульцъ, — А. Д. Шумахеръ, — Д. Шумиловъ, — Шумляевскій, — А. Шуровскій.

Н. А. Щепкинъ, — Н. П. Щепкинъ, — С. П. Щепкинъ, — А. Щербакъ, — Щербачевъ, — Н. Щеховскій, — В. Р. Щглевъ.

М. Л. Юдинъ, — П. Л. Юдинъ, — В. М. Юзефовичъ, — Н. Юнгъ, — А. Юргенсъ, — К. А. Юргенсъ, — П. И. Юркевичъ, — П. О. Юрченко, — Юшковъ.

Д. Д. Языковъ, — С. М. Языковъ, — проф. живоп. В. И. Якобій, — П. Н. Якоби, — В. А. Яковлевъ, — С. А. Яковлевъ, — Якубовичъ, — Б. Якуничковъ, — Вяч. Евгениевичъ Якушкинъ, — Е. И. Якушкинъ, — И. И. Якуль, — Г. Д. Яковичъ, — С. X. Яковскій, — Л. И. Явушъ, — А. И. Явъ, — М. А. Ярославскій, — С. А. Ярошъ, — П. Ясницкій, — В. Н. Ястребовъ, — А. Н. Яхонтовъ, — княгиня Е. М. Яшвилъ, рожденная Орлова.

Н. Н. Фодоткинъ.

Изд.-редакторъ «Русской Старины» **Михаилъ Ивановичъ Соменовскій**, членъ Археологической комиссiи при Министертвѣ Народнаго просвѣщенiя; — почетный членъ археологическаго института, — почетный членъ общества археологiи, исторiи и этнографiи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ, — почетный членъ Ростовскаго (въ Ярославской губ.) музея церковныхъ древностей, — почетный членъ Петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края, — членъ императорскихъ обществъ: любителей древней письменности (чл.-сотрудн., въ Спб.), — исторiи и древностей Россiйскихъ при Московскомъ и Новороссiйскомъ (въ Одессѣ) университетахъ, — русскаго археологическаго общества (въ Спб.) и русскаго географическаго; — членъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссiй: Нижегородской, Пермской, Рязанской, Саратовской, Тамбовской и Тверской; — русскаго антропологическаго общества (въ Спб.); — русскаго литературнаго общества (въ С.-Петербурѣ); — общества любителей Россiйской словесности (въ Москвѣ); — Псковскаго статистическаго комитета, — и членъ королевскаго общества исторiи въ Лондонѣ.

Всѣмъ за спискомъ нашихъ сотрудниковъ „Русской Старинѣ“ долгомъ считаемъ поименовать, съ глубокою признательностію къ памяти, нижеслѣдующихъ покойныхъ лицъ: И. С. Аксаковъ, — С. А. Амировъ, — Л. П. Антроповъ, — А. П. Арбузовъ, — проф. Н. Я. Аристовъ, — А. И. Артемьевъ, — В. И. Асташевъ, — А. Н. Афанасьевъ, — А. Ф. Балгоутъ, — Я. П. Бакаловъ, — А. Д. Бантышъ-Каменская, — П. И. Барановъ, — А. А. Баранцевъ, — князь А. И. Барятинскій, — Л. П. Батюшковъ, — А. П. Башурдій, — профес. Н. В. Бергъ, — Ад. П. Берже, — Е. А. Бестужева, — М. А. Бестужевъ (декабристъ), — профес. М. И. Богдановичъ, — профес. О. М. Бодянский, — М. П. Болотовъ, — Боричевскій, — худож. Н. К. Брезе, — адм. Бутаковъ, — баронъ Бутлеръ, — Н. Д. Выковъ, — А. П. Бѣляевъ (декабристъ), — профес. И. Д. Бѣляевъ, — В. Н. Вагсаль, — И. П. Варшаковскій, — П. П. Васильевъ, — кн. А. И. Васильчиковъ, — Георгъ Веберъ (въ Гейдельбергѣ), — К. Н. Вельямновъ, — Н. В. Веригинъ, — А. Ф. Волковъ, — Андрей Степанов. Вороновъ, — Н. М. Востоковъ, — баронъ Б. А. Вревскій, — И. В. Вунчъ, — А. Н. Вульфъ, — от. И. Гагаринъ (іезуитъ), — В. П. Гаевскій, — Г. Н. Геннаді, — Н. В. Гербель, — профес. Эрнестъ Германъ (въ Марбургѣ), — П. П. фонъ Гецъ, — А. Ф. Гильфердингъ, — Ф. Н. Глинка, — К. П. Голенко, — Я. Ф. Головацкій, — А. В. Головинъ, — свѣта. кн. А. М. Горчаковъ, — А. К. Гриббе, — профес. А. Д. Градовскій, — Я. И. Григорьевъ, — С. И. Гуляевъ. — В. Д. Давыдовъ, — В. И. Даль, — Данильченко, — П. М. Дараганъ, — кн. П. П. Демидовъ санъ-Донато, — М. Ф. Де-Пуле, — Н. Н. Де-Прерадовичъ, — К. И. Домонтовичъ, — М. Л. Дубельтъ, — Н. П. Дуровъ, — И. И. Евронеусъ, — А. П. Есиповъ, — А. П. Заблоцкій-Десатовскій, — Д. Н. Заматинъ, — С. И. Зарудный — К. К. Злобинъ, — И. Ф. Золотаревъ, — В. А. Золотовъ. — П. Д. Золотовъ. — П. Д. Зотовъ, — К. А. Зыбинъ, — В. А. Инсарскій, — А. Г. Казначеевъ, — Н. В. Калачовъ, — Ф. В. Каразинъ, — В. Н. Карамзинъ, — А. М. Каратыгина, рожден. Колосова, — П. А. Каратыгинъ, — П. И. Каратыгинъ, — Е. П. Карновичъ. — С. Д. Карповъ, — бар. Кеке, — Н. Х. Кетчеръ, — Д. И. Кипіани, — А. Н. Кирилинъ, — А. М. Княжевичъ, — О. А. Кобено, рожд. Шакѣева, — М. Е. Ковалевскій, — О. И. Константиновъ, — графъ М. А. Корфъ, — баронъ Н. А. Корфъ, — Я. Н. Костенецкій, — профессоръ Н. И. Костомаровъ, — графъ П. Е. Кецебу, — А. А. Краевскій, — А. А. Красильниковъ, — В. А. Краснокутскій, — И. И. Красовскій, — А. Н. Креницынъ, — генер. лейтен. Кузминъ, — Г. И. Кузьминскій, — С. Е. Кугѣша, — кн. А. Б. Курякинъ, — от. К. Кустодіевъ, — М. В. Кухельбекеръ, — П. П. Ламбинъ, — профессоръ П. С. Лебедевъ, — А. И. Левшинъ, — Л. Д. Леонидовъ, — А. Ф. Леопольдовъ, — Е. Ф. Лермонтова, — М. Н. Лонгиновъ, — графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ, — М. Н. Любоцинскій, — княгиня С. А. Мадатова, — В. Н. Майновъ, — С. М. Макарова, — Л. С. Маковъ, — Б. М. Маркевичъ, — М. А. Марковъ, — от. Ив. Мартыновъ (іезуитъ), — кн. Н. Масальскій, — П. И. Мельниковъ, — П. К. Менковъ, — П. Н. Меншиковъ, — Г. И. Мигринъ, — проф. О. Ф. Миллеръ, —

Милюковъ, — М. П. Митковъ, — от. М. Я. Морошкинъ, — М. И. Муравьевъ-Апостолъ (декабристъ), — Ф. И. Муратовъ, — Н. Н. Мурзакевичъ, — П. А. Мухановъ, — М. А. Назимовъ (декабристъ), — А. С. Наставникъ, — проф. акад. А. Р. Никитенко, — профес. А. И. Никитскій, — профес. В. В. Никольскій, — кн. Д. А. Оболенскій, — А. Одинцовъ, — Ф. К. Опочининъ, — Г. А. Орловъ, — Н. М. Орловъ (сынъ декабриста), — И. Т. Осининъ, — гр. Д. Е. Остенъ-Сажень, — А. Н. Островскій, — И. Д. Павловскій, — Т. П. Пассекъ, — И. А. Пашковъ, — акад. П. П. Пекарскій, — А. Г. Петровъ — В. П. Петровъ, — профес. Н. И. Пироговъ, — С. П. Погодина, — А. О. Подвысоцкій, — А. И. Подолинскій, — А. Н. Поповъ, — М. Н. Похвисневъ, — Н. М. Пржевальскій, — О. А. Пржецлавскій, — М. М. Ратъ — В. Ф. Ратъ, — Н. А. Ратвинскій, — А. В. Рачинскій, — Людмила Изв. Рякоръ — Н. П. Розавовъ, — М. П. Розенгеймъ, — баронъ А. Е. Розенъ (декабристъ) — ген.-лейт. Д. И. Романовскій, — Н. И. Ростиславовъ, — Д. И. Рудаковъ, — А. И. Рыжовъ, — Д. П. Садовниковъ, — М. Е. Салтыковъ, — артистъ В. В. Самойловъ, — проф. И. И. Свйазевъ, — П. Н. Свистуновъ (декабристъ), — А. С. Сгибневъ, — И. В. Селивановъ, — И. Е. Семевскій, — А. И. Семевскій, — В. А. Семевскій — Татьяна Мих. Семевская, — К. С. Сербиновичъ, — баронъ М. Н. Сердобинъ — А. Е. Сеславина, рожден. Семевская, — Д. И. Скобелевъ, — акад. и профес. С. М. Соловьевъ, — И. И. Сосницкій, — Т. А. Сосновскій, — А. Л. Спаскій, — Е. Э. Старковъ, — Н. И. Стародубскій, — Н. П. Степановъ, — Э. И. Стоговъ — В. Я. Стоюнинъ, — кн. Италійскій графъ А. А. Суворовъ Римникскій — от. А. П. Сулоцкій, — акад.-грав. Л. А. Сѣряковъ, — К. Н. Тихоновъ, — Товарева, — графиня А. И. Толстая, — графъ Д. А. Толстой, — графъ Ф. П. Толстой, — А. В. Топоровъ, — Туганъ-Мирза-Барановскій, — С. И. Турбинъ, — С. И. Тургеневъ, — кн. С. Н. Урусовъ, — В. И. Фелькнеръ, — баронъ А. Фредериксъ, — бар. Н. П. Фредериксъ, — А. В. Фрейгантъ, — М. Д. Хмыровъ, — И. Р. фонъ-деръ Ховенъ, — Н. Р. Цебриковъ (декабристъ), — А. Цимбалстовъ, — Мих. Чайковскій (Садмыль-Паша), — В. И. Чаславскій, — Адамъ Петр. Чеботаревъ, — ген.-адъют. К. В. Чевкинъ, — И. А. Чернавскій, — Е. В. Чешихинъ, — проф. Я. А. Чистовичъ, — П. А. Чумиковъ, — Н. К. Чупинъ, — Б. С. Шевыревъ, — И. И. Шишкинъ, — Т. И. Шинкинъ, — баронъ В. И. Штейнгеймъ (декабристъ), — А. И. Штукенбергъ, — В. К. Шульцъ, — П. К. Щербавскій — М. П. Щербининъ, — Н. Н. Щукинъ, — А. И. Языковъ, — Ястржемскій, — Б. М. Федоровъ, — сообщенныя ими Записки (мемуары), изслѣдованія, статьи, письма и большія или меньшія собранія историческихъ матеріаловъ или даже цѣлыя фамильные архивы, напр. Бестужевыхъ, — К. В. Чевкина и др., — находятся въ распоряженіи редакціи „Русской Старинны“, и тѣ, которые до сихъ поръ не были еще ею изданы, постепенно будутъ печататься на страницахъ этого историческаго изданія.

[1870—1889 гг.]

24-го ноября 1889 г.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ И ЕЯ ПОДПИСЧИКИ

ВЪ 1889 ГОДУ.

Въ 1889 г. экземпляры „Русской Старины“ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ, по мѣсту подписки, по губерніямъ и областямъ:

1. Абобиорнеборгской губ.	1	24. Закаспійской обл.	22
2. Акимовской обл.	18	25. Иркутской губ.	57
3. Амурской обл.	13	26. Казанской	84
4. Архангельской губ.	17	27. Калининской .	15
5. Астраханской .	34	28. Калужской .	40
6. Бакинской	21	29. Карской обл.	10
7. Бессарабской.	61	30. Кіевской губ. .	147
8. Варшавской.	75	31. Ковенской	30
9. Виленской	48	32. Костромской. .	42
10. Витебской	29	33. Кубанской обл.	52
11. Владимірской .	65	34. Курляндской губ.	11
12. Вологодской	25	35. Курской	59
13. Волынской	57	36. Кутанской .	26
14. Воронежской	83	37. Кѣлецкой	11
15. Выборгской.	12	38. Лифляндской	41
16. Вятской .	44	39. Ломжинской	21
17. Гродненской.	34	40. Люблинской	37
18. Дагестанской обл.	10	41. Минской.	35
19. Донской обл.	55	42. Могилевской	30
20. Екатеринославской губ.	107	43. Московской.	54
21. Елисаветпольской	14	44. Нижегородской	45
22. Енисейской.	17	45. Новгородской.	58
23. Забайкальской обл.	43	46. Нюландской	10

47. Олонецкой	17	75. Тверской.	44
48. Оренбургской .	80	76. Терской обл.	48
49. Орловской	65	77. Тифлисской губ	80
50. Пензенской.	45	78. Тобольской .	30
51. Пермской	97	79. Томской .	33
52. Петровской .	16	80. Тульской.	60
53. Плоцкой .	21	81. Уральской обл.	8
54. Подольской .	50	82. Уфимской губ .	31
55. Полтавской .	96	83. Ферганской обл.	14
56. Приморской обл.	48	84. Харьковской губ.	117
57. Псковской губ.	40	85. Херсонской.	188
58. Радомской	14	86. Черниговской	77
59. Рязанской	60	87. Эриванской	10
60. Самаркандской обл.	7	88. Эстляндской	6
61. Самарской губ.	49	89. Якутской обл .	10
62. С.-Петербургской.	71	90. Ярославской губ.	56
63. Саратовской	82		
64. Семипалатинской обл .	2		Итого 3332
65. Семирѣченской	20	II. Въ Москвѣ:	
66. Симбирской губ.	39	<i>съ доставк. и безъ доставки — 496</i>	
67. Смоленской.	53	III. Въ С.-Петербургѣ:	
68. Ставропольской .	19	<i>съ доставк. и безъ доставки — 1155</i>	
69. Сувальской .	15	IV. За границу	
70. Сѣдлецкой	15	60	
71. Сырь-Дарьинской обл.	81	Всего разошлось въ 1889 г. 5545	
72. Тавастгусской губ.	2		
73. Гаврической	123		
74. Тамбовской .	79		

Завѣдующая экспедиціей журнала „Русская Старина“ *А. Н. Писарева.*

23 ноября 1889 г.
С.-Петербургъ.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ LXI, LXII, LXIII и LXIV томахъ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

изд. 1889 г.

- Абаза, Юлія Фед.**, рожд. Штуббе, томъ LXIV, 543, 559.
- Абаза, А. А.**, т. LXII, 769.
- Абатуровъ, Л. Ф.**, старшина слб. купеч. общ. 1889 г., т. LXII, 773, 774.
- Абдуль-Гильмовъ, студ.** казанск. унв. 1855 г., т. LXI, 560, 561.
- Абрамовъ, бывш. воспит.** Двор. полка, т. LXII, 265.
- Абрамовичъ, Станисл.**, поруч. 1862 г., т. LXIV, 78, 82, 84, 85.
- Авержиевъ, Дм. Вас.**, писат., т. LXIV, 568.
- Августинъ, архіеп.**, 1812 г., т. LXIV, 657, 672, 673.
- Авраамъ Шумилинъ, архіеп.** ростовск. съ 1824—1836 гг., т. LXIV, 238.
- Авраамій Палицынъ, т. LXIII, 295.**
- Августинъ, арх.** московск. 1812 г., томъ LXIV, 56.
- Агренева-Славянская, О. X.**, т. LXIII, 669—676.
- Агреневъ-Славянской, т. LXIV, 567.**
- Агриколянской, С. А.**, т. LXIV, 233.
- Адамовъ, слушат.** археолог. инст. 1889 г., т. LXIII, 208.
- Аделунтъ, Ф. П.**, т. LXI, 403.
- Адеркасъ, 1872 г.**, т. LXIV, 17, 748.
- Адлербергъ, начальница** Смольн. инст., † 1839 г., т. LXIII, 533, т. LXIV, 112.
- Адлербергъ, гр-ня, т. LXIV, 547.**
- Адлербергъ, гр., Влад. Фед.**, ген.-ад., мн-рь двора и удѣловъ 1860 г., томъ т. LXII, 35, 36, т. LXIII, 121, 122.
- Адлербергъ, гр., Алексдр. Влад.**, мн-рь двора 1875 г., т. LXIII, 412, 414, 420, т. LXIV, 99, 100.
- Адрианъ, патриархъ 1720 г.**, т. LXIV, 239.
- Адрианъ Головня, виленск. греко-уніат. еписк.** 1816 г., т. LXII, 328, 334.
- Аванчевскій, Мих. Пав.**, бывш. директ. слб. консерват., т. LXIV, 564.
- Айвазовскій, Ив. Конст.**, р. 1817 г., т. LXII, 226, 227, 234.
- Акимова, С. П.**, артистка, т. LXI, 200.
- Акимовъ, Вас. Петр.**, нач. Павловскаго воен. учил., ген.-лейт., т. LXIV, 438, 441, 442.
- Акимовъ, генер., губернаторъ** Рущука 1878 г., т. LXII, 159.
- Аксаковъ, Серг. Тимоѳ.**, т. LXI, 156, 384, 385, т. LXII, 233, т. LXIII, 172, 173.
- Аксаковъ, Ив. С.**, р. 1823 г., † 1886 г., т. LXII, 136, 143, 145, 154, 233, 510, т. LXIII, 165, 166, 323, 377, 378, томъ LXIV, 133.
- Аксаковъ, К. С.**, т. LXI, 636, т. LXIII, 164.
- Аксаковъ, офиц.** 1842 г., т. LXIV, 261, 269, 287.

Алабинъ, П. В., сообщ.: «В. В. Сикорский и Ф. Ф. Негребецкій, ординарцы ген. Хрузева въ 1855 г.», т. LXI, 105—112, упом., т. LXII, 148, 696—700, т. LXIV, 826.

Александра Феодоровна, импера-ца, р. 1798 г., † 1860 г., т. LXIII, 43, 51, 192, 533, т. LXIV, 522, 526, 528, 543, 544, 545, 552.

Александра Гюсифовна, вел. княгиня, т. LXIV, 631, 640.

Александра Павловна, вел. княг., въ супруж. палатина Венгер., род. 1783 г., † 1801 г., т. LXI, 228, т. LXIII, 217.

Александръ I, императоръ, р. 1777 г., † 1825 г., томъ LXI, 1—52, 178, 217, 226—228, 310, 411, 434, 435, 669, томъ LXII, 53, 208, 333, 465, 507, 508, 708, т. LXIII, 137, 158, 212, 228—240, 306, 307, 310—316, 362, 533, 686, 694, томъ LXIV, 32, 52, 130, 219, 220, 291, 301, 647—680, 710, 792, 814.

Александръ II, императоръ, р. 1818 г., † 1881 г., т. LXI, 53, 54, 106, 203, 233, 266, 342, 356, 415, 418, 421, 424, 426—427, 497, 586, 635, 652, 657, 660, 663, 669, т. LXII, 35, 52, 139, 223, 226, 227, 233, 246, 249, 250, 439—446, 507, 663, 717, 723, 741, 742, 767, 760, 768, 772, 774, т. LXIV, 359, 368, 483, 493, 542, 548, 551, 552, 729, 746, 759, 826, 841.

Александръ III, императоръ, т. LXI, 427—429, т. LXII, 415, т. LXIV, 494, 640, 845, 846.

Александръ Баттенбергъ, кн. Болгарскій, т. LXI, 68.

Александръ, еписк. костромск. и галичскій, т. LXIII, 708.

Александровъ, студ. казанск. универс. 1861 г., т. LXIII, 75, 76, 77.

Александровичъ, директ. Ботанич. сада въ Варшавѣ, 1864 г., т. LXIV, 441.

Алексѣй Михайловичъ, царь, т. LXI, 411, т. LXII, 246, 250, 452—454, 758, т. LXIII, 292, 718, т. LXIV, 208.

Алексѣй Петровичъ, царевичъ, томъ LXI, 231, 239, 240, 241, 242, 243, томъ LXII, 250, т. LXIII, 695, т. LXIV, 214.

Алексѣй Алексѣевичъ, царев., 1669 г., т. LXII, 453.

Алексѣй, епископъ тавричск., 1868 г., т. LXIV, 726.

Алексѣева, Елисавет., 1845 г., т. LXIV, 337—355.

Алексѣвъ, Петръ, протоіер. московск. Арханг. собора, т. LXIV, 182—184.

Алексѣвъ, студ. казанск. унив. 1859 г., т. LXII, 96, 97.

Алексѣвъ, ген.-м. 1862 г., т. LXIV, 82.

Алексѣвъ, полковн. 1889 г., т. LXII, 271.

Алексѣвы, т. LXIII, 152.

Алексѣвскій, офиц. 1839 г., т. LXII, 46.

Алихановъ, бывшій воспит. Дворянск. полка, т. LXII, 265.

Аленинъ, полковн. 1860 г., вполн. нач. Лабинск. окр. на Кавказѣ, т. LXIII, 403.

Алопеусъ, дипломат. аг., т. LXIV, 657.

Алтуфьева, т. LXIV, 283.

Алтуховъ, полковн. 1858 г., т. LXII, 644, 645.

Алферовскій, В. А., сиб. городск. голова, т. LXI, 378.

Альмовъ, помѣщ. 1799 г., т. LXIV, 54.

Альбединскій, ген.-ад., варшавск. ген.-губернат., т. LXI, 80.

Альбертъ, принцъ Прусскій 1862 г., т. LXIV, 406.

Альбертъ, ген., т. LXIII, 136.

Альбрехтъ, Луи, арт., т. LXIV, 562.

Альтани, г.-жа, уч.-ца сиб. консерват. 1865 г., т. LXIV, 613.

Альтани, уч.-къ сиб. консерв. 1865 г., т. LXIV, 562, 565, 613.

Альфонскій, докт. 1844 г., т. LXIII, 383.

Алѣвъ, студ. каз. унив. 1861 г., томъ LXIII, 433.

Алябѣвъ, Александр. Александров., композиторъ, р. 1802 г., † 1852 г., т. LXI, 333.

Амбрашевичъ, т. LXIV, 591.

Амвросій, Зертисъ-Каменскій, архіеписк. московскій, † 1771 г., т. LXII, 255—258, 262.

Амшладоровъ, кн., полковн. 1760 г., т. LXII, 520.

Амонъ, команд. л.-гв. Литовск. полка 1841 г., т. LXIV, 292.

- Амфилохій** (Казанцевъ), архимандритъ моск. Данилова монаст., вполн. еписк. угличскій, р. 1818 г., т. LXIII, 703 — 705, 707, 708.
- Анна** Иоанновна, импер-ца, р. 1693 г., † 1740 г., т. LXII, 196, 253, 510, томъ LXIV, 660.
- Анна** Леопольдовна, (Карловна), правительница, р. 1718 г., † 1746 г., томъ LXIII, 695.
- Анна** Петровна, царевна, герцог. Голштейн-Готторгская, род. 1708 года, † 1728 г., т. LXI, 239.
- Анна** Павловна, вел. княг., въ супр. королева Нидерланд., род. 1795 г., † 1865 г., т. LXIV, 523.
- Анна** Федоровна, вел. княг., первая супруга цесарев. Константина Павловича, г., LXIII, 194.
- Анастасій**, херсонск. пресвитеръ 988 г., т. LXIV, 188.
- Ангальтъ**, бывш. директ. 1-го кад. корп., т. LXIV, 307, 309, 310.
- Англеръ**, поруч. 1762 г., томъ LXIV, 12, 13.
- Андреева**, т. LXIV, 285.
- Андреевъ**, городнич. г. Березова 1827 г., т. LXIII, 134, 135.
- Андреевъ**, 1865 г., т. LXI, 100.
- Андреевъ**, Е. Н. т. LXI, 653.
- Андреевъ**, Никита, унт.-офиц., 1868 г., т. LXIV, 726.
- Андреевскій**, Ив. Ефимов., проф., тайн. сов., директ. Археол. института, сообщ.: «О первыхъ шагахъ дѣятельности с.-петербургскаго приказа общественнаго призрѣнія», т. LXIII, 447—456; «Обзоръ дѣятельности ученыхъ архивн. комисс. въ 1888 г.», т. LXIV, 805—826, упом. томъ LXIII, 205—209.
- Андрей** Боголюбскій, вел. князь, томъ LXIII, 687, 689.
- Андріановъ**, бывш. студ. спб. унив., т. LXIV, 108.
- Андрониковъ**, вл., 1853 г., т. LXIII, 251, 260.
- Андросовъ**, Вас. П., писат., 1827 г., т. LXI, 329, 330, т. LXII, 239, т. LXIII, 126, 127.
- С. Андрю**, гр., кап.-лейт. 1800 г., томъ LXIV, 221.
- Аничковъ**, помѣщ., т. LXIV, 415.
- Анненковъ**, Ник. Ник., генер., директ. канц. воен. мин., 1842 г., т. LXIV, 736, 743, 744, 755, 756, 757.
- Анненковъ**, Пав. Вас., писат., т. LXI, 337, 340, 341.
- Анненковъ**, Ив. Александр., декабристъ, р. 1802 г., † 1878 г., т. LXIII, 323, 339, 345, 350, 623.
- Анреъ**, ген., т. LXI, 317.
- Антоникъ**, архим. въ Палестинѣ 1889 г., т. LXIII, 441, 442, 444.
- Антоній**, Зубко, архиеп. минск. 1836 г., т. LXII, 327, 339, 346, 348, 352, 354, 356, 359, 604, 612.
- Антоній**, викарв. епископъ спб. епарх. 1889 г., т. LXI, 649.
- Антоній** Рафальскій, митроп. новгород. и спб. 1840 г., т. LXII, 318, 314, томъ LXIV, 750.
- Антоновичъ**, Плат. Александр., ген.-лейт., р. 1812 г., † 1833 г., т. LXI, 315—318.
- Ангуфьевъ**, Никита Демидов., родовач. фамиліи Демидовыхъ, т. LXIV, 219.
- Анучинъ**, Дм. Гавр., сообщ.: «Къ вопросу о Болгарскомъ ополченіи», томъ LXIII, 195—202, упом. т. LXII, 135, 150—159, 512.
- Анучинъ**, Д. П., проф., г. LXII, 451.
- Анфорова**, т. LXIV, 268, 273, 287.
- Анфоровъ**, офиц. 1812 г., т. LXIV, 261, 263, 278, 284.
- Анчутинъ**, т. LXIV, 612.
- Апостоловъ**, Г. А., чл. таврич. арх. ком., т. LXIV, 810.
- Апраксинъ**, ген., т. LXIV, 662—684, 711.
- Апраксинъ**, адъют. 1856 г., т. LXIV, 552.
- Апраксинъ**, Внкт. Видм., камерг., бывш. чл. редакцион. ком., т. LXI, 665.
- Апраксины**, графы, т. LXIII, 163.
- Апрелевъ**, Як. Фед., чл. межев. канцел. 1799 г., т. LXII, 548, 549, 550, 551, 553.
- Апрѣлевъ**, д. ст. сов. 1836 г., т. LXIII, 540.
- Апухтинъ**, инженер.-подполк. 1810 года, т. LXII, 511.

Апугтинъ, подполковн. 1889 г., томъ LXII, 271.

Арачгеевъ, гр., Алексій Андр., генер. артил., р. 1769 г., † 1834 г., т. LXI, 218, 225, 226, 228, 230, т. LXII, 122, 473, 474, т. LXIII, 301, 311—313, 321 359—362, т. LXIV, 376, 670—677.

Арапетовъ, Ив. Павлов., чл. редакціон. ком., † 1887 г., т. LXI, 865, т. LXII, 769.

Арбеневъ, А., генер. 1799 г., т. LXII, 551.

Арбенъевъ, Иосифъ Іевлев., майоръ Измайловск. полка 1796 г., т. LXI, 229, 230.

Арбузовъ, Петръ, т. LXIII, 452.

Аргутинская-Долгорукая, княжна, Нина Ив., въ замуж. графиня Лормъ-Мелникова, т. LXIII, 604.

Ардашевъ, архивистъ 1868 г., т. LXII, 237.

Аристовъ, В. И., д. ст. сов., поч. чл. секрет. совѣта славянск. общ. 1889 г., т. LXII, 773.

Аристовъ, Пав., студ. казавск. унив. 1859 г., т. LXII, 97, 100, 104, т. LXIII, 435.

Арнасъ, Н. А., ген.-ад., адмир., томъ LXII, 718.

фонъ-Аряъ, К. К., проф. слб. консерваторіи 1862 г., т. LXIV, 562, 591.

Армстронгъ, студ. слб. унив. 1826 г., т. LXI, 300, 303, 312, 313, 508, томъ LXII, 118, 579, 580, 582, 583, томъ LXIII, 38, 290, 291, 542.

Арифельдъ, бар., вполн. гр., Густавъ Мауриніи, р. 1757 † 1814 г., т. LXIV, 647.

Аригольдъ, Ив., поруч. 1862 г., томъ LXIV, 78 — 84.

Арнольдъ, Юрій, т. LXIV, 610.

Аридь, придворн. ювелиръ, т. LXII, 10.

Аридь, лейбъ-мед., т. LXIII, 322, 551.

Арнольдъ, Ю. Е., т. LXI, 411, т. LXIV, 610.

Арнольди, ген., 1877 г., т. LXIV, 764.

Аригофеиъ, бар., фл.-адъют., 1877 г., т. LXIV, 768.

Арифельдъ, полковн 1849 г., т. LXI, 467.

Арсеній Мацѣевичъ, митроп. ростовск. † 1772 г., т. LXI, 411, т. LXIII, 687, 692, 695, 698, т. LXIV, 239.

Арсеній, Верещагинъ, первый по врем. архіеп. Ярославск. съ 1783—1799 г., т. LXIV, 239.

Арсеній, еписк. Рижск. и Митавскій 1889 г., т. LXIV, 253.

Арсенъева, Екат. Петровна., т. LXII, 544, 555.

Арсенъева, воспит. Смольн. институт, 1842 г., т. LXIV, 731.

Арсенъева, Е. А., бабушка М. Ю. Лермонтова, т. LXI, 159, 161.

Арсенъевъ, Ив. Тарасъев., т. LXII, 556.

Арсенъевъ, Конст. Ив., проф. слб. унив. 1828 г., т. LXI, 248, 256, т. LXII, 593.

Арсенъевъ, К. Б., писат., т. LXII, 753.

Арсенъевъ, моск. вице-губерн. 1812 г., т. LXIV, 656, 657, 673.

Арсенъевъ, т. LXIV, 748.

Арсенъевъ, офиц. 1812 г., т. LXIV, 286.

Архарова, Екат. Александр., рожд. Борсакова, т. LXII, 197.

Архаровъ, Ив. Петр., ген.-аншефъ, моск. воен. губернат., † 1815 г., т. LXII, 197, 198.

Архаровъ, Ник. Петр., моск. об.-полици. вполн. ген.-губ. въ Твери, Новгородѣ, въ Слб., ген.-директ. полиціи, р. 1742 г., † 1814 г., т. LXII, 197, 206, т. LXIII, 508, т. LXIV, 651, 662, 673.

Архаровы, т. LXII, 551.

Арцибышева, Нат. Петр., помѣш., томъ LXII, 565, 567.

Арцибышевъ, Ив. Афан., помѣщикъ, 1779 г., т. LXII, 543, 549.

Арцибышевъ, Яв. Ив., т. LXII, 566, 575.

Арцимовичъ, Викт. Ант., д. тайн. сов. первоприсутств. въ I-мъ деп. сената. т. LXI, 659, т. LXII, 738, 769.

Арцимовичъ, А. А., т. LXI, 659.

Арду-Чермоевъ, майоръ 1858 г., томъ LXII, 655.

Арцибушевъ, т. LXII, 250.

Аршажуловъ, директ. гимназ. въ Гельсингфорсѣ 1889 г., т. LXI, 653.

Аршеневской, Александр. Александр., офиц. 1-го. Литовск. полка 1824 г., томъ LXIV, 319.

Ассандри, пѣвца, т. LXIV, 754, 755.

Аскольдъ, князь, т. LXIV, 186, 187.

Ассіеръ, г-жа, т. LXII, 584.

Астафьевъ, Владим. Пав., т. LXI, 307, 308, 519.

Астафьевъ, Н. А., проф. 1889 г., томъ LXIII, 666.

Асташевъ, В. И., т. LXIII, 332.

Асташевы, т. LXIII, 332.

Астраховъ, художн. 1852 г., т. LXIV, 141.

Атрѣшковъ, т. LXIII, 286.

Ауеръ, Л. С., арт., т. LXIV, 614, 626.

Афросимовъ, Ал. Павл., нач. дружины 1812 г., т. LXIV, 53.

Ахвердовъ, Ю. Ф., докт., т. LXIII, 604.

Ахлестышевъ, Дм. Дм., одесск. воен. губернат. 1850 г., т. LXI, 246.

Ахматова, Марья Ив., рожд. Соловцова, т. LXII, 273.

Ахматова, Александра Мих., рожден. Гарновская, т. LXII, 273.

Ахматова, Елис. Ник., писат-ца, сообщ.: «Осипъ Ивановичъ Сенковский», томъ т. LXII, 273—312.

Ахматовъ, Фед. Антип., адмир., т. LXII, 273.

Ахматовъ, Фед. Ник., т. LXII, 280.

Ахматовъ, Никол. Фед., т. LXII, 273, 279.

Ахматовъ, Мих. Ник., т. LXII, 280.

Ашъ, Фридрихъ, подполковн. 1763 г., т. LXIII, 463, 465, 474, 475, 477, 478, 480, т. LXIV, 4, 6, 10, 11, 18.

Ашъ, шт.-донт. 1760 г., т. LXII, 520, 530.

Ашъ, бар. 1827 г., т. LXIII, 111, 112.

Ашневъ, чиновн., т. LXI, 249, 253, 254, 256.

Афанасій, архіеп. казанск. и свѣяжскій 1861 г., т. LXII, 626.

Афанасій Сильвестровъ, въ вноч. Захарій, свѣц., т. LXI, 369—375, т. LXIV, 836.

Афанасьевъ, Александр. Никол., редакт. «Библиографич. Записокъ», 1859 года, т. LXI, 402, 403, 404, 405, 408, т. LXII, 248.

Бабарыкины, т. LXII, 114.

Бабичевъ, Алексѣй Дм., учит. II Коломенск. городск. учил. въ Спб. † 1889 г., т. LXIV, 249—251.

Бабушкинъ, В. В., студ. моск. унив. 1889 г., т. LXIV, 817.]

Бабычъ, ген.-м. 1860 г., т. LXIII, 462.

Багалинъ, г-жа, т. LXIV, 321.

Багговутъ, Александръ Федор., ген. отъ кав., † 1883 г., т. LXI, 465—468, 473, 474. т. LXIII, 241—264.

Багговутъ, прап. гренад. пол. 1800 г., т. LXIII, 219.

Баграціонъ, кн., Петръ Ив., ген. отъ инф., род. 1756 г. † 1812 г., т. LXIV 644, 654, 655, 668, 670, 671, 677, 693, 708.

Багрѣевъ, т. LXIII, 361.

Баевъ, Мих., бывш. воспит. Дворян. пол. вып. 1857 г. т. LXII, 264.

Бажановъ, проф. богослов. 1827 г., томъ LXII, 122.

Баженовъ, Мать. 1729 г., LXIII, 135.

Баженовъ, полковн., коменд. Тенгинск. пол. 1858 г., бывш. воспит. Двор. пол., т. LXII, 265, 248, 650, 653, 658, 669, т. LXIII, 83, 87—89, 95, 97, 103, 105—108.

Баженовъ, А. Н., т. LXIV, 611.

Баженовъ, кол. сов. 1800 г., т. LXIII, 221.

Базевъ, вѣж. генер. 1827 г., т. LXII, 123.

Бавилевскій, полковн. 1889 г., т. LXII, 271.

Бавуновъ, А. Фед., книгопродав. 1850 г., т. LXIV, 127.

Байковъ, Илья Ив., вучерь имп. Александра I, т. LXI, 227.

Байковъ, директ. земледѣльч. училища 1839 г., т. LXIV, 113.

Бажеева, Пелаг. Васильев., т. LXII, 566.

Байлановскій, Ив., т. LXIII, 129—132.

Бажукинъ, М. М., слб. губерн. 1809 г., т. LXIV, 362.

Бажукинъ, Мих. А., эмигрантъ, т. LXI, 154, 185, т. LXIII, 344.

Балакиревъ, М. А., композ., т. LXI, 394, 395, т. LXIV, 614, 615.

Балакиревъ, шутъ, т. LXI, 226, 227.

- Валашевъ, ген.-м., ревельск. воен. губернат. 1800 г., т. LXIII, 221.
- Валашовъ, А. Д., мн-рь полиціи 1812 г., т. LXIV, 362, 647, 650, 671, 673—677.
- Валашовъ, Вас. Степ., колеж. совѣт., владѣл. типогр. въ Сиб. 1839 г., томъ LXIV, 238.
- Вальбажи, презид. м.-х. акад., т. LXII, 662.
- Валъцани, проф. казанск. унив. 1859 г., т. LXII, 96.
- Ваннеръ, коменд. Выборгск. пол. 1762 г., т. LXIII, 489.
- Вантышъ-Каменская, Анна Дмитр., † 1899 г. сообщ.: „Николай Ник. и Дмитрій Николаевичи Вантышъ-Каменскіе въ 1800—1829 г.“, т. LXIV, 191—194, упом. т. LXII, 255, 505—507, 511.
- Вантышъ-Каменскій, Никол. Никол., управл. москов. архив. мн—ва иностр. дѣлъ, р. 1737 г. † 1814 г., т. LXII, 251, 253, 255, 256, 257, 505, 511, т. LXIV, 191—194.
- Вантышъ-Каменскій, Дм. Никол., тн. сов., р. 1788 г. † 1850 г., т. LXII, 257, 505, 506, т. LXIII, 134—136, т. LXIV, 132, 191—194.
- Варанецкій, присяжн. повѣрен., томъ LXIV, 590.
- Варановъ, Дм. Осип., сенат. 1827 г., т. LXIII, 124.
- Варановичъ, т. LXI, 262.
- Варановскій, Викт. Ив., писат., томъ LXIV, 118, 119.
- Варатовъ, офиц. 1812 г., томъ LXIV, 281, 282.
- Варатынскій, Евгенийъ Абрамов., поэтъ, † 1884 г., т. LXI, 320, т. LXII, 239.
- Варбашевъ, А. И., учен., т. LXI, 409, 411.
- Вардаиъ де Толли, М. Б., воен. мн-рь, т. LXIV, 363, 654—677, 686, 690—696, 704—708, 714, 716.
- Варманъ, А. Г., чл. геогр. общ., томъ LXIV, 437.
- Варнашовъ, Дм. Гаврил., секрет. москов. думы 1779 г., т. LXII, 547, 548, 549, 557, 560, 562, 565.
- Варотовъ, бывш. воспит. Константиноп. учил., т. LXII, 271.
- Варскій, В. Г., путеш., писатель, т. LXI, 432.
- Варсовъ, Ельпидифоръ Васил., секрет. москов. историч. общ., т. LXII, 239—242, т. LXIII, 670, 673. :
- Вароузовъ, Николай Платон., сообщ. „Мысли и замѣчанія сельскаго жителя на стихи неизвѣстнаго сочинителя, подъ названіемъ: Домъ сумашедшихъ“, томъ LXII, 468—470;—, Михаилъ Трофимовичъ Катановскій“, т. LXIV, 199—202, упом. т. LXI, 431—433, т. LXII, 238, т. LXIV, 215.
- Вартдинскіе, т. LXIV, 306.
- Вартоломей, И. А., т. LXI, 234.
- Варчевская, сестра милосерд., 1855 г., т. LXI, 89.
- Варчъ, Никол., т. LXIV, 369, 370.
- Варышкинъ, Г. М., чиновн., т. LXIII, 147, 156.
- Варышовъ, арт., т. LXIV, 593.
- Варятинскій, вл., Александръ Ив., ген. фельдмарш., намѣстн. Кавказа 1856—1861 гг., р. 1814 г. † 1879 г., т. LXI, 441, 442, 480, —488, 493, 495, 497, 499, 500, 501, 502, т. LXII, 229, 359, 360, 366, 370, 371, 373, 374, 377, 382, 385—387, 654, 656, т. LXIII, 81—105, 249, 387—416, т. LXIV, 410.
- Васаргинъ, Яв. Ив., т. LXII, 544, 545.
- Василовъ, учит. словесн. 2-го Моск. кад. корп. 1858 г., т. LXIII, 621, 623, 629.
- Василюва, т. LXIV, 265.
- Василювъ, офиц. 1812 г., т. LXIV, 297.
- Василь, В. С., авт. брошюры о дѣлѣ А. Г. Рубинштейна, т. LXIV, 603, 629.
- Ваталинъ, инженер. 1878 г., т. LXIV, 153.
- Ватсатулъ, ген.-м. нач., шт. 2-го армейск. корп. 1862 г., т. LXIV, 79, 79.
- Ватенбергъ, вл. Болгарскій, т. LXII, 399, т. LXIV, 793.
- Ватенковъ, Гавр. Степан., декабр., писатель, р. 1793 г. † 1863 г., т. LXIII, 301—362.
- Ватурина, Анна Никол., т. LXIV, 307.
- Ватурино, Серг. Герасимов., генералъ 1839 г., т. LXII, 56.

- Ватуринъ, Фед. Герасимов., т. LXIV, 299, 306.
- Ватуринъ, помѣщикъ, т. LXIV, 295.
- Ватуринъ, бывш. воспит. Дворян. пол. вып. 1860 г., т. LXII, 264.
- Ватюшковъ, Конст. Никол., писатель, р. 1787 г. † 1855 г., т. LXI, 143, 296, т. LXIII, 124, 298, т. LXIV, 116.
- Ватюшковъ, Помп. Никол., д. т. сов., почетн. онек., т. LXII, 323.
- Ваумгартенъ, ст. сов. 1878 г., т. LXII, 159.
- Вауръ, полковн. 1788 г., т. LXIII, 512.
- Вахметевъ, бывш. директ. придвора. казены, т. LXIV, 520.
- Вахрушинъ, А. Т., т. LXIV, 820.
- Вахъ, художн., т. LXIV, 474.
- Вачмановъ, штабъ-ротмистръ 1796 г., т. LXI, 229.
- Вашиловъ, художн. 1852 г., т. LXIV, 140.
- Вашуцкій, А. П., изд. «Иллюстраціи» въ нач. 1840-хъ гг., т. LXII, 500, т. LXIV, 729.
- Вебутовъ, кн., Вас. Осип., ген. отъ инф. † 1858 г., т. LXIII, 251, 252, 253, 256, 257, 259, 261.
- Везобородко, кн., Александр. Андреев., канцл., р. 1747 г. † 1799 г., т. LXI, 457, т. LXII, 211, 205, т. LXIV, 651.
- Везобородко, гр., 1806 г., т. LXI, 2.
- Везобовичъ, т. LXI, 653.
- Везгинъ, Илья, бывш. воспит. Дворян. пол., вып. 1871 г., т. LXII, 263.
- Везобразовъ, В. П., акад., † 1889 г., т. LXIV, 437, 570.
- Везобразовъ, полков. 1800 г., т. LXIII, 214.
- Везобразовъ, попечит. Демидовск. учил. въ Ярославѣ 1828 г., т. LXII, 592.
- Везобразовъ, т. LXI, 321.
- Везооновъ, Василій, т. LXIII, 481.
- Вейдеманъ, художн., † 1869 г., т. LXIV, 453, 454, 456, 458, 460, 462, 463, 464, 468, 469, 470.
- Вель, Ив. Филипп., докт. 1789 г., т. LXIII, 515.
- Вежетовъ, Никита Аванас., т. LXII, 273.
- Вежетовъ, бригадиръ 1760 г., т. LXII, 522, 530.
- Вежетовъ, профес. казанск. унив. 1859 г. т. LXII, 90, т. LXIV, 469.
- Вежетовъ, т. LXI, 211.
- Веккеръ, издат. «Вѣстн.» 1868 г., т. LXI, 406.
- Веклемишевъ, чиновн., 1857 г., т. LXII, 475.
- Веклешовъ, Александр., Андр. ген.-прокур. 1799 г., т. LXI, 2, 215, т. LXIII, 457.
- Веклешовъ, гвард. офицер. 1828 г., томъ LXII, 595.
- Велинъ, проф. москов. унив. 1878 г., т. LXIV, 153.
- Веллинггаузенъ, адмир., генер.-аудиторъ флота, т. LXI, 583.
- де-Вель, гр., т. LXI, 454.
- де-Вельзенко, Эмилія, т. LXI, 451, 452.
- Вемъ, артистъ, т. LXI, 383.
- Венардаки, т. LXIV, 559.
- Венардаки, бывш. студ. слб. унив. 1858 г., т. LXII, 481.
- Веневитскій, студ. казанск. унив. 1861 г., т. LXII, 624, 629, 630, 639, т. LXIII, 70.
- Веневскій, Арсад. Семен., наказной атаманъ амурск. казач. войска, т. LXII, 482, 483, т. LXIV, 446.
- Венедиктовъ, В. писат., томъ LXIV, 120, 744.
- Венигсенъ, генер. 1807 г., т. LXI, 37, т. LXIV, 645, 714, 716.
- Веницкий, профес., т. LXIII, 599.
- Венкендорфъ, гр. Александр. Христоф., шефъ жандарм., р. 1783 г. † 1814 г., т. LXI, 137, 138, 379, 385, 386, т. LXII, 595, т. LXIII, 33, 37, 44, 145—151, 277, 281, 524, 534, 537, 546, 552, 556, 686, т. LXIV, 34—51, 137, 363—366, 729, 735—739, 756.
- Венкендорфъ, Конст. Христофор., партизанъ 1812 г., т. LXIV, 36.
- Верви, профес. физиолог. каз. унив. 1858 г., т. LXI, 564, 566, 567, 568, т. LXIII, 434.
- Верви, студ. казанск. унив. 1861 г. т. LXIII, 67, 68.
- Вергъ, гр., Ф. Фед., намѣстн. Царства, Польск., т. LXIV, 90.
- Вергъ, А., секрет. гапсальск. город. думы 1839 г., т. LXIII, 668.
- Вердниковъ, т. LXIII, 295.

- Вережинъ - Ширяевъ, Я. О., библиографъ, т. LXI, 407, 409, 412.
- Вережинъ, И. Н., проф. ориенталистъ, т. LXIV, 182, 133, 620.
- Верже, Адольфъ Петров., председат. кавказск. археографич. комиссiи, р. 1828 г. † 1886 г., т. LXII, 508.
- Верю, сержантъ, р. 1802 † 1870 г., томъ LXII, 244.
- Вернадъ, Н., изд. «Нувелиста», т. LXIV, 603.
- Версъ, докт., т. LXIV, 541.
- Вертолино, подполковн., 1846 г., томъ LXIV, 68, 72, 76.
- Веръ, писат., т. LXII, 454.
- Веседецкий, делегатъ изъ Вѣны въ Царичинъ 1878 г., т. LXIV, 153.
- Вессель, В. В., т. LXIV, 628—630.
- Вестужева, Елена Александр., т. LXIII, 357.
- Вестужевъ, Александр. Александр. (Марлинскій), писатель, декабр., † 1837 г., т. LXI, 144, 319, 320, 321, 322, 325, 328, 329, т. LXII, 239, т. LXIII, 113, 115, 116, 118, 279, 313—319, 362, 556, томъ LXIV, 106, 375—378.
- Вестужевъ, Николай Александр., декабр., т. LXIII, 314, 316, 319, 333—339.
- Вестужевъ-Рюминъ, К. Н., профес., т. LXI, 409, 411.
- Вестужевъ-Рюминъ, А. П., канцл. т. LXII, 250.
- Вестужевы, т. LXIII, 113.
- Веталинъ, Петръ, бывш. воспит. Дворянс. полка вып. 1855 г., т. LXII, 264.
- Ветанинуръ, ген., нач. инст. пут. сообщ. 1820 г., т. LXI, 328, т. LXIII, 310.
- Ведный, Ив. Нв., д. т. сов., р. 1704 г., † 1795 г., т. LXII, 185, томъ LXIII, 450, 451.
- Ведный, 1846 г., т. LXI, 155.
- Вечеровъ, 1855 г., т. LXI, 102.
- Видянова, Варвара Петр., т. LXII, 323.
- Видянова, Ек. Я., т. LXII, 575.
- Видяновъ, Аполл. Ильичъ, кап. л.-гв. Литовск. полка 1824 г., т. LXIV, 318.
- Видяновъ I-й, Дм. Гавр., кievск. ген.-губернат., впоследс. мн-ръ внут. дѣлъ 1853, т. LXI, 245, т. LXII, 320, томъ LXIII, 623, 686, т. LXIV, 131.
- Видяновъ 2-й, Илья Гавр., виленск. ген.-губернат. 1848 г., т. LXII, 319, 320, 321, 322, 323.
- Видяновъ, ген.-ад. 1861 г., т. LXII, 628.
- Видяновы, т. LXIV, 212.
- Видовъ, бар., полковн. 1760 г., т. LXIII, 463, 475, 477, 478.
- Вирвовский, докт. 1830 г., т. LXIII, 13.
- Виронъ, Людомиръ, бывш. воспит. Дворян. полка вып. 1859 г., т. LXII, 263.
- Виронъ, Иоганнъ Эрнестъ, герц. курь. р. 1690 г., † 1772 г., т. LXII, 210, томъ LXIV, 218, 242, 243.
- Виронъ, принцъ курляндскій, ген.-л. 1813 г., т. LXIII, 306.
- Виронъ, маршалъ 1788 г., т. LXI, 440.
- Вируковъ, Александр., т. LXIV, 198.
- Вирюковъ, студ. казанск. унив. 1861 г., т. LXIII, 453.
- Вистромъ, Карлъ Ив., т. LXIII, 636.
- Вичуринъ, Левъ, монахъ Казанск. Оптинск. пустыни, т. LXI, 390.
- Влаговѣщенскій, А., писат., т. LXII, 481, т. LXIII, 601.
- Влагосвятловъ, Г. Е., изд. «Русскаго Слова», т. LXII, 481.
- Влазь, скрип., т. LXII, 245, т. LXIV, 746.
- Влосфельдъ, профес. казанск. универс. 1859 г., т. LXII, 90.
- Влохинъ, С. М., чл. орловск. арх. ком. т. LXIV, 809.
- Влудовъ, Дм. Никол., мн-ръ вв. дѣл. т. LXI, 209, т. LXII, 129, 340, 454, 590, т. LXIII, 46, т. LXIV, 123, 132, 364, 365, 755.
- Воборынинъ, полковн. 1855 г., томъ LXI, 366.
- Вобринскій, ген., Алексѣй Григ., род. 1762 г., † 1811 г., т. LXII, 536, 537.
- Вобровъ, Андр. Петр., экономя 1-го кад. корп. 1817 г., т. LXIV, 301.
- Вобровский, Кириллъ, свящ., т. LXII, 611.
- Вобровский, Мих. Кир., проф. виленск. унив., р. 1784 г., † 1848 г., т. LXII, 325—356, 599—622.
- Вобровский, П. О., сообщ.: «Михаилъ Кирилловичъ Вобровский», т. LXII, 325—356, 599—622, упом. 265.

- Вобровскій, Иосифъ Кирилл., докторъ философіи, т. LXII, 612.
- Вогачевскій, Мих., бывш. воспит. Двор. полка вып. 1865 г., т. LXII, 263.
- Вогданова, въ зам. Вороздина, томъ LXIII, 59.
- Вогдановъ, инженер., т. LXII, 667.
- Вогдановъ, Мих., студ. казанск. унив. 1801 г., т. LXIII, 427.
- Вогдановъ, Ник. Иван., тульск. губери. 1812 г., т. LXIV, 260, 263, 282.
- Вогдановичъ, Модестъ Ив., ген.-лейт., воен. историкъ, † 1882 г., т. LXI, 20, 75, 77, 95, т. LXIII, 314.
- Вогдановичъ, капит. 1773 года, томъ LXIV, 49.
- Воголюбовъ, Андрей, бывшій воспит. Двор. полка 1860 г., т. LXII, 263.
- Воголюбовъ, Алексѣй Петр., д. с. сов., проф. живописи, т. LXII, 234, т. LXIV, 455, 572.
- Воголюбовъ, проф. спб. унив. 1831 г., т. LXIII, 55.
- Вогориди, ин., А., бывш. ген.-губери. вост. Румелии, т. LXII, 149, т. LXIII, 195.
- Вогословскій, Ив., т. LXIII, 706.
- Вогулазскій, 1812 г., т. LXIV, 36.
- Вогушевичъ, Ю. М., издат. «Книжнаго Вѣстн.» 1860 г., т. LXI, 406.
- Вогушевскій, Н. К., сообщ.: «Александръ Александровичъ Бестужевъ», т. LXIV, 375—378.
- Водяновскій, Осипъ Макс., проф. моск. унив., р. 1808 г., † 1877 г., т. LXI, 157, 158, 251, 636, т. LXII, 222, 241, 500, т. LXIV, 123—141.
- Водяновскій, Пав. Ильичъ, инспект. Полтавск. корп. 1858 г., т. LXIV, 131.
- Воевъ, Матв., т. LXIII, 129—130.
- Вовіо, пѣвица, т. LXII, 245.
- Вожлевскій, художн., т. LXII, 42.
- Волдыревъ, цензоръ 1836 г., т. LXIII, 544, 546.
- Волдыревъ, А. В., бывш. рект. моск. унив., т. LXIV, 137.
- Волдыревъ, плац-маюръ слб. крѣп. 1835 г., т. LXIII, 521.
- Волженевъ, проф. 1851 г., т. LXIV, 133.
- Волгина, Е. А., въ зам. Салтыкова, т. LXII, 747.
- Волгинъ, т. LXIII, 347.
- Волотова, Елис. Тимоо., т. LXII, 554.
- Волотова, Анастасія Андр., т. LXII, 554, 574, 576, т. LXIV, 23, 26, 27.
- Волотова, Екат. Андр., т. LXII, 562, 570, 571, т. LXIV, 23, 26, 27, 29, 30.
- Волотова, Елисавет. Андр., т. LXII, 562, 563, 571, т. LXIV, 27, 28.
- Волотова, Ольга Андр., т. LXII, 569, т. LXIV, 27.
- Волотовъ, Александр. Вадм., т. LXII, 537.
- Волотовъ, Андр. Мих., т. LXIV, 29.
- Волотовъ, Андрей Тимофеев., р. 1738 г., † 1833 г., т. LXI, 410, т. LXII, 535—576, т. LXIV, 23—30, 259, 261, 277, 298.
- Волотовъ, В. А., бывш. миров. судья въ Спб., т. LXII, 537.
- Волотовъ, Мих. Павл., т. LXII, 537.
- Волотовъ, Пав. Андреев., т. LXII, 537, 544—553, т. LXIV, 24,—28, 259, 261.
- Волотовы, т. LXIV, 279.
- Вольшаковъ, С. Т., т. LXIV, 212.
- Вольшевъ, Валентинъ, т. LXIV, 444.
- Волховитиновъ, Е. А., т. LXI, 405.
- Вольцани, проф. физики казанск. унив. 1861 г., т. LXII, 634, т. LXIII, 65, 72, 73, 74, 75, 77.
- Вондыревъ, помощн. инспект. казанск. унив. 1861 г., т. LXIII, 431.
- Воневъ, докт. 1877 г., т. LXIII, 196, 201.
- Вонтанъ, ген., т. LXIV, 322.
- Воргманъ, И. И., проф. 1889 г., томъ LXI, 653.
- Вореръ, Софія, артистка, томъ LXIV, 524, 539.
- Ворещій, артистъ 1820 г., т. LXIII, 159.
- Воревко, т. LXIV, 229.
- Ворисъ Годуновъ, царь, т. LXII, 454, т. LXIII, 293.
- Ворисъ и Глѣбъ, князья, т. LXII, 454, 455, 456.
- Ворисовъ, Мих., бывш. восп. Дворян. полк. вып. 1860 г., т. LXII 263.
- Воричевскій, тн. сов., т. LXII, 473.
- Ворію, подпоруч. 1877 г., т. LXIV, 772.
- Воровиковскій, художн., т. LXII, 234.

- Воровиковъ, стат. совѣтн. 1826 г., томъ LXIII, 112.
- Вородинъ, А. П., т. LXIV, 615.
- Вородинъ, 1799 г., т. LXII, 569.
- Вородины, т. LXIV, 26, 27.
- Вородина, г-жа, т. LXII, 589.
- Вородинъ, Конст. Матвѣев., попечит. слб. учебн. окр. 1826 г., т. LXI, 513, т. LXII, 109, 111, 115, 119, 121, 128, 129, 580—596, т. LXIII, 271, 553.
- Вородинъ, Н. А., т. LXI, 396.
- Вородинъ, т. LXIII, 59.
- Вородины, т. LXIII, 527.
- Восвѣтъ, Даниилъ, вѣжен. генер. 1768 г., т. LXIV, 9, 12.
- Вослицкій, Викт., настоят. св. Троицк. монаст., т. LXII, 345, 348, 349, 351.
- Воткинъ, Серг. Петр., профес., т. LXIII, 581, т. LXIV, 148.
- Вохановскій, анархистъ, т. LXI, 56.
- Вочарниковъ, С. И., т. LXIV, 820.
- Вочшовъ, Алексѣй Поликарпов., въ монаш. от. Антоній, † около 1872 г., т. LXI, 377—380, т. LXIII, 113—118, 125, т. LXIV, 372—374, 846.
- Вранденбургъ, Н. Е., ген.-м., 1889 г., т. LXIII, 207, т. LXIV, 233.
- Врандтъ, писат., т. LXII, 297.
- Врандусъ, издатель „Музык. Свѣта“, т. LXIV, 603.
- Врантъ, арханг. купецъ 1834 г., т. LXIII, 293, 296.
- Фонъ Времзенъ, капит. 1862 г., т. LXIV, 78, 82, 83.
- Врениъ, архит., 1800 г., т. LXIII, 221.
- Вржовоскій, подл. 1889 г., т. LXII, 271.
- Вриннеръ, А. Г., истор., т. LXII, 252.
- Врилевичева, т. LXII, 114.
- Вриниъ, майоръ 1761 г., т. LXIII, 471.
- Вровинъ, нач. моск. гарниз. полка 1812 года, т. LXIV, 657.
- Врошаръ, помощн. моск. полиціймейст. 1812 г., т. LXIV, 657.
- Врошъ, мн-ръ, т. LXIV, 453.
- Врошъ, т. LXI, 227.
- Вроневскій, генер., т. LXII, 265.
- Вронниковъ, уч. Слб. консерватор. 1865 г., т. LXIV, 613.
- Вронниковъ, художн., акад., т. LXII, 227, 234.
- Вроходскій, бывш. воспит. Константн. учил., т. LXII, 271.
- Вруки, профес. живоп., т. LXIV, 333, 582.
- Врукъ, Ф. К., профес. Рншельев. лицея, т. LXI, 257.
- Врунь, Генр., профес. Рншельев. лицея, т. LXI, 245.
- Вруновъ, бар., русск. посолъ въ Лондонѣ 1866 г., т. LXII, 168.
- Врюловъ, К. П., художн., т. LXII, 234, 244, т. LXIV, 119, 120, 326, 328.
- Врюловы, т. LXIV, 587.
- Врюсъ, гр., ген.-м. 1762 г., т. LXIV, 12.
- Врянскій, уч. слб. консерват. 1865 г., т. LXIV, 613.
- Врянскій, актеръ 1833 г., т. LXIII, 269.
- Вугайковскій, М. Н., попечит. Рншельевск. лицея, т. LXI, 238, 244, 245, 256—259.
- Вудбергъ, бар., генер. 1806 г., т. LXI, 2, 37, 40, 317.
- Вувовскій, Н., т. LXI, 160.
- Вулатовъ, Мих. Леонт., ген.-лейт., р. 1760 † 1825 г., т. LXIII, 694.
- Вулатовъ, Дм. Алдр., р. 1837 г. † 1889 г., т. LXIII, 685, 688, 689, 694, 702, 708.
- Вулатовъ, студ. Рншельев. лицея, т. LXI, 246.
- Вулаховъ, арт.-инжеѣръ, т. LXIV, 547.
- Вулгажъ, Иосафатъ, еписк. брестск. 1816 г. влосл. митроп., т. LXII, 329, 333, 339, 603.
- Вулгазова, Ю. Н., т. LXIV, 797.
- Вулгазовъ, Алесдр. Петр., настоятель Базанск. соб. въ Слб., † 1883 г., томъ LXIV, 796, 797.
- Вулгазовъ, секрет. моск. главнокоманд. 1812 г., т. LXIV, 658.
- Вулгазовъ, Петръ Алексѣев., чл. редакціон. комм., † 1883 г., т. LXI, 665.
- Вулгазовъ, секрет. русск. послан. въ Константиноп. 1767 г., т. LXIII, 491.
- Вулгазовъ, К. А., т. LXI, 389.
- Вулгазовъ, т. LXI, 147.
- Вудгаринъ, Фад. Венедикт., р. 1789 г. † 18., писатель, т. LXI, 143, 155, 322, 325—327, 504, 512, т. LXII, 123—126, 296, 298, 577, 578, 583, т. LXIII, 23

- 44, 47, 48, 111, 526, т. LXIV, 104, 117, 118, 729, 735, 742, 743, 758—758.
- Буличъ, Никол.** Никит., бывш. проф. каз. унив., т. LXII, 97, 98, 99, 102, т. LXIII, 347.
- Буличъ, чиновн.** 1820 г., т. LXIII, 310.
- Булыгинъ, Васил. Ив.,** чл. редакціон. комм., р. 1808 г. † 1871 г., т. LXI, 664.
- Булыгинъ, Пав.,** студ. казанск. унив. 1859 г., т. LXI, 574, т. LXII, 100.
- Булышталя, чиновн. русск. посольств. въ Берлинъ** 1857 г., т. LXI, 396.
- Бунаковъ, бывш. воспит. Дворян. пол.,** т. LX, 271, т. LXIV, 775.
- Бунге, Никол. Христіанов.,** предсѣд. комит. мн—въ, чл. госуд. сов., т. LXI, 420, 659, 662, 665, т. LXII, 767, 769.
- Бурачевъ, издат. „Малка“,** т. LXIV, 747.
- Бургеръ, Алексдр. студ.,** казанск. унив. 1858 г., т. LXI, 572, т. LXIII, 67.
- Буринскій, Е. Ѳ.,** т. LXI, 407.
- Бурнашевъ, В. П.,** секрет. импер. волян. эконном. общ. 1850 г., т. LXI, 353.
- Бурнашевъ, помощн. директ. земледѣльч. учил.,** 1839 г., т. LXIV, 113.
- Бурнашевъ, т. LXIII, 557.**
- Бурнашевы, дѣвнцы, т. LXIV, 733.**
- Бурцевъ, А. П.,** предсѣд. земск. управы (Ряз. губ.) 1872 г., т. LXII, 22.
- Бурцовъ, А. П.,** предсѣд. Провск. земск. собр. 1871 г., т. LXI, 289.
- Буслаевъ, Ѳед. Ив.,** акад. и профес., род. 1818 г., т. LXI, 195—199, т. LXII, 221, т. LXIV, 216.
- Буссе, воспит-ца Смольн. мон.** 1842 г., т. LXIV, 731.
- Буташиевичъ-Петрашевская, Ѳеодора Дм.,** † 1867 г., т. LXII, 476.
- Буташиевичъ-Петрашевскій, Васил.,** д. ст. сов., штабъ-докторъ, 1854 г., т. LXII, 476.
- Буташиевичъ-Петрашевскій, Мих. Васил.,** † 7 дек. 1866 г., т. LXII, 475—476, т. LXIV, 540, 745.
- Бутковичъ, Анна Алексѣев.,** рожд. Непрасова, т. LXI, 351.
- Бутковъ, Владим. Петров.,** ст.-секрет., т. LXII, 761, т. LXIII, 625, 630.
- Бутлеровъ, рект. каз. унив.** 1861 г., т. LXII, 104, т. LXIII, 72, 431—434.
- Бутовскій, А. И.,** т. LXII, 767.
- Бутурлина, гр-ня** 1763 г., т. LXIV, 13.
- Бутурлинъ, генер.,** предсѣд. комитета по дѣл. печати 1848 г., т. LXI, 232.
- Бутурдинъ, А.,** писат. 1819 г., т. LXI, 232, 326.
- Бутурдинъ, гр. А. Б.,** генер.-фельдмарш. 1760 г., † 1767 г. т. LXII, 515—534, т. LXIII, 459—480, 491, т. LXIV, 3, 6, 8, 10, 16, 17.
- Бутурлинъ, Ив. Васильев.** 1677 г., т. LXIII, 129.
- Бутурлинны, т. LXI, 226.**
- Бутырскій, Никита Ив.,** профес. словесн. слб. унив. 1826 г., т. LXI, 304, 309, 310, 508, 509, 511, 523, т. LXII, 107, 108, 597, т. LXIII, 27—39, 55, 536.
- Бухаревъ, Александр. Матв.,** въ монаш. архим. Ѳеодоръ, † 1871 г., т. LXI, 374.
- Бухмейеръ, генер.,** т. LXII, 474.
- Бушъ, полковн.** 1877 г., т. LXIV, 773.
- Бузьскій, докт.,** 1853 г., т. LXIII, 160, 161.
- Бышовскій, архитект.,** т. LXIII, 153.
- Быстровъ, А. И.,** т. LXIV, 819.
- Быстроглазова, воспит. Екатериин. институт. 1831 г.,** т. LXIII, 36, 43, 52.
- Быстроглазовъ, т. LXIII, 59.**
- Бычковъ, Аван. Ѳед.,** д. тайн. сов., акад., директ. слб. публичн. библ., т. LXI, 234, т. LXII, 252, 492, 496, т. LXIII, 205, 206.
- Бычковъ, Ѳ. А.,** ред. неоф. части «Ярослав. Губ. Вѣдом.», археолог., писатель, 1889 г., т. LXIII, 693, 706, LXIV, 233, 234.
- Вѣгичъ, т. LXI, 323.**
- Вѣгуновъ, П. Е.,** купецъ, томъ LXIV, 819.
- Вѣлкинъ, полковн.** 1857 г., ген.-м. 1888 г., т. LXI, 497, т. LXII, 372, 377, 645, 655, т. LXIII, 88, 105—108, 391, 394.
- Вѣдниновичъ, Авг.,** воспит. вил. главн. семинар., т. LXII, 329.

- Вѣликинскій, Виссаріонъ Грѣг., р. 1810 г. † 1848 г., т. LXI, 143—145, 636, 638, т. LXII, 747, т. LXIII, 380, т. LXIV, 201, 751.
- Вѣликинскій, студ. каз. унив. 1854 г., т. LXI, 568, 569.
- Вѣльскій, Матв. Петров., т. LXIV, 283.
- Вѣльскій, поруч. 1800 г., т. LXIII, 221.
- Вѣльскій, Ник. Петр., т. LXIV, 261, 275, 279.
- Вѣлоголовый, Н. А., докт., сообщ. воспоминанія: «Графъ Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ», т. LXIII, 579—615.
- Вѣлосельскій, кн., т. LXIV, 49, 52.
- Вѣляевъ, Александр. Петров., декабр., т. LXI, 205.
- Вѣляевъ, И. Д., профес. москов. унив. 1855 г., т. LXI, 251, т. LXII, 222, 240.
- Вѣляевъ, майоръ 1875 г., т. LXII, 148.
- Вѣляевъ, студ. каз. унив. 1858 г., т. LXI, 571, 572, 573, 574.
- Вюлеръ, бар., Ф. А., д. тн. сов., почетн. чл. имп. акад. наукъ, почетн. опекунъ, нач. моск. арх. мн-ва ин. дѣлъ 1888 г., т. LXII, 247, 248, 249, 251.
- Вюлеръ, 1788 г., т. LXI, 447.
- Вюлеръ, бар., Л. Д., д. ст. сов. 1816 г., т. LXIV, 363.
- Вагнеръ**, комп., т. LXIV, 524, 549, 608.
- Вагнеръ, профес. казанск. унив., 1861 г., т. LXIII, 66, 431.
- Вагнеръ, офиц., т. LXIII, 321.
- Вавсель, чл. межев. департ. въ Москвѣ, т. LXI, 520.
- Важуловскій, Н. Н., т. LXI, 653.
- Вальберхова, артистка, 1820 г., т. LXIII, 160.
- Валевскій, гр., т. LXIV, 321.
- Валуевъ, Петръ Степановичъ, 1796 г., т. LXI, 226.
- Вальцевъ, гл. директ. кремлевск. экспедиц. 1812 г., т. LXIV, 663, 678, 721.
- Валуевъ, гр., Петръ Александр., т. LXI, 70, т. LXIV, 87.
- Валуевъ, москов. об.-полциѣм. 1812 г., т. LXIV, 54.
- Валуевы, т. LXIII, 143.
- Ванновскій, П. С., воен. мин., т. LXI, 112, 647, 650, 653.
- Варжовская, учительница, 1879 г., т. LXII, 20.
- Варлаамъ, еписк. пензенскій 1860-хъ гг., т. LXIII, 193.
- Варлаамъ, архимандритъ, т. LXI, 231, 239, 243.
- Варпаховскій, офиц. л.-гв. Литовскаго полка, 1823 г., т. LXIV, 316.
- Василевъ, чл. казанск. арх. ком., томъ LXIV, 823.
- Василевскій, поруч., 1800 г., т. LXIII, 222.
- Василевскій, капит. 1889 г., т. LXII, 271.
- Василій Іоанновичъ, царь 1525 г., т. LXII, 510, т. LXIII, 293, т. LXIV, 815.
- Василій Лузинскій, архіеп. полоцк. и витебск., т. LXII, 329, 346—348.
- Васильевъ, П. Г., т. LXI, 653.
- Васильевъ, лекарск. помощн. 1878 г., т. LXIV, 143, 144.
- Васильевъ, студ. казанск. унив. 1859 г., т. LXII, 92.
- Васильевъ, художн., т. LXII, 234.
- Васильевъ, А. А., т. LXI, 234.
- Васильевъ, др. артистъ, т. LXII, 223, т. LXIII, 653.
- Васильевъ, бывш. воспит. Констант. учил., т. LXII, 271.
- Васильево Константиновичъ, князь 1230 г., LXIII, 687.
- Васильчиновъ, кн., Викторъ Иларіоновичъ, ген.-адъют., 1855 г., т. LXI, 82, 83, 88, 90, 92, 100, 101, 102, 103, 107, 108, 247.
- Васильчиновъ, кн., волынск. губернат. 1851 г., т. LXIV, 131.
- Васильчиновъ, Григорій Алексѣевичъ, ген.-майоръ 1796 г., т. LXI, 222, 223, 229, LXIV, 708.
- Васильчиновъ, поруч. 1845 г., томъ LXIV, 367.
- Васильчиновъ, 1877 г., т. LXII, 393.
- Васнецовъ, художн., т. LXII, 226, 234.
- Васньевская, по перв. браку Вобровская, т. LXII, 618.

- Васютинскій, Василій, бывш. воспитан. Дворянск. пол. вып. 1859 г., т. LXII, 263.
- Вахрамѣевъ, Ив. Александр., т. LXIII, 685, 689, 694, 695, 706, 708, т. LXIV, 210—217, 237, 240, 244.
- Введенскій, Иоаннъ, свящ., т. LXIV, 295.
- Введенскій, Иринархъ Ив., педагогъ, т. LXII, 492.
- Веберъ, Георгъ, историкъ, † 1888 г., его воспоминанія: «Взаимныя отношенія между Россіей и Пруссіей въ былыя времена», т. LXIII, 225—240.
- Веденяпинъ, В. Н., т. LXIV, 814.
- Вейкартъ, офиц. генер. штаба 1820 г., т. LXIII, 310.
- Вейманъ, I. A., профес. слб. консерв., т. LXIV, 558, 562.
- Веймарнъ, полков. генер. штаба, 1849 г., т. LXI, 463.
- Веймарнъ, генер., † 1855 г., т. LXI, 97.
- Веймарнъ, Г. Ф., т. LXIV, 252.
- Вейбергъ, Яковъ Исаев., т. LXIV, 583.
- Вейбергъ, Петръ Исаев., писат.-поэтъ, т. LXIV, 570, 583.
- Вейнеръ, Аркад., студ. казавск. унив., 1858 г., т. LXI, 575, 576.
- Вейнеръ, Петръ, т. LXI, 575.
- Вейсброффенъ, I. A., издат. астраханск. газетъ «Восточн. Извѣстія», т. LXI, 412.
- Вейсманъ, генер. 1770 г., т. LXIII, 505.
- Вейсманъ-фонъ-Вейссенштейнъ, Отто Адольфов., генер. 1772 г., т. LXIV, 252.
- Величининъ, артистъ, 1820 г., т. LXIII, 159.
- Величко, т. LXI, 325.
- Велькъ, команд. Якутск. пѣхот. полка, 1855 г., т. LXI, 107, 108.
- Вельманъ, Александръ Омичъ, писат. романистъ, р. 1800 † 1870 г., т. LXI, 180, т. LXIV, 126.
- Вельяминовъ, ген.-м. 1825 г., т. LXI, 322, 323, 324.
- Веневицкиновъ, Дм. В., поэтъ, † 1827 г., т. LXII, 243.
- Веневиткиновъ, Мих. Алексѣев., чл. археогр. ком. т. LXIV, 598, 1888 г., т. LXII, 239, 243, 244, 245.
- Венеціановъ, художн., т. LXIII, 651.
- Веніаминъ, черниговск. архіеп., 1884 г., т. LXII, 728.
- Венцель, ген.-лейт. 1889 г., т. LXIII, 667.
- Венюжовъ, Мих. Ив., ученый и писатель, быв. воспитан. Двор. полка, т. LXII, 266.
- Венявскій, Генр. Ф., арт., т. LXIV, 555, 558, 562, 567, 568, 584, 586, 598, 610, 618.
- Вердеревская, Александра Ив., въ зам. Головинна, т. LXI, 264.
- Вердеревскій, Игнатій Глѣбов., стольникъ, 1628 г., т. LXI, 264.
- Вердеревскій, Петръ Косм., 1727 г., т. LXI, 264, 266.
- Вердеревскій, т. LXIII, 48.
- Веревкинъ, генер. 1878 г., т. LXIV, 492.
- Верещагинъ, Вас. Васильев., художн., сообщалъ свои воспоминанія, т. LXI, 587—630, т. LXII, 389—410, 661—681, т. LXIII, 439—445, т. LXIV, 157—181, 475—492, 783—794, «Иванъ Николаевичъ Крамской», томъ LXI, 631—634, упом. т. LXI, 131 — 136, т. LXII, 232, 233, 413, 414, 432 — 435, 440, 443, т. LXIII, 702, т. LXIV, 203—210.
- Верещагинъ, Серг. Вас., т. LXI, 608, 621, т. LXII, 396.
- Верещагинъ, купеческій сынъ, 1812 г., т. LXIV, 62, 681,—723.
- Верещагинъ, т. LXIV, 822.
- Верещицкій, майоръ, 1861 г., т. LXII, 636, 637.
- Веридинъ, ген.-лейт., 1849 г., т. LXI, 462, 464.
- Веригина, Софья Яковл., т. LXIV, 559.
- Веригинъ, А. И., чл. государ. совѣта, т. LXIV, 559.
- Веригинъ, Ник. Викторов., подпоруч. л.-гв. Литовск. полка, 1824, т. LXIV, 318.
- Веригинъ, гвард. офиц., т. LXII, 491.
- Вернеръ, Надежда Петров., рожд. Ждановичъ, сообщ. «Павелъ Андреевичъ Федотовъ», т. LXI, 167—171.
- Вернеръ, Елис. Ив., т. LXIV, 451, 454, 470.
- Вернеръ, ген.-майоръ, 1760 г., т. LXII, 527—534.

- Верстовскій, Алексѣй Никол., компо-
зиторъ, род. 1799 г. † 1862 г., т. LXI,
381—385.
- Веселаго, Ф. Ф., помощн. почетн. каз.
учебн. окр. 1855 г., нынѣ ген.-лейтен.
т. LXI, 563, 570, 573, т. LXII, 86, 93—
103, т. LXIII, 434.
- Веселитскій-Божедаровъ, т. LXII, 136,
137, 141.
- Веселовская, Екат. Павл., рожд. Шапъ-
Гирей, т. LXI, 161, 166.
- Весникъ, Л., сообщ. «Изъ времянъ крѣ-
постнаго права», т. LXI, 331—333.
- Вессель-паша, 1877 г., т. LXI, 615, 616
617, 618, 622, 625, т. LXII, 424, 431
435, 437, 440.
- Вецель, 1855 г., т. LXI, 104.
- Визиторовъ, Алексѣй Егор., писатель и
ученый, † 1883 г., т. LXII, 231, 728.
- Визиторовъ, подпоруч., 1800 г., т. LXIII,
458.
- Вижулина, т. LXIV, 265, 267, 268, 269,
272, 273, 274, 275, 277, 282, 283, 284,
285, 287.
- Вижулинъ, офиц., 1812 г., т. LXIV, 261,
278.
- Вижулины, т. LXIV, 287.
- Видамовъ, т. LXIII, 39, 267.
- Вилленбаховъ, Ив. Аевас., полковн.
1-го Литовск. пол., 1824 г., т. LXIV, 318.
- Виллуанъ, Александръ Ивановичъ, пе-
дагогъ-музыкантъ, т. LXIV, 519, 520,
521, 522, 523, 524, 525, 527, 529, 562,
581—583, 607, 608.
- Вильбоа, Александръ, ген.-фельдцейхм.
1762 г., т. LXIV, 11.
- Вильбоа, Конст. Петров., композиторъ,
т. LXI, 393, т. LXIV, 611.
- Вильде, чиновн. 1820 г., т. LXIII, 310.
- Вильдъ, академ., 1881 г., т. LXII, 10.
- Вилье, баронетъ, лейбъ-мед., т. LXIII, 419
- Вилмаовскій, инверъ 1839 г., т. LXII,
46, 47.
- Виндлеръ, К. И., т. LXI, 399.
- Виноградскій, юристъ, т. LXIV, 580.
- Винцингероде, бар., ген.-ад. 1812 г.,
т. LXIV, 31, 34—37, 39, 40, 48, 49, 316.
- Виртембергскій, принцъ, ген. 1763 г.,
т. LXIII, 461, 467, т. LXIV, 4, 5.
- Виртембергскій, герцогъ, Евгений,
т. LXIV, 375, 717, 719.
- Висковатовъ, Александръ, воспит. 1-го
кад. корп. 1817 г., т. LXIV, 306.
- Висковатовъ, Пав. А., профес. дерпт.
унив., т. LXI, 159, 161, 653, т. LXIV, 568.
- Витали, скульпторъ, т. LXIII, 153.
- Витбергъ, Алексадр. Лавр., т. LXIII, 42.
- Витвицкій, Стеф., писат., 1847 г., т. LXIII,
569.
- Витвицкій, Антовій, т. LXIII, 569.
- Витгенштейнъ, княг., Елисавета рожд.
Эйлеръ, т. LXIV, 559.
- Витгенштейнъ, княг., рожд. Иванко-
вая, т. LXIV, 549.
- Витгенштейнъ, фельдмарш. 1828 г.
т. LXII, 594, т. LXIV, 37, 715.
- Витте, бар., казанск. полиціймейст. 1861 г.,
т. LXII, 636, 637 т. LXIII, 68, 79, 422.
- Витторфъ, ген.-м. 1877 г., т. LXIV, 768.
- Вихаревъ, Мих., т. LXII, 458.
- Вицкыкъ, А. Н., врачъ 1857 г., т. LXII, 476.
- Вишневскій, Мих., профес. Кривоз.
унив. 1830 г., т. LXIII, 13, 14.
- Влардо-Гарсиа, Паулина, пѣвица, т. LXI,
337—339, 341, 342, 347, 348, т. LXII, 245,
т. LXIV, 752—755.
- Виельгорские, графы, т. LXII, 243 т. LXIII,
163.
- Виельгорскій, гр., Матвѣй Юрьев.,
т. LXII, 244, 245, т. LXIV, 536, 552,
553, 559, 584, 588, 610, 611, 728, 733.
- Виельгорскій, гр., Мих. Юрьев. т. LXI,
398, т. LXII, 244.
- Виельгорскій, гр., Юсифъ Мих., т. LXI,
150, 156.
- Виельгорскій, гр., т. LXIII, 272.
- Виельгорскій-Матюшинъ, гр. М. М.
† 1855 г., т. LXIII, 191.
- Витеанъ, скрипачъ композ., † 1881 г.,
т. LXII, 245 т. LXIV, 523.
- Владиміръ св., вел. князь, 992 г., т. LXII,
454, т. LXIII, 277, т. LXIV, 185—190, 624.
- Владиміръ, еписк. пермск. и солжиканск.
т. LXIV, 808.
- Владиміръ Александровичъ, вел.
князь, т. LXII, 415, т. LXIII, 689.
- Владиміровъ, т. LXIV, 611.

- Владимірскаго, священ., т. LXII, 96.
 Владиславъ, королевичъ, т. LXIII, 293.
 Владиславлевъ, студ. спб. унив. 1828 г., т. LXII, 579.
 Владиславлевъ, профес., т. LXIV, 104, 737, 738.
 Владиславлевъ, В. О., свящ., томъ LXIV, 823.
 Владычинъ, полковн. 1812 г., т. LXIV, 275.
 Власовъ, т. LXI, 581.
 Владеевъ, полковн. 1812 г., т. LXIV, 690.
 Водаръ, ген.-м., команд. л. гв. Литовск. пол. 1883 г., нач. Констант. воен. училища 1889 г., т. LXII, 266, т. LXIV, 292, 293.
 Водовосовъ, Вас. Ив., педагогъ, писатель, р. 1825 г. † 1886 г., т. LXI, 206, т. LXII, 234, 271.
 Водовосовъ, Ив., купецъ, т. LXII, 234.
 Водопьяновъ, В. П., сообщ. „Ягументъ Израиль, узникъ Соловецкой обители 1865 г.“, т. LXI, 376.
 Воейкова, воспит. Екатерин. инстит. 1831 г., т. LXIII, 36, 40, 43.
 Воейковъ, Алекс.р. Фед., профес., писатель, т. LXI, 405, т. LXII, 470, т. LXIII, 28, 44, 522, 557, т. LXIV, 376.
 Воейковъ, секундъ-майоръ 1789 г., т. LXIII 649.
 Войницкій, подпоруч. 1877 г., т. LXII, 419.
 Войновичъ, гр., т. LXIII, 493, 495, 496.
 Войцеховичъ, Алексій Ив., директ. канцел. об.-прокур. синода 1844 г., т. LXI, 236.
 Войцеховичъ, исп. долж. прорект. Казанск. унив., 1882 г., т. LXI, 120.
 Войцеховскій, поруч. 1889 г., т. LXII, 271.
 Волкова, Оаена Петров., т. LXIV, 297.
 Волковы, помѣщики, т. LXIV, 295.
 Волкова, Ав., т. LXIII, 224.
 Волковъ, Моск. полиціймейст. 1812 г., т. LXIV, 657.
 Волковъ, Алексд. Александров., полковн. корп. жанд. 1828 г. т. LXI, 386.
 Волковъ, полковн. 1846 г., т. LXIV, 72, 73, 74, 76.
 Волковъ, секрет. митроп. Арс. Маѣвича, т. LXIII, 698.
 Волковъ, Ив. Ильичъ, помѣщ., т. LXIV, 294, 297.
 Волковъ, Семенъ, т. LXIII, 449, 452.
 Волковъ, студ. спб. унив., т. LXI, 575, 576.
 Волковъ, Дм. Васильев., спб. губернат. 1780 г., вносл. сенаторъ, т. LXIII, 449, 450, 451.
 Волковъ, А. И., художн., т. LXI, 389, т. LXII, 234.
 Волконская, княг., Зинаида, т. LXIII, 566.
 Волконская, княг., Елисавет., т. LXIII, 452.
 Волконскій, кн., П. М., предвод. двор. Тульск. губ. 1812 г., т. LXIV, 260, 267.
 Волконскій, кн., Григ. Петр., помещ. спб. уч. окр. 1842 г., т. LXIV. 732—758.
 Волконскій, кн. фл.-ад. 1813 г., томъ LXIV, 671.
 Волконскій, кн., москов. ген.-губ. 1774 г., т. LXIV, 649.
 Волконскій, кн., Серг. Григорьев., ген.-майоръ, декабристъ, т. LXIII, 348.
 Волконскій, кн., Петръ Мих., бывш. мн-ръ двора, т. LXI, 2, т. LXIII, 147, 367, т. LXIV, 310, 376, 755.
 Волконскій, кн., т. LXIII, 502, 511.
 Волконскіе, князья, т. LXII, 217.
 Волошкиновъ, бывш. воспит. 1-го кад. корп., т. LXIV, 312.
 Волыновіе, т. LXIV, 212.
 Волыновскій, Дм. Мах., об.-секрет. воен. коллег., т. LXII, 211.
 Волыновскій, Артем. Петров., кабинетъ-мн-ръ, р. 1689 г., † 1740 г., т. LXIII, 647, т. LXIV, 124.
 Волыновскій, писател. 1812 г., т. LXII, 462, 463.
 Вольгемуть, преподават. 1-го кад. корп., т. LXIV, 305.
 Волконскій, кн., т. LXIV, 112.
 Володимировъ, шт.-кап. 1799 г., т. LXIII, 457.
 Володимировъ, тульск. купецъ 1780 г., т. LXIII, 450.
 Воронежскій, А. М., т. LXI, 653.
 Воронихинъ, архитект. 1800 г., т. LXIII, 221.
 Воронова, уч.—да Спб. рисов. школы 1862 г., т. LXIV, 459, 460, 466.

- Вороновъ, А. П., преподават. археолог. вѣст. 1889 г., т. LXIII, 205, 206, 208.
- Вороновъ, т. LXIV, 305.
- Воронова, рожд. Волотова, т. LXIV, 277.
- Воронцовъ, Владимиръ и Костромск. ген.-губернат., т. LXI, 210.
- Воронцовъ, офиц. 1812 г., т. LXIV, 277.
- Воронцовъ, гр., Мих. Илларионов., государств. канц., р. 1714, † 1767 г., т. LXII, 518, 520, т. LXIII, 465, 466, 468, 473, 476, т. LXIV, 10, 13.
- Воронцовъ, кн., Мих. Семенов., р. 1781 г., † 1856 г., т. LXI, 57, 231, 232, 235, 239, 241, 246, 251, 252, 490, 481, т. LXII, 490, т. LXIII, 151, 257, 601, 603, 648, т. LXIV, 87.
- Воронцовъ, Петръ Ив., зять А. Т. Болотова, т. LXII, 552, 568, 569, 574, т. LXIV, 23, 26.
- Воронцовъ, гр., д. т. сов. 1800 г., т. LXIII, 211.
- Воронцовъ, кн., Семень Мих., т. LXII, 519, т. LXIII, 477, 478, т. LXIV, 6, 13, 243.
- Воронцовъ, гр., Сем. Роман., рус. посолъ въ Англ., т. LXIV, 707, 708.
- Воронцовы, т. LXIV, 24, 27.
- Воронцовы, тамбов. помѣщ. т. LXII, 563.
- Воропай, И., сообщ. „Историческія могилы въ городѣ Березовѣ, вв. Меншикова и гр. Остермана“, т. LXIII, 133—134.
- Воршевъ, учит. русск. яз. въ Рязнелъв. лицей, т. LXI, 259.
- Воскресенскій, Гавр. Степ., педагог. 1842 г., т. LXIV, 500.
- Востоконъ, Алексдр. Христоф., акад., т. LXI, 403 т. LXII, 337.
- Востоконъ, А., архивистъ, сообщ.: „Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, письма къ нему Баева, Баллановскаго и Леонтьева“, т. LXII, 237, т. LXIII, 129—132.
- Востросаблинъ, драгунск. офиц. 1877 г., т. LXIV, 478.
- Воше, г-жа, содержат. панс. въ Москвѣ, т. LXII, 487.
- Воячевъ, И. Е., профес. Спб. консерват. 1862 г., т. LXIV, 562.
- Вразъ, Ст., т. LXI, 234.
- Врангель, Ав. Фед., т. LXI, 172.
- Врангель, генер. 1855 г., т. LXI, 97.
- Врангель, бар. 1857 г., т. LXII, 371, т. LXIII, 90.
- Врангель, восп.—никъ 1-го кад. корп. 1817 г., т. LXIV, 300.
- Вревскіе, бароны, т. LXI, 213.
- Вревскій, бар., генер., † 1855 г., т. LXI, 97.
- Вредтъ, помѣщ. 1848 г., т. LXII, 619.
- Вронченко, переводчикъ Шекспира, т. LXII, 597.
- Вронченко, т. LXIII, 546, т. LXIV, 742.
- Вроченскій, М., сообщ.: „Братья В. В. и К. В. Сикорскіе, ординарцы генерала Хрулева“, т. LXII, 696—698, упомина. т. LXI, 107.
- Всеволожскій, Никита, т. LXII, 476.
- Всеволожскій, т. LXIV, 376.
- Всеволожскій, А., т. LXI, 383.
- Всеволожской, И., т. LXI, 580.
- Второвъ, Никол. Ив., статистикъ и этнографъ, р. 1818 г., † 1865 г., т. LXI, 331, 332, 333.
- Выгодновскій, канцелярск. чиновн. 1825 г., т. LXIII, 346.
- Вырубовъ, т. LXI, 348.
- Высоцкій, Ив. Кирил., шт.-кан. 4 г. Литовск. пол. 1824 г., т. LXIV, 318.
- Высоцкій, офиц. 1849 г., т. LXI, 464, 467, 469.
- Вышеправоскій, Степ., т. LXIV, 142.
- Вяземскій, кн., Петръ Андреев., писат., р. 1792 г., † 1878 г., т. LXI, 13, 156, 209, 320, 331, т. LXII, 102, 104—106, т. LXIII, 41, 113, 557, 622, т. LXIV, 375—378.
- Вяземскій, кн., Пав. Петров., почетн. Казанск. учебн. окр., 1862 г., т. LXII, 511, т. LXIII, 62, 65, 71—79, 424, 427, 430, 624—639.
- Вяземскій, кн., нач. бригады болгарск. ополч. 1877 г., т. LXI, 604.
- Вяземскій, кн., полков. 1800 г., т. LXIII, 214.
- Вязмитиновъ, С. К., ген.-инф., главноком. въ Спб. 1816 г., т. LXIV, 363, 650, 652, 669.

- Габошевъ**, бывш. воспит. Константинов. учил., т. LXII, 271.
- Гавеманъ**, преподават. 1-го кад. корп. 1817 г., т. LXIV, 305.
- Гавриилъ**, митроп. слб., 1797 г., томъ LXII, 217.
- Гавриилъ**, архіеп. херсонск., 1841 г., т. LXI, 236, 237, 253.
- Гаврилова**, ученица слб. рисов. школы 1862 г., т. LXIV, 459—470.
- Гавриловъ**, Никол. Никол.-вичъ, бывш. воспит. Дворян. пол. вып. 1855 г., ген.-лейт. 1889 г., т. LXII, 263, 264.
- Гагарина**, княж., М. Г., въ зам. Раевская, т. LXIV, 583.
- Гагарина**, княж., въ зам. Жеребцова, т. LXIV, 547.
- Гагаринъ**, кн., Дм. Ив., Керчинск. градонач. 1852 г., т. LXI, 254.
- Гагаринъ**, кн., Никол., т. LXIV, 685.
- Гагаринъ**, кн., Пав. Павл., об.-прокур. общ. собр. московск. депар-въ сената 1826 г., т. LXI, 139, 140.
- Гагаринъ**, кн., Ю. Н., чл. славянск. общ., т. LXII, 773.
- Гагаринъ**, кн., т. LXIV, 268.
- Гагарины**, кн., т. LXIV, 212.
- Гагельстромъ**, полковн., 1855 г., томъ LXI, 362.
- Гагемейстеръ**, Юлій Андреев., чл. редакціон. комм., р. 1804 г., † 1878 г., т. LXI, 665.
- Гаевскій**, Влкт. Павл., т. LXII, 277.
- Гаевскій**, цензоръ 1835 г., т. LXIII, 539, 543, т. LXIV, 328.
- Гайковскій**, офиц., 1877 г., т. LXI, 622.
- Галаганъ**, Екат. Васил., т. LXI, 663, т. LXIII, 377.
- Галаганъ**, Григ. Павл., бывш. чл. редакц. комм., вносч. чл. госуд. сов., † 1888 г., т. LXI, 660, 661, 662, 665, т. LXIII, 369.
- Галактионовъ**, О. И., т. LXIV, 820.
- Галахова**, Зяванда Львов., т. LXII, 221.
- Галаховъ**, Алексѣй Дмитр., писатель-педагогъ, р. 1807 г., т. LXI, 199, 405, т. LXII, 221.
- Галаховъ**, слб. полиціймейст., 1849 г., т. LXIV, 370, 536, 537, 538.
- Галаховъ**, подпор. 1800 г., т. LXIII, 216.
- Галенкина**, воспит.—да Смольн. инст. 1842 г., т. LXIV, 732.
- Галичъ**, профес. 1828 г., т. LXI, 302, т. LXII, 578, 582, 584, 590, 593, томъ LXIII, 55, 56, 266, 280, т. LXIV, 743.
- Галикинъ-Врасовій**, М. Н., саратовск. губерн. 1878 г., тайн. сов., нач. тюрем. управл. 1889 г., т. LXIV, 145, 146, 152.
- Галлеръ**, К., т. LXI, 411, т. LXIV, 622, 623, 626—629.
- Галль**, адм., арханг. воен. губерн. 1834 г., т. LXIII, 295, 296.
- Гамбургеръ**, Андр. Фед., статсъ-секр., русск. послан. въ Швейц., т. LXII, 246.
- Ганъ**, Елена Андреев., рожд. Фадѣева, писат.-романистка, † 1842 г., т. LXII, 287, 298.
- Ганъ**, Робертъ, т. LXIII, 223.
- Ганъ**, Ал—дръ Фед., ген.-м., 1862 г., т. LXIV, 77, 86.
- Ганецкій**, ген.-майоръ 1859 г., т. LXIII, 95, 96.
- Ганка**, Вевцесл. В., учен. славистъ, томъ LXI, 233, 403, т. LXII, 331, т. LXIV, 331.
- Ганчаръ**, Осниъ Семенов., атаманъ не-красовцевъ, р. 1796 г., † 1879 г., томъ LXI, 187.
- Ганпатель**, преподават. 1-го кад. корп. 1817 г., т. LXIV, 305.
- Гардановъ**, генер. 1812 г., т. LXIV, 669.
- Гарденбергъ**, бар., прус. ма-ръ, т. LXI, 21—29, 46.
- Гарднеръ**, шт.-кап. 1857 г., т. LXI, 502.
- Гарновскій**, Мих. Антонов., полковн., т. LXII, 273, 274.
- Гартманъ**, Н. Н., директ. Александр. лицея 1886 г., т. LXII, 265.
- Гассгагенъ**, преподават. Рижельевск. лицея, т. LXI, 246.
- Гассингъ**, докт. 1831 г., т. LXIII, 47.
- Гатцужъ**, А. А., сообщ.: „Письмо Н. В. Гоголя — А. О. Смирновой“, т. LXI, 157—158.
- Гаугеръ**, уч-ца слб. рисов. школы 1862 г., т. LXIV, 459, 460, 467.
- Гацковскій**, чл. Нижегород. архив. ком., т. LXIV, 808, 813.

- Гвоздевъ, Ив. Мих., проф. казан. унив. 1889 г., сообщ.: „Къ воспоминаніямъ П. Д. Шестакова о волненіяхъ студентовъ въ Казани“, т. LXIII, 436—437, упом. т. LXIV, 248.
- Ге, Н. П., худож., т. LXII, 234, т. LXIV, 462, 463, 471.
- Геггартъ, г-жа, т. LXII, 583.
- Геггартъ 1-й, Ив. Карлов., студ. спб. унив. 1829 г., т. LXII, 579, т. LXIII, 29, 35, 51, 268, 269, 287, 534, 535, 542, 544, 547, т. LXIV, 107, 118.
- Геггартъ 2-й, студ. спб. унив. 1828 г., т. LXII, 579.
- Геденовъ, Ал—лрѣ Михайл., директ. театр. 1853 г., т. LXIII, 160—161, томъ LXIV, 546, 547.
- Геденовъ, Степ. Александр., директ. театр., т. LXIV, 546.
- Гедерштернъ, студ. спб. унив. 1828 г., т. LXII, 579, т. LXIII, 269.
- Гедине, г-жа, т. LXII, 583.
- Гевехусъ, Н. А., и. д. ректора Томск. унив. 1-89 г., т. LXI, 653.
- Гейденъ, гр-ня, Е., т. LXI, 653.
- Гейденъ, гр., Фел. Лог., бывш. нач. главн. штаба, т. LXI, 653, т. LXIV, 447.
- Гейденъ, гр., кап., фл.-адъют. 1849 г., т. LXI, 462.
- Гейденрейхъ, докторъ, т. LXI, 393.
- Гейкинъ, бар., жандарм. офиц., томъ LXI, 56.
- Гейманъ, полковн. 1862 г., в посл. ген. отъ инф., т. LXIII, 95, т. LXIV, 385, 391—394, 401, 402, 406, 407.
- Гейманъ, профес. московск. унив., томъ LXIV, 139.
- Гезернъ, бар., т. LXIII, 550.
- Гельвихъ, коменд. Динаб. крѣп. 1846 г., т. LXIV, 67.
- Гельфрейхъ, Екат. Ив., въ зам. Рейтернъ, † 1866 г., т. LXI, 416.
- Гензельтъ, арт., т. LXIV, 519.
- Геннади, Григ. Никол., писат., издат. „Справочн. словаря“, т. LXI, 402, 405.
- Геннади, т. LXI, 234.
- Георгій Всеволодовичъ, в. кн., основатель Нижняго Новгорода, т. LXIV, 823, 721.
- Георгій Георгиевичъ, герц. Мекленбургъ-Стрелицкій, т. LXIV, 641.
- Георгій, принцъ Голштинск., т. LXII, 511.
- Герардъ, писат. 1800 г., т. LXIII, 212.
- Герасимовъ, 1855 г., т. LXI, 104.
- Гербачъ, В., т. LXI, 653.
- Гербель, Никол. Васильев., писатель, т. LXI, 405.
- Гердъ, А. Я., педагогъ, † 1888 г., томъ LXI, 206.
- Герзе, Анто въ Августов., профес. спб. консерват. 1862 г., т. LXIV, 562, 582, 593, 606, 614, 846.
- Германъ, Эмилиа, воспит-ца Смольнаго институт. 1833 г., т. LXIII, 265.
- Германъ, Карлъ Фел., акад., инспект. Смольн. инст., † 1838 г., т. LXIII, 33—57, 265—267, 546, т. LXIV, 104.
- Германъ, генер. отъ инфант. 1800 г., т. LXIII, 219.
- Германъ, Никол., бывш. воспит. Дворян. пол. вып. 1855 г., т. LXII, 264.
- Германъ, студ. Казанск. унив. 1861 г., т. LXIII, 77.
- Гермогенъ, митроп. казанск., вносгѣд. патріархъ, т. LXIII, 704.
- Гернетъ, Рудольфъ, гласн. Гансальской думы, т. LXIII, 668.
- Геро въ, Н., т. LXII, 152.
- Герсдорфъ, полк. 1767 г., т. LXIII, 493.
- Герцъ, К. К., профес., т. LXII, 229.
- Герценъ, Луиза Ив., т. LXI, 338.
- Герценъ, Нат. Александр., рожд. Захарыина, т. LXI, 181, 183, 336, 338, 339, 340, т. LXIII, 187.
- Герценъ, Егоръ Ив., т. LXII, 59.
- Герценъ, Александръ Ив., писат. и публицистъ, † 1870 г., т. LXI, 173—190, 336—348, 636, т. LXII, 59—84, 234, 240, 487, томъ LXIII, 187, 188, 618, 630—639.
- Герценъ, Александръ Александров., проф., т. LXI, 180, 185.
- Герштенцвейгъ, генер., т. LXIII, 185.
- Гессе, москов. воен. коменд. 1812 г., т. LXIV, 657.
- Гессе, П., живопис., т. LXIV, 497, 498.
- Гессенъ-Дармштадтская, ландграфиня, т. LXI, 438.

- Гессенъ-Филипсталловій, принцъ, подполков. 1812 г., т. LXIV, 708.
- Гечевичъ, Конст. Ипполитов., бывш. чл. редакц., комм., † 1863 г., т. LXI, 664.
- Гиббекетъ, Н., т. LXII, 453.
- Гидалевичъ, чл. таврич. архив. ком., т. LXIV, 810.
- Гивенъ, воспитатель царевича Алексѣя Петровича, т. LXI, 242.
- Гиза, князь, т. LXIV, 715.
- Гидденштуббе, А. П., бывш. воспит. 1-го кадетск. корп. вып. 1819 г., томъ LXIV, 312.
- Гильфердингъ, Александръ Фед., ученый и писат., р. 1831 г., † 1872 г., т. LXII, 229, т. LXIII, 670.
- Гилькенъ, полковн. 1831 г., т. LXIII, 243.
- Гилькинъ, 1855 г., т. LXI, 99, 104.
- Гиларовъ-Платоновъ, Никол. Петров., т. LXII, 230.
- Гине, помощ. инспект. студ. казанск. унив. 1861 г., т. LXII, 92, т. LXIII, 61.
- Гине, Фридр. Ив., офлц. л.-гв. Литовск. пол. 1824 г., т. LXIV, 319.
- Гинелевичъ, Гр., т. LXI, 235.
- Гинтеръ, ст. сов. 1846 г., т. LXIV, 73, 74.
- Гиншисъ, Дм. Ив., юриск., р. 1813 г., т. LXII, 239, 240.
- Гирсъ, Александръ Карлов., чл. редакц. комм., р. 1815 г., † 1880 г., т. LXI, 665, т. LXII, 767.
- Гиршъ, делегатъ изъ Берлина въ Царский 1878 г., т. LXIV, 155.
- Глаголевъ, т. LXIV, 231.
- Гладковъ, т. LXI, 326.
- Главаналъ, генер.-лейт. 1849 г., томъ LXI, 475.
- Глинка, Мих. Ив., композит., р. 1804 г., † 1857 г., т. LXI, 387—400, т. LXII, 167, 245, 288—300, т. LXIV, 117, 118, 519, 528, 529, 541, 550, 551, 557, 591, 604, 610, 625, 626.
- Глинка, Фед. Никол., писат.-поэтъ, томъ LXI, 295, 296, 302, 509, т. LXII, 239, т. LXIII, 28, 118—126, т. LXIV, 823.
- Глинка, И. Н., т. LXIII, 121.
- Глинка, повѣрен. въ дѣлахъ въ Стогольмѣ, т. LXI, 380.
- Глинка, О. С., т. LXIV, 846.
- Глѣбовъ, Діомидъ, т. LXIII, 696.
- Глѣдичъ, Н. И., писат., т. LXIV, 377.
- Говенъ, генер., т. LXI, 153.
- Гоголь, фл.-ад. 1839 г., т. LXII, 57.
- Гогенлоэ, княгиня, т. LXIV, 549.
- Гоголь, Марья Ив., мать Н. В. Гоголя, т. LXI, 141, 142.
- Гоголь, Ольга Васильев., т. LXI, 142.
- Гоголь, Елисавет. Васильев., въ замуж. Вызова, т. LXI, 142.
- Гоголь, Анна Васильев., т. LXI, 142.
- Гоголь, Янъ, полковн., т. LXI, 142.
- Гоголь, Никол. Васильев., писат., род. 1809 г., † 1852 г., т. LXI, 141—158, 173, 249, 251, 252, 405, 431, 585, томъ LXII, 234, 239, 737, 738, 511, т. LXIII, 54, 163—176, 275, 283, 286, 304, 337, 363—385, 527—540, 647, 682, т. LXIV, 129, 134, 215, 422, 577, 740, 741.
- Гогманъ, генер. 1855 г., т. LXI, 97.
- Гоздаво - Голомбѣвскій, архивистъ 1888 г., т. LXII, 237.
- Голенищевъ-Бутузовъ, Мих. Илар., см. Бутузовъ.
- Голенищевъ-Бутузовъ, гр., Пав. Вас., т. LXIV, 302.
- Голенищевъ-Бутузовъ, гр., полковн., флэг.-адъют. 1878 г., т. LXIV, 153.
- Голицына, княгиня, помѣщица 1812 г., т. LXIV, 36.
- Голицына, княг., т. LXIV, 132.
- Голицына, княж., въ зам. Апраксина, т. LXIV, 663.
- Голицына, княг., Татьяна Васильевна, рожд. Васильчикова, т. LXIII, 139, 150, 158.
- Голицынъ, кн. Андр. Борис., ген.-м., т. LXIV, 365.
- Голицынъ, кн., Александръ Мих., вице-канцл., р. 1723 г., † 1807 г., т. LXII, 254.
- Голицынъ, кн. Александр., т. LXIV, 366.
- Голицынъ, кн. Александръ Никол., мвръ-духонн. дѣлъ и просвѣщ., род. 1773 г., † 1844 г., т. LXI, 294, 320, т. LXII, 128, 229, 328, 333, 582, 584, т. LXIII, 35, 311, 383, 548, т. LXIV, 680.

- Голицынъ, кн., Алексѣй Борисов., команд. Апшеровск. полка 1762 г., томъ LXIII, 489.
- Голицынъ, кн., Борисъ Дм., чл. редакц. комм., р. 1819 г., † 1878 г., т. LXI, 665.
- Голицынъ, кн., Бор. Андр., начальн. владим. ополч. 1812 г., т. LXIV, 53, 673.
- Голицынъ, кн., Влад. Борисов., команд. Пермск. пол. 1762 г., т. LXIII, 489.
- Голицынъ, кн., Вас. Васильев. 1677 г., † 1713 г., т. LXIII, 129—132, 694.
- Голицынъ, свѣтл. кн., Дм. Владим., москов. ген.-губерн., р. 1771 г. † 1843 г., т. LXI, 218, т. LXIII, 137—158.
- Голицынъ, кн., Ив. Ѳед., т. LXIII, 146, 147, 149.
- Голицынъ, кн., Л. сообщ.: „Трехсотлѣтіе гор. Саратова“, т. LXII, 512.
- Голицынъ, кн., Никол. Серг., ген. отъ инф., профес. воен. исторіи въ воен. акад. съ 1834 по 1848 г., сообщ.: „Рѣчной и морской военный походъ в. кн. Владимира отъ Кіева до Херсонеса и обратно въ 988 г.“, т. LXIV, 185—190, „Іеромон. Антоній Бочковъ“, 372—374, упом. 846.
- Голицынъ, кн., С. М., предс. опекуиск. сов., попечит. моск. учебн. округа въ 1830—1835 гг., т. LXI, 124, т. LXIII, 158, 621.
- Голицынъ, кн., Серг. Павл., чл. редакц. комм., † 1888 г., т. LXI, 665.
- Голицынъ, кн., послан. въ Туринъ 1783 г., т. LXI, 440.
- Голицынъ, кн., Юрій, т. LXIV, 567.
- Голицынъ, кн., ген.-фельдмарш. 1780 г., т. LXIII, 449.
- Голицынъ, кн., ген.-лейт. 1800 г., томъ LXIII, 221.
- Голицынъ, кн., декаб., т. LXIV, 358.
- Голицыны, князья, т. LXI, 226, томъ LXII, 124, 217, т. LXIII, 153, 154, 158, т. LXIV, 213.
- Голицыновскій, А. А., директ. императ. человеколюбив. общ. въ Спб. 1889 г., т. LXII, 472.
- Головачевъ, поруч. 1800 г., т. LXIII, 220.
- Головинъ, Мих. Ив., полковн., команд. Динаб. артил. гарниз. 1816 г., † 1850 г., т. LXIV, 75, 76.
- Головинъ, т. LXI, 226.
- Головинъ, гр., т. LXIII, 542.
- Головинъ, т. LXI, 226.
- Головина, см. Лутковская.
- Головина, см. Вердеревская.
- Головинъ, Мих. Вас., т. LXI, 264.
- Головинъ, Александръ Васил., ст.-секрет., р. 1821 г., † 1886 г., т. LXI, 261—292, 418, т. LXII, 1—34, 35, 38—41, томъ LXIII, 643.
- Головинъ, Вас. Михайл., вице-адмир., † 1831 г., т. LXI, 264, т. LXIII, 177—181.
- Головина, М. Г., въ зам. Мирновичъ, т. LXIV, 833.
- Головциновъ, К. Д., секрет. Демидов. лицея 1887 г., т. LXIV, 218, 219, 220, 221, 224, 229, 243, 244.
- Голомбѣвскій, А. А., чл. саратов. арх. ком., т. LXIV, 812.
- Голохвостовъ, Дм. Павлов, попечит., моск. унив. въ 1847—1849 гг., т. LXI, 635, т. LXIV, 137.
- Голубевъ, архив. 1888 г., т. LXII, 237.
- Голубинскій, Евг. Евстагн., бывш. проф. моск. духовн. акад., т. LXII, 503.
- Голубовичъ, Мих., еписк. пинск. 1839 г. т. LXII, 337, 348, 608, 612, 613, 614.
- Гольдштейнъ, С. М., преподаватель археолог. инст. 1889 г., т. LXIII, 205, 206, 208.
- Гольмдорфъ, Мих. Г., бывш. воспит. Дворян. пол. вып. 1855 г., ген.-майоръ, 1889 г., т. LXII, 263, 264, 266, 267, 270.
- Гольцъ, генер. 1761 г., т. LXIII, 461.
- Гольштейнъ, майоръ 1849 г., т. LXI, 467, 475, т. LXIII, 247.
- Голштейнъ - Готторпскій, Георгъ, принцъ, г.-фельдм. 1762 г., т. LXIV, 11.
- Голштинскій, принцъ, Георгъ, г. дирек. путей сообщ. 1811 г., т. LXIV, 193.
- Голяновскій, профес. свящ. писанія, т. LXII, 327.
- Гоминицусъ, Дуи, орган., т. LXIV, 562.
- Гомолицкій, рект. жиролицъ семинар., т. LXII, 348, 350, 605.

- Гончаровъ, Ив. Александр., писатель, род. 1811 г., т. LXI, 203, 635—643, т. LXII, 233, т. LXIV, 504, 509.
- Горавскій, акад., портретистъ и пейзажистъ, т. LXIV, 466, 468, 469.
- Горбачевъ, Дороговичск. благочинн., т. LXII, 348.
- Горбуновъ, Ив. Фед., артистъ, т. LXII, 223, 224.
- Гореглатъ, т. LXIII, 294.
- Горецкий, польск. поэтъ, т. LXIII, 559.
- Горичъ, бригад. 1799 г., т. LXIII, 457.
- Горловъ, И. Я., т. LXII, 240.
- Горловъ, студ. сиб. унив. 1828 г., т. LXII, 579.
- Горностаевъ, И. И., акад., т. LXI, 398.
- Горожанскій, заключен. въ Соловецк. монаст. 1833 г., т. LXIII, 294.
- Гороховы, т. LXIII, 332.
- Горчакова, княг., рожд. княж. Долгорукая, т. LXIV, 662.
- Горчаковъ, кн., Александр. Мих., гос. канцл., р. 1798 г., † 1883 г., т. LXII, 139, 246, 250, т. LXIII, 625, 645, т. LXIV, 804.
- Горчаковъ, кн., Ив. Роман., помѣщ. 1799 г., т. LXII, 553, 554.
- Горчаковъ, кн., Мих. Дм., генер.-ад., р. 1792 г., † 1861 г., т. LXI, 82, 92, 97, 470, 475, т. LXII, 153, т. LXIII, 243.
- Горчаковъ, генералъ-майоръ 1880 г., т. LXIII, 217, т. LXIV, 654.
- Горчаковъ, Мих. Ив., прот., профес., т. LXIII, 657—662, 664, 666.
- Горчаковъ, секрет. межев. канцел. 1779 г., т. LXII, 548.
- Горшковъ, полковн. 1862 г., т. LXIV, 385, 391.
- Готманъ, ген.-лейт. 1844 г., т. LXIV, 753.
- Гофманъ, ст.-секрет., т. LXIV, 744, 747, 748.
- Гоффертъ, Иосифъ Казим., художн. фотографъ, т. LXIV, 497, 498.
- Годъ, полковн. 1862 г., т. LXIV, 396.
- Годюковский, т. LXIV, 3, 7, 14, 17, т. LXIII, 464, 476.
- Гохтофтъ, генерал.-лейтен. 1889 г., т. LXIII, 667.
- Гощинскій, польск. поэтъ, т. LXIII, 559.
- Граббе, генер.-ад., 1849 г., т. LXI, 462, 480, т. LXII, 360.
- Грабянка, Андрей Антонов., помѣщ., бывш. чл. редакціон. комм., т. LXI, 665.
- Граве, Е. И., т. LXI, 376.
- де-Граве, полковн., Омскій комендантъ, т. LXI, 318.
- Градовскій, Г. К., сообщ.: „Александръ Федоровичъ Ваггевутъ“, т. LXIII, 241—264.
- Грановскій, Тимоѳ. Никол., профес. т. LXI, 248, т. LXII, 485, LXIV, 139.
- Грасовскій, т. LXI, 187.
- Грацинскій, С. М., педагог., т. LXII, 11.
- Грачевъ, Г. И., художник.-граверъ, т. LXIV, 202.
- Грезъ, художн., т. LXI, 442.
- Гребенна, писат., т. LXIV, 743.
- Грейгъ, Самуэль Карлов., адмир., род. 1736 г., † 1788 г., т. LXI, 449, 450, т. LXII, 767, т. LXIII, 498, 499, 501.
- Грейгъ, русск. консулъ въ Портсмутѣ, т. LXIII, 179.
- Грейгъ, С. А., ин-ръ финан. 1880 г., т. LXI, 70.
- Грезовъ, 1799 г., т. LXIV, 27, 28.
- Грезовъ, слѣдоват. 1846 г., т. LXIV, 72, 74, 76.
- Грезовъ, П. И., чл. тамбов. арх. ком., т. LXIV, 814.
- Грезовъ, офиц. 1870 г., т. LXII, 397.
- Гренеръ, Петръ Александр., поруч. л.-гв. Литовск. пол. 1824 г., т. LXIV, 318.
- Гренеръ 2-ой, Александр. Александр., подпоруч. л.-гв. Литовск. пол. 1824 г., т. LXIV, 318.
- Греффе, профес. древн. словесности, т. LXI, 508, т. LXIII, 536.
- Гречъ, Никол. Ив., писат., род. 1787 г., † 1867 г., т. LXI, 7, 143, 325, 326, 509, 512, т. LXII, 295, 578, т. LXIII, 28, 47, 48, 279, 282, 285, 298, 525, 532, 533, 539, 543, 545, 552, т. LXIV, 103, 113—118, 330, 729, 742.
- Гриббе, генер. 1855 г., т. LXI, 97.
- Грибель, т. LXII, 95.
- Грибовской, правит. канц. гр. Пл. Зубова 1789 г., т. LXII, 211, т. LXIII, 515.

- Грибодовъ, Александр. Серг., писат., р. 1795 г., † 1829 г., т. LXI, 143, 321—325, 405, 415, 642, т. LXII, 239, т. LXIII, 40, 112, 116.
- Григоровичъ, Васил. Федор., судья 1779 г., т. LXII, 548, 557, 560.
- Григоровичъ, Вас. Ив., профес.-слав. Казанск. унив., † 1876 г., т. LXI, 235, т. LXIV, 140.
- Григоровичъ, Дм. Вас. писат., т. LXI, 203, т. LXII, 233, т. LXIV, 464, 465, 473.
- Григорьевъ, драмат. артис., т. LXIII, 715.
- Григорьевъ, В. В., профес., т. LXI, 232, 235.
- Григорьевъ, Аполон. Александр., писат., т. LXI, 638, 639, 640, т. LXII, 223, 224, т. LXIII, 378.
- Григорьевъ, 1855 г., т. LXI, 103.
- Гривы, Ю, пѣвица, † 1869 г., т. LXII, 245.
- Гриммъ, баронъ, Фридр. Мельхиоръ, корреспонд. Екатерины II, род. 1729 г., † 1807 г., т. LXI, 435—458, т. LXIV, 662, 643.
- Гродековъ, Н. И., генер.-м., т. LXII, 265, 402, 403.
- Громовъ, Васил. Федул., т. LXIV, 559.
- Громовъ, купецъ, т. LXII, 402.
- Гросъ-Гейнрихъ, педагог., т. LXIV, 733.
- Гротенгельмъ, команд. Бутырск. полка, 1762 г., т. LXIII, 489.
- Гротенфельтъ, генер. 1855 г., т. LXI, 97, 472.
- Гротъ, Ян. Карл., д. т. сов., вице-презид. акад. наукъ т. LXI, 405, т. LXII, 252.
- Гротъ, Конст. Карл., статъ-секр., чл. госуд. сов., т. LXI, 423, 659, 662, 663, т. LXII, 738, 767, 769, т. LXIV, 584.
- Груберъ, почетн. казанск. учебн. окр. 1858 г., т. LXI, 564, 566.
- Грудзинскій, гр., Антонъ, т. XLII, 707.
- Грузинцевъ, пис., т. LXIII, 160.
- Грунтъ, офиц., батал. команд. Дворян. пол., т. LXII, 493.
- Грюнбергъ, Варвара Богданов., † 1869 г., т. LXIV, 519, 582, 583, 607.
- Грюнбергъ, Юлія Львов., въ зам. Тюринна, пианистка, т. LXIV, 518, 582.
- Грюнбергъ, Иза, въ зам. Ласкозь, пѣвица и романсиста, т. LXIV, 519.
- Грюнвальдъ, скрипачъ, т. LXI, 396.
- Губертъ, Никол. Васил., библиогр., рои. 1818 г., т. LXI, 407, 409—412, т. LXII, 242, 243.
- Губертъ, Н. А., арт. т. LXIV, 562.
- Губертъ, директ. москв. консерват., т. LXIV, 565.
- Гудовичъ, фельдм. 1812 г., томъ LXIV, 646—650, 665, 669, 675.
- Гудаль-Артемовскій, профес. харьков. унив. 1833 г., т. LXIII, 267.
- Гумбольдтъ, ученый, т. LXIV, 412.
- Гунъ, художн., т. LXII, 234.
- Гурійская, царица, воспит.-ца Смолен. мон., т. LXIV, 732.
- Гурко, ген.-ад., Влм. Александр., варшавск. ген.-губернат., т. LXI, 61, 68, 131, 132, 134, 135, 588, 589, 600, 604, 618, т. LXII, 416, 416, 422, 423, 433, т. LXIII, 193, томъ LXIV, 476, 477, 759—717.
- Гурновъ, 1779 г., т. LXII, 548.
- Гуровъ, т. LXIII, 149.
- Гурчинъ, бывш. воспит. Дворян. пол., ген.-лейт., т. LXII, 265.
- Гурьевъ, гр., 1821 г., т. LXIII, 311.
- Гурьевъ, мин-ръ финанс., т. LXIV, 653.
- Гусевъ, Петръ Ив., жанд. офиц. 1848 г., т. LXIV, 125.
- Гусевъ, т. LXIII, 114.
- Гущинская, помѣщица 1830г., т. LXIII, 5.
- Гюббенетъ, Христианъ Яковлев., профес. хирург. † 1873 г., т. LXI, 75—99, 100, 103.
- Гюббенетъ, Ад. Як., ст.-секрет., мин-р. пут. сообщ., сообщ., Профессоръ хирургіи Х. Я. Гюббенетъ, т. LXI, 75—99.
- Гюббенетъ, О. Як., ген.-лейт., сообщ. „Профес. хирург. Х. Я. Гюббенетъ“, т. LXI, 75—99.
- Гюцлафъ, т. LXIV, 133.
- Давиша, кн., В. Д., т. LXII, 135, 150—153.
- Давидовъ, заточен. въ Соловецк. мон. 1872 г., т. LXI, 190.
- Давыдова, Марія Петр., вдова профес.

- сообщ. заимѣту „Шуманъ о Рубинштейнѣ, 1843 г.“, т. LXIV, 529.
- Давыдовъ, Андр. Петров., т. LXII, 544, 550, 557.
- Давыдовъ, Денисъ Васильев., ген.-лейт., писат., р. 1784 г., † 1839 г., т. LXI, 4, 7, 431, 584 т. LXII, 289.
- Давыдовъ, И. Ив., профес. 1850 г., т. LXI, 196, 232, 248, т. LXII, 472, 578 т., LXIV, 125, 127, 727, 729.
- Давыдовъ, К. Ю., директ. слб. консерват., т. LXIV, 562, 598, 613, 629.
- Давыдсъ, Петръ Ив., помощн. москов. об.-полиціймейст., т. LXII, 199, 200, 201, 202, 207.
- Давыдовъ, Фед., генер. 1889 г., т. LXII, 263, 264.
- Давыдовъ, полковн. 1761 г., т. LXIII, 489.
- Дагаевъ, Т. М., сообщ.: „Подъ Телишемъ въ 1877 г., изъ двенника офицера“, т. LXIV, 759—782.
- Даль, Видм. Ив., докторъ, писат., т. LXI, 583—584, т. LXII, 37—42, т. LXIII, 59, 552, 553, т. LXIV, 741, 742.
- Даль, архит., художн., т. LXII, 226.
- Дандевиль, офиц. генер. шт. 1849 г., т. LXI, 460.
- Дандре, Левъ, бывш. воспит. Конст. воен. училища, вып. 1880 г., т. LXII, 263.
- Данзасъ, секунд. Пушкина, т. LXIII, 551.
- Данилевскій, А. И., см. Михайловскій-Данилевскій.
- Данилевскій, Григ. Петров., писатель, т. LXI, 207, т. LXIV, 134.
- Данилевскій, Алексдр. Семенов., т. LXI, 148.
- Данилевскій, профес. харьков. унив. 1889 г., т. LXI, 653.
- Данилевскій, генер. 1837 г., т. LXIII, 567.
- Даниловичъ, Игнатій Н., писат., т. LXII, 338, 342.
- Даниловичъ, Григ. Григ., ген.-ад., бывш. директ. 2 кад. корп., съ марта мѣсяца 1877 г. воспитат. Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, т. LXII, 265.
- Даниловичъ, И., т. LXII, 607, 608.
- Данилъ, князь, черногорскій, т. LXII, 773, 774.
- Дантесъ-Генернъ, Георгъ Карл., поруч. Кавалергард. пол. 1837 г., т. LXIII, 549, 550.
- Даргомыжскій, композит., т. LXIV, 595.
- Дашкова, княг., Екат. Романов., рожд. Воронцова, статсъ-дама, р. 1743 г., † 1810 г., т. LXII, 240.
- Дашковъ, чл. рязанск. губернск. учил. совѣта, т. LXI, 274.
- Дашковъ, тн. сов. директ. Румянц. муз. въ Москвѣ 1889 г., т. LXII, 230, 231, 235.
- Дашковъ, А. В., т. LXI, 405.
- Дашковъ, Д. В., мн-ръ юстиц. 1835 г., т. LXI, 138, 140.
- Дашковъ, Д. Д., педагогъ, т. LXII, 18, 19.
- Дашковъ, кн., Пав. Мих., предвод. двор. слб. губ. 1831 г., т. LXI, 217.
- Дверницкій, генер. польск. службы 1830 г., т. LXIII, 5, 6.
- Дворачевъ, Яв., т. LXI, 234.
- Дебринскъ, Никол. Фед., прап. 1. гв. Литов. пол. 1824 г., т. LXIV, 318.
- Девинъ, команд. 1. гв. Литовск. пол. 1840 г., т. LXIV, 292.
- Девіеръ, гр-ня, т. LXII, 124.
- Девіеръ, графъ, т. LXI, 242.
- Дегай, Пав. Ив., сенат., † 1849 г., т. LXI, 382.
- Дегуровъ, рект. слб. унив. 1826 г., т. LXI, 308, 310, т. LXII, 111, т. LXIII, 273.
- Деденевъ, Мих.; генер. 1763 г., т. LXIV, 9.
- Дедонскій, майоръ 1795 г., т. LXIII, 211.
- Дейчъ, анархистъ, т. LXI, 56.
- Делингогаузенъ, генер. 1877 г., т. LXII, 423.
- Дель, Анна Петров., т. LXIII, 35, 47.
- Дель, Алексдр., студ. слб. унив. 1826 г., т. LXI, 312, т. LXII, 107, 118, 579, 582, 583 т. LXIII, 35, 49, 265, 285, 2 6, 522, 542.
- Дельвигъ, бар., Антоны Автонов., писат., р. 1789 г. † 1831 г., т. LXI, 172, т. LXIII, 36, 37, 40, 276, т. LXIV, 376.
- Деляновъ, гр., Ив. Дау, выш. мн-ръ народн. проsv., т. LXI, 199.
- Демонтьевъ, студ. казанск. унив. 1861 г., т. LXII, 624.
- Демидовъ, Анатолий, т. LXIV, 745.
- Демидовъ, Григ. Акинфьев., т. LXIV, 218.

- Демидовъ, Ив. Григ., т. LXIV, 218.
 Демидовъ, Григ. Никитичъ, т. LXIV, 218.
 Демидовъ, Пав. Григ., основат. Демидовск. лицея, † 1821 г. т. LXIV, 210, 218, 219, 220, 226, 229.
 Демидовъ, П. П., т. LXII, 481.
 Демидовъ, гл. управл. воен. учебн. завед., т. LXIV, 310.
 Демидовъ, т. LXIV, 685.
 Демидовы, дворяне, т. LXIV, 244.
 Деморъ, Софья Вас., рожд. Петрашевская, т. LXII, 476.
 Деморъ, Петръ Фед., ген.-лейт., т. LXII, 476.
 Демьяненко, Н. А., нач. артн. акад., 1889 г., т. LXII, 265.
 Деминовичъ, Андрей, протоіер. 1889 г., т. LXII, 621, 622.
 Денисовъ, гр., гсн. отъ кавал. 1800 г., т. LXIII, 219, 220.
 Денисовъ, А. И., т. LXII, 718.
 Денисовъ, т. LXIV, 132.
 Денисовъ, т. LXIV, 421.
 Денотвицъ, С. В., врачъ, т. LXII, 27.
 Денъ, профес.-контрапунктистъ, 1846 г., т. LXI, 396, 397, т. LXIV, 528, 529, 532, 533, 608.
 фонъ-Дервиль, т. LXII, 28.
 Дервиль, т. LXI, 288.
 Державина, т. LXIII, 527.
 Державинъ, Гавр. Романов., писатель. р. 1743 г., † 1816 г., т. LXI, 405, 410, 411, т. LXII, 115, т. LXIII, 305, томъ LXIV, 728, 743.
 Дерибасъ, адмир. 1800 г., т. LXIII, 221.
 Деруновъ, С., т. LXIV, 244.
 Дерфельденъ, офнд. 1870 г., т. LXII, 397.
 Десопотовичъ, полковн., 1875 г., т. LXII, 141.
 Джанкотовъ, землемладѣлецъ 1825 г., т. LXI, 324.
 Джемаль-Эдинъ, сынъ Шамия, томъ LXII, 359.
 Дибичъ-Забалканскій, гр., Ив. Иван., фельдм., р. 1785 г., † 1831 г., т. LXII, 594, т. LXIII, 221, 232, 242, 243, томъ LXIV, 376, 480.
 Дидло, г-жа, т. LXIV, 730.
 Дижуби, Г., бывш. воспит. 1-го кад. корп. вып. 1819 г., т. LXIV, 312.
 Димитревскій, Петръ, пономарь, томъ т. LXI, 181, 182.
 Димитрій, царевичъ, т. LXI, 410, томъ LXIV, 46.
 Димитрій Сулема, архіеп. кишиневск., т. LXI, 238.
 Диръ, князь, т. LXIV, 186, 187.
 Дитериховъ, ген.-лейт., директ. Пажеск. корп. 1889 г., т. LXI, 653.
 Дитятинъ, т. LXIV, 229.
 Длугошъ, польск. историкъ XV в., томъ LXI, 411.
 Дмитриевъ, Ив. Ив., мнн.—ръ юстиціи, ба-снописецъ, р. 1760, † 1837 г., т. LXI, 431, т. LXIII, 117, т. LXIV, 130, 654.
 Дмитриевъ, Мих. Алексдр., писат., р. 1796 г., † 1866 г., т. LXI, 383, 410, т. LXII, 112, т. LXIV, 180.
 Дмитриевъ-Вогдановичъ, Ипполитъ Федоровичъ, писатель, авт. «Душеньки». т. LXIII, 305.
 Дмитрий, св. митроп. Ростовскій, † 1709 г., т. LXIII, 704, 707, т. LXIV, 208, 213.
 Дмитрий Иоанновичъ Донской, великій князь, т. LXIV, 710, 844.
 Дмитриевскій, Мих. Васильев., т. LXIV, 377—378.
 Дмитровскій, генер. 1877 г., т. LXI, 591, т. LXII, 421, 449.
 Дмитровскій, И., писат., т. LXI, 412.
 Добжанская, уч.—па сб. консерват. 1865 г., т. LXIV, 613.
 Добровольскій, докт. 1847 г. LXIII, 572.
 Добровскій, Юсифъ, т. LXII, 331, 332.
 Добролюбская, т. LXII, 568.
 Добролюбскій, т. LXII, 565, 568, 571, 572, т. LXIV, 25.
 Добролюбскій, А. П., т. LXIV, 823.
 Добролюбовъ, Ник. Алексдр., писатель, т. LXI, 639, т. LXII, 753.
 Доброславинъ, профес., мед.-хир. акад. 1878 г., т. LXIV, 153.
 Довъ, художн., т. LXII, 122.
 Довре, Пав. Фед., прапорщ. 1824 г., т. LXIV, 318.
 Довмонтъ, князь, свят., т. LXII, 757.

- Долгово-Сабуровъ, команд. Елисаветградск. гус. полка 1839 г., т. LXII, 56.
- Долгорузіе, князья, т. LXII, 124, томъ LXII, 217.
- Долгорузіи, кн., Г., томъ LXIV, 662, 664, 673.
- Долгорузіи, кн., Петръ Серг., т. LXIII, 489, 490.
- Долгорузіи, кн., Никл. Андр., ген.-ад., р. 1794 г., † 1847 г., т. LXII, 346.
- Долгорузіи, Яковъ Ѳеодор., т. LXII, 621.
- Долгорукова, княжна, Варвара Юрьевна, т. LXIII, 482.
- Долгорукова, княгиня, Ольга Карлов., рожд. гр.—на Сенъ-Приѣ т. LXI, 250.
- Долгоруковъ, кн., Васил. Васильев., ген. поруч. 1790 г., т. LXIII, 516.
- Долгоруковъ, кн., Вас. Вас., предсѣд. импер. вольн. экон. общ., 1850 г., т. LXI, 352, 353.
- Догуровъ, князь, Влад. Петр., ген.-поруч., бывш. рязск. и ревельск. губ., т. LXIII, 481.
- Долгоруковъ, кн., Вас. Андр., генер.-адъют., т. LXI, 234, 250, т. LXIII, 185, 625, 629.
- Долгоруковъ, кн., Петръ Петров., москов. губернат. 1790 г., т. LXIII, 497, 516.
- Долгоруковъ, кн., Серг. Петров., томъ LXIII, 482.
- Долгоруковъ, кн., Юрій Влад., ген.-аншефъ, р. 1740 г., † 1830 г., т. LXIII, 481—517.
- Доливо-Добровольская, Анна Иван., т. LXIII, 420.
- Доливо-Добровольскій, полковн., нач. шт. войскъ Дагест. обл. 1860 г., т. LXIII, 414, 420.
- Долинскій, учит. въ Рипельев. лицей, т. LXI, 259.
- Домашневъ, Максимъ, прапорщ. 1734 г., т. LXII, 702.
- Домбровский, педагогъ 1853 г., т. LXII, 482, т. LXIV, 420.
- Домбровский, униатск. іером. 1848 г., т. LXIII, 562.
- Домети, полковн. 1877 г., т. LXII, 444.
- Дометти, т. LXIII, 347.
- Домонтовичъ, Вас. Вас., ген.-м., артилеристъ, поэтъ, т. LXII, 758.
- Домонтовичъ, Ив. Ив., тайн. сов., род. 1814 г., гласн. спб. Думы съ 1868 г., т. LXII, 758, 771.
- Домонтовичъ, Ив. Мих., бывш. генер. судья войска Запорожскаго, † 1683 г., т. LXII, 757, 758.
- Домонтовичъ, Конст. Ив., чл. редакц. комм. 1860 г., севаторъ, т. LXI, 659, 665, т. LXII, 765—772.
- Домонтовичъ, Петръ, т. LXII, 758.
- Домонтовичи, т. LXII, 757.
- Дондуковъ-Корсаковъ, князь, А. М., ген.-ад., т. LXII, 758, т. LXIII, 200.
- Дондуковъ-Корсаковъ, кн., Михаилъ Александр., попеч. спб. учебн. окр., томъ LXIII, 272, 273, 277, 288, 297, 520, 522, 523, 524, 529, 545, 547, 554, томъ LXIV, 103, 121, 733, 734.
- Донецкій, студ. казанск. унив. 1858 г., т. LXI, 572.
- Донивартъ, г-жа, т. LXII, 487.
- Доннай (Донучай), татарскій мурза, родопач. фамиліи Одинцовыхъ, томъ LXIV, 293.
- Донской, офиц. 1812 г., т. LXIV, 266, 275, 278—280.
- Доронинъ, свящ. 1853 г., т. LXII, 482, т. LXIV, 420.
- Досифей, ростовск. архіерей, въ мирѣ Абрамъ, † 1718 г., т. LXIII, 696.
- Достоевская, Анна Григ., т. LXIV, 238.
- Достоевскій, Ѳеодоръ Мих., писатель, † 1881 г., т. LXI, 318, 636, 638, томъ т. LXII, 233, 738, 748, т. LXIII, 680, т. LXIV, 237, 238.
- Достоевскій, Андр. Мих., томъ LXIV, 237, 238.
- Достовскій, Мих. Мих., издат. «Время и Эпоха», т. LXII, 747, т. LXIV, 237.
- Дохтуровъ, ген. отъ инф. 1815 г., томъ LXIII, 306, т. LXIV, 716.
- Дохтуровъ, ген. 1877 г., т. LXI, 612, т. LXIV, 476.
- Драгомировъ, Мих. Ив., генер.-ад., томъ LXII, 263, 264, 265, 266, 395, 433.
- Драчевскій І-й, офиц., † 1831 г., томъ LXIV, 306.

- Драшисовъ, В. Н., директ. опеки сов., т. LXIII, 158.
- Драшковичъ, т. LXIII, 493.
- Драшусовъ, т. LXIV, 134, 139.
- Древесь, поруч. 1763 г., т. LXIII, 459, 460, т. LXIV, 21.
- Дрейшовъ, проф. слоб. консерв. 1862 г., т. LXIV, 117, 118, 562, 612, 613.
- Дрентельнъ, А. Р., ген.-ад., † 1888 г., т. LXI, 60, 70.
- Дровдовъ, Петръ Ив., студ. слоб. духовн. акад., т. LXII, 217, 218, 219.
- Дружининъ, Александр. Васил., писатель, † 1864 г. LXI, 203, т. LXII, 277, томъ LXIV, 570.
- Дружининъ, воспит. I-го кад. корпуса, т. LXIV, 301.
- Друцкая-Соголинская, княг., Марья Вас., рожд. Дроведкая, томъ LXII, 164, 171.
- Друцкая-Соголинская, княгиня, томъ LXII, 51.
- Друцкой-Соголинскій, кн., Николаи Григ., т. LXII, 164, 172—174.
- Друцкой-Соголинскій, князь, томъ LXII, 51.
- Дубасовъ, артил. офиц. 1877 г., томъ LXI, 625.
- Дубасовъ, И. И., чл. тамбов. архив. ком., т. LXIV, 811, 822.
- Дубачевскій, т. LXIV, 823.
- Дубельтъ, Леонтій Васил., нач. штаба корп. жанларм., т. LXI, 352—353, 379, т. LXIII, 546, 556, т. LXIV, 369—371, 736, 737,
- Дубельтъ, Мвх. Леонтьев., томъ LXIV, 96, 104.
- Дубовъ, т. LXI, 309.
- Дубровинъ, Никол. Фед., генер.-лейт., акад., сообщ.: «Николай Михайловичъ Пржевальскій», томъ LXIV, 413—448; упом. т. LXII, 252, т. LXIII, 312, 362, т. LXIV, 497, 821.
- Думасовъ, Пав., бывш. воспит. Двор. полка. 1856 г., т. LXII, 263, 264.
- Дущинскій, майоръ 1849 г., т. LXI, 471.
- Дунскій, свящ. 1840 г., т. LXIII, 23, 560.
- Дурасовъ, моск. полиціймейст. 1812 г., т. LXIV, 657.
- Дурновъ, Никол. Дм., генер.-кригском. т. LXII, 211.
- Дурновъ, Аполл. Ефимов., т. LXIV, 29.
- Дуровъ 1799 г., т. LXII, 563.
- Дуровъ, Ник. Павл., проф., т. LXI, 412.
- Духонинъ, полковникъ 1877 г., томъ LXII, 418.
- Дыховъ, эзекут. казанск. унив. 1861 г., т. LXIII, 431.
- Дьяконовъ, Мих. Вас., директ. рисов. школы въ Спб. 1862 г., т. LXIV, 449, 450, 451, 453, 454, 455, 457, 458, 462, 463, 464, 469, 470, 473, 474.
- Дьяконовъ, педагогъ 1852 года, томъ LXII, 482.
- Дьяковъ, Илья Степ., т. LXIII, 696.
- Дювернуа, т. LXIV, 229.
- Дюжовъ, П., свящ., т. LXIV, 818.
- Дюръ, артистъ 1833 г., т. LXIII, 265.
- Дютуръ, Софья Никол., рожд. Сарова, т. LXI, 398.
- Дюфуръ, издат. «Музык. Свѣта», томъ LXIV, 603.
- Евгеній, Болховитиновъ, митров. кіевскій, т. LXI, 244, 403, 411, 412, т. LXII, 726.
- Евгеній, еписк. астрах., т. LXIV, 813.
- Евдокимова, графиня, т. LXI, 497, томъ LXIII, 88, 105—108.
- Евдокимовъ, гр., Никол. Ив., ген.-ад. р. 1804, † 1873 г., т. LXI, 315, 479—506, т. LXII, 357—387, 641—660, томъ LXIII, 81—109, 387—420, т. LXIV, 379—411.
- Евренковъ, Алексій Петр., д. ст. сов. † 1886 г., т. LXIV, 831.
- Евренновъ, Фед. Ив., т. LXIII, 140.
- Евсеевъ, пѣвецъ, т. LXI, 382, т. LXII, 584.
- Егоровъ, Алекс., студ. казанск. унив. 1861 г., т. LXII, 624, 635, 639.
- Егоровъ, живописецъ 1835 г., т. LXIII, 53.
- Егоровъ, Анатолий, сообщ.: «Памятникъ замѣчательнымъ русскимъ дѣятелямъ» т. LXIII, 647—653.
- Егоровичъ, П., т. LXII, 551.

- Екатерина I**, т. LXI, 239, 240, 241, 243, т. LXII, 209, т. LXIII, 135, т. LXIV, 257.
- Екатерина II**, императрица, р. 1729 г., † 1796 г., т. LXI, 13, 18, 24, 32, 35, 48, 177, 178, 209—238, 370, 434—458, 578, т. LXII, 184, 190, 195, 197, 205, 210, 254, 497, 510, 536, т. LXIII, 226, 228, 404, 447, 449, 450, 481, 487, 517, 648, 649, 686, 693, т. LXIV, 13, 14, 54, 216, 237, 257, 309, 649—682, 815.
- Екатерина Павловна**, велик. княгиня, т. LXI, 16, т. LXII, 250, т. LXIV, 647, 648, 687.
- Екатерина Михайловна**, вел. княгиня, т. LXI, 653, т. LXIV, 250.
- Екимовъ**, т. LXIII, 265, 267.
- Елагина**, Авд. Петров., рожд. Юшкова, въ перв. бракѣ Епирьевская, † 1878 г., т. LXI, 154, 157, т. LXIII, 347, 350.
- Елагинъ**, Алексѣй Андреев., т. LXIII, 328, 344, 356.
- Елагинъ**, Васил., т. LXI, 154.
- Елагинъ**, Ив. Перфильев., генер. 1773 г., т., LXI, 579.
- Елагины**, т. LXI, 154, т. LXIV, 815.
- Елавицкій**, В. Д., чл. сарат. армян. ком., т. LXIV, 810.
- Елачичъ**, профес. казанск. унив. 1859 г., т. LXII, 90.
- Елбтъ**, бар., ген.-квартирмейст. 1761 г., т. LXIII, 485.
- Елена Павловна**, велик. княг., въ зам. принц. Гольштейнъ-Ольденбург., томъ LXI, 228, т. LXIV, 748.
- Елена Павловна**, вел. княг., супруга вел. кн. Михаила Павловича, р. 1806 г., † 1873 г., т. LXI, 267, т. LXIII, 192, т. LXIV, 124, 542—562, 584, 585, 613, 618.
- Елисавета Петровна**, императрица, р. 1709 г., † 1761 г., т. LXI, 239, т. LXII, 222, 497, 510, т. LXIII, 295, 483, 486, 693, т. LXIV, 13, 222, 243, 660, 815.
- Елисавета Алексѣевна**, императрица, р. 1779 г., † 1826 г., т. LXI, 310, т. LXIII, 319, т. LXIV, 129.
- Елмановичъ**, 1855 г., т. LXI, 100.
- Елпидинъ**, студ. казанск. унив., 1861 г. т. LXII, 639.
- Елозеръ**, Фани, артистка, т. LXIV, 131.
- Елфинстонъ**, адмир., 1770 г., т. LXIII, 497, 498.
- Елчинъ**, Дормид. Тимоев., 1799 г., томъ LXII, 575.
- Елчинъ**, помѣщ., 1888 г., т. LXII, 31.
- Енигѣевъ**, кн., т. LXIII, 207.
- Енохинъ**, шт.-докт., т. LXII, 663.
- Епифаній**, архим. Никольск. мон. 1771 г., т., LXII, 260.
- Епрамовъ**, юнкеръ 1839 г., т. LXII, 46, 47.
- Еремѣва**, ученица слб. консерваторіи, 1865 г., т. LXIV, 613.
- Ермолаевъ**, помѣщ. 1845 г., т. LXIV, 336, 343, 353.
- Ермолаевъ**, Григ., бывш. воспит. Двор. пол. вып. 1858 г., т. LXII, 264.
- Ермолаевъ**, библиотек. слб. публ. библ. 1827 г., т. LXII, 109.
- Ермолова**, Елизаб. Дм., по втор. мужу Багговутъ, т. LXIII, 247.
- Ермоловъ**, Алексѣй Петров., ген.-отъ-инфант., р. 1777 г., † 1861 г., т. LXI, 4, 29, 321, 323, 324, 386, 482, т. LXIV, 214, 818.
- Ермоловъ**, Петръ Алекс., т. LXII, 211.
- Ермоловъ**, генер. 1835 г., т. LXIII, 534.
- Ернъ**, Марія Каспаров., въ зам. Рейхель, т. LXI, 338.
- Ернъ-Гроссъ**, т. LXIII, 127.
- Ерошкинъ**, ген.-м. 1761 г., т. LXIII, 478.
- Ерошкинъ**, Петръ Дм., сенат., ген.-авшефъ, 1771 г., т. LXII, 258—260, томъ LXIII, 510, т. LXIV, 268.
- Ершовъ**, профес. москов. унив. 1850 г., т. LXIV, 124.
- Есипова**, А. Н., пѣвицева, т. LXIV, 562, 565, 624.
- Ефибовскій**, писат. 1812 г., т. LXIV, 736.
- Ефимовичъ**, полковн., 1800 г., т. LXIII, 212.
- Ефимовскіе**, т. LXI, 226.
- Ефремова**, т. LXIV, 285.
- Ефремовъ**, Петръ Алекс., т. LXI, 161, 406.
- Ефремовъ**, офиц. 1812 г., т. LXIV, 285.
- Еффрусъ**, банкиръ, т. LXIV, 90, 91.

Евчестовы, т. LXII, 49.

Жаба, драгоманъ русск. конс. въ Смирнѣ 1847 г., т. LXIII, 572.

Жаба, польск. эмигрантъ 1847 г., т. LXIII, 573.

Жандръ, авторъ „Матеріал. для исторіи Севастоп.“, т. LXI, 77.

Ждановъ, студ. казанск. унив. 1861 г., т. LXIII, 77.

Желтухинъ, казанск. губернат. 1797 г., вполс. сенат., т. LXII, 184.

Желтухинъ, Алексѣй Дм., бывш. чл. редакц. комм., р. 1820 г., † 1865 г., т. LXI, 664.

Желтухинъ, Петръ Фед., команд. лейб-гренад. пол., т. LXII, 218.

Желтухинъ, Владм. Петров., 1824 г., т. LXIV, 318.

Желтухинъ, офиц. генер. штаба, т. LXIV, 438, 442.

Желудковъ, ярославск. город. голова, 1797 г., т. LXIV, 217.

Желѣновъ, Никол. Ив., чл. редакц. комм., р. 1815 г., † 1877 г., т. LXI, 665.

Жемановъ, студ. каз. унив. 1861 г., т. LXIII, 483.

Жемирскій, ген.-м., 1823 г., т. LXIV, 314.

Жемчужниковъ, слб. губернат. 1839 г., т. LXIV, 365.

Жемчужниковы, т. LXIV, 257.

Жерве, корветъ, † 1813 г., т. LXIV, 363.

Жеребцовъ, Мих. Ив., капит. 1824 г., т. LXIV, 318, 547.

Жеребцовъ, Андр., т. LXIV, 547.

Живневскій, Августъ Казимір., археологъ, предсѣд. тверск. учебн. арх. ком., тайн. сов., т. LXIII, 693, 699, т. LXIV, 809, 812, 820, 823.

Жираре, т. LXII, 389, 410.

Жуковъ, М., т. LXII, 470.

Жуковъ, помѣщ. 1859 г., т. LXII, 92.

Жуковичъ, Никол., протоіер. 1888 г., т. LXII, 621.

Жуковский, Н. В., слб. губернат. 1849 г., т. LXIV, 369—371.

Жуковский, Вас. Андреев., писатель, р. 1788 г., † 1852 г., т. LXI, 147, 148, 151,

154, 156, 158, 209, 383, 406, 416, 431, 581, т. LXII, 245, 474, т. LXIII, 40, 113, 116, 274, 311, 384, 526, 527, 553, 554, 709, 710, т. LXIV, 116, 304, 325, 326, 376, 471, 749, 756.

Жуковский, Степ. Мих., чл. редакц. комм., статсъ-секретарь, р. 1818 г., † 1877 г., т. LXI, 665, т. LXII, 762, 763, 769.

Жуковский, Петр. Владм., бывш. воспит. 1-го кад. корп., т. LXIV, 312.

Жуковский, секретарь ген.-губ. Зап. Сибирі 1819 г., т. LXIII, 309.

Жуковский, студ. казанск. унив. 1855 г., т. LXI, 560.

Жуковский, эмигрантъ 1867 г. т. LXI, 187—190.

Жуковский, актеръ 1861 г., т. LXIV, 130, 132.

Заблоцкий-Десятовскій, Андр. Пареев. ст.-секрет., чл. госуд. сов., р. 1803 г., † 1881 г., т. LXI, 665, т. LXII, 759, 760, 761, 769.

Забудскій, нач. шт. кубанск. обл. 1860 г., т. LXIII, 406.

Забѣлинъ, Ив. Егор., историкъ, директ. историч. музея въ Москвѣ, т. LXI, 405, т. LXII, 228, 233, 239, т. LXIII, 684.

Забѣлло, Алексѣй Астафьев., офиц. 1824 г., т. LXIV, 319.

Завадовская, гр-ня, т. LXII, 119.

Завадовскій, атаманъ черномор. казаковъ, т. LXIV, 129.

Завадовскій, И., педагогъ 1889 г., т. LXI, 653.

Завадовскій, т. LXIV, 414.

Завойна, адмир., т. LXII, 38.

Загайновъ, прозект. анатом. казанск. унив. 1861 г., т. LXIII, 64.

Загоскинъ, Мих. Никол., писатель, р. 1789 г., † 1852 г., т. LXI, 382, 384, т. LXIII, 277.

Загоскинъ, педагогъ, т. LXII, 492.

Загряжскій, отстав. шталмейст. 1819 г., т. LXIV, 49, 722.

- Закремовій, Арсен. Андреев., графъ,
 † 1865 г., т. LXI, 386, т. LXIII, 142,
 257, 347.
- Залескій, Бронисл. Францов., чл. редак-
 ции. комм., † 1880 г., т. LXI, 665.
- Залесскій, Богд., польск. поэтъ, т. LXIII,
 21.
- Залѣсовскій, студ. казанск. унив. 1859 г.,
 т. LXII, 96, 97.
- Замойскій, гр., т. LXII, 620, 621.
- Замойскій, полковн. 1847 г., т. LXIII,
 577.
- Заматинскій, Иркутск. губернат. 1857 г.,
 т. LXII, 476.
- Замословскій, Е. Е., профес., т. LXIII,
 207.
- Запольскій, Н. Н., т. LXI, 653.
- Заремба, Н. И., бывш. директ. слб.
 консерват., т. LXIV, 562, 563, 564,
 613, 614, 617, 592, 598.
- Зарубаевъ, Валер., бывш. воспит. Дво-
 рян. пол. вып. 1845 г., генер.-лейт.
 1889 г., т. LXII, 263, 264, 266.
- Засуличъ, Вѣра, т. LXI, 55.
- Засъ, ген.-лейт. 1849 г., т. LXI, 472.
- Затмиловъ, вольно-слушат. казанск.
 унив. 1861 г., т. LXIII, 73.
- Захарова, г-жа, т. LXII, 92.
- Захарыина, Н. А., см. Герценъ.
- Захарыина, Ксенія Ив., т. LXI, 181.
- Звѣревъ, чл. ряз. арх. ком., т. LXIV, 823.
- Звѣревъ, С. Е., чл. орлов. арх. ком.,
 т. LXIV, 818.
- Звягина, Елсав. Алексѣев., рожд. Не-
 красова, т. LXI, 351.
- Звягинъ, К. С., артил. офиц., т. LXI, 351.
- Зденауръ, Н. Ѳ., лейбъ-мед. 1878 г.,
 т. LXIV, 148.
- Зебахъ, капит. 1761 г., т. LXIII, 466.
- Зеге-фонъ-Лауренбергъ, В. Ф., сообщ.
 „Василій Ѳеодоровичъ фонъ-дѣръ Лау-
 ницъ“, т. LXIII, 183—186.
- Зедлеръ, бар., т., LXIV, 749.
- Зедлеръ, генер. 1836 г., т. LXIII, 534,
 т. LXIV, 107.
- Зезюлиновскій, Дм. Прохоров., т. LXIV,
 417.
- Зейдлеръ, Фридрихъ, пасторъ, р. 1771 г.,
 † 1834 г., т. LXI, 215.
- Зейдлицъ, бар., поруч. 1855 г., т. LXII,
 222.
- Зейфертъ, профес. слб. консерваторіи,
 1867 г., т. LXIV, 562.
- Зеландъ, г-жа, т. LXIII, 268, 269.
- Зеленецкій, преподават. Рижельев. ли-
 цей, т. LXI, 246.
- Зеленскій, докт. 1817 г., т. LXIV, 301.
- Земенецкій, команд. харьков. уланск.
 пол. 1849 г., т. LXI, 471.
- Зенковичъ, студ. слб. унив. 1825 г.,
 т. LXII, 583.
- Зерновъ, профес. москов. унив. 1851 г.,
 т. LXIV, 182.
- Зики, К. К., арт., т. LXIV, 562.
- Зиминъ, Ив., застѣд. магистрата 1870 г.,
 т. LXIII, 449, 453, 455.
- Зиновьева, Екат. Васильев., т. LXIII, 29.
- Зиновьевъ, П., т. LXIV, 624.
- Зиновьевъ, педагогъ, т. LXI, 163.
- Зиновьевъ, полковн. 1877 г., т. LXIV,
 767.
- Златоврацкій, Петр. Ив., діаконъ 1838 г.,
 т. LXI, 181, 182.
- Златоустовскій, И. М., чл. тамб. арх.
 ком., т. LXIV, 822.
- Злобинъ, Васил. Алексѣев., откупщикъ,
 т. LXII, 220.
- Знаменскій, П. В., проф., т. LXIV, 821.
- Знаменскій, І. П., свящ., т. LXIV, 824.
- Золотилова, пом-ца 1845 г., т. LXIV, 340.
- Золотовъ, В. А., педагогъ, т. LXI, 274,
 289, т. LXII, 1, 8, 10, 18.
- Золотовъ, вольно-слушат. казанск. унив.
 1861 г., т. LXIII, 75, 78, 79, 421—424.
- Золотухина, Анна Ильинич., сообщ.:
 „Записки о 1812 г.“, т. LXIV, 257—288.
- Золотухина, Анна Матвѣев., т. LXIV,
 257.
- Золотухинъ, Левовъ, т. LXIV, 257.
- Золотухинъ, Ив. Аевнас., т. LXIV, 257.
- Золотухинъ, Матв. Ив., т. LXIV, 258—
 288.
- Золотухинъ, Васил. Ив., т. LXIV, 257.
- Зоммеръ, помощн. инспект. студ. ка-
 занск. унив. 1855 г., т. LXI, 562,
 т. LXII, 636, т. LXIII, 61.
- Зотова, гр-ня, рожд. княж. Куракина,
 т. LXII, 219.

- Зотовъ, Влад. Рафанлов., т. LXIV, 546.
 Зотовъ, Пав. Дм., полковн. 1858 г.,
 впол. ген. отъ инфант., р. 1824 г., †
 1879 г., т. LXII, 643, 646, 647, 648,
 т. LXIII, 99, т. LXIV, 785, 786.
 Зотовъ, Захаръ Контст., камердин. им-цы
 Екатерины II, т. LXI, 222,
 Зотовъ, гр., т. LXII, 219.
 Зоричъ, полковн. 1761 г., т. LXIII, 475.
 Зубинская, Надежда, въ зам. Анчу-
 тина, пѣвица, т. LXIV, 612.
 Зубовъ, гр., Александръ, т. LXIII, 220,
 Зубовъ, кн., Платонъ Алсд., ген.-ал.,
 1796 г., † 1827 г., т. LXI, 212, 220,
 т. LXII, 210, 211, т. LXIII, 220, 515.
 Зубовъ, кн., Никол. Алсдр., об.-штал-
 мейстеръ, р. 1763 г., † 1805 г., т. LXI,
 120, 224, т. LXIII, 220, 221.
 Зубовъ, графъ. Валеріанъ Алсдр., †
 1804 г., т. LXII, 199, 204, 205, т. LXIII,
 220, 221.
 Зубовъ, надвор. сов. 1800 г., т. LXIII, 220.
 Зубовъ, гр., Дм. Алсдр., т. LXIII, 220.
 Зубовы, гр., т. LXII, 120.
 Зыбнянъ, И. С., чл. нижегор. арх. ком.,
 т. LXIV, 815.
 Зыковъ, бывш. воспит. 1-го кад. корп.,
 т. LXIV, 312.
- Ибрагимовъ, Борисъ, бывш. воспит.**
 Дворянскаго полка, выш. 1845 г., томъ
 LXII, 264.
- Ивановъ, А. В., чл. таврич. арх. ком.,
 т. LXIV, 810, 824.
 Ивановъ, И. А., правит. дѣлъ тверск.
 арх. ком., т. LXIV, 809.
 Ивановъ, И. С., сообщ.: «Болгарское
 ополченіе и его сформированіе въ
 1875—1879 гг.», томъ LXIII, 195—159,
 т. LXIII, 195—201, ушом. т. LXII, 512.
 Ивановъ, Алсдр. Андреев., художп.,
 т. LXI, 156, т. LXII, 234, LXIII, 165,
 166, 364—375.
 Ивановъ, М., муз.-критикъ, т. LXIV,
 610, 620—631.
 Ивановъ, помѣщ. 1771 г., т. LXII, 558.
 Ивановъ, студ. слб. унив. 1828 г., томъ
 т. LXII, 579, т. LXIII, 269.

- Ивановъ, ген. 1860 г., т. LXIII, 406.
 Ивановъ, А. П., т. LXIII, 695.
 Ивановъ, Максимъ Яв., т. LXIII, 311.
 Ивановъ, Петръ, священ. Вознесенск.
 мон. 1843 г., т. LXIV, 215.
 Ивановскій, Авдр. Авдр., т. LXI, 329.
 Ивановскій, Алсд. Доминик., библиот.
 публичн. библ. въ Слб. 1871 г., томъ
 LXIV, 215.
 Ивановскій, проф. слб. унив. 1840 г.,
 т. LXIV, 117.
 Ивановскій, Андрей Яв., изд. «Альбома
 Свѣ. Музы», т. LXIII, 111—127.
 Ивановскій Я., т. LXI, 377.
 Ивашинцева, Екат. Вас., помѣщца,
 т. LXI, 264, т. LXII, 25.
 Ивашкинъ, Петръ Алсдеев., московск.
 об.-полудіймейст. 1812 г., т. LXII,
 149, т. LXIV, 53, 54, 657.
 Ивельевъ, писат., псевд. Великоволь-
 скій, т. LXIV, 324.
 Ивской, Давидъ Яв., офицеръ 1812 г.,
 т. LXIV, 261.
 Ивской, Степ. Яв., офиц. 1812 г., томъ
 LXIV, 261.
 Игельстромъ, декабр., т. LXIV, 366.
 Игельстромъ, бар., ген.-поруч. 1770 г.,
 т. LXIII, 504, 505.
 Игнатій, Малмшевъ, архим. Сергіевск.
 пустыни, близъ Слб., сообщ.: «Въ но-
 вѣйшей исторіи монастырей въ Россіи:
 по поводу проекта устава объ учреж-
 деніи обществъ сестеръ милосердія»,
 т. LXII, 683—695.
 Игнатій, еписк. Ростовск. съ 1212 —
 1288 гг., т. LXIII, 688.
 Игнатій Желѣзовскій, еписк. гродненск.
 1850-хъ гг., т. LXII, 617.
 Игнатовичъ, Яв., воспит. вл. главн.
 семин., т. LXII, 329.
 Игнатьевъ, А. П., сообщ., «Адмиралъ
 Иванъ Алсдеевичъ Шестаковъ, † 1888
 года», т. LXI, 201—202.
 Игнатьевъ, гр., Никол. Павл., ген.-ал.,
 русскій посолъ въ Константинополь
 1871 г., ми-ръ внутр. дѣлъ 1882 г.,
 чл. Госуд. Сов., т. LXII, 773, 774,
 т. LXIII, 577, 623.

Игорь, вел. кн., † 945 г., т. LXII, 502, т. LXIV, 186, 187.
 Измаиль Хакки, паша 1877 г., томъ LXIV, 770.
 Измайловъ, Александр. Ефим., баснопис., р. 1779 г., † 1831 г., т. LXI, 154, 405, т. LXII, 464, т. LXIII, 115, 117, 118, т. LXIV, 304.
 Измайловъ, инженеръ 1878 года, томъ LXIV, 153.
 Измайловъ, Мих. Мих., т. LXIII, 516.
 Ирандеевъ, Аристархъ, протоіер., томъ LXIII, 706.
 Ирандъ, игуменъ, узникъ Соловецкой обители 1865 г., т. LXI, 376.
 Исламъ, вел. кн., т. LXII, 456.
 Иконниковъ, Владим. Степ., проф., томъ т. LXIV, 201.
 Иловайскій, Дм. Ив., проф., т. LXII, 239, 252.
 Иловайскій, П. О., ген. 1812 г., томъ LXIV, 40, 42, 43, 48, 52.
 Иловайскій, офиц. 1812 г., т. LXIV, 37.
 Ильинъ, драмат. писат. 1812 г., томъ LXIV, 658.
 Ильинъ, А. А., чл. археолог. общ., томъ LXIII, 207.
 Ильинъ, Н. П., т. LXI, 247.
 Ильиневичъ, генер.-м. 1878 г., томъ LXIV, 153.
 Имеретинскій, кн., ген. 1870 г., томъ LXII, 396, 397.
 Иванъ, ген. 1850 г., т. LXIV, 129.
 Инокентій, архимандр., намістникъ Александровской Лавры 1889 г., т. LXII, 773, 774.
 Инокентій (Борисовъ), вполн. архіеп. херсонск., т. LXI, 236, 237, 238, 257, г. LXIV, 88.
 Иновемцевъ, докт., т. LXIII, 364, 383.
 Иностранцевъ, докт., т. LXIV, 785.
 Ипполитовъ-Ивановъ, Мих. Мих., дир. тифлисск. муз. училища 1880 г., томъ LXIV, 606.
 Исполланти, кн., Александр., т. LXI, 252.
 Ирцикая, Н. А., преподав.-ца сиб. консерваторіи, т. LXIV, 562.
 Ирманъ, ген.-квартирмейстеръ, бавв. корп. 1787 г., т. LXIII, 510, 511.

Исаевъ, т. LXIV, 229.
 Исаевичъ, П. П., сообщ.: „Княгиня Анна (Жанета) Антоновна Ловичъ, супруга цесаревича Константина Павловича“, т. LXII, 707—716.
 Исаковъ, Никл. Вас., ген.-ад., чл. гос. совѣта, т. LXI, 647, 650, 652, 653, т. LXIV, 446, 447, 493—495.
 Исидоръ, митроп. спб., т. LXII, 604, 605.
 Истоминъ, конгр.-адм., † 1855 г., томъ LXI, 81, 84, т. LXII, 719.
 Исуповъ, Владим., бывш. воспит. Двор. пол. выш. 1859 г., т. LXII, 263.

Иаковъ, архіеп. нижегор., т. LXI, 253.
 Иаковъ, Ветерковъ, еписк. саратовскій, т. LXIV, 813.
 Иоакимъ, патриархъ моск., т. LXI, 432.
 Иоаннѣвичъ, митроп. моск., т. LXIII, 705.
 Иоаннъ III Васильевичъ, в. кн., томъ LXI, 327, т. LXII, 250.
 Иоаннъ Грозный, царь, т. LXI, 410, т. LXII, 190, 510, т. LXIII, 278, 289, 293, 692, 697, т. LXIV, 214, 815.
 Иоаннъ Алексѣевичъ, царь, † 1696 г., т. LXII, 490, т. LXIV, 815.
 Иоаннъ, архіам., рект. казанск. духовн. акад. 1861 г., т. LXII, 627.
 Иоасафъ, патриархъ московск. 1669 г., т. LXII, 453.
 Иоасафъ, архимандр., чл. св. синода 1780 г., т. LXIII, 449.
 Иовскій, т. LXIII, 114.
 Иогансенъ, проф. сиб. консерв. 1867 г., т. LXIV, 562.
 Иогель, нач. IV окр. пут. сообщ. 1878 г., т. LXIV, 153, 386.
 Иолшинъ, Александръ Осипов., поруч., 1824 г., т. LXIV, 318.
 Иоаннаеанъ Рудневъ, архіеп. ярославск. съ 1877 г., т. LXIII, 688, 695, 705, т. LXIV, 239, 240.
 Иона Сысоевичъ, митроп. Ростовск., съ 1652—1690 г., т. LXIII, 698—690, 692, 693, 695, 700, т. LXIV, 208.
 Иорданъ, Фед. Ив., рект. имп. ак. худож., т. LXIII, 375.
 Иосафъ, митроп. Ростовск. 1700 г., томъ LXIII, 690.

Иосафатъ Жарскій, еписк. т. LXII, 346, 348, 350.
 Иосифъ Сѣвашко, митропол. Литовск., † 1868 г., т. LXII, 313—324, 327, 329, 339, 340, 342, 345—348, 353, 601—608, 613, 614, 618, т. LXIV, 795.
 Иосифъ, монахъ 1550 г., т. LXI, 410.
 Ютки, изд. „Муз. Свѣта“, т. LXIV, 603.

Кавалени, проф. спб. консерв. 1862 г., т. LXIV, 562.
 Кавелина, г-жа, т. LXI, 412.
 Кавелинъ, Конст. Дмитр., профес., род. 1818 г. † 1885 г., т. LXIII, 620, 625, 629, т. LXIV, 570.
 Кавелинъ, Л. А., сообщ.: „Вилія, перев. изъ Конрада Валленрода, поэма Мицкевича“, т. LXIII, 203, 204.
 Каверина, Агна Петров., рожд. Корсажова, т. LXII, 197—199.
 Каверинъ, Никита Иван. 1799 г., томъ LXIV, 24, 28.
 Каверинъ, Пав. Никит., москов. об.-полицейск. 1800 г., т. LXII, 196—199, 201, 202.
 Кавосъ, Катеринъ Альбертов., капельм.-русск. оперы въ Спб., род. 1775 г., † 1840 г., т. LXI, 381, т. LXII, 586.
 Кагульскія, т. LXI, 436.
 Кадоръ, вв., т. LXIII, 567.
 Казанинъ, студ. спб. унив. 1828 г., т. LXII, 579.
 Казановскій, т. LXIII, 23.
 Казанскій, Серг., т. LXIV, 625.
 Казасъ, И. И., чл. таврич. арх. ком., т. LXIV, 810, 813.
 Казн, М. И., т. LXII, 717.
 Казн-Магома, сынъ Шамшля, т. LXII, 372, 373, 644—655, 658, т. LXIII, 91, 94, 101, 388.
 Казина, Софья Дмитр., рожд. Вантышъ-Каменская, т. LXII, 255.
 Казнаковъ, т. LXI, 588.
 Казначеевъ, Ал. Ив., одесск. градонач., т. LXI, 246.
 Казначеевы, т. LXI, 247.
 Байдашовъ, т. LXIII, 45.

Кайзеръ, т. LXIV, 305.
 Кайсовичъ, т. LXIII, 23, 24.
 Калайдовичъ, К. О., проф., т. LXI, 403, 431.
 Калауцкій, генер. артил., т. LXII, 265.
 Калама, художн., т. LXIV, 472.
 Калачовъ, В. В., т. LXI, 659.
 Калачовъ, Никол. Вас., директ. археол. инст., сенат., р. 1819 г. † 1885 г., т. LXI, 433, 665, т. LXII, 235, 236, 237, 451, т. LXIII, 205, т. LXIV, 812.
 Калитовская, воспит. Екатерины. инст. 1831 г., т. LXIII, 43.
 Калиткинъ, подполковн. 1875 г., т. LXII, 147, 148.
 Калливода, А., капельмейст., 1800 г., т. LXIII, 224.
 Калмыковъ, директ. 1-й гимн. 1843 г., т. LXIV, 747.
 Калугинъ, И., т. LXI, 405.
 Калычевъ, тн. сов. 180⁰ г., т. LXIII, 216.
 Кальцолари, пѣвецъ, т. LXIV, 453.
 Камарницкій, преподават. Риншельс.-лицей, т. LXI, 246.
 Каменогорскій, артистъ 1820 года, т. LXIII, 160.
 Каменскій, гр., Мих. Фед., фельдмарш., т. LXI, 217.
 Каменскій, студ. москов. унив. 1830 г., т. LXII, 240.
 Каменскій, рязанск. ген.-губернат., LXI, 210.
 Каминскій, Цезарь, настоят. монаст., т. LXII, 329, 333, 349.
 Камновъ, т. LXIII, 260, 261.
 Кампенгаузенъ, бар. 1821 г., т. LXIII, 311.
 Камнини, т. LXIII, 536, 537.
 Канкринъ, гр., Егоръ Франц., ин-ръ фиванс. съ 1823 по 1844 г., † 1845 г., т. LXI, 209, т. LXIII, 539.
 Каншинъ, Д. В., одинъ изъ директ. рус. муз. общ., 1859 г. т. LXIV, 559, 611.
 Капелли, Алошій, профес. канонич. права, т. LXII, 327.
 Каплиноскій, Василій, поруч. 1862 г., т. LXIV, 78, 79, 82, 84, 85.
 Капниотъ, Ив. Васильев., москов. гражд. губернат., 1844 г., т. LXI, 142, т. LXIV 131, 132.

- Капустинъ, М. Н., профес., директ. Демидовск. лицея съ 1870 по 1883 г., т. LXIV, 222, 226, 227, 228, 240, 243.
- Кащевичъ, сибирск. ген. - губернат., т. LXII, 506.
- Капчугова, воспит-ца Смольн. вѣст. 1842 г., т. LXIV, 730.
- Карадыкинъ, тайн. сов. 1800 г., т. LXIII, 221.
- Караинъ, Васил. Назаров., основат. Харьков. унв., р. 1773 г., † 1824 г., т. LXI, 207—208.
- Караинъ, Филадельфъ Васил., т. LXI, 208.
- Караповъ, Дм., студ. казанск. унв. 1861 г., т. LXIII, 77, т. LXIV, 87, 585.
- Карамзинъ, Николай Мих., историогр., р. 1766 г., † 1826 г., т. LXI, 151, 405, 410, 431, 432, т. LXII, 234, 240, 241, 250, 454, 506 т. LXIII, 27, 116, 123, 211, 278, 281, 305, 546, т. LXIV, 129, 296, 301, 376, 679.
- Карасевскій, чиновн. 1826 г., т. LXIII, 112.
- Каратыгина, А. М., т. LXIII, 160—161.
- Каратыгинъ, Петръ Андреев., артистъ, р. 1806 г. † 1879 г., т. LXI, 161, т. LXII, 266, т. LXIII, 37, 40, 48 161, 557, 715.
- Каратыгинъ, Васил. Андреев., артистъ, т. LXIII, 159—161, 282, 283.
- Карауловъ, Сем., генер. 1763 г., т. LXIV, 9.
- Карель, лейбъ-мед. 1863 г., т. LXIII, 160.
- Карель, корнетъ 1877 г., т. LXIV, 778.
- Каретникова, Елена Алексѣев., въ зам. Пржевальская, т. LXIV, 413—416.
- Каретниковъ, Алексѣй Степ., чиновн., т. LXIV, 413, 414, 415.
- Каретниковъ, Александр. Алексѣев., т. LXIV, 416.
- Каретяковъ, Пав. Алексѣев., т. LXIV, 415, 417, 422.
- Каретниковъ, Гавр. Алексѣев., т. LXIV, 415.
- Карлгофъ, Евг., ген.-м. 1862 г., т. LXIV, 388, 408—411.
- Карлгофъ, т. LXIII, 551.
- Карловичъ, ген.-лейт. 1819 г., т. LXI, 463.
- Карновичъ, Евг. П., т. LXII, 708, т. LXIV, 624.
- Карнова, т. LXIII, 424.
- Карповъ, офиц. 1812 г., т. LXIV, 275.
- Карповъ, Г. Ф., чл. археограф. ком. 1888 г., т. LXII, 239, 241, 252.
- Карповъ, писат. 1843 г., т. LXIV, 743.
- Карташевскій, тит. сов. 1800 г., т. LXIII, 218.
- Карцевъ, русск. генер. конс. въ Бѣлградѣ 1875 г., т. LXII, 138, 139.
- Карцевъ, генер. 1877 г., т. LXII, 415, 416, 424.
- Карцовъ, А. П., ген.-лейт. 1861 г., т. LXIII, 397, 402, 406, 418—420, т. LXIV, 383, 388, 389, 401, 401, 406 410.
- Карцовъ, Никол. Петров., изд. „Муз. свѣта“, т. LXIV, 603.
- Карѣевъ, Н. И., профес. сиб. унв. 1887 г., т. LXI, 409.
- Касаткинъ, В. И., т. LXII, 229.
- Касторскій, М. П., профес. т. LXII, 480, 492.
- Катамази, Г. А., бессараб. землевлад., т. LXI, 250.
- Катамази, бывш. греческ. послан., т. LXI, 247.
- Каталей, ген.-лейт. 1877 г., т. LXIV, 761—781.
- Катенинъ, т. LXII, 731.
- Катенинъ, Фод. Андреев., офиц. 1824 г., т. LXIV, 319.
- Каткертъ, лордъ, англ. посолъ въ Спб. 1812 г., т. LXIV, 677.
- Катковъ, Мих. Никиф., писатель, р. 1818 г., † 1887, т. LXI, 126, 184, 187, 191—193 т. LXII, 221, 230, 409, 410, 746, т. LXIII, 584, т. LXIV, 131, 132, 139.
- Кауалеръ, составит. воен.-историч. атласа, т. LXI, 629.
- Кауфманъ, Конст. Петров., туркест. ген.-губернат. 1868 г., т. LXII, 389, 391, 392, 393, 401, 621, т. LXIV, 176, 181, 784, 786, 787.
- Кауфманъ, полковн. 1859 г., т. LXII, 376, 650, т. LXIII, 100, 101.
- Каховская, воспитан. Смольн. вѣст. 1842 г., т. LXIV, 731.
- Каховскій, декабр., т. LXII, 476.
- Каченовскій, Вас. Мих., управл. дух-дѣлами римско-католич. исповѣд. въ Прив.-вѣсл. краѣ, т. LXII, 338.

- Каченовскій, Мих. Трофим., профес., рект. москов. унив., р. 1775 г., † 1842 г., т. LXI, 405, 431, 635, 636 т. LXIV, 199—202.
- Кашкинъ, Аристархъ, ген.-м. 1762 г., т. LXIV, 9, 11.
- Кашпаровъ, А. О., чл. таврич. арх. ком., т. LXIV, 810, 818.
- Кашперовъ, композит., т. LXI, 396.
- Кашталинскій, т. LXI, 223.
- Квасниковъ, артистъ, т. LXIV, 593.
- Кебеке, поруч. 1849 г., т. LXI, 474.
- Кеминъ, Вик. Алексѣев., т. LXIII, 706.
- Кеминъ, А. Л., т. LXIII, 695, 704.
- Кеминъ, т. LXIII, 694, 708.
- Келлеръ, Ив. Петров., профес. живописн., т. LXIV, 453, 458, 459, 462, 466.
- Келлеръ, гр., полковн. 1877 г., т. LXI, 597—603, 612, т. LXII, 433, 436.
- Кельсиева, Варвара Тимоф., т. LXI, 182, 186, 187, 183.
- Кельсиевъ, Вас. Ив., сообщ.: «Письма А. И. Герцена и Н. П. Огарева къ Вас. Ив. Кельсиеву», т. LXI, 182—190, упом. 404.
- Кельхентъ, лейбъ-хирургъ 1780 г., томъ LXIII, 453.
- Кельшъ, Н., сообщ.: «Михаилъ Евграфовичъ Саитковъ», т. LXIII, 616.
- Кемпфертъ, ген.-м., 1857 г., т. LXI, 496, т. LXII, 358, 359, 368, 370, 372, 373, 375, 377, 652, 653, 658, 659, томъ LXIII, 83, 95, 101, 103, 107, 392, 417.
- Кене, Б., т. LXI, 238, 249.
- Кенпенъ, П. И., акад. издат., «Библиографич. Листовъ» 1825 г., т. LXI, 402, 403, 408, т. LXII, 109, 335, 336, томъ LXIV, 820.
- Кербидъ, коменд. гренад. пол. 1800 г., т. LXIII, 212.
- Керъ, Анна Петров., рожд. Полторацкая, т. LXII, 113—118, 123.
- Керъ, 1885 г., т. LXI, 102.
- Керсновскій, Ив., бывш. воспит. Дворян. пол. выв. 1861 г., т. LXII, 263.
- Керубини, композит., т. LXI, 387.
- Кесляковъ, К. Н., подполковн. 1875 г., т. LXII, 147, 149, 158, т. LXIII, 196, 199.
- Кежерь, Робертъ, т. LXIV, 445.
- Киль, Фридр., пианистъ, т. LXIV, 529.
- Киль, нач. русск. художн. въ Римѣ 1847 г., т. LXIII, 367.
- Кипренскій, художн., т. LXIII, 123.
- Кириллицъ, Андр. Никол., тайн. совѣтъ, т. LXIV, 752.
- Кирилловъ, Александр., студ. казанск. унив. 1861 г., LXII, 639, т. LXIII, 74, 427.
- Кириллъ (Василій Наумовъ), еписк. мелитоп., его переписка 1857—1865 г., т. LXIV, 795—804.
- Кириковъ, М. М., т. LXI, 233, 250.
- Кирпичниковъ, шт.-кап., 1800 г., томъ LXIII, 458.
- Кирѣевъ, Александр. Александр., сообщ. «Послѣдніе дни жизни В. А. Карагигина», т. LXIII, 160—161; «Бѣлая монахиня въ Пензѣ въ 1860-хъ гг.», 193—194, упом. т. LXII, 773.
- Кирѣевъ, писат., т. LXIII, 266, 269.
- Кирѣевъ, Н. А., т. LXII, 137—142.
- Кирѣевскій, Сергій Ивановичъ, томъ LXII, 183.
- Кирѣевскій, Ив. Вас., т. LXIII, 151.
- Кирѣевскій, П. Вас., т. LXIII, 350, 370.
- Кисилевъ, А. С., сообщ. «Графъ Закревскій подъ надзоромъ III-го отдѣленія», т. LXI, 386, упом. т. LXII, 537.
- Кисилевъ, офиц. 1835 г., томъ LXIII, 521, 522.
- Кисилевъ, гр., Пав. Дм., ин-ръ госуд. муз. 1848 г., † 1872 г., т. LXII, 759, 760, т. LXIV, 48, 754.
- Кислинское, т. LXIV, 25.
- Кислинской, Васил. Ив., т. LXII, 569, 570, т. LXIV, 23, 27.
- Кисличный, граверъ, т. LXII, 612, 613.
- Кихельбекеръ, кол. сов. 1800 г., томъ LXIII, 221.
- Кисельскій, подпоруч. 1855 г., томъ LXI, 107, т. LXII, 697.
- Кисельскій, полковн., 1878 г., томъ LXII, 159.
- Кислякитъ, Васил. Мих., ген.-м., 1823 т. LXIV, 314.
- Кіарини, аббатъ 1830 г., томъ LXII, 319, 320.
- Кладисцевъ, генералъ, 1870 г., томъ LXII, 400.

- Клаусъ, Самуилъ, студ. каз. унив. 1861 г., т. LXII, 104.
- Клейменовъ, Вас. Вас., ревизоръ въ Иркутскѣ 1865 г., т. LXIII, 596.
- Клейникхель, гр., Петръ Андреев., ген.-ад., † 1869 г., т. LXI, 245, т. LXIII, 267, 312, 313, 362, 548, т. LXIV, 106, 107, 113, 331, 332, 727, 732, 735, 737, 744, 753, 754.
- Клеммъ, уч.—да слб. консерват., 1865 г., т. LXIV, 552, 613.
- Климасевъ, бывш. воспит. 1-го кад. корп. вып. 1823 г., т. LXIV, 312.
- Климентъ, іеромонахъ Казельск. Оптиной пустыни, 1874 г., т. LXI, 330.
- Блищенко, Андроникъ Мих., т. LXIV, 554, 588.
- Клингеръ, ген.-м., дир. 1-го кад. корп. 1800 г., т. LXIII, 221, т. LXIV, 302, 303.
- Блодтъ, Мих. Петр., акад. жарвистъ, т. LXIV, 467, 468, 469, 471.
- Кловачевъ, Вас. Никол., миров. судья, † 1889 г., т. LXIV, 841—843.
- Кловачевъ, кап. 1770 г., т. LXIII, 500.
- Клоповъ, студ. сиб. унив. 1828 г., томъ LXII, 579, 593.
- Клюви-фонъ-Блугенау, Францъ Карл., генер. 1844 г., т. LXI, 315, 316, 318.
- Блючаревъ, моск. почтъ-директ., томъ LXIV, 680—682.
- Блючаревъ, Ф. П., т. LXI, 410.
- Блючевскій, В. О., профес. моск. унив. 1889 г., т. LXI, 667, т. LXII, 239, 252.
- Блючниковъ, 1855 г., т. LXI, 99, 104.
- Бноблохъ, студ. москов. унив. 1833 г., т. LXI, 316.
- Бноблохъ, т. LXIV, 817.
- Князевичъ, Дм. Максимов., попечит. одесск. учебн. окр., основат. и перв. презид. одесск. общ. истор. и древн., род. 1788 г., † 1844 г., т. LXI, 235, т. LXIII, 124, 276, 286, 538, томъ LXIV, 531.
- Князевскій, т. LXIV, 140.
- Княжинна, т. LXIV, 36.
- Княжиннъ, Яковъ Борис. писат., томъ LXIV, 216.
- Князевъ, 1799 г., т. LXII, 540.
- Князевскій, Петръ, студ. каз. унив. 1862 г., LXIII, 424.
- Кобезо, Дмитр. Ѳомичъ, таин. совѣтъ, т. LXI, 405, 407, 409, 412, т. LXII, 767, 769.
- Ковалевская, Софья Вас., рожд. Еорвинъ - Кружковская, профес., томъ LXII, 276.
- Ковалевскій, Евг. Петр., вполн. мн.—ръ нар. просв., т. LXII, 101, т. LXIII, 595, 625, 626.
- Ковалевскій, рект. каз. унив. 1858 г., т. LXI, 564, т. LXII, 98.
- Ковалевскій, директ. гимназ. въ Арханг. 1834 г., т. LXIII, 225, 297.
- Ковалевскій, П., художн., т. LXII, 234.
- Ковальскій, т. LXI, 55.
- Коверскій, Петръ, бывш. воспит. Дворян. пол., вып. 1854 г., ген.-лейт., томъ LXII, 264.
- Кожанчиковъ, Д. Е., книгопродав., т. LXI, 404, т. LXIV, 444.
- Кожениковъ, самарск. город. голова, т. LXII, 148.
- Кожениковъ, т. LXIV, 820.
- Кожинъ, ген.-ад., 1800 г., т. LXIII, 216.
- Козаковъ, студ. казанск. унив. 1859 г., т. LXII, 85, 86.
- Козель 1-й, уч. слб. консерват. 1865 г., LXIV, 613.
- Козловъ, Ив. Ив., поэтъ, т. LXIV, 459.
- Козловъ, т. LXII, 149.
- Козловскій, полковн., 1806 г., команд. л.-гв. Измайл. полка, т. LXI, 3, 38, 48.
- Козловскій, кн., т. LXII, 499.
- Козляниковъ, нач. штаба 4 пѣх. корп. 1855 г., т. LXI, 108.
- Козляниковъ, Казанск. воен. губернат. 1861 г., т. LXII, 93, 624, 639, т. LXIII, 71, 432.
- Козодавлевъ, тн. сов., тов. мн.-ра видѣль 1809 г., т. LXIV, 362.
- Кожоревъ, В. А., т. LXIV, 145, 146.
- Колениковъ, офиц. 1812 г., т. LXIV, 261.
- Коленько, подпоруч. 1859 г., т. LXIII, 96.
- Коленьгуръ, франц. посоль при русск. дворѣ, т. LXI, 3, 29, 38.

- Коленский, чл. археол. общ., т. LXIII, 207, 209.
- Колзавовъ, К. П., т. LXII, 707.
- Колдинскъ, гувернантка княгини Ловичъ, т. LXII, 707.
- Колмыковъ, студ. сб. унив. 1833 г., т. LXIII, 287, 531.
- Кологривова, М. В., дис.-ца., т. LXII, 297.
- Кологривова, г-жа, т. LXIV, 554.
- Кологривовъ, Вас. Алексѣев., т. LXIV, 553—559, 586.
- Кологривовъ, Авдр. Семен., т. LXI, 320.
- Кологривовъ, М. А., т. LXI, 247.
- Коловождова, Е., рожд. Сеславина, т. LXIV, 827.
- Колосова, артистка 1820 г., т. LXIII, 159.
- Колосовъ, В. И., чл. тверск. арх. ком., т. LXIV, 822.
- Колотовъ, Пав. Дувчъ, бывш. воспит. 1-го кад. корп. 1817 г., т. LXIV, 306, 310, 313, 315.
- Колошинъ, Никол. Никол., чл. редакц. комм. 1858 г., вадв. сов., т. LXI, 659, 662, 666.
- Колпаковъ, Петръ, студ. казанск. унив. 1859 г., т. LXII, 86—91, т. LXIII, 434.
- Колпаковский, стеной генер.-губернат., т. LXIV, 158, 181, 789.
- Коль, преподават. 1-го кад. корп. 1817 г., т. LXIV, 304.
- Кольрейръ, студ. моск. унив. 1833 г., т. LXI, 316.
- Кольцовъ, поэтъ, т. LXIV, 120.
- Колчинъ, М. А., ссмл. на его ст.: «Ссылъные и заточенные въ Соловецк. мон.», т. LXI, 190, 376, т. LXIII, 640—642.
- Комаровъ, В. В., издат. «Славянск. Извѣстiй», т. LXII, 338.
- Комаровичъ, студ. казанск. унив. 1859 г., т. LXII, 98, 99.
- Комаровскій, фл.-ад. 1812 г., т. LXIV, 671.
- Комаровскій, гр., 1830 г., т. LXIII, 8.
- Комаровскій, гр., сенат. 1875 г., т. LXIV, 100.
- Комаровскій, ген.-м., 1877 г., т. LXII, 415.
- Комисаровъ-Костромской, Осипъ Ив., т. LXIV, 87, 585.
- Комлевъ, вольнослушат. казанск. унив. 1861 г., т. LXIII, 427.
- Комовскій, т. LXIV, 328, 329.
- Коми, Федоръ Фед., писатель, т. LXII, 240, т. LXIII, 599.
- Коми, Аянтотий Федор., оберъ-прокур. правит. сената, сообщ.: «Договоръ вѣщаница съ живописцемъ въ 1840 г.», т. LXIV 66.
- Кононовичъ, Казимиръ, бывш. воспит. Дворян. полк., вып. 1841 г., т. LXII, 263, 264.
- Коновницынъ, гр., Петръ Петров., генер. 1812 г., † 1822 г., т. LXIV, 302, 304.
- Конопажъ, кап. 1855 г., т. LXI, 366.
- Конради, студ. казанск. унив. 1861 г., т. LXII, 639, т. LXIII, 74, 79.
- Конради, докт. 1855 г., т. LXI, 366.
- Константиновъ, А. Г., студ. казанск. унив. 1861 г., т. LXIII, 67, 68.
- Константинъ Павловичъ, вел. князь цесарев., р. 1779 г., † 1831 г., т. LXI, 2, 4, 37, 228, т. LXII, 707—709, т. LXIII, 194, 212, 214, 220, 223, 224, 235, 298, 316, 618, 634, т. LXIV, 289, 302, 310—322, 650, 677, 678.
- Константинъ Николаевичъ, вел. князь, т. LXI, 233, 241, 249, 267, 296, 297, 418—420, 425, 462, 475, т. LXII, 35—42, 169, 442, 476, 719—722, 761—763, 768, 772, т. LXIII, 177—182, 191, 247, 625, т. LXIV, 523, 526, 542, 552, 562, 618, 629, 639, 745.
- Константинъ Константиновичъ, вел. князь, т. LXII, 442, т. LXIV, 631, 640.
- Константинъ Всеволодовичъ, вел. кн. 1214 г., т. LXIII, 687.
- Контоскій, А. Г., арт., т. LXIV, 595.
- Конюшевскій, вице-предсѣд. вилевск. конист., т. LXII, 348.
- Копасовъ, учитель 1834 г., т. LXIII, 291.
- Копитаръ, Варфолом., филологъ, томъ LXII, 325, 330, 331.
- Копиченко, студ. казанск. унив. 1859 г., т. LXII, 97, 100.
- Копыловъ, Фед., бывш. воспит. Дворянск. полка вып. 1849 г., т. LXII, 264.
- Корбонье, Л. Л., нижн.-генер. 1811 г., т. LXIV, 35.
- Корбутовскій, предвод. двор. Астраг. губ. 1878 г., т. LXIV, 150, 151, 153.

- Корвино-Красношій, гр., Валеріанъ, т. LXIV, 319, 320.
 Корвино-Красношій, Александръ Пв., офиц. 1824 г., т. LXIV, 319.
 Корейша, чиновн., т. LXI, 256.
 Корень, Гевнадій Ив., офиц. 1824 г., т. LXIV, 319.
 Корень, Л., т. LXI, 253.
 Корсунинъ, художн., т. LXII, 234, томъ LXIV, 461.
 Корибутова, Александра Алексѣевна, т. LXIII, 291.
 Корсунновъ, М. А., т. LXI, 234.
 Корниловъ, Амось, расколн. 1747 г., т. LXII, 704, 705.
 Корниловъ, И. П., бывш. помеч. вилensk. учебн. окр., д. т. сов., почетн. опекунъ, т. LXII, 621.
 Корниловъ, Фед. Петр., чл. особой ком. о губ. уѣздн. учрежд. 1869 г., нмѣ чл. госуд. сов., т. LXI, 659.
 Корниловъ, Владим. Алексѣев., ген.-ад., адмир., † 1853 г., LXI, 77, 81, томъ LXII, 38, 41, 42, 719.
 Корниловичъ, Александръ Осннов., писат. и историкъ, издат. сборника историч. „Русская Старина“ 1825 г., декабристъ, † 1835 г., т. LXI, 326—328, т. LXII, 239, т. LXIII, 113.
 Королевъ, Е. И., т. LXIII, 699.
 Королевъ, В. И., т. LXIII, 699.
 Короленко, чиновн. 1846 г., т. LXIV, 72.
 Корсаковъ, Д., чл. раз. арх. ком., томъ т. LXIV, 812, 821.
 Корсаковъ, Ив. Никол., т. LXI, 215.
 Корсаковъ, ценз. 1836 г., т. LXIII, 543, 545, 557, 729, 744, 755.
 Корсаковъ, ген. отъ артмл. 1800 г., т. LXIII, 224.
 Корсаковъ, ген. 1877 г., томъ LXIII, 197, 198.
 Корсаковъ, Петръ, т. LXI, 143.
 Корсаковъ, т. LXI, 326.
 Корсаковъ, т. LXII, 197.
 Корсунскій, И. Н., проф. т. LXII, 504.
 Корфъ, бар., вполн. гр., Модестъ Андр., чл. госуд. сов., т. LXI, 232, 582, томъ LXIII, 617, 618, 637, т. LXIV, 124, 743, 749, 755, 757.
 Корфъ, директ. воен. поселен. 1842 г., т. LXIV, 736.
 Корфъ, бар., Фед. К., генер.-м., томъ LXI, 327.
 Корфъ, бар., подполковн. 1855 г., томъ LXI, 367.
 Корфъ, Никол., ген.-аншефъ, сенаторъ 1763 г., т. LXIV, 9, 11, 12, 14.
 Корфъ, Никол. Ив., полковн.-артиллер. 1823 г., т. LXIV, 310.
 Корфъ, бар., фл.-ад. 1859 г., нмѣ ген.-адъют. и ген.-губ. Приамурск. края, т. LXIII, 97.
 Корфъ, бар., ст. сов. 1846 г., т. LXIV, 68—71, 74.
 Корфъ, поруч. 1786 г., т. LXI, 172.
 Коршъ, Марья Фед., т. LXI, 338.
 Коршъ, Евг. Фед., изд. „Атеней“, томъ LXI, 338.
 Косаровскій, т. LXI, 56.
 Косачъ, фл.-ад. 1899 г., т. LXI, 653.
 Косецкій, польск. генералъ 1836 г., томъ LXI, 12.
 Косиновскій, бар., Мих. Ос., т. LXII, 480.
 Косичъ, саратовск. губернат. 1889 г., т. LXIV, 817.
 Коссаковский, гр., т. LXI, 364, 365, 366, 368, т. LXII, 131, 132.
 Коссиновскій, т. LXI, 588.
 Коссовичъ, Кавтанъ Андр., профес., т. LXIV, 124.
 Костанда, П. П., кап. гвард. конной артмл. 1843 г., нмѣ ген. отъ артмл., т. LXI, 234.
 Костенецкій, Я. И., т. LXI, 316.
 Костомаровъ, Пнк. Ив., р. 1817 г., † 1885 г., т. LXI, 127, 249, 250, томъ LXII, 234, 278, 728, т. LXIV, 367, 418, 502.
 Костомаровъ, 1855 г., т. LXI, 104.
 Костюринъ, Ив., сиб. об.-коменд. 1762 г., т. LXIV, 11, 14.
 Костюшко, Фадей, ген. польск. службы, т. LXI, 47, т. LXII, 184, 461.
 Косъминскій, студ. казанск. унвер. 1861 г., т. LXI, 624.
 Косцюшко-Валюжиничъ, К. К., чл. таврич. арх. ком., т. LXIV, 811.
 Котельниковъ, деканъ казанск. унвер. 1859 г., т. LXII, 98.

- Котлубицкій, генер.-лейт., командаръ Михайлов. замка, 1800 г., т. LXI, 225, 228, т. LXIII, 220.
- Котляревскій, товар. прокур. въ Кіевѣ, т. LXI, 56.
- Котляревскій, проф.-слав., т. LXIV, 141.
- Коховскій, Всеволод. Порфирьев., ген.-лейт., директ. слб. педагог. музея воен.-учебн. завед., р. 1835 г., т. LXI, 647, 649, 650—655, 656, 657, т. LXII, 265, 271, т. LXIV, 493—495.
- Коцебу, Августъ, драмат. писатель, пера. основат. нѣмец. театра въ Сиб., род. 1761 г., † 1819 г., т. LXII, 191, т. LXIII, 219.
- Коцебу, Пав. Евстафьев., граф., генер.-адъют., т. LXI, 59, 82, 103, т. LXIV, 87, 88, 90, 92.
- Коцебу 2-й, офиц. 1725 г., т. LXI, 323.
- Кочетова, А. Д., рожд. Соколова, пѣвиц. (всевд. Александрова), т. LXIV, 528.
- Кочетова, уч.-ница слб. рисов. школы 1862 г., т. LXIV, 459, 460, 464, 467, 468, 469.
- Кочетовъ, Іоакимъ Семенов., протоіер., т. LXI, 271.
- Кочетовъ, Александр. Іоакимов., педагогъ, т. LXI, 271, 272, т. LXII, 8, 32.
- Кочубей, П. А., предсѣд. слб. технич. общ., т. LXI, 651.
- Кочубей, гр. 1821 г., т. LXIII, 311.
- Кочубей, т. LXI, 660.
- Кочубинскій, писат., т. LXII, 607, т. LXIV, 141.
- Кошанскій, профес., т. LXIV, 747.
- Кошевскій, студ. моск. унив. 1833 г., т. LXI, 316.
- Кошелевъ, Александр. Ів., чл. рязанск. комит. по крестьянск. дѣламъ, писат., т. LXI, 147, т. LXII, 233.
- Кошелевъ, т. LXIV, 680.
- Каяловичъ, М. О., профес., т. LXII, 607.
- Краббе, ген.-ад., т. LXII, 170.
- Кравцовъ, И. С., ссыл. на его ст. „Кавказъ и его военачальники“, т. LXIII, 395, 406, 413, упом. 405.
- Краевскій, Андр. Александр., изд. „Голоса“, предсѣд. комм. по народ. образов., р. 1810 г., † 1889 г., т. LXI, 184, 649, т. LXII, 275, 277, т. LXIII, 552, 709—714, т. LXIV, 114, 251, 331, 752, 756, 840.
- Краевскій, Евг. Андр., т. LXIII, 713.
- Краевскій, Александр. Андр., т. LXIII, 713.
- Краевскій, уніатск.-іеромонахъ 1848 г., т. LXIII, 562.
- Краморенко, поруч. 1889 г., т. LXII, 271.
- Крамской, Ів. Никол., художн.-портретистъ, т. LXI, 204, 631—634, т. LXII, 233, т. LXIV, 461—473.
- Крапоткинъ, вв., харьковск. губерна. † 1879 г., т. LXI, 60, 62.
- Красинскій, гр. Винцент., команд. гвар. корп. 1823 г., т. LXIV, 314.
- Красновъ, генер. 1838 г., т. LXIV, 105.
- Краснотубровскій, С. С., т. LXIV, 817.
- Красноперовъ, вольнослушат. казанск. унив., 1861 г., т. LXIII, 432.
- Краснопольская, Александра Алекс., рожд. Шестакова, т. LXII, 164, 166, 170—173, 178.
- Краснощотовъ, бригадиръ 1760 г., томъ LXII, 524, т. LXIII, 474.
- Красовскій, студ. казанск. унив., 1861 г., т. LXIII, 432.
- Красовскій, Л. Я., докт. мед., 1873 г., т. LXII, 666, т. LXIV, 145, 146, 155.
- Красовскій, архіеп., т. LXII, 329.
- Крауцольдъ, надворн. совѣтн. 1800 г., т. LXIII, 221.
- Крейталь, акад.-скульпт., т. LXIV, 471, 472, 474.
- Крейцъ, гр., генер. 1839 г., т. LXII, 44, 56, 57.
- Кремлина, начальн. Екаторинин. вѣст., 1830 г., т. LXIII, 33, 34, 43, 542.
- Кремининъ, Валер. Александр., артилл., быв. издат. жур. «Разсвѣтъ», † 1889 г., т. LXII, 271.
- Креницынъ, Алекс. Ник., т. LXIII, 135.
- Крестовоздвиженскій, о. Пав., свщ., т. LXIV, 818.
- Крестовскій, Всев. Владим., писатель, т. LXII, 481.
- Кречетниковъ, тульск. ген.-губернат. 1782 г., т. LXI, 210, т. LXIII, 514.
- Кречетниковы, т. LXIV, 212.
- Кржижевичъ, Марья Степ., т. LXI, 398.

- Ерищевъ, Никол. Иван., бывш. тульск. губер., р. 1791, † 1843 г., т. LXIV, 48.
 Ерищевъ, Пав. Иван., камергеръ, нач. русск. художн. въ Римѣ, † 1844 г., т. LXIII, 367, 382.
 Ерищевъ, плацъ-майоръ омской крѣпости, т. LXI, 318.
 Ериницкій, капит., 1817 г., т. LXIV, 306.
 Еристафоровъ, 1855 г., т. LXI, 102.
 Еристофари, Никол. Антонов., членъ редакц. комм., р. 1802 г., † 1881 г., т. LXI, 665.
 Ерогуевъ, д. стат. сов., † 1889 г., томъ LXIII, 665.
 Ероіерусъ, кап., 1849 г., т. LXI, 460.
 Еромъ, капит. 4-го стрѣлков. баталіона, 1862 г., т. LXIV, 78, 80, 86, 87.
 Еромъ, т. LXIV, 814.
 Еропотвина, кавг., 1799 г., т. LXII, 563.
 Еропотвинъ, кав., предс. земск. управы (Раз. губ.), 1887 г., т. LXII, 24.
 Еропотовъ, М. С., т. LXIV, 815.
 Еросовъ, Г. Г. проф. слб. консерваторіи, 1867 г., † 1885 г., т. LXIV, 562, 565, 590, 591, 614.
 Еротвій, Степ. Егоров., т. LXII, 544.
 Ерузенштернъ, Ив. Фед., адм., директ. морск. учил., т. LXII, 129, 164.
 Ерузенштернъ, офиц., 1835 г., т. LXIII, 521.
 Ерупскій, студ. слб. универс., 1828 г., т. LXII, 579, 583.
 Ерыжановскій, ген.-ад., т. LXIV, 836.
 Ерыжановскій, Никол. Андреев., ген., т. LXI, 97, т. LXIV, 77.
 Ерыжановскій, Пав. Антонов., прапор., 1824 г., т. LXIV, 318.
 Ерылова, г-жа, 1799 г., т. LXIV, 24.
 Ерыловъ, Ив. Андр., баснопис., р. 1768, † 1844 г., т. LXII, 234, 244, т. LXIII, 283, 525, т. LXIV, 376, 422, 572, 609.
 Ерыловъ, москов. профес. и цензоръ, 1848 г., т. LXI, 232, т. LXIII, 520, 537, 539, 543, 554, т. LXIV, 328.
 Ерыловъ, проф. харьков. унив., 1878 г., т. LXIV, 153.
 Ерыловъ, Петръ Ильичъ, т. LXI, 227.
 Ерыловъ, 1855 г., т. LXI, 102.
 Ерыловъ, А., т. LXIV, 244.
 Ерюднеръ, баронесса, Юліана, рожд. Фитингофъ, р. 1764 г., † 1824 г., томъ LXIII, 235, 236, 239, 240.
 Ерюднеръ, бар., диплом., т. LXIII, 236.
 Ерювовъ, студентъ слб. унив., 1834 г., т. LXIII, 531.
 Ерювовъ, Алекс. Степан., т. LXII, 544, 555, 557, 558, 560.
 Ерювовецкій, быв. диктаторъ Польши, т. LXIII, 298.
 Есенія, Годунова, царица, т. LXII, 452, 454.
 Есекофонтъ, еписк. Владимірск., 1800 г., т. LXI, 369, 371, 375, т. LXIV, 836.
 Еубаревъ, т. LXI, 431.
 Еублицкій, т. LXI, 384.
 Еудряцевъ, т. LXIV, 815.
 Еузминъ, Илья, т. LXIV, 377, 378.
 Еузминъ, Василій, помѣщ. 1799 г., т. LXIV, 25.
 Еузминъ, т. LXIV, 25.
 Еуанецовъ, уч. слб. консерват. 1865 г., т. LXIV, 613.
 Еузьминъ, Андрей Фед., сообщ.: „Алексій Дмитриевичъ Бабичевъ“, т. LXIV, 249—251.
 Еузьминъ, архитект., т. LXIV, 545.
 Еузьминъ, преподават. Ришельев. лицея, т. LXI, 246.
 Еузьминъ, Петръ Дм., т. LXII, 572.
 Еузьминскій, Александр. Петров., полковн. 1850 г., т. LXIV, 124, 125.
 Еузь, Я. Я., т. LXI, 657.
 Еузолевичъ, т. LXII, 609.
 Еузолынинъ, Несторъ Вас., писатель, т. LXI, 200, 388, 393, т. LXII, 234, 288, 289, 289, т. LXIII, 274, 276, 277, 279, 280, 282, 285, 286, 527, 535, 551, 557, т. LXIV, 117, 604, 729, 742, 7 ч. 752.
 Еулаевскій, студ. казанск. унив. 181 г., т. LXII, 629, 630.
 Еудеянинъ, офиц. 1815 г., т. LXIV, 261.
 Еуликовъ, Н. Н., сообщ.: „Александръ Васильевичъ Головинъ въ его заботахъ о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи въ родовомъ селѣ Гулыневъ“, т. LXI, 261—291, т. LXII, 1—34.
 Еулишъ, Пантелеймонъ Александр., писатель, т. LXI, 146, 149, 150, 151, 153,

- 154, 157, 232, 249, 250, т. LXIII, 163, 164, 165, 167, 371, т. LXIV, 367, 368.
- Куломзинъ, Аватол. Никол., управл. дѣлами комит. мн.-въ, 1888 г., т. LXI, 434.
- Кульманъ, Елисавета, т. LXIV, 733.
- Куманнины, т. LXIII, 152.
- Куняцынъ, писат., т. LXIII, 540.
- Куремновъ, ген.-лейт. 1849 г., т. LXI, 463, 472, 476, 477, 478.
- Куракинъ, кн., Борисъ Алексѣев., т. LXII, 219.
- Куракинъ, кн., Алексдр. Борисов., русск. посолъ въ Вѣнѣ 1807 г., † 1818 г., т. LXI, 2, 16, 31, 37, 45, 47, 213, 214, 457, т. LXII, 216, т. LXIV, 54.
- Куракинъ, кн., Алексѣй Борис., ген.-прокур., 1796 г., т. LXI, 213, 214, т. LXII, 216—220, т. LXIV, 361.
- Кургановъ, т. LXIV, 296.
- Кургановичъ, Владим., священ., т. LXII, 621.
- Кургановичъ, Іоаннъ, священ., 1848 г., вполн. архимандр. Антоній, т. LXII, 615, 616, 618.
- Кургановичъ, Андрей, священ., т. LXII, 621.
- Кургановичъ, Викт., священ., вполн. архим. Викентій, настоят. Супрасльск. монаст., т. LXII, 618, 619.
- Курисъ, подполковн. 1812 г. т. LXIV, 50.
- Курнаидъ, содержат. панс. въ Спб. 1828 г., т. LXII, 595, т. LXIII, 27.
- Куропаткинъ, Алексѣй Никол., ген.-м., т. LXI, 590, 593, 594, 595, 597, 599, 602, 606, 625, 626, т. LXII, 397, т. LXIV, 487.
- Курочевнъ, Вас. Степ., писатель, т. LXIII, 203.
- Кургановъ, майор., 1875 г., т. LXII, 147.
- Курута, Юлія Фед., т. LXI, 182.
- Курута, Дм. Дм., т. LXIV, 315.
- Курута, Ив. Емануилов., Владимірск. губернат. 1839 г., т. LXI, 182.
- Кутайсовъ, гр., Ив. Павл., т. LXI, 214, 215, т. LXII, 193, 199, 208, т. LXIII, 211, 218, 224, т. LXIV, 663.
- Кутеповъ, поруч. 1877 г., т. LXII, 444.
- Куторга, С. С., докт. медц. 1833 г., т. LXIII, 265.
- Куторга, цезв. 1842 г., т. LXIV, 736—739, 743, 744, 758.
- Куторга, Мих. Семен., студ., 1835 г. т. LXIII, 531, 532, 554, т. LXIV, 117, 121, 324.
- Кутузовъ, севат. 1812 г., т. LXIV, 711.
- Кутузовъ, Мих. Илар., т. LXIII, 212—215, 224, 502, 503, 516, т. LXIV, 31, 52—54, 57, 61, 276, 665—724, 827.
- Кутузовъ, Н. А., т. LXIV, 812.
- Кухаренко, команд. Кубанск. пол. 1870 г., т. LXII, 394, 395.
- Куцагнскій, Андрей, т. LXII, 324.
- Кучинъ, студ. казанск. унив. 1858 г., т. LXI, 572.
- Кучумъ, послѣдн. царь Сибирскій, т. LXI, 678.
- Кушелевъ-Безбородко, гр., Г. А., основат. и перв. издат. „Русск. Слова“, т. LXII, 481.
- Кушелевъ-Безбородко, т. LXII, 580.
- Кюж, Цезарь, ген.-м., композ., т. LXII, 300, т. LXIV, 596, 617—629.
- Кюхельбекеръ, Вильгельмъ Карлов., декабр., писат., т. LXI, 323, т. LXII, 239, т. LXIII, 113, т. LXIV, 376.
- Лаблашъ, пѣвецъ, † 1858 г., т. LXII, 245, т. LXIV, 545.
- Лабунцовъ, генер.-лейт., 1819 г., томъ LXI, 466, 467, 474, 476, 477, томъ LXIII, 265.
- Лаваль, гр.—вя, т. LXI, 364.
- Лаврецкій, скульпт., т. LXI, 398.
- Лавониусъ, т. LXIV, 558.
- Лаврентій, еписк. Велико-Устюжск. и Тотемскій 1730 г., т. LXIV, 142.
- Лаврентій, изъ міръ Лука Вацшевскій, еписк. Дмитровск., 1819 г., вполн. архиеп. Черниговск. † 1837 г., томъ LXI, 375.
- Лаврентьева, Софья Ив., сообщ.: «С.-Петербургская рисовальная школа въ воспоминаніяхъ одной изъ ея ученицъ» 1862—1866 г., т. LXIV, 449—474.
- Лаврентьевъ, бывш. восп. т. 1-го кад. корп., т. LXIV, 312.
- Лавровская, Е. А., артистка, т. LXIV, 562, 565.

- Лавровій, студ. каз. унив. 1861 г., томъ LXIII, 433.
- Лагартъ, воспит. императора Алексавдра I., т. LXI, 8.
- Лагоріо, художн., т. LXIV, 456.
- Ладыженской, Иванъ Александр., томъ LXIV, 28
- Ладыженской, А. Мих., т. LXII, 568, 570, 571, 572, 575, 576, т. LXIV, 25.
- Ладыженское, т. LXIV, 23.
- Лаваревъ, Мих. Петров., адмир., р. 1788 г., † 1851 г., т. LXI, 201, 202, т. LXII, 164—168, 179, 719.
- Лаваревъ, 1855 г., т. LXI, 102.
- Лаваревъ, фл.-ад. 1827 г., т. LXIII, 124.
- Лакомте, Алексій Ив., учитель, † 1842 г., т. LXII, 471—472.
- Лакомте, Мих. Алексѣев., сообщ.: «Алексій Ивановичъ Лакомте въ 1812—1842 гг.», т. LXII, 471—472.
- Лакомте, Ив. Петров., родильщ.-эмигрантъ, т. LXII, 471.
- Лакомте, Адрианъ Иван., томъ LXII, 471, 472.
- Ламдорфъ, ген.-лейтен. 1800 г., томъ LXIII, 220.
- Ламанскій, Евген. Ив., тн. сов., бывш. чл. редакціон. коми., томъ LXI, 659, 666, т. LXII, 767.
- Ламанскій, полковн., команд. Днэбургск. крѣпости. артилер. 1860 г., т. LXI, 361, 362, 367, 368, т. LXII, 131—133.
- Ламбертъ, гр., Юсифъ Карл., т. LXI, 234, 249.
- Ламбертъ, гр. Карл. Карлов., намѣст. Цар. Польск. 1861 г., † 1865 г., т. LXI, 248—249.
- Ламбертъ, т. LXII, 129.
- Ламбинъ, Нл. Петр., библиот. слб. публ. библ., т. LXIV, 606.
- Ланге, В. И., инспект. студ. казанск. унив. 1855 г., т. LXI, 558, 559, 563, т. LXIII, 434.
- Ланской, (фаворитъ), † 1784 г., томъ LXI, 443.
- Ланской, гр., Н. С., преподават. археолог. инст. 1839 г., т. LXIII, 205, 206, 208.
- Ланпо-Данилевскій, А. С., томъ LXI, 409, 411.
- Лантевы, т. LXIV, 815.
- Ларошъ, Германъ Августов., сообщ.: «Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ въ воспоминаніяхъ бывш. учителя слб. консерваторіи», т. LXIV, 589—600, упом. 515, 562, 565, 590, 613, 615—620, 632.
- Лашкинъ, учнт. 1-й гимназ. въ Слб. 1836 г., т. LXIII, 543.
- Ласковский, офиц., 1877 г., т. LXI, 592, 625, 626.
- Латышъ, Генрихъ, мѣтописецъ, томъ т. LXI, 411.
- Лаубе, Фердин., свриначъ, т. LXII, 245.
- фонъ-деръ-Лауницъ, Васил. Фед., ген.-ад., † 1863 г., т. LXI, 363, т. LXIII, 183—186.
- Лауницъ, М., т. LXIV, 432, 437, 438, 442.
- Лацинскій, А. С., пом. библиот. гл. шт., сообщ.: «Пут. зап. архіеп. Нила», томъ LXIV, 245—247.
- Лачинова, Е. Д., т. LXI, 232, 250.
- Лачиновы, т. LXI, 251,
- Лашевскій, В. И., т. LXIV, 709.
- Лашевичъ, А. С., издат. «Кіевск. Старина» 1888 г., т. LXII, 731.
- Лашковъ, Ф. Ф., чл. таурич. арх. ком., т. LXIV, 810, 813, 818.
- Лебедевъ, П. С., ген.-лейт., т. LXII, 477.
- Лебедевъ, Ив. Ив., педагогъ 1850 г., т. LXIV, 128.
- Лебедевъ, А. А., чл. совѣта славянск. общ., т. LXII, 773.
- Лебедевъ, Д., хранит. Румчнц. музея 1888 г., т. LXII, 231.
- Лебедевъ, студ. казанск. унив. 1861 г., т. LXII, 624.
- Лебединцевъ, Феофанъ Гаврилов., редакт. журн. «Кіевская Старина», † 1888 г., т. LXII, 725—732.
- Лебрюкъ, скульпт., 1800 г., т. LXIII, 217.
- Леванда, т. LXI, 653.
- Леванидовъ, Алексій Александр., поруч. 1.-гв. Литовскаго полка 1824 г., томъ LXIV, 318.
- Левашевъ, полковн. 1861 г., т. LXIV, 385.
- Левенсонъ, О. Я., т. LXIV, 623.

Левенштернъ, баронъ, т. LXIV, 690.
 Левесъ, докт. 1878 г., т. LXIV, 153.
 Леви, Карлъ, музыкантъ 1855 г., т. LXI, 100, т. LXIV, 535, 584.
 Левина, г-жа, т. LXIV, 751.
 Левисъ, команд. владикавказ. пол., т. LXII, 394.
 Левицкій, священ., т. LXII, 605.
 Левицкій, художн., т. LXII, 227.
 Левицкій, Казимръ, генер. 1877 г., т. LXII, 265, 434.
 Левицкій, генер., 1855 г., т. LXI, 97, 100.
 Левтеропуло, профес., т. LXI, 245.
 Левшинъ, В. Д., ярослав. губернат., т. LXIII, 685, 686, 688, 689, 700.
 Легидичъ, гр., ген.-губернат. Галиціи, 1849 г., т. LXI, 461.
 Ледаковъ, художн., т. LXI, 634.
 Ледоховская, гр-ня, т. LXIII, 23.
 Леверъ, бар., подполк., 1812 г. т. LXIV, 704, 705.
 Лейбровъ, ученица сбб. консерв., 1865 г., т. LXIV, 613.
 Лейхтенбергскій, Максимилианъ, герцогъ, т. LXI, 233, 249.
 Лейхтъ, Степ., бывш. воспит. Дворян. пол. вып. 1850 г., выпъ генер., т. LXII, 263, 264.
 Леманъ, т. LXIII, 537, 538.
 Ленскій, Дм. Тимое, артистъ, † 1860 г., т. LXI, 385.
 Леонидъ, (въ мѣрѣ Левъ Александр. Каленинъ), архиманд. настоят. Троицко-Серг. лавры 1888 г., т. LXII, 498, 499, 500, 502.
 Леонидъ, архіеп., т. LXIV, 214.
 Леонидовъ, Леонидъ Львов., артистъ, р. 1821 г., † 1889 г., т. LXIII, 715—717.
 Леонтьева. М. П., начальн. Смольнаго инст. 1842 г. т. LXIV, 729, 754.
 Леонтьевъ, П. М., профес., редакт. „Москов. Вѣд.“, р. 1822 г., † 1875 г., т. LXII, 230.
 Леонтьевъ, Никол., ст. сов., 1780 г., т. LXIII, 449.
 Леонтьевъ, полковн. 1770 г., т. LXIII, 501.
 Леонтьевъ, ген.-поруч. 1758 г., т. LXIII, 483, 484.

Леонтьевъ, генер., нач. воен. акад. т. LXIV, 447.
 Леонтьевъ, полков. 1800 г., т. LXIII, 214.
 Леонтьевъ, Фед., т. LXIII, 129—132.
 Леонтьевъ, т. LXIV, 182.
 Лепихъ, Францъ, механикъ, 1812 г., р. 1775 г. † т. LXIV, 55, 710, 719.
 Лермонтовъ, Мих. Юрьевичъ, писатель, р. 1814 г., † 1841 г., т. LXI, 143, 159—166, 173, 636, т. LXII, 474, т. LXIII, 710, т. LXIV, 323, 422, 547.
 Лесекъ, префектъ Наполеона въ Москвѣ 1812 г., т. LXIV, 53, 54.
 Лесса, генер. 1762 г., т. LXIII, 470, т. LXIV, 14.
 Лецковъ, подполковн. артил., 1767 г., т. LXIII, 492, 493.
 Лешетницкая-Фридебургъ, А. К., т. LXIV, 543.
 Лешетницкій, Ф. О., профес. сбб. консерват., т. LXIV, 555, 558, 562, 598, 613.
 Лжедмитрій, царь, т. LXIII, 293.
 Либельтъ, Карлъ, т. LXI, 235.
 Ливанскій, Илья, священ. т. LXIV, 818.
 Ливень, провиноръ, 1878 г., т. LXIV, 156.
 Ливень, гр., ген.-ад. 1806 г., т. LXI, 2.
 Ливень, кн., министръ народн. просв., т. LXIII, 41, т. LXIV, 748, 828.
 Лидеръ, генер. 1839 г., т. LXII, 57, т. LXIV, 77—87.
 Лидиенфельдъ, П. Ф., т. LXI, 659.
 Лимониусъ, тн. сов. 1889 г., т. LXIII, 667.
 Линдбергъ, Анна, т. LXIV, 258.
 Линдганъ, студ. сбб. унв. 1826 г., т. LXI, 311, т. LXII, 579, т. LXIII, 38, 39, 268, 542.
 Линдгрень, ст. сов., декавъ каз. унв. 1859 г., т. LXII, 98.
 Линдеманъ, студ. казанск. унв. 1861 г., т. LXII, 639, т. LXIII, 63, 64, 70, 73, 76.
 Линевичъ, Из., бывш. воспит. Дворян. полва, вып. 1855 г., LXII, 264, 266, 268.
 Линоскій проф. Рязн.-львск. лицей, т. LXI, 245, 246.
 Линъ, кн., т. LXIII, 510.
 Липинскій, М. А., проф., т. LXIII, 698, 706, т. LXIV, 244.
 Липранди, Из. Петр., д. ст. сов., томъ т. LXII, 231.

- Лисенко, Ив. Григ., т. LXIV, 29.
 Лисенко, генер.-лейт., † 1828 г., томъ LXII, 265.
 Лисовицкй, т. LX, 653.
 Лисовскій, Никол. Ник., ред.-издатель „Библиографа“, сообщ.: „Лѣтопись событій въ жизни и дѣятельности А. Г. Рубинштейна 1829—1889 гг.“, т. LXIV, 601—635, т. LXI, 401—414, т. LXIV, 514, 515.
 Лисовскій, архіеп. полоцк., т. LXII, 326, 333, 350, 604.
 Листъ, Францъ. композит., т. LXII, 245, т. LXIV, 523—550, 608, 617, 621, 733.
 Литвиновъ, бывш. проф. вилensk. унив., т. LXIII, 546.
 Литве, ст. сов. 1800 г., т. LXIII, 221.
 Литве, Фад. Петр., адмир., т. LXIII, 521, т. LXIV, 523.
 Литовченко, А., худож., т. LXII, 234.
 Лихновскій, кн., священ. 1847 г., томъ LXIII, 567.
 Лихутинъ, полковникъ 1860 года, томъ LXIII, 409.
 Лишинъ, Андр. Фад., поруч. 1824 г. т. LXIV, 318.
 Лобановъ-Ростовскій, кн., Дм. Иван., ген.-инф., р. 1758 г., † 1838 г., томъ LXI, 2, 31, 37, 140, т. LXIV, 64.
 Лобановъ - Ростовскій, князь, томъ LXII, 481.
 Лобановъ-Ростовскій, кн., студ. слб. унив. 1839 г., т. LXIV, 116.
 Лобановъ, т. LXIII, 277.
 Лобановъ, кн., т. LXIV, 691.
 Лобановъ, акад., писат. 1835 г., томъ LXIII, 530, 538, 539.
 Лобойко, проф. вѣд. унив. 1825 г., томъ LXII, 335, 336.
 Лобочевскій, офиц. 1855 г., т. LXI, 560.
 Ловичъ, кляг., Иоанна (Жанета) Антонова, супруга цесарев. Константина Павловича, р. 1795 г., † 1831 г., томъ LXII, 707—716, т. LXIII, 194.
 Ловягинъ, 1855 г., т. LXI, 99, 102.
 Логникова, ученица слб. консерв. 1865 г., т. LXIV, 562, 613.
 Логиновъ, Петровзводск. губерн. 1832 г., т. LXIII, 291.
 Лодій, проф. правъ и философ. слб. унив. 1826 г., т. LXI, 301, 309, т. LXII, 118, 598, т. LXIII, 30.
 Лодеръ, профес. 1812 г., т. LXIV, 719.
 Ломажинъ, Конст., т. LXII, 564.
 Ломажинъ, ген. 1889 г., т. LXII 270.
 Ломиве, М. К., т. LXI, 181.
 Ломоносовъ, Мих. Вас., акад., писат., р. 1711 г., † 1765 г., т. LXII, 112, 673, т. LXIII, 299, 650, 651, т. LXIV, 452.
 Лонгиновъ, Мвх. Никл., писат., † 1875 г., т. LXI, 405, т. LXIII, 645.
 Лопаревъ, т. LXI, 410.
 Лопатинскій, Л., сообщ.: „Записки архимандрита Владиміра Терлецкаго“, т. LXIII, 1—26, 559—578.
 Лопухина, Евдокія, царица, въ монаш. Елена, т. LXII, 250, томъ LXIII, 695, 696, 699.
 Лопухина, кляг., Еват. Никол., рожд. Щетнева, т. LXI, 227.
 Лопухина, кляг. Анна Петровна, томъ LXI, 214.
 Лопухина, г-жа, т. LXIV, 651.
 Лопухина, актриса, т. LXIII, 147.
 Лопухинъ, кн., Петръ Васильев., томъ LXI, 214, 215, 227.
 Лопухинъ, Лукіанъ, бояр., т. LXIII, 696.
 Лопухинъ, Влдм., ген. 1763 г., томъ LXIV, 9.
 Лопухинъ, кн., ген.-прокур., т. LXIV, 650, 651, 663, 680, 711.
 Лопухины, т. LXIV, 815.
 Лоренцъ, проф., т. LXIV, 333.
 Лорисъ-Меликовъ, гр., Мих. Таріелов., р. 1825 г., † 1888 г., т. LXI, 53—74, т. LXIII, 261, 390, 416, 418, 578—615, т. LXIV, 143, 144, 150—155, 221.
 Лось, гр. 1830 г., т. LXIII, 8.
 Лось-Рожковскій, Ю. С., сообщ.: „Некрологъ Кремляна, Рыбкина и ф. Штейна“, т. LXII, 271—272, упом. 264.
 Лохвицкій, І. В., т. LXIV, 603.
 Лошваревъ, тайн. сов. 1806 г., LXI, 2.
 Лошваревъ, генер., 1862 г., т. LXIII, 640.
 Лудольфъ, гр. неаполит. послан. при слб. дворѣ 1828 г., т. LXII, 586.
 Лукашевчъ, т. LXIV, 546, 571.

- Лукинъ, офиц. Охотск. пол. 1855 г., т. LXI, 110, т. LXII, 699.
 Лукошниковъ, Петръ, бывш. восп. Двор. пол. вып. 1859 г., т. LXII, 263.
 Лукинъ, студ. спб. унив. 1834 г., т. LXIII, 532.
 Луря, т. LXIV, 540.
 Лутковская, Авдот. Стен., въ зам. Головинна, т. LXI, 264.
 Лутковский, Ф. С., адмиралъ, т. LXI, 233.
 Лутовскій, подпор. 1730 г., т. LXII, 438.
 Лутохинъ, кап. 2-го ранга 1818 г., т. LXI, 580, 581.
 Луфтъ, профес. спб. консерват. 1862 г., т. LXIV, 562, 613.
 Лучининъ, студ. москов. унив. 1888 г., т. LXII, 31.
 Лучинская, Капитолина Андреев., учительница, т. LXI, 288, т. LXII, 2, 11, 14.
 Лучинскій, студ. 1830 г., т. LXIII, 19.
 Лучшева, Ольга Павлов., по втор. браку Цурикова, т. LXIII, 350 356.
 Лучшевъ, А. П., т. LXIII, 328, 329, 331, 335, 344, 350.
 Лучшевы, т. LXIII, 332, 350.
 Лывошинъ, педагогъ, т. LXIV, 420.
 Лысовъ, студ. казанск. унив. 1861 г., т. LXIII, 72, 73.
 Лыщинской, Авдальмъ Амврос., офиц., 1824 г., т. LXIV, 319.
 Львова, воспит-ца Екатерина. нстнт. † 1831 г., т. LXIII, 47.
 Львовъ, кн. бывш. цензоръ, LXII, 38.
 Львовъ, генер., LXIII, 310.
 Львовъ, А. Н., чл. археолог., общ., т. LXIII, 207.
 Львовъ, Ф. Ф. конференцъ-секрет. имп. акад. худож. 1864 г. т. LXII, 238.
 Львовъ, Алексѣй Фед., композит., директ. придворн. капеллы 1831 г., т. LXI, 397, 398, т. LXII, 244, 585, LXIV, 536, 559.
 Львовъ, офиц. 1845 г., т., LXIV, 126.
 Львовъ, т. LXII, 579, 585, т. LXIII, 527.
 Любомирскій, кн., т. LXIII, 470.
 Любомирскій, 1850 г., т. LXI, 142.
 Любошинскій, Маркъ Никол., чл. ред. ком. 1860 г., чл. госуд. сов., † 1889 г. т. LXI, 659, 666.
 Людзеръ, т. LXIV, 590, 594—596.
 Людевичъ, студ. казанск. унив. 1859 г., т. LXII, 85, 86, 92.
 Люценко, А. Е., инж. пут. сообщ. 1852 г., т. LXI, 254.
 Люценко, т. LXIV, 244.
 Ляпуновъ, Висаріовъ, бывш. воспит. Дворян. пол. вып. 1838 г., полковн. т. LXII, 264, 267.
 Ляпуновъ, ген.-м. 1762 г., т. LXIV, 12.
 Ляшневичъ, Серг., протоіер. 1855 г., т. LXI, 366.
 Лястакцинъ, Вадимъ Ив., писат., т. LXIV, 236, 244.
 Молчановъ, А. Е., т. LXI, 409.
 А агницкий, Мих. Леонт., попеч. кзз. унив. съ 1819—1826 гг., р. 1787 г., † 1844 г., т. LXI, 326, т. LXII, 335, т. LXIII, 33, 510.
 Маевскій, поруч. 1855 г., т. LXI, 112.
 Мазаровичъ, т. LXI, 322, 323.
 Мазена, гетманъ, т. LXI, 660.
 Майдель, бар., т. LXIII, 665.
 фонъ Майеръ, Леопольдъ, арт. т. LXII, 244, т. LXIV, 533.
 Майковъ, Леонидъ Никол., академикъ, т. LXI, 411.
 Майковъ, Апол. Никол., писатель, т. LXIV, 504, 628.
 Майковъ, Н. А., т. LXI, 636.
 Макашевъ, Алексѣр. Фед., бывш. воспит. Дворян. пол. вып. 1855 г., инж. генер., инспекторъ Конст. воен. училища, т. LXII, 263, 264.
 Макашевъ, студ. казанск. унив. 1861 г., т. LXII, 639, т. LXIII, 63, 64, 70, 76.
 Мазарій (Михаилъ) Вулгатовъ, интр. московск., 1857 г., т. LXIV, 795—804.
 Мазаровъ, Алексѣй Вас., кабинетъ секрет., т. LXI, 241.
 Мазаровъ, Никол. Петров., офиц. 1824 г., т. LXIV, 319.
 Мазаровъ, Ив., уч. спб. консерват. 1865 г., т. LXIV, 562, 593, 613.
 Мазаровъ, 1855 г., т. LXI, 101.
 Мамовъ, Левъ Саввачъ, ин-ртъ кн. дѣл 1878 г., т. LXI, 56, 70, т. LXIV, 145, 147, 148.

Маковъ, 1855 г., т. LXI, 100.
 Маковский, К. Е., художн., т. LXII, 234.
 Маковский, В. Е., художн., т. LXII, 233.
 Мавсимовъ, драмат. артист., т. LXIII, 715.
 Малюнкъ, артистъ 1820 г., т. LXIII, 160.
 Максюттовъ, 1855 г., т. LXI, 101.
 Маишеева, Фед. Ал., см. Одинцова.
 Маишеевъ, Дм. Мих., т. LXIII, 297, 298.
 Маишеевъ, Александр. Ив., т. LXIV, 297.
 Малаховскій, генер., главно-команд. пльск. войскъ 1830—31 гг., т. LXIII, 25, 26.
 Малибранъ, пѣвица, † 1836 г., т. LXII, 245.
 Малиновскій, А. Ф., нач. моск. госуд. архива, т. LXI, 431, т. LXII, 251, 253, т. LXIV, 201.
 Малиновскій, писат., т. LXIII, 378.
 Маловъ, протоиер. 1°47 г., т. LXIV, 369.
 Маловъ, Никол., студ., каз. унив., т. LXIII, 424, 425.
 Маловезова, С. А., преподават-ца слб. консерват. 1889 г., т. LXIV, 562.
 Малышеникъ, Никита, об.-аудиторъ 1763 г., т. LXIV, 9.
 Мальгина, Ел. Дмитр., т. LXIII, 690.
 Малютинъ, майоръ 1842 г., т. LXIV, 365.
 Маларенко, художн., т. LXIV, 450, 467, 468.
 Мамаевъ, полковн. 1849 г., т. LXI, 462, 465, 467.
 Мамоновъ, Матвѣй Дм., 1773 г., т. LXI, 579, 580.
 Мамоновъ, Фед. Иг., 1771 г., т. LXII, 259.
 Мамоновъ, гр., т. LXIV, 685.
 Мамоновъ, директ. межев. канцел., 1779 г., т. LXII, 550.
 Мамонтовъ, чиновн., т. LXI, 294, 309.
 Маннъ, т. LXII, 718.
 Манганаръ, Е., т. LXI, 238.
 Мановетовъ, В., сваяц., хранит. ростовск. музея 1889 г., т. LXIII, 697, 698, 706.
 Мановетовъ, Ив. Данил., т. LXIII, 685.
 Мансуровъ, А. П., чл. рязанск. архив. ком., т. LXIV, 809, 823.

Мансуровъ, Борисъ Павл., ст-секрет. 1861 г., чл. госуд. сов., д. т. сов., т. LXIII, 427.
 Мануйленко, ст. сов. 1846 г., т. LXIV, 68.
 Маринъ, А. А., т. LXIV, 820.
 Марио, швецъ, т. LXII, 245, т. LXIV, 545, 546.
 Марія Годуцова, т. LXII, 454.
 Марія Федоровна, им-ца, р. 1759 г., † 1828 г., т. LXI, 16, 45, т. LXII, 200, т. LXIII, 533, 534.
 Марія Александровна, им-ца, т. LXII, 441, 442, 695, 723, т. LXIII, 191, 640.
 Марія Александровна, вел. княж., въ зам. герцогиня Эдинбургская, т. LXIV, 459, 730.
 Марія Николаевна, вел. княж., въ супр. герцог. Лейхтенбергская, р. 1819, † 1876 г., т. LXIV, 105, 124, 454, 544, 551.
 Марія Ильинична, царица, т. LXIII, 718.
 Марьевичъ, А. И., чл. таврич. архивн. ком., т. LXIV, 810.
 Марьевичъ, собир. малороссійск. писемъ, т. LXIV, 117, 132.
 Марьевичъ, В., засѣдат. духовн. коллег. 1834 г., т. LXII, 348.
 Марьяновичъ, губерн. секрет., 1819 г., т. LXIV, 196, 197.
 Маршловскій, ген.-м. 1800 г., т. LXIII, 220, 221.
 Марковъ, послан. во Франц., т. LXIV, 663.
 Марковъ, ген.-м. 1800 г., т. LXIII, 216.
 Марковъ, ген.-провіантмейст., 1761 г., т. LXIII, 462.
 Марковъ, Алексѣй Тарасов., профес. зявоп., т. LXIV, 460, 468, 582.
 Марковъ, А. К., профес. археолог. инст. 1889 г., т. LXIII, 205, 206.
 Марковъ, офиц. 1835 г., т. LXIII, 524.
 Марьковъ, полковн., т. LXII, 391.
 Маркусъ, л.-мед., 1843 г., т. LXIV, 752.
 Маровля, одесск. город. голова 1889 г., т. LXIII, 649.
 Марсъ, М., сообщ.: „Михалъ Шумскій младшій сынъ гр. Аракчеева“, т. LXII, 473—474, „М. В. Буташевичъ Пеграшевскій, † 7 декабря 1866 г.“, 475—476.
 Маркусъ, В. М., т. LXI, 659.

- Мартенкоз, профес., т. LXI, 130.
 Мартусевичъ, еписк., т. LXII, 339.
 Мартышко, Ив., пѣвчій 1730 г., т. LXIV, 142.
 Мартыновъ, арт. т. LXII, 587.
 Мартыновъ, коменд. сиб. крѣп. 1835 г., т. LXIII, 522, 524.
 Мартыновъ, художн.-акварел., т. LXII, 226.
 Мартыновъ, А. А., т. LXII, 239.
 Мартыновъ, артистъ сиб. театр., т. LXIII, 715.
 Масальскій, писат. 1834 г., т. LXIII, 280.
 Масловъ, Степ. Алексѣев., бывш. секрет. Импер. москов. общ. съ 1820—1860 г., † 1879 г. т. LXII, 510.
 Масловъ, Никол. Ив., т. LXIII, 492.
 Масловъ, С. А., т. LXIV, 129, 134.
 Масловъ, 1827 г., т. LXIII, 124.
 Масловъ, Алексѣй Мих., бригадн. команд. 1762 г., т. LXIII, 489.
 Масловскій, воен. историкъ, т. LXII, 252.
 Матвѣевъ, Артам. Сергѣев., бояринъ, т. LXII, 222, 251.
 Матвѣевъ, Андр. Артамонов., т. LXIV, 216.
 Матвѣевъ, 1855 г., т. LXI, 103.
 Матвѣевъ, Апол., студ. каз. унив., т. LXIII, 427.
 Матте, В. В., художн.-граверъ, т. LXI, 204, т. LXII, 164.
 Матченко, профес. т. LXIV, 190.
 Матюшкины, т. LXIV, 815.
 Матюшинъ, Н. И., художн.-граверъ, т. LXII, 772, т. LXIV, 106.
 Мауреръ, артистъ, т. LXI, 388.
 Махотинъ, Никол. А., ген., нач. военно-учебн. завед., т. LXI, 647, 649, 650, 653.
 Машковъ, т. LXIV, 735, 744, 745.
 Мевесъ, Ричардъ, бывш. воспит. Дворян. пол. вып. 1858 г., вынѣ ген., т. LXII, 263, 264.
 Мегметъ, лейтен. 1800 г., т. LXIII, 217.
 Медвѣдевъ, Ив., бывш. воспит. Дворян. пол. вып. 1867 г., т. LXII, 263.
 Медемъ, старш. врачъ полтав. кад. корп. 1889 г., т. LXI, 653.
 Медемъ, бар., т. LXII, 46, 47.
 Медволевскій, Петръ Петров., чиновн. 1838 г., т. LXI, 181.
 Медякскій, г-жа, т. LXII, 586, 587.
 Межовъ, В. И., библиографъ, т. LXI, 405, 406, 409, 413.
 Мезенцевъ, ген.-ад., т. LXI, 55.
 Мезенцовъ, премьеръ-майоръ, 1762 г., т. LXIV, 19.
 Мецецкій, кн. 1646 г., т. LXIV, 812.
 Мей, Левъ Александровичъ, писатель. LXI, 194, т. LXIII, 203.
 Мейвотъ, офиц. 1762 г., т. LXIV, 13.
 Мейеръ, ген.-м., 1849 г., т. LXI, 470.
 Мейербергъ, композит., т. LXIV, 534, 545, 576.
 Мейснъ, ген. артил. 1789 г., томъ LXIII, 516.
 Мелиховъ, вице-адмир., т. LXI, 419.
 Меланъ, полков. 1877 г., т. LXIV, 761.
 Меллеръ-Закомельскій, генералъ, томъ т. LXI, 618.
 Мелье, изд. «Муз. Свѣта», т. LXIV, 603.
 Мельгуновъ, А. П., т. LXIV, 232.
 Мельгуновъ, ярославск. ген.-губернат., т. LXI, 210.
 Мельгуновъ, Н. Н., врачъ, 1873 г., т. LXII, 26.
 Мельниковъ, Н. А., арт. пѣвецъ, томъ LXIV, 619.
 Мельниковъ, Н., сообщ.: «Ветлянская чума въ 1877 и 1878 гг.», т. LXIV, 143—156.
 Мельницкой, Ив. Алексѣев., Вышневолоцк. предв. двор. 1820 г., томъ LXI, 580.
 Мельникоденъ, іеромон., т. LXIV, 182, 183, 184.
 Меммонъ, расколо-учитель, т. LXIV, 213.
 Меморокскій, А. М., т. LXIV, 824.
 Менгденъ, бар., В., т. LXI, 659.
 Мендельсонъ, композит., т. LXIV, 534.
 Менковъ, Петръ Кононов., ген.-лейт. т. LXI, 467, т. LXIV, 361.
 Меншиковъ, кн., Алексдр. Давид., генералисимусъ, р. 1674 г., † 1729, т. LXI, 226, 227, 232, 241—244. т. LXII, 253, 507, 508, т. LXIII, 133—136, томъ LXIV, 300.

- Меншиковъ, вв. Александръ Серг., морск. мн—ръ, р. 1787 г., † 1869 г., т. LXI, 78, 83, 250, 584, т. LXII, 168, 507, 508, 722, 723, т. LXIII, 136, т. LXIV, 128.
- Меншиковъ, вв., т. LXIV, 736.
- Мердереъ, Карлъ Карлов., ген.-ад., во-свѣтит. царев. Александра Николаев., р. 1787 г. † 1834 г., т. LXIV, 306, 846.
- Мередикъ, майоръ 1877 г., томъ LXIV, 775—780.
- Меренбергъ, гр—ня, Наталья Алексанц., рожд. Пушкина, т. LXIII, 585.
- Мерзляковъ, А. Ѳ., профес. моск. унив. съ 1804 г., по 1830 г., т. LXI, 163, 431, т. LXIV, 214.
- Мериме, т. LXI, 629.
- Мершаловъ, бывш. воспит. Констант. воен. учил., т. LXII, 271.
- Мершель, майоръ, артил. 1789 г., томъ LXIII, 649.
- Меркуловъ, купецъ, 1861 г., т. LXIII, 434.
- Мертенсъ, В. Ф., Олоонецъ губернат. съ 1804 по 1821 г., т. LXII, 459.
- Мерхелевичъ, ген.-адъют. 1862 г., томъ LXIV, 85.
- Мерчанскіе, т. LXIV, 293.
- Месновъ, тульск. помѣщ., 1812 г., томъ LXIV, 261.
- Мессарошъ, А. А., LXIV, 105.
- Метельковская, Ольга Васил., томъ LXIV, 26, 28.
- Мецдорфъ, Рихардъ профес. слб., кон-серват., 1862 г., т. LXIV, 562, 591, 595.
- Мечиславская, Макрина, т. LXIII, 560, 561, 562.
- Мещаниновъ, Демидъ Демидов., купецъ, т. LXII, 555, 557, 558.
- Мещериковъ, Г. В., т. LXIV, 447.
- Мещерскій, профес.-пейзажистъ, томъ LXIV, 472.
- Мещерскій, офиц. 1876 г., т. LXI, 596.
- Мещерскій, вв., Василій, казанск. гу-бернат., т. LXI, 210, 211.
- Мещерскіе, князья, т. LXII, 217.
- Миддендорфъ, директ. педагогич. ин-стит. т., 1834 г., т. LXIII, 273.
- Милдашевичева, писат-ца, т. LXIV, 728, 747.
- Миллошичъ, библиотек. Вѣнска. публичн. библиот., 1844 г., томъ LXI, 235, томъ LXII, 609.
- Минувинъ, кол. совѣт. 1800 г., томъ LXIII, 221.
- Минутшевъ, офиц. 1831 г., т. LXII, 247.
- Миллеръ, г-жа, рожд. Чирякова, томъ LXIII, 664.
- Миллеръ, Юлія Ѳед., т. LXIII, 666.
- Миллеръ, Аделаида, смотри Унгерсъ Штернбергъ.
- Миллеръ, Альма Ѳед., въ замуж. баро-несса Майдель, т. LXIII, 665.
- Миллеръ, Ида Ѳед., въ зам. Крогюсъ, т. LXIV, 761.
- Миллеръ, Герардъ, историогр., бывш. нач. москов. главн. архива, т. LXII, 251, 253.
- Миллеръ, Иоганнъ, швейцар. историкъ, т. LXIII, 226.
- Миллеръ, Ив. Петров., ген.-лейт., артил., т. LXIII, 664.
- Миллеръ, ген. 1812 г., т. LXIV, 282, 286.
- Миллеръ, Петръ, † 1847 г., т. LXIII, 663.
- Миллеръ, Ѳед. Петр., чинов. таможен. вѣдом., т. LXIII, 663, 666.
- Миллеръ, Орестъ Ѳед., профес. слб. унив., род. 1833 г., † 1889 г., сообщ.: „Иванъ Александровичъ Гончаровъ. Очеркъ въ его портрету“, т. LXI, 635—643, „Михаилъ Евграфовичъ Салты-ковъ, † 28 апрѣля 1889 г.“, т. LXII, 744—754, упом. т. LXI, 204, т. LXIII, 655—682.
- Миллеръ, команд. Мушкетерск. полка 1800 г., т. LXIII, 216.
- Миловановъ, студ. каз. унив. 1861 г., т. LXIII, 434.
- Миловичевъ, Ив. В., ча. Костромск. арх. ком., сообщ.: „Двѣ Чуломскія драмы. Основа Горькой судьбины А. Ф. Пи-семскаго“, т. LXIV, 335—360, упом. 810, 824.
- Миловской, чиновникъ 1767 г., томъ LXIII, 493.
- Милорадовичъ, воспи-ца Евлатерія. инст. 1831 г., т. LXIII, 43.

- Милорадовичъ, графъ, Мих. Ан., † 14 дек. 1825 г., т. LXI, 326, т. LXII, 476, т. LXIV, 48, 691, 696, 724.**
- Милорадовичъ, 1850 г., т. LXIV, 129.**
- Милославскій, бояринъ, т. LXIII, 292.**
- Милуновъ, Я. П., т. LXIV, 814.**
- Милуновъ, А. П., т. LXI, 318, упом. 203.**
- Милютинъ, графъ, Дмитр. Алексѣев., чл. госуд. сов., ген.-ад., т. LXI, 70, 363, 491, 492, 494, 497, 500, 501, 647, 650—653, т. LXII, 133, 154, 223, 367, 380, 385, 386, 442, 769, т. LXIII, 91—99, 184, 397, 398, 411, т. LXIV, 408, 493, 729.**
- Милютинъ, Ник. Ал., статсъ-секрет., чл. госуд. сов., род. 1818 г., † 1872 г., т. LXI, 664, т. LXII, 251, 738, 769, 772.**
- Милютинъ, Юрій Никол., т. LXI, 659.**
- Мининъ-Сухоруковъ, Козьма, нижегор. гражданин., т. LXIV, 238, 256.**
- Минихъ, ген.-фельдцейхмейст. 1730 г., т. LXII, 458.**
- Минихъ, гр., Христоф., засѣд. Верхнеземск. суда 1780 г., т. LXIII, 449, 452.**
- Миневичъ, генер.-лейт. 1866 г., томъ LXIV, 447.**
- Миневичъ, О. Ѳ., артистка, т. LXIV, 562.**
- Минина (Шумская), Настасья Ѳед., домоуправительница гр. Арачьева, томъ LXIII, 313, 362.**
- Минхъ, А. Н., чл. сарат. арх. ком., томъ LXIV, 810, 819.**
- Минхъ, профес. Кіевск. унив. 1878 г., т. LXIV, 153.**
- Минцловъ, Р., т. LXI, 406.**
- Мирбахъ, баронесса, рожд. гр-ня Тотлебенъ, т. LXIV, 10.**
- Мирбахъ, баронъ Ебергардъ-Христофъ, д. тайн. сов. польск. службы, т. LXIII, 477, 479.**
- Мирбахъ, бар. 1763 г., т. LXIV, 10, 15, 16.**
- Мирещій, воен. инженер., т. LXIV, 590.**
- Мирвалисъ, К., Гапсальск. город. голова 1889 г., т. LXIII, 667, 668.**
- Миршвицъ, М. Ѳ., чл. ген.-л., совѣта славян. общ. 1889 г., т. LXII, 773, 835.**
- Миршвицъ, Ѳед. Яков., ген.-инф., 1866 г., быш. вил. ген.-губ., т. LXIV, 833—835.**
- Миропольскій, педагогъ, т. LXI, 274, т. LXII, 18, 20.**
- Миропольскій, д. ст. сов. 1889 г., томъ LXI, 653.**
- Мирскій, кн., Д. Н., генер. 1877 г., т. LXI, 604, 606, 612, 627, т. LXIII, 82, 106.**
- Мителъзовъ, офци. 1812 г., т. LXIV, 261.**
- Митковъ, Мих. Платон., тайн. сов., гласный сб. городск. думы, † 6 нояб. 1889 г., т. LXI, 659, т. LXIV, 839—840.**
- Митрофанія, въ мѣрѣ барон-са Ровень, вгумени, т. LXII, 695.**
- Михаилъ Десницкій, митроп. 1817 г., т. LXIV, 305.**
- Михаилъ Ворисовичъ, вел. кн., т. LXIV, 823.**
- Михаилъ Ѳедоровичъ, царь, т. LXII, 249, 250, т. LXIII, 687, т. LXIV, 51, 238, 242, 815.**
- Михаилъ Павловичъ, вел. кн., рожд. 1798 г., † 1849 г., т. LXII, 662, томъ LXIII, 155, 184, 185, 224, 244, 319, 521, 526, 528, 529, 533, 556, 621, 636, 637, т. LXIV, 126, 131, 363, 542, 543, 731, 733.**
- Михаилъ Николаевичъ, вел. князь, т. LXI, 78, 83, т. LXII, 655, 656, томъ LXIII, 416, т. LXIV, 312, 376, 552, 745.**
- Михайловъ, М. Л., писат., т. LXIV, 547.**
- Михайловъ, Влад., студ. сб. унив. 1826 г., т. LXI, 312, 517, 574, т. LXIII, 38, 44, 51, 52, 58, 542, 544.**
- Михайловъ, Мих., студ. сб. унив. 1828 г., т. LXII, 579, 580, 581, 583, т. LXIII, 542, 544.**
- Михайловъ, Мих. Кузьмичъ, генер. 1831 г., т. LXIII, 37.**
- Михайловъ, т. LXI, 508, 516, 517.**
- Михайловъ, Влад., дворовый, 1845 г., т. LXIV, 337—355.**
- Михайловы, т. LXII, 580, 582, т. LXIII, 37.**
- Михайловская, Надежда Алексѣевна, въ зам. Шестамова, † 1879 г., т. LXII, 170—172, 176, 178.**
- Михайловскій, Алексѣй Иванов., томъ LXII, 170.**
- Михайловскій, В. М., священ., т. LXIV, 842, 843.**
- Михайловскій, писат., т. LXII, 271.**

- Михайловскій-Данилевскій, А. И., генералъ, воен. историкъ, т. LXI, 2, 3, 12, 19, 20, т. LXIII, 543, т. LXIV, 31.
 Михайловскій-Данилевскій, Леонидъ Александр., т. LXI, 376.
 Михайловскій, студ. казанск. универ., 1858 г., т. LXI, 572.
 Михальцева, ученица спб. рисов. школы, 1862 г., т. LXIV, 459, 460, 464, 467, 469.
 Михневичъ, издат. «Новороссійскаго календаря», т. LXI, 236.
 Михно, изд. «Рус. Сцены», т. LXIV, 597.
 Мицевичъ, подполк., 1849 г., т. LXI, 466.
 Мицевичъ, Адамъ, писатель, т. LXII, 500, т. LXIII, 21, 203, 559, 560, 562, т. LXIV, 132, 250.
 Мичуринъ, Валеріанъ Макаровъ, шт.-кап., 1824 г., т. LXIV, 318.
 Мищенко, ген.-майоръ, 1857 г., т. LXI, 496, т. LXII, 353, 359, 364, 368, 375, 652.
 Млодецкий, т. LXI, 73, 74.
 Модлеръ, Фед. Антонов., художн. 1847 г., т. LXII, 234, т. LXIII, 366, 367, 368, 371.
 Молоствовъ, ген.-лейт., помеч. казанск. учебн. окр., 1855 г., сенагоръ, т. LXI, 553, 559, 563, 564.
 Молчановъ, 1799 г., т. LXII, 551.
 Молчановъ, Петръ Степ., т. LXI, 519, 520.
 Молчановъ, писат., т. LXI, 412.
 Молчановъ, т. LXII, 297.
 Монтреворъ, офиц. 1812 г., т. LXIV, 717.
 Мордвиновъ, А. Н., управл. III отдѣл. собств. е. и. в. канц., 1830 г., т. LXIII, 525, т. LXIV, 106.
 Мордвиновъ, графъ, Никол. Семенов., 1825 г., т. LXII, 122, т. LXIII, 314.
 Мордвиновъ, С. А., т. LXI, 659.
 Морковъ, гр. ген.-лейт. 1812 г., т. LXIV, 632.
 Морозъ, Данил. Матвѣев., об.-прокуроръ сената, 1835 г., т. LXI, 138—140.
 Морозовъ, секрет. тамб. меж. конторы, 1779 г., т. LXII, 556, 557, 559, 560, 565.
 Морозовъ, 1855 г., т. LXI, 101.
 Морошенинъ, Ив. Яковлев., архивистъ, т. LXI, 411.
 Морошенинъ, И. Д., т. LXI, 410.
 Морошенинъ, профес., т. LXII, 297.
 Мосвикиъ, Яковъ, купецъ 1780 г., томъ LXIII, 454.
 Мочаловъ, артистъ, т. LXI, 160, 162, 163, т. LXIII, 715.
 Мравинская, Агламда Констант., въ зам.-Домоштовичъ, т. LXII, 769.
 Мудровичъ, іеромонахъ, т. LXII, 333.
 Мудровичъ офиц., 1849 г., т. LXI, 470.
 Муравьевъ, Андрей Никол., писатель, р. 1805 г., † 1874 г., т. LXIII, 524, т. LXIV, 804.
 Муравьевъ Апостолъ, Матв. Ив., декабр. т. LXIII, 345, 361, т. LXIV, 235.
 Муравьевъ, графъ, Михаилъ Никол., чл. госуд. совѣта, род. 1796 г., † 1866 г., томъ LXI, 183, 256, 259, т. LXII, 760, т. LXIII, 629.
 Муравьевъ, Никол. Никол., ген.-ад., р. 1793 г., † 1866 г., т. LXI, 58, 481, 482, т. LXII, 229, 697, т. LXIII, 262, 344, 603.
 Муравьевъ-Амурскій, гр., Ник. Никол., ген.-ад., † 1881 г., т. LXIV, 131.
 Мурадъ-бей, майоръ 1877 г., т. LXIV, 771, 773.
 Муратовъ, Феоdorf Никифоров., управл. типогр. департамента удѣл., 1859 г., т. LXIII, 351—356.
 Муратовъ, офицеръ, 1835 г., т. LXIII, 522, 523.
 Мурашевичъ, Никол. Никиф., секрет. одесск. общества ист. и др., р. 1806 г., † 1883 г., т. LXI, 231—260.
 Муса-Кундуховъ, полковникъ, 1860 г., т. LXIII, 394.
 Мусинъ-Пушкинъ, гр., А. И., т. LXIV, 193, 194.
 Мусинъ-Пушкинъ-Врюсъ, гр., В. В., т. LXIV, 63.
 Мухановъ, Петръ Александр., декабр., т. LXI, 328, т. LXII, 239.
 Мышецкій, ка., инженер., т. LXI, 253.
 Мѣркинъ, Ф. А., художн.-граверъ, томъ LXI, 204, т. LXII, 739, т. LXIV, 588, 632.
 Мѣрославскій, писат., т. LXI, 12.
 Мюгзе, бывш. воспит. Константинов. воен. учил., т. LXII, 271.
 Мянковичъ, бывш. русск. конс. въ Селугѣ, т. LXIV, 140.

- Масюковскій, Авг. Ив., команд. Ладожск. пѣх. полка 1862 г., вполн. ген. отъ инф., т. LXIV, 77, 82, 83, 836.
- Масюковъ, худож., т. LXII, 233.
- Матлевъ, т. LXIV, 744.
- Набоновъ**, Дмитр. Никол., ин-ръ юстиц., 1879 г., т. LXI, 70.
- Навроцкій, Александр. Антонов., управл. динаб. комиссариат. комис., 1846 г., т. LXIV, 67, 68—70, 72, 73, 75—77.
- Нагаевъ, ополчен. 1812 г., т. LXIV, 270.
- Нагловскій, полков. 1877 г., т. LXIV, 774.
- Надеждинъ, Никол. Ив., проф., т. LXI, 235, 236, 254, 635, т. LXIII, 276, 278, 545, 546, т. LXIV, 124, 137, 201, 331, 332.
- Наддери, писат., т. LXI, 20.
- Надпорожскій, В., сообщ.: „Первый дебютъ В. А. Каратыгина на сценѣ“, т. LXIII, 159—160.
- Надѣинъ, Митрофанъ Иван., бывш. воспит. Дворян. полка вых. 1857 г., т. LXII, 264.
- Назимова, Л. И., ростовск. дворянка, т. LXIII, 695.
- Назимовъ, Мих., Александр. декабристъ, † 1868 г., т. LXIV, 368.
- Назимовъ, Влад. Ив., ген.-губернаторъ С.-З. края, 1860 г., т. LXII, 132, т. LXIV, 125.
- Назобурдо, Алексѣй, историкъ Вессарабин., бывш. воспит. Дворян. полка, т. LXII, 266.
- Наполеонъ I, т. LXI, 7, т. LXIII, 229, 230, 231, 232, 233, 235, 238, т. LXIV, 644—725.
- Направинъ, Э. Ф., композит., т. LXIV, 614, 615.
- Нартовъ, Андрей, т. LXII, 231.
- Нарышкинъ, Кирилъ Полуэктовичъ, т. LXII, 246.
- Нарышкинъ, Левъ Кирил., нач. пос. приказа, т. LXII, 246.
- Нарышкинъ, Левъ Александр., т. LXIV, 34, 38, 40.
- Нарышкинъ, оберъ-гофмарш. 1800 г., т. LXIII, 218.
- Нарышкинъ, Дм. Львов., об.-егермейст., т. LXII, 586, 587.
- Нарышкинъ, А. А., т. LXIV, 39.
- Нарышкинъ, т. LXIII, 599, 601.
- Нарышкины, бояре, т. LXII, 246, 247, 250.
- Наталья Кирилловна, ц-ца, т. LXII, 457.
- Наталья Алексеевна, (принцеса Гессенъ - Дармштадтская Вильгельмина), вел. княг., супруга цесарев. Павла Петровича, род. 1755 г., † 1776 г., т. LXI, 438.
- Наталья Алексеевна, царица, сестра Петра I, т. LXI, 240, 241, 243.
- Наумова, Елис. Никол., въ зам. Вулгакова, т. LXIV, 797.
- Наумовъ, г.-майоръ 1855 г., т. LXI, 361.
- Наумовъ, полковникъ 1858 г., т. LXII, 650, 654.
- Нафанкиъ, о., свящ., т. LXIV, 140.
- Нахимовъ, Пав. Степ., адм., р. 1803 г., † 1853 г., т. LXI, 79, 80, 81, 82, 83, 91, 92, 93, 99—104, т. LXII, 33, 719, т. LXIII, 256.
- Нащокинъ, Василій, т. LXI, 210.
- Нащокинъ, т. LXIV, 129.
- Нащокинъ, архіеписк. Новороссійск., т. LXII, 152.
- Неболинъ, А. П., т. LXII, 767.
- Невельской, Ив. Моисѣев., т. LXI, 578.
- Невельской, Генд. Ив., адм., † 1876 г., т. LXIII, 345.
- Невровъ, худож., т. LXII, 233.
- Невѣровский, ген. 1812 г., т. LXIV, 497.
- Невѣровъ, Януарій Мих., тайн. сов., чл. сов. м-ра народн. просв., р. 1810 г., т. LXII, 240.
- Негребенскій, Феликсъ Fortunатовичъ, офиц., † 1865 г., т. LXI, 106 — 112, т. LXII, 697, 699.
- Негри, А. О., вице-презид. одесск. общ. истор. и древн., т. LXI, 252, 253, 247.
- Недовѣзовъ, помѣщикъ, т. LXIV, 295.
- Незеленовъ, А. И., проф., т. LXI, 642.
- Некрасова, Екат. Степ., сообщ., „Александръ Ивановичъ Герценъ въ 1836 г.“, т. LXI, 173—180, т. LXII, 231.
- Некрасовъ, Плат., вольнослушат. Каз. унив., т. LXIII, 424, 425.

- Неграссовъ, студ. казанск. унив. 1864 г., т. LXIII, 78, 425.
- Неграссовъ, Никол. Алексѣев., пресвт., род. 1821 г., † 1877 г., т. LXI, 183, 349—351, т. LXII, 233, 742, 747, т. LXIII, 591, 599—604, т. LXIV, 237.
- Неклюдовъ, чиновн. 1857 г., т. LXII, 475.
- Неклюдова, Екат. Ив., кам.-фрейлина, т. LXI, 245, т. LXII, 205, т. LXIV, 732.
- Неклюдъ, ген.-адъют., т. LXII, 205.
- Неклюдъ, т. LXIV, 229.
- Нельсонъ, адмир. 1800 г., т. LXIII, 215.
- Немира, В., т. LXIV, 423, 441, 445.
- Неофитъ, архіеп. пермс. 1862 г., т. LXIII, 640.
- Непейцынъ, полков. 1843 г., т. LXIV, 742.
- Непенкинъ, шт.-ван. 1862 г., т. LXIV, 78, 79, 80, 85.
- Неплюевъ, Ив. Ив., сенат. 1762 г., т. LXIV, 13, 14, 15.
- Неплюевъ, Семенъ Александр., т. LXII, 550.
- Непомолянцкій, А. А., ген.-ад. 1875 г., т. LXII, 144, 145, 149, 150, 434, т. LXIII, 199, 200.
- Несвятціе, князя, т. LXII, 217.
- Несельроде, гр., Карлъ Васил., кандл., р. 1780 г., † 1862 г., т. LXI, 2, 235, 323, 420, т. LXIV, 831, 832.
- Нестеровъ, 1799 г., т. LXIV, 24.
- Несторъ, гѣтонисель, т. LXII, 455, 603, т. LXIII, 670, т. LXIV, 185, 202.
- Нефъ, художн., т. LXI, 267.
- Нечаевъ, офиц. 1812 г., т. LXIV, 273.
- Нечаевъ, писатель, т. LXI, 319, 320.
- Нижитенко, Александр. Вас., проф., акад., р. 1804 г., † 1877 г., его Дневникъ 1826—1844 г.г. т. LXI, 293—314, 506—523, т. LXII, 107—130, 277, 471, 472, 577—598, т. LXIII, 27—60, 163, 265—299, 380, 384—385, 519—558, т. LXIV, 103—122, 125, 323—334, 727—758.
- Нижитенко, С. А., сообщ.: «Дневникъ Александра Васильевича Нижитенко», т. LXI, 293—314, 505—523, т. LXII, 107—130, 577—598, т. LXIII, 27—60, 265—299, 519—558, т. LXIV, 103—122, 323—334, 727—758.
- Нижитенко, Григ. Васил., т. LXI, 313.
- Нижитинъ, писатель, т. LXIV, 469.
- Нижитинъ, Алексѣй Вас., т. LXI, 187.
- Нижитинъ, Н. В., предсѣд. московск. архитектуры. общ 1889 г., т. LXIII, 689.
- Нижитинъ, гр., нач. всѣхъ южн. воен. поселеній, т. LXIII, 185.
- Нижитинъ 1885 г., т. LXI, 102.
- Низифоровъ, артистъ московск. театра, т. LXI, 200.
- Ниводимъ, папг. іерусалимск. 1889 г., т. LXIII, 438, 442, 445.
- Ниволаи, бар., ген.-м. 1857 л., т. LXI, 486, 494, 495, 496, 498, томъ LXII, 360, 361.
- Ниволаи, бар., Александр. Павл., ст.-секрет., д. тайн. сов., чл. госуд. совѣта 1861 г., т. LXIII, 431.
- Ниволай I, импер., р. 1796 г., † 1855 г., т. LXI, 20, 31, 51, 80, 83, 91, 177, 178, 201, 209, 315, 344, 345, 353, 355, 368, 418, 459, 519, 558, т. LXII, 41, 53, т. LXIII, 150, 158, 212, 220, 240, 248, 248, 257, 271, 273, 313, 317, 321, 322, 330, 335, 488, 492, 493, 507, 508, 524, 588, 589, 595—596, 610, 617, 618, 621, 634—637, 661, 662, 673, 674, 686, 759, т. LXIV, 92, 93, 214, 310, 311, 320, 326, 363, 369, 490, 492, 488, 494, 525, 526, 542—545, 553, 831—835.
- Ниволай Николаевичъ, старшій, вел. князь, т. LXI, 78, 88, 625—628, томъ LXII, 272, 655, 656, т. LXIV, 312, 552, 745.
- Ниволай Александровичъ, вел. князь цесарев., † 1865 г., т. LXI, 196, 478.
- Ниволай Александровичъ, Наслѣдникъ цесаревичъ 1889 г., т. LXIV, 640.
- Ниволай Давыдовичъ, царевичъ грузинскій 1669 г., т. LXII, 453.
- Ниволай, принцъ Нассаускій, томъ LXIII, 585.
- Ниволай, кн. Черногорскій, т. LXII, 773, 774.
- Ниволинъ, арт.-пѣвецъ, т. LXI, 632.
- Ниволевскій, чиновн. 1859 г., т. LXII, 85, 86.
- Ниволевскій, О. Я., т. LXIV, 244.

Нивонъ, патріархъ, т. LXI, 235, томъ т. LXII, 339, 453, т. LXIII, 718.

Нивонъ, архим. Воскресенск. монаст. 1771 г., LXII, 259, 262.

Никульшинъ, И. Н., докторъ, 1874 г., т. LXI, 288, т. LXII, 27.

Нидъ, въ мирѣ Николай Исаковичъ, архіеп. Ярославск. в Ростовск., † 1874 г., т. LXIV, 245—247.

Нидьсонъ, ген.-лейт., т. LXIV, 438—437.

Ниссенъ-Саломонъ Генріета, профес. пѣнія слб. консерват., т. LXIV, 555, 558, 562, 613.

Ниченко, подполковн. 1875 г., томъ LXII, 148.

Новиковскій, студ. варшавск. универс. 1862 г., т. LXIV, 101, 362.

Новиковъ, Никол. Ив., писат., р. 1744 г., † 1818 г., т. LXI, 404, 410, т. LXIV, 679.

Новиковъ, 1855 г., т. LXI, 103.

Новиковъ, И. А., т. LXI, 659.

Новиковъ, т. LXIII, 589.

Новицкій, В. Ф., сообщ.: «Записная книжка адмирала П. С. Нахимова», т. LXI, 99—104.

Новотійская, Фаустина, т. LXIII, 211.

Новосильскій, Фед. Мих., адм., томъ т. LXI, 103, т. LXII, 719.

Новосильцевъ, гр., Никл. Никл., попеч. вѣнск. унив., р. 1761 г., † 1838 г., т. LXII, 385, 460, т. LXIII, 4, 229.

Новосильцевъ, Петръ Петров., ген.-привіант., т. LXII, 211, т. LXIII, 145.

Новосильцевъ, Николай Петровичъ, т. LXIII, 534.

Ножинскій, т. LXIV, 749.

де-Нолтиеръ, г-жа, т. LXIII, 455.

Нольде, бывш. воспит. Констант. учил., т. LXII, 271.

Норовъ, Авраамъ Сергѣев., тов. ми-ра нар. пров. 1850 г., т. LXI, 257—260, т. LXII, 231, т. LXIII, 623, т. LXIV, 123, 125, 134.

Норовъ, полковн. 1855 г., т. LXI, 100.

Носъ, С. Д., докт., сообщ.: «Ив. Иван. Сердюкъ и Л. В. Дубельтъ», т. LXI, 352—353.

Носъ, А., казнач. общ. любит. російск. словесн. 1889 г., т. LXIII, 682.

Нотбемъ, художн. 1862 г., т. LXIV, 451—456, 458, 461.

Нуджевскій, бывш. воспит. Дворянск. поля вни. 1860 г., т. LXII, 263.

Нумерсъ, ген.-поруч. 1761 г., т. LXIII, 489.

Нѣмцевичъ, Юліанъ, польск. писатель, т. LXIV, 319.

Обезьянниковъ, 1855 г., т. LXI, 103.

Ободовскій, Алексдр. Григ., педагогъ, т. LXIII, 266, 267.

Ободовскій, Платонъ, т. LXIII, 551.

Оболенская, княжна, въ зам. Михайловская, т. LXII, 170.

Оболенская, княжна, Наталя Петр. т. LXII, 170, 171.

Оболенскій, кн., Д. А., т. LXIV, 803, 804.

Оболенскій, кн., Евген. Петр., декабр., т. LXI, 294, 302, 306, 514, т. LXIII, 617—639, т. LXIV, 235.

Оболенскій, кн., Мих. Андреев., нач. арх. ми-ра иностр. дѣлъ, 1841 г., т. LXI, 251, 404, 405, т. LXII, 248, 249, 251, 253, 240, 767, т. LXIV, 215.

Оболенскій, князь, офицеръ, 1855 г., т. LXI, 560.

Оболенское, князя, т. LXII, 217.

Оболенское, т. LXII, 171.

Обольяниновъ, Петръ Хрисанф., ген.-прокур., т. LXI, 215, 216, 217, 218, т. LXIII, 221, 224, т. LXIV, 683, 673.

Облудцкій, восп. Двор. полка, т. LXII, 491.

Обресковъ, Никол. Вас., моск. гражд. губернат., 1812 г., т. LXIV, 54—60.

Обручевъ, Ник. Афан., офиц., 1823 г., т. LXIV, 310, 313, 315, 318.

Обручевъ, генер., 1877 г., т. LXIII, 201.

Обрѣжковъ, тайн. сов., 1823 г., т. LXII, 587, т. LXIII, 269, т. LXIV, 656, 667, 673, 697.

Обуховъ, П. П., дѣял. Вознесенск. мон. 1843 г., т. LXIV, 215.

Обуховъ, Фед. Вас., т. LXIII, 492.

Обуховы, т. LXIII, 194.

Овандеръ, Егоръ Яковл., офиц. 1824 г., т. LXIV, 319.

Овербемъ, художн., т. LXI, 152.

- Овсянниковъ, И. Н., чл. тверск. арх. ком., т. LXIV, 823.
- Овсянниковъ, Гавріиль, студ. казанск. унив., 1861 г., т. LXIII, 68.
- Огарева, Н. А., рожд. Тучкова, сообщ.: „Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Воспоминанія Н. А. Огаревой-Тучковой, т. LXI, 337—348“; „Татьяна Петровна Пассекъ“, т. LXIII, 187—189; уном.: т. LXI, 183, 185, 186, 188.
- Огарева, Марія Львовна, т. LXI, 336, 342, 343.
- Огарева, Елисавета, т. LXI, 188.
- Огаревъ, Никол. Платонов., писатель, т. LXI, 180, 182—190, 336, 338, 342, 343, 345, 346, 352, 354, 430, 524, 644, т. LXII, 134, 160, 383, 682, 724, т. LXIII, 110, 128, 162, 187, 210, 300, 386, 438, 446, 518, 646, 654.
- Огаревъ, Илья Ив., архангельск., губернат. 1834 г., т. LXIII, 293, 296 297.
- Огаревъ, генер. 1855 г., т. LXI, 97.
- Огаревъ, помѣщ. 1799 г., т. LXII, 562.
- Оглоблинъ, Н., архивистъ, т. LXI, 410.
- Огородниковъ, С. Ф., сообщ.: «Русскіе на Шпицбергенѣ въ 1747—1748 гг.» т. LXII, 703—706, уном. т. LXIV, 86.
- Одиноковъ, бывш. воспит. Гуляиск. школы, т. LXII, 33.
- Однцова, Феофосья Александр., рожд. Машеева, † 1862 г., т. LXIV, 289, 294, 295.
- Одницовъ, Алексѣй Алексѣев., ген.-отъ инф., р. 1803 г. † 1886 г., запiski, т. LXIV, 289—322, уном. 846.
- Одницовъ, Алексѣй Иван., кап.-лейт. 1823, † 1826 г., т. LXIV, 289, 294, 295.
- Одницовъ, Андр. Ив., т. LXIV, 299, 300.
- Одницовъ, Андр. Алексѣев., кап. † 1842 г. т. LXIV, 295, 297, 298, 299, 317.
- Одницовъ, Ив. Максимовичъ, ген.-маюр., т. LXIV, 293, 294.
- Одницовъ, Никол. Алексѣев., † 1875 г., т. LXIV, 295, 297, 317.
- Одоевскій, кн., Владим. Фёд., писатель, т. LXI, 323, 431, т. LXIII, 280, 709, т. LXIV, 114, 748.
- Озеровъ, трагикъ, т. LXIV, 815.
- Озеровъ, Серг. Петров., офиц. 1824 г., т. LXIV, 319.
- Озеровы, т. LXIV, 815.
- Ожудовъ, педагогъ, 1850 г., т. LXIV, 128.
- Олегъ, вел. князь, † 912 г., т. LXIV, 186, 187.
- Олеининъ, подполковн. 1842 г., т. LXIV, 52.
- Олешневичъ, свящ., т. LXII, 355, 356.
- Олшгеръ, Л., студ. казанск. унив. 1861 г., т. LXII, 104, 634, 635, 639, т. LXIII, 64—78.
- Олинъ, писат., т. LXI, 329, т. LXIII, 273.
- Олферьевъ, об.-секрет. синода, 1861 г., т. LXII, 629.
- Ольга, св., вел. княг., т. LXII, 501, 502.
- Ольга Николаевна, вел. княг., въ зам. корол. Виртембергская, род. 1822 г., т. LXI, 462, 465, 474, т. LXII, 55, т. LXIII, 246, т. LXIV, 99, 105, 739.
- Ольдековъ, цензоръ, 1841 г., т. LXIV, 106, 324.
- Ольденбургскій, принцъ, Петр. Георг., т. LXI, 653, т. LXIV, 115, 326, 708, 719, 733, 744, 755.
- Ольховскій, полковн., т. LXII, 664.
- Онацевичъ, польск. писат., т. LXII, 334.
- Онопrienko, Викт., бывш. воспит. Дворян. пол. выш. 1854 г., ген.-маюръ 1889 г., т. LXII, 264.
- Опочинина, Феофосья Юрьев., рожд. Ватюшкова, т. LXIV, 294.
- Оранскій, С. Н., директ. учил. Рязанск. губ. 1867 г., т. LXI, 274, т. LXII, 1.
- Орбелянцъ, кн., ген. 1856 г., т. LXI 493, 500—502, т. LXII, 371, т. LXIII, 391, 405, 410—412, т. LXIV, 388, 389, 395, 398, 400, 401, 404, 405.
- Орбелянцъ, кн., штабсъ-капит. 1859 г., т. LXIII, 90.
- Ординъ, К. Ф., т. LXII 480.
- Оренскъ, чиновн. 1800 г., т. LXIII, 218.
- Ореусъ, Ив. Яв., генер.-лейт. сообщ. „Графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ“, т. LXI, 479—506, т. LXII, 357—387, 641—660, т. LXIII, 81—109, 387—420, т. LXIV, 379—411, уномн. т. LXI, 478, LXIV, 643—725.
- Ореусъ, ротмистръ, 1849 г., т. LXI, 465, 473.

Оржицкий, т. LXI, 322.
 Орличъ, поруч. 1799 г., т. LXIII, 457.
 Орлай, коменд. гусарск. полка, 1848 г., т. LXI, 465.
 Орлова, г-жа, т. LXII, 10.
 Орлова, графиня, Анна Алексеевна, т. LXIII, 703, т. LXIV, 659.
 Орловъ-Чесмекиевъ, гр., Алексѣй Григ., ген.-анш. род. 1737, † 1808 г., т. LXI, 224, 225, 441, 520, т. LXIII, 491—501, т. LXIV, 659.
 Орловъ, гр., Григ. Григ., ген.-фельдм., р. 1734 † 1783 г., т. LXII, 262, т. LXIV, 252.
 Орловъ, гр., Фед. Григ., адмир. 1770 г., т. LXIII, 496, 497, 498, 501.
 Орловъ, кн., Никол. Алексѣев., рус. по-поль въ Франціи, т. LXI, 344, т. LXII, 486, т. LXIII, 643—644.
 Орловъ, гр. вполн. кн., Алексѣй Фед., шефъ жанд., † 1861 г., т. LXII, 40, 322, т. LXIII, 330, 626, 628, 629, 686, т. LXIV, 369, 881, 833.
 Орловъ, генер.-отъ-кавалеріи, 1800 г., т. LXIII, 224.
 Орловъ, офиц. 1870 г., т. LXII, 394.
 Орловъ, Пав., студ. каз. унив. 1861 г. т. LXIII, 433.
 Орловъ, Петръ, священникъ, † 1870 г., т. LXII, 10.
 Орловъ-Давыдовъ, гр., т. LXI, 379.
 Орловскій, чиновн. 1846 г., т. LXIV, 69, 73.
 Орловскій, полковн. 1812 г., т. LXIV, 52.
 Орловскій, Пав., 1855 г., т. LXI, 102.
 Осиповскій, профес. словесн. Варшавск. унив., т. LXIV, 304, 319.
 Осиповъ, студ. казанск. унив., т. LXII, 639.
 Османъ-паша, 1877 г., т. LXII, 141, 397, т. LXIV, 759, 760, 771.
 Осокинъ, проф. 1858 г., т. LXI, 573, т. LXII, 98.
 Осолдковский, гр., т. LXII, 330.
 Остенъ-Сакенъ, Дмитр. Ерофѣев., бар., вполн. гр., ген.-ад. 1855 г., т. LXI, 83, 91, 94, 109, т. LXII, 697, т. LXIII, 185.
 Остервальдъ, г-жа, т. LXI, 441.
 Остерманъ, Андрей Ив., кабин.-минист., † 1747 г., т. LXII, 257, т. LXIII, 133—136.

Остерманъ-Толстой, гр., 1835 г. LXII, 335, 352, 353.
 Остолоповъ, Н., пис., 1827 г., т. LXIII, 123.
 Островскій, Александръ Никол., писатель, р. 1823, † 1886 г., т. LXI, 199, 203, т. LXII, 223—225, 233, т. LXIII, 652, т. LXIV, 125, 127.
 Островскій, гр., презид. Варшавск. сената, 1815 г., т. LXII, 465.
 Остроградскій, академикъ профессоръ т. LXIII, 546.
 Остроумовъ, Іоаннъ, протоіер., 1838 г., т. LXI, 181, 182.
 Остриновъ, В. А., сообщ.: „Михаилъ Никифоровичъ Катковъ. Письмо его къ Я. Ив. Ростовцеву; 1859 г.“, т. LXI, 191—193; „Левъ Александровичъ Мей 1859 г.“, 194.
 Очевинъ, редакт. „Сиб. Вѣдом.“, т. LXIII, 281, 710, томъ LXIV, 728, 729, 735, 744, 755.
 Ошанинъ, Павл. Фед., т. LXII, 552, 570.
 Ошанины, т. LXII, 554, 555, 574, 575.

Павелъ I. т. LXI, 40, 48, 172, 209, 213, 213, 214, 215, 218, 220, 225, 226, 228, 229, 230, 438, 441, 442, 454, 455, т. LXII, 184, 191, 199, 200, 204, 207, 208, 211, 212, 214—216, 234, 542, т. LXIII, 213, 228, 457—458, 517, т. LXIV, 192, 310, т. LXIV, 650—722, 834.
Павелъ Александровичъ, вел. кн., т. LXII, 442, т. LXIII, 666.
Павлинновъ, докт. 1878 г., т. LXIV, 147.
Павлова, уч-ца сиб. рисов. школы 1862 г., т. LXIV, 459, 460, 467.
Павловъ, Никол. Филипов., писатель и публицистъ, т. LXI, 585—586.
Павловъ, Никол. Николаев., чл. редакціон. комм., р. 1821 г., † 1884 г., т. LXI, 665.
Павловъ, Платонъ Вас., профес. 1852 г., т. LXIV, 140.
Павловъ, ген.-лейт., 1855 г., т. LXI, 106, 107, 108.
Павловъ, офиц., 1825 г., т. LXI, 323.
Павловъ, чинов. 1836 г., т. LXIII, 540, 541.
Павловскій, Ив. Фр., сообщ. „Осень Максимовичъ Боянскій въ его дни“, 1849—1852 г. г., т. LXIV, 123—141

- Павловскій, 1855 г., т. LXI, 101.
 Павскій, Герасимъ Петр., докт. богосл., протоіерей, р. 1787 г., † 1863 г., т. LXI, 511, т. LXII, 112, 122.
 Пажскій, патриархъ александр., 1669 г., т. LXII, 453.
 Палаузовъ, Н. X., т. LXII, 152, 153.
 Палацкій, Фр., т. LXI, 234.
 Паленъ, гр., Петръ Алексѣев., сб. генер.-губернат., р. 1745 г., † 1826 г., т. LXIII, 212—216, 221, 224, т. LXIV, 50, 57.
 Паленъ, генер. 1770 г., т. LXIII, 498.
 Фовъ-доръ Паленъ, 4-й, гр., 1800 г., т. LXIII, 212.
 Паленбахъ, ген.-м. 1758 г., т. LXIII, 483.
 Пальмъ, т. LXIV, 539.
 Пальмбахъ, ген.-пор. 1762 г., т. LXIV, 12.
 Пальминъ, профес. 1826., т. LXI, 301, 302, 303, 310, 521, т. LXIII, 48, 49, 55, Панаевъ, Ив, Ив., писат., т. LXIII, 380,
 Панинъ, гр., Ввст. Никит., ин-ръ юстиціи., р. 1801 г., † 1874 г., т. LXI, 420, 664, т. LXIII, 629.
 Панинъ, генер.-поруч., т. LXII, 515.
 Панинъ, гр., помѣщ. 1812 г., т. LXIV, 36.
 Панинъ, гр., Петръ Ив., 1774 г., т. LXI, 579.
 Паникратевъ, офиц., 1870 г., т. LXII, 394.
 Паникратевъ, слушат. археолог. инст., т. LXIII, 208.
 Пановъ, Олимпій, болгаринъ., т. LXII, 137.
 Пановъ, издат. „Московск. Сборника“, т. LXI, 148, 152, 153.
 Пановъ, Никол., бывш. воспит. Дворян. пол. вып. 1855 г., т. LXII, 264.
 Пановъ, Дм., уч. сб. консерват. 1865 г., т. LXIV, 613.
 Пановъ, И. Дм., арт., т. LXIV, 562.
 Пановъ, 1799 г., LXIV, 28.
 Пановы, т. LXII, 569, т. LXIV, 24.
 Панфиловъ, адмир., т. LXII, 719.
 Паниотинъ, Всеволодъ, полковн., 1877 г., сообщ. „Къ воспоминаніямъ художника В. В. Верещагина. Бой при селеніи Хоскской“, т. LXI, 131—136, упом. 600—622, т. LXII, 414.
 Паниотинъ, ст.-секр., т. LXI, 62.
 Паниотинъ, офиц. 1812 г., т. LXIV, 286.
 Папшовъ, А. А., чл. славянск. общ. 1889 г. т. LXII, 778, 774.
 Паренцовъ, офиц. 1870 г., т. LXII, 397.
 Паршинскій, Игнатій, студ., казанск. унив. 1858 г., т. LX, 573, 574.
 Парротъ, академ., т. LXII, 129.
 Парчевскій, ген.-лейт. 1889 г., т. XII, 265, 270.
 Паскаль, тит. сов. 1800 г., т. LXIII, 218.
 Паскевичъ, Фед. Ив., гр. Эриванскій, вв. Варшавскій, т. LXI, 666.
 Паскевичъ, Ив. Фед., гр. Эриванскій вв. Варшавскій, ген.-фельдм. † 1856 г., т. LXI, 51, 463, 468, 474, т. LXII, 157, 352, 353, 587, т. LXIII, 150, 241, 246, 248, 260, 262, 273, т. LXIV, 132, 727.
 Пассежъ, Татьяна Петров., писат-ца, р. 1810 г., † 1889 г., сообщ. „Сорока воровка“, т. LXII, 59—82, упом. т. LXI, 338, т. LXII, 485—488, т. LXIII, 187—189, 643—646.
 Пассежъ, Елена Ерфижов., т. LXIII, 644.
 Пассежъ, Вадимъ Вас., писат. LXII, 240, 485, 486, т. LXIII, 188.
 Пассежъ, Видм. Вадимов., т. LXII, 486, 488, т. LXIII, 188, 644—646.
 Пассежъ, Александр. Вадимов., т. LXII, 486, 488.
 Пастуховъ, А. Н., т. LXIV, 243.
 Патермускій, архив., чл. орловск. арх. ком., т. LXIV, 818.
 Патрепьевъ, Васил., полковн. 1763 г., т. LXIV, 9.
 Пахманъ, профес. 1852 г., т. LXI, 562, 568, 570, т. LXIII, 434.
 Пашшовъ, И. А. сообщ.: «Татьяна Петровна Пассежъ въ 1868—1874 гг.», т. LXIII, 648—646.
 Пашшовъ, гвѣзецъ, т. LXII, 586
 Пашшовъ, помѣщикъ, 1779 г., т. LXII, 539, 540, 541, 542, 546, 551, 553.
 Пашковскій, т. LXIV, 362.
 Пешарскій, Петръ Петров., академикъ, † 1872 г., т. LXI, 405, т. LXIII, 216.
 Пеливанъ, рект. вил. университет. 1827 г., т. LXII, 336, 346.
 Пеливанъ, докт., 1853 г., т. LXIII, 160, 383.
 Пеливанъ, В., т. LXII, 607.
 фонъ Пфейферъ, А., т. LXIII, 666—668.

- Перекусихина, М. С., т. LXI, 222.
 Перепелицынъ, П. Д., сост. муз. словаря, т. LXI, 384, т. LXIV, 627, 630.
 Перетатковичъ, проф., т. LXIV, 821.
 Переть, подполковн., т. LXIII, 498.
 Перовъ, художн., т. LXII, 233.
 Перовскій, гр., А. А., т. LXI, 249.
 Перовскій, Васил. Алексѣев., оренб. губернат., т. LXI, 156, т. LXIII, 165, 637.
 Перовскій, Левъ Алексѣев., мн-ръ внутрен. дѣлъ, 1843 г., т. LXI, 249, 253—256, т. LXIII, 686, т. LXIV, 366, 367, 743, 745, 750, 751.
 Перицкій, Сильвестръ, сваш., 1848 г., т. LXII, 615.
 Перидеицкій, чиновн., 1824 г., т. LXIII, 361.
 Перешой, Мих. Степ., директ. 1-го кадкорп. 1817 г., т. LXIV, 302, 305, 308, 310, 315.
 Перфильевъ, казач., полковн. 1760 г., т. LXII, 524.
 Перфильевъ, офиц. 1761 г., т. LXIII, 474.
 Перфильевъ, 1855 г., т. LXI, 100.
 Песковъ, Никол., студ. казанск. унив. 1861 г., т. LXII, 629, 630, 639, т. LXIII, 64, 65, 70.
 Пестова, рожд. Волотова, т. LXIV, 277.
 Пестовъ, офиц. 1812 г., т. LXIV, 261, 275, 277, 278, 284.
 Петерсенъ, Пав. Леотьев., т. LXIII, 573.
 Петерсенъ, П. Л., проф. сбб. консерват. 1862 г., т. LXIV, 562.
 Петерсонъ, Г. П., врачъ, т. LXIV, 811.
 Петлинь, т. LXI, 588.
 Петръ I, т. LXI, 177, 178, 212, 226, 227, 232, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 410, 584, 660, т. LXII, 190, 205, 211, 212, 222, 231, 246, 250, 432, 462, 490 507—511, 673, т. LXIII, 134, 135, 239, 294, 296, 446, 699, 700, 704, т. LXIV, 219, 239, 257, 660, 814, 815, 822, 844.
 Петръ II, т. LXI, 244, т. LXIII, 135.
 Петръ III, Феодоровичъ, импер., р. 1728 г., † 1762 г., т. LXI, 225, т. LXII, 536, т. LXIII, 295, 486, т. LXIV, 13, 54, 191, 660.
 Петръ Могыла, митроп., киевск., томъ LXIV, 213.
 Петръ, св., митроп. т. LXIV, 46.
 Петрашевскій, см. Бугашевичъ-Петрашевскій.
 Петреско, делегатъ изъ Бухареста въ Царьщинѣ въ 1878 г., т. LXIV, 155.
 Петри, Э. Ю., профес., 1889 г., т. LXI, 653.
 Петрова, Анна Аннимова, рожд. Хастатова, т. LXI, 161.
 Петровъ, Авдр. Никол., генер., сообщ.: „Первые дни въ сожженной Москвѣ, сентябрь и октябрь 1812 года. Письмо кн. А. А. Шаховскаго, 1836 г., къ А. И. Михайловскому-Данилевскому“, т. LXIV, 31—65.
 Петровъ, Пав. Яковлев., профес. 1852 г., † 1875 г., т. LXIV, 133.
 Петровъ, профес., 1828 г., т. LXIII, 127.
 Петровъ, бывш. воспит. Дворян. пол. вын. 1850 г., т. LXII, 264.
 Петровъ, Ник. П., бывш. воспит. Дворян. пол. вын. 1855 г., т. LXII, 263, 264.
 Петровъ, Авдр. Николаев., ген.-м. 1889 г., т. LXIV, 496.
 Петровъ, О. А., арт.-пѣвецъ, т. LXIV, 542.
 Петровъ, генер., т. LXIII, 255.
 Петровъ, 1855 г., т. LXI, 101.
 Петровъ, студ. казанск. унив., 1861 г., т. LXII, 639, т. LXIII, 64, 65, 70.
 Петровскій, преподав. Рихельев. лицея, т. LXI, 246.
 Петровскій, А. С., † 1882 г., т. LXIV, 230.
 Петровскій, В. И., чиновн., т. LXI, 234.
 Петровскій, надв. сов., 1846 г., т. LXIV, 68—71, 74, 75.
 Петрушевичъ, генер. 1877, т. LXI, 591, т. LXII, 428, т. LXIV, 293.
 Печенинъ, офиц. 1839 г., т. LXII, 46, 47.
 Печерникъ, студ. сбб. унив. 1830 г., впоследствии ученый, писатель, иезуитъ, т. LXIII, 51, 58, 265, 268, 287, 363, 531, 546, 547, 555, т. LXIV, 332.
 Пещуровъ, 1796 г., т. LXI, 226.
 Пигаревъ, Конст., т. LXII, 33.
 Пиванъ, 1855 г., т. LXI, 101.
 Пивель, И. Х., арт., т. LXIV, 558, 564.
 Пивинъ, педагогъ, т. LXII, 10.

- Щельховскій, Игнат., воспит. вид. семинар., т. LXII, 329.
- Щимонъ, архимандр., настоят. Николо-Угрѣшскаго монаст., т. LXIV, 373, 374.
- Щименовъ, судья, 1779 г., т. LXII, 547, 549, 557, 560, 562.
- Щименовъ, Н. С., профес.-скульпт., т. LXI, 398.
- Щинскій, т. LXI, 382.
- Щироховъ, Никл. Ив., хирург., профес., род. 1810 г., † 1881 г., т. LXI, 78, 79, 86, 87, 90, 100, т. LXII, 224, 234, 277, 662, т. LXIV, 579.
- Щисаревъ, Дм. Ив., писат., т. LXI, 639, т. LXII, 271, 480, 481, 753.
- Щисаревъ, Александр. Ив., р. 1803 г., † 1828 г., т. LXI, 384.
- Щисаревъ, оловонец. губернат., т. LXIV, 130, 131.
- Щисаревъ, т. LXIII, 603.
- Щисаревскій, Никол. Григ., бывш. воспит. Дворян. пол. вып. 1841 г., генер., т. LXII, 263, 264.
- Щисемскій, Алексѣй Феофилакт., писат., т. LXII, 233, т. LXIV, 335—360.
- Щисаревъ, П. И., т. LXIV, 809.
- Щунова, актриса 1858 г., т. LXI, 575.
- Щавильщикоуъ, В. А., т. LXII, 185, 186.
- Щаменецъ, кап. 1767 г., т. LXIII, 493.
- Щатовъ, гр., Матв. Ив., наказн. атам. войска донск. 1799 г., т. LXII, 206, т. LXIV, 704, 707.
- Щапишиновъ, студ. казанск. унив. 1851 г., т. LXIII 77.
- Щатовъ (Петръ Левшинъ), митроп. Московскій съ 1787 по 1794 г., р. 1737 г., † 1812 г., т. LXIV, 46, 182, 214, 672, 710.
- Щатовъ, митропол. Кіевскій, т. LXII, 152, 729, 730.
- Щатовъ, С. Ф., магистръ русск. истор. 1889 г., т. LXI, 409, 410.
- Щетневъ, Петръ Александр., акад.-писат., † 1864 г., т. LXI, 157, 158, 249, т. LXII, 735, 736, 739, т. LXIII, 39, 40, 43, 47—52, 56, 280, 283, 286, 288, 366, 380, 384, 522, 535, 546, 548, 548, 551, 553, 709, т. LXIV, 117, 732, 734, 748, 750, 753, 823.
- Щетневъ, В. А., чл. тверск. арх. ком., т. LXIV, 809, 814.
- Щетневъ, В. П., 1812 г., т. LXIV, 51.
- Щехановъ, полковникъ 1877 г., томъ LIX, 144.
- Щещевъ, 1796 г., т. LXIV, 680.
- Щетниковъ, Влад., студ. каз. универс. 1861 г., т. LXIII, 427.
- Щѣшновъ, подпоруч. 1862 г., т. LXIV, 78—80, 85.
- Щюсковъ, Илья, ген.-аудиторъ 1763 г., т. LXIV, 9.
- Щюшаръ, издатель, т. LXIII, 539, 543, 545, т. LXIV, 103, 104.
- Щѣдоносцевъ, К. П., об.-прокур. св. синода, чл. госуд. совѣта, д. тайн. сов., т. LXII, 505, т. LXIII, 695.
- Щѣвандецъ, бывш. воспит. Констант. воен. учил., т. LXII, 271.
- Щвалишинъ, А. Д., чл. раз. арх. ком., т. LXIV, 809, 823.
- Щвалко-Швейковскій, генер. отъ инф. 1800 г., т. LXIII, 214.
- Щвалко-Швейковскій, помѣщикъ, томъ LXIV, 415.
- Щоганато, г-жа, т. LXIII, 41.
- Щогодина, Софья Ив., сообщ.: „Святѣйшій князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ“, т. LXIII, 137—158.
- Щогодина, Анна Петр., т. LXII, 511.
- Щогодинъ, Мих. Петр., акад., р. 1800 г., † 1875 г., т. LXI, 149, 150, 151, 155, 233, 251, 431, 635, т. LXII, 35, 39, 238, 237, 238, 242, 252, 472, 511, т. LXIII, 48, 137, 158, 163, 165, 172, 278, 381—384, 529, 708, т. LXIV, 126, 127, 201, 202, 215, 331.
- Щогодинъ, А. Д., сообщ. замѣтку: „Домъ М. П. Щогодина въ Москвѣ“, т. LXII, 511, упом. т. LXI, 431.
- Щогодинъ, П. Д., т. LXI, 431.
- Щогодинъ, Ив. Мих., т. LXII, 511.
- Щогодинъ, Вас. Вас., т. LXIII, 351, 361.
- Щогореднѣй, врачъ, 1851 г., т. LXIV, 133, 134.
- Щодыкоуцкій, т. LXI, 661.
- Щодолинскій, Андр. Ив., писат., томъ LXI, 252, т. LXIII, 123.
- Щожалостинъ, Ив. Петр., граверь, адъювьт-проф. 1877 г., т. LXI, 53, томъ т. LXII, 233.

- Пожарский, кн., Д. М., т. LXIV, 35, 51, 238.
- Пожарский, кн., т. LXIII, 295.
- Повдьянова, см. Фодотова.
- Повдьяновъ, т. LXIV, 47.
- Повенъ, Мих. Павл., чл. редакц. комм., р. 1798 г., † 1871 г., т. LXI, 661, 664, т. LXIII, 629.
- Повенъ, т. LXIV, 734, 735, 752, 755.
- Повернъ, студ. казанск. унив. 1858 г., т. LXI, 572.
- Повнякова, г-жа, т. LXIV, 518.
- Повнякъ, правит. канц. попечит. сб. учебн. окр. 1828 г., т. LXII, 590.
- Покровский, Н. В., проф. 1889 г., томъ LXI, 197, т. LXIII, 205—207, 209.
- Полевой, Никол. Алексеев., писатель, р. 1796 г., † 1846 г., т. LXI, 155, 320, 411, т. LXII, 297—299, томъ LXIII, 27, 28, 278—282, 532, 557, т. LXIV, 104, 113—119, 129, 333, 727, 729, 742, 743, 846.
- Полевой, Влад. Ник., т. LXIV, 846.
- Полевой, П. Н., т. LXI, 637.
- Полевой, Никол., ротмистръ 1845 г., т. LXIV, 367.
- Полевой, Никтополеовъ, т. LXIV, 367, 846.
- Поляжковъ, 1855 г., т. LXI, 103.
- Поливановъ, Левъ Ив., сообщ.: Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ въ 1831—1832 гг., т. LXI, 159—164; „Письмо Лермонтова въ М. А. Шанъ-Гирей“, 165—166.
- Поливарповъ, Фед., студ. казанск. унив. 1852 г., т. LXI, 568, 569.
- Поликовский, Влади., студ. каз. унив. 1861 г., т. LXIII, 433.
- Полисадовъ, протоіерей, проф., 1870 г., т. LXI, 397, т. LXII, 481.
- Полишво, ген.-м., 1843 г., т. LXII, 661.
- Половцевъ, А. В., канд. сб. унив., слух. археолог. инст. 1888 г., томъ LXIII, 207, 203.
- Полонский, команд. Рязанск. карабин. полка 1761 г., т. LXIII, 489.
- Полонский, Я. П., писатель, сообщ.: „Гумбольдтъ въ Сибири въ 1829 г.“, т. LXIV, 412, ун. 504.
- Полтавцева, въ зам. Жеребцова, томъ LXIV, 547.
- Полторацкий, Серг. Дм., т. LXII, 231.
- Полуденский, М., т. LXI, 406.
- Поль, Авдр. Ив., докт., т. LXIII, 139.
- Полъновъ, Д. В., студ. сб. универс. 1829 г., внос. акад., томъ LXII, 119, 120, 129, 130, 254—583, т. LXIII, 29, 30, 36, 38, 41, 51, 269, 542, 544, 547, т. LXIV, 107.
- Полъновъ, В. Д., художн., т. LXII, 234.
- Полъновъ, т. LXI, 511, 512, 521, 533.
- Полъновы, т. LXII, 119, т. LXIII, 30.
- Полъновский, студ. казанск. унив. 1856 г., т. LXI, 560.
- Пономаревъ, С., библиогр., т. LXI, 585.
- Пономаревъ, П. И., сахарн. заводч., т. LXI, 377, 378.
- Пономаревъ, П. И., † 1887 г., томъ LXI, 378.
- Попова, Ольга Висидьев., рожд. Петровская, вдова генерала, т. LXII, 476.
- Поповъ, майоръ 1877 г., т. LXII, 448.
- Поповъ, Авдр. Навят., т. LXIV, 123, 124, 132, 216.
- Поповъ, Авдр. Александр., адм., томъ LXII, 167.
- Поповъ, Петръ, † 1832 г., т. LXIII, 57, 58, 59, 269, 285.
- Поповъ, кандид. москов. унив. 1846 г., т. LXI, 154.
- Поповъ, тайн. сов. 1806 г., т. LXI, 2.
- Поповъ А., помощн. инспект. ряз. дук. семин. 1888 г., т. LXII, 32.
- Поповъ, Александр. Никол., чл. редакціи комм., † 1877 г., тайн. сов., писателъ т. LXI, 20, 685, т. LXIV, 643, 644, 726.
- Поповъ, Н. А., профес. 1888 г., т. LXII, 237, 252, т. LXIV, 811, 813.
- Поповъ, Ник., рев.-м., т. LXII, 476.
- Поповъ, А. П., профес. архитект., томъ LXII, 229.
- Поповъ, А. Я., чл. ряз. арх. ком. т. LXIV, 812, 823.
- Поповъ, 1855 г., т. LXI, 104.
- Поповъ, содержат. москов. университет. типогр. 1799 г., т. LXII, 554.
- Поповъ, Влади., студ. казанск. унив. 1858 г., т. LXI, 576.

- Поповъ, студ. слб. унив. 1833 г., томъ LXIII, 269.
 Поповы, т. LXIII, 832.
 Пороховщиковъ, директ. Сибирск. кад. корп., т. LXII, 265.
 Порошинъ, уч. слб. консерват. 1865 г., т. LXIV, 593, 613.
 Порошинъ, Семень, т. LXI, 432.
 Порошинъ, студ. 1834 г., вносл. профес., т. LXIII, 531, т. LXIV, 105, 115.
 Португаловъ, В. О., т. LXIII, 323.
 Поспѣловъ, Ив., т. LXIII, 449.
 Постельниковъ, оставл. корн 1812 г., т. LXIV, 34.
 Постельскъ, адъюнктъ-профес. слб. унив., 1835 г., т. LXIII, 521, 536.
 Потанчиковъ, артистъ москов. театр. 1840-хъ гг., т. LXI, 200.
 Потаповъ, Александръ Львов., ген. адъют., т. LXII, 170, т. LXIV, 98.
 Потаповъ, Устинъ Сергѣев., слб. губернат. 1780 г., т. LXIII, 449.
 Потемкинъ - Таврическій, кн., Григ. Александр., ген.-фельдм., р. 1738 г. † 1791 г., т. LXI, 298, 255, 445, 447, т. LXII, 210, 273, т. LXIII, 503—514.
 Потемкинъ, Пав. Серг. ген.-губернат. кавказскій, т. LXI, 211, 212.
 Поторочинъ, купецъ 1846 г., т. LXIV, 73.
 Потоцкій, гр. С., перв. полечит. харьковск. учебн. окр., т. LXI, 247.
 Потоцкій, гр., Л. С., т. LXI, 247.
 Потоцкій, гр., Артуръ, т. LXIII, 15.
 Потѣхинъ, Алексѣй Антипов., писат., т. LXII, 35, 36, 233.
 Потѣхинъ, бывш. воспит. археолог. инст. т. LXIII, 209.
 Похвисневъ, М. Н., т. LXII, 228.
 Похвисневъ, Никол. Ив., т. LXI, 584.
 Поццо-ди-Ворго, гр., полковн., 1824 г., т. LXIV, 376.
 Прасловья Федоровна (Салтыкова), царна, р. 1664 г., † 1723 г., т. LXI, 239, 240, 243, т. LXII, 509, т. LXIII, 215.
 Праховъ, А. В., профес., т. LXII, 226.
 Предстенингъ, студ. казанск. унив. 1861 г., т. LXII, 629, 630.
 Прево, т. LXIV, 321.
 Премалди, художн. 1862 г., т. LXIV, 453.
 Прендель, майоръ 1812 г., т. LXIV, 37.
 Преображенскій, П. Я., т. LXI, 653.
 Преображенскій, ген.-м. 1862 г., томъ LXIV, 403.
 Пржевальскій, Владим. Мих., т. XLIV 414, 416—419, 423, 425.
 Пржевальскій, Евг. Мих., т. LXIV, 417.
 Пржевальскій, Мих. Бузыничъ, † 1846 г., т. LXIV, 413, 416.
 Пржевальскій, Никол. Мих., ген.-м., путеш.-исслѣдоват. Азия, р. 1839 г., † 1888 г., т. LXII, 482, 484, т. LXIII, 651, т. LXIV, 418—448, 837.
 Прозоровскій, кн., москов. ген.-губ., 1790 г., т. LXIV, 679, 680.
 Прозоровскій, Д. И., проф. археолог. инст. 1869 г., т. LXIII, 205, 206.
 Прозоровскій, кн., полковн. 1761 г., томъ LXIII, 488, 489.
 Прозоровскій, кн., т. LXIII, 471.
 Прокоповичъ-Антонскій, секрет. слб. консерват., т. LXIV, 594.
 Прокоповичъ, Н. Я., учитель 1847 г., LXI, 145, 146, т. LXIII, 527.
 Прокофьевъ, Наумъ, т. LXI, 57.
 Прохченко, аудиторъ 1846 г., т. LXIV, 75—77.
 Проскурамовъ, ген. 1855 г., т. LXI, 97.
 Протасевичъ, помѣщикъ 1848 г., томъ LXII, 619.
 Протасовъ, гр., Никол. Александр., об.-прокур. св. синода, т. LXI, 238, томъ LXII, 314, 318—322, 355, 603, 604, томъ LXIII, 156, 531, т. LXIV, 734, 797, 803.
 Протопоповъ, студ. казанск. университет. 1861 г., т. LXII, 629, 630.
 Протопоповъ, чиновн. мн-ва финанс., т. LXIII, 310.
 Прохоровъ, фабрикантъ 1852 г., томъ LXIV, 134.
 Проценко, ген., т. LXII, 265.
 Пругавинъ, А. С., писатель, т. LXIII, 640.
 Прудильщиковъ, т. LXIII, 357.
 Прудишниковъ, художн., т. LXII, 233.
 Прудишниковъ, генер. 1839 г., томъ LXII, 57.
 Пташицкій, С. Л., архивистъ, писат., т. LXI, 410, 411.

Пугачевъ, Емельянъ Ив., † 1774 г., томъ LXI, 137, 210, т. LXII, 544, т. LXIII, 696, т. LXIV, 42, 813.

Пузыки, Иосифъ Игнатьев., офиц. 1824 года, т. LXIV, 319.

Пузыревскій, И. А., писатель, томъ LXI, 200.

Де-Пуле, Мих. Фед., писат., т. LXI, 639.

Пуни, артистъ, т. LXIV, 593, 613.

Пупковъ, подполк., т. LXII, 664, 665.

Пургазовъ, Степ., 1796 г., т. LXIV, 27, 29.

Пурткеловъ, полковн., квартирмейстеръ, 1761 г., т. LXIII, 473.

Пустошвина, Александра, т. LXIV, 307.

Пустошнинъ, адм. 1817 г., т. LXIV, 306.

Пустошнинъ, Александр., бывш. воспит. Дворянскаго полка вып. 1845 г., томъ LXII, 264.

Путята, Г. А., ген.-ад. 1858 г., томъ LXIII, 627, 628.

Путята, Александр., бывш. воспит. Двор. вып. 1847 г., т. LXII, 263, 264.

Путятинъ, вв., бригадиръ 1762 г., томъ LXIV, 16.

Путятинъ, вв., П. А., сообщ.: «Автографы изъ собранія вв. П. А. Путятина», т. LXI, 172, «Русскіе достопамятные люди въ ихъ письмахъ», 577—584; «Александръ Никитичъ Сеславинъ», т. LXIV, 827—829.

Путятинъ, вв., поруч. 1786 г., т. LXI, 172.

Путятинъ, гр., мн-ръ народа. просьв., 1861 г., т. LXII, 630, 632.

Пушиловъ, Конст., скрипачъ, т. LXIV, 562, 613.

Пушкина, жена офицера 1712 г., томъ LXIV, 267.

Пушкинъ, Александр., Сергѣев., писатель, р. 1798, † 1837 г., т. LXI, 137—140, 143, 157, 162, 391, 405, 416, 431, 585, 636, 642, т. LXII, 114, 115, 123—127, 231, 234, 243, 245, 506, 736, т. LXIII, 47, 48, 51, 52, 115, 116, 123, 280—286, 380, 535—539, 549—555, 647, 649, 709, 710, LXIV, 116, 123, 134, 214, 373, 377, 422, 507, 577, 728, 746.

Пушкинъ, ген.-м., шефъ драгунск. пол. 1800 г., т. LXIII, 217.

Пушкинъ, Петр. Никол., полковн. 1812 г., т. LXIV, 261, 273, 275, 277, 278, 281, 282, 284—287.

Пушкинъ, Левъ Серг., т. LXI, 247.

Пушкинъ, Адрианъ, заточен. въ Соколовъ монаст. 1867 г., † 1882 г., т. LXIII, 640—642.

Пуштина, Эмилія Антонов., бывш. инт. патриотич. вѣст. въ Сиб., †, т. LXIV, 316.

Пуштинъ, Н. Никт., комед. Дворянска. пол., т. LXII, 491, 492, 493, LXIV, 316, 318.

Пуштинъ, Ив. Ив., декабр., т. LXIII, 320, т. LXIV, 235.

Пуфль, ген.-лейт., т. LXIV, 668.

Пыльцовъ, юнкеръ 1864 г., т. LXIV, 443.

Пыпинъ, Александр. Никол., писат. и ученый, сообщ.: «Николай Григорьевичъ Чернышевскій», т. LXIV, 830, упом. т. LXI, 405, т. LXII, 335, томъ LXIII, 306, 307, т. LXIV, 499.

Пшеничный, чиновн., т. LXII, 219.

Пятковъ, т. LXIII, 352.

Р—въ, Б. К., стихотв. его, т. LXIV, 503—512.

Рагозинниковъ, Я., т. LXIV, 243.

Радекъ, баронес., т. LXIV, 542.

Радекъ, ротмистръ 1849 г., т. LXI, 465, т. LXIII, 247.

Радецкий, Фед. Фед., генер. 1877 г., т. LXI, 627, 628, т. LXII, 416, 417, 420, 421—430, 433, 434, 435, 438, 440, 449, 450, т. LXIII, 198, т. LXIV, 476, 477.

Радванко, П. Г., т. LXI, 252.

Радищевъ, А. Н., т. LXI, 404.

Раевскій, Н. Н., генер., т. LXI, 317 т. LXIV, 583.

Раевскій, Мих. Фед., бывш. священ. при русск. пос. въ Вѣнѣ, т. LXIII, 645.

Раевскій, 1771 г., т. LXII, 263.

Раевскій, Васил. Семен., т. LXII, 566.

Раевскій, Евгр. Яковл., пошѣц. 1799 г. т. LXII, 564, 565, 575.

Разводовой, гр., ген.-лейт., комед. Варшавы 1882 г., т. LXIV, 292, 293

- Разникъ, Алексѣй Егоров., писат.-педагогъ, т. LXI, 182.
- Разумовскій, гр., фельдмарш. 1783 г., т. LXI, 441.
- Разумовскій, гр., Алексѣй Кирил., мнн. вар. проsv., р. 1748, † 1822 г., т. LXII, 460, 461, 465, т. LXIV, 200, 653.
- Разумовскій, Николаѣй, священ. 1870 г., т. LXI, 375.
- Разумовскій, гр., Петръ, т. LXI, 440.
- Разумовскій, гр., т. LXII, 471.
- Разумовскій, гр., т. LXIV, 138.
- Ранчъ, изд. «Галатен», т. LXIV, 607.
- Райтъ, художн. 1837 г., т. LXII, 245.
- Рамазановъ, Никол. Александр., художн. т. LXIII, 42.
- Растопчина, графиня, Евдокія Петровна, рожд. Сушкова, писательница, † 1858 г., т. LXIV, 126.
- Растопчина, графиня, рожд. княжн. Гагарина, т. LXIV, 59, 61, 62, 63.
- Ратъмовъ, 1796 г., т. LXI, 225, 228, 230.
- Рахманова, г-жа, т. LXII, 171.
- Рахмановъ, генер. 1812 г., т. LXIV, 275.
- Рахмановы, т. LXIII, 152.
- Рашевскій, И. Ѡ., педагогъ, т. LXI, 270, 274, 288, т. LXII, 12, 18.
- Радъ, генер., † 1856 г., т. LXI, 97, т. LXII, 58.
- Рабиндеръ, вице-директ. деп. иностр. исповѣд. 1842 г., т. LXIV, 735.
- Равельштейнъ, докт., т. LXII, 686
- Регенфельдъ, Валкс. поттмейст. 1800 г., т. LXIII, 218.
- Реймеръ, Яковъ, авад., † 1877 г., т. LXII, 247, 250.
- Рейнгардъ, т. LXI, 388.
- Рейсхъ, попечит. рисов. школы въ Сб., LXIV, 452, 453, 743.
- Рейтеръ, Христоф. Роман., ген.-лейт., † 1833 г., т. LXI, 416.
- Рейтеръ, Мих. Христофор., бывш. мннстръ финанс., ст.-секрет. чл. госуд. сов. 1889 г., р. 1820 г., т. LXI, 415—429, 666, т. LXII, 767, 769.
- Рейтлингеръ, докт. 1878 г., т. LXIV, 153.
- Рейхель, Я. Я., капитанъ 1842 г., т. LXI, 234.
- Реманъ, докт. 1831 г., т. LXIII, 46.
- Ремезовъ, Ив. Сократ., помощн. статсъ-секретаря, д. ст. сов., писатель, т. LXI, 637.
- Ренетто, профес. слб. консерват. 1862 г., т. LXIV, 562, 613.
- Ренинъ, ген.-отъ-кавал. 1800 г., т. LXIII, 217.
- Ренинъ, вл., 1770 г., т. LXIII, 510, 511, 512.
- Рербергъ, генер. 1841 г., т. LXIII, 331.
- Ретвичъ, ст. сов. 1846 г., т. LXIV, 68, 72.
- Ревъръ, прапорщ. 1762 г., т. LXIV, 19.
- Ржевскій, А. П., предсѣд. земск. управы, (Ряз. губ.), съ 1873 по 1878 г., т. LXI, 275, т. LXII, 22.
- Ржевусскій, польск. генералъ 1789 г., т. LXI, 450.
- Ржевущкій, Генрихъ, гр., польск. писатель, т. LXIV, 132.
- Рижачевскій, русск. резидентъ въ Данцигъ 1761 г., т. LXIII, 479, т. LXIV, 16, 17.
- де-Рибасъ, Иосифъ, ген., 1789 г., т. LXII, 185, т. LXIII, 220, 648, 649, т. LXIV, 57.
- Рибоньеръ, камерг. 1806 г., т. LXI, 2.
- Ридевель, баронъ, генералъ 1761 г., т. LXIII, 466.
- Ридягеръ, генер. 1849 г., т. LXI, 472, 477, 478, т. LXIII, 10.
- Ривордъ, Петръ Ив., адмир., т. LXIII, 177—182.
- Рингеръ, т. LXIV, 375.
- Риссъ, книгопродав. 1812 г., LXIV, 49.
- Ритчеръ, Едуардъ, бывш. воспит. Дворян. пол. вып. 1851 г., полковникъ, полицмейст. въ Слб., т. LXII, 264.
- Рихтеръ, генералъ-лейтен., 1823 г., т. LXIV, 314.
- Рихтеръ, Ѡед. Егор., прапорщ., 1824 г., т. LXIV, 318.
- Рихтеръ, полковн. 1857, нынѣ ген.-ад. и начальн. главн. квартирн Е. И. В., т. LXII, 369, 370, 382.
- Ришелье, герцогъ, основат. Одессы, т. LXIII, 648.
- Ровинскій, Д. А., сенат., т. LXIV, 202.
- Ровинскій, т. LXIII, 112.
- Роговъ, профес. 1831 г., т. LXIII, 47.
- Роговичъ, чл. губ. магистрата Слб. губ. 1890 г., т. LXIII, 450.

- Родякино, г-жа, т. LXIV, 747.
 Родякино, П. Г., т. LXI, 252.
 Родышевская, Анна Сергѣев., въ зам.
 Бухарева, т. LXI, 374.
 Родышевскій, помѣщикъ, т. LXI, 374.
 Рождественскій, мецц. инспект. Сева-
 стоп. порта, 1854 г., т. LXI, 79.
 Рождественскій, свящ., т. LXII, 492.
 Рождественскій, бывш. студ. Спб. унв.,
 т. LXIV, 105.
 Рожницкій, полк. 1840 г., т. LXIII, 559.
 Рожновъ, Спб. ген.-губернат. 1828 г.,
 т. LXII, 592.
 Романовъ, М. Г., т. LXIV, 809.
 Романовъ, Александръ Ив., протоіерей,
 сообщ.: „Николай Гавриловичъ Черны-
 шевскій“, т. LXIV, 499—502, улом. 830.
 Ровень, полковн. 1770 г., т. LXIII, 506.
 Ровень, бар., ген.-м. 1859 г., т. LXIII,
 95, 96, 107, 243.
 Ровень, бар., писатель, т. LXIII, 47,
 48, 274, 551, 557.
 Ровенбергъ, майоръ, 1767 г., т. LXIII,
 493, 502.
 Розенгеймъ, Мих. Павл., писатель, р.
 1820, † 1887 г., т. LXIV, 301.
 Розенкампфъ, бар., предсѣд. бывш.
 комис. составл. законовъ, т. LXII, 594.
 Розинъ, кандид. спб. духовн. акад.
 1889 г., т. LXIII, 208.
 Розовъ, тн. сов., управл. мецц. департ.
 1878 г., т. LXIV, 148.
 Роллеръ, декорат., т. LXIV, 544.
 Романовскій, Дм., гевен., т. LXIII, 256.
 Романовскій, Петръ Карпов., прапорщ.,
 1823 г., т. LXIV, 318.
 Романюкъ, А. Б., чл. таврич. арх. ком.,
 т. LXIV, 810, 818.
 Ромашевичъ, т. LXIII, 54.
 Ромбергъ, віолончельств., род. 1767 г.,
 † 1841 г., т. LXII, 244.
 Ромеръ, Фекла, въ замужествѣ Шуттъ,
 т. LXIII, 13.
 Ромшиновскій, бывш. воспит. Констант.
 воен. учил., т. LXII, 271.
 Ронетръ, И. П., архит., т. LXI, 399.
 Рославскій, адъют., т. LXIV, 275.
 Росси, гр-ня, т. LXIV, 326.
 Рословъ, студ. казанск. унв. 1854 г.,
 т. LXI, 569, т. LXII, 95.
 Россетъ, т. LXI, 153.
 Россетъ, нажъ 1828 г., т. LXII, 588.
 Ростковский, Ф., докторъ 1889 года,
 т. LXII, 263.
 Ростовиковъ, Францъ, унт.-офиц. 1862 г.,
 т. LXIV, 78, 80, 81, 83, 84, 85, 86.
 Ростовцевъ, графъ, Іаковъ Иван., ген-
 ад., перв. предсѣд. ред. ком., р. 1803 г.,
 † 1860 г., т. LXI, 191—193, 194, 295,
 298, 302, 304, 308, 513, 514, 661, 664,
 т. LXII, 123, 221, 578, 582, 594, 595,
 761, т. LXIII, 533, 547, 548, 617—639.
 Ростовцевъ, Я. А., т. LXI, 406.
 Ростовцевъ, гр., Н. Я., т. LXI, 659.
 Ростовцевъ, Алексдр. Ив., т. LXII, 595.
 Ростовичинъ, гр. Андр. Фед., т. LXIV, 643.
 Ростовичинъ, гр., Фед. Вас., об.-камерт,
 ген.-инф., моск. главноком. 1812 г.,
 р. 1765 г., † 1826 г., т. LXI, 40, 216,
 217, 436, 437. т. LXIV, 31, 49, 53—59,
 191, 192, его Записки о 1812 г., 643—
 725, 827.
 Рубецъ, А. И., проф. спб. консерват.
 1867 г., т. LXIV, 562, 590, 613, 622.
 Рубинки, пѣвецъ, † 1859 г., т. LXII,
 245, т. LXIV, 526 749, 753.
 Рубинштейнъ, Антонъ Григ., директ.
 спб. консерваторіи, пѣвннствъ и эконо-
 мизаторъ, т. LXI, 393, т. LXII, 244, 245,
 т. LXIV, 513—642.
 Рубинштейнъ, Камерія Христоф., рожд.
 Левенштейнъ, т. LXIV, 517, 583,
 581, 607.
 Рубинштейнъ, Любовь Григ., въ зам.
 Вейнбергъ, т. LXIV, 518, 527, 529,
 581, 583.
 Рубинштейнъ, Софья Григ., т. LXIV,
 518, 581, 583.
 Рубинштейнъ, В. А., см. Чукуанова.
 Рубинштейнъ, Григ. Романов., купецъ
 2-й гильдіи, † 1846 г., т. LXIV, 518,
 529, 579, 580, 581, 607, 635.
 Рубинштейнъ, Конст. Романов., студ.
 моск. м.-х. акад. 1839 г., т. LXIV, 579.
 Рубинштейнъ, Ник. Григ., † 1881 г.,
 директ. моск. консерват., т. LXII, 244

- т. LXIV, 518, 527—529, 561, 567, 568, 584, 586, 607—609, 615, 617, 620.
- Рубинштейнъ, Ник. Григ., т. LXIV, 518.
- Рубинштейнъ, Эмман. Романов., студ. м.-х. академ. въ Москвѣ въ 1839 г., т. LXIV, 579.
- Рубинштейнъ, Як. Ант., т. LXIV, 585, 846.
- Рубинштейнъ, Яковъ Григ., докторъ, † 1863 г., т. LXIV, 518, 580, 582.
- Рудановскій, ген.-майоръ 1857 года, т. LXII, 373.
- Рудановскій, Конст., бывш. восп. Двор. полка вып. 1869 г., ген., т. LXII, 263.
- Рушицкий, Карлъ, ген. польск. службы, т. LXIII, 10, 576.
- Рушицкий, Самуилъ, ген. польск. службы 1830 г., т. LXIII, 9, 11, 12.
- Рудевъ, Ив. Алексѣев., т. LXIII, 690.
- Рудье, проф. моск. унив., т. LXIV, 137, 139.
- Румянцевъ, Алексдр. Иван., т. LXI, 243.
- Румянцевъ, В. Е., вице-презид. моск. археол. общ., т. LXIII, 684.
- Румянцевъ, гр., Никол. Петров., госуд. канцл., р. 1754 г., † 1826 г., т. LXI, 431, 435—458, т. LXII, 222, 230, 332, 335, 607, 608 т. LXIV, 652, 653.
- Румянцевъ, гр., Петръ Алексдр., 1763 г., т. LXIII, 459, 460—462, 464, 467, 471, 480—514.
- Румянцевъ-Задунайскій, гр., Петръ Алексдр., фельдмарш., т. LXI, 435, 450, т. LXII, 515.
- Румянцевъ, гр., Сергій Петр., послан. въ Берлинъ 1785 — 1788 гг., въ Стокгольмъ 1793 — 1795 г., р. 1755 г., † 1838 г., т. LXI, 6, 435—458, т. LXIV, 653.
- Румичъ, Дм. Павл., попечит. сб. учебн. округа, т. LXI, 326, т. LXII, 335, т. LXIII, 33.
- Румичъ, правит. канц. моск. главноком. 1812 г., т. LXIV, 59, 658, 711.
- Рыбасовъ, Ив. Осип., артистъ, т. LXIV, 562, 590.
- Рыбкинъ, Никол. Андреев., бывш. нач. Терск. казачьяго войска, р. 1842 г., † 1889 г., т. LXII, 265, 272.
- Рыбкинъ, П. Н., т. LXIII, 670.
- Рыжикова, Н. В., артистка, т. LXI, 200.
- Рыжачевъ, чл. сб. физич. обсерватор. 1870 г., т. LXII, 29.
- Рылъевъ, Ковдр. Фед., декабр., писат. т. LXI, 294, 320, 322, 325, 514, т. LXIII, 113, 314, 315, 319, 320, 618, 623, 636, т. LXIV, 375—377.
- Рычковъ, студ. Казанск. унив. 1861 г., т. LXII, 624.
- Рѣдкинъ, П. Г., проф., чл. Госуд. Сов., д. тайн. сов., т. LXIII, 531.
- Рѣдкинъ, 1856 г., т. LXI, 101, 103.
- Рѣдкинъ, майоръ 1875 г., т. LXII, 148.
- Рѣвановъ, т. LXIII, 178, 179, 180.
- Рѣпинъ, сенат., т. LXIII, 310.
- Рѣпинъ, И. Е., художникъ-живописецъ, т. LXI, 632, т. LXII, 233.
- Рѣпинскій, Григорій Косм., сообщ.: „Графъ Готлобъ-Куртъ-Генрихъ Тотлебенъ“, т. LXII, 513—534, т. LXIII, 459—480, т. LXIV, 1—22.
- Рѣпинскъ, вл., 1812 г., т. LXIV, 55.
- Разановъ, студ. Казанск. унив. 1835 г., т. LXI, 560.
- Сабанъевъ, А. Н., т. XIV, 244.
- Собанинъ, Мих. Григорьев. т. LXII, 258.
- Сабанъевъ, вышн. директ. рисов. школы въ Спб., т. LXIV, 474.
- Сабатье, Я. Я., т. LXI, 234.
- Саблинъ, писатель, т. LXI, 351.
- Саблуковъ, Алсдр. Никол., 1796 г., т. LXI, 226.
- Саблуковъ, А. А., т. LXII, 231.
- Саблуковъ, полков. 1800 г., т. LXIII, 314.
- Саблуковъ, офиц. 1802 г., томъ LXIV, 261, 268.
- Саблуковъ, Г. С., т. LXIV, 830.
- Сабуровъ, команд. Елисаветград. гус. полка 1839 г., т. LXII, 55.
- Саввантовъ, П. И., членъ корресп. акад. наукъ, т. LXIII, 206.
- Саванелли, т. LXIV, 590.
- Савельевъ, Ал. Ив., генер.-лейт., сообщ. „Генераль-фельдцейхмейстеръ Мвинихъ, 1730 г.“, т. LXII, 458; „Два указа о военныхъ наказаніяхъ въ XVIII вѣкѣ“, т. LXIII, 701—702; „Костяной образъ

- Креста Господня 1656 г., 718, упом.
т. LXI, 411.
- Савельевъ, чл. пизжегород. арх. ком.,
т. LXIV, 813.
- Савиновъ, Мих. священ., т. LXII, 353,
610, 611, 616.
- Савиновъ, т. LXIV, 268, 272, 273,
274, 283.
- Савиновъ, офицеръ 1812 г., т. LXIV,
267, 268, 275.
- Савицкий, шт.-кап. 1800 г., т. LXIII, 216.
- Савичъ, Никол. Ив., т. LXIV, 368, 846.
- Савичъ, Алексѣй Никол., т. LXIV, 846.
- Савичъ, А., т. LXI, 412.
- Саврасовъ, полков. 1800 г., т. LXIII, 214.
- Садовскій, Провъ Мих., арт., т. LXII,
223, 224, т. LXIII, 653.
- Савенъ, гр., Д. Е., см. Остенъ Сакенъ.
- Савенъ, бар., ген. 1812 г., т. LXIII,
216, 305.
- Савсъ, Эдуардъ, т. LXII, 666.
- Садниъ, Василій, скрипачъ, т. LXIV,
562, 613,
- Салиасъ, гр-ня, Е. В. (Евгенія Туръ),
т. LXII, 276.
- Саломонъ, Поликсенія Васильев., рожд.
Головина, т. LXI, 274, т. LXII, 32.
- Саломонъ, Петръ Ив., сенат. 1888 г., чл.
Госуд. Совѣт., 1889 г., т. LXI, 274, томъ
LXII, 32.
- Салтыковъ, Сем. Андр., т. LXIV, 142.
- Салтыковъ, гр., Ив. Петр., фельдмарш.
1800 г., т. LXI, 217, т. LXII, 191, 196,
199, 219, т. LXIII, 215, 224, 470, 484,
488, 507, 514, 515, LXIV, 685,
- Салтыковъ, (Щедринъ), Мих. Евгрф.,
р. 1826 г., † 1889 г., т. LXI, 424, томъ
LXII, 233, 659, 733—754, 757, т. LXIII,
583, 616, 677, 679.
- Салтыковъ, Никол. Ив., вице-презид.
воен. коллег., т. LXII, 211, т. LXIV,
644, 650, 654, 662.
- Салтыковъ, шт.-ротмистръ 1800 г., томъ
LXIII, 220.
- Салтыковъ, гр., Петръ Семен., 1771 г.,
т. LXII, 262.
- Салтыковъ, гр., ссыльный въ Сибирь
въ 1799 г., т. LXIII, 304.
- Салтыковы, т. LXI, 226.
- Самбургскій, чиновн. 1824 г., томъ
LXIII, 361.
- Самаринъ, Юр. Фед., писатель, р. 1819 г.,
† 1876 г., т. LXI, 661, 665, т. LXII, 233,
769, т. LXIII, 163—176, 369, 378.
- Самаринъ, т. LXII, 537.
- Самаринъ, Дмитр. Федор., т. LXII, 239.
- Самойловъ, В. В., артистъ, † 1887 г.,
т. LXII, 233, т. LXIII, 715, т. LXIV, 519.
- Самойловъ, гр., генер.-прокур., томъ
LXII, 211.
- Самоцвѣтъ, Ф. М., директ. Оренб. кад.
корп. 1889 г., т. LXI, 653.
- Де-Сангленъ, Яковъ Ив., нач. тайн.
полици, р. 1776 г., † 1864 г., томъ
LXIV, 365, 647.
- Сандуновъ, Ник. Ник., проф. москов.
унив. 1825 г., т. LXI, 163.
- Сандуновъ, Н. Н., чиновн., т. LXII, 219.
- Сажновскій, Василій Демьянов., томъ
LXIV, 237.
- Салъга, кн., Адамъ, т. LXIII, 15.
- Саранчевъ, Дмитрій Александр., т. LXII,
271.
- Сасъ, А., т. LXIV, 612.
- Сатина, Елена Алексѣев., т. LXIII, 187.
- Сатинъ, т. LXI, 180.
- Сафоновъ, Вас. Ил., директ. москов.
консерват. 1889 г., т. LXIV, 606.
- Сафоновъ, Степ. Вас., директ. кавк.
научеств. кавказск., т. LXI, 253.
- Саханскій, Георг. Д., генер. 1889 г.,
т. LXII, 263, 264, 267.
- Сахаровъ, Н. В., т. LXI, 234.
- Сахаровъ, Борисъ, чиновн. 1762 г., т.
LXIV, 15.
- Сахаровъ, Н. А., чл. таврич. арх. ком.,
т. LXIV, 810.
- Сахаровъ, капит. генер. штаба, 1870 г.,
т. LXII, 394.
- Оброженъ, воспит. Дворян. пол., т. LXII,
491.
- Свербеена, Екат. Александр., т. LXIII,
364, 377.
- Свербеевъ, Д. Н., т. LXIII, 364.
- Свербеевъ, А. Д., самарск. губернат.
1878 г., т. LXIV, 153.
- Свербеевъ, лиценстъ 1856 г., т. LXIII,
340.

Свербеевъ, т. LXIV, 181.
 Свиныиъ, Пав. Петров., т. LXIII, 275,
 т. LXIV, 184.
 Свиныиъ, Петръ Сергѣев. генер.-поруч.
 т. LXII, 184.
 Свистуновъ, Петръ Никол., декабристъ,
 р. 1803 г. † 1839 г., т. LXI, 669,
 т. LXII, 239, т. LXIII, 348.
 Свѣтукинъ, т. LXI, 653.
 Свѣчинъ, русск. повѣрен. въ дѣлахъ,
 въ Гамбургѣ 1798 г., т. LXI, 457.
 Свѣчинъ, ген.-лейт. 1800 г., т. LXIII, 458.
 Святенковъ, полковн. 1832 г., т. LXII,
 271.
 Святославъ-Мирскій, кн., генералъ
 1877 г., т. LXII, 414, 422—449, 657,
 т. LXIII, 398, 402, 418.
 Святославъ, вел. кн., т. LXIV, 186.
 Севербрижъ, т. LXIV, 321.
 Севругъ, докт. 1844 г., т. LXIII, 383.
 Сегединскій, священ., т. LXI, 234.
 Сегуръ, франц. послан. при русск.
 дворѣ 1786 г., т. LXI, 452.
 Седморадскій, полков. 1800 г., т. LXIII,
 212.
 Семретаревъ, Ф. Е., камердин. им-цы
 Екатерины II, т. LXI, 210.
 Селивановъ, А. В., чл. раз. арх. ком.,
 т. LXIV, 809, 816, 817.
 Селивановъ, А. Ѳ., сообщ.: „Федоръ
 Ивановичъ Буслаевъ, академикъ и про-
 фессоръ“, т. LXI, 195—199, „Адрианъ
 Пушкинъ въ Соловецкомъ монастырѣ въ
 въ 1866 — 1881 г.“ т. LXIII, 640—
 642, упом. 209.
 Селифонтовъ, Ник. Никол., статья-секр.,
 дѣйст. ст. сов., первоприсут. IV деп.
 правит. сената, т. LXIV, 206.
 Сельванъ, ген.-лейт. † 1854 г., т. LXII,
 265.
 Семезова, Елисавет. Никол., по перв.
 мужу Водозовова, писательница, т.
 LXII, 276.
 Семезова, Елис. Мих., рожд. Прото-
 полова, т. LXII, 739.
 Семезова, Александра Васильев., рожд.
 Буташевнчъ-Петрашевская, томъ
 LXII, 476.

Семевскій, Алексдр. Ив., земск. дѣят.
 Псковск. губ. † 1879 г., т. LXII, 476.
 Семевскій, Вас. Ив., докторъ русск.
 исторія, т. LXI, 663, 667, 668, т. LXII,
 236, 252, 253.
 Семевскій, Мих. Иванов., ред.-издат.
 „Русск. Старинн“, сообщ.: „Графъ Левъ
 Николаевичъ Толстой“, т. LXI, 203—
 205, „Михаилъ Христофоровичъ Рей-
 тернъ“, 415 — 425, библиографическія
 замѣтки: „Жизнь и труды М. П. Пого-
 дина, Николая Барсукова“, 431—433;
 „Журналы комитета министровъ“, 434;
 „С.-Петербургскій педагогическій му-
 зей военно-учебныхъ завед. въ 1864—
 1889 г.“, 647—658; „19-е февраля 1889 г.
 Двадцать восьмая годовщина освобож-
 денія крестьянъ“, 659—666; „Василій
 Ивановичъ Семевскій, докторъ русской
 исторія 16-го, февраля 1889 г.“, 667—
 668; „Петръ Николаевичъ Свистуновъ
 † 15-го февр. 1889 г.“, 669; „Путевые
 очерки, замѣтки и наброски: Поѣздка
 по Россіи въ 1888 г.“, т. LXII, 221—262,
 489—511, т. LXIII, 683—708, т. LXIV,
 203—244; „Михаилъ Евграфов. Салты-
 ковъ“, т. LXII, 733—742; „Константинъ
 Ивановичъ Домонтовичъ, очеркъ къ его
 біографіи, 1820 — 1889 г.“, 755 — 772;
 „Археологическій институтъ въ 1888—
 1889 учебномъ году“, т. LXIII, 205—
 209; „Доска на домѣ, гдѣ родился О. Ѳ.
 Миллеръ“, 665—668; „Андрей Алексан-
 дровичъ Краевскій“, 709—713; Обзоръ
 Руск. Стар. т. LXIV, стр. 847—868; упом.
 т. LXI, 265, 643, 649, 263—271, т. LXII,
 273—277, 485, 488, 531—538; 727, 773,
 774, т. LXIII, 357, 436, 667, т. LXIV,
 202, 516, 644, 717, 603, 607, 626, 632,
 807, 808, 837. Кромѣ того всѣ статьи и
 замѣтки, подписанныя «Ред.», какъ и
 въ предыдущіе годы изданія «Рус-
 ской Старинн» (1870—1889), принадле-
 жать М. И. Семезовому.
 Семевскій, т. LXIII, 222.
 Семеново, т. LXIII, 23.
 Семенова, Наталья, крестьянка, томъ
 LXIII, 670.

- Семеновъ, офиц. 1812 г., т. LXIV, 283, 286, 287.
- Семеновъ, Дм. Дмитр., д. ст. сов., педагогъ, т. LXII, 32, 271.
- Семеновъ, Вас. Никол., цевзоръ 1835 г., т. LXI, 298, т. LXII, 123, т. LXIII, 44, 45, 48, 524, 538, 539.
- Семеновъ, Ник. Петр., сенаторъ 1889 г., т. LXI, 659, 663—666.
- Семеновъ, Петръ Петров., сенаторъ, предсѣд. статистич. совѣта мн-ва внутр. дѣлъ, вице-предсѣд. геогр. общ., томъ LXI, 659, 660, 666, т. LXIV, 837, 838.
- Семиновскіе, т. LXIII, 222.
- Семиновскій (Семевскій), Егоръ Иванов., корнетъ 1807 г., т. LXIII, 222.
- Семиновскій, Вас. Ив., прапорщ. 1800 г., т. LXII, 222.
- Семирадскій, Г. И., художн., томъ LXII, 226.
- Семичевъ, Петръ, т. LXIV, 416.
- Сенковский, Осипъ Ив., (бар. Брамбеусъ), профес. слб. унив., писатель, † 1858 г., т. LXI, 155, т. LXII, 111, 112, 123, 125, 130, 273—312, 739, т. LXIII, 49, 274—288, 519, 525, 532—539, т. LXIV, 103, 104, 121, 122, 133, 323, 331.
- Сень-При, гр. генерал-ад. 1812 г., т. LXIV, 52.
- Сень-При, гр., 1851 г., т. LXIV, 132.
- Сеньковский, помѣщикъ, 1848 г., т. LXII, 619.
- Сербиновичъ, Конст. Степ., директоръ завѣд. об.-прокур. св. синода 1837 г., т. LXI, 432, т. LXII, 314, т. LXIII, 28, 124, 751, 797, 803, 804.
- Сербяны, помѣщики, т. LXIV, 295.
- Серве, Фр., артистъ, † 1866, т. LXII, 244 т. LXIV, 118.
- Сергій Александровичъ, в. князь, т. LXII, 229, 442, т. LXIII, 666.
- Сергѣевъ, Александр., студ. каз. унив. 1861 г., т. LXIII, 433.
- Сергѣевъ, Илья, капитанъ, т. LXIV, 257.
- Сергѣевичъ, Вас. Ив., профес. 1889 г., т. LXIII, 205, 206, 666.
- Сердечный, докторъ, т. LXIV, 421.
- Сердобинъ, бароны, т. LXI, 213.
- Сердюковъ, Ив. Ив., сотрудн.-корреспонд. импер. вольн. эконои. общ. 1850 г., т. LXI, 352, 353.
- Серебряковъ, адмир., т. LXI, 317.
- Серебряковъ, В. Д., т. LXIII, 154, 155, 156.
- Серебряковъ, А. Н., т. LXIV, 814.
- Серебрянниковъ, т. LXIV, 244.
- Сеславинъ, Алексдр. Никит., партизанъ, р. 1790, † 1858 г., т. LXIV, 827—829.
- Сестренцевичъ-Вогушъ, архіеп. могл., т. LXII, 326, т. LXIV, 306.
- Сибирская, княгиня, Марья, жена кн. Ф. В. Сибирскаго, т. LXI, 577, 578.
- Сибирскій, царевичъ, Василій Алексѣевичъ, т. LXI, 577.
- Сибирскій, кн., Фед. Васил., 1717, † 1758 г., т. LXI, 577, 578.
- Сибирскій, кн., А. С., т. LXI, 249.
- Сибирскій, кн., А. А., т. LXI, 234, 254.
- Сибирскій, кн., генер., т. LXII, 212.
- Сибиряковъ, И. С., т. LXIII, 123.
- Сивари, скряпачъ, р. 1817 г., т. LXII, 245.
- Сиверинъ, преподават. 1-го кад. корп. 1817 г., т. LXIV, 305.
- Сиверсъ, гр-ня, рожд. барон. Ивскуль, т. LXIII, 665.
- Сиверсъ, гр., т. LXII, 662, 663.
- Сиверсъ, генер. 1761 г., т. LXIII, 470.
- Сиверсъ, генер.-м., гатчинск. коменд. 1800 г., т. LXIII, 217.
- Сивацкій, слушат. археолог. вѣстут., т. LXIII, 208.
- Сидонскій, священ., т. LXIII, 277, 280.
- Сизовъ, Влад. Ильичъ, архитект. 1888 г., т. LXII, 223.
- Сикорскій, Конст. Викентъв., бывш. юнкеръ Якут. пѣх. пол. 1855 г., т. LXII, 696—700.
- Сикорскій, Васил. Викентъв., офиц. 1855 г., сообщ.: К. В. Сикорскій, т. LXII, 698, 700, упом. т. LXI, 105—112, т. LXII, 696—698.
- Сивореміе, т. LXII, 696—698.
- Сильвестрова, Федос. Ив., т. LXI, 370.
- Сильвестровъ, Аванасій, въ иноч. Захарій, сельск. священ., т. LXI, 369.
- Сималскій, т. LXIII, 270.

- Симборский, Андр. Мих., коменд. Динаб, крѣп. 1859 г., т. LXI, 365, т. LXIV, 67, 93.
- Симеонъ Алексѣевичъ, д-ч., † 1669 г., т. LXII, 451—457.
- Симолинъ, русск. послан. въ Парижѣ 1789 г., т. LXI, 455.
- Симоновъ, поруч. 1779 г., т. LXI, 580.
- Синцовъ, Матвѣй, студ. казанск. унив. 1858 г., т. LXI, 571, 572, 573, 574.
- Сипягинъ, ген.-поруч. 1812., т. LXIV, 48.
- Сиротининъ А. Н., сообщ.: „Михаилъ Семеновичъ Щевякъ“, т. LXI, 200.
- Ситновъ, Лаврент., помощ. инспект. казанск. унив. 1859 г., т. LXII, 95.
- Свабичевскій, Александр. Мих., писат., критикъ, т. LXI, 639, 641, т. LXII, 754.
- Смалонъ, т. LXI, 588, 589, 626.
- Смалонъ, кам.-пажъ 1827 г., т. LXII, 124.
- Смалонъ, Д. А., т. LXII, 438.
- Смальковский, А. А., тайн. сов., т. LXII, 271, т. LXIII, 603.
- Смарягинъ, морск. офицеръ. 1855 г., т. LXI, 100.
- Смачковъ, т. LXII, 168.
- Сморцова, воспит-ца Смольн. инст. 1840 г., т. LXIV, 115.
- Сморцовъ, Антоній, свящ., т. LXIV, 251.
- Смоделевъ, Ив. Никит., ген. отъ инфан., коменд. слб. крѣп. 1846 г., † 1849 г., т. LXII, 395, LXIII, 330.
- Смоделевъ, Дм. Ив., генер., т. LXI, 626, т. LXIII, 260, 261, т. LXIV, 742.
- Смоделевъ, Мих. Дм., генер.-лейт., т. LXI, 131, 132, 133, 134, 135, 589—630, т. LXII, 389—394, 422—450, т. LXIII, 198, 245, т. LXIV, 476—492, 572, 783.
- Смокинъ Шуйскій, т. LXIII, 295.
- Смордули, рожд. Лавониусъ, пѣвица, т. LXIV, 558, 562, 613.
- Смребницкій, Александръ Ильичъ, томъ LXI, 659.
- Смирницынъ, директ. департ. иностр. вѣсовѣд., 1843 г., т. LXIV, 735, 743, 751.
- Смудльскій, А. В., т. LXIV, 244.
- Славейковъ, т. LXII, 449.
- Славинскій, т. LXIV, 591, 595.
- Славянская, см. Агренева, т. LXIII, 669.
- Сленникъ, издав. «Сѣв. Цвѣты», 1824 г., т. LXIV, 376.
- Сливидный, Петръ, подпоруч. 1862 г., т. LXIV, 78—85.
- Слопецкая, Александра, восп. Смольн. инстат., 1833 г., т. LXIII, 265.
- Слѣпцовъ, прот., сибирск. миссіонеръ, т. LXIV, 247.
- Слѣпцовъ, помѣщ., т. LXIII, 424.
- Смирдинъ, издатель, т. LXII, 281, 294, т. LXIII, 274—286, 381, 524, 525, 539, 545, 547, т. LXIV, 113—122, 325, 331.
- Смирнова, Александра Осипов., рожд. Россетъ, род. 1810 г., † 1882 г., томъ LXI, 157—158, т. LXII, 472, т. LXIII, 163—167, 173.
- Смирновъ, Никол. Мих., бывш. вадуж., а впослѣд. слб. гражд. губернаторъ, т. LXII, 472.
- Смирновъ, Александръ Петров., бывш. совѣщат. чл. редакц. ком., т. LXI, 666.
- Смирновъ, инспекторъ рязанск. начал. училищъ, т. LXI, 274.
- Смирновъ, Дм. Петр., т. LXII, 472.
- Смирновъ, прокуроръ, т. LXIII, 154.
- Смирновъ, ассес. архива московск. деп. сената, 1826 г., т. LXI, 139.
- Смирновъ, Конст. Петров., чиновникъ, 1838 г., т. LXI, 181.
- Смирновъ, А. Д., преподават. археолог. инст., 1889 г., т. LXIII, 205, 206, 208.
- Смирновъ, Ив., студ. казанск. универ., 1861 г., т. LXII, 624.
- Смирновъ, А. В., сообщ. «Жизнь Аеанасія Сильвестрова, сельскаго священника, въ вѣчествѣ Захарія», т. LXI, 369—375, «Алексѣй Николаевичъ Верстовскій», 381—385, «Александръ Семеновичъ Шишковъ 1824 г.», т. LXII, 466—467, «Сельскій священникъ Аеанасій Сильвестровъ», т. LXIV, 836, упом. т. LXIV, 810, 819.
- Смирятина, ученица слб. консер. 1865 г., т. LXIV, 613.
- Смородинъ, ген.-лейт., 1799 г., т. LXIII, 457.
- Смыловъ, т. LXII, 333.

- Снегиревъ, Ив. Мих., профес. москов. универ., р. 1793 г., † 1868 г., т. LXI, 143, 431, т. LXIV, 213, 214, 215.
- Снегиревъ, докт. медиц., 1878 г., томъ LXIV, 153.
- Снядецкий, Андрей, бывш. профессоръ вилевск. унив., т. LXIII, 577.
- Соблевицъ, униатск. священникъ, томъ т. LXIII, 3, 4.
- Соболевъ, Леонидъ Никол., ген.-майоръ, сообщ. «Послѣдній бой за Шинку, по поводу воспоминаній В. В. Верещагина», т. LXII, 411—450.
- Соболевъ, И. Н., ярославск. городской голова, 1888 г., т. LXIV, 213.
- Соболовскій, кіевск. профес., т. LXIV, 185, 186, 190.
- Совжъ, писат., г. LXII, 338.
- Соймоновъ, ген.-лейтен., † 1855 г., томъ LXII, 265.
- Соковнинъ, студ. казанск. унив. 1855 г., т. LXI, 560.
- Соколовъ, Гр. Ив., инспект. Рижельв. лицея, т. LXI, 246, 250, 256, 257.
- Соколовъ, А., протоіер., бывш. законоуч. Дворян. пол., т. LXII, 264, 270, томъ LXIV, 233.
- Соколовъ, студ. казанск. унив. 1861 г., т. LXIII, 72, 73, 76, 79.
- Соколовъ, Дормид., священ., 1846 г., т. LXIV, 528.
- Соколовъ, Д. Д., профес., директ. учил. гражд. вѣж. въ Спб., т. LXIV, 528.
- Соколовъ, А. П., т. LXIV, 587.
- Соколовъ, офиц., 1812 г., т. LXIV, 269.
- Соколовъ, чиновн., 1846 г., т. LXIV, 72, 74, 76.
- Соколовъ, Н. С., чл. сараг. арх. ком., т. LXIV, 810, 812, 813.
- Соколовъ, Петръ Федоров., художникъ-акварел., † 1848 г., т. LXIV, 587, 632.
- Соколовъ, кап., 1849 г., т. LXI, 477.
- Соколовъ, инспект. смоленск. гимназій, 1853 г., т. LXII, 482, т. LXIV, 420.
- Соколовская, ученица слб. консерват., 1865 г., т. LXIV, 562, 613.
- Соколовскій, Владим. Ив., т. LXIII, 556.
- Соколовскій, П. А., библиот. императ. публ. библ., т. LXIV, 821.
- Соколовскій, профес. казанск. универ., 1861 г., т. LXIII, 430, 431, 435.
- Соколовскій, чиновникъ 1859 г., томъ LXII, 92.
- Солдцевъ, Фед. Грив., проф. археолог. жьвонисн, р. 1801 г., т. LXI, 268, томъ LXII, 234, 235, т. LXIV, 214.
- Соловскій, слушат. археолог. институт., т. LXIII, 208.
- Соловскій, В. К., чл. тамбов. арх. ком., т. LXIV, 822.
- Соловьевъ, Серг. Мих., проф.-историкъ р. 1820 г., † 1879 г., т. LXI, 20, 405, т. LXII, 221, 222, 250—253, 517—521, 536, т. LXIII, 463, 473, 479, т. LXIV, 139, 201.
- Соловьевъ, Яковъ Александр., чл. редак. комм., † 1876 г., т. LXI, 665, т. LXII, 760, 769.
- Соловьевъ, артилл. чиновн. 1860 г., томъ LXII, 131—133.
- Соловьевъ, надворн. сов. 1855 г., томъ 361, 362, 365—368.
- Соловьевъ, Н., писат., т. LXI, 642, т. LXIV, 616, 618—631.
- Солдогоубъ, гр., Владим. Александр., писат., т. LXIV, 542, 546.
- Солдогоубъ, гр.-ня, воспит. Екатеринбургск. институт. 1831 г., т. LXIII, 36, 40.
- Солдогоубъ гр.-ня, 1828 г., т. LXII, 587.
- Соломва, т. LXI, 410.
- Соларскій, ф., т. LXI, 407.
- Сомовъ, издат. „Литературн. газеты“ 1831 г., т. LXIII, 43, 48, 53.
- Сомовъ, Андр. Ив., издат. „Худож. Новости“ 1888 г., т. LXIV, 498.
- Сомовъ, полковн. 1833 г., т. LXIII, 146.
- Сомовъ, т. LXII, 183.
- Сонцовъ, тн. сов., воронежск. губернат. 1800 г., т. LXIII, 218.
- Сорокинъ, Мих., бывш. студ. слб. унив., т. LXIII, 29, 542, т. LXIV, 107, 118, 752, 753.
- Сорокинъ, Вл. Мих., статск. сов., прис.-повѣр., т. LXII, 480, 481.
- Сосницкій, Иванъ Иван., артистъ, томъ LXIII, 715.

- Сооиковскій, Антоиій, членъ брестскаго капит. 1823 г., т. LXII, 332, 338, 345, 349—351, 603, 610.
- Софья Алексѣевна, царевна-правит-ца, р. 1657 г., † 1704 г., т. LXII, 234, т. LXIII, 292, 695.
- Спасская, Аделаида Львовна, основат. муз. школы въ Вильнѣ, т. LXIV, 562.
- Спафаревъ, т. LXIII, 334.
- Спекторская, уч-ца слб. консерват. 1865 г., т. LXIV, 613.
- Сперанскій, гр., Мих. Мих., первый статъ-секр. Финляндии, род. 1772 г., † 1839 г., т. LXI, 216, 217, 519, т. LXII, 122, 129, 216—219, 338, 506, т. LXIII, 301, 308—314, 321, 358—361, т. LXIV, 647, 648.
- Сперанскій, М. Н., чл. тверск. архив. ком., т. LXIV, 823.
- Спиридовъ, Гр. Гр., началн. дружинн 1812 г., т. LXIV, 53.
- Спиридоновъ, нижен.-капит. 1849 г., т. LXI, 469.
- Срезневскій, Изманъ Ив., акад. проф., т. LXII, 454, 455.
- Ставровскій, Ф. О., чл. тверской арх. ком., т. LXIV, 823.
- Сталь, г-жа, писателн., т. LXIV, 686, 687.
- Сталь, Карлъ Густавъ, бывш. московск. коменд., т. LXIII, 142.
- Стаматовичъ, Пав., т. LXI, 234.
- Станкевичъ, А. П. т. LXIV, 812.
- Станкевичъ, Алекс. Ив., библиот. моск. истор. музея 1888 г., т. LXII, 228, 229.
- Станкевичъ, писат. 1857 г., т. LXI, 636.
- Старжинскій, графъ, польск. эмгр. 1830 г., т. LXIII, 13.
- Старицкій, Е. П., предсѣд. тифлис. коммерч. суда, вниѣ чл. госуд. сов., д. тайн. сов., т. LXI, 659.
- Старицкій, полковн. 1857 г., т. LXII, 371, 378.
- Староградскій, П. В., т. LXIV, 809.
- Староженко, Пав. Григ., тит. совѣтн., 1840 г., т. LXIV, 66.
- Старцевъ, т. LXIV, 591.
- Старченко, 1855 г., т. LXI, 101.
- Стасовъ, Влад. Вас., сообщ.: „Микангъ Ивановичъ Глинка. Новые материалы для его биографіи“, т. LXI, 387—400, уном.: т. LXII, 231, 300, т. LXIII, 166, т. LXIV, 610, 611, 614.
- Стасовъ, Дмитр. Васильев., т. LXI, 389, т. LXIV, 559, 611.
- Стахиѣвъ, шт.-кап. 1877 г., т. LXII, 444.
- Степанъ, А. Х., предсѣд. гаврич. архив. ком., т. LXIV, 818, 821, 822.
- Стедль, миссіонеръ, т. LXIII, 570.
- Стеждеръ, бывш. попечит. Кав. унив., т. LXIII, 432.
- Степановъ, Никол. Ив., т. LXIII, 141.
- Степановъ, управл. почтов. частію въ Астрахани 1878 г., т. LXIV, 147.
- Степановъ, П. Ф., чиновн., т. LXIII, 156.
- Степановы, артисты московск. театра 1840-хъ гг., т. LXI, 200.
- Степанъ Малковъ, самозв. въ Черногоріи, названнйся Петромъ III, т. LXIII, 481, 495.
- Стефанъ, еписк. пермскій, т. LXIII, 690.
- Стефанъ, вологод. еписк. 1834 г., т. LXIII, 297.
- Стефанъ, учен. слб. рисов. школы 1862 г., т. LXIV, 459, 460, 467, 468, 469.
- Стефановичъ, т. LXI, 56.
- Столбовскій, помощн. полиціймейст. въ Казани, т. LXII, 91.
- Стожковскій, команд. карабинерн. пол., т. LXIII, 156, 157.
- Столыпинъ, А., т. LXI, 110.
- Столытовъ, Н. Г., генер. 1877 г., т. LXI, 601, 606, 617, 622 т. LXII, 142, 145—148, 154, 157, 158, 431, т. LXIII, 197—200.
- Стороженко, Андр. Яковлев., тн. сов. сенат., чл. директ. правит. комис. внутр. и духов. дѣлъ въ Ц. Польск. съ 1843—50 г.г., р. 1790, † 1866 г., т. LXIV, 138, 139.
- Стороженко, профес., т. LXII, 239.
- Стоюнинъ, Влад. Яков., педагогъ-писатель, † 1888 г., т. LXI, 206, 640, т. LXII, 271, 335.
- Стояновскій, Никол. Ив., д. тайн. сов., чл. госуд. сов., т. LXI, 659.
- Стравинская, Анна Ырил., т. LXII, 180.
- Стравинскій, Фед. Игнатьев., т. LXII, 180.

- Страдинъ, студ. казанск. унив. 1855 г., т. LXI, 560, т. LXII, 85, 86, 92.
- Страховъ, Никол. Никол., писат., т. LXI, 173, т. LXII, 753.
- Стрельбицкий, протоіер. 1800 г., т. LXIII, 217.
- Стрельбицкий, т. LXII, 620.
- Стренгъ, А. О., генер., сообщ.: „Война противъ венгерцевъ 1849 г.“, т. LXI, 459—478.
- Строгановъ, гр., Серг. Григ., ген.-ад., полечат. моск. учебн. окр. 1835—1847, вполн. чл. госуд. совѣта, р. 1794 † 1882 г., т. LXI, 195, 232, 233, 248, т. LXII, 129, 241, 488, т. LXIII, 363, 620, т. LXIV, 129—131, 137, 138, 202, 536.
- Строгоновъ, гр., Александр. Серг., презид. акад. худ. † 1811 г., т. LXI, 227, т. LXIII, 221.
- Строгоновъ, гр., А. Г., новороссійск. ген.-губернат., т. LXI, 317, т. LXIV, 87, 388, 408.
- Строгоновъ, гр., П. А., т. LXII, 219.
- Строгоновъ, гр., команд. гренад. дивиз. 1813 г., т. LXII, 208.
- Строгоновы, графы, т. LXI, 209.
- Строевъ, Пав. Мих., археологъ писатель-археологъ † 1876 г., т. LXI, 431, 432, т. LXII, 501.
- Строевъ, Влди., писат., т. LXI, 636, т. LXIII, 295, т. LXIV, 104, 120.
- Стромилловъ, Семен. Ив., т. LXIII, 147, 148.
- Струве, профес. латин. слов. каз. унив. 1859 г., т. LXII, 102—105, т. LXIII, 434.
- Струве, К. В., чинов. 1877 г., т. XLIV, 787.
- Струговщиковъ, Степ., засѣдат. губернскаго магистрата Сиб. губ. 1780 г., т. LXIII, 449, 450, 453, 455.
- Струговщиковъ, т. LXIV, 752.
- Струговщиковъ, студ. сиб. унив. 1839 г., т. LXIV, 108, 117.
- Струковъ, Александр. Петр., ген. 1877 г., т. LXI, 135, 630, т. LXII, 393, т. LXIV, 476—491.
- Струковъ, Д., сообщ.: „Артиллерійская пушка какъ отличіе 1772 г.“, т. LXIV, 252; Памятникъ на могилахъ павшихъ
воиновъ Селенгинскаго и Волмискаго полковъ 24 окт. 1854 г.“, 726.
- Стрѣлковъ, педагог., т. LXII, 11.
- Стрѣлковы, т. LXIV, 815.
- Стрѣльниково, генер. † 1882 г., т. LXI, 68.
- Стрѣтневскій, студ. казанск. унив. 1855 г., т. LXI, 560, 561, 562.
- Стрѣшневъ, Вас. Ив., бояринъ, т. LXII, 246.
- Стрѣшневъ, бояре, т. LXII, 246.
- Студеннинъ, Гавр. Ильичъ, статск. совѣт. сообщ.: „Приказы и резолюціи Императора Павла 1799 и 1800 г.“, т. LXIII, 457—458.
- Студитскій, т. LXI, 151.
- Ступининъ, Нижегород. ген.-губернат. т. LXI, 210.
- Стурдза, рожд. гр. Эдлингъ, фрейлина 1812 г., т. LXI, 6.
- Стурдза, Александр. скарлат., авт. духовно-нравств. соч., т. LXII, 335.
- Стюартъ, бар. завѣд. арх. мн-ва иностр. дѣлъ, т. LXIV, 814.
- Субботинъ, Никол. Ив., профес. моск. духовн. акад., р. 1827 г., т. LXII, 503, 504, т. LXIII, 714.
- Субботинъ, Д. М. т. LXIV, 819.
- Суворинъ, Алексѣй Сергѣев., писатель, т. LXII, 278, т. LXIV, 610, 615, 632.
- Суворовъ, Вас., генер. 1761 г., т. LXIII, 479.
- Суворовъ-Рыминскій, вв. Италійскій, Александр. Вас., фельдмарш., р. 1729 г., † 1800 г., т. LXI, 48, т. LXII, 184, 553, 554, 568, 673, т. LXIII, 48, 57, 252, 703, т. LXIV, 645, 654, 686, 695, 743, 818.
- Суворовъ, Н. И., сообщ.: „Диспантъ Мартыно“, т. LXIV, 142, 229.
- Сужинъ, коменд. сиб. крѣпости 1826 г., т. LXIII, 119.
- Сузовенко, докт. 1877 г., т. LXI, 588.
- Сузовицъ, Л. П., т. LXIII, 625.
- Судейманъ-паша, 1877 г., т. LXI, 132, 616, 618, 623, т. LXII, 158, 414, 422—440, т. LXIII, 196.
- Султъ, маршалъ 1809 г., т. LXI, 629.
- Сумароковъ, Александр. Петров., писат. директ. импер. театра 1760 г., т. LXIV, 557.

- Сумароковъ, Н. И., т. LXIV, 814.
 Сумцовъ, Н. Ѳ., сообщ.: „Феофанъ Гавриловичъ Лебедянецъ, редакт. журн. „Кіевск. старина“, т. LXII, 725—732.
 Сумцовъ, т. LXI, 653.
 Сунгуровъ, чиновн. 1833 г., т. LXI, 316, т. LXIII, 149.
 Суриковъ, В., художн., т. LXII, 234.
 Суровцева, въ зам. Демидова, т. LXIV, 218.
 Сусманъ, артистъ, т. LXII, 583.
 Сутгофъ, полковн. 1833 г., т. LXIII, 265.
 Сухановъ, т. LXI, 588.
 Сухарожій, т. LXII, 250.
 Сухованетъ, Никол. Онуфріев., воен. мин-ръ 1861 г., вполн. намѣстн. Царства Польскаго, т. LXI, 363—368, т. LXII, 131—133, 477.
 Сухованетъ, Ив. Онуфріев., ген. отъ арт., т. LXI, 363, т. LXII, 493, 494, т. LXIII, 525, 526, т. LXIV, 310.
 Сухомлиновъ, Мих. Ив., акад., профес., т. LXII, 335.
 Сухтеленъ, гр-ня, Н. К., т. LXIV, 814.
 Сухтеленъ, гр., П. К., послан. 1809 г., т. LXIV, 814, 822.
 Сухтеленъ, генер. 1806 г., т. LXI, 2.
 Сушковъ, Ник. Вас., писатель, т. LXIV, 126, 127.
 Сымолевъ, Порфирій, студ. казанск. унив. 1858 г., т. LXI, 572.
 Сырцевъ, Н. А., естествоисп., т. LXIV, 781.
 Сыдомскій, А., художн., т. LXII, 233.
 Сымашино, Юсифъ, дьячекъ, т. LXII, 610.
 Сыровъ, Александр. Никол., композит., т. LXI, 387, 391, 398, 411, 412, т. LXIV, 557, 559, 560, 593, 596, 599, 612, 614, 617.
 Сыроцинскій, еписк., т. LXII, 333, 339.
 Сыряковъ, Лаврент. Авксентьев., акад. граверь, р. 1824 г. † 1881 г., т. LXI, 204, т. LXII, 708, 774, т. LXIV, 466—471.
 Сыченко, И. Мих., профес., т. LXII, 488.
- Табаровскіе, т. LXI, 398.
 Таборовскій, А. О., сообщ.: „Когда и гдѣ положено основаніе Общества Красна-Креста“, т. LXIII, 190—192.
- Таганцева, А. С., т. LXI, 653.
 Талгизъ, предвод. горцевъ на Кавказѣ, 1856 г., т. LXI, 481.
 Талицкий, Г. В., т. LXI, 410.
 Тальбергъ, pian., † 1871 г., т. LXII, 245.
 Тальони, артистка, 1838 г., LXIV, 104.
 Талыгинъ, Матв. Ив., преподават. 1-го кад. корп. 1817 г., т. XLIV, 303, 304.
 Талыгинъ, офиц., 1825 г., т. LXI, 323.
 Тамберлинъ, пѣвецъ, т. LXIV, 458.
 Таражанова, Августа, принцесса, въ мон. Досифея, † 1810 г., т. LXIV, 215.
 Тараныгинъ, директ. Александр. реал. учл. 1889 г., т. LXI, 653.
 Тарасовъ, т. LXIV, 229.
 Таржиній, пѣвецъ, т. LXI, 383.
 Тарновская, ученица Спб. консерват., 1865 г., т. LXIV, 562, 613.
 Тарновскій, Васил. Васильев., чл. редакціон. комм., р. 1810 г., † 1866 г., т. LXI, 661, 664.
 Тарновскій, гр. Ив., 1830 г., т. LXIII, 6.
 Татарникова, Е. Ѳ., т. LXIII, 194, томъ LXIV, 369.
 Татарниковъ, Никол. Ив., чиновн. 1838 г., т. LXI, 181.
 Татарниковъ, воспит. 1-го кад. корпуса 1817 г., т. LXIV, 306.
 Татарниковъ, Пав. Егоров., тайн. совѣт., бывш. помощн. управл. дѣлами Главн. Ком. объ устр. сельскаго состоянія, т. LXI, 659.
 Татарниковъ, Александр. Никол., бывш. чл. редакц. комм., † 1861 г., т. LXI, 664.
 Татарниковъ, В. А., госуд. контролеръ, т. LXI, 422, 428.
 Татищевъ, А. И., воен. мин. 1826 г., т. LXIII, 112.
 Татищевъ, ген.-лейт. 1812 г., т. LXIV, 703.
 Татищевъ, Васил. Никит., историкъ, р. 1686 г., † 1750 г., т. LXI, 405, томъ LXII, 237.
 Татьяна Михайловна, царевна, т. LXII, 451, 454.
 Тачановскій, В. К., консерват. зоолог. музея въ Варшавѣ 1864 г., т. LXIV, 441, 445.
 Тверитиновъ, 1855, т. LXI, 103.
 Тверцынъ, А. Г., LXII, 28.

- Тейхъ, уч.—къ Слб. консерват. 1865 г., т. LXIV, 613.
- Тежелли, команд. сербск. гусарск. пол. 1761 г., т. LXIII, 489.
- Тезутьевъ, чиновн. 1820 г., LXIII, 310.
- Теленіусъ, 1812 г., т. LXIV, 41.
- Телевницкій, А. В., сообщ.: „Платонъ Александровичъ Антоновичъ“, т. LXI, 315—318.
- Темниновъ, студ. каз. унив. 1861 г., т. LXII, 102, 103, 104, 105, 636; томъ LXIII, 435.
- Темашевъ, инспект. рязанск. начальн. училищъ, т. LXI, 274.
- Теобальдъ, т. LXI, 355—368, т. LXII, 43—58, 131—133, т. LXIII, 183, т. LXIV, 67—102, 836.
- Тепловъ, Григорій, статсъ-секрет. императр. Екатерины II, т. LXIV, 17.
- Тепловъ, Никол., студ. казанск. унив., 1858 г., т. LXI, 570, 573.
- Терещенко, чиновн., т. LXIV, 139.
- Терлецкая, Франциска, т. LXIII, 2.
- Терлецкій, Владим., архимандр., докт. богослов. и медицины, бывш. греко-уніатск. миссіонеръ, † 1858 г., его Записки 1808—1858 гг., т. LXIII, 1—26, 559—578.
- Терлецкій, Андр. Васильевъ, т. LXIII, 2.
- Терлецкій, Меод., епископъ холмскій, т. LXIII, 2.
- Терлецкій, Кириллъ, епископъ луцкій, т. LXIII, 2.
- Терлецкій, Стефанъ, т. LXIII, 2, 4.
- Терминокая, М. В., артистка, т. LXIV, 562, 613.
- Терскій, т. LXII, 190.
- Тетеревниновъ, Никол. Кузьм., полк. 1839 г., т. LXI, 461, 471, 477.
- Тижко, бывш. воспит. Двор. полк., ученый, т. LXII, 263, 264.
- Тилло, А. А., предсѣд. Саратов. арх. ком., т. LXIV, 317.
- Тимаевъ, помощн. инспект. екатер. инст. 1830 г., т. LXIII, 33, 39, 51, 57, 266, т. LXIV, 731.
- Тимакова, В. А., арт. т. LXIV, 562.
- Тимашевъ, А. Е., ген.-адъют., членъ Госуд. Сов., т. LXIII, 645.
- Тимешовъ, инспект. народн. учил. разгуд., 1888 г., т. LXII, 20.
- Тимеинъ, студ. казанск. унив. 1858 г., т. LXI, 572.
- Тимковский, Ив. Осипов., директ. слб. гимназ., т. LXII, 219.
- Тимковский, Илья Ѳед., педагогъ и ученый, т. LXI, 315.
- Тимошукъ, В. В., сообщ.: «Корреспондентъ императрицы Екатерины II Фридрихъ Гриммъ въ перепискѣ съ графами Николаемъ и Сергѣемъ Румяновыми 1774—1804 гг.», т. LXI, 435—453, перев. съ нѣмецкаго историч. восток. Георга Вебера, т. LXIII, 225—240, перев. замѣтки кн. Ловчевъ съ фраз., т. LXII, 709, подготов. къ печати записки о 1812 г. Золотухиной и записки генер. Одянцова, т. LXIV, 258, 293, она же составила указатель именъ къ «Русск. Стар.» 1889 г.
- Тимосеевъ, генер. 1839 г., т. LXII, 44, 265.
- Тимосеевъ, писат. 1834 г., т. LXIII, 286, 287.
- Тимофѣевъ, А. И., правит. дѣлъ археогр. комис., т. LXIV, 813.
- Титова, Юл. Мих., т. LXI, 247.
- Титовъ, П. П., декабристъ, т. LXI, 247, 250.
- Титовъ, Андр. Александр., т. LXIII, 685—708, LXIV, 212, 214 244.
- Титовъ, Влад. Павл., д. тайн. сов., чл. госуд. сов., т. LXI, 250, т. LXIII, 625, 626.
- Тихомандрицкій, исправл. должн. по печат. 1861 г. каз. унив., т. LXII, 103.
- Тихонравовъ, Н. С., профес., сообщ. «Протоіерей Петръ Алексѣевъ. Оцво изъ донесеній, о непорядкахъ въ средѣ монаховъ въ XVIII в.», т. LXIV, 182—184, улом. т. LXI, 405, т. LXII, 239, 742.
- Тихонравовъ, М. В., т. LXI, 397.
- Тихикова, Прасков. Серг., т. LXIV, 315.
- Тихиковъ, Серг. Никол., 1824 г., т. LXIV, 315, 318.
- Тиронъ, бывш. студ. дерптскаго унив. т. LXIV, 590.
- Тихоцкій, ген.-м., 1861 г., т. LXIV, 379, 380.
- Товяноскій, т. LXIII, 560.

- Токмаревскій, Мих., протоіер., т. LXII, 611, 617 621.
- Тожмаковъ, Ив. Ѳед., завѣд. библиот. московск. гл. архива 1888 г., т. LXI, 407, 410, т. LXII, 247, 251, 252, т. LXIV, 813.
- Толмачевъ, профес. слб. унв. 1832 г., т. LXIII, 55.
- Толмачевъ, студ. казанск. унв. 1858 г. т. LXI, 573.
- Толстая, гр—ня, Праск. Васильев., томъ LXI, 581.
- Толстая, гр-ня, Софія Андр., т. LXI, 204.
- Толстая, гр-ная, т. LXIV, 129.
- Толстой, Александр Петров., об-прокур. синода, т. LXI, 146.
- Толстой, Андр. Васильев., 1677 г., т. LXIII, 129.
- Толстой гр., Алексѣй Конст., писат., т. LXII, 509.
- Толстой, Владим. Серг., поруч. 1843 г. т. LXIV, 366
- Толстой, гр., Дм. Андреев., историкъ, мн-ръ вв. дѣлъ, † 1889 г., т. LXI, 317, 435—458, т. LXII, 509, т. LXIV, 226. 653.
- Толстой, гр., Дм. Никол., † 1886 г., т. LXII, 509.
- Толстой, гр. Е. П., пензенск. губерв. 1860 г., т. LXIII, 193.
- Толстой, гр., Ив. Петров., т. LXI, 151.
- Толстой, гр., Ив. Ив., археологъ, томъ LXII, 509.
- Толстой, гр., Левъ Никол., писат., р. 1828 г., т. LXI, 203—205, 643, т. LXII, 231, 243, 509, 737.
- Толстой, гр., Мих. Владим., историкъ и псалтироваг. церковн. старины, т. LXII, 508, 509, т. LXIII, 706.
- Толстой, гр., Мих. Дм., презид. миш. общ. сельск. хоз. южв. Россіи, т. LXI, 250.
- Толстой, гр., Никол. Александр., об.-гоф-марш. 1806 г., т. LXI, 2, 4, 30, 38, 49.
- Толстой, гр., Петръ Александр., ген.-лейт., род. 1761 г., т. LXI, 47—52, т. LXIV, 828.
- Толстой, гр., Петръ Анар., т. LXI, 243, 244, т. LXIV, 644.
- Толстой, Юрій Васильев., тов. об.-прокур. св. синода, т. LXII, 509.
- Толстой, Теофіял Матв., писат., псевд. Ростиславъ, т. LXIV, 555, 604, 613.
- Толстой, Ѳ. А., т. LXI, 403.
- Толстой, гр., Ѳед. Петр., товар. през. акад. худож., † 1883 г., т. LXII, 509, т. LXIII, 277.
- Толстой, гр., 1877 г., т. LXI, 618, 622.
- Толстой, гр., прапорщ., † 1813 г., томъ LXIV, 363.
- Толстой, гр., ген.-лейт. 1839 г., т. LXI, т. LXI, 472—474.
- Толстой, гр., ген.-лейт. 1812 г., томъ LXIV, 683.
- Толстой, гр., об.-гофмейст. 1812 г., томъ LXIV, 671.
- Толстые, графы, томъ LXII, 509, томъ LXIII, 163.
- Толь, Карлъ Ѳед., ген.-ад., р. 1777 г., † 1842 г., т. LXIII, 184, 291.
- Толь, полковн. 1770 г., т. LXIII, 502.
- Толь, полковн., квартирм. 1812 г., томъ LXIV, 714.
- Толченовъ, аргнстъ 1820 г., т. LXIII, 160.
- Томиловъ, бывш. воспит. Конст. военн. учил., т. LXII, 271.
- Томиловскій, ген. 1877 г., т. LXI, 616.
- Томищъ, ген.-м. 1800 г., т. LXIII, 214.
- Тонъ, архитект., т. LXIII, 536, 537.
- Тончи, художн. 1812 г., т. LXIV, 31, 59.
- Топильскіе, т. LXIII, 143.
- Тормасовъ, ген.-лейт. 1800 г., томъ LXIII, 220, 221, 222, 223, т. LXIV, 693.
- Тотлебенъ, гр., Готлобъ-Куртъ-Геарихъ, ген.-м. 1763 г., т. LXII, 513—534, томъ LXIII, 459—480, т. LXIV, 1—22.
- Тотлебенъ, гр., Эдуардъ Ив., нижен., ген.-ад., р. 1818 г., т. LXI, 61, 62, 75—77, 80, 81, 92—94, 97, 99.
- Точилковский, надв. сов. 1846 г., томъ LXIV, 71, 72.
- де-Траверсе, маркизъ, томъ LXIII, 334, т. LXIV, 654.
- Траубенбергъ, В., студіи казанскаго унв. 1869 г., т. LXI, 573, т. LXII, 98, т. LXIII, 61—66, 422.
- Трейблютъ, ген.-м., масонъ 1819 г., т. LXIII, 309.
- Тремблицкій, генер. 1824 г., т. LXIV, 322.

- Тренбицкий, Владисл., помѣщ. 1848 г., т. LXII, 618—621.
- Треповъ. Фед. Фед., генер.-ад., † 1889 г., т. LXI 55, 653.
- Трескинъ, инспект. учил. Рязанск. губ. 1870 г., т. LXI, 274, томъ LXII, 11, 14, 18.
- Третьяковъ, владѣт. картин. галереи въ Москвѣ, т. LXII, 232—235.
- Трефоловъ, Леонидъ Никол., редакт. Ярославск. Земск. Вѣстника 1889 г., писатель, т. LXIV, 237, 244.
- Трехлѣтовъ, т. LXIV, 244.
- Троицкая, г-жа, т. LXI, 318.
- Троицкий, I., протоіерей, томъ LXIV, 213, 244.
- Троицкий, дир. гимн. въ Петроваводскѣ 1884 г., т. LXIII, 290.
- Троицкий, студ. спб. унив. 1827 г., томъ LXII, 123, т. LXIII, 32, 35.
- Тромповскій, полковникъ 1859 г., томъ LXIII, 98.
- Тропининъ, художн., т. LXII, 234.
- Трубедная, Зинаида, т. LXIII, 340.
- Трубедная, кн-ня 1763 г., т. LXIV, 13.
- Трубедной, кн., Сергѣй, декабр., томъ LXIII, 315—318.
- Трубедной, кн.-ген.-ад. 1806 г., томъ т. LXI, 2.
- Трубедной, кн., генер.-адъют. 1812 г., т. LXIV, 669—671.
- Трубедной, кн., т. LXIV, 229.
- Трубедной, кн. 1771 г., т. LXII, 260.
- Трубедной, кн. 1612 г., т. LXIV, 166.
- Трубедные, князь, т. LXI, 226, томъ LXII, 217.
- Трубниковъ, воспит. 1-го кад. корпуса 1817 г., т. LXIV, 306.
- Труворовъ, Аскалонъ Ник., чл. археогр. комм., сообщ.: «О кончинѣ царевича Симеона Алексѣевича и о санахъ, употребившихся при погребеніи царствовавшихъ на Русь особъ», томъ LXII, 451—457, упол. т. LXIII, 206, 207.
- Трутовскій, В. К., секр. моск. археол. общ. 1888 г., т. LXII, 252.
- Трухинъ, пранорщ. 1800 г., т. LXIII, 220.
- Тудубьевъ, ген. 1855 г., т. LXI, 97.
- Туманскій, цевзоръ, т. LXI, 215.
- Тупацьковъ, А., чл. брестск. кант. 1822 г., т. LXII, 332, 337, 339, 345—348, 354—356, 599, 601, 604, 608, 610.
- Тургеневъ, Алексар. Ив., дир. канцелярии ра дух. д. и нар. просв., т. LXI, 432.
- Тургеневъ, Фед. Мих., томъ LXIII, 145, 146.
- Тургеневъ, Алексар. Мих., р. 1772 г. † 1863 г., его Записки, т. LXI, 209—220, т. LXII, 183—220, упол. 274.
- Тургеневъ, Ив. Серг., писатель, томъ LXI, 203, 337—348, 412, т. LXII, 233, 245, 742, 769, т. LXIV, 203, 204, 505, 733.
- Тургеневы, т. LXI, 321.
- Туруновъ, Мих. Никол., сенат., томъ LXIV, 202.
- Турчанинова, ученица спб. консерват. 1865 г., т. LXIV, 562, 613.
- Турчаниновъ, ген. 1796 г., т. LXI, 133, т. LXII, 212.
- Турчаниновъ, подполковн., † 1813 г., т. LXIV, 363.
- Турчаниновъ, учит. истор. 1-й гимназ. 1833 г., т. LXIII, 271.
- Тутолминъ, начальн. воспит. дома въ Москвѣ 1812 г., т. LXIV, 48.
- Тутолминъ, студ. казанск. унив. 1861 года, т. LXII, 629, 630.
- Тутолминъ, д. тайн. сов. 1831 г., томъ LXIII, 51.
- Тухолва, ген., т. LXII, 264.
- Тухолва, Л. Ф., перв. видныйск. губерна. 1878 г., т. LXII, 159.
- Тухомицкий, В., сообщ.: «Памяти Ореста Фодоровича Миллера», т. LXII, 680—682.
- Тучкова, см. Огарева.
- Тучковъ, предв. двор. Инсарск. уѣзд. Орловск. губ. 1848 г., т. LXI, 341.
- Тучковъ, т. LXI, 644, т. LXII, 134.
- Тучковы, т. LXIII, 187.
- Тюркина, Ю. Л., см. Гринбергъ, томъ LXIV, 519.
- Тюринъ, сенат., т. LXIV, 519.
- Тютчевъ, Фед. Ив., писатель, † 1873 г., т. LXI, 431, т. LXIV, 132.
- Тюфяевъ, князь, директ. имп. театр. т. LXIII, 160.
- Ташеловъ, педаг., т. LXI, 302, 521.

- Уварова**, г-ня, предсѣд-ца Москов. Археол. Общества, т. LXIV, 224.
- Уваровъ**, Алексѣй Серг., археологъ, † 1884 г. LXI, 233, 234, 248, т. LXII, 228, 501, 502, т. LXIV, 215.
- Уваровъ**, Серг. Семен., мив.-нар. проsv. попеч. свб. учебн. окр. 1812 г., † 1855, т. LXI, 232, 233, 239, 241, 248, т. LXII, 461, 465, 488, т. LXIII, 54, 271, 281, 282, 526, 527, 532, 536, 537, 547, 556, т. LXIV, 103, 105, 125, 195—197, 202, 728, 729, 733, 747—749, 757, 758.
- Уваровъ**, Фед. Петр., генер.-ад., т. LXI, 227.
- Уваровъ**, ген.-ад. 1806 г., т. LXI, 2.
- Уваровъ**, т. LXII, 582.
- Угрюмовъ**, художн., т. LXII, 234.
- Улитинъ**, москов. книготоргов. 1855 г., т. LXII, 222.
- Уляницкій** Владим. Антонов., магистръ международин. права, чл. археол. комис., т. LXII, 252.
- Уминовъ**, Ив., студ. каз. унв. 1861 г., т. LXII, 104.
- Уминовъ**, Влгт. студ. казанск. универс. 1855 г., т. LXI, 563, 564, т. LXII, 629, 630, 539, т. LXIII, 70, 74, 79, 427, 435.
- Унгернъ-Штернбергъ**, баронесс., Юлія Ив., рожд. Чернова, т. LXIII, 663, 665.
- Унгернъ-Штернбергъ**, баронесса, Аделаида Горов., въ зам. Миллеръ, т. LXIII, 663, 666.
- Унгернъ**, бар., ген.-поруч., 1770 г., т. LXIII, 505, 506, 507.
- Унгернъ-Штернбергъ**, бар., 1800 г., т. LXIII, 215.
- Унгернъ-Штернбергъ**, бар., подковн., т. LXIII, 665.
- Унгернъ-Штернбергъ**, бар., Густавъ (Егоръ), писат., директ. вародн. учил. Дстлянд. губ., т. LXIII, 664.
- Ундольскій**, библиографъ, т. LXII, 242, т. LXIV, 215.
- Урусова**, вниг., Ирина, рожд. Хитрова, т. LXIII, 698.
- Урусовъ**, вн., Серг. Никол., статс.-секрет., главноуправл. II отд., † 1883 г., т. LXII, 257.
- Урусовъ**, кол.-ассес., 1823 г., т. LXIV, 198.
- Урусовы**, князья, т. LXIII, 143.
- Успенскій**, О. Вл., чл. тверск. арх. ком., т. LXIV, 823.
- Устимовичъ**, офиц. 1825 г., т. LXI, 323.
- Устиновъ**, т. LXIII, 367.
- Устряловъ**, Никол. Герас., академикъ † 1870 г., т. LXII, 250, 257, 480, т. LXIII, 176, 280, 546.
- Ушакова**, ученица свб. консерв. 1866 г., т. LXIV, 613.
- Ушаковъ**, Александр. Ив., нач. штаба 2-го пѣх. корп. 1849 г., LXI, 460, 476.
- Ушаковъ**, Александр. Клеонаков., полковн. 1839 г., т. LXII, 49.
- Ушаковъ**, т. LXIV, 133.
- Ушинскій**, Конст. Дм., педагогъ, томъ LXIV, 225, 226, 730.
- Фавръ**, педагогъ, т. LXIV, 316.
- Фадѣевъ**, артил. офиц. 1835 г., т. LXIII, 521, 522.
- Фаминцинь**, Александръ Серг., проф., т. LXIV, 615, 616.
- Фанъ-де-Флигъ**, Тимоф. Ефрем., петрозавод. губернат. 1826 г., т. LXIII, 120, 123.
- Фатѣевъ**, І. Л., т. LXIV, 418, 424, 435, 439, 441, 442, 443.
- Фадѣусъ**, вапнт., 1761 г., LXIII, 474.
- Фашендау**, Юр. Андр., ген.-м., томъ LXIV, 814.
- Федоровичъ**, 1855 г., т. LXI, 100.
- Федоровскій**, 2-ой, морск. офиц. 1855 г., т. LXI, 100.
- Федотовъ**, офиц. 18852 г., т. LXIV, 140.
- Федотьевъ**, Никол. Степ., учнт. сельск. школы А. В. Головинна въ с. Гулянкахъ, т. LXI, 261—292, т. LXII, 2—33.
- Федяй**, студ. казанск. унв. 1861 г., т. LXII, 629, 630.
- Фельдманъ**, Ф. А., ген.-лейт., т. LXIV, 413, 421, 439.
- Фельтень**, т. LXI, 267.
- Феноменовъ**, А. Н., чл. таврич. арх. ком., т. LXIV, 810.

- Фереро, профес. слб. консерват. 1862 г., т. LXIV, 562, 613.
- Фервекъ, гр., т. LXIII, 98.
- Ферморъ, ген.-аншефъ, 1761 г., т. LXII, 514, 515, т. LXIII, 470, 479.
- Ферронокій, Фод. Федорогичъ, смотрят. острожск. учил., т. LXI, 304.
- Фетъ, А. А., писатель, т. LXIV, 504, 508.
- Фефеловъ, Алексѣй, т. LXIV, 371.
- Филаретъ, (Федоръ Никитичъ), патриар., т. LXII, 451, т. LXIII, 293.
- Филаретъ, (Василій Дроздовъ), митроп. московск., р. 1782 г., † 1867 г., т. LXI, 123, 213, 431, т. LXII, 36, 37, 314, 318, 319, 504, 509, 510, т. LXIII, 158, 257, 280, 281, 380, т. LXIV, 215, 373.
- Филаретъ Малишевскій, еписк. ковensk. 1858 г., впослед. архіеп. нижегород., т. LXII, 337, 611, 616.
- Филаретъ (Амфиотаровъ), митропол. кievскій, р. 1779 г., † 1857 г., т. LXII, 314.
- Филаретъ, архимав., бывш. рект. полод. семин., т. LXII, 612, 613.
- Филимоновъ, археологъ, директ. оруж. палаты, т. LXII, 226.
- Филиппъ, митроп., т. LXIV, 46.
- Филипповъ, Тертій Ив., д. тайн. сов., госуд. контрол., 1889 г., т. LXI, 270, т. LXII, 223.
- Филипповъ, инспект., студ. каз. унив., 1858 г., т. LXI, 570, 573, 575, т. LXII, 86, 89, 93, 102.
- Филипсонъ, Григ., Ив. генер., вач. Кубанск. обл. 1860 г., т. LXI, 316, томъ LXIII, 396, 397, 398, 403, 405, 408.
- Философовъ, Вл. Дмитр., д. тайн. сов., членъ Госуд. Совѣта, сообщ.: «Николай Онуфріевичъ Сухозанетъ, 1860—1861 г.», т. LXII, 131—133, упом. 477.
- Философовъ, генер. 1877 г., т. LXIV, 767, 781.
- Фильдъ, артистъ, т. LXI, 383.
- Фирсовъ, писат., т. LXII, 271.
- Фитингофъ, бар., т. LXIV, 37.
- Фицтумъ, Александр. Ив., инспект. студ. слб. унив. 1849 г., томъ LXIV, 541, 558, 584.
- Фишеръ, помощ. инспект. казанск. унив. 1855 г., вполн. директ. Вятск. гимназ., т. LXI, 562.
- Фишеръ, профес. 1834 г., т. LXIII, 273, 288, 553, т. LXIV, 743.
- Флавицкій, худож., т. LXII, 233, томъ LXIV, 458.
- Флоридовъ, т. LXIV, 233.
- Фогель, А. К., т. LXIV, 244.
- Фомъ, Фод. Петров., офиц., 1824 г., томъ LXIV, 319.
- Фонъ-Визинъ, Денисъ Ив., писатель т. LXI, 404, т. LXII, 239, т. LXIII, 57.
- Форманъ, Ив. Яковл., офиц., 1824 г., т. LXIV, 315—318.
- Фоссъ, гр-ня, обергофмейстер. прусск. двора 1807 г., т. LXI, 29, 30, 31.
- Фотій, Спасскій, архим., настоят. Новг. Юрьев. монаст., т. LXIV, 659.
- Фохтъ, Карлъ Ив., поручикъ, 1824 г., т. LXIV, 318.
- Де-Фошъ, педагог., т. LXIV, 316.
- Фредериксъ, бар., бывш. ген-губернат. вост. Сибири, т. LXII, 265.
- Фредериксъ, т. LXIV, 591.
- Фреве, Никол., бывш. воспит. Дворянск. пол. вып. 1823 г., т. LXII, 264.
- Фрейганга, пивьяца, т. LXIV, 748.
- Фрейтагъ, генер.-квартирмейст. арміи 1849 г., т. LXI, 463, 470, 473.
- Френъ, т. LXI, 326.
- Фризе, сов. 1762 г., т. LXIV, 16.
- Фроловъ, оставш. офиц. 1836 г., томъ LXIII, 541.
- Фрунтова, г-жа. † 1870 г., т. LXII, 10.
- Фугтеръ, полковн. 1761 г., т. LXIII, 475, 476.
- Фуль, ген.-майоръ 1806 г., т. LXI, 2.
- Фуссъ, Никол., бывш. секрет. акад. наук., т. LXIV, 304.
- Халтуринъ, крестьян. 5 февр. 1860 г., т. LXI, 67, 68, 69.
- Харановъ, офиц. 1877 г., томъ LXI, 616, 617.
- Хастатова, Екат. Алексѣев., г. LXI, 16.
- Хвольсонъ, О. Д., т. LXI, 653.

- Хвостова, Алина Александр. (въ замужествѣ Полякова), уч-ца слб. консерват. 1865 г., т. LXIV, 562, 613.
- Хвостовъ, гр., Дм. Ив., писат., р. 1753, † 1835 г., т. LXIV, 53.
- Хвостовъ, гр. Д. Н., писат., т. LXI, 410, т. LXII, 112, т. LXIII, 124, 649.
- Хвостовъ, Алексѣй Семенов., т. LXIV, 57, 58.
- Хвоцинская, въ зам. Заюнчювская (псевд. Крестовскій), писат-ца, томъ LXII, 276.
- Хвоцинскій, Дм. Андреев., шт.-кап. 1824 г., т. LXIV, 318.
- Хвоцинскій, Петръ Дм., т. LXII, 555.
- Херасковъ, Мих. Матвѣев., писат.-кураторъ москов. унвер., р. 1733 г., † 1807 г., т. LXI, 410.
- Херсонскій, И. К., чл. костромск. арх. ком., т. LXIV, 818, 824.
- Хестесмо, подполковн. 4-го стрѣлков. баталіона 1862 г., т. LXIV, 78, 80.
- Хилкова, ученица рисов. школы въ слб. 1861 г., LXIV, 453, 455, 456, 561.
- Хилковъ, вв., Анд. 1677 г., т. LXIII, 129.
- Хитрово, Ив., 1798 г., офиц., т. LXII, 212, 213.
- Хитрово, Петръ, офиц. Преображ. пол. 1798 г., т. LXII, 212, 213.
- Хитрово, ген.-м., 1799 г., т. LXIII, 457.
- Хитровы, т. LXIV, 815.
- Хитровъ, вольнослушат. казанск. унив. 1862 г., т. LXIII, 424.
- Хлудовъ, т. LXII, 408.
- Хлѣбниковъ, П. В., т. LXIV, 212.
- Хлюстинъ, помѣщ., 1844 г., т. LXIV, 583.
- Хмельницкій, Богданъ, гетманъ малороссійскій, т. LXII, 757, т. LXIV, 134.
- Хмельницкій, Алекср. Ив., внослѣд. ред. „Русскаго Слова“ въ слб., томъ LXIV, 127.
- Хмыровъ, Мих. Дмитр., капит. гвардіи, т. LXII, 229, 271.
- Хованская, княжна, М. С., въ замуж. Вагговуъ, т. LXIII, 247.
- Хованскій, князь, Васил. Алексѣев., т. LXI, 215.
- Хованскій, вв., Петръ Иван., воевода, т. LXIV, 814.
- Хованскій, вв., т. LXIV, 684.
- Хованскіе, князья, т. LXII, 217.
- Ходани, Ив. Конст., профес. богослов., т. LXII, 327.
- Ходоровичъ, чиновн. 1846 г., т. LXIV, 74, 75.
- Хоменко, Никол., бывш. воспит. Дворян. пол. вып. 1858 г., т. LXII, 264.
- Хомякова, Екат. Мих., рожд. Языкова, т. LXIII, 364.
- Хомякова, т. LXI, 156.
- Хомяковъ, Ив. Васил., помѣщ. 1799 г., т. LXII, 563.
- Хомяковъ, Алексѣй Степ., писат., † 1860 г., т. LXI, 147, 152, т. LXIII, 53, 172, 364, 378, т. LXIV, 123, 124, 746.
- Хомяковъ, Дмитрій Алексѣев., томъ, LXII, 239.
- Хотинскій, юнкеръ 1864 г., т. LXIV, 443.
- Хотинскій, т. LXI, 453, 454.
- Хотинцевъ, Пав. Ив., переводч., р. 1793 г., † 1855 г., т. LXI, 381, 382.
- Хохловы, т. LXIV, 815.
- Хохряковъ, В., т. LXI, 160.
- Хохряковъ, студ. казанск. унив. 1859 г. т. LXII, 96.
- Хранидковъ, И. И., ростовск. купецъ, † 1865 г., т. LXIII, 691, 700, 707.
- Храпачовъ, ген.-крюгъ-комис. 1846 г., т. LXIV, 67, 71, 72, 73.
- Храповицкій, бѣлорус. ген.-губернат., т. LXIV, 139.
- Храповицкій, Александр. Васил., ст.-секрет., т. LXI, 432.
- Храповицкій, И. С., слб. губернат., 1829 г., т. LXIV, 363.
- Хрипуновы, т. LXIV, 271, 272, 274.
- Христичъ, Пав., бывш. воспит. Дворян. пол. вып. 1856 г., полковн., т. LXII, 264.
- Христо, переводч. при руск. войскахъ въ Болгаріи 1877 г., т. LXIV, 478, 793.
- Христофоровъ, студ. каз. унив. 1859 г., т. LXII, 102—105, 640, томъ LXIII, 70, 435.
- Хрулевъ, Степ. Алекср., ген.-лейт., 1855 г., т. LXI, 84, 86, 103—112, томъ LXII, 265, 696, 697, 698, 699, 700, томъ LXIII, 79, 80, 86.

Хрусталева, т. LXI, 653.
 Хубова, кн., Егоръ, т. LXII, 461.

Цабель, Альбертъ, проф. слб. консерв.
 1862 г., т. LXIV, 562.

Цайтаевъ, проф., т. LXII, 242.

Цайтковъ, Я. Я., проф., т. LXII, 480, 481,
 Цабрикова, писат-ца, т. LXI, 641.
 Цабриковъ, офиц. 1825 г., т. LXI, 323.
 Цабриковъ, декабр., т. LXIII, 639.
 Цедлицъ, писатель, т. LXII, 474.
 Цейеръ, чиновн. 1821 г., т. LXIII, 311.
 Ценинъ, подпоруч. 1800 г., т. LXIII, 216
 Цертелевъ, т. LXI, 588.
 Цертелевъ, кн., т. LXIV, 763.

Цинверлингъ, Августъ Федоров., изда-
 тель, книгопрод., т. LXIV, 247.

Цициановъ, князь, генералъ 1807 г.,
 т. LXII, 461.

Фонъ Цуръ - Милленъ, поруч. 1862 г.,
 т. LXIV, 590.

Цыковскій, полковн., московск. оберъ-
 полковн., т. LXIII, 144, 148.

Цытовичъ, поруч. конн. артил. 1849 г.,
 т. LXI, 460, 471.

Цыковъ, Н. П., бывш. воспит. 1-го кад.
 корн., вын. 1817 г., т. LXIV, 312.

Чаадаевъ, Петръ Яковлевичъ, писат.,
 т. LXI, 405, т. LXIII, 544, т. LXIV,
 129, 137.

Чайковский, Петръ Ильичъ, композит.,
 т. LXIV, 562, 590, 591, 593, 613, 614, 618.

Чайковский, Мих., польск. писатель,
 (Садыкъ-паша), т. LXIII, 10, 576, 577.

Чарторыйская, княгиня, т. LXIII, 25.

Чарторыйскій, князь, Адамъ, мн-ръ
 иностр. дѣлъ и почетн. виленск. ун-въ,
 т. LXII, 326, 328, т. LXIII, 2, 4, 11,
 20, 21, 24, 223, 561, 569, 576, 577.

Чаруковский, учен. секрет. м.-х. акад.
 1831 г., т. LXIII, 46.

Чацкий, гр., Мих., т. LXIII, 5.

Чацкий, Оадей, основат. Кременецкаго
 лицея, т. LXIII, 3.

Чеважинскій, Никол., бывш. воспит.
 Двор. пол. вып. 1882 г., т. LXII, 263.

Чевелевъ, студ. 1836 г., т. LXIII, 531.

Чевкинъ, Конст. Владим., ген.-ад., ч.
 госуд. сов., † 1875 г., т. LXI, 424, 428.

Чемалевскій, вице-презид. акад. худож.
 1800 г., т. LXIII, 221.

Чезеруль-Куша, юнкеръ 1855 г. LXII,
 698.

Чематовскій, бывш. воспитан. Констан-
 тин. воен. учил., т. LXII, 271.

Чемодановъ, ген.-лейт. 1800 г., т. LXIII,
 218.

Ченгера, генер., т. LXIV, 423.

Чеодаевъ, генер., 1849 г., т. LXI, 475.

Червяковский, П. А., преподават. Гаг-
 чинск. учил. семн. 1874 г., т. LXI,
 270, 274, т. LXII, 18.

Черевинъ, Н. Т., собощ. „Полковн. де
 Граве и Ф. М. Достоевскій“, т. LXI,
 318.

Черевинъ, полковн., т. LXIV, 764.

Черединъ, начальн. моск. тайн. кан-
 цел. 1796—1801 г., т. LXII, 190.

Черемшанскій, Александр. Евграф.,
 докт. 1874 г., т. LXII, 27.

Череповъ, т. LXIV, 195, 196.

Черкасовъ, инспект. 1-го кадет. корн.
 1817 г., т. LXIV, 302, 304.

Черкасовскій, кн., Владим. Александр.,
 чл. редакцион. комм. 1821 г., † 1878 г.,
 т. LXI, 665, т. LXII, 149—159, 433,
 450, 512, 726, 769, т. LXIII, 195, 198—
 200.

Черкасовой, кн., П., 1739 г., т. LXI, 578.

Чернецкая, г-жа, т. LXIII, 667.

Черни, профес. слб. консерват., т. LXIV,
 562.

Черницкій, генер., нач.-штаб. Варшав.
 окр. 1864 г., т. LXIV, 438, 446, 447.

Черногоровъ, С. А., т. LXIV, 244.

Черногубовъ, кап. 1859 г., т. LXIII,
 637.

Черновой-Шелатовъ, помѣщ. 1812 г.,
 LXIV, 261.

Чернышевъ, гр., Захаръ Григорьев.,
 ген.-фельдм., р. 1722 г., † 1784 г., томъ
 LXII, 514—517, т. LXIII, 470, 478,
 484—490, 509, 514, томъ LXIV, 11, 14,
 22, 652.

Чернышевъ, князь, Алексд. Ив., ген.-ад., воен. мн-рь, 1786, † 1852 г. т. LXII, 622, 745, т. LXIII, 147, 242, 539, томъ LXIV, 39.

Чернышевъ, полковн., фл.-ад. 1862 г., LXIV, 93.

Чернышевы, т. LXI, 226.

Чернышевскій, Гавр. Ив., протоіер., чл. консист., т. LXIV, 499.

Чернышевскій, Никол. Гаврилов., писат. публицист., род. 1828 г. † 1889 г., т. LXIV, 499—502, 830.

Черняевъ, Григорій, т. LXII, 490.

Черняевъ, Мих. Гряг., генер.-лейт., т. LXI, 111, т. LXII, 135—142, 239, 263—266, 489—495.

Чертковъ, А. Д. т. LXI, 251.

Чертковъ, полковн. 1858 г., т. LXII, 653, 659, т. LXIII, 96, 97.

Чертковъ, вице-презид. москов. общес. истор. и древн., т. LXI, 232, т. LXII, 229.

Чечулинъ Н. Д., т. LXI, 410, 411.

Чивилевъ, студ. слб. унив. 1827 г., т. LXII, 118, 579, 583.

Чириковъ, Мих., т. LXIV, 812.

Чижъ, прап. 1843 г., т. LXIV, 366.

Чижовъ, Фед. Вас. писат.-публиц. 1846 г., т. LXI, 152, т. LXIII, 163,—166, 285, 363—380, 535, 542, 546, 547, 555, т. LXIV, 107, 332, 368, 746.

Чикаруль - Бушъ, юверъ 1855 г., т. LXI, 110.

Чивуанова, Вѣра Алексдр., въ зам. Рубинштейнъ, т. LXIV, 585, 612.

Чистовичъ, Яковъ Иларіон., презид. м.-х. акад. 1859 г., т. LXII, 662.

Чистяковъ, Мих. Борис., т. LXII, 240.

Чистяковъ, художн. 1862 г., т. LXIV, 453, 454, 456.

Чичаговъ, адм. 1700 г., т. LXIII, 217, т. LXIV, 653, 665, 682, 693.

Чичаговъ, архитект., т. LXII, 251.

Чичеринъ, Денисъ, тобольск. губернат., т. LXI, 210, т. LXII, 196.

Чичерикъ, т. LXII, 219.

Чирди, профес. слб. консерват. 1862 г., т. LXIV, 562, 613.

Чубиновъ, Д. Е., чл. археол. общ., т. LXIII, 207.

Чубинскій, В. Г. казнач. совѣта славян. общ. 1869 г., т. LXII, 773.

Чубинскій, П. И., этногр., т. LXII, 481.

Чудновскій, профес. м.-х. акад. 1878 г., т. LXII, 406, т. LXIV, 153.

Чуминовъ, Алекс. Александр., сообщ.: „Алексѣй Поликарповичъ Бочковъ, въ монашествѣ от. Антоній, † около 1872 г.“, т. LXI, 377—380, упом. т. LXIII, 114.

Чуркловскій, Ив. Петров., инспек. духовн. уч. Владим. епарх., † 1883 г., т. LXI, 374, 375.

Шадринъ, Алексѣй Ив., странникъ-богомолецъ, сказаніе о его странствіяхъ, т. LXII, 661—681.

Шалиновъ, кн., Петръ Ив., писат., т. LXI, 320, 330.

Шалме, г-жа, т. LXIV, 54.

Шалфеевъ, Г. И., директ. Курск. учт. семн. 1889 г., т. LXI, 653.

Шамилъ, имамъ Чечни и Дагестана, † 1871 г., т. LXI, 315, 316, 317, 318, 480—505, т. LXII, 357—387, 641—630, т. LXIII, 82—109, 249, 388—390, 399, 416, 418.

Шамурзаевъ, прапорщ. 1842 г., вносилъ набѣ у Шамилъ, т. LXIII, 105.

Шанъ-Гирей, Марья Акимов., рожд. Хастатова, т. LXI, 161, 162, 165, 166.

Шанъ-Гирей, Аким. Павл., т. LXI, 166.

Шанъ-Гирей, Алексѣй Павл., т. LXI, 166.

Шанъ-Гирей, Никл. Павл., т. LXI, 166.

Шанъ-Гирей, Пав. Петров., т. LXI, 166.

Шандроужъ, подполковн., т. LXII, 663.

Шаповаловъ, художн. т. LXIII, 364.

Шарбе, профес. каз. унив. 1859 г., т. LXII, 102.

Шаршавицкій, т. LXIV, 417.

Шафаринъ, П. I., историкъ, т. LXI, 233, 234, 235, т. LXIII, 381, т. LXIV, 139, 140, 331.

Шаффе, г-жа, т. LXI, 653.

Шахматовъ, т. LXIV, 817.

Шаховъ, Ив. Андреев., т. LXIII, 135.

Шаховской, кн. Серг. Владим., Эстляндск. губернат., 1889 г., т. LXIV, 253, 254, 266.

- Шахововой, вв. Александр. А., писат., драматургъ, его письмо: «Первые дни въ сожженной Москвѣ, сентябрь и октябрь 1812 г.», т. LXI, 385, т. LXIII, 538, т. LXIV, 31—65, 126, 376, 498.
- Шаховской, вв. А. А., писатель, 1812 г., т. LXIV, 260.
- Шаховской, вв., генералъ, 1877 г., т. LXI, 588, т. LXII, 396.
- Шварцъ, профес., картинистъ, т. LXIV, 62, 679.
- Шведовъ, Н. К., чл. славянск. общ., т. LXII, 773, 774.
- Шебуевъ, живопис. 1835 г., т. LXIII, 531.
- Шевалье, актриса, т. LXII, 208.
- Шевчъ, команд. Одесск. уланск. пол. 1845 г., т. LXIII, 185.
- Шевыревъ, Степ. Петров., профес. моск. унив. 1842 г., т. LXI, 147, 156, 196, 384, 385, 431, 635, т. LXII, 39—42, 222, т. LXIII, 377, 378, 380, 383, т. LXIV, 131, 134, 328.
- Шевченко, Тарасъ Григ., поэтъ-художн., р. 1814 г. † 1861 г., т. LXII, 730, т. LXIV, 367.
- Шелгуновъ, бывш. воспит. Дворян. пол. вып. 1844 г., т. LXII, 264.
- Шелгуновъ, писатель, т. LXI, 640.
- Шелешинъ, М., рект. полоцк. семина., т. LXII, 348.
- Шемазинъ, Никол., бывш. воспит. Дворян. пол. вып. 1861 г., т. LXII, 264.
- Шенроузъ, Влад. Ив., преподав., писат. сообщ.: «Николай Васильевичъ Гоголь въ его незаданныхъ письмахъ», томъ LXI, 141—157, «Поэтъ Педлицъ», томъ LXII, 474, «Замѣтки поправки», 481, «Друзья Николая Васильевича Гоголя въ ихъ къ нему письмахъ», т. LXIII, 163—176, 363—385, уном., т. LXII, 239.
- Шеннинъ, Алек-др. Фед., инспек. Павл. кадет. корп., 1835 г., т. LXIII, 533, т. LXIV, 103.
- Шенниъ, цензоръ, 1836 г., т. LXIII, 543, 547, 548.
- Шеншинъ, директ. хоз. части Николаевск. сиротск. инст. 1889 г., LXI, 159, 653.
- Шенелевъ, полковникъ, 1875 г., LXII, 152, 159.
- Шенелевская, т. LXIV, 285.
- Шенгицкий, генер. польск. служб. 1830 г., т. LXIII, 9, 10.
- Шервашидзе, кн., владѣт. Абхазии, 1860 г., т. LXIII, 412.
- Шервудъ, Влад. Осипов., архитект., т. LXII, 42, 229.
- Шереметева, Надежда Никол., т. LXI, 156, 157.
- Шереметевъ, гр., Борися Петров., фельдмарш., т. LXI, 212, 242.
- Шереметевъ, гр., Никол. Петров., гофмарш., т. LXI, 212.
- Шереметевъ, гр., Сергій Дм., генералъ. основатель «Императ. Общества любителей древней письмен.», т. LXII, 621.
- Шереметевы, т. LXIV, 235.
- Шестакова, Людм. Ив., рожд. Глинга. сообщ.: «Иванъ Алексѣевичъ Шестаковъ, 1820—1888 гг.», т. LXII, 161—182, уном., т. LXI, 388—399.
- Шестакова, Прасковья Антиповна, т. LXII, 166.
- Шестакова, Александра Алексѣев., см. Краснопольская.
- Шестакова, Марія Алексѣев., въ зап. книг. Дружная Соколинская, т. LXII, 166, 168.
- Шестаковъ, Алексій Антип., т. LXII, 164, 167.
- Шестаковъ, Васил. Илар., т. LXII, 164.
- Шестаковъ, Дмитр. Алексѣев., морск. офиц., т. LXII, 166, —170.
- Шестаковъ, Ив. Алексѣев., адм., морск. мн-ръ, р. 1820 г., † 1888 г., т. LXI, 201—202, т. LXII, 161—182.
- Шестаковъ, Никол. Алексѣев., морск. офиц. † 1839 г., т. LXII, 166, 167.
- Шестаковъ, Петръ Алексѣев., морск. офиц., т. LXII, 166, 167, 169.
- Шестаковъ, П. Д., сообщ.: «Студентскія волненія въ Казани въ 1882 г.», т. LXI, 113—130, «Къ студентскимъ волненіямъ въ Казани, замѣтки», т. LXIV, 248, уном. т. LXIII, 436, 437.
- Шешиковскій, Степ. Ив., нач. тайной канц. † 1794 г., т. LXII, 190.

- Шибановъ, П. П., авторъ, т. LXIV, 813.
- Шидловскій, камергеръ, одесск. градоп., т. LXIV, 90.
- Шидлякъ, директ. рязанск. нач. учил., т. LXI, 274.
- Шиллингъ, штабъ-лекаръ, 1800 г., т. LXIII, 219.
- Шидловскій, студ. казанск. унив. 1869 г., т. LXII, 92, 100.
- Шильдеръ, Никол. Карл., ген.-майоръ святи. начал. Инжен. Авад. и училища, сообщ.: „Россия въ ея отношеніяхъ въ Европѣ въ царствованіе императора Александра I“, т. LXI, 1—52.
- Шиммо, И. И., сообщ.: „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ“, т. LXI, 137—140, упом., т. LXII, 237.
- Шиповъ, Серг. Павл., генер., т. LXIV, 129, 130, 134.
- Шиповъ, ген.-ад., казанск. губернат. 1842 г., т. LXIV, 727.
- Шипулинскій, писатель, т. LXIII, 52, 58, 59.
- Ширинскій-Шихматовъ, вк., мн-ръ народн. проsv., р. 1790 г., † 1853 г., т. LXI, 248, 259, т. LXIV, 125, 129, 747.
- Ширманъ, шт.-кап. 1877 г., т. LXII, 444.
- Широзова, помѣщица, 1812 г., т. LXIV, 264, 265, 269.
- Широзовы, т. LXIV, 279.
- Шиффъ, Петръ, бывш. воспит. Дворян. полк. вып. 1870 г., т. LXII, 263.
- Шихматовъ, вк., А. Ш., т. LXIV, 254.
- Шихвинъ, Іакинфъ Иван., писатель, † 1862 г., т. LXII, 271.
- Шихвинъ, Тимоф. Ив., писатель, †, т. LXII, 271.
- Шихвинъ, Мих. Аван., т. LXII, 572.
- Шихвинъ, художн., т. LXIV, 470.
- Шиховъ, Александръ Семен., адмир., мн-ръ народн. проsv., т. LXII, 329, 335, 336, 338, 466—470, 607, т. LXIII, 114, т. LXIV, 40, 53, 307.
- Шиховъ, Ларіонъ, т. LXIV, 812.
- Шиховъ, Никита Ал.-Фев., т. LXIV, 26.
- Шиховъ, секрет. имп. Александра I, т. LXIV, 670—674.
- Шиховъ, Никол. Петров., чл. редакц. коми., р. 1793 г., † 1869 г., т. LXI, 664.
- Шиховъ, Петръ Герас., т. LXII, 552, 569, 571.
- Шиховъ, Васил. Алексѣев., т. LXIV, 27, 48.
- Шиховъ, декорат., т. LXIV, 626.
- Шиховъ, помѣщ. 1799 г., т. LXIV, 26.
- Шиховы, т. LXIV, 26, 29.
- Шиховъ, т. LXII, 92.
- Шлегель, презид. воен. медиц. академ. 1842 г., т. LXII, 662.
- Шлейферъ, Никол. Ив., бывш. воспит. Двор. пол. вып. 1845 г., т. LXII, 264.
- Шляковъ, Ив. Александр., купецъ, художн., р. 1844 г., земск. дѣятель, чл. музея церк. древностей въ Ростовѣ Великом., т. LXIII, 684, 685, 688, 689, 694, 695, 698, 699, 700, 701, 702, 706.
- Шляпкинъ, И. А., писатель, преподав., т. LXI, 409—412, т. LXIII, 663.
- Шмельковъ, художн., т. LXII, 42.
- Шмидтъ, уч-ца Слб. консерват. 1865 г., т. LXIV, 613.
- Шмидтъ, Александръ Иван., генералъ, т. LXII, 492.
- Шмидтъ, полковн. 1817 г., т. LXIV 302, 304.
- Шмидтъ, писат., т. LXII, 335.
- Шмидтъ, надв. сов. 1762 г., т. LXIV, 21.
- Шмыгинъ, преподават. 1-го кад. корп. 1817 г., т. LXIV, 305.
- Шмурло, Е. Ф., писатель, т. LXI, 409—412.
- Шнейдеръ, профес. слб. унив. 1834 г., т. LXIII, 29, 36, 273, т. LXIV, 117.
- Шоберлехнеръ, пѣвица, т. LXII, 589.
- Шольцъ, капельмейст. москов. театр. 1824 г., т. LXI, 383.
- Шоневъ, композит., LXIV, 523, 569.
- Шоновъ, Ив. Васильев., т. LXIV, 132.
- Шпилевская, Анна Николаев., рожд. Мосолова, т. LXIV, 222.
- Шпилевскій, Серг. Мих., тайн. сов., профес. директ. Демидовск. лицея 1889 г., т. LXIV, 222, 224, 226, 229.
- Шпинцъ, майоръ 1788 г., т. LXIII, 513.
- Шпинцбергъ, Ростиславъ, бывш. воспит. Дворян. пол. вып. 1860 г., т. LXII, 263.

Шредеръ, надв. сов. 1846 г., т. LXIV, 71, 72, 73, 75, 76.
 Штабельбергъ, А. О., чл. геогр. общ., т. LXIV, 437.
 Штанникова, инспектриса Екатерины. институт. 1831 г., т. LXIII, 35, 39, 40, 47.
 Штевенъ, Ив., бывш. воспит. Дворян. пол. вып. 1859 г., т. LXII, 264.
 Штегельманъ, поруч. 1780 г. т. LXIII, 452.
 Штейбельтъ, артистъ, т. LXI, 388.
 Штейбенъ, художн. 1838 г., т. LXIV, 104.
 фонъ-Штейнъ, Конст. Львов., ген.-лейт. 1881 г., † 1888 г., т. LXII, 265, 272.
 Штейнгель, бар., Влдм. Ив., отставн. подполковн., декабр., р. 1784 г., † 1862 г., т. LXII, 239, т. LXIII, 159, 160, 316—321, 340—346, 348, 349.
 Штемлеръ, преподават. 1-го кад. корп. 1817 г., т. LXIV, 305.
 Штеричъ, Серафим. Ивасовна, т. LXI, 297, 299, 302, 305, 307, 309, 310, 313, 507—513, т. LXII, 113, 114, 125, 583, 588, 589.
 Штеричъ, кам.-юнкеръ 1827 г., т. LXI, 306, 511, 515 т. LXII, 123, т. LXIII, 266, 269, 270, 580.
 Штеръ, артистъ 1840 г., т. LXIV, 117.
 Штиглицъ, т. LXIV, 745.
 Штиль, Генрихъ, органистъ, т. LXIV, 592.
 Шторхъ, т. LXI, 326, т. LXII, 129.
 Штафель, ген.-квартирмейст. 1761 г., т. LXIV, 22.
 Штейнъ, бар., т. LXIV, 671
 Штрайдманъ, ген.-отъ-нафан., 1799 г., т. LXIII, 457.
 Штрайдманъ, генер., т. LXIV, 68.
 Штрикъ, Викт., бывш. воспит. Дворян. пол. вып. 1854 г., т. LXII, 264.
 Штромбергъ, инженеръ 1878 г., томъ LXIV, 153.
 Штуббе, Юлія Федоровна, см. Абава.
 Шубертъ, Карлъ Богдан., профес. слб. консерват. 1862 г., т. LXIV, 563, 541, 558, 584, 611.
 Шубертъ, Александра Иван., рожд. Буликова, артистка, т. LXI, 200.

Шуваловъ, гр., Петръ Павловичъ, быв. членъ редак. комиссіи, 1859—1860 г., камергеръ, 1839 г., т. LXI, 666.
 Шуваловъ, гр. П. И., т. LXII, 516.
 Шуваловъ, гр., Алекс., т. LXIII, 478.
 Шуваловы, т. LXIV, 13.
 Шугтъ, Анна, въ замуж. Терлецкая, т. LXIII, 14.
 Шугтъ, профес. краковск. унверсит., 1830 г., т. LXIII, 12, 13.
 Шулениковъ, т. LXIII, 51.
 Шульгинъ, Д. И., слб. ген.-губ., 1849 г., т. LXIV, 369, 536, 537.
 Шульгинъ, профес. слб. унив. 1834 г., т. LXIII, 238, 547, 548, 557, т. LXIV, 117.
 Шульцъ, учен. слб. консерват. 1865 г., т. LXIV, 613.
 Шульцъ, Пав. Ангонов., сенат., бывш. совѣщат. чл. редакц. комис. (1859—1860 г.), т. LXI, 659, 666.
 Шульцъ, Александр. Францов., тайный сов., управл. III отд. соб. е. н. велнч. канцел., 1875 г. т. LXIV, 101.
 Шуляченко, Алексѣй, бывш. воспитан. Дворян. пол. вып. 1860 г., т. LXII, 263.
 Шумахеръ, Александръ Данил., д. тайн. сов., сенаторъ, т. LXI, 659.
 Шуманъ, Робертъ, композит., т. LXIV, 529, 635, 636.
 Шумовскій, Ив., т. LXII, 610, 616.
 Шумскій, Мих., флиг.-адъют., † 1851 г., т. LXII, 473, 474.
 Шумскій, драмат. артистъ, т. LXIII, 653.
 Шуревъ, т. LXIII, 455.
 Шустовъ, одинъ изъ основат. „Русск. Муз. Общ.“, 1859 г., т. LXIV, 558.
 Шюттлеръ, надв. совѣт., 1763 г., томъ LXIV, 10.

Щаповъ, П. В., т. LXII, 229.
 Щаповъ, Афан. Прокоп., проф. казанск. унив. и духовн. акад. 1861 г., т. LXII, 623, 624, 625, 626, 628.
 Щегловъ, профес. физики 1831 г., т. LXIII, 47.
 Щегловъ, 1855 г., т. LXI, 102.
 Щегловъ, студ. слб. унив. 1828 г., т. LXII, 579.

- Щегловъ, студ. казанск. унив., 1858 г., т. LXI, 572.
- Щеголевъ, бывш. воспвт. Дворян. пол., генер., т. LXII, 265.
- Щедринъ, архитект. 1828 г., т. LXII, 592.
- Щеватикинъ, кол. сов. 1799 г., т. LXII, 191, 196, 199, 201, 202.
- Щенетевъ, предсѣд. царск. земск. управы 1878 г., т. LXIV, 153.
- Щепкинъ, Д. М., т. LXII, 229.
- Щепкинъ, М. П., т. LXII, 761.
- Щепкинъ, Мих. Сем., артистъ, р. 1768 г., † 1863 г., т. LXI, 155, 200, т. LXII, 59, 233, т. LXIII, 381.
- Щепкинъ, Н. М. издат. „Библиограф. записокъ“, т. LXI, 403.
- Щепкинъ, Н. П., т. LXI, 659.
- Щербанъ, Н. И., писатель, т. LXI, 126.
- Щербатова, княг., т. LXIV, 730,
- Щербатовъ, кн., поручикъ 1812 г., т. LXIV, 273, 285.
- Щербатовъ, кн., т. LXII, 119.
- Щербатовъ, кн., домовлад. въ Москвѣ, т. LXIII, 382.
- Щербатовы, князья, т. LXII, 217.
- Щербатскій, генер., полиціймейст. въ Москвѣ, 1850 г., т. LXIV, 127.
- Щетинина, уч.—ца слб. консерват. 1863 г., т. LXIV, 562, 613.
- Щетининъ, С. А., архитект., т. LXI, 267.
- Щиглевъ, Влад. Романов., писатель, сообщ.: „Памяти Водовозова, Стоюнина, Герда. Изъ надгробныхъ рѣчей“, т. LXI, 206, упом., т. LXII, 743.
- Щуръ, Левъ, рядов. 1862 г., т. LXIV, 78, 81, 83, 84, 85.
- Эбергартъ, Андр. Августов., т. LXII, 181, 182.
- Эвальдъ, Фед. Фед., педагогъ 1879 г., т. LXIII, 712.
- Эвертъ, уч.—къ слб. консерват. 1865 г., т. LXIV, 613.
- Эдельсонъ, Евг. Никол., писатель-критикъ, т. LXII, 223.
- Эйлеръ, академ., т. LXIV, 126.
- Эйхвальдъ, профес. м.-х. акад. † 1889 г., т. LXII, 608, т. LXIV, 153.
- Эвемплиарскій, А. В., писатель-историкъ, т. LXIII, 706, т. LXIV, 233.
- Эвонеръ, Стан. Касп., дир. сарат. отд. муз. общ. 1889 г., т. LXIV, 606.
- Эвхардтъ, уч.—ца слб. консерват. 1865 г., т. LXIV, 613.
- Эллерманъ, полковн. 1817 г., т. LXIV, 307.
- Эльмурзинъ, офиц. 1812 г., т. LXIV, 44, 45.
- Эманъ, поруч., т. LXIV, 159—161, 173—181.
- Эмме, ст. сов., об.-аудиторъ гвард. полковъ 1762 г., т. LXIV, 12, 14.
- Энгель, инженер-кап., т. LXIV, 442.
- Энгельгардтъ, В. П., т. LXI, 393, 394, 396, 397, т. LXIV, 610.
- Энгельманъ, Карлъ Гряг., полковн. 1824 г., т. LXIV, 318.
- Эндаурова, Е. М. въ зам. Немъ, худож.-ца, т. LXIV, 460.
- Эншель, ген.-м., директ. финлянд. кад. корп. 1889 г., т. LXI, 653.
- Эншель, полков. 1877 г., т. LXIV, 770, 774.
- д'Эпики, г-жа, т. LXI, 451.
- Эраръ, т. LXIV, 523.
- Эристовъ, кн., Дм. Алексѣев., сенат. флота генер.-аудиторъ 1845 г., т. LXI, 583.
- Эриъ, полковн. генер. штаба 1849 г., т. LXI, 466, 472.
- Эриротъ, кап. 1849 г., нынѣ генер., статсъ-секр. по дѣламъ Финляндии, т. LXI, 460, т. LXII, 376.
- Эристъ, скряпачъ, † 1865 г., т. LXII, 245.
- Эртель, ген.-лейт., т. LXIV, 362.
- Эссенъ, гр., П. К., слб. воен. ген.-губернат. 1833, т. LXIV, 364, 365, 735.
- Эстейрейкъ, скульпт. 1800 г., т. LXIII, 218.
- Эстрейхеръ, писатель, т. LXII, 607.
- Ю**динъ, полковн., 1849 г., т. LXI, 462.
- Южанинъ, Нявста Стоп., т. LXII, 238.
- Юзефовичъ, камерг., 1878 г., т. LXIV, 153.
- Юзефовичъ, генер., т. LXII, 472.
- Юзефовичъ, т. LXIV, 757.
- Юнк, Францъ Александр., стат. совѣт., т. LXIII, 139.

Юновидовъ, Мих. воспит. вольск. учит. семинар., т. LXIV, 821.
 Юргенсонъ, г-жа, т. LXIV, 326.
 Юргенсонъ, т. LXIV, 573.
 Юргенцъ, т. LXIII, 457.
 Юрковский, 1855 г., т. LXI, 103.
 Юрьевъ, 1855 г., т. LXI, 101.
 Юскевичъ, поруч., т. LXIV, 435.
 Юсуповъ, кн., т. LXIV, 559.
 Юсуповъ, кн., 1850 г., т. LXIV, 128.
 Юсуповъ, кн., т. LXIV, 664, 673.
 Юсуфъ-Хаджи, предводит. горцевъ на Кавказъ, 1856 г., т. LXI, 491, 492, 493.
 Юшвиичъ-Стаховскій, Коновъ Фед., художн., 1840 г., т. LXIV, 66.
 Юшвовъ, 1771 г., т. LXII, 262.

Яворовскій, еписк., 1834 г., т. LXII, 607.
Ягичъ, Ягват. Вицентьев., проф., писат., т. LXII, 325, 331, т. LXIII, 208.
Ягницкій, студ. Риншельевского лицея, т. LXI, 246.
Ягоднинскій, студентъ казанск. универ., 1861 г., т. LXII, 629, 630.
Ягушкинскій, графъ, Сергій Павловичъ, т. LXIII, 455.
Ягушкинскіе, т. LXI, 226.
Ядринцовъ, Мих. Яков., т. LXIII, 340.
Ядовскій, тит. сов., 1849 г., LXIV, 370.
Языковъ, Николай Михайл., писатель, р. 1803 г., † 1846 г., т. LXI, 146, 148, 149 — 153, т. LXIII, 165, 364, 369, 370, 375.
Языковъ, Алексав. Мих., т. LXIII, 364.
Языковъ, Н. И., офиц., т. LXIV, 291.
Языковъ, Д. Д., т. LXI, 407, 410.
Языковъ, Федоръ Павл., 1677 г., томъ LXIII, 129.
Языковъ, Дм. Яв., предсѣд. общ. любит. наукъ, словесн. и худож., д. ст. сов., академикъ, т. LXI, 308, 310, 403, 510—513, т. LXII, 121, 393, т. LXIII, 49, 280, 288.
Языковъ, Петръ Мих., т. LXI, 146, 148, т. LXIII, 364.
Языковъ, офицеръ, т. LXII, 393.
Якимовичъ, Д. К., чл. тав. архр. комис., т. LXIV, 810.

Якобій, Ив. Вареломѣев., тобольскій ген.-губернат., т. LXI, 210.
Якобій, Валер. Яв., профес. живописи, т. LXII, 233.
Якоби, П. Н., сообщ.: «Николай Михайловичъ Пржевальскій», т. LXII, 482—484.
Якобій, профес. харьков. унив. 1878 г., т. LXIV, 153.
Яковлева, артестка, 1820 г., т. LXIII, 159.
Яковлевъ, полков. 1758 г., т. LXIII, 483.
Яковлевъ, Дм., студ. казанск. универ., 1882 г., т. LXI, 120, 122.
Яковлевъ, Мих. Лукьянов., сенат., томъ LXI, 582.
Яковлевъ, Ив. Александр., кав., 1839 г., т. LXI, 182.
Яковлевъ, коллежск. ассесоръ, 1780 г., т. LXIII, 450.
Якубовичъ, Александръ Яв., декабр. т. LXI, 320, т. LXIII, 314.
Якубовичъ, пис., 1832 г., т. LXIII, 53.
Якубовичъ, воспит.-ца Екатерин. ин-стит. 1831 г., т. LXIII, 47.
Якубовичъ, Мартынъ Павлов., офиц. 1824 г., т. LXIV, 318.
Якушинъ, В., сообщ. „Въ Соловецкой обители въ 1887 г.“, т. LXI, 190.
Якушинъ, Вяч. Евг., приватъ-доцентъ сообщ.: «Къ литературной и общественной исторіи 1820—1830 гг.», т. LXI, 319—330, т. LXIII, 111—127, уком. т. LXI, 667, т. LXII, 231, 239, 240.
Якушинъ, Ив. Дм., декабр.-т. LXI, 235.
Якушинъ, Евг. Яв., д. ст. сов., бывш. предсѣд. каз. палаты въ Ярославѣ, т. LXIV, 235, 236, 244.
Яковичскій, всендзъ 1840 г., т. LXIII, 561, 562.
Яненко, художн., т. LXII, 234.
Янниковъ, воспит. Дворян. пол., томъ LXII, 492.
Яннишевскій, инспект. студ. каз. унив. 1861 г., т. LXI, 573 т. LXII, 624, 633, 634, т. LXIII, 72—78, 424, 427, 435.
Янковичъ-де-Мирьево, поруч. 1796 г., т. LXI, 219, 222, 223.
Янковичъ, полков. 1800 г., т. LXIII, 214.

- Янивова, Теофила Васильев., т. LXII, 599, 600.
- Янивовскій, Гавр., чл. брестск. капитула, т. LXII, 332.
- Янивовскій, Плавидъ, докт. богослов., вице-предсѣд. литовск. епархіи, т. LXII, 825, 327, 334, 336, 337, 341, 342, 343, 349, 600, 601, 605, 612, 614, 616.
- Яновичъ, проф. каз. унив. 1861 г., томъ LXIII, 431.
- Яновскій, поруч. 1889 г., т. LXII, 271
- Яновскій, К. П., попечит. кавказск. учебн. окр. 1889 г., т. LXI, 653.
- Янскій, польск. эмир., т. LXIII, 20, 23.
- Янхшевъ, И. Д., рект. спб. хух. акад., вышн. протопресвитерь двора Его Величества, т. LXIII, 681.
- Янъ, (Jan), профес. богослов. въ Вѣнѣ, писат., т. LXII, 330, 338.
- Ярославъ I, вел. князь, т. LXIV, 236.
- Ярошенко, художн., т. LXII, 234.
- Ярошкинскій, Октавіанъ Францов., чл. редакціон. комм., † т. LXI, 664, 665.
- Ярустовскій В. Д., священ., т. LXI, 266, т. LXII, 31, 32.
- Ясвойнъ, фотографъ, т. LXIV, 588.
- Ястребовъ, В. Н., педагогъ, т. LXIV, 816.
- Яхонтовъ, чл. рязанск. арх. ком., томъ LXIV, 823.
- Яхонтовъ, Алекс. Николаев., писатель, сообщ. стихотв. „А. Г. Рубинштейну“, т. LXIV, 642, уп. 632.
- Яценковъ, цензоръ 1812 г., т. LXII, 462, 463, т. LXIV, 195, 196.
- Яцуржинскій, Х. П., чл. таврич. арх. ком., т. LXIV, 810.
- Ѳедоръ Алексѣевичъ, царь, томъ LXIII, 447.
- Ѳедоръ Иоанновичъ, царь, т. LXII, 255, т. LXIV, 257.
- Ѳедоръ, (Годуновъ) царевичъ, томъ LXII, 454.
- Ѳедоровъ, Борис., писат. 1836 г., томъ LXIII, 538.
- Ѳедоровъ, Дм. Антонов., офиц. 1824 г., т. LXIV, 319.
- Ѳедоровъ, Никол. Алексѣев., прапорщ. 1855 г., т. LXII, 222.
- Ѳедоровъ, П. И., одеск. губернат., томъ LXI, 248, 259.
- Ѳедоровъ, совѣтн. губернск. правл. въ Казани 1861 г., т. LXIII, 62, 69.
- Ѳедоровъ-Юрковскій, Пав. Степан., режис. спб. драмат. театр. 1888 г., т. LXI, 391, т. LXIV, 546, 554.
- Ѳедотова, Гликерія Никол., артистка, т. LXI, 200.
- Ѳедотовъ, Пав. Андреев., поэтъ-юмористъ и художн. жанристъ, т. LXI, 167—171, т. LXII, 234.
- Ѳедотовъ, педагогъ, т. LXII, 482, томъ LXIV, 420.
- Ѳеофилактъ Горскій, архимандр. Донск. монастыр. 1774 г., вполн. еписк. Переяславск., † 1788 г., т. LXI, 371, 374, 375.
- Ѳеофилактъ, патриар. alexandрійск., томъ LXII, 453.
- Ѳедосова, Ирина Андр., томъ LXIII, 662—676.
- Ѳеофилактъ, еписк. переслав. п дмитр., т. LXIV, 836.
- Ѳирсовъ, Никол. Алексѣев., профес., сообщ.: „Студенческія исторіи въ Казанскомъ университетѣ 1855—1863 г.“, т. LXI, 557—576, т. LXII, 85—106, 623—640, т. LXIII, 61—80, 421—435, уиом. т. LXI, 113—116, 127, томъ LXII, 511.

Сост. указатель Вѣра Вас. Тимошукъ.

Примѣчаніе. Вѣрѣ Васильевнѣ Тимошукъ принадлежить обширный трудъ по составленію «Указателя» — въ него за 1889-й годъ вошло всего 4074 личныхъ именъ, встрѣчающихся въ «Русской Старинѣ» изданія этого года. — В. В. Тимошукъ составляетъ Указатели къ „Русской Старинѣ“, ежегодно, съ 1883 г. Ред.

ВЪ ПОЛЗУ ГОЛОДАЮЩИХЪ ЧЕРНОГОРЦЕВЪ.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода, отъ 3-го ноября 1889 г., о сборѣ пожертвованій

По указу Его Императорскаго Величества святѣйшій Правительствующій Синодъ вынесъ сужденіе о тяжкомъ бѣдствіи, постигшемъ жителей единовѣрной и единоплеменной намъ страны Черногоріи. Приказали: Полученіемъ Божиимъ доблестный въ православной вѣрѣ черногорскій народъ угнетенъ великимъ бѣдствіемъ—голодомъ. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ бездождіе породило въ странѣ засуху, сопровождавшіея повсемѣстными неурожаеми, а въ нынѣшнемъ году положеніе жителей еще болѣе ухудшилось—крайній недостатокъ хлѣба и жизненныхъ припасовъ вызвалъ голодъ; больные и дѣти нуждаются въ кускѣ насущнаго хлѣба, и родители, дабы найти средства пропитанія въ странахъ чуждыхъ, вынуждаются оставлять родную страну, для защиты которой нѣкогда не щадили ни имущества, ни самой жизни. Княжеское правительство прилагало и прилагаетъ всемѣрное попеченіе объ облегченіи несчастной участи страждущихъ, но народное бѣдствіе такъ велико, а средства правительства такъ ограничены, что настоятъ неотложная надобность въ сторонней помощи. Въ твердомъ упованіи, что возлюбленные о Господѣ чада нашей Святой Соборной и Апостольской церкви, по искони отличавшему ихъ состраданію къ впадшимъ въ несчастіе братьямъ нашимъ по вѣрѣ, памятуя спасительную Христову заповѣдь любви, милосердно подвигнутся на посильную помощь бѣдствующимъ жителямъ Черногоріи, Святѣйшій Синодъ за благо признаетъ поручить Епархіальнымъ Преосвященнымъ, Синодальнымъ Конторамъ—Московской и Грузинно-Имеретинской, заведывающему придворнымъ духовенствомъ духовнику Ихъ Императорскихъ Величествъ и главному священнику гвардіи, гренадеръ, арміи и флота: 1) сдѣлать безотлагательное распоряженіе о производствѣ во всѣхъ церквахъ Имперіи въ первые два, по полученіи настоящаго распоряженія, воскресные или праздничные дѣя, кружечнаго сбора въ пользу бѣдствующихъ отъ голода жителей Черногоріи, вмѣнявъ при семъ духовенству въ обязанность, чтобы оно, предъ самымъ сборомъ, объяснило прихожанамъ причину и назначеніе сбора, и 2) предложить причтамъ и церковнымъ старостамъ оказывать, по ихъ личному усмотрѣнію и по соображеніи съ церковными средствами и мѣстными нуждами, возможное пособіе голодающимъ изъ церковныхъ суммъ, съ тѣмъ, чтобы деньги, какъ собранныя въ кружку, такъ и назначенныя изъ суммъ церковной, безъ замедленія, были препровождены, при надлежащемъ актѣ, за подписью причта и церковнаго старосты, по принадлежности въ консисторіи, конторы и канцеляріи духовника Ихъ Величествъ и Главнаго священника, которыя обязываются немедленно доставить таковыя деньги въ хозяйственное при святѣйшемъ синодѣ управленіе для отсылки по принадлежности, о чемъ и опредѣляетъ для зависящихъ къ исполненію распоряженій напечатать настоящее постановленіе въ журналъ „Церковныя Вѣдомости“.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ ВЪ ИЗД. 1889 Г.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

	стр.
I. Жизнь Андрея Болотова, описанная имъ самимъ для своихъ потомковъ, 1799 и 1800 гг. Часть пятая или сначала 35-я. Плоды 1799 и 1800 гг. Сообщ. В. А. и А. В. Болотовы.	23—30
II. Тысяча восемьсотъ двѣнадцатый годъ въ запискахъ гр. Ѳ. В. Ростопчина. Перев. съ французской подлинной его рукописи И. И. Ореусъ.	643—725
III. Двѣнадцатый годъ въ запискахъ Анны Ильинишны Золотухиной. Гл. I—IV	257—288
IV. Первые дни въ сожженной Москвѣ, сентябрь и октябрь 1812 г. Письмо кн. А. А. Шаховскаго, 1836 г. къ А. И. Михайловскому-Данилевскому. Сообщ. Андрей Никол. Петровъ	31—65
Замѣтка къ Запискамъ. А. А. Шаховскаго.	498
V. Дневникъ профессора академика Александра Васильевича Никитенко, 1838—1842 гг.	103—122, 323—334,
727—758

- VI. Посмертныя записки генерала отъ инфантерін Алексѣя Алексѣевича Одинцова, 1803—1886 гг. стр.
289—322
- VII. Воспоминанія Теобальда: 1. Динабургское комиссаріатское дѣло 1846—1850 гг.—2. Изъ послѣдней польской смуты 1862 г.—3. Изъ Одесской жизни.—4. Встрѣчи съ Царемъ-Освободителемъ. 67—102
- VIII. Ветлянская чума въ 1878 и 1879 гг. Воспоминанія бывшаго городскаго головы въ г. Царицынѣ И. Мельникова. 143—156
- IX. Студенческія волненія въ Казани 1882 г. Воспоминанія П. Д. Шестакова. (См. „Русскую Старину“ изд. 1889 г., книга январь, стр. 113—130, и книга августъ, стр. 436—437).
- Замѣтка къ Воспоминаніямъ. Сообщ. П. Д. Шестаковъ. 248
- X. Воспоминанія художника В. В. Верещагина: 1. Китайская граница.—Набѣгъ.—2. Изъ опыта походовъ.—3. Наивности 157—181, 475—492, 783—794

Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка, рассказы, матеріалы, замѣтки.

- I. Рѣчной и морской военный походъ вел. кн. Владиміра отъ Кіева до Херсонеса и обратно въ 988 г. Сообщ. кн. Н. С. Голицынъ 185—190
- II. Графъ Готлобъ-Куртъ-Генрихъ Тотлебенъ въ 1715—1763 гг. Матеріалы для біографіи. (Окончаніе). Сообщ. Г. Б. Рѣпинскій 1—22
- III. Дискантъ Мартыно, 1730. Сообщ. Н. И. Суворовъ 142
- IV. Артиллерійская пушка, какъ отличіе 1772 г. Сообщ. Д. Струковъ 252
- V. Протоіерей Петръ Алексѣевъ. Одно изъ его донесеній о неурядкахъ въ средѣ монаховъ въ XVIII в. Сообщ. профес. Н. С. Тихонравовъ 182—184
- VI. Иллюстрированная отечественная война 1812. 497—498

стр.

- VII. Гумбольдтъ въ Сибири въ 1829 г. Сообщ. Я. П. Лонскій —412
- VIII. Александръ Никитичъ Сеславинъ, род. 1780 г., † апр. 1858 г. Сообщ. князь П. А. Путятинъ 827—829
- IX. Николай Николаевичъ и Дмитрій Николаевичъ Вантышь-Каменскіе въ 1800—1829 гг. Сообщ. А. Д. Вантышь-Каменская 191—194
- X. Сельскій священникъ Аванасій Сильвестровъ. Сообщ. А. В. Смирновъ. 836
- XI. Договоръ помѣщика съ живописцемъ въ 1840 г. Сообщ. А. Ѳ. Бони 66
- XII. Къ исторіи русскаго общества 1807—1849 гг. Сообщ. П. К. Мееньковъ 361—371
- XIII. Императоръ Николай I наканунѣ крымской войны. Сообщ. М—въ. 831—832
- XIV. Памятникъ на могилѣ павшихъ воиновъ Селенгинскаго и Волинскаго полковъ 24-го октября 1854 г. Сообщ. Д. Струковъ. 726
- XV. Епископъ Кириллъ Мелитопольскій въ его письмахъ къ митрополиту Макарію Булгакову, 1857—1865 гг. Сообщ. Ел. Ник. Булгакова. 795—804
- XVI. Иеромонахъ Антоній Бочковъ † 1872 г. Сообщ. кн. Н. С. Голицынъ. 372—374
- XVII. Графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ, 1804 — 1873 гг. Гл. VIII. Очеркъ. Сост. И. И. Ореусъ. 379—411
- XVIII. Подъ Телишемъ въ 1877 г. Изъ дневника офицера. Сообщ. Т. М. Дагаевъ 759—782
- XIX. Путевые очерки, замѣтки и наброски. Повѣдка М. И. Семейскаго по Россіи въ 1868 г.: Ярославль . 203—244
- XX. Ученныя архивныя комиссіи въ 1888 г. Обзоръ. Состав. и сообщ. профес. И. Е. Андреевскій. 805—826
- XXI. Алексѣй Дмитріевичъ Бабичевъ, † 30-го августа 1889 г. Некрологъ. Сообщ. А. Ѳ. Кузьминъ 249—251
- XXII. Михайлъ Платоновичъ Митковъ, † 6-го ноября 1889 г. Некрологъ. Сообщ. одна изъ учительницъ въ спб. нач. город. училищахъ 839—840
- XXIII. Василій Николаевичъ Клокачевъ, † 9-го ноября 1889 г. Слово протоіерея В. М. Михайловскаго. 841—843
- XXIV. Николай Васильевичъ Исаковъ въ 1839—1889 гг. Сообщ. ген.-лейт. В. П. Коховскій 493—495

	стр.
XXV. Пятисотлѣтіе артиллеріи въ Россіи, 1389—1889 гг.	844—846
XXVI. Августъ Ивановичъ Мясковскій, генераль-отъ-инфан-теріи. Замятка. Ред.	836

Соборный храмъ въ г. Ревелѣ. Сборъ пожертвованій на его сооруженіе	253—256
Въ пользу голодающихъ Черногорцевъ, 1889 г.	171 (bis)

Поправки и печатки.	846 и VIII
---------------------	------------

Исторія русской литературы.

I. Александръ Александровичъ Бестужевъ въ письмахъ 1824 и 1837 гг. Сообщ. Н. К. Богушевскій.	376—378
II. Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій, проф. московскаго университета. Род. 1-го ноября 1775 г., † 19-го апрѣля 1842 г. Сообщ. Ник. Пл. Барсуковъ.	199—202
III. Осипъ Максимовичъ Бодянский въ его дневникѣ 1849—1852 гг. (Окончаніе). Сообщ. И. Ф. Павловскій.	123—141
IV. Алексѣй Теофилактовичъ Писемскій. Двѣ чухломскихъ драмы, — основа «Горькой судьбины». Сообщ. Ив. Миловидовъ.	335—360
V. Николай Михайловичъ Пржевальскій.	
1. Біогр. очеркъ. Сост. акад. Н. О. Дубровинъ.	413—448
2. Объ открытіи по Россіи подписки для составленія капитала на учрежденіе при Имп. русск. геогр. обществѣ преміи и медали имени Н. М. Пржевальскаго	837—838
VI. Николай Гавриловичъ Чернышевскій † 17-го октября 1889 г.	
1. Воспоминанія о немъ о. прот. А. И. Розанова	499—502
2. Н. Г. Чернышевскій. Замятка. Сообщ. А. Н. Пыпинъ	830
VII. Стихотворенія К. К. Р—ва.	503—512
VIII. Матеріалы къ исторіи цензуры, 1816—1823 гг.	195—198

Исторія искусствъ.

СТР.

- I. Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ. Юбилей его полулѣтковой музыкально-артистической дѣятельности, 1839—1889 гг.:
1. Отъ Ред. «Русской Старины» 513—516
 2. Воспоминанія А. Г. Рубинштейна, автобіографія, 1829—1889 гг. 517—578
 3. А. Г. Рубинштейнъ въ воспоминаніяхъ бывшаго профессора Г. А. Лароша 589—600
 4. А. Г. Рубинштейнъ въ воспоминаніяхъ доктора М. Б. Розенберга. 579—588
 5. Лѣтопись событій въ жизни и дѣятельности А. Г. Рубинштейна, съ указаніемъ статей о немъ въ русской печати. Сост. Н. М. Лисовскій. 601—641
 6. А. Г. Рубинштейнъ, стихотв. А. Н. Яхонтова 642
- II. С.-петербургская рисовальная школа въ воспоминаніяхъ одной изъ ея ученицъ, 1862—1876 гг. Сообщ. С. И. Лаврентьева 449—474

 Портреты.

- I. Портретъ Александра Никитича Сеславина, грав. художн. И. И. Матюшинъ.
(При стр. 643).
- II. Портретъ Александра Бестужева (Марлинскаго), грав. художн. И. И. Матюшинъ.
(При стр. 113).
- III. Портретъ проф. Михаила Трофимовича Каченовскаго, гравир. художникъ Г. И. Грачевъ.
(При стр. 1).

IV. Портреты Антона Григорьевича и Николая Григорьевича Рубинштейновъ въ 1844 г., снимокъ съ аэварели академика П. О. Соколова.
(При стр. 529).

V. Портретъ Антона Григорьевича Рубинштейна въ 1889 г., гравиров. на мѣди художн. О. А. Мѣркинъ.
(При стр. 257).

-
- I. „Русская Старина“ въ изд. 1889 г., двадцатый годъ изданія. Обзоръ двѣнадцати книгъ. Статья Ред.
- II. Списокъ лицъ, сообщившихъ „Русской Старинѣ“ замѣтки, изслѣдованія, очерки, акты, рассказы и проч. статьи и матеріалы въ 1870—1889 гг.
- III. „Русская Старина“ въ числахъ ея читателей-подписчиковъ этого журнала въ 1889 г.
- IV. Указатель личныхъ именъ въ двѣнадцати книгахъ LXI, LXII, LXIII и LXIV томовъ „Русской Старины“ изд. 1889 г. Сост. Вѣра Вас. Тимошукъ.
- V. Систематическое оглавленіе LXIV т. „Русской Старины“, октябрь, ноябрь и декабрь, изд. 1889 г.
- IV. О подпискѣ на „Русскую Старину“ изд. 1890 г., двадцать первый годъ изданія.

Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Сочиненія М. Н. Загоскина. Спб. въ 8 д., 1889 г., семь томовъ, съ портретомъ автора, исполненнымъ на стали, у Брокгауза, въ Лейпцигѣ (На оберткѣ X-й книги «Русской Старины» изд. 1889 г.).
2. Исторія среднихъ вѣковъ. Съ приложеніемъ очерка средневѣковой исторіографіи и родословн. таблицъ. Университетскія чтенія профессора Н. А. Осюкина. 1888 и 1889 гг., въ 8 д. Томъ I (до XIII столѣтія), стр. VIII+608+115+XXXII. Томъ второй; часть первая: XIII-ое столѣтіе, стр. VI+608; часть вторая—XIV и первая половина XV-го столѣтія, стр. VI+524+74. (Тамъ-же).

3. Богородицкая гора въ Эстляндіи. Михаила Н. Хоружина, † 25-го сентября 1888 года. Москва, 1889, въ 8 д., стр. 149, съ рисункомъ (Тамъ-же).
4. Сборникъ службъ, молитвъ и пѣнопѣній, употребляемыхъ при богослуженіяхъ въ православной церкви, съ объясненіемъ непонятныхъ словъ и оборотовъ рѣчи на русскомъ языкѣ. Руководство для училищъ, гдѣ введено церковное пѣніе, и для церковно-приходскихъ школъ. Состав. А. Н. Ушаковъ, Москва, 1889 года, въ 8 д., стр. 240. (Тамъ-же).
5. Тверь въ XVII вѣвѣ. Историческій и археологическій путеводитель по городу Твери. Исслѣдованіе Н. Н. Овсянникова, члена Тверской ученой архивной комиссіи и друг. обществъ. Тверь, 1889 года, въ 8 д., стр. 41, съ чертежами и рисунками. (Тамъ-же).
О фамильномъ архивѣ Тверскихъ дворянъ Милюковыхъ. Вл. А. Плетнева. Изд. Тверской ученой комиссіи. Тверь, 1889 г., въ 8 д., стр. 41, съ родословными таблицами. (Тамъ-же).
6. Сочиненія В. Д. Спасовича. Т. I и II. Спб. 1889, стр. 286 и 406. Зам. А. Ѳ. Коня. (На оберткѣ XI-й книги «Русской Старины», изд. 1889 г.).
7. Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова. Подъ редакціей приватъ-доцента спб. университет. И. А. Шляпкина. Въ двухъ томахъ. Изданіе И. П. Варгунина. Спб. 1889. 8д. Т. I. Прозаическія статьи и переписка. XLVIII + 472 + IV стр., съ приложеніемъ двухъ портретовъ Грибоѣдова и факсимиле его почерка. Т. II. Познія. 356 + II + IV стр., съ приложеніемъ портрета Грибоѣдова и нотъ. (Тамъ-же).
8. Памятники древняго православія въ городѣ Владимірѣ-Волинскомъ. Состав. и изд. Е. Н. Дверницкій, съ рисунками. Кіевъ, 1889 г., въ 8 д., стр. 66.
9. Сборникъ Импер. Русскаго историческаго общества. Томъ LXVI, 681 стр.; т. LXVII, 578 стр.; т. LXVIII, 741 стр. Спб. 1889. (На оберткѣ XII-й книги «Русской Старины», изд. 1889 г.).
10. Кунгурскіе акты XVII вѣка (1668—1699). Изданіе А. Г. Кузнецова. Редакт. А. А. Титовъ. Спб. 1888, XX + 292. (Тамъ-же).
11. Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Руси, изданный комиссіею для разбора древнихъ актовъ, состоящей при Кіевск., Подольск. и Волинск. ген.-губ. Кіевъ, 1888, LIX + 322. (Тамъ-же).
12. Н. С. Соколовъ. Расколъ въ Саратовскомъ край. Опытъ изслѣдованія по неизданнымъ матеріаламъ. Т. I. Поповщина до 50-хъ годовъ настоящаго столѣтія. Саратовъ. 1888. XXIV + 480 стр. (Тамъ-же).

13. Путевныя записки по Сибири архіея. Нила. Съ фотолитогр. портр. автора. Ярославль, 8 д., 2 ч., стр. 497+XI алфав. указат. (См. X книгу «Русск. Ст.» изд. 1889 г., стр. 245—247).
14. Фѣдоръ Яковлевичъ Мирковичъ, 1789—1866. Спб., 1889 г., въ б. 8 д., стр. 450+269. (См. XII книгу «Русск. Ст.» изд. 1889 г.), стр. 833—835).

Замѣтки и поправки.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1889 г., т. LXIV, книга ноябрь, Н. М. Лисовскій просить почитателей А. Г. Рубинштейна сдѣлать пополненія къ біографической и бібліографической лѣтописи Антона Григорьевича. Въ виду этого заявленія г. Лисовскаго, привожу небольшую справку:

Въ журналѣ П. Н. Полеваго «Живописная Библіотека» (1859 г.), въ статьѣ «Характеристика музыкальной дѣятельности Листа» (безъ подписи), авторъ говоритъ: «Изъ современныхъ виртуозовъ Листу, по общему мнѣнію, можно противопоставить г. Антона Рубинштейна». Отзывъ очень краткій, но свидѣтельствующій о томъ, что Антонъ Григорьевичъ уже въ 1859 г. признавался равнымъ Листу, т. е. царемъ піанистовъ.

А. Страховъ.

Москва.

13-го ноября 1889 г.

Въ статьѣ: «Друзья и знакомые Н. В. Гоголя», книга августъ, изд. 1889 г., стр. 370, строка 17 снизу, напечатано: неопредѣленности, слѣдуетъ читать: непремѣнности.

В. III.

Въ «Дневникѣ А. В. Никитенко», книга ноябрь, изд. 1889 г., на стр. 330, строка 13 снизу, напечатано: что я хочу, слѣдуетъ читать: что я не хочу; тамъ-же, стр. 333, строка 14 снизу, напечатано: у насъ получается, слѣдуетъ читать: у насъ пользуется.

С. Н.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

третье изданіе „Русской Старины“, годъ **первый**, 1870 г., **двѣнадцать** книгъ, въ **трехъ** томахъ.

Въ **третьемъ** изданіи «Русской Старины» 1870 г., между многими другими статьями и матеріалами, помѣщены: Записки о жизни и службѣ генераль-фельдмаршала кн. **Н. Ю. Трубецкаго**;—Записки историографа кн. **М. М. Щербатова** о поврежденіи правовъ въ Россіи;—сенатора **П. С. Рунича** о Пугачевѣ и Пугачевскомъ бунтѣ;—Записки придворнаго бриллианщика **Позье** (1729—1764 гг.);—Отчеты **Лагарпа** о воспитаніи великихъ князей **Александра** и **Константина Павловичей**;—Петербургъ въ 1781 году, замѣтки **Пикара**;—Записки **Михаила Александровича Бестужева** (1824—1826 гг.);—Разсказъ очевидца о 14-мъ декабрѣ 1825 г.;—Записки творца русской оперы **Михаила Иван. Глинки** (1804—1854 гг.);—Записки императора **Николая Павловича** о прусскихъ дѣлахъ (1848 г.);—Блокада и штурмъ **Карса** въ 1855 г., записки **Я. П. Бамланова**;—Оборона **Камчатки** въ 1854 г.—разсказъ контръ-адмирала **Арбузова**, и проч., и проч.—Болѣе сотни сообщеній, разсказовъ, статей, замѣтокъ, собраній писемъ и проч. матеріаловъ ко всѣмъ царствованіямъ въ Россіи со времени **Петра Великаго** до императора **Николая** включительно.—Статьи-дамы и фрейлины русскаго двора XVIII-го вѣка—біографическіе очерки **П. Ѳ. Нарбанова**.—Письма, стихотворенія, басни, посланія и прочія литературныя произведенія: **И. А. Крылова**, **Батюшкова**, **Пушкина**, **Гоголя**, **Рылѣева**, **А. Одоевскаго**, **Кюхельбекера**, **Баратынскаго**, **Н. Полеваго**, **Вигеля**, **Я. И. Ростовцева** и другихъ.

Приложеніе къ **третьему** изданію «Русской Старины» 1870 г. составляетъ первый томъ Записокъ **Болотова**, вновь пересмотрѣнный съ подлинникомъ и украшенный болѣе полусотни вновь награвированныхъ академикомъ **Л. А. Стряковымъ** рисунковъ.

Цѣна **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкою.

[Въ хорошемъ переплетѣ 11 руб.].

Съ требованіями обращаться: въ *С.-Петербургъ, Большая Подъячская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.*

 На лицо —44 экземпляра.

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

Изд. 1879 г.

съ приложеніемъ гравированныхъ портретовъ: императора Іоанна Антоновича; митрополита Ростовскаго Арсенія Мацѣевича (въ темницѣ); Иннокентія—архіепископа Херсонскаго и Таврическаго; Иринея Нестеровича—архіепископа Иркутскаго; графа Ѳ. П. Толстаго—вице-президента Академіи Художествъ;—А. С. Пушкина—въ 1812 и 1827 гг. (два точныхъ снимка съ гравюръ того времени); Н. В. Гоголя—въ 1834 г.—гравюра съ весьма рѣдкаго портрета, писаннаго Авад. Венеціановымъ; Н. А. Некрасова; статсъ-секретаря С. М. Жуковскаго (одного изъ главнѣйшихъ участниковъ въ великой реформѣ 19-го февраля 1861 г.); профессора Осипа Максимовича Бодянскаго; персидскаго принца Хосров-Мирзы.—Снимки: съ подлинныхъ писемъ Петра Великаго, А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя.

Въ 12-ти книгахъ „Русской Старины“, за 1879-й, десятый годъ издаванія, — между другими статьями, напечатаны: Журналь путешествія по Европѣ въ 1697—1699 гг.—кн. Б. М. Муралина;—Петербургъ въ 1720 г. по Запискамъ поляка-очевидца;—Записки гр. П. И. Панина, о событіяхъ 1725—1744 гг. (Замѣчаніе на Записки Манштейна);—Воспоминанія А. И. Веригина, М. Л. Варуцк-Себрета, Л. И. Ржордъ, М. С. Валевскаго и друг.;—Жизнь бывшаго крѣпостнаго крестьянина, вынѣ археолога М. А. Гольцова (1838—1878 гг.);—Очерки и рассказы Э. И. Стогова.—Дневникъ А. И. Храповицкаго—инспектора репертуара русскаго театра въ 1829—1839 гг.—Записки П. А. Каратыгина: русскій театръ въ Петербургѣ въ 1838—1858 гг.—Нѣсколько недель при русскомъ дворѣ въ 1846 г.—Выдержки изъ дневниковъ Варнагена фонъ-Эйзе (1850—1851 гг.);—Мои сношенія съ Я. М. Ростовцевымъ—вспоминанія А. Д. Галахова (1850—1858 гг.);—Воспоминанія Т. П. Пассенъ;—Воспоминанія М. И. Венюмова о заселеніи Амурса;—Польское возстаніе въ 1863—1864 гг.—Записки М. В. Берга.—Историческія изслѣдованія: Д. Д. Иловайскаго;—В. И. Семейскаго;—Н. Мазю;—г. Тальберга;—г. Лисенко;—г. Подвысоцкаго;—проф. В. С. Иконникова: Арсеній Мацѣевичъ—митрополитъ Ростовскій;—Императоръ Іоаннъ Антоновичъ—по вновь открытымъ матеріаламъ;—Н. М. Востонова: Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій.—Письма архіеп. Иннокентія къ Великому Князю Константину Николаевичу (1852);—Кн. Н. С. Голыцинъ: П. Д. Киселевъ и управленіе имъ Валахіей и Молдавіей въ 1829—1834 гг.;—профес. Н. А. Поповъ: Очеркъ биографіи О. М. Бодянскаго.—Колонія въ Смоленскій и Саратовскій губерніяхъ изъ питомцевъ Воспитательнаго Дома—сказаніе очевидца.—Хосров-мирза, персидскій принцъ, 1813—1875 гг.—очеркъ Ад. П. Берже;—Кн. А. И. Барятинскій—изъ Записокъ М. Я. Ольшескаго;—А. С. Пушкинъ—очеркъ жизни и его письма.—Предсмертная поѣздка М. Ю. Лермонтова въ Пятигорскъ;—Бунтъ архіепископа Иринея въ Иркутскѣ въ 1831 г., воспоминанія и рассказы изъ его жизни.—Историческіе рассказы и анекдоты изъ собранія Богуславскаго и др.

Письма, замѣтки, историческіе документы, рассказы и прочіе матеріалы, — всего болѣе трехъ сотъ различныхъ сообщеній.

Цѣна «Русской Старины» 1879 г.,—12 книгъ съ 12-ю портретами, — 8 руб. съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подъячская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

 На лицо 29 экземпляровъ.

12-я книга „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1881 г.

При „Русской Старинѣ“ 1881 г. приложены портреты: Императора Павла Петровича;—императора Александра Николаевича;—императрицы Маріи Александровны;—профессора Н. И. Пирогова;—академика Л. А. Сѣрянова;—Хаджи-Мурата;—М. И. Голенищова-Кутузова (1775 г.);—историка-профессора С. М. Соловьева; профес. Д. И. Ростиславова (писателя о черномъ и бѣломъ духовенствѣ); барона Гейсмара;—архіепископа Филарета Гумилевского.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1881 г. (двѣнадцатый годъ изданія) между дружными статьями и матеріалами напечатаны: Записки сенатора Я. А. Соловьева: крестьянское дѣло въ ц. Александра II.—Собственноручныя отмітки императора Александра II на Запискахъ Соловьева.—Разсказъ изъ Записокъ декабриста М. А. Фонъ-Визина (1807 г.).—Воспоминанія декабриста А. П. Бѣлова.—Записки Д. И. Завалякина.—Записки князя Н. С. Голыцина.—Воспоминанія В. В. Стасова (Училище Правовѣднія въ 1838—1843 гг.).—Записки Сельскаго Священника.—Императоръ Николай Павловичъ: собственноручныя его письма 1828—1831 гг.—Императоръ Александръ II († 1-го марта 1881 г.).—Императрица Маріи Александровна (1824—1880 гг.).—Николай Ивановичъ Пироговъ, біографич. очеркъ профессора Бертенсона.—Генералъ-фельдмаршалъ кн. А. И. Барятинскій и Кавказская война, 1815—1879 гг.,— историко-біографическій очеркъ генер. штаба генер.-лейтенанта Д. И. Романовскаго.—Филаретъ Гумилевскій, архіепископъ черниговскій, историко-біографич. очеркъ.—И. П. Гольвъ 1805—1880 гг.—Амурское дѣло (1850—1863).—Украинофильство, статья профессора Н. И. Костомарова.—Федоръ Михайловичъ Достоевскій въ воспоминаніяхъ А. П. Милюкова.—Записки князя Н. А. Орлова: Мысли о расколѣ и объ отмінкѣ тѣлесныхъ наказаній.—Воспоминанія изъ дальнихъ лѣтъ г. М*.—Исторія моей жизни и моихъ странствій—бывшаго крѣпостнаго крестьянина Н. Н. Шилова (1802—1862 гг.).—Записки воспитателя в. к. Павла Петровича Семена Андреевича Порошина; 1764—1766 гг.—Записки войска донскаго генерала А. Е. Полова (1854—1855).—И. А. Милютинъ въ 1845 и 1857 гг.—Академич. граверы: Л. А. Сѣряновъ—очеркъ его біографіи и обзоръ его художественныхъ произведеній;—И. П. Помалостинъ—его автобіографія и художественная дѣятельность.—Къ біографіи И. К. Айвазовскаго.—А. С. Пушкинъ и П. В. Нащокинъ, очерки и воспоминанія Н. И. Куликова.—И. А. Крыловъ и его басня „Конь“.—„Общество поощренія русскихъ художниковъ“—изъ воспоминаній Ѳ. Ѳ. Львова.—Записки И. Е. Солтанова (1859 и 1864—1867 гг.).—Графъ Н. П. Румянцовъ,—историко-біографическій очеркъ профессора В. С. Иконникова.—Оренбургскіе пожары въ 1879 г.—Языкъ любви (1774 г.).—Историческіе матеріалы: акты, указы, преданія, переписка, донесенія, разсказы, замѣтки; относящіеся до XVIII и XIX вѣковъ, болѣе ста сообщеній и статей различныхъ лицъ, таковы: П. В. Алабинъ, профессоръ И. Е. Андреевскій, профес. Н. И. Барсовъ, Н. П. Барсуковъ, проф. Н. В. Бергъ, князь А. И. Васильчиковъ, М. И. Венюковъ, И. Ѳ. Горбуновъ, П. А. Ефремовъ, А. Затлеръ, А. Измайловъ, профессоръ В. С. Иконниковъ, П. И. Мартосъ, проф. В. В. Никольскій, М. Я. Ольшевскій, И. И. Ореусъ, Н. П. Собко, А. Тимановскій, Л. И. Шестаковъ, Н. К. Шильдеръ, Н. И. Юрасовъ и друг.

По исторіи литературы и искусствъ помѣщены статьи и сообщенія о слѣдующихъ писателяхъ: Г. П. Павскій (его переводъ: „Пѣсни пѣсней“).—А. С. Пушкинъ.—И. А. Крыловъ.—М. Ю. Лермонтовъ.—М. Д. Деларю.—Ѳ. М. Достоевскій.—М. И. Глинка (первоначальный плавъ оперы „Жизнь за Царя“).—А. И. Тургеневъ и друг.

Цѣна за двѣнадцать книгъ—восемь рублей съ пересылкой.

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подольская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

Налицо 40 1111111111 2

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1884 г. (ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ).

съ портретами: имп. Елисавета Алексѣевна; Его Имп. Выс. Вел. Кн. Константинъ Николаевичъ; митрополитъ С.-Петербургскій Исидоръ; гр. Аракчеевъ и Н. Θ. Минкина; гр. И. И. Дибичъ-Забалканскій; Пушкинъ (отпечатанъ красками); Лермонтовъ; Н. А. Некрасовъ; Н. И. Пироговъ; педагогъ бар. Н. А. Корфъ; В. В. Самойловъ; портреть-группа: лордъ Рогланъ, марш. Пелисье и Омеръ-паша подъ Севастополемъ въ 1855 г. Рисунки: проектъ памятника на могилѣ Вольтерова—академ. М. А. Щурупова; имп. Александръ II, рисунокъ со статуи, исполн. академ. П. П. Забѣлло; судъ на Руси, старинная карикатура.

Содержаніе: Записки Штрайдмана, 1771—1780 гг.;—Записки декабриста М. А. Фонвизина: очерки русской исторіи;—Мих. Ник. Муравьевъ и его участіе въ тайномъ обществѣ, 1816—1821 гг., разск. бар. А. Е. Розена;—Разсказы кн. Ал. Ник. Голицына: Александръ I и его время, сообщ. гр. П. А. Вагуевъ;—Императрица Елисавета Алексѣевна въ воспом. кн. С. А. Мадатовой;—Зап. Д. И. Ростиславова о быдомъ духовенствъ;—Воспоминанія декабриста А. П. Бѣляева;—Дневникъ декабриста В. К. Кюхельбекера въ заключеніи, 1831—1834 гг.;—Декабристы на Кавказѣ въ 1826—1850 гг., зап. М. И. Пущина;—Русско-турецкая война за Кавказомъ въ 1853—1854 гг.; зап. М. Я. Ольшевскаго;—Моск. воспом. Н. В. Берга, 1845—1855 гг.;—Зап. сен. Я. А. Соловьева о врест. дѣлѣ, 1858—1859 гг.;—Виленскіе очерки, 1863—1866 гг.;—Русскій губернаторъ въ Ц. Польск., 1866—1868 гг.;—Въ Прибалтійскомъ краѣ, 1856—1876 гг.;—Зап. ст.-секр. А. Θ. Гамбургера;—Зап. педагога бар. Н. А. Корфа;—Посмертныя записки Николая Ив. Пирогова;—Записки-автобіографія крестьянина-поэта С. Д. Дрожжина.

Изсгѣдованія и очерки: профес. Д. И. Иловайскаго;— профес. И. А. Линиченко;—очеркъ С. Л. Пташицкаго;—Патр. Никонъ по вновь открытымъ Н. А. Гиббенетъ матеріаламъ, 1658 г.;—Екатерина II и Дидро, изсл. В. А. Бильбасова;—Настасья Минкина, домоправительница гр. Аракчеева;—Ермоловъ и его кабинныя жены, очеркъ Ад. П. Берже;—Гр. Каподинистры и гр. К. В. Несельродъ;—Имп. Елисавета Алексѣевна, очеркъ гр. С. С. Уварова;—Польское возстаніе въ 1830—1831 гг., разсказъ Мохнацкаго и переписка имп. Николая I съ гр. Дибичемъ;—Холера въ Слб. въ 1831 г., очерки и разсказы;—Имп. Николай I на Кавказѣ въ 1837 г., очеркъ Ад. П. Берже;—Разсказъ правосл. латыша Индрика Страумита, 1845—1846 гг.;—Въ правит. сенатѣ въ 1840—1852 гг.;—Имп. Николай I: записка его объ укрѣпленіи границъ Россіи;—Кн. М. С. Воронцовъ и Н. Н. Муравьевъ въ письмахъ къ М. Т. Лорисъ-Меликову (нынѣ графу), 1852—1857 гг.;—Князь Мих. Дм. Горчаковъ: записка о мѣрахъ въ случаѣ возстанія Венгріи, 1860 г.;—Имп. Александръ II на Кавказѣ въ 1861 г.;—Мих. Ник. Муравьевъ и его мѣропріятія въ с.-з. Россіи 1864 г.;—Ник. А. Милютинъ въ Ц. Польскомъ;—Вредныя секты, очерки А. Пругавина;—19-ое февраля: чествованіе этого дня людьми, принимавшими участіе въ созданіи Положеній о крестьянахъ 1861 г.—Писатели: А. П. Сумароковъ,—В. А. Жуковский,—Н. И. Гнѣдичъ,—Д. В. Давыдовъ,—К. Н. Батюшковъ,—А. С. Пушкинъ,—М. Ю. Лермонтовъ,—Н. В. Гоголь,—Сырокомля,—Т. Г. Шевченко,—Н. Г. Помаловскій,—гр. А. К. Толстой,—Ф. М. Достоевскій,—И. С. Тургеневъ,—артистъ В. В. Самойловъ—въ ихъ письмахъ, воспоминаніяхъ, очеркахъ жизни и дѣятельности

Цѣна за 12 книгъ ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

1890.

БИБЛИОГРАФЪ

Годъ VI.

ВѢСТНИКЪ

Литературы, науки и искусства.

Журналъ библиографическій, критическій и историческій.

Выходитъ ежемѣсячно.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія РЕКОМЕНДОВАНЫ для основныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.— Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ ОДОБРЕНЪ для приобрѣтенія въ фундаментальныя библиотеки духовныхъ семинарій и училищъ.— По распоряженію Военно-Ученаго Комитета ПОМѢЩЕНЪ въ основной каталогъ для офицерскихъ библиотекъ.

Отдѣлъ 1-й. Историческіе, историко-литературные и библиографическіе матеріалы, статьи и замѣтки; разборы новыхъ книгъ; издательское и книжноторговое дѣло въ его прошедшемъ и настоящемъ; хроника.

Отдѣлъ 2-й (справочный). Полная библиографическая лѣтопись: 1) каталогъ новыхъ книгъ; 2) указатель статей въ периодическихъ изданіяхъ; 3) *Rossica*; 4) правительственныя распоряженія; 5) объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годъ: съ доставкой и пересылкой въ Россіи 5 р., за границу 6 р., отдѣльно номеръ 50 к., съ пересылкой 60 к.

Плата за объявленія: стран.— 8 р.; $\frac{3}{4}$ стран.— 6 р. 50 к.; $\frac{1}{2}$ стран.— 4 р. 50 к.; $\frac{1}{4}$ стран.— 2 р. 50 к.; $\frac{1}{8}$ стран.— 1 р. 50 к.

О новыхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются бесплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

ПОДПИСКА И ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ: въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“—А. Суворина (С.-Пб., Невскій просп., д. № 38) и въ редакціи. Кромѣ того подписка принимается во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.—Г. вногородные подписчики и заказчики объявленій благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Обуховскій просп., д. 7, кв. 13.

Редакторъ Н. М. Лисовскій.

АЛЕКСАНДРЪ ФЕДОРОВИЧЪ ГИЛЬФЕРДИНГЪ.

Въ редакціи „Русской Старины“ можно получить Собраніе его очиней, въ двухъ томахъ:—Боснія, Герцеговина, старая Сербія, и Исторія балтійскихъ славянъ.

Вдова покойнаго писателя, Варвара Франдовна Гильфердингъ, предоставила подписчикамъ „Русской Старины“ получить эти обширныя книги за весьма уменьшенную цѣну, а именно по цѣнѣ 1 р. 35 коп. каждый томъ, съ пересылкою.

Этихъ томовъ осталось весьма мало экземпляровъ, а именно: всего лишь по восьми экземпляровъ.

ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПЕРЕВОДОВЪ Льва Александровича МЕЯ.

Пять томовъ съ 2 портретами автора и критико-биографическимъ очеркомъ о его значеніи въ русской литературѣ В. Р. Зотова. Цѣна 12 р. 50 к.; въ переплетѣ 14 р. 50 к., въ коленкор. пер. съ тисненіями 15 р. 50 к. и 17 р. 50 к.

Т. I. Портретъ автора гравир. на стали.—Л. А. Мей и его значеніе въ русской литературѣ, Критико-биограф. очеркъ. Статья В. Р. Зотова. Библиографія сочиненій и переводовъ Л. А. Мей. Состав. П. В. Выховъ.

Лирическія стихотворенія: Отдѣлы 1. Изъ русской жизни. Изъ духовнаго мира.—Изъ древняго міра.—Изъ преданій и современной жизни.—Лидейскія стихотворенія.—Примѣчанія.—Автографъ.

Т. II. **Лирическія стихотворенія.** Переводы съ греческаго, англійскаго, нѣмецкаго и французскаго языковъ съ примѣчаніями — Анакреонъ и замѣтки о немъ.—Соократъ.—Мильтонъ.—Байронъ.—Шиллеръ.—Гете.—Гейне.—Андре Шенье.—Берамже.—Викторъ Гюго.—Дювонъ.—Густавъ Надо.—**Т. III.** **Лирическія стихотворенія.** Переводы съ польскаго и украинскаго.—Мицкевичъ.—Кондратовичъ (Сырокомля).—Богданъ Залескій.—Одынецъ.—Реутъ.—Ходзько.—Красинскій.—Шевченко.

Народныя пѣсни. Щеголевъ.—Руснякція.—Моравскія.—Валынскія.—Пѣсни и думы. Шотландская легенда.—Итальянскій народный гимнь. **Проза:** Предчувствіе.—Янъ изъ Неномукъ. Святочная пѣсня Диккенса.—Украденныя часы. Дочь миссіонера. Таинственное происшествіе.

Т. IV. **Драматическія произведенія** съ историческими примѣчаніями. Царская невеста, драма въ 4 дѣйствіяхъ.—Псковитянка, драма въ 5 дѣйствіяхъ.—Сервалія, драма въ 5 дѣйствіяхъ.—Дмитрій Самозванецъ, трагедія Шиллера.—Лагерь Валентейна, Ф. Шиллера. Буря, драма Шекспира.

Т. V. Портретъ автора. **Повѣсти и рассказы:** Охота — Сборное Воскресеніе.—Медвѣжья трава.—Кирилъчъ.—Софья.—Казусъ: Лѣсныя диковинки.—Парельщикъ.—Швейка.—На паперти.—Гривениникъ. Неградоподобное событіе.—Чубукъ.—Бата.—Умара. **Статьи различнаго содержанія.** Письмо къ издателю Семейнаго круга.—Замѣтки и вопросы: Корректоры и корректоры.—Обязанности корректоровъ.—Графа А. Г. и Г. А. Кунелин-Безбородко, биографическіе очерки.—Община Платона въ обработкѣ Бартеlemi.—Абиссинія.—Австралія. Географич., Этнографич. и Статистическія статьи.

Отдѣльно продаются слѣдующія сочиненія Л. А. Мей:

Лирическія стихотворенія съ портретомъ автора грав. на стали. 1. Изъ русской жизни.—2. Изъ духовнаго міра.—3. Изъ древняго міра.—4. Изъ преданій и современной жизни.—5. Лидейскія стихотворенія. Примѣчанія. Автографы—съ приложеніемъ статьи Л. А. Мей и его значеніе въ русской литературѣ. Критика. Биограф. очеркъ. Ц. 8 р., въ издѣи. перепл. 4 р.

Переводы лирическихъ стихотвореній съ греческаго, англійскаго, нѣмецкаго, французскаго, польскаго и украинскаго.—Анакреонъ, Соократъ, Мильтонъ, Байронъ, Шиллеръ, Гете, Гейне, Андре Шенье, Викторъ Гюго, Густавъ Надо, Дювонъ, Мицкевичъ, Кондратовичъ, Шевченко и пр. съ портр. Мей грав. на стали. Ц. 8 р., въ издѣи. перепл. 4 р.

Драматическія сочиненія и переводы съ историческими примѣчаніями. Сочиненія оригинальныя: Царская невеста, Псковитянка, Сервалія. Переводы Шиллера: Дмитрій Самозванецъ, Лагерь Валентейна, Шекспира: Буря. Съ портретомъ Мей. Ц. 8 р., въ издѣи. коленкор. перепл. 4 р.

Повѣсти, рассказы и статьи. Охота.—Кирилъчъ.—Софья.—Казусъ.—Лѣсныя диковинки.—Швейка.—На паперти.—Гривениникъ.—Чубукъ.—Бата.—Умара.—Статьи различнаго содержанія. Съ портр. автора. Ц. 8 р., въ издѣи. пер. 4 р.

Сборники переводовъ въ прозѣ. Переводы съ польскаго, чешскаго, англійскаго и французскаго языка. Предчувствіе. Янъ изъ Неномукъ. Чешская легенда. Святочная пѣсня Диккенса. Украденныя часы. Дочь миссіонера. Таинственное происшествіе. Съ портрет. Мей. Ц. 1 р. 50 к.

Бата. Правдивый рассказъ. 1887 г. Ц. 40 к.

Гривениникъ. Неградоподобное событіе. Ц. 30 к.

Кирилъчъ. Повѣсть. 1887 г. Ц. 30 к.

На паперти. (Изъ дневника). Рассказъ. Ц. 80 к.

Охота. Рассказы: 1) Сборное Воскресеніе. 2) Медвѣжья трава. 1887 г. Ц. 25 к.

Софья. Повѣсть. (Продолженіе повѣсти „Кирилъчъ“). 1887 г. 30 к.

Три рассказа. 1) Казусъ. 2) Лѣсныя диковинки. 3) Швейка. 1887 г. Ц. 30 к.

Чубукъ. Лестя въ дневникъ. Рассказъ. Ц. 40 к.

Община Платона. (Въ обработкѣ Бартеlemi), изложеніе Л. А. Мей. Ц. 20 к.

Беранже Пѣсни. въ переводѣ Л. А. Мей — 43 пѣсни съ портретомъ автора. 1887 г. Ц. 75 к., въ колен. пер. Ц. 1 р. 25 к., на лучшей бумагѣ. Ц. 1 р., въ пер. 1 р. 50 к.

Батрама. Повѣсть Т. Шевченка въ стихахъ, съ портретомъ автора, переводъ съ украинскаго Л. А. Мей. 1887 г. Ц. 10 к.

Предчувствіе. Рассказъ Камерера Корали Станислава, перев. съ польскаго Л. А. Мей. Ц. 20 к.

Собраніе прозаическихъ переводовъ Л. А. Мей, съ портретомъ Мей. Ц. 1 р. 50 к.

Святочная пѣсня въ прозѣ. Сочиненіе Чарльза Диккенса, съ портретомъ автора, переводъ Л. А. Мей. 1887 г. Ц. 40 к.

Левъ Александровичъ Мей. Биографическій очеркъ и отдѣлы его произведеній съ портретомъ (гравир. на стали) и автографомъ. Состав. В. Р. Зотова. Ц. 30 к., тоже на лучшей бумагѣ съ 2-я корт. автографомъ. Ц. 75 к.

Библиографія сочиненій и переводовъ Л. А. Мей, составилъ П. В. Выховъ, съ прибал. статьями Н. В. Гербаля. 1887 г. Ц. 40 к.

ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ИВАНА ИВАНОВИЧА ПАНАЕВА.

Шесть томовъ съ портретомъ автора. Цѣна 12 р. 50 к., съ перес. 14 р.; въ переплетѣхъ: сафьяновомъ 15 р., шагреевомъ 16 р., съ золоченіемъ 17 р., въ полномъ коленкорѣ съ золотымъ тисненіемъ 18 р. 50 к.; на перес. 2 р. с.

ТОМЫ 1, 2, 3, 4, 6 ПРОДАЮТСЯ ОТДѢЛНО ПО ТРИ РУБЛЯ, Т. 5 ЧЕТЫРЕ РУБЛЯ.

Т. 1. Повѣсти и рассказы 1834—1840. — Некрологъ Ив. Ив. Панаева. — Спальня свѣтской женщины. — Она будетъ счастлива. — Сегодня и завтра. — Кошелекъ. — Какъ добры люди. — Дочь чиновнаго человѣка. — Раздѣлъ имѣнія. — Бѣлая горячка.

Т. 2. Повѣсти, рассказы и очерки 1840—1844. — Прекрасный человѣкъ. — Омагръ. — Алтсовъ. — Петербургскій фельетонистъ. — Литерат. тля. — Варныя. — Барышня.

Т. 3. Романы и повѣсти 1847—1852. — Лыи въ провинціи, романъ въ 8-хъ частяхъ. — Родственники. — Встрѣча на станціи.

Т. 4. Повѣсти, рассказы и очерки 1845—1858. — Хлыщи: Великосвѣтскій хлыщъ. — Провинціальный хлыщъ. — Хлыщъ высшей школы. — Парижскія увеселенія. — Маменькинъ сыночекъ. — Внукъ русскаго милліонера.

Т. 5. Очерки изъ Петербургской жизни, стихотворенія и народніи Нового поэта. Этотъ томъ заключаетъ въ себѣ 44 рассказа и 59 стихотвореній.

Т. 6. Литературныя воспоминанія 1830—1847 г. Приложенія: Воспоминанія о Бѣлинскомъ. — Похороны Добролюбова. — Некрологъ Мартынова. — Рашель въ Петербургѣ. — Письма къ Панаеву. — Веткава. — Тургенева. — Бѣлинскаго. — Головина. — Мансурова. — Щербальскаго. — Островскаго. — Д. Толстаго. — Долгянова. — Григоревича.

Отдѣльно продаются слѣдующія сочиненія И. И. ПАНАЕВА:

Спальня свѣтской женщины. Эпизодъ изъ жизни поэта въ обществѣ. Ц. 25 к.

Она будетъ счастлива. Эпизодъ изъ воспомин. Петербург. жизни. Ц. 30 к.

Сегодня и завтра. Повѣсть. Ц. 25 к.

Кошелекъ. Сцена изъ Петербургской жизни. Ц. 25 к.

Какъ добры люди. — Раздѣлъ имѣнія. Два рассказа. Ц. 30 к.

Дочь чиновнаго человѣка. Пов. Ц. 40 к.

Бѣлая горячка. Повѣсть. Ц. 40 к.

Прекрасный человѣкъ. Повѣсть. Ц. 40 к.

Омагръ. Рассказъ. Ц. 40 к.

Алтсовъ. Рассказъ. Ц. 60 к.

Литературная тля. Рассказъ о томъ, какъ образомъ распадаются на Руси сочинители. — Петербургскій фельетонистъ. Зоологическій очеркъ. Ц. 50 к.

Барыня и Барышня. Два рассказа. Ц. 40 к.

Лыи въ провинціи. Романъ въ 3 частяхъ съ портр. автора. Ц. 2 р. 50 к.

Маменькинъ сыночекъ. Повѣсть въ 2 частяхъ. Ц. 1 р.

Парижскія увеселенія. — Встрѣча на станціи. Два рассказа изъ дорожныхъ воспоминаній. Ц. 25 к.

Родственники. Православ. разск. Ц. 60 к.

Хлыщи: 1) Великосвѣтскій хлыщъ. 2) Провинціальный хлыщъ. 3) Хлыщъ высшей школы. Съ портр. автора. Ц. 1 р. 50 к.

Внукъ русскаго милліонера. Изъ Петербург. воспоминаній. Ц. 40 к.

Дама изъ Петербургскаго полушарья (Demi Monde). — Камелия. — Шницъ-балъ за городомъ. Ц. 25 к.

Петербургскіе празднотатающіеся и Петербургскіе рестошники. Физиологическіе очерки. Ц. 30 к.

Дачникъ. Рассказъ изъ столичной жизни.

Галерная Гавань. Повѣсть. Ц. 25 к.

Одно изъ лицъ Невского пр.— На яву и во снѣ. Святочный рассказъ. Ц. 25 к.

Святки. Рассказъ для дѣтей. Ц. 20 к.

Свѣтлый праздникъ. — Русск. джентльменъ оптимистъ. Ц. 25 к.

Петербургскій Монте-Кристо. Рассказъ для взрослыхъ. — Встрѣча на Невскомъ. — Мой шогороди другъ. Ц. 30 к.

Въ Петербургскихъ окрестностяхъ. — Обѣдъ у генерала. — Петербургская прислуга. — Анна Павловна. Ц. 30 к.

Замѣтки на долгахъ. — Слабый очеркъ сильной особы. — Литературный промышленникъ. Ц. 30 к.

Армейскій офицеръ. — М. И. Фаворскій и его дневникъ. — Страданіе журналиста. Ц. 30 к.

Петербургскій праздникъ. — Петербургское тшеславіе. — Что такое нравственность. Ц. 25 к.

Свѣтскій либераль. — Мой другъ. — Херотій тонъ. Ц. 30 к.

Шарлота Федоровна. — Имянинный обѣдъ. — Великій артистъ. Ц. 25 к.

Ночь на Рождество. Святочный рассказъ. — Благодѣтель. господинъ. — Друзья и старые шк. товарищи. Ц. 30 к.

Сомнительныя существованія. Ц. 25 к.

Очерки изъ Петербургской жизни Нового поэта. Въ 2 частяхъ, съ портретомъ автора. Ц. 3 р. 50 к.

Стихотворенія и народніи Нового поэта. Ц. 1 р., въ перепл. 1 р. 75 к.

Литературныя воспоминанія, письма и воспоминанія о Бѣлинскомъ 1830—1847. Съ портретомъ автора. Ц. 2 р. 50 к.

Портреты, гравирован. на стали, in folio—1 р. 50 к., in-8°—75 к., на деревѣ—25 к.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ДМИТРИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГРИГОРОВИЧА.

1843 — 1889.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА Н. Г. МАРТЫНОВА.

Съ 2 портретами автора, рѣзанными на деревѣ художниками Стрѣковымъ и Матѣ.

10 томовъ 8-ю долю листа. Спб. 1890 гг. Цѣна 15 р. с.

Въ сафьянныхъ переплеткахъ по 2 тома вмѣстѣ 17 р.—въ шагреневыхъ 18 р.—
въ коленкорovýchъ съ золоченіемъ 20 р., на лучшей бумагѣ на 3 р. дороже;
особые экземпляры отъ 26 до 35 р. с.

Каждый томъ и каждое сочиненіе продаются отдѣльно.

(Портреты въ больномъ форматѣ in folio первые отгиски продаются по
1 р. 50 к.). Маленьк. форматъ по 25 к.

Т. 1. 1843—1849. отдѣльно 2 р. 50 к.

	цена.
Портретъ рѣз. худ. Стрѣковымъ	— 25
Петербургскіе шарманщики	— 20
Сосѣдка. Повѣсть	— 20
Лотерейный балъ. Повѣсть	— 20
Деревня. Повѣсть	— 50
Антонъ Горемыка. Повѣсть.	60
Бобыль. Разсказъ	— 20
Капельмейстеръ Сусликовъ	— 20
Четыре времени года. Повѣсть	— 50

Т. 2. 1849—1851 отдѣльно 2 р.

Прохожій. Разсказъ	— 40
Столичные родственники. Повѣсть.	— 75
Пахарь. Повѣсть	— 30
Школа гостеприимства	— 40
Скучные люди	— 20
Очерки современныхъ нравовъ	— 25

Т. 7. 1864—1867. отдѣльно 2 р.

	цена.
Въ ожиданіи парома. Разсказъ	— 20
Почтенные люди, обремененные мно- гомыслиемъ, семействомъ	— 20
Кошка и Мишка. Повѣсть	— 40
Пахатникъ и бархатникъ. Повѣсть.	— 40
Два генерала. Повѣсть	1 25

Т. 8. 1867—1860. отдѣльно 2 р.

Т. 3 и 4. 1852—1853. отдѣльно по 2 р.	
Проселочныя дороги. Романъ безъ интриги. 2 тома	3 50
Т. 5. 1852—1853. отдѣльно 2 р. 50 к.	
Смедовская долина. Разсказъ	— 20
Зимній вечеръ. Повѣсть	— 50
Рыбаки. Романъ изъ прогонароднаго быта (въ колескѣ, пер. 2 р. 75 к.).	2 —
Т. 6. 1855—1856. отдѣльно 2 р. 50 к.	
Переселенцы. Романъ изъ народнаго быта въ 5 частяхъ	2 50

Т. 9. 1858—1863. отдѣльно 3 р.

Корабль Ретанзанъ. Путевыя о- печатанія и воспоминанія.	3 50
Столичный воздухъ. Ком. въ 1 дѣйств.	— 50
Гуттаперчевый мальчишка. Повѣсть.	75

Т. 10. 1860—1869 отдѣльно 3 р.

Портретъ рѣзан. худ. Матѣ	— 25
1864. Алексѣй Чemezовъ. Повѣсть	— 50
1865. Акробаты благотворитель- ности. Повѣсть	— 75
1876. Карьеристъ очеркъ	— 30
1887. Сонъ Карелина	— 30
1889. Не по хорошему милѣ, — по милу хороше	— 75
Картины англійской живописи Художественное образованіе въ прилож. къ промышленности.	1 25

Для книжныхъ прежнее изданіе въ десяти томахъ изданъ отдѣльно

Т. XI Собр. Соч. Д. В. Григоровича. 1889. Ц. 2 р.

Въ этомъ томѣ помѣщены его послѣднія произведенія 1834—1889 г.

Сборники для дѣтскаго и народнаго чтенія Д. В. ГРИГОРОВИЧА.

Для дѣтскаго чтенія съ портретомъ ав-
тора. Ц. 2 р. 50 к., въ пакѣ 2 р. 75,
въ издан. коленкоров. переплетъ 3 р.
Антонъ Горемыка въ изданіи колен-
коров. переплетъ. Ц. 1 р. 50 к.

Новѣсти, разсказы и очерки для На-
роднаго чтенія съ портретомъ автора.
Ц. 1 р., въ пакѣ 1 р. 25 к., въ ко-
ленкоровомъ переплетѣ 1 р. 75 к.
Статьи о худож. въ издан. пер. 2 р. 25 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1890 годъ

на общественную, литературную и политическую газету

„ВОЛЖСКИЙ ВѢСТНИКЪ“.

выходящую въ Казани ежедневно, не включая я и понедѣльниковъ, за исключеніемъ дней, слѣдующихъ за большими праздниками

ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

съ ноября 1889 года газета начнетъ выходить

— ВЪ ЗНАЧИТЕЛЬНО УВЕЛИЧЕННОМЪ ФОРМАТѢ —

вслѣдствіе чего будутъ введены нѣкоторые новые отдѣлы и будутъ расширены существующіе.

Основная задача газеты — возможно полное изученіе мѣстнаго Волжско-Камскаго края и всестороннее, по возможности, представительство его нуждъ и интересовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА для иногороднихъ съ пересылкою: на годъ—9 руб., на полгода—5 руб., на 3 мѣсяца—2 руб. 75 коп., на 1 мѣсяць—1 руб. *Допускается слѣдующая разсрочка платы:* при подпискѣ вносятся 5 руб., къ 1 мая—4 руб.

Для казанскихъ (*городскихъ*) подписчиковъ подписная плата съ доставкою на домъ: на годъ—7 руб., на полгода—4 руб., на 3 мѣсяца—2 р. 25 коп., на 1 мѣсяць—75 коп. Для гг. народныхъ учителей и учащихся—льготныя условія подписки.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ, гг. **новымъ подписчикамъ**, подписавшимся на будущій годъ и внесшимъ полную годовую плату, — газета, со дня подписки и до 1 Января 1890 года, будетъ, по заявленію ими желанія, высылаться и доставляться **БЕЗПЛАТНО**.

Требованія на газету и высылку подписныхъ денегъ адресовать слѣдующимъ образомъ: Казань, редакция „Волжскаго Вѣстника“.

Редакторъ-Издатель, профессоръ *Н. Заюскинъ*.

Съ Высочайшаго соизволенія

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

для составленія капитала на учрежденіе при императорскомъ

РУССКОМЪ ГЕОГРАФИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

ПРЕМІИ И МЕДАЛИ

ИМЕНИ

Николая Михайловича ПРЖЕВАЛЬСКАГО.

Пожертванія принимаются въ канцеляріи Общества ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 12 до 4 ч. дня.

Иногородные адресуютъ пожертвованія: Сиб. Императорское Русское Географическое Общество.

Имена жертвователей будутъ опубликованы.

Годъ изданія
55-й

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ.
ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

на 1890
годъ.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ВЫДАЕТЪ ПОДПИСЧИКАМЪ:
ПЯТЬДЕСЯТЬ ДВА НУМЕРА, выходящихъ еженедѣльно, отъ 2¹/₂—3 листовъ большаго формата, на веленев. бумагѣ, съ 7—10 рисунк. альбомнаго размѣра.

КРОМЪ ТОГО ГГ. ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ:

Восемьдесятъ семь бесплатныхъ приложений:

I. ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ «Романовъ, повѣстей и разсказовъ» (нѣкоторые съ иллюстраціями), выходящихъ ежемѣсячно, отъ 10 до 12 листовъ въ 8-ю долю.

II. ДВАТЦАТЬ ЧЕТЫРЕ НУМЕРА «Новѣйшихъ парижскихъ модъ», выходящихъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, въ видѣ спеціального моднаго журнала (съ образцами дамскихъ работъ).

III. ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ЛИСТА ОБРАЗЦОВЪ разныхъ изящныхъ дамскихъ и художественныхъ работъ: Выпройки въ натуральную величину. Рисунки для разнаго рода вышивокъ: суташю, шерстами, шелкомъ, шифры, вензеля, полиграммы, монограммы, образцы для вышивочныхъ работъ и проч.

IV. ДЕСЯТЬ ОТДЕЛЬНЫХЪ ГРАВЮРЪ съ картинъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

V. БОЛЬШОЙ СТѢННОЙ И СПРАВОЧНЫЙ КАЛЕНДАРЬ съ роскошнымъ орнаментомъ

НОВЫЯ БЕЗПЛАТНЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. ЧЕТЫРЕ АКВАРЕЛЬНЫЯ НАРТИНЫ съ ориг. извѣстн. художн., отпеч. въ 18—20 красокъ:

а) «Гаданіе барышень». Художн. С. Верещагина. б) «Тройка». Акад. П. Н. Грузинскаго. в) «Хуторъ въ Малороссіи». Художн. Н. Н. Каразина. г) «На морѣ». Художн. С. Лучшева.

II. ДВѢНАДЦАТЬ НОВѢЙШИХЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ПЕСЕЪ вѣдѣстѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ композиторовъ для пѣнія и фортепіано (романсы, танцы и салонныя пьесы).

Главная премія состоятъ изъ трехъ картинъ (верздѣльно)

ПОДПИСНАЯ ГОДОВАЯ ЦѢНА (безъ премій):

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ (безъ дост.) 8 р. 50 к. | Съ пересылкою и доставкою 9 р.

Годовое роскошное изданіе, отпеч. на слонов. бумагѣ, съ перес. безъ сгиба 15 р.

СПБ., Невскій просп., у Аничк. м., д. № 68—40.

Подробное объявленіе съ образцами художеств. приложений высылаютъ по требованію бесплатно.

БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, УЧЕНАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
1890 годъ

(ВЫХОДИЩАЯ БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

съ еженедѣльн. иллюстр. прилож. и книжками „Романы и Повѣсти“
(годъ изданія семьдесятъ восьмой).

Кромѣ ежедневныхъ номеровъ, годовой подписчикъ получаетъ:

- 1) по воскресеньямъ особое иллюстрир. приложение въ видѣ еженедѣльнаго

ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА.

- 2) „ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА“, состоящая изъ ДВЕНАДЦАТИ вполне законченныхъ РОМАНОВЪ и ПОВѢСТЕЙ. Каждая книжка содержитъ отъ 150 до 200 стран.
3) „МОДЫ и РУКОДѢЛЬЯ“ (двѣнадцать номеровъ), приспособленные къ домашнему производству и замѣняющіа дорогой дамскій модный журналъ.
4) „СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ“, отпечатанный въ ТРИ краски (высл. при № 1).

Гг. ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ, выславшіе сполна подписную сумму, имѣютъ право получить ОДНО изъ ДВУХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ:

- 1) Большая гравюра-фас-симиле съ знаменитой картины Гюстава Доре:

„ШЕСТВІЕ ІСУСА ХРИСТА НА ГАЛГООУ“

Размѣръ этой гравюры 20×13 вершковъ (безъ полей). Оттиски съ этой картиной, снятые съ мѣдной доски, продавались до сихъ поръ по 50 рублей за экземпль.

- 2) Нежелающіе имѣть гравюру, могутъ ВЗАМѢНЪ ЕЯ получить альбомъ, содержащій:

СТО КАРТИНЪ „ЖАНРЪ и ПЕЙЗАЖЪ“

выдающихся русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

Большой альбомъ (форматъ 95½ сантиметра), отпечатанный на веленовой бумагѣ.

Подписная цѣна ежедневной газеты „Сынъ Отечества“

съ еженедѣльными иллюстр. прилож. и книжками „РОМАНЫ и ПОВѢСТИ“
(безъ гравюры „Шествіе Ісуса Христа на Галгооу“ и „Альбома“):

Съ доставкой въ Петербургъ: на годъ—7 р. На 6 мѣс.—4 р.

Съ пересылкою по Россіи: на годъ—8 р. На 6 мѣс.—4 р.

Адр. Главной Конторы.: Спб., Невскій пр., у Анничкина моста, д. № 68—40.

Подробное объявленіе съ образцами художествен. приложений высылается по требованію безплатно.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ГЛАВНОМЪ УПРАВЛЕНІИ

ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

Въ 1890 г. будетъ выходить на прежнихъ основаніяхъ, ежемѣсячными книжками, отъ 5 до 7 листовъ каждая, и при участіи прежнихъ сотрудниковъ.

Для незнакомыхъ съ содержаніемъ и характеромъ журнала приводимъ перечень главнѣйшихъ статей, помѣщенныхъ въ неоф. части 1889 года:

Учитель и даровитые ученики. А. Н. Острогорскаго.—Къ вопросу о перетомленіи учащихся. Д-ра М. И. Галанна.—Вниманіе. П. Ф. Малтарева.—О вѣдѣ классномъ чтеніи произведеній иностр. литературы. Германъ и Доротея. Н. И. Запольскаго.—Единое во многомъ. В. П. Генинга.—Изъ замѣтокъ учителя физики. А. Л. Моролькова.—О постановкѣ повтор. курса арифметики. С. А. Будавскаго.—Новое изложеніе теоріи безцентренныхъ кривыхъ 2 порядка. Н. П. Долбя.—Обзоръ методовъ преподаванія иностранныхъ языковъ. Евг. Бика.—Изъ груды ученическихъ тетрадокъ. Ц. П. Балалона.—Географ. замѣтки. М. М. Литвинова.—Лекція по дѣтской литературѣ. О. И. Роговой.—Очерки теоріи дидактики. Вальмана.—Обзоръ дѣтскихъ книгъ, М. В. Соболева.—Педагогическій Музей военно-учебныхъ заведеній въ 1888—89 г. Всев. П. Моховскаго, и др.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1) въ редакціи (отъ иногородныхъ):—Спб. Пявтелеймонская, 8, кв. 14.

2) въ книжн. маг. Н. Фену и К^о—Спб., Невскій просп., № 40.

Подписнаа цѣна за годъ: съ доставкою 5 руб.;—за границу 6 руб.

Изданіе 1888 и 1889 гг. разошлось все по подпискѣ.

И. д. редактора А. Острогорскій.

„РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ“

на 1890 годъ.

ВЪ ЯНВАРСКОЙ И СЛѢДУЮЩИХЪ КНИГАХЪ ВУДУТЪ ПОМѢЩЕНЫ:

НОВАЯ ПОВѢСТЬ Д. В. Григоровича, «ТАМАРА БЕНДАВИДЪ» ром. Вс. В. Крестовскаго, «НОЧНОЕ» повѣсть Н. Д. Ахшарумова, «АРТИСТКА» романъ М. В. Крестовской, «ВСТРѢЧА» повѣсть Д. М. Поздняка, «ЗА РАМПОЙ» повѣсть П. П. Гнѣдича, «ПУСТЫННОМИТЕЛЬ» повѣсть Д. И. Стахѣва, «ВЪ ЛѢСУ» повѣсть Н. И. Мердеръ и мног. друг. Статьи М. Г. Черныява: «Мои воспоминанія», «Наше военное воспитаніе». С. С. Татищева: «Міровой раздѣлъ», «Между двухъ востаній». П. П. Карцова: «Военныя поселенія при Аракечевѣ». К. К. Случевского: «Еврейскія колоніи». Е. Л. Маркова: «На Нилѣ». О. Р — ва: «Заграничная русская печать». Рядъ статей А. Величина: «Нѣмецкое завоеваніе на югѣ Россіи». Бытъ, нравы, эксплуатація русскаго населенія, школы, нѣмецкая пропаганда, скупка земель и проч.

Участв. въ «Русск. Вѣстн.»: К. Р., К. П. Побѣдоносцевъ, М. Г. Черныявъ, А. Н. Майковъ, гр. А. А. Голенщевъ-Кутузовъ, С. А. Рачинскій, А. А. Фетъ, Я. К. Гротъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Н. А. Любимовъ и мног. друг. подробно въ объявленіи въ ноябрѣ и декабрѣ «Р. В.».

Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки 15 р. 50 к. съ доставкою 16 р. съ пересылкою въ города 17р. За границу 18 р. Разсрочка въ 2 срока. Подписка: С.-Петербургъ—Вольная Морская, 3^я. Въ магазинѣ «Новаго Времени», въ Товар. «Общ. Польза», Б. Подъяч., 39, и друг. Москва—Конт. «Моск. Вѣдомостей», Магазины «Новаго Времени» и у Печковской (Петровскія линіи).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „СУДЕБНУЮ ГАЗЕТУ“ НА 1890 годъ.

Въ каждомъ № „Судебной Газеты“ подписчики получаютъ за недѣлю раньше списокъ всѣхъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію по всѣмъ Департаментамъ Правительствующаго Сената и Общаго Собранія и, тогдашъ по опубликованіи, всѣ свѣдѣнія объ указоженіяхъ и о лицахъ, признанныхъ со стороны судовъ по всей Россіи не состоятельными, то есть пользуются такимъ матеріаломъ, который, въ отдѣльности взятый, стоитъ въ 3—4 раза дороже самаго изданія „Судебной Газеты“.

СООБЩЕНІЕ СПРАВОНЪ о резолюціяхъ Кассационныхъ и другихъ Департаментовъ Сената производится въ почтовомъ ящикѣ редакціи только для годовыхъ подписчиковъ, уплатившихъ при подпискѣ всю сумму сполна, при томъ не болѣе 3—4 въ годъ.

ПОДПИСЧИНАМЪ НА РАЗСРОЧКУ И НА СРОНИ справки сообщаются на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

ЖЕЛАЮЩІЕ получить справку по почтѣ, не дожидаясь выхода № газеты, прилагаютъ 2 руб. за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающіе получить ее по телеграфу прилагаютъ еще и стоимость телеграммы.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦІЯ: разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ, сообщеніе совѣтовъ, указаній и т. п. производится или въ отдѣлѣ „Отвѣты редакціи“ или письменно по почтѣ, въ обонхъ случаяхъ на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

ЦѢНА: на годъ 7 руб.; на 6 мѣсяцевъ 4 руб. 50 коп.; на 3 мѣсяца 3 руб. и на 1 мѣсяць 1 руб. Заграницу 10 руб. въ годъ.

ПОДПИСНА принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

ЗАГРАНИЦУ подписка въ разсрочку не принимается.

РАЗСРОЧКА въ платежѣ годовой подписной платы допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится 4 рубля и остальные 3 рубля не позже 20-го іюня.

ПРИ ПРОСРОЧКѢ втораго взноса высылка газеты съ 1-го іюля прекращается.

ДЛЯ ПОЛЬЗОВАНІЯ РАЗСРОЧНОЮ необходимо при посылкѣ перваго взноса заявлять о своемъ желаніи пользоваться разсрочкою; одна-же простая присылка 4 рублей или присылка ихъ съ объясненіемъ, что они высылаются за первую половину года, повлечетъ за собою зачисленіе такого подписчика въ разрядъ четырехмѣсячныхъ.

Изгородные адресуются *исключительно* въ главную контору редакціи С. Петербургъ, Моховая улица, № 38; городскіе—въ отдѣленіе конторы: С.-Петербургъ, въ книжномъ магазинѣ юридической литературы Д. В. Чичинадзе, Невскій проспектъ, д. № 57.

ЗА ПОДПИСКУ ВЪ ДРУГИХЪ МѢСТАХЪ РЕДАКЦІЯ НЕ ОТВѢЧАЕТЪ.

Редакторъ-Издатель Ф. В. Де-Вени.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“.

Съ 1-го Января 1890 года будетъ издаваться, подъ редакціей ординарнаго профессора С.-Петербургскаго Университета Н. Д. Сергѣевского и при ближайшемъ, постоянномъ сотрудничествѣ Н. Ф. Дерюминскаго, А. А. Мсаева и Н. М. Корнунова, ежемѣсячный журналъ „ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“. Задачею журнала поставляется, во-первыхъ, научная разработка и историческое освѣщеніе правовыхъ и экономическихъ вопросовъ, имѣющихъ значеніе для нашей современной общественной жизни; во-вторыхъ, ознакомленіе читателей съ важнѣйшими явленіями въ сферѣ законодательства, судебной практики и науки права. Сообразно этому, „ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“ будетъ заключать въ себѣ:

I. Самостоятельныя (иногда переводныя), научныя статьи по вопросамъ право- и государствовѣдѣнія;

II. Хроникъ: законодательную, судебную и научную;

III. Указатель вновь выходящихъ книгъ и журнальныхъ статей русской и иностранной юридической литературы.

„ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“ выходитъ въ началѣ каждаго мѣсяца книжками отъ 4 до 6 листовъ. Каждая шесть книжекъ образуютъ собой одинъ томъ, къ которому прилагается общее оглавленіе.

Подписная цѣна 5 РУБЛЕЙ въ годъ съ доставкой и пересылкою.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ: Анисимовъ, Большая Садовая, № 12; Цинзерлинга, Невскій проспектъ, № 46; Мартынова, Большая Морская, № 30.

Гг. иногородіе благоволятъ обращаться въ редакцію „ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛѢТОПИСИ“. С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, по 3 линіи, д. № 26.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ

НА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА 1890 Г.

(ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАВІЯ).

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи.	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 „	7 „	3 „	50 —

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ къ 1 апрѣля, 1 июля и 1 октября по 3 рубля.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ каждаго годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

Журналъ выходитъ подъ тою же редакціей, при томъ же составѣ сотрудниковъ и въ прежнемъ объемѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ конторѣ журнала: Москва, Леонтьевскій пер., 21.

Редакторъ-издатель В. М. Лавровъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

ВЪ 1890 ГОДУ (ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ).

Журналъ будетъ издаваться подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, безъ предварительной цензуры.

«НАБЛЮДАТЕЛЬ» возвращается къ прежнему сроку выпуска номеровъ и будетъ выходить ежемѣсячно, 1-го числа, кингами отъ 25-ти 30-ти печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	За годъ:		За полгода
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	6 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургъ	13 >	Съ доставкою въ С.-Петербургъ	6 > 50 к.
Съ перес. въ другія мѣста Имперіи	14 >	Съ пер. въ другія мѣста Имперіи	7 >
Съ пересылкою за границу	17 >	Съ пересылкою за границу	9 >

Годовые подписчики «Наблюдателя», желающіе получить второе изданіе монографій редактора: «Изь исторіи нашего литературнаго и общественаго развитія» высылаютъ 16 р. 50 к. (копѣйки—марками).

Уступка книгопродавцамъ—50 к. съ годоваго экземпляра.

Разсрочка платы допускается исключительно при подпискѣ черезъ Главную Контору, причѣмъ вносится:

	при подпискѣ;	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою	6 „	4 „	3 „
Съ пересылкою	6 „	5 „	3 „
Съ пересылкою за границу	8 „	5 „	4 „

Библіотеки и кабинеты для чтенія (а также и книжные магазины, при которыхъ они состоятъ) пользуются разсрочкою платы подъ тѣмъ лишь условіемъ, если выписываютъ не менѣе 16-ти годовыхъ экземпляровъ.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (уголъ Стремянной и Владимірской ул., д. № 1—6). Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ тѣмъ изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Редакторъ-издатель А. П. ПЯТКОВСКІЙ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1890 ГОДУ

„Вѣстника Общественной Гигіены, Судебной и Практической Медицины,“

издаваемого Медицинскимъ Департаментомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

«Вѣстникъ Общественной Гигіены, Судебной и Практической Медицины» будетъ издаваться въ будущемъ 1890 году по прежней программѣ, въ размѣрѣ около 15 листовъ ежемѣсячно.

Въ программу журнала входятъ: общественная гигиена, практическая медицина (будутъ даваться возможно *подробные* рефераты выдающихся иностранныхъ работъ по всѣмъ отраслямъ медицины и оригинальныя статьи, представляющія интересъ для врачей-практиковъ), судебная медицина, фармакологія, судебная и клиническая психіатрія, обзоръ дѣятельности земствъ и врачейныхъ обществъ, библіографія съ полнымъ перечнемъ всѣхъ сочиненій по медицинѣ, выходящихъ на русскомъ языкѣ, хроника и смѣсь.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ 1890 года, кромѣ врачей, служащихъ по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, на журналъ могутъ подписываться, съ платой шести рублей въ годъ лг. военные, земские врачи, женщины-врачи, врачи при заводахъ, фабрикахъ и т. д. (Вольнопрактикующіе врачи илица неврачебнаго сословія уплачиваютъ семь рублей въ годъ).

Допускается разсрочка: при подпскѣ 2 (или 3) рубля, непо зже 12 апрѣля 2 рубля и не позже 1 іюля рубля.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ ПО СИБИРИ АРХІЕП. НИЛА.

Ярославль. 2 части, 497 стр. + XIV стр. алфавитн. указателя, съ фото-литографир. портретомъ автора.

Посмертное изданіе труда архіепископа Нила († 1874 г.), одного изъ замѣчательныхъ дѣятелей Сибири, большаго знатока этой окраины Россіи.

«Путевыя записки» напечатаны въ 1874 г., вскорѣ послѣ смерти автора, но, по случайнымъ обстоятельствамъ, изданіе это до сихъ поръ не поступало въ продажу.

О книгѣ этой, составляющей весьма цѣнный вкладъ въ церковно-историческую и историко-этнографическую литературу о Сибири, см. «Русскую Старину» изд. 1889 г., книга октябрь, стр. 245—247.

Цѣна книги **ОДИНЪ** руб. съ пер.

Съ требованіями обращаться въ редакцію «Русской Старины», Большая Подъячская ул., д. № 7.

Въ редакціи «Русской Старины» можно получить весьма рѣдкую гравюру Ческаго: «Императоръ Александръ I-й и его свита на молебствіи во взятомъ Парижѣ, въ 1814-мъ году». Гравюра на мѣди, въ 8-ю д. Цѣна одинъ рубль съ пересылкой. (См. объ этой рѣдкой гравюрѣ въ «Словарѣ» Д. А. Ровинскаго).

Альбомъ редакціи «Русской Старины»—«Знакомые»—850 автобіографическихъ замѣтокъ, стихотворенія, эпиграммы, шутки, воспоминанія и проч. Слб. 8 д. 350 стр. Цѣна **ДВА** руб. съ пересылкою.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1890 г.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ руб.**, съ пересылкою.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ А. Ѳ. ЦИЗЕРЛИНГА.

Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха), Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова), Н. Печковской (Петровская лѣнія). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Мѣвѣ—при книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина.

Гг. Нижегородцы обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подьяческую, близъ Екатеринбургскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отрывки о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

„Русская Старина“	1870 г.	третье изд. (43 экз.), съ портретами	5 руб.
„Русская Старина“	1876 г.	второе изд. (92 экз.), съ портретами	5 руб.
„Русская Старина“	1877 г.	12 книгъ (61 экз.), съ портретами	8 руб.
„Русская Старина“	1878 г.	12 книгъ (48 экз.), съ портретами	8 руб.
„Русская Старина“	1879 г.	12 книгъ (29 экз.), съ 12 портрет.	8 руб.
„Русская Старина“	1880 г.	второе изд. (100 экз.), съ 12 портрет.	8 руб.
„Русская Старина“	1881 г.	12 книгъ (40 экз.), съ портретами	8 руб.
„Русская Старина“	1884 г.	12 кв., второе изд. (34 экз.), съ портретами	8 руб.
„Русская Старина“	1885 г.	12 книгъ (102 экз.), съ портретами	8 руб.
„Русская Старина“	1888 г.	двадцать книгъ съ портретами	8 руб.
„Русская Старина“	1889 г.	двадцать книгъ съ портретами	8 руб.